

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1896

Годъ 27-й.

Малая Морская, № 22.

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 27

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содержа. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выдастъ 6 июля 1896 г.

Цѣна этого № 20 к., съ пер. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1896 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложеніями за 1896 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ „Полное собраніе сочиненій Д. В. ГРИГОРОВИЧА“ (будетъ выдано въ теченіе ОДНОГО 1896 ГОДА и напечатано на хорошо глазированной бумагѣ), 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, портретъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговля линія.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------	-------------	--	-------------	--	-------------------	---	-------------	---------------------	--------------

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к.; съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

При семъ прилагаются: 1) СОЧИН. Д. В. ГРИГОРОВИЧА, Т. VII (Сборникъ «Нивы» за Іюль); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ІЮЛЬ 1896 г. съ 24 рис. и отдѣл. листъ съ 32 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 36 дис. рукодѣльн. работъ.

XXIV Передвижная выставка. Послѣ дождя. Съ картины И. И. Шишкина (исключ. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“), грав. Пастушкевичъ.

Вѣтеръ.

Стихотвореніе Д. Л. Михаловскаго.

Жгучимъ жаромъ солнце мал
Землю сушишь и палитъ.
Вѣтеръ, къ тучамъ подлетая,
Гнѣвно тучамъ говоритъ:
„Вы зачѣмъ въ горахъ столпились,
На стремнины собрались,
Въ черныхъ безднахъ притаились,
По угесамъ расположились,
По дорогѣ зализая
То въ тѣнищу, то въ провалъ,
Влажной ризой покрывая
Голый камень дикихъ скалъ?
Посмотрите: тамъ, отъ зноя,
Вся потрескалась земля,
И, въ тоскѣ, зовутъ васъ, поля,
Нивы, пажити, поля!
Тамъ безъ влаги захирѣли
Стебли сочные хлѣбовъ,
Блекнутъ листья, пожелтѣли
Травы, вѣнички цвѣтовъ;
Все томится отъ засухи,
Суетится только въ ней
Надоѣдливы мухи,
Тучи мошекъ и слѣпней;
Копошатся черви, гады
На деревьяхъ межъ листвою,—
И ни тѣни для прохлады,
И ни капли дождевой!
Для того ли вамъ Предвѣчный
Ваму влагу даровалъ,
Чтобы, въ праздности безнечной,
Вы сложились между скалъ?
Прочь отсюда,—и въ дорогу,
Къ нивамъ, пашнямъ, полямъ!“
Крикнулъ вѣтеръ и тревогу
Сдѣлалъ празднымъ облакамъ;
Облетѣлъ провалы, кручи,
Всѣ туманы тамъ собралъ,
Охватилъ крылами тучи
И какъ стадо ихъ погналъ.
Черной массой тучи плыли,
Вѣтеръ тучи торонилъ
И, играя, вихри были
На пути своемъ кружилъ.

И надеждой взволновалась
Вся земля и стала ждать...
Только-бы мимо не промчалась
Эта Божья благодать!..
Но опять, шуми крылами.
Вѣтеръ тучи охватилъ—
И надъ знойными полями
Разомъ ихъ остановилъ.
На минуту онъ разстался
Съ черной стаей облаковъ
И стремительно помчался
Въ царство молній и громовъ.
Подлетѣвъ къ его предѣламъ,
Онъ въ струю огня пошалъ,
Вспыхнувъ всѣмъ воздушнымъ тѣломъ
И отъ гнѣва задрожалъ.
„Громы, молніи! Что спите,—
Онъ кричитъ имъ издалѣ,—

Отчего не постѣните
Вы страдающей земли?
Для того ли Богъ Предвѣчный
Силу грозную вамъ далъ,
Чтобы огонь вамъ быстротечный
Только жегъ и разрушалъ?
Знойный воздухъ землю душитъ,
Весь онъ солнцемъ накалещъ,
Все мертвитъ онъ, давитъ, сушишь,
Да и самъ весь высохъ онъ.
Онъ томится жаждой жгучей, —
Какъ томится человѣкъ, —
Превратилъ въ песокъ сыпучій
Берега озеръ и рѣкъ;
Онъ ихъ влагу истощаетъ,
А изъ тишестыхъ болотъ
Идъ заразы поглощаетъ,
Вмѣстѣ съ влагой смрадныхъ водъ.
Ждетъ онъ васъ и ждетъ васъ тучи, —
И ихъ рать въ горахъ собралъ,
Облетѣвъ провалы, кручи
И ущелья дикихъ скалъ.
Тучи землю осыпили
И отъ солнечныхъ лучей,
Какъ щитомъ, ее прикрыли
Черной ризою своею.
Въ путь! чтобы воздухъ зараженный,
Вмѣстѣ съ нимъ, освѣжитъ,
Чтобы... Но вѣтеръ раздраженный
Не успѣлъ договорить.
Возлѣ молніи мелькнула,
Въ то-жъ мгновенье у земли
Спинымъ пламенемъ сверкнула —
И ужъ громъ гремѣлъ вдаль...
Туча, вздувшись, трепетала,
Наполнялася грозой,
И лишь изрѣдка роняла
Каплю крупною слезой.
И внезапно, съ трескомъ, пламя,
Вновь сверкнувши здѣсь и тамъ,
Тучи траурное знамя
Разорвало пополамъ.
Хлынула ливень, наполняя
Съ шумомъ рѣки и ручьи,
Божью влагу проливая
Въ пѣдра жаждущей земли.

Дождь прошелъ—и тучъ не стало,—
Истожились онѣ,—
Лишь одна изъ нихъ бѣжала
По лазурной вышинѣ.
И ее луга, долины
Восхваляли безъ конца,
Какъ отъ доблестной дружины
Уцѣлѣвшаго бойца...
Листья, травы оживали,
Возрождалися земля;
„Слава Богу!“ восклицали
Нивы, пажити, поля;
„Слава Богу!“ дубъ могучій
Всѣми листьями шепталъ;
„Слава, слава!“ громъ за тучей,
Удалился, грохоталъ...

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ

кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Часть первая.

IV.

Соня, съ тѣхъ поръ, какъ она стала жить у матери, такъ рѣдко испытывала удовольствіе, что едва ли даже за это время оставались въ ея памяти часы, на которыхъ бы она могла остановиться въ воспоминаніяхъ безъ огорченія, боли и обиды.

Самое лучшее въ ея воспоминаніи были часы, проведенные ею въ одиночествѣ, у себя въ комнатѣ. Иногда они проходили въ мечтахъ, уносившихъ ее далеко въ

будущее, иногда и они были болѣзненные, но все-таки оставляли хорошій, пріятный слѣдъ на сердцѣ.

Сегодня, однако, Соня была безотчетно довольна, совсѣмъ довольна и собой, и судьбою.

Конечно, она ни за что не призналась бы даже самой себѣ, даже въ тайникѣ самолюбивой души, что она довольна была пріѣзду къ нимъ князя Косого. Онъ пріѣхалъ. Онъ помнилъ ее. Онъ не даромъ послалъ ей поклонъ черезъ Торусскаго. Такъ, словами, она не ду-

мала этого, но чувствовала и знала, что это было вѣрно, вѣрно по тому, какъ смотрѣлъ на нее, какъ говорилъ съ нею князь Иванъ и какъ онъ близко нагибался къ ея рукѣ, когда она ему показывала бабушкину чашку.

Когда они уѣхали, она прошла прямо къ себѣ въ комнату и сѣла за пильцы—вышивать золотомъ по бархату—работа, которою она ограждала себя на цѣлое утро, когда никого не было, отъ вторженій и палетовъ матери. Ея шитье потихоньку, подъ страшнымъ секретомъ и тайной, продавалось старою няней въ магазинъ, гдѣ платили довольно дорого, и выручаемыя за это деньги шли на увеличение общаго бюджета дома. Поэтому Соня требовала одного только, чтобы ее оставили во время работы въ полномъ покоѣ.

Денегъ у нихъ это время было мало, значить—требовалась усиленная работа съ ея стороны, но сегодня она не могла работать, какъ обыкновенно.

Она была слишкомъ разсѣянна, иглолка не слушалась ея.

Они въ разговорѣ съ Косымъ ни единымъ намекомъ, ни единымъ словомъ не напомнили другъ другу о своихъ встрѣчахъ и знакомствѣ въ деревнѣ. По этого и не нужно было.

Она знала, что она и князь Иванъ *не могутъ* не помнить объ этомъ, хотя въ этихъ встрѣчахъ и въ этомъ знакомствѣ рѣшительно ничего не было такого особеннаго, и знала также, при первомъ же взглядѣ на него, какъ онъ вошелъ только, что и онъ *знаетъ* это.

Къ нему очень шелъ его бархатный кафтанъ. И держался онъ хорошо и говорилъ, и смѣялся, и шутилъ... Куда только, онъ сказалъ, ему нужно ѣхать, зачѣмъ ему ѣхать?

Тутъ была какая-то неясность, что-то не такъ.

„Надо будетъ это выяснить“, положила себѣ Соня и задумалась:

А что какъ она ошибается? — и все это ей только кажется и на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего, рѣшительно ничего нѣтъ! Онъ и въ самомъ дѣлѣ уѣдетъ, и все пройдетъ...

Соня думала такъ и улыбалась, потому что не вѣрила совѣмъ, не вѣрила въ то, что думала.

— А вы ничего не дѣлаете, моя дорогая? раздался въ это время французскій говоръ ея матери надъ самымъ ея ухомъ.

Вѣра Андреевна, заглянувъ къ ней въ дверь и увидя, что она забылась надъ работой, съ воткнутой на половину иглолкой, вошла и окликнула ее.

Соня подняла голову.

— Вы *опять* ничего не дѣлаете? повторила Вѣра Андреевна.

— Отчего же „опять“, маменька? — тихо отвѣтила вопросомъ Соня.

— Оттого—что такъ работа нисколько не подвигнется. Вы почти цѣлый утра ничего не дѣлаете. Одно изъ двухъ—или принимать гостей, или работать.

— Но вѣдь нельзя же было не выйти къ нимъ, вѣдь это невѣжливо. Наконецъ, князь Косой познакомился съ нами въ деревнѣ и былъ тутъ въ первый разъ...

— И очень жалъ, что былъ. Что, онъ богатъ?

— Право, не знаю.

— Кажется, отецъ все прокутилъ. И вовсе онъ не симпатиченъ. Грубъ ужасно и споритъ.

— Чѣмъ же онъ грубъ, маменька?

— Тѣмъ, что споритъ. Ужъ если я говорю что-нибудь, то знаю, о чемъ говорю. Ясно, кажется, если м-ше Каравакъ говорить...

— Но онъ вѣдь и не спорилъ, а говорилъ только, такъ же, какъ и Торусскій, какъ и всѣ...

— Ну, ужъ позволяйте мнѣ лучше знать. Я сразу вижу, что это за господинъ. Я его больше не велю принимать къ себѣ. Вотъ и все.

— За что же, маменька?

Въ до сихъ поръ ровномъ и тихомъ голосѣ Соня послышалось, когда она спросила это, не то что признакъ безпокойства, а чуть замѣтное вышнее выраженіе серьезнаго внутренняго чувства, чуть замѣтное, но все-таки не ускользнувшее отъ женскаго слуха Вѣры Андреевны.

— Я вамъ не буду давать отчета въ своихъ поступкахъ,—слова переходя на французскій языкъ, сказала она.

Соня подняла опять на нее глаза и отвѣтила по-русски:

— Какъ вамъ будетъ угодно, маменька.

— Я знаю, что все будетъ, какъ мнѣ угодно,—раздражаясь, но обыкновенно, кроткимъ отвѣтомъ Соня, громче заговорила Вѣра Андреевна.—Я знаю, что все будетъ такъ, какъ я хочу, а не вы, понимаете... такъ и запишите это...

И, должно-быть, чтобы сейчасъ же на дѣлѣ доказать, что все „будетъ такъ, какъ она этого хочетъ“, Вѣра Андреевна наклонилась надъ пильцами съ работой Соня и, взглянувъ попристальнѣе, проговорила, обводя пальцемъ край узора:

— Это куда не годится, криво, совѣмъ криво, нужно распоротъ и передѣлать...

— Маменька,—дрогнувшимъ голосомъ отвѣтила Соня,—вѣдь это два дня по крайней мѣрѣ работы...

— Ну, что жъ изъ этого, хоть бы мѣсяць...

— По я... пачала было Соня.

Вѣра Андреевна не дала говорить ей.

— По я,—снова подхватила она,—говорю вамъ, что такъ оставить нельзя, нужно распоротъ, распоротъ и распоротъ.

— Но я не успѣю...—смогла, наконецъ, проговорить Соня.

— Чего вы не успѣете?

— Къ сроку... исполнить тогда... мнѣ сказали, что непременно нужно къ четвергу...

Она не упомянула ничего про „магазинъ“, т. е. что въ магазинѣ сказали нянѣ, что нужно къ четвергу, потому что между ними такъ ужъ было положено, чтобы никогда не говорить про магазинъ. Онѣ стыдились этого даже другъ передъ другомъ.

Вѣра Андреевна, если не была побуждена, то во всякомъ случаѣ видѣла, что обстоятельства сложились вполне въ пользу Соня. Наставать ей было нельзя.

— У насъ вѣчно найдутся возраженія,—заговорила она.—Очень хорошо. Дѣлайте, какъ хотите, по только это ни на что не похоже, криво, косо — чортъ знаетъ что... и вѣчныя оправданія... Вы дурная дочь, да, дурная дочь,—mauvaise fille,—повторяла Вѣра Андреевна.

Этого Соня никогда не оставила ей такъ:

— Нѣтъ, маменька, я не дурная дочь,—спокойно отвѣтила она.—Вы не знаете, что значить дурная дочь.

Вѣра Андреевна повернулась, какъ бы не слушая, и, крѣпко хлопнувъ дверью, вышла изъ комнаты.

V.

— Ну, сто жъ, ласкайтесь, однако,—спросилъ Левушка у Косого, когда они остались вечеромъ вдвоемъ наконецъ.

Цѣлый день имъ мѣшали. Къ Левушкѣ, какъ парочко, заѣзжали по разнымъ дѣламъ и просто такъ посидѣть молодые люди, къ которымъ князь Иванъ не выходилъ.

За этотъ день плапъ у него окончательно созрѣлъ.

Онъ распорядился, чтобы собрали одежду нищаго и привели ее въ порядокъ, сѣздили къ парикмахеру и заказалъ себѣ подходящій парикъ,—словомъ, устроился такъ, чтобы быть, какъ можно скорѣе, готовымъ.

— Ну, ласкайтесь,—повторилъ Торусскій,—какъ же это такъ, вы плосите, сто вы и не плоговолили о томъ, сто вы были у Шеталди и, вмѣстѣ съ тѣмъ, говолите, сто вы уѣзжаете. Тутъ сто-то есть, не даломъ...

Государь Императоръ возлагаетъ на Себя корону.
 Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.
 Ориг. рис. спец. корресп. „Нивы“ Е. П. Самокишъ-Судновской. Автотипія „Нивы“.

Государь Император возлагает корону на Государыню Императрицу Александру Феодоровну.
Коронационные торжества въ Москвѣ. Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Ориг. рис. спец. корреси. „Нивы“ Е. П. Самокишъ-Судковской. Автотипія „Нивы“.

Библиотека "Руниверс"

Князю Ивану вовсе не хотѣлось рассказывать Левушкѣ всѣхъ подробностей, но отвѣтить, все-таки, было нужно.

Солгать, выдумавъ что-нибудь подходящее, Косой не умѣлъ.

— Вотъ, видите ли, заговорилъ онъ, протягивая къ Левушкѣ руку и прикасаясь ею къ его рукѣ, — вотъ видите ли, дайте мнѣ честное слово, что вы не говорите ни подъ какимъ видомъ.

— Даю слово, сказалъ Левушка.

— Ну, такъ вотъ. Мнѣ нужно нѣкоторое время остаться такъ, чтобы никто ничего не зналъ обо мнѣ. Значитъ, я васъ попрошу всѣмъ говорить, если бы обо мнѣ спросили, что я уѣхалъ, словомъ, что меня уже нѣтъ въ Петербургѣ.

— Зачѣмъ же это?

— Такъ надо.

— Я знаю, сто такъ надо. Но или чемъ же тутъ Шеталди?..

— Тутъ не одинъ Шетарди, тутъ дѣло идетъ о великой княжнѣ Елисаветѣ,—сорвалось у князя Ивана, и онъ тутъ же пожалѣлъ, зачѣмъ это сорвалось у него.

— О великой княжнѣ? протянулъ Левушка. — Вотъ сто, значить, это плавда, сто французскій посольствъ хотеть совлатить ее...

— То-есть какъ совратить?

— А такъ... сто онъ вамъ говолилъ?..

— Французскій посольствъ другъ великой княжнѣ,—заговорилъ серьезнымъ тономъ князь Иванъ,—онъ хотеть оказать поддержку ей. И сегодня имѣлъ случай исполнѣ убѣдиться въ этомъ.

— Такъ кому же вы служить будете?—спросилъ опять Левушка.

— Какъ кому? разумѣется, великой княжнѣ.

— А по уговолу французскаго посла. Штъ, тутъ сто-то не ладно.

— Какъ не ладно? что-жъ тутъ можетъ быть неладнаго. Шетарди безусловно рыцарь и хотеть постоять за право и правду. Такъ онъ мнѣ и сказалъ это. А право и правда на сторонѣ великой княжны. Ну, вотъ и все. Онъ ей хотеть помочь, и для того ему нуженъ помощникъ, который служилъ бы, такъ сказать, передатчикомъ...

— Значить, вы будете, все-таки ему служить?..

— То-есть, не ему, а дѣло тутъ общее, хорошее и честное дѣло...

Князь Иванъ тутъ только замѣтилъ, что ему какъ будто приходится оправдываться въ чемъ-то, точно слова Торусскаго, что „тутъ что-то не ладно“ имѣютъ свою долю справедливости.

— А я бы ему въ молду далъ! заявилъ вдругъ задумчиво Левушка.

— Это французскому-то послу?

— Все лавно — французскому послу. Ну, чѣмъ онъ можетъ помогать великой княжнѣ, а? ну, чѣмъ онъ можетъ помогать! Вы знаете, какъ она смотритъ на такихъ помощниковъ? Знаете—нѣтъ,—ну, такъ я вамъ ласкажу. Говолятъ, плиходить къ ней однажды Минихъ и говолить, сто онъ готовъ возвести ее на илестоль, пусть только она ему пликажетъ это, и стать пеледь ней на колѣни. Знаете, сто она отвѣтила ему на это?—„Ты ли тотъ, котолый,—заговорилъ Левушка, становясь въ позу,—ты ли тотъ, котолый колону дасть кому хотеть? Я ее и безъ тебя, ежели пожелаю, получить могу“. Такъ вотъ какова великая княжна! А Шеталди тутъ путается вовсе не изъ-за того, что хотеть постоять за право и плавду. Его ласчетъ ясель.

— Какой же у него можетъ быть расчетъ?—удивился князь Иванъ.

— Какой ласчетъ? очень просто, — мы подделживаемъ въ насей политикѣ Австлію, ослабленія котолой всѣми силами ищеть Фланція. Это ей для всей Евлопы нужно. Ну, вотъ тепель, значить, она ищеть тоже насей ослабленія, потому что мы подделживаемъ Австлію,

и патлавляетъ на насъ Тулцію и Свецію. Тепель Свеція намъ объявила войну. А она союзница Фланції, значить, нужно ей помочь. И вотъ Шеталди хотеть, чтобы вызвать у насъ, внутн госудалства, замѣшательство и пелудницу, пелеволоть...

— Да какое же,—возразилъ Косой,—замѣшательство, когда всѣ на сторонѣ великой княжны болѣе, чѣмъ были даже на сторонѣ регентши, когда она арестовала Бирона. Если случится переворотъ, то онъ долженъ произойти такъ же тихо, какъ и арестъ Бирона.

— Алестъ Билона—не пелеволоть. Мало ли сто можетъ случиться. Наконецъ, Шеталди не знаетъ, сто всѣ на сторонѣ Елисаветы Петловны. Ему бы только воду замутить. Это главное. И дѣло выходитъ совѣмъ не чистое, какъ вы говолите. Это вовсе не холесо со стороны Шеталди... Ему все лавно, сто будетъ съ великой княжпой — лисъ бы только затѣять у насъ пелудницу. Вотъ онъ и путается...

Князь Иванъ задумался.

Теперь онъ уже не жалѣлъ, что разговорился съ Левушкой.

— По какъ же сама великая княжна,—сказалъ Косой,—видимо, ничего не имѣеть противъ сношеній съ Шетарди. Шетарди мнѣ прямо указалъ на Лестока...

— Да какія же тутъ могутъ быть сношенія. Ну, самое большее, сто великая княжна возьметъ, если ей понадобится, денегъ у француза, вотъ и все. Возьметъ въ долгъ, а потомъ отдасть. Вотъ и все...

Левушка казался правъ. Они проговорили еще довольно долго и, когда князь Иванъ остался одинъ, онъ сталъ подробно и обстоятельно вспоминая и разбираеть весь ихъ разговоръ.

Того радостнаго настроенія, которое онъ испытывалъ сегодня съ утра, у него уже не было.

Непрятно было, что князь Иванъ, далеко еще не убѣдившійся въ справедливости Левушкиныхъ соображеній, все-таки чувствовалъ, что Торусскій правъ.

Князя Ивана втягивали въ игру, именно въ игру, гдѣ не было ясности и опредѣленности дѣйствій, а требовались подвохи, подходы и обходы.

Это уже было не симпатично.

Затѣмъ было не хорошо, что онъ, русскій дворянинъ, становился на сторону чужихъ, французовъ, въ сущности нашихъ непріятелей, и являлся передъ великой княжпой какъ бы ихъ представителемъ.

Если бы князю Ивану сказали, что вотъ надо идти туда-то и умереть за великую княжпу, сдѣлавъ то-то и то-то — онъ пошелъ бы, не сомнѣваясь и не раздумывая, по здѣсь ничего такого не было прямого и откровеннаго.

Тутъ нужно было подумать, потому что вдругъ явилось возраженія Левушки, который, можетъ-быть, и не зналъ, что говолить вещи весьма важныя и вскнн для князя Ивана.

И князь Иванъ думалъ и соображалъ, и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ больше развивалось въ немъ чувство недовольства собою за сегодняшнее утро.

Одно только было хорошо, и дѣйствительно хорошо сегодня утромъ—это Соголевы, то-есть полчаса проведенные у нихъ...

И на этомъ воспоминаніи о Соголевыхъ князь Иванъ заснулъ тихо и спокойно.

На другой день, онъ, убѣдившись окончательно, какъ ему слѣдуетъ поступить, поѣхалъ къ Шетарди и отказался наотрѣзь принимать отъ него какія-либо порученія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ополчиннѣ.

I.

Ополчиннѣ не только думалъ, что ему везетъ въ жизни, но и несокрушимо вѣрилъ въ это.

И, дѣйствительно, все у него всегда выходило гладко и не приходилось ему почти никогда задумываться ни надъ чѣмъ.

Зачисленный солдатомъ въ гренадерскую роту перваго гвардейскаго полка — Преображенскаго, гдѣ сами государи были полковниками, онъ всталъ сразу на хорошую дорогу и съ большою гордостью надѣлъ свой мундиръ.

Кутежи, предшествовавшіе и послѣдовавшіе за этимъ важнымъ въ его жизни событіемъ, настолько стоили ему дорого, что денегъ у него почти не осталось.

Къ тому же онъ въ одинъ вечеръ проигралъ порядочно.

Но Ополчининъ не унывалъ, ходилъ пить въ долгъ, рисковалъ иногда ставить на карту, не имѣя ничего въ карманѣ, проигрывалъ, отыгрывался, а иногда и выигрывалъ, но не серьезно, а такъ — пустяки, которые у него тутъ же и расходились незамѣтно.

Большой, серьезной игры пельзя было, конечно, вести безъ денегъ.

Мало-по-малу это ему стало скучно. Нужно было непременно достать денегъ. Гдѣ только, — онъ не зналъ.

И вотъ тутъ, какъ ему только стало скучно безъ денегъ, онѣ и пришли, и самымъ неожиданнымъ для Ополчинина образомъ, и изъ такого источника, на который онъ никакъ уже не могъ рассчитывать.

Это случилось въ первый же разъ, какъ ему пришлось идти въ караулъ во дворецъ.

Одна изъ его смѣнъ пришлось на внутреннія комнаты, и его поставили у дверей проходной галлерей на одиночный постъ.

Убранство дворца съ его зеркальными окнами, расписными потолками и штучными паркетамъ, съ богатою штофною мебелью, опьяняюще подѣйствовало на воображеніе Ополчинина.

Онъ стоялъ, не шевелясь, на часахъ, какъ это требовалось по правилу и, казалось, былъ точно каменный, не живой человѣкъ, но мысли его нельзя было сковать никакими правилами. Онъ стоялъ и думалъ.

Галлерей и залы дворца наполнялись въ его воображеніи придворными, свѣчи зажигались въ люстрахъ и кенкетахъ, слышался говоръ нарядной толпы, и среди этой толпы былъ онъ, но не солдатъ на часахъ у дверей, котораго никто не замѣчаетъ, а такой человѣкъ, на котораго всѣ смотрятъ, всѣ обращаются къ нему и всѣ его знаютъ... Что-жъ, развѣ такъ трудно выдѣлаться, развѣ такъ трудно выйти въ люди? — Вонъ, хоть бы адъютантъ ихъ Грюнштейнъ. Онъ просто сынъ саксонскаго крещенаго еврея, пріѣхалъ въ Россію семнадцати лѣтъ, сталъ торговать, расторговался. Поѣхалъ въ Персію. Много видѣлъ на своемъ вѣку. Говорятъ, тамъ прожилъ одиннадцать лѣтъ. Составилъ огромное состояніе, богатство даже. Задумалъ вернуться въ Россію. На пути его ограбили астраханскіе кунцы, избили его въ стени, отняли все и оставили лежать замертво. Попалъ онъ къ татарамъ, бѣжалъ отъ нихъ, добрался до Петербурга, поступилъ въ полкъ и вотъ теперь адъютантъ, на дорогѣ... Онъ сразу приблизилъ къ себѣ Ополчинина, выбралъ его, такъ сказать, и ужъ даетъ кой-какія порученія, и эти порученія, если только Ополчининъ будетъ исполнять ихъ какъ надо — поведутъ или, вѣрнѣе — могутъ повести къ большому благополучію.

Развѣ не всѣ вѣроятія за то, что великая княжна Елисавета взойдетъ на престолъ и скоро, скорѣе, чѣмъ думаютъ многіе, а тогда...

Но галлерей слышались шаги, и Ополчининъ угломъ глаза увидѣлъ приближавшагося принца Антона, мужа правительницы, въ сопровожденіи русскаго генерала.

Ополчининъ молодцовато, хорошо уже вышколенный, отбилъ ружейный приѣмъ, отдавалъ честь, и вытянулся окончательно въ струнку.

Принцъ шель, разговаривая съ генераломъ, который не совѣмъ бойко отвѣчалъ ему по-нѣмецки. Поровнявшись съ Ополчининимъ, онъ вдругъ остановился и, раскрывъ ротъ, заикнулся.

Ополчининъ по взгляду, которымъ, выпучивъ глаза, смотрѣлъ на него генералъ, понялъ, что заиканіе принца относится къ нему, Ополчинину.

Легкая дрожь пробѣжала по его спинѣ, и онъ вытянулся еще сильнѣе, хотя казалось, что больше уже нельзя было вытянуться.

О томъ, что принцъ заикался, когда говорилъ — Ополчининъ слышалъ и зналъ давно. Но теперь ему первый разъ пришлось разговаривать съ принцемъ, и этотъ принцъ, здѣсь во дворцѣ, несмотря на свое заиканіе, вовсе не показался вытнувшимся передъ нимъ Ополчинину такимъ ужъ смѣшнымъ, какимъ представляли его ходившіе по городу рассказы и анекдоты.

Всякій смѣхъ вышелъ теперь изъ головы Ополчинина, и онъ съ томительнымъ ожиданіемъ ждалъ, когда кончитъ принцъ свой вопросъ, чтобы узнать поскорѣе то, что у него спрашивали или говорили ему.

Оказалось, принцъ Антонъ желалъ узнать, давно ли служить молодой часовой въ полку.

Ополчининъ отвѣтилъ.

Тогда принцъ сталъ спрашивать очень ласково и милостиво, правится ли ему служба и доволенъ ли онъ обстоятельствами...

— Вѣ-ѣрно... для пачала ча-асто бываетъ затрудненіе... сказалъ принцъ.

Ополчининъ опять отвѣтилъ, что служба ему правится, что онъ всѣмъ доволенъ, а затрудненія преодолеваетъ по мѣрѣ силъ.

— А въ деньгахъ? — спросилъ принцъ.

Тутъ Ополчининъ, осмѣльвшій милостивымъ къ нему обращеніемъ, согласился, что затрудненія въ деньгахъ преодолѣть ему бываетъ подчасъ трудно.

Тогда принцъ Антонъ сталъ говорить, что онъ, какъ генералъ-фельдмаршалъ, „отецъ“ всѣмъ солдатамъ и потому готовъ всегда придти къ нимъ на помощь, и чтобы доказать это на дѣлѣ, жалуетъ часовому, ему, Ополчинину, солдату изъ дворянъ, сто червонцевъ.

Сказавъ это, принцъ Антонъ, не выслушавъ даже благодарности, прослѣдовалъ дальше, видимо очень довольный собою, а Ополчининъ остался стоять въ нѣкоторомъ недоумѣніи, наяву или во снѣ случилось все только что происшедшее?

Поступокъ принца вышелъ неловокъ, но совершенно, однако, понятенъ и объяснимъ.

Дѣло было въ томъ, что принцесса Елисавета Петровна благодѣтельствовала постоянно гвардейскимъ солдатамъ, въ особенности гренадерской ротѣ преображенскихъ. Она крестила у нихъ дѣтей, дѣлала подарки, входила въ нужды ихъ и оказывала имъ всякую поддержку въ бѣдѣ. Она дѣлала это отъ души, умно и тогда, когда это дѣйствительно требовалось обстоятельствами. Солдаты понимали и цѣнили ея ласку и чуть не боготворили ее.

При дворѣ знали объ этомъ и были сильно недовольны. Мѣрами строгости дѣйствовать боялись. Еще при Биронѣ хотѣли ввести свой нѣмецкій элементъ въ гвардейскіе полки, поополняя ихъ чужестранцами, но мѣрку эту провести было очень трудно, потому что въ полку нѣмцамъ жити не было и никто туда не шель.

Оставалось попробовать поступать такъ же, какъ дѣйствовала Елисавета Петровна, то-есть, щедростью.

И вотъ принцъ Антонъ „попробовалъ“, при чемъ на свое счастье попалъ ему подъ руку обезденежѣвшій Ополчининъ.

Принцъ Антонъ разсудилъ съ своей точки зрѣнія, казалось, вѣрно, то-есть, выказалъ крайнюю щедрость молдому, недавно вступившему въ полкъ солдату, зна-

чить не закованному еще въ преданности Елисаветѣ и могшему повліять на своихъ молодыхъ товарищей къ пользу двора, составить какъ бы оппозицію старымъ—безусловно уже преданнымъ Елисаветѣ.

Но такъ какъ поступокъ принца былъ не самостоятеленъ, то, какъ и всякое подражаніе, явился пересоломъ.—Деньги достались ни за что, ни про что кутилѣ Ополчинину, и вышло смѣшно.

Оставшись одинъ на часахъ, Ополчининъ стоялъ и самъ едва удерживался отъ смѣха, почти не вѣря тому, что получить обѣщанные сто червонцевъ.

Но онъ ихъ получилъ.

Послѣ его смѣпы въ караульное помѣщеніе явился бывший съ принцемъ Антономъ генералъ—онъ оказался Стрѣшневымъ—шуриномъ Остермана—принесъ сто червонцевъ и началъ расхваливать принца и жену его, говори, что вся Европа уважаетъ ихъ, что доказываетъ небывалый съездъ иностранныхъ пословъ въ Петербургѣ, великая же княжна легкомысленна, и кто не хочетъ попасть въ бѣду, тотъ долженъ держаться не ея, а настоящаго правительства...

Весь этотъ эпизодъ, однако, былъ не сомнѣннымъ признакомъ слабости этого правительства. Такъ это и поняли потомъ въ партіи великой княжны.

II.

На этотъ разъ—оно уже было несомнѣнно. Князь

Косой шелъ съ Царицына луга, отъ Остермана, которому подавалъ прошеніе, надѣясь на свое знаніе языковъ, о зачисленіи себя на службу по дипломатической части, чтобы быть посланнымъ куда-нибудь за границу къ посольству (покончивъ съ Шетарди, долженъ же былъ онъ предпринять что-нибудь, и вотъ они съ Левушкой придумали эту комбинацію)—онъ шелъ и вдругъ, на одномъ изъ поворотовъ, поднявъ голову, увидѣлъ передъ собою, шаговъ на двадцать впереди—хорошо уже знакомую ему теперь фигуру все того же старика-нищаго, не даващаго ему покоя. Но на этотъ разъ онъ не могъ уже ни ошибиться, ни обознаться, ни повѣрить въ то, что ему почудилось только такъ. На этотъ разъ старикъ шелъ впереди его на двадцать шаговъ разстояніи и дѣйствительно шелъ, ступа по

деревянной панели своей палкой и деревяжкой на погѣ. И мундиръ на немъ, и картузь подходящій, и волосы сѣдые на обѣ стороны.

Сначала князь Иванъ, было, приостановился, точно все-таки хотѣлъ себя повѣрить, не мерещится ли ему. Но, нѣтъ, старикъ шелъ и торопился, хотя подвигался медленно, неловко ступая своей деревяжкой... Онъ хотѣлъ-было догнать и заглянуть ему въ лицо...

„Да не можетъ быть, чтобы это былъ онъ!“—вѣдь

они же съ Левушкой всего недѣлю тому назадъ похоронили его въ чистомъ саванѣ и въ свѣже-выдолбленной колодѣ. Разумѣется, не можетъ быть...

Но князю Ивану была неприятна та смѣсь видѣнія съ дѣйствительностью, которая какъ бы дразнила и раздражала его.

„И чего онъ вѣчно попадаетъ мнѣ“, думалъ онъ со злобою, идя сзади и почему-то, какъ бы помимо своей воли, стараясь такъ соразмѣрять свой шагъ, чтобы разстояніе между ними постоянно оставалось одно и то же.

Ему и хотѣлось перегнать его, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ этого сдѣлать, не могъ прибавить шагу.

„И почему онъ попадаетъ мнѣ!—опять твердилъ себѣ князь Иванъ,—а другимъ не попадаетъ, то-есть, попадаетъ—вонъ лавочникъ постороился и далъ ему дорогу,—но они его не замѣчаютъ, не обращаютъ вниманія на него...“

Одинъ разъ онъ даже поймалъ себя на томъ, что слѣдить—дѣйствительно ли *всѣ* замѣчаютъ его и сторопятся или проходятъ черезъ него, какъ черезъ чисто свѣтовое, а не физическое явленіе.

Но старикъ шелъ, какъ надо, и никто не „проходилъ“ черезъ него.

„Нѣтъ, надо будетъ отвлечься, перестать думать“, убѣждалъ себя князь Иванъ, и, убѣждая себя, онъ все-таки шелъ по слѣдамъ нищаго, не позволяя себѣ обогнать его.

Случайно, однако, было такъ, что дороги ихъ совпадали.

Старикъ велъ князя Косого къ адмиралтейской площади, черезъ которую и безъ того князю Ивану нужно было пройти...

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Внутренній видъ Успенскаго собора. Тронъ, гдѣ стояли престола Ихъ Величествъ и балдахинъ надъ нимъ. Съ фотогр. генер. А. А. Насвѣтвичя автогипсия „Нивы“.

Перенесение Императорских регалій изъ Оружейной палаты въ Тронный залъ Большого Кремлевскаго дворца, 13 мая. Сановники, къ несенію регалій назначенные, шествуютъ впереди несомыхъ на подушкахъ регалій.

Перенесеніе Императорскихъ регалій изъ Оружейной палаты въ Тронный залъ Большого Кремлевскаго дворца, 13 мая. Процессія подходитъ къ Главному подъѣзду дворца.

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Съ фотогр. генер. А. А. Насвѣтвича автотипія „Нивы“.

На площади старикъ зашагалъ скорѣе, такъ что князь Иванъ отсталъ отъ него немного больше, но все-таки не терялъ его изъ виду.

Старикъ былъ уже почти на серединѣ площади, когда князю Ивану снова пришла шальная мысль—„а вдругъ какъ онъ возьметъ да исчезнетъ такъ вотъ, среди площади... что тогда?..“

Старикъ въ это время свернулъ въ бокъ отъ того направленія, по которому нужно было идти князю Ивану.

Косой остано- вился.

Ему было любопытно, что-жъ дальше будетъ, куда пойдеть *онъ*.

Опъ пошелъ прямо къ низенькому, одноэтажному домику, при- лѣпившемуся сбоку площади, на которомъ красовалась вывѣска бильярднаго дома.

Князь Иванъ смотрѣлъ во всѣ глаза.

Старикъ подошелъ къ крыльцу бильярднаго дома, оглянулся нѣсколько разъ и быстро шмыгнулъ въ дверь крыльца и исчезъ въ бильярдномъ домѣ...

Князь Иванъ, не раздумывая, тоже повернулъ и на- перекоски пошелъ по площади къ этому дому.

къ бильярдному дому и пробираться по ней.

Не отдавая себѣ хорошенько отчета въ томъ, что дѣлаетъ, онъ, войдя на крыльцо, отворилъ стеклянную дверь въ просторныя сѣни съ такою поспѣшностью, точно рассчитывалъ захватить или застать еще тамъ

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Перенесеніе Императорскихъ регалій изъ Оружейной палаты въ Тронный залъ Большаго Кремлевскаго дворца, 13 мая. Народные представители противъ дворца, въ ожиданіи перенесенія регалій. Съ фотогр. ген. А. А. Насвѣтевича автотипія „Нивы“.

старога нищаго.

Въ сѣняхъ никого не было. Другая стеклянная дверь вела изъ нихъ направо въ комнаты для посѣ- тителей.

Откуда-то сверху, съ лѣстницы съ мезонина, сбѣжалъ подростокъ-побѣгушка, попытавшійся юркнуть мимо князя Ивана въ эту дверь.

Косой остановилъ его.

— Что вы, какіе тутъ нищіе — и ника- кого старика не ви- дѣлъ!—заговорилъ онъ быстро на вопросъ кня- зя Ивана о старикѣ и, двинувшись впередъ, распахнулъ госте- приимно внутреннюю дверь.

„Пожалуйте - де- скать, милости про- симъ, а народъ не за- держивайте!..“

Въ первой, открыв- шейся за стеклянной дверью комнатѣ было накурено, и въ этомъ дыму виднѣлась стойка буфета, съ дремавшимъ за нею хозяиномъ, а дальше, черезъ отво- ренную дверь изъ слѣ- дующей комнаты, слы-

шались голоса и доносилось щелканье шаровъ.

При входѣ князя Ивана, хозяинъ—по виду иностранецъ, кашлянулъ, и голоса притихли.

Князь Иванъ вошелъ и, приблизившись къ стойкѣ, сталъ разспрашивать хозяина о старикѣ-нищемъ. Онъ

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Перенесеніе Императорскихъ регалій изъ Оружейной палаты въ Тронный залъ Большаго Кремлевскаго дворца, 13 мая. Народные представители противъ дворца, въ ожиданіи перенесенія регалій. Съ фотогр. ген. А. А. Насвѣтевича автотипія „Нивы“.

Онъ думалъ выиграть разстояніе, но, оказалось, ошибся, сойдя съ мощеной дороги и понавъ въ вязкую грязь никогда не высыхавшей площади. Чуть не за- вязнувъ въ этой грязи, онъ долженъ былъ выбраться вновь на мостовую, дойти до протоптанной тропинки

хотѣлъ теперь непременно дознаться о немъ, такъ же безотчетно, какъ иногда, бросивъ камень по дорогѣ куда-нибудь и не попавъ, будешь все бросать и не успокоишься до тѣхъ поръ, пока не потрафишь въ намѣченную цѣль.

Но сколько ни добивался Косой, хозяинъ дѣлалъ на него только глупые глаза и отвѣчалъ, какъ бы даже пугливо, что никакихъ нищихъ къ нему не ходитъ, и онъ не можетъ даже понять, что отъ него хотятъ.

— Да это Косой, это князь Косой!—послышался въ это время шепелявый голосъ Левушки, выходившаго изъ бильярдной комнаты.—Ничего, это *свой*.

Только оглянувшись и увидѣвъ улыбающагося, кур-

носое, знакомое лицо Левушки, князь Иванъ опомнился окончательно, и ему стало неловко, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ внутренно какъ-то радъ, что именно Левушка, а не кто-нибудь другой попался ему въ эту минуту.

„Слышалъ онъ или нѣтъ, что я *опять* спрашивалъ про этого нищаго?“ мелькнуло у князя Косого.

Левушка, видимо, однако ничего не слышалъ. Онъ размашисто подошелъ къ князю Ивану и, положивъ ему руку на плечо, заговорилъ весело и радостно:

— Вотъ это холосо, сто заглянули сюда, вотъ это отлично... Сто-жъ, въ самомъ дѣлѣ, все дома сиднемъ сидѣть... Ну, пойдете, я васъ познакомлю...

(Продолженіе будетъ.)

Гдѣ теперь можетъ быть Нансенъ?

Облетѣвшее весь міръ извѣстіе о томъ, что Нансенъ открылъ полюсъ и возвращается обратно, воскресило угасавшую было надежду на удачу смѣлаго предпріятія Нансена, котораго многіе причисляли уже къ числу жертвъ Ледовитаго океана, загубившаго среди своихъ вѣчныхъ льдовъ многихъ отважныхъ путешественниковъ.

Ровно три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ докторъ Фригтофъ Нансенъ и его спутники оставили Христианію. 24 іюня 1893 г. судно „Фрамъ“ вышло изъ Христианіафюрда, прослѣдовало вдоль норвежскихъ береговъ до Вардѣ и оттуда пошло дальше, держась, приблизительно, семидесятаго градуса с. широты, до Югорскаго Шара. Изъ Хабаровой, послѣдней европейской станціи, экспедиція вышла 3 августа.

О судьбѣ Нансена и его спутниковъ сначала получались кое-какія свѣдѣнія; присланъ былъ даже черезъ эскимосовъ отрывокъ изъ его дневника. Затѣмъ онъ, очевидно, настолько удалился въ царство вѣчныхъ льдовъ, что слѣдъ его нечезъ. Въ такой неизвѣстности протекло два года. Вдругъ въ іюлѣ прошлаго года въ датскихъ газетахъ появилось извѣстіе, будто эскимосы видѣли на восточномъ берегу Гренландіи трехмачтовое судно, затертое въ плывущихъ льдахъ. Извѣстіе это, въ которомъ старались видѣть намекъ на судьбу судна Нансена „Фрамъ“, однако не удалось подтвердить.

Къ сожалѣнію, пока не подтвердилась и радостная вѣсть объ открытіи полюса Нансеномъ.

О судьбѣ Нансена и о томъ, гдѣ онъ теперь находится, высказано было много интересныхъ предположеній крупнѣйшими авторитетами по географіи. Въ числѣ ихъ заслуживаютъ вниманія сообщенія норвежскаго профессора д-ра Ингвара Нильсена, въ статьѣ его „Гдѣ теперь Нансенъ?“ изъ которой мы и приводимъ здѣсь слѣдующія свѣдѣнія.

По первоначально набросанному плану, судно „Фрамъ“ должно было зайти на сибирскій берегъ у устья Оленека, чтобы взять тамъ съ собою нѣсколько собакъ. Но тамъ оно не появлялось. Поэтому можно предположить, что экспедиція вообще не заходила на Ново-сибирскіе острова, чтобы отсюда начать свой дальній путь къ полюсу, но что она повернула къ сѣверу, не дойдя до нихъ.

Изъ Хабаровой дошло въ Норвегію нѣсколько сбивчивыхъ извѣстій, происходящихъ изъ русско-самоѣдскаго источника. Люди, видѣвшіе тамъ экспедицію, увѣряютъ, будто бы, по виду Нансена можно было заключить, что онъ сомнѣвался въ успѣхѣ своей экспедиціи и что онъ находился подъ вліяніемъ унынія и мрачныхъ предчувствій.

Однакоже, собственныя письма Нансена и разказы его секретаря Христоферсена, который сопровождалъ Нансена до Хабаровой и зналъ всю его корреспонденцію, а теперь живетъ въ Христианіи, въ качествѣ журналиста, ничего не говорятъ объ этомъ. Оставить послѣднія границы цивилизаціи и отважно пуститься въ загадочныя, покрытыя льдомъ арктическія страны, конечно, было дѣло рпскованное. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ мысли о далекой родицѣ и чувство собственной отвѣтственности двойною тяжестью ложатся на душу. Однакоже, подъемъ духа въ виду близкаго разрѣшенія научной проблемы долженъ былъ сообщить участникамъ экспедиціи и въ особенно-

сти ихъ смѣлому вождю возрастающую энергію, которая могла служить противѣсомъ подавляющему чувству разлуки съ родиной.

Какъ бы то ни было, но все же остается не разрѣшеннымъ вопросомъ: гдѣ находится теперь экспедиція и почему д-ръ Нансенъ не зашелъ въ устье Оленека?

Можетъ-быть, я въ состояніи дать на это отвѣтъ, — но, повторяю: *можетъ-быть*.

Осенью 1892 г., въ одинъ несчастный вечеръ, я встрѣтилъ Нансена на улицѣ. Само собою разумѣется, мы тотчасъ же

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами Троице-Сергіевской лавры, 22 мая. Депутація отъ общества хоругвеносцевъ, съ хлѣбомъ-солюю и образомъ, въ ожиданіи выхода Ихъ Величествъ послѣ молебствій. Съ фотогр. ген. А. А. Насвѣтвичя автотипія „Нивы“.

Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами Троице-Сергіевской лавры, 22 мая. Шествіе Ихъ Величествъ въ церковь Геосиманскаго скита (въ двухъ верстахъ отъ Троице-Сергіевской лавры). Съ фот. І. И. Глыбовскаго.

Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами Троице-Сергіевской лавры, 22 мая. Ихъ Величества, въ предшествіи митрополита Московскаго, шествуя въ митрополичьи покои, изволятъ принимать хлѣбъ-соль и образъ отъ депутаціи общества хоругвеносцевъ. Съ фотогр. ген. А. А. Насвѣтвича.

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Автотипія „Нивы“.

Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами Троице-Сергіевской лавры, 22 мая. Выходъ Ихъ Величествъ изъ Троицкаго собора послѣ литургіи въ покои митрополита Сергія. Съ фотогр. І. И. Глыбовскаго.

По окончаніи Высочайшаго объѣзда войскъ, 26 мая, на Ходынскомъ полѣ, Его Императорское Величество подѣзжаетъ къ Императорскому павильону. Съ фотогр. ген. А. А. Насвѣтевича.

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Автогипсія „Нивы“.

вступили въ разговоръ объ его экспедиціи, приготовленіи къ которой онъ былъ занятъ въ то время. За нѣсколько дней передъ тѣмъ мы вмѣстѣ посетили Ларвикъ, гдѣ былъ спущенъ въ воду его корабль.

Во время нашего разговора, Нансенъ, между прочимъ, сказалъ:

— Вы знаете, что я измѣнилъ мой планъ.—И вслѣдъ затѣмъ онъ прибавилъ:—Но я не говорю объ этомъ.

Больше онъ не сказалъ мнѣ ничего по этому предмету. По разнымъ соображеніямъ онъ рѣшилъ соблюдать молчаніе. Впоследствии же мнѣ не представилось ни одного случая получить отъ него дальнѣйшія свѣдѣнія на этотъ счетъ. Но

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна на балконѣ Императорскаго павильона на Ходынскомъ полѣ, 18-го мая, во время народнаго гулянья. Съ фотогр. І. И. Глыбовскаго.

его слова я хорошо сохранялъ въ своей памяти и ничего не сообщалъ о нихъ другимъ, исключая секретаря Нансена, возвратившагося въ Норвегію. Господинъ Христоферсенъ былъ изумленъ: въ теченіе семи или восьми недѣль своего пребыванія на борту „Фрама“ съ членами экспедиціи, онъ не слышалъ ни о чемъ подобномъ.

Что же хотѣлъ сказать мнѣ Нансенъ упомянутыми словами? Въ его намѣреніяхъ не могло произойти радикальнаго измѣненія первоначальнаго плана, такъ какъ, насколько извѣстенъ теперь его путь, онъ слѣдовалъ ему. Но существуетъ возможность предположить значительное измѣненіе, и если Нансенъ не зашелъ въ Оленекъ, то измѣненіе, можетъ-быть, находится въ тѣсной связи съ этимъ обстоятельствомъ.

Я думаю, что Нансенъ еще до выхода изъ Хабаровой намѣревался, въ извѣстномъ случаѣ, прямо повернуть на сѣверъ,

не дѣлалъ длиннаго путешествія къ востоку, отъ мыса Челюскина къ Ново-сибирскимъ островамъ; да и г. Христоферсенъ недавно рассказывалъ мнѣ, что при ежедневныхъ разговорахъ на борту „Фрама“ часто заходила рѣчь о томъ, что если ожидаемая въ Хабаровой собаки окажется пригодными, то, конечно, будетъ лишнимъ дѣлать кружной путь къ р. Оленеку. Повидимому, экспедиція въ Хабаровой уже приобрѣла достаточное число собакъ, а затѣмъ и плаваніе къ устью названной сибирской рѣки, какъ лишній обходъ, оказалось ненужнымъ.

Во время пребыванія экспедиціи въ Хабаровой, черезъ проливъ проходило ежедневно много льда въ направленіи отъ востока къ западу. Потокъ шелъ быстро, и уносимыя имъ малыя и большія льдины представляли интересное зрѣлище.

Дулъ сильный вѣтеръ, когда 3 августа, въ 12 часовъ ночи, „Фрамъ“ отчалилъ отъ берега. Оставшіеся видѣли, какъ судно направилось къ Карскому морю. Оно исчезло вдаль и вступило въ рискованную часть своего плаванія.

Въ Хабаровой Нансенъ нашелъ жока собакъ, который благополучно доставилъ ему полное ихъ число, необходимое для экспедиціи.

Это былъ русскій пѣмецъ изъ Риги, по имени Александръ Ивановичъ Тронтеймъ, который живетъ въ Сибири съ 1876 г. Впоследствии онъ рассказывалъ барону фонъ-Толю о путешествіи Нансена, и впечатлѣніе, которое вынесъ этотъ знатокъ дальняго Сѣвера, позволяетъ питать наилучшія надежды относительно благосостоянія экспедиціи. Сверхъ того, это впечатлѣніе совершенно совпадаетъ съ впечатлѣніемъ Христоферсена.

Тронтеймъ говоритъ, что онъ увѣренъ въ способности экспедиціи поборотъ опасности Ледовитаго океана. Равнымъ образомъ, онъ хвалитъ конструкцію судна, разсчитанную въ особенности на плаваніе среди льдовъ. Въ его разсказѣ нѣтъ ничего такого, что напоминало бы вышеприведенныя свѣдѣнія объ угнетенномъ состояніи духа Нансена. Тронтеймъ изъ всего поведенія членовъ экспедиціи вынесъ безусловную увѣренность въ ихъ способности энергично дѣйствовать даже при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Онъ въ особенности выставляетъ на видъ, что личность вождя ручается за благополучный исходъ предпріятія, и усматриваетъ благоприятное предназначеніе для него во взаимныхъ добрыхъ отношеніяхъ участниковъ экспедиціи. Вообще, по его словамъ, еще ни одна полярная экспедиція не выходила въ плаваніе съ болѣею увѣренностью и при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ.

Когда „Фрамъ“ вошелъ въ Карское море, тамъ, какъ сказано выше, было много льдинъ, которыя всѣ двигались въ западномъ направленіи. Но все свѣдѣтельствовавало, что къ сѣверу нѣтъ накопленія большихъ площадей льда. Христоферсенъ говоритъ, что не было видно „блестокъ на льду“, этого извѣстнаго явленія, показывающаго близость твердыхъ ледяныхъ массъ.

Въ августѣ 1893 г. ледъ подвинулся далеко къ югу, въ видѣ отдѣльныхъ льдинъ. По примѣтамъ охотниковъ за тюленями, это считается хорошимъ знакомъ. Говорятъ, что когда ледъ приближается такимъ образомъ къ европейскому берегу, то фарватеръ бываетъ свободенъ отъ льда на болѣе дальнее протяженіе выше и позволяетъ проникнуть дальне къ сѣверу. Всѣ извѣстія сходятся въ томъ, что относительно положенія льдовъ Нансену посчастливилось понасть въ самыя благоприятныя условія. Это должно было имѣть для него и для его спутниковъ громадное значеніе.

Послѣ плаванія черезъ зону льдинъ онъ перешелъ въ зону свободную отъ льда, по которой онъ, по всей вѣроятности, проникъ далеко къ сѣверу. При такихъ обстоятельствахъ, что могло бы побудить его—отказаться отъ разъ приобрѣтенныхъ выгодъ и съ достигнутаго уже, можетъ-быть, восьмидесятаго градуса широты снова повернуть къ югу, чтобы добыть нѣсколько собакъ у устья Оленека? Это было бы въ высшей степени необдуманнѣмъ образомъ дѣйствій.

Въ началѣ счастье, повидимому, благоприятствовало плаванію.

Экспедиция должна была быстро вступить въ невѣдомыя страны, и, вѣроятно, пошла затѣмъ въ восточномъ направленіи къ пункту, гдѣ она могла достигнуть полярнаго теченія къ сѣверу. Но то, что въ началѣ было счастьемъ, могло впоследствии превратиться въ несчастіе. Поэтому нельзя отрицать возможности того, что Нансенъ впоследствии очутился въ менѣе благоприятномъ положеніи. Многие зависѣло отъ условій океанскаго теченія въ новооткрытыхъ имъ странахъ.

При такихъ обстоятельствахъ Нансеномъ должно было съ удвоенною силою овладѣть желаніе разомъ пройти какъ можно дальше къ сѣверу, и вмѣстѣ съ тѣмъ для него явилась необходимость измѣнить первоначальный планъ. Ледяная преграда, по всей вѣроятности, отодвинулась далеко на сѣверъ, и Нансенъ не могъ отказаться отъ достигнутыхъ разъ преимуществъ; а его исключительною цѣлью было — дойти до теченія, направляющагося къ сѣверному полюсу. Такъ какъ мы вообще ничего не знаемъ объ этихъ странахъ, то нельзя сдѣлать никакихъ дальнѣйшихъ предположеній о преимуществахъ, доставленныхъ экспедиціи первоначальной удачей. Если только экспедиція нашла открытое море, то она дошла и до теченія. Но можно предположить также, что она встрѣтила на своемъ пути большія земли, которыя лежатъ передъ этимъ теченіемъ и могли надолго задержать его судно.

Во всякомъ случаѣ, въ началѣ зимы 1893—1894 г. экспедиція должна была дойти до страны, лежащей къ востоку отъ земли Франца-Иосифа и къ сѣверу (вѣрнѣе къ сѣверо-востоку) отъ мыса Челюскина, и тамъ остановиться для первой зимней стоянки. Вмѣстѣ съ тѣмъ должны были начаться и трудности. Если предположить, что экспедиція вскорѣ пришла къ новымъ и обширнымъ землямъ, то уже эти земли были препятствіемъ. Вся ея задача состояла въ томъ, чтобы находиться въ открытомъ морѣ и затѣмъ вмѣстѣ со льдомъ пройти къ полюсу. Относительно возможности этого, конечно, нельзя ничего высчитать заранее. Но если Нансенъ и находилъ постоянно свободное море, то могли явиться другія затрудненія, которыя онъ, конечно, предвидѣлъ и противъ которыхъ онъ принялъ предвѣдительныя мѣры. На эти трудности указывалось часто и въ Норвегій, и въ извѣстныхъ компетентныхъ кругахъ онъ вызвалъ сильное предубѣжденіе противъ выполнимости этого плана.

Планъ Нансена былъ встрѣченъ сомнѣніемъ въ особенности со стороны норвежскихъ ловцовъ тюленей. Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ капитановъ кораблей тюленьяго промысла въ ноябрѣ 1893 г. предсказывалъ мнѣ судьбу экспедиціи слѣдующимъ образомъ: „Все зависитъ отъ свойства льда, въ который попадетъ „Фрамъ“ при первой его встрѣчѣ со льдами. Если онъ встрѣтитъ большой ледъ въ движеніи, то онъ подвергнется большой опасности. Между громадными стѣнами движущихся ледяныхъ массъ даже самый крѣпкій корабль — а „Фрамъ“ выстроенъ необыкновенно крѣпко — будетъ раздавленъ, и съ нимъ все будетъ окончено. Судно, попавшее въ большой ледъ, можно считать обреченнымъ на погибель. Но если экспедиція встрѣтитъ малый ледъ, то можетъ произойти то, что предполагалъ и Нансенъ. „Фрамъ“ обмерзнетъ между малыми льдинами и когда масса льда увеличится, тотчасъ же будетъ поднятъ ею снизу. Въ такомъ случаѣ все можетъ произойти усиленно, согласно заранее сдѣланному расчету“.

Нансенъ отлично знаетъ всѣ противопоставленныя ему съ компетентной стороны, именно со стороны ловцовъ тюленей, возраженія и не пренебрегъ ими. Напротивъ того, онъ обсудилъ ихъ и принялъ въ соображеніе надлежащимъ образомъ. Въ виду этихъ предостереженій для него было главною задачею — из-

бѣгать большого льда, предоставить своему судну обмерзать среди малыхъ льдинъ и затѣмъ двигаться вмѣстѣ съ ними. Поэтому, вопросъ заключается только въ томъ, насколько самъ Нансенъ могъ быть господиномъ своего положенія.

На этотъ вопросъ мы можемъ получить отвѣтъ только по возвращеніи экспедиціи. А до тѣхъ поръ, полагаясь на большую опытность людей, плавающихъ на „Фрамѣ“, будемъ питать наилучшія надежды. Капитанъ Свердрупъ, главный помощникъ Нансена, лѣтомъ 1892 г. перекрестилъ Сѣверный океанъ и слѣдовательно изучилъ его досконально, прежде чѣмъ отправился туда на „Фрамѣ“. Судно было обильно снабжено провiantомъ на 6 лѣтъ, слѣдовательно до лѣта 1899 г., и одинъ изъ членовъ финансоваго комитета, руководившаго въ Христианіи большою частью приготовленій къ экспедиціи, говорилъ мнѣ, что количество провiantа было изумительно велико, такъ что ею могли бы жить двѣнадцать человѣкъ пожалуй цѣлыхъ десять лѣтъ, если бы еще вдобавокъ они убили нѣсколько бѣлыхъ медвѣдей и большихъ морскихъ звѣрей. Съ этой сто-

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Возвращеніе Ихъ Императорскихъ Величествъ съ народнаго гулянья на Ходынскомъ полѣ, 18 мая. Ихъ Величества отъѣзжаютъ отъ Императорскаго павильона къ Петровскому дворцу. Съ фотогр. ген. А. А. Насвѣтевича автогипія „Нива“.

роны, такимъ образомъ, не угрожаетъ никакой опасности.

Составляя свой планъ и затѣмъ приготовляя экспедицію, Нансенъ постоянно говорилъ, что въ полярныхъ странахъ все будетъ хорошо, лишь бы только имѣть защиту противъ холода и голода. „Плате и нища, — часто говорилъ онъ, — это — все. Когда это есть, то большой опасности не существуетъ“. Того и другого на „Фрамѣ“ достаточно.

Вообще экспедиція не имѣла въ виду снѣжить. Она должна подвергнута подробному изслѣдованію полярныхъ странъ, и даже если бы Нансенъ могъ совершить свое путешествіе въ кратчайшій срокъ, то все-таки слѣдуетъ полагать, что онъ не будетъ снѣжить вернуться. Его цѣль состоитъ не единственно въ посѣщеніи сѣвернаго полюса въ собственномъ смыслѣ, а скорѣе въ томъ, чтобы произвести основательное научное изслѣдованіе полярныхъ странъ, что не можетъ быть выполнено скоро. Замыслы Нансена направлены на болѣе высокую цѣль, чѣмъ спортсменская прогулка для возможно быстраго достиженія полюса; и было бы несправедливо ожидать, что онъ прекратитъ свое плаваніе и свои изслѣдованія, чтобы приготовить Европѣ скороснѣжный сюрпризъ.

Нужно помнить, какую необыкновенную важность долженъ представлять уже одинъ рядъ правильныхъ научныхъ, продолжающихся нѣсколько лѣтъ, наблюденій между 84 и 86 градусами сѣверной широты. Люди, посвятившіе свою жизнь наукѣ, не оставляютъ добровольно своей области изслѣдованій, пока они не исчерпали вполне свою задачу. Самъ Нансенъ предупреждалъ, чтобы не ждали слишкомъ рано его возвращенія, и его слова должны прежде всего служить для насъ указаніемъ. Экспедиція теперь уже три раза перешла въ очень высокіхъ широтахъ.

Вѣрны ли наши предположенія,—это покажетъ знаютъ только участники экспедиціи. Но мы надѣемся, что они вѣрны, и что наука въ этомъ пунктѣ одержитъ побѣду.

Но когда же поларное море возвратитъ экспедицію и ея судно культурному міру?

Этого можно ожидать еще въ нѣсколько лѣтъ. Таково было предположеніе доктора Джона Муррэй, высказанное имъ на географическомъ конгрессѣ въ Лондонѣ. Но, можетъ-быть, это еще слишкомъ ранній срокъ. Если бы даже это предположеніе Муррэй и не оправдалось, то все-таки еще не было бы нужды боятся за ея участь. Въ нѣкоторыхъ ученыхъ кругахъ уже явилась мысль о снаряженіи экспедиціи для отысканія Нансена. Самъ Нансенъ, конечно, не ждетъ такой спасительной экспедиціи, которая могла бы въ крайнемъ случаѣ сдѣлаться необходимою, хотя для нея нѣтъ никакой точки опоры. Задача подобнаго развѣдочнаго путешествія похожа на отысканіе иглоки въ восточномъ морѣ.

Когда въ прошломъ году пришло извѣстіе о какомъ-то суднѣ, которое видѣли у восточнаго берега Гренландіи, то всѣ естественно должны были подумать о Нансенѣ

и „Фрамъ“. Отрицать совершенно, что это былъ онъ, конечно, еще нельзя. Однакоже то, что извѣстно пока о положеніи

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. У воротъ Петровскаго дворца, 18 мая. Государь Императоръ принимаетъ хлѣбъ-соль отъ сословныхъ представителей и московскихъ общественныхъ учреждений.
Съ фотогр. ген. А. А. Насвѣтевича автотипія „Нива“.

льдовъ и теченія въ восточно-гренландскомъ морѣ въ послѣднее лѣто, дѣлаетъ въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы „Фрамъ“ не направился по болѣе сѣвернымъ градусамъ широты въ Норвегію.

Можно надѣяться, что Нансенъ попалъ въ теченіе, направляющееся къ сѣверу; въ такомъ случаѣ онъ теперь идетъ къ сѣверному берегу восточной Гренландіи.

Но если онъ встрѣтитъ препятствія, напримѣръ какую-нибудь обширную землю, и не могъ ихъ преодолѣть, то онъ долженъ былъ вернуться къ берегамъ Сибири. Здѣсь баронъ Толъ устроилъ для него на островахъ Котельномъ и Ляховомъ провіантскіе склады.

Весь цивилизованный міръ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстія о судьбѣ экспедиціи отъ самого Нансена, чтобы устроить всемірный триумфъ отважному ученому. Въ ожиданіи его возвращенія, французская академія наукъ уже почтила его, отсутствующаго, избраніемъ въ свои члены.

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Разъѣздъ изъ храма Христа Спасителя послѣ торжественнаго молебствія, 25 мая, по случаю дня рожденія Государыни Императрицы Александры Θεодоровны.
Съ фотогр. ген. А. А. Насвѣтевича автотипія „Нива“.

Къ рисункамъ.

Послѣ дождя. (Рис. на стр. 675.)

Въ прошлыхъ номерахъ *Нивы* мы уже помѣстили нѣсколько пейзажей „поэта лѣсовъ“ И. И. Шишкина, бывшихъ на послѣдней XXIV передвижной выставкѣ. Воспроизведенная здѣсь картина его „Послѣ дождя“, находившаяся на той же выставкѣ, можетъ отчасти служить иллюстраціей къ помещенному вслѣдъ за ней, въ этомъ же номерѣ, стихотворенію Д. Л. Михаловскаго—„Вѣтеръ“.

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ.

(Съ 16 рисунками.)

Помѣщенные въ настоящемъ номерѣ рисунки всѣ посвящены коронаціоннымъ торжествамъ. Два большихъ оригинальныхъ рисунка Е. П. Самокиши-Судковской (на стр. 678 и 679) воспроизводятъ два наиболѣе выдающихся момента коронаціонныхъ торжествъ—возложеніе короны на Государя Императора и Государыню Императрицу. Мѣстомъ этого знаменательнаго акта былъ изображенный на стр. 682 тронъ, гдѣ были поставлены престолы царей Михаила Феодоровича и Иоанна III, изображеніе которыхъ уже дано нами въ № 22 *Нивы*.

Послѣдующіе рисунки воспроизводятъ отдѣльные моменты коронаціонныхъ торжествъ; изъ нихъ одинъ (на стр. 683 и 684)

представляютъ собою торжества, предшествовавшія акту Священнаго Коронованія—перенесеніе Императорскихъ регалій изъ Оружейной Палаты въ Андреевскій Тронный залъ; затѣмъ на стр. 688—Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Высочествами и иностранными принцами и представителями иностранныхъ державъ въ Императорскомъ павильонѣ во время народнаго гулянья; далѣе—возвращеніе Ихъ Величествъ съ народнаго гулянья въ Петровскій дворецъ (стр. 689), во дворѣ котораго Его Величество принялъ депутаціи отъ сословныхъ представителей и московскихъ общественныхъ учреждений (стр. 690).

Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами Троице-Сергіевской лавры, 22 мая, представлено на четырехъ рисункахъ, изъ которыхъ три (стр. 685, 686 и 687) воспроизводятъ событія, происходившія въ самой лаврѣ—выходъ Ихъ Величествъ изъ Троицкаго собора послѣ молебствія и поднесеніе Ихъ Величествамъ обществомъ хоругвеносцевъ хлѣба-соли и образа, который былъ изображенъ въ № 23 *Нивы*, а четвертый—художественно воспроизводитъ шествіе Ихъ Величествъ въ Геосманскій скитъ, находящійся въ 2 верстахъ отъ лавры.

Рисунокъ на стр. 690 представляетъ оживленную группу лицъ, присутствовавшихъ 25 мая на молебствіи по случаю дня рожденія Государыни Императрицы Александры Феодо-

М. И. Нази († 24 июня 1896 г.) Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

Убранство Гостиного двора въ Петербургѣ, въ день въѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ, 22 июня с. г. Фотогр. и автотипія „Нивы“.

ровны, — именно моментъ разбѣда ихъ изъ храма Христа Спасителя.

Рисунокъ на стр. 687 воспроизводитъ одинъ изъ моментовъ послѣдняго дня торжествъ, 26 мая — Высочайшаго объѣзда войскъ на Ходыньскомъ полѣ.

Описанія всѣхъ этихъ торжествъ были своевременно помѣщены въ предыдущихъ номерахъ *Нивы*.

М. И. Кази. (Портр. на стр. 691.)

Телеграмма изъ Нижняго-Новгорода отъ 24-го юня принесла извѣстие о неожиданной смерти предѣдателя Императорскаго Русскаго Техническаго общества, — Михаила Ильича Кази, завѣдывавшаго машиннымъ и заводскимъ отдѣлами выставки.

Михаилъ Ильичъ Кази происходилъ изъ достаточной дворянской семьи (Таврической губернии); родился въ 1839 году. Получивъ прекрасную первоначальную подготовку дома, онъ въ 1855 году поступилъ гардемаринномъ въ черноморскій флотъ. Произведенный въ 1858 году въ мичмана, онъ поступилъ, по примѣру многихъ офицеровъ черноморскаго флота, въ образованное тогда правительствомъ Русское Общество пароходства и торговли. Въ то время черноморскій военный флотъ былъ не великъ и ограничивался нѣсколькими судами; простору для энергичнаго, отважнаго моряка было мало, и М. И. Кази начинаетъ плавать на пароходахъ Русскаго Общества пароходства и торговли, причемъ ему преимущественно приходилось совершать заграничные рейсы. Съ 1864 года онъ начинаетъ командовать пароходами; затѣмъ, по порученію Общества, около двухъ лѣтъ прожилъ въ Англии, гдѣ наблюдалъ за постройкой заказанныхъ Обществомъ пароходовъ; въ 1867 г. его назначаютъ управляющимъ адмиралтействомъ Общества въ Севастополѣ и, наконецъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1870 г., онъ состоитъ помощникомъ директора Общества, адмирала Чихачева, нынѣ, какъ извѣстно, управляющаго Морскимъ Министерствомъ. Въ общемъ, М. И. прослужилъ въ этомъ Обществѣ около 17-ти лѣтъ и оставилъ по себѣ наилучшую память.

Затѣмъ, по оставленіи службы въ Обществѣ, М. И. Кази былъ избранъ на должность севастопольскаго городского головы; здѣсь за двухлѣтнюю службу имъ было положено не мало труда по уюорядоченію городского хозяйства, а также не мало заботъ объ улучшеніи положенія мѣстнаго пролетаріата.

Въ концѣ 1876 года, въ виду предстоявшей тогда Восточной войны, М. И. снова вернулся къ своему излюбленному морскому дѣлу и былъ приглашенъ морскимъ ведомствомъ управлять Балтійскимъ судостроительнымъ и механическимъ заводомъ; при немъ было открыто при заводѣ ремесленное училище съ механической специальностью для дѣтей рабочихъ и значительно улучшено положеніе послѣднихъ. На этой должности М. И. Кази оставался въ теченіе почти 17-ти лѣтъ, до 1 июля 1893 г. Въ продолженіе этихъ семнадцати лѣтъ онъ принималъ постоянное участіе въ дѣятельности разныхъ общественныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ, какъ въ качествѣ члена, такъ и должностнаго лица, зачастую предѣдателя общества. Здѣсь онъ, кромѣ умѣлаго предѣдательства, выказалъ выдающійся ораторскій талантъ.

М. И. въ послѣднее время состоялъ: предѣдателемъ с.-петербургскаго отдѣленія Императорскаго Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, предѣдателемъ Высочайше утвержденной постоянной совѣщательной конторы желѣзно-заводчиковъ, вице-предѣдателемъ Общества для содѣйствія русской промышленности и торговли, и предѣдателемъ Высочайше утвержденной комиссіи для развитія русскаго торговаго мореходства.

Состоитъ съ 1892 года гласнымъ с.-петербургской думы, М. И. въ январѣ н. г. былъ избранъ въ предѣдателя комиссіи по сооруженію постоянного Троицкаго моста въ Петербургѣ.

Заслуги М. И. Кази на поприщѣ научно-практической дѣятельности оглашены различными наградами; такъ, отъ Императорскаго Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству онъ получилъ въ 1888 г. большую золотую медаль, и въ томъ же году, по постановленію главнаго комитета с.-петербургскаго технологическаго института, на основаніи устава его, былъ возведенъ въ званіе почетнаго инженеръ-техника. Съ 1880 года онъ кромѣ того руководилъ дѣятельностью товарищества архангельскаго мурманскаго срочнаго пароходства. Во время путешествій, въ 1894 году, министра финансовъ С. Ю. Витте на Мурманъ и въ Архангельскъ, М. И. Кази сопровождалъ его въ этой поѣздкѣ; въ томъ же году онъ, исполняя порученіе министра финансовъ, ѣздилъ въ Берлинъ, для ознакомленія съ положеніемъ въ рейхстагѣ вопроса о русско-германскомъ торговомъ соглашеніи; кромѣ того, онъ въ прошломъ году былъ командированъ въ Черное море. Въ минувшемъ же году М. И. былъ избранъ въ предѣдателя Императорскаго Русскаго Техническаго общества.

О. О. Мочутковскій. (Портр. на стр. 694.)

14 февраля с. г. исполнилось двадцатипятилѣтіе врачебной и ученой дѣятельности профессора Императорскаго клиниче-

скаго института великой княгини Елены Павловны, д. с. с. Осипа Осиповича Мочутковскаго, одного изъ выдающихся руководителей этого своеобразнаго медицинскаго учрежденія въ Россіи, имѣющаго главной своею цѣлью — знакомить врачей со всѣми новыми завоеваніями и выдающимися явленіями въ медицинскій наукѣ путемъ лекцій извѣстныхъ профессоровъ и доцентовъ надъ больными, находящимися на лѣчненіи въ институтѣ, а также являющимися на амбулаторный приемъ.

О. О. Мочутковскій — изъ дворянъ Херсонской губернии, родился въ 1845 г. Сынъ педагога, среднее образованіе онъ получилъ во 2-й кievской гимназій и высшее — въ университетѣ св. Владимира въ Кіевѣ; званія врача удостоенъ въ 1869 году. Въ 1871 году онъ поступилъ ординаторомъ въ одесскую городскую больницу; до 1877 года ему было поручено завѣдывать заразнымъ отдѣленіемъ, а съ 1877 г., когда его же заботами въ больницѣ было устроено специальное отдѣленіе для нервныхъ больныхъ, О. О. былъ назначенъ завѣдующимъ этимъ отдѣленіемъ, и въ этой должности состоялъ до своего перевода въ С.-Петербургъ, куда онъ въ 1893 г. былъ приглашенъ первоначально консультантомъ по нервнымъ болѣзнямъ, а въ 1895 г. былъ назначенъ профессоромъ по той же кафедрѣ клиническаго института великой княгини Елены Павловны.

Кто хотя немного знакомъ съ современной постановкой у насъ больничнаго дѣла, тотъ навѣрно оставитъ свое вниманіе на фактѣ открытія еще въ 1877 г., слѣдовательно почти 20 лѣтъ тому назадъ, специальнаго отдѣленія для нервныхъ больныхъ въ одесской городской больницѣ. Не говоря уже о провинціи, гдѣ, какъ въпримѣръ, въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Нижній-Новгородъ, только прошлой зимою поднятъ вопросъ объ открытіи при больницѣ перваго отдѣленія, — въ самомъ Петербургѣ въ настоящее время едва ли найдется 150 больничныхъ мѣстъ для больныхъ, страдающихъ первыми признаками земства и городскія управления, а пріобрѣтѣніе и лѣченіе нервныхъ больныхъ во многихъ мѣстахъ нашего отечества дѣло почти не початое. Открытіе перваго отдѣленія въ одесской больницѣ составляетъ крупную заслугу инициатора и перваго завѣдующаго этимъ отдѣленіемъ. Съ большимъ специальнымъ и обще-литературнымъ образованіемъ, оригинальнымъ въ мысляхъ, твердой воли человѣкъ, въ которомъ теоретическія знанія не подавали практическаго умѣнья проводить свои взгляды въ жизнь, корректный въ отношеніяхъ къ окружающимъ, проф. Мочутковскій и въ началѣ своей дѣятельности умѣлъ вліять на людей, привлекая ихъ къ себѣ и своими знаніями, и своимъ безкорыстнымъ стремленіемъ ко благу ближняго.

Съ начала 70-хъ годовъ имя проф. Мочутковскаго появляется въ медицинскій литературѣ. Въ 1877 г. О. О. защищаетъ докторскую диссертацию на тему: „Материалы для патологій и терапіи возвратнаго тифа“. Эта работа, въ связи съ послѣдующими относительно заразныхъ болѣзней, каковы: „Опытъ приываемости тифа и другихъ инфекціонныхъ болѣзней“ (*сдѣланные надъ животными, надъ самими собою и надъ нѣкоторыми добровольно согласившимися на это лицами*), „О различныхъ типахъ температурныхъ кривыхъ при возвратномъ тифѣ“, „Наблюденіе надъ возвратнымъ тифомъ“ — создаютъ ему имя въ бактериологій и клиникѣ внутреннихъ болѣзней, гдѣ съ этого времени часто упоминаютъ О. О. Мочутковскаго, какъ смѣлаго и самостоятельнаго изслѣдователя.

Во время своихъ многократныхъ поѣздокъ за границу, О. О., интересуясь еще съ университетской скамьи первыми болѣзнями, любовь къ которымъ у него зародилась очевидно подъ вліяніемъ его талантливаго учителя проф. В. Т. Покровскаго, — преимущественно работаетъ въ лабораторіяхъ и клиникахъ извѣстныхъ невропатологовъ Европы, въ то же время посѣщая клиники извѣстныхъ предѣвателей и другихъ медицинскихъ специальностей. Въ Берлинѣ О. О. работалъ въ клиникѣ проф. Вестфала, въ лабораторіи проф. Вирхова и въ клиникахъ профессоровъ Фририкса и Лейдена; въ Парижѣ — въ больницѣ Salpêtrière у знаменитаго Шарко; въ Гейдельбергѣ онъ работалъ подъ руководствомъ профессора Friedreich'a, въ Лондонѣ въ Rings-College у профессора Terrier. Помимо занятій лабораторныхъ, за время этихъ поѣздокъ О. О. знакомился лично на мѣстѣ, гдѣ могъ, съ курортами Европы и частью Сѣв. Африки и позднѣе изложилъ свои взгляды на этотъ вопросъ въ статьѣ: „Лѣчебныя зимнія станицы Европы“, которыми въ Австріи уже и воспользовались въ настоящее время: Австрійскій Лэйдъ, согласно мысли О. О., строитъ огромный специально приспособленный пароходъ для грудныхъ больныхъ, которые будутъ постоянно жить въ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто въ теплыхъ краяхъ, дыша идеальнымъ чистымъ морскимъ воздухомъ.

Изъ 35-ти самостоятельныхъ научныхъ работъ проф. Мочутковскаго упомянемъ прежде всего объ изобрѣтенномъ имъ и описанномъ въ 1879 г. аппаратѣ — рефлексометрѣ. Посредствомъ этого прибора дается возможность цифрами отмѣчать скорость возбужденія нервовъ и мышцъ, что и до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ рѣшается „на глазъ“ — точность же наблюденія въ наукѣ — условіе, безъ котораго нѣтъ и самой науки.

Затѣмъ въ 1881 г. О. О. предложилъ свое приспособленіе къ измѣренію груди — тоже въ цифрахъ выражающее напряженіе,

наблюдаемыя при различных заболѣвающихъ грудной полости. Въ этомъ же направленіи и позднѣйшая работа проф. Мочутковского, въ которой описанъ его аппаратъ для измѣренія степени болевого чувства („Альгезиметръ — болевѣръ“, 1894 г.). Лекціи, читанныя О. О. для врачей въ Одессѣ, составили книгу „Объ истерическихъ формахъ гипноза“, одну изъ первыхъ самостоятельныхъ и полныхъ работъ по гипнозу на рускомъ языкѣ.

Съ мыслями, высказанными въ этой книгѣ, равно какъ и съ другой работой проф. Мочутковского „О примѣненіи подвѣшиванія больныхъ къ лѣченію нѣкоторыхъ разстройствъ спинного мозга“ (1883 г.), случилась „старая, но вѣчно новая исторія“. Мысли, высказанныя О. О. въ первой работѣ, разошлись тогда съ тѣмъ, что говорилось, напримѣръ, знаменитымъ Шарко по поводу нѣкоторыхъ явленій истеріи. Мы не умѣемъ цѣнить того, что написано въ Россіи, а въ Парижѣ русскихъ книгъ не читали. Но въ концѣ-концовъ Шарко отказался отъ своихъ взглядовъ, и тогда правда восторжествовала. Статья о подвѣшиваніи написана въ 1883 году. У насъ обратили тогда же на нее вниманіе, но — „пѣть пророковъ въ отечествѣ своемъ“, и разговоръ о ней скоро затихъ. Въ 1889 г. проф. Reumann, по порученію французскаго правительства объѣзжалъ Россію съ цѣлью ознакомленія съ постановкой у насъ медицинскаго образованія, заѣхалъ въ Одессу и, увидавъ тамъ въ первомъ отдѣленіи больницы примѣненіе подвѣшиванія, сообщилъ объ этомъ проф. Шарко. Тотъ съ жаромъ, который былъ присущъ ему во всякомъ дѣлѣ, взялся за изслѣдованіе этого метода, и не только въ Европѣ, но и во всемъ образованномъ мѣрѣ заговорили о немъ съ увлеченіемъ. Послѣ этого и у насъ, конечно, тоже стали серьезно знакомиться съ новымъ методомъ, хотя и до сихъ поръ онъ нуждается еще въ дальнѣйшей разработкѣ.

Трудно перечислить всѣ учрежденія, какъ, съ одной стороны, созданныя проф. Мочутковскимъ, такъ, съ другой, тѣ, въ которыхъ онъ принималъ живое участіе. Изданіе „Труды врачей одесской городской больницы“ своимъ процвѣтаніемъ много обязано проф. Мочутковскому; *Южно-Русская Медицинская Газета* въ числѣ своихъ учредителей считаетъ и О. О., бывшего нѣкоторое время и редакторомъ ея. Одесское бальнеологическое общество основано проф. Мочутковскимъ въ 1876 г., и 17 лѣтъ подъ рядъ онъ былъ избираемъ председателемъ этого общества.

Въ 1876 же году напечатана работа О. О.: „Матеріалы къ изученію врачебной стороны одесскихъ лимановъ“ (2-я часть — „физиологическая“ — вышла позднѣе), гдѣ онъ выказалъ свои знанія и знакомство практическое съ этимъ вопросомъ. Читается О. О. и въ числѣ учредителей общества русскихъ врачей въ Одессѣ; съ 1890 по 1893 г. онъ былъ избираемъ председателемъ общества одесскихъ врачей; въ 1886 году состоялъ членомъ Ботанической комиссіи по оздоровленію Россійской имперіи; открытъ въ 1892 году въ Одессѣ отдѣленіе с.-петербургскаго общества взаимопомощи. Въ 1883 году О. О. состоялъ членомъ-распорядителемъ комитета VII съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Одессѣ и руководителемъ медицинской секціи крымской экскурсіи для ознакомленія врачей съ крымскими лѣчебными мѣстами. Отчетъ объ этой поездкѣ зна-

комитѣ съ предметомъ и указываетъ мѣры, могущія поднять лѣчебное значеніе нашей Ниццы (Ялты). О. О. состоитъ почетнымъ членомъ многихъ врачебныхъ обществъ въ Россіи.

Выстроивъ на свои средства дѣтскую больницу, О. О. Мочутковскій подарилъ ее одесскому обществу поначенія о больныхъ дѣтяхъ. Состоитъ гласнымъ одесской городской думы съ 1880 года по сіе время, О. О. много поработалъ для Одессы и на этомъ поприщѣ; ни одинъ сколько-нибудь важный вопросъ не миновалъ его участія въ той или другой степени. Тотъ вопросъ, который, слава Богу, въ этомъ году благополучно разрѣшился — вопросъ объ открытіи медицинскаго факультета при новороссійскомъ университетѣ, поднятый бывшимъ городскимъ головою города Одессы, Н. А. Новосельскимъ, былъ переданъ въ комиссію, гдѣ въ числѣ его членовъ съ момента основанія комиссіи въ 1871 году состоялъ и проф. Мочутковскій.

Врачебная популярность О. О. громадна въ Одессѣ и вообще на югѣ Россіи.

Клиника и лекціи профессора охотно посѣщаются врачами, уносящими изъ аудиторіи не только знанія, но и свѣтлое воспоминаніе о человѣкѣ, четверть вѣка честно работающемъ на славу науки и пользу человечества.

Сооруженіе церквей въ районѣ Сибирской жел. д.

(Рис. на стр. 694.)

Для удовлетворенія духовныхъ потребностей сибирскихъ новоселовъ; очень страдающихъ отъ невозможности, вследствие малочисленности церквей въ краѣ, совершать предписываемыя Церковью таинства и требы, Комитетъ Сибирской желѣзной дороги отпустилъ средства на сооруженіе церквей въ районѣ строящейся линіи.

Въ то же время въ канцелярію Комитета министровъ стали поступать отъ частныхъ благотворителей пожертвованія, сумма которыхъ достигла вышѣ свыше 130,000 руб.

На средства, полученные изъ обоихъ источниковъ, сооружается 55 церквей въ наиболѣе нуждающихся поселкахъ Сибири. Въ виду величій потребности и сравнительной ограниченности средствъ, послѣднія расходуются крайне осмотрительно и изыскиваются различные способы для удешевленія стоимости построекъ. Благодаря горячему участію переселенцевъ, безвозмездно исполняющихъ всѣ работы, не требующія специальныхъ знаній, и поддержкѣ правительства, безплатно отпускающаго лѣсъ изъ казенныхъ дачъ и мѣдъ для колоколовъ изъ артиллерійскихъ складовъ, стоимость каждого зданія колеблется между 3,000—5,000 руб.

Несмотря на принятія мѣры, удовлетворить всѣ нуждающіяся поселки въ настоящее время не представляется возможнымъ, такъ какъ только для поселившихся за послѣдніе годы необходимо соорудить не менѣе 400 церквей. Поэтому каждая лента принимается (въ канцеляріи Комитета министровъ, С.-Петербургъ, Маріинскій дворецъ) съ величайшею благодарностью.

Помѣщенный въ настоящемъ номерѣ рисунокъ изображаетъ церковь въ поселкѣ Дорофеевскомъ, Кокчетавскаго уѣзда, Акмолинской области.

Въѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ С.-Петербургъ.

22 іюня, вѣнчанные на царство въ Московскомъ Кремлѣ Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Теодоровна возвратились въ Петербургъ. По случаю въѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Петербургъ еще наканунѣ съ вечера стали украшаться флагами и вензелями, какъ въ дни празднованія священной Коронаціи. Особенной пышностью отличалось украшеніе Гостиннаго двора, почти сплошь задрапированнаго матеріей и нестрѣвшаго яркими вензелями (см. рис. на стр. 697).

Улицы были съ утра полны народа. Въ 9 ч. вдоль Невского, по обѣ стороны, отъ Николаевского вокзала до Казаискаго собора, шпалерами выстроились войска. Къ тому же времени на вокзалѣ стали съѣзжаться депутаціи, начальники разныхъ учрежденій и высшіе сановники. Къ 11 часамъ стали прибывать Августѣйшія Особы, помѣстившіяся на правомъ флангѣ почетнаго караула отъ 145-го пѣхотнаго Новочеркаскаго полка, поставленнаго у входа въ царскія комнаты; на лѣвомъ — высшіе военные и морскіе чины, депутаціи отъ дворянства, земства, города и Охты. Императорскій поѣздъ прибылъ въ 11 часовъ. Поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ, Государь Императоръ, въ парадной формѣ д.-гв. Преображенскаго полка, вмѣстѣ съ Государыней Императрицей подошелъ къ депутаціямъ. Первымъ поднесъ Государю Императору хлѣбъ-соль с.-петербургскій предводителъ дворянства, гр. А. А. Бобринскій, на старинномъ (XVII вѣка) блюдѣ изъ горнаго хрусталя, оправленномъ въ золото и украшенномъ драгоценными камнями. Вмѣстѣ съ блюдомъ поднесена была солонка изъ такого же хрусталя. Баронъ М. Н. Корфъ поднесъ Ея Императорскому Величеству букетъ живыхъ цвѣтвѣ. Вслѣдъ

за тѣмъ были поднесены г. Марковымъ хлѣбъ-соль отъ губернскаго петербургскаго земства на серебряномъ окисляемомъ блюдѣ, а г. Гирсомъ — цвѣты. Когда Государь Императоръ подошелъ къ депутаціи отъ города, городской голова В. А. Ратьковъ-Рожновъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ-солью поднесъ Государю Императору постановленіе городской думы объ учрежденіи городской дѣтской больницы на 400 кроватей, о сложеніи недоимокъ по городскимъ сборамъ съ 14.130 недостаточныхъ обывателей на сумму 83.346 руб., и о принятій городской думой участія въ постройкѣ храма Воскресенія Христова, сооружаемаго на Обводномъ каналѣ, близъ вокзала Варшавской желѣзной дороги. Постановленіе думы вложено было въ роскошный, бѣлой кожи, оправленный въ серебро, бюваръ. Принимая это подношеніе отъ городской депутаціи, Государь указалъ, что Онъ съ удовольствіемъ принимаетъ хлѣбъ-соль отъ столицы и радъ, что городъ ознаменовалъ этотъ день добрымъ дѣломъ: учрежденіемъ дѣтской больницы. Послѣдними привѣтствовали Ихъ Императорскихъ Величествъ депутаты охтенской управы.

Затѣмъ Ихъ Императорскія Величества, при громкомъ „ура!“ собравшагося на пути Ихъ народа, въ открытой колескѣ просѣдывали въ Казаискій соборъ, гдѣ были встрѣчены высокопреосвященнымъ Палладіемъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ и ладожскимъ, министрами и высшими сановниками.

Ихъ Величества прослушали въ Казаискомъ соборѣ краткое молебствіе и, поклонившись чудотворной иконѣ Божьей Матери, отбыли въ Петропавловскій соборъ, откуда, послѣ поклоненія праху Цари-миротворца и Александра II — отбыли въ Царское Село.

Политическое обозрѣніе.

Въ Австріи недавно закрыты общія засѣданія австрійско-венгерской делегации, единогласно вотивавшихъ бюджету и всѣ дополнителіе кредиты. Въ заключительномъ засѣданіи делегации выразили признательность императору и правительству за направленіе австрійской политики. И дѣйствительно, руководитель внешней политики Австро-Венгрии, премьеръ графъ Голуховскій, выставилъ передъ делегацией дѣло такъ, какъ будто разноплеменная имперія Габсбурговъ, не легко управляющаяся съ разнообразными стремленіями подвластныхъ ей народностей, является чуть ли не единственнымъ оплотомъ европейскаго мира. Въ бюджетной коммисіи австрійской делегации премьеръ произнесъ длинную рѣчь, представляющую собою отчетъ правительства объ иностранной политикѣ Австро-Венгрии. По заявленію графа Голуховскаго, благодаря лишь внимательству Австро-Венгрии, великимъ державамъ удалось положить конецъ движенію въ Малой Азии и Македоніи. При прочной связи и взаимномъ доврѣніи между Германией и Австріей, ставшихъ „почти второю натурою“ обѣихъ имперій, обѣ эти державы дѣйствуютъ сообща и единогласно во всѣхъ вопросахъ международнаго характера; при этомъ Австро-Венгрія стремится выполнить задачи тройственнаго союза.

Высказавъ сердечное участіе къ дѣйствіямъ Италіи въ Африкѣ, конституировавъ „дружественныя отношенія“ къ искренно и лояльно миролюбивой Франціи, указавъ на „традиціонныя симпатіи“ между Австріей и Англіей, австрійскій премьеръ подробно остановился на „отрадныхъ отношеніяхъ“ между Австріей и Россіей, которая, отказавшись отъ непримиримаго взгляда на Болгарію, признала ея князя, избраніе котораго Австрія считала законнымъ съ самаго начала возникновенія этого вопроса. Стремленія русской политики избѣгать подозрѣній въ намѣреніи вмѣшиваться въ болгарскія дѣла и уважать трактаты служатъ для Австріи доказательствомъ, что Россія намѣрена поддерживать дѣло мира, служба которому Австрія будетъ держаться и въ будущемъ „своихъ принциповъ“.

Отозвавшись съ восторженной похвалой о „рѣшлой политикѣ“ Румынии, графъ Голуховскій призналъ отношенія къ Сербіи не столь удовлетворительными: къ сожалѣнію Австріи, Сербія обнаруживаетъ де политическое направленіе, котораго ей не

слѣдовало бы держаться. Но зато австрійскій премьеръ вполне надѣется, что Болгарія „оправдаетъ питаемая къ ней Австріей симпатіи“ и сумѣетъ сохранить свою самостоятельность, избѣгая дѣйствій, противорѣчащихъ рѣшимости Европы не допускать осложненій на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ коммисіи венгерской делегации, гдѣ руссофобія считается обычнымъ явленіемъ, австрійскому премьеру пришлось увѣрять мадьярскихъ шовинистовъ, что Россія будетъ твердо держаться своей политики—уваженія къ договорамъ и воздержанія отъ изолированнаго вмѣшательства въ судьбы балканскихъ государствъ. Перемиръ въ Болгаріи никакихъ не произошло, а примиреніе Болгаріи съ Россіей вовсе не одностороннее завоеваніе со стороны Россіи. Осмѣливая принца Фердинанда Кобургскаго по поводу его чайной „занимающейся заріи съ востока“, австрійскій премьеръ заявилъ, что всякія опасенія преобладанія Россіи въ Болгаріи не имѣютъ почвы.

Понятно, что такая лестная для Австро-Венгрии политическая программа встрѣтила полное одобреніе со стороны делегации. Не безъ основанія графъ Голуховскій счелъ необходимымъ успокоить мадьярскихъ шовинистовъ. Празднуя нынѣ тысячелѣтіе своего государства, мадьяры не обоглились безъ манифестаций, затронувшихъ самолюбіе сосѣднихъ государствъ. По церемоніалу торжества, передъ венгерской короной должны были склониться знамена земель, вошедшихъ въ венгерское государство; преклонилось и сербское знамя, что вызвало въ Бѣлградѣ внушительную демонстрацію противъ Венгрии. Сербия Австріи, Босніи и Герцеговинѣ не замедлили выступить съ протестами. Затѣмъ послѣдовала непріятная дипломатическая переписка между Бѣлградомъ и Пештомомъ. И безъ этого далеко не добрососѣдскія отношенія между сербами и мадьярами обострились; а чалась съ стороны Венгрии стѣсненія сербскаго ввоза. Рѣзкія заявленія графа Голуховскаго заставили всѣхъ сербскія партіи, забывъ на время домашнія распри, поддерживать напередняцкое министерство Новаковича, поставившаго своей задачей вынудить Сербію изъ сѣтей могущественной сосѣдки. Между сербами всѣхъ областей стало влиять сознаніе необходимости тѣснаго единенія въ преслѣдованіи національныхъ задачъ.

О. О. Мочутновскій. (По поводу 25-ти-лѣтія врачебной и ученой дѣятельности.) Съ фот. автопортрета „Нивы“.

Съ Венгріей государствъ. По церемоніалу торжества, передъ венгерской короной должны были склониться знамена земель, вошедшихъ въ венгерское государство; преклонилось и сербское знамя, что вызвало въ Бѣлградѣ внушительную демонстрацію противъ Венгрии. Сербия Австріи, Босніи и Герцеговинѣ не замедлили выступить съ протестами. Затѣмъ послѣдовала непріятная дипломатическая переписка между Бѣлградомъ и Пештомомъ. И безъ этого далеко не добрососѣдскія отношенія между сербами и мадьярами обострились; а чалась съ стороны Венгрии стѣсненія сербскаго ввоза. Рѣзкія заявленія графа Голуховскаго заставили всѣхъ сербскія партіи, забывъ на время домашнія распри, поддерживать напередняцкое министерство Новаковича, поставившаго своей задачей вынудить Сербію изъ сѣтей могущественной сосѣдки. Между сербами всѣхъ областей стало влиять сознаніе необходимости тѣснаго единенія въ преслѣдованіи національныхъ задачъ.

Сооруженіе церквей въ районѣ Сибирской жел. д. Церковь въ поселкѣ Дорофеевскомъ, Ноцкетавскаго уѣзда, Анмолинской области. Съ фот. автопортрета „Нивы“.

Само по себѣ незначительное обстоятельство на Балканском полуостровѣ усилило раздражительность австрийскихъ шовинистовъ. Нѣсколько сотъ болгаръ, выѣхавшихъ навстрѣчу своему князю, побывали въ Бѣлградѣ, побратались съ сербскими журналистами, студентами и офицерами. Сербы отвѣтили визитомъ въ Софію; провозгласили торжественныя встрѣчи, совпавшія съ московскими празднествами. Отправлены были привѣтствія Покровителю славянской семьи Государю Императору и тремъ владѣтелямъ славянскихъ земель—Сербин, Черногорин и Болгарин. Получены были Высочайшіе отвѣты на привѣтствія, при чемъ князь Николай Черногорскій выразилъ надежду на скорое свиданіе съ братьями въ Бѣлградѣ и Софіи.

Прѣѣздъ князя Черногорскаго въ Бѣлградъ былъ для сербовъ выдающимся событіемъ. Въ память навшихъ сербовъ на Коссовомъ полѣ, 15 іюня была торжественная панхида, постъ которой митрополитъ обратился къ славянскимъ госу-

дарямъ—королю и князю съ высоко-патріотическимъ словомъ, воспроизведеіе котораго въ австрийской печати — запрещено. Князь Николай Черногорскій назначенъ шефомъ 9-го полка сербской арміи, а сыновья его пожалованы высшими сербскими орденами. На парадномъ обѣдѣ 16 іюня, въ присутствіи дипломатическаго корпуса, Черногорскій произнесъ обстоятельную рѣчь о стремленіяхъ сербскаго народа сохранить свое собственное добро, которыя „черпаютъ силу въ любви съверныхъ братьевъ и въ дружбѣ болгарскихъ братьевъ“; въ заключеніе князь провозгласилъ тостъ „за благоденствіе короля, королевы-матери и сербскаго народа“.

Сербскія торжества на почвѣ братскихъ чувствъ, преслѣдуя высшую задачу мирнаго развитія этой славянской народности, действительно могутъ встрѣтиться со стороны русскаго народа полное сочувствіе, основанное на братской любви, о которой упоминаетъ въ своей рѣчи доблестный князь Черной горы.

Разныя извѣстія.

— Въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія императора Николая I, въ опубликованныхъ по военному и морскому вѣдомствамъ приказахъ объявлено, что Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: Присвоить имя въ Бозѣ почивающаго Монарха сформированному въ его царствованіе 11-му саперному батальону и основаннымъ тогда же 2-му Московскому кадетскому корпусу и Николаевскимъ Чесменской и Измайловской военнымъ богатырямъ; учредить въ кадетскихъ корпусахъ, основанныхъ въ царствованіе императора Николая I, сорокъ двѣ стипендіи, съ наименованіемъ „стипендіи императора Николая I“; техническое училище морского вѣдомства переименовать въ „Морское техническое училище императора Николая I“; отдѣлить въ обонхъ отдѣлахъ старшаго класса училища, кораблестроительномъ и механическомъ, по одной вакансіи, съ наименованіемъ ихъ „стипендіями императора Николая I“; построенный въ царствованіе императора Николая I и открытый въ 1840 г. Кронштадтскій морской госпиталь наименовать: „Николаевскій морской госпиталь въ Кронштадтѣ“.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія императора Николая I, Всемилостивѣйше соизволилъ на присвоеніе с.-петербургскому практическому технологическому институту, основанному державною волею въ Бозѣ почивающаго императора, наименованія: „Технологическій институтъ императора Николая I“.

— 25-го іюня Петербургъ торжественно праздновалъ столѣтіе со дня рожденія императора Николая I. Часть рожденія императора Николая I была ознаменована панхидой, на которой присутствовали офицеры лейб-гвардіи сапернаго батальона; панхида въ Петропавловскомъ соборѣ началась у гроба въ Бозѣ почивающаго монарха, ровно въ 3 ч. 45 м. утра. Днемъ были отслужены заупокойная литургіи и панхиды по всѣмъ церквамъ Петербурга.—особенной торжественностью отличались богослуженія въ Исаакиевскомъ и Петропавловскомъ соборахъ. Къ 10-ти часамъ утра въ Исаакиевскій соборъ стали стекаться молящіеся, а на площади, позади памятника императора Николая I, выстраивались тремя фронтами прибывшія войска, причемъ кавалерійскія части были сѣвными. По полузводу отъ каждой части войскъ было введено въ Исаакиевскій соборъ, гдѣ къ тому времени собрались всѣ высшіе гражданскіе чины. Литургію служилъ пресвященный Назарій, епископъ нарвскій. Одновременно началась сѣзда вышнихъ сановниковъ въ Петропавловскій соборъ, куда въ 11 часамъ стали прибывать и Августѣйшія Особы, Ихъ Императорскія Высочества великій князь Владиміръ Александровичъ съ Августѣйшею Супругою великою княгинею Марією Павловною, великіе князья Михаилъ Николаевичъ, Алексѣй Александровичъ, Александръ Михайловичъ съ великою княгинею Ксению Александровну, Дмитрій Константиновичъ, Кирилль Владиміровичъ, Георгій Михайловичъ, Ихъ Высочества принцы Ольденбургскіе Александръ Петровичъ, Константинъ Петровичъ и Петръ Александровичъ, герцоги Мекленбургъ-Стрелицкіе Георгій Георгіевичъ и Михаилъ Георгіевичъ, великая княгиня Марія Але-

ксандровна съ дочерью принцессою Беатрисой, великая княгиня Александра Юсифовна, великая княгиня Елизавета Маврикевна, чины дипломатическаго корпуса и военные представители иностранныхъ державъ. Около половины двѣнадцатаго прибыла Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Федоровна съ Августѣйшими дѣтьми великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ и великою княжною Ольгой Александровной. Въ исходѣ двѣнадцатаго часа прибыли Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Федоровна. После богослуженія высокопреосвященнымъ Палладіемъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ, была отслужена панхида, а затѣмъ на гробницу императора Николая I возложена золотая медаль, выбитая въ честь сегодняшняго дня. Въ первомъ часу Ихъ Императорскія Величества, великіе князья и свита изъ Петропавловскаго собора отбыли къ памятнику императора Николая I на Маріинскую площадь. По окончаніи молебствія, — во время котораго, при провозглашеніи многогдѣтъ, началось изъ Петропавловской крѣпости салютъ изъ пушекъ, — въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ состоялся парадъ войскамъ. После парада, въ два часа пополудни Ихъ Императорскія Величества отбыли на Александровскую пристань, а оттуда на яхтѣ „Александрія“ въ Петербургъ.

Въ тотъ же день было совершенно молебствіе въ заѣтъ городской думы, а въ четыре часа пополудни—въ главномъ инженерномъ управленіи, въ кампѣ, въ которой въ Бозѣ почившій императоръ занимался въ то время, когда онъ былъ генераль-инспекторомъ инженерной части.

Не меньшей торжественностью отличалось празднованіе столѣтія со дня рожденія императора Николая I въ Москвѣ и въ другихъ городахъ Россіи. По извѣстіямъ изъ Москвы, въ храмѣ Христа Спасителя были совершены архіерейскимъ служеніемъ заупокойная литургія и панхида, и отслужены панхиды въ городской думѣ, въ судебныхъ установленіяхъ, биржевомъ комитетѣ, на станціи Николаевской желѣзной дороги, гдѣ поставленъ бюстъ покойнаго Императора; въ учрежденіяхъ, связанныхъ съ памятью Николая Павловича, устроены были чтенія и юмниальные трапезы. На богослуженіи въ храмѣ Христа Спасителя присутствовали великій князь Сергій Александровичъ съ супругою. За границей были торжественно отслужены богослуженія и панхиды въ посольскихъ церквахъ. Въ Парижѣ на богослуженіи въ русской церкви присутствовали президентъ Форъ и министръ Ганотъ.

— Въ дни коронационныхъ торжествъ министерствомъ народнаго просвѣщенія было получено множество телеграммъ и писемъ, въ которыхъ начальствующіе, учащіе и учащіяся учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія просили министра народнаго просвѣщенія повернуть къ столамъ Государя Императора выраженія ихъ безпредѣльной преданности и вѣроноподданнической любви, при чемъ нѣкоторыя педагогическія корпораціи, учащіеся, общества и частныя лица поставили ознаменованіе атогъ высокоторжественный день сооруженіемъ иконы, открытіемъ училищъ,

учрежденіемъ стипендій для бѣдныхъ учащихся и иными способами, для сохраненія этого дня въ признательной памяти современныхъ и грядущихъ поколѣній. Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ объ этомъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія, Собственноуачно начертать соизволилъ: „Прочувствуй сердечнo благодарить“.

— По словамъ Нов. Вр., на воспоминанія о коронационныхъ торжествахъ существуетъ громадный спросъ, и цѣны на нихъ подняты очень высоко. Такъ, напримеръ, за меню обѣда въ Грановитой палатѣ предлагають по 100 р., за художественную программу торжественнаго спектакля въ Большомъ театрѣ—50 р., за объявленіе о коронаціи—до 10 р.

— Телеграммы изъ Нижняго-Новгорода увѣдомляють, что по сельскому хозяйству предсѣдателемъ экспертной комиссіи избранъ профессоръ Стебутъ, товарищемъ предсѣдателя нижегородской земской управы Хвошинскій; предсѣдателемъ подкомиссіи сельско-хозяйственнаго машиностроенія профессоръ Латышевъ, товарищемъ Ленинъ. 22-го іюня объявлены награды рисетымъ лошадямъ, считающимся окончательными. Большія золотыя медали присуждены группамъ лошадей великаго князя Дмитрія Константиновича, герцога Георгія Максимилановича Лейтхенбергскаго, Елисева, графа Строганова, Хрѣвскаго завода; обыкновенныя золотыя медали—отдѣльнымъ экемпларамъ герцога Лейтхенбергскаго, великаго князя Дмитрія Константиновича, Муравлева, Морозовыхъ, Молодцова, Соловьева, Стубеуса и Орлова. 26-го въ Нижнемъ открывается сѣзда членовъ Соединеннаго Россійскаго пожарнаго общества.

— 15-го іюня происходило въ квартирѣ с.-петербургскаго градоначальника первое общее собраніе членовъ вновь организованнаго столичнаго попечительнаго общества о Домахъ трудолюбія. Ген.-майоръ Н. В. Клейгельсъ открылъ собраніе рѣчью, въ которой сообщилъ, что общество въ настоящее время уже располагаетъ для постройки Дома трудолюбія капиталомъ въ 40.000 руб., назначеннымъ въ распоряженіе общества по волѣ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, и что имѣется также участокъ земли, отвѣденный подъ постройку Дома городского думою. Домъ, какъ можно надѣяться, къ осени текущаго года уже откроетъ свои гостеприимныя двери желающимъ трудиться бѣднякамъ. Затѣмъ общее собраніе выбрало въ предсѣдатели правленія—ген.-м. Клейгельса, въ товарищи предсѣдателя—В. А. Ратькова-Рожнова и Рапполи, въ казначей—г. Галле и секретаремъ—бар. Эльснера. По окончаніи выборовъ правленіе постановило: приступить къ постройкѣ Дома трудолюбія по проекту и планамъ, составленнымъ гражданскимъ инженеромъ А. А. Смирновымъ.

— На мѣсто покойнаго А. Н. Труворова, совѣтъ археологическаго института избралъ директоромъ института заслуженнаго ординарнаго профессора с.-петербургскаго университета по кафедрѣ исторіи русскаго права В. И. Сергѣевича.

— Недавно скончался въ Бронницкомъ уѣздѣ предсѣдательница московскаго Общества поощренія трудолюбія, вдова генерала-отъ-инфантеріи Пелагея Павловна Ахлестышева.

Смѣсь.

Дѣло Жеденова. Въ № 14-мъ *Новы* (см. „Смѣсь“) мы сообщили подробности печальнаго происшествія въ редакціи журнала *Неделя*. 13-го іюня петербургскій окружный судъ разсматривалъ дѣло бывшаго земскаго начальника Н. Н. Жеденова, обвинявшагося въ покушеніи на убійство временно заступающаго мѣсто редактора *Недели* М. О. Меньшикова.

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей было поставлено два вопроса: о покушеніи на убійство въ запальчивости и раздраженіи и о нанесеніи, тоже въ запальчивости и раздраженіи, тяжкой раны Меньшикову. На первый вопросъ данъ отрицательный отвѣтъ, а на второй — утвердительный въ такой формѣ: „да, виновенъ, желалъ причинить поврежденіе, но не тяжкое“, и, кромѣ того, дано Жеденову снисхожденіе.

Судъ приговорилъ Жеденова съ примѣненіемъ Высочайшаго Манифеста къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Архангельскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для жительства, въ теченіе 1 года и 3 мѣсяцевъ, съ предоставленіемъ ему, по окончаніи сего срока, права свободнаго

избранія мѣстожительства въ Европейской Россіи, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній. Въмѣстѣ съ симъ, судъ постановилъ ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ назначеннаго Жеденову наказанія—заключеніемъ его въ тюрьму на одинъ годъ, безъ лишенія правъ.

Не имѣя возможности привести къякомъ рѣчи защитника и прокурора, мы ограничимся только приведеніемъ нѣсколькихъ прекрасныхъ словъ о значеніи печати изъ рѣчи прокурора: „Въ серьезной защитѣ отъ преступныхъ посягательствъ нуждаются также съ точки зрѣнія государственнаго и общественнаго интереса представители общественныхъ силъ, работающихъ на общую пользу. Такихъ представителей не мало въ разныхъ областяхъ нашей государственной жизни, въ ихъ числѣ печать занимаетъ весьма видное мѣсто. Полезное значеніе печати давно уже признано всѣми, и взглядъ этотъ нашелъ себѣ авторитетную санкцію въ цѣломъ рядѣ распоряженій нашего правительства. Къ числу важнѣйшихъ и плодотворнѣйшихъ сторонъ дѣятельности печати я отношу именно ту, благодаря которой нерѣдко открывается истина тамъ, гдѣ иначе она оставалась бы подъ снудомъ, если не всегда, то на долгое время“.

СОДЕРЖАНИЕ: Вѣтеръ. Стихотворение Д. Л. Михаловскаго. — Кольцо Императрицы. Историческій романъ ин. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе.) — Гдѣ теперь можетъ быть Нансенъ? — Къ рисунамъ: Послѣ дождя (съ рис.) — Коронаціонныя торжества въ Мюнхенѣ (съ 16 рис.). — М. И. Нази (съ портр.). — О. О. Мочутновскій (съ портр.). — Сооруженіе церквей въ районѣ Сибирской жел. д. (съ рис.). — Въѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ С.-Петербургъ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — Объявленія.

При этомъ № прилагаются: 1) СОЧИНЕНІЯ Д. В. ГРИГОРОВИЧА, т. VII (Сборникъ „Нивы“ за Іюль); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Іюль съ 24 рис. и отд. листъ съ 32 черт. выкр. въ натур. вел. и 36 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марисъ. Редакторъ А. А. Тихонозъ (А. Луговой).

Съ 1-го іюля сего года складъ бумаги и канцелярскихъ принадлежностей
Н. К. Кудрявцева
переведенъ съ Банковской лѣвн, № 20
НА ПРОТИВЪ
въ Малый Гостиный, Думская ул., № 8 и 9. Ц. № 9351

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Графа Е. А. Саліаса.

Историческій романъ времени восшествія на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч. СПб. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнкор. перепл. 2 руб. 75 коп., съ пересыл. 3 руб. 25 коп.

Ев. Убѣжище Губернаторскъ

принимаетъ губернаторскъ и рекомендуетъ оныхъ ежедневно, кромѣ вторниковъ, воскресныхъ и таб. дней, отъ 2 до 5 час. С.-Петербурга, Конно-Гвардейскій пер., 4, кв. 1.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро пишу изучаю въ 6 уроковъ заочн. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условия и пробное писмо. Одесса, Дерибасовская, д. № 17. Проф. кал. Э. Кошдаризъ. № 9065 10 9

Вниманію ѣдущихъ на Нижегородскую выставку!

Всюду продаются новыя справочники-путеводители

- Н. И. Игнатова:**
- I. Новый путеводитель** по ж. д. и парох. пут. 280 стр. Карта. Ц. 30 к.
 - II. Москва Бѣлокаменная** 208 стр. Планъ. Ц. 35 к.
 - III. Въ пижнѣ, на выставку!** 288 стр. Планъ. Ц. 60 к.
- Выписывающіе отъ издателя (Петербургъ, Фонтанка, 117) за пересылку не платятъ.

ИЗВѢСТНЫЙ ЧАЙ

Царская Роза (Любительскій; ароматный съ цвѣточкомъ). Цѣна чаю два рубля за фунтъ. Относивъ партіонную цѣну этого чаю 1 р. 60 к. фун. Желая дать возможность какъ торговцамъ, такъ и потребителямъ выписывать чай на пробу безъ всякаго риска, мы будемъ высылать этотъ сортъ чаю по оптовой цѣнѣ всѣмъ, кто вышлетъ его не меньше трехъ фунтовъ. Пересылка на счетъ покупателя. Магазины и складъ чаевъ московск. купца **И. Е. ДУБИННА.** Москва, Покровка, д. Тяжелова. Подробный прейсъ-курантъ чаемъ высылаются желающимъ бесплатно.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Э. БУРХАРДЪ С ПБ. Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
Часы никель. отъ 6 р. 80 до 15 р.
„ стальной черн. отъ 11 до 25 р.
„ серебряные отъ 12 до 50 р.
„ золотые отъ 25 до 500 р.
„ регуляторы двухмѣсячнаго завода отъ 17 до 55 р.
Высылаю наложен. платжемъ Иллюстр. прейсъ-куранты бесплатно.

ПАМЯТЬ лицъ всякаго возраста заочно (путемъ переписки) укрѣпляется по новѣйшей методѣ **мнемонистъ С. Берковичъ.** Условія (общедоступныя) высылаются за одну 7 к. марку. **Успѣхъ гарантируется.** Адресъ: С. Берковичу, Почтовая ул., д. Кеслера, кв. 5, въ Одессѣ.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ всякаго рода и лучшаго качества рекомендованы въ громадномъ выборѣ **И. Ф. МЮЛЛЕРЪ** МОСКВА, Петровка, домъ Волкова. НИЖЕГ. ЯРМ Главн. домъ № 6. ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ.

ВЫИГРЫШ-НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ **БАНКІРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,** 59, Невскій, С ПБ. 4-4

ДѢЛО И КАПИТАЛЪ „Дѣловой Посредникъ“ указываетъ вамъ безъ разницы пола и религіи **ДѢЛО И ИСТОЧНИКИ КАКЪ СОСТАВИТЬ КАПИТАЛЪ.** Инколуэ. „Дѣл. Посред.“. Ред. изд. Василію Федор. Авербуху. 1 р. 55 к. съ пер.

100 Стилизованныхъ рисунковъ для выпилыванія, рельефной и углубленной рѣзьбы и для выжиганія по дереву, на бумагѣ и на деревѣ. Прейсъ-куранты съ 1200 рисунками, описаніемъ инструментовъ и матеріаловъ высылаются за 30 коп. почтовыми марками. **Mey & Widmayer, München.**

Требуйте во всѣхъ писчебумажныхъ магазинахъ **ВЛАНЗИ ПУРЪ** и Ко. **осерегайтесь поддѣлокъ!** Главн. предств. в. асскі Россіи Г. и К. Экштэймъ. Москва. Черкасска пер. дождь князя Голицына.

Людв. Федоровъ Шлинэйзъ, Москва, Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ, рекомендуютъ: кирпичедѣлательныя и торфяныя машины, прессы для выдѣлки грубъ съ раструбами, черпачки съ фальцами, брикетовыя; далѣе: патентов. Шаровыя мельницы для измельченія и размола и одновременнаго просѣиванія матеріаловъ любой крѣпости, какъ-то: шпота, цемента, шлаковъ, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. п. (28)

Золотыя медали 1894 г. и 1896 г. **ПРОВИЗОРЪ А. М. ОСТРОУМОВЪ.** МОСКВА. Мыло отъ головной перхоти кусокъ 30 к. и 50 к. **МЫЛО ДѢТСКОЕ ИЗЪ ТРАВЫ ЧЕРЕДЫ** кусокъ 35 к. и 25 к. **О-Д-Е-О-ВЭРЪ** вода отъ перхоти флаконъ 2 руб. и 1 р. 25 к. и **ВСѢ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА.** Продаются вездѣ. СКЛАДЪ: Москва, Ладинъ пер., соб. № 9245 домъ. 20-8

ФАБРИКА И СКЛАДЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ТОКАРНЫХЪ СТАНКОВЪ СКАВРОНСКАГО С-ПЕТЕРБУРГЪ Литойный просп., № 43. Фабрика существуетъ съ 1867 г. Станки дешело заграничныхъ на 50%. Прейсъ-куранты высылаются за 7 коп. марку.

№ 4711. Кто любитъ запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“** (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіи нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся. **№ 4711 du rhin, violette** **№ 4711 Sachets violette du rhin.** **Всѣ одинаковаго качества.** **Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.**

ЮВЕЛИРЪ К. И. БОКЪ, бывшій БЮЛЕРЪ. Громадный выборъ брилліантовыхъ и золотыхъ вещей. Всѣ работы исполняются въ собственной мастерской. **С.-Петербургъ.** 9. Большая Морская. **Нижній-Новгородъ.** Всероссийская художественная и промышленная выставка. X отдѣлъ.

Американскіе. ФОНОГРАФЫ ЭДИССОНА. Настоящіе. ГРАФОФОНЫ, ТЕАТРОСКОПЫ, СИНЕТОМАТОГРАФЫ. Депо всѣхъ изобрѣтеній ЭДИССОНА, получаемыхъ непосредственно изъ фабрики въ New Jersey. Всегда большой выборъ машинъ, фонограммъ пѣнія, музыки и запасн. частей. **Остерегайтесь поддѣльныхъ нѣмецкихъ и английск. машинъ.** **ДЕПО: МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, ДОМЪ ТОЛМАЧЕВА.**

ЛУЧШІЯ КОМНАТНАЯ РАСТЕПІЯ пальмы, лиственныя и квітущія въ небольшихъ отборныхъ экземплярахъ. Коллекція 25 сортовъ — 6 руб.; коллекція 5 сортовъ пальмъ — 2 руб. въ садоводствѣ **Н. П. БОРБУТОВСКАГО** Г. Саратовъ, соб. д. удостоенъ золотой медали 5000000 областной выставки 83 г. Приготовлено въ осени саженцевъ разн. сортовъ. Огромные запасы лѣсныхъ, изгородевыхъ и декоративныхъ отъ 40 к. за тысячу, плодовыхъ, ягодныхъ и многолѣтнихъ отъ 1 коп. штука. Каталогъ высылается безплатно — новый въ августѣ. № 9363 2-1

МЫЛО „ПАЛЬМИРА“ фабрикъ Густавъ Штырмеръ въ Варшавѣ. — Замѣняетъ своимъ качествомъ самую дорогія мыла. Ц. 1 кусокъ 20 коп. № 9227 3 куса 50 коп. 10-10 **Продается вездѣ.**

НОВѢЙШІЯ принадлежности для всякаго рода спорта какъ-то: костюмы, фуфайки, рубашки, брюки, пояса чулки, подтяжки, подвязки, гамашы и перчатки **ВЪ МАГАЗИНѢ Ю. ГОТЛИБЪ.** Владимірска д. 2/49 угл. Невскаго просп. Иллюстрирован. прейсъ-курантъ выснл. бесплатно.

попробуйте мыться мыломъ **ЮМЪ - ЮМЪ** парфюмера ПЕЕРЪ и вы увидите мыломъ мыться не будетъ! Цѣна 20 к. за кусокъ; получить можно во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерн. магаз. Складъ въ Харьковѣ. Пассажъ, у П. УШАНОВА.

МОСКВА „ГОСТИНИЦА МЕТРОПОЛЬ“ Театральная площадь. Центръ столицы. 200 МѢ отъ 1 р. Ц. № 8706 и дороже. 26-15

Только что вышелъ изъ печати БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬБОМЪ „ДНИ СВЯЩЕННАГО КРОНОВАНІЯ“

въ 268 страницъ большого формата, съ 118 портретами, рисунками и иллюстраціями,
изданный Поставщикомъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Высочайше утв. Т-вомъ Скоропечатни А. А. Левенсонъ
(Москва, Петровка, д. № 22).

Къ альбому приложены большіе портреты ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ Коронаціонныхъ одѣяніяхъ,
рисованные художникомъ К. А. Савицинымъ и рѣзанные на деревѣ академикомъ В. В. Матѣ.

Въ альбомѣ подробно описаны Вѣнчанія на Царство и Коронаванія всѣхъ Великихъ Князей, Царей и Императоровъ Русскихъ
и особенно подробно, день за день, Св. Коронаваніе Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ
ФЕОДОРОВНЫ. Такимъ образомъ, альбомъ этотъ служить самымъ полнымъ памятникомъ знаменательныхъ
для каждаго русскаго событій.

Цѣна альбома 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 50 коп.

При выпискѣ не менѣе 20 экземпляровъ—пересылка за счетъ издателей, при выпискѣ 100 экземпляровъ—къ томъ того 25% скидки.

Васильевскій островъ 12 д., д. 35.
Женская Профессіональная школа Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.
Пріемъ дѣвицъ отъ 12 до 15 лѣтъ. Пріемныя испытанія 27 и 28 августа; начало занятій 1 сентября. Программы и условія пріема узнать у Начальницы школы.

ПУДРА ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
АНТИСЕПТИКЪ МОСКВА АПТЕКА Ю. М. ЛЕМБЕРТА
ДЕМЕДИЦИНЫ ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
А. ТУГЕНГОЛЬДА. Цѣна 30 коп.
ПРОТИВЪ ПРѢВН. НЕПРІЯТНАГО
ЗАПАХА НОЖНЫХЪ ПАЛЬЦЕВЪ.

ВЪ ПАМЯТЬ
СВЯЩЕННАГО КРОНОВАНІЯ.
Серебряные 84-ой пр. брелокъ съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ. Красивая отдѣлка съ разноцвѣтной эмалью и позолоченной короною. Очень красивый № 9318 рисунокъ. 5—2
Шт. 2 р. 75 к.; 2 за 5 р. 25 к.;
3 за 7 р. 75 к.; 6 за 14 р. 95 к.;
12 за 27 р. 50 к.
Пересылка наложеннымъ платежемъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ. С.-Петебургъ, Невскій, № 20-31.

ТРЕБУЙТЕ для смягченія
КОЖИ ЛИЦА И РУКЪ
и ОТЪ ЗАГАРА
КРЕМЪ ОРИЗА
Пр. В. ШМОЛЬ
Цѣна 20 коп. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.

РЕМЕСЛЕННАЯ
ГАЗЕТА
еженедѣльное изданіе.
Москва, Долгоруковская, в. № 71.
♦ Совѣты, рецепты и указанія, полныя описанія новостей по всемъ ремесламъ и крупнымъ техническимъ производствамъ со множествомъ рисунковъ и рабочихъ чертежей (въ текстѣ и на 100 особомъ листѣ) разныхъ новыхъ машинъ, инструментовъ, станковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастеровъ и хозяйства. Необходимое изданіе для техника, ремесленника, кузнеца, сельского хозяина, любителя ремесла и для школы. — 50 № въ годъ.
♦ Новости Всероссийской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. № 9356 2-1
6 руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой.
„Рем. Газ.“ рекомендована Мин. Нар. Просвѣщенія.
Год.-Изд. Инженеръ Н. А. Назначевъ.

ЖИДКАЯ УГЛЕКИСЛОТА
химически чистая въ стальныхъ бутылкахъ въ 8, 10 и 20 К°.
РЕГУЛЯТОРЫ для розлива пива и для заведеній минеральныхъ водъ
предлагаетъ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ съ доставкой на станціи жел. дор.
ЗАВОДЪ ЖИДКОЙ УГЛЕКИСЛОТЫ
ОСТЕРЪ и К° въ Кенигсбергѣ, въ Пруссіи.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.
№ 8885 **ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.** 26—14
КУРГАУЗЪ НАССАУ (Ланъ) БЛИЗЪ ЭМСА.
Водолѣчебное заведеніе. Массажъ. Электрическое лѣченіе.
В. № 9243 10—9 Завѣдывающій врачъ Д-ръ Э. Пѣнсенъ.

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К. И. ФРЕЛАНДТЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. НЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№ 27—18 УЛИЦА УЛИЦА

ФЛАГМАНСКИЙ
СКЛАДЪ ЧАСОВЪ
„ЖЕНЕВА“
въ Варшавѣ, Бѣльскага, 20
высылаютъ иллюстрир.
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ
БЕЗЪ ПЛАТНО.

ГОСТЕТАТЬСЯ ПОДЪ ДЪЛЮКЪ!
ПРОВИЗОРЪ
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОПРО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ и
ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
1/2 к. 50 1/2 к. 30

Главный складъ для Россіи: Г. Ф. Юргенсъ, Москва. Золотая медаль 1893 г. 6—4

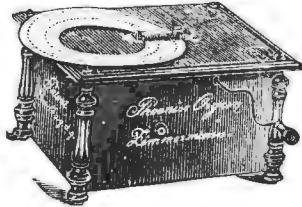
НОВОСТЬ.

Въ 1 минуту 10 штукъ крученыхъ папирозъ дѣлаетъ автоматическая машина для навки папирозъ „ВОЛГА“.
Цѣна 7 руб. за штуку.
Съ машинкой и нагаются 2 металлическихъ гильзы № 10 и 11.
Гг. торговцамъ скидка.
Можно получать въ слѣдующ. магазинахъ: Лиманъ и Гиксъ, Б Морская 28, и Горюховъ 16. К. Чернохостовъ, Гост. дворъ Зеркальная ул. 35, и проч. № 9350
Гл. представитель: Конст. Родѣ, С.-Петербургъ, Б. Подъячская, 23.

ВЕЛОСИПЕДЪ
„ТРИУМФЪ“.
Единств. представит. для всей Россіи
Иосифъ Эйхенвальдъ.
Москва, Столешниковъ пер., д. № 5.
Представителъ для С.-Петербурга и его окрестностей состоитъ Ф. И. Андреевскій въ С.П., 19, Екатерининскій кан.

КАЖДЫЙ МОЖЕТЪ ИГРАТЬ
 посредством веревки ручкой
 на патентованных:
ОРГАНЪ-ИНТОНА
 (МАЛЫЙ ФЕНИКСЪ)

очень приятнаго тона, прочной конструк-
 ции, 16 тоновый, со стальными голосами.
 Играетъ посредствомъ металлическихъ
 нотъ вьсвозможнаго пьеса. Цена безъ
 ногъ 10 р. Ноты по 35 к.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ

такой же конструкція, 24-тоновый, со сталь-
 ными голосами, болѣе звуочнаго тона
 Цена безъ нотъ 25 руб. Ноты по 61 к.
 Катоги пьесъ бесплатно.

УДОВНЫ ДЛЯТАНЦЕВЪ.

По получени задатка приблизительно 1/3
 стоимости заказа требуемое высылается
 съ наложенными платежемъ на остальную
 сумму. № 9354

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

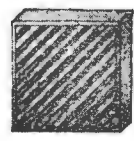
Главное депо и фабрика
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
 С.-Петербургъ, Бол. Морская, № 34 и 40.
 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

На Нижегородской Выставкѣ!
признано отъ 3-го до 5-го классовъ
Автоматическимъ
аппаратамъ
раздаются
Зуки А. Галле и К^о
 въ ТХ мѣ
 дополнительномъ
 отделе
 Москва
 Кузнецкій мостъ
 Прочарка: въ Главномъ
 домѣ № 81
 и на Выставкѣ

№ 9362 6-1

**ОГНЕУПОРНЫЙ КИРПИЧЪ,
 ТРОТУАРНЫЯ ПЛИТКИ,
 КАМЕНЬ ДЛЯ МОСТОВЫХЪ, КЛИНКЕРЪ**

**ТОВАРИЩЕСТВА
 ПРОИЗВОДСТВА ГЛИНЯНЫХЪ И ГОНЧАРНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
 въ гор. Боровичахъ.**

№ 9235

Съ заказами просятъ обращаться:

20-11

Въ Правленіе Т-ва: С.-Петербургъ, Бол. Подъяческая, д. № 2.
 Въ Контору завода: г. Боровичи, Новгородской губ.
 Въ Технич. Контору В. И. Щербакова: Москва, Ильинка, Шуйское подворье.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВО

БРОКАРЪ и К^о.

**„ЦВѢТЧНЫЙ
 О-ДЕ-КОЛОПЪ“**

замыкаетъ духи, туа-
 летную воду, куренія
 и обыкновенный оде-
 колонъ.

**ДУХИ
 „ПЕРСИДСКАЯ
 СИРЕНЬ“**

изъ настоящихъ цвѣ-
 товъ персидской
 сирени.

**„Глицериновая
 пудра“**

освѣжаетъ и
 смягчаетъ кожу.

**УСОВЕРШЕНСТВОВАННОЕ
 „ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО“.**

№ 9218 8-3

СПЕЦІАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО
 электрич. звонковъ, номерныхъ
 лицевыхъ, телефонныхъ и принад-
 лежностей къ нимъ. Цѣны вѣдъ
 конкуренціи. Фабрика электрич.
 аппаратовъ 4-4

В. М. Штейерманъ

въ Москвѣ, В. Полянка, № 7.

Apotheker Weiss & Cie
 GIESSEN.
 WIEN.
 I. KÄRNTNER RING 6.

**КРЕМЪ
 МЫЛО
 ПУДРА**

**Crème
 de
 Toilette**

**КРИСЪ
 ДЛЯ КРАСОТЫ И СМЯГЧЕНІЯ
 КОЖИ**

**ВСЕРОССИЙСКАЯ
 ПРОМЫШЛЕННАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
 ВЫСТАВКА** Ц. № 9345 4-2
 въ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.
 Удешевленный проѣздъ. 3000 номеровъ отъ 2 рублей въ сутки. Рестораны. Театр.
ВЫСТАВКА СОВЕРШЕННО ЗАКОНЧЕНА.

СПРАВКИ по телеграфу и почтой: нижній-Новгородъ. выставка, слывочное бюро.

СКЛАДЫ 24-12
 фотографическихъ принадлежностей
Ө. ЮХИМЪ и К^о.
 С.-Петербургъ. Сушеств. Москва.
 Невскій пр., № 3. съ 1860 г. Театральн. проѣздъ.
 Громадный выборъ всевозможныхъ аппаратовъ для фотографіи,
 спеціальностей и любителей, и также для научныхъ цѣлей.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
 Лѣлая и розовая вода для блѣокурыхъ, желтая вода для брюнетонъ.
 Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Еерлинъ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
 дрогистовъ Россіи. № 5121 (83)

Займаніе
 рационально излѣчивается письменно.
 Условія высылаются бесплатно. Москва,
 Земляной валъ, Яковлевскій пер., д. Духа-
 нинной. Гимнастеръ. 2-1

50% ЭКОНОМІИ 50%
 Горная ирѣ-мѣдника самород. зелено-изумруд.
 цвѣта голов. 12 руб. п., готовая съ бѣлками и
 олифою 9 руб. Гарантия на 8 лѣтъ. Ишется
 вездѣ во всѣхъ москатель. и красильн. завкахъ
 по фабрич. цѣвѣ. Образ. безплатн. Г. Ө. Гердъ-
 Ц. № 9233 евъ въ Алатырѣ. 16-8

НА ВОСПИТАНІЕ И УХОДЪ ЗА ДѢТЯМИ ВЪ
САДОВАЯ
 60. ТЕЛЕФОНЪ 1360
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО
 ОБЩЕСТВА
ПРОСИТЪ
 АМЕРИКА ЛЮДИ
 жертвовать
 ему

НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ
 ПРОЦЕННИКЪ
 ВЪ 12 ЛѢТЪ
 № 35
 СОСОБИТІЕ
 500 руб.
 ВОКРЕСНЫЯ ШКОЛЫ
 ЗАГОТОВИТЬ
 № 13

**ОБШИРНѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ
 СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ**
 ■ до 1000 шт. въ наличности. ■
 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
М. Блок
 МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
 Екатеринбургъ, Копенгагъ, Ростовъ н/д.
 КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 28

Выходитъ ежедневно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выроекъ.

1896

Выданъ 13 іюля 1896 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1896 г.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу	10 р.
На ¼ года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на ½ года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.									

Языкъ цвѣтовъ. Съ карт. К. Цели грав. Берике.

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Часть первая.

III.

Такимъ образомъ князь Иванъ, въ этотъ памятный ему потомъ и имѣвшій вполнѣдствіи на его судьбу вліяніе день, очутился среди компаніи знакомой Торусскому молодежи, въ бильярдномъ домѣ на адмиралтейской площади.

Обрадованный его появленіемъ, Ленушка, захвативъ его у стойки, повелъ къ бильярду и сталъ знакомить съ компаніей.

Тутъ былъ молодой Творозниковъ, Сысоевъ, двоюродный братъ Рябичицъ, тоже очень молодой и потому старавшійся держаться солиднѣе своихъ лѣтъ, человекъ съ угрюмо молчаливымъ достоинствомъ и въ лицѣ, и въ движеніяхъ... Было еще нѣсколько человекъ, и всѣхъ ихъ Торусскій назвалъ по именамъ и фамиліямъ и представилъ имъ князя Ивана.

Они оказались пріятливыми и милыми людьми, радушно принявшими въ свой кружокъ Косого, налили ему стаканъ вина и, чокнувшись съ нимъ, занялись, какъ ни въ чемъ не бывало, своимъ дѣломъ—игрою на бильярдѣ, какъ бы воочію желая доказать, что ихъ веселое настроеніе нисколько не испорчено появленіемъ новаго человека, на котораго они уже смотрятъ, какъ на своего.

Князю Ивану ничего не оставалось дѣлать, какъ усѣсться съ своимъ стаканомъ на диванъ и стараться не быть

имъ помѣхой, а, напротивъ, по возможности пристать къ ихъ компаніи.

Рядомъ съ нимъ опустился угрюмый двоюродный братъ Рябичъ, который вдругъ, нахмуривъ брови, произнесъ:

— А вы занимаетесь игрою на бильярдѣ?

Князь Иванъ отвѣтилъ, что совсѣмъ не знаетъ этой игры.

— А-а!—произнесъ, поднявъ теперь брови, молодой человѣкъ и замолчалъ, но съ такимъ видомъ, точно, если бы Косой отвѣтилъ ему, что умѣетъ играть—онъ бы ему тогда сказалъ очень много интереснаго и глубокомысленнаго...

Очутившись среди веселой компаніи, князь Иванъ какъ-то почти сейчасъ же успѣлъ забыть показавшійся ему какъ бы таинственнымъ случай съ приведшимъ его сюда старикомъ-нищимъ.

Куда и какъ пропала этотъ старикъ, Косой не додумывался теперь, развлеченный болтовней, окружавшей его. Болтовни была безъ претензій, и всѣ смѣялись и веселились каждому пустяку, который говорилъ кто-нибудь...

— Шаръ шаромъ дуплетомъ,—слышался выкрикъ, и вдругъ ко всеобщему удовольствію добавлялось:—въ дуло!..

И всѣ были рады и смѣялись...

Левушка особенно заливался громко...

Только что прерванная было приходомъ Косого игра на бильярдъ возобновилась, какъ въ комнатѣ появился новый человѣкъ, и въ немъ князь Иванъ сейчасъ же узналъ, несмотря на военный мундиръ, бывший на немъ теперь, того господина, котораго ему пришлось остановить на мосткахъ герберга Дмитрича и съ которыми они чуть было не подрались серьезно на шпагахъ.

— Ополчининъ, Ополчининъ! раздались голоса навстрѣчу пришедшему.—Ты откуда?

Видно было, что Ополчининъ держалъ себя здѣсь независимо и до нѣкоторой степени импонировалъ.

— Постойте, погодите...—заговорили опять кругомъ,—нужно же налить ему вина... эй, хозяинъ, вина сюда...

Нѣмецъ хозяинъ появился въ дверяхъ и, какъ будто не совсѣмъ обрадованъ новому требованію, остановился и медлилъ.

— Ну же скорѣй еще бутылку!—крикнулъ ему Левушка.

— Рейнскаго, шипучаго!—приказалъ Ополчининъ.

Нѣмецъ поднялъ брови и прищурилъ одинъ глазъ, взглянувъ на Ополчинина, какъ бы спрашивая, шутить тотъ или нѣтъ.

Рейнское шипучее было самое дорогое вино.

Но Ополчининъ засунувъ преспокойно руку въ карманъ, вытащилъ оттуда горсть золотыхъ и, звякнувъ ими въ горсти, повторилъ болѣе уже требовательнымъ голосомъ:

— Я сказалъ рейнскаго шипучаго!..

Хозяинъ, застрявшій было въ дверяхъ, словно его въ одну минуту масломъ смазали, исчезъ съ поспѣшностью, а Ополчининъ выложилъ кучку свою золотыхъ на бильярдъ и, разсыпавъ ихъ рукою, снова проговорилъ:

— Ну, господа, угадывайте, откуда у меня это золото?

— Золото—и правда золото—что-жъ, изъ дому при-
сласти?

— Выигралъ?

— Наслѣдство получилъ?

— Кладъ нашелъ!

— Ф-ю-ю,—свистнулъ Ополчининъ,—не угадайте вамъ, сколько голову ни ломайте—ни за что не угадаете... золото, какъ золото, а оно особенное...

— Ополчининъ философскій камень насолъ и золото дѣлаетъ—вотъ оно сто!..—сказалъ Левушка...

— Левушка, не мѣшай,—остановилъ его Ополчи-

нинъ,—деньги я получилъ не болѣе, не менѣе, какъ изъ дворца...

— Изъ дворца-а?—переспросили всѣ хоромъ.

— Да изъ дворца, отъ самого принца Антопа.

— Что онъ вретъ, господа!..

И всѣ, какъ были, кто съ кіемъ, кто со стаканомъ, столпились вокругъ Ополчинина.

Даже угрюмый двоюродный братъ Рябичъ, и тотъ, покинувъ князя Ивана на диванѣ, подошелъ къ бильярдъ и сталъ разсматривать золотые, точно это были не деньги, а достойный высшаго любопытства предметъ изъ кунсткамеры.

— Нѣтъ, я не вру...—сталъ увѣрять Ополчининъ,—это сущая дѣйствительность и истинное происшествіе... Я стою на часахъ, и, разумѣется, внутренно ругался—понимаете, мнѣ, преображенскому солдату, и вдругъ стоять на часахъ, гдѣ же?—охранять враговъ великой княжны Елисаветы Петровны!—Вкусно это, каково вамъ покажется, а?—мнѣ-то, солдату русской гвардіи...

По всему было видно, что Ополчининъ чванился своимъ мундиромъ и солдатствомъ и приверженностью великой княжнѣ.

— Ну хорошо, дальше-то что?—спросили его.

— Ну вотъ, я и стою. И такъ мнѣ гадко (Ополчининъ забылъ уже въ эту минуту, что вовсе ему не было гадко тогда), такъ гадко, что просто не знаю, что дѣлать и какъ быть мнѣ, просто хоть съ поста иди домой... Только вдругъ идетъ принцъ Антопъ, а съ нимъ генералъ Стрѣшневъ, шурия Остермана. Принцъ остановился передо мной...

И Ополчининъ очень смѣшно въ лицахъ представилъ, какъ передъ нимъ остановился принцъ Антопъ, заикался, и какъ изъ этого заиканья вышло то, что ему, Ополчинину, пожаловали сто червонцевъ...

— За сто-жъ это онъ ихъ далъ тебѣ?—спросилъ навивно Левушка. Онъ былъ съ Ополчининимъ „на ты“.

— „За сто-жъ!“—передразнилъ Ополчининъ,—а за то, что онъ вотъ хочетъ приобрести этимъ сторонниковъ себѣ въ полку, только мелко плаваешь—пятки видны; награду-то я взялъ, ну а тамъ насчетъ приверженности—это еще посмотримъ.

— Я бы не взялъ!—рѣшилъ Левушка.

— Ну, а я взялъ, вотъ и все—и выпью на эти деньги первымъ дѣломъ здоровье великой государыни, княжны Елисаветы Петровны... Вотъ и хозяинъ съ виномъ!..

Въ это время дѣйствительно появился хозяинъ, неся торжественно бутылку шипучаго рейнскаго. Вслѣдъ за нимъ, на большомъ подносѣ мальчикъ тащилъ высокіе стеклянные стаканы на ножкахъ...

Князь Косой, рѣшившій уже съ самаго прихода Ополчинина уйти незамѣтно, до сихъ поръ не могъ этого сдѣлать, потому что дорога отъ него къ двери была занята. Но теперь мѣсто освободилось, и онъ поспѣшилъ проскользнуть вонъ.

— Куда вы, куда, зачѣмъ? остановилъ его Левушка, хватая за руку,—ну вотъ, сто за вздоль—уходить... мы васъ не пустимъ... Ополчининъ въ сущности холо-
сій палень... Вы должны выпить за здолowie великой княжны; наконецъ, это неловко уходить отъ вивата!..

Косому, разъ его замѣтили, и вправду пеловко было уходить отъ тоста, точно онъ не раздѣлилъ его.

Ему пришлось взять изъ рукъ Левушки стаканъ съ ополчининскимъ виномъ, поднять его и выпить, когда Ополчининъ прокричалъ громкимъ голосомъ:

— Здоровье государыни великой княжны Елисаветы Петровны!..

— Вивать!—гаркнули всѣ и, поднявъ бокалы, заломъ выпили ихъ.

Князь Иванъ велѣлъ тутъ же принести другую бутылку шипучаго рейнскаго за свой счетъ, чтобы не оставаться въ долгу.

Расходившійся Левушка сталъ знакомить его съ

Ополчинимъ, и тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, протянулъ ему руку и поздоровался, глянувъ прямо въ глаза Косому.

Князь Иванъ видѣлъ по этому взгляду, что Ополчининъ отлично узналъ его, но какъ бы сказалъ при этомъ, что считаетъ все происходившее съ нимъ до военной службы, до того, какъ надѣлъ онъ мундиръ—давно уже прошедшимъ и забытымъ, потому что теперь онъ сталъ другимъ человѣкомъ.

„Какъ угодно—мнѣ все равно—не будемъ вспоминать“, тоже взглядомъ отвѣтилъ князь Иванъ.

Ополчининъ весело обернулся къ товарищамъ и выразилъ непремѣнное желаніе участвовать въ игрѣ.

— Ну-ка, солдатская косточка!—сказалъ онъ, съ трескомъ ударивъ перваго шара, и сдѣлалъ промахъ.

IV.

По чьему-то началу и, главное, по настояніямъ Левушки, сейчасъ же ухватившагося за эту мысль, рѣшили не расходиться сегодня, а обѣдать всѣмъ вмѣстѣ, если можно, то тутъ же, въ бильярдномъ домѣ.

Компанія такъ крѣпко заняла этотъ домъ, что двое изъ постороннихъ посѣтителей—сунулись-было съ улицы сюда, но, завидѣвъ ньющее общество, поспѣшили скрыться. Вообще, день былъ будничнѣй, и никакого наплыва публики не могло быть.

Молодой Творожниковъ отправился послѣмъ къ хозяину и, вернувшись оттуда, принесъ болѣе чѣмъ утѣшительныя извѣстія: хозяинъ не только соглашался накормить всѣхъ обѣдомъ, за приличное, разумѣется, вознагражденіе, но даже обѣщалъ, что обѣдъ будетъ очень вкусенъ, потому что будетъ состоять изъ габеръ-супа, шнельклопса, жареной рыбы и такихъ заздъ-кухеневъ, которыхъ „общество“ никогда не ѣдало, потому что ихъ умѣеть дѣлать во всемъ околоткѣ одна только Амалія, его, хозяина, жена.

Опять застучали шары на бильярдѣ, опять появилось вино, и прежнесъ веселье снова охватило всѣхъ.

Усѣвшись на свое прежнее мѣсто, на диванъ, съ новымъ стаканомъ въ рукахъ, князь Иванъ почувствовалъ такую лѣнь, что ему не хотѣлось не только двигаться, но даже думать.

Онъ сталъ слѣдить машинально за игрою, сознавая виолнѣ, что вино, котораго онъ давно не пилъ, дѣйствовало на него сегодня, но дѣйствовало вовсе не неприятно; напротивъ, охватившая его истома нѣжила его и грѣла.

Двоюродный братъ Рябичъ, почувствовавшій непреоборимую симпатію къ нему, усѣлся опять съ нимъ рядомъ и, сжимая губы, краснѣлъ и обливался потомъ, все что-то желая высказать Косому.

Онъ, впрочемъ, такъ и не высказалъ ничего вплоть до самаго обѣда.

Когда подали обѣдъ и какъ собственно появился круглый, накрытый бѣлою скатертью столъ съ тарелками, стаканами и дымящейся миской съ габеръ-супомъ—Косой не замѣтилъ хорошенько. Да ему и не нужно было этого. Подали—и хорошо! Онъ всталъ, улыбнулся подошедшему къ нему Левушкѣ, и пошелъ съ нимъ къ столу. Всѣ сѣли. Князь Иванъ помпиль, что габеръ-супъ ему совсѣмъ не понравился, и онъ ѣлъ его лишь изъ любезности.

Онъ попросилъ воды. Ему принесли ее со льдомъ, и это было очень вкусно.

Но зато, что ужъ было совсѣмъ вкусно—это шнельклопсъ, который кто-то называлъ „клопштосомъ“, и всѣ этому опять очень смѣялись.

— Такъ какъ же, онъ такъ и говорить, что вся Европа уважаетъ ихъ, потому-де, что иностранныхъ министровъ много?—услыхалъ князь Иванъ, прожевывая вкусный кусокъ говядины, хорошо приправленный лукомъ.

— Такъ и говорить,—отвѣтилъ голосъ Ополчинина.

— Кто это такъ говорить?—спросилъ князь Иванъ.

— А это Стрѣшневъ, отвѣтилъ вдругъ заговорившій двоюродный братъ Рябичъ, и пояснилъ, что Стрѣшневъ соблазнялъ подобными доводами Ополчинина, чтобы возбудить въ немъ ревность къ принцу и правительницѣ.

— Да ужъ иностранные-то министры—уважаютъ,—сказалъ князь Иванъ,—вотъ графъ Линаръ особенно, этотъ ужъ вѣдь совсѣмъ уважаетъ.

Левушка такъ и покатился отъ смѣху при этихъ словахъ Косого, а за нимъ и остальные. И этотъ общій смѣхъ, вызванный словами князя Ивана, какъ бы вдругъ окончательно сблизилъ его съ тѣснымъ кружкомъ, сидѣвшимъ за столомъ, такъ что, когда принесли знаменитыя заздъ-кухены, то говоръ стоялъ уже общій, и дѣятельное участіе принималъ въ немъ голосъ князя Косого.

Послѣ пирожного, нѣмецъ, по-заграничному, принесъ сыры и бутылку стараго сладкаго вина.

Сыры никто не сталъ ѣсть, но вино разлили по рюмкамъ.

Князь Иванъ удобно облокотился на спинку стула и вытянулъ ноги подъ столъ, чувствуя полное довольство послѣ сытнаго обѣда и, главное, вѣроятно, послѣ выпитаго въ достаточномъ количествѣ вина.

Все шло хорошо до сихъ поръ, и даже Ополчининъ, иногда прихвастывавшій, правда, въ разговорѣ, не дѣйствовалъ на князя Ивана раздражающе.

Онъ, какъ бы мысленно, примирился даже съ нимъ.

„Ну, что же“, думалъ Косой, „ну, онъ тогда сдѣлалъ глупость, даже гадость, но это оттого, что былъ не въ себѣ. Вѣдь они пили, всю ночь тогда пили, вотъ какъ мы теперь ѡемь...“

Разговоръ мало-по-малу наладился на тему о трусости, храбрости и страхѣ.

Кто-то спросилъ о томъ, что каждый изъ нихъ считаетъ самымъ страшнымъ?

Начались высказываться различныя комбинаціи:

Одигъ сказалъ, что ни за что бы не пошелъ на кладбище ночью.

Но это нашли вздоромъ и пустяками.

Ополчининъ рассказалъ даже, и совралъ, конечно, что ему приходилось назначать свиданія на кладбищахъ, и не только онъ приходилъ, но и та, которой онъ назначалъ свиданія, тоже приходила.

— А вотъ что, должно-быть, страшно,—сказалъ другой,—если вдругъ въ то время, какъ вы объясняетесь съ любимой женщиной, кожа бы ея стала прозрачною, какъ стекло, такъ что вы бы увидѣли красное мясо, мѣстами кости... Глазныя яблоки, должно-быть, страшны тутъ...

— А на васъ никогда потолокъ не валился?—спросилъ Творожниковъ.

— Какъ потолокъ валился?

— А такъ вотъ: вы лежите въ постели, положимъ, а онъ на васъ валится, ниже все, ниже опускается, вотъ-вотъ кажется задавить... Ужасное чувство!..

Левушка сказалъ, что онъ больше всего боится увидѣть своего двойника.

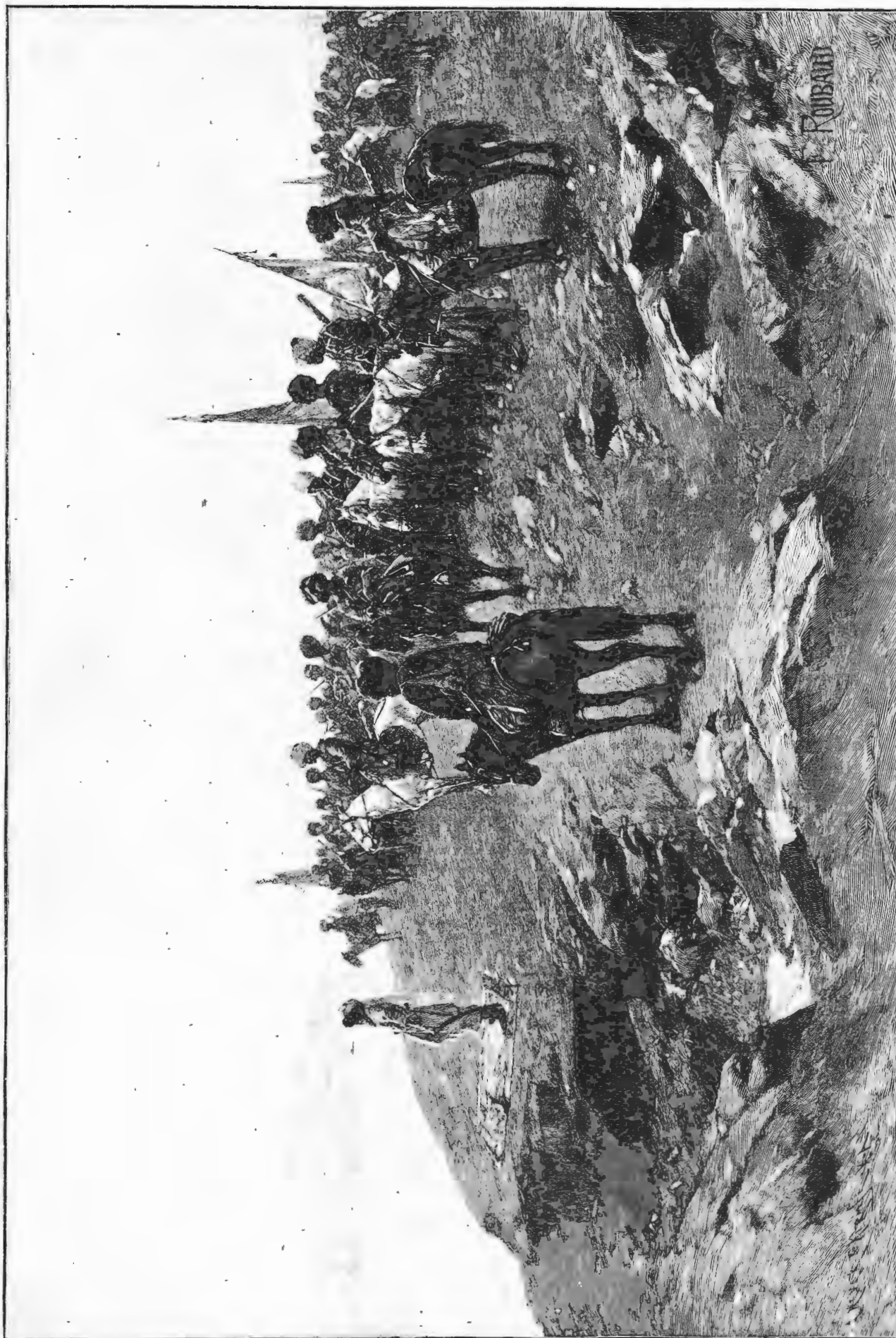
— Вдлугъ,—разсказывалъ онъ,—сидишь этакъ вѣломъ у себя за столомъ, поднимаешь голову, а наплотивъ тебя сидитъ твой двойникъ, токъ въ токъ такой вотъ, какъ ты, сидитъ и просто смоглится и не говорить ницего... Я не знаю, сто бы я сдѣлалъ...

— Ты бы въ „молду даль“ ему! усмѣхнулся Ополчининъ, остальные улыбнулись только.

Настроеніе смѣшливое уже прошло.

Дошла очередь до князя Ивана.

— По-моему,—сказалъ онъ, когда къ нему обратились съ вопросомъ,—самое страшное на лошади ѣхать верхомъ... Въ лунную ночь, на лунномъ свѣту и вдругъ

Молитва Шамиля передъ битвой съ русскими. Съ картинъ Ф. Рубо грав. Кирязе.

На берегу моря. По авторитетн рисунка Берга грав. Шюблерь.

лошадь обернетъ къ вамъ голову, оскалитъ зубы и за- смѣется, такъ вотъ, какъ человѣкъ засмѣется... и рядъ бѣлыхъ зубовъ покажетъ... И ничего нельзя сдѣлать съ ней!..

Этотъ образъ раньше никогда не приходилъ въ голову князю Ивану. Онъ ему почему-то представился только вотъ теперь, когда его спросили и ему нужно было отвѣтить, но представился съ поразительною ясностью во всѣхъ подробностяхъ.

„Ну, это отъ вина“, рѣшилъ онъ и спросилъ себѣ еще воды со льдомъ.

— Нѣтъ, это все пустяки,—заговорилъ вдругъ Ополчининъ, — это привидѣтся всякое можетъ, а я вотъ что вамъ разскажу: пусть попробуетъ кто-нибудь въ самую полночь выѣхать въ поле, въ открытое поле, но такъ, чтобы ему не было видно ни жилья, ни души человеческой, чтобы возлѣ него никого не было. И вотъ долженъ онъ, одинъ-одинѣшенекъ, выѣхать въ поле и три раза громко прокричать свое имя, отчество и фамилію...

— Ну, и что жъ тутъ страшнаго?—спросили его.

— Ничего особеннаго, а пусть кто-нибудь поѣдетъ и попробуетъ сдѣлать это.

И вдругъ князь Иванъ почувствовалъ, словно его толкнулъ кто, непреодолимое желаніе сдѣлать наперекоръ Ополчинину, на зло доказать ему, что ничего нѣтъ страшнаго въ томъ, что онъ говоритъ. Та антипатія, которая явилась у него при первой встрѣчѣ съ Ополчининымъ и которая какъ будто смокла теперь подъ влияніемъ вышитаго вмѣстѣ вина, снова проснулась въ немъ. Ему даже казалось, что Ополчининъ дѣлалъ именно ему вызовъ.

Онъ поднялъ голову и проговорилъ:

— Я готовъ хоть сейчасъ ѣхать!..

— Вивать, Косой!—подхватилъ молодой Творожниковъ.—Мы сейчасъ пошлемъ за лошадьми...

— Позвольте, нужно закладъ составить,—заговорили кругомъ.—Такъ нельзя. Ополчининъ, ты что держишь?

— Двадцать золотыхъ.

— Я отвѣчаю этими деньгами,—сказалъ Косой.

— Я держу за Косого,—послышались голоса, — что за вздоръ, конечно, онъ выиграетъ закладъ...

Нашлись, однако, и такіе, что стали держать противъ князя Ивана. Они говорили, что условіе, предложенное Ополчининымъ, не новость—это старинное повѣрье—и что до сихъ поръ никто не могъ выполнить этого условія.

Разговоры еще больше раззадорили Косого.

Для него начался сегодняшній день странностью появленія въ бильярдномъ домѣ, куда его привелъ необъясненный до сихъ поръ случай съ исчезнувшимъ пиццимъ, и онъ обрадовался даже, что могъ закончить этотъ день, оставшись побѣдителемъ суевѣрнаго страха, которымъ пугали его. У него какъ-то неразрывно уже связалось начало дня съ предполагаемымъ концомъ его. Ему главнымъ образомъ хотѣлось сдѣлать наперекоръ Ополчинину и доказать самому себѣ, что ничего сверхъестественнаго на свѣтѣ не бываетъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Шумъ лѣсной.

I.

Первый предвѣстникъ приближающейся осени, еще не холодный, не рѣзкій, еще какъ бы собирающій свои силы, но уже упорный, не сдающій вѣтеръ шумѣлъ вершинами темныхъ, шуршавшихъ отяжелѣвшими отъ сырости листьями деревь.

Онѣ качались гдѣ-то тамъ высоко наверху, точно въ нежданомъ переполохѣ испуга суетилась живая, трепещущая толпа, почувшавшая неминуемую гибель отъ надвигавшагося врага-опустошителя.

Вершины качались и листья шумѣли, какъ бы передавая въ шумѣ своемъ съ каждой минутой вѣсти все тревожаще и тревожаще... Иногда тревога смокла, и только издали доносился серебристый, грозящій упорной борьбою, шорохъ, но онъ росъ въ ту же минуту, набѣгалъ и бушевалъ съ новою силой...

Внизу, подъ деревьями, стояла ночная сырость и темъ, таинственно смыкавшая дѣйствительные абрисы въ прихотливыя очертанія черныхъ, непонятныхъ для глаза пятенъ. Эти пятна точно такъ же двигались и ходили, безпокойныя и испуганныя поднявшейся нечаянной суматохой наверху.

Камень, и стволъ, и кустъ оживали, точно высывались, простирали руки, искали и вновь цѣпенѣли, какъ только попадали на нихъ хотя бы слабый отблескъ свѣта.

Этотъ свѣтъ шелъ сверху изъ-за качавшихся, темныхъ макушекъ деревь, сквозь метавшіеся промежутки межъ нихъ, гдѣ далеко виднѣлось высокое, безстрашное, неподвижное, звѣздное небо съ серебристо-бѣлою полосой млечнаго пути...

На небѣ вызвѣдило такъ, что оно казалось какъ бы все сплошь покрыто блестящими по ровной, холодной синевѣ уколами, лившими такой же ровный и холодный безлучный свѣтъ.

Свѣтило небо и такъ ярко, что было ясно и безъ мѣсяца.

Князь Иванъ всегда любилъ осень и въ особенности хорошее, ясное время въ началѣ ея, когда она начинаетъ лишь мало-по-малу овладѣвать всей природой.

Говорятъ, природа умираетъ осенью, это ея смерть, но никогда, напротивъ, Косой не чувствовалъ себя такъ бодро, и ничто не дѣйствовало на него такъ живоительно, какъ осень. Осень не смерть природы, а вѣрное доказательство ея живучести и вѣчнаго обновленія. Страдный, лѣтній жаръ, измучившій тяжелой работою разогрѣтую имъ землю, становится невыносимъ въ концѣ лѣта. неподвижный воздухъ начинаетъ давить. Огрубѣвшая, темная, какъ кожа крѣпкая, зелень покрывается пылью. Ручьи и рѣчки текутъ медленнѣе, мелѣютъ; кажется, продолжись еще немного, и воздухъ потеряетъ способность двигаться, земля не вздохнетъ, деревья заглохнуть и рѣки высохнутъ,—да развѣ это не смерть? И вдругъ, откуда ни возмись, налетаетъ свѣжій, крѣпкій вѣтерокъ, отряхаетъ, будитъ все кругомъ. Начинаетъ лить холодный, но оживляющій, чистый дождь, чтобы омыть природу послѣ труда и работы передъ ея отдыхомъ, напитать рѣчки и ручьи, напоить жаждущую землю, омыть ярко уже позлащенный багровый нарядъ деревь, словно облаченныхъ въ парчевыя ризы послѣ будничной своей зеленой одежды, и все грязное, лишнее, дрянное и ненужное въ концѣ концовъ уничтожится осеннимъ ливнемъ и вѣтромъ, чтобы осталось одно только живое, сильное и крѣпкое, заслужившее свой зимній покой, когда оно заснетъ, нѣжно укутанное ярко бѣлой, пухлой постелью дарственной зимы.

Князь Иванъ съ особеннымъ наслажденіемъ дышалъ свѣжимъ, ночнымъ воздухомъ лѣса, казавшимся ему еще болѣе чистымъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль безъ звѣздной городской жизни и послѣ только что проведеннаго дня въ душной, прокопченной табачнымъ дымомъ комнатѣ бильярднаго дома.

Онъ ѣхалъ верхомъ, рядомъ съ Ополчининымъ, который долженъ былъ сопровождать его по поставленнымъ условіямъ заклада.

Условились такимъ образомъ, что Ополчининъ поѣдетъ съ нимъ за городъ, въ лѣсъ, начинавшійся почти вплоть за рѣкою Фонтанной; затѣмъ на опушкѣ, когда они дойдутъ до открытаго мѣста, Косой отправится одинъ и, выдержавъ условія заклада, вернется къ тому мѣсту, гдѣ его будетъ ждать Ополчининъ.

Лошади шли маленькой рысцой по боковой тропинкѣ, протоптанной напрямки въ сторону Смольнаго двора великой княжны Елисаветы. Ополчининъ говорилъ, что тропинка эта ему знакома, и что тутъ можно будетъ выѣхать на широкую поляну.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ они вѣхали въ лѣсъ, Ополчининъ говорилъ не переставая, и въ обуявшей его говорливости чувствовалась не то что робость, но князю Ивану все время хотѣлось спросить у него:— „Да неужели вы боитесь?“

Ополчининъ держалъ себя какъ человѣкъ, на котораго дѣйствуетъ возбуждающе новая, способная навести непріятный страхъ, обстановка. Онъ говорилъ безъ умолку и о томъ, что лѣсъ шумитъ, и шумитъ очень непріятно, и о томъ, что теперь выпастись бы гораздо было полезнѣе, и о томъ, что никогда въ жизни ничего не боится, и еще ребенкомъ никогда не боялся даже входить въ темную комнату. И вообще какъ-то онъ слишкомъ ужъ много говорилъ о томъ, что должно было доказать Косому его, Ополчинина, смѣлость.

Князь Иванъ почти не отвѣчалъ, дѣлая это развѣ, когда ужъ Ополчининъ прямо спрашивалъ что-нибудь, такъ что нельзя было не отвѣтить.

Косой далъ волю лошади и, вдыхая въ себя свѣжесть воздуха, прислушивался, какъ къ пѣснѣ, къ шуму лѣса, изрѣдка закидывая назадъ голову, чтобы взглянуть на ясныя, „стоячія“, какъ ему казалось, звѣзды.

Звѣзды точно разсыпались частымъ дождемъ, да такъ и остановились и замерли на небѣ.

— А вѣдь вы знаете,—говорилъ Ополчининъ,—вѣдь вотъ тутъ, въ лѣсахъ подъ Петербургомъ, пошаливаютъ, и очень сильно, ужъ сколько указовъ было, еще покойная императрица обращала на это сильное вниманіе, но ничего сдѣлать нельзя... а, что вы говорите?..

— Я ничего не говорю.

— Ну, вотъ здѣсь, впрочемъ, не опасно, но туда дальше, вверхъ по Фонтанной, тамъ въ этотъ часъ не многіе бы поѣхали такъ вотъ, какъ мы съ вами. Вамъ не холодно?

— Нѣтъ.

— Рѣдкій мѣсяцъ обходится безъ того, чтобы въ этихъ мѣстахъ не нашли кого-нибудь ограбленнаго, и, главное, они не стѣсняются ни положеніемъ, ни рангомъ проѣзжаго, а чуть что—сейчасъ и того... пришибуть... вы слышите?

— Да.

— Я говорю—сейчасъ пришибуть. А мы много пили сегодня. Славный малый этотъ Торусскій, правда, не то чтобы очень уменъ, но хорошій человѣкъ!.. А что бы вы сдѣлали, если бы вдругъ на насъ напали теперь.. пистолеты съ вами?

Князь Иванъ вспомнилъ, какъ, когда они уѣзжали, имъ кто-то шутя напомнилъ, что лучше взять съ собой оружіе на случай „лихихъ людей“, и какъ они, шутя же, согласились захватить съ собой пистолеты.

Нападенія на проѣзжихъ въ ночное время подъ Петербургомъ случались, дѣйствительно, часто. Косой при словахъ Ополчинина о пистолетахъ невольно попробовалъ рукой, за поясомъ ли они у него...

— Я спрашиваю,—повторилъ Ополчининъ,—пистолеты у васъ?

— Да.

— У меня тоже. А знаете, я люблю проѣхаться...

Теперь ужъ выходило, что Ополчининъ „любилъ проѣхаться“. Что касалось Косого, то онъ именно смотрѣлъ на ихъ поѣздку, какъ на прогулку и, пока, былъ весьма доволенъ ею.

— Мнѣ на-дняхъ рассказывали случай,—началъ было снова Ополчининъ, но въ это время гдѣ-то впереди раздавался рѣзкій, пронзительный свистъ. Такъ не могли свистнуть ни птица, ни вѣтеръ.

И Ополчининъ, и князь Иванъ вздрогнули и не-

волью натянули поводья. Лошади, обезпокоенныя тоже, остановились съ поднятыми ушами.

Свистъ повторился еще рѣзче и черезъ минуту оттуда же, спереди, послышались голоса.

Ополчининъ видѣлъ, какъ князь Иванъ вдругъ пригнулся къ сѣдлу и, ударивъ крѣпко лошадь, кинулся впередъ. А самъ онъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, повернулъ лошадь и, прижавъ къ ней ноги и скрючившись, понесся назадъ во весь духъ по тропинкѣ обратно въ городъ. Ему казалось, что онъ слышалъ сначала голоса, потомъ раскатившіеся по лѣсу удары выстрѣловъ, потомъ быстрый бѣгъ своей лошади и неровное, прерывающееся бѣненіе своего сердца.

II.

Для князя Ивана все, что случилось, произошло такъ быстро, что онъ потерялъ сознание послѣдовательности происшедшаго. Онъ думалъ, что сначала увидѣлъ, прежде чѣмъ подскочить къ нимъ, пѣсколькихъ человѣкъ, окружившихъ двухъ, отбивавшихся отъ нихъ верховыхъ, а потомъ поскакалъ, но на самомъ дѣлѣ, онъ кинулся безсознательно впередъ, ничего еще не вида, чувствуя только, что такъ слѣдовало сдѣлать, а потомъ уже наткнулся на этихъ людей.

Тропинка въ этомъ мѣстѣ немощно опускалась, проходя черезъ неглубокій, отлогій овражекъ, деревья здѣсь разступались шире, и свѣтъ неба свободнѣе проникалъ сюда. Въ той быстротѣ впечатлѣній, которую пришлось вдругъ испытать князю Ивану, онъ какъ бы ощутилъ чувство не дѣйствительности, а сновидѣнія, и сновидѣнія беспорядочнаго, ошеломляющаго, послѣ котораго очнешься и долго еще не знаешь, что это случилось съ тобой.

Онъ видѣлъ широкую спину въ армякѣ у морды топтавшей лошади и помнилъ отчетливо, какъ, подскочивъ, взмахнулъ плетью и ударилъ по этой спинѣ, и какъ по звуку щелкнувшаго ремня слышалъ, что ударилъ больно, пробравъ по кожѣ, несмотря на армякъ; на него въ ту же минуту обернулось испуганное его ударомъ лицо мужика съ бородой и сверкнули два глаза, затѣмъ рванулась морда шаркнувшей лошади и мужикъ въ армякѣ полетѣлъ навзничъ, поднявъ руки и крича что-то. Въ это время близко, у самаго уха князя Ивана, раздался свистъ разсѣкаемаго чѣмъ-то тяжелымъ воздуха и послышался ударъ по крупу его лошади, которая вмѣстѣ съ тѣмъ рванулась и поддала задними ногами. Онъ инстинктивно понялъ, что хотѣли ударить по немъ, но не попали и что опасность съ этой стороны. Онъ махнулъ въ эту сторону плетью и поналъ ею по лицу, глупому и бессмысленному, съ раскрытымъ широко ртомъ. Ударъ былъ противный, непріятный, плеть хлестнула по живому мѣсту, по глазамъ можетъ-быть. Потомъ уже князь Иванъ помнилъ, что у него вмѣсто плети очутился въ рукахъ его пистолетъ, и очутился въ-время, потому что какъ разъ въ эту минуту слѣва на него надвинулась поднятая рука съ длиннымъ ножомъ. Только и можно было выстрѣлить, и князь Иванъ выстрѣлилъ, но передъ выстрѣломъ услышалъ крикъ и сталъ работать разряженнымъ пистолетомъ, не заботясь, удаченъ былъ его выстрѣлъ или нѣтъ. Заряжать снова пистолетъ было некогда, и онъ, схвативъ его за дуло, работалъ имъ, какъ кистенемъ, работалъ до тѣхъ поръ, пока не покомъ уже было бить. Что происходило въ это время, какъ отбивались верховые, которыхъ онъ защищалъ, онъ не зналъ, хотя и видѣлъ, что они тоже отбивались и стрѣляли...

Пистолетные выстрѣлы и появленіе неожиданной помощи въ лицѣ князя Ивана рѣшили дѣло. Вой былъ не равный и не долгіи, и Косой очутился лицомъ къ лицу съ первымъ изъ верховыхъ, на видъ молодымъ, красивымъ и женственно-юнымъ.

Они глянули другъ на друга и улыбнулись, какъ бы

поздравивъ одинъ другого съ избавленіемъ отъ опасности.

Медлить было пельзя. Князь Иванъ слышалъ, что его сирачиваютъ, кто онъ, но не успѣлъ онъ отвѣтить (онъ тяжело дышалъ и не могъ выговорить слова), какъ возлѣ, въ кустахъ, послышался шорохъ и верховой быстро сунулъ въ руку князя Ивана кольцо, какъ онъ увидѣлъ потомъ, и опять сказалъ что-то, изъ чего Косой разслышалъ одно только слово—„Елисавета“.

Въ эту минуту всадники повернули и поскакали прочь назадъ.

Князь Иванъ остался одинъ. Онъ поглядѣлъ на кольцо, но не могъ разобрать хорошенько его отдѣлки, сунулъ его въ карманъ и осмотрѣлся, нагнувшись на сѣдлѣ на одну и другую сторону:— на землѣ лежалъ темной тушей человѣкъ безъ движенія, — словно это такъ и было быть должно,—съ подогнутыми подъ себя ногами и человко повернутой подъ локоть головой.

Кругомъ чернѣли кусты, выкорчеванный пенъ растопырилъ, какъ лапы, мохнатые корни; виднѣлся сѣрымъ, распылавшимся пятномъ камень, а наверху шумѣли попрежнему точно такъ же, какъ когда они ѣхали съ Ополчиннымъ, макушки деревь, будто и не случилось ничего, или онъ и не знали, что случилось.

Князь Иванъ вспомнилъ про Ополчинина, вспомнилъ его разговоръ про разбойниковъ, и тутъ только сознательно понялъ, что онъ сейчасъ дрался съ ними, и что темнѣвшая на землѣ туша не просто мужикъ, а одинъ изъ разбойниковъ, отъ которыхъ Ополчининъ, очевидно, удралъ безъ оглядки.

Косой, не торопясь, зарядилъ пистолетъ, осмотрѣлъ на немъ кремень, осмотрѣлъ также другой свой пистолетъ, оставшія у него за поясомъ безъ дѣйствія, и поймалъ себя на смѣшномъ соображеніи о томъ, что другой разъ онъ непременно не забудетъ пустить въ ходъ оба пистолета.

Онъ повернулъ лошадь и поѣхалъ шагомъ, не думая, что можетъ-быть тутъ, въ двухъ шагахъ отъ него, гдѣ-нибудь за кустомъ, сидитъ спрятанный человѣкъ. Не могли же они, въ самомъ дѣлѣ, провалиться сквозь землю или исчезнуть.

Но они дѣйствительно исчезли. По крайней мѣрѣ Косой ѣхалъ тихо, совершенно спокойно удаляясь отъ овражка.

Онъ успѣлъ уже окончательно оправиться.

Но, странное дѣло,—сама ли лошадь прошла въпередъ, или князь Иванъ, самъ того не замѣчая, послалъ ее, но она пошла сначала не смѣшную, но съ каждымъ шагомъ увеличиваемую рысцою. И вотъ тутъ при томъ, какъ лошадь подкидывала на рыси ногами, князь Иванъ сталъ чувствовать неприятное ощущеніе въ спинѣ, точно за нимъ кто-то гнался, и боязнь оглянуться, и не только оглянуться, но посмотрѣть въ сторону.

„Что за глупости, остановилъ себя князь Иванъ,—взоръ!“ и онъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, придержалъ лошадь и оглянулся.

Сзади никого не было. Никто не гнался.

Но Косой, несмотря на то, что заставилъ себя оглянуться, все-таки снова пустилъ лошадь рысью.

(Продолженіе будетъ.)

* * *

Быль садъ на обрывѣ отвѣсномъ,
Онъ днемъ былъ пустыненъ и старъ,
А ночью казался чудеснымъ,
Волшебныхъ исполненнымъ чаръ.

Игра ли то луннаго свѣта,
Обманъ ли почной тишины,—
Но въ этомъ саду до разсвѣта
Мнѣ грезились чудные сны.

Тамъ слышался плескъ водомета,
И замокъ виднѣлся въ пруду...
Однажды у тихаго грота
Тебя я увидѣлъ въ саду.

Твой взоръ былъ и грустенъ, и свѣтелъ,
И счастье безъ мѣры сулилъ...
Хоть въ жизни тебя я не встрѣтилъ,
Но всюду тебя лишь любилъ!..

Ал. Будищевъ.

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. *)

Статья IV. (Съ 9-ю рисунками.)

Удивительно мы до сихъ поръ безвѣстный народъ. Кажется, выставка строилась не день, не два, а три года, и не первая она у насъ, а шестнадцатая, можно было все обдумать, все обсудить и, по крайней мѣрѣ, все подготовить къ ея открытію. Не тутъ-то было: приходится время открытія выставки, а дѣлать непочатый уголь, и меньше всего сдѣлано для предоставленія удобства публикѣ. Что же тутъ неожиданнаго, что публика не посѣщаетъ выставку, понятию прекрасную и высокопоучительную? Здѣсь не равнодушіе и не тяжкодумство, а вполне естественное желаніе пріѣхать, когда все будетъ готово, когда будутъ устранены все неудобства, которыя вылаются на практикѣ— на плечахъ, слѣдовательно, всѣхъ тѣхъ, кто, волею-неволею, обязанъ былъ пріѣхать еще до открытія.

Душный, жаркій майскій день. Въ Москвѣ, въ только что открытомъ, повомъ московско-курско-нижегородскомъ вокзалѣ безтолочъ страшная. Народу масса, артельщики съ ногъ сбился, показывая куда нужно идти— управленіе дорогой позабыло сдѣлать обычныхъ надписей, а устройство вокзала вовсе уже не такъ просто. Нѣсколько кассъ, у всѣхъ длинныя вереницы. Подходимъ къ одной. „Здѣсь берутъ билеты въ Нижній?“ спрашиваемъ у чающихъ движенія воды.—„Кажется, здѣсь“,—перѣшительно отвѣчаетъ нѣсколько голосовъ,—„надписей нѣтъ, сказали здѣсь“. Становимся въ рядъ и медленно подвигаемся къ окошечку, наконецъ, подходимъ. „Позвольте билетъ въ Нижній“.—„Здѣсь на Курскъ“.—„А гдѣ же въ Нижній?“—„Кажется, напротивъ“,—невозмутимо отвѣчаетъ кассиръ. Та же исторія повторяется и съ багажомъ. Наконецъ, все въ порядкѣ, раздается звонокъ, и за толпою выскакиваемъ на платформу. Но гдѣ поѣздъ въ Нижній—опять никто не знаетъ. Отыскиваемъ своего поспѣщика и издали видимъ, какъ онъ

безпомощно съ нашимъ багажомъ ходитъ по вагонамъ. „Мѣсть нѣтъ“—рѣшительно объявляетъ онъ мнѣ.—„Что же раньше-то не хлопоталъ?“—„Раньше все вагоны были на залорѣ, а какъ раздался звонокъ, то они уже оказались полными“. Около начальника станціи нѣкая волнующаяся толпа—онъ ее уговариваетъ, проситъ подождать, говоритъ, что никто не останется. Дѣйствительно, прицѣпляютъ вагоны, потомъ другой, и все, правда, тѣсно и неудобно, но помѣстились.

На нижегородскомъ вокзалѣ, по обыкновенію, толпа. Справочное бюро бездѣйствуетъ: мы пріѣхали за нѣсколько дней до открытія выставки. Выставочное шоссе начинается почти у вокзала. Оно производитъ неблагоприятное впечатлѣніе и совершенно не гармонируетъ съ великолѣпнымъ выставкамъ. Само шоссе—смѣсь щебня и песка, каждую ночь утрамбовываемая паровою трамбовкою, но за день вновь превращающаяся въ кашу. Обсажено шоссе маленькими деревцами, красоты они не придаютъ, тѣни и подавно не даютъ, красивую аллею они могутъ образовать лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, когда хмурые остовы зданій да ямы будутъ свидѣтельствовать о когда-то бывшемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ мирномъ торжествѣ промышленности. Уныло смотрятъ большіе, выкрашенные въ непріятный желтый цвѣтъ корпуса выставочныхъ гостиницъ. Входимъ въ одну изъ нихъ, звонокъ гонга возвѣщаетъ о нашемъ прібытіи.

„Was wünscht der Herr, ein Zimmer?“ встрѣчаетъ, повидимому, оберъ-камерьеръ. Что это? пѣмецкая рѣчь въ Нижнемъ-Новгородѣ, на національной выставкѣ! И, къ сожалѣнію, это не исключеніе.

Комнаты не дурны, высоки, просторны, свѣтлы, обмѣлированы скупо, но неадвѣчно чисто. Пришлось, однако, пережѣнить два номера, чтобы найти покой. Сначала дали намъ ком-

*) См. „Иппа“ №№ 13, 17 и 19.

Третьяковская галерея. Въ ожиданіи. Съ картины Н. А. Насаткина грав. Мульгаповскій.

нату, выходящую в коридор,—так сказать на большую дорогу; дѣлать вѣдь и почти всю ночь по немъ ходьба,— а въ комнатахъ все слышно, что дѣлается въ коридорѣ; затѣмъ оказались сосѣди довольно шумные, а подслушивать въ этихъ домахъ приходится волей-пвоей. Номеръ—4 руб., за освѣщеніе (электричество)—50 к., чай—90 к., бутылка пива—50 к.; значить, цѣны хорошия: не выше, однако, Славянскаго Базара, самой дорогой гостиницы въ Москвѣ.

Но слѣдуетъ на выставку.

Электрическая конка не ходитъ—оказывается, движеніе приостановлено до устройства приспособленій, которыя предупредили бы несчастные случаи при движеніи. Нужны были двѣ смерти, двое задушенныхъ, чтобы эти приспособленія были устроены. Въ воздухѣ столбъ пыли, которая несетъ съ собою, неизвѣстную въ другихъ мѣстахъ. Беремъ извозчика; онъ столъ же неудобенъ и плохъ, какъ всегда. Вообще, Нижегородъ, несмотря на полученный имъ отъ казны миллионъ рублей, совершенно не подготовился къ выставкѣ. Мининскій садъ остался въ непривлекательномъ видѣ, даже новыхъ скамеекъ не поставили; на знаменитомъ откосѣ провозятся какія-то земляныя работы, онъ весь разрытъ; электрическая желѣзная дорога не готова. Словомъ, все, что было, то и осталось.

Не добавляя выставки, извозчика останавливаютъ: подъѣзжать къ воротамъ можно только начальству. Нечего дѣлать, но глубокому неску ташимся пѣшкомъ. Выставочное справочное бюро, куда заходимъ, чтобы заглянуть корреспондентскимъ билетомъ, биткомъ набито публикой. Нѣсколько комиссаровъ—все зеленая молодежь—едва успеваютъ удовлетворять требованія; одни съ покорною вѣжливостью и предупредительностью обращаются къ публикѣ, другіе, какъ молодые пѣтушки, насканиваютъ и обрываютъ.

На выставкѣ работа идетъ снѣжная; кажется, что ничего еще не готово; надзирателей за работами нѣтъ, и она какъ бы не спорится: въ партіи изъ 10 человекъ, по крайней мѣрѣ, четверо ничего не дѣлаютъ, въ какое бы время вы ни взглянули. Русскій рабочий не привыкъ еще работать безъ надзирателя, безъ понуки. Но какъ прекрасна выставка, хотя она еще и въ мѣстахъ, и обезображена заборчиками изъ досокъ вокругъ всѣхъ дорожекъ, массами лициковъ, бочекъ.

Мы нарочно остановились подробнѣе на всѣхъ этихъ неудобствахъ, чтобы показать, что все толки о выставочной дороговизнѣ и неурядицахъ—не замышленія пристрастныхъ почитателей, а, къ сожалѣнію, простая истина. Первое впечатлѣніе самое сильное, и облегчающее всю Россію извѣстіе о неурядицѣ выставки, быть-можетъ, остановитъ впечатлительныхъ людей отъ поѣздки на нее. Но, читатель, многое уже исправлено, хотя для этого и понадобилось личное вмѣшательство министра финансовъ. Движеніе по желѣзнымъ дорогамъ совершается правильно, справочное бюро открыто, гостиницы понизили цѣны почти вдвое, шоссе поливается, насланы по нескамъ мостки для пѣшеходовъ, разрѣшенъ безплатный проѣздъ учащихся и рабочихъ на выставку и проч., словомъ позаботились о публикѣ. Теперь смѣло отправляйтесь на выставку,—получите много пользы, много удовольствій.

Открытие выставки состоялось 28 мая. Стояла чудная погода; выставочныя гостиницы украсились флагами, шоссе тоже какъ будто принарядилось и не выглядитъ уже такимъ неказистымъ. У главнаго входа генеральный комиссаръ встрѣчаетъ прибывающихъ гостей; тутъ же стража, одѣтая въ красные парадные кафтаны, изготовленные по рисункамъ художника Васнецова и являющіеся точной копіей одѣвній стражниковъ первыхъ царей московскихъ. Каждый костюмъ въ отдѣльности очень красивъ, но вся стража въ сочетаніи съ первымъ планомъ выставки: античная колоннада-восточнѣе, среднеазиатскій отдѣлъ въ мавриганскомъ стилѣ, китайскій павильонъ, художественный отдѣлъ въ стилѣ ренессанса,—производятъ далеко не то впечатлѣніе, на которое рассчитывалъ инициаторъ этой идеи. Въ 10¼ часовъ прибыли министры финансовъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, путей сообщенія и выѣтъ съ другими приглашенными лицами прошли въ палатку, въ которую былъ преобразованъ музыкальный павильонъ, стоящій на лужайкѣ—цвѣтничкѣ внутри центральнаго зданія. Здѣсь же находились и хоругви, принесенныя утромъ крестнымъ ходомъ изъ нижегородскихъ кремлевскихъ соборовъ. Молебствъ совершалъ епископъ нижегородскій въ сослуженіи со своимъ викаріемъ, епископомъ балахннскимъ, и 35 священниками. По возглашеніи вѣчной памяти устроителю выставки императору Александру III, многолѣтнія благополучно царствующему Государю Императору, всему Царствующему Дому и строителямъ выставки, епископъ сказалъ прекрасное слово, и затѣмъ было приступлено къ освѣщенію выставки. Епископъ съ министромъ финансовъ прослѣдовалъ въ царскій павильонъ, остальные священники въ сопровожденіи комиссаровъ прошли по другимъ зданіямъ. Затѣмъ все вновь собралось въ палаткѣ, и С. Ю. Витте, взойдя на кафедру, произнесъ рѣчь и объявилъ, по повелѣнію Государя Императора, выставку открытой. Тотчасъ же раздался гимнъ, и на всѣхъ выставочныхъ зданіяхъ поднялись флаги. Въ часъ дня въ концертномъ залѣ состоялся завтракъ на 400 персонъ, а вечеромъ въ новомъ го-

родскомъ театрѣ былъ данъ спектакль gala въ честь министра финансовъ.

И такъ флаги подняты, выставка открыта для осмотра ея публикою и изученія—спеціалистами. Первое впечатлѣніе, по наружному виду выставки, въ высшей степени благоприятное. Правда, парка съ большими деревьями, который надѣялись создать, нѣтъ и въ поминѣ, и, за исключеніемъ небольшого, по хорошему садику, устроеннаго департаментомъ уѣзловъ вокругъ своего павильона, больше садовъ въ сущности нѣтъ; но зато газоны и цвѣтники удалась, а зданія и постройки столь разнообразны и красивы, что забываешь палище солнце и отсутствіе тѣни, забываешь, что выставка устроена на голыхъ поляхъ, а не среди многолѣтняго парка, какъ это принято теперь дѣлать на западѣ Европы. Прежде детальнаго осмотра павильоновъ и всѣхъ тѣхъ чудесъ, которыми они содержатъ, необходимо нѣсколько остановиться на самомъ планѣ выставки, на ея классификаціи. Классификаціи—дѣло очень важное, такъ какъ только при разумной системѣ ея можетъ быть достигнута наглядность выставки, т. е. одна изъ ея главнѣйшихъ задачъ. Классификація очень трудна, и ни одна изъ нихъ не свободна отъ нареканій; во многомъ нельзя согласиться и съ классификаціей нижегородской выставки, жалобы на нее отовсюду, но мы не будемъ ихъ разбирать и посмотримъ только, насколько удачно распределеніе на отдѣлы, что въ сущности и важно для публики, тогда какъ для экспонентовъ большое значеніе имѣетъ правильное распределеніе отдѣловъ на группы и классы. Къ сожалѣнію, распределеніе по отдѣламъ не было выработано спеціально для нижегородской выставки, сообразуясь съ тѣми измѣненіями, которыя произошли съ 1882 года въ нашемъ промышленномъ дѣлѣ. Была взята классификація 1882 года и нѣсколько улучшена, измѣнена и дополнена. По московской выставка была въ нѣсколько разъ меньше нижегородской, и такіе колоссы, какъ нижегородская, должны быть совершенно иначе и обставлены, чтобы удовлетворить первѣйшей задачѣ всякой выставки—наглядности. Для ея достиженія принято на большихъ выставкахъ устраивать коллективныя выставки, которыя сами по себѣ представляютъ опредѣленную идею, ясно показывающую сущностямъ крупнѣйшія явленія экономической и общественной жизни за истекшій между двумя выставками періодъ. Такихъ отдѣльныхъ выставокъ имѣются и въ Нижнемъ-Новгородѣ; таковы: отдѣлы Сибири и торговли съ Китаемъ и Японіей; Средней Азии и торговли съ Персіей, и Крайняго Сѣвера—все они соотвѣтствуютъ стремленію нашего правительства поднять экономическое значеніе крайнихъ предѣловъ нашего обширнаго отечества. Но остальные подобныя выставки (Красный Крестъ, Охраненіе народнаго здравія, Спасеніе на водахъ) при случайности, неинтересны и лишь свидѣтельствуютъ, что при организаціи выставки не была поставлена задача облегчить публикѣ осмотръ всей выставки устройствомъ такнхъ идейныхъ выставокъ. Дѣйствительно, въ Нижнемъ-Новгородѣ нѣтъ даже приведенной въ систему „выставки торговли“, то-есть, конечно, тѣхъ предметовъ промышленности, которые служатъ цѣлямъ торговли, облегчаютъ веденіе ея. А между тѣмъ едва ли не наиболѣе крупныя услуги за послѣдніи десяти лѣтъ отъмѣчались именно въ этомъ отношеніи. Новая обстановка торговли совершенно видоизмѣнила условія дѣла въ промышленныхъ областяхъ. Вспомнимъ, напримѣръ, какое значеніе имѣли названныя цистерны въ нефтяномъ дѣлѣ, американскіе элеваторы въ хлѣбной промышленности—они сдѣлали цѣлый переворотъ. Если англійская, первая въ мірѣ, промышленность дрогнула по всей линіи подъ натискомъ Германіи, то это произошло не благодаря техническимъ успѣхамъ нѣмецкой промышленности, а какъ послѣдствіе новыхъ способовъ торговли. Кому же не извѣстно, что германскіе товары во многихъ случаяхъ хуже англійскихъ. Полная выставка обстановка нашей торговли и вынесеніе нашихъ успѣховъ въ этомъ отношеніи имѣла бы весьма важное и поучительное значеніе и особенно на нижегородской выставкѣ, которая является какъ бы дополненіемъ къ ярмаркѣ и, благодаря ей, конечно, привлечетъ толпы торговцевъ. Нѣтъ „выставки банковъ“ (а какъ увеличилось ихъ значеніе въ нашей промышленной и торговой жизни послѣ 1882 года), нѣтъ и телеграфовъ, дѣятельности фабрикъ и заводовъ въ постановкѣ быта рабочихъ и пр.

Говоря объ организаціи, укажемъ еще, что забыты и интересы публики; на самомъ выставочномъ полѣ нѣтъ ни одного павильончика для отдыха публики, гдѣ бы было прохладно, стояла удобная мебель, можно было бы и написать письмо, и сдѣлать замѣтки, прочесть газету и немножко сосредоточиться и отвлечься отъ разнообразія выставочныхъ зрѣлищъ. Но не будемъ долѣе останавливаться на томъ, чего нѣтъ—пробѣлы и недочеты, неизбежно сопутствующіе всякому дѣлу, прямо терпятъ на общемъ фонѣ прекрасно задуманнаго и исполненнаго грандіознаго предпріятія. Было бы очень жаль, еслибы оно не увѣнчалось успѣхомъ, если бы все богатства знаній, собранныя на ней, не принесли пользы. Мелочныя неудобства, правда, иногда очень скучныя и досадныя, не должны останавливать желанія посѣтить выставку, такъ какъ они, повторяемъ, совершенно искупаются впечатлѣніями отъ этой выставки. Мы считали своимъ долгомъ съ полнымъ безпристра-

стием рассказать об этих неудобствах и недостатках, чтобы читатели сами могли их оценить и высказать. Но перечислить все достоинства всероссийской выставки не так легко: их так много, они так разнообразны. Первое достоинство— это безусловно привлекательная, скажем больше, чарующая вышность и полнота и содержательность отъѣлов. Нужно воздать честь устроителям выставки: они прекрасно выжили изъ трудной задачи; все, что они дали намъ, является и широко задуманнымъ, и хорошо выполненнымъ. Но, кромѣ администраціи, большое значеніе въ дѣлѣ устройства выставки имѣли экспоненты. Переходя отъ витрины къ витринѣ, съ глубокимъ чувствомъ удовлетворенія видишь, сколько энергіи, труда, знанія и вкуса положено на созданіе выставки тысячами дѣятелей на попріицѣ нашей промышленности. Большинство изъ нихъ работало ради самаго дѣла, нисколько не афишируясь, оставаясь даже въ полной безвѣстности, скромно вылетая свой листикъ въ лавровый вѣнокъ официальныхъ устроителей всероссийскаго торжества. Множество экспонатовъ и витринъ во всѣхъ отъѣлахъ громко говорятъ о повышеніи уровня знаній, о любви къ работѣ и умѣнии съ нею справиться, о безавѣтной преданности промышленниковъ своему дѣлу, быть-можетъ маленькому въ отъѣльномъ случаѣ, но въ массѣ возрастающему до общегосударственнаго значенія, Серьезное улучшеніе качества труда, которое такъ наглядно показывается наша выставка, является большимъ праздникомъ русской культуры, такъ какъ въ нашъ вѣкъ коллективный умъ и знаніе все сильнѣе принимаютъ характеръ гениальнаго творчества.

Но обратимся къ самой выставкѣ: мы уже сказали, что общій ея видъ производитъ чарующее впечатлѣніе; оно не пугливается и при входѣ въ навиллоны. Начнемъ осмотръ съ горнаго отъѣла, какъ одного изъ вполнѣ готовыхъ. Отъ помѣщается въ представленномъ на нашемъ рисункѣ центральномъ зданіи, красиво декорированномъ гербами губерній и флагами. У входа по стѣнамъ развѣшаны громадныя карты, статистическія таблицы, діаграммы, показывающія за длинный рядъ лѣтъ размѣры добычи и обработки у насъ ископаемыхъ. Эти данныя являются какъ бы предисловіемъ къ выставкѣ. За ними помѣщены благородные металлы: золото и платина, въ производствѣ которыхъ Россія занимаетъ столь выдающееся мѣсто, а также серебро. Здѣсь, кромѣ образцовъ золотоноснаго матеріала, самородковъ, шихтового золота, выставлены также модели золотоносныхъ разръвовъ и золотопромывательныхъ машинъ, а также чертежи и фотографіи, иллюстрирующіе положеніе промысловъ разныхъ районовъ. Платина привлекаетъ большое вниманіе, особенно со стороны иностранныхъ посѣтителей выставки, такъ какъ уральскія мѣсторожденія платины въ видѣ розеиной являются единственными въ мірѣ; кромѣ нихъ платина нигдѣ не разрабатывается и известна только какъ минералъ, мелко вкрапленный въ горныя породы. Рядомъ небольшая, но прекрасно обставленная витрина съ ртутью. Ртуть впервые появляется на нашихъ всероссийскихъ выставкахъ; ея разработка началась лишь въ 1885 году и поставлена образцово (заводъ въ Екатеринбургской губерніи обставленъ лучше и дѣйствуетъ на болѣе рациональныхъ и выгодныхъ началахъ, чѣмъ заводы въ Идріи и въ Альмаденѣ). До 1885 года Россія ежегодно затрачивала до 200.000 р. на покупку ртути за границей, нынѣ она сама отпускаетъ ея на 700.000 р. Въ такомъ же положеніи находится и марганецъ, по размѣрамъ добычи котораго Россія принадлежитъ первое мѣсто, тогда какъ во времена московской выставки добыча марганца вовсе не производилась. Марганецъ получилъ большое значеніе въ промышленности, особенно въ сталеплавильномъ дѣлѣ, гдѣ отъ его прибавленія получается металлъ съ спеціальными качествами.

Изъ галлерей входимъ въ большую залу—здѣсь начинается желѣзо. Выставлено оно чрезвычайно эффектно—все большія витрины, составленныя изъ образцовъ заводскаго производства. Преобладающій здѣсь сѣрый цвѣтъ придаетъ особенно внушительный характеръ отъѣлу. Производство чугуна сдѣлало въ Россіи съ 1882 г. громадныя успѣхи, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго цифроваго сопоставленія (милліоны пудовъ):

	Чугунъ.	Желѣзо.	Сталь.
1882 г.	28,0	18,6	15,1
1894 „	80,2	27,2	30,1

Производство, слѣдовательно, увеличилось почти въ три раза. Этотъ ростъ въ значительной степени находится въ зависимости отъ развитія выплавки чугуна на югѣ Россіи. До начала восьмидесятихъ годовъ наше желѣзодѣлательное дѣло сосредоточивалось, какъ извѣстно, на Уралѣ, гдѣ находятся неистощимыя запасы превосходной руды. Но на Уралѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ того горячаго матеріала, которому обязана своимъ мощнымъ развитіемъ современная промышленность—каменнаго угля, и выплавка ведется на древесномъ углѣ, заготовка котораго не можетъ быть произвольно увеличиваема,—на это вліяетъ ограниченность лѣсовъ и мѣста: какой громадный складъ долженъ былъ бы быть, чтобы имѣть громадный запасъ угля—древесный уголь товаръ громоздкій, легкій и занимающій много мѣста; это же препятствуетъ и подвозить его изда-

лека, какъ каменный уголь. Поэтому на Уралѣ выплавка, хотя и увеличивалась, но слабо. Но вотъ на югѣ вблизи желѣзной руды найдены каменный уголь, быстро начали основываться одинъ за другимъ заводы, и въ короткое время юная горная промышленность сравнялась съ уральской, а два года тому назадъ и превзошла ее. Достаточно сказать, что въ 1882 г. выплавка чугуна на югѣ едва равнялась 2 милл. пуд., нынѣ она достигаетъ 32 милл. пуд. Но еще много предстоитъ работы въ дѣлѣ развитія желѣзодѣлательнаго производства; Россія и нынѣ не довольствуется своимъ желѣзомъ и ввозитъ его ежегодно на крупныя суммы; съ развитіемъ промышленности и благосостоянія эта потребность еще увеличится. Что могутъ значить 80 милл. пудовъ нашего производства въ сравненіи съ 600 милл. пуд., которые выплавляютъ, напримѣръ, Северо-Американскіе Соединенные Штаты, 280 милл. пуд. — Германія. Не слѣдуетъ, съ другой стороны, забывать, что за послѣдніи 15 лѣтъ мы сдѣлали болѣе, чѣмъ какое-либо другое государство, успѣхи. Нижегородская выставка показываетъ притомъ, что наши заводы поставлены солидно и постоянно прогрессируютъ. Наибольшій успѣхъ замѣчается въ увеличеніи сортовъ заводскихъ товаровъ и въ лучшемъ оборудованіи заводовъ, дозволяющемъ производить продуктъ и лучшаго качества, и дешевле.

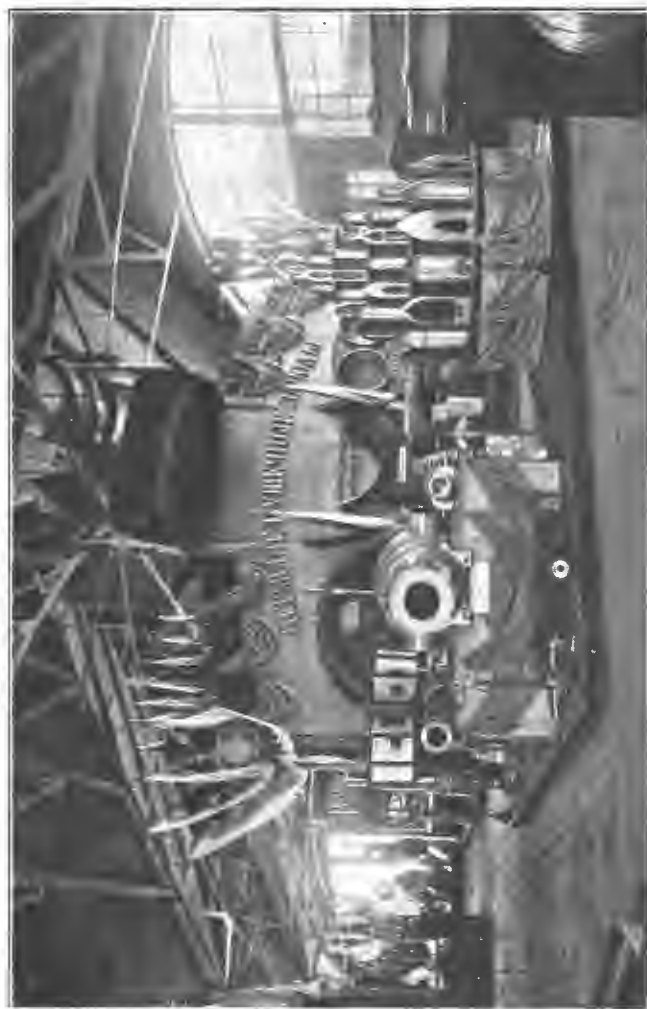
Изъ отъѣльныхъ витринъ интересна готическая бесѣдка Островецкихъ заводовъ; она отличается легкостью конструкціи и вся состоитъ изъ предметовъ, выдѣлываемыхъ заводомъ; здѣсь замѣчательны по своей величинѣ и отъѣлкѣ бандажи. Рядомъ Холуницкіе заводы выстроили большую витрину, представляющую съ одной стороны рудникъ, а съ другой—доменную печь со всѣми деталями; по лѣстницѣ можно пройти наверхъ, чтобы полюбоваться общимъ видомъ на отъѣлкѣ. Здѣсь же новороссійское общество между образцами своихъ надѣлій, очень оригинально расположенными, выставило большую (въ 4 сажени) модель Юзовки, т.-е., того самаго рудника, съ котораго началось развитіе южно-русской металлургической промышленности. Честь ея развитія принадлежитъ англичанину Джону Юзу и русскому капиталисту Д. Пастухову. Первая доменная печь была пущена въ 1871 г., а въ 1895 г. заводъ выплавилъ 10.154,145 пуд. чугуна. Рядомъ—оригинальная витрина Дружковскаго завода, вся состоящая изъ одного громаднаго рельса (40 сажень длиною), но, конечно, согнутаго въ красивую фигуру. Такіе рельсы, разумѣется, не употребляются, но онъ весьма характеренъ, такъ какъ возможность его появленія доказываетъ, что наши заводы прекрасно обставлены орудіями производства. Красива витрина Перескихъ пушечныхъ заводовъ, Путиловскихъ заводовъ и Гороблагодатскаго горнаго округа. Кыштымскіе заводы, знаменитые своимъ чугуномъ лигьемъ, выставили цѣлую ажурную бесѣдку изъ чугуна, украшенную статуями, бюстами изъ литого чугуна; внутри много художественно исполненныхъ статуэтокъ, группъ по моделямъ Обера. Зайдите посмотрѣть на тонкость и изящество работы. Подобныя же вещи, къ сожалѣнію, несмотря на дешевизну, мало у насъ распространены, выставилъ Каглинскій заводъ. Тутъ же, рядомъ, обратите вниманіе на витрину одного изъ заводовъ,—онъ выдѣлываетъ булавки и сдѣлалъ изъ нихъ гербы—сразу ни за что не узнать, что булавки, вы будете убѣждены, что это неры. Грандіозную витрину соорудилъ графъ Строгановъ, у него все болѣе листовое и котельное желѣзо, но весьма солидныхъ размѣровъ. Но всѣхъ витринъ не перечтешь; въ горномъ отъѣлкѣ участвуютъ почти все наши заводы, почему онъ и имѣетъ важнѣйшій интересъ. Упомянемъ еще, что горные заводы графа Шувалова, на ряду съ предметами своего производства, выставили уральскіе алмазы и бриллиантовое ожерелье; какъ извѣстно, возможность нахождения алмазовъ на Уралѣ, подтвержденная Гумбольдтомъ, долгое время служила предметомъ теоретическихъ споровъ. Теперь мнѣніе Гумбольдта подтверждено наглядно.

Небольшое мѣсто, среди желѣза, отведено соли. Добыча каменной соли также сильно поднялась у насъ, и теперь Россія вполнѣ довольствуется своею солью, тогда какъ еще недавно мы все потребляли англійскую соль, несмотря на то, что нѣкоторые мѣсторожденія нашей соли нервы въ мірѣ по своему богатству. Соль представлена довольно полно, и показанъ весь ходъ добычи всѣхъ трехъ видовъ соли: каменной, самосадочной и выварочной. Однимъ изъ цѣнныхъ достоинствъ горнаго отъѣла между прочимъ является то, что экспоненты стремились объяснить и показать публикѣ, спеціально не знакомой съ техникой, какъ ведется дѣло на заводахъ. Тутъ и модели, и цѣлый рядъ фотографій, и чертежи, и таблицы. Въ группѣ соли привлекаетъ вниманіе большаго алмаза (копія греческаго храма Венеры), высѣченная изъ каменной соли. Тутъ же прочія полезныя ископаемыя, между ними коллекціи уральскихъ горныхъ породъ; нѣкоторыя коллекціи продаются: красивый наборъ камней, въ видѣ статуэтки, можно приобрести за 1 рубль и дороже.

Съ другой стороны, рядомъ съ желѣзомъ—каменный уголь. Добыча его развивалась параллельно съ ростомъ желѣзодѣлательнаго производства (общая добыча 1882 г. — 230 мил. пуд., 1894 г. — 527 мил. пуд.), но, несмотря на этотъ ростъ (онъ такъ безпримѣрный по своимъ размѣрамъ), наша добыча далеко

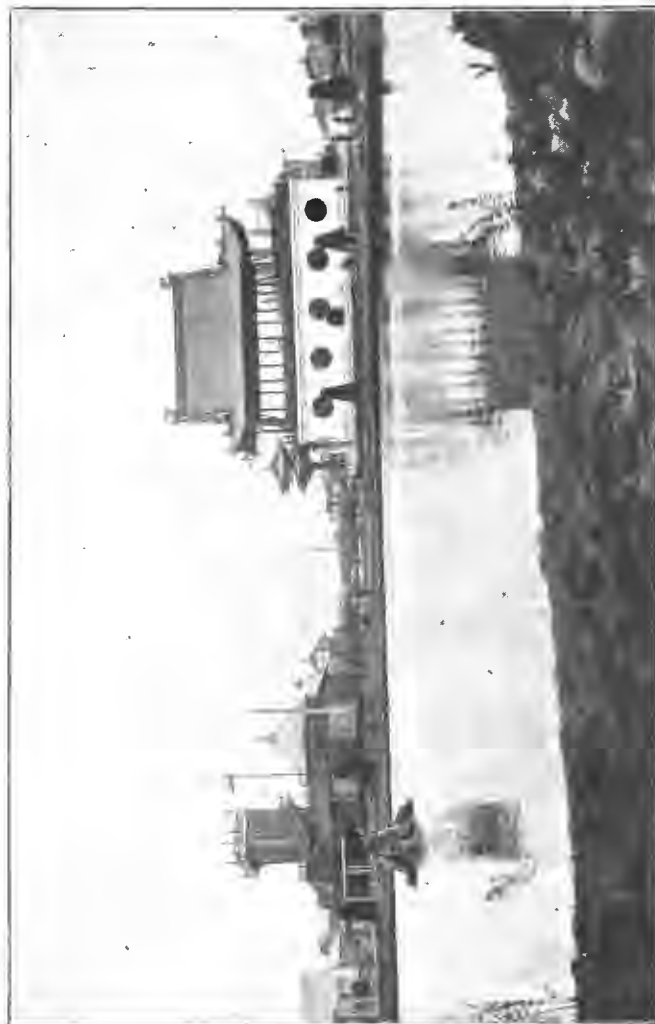
Главный входъ на выставку.

Горный отдѣлъ. Пермскіе пушечные заводы.
Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Автотипія „Нивы“.

Центральное зданіе.

Выставочный прудъ. Китайскій павильонъ. Воздушный шаръ.
Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Автотипія „Нивы“.

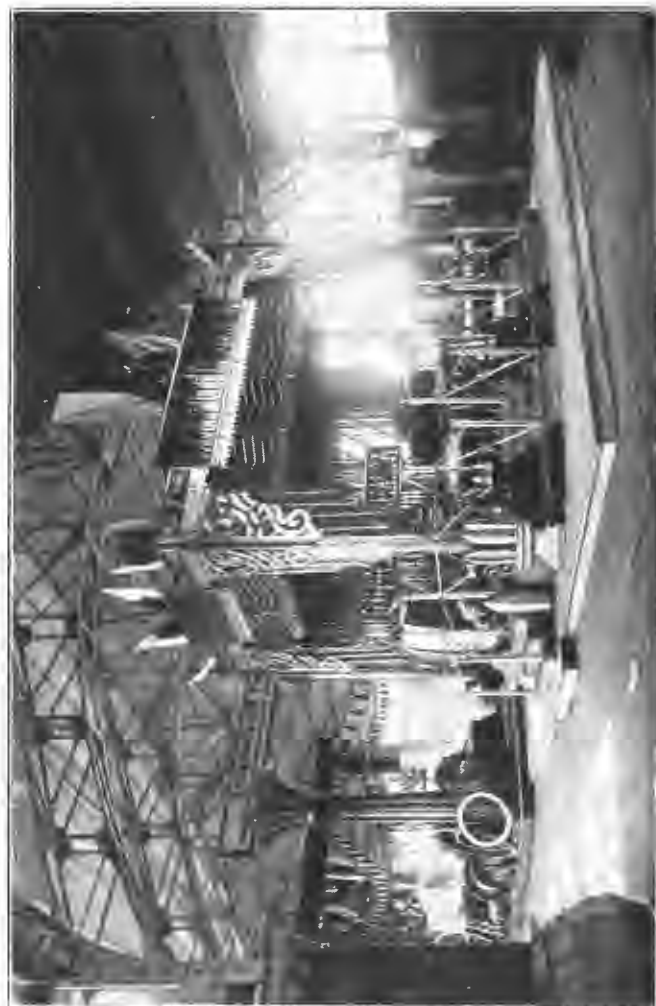
Горный отдѣль. Домбровский каменно-угольный бассейнъ.

Горный отдѣль. Кыштымскіе желѣзодѣлательные заводы. **Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ.** Автогиппій „Шивы“.

Горный отдѣль. Павильонъ Донецкаго каменно-угольнаго района.

Горный отдѣль. Гороблагодатскіе горные заводы.

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ.

еще недостаточна. Англия добывает угля 12,000 мил. пуд. ежегодно. Въ центральномъ зданіи особенно полно представленъ Домбровский (Царство-Польское) каменноугольный районъ; его витрина полна интереса, и по своему содержанію, и по вышней прекрасной постановкѣ. Около каменного угля другой горючей матеріаль—нефть; быстрый ростъ добычи ея у насъ общенавѣстенъ. На памяти еще у всѣхъ потребление американскаго керосина, тогда какъ теперь нашъ керосинъ не только вытѣснилъ американскій у насъ, но и соперничаетъ съ нимъ на всѣхъ рынкахъ. Добыча нефти въ Россіи за послѣдній годъ превысила добычу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Приведемъ цифры; добыча нефти: въ 1882 г.—50½ мил. пуд., въ 1895 г.—377 мил. пуд.; очищено: въ 1882 г.—112 тыс. пуд., въ 1895 г.—51 мил. пуд. У насъ нефть въ большомъ количествѣ идетъ на отопленіе, этимъ отчасти и объясняется сравнительно небольшое потребление каменного угля.

Каменный уголь и нефть представлены особенно полно въ частныхъ павильонахъ, большая часть которыхъ расположена около горнаго отдѣла. Донецкіе угле- и солепромышленники выстроили очень оригинальный коллективный павильонъ. Главный фасадъ представляетъ склоны горы съ явственными выходами пластовъ каменного угля; въ толщу горъ врѣзывается штольня, надъ ней надшахтное зданіе съ подъемнымъ станкомъ. Вы входите въ рудникъ—точную копію съ натуры; темно, видны вагонетки, горнорабочіе въ своихъ шахтеркахъ съ лампочками въ рукахъ; нѣсколько шаговъ, и вы попадаете въ большую бѣлую залу съ массой свѣта. Здѣсь образецъ каменного угля Донецкаго бассейна, и много большихъ моделей шахтъ и рудниковъ, фотографій съ подземныхъ работъ, которыя знакомятъ съ трудною работою рудокопа. Концы залы заняты солью. Донецкая соль замѣчательна своею прозрачностью; изъ нея сдѣлали много бездѣлушекъ (прессы-панье, вазочки и пр.), которыя и выставлены. Рядомъ съ донецкимъ цѣлый рядъ павильоновъ желѣзозаводчиковъ; укажемъ на красивый, весь стеклянный, съ двумя большими у входа фигурами, павильонъ Брянскаго завода, затѣмъ Нижне-Тагильскаго завода, гдѣ выставлено демидовское, лучшее въ мірѣ по своему качеству, желѣзо. Желѣзо до того мягко, что въ холодномъ состояніи его можно согнуть, какъ веревку—оно не сломается. Какъ доказательство его мягкости, здѣсь находятся бокалы

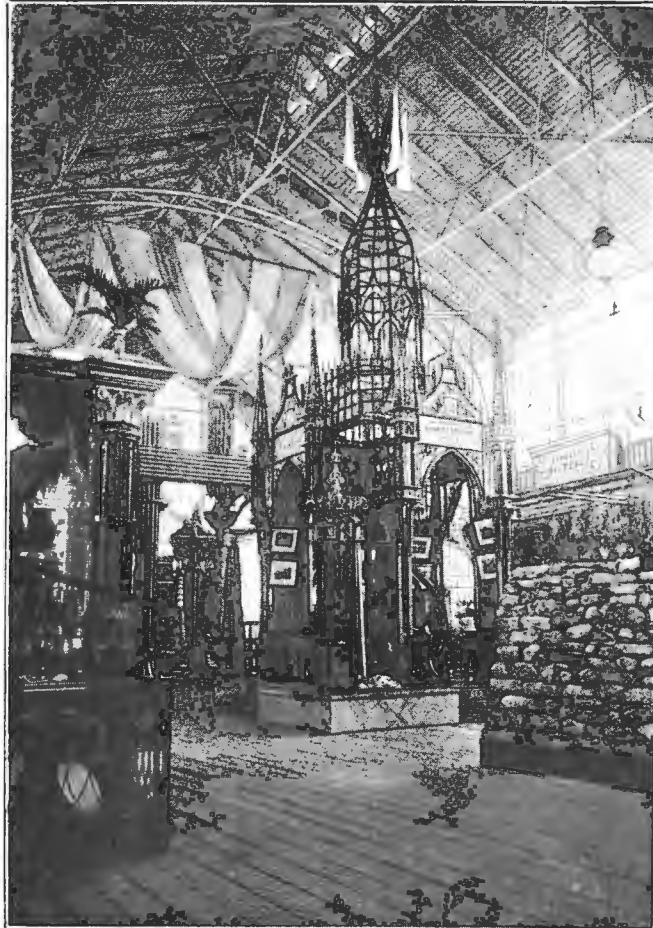
и самовары, выбитые изъ одного куска желѣза, показываютъ и визитныя карточки изъ желѣза. Все это, однако, мы видѣли и на московской выставкѣ.

Павильонъ нефтенромышленниковъ цѣлый рядъ; всѣ они выстроили и буровыя вышки въ натуральную величину. Наиболѣе оригинальный, бесспорно, павильонъ Нобеля, проектированный въ мавританскомъ стилѣ, столь уютно и употребительно на Кавказѣ. Нобель, кромѣ своихъ продуктовъ, данныхъ о снабженіи заводовъ орудіями производства и данныхъ о условіяхъ торговли (вспомните, что павильонъ способъ перевозки, выдвинувшій русское производство на первое мѣсто, былъ введенъ Нобелемъ), выставилъ нѣсколько панорамъ, работы художника Шильдера. Во-первыхъ, Черный Городокъ, около Баку, мѣсто производства керосина, затѣмъ посѣщеніе Баку покойнымъ Государемъ Императоромъ Александромъ III и Его Августѣйшимъ Семействомъ и двѣ картины: Сураханъ—храмъ огнепоклонниковъ, и нефтяные промыслы Вилби-Эйбанъ. Всѣ они прекрасно написаны и дополняютъ представленіе о нефтяномъ дѣлѣ.

Первые дни по открытіи, выставка посѣщалась довольно слабо, но зато ее осматривали высокіе гости. Китайскій вице-король Ли-Хунгъ-Чангъ нѣсколько дней знакомился съ нашею промышленностью, медленно подвигаясь въ креслѣ, окруженный своею свитой и представителями выставочной администраціи, отъ витрины къ витринѣ. Его сынъ совершилъ полетъ на привязномъ шарѣ. Затѣмъ внимательно осматривали выставку бухарскій эмиръ, самъ пришедшій сюда нѣсколько экспонатомъ, и ханъ хивинскій.

Выставка ежедневно пополняется новыми предметами и въ настоящее время совершенно готова. Но, устроивъ выставку, организаторы ея не успокоились на лаврахъ: почти ежедневно телеграфъ оповѣщаетъ о новыхъ проектахъ, направленныхъ къ предоставленію публикѣ наибольшихъ удобствъ и увеличенію интереса къ выставкѣ. Отмѣтимъ здѣсь крайне симпатичную мѣру, принятую по инициативѣ директора департамента торговли и мануфактуръ В. И. Ковалевскаго,—предоставленіе безплатныхъ проѣздъ всѣмъ учащимся и фабричнымъ рабочимъ. Выставка, бесспорно, имѣетъ большое воспитательное и учебное значеніе, и посѣщеніе ея большимъ числомъ воспитанниковъ и трудящихся людей—дѣло громадной важности.

Нижній, 1 июня.

Горный отдѣлъ. Островецкіе заводы.

Р ПОЛИВКѢ ЦВѢТОВЪ.

Очеркъ М. А. О.

Когда любитель обращается съ вопросомъ: какъ поливать?—къ продавцу цвѣтовъ, тотъ, конечно, можетъ дать и даетъ самый точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, относительно каждаго приобретаемаго отъ него растенія. Но отъ любителей-цвѣтоводовъ то и дѣло приходится слышать тотъ же вопросъ, но сдѣланный не въ частномъ, а въ общемъ смыслѣ. Какъ, вообще, поливать цвѣты?—вотъ что желательно знать любителю.

Простѣйшій отвѣтъ на этотъ вопросъ—поливать, смотря по обстоятельствамъ. Но это не отвѣтъ, а тѣмъ кровѣшная. Болѣе распространенный, а потому и нѣсколько выигрышующій въ опредѣленности, тотъ же отвѣтъ принимаетъ такой видъ: поливать поливки, привѣсныхъ цѣзиковъ, къ каждому растенію и при всѣхъ обстоятельствахъ его роста—не существуетъ и не можетъ существовать.

Въ самомъ дѣлѣ, потребность растеній въ водѣ до нельзя разнообразна. Дрокъ довольствуется сухими песками французскихъ ландовъ, а рисъ растетъ лишь на почвѣ, покрытой водою, на болотѣ. Возможно ли дать для этихъ растеній общія

правила водоснабженія? Но кромѣ породы растенія и ея особенностей, въ поливкѣ играютъ роль почва, мѣстоположеніе, время года, погода, климатъ, періодъ роста, состояніе здоровья растенія, наконецъ, самая посуда, куда посажено растеніе, ея размѣры, видъ, свойства.

Правда, существуетъ рядъ общихъ правилъ поливки, примѣнимыхъ въ большинствѣ случаевъ, но не исчерпывающихъ главнаго вопроса—о количествѣ пужной для растенія воды. Эти общія правила состоятъ въ слѣдующемъ. Надо брать для поливки мягкую, рѣчную или дождевую воду, по возможности одинаковой температуры съ окружающимъ растеніе воздухомъ. Надо привыкнуть опредѣлять на ошупь степень высыханія земли и умѣть улавливать самые ранніе, первые признаки начинающагося увяданія растенія, свидѣтельствующаго о недостаткѣ воды. Поливка должна быть столь обильна, чтобы водою пропиталась вся земля, набитая въ горшокъ. Весною и лѣтомъ поливать подъ-вечеръ, остальное время года—по утрамъ. Въ сушь и жару вспрыскивать растенія утромъ и вечеромъ;

сильно опаленных солнцем растений поставитъ въ тѣни, сначала сыркнуть, потомъ полить, когда остынетъ раскаленная земля. Въ сомнительныхъ случаяхъ, если стокъ воды изъ горшка легкій, почва рыхла и проницаема для воды, горшокъ не великъ, корни разрослись хорошо, погода сухая, свѣта много, растеніе сильно и здорово — лучше его полить лишій разъ, чѣмъ наоборотъ; при противоположныхъ условіяхъ — лучше не переждать, не поливать. Вотъ и все, что можно сказать вообще о поливкѣ.

Разсмотримъ теперь вліяніе на поливку всѣхъ отдѣльных, выше перечисленныхъ обстоятельствъ. Начнемъ съ почвы. Чѣмъ земля рыхлѣе, тѣмъ очевидно, испареніе изъ нея идетъ сильнѣе, тѣмъ легче она впитываетъ влагу и легче ее пропускаетъ. Такимъ образомъ, почвы песчаныя или состоящія изъ крупнаго перегиоя, требуютъ больше воды, чѣмъ почвы, напримѣръ, глинистыя, тяжелыя и плотныя. Земля жирная, питательная, содержащая много растворимыхъ солей, какъ, напримѣръ, черноземъ, требуетъ меньше воды, чѣмъ почва бѣдная, тощая. Питательная почва даетъ сильный ростъ, мощные побѣги, не особенно длинные, не вытянутые, но полные; на тощей почвѣ побѣги тупые, топчаютъ, листь выходитъ слишкомъ пѣкшій; эти растенія страдаютъ отъ сухого воздуха, даже при хорошей поливкѣ ихъ надо держать по возможности во влажной средѣ. Съ этими свойствами почвы необходимо считаться при поливкѣ.

Бросимъ взглядъ на посуду и ея разнообразное вліяніе на поливку. Отъ размѣровъ горшка и свойствъ его стѣнокъ прямо зависитъ количество потребной для поливки воды. Вообще говоря, глухіе горшки, безъ стока черезъ дно, не слѣдуетъ употреблять для посадки комнатныхъ растений. Горшокъ долженъ имѣть внизу одно или нѣсколько отверстій, а чтобы они не засорились почвою, ихъ прикрываютъ выпуклыми черенками. Форма посуды должна быть такова, чтобы комъ съ растеніемъ можно было безирепитственно вытряхивать и вновь вкладывать безъ вреда для растенія и для посуды; горшокъ, поэтому, долженъ имѣть форму, расширяющуюся въ верхней части. Въ очень фигурныхъ горшкахъ вѣшная форма можетъ быть кака угодно, но внутренняя должна быть, по возможности, простая — усѣченный конусъ или колоколь, обращенный широкимъ концомъ къверху. Пористая, хорошо обожженная глина, безъ поливы (глазури) — лучший матеріалъ для цвѣточного горшка; поры пропускаютъ въ извѣстной мѣрѣ воздухъ, способствуютъ освѣженію кома. Фарфоръ, металлы даютъ изящные горшки, но мало пригодные. Деревянные кадки — удовлетворительныя, но легко загниваютъ. Свѣжій горшокъ надо въ которое время продержать въ водѣ, чтобы онъ ею напитался, иначе онъ тянетъ воду изъ кома, сушитъ его наружныя части. Старые горшки, если они покрыты плѣсенью, тоже не мѣшаютъ хорошо промыть или прокалить, а потомъ подвергнуть вымочкѣ. Горшокъ снаружи долженъ быть чистъ — общее правило. Нечего и говорить, что растеніе въ больномъ горшкѣ требуетъ меньше воды, чѣмъ то же растеніе и такой же величины, въ маломъ горшкѣ. Итакъ: чѣмъ болѣе скважистъ матеріалъ, чѣмъ легче стокъ, чѣмъ чище горшокъ, чѣмъ онъ меньше, чѣмъ лучше разрослись корни — тѣмъ поливка должна быть обильнѣе. И, разумеется, наоборотъ. Здѣсь, конечно, кетати будетъ сказать и о поддонахъ. Горшокъ, продыранный со дна, конечно надо ставить на поддонъ, куда могла бы стекать изъ горшка лишняя вода. Эту стекшую воду иногда надо удалить, иногда же полезно оставить въ поддонѣ. Если поливка недостаточно обильна, то можетъ случиться, что не всѣ части кома промочатъ водою; въ комѣ останутся сухіе участки, въ которыхъ корни могутъ высохнуть и погибнуть, а за ними гибнетъ иногда и все растеніе; такіе случаи не рѣдки при комнатной культурѣ, если о поливкѣ забываютъ, ведутъ ее кое-какъ. Въ такомъ случаѣ очень полезно оставлять воду въ поддонѣ, даже подливать ее въ поддонъ, и новую поливку дѣлать только тогда, когда вся вода съ поддона испарится. Однако надо помнить, что эта вѣчная сырость внизу горшка можетъ вредно отразиться на нижней части кома, особенно если вода въ поддонѣ подолгу застаивается и ржавѣетъ. И такъ, при частой и обильной поливкѣ надо воду, затекшую въ поддонъ, удалять, или же производить новой поливки до исчезновенія воды съ поддона. Люди, совсѣмъ неопытные въ уходѣ за растеніями, поступаютъ всего ближе къ нормѣ, если будутъ поливать порѣже, но пообильнѣе, воду съ поддона не удалять, новую поливку дѣлать по высыханію поддона.

Какое вліяніе на поливку могутъ оказывать: мѣстоположеніе, времена года, погода? Это не трудно себѣ уснитъ. Чѣмъ суше воздухъ въ помѣщеніи и чѣмъ въ немъ жарче, тѣмъ больше испаряется вода изъ горшка, и тѣмъ обильнѣе, значитъ, должна быть поливка; такое же значеніе имѣетъ открытое мѣсто, гдѣ испареніе усиливается отъ свободного движенія воздуха и отъ безирепитственного солнечнаго нагрѣва. Ясно, что всѣ условія, ослабляющія испареніе, т. е., влажность воздуха, его неподвижность, холодъ, тѣнь — влекутъ за собою уменьшеніе поливки. Поставте горшокъ въ песокъ или въ мочъ: испареніе задержится, и придется поливать меньше; отъните горшокъ, слишкомъ ярко освѣщенный солнцемъ, — онятъ-таки потребность растенія въ водѣ тотчасъ понизится. Въ

комнатахъ большое вліяніе на поливку оказываетъ отопленіе; оно сушитъ воздухъ и повышаетъ потребность въ водѣ; чѣмъ чаще и усиленнѣе топка печей, тѣмъ чаще приходится и поливать. Изъ сказаннаго становится само собою понятнымъ, какая связь существуетъ между сезонами, съ характеризующею ихъ погодою, и поливкою; распространяться объ этомъ излишне.

При поливкѣ, разумѣется, необходимо сообразоваться съ періодомъ роста растенія, съ его здоровьемъ, организаціею. Когда растеніе только что тронулось въ ростъ, его молодые, дѣятельныя листь испаряютъ очень много воды; надо павертывать эту трату влажности усиленною поливкою. Въ періодъ ослабленнаго развитія, — съ уменьшеніемъ расхода воды растеніемъ, уменьшается и поливка. Растенія, въ періодъ зимняго покоя роняющія листь, требуютъ въ это время ничтожной поливки. Вообще комнатныя растенія чаще всего идутъ въ новый ростъ раннею весною или въ концѣ зимы; съ этого времени надо усиливать и поливку. Растенія захирѣвшія, съ ослабнувшимъ ростомъ, съ пожелтѣвшею и блеклою листовою, надо поливать поосторожнѣе, дожидаясь, пока просохнетъ внутренность кома и его нижняя часть; въ нихъ жизненный процессъ ослабленъ, обиліе веществъ вяль, и обиліе воды для нихъ бесполезно и очень часто вредно, потому что способствуетъ загниванію весьма къ этому склонныхъ хворыхъ корней. Устройствомъ тканей растенія непремѣнно должно принимать въ расчетъ при поливкѣ. Растенія съ толстыми, жирными листьями требуютъ много воды во время успешнаго роста, но зато могутъ обойтись вовсе безъ поливки во время покоя; это особенно относится къ кактусамъ. Луковичныя растенія любятъ обильную поливку до созрѣванія сѣмянъ; послѣ того ихъ можно поливать гораздо меньше, а когда ростъ кончится, поливку лучше всего вовсе прекратить и даже поставить ихъ въ сухое мѣсто до новаго роста. Пандоритики просятъ много воды круглый годъ. Вообще тутъ уже мы вступаемъ въ область частныхъ культуръ; надо знать потребность каждой породы въ водѣ и сообразоваться съ этою потребностью; сообщить же объ этомъ можетъ садоводъ, у котораго приобрѣтаются растенія, или справочная книжка или хорошее руководство къ комнатному цвѣтоводству.

Достойно замѣчанія то легкомысліе, съ которымъ очень многіе цвѣтоводы-любители относятся къ температурѣ поливочной воды. Ледяная она или горячая, по ихъ мнѣнію, рѣшительно все равно, и надъ этимъ даже задумываться не стоить. Но такое равнодушіе совсѣмъ не основательно. Въ этомъ направленіи были сдѣланы сотни опытовъ, которыми было доказано, что если поливочная вода холоднѣе, чѣмъ тотъ воздухъ, въ которомъ растеніе живетъ, то это даромъ не обходится, растеніе отъ этого явно страдаетъ. Растеніе относится къ температурѣ, какъ и всякое живое существо — оно не переноситъ безнаказанно внезапныхъ и рѣзкихъ перемиъ въ степени теплоты. Человѣкъ и животное простужаются отъ холода, растеніе отъ него тоже по-своему простужается. Холодная вода, быстро смачивающая комъ и вѣжные, юные корешки, дѣйствуетъ на растеніе такъ же, какъ струя зимней струи изъ форточки на человека. Особенно же вредна холодная поливка въ періодъ полнаго роста. Отсюда правило: — поливочную воду выдерживать подольше въ томъ же помѣщеніи, гдѣ стоятъ растенія, чтобы она приобрѣла температуру окружающаго воздуха. А вредна ли горячая вода? Вопросъ обоюдоструй. Вообще говоря, теплая вода, теплѣе окружающаго воздуха, полезна для роста; она гонитъ растеніе; подъ гонкою или выгонкою садоводы и подразумѣваютъ принужденное усиленіе роста, которому способствуютъ нагрѣтымъ воздухомъ и теплою, даже горячею поливкою. Но гонка — это своего рода фокусъ, въ ней есть уже нѣчто виртуозное, за нее надо браться опытнымъ руками, или, по крайней мѣрѣ, подъ руководствомъ опытнаго лица. Поэтому, будетъ гораздо благодарнѣе, если простой любитель будетъ скромно держаться общаго правила, по которому температуры поливочной воды и окружающаго растеніе воздуха должны быть одинаковы. Ненескусно же гонкою можно весьма быстро обезсилить и погубить растеніе.

Время дня, когда поливка приноситъ наибольшую пользу, бываетъ различно, смотря по времени года, т. е., другимъ словамъ, по условіямъ температуры, солнечнаго нагрѣва и освѣщенія. Въ холодное время, осенью и зимою поливка производится утромъ; за день излишняя вода успеетъ испариться. Весна и лѣто, по своимъ климатическимъ условіямъ, требуютъ обратнаго порядка, т. е. вечерней поливки. Почему? Потому что днемъ испареніе отъ жары и успешной дѣятельности растенія идетъ огромною энергіею и вода не успѣетъ проникать весь комъ. Намъ случалось наблюдать, напр., такого рода фактъ, въ южной жаркой полосѣ нашего Поволжья. Небольшой лодный кустъ поливался въ жаркій день тремя ведрами воды; по прошествіи часа почва вокругъ куста изслѣдовалась, и оказывалось, что вода успѣла проникнуть на глубину всего лишь 3 вершковъ; такова сила солнечнаго припека, отъ котораго налитая вода испарялась прежде, чѣмъ успѣвала проникнуть въ глубоко лежащія слои почвы. Вотъ почему въ жаркое время лучше поливать вечеромъ, даже на ночь. Земля успѣваетъ хоть нѣсколько поостыть и легче вбираетъ въ

себя воду, вся напиться ею, забирает запас ей, достаточный на весь следующий день. В очень жаркое время тогда поливки не только полезны, но даже необходимо опрыскивать растения; опрыскивание освежает растение от тягостной жары; оно может быть повторено еще и на следующее утро. На прямом солнечном свете не следует ни поливать, ни опрыскивать растений. Если они явно страдают от жары, томагел, обнаруживают первые признаки завядания, то надо перенести их сначала в тень, дать немного постоять, остыть, и тогда всерьезно; поливку же, все-таки, отложить до вечера.

А все-таки, как часто надо поливать? Это вечный вопрос любителей. Желая содействовать, насколько возможно, его чисто практическому решению, известнейший наш ученый ботаник и садовод, покойный Э. Регель, произвел еще в 60-х годах целый ряд долговременных опытов над различными

растениями. Опыты относились к самому трудному времени, к осеннему и зимнему, когда растения, приходящие в покой, требуют особенно осторожной и умной поливки. Растения содержались в просторных горшках, при комнатной температуре, были посажены в плотную землю. Наблюдения велись, просто-запросто, к тому, чтобы выливать вопрос—через сколько дней должна быть, при указанных условиях, повторена поливка, при которой растения сохраняются в наилучшем состоянии. Оказалось, что растения с неопадаящей зеленью требовали однократной поливки в 10—15 дней, в сентябре и октябре, и через 7—10 дней, в ноябре и декабре, при условии, что эти растения раньше привыкли к комнатным, в ней и росли; растения же, недавно лишь внесенные в комнату, поливались первые два месяца по два раза в неделю, а в ноябре—декабре—три раза. Этими приемами можно, до некоторой степени руководствоваться.

* * *

Парки! парки! не прядите!
Бросьте прочь веретено...
Блѣдной жизни нашей нити
Сами сгнили ужь давно!
Не помчит вестю Харона
Души мертвыхъ въ челнокѣ;
Блѣдень ликъ царя-Плутона,
Церберъ мечется въ тоскѣ.
Стали дочери Даная,
Воду вѣчную проливъ;
Танталъ пьетъ, и, отдыхая,
Камень выронилъ Сизифъ.

Вашихъ пытокъ намъ не надо!
Въ вѣчномъ грохотѣ земли,
Въ мукахъ жизни—муки ада
Мы давно ужь превзошли...
Какъ Сизифъ, на этомъ свѣтѣ
Время жизни мы несемъ,
И въ житейской, шумной Летѣ
Память топимъ обо всемъ...
Мертвы—радость и работа!..
Поневолѣ мысль томить:
Танталъ ждалъ еще чего-то!
Цѣль была у Данаидъ!..

В. Лебедевъ.

Къ рисункамъ.

Языкъ цвѣтовъ. (Рис. на стр. 699.)

„Людекия такъ грубы слова, ихъ даже напечатывать стыдно“. Но... чего стыдливая любовь не смеетъ сказать словомъ, то скажетъ изъяснивающей роза, приколота на груди, на зло завистливому людскому глазу, замѣчающему каждый шагъ, каждое движение влюбленныхъ. Нѣтъ дѣвушки на Востоку, которая бы не знала этого символическаго языка цвѣтовъ—цѣлаго, таинственнаго, яркаго! Знаетъ его прекрасно и эта цвѣтощица, съ мечтательной улыбкой подбирающая цвѣтокъ къ цвѣтку. Сколько такихъ букетовъ переносило черезъ ея руки, сколько сердецъ, разгадавшихъ ихъ таинственный смыслъ, стало счастливыми! Для нея цвѣты—тѣ же слова. Если бы внимательно прислушаться къ языку цвѣтовъ, навѣрное и этотъ букетъ, подобранный искусною рукою, рассказалъ бы нескромно, какія мечты тревожатъ эту хорошенькую головку.

Вотъ ключъ къ загадкѣ таинственнаго языка цвѣтовъ: розовый цвѣтъ означаетъ любовь, ярко-красный—страсть, зеленый—надежду, голубой—вѣру, синий—вѣрность, лиловый—почкорность, фиолетовый—дружбу, оранжевый—гордость и кокетство, желтый — пусть никогда не знаютъ влюбленные этихъ злыхъ цвѣтовъ измѣны! Васильки означаютъ довѣрие, лилія и ландыши—невинность, маргаритки—скромность, резеда—сердечную доброту, фиалка — невинность и скрытность, гвоздика и валеріана — вѣрность, божье дерево—ненстоятельство, гранатовый цвѣтъ—пламенное обожаніе...

А. Фету этотъ загадочный языкъ цвѣтовъ подсказалъ прекрасное стихотвореніе—изящное и прозрачное:

Хоть нельзя говорить, хогъ и взоръ мой пошкъ, —
У дыхання цвѣтовъ есть полатыный языкъ:
Если ночь унесла много грѣзь, много слезъ,
Окружусь я тогда—горькой сладостью розъ;
Если тихо у насъ и не вѣетъ грозой,
Я безмолвно о томъ намеку—резедой;
Если нѣжно ко мнѣ приласкается мать,
Я съ утра уже буду—фиалкой дышать;
Если-жъ сважетъ отецъ: не грусти, я готовъ, —
Съ благовошемъ войду—апельсиновыхъ цвѣтовъ.

Молитва Шамиля передъ битвой съ русскими.

(Рис. на стр. 702.)

Замыселъ Кавказа было для насъ, какъ известно, дѣломъ медленнымъ и тяжелымъ, главнымъ образомъ благодаря фанатически-страстной проповѣди мюридовъ, проповѣдывавшихъ среди горскихъ племенъ, что для чистоты и утвержденія религии нуженъ газаватъ,—священная война,—что только одна кровь невѣрныхъ угодна Богу, и что можно быть величайшимъ грѣшникомъ, но достаточно участвовать въ газаватѣ, чтобы понасть въ чудные сады рай, въ обители Аллаха, въ объятія гурій. Но какъ ни силещь быть самъ по себѣ мюридизмъ, онъ могъ сдѣлаться для насъ страшнымъ только съ такимъ зна-

момъ, какъ Шамиль. Воинъ и государственный человекъ въ одно и то же время, Шамиль сумѣлъ подчинить себѣ все свои собственные горные кланы Дагестана, слить ихъ въ одно цѣлое и строгое, создать между ними строгіе законы, и заставить служить себѣ слѣпо, не разсуждая.

Въ прекрасномъ романѣ Вас. Ив. Немпривича-Данченко—„Забятая крѣпость“, все сложнаго и труднаго перипетіи кавказской войны нашли себѣ художественное отраженіе. Мы заимствуемъ изъ этого романа описаніе молитвы Шамиля передъ битвой съ русскими, близко подходящее къ сюжету картины извѣстнаго художника-баталиста Рубо, о которомъ мы нѣмного уже случая говорить въ № 15-мъ *Нивы*.

„Худое лицо, съ яркими, горящими внутреннимъ огнемъ глазами. Худое лицо—первое, съ орлинымъ носомъ, тонкими и безкровными губами. Широкая плечи, могучая фигура... Кажется, что глаза эти не мигаютъ вовсе, что рѣсницы ихъ ко лбу приросли. Соколинымъ взглядомъ онъ окидываетъ поля и хмурится, почти сдвигая уже слѣдующія брови...“

— Глашатаи, созовите всѣхъ начальствующихъ до пятидесяти тысячъ!—приказалъ Шамиль.

„Глашатаи кинулись во все стороны, и скоро ихъ гортани и хриплые крики, словно клекоть гречетовъ, раздалась и направо, и налево...“

„Отъ войскъ отдѣлились испытанные воины и подъѣхали къ пшаму. Повелитель Чечни и Дагестана стоялъ неподвижно посреди нихъ, не подымая глазъ. Когда всадники фехариса стали позади одинокою стѣною, Шамиль поднялъ глаза къ небу и молился долго, испрашивая у Аллаха побѣду надъ невѣрными. Ни вражды, ни злобы въ его глазахъ... Онъ исполнительъ велѣній Аллаха... Развѣ архангелъ Азраилъ ненавидитъ поражаемыхъ имъ?“

„Вокругъ—благоговѣйшая тишина...“

„Имамъ молитъ Аллаха...“

На берегу моря. (Рис. на стр. 703.)

Побережья Средиземнаго моря и Атлантическаго океана изобилуютъ прекрасными куральными мѣстечками, посѣщаемыми лѣтомъ многочисленною публикой, ищущей отдыха и здоровья; на этихъ песчаныхъ плажахъ, въ лазурный лѣтній день, происходитъ настоящее столпотвореніе; наблюдателю открываются обширное поле для наблюдений; здѣсь можно воочию увидѣть тины той космополитической публики, которую изобразилъ французскій романистъ Поль Бурже въ своихъ двухъ романахъ *Cosmopolis* и *Idylle tragique*. Здѣсь можно встрѣтить чудаковатаго англичанина въ клетчатомъ костюмѣ, съ непобѣдимымъ Бедкэртомъ въ рукахъ, и рыжеволосую лэди съ пледомъ и сумкой черезъ плечо, которыхъ настоящій, кровный, лондонскій джентльменъ изъ Сити, полупрезрительно называетъ странствующими растакуэрами; здѣсь и юркій французъ съ его вѣчными оживленными толками о политикѣ и борьбѣ партій, здѣсь и непапечъ съ матово-блѣднымъ ли-

цомъ, похожимъ на восковую маску изъ какого-нибудь музея, и итальянцѣ, влюбленный въ море и пѣсию, и сосредоточенно-тяжело мыслящій нѣмецъ и, наконецъ, русскій туристъ, говорящій понемножку на всѣхъ языкахъ и чувствующій себя вездѣ дома. Но хорошій песчаный пляжъ — настоящее царство дѣтей. Въ купальные часы, когда вырослая публика въ нарядныхъ и жестрыхъ костюмахъ, оживленно болтала, погружается въ бирюзовые волны, дѣти, въ полосатыхъ костюмахъ, или просто засучивъ штанишки и рубашечки, рѣзвятся на отмели съ ведерками, лопатками или сачками въ рукахъ. Они добываютъ со дна его — которое у береговъ почти вездѣ мелко — морскія богатства. Зелено-ватобурья креветки, судорожно подпрыгивая, убѣгаютъ отъ нихъ въ морскую даль, бокомъ ползущіе краббы зарываются въ песокъ, серебряныя рыбки, вильнувъ хвостомъ, уходятъ въ глубь, и на долю малыхъ хищниковъ-охотниковъ остаются лишь плавающія на поверхности прозрачныя медузы, морскія вѣзды и такъ называемыя barques de S. Jacques, появляющіяся въ Средиземномъ морѣ только въ июль — красивыя голубыя моллюски съ какимъ-то студенистымъ крыломъ, имѣющимъ видъ бѣлаго паруса.

Сколько торжества, радости, разсказовъ! Какъ горятъ и искрятся дѣтскіе глазки отъ удачной охоты! Какъ красивы эти изящныя пестрыя фигурки дѣтей на голубомъ фонѣ неба и моря! Это настоящіе цвѣты чудеснаго лазурнаго края...

Въ ожиданіи.
(Рис. на стр. 707.)

Трудовая будни, скука однообразной жизни, мечты о счастья съ любимымъ человекомъ, — такіа желанія, такіа неопредѣленныя, пока, наконецъ, она не встрѣтилась съ нимъ, чьи глаза глядѣли на нее такъ зарующе-ласково, чей голосъ, дрожащій и волнующій, шепталъ ей въ часы свиданій такіа сладкія, пѣвныя рѣчи. И ея сердце доверчиво откликнулось на нихъ первымъ глубокимъ чувствомъ, затрепетало первой любовью. О чемъ только не переговорили

они въ счастливые часы свиданій, какіе планы ихъ будущей совместной жизни не плѣтали ихъ воображеніе? А теперь... а теперь она ждетъ его, ждетъ его долго и напрасно, съ гаснущей надеждой, съ пробуждающимся подозрѣніемъ... Онь никогда не опаздывала... Онь обѣщала прійти, его что-нибудь задержало — дѣла... родные... болѣзни... Въ головѣ дѣвушки проносятся ты-

сячи предложеній съ тревожной быстротою, отчаяніе смѣняется надеждою, влѣдъ за укорами свиданія, а его все нѣтъ и нѣтъ...

Картина г. Касаткина „Въ ожиданіи“ — лучшая вещь изъ всего до сихъ поръ написаннаго этимъ художникомъ: все въ ней выражено настолько же ясно, насколько хороша она по колориту, и по другимъ подробностямъ художественной техники.

Смотри на эту вещь — она находится въ Третьяковской галлерей — вы найдете массу лѣтняго знойнаго воздуха, вы услышите этотъ могучій, полный какихъ-то танцующихъ чаръ шелестъ лѣса, вы увидите, наконецъ, такъ прекрасно переданную художникомъ игру теплаго свѣта на этой простенькой, но живой фигуркѣ въ ситцевомъ платьѣ и поношенныхъ башмакахъ. Здѣсь виденъ художникъ во всемъ, даже въ такихъ деталяхъ, какъ рисунокъ сбившихся волосъ отъ спягаго свѣта головы платка и положеніе руки, которая держитъ этотъ платокъ: такъ и кажется, что дѣвушка безсознательнымъ движеніемъ подниметъ руку и станетъ обмахиваться имъ отъ палящаго зноя.

Въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ г. Касаткинъ не остался, къ сожалѣнію, вѣреть художественнымъ задачамъ, какия видны въ только что рассмотрѣнной вещи. Въ картинахъ „Большо“, „Шахтерки“ и въ особенноти, въ бывшей на послѣдней 1896 года Передвижной выставкѣ картинъ „Свѣта въ шахтѣ“ г. Касаткинъ настолько выдвинулъ на первое мѣсто „идею“ картины, что если и есть въ нихъ чисто художественныя достоинства, то ихъ приходится долго искать за этой идеей. Художникъ сталъ тенденціознѣе.

Митрополитъ анхіальскій Василій.

Митрополитъ никомидійскій Филовей.

Представители константинопольскаго патріарха на торжествахъ Священнаго Коронованія.

Архимандритъ Арсеній.

Архіепископъ филадельфійскій Даміанъ.

Представители іерусалимскаго патріарха на торжествахъ Священнаго Коронованія.

Представители константинопольскаго патриарха на торжествах Священнаго Коронованія. Митрополитъ никомидійскій Филоеѣ и митрополитъ анхіальскій Василій. (Портр. на стр. 715.)

Въ числѣ представителей константинопольскаго патриарха Аноѣма VII на торжествахъ Священнаго Коронованія въ Москвѣ первое мѣсто принадлежало никомидійскому митрополиту, члену константинопольскаго синода, высокопреосвященному Филоею, извѣстному своими капитальнѣйшими трудами по исторіи церкви и богословію. Митрополитъ Филоеѣ (Врѣшнѣосъ) родился въ 1833 г. въ Константинополѣ. Отецъ его былъ константинопольскимъ купцомъ; сыну онъ далъ прекрасное домашнее образованіе и не сталъ препятствовать его наклонностямъ, когда тотъ, по окончаніи гимназій, пожелалъ перейти въ высшую богословскую школу на островѣ Халкѣ. Блестящія способности юноши обратили вниманіе патриарха Іоакима II. По окончаніи школы въ 1856 г., юноша тотчасъ постригся въ монахи подъ именемъ Филоеѣ и въ санѣ іеродиакона отправился для пополненія образованія въ Германію. Возвратясь послѣ своего заграничнаго путешествія на родину, іеродиаконъ Филоеѣ сталъ читать лекціи по церковной исторіи въ халкской школѣ, гдѣ онъ нѣкогда самъ былъ воспитанникомъ. Въ 1863 г., послѣ рукоположенія въ іеромонахи и возведенія въ санъ архимандрита, онъ былъ назначенъ ректоромъ той же школы, откуда вскорѣ былъ переведенъ ректоромъ національной школы въ Константинополь. Въ 1875 г. во время съѣзда старо-католиковъ въ Боннѣ, гдѣ онъ былъ представителемъ константинопольскаго патриарха, Филоеѣ получилъ извѣстіе о назначеніи его митрополитомъ на серонскую митрополитію каведру и немедленно отправился къ мѣсту назначенія. Въѣздъ съ возведеніемъ въ санъ митрополита онъ былъ назначенъ членомъ константинопольскаго синода. Когда же, два года спустя, въ 1877 г. его перевели изъ сѣверной Македоніи въ Никомидію, онъ сталъ правой рукою константинопольскаго патриарха Аноѣма VII. Слѣдуетъ упомянуть, что въ качествѣ представителя вселенскаго престола высокопреосвященный Филоеѣ присутствовалъ на Берлинской конференціи, а въ 1881 г., вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патриархомъ Герасимомъ, ѣздилъ въ Бухарестъ на конференцію по поводу соединенія церкви.

Изъ ученыхъ трудовъ высокопреосвященнаго Филоеѣ наибольшій извѣстностью пользуются комментаріи къ двумъ посланіямъ римскаго папы, св. Климента, впервые найденнымъ имъ и изданнымъ въ свѣтъ вмѣстѣ съ обширнымъ предисловіемъ,—трудъ, за который онъ получилъ отъ аѣнскаго университета званіе доктора богословія, а отъ парижской академіи наукъ—премію. Вторымъ капитальнымъ трудомъ высокопреосвященнаго Филоеѣ слѣдуетъ считать изданіе поученій св. апостоловъ, найденныхъ имъ въ Константинополѣ въ такъ называемой „іерусалимской бібліотекѣ“.

Последнимъ крупнымъ трудомъ былъ прекрасный очеркъ просвѣдательной дѣятельности славянскихъ первоучителей св. св. Кирилла и Меѣодія, написанный по порученію константинопольскаго патриарха. Въ этомъ очеркѣ, написанномъ на основаніи многочисленныхъ матеріаловъ, высокопреосвященный Филоеѣ блестяще доказалъ несостоятельность взглядовъ папы Льва III, утверждавшаго въ своей энцикликѣ, что св. св. Кириллъ и Меѣодій были посланы римскою церковью проповѣдать славянъ.

Второй членъ депутации отъ константинопольскаго патриарха послѣ высокопреосвященнаго Филоеѣ,—митрополитъ анхіальскій, высокопреосвященный Василій. Онъ родился въ Константинополѣ, въ 1850 году, девяти лѣтъ поступилъ въ аѣнскую гимназію и, по окончаніи ея, въ 1866 году, перешелъ на богословскій факультетъ аѣнскаго университета. Окончивъ курсъ въ университетѣ съ дипломомъ магистра богословія, высокопреосвященный Василій поступилъ профессоромъ богословія, еврейскаго языка и толкованія Ветхаго Завета въ высшую богословскую школу на островѣ Халкѣ, гдѣ, кромѣ указанныхъ предметовъ, преподавалъ также и риторику. Занятія въ знаменитой бібліотекѣ этой школы, а также въ бібліотекѣ коммерческой школы, которая нѣкогда была стариннымъ монастыремъ, помогли ему отыскать 4-е „слово“ Ипполита, епископа римскаго, о пророкѣ Даниилѣ, и два „слова“ Михаила Хоніата и Георгія Вурды, которыя были имъ впоследствии прекрасно комментированы и изданы въ свѣтъ. Въ 1881 году митрополитъ Василій предпринялъ поѣздку по Европѣ съ ученою цѣлью; онъ побѣдилъ Германію, Италію, Францію и Англію и изучалъ въ музеяхъ и бібліотекахъ древне-греческія рукописи. По возвращеніи въ Константинополь (его заграничная поѣздка продолжалась четыре года), онъ былъ посвященъ въ архимандриты и назначенъ ректоромъ только что основанной духовной семинаріи. Почти одновременно съ этимъ состоялось назначеніе его редакторомъ сженидѣльнаго officialнаго журнала *Церковная Правда*, издаваемого при константинопольскомъ патриархѣ. Въ этомъ журналѣ было напечатано много статей высокопреосвященнаго Василія о разныхъ филологическихъ и церковно-историческихъ вопросахъ. Въ 1889

году онъ сдѣланъ былъ митрополитомъ анхіальскимъ, а съ марта 1896 года назначенъ членомъ константинопольскаго синода.

Представители іерусалимскаго патриарха на торжествахъ Священнаго Коронованія. Архіепископъ филадельфійскій Даміанъ и архимандритъ Арсеній. (Портр. на стр. 715.)

Высокопреосвященнѣйшій архіепископъ филадельфійскій Даміанъ, представитель іерусалимскаго патриарха на торжествахъ Священнаго Коронованія, родился въ 1848 году, на островѣ Самосѣ, и въ мірѣ носилъ имя Димитрія Константинопольскаго Касоти. Родители его, владѣвшіе на о. Самосѣ земельными участками, дали сыну тщательное домашнее воспитаніе, а затѣмъ отдали юношу въ одно изъ лучшихъ мѣстныхъ училищъ, подготавливая его къ общественному служенію.

Окончивъ образованіе, молодой Касоти поступилъ секретаремъ городской думы въ г. Маравокамбосъ, а затѣмъ былъ назначенъ товарищемъ мирового судьи; эти должности онъ занималъ съ усиліемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, снискавъ себѣ общее расположеніе среди населенія своего мирового участка. Горю, постигшее Д. К. Касоти въ 1869 году—потеря жены, съ которой онъ прожилъ всего два года,—круто измѣнило жизнь молодого юриста. Глубоко потрясенный, Димитрій Касоти покинулъ родину и отправился въ Іерусалимъ, гдѣ блаженной памяти іерусалимскій патриархъ Кириллъ назначилъ его послушникомъ при храмѣ Св. Гроба Господня, а въ 1872 г. постригъ его въ монашество, подъ именемъ Даміана. Шесть лѣтъ непрерывныхъ трудовъ, иноческаго послушанія, монашескаго искусства и упражненія въ прохожденіи разнообразныхъ монастырскихъ обязанностей, приучили молодого инока къ труду и послужили для него хорошей школой для дальнѣйшей его дѣятельности. Обративъ на себя вниманіе патриарха Іероѣея, инокъ Даміанъ, рукоположенный въ 1877 г. въ санъ іеромонаха, въ слѣдующемъ году назначенъ былъ его блаженствомъ въ число братіи Таганрогскаго Іерусалимскаго Александровскаго монастыря, но спустя нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1881 году, вызванный за годъ передъ тѣмъ въ Іерусалимъ, былъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ экзархомъ Св. Гроба Господня на Кавказѣ и управляющимъ тифлискими и кутаисскими имѣніями іерусалимскаго патриаршаго престола, гдѣ и пробылъ до 1886 г., когда ему былъ порученъ важный постъ представителя іерусалимской патриархіи въ Константинополѣ, требовавшій отъ занимающаго этотъ постъ лица дипломатическихъ способностей, такта, стойкости и энергіи. Здѣсь архимандритъ Даміанъ вполне оправдалъ возложенное на него патриархомъ довѣріе, но, къ сожалѣнію, спустя три года, вслѣдствіе возникшихъ между нимъ и патриархомъ Никодимомъ недоразумѣній, долженъ былъ покинуть этотъ постъ и возвратиться въ Іерусалимъ, гдѣ и продолжалъ свою службу при патриархѣ.

Въ 1891 г., съ восшествіемъ на іерусалимскій престолъ патриарха Герасима, архимандриту Даміану вѣрною было управленіе монастыремъ Рождества Христова въ Вилеѣмѣ, а въ 1893 г. онъ былъ рукоположенъ въ санъ архіепископа филадельфійскаго, принявъ въ свое завѣдываніе и управленіе вилеѣмской епархіей.

Пріѣхавъ въ Москву для присутствованія на торжествахъ Священнаго Коронованія, архіепископъ Даміанъ имѣлъ счастье 10 мая, со вторымъ представителемъ патриарха, о. архимандритомъ Арсеніемъ, представлявшимъ Его Императорскому Величеству Государю Императору и поднести отъ его блаженства патриарха іерусалимскаго Герасима поздравительное посланіе, съ складенъ и крестъ Св. Гроба Господня съ частицей Животворящаго Древа.

Массивный серебряно-вызолоченный складень представляетъ собою точную копію кувукліа (часовни), находящейся надъ Св. Гробомъ въ св. градѣ Іерусалимѣ, при чемъ всѣ рѣшетки, карнизы и колонки на складнѣ изображены рельефно. Внутри складня находятся иконы Св. Воскресенія съ частицею камня отъ Всечестнаго Гроба Спасителя, св. Николая и св. царицы Александры, въ рамкахъ и орнаментахъ тончайшей ажурной работы богатаго рисунка.

Золотой крестъ съ короной, заключающей въ себѣ частицу Животворящаго Древа, представляетъ собою родъ духовнаго ордена, такъ какъ жалуются патриархомъ весьма рѣдко и лишь за особые заслуги, при чемъ пожалованіе креста Св. Гроба сопровождается и дипломомъ. Высшая степенъ носитя на шеѣ, шнуромъ—на груди.

Его Императорскому Величеству поднесенъ крестъ для пошени на шеѣ; крестъ надѣвается на золотую цѣпь, цѣмного похожую на цѣпь ордена св. Андрея Первозваннаго; отдѣльные части ея состоятъ изъ золотыхъ равностороннихъ крестиковъ, съ пересѣкающими ихъ черными эмалевыми крестами; всѣ крестики соединены между собою двумя рядами золотыхъ цѣпочекъ и чередуются съ терновыми вѣничками для помѣщенія крупныхъ брильянтовъ. Выше креста и короны, посреди всей цѣпи—золотой рельефный гербъ Іерусалимской патриархіи; самый крестъ величиною въ 1½ вершка, гладкій,

матовый, съ чернымъ эмалевымъ крестомъ по среднѣи и греческой надписью на оборотной сторонѣ: „Симъ побѣждай“. Все исполнено изъ чистаго золота и отличается тонкостью и изяществомъ работы.

Архимандритъ Арсеній, главный уполномоченный іерусалимскаго патриаршаго престола въ Россіи и одинъ изъ представителей іерусалимскаго патриарха на торжествахъ Священнаго Коронованія, — въ мѣрѣ Аванасій Ангелидесъ, родился близъ г. Бруссы, въ Малой Азіи, въ 1848 г., и первоначальное образованіе получилъ въ одномъ изъ высшихъ училищъ брусской метрополіи. Ему было 14 лѣтъ, когда его способности обратили на него вниманіе брусскаго митрополита Констанція, который и содѣйствовалъ отравленію юноши въ Константинополь для дальнѣйшаго образованія. Окончивъ здѣсь курсъ патриаршаго крестнаго богословскаго училища, Аванасій Ангелидесъ пріобрѣлъ болѣе хорошее расположеніе патриарха Кирилла II. Въ 1866 г. патриархъ Кириллъ постригъ его въ монашескій санъ, рукоположилъ въ іеродіаконъ и, зачисливъ въ свою свиту, далъ ему вскорѣ мѣсто эконома патриаршаго двора, причѣмъ неоднократно возлагалъ на него важныя порученія, которыя инокъ Арсеній всегда успѣшно исполнялъ. Такія же порученія пришлось ему исполнить и при патриархѣ Проконіи, который возвелъ его въ санъ архидіакона, а въ 1872 г. въ санъ іеромонаха; въ 1877 г., возведенный патриархомъ Іероодемъ въ архимандрита, о. Арсеній былъ назначенъ помощникомъ настоятеля іерусалимскаго патриаршаго въ Москвѣ подворья, а въ 1883 г., по волеизъявленію іерусалимскій престолъ патриарха Никодима, занялъ важный постъ главнаго уполномоченнаго Гроба Господня и представителя іерусалимскаго патриарха въ Россіи.

Въ 1888 г., вслѣдствіе послѣдовавшихъ между патриархомъ Никодимомъ и архимандритомъ Арсеніемъ разногласій, этотъ послѣдній вышелъ въ отставку, но вселенскій патриархъ Діонисій принялъ его подъ свое покровительство, уговоривъ временно поселиться въ константинопольскомъ подворьѣ въ Москвѣ. По вступленіи на патриаршій престолъ нынѣшняго іерусалимскаго патриарха Герасима, архимандритъ Арсеній былъ вызванъ въ Іерусалимъ, гдѣ въ торжественномъ засѣданіи Св. Синода, за всѣ его предшествовавшіе труды и заботы, патриархъ возложилъ на него крестъ Св. Гроба съ патриаршей короной, даваемой лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и за особыя важныя заслуги братьямъ Гроба Господня. Въ 1893 г., по просьбѣ вселенскаго патриарха Неофита и Св. Синода, архи-

мандритъ Арсеній принялъ временное управленіе константинопольскимъ подворьемъ. Здѣсь архимандритъ Арсеній проявилъ свои труды и энергію во всей ихъ силѣ. Высочайшее пожалованіе въ Бозѣ почтнѣшимъ Императоромъ Александромъ III этому подворью 175,000 р. было результатомъ плодотворной дѣятельности архимандрита Арсенія, которому тогда же въ особой грамотѣ была выражена горячая признательность и благодарность вселенскаго патриарха и св. константинопольскаго синода.

Принадлежа къ числу даровитыхъ и весьма популярныхъ на православномъ Востокѣ духовныхъ дѣятелей, архимандритъ Арсеній давно извѣстенъ, какъ энергичный защитникъ въ Россіи правъ и интересовъ свѣтлѣйшей церкви іерусалимской, ревностно исполняющій свои многотрудныя обязанности въ предѣлахъ нашего отечества, укрѣпляя по мѣрѣ силъ тѣсныя узы, некими соединяющія Россію съ православнымъ Востокомъ.

Кромѣ креста Св. Гроба архимандритъ Арсеній еще имѣетъ драгоцѣнный наперсный крестъ, пожалованный ему вселенскимъ патриархомъ Діонисіемъ, и ордена св. Анны 2 ст., греческій золотой крестъ Спасителя, сербскій орденъ Саввы, турецкій Османіе 3 ст. и, наконецъ, въ день Священнаго Коронованія ему Высочайше пожалованъ орденъ св. Владиміра 3 степени.

Парадъ войскамъ 25 іюня с. г., на Маринской площади, передъ памятникомъ императору Николаю I. (Рис. на стр. 718.)

Помѣщенный на стр. 718 рисунокъ воспроизводитъ парадъ войскамъ, состоявшійся 25 іюня с. г., въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, по случаю празднованія столѣтія со дня рожденія въ Бозѣ почтнѣимаго императора Николая Павловича. Ихъ Величества, въ сопровожденіи Ихъ Высочествъ и свиты, прибыли изъ Петропавловскаго собора съ торжественной панихиды по въ Бозѣ почтнѣимъ императорѣ, — на Маринскую площадь въ первомъ часу дня. Послѣ молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія и пущеніемъ салютовъ, состоялся церемониальный маршъ войскъ, выстроившихся передъ памятникомъ; войска удостоились при проходе царскаго спасіа. Послѣ парада, окончившагося въ 2 часа дня, Ихъ Величества отбыли въ Петергофъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ послѣднія недѣли вниманіе европейской печати приковано къ турецкимъ дѣламъ. Въ Хаураиѣ и Ливанѣ началось новое движеніе: возстаніе воинственнаго племени друзовъ, перебѣвшихъ четыре роты турецкаго войска и захватившихъ нѣсколько орудій. Возстаніе это имѣетъ болѣе серьезный характеръ, чѣмъ прологоднее. По свѣдѣніямъ изъ Константинополя отъ 28 іюня, командованіе турецкими войсками, предназначеннымъ для дѣйствій въ Хаураиѣ, поручено Ахмету-Реми-пашѣ—опытному руководителю прошлогоднихъ дѣйствій противъ зейтунискихъ повстанцевъ. Несмотря на принятія мѣры, ливанскіе друзы успѣли оказать помощь инсургентамъ. Уступая дружественному вмѣшательству державъ, Порты послѣ долгихъ сборовъ назначила наконецъ на должность каймакама въ Зейтунѣ христіанина-грека Явоакимъ-эффенди. Но этимъ запоздалымъ шагомъ турки мало уснокоили населеніе Арменіи, гдѣ отношенія между христіанами и мусульманами стали снова обостряться: въ Ванѣ 17 іюня произошли новыя кровопролитныя столкновенія. Порты обратилась за содѣйствіемъ къ вліянію Россіи и Англии. Благодаря посредничеству русскаго и англійскаго консуловъ между христіанскимъ населеніемъ и турецкими властями, исподволь удается установитъ спокойствіе въ городахъ, но въ населенныхъ пунктахъ гористой части Арменіи—броженіе въ полномъ ходу.

По извѣстіямъ газеты *Neue Freie Presse*, со словъ великаго визири Халиль-Рифата-паша, общаппны Портой административныя реформы вводятся по соглашенію съ великими державами, но армяне, считая себя неудовлетворенными, повидимому, ожидаютъ чего-то болѣшаго, хотя численность ихъ не превышаетъ четырехсотъ тысячъ въ провинціяхъ съ турецкимъ населеніемъ, доходящимъ до четырехъ милліоновъ жителей.

Вмѣшательство державъ въ критскія дѣла выразилось 12 іюня коллективной нотой, послѣ которой Порты распорядилась созвать критское народное собраніе на 17 іюня.

Благодаря совмѣстному и единодушному образу дѣйствія европейскія державы, Портѣ данъ былъ послами настоятельный совѣтъ послѣднѣе назначеніемъ генералъ-губернатора — христіанина, такъ какъ Абдулахъ-паша считается послами главнѣйшимъ препятствіемъ къ умнротворенію Крита. По извѣстіямъ изъ Константинополя отъ 16 іюня, генералъ-губернаторомъ Крита назначенъ князь острова Самоса Георгій Беровичъ-паша, а княземъ Самоса—Стефанаки Музурусъ-бей. Бывшій генералъ-губернаторъ Крита Абдулахъ-паша остается командующимъ войсками на Критѣ съ производствомъ въ мар-

шала. По назначеніи Беровичъ-паша, послы выразили султану благодарность, повторивъ при этомъ ходатайство о дарованіи амнистіи на Критѣ. Соглашалась съ предложеніемъ послы, султанъ выразилъ намѣреніе уступить и въ вопросѣ о халескомъ договорѣ (см. *Нива* № 25). Но многіе депутаты созваннаго критскаго собранія не явились въ Канею (прибыло не болѣе двадцати человекъ).

Занявъ свой постъ 18 іюня, Беровичъ-паша обратился съ воззваніемъ къ населенію, увѣщавая его содѣйствовать замиренію острова Портой. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній, представители великихъ державъ обратились съ дружескимъ совѣтомъ къ греческому правительству, чтобы оно своимъ вліяніемъ склонило критянъ къ принятію уступокъ Порты, воспретивъ также отправку на возставшій островъ оружія и боевыхъ припасовъ. По отзывамъ *Neue Freie Presse*, греческое правительство, сославшись на свое корректное отношеніе къ критскому движенію съ самаго начала его возникновенія, дало слово помочь дѣлу мира, не ругаясь, впрочемъ, за успѣхъ.

Тѣмъ временемъ, по свѣдѣніямъ вліятельной европейской печати, среди возставшаго населенія Крита усилилось озлобленіе противъ Турціи: благодаря поведенію мусульманскихъ обществъ и войска Абдулаха-паша, движеніе приняло религіозный характеръ. Какъ сообщаетъ *Berlin. Tageblatt*, энтропія—революціонный комитетъ не скрываетъ, что, благодаря греческимъ патріотамъ, боевыхъ припасовъ у повстанцевъ хватило на сорокъ тысячъ человекъ, способныхъ противостоятъ по меньшей мѣрѣ стотысячной турецкой арміи, блокада же Греціи и Крита военными судами державъ была бы уже запоздалой. Въ политическихъ кружкахъ возникла опасенія, какъ бы возстаніе не распространилось на восточную часть Крита.

Съ своей стороны Порты стала проявлять усиленную дѣятельность по снаряженію корвета съ четырьмя миносками для отправки въ критскія воды, а также по высылкѣ на Критъ новыхъ баталіоновъ пѣхоты съ горной артиллеріей. Съ цѣлью пронести давленіе на Грецію, а по другой версии, чтобы помѣшать вооруженнымъ шайкамъ пробраться въ Фессалію и Македонію, Порты двинула къ греческой границѣ 16 баталіоновъ. Все это—плохіе предвѣстники мира. Это заставило представителей державъ въ Константинополѣ дѣйствовать энергичнѣе. На требованіе державъ прекратить военныя дѣйствія, Порты обѣщала держаться оборонительнаго образа дѣйствія. Затѣмъ объявлена критянамъ полная амнистія.

Воздѣйствіе державъ на обѣ враждующія стороны придало дѣлу рѣшительный оборотъ. Критіанамъ отправлена депеша представителей великихъ державъ въ Константинополь съ совѣтомъ, прекратить враждебныя дѣйствія, вступить въ переговоры на основаніи Халенской конвенціи, въ которой Порте соглашается сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ пользу населенія. Христіанскіе депутаты возмущенныхъ округовъ приглашаются непременно прибыть въ Каню, такъ какъ личная ихъ безопасность гарантирована ручательствомъ консуловъ; эти депутаты совмѣстно съ христіанскими депутатами восточныхъ округовъ острова должны согласиться относительно программы требованій. Указавъ на то, что Порта выразила миролюбивыя намѣренія, предписавъ Абдуллаху-шахъ вывести войска изъ городовъ острова, упомянутая депеша пригрозила критіанамъ, въ случаѣ ослушанія, лишить ихъ всякаго сочувствія со стороны великихъ державъ.

Результатъ пока довольно благоприятный. Бѣжавшіе въ Гре-

цію критскіе депутаты, обезпеченные полною безопасностью, отплыли 28 іюня въ Каню. Депутаты христіане отвѣтили согласіемъ явиться въ собраніе къ 29 іюня. Примѣру ихъ послѣдовали депутаты непримиримаго направленія, получивъ отъ турецкихъ властей свободный пропускъ съ театра возстанія въ Каню. Только депутаты-мусульмане, недовольные уступками Турціи, посѣпили удалиться изъ столицы Крита. Къ 29 іюня въ Каню съѣхалось около двухъ третей членовъ собранія. По свидѣніямъ изъ Константинополя отъ 2 іюля, критское народное собраніе наконецъ состоялось.

Теперь больше вѣроятія, что критяне, высказавъ свои требованія въ присутствіи представителей великихъ державъ, войдутъ въ соглашеніе съ Портой о выработкѣ новаго порядка вещей на Критѣ. Усиліями державъ удалось локализовать пожаръ въ Европейской Турціи, но... невольно напрашивается вопросъ, надолго ли?!

Библиографія.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе 10-е. Тексты сверены съ собственноручными рукописями автора и первоначальными издаваніями его произведеній **Н. Тихомировымъ** и **В. Шенро-**

веденій главы нашего реализма было до сихъ поръ совершенно немислимо въ виду неполноты изданій. Потребность въ новомъ издаваніи, которое представило бы намъ всего Гоголя, какъ онъ

Парадъ войскамъ 25 іюня с. г., на Маріинской площади, передъ памятникомъ императору Николаю I. Съ фот. автотипія „Нива“.

комъ. Съ приложеніемъ портрета Гоголя, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, и 3-хъ снимковъ съ собственноручныхъ рисунковъ Гоголя: портрета Пушкина и домиковъ Гоголя. Тома VI и VII. Изданіе А. Ф. Маркса. СПб. 1896 г. Цѣна VI т.—3 р.; съ перес.—3 р. 50 к.; VII т.—3 р. 50 к.; съ перес.—4 р.

Только-что вышедшими въ свѣтъ двумя томами заканчивается десятое изданіе полного собранія сочиненій Н. В. Гоголя. Выполненное съ идеальной отчетливостью и полнотой, изданіе это по справедливости можетъ быть названо единственнымъ, благодаря тщательности сличенія текста съ подлинными рукописями, обилію черновыхъ матеріаловъ, еще не появившихся ни въ какихъ другихъ отдѣльныхъ изданіяхъ, и, наконецъ, благодаря богатству всевозможныхъ облегчающихъ изученіе текста примѣчаній. Не одно поколѣніе воспитывало свой эстетическій вкусъ на художественныхъ образахъ Гоголя, а между тѣмъ до сихъ поръ у насъ не было еще издаванія, которое удовлетворило бы самымъ скромнымъ требованіямъ вѣрности оригиналу, не говоря уже о томъ, что историческое изученіе произ-

есть, давно уже чувствовалась: публика ждала, что ей наконецъ будетъ дана возможность изучить все литературное наслѣдіе писателя, котораго исторія успѣла уже поставить въ ряды великихъ. Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ послѣдними бр. Салаевыхъ было начато десятое изданіе сочиненій Гоголя подъ редакціей профессора московскаго университета Н. С. Тихомирова, при чемъ на первый планъ былъ выдвинутъ и пересмотръ текста произведеній Гоголя, и повѣрка его по собственноручнымъ рукописямъ поэта. Смерть помѣшала Тихомирову довести это изданіе до конца; въ вышедшихъ или томахъ, которые онъ успѣлъ выпустить въ свѣтъ, помѣщено все, что помѣщалось въ предыдущихъ изданіяхъ и что представляетъ собою интересъ съ точки зрѣнія литературно-художественной. Тѣмъ не менѣе, по отношенію къ такому писателю, какимъ для насъ былъ и будетъ Гоголь, всякому истинно-образованному русскому читателю не достаточно ограничиться однимъ только чтеніемъ его произведеній.

Кто изъ насъ изучаетъ писателей? Слава Богу, если какъ-нибудь удосужился прочесть ихъ разъ-другой. А между

НОВОСТЬ.

Въ 1 минуту 10 штук крученыхъ папирсъ дѣлаетъ патентованная машинка для папки папирсъ „ВОЛГА“.

Цѣна 7 руб. за штуку.

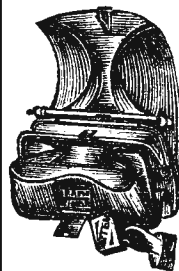
Къ машинкѣ прилагаются 2 металлическихъ гильзы № 10 и 11.

Гр. торговцамъ свидѣа. Можно получить въ слѣдующ. магазинахъ: Лиманъ и Риксъ, Б. Морская 28, и Гороховая 16. К. Чернохвостовъ, Гост. дворецъ, Зеркальная л. 35, и проч. № 9369 Гл. представители: Колеж. Роде, С.-Петербургъ, В. Подъячская, 23.

Аптекарск. и резинов. товары 6-4 и фабрика выкатнивыхъ и резиновыхъ наливковъ И. ЗАВЛИНА, 7, Измайловскій пр., 7. СПБ., 59, Невскій, 59. Прейсъ-курanty безплатно.

Нежелающимъ имѣть карманный штемпель,

который можно было бы носить при себѣ, не занимая отдѣльнаго мѣста въ карманѣ, рекомендуемъ изъ хорошей черной опойки лучшей заграничной выдѣлки портмонзъ съ лѣтвю отдѣл. (однимъ внутр. для звонк. мон.) съ механ. замкомъ, содержащимъ штемп. имя, отч., фамил., по желанію корону или званіе. Прилагается 1 флаконъ краски и подушк. Цѣна только 1 р. 85 к. Упаковка и пересылка, кроме Азіат. Россіи, на счетъ фабрики. Высылаю немедленно по полученіи задатка или стоимости съ нал. платеж. на 10 к. дорож. Заказы прошу адресовать:

И. Д. ЛЕВИНСОНУ, г. Бѣлостокъ, Гродн. губ. Фабрика штемпелей и печатей. Имѣются тоже дамскія прекрасной отдѣлки Ц. № 9342 по той же цѣнѣ. 12-2 Штемпелямъ можно печатать бланки, конверты, книги, карточки и проч.

Портмонзъ изъ наилучшей черной опойки заграничной выдѣлки, съ матовымъ лоскомъ, съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ для звонкой монеты. Корпусъ изъ одного куска съ механическимъ затворомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски.

Въ штемпелѣ можно помѣстить имя, отчество, фамилію и званіе, по желанію и корону. Наружная величина 2 1/4 x 1 3/4 вершка. Цѣна со штемпелемъ 1 шт. 2 р., 2 шт. 3 р. 75 к.

Также дамскія издѣлія, размѣромъ 1 3/4 x 1 1/2 вершка, по тѣмъ же цѣнамъ.

Тѣ же изъ настоящей тюленьей кожи шт. на 50 коп. дорож. Ц. № 9340 4-2

Изготавливаются также издѣлія и прочіе бумажники по слѣдующимъ цѣнамъ:

Прейсъ-курanty	Разм. въ вершк.		Отдѣлений	Цѣна въ коп.	
	Длина	Ширина		Опойка	Тюлень.
БУМАЖНИКАМЪ со штемпелями.					
„Купеческій“	3 3/8	2 1/2	7	250	350
„Казначейскій“	4	3	9	350	500
„Банкирскій“	4 1/4	3	11	500	700

Всѣ цѣны съ пересылкою въ Европ. Россію, въ Азіатскую же съ прибавленіемъ части въсовымъ. Съ наложнымъ платежомъ 10 коп. больше.

Въ контору фабрики Америк. научн. штемпелей М. ФИШМАНЪ Варшава, ул. Бѣльска, 23.

№ 4711. Кто любить запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“ (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіи нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся. № 4711 Savon violette du rhin. Вся одинаковая превосходнаго качества.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

VELOUTINE CH. FAY
PARIS 9, rue de la Paix, 9 ПАРИЖЬ
РИСОВАЯ ПУДРА
СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРИГОТОВЛЕНІЕ СЪ ВИСМУТОМЪ
Имѣемъ честь увѣдомить Гг. Покупателей, что коробки пудры «VELOUTINE» не снабжены русской таможенной plombой должны считаться поддѣлкой.

КУРГАУЗЪ НАССАУ (Ланъ) БЛИЗЪ ЭМСА.
Водолѣчебное заведеніе. Массажъ. Электрическое лѣченіе.
В. № 9243 10-10 Загѣдывающій врачъ Д-ръ Э. Пѣнсенъ.

Apotheker Weiss & Co
GIESSEN.
WIEN.
KARNTHENERRING 6.
КРЕМЪ МЫЛО ПУДРА
Jolis
КРИСЪ
ДЛЯ КРАСОТЫ И СМЯГЧЕНІЯ НОЖИ

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ
духи — ФИАЛКА ДУСЛЭЭЭ — туалетное мыло.
духи — ЯПОНСКАЯ ФИАЛКА — туалетное мыло.
духи — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлсруэ.
Можно получить: Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Бюлеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Гершъ, Лимана и Рикса, А. Линде, А. Энгелунда. Ц. № 9368
Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Мерилизъ, въ магазинѣ „А-ля-туалетъ“, у Г. Врунсъ, Л. Горхардъ, и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. 25-1
Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Максимилиановскій пер.

ВЕЛОСИПЕДЫ „ТРИУМФЪ“.
Единств. представит. для всей Россіи
Иосифъ Эйхенвальдъ.
Москва, Столешниковъ пер., д. № 5.
Представителъ для С.-Петербурга и его окрестностей состоитъ О. И. Андреевскій въ СПб., 19, Екатерининскій кан.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ (12)
Специальность хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Подробный иллюстр. преісъ-курanty по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.
Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.
Васильевскій островъ 12 л., д. 35.
Женская Профессіональная школа Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Приемъ дѣвицъ отъ 12 до 15 лѣтъ. Приемныя испытанія 27 и 28 августа; начало занятій 1 сентября. Программы и условия приема узнавать у Начальницы школы.

ВОЛИЦІЙ лѣчить наружныя, внутреннія болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2-4 и отъ 6-7 1/2 ч. в. № 917: 13-7

Золотыя медали 1894 г. и 1896 г.
ПРОВИЗОРЪ А. М. ОСТРОУМОВЪ. МОСКВА.
Мыло отъ головной перхоти кусокъ 30 к. и 50 к.
МЫЛО ДѢТСКОЕ ИЗЪ ТРАВЫ ЧЕРЕДЫ кусокъ 35 к. и 25 к.
О-Д-Е-С-О-В-Э-РЪ вода отъ перхоти флаконъ 2 руб. и 1 р. 25 к. и ВСѢ туалетныя мыла. Продаются всездѣ.
СКЛАДЪ: Москва, Длиннъ пер., соб. № 9245 домъ. 20-9

ВЪ ПАДѢТЬ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ.
Серебряныя 84-ой пр. брелокъ изъ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ. Красивая отдѣлка съ разноцвѣтной эмалью и позолоченной короною. Очень красивый рисунокъ. 5-3 Шт. 2 р. 75 к.; 2 за 5 р. 25 к.; 3 за 7 р. 75 к.; 6 за 14 р. 95 к.; 12 за 27 р. 50 к.
Пересылка наложнымъ платежомъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ. С.-Петербургъ, Невскій, № 20-31.

К. Шликѣйзенъ, Берлинъ SO.
машино-строители. заводъ для кирпич., торфяного, гончарнаго и известковаго производствъ, а также для изготовленія всякаго рода черенцы, гончарныхъ трубъ различной длины, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (35)
Далѣе: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляціонную массу. Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ В. АЛЬТШВАГЕРЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 42.
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Преісъ-кур. высыл. безпл.

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОНЛЬ
Лилипутъ
Безъ фирмы и фабричнаго имени поддѣлка.
со шпуре. въ замшевомъ кошелькѣ. 8 р. 50 к. съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азіат. 10 р. „Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполне замѣняетъ, какъ для полая, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинобли.
Н. КРАУСЪ и К°. 2-2 Специальн. фабр. оптич. инструментовъ Парижъ. Рус Albouy 21 & 23.
ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ФАБРИКИ ДЛЯ РОССІИ С.-Петербургъ, Мойка, 42.
Иллюстр. пр.-кур. высыл. за семикоп. марку.

Ц. № 9059 (19)

Ц. № 9349 4-3

(34)

Можно получать въ Москвѣ во всѣхъ магазинахъ Товарищества „Эйнемъ“. Ш. № 8988 16-8

Можно получать во всѣхъ колониальныхъ магазинахъ Россіи.

Съ разрѣшенія КАБИНЕТА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА выпущены въ продажу Рельефные портреты Государя Императора и Государыни Императрицы тисненые настоящимъ алюминіемъ, въ рельефной рамкѣ съ жемчужной, приспособлены для установки на столъ и привѣшиванія на стѣнѣ. Цѣна за оба портрета съ пересылкой ОДИНЪ Р. С. Требования и деньги адресовать І. ГИРШОВИЧУ, Варшава. Продаются также на ВСЕРОСС. НИЖЕГОР. ВЫСТАВКѢ, Ш. № 9339 Х худож.-пром. отдѣлъ. 5-2

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN
 Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (54)
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ Mimosa ЛОЗЕ Ixora-viola
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

ЛЕОНГАРДИ
 достохвально-извѣстныя, единственно настоящія
Алциариновыя чернила для письма
 и копированія
 (железисто-орѣшковые 1-го класса по отзывамъ государственныхъ № 8857 и 30-18
ЛЕГКО-СТЕКЛЮЩІЯ, ЗПОЛНѢ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.
НАИЛУЧШИЯ:
 для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода, можно получать почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.
 Неподдѣльно только съ сей
Авг. Леонгарди
 изобрѣтатель и единственный
 въ Дрезденѣ, фабриканыт.
 Избѣгать поддѣлокъ.

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К.И.ФРЕЛАНДТЪ
 С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
 НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
 №27-18 УЛИЦА УЛИЦА

„Гуниади Яносъ“ представляетъ собою продуктъ природы,
СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ котораго извѣстно.
 Для пом. приѣма достаточно 1/2 обмык. стакана.
 Просимъ об. а. щать вниманіе на нашу предохранител. марку портрета, котор. рал неизмѣнно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей нашей воды.
 Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
 Ш. № 9157 **ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ** 12-3
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 8931 26-13 на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

НОВОСТЬ!

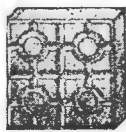

НАРОДНАЯ ЦИТРА

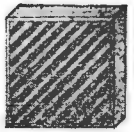
съ патентованными подкладными листами, на которой каждый незнакомец съ чтеиъ очень ногъ можетъ тотчасъ же играть по подкладнымъ листамъ.
Цѣна безъ листовъ 9 руб. Подкладные листы по 2) коп. рекомендуютъ

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ. Складъ нотъ.
С.-Петербургъ, Вол. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина. Нижегородская ярмарка, Главный домъ.

ОГНЕУПОРНЫЙ КИРПИЧЪ, ТРОТУАРНЫЯ ПЛИТКИ, КАМЕНЬ ДЛЯ МОСТОВЫХЪ, КЛИНКЕРЪ

ТОВАРИЩЕСТВА
ПРОИЗВОДСТВА ГЛИНЯНЫХЪ И ГОНЧАРНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
въ гор. Боровичахъ.

№ 9205

Съ заказами просятъ обращаться:

20-12

Въ Правленіе Т-ва: С.-Петербургъ, Вол. Подъяческая, д. № 2.
Въ Контору завода: г. Боровичи, Новгородской губ.
Въ Технич. Контору В. И. Щербакова: Москва, Ильинка, Шуйское подворье.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

для производства СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ

въ г. Ригѣ

изготовить въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.

Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ.
Л. № 9137 10-8

НА ВОСПИТАНИЕ ДѢТЕЙ И УСТРОЙСТВО БѢДНЫХЪ ДѢТЕЙ - БУДЬТЕ СЪ НАМИ!

СОЗДАНА
60
ТЕЛЕФОНЪ 1360

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО
ИМПЕРАТОРСКОГО
ОБЩЕСТВА
ПРОСИТЬ
ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
ЖЕРТВОВАТЬ
СЕБѢ

НЕИЗБѢЖНЫЯ ВЕЩИ

АУКЦИОНЪ
ПО ПРИБОРНОМУ
СОСТАВЛЕНІЮ
№ 500

ТЕЛЕФОНЪ 3678

ЦВѢТОЧНАЯ ВОДА

РАЛЛЕ

(Самыя прекрасныя духи)

Майскій Ландышъ, Илантъ-Илантъ,
Гелиотропъ, Вера-Вioletta и т. д.
Продаются во всѣхъ Антик. магазинахъ Россіи. Имперіи

ВСЕРОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА

Ц. № 6345 4-8

ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.

Удешевленный проѣздъ. 3000 номеровъ отъ 2 рублей въ сутки. Рестораны. Театры.
ВЫСТАВКА СОВЕРШЕННО ЗАКОНЧЕНА.

Справки по телефону и почтой: Нижній-Новгородъ, выставка, справочное бюро.

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ ПФАФФА.

Самыя лучшія машины для домашнихъ работъ, для мастерскихъ и фабрикъ.
Прейс-кур. высыл. по требованію.

Фабрика швейныхъ машинъ Г. М. ПФАФФА (G. M. PFAFF).

Кайзерслаутернъ (въ Германіи).

Основана въ 1862 году.

№ 8192 26-24 Число рабочихъ—700.

СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

В. ЮХИМЪ и К^о.

С.-Петербургъ.

Невскій просп., д. № 3.

Москва.

Театральный проѣздъ.

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ съ естественнымъ методомъ леченія Д-ра МАКСА ВѢМА.

Dr. Max Böhm's Naturheilanstalt, Bad Friedrichroda i/Th.

Купанье ФРИДРИХРОДА въ Тюрингіи, 1.430 футовъ надъ уровнемъ моря, открыто круглый годъ. Прекрасно обставленное и пользующееся лучшимъ решою заведеніе для всѣхъ страдающихъ хроническими болѣзнями. Местоположеніе самое прекрасное въ Германіи. Проспекты высылаются безплатно.

К. № 9070 21-10

В. Фреймутъ.

Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества и придворн. часовъ дѣл мастеръ.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЯКАГО РОДА ЧАСОВЪ,
Ш. № 9220 собствек. и друг. фабр. 8-5

Высылка наложеннымъ платежемъ. Полный прейс-курантъ безплатно.

Складъ резиновыхъ и вискатиновыхъ издѣлій Рихарда Квернеръ, С.-Петербургъ, Общественная ул., д. № 10, предлагаются: наряды, пальто для военныхъ, плащи, пальтато, дамскія ротонды, наряды для дѣтей изъ черной и замѣчательно красивой строй резиновой матеріи, а равно и изъ англійскаго матоваго вискатина высшаго качества по недорогимъ цѣнамъ. Прейс-куранты и образцы высылаю безплатно: гг. торговцамъ склада.

ОБШИРНѢЙШІЙ ВЪ РОССИИ СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

до 1000 шт. въ наличности.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

М. Блок

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Копенгага, Ростовъ н/Д.
КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

Знаменитое бѣлье

Королевско-Саксонск. и Королевско-Рульнск. Придворн. Поставщикъ
**МЕЙ и ЭДЛИХЪ,
Лейцигъ-Плагвицъ.**

изящно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнонаго бѣлья. Штука-только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ испорченныхъ со стиркой ниритностей. После употребленія его бросаетъ. Постоянно новое, безупречно-идеальное бѣлье. Вредоносно сохраняется даже при усильномъ потѣнн. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ, и холостяковъ. Нижепоименованные представители сообщать, по желанію, гдѣ оно продается.
Тауфанн Штейдль, Москва. Карль Шиммель, С.-Петербургъ, Садовая 18. Макс Тишбейнъ, Рига. Фабианъ Клингеландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

ПАМЯТЬ,

„ИСКУССТВО
УКРѢПЛЕНІЯ ПАМЯТИ“.
(Что такое мнемоника?)

КНИГА (шестое исправлен. и дополн. изданіе) *) проф. мнемоники С. Файнштейна и печатныя условія за вѣчный (письменный) курсъ изобретенія и укрьпленія памяти и устраненія расстройствъ (въ 10 ур.) высланы за шесть семеекъ марокъ; на мелочной бумагѣ вышлетъ съ условіями — за восемь 7-ми-коп. марокъ. Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологии, психологии, логики и педагогики.
(Условія за курсъ безъ книги высл. за одну 7-ми-коп. марку).

Адресъ: Одесса, Гаванная ул., 60. И. А. Бродскаго, № 6/28а (рядомъ съ городскимъ садомъ), кв. В-8, въ безъ-этажн. профессоръ мнемоники, членъ парижской академіи С. Файнштейнъ.

*) Книга эта продается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи. № 9370

ИЗЪЯНЫ ВОЛИ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ
Н. Д. МАСЛОВА.
Изданіе **А. Ф. МАРКСА**
въ С.-Петербургѣ.

Большой, изящно изданный томъ, въ 371 страницѣ, убоистой печати, въ красивой обложкѣ, съ виньеткою художн. Р. Штейна. СПб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ!!!

Заочное обученіе шитью и кройкѣ посредствомъ лекцій - корреспонденцій, по повѣренію, понятному для каждаго, методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи свидѣтельство. Условія и программа безплатно. Преподавательница Е. Д. Амшарина. Киевъ, № 9316 В. Житомирская. № 4. 8-8

НАВОНДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 29

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти ежене- с. книг „Сборника“, содер- ж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 20 июля 1896 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1896 г.

Безъ доставки въ
Петербургъ **5 р.**

Безъ доставки въ Москвѣ
чр. контору Н. Н. Печковской,
Петровскія торговыя лини. **6 р.**

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . **6 р. 50 к.**

Съ пересылкою
въ Москву и др.
города Россіи . . **7 р.** За
гра-
ницу. **10 р.**

При этомъ № подписчикамъ прилагается выпускъ «Ежемѣсячн. литерат. приложений» за Июль 1896 г.

Многочисленное семейство. Съ картины Ю. Шейрера грав. Берике.

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Часть первая.

III.

Онъ успокоился вполнѣ лишь тогда, когда выѣхалъ совсѣмъ изъ лѣсу. По счастью, тропинка была одна, безъ своротовъ, и сбиться было нельзя. Большая, проѣзжая дорога пролегла недалеко отъ лѣса.

Глаза князя Ивана настолько уже привыкли къ освѣщенію, что онъ теперь отлично различалъ мѣстность и, выѣхавъ на опушку, легко нашелъ дорогу.

И только тутъ, попавъ на эту, хотя и пустынную, но все-таки проѣзжую дорогу, онъ почувствовалъ себя совсѣмъ хорошо.

Дорога эта была та самая, по которой онъ около мѣсяца тому назадъ подѣзжалъ къ Петербургу.

Нужно было дать немного вздохнуть лошади, да и самъ Косой чувствовалъ сильное утомленіе, и онъ рѣшилъ, что остановится у Дмитрича, хотя бы для этого пришлось разбудить весь домъ.

Но еще издали, приближаясь къ гербергу, князь Иванъ замѣтилъ тамъ свѣтъ въ окошкѣ, а подѣхавъ, увидѣлъ лошадь Ополчинина, которую вываживалъ передъ домомъ работникъ Дмитрича.

Косой соскочилъ съ сѣдла, отдалъ ему и свою лошадь и

пошелъ, разминая ноги, на крыльцо, очень довольный, что можетъ выпить стаканъ вина и не одинъ, а все-таки съ кѣмъ-нибудь.

Легкое состояніе хмеля, которое онъ нагулялъ кутежомъ въ бильярдномъ домѣ, гдѣ они больше пили, чѣмъ ѣли, окончательно прошло у него, и онъ чувствовалъ теперь голодь, и ему хотѣлось пить.

Ополчининъ сидѣлъ у Дмитрича, успѣвъ уже устроиться очень хорошо, совсѣмъ по барскому.

Онъ сидѣлъ за накрытымъ чистою скатертью столомъ. Передъ нимъ стояли на деревянномъ блюдѣ куски холодной, жареной птицы, бутылка вина, сыръ, свѣжее масло на чисто-выскобленномъ липовомъ кружечкѣ, широкій ломоть щедро - отрѣзаннаго хлѣба, огурцы, водка, каленныя яйца и глиняная чашка съ кускомъ сотоваго меда.

— А вотъ и вы!— встрѣтилъ онъ князя Ивана, какъ ни въ чемъ не бывало,—а я тутъ устроился... хотите водки?..

Князь Иванъ сказалъ, что хочетъ.

Ему въ первую минуту, какъ будто было совѣстно смотрѣть въ глаза Ополчинину, не за себя, конечно, но за него самого.

Но тотъ, нисколько не стѣсняясь, палилъ въ шкаликъ водки и придвинулъ тарелку съ яйцами князю Ивану, сказавъ:—„очень хорошия, совсѣмъ свѣжія“...

— А ужъ я думалъ, вы не вернетесь,—сталъ онъ говорить Косому совершенно просто.—Чего вы замѣшкались тамъ, на васъ успѣли напасть, развѣ?..

— Какъ напасть? переспросилъ Косой,—и самъ напаль, кажется...

— Ну, это было неосторожно,—почемъ вы знали, сколько ихъ тамъ челоуѣкъ, и вообще гораздо лучше было поскорѣе скрыться. Проще.

Косой пожалъ плечами, выпилъ водку и сталъ закусывать. Ясность, съ которою говорилъ Ополчининъ, почти даже смутила его самого, и онъ одну минуту, кажется, подумалъ, а не правъ ли въ самомъ дѣлѣ Ополчининъ?

— Ну пѣтъ, сказалъ князь Иванъ, повеселѣвъ отъ водки и принимаясь за жареное, которое оказалось отличнымъ, жирнымъ гусемъ.—Это не проще было... не подоспѣй я—тамъ грѣхъ бы случился...

— Вотъ какъ?

— Да. Они напали на двухъ верховыхъ, тѣ отбились, и мнѣ удалось помочь во-время.

— На двухъ верховыхъ? наморщивъ брови, повторилъ Ополчининъ, такъ строго, точно допрашивалъ на судѣ Косого.

— Ну да. Намъ стрѣлять пришлось.

— Я слышалъ выстрѣлы...—сказалъ Ополчининъ.—Пу и кто же эти верховые?

— А вотъ, сейчасъ узнаемъ.

И князь Иванъ досталъ изъ кармана полученное имъ кольцо и показалъ его Ополчинину, сказавъ, какъ онъ получилъ это кольцо.

Ополчининъ долго внимательно разсматривалъ, нѣсколько разъ взглядывая на князя Ивана, и потомъ вдругъ проговорилъ:

— А вѣдь это она!..

— Кто? спросилъ Косой.

— Великая княжна Елисавета!.. Она сама, сомнѣнія нѣтъ.

— Неужели?—вырвалось у князя Ивана, и онъ невольно протянулъ руку, чтобы взять кольцо обратно.

— Да, это она...—сказалъ опять Ополчининъ.—Дѣло въ томъ, что она превосходно ѣздитъ верхомъ и очень любитъ ѣздить по-мужски. Еще въ Москвѣ, говорятъ, при императорѣ Петрѣ Второмъ, она иначе не ѣзжала. Ну, а теперь ей это сподручно, потому что нужно иногда выбираться тайно изъ города, чтобы никто не зналъ. Она къ себѣ на Смольный дворъ ѣздитъ. Тамъ

и собираются всѣ. Это ея кольцо.. И нужно мнѣ было повернуть лошадь... жаль, что меня не было съ вами!..

Это восклицаніе вышло у Ополчинина до того чисто-сердечно и наивно, что князь Иванъ не могъ не разсмѣяться.

Разсмѣялся онъ и потому еще, что почувствовалъ веселость, понятную послѣ каждой удачи, а тутъ для него была удача несомнѣнная.

Въ случаѣ чего—кольцо могло ему сослужить огромную пользу.

— Недурно!—сказалъ опять Ополчининъ,—да развѣ вы не узнали ея?

— Да какъ же мнѣ было узнать?.. во-первыхъ, я ей никогда не видалъ, а знаю только по портрету, и то скверному, а во-вторыхъ, все это произошло такъ быстро и такъ было темно, что почти нельзя было разглядѣть ничего.

— Значить, и она васъ не видала?

— Лица, вѣроятно, не могла разглядѣть.

— Ну, спросила она что-нибудь, спросила, кто вы?..

— И отвѣтить я ничего не успѣлъ. Я вамъ говорю, что мѣшкать тутъ было нельзя... Имъ оставалось только повернуть, какъ можно скорѣе, и уѣхать...

— Да, —сообразилъ Ополчининъ, — до Смольнаго двора гораздо ближе, чѣмъ до Петербурга; конечно, имъ не оставалось ничего больше дѣлать, но отчего же вы не поѣхали за ними?

— Такъ вѣдь почемъ я зналъ, куда ѣхать и что тамъ впереди. Вы—уѣхали. Я только и могъ вернуться назадъ...

— Ну, во всякомъ случаѣ, все это очень счастливо для васъ,—заклучилъ Ополчининъ и разлилъ по жестянымъ, изъ которыхъ они пили, стаканамъ остатки вина изъ бутылки.

Они замолчали, и каждый задумался о своемъ.

— Ну, ѣдемте, — рѣшилъ Ополчининъ, вставая, — у меня есть пропускъ на заставу для двухъ...

Князь Иванъ всталъ тоже. Позвали они Дмитрича, расплатились, сунули мѣдную монету взовишемуся съ ихъ лошадью работнику и, сѣвъ въ сѣдла, поѣхали молча въ городъ.

Такъ молча миновали они заставу, проѣхали предмѣстье и, свернувъ по нѣсколькимъ пустыннымъ закоулкамъ, выѣхали на Невскую першкетиву.

— Вы куда? спросилъ Ополчининъ.

Князь Иванъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ страшную усталость и отъ утомленія пережитаго сегодня, и отъ непривычки не спать такъ долго.

Онъ просто падалъ на сѣдлѣ.

— Я домой!—отвѣтилъ онъ.

— А я въ бильярдный домъ,—тамъ вѣдь ждутъ насъ. Такъ что же сказать имъ?

— То-есть, этого ничего не нужно, конечно, рассказывать, Ополчининъ,—вдругъ серьезно заговорилъ князь Косой.—Разъ тутъ замѣшана великая княжна—нужно чтобы весь этотъ случай остался въ тайнѣ...

— Ну это, конечно, само собой разумѣется,—подхватилъ Ополчининъ,—въ этомъ можете быть совершенно увѣрены. Только сами не болтайте. Нѣтъ, я не про то спрашиваю.

— Такъ про что же?

— А про закладъ. Вѣдь вы его проиграли.

Тутъ только князь Иванъ дѣйствительно вспомнилъ, что проигралъ закладъ. Проигралъ онъ не по своей винѣ, но все-таки условія заклада не были исполнены имъ.

— Хорошо, сказалъ онъ,—завтра я вамъ пришлю двадцать золотыхъ... и простился съ Ополчининымъ.

IV.

На другой день Косой безъ всякаго сожалѣнія послалъ Ополчинину деньги и, не повидавшись съ Ле-

бушкой, который был занят у себя в кабинетъ и заперся тамъ, вышелъ изъ дому въ самое отрадномъ, блаженномъ состояніи.

Даже выпитое вчера вино не оставило послѣ себя ни головной боли, ни дурного воспоминанія.

Князь Иванъ вышелъ собственно безъ всякой опредѣленной цѣли, но уже на улицѣ рѣшилъ, что поѣдетъ къ Соголевымъ.

Послѣ перваго своего посѣщенія здѣсь, въ Петербургѣ, онъ былъ у нихъ уже нѣсколько разъ, и съ каждымъ разомъ все больше и больше тянуло его къ нимъ.

И теперь онъ ѣхалъ въ надеждѣ провести съ ними время—продолжить навѣянное на него вчера поѣздкой въ лѣсъ хорошее, радостное настроеніе.

Всю прелесть Соголевыхъ составляла, конечно, не Вѣра Андреевна, не китайскій божокъ, Дашенька,—по милая, тихая, вкрадчивая Сонюшка, какъ мысленно уже называлъ себя князь Иванъ старшую сестру Соголеву.

„Лишь бы она была только дома!“ думалъ Косой, входя по знакомой уже лѣстницѣ къ Соголевымъ.

Оказалось, что Соня не только была дома, но дома и одна.

Мать и младшая ея сестра уѣхали въ городъ.

Въ первую минуту у князя Ивана мелькнуло, прилично ли ему, молодому человѣку, входить къ молодой дѣвушкѣ, когда она одна въ домѣ, но древній лакей,—единственная, кажется, душа мужескаго пола во всей дворѣ Соголевыхъ,—сидѣвшій за вязаньемъ чулка въ передней, такъ просто сказалъ ему „пожалуйте“, что онъ вошелъ.

Соня, точно, немножко застыдилась, что принимаетъ его одна, но черезъ эту ея стыдливость, все-таки, видно было, какъ просвѣчивало довольство тѣмъ, что онъ пріѣхалъ и что они могутъ говорить одинъ-на-одинъ.

И она, не угнѣвая ни лгать, ни притворяться, хотя и воображала о себѣ, по отношеніямъ матери, противное, сразу заговорила о томъ, что думала въ эту минуту:

— Какъ странно,—сказала она, когда они сѣли—она на маленькій диванчикъ у стола, а онъ противъ нея на низкомъ креслѣ,—какъ странно,—маменька, конечно, этого уже не испытала, ее воспитывали совсемъ поновому французенки-губернантки, но бабушки наши ни за что не посмѣли бы принять такъ однѣ гости-мужчипу... А теперь, вотъ, вы у меня...

Хотя она и старалась говорить спокойно и просто, но въ голосѣ ея чувствовалось, что она сомнѣвается, хорошо ли, все-таки, они дѣлаютъ теперь, оставаясь одни...

— Да,—заговорилъ Косой,—время нашихъ бабушекъ миѣ кажется такимъ далекимъ, что трудно даже представить себѣ, что оно было недавно. Тогда это считалось преступленіемъ, ну, а теперь, помните—въ деревнѣ у васъ мы бывали одни, и никому въ голову не приходило мѣшать намъ...

Это было въ первый разъ, что онъ заговорилъ при ней про деревню.

И она, столько разъ вспоминая его тамъ и всегда чувствовавшая съ нимъ, что и онъ помнитъ ее въ деревнѣ, и желавшая много разъ, чтобы онъ заговорилъ съ ней какъ-нибудь объ этомъ, теперь, когда онъ, точно нарочно выбравъ время, когда они одни, заговорилъ,—она испуганно глянула на него и опустила глаза.

Ей показалось, что точно она идетъ въ эту минуту, вотъ, вотъ,—по краю безконечной пропасти, и сердце такъ бьется у нея отъ страха, что онъ долженъ непременно слышать это ея бленіе.

Онъ сидѣлъ, нагнувшись прямо впередъ, и, положивъ локти на колѣни, смотрѣлъ прямо на нее.

Прямо на нее смотрѣлъ онъ, и этотъ его взглядъ

говорилъ ей, что напрасно пугается она, что они не на краю пропасти, а на той высотѣ, на которой бываетъ человѣкъ въ самыя лучшія мгновенія своего счастья.

А князь Иванъ смотрѣлъ на нее и думалъ въ это время о томъ, зачѣмъ онъ медлитъ такъ долго, зачѣмъ гораздо раньше не сказалъ ей того, что мучительно и радостно захватывало его теперь, принодымало, и о чемъ онъ хотѣлъ выговорить, наконецъ, и не могъ.

Онъ жалѣлъ, что не говорилъ раньше, теперь же не могъ говорить: голова его кружилась и точно шумъ лѣса, слышанный имъ вчера, обуялъ все существо его, обуялъ, вдохнулъ новую жизнь, но въ этой жизни ни словъ, ни разговоровъ, ни рѣчей не было, было одно мученіе, одна радость, и онъ не могъ понять, была ли эта радость мучительна, или, напротивъ, радостно было его мученіе.

Онъ закрылъ рукою лицо.

Сонюшка низко нагнула голову надъ столомъ, слѣдя за своимъ погтемъ, которымъ безсознательно вела по узору скатерти.

Она затаила дыханіе, смутно и вѣдетъ съ тѣмъ ясно чувствуя, что то, о чемъ онъ будетъ говорить теперь, рѣшитъ для нея все, и, если не скажетъ онъ теперь, то не скажетъ уже никогда.

— Да, я помню нашу встрѣчу въ деревнѣ, въ аллеѣ,—заговорилъ онъ, медленно и тихо,—знаете, съ тѣхъ поръ со мною точно случилось что... съ тѣхъ поръ...

Онъ вдругъ остановился. Слова его, и то, что онъ хотѣлъ сказать сейчасъ, показались ему безуміемъ.

Развѣ могла она, эта радость, это счастье, эта Сонюшка Соголева, съ ея улыбкой, не здѣшней, особенной,—обратить на него вниманіе и слушать то, что онъ говоритъ.

Онъ остановился, умоляюще глядя на нее, и, придвинувшись къ столу, схватился за его край руками.

Она подняла голову. Личико ея разгорѣлось, и глаза блеснули изъ-подъ напудренныхъ локоновъ.

И, не помня себя, точно обожженный этимъ блескомъ, князь Иванъ заговорилъ опять безсвязными, по полнымъ значеніямъ для него и для нея словами.

— Ну, и не знаю,—заговорилъ онъ,—съ тѣхъ ли поръ или раньше, кажется, всегда, какъ и себя знаю... вы одна, одна, вы для меня въ жизни все... я только...—и онъ снова какъ бы сдохнулъ и сталъ говорить.—Простите,—я можетъ-быть сказалъ,—что не слѣдовало говорить... т.-е., не смѣлъ я говорить, но я не могъ, не могу иначе... Вчера весь вечеръ я думалъ... этотъ шумъ лѣсной...

Онъ сталъ просить простить его, потому что снова ему показалось, что онъ дѣлаетъ святотатство, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вновь вѣрилъ въ эту минуту себѣ, что не только вчера весь вечеръ, подъ этотъ лѣсной шумъ, но и раньше, и всю жизнь онъ только и думалъ о ней одной, и другихъ думъ и помысленій никогда не было у него. Лицо его выражало такое отчаяніе, мольбу и страхъ за свое святотатство, что болѣзненная, щемлящая, но вмѣстѣ съ тѣмъ сладкая жалость наполнили ея душу, и она, повинувшись не себѣ, а ему скорѣе, и даже не ему, а сама не зная какъ,—протянула къ нему руку и положила ее на сложенные на краю стола его руки.

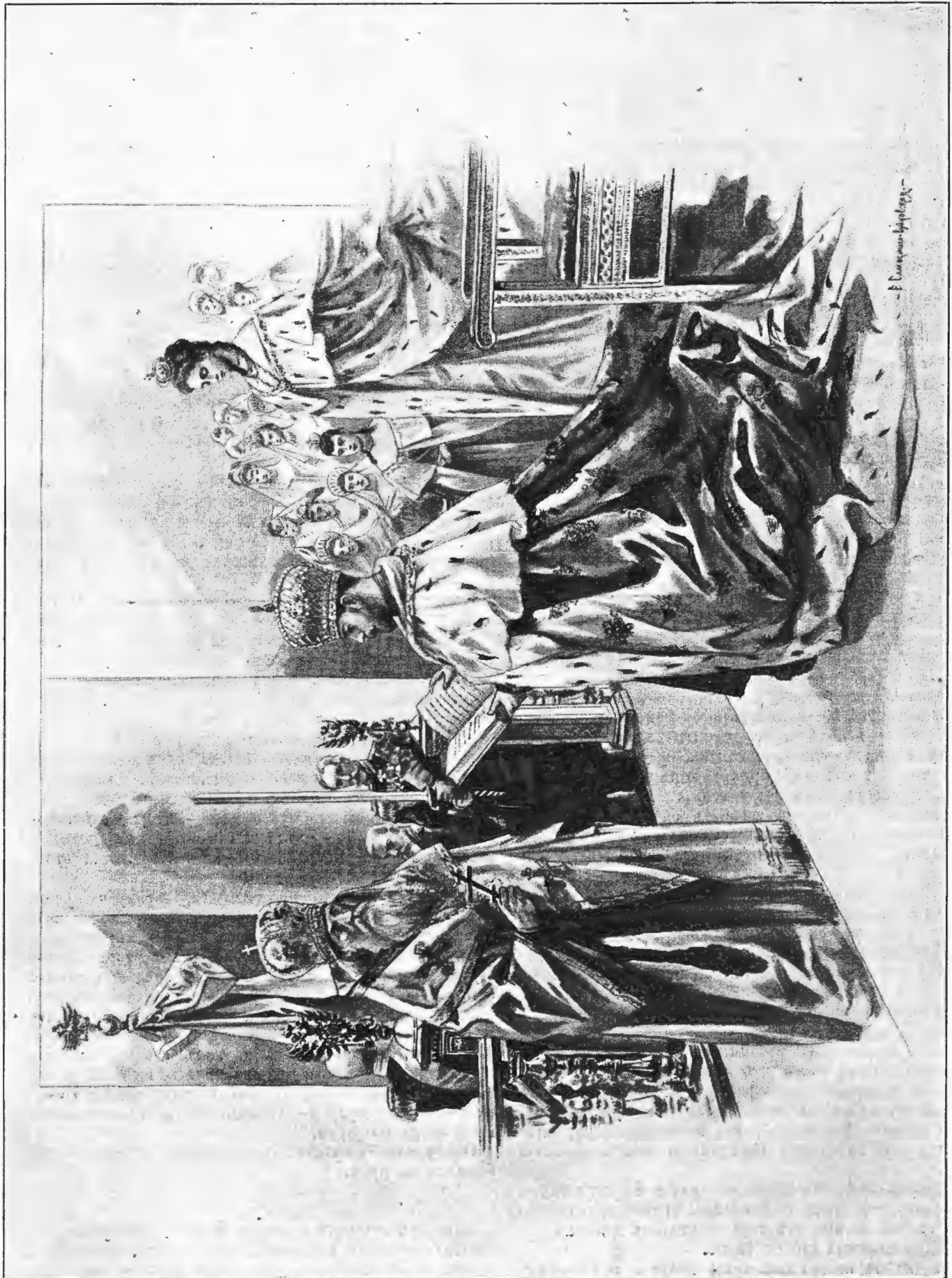
Онъ также безсознательно нагнулся и прижалъ губами къ ея рукѣ.

V.

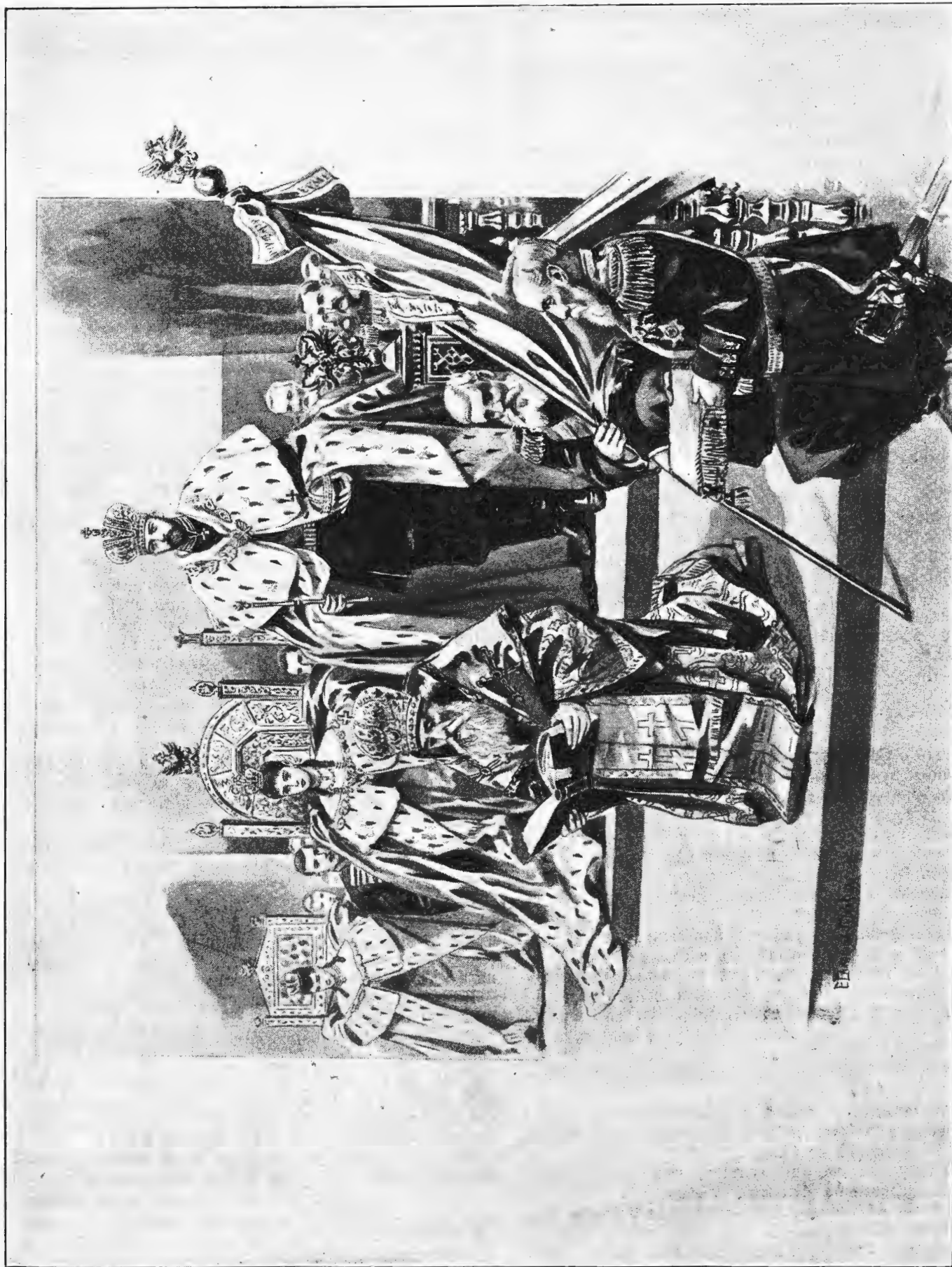
Какъ сумасшедшій вернулся домой князь Иванъ.

Они не успѣли хорошенько ни о чемъ переговорить съ Соней, но главное и самое существенное было сказано между ними.

Она знала, что онъ любитъ ее, и отвѣтила ему тѣмъ

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Государь Императоръ, колѣнопреклоненно, читаетъ установленную молитву. Ориг. рис. спец. впец. корресп. „Нивы“ Е. П. Самоишъ-Судюковской. Автотипія „Нивы.“

Жорнаціонныя торжества въ Москвѣ. Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Митрополитъ, колѣнопреклоненно, читаетъ отъ лица всего народа молитву. Ориг. рис. след. корресп. „Нивы“ Е. П. Самокишъ Судковской. Авториціалъ „Нивы.“

довѣрjemъ и лаской, которыми единственно дѣвушка выражаетъ свою любовь.

Сватовъ онъ не могъ приелать еще за нею, но надѣлся, какъ только устроится, получить службу, просить руки своей Союшки.

Конечно, сватомъ долженъ былъ быть не кто иной, какъ Левушка, котораго, чѣмъ больше зналъ, тѣмъ больше любилъ князь Иванъ.

И теперь ему хотѣлось скорѣе рассказать Левушкѣ о своемъ счастьѣ, подѣлиться съ нимъ этимъ счастьемъ.

Левушка сидѣлъ все время, какъ ухалъ Косой изъ дому, въ своемъ кабинетѣ, не выходя.

Только передъ обѣдомъ явился онъ, наконецъ, къ князю Ивану, сянущий и довольный.

— Вы знаете, сто я дѣлалъ все утро?—спросилъ онъ, не давая говорить Косому.

— Нѣтъ!—пожалъ тотъ плечами.

— Не угадаете. Ну, отгадайте пожалуйста. Отчего у васъ видъ такого побѣдителя?—вдругъ, не мѣняя тона, спросилъ Левушка.—Ну, впрочемъ, это потомъ, а скажите, сто я дѣлалъ?

Князь Косой положительно не могъ догадаться, что было дѣлать Левушкѣ у себя въ кабинетѣ, въ продолженіе цѣлаго утра.

— Я стихи писалъ!—отрѣзалъ Левушка,—да стихи... и вамъ плочту ихъ. Тепель мы пойдемъ обѣдать, а послѣ обѣда, сейчасъ, я вамъ плочту свои стихи...

— Стихи,—переспросилъ Косой,—развѣ вы занимаетесь этимъ дѣломъ?

— Боже сохрани!—никогда не занимался, но тепель я влюбленъ, я вѣдь вамъ давно говорилъ, сто влюбленъ, и вотъ пишу стихи Союшкѣ Соголевой...

Князь Иванъ такъ и привсталъ съ мѣста.

— Какъ Союшкѣ Соголевой? Что же вы говорили съ нею, вы писали ей стихи?..

— До сихъ полъ ничего не могъ сказать, и стиховъ не писалъ, но тепель хочу именпо стихами, потому сто у меня въ разговорѣ ничего не выходитъ и класнольчія нѣтъ... А она такая прелестъ...

— Прелестъ, еще бы не прелестъ,—подхватилъ Косой, дѣлая невѣроятное надъ собою усиліе, чтобы не разсмѣяться.

Конечно, ужъ послѣ этого нельзя было съ Левушкой говорить о Сонѣ Соголевой.

„Оно и лучше, оно и лучше!“ повторилъ себѣ князь Иванъ,—„пусть *объ этомъ* никто, никто не знаетъ до поры до времени!“

Послѣ обѣда Левушка отправился къ себѣ въ кабинетъ за стихами, чтобы прочесть ихъ Косому.

Князь Иванъ, воображая уже заранѣе, что это за стихи, долго ждалъ возвращенія Левушки, и, наконецъ, самъ пошелъ къ нему.

Торусскій изъ силъ выбился, перешарилъ и перерылъ весь свой кабинетъ, но стиховъ найти не могъ.

— Я же знаю,—говорилъ онъ, размахивая руками,—ето я ихъ сюды положилъ, сюда вотъ, на это мѣсто...—и онъ стучалъ почти въ отчаяніи рукою по серединѣ стола,—а тепель ихъ нѣтъ, цѣлое утро писалъ, а тепель нѣтъ...

Наконецъ, былъ призванъ Антипка, и дѣло сейчасъ же объяснилось.

Сначала Антипка клялся и божился, что никакихъ „стиховъ“ не бралъ, не видѣлъ, и никакихъ стиховъ даже въ кабинетѣ не было.

Но, когда ему толкомъ сказали, что вотъ на столѣ лежала написанная бумажка, а тепель ей нѣтъ, онъ сейчасъ же объяснилъ, что написанная бумажка дѣйствительно лежала, но что онъ, пока госнода кушали, убиралъ въ кабинетѣ, и эту написанную бумажку разорвалъ и выбросилъ.

— Какъ лазовалъ и выбросилъ, да я тебя выпололъ вѣлю, какъ ты смѣлъ тлогать...

Но Антипка никакъ не могъ понять, за что его брать и что онъ сдѣлалъ дурного,—вѣдь бумажка была написана,—значить, грязная и ненужная. Онъ ее и выбросилъ для порядка. Почему онъ зналъ, что барину пужно было беречь написанная бумажки.

Левушка былъ очень огорченъ, но вотъ что особенно понравилось въ немъ князю Ивану,—какъ ни взбѣсилъ его Антипка своею глупостью,—онъ его только разбранилъ на чемъ свѣтъ стоитъ, но пальцемъ не тронулъ и угрозы своей велѣть его выпоротъ не исполнилъ.

— Да, можетъ-быть, вы помните наизусть стихи?—попробовалъ его утѣшить князь Иванъ.

— Нѣтъ, наизусть ничего не помню и тепель длугихъ даже написать не могу, ужъ у меня всегда такъ—лазъ сто не удастся, значить—плювало!.. сказать, вздохнувъ, Левушка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Слоны персидскаго шаха.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ произошло объясненіе Сони съ княземъ Иваномъ, она значительно измѣнилась, не внѣшнимъ, конечно, образомъ, но въ глазахъ ея теперь такъ и свѣтилось внутреннее, душевное равновѣсіе.

Точно ей открылся смыслъ ея жизни и она нашла свое полное спокойствіе въ этомъ.

Такія, какъ Соня Соголева, не побѣгутъ, не будутъ болтать всѣмъ о своей радости, не будутъ нествовать по поводу этой радости, но, полюбивъ, сосредоточатся, и сосредоточатся какъ бы навсегда, на всю жизнь.

Онѣ умѣютъ полюбить одинъ только разъ въ жизни, но уже зато всецѣло, беззаветно, не подчиняясь ни расчету, ни вліянію жизненныхъ обстоятельствъ, ни даже качествамъ или недостаткамъ любимаго человека. Иногда, чѣмъ хуже, т.-е., чѣмъ несчастіе оказывается онъ, тѣмъ больше онѣ любятъ его, значить, жалѣютъ. Богъ знаетъ, въ силу какихъ причинъ пробуждается въ ихъ нетронутой, чистой, непорочной душѣ, чувство къ милому, избранному и суженому и какимъ образомъ выбираютъ онѣ этого милаго, но разъ выберутъ ужъ, вѣрять въ него и радуются, если могутъ радоваться съ нимъ, и терпятъ, если приходится терпѣть.

Избранникъ Союшки былъ Косой, и она вѣрила ему, она вѣрила, что онъ придетъ за нею, взять ее женой, какъ только обстоятельства позволятъ ему сдѣлать это.

Она готова была ждать мѣсяцы и годы, теперь, послѣ того, какъ между ними было сказано завѣтное слово.

И видѣлись они мало, т.-е., наединѣ имъ не удавалось больше оставаться подолгу. Косой часто прѣзжалъ къ нимъ, и, иногда, урывками, удавалось имъ сказать, поглядѣть другъ на друга такъ, что другіе не замѣчали этого, и этого ей довольно было.

Въ этихъ короткихъ, отрывочныхъ переговорахъ было между ними выяснено все.

Они рѣшили пока никому не говорить ни о чемъ и держать ихъ тайну крѣпко и свято. Но они забыли, что они оба были молоды, и что не они первые полюбили другъ друга на землѣ, и что люди, пережившіе то, что они переживаютъ теперь, знаютъ по себѣ ихъ тайну, которую они хотятъ сохранить крѣпко и свято.

Вѣра Андреевна, не прилагая даже никакихъ особенныхъ усилій, сразу, по вдругъ ставшему задумчивымъ, свѣтящемуся внутренней радостью взгляду Сони и по восторженно-счастливому лицу князя Косого, особенно внимательнаго къ ней, поняла, въ чемъ дѣло.

Изъ-за этого лишній разъ и дольше обыкновеннаго продолжалось ночью ея хожденіе со стукомъ каблуковъ, не давшащее заснуть Сонѣ, и затѣмъ послѣдовалъ сдержанный пріемъ князю Косому.

Какой опъ былъ женихъ для ея дочери, да еще для такой дочери, какъ Соня?

Оба они привыкли къ широкой богатой жизни въ дѣтствѣ. „Дашенька, та Божье дити—она всѣмъ будетъ довольна“, такъ думала Вѣра Андреевна, „а Сонюшка (странно, она, думая, какъ всѣ ограниченные люди, „словами“, всегда мысленно пазывала старшую „Сонюшкой“, чего никогда не дѣлала въ разговорѣ), а Сонюшка, та понимаетъ и будетъ страдать и мучиться. Боже мой, за что же другія живутъ же хорошо и прилично и не знаютъ пужды, не знаютъ, что значать недостатки, а мои страдаютъ. Вотъ и у меня нѣтъ новой верхней накидки, а надо будетъ сдѣлать,—какъ только Сонюшка сдѣлаетъ работу въ магазинъ — сдѣлаю себѣ новую накидку...“

Съ Соней она ни разу не говорила о Косомъ прямо. Она пробовала иногда бранить его при ней, но Соня всегда слушала ее съ улыбкой недовѣрія и съ опущенными глазами. Вѣра Андреевна отлично знала, что это значить и зачѣмъ опускаются глаза: чтобы скрыть за таенную насмѣшку надъ якобы несуразностью того, что говорить она.

Такъ прошло около мѣсяца. Въ началѣ октября предстояло для петербуржцевъ довольно любопытное зрѣлище: персидскій шахъ Надиръ прислалъ многочисленное посольство, богатые подарки и четырнадцать слоновъ въ русскую столицу. Слоны эти стояли уже на подъѣздномъ станѣ у Александро-Невской лавры и должны были быть торжественно ведены по городу во время въѣзда посольства.

Наденька Рябичъ, со своей француженкой-мадамой, предполагала ѣхать на Дворцовую площадь смотрѣть въѣздъ и уговорила Вѣру Андреевну отпустить съ ея мадамой и своихъ дочерей, потому что онѣ поѣдутъ въ четырехмѣстной каретѣ.

Вѣра Андреевна согласилась, но въ день въѣзда оказалось, что Дашенька, простудившаяся наканунѣ, кашляла такъ, что и думать было нечего пустить ее изъ дому.

Ночью ей мазали грудь свѣчнымъ саломъ и давали пить липовый цвѣтъ.

Вѣра Андреевна ходила и прислушивалась къ раздававшемуся по временамъ кашлю Дашеньки изъ спальни.

— Нѣтъ, положительно тебѣ нельзя ѣхать, — говорила Соколова, подходи къ двери, — опаснаго ничего нѣтъ, по ѣхать тебѣ нельзя...

— Ахъ, маменька, я и сама знаю, что нельзя, вѣдь я не пристаю, ну, и оставьте меня въ покоѣ... — отрывисто отвѣтила, наконецъ, Дашенька и снова закашлялась.

Вѣра Андреевна быстро повернулась и широкими шагами направилась въ комнату къ старшей.

Соня сама въ это время чистила шубку, готовясь ѣхать съ Рябичъ, которая должна была заѣхать къ нимъ.

— Нечего тутъ пылъ подымать, — остановила ее Вѣра Андреевна, — вамъ нельзя сегодня ѣхать...

Соня никакъ не ожидала, что невозможность для Дашеньки ѣхать смотрѣть слоновъ способна привести мать въ то состояніе раздраженія, въ которомъ она находилась теперь.

— Отчего же *мнѣ* нельзя ѣхать? спросила она.

— Дашенька больна.

— Да, но я могу... начала было Соня, но Вѣра Андреевна не дала договорить ей.

— Знаете, я удивлюсь вамъ, перебила она, — я не знаю, есть ли на свѣтѣ дочь, которая осмѣлилась бы такъ говорить съ матерью, какъ вы со мною разговариваете. За одно это васъ слѣдовало бы оставить дома. Я вижу, что я слишкомъ слаба съ вами, слишкомъ слаба... Вы себѣ позволяете такія вещи, моя милая...

вы думаете, что я ничего не вижу, что я ничего-таки не вижу...

— Что же вы видите, маменька? — подняла вдругъ Соня голову.

Лицо ея было серьезно на этотъ разъ.

— То, что вы кружите голову молодому челонѣку...

Вѣра Андреевна для обиды Сони хотѣла добавить: „молодому челонѣку, который и не замѣтилъ бы васъ, если бы вы не завлекали его“, но не добавила этого, потому что инстинктомъ чувствовала, что это неправда, а разъ Соня увидитъ въ ея словахъ неправду, слова эти не окажутъ должнаго дѣйствія.

Къ тому же, она видѣла, что и того, что она сказала, было довольно.

Густой румянецъ покрылъ щеки Сони, и ротикъ ея слегка дернулся. Это ея движеніе ртомъ всегда раздражало Вѣру Андреевну, какъ и многое въ Сонѣ.

Соня ужъ какъ-то слишкомъ воспримчиво давала себя мучить, и Вѣра Андреевна, раздраженная этою воспримчивостью, не знала иногда границы.

— Если вы думаете, продолжала она, — что, побѣдивъ князя, у котораго нѣтъ ничего, вы мѣръ побѣдили и можете къ матери относиться свысока, то ошибаетесь, слышите, вы ошибаетесь... Да отвѣчайте же, когда и съ вами разговариваю!..

— Я, маменька, ничего не думаю, — отвѣтила Соня, — и я не знаю, отчего вы все говорите это?

— Оттого, что я уже послѣ перваго его визита говорила вамъ, что не велю его принимать и не велю. Теперь это мое послѣднее слово... Что тамъ еще?

Въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ задѣтой платьемъ мебели, и въ комнату влетѣла Рябичъ, розовая съ холоду, здоровая и, по обыкновенію своему, стремительная.

— Вы простите, я безъ доклада, какъ всегда... заговорила она, здороваясь съ Вѣрой Андреевной. — Погода чудесная... Ну, что же, мы ѣдемъ?..

И она, размахнувъ юбками, повернулась посреди комнаты.

— Дашенька больна, — строго сказала Вѣра Андреевна.

— Ахъ, какъ жаль, подхватила Рябичъ, — что-нибудь серьезное? Нѣтъ, не серьезное?.. ну, тогда ничего... Но все-таки очень жаль, говорить преинтересно будетъ... Ну, а Сонюшка, она вѣдь здорова, что же она не одѣта?.. Гдѣ ваша шубка?.. ѣдемте... madame въ каретѣ ждетъ...

И не успѣла Вѣра Андреевна опомниться, какъ Рябичъ укутала Сонюшку въ шубку, надѣла ей каноръ и увлекла ее вонъ изъ комнаты.

Когда уже онѣ спустились съ лѣстницы, дверь за ними вдругъ отворилась, и голосъ высунившейся Вѣры Андреевны прокричалъ:

— Allez, allez aux diables!..

II.

Соня съ Рябичъ переглянулись только. Онѣ обѣ привыкли къ подобнымъ выходкамъ Вѣры Андреевны.

День былъ дѣйствительно чудесный. Легкій морозецъ сковалъ петербургскую грязь, и тонкій слой чистенькаго, только что выпавшаго снѣга покрылъ крыши домовъ и улицы.

Въ сторону Невской проспективы валилъ пародъ толпами. Карету не пропустили туда и повернули околѣннымъ путемъ.

Пришлось поворачивать по какимъ-то совершенно невѣдомымъ закоулкамъ, такъ что потерялось совершенно сознаніе мѣстности, и вдругъ, въ ту минуту, когда менѣе всего ожидали этого, выѣхали на знакомую Дворцовую площадь.

Карета сдѣлала полукругъ и остановилась. Кучеръ обернулся къ переднему окну и спрашивалъ что-то, чего нельзя было разобрать.

Наденька Рябичъ сунулась направо, сунулась налево, не зная, что слѣдовало имъ предпринять. За окномъ кареты видѣлась толпа двигавшагося народу и войска, стоявшій шпалерами.

— Ахъ, вонъ они, идутъ,—обрадовалась Наденька, показывая кивкомъ на приближавшихся отъ толпы къ ихъ каретѣ двухъ молодыхъ людей.

Это были Творожниковъ и Сысоевъ, двоюродный братъ Рябичъ.

Узнавъ карету и убѣдившись, что это именно та, которую они ждали (Наденька велѣла имъ на всякій случай быть на площади и встрѣтить карету), они бѣжали теперь, издали кланяясь.

Поровнявшись съ каретой, Творожниковъ распахнулъ дверцу и откинулъ подножку.

— Выходите—день чудесный,—говорилъ онъ,—и все видно—мы нашли отличное мѣсто. Оттуда гораздо лучше видѣе, чѣмъ изъ кареты.

Наденька кинулась вонъ, за нею выплыла неподвижно прямо державшаяся мадамъ и, наконецъ, вышла Союшка, держа свою головку въ капорѣ впередъ и подхвативъ края шубки.

Ее какъ перышко сняли съ подножки. Она вышла, улыбнулась и оглядѣлась, радостная и милая, улыбнулась свѣтившему солнцу и всѣмъ окружающимъ, и всѣмъ стало весело.

Они пошли на выбранное Творожниковымъ мѣсто, откуда, дѣйствительно, былъ очень хорошо виденъ, въ пролетъ между войсками, расчищенный для шествія слоновъ путь.

Народъ тутъ толкался меньше, потому что здѣсь собралась публика получше, и тѣсноты не было.

Они оглядѣлись—пѣтъ ли знакомыхъ кого, по знакомыхъ не нашлось.

Странное дѣло, площадь была, конечно, та же самая, что и въ обыкновенные дни, народъ тоже и солдаты, но только потому, что сегодня всѣ сошлись сюда, убѣжденные, что проѣздъ на слонахъ персидскаго посольства—событіе праздничное и веселое,—всѣ, сошедшіеся сюда, были веселы и настроены празднично.

Кругомъ слышался веселый говоръ и шутки.

И даже двоюродный братъ Рябичъ, обыкновенно стойко молчавшій съ дамами съ такимъ предательскимъ видомъ, точно онъ имъ только что рассказалъ что-то очень длинное и ждалъ теперь, что онѣ ему скажутъ,—обрѣлъ даръ слова и силился рассказать Союшкѣ весьма знаменательный фактъ изъ жизни слоновъ, которые „у себя“, въ Индіи, на восходѣ солнца, собираются въ кучу и поднимаютъ хоботы всѣ въ одну сторону.

Объ этомъ ему рассказывалъ кто-то, и онъ самъ хотѣлъ рассказать, но Союшка слушала невнимательно и смотрѣла по сторонамъ.

— Ахъ, поглядите—бѣдный!—сказала она,—нужно ему дать что-нибудь...

И она, быстро сунувъ руки въ карманы шубки, стала искать мелочь и звать замѣченнаго ею въ толпѣ старика-нищаго, въ картузѣ, съ сѣдыми волосами и съ одной ногой на деревяжкѣ.

Но старикъ или былъ глухъ, или не хотѣлъ слышать того, что ему кричали, онъ быстро зашагалъ въ противоположную сторону и скрылся, точно торопясь куда-то.

— Ушелъ!—сказала Союшка.

— Такъ я вамъ рассказывалъ...—началъ было снова Сысоевъ свою исторію про слоновъ.

— Погодите,—видите,—остановила его опять Союшка,—это князь Косой—видите, вы знаете его...

Она показывала, узнавъ его издали, на князя Косого, но тотъ уже самъ въ это время увидѣлъ ихъ и шелъ къ нимъ.

Всѣ ему очень обрадовались.

— Вотъ какъ, и вы пришли слоновъ смотрѣть,—сказала ему Наденька.

Всѣ заговорили. Сысоевъ такъ и не досказалъ Союшкѣ о томъ, зачѣмъ слоны поднимаютъ хоботы.

— Идутъ, идутъ!—послышалось въ толпѣ, и говоръ сталъ стихать.

Въ войскахъ раздалась команда, они стали выравниваться и замерли.

Издали, на краю площади, показалась поворачивавшая съ Невской процессія.

Всѣ глаза усталились туда.

Но Союшка знала, что именно въ эту минуту, когда меѣе всего можно было обратить на себя вниманіи, князь Косой непременно будетъ сзади нея, такъ что имъ можно будетъ свободно разговаривать.

Она слегка обернулась назадъ. Князь Иванъ стоялъ сзади нея.

Наденька, ея мадамъ, Творожниковъ и въ особенности Сысоевъ, вытиснувъ шею и выдвинувшись впередъ, казались всѣ уже поглощены приближавшимся зрѣлищемъ.

— Вы знали, что мы будемъ тутъ?—спросила Союшка, тихо, не поворачивая головы, но если бы она еще вдвое тише спросила—князь Иванъ все-таки услышалъ бы ее.

— Я сюда пришелъ случайно—но вѣрно предчувствовалъ, что вы будете,—отвѣтилъ Косой.

Она спрашивала словами, зналъ ли онъ, что она будетъ здѣсь, по голосъ и выраженіе ея спрашивали еще о многомъ: о томъ, что все ли попрежнему она мила ему, что вспоминалъ ли онъ о ней и думалъ ли такъ, какъ она думаетъ, и радъ ли онъ встрѣчѣ такъ же, какъ и она рада.

И онъ, отвѣтивъ словами, отвѣтилъ тоже выраженіемъ на всѣ ея вопросы.

Да, лучше, дороже и милѣе ея никого не было для него.

Это было главное!..

— Да, а сегодня мы опять ссорились,—сказала она.

— Какъ ссорились—съ маменькой?

— Опять. Цѣлая исторія была. Кричали на меня.

— Изъ-за чего же?

— Изъ-за того, что любимчики не могли ѣхать съ нами. Они больны. И меня не хотѣли пускать...

Процессія въ это время приблизилась уже.

Впереди ѣхали наши конные солдаты, затѣмъ шель, переваливаясь, слонъ подъ дорогою попоной съ бахромой.

На лбу у него сидѣлъ проводникъ, въ пестромъ, восточномъ одѣяніи, съ крюкомъ въ рукахъ, которымъ онъ долбилъ его по головѣ, когда считалъ это нужнымъ.

Сзади шель огромнаго росту персъ, въ высокой шапкѣ и съ длинной палкой, въ родѣ дровка знамени. Онъ тоже погонялъ слона этой палкой.

— Какъ же васъ все-таки отпустили?—спросилъ князь Иванъ.

— Съ очень милымъ паутствіемъ, но сегодня еще сѣпа не разыгралась до конца—Рябичъ помѣшала.

— То-есть, какъ помѣшала, чего же еще, если бранили и кричали?..

— Бываетъ, иногда, что вѣдь и кипуть чѣмъ пошло...

— Въ васъ?..

— Да, въ мепя...

Для князя Ивана это было открытіемъ, которое превосходило для него всякое разумное пониманіе. О томъ, что Соголева была несправедлива къ старшей дочери, что она придиралась, бранила ее, мучила даже,—это онъ уже зналъ и изъ собственныхъ наблюденій, и отчасти изъ намековъ Сони и рассказовъ постороннихъ, но чтобы доходило до того, что Вѣра Андреевна ки-

Высоко. Съ картины Э. Сканелъ грав. Крей.

дала въ нее вещи,—это для него было новостью, и такой новостью, которая такъ и сжала ему сердце.

Неужели можно было обходиться такъ съ его кроткою, тихой Сонюшкой?

Опъ смотрѣлъ бессмысленно на огромную, закрытую слопонъ цвѣтной матеріей массу двигавшагося мимо него, вслѣдъ за первымъ, другого слона, съ какимъ-то высокимъ, яркимъ шатромъ на спинѣ, изъ-за занавѣсокъ котораго виднѣлся человекъ въ блестящихъ золотомъ одеждахъ, и ничего не понималъ, что происходитъ передъ его глазами.

За слопомъ зарыблили персидскіе всадники, ѣхавшіе въ два ряда, но князь Иванъ не видѣлъ и всадниковъ, все для него заключалось теперь въ одной мысли — вырвать какъ можно скорѣе ее на свободу, къ себѣ.

— Сонюшка, милая!..—чуть слышно прошепталъ опъ, не зная самъ того, что дѣлаетъ, и желая и вмѣстѣ съ тѣмъ не желая, чтобы она услышала его слова.

Она услышала ихъ.

Это опъ увидѣлъ по движенію ея руки, видимо искавшей его руку.

Но въ это время двоюродный братъ Рыбичъ обернулся къ нимъ и, весь поглощенный слонами, съ восторгомъ сталъ дѣлаться своимъ впечатлѣніемъ.

— Батюшки, да сколько ихъ!—чуть не кричалъ опъ,—смотрите, и павьючены, право, павьючены...

Всѣ видѣли и безъ него, что слопы, шедшіе за всадниками попарно, — ихъ было шесть парь,—павьючены красиво увязанными тюками съ привезенными подарками. Но опъ такъ вдругъ обрадовался и тормозилъ Творожниковъ и обращался къ Сонѣ, точно эти подарки предназначались ему, двоюродному брату Наденьки Рыбичъ.

Шествіе закончилось опять рядами русскихъ конныхъ солдатъ.

— Поѣдемте всѣ къ намъ, обѣдать,—стала приглашать Наденька, когда прошли слопы и площадь быстро стала пустѣть.

— Идѣть, идѣть, мнѣ домой пужно, отвезите меня домой,—испугалась Сонюшка.

Она боялась, что Вѣра Андреевна пуще разсердится на нее.

Сысоевъ пошелъ отыскивать карету.

Творожниковъ заговорилъ съ Наденькой, а мадамъ, неизвѣстно чѣмъ заинтересовавшись, уставилась по тому направленію, куда прошли слопы.

Въ это время Соня успѣла шепнуть Косому:

— Тамъ, кажется, знаютъ, чѣмъ досадить мнѣ, и тебя собираются не принимать...

(Продолженіе будетъ.)

Айра-Ольдридждъ на ярмаркѣ.

Разсказъ изъ „Записной книжки“ В. П. Далматова.

I.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Айра-Ольдридждъ, знаменитый трагикъ-негръ, первый въ Россіи игравшій на англійскомъ языкѣ съ русскими артистами, посѣтилъ между прочимъ рыбнскую ярмарку, которая въ то время, до проведенія желѣзной дороги, была довольно значительной: сюда съѣзжалось все именитое кунечество, бывавшее на нижегородской Макарьевской ярмаркѣ. Хотя рыбнскій лѣтній театръ—зимняго не было,—стоявшій на берегу рѣчки Черемухи, представлялъ собою снаружи старый амбаръ, а внутри жалкое подобіе храма Мельомены съ масляными лампами и прочими атрибутами первобытныхъ временныхъ ярмарочныхъ театровъ,—тѣмъ не менѣе на сценѣ этого театра перебивали всѣ театральныя знаменитости, начиная съ московскаго артиста Мочалова и кончая оригинальнымъ англійскимъ чернымъ трагикомъ Айра-Ольдридждемъ, имя котораго гремѣло далеко за предѣлами Англии.

Въ Россіи Ольдридждъ очень скоро сдѣлался популярнымъ и нагонилъ страхъ на многихъ при одномъ взглядѣ на его портретъ въ роли Отелло, не говоря о дѣтихъ, которыхъ долго еще, даже послѣ смерти артиста, пугали „араномъ“. И дѣйствительно, видъ его внушалъ страхъ и почтеніе вообще, а когда опъ хотѣлъ быть ласковымъ, оскаливая зубы, въ особенности. По-русски опъ не зналъ ни одного слова и ѣздилъ съ переводчикомъ. Огосюда выходило много qui pro quo, складывавшихся въ анекдотические разказы, сопровождавшіе его необычайный успѣхъ и какъ артиста, и какъ пугало. Можно себѣ представить, какой поднялся переполохъ въ мирномъ уѣздномъ городкѣ, когда съѣхала афиша оновѣстна обывателей о предстоящемъ пріѣздѣ къ „Васькѣ Смирнову“ арана.

Василія Андреевича, антрепренера трехъ театровъ—рыбнскаго, ярославскаго и вологодскаго, унаслѣдовавшихъ имъ въ приданое за дочерью купца Алексѣева, бывшаго антрепренера, звали въ театральномъ мѣрѣ не иначе какъ „Васька Смирновъ“ или „Васька потому что... да... да“, такъ какъ опъ почти послѣ каждой фразы прибавлялъ „потому что... да... да“, хотя и вѣжливость, и обстановка жизни Василія Андреевича Смирнова совсѣмъ не соответствовали этому фамилярному прозвищу. Лицо у него было очень благообразное, всегда чисто выбритое (усовъ опъ не носилъ), и даже его голый черепъ не мѣшалъ благообразію, а напротивъ, еще болѣе придавалъ солидности пухлому, круглому, розовому лицу и всей его небольшой фигурѣ съ почтеннымъ брюшкомъ, на которомъ всегда болталась внушительныхъ размѣровъ цѣпь отъ часовъ черезъ шею съ бриллиантовой застежкой. Одѣвался опъ всегда оянтно. Словомъ, вышній видъ Смирнова былъ самый благонамбранный, бюрократическій, и опъ ни съ какой стороны не походилъ на „Ваську“. Говорили, что опъ началъ свою карьеру, будучи крѣпостнымъ барабанщикомъ въ оркестрѣ своего тестя, и однако сумѣлъ плѣнить дочь солиднаго антрепренера, въ концѣ концовъ очутившись обладателемъ и дочери, и театровъ.

Театры держались у него, съ коммерческой стороны, очень благополучно, а съ художественной... это мы увидимъ дальше.

Жалованья выше 25 руб. въ мѣсяцъ у него не полагалось. Это былъ первый окладъ и 8 руб. послѣдній. Кроме того, было нѣсколько престарѣлыхъ или сившихся актеровъ, которые получали по двугривенному, когда патронъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Для гастролеровъ были исключенія, т. е. доходило до 25 руб. отъ спектакля и при этомъ обязательно бенефисъ. Собственно всѣ первые артисты только бенефисами и жили, получая при этомъ отъ публики значительныя призы и деньгами, и вещами.

Пріѣздъ Ольдриджда совпадалъ съ двадцатипятилѣтіемъ антрепренерской дѣятельности Василія Андреевича. Слѣдуетъ прибавить, что у Василія Андреевича былъ младшій братъ Константинъ Андреевичъ, который былъ надсмотрщикомъ и кассиромъ, вида угрюмаго, некраспорѣчивъ и къ каждой фразѣ прибавлялъ „значитъ“. Когда братья сходились, и старшій, волнуясь, распекалъ младшаго, а тотъ оправдывался, только и можно было разобрать „потому что... да... да“—принципиальнѣе скороговоркой Василія Андреевича и „значитъ, значитъ“—угрюмое отчеканиванье длинносуаго Константина Андреевича. Въ день пріѣзда Ольдриджда Василій Андреевичъ всгалъ раньше обыкновеннаго и въ попятномъ волненіи, не зная, что дѣлать, обдумывая, какъ принять знаменитаго гостя, метался по всѣмъ угламъ. Послалъ въ кассу узнать о продажѣ билетовъ, и вдругъ ему доносилъ, что братъ Константинъ еще спитъ. Это было достаточно уважительный предлогъ, чтобы разбѣжаться въ кассу и распечь брата за лѣтнийничество, неблагодарность и прочее...

— Грѣшно, потому что... да... да, братъ Константинъ, передъ Богомъ грѣшно...—со слезой уперекалъ опъ брата.

— Извини, значитъ, братъ Василій, я, значитъ, вчера долго возился съ уборкой театра, значитъ. Въ четыре часа сдѣлать обходъ театра и опять, значитъ, человека четыре нашли въ ложахъ... спать.

— Да вѣдь... я... я... приказалъ Трифону гнать ихъ... не пропускать—потому что... да... да—хорошая публика жаловаться стала... нельзя рукъ положить на барьеръ ложи... потому что... да... да, сейчасъ же разныя насѣкомыя виваются...

— Знаю, братъ Василій, знаю... Сколько ко мнѣ въ кассу, значитъ, приходили жаловаться.

— Такъ прошу тебя, братъ Константинъ, гони ты нашу пѣвчую команду изъ уборныхъ и ложей, потому что да... да—это не почтительный домъ, теперь и на улицѣ не холодно...

— Слушаю, братъ Василій, значитъ...

— Сегодня пріѣзжаетъ Ольриджъ... такъ... да... да... сколько сбору?

— 270, значитъ, вчера закрылъ кассу.

— Ну... вотъ... я... я... говорилъ... да... да... потому что да... да... Я зналъ, что на этого пойдутъ... и при словѣ на „этого“ опъ ткнулъ въ гравюру Айра-Ольдриджда, висѣвшую у окошечка кассы. Одного побавляюсь...—послѣ минутнаго раздумья, проговорилъ Василій Андреевичъ,—потому что я... да... да...

— Чего же, значитъ, братъ Василій?

— Чтобы мой-то не поднакостили... потому что... да... да...

переплываю животными... кто со страху, кто с радости... а песен-то стихами... по-английски играешь самъ-то... на непонятномъ для насъ языкѣ, хотя... я... я... знаю... выдалъ англичающъ... понимаю... а за своихъ боюсь, какъ бы не вышло чего, Боже сохрани... зарѣжутъ...

— Запереть бы, братъ Василій, значить, ихъ въ большую уборную, и представить Трифона приемотривать, чтобы водку не пронесли...

— Да... да... я... такъ и сдѣлаю...—И, посмотрѣвъ на свои огромные золотые часы, онъ носѣнно затараторилъ: — Ну, такъ я... я... пора... Такъ ты, братъ Константинъ, прикажи, а я... я... пора... пора... сиѣну къ нему...

И быстро побѣжалъ къ себѣ наверхъ.

На сценѣ въ это время, противъ обыкновений, давно уже началось суетливое приготовление къ ренетциѣ. Сашка Макаровъ, совѣщавшій въ своемъ лицѣ и машиниста, и декоратора, и бутафора, и освѣтителя, и прочихъ отсутствовавшихъ администраторовъ сцены, подмывалъ какую-то тряпку огромныхъ размѣровъ съ неисчислимыми наклейками и заплатками на обратной стороне, долженствовавшую изобразить на этотъ разъ венеціанскій дворецъ дожей. Тутъ же суетился съ метлой грязный, поделывавшій, обтѣлывшій, старшій театральншій сторожъ, онъ же и старшій надъ тремя рабочими по сценѣ, Трифонъ. Идти стояла невообразимая, такъ что на разстояніи десяти шаговъ нельзя было различить Трифона отъ Сашки Макарова.

Съ девяти часовъ начали собираться актеры заспаные, немые, печальные, въ очень неприглядныхъ костюмахъ и, проходя осторожно, какъ тѣни, исчезали гдѣ-то въ темнотѣ нудисъ. Нѣсколько поздне стали появляться болѣе опрятныя фигуры, и наконецъ послѣдними, къ десяти часамъ, прибыли дамы. Между тѣмъ, Василій Андреевичъ, самоодовольно осмотрѣвши себя въ зеркало, перекрестился широкимъ крестомъ передъ огромнымъ иконостасомъ, поклонился съ глубокимъ вздохомъ ниже обыкновеннаго и рѣшительно направился въ гостиницу Соболева, гдѣ долженъ былъ остановиться знаменитый трагикъ,—представиться ему и просить пожаловать на ренетцию.

Актеры тѣмъ временемъ встревоженно поглядывали другъ на друга, какъ бы спрашивая, что же это будетъ?

— Я играла, по крайней мѣрѣ, десять разъ Дедедемоу и со Шегловымъ, и съ Петромъ Дмитриевичемъ, и съ Николаемъ Хрисанфовичемъ, и съ Корнелиемъ Николаевичемъ, — осталась довольна, — говорила раздражительно мѣстная ingénue dramatique, — и вызывали ничуть не меньше ихъ... а сегодня... сегодня... просто руки трясутся... ночь не спала... кабы не пужда — за миллионъ не пошла бы... съ такимъ чортомъ... Придумалъ же Васыка!

— Это вѣрно, что опасно. Говорить, Стрѣлку въ Кіевѣ придумалъ-было до смерти... еле-еле отходили...—проговорилъ кто-то изъ толпы.

— Царица небесная! — прошептала лукавая комическая старуха. — Помилуй насъ Господи и сохрани!

— Ну, что ерунду городите, — пробасилъ неуклюжій мѣстный трагикъ, отъ котораго разлило разныи слезами, только далеко не душистыми. — Актеръ, какъ актеръ... ничего онъ никому не сдѣлаетъ... А вотъ я никакъ не могу представить, какъ мы будемъ съ нимъ разговаривать, — вѣдь по-собачьи ласть, а мы по-своему. Неслыханное дѣло! Только Васыка плинивый и могъ избобрѣсти такую штуку, — сердито пробурчалъ трагикъ Буйносовъ, на этотъ разъ изображавшій Брабанціо въ „Отелло“.

— А это ужъ не мое дѣло! я буду говорить, когда мнѣ суфлеръ подскажетъ.

— Да вѣдь стихи...

— А хоть бы стихи... Что же я буду дѣлать? Я эвонскому языку не училась... я буду говорить свое и знать ничего не хочу.

— Нельзя не знать, невпонадѣ отвѣтить — помниай какъ звали, съ такимъ чортомъ! Видѣли, что на подьздѣ-то нама-левано Сашкой?..

— Видѣла, видѣла... Оставьте меня, ради Бога, и безъ васъ тошно! — и примадонна отошла отъ Буйносова, бормоча про себя: — Смотри, самъ не налижись къ вечеру.

На сцену вошелъ торопливо взволнованный Василій Андреевичъ и, притворяясь величаво равнодушнымъ, сталъ совать въ котормъ, впрочемъ меньшинству, свою пухлую руку. Затѣмъ онъ захопалъ въ ладони, приказавъ суфлеру сѣсть въ будку и самъ сѣлъ у будки, сложивши руки на брюшкѣ, игралъ большими пальцами въ карусели.

Робко, опустивши глаза, пролѣзла со сцены захудалая фигура суфлера въ будку и, дрожа всѣмъ тѣломъ, прислонился безпомощно головой къ оборванному войлоку, которымъ когда-то была обита будка, отдавшись всѣмъ существомъ своимъ на волю Божію. Были въ его жизни большія неприятности съ актерской братіей, да все не то, что теперь ему представлялось.

II.

Василія Андреевича Ольдриджъ не принявъ, извинился черезъ переводчица, который попенилъ, что трагикъ сидитъ въ вашикѣ, и что черезъ полчаса явится въ театръ. Василій Андреевичъ, несмотря на подымавшее его любопытство скорѣе

видѣть заморское чудо, въ душѣ даже почему-то порадовался, что не выдалъ его, и лоторопился въ театръ, придавъ себѣ видъ какой-то таинственной важности и наружнаго спокойствія — дескать, „мы съ нимъ уже побесѣдовали о томъ, о семъ... потому что... да... да... Вотъ я какой храбрый... да, да...“, и загадочная улыбка не сходила съ его розовенькаго лица. Раза три посмотрѣлъ онъ на часы, послушалъ ихъ ходъ, еще разъ по разсѣяности завелъ ихъ, при чемъ каждый разъ поспатривалъ на окружающихъ и какъ бы говорилъ: „вотъ-вотъ еще минута, мнѣ одному извѣстна, и все будетъ кончено“. Всѣ молчаливо ждали этой роковой минуты, устремивъ глаза въ дверь, ведущую изъ коридора на сцену.

Вдругъ, совершенно неожиданно, въ мягкихъ замшевыхъ башмакахъ, вошелъ съ противоположнаго актерскаго подьзда Айра-Ольдриджъ, сопровождаемый своимъ секретаремъ, и еще болѣе неожиданно пѣвучимъ баритономъ громко приветствовалъ присутствующихъ на англійскомъ языкѣ:

— Good morning!

Василій Андреевичъ вскопчилъ, точно резиновый мячикъ, ендляще всталъ, егоящие въ перѣшительности кланялись, даже суфлеръ всталъ въ будкѣ.

Ольдриджъ очень приветливо пожалъ руку подлѣтѣвшему къ нему Василію Андреевичу и любезно спросилъ его о здоровьи.

— How do you do?

Василій Андреевичъ покраснѣлъ и отвѣтилъ на это расклавнивался:

— Да, да... это я... потому что да... да... Василій Андреевичъ Смирновъ...

Ольдриджъ, ласково осмотрѣвъ окружающихъ, сталъ поименно выкликать дѣйствующихъ лицъ изъ „Отелло“. Первою онъ спросилъ Дедедемоу, пожималъ руку, скалилъ зубы, что-то бормоталъ. Ingénue Волжекая стояла, отдавъ ему свою окоченѣлую руку, опустивши глаза, точно она боялась взглянуть на его черное лицо, и изъ вѣжливости дѣлая видъ, будто бы не замѣчаетъ, что оно у него такое черное.

— Яго!

Вышелъ Михайловъ. Ольдриджъ, потряса ему руку и обнималъ его самого, какъ будто стараго знакомаго, вскрикнулъ театрално:

— I am glad to see you again! *)

На что Михайловъ, глупо улыбаясь, отвѣтилъ:

— Буду стараться.

На вызовъ Брабанціо, подошелъ Буйносовъ и, жезла казаться внушительнѣе, протяжно пробасилъ въ октаву:

— Я!

Ольдриджъ, невольно вгнувъ въ себя ароматъ, разный отъ Буйносова перегарью сивухи, похлопалъ его по плечу и дружески сказалъ:

— I hope to see you quite vell again? (надѣюсь видѣть васъ вновь здоровымъ!)

Буйносовъ, истинно живо пошавъ въ чемъ дѣло, конфузливо улыбнулся и опустил повинно голову.

Когда переключка кончилась, Ольдриджъ черезъ секретаря попросилъ начать ренетцию.

Секретарь передалъ экземпляръ пьесы суфлеру, тотъ принявъ рукопись, точно ему подали смертный приговоръ, и по-словеснымъ глазами сталъ смотреть на послѣднюю страницу, гдѣ было очень красиво написано съ завитушкой „конецъ“.

Такъ какъ роли у всѣхъ были играны много разъ и такъ какъ въ былые времена разучивали роли и пьесы основательно, на всю жизнь, то, расположившись на указанныхъ Ольдриджемъ мѣстахъ, всѣ ренетировали почти безъ помощи суфлера и только объ одномъ думали, что будетъ, когда съ „нимъ“ придется вести сцену. Всѣ съ напряженнымъ любопытствомъ ждали минуты его появленія, разсматривая неподтиска небывалаго артиста.

Но его появленіе на сценѣ всѣхъ въ значительной степени разочаровало. Во-первыхъ, онъ шепталъ про себя, иногда почти не смотря и не слушая партнера; во-вторыхъ, вступалъ и принималъ реплики, точно понималъ, что окружающіе его говорили, показывая всѣмъ мѣста чрезвычайно толково, ясно, понятно, въ высшей степени любезно, такъ что къ концу ренетциѣ всѣ чувствовали себя свободнѣе, веселѣе; а Василій Андреевичъ, верясь все время около Ольдриджа, даже порывался нѣсколько разъ вступитъ съ нимъ въ бесѣду. Обыкновенно любимой темой разговора Василія Андреевича со всѣми знаменитостями былъ годъ его рожденія, любезно и, вѣдетъ съ тѣмъ, странно всегда совпадавшій съ годомъ и даже днемъ рожденія данной знаменитости. Такъ и на этотъ разъ, онъ показывалъ Ольдриджу пальцами года, приговаривая:

— Я... я... я... вы... вы... въ одинъ годъ... родились... понимае?.. потому что... да... да... родились... понимае?... — и пытался всячески жестами уяснить, какъ они въ одинъ годъ вѣдетъ родились.

Ольдриджъ, глядя на всѣ его жесты, добродушно улыбался и повторилъ:

— Yes, yes.

Ренетциѣ кончилась благополучно. Всѣ изъ театра разбре-

*) Я радъ видѣть васъ опять!

Аматерассу, богиня солнца. С картины Поля Кэнсака грав. Бодь.

лись: кто по домам, а кто въ трактиры, несмотря на грозное приказаніе Смирнова—воздержаться отъ сихъ значныхъ мѣствъ, хотя ради такого торжественнаго случая. Но помимо грознаго наказа о воздержаніи, никого и хмель не бралъ. Привыкшіе уснуть послѣ обѣда отказались отъ обычнаго отдыха, и къ шести часамъ все уже собралось въ театръ гримироваться и одѣваться, каждый выражая волненіе по-своему: актрисы въ общей уборной перебрашивались между собой и съ портиной, актеры—съ парикмахеромъ и портнымъ, грози то и дѣло разбить морду, а Буйносовъ, захвативъ для храбрости полунтофъ очищенной, спрятавъ его въ пачку и исподтишка отъ времени до времени тянулъ изъ горлышка вдохновеніе. На немъ былъ красный флапелъный канотъ со шлейфомъ, служившій много лѣтъ для различныхъ ролей: и для кардинала Ришелье, и для Полонія въ „Гамлетѣ“, и для Брабанціо, и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ канотъ облакалъ различныхъ духовныхъ особъ высшего сана, какъ напримѣръ епископа въ „Идиовѣ“, то служилъ просто канотомъ въ какомъ-нибудь водевилѣ; въ послѣднемъ случаѣ шлейфъ подшивался. На прилавкѣ, замѣнявшемъ столъ въ уборной Буйносова, лежали приготовленные для Брабанціо длинный бѣлый парикъ и длинная такая же борода.

III.

Тускло мерцали масляныя лампы въ театрѣ; публика постепенно наполнила партеръ и ложи,—болше мужчины кунеческой складки; оркестръ изъ десяти человекъ заигралъ персидскій маршъ. Василій Андреевичъ ходилъ по сценѣ, то и дѣло поглядывая то на часы, то въ профессорскую въ запискѣхъ дюрочку. На бульварникѣ, примыкавшемъ къ фасаду театра, толпились тысячи праздныхъ зѣвакъ,—гражданъ и прѣзжихъ,—постепенно прогнѣиваясь къ подъѣзду театра, на которомъ былъ выставленъ трехсаженный колескоровый транспарантъ, изображавшій чорта въ костюмѣ, вмѣсто Ольдриджа, душившаго какую-то вѣдьму, вмѣсто Дедемона; дверь подъѣзда была разукрашена березками, и отъ подъѣзда до Черемухинскаго бульварчика вела изъ ёлокъ сдѣланная аллея, остроумно придуманная Смирновымъ въ видѣ ловушки для публики, гулявшей по бульварчику и незамѣтно попадавшей въ театръ.

На этотъ разъ театръ былъ переполненъ и безъ того,—любопытство посмотреть арапа охватило весь городъ. Послѣ персидскаго марша заиграли безконечную, однообразную визгливую польку, которую, наконецъ, неожиданно подымавшій завѣсь прервалъ, какъ говорится, на самомъ интересномъ мѣстѣ. Публика усаживалась, на сценѣ что-то говорили, за общимъ шумомъ нельзя было ничего разобрать, и такъ продолжалось до появленія Отелло-Ольдриджа. Только что показалась его могучая фигура въ глубинѣ сцены, какъ театръ дрогнулъ отъ дикихъ рукоплесканій съ топотомъ, съ гиками и даже съ криками bis. Ольдридж съ достоинствомъ картинно раскланялся и началъ свою роль, издавая сквозь зубы горгачище звуки. Чтѣ онъ говорилъ, едва ли кто-нибудь изъ рыбинской публики понималъ, тѣмъ не менѣе зрители съ какимъ-то напуганнымъ любопытствомъ слѣдили за нимъ, ожидая отъ него всякое мгновеніе чего-то сверхъестественнаго. Такъ и казалось, что каждый думалъ: „Да скоро-ль ты начнешь выкидывать свои курбеты?“ Но, увы! все у него выходило въ высшей степени человѣчно, вѣрно и просто. Его крупная, статная фигура въ полу-венеціанскомъ, въ полу-мавританскомъ костюмѣ, граціозно наброшенный плащъ, курчавая голова въ эффектномъ тогѣ, обнаженные руки и ноги въ браслетахъ, восточное вооруженіе и большія, кольцами, золотыя серьги въ ушахъ, дѣлали его идеальнымъ представителемъ цвѣтной расы. Въ роли Отелло онъ совсѣмъ не гримировался и, несмотря на свой негритапскій типъ лица съ широкимъ носомъ, толстыми губами и выдающимися скулами, онъ выглядѣлъ красивымъ, ловкимъ, преисполненнымъ благородства и величія венеціанскимъ патрищемъ, главнымъ начальникомъ всего флота гордой аристократической республики.

Ни декоративная обстановка; ни костюмы другихъ дѣйствующихъ лицъ не соответствовали его роскошному костюму, но зато пьеса шла, что называется, твердо, и все знали, что говорить и чтѣ дѣлать, не вызывая улыбки сожалѣнія въ зрительныхъ рядахъ. Только одинъ Брабанціо—Буйносовъ—нарушилъ общій строй: въ первой сценѣ онъ выходилъ, какъ и подобаетъ по пьесѣ, съ длинной бородой, а во второй—выскочилъ безъ бороды и усомъ, позабывъ ихъ въ уборной во время перемѣны декораций. Борода вѣтъ съ усамъ нацѣплялась безъ малѣйшаго труда за уши, но едва успѣлъ онъ ее снять, намѣреваясь еще разъ хлебнуть изъ полунтофа и закусить чѣмъ-то запахъ отпугивающимъ, какъ его снова потребовали на сцену. Впотьмахъ онъ бросился за помощникомъ режиссера, забывая и бороду, и усы. Выходъ безбородата Брабанціо само собой вызвалъ въ публикѣ неумѣстный смѣхъ въ сервизной сценѣ Отелло предъ сенатомъ дожей. Ольдриджъ, увидавъ бритаго Брабанціо, мгновенно какъ будто даже поблѣднѣлъ, глаза сверкнули, врачьи забѣгали, зубы заскрежетали, изъ глубины могучей груди вырвался вздохъ, смѣшанный съ визгливымъ рычаніемъ, сопровождавшимся какой-то фразой, изъ которой только и можно было разобрать:

— Год-д-д-эжъ... ю... бр... бур... бур... о-о-о Брабанціо... тни... тни...

Буйносовъ, увидавъ искаженное лицо Ольдриджа, со свирѣпо устремленными на него, кровью налитыми глазами, оторопѣлъ и не могъ сразу сообразить, въ чемъ дѣло. Актеры, увидя Буйносова безъ бороды и Ольдриджа, судорожно сжимавшаго кулаки и въ бѣшенствѣ со скрежетомъ шептавшаго:— „Брабанціо... Брабанціо... Брабанціо!“ стали ему дѣлать знаки глазами и шептать со всехъ сторонъ: „борода, борода!“ Буйносовъ моментально бросился въ уборную, схватилъ со стола бороду и такъ и выбѣжалъ на сцену, держа ее въ рукахъ. Въ театрѣ раздались гомерическія хохоты, что окончательно смутило всехъ. Буйносовъ безсмысленно уставился на Ольдриджа, ровно ничего не понимая, пока, наконецъ, Василій Андреевичъ, бѣгая въ отчаяніи за кулисами, заикаясь, грозя кулаками, проклиная, почти громко, изъ первой кулисы, не приказалъ ему надѣть бороду, что само собой было новымъ увеселеніемъ для армарочной публики и на этотъ разъ вызвало даже бурныя хлопанья и крики: „bis! bis! bravo!“

У Ольдриджа показалась ибна на губахъ, зубы застучали, онъ точно раненый звѣръ стоналъ и повторялъ: „Брабанціо! О!.. Брабанціо!.. О!“

Кое-какъ Буйносовъ кончилъ свою сцену и только что вышелъ за кулисы, какъ Василій Андреевичъ подскочилъ къ нему и началъ что-то бормотать, грозить, плевать, но разобравъ хоть что-нибудь изъ того, чтѣ онъ говорилъ, было мудро.

Комикъ Ягодкинъ, другъ и пріятель Буйносова, подбѣжалъ къ нему, схватилъ его за руку, увлекая въ уборную, быстро сорвалъ съ него красный канотъ, нагнувъ ему шапку и съ быстротой молніи, заднимъ ходомъ, побѣжалъ съ нимъ вошь изъ театра, повторяя только:

— Вѣги, бѣги!.. убѣгъ!.. убѣгъ!.. бѣжимъ!..

— Водка, полунтофъ... въ пачкѣ... осталось немного. протестовать было Буйносовъ.

Но Ягодкинъ съ такой силой дернулъ его за рукавъ, что тотъ едва удержался на ногахъ, и потащилъ его на улицу.

Какъ только завѣсь опустился, Ольдриджъ, не обращая никакого вниманія на вызовы веселой публики, бросился за кулисы съ отчаяннымъ ревомъ:

— Where is Brabantio?.. О! Брабанціо! О-о-о!.. Брабанціо!..

Никто, кромѣ его секретаря, не рѣшался подойти къ нему. Ольдриджъ категорически заявилъ черезъ него Василію Андреевичу, что продолжать спектакли не будетъ, если Брабанціо появится въ какой-нибудь роли, и вообще, чтобы онъ ему не попадался на глаза, а то онъ за себя не ручается. Василій Андреевичъ сдѣлалъ немедленно строгое распоряженіе брату Константину не пускать Буйносова на порогъ театра.

Ольдриджъ, нѣсколько успокоившись, велѣлъ давать завѣсь. Второй актъ прошелъ почти безъ всякихъ недоразумѣній; въ третьемъ вышло опять маленькое развлеченіе для армарочной публики, но на этотъ разъ виновникомъ былъ самъ Ольдриджъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе въ этомъ дѣйствіи, гдѣ уже ревность въ разгарѣ, передъ тѣмъ какъ выбѣжать на сцену, схватившись за кулису или за что-нибудь подходящее, раскачиваться, рычать, браниться, и потомъ уже съ яростью выбѣгать на сцену.

Такъ и на этотъ разъ, онъ все это продѣлалъ, но съ тою только разницей, что вслѣдъ за нимъ полетѣла на сцену и кулиса; за которую выбѣжалъ, къ полному удовольствію публики, Трифонъ, сорвавшій дружный андидисментъ. Потомъ у Яго парикъ свалился, когда его душилъ Ольдриджъ, и это обстоятельство было поощрено дружнымъ смѣхомъ. Наконецъ, въ послѣднемъ актѣ, Дедемона легла на ложе погами въ ту сторону, гдѣ должна была находиться голова, что уже вызвало нѣкоторое замѣшательство, такъ какъ неапатично-строгий Ольдриджъ никогда на вершокъ не мѣнялъ разъ установленной имъ mise en scène и приходилъ въ бѣшенство отъ малѣйшаго уклоненія. Въ данномъ случаѣ, онъ вмѣсто того, чтобы читать монологъ глядя на Дедемону при открытомъ положѣ, закрылъ его, схватилъ какъ перышко на руки полумертвую отъ страха Дедемону, ласково прижалъ ее къ толстымъ губамъ, что-то вѣрно прошепталъ ей на ухо, и положилъ ее снова такъ, какъ это было ему удобнѣе; затѣмъ снова отдернулъ пологъ погости и мрачно продолжалъ свой монологъ. Кончилъ пьесу онъ, нагнавши такого ужаса, что въ партерѣ съ кѣмъ-то даже принадокъ сдѣлался. Успѣхъ его былъ такъ великъ, что буквально тысячи народа, окруживъ театръ, ждали его выхода и провожали до гостиницы и еще долго толпились и гадѣли у его подъѣзда, пока онъ, наконецъ, не показался въ окнѣ и не обьяснилъ жестами, что и ему, и имъ пора спать.

На слѣдующій день былъ назначенъ „Шейлокъ“, который прошелъ съ тѣмъ же успѣхомъ и съ тѣми же повтореніями различныхъ недоразумѣній, увеселившихъ армарочныхъ зрителей. Въ этотъ разъ оваціи были еще болше бурными и торжественными, благодаря чествованію двадцатипяти-лѣтняго юбилея Василія Андреевича. По окончаніи спектакля на сценѣ былъ сервированъ ужинъ, къ которому былъ приглашенъ и Ольдриджъ. Все размѣстилось за длиннымъ столомъ, на которомъ горами были наставлены всевозможныя закуски: стерляди, осетрина, утки, гуси, жареные и вареные поросята подъ хрѣномъ и цѣлымъ батарен водокъ и винъ.

Василій Андреевичъ, расположившись, какъ и подобаетъ юбиляру, на почетномъ мѣстѣ, справа посадилъ рядомъ съ собою Ольдриджа, которого все время милосердно угощать, то и дѣло чокался, пилъ почти исключительно за его здоровье, цѣловался, провозглашалъ тосты, говорилъ несвязныя рѣчи, въ родѣ слѣдующей:

— Вотъ онъ черный, потому что... да... милостивые государи и милостивыя государыни... но это ничего не значитъ... потому что... да... да... — при этомъ онъ веномнилъ о Вуйносовѣ и продолжалъ, — бывають бѣлыя свищи хуже черныхъ, потому что... да...

Говоря это, онъ все время указывалъ на негра, а тотъ, осклаившись, добродушно повторилъ: — „Yes, yes“, и указывалъ въ свою очередь на Василія Андреевича. Каждый тостъ покрывалъ, помѣтившись въ глубинѣ сцены, изрядно подвыпившій оркестръ громкимъ шумомъ при трехкратномъ выкрикиваньи дирижеромъ „ура!“

Наконецъ, Ольдриджъ, поднявшись съ своего мѣста, началъ свичъ на англійскомъ языкѣ, пригласивъ секретаря переводить его содержаніе. Между прочимъ, онъ говорилъ, что очень польщенъ общимъ вниманіемъ публики и сердечнымъ отношеніемъ товарищей, что весьма счастливо провести время въ своей артистической семьѣ, за русскимъ радушиемъ гостеприимнымъ столомъ, выразилъ сожалѣніе, что онъ невольная причина тому, что одинъ изъ членовъ этой благородной семьи отсутствовать и не можетъ разделить съ ними ихъ веселья.

Надо замѣтить, что Ольдриджъ, каждый разъ приходя въ театръ, справлялся о Брабанціо:

— Where is Brabantio?.. Дѣ Брабанціо?!

Думая, что онъ хочетъ учинить съ нимъ расправу, отвѣчали, что его нѣтъ. И дѣйствительно, несчастный Вуйносовъ, будучи предупрежденъ товарищами, что Ольдриджъ его постоянно спрашиваетъ, боялся показаться въ театръ, — такъ что, благодаря злополучному эпизоду въ „Отелло“, онъ лишился послѣднихъ двухривенныхъ, дававшихъ ему на пропитаніе.

Ольдриджъ, продолжая свою рѣчь, все болѣе и болѣе воодушевлялся, говори о свитомъ назначеніи неуксества, объединяющаго все народы. Перейдя къ своему великому учителю Шекспиру, онъ сталъ перечислять благородные образы, созданные великимъ поэтомъ, и, въ экстазѣ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ, восклицалъ, между прочимъ:

— Деэдемона, Брабанціо.

Не успѣвъ онъ произнести имя Брабанціо, какъ изъ глубины сцены выступилъ съ громадной дубиной пьяный Вуйносовъ и, ставъ въ вызывающую позыцію, проревѣлъ:

— Я здѣсь, арабская твоя рожа, выходи!

Всѣ бросились къ Вуйносову и мгновенно скрыли его. Ольдриджъ, воспользовавшись благоприятнымъ случаемъ забавиться отъ непривычныхъ угощеній, погоронился уѣхать домой. Прерванное на нѣсколько минутъ юбилейное торжество продолжалось всю ночь. Восходъ солнца озарилъ ценитя, пьяныя лица пировавшихъ и еще долго, вѣроятно, пировавшихъ бы, если бы не поразило всѣхъ, какъ громомъ, неожиданное извѣстіе о смерти Ольдриджа и не заставило бы гостей бѣжать куда понало. Всѣ думали, что онъ умеръ отъ холеры, бывшей въ то время въ Рыбинскѣ.

На самомъ же дѣлѣ Ольдриджъ не умеръ, а къ разсвѣту

почувствовалъ сильныя боли въ желудкѣ; затѣмъ, пока секретарь бѣгалъ за докторомъ, съ Ольдриждемъ начались такія спазмы и судороги, что стоны больного оглашали не только зданіе гостиницы, но и площадь. Въ гостиницѣ всѣ вполонились, не зная чѣмъ помочь странному арабу, катавишемуся по полу въ одной ночной сорочкѣ, подбѣжали къ дверямъ, топтались на мѣстѣ, не рѣшаясь войти въ номеръ. Наконецъ, все смолкло. Негръ лежалъ неподвижно посреди комнаты, съ иѣной у рта, крѣпко стиснувши зубы и расквашивъ безпомощно руки съ судорожно скорченными пальцами. Въ одно мгновеніе разнесся слухъ, что арабъ скончался, и вѣсть эта достигла Василія Андреевича, уже покойно почивавшаго послѣ юбилейнаго возіянія, окруженнаго разныими подношеніями, въ видѣ кубковъ, чайныхъ сервизовъ, адресовъ и прочихъ принадлежностей, обыкновенно подносимыхъ въ подобныхъ случаяхъ.

Братъ Константинъ вбѣжалъ въ спальню Василія Андреевича, куда онъ одинъ имѣлъ право входить во всякое время и даже имѣлъ и запасный ключъ отъ его квартиры, и закричалъ:

— Братъ Василій, вставай, значить... арабъ умеръ... значить...

Василій Андреевичъ вскопчилъ, растерянно схватилъ чайный сервизъ и хотѣлъ бѣжать, но братъ Константинъ, остановивъ его, разъяснилъ, въ чемъ дѣло и, наскоро одѣвши, потащилъ за собою въ гостиницу.

У номера непрежнему стояла толпа слугъ и жильцовъ. Василій Андреевичъ безстрашно отворилъ дверь и засталъ Ольдриджа уже лежащимъ ничкомъ на постели, держащимъ въ зубахъ подушку и тяжело дышащимъ. Василій Андреевичъ осторожно подошелъ къ нему и тихо заговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Господишь Ольдриджъ, что съ вами? Я... я... я... узналъ, что вы умерли, потому что... да... да... что съ вами? скажите...

Ольдриджъ, оторвавшись отъ подушки и увидавъ Смирнова, порывисто вскопчилъ съ постели съ поднятыми кулаками, что-то прокричалъ, ткнулъ пальцемъ въ Василія Андреевича, схватился за животъ, сталъ бѣжать по комнатѣ и кричать не своимъ голосомъ, подражая поросенку:

— Кю... кю... кю...

Василій Андреевичъ выскочилъ изъ номера съ крикомъ:

— Батюшки!.. съ ума сошелъ! Съ ума сошелъ, — повторилъ онъ, расталкивая толпу, пробираясь къ выходу.

Прибѣжавъ домой, онъ обвязалъ себя голову мокрымъ полотенцемъ и въ отчаяніи бросился на постель.

Къ вечеру на подъездѣ театра былъ вывѣшенъ афиша, извѣщавшій о внезапной болѣзни Ольдриджа, объ отгнѣннѣ „Дра“, вмѣсто котораго дана будетъ извѣстная мелодрама „Живая покойница“. Многие изъ публики, конечно, вернули билеты обратно.

Ольдриджъ, обѣвшійся поросенкомъ, скоро поправился и на другой же день выѣхалъ изъ гостеприимнаго Рыбинска, по коленикоровой трансларантъ, съ чортомъ, душившимъ вѣдму, Василій Андреевичъ хранилъ въ своей собственной квартирѣ, какъ драгоценное воспоминаніе, по его словамъ, ихъ дружбы съ знаменитымъ трагикомъ Ольдриждемъ, при чемъ онъ всегда разсказывалъ, что они оба родились въ одинъ годъ...

— И даже въ одинъ день, — прибавлялъ онъ въ восторженномъ умиленіи, — потому что... да... да...

Утро въ лѣсу.

Стихотвореніе Сергѣя Гарфильда.

Старый лѣсъ зашумѣлъ... Непроглядная тьма
Передъ властью лучей разстучается,
И сквозь вѣтви дубовъ золотая кайма
На востокѣ горитъ—разгорается!
Тихо таетъ туманъ. Распустились цвѣты,
Засверкали росой словно слезками,
И въ прохладномъ бору зашептались кусты
Съ вѣковой сосной и березками.
Вотъ на сочномъ листѣ зажуужжала оса,
Собирая росу изумрудную...

На поляну изъ чащи прокрасалась лиса...
Чу! зашѣлъ соловей пѣсню чудную,—
На верхушкахъ дубовъ разсыпается трель,
Льются звуки, дрожа—серебристые!..
И, заслушавшись ихъ, зарумянилась слъ,
Распустивъ свои вѣтви илгистыя.
Изъ-подъ темныхъ листовъ земляника-краса
Солнца яркимъ лучамъ улыбаεται.
Вотъ донесся откуда-то скрипъ колеса...
А заря все сильнѣй разгорается!..

Къ рисункамъ.

Многочисленное семейство. (Рис. на стр. 723.)

Одной изъ наиболѣе общительныхъ породъ домашнихъ птицъ бесспорно слѣдуетъ считать утку. Прирученіе дикихъ, такъ называемыхъ, кряковыхъ утокъ совершается очень быстро, и въ короткое время утка настолько привыкаетъ къ человеку, что его присутствіе ничуть ее не беспокоитъ. Такой же общительностью утка отличается и по отношенію къ другимъ птицамъ; извѣстно, на примѣръ, ея пріязненное отношеніе къ курамъ и другимъ домашнимъ птицамъ. Особенно любопытны семейныя добродѣтели утокъ: супруги, до появленія птенцовъ, почти не расстаются другъ съ другомъ, сохраняя взаимную вѣрность, и только появленіе дѣтейшей, воспитаніе которыхъ всецѣло предоставляется самкѣ, преграждаетъ ихъ от-

ношенія. Кладку яицъ самка производитъ гдѣ-нибудь подъ кустарникомъ, вблизи воды. Молодые утенки, вылупившись изъ яйца, день еще проводятъ подъ крыломъ матери, а затѣмъ пускаются на воду. Интересна также, какъ отличительная черта утокъ, ихъ прожорливость, которая для своего удовлетворенія заставляетъ ихъ вѣчно чѣмъ-нибудь наполнять желудокъ, начиная отъ листовыхъ пѣжныхъ растений, до мелкой рыбешки и червей, въ добычаніи которыхъ утки всегда проявляютъ большое мастерство.

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ.

(Рис. на стр. 726 и 727.)

Рисунки Е. П. Самокинъ-Судковской, помѣщенные на стр. 726 и 727, воспроизводятъ два выдающихся момента изъ акта

Священнаго Коронованія, слѣдовавшихъ за возложеніемъ короны на главу Государя Императора, — когда Вышанный Государь колѣнопреклоненно читалъ передъ престоломъ установленную молитву (стр. 726), и вслѣдъ за тѣмъ, когда митрополитъ, колѣнопреклоненный на ступеняхъ царскаго трона, читалъ молитву отъ лица всего народа. Описание этихъ двухъ торжественныхъ моментовъ своевременно дано было въ № 21 *Нивы* въ „Письмахъ о Короваціи“ Влад. И. Немровича-Данченко.

Высоко! (Рис. на стр. 731.)

Среди пзмурдной зелени парка, облитая горячими лучами лѣтняго солнца, стоитъ высокая яблоня. Вѣтви ея гнутся подъ тяжестью паливныхъ, красивыхъ плодовъ, которыми когда-то прагъ человечества соблазнилъ первую женщину... Маленькая дочь Евы съ такимъ же чувствомъ смотритъ на спѣлое яблоко, какъ, вѣроятно, смотрѣла на него и ея прародительница. Глубоке глаза дѣвочки не въ силахъ оторваться отъ созерцанія вкуснаго плода; любимая утка забыта — одна мечта наполнила головку блондуры лакомки. Но яблоко высоко! Его не достать, и библейскія времена прошли безвозвратно — изъ куста не выползетъ змѣя-искуситель и не поможетъ бѣдной дѣвуркѣ...

Аматерассу.

(Рис. на стр. 734—735.)

Аматерассу, по представленію лионской мѣлологин, была одною изъ двухъ любимыхъ дочерей праотца Изаака, который выпуль ихъ одну изъ праваго, другую изъ лѣваго глаза. Старшая царилла на небѣ днемъ и была богиней солнца, меньшая властвовала ночью и была богиней мѣсяца. Первая называлась Аматерассу-омикамп, вторая — Теки-по-ками. Первую изъ нихъ французскій художникъ Поль Кэссака представлялъ во всемъ блескѣ, красотѣ и могуществѣ, на тронѣ, окруженный дѣвками, подносящими ей цвѣты и вѣнки и восхищающимися ея красотой. Картина была написана по поводу заключенія мира между Иноией и Китаемъ.

Жюль Симонъ. (Портр. на этой стр.)

„Опять Франція проливаетъ слезы надъ гробомъ одного изъ величайшихъ сыновъ своихъ. Жюль Симонъ умеръ!“ Въ этихъ словахъ выразилъ свою скорбь по поводу кончины знаменитаго французскаго философа, социолога и публициста германскій императоръ Вильгельмъ II... Не одна Франція, весь міръ долженъ быть пролитъ горькія слезы надъ гробомъ этого великаго, незабвеннаго человеколюбца, всю свою жизнь посвятившаго благу человечества.

Вѣсть о тяжелой болѣзни и, вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ, о смерти Жюля Симона была совершенно неожиданна, хотя почтенный ученый достигъ уже преклоннаго возраста.

Жюль-Франсуа Симонъ Сюссель родился 19 декабря 1814 г., въ г. Лоріанѣ, въ Бретани. Родители его, несмотря на свою бѣдность, постарались дать сыну хорошее образование. Сдѣлавшись школьнымъ учителемъ въ своемъ родномъ городѣ, онъ, въ своемъ неустанномъ стремленіи къ самообразованію, вскорѣ оставилъ любимую преподавательскую дѣятельность и поступилъ въ парижскую нормальную школу (Ecole Normale) и, по окончаніи въ ней курса съ успѣхомъ, занявъ при этомъ же высшемъ учебномъ заведеніи кафедру преподавателя исторіи философіи. Сближившись въ Парижѣ съ извѣстнымъ въ то время философомъ Викторомъ Кузеномъ, онъ, по совѣту этого талантливаго ученаго и въ то же время практичнаго человѣка, сталъ дѣлать ученую карьеру; для этого онъ написалъ диссертацию: „Комментаріи Прокла къ Тимею“ Платона, и даже рѣшилъ перемѣнить свою неблагозвучную, но мнѣнію Кузена, фамилію „Сюссель“, на болѣе звучную — „Симонъ“.

Предсказанія и ожиданія Кузена сбылись — Жюль Симонъ занялъ вскорѣ мѣсто преподавателя въ версальскомъ лицейѣ, а въ 1839 г., по смерти Кузена, сталъ замѣстителемъ своего учителя и друга на кафедрѣ высшей философіи въ Сорбоннѣ.

Занявъ выдающееся положеніе на научномъ поприщѣ, Жюль Симонъ не могъ не увлечься общей для каждаго француза мечтой, — принять участіе въ дѣлахъ политическихъ.

Въ 1848 г., послѣ того какъ пала июльская монархія, Жюль

Симонъ выступилъ кандидатомъ отъ департамента Côtes du Nord и былъ избранъ въ члены учредительнаго собранія. Приблизивъ къ партіи умѣренныхъ республиканцевъ, Жюль Симонъ явился въ палату горячимъ борцомъ за улучшеніе быта рабочиыхъ классовъ. Эта забота о рабочихъ красною нитью прошла чрезъ всю его политическую, ученую и публицистическую дѣятельность.

Постоянно радуя за свободу и широкую терпимость, неконный врагъ всякихъ крайностей, Жюль Симонъ громко и ясно возсталъ противъ того страшнаго кровопролитія, которымъ обогрѣли улицы Парижа социаллисты въ іюль 1848 г. Оуждая поведеніе социаллистовъ, онъ не мало подвергалъ опасности свою жизнь и все-таки не переставалъ держать сторону генерала Кавеньяка. Возмущенный бесплодной дѣятельностью палаты, Жюль Симонъ вышелъ изъ нея въ 1850 г. Когда совершился знаменитый государственный переворотъ 2 декабря, произведенный Наполеономъ, Жюль Симонъ вернулся къ своей кафедрѣ философіи, и на первой же лекціи, бывшей послѣ этого событія, при восторженныхъ рукоплесканіяхъ въ громадной аудиторіи, энергично протестовалъ во имя права противъ совершенныхъ насилій. Не ограничившись этимъ, онъ отказался принести присягу новому правительству и былъ уволенъ отъ службы безъ прошенія. Эта знаменитая лекція была послѣдней. Его книга: „Souviens toi du 2 décembre!“ содержитъ въ себѣ много дѣльныхъ воспоминаній объ этомъ Sturm- und Drang-Periodѣ въ жизни Жюля Симона.

Оставшись съ семьей безъ всякихъ средствъ къ жизни, Жюль Симонъ пережилъ много тяжелыхъ минутъ, но не унывалъ. Онъ отдался весь изученію философскихъ и социальныхъ вопросовъ и написалъ по предложенію парижскаго издателя Гашетта „Руководство общественаго воспитанія“, а затѣмъ выпустилъ въ свѣтъ другіе два свои труда „Долгъ“ („Le devoir“), въ которомъ онъ оправдываетъ свой образъ дѣятельности послѣ декабрьскаго переворота, и „Новая религія“. Эти двѣ книги послужили основой для мировой извѣстности Жюля

Симона. Ободренный успѣхомъ, онъ отправился въ Бельгію и читалъ въ дѣломъ рядѣ бельгійскихъ городовъ различные лекціи, составившія извѣстную его книгу „Свобода совѣсти“ („La liberté de conscience“, 1857 г.), продолженіемъ которой явился затѣмъ новый его трудъ „Свобода“ („La liberté“, 1859 г.).

Два года спустя издалъ Жюль Симонъ свой знаменитый трудъ по рабочему вопросу — „L'ouvrière“, — этотъ горячій призывъ на помощь бѣдному рабочему классу. Тщательно, до мелочей изучивъ вопросъ о работѣ женщинъ и дѣтей на фабрикахъ и заводахъ, онъ далъ въ своей книгѣ яркое трогательное описаніе приниженаго, гибельнаго ихъ положенія. Не довольствуясь призывомъ къ обществу и правительству со страницъ своей книги, Жюль Симонъ, съ цѣлью распространенія своихъ идей, разъѣзжалъ по всей Франціи, читалъ conférences по рабочему вопросу, обращался съ тою же цѣлью къ лицамъ власти и ученымъ. И если, въ настоящее время, въ государствахъ Западной Европы обращено вниманіе на этотъ общій и близкій для всѣхъ вопросъ, если кое-что и сдѣлано для его разрѣшенія, — то заслуга инициативы въ этомъ великомъ дѣлѣ принадлежитъ несомнѣнно Жюлю Симону, этому истинному „брату рабочихъ“.

Въ 1863 г. Жюль Симонъ, уже въ силѣ и славі, поселился снова въ Парижѣ и сдѣлался центромъ, вокругъ котораго собирался тогдашній молодежь, привлеченная нравственнымъ обаяніемъ личности этого гуманиста XIX вѣка. Въ скромный его салонъ стекались лучшія надежды Франціи, большое число теперь уже оправдавшихся и ставшихъ передовыми ея силами, ученые и члены парламента, „бессмертные“ и на ряду съ ними „весьма смертные“ представители рабочихъ. Всѣ они собирались для того, чтобы слушать вдохновенныя рѣчи Жюля Симона и распространять и осуществлять его мысли, проекты и начинанія и въ верхи палаты, и въ глубь рабочей массы.

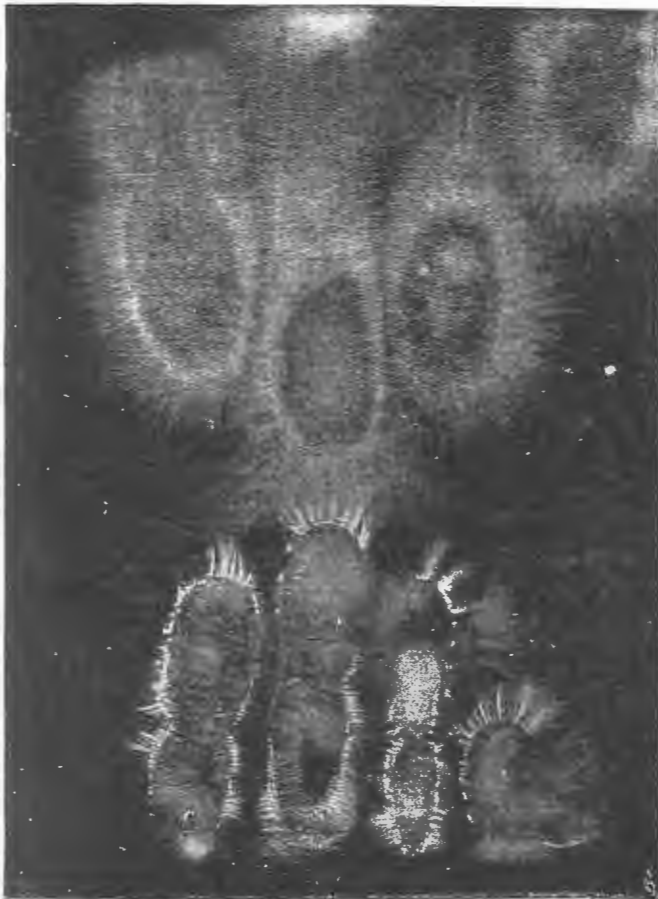
Къ этому же времени относится возобновеніе политической дѣятельности Жюля Симона. Въ 1863 г., выступивъ кандидатомъ оппозиціи въ законодательный корпусъ, онъ былъ избранъ

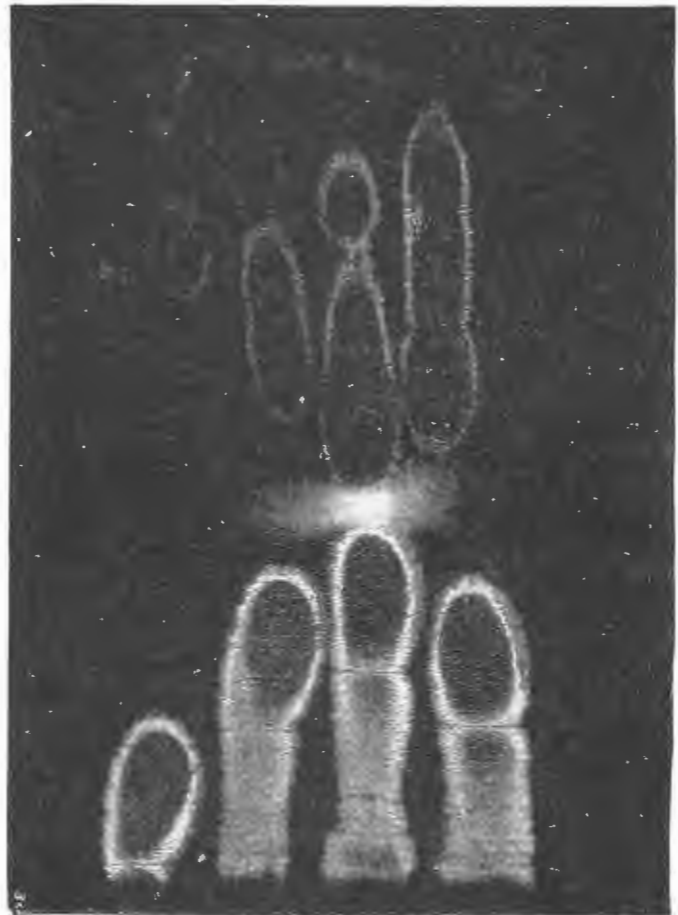
Жюль Симонъ († 27 мая 1896 г.).

восьмым округом департамента Сены и в течение семи лет своей депутатской деятельности много сдѣлалъ для развитія школьнаго дѣла во Франціи. Школьный вопросъ былъ равно близко большому сердцу Жюль Симона, какъ и рабочій. Это онъ доказалъ и въ своей книгѣ „L'école“ (1864 г.), въ которой онъ выступаетъ въ пользу безплатнаго и обязательнаго народнаго обученія, и въ своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ, какъ во время своего депутатства, когда онъ былъ борцомъ за школьное дѣло, такъ и состоя, послѣ паденія имперіи, членомъ правительства національной обороны и министромъ народнаго просвѣщенія, сдѣлавшись уже вершителемъ великаго дѣла школьнаго образованія. Въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія онъ произвелъ цѣлый рядъ коренныхъ преобразованій самой системы лицейскаго (гимназическаго) преподаванія, старался умѣрить увлеченіе классицизмомъ, вводилъ преподаваніе иностранныхъ языковъ, измѣнилъ систему препода-

ваній—онъ былъ назначенъ пожизненнымъ сенаторомъ и причисленъ къ сорока „безсмертнымъ“, засѣдающимъ во французской академіи. Съ этого момента политическая роль Жюль Симона была окончена. Горячая, отзывчивая на все доброе и высокое, натура его какъ бы успокоилась въ мягкихъ креслахъ сенатора и члена академіи. Но этотъ покой подъ тяжестью почта былъ лишь кажущійся. Жюль Симону суждено было еще обратить на себя вниманіе всего міра. 30 ноября 1876 года онъ, по предложенію Макъ-Магона, во вниманіе къ критическому положенію страны, взялъ на себя ответственную постъ главы новаго сформированнаго имъ министерства и въ то же время портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Не встрѣтивъ, однако, ни среди партій, ни у Макъ-Магона, сочувствія своей прямой миролюбивой политикѣ, онъ вскорѣ вынужденъ былъ окончательно и навсегда оставить зыбкую министерскую почву.

Электрографическіе снимки рукъ. Рис. 1. Симпатія.

Электрографическіе снимки рукъ. Рис. 2. Антипатія.

ваній географин, сообщивъ ей болышую осмысленность, сильно ратовалъ за введеніе гимнастическихъ упражненій въ школы, которыя были до него совершенно въ загонѣ. Ему Франція обязана правильной постановкой своего средняго образованія, преобразованнаго, по его мысли, въ 1880 г., и его идеи о цѣли и физическомъ и нравственномъ значеніи средняго образованія нашли себѣ выраженіе въ изданной имъ въ 1874 г. книгѣ „La réforme de l'enseignement secondaire“. Этотъ трудъ Жюль Симона, равно какъ и упоминаемая „L'école“, имѣлъ вліяніе на постановку средняго образованія не только во Франціи, но и во всей Европѣ, не исключая и нашей родины.

Въ 1879 г., незадолго до того, какъ Тьеръ сошелъ съ политической сцены, удалился отъ власти и Жюль Симонъ. Ставъ снова обыкновеннымъ депутатомъ, онъ съ усиленнымъ рвеніемъ отдавался ученымъ занятіямъ и въ особенности публицистической дѣятельности, работая по социологическимъ и политическимъ вопросамъ въ газетахъ и журналахъ; изъ газетъ, главнымъ образомъ—въ *Journal des Debats*, изъ журналовъ, въ особенности—въ *Revue de Deux Mondes*. Особенно горячо выступалъ Жюль Симонъ за расширеніе правъ женщины. Одно изъ послѣднихъ его произведеній посвящено женскому вопросу.—„La femme du XX-e Siècle“. Книга эта, вышедшая въ 1891 г., произвела сенсацию и, въ теченіе двухъ лѣтъ, выдержала 21 изданіе.

Кромѣ того, Жюль Симонъ былъ извѣстенъ, какъ выдающійся знатокъ Китая. Его книга „Среднее царство. Основы китайской цивилизаціи“, должна служить основой для каждаго желающаго изучать Китай.

4 декабря 1875 г. Жюль Симонъ былъ почтенъ за свои политическія и научныя заслуги двумя одновременными отли-

Посвятивъ себя затѣмъ исключительно вопросамъ внутренней политики, Жюль Симонъ снова высоко выдвинулся въ глазахъ всего міра въ 1890 г., когда принялъ приглашеніе германскаго императора Вильгельма, и несмотря на свои преклонные годы, отправился въ мартѣ 1890 г., отъ лица Франціи, на созванный императоромъ международный конгрессъ для улучшенія быта рабочихъ. Лучшаго выбора Франція не могла сдѣлать для этой цѣли,—никто лучше Жюль Симона не былъ ознакомленъ съ рабочимъ вопросомъ, и никто другой изъ французовъ не былъ менѣе возбужденъ противъ Германіи, чѣмъ Жюль Симонъ. Всѣмъ, и во Франціи, и въ Германіи, было извѣстно, что Жюль Симонъ, не поддаваясь ложно-патриотическому теченію, предостерегалъ Францію еще въ 1870 г. противъ войны съ Германіей, не столько изъ боязни за ее исходъ для своей страны, сколько изъ природнаго отвращенія къ кровавому призраку войны. Но увѣщанія „старого человѣколюбца“ не были услышаны. Вѣсть объ объявленіи войны, вечеромъ 3 іюля 1870 г., застала Жюль Симона въ рабочемъ кабинетѣ. Предъ нимъ лежали кинны набросанныхъ въ кучу бумагъ, предназначавшихся для его завѣтной цѣли—безплатнаго и обязательнаго народнаго обученія. Эти листы, ждавшіе его просмотра и подписи, были предназначены къ мирной войнѣ противъ невѣжества. Съ площади Маделены, на которой находился его домъ, изъ глубины отдаленныхъ бульваровъ, шумныхъ, чернѣвшихъ толпой, неслись крики и воли и бурнымъ ураганомъ въ тишинѣ лѣтней ночи врывались въ окна жилища мыслителя. Рядомъ съ Жюлемъ Симономъ сидѣлъ Жюль Кларети. Жюль Симонъ указалъ ему на кинны бумагъ и съ жестомъ, полнымъ печали и отчаянія, пропавшею: „Теперь

уже все это бесполезно, годится только на ружейные патроны (des gargousses).“.

И ровно двадцать лѣтъ спустя молодой германскій императоръ, „привикшійшею обаяніемъ личности“ этого престарѣлаго французскаго философа и политика, пригласивъ его на мирное торжество, просилъ оказать ему „драгоценное содѣйствіе для улучшенія быта рабочихъ классовъ“. Въ теченіе двухнедѣльнаго засѣданія на этомъ конгрессѣ, Жюль Симонъ, окруженный почестями, неоднократно и не мало бесѣдовалъ съ молодымъ германскимъ монархомъ, и, кто знаетъ, можетъ-быть идеи Жюля Симона еще найдутъ себѣ широкое осуществленіе скорѣе всего въ Германіи, по почину и повелѣнію талантливаго и энергичнаго главы ея.

Послѣ берлинскаго рабочаго конгресса имя Жюля Симона постепенно стало меркнуть на горизонтѣ политическаго міра, и только рука смерти снова воскресила его свѣтлый образъ предъ лицомъ XIX вѣка.

На памятникъ Жюлю Симону должны быть начертаны знаменитыя слова, которыми начинается его книга о школѣ „L'école“: „Народъ, у котораго лучшія школы, нервны народъ въ мірѣ; если онъ не первый сегодня, то будетъ такимъ завтра“. Эти слова должны увѣнчивать его девизъ: „Dieu, patrie, liberté“, — три великихъ понятія, которымъ всегда служилъ Жюль Симонъ, въ котрыхъ онъ видѣлъ основы для процвѣтанія Франціи и котрыми онъ озаглавилъ одну изъ своихъ безсмертныхъ книгъ.

Электрографическіе снимки. (Рис. на стр. 739.)

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ фотографъ-любитель, г. Моношко, сдѣлалъ очень любопытный докладъ въ фотографическомъ отдѣлѣ Императорскаго русскаго технического общества. Онъ пропускалъ электрическую искру чрезъ металлическіе предметы, преимущественно монеты, положенныя на фотографическую, броможелатинную пластинку. Электричество, мгновенно распространяясь по всей поверхности монеты, озаряло своимъ фосфорическимъ свѣтомъ все неровности и выступы на этой монетѣ, словомъ — все ея рельефы, и на пластинкѣ получалось изображеніе монеты, часто со многими подробностями чекана. Недавно подобные же опыты, но значительно болѣе интересныя по своему значенію, были сдѣланы русскимъ ученымъ г. Наркевичемъ-Юдко. Онъ въ послѣднее время посвятилъ свои работы изслѣдованію различныхъ физическихъ и психическихъ явленій въ человѣческомъ организмѣ, и нѣкоторые изъ достигнутыхъ имъ результатовъ возбуждаютъ интересъ, и, кажется, могли бы считаться достойными проверки и дальнѣйшаго развитія. Въ изслѣдованіяхъ г. Наркевича-Юдко главную роль играли опыты съ примѣненіемъ электрической силы. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ дѣйствіе электрическаго тока на здоровый и больной организмъ, а также при разнообразныхъ психическихъ состояніяхъ. Главный интересъ этихъ опытовъ состоитъ въ томъ, что изслѣдователю удалось закрѣпить результаты своихъ опытовъ на фотографическомъ снимкѣ; каждому его опыту соответствуетъ снимокъ, наглядно представляющій главный выводъ изъ опыта. Г. Наркевичъ-Юдко придерживается давно уже принятаго учеными воззрѣнія на человѣческій организмъ, какъ на электрической аппаратъ, нѣчто въ родѣ живой гальванической батареи. Если дать человѣку въ руки изолированный полюсъ тока, — т. е. конецъ проводника отъ источника тока, опущенный въ стеклянный сосудъ съ водою, — а въ другую руку слуховую трубку, то онъ ничего не будетъ слышать, потому что однополюсный токъ будетъ свободно уходить черезъ его тѣло въ воздухъ. Но, если въ это время съ нимъ придетъ въ соприкосновеніе другой человѣкъ, не находящійся въ связи съ электрическою батареею, то первый приобрететъ способность различать очень тонкіе звуки, напр., трескъ электрической искры въ батарее, находящейся въ значительномъ отдаленіи. Земной шаръ и все находящіяся на

немъ тѣла являются источниками или носителями электрической энергіи; напряженіе этой энергіи и ея характеръ въ разныхъ тѣлахъ конечно различны. Въ тканяхъ человѣка существуетъ безчисленное множество клѣточекъ, которыя играютъ роль гальваническихъ элементовъ. Эти клѣточки сосредоточиваются, главнымъ образомъ, въ нервныхъ узлахъ, а отсюда, черезъ нервы, какъ черезъ проводники, электрическая энергія притекаетъ и отливаетъ къ главному центру тока — головному мозгу. Подобно тому, какъ при замыканіи тока въ искусственныхъ батареяхъ могутъ возникнуть различные химическіе процессы (на чемъ и основано гальваническое золоченіе, серебреніе и т. п.) или, наоборотъ, химическіе процессы могутъ вызвать токъ, такъ и въ живомъ тѣлѣ, при разныхъ перемѣнахъ состоянія нервныхъ центровъ, напримеръ, при болѣзняхъ, сильныхъ душевныхъ движеніяхъ, могутъ возбуждаться электрическіе токи. Съ другой стороны, такъ какъ токъ электричества, пущенный черезъ тѣло извѣстнаго, можетъ возбудить извѣстныя измѣненія въ состояніи нервныхъ клѣточекъ, то, слѣдовательно, при пропусканіи тока вѣроятно было бы возможно установить, распознать извѣстныя патологическія состоянія и запечатлѣть ихъ на фотографическомъ изображеніи.

Съ перваго взгляда можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ на фотографической пластинкѣ можетъ получиться изображеніе нервнаго состоянія. Непонятно собственно, въ чемъ тутъ дѣло? Въ чемъ можетъ выразиться измѣненіе состоянія нервной клѣтки отъ электрическаго тока на фотографической пластинкѣ? Въ сущности же дѣло оказывается гораздо проще, чѣмъ можно было бы думать. Въ то время, когда извѣстный участокъ тѣла электризуется, черезъ него совершается разрядъ тока, искра пробѣгаетъ по всей поверхности этого участка отъ одного полюса батареи къ другому. Вотъ эта искра, которая во всякомъ случаѣ сопровождается выдѣленіемъ свѣта и дѣйствуетъ на фотографическую пластинку, подобно тому, какъ она дѣйствовала въ опытахъ г. Моношко съ монетами. Она распространяется во всей поверхности того участка тѣла (напр., руки), который заключается между полюсами батареи, то-есть концами проводниковъ, освѣщаетъ всю эту поверхность во всехъ подробностяхъ и даетъ довольно полный и подробный ея отпечатокъ на пластинкѣ. И вотъ тутъ-то г. Наркевичъ-Юдко, какъ онъ утверждаетъ, на основаніи своихъ опытовъ, и замѣтилъ, что разнымъ болѣзненнымъ состояніямъ и разнымъ душевнымъ движеніямъ соответствующимъ свои особенныя фигуры излученій, пробѣгающихъ по поверхности кожи при пропусканіи черезъ нее электрической искры. Изученіе этихъ фигуръ даетъ какъ бы ключъ къ уразумѣнію электрическаго состоянія нашего тѣла при различныхъ ненормальныхъ его состояніяхъ, и въ то же время предоставляетъ въ наше распоряженіе нѣчто въ родѣ новаго и оригинальнаго енособа къ диагнозу, то-есть различенію и распознаванію этихъ состояній. Все это, конечно, пока еще лишь въ отдаленной перспективѣ, ибо выводы г. Наркевича-Юдко остаются еще совершенно неустановленными путемъ проверки, которая должна быть произведена въ возможно широчайшемъ масштабѣ надъ тысячами субъектовъ и однородныхъ случаевъ. Самый способъ его изобрѣтателемъ названъ электрографіею. На воспроизводимыхъ нами снимкахъ (стр. 739) показаны фигуры электрическихъ разрядовъ при пропусканіи искры черезъ руки. Рис. 1 представляетъ разрядъ черезъ руки двухъ симпатизирующихъ другъ другу личностей, рис. 2 — другой же снимокъ, изображающій разрядъ черезъ руки людей, питающихъ другъ къ другу противоположныя чувства; въ первомъ случаѣ излученія разряда направляются взаимно навстрѣчу одинъ другому, а во второмъ — они даютъ пятно, съ явными слѣдами излученій по противоположнымъ направленіямъ, въ стороны. Все это, конечно, очень интересно, но безъ проверки... невольно вызываетъ чувство той осторожности, съ котрымъ надлежитъ относиться ко всякой слишкомъ ужъ эффектной новинкѣ.

Политическое обозрѣніе.

Вліяніе Австро-Венгріи на государства Балканскаго полуострова утвердилось настолько, что дало возможность австрійскому правительству охарактеризовать его передъ делегаціями, какъ наилучшее положеніе не только въ давно закабаленной Сербіи, но и въ сравнительно недавно притянутой къ служенію австрійскимъ интересамъ Болгаріи, гдѣ, по увѣренію австрійскаго премьера, „никакихъ перемѣнъ не произошло“ (см. *Нива* № 27). Въ подтвержденіе такого заявленія делегаціямъ, австрійское правительство не менѣ категорически высказало свой взглядъ на одинъ изъ злополучныхъ въ международномъ отношеніи вопросовъ — о Босніи и Герцеговинѣ, населенныхъ, какъ извѣстно, сербами. Во время дебатовъ въ бюджетной комиссіи австрійской делегаціи, по поводу кредитовъ на захваченныя Австріей турецкія провинціи, общепринятой мнѣніемъ австрійскаго правительства, какъ извѣстно, было, что это вопросъ не только финансовый, такъ какъ оккупанція Босніи и Герцеговины сдѣлала Австро-Венгрію балканскимъ государствомъ. Исторія Габсбургской монархіи свидѣтельствуетъ, — де, что Австро-Вен-

гріи давно искала для себя точку опоры на Балканскомъ полуостровѣ. Теперь Австро-Венгрія орожденствовала интересы сѣверо-западнаго угла этого полуострова съ своими, поэтому каждый дѣлъ соудей, считался съ такимъ положеніемъ имперіи въ Босніи, долженъ помнить, что императорство на него не безопасно: эти интересы охраняются австро-венгерскими войсками въ Босніи.

Угрозы Австро-Венгріи по адресу Сербіи вызваны преимущественно общностью народности у босняковъ и герцеговинцевъ съ сербами „королевины“ дома Обреновичей. Теперь австрійскимъ правительствомъ данъ безповоротный лютый отвѣтъ сербскимъ патріотамъ, что въ Босніи и Герцеговинѣ нѣтъ сербскаго народа. Подобный же категорическій взглядъ выражаетъ одновременно и составною частью имперіи Габсбурговъ — Венгріи, относительно русскаго народа въ Угорской Русіи: мадырское правительство сдѣлало распоряженіе о замѣнѣ церковно-славянскаго языка въ богослуженіи угорскихъ русскихъ — мадырскимъ языкомъ, такъ какъ, по объясненію авто-

ритетной мадьярской газеты *Pest. Lloyd*, „русский язык не понятен населению, пользующемуся в своем обиходе мадьярским языком“. Весьма многим, даже прекрасно образованным людям, у нас едва ли известно, что за пределами России, среди многомиллионного славянского населения империи Габсбургов насчитывается в настоящее время по меньшей мере три с половиной миллиона русского народа, населяющего оба склона Карпатских гор. Почти сплошная масса русского населения тянется непосредственно от нашей юго-западной границы вплоть до Тиссы и Токая. От нашей границы до гребня Карпат простирается Русь Галицкая с Буковинной, за которыми расположена Русь Угорская. Во всех этих областях хранителем языка и народности было богослужение на церковно-славянском языке. И вот теперь мадьяры посягают на последнюю опору, на последнее народное достояние, которое спасало от потопления в иноязычной массе, в продолжение многих веков, Угорскую Русь— часть свято-владимировской Руси, оставшейся за венгерской короной.

Съ ужасом предвидя беду, надвигающуюся и на Галицкую Русь, газета *Галичанинъ*, сообщала славянскому миру плачевную весть „о вытесненіи“ церковно-славянского языка мадьярскимъ, восклицаетъ: „Гдѣ славянство, гдѣ Русь, изъ вѣдъ которой пасиаемъ, лествю и ложью вырываютъ двѣсти тысячъ человекъ? Гдѣ законъ и правда? Все молчитъ! А мы—Галицкая Русь—безсилны!“ Такъ отираждновали свой тысячелѣтній юбилей мадьяры.

Хотя для австрійскихъ интересовъ въ Болгаріи „никакихъ переизмѣнъ не произошло“, однако, касательно самихъ болгаръ, оппозиціонная печать клянется отмѣчать, со времени признанія Россіей принца Фердинанда Кобургскаго, новое направление въ дѣятельности болгарскаго правительства. „Новая эра“, начинавшаяся законодательными мѣрами, направленными къ обузданію печати, по пригѣбу сталбуловскихъ порядковъ,—„стремится“ примирить болгарскую церковь съ вселенскимъ патріархомъ (провогазласившимъ болгаръ „схизматиками“, т.-е. раскольниками, послѣ того, какъ султанскимъ фирманомъ учреждена была въ началѣ 70-хъ годовъ болгарская епархія) и затѣмъ, въ угоду Турціи, „сдерживаетъ“ всякое движеніе въ пользу Македоніи.

По австрійскому вопросу, считающемуся болгарамъ дѣломъ національнымъ, и по македонскому—*prim desiderium* всехъ болгарскихъ политиковъ, въ послѣднее время принялась дѣйствовать вышедшая болгарская оппозиція. Еще въ маѣ „верховный македонскій комитетъ“ разослалъ „окружное македонскимъ дружествамъ“ съ изложеніемъ всего, что сдѣлано въ пользу Македоніи. Указавъ на неблагоприятный результатъ переговоровъ съ болгарскимъ правительствомъ, комитетъ про-

тестовалъ „противъ реформъ, въ видѣ издѣвательства, общанныхъ султанскимъ праде“. Объявивъ затѣмъ прекращенными сношенія съ болгарскимъ правительствомъ, начавшимъ „вѣроломные переговоры объ унизденіи эпархій“, „комитетъ“ выразилъ твердое намѣреніе „сосредоточить все свои усилія на приобрѣтеніи политической автономіи для населенія Македоніи и Адрианопольскаго вилайета подъ гарантіей великихъ державъ“.

Съ дѣлю „обсудить македонское дѣло“ въ Болгаріи начались многолюдныя сходки—„митинги“. Такой же митингъ, но болгарскимъ источникамъ въ десять тысячъ человекъ, созванъ былъ „комитетомъ“ 9 іюня въ Софіи на „площади Славейкова“. Присутствовали выдающіеся дѣятели, изъ числа которыхъ Драганъ Цанковъ избранъ былъ предѣвателемъ бюро. По выслушаніи длинныхъ рѣчей ораторовъ, митингъ принялъ резолюцію, „протестующую противъ турецкихъ реформъ, противъ посягательства на болгарскую церковную независимость и на цѣлость Македоніи, съ предложеніемъ— просить ходатайства болгарскаго правительства о дарованіи автономіи Македоніи и Адрианопольскому вилайету, согласно трактатамъ“. Подобныя „резолюціи“ цѣлаго ряда митинговъ, продолжающихъ собираться до настоящаго времени въ окружныхъ и околийскихъ центрахъ Болгаріи, передаются по телеграфу въ Софію, гдѣ обнародуются во всеобщее свѣдѣніе.

Въ то же время со стороны Турціи послѣдовали мѣропріятія, указывающія на серьезность дѣла въ Македоніи: въ салоникскомъ вилайетѣ призваны къ знаменамъ резервисты и ополченцы. Послѣ нѣкотораго загины въ Македоніи, гдѣ броженіе началось почти одновременно съ волненіями на Критѣ, стали получаться тревожныя вѣсти. По свѣдѣніямъ австрійской вліятельной печати отъ 8 іюля, три четы повстанцевъ, численностью въ сто тысячъ человекъ, окопались въ Родопскихъ горахъ, куда выступилъ турецкій отрядъ въ 2½ батальона пѣхоты съ горной батареей. Въ доказательство своей предупредительности къ Турціи, болгарское правительство объявило Портѣ, что границу перешла шайка разбойниковъ. Пять болгарскихъ пограничныхъ стражниковъ, по извѣстіямъ изъ Константинополя отъ 9 іюля, преслѣдуя разбойниковъ, перешли границу, были арестованы турецкими властями и выпущены лишь послѣ заявленія болгарскаго правительства, что оно соглаетъ съ себя отвѣтственность за охрану границы.

Какъ сообщаетъ *Koelnische Zeitung*, македонское движеніе принимаетъ острый характеръ; неургентскія четы состоятъ исключительно изъ болгаръ.

Вообще, съ точки зрѣнія интересовъ мира, все эти извѣстія предвѣщаютъ мало утѣшительнаго: существуетъ опасеніе, какъ бы дипломатическія канцеляріи не опоздали своей бдительностью относительно македонскаго движенія точно такъ же, какъ просмотрѣли критское движеніе.

Библиографія.

Великокняжеская и царская охота на Русь съ X по XVI вѣкъ. Историческій очеркъ Николая Кутепова, съ иллюстраціями В. М. Васнецова и Н. С. Самокиша. СПб. 1896.

Въ сравнительно небольшой промежутокъ времени, обнимающій послѣдніи 5—6 лѣтъ, у насъ появился цѣлый рядъ изданій, показывающихъ, что мы не только не отстаемъ отъ Запада въ умѣньи выпускать роскошныя книги, съ художественно воспроизведенными рисунками, акварелями, набросками, передающими до иллюзіи оригиналы, но и можемъ кое въ чемъ поспорить на этой почвѣ съ лучшими издательскими фирмами Парижа, Лондона и Берлина. Мы каждый разъ отмѣчали на страницахъ *Нивы* появленіе подобныхъ изданій; къ числу ихъ надо отнести „Путешествіе Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича (нынѣ царствующаго Государя) на Востокъ“, „Альбомъ походныхъ рисунковъ Горшельта“, „И. Е. Рѣпинъ“ и др. Недавно вышло въ свѣтъ новое изданіе, своей роскошью не уступающее предыдущимъ, это — „Великокняжеская и царская охота на Русь“. Пока вышель только первый томъ этого труда, инициатива котораго принадлежала покойному Государю. Надо отдать справедливость автору книги,—г. Кутеповъ сдѣлалъ все, чтобы поставить свое изданіе на совершенно исключительную высоту; книга отлично иллюстрирована Н. С. Самокишемъ, при чемъ въ первомъ томѣ есть и одинъ превосходный рисунокъ-акварель В. М. Васнецова. Эта акварель воспроизведена хромолитографическимъ способомъ и представляетъ собой настоящій шедевръ современной техники воспроизведенія: каждый штрихъ, каждое пятно краски факсимилированы и переданы съ сохраненіемъ полной индивидуальности художника и особенно его манеры. Необыкновенно художественно исполнены двѣсти заставки, сдѣланныя г. Самокишемъ по различ-

ными старинными рукописными книгамъ. Все рисунки воспроизведены Экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ, изданіи которой—объ нихъ намъ не разъ уже приходилось говорить—пользуются большою извѣстностью за границей. Какъ образецъ рисунковъ этого великолѣпнаго изданія, возьмемъ въ настоящее время номеръ, на стр. 742, рисунокъ Н. С. Самокиша „Одинъ изъ богатѣй въ Владиміра на охотѣ“. Что касается текста, то его прочтешь съ интересомъ не только страстный любитель охоты, но и всякій, кто любитъ родную старину. По словамъ автора, труды историковъ и археологовъ помогли возстановить многое изъ нашей отдаленной старины, однако, въ области стариннаго русскаго быта есть еще много вопросовъ, мало изслѣдованныхъ, и къ числу ихъ надо отнести вопросъ объ охотѣ въ древней Русь. Г. Кутеповъ рассматриваетъ вопросъ о происхожденіи охоты у разныхъ народовъ, при чемъ различаетъ въ исторіи человечества періодъ охоты, какъ борьбы, вызванной необходимостью, и періодъ охоты, когда послѣдняя становится искусствомъ. Въ настоящее время случаи необходимости, заставляющей братья за оружіе, для защиты отъ звѣри, сравнительно рѣдки, и теперь скорѣе можно различать два типа охоты, которые сводятся къ тому, что классы неизмѣнне дѣлаютъ изъ нея промысловое занятіе, а классы привилегированные отдаютъ ей свой досугъ, ради того искусства, которое въ ней проиявляется. Авторъ разбираетъ естественныя и бытовыя условія древне-русской охоты и даетъ историческія свѣдѣнія о великихъ князьяхъ и царяхъ охотникахъ, рассказываетъ о способахъ охоты и заканчиваетъ первый томъ изслѣдованіемъ правовыхъ отношеній великихъ князей, народа и частныхъ лицъ въ области охоты.

Разныя извѣстія.

— Государь Императоръ Всемилостивѣе соизволилъ отпустить изъ собственныхъ Его Величества суммъ 35,000 р. на предметъ выдачи единовременныхъ пособій, по случаю Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, тѣмъ изъ бѣднѣйшихъ жителей столицы, кои, по своимъ нравствен-

нымъ качествамъ, будутъ признаны заслуживающими Монаршей милости. Въ настоящее время къ с.-петербургскому градоначальнику поступило около 12,000 прошеній. Прошенія передали градоначальникомъ подлежащимъ приставамъ, для собранія о прошенияхъ необходимыхъ свѣдѣній. Для распределе-

нія пособій между лицами, дѣйствительно заслуживающими Монаршей милости, генералъ-майоръ Н. В. Клейгельсъ назначилъ комиссію изъ полиціймейстеровъ, которой поручено подробно разсмотрѣть все тѣ свѣдѣнія, которыя будутъ представлены приставами. Соображенія свои по предмету распределе-

„Великокняжеская и царская охота на Руси съ X по XVI вѣкъ“. Историч. очеркъ Н. Кутепова.
Одинъ изъ богатырей Владиміра на охотѣ. Рис. академика Н. С. Самокиша.

между нуждающимися просителями Высочайше пожалованной в пособие суммы, комиссия обязана представлять градоначальнику не позже 20 июля.

— 6 июля, в годовщину посещения Государем Императором города Томска, посѣдъ молебствия о здравьи и долгоденствіи Августѣйшаго Монарха и всего Царствующаго Дома, совершена закладка перваго здания томскаго технологическаго института.

— Въ Елисаветградѣ рѣшено воздвигнуть памятникъ императору Николаю I.

— По телеграммамъ изъ Нижняго - Новгорода, съѣздъ пчеловодовъ, во время выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ, откроется 4 августа. 10 июля открылся съѣздъ дантистовъ. Въ составъ экспертной комиссіи по сельско-хозяйственному отдѣлу Всероссийской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ приглашено нѣсколько выдающихся сельскихъ хозяевъ. 6-го началось официальная экспертиза по изѣмъ отдѣламъ. Въ экспертной комиссіи художественной промышленности образована новая подкомиссія спеціально по издательскому дѣлу. Предсѣдательствуетъ профессоръ Головинъ. 9 июля прибыли катеръ Государя Императора „Дагмаръ“ и катеръ генералъ-адмирала съ яхты „Держава“. 10 июля открылась вторая очередь выставки лошадей рабочаго и упряжнаго сортовъ. Назначенная главноуправляющимъ коннозаводствомъ комиссія подъ предсѣдательствомъ князя Щербатова присудила большія золотыя медали за группы Хрѣновскаго завода и графа Строганова, обыкновенныя золотыя медали за отдѣльные экземпляры Карабановой, барону Мейндорфу, графу Строганову, Хрѣновскому заводу, Родионову; большія серебряныя медали: фонъ-Дорнвицъ, Марининской фермѣ министерства земледѣлія, Смиты, Толмачеву. Выставка рабочихъ лошадей продолжится до конца июля. Художественный отдѣлъ окончательно пополненъ. Въ него вошли почти въ полномъ составѣ бывшія званію въ Петербургѣ большія годичныя выставки Академіи Художествъ, товарищества передвижныхъ выставокъ, петербургскихъ художниковъ, русскихъ акварелистовъ и филиандскихъ художниковъ. Всего тысяча нумеровъ.

— На развальной площадкѣ Зимняго дворца въ Петербургѣ предложено устроить садъ. Въ виду этого Дворцовый мостъ проектируется передвинуть на 25 саженей ниже, уничтожить на такомъ же протяженіи адмиралтейскій скверъ на Адмиралтейской набережной и срыть адмиралтейскій бульваръ и передвинуть на это мѣсто рельсы конно-жѣлезной дороги. На работы, которыя рѣшено начать 15-го июля,

ассигновано 190,000 руб. изъ суммъ дворцоваго вѣдомства и производство ихъ поручено Городской Управѣ.

— Для кievскаго военнаго округа недавно объявленъ слѣдующій приказъ генералъ-адъютанта М. И. Драгомирова: „Проходи по улицамъ города или деревни, войска иногда могутъ неприличныя итени. Это не годится. Прошу наблюдать, чтобы этого не было. Вообще, надо помнить, что войска не утѣшители, а защитники мирнаго населенія, и должны держать себя во всемъ соответственно сему“.

— 2-го июля въ Петербургѣ происходили закладки зданій, возводимыхъ на Старорусской ул. подъ помяненіе убѣжища имени императора Александра III для престарѣлыхъ и увѣчныхъ сестеръ милосердія, для попечительнаго комитета о сестрахъ милосердія „Краснаго Креста“, общины св. Евгени, большаго павильона въ память императора Александра III и хирургическаго—во имя св. Димитрія Солунскаго и великомученицы Софіи.

— 29 июня на Архiereйской улицѣ Петербургской стороны происходила закладка зданія женскаго медицинскаго института и анатомическаго театра при немъ.

— Петербургское общество „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ“ (Фонтанка, 18) открываетъ въ Петербургѣ двѣ большія библиотеки-читальни. Одна библиотека-читальня устраивается при общедоступной столовой С. П. фонъ-Дервиза, на Петербургской сторонѣ, по Большой Ружейной ул., другая же—на Путиловскомъ заводѣ. Подборъ книгъ составленъ довольно обширный; въ каталогѣ значатся: Достоевскій, Толстой, Гоголь, Островскій, Григоровичъ и многіе другіе лучшие наши писатели, вошедшіе въ списокъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

— Общество физическаго развитія дѣтей предполагаетъ приступить осенью къ устройству систематическихъ курсовъ для подготовки руководителей дѣтскихъ игръ и организаціи этихъ курсовъ. Завѣдующимъ курсами избранъ профессоръ П. Ф. Лесгафтъ.

— Отдѣлъ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія при Обществѣ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ обратился къ с.петербургскому градоначальнику съ ходатайствомъ объ оказаніи полицейскими чинами содѣйствія членамъ отдѣла и въ особенности его участковымъ попечителямъ къ свободному доступу ихъ въ мѣста, гдѣ представляется необходимость разслѣдовать случаи жестокаго обращенія съ дѣтьми. Ходатайство это уважено, и въ настоящее время члены бюро отдѣла, участковые по-

печители, а также члены комиссіи по размѣщенію дѣтей и надзору за ними, существующей при отдѣлѣ, снабжены особыми билетами, за подписью градоначальника, по предъявленіи каковыхъ столичная полиція обязана оказывать имъ требуемое содѣйствіе. Съ своей стороны ген.-майоръ Н. В. Клейгельсъ, въ особомъ приказѣ по полиціи, приглашаетъ ее, въ случаяхъ обнаруженія чинами ея случаевъ жестокаго обращенія съ дѣтьми, доводить объ этомъ до свѣдѣнія участковыхъ попечителей и, сверхъ того, разъяснить населенію, что каждый обыватель, замѣтивъ жестокое обращеніе съ дѣтьми, долженъ по чувству человѣколюбія, заявить объ этомъ одному изъ участковыхъ попечителей, фамиліи и мѣстожителства конжъ полицейскіе чины обязаны, по возможности, оповѣстить среди столичнаго населенія.

— По словамъ Волыги, замѣчается усиленное переселеніе въ Волыную губернію русскихъ галичанъ.

— Нѣкто С. Б. Рибнеръ сообщилъ въ Новомъ Времени средство, препятствующее резиновымъ шинамъ разбрасывать грязь: нужно смазывать резиновыя шины неочищеннымъ вазелиномъ (такъ-называемымъ „нефтѣнымъ саломъ“) одинъ или два раза въ день, смотря по вѣздъ. Передъ смазываніемъ, шины слѣдуетъ насухо вытереть.

— 24-го июня въ Лиговѣ, на дачѣ, скончался павѣстный композиторъ и музыкальный дѣятель Александръ Сергѣевичъ Фамининъ.

— 4-го июля въ Порозѣ (въ департаментѣ Сены и Марены) скончался павѣстный французскій писатель Эдмонъ Гонкуръ, гостившій у Альфонса Доде.

— 7-го июля въ собственномъ имѣніи, близъ станціи С.-Петербургско-Варшавской жѣлезной дороги Себрежанка, скончался послѣ продолжительной болѣзни павѣстный писатель, драматургъ Николай Антиповичъ Потѣхинъ.

— Недавно скончался художникъ-иллюстраторъ Александръ Ефимовичъ Земцовъ. А. Е. родился въ 1856 г. Въ 1883 г. онъ окончилъ курсъ въ Императорской Академіи художествъ со званіемъ художника 2-й степени. Изъ его историческихъ картинъ заслуживаетъ особаго вниманія „Смерть Ивана Сулавина“, которая была имъ поднесена въ даръ Государю Императору во время посѣщенія Его Величествомъ всероссийской выставки печатнаго дѣла. Покойный сотрудничалъ, какъ иллюстраторъ, въ еженедѣльныхъ журналахъ, и въ томъ числѣ долгое время работалъ въ Ивлѣ.

— 9-го июля, въ Ярославлѣ скончался ярославскій губернаторъ, генералъ-лейтенантъ генеральнаго штаба Алексѣй Яковлевичъ Фриде.

СМѢСЬ.

Всемірная выставка 1900 г. въ Парижѣ. Предстоящая парижская выставка „Fin de siècle“ по своей грандіозности, изысканству вышшаго вида и богатству внутренняго содержанія, должна затмить всѣ предыдущія выставки. Такъ говорятъ эксперты.

Въ конкурсѣ, объявленномъ 9 августа 1894 г., принимали участіе наиболѣе выдающіеся французскіе архитекторы. Согласно программѣ, выработанной высшей комиссіей выставки, артистической фантазіи и изобрѣтательности французскаго гения предоставленъ былъ широкій просторъ, съ соблюденіемъ лишь двухъ обязательныхъ условий: не нарушать постановленія о площадяхъ, предназначенныхъ для каждой группы экспонативъ, и сохранить въ неприкосновенности существующія роскошныя аллеи, означенныя на планѣ. Затѣмъ, для придація территории выставки возможно обширной перспективы, строителямъ разрушалось видоизмѣнить по желанію и даже совсѣмъ уничтожить всѣ нынѣшнія грандіозныя зданія, въ ея чертѣ, не исключая и пресловутой башни Эйфеля, въ 300 метровъ вышиною, составляющей гордость Парижа и предметъ любования для иностранцевъ. Оговорка была сдѣлана только насчетъ замѣчательнаго по красотѣ дворца Трокадеро.

Результаты конкурса превзошли ожиданія комиссіи. Въ декабрѣ того же года поступило сто восемь проектовъ, вполнѣ удовлетворявшихъ программѣ. Французская школа, и на этотъ разъ, оказалась на высотѣ своей давней репутаціи: всѣ проекты признаны замѣчательными по оригинальности замысла, смѣлости размѣровъ и вкусу. По словамъ г. Годэ, профессора института изящныхъ искусствъ, всѣ проектированныя зданія переживутъ выставку и придадутъ новый блескъ столицѣ. Жюри, состоявшее изъ тридцати одного спеціалиста, высказалось единогласно въ пользу проектовъ и роздало всѣ восемнадцать премій.

Хотя ни одинъ проектъ не принятъ къ исполненію во всей совокупности, тѣмъ не менѣе, всѣ они послужили основаніемъ для начертанія дирекцію окончательнаго плана выставки.

Прежнія выставки помѣщались на лѣвомъ берегу Сены; громадная территория выставки „Fin de siècle“ захватываетъ оба берега рѣки. Это обстоятельство весьма важно въ томъ отношеніи, что главный входъ окажется ближе къ центру Парижа; это несомнѣнно повліяетъ на привлеченіе многочисленныхъ массъ публики и будетъ содѣйствовать достиженію одной изъ главныхъ цѣлей всемірнаго празднества конца вѣка,—распространенію знаний.

Вся площадь выставки займетъ 108 гектаровъ или около 100 десятинъ; подъ дворцы и павильоны будетъ отведено 39 гектаровъ,—на 13 гектаровъ болѣе противъ выставки 1889 года.

Главной приманкой и, такъ сказать, гвоздемъ выставки, будетъ великолѣпный новый бульваръ, обрамленный лучшими зданіями, портками, статуями и цвѣтника; и; начинался отъ главнаго входа на Елисейскихъ поляхъ, онъ дойдетъ до Сены, перереберется черезъ нее новымъ мостомъ, шириною въ 28 саженей, и направится далѣе къ Дому Инвалидовъ, остienneму куполомъ Мансара. Эффектъ этой перспективы, по мнѣнію знатоковъ дѣла, долженъ по-

лучиться необычайный; ради него рѣшено пожертвовать знаменитымъ дворцомъ Промышленности, хорошо знакомымъ всѣмъ русскимъ туристамъ. Этотъ дворецъ подлежитъ уничтоженію. Комиссія не безъ колебанія приняла такую крайнюю мѣру въ отношеніи зданія, представлявшего само по себѣ, въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ, выставку всѣхъ артистическихъ произведеній родной страны и дорогого каждому французу. Но его участь рѣшена: оно приходится какъ разъ на магистральную линію бульвара и своимъ довольно неуклюжимъ видомъ нарушило бы ту гармонию цѣлага, которая должна наложить отпечатокъ новизны и оригинальности на выставку 1900 года.

Монуменальный мостъ почти плоскій и объ одной пышной аркѣ, изъ литой стали, лягнетъ чудомъ, въ своемъ родѣ.

Башня Эйфеля избѣгла грозившей ей участи; она непрежнему будетъ высится надъ современнымъ Вавилономъ, но ее приспособятъ къ цѣлямъ выставки.

Сену предложено не загромождать постройками, какъ бывало прежде, сохранявъ такимъ образомъ удобное для публики рѣчное сообщеніе; зато, по обимъ берегамъ, вырастаетъ дворцы и придадутъ этой рѣкѣ видъ венеціанскаго канала. Для великолѣпныхъ праздниковъ, долженствующихъ напомнить сказку изъ „Тысячи и одной ночи“, предназначено, какъ и въ 1889 году, Марсово поле. Во всѣмъ главнымъ линіямъ выставки пройдетъ электрическая жѣлезная дорога.

Общая сумма расходовъ по устройству и эксплуатаціи выставки исчислена въ 100 милліоновъ франковъ.

				Б					
				о	ж	е			
		Ц		а		р			
		я		х		р			
				а	п	п			
		с		л		а	в	н	
		о		м				у	
		д	о	л			г	п	
		д		н		и		л	
		а		п		и		а	
		з		с		м	л	п	

Рѣшеніе коронаціонной задачи

(пол. въ № 22 Нивы).

- Слова: 1) Михаил(ь),
 2) Держава, 3) Булла,
 4) Гимн(ь), 5) Синод(ь),
 6) Ной, 7) Цезь(ь), 8)
 Орда и 9) Я.

Правильныя рѣшенія прислали: В. Нечаевъ (Москва), П. Додагинъ (Астрахань), В. Е. Пысьнъ (ст. Миньяръ).

ХІ-ый и ХІІ-ый ТОМЫ
„ЧЕРЕЗЪ ЧЕРНОЕ МОРЕ
на Босфоръ“.
 пол. собр. сочиненій
Н. С. ЛЪСКОВА.

Въ конторѣ изданій А. Ф. МАРКСА
 имѣется въ продажѣ ХІ томъ,
 а также поступилъ въ продажу
 только-что оконченный печа-
 таніемъ ХІІ томъ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛЪСКОВА.

Содержаніе ХІ тома: Часъ воли Божией.
 Сказка. — Полунощники. Пейзажъ и жанръ.
 Юдоль. Расходъ. — О неаперяхъ. Ростъ-сери-
 тупъ къ „Юдоли“. — Импрозвизаторы. Картин-
 ка съ натуры. — Пустоплясы. Святочный раз-
 сказъ. — Дурачень. Рассказъ. — Невинный
 Пруденцій. Легенда. — Легендарные харак-
 тера. Опытъ систематическаго обзорія.

Содержаніе ХІІ тома: Въ этотъ **НОВЫЙ**
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ томъ, редактированный
 и приготовленный къ печати самимъ авто-
 ромъ, вошли слѣдующія произведенія Н.
 С. ЛЪСКОВА, не помѣщенные въ пре-
 жнихъ изданіяхъ полнаго собранія его сочи-
 неній: Зимній день. Пейзажъ и жанръ. —
 Рассказы юности. Изъ литературныхъ вос-
 поминаній. 1) Дама и Фефелъ. 2) Заголь. —
 Продуктъ природы. — Сибирскія картины
 ХІІІ вѣка. Изъ дѣлъ сибирской старины.
 Рассказъ. — Вдохновенные бродяги. Уда-
 ленія „скаски“. — Неирешенный поплъ. Неѣро-
 слитное событіе. Легендарный случай. Раз-
 сказъ. — Владычній судъ. Быль. Изъ недав-
 нихъ воспоминаній. Репандъ къ рассказу
 „На краю свѣта“. — Язывительный. Изъ Госто-
 мельскихъ воспоминаній. Рассказъ чиновника
 особахъ порученій. — Домашняя челядь.
 Историческія справки по современному по-
 просу. — Сожестіе во гдѣ. Апокрифическое
 сказаніе.

Обращаемъ вниманіе на эти два тома
 тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ полное собраніе
 сочиненій Н. С. Лѣскова только въ **ДЕСЯТИ**
 томахъ.

Цѣна каждаго тома 3 рубля.

Выписывающіе эти книги изъ Кон-
 торы изданій А. Ф. Маркса,
 С. - Петербургъ, Мал. Морская,
 № 22, — за пересылку не платятъ.

Соч. П. П. Гнѣдича.

Съ 60 рис. М. М. Дальневича.

Рисунки прекрасно выполнены извѣст-
 нымъ иллюстраторомъ М. М. Дальне-
 вичемъ, воспроизведены по наброскамъ изъ
 путевыхъ альбомовъ автора и по фотогра-
 фіямъ съ натуры. Многие изъ видовъ Бос-
 фора появляются въ этой книгѣ впер-
 вые. Изданіе можетъ смѣло конкурировать съ
 лучшими путевыми альбомами, изданными за
 границую, и представляеть живой интересъ
 для лицъ, собирающихся посѣтить столицу
 Турціи, священной для насъ по воспомина-
 ніямъ о древней Византіи и по связямъ, на-
 чавшимся съ нею еще въ эпоху Слега и Вла-
 димира. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору
 изданій А. Ф. Маркса, Мал. Морская, № 22.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-
 родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать
 прежній печатный адресъ и прилагать **28 коп.**
 почтовыми марками на типографскіе рас-
 ходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ пред-
 ставлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Кольцо Императрицы. Историческій романъ ин. М. Н. Волко-
 снаго. (Продолженіе.) — Айра-Ольдридъ на ярмаркѣ. Рассказъ изъ „Записной
 книжки“ В. П. Далматова. — Утро въ лѣсу. Стих. Сергѣя Гарфильда. — Къ рисунку:
 Многочисленное семейство (съ рис.). — Коронаціонныя торжества въ Москвѣ
 (съ 2 рис.). — Высоколъ (съ рис.). — Аматерассу (съ рис.). — Жюль Симонъ (съ портр.). —
 Электрографическія снимки (съ 2 рис.). — Политическое обзоріе. — Библиографія
 (съ рис.). — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — Рѣшеніе коронаціонной задачи. — О перемѣнѣ
 адреса. — Объявленія.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемѣс. литературн. прилож.“ за Іюль 1896 г.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихонозъ (А. Луговой).

РЕКОМЕНДУЮ
 огромнѣйшій выборъ золотыхъ и серебр.
 издѣлій, цѣпочекъ и карманныхъ часовъ всевозм.
 женевскихъ и швейцарскихъ фабрикъ
 съ ручательствомъ на 2 года.

Часы никелевые цилиндр. съ зеркальнымъ стекломъ 4 р. 25 к. до 6 руб.
 Вороненой стали мужскіе 5 р. 50 к. до 8 р. Анкерные 7 р. 50 к. до 10 руб.
 Дамскіе часы съ изящной брѣшю: Бантикъ 12 р. до 15 руб.
 Вороненой стали мужскіе, показывающіе мѣсяцъ, число, день 10 р. 75 к.
 Такіе-же глухіе серебряные 10 р. 50 к.; серебряные 8 дневный заводъ 23 руб.
 Серебряные часы мужскіе глухіе Анкеръ съ крѣпк. корпус. отъ 8 р. 40 к. до 12 р.
 Такіе-же съ брегетовскимъ волоскомъ, золот. щит. 12 р., 15 р., 18 р.
 Анкерные глухіе, заводящіеся въ ручку, фабр. Вранта 11 р. 50 к.
 Такіе-же съ нилепрохранит. стекломъ, золот. щит. 14 р., 15 р., 20 р.
 Золотые часы дамскіе отъ 22 р. до 75 р.; мужскіе отъ 45 р. до 150 р.

По желанію всѣ часы могутъ быть съ портретомъ Государя Императора,
 причесаннымъ по 1 руб. со штуки.

Цѣпочки накладного золота, ланцирныя, штука 2 р., 3 р., 4 руб.
 Такіе-же двухбортныя 5 р., 6 р., 8 руб.

Требованія и деньги адресовать:
Торговой фирмѣ Ш. БИТНЕРЪ,
 ул. Св. Георгія, № 28, въ Варшавѣ.

Требуйте во всѣхъ писчебума-
 нныхъ магазинахъ
 всемирно-извѣстнаго,
 превосходнаго перья
БЛАНЗИ
ПУРЪ
 и Ко.

Остерегайтесь поддѣлокъ!

Главно-
 предсѣд. в
 Г. и К. Экштейнъ.
 Москва.
 Черкасскій пер., дохъ
 князя Голицына.

50% ЭКОНОМІИ 50%
 Горная лѣш-мѣдника самород. зелено-изумруд.
 цѣвѣта голов. 12 руб. п., готованъ съ бѣлами и
 охлагоу 9 руб. Гарантія на 8 лѣтъ. Имѣется
 всѣхъ во всѣхъ мѣстател. и красильн. лавкахъ
 по фабрич. цѣвѣ. Образ. безплатн. Г. Ф. Гордѣ-
 Ц. № 9233 евъ въ Алатарѣ. 16—10

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ
 Вс. Крестовскаго (автора „Петер-
 бургскихъ Трущобъ“). 3-е изданіе.
 Ц. 1 р. 25 к., съ перес 1 р. 50 к.

ВСЕРОССИЙСКАЯ
 ПРОМЫШЛЕННАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ВЫСТАВКА Ц. № 9345 4—
 ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.
 Удешевленный проздъ. 3000 номеровъ отъ 2 рублей въ сутки. Рестораны. Театры.
ВЫСТАВКА СОВЕРШЕННО ЗАКОНЧЕНА.
 СПРАВКИ по телеграфу и почтою: Нижній-Новгородъ, выставка, справочное бюро.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ ПРИОБРѢСТИ
 въ короткій срокъ большое состояніе
СИНЕМАТОГРАФЪ ВЕРНЕРА
 усовершенствованный аппаратъ для проектированія въ натуральную величину ожив-
 ленныхъ фотографическихъ сценъ.
ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССИИ СКЛАДЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, Д. ТОЛМАЧЕВА
ДЕПО ФОНОГРАФОВЪ ЭДИСОНА.
 Ц. № 9378 Большой выборъ интересныхъ сюжетовъ. 4—1

№ 4711. Кто лю-
 бить запахъ
 настоящей фіалки,
 тотъ пусть требуетъ
ЭССЕНЦИИ
„РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“.
 (Violette du Rhin.)

Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій,
 даже въ теченіе нѣсколь-
 кихъ недѣлей не вы-
 дыхающійся.

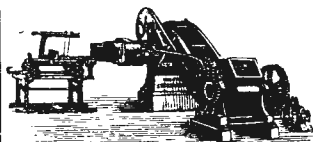
№ 4711. Все одинаковаго ка-
 чества.

№ 4711. du rhin,
 No. 4711 Sachets violette
 du rhin.

Продается въ аптекарскихъ магазинахъ.

Милое и изящное украшеніе комнатъ

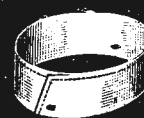
Съ разрѣшенія КАБИНЕТА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА выпущены въ продажу
 Рельефные портреты Государя Императора и Государыни Императрицы
 тисненые настоящимъ алюминіемъ, въ рельефной рамкѣ съ короной,
 приспособлены для установкы на столѣ и привѣшанія на стѣнѣ.
 Цѣна за оба портрета съ пересылкою **ОДИНЪ Р. С.**
 Требованія и деньги адресовать **І. ГИРШОВИЧУ, Варшава.**
 Продаются также на **ВСЕРОСС. НИЖЕГОР. ВЫСТАВКѢ,**
 Ц. № 9339 Х худож.-пром. отдѣль. 5—3

Людв. Федоров. Шликэйзентъ,
Москва,
Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ,
рекомендуетъ: вирпичедблательная и горняцкия машины, прессы для выдѣлки трутъ съ раструбами, террици съ фальдами, брикетовъ; дабле: патентов. Шаровыя мельницы для пзмельченія и размола и одновременнаго просѣиванія материаловъ любой крѣпости, какъ-то: шмота, цемента, шлаковъ, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. п. (29)

Знаменитое бѣлье
Королевско-Саксонск. и Королевско-Рульнск. Придворн. Поставщиковъ
МЕЙ и ЭДЛИХЪ,
Лейпцигъ - Плагвитцъ.

изящно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго волотнянаго бѣлья. Штука-только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой неприятностей. Послѣ употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усвѣленномъ потѣнн. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ, и хозяевамъ. Нижешоименованные представители сообщать, по желанію, гдѣ оно продается.

Тауфани и Штейдель, Москва. Карлъ Шиммель, С.-Петербургъ, Садовая 18. Максъ Тишбейнъ, Рига. Фабианъ Клингеландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

Золотыя медали 1894 г. и 1896 г.

ПРОВИЗОРЪ
А. М. ОСТРОУМОВЪ,
МОСКВА.

Мыло отъ головной перхоти
кусокъ 30 к. и 50 к.

МЫЛО ДѢТСКОЕ ИЗЪ ТРАВЫ
ЧЕРЕДЫ
кусокъ 35 к. и 25 к.

О-Д-Е-О-ВЭРЪ
вода отъ перхоти
флаконъ 2 руб. и 1 р. 25 к.

и ВСѢ

туалетныхъ мыла.

Продаются вездѣ.

СКЛАДЪ: Москва, Лядинъ пер., № 9376 соб. домъ. 11-1

ТРЕБУЙТЕ
для смѣненія
НОЖИЦАИРУНЪ
и **ОТЪ ЗАГАРА**
КРЕМЪ ОРИЗА
Пр. В. ШМОЛЬ
ЦѢНА 20 К. ПРОДАЖА ВЕЗДѢ

О.СКЛ.У.ПР.ШМОЛЬ М-ВА КРАСН.ВОР.С.Д.

43-1. „МОРИСЪ“ 43-1.
Невскій пр., уголъ Троицкой ул.
ФОРМЫ: для гг. студентовъ военно-медицинской академіи, Императорскаго университета, духовной академіи и всѣхъ институтовъ, а также для гг. воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній имѣются въ громадномъ выборѣ готовыя и на заказъ.
ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ со способомъ снятія мѣрки высылается бесплатно.
Для гг. иногороднихъ высылается наложеннымъ платежемъ съ задаткомъ третьей части.
Ц. № 9380 6-1

РЕМЕСЛЕННАЯ
ГАЗЕТА
еженедѣльное изданіе.
Москва, Долгоруковская, д. № 71.
♦ Совѣты, рецепты и указанія, понятныя описанія новостей по всемъ ремесламъ и некрутымъ техническимъ производствамъ со множественнымъ рисункомъ и рабочими чертежами (въ текстѣ и на 100 особахъ листахъ) разныхъ новыхъ изобрѣженій, инструментовъ, станковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастеровъ и хозяевамъ. Необходимое изданіе для техника, ремесленника, кустаря, сельскаго хозяина, любителя ремесла и для школы.—50 № въ годъ.
♦ Новости Всероссийской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. № 9356 2-2
6 руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой.
„Рем. Газ.“ рекомендована Мин. Нар. Просвѣщенія.
Ред.-Изд. Инженеръ К. А. Казначеевъ.

ВЕЛОСИПЕДЫ
„ТРИУМФЪ“.
Единств. представит. для всей Россіи
Тосифъ Эйхенвальдъ.
Москва, Столешниковъ пер., д. № 5.
Представителъ для С.-Петербурга и его окрестностей состоитъ Ф. И. Андреевскій въ СПб., 19, Екатерининскій кан.

БЕСПЛАТНО
ВЫСЫЛАЕТЪ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ БѢЛЫХЪ
Ю. Готлибъ.
Владимирская, д. 2/49, уголъ Невскаго.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Васильевскій островъ 12 л., д. 35.
Женская Профессіональная школа Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.
Пріемъ дѣвчатъ отъ 12 до 15 лѣтъ. Пріемныя испытанія 27 и 28 августа; начало занятій 1 сентября. Программы и условія пріема узнавать у Начальницы школы.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучиваю ль 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медалью и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условія и пробное письмо. Одесса, Дерибасовская, д. № 17.
Проф. канд. Э. Ковидарскъ. № 9065 10-10

НАВОЖДЕНІЕ. Ромъ изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

НОВОЕ ИЗобр.
МЫЛО
ДИСПОЗЕ
ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫХЪ
ВЪ ТЕПЛОЙ ВОДѢ
БЕЗЪ ПАРКИ
Бѣлье подучается замѣчательно чистымъ. Пятна и желтизна уничтожаются. Сохраненіе бѣлья, достигаемое устраненіемъ парки. Быстрога въ стиркѣ и экономія въ топливѣ. Мыла расходуетъ ¼ ф. на пудъ бѣлья. Полное удобство стирать гдѣ угодно. Итъ нара и неприятнаго мыльнаго запаха. Цѣна 20 коп. ф. 3-2
Главный складъ у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, д. № 2.

ФОТОГР. АППАРАТЫ
К. И. ФРЕЛАНДТЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК.
№ 27-18 УЛИЦА УЛИЦА

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащія кислотъ.

DENTIFRICES
DOCTEUR PIERRE
изъ Медицинскаго Факультета въ Парижѣ
МАРКЕ ДЕ ФАБРИКЕ

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.
ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.
№ 8895 26-15

ЗАИКАНІЕ
выдѣляется основательно въ специальномъ заведеніи Карла Эрнста. (2)
Принимаются приходящіе и ПАНСТОНЕРЫ. СПб., Невскій пр., 100, кв. 7. Лѣтомъ: Шува-лово, Финл. ж. дор. Михайловская ул. № 3. Руководство къ самообученію 3 руб.

ПУДРА ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
АНТИСЕПТИНЪ МОСКВА АПТЕКА Ю. М. ЛЕМБЕРГА
ДЕМЕДИЦИННЫ ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ
А. ТУГЕНГОЛЬДА ЦѢНА 30 КОП.
ПРОТИВЪ ПРѢВНІА И НЕПРІЯТНАГО ЗАПАХА НОЖНЫХЪ ПАЛЬЦЕВЪ

ВЪ ПАХАТЪ
СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ.
Серебряные 84-ой пр. брелоки съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ. Красивая отдѣлка съ разноцвѣтной эмалью и позолоченной короною. Очень красивый № 9348 рисунокъ. 5-4
3 за 7 р. 75 к.; 2 за 5 р. 25 к.; 1 за 7 р. 75 к.; 6 за 14 р. 95 к.; 12 за 27 р. 50 к.
Пересылка наложеннымъ платежемъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ. С.-Петербургъ, Невскій, № 20-31.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ
ИНСТРУМЕНТЫ
ВСЯКАГО РОДА и ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА
РЕКОМЕНД. ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, Петровка, домъ Волнова.
НИНЕР. ЯРМ. Главный домъ № 8.
ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ.

1100
Стилизованныхъ рисунковъ для выпиливанія, рельефной и углубленной рѣзбы и для выжиганія по дереву, на бумагѣ и на деревѣ.
Прейсъ-куранты съ 1200 рисунками, описаніемъ инструментовъ и материаловъ высылаются за 30 ф. почтовыми марками.
Mey & Widmayer, München.

попроуйте мыться мыломъ
ЮМЪ - ЮМЪ
парфюмера ЛИБЕРЪ
и вы другимъ мыломъ мыться не будете!
Цѣна 20 к. за кусокъ; получить можно во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерн. магаз. Складъ въ Харьковѣ. Пассажъ, у П. УШАНОВА.

Фабрика непромокаемыхъ нарядовъ Я. ЮНАСА.
Складъ резины и аптекар. товаровъ
М. ХАЗАНОВИЧА, СПб.
Вас. Остр., 7 лин., д. 40. Высылаютъ наложеннымъ платежъ.
Требуйте безплатн. прейсъ-курантъ.
„Бѣлье монополь.“

ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ БЛЮТНЕРЪ

JULIUS BLÜTHNER,

LEIPZIG.

РОЯЛИ въ 900, 1000, 1100 и 1250 руб.
 ПИАНИНО въ 600, 700 и 800 руб.

РЕКОМЕНДУЕТЪ
**ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ
 ЦИММЕРМАНЪ.**

ГЛАВНОЕ ДЕПО И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ. СКЛАДЪ КОТЪ.

Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 31 и 40.

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ

Г. ВАВЕДЬБЕРГЪ

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 23

страхуетъ

билеты II-го 5% съ выгр. займа отъ
 тиража 1 млн. руб. 1893 г.

по 1 руб. 85 коп.

НА ГОРОДИЩЕ ПЕРВОУСТРОЕННЫХЪ ДОСТѢПЪ

СВѢДѢНІЯ
 60.
 ТЕЛЕФОНЪ 1360

ИМПЕРАТОРСКОГО
 ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВАГО
 ОБЩЕСТВА

ПРОСИТЪ
 ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
 пожертвовать
 ему

НЕУЖИВНЫ ВЕЩИ

АУДИОНЪ
 ПО СТЕРЖЕНЮ
 СОСНИТІЕ
 № 500 патентъ

ТЕЛЕФОНЪ 3102

№ 9362 0-2

На Нижегородской Выставкѣ!

ежедневно съ 3^х до 5^{ти} часовъ

Автоматическіе
 аппараты
 раздаются

Духи А. Палле и К^о

въ IX изд.
 дополнительномъ
 отдѣлѣ

Москва
 Кузнецкій мостъ

Продажа: въ главномъ
 домѣ № 61
 и на выставкѣ

С. П. П.: Садовая 25.
 Невскій 18.

**ОГНЕУПОРНЫЙ КИРПИЧЪ,
 ТРОТУАРНЫЯ ПЛИТКИ,
 КАМЕНЬ ДЛЯ МОСТОВЫХЪ, КЛИНКЕРЪ**

ТОВАРИЩЕСТВА
ПРОИЗВОДСТВА ГЛИНЯНЫХЪ И ГОНЧАРНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
 въ гор. Боровичахъ.

№ 9205

Съ заказами просить обращаться:

Въ Правленіе Т-ва: С.-Петербургъ, Бол. Подъячская, д. № 2.
 Въ Контору завода: г. Боровичи, Новгородской губ.
 Въ Технич. Контору В. И. Щербакова: Москва, Ильинка, Шуйское подворье.

20-13

ФАБРИЧНЫЙ
 СКЛАДЪ ЧАСОВЪ
 „ЖЕНЕВА“

въ Варшавѣ, Бялинная, 20
 выславляетъ иллюстрир.
 ПРЕЙС-КУРАНТЪ
 БЕЗПЛАТНО.

К. Х. А. ШИШКИНА

25 лѣтъ. Мастерская исполняетъ образъ и
 изящную реставрацію картинъ. Адресоваться:
 С. П. Б., Петерб. ст., Большой пр., № 1-33.

ОБШИРНѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ
 СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

■ ДО 1000 шт. въ наличности. ■

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

М. Блок

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава,
 Екатеринбургъ, Кональдъ, Ростовъ н/Д.

КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ

лучшей системы Dr. Lehmann & Mann, въ Берлинѣ, изготовляются заводами
 ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Товарищества „ЭИЛЕРЪ И ПАСТОРЪ“, С.-Петербургъ, за
 Московскою заставою.

Большая батарея находится въ дѣйстви на выставкѣ въ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ,
 въ павильонѣ Товарищества. № 9379 5-1

МОСКВА

„ГОСТИНИЦА МЕТРОПОЛЬ“

Театральная площадь.

Центръ столицы. 200 №№ отъ 1 р.
 Ц. № 8706 и дороже. 26-16

**EAU DENTIFRICE
 BALSAMIQUE DE LOHSE**

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ
 запахъ во рту. № 5421 (82)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ под-
 дѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ
 и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

СКЛАДЫ 24-13
 фотографическихъ принадлежностей

Ө. ЮХИМЪ И К^о.

С.-Петербургъ. Существо. Москва.
 Невскій пр., № 3. съ 1860 г. Театральн. проваздъ.

Громадный выборъ всевозможныхъ аппаратовъ для фотографовъ
 специалистовъ и любителей, и также для научныхъ цѣлей.

==== НОВОСТИ ПО ФОТОГРАФІИ. ====

Много
 исходн. заготовк.

Спеціальное заведеніе
 для устройства и перестройки 6-5

КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ

В. Г. Уландъ, Лейцигъ. W. H. Uhland, Leipzig

Подробности высылаются бесплатно.

Всѣ стан. и зап. части
 машины.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

духи — ФІАЛКА АУСПЕЗЪ — туалетное мыло.
 духи — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
 духи — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.

Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлеруэ.

Можно получать:
 Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Булеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Ко-
 стантина Гершъ, Лимана и Рикса, А. Лянда, А. Энглуанда. Ц. № 9368
 Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Мерилъ, въ магазинѣ „А-за-туалетъ“, у Г. Брунсъ,
 Л. Борхардъ, и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. 25-2
 Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Максимилиановскій пер.

XXVII.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 30

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти еженедел. книг „Сборника“, соерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусков еженедел. литературных приложений, 12 № „Парижских модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 27 июля 1896 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Бабочка. Съ картины Ф. Густа грав. Вредамуръ.

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ
Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Часть первая.

III.

Персидское посольство, торжественно проѣхавшее на слонахъ, къ удивленію всему столичному населенію, было принято въ блестящей аудиенціи правительницей, въ Зимнемъ дворцѣ. На этой аудиенціи принимала пословъ Аппа Леопольдовна одна, отъ имени сына своего, императора.

Затѣмъ посольство представлялось въ отдѣльной аудиенціи мужу правительницы, принцу, генералиссимусу Антону.

Персидскимъ шахомъ, посланнымъ дары въ Петербургъ, былъ шахъ Надиръ, гроза и могущественнѣйшій государь Востока.

Онъ прослышалъ отъ заѣзжихъ купцовъ русскихъ о неслыханной красотѣ дочери Бѣлаго Царя, Великаго Петра, Елисаветы Петровны, и въ числѣ посланныхъ имъ подарковъ было много цѣнныхъ вещей, матерій и шалей, предназначенныхъ для нея.

Могущество Надира на Востока было таково, что искать ему союза съ иноземцами для поддержки въ силахъ не надобилось.

Цѣль посольства была, напротивъ, поразить щедростью и роскошью подарковъ владѣтелей и народъ великаго и обширнаго государства русскаго, которое, единственно, могло равняться, по мнѣнію шаха, могуществу и величію подвластной ему Персін.

И вотъ въ этомъ-то государствѣ, какъ звать шахъ, живетъ дочь великаго царя, красавица собою.

Очевидно,—она одна подходя-

щая невѣста его сыну, будущему брату солнца, первому владыкѣ въ подлунной.

Онъ поразить, ослѣпить своимъ посольствомъ Петербургскій дворъ и, можетъ-быть, даже не можетъ, а навѣрно тамъ сочтутъ за честь породниться съ распорядителемъ персидскихъ судебъ.

Это былъ третій уже высокопоставленный женихъ, мечтавшій о рукѣ принцессы Елисаветы.

Официально, при дворѣ, хотѣли ее выдать за брата принца Антона, герцога Люнебургскаго, мѣтившаго понасть въ герцогн Курляндскіе.

Но Елисавета Петровна прямо отклонила этотъ бракъ.

Жена придворнаго живописца, французженка, госпожа Каравакъ, сватала ее за французскаго принца Конті...

Французскій посоль Шетарди, подъ видомъ доброжелательства къ ней, хотѣлъ впутаться во внутреннія русскія дѣла. У него можно было взять займы денегъ, но допускать его участія въ дѣлахъ, конечно, было нельзя. Шведы, объявившіе войну Россіи и разбитые уже нашими войсками подъ Вильманстрандомъ, прямо объявляли въ особо изданномъ манифестѣ, что идутъ на защиту (?) потомства Петра Великаго, то есть великой княжны Елисаветы.

И всѣ заботились о ней, всѣмъ мѣшала она. Мѣшала она, конечно, распорядиться вполнѣ иноземнымъ людямъ, захватившимъ правленіе въ государствѣ, созданномъ и возвеличенномъ ея отцомъ.

Здѣсь, въ построенной имъ столицѣ, во дворцѣ, гдѣ, Елисавета чувствовала, было ея мѣсто, полными хозяевами были — заика принцъ Антонъ, его жена, слабохарактерная женщина, ея любимица фрейлина Мендель, саксонецъ графъ Линаръ, Остерманъ, Левенвольдъ, — чужіе, не русскіе люди, пришлые, не знавшіе и не любившіе ни Россію, ни русскій народъ.

Каково ей было видѣть и чувствовать, что ей, русской великой княжнѣ, въ своемъ русскомъ царствѣ, не только приходится зависѣть отъ всѣхъ этихъ чужихъ людей, не только чуть ли не вымалывать у нихъ себѣ пропитаніе и кровь, но быть унижаемой ими и сносить ихъ оскорбительно-покровительственный тонъ.

При Биронѣ ей лучше жилось. Тотъ понималъ, что нельзя относиться свысока къ дочери Петра Великаго, что нельзя лишать ее того, что подобаешь ей, какъ русской великой княжнѣ. При немъ при дворѣ съ ней обходились съ должнымъ почетомъ и аккуратно выплачивали положенное ей содержаніе.

А теперь?

Теперь она окружена шпионами и соглядатаями, живетъ у себя въ дому, точно въ темницѣ, только слава почти одна, что не заточена она, а на самомъ дѣлѣ жизнь ея, пожалуй, хуже заточенія. Денегъ не даютъ. Мало того, до того уже осмѣлились, что открыто позволяютъ себѣ унижать ее.

Да, просто унижать — за обѣдомъ при дворѣ, по случаю дня рожденія императора, принцъ Антонъ и братъ его были посажены за столъ оберъ-гофмаршаломъ, а она простымъ гофмаршаломъ. Пожалуй, придетъ время, что ее станутъ сажать ниже фрейлины Юліаны, когда та выйдетъ замужъ за графа Липара.

И кто же, кто противъ нея? — Остерманъ, всѣмъ обязаный ея отцу, поднятый имъ изъ ничего, изъ простыхъ писцовъ.

Онъ думаетъ, этотъ хитрый старикъ, что хорошо рассчиталъ свои силы, что принцъ Антонъ, который на все смотритъ его глазами и все слушаетъ его ушами, надежная защита ему! — Онъ думаетъ, что тихо и скромно живущая Елисавета въ своемъ терему, на милости чужеземнаго двора, такъ навсегда и останется покорной своему положенію и помирится съ нимъ!

Или онъ затѣялъ окончательно раздѣлаться съ нею, устранить ее совсѣмъ, смести и уничтожить?..

Вотъ хоть бы теперь. Персидское посольство при-

нято теперь во дворцѣ правительницей. Оно представлялось принцу Антону, но ей, Елисаветѣ, несмотря на привезенные для нея подарки, представляется не допускаютъ персовъ.

Посланникъ самъ выразилъ желаніе передать великой княжнѣ подарки лично, но ему не позволили сдѣлать этого.

Подарки привезли къ ней гофмаршалъ Минихъ, братъ фельдмаршала и генераль Апраксинъ.

И тутъ она не выдержала:

— Скажите графу Остерману, — сказала она имъ, — напрасно онъ мечтаетъ, что всѣхъ можетъ обманывать. Я знаю, что онъ старается унижить меня при всякомъ удобномъ случаѣ. Но его совѣту беруть противъ меня мѣры, о которыхъ великая княгиня и не подумала бы. Онъ забываетъ, кто я и кто онъ, забываетъ, чѣмъ онъ обязанъ моему отцу, который изъ писцовъ сдѣлалъ его тѣмъ, чѣмъ онъ теперь, *но я никогда не забуду, что получила отъ Бога и на что имѣю право по моему происхожденію!*

Это было первый разъ, что Елисавета Петровна высказалась, и высказалась весьма рѣзко и опредѣленно, пригрозивъ самому, вліятельному, хитрому, старому Остерману!..

IV.

„Тебя собираются не припримать“, сказала Соня князю Ивану, и у него захватывало духъ при воспоминаніи объ этихъ словахъ. „Тебя!“ Она въ первый разъ ему сказала „ты“ и это казалось такимъ счастьемъ и блаженствомъ, что въ немъ тонуло все нехорошее и досадное.

А нехорошаго и досаднаго было много. Косой видѣлъ, что положеніе Сони дома таково, что жить ей тамъ съ каждымъ днемъ тяжелѣе и тяжелѣе, что необходимо вырвать ее оттуда, но какъ?

Что могъ онъ сдѣлать?

Жилъ онъ у Левушки, милаго, добраго человѣка, но это житье его было, конечно, временное, и не могъ же онъ оставаться у него навсегда.

Пока деньги, вырученные имъ въ Москвѣ отъ продажи отцовскихъ вещей, оставались у него. Тратъ большихъ не было, но все-таки деньги убывали, и неоткуда было рассчитывать получить новыя, когда выйдутъ эти.

Можно было надѣяться, что удастся получить службу, но все-таки это казалось гадательнымъ. Да и много ли могла дать эта служба?

Князь Иванъ ходилъ по комнатѣ и рассчитывалъ и раздумывалъ, но ничего утѣшительнаго не выходило у него.

Положимъ даже (онъ бралъ самыя счастливыя обстоятельства), что ему дадутъ мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ, на которое можно будетъ жить даже съ семействомъ, но вѣдь нужно обзавестись и устроиться прилично, а на это потребна сразу сумма, и не маленькая.

Будь онъ одинъ еще — было бы съ полугоря, и, право, онъ ни минуты бы не задумался, какъ ему жить — жилъ бы, какъ жилось — вотъ и все. Но теперь ему приходилось думать за двоихъ...

И вдругъ онъ остановился, какъ бы въ недоумѣніи, спрашивая себя, какъ же это все могло случиться, какъ, когда и почему?

Онъ прѣхалъ въ Петербургъ, чтобы устроить свои дѣла, но вмѣсто этого, напротивъ, запуталъ только ихъ и запуталъ такъ, что, какъ-будто, и выхода не было.

За это время пребыванія своего въ Петербургѣ онъ отказался отъ условій, предложенныхъ ему французскимъ посланникомъ, затѣмъ подалъ прошеніе Остерману, чтобы его приурочили къ иностраннымъ дѣламъ. Вотъ и все. Онъ даже не попытался найти знакомыхъ отца. Вѣроятно же они были, вѣроятно кто-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ помнилъ Кирилу Косога.

А между тѣмъ онъ увлекся дѣвушкой, и увлеченіе было и съ ея стороны. Они объяснились, были несчастливо порознь и считали, что найдутъ счастье, когда будутъ вмѣстѣ.

И князь Иванъ впервые подумалъ о томъ, имѣлъ ли онъ право поступать такъ, увлечься, необдуманно, точно закрывши глаза броситься въ воду.

Но подумавъ это, онъ сейчасъ же, съ улыбкой, нашла и отвѣтъ себѣ, и оправданіе:— развѣ онъ виноватъ былъ въ этомъ, развѣ случилось это не помимо его воли, или, вѣрнѣе, оно все равно случилось бы даже и противъ его воли, потому что чувству не прикажешь, оно не разбираетъ того, что разсчитываетъ разумъ, и въ этомъ-то вся и прелесть, что оно не разбираетъ, такъ вотъ, возьметъ, да и охватитъ всего, цѣликомъ, а потомъ и раздѣлывайся съ нимъ, и когда именно охватитъ, когда случится это — и замѣтить нельзя...

И князь Иванъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ перебирая въ своихъ воспоминаніяхъ отношенія свои къ Сонюшкѣ, не могъ найти и опредѣленно сказать, когда именно случилось это. Ужъ только, конечно, не тогда, какъ они сидѣли вдвоемъ, въ гостиной, и не въ одну изъ предшествующихъ встрѣчъ, и не тамъ, не въ деревнѣ... а гдѣ и когда—Богъ знаетъ!..

Точно они весь свой вѣкъ знали другъ друга и точно съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ князь Иванъ помнилъ себя, онъ помнилъ и Сонюшку... Образъ ея былъ до того близокъ ему и до того ясенъ въ его душѣ, что какъ только онъ подумалъ о ней— все прояснилось и стало мало-по-малу хорошо.

Вѣдь если все это было независимо отъ его воли — значитъ онъ неизбежно долженъ былъ встрѣтиться съ нею, и они должны были придти другъ къ другу, и разъ они сошлись — то нечего беспокоиться за будущее;—это будущее устроится такъ же легко и просто, какъ и то, что они сошлись, узнали и полюбили другъ друга...

И, успокоившись на этомъ, князь Иванъ увидѣлъ, что самое безпокойство его было наноснымъ и вѣшнымъ, а внутри души онъ какъ-то безотчетно вѣрилъ въ то, что все будетъ хорошо и счастливо, потому что все счастье заключалось въ Сонюшкѣ и ея любви къ нему, а это у него было, значитъ, будетъ и остальное...

Часть вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Письма къ графу Линару.

I.

Князь Иванъ ходилъ, въ отчаяніи, по своей комнатѣ. Онъ придумать не могъ, чтѣ ему дѣлать, чтѣ начать и какъ выйти изъ ужаснаго положенія, въ которое попалъ, благодаря собственной же неосторожности.

И случилось это какъ разъ въ то время, когда, казалось, судьба улыбнулась ему. Все могло, можетъ-быть, устроиться, и вдругъ тутъ же, сразу было испорчено все!..

Прошеніе, поданное имъ Остерману, не осталось безъ послѣдствій. Въ образованныхъ, ловкихъ молодыхъ людяхъ слишкомъ нуждались тогда, чтобы пренебрегать услугами такого человѣка, какъ Косой.

Къ тому же онъ и не особенно напиралъ на денежное вознагражденіе, въ надеждѣ, что оно придетъ само собою.

Онъ просилъ, чтобы дали ему только, для начала, хоть какое-нибудь порученіе.

Оказалось,—о немъ навели справки у нашего посла въ Парижѣ Кантемира, который болѣе чѣмъ кто-нибудь могъ дать свѣдѣнія о Косыхъ, жившихъ такъ долго во Франціи.

Кантемиръ прислалъ вполне благоприятный отзывъ.

Прекрасный французскій языкъ князя Ивана, манеры его, умѣнье держаться и бархатный лиловый кафтанъ окончательно рѣшили дѣло.

Остерманъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ, что попробуетъ дать ему порученіе въ Саксонію. Порученіе это состояло просто въ томъ, чтобы отвезти письма и депеши къ находившемуся тамъ въ то время графу Линару, уѣхавшему недавно изъ Петербурга, по дѣламъ, на родину.

Въ первую минуту это не понравилось князю Ивану, но потомъ онъ, подумавъ, рѣшилъ, что это совсѣмъ не то, что служба интересамъ французскаго посланника маркиза Шетарди. Тутъ онъ былъ на службѣ у русскаго правительства и исполнялъ его порученіе. И только.

Пусть это правительство было враждебно великой княжнѣ, за которую князь Косой (онъ чувствовалъ это) готовъ былъ отдать жизнь свою, по своимъ отказомъ онъ нисколько не могъ помочь ей, а только повредить самому себѣ.

Къ тому же онъ былъ слишкомъ незначительный, маленький человѣкъ, чтобы раздумывать въ данномъ случаѣ о высшей политикѣ и государственныхъ соображеніяхъ.

Онъ принялъ порученіе.

Нужно было собраться вдругъ, въ одинъ вечеръ, и на завтра ѣхать на казенныхъ перемѣнныхъ лошадяхъ, безъ усталы, вплоть до мѣста назначенія. Это, разумѣется, не пугало князя Ивана. Онъ не хотѣлъ только ѣхать, не повидавшись съ Сонюшкой.

Вечеромъ онъ улучилъ минуту и заѣхалъ къ Соголевымъ. Не было ли ихъ дѣйствительно дома, или не принялъ его, — по древній лакей съ чулкомъ заявилъ ему, что господа уѣхали, и князю Ивану не удалось видѣть Сопи.

Онъ сказалъ лакею, что заѣзжалъ проститься передъ отъѣздомъ, что уѣзжаетъ за границу не надолго, но казенному дѣлу, по этому, конечно, было мало. Нужно было дать знать Сопѣ, именно ей.

На Левушку, писавшаго стихи Соголевой, уничтоженные Антиной, нельзя было разсчитывать.

Князь Иванъ написалъ все-таки письмо къ Сопѣ, не зная хорошенько, какимъ путемъ оно будетъ доставлено къ ней. Дѣло, однако, устроилось довольно просто. По намеку Косого, крѣпостной Торусскихъ, Степушка, приставленный для услугъ къ князю Ивану, взялся доставить письмо и въ тотъ же вечеръ ухитрился побывать у Соголевыхъ, вернулся оттуда и сказалъ, что все исполнено при посредствѣ знакомой ему Дуни. Косой не разспрашивалъ подробно, кто такая эта Дуня—рѣшивъ, вѣроятно, что это одна изъ дворцовыхъ Соголевыхъ, и подарилъ Степушкѣ рубль, потребовавъ отъ него полнѣйшаго молчанія. Степушка, очастливленный рублемъ, обѣщалъ не выдать — хоть пытай его на дыбѣ.

Все шло хорошо до самаго утра, когда Косому нужно было уже выѣзжать совсѣмъ.

Дѣло было въ томъ, что самый важный чиновникъ въ канцеляріи сказалъ Косому наканунѣ, что онъ долженъ будетъ, собравшись окончательно въ дорогу и сѣвъ уже на казенную тройку, заѣхать на другой день утромъ въ канцелярію за письмами, которые назначено ему везти. Но когда князь Иванъ выходилъ отъ главнаго чиновника, его поймалъ на дорогѣ экзекуторъ, на обязанности котораго была выдача писемъ Косому, и сказалъ ему, что завтра хотѣлъ бы придти на службу по-позже, что выдача писемъ сопряжена съ длинными формальностями и что не лучше ли будетъ, если они „не гласно“ исполнить эти формальности теперь, и письма онъ, экзекуторъ, выдастъ теперь же, чтобы ужъ завтра быть князю Косому совершенно спокойному и ѣхать.

Коронационные торжества в Москвѣ. Священное миропомазаніе Государя Императора.
Ориг. рис. спец. корресп. „Нивы“ Е. П. Самонишъ-Судювской. Автогипія „Нивы“.

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Торжественная серенада передъ Петровскимъ дворцомъ.
Ориг. рис. спец. корресп. „Ивны“ Е. П. Самоишъ-Судковской. Автогипс „Ивны“.

Экзекуторъ сказалъ тоже, что это дѣлается почти всегда такъ, и что про это и начальство знаетъ, но говоритъ только для формы, чтобы депеши выдавались курьеру въ самый день его отъѣзда.

Какъ бы то ни было, князь Иванъ получилъ письма паканунѣ и привезъ ихъ домой.

Вся бѣда и произошла отъ этого.

Князь Иванъ вышелъ на минуту только изъ комнаты, чтобы отнести женѣ камердинера Петра Ивановича зашить подпорченную замшевую сумку, въ которой нужно было везти прямо на груди, подъ камзолъ, письма, надѣвъ ее на шею.

Когда онъ вернулся съ зашитою уже сумкой къ себѣ въ комнату—руки у него опустились, и онъ съ ужасомъ остановился у двери.

Казачокъ Антипка стоялъ у стола и держалъ въ рукахъ одно изъ писемъ—самое, кажется, важное, съ подписью адреса рукою правительницы и запечатанное ею перстнемъ.

— Я баринъ одинъ тутъ ярлыкъ сломалъ,—довольно безучастно заявилъ онъ Косому.

Князь Иванъ уже издали видѣлъ, что то, что Антипка называлъ ярлыкомъ, то-есть, печать, было сломано подъ его пѣжкими пальцами!..

Антипка, видимо, сначала мало обеспокоенный тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, заволновался только тогда, когда поглядѣлъ на полное ужаса, вдругъ поблѣднѣвшее лицо Косого.

Должно-быть его лицо было очень страшно, потому что Антипка вдругъ разинулъ ротъ, остановился, широко открылъ глаза, потомъ заговорилъ прерывающимся голосомъ:

— Я, ей-Богу, только вотъ тронулъ... посмотрѣть хотѣлъ, а онъ и разломился—чуть-чуть тронулъ такъ вотъ двумя пальцами. Кабы я зналъ, что не падо, я бы ни за что... Опадысь баринъ заругался, что я у него писану бумажку кинулъ, такъ теперь я ужъ ни одной... Всѣ, что есть, подбираю, а тутъ, думаю, ярлыкъ, дай посмотрю, и совсѣмъ легонько тронулъ, а онъ, па-вось, и сломался...

Князю Ивану не было легче оттого, легонько или нѣтъ Антипка сломалъ печать. Но она была сломана, и несчастье казалось ужаснымъ и непоправимымъ.

Въ первую минуту князь Иванъ не могъ просто опомниться, не зная, чтѣ ему дѣлать; онъ выгналъ Антипку вопъ, боясь за себя, что не сдержится и сорветъ свой гнѣвъ на немъ, но и потомъ, когда онъ немножко опомнился, отдышался, намочилъ голову и попробовалъ сѣсть—все-таки онъ ничего не могъ сообразить и даже хотѣлъ признакъ найти въ себѣ надежды, что дѣло можно поправить...

Послѣ того, какъ Антипка вышелъ изъ комнаты, Степушка зашелъ сюда, видимо уже освѣдомленный о томъ, чтѣ случилось. Антипка, прибѣжавъ въ людскую, съ воплемъ, покаялся въ своемъ проступкѣ.

Степушка увидѣлъ князя Ивана сидѣвшимъ безпомощно на стулѣ съ прижатой къ головѣ рукою, посмотрѣлъ на него, посмотрѣлъ на письмо, лежавшее со сломанной печатью на столѣ, и проговорилъ сквозь зубы:

— Ишь, дѣля-то,—избаловали мальчишку—удержу на него нѣтъ, а дѣло-то какое!..

И онъ покачалъ головой.

Косой долго глядѣлъ на него, какъ бы съ трудомъ узнавая, потомъ приглядѣлся.

— Левъ Александровичъ встали уже?—спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ. Петръ Ивановичъ три раза будить ходили. Не просыпаются. Вчера вернулись поздно и приказали безремѣнно себя разбудить, чтобы къ нашему отъѣзду, только это никакъ невозможно выйдить—и признака жизни не подаютъ...

Князь Иванъ замоталъ головою и махнулъ рукою Степушкѣ.

Тотъ вышелъ. Помочь онъ ничѣмъ не могъ.

Князь Иванъ заходилъ по комнатѣ.

Одно оставалось—ѣхать сейчасъ хотѣлъ къ самому Остерману и рассказать, какъ было дѣло, вернувшись ему письма. Пусть будетъ, чтѣ будетъ, но другого выхода найти нельзя.

Больше всего жаль было Косому не себя, въ эту минуту, даже не Союшки, для которой онъ, погибшій теперь человекъ, ничего уже не могъ ни сдѣлать, ни даже увидѣть ее когда-нибудь, если его сонлютъ. За распечатанное письмо правительницы могли сослать весьма легко и просто. Нѣтъ, больше всего ему жаль было несчастнаго чиновника-экзекутора, который, понадѣясь на него, далъ ему письма. Положимъ, онъ самъ угворилъ даже князя Ивана взять эти письма, но все-таки за что, за что же онъ-то будетъ отвѣчать?

Мелькнуло было у князя Ивана поѣхать, отыскать чиновника и посоветоваться съ нимъ, но онъ сейчасъ же отогналъ эту мысль, какъ невозможную.

И зачѣмъ онъ бралъ письма въ неуказанное время, зачѣмъ привезъ ихъ домой, зачѣмъ положилъ на столъ, зачѣмъ вышелъ изъ комнаты!..

И князь Иванъ, вспоминая какъ онъ за четверть часа передъ тѣмъ былъ счастливъ и доволенъ и какъ хорошо тогда было, и растравляя себя только этимъ,—ходить по комнатѣ, изрѣдка остаиваясь у стола и, какъ бы боясь прикоснуться къ распечатанному письму, быстро поворачивался и отходилъ прочь, чтобы снова вернуться.

Ему казалось, что онъ проходилъ такъ очень долго и, наконецъ, остановился.

Остановился онъ опять у стола, взялъ письмо, близко поднесъ его къ лицу и сталъ разсматривать печать.

Сломъ былъ непоправимъ. Ни закленъ, ни соединить разломившійся сюргучъ нельзя было. Но Косой заинтересовался не этимъ.

Письмо было запечатано не именной печатью правительницы, но перстневой, съ изображеніемъ государственнаго двуглаваго орла...

II.

Князь Иванъ долго, пристально всматривался въ оттиснутый на сюргучѣ сломанной печати рисунокъ. Потомъ онъ, вдругъ, какъ бы спохватившись, кинулъ письмо на столъ, разстегнулъ обѣими руками камзолъ, досталъ шейную свою цѣпочку съ крестомъ, на которой у него тоже висѣло полученное отъ великой княжны кольцо, и началъ разглядывать его.

Черезъ нѣсколько времени Косой вздохнулъ свободно.

Сначала онъ думалъ, что это ему показалось только.

Когда онъ сталъ разглядывать сломанную печать, онъ вдругъ вспомнилъ, что гдѣ-то видѣлъ точь-въ-точь такого орла, хотя никогда не держалъ въ рукахъ печати правительницы. Онъ сталъ припоминать и почти наудачу, съ замираніемъ сердца досталъ кольцо великой княжны. На этомъ кольцѣ былъ дѣйствительно вырѣзанъ орелъ, какой былъ на печати.

Князь Иванъ былъ спасенъ.

Ему оставалось только вновь запечатать письмо, и никто не могъ бы догадаться, что печать на немъ когда-нибудь была сломана.

Не было ничего удивительнаго, что у великой княжны на кольцѣ былъ вырѣзанъ государственный орелъ. Она имѣла на это полное право, но неосуществимымъ казалось князю Ивану стеченіе обстоятельствъ, сплетшихся вокругъ него.

Нужно же было этому кольцу попасть именно въ его руки и сравнительно такъ незадолго передъ тѣмъ, что оно ему должно было понадобиться по такому странному поводу, и спасти его отъ смертельной, или почти смертельной опасности! Въ тѣ минуты, которые переживалъ теперь князь Иванъ, ему казалось это чудес-

нымъ проявленіемъ Промысла. Но причина была бы слишкомъ ничтожна, если бы кольцо пришло въ его руки только для того, чтобы исправить сдѣланную Антинкой оплошность и тѣмъ вывести изъ неприятнаго положенія князя Ивана. Косой чувствовалъ, что онъ тутъ простое орудіе судьбы, маленькое звено въ большой цѣпи, и что не долженъ онъ дѣйствовать по своей волѣ и по своему разуму, а подчиниться волѣ высшей, чудесно сложившей обстоятельства.

Онъ держалъ въ рукахъ распечатанное письмо правительницы, письмо, которое онъ имѣлъ полную возможность прочесть и передать, если это нужно было, великой княжнѣ то, что касалось ея.

О ней рѣчь должна была идти въ этихъ письмахъ. Конечно, только о ней.

И, не раздумывая долго, Косой подошелъ къ двери, заперъ ее на ключъ и, вернувшись къ столу, смѣло развернулъ письмо.

Изъ него выпала другая, вложенная въ него записка.

Письмо было на французскомъ языкѣ, съ сдѣланными помарками, видимо, постороннею рукою.

„Поздравляю васъ, — читалъ князь Иванъ, — съ прѣздомъ въ Лейпцигъ, — *) но я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не получу извѣстія, что вы уже на возвратномъ пути сюда. Если вы не получали писемъ изъ Петербурга — напишите на Цецоляда **), который ихъ, значитъ, отправлялъ не какъ слѣдуетъ. Что касается Юліи, то неужели вы можете хотя минуту сомнѣваться въ ея (моей) любви и въ ея (моей) нѣжности, послѣ всѣхъ тѣхъ доказательствъ, которыя вы получили отъ нея (меня). Если вы ее (меня) любите, не дѣлайте ей (мнѣ) подобныхъ упрековъ, хотя бы ради того, насколько дорого вамъ ея (мое) здоровье. Персидскій посланникъ со всѣми своими словами получилъ аудіенцію въ томъ порядкѣ, какъ представлялся турецкій. Говорятъ, одна изъ главныхъ цѣлей посольства — просить руку принцессы Елисаветы для сына шаха Надира и въ случаѣ отказа онъ намъ объявитъ войну. Терпѣніе! — это будетъ, однако, третій врагъ, да сохранитъ насъ Господь отъ четвертаго. Не сочти за сказку эти происки персовъ, я не шучу. Тайна узнала черезъ фаворита послапника. У насъ будетъ маскарадъ 19 и 20 этого мѣсяца, но не думаю, чтобы я (безъ васъ, мой дорогой) могла бы принять живое участіе въ этомъ увеселеніи, потому что предвижу, что моя дорогая Жюли, сердце которой и душа не здѣсь, не слишкомъ-то будетъ веселиться. Правда говорится въ пѣснѣ: — На моихъ глазахъ нѣтъ ничего, что похоже на васъ, а между тѣмъ все мнѣ васъ напоминаетъ. Дайте знать о времени вашего возвращенія и вѣрте моей преданности“...

Князь Иванъ почувствовалъ, что, несмотря на то, что былъ онъ одинъ въ комнатѣ, — густая краска покрасила его щеки. Онъ покраснѣлъ, потому что простой, задумчивый тонъ письма, въ которомъ въ сущности не сообщалось ничего важнаго, былъ похожъ скорѣе на частную переписку, чѣмъ на дѣловое, политическое письмо.

Ему стало стыдно, зачѣмъ онъ ворвался въ чужую тайну, не имѣвшую никакого значенія въ томъ отношеніи, ради котораго онъ позволилъ себѣ прочесть письмо.

Чувство совершеннаго сквернаго поступка защемило его сердце и точно на зло себѣ, на зло этому гадкому чувству онъ поднялъ упавшую изъ письма записку и развернулъ ее. Все равно уже было теперь.

Пробѣжавъ, однако, глазами записку, онъ не пожалѣлъ, что сдѣлалъ это.

*) Французскій подлинникъ этого письма находится въ Государственномъ Архивѣ. Рукою Анны Леопольдовны написаны тѣ слова, которыя въ переводѣ поставлены въ скобкахъ. Въ подлинникѣ эти слова наверху соответствующихъ, а послѣднія зачеркнуты.

**) Секретарь саксонскаго посольства.

Въ запискѣ неизвѣстный корреспондентъ или корреспондентка (записка была безъ подписи) въ короткихъ словахъ убѣждалъ Линара повліять, какъ можно скорѣе, на нерѣшительную Анну Леопольдовну принять мѣры противъ П. Е.

Сообщалось, что съ каждымъ днемъ П. Е. становится опаснѣе и опаснѣе, что необходимо увести изъ Петербурга гвардію на театръ военныхъ дѣйствій, и тогда будутъ руки развязаны. Лестока арестовать прежде другихъ. Правительница боится больше всего припца Петра Гольштинскаго (сына Анны Петровны, дочери Петра Великаго), но что главная опасность, здѣсь, въ самомъ Петербургѣ, въ лицѣ П. Е.

Князь Косой отлично понималъ, что подъ буквами этими подразумевается „Принцесса Елисавета“ и что противъ нея и противъ лицъ близкихъ ей направлена просьба къ Линару убѣдить правительницу.

Планъ былъ составленъ довольно хитро. Пока преданная великой княжнѣ гвардія была въ Петербургѣ — нечего было и думать о какой-либо попыткѣ дѣйствовать противъ нея. Но разъ гвардія удалена на войну, которая еще продолжалась противъ шведовъ — великая княжна оставалась вполнѣ незащитною. Найдись возможность привести этотъ планъ въ исполненіе, и великая княжна погибла...

III.

Косой, какъ умѣлъ быстро, на всякій случай, чтобы не выдавать своего почерка, переписалъ записку лѣвой рукою, сложилъ, какъ была она, вложилъ въ письмо и запечаталъ его снова.

Онъ догадывался, что письмо написано отъ имени Юліаны Мендгенъ, помолвленной уже за графа Линара. Вѣроятно, она и запечатывала письмо правительницы и вложила въ него свою записку, или такую, которой сочувствовала.

Справивъ все, князь Иванъ бережно уложилъ порученныя ему письма въ замшевую сумку, надѣлъ ее подъ камзолъ, отперъ дверь и позвалъ къ себѣ Степушку.

— Вотъ что, Степанъ, — началъ онъ, когда тотъ явился, — помнишь ты, когда умеръ у насъ этотъ старикъ-нищій, я велѣлъ отпарить его одежду и парикъ себѣ заказалъ.

Степушка сказалъ, что помнить, и что все было сдѣлано тогда именно такъ, какъ было приказано.

— Ну, такъ вотъ, — продолжалъ Косой, — эти вещи спрятаны у тебя?

Смышленное лицо Степушки выразило усиліе мысли. Онъ соображалъ въ эту минуту, что, должно быть, князь Иванъ Кирилычъ придумали что-то для поправленія бѣды, въ которой онъ и себя считалъ какъ бы участникомъ, какъ членъ торусовской дворни, къ которой принадлежалъ главный виновникъ всего — Аптипика, выданный уже за вихры въ людской Петромъ Ивановичемъ, съ одобренія кучера Ипата.

— Вещи всѣ у меня спрятаны — и костыль, и деревяжка, — отвѣтилъ онъ, особенно весело и услужливо.

— Ну, такъ вотъ мнѣ ихъ сейчасъ нужно будетъ надѣть...

— Надѣть? — переспросилъ Степушка. — А какъ же лошади?..

— Какія?

— Что вотъ за вами прѣехали.

— А развѣ прѣехали ужъ? Ну, скажи ямщику, чтобы, пока, на дворъ завернулъ. Заплачу за простой. Я поѣду часа черезъ два, а пока мнѣ нужно одно дѣло справиться...

Степушка, вопросъ котораго относительно лошадей главнымъ образомъ клонился къ тому, чтобы узнать, поѣдетъ ли князь Иванъ вообще, или нѣтъ, т.-е., надѣется ли онъ поправить все, — успокоился теперь окон-

чательно, узнавъ, что Косой располагаетъ, все-таки, ѣхать...

— Такъ что же прикажете о вещахъ?—спросилъ онъ совѣмъ уже бодрымъ голосомъ.

— А вотъ видишь ли—мнѣ нужно ихъ надѣть и выйти изъ дому, такъ, чтобы никто не видалъ этого и не зналъ бы объ этомъ. Ни даже Левъ Александровичъ. Ты смолчать сумѣешь?..

— Зачѣмъ не смолчать! Значить, вамъ такъ, чтобы ни синь-пороха—замѣтно не было. Это можно. Банька у насъ, какъ изволите знать, на самыхъ задахъ, за огородомъ. Ее вчера съ вечера топили—Петръ Ивановичъ распорядился, на случай если вамъ передъ отѣздомъ помыться вздумалось бы, а если нѣтъ—такъ онъ самъ располагалъ попариться. Такъ вотъ вещи эти самыя я въ баньку-то отнесу, а вы изволите придти туда, какъ бы по своему дѣлу, будто мыться пошли, одѣнетесь, я васъ и выпущу заднимъ ходомъ къ забору, онъ въ одномъ мѣстѣ разбирается и на самый пустынный проулочекъ выходитъ—куда угодно идите, а тамъ назадъ—тѣмъ же путемъ. Какъ вернетесь, я водой оболью, чтобы видъ сдѣлать, будто вы мыться изволили. Никому и педомокъ будетъ... А ужъ въ баньку-то я васъ подожду...

Лучше, чѣмъ придумалъ Степушка, и найти ничего нельзя было.

Дѣйствительно, онъ оказывался ловкимъ и смышленнымъ парнемъ.

Князь Иванъ велѣлъ ему только одно—поскорѣ нести одежду въ баньку.

Левушки все еще не могли добудиться, и Косой ушелъ, не повидавшись съ нимъ.

Уходя, онъ сказалъ мимоходомъ Петру Ивановичу:

— Я пойду вымоюсь передъ отѣздомъ, а вы не беспокойте Льва Александровича—мнѣ только сторича показалось, что Антипка сломалъ печать—на самомъ дѣлѣ она и незамѣтно совѣмъ, такъ что нечего и говорить объ этомъ...

— Ну, и слава Богу!—обрадовался Петръ Ивановичъ.

Косой въ банѣ переодѣлся съ помощью Степушки и, переодѣтый, сталъ совершенно неузнаваемъ.

Онъ выбрался незамѣченнымъ и неловко заковылялъ на деревяжкѣ, стараясь выбрать самый ближній путь ко дворцу великой княжны.

Онъ рѣшительно не зналъ, какъ это все будетъ и какъ онъ проберется туда и пустятъ ли его, и кому онъ отдастъ снятую имъ съ вложенной въ письмо записки копію. Онъ только чувствовалъ, что, во что бы то ни стало, пужно было ему передать эту копію великой княжнѣ, и шелъ, вѣря въ то, что это удастся ему сдѣлать такъ же, какъ удалось ему, совершенно неожиданно для себя, снять эту копію.

Теперь, прежде всего, нужно было дойти до дворца. И князь Иванъ спѣшилъ, боясь встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ, чтобы тѣ не узнали его какъ-нибудь.

Переодѣванье его, однако, повидимому, было выполнено съ извѣстной долей искусства. Онъ въ этомъ могъ убѣдиться хотя бы потому, что встрѣтившаяся ему старушка запустила руку въ глубокой карманъ своей кацавейки и, доставъ грошикъ, подала ему.

Странно было князю Косому, Рюриковичу родомъ, протягивать руку за подаишемъ на улицѣ, но это было необходимо, чтобы не выдать себя, и онъ протянулъ руку, невольно вспомнивъ, какъ пригодилась ему тутъ предосторожность Степушки, посоветовавшаго ему вытереть землю руки, чтобы загрязнить ихъ.

Часъ былъ довольно ранній. На улицахъ прохожихъ попадалось мало, все больше простой народъ, изъ благородныхъ же—никого.

„Можетъ-быть, рано еще. Тамъ, пожалуй, спать всѣ“—соображалъ князь Иванъ, осторожно ступая де-

ревяжкой по дощатымъ мосткамъ тротуара, чтобы не упасть.

„Ахъ поскорѣ бы, поскорѣ!“—повторялъ онъ себѣ. Сердце его билось все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ дѣли. Вотъ, наконецъ, и Греческая улица. Виденъ уже и Па-де-Кале. Вотъ домъ великой княжны. Отсюда, съ улицы, онъ погруженъ въ полную тишину. Ставни нижняго этажа плотно заверты. Въ окнахъ верхняго—снущены занавѣсы. Кругомъ ни души, только у воротъ, закутанный въ овчину, сидитъ сторожъ, вѣрно только-что смѣнившій ночного. Спать онъ или нѣтъ, и какъ пройти мимо него, а вдругъ онъ остановитъ?

Одинъ мигъ мелькнуло даже у князя Ивана—не вернуться ли ему назадъ, но это только мелькнуло, и какъ разъ въ этотъ мигъ онъ именно рѣшился войти въ ворота. Сторожъ не шелохнулся, какъ будто ему и дѣла не было, что проходятъ мимо него.

Косой вошелъ на широкій, окруженный службами дворъ. Тутъ не спали. По движенію на дворѣ, по хлопавшимъ половинкамъ выходившихъ на дворъ дверей, видно было, что во дворцѣ Елисаветы давно уже проснулись. Мимо переодѣтаго князя Ивана пробѣжали двѣ дворовыя бабы, затѣмъ онъ видѣлъ ливрейнаго лакея, выбѣгавшаго на крыльцо съ трубочкой—покурить... Въ окнахъ нижняго этажа, гдѣ помѣщалась, вѣроятно, кухня, замѣтно было движеніе. Князь Иванъ стоялъ, озираясь.

И вдругъ, въ одномъ изъ этихъ оконъ поднялась половинка и высунувшійся мальчишка-поваренокъ крикнуть:

— Дяденька, коли ѣсть хочешь—иди: у насъ есть, чѣмъ покормить тебя!..

Окно опустилосъ.

Князь Иванъ, еще идя сюда, рѣшилъ подчиниться тому, что будетъ съ нимъ. Зовъ поваренка относился, по всей видимости, къ нему.

Онъ оглянулся опять кругомъ—нѣтъ ли кого еще тутъ, кого бы могли позвать,—и пошелъ наугадъ къ двери, ближайшей къ тому окну, изъ котораго прокричалъ поваренокъ.

Дверь какъ бы сама собою растворилась передъ нимъ и точно-въ-точь въ такой же ливреѣ, какъ тотъ, что выбѣгалъ покурить, только постарше, лакей встрѣтилъ Косого за дверью.

Онъ именно встрѣтилъ его и, ни слова не говоря, повернулся и сталъ подниматься по лѣстницѣ, словно и не сомнѣваясь, что за нимъ будутъ слѣдовать.

Князь Иванъ, съ замираніемъ сердца, неловко стуча своей деревяжкой по ступенямъ, началъ тоже подниматься. Онъ хотѣлъ бы объяснить лакею, что ему нужно видѣть кого-нибудь изъ довѣренныхъ лицъ великой княжны, хотъ Лестока, но тотъ пока не спрашивалъ никакихъ объясненій, и князь Иванъ шелъ.

Лѣстница кончалась входомъ въ полутемный коридоръ.

„Ну, здѣсь онъ меня спроситъ, наконецъ, что мнѣ пужно,—подумалъ князь Иванъ,—и я объясню ему, да, конечно, я скажу, что прямо Лестока хочу видѣть!..“

„А на всякій случай у меня кольцо съ собою, кольцо великой княжны!“—вспомнилъ вдругъ Косой и улыбнулся тому, какъ онъ раньше не подумалъ объ этомъ и волновался, когда у него былъ такой вѣрный пропускъ хоть къ самой великой княжнѣ!

Ни кольца, однако, ни какихъ бы то ни было переговоровъ не потребовалось. Лакей увѣренной, твердой походкой провелъ князя Ивана по разостланному въ коридорѣ половику и, дойдя до одной изъ дверей, все такъ же молча, растворилъ ее и остановился, какъ бы пропуская князя Косого.

Косой поглядѣлъ на него. Лакей относился къ нему такъ, какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не относился бы къ простому нищему.

Низкіе Островки (Тверской губерні). Акварель (собств. „Нивы“) А. Д. Кившенко. Автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Что же это было?—обыкновеніе ужъ здѣсь такое или, можетъ-быть, ко всѣмъ пицимъ относились здѣсь такъ? Но лицу лакея пельзя было догадаться ни о чемъ. Онъ отворилъ дверь и спокойно ждалъ, пока пройдутъ въ нее. Едва князь Иванъ переступилъ порогъ—дверь за нимъ затворилась безъ шума.

Онъ очутился въ полутемной, проходной комнаткѣ, куда проходилъ слабый свѣтъ изъ окопца надъ дверями и гдѣ стояли сундуки и шкафъ съ платьемъ.

Князь Иванъ невольно подошелъ къ двери, не къ той, въ которую впустили его, а противоположной, надъ которой было оконце.

Дверь оказалась запертою.

Комната, въ которой стоялъ князь Иванъ (сѣсть не па что было, кромѣ сундука), была, очевидно, и по вещамъ, находившимся въ ней, и по запаху камфары, смѣшанной съ табакомъ—шкафною—гдѣ хранились платья. Но чьи?—для гардероба великой княжны тутъ слишкомъ было мало мѣста.

Но не успѣлъ еще князь Иванъ оглядѣться хорошенько, какъ щелкнулъ замокъ, комната освѣтилась на мгновенье, и Косой увидѣлъ передъ собою незнакомаго, виднаго человѣка, съ пріятнымъ и симпатичнымъ лицомъ. Онъ вошелъ и остановился въ полъ-оборота къ князю Ивану, придерживая припертую дверь правою рукою, а лѣвую протянулъ къ Косому.

Это былъ не Лестоукъ.

— Бумаги есть?—отрывисто спросилъ онъ.—Скорѣе, разговаривать некогда.

„Какъ бумаги?“—хотѣлъ спросить было Косой, удивленный и прежде ужъ, когда его вели сюда, а теперь вполне пораженный сдѣланнымъ ему вопросомъ.

Но протянутая къ нему рука, поспѣшная настоячивость вопроса и необходимость положенія до того смутили его, что онъ, ничего не раздумывая и не спрашивая, послушно сунулъ въ эту руку свою копію записки.

— Спасибо!—услышалъ онъ.

Полумракъ шкафной снова освѣтился, дверь быстро захлопнулась, замокъ опять щелкнулъ, и князь Иванъ снова остался одинъ.

Онъ невольно попробовалъ свою голову, какъ бы желая удостовѣриться, что не спитъ.

За дверью послышались голоса, по словъ пельзя было разобрать. Потомъ, почти сейчасъ же, все смолкло.

Князю Ивану оставалось только развести руками и постараться уйти. Главное, зачѣмъ онъ приходилъ сюда, было сдѣлано,—записка передана. Князь Иванъ былъ бы спокоинѣе, если бы ему удалось передать ее Лестоку, но вѣдь ему даже опомниться не дали... Привели, провели, поставили въ темную комнату и прямо спросили: „бумаги?“—а записка была уже въ рукѣ у него. Онъ ее и отдалъ.

И только, когда уже онъ, выйдя въ коридоръ, гдѣ лакей ждалъ его и снова провелъ къ лѣстницѣ, сталъ спускаться по ней, онъ вдругъ схватился за лобъ и провелъ по немъ рукою.

Онъ понялъ, какъ ему показалось, все, что случилось съ нимъ, вспомнивъ о видѣнномъ имъ въблизи дворца великой княжны пицимъ старикѣ въ такомъ же точно одѣянн, какое было у него. Вѣроятно это былъ тоже переодѣтый, но привычный гость дворца великой княжны, который приносилъ сюда, откуда-нибудь, нужные свѣдѣнія, и сегодня, его, князя Косого, приняли здѣсь за этого своего, привычнаго человѣка. И успокоившись на этомъ, князь свободнѣе зашагалъ, слѣдуя за ливрейнымъ лакеемъ.

Теперь онъ уже не боялся за то, что его записка попала не туда, куда слѣдуетъ. Ошибки уже быть не могло... А что до того, что не знали, кто принесъ ее—это князю Ивану было рѣшительно все равно. Онъ сдѣлалъ по совѣсти то, что считалъ полезнымъ для великой княжны, вовсе не изъ-за награды и не изъ расчета выслужиться передъ ней. Такъ не все ли равно, будетъ ли она знать, что это онъ принесъ или кто-нибудь другой!

Князь Иванъ благополучно вернулся домой, переодѣлся въ банѣ, вымылся и вошелъ въ домъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Левушка уже всталъ. Они напились вмѣстѣ чаю, поговорили, простились, и князь Иванъ уѣхалъ, совершенно довольный и счастливый, обѣщавъ не засиживаться за границей и вернуться какъ можно скорѣе.

— Я отъ васъ Союзскѣ Соголевой кланяться буду!—прокричалъ ему вслѣдъ Левушка съ крыльца, но вѣтеръ отнесъ его слова, и князь Иванъ, не разслышавъ ихъ, помахалъ рукою и еще разъ приподнял свою шляпу.

(Продолженіе будетъ.)

Найденный.

Разсказъ Г. Т. Сѣверцова.

Я проснулся, хотя еще было только шесть часовъ. Миѣ не спалось, шумъ прибора разбудилъ меня; всего третій день какъ я жилъ въ Финале-Марино, и не успѣлъ еще привыкнуть къ морю и его однообразной тишинѣ. Я занималъ двѣ комнаты во второмъ этажѣ, въ небольшомъ каменномъ домѣ; окна мои выходили прямо на морской берегъ. Комнатки были очень чистенькія, съ полной мебелировкой, которая, прибавлю, была очень недурна, даже пружинный матрасъ лежалъ на моей кровати. И все это удовольствіе за восемнадцать лиръ въ мѣсяцъ! Отдавалъ миѣ помѣщеніе мой нижній сосѣдъ—цырюльщикъ; ему было поручено хозяйкою, жившей въ сосѣднемъ городкѣ и наѣзжавшей изрѣдка сюда, отдавать квартиры. Какъ бы то ни было—я былъ очень доволенъ и квартирою, и мѣстностью, столь отличной отъ нашего суроваго Петербурга, о возвращеніи въ который я помышлялъ съ неудовольствіемъ.

Вставать еще не хотѣлось; я машинально протянулъ руку къ стоявшему около моего ложа туалету, какъ-то безсознательно вытащилъ небольшой ящичекъ и извлекъ изъ ящичка его какое-то пожелтѣвшее письмо.

Вопреки всякимъ приличіямъ, я началъ его читать и заинтересовался его содержаніемъ. Я прочелъ:

„Радость души моей, Анджелика!

„Я уѣзжаю изъ Финале, ѣду далеко—въ Южную Америку! Уезжаю ногихоньку отъ тебя потому, что иначе ты бы меня непустила. Когда вернусь—не знаю. Здѣсь всю жизнь проживешь простымъ рыбакомъ и вѣчно будешь бѣдствовать.—а я хочу быть богатымъ. Кумъ Сандро говорилъ, что въ Америкѣ золотое дно, и что люди тамъ богатѣютъ скоро! Вотъ я и надумалъ разбогатѣть. Все, что у насъ съ тобою есть,—все тебѣ оставляю; живи, воспитывай дѣтей, а я постараюсь скорѣе

нажить богатство (fortuna—было въ подлинникѣ) и вернуться къ тебѣ. До свиданія! Твой вѣчно Захарія Галлардо.“

Письмо было помѣчено 1876 годомъ, а число трудно было разобрать. Вообще все это письмо, складъ его, неправильное правоисловіе, да и самое его содержаніе—меня очень заинтересовали. Я опустилъ письмо на одѣяло, закрылъ глаза и началъ думать о написавшемъ его и оставленномъ имъ семействѣ.—Вѣдь прошло около двадцати лѣтъ,—гдѣ они теперь? Живы ли? Что за драма скрывается въ этой пожелтѣвшей бумаженкѣ? Я задумался и опять заснулъ. Но сну моему не суждено было длиться. Два удара въ дверь первой комнаты заставили меня вскопичить и отворить прищельцу. Это былъ Джавино, молодой парень, съ которымъ я вчера познакомился и которому вѣдѣлъ придти сегодня пораньше ко миѣ, чтобы идти съ нимъ въ горы.

— Э, синьоръ,—сказалъ онъ нослѣ обычнаго „buon giorno“,—вы еще въ постели! А у насъ ужъ рыбаки вернулись съ ловли, и аукціонъ начался.

— Аукціонъ? Что за аукціонъ?—спросилъ я его, поспѣшно одѣваясь.

— Да вотъ, какъ разъ противъ вашихъ окопъ; хотите посмотреть, такъ нойдемте, не то скоро кончится,—возразилъ миѣ мой будущій чичероне.

Одѣвшись, я вышелъ съ нимъ на берегъ. Рыбаки тащили изъ своихъ, уже обмелѣвшихъ, барокъ и лодокъ корзины съ рыбою и ставили рядомъ съ поставленными тутъ же раньше. Огнень начался, и голубое море стремительно утѣгало въ глубину. Около корзины съ рыбою толпились народъ, туфъ видны были и загорѣлая, бородастая фигуры рыбаковъ, и красивые платки ихъ женъ, и костюмы съ претензіями на франтовство мелкихъ кучиныхъ-нерекунцицъ.

Когда наступала очередь корзины съ рыбою, ее выносили на середину, и покупщики цѣнили на глазомърбъ содержимое, нѣкоторые же приподнимали ее руками, чтобы убѣдиться въ ей вѣсѣ.

Когда мы съ Джаннино подошли къ толпѣ, хозяйкой продаваемой корзины оказалась бойкая старушка, усѣвавшая и громко выкрикивать цѣны и, въ то же время, неустанно слѣдить за веретеномъ, которое ее трудолюбивыя руки ни на минуту не выпускали. Въ корзину трепетали и прыгали сардинки и другая рыбешка, судорожно открывая ротъ, и такъ же первно прыгало красное веретено старухи.

— Эй, тетка Шиа, смотри не прозѣвай!—смѣялись надъ ея расторопностью зрители.

— Не прозѣваю, миленькіе,—отшучивалась бойкая старушонка.

Корзина ея осталась за высокою пожилою женщиною, одѣтою очень чисто. Она дала высшую цѣну; двое дюжихъ матросовъ потащили куленную рыбу къ тележкѣ. Сытая лошадка, запряженная въ прочный экипажъ, нетерпѣливо пофыркивала, и едва хозяйка ея успѣла сѣсть, понеслась вдоль берега, по направленію Лоано.

— Кто это?—спросилъ и Джаннино, заинтересованный покупателницею.

— Какъ, развѣ вы ее не знаете, сеньоръ?—изумленно спросилъ послѣдній,—да вѣдь это ваша хозяйка, сеньора Анджелика Галлардо.

— Анджелика Галлардо! Та самая, у которой мужъ уѣхалъ въ Америку?

Джаннино широко открылъ глаза.

— Какъ, сеньоръ! И вы это знаете?—еще въ большемъ изумленіи воскликнулъ юноша,—развѣ вы бывали здѣсь прежде?

Я его успокоилъ и объяснилъ, почему я знакомъ съ этой исторіей, и просилъ разсказать, чтѣ онъ знаетъ о дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ.

— Съ удовольствіемъ, сеньоръ форестьеро,—имени моего онъ еще не знаетъ,—я разскажу вамъ все, что помню и знаю про эту исторію, хотя Галлардо уѣхалъ, когда я еще не родился.

— Но теперь онъ вернулся? спросилъ я его.

— Нѣтъ, сеньоръ, съ тѣхъ поръ никто изъ Финале не видалъ Галлардо,—прибавилъ печально юноша.—Позвольте, я вамъ все по порядку разскажу; пойдемте, какъ вчера уговорились, въ горы.

Мы отправились, и онъ началъ свой разсказъ.

— Семья Галлардо принадлежала къ одной изъ уважаемыхъ семей въ нашемъ городкѣ. Отецъ Захаріи былъ даже спидаккомъ. Послѣ его смерти, Захарія получилъ недурное наслѣдство, женился и зажилъ пригвѣваючи. Характеромъ онъ былъ очень неусидчивъ и предпримчивъ; но, къ сожалѣнію, всѣ его предпріятія не удавались, причемъ онъ постоянно терялъ деньги. Чего только онъ ни выдумывалъ! То начиналъ бурить вонъ ту гору,—указалъ Джаннино.—Нацѣлъ массу рабочихъ: ему почему-то казалось, что онъ найдетъ въ ней золото! То строилъ какой-то особенный прессъ, чтобы съ помощью прилива давить виноградъ, то плотину, чтобы урегулировать отливъ и приливъ! Однимъ словомъ, онъ за все брался горячо и скоро, но еще скорѣе остывалъ къ начатому. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, отъ наслѣдства остался одинъ только домикъ, да виноградникъ. Волей-неволей пришлось стать рыбакомъ. Тутъ дѣйствительно ему несчастливилось, урѣдкій день онъ не привозилъ рыбы. Дѣла стали поправляться, сеньора Анджелика ожила, румянецъ вернулся на ея поблѣдѣвшій щекѣ. Дѣти,—старшій сынъ—Сатино, и младшая дочь—Джинжевра, только-что родившаяся, радовали сердце матерн; казалось, миръ и счастье водворились въ семьѣ. Но несобѣдъ Захарія не сидѣлось у мирнаго очага семьи, онъ былъ недоволенъ скромнымъ заработкомъ. Нужда заставила его забыть о предпріятіяхъ, возвращающаеися довольство напомнило опять ему о нихъ. Вотъ онъ и задумалъ уѣхать въ Америку, что скоро и исполнилъ, оставивъ жену съ двумя малолѣтками, безъ работника на семью. Первое время, въ отчаяніи, Анджелика не знала что предпринять, но Богъ,—тутъ Джаннино поднялъ глаза къ небу,—помогающій несчастнымъ, не оставилъ ее, не далъ ей встунуть на тотъ путь, съ котораго нѣтъ возврата, и помогъ не только прожить безбѣдно, дать воспитаніе дѣтямъ, но даже нажить недурное состояніе.

«Виноградникъ приносилъ кое-что, но на это существовать было трудно, и вотъ Анджелика, которой было тогда только двадцать лѣтъ и которая была хороша, какъ ангелъ, чѣмъ вопли оправдывала свое имя—миѣ такъ говорилъ отецъ,—начала выѣзжать сама на ловлю, взявъ для помощи небольшого мальчика. Работа ей удавалась еще лучше, чѣмъ самому Захаріи. Каждое утро ея лодка возвращалась въ Финале, чуть не черная краями воду,—такъ она была переполнена рыбою. Но вѣтеръ, солнце и море сдѣлали свое дѣло. Красавицу Анджелику черезъ три мѣсяца нельзя было узнать. Куда дѣвались ея бѣжныя пушистыя щекѣ—которые сравнивали съ перенкомъ! Мягкія, маленькія ручки ея огрубѣли, покрылись мозолями, вся ея фигура, прежде такая хрупкая, бѣжная, дышала энергіею, лицомъ, загорѣлое отъ солнца, съ облунившеюся кожею отъ брызгъ соленой воды, глядѣло смѣло изъ-подъ большой клеенчатой шляпы. Голосъ ея тоже огрубѣлъ, сталъ отчасти похо-

дить на мужской. Дѣтей она иногда брала съ собою въ море, въ особенности въ первое время, когда Джинжевра была еще малюткой и требовала ухода матерн; иногда же оставила у сосѣдей.

«Въ работахъ и трудѣ она не замѣчала, какъ бѣжало время. Много жениховъ сваталось къ невольной вдовѣ, но она всегда съ достоинствомъ отвѣчала:

«— Сеньоръ, я не свободна, мой мужъ еще живъ!

«Искательства ея руки прекратились.

«Такъ прошло много времени, дѣти выросли, Джинжевра стала такая же красавица, какъ ея мать въ молодости; Сатино получилъ хорошее образованіе,—онъ теперь адвокатъ у насъ въ Финале,—прошлый годъ окончилъ въ Болоннѣ университетъ. Теперь женится на моей сестрѣ Карлоттѣ,—добавилъ онъ самодовольнымъ голосомъ.

«А Джинжевра прошлый годъ вышла за важнаго барина форестьера, что жилъ у насъ всю зиму, лѣчился онъ здѣсь, знаете, слабая грудь у него, ricco russo (богатый русскій), il principe (князь)!—еще самодовольнѣе заключилъ онъ.»

— Вотъ какъ! за русскаго князя вышла! А имя его какъ?—спросилъ я, заинтересованный женитьбою соотечественника.

— О! трудныя имена у русскіхъ,—отвѣтилъ Джаннино,—какъ-то. Tsi... Tzi... Tshisikoff!—побѣдоносно ухмыляясь, закончилъ онъ, радуясь, что одолѣлъ такое трудное имя.

«Князь Чижиковъ!» подумалъ я. «Что-то никогда не слышалъ князей съ такою фамиліей, ну, да все равно, пускай для хвастливаго итальянца будетъ онъ княземъ!»

— Они уѣхали въ Москва,—прервалъ мои думы Джаннино,—и недавно выѣзжали сеньоръ Анджеликѣ большую коробку икры; вотъ такъ икра! никогда не ѣлъ такой!—причмокнувъ, сказалъ онъ.

— Когда же свадьба Сатино? спросилъ я его.

— Развѣ вы, сеньоръ, не видѣли, у насъ же въ кухнѣ стоятъ приговленные сиропы и сладости. Свадьба-то будетъ въ нашемъ же домѣ. О, сеньора Анджелика теперь богата, она имѣетъ въ Лоано фабрику сардинокъ!

— А,—догадался я,—потому-то она и прѣзжаетъ закупать ихъ сюда.

— Совершенно вѣрно, сеньоръ; кромѣ фабрики у нея пять домовъ, она очень богата,—подтвердилъ Джаннино.

Разговаривая, мы поднялись до вершинъ горы, отдѣляющей Лоано отъ Финале. Видъ былъ великолѣпный. Съ одной стороны разстилалось безбрежное голубое Средиземное море, направо далекое Лоано съ мелкими домиками, черенными крышами которыхъ сверкали на солнцѣ; налѣво, оставшееся нами Финале, съ его чуднымъ соборомъ, стоящимъ на возвышеніи, и древнимъ дворцомъ владѣтельныхъ герцоговъ, теперь уже почти разрушеннымъ. Сзади тянулись уходящія въ разныя стороны отроги горъ, усаженные густыми рощами анелъсповъ и лимонновъ, вдалькѣ видѣлся Финале-Борго — небольшой городокъ, составляющій какъ бы главный центръ трехъ сосѣднихъ городковъ, именнно: Финале-Борго, Финале-Мартино и Финале-Шиа.

Здѣсь помѣщались высшія присутственныя мѣста, судъ и управленіе мѣстныхъ войскъ. Рядомъ съ ними, только отдѣленные каналомъ, бѣлѣли длинныя зданія казармъ, а выше—исправительное заведеніе, гдѣ работало до 2,000 отбывающихъ наказаніе арестантовъ.

Находясь на самой вершинѣ горы, мы чувствовали уже начинавшее насъ припекать солнышко, а въ ущельяхъ горъ и по дорогѣ, ведущей изъ Финале въ Борго, синія тѣни утра еще лежали длинными полосами. Я невольно залюбовался красотою разстилавшейся предо мною картинѣи и сѣлъ на уступъ скалы — Джаннино помѣстился рядомъ. Шумъ снизу почти не доносился до насъ, только рѣзвыя ищерицы бойко шуршали межъ сухой травы, да веселые стрижки носились съ крикомъ надъ нашими головами, снѣжа съ нойманымъ наскокомъ въ развалины лежащей подъ нами башни.

Жѣлѣзнодорожный туннель проходилъ съ другой стороны горы, тоже подъ нами. Поѣзда, какъ длинныя червы, вылезали изъ него, чтобы, пройдя небольшое разстояніе на открытомъ мѣстѣ, вновь зарыться въ противоположный туннель, находившійся сзади Финале.

Я бы долго просидѣлъ тутъ, любясь видомъ, если-бъ мой чичероне не замѣтилъ, что время близится къ полдню и не мѣшаетъ вспомнить о завтракѣ, для чего необходимо спуститься, и «если сеньоръ желаетъ, мы можемъ пойти въ Лоано,—это теперь недалеко, всего три километра — и позавтракать у сеньора Анджелики.» Я согласился, и мы начали спускаться по другую сторону горы. Немного спусти, пройдя довольно пыльную дорогу съ полчасу, добрались мы и до Лоано.

Сеньора Анджелика была дѣйствительно рада нашему приходу; она желала со мною познакомиться, какъ со своимъ жильцомъ. Выстро носилъ завтракъ. Свѣжій страгони и доброе пьемонтское вино еще больше его украсили.

Послѣ неоднократнаго приглашенія меня на свадьбу со стороны сеньора и самого жениха Сатино, красиваго молодого человѣка, мы отиравились обратно, но уже не пыжкомъ, а въ дилижансѣ. Свадьба была назначена въ воскресенье, а сегодня еще былъ четвергъ.

Идетъ. Съ картины В. Менцлера грав. А. Пэне.

Обдѣлилъ. Съ картины М. Вуншъ грав. Пэне.

Джаннино, немного охмѣлѣвшій у своихъ будущихъ родственниковъ, усѣлся сзади дилижанса, на открытомъ мѣстѣ, и всю дорогу срасть пѣсни.

Вернувшись домой, я опять прочиталъ письмо, печальную повѣсть котораго я сейчасъ слышалъ вторично изъ устъ самой сеньоры Галлардо, дѣйствительно когда-то красавицы, какъ можно было судить по теперешнему ея виду. Она очень походила на дочь, карточку которой она мнѣ показала. Чистый южный типъ итальянки—мать ея была изъ Калабріи—смягчался генуэзскими чертами, появившимися въ себѣ смѣсь всѣхъ національностей. Мужъ ея дѣйствительно былъ Чижииковъ, но не князь, а довольно-таки скромный начальникъ отдѣленія изъ Москвы, что не помѣшало мнѣ поддаться о видномъ положеніи въ Россіи чиновничества вообще, а начальниковъ отдѣленій въ особенности.

Мой соседъ цырюльникъ, къ которому я зашелъ передъ обѣдомъ побриться, опять было началъ рассказывать эту исторію, но я остановилъ его, сказавъ, что слышалъ ее.

— Вѣроятно сеньоръ знаетъ, что въ воскресенье у насъ свадьба? спросилъ онъ вкрадчиво.

— Какъ же, знаю, я даже самъ приглашенъ.

— Значитъ, сеньоръ видѣлъ сеньору Анджелику?

— Я у нея сегодня завтракалъ.

Мой отвѣтъ удовлетворилъ любопытнаго Фигаро и увеличилъ его почтительность ко мнѣ.

— Надрѣ Джоакимо велѣлъ положить лучшей коверъ и украсить алтарь лентами, тѣми, которыми убирается онъ на Рождество и на Пасху. Это будетъ богатая свадьба! А певѣсту сеньоръ видѣлъ? *La bella Carlotta?* (красавицу Карлотту),—спросилъ онъ.

Хотя мнѣ и надоѣла болтливость цырюльника, продолжавшаго меня брить, я все-таки интересовался всѣми, близкими къ разсказу лицами.

— Нѣтъ, не видѣлъ.

— О, сеньоръ много потеряетъ, если не увидитъ Карлотты! Это вѣдь наша лучшая красавица. Ступайте все такъ по берегу, пройдите рунны, и сейчасъ же будетъ остерія, которую содержитъ Лучи, мать Карлотты, тамъ всѣ наши молодые люди цѣлый день толпятся. Ступайте, сеньоръ,—повторилъ онъ, получая съ меня за бритья деньги,—все прямо.

Я послѣдовалъ его совѣту и дѣйствительно не раскаялся. То, что я увидѣлъ, было вполне достойно кисти художника. Небольшая остерія, довольно приличная и чистая, была освѣщена вечернимъ солнцемъ. Множество юношей толпилось въ ней; они не спускали взоровъ съ молодой стройной дѣвушки, разосвиненной вино въ *fiasco* и бутылкахъ, и эта картина такъ и просилась на полотно. Высокая блондинка, съ чудными, глубокими, темными, какъ ночь, глазами, съ длинной косою, обмотанною два раза вокругъ шеи, чтобы не мѣшала ей подавать. Плавающая ностуль, веселый смѣхъ, и блестящій при этомъ рядъ бѣлыхъ чудныхъ зубовъ, ярко-алыя губы... однимъ словомъ, въ полномъ смыслѣ красавица.

Я хотѣлъ было идти домой, какъ изъ-за прилавка выско-чилъ мой пріятель Джаннино и не позволилъ уйти.

Онъ представилъ меня матери и сестрѣ, причѣмъ послѣдняя, такъ и обдала меня лучистымъ взглядомъ своихъ глазъ. Пришлось опять нить за здоровье невѣсты; къ намъ подоѣло нѣсколько молодыхъ людей, послышались шутки, смѣхъ, пѣсни, и я вернулся домой только поздно ночью, причѣмъ Джаннино съ друзьями устроили мнѣ чуть ли не факельное шествіе.

На другой день, я отправился къ синдаку за позволеніемъ осмотрѣть отдѣленіе исправительнаго заведенія, помѣщавшееся отдѣльно отъ главнаго въ Финале-Борго. Оно было недалеко отъ моей квартиры на пригоркѣ; здѣсь помѣщались больные и слабые арестанты, которые не были въ состояніи исполнять трудныхъ работъ, — не то лазаретъ, не то пересыльная тюрьма. Мнѣ интересно было посмотрѣть, въ какомъ положеніи находятся тюрьмы въ Италіи.

Разрѣшеніе мнѣ немедленно любезно вручили.

Спутника на сегодня у меня не было: Джаннино былъ занятъ приготовленіями къ свадьбѣ. Пришлось идти одному. Пройдя тюремныя ворота, я вошелъ въ садъ, усаженный грудами апельсинныхъ деревьевъ; садъ со ступенями поднимался выше. Ароматъ отъ цвѣтовъ стоялъ удивительный; былъ декабрь, померанцы цвѣли, но, увы! бѣднымъ заключеннымъ не было видно красоты ихъ родного Юга; окна были снабжены желѣзными рѣшетками, шедшими наклонно къ верху окна и мѣшавшими что-либо видѣть снаружи. Изрѣдка, шалунъ-вѣтеръ доносилъ бѣднякамъ рѣзкій запахъ померанца, иногда и лепестки его душистаго цвѣтка.

Когда я вошелъ въ казематъ, работа была въ полномъ ходу; шли визжали, молотки стучали, шумъ стоялъ странный. Это работали болѣе здоровые и сильные люди; для слабыхъ, въ сосѣдней комнатѣ, находились, сообразно ихъ силамъ, другія работы. Тутъ шли обувь, платье, плели сѣти, щипали старые канаты. Всѣ были заняты, но не слышалось пѣсенъ, громкихъ разговоровъ, какъ у работниковъ на волѣ; неволя наложила на нихъ свою печать.

Переходя отъ одного производства къ другому, я обратилъ вниманіе на высокаго старика, усердно плетнаго сѣти. Серьезно,

сосредоточенно углубился онъ въ работу, не обращая вниманія на посетителя; его длинная сѣдая борода, мѣшавшая ему работать, была заткнута за воротъ куртки.

— Эй, № 205!—сказалъ смотритель, сопровождавшій меня,—покажи сеньору свою работу; обратите вниманіе, сеньоръ, на эту тщательность выработки, правильность петель,—сказалъ мнѣ смотритель, когда арестантъ подалъ мнѣ свою сѣть и оборотился ко мнѣ лицомъ.

Что-то знакомое увидѣлъ я въ его усталомъ взорѣ, въ его морщинистомъ лицѣ; мнѣ показалось, что еще очень недавно и гдѣ-то все это видѣлъ.

Похваливъ его работу, я возвратилъ ее ему и направился дальше.

— Странный человекъ! сказалъ мнѣ смотритель, когда мы отошли отъ него,—сидитъ здѣсь вотъ уже два года, и до сихъ поръ мы не знаемъ его имени!

— За какое преступленіе онъ посаженъ?

— Это какое-то странное дѣло. Два года назадъ, по дорогѣ въ Савонну, наши убитымъ мелкаго торговца, и около него вотъ этого старика. Онъ видимо старался возвратитъ къ жизни убитаго, но напрасно; товаровъ и денегъ у убитаго не оказалось. Старикъ показалъ, что онъ нанесъ его уже мертвымъ, но слѣдователь не удовлетворился этимъ и посадилъ старика сюда въ ожиданіи суда, да кстати онъ не хотѣлъ сказать своего имени,—это еще болѣе бросило тѣнь на него. Вотъ онъ и ждетъ здѣсь, скоро два года, когда его вызовутъ къ суду.

— Шу, сознаться вамъ, долго у васъ нужно ждать суда!—замѣтилъ я.

Смотритель ничего не отвѣтилъ на мое замѣчаніе и только улыбнулся.

— Замѣчательно тихій и кроткій арестантъ, № 205,—прибавилъ онъ, когда я прощался, осмотрѣвъ всю тюрьму.

Точно я самъ былъ заключенъ,—съ такимъ чувствомъ вышелъ я на свѣтъ Божій! Какъ хорошо, какъ свѣтло, какъ просторно показалось мнѣ въ саду, послѣ угрюмыхъ, темноватыхъ казематовъ.

Около нашего дома хлопотали, лазали по крышѣ, украшали его флагами, фонариками, гирляндами, когда я вернулся домой. Джаннино былъ во главѣ, а соседъ мой, Фигаро, стоя противъ дома, кричалъ юношѣ, сидѣвшему на крышѣ, такъ ли повѣсили то, не криво ли приколочено другое; однимъ словомъ, работа кипѣла. Квартиру для молодыхъ отдѣлали рядомъ съ моею, и для того, чтобы гостямъ на свадьбѣ было просторнѣе веселиться, попросили меня, на этотъ вечеръ, уступить и мою квартиру, на что я охотно согласился.

Накачушъ свадьбы, въ субботу, весь день молодежь ничего не дѣлала, только гуляла отъ невѣсты къ жениху въ Лоано и обратно, съ пѣніемъ, пока не утомилась совершенно. Вечеромъ долженъ былъ быть подписанъ свадебный контрактъ въ муниципалитетѣ у синдака, а утромъ, въ воскресенье, послѣ обѣдни, и самая свадьба—въ церкви у Надрѣ Джоакимо. Я былъ приглашенъ на обѣ церемоніи. Любопытныхъ набралось множество. Первыми прибыли женихъ съ матерью; сеньора Чижиикова не пріѣхала на свадьбу изъ Россіи. Величественная, въ шумящемъ шелковомъ платьѣ, Анджелика шла гордо подъ руку за сыномъ,—ей было чѣмъ гордиться!. Великій невольный позавидовалъ ея счастью, которое она честно заслужила.

Я взглянулъ на Сатино: молодой человекъ почтительно велъ мать; высокая, стройная, онъ лицомъ не напоминалъ ей, а мнѣ почему-то припомнились черты старика-арестанта.

Немного спустя прибыла и невѣста. Шюонгъ одобренія послышался вокругъ. Карлотта была прелестна. Не часто увидишь такую красивую нару, какъ Сатино и Карлотта.

По окончаніи гражданской церемоніи, когда присутствующіе поздравили молодыхъ, синдакъ отвелъ новобрачнаго въ сторону и сказалъ:

— Милый сеньоръ Галлардо, я не хотѣлъ васъ тревожить ранѣе, во время церемоніи, но теперь долженъ вамъ передать одну просьбу. Одинъ изъ заключенныхъ желаетъ васъ видѣть; вѣроятно, хочетъ просить васъ принять защиту его на судѣ, въ этомъ, я надѣюсь, вы не откажете ему, тѣмъ болѣе, что вамъ, какъ начинающему, это полезно, да и процессъ будетъ очень интересный. Вы вѣдь согласитесь, не- правда ли?—заклочилъ синдакъ, пожимая ему руку.

— О, да, разумеется, съ большимъ удовольствіемъ, и даже сегодня зайду къ нему,—дайте разрѣшеніе, тѣмъ болѣе, что мой роль на сегодня кончена, я полу-женатъ,—смѣясь, отвѣтилъ онъ.

Я совершенно печально слышалъ весь этотъ разговоръ; меня заинтересовало, какой именно арестантъ просилъ Сатино навѣстить его. Мысль моя невольно останавливалась на № 205.

Новобрачная уѣхала домой, за нею потянулись и поѣзжане, послѣднимъ вышелъ Сатино и направился въ тюрьму.

Что тамъ произошло, какой разговоръ былъ у Сатино съ арестантомъ, я не знаю, но рано утромъ я видѣлъ, какъ онъ вошелъ опять къ синдаку и, немного спустя, въ каретѣ поѣхалъ въ тюрьму.

ния пробки,—как и очутился передъ чѣмъ-то въ родѣ ресторана или café. Это была страничка изъ „XX столѣтія“ Робиды. Я подошелъ къ стеклянному колпаку, изъ-подъ котораго очень весело дразнили меня разными закусками, опустить 10 пфениговъ въ маленькую скважинку и получилъ бутербродъ. Такого же образомъ можно получить горячій кофе, горячій шоколадъ, мороженое, разные вина, пиво и т. д. Никакихъ лакеевъ, никого: за 10 пфениговъ изъ крана нальется вамъ въ чашку ровно столько шоколаду, сколько за 10 пфениговъ съблудуетъ, ни каплей больше и ни каплей меньше. Не правда ли, забавно, очень удобно и совершенно во вкусъ fin de siècle.

Я все еще разсуждалъ объ удобствахъ автоматическаго ресторана, какъ вдругъ, поднявъ глаза, увидѣлъ вдали цѣпь сибирскихъ горъ. Я уже не въ первый разъ въ Берлинѣ и очень хорошо знаю, что никакихъ, не только сибирскихъ, но и обыкновенныхъ горъ ни въ Берлинѣ, ни въ его окрестностяхъ нѣтъ. Однако, я видѣлъ горы и, чѣмъ ближе къ нимъ подходить, тѣмъ больше въ этомъ убѣждался. Миѣ надо было выйти на самую площадку передъ „панорамой Альпы“, чтобы убѣдиться, что это обманъ, до такой степени иллюзия горъ была полной. На первомъ планѣ обрывы, камни и скалы, составленные изъ настоящаго камня, и дальне декорация, но миѣ никогда не случалось видѣть, чтобы такой иллюзии можно было достигать подъ открытымъ небомъ, среди яркаго дня. Я заинтересовался „панорамой“ и рѣшился заглянуть внутрь. Интересующихся оказалось много. Мы очутились въ какомъ-то гротѣ, изъ котораго должны были по рельсамъ подняться наверхъ, гдѣ будто бы помѣщается самая панорама. Черезъ минуту спустился сверху, съ горъ, вагонъ, мы уехали въ него и стали подниматься вверхъ. Вдругъ раздался общій крикъ восторга: совершенно неожиданно мы выѣхали изъ грота и передъ нашими глазами открылась чудная панорама на Альпахъ. Это была волшебная картина. Подъ нами пропасть, скалы, живой водопадъ, тяжело шума и выбивая изъ земли камни, несется сверху, обдавая насъ серебряными искрами, а внизу раскинулась далеко зеленая долина, по которой сгруппирована горная рѣка и тамъ и сямъ разбросаны альпійскія селенья. Черезъ полминуты мы снова выѣхали въ холодный, сырой гротъ, подъ гору и скоро остановились. Мы вышли изъ вагона, вошли въ подъемную машину и начали плавно подниматься вверхъ; подъемъ продолжался минутъ пять, которые казались вѣчностью. Какая же это, однако, вышина? Наконецъ, мы на самую верху, и снова панорама Альпы передъ глазами, на этотъ разъ еще великолѣпнѣе, еще поразительнѣе прежней. Я былъ въ Альпахъ, видѣлъ Тироль и Швейцарію и рѣшительно недоумѣвалъ, какъ люди могли добиться такой иллюзии: миѣ казалось, что я во второй разъ вижу тѣ же мѣста, ручейки, деревенки, скалы, пропасти. Само собой разумѣется, что ахамъ и охамъ не было конца, но самый забавный сюрпризъ остался для конца. Когда, полюбовавшись панорамой, мы вышли на открытій воздухъ, то оказалось, что странная вышина, на которую мы 5 минутъ поднимались на ассальсѣрѣ, не больше трехъ саженъ: насъ нарочно водили за носъ, заставили дрожать площадку, которая изображала ассальсѣрѣ, и мимо нашихъ глазъ спускали внизъ стѣнки мнимаго грота, для того чтобы вызвать у насъ представление немовѣрнаго подъема. Благодаря этой остроумной продѣлкѣ, достойной антрепренера XX-го столѣтія, иллюзия, которую мы получили, была еще сильнѣе.

Не успѣлъ я отдѣлаться отъ впечатлѣнія, какое вынесъ изъ этой удивительной панорамы, какъ миѣ готовилась новая неожиданность, на этотъ разъ еще болѣе во вкусъ fin de siècle, чѣмъ автоматическаго ресторана. Вообразите себѣ тротуаръ, по краю котораго на палецъ выше движется впередъ другой тротуаръ, а по краю послѣдняго въ ту же сторону вдвое быстрѣе движется третій тротуаръ; на послѣднемъ устроены скамейки для публики. Вы идете по первому тротуару, переходите на второй — разумѣется, необходимо идти по напра-

вленію движенія — и затѣмъ переходите на третій; вы садитесь и идете очень быстро безъ всякихъ колесъ, безъ рельсъ, безъ лошадей, безъ пара. Собственно говоря, есть и колеса и рельсы, но вы ихъ не видите: они подъ этимъ тротуаромъ, и вы замѣчаете только, какъ подъ вашими ногами движается впередъ вся площадь пола. Говорятъ, американцы мечтаютъ уже о томъ, чтобы эту систему передвиженія (такъ-называемую „ступенчатую дорогу“) ввести во всеобщее употребленіе въ своихъ городахъ. Все тротуары предполагается устроить въ видѣ такой самодвижущейся дороги, и практическому янки не надо будетъ никогда въ городѣ держать экипажа, не надо будетъ даже платить за omnibusъ и конки. Если вы не любитель ходить пешкомъ, вы садитесь на скамейку и живая дорога привезетъ васъ, куда надо; если же вы и прогуляться не прочь, то гуляйте по этому тротуару, идите впередъ, и вы еще скорѣе доберетесь до цѣли вашей прогулки.

Миѣ показалось до такой степени забавнымъ сидѣть такъ на скамейкѣ и двигаться впередъ выѣтъ съ тротуаромъ, что я сталъ предаваться самымъ Жюль-Верновски-Фламаріоновскимъ мечтамъ, я видѣлъ себя уже мысленно въ Петербургѣ, на такомъ же точно тротуарѣ перебирающемся съ Кирочной на 24-ю линію, и готовъ былъ сидѣть такъ безъ конца, какъ вдругъ увидалъ небольшое озеро, по которому скользили пароходики безъ трубъ, безъ машины, безъ дыма. Я поспѣшилъ къ пароходикамъ, забывъ на время о янки, Кирочной и 24-й линіи. Пароходики оказались электрическими, двигателя пидѣ не видно и всего одинъ человекъ исполняетъ обязанности машиниста, рулевого и прочаго экипажа. Это было тоже забавно, и я не лѣлъ ни малѣйшей охоты слѣзть съ пароходика, по странной городокъ, къ которому мы причесали, привлекъ мое вниманіе. Это было нѣчто до такой степени любопытное, что я до сихъ норъ равнодушно не могу вспомнить о городкѣ. Мрачная средневѣковая архитектура башенъ, крошечныя домики, такіе самые, какіе теперь можно видѣть развѣ на гравюрахъ Дюрера или на оперныхъ декорацияхъ, люди, мужчины въ костюмахъ ландкнехтовъ и женщины въ платкахъ мадоннъ Ванъ-Эйка, Ванъ-Лейдена, Гольбейна. На каждомъ шагу старинныя пивныя, лавочки, и все это до такой степени строго выдержано въ стилѣ XVI вѣка, что вы способны усомниться, ужъ и точно ли вы въ Берлинѣ? Да, вы въ Берлинѣ, но въ Берлинѣ, который отдѣленъ отъ истиннаго Берлина вздорнымъ промысловымъ временемъ всего въ 300 лѣтъ! Все зданія построены такъ, какъ они были 300 лѣтъ тому назадъ, и вы и теперь еще можете узнать Schloss, который не очень измѣнился отъ послѣдующихъ перестроекъ. Надо было много труда, искусства, знанія и любви, чтобы воссоздать старый Берлинъ такъ, какъ это сдѣлано на выставкѣ.

Я бродилъ по выставкѣ, подавленный массой новыхъ впечатлѣній, и совершенно не замѣтилъ, какъ передо мной выросъ новый городъ. Это былъ не старый Берлинъ съ его киричными угрюмыми башнями, съ его однообразными домиками и улицами: передъ мной возвышались большія зданія въ арабскомъ стилѣ, высокіе минареты тянулись къ небу, и я очутился въ толпѣ бедушновъ, черныхъ, въ полосатыхъ рубашкахъ, кругомъ верблюды, мулы, сквозь высокія пальмы мелькаетъ колоссальная пирамида, виднѣются остатки древняго храма Изиды или Озириса или Аписа или еще кого-нибудь въ этомъ родѣ. Словомъ, я былъ въ Каирѣ. На улицахъ движеніе, слышь, погонщики муловъ бѣгаютъ, погоняя животное, на которое усажена кака-то толстая дама, въ кафе — шумъ, гамъ, суетока, то и дѣло доносятся глухіе удары бубна и звонъ побрякушекъ. Когда-то я мечталъ съѣздить въ Египетъ, въ Каиръ, — теперь я окончательно рѣшилъ не ѣздить: я очень хорошо понимаю, что можно дважды побывать въ Неаполѣ, три раза пробѣгать въ Венецію, куда ни шло два раза съѣздить въ Америку — разъ въ концѣ XIX столѣтія и разъ въ началѣ XX, но, воля ваша, въ Каирѣ достаточно побывать одинъ разъ.

Игорь Гр.

Къ рисункамъ.

Бабочка. (Рис. на стр. 747.)

Намъ уже не разъ приходилось встрѣчаться съ прелестными картинками изъ дѣтской жизни Т. Груста, и мы обращали вниманіе читателей на нѣжныя линіи его дѣтскихъ головокъ. Они такъ милы и граціозны всегда, его дѣтшки. Сколько красоты, той удивительной мягкой граціи, какая встрѣчается только у дѣтей, передалъ художникъ и въ этой бѣлой, маленькой фигуркѣ дѣвочки, ловящей бабочку.

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ.

(Рис. на стр. 750 и 751.)

Рисунокъ Е. П. Самокинъ-Судковской (стр. 750) воспроизводитъ главный моментъ Священнаго муромолазанія: — митрополитъ Паладій, передъ царскими вратами, помазываетъ Государя Императора св. муромъ. Подробное описаніе этого торжественнаго акта дано было въ № 21 *Иванъ*. Помѣщенный на страницѣ 751 рисунокъ представляетъ торжественную сере-

наду, исполненную музыкальными обществами въ Москвѣ, въ честь пріѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ, 8 мая, предъ Петровскимъ дворцомъ. Рисунокъ этотъ — прекрасная иллюстрація къ описанію серенады, данному Влад. Ив. Немировичемъ-Данченко въ его „Письмахъ о коронаціи“, въ № 21 *Иванъ*.

Низкіе Острова (Тверской губ.). (Рис. на стр. 755.)

Есть что-то чрезвычайно знакомое вамъ въ этомъ болотцѣ, поросшемъ водорослями, въ тощихъ, тщедушныхъ березкахъ съ дрожавшей отъ вѣтра жиденькой листвой, въ сѣренькомъ небѣ, въ этой нависшей тучкѣ, которая вотъ-вотъ пронесется надъ вашей головой, обдавъ васъ мелкимъ, теплымъ дождекомъ. Это вамъ до такой степени что-то напоминаетъ, что вы не рѣшаетесь и вѣрное сказать, гдѣ вы видѣли это болотце и эти березки, и эту тучку, но вы знаете, что ихъ видѣли. Покойный А. Д. Кившенко, авторъ этой альварели, обладалъ особеннымъ умѣньемъ давать въ своихъ пейзажахъ, въ которыхъ онъ былъ не менѣе силенъ, чѣмъ въ батальной живописи, то

особенное настроеніе чего-то родного, гдѣ-то вблизи видѣннаго и близко вѣдѣннаго знакомаго, которое составляет не малое достоинство всякаго пейзажа.

Идетъ!

(Рис. на стр. 758.)

Не правда ли, это превосходная иллюстрація къ 26-й или 27-й главѣ любого нѣмецкаго романа: всякій порядочный человѣкъ знаетъ, что нельзя написать романа безъ любви, потому что иначе это будетъ не романъ, а такъ себѣ—ни то, ни сѣ, а вѣрнѣе Богъ знаетъ что; всякій порядочный человѣкъ знаетъ, кромѣ того, что любовь не можетъ быть безъ свиданія, потому что иначе это будетъ не любовью, а вѣрнѣе, совсѣмъ ничего; опять же свиданіе никакъ не можетъ обойтись безъ ожиданія. Приступить къ свиданію раньше 26-й главы нѣмецкому автору не позволяетъ его цѣломудріе, а послѣ 27-й — читатель, не дождавшійся свиданія, можетъ, не проникнувшись моральными воззрѣніями автора, бросить романъ. Свиданіе и ожиданіе были всегда слабостью нѣмецкихъ писателей и нѣмецкихъ художниковъ, слабостью чрезвычайно почтенной и способствующей къ украшенію добродѣтелей, такъ какъ ея не избѣжалъ ни авторъ „Вертера“, ни авторъ „Валентинки“. Свиданія и ожиданія нѣмецкихъ писателей отличаются тѣмъ удивительнымъ свойствомъ, что, во-первыхъ, все они похожи одно на другое и, во-вторыхъ, все похоже на свиданія и ожиданія нѣмецкихъ художниковъ. „Ожиданія“ послѣднихъ точь-въ-точь такіе же, какъ „ожиданія“ г. Менцлера: бесѣдка, обитая плющомъ, плетеная скамейка, на ней скомканныя розы, брошенный зонтикъ, собака, насторожившая уши, и она сама, Шарлотта, или Каролина, или Амалія, робко глядящая туда, откуда доносится звуки приближающихся шаговъ. У нѣмецкихъ писателей...

Впрочемъ, вотъ отрывокъ изъ нѣмецкаго писателя.

Глава 26-я.

„Было уже 6 часовъ, когда она пришла къ бесѣдкѣ. Его еще не было. Она раздвинула вѣтки плюща, обвинивши бесѣдку и закрывавшія входъ въ нее, и, войдя внутрь, села на плетеную скамейку, которую она такъ хорошо знала еще съ дѣтства. Она не рѣшалась громко спросить себя: „отчего это нѣтъ?“ Она наклонила только голову и стала комкать красивыя махровыя розы, только что передъ тѣмъ сорванныя съ ея любимаго куста. Вдругъ ма-

Царь Михаилъ Феодоровичъ. (Со стариннаго подлинника.)

Императрица Марія Ивановна, мать царя Михаила Феодоровича. (Со стариннаго портрета.)

ленькій „Саго“, усѣвшійся было спокойно у ея ногъ, насторожилъ уши и залалялъ. „Идетъ!“ промелькнуло у нея въ головѣ. „Саго“ не переставалъ лаять. „Идетъ, идетъ, идетъ!“ Она ясно различала шумъ приближающихся шаговъ и пристально стала вглядываться по направленію, откуда они доносились. „Идетъ, идетъ! Это онъ!“

Если не этотъ самый, то совершенно такой же отрывокъ и вамъ попадется, читатель. Признайтесь!

Обдѣлила.

(Рис. на стр. 759.)

Не надо долго всматриваться въ ихъ маленькія сосредоточенно-серьезныя личики, чтобы догадаться, кто кого обдѣлила. Конечно, это она, хотя она и представительница пола болѣе слабого, беззащитнаго и угнетеннаго. Однако, представительница угнетеннаго пола очень рано умѣетъ уже обдѣлывать свои дѣла. Она очень хорошо знаетъ правило житейской мудрости, по которому начинать споръ о грушахъ и сливахъ слѣдуетъ только послѣ того, какъ груши и сливы очитятся въ ея перекладки. Тогда она съ чрезвычайнымъ великодушіемъ приступаетъ къ дѣлежу: „Тебѣ — одну, мнѣ — двѣ; мнѣ — двѣ, тебѣ — одну“. Маленькій Фрицъ не такъ еще силенъ въ ариметикѣ и никакъ не можетъ понять, гдѣ кроется ошибка этого сложнаго вычисленія. Однако, онъ чувствуетъ, что ариметика не очень точная наука, иначе у него не покривилась бы такъ кончикъ губы, не задрожали бы рѣсницы и не засверкала бы на нихъ крошечная перламутровая слезинка. А плутовка сейчасъ же пойдетъ на новое великодушіе и предложитъ ему еще одну грушу и еще двѣ сливы. Да, представительница угнетеннаго пола превосходно обдѣлываетъ свои дѣла, и навѣрное не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ она женитъ на себѣ какого-нибудь Карла Ивановича или того, который держитъ аптеку въ Кройбургѣ и носитъ славную фамилію Мюллера, или того, котораго зовутъ совсѣмъ не Карломъ Ивановичемъ, а Вильгельмомъ Назевейсомъ изъ Брауншвейга, и во всякомъ случаѣ, кто бы изъ нихъ ни подвернулся, онъ будетъ себя великодушно чувствовать и устроится съ отличными комфортомъ подъ ея маленькимъ башмачкомъ.

Царь Михаилъ Феодоровичъ Романовъ. По поводу 300-лѣтія со дня его рожденія.

(Портреты и рисунки на стр. 763, 766 и 767.)

Въ нынѣшнемъ году минуло (12 іюля) триста лѣтъ со дня рожденія „перваго“ царя изъ дома Романовыхъ—родоначальника той царственной династіи, которая принесла столько славы и блага нашему дорогому отечеству. Невольно вѣдомится, по этому поводу, удивительная, полная всякихъ превратностей, судьба этого царя-юноши, на шестнадцатомъ году вступившаго на шаткія ступени трона, потрясеннаго нескончаемыми ужасами и бѣдствіями Смутаго времени—и устоявшаго на немъ, и утвердившаго на немъ свой многочисленный и благословенный родъ, послѣ того, какъ на томъ же тронѣ не могли ни удержаться, ни утвердиться такіе опытные, такіе искушенные въ государственной премудрости дѣльцы и правители, какъ Борисъ Годуновъ и Василий Шуйскій! Да, судьба этого царя-юноши въ такой степени поучительна и богата назиданіемъ, что мы считаемъ долгомъ напомнить о ней читателямъ *Нивы*, по поводу только-что минувшаго 300-лѣтія со дня его рожденія.

Семья бояръ Романовыхъ, какъ извѣстно, выдвинулась и возвысилась въ особенности въ то время, когда *первый царь Московскій*, юный Іоаннъ Васильевичъ IV (впоследствии прозванный *Грознымъ*) избралъ себя въ супруги Анастасію Романовну, дочь ближняго боярина Романа Юрьевича. Существуетъ преданіе, что еще св. Геннадій Костромскій, перѣдко посѣщавшій домъ Романа Юрьевича и его супруги Іуліаніи Феодоровны, однажды, благословляя дѣтей Романа Юрьевича—сыновей Дашила и Никиту, и дочь Анастасію—предсказалъ Анастасіин царственное супружество, а всему роду Романовыхъ славное будущее. Предсказаніе сбылось: Никита Романовъ, царскій шуринъ, во все время царствованія грознаго царя удержался на высотѣ своего первенствующаго положенія и уцѣлѣлъ среди страшнаго крушенія десятковъ боярскихъ родовъ; а его дѣти заняли такое же высокое, выдающееся по значенію, положеніе въ последующемъ царствованіи кротчайшаго царя Феодора, при которомъ даже и всемогущій его шуринъ, Борисъ Годуновъ, не въ силахъ былъ поколебать значеніе старшихъ бояръ Романовыхъ, Феодора и Александра, которые уже засѣдали въ думѣ боярской и пользовались большимъ вліяніемъ на обійидъ ходъ дѣлъ государственныхъ. Романовы—умные, родовитые, богатые—являлись опасными соперниками Бориса, и, когда онъ воцарился, они, болѣе всѣхъ другихъ, должны были возбуждать его подозрѣнія... И съ первыхъ же лѣтъ Борисова царствованія начинается нескончаемодлинный и тяжкій мучительный процессъ Романовыхъ, который закончился лишь много лѣтъ спустя, по воцареніи Михаила Феодоровича.

Въ началѣ 1601 года, неожиданно-негадано, по обвиненію въ государственной измѣнѣ и въ умыслѣнн „на царское здорье“—Романовы попадаютъ въ опалу, и ихъ постигаетъ страшная кара и полное разореніе. Въ іюнѣ того же года, *по приговору боярскому*, старшій изъ Романовыхъ, бояринъ Феодоръ Никитичъ, постриженъ въ монахи, подъ именемъ Филарета, разлученъ съ женою и дѣтьми и сосланъ на житье въ Антоніевъ Сѣвскій монастырь, близъ Бѣлаго моря. Жена его, боярыня Ксенія Ивановна (изъ рода Шестовыхъ), также пострижена въ монахини, подъ именемъ инокини Марѳы, и сослана на житье въ Заонежскіе погосты. Братья Феодора Никитича—Александръ, Михаилъ, Иванъ и Василий—разосланы въ дальніи ссылки: на Бѣлое море, въ Пермь и Сибирь, и пріемотръ за несчастными узниками порученъ такимъ суровымъ приставамъ, что, годъ спустя, въ живыхъ остаются изъ пяти братьевъ только двое... Одновременно съ Романовыми гибнутъ и всѣ тѣ боярскіе роды, которые были связаны съ ихъ родомъ брачными союзами, т.-е., князья Черкасскіе, Шестуновы, Реннины, Сицкіе, Карповы и др. Ихъ тоже рассылаютъ въ ссылки; у нихъ тоже отбираютъ и отписываютъ на великаго государя ихъ животы и имѣнія.

Но подозрительному Борису и такого крушенія дѣлаго ряда боярскихъ родовъ казалось мало для его спокойствія:—въ ссылку, отдѣльно отъ родителей, должны были идти и дѣти, и юноши, и молодія дѣвушки изъ семей этихъ несчастныхъ опальныхъ! И вотъ, по тому же приговору, на Бѣло-озеро высылаются дѣти Феодора Никитича и Ксеніи Ивановны Романовыхъ—малолѣтній сынъ ихъ Михаилъ (5 лѣтъ) и дочь Татьяна (8 лѣтъ). По счастью, ихъ не поручаютъ надзору безсроченныхъ приставовъ, а посылаютъ вмѣстѣ съ опальными ихъ тетками: Марѳой Никитичной (въ замужествѣ за княземъ Черкасскимъ), Анастасіей Никитичной (въ ту пору еще дѣвчонкой) и женой Александра Никитича Романова, Ульяной Семеновной (урожденной Погожевой). Но даже и среди этого родственнаго кружка, малелѣтній бояринъ Михаилъ Феодоровичъ Романовъ и его сестрица Татьяна Феодоровна терпятъ на Бѣлѣ-озерѣ тяжкую нужду и растутъ при весьма суровыхъ условіяхъ: мы вполне достоверно знаемъ, что пристава, наблюдавшіе за содержаніемъ опальныхъ на Бѣлѣ-озерѣ, перѣдко

отказывали имъ даже въ молоко и яичахъ для ихъ стола, а заботливыя тетки Михаила Феодоровича иногда не могли допроситься даже и куска холста, на самое необходимое бѣлье для дѣтей.

Только уже полтора года спустя, царь Борисъ нѣсколько смилостивился и дозволилъ, во-первыхъ, матери Михаила Феодоровича—инокинѣ Марѳѣ—вернуться вновь къ дѣтямъ на Бѣло-озеро, а немного спустя и всѣмъ бѣлозерскимъ сельчанамъ дозволить съ Бѣла-озера переселиться въ Юрьевъ-Польскій уѣздъ, въ родовую вотчину Романовыхъ, село Клинчъ.

Здѣсь, вѣроятно, также въ очень скромной обстановкѣ тогдашняго деревенскаго захолустья, Михаилъ Феодоровичъ съ матерью и сестрой прожилъ до 1605 года, когда ему пошелъ восьмой годъ. Въ половинѣ этого года Лжедмитрій, пытаясь всѣми силами утвердиться на престолѣ, выказалъ особенное вниманіе къ своимъ мнимымъ родственникамъ: вызвалъ Филарета Никитича изъ Сѣвскаго монастыря и брата его, Ивана Никитича—изъ Пельямской ссылки. Первому оупъ предоставилъ Ростовскую митрополію; второму—повелѣлъ въ санъ боярина; даже и останки остальныхъ троихъ братьевъ, погибшихъ въ ссылкѣ, были съ почетомъ перевезены въ Москву и погребены въ родовыхъ усыпальницахъ. Одновременно, Романовымъ возвращено было все то, что уцѣлѣло изъ ихъ вотчинъ и имѣній.

Мы не знаемъ съ полною достоверностью, гдѣ именно провѣлъ юный Михаилъ Феодоровичъ тѣ годы, въ теченіе которыхъ Филаретъ Никитичъ завѣдывалъ митрополіей Ростовской? Есть основаніе думать, что онъ, вмѣстѣ съ матерью своею, инокиней Марѳой, жилъ то въ Ростовѣ, то въ романовскихъ костромскихъ вотчинахъ. Но съ наступленіемъ Смутаго времени, уже въ царствованіе Василія Шуйскаго, на семью Романовыхъ обрушаются новыя бѣдствія. Въ октябрѣ 1608 года тушинцы направляютъ сильныя отряды въ Поволжье и захватываютъ тамъ городъ за городомъ. Той же участи подвергается и Ростовъ, изъ котораго тушинцы уводятъ въ плѣнъ митрополита Филарета, и наглый обманщикъ, Лжедмитрій II, принимаетъ его въ Тушинѣ съ почетомъ, но держитъ въ тѣсной заточеніи, какъ дорогаго заложника. Не знаемъ, бѣлъ ли 11-ти-лѣтній Михаилъ Феодоровичъ свидѣтелемъ Ростовскаго погрома и кровавой расправы тушинцевъ съ ростовцами? Но для него, во всякомъ случаѣ, съ этого погрома началась тяжкая и долгая, вторичная разлука съ отцомъ, который вернулся изъ своего тушинскаго плѣна только уже три года спустя, въ апрѣлѣ 1610 года, когда Скопинъ-Шуйскій разметалъ подъ Москвою разбойничьи шайки тушинцевъ.

Два мѣсяца спустя, послѣ того, какъ Филаретъ возвратился въ Москву, Шуйскій былъ „смищенъ“ съ престола, и началось междоцарствіе. Одновременно, началась и борьба партій боярскихъ, несмотря на то, что государство было на краю гибели, раздираемое внутри „ворами“ и измѣнниками, угрожаемое извнѣ войскою съ двумя могущественными въ то время врагами Московскаго государства—съ Польшею и Швеціею. Та партія боярская, которой выгодно было тянуть на сторону польскаго королевича, забраннаго въ царіи Московскіе, видѣла въ Филаретѣ государственнаго дѣятеля, опаснаго для выполненія задуманной затѣи—и постѣшила удалить Филарета изъ Москвы, избравъ его въ члены „почетнаго“ посольства, отправленнаго къ Сигизмунду, подъ стѣны Смоленска... Прощаясь съ отцомъ, думалъ-ли юный Михаилъ Феодоровичъ, которому въ то время только что пошелъ 14-й годъ, что онъ прощается съ нимъ не на мѣсяцы, а на долгіе годы? Вскорѣ послѣ удаленія Филарета, поляки, по приговору бояръ, допущенные къ занятію Москвы своими отборными войсками, занявшие и Кремль, и Бѣлый городъ, не поладили съ столичнымъ населеніемъ, которое относилось къ нимъ съ попятною ненавистью и опасеніемъ. Начались столкновенія—и привели къ отчаяннымъ битвамъ въ улицахъ Москвы и къ общему, страшному, опустошительному пожару столицы, оставившему сотни тысячъ жителей безъ крова... Юный Михаилъ Феодоровичъ былъ несомнѣнно очевидцемъ всѣхъ этихъ ужасовъ, и Богъ знаетъ, какъ избѣгъ гибели на своемъ подворьѣ... Когда же москвичи выпудили поляковъ запереться въ Кремль и Бѣломъ городѣ, заставивъ ихъ отсиживаться въ тѣсной осадѣ за крѣпкими стѣнами, — поляки отметили имъ прежде всего тѣмъ, что забрали съ собою, въ эту тѣсную осаду, всѣхъ бояръ и сановниковъ, которые составили тогдашнее правительство Московскаго государства, и такимъ образомъ оставили Русь безъ всякой власти. Въ числѣ этихъ бояръ и сановниковъ, видныхъ и боярина Ивана Никитича Романова, и инокиню Марѳу, и *стольника* *) Михаила Феодоровича Романова...

Никакому описанію не поддается то, что здѣсь, въ тѣсной кремлевской неволѣ, должны были, въ числѣ другихъ рус-

*) Въ званіе стольника возведенъ онъ при царѣ Василіи Шуйскомъ, въ 1608 году, когда ему было 11 лѣтъ.

спих людей, испытать и пережить и эти три узника! Смерть смертно носилась над их головой, так как Кремлевскія твердыни усердно обстреливались русским орудиемъ, обложившимъ орудиями Москву. При томъ, въ тѣнотѣ, при болшихъ лишенияхъ и недостаткѣ свѣжихъ съѣстныхъ принадлежностей, вѣкоръ развилась между осажденными болѣзнь и распространилась поразительная смертность. Затѣмъ, когда истощены были послѣдніе запасы, но не истощилось еще упорство и высокомеріе польскихъ вождей, начался ужаснѣйшій голодъ, о которомъ сохранялись такіе сграницы въ запискахъ современниковъ-очевидцевъ, что ихъ читать и теперь еще страшно... Люди пожирали человѣческое мясо и „солили“ его въ прокъ! Пытались падалю, ѣли всякую нечисть, убивали другъ друга, отнимая одинъ у другого закомы куски этой несъѣданной и невозможной пищи! Сколько же слезъ и крови, сколько отчаяній и остревшійих, сколько проявленій дикаго изступленія и своеволя пришлось за время этой осады видѣть царственному юношѣ, и какъ глубоко пришлось страдать его нравственному чувству! А между тѣмъ, этотъ страшный пльнъ длелся не недѣли, не мѣсяцы, а слшкомъ полтора года... Онъ окончился только уже въ половинѣ октября 1612 г., и тотчасъ послѣ того, какъ русскіе пльнники, ограбленные, измозженные голодомъ и лишениями, были вынуждены поляками изъ Кремля, по договору съ Пожарскимъ—Михаилъ Феодоровичъ Романовъ съ матерью своею удалился въ свои костромскіе вогчныи... О, какія раемъ должна была показаться имъ обонмъ деревенская глушь послѣ всѣхъ, пережитыхъ ими, ужасовъ и испытаній! Но и тутъ еще разъ смерть и гибель грозили избранику Божию: найка палыхъ ляховъ, прослывавшихъ объ избраніи Михаила Романова на царство, пробралась и въ костромскія дебри—и будущій царь Русскій былъ спасенъ преданностью своего вѣрнаго слуги, который на свою грудь принялъ удары его враговъ...

Самое избраніе Михаила Феодоровича Романова на царство совершилось въ Москвѣ 21 февраля 1613 года—избраніе без-

примѣрное, всенародное и единогласное. 14 марта того же года почечное посольство прибыло изъ Москвы въ Кострому, гдѣ инокиня Марфа и ея свнъ укрылись въ стѣнахъ Ипатьевской обители отъ возможности цовыхъ покушеній со стороны враговъ... Посольство принесло соборную грамоту объ избраніи юнаго Михаила на царство, и, въ лицѣ представителей всей земли Русской, молило инокиню Марфу—благословить сына на царство... Мать согласилась на слезныя мольбы ихъ, послѣ долгихъ и понятныхъ колебаній, и, скривъ сердце, благословила сына на тяжкій подвигъ царствованія въ странѣ, истерзанной мятежомъ и нескончаемыми, неносильными войнами.

Первыя шесть лѣтъ царствованія были поистинѣ тяжкими испытаніемъ терпѣнія для царя-юноши, которому не было и 16 лѣтъ. Приходилось бороться съ эгоизмомъ бояръ, опираясь на Земскіе Соборы, приходилось, при самыхъ ограниченныхъ средствахъ, вести почти непрерывныя войны... Можно смѣло сказать, что только терпѣіе, воспитанное тяжкими испытаніями дѣтства и юности, помогло ему вынести эти годы и преодолѣть все препятствія. Въ 1619 г., по Деулинскому договору, вернулся наконецъ Филаретъ изъ своего долгаго плѣна—и, возведенный въ санъ патріарха, раздѣлилъ власть съ сыномъ, облегчая его труды... Государство мало-помалу стало встунать въ свою историческую колею и пробуждаться къ новой жизни... И на зарѣ этой жизни высоко-привлекательнымъ и поистинѣ прекраснымъ является намъ образъ этого юнаго царя, который кротостью и незлобіемъ приковываетъ къ себѣ всѣ сердца, а чистотою своихъ помысловъ и возврѣній обезоруживаетъ злобу и коварство... Этотъ образъ дѣйствовалъ обаятельно на всѣхъ русскихъ людей, пережившихъ страшные годы смуты—и вносилъ миръ и тишину въ разбушевавшееся море русской народной жизни. Къ концу царствованія Михаила Феодоровича глубокія извы, нанесенныя Смутнымъ временемъ, были почти исцѣлены, почти незамѣтны, и когда онъ скончался,—13 іюля 1645 г.,—вся Русская земля оплакивала кончину его горько и вносила искренно. П. Полевой.

Политическое обозрѣніе.

Британское правительство во главѣ съ маркизомъ Салсбюри продолжаетъ испытывать рядъ затрудненій во внѣшней политикѣ. По свѣдѣніямъ изъ Лондона отъ 2 іюля, послѣ продолжительныхъ преній, палата лордовъ приняла рѣшеніе палаты общины—отнести расходы по догольской экспедиціи на счетъ казны Индіи,—удовлетворившись заявленіемъ маркиза Салсбюри о важности для Индіи обороны Суакима и вообще „всего южнаго побережья Краснаго моря, составляющаго на самомъ дѣлѣ продолженіе Суэцкаго канала“, почему и расходы по отправкѣ индійскихъ войскъ въ Суданъ должна нести индійская казна.

Въ венецельскомъ вопросѣ безуспѣшность британской дипломатіи явилась: до сихъ поръ Англія не могла сговориться съ Соединенными Штатами относительно программы, на основаніи которой возможно будетъ рѣшать спорные вопросы третейскимъ судомъ.

Создавшее Англію массу неприятностей, дѣло трансваальскихъ файбустеровъ встунило въ послѣдній фазисъ своего развитія: въ Лондонѣ 8 іюля началось въ высшей судебной инстанціи—въ отдѣленіи „суда королевской скамьи“—въ составѣ трехъ судей съ присяжными засѣдателями—дѣло Джемсона, съ пятью товарищами—при огромномъ стеченіи массы публики. Нѣкоторая торжественность обстановки суда, допускаемая въ особо важныхъ случаяхъ, имѣла цѣлью удовлетворить требованію общественнаго мнѣнія и въ особенности буровъ. Обыкновенные признаки виновности въ организаціи экспедиціи на британской территоріи противъ дружественнаго Англіи государства. На основаніи этого вердикта присяжныхъ, по свѣдѣніямъ отъ 16 іюля, судъ приговорилъ Джемсона къ заключенію въ тюрьму, безъ обязательныхъ работъ, на 15 мѣсяцевъ, а его товарищей—къ заключенію съ 10 до 5 мѣсяцевъ. Во вліятельныхъ лондонскихъ кружкахъ ожидаютъ, что послѣ этого суда, министръ колоній Чемберленъ доложитъ парламенту о принятіи правительствомъ рѣшенія начать слѣдствіе надъ англійской Chartered Company, которая, вопреки всѣмъ участіямъ, до сихъ поръ настаиваетъ на своей полной непричастности къ трансваальскому набѣгу, уволивъ лишь въ отставку своего главнаго руководителя Родеса. Тѣмъ временемъ, по свѣдѣніямъ изъ Капгоуна отъ 7 іюля, особая комиссія парламента Канской области представила по дѣлу файбустеровъ свой докладъ, подтверждающій мнѣніе, что набѣгомъ руководилъ Родесъ, предполагавшій поддержать движеніе въ Трансваалѣ бывшими въ его распоряженіи вооруженными силами. Находя болѣе удобнымъ отерочить набѣгъ, Chartered Company уговаривала лишь Джемсона дожидаться окончанія всѣхъ приготовленій. Удостоверено также, что средства на набѣгъ отпущала компанія съ вѣдома ея правленія въ Лондонѣ, и только послѣдствіи Родесъ покрылъ расходы своимъ чекомъ. Парламентъ Канской области единогласно одобрилъ этотъ докладъ особой комиссіи.

Въ англійскомъ общественномъ мнѣніи преобладаетъ взглядъ,

что британскому правительству должно дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ съ чрезвычайной осмотрительностью, такъ какъ у президента Крюгера находятся секретныя бумаги, обнародованіе которыхъ могло бы произвести крупный скандалъ и скомпрометировать многихъ вліятельныхъ лицъ Англіи.

Возникшия было еще весной столкновенія чернаго племени матабеле, обитающаго къ сѣверу отъ Трансваали и на западѣ отъ южно-африканскихъ владѣній Португаліи, съ англійскими колонистами—быстро разрослись въ серьезное движеніе противъ Англіи, благодаря неразборчивости въ средствахъ англійскаго вождѣнства на туземцевъ. Недавно небольшой англійскій отрядъ проникъ въ священныя для племени машонъ горы и убилъ ихъ духовнаго главу во время совершения религиозныхъ церемоній. Послѣ этого событія взрывъ религиознаго фанатизма поднялъ на ноги все внѣшнее племя; мѣстный бунтъ превратился въ общее движеніе туземцевъ противъ Англіи. Черное населеніе Матабеле и Мафона стало дѣйствовать совместно. Туземныя полицейскія войска, перебивъ англійскихъ офицеровъ, присоединились къ восставшимъ и стали разбивать англійскія войска въ разныхъ пунктахъ. Лондонская печать опредѣляетъ число восставшихъ въ двадцать тысячъ человекъ, готовыхъ бороться до крайности. Матабеле избрали себѣ короля, вокругъ котораго сплачивается масса враждебныхъ Англіи кафровъ. Какъ сообщаютъ изъ Булувайо отъ 14 іюля, англійскій отрядъ въ 300 человекъ отброшенъ матабеле, занявшими непреступныя позиціи. По послѣднимъ извѣстіямъ, инсурренты перешли въ наступленіе, при чемъ кровопролитныя стычки обходятся англичанамъ не дешево. Вообще восстаніе черныхъ племенъ угрожаетъ всѣмъ британскимъ владѣніямъ въ южной Африкѣ. Съ цѣлью удержать колонію Родезію, британское правительство заручилось разрѣшеніемъ Португаліи двинуть черезъ ея владѣнія британскія войска изъ бухты Делагоа.

Къ довершенію политическихъ неудачъ, британское правительство имѣло въ послѣднее время возможность убѣдиться въ единодушномъ недоврѣніи великихъ державъ къ Англіи: маркизъ Салсбюри объявилъ засѣдающему въ Лондонѣ комитету для вспоможенія христіанамъ Крита, что всѣ пять великихъ державъ воспротивились раздачѣ пособій англійскимъ консуломъ нуждающимся критянамъ. По отзывамъ *Daily News*, протестъ державъ пронзаетъ въ Лондонѣ крайне неприятное впечатлѣніе. Этотъ протестъ былъ вызванъ стремленіемъ державъ держаться безусловно согласнаго и единодушнаго мнѣнства въ критеріи дѣла, не допуская частныхъ дѣйствій какой-либо державы, хотя бы эти дѣйствія и согласовались съ требованіями европейскаго концерта. Само британское правительство признало неудобство англійской помощи, хотя бы по чувству христіанскаго долга, и заявило парламенту, что считаетъ необходимымъ держаться установленныхъ державами рамокъ дѣйствія—тѣмъ болѣе, что тревожныя извѣстія съ Крита не прекращаются.

Именные Высочайшие указы Правительствующему Сенату.

Глубоко скорбя о тяжкомъ несчастіи, происшедшемъ 18 мая сего года въ Москвѣ, на Ходынскомъ полѣ, и о гибели многихъ близкихъ сердцу Нашему подданныхъ, Мы признали необходимымъ обезпечить, по возможности, участь оставшихся вдовъ и сиротъ, что и сдѣлано по Нашему указанію. Горячо принимая къ сердцу все, что касается этого горестнаго событія, Мы, въ постоянной заботѣ о правдѣ, признали необходимымъ Лично раземотрѣть произведенное по этому дѣлу предварительное слѣдствіе, и нынѣ, тщательно сообразивъ

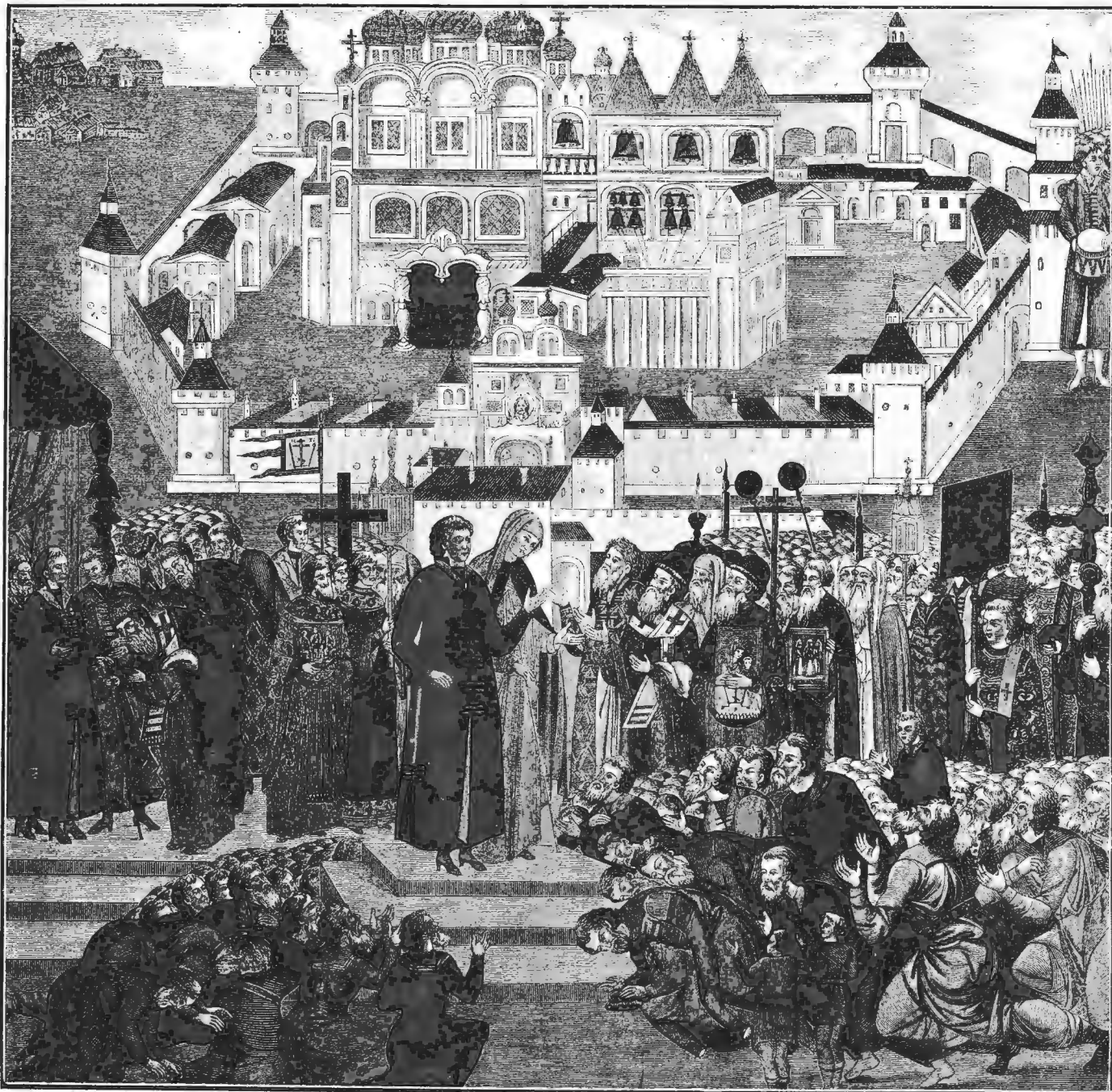
вѣдствующія обнаруженными упушеніями.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Петергофѣ,
15 іюля 1896 года.

Раземотрѣвъ Лично предварительное слѣдствіе, произведен-

Почетное посольство приходитъ въ Ипатьевскій монастырь съ грамотою объ избраніи Михаила Феодоровича на царство.
(Со стариннаго рукописнаго изображенія.)

обстоятельства, выясненные этимъ слѣдствіемъ, Мы признали за благо, не обращая дѣло къ судебному порядку, разрѣшить его Нашею непосредственною властью. Убѣдившись затѣмъ, что причину несчастія слѣдуетъ искать въ томъ, что московскія власти, обязанныя охранять порядокъ и безопасность столицы, не приняли своевременно должныхъ мѣръ для направленія массы народа, стремившагося на Ходынское поле, и уволивъ въ виду сего вовсе отъ службы, безъ прошенія, исправляющаго должность московскаго оберъ-полицеймейстера, — повелѣваемъ: министрамъ Императорскаго Двора и внутреннихъ дѣлъ, по принадлежности, принять относительно другихъ должностныхъ лицъ, виновныхъ въ неисполненіи своего долга, нынѣ, указанныя Нами, мѣры взыскапія, соот-

ное по несчастному событію, происшедшему 18 мая нынѣшняго года на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ, Мы, къ крайнему Нашему прискорбію, не могли не усмотрѣть, что желаніе вѣроуверенныхъ исполнителей присвоить себѣ несоответствующее значеніе вызвало между ними соперничество, послѣдствіемъ чего было отсутствіе взаимнаго содѣйствія. Желая положить пределъ подобнымъ явленіямъ, могущимъ имѣть самыя вредныя послѣдствія по всей Россіи, Мы повелѣваемъ: всѣмъ министрамъ, всѣмъ главноуправляющимъ отдѣльными частями, всѣмъ генераль-губернаторамъ, всѣмъ губернаторамъ и всѣмъ начальствующимъ лицамъ всѣхъ вѣдомствъ направлять свои дѣйствія и распоряженія къ единству и имѣть неослабное паблюденіе, дабы подчиненныя имъ учрежденія и

лица, не допуская между собою соперничества, неуклонно оказывали друг другу содействие, для пользы службы.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Петергофѣ,
15 іюля 1896 года.

Въ заботахъ объ облегченіи земледѣльческаго промысла и преемственности торговли и судоходства Нашею Отечества, въ память пребыванія Нашею на всероссійской художественно-промышленной выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, на главномъ сосредоточіи рѣчныхъ сообщеній Имперіи, признали Мы, по

представленію Нашею министра финансовъ, за благо: отменить съ 22 сего іюля четверть-процентный судоходный сборъ съ цѣнностей грузовъ и товаровъ, отправляемыхъ по воднымъ путямъ Имперіи, поименованнымъ въ п. 3 ст. 87 уст. п.т. сообщ., св. зак. т. XII ч. 1 и призмѣчаніи 7 къ сей статьѣ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надлежащія распоряженія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ,
17 іюля 1896 года.

Разныя извѣстія.

— 17-го іюля Ихъ Императорскія Величества прибыли въ Нижній-Новгородъ. По сообщенію Россійскаго телеграфнаго агентства, ровно въ 10 ч утра показался Императорскій поѣздъ и въ 10 ч. 7 м. подошелъ къ перону. Хоръ музыки заигралъ встрѣчу, раздалась команда „на караулъ“. Къ Императорскому вагону былъ поданъ красиво обитый трапъ, и изъ вагона вышла Государыня, а за нею Государь. Государь, принявъ рапортъ губернатора, поздоровавшись съ министрами, пошелъ по фронту почетнаго караула, на флагѣ котораго находился генералитетъ, при чемъ принялъ рапортъ отъ временно командующаго войсками округа, генерала Данилова. Вернувшись къ параднымъ комнатамъ и удостоивъ милостиваго вниманія собравшихся лицъ, городского голову и губернскаго предводителя, Ихъ

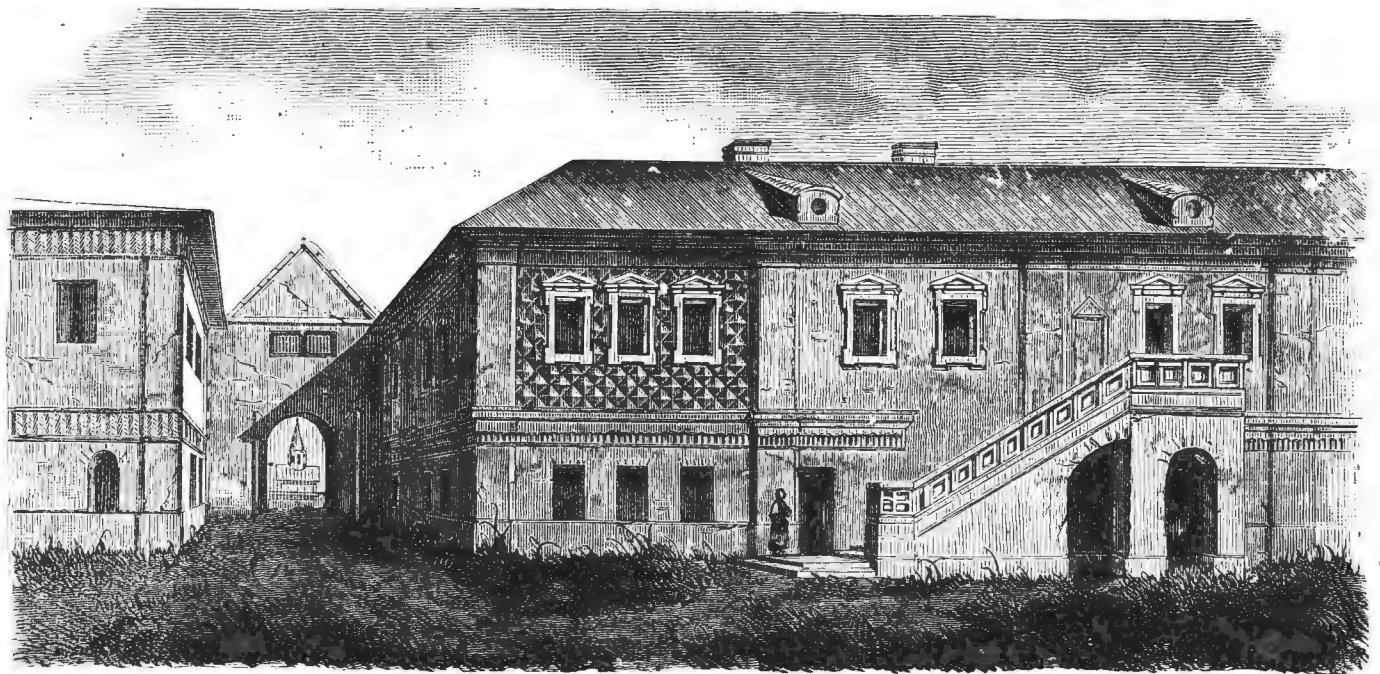
вали въ экипажахъ въ художественный отдѣлъ и осматривали его въ сопровожденіи вице-президента Академіи художествъ графа Толстого и академика Велуа; посетили выставку картины „Мининъ“ К. Маковского, панораму Рубо, отдѣлъ крайняго Сѣвера, и затѣмъ отбыли при восторженныхъ кликахъ народа въ Кремль.

— Управляющій морскимъ министерствомъ, генералъ-адъютантъ, адмиралъ Чихачевъ, отъ настоящей должности, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи генералъ-адъютанта.

— Предсѣдатель морскаго технического комитета Добровольнаго флота, вице-адмиралъ Тыртовъ назначается управляющимъ морскимъ министерствомъ.

— Начальникъ главнаго морскаго штаба, гене-

торый научится на выставкѣ чему-либо полезному или укажетъ самъ что-либо новое, лучшее прежняго, имѣетъ большее значеніе, нежели тысяча случайныхъ фланеровъ. Выставка устроена съ научительными цѣлями, ее посетило и посѣщаетъ большое число учащихся, а впродъ, благодаря принятымъ отъ правительства мѣрамъ, посѣтитъ и еще большее количество. Я увѣренъ, что и промышленники, участвующие и бывавшіе на выставкѣ, если имъ нѣтъ даже надобности знакомиться со своимъ специальнымъ дѣломъ по мощному его самостоятельному развитію, все-таки могутъ найти указаніе, что и какъ преобразовать къ лучшему въ своихъ производствахъ. Если бы такихъ промышленныхъ дѣятелей-посѣтителей выставки оказалось лишь хоть десять въ теченіе всего времени выставки, то и тогда

Палаты бояръ Романовыхъ (въ ихъ прѣднемъ видѣ, до реставраціи) въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Величества вышли на крыльцо и сѣли въ экипажъ. Вследъ за Ихъ Величествами отбыли великій князь Алексѣй Александровичъ и прибывшіе въ свитѣ лица. По пути духовенство встрѣчало Ихъ Величества съ хоругвями и крестомъ. Въ соборѣ Ихъ Величества встрѣтили просвѣщенный Владимиръ со словомъ. Выслушавъ молитвы, поклонившись гробницамъ Минина, князей нижегородскихъ и суздальскихъ, Ихъ Величества отбыли во дворецъ. Послѣ завтрака, въ 2 часа дня, во дворцѣ состоялся приемъ депутацій. Депутаціи подносили блюда съ хлѣбомъ-солью отъ именитыхъ гражданъ, городского управленія, ярмарочнаго и биржевого комитета, нижегородскаго губернскаго земства, уѣздныхъ земствъ, нижегородскаго и балахнинскаго сословій. Въ 4 часа дня Ихъ Величества прибыли на выставку, въ сопровожденіи великаго князя Алексѣя Александровича и свиты. Оркестръ встрѣтилъ Ихъ Величества гимномъ. Въ экипажѣ, мимо обелиска, Ихъ Величества подъѣхали къ центральному зданію, гдѣ 17 московскихъ и 10 нижегородскихъ сыновей первостепеннаго купечества стояли на дежурствѣ въ бѣлыхъ костюмахъ старинныхъ рындъ. При входѣ Ихъ Величества были встрѣчены министромъ финансовъ, другими министрами и администраціей. Обзоръ въ мануфактурномъ отдѣлѣ хлопчатобумажныхъ и шелковыхъ тканей, парчу, льняныхъ издѣлій, ковры и шерстяныя ткани, Ихъ Величества преслѣдовали въ находящемся рядомъ помѣщеніи художественно-промышленнаго отдѣла и затѣмъ осматривали фабрично-ремесленный и горный отдѣлы, послѣ чего въ экипажѣ отбыли въ Императорскій навильонъ, переръ которыхъ выстроены были рынды купеческихъ обществъ. Отдохнувъ въ навильонѣ, Ихъ Величества, августѣйшій генералъ-адмиралъ и свита преслѣдо-

вали въ экипажахъ въ художественный отдѣлъ и осматривали его въ сопровожденіи вице-президента Академіи художествъ графа Толстого и академика Велуа; посетили выставку картины „Мининъ“ К. Маковского, панораму Рубо, отдѣлъ крайняго Сѣвера, и затѣмъ отбыли при восторженныхъ кликахъ народа въ Кремль.

— Помощникъ начальника главнаго морскаго штаба, контръ-адмиралъ Авеланъ назначается исправляющимъ должность начальника того штаба.

— 18 іюля въ концертномъ залѣ выставки экспоненты давали обѣдъ министру финансовъ. По сообщенію *Ное. Вр.*, на обѣдѣ министр произнесъ рѣчь, въ которой, упомянувъ сначала о несправдливыхъ упрекахъ и жалобахъ на выставку, сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Для меня количество посѣтителей выставки совершенно не важно, потому что не имъ опредѣляется успѣхъ выставки. Она устроена не съ коммерческими цѣлями, но съ государственными. Важно не прошлое промышленнаго дѣла—оно всѣмъ извѣстно; важно будущее, пути въ которое вамъ надо провѣрить и намѣтить. Даровать вамъ такую возможность въ Богѣ почившій Государь Императоръ Александръ III настоящею выставкою.“

„Мнѣ предлагали оживить выставку публичкомъ, жадно до развлечения, путемъ устройства ресторано-кафе-шантановъ и т. д. Это, несомнѣнно привлекло бы много празднаго публичка, а рудетка дала бы, конечно, еще больше; но такая публичка не стоить нашего вниманія. Стремленіе—привлечь какъ можно больше публички, основано на распространенномъ у насъ ошибочномъ мнѣніи о мнимо-общественномъ значеніи массы; о важности многихъ дѣлъ напрасно судятъ по числу голосовъ и мнѣній „за“ и „противъ“, тогда какъ настоящее дѣло, двигающее жизнь государства, дѣлаетъ не масса, но отдѣльные лица, и вотъ для меня одинъ человѣкъ, ко-

бы послѣдняя, на мой взглядъ, обупилась для насъ, руководящихъ промышленною жизнью страны. Посѣщеніе выставки приноситъ несомнѣнную пользу; по своему положенію я имѣлъ возможность просвѣдаться бесѣдами со многими людьми науки и практики по всѣмъ специальностямъ. Но и инѣ выставка, давъ общую картину положенія промышленности, выяснила значеніе нѣкоторыхъ насущныхъ вопросовъ; такъ, мнѣ бросилось въ глаза, что въ общемъ мы уже крѣпко стали на ноги во многихъ производствахъ, и теперь намъ предстоитъ разработка уже не ихъ самихъ, а ихъ частностей. Отсюда ясно, что въ настоящее время ближайшею нашею задачею должно быть распространеніе техническихъ знаний чрезъ посредство специальныхъ школъ; точно такъ же мнѣ стало ясно, что по нѣкоторымъ отраслямъ промышленности мы, можетъ-быть, имѣемъ уже къ этому, а именно—въ зерновомъ хозяйствѣ; но нашъ хлѣбъ имѣетъ давно сложившійся рынокъ сбыта, тогда какъ для продуктовъ перерабатывающей промышленности рынки эти надо еще завоевывать. Отсюда ясно все важное значеніе коммерческихъ школъ, и поэтому я съ особенною радостью узналъ, что вы собрали средства для устройства нѣсколькихъ профессиональныхъ школъ, о чемъ я буду имѣть счастье всеподданнѣе доложить Его Императорскому Величеству, и увѣренъ, что это доброе и полезное дѣло доставитъ Государю Императору наибольшее удовольствіе при посѣщеніи выставки. Съ чувствомъ полнаго удовлетворенія я вижу, что государственныя задачи выставки вполне осуществляются, и мнѣ остается лишь предложить тость за дальнѣйшее могучее процвѣтаніе русской народной промышленности и за неразрывно связанное съ нимъ благосостояніе нашего отечества“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Кольцо Императрицы. Историческій романъ кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе.)—Найденный. Рассказъ Г. Т. Сѣверцова.—Безъ любви. Стих. Мих. Гербановскаго.—Берлинская промышленная выставка.—Къ рисункамъ: Бибочна (съ рис.).—Коронаціонныя торжества въ Москвѣ (съ 2 рис.).—Низкіе Острова (Тверской губ.) (съ рис.).—Идетъ! (съ рис.).—Обдѣлила (съ рис.).—Царь Михаилъ Феодоровичъ Романовъ (по поводу 300-лѣтія со дня его рожденія) (съ 2 портр. и 2 рис.).—Политическое обозрѣніе.—Именные Высочайшіе указы Правительствующему Сенату.—Разныя вѣстия.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ А. А. Тихонозь (А. Луговой).

№ 4711.

Кто любить запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“** (Violette du Rhin.)

Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіи нѣсколькихъ подѣлей не выдыхающійся.

No. 4711 Savon violette du rhin, No. 4711 Sachets violette du rhin.

Всѣ одинаковаго качества.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

И. № 9059 (31)

D.O.M + D.O.M

BENEDICTINE

de de

L'Abbaye de Fécamp

La Meilleure des Liqueurs Se trouve dans toutes les bonnes maisons de contrefaçons. chaque ville

D.O.M + D.O.M

Р. № 0124 15-7

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ.

Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи.

Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ: **ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ**, въ Булашептѣ.

43-1 МОРИСЪ 43-1

Невскій пр., д. 43-1, уголъ Троицкой ул.

Колоссальный выборъ готового мужского платья новѣйшихъ фасоновъ, а также громадный выборъ матерій послѣднихъ пометей для заказовъ, иностранныхъ и здѣшнихъ фабрикъ.

= СПЕЦІАЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ =

экономическаго обмундирования: форменнаго платья для Гг. офицеровъ, а также и гражданскихъ чиновъ всѣхъ министерствъ.

ЦѢНЫ ДШЕВЫЯ.

Для гг. многогородныхъ высылается наложеннымъ платежемъ съ задаткомъ третьей части. И. № 9386 2-1

Иллюстрированный прейсъ-курантъ со способомъ снлітія мѣрки высылается бесплатно.

Шитья готовы и на заказъ изъ собственной золотшейной.

ЛЕОНГАРДИ

достоверно-извѣстны, единственно настоящіи **Алицариновыя чернила для письма и копирования**

(железисто-орѣшковаго 1-го класса по отзывамъ государственныхъ учреждений), 30 - 10 № 8857

ЛЕГКО-СТЕКАЮЩІЯ, ЦВѢТЪ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧІЯ.

НАИЛУЧШІЯ:

для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода, можно получать почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподдѣльно только съ сей предохранительной маркой.

Авг. Леонгарди въ Дрезденѣ, изобрѣтатель и фабрикантъ. Наслѣгать поддѣлокъ.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ.

для вскармливанія грудныхъ дѣтей

суррогатъ материнскаго молока.

Цѣна жестянки 1 р. 50 к.

СТУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ.

Цѣна жест. 1 руб. 10 коп. 6-6

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Оптовый складъ въ центральн. депо перевозочныхъ и хирургич. матеріаловъ торговаго дома **АЛЕКСАНДРЪ ВЕНЦЕЛЬ** въ С.-Петербургѣ, Гороховая, 33. Въ С.-Петербургѣ можно получить во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ

лучшей системы Dr. Lehmann & Mann, въ Берлинѣ, изготовляются заводами **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержд. Товарищества „ЭЙЛЕРЪ И ПАСТОРЪ“, С.-Петербургъ, за Московской заставой.

Большая батарея находится въ дѣйстви въ выставкѣ въ **НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ**, въ павильонѣ Товарищества. № 9379 5-2

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ ПЛАСТИНКИ

„ЭКСПРЕССЪ“

лабораторіи **А. ЭВЕРГАРДЪ**.

СНБ. Демидовъ пер. № 2, магазинъ бывш. Р. Ниппе.

Прейсъ-курантъ **ВЕСПЛАТНО**. И. № 9387

Требуйте во всѣхъ писчебумажныхъ магазинахъ **всемірно-извѣстнаго, превосходнаго перья ВЛАНЗИ ПУРЪ и К°.**

Остерегаться поддѣлокъ!

Главн. предств. в. асен Россіи Г. и К. Эмштейнъ. Москва. Черкасскій пер., домъ князя Голицына.

Безъ посред. коммисіонеръ продается 100 дес. **ИМЪНІЕ-ДАЧА**, въ Костромск. губ., прот. гор. Кинешмы, на высок. берегу Волги. Пруды, фрукт. садъ, засѣя. поля, лѣсъ; камен. и деревян. постройки; скотъ; землед. оруд.; хозяйств. инвент. и мебель. Цѣна 25 - 30 тыс., въ зависимости отъ остатка движимости. Не заложено. Плат. можно разср. Для осмотра отъ станицъ ж. д. или отъ парох. прист. въ Кинешмѣ переѣхать Волгу въ с. Боголюбское, къ Вакарину.

Васильевскій островъ 12 л., д. 35. Женская Профессиональная школа Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Приемъ дѣвицъ отъ 12 до 15 лѣтъ. Приемъ испитанія 27 и 28 августа; начало занятій 1 сентября. Программы и условия приема узнавать у Начальницы школы.

для ухода за кожей

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для блондурыхъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILLENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5120 (84)

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

съ естественнымъ методомъ леченія **Д-ра МАКСА ВѢМА.**

Dr. Max Böhm's Naturheilanstalt, Bad Friedrichroda i/Th.

Купанье **ФРИДРИХРОДА** въ Тюрингіи, 1.430 футовъ надъ уровнемъ моря, открыто круглый годъ. Прекрасно обставленное и пользующееся лучшимъ репутациою заведеніе для всѣхъ страдающихъ хроническими болѣзнями. Мѣстоположеніе самое прекрасное въ Германіи. Проспекты высылаются бесплатно. И. № 9070 21-11

Портмоне изъ наилучшей черной оловяной заграничной выдѣлки, съ матовымъ лоскомъ, съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ для звонкой монеты. Корпусъ изъ одного куска съ механическимъ затворомъ, содержащимъ каучуковый штепель съ подушкою для краски.

Въ штепель можно помѣстить имя, отчество, фамилію и званіе, по желанію и коронку. Наружная величина 2 1/4 x 1 3/4 вершка. Цѣна со штепелемъ 1 шт. 2 р., 2 шт. 3 р. 75 к.

Также дамскія издѣлія, размѣромъ 1 3/4 x 1 1/2 тершка, по тѣмъ же цѣнамъ.

Тѣ же изъ настоящей телячьей кожи шт. на 50 коп. дороже. Ц. № 340 4-3

Изготавливаются также издѣлія и прочіе бумажники по слѣдующимъ цѣнамъ:

Прейсъ-курантъ	Разм. въ перш.		Цѣна въ коп.
	Длина	Ширина	
БУМАЖНИКАМЪ со штепелями.	Одѣлѣній		Голен.
	Опона		
	Голен.		
"Куневскій"	3 3/8	2 1/2	7 250 350
"Казначейскій"	4	3	9 350 500
"Банкирскій"	4 1/4	3	11 500 700

Всѣ цѣны съ пересылкою въ Европейскую Россію, въ Азіатскую же съ прибавленіемъ частъ въсовыхъ. Съ наложеннымъ платежомъ 10 коп. больше.

Въ контору фабрики Америк. научн. штепелей **М. ФИШМАНЪ** Варшава, ул. Бѣлянская, 23.

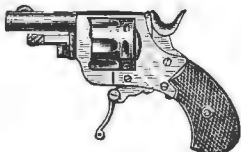
ФАБРИКА ДОРОЖНЫХЪ ВЕЩЕЙ

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ТРОСТИННЫХЪ СУНДУКОВЪ, несесеронокъ и проч. высшаго качества.

Ю. МЮЛЛЕРЪ, Спб., Б. Морская, 16-8.

!! НОВОСТЬ !!

Ружья со стволами изъ патентованной стали Кокриль "Cockerill". Представитель **И. ЧИЖОВЪ,** специальный оружейный магазинъ. С.-Петербургъ, Литейный пр. 51.

Ц. № 891

Небывало роскошный иллюстрированный преісъ-курантъ на 1896 г. высылается бесплатно; на пересылку прилагать на 10 коп. марокъ.

Ев. Убъжище Гвернантокъ

принимаетъ гвернантокъ и рекомендуетъ оныхъ ежедневно, кромѣ вторниковъ, воскресныхъ и таб. дней, отъ 2 до 5 час. С.-Петербургъ, Конно-Гвардейскій пер., 4, кв. 1.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ (13) Специальность хронометровъ. Спбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Подробный каталогъ преісъ-курантъ по востреб. бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.

Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ!!!

Зачное обученіе шитью и кройкѣ посредствомъ лекцій - корреспонденцій, по новейшему, понятному для всякаго, методу. Полная гарантія въ успѣхъ. По окончаніи свидѣтельство. Условія и программа бесплатно. Преподавательница **Е. Д. Ашмарина.** Кіевъ, № 9816 Б. Житомирская, № 4. 8-4

Универсальный патентованный **Шиндлера „АНТИКОРСЕТЪ“**

Извѣстное міру полезное для здоровья изобрѣтеніе, вполне замѣняющее корсетъ, придающее высокой талии граціозный видъ, но приравнано интеллигентныхъ и ученыхъ женщинъ, служить для избавленія разныхъ неприятностей, причиняемыхъ корсетомъ, а въ гигиеническомъ отношеніи оно признано полезнымъ извѣстѣйшими въ медицинскомъ мѣрѣ профессорами: Швейнигеръ, Фишеръ, Люце въ Берлинѣ, Нотнагель, Неубергъ, Пфлюгеръ въ Вѣнѣ, Гессель въ Лондонѣ и знаменитыми медиками въ Варшавѣ, отзывы которыхъ приложены къ каждому антикорсету. Въ носеніи антикорсетъ даетъ полное свободное движеніе, не вызывая ни малѣйшаго давленія организма, не приостанавливаетъ нормальнаго дыханія и кровообращенія и избавляетъ женщинъ отъ неоснѣхъ, нервныхъ и другихъ солъзней, причиняемыхъ корсетомъ.

По практичности своей антикорсетъ рекомендуется даже страдающимъ, беременнымъ и груднымъ женщинамъ, хозяйкамъ въ домашнемъ быту, трудящимся въ продолженіе цѣлаго дня въ разныхъ бюро, училищахъ, торговляхъ, путешествующимъ и т. п.

Антикорсетъ изготовляется изъ лучшаго корсетнаго матеріала и китового уса, съ само щегольской отдѣлкою, и каждый экземпляръ снабженъ фабричною маркою.

Цѣны А В С Д ШЕЛК. Ц. № 9388 3-1

Детальные заказы высылаются почтою во всѣ мѣста Россіи наложеннымъ платежомъ, съ причисленіемъ за пересылку съ упаковкою всего за 2 фута. При заказахъ слѣдуетъ прислать размѣръ объема груди, въ сантиметрахъ, измѣривъ подъ мышкою въ полной орудности, а также размѣръ талии, или прилать мѣрку тесьмой и сообщить хорошими четкими почеркомъ адресъ заказчика. Каждый антикорсетъ по устройству своему увеличивается или уменьшается на 7 сантиметровъ.

Единственная и исключительная продажа на всю Имперію въ Варшавѣ у **В. Риквертъ**.

Всякую корреспонденцію прошу адресовать по-русски **В. Рикверту** въ Варшавѣ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. 17.

ГЛИЦЕРИНЪ ВЕЛУРЪ

СРЕДСТВО ДЛЯ ПРЕДОХРАНЕНІЯ ОТЪ ЗАГАРА, ВЕСУЩЕХЪ И КРАСОТЫ ВѢСЪ.

Глицериновое молоко Вода де Лись и Ирисовое молоко. де Нинонь для ножи.

МАГАЗИНЫ: ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ: БВОНЕСЕНСКІЙ ПР. У ПУЛЪ КАЗАНСКОГО ДВ. № 24. НЕВСКІЙ ПР. № 32. НЕВСКІЙ ПР. № 32.

МАГАЗИНЫ: ВЪ МОСКВѢ: на Кузнецкомъ мосту, на Мясницкой ул.

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ ПФАФФА.

Самыя лучшія машины для домашнихъ работъ, для мастерскихъ и фабрикъ. Преісъ-кур. высыл. по требованію.

Фабрика швейныхъ машинъ **Г. М. ПФАФФА (G. M. PFAFF).** Кайзерслаутернъ (въ Германіи). Основана въ 1862 году. № 8192 20-25 Число рабочихъ - 700.

ФОТОГР. АППАРАТЫ К. И. ФРЕЛАНДТЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ

НЕВСКІЙ ПР. № 27-18 МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК. УЛИЦА УЛИЦА

ОБА портрета 1 р. съ перес.

МЯЛО и ИЗЯЩНОЕ УРАЩЕНІЕ КОМНАТЫ

Съ разрѣшенія КАБИНЕТА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА выпущены въ продажу Рельефные портреты Государя Императора и Государыни Императрицы тисненые настоящимъ алюминіемъ, въ рельефной рамкѣ съ короной, приспособлены для установокъ на столъ и привѣшанія на стѣнѣ.

Цѣна за оба портрета съ пересылкою **ОДИНЪ Р. О.** Назначеніемъ платежемъ на 10 коп. дороже.

Требованія и деньги адресовать **Г. ГИРШОВИЧУ,** Варшава. Продаются также на ВСЕРОСС. НИЖЕГОР. ВЫСТАВКѢ, Ц. № 9339 Х худож.-пром. отдѣлъ. 5-4

ОБА портрета 1 р. съ перес.

Золотыя медали 1894 г. и 1896 г.

ПРОВИЗОРЪ А. М. ОСТРОУМОВЪ. МОСКВА.

Мыло отъ головной перхоти кусокъ 30 к. и 50 к.

МЫЛО ДѢТСКОЕ ИЗЪ ТРАВЫ ЧЕРЕДЫ кусокъ 35 к. и 25 к.

О-Д-Е-О-В-Э-РЪ вода отъ перхоти флаконъ 2 руб. и 1 р. 25 к.

и ВСѢ туалетныхъ мыла. Продаются вездѣ. СКЛАДЪ: Москва, Литейный пер., № 9376 соб. домъ. 11-2

К. Шликѣйзенъ, Берлинъ SO.

машино-строительн. заводъ для кирпичн., торфяного, гончарнаго и известковаго производствъ, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длины, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (36)

Далѣе: мѣшалки и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляціонную массу. Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

НОВОСТЬ!

ДУХИ ВЪ ЧЕСТЬ КОРОНАЦІИ

поставщиковъ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА **А. РАЛЛЕ И К°.** Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Невскій, № 18. (4)

ВЪ ПАМЯТЬ СВЯЩЕННОГО КОРОНОВАНІЯ.

Серебряные 84-ой пр. брелоки съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ. Красивая отдѣлка съ разноцвѣтной эмалью и позолоченной короною. Очень красивый рисунокъ. 5-5

1 шт. 2 р. 75 к.; 2 за 5 р. 25 к.; 3 за 7 р. 75 к.; 6 за 14 р. 95 к.; 12 за 27 р. 50 к.

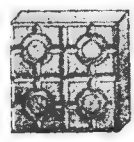
Пересылка наложеннымъ платежомъ. **БАЗАРЪ МАРКЪ** С.-Петербургъ, Невскій, № 21-31.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ **Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ** С.-Петербургъ, Невскій пр., № 25, страхуетъ билеты II-го 5% съ выигр. займа отъ тиража 1 сентября 1896 г. **по 1 руб. 85 коп.**

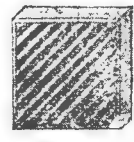
НОВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Однорядная въ 3 1/2, 4 1/2, 5, 5 1/2, 6, 6 1/2, 7, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 18 и 20 руб.
 Двурядная въ 10, 12, 14, 15, 18, 20, 22, 25, 35 и 50 р. и вънская въ 20 р.
 Трехрядная въ 50 руб. и вънская въ 28, 45 и 70 руб.
 Самоучители для 1 и 2-хъ рядныхъ по 1 руб., а для 3-хъ рядной 75 коп.
 Прейсъ-курантъ бесплатно.
 По получении задатка 1/3 стоимости требуемое высылается съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.
ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
 Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ. С.-Петербургъ. В. Морская, 34. Москва. Кузнецкій м., д. Захарьина. Нижегород. ярмарка. Главный домъ.

**ОГНЕУПОРНЫЙ КИРПИЧЪ,
 ТРОТУАРНЫЯ ПЛИТКИ,
 КАМЕНЬ ДЛЯ МОСТОВЫХЪ, КЛИНКЕРЪ
 ТОВАРИЩЕСТВА
 ПРОИЗВОДСТВА ГЛИНЯНЫХЪ И ГОНЧАРНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
 въ гор. Боровичахъ.**

№ 9235

Съ заказами просятъ обращаться:

20-14

Въ Правленіе Т-ва: С.-Петербургъ, Бол. Подъячская, д. № 2.
 Въ Контору завода: г. Боровичи, Новгородской губ.
 Въ Технич. Контору В. И. Щербакова: Москва, Ильинка, Шуйское подворье.

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ

Утвержденные Министерствомъ **КУРСЫ РАПГОФЪ.** Основанные въ 1882 году.
 Вънутр. Дѣль

С.-Петербургъ, Малая Морская, № 7.

Подробныя программы высылаются и выдаются бесплатно.
 Приемъ съ 20-го августа. Начало занятій 2-го сентября.
 Нисьм. заявл. о поступленіи прос. адрес. на имя директора Курсовъ
ЕВГ. ПАВЛ. РАПГОФЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
 НЕВСКІЙ ПР. № 42.
 С. ПЕТЕРБУРГЪ
 ПРЕЙСЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

ПРЕКРАСНЫЙ ЧАЙ
 Царская Роза.
 (Любительскій; ароматный съ цвѣточкомъ).
 Цѣна чаю два рубля за фунтъ.
 Отпоявалъ парижская цѣна этого чаю 1 р. 60 к. фун. Желая дать возможность въездъ торговцамъ, такъ и потребителямъ выписывать чай на пробу безъ всякаго риска, мы будемъ высылать этотъ сортъ чаю по отпоявалъ цѣнѣ всѣмъ, кто напишетъ его не меньше трехъ фунтовъ. Пересылка на счетъ покупателя.
 Магазины и склады чаевъ московск. купца
И. Е. ДУБИНИНА.
 Москва, Покровка, д. Тяжелова.
 Подробный прейсъ-курантъ чаемъ высылается желающимъ бесплатно.

Спеціальное предприятие для постройки и переустройства крахмально-сахарныхъ, **ПАТОЧНЫХЪ И ДЕКСТРИННЫХЪ** заводовъ.
W. H. Uhland, Leipzig.
 Писаные аппараты. Проспекты бесплатно.

50% ЭКОНОМИИ 50%
 Горная аръ-мѣдника самород. зелено-изумруд. цвѣта голов. 12 руб. л., готовая съ обліками и олифю 9 руб. Гарантия на 8 лѣтъ. Имѣется кождъ во всѣхъ москатель. и красильн. лавкахъ по фабрич. цѣнѣ. Образ. бесплатно. Г. Ф. Герда-Ц. № 9233 евъ вл. Алатиръ. 16-11

Обширнѣйшій въ Россіи **СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ**
 до 1000 шт. въ наличности.
 Торговый домъ
М. Блокъ
 Москва, С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Копенгага, Ростовъ н/д.
 КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

духи — **ФИАЛКА АУСЛЭЗЭ** — туалетное мыло.
 духи — **ЯПОНСКАЯ ФИАЛКА** — туалетное мыло.
 духи — **ЭДЭЛЬ РОЗЕ** — туалетное мыло.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, прудв. пост., Карлеруэ.

Можно получать:
 Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вюлеръ, Э. Бреннскога, Р. Шаскольскаго, у Константина Герль, Лимана и Рикса, А. Линде, А. Энглуиди. Ц. № 9398
 Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Мерилтъзъ, въ магазинѣ „А-ла туалетъ“, у Г. Врунст, Л. Борхардт, и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. 25-3
 Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Максимилиановскій пер.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
 для производства **СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ** въ г. Ригѣ
 изготовляетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.
 Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ. Т. № 9127 10-9

НОВОСТЫ ДУХИ
ВЪ ПАМЯТЬ КОРОНАЦИИ.
 ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА
БРОКАРЪ и К^о. № 9393

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ „ВОЛГА“.
 Очеркъ.
 Отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани.
 Соч. А. Размодзе.
 Изданіе С. В. Кульженко.
 На веленовой бумагѣ въ больш. фоліе 120 автогипий, 20 фототипий.
 Цѣна въ накбѣ 5 р. 50 к.
 „ въ кол. пер. 6 р. 50 к.
 Главный складъ: Кіевъ, при типографіи Кульженко.

СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
 „СТИРІЯ“

 „СТИРІЯ“
Ө. ЮХИМЪ и К^о.
 С.-Петербургъ.
 Невскій просп., д. № 3.
 Москва.
 Театральнй провъдъ.

Dr. PFLÜGER
 Americ. Dentist
 № 9383 10-1 **BERLIN, W.**
 Bülow Strasse, 30.

ОВЪЙШІЯ
 принадлежности для всякаго рода **спорта**
 какъ-то: костюмы, фуфайки, рубашки, брюки, пояса, чулки, подтяжки, подвязки, гамашы и перчатки въ МАГАЗИНѢ
Ю. ГОТЛИБЪ.
 Надымирская, д. 2/49 угл. Невскіаго просп. Иллюстрирован. прейсъ-курантъ высыл. бесплатно.

ВОЛИЦІЙ дѣлать наружныя, внутреннія болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2-4 и отъ 6-7 1/2 ч. в. № 9173 13-8

Apotheker Weiss & Cie
 GIESSEN.
 WIEN.
 KÄRNTNER RING 6.
КРЕМЪ МЫЛО ПУДРА
Triis
УРИСЪ
 для красоты и смягченія КОЖИ

ВЕЛОСИПЕДЫ „ТРИУМФЪ“.
 Единств. представит. для всей Россіи **Юсифъ Эйхенвальдъ.**
 Москва, Столенинговъ пер., д. № 5.
 Представитель для С.-Петербурга и его окрестностей состоитъ Ѳ. И. Андреевскій въ С. П. Б., 19, Екатерининскій кан.

XXVII т.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 31

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти еженѣд. книгъ „Сборника“, содерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ еженѣдчныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 3 августа 1896 г.

Цѣна этого № 20 к., съ пер. 25 к.

При семь прилагаются: 1) СОЧИН. Д. В. ГРИГОРОВИЧА, Т. VI (Сборникъ «Нивы» за Августъ); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА АВГУСТЪ 1896 г. съ 28 рис. и отдѣл. листъ съ 28 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 24 рис. вышивныхъ работъ.

Изъ чему намъ спрашивать цвѣты? Съ картины А. Лиценъ-Майера грав. Бреддамуръ.

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ
Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Часть вторая.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

25-е ноября.

I.

Двадцать пятаго ноября Сонюшка была разбужена раньше обыкновеннаго какимъ-то необычайнымъ движеніемъ во всемъ домѣ. Двери хлопнули, по комнатамъ бѣгали, стуча сапогами. Слышался крикливый голосъ ея матери, имѣвшей привычку вставать гораздо позднѣе. Сквозь оконныя занавѣси слабо пробивался бѣло-молочный свѣтъ ноябрьскаго утра.

Борясь еще съ слипшимся ея глаза сномъ, Сонюшка напрасно силилась понять, что собственно происходило.

У ея двери послышались шаги, и Вѣра Андреевна просунула голову къ ней въ комнату и рѣзко прокричала:

— А!—вы еще спите. Отлично—можно бы и встать было!..—и снова побѣжала къ себѣ.

Сонюшка рѣшительно не могла понять, зачѣмъ поднялся этотъ переполохъ, и отчего не пришла ее разбудить няня. Ужъ не съ Дашенькой ли что-нибудь случилось?

Но черезъ нѣсколько минутъ, сама Дашенька, въ ночномъ чепцѣ, кофтѣ и бѣлой нижней юбкѣ, пришла къ ней:

— Ты ничего не знаешь?..

Сонюшка, пачавшая уже одѣваться, успѣла только вопросительно взглянуть на нее, какъ та снова подхватила:

— Великая княжна Елисавета Петровна не великая княжна больше...

— Какъ не великая княжна, что же съ ней?..

— Она императрица. Сегодня вошла на престолъ... И мы ничего еще не видѣли... Но она вошла на престолъ.

Первымъ движеніемъ Союшки было перекреститься и сказать:

— Слава Богу!

Она едѣла это такъ же невольно, какъ крестились и говорили „слава Богу!“ всѣ русскіе люди, узнавая о совершившемся въ ночь на 25-е ноября событіи.

И тутъ только, въ этомъ невольномъ выраженіи искренняго чувства, сказывалось то, что событія этого всѣ давно ждали и какъ-то даже были увѣрены въ немъ,—увѣрены, что оно должно было случиться.

— Но только правда ли это? — спросила Союшка.

— Ну вотъ еще—не правда! Ты на улицу посмотри...

Союшка усѣла уже надѣть чулки и, накинувъ плюмперъ и сунувъ свои маленькія ножки въ старенькія почтныя туфли, подбѣжала къ окну и заглянула за край занавѣски.

По улицѣ, освѣщенной слабо еще утренними сумерками, рефлексами отъ поблѣвшаго неба, шель, не по тротуару, а прямо по серединѣ, народъ, размахивая руками и разговаривая, сторукаясь отъ торопившихся, рѣдкихъ, впрочемъ, экипажей.

Соголевы жили на одной изъ не бойкихъ улицъ, но и она сегодня отличалась замѣтнымъ оживленіемъ.

— Сегодня всю ночь, люди говорили—весь городъ не спитъ...—начала опять Дашенька,—я проспала сегодня—точно меня толкнуло что. Слышу, у насъ ходятъ. Всѣ уже встали. Но совсѣмъ темно еще и лампадка горитъ. Я посмотрѣла на часы у маленьки— семь часовъ только!.. Попробовала заснуть— не могу. Стала ждать разсвѣта, а сама все прислушиваюсь. Кажется мнѣ, что все ходятъ у насъ въ людскихъ. Какъ разсвѣло, наконецъ, я подошла къ окошку, вижу—народъ на улицѣ, какъ когда Бирона арестовали, только теперь больше. Я маленьку разбудила. Тутъ пришла няня и сказала, что случилось. Тебѣ не страшно?

— Нѣтъ, чего тутъ страшнаго? — улыбнулась Союшка.

— Ну, я войду!

И Дашенька, не рассказавъ ничего толкомъ, убѣжала.

Соня поспѣшно одѣлась одна и вышла въ комнаты. Онѣ были не убраны со вчерашняго дня, и Союшкѣ сейчасъ же нашлось дѣло. Люди всѣ были разсланы въ лавочку, на Невскій, на перекрестокъ для собиранія новостей. Няня пошла въ церковь узнать, нѣтъ ли тамъ какихъ извѣстій. Мать заставила Союшку вытирать пыль, потому что говорила, что не могла такъ, въ безпорядкѣ,—и сама было прицалась поправлять мебель, но только сердилась и мѣшала.

Пришла няня. Она рассказывала, что толкомъ добиться ничего нельзя. Знаютъ только, что Елисавета Петровна сама провела солдатъ въ Зимній дворецъ, что всѣ нѣмцы арестованы. У дворца, на Царицыномъ лугу, стоятъ войска, которыя всю ночь тамъ были и костры раскладывали, но что порядку отъ нихъ никакого. Всѣ толкуются тамъ, и народъ. Одного чиповнаго старика чуть совсѣмъ не затолкали, насилиу пробрался. Кабаки занерты. Государыня, говорить, выходила на балконъ, а потомъ къ солдатамъ на площадь, и все ко дворцу ѣдутъ кареты, кареты и всю ночь ѣхали... Купцамъ, говорятъ, выйдетъ преимущество, чтобъ одни только русскіе торговали... Нѣмецкія церкви закроютъ и на каждаго иностранца штрафъ наложатъ. На улицѣ ни одного нѣмца—всѣ попрятались. Сапожникъ Карлъ Богданъчъ, что черезъ три дома отъ нихъ торгуетъ, на погребѣ сидитъ—спрятался...

Вообще свѣдѣнія, принесенныя няней, были до того сбивчивы, и столько въ нихъ казалось несуразнаго, что трудно было отличить въ нихъ правду отъ выдумокъ улицы.

То, что рассказывали, безпрестанно прибѣгая и вновь исчезая, остальные дѣвушки, оказывалось совсѣмъ ужъ невозможнымъ.

Вѣра Андреевна сердилась, кричала на нихъ и ходила, выказывая непомерную дѣятельность и торопливость, какъ будто, кромѣ нея, рѣшительно никто ничего не понимаетъ, а она одна уже знала все и прямо рѣшала, что правда и что неправда.

На то, что императрица выходила на балконъ (что была правда), она прямо отрѣзала, что это вздоръ, и что въ такой холодъ на балконъ выходить нельзя.

Она бѣгала изъ комнаты въ комнату, совалась къ окнамъ, шумѣла платьемъ и откидывала юбки ногой, поворачиваясь на ходу, но изъ ея суетни, разумѣется, ничего не выходило.

— Нѣтъ, такъ невозможно,—рѣшила, наконецъ, она.— Нужно пойти узнать — у насъ никогда ничего не добьешься, пока *другіе люди* не научатъ.

Сказала она это такъ, словно виноватъ былъ въ томъ, что „у насъ ничего не добьешься“, не кто другой, какъ Союшка, и она строго добавила ей:

— Мы съ Дашенькой отправимся, а если прѣдетъ кто, вы можете принять, сказавъ, что я вернусь...

И она заторопилась одѣваться. Дашенька давно уже порывалась побѣжать изъ дому на-люди, чтобы узнать все поподробнѣе, и не заставила себя ждать.

Соня должна была помочь имъ одѣться.

Онѣ ушли въ двѣнадцатомъ часу. Соня осталась одна.

Одна пошла къ себѣ въ комнату, не торопясь причесалась; надѣла то самое платье, въ которомъ она была, когда прѣхала къ ней Косой (это платье было всегда ея любимымъ) и прошла по затихшимъ теперь и опустѣвшимъ комнатамъ.

Дворовыя дѣвушки, пользуясь необычайностью дня, всѣ разбѣжались, даже няня ушла опять куда-то. Только неизмѣнный старымъ преданіямъ бабушкина дома, старикъ лакей Матвѣй, котораго Вѣра Андреевна называла до сихъ поръ Мотькой, оказался на своемъ посту въ прихожей съ чулкомъ въ рукахъ, угрюмо и молчаливо свидѣтельствуя, что не оставляетъ своихъ обязанностей, несмотря ни на что...

Вѣра Андреевна даже и не спросила Союшку, хочется ли ей идти съ ними или нѣтъ. Она просто ушла и оставила ее и потомъ, можетъ-быть, найдетъ удобную минуту упрекнуть ее въ равнодушіи — вотъ, дескать, когда всѣ волновались, а она сидѣла спокойно дома. Хотя Союшкѣ, которую не взяли съ собой, нечего было и дѣлать, какъ сидѣть дома, по это вполне соответствовало ея настроенію. Ей хотѣлось остаться одной.

Болѣе мѣсяца тому, какъ князь Иванъ заѣзжалъ къ нимъ вечеромъ наканунѣ своего отъѣзда. Его не приняли, потому что такъ пожелала Вѣра Андреевна. Онъ прислалъ письмо, милое, хорошее письмо, въ которомъ писалъ, что будетъ помнить ее, будетъ думать о ней и постарается какъ можно скорѣе вернуться назадъ, чтобы снова увидѣть ее.

Цѣлый мѣсяцъ она ждала его терпѣливо. Последніе же дни начала понемногу волноваться. По ея расчетамъ онъ долженъ былъ прѣхать со дня на день.

Ей казалось почему-то, что именно сегодня онъ долженъ вернуться. На самомъ дѣлѣ ей казалось это каждый уже день, и каждый день она увѣрила себя, что сегодня это будетъ навѣрное. Она нарочно старалась оставаться дома. Подходила къ окну, прислушивалась, не входитъ ли кто-нибудь съ лѣстницы въ прихожую, вздрагивала и ходила сосредоточенная и молчаливая,

а когда садилась за пальцы, то дольше обыкновенного заспживалась за работой.

Может-быть его не приняли бы опять. Сонюшка не знала, отдала ли Вѣра Андреевна приказъ навсегда или на одинъ только разъ, и боялась спросить объ этомъ у угрюмага и необщительнаго Матвѣя. Но если бы даже и не приняли его, ей довольно было бы знать лишь, что онъ прѣхалъ...

Ей хотѣлось знать, что прѣхалъ онъ, хотѣлось видѣть его, хотѣлось говорить съ нимъ, остаться, хотѣлось, чтобы кончилась для нея эта жизнь, лишения и бѣдность, къ которымъ она не привыкла и для которыхъ вовсе не воспитывали ее.

Лишения и бѣдность еще ничего, она бы терпѣливо, какъ теперь, и безропотно (силы воли хватить у нея) готова была бы вынести ихъ, не въ этомъ дѣло, — лишь бы былъ возлѣ нея любящій, ласковый человекъ. Ей хотѣлось ласки, любви, хотѣлось, чтобы ее приласкали и чтобы самой приласкаться и приголубиться, такъ крѣпко, крѣпко прижаться, чтобы, какъ ребенка, приласкали ее...

И вотъ былъ на свѣтѣ человекъ, котораго она любить, и онъ любитъ ее. Но они не могутъ быть счастливы. Нужно ждать, нужно устроиться, а когда и какъ все это будетъ? А вдругъ онъ измѣнитъ. Она-то не разлюбитъ ужь его, а онъ?—что онъ теперь дѣлаетъ, гдѣ онъ—здоровъ ли, помнитъ ли о ней и думаетъ ли, какъ общалъ?

Сонюшка долго, долго сидѣла одна. Пришелъ часъ обѣда. Накрыли столъ, но Вѣра Андреевна не возвращалась. Сонюшка, прождавъ полчаса лишнихъ, не смѣла одна сѣсть за столъ, несмотря на то, что было очевидно, что мать и сестра остались гдѣ-нибудь у знакомыхъ обѣдать.

Она спросила себѣ бульону и кусокъ говядины изъ супа, поѣла на краю стола, вернулась въ гостиную, заглянула на улицу, гдѣ движеніе уже давно стихло, и сѣла на диванъ, раскинувъ руки и облокотясь, откинула голову назадъ, на диванную спинку.

Въ передней послышалось движеніе, мужское покашливаніе, съ холоду,—Сонюшка привстала: неужели это былъ князь Иванъ?..

II.

— Стожь это вы дома и одиѣ,—заговорилъ Левушка Торусскій, входя и потирая руки,—ну ужь денекъ сегодня, вы кого-нибудь видѣли, вы подлжности знаете?..

Сонюшка отвѣтила, что маменька съ сестрой поѣхали по городу разузнавать эти подробности, а она никого не видала и ничего не знаетъ.

— Ну, такъ я вамъ ласкажу,—обрадовался Левушка, что онъ первый можетъ передать Соголевой интересныя вещи.

Изъ всѣхъ постороннихъ она скорѣе другихъ была готова перенести именно Левушку въ эту минуту. Она и раньше всегда чувствовала симпатію къ нему, а послѣ того, что онъ оказался близкимъ человекомъ Косому, онъ ей сталъ симпатичнѣе вдвое.

„Спросить или не спросить?“—думала она, пока Торусскій, чувствуя себя хозяиномъ положенія, распространялся о томъ, какъ онъ избѣгался сегодня, вездѣ бывъ, гдѣ только могли знать что-нибудь, и даже поймавъ Ополчинина, который былъ участникомъ самаго дѣйствія и видѣлъ все своими глазами.

Но для Сони Торусскій могъ знать то, что для нея было важнѣе всего, важнѣе всѣхъ самыхъ любопытныхъ подробностей „дѣйства“,—онъ могъ имѣть извѣстія отъ князя Ивана.

Спросить однако прямо о немъ она не рѣшилась. Левушка могъ замѣтить. А спросить падо было, потому что съ минуты на минуту могли вернуться Вѣра Андреевна, и ужь при ней и заикнуться даже нельзя было о Косомъ.

— Ополчинина я знаю,—сказала она,—онъ недавно поступилъ въ преображенскіе. Я съ нимъ у Творожниковыхъ пынче на вечерѣ познакомились. Онъ былъ нѣсколько разъ у насъ. Вы съ нимъ пріятели, кажется?

— Да мы съ нимъ пліятели,—подтвердилъ Левушка.

— А что вашъ другой пріятель, Косой?—спросила, какъ бы къ слову, Сонюшка, сама себѣ удивляясь, какъ просто у нея это вышло. Она и объ Ополчиннѣ заговорила нарочно, чтобы легче было спросить о князѣ Иванѣ.

— Никакихъ извѣстій отъ него не получаю, жду его со дня на день... Онъ, какъ уѣхалъ, ничего не писалъ! Вѣрно не съ кѣмъ было письмъ отплатить. Ему уже влемея пліѣхать...

— Ну, такъ что же вы рассказываете?—спросила Сонюшка теперь, когда знала самое для себя главное.

Теперь она могла слушать Торусскаго, которому видимо страшно хотѣлось рассказать поскорѣе...

— Ну, вотъ я буду говорить по порядку,—началъ онъ.—Тлетяго дня,—сегодня у насъ селеда?—Ну, да, въ понедѣльникъ, тлетяго дня на култаѣ во дволцѣ у бывсей плавительницы былъ клуный лазговоръ съ госудальней Елисаветъ Петловной...

Видно было, что Левушка не въ первый разъ за сегодняшній день передаетъ свой рассказъ, потому что замѣтно уже понаторѣлъ въ произношеніи имени Елисаветы Петровны съ названіемъ ея „государыней“. Онъ подчеркивалъ это названіе и значительно также произносилъ слова „бывшая плавительница“.

— Клуный лазговоръ,—повторилъ Левушка,—бывшая плавительница прямо сказала, сто ей нисуть изъ Блесавля, будто бы Елисаветъ Петловна имѣеть сношенія съ непліятельской сведской алміей, а докторъ ея Лестокъ ѣздитъ къ французскому посланнику и съ нимъ факціи въ той же силѣ дѣлаетъ, и сто въ письмѣ изъ Блесавля совѣтують алестуеать Лестока, такъ стоѣтъ Елисаветъ Петловна не сѣдилась, если Лестокъ окажется виновнымъ и его алестуеать... Вы знаете, сто отвѣтила госудальня?—Она отвѣтила, сто съ влагами отечества никакихъ алліанцевъ и колесноденціи не имѣеть, а если ея докторъ ѣздитъ до посланника французскаго, то она его сплосить объ этомъ...

Судя по высокопарному слогу, которымъ въ устахъ Левушки разговаривали правительница съ Елисаветой Петровной, и по словечкамъ въ родѣ „факціи“ и „алліанціи“ видно было, что Торусскій повторялъ рассказъ со словъ какого-нибудь чиновнаго лица, говоръ котораго такъ и слышался въ рассказѣ...

— Кто же это слышалъ все?—спросила Сонюшка.

— Сто слышалъ?

— Да вотъ этотъ весь разговоръ, неужели они вели его при комъ-нибудь...

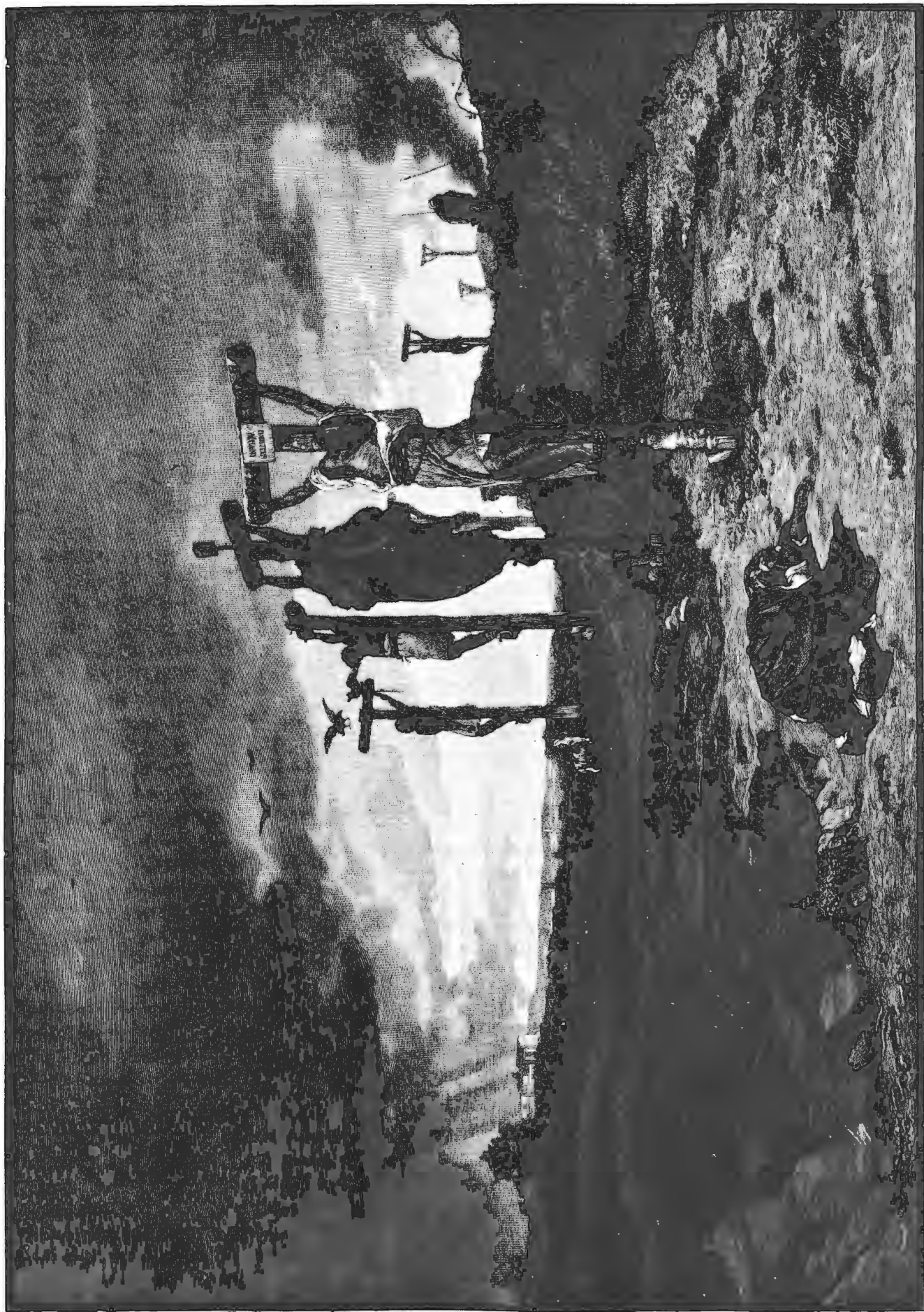
Левушка дѣйствительно за сегодняшній день рассказывалъ уже многимъ этотъ разговоръ, о которомъ при немъ сегодня утромъ у Творожниковыхъ говорилъ сенаторъ Шаховской,—но никому и въ голову не приходило предложить сдѣланный Сонюшкою вопросъ.

— Кто слысалъ?—повторилъ онъ, подумавъ.—Лазумѣется никто, но, вѣлоятно, госудальня ласказала Лестоку.

И успокоившись на этомъ соображеніи, Торусскій продолжалъ, торопясь, чтобы его опять не перебили...

— Вчела мы должны были обѣдать вмѣстѣ съ Ополчиннымъ и еще кое съ кѣмъ, но влудгъ, неледѣ самымъ обѣдомъ заѣзжаетъ Ополчиннѣ и говолитъ, сто только-сто высель пликавъ, стоѣтъ всѣ гвалдейскіе полки выступили къ Выболгу въ алмію плотивъ сведовъ, и сто Ополчинину нужно поэтому ѣхать сейчасъ въ казалмы. Онъ заѣжалъ на минутку и добавилъ только, махнувъ руками:—„сто тутъ будетъ—умлемъ за плавду!“

Дальше оказалось, что Левушка, кромѣ Ополчинина, махнувшего руками и общавшаго „умереть за прав-

Третьяковская галерея. Проклятое мѣсто. Съ картинъ в. А. Бронникова грав. Мульгаиовскій.

Неожиданная встреча. Съ картины П. Мейергейма грав. Киржас.

ду — никого и ничего не видѣлъ. Послѣ обѣда они сидѣли не долго и разошлись по домамъ. Левушка легъ и заснулъ и проснулся безпробудно вполѣ до утра. Когда же онъ сегодня рано утромъ узналъ, что случилось — сейчасъ же вскопился, одѣлся и поѣхалъ, и ѣздилъ по городу до тѣхъ поръ, пока не узналъ всего, чтобы прѣхать и рассказать ей, Союшкѣ.

Какъ только стало извѣстно во дворцѣ Елисаветы Петровны вчера, что гвардію посылаютъ изъ Петербурга — явился отъ нея гонецъ къ гренадерамъ и потребовалъ ихъ къ ней. Выборные отъ гренадеръ явились въ двѣнадцатомъ часу ночи. Она спросила, можетъ ли она на нихъ положиться, они отвѣчали ей, что будутъ служить пока только въ силахъ, но что времени терять уже нельзя, потому что объявленъ приказъ о выступленіи въ походъ. Елисавета ушла и, говоря, долго молилась передъ образомъ, потомъ вынесла къ гренадерамъ крестъ, привела ихъ къ присягѣ, и велѣла имъ вернуться въ казармы, потихоньку собрать роту и ждать, что она сама прѣдетъ къ нимъ. Она прѣехала въ саняхъ около двухъ часовъ ночи. Съ нею были Воронцовъ, Лестоукъ и Шварцъ, старшій ея учитель музыки.

Ополчинникъ рассказывалъ, что на ней была кираса, и что она, всегда казавшаяся очень красивою, была на этотъ разъ поистинѣ прекрасна.

Придя къ собраннымъ гренадерамъ, она сказала имъ: „Ребята! вы знаете, чья я дочь — ступайте за мною“. Нужно было видѣть и слышать, что сдѣбалось съ гренадерами. Подъемъ духа былъ такой и увлеченіе такъ сильно, что если бы не сама же Елисавета, старшаяся укротить ихъ, — можетъ-быть было бы сдѣлано что-нибудь и безразсудное, въ чемъ впоследствии пришлось бы раскаиваться.

Елисавета сказала гренадерамъ: „Клянуся умереть за васъ, — клянетесь ли умереть за меня?“

Гренадеры отвѣтили ей, что клянутся и готовы костью лечь за нее.

„Ну, такъ идемте“ сказала она, и выйдя изъ казармъ, сѣла въ сани и окруженная всею гренадерскою ротою преображенскаго полка направилась ко дворцу по Невской перспективѣ.

По дорогѣ послали арестовать Миниха, Остермана, Менгдена, Лопухина...

— Неужели Остерманъ и Минихъ арестованы? — спросила Союшка, — я думала, что и самое дѣйство при ихъ участіи устроено, какъ же безъ нихъ?

Собственно говоря, она раньше ничего не думала ни объ Остерманѣ, ни о Минихѣ, но въ продолженіе того, какъ рассказывалъ Левушка, она все ждала, что въ его рассказѣ появится наконецъ какой-нибудь человѣкъ, на котораго можетъ опереться, какъ на помощника, Елисавета Петровна, и что этимъ человѣкомъ будетъ кто-нибудь изъ государственныхъ людей.

— Не только они, но и Головкинъ, и Левенвольдъ арестованы. Ихъ будутъ судить, — подтвердилъ Левушка. — Но это сествѣ по Невской было выше всякаго описанія, — продолжалъ онъ съ такимъ видомъ, точно самъ присутствовалъ при этомъ шествіи. — Внезиди всѣхъ государыня въ киласѣ, въ саняхъ. На запяткахъ саней Лестоукъ и Волонцовъ, а клугомъ генаделъ!.. и все въ полной тишинѣ. Всѣ балабаны были еще въ казаламахъ сломаны, стобы нельзя было проиести тлевогу... На самомъ концѣ Невской государыня высла изъ саней, стобы какъ можно тисе подойти ко дволцу, но она не могла идти сколо. Тогда генаделы взяли ее на луки и понесли на лукахъ, понимаете-ли — на лукахъ они понесли ее!..

Левушка увлекся и расчувствовался, голосъ его дрогнулъ, и блестящіе глаза подернулись влагой.

„Какой онъ добрый и милый!“ неволью подумала Союшка, глядя на его восторженное, раскраснѣвшееся лицо.

— Да, на лукахъ, — повторилъ Левушка, — это было ужасно тлогательно. Государыня вошла въ калаульню. Тамъ встлѣтили ее востолженно, и она пошла алестовать плавительльницу. Алестованныхъ отвезли въ домъ Елисаветы Петловны. Тутъ уже въ голодѣ стало извѣстно все, и всѣ стали собилаться во дволецъ. И войска, за котолыми были посланы генаделы. И всѣ, какъ одинъ человѣкъ, соблалнсь. Сенатоловъ собилалъ экзекутолъ. Къ утлу все было готово и плочли манифестъ...

— А кто писалъ его? — спросила Союшка.

— Говолятъ, Бестужевъ.

— Какъ Бестужевъ? Вѣдь онъ же былъ арестованъ вмѣстѣ съ Бирономъ.

— Нѣтъ его велнули уже. Императлица сегодня въ восемь часовъ утла надѣла андлеевскую ленту и объявила себя полковникомъ четилехъ гвалдейскихъ полковъ и плинимала илисигу и повдлавленія. Она сама выходила на балколъ къ солдатамъ...

— Значить это правда? — вырвалось у Союшки.

— Совелшенная плавда, — подтвердилъ Левушка, — а отчего вы это силашиваете?..

III.

Союшка давно уже, слушая рассказъ Левушки, чувствовала въ себѣ смутное представленіе, какъ ни было это странно, о нѣкоторомъ сходствѣ судьбы Елисаветы Петровны, пока она была великой княжной, и своей собственной. Она сколько разъ утѣшала себя, когда ужъ ей приходилось очень подчасъ круто, что вотъ живетъ же великая княжна, и кто же — дочь самого Петра Великаго, — и жизнь ея далеко-далеко не такъ хороша, какъ должна была бы быть, такъ что же послѣ этого ей-то, Союшкѣ, думать о себѣ. Разказы, и даже преувеличенныя, какъ всегда, ходили по городу о невозможнo тяжеломъ положеніи принцессы Елисаветы при дворѣ, о тѣхъ неприятностяхъ, даже униженіяхъ, которымъ она подвергалась тамъ. И какъ ни странно было, Союшка, при всемъ своемъ сочувствіи къ Елисаветѣ Петровнѣ, находила нѣкоторое себѣ уснокоеііе въ этихъ разказахъ. Терпѣла принцессы, даже матеріальные недостатки терпѣла (и это знали въ Петербургѣ), такъ что же послѣ этого другимъ-то оставалось уже дѣлать!..

— Да, тепель всѣ тѣ, кто оскорблялъ великую княжну, сильно ласкаются, — проговорилъ Левушка, какъ бы отвѣчая мыслямъ Союшки.

— Да ужъ будто ей такъ плохо жилось? — все-таки спросила она.

— Ей-то, да какъ же не плохо. Вы знаете, до того досло, сто ее сажали при дволѣ на ляду съ плостыми дамами, понимаете съ пливолпыми, вотъ до чего досло, а вы говолите — неужели плохо!..

— Да, какъ странно! — протянула Союшка. — Подумаешь, еще вчера была она въ такомъ положеніи, и вдругъ сегодня самодержавная императрица, почти всемогущая въ Россіи, да не въ одной Россіи! Какъ, иногда, судьба мѣняется!..

— Сто-съ тутъ слланнаго? — спросилъ Левушка, — это почти всегда такъ. Вы читали книгу Іова?

— А вы читали ее? — удивилась Союшка.

Она давно уже составила себѣ представленіе о Левушкѣ, какъ объ очень миломъ, но, суди по его же разказамъ, по которымъ онъ то ужиналъ, то обѣдалъ съ кѣмъ-нибудь, — очень легкомысленномъ человѣкѣ, способномъ проводить время весело, но отнюдь не читать библію.

— Отчего же вы меня свласиваете такъ? — сконфузился Левушка. — Это вы думаете, сто я кучу только — такъ и не могу библію читать, а это мое любимое чтеніе... Лазвѣ вы не читаете?

Союшка учила священную исторію по-французски, и именню учила ее. Потомъ былъ у ней преподавателемъ

и русскій священникъ, но тѣ отрывки, какіе она знала изъ библіи и евангелія, она знала по-французски.

— То-есть я читала, въ свое время...—въ свою очередь сконфузилась Сонюшка.

— Ну, такъ помните истолію Іова. Это одна изъ самыхъ тлгательныхъ и самыхъ таинственныхъ. Каждый человѣкъ пележивается въ своей жизни эту истолію. Лавновѣсіе необходимо, иначе не можетъ быть цѣльности...

И Левушка, который былъ настроенъ сегодня совершенно особенно восторженно, потому что всѣ, кого онъ видѣлъ сегодня, были по поводу случившагося въ рѣдко сходящемъ на человѣка приподнятомъ настроеніи, заговорилъ особенно задумчиво. Онъ былъ взыволнованъ самъ и торжествомъ русской великой княжны, и тѣмъ, что сидитъ одинъ-на-одинъ съ хорошенькой, давно нравившейся ему дѣвушкой, которой онъ даже сочинялъ стихи, уничтоженные Антипой.

Онъ заговорилъ, что каждый человѣкъ, подобно Іову, испытывается судьбою, и что это испытаніе иногда посылается въ началѣ, въ концѣ или серединѣ жизни, но непременно посылается и что нѣтъ такихъ, при которыхъ можно было бы сказать, что вотъ они безусловно счастливы тѣмъ счастьемъ, которое разумѣть себѣ человѣкъ. Да и что такое это счастье, то-есть въ *человѣческомъ* его смыслѣ, почему мы знаемъ, что хорошо для насъ, что дурно. Ребенокъ мастерить себѣ изъ тряпочекъ куклу, и для него она кажется верхомъ совершенства, а мы не можемъ понять даже, что хорошаго въ его куклѣ. Не такія же ли куклы дѣлаютъ себѣ и взрослые, и не есть ли то, что для нихъ составляетъ предметъ восхищенія и зависти—на самомъ дѣлѣ такія же незначашія вещи, какъ и игрушки ребенка.

Мы иногда слишкомъ цѣнимъ то, что на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакой цѣны, а дѣйствительно важное—упускаемъ. И, можетъ-быть, именно въ тотъ моментъ, когда мы скорбимъ и просимъ Бога удалить, такъ-называемое, земное несчастье, лишеніе, что ли, мы должны бы были именно лишитъ себя даже и того немногаго, что у насъ есть...

Никогда еще Сонюшкѣ не случалось говорить такъ и никакъ ужъ не ожидала она, что именно шепелявый Левушка затѣветъ съ нею подобный разговоръ.

Она слушала и смотрѣла на его какъ бы освѣщенное вдохновеніемъ лицо, и оно ей вовсе не казалось такимъ некрасивымъ и смѣшнымъ, какъ прежде; и веснушки, такъ портившія его обыкновенно, какъ бы сгладились. Словно и камзолъ, и шелковый коричневый кафтанъ на немъ, и чулки сидѣли лучше. И самъ онъ преобразился.

— Вы не слухаете?—остановился вдругъ Левушка.— Я, можетъ-быть, надоѣлъ вамъ?..

Сонюшка подняла на половину спустившіяся вѣки. Ей такъ было удобнѣе разматривать Левушку.

— Ахъ, нѣтъ,—сказала она,—продолжайте, пожалуйста,—мнѣ хорошо слушать васъ. Я сама часто объ этомъ думаю... Вы думаете, моя жизнь легка?..

Этотъ вопросъ вырвался у нея неволью. Подъ разговоръ Левушки и, главное, благодаря задумчивости его тона, ей страшно стало жаль самоѣ-себя, такъ жаль, что чуть-чуть не захоглось плакать... Это была одна минутка только, и вотъ въ эту-то минутку у нея и вырвался ей вопросъ.

— Васа жизнь?—переспросилъ Левушка,—а сто жъ ванна жизнь, вамъ-то на сто жаловаться?..

Сонюшка уже жалѣла, зачѣмъ проговорила при восторженномъ, чужомъ ей человѣкѣ, но, несмотря на это, ей все-таки не было неловко продолжать говорить—такимъ простымъ и, главное, опять-таки задумчивымъ казался ей Левушка.

— Ахъ, всякое бываетъ!—вдохнула она.

— Послушайте!—вдругъ придвинулся къ ней Левуш-

ка,—послушайте, неужели вы... я не хочу сказать несчастливъ, но педовольны своею жизнью?

Онъ какъ будто вдругъ даже обрадовался, что у нея есть что-то пеладное на сердцѣ, какая-то тяжесть, о которой она проговорила передъ нимъ.

— Сто, сто такое?—сталъ настаивать онъ.

— Ничего, тяжело только бываетъ, и очень тяжело, отвѣтила она и задумалась.

Она думала о томъ, съ какимъ бы удовольствіемъ рассказала теперь все, все, что у нея, но это было такъ сложно, какъ ей казалось, столь многое нужно было рассказывать, что всего нельзя было рассказать...

— Вамъ бываетъ тяжело?—началъ опять Левушка.— Ну, такъ вотъ сто я вамъ скажу... я не стану спланивать, сто у васъ, я не стану, но я жизнь бы свою отдалъ, стобъ вамъ легче было... Вотъ сто, какъ только я узналъ васъ—я узналъ себя. Нѣтъ, это не то я говолю, одно только плавда, сто я все готовъ сдѣлать для васъ; еслибъ вы только захотѣли, я бы вамъ сказала одинъ секретъ, Софья Александровна! Я плаво же не душой человѣкъ; позвольте мнѣ... я не говолю, любить васъ на всю жизнь, но боготволить, все, все отдать вамъ... Я вамъ лучаюсь за ваше счастье... У меня всего довольно есть, и если вы...

Сонюшка, точно разбуженная, взглянула на Торусскаго, какъ бы не понимая самыхъ словъ, которыя онъ говоритъ, но вдругъ воспринявъ смыслъ ихъ. И снова лицо Левушки покрылось для нея веснушками, сталь замѣтенъ курносый носъ его, маленький, въ видѣ пуговки, и она услышала въ говорѣ его смѣшную шепелявость, и весь онъ явился такимъ, какимъ она на него не могла бывало смотрѣть безъ улыбки.

— Нѣтъ, ради Бога...—какъ бы съ испугомъ перебила она,—ради Бога, не надо этого...

— Не надо! Отчего не надо?..

— Нѣтъ—будемте лучше друзьями; вы милый, хорошій, славный, но останемтесь друзьями только, не надо портить... Я васъ люблю, и все больше, чѣмъ узнаю, но никогда не говорите такъ со мной... не надо этого...

Левушка опустилъ голову и нѣсколько времени сидѣлъ молча.

— Вотъ это всегда такъ,—грустно-грустно заговорилъ онъ наконецъ.— Всѣ, кажется, меня очень любятъ и ласположены ко мнѣ, а говолять, стобъ оставаться друзьями... Да я не длузства хочу, я хочу, стобъ меня тоже совѣмъ полюбили...

Внутренно Сонюшкѣ было смѣшно то, что говорилъ Торусскій, и въ особенности смѣшно потому, что какъ нарочно они сидѣли совершенно такъ же и на тѣхъ же мѣстахъ (она на диванѣ, онъ на креслѣ передъ нею), какъ сидѣла она съ княземъ Иваномъ. И это сходство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, огромная разница положенія не могли не казаться ей забавными.

Но ни взглядомъ, ни улыбкою, она не выказала этого Левушкѣ. Ей было жаль его, не той жалостью, которою *жалѣла* она князя Ивана, но ей жаль было Левушку, потому что онъ ей казался бѣднымъ и жалкимъ, она же не могла ничего сдѣлать иного, какъ предложить ему свою дружбу.

— Вилочемъ,—сказалъ опять Левушка,—плостите меня. Я слишкомъ многого захотѣлъ. Но если ужъ вы хотите, стобъ я былъ длугомъ вамъ, то вотъ клянусь вамъ всѣмъ святымъ, сто буду имъ. И не думайте, сто я стану помнитъ зло на васъ. Нѣтъ, я не могу зло на васъ помнитъ...

— И не помните, Левушка,—проговорила Соня голосомъ, въ которомъ слышалось искреннее и родственное,—не помните... у меня такъ мало такихъ людей, какъ вы, такъ мало друзей...

— Ну, вотъ, за это, за ваше слово, за одно это слово,—подхватилъ Левушка, снова встрепенувшись,—я готовъ все сдѣлать. Ну, да, будемте длузьями...

Несмотря, однако, на то, что оба они хотѣли между собою полнаго мира и дружескаго, искренняго согласія,—послѣ того, что было сказано ими другъ другу,—они сидѣли молча, и все, что ни придумывали сказать, все казалось какъ будто не то, и совсѣмъ не пужно говорить.

И онъ, и она одинаково чувствовали неловкость этого молчанія, но выйти изъ него не хотѣли или не умѣли. Онъ не уѣзжалъ, продолжая сидѣть и не рѣшался такъ вдругъ взять да и подняться, она не заговаривала, потому что не знала, о чемъ заговорить ей.

— Да вотъ тенель Ополчининъ вѣрно получитъ большія наглады и можетъ въ голу пойти — онъ участвовалъ вчела! — произнесъ онъ наконецъ, совершенно какъ бы некстати, повидимому, по дойдя, тѣмъ не менѣе, до этого соображенія совершенно послѣдовательнымъ путемъ.

Онъ думалъ сначала о себѣ, о томъ, что ему не везетъ въ объясненіи съ дѣвушками, изъ которыхъ ни одна такъ не правила ему, какъ Сонюшка, потомъ естественно мысли его перенеслись на другихъ молодыхъ людей, болѣе счастливыхъ по его мнѣнію, и среди этихъ другихъ онъ вспомнилъ про Ополчинина и сказалъ про него вслухъ.

— Да, теперь многіе спова въ гору пойдутъ, и многіе потеряютъ,—отвѣтила Сонюшка, благодарно взгля-

нувъ на Торусскаго за то, что онъ прервалъ, наконецъ, молчаніе.—Вотъ опять книга Юва!—добавила она, какъ бы пораженная этимъ.

Послѣ этихъ сказанныхъ словъ, говорить стало легче, такъ что, когда явилась, наконецъ, Вѣра Андреевна домой съ дочерью, она застала ихъ мирно разговаривавшими о паденіи Остермана и Миниха.

Хотя Вѣрѣ Андреевнѣ хотѣлось самой поскорѣе рассказывать все, что она узнала за день, но, рассказывая сама, она все-таки заставила повторить Левушку все, что онъ зналъ о вчерашнемъ, безпрестанно перебивая, поправляя его и споря съ нимъ.

Существенное разногласіе у нея съ нимъ вышло относительно времени, когда государыня вернулась къ себѣ во дворецъ изъ Зимняго, — вмѣстѣ или отдѣльно отъ арестованныхъ? Затѣмъ Вѣра Андреевна очень настаивала на томъ, что Воронцовъ, Лестоки и Шварцъ сами отправились въ сапяхъ съ гренадерами, чтобы приглашать во дворецъ духовныхъ и свѣтскихъ знатныхъ особъ.

Когда Левушка, согласившись съ этимъ, уѣхалъ, Вѣра Андреевна не могла не обернуться къ Сонюшкѣ и сказать ей съ упрекомъ:

— А вы, моя милая, вѣрно одинъ съ кавалерами бесѣдуете!..

(Продолженіе будетъ.)

Д Н Е В Н И К Ъ .

Рассказъ А. Я. Немеровскаго.

1 сентября.

Мы разстались на цѣлую недѣлю. Какъ мало времени это составляетъ вообще, но какъ много—для сердца влюбленнаго! Она уѣхала къ своей теткѣ въ деревню—просить благословенія на нашъ бракъ. Это—послѣдняя формальность, которую намъ приходится совершить, и затѣмъ я не желаю признавать болѣе никакихъ препятствій. Мы уже сговорились съ Лизой: свадьбу послѣ ея возвращенія назначить немедленно, и въ этомъ же мѣсяцѣ я стану ея мужемъ. Боже, за что мнѣ такое счастье?! Достоинъ ли я его?

Никогда я не думалъ, чтобы могъ такъ сильно полюбить. Я ли это, человѣкъ разсудка, вѣчный скептикъ, я ли это зажалъ теперь исключительно жизнью сердца и, подхваченный какимъ-то могучимъ и свѣтлымъ потокомъ, мчусь невѣдомо куда, неудержимо и быстро, въ блаженномъ и радостномъ полусознаніи? Мнѣ большого труда стоитъ иногда вспомнить что-либо изъ той моей жизни, прежней, до знакомства съ Лизой. Ужели былъ такой періодъ моего существованія, когда я не зналъ ея, не любилъ ея, могъ жить безъ нея? Когда поѣздъ тронулся, унося мою дорогую, ласково махавшую мнѣ платкомъ, мнѣ казалось, что и я уношусь вмѣстѣ съ нею. Я точно потерялъ сознание своего отдѣльнаго существованія и, какъ будто прикованный, долго-долго, въ полной неподвижности, стоялъ на платформѣ. Возвальные сторожа напомнили мнѣ, что пора заирать входную дверь.

Цѣлая недѣля разлуки! Постараюсь какъ-нибудь скоротать это время. Буду отсчитывать дни въ календарѣ, сниму кришчу съ часовъ, чтобы всегда видѣть движеніе стрѣлки въ циферблатѣ, радоваться, что время не стоитъ, буду говорить о ней самъ съ собою, мечтать, и эти мечты изливать на бумагѣ. На тебя, мой вѣрный другъ, мой дневникъ, я также возлагаю большія надежды: тебѣ посвящу я не одинъ часъ времени за эту печальную недѣлю.

Сегодня на вокзалѣ, когда я, проводивъ свою дорогую, черезъ общую залу направлялся къ выходу, ко мнѣ подкатили свою круглую, улитанную фигуру мѣстный всезнайка Доронинъ. По ремеслу онъ корреспондентъ разныхъ газетъ и по этому билетникъ, и его красная, съ лысиной, лосвищаяся голова полна свѣдѣній обо всѣхъ и обо всемъ, что творится или творилось когда-нибудь въ городѣ.

— Это вы Лизавету Ивановну Вельяскую провожали? — растягивая по обыкновенію слова, спросилъ онъ. — Какъ она похорошѣла! Вы давно съ нею знакомы?

— Нѣтъ, недавно. Всего мѣсяца два,—отвѣтилъ я.

— Всего два мѣсяца—и уже провожаега одинъ, не въ числѣ прочей свиты! О, да вы, стало-быть, большой мастеръ по этой части, — попробовалъ онъ, въ видѣ „миллой шутки“, сказать мнѣ комплиментъ, но увидѣвъ, что я довольно сумрачно нахмурилъ брови, перемѣнилъ тонъ и болѣе уже серьезно спросилъ меня:—А что, ея отецъ еще не возвращенъ изъ каторги?

Меня что-то кольнуло въ сердце.

— Развѣ онъ сосланъ на каторгу?—спросилъ я.

— Какже, давно. Лѣтъ пятнадцать назадъ, за сбытъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Еще Барвинковъ, темерешскій предѣлатель суда, — я помню хорошо это дѣло, писалъ о немъ,—обвинялъ ихъ, цѣлую компанію. Они были тогда юнымъ товарищемъ прокурора... Семенъ Васильевичъ, погодите, — крикнулъ онъ велѣдъ подходящему къ дверямъ челоуѣку и, попрошавшись со мной, направился также къ выходу.

Бѣдная Лизанька! Если ей извѣстна судьба ея отца, сколько она должна была страдать за него: быть дочерью ссыльнаго, сбытчика фальшивыхъ билетовъ!.. Не великій же такъ равнодушно отнесется къ этому, какъ я, не всякій скажетъ, что дѣти не отвѣтственны за грѣхи своихъ отцовъ! Будь спокойна, моя дорогая! Если бы само воплощенное преступленіе, нѣтъ—всѣ преступленія народовъ и вѣковъ произвели тебя на свѣтъ, ты все побѣдишь силою своего совершенства!

Но вѣрѣ послѣ этого народной мудрости: „яблоко недалеко отъ яблони падаетъ“... Вотъ вамъ примѣръ налицо: она—дочь преступника!..

2 сентября.

Интересно знать, всѣ ли женихи переживаютъ такую лихорадку, какъ я. Я точно сгораю въ какомъ-то огнѣ, и даже сонъ сталъ бѣжать моихъ глазъ. Сегодня я провелъ пехорошую, тревожную ночь: до самаго утра не могъ заснуть ни на минуту и лишь въ легкой дремотѣ находилъ себѣ временное забытѣе. Что это: избытокъ счастья, или наоборотъ — такъ взволновала меня первая разлука съ невѣстой?

Да, это онъ, милый образъ, все время держитъ меня въ своей власти: онъ залонилъ мою фантазію и стоитъ въ ней неотступно—наяву и въ полусонныхъ мечтаніяхъ. То вспоминаю я прошлое: наши первыя встрѣчи, этотъ нѣжный расцѣвъ еще не сознанаго взаимнаго влеченія, то вижу насъ обоихъ уже въ будущемъ—веселую любящую чету и чувствую, какъ въ своей дремотѣ я улыбаюсь отъ счастья... Но какое странное явленіе! Сквозь эту радужную дымку влюбленныхъ грезъ о моей ненаглядной все время пробивалось у меня какое-то неприятное ощущеніе. Я очень часто выходилъ изъ своего забытѣя, пробуждался и всякій разъ непремѣнно съ одной неотвязною мыслью: объ отцѣ Лизаньки, объ этомъ челоуѣкѣ, котораго я никогда не видѣлъ въ глаза и о которомъ я знаю только то, что его зовутъ Иванъ Вельявскій, и что за сбытъ фальшивыхъ билетовъ онъ сосланъ на каторгу.

Я нанисалъ: „съ мыслями объ отцѣ Лизаньки“. Пожалуй, это не вѣрно: я о немъ совершенно не думалъ. Если бы можно было сказать, что я пробуждался съ *чувствомъ* объ этомъ челоуѣкѣ, то это было бы правильнѣе. И это чувство мое было какое-то холоднѣе, безотчетно-неприятное, тяжелое. Пробуждался съ нимъ, я точно сразу низвергался въ глубокую, мрачную пропасть и мучительно вдругъ сжимавшимся сердцемъ какъ будто ощущалъ весь холодъ и ужасъ этого паденія.

Рѣшительно не пойму, почему на меня это извѣстіе произвело такое впечатлѣніе. Не все ли мнѣ равно, кѣмъ создано совершенное твореніе, развѣ я нестигъ его совершенство и въ

Трастеверинка. Съ карт. А. Боліани грав. Кирзе.

меня не сомневаюсь? Уж не испугался ли я разных господь Дорониных, которые будут меня спрашивать съ дружеской улыбкой: „Вы женились на дочери Ивана Вельянского? Что, онъ уже возвращенъ изъ каторги?“ Дѣйствительно, серьезная помѣха для счастья!

Зачеркиваемъ и цифру 2 на календарѣ, въ сентябрьскомъ мѣсяцесловѣ. Она придетъ восьмого вечеромъ—еще, значитъ, шесть дней... шесть дней ожиданія! Когда буду встрѣчать ее, я скажу ей въ шутку, что каждый день для меня казался цѣлою вѣчностью, а потому за время ея отсутствія я пережилъ семь вѣностей.

3 сентября.

Во мнѣ пропеходитъ удивительный душевный процессъ: этотъ Иванъ Вельянский рѣшительно наполнилъ все мое воображеніе. Онъ сталъ между мною и Лизанькой и вдругъ заинтересовалъ меня болѣе всего на свѣтѣ. Сегодня я цѣлый день думаю о немъ, стараюсь его себѣ представить...

Что это былъ за человекъ? Какъ бы узнать подробности его біографію! Навѣрное это былъ негодный большой руки; только такой человекъ можетъ заниматься сбытомъ фальшивыхъ денегъ... О, я обсудилъ теперь всесторонне это преступленіе— оно ужасно! Это—слонюпной обманъ, цѣлая система обмановъ— въ одномъ, двухъ, десяти, сотнѣ мѣстахъ, гдѣ только можно найти честнаго, неопытнаго человека—невинную жертву. Именно нѣтъ этому преступленію! Государство слѣшкомъ слабо караетъ за него!

Но Лиза, Лиза... Почему она скрыла отъ меня это печальное обстоятельство? Ни разу она мнѣ даже не упомянула о своемъ отцѣ. Я всегда считалъ ее сиротою. Все время я слышалъ отъ нея только объ этой теткѣ—ей воспитательницѣ, и никогда даже не подозрѣвалъ, что у нея живъ отецъ—да еще какой отецъ!

Неужели это былъ умыселъ, тайный расчетъ—открытъ все послѣ брака, когда поворотъ назадъ уже невозможенъ? Боже, если это такъ, какъ это нехорошо, какъ это ужасно! И зачѣмъ? Какъ будто мои чувства къ ней измѣнятся отъ того, что у нея дурной отецъ!

4 сентября.

А что, если Доронинъ солгалъ? Отъ него всего можно ожидать. Судя по тому, что онъ тамъ пишеть въ своихъ газетахъ, какія небыллицы сочиняеть, надо думать, что въ частномъ разговорѣ онъ еще менѣе справляется съ истиной. О, если онъ солгалъ... Какое наказаніе придумать для него за эти страшныя терзанія, которымъ онъ отдалъ меня въ жертву однимъ своимъ коварнымъ словомъ!

Я написалъ это патетическое восклицаніе, и мнѣ вспомнился Сальвини въ роли Отелло, когда онъ, уже весь во власти своего рокового подозрѣнія, весь полный губительной отравы, уже почти безъ всякой надежды въ сердцѣ, внезапно въ дикомъ порывѣ, какъ раненый звѣрь, бросается на Яго и въ ярости, сжимая ему горло своею мощной рукой, страшнымъ голосомъ произноситъ:

„Tu, scellerato, tu déi provarmi
„Che l'amica mia é un'impudica“.

Съ какимъ наслажденіемъ и я бросился бы на своего „мерзавца“ и также, сжавъ ему рукою невинную красную глотку, потребовалъ бы отъ него „доказательствъ“! Но хорошо будетъ мое-то положеніе, когда въ отвѣтъ на мои грозныя слова, мой толстый Яго, съ самой спокойной улыбкой скажетъ мнѣ: „извольте-съ, вы получите засвидѣтельствованную копію приговора...“

А зачѣмъ, воображаю... да онъ въ газетахъ напечатаетъ о томъ, какъ я приходилъ къ нему „съ видомъ сумасшедшаго“—убѣжденъ, что онъ непременно именно такъ бы передавалъ это событіе—и спрашивалъ его о родословной своей невѣсты... Нѣтъ, этотъ романтический плачь надо отложить въ сторону.

И вотъ, загадка осталась нерѣшенной—но я еще провѣрю истину. Дорогая моя! Если бы это оказалось неправдой, если бы ты не была дочерью преступника! Я бы полюбилъ тебя еще сильнѣе, чѣмъ любилъ доселѣ; и бы, какъ рабъ, навѣки склонился къ твоимъ ногамъ, вознесъ бы тебя на такой пьедесталъ, на какой человекъ еще не ставилъ своего божества... Но если это окажется правдой, горе обманъ...

Что ты сказала, глупое, жестокое перо? Голубка моя, проости меня за эти злыя, нехорошія мысли. Ты ни въ чемъ не виновата—и я люблю тебя не меньше, чѣмъ прежде. Я не расстаюсь съ тобой, и мы пойдемъ съ тобой рука объ руку—любя другъ друга и выѣтъ! страдаемъ—страдаемъ за твоего отца...

5 сентября.

Три дня осталось до ея приѣзда. Мнѣ даже странно становится при мысли о нашей встрѣчѣ. Въ моихъ чувствахъ къ ней какъ будто оборвалось что-то. Я, кажется, люблю ее по-прежнему; я чувствую это тогда, когда думаю о ней, вспоминаю ея дорогія черты. Но почему мысль моя такъ мало сосредоточивается на ней, на ея миломъ образѣ? Почему съ такимъ трудомъ, почти насильно, и вызываю его въ своемъ воображеніи, какъ будто какая-то высокая, непрочная стѣна стала между нею и мною... Почему, всякій разъ, какъ я представляю себѣ насъ, будущую чету, вдвоемъ, особенно, появившимся куда-нибудь въ люди, — рядомъ съ нами вырастаютъ

ей отецъ, и меня всего какъ-то брезгливо коробитъ отъ этого образа?

Мнѣ странно при мысли о нашемъ свиданіи! Неужели я такъ и встрѣчу ее, съ этими чувствами, встрѣчу ее, какъ чужой? О, Боже, освободи меня отъ этого демона, который овладеваетъ моимъ сердцемъ!

Вчера, за ночь, во время безсонницы—я совѣмъ теперь не могу отъ волненія спать по ночамъ—я придумалъ, какъ, не возбуждая ни въ комъ подозрѣнія, провѣрить навѣстѣе объ отцѣ Лизы. Я спросилъ о немъ у самого Барвинкова—его обвинителя. Вѣдь онъ съ нашей семьей лѣтъ двадцать знакомъ, меня помнитъ совѣмъ мальчикомъ, и еще тогда, молодымъ товарищемъ прокурора, бывалъ у насъ въ гостихъ чуть не каждый день. Съ нимъ въ разговорѣ можно будетъ такъ ловко направить бесѣду на тему о дѣлѣ Вельянского, что онъ и не замѣтитъ, какъ это случилось, и ему и въ голову не придетъ, что именно для этой цѣли я и въ гости къ нему пожаловалъ. Кстати, и навѣстѣе его можно не на дому у него, а въ судѣ, какъ будто случайно зайдя туда по дѣлу.

Въ 11 часовъ утра я отправился въ судѣ. Барвинкова еще не было. Нужно подождать. Отъ нечего дѣлать, вхожу въ залу засѣданія; тамъ оканчивался разборъ какого-то маленькаго дѣла. Говорилъ свою рѣчь прокуроръ, молодой блѣкурый пѣмель, въ повенкомъ парадномъ мундирѣ. Изъ его рѣчи я узналъ, въ чемъ обвинялся подсудимый— тотъ тщедушный, горбленый человекъ, что сидѣлъ на отдѣльной скамьѣ, за рѣшеткой. Онъ служилъ приказникомъ въ имѣніи и совершилъ растрату: первый разъ довѣрили ему какую-то большую сумму, онъ и закутилъ на чужія деньги. И цѣлую недѣлю кутилъ и пьянствовалъ, скрывался и отъ хозяйна, и отъ своей жены, прогулялъ все до конейки, а потомъ самъ во всемъ сознался. И на судѣ сознавался, и всемъ своимъ придавленнымъ видомъ показывалъ, что онъ живымъ отдается прокурору. И прокуроръ всего его такъ живьемъ и съѣдалъ въ своей рѣчи, совершенно спокойной и гладкой, но длинной и такой обстоятельной, какъ докладъ...

Маленькій человекъ, съ блуждающимъ и растеряннымъ взглядомъ, не выражалъ на своемъ лицѣ никакого впечатлѣнія отъ безпощаднаго краснорѣчія прокурора; не знаю, понималъ ли онъ даже его слова, какъ слѣдуетъ. Но впереди насъ, публики, на скамьѣ для свидѣтелей, сидѣла женщина—жена подсудимаго: она навѣрное ничего не понимала и, видно, мало даже слушала, но знала, что все это говорится *противъ* ея мужа, и что ему теперь не миновать осужденія, и она тихо плакала, заглушая платкомъ рыданія, чтобы не обезножить судей...

Послѣ прокурора заговорилъ защитникъ, но его я уже не слушалъ: швейцаръ объявилъ мнѣ, что „предсѣдатель пожаловали“, и я вошелъ въ кабинетъ Барвинкова.

Барвинковъ встрѣтилъ меня очень хорошо, совѣмъ не по-генеральски. Назвалъ попрежнему Володей, много разспрашивалъ обо всѣхъ нашихъ и въ частности обо мнѣ—все ли я такой же „дичокъ“ и вѣчно сижу за книгой, или уже „пустился въ свѣтъ“.

„Да, кстати“, спросилъ онъ, — „въ судѣ-то вы какъ, по какому случаю, понази? Или нарочно—къ мнѣ по дѣлу?“

Я выдумалъ, будто мнѣ сказали, что сегодня слушается большой уголовный процессъ объ отравленіи мужа женою, а къ нему, Барвинкову, зашелъ случайно.

Мы разговорились о судѣ, о новой службѣ Барвинкова. Я сталъ спрашивать, не скучаетъ ли онъ по прежней дѣятельности прокурора: не такъ вѣдь легко раззататься съ ораторскими успѣхами, хотя бы на трибунѣ обвинителя.

— Помните вы—наконецъ „подѣхалъ“ я—то впечатлѣніе, какое произвела когда-то въ городѣ ваша рѣчь, по дѣлу Вельянского?

Боже! Что бы я далъ, чтобы услышать отъ него отвѣтъ: „какого Вельянского? Я такого дѣла не знаю...“ Но этого не пришлось мнѣ услышать!

— А, этого событія фальшивыхъ билетовъ—весело воскликнулъ Барвинковъ, видимо польщенный. — Какже, отлично помню; и еще недавно перечиталъ отчетъ о немъ въ старыхъ газетахъ... Очень интересное дѣло—выдвигающее!

И онъ увлекся воспоминаніями—и сталъ много рассказывать объ этомъ дѣлѣ и, главнымъ образомъ, о своемъ въ немъ участіи; и увлеченный, онъ даже не замѣчалъ, какъ я вдругъ сталъ блѣднѣе полотно отъ его отвѣта, какъ я схватился рукою за грудь, и какъ сназмы давили мнѣ горло при каждомъ слѣдующемъ моемъ вопросѣ. Въ одномъ мѣстѣ, когда Барвинковъ уже готовился чуть не повторить чуть не недавно перечитанную имъ рѣчь по этому дѣлу, я довольно грубо перебилъ его и сдавленнымъ голосомъ спросилъ:

— Что за человекъ былъ этотъ Вельянский?

— Пустой дворничикъ! охарактеризовалъ Барвинковъ. — Красавецъ собою, жуиръ, промоталъ свое и женно имѣніи, влѣзъ въ долги, занималъ направо и налево, потерялъ кредитъ окончательно и тогда, съ компаніей мошенниковъ, сталъ сбывать фальшивыя деньги. Но по характеру, говорить, былъ человекъ добрый и мягкій—даже симпатичный. За это прислажили ему и снисхожденіе дали.

— Какъ его звали, вы не помните?—еще глуше спросилъ я, какъ игрокъ-фаталистъ, проигравшій все и ставящій послѣднюю карту, уже безъ всякой надежды на счастье.

— Вельянского? Иванъ Васильевичъ. И ихъ всѣхъ отлично помню: Горюновъ Викторъ Аркадьевичъ, Вальцъ Петръ Карловичъ, Мускатовъ...

Въ дверь просунулась голова секретаря, пришедшаго съ бумагами. Я наскоро простился съ Барвинковымъ и ушелъ изъ суда. Послѣдняя карта убита! Вельянской сосланы и зовутъ его Иванъ: онъ—несомнѣнный отецъ моей невесты! О, Дорошнъ, ты мой убійца, но ты скажешь правду...

Но, Боже мой, что же мнѣ дѣлать? Скрыть отъ меня *такую* тайну!.. Обмануть жену въ такомъ важномъ вопросѣ... И это моя избранница, это—та, въ комъ я подозревалъ воплощенное совершенство, кого въ подруги всей моей жизни назначила мнѣ злая судьба! Я не перенесу этого, я съ ума сойду отъ огорченія...

6 сентября.

За пять ночей бессонницы сегодня я былъ награжденъ первыми крѣпкими и долгими сномъ. Онъ могъ бы освѣжить меня и придать мнѣ бодрости, если бы не былъ смущенъ такими тяжелыми и, какъ на зло, необычайно связными видѣніями. Точно волшебство какое парочно усыпило меня, чтобы еще болѣе истерзать мучительными снами.

Пришлось мнѣ, что я присутствую въ нашемъ N-скомъ судѣ при разборѣ большого уголовного дѣла. Судятъ Горюновъ, Вальцъ, Мускатовъ и онъ—Иванъ Вельянский, по обвиненію въ сбытѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. На этотъ разъ я однако не въ публикѣ, а на трибунѣ прокурора—стою въ новомъ мундирѣ съ золотымъ шитьемъ на воротѣ и говорю рѣчь. Мнѣ поручено обвиненіе подсудимыхъ—и я поддерживаю его съ энергіей и страстью. Рѣчь моя—это громъ небесный, шпеносланный на всѣхъ подсудимыхъ, но особенно на него, Вельянского, этого красавца съ безсмысленными голубыми глазами—прекрасными, какъ у Лизы... Ему отъ меня пѣть пощадки. Я вспоминаю всю его жизнь—праздную, безвѣдную и расточительную, въ которой каждый шагъ—это чье-нибудь разореніе и обманъ: сначала своей бѣдной семьи, затѣмъ честныхъ людей, которые доверяли ему свои деньги, а потомъ уже всѣхъ и каждого, кого понало, кому достанется его фальшивая бумажка. «Эти люди не жнутъ и не сѣютъ», восклицаю я,—«а только потребляютъ плоды чужихъ трудовъ. Въ своей безумной жаждѣ праздныхъ наслажденій, они не останавливаются ни предъ чѣмъ—даже передъ преступленіемъ: теперь настала чаша расплаты. О, господинъ Вельянский!»—въ искреннемъ гнѣвѣ обернулся я къ нему—«ваша жизнь была сплошнымъ весельемъ, незаслуженнымъ пиромъ: пусть будетъ она для васъ широкъ Вальтасаровымъ, и пусть, какъ ошечный слова: «манн, фавель, фаресъ»,—съ этой праведной скамьи...»

Мнѣ не удалось окончить фразы. Произошло какое-то замѣшательство. Я оглинулся: на скамейкѣ, въ публикѣ, сидѣла Лиза и, уже не будучи въ силахъ сдержать дунившихъ ее рыданій, громко, на всю залу, плакала. Всѣ обратили вниманіе на эту прекрасную дѣвушку, въ такомъ отчаяннѣйшемъ лопаніи свои бѣлыя, красивыя руки, но я не былъ тронутъ и громко воскликнулъ: «Не вѣрьте ей, почтенные судьи! Она лжетъ, она притворается. Она слезами своими хочетъ вымолить у васъ прощенье для своего отца—преступника, но не трогайтесь этими слезами... Онъ—притворный, онъ—фальшивый, какъ тѣ деньги, которыми промышлялъ его отецъ... О, сударыня, какъ некусуно вы сбываете фальшивыя слезы!»

И я громко и злобно захохоталъ на своей трибунѣ. Лиза вскрикнула и упала въ обморокъ. Ее унесли изъ залы. Другія женщины также стали плакать, а я все хохоталъ, громкими раскатами смѣха дикаго и злораднаго, не какъ прокуроръ въ парадномъ мундирѣ, а какъ самъ сатана, страшнымъ, печеловѣческимъ хохотомъ.

Съ этимъ хохотомъ я и проснулся, весь облитый холоднымъ потомъ пережитого во снѣ волненія. Этотъ мучительный сонъ совсѣмъ разбилъ меня физически: онъ довершилъ собою терзанія послѣднихъ дней. Утромъ я едва всталъ съ постели и до самаго полудня двигался, какъ въ полуснѣ. Въ душѣ—усталость и пустота; острота чувствъ притупилась, или, вѣрнѣе, ихъ совсѣмъ не осталось въ сердцѣ; мысли, какъ облака, пролетали въ головѣ, скользя по разнымъ предметамъ, ни на одномъ не останавливаясь. О Лизѣ и даже объ ея отцѣ мыслить совсѣмъ не могу: силъ не осталось.

Въ такомъ настроеніи застаешь меня пощадки, когда почтальонъ приноситъ мнѣ первое письмо отъ Лизынки. Точно электрическимъ токомъ вдругъ ударяетъ меня въ сердце... дрожащею рукою хватаю посланіе невесты... пѣчто въ родѣ надежды пробивается въ измученную душу. Въ головѣ стучитъ одинъ вопросъ: «напишетъ ли она мнѣ что-нибудь о своемъ отцѣ?» Я глазами забѣгаю при чтеніи впередъ, оглядываю сразу пѣлыя страницы, не обращаю вниманія на смыслъ письма. Я загадалъ: если она упомянетъ слово «отецъ», то значитъ, она не боится разговора о немъ, она случайно молчала объ его судьбѣ, но крайней мѣрѣ, она—счастливая дѣвушка. Въ противномъ случаѣ... И опять, весь поглощенный этой рискованной ставкой, весь облитый азартомъ игрока, я жадными глазами искалъ въ письмѣ этого короткаго слова «отецъ». Но все было напрасно: она упорно обходила это имя, она ни разу его не вспомнила, какъ будто у нея совсѣмъ не было отца. Въ одномъ мѣстѣ письма Лиза сообщала мнѣ о щедрости своей тетки: «представъ себѣ, милый, ко дню нашей свадьбы она намѣрена подарить мнѣ замѣчательное, дорогое кольцо, которое когда-то она обѣщала, но не успѣла подарить моей бѣдной, покойной мамѣ». Мамѣ, мамѣ!.. Что мнѣ до твоей мамы? Лучше бы ты объ отцѣ своемъ написала мнѣ, лукавал!

Сколько пѣжностей въ этомъ письмѣ—просто растаять можно! Въ другое время я, глупецъ, навѣрное и растаялъ бы отъ этихъ жаркихъ словъ и плакать бы надъ ними отъ умиленія, и цѣловалъ бы безъ конца эти «милыя строки». Но теперь мнѣ не до того: теперь голова моя запята болѣе серьезнымъ дѣломъ, теперь вопросъ только объ ея отцѣ, и всѣ эти пѣжности дѣйствуютъ на меня очень слабо.

Но любознѣтна эта торопливость, съ которою она хочетъ устроить нашъ бракъ. «Здѣсь такъ хорошо»—воркуетъ она,—«въ этомъ старомъ, большомъ деревенскомъ саду, съ его тихими, широкими аллеями, уже усыпанными пожелтѣвшей листвою... Такой миръ, такая отрада царствуетъ въ душѣ, чувствуешь себя точно въ раю... Но я безъ всякаго сожалѣнія расстаюсь съ этимъ раемъ: тамъ, въ нашемъ душномъ городѣ, ждетъ меня еще лучшій рай: свиданіе съ тобой, мой милый, твоя любовь и твои ласки, а тамъ, всего *черезъ нѣсколько дней*, и блаженство стать навѣки твоимъ... Боже, какъ легко у меня на душѣ. Что можетъ быть лучше *этого* счастья—знать, что счастьемъ твоимъ уже ничто не помѣшася, быть увѣренной въ его неизбѣжномъ приходѣ!»

Вы такъ увѣрены въ нашемъ союзѣ, сударыня? Ну-съ, очень радъ за васъ! Но за то я—я далеко не увѣренъ, я начинаю въ немъ сильно сомнѣваться...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Стихотвореніе.

Въ нѣмыхъ волнахъ разлуки и забвенья
Потухнетъ солнце яркое любви...
Послѣдніе лучи его лови,
Послѣднія счастливыя мгновенья!

Когда кругомъ ступятъ тѣни ночи,
Когда останусь я одинъ въ слезахъ,

Пусть свѣтятъ мнѣ, какъ звѣзды въ небесахъ,
При разставаньи плакавшія очи...

Смотри, какой огонь, какія краски,
Какъ вечеръ тихъ и какъ хорошъ закатъ!..
Но въ золотѣ—какъ осенью—нашъ садъ,—
И я боюсь твоей пропальной ласки...

Р. Х.

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Статья V. (Съ 3 рисунками.)

Рядомъ съ отдѣломъ горнаго дѣла и металлургіи, о которомъ мы говорили прошлый разъ (№ 28 *Нивы*), въ центральномъ зданіи расположенъ обширный отдѣлъ издѣлій изъ волокнистыхъ веществъ. Войдя въ отдѣлъ, прежде всего поражаешься въѣдливъ блескомъ и богатствомъ. Кругомъ громадные, дорогія витрины. Прямо у входа оригинальная витрина въ видѣ корабля; гнгантская мачта съ фонаремъ и вымпеломъ почти соприкасается со сводами высокаго потолка; на носу флорентійскій геній торговли, ногою опирающійся на глобусъ. Витрина эта, возбуждающая общее вниманіе, обоилась Тверской мануфактурѣ въ 75,000 руб., но не менѣе цѣнныя витрины соорудили

и другія фирмы. Вотъ витрина въ стилѣ рококо, другая въ стилѣ ренессанса, вся бѣлая, витрина краснаго дерева, витрина—корабликъ, совершенно оснащенный и везущій грузъ льна и холотенъ. Общая стоимость витринъ въ этомъ отдѣлѣ, по приблизительной оцѣнкѣ, достигаетъ почтенной суммы 2 милліоновъ рублей. Нельзя не пожалѣть этихъ затратъ и главнымъ образомъ потому, что желаніе представить свой отдѣлъ съ особымъ эффектомъ заслонило болѣе общую и негнгантную цѣль—сдѣлать его нагляднымъ. Вновь забыта публика. Грандіозныя витрины, красиво разложенный въ нихъ товаръ и лишь въ видѣ исключенія ярлычки на товарѣ, объясняющіе

Норвежскій ландшафтъ. Съ карт. Смитъ-Гальда грав. Кирмае.

его качество, его цену, указывающие на значение выставленных экспонатов. Публики предоставляется ходить по отряду, любоваться красиво разложенными умелю рукою декоратора товарами за стеклом дорогих витрин, чувствовать возрастающее богатство мануфактурных фирм и, ничему не научившись, ничего толком не поняв, удалиться. Точно публики гоголевския крики: — пришли, поюхали и ушли. Оттого-то, быть-может, в этом отряде так мало публики. А между тем здесь столько поучительного, столько интересного — это один из наиболее полных отрядов выставки.

В первой большой залъ издѣлн изъ хлопка; въ нее въходите черезъ витрину-корабль Тверской мануфактуры, о которой мы только что сказали. Здесь среди образцовъ, въ изобилн разложенныхъ на окнахъ, въ раковинахъ, развѣшанныхъ, обмотанныхъ на якорь и пр., разныхъ бумажныхъ товаровъ отмѣтимъ набивной бархатъ, печатанн ситцевъ и другихъ тканей — ихъ названнмъ нѣтъ числа, онѣ мѣняются ежегодно, также слѣду моды — многими красками, гофрированными тканн и пр. Эти витрины служатъ нагляднымъ показателемъ первенствующаго значенн личности въ предпрннн. Года три тому назадъ въ это дѣло вошли новыя энергичныя силы, и, посмотрите, фабрика, производившая послѣднн годы завидный товаръ, быстро пошла въ гору и стала работать въ уровень съ первоклассными силами. Уже на прошлогодней Нижегородской ярмаркѣ нѣкоторые изъ товаровъ Тверской мануфактуры заставили конкурентовъ призадуматься. Мануфактура, кромѣ того, выставила прекрасные образцы пряжи. Вазаское акционерное общество въ скромной витринѣ экспонируетъ характерныя финскня товары; замѣчательны по своей дешевизнѣ занавѣси, много новыхъ рисунковъ, появились и многоцвѣтныя. Шуйская мануфактура и рядомъ съ всю товарищество Ясюненскихъ, кромѣ тканей, выставила образцы хлопка, ровницы и пряжи. Прекрасную пряжу экспонируетъ и Невская бумагопрядильня; здесь есть образцы № 250, а изъ русскаго хлопка № 80 основы и № 60 утокъ. Альбертъ Гюбнеръ въ большой витринѣ даетъ образцы набивного бархата и дивныя шелковыя матерн; нѣсколько рисунковъ Ватто, напечатанныхъ въ 14 красокъ, — верхъ совершенства. Мануфактура Гейнцеля и Куинцера въ Лодзи выставила бумажныя салфетки, платки, бѣлье, все отбѣленное новымъ электрическимъ способомъ, изобрѣтеннымъ русскимъ инженеромъ Степановымъ; тутъ же — прнятное неключенн — панорама фабрики. Вообще если въ отрядѣ встрѣтите виды фабрики, фотографическня снимки съ работъ, то лишь въ витринахъ лодзинскихъ или вообще западныхъ фабрикантовъ, москвичи постарались показать лишь товаръ лицомъ. Интересна небольшая витрина первой московской почти-точно-красильной фабрики, которая экспонируетъ крапленн бумажную пряжу прямо въ начаткахъ, т. е. намотанныя на катушкахъ. Какъ извѣстно, обыкновенно окрашиваютъ или нитку или, что рѣдко, хлопокъ, изъ котораго затѣмъ уже выривается пряжа; экспертиза намъ скажетъ, насколько удаченъ способъ окраски въ начаткахъ. Прекрасные образцы окраски даетъ фабрика Франца Рабенекъ. Осмотрѣвъ витрины товарищества Кошнина — вса въ русскомъ стилѣ — и Данловской мануфактуры, въ которыхъ выставлены ткани, подходящн къ небольшой витринѣ г. Буракина; въ ней собраны образцы пвановскихъ ситцевъ за время съ 1691 по 1850 годъ. Эта коллекцн очень поучительна, по ней видите ходъ постепеннаго роста нашего производства. Навнныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и характерныя рисунки конца XVII столѣтн постепенно видоизмѣняются, становятся сложнѣе, технически болѣе трудными и, наконецъ, достигаютъ настоящаго совершенства — сказали бы мы, если бы намъ вѣкъ не показатъ, что развитн промышленности безирѣдѣльно. Но здѣсь необходимо оговориться, — всѣ тѣ прекрасныя рисунки, напечатанныя или набиты въ 12 и 14 красокъ, о которыхъ не могли и мечтать фабриканты нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, — столь технически трудно выполнимы они, — не плодъ знанн и творчества нашихъ художниковъ; почти всѣ они за большн деньги привезены изъ-за границы. Вѣдннсть творческой фантазн въ средѣ нашихъ фабрикантовъ, отсутствие стремленн насаждаъ художественно-промышленное образованн — явленн характерное, объясняемое отсутствемъ вѣковой культуры. По оно исчезаетъ; у насъ уже не мало теперь фабрикантовъ съ высшимъ техническимъ образованнемъ, они и заводятъ рисовальныя школы. Продолжаемъ осматривать. Большая Ярославская мануфактура — одинъ изъ первыхъ пионеровъ насажденн плантацн хлопка въ Средней Азн — выставила большую коллекцн пряжи и притомъ прекрасно развѣщенную; здѣсь посетитель ясно видитъ положенн дѣла: на каждомъ экспонатѣ ярлыкъ, его объясняющнй. Въ совершенн противоположномъ духѣ выставляетъ Кенингъ-младшнй; его витрина съ большими претензнми, изъ пряжи сдѣланъ египетскнй храмъ, фонтаны и прочня затѣйныя украшенн, но объясненн нѣтъ. Въ красивой витринѣ экспонируетъ Карлъ Шейблеръ, имя котораго тѣсно связано съ развитемъ хлопчатобумажной мануфактуры въ Лодзи. Фабрика основана въ 1834 году въ незначительномъ, расположенномъ вблизи прусской границы, городѣ съ нѣсколькими

тысячами жителей. Въ городѣ уже было нѣсколько бумагопрядильн и имѣлся конгигентъ рабочихъ ткачей — германскихъ выходцевъ, но всѣ онѣ далеко не находились въ цвѣтущемъ положенн. Но благодаря энергн и знаннмъ Карла Шейблера и могущественной поддержкѣ хорошо организованное дѣло пошло настолько хорошо, что по стопамъ Карла Шейблера пошли и другн предпрннматели, и въ настоящее время въ Лодзи насчитывается до 400 фабрикъ съ производствомъ ежегодно на 69 миллионъ рублей. Лодзинцы притомъ постоянно совершенствуются, стараются ввести новыя техническня усовершенствованн, новыя прнемы торговли. Такъ, за время послѣ 1882 г. ими введена набивная бумаза, пылъ всѣмъ извѣстная и перенятая москвичами, а также буксинъ — бумажное трико, конкурирующее съ шерстянымъ трико. Лодзинцы же вводятъ и продаютъ черезъ коммн-вожеровъ, т. е. давно уже прнннтый за границей и представляющнй болѣе совершенный прнемъ торговли; за лодзинцами теперь тянутся и москвичи, заводы своихъ коммн-вожеровъ. Быстро перебѣгая съ мѣста на мѣсто, съ однимъ лишь чемоданчикомъ въ рукѣ, въ которомъ сгруппированы образцы новаго товара, коммн-вожеры появляются вездѣ, отбираютъ заказы даже отъ среднихъ торговцевъ, — такъ какъ всегда на мѣстѣ могутъ узнать объ ихъ кредитоспособности, узнать о вкусахъ, привычкахъ жителей, объ экономическомъ положенн населенн и оказываются одинаково полезными какъ для фабриканта-продавца, такъ и для торговца-покупателя. Фирма Карла Шейблера, кромѣ образцовъ своего производства — пряжи и тканей — выставила большн фотографн видовъ фабрики. Рядомъ — витрина короля набивного и печатнаго дѣла — Цинделя; около этой витрины, вѣроятно, подолгу будутъ останавливаться наши барыни, столь красивы въ ней бархаты, крепонъ, зефиръ и другн матерн; но ситцевъ — т. е. болѣе ходкаго своего товара, онѣ не выставили. Въ витринѣ его конкурента — Товарищества прохоровской трехгорной мануфактуры, устроенной въ видѣ бесѣдки, также не мало новаго и прекраснаго. Здѣсь также бархаты — удивительно мягкихъ, такъ сказать, благородныхъ рисунковъ; мануфактура вообще шеголяетъ рисунками и притомъ — что самое важное — во многихъ случаяхъ скопированными въ мастерскихъ фабрики; интересна бумажная матерн, точная копн стариннаго голбелена, красиво гофрированная шелковыя матерн, названная фабрикой „Амбре“ и пр. Фабриканты пуноцкихъ матерн также отличились рисунками, здѣсь, между прочимъ, обратите вниманн на ткани, удивительно подражающн парчѣ — онѣ идутъ на Востокъ на халаты. Красивы и интересны затѣмъ витрины Богородско-Глуховской мануфактуры, Ярицевской, выставившей прекрасныя и хорошо поясненныя образцы пряжи; Собинской съ ея нитками высокой отбѣлки, Видулы Морозова, экспонирующаго пряжу изъ русскаго хлопка, бархаты (въ набитомъ видѣ онѣ выставлены многими мануфактурами и пр.). Изящна и оригинальна витрина Познанскаго съ массою товара, и рядомъ съ нею Никольской мануфактуры, столь славищейся своимъ бѣльевымъ товаромъ, который вполне успѣшно конкурируетъ съ льняными издѣлнми. Чтобы не утомлять читателей, мы не будемъ перечислять менѣе выдающнся фирмы, укажемъ только на двѣ фирмы: Невскую шпичную фабрику и Лодзинскую шпичную мануфактуру, выставившия нитки; одна изъ нихъ экспонируетъ гигантскую катушку, на которой намотана нитка въ 607 верстъ — разстоянн отъ С.-Петербурга до Москвы. Какъ и релъсь Дружковского завода въ горномъ отрядѣ, эта катушка не имѣетъ никакого экономическаго значенн и лишь указываетъ, что на заводѣ имѣются очень хорошия машины.

Въ чемъ же проявились наибольшня успѣхи въ нашемъ хлопчатобумажномъ дѣлѣ? Дѣйствительно ли отмѣчается крупный ростъ его или, блестяще проявившись къ выставкѣ 1882 года, оно дало лишь небольшня техническня улучшенн? Нѣтъ, и минуши 14 лѣтъ мирнаго царствованн Императора Александра III оставили глубокнй слѣдъ прогресса въ этой промышленности. Она окрѣпла, капиталъ въ дѣлѣ значительно разросся, что очень важно, такъ какъ въ настоящее время, чѣмъ болѣе предпрнннте, тѣмъ съ болѣею выгодностью для потребителя оно работаетъ, тѣмъ болѣе самостоятельно оно ведетъ дѣло, согласно съ национальными выгодами. Увеличенн капиталовъ дало возможность заняться хлопководствомъ въ нашихъ новыхъ владѣннхъ въ Средней Азн. Оно возникло здѣсь давно, но прочную постановку ему дали усилн нашихъ мануфактурнстовъ, которые затрагали не мало денегъ и труда, чтобы добиться успѣха. Они выдавали задатки туземцамъ, ввели американскня сѣмена и усовершенствованныя машины для очистки хлопка и достигли того, что въ настоящее время 1/4 часть всего потребляемаго у насъ хлопка — русскаго происхожденн. На первый взглядъ это обстоятельство далеко, однако, не имѣетъ такого важнаго значенн, какъ въ дѣйствительности: оно поистнн громадно и совершенно искушаетъ тѣ немалыя жертвы — въ видѣ тяжести высокихъ таможенныхъ пошлинъ — которыя привлекло населенн для развитн этого дѣла. Нужно замѣтить, что весь XIX вѣкъ, а особенно вторая половина его, ознаменовались небывалымъ прежде ростомъ фабричнаго производства. Всѣ страны Европы и Америки не щадятъ усилий, чтобы развить у себя промышленность; за послѣднее время къ этому

стремлению примыкает и Востокъ, Японія, Остъ-Индія, которыя въ немногo лѣтъ дѣлаютъ огромные успѣхи. Возникаетъ конкуренція, стремящаяся удешевить производство, развитъ его въ тѣхъ странахъ, гдѣ по географическимъ и мѣстнымъ условіямъ оно наиболее выгодно, и поставить въ невозможность развивать его въ другихъ странахъ. Естественно же оно наиболее выгодно въ тѣхъ странахъ, гдѣ растетъ матеріалъ производства — хлопокъ. Вотъ почему страны хлопководства — Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Остъ-Индія, Россія — за послѣднія десятилѣтія сдѣлали такіе колоссальные успѣхи въ своей хлопчатобумажной промышленности. Въ настоящее время бумажныя ткани стали совершенно пародовать товаромъ, потребленіе котораго ежегодно возрастаетъ; весьма важно поэтому, чтобы онъ производился въ Россіи, залогомъ же дальнѣйшихъ нашихъ успѣховъ въ этомъ отношеніи и является русскій хлопокъ. Параллельно съ развитіемъ хлопководства шло у насъ и изготовленіе пряжи. Таможненное покровительство обыкновенно начинается съ готово-го продукта, въ данномъ случаѣ — тканей; онѣ облагаются постепенно все повышающеюся пошлиною, тогда какъ пряжи и краски ввозятся еще безошлнно. Когда же производство тканей является уже прочно поставленнымъ, стѣсняють ввозъ полуфабриката — пряжи, и тѣмъ достигаютъ развитія ея производства. Къ московской выставкѣ 1882 года производство тканей въ Россіи уже достигло совершенства, но въ отношеніи пряжи мы во многомъ зависѣли еще отъ иностранцевъ: ея привозили къ намъ на почтенную сумму въ 15 милліоновъ рублей. Съ тѣхъ поръ пряженіе у насъ сильно окупилось и развилось технически. Возникли крупныя прядильни, открылись и прядильныя отдѣленія при ткацкихъ фабрикахъ, и нынѣ мы ввозимъ пряжи не болѣе какъ на 2—3 милліона ежегодно; все это высокіе нумера пряжи, которые производятъ въ такомъ совершенствѣ Англія, и которые вывозятся изъ нея всѣми странами, такъ какъ ихъ требуется сравнительно немного, а производство стоитъ дорого и, по общему закону, тѣмъ дешевле, чѣмъ больше — кто же можетъ конкурировать въ этомъ отношеніи съ Англіей, которая производитъ ихъ на весь міръ. Технические успѣхи выразились въ повышеніи номера пряжи, изготовляемой у насъ; въ 1812 г. всѣ номера выше № 60 ввозились изъ-за границы, нынѣ наши фабрики, какъ общее правило, работаютъ до № 80 — 100; на выставкѣ, какъ мы видѣли, есть образцы и № 250, что доказываетъ, что фабриканты справились и съ ихъ изготовленіемъ, но выгоднѣе покупать за границей. Затѣмъ у насъ возникли шпичныя фабрики — еще недавно всѣ шпичи, требующія для своего изготовленія высокіе нумера пряжи (№ 125), ввозились изъ Англіи. По экспонируемымъ же на выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ образцамъ мы видимъ, что эти фабрики хорошо поставлены. Технические успѣхи, и весьма большіе, сказались и въ изготовленіи тканей. На выставкѣ мы видѣли много новаго и труднаго, какъ въ рисункѣ и фасонѣ самыхъ тканей, такъ и въ рисункахъ на нихъ. Многія ткани напечатаны 12—14 красками, что конечно далеко не легко; безусловно прекрасенъ бумажный набивной бархатъ, бѣлѣвой товаръ (полубатистъ), гофрированныя матеріи и пр. Но — безъ „но“ и здѣсь не обойтись — на выставкѣ въ хлопчатобумажной группѣ нѣтъ ничего свѣжаго, новаго, „самобытнаго“, какъ принято у насъ иногда выражаться. Все это прекрасное подражаніе иностранному; въ копированіи иностраннаго достигнуто совершенство, но своей оригинальной мысли, своего новшества — не замѣтно. Такъ, большая часть рисунковъ получается изъ-за границы.

За послѣднее время замѣтно у насъ стремленіе вызвать экспортъ нашихъ бумажныхъ тканей. Для того, чтобы рѣшить вопросъ, насколько укоренилось это столь важное движеніе, особенно въ виду того положенія, которое Россія занимаетъ въ Азіи и вообще на Востокѣ, необходимо, между прочимъ, знать, возникаютъ ли у насъ большія торговныя фирмы, работающія только на экспортъ. Это необходимо знать потому, что успѣхъ экспортнаго дѣла страсть Западна Европы въ значительной степени обязать такимъ фирмамъ, возникшимъ какъ плодъ многолѣтняго

опыта. На Западѣ фабрикантъ не входитъ, какъ у насъ, въ сношеніе съ потребителемъ и не можетъ входить, такъ какъ для полученія техническаго совершенства своего товара и для наибольшаго сокращенія стоимости производства онъ работаетъ всего нѣсколько сортовъ. Фирма-посредникъ изъ товаровъ многихъ фабрикъ составляетъ ассортиментъ товара, требующійся тою или иною страной, гдѣ у него есть агентъ. Возникновеніе этихъ фирмъ, какъ видите, тоже основано на принципѣ сокращенія издержекъ производства, такъ какъ одинъ агентъ этой фирмы служитъ цѣлямъ многихъ фабрикъ. Но, виноваты, я забылъ, что на нашей выставкѣ нѣтъ выставкѣ торговли, и мы совершенно напрасно искали бы разрѣшенія естественнаго возникшаго у насъ, при осмотрѣ выставки, вопроса. Но есть косвенныя указанія; одна крупнѣйшая фирма, глава которой претендуетъ играть роль не только скромнаго фабриканта, но и безапелляціоннаго знатока всего нашего промышленно-торговаго дѣла, наивно хвастается на выставкѣ тѣмъ, что ея фабрика производитъ тысячъ сортовъ товара. „Во всемъ мірѣ, самодовольно хвастается приказчикъ, сидящій въ мавзоль-витринѣ фирмы, не найдется фабрики, которая работала бы столько сортовъ“. Представьте себѣ, во что бы обошлось этой фирмѣ содержаніе заграничныхъ агентствъ, чтобы сбывать всѣ эти сорта; въ одну мѣстность ихъ не помѣстить: каждая мѣстность требуетъ немногіе ясно опредѣ-

Отдѣлъ издѣлій изъ волокнистыхъ веществъ. Издѣлія изъ хлопка.

ленные и своеобразные сорта. Не пришлось ли бы поэтому еще увеличить число сортовъ? — Нѣтъ, не пришлось бы, такъ какъ такая фирма не способна къ экспорту — она не выдержитъ конкуренціи съ любою изъ западно-европейскихъ фабрикъ, вырабатывающей немного сортовъ, но громадными партиями. Наша же фирма не болѣе, какъ дилетантъ въ западно-европейскомъ смыслѣ, хотя бы это дилетанство и приносило 3½ милліона чистаго дохода.

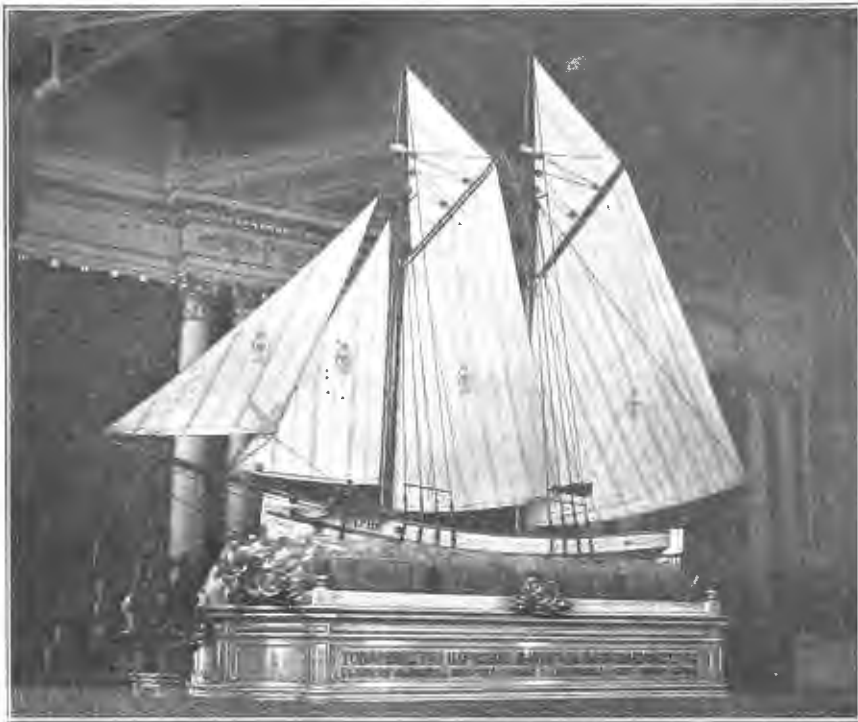
Что наша хлопчатобумажная мануфактура еще не дозрѣла до экспорта, косвенно можно видѣть и по другимъ даннымъ. Для этого на минуту оставимъ отдѣлъ издѣлій изъ прядильныхъ матеріаловъ и пройдемъ въ машинный отдѣлъ. Во всемъ мірѣ промышленность, лишь только окупается, встаетъ на ноги и вырабатываетъ себѣ крупныя капиталы, стремится сдѣлаться совершенно самостоятельной, избавиться отъ помощи иностранцевъ. Конечно цѣлью въ этомъ отношеніи является возможность полнаго устройства фабрики отечественными силами. Однимъ изъ благотворныхъ послѣдствій образованія фабрикантами крупныхъ капиталовъ и считается насажденіе ими внутри страны большихъ механическихъ заводовъ. Посмотримъ, что сдѣлали наши хлопчатобумажные милліонеры. Въ великолѣпномъ зданіи машиннаго отдѣла въ группѣ машинъ и приборовъ для обработки волокнистыхъ веществъ всего 24 экспонента, изъ нихъ большинство изъ Лодзи; выставляютъ они преимущественно станки, употребляемые въ ткацкихъ производствахъ, и ихъ принадлежности, затѣмъ хлопковый прессъ, и нѣсколько принадлежностей прядильнаго дѣла. Словомъ, не только нѣтъ полнаго устройства хлопчатобумажной мануфактуры, но прямо видно, что нашими фабрикантами ничего въ этомъ отношеніи не сдѣлано. Мы непрежнему получаемъ ма-

шины из Англии, которая притом готова их специально для России, так как в силу особых условий таможенного обложения и стоимости рабочих рук, нам нужны машины этого типа, чем употребляемые в Англии. Но считаем долгом оговориться. В отделе есть несколько машин Московского товарищества механических изделий; их немного, так как оно основано весьма недавно, но сложность конструкции машин доказывает, что товарищество имеет все шансы развиваться. Пожелаем же ему успеха: оно основано крупными фабрикантами, т. е. является тем предприятием, возникновение которого мы в правде были ожидать уже давно.

Но обратимся к другим группам мануфактурного отдела. Рядом с хлопчатобумажными изделиями выставлена вата; один из экспонентов соорудил целый дом, представляющий Сухареву башню в Москве, из хлопка. Далее тюль, кружева, прошивки. Хорошо известный нашим дамам торговый дом Тимашева выставил блестящие прошивки (broderies), накидки на кровати, отделки по тюлю, газу и пр. Две тюлевые фабрики соорудили громадные витрины, в которых великолепно демонстрируют прекрасными изделиями. Как новость, выставлены занавеси с золотой или цветной ниткой; такая занавесь новость и за границей. Тут же целый ряд не меньших витрин с шелковыми изделиями. Между ними, конечно, первое место занимает парча. Фирма Саножниковых выставила образцы тканей, изготовленных к Священному Коронованию Их Величеств Государственных знамя и порфира, которые, как говорят, впервые были исполнены в России, останавливают внимание всех посетителей отдела. Интересна и материя на платье, в день Коронования, Государыни Императрицы. Фирма представила также полное производство шелкового дѣла, начиная с размотки коконов до окончательной отделки товара. Фирма Гужонь блестяще пестрогкаными материями и бархатом; центр окна витрины занимает искусство скомпанованный из бархата многих оттенков государственный герб. Красивы также материя на платье, мебельная, атлас, кашемир и пр. Наши дамы в-

части приниматься мѣры къ распространению среди населения любви къ шелководству.

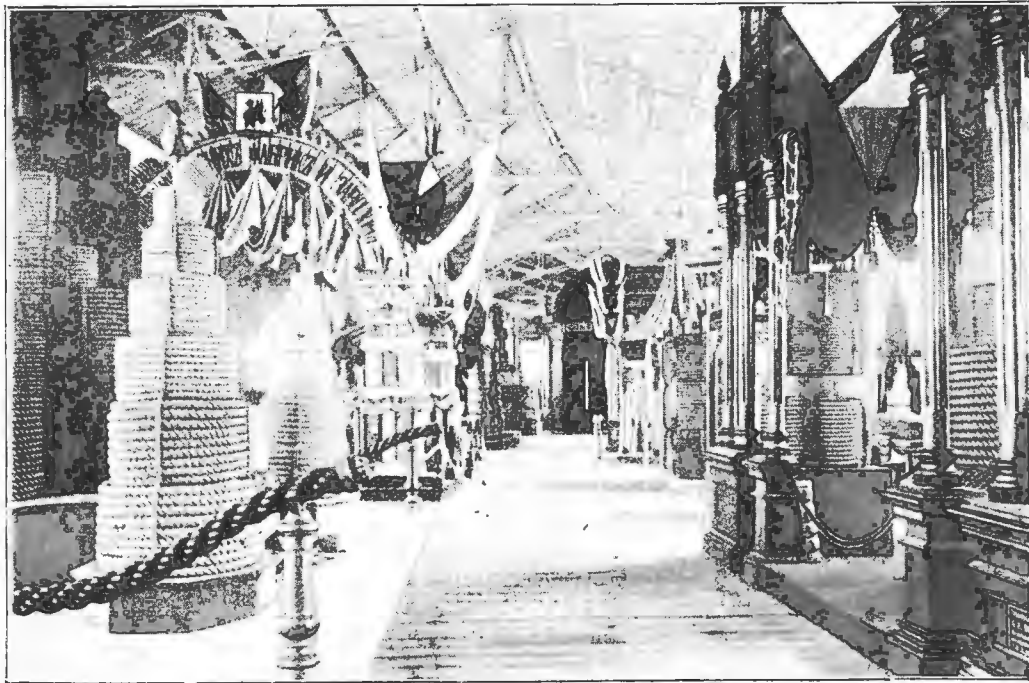
Лень, пенька, джуты фигурируют на выставкѣ значительно большимъ числомъ экспонентовъ, чѣмъ ихъ было на выставкѣ 1882 года. Но, судя по этому, нельзя сказать, чтобы за периодъ,

Отделъ изделий изъ волокнистыхъ веществъ. Изделия изъ льна. Товарищество Нарвской льно-прядильной мануфактуры.

протекшій съ этого времени, выросло наше производство льняныхъ и пеньковыхъ изделий. Это производство искони русское — известно, что еще въ сѣдой древности Великій Новгородъ и Псковъ торговали полотнами. Въ началѣ текущаго столѣтія мы отцуждали на крупно-европейскихъ рынкахъ, которые пользовались на западно-европейскихъ рынкахъ заслуженною известностью. Но теперь мы почти не вывозимъ льняныхъ изделий, но зато являемся важнѣйшими поставщиками льна-сырца: почти 80% всего производства льна приходится на долю России. Причина такого перелома, крайне для насъ неблагоприятная, заключается въ введеніи на западѣ Европы механическаго качества и прядения. У насъ же до сего времени много льна перерабатывается ручнымъ способомъ мастерскими Ярославской, Костромской, Владимирской и другихъ губерній. Кроме того, не слѣдуетъ забывать частливой конкуренціи хлопка и сокращенія спроса на парусный полотно, вследствие замѣщенія парусныхъ судовъ паровымъ флотомъ, и на полотно для покрывшекъ, вследствие уничтоженія гужевой перевозки. Тѣ фабрики, которыя прекрасно поставлены у насъ, тѣ хорошо и работаютъ и могутъ постепенно развивать свою дѣятельность. Судя по выставкѣ, у насъ не прибавилось такихъ фабрикъ, но тѣ, которыя существовали ранѣе,

сдѣлали крупныя успѣхи. Въ льняной фабрикаціи наиболѣе трудными въ техническомъ отношеніи изделиями считаются платки и тонкое узорчатое (камчатное) полотно. Пройдитесь по выставкѣ, и вы легко убѣдитесь, насколько хорошо работаютъ теперь эти товары наши фабрики. Красивы смѣшанныя — шелкъ со

Отделъ изделий изъ волокнистыхъ веществъ. Канаты.

роотно замѣтить, что здѣсь большая часть рисунковъ модные. Наше шелковое дѣло мало двинулось впередъ за время съ московской выставки въ смыслѣ количественнаго распространения тканей, главнымъ образомъ въ виду паденія у насъ производства шелка-сырца. За послѣднее время впрочемъ на-

сдѣлали крупныя успѣхи. Въ льняной фабрикаціи наиболѣе трудными въ техническомъ отношеніи изделиями считаются платки и тонкое узорчатое (камчатное) полотно. Пройдитесь по выставкѣ, и вы легко убѣдитесь, насколько хорошо работаютъ теперь эти товары наши фабрики. Красивы смѣшанныя — шелкъ со

льномъ — скатерти и салфетки. Много новыхъ и разнообразныхъ мебельныхъ пеньковыхъ тканей, а въ канатномъ дѣлѣ новостью являются канаты изъ манильской пеньки. Група льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій интересна и съ вѣшной стороны. Открывается она кораблкомъ, сооруженнымъ столѣ славящейся своимъ паруснымъ полотномъ фабрикою въ Нарвѣ; затѣмъ черезъ высокую витрину-портникъ Мелеиковской мануфактуры входимъ въ галерею со строгими витринами льняныхъ фабрикантовъ и грудами канатовъ, расположенныхъ красивыми грудами.

Слѣдующая большая зала залита издѣльями изъ шерсти. Какъ московскій районъ первенствуетъ по производству хлопчатобумажныхъ издѣлій, такъ въ шерсто-ткацкомъ и придельномъ дѣлѣ пальма первенства принадлежитъ западному району, который и выставляетъ много образцовъ какъ суконъ, такъ и все болѣе вытѣсняющихъ ихъ трико. Тутъ дѣйствительно прогрессъ, и прогрессъ несомнѣнный, такъ какъ наибольший успѣхъ отмѣчается въ той области шерстяного дѣла, которая на московской выставкѣ 1882 года была признана болѣе отсталой, а именно въ изготовленіи камвольной пряжи, необходимой для приготовления безворсовыхъ тканей — трико. Кромѣ того, въ этомъ отдѣлѣ интересны шерстяныя одѣла, бобринскъ, байка и проч.

Намъ остается еще, чтобы закончить описаніе отдѣла, сказать про ковры. Они выставлены въ большихъ витринахъ-комнатахъ, украшеніемъ которыхъ они какъ бы и являются. Читатель улыбается, онъ привыкъ видѣть оліопаглы и рутинные рисунки русскихъ ковровъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить украшеніемъ. Это такъ было еще недавно, теперь же у насъ изготавливаются положительно прекрасныя ковры, хотя и не вполне самостоятельно, а по заграничнымъ рисункамъ. Особенно хороши ковры варшавской фабрики Бруно-Бендеръ, легко преодолевающей трудности подражанія французскимъ образцамъ; она выдѣлываетъ шерстяныя ковры и продаетъ ихъ сравнительно дешево. Обращаетъ на себя всеобщее вниманіе выставленный фирмой гигантскій коверъ, 12 аршинъ въ длину и столько же въ ширину. Русскіе фабриканты экспонируютъ преимущественно бархатныя ковры.

Къ рисункамъ.

Къ чему намъ спрашивать цвѣты? (Рис. на стр. 771.)

Къ чему ихъ спрашивать, эти цвѣты, которые онъ съ такимъ усердіемъ всего полчаса тому назадъ собиралъ, бѣгая съ ней по лугамъ, по полямъ, по лѣсамъ? Къ чему спрашивать цвѣты, когда его глаза говорятъ въ тысячу разъ больше, когда бющее сердце подсказываетъ такъ много, даетъ такой ясный, правдивый отвѣтъ? Развѣ знаютъ цвѣты, какъ не спать онъ цѣлыя ночи, думалъ о ней, развѣ скажутъ цвѣты, какъ любить онъ ее, развѣ могутъ они передать то, что испытываетъ онъ, сидя здѣсь, подлѣ нея, слыша біеніе ея сердца, чувствуя ея прерывистое дыханье?

Къ чему же спрашивать цвѣты?

Проклятое мѣсто. (Рис. на стр. 774.)

Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе мрачное, болѣе тяжелое и давящее васъ, чѣмъ эта страшная картина, одна изъ самыхъ страшныхъ, какія висятъ на стѣнахъ Третьяковской галлерей. Тутъ все мрачно. Мрачны темныя длинныя кресты, мрачны скорчившіеся въ мукахъ каменные, мрачна черная земля, туча темно-синяя, почти черная, грозно нависшая сверху. Картина написана въ нѣсколько тоновъ и выдержана въ совершенно темныхъ краскахъ, и это однообразие колорита и его чернота еще болѣе усиливаютъ и безъ того ужасное впечатлѣніе, какое производитъ „Проклятое мѣсто.“ Это знаменитый Campus sceleratus *) — поле, недалеко отъ Рима, гдѣ происходили публичныя казни преступниковъ. Здѣсь въ дни Нерона, Диоклетіана распинали цѣлыми тысячами христіанъ. Ужасно должно было быть зрѣлище этой тысячи крестовъ, тинувшихся на цѣлыя версты, когда воздухъ дрожалъ отъ воплей и стоновъ умирающихъ, криковъ и рыданій ихъ родныхъ и близкихъ. Одинъ изъ такихъ близкихъ изображенъ художникомъ на этой картинѣ: онъ въ полномъ изнеможеніи дежуритъ на землѣ у креста, на которомъ только что скончался послѣдній вздохъ его любимый сынъ, можетъ — быть единственный, цѣль его жизни, его надежда и утѣшеніе. У него нѣтъ уже слезъ, — онъ всѣ выплакалъ, нѣтъ болѣе словъ для проклятія тѣхъ, кто отнялъ у него

М. А. Хитрово († 30 іюня 1896 г.). Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

дорогого ему человѣка. А грозная туча все чернѣетъ и чернѣетъ и все ближе надвигается надъ „проклятымъ мѣстомъ“, какъ будто сама природа помрачалась отъ пролившейся здѣсь крови и слезъ и зловѣщимъ знаменіемъ грозить ликующему вдали, утопающему въ роскоши и развлѣгъ, городу.

Профессоръ Ф. А. Бронниковъ, почти постоянно живущій въ Римѣ, знаетъ хорошо исторію вѣчнаго города и неоднократно бралъ темы для своихъ картинъ различные моменты изъ прошлаго Рима. Несмотря на свой преклонный возрастъ, художникъ постоянно работаетъ, и не проходитъ года, чтобы на передвижной выставкѣ не появилось нѣсколько новыхъ его произведеній. Родившись въ Пермской губерціи въ 1827 г., онъ рано почувствовалъ склонность къ рисованію и получилъ возможность поступить въ Академію Художествъ; уже въ 1852 г. получилъ малую золотую медаль, а въ слѣдующемъ и большую золотую, доставившую ему право поѣздки за границу, въ Италію, Римъ, который онъ такъ полюбилъ и который сталъ его второй родиной. Въ 1864 г. онъ получилъ званіе профессора и съ 70-хъ гг. состоитъ членомъ Товарищества передвижныхъ выставокъ.

Неожиданная встрѣча.

(Рис. на стр. 775.)

Извѣстный художникъ Пауль Мейергеймъ славится въ лѣтописяхъ современнаго нѣмецкаго искусства, какъ выдающійся живописецъ „животнаго жанра“. Его картинки изъ міра животныхъ полны юмора и наблюдательности. Къ таковымъ можетъ быть отнесена и „Неожиданная встрѣча“. Испугъ семьи, состоящей изъ двухъ взрослыхъ и

В. И. Аристовъ. (По поводу 25-лѣтія служенія славянскому дѣлу). Съ фот. Мрозовской автотипія „Нивы“.

*) „Преступное поле“ или „поле преступленія“.

двух дѣтей, встрѣтившей во время своей прогулки в горах цѣлое стадо, передавъ превосходно, какъ и фигура на сѣла, который совершенно увѣренъ, что предводительствующее имъ стадо никому не сдѣлаетъ вреда. О животныхъ нечего и говорить,—эти излюбленные герои картинъ П. Мейергейма удаются ему превосходно.

Трастеверинка. (Рис. на стр. 779.)

Говорятъ, Италия—страна красавицъ. Это вѣрно: трудно найти итальянку съ правильными чертами лица, строгими, классическими. И однако каждая почти итальянка, которую вы встрѣтите въ окрестностяхъ Рима, Неаполя, гдѣ-нибудь около Сорренто или Каstellамаре, въ Венеціи, во Флоренціи—производитъ на васъ впечатлѣніе женщины, которую на языкѣ, ничего общаго съ языкомъ романтиковъ не имѣюшемъ, принято называть хорошею. Вы остановитесь, увидавши такую итальянку, посмотрите ей въ лицо и, только долго всматриваясь въ ея смуглое лицо, черные, какъ уголь, глаза, замѣтите, что черты этого лица не правильны. Обыкновенно рѣдкая итальянка выходитъ удачно на фотографіяхъ: ее почти нельзя бываетъ узнать, до того обманываетъ ваши глаза это прихотливое сочетание линий и въ особенности удивительный тонъ кожи. Такая итальянка изъ Трастевере изображена на этюдѣ А. Бомпиани, который мы здѣсь воспроизводимъ.

Норвежскій ландшафтъ. (Рис. на стр. 782 и 783.)

Горныя страны всегда привлекали и всегда будутъ привлекать къ себѣ множество путешественниковъ, ищущихъ, кромѣ горнаго климата, еще красоты пейзажа. Это именно тѣ страны, въ которыхъ художники различныхъ національностей почерпаютъ вдохновеніе и мотивы для своихъ картинъ. Таковы: Швейцарія и Норвегія. Обѣ онѣ имѣютъ очень много общаго между собою, но для художника, пожалуй, интереснѣе Норвегія, потому что ландшафтъ Швейцаріи все больше и больше удаляется отъ природы, если можно такъ выразиться. Въ немъ много культуры, и трудно найти даже маленькій кусочекъ не обработанной, не приспособленной для культурныхъ цѣлей земли. Поэтому швейцарскій ландшафтъ имѣетъ черезчуръ законченный, такъ сказать, условный, даже непріятный для глаза художника видъ. Онъ походитъ на тщательно и подробно выписанную картинку, въ которой нѣтъ непосредственнаго вдохновенія и настроенія, а все искусственно подогнано и приноровлено одно къ другому. Чуть не къ каждой вершинѣ мало мальски выдающейся горы проведена желѣзная дорога, по назуряднымъ и бирюзовымъ озерамъ сплываютъ пароходы и лодки, чуть не каждая деревушка превращена въ курортъ, и на каждой сѣвговой вершинѣ непременно выстроены отель—представляющій собою послѣднее слово комфорта. Все это отвратительно дѣйствуетъ на человека, ищущаго природы *an und für sich*. Въ этомъ отношеніи Норвегія болѣе удовлетворяетъ людей съ такими требованіями. Въ ея ландшафтахъ меньше человѣческой культуры и больше естественной дикости. Въ ея озерахъ нѣтъ той красочности, которая дѣлаетъ швейцарскія озера и окружающія ихъ горы похожими на тщательно приготовленную въ хорошемъ олеографическомъ заведеніи дешевую картинку. Взгляните на этотъ норвежскій ландшафтъ художника Смитъ-Гальда: въ немъ много суровой поэзіи Сѣвера, какой-то дикой, первобытной красоты, которую не нарушаетъ даже видъ отходящаго отъ пристани пароходика.

М. А. Хитрово. (Портр. на стр. 737.)

30-го іюня въ Петербургѣ скоропостижно скончался отъ нервнаго удара гофмейстеръ двора Его Величества, нашъ чрезвычайный посланникъ въ Японію, Михаилъ Александровичъ Хитрово.

Покойный былъ однимъ изъ выдающихся дипломатовъ на Востокѣ, и неожиданная смерть его лишила русскую дипломатію не только дѣятеля, прекрасно изучившаго положеніе дѣлъ на Востокѣ и искусно отставившаго въ восточной политикѣ русскіе интересы, но и человека, отличавшагося твердою волею, которая въ соединеніи съ широтой его просвѣщенныхъ взглядовъ была основой всей его дѣятельности.

У всѣхъ еще на памяти событія китайско-японской войны, едва не вызвавшія вооруженнаго вмѣшательства Россіи, благодаря враждебному по отношенію къ намъ настроенію японцевъ, вызванному нашими требованіями смягчить въ пользу Китая нѣкоторые статьи симонсескаго договора. Честь мирнаго завершения китайско-японской войны и заключенія торговаго договора между Россіей и Японіей принадлежитъ главнымъ образомъ умѣлой политикѣ Михаила Александровича Хитрово.

М. А. родился въ Москвѣ 1 февраля 1837 года. Окончивъ въ 1855 г. школу гвардейскихъ подпоручиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, М. А. прослужилъ недолго въ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскомъ полку и въ 1859 г. поступилъ переводчикомъ въ азиатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а черезъ годъ былъ уже назначенъ управляющимъ британскимъ консульствомъ въ Македоніи. Выдающіяся дипломатическія способности выдвинули молодого дипломата изъ

руки сослуживцевъ и сдѣлали ему блестящую карьеру, особенно вскорѣ послѣ того, какъ изъ Македоніи М. А. былъ переведенъ въ Константинополь, гдѣ онъ служилъ сперва младшимъ секретаремъ русской миссіи въ Константинополь, а потомъ генеральнымъ консуломъ. Мѣткую и справедливую характеристику покойнаго можно найти въ разсказахъ К. Н. Леонтьева изъ жизни христіанъ въ Турціи; въ разсказахъ этихъ воздано должное и взглядамъ, и дарованію М. А.

Во время русско-турецкой войны М. А., отозванный изъ Константинополя, состоялъ при Августѣйшемъ главнокомандующемъ русской арміи, великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ, директоромъ дипломатической канцеляріи.

По заключеніи салъ-стефанскаго мира, М. А. былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Салоники, въ 1880 г. исполнял въ международной Дунайской коммисіи обязанности русскаго комиссара, а черезъ годъ опять выступилъ въ Болгарію въ качествѣ консула, при кн. Баттенбергскомъ, и пробылъ тамъ до 1883 года. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ консуломъ въ Египетъ, въ 1886 году—чрезвычайнымъ посланникомъ въ Румынію, въ 1891 году—въ Португалію и назначенъ съ 28 іюля 1892 г. состоялъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при японскомъ императорѣ.

Кромѣ нѣсколькихъ въ высшей степени остроумныхъ сатиръ, которые не были напечатаны, покойный оставилъ сборникъ стихотвореній, вышедшихъ вторымъ изданіемъ незадолго до его кончины. Многія изъ нихъ заслуживаютъ полнаго вниманія. М. А. Хитрово въ общемъ принадлежалъ къ хорошей старой школѣ стихотворцевъ, полагающихъ свою задачу въ томъ, чтобы звучными стихами выразить опредѣенныя ощущенія и ясныя мысли, что не пренебрегало прекрасному лирическому порыву, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ: „Межь тобой и небомъ что-то есть родное“, „И вотъ еще одно мелькнуло лѣто“, „Свѣтаетъ. Короткая ночь миновала“. Изъ болѣе обширныхъ стихотвореній покойнаго слѣдуетъ отмѣтить превосходную балладу „Церковнице“. Нѣсколько переводовъ М. А. изъ Гейне могутъ соперничать съ лучшими переводами нѣмецкаго лирика у Майкова и Фета. Очень искусно переведена трудная молитва Маргариты изъ „Фауста“; вѣрно и поэтично передано „посвященіе“ къ „Фаусту“, и весьма удачны переложенія изъ Велхага Завѣта. Многія изъ оригинальныхъ стихотвореній покойнаго отличаются высокимъ религиознымъ настроеніемъ, съ которымъ гармонировало за послѣдніе годы его пестрое пониманіе русской національной задачи.

В. И. Аристовъ. (Портр. на стр. 787.)

21 апрѣля н. г. происходило чествованіе 25-лѣтія служенія д. с. с. Василія Ивановича Аристова славянскому дѣлу, въ званіи почетнаго члена С.-Петербургскаго Славянскаго общества. Многочисленные друзья юбиляра и члены общества собрались на „дружескую трапезу“ и почтили его безкорыстною и полезною службою славянской идеѣ теплыми, сердечными рѣчами. Въ особеннсти выдавались рѣчи генерала В. Д. Дауdevила, издателя газеты *Свѣтъ* В. В. Комарова и самого юбиляра, который отвѣтилъ рѣчью, въ томъ смыслѣ, что „дѣла остаются, имена же исчезаютъ“.

В. И. сынъ священника и родился въ Ярославлѣ въ 1831 г.; отецъ его, смотритель духовнаго училища, отдалъ его въ семинарію, откуда, какъ лучшаго воспитаника, его послали на казенный счетъ въ С.-Петербургскую духовную академію. Здѣсь, при переходѣ на старшій курсъ, молодой академикъ чуть не погибъ отъ несчастнаго случая, во время публичнаго экзамена по физикѣ: во время опыта съ гальваническими батареями произошелъ взрывъ, и ему повредило глаза. Окончивъ академію со степенью кандидата, онъ поступилъ на службу въ военное министерство, откуда перешелъ въ вѣдомство путей сообщенія; вслѣдствіе преобразования министерства, вышелъ въ отставку и вновь поступилъ на службу въ государственный контроль. Теперь онъ находится въ отставкѣ и все свое время посвящаетъ дѣламъ Славянскаго общества. Человѣкъ въ высшей степени отзывчивый и жизнедѣятельный, онъ никогда не могъ удовлетвориться одной только службой и всегда являлъ свою энергію тамъ, гдѣ требовалась его инициатива или помощь—онъ устраивалъ всевозможные концерты, вечера и спектакли съ благотворительною цѣлью, организовывалъ кружечные сборы, принималъ дѣятельное участіе въ бывшемъ Собраніи художниковъ, которое, по его выходѣ изъ состава собранія, вскорѣ прекратило свое существованіе, и, вообще, оказалъ не мало услугъ русскому обществу въ его благотворительной дѣятельности. Вотъ какъ характеризуется между прочимъ дѣятельность В. И. въ адресѣ отъ Славянскаго общества, поднесенномъ ему въ 1886 г.:

„Когда въ приснопамятномъ 1875 году доблестные наши братья, сперва въ Герцеговинѣ и Босніи, а потомъ и въ Сербіи, встали за оружіе противъ своихъ угнетателей, и передъ обществомъ нашимъ неожиданно предстала совершенно, казалось, непосильная для него задача—прийти на помощь десяткамъ тысячъ разоренныхъ и осиротѣвшихъ славянскихъ семействъ,—вы настойчиво провели и осуществили мысль о церковномъ сборѣ въ пользу славянъ. Этотъ сборъ сослужилъ дѣламъ общества двойную службу: далъ ему обильныя сред-

ства и въ то же время былъ лучшимъ проводникомъ идеи славянства въ русское народное сознание... Вскорѣ потомъ пришлось вамъ встрѣчать русскихъ ратниковъ, сестеръ милосердія и врачей, при возвращеніи ихъ домой, раненныхъ и обнищавшихъ, облегчать ихъ скорби и нужды и ходатайствовать о ихъ оспротѣлыхъ семействахъ».

При участіи же В. И. Аристова Славянское общество чествовало тысячелѣтніе коичны первоучителя славянъ св. Меѳодія, праздновало 900-лѣтніе крещенія Руси и 25-лѣтніе существованія самаго общества.

В. И. имѣеть ордена св. Станислава 1 ст., св. Анны 2 ст. и первыя степени орденовъ отъ *всѣхъ* славянскихъ государствъ.

Въ благодарственномъ письмѣ, напечатанномъ въ газетахъ, въ которомъ юбиляръ благодарилъ своихъ чествователей, онъ назвалъ себя „дряхлѣющимъ труженикомъ на славянской нивѣ“. Выразимъ же этому почтенному дряхлѣющему труженику наше горячее пожеланіе долго видѣть его еще столь же неутомимымъ, энергичнымъ и бодрымъ духомъ, какимъ мы знали его до сихъ поръ.

Приборъ, записывающій музыку.

(Рисунокъ на стр. 790).

Нѣтъ ничего драгоценнѣе и ничего неуловимѣе минуты вдохновенія. Топля можетъ слышать оратора, импровизатора, музыканта, актера. Но только тѣ, кто слышалъ, одни лишь они и наслаждались взрывомъ вдохновенія. Для другихъ оно остается недоступнымъ, самъ артистъ далеко не всегда можетъ повторить сцену собственнаго творчества. Отсутствие приборовъ, запечатлѣвающихъ эти проявленія творческой способности, представляло собой громадный пробѣлъ въ средствахъ уловленія и передачи мысли. Но—честь и слава человѣческому гению изобрѣтательности!—этотъ пробѣлъ въ самые послѣдніе годы начинаетъ понемногу заполняться. Фонографъ уже „записываетъ“ намъ голоса пѣвцовъ, рѣчи ораторовъ, кинематографъ записываетъ движеніе. Въ самое недавнее время придумали, наконецъ, давно желанный приборъ для записыванія музыки въ самомъ точнѣйшемъ видѣ, со всѣми тонкостями исполненія.

Изобрѣтатель этого остроумнаго прибора — французъ, Ризуаръ. Онъ задался цѣлью изобрѣсти такой приборъ, который можно было бы приставить къ любому клавиатурному инструменту, т. е. къ фортепиано или органу. Приборъ вполнѣ автоматиченъ, т. е. не требуетъ никакого надзора со стороны исполнителя, который играетъ съ приборомъ, какъ игралъ бы и безъ него. По окончаніи пьесы приборъ даетъ бумажную полосу, на которой все сыгранное оказывается отчетливо и точно, со всѣми оттѣнками, записаннымъ посредствомъ особыхъ, совершенно удобопонятныхъ знаковъ, нѣскольکو напоминающихъ азбуку телеграфнаго аппарата. Объ удобопонятности и наглядности этой записи легко составить себѣ понятіе, посмотрѣвшись, напр., въ записъ первыхъ тактовъ русскаго національнаго гимна, представленную на нашемъ снимкѣ; каждый, кто знакомъ съ нотами, пойметъ эти знаки съ одного взгляда, различитъ въ нихъ ноты, ихъ высоту, ихъ продолжительность, паузы, аккорды и т. п. Лица же, вовсе не разумѣющія нотъ, при взглядѣ на это изображеніе, тотчасъ схватятъ сходство между нимъ и тѣми „нотами“, которыя продаются къ герофонамъ, арестонамъ, полифонамъ и тому подобнымъ современнымъ механическимъ музыкальнымъ машинкамъ.

Устройство прибора, въ общемъ, довольно сложное, но не трудно дать понятіе о его основной сути. О его вѣннѣмъ видѣ легко судить по рисункамъ. На одномъ онъ представленъ съ вѣннѣй стороны, на другомъ въ разрѣзѣ. Запись ведется на

бумажной полосѣ неопредѣленной длины, шириною же въ 20 сантиметровъ (около 8 дюймовъ). Бумага проходитъ по вращающемуся цилиндру, а надъ нею укрѣплена тафта, пропитанная краскою, какъ въ пишущихъ машинахъ. При нажиманіи клавиша, особый, соответствующій этому клавишу, штифтъ, подъ давлениемъ клавиша, опускается и надавливаетъ на тафту концомъ все время, пока клавишъ нажать; давленіе штифта, черезъ тафту, передается на бумагу. Эта послѣдняя все время равномерно движется, и потому, само собою разумѣется, на ней останется слѣдъ штифта, въ видѣ черты, сдѣланной краскою, наведенною на тафту; эта черта будетъ болѣе или менѣе длинна, смотря по продолжительности ноты и болѣе или менѣе толста, смотря по силѣ удара въ клавишъ. Такимъ образомъ, эта черта вполнѣ выразитъ силу ноты и ея продолжительность, то-есть, другими словами, будетъ представлять точную записъ исполненія данной ноты. Самымъ оконечностямъ пишущихъ штифтовъ придана разная фигура, такъ что по чертѣ, оставленной на бумагѣ, легко отличить блыне клавиши отъ черныхъ съ перваго взгляда. Для большаго облегченія, вся бумага расчерчена вдоль параллельными линиями, по которымъ очень легко опредѣлять предѣлы октавъ; благодаря всѣмъ этимъ приспособленіямъ сколько-нибудь опытный музыкантъ можетъ читать записъ, сдѣланную приборомъ Ризуара, безъ малѣйшаго затрудненія послѣ самой непродолжительной практики, особенно, если, посмотрѣвшись въ записъ, раздѣлитъ ее карандашомъ на легко различаемые такты. Впрочемъ, въ приборѣ даже сдѣлано особое приспособленіе, посредствомъ котораго можно отмѣчать такты точками, ударяя, при исполненіи, ногою по педали за каждымъ тактомъ. Въ приборѣ имѣется свой двигатель, который автоматически передвигаетъ бумажную ленту.

Весь снарядъ заключенъ въ ящикъ, помѣщаемый подъ клавиатурою. Бумажная лента намотана на валъ, который находится внутри цилиндрической коробки *K* (рис. 2). По выходѣ изъ этой коробки бумага прокатывается по патентованному вальцамъ *I* и *J*; между ними помѣщенъ и тотъ валикъ, *G*, на которомъ происходитъ печатаніе. Бумага движется со скоростью 125 сантиметровъ (50 дюймовъ) въ минуту и наматывается въ готовомъ видѣ на катушку *H*. Двигателемъ служитъ часовой механизмъ, достаточно сильный, разумѣется, чтобы не испытывать задержекъ при слишкомъ энергичномъ fortissimo. Бумага значительно уже клавиатуры, но должна представлять ее во всемъ ея объемѣ; подъ каждымъ клавишемъ находится рычагъ, который прижимается при ударѣ по клавишу и передаетъ по штангамъ свое движеніе пишущему штифту. Соблюденіе полной равномерности въ работѣ этихъ многочисленныхъ передаточныхъ механизмовъ составляло, конечно, главную заботу изобрѣтателя; ему удалось вполнѣ одолѣть это затрудненіе. При надавливаніи клавиша *A* (рис. 2) движеніе его передается вертикальной штангѣ *B*; затѣмъ горизонтальному колѣну *C* и отъ него второму вертикальному стержню *D*, который приподнимается въ то время, когда клавиша опускается. Этотъ стержень сочлененъ съ горизонтальнымъ шатуномъ *E*, обрабатывающимся около своей оси на величину, соответствующую вертикальному перемѣщенію стержня *D*. Другой конецъ шатуна связанъ штифтомъ, опирающимся своимъ концомъ, черезъ тафту, въ бумагу. Снарядъ занимаетъ столь укромное мѣсто подъ клавиатурою, что нимало не стѣсняетъ исполнителя во время игры. Онъ уже былъ выставленъ и испытанъ въ Парижѣ, въ залѣ фортепианнаго склада фабрики Шейель.

О значеніи прибора для композиторовъ, для экзаменаторовъ и вообще для музыкантовъ, мы считаемъ совершенно излишнимъ распространяться, каждый изъ нихъ сразу оцѣнитъ его драгоценныя свойства.

Политическое обозрѣніе.

Дѣятельность европейскихъ державъ къ умиротворенію Крита продолжается. Благодаря вліянію турецкихъ властей, депутаты мусульмане согласились принять участіе совместно съ христианами въ открывшемся 2 іюля критскомъ народномъ собраніи (см. *Нива* № 28). Въ присутствіи иностранныхъ консуловъ и командировъ судовъ, находящихся въ каиейскомъ рейдѣ, генераль-губернаторъ Беровичъ-наша, прочитавъ повелѣніе султана о созывѣ собранія, заявилъ въ своей рѣчи депутатамъ о выраженной наднахомахъ готовности принять во вниманіе желаніе критянъ. Затѣмъ депутаты-христиане, потребовавъ отсрочки засѣданія, вышли изъ собранія, чтобы безъ участія мусульманъ обдумать свои требованія. Между тѣмъ, въ самомъ началѣ мирныхъ занятій представителей критскаго населенія, получены были вѣсти о новыхъ кровопролитныхъ столкновеніяхъ нисургенцовъ съ турецкими войсками; несмотря на обѣщанія держаться особаго中立наго положенія, въ одномъ изъ возставшихъ округовъ турки перешли въ наступленіе, при чемъ сраженіе выиграли критяне.

По обыкновенію, турки взывали вину этого инцидента на критянъ, но дипломатическіе кружки Константинополя привели къ свѣдѣнію послѣдовавшія жалобы населенія, что главнокомандующій Абдулахъ-наша игнорируетъ данный ему приказъ держаться обороны. По свѣдѣніямъ *Berliner Tageblatt*,

турки перешли демаркаціонную линію 2 іюля, въ составѣ шести баталіоновъ, подъ предлогомъ уборки труновъ павшихъ во время неудачной попытки захватить парусное судно у Дрепанскаго мыса. Направляясь внутрь Апокоронскаго округа, турки наткнулись на сильныя позиціи повстанцевъ. Послѣ жаркаго боя въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, турки были отброшены на всѣхъ пунктахъ, но на слѣдующій день, по прибитіи новыхъ четырехъ турецкихъ баталіоновъ, возобновили атаку и вторично были отбиты съ большимъ урономъ, доходящимъ, по увѣреніямъ упомянутаго органа печати, до 400 человекъ убитыми и 600 ранеными. Поведеніе турецкихъ войскъ становится весьма понятнымъ, если обратитъ вниманіе на то обстоятельство, что послѣдніи кровопролитныя схватки ихъ съ повстанцами произошли на высотахъ, господствующихъ надъ дорогою, захватомъ которой турки получили бы возможность совершенно изолировать западную часть острова отъ восточной. Въ виду этихъ событій представители европейскихъ державъ въ Константинополѣ возобновили свои протесты передъ Портою противъ нарушенія данныхъ ею обязательствъ, выразивъ при этомъ желаніе, чтобы Беровичъ-наша повліялъ на критскаго главнокомандующаго. Тѣмъ временемъ консулы въ Канѣ снова стали уговаривать критянъ принять услуги Турціи, напоминая депутатамъ, что державами допущены бу-

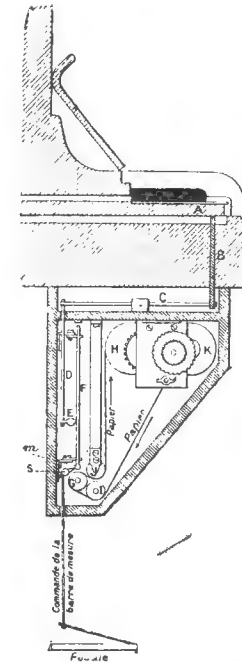
дугъ только требованія въ рамкахъ Халепской конвенціи. Въ то же самое время представители великихъ державъ въ Аѳонахъ обратились къ греческому правительству съ заявленіемъ, чтобы къ требованіямъ консуловъ въ Канеѣ присоединились и греческій консулъ. Совѣту критіанамъ приступить къ правительственнымъ занятіямъ въ собраніи, послы въ Константинополѣ напомнили Портѣ о необходимости отозвать Абдуллаха-пашу, такъ какъ онъ, будучи старшимъ въ чинѣ, остается на дѣлѣ до сихъ поръ генералъ-губернаторомъ Крита.

Вновь предпринятое энергичное вмѣшательство державъ дало нѣкоторую надежду на удовлетворительный исходъ вопроса о критскихъ реформахъ. Въ цѣляхъ облегченія дѣла Беровичъ-паша отдалъ приказъ о немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій и объ удаленіи войскъ изъ мѣстъ, гдѣ произошли недавніи столкновенія. Наконецъ депутаты-христиане передали Беровичу-пашѣ записку съ перечисленіемъ всѣхъ требованій критскаго населенія. Мусульманскіе депутаты съ своей стороны вручили генералъ-губернатору записку съ требованіями. Затѣмъ собраніе прекратило свои засѣданія въ ожиданіи отвѣта Порты на поданную депутатами программу реформъ для Крита. По мнѣнію авторитетной газеты *Temps*, положеніе дѣлъ является исключительнымъ: при всемъ желаніи Беровича-паши задобрить критивъ, не сдѣлано до сихъ поръ ничего, благодаря фактическому сосредоточенію власти въ рукахъ главнокомандующаго, затѣмъ всѣ добрыя стремленія власти параллельно вѣчною враждою между христианами и мусульманами, наконецъ само критское собраніе является собраніемъ особаго рода, такъ какъ депутаты-христиане ничего не принимаютъ помимо согласія вожакъ повстанцевъ, которыхъ депутаты слушаются безпрекословно, по приказанію эпитропіи.

Съ такимъ своеобразнымъ положеніемъ дѣла пришлось считаться самому генералъ-губернатору Крита.

Какъ сообщаютъ изъ Канеи отъ 6 іюля, положеніе дѣлъ на Критѣ стало хуже, хотя Абдуллахъ-паша и выѣхалъ въ Константинополъ, что дало поводъ предполагать о его замѣщеніи генераломъ, чиномъ ниже Беровича-паши. Англійскія и греческія газеты все чаще и чаще стали распространять извѣстія о новыхъ стычкахъ на демаркаціонной линіи. По свѣдѣніямъ отъ 21 іюля, инсургенты получили

повныя подкрѣпленія. Опасаясь новыхъ безпорядковъ, сельское населеніе массами стало стекаться въ Канею; власти приняли мѣры къ тому, чтобы задержать наплывъ населенія, среди котораго началась паника; между тѣмъ Порты, по извѣстіямъ изъ Константинополя отъ 22 іюля, не согласна на принципиальныя измѣненія Халепской конвенціи. Паника среди христианъ усилилась, благодаря крайне враждебному настроенію мусульманъ, подвергшихъ жестокому истязанію канейскаго губернатора Гассана-пашу, на котораго напала въ окрестностяхъ Канеи мусульманская толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ, при чемъ порядокъ восстановленъ войсками. Христианскіе депутаты, по донесеніямъ газеты *Daily News*, покидаютъ столицу острова, нѣкоторые же изъ ихъ числа снова прикнули къ повстанцамъ. Къ прежнимъ тревожнымъ событіямъ въ Европейской Турціи присоединились новыя. Почти одновременно съ болгарскими македонскими четами въ южной Македоніи появились отряды греческихъ повстанцевъ. По извѣстіямъ греческой печати, отъ 12 іюля, вторгшіяся въ Македонію отряды греческихъ добровольцевъ успѣли нанести поражение незначительному отряду турецкихъ войскъ. На запросъ Порты, греческій посланникъ заявилъ 19 іюля, что Греція не покровительствуетъ повстанцамъ, а напротивъ, мѣшаетъ вторженію шаекъ въ Македонію. Тѣмъ временемъ Турція отправляетъ войска на греческую границу и сосредоточиваетъ, по сообщенію *Polit. Correspondenz*, на болгарско-македонской границѣ семь тысячъ войскъ. Такимъ образомъ, до локализациі пожара въ Европейской Турціи еще довольно далеко,

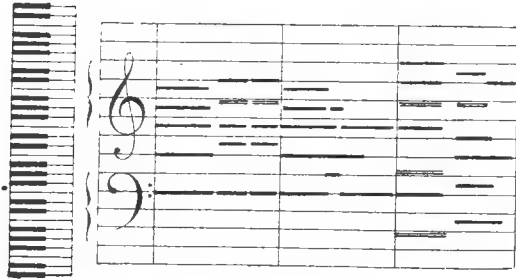

Приоръ, записывающій музыку. — Рис. 2. Внутренний видъ въ продольномъ разрѣзѣ.

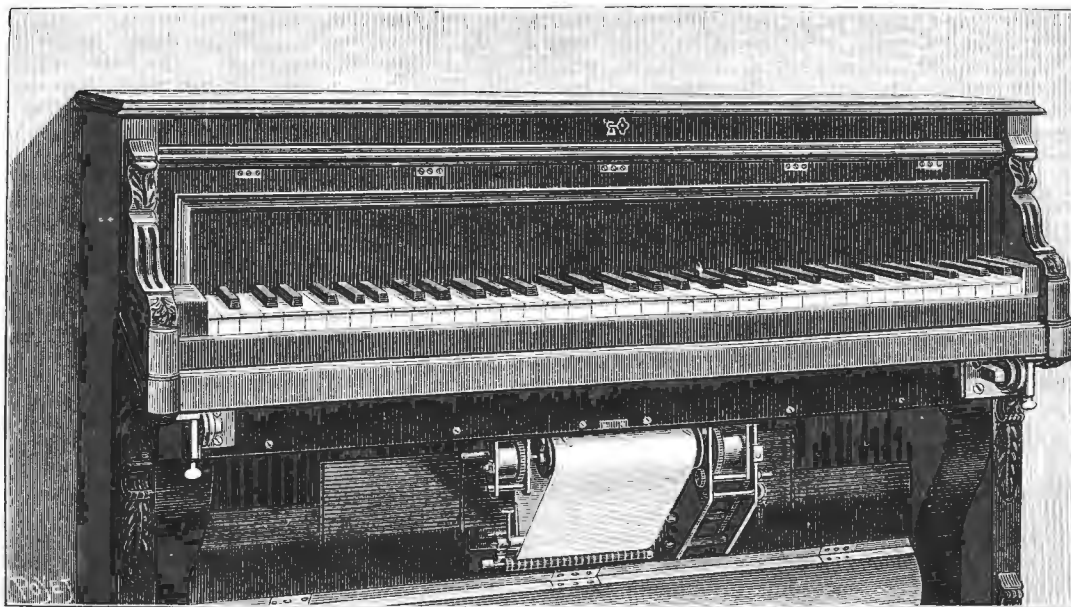
тѣмъ болѣе, что отсылка изъ Греціи боевыхъ припасовъ на Критъ продолжается, а эпитропія, ободренная недавними успѣхами оружія повстанцевъ, обнаруживаетъ мало склонности

подчиниться миролюбивому вмѣшательству державъ. По свѣдѣніямъ газеты *Berlin. Tageblatt* изъ Константинополя, въ компетентныхъ кругахъ пришли къ убѣжденію, что умиротвореніе Крита зависитъ отъ волеизъявленія державъ на аѳинское и равильство: прекращеніе подвоза боевыхъ припасовъ повстанцамъ и безусловный нейтралитетъ Греціи являлись чуть ли не

единственными средствами прекратить возстаніе на Критѣ. Къ этому, повидному, и направлены теперь усилія европейскихъ державъ.

Приборъ, записывающій музыку. — Рис. 1. Русскій національный гимнъ, записанный приборомъ.

Приборъ, записывающій музыку. — Рис. 3. Наружный видъ прибора.

Разныя извѣстія.

— По сообщеніямъ Россійскаго телеграфнаго агентства, 18 іюля, во второй день пребыванія въ Нижнемъ-Новгородѣ, Государь Императоръ произвелъ смотръ 54-й резервной бригадѣ, выстроившейся въ Кремлѣ передъ соборомъ. Въ 11½ час. утра Ихъ Величества удалились во дворецъ. Въ 12-мъ часу состоялся Высочайшій завтракъ, къ которому приглашены были начальники частей, участвовавшихъ въ парадѣ, генералы и высшія военныя начальствующія лица. Въ 2 часа дня Ихъ Величества осчастли-

вили посѣщеніемъ дворнянское собраніе. Губернскій предводитель пронзешъ привѣтствіе, три старѣйшихъ уѣздныхъ предводителя имѣли счастье поднести хлѣбъ-соль на роскошномъ блюдѣ византійскаго стиля. Принявъ хлѣбъ-соль и милостиво поблагодаривъ, Ихъ Величества прослѣдовали въ помещеніе собранія, гдѣ находились дворяне съ ихъ семействами. Передъ отъѣздомъ дворяне поднесли икону святого Николая и царицы Александры. Въ третьемъ часу Ихъ Величества посѣтили вдовій домъ имени

Бугрова. На выставку Императорская Чета прибыла въ третьемъ часу, въ сопровожденіи великаго князя Алексѣя Александровича и всей свиты, и прямо направилась въ азиатскій отдѣлъ, гдѣ была встрѣчена министрами и выставочной администраціею. Изъ азиатскаго павильона Ихъ Величества перешли въ машинный отдѣлъ, въ которомъ всѣ двигатели были приведены въ дѣйствіе. Государь подробно осматривалъ этотъ отдѣлъ, и потомъ посѣтилъ испытательную станцію, гдѣ Ихъ Величествамъ было показано

нсколю опытовъ. Затѣмъ Ихъ Величества пере- шли въ сибирской отдѣлъ и павильонъ сибирской желѣзной дороги; осмотрѣли отдѣлъ строитель- но-инженерный, прошли черезъ павильонъ Император- скаго Россійскаго общества спасанія на водахъ въ павильонъ морского торговаго судоходства; осмо- трѣли павильонъ волжскаго каспійскаго судоход- ства, откуда отбыли въ экипажахъ въ Царскій па- вильонъ, передъ въ входомъ который, послѣ прибытія Императорской Четы, выстроился хоръ Славянскаго, исполнившій нѣсколько русскихъ пѣсень. Послѣ не- большого отдыха, Ихъ Величества со свитою пере- шли въ павильонъ удѣльнаго вѣдомства, осмотрѣвъ который, отбыли въ экипажахъ, въ 6 часовъ, въ Кремль. Въ 7 часовъ у Ихъ Величествъ состоялся парадный обѣдъ для высшихъ военныхъ и граждан- скихъ чиновъ, а вечеромъ парадный спектакль въ городскомъ театрѣ, съ участіемъ артистовъ Импера- торскаго московскаго Малого театра и частной рус- ской оперы. Вечеромъ, въ день приѣзда, на Волгѣ сожженъ былъ фейерверкъ. Царская Чета со свитою любовалась зрѣлищемъ съ дворцоваго балкона. На слѣдующій день, утромъ, Ихъ Величества посетили домъ трудолюбія, затѣмъ весь день посвятили осмо- тру выставки. Послѣдній день Царскаго обозрѣнія выставки закончился въ 6 часовъ вечера свобод- нымъ полетомъ шара съ поручикомъ Натомъ и Бо- ресковымъ. Шаръ полетѣлъ надъ Нижнимъ-Ново- городомъ и принялъ направление вдоль Волги. Черезъ 2 часа 15 минутъ шаръ благополучно спустился въ шестидесяти верстахъ отъ Нижняго-Новгорода. Вечеромъ состоялся въ Главномъ домѣ блестящій раутъ ярмарочнаго всероссійскаго купечества, осча- стливившимъ присутствіемъ Ихъ Величествъ. У подъ- ѣзда Главнаго дома Ихъ Величества встрѣчены были Саввою Морозовымъ и всѣмъ ярмарочнымъ комите- томъ, а при входѣ въ Гербовый залъ министромъ фи- нансовъ. По входѣ въ залъ, Государю были предста- влены нѣкоторые представители всероссійскаго ярма- рочнаго купечества, съ председателемъ комитета, Сав- вой Морозовымъ. Его Величество милостиво съ каж- дымъ разговаривалъ. Затѣмъ Ихъ Величества со всей свитой спустились по богато устланной краснымъ сук- номъ лестницѣ, подъ звуки музыки въ пассажъ, гдѣ Ихъ Величества обшари ряды купечества; прибывъ обратно въ Гербовый залъ, Государь и Государыня милостиво разговаривали съ выдающимися лицами купеческаго сословія и дворянства. Пробывъ въ Гер- бовомъ залѣ около получаса, Ихъ Величества отбыли въ Кремль. На другой день, въ исходѣ десятаго часа, прибыли Ихъ Величества съ великимъ княземъ Але- ксѣемъ Александровичемъ и свитой на ярмарку въ новый соборъ. При входѣ Ихъ Величества встрѣчены были духовенствомъ, затѣмъ послѣдили на ярмаркѣ амбаръ никовской мануфактуры Саввы Морозова, магазинъ мѣховъ Сорокоумовскаго, чайныя склады Кузнецова, бывше Губкина. Оттуда Ихъ Величества направились на Пески; здѣсь горнозаводчики и торговцы желѣзнаго руды, князь Абамелевъ-Лазаревъ, Па- клевицкій-Козельскій и Рукавишниковъ поднесли Ихъ Величествамъ на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль, а Пастуховъ, Волковъ, Карпинскій и рядскій староста Матвѣевъ поднесли Ея Величеству цѣнную золотую корону, въ которой ландыши сдѣланы изъ жемчуга, украшенные брилліантами, листья изъ нефрита, ра- боты Фаберже. Ихъ Величества милостиво благода- рили и отбыли на Гребневскую пристань, гдѣ смо-

трѣли на рыбный караванъ, сѣли на казенный па- роходъ „Князь Юрій“, подъ брѣндъ-вымпеломъ Го- сударыни Императрицы, со всею свитою. Прой- да по Окѣ, мимо рыбныхъ каравановъ, черезъ раз- веденный плашкоутный мостъ на Волгу и на си- бирскую пристань вверхъ по Волгѣ, миновавъ всѣ пристани, пароходъ „Князь Юрій“ дошелъ до Дарь- ниской пристани, повернулъ и остановился у при- стани, противъ которой стояли два парохода Зве- ке; на одномъ игралъ оркестръ музыки; пристань была красиво драпирована флагами и зеленью. Когда пароходъ „Князь Юрій“ остановился и Ихъ Величества со свитою вышли на пристань, путь Ихъ усыпали цвѣтами дѣти пріюта гр. Кутансовой. От- были Ихъ Величества со всей свитой въ экипажахъ на станцію, куда собрались провожать дворяне и купцы города Нижняго. Царскій поѣздъ отбылъ со станціи при громкихъ кликахъ „ура!“ до границы Ихъ Величествъ сопровождалъ генералъ Барановъ. — 21 іюля, Ихъ Императорскія Величества Госу- дарь Императоръ и Государыня Императрица Але- ксандра Феодоровна возвратились изъ Нижняго-Нов- города въ Петергофъ. На дебаркадерѣ Ихъ Импера- торскія Величества были встрѣчены Его Импера- торскимъ Высочествомъ великимъ княземъ Михаи- ломъ Александровичемъ. По выходѣ Ихъ Импера- торскихъ Величествъ изъ салонъ-вагона, Ихъ Ве- личествамъ представлялись депутация. Депутация отъ петергофскаго городского общества поднесла образъ и хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ, а де- путация отъ николаевскихъ солдатъ—образъ святи- теля Николая Чудотворца и полотенце. Принявъ милостиво хлѣбъ-соль и св. иконы, Ихъ Импера- торскія Величества отбыли въ Александрію. — 22 іюля въ высокорочественный день, Тезоимен- нитства Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, въ церкви въ Але- ксандрии была совершена литургия. На Богослуже- нии присутствовали: Ихъ Величества Государь Им- ператоръ, Государыня Императрица Марія Феодо- ровна и Государыня Императрица Александра Фео- доровна и Ихъ Императорскія Высочества великія княгини и великіе князья, а также лица Свиты Государя Императора. — 22 іюля состоялся въ главномъ ярмарочномъ домѣ обѣдъ въ честь директора департамента тор- говли и мануфактуръ В. И. Ковалевскаго, много потрудившагося въ дѣлѣ устройства выставки. На обѣдѣ присутствовало болѣе 100 человекъ; въ томъ числѣ губернаторъ, сенаторъ Семеновъ, Скрыдловъ и большинство выставочной администраціи. Отвѣт- ная рѣчь Ковалевскаго была въ честь русскаго могучаго духа, силой котораго создается выставка. — 21 іюля состоялся закладка зданія 1-го дома трудолюбія с.-петербургскаго столичнаго попочи- тельнаго общества о домахъ трудолюбія. Въ часъ дня на мѣстѣ закладки, на Обводномъ каналѣ, № 145, отслужено было благодарственное молеб- ствие, въ присутствіи товарища министра внутрен- нихъ дѣлъ Н. А. Неклюдова, секретаря Государыни Императрицы Александры Феодоровны графа Н. А. Ламздорфа, с.-петербургскаго градоначальника, с.-петербургскаго городского головы, представителей сословія и многихъ приглашенныхъ лицъ. Молебствие совершалъ высокочерносвятенный Палладій, митро- политъ с.-петербургскій и ладожскій, въ сослуживіи пресвященнаго Назарія, епископа нарвскаго, и

многочисленнаго столичнаго духовенства. По окон- чаніи Богослуженія, послѣдовала закладка зданія. Починъ въ устройствѣ новаго дома трудолюбія при- надлежитъ с.-петербургскому градоначальнику Н. В. Клейгелсу, состоящему предѣлительномъ с.-петер- бургскаго столичнаго попочительнаго общества о домахъ трудолюбія. Новое учрежденіе предназна- чается для 400 чел., причемъ работы въ немъ бу- дутъ установлены, по возможности, самыя простыя, вполнѣ доступныя для каждаго почителя, даже незнакомаго съ приемами какого-либо мастерства или ремесла. — Съ 1 сентября 1896 г., согласно Высочайшему повелѣнію, Черноморскій округъ преобразуется въ Черноморскую губернію съ подраздѣленіемъ на три округа: Новороссійскій, Туапсинскій и Сочинскій. Въ посадахъ Сочи и Туапсе вводятся городовое по- ложеніе. Мѣстомъ пребыванія управленія новой гу- берніи назначенъ Новороссійскъ. Изъ судебномъ отно- шеній губерніи подчинена вѣдѣнію екатеринодар- скаго окружнаго суда и тифлисскаго судебнаго палаты. Въ самой губерніи рѣшено учредить четыре долж- ности участковыхъ мировыхъ судей. — Почтово-телеграфнымъ вѣдомствомъ опублико- вано новое правило, облегчающее и ускоряющее по- лученіе съ почты денегъ и посылокъ. Взамѣнъ по- лической удостовѣренія личности адресата на почтовыхъ повѣсткахъ, адресатъ, по новому прави- лу, можетъ ограничиться предъавленіемъ почтовому чиновнику, въ удостовѣреніе личности, вида на жи- тельство и собственноручной надписью на повѣсткѣ: „предъавленъ видъ на жительство, выданный та- кимъ-то учрежденіемъ, тогда-то, за №...“ (слѣдуетъ поднѣсь адресата). — Согласно постановленію VI сѣзда русскихъ врачей въ Кіевѣ, избрана особая комисія изъ про- фессоровъ М. Я. Капустина и С. С. Корсакова и д-ровъ Жбанкова и Яковенка, для составленія обстоятельно мотивированнаго ходатайства передъ правительствомъ объ отбѣгѣ тѣлеснаго наказанія для всего крестьянскаго населенія Россіи. — Высочайше утвержденный с.-петербургскій ко- митетъ „по сбору пожертвованій на сооруженіе па- мятника Луи Пастеру въ Парижѣ“, состоящій подъ почетнымъ предѣлительствомъ Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго, до- водитъ до свѣдѣнія всѣхъ лицъ, желающихъ ока- зать посильное содѣйствіе урѣковѣнно памяти одного изъ величайшихъ научныхъ гениевъ и благо- дѣтелей человечества, что пожертвованія на озна- ченный выше предметъ принимаются какъ членами комитета, такъ и въ Императорскомъ институтѣ экспериментальной медицины (С.-Петербургъ, Аите- карскій островъ, Лопухинская ул., № 12). — 13 іюля, институтъ экспериментальной меди- цины скромно праздновалъ десятилѣтіе со времени первой предохранительной прививки въ Россіи ядъ бѣшенства по способу покойнаго Луи Пастера. — Какъ сообщаетъ *Степной Край*, замѣчается въ Сибири обратное переселенческое движеніе: такъ, черезъ Омскъ прослѣдовало обратныхъ переселен- цевъ около 900 человекъ. Обратнымъ переселенцамъ безпрятно выдавались билеты. На будущій годъ предполагается пристановить переселенческое движеніе въ Сибирь и заняться устройствомъ уже переселившихся.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много- родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе рас- ходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ пред- ставлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Кольцо Императрицы. Историческій романъ ии. м. л. Волкон- скаго. (Продолженіе).—Дневникъ. Разсказъ А. Я. Немеровскаго.—Стих. Р. Х.— Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Статья У. (съ 3 рис.)—Къ рисункамъ: Къ чему намъ спрашивать цвѣты? (съ рис.).— Проклятое мѣсто (съ рис.).—Неожиданная встрѣча (съ рис.).—Трагестерина (съ рис.).—Норвежскій ландшафтъ (съ рис.).—М. А. Хитрово (съ портр.).—В. И. Аристовъ (съ портр.).—Пріоръ, записывающій музыку (съ 3 рис.).—Политическое обозрѣ- ніе.—Газныя извѣстія.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія. При этомъ № прилагаются: 1) СОЧИНЕНІЯ Д. В. ГРИГОРОВИЧА, т. VIII (Сборникъ „Нивы“ за августъ); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за августъ съ 28 рис. и отд. листъ съ 28 черт. выр. въ натур. вел. и 24 рис. выпилныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ А. А. Тихомиръ (А. Луговой).

НОВЫЙ иллюстриров. и описательный каталогъ фруктовыхъ деревьевъ, испо- линской земляникъ (спеціальность садоводства), розалъ, многолѣт- нимъ грунтовымъ цвѣтамъ и пр. раст. вышель изъ печати и выси- лается желающимъ бесплатно. Многіе лестные отзывы Гг. заказчиковъ, отпечатанные въ каталогѣ, свидѣлствуютъ о добросовѣтномъ исполненіи заказовъ и объ образцовой № 9385. упаковкѣ. 2-1

Плодовый питомникъ и садоводство Карла Георгіевича **МЕЙЕРА**, г. Невъ, на Сырцѣ, собственнй домъ.

ПРИГЛАШАЮТЬ дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться писменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блоннъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

Васильевскій островъ 12 л., д. 35. Женская Профессиональная школа Импе- раторскаго Человѣколюбиваго Общества. Приемъ дѣтвей. отъ 12 до 15 лѣтъ. Прием- ная иснманія 27 и 28 августа; начало за- нятій 1 сентября. Программы и условія приема узнавать у Начальницы школы.

Золотыя медали 1894 г. и 1896 г.

ПРОВИЗОРЪ А. М. ОСТРОУМОВЪ. МОСКВА.

Мыло отъ головной перхоти кусокъ 30 к. и 50 к.

МЫЛО ДѢТСКОЕ ИЗЪ ТРАВЫ ЧЕРЕДЫ кусокъ 35 к. и 25 к.

О-ДЕ-СОВЭРЪ вода отъ перхоти флаконъ 2 руб. и 1 р. 25 к. и всѣ

туалетныя мыла. Продаются вездѣ. (СНАДѢТЬ: Москва, Лялинъ пер., № 8-76 соб. домъ. 11-3

попро уате мыслъ мнъ мѣ **ЮМЪ - ЮМЪ** парфюмера ПЕБЕРЪ

и въ другимъ мыломъ мыслъ не будетъ! Цѣна 20 к. за кусокъ; получить мож- но во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерн. магаз. Складъ въ Харь- ковѣ. Писсажъ, у П. УШАНОВА.

Требуйте во ествѣ писчебумаж- ныхъ магазинахъ *осеситно-извѣстия, привосходнимъ перья*

ВЛАНЗИ ПУРЪ и К.

Остерегайтесь мѣ Пуръ „Дамитрій“ Главн. предств. д. всей Россіи Г. и К. Зкштейнъ. Москва. Черкасскій пер., домъ князя Голицына.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ лучшей системы Dr. Lehmann & Mann, въ Берлинѣ, изготовляются заводами **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержд. Товарищества **ЭЙЛЕРЪ и ПАСТОРЪ**, С.-Петербургъ, за Московской заставой. Большая батарея находится въ дѣйстви на выставкѣ въ **НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ**, въ павильонѣ Товарищества. № 9379 5-3

ФОТОГР. АППАРАТЫ К.И.ФРЕЛАНДТЪ

С.ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА ХАРЬКОВЪ НЕВСКІЙ ПР. МЯСНИЦКАЯ МОСКОВСК. №27-18 УЛИЦА УЛИЦА

НОВ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ СЪ ПЕРЕС. 20 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к

МИЛОЕ И ИЗЯЩНОЕ УКРАШЕНИЕ КОМНАТЫ

Съ разрѣшенія КАБИНЕТА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА выпущены въ продажу Рельефные портреты Государя Императора и Государыни Императрицы тисненые настоящимъ алюминіемъ, въ рельефной рамкѣ съ короной, приспособлены для установки на столѣ и прикрѣпленія на стѣнѣ. Цена за оба портрета съ пересылкой **ОДИНЪ Р. С.** Наженнымъ платежемъ на 10 коп. дороже. Требования и деньги адресовать **Г. ГИРШОВИЧУ**, Варшавы. Продаются также на **ВСЕРОСС. НИЖЕГОР. ВЫСТАВКѢ**, Ц. № 9339 X худож.-проект. отдѣлъ. 5 5

ЛУЧШИЯ КОМПАТНЫЯ РАСТЕНІЯ

пальмъ, лиственницъ и цвѣтущія изъ небольшихъ отборныхъ экземплярахъ. Коллекція 25 сортовъ — 6 руб.; коллекція 5 сортовъ пальмъ — 2 руб. въ садоводствѣ **Н. П. КОРБУТОВСКАГО**, Г. Саратовъ, соб. д. удостоен. золотой медали областной выставки 13 г. Приготовлено къ осени **5000000** саженцевъ разн. сортовъ. Огромные запасы лѣсныхъ, виноградныхъ и декоративныхъ отъ 40 к. за тысячу, плодовыхъ, ягодныхъ и многолѣтнихъ отъ 1 коп. штука. Каталогъ высылается безплатно—новый въ августѣ. № 9363 2—2

Можно получать въ Москвѣ во всѣхъ магазинахъ Товарищества «**Динемъ**». Ш. № 8988 16—9

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (55)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ Mimosa **ЛОЗЕ Ixora-viola**

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ нуаферовъ.

ГОЛЛАНДСКІИ КАКАО ВЪ ЗИНЕМЪ МОСКВѢ.

Можно получать по всѣхъ колоніальныхъ магазинахъ Россіи.

МОСКВА „ГОСТИНИЦА МЕТРОПОЛЬ“

Театральная площадь. Центръ столицы. 200 №№ отъ 1 р. Ц. № 8706 и дороже. 26—17

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ

по фабрич. цѣнамъ **ТОЛЬКО 4 руб.**

Англійскіе, никел., вѣрнѣйшій ходъ, заводъ безъ ключа и указатель секундъ. 3 шт.—10 р. 80 к., 5 шт.—17 руб. Часы высылаются немедленно, можно и малолетнимъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Большая Морская, № 9405 д. 33. 2—1

ОГНЕУПОРНЫЙ КИРПИЧЪ, ТРОТУАРНЫЯ ПЛИТКИ, КАМЕНЬ ДЛЯ МОСТОВЫХЪ, КЛИНКЕРЪ

ТОВАРИЩЕСТВА **ПРОИЗВОДСТВА ГЛИНЯНЫХЪ И ГОНЧАРНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ** въ гор. Боровичахъ.

№ 9205 20—15

Съ заказами просятъ обращаться: Въ Правленіе Т-ва: С.-Петербургъ, Бол. Подъяческая, д. № 2. Въ Контору завода: г. Боровичи, Новгородской губ. Въ Технич. Контору **В. И. Щербакова**: Москва, Ильинка, Шуйское подворье.

1865. 1882. 1870.

ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 8931 26—14

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

1860 Т.РА.Р.М. С.ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВО

БРОКАРЪ и К^о.

„ЦВЕТЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНИ“

замыляет духи, туалетную воду, курения и обыкновенный оде-колоны.

„ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“

из настоящих цветов персидской сирени.

„Глицериновое мыло“

освежает и смягчает кожу.

УСОВЕРШЕНСТВАННОЕ „ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО“.

№ 9218 8-4

Dr. PFLÜGER

Americ. Dentist

№ 9383 10-2 BERLIN, W. Bülow Strasse, 30.

ТОЛЬКО 5 руб.

Выдается настоящие фотографический аппарат с триножником, не пружина, комъ каждый, даже ребенок, может снимать с натуры портреты, виды, ландшафты и проч., с пробными снимками и руководством. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобретений, Большая Морская, № 33. Заказы исполняютъ немедленно. Можно наложеннымъ платежъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ

раціонально издѣливается письменно.

Условия высылаются бесплатно. Москва, Земляной валъ, Яковлевскій пер., д. Духаниной. Гимиллеръ.

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ

Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 25,

страхуетъ

билеты II-го 5% съ выигр. зняма отъ тиража 1 сентября 1896 г.

по 1 руб. 85 коп.

SCIES & CONTOURNER.

Sci's tranchantes, arrondies, de métal jaune. En gros aux prix réduits. S'adresser sub O. 4774 à ROUDOLF Mosse, Munich.

ФИСГАРМОНИИ

извѣстѣйшихъ фабрикъ

ШИДМАЙЕРА, КАРПЕНТЕРА

и другихъ лучшихъ фабрикъ:

въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 175, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 750, 800 и 1000 руб.

Школа самоучитель Пахе 2 руб. Иллюстрированный прейсъ-курантъ безп. атно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 31. Складъ нотъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, № 40. Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

(Фисгармонія Карпентри въ 160 руб.).

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

духи — ФИАЛКА АУСЛЭЗЭ — туалетное мыло. духи — ЯХОНСКАЯ ФИАЛКА — туалетное мыло. духи — ЭДЕЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.

Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлеруэ.

Можно получать:

Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Бюлеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Гершъ, Лимана и Рикса, А. Лянда, А. Энглунда. Ц. № 9368

Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Мерингъ, въ магазинѣ „А-ла-туалетъ“, у Г. Брунсъ, Д. Горхардъ, и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. 25-4

Представитель для Петербурга: Д. Герке, 2, Максимиліановскій пер.

Зубоврачебная школа д-ра ТЫЧИНСКАГО ВЪ Г. ОДЕССѢ. Приемъ прошлой начался. Обращаться: Одесса, д-ру Тычинскому.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„РОССІЯ“

Высочайше утвержденное въ 1881 г.

въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 37.

Основной и запасные капиталы 25.500,000 руб.

Общество заключаетъ:

Страхование жизни

т. е. капиталовъ и доходовъ для обезпеченія семьи или собственной старости, приданого для дѣвушекъ, стипендій для мальчиковъ и т. п., на особо выгодныхъ условияхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1896 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 35,563 лица на капиталъ въ 91.406,948 руб.

Страхование отъ несчастныхъ случаевъ

какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и коллективнаго страхования служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ, — съ уменьшеніемъ страховыхъ взносовъ вслѣдствіе зачета дивиденда.

Страхование отъ огня

движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода (строений, машинъ, товаровъ, мебели и проч.).

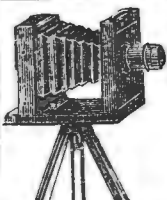
Страхование транспортовъ

рѣчныхъ, сухопутныхъ и морскихъ; страхование корпусовъ судовъ.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. д., № 37) и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

Страховые билеты по страхованію пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ выдаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходныхъ пристаняхъ.

В. № 9406 4-1

СКЛАДЫ

фотографическихъ принадлежностей

О. ЮХИМЪ и К^о.

С.-Петербургъ. Сущестъ. Москва.

Невскій пр., № 3. съ 1860 г. Театральн. провъдъ.

Громадный выборъ всевозможныхъ аппаратовъ для фотографовъ специалистовъ и любителей, и также для научныхъ цѣлей.

НОВОСТИ ПО ФОТОГРАФИИ.

МАГАЗИНЪ, РАЗВѢСКА И СКЛАДЪ ЧАЕВЪ московскаго купца

И. Е. ДУБИНИНА.

(Фирма существуетъ съ 1886 года).

Москва, Покровка, д. Тяжелова (близъ новаго Курскаго вокзала).

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ РАЗВѢСНЫМЪ ЧАЯМЪ:

Чай китайскіе:	Цѣна	Цѣна
	розничн.	оптова.
Фамильный	1.20.	1.10.
Фамильный душистый	1.40.	1.22.
Семейный высокій,	1.40.	1.28.
Хуни ароматическій,	1.80.	1.44.
Царская Роза букетный	2.	1.60.
Высокій Пуудюкоу	2.20.	1.76.
Черный Лянсинъ — замѣчательный	2.50.	1.90.
Небывалая рѣдкость (верхи съ цѣточк.)	2.80.	2.20.
Богдыханскій любительскій	3. 0.	2.50.
Чай для трантировъ, буетотъ и лавонъ:		
Калтинскій, съ сильными настоємъ	1.60.	1.25.
Калтинскій ароматическ. Особый любительскій съ цѣточкомъ	1.80.	1.35.
	2.	1.60.
Чай цейлонскіе (собственной выписки съ острова Цейлона.)		
Розаннскій съ сильными настоємъ	1.60.	1.35.
Букетный чрезвычайно ароматный	2.	1.60.
Буетъ Ландыша, рѣдкій сортъ	2.80.	2.20.

Чай въ жестяныхъ коробкахъ отъ 2 руб. до 3 р. 20 к. за ф. Чай цѣвочный лянсинъ и затханный отъ 3 р. до 5 руб. за фунтъ.

По оптовой цѣнѣ чай высылается почтой не меньше какъ три фунта разныхъ сортовъ. Такую льготу мы дѣлаемъ потому, чтобы какъ потребители, такъ и торговцы могли бы безъ всякаго риска и сомнѣній выписывать на пробу такое малое количество и познакомиться съ сортами чаевъ нашей фирмы, ихъ выдающимся качествомъ и узнать всю огромную выгоду покупать чай по оптовой цѣнѣ.

При выпискѣ чая по оптовой цѣнѣ пересылка идетъ на счетъ покупателя. При выпискѣ чая не меньше 50 фунт. особо выгодныя условия. Подробный прейсъ-курантъ и условия желающимъ высылаются бесплатно.

НА ВОСПИТАНИЕ И УХОДУ БОЛЬНЫХЪ ДѢТЕЙ ВЪ МАСТЕРСТВО СЛАБОБЪ ТЕЛЕФОНЪ 1560

ПРОСИТЪ АЗЕРЫКА АКАДЕИ ФЕВЕРТОВАТЬ СЕОУ

ПЕЧЕНАТЫЕ ВЕЩИ

ТЕЛЕФОНЪ 1141.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

ВАГНЕРА, Р. Золото Рейна. Опера въ русск. и нѣм. текстами и отдѣльн. либретто. Цѣна 3 руб. БЕТХОВЕНА, Л. Сонаты для ф.-п. въ редакціи Г. Булова, томъ 4-й, текстъ русск. и нѣм. Цѣна 3 р.

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.

ВЫИГРЫШ-НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ, 59, Невскій, СПб. 4-1

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 32

Выходить еженедельно (52 № в год), съ приложениемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 10 августа 1896 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1896 г.

Безъ доставки въ
Петербургъ

5 р.

Безъ доставки въ Москвѣ
чр. контору Н. Н. Печковской,
Петровскія торговля лини.

6 р.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ

6 р. 50 к.

Съ пересылкою
въ Москву и др.
города Россіи

7 р.

За
нищу. **10 р.**

Грёзы. Съ картины В. Мендлера грав. Гедапъ.

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Часть вторая.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Награжденные и наказанные.

I.

Анна Леопольдовна пала жертвой русскаго народнаго недовольства и была свержена Елисаветой Петровной, не имѣвшей ни определенной партіи, ни составившей какого-нибудь хитро обдуманнаго заранее плана. За Елисавету было народное чувство, и ея внезапный поступокъ какъ бы вылился результатомъ суммы отдѣльных желаній, которыя одинаково чувствовалась, какъ генераломъ, такъ и солдатомъ въ гвардіи, и какъ первымъ вельможей, такъ и простымъ мужикомъ среди вольныхъ людей. Но, главное, за Елисавету было поведеніе самой правительницы, весьма попятно пристрастной къ иностранцамъ, а къ одному изъ нихъ, графу Линару, въ особенности.

И графъ Линаръ, благодаря которому въ свое время спасся отъ паденія Остерманъ, теперь послужилъ именно одною изъ причинъ того, что Остерманъ лишился всего, потому что онъ скомпрометировалъ правительницу, ибо недовольство ею во многомъ зависѣло отъ пребыванія Линара въ Петербургѣ.

Надъ Остерманомъ, Минихомъ и надъ другими, арестованными вмѣстѣ съ ними, былъ назначенъ судъ.

Объ этомъ судѣ говорили и ходили толки по Петербургу.

Но, на ряду съ судьбою пострадавшихъ, еще болѣе интересовались тѣми, кто всплывалъ наверхъ. На первомъ же торжествѣ новаго царствованія, 30 ноября, по поводу орденскаго праздника Андрея Первозваннаго, были розданы щедрыя награды. Затѣмъ каждый день молва приносила вѣсти о тѣхъ или другихъ милостяхъ новой императрицы. Разсказывали, что особенно будутъ отличены преображенскіе и гренадерская рота ихъ, конвоированная Елисавету Петровну во время переворота.

Впрочемъ, слово „переворотъ“ не употреблялось вовсе, а говорилось „благополучное восшествіе на престолъ ея императорскаго величества Елисаветы Петровны“.

Всѣ эти слухи, предположенія и разсказы волновали общество, и страсти разыгрывались, потому что каждый, весьма естественно, главнымъ образомъ, воспринималъ событія постольку, поскольку они могли касаться его самого, и каждому, отъ мала до велика, такъ или иначе, хотѣлось урвать что-нибудь.

Одинъ Левушка, жившій какъ-то безъ особенныхъ плановъ и мечтаній, принимавшій жизнь просто такъ, какъ она слагалась для него, не желалъ ничего себѣ особеннаго, но все-таки суетился и вертѣлся, какъ волчокъ, цѣлый день рыская по знакомымъ и проводя время съ товарищами, молодыми людьми.

Въ этой суетѣ время проходило такъ быстро, что онъ не замѣчалъ его почти.

Объясненіе съ Союшкой не оставило въ немъ никакого слѣда горечи. Оно случилось неожиданно для него и потому казалось не серьезно. Напротивъ, она была такъ мила въ этомъ объясненіи, что онъ вполнѣ успокоился обещанной ею дружбой.

Такъ даже, какъ будто, лучше выходило.

Одно, что беспокоило Левушку—неимѣніе никакихъ извѣстій отъ князя Косого, который все еще не возвращался и не давалъ ничего знать о себѣ.

Какъ уѣхалъ онъ тогда, въ октябрѣ, утромъ, вымывшись въ банѣ, такъ и пропалъ, словно въ воду канулъ.

Для Левушки время послѣ отъѣзда Косого, въ особенности послѣдніи недѣли, прошло очень скоро и, главное, совсѣмъ вѣгъ дома. Онъ какъ-то не то что не имѣлъ времени, а просто онъ не хотѣлъ теперь, выкинувъ къ совместной жизни съ хорошимъ человѣкомъ, оставаться одинъ. Онъ не обѣдалъ дома, не сидѣлъ, не читалъ, пріѣзжалъ только ночевать, со дня на день ожидая, что вотъ-вотъ пріѣдетъ Косой, и они снова заживутъ съ нимъ попрежнему.

Однако, Косой не возвращался такъ долго, что несомнѣнно — съ нимъ что-нибудь случилось въ дорогѣ. Но самымъ тщательнымъ расчетамъ, онъ, по крайней мѣрѣ, могъ уже раза два съѣздить къ мѣсту своего назначенія и обратно, а не только вернуться въ Петербургъ.

Левушка соображалъ, ужъ не раздумалъ ли князь Иванъ, не рѣшилъ ли онъ остаться за границей, но тогда бы онъ далъ знать.

Наконецъ, Левушка рѣшилъ серьезно обдумать и сообразить, нельзя ли какъ-нибудь выяснить, что случилось съ Косымъ.

Онъ долго ходилъ по своему кабинету и сначала перебиралъ на разные лады всѣ обстоятельства, которыя возможно было, что случились съ Косымъ, по ничему опредѣленнаго не могъ придумать. Тогда онъ началъ изыскивать средства, чтобы навести о князѣ Иванѣ справки.

Первымъ дѣломъ онъ положилъ съѣздить въ иностранную канцелярію—не было ли тамъ какихъ-нибудь извѣстій, затѣмъ побывать въ нѣмецкомъ посольствѣ.

Тамъ могли навести справки и въ Дрезденѣ, и въ Бреславлѣ, и въ Лейпцигѣ...

Пока ходилъ Левушка у себя въ кабинетѣ, его поразилъ непривычный шумъ шаговъ въ верхнемъ этажѣ.

Онъ нѣсколько разъ останавливался, прислушивался, начиналъ опять ходить, но шумъ не затихалъ.

Левушка призвалъ Петра Ивановича:

— Слышишь?

Петръ Ивановичъ посмотрѣлъ на потолокъ и спокойно отвѣтилъ:

— Такъ точно. Это вещи переносятъ.

— Какія вещи? удивился Левушка.

— А новаго жильца-съ. Какъ я вамъ изволилъ докладывать, что барыня писала, чтобы верхній этажъ для доходности сдать подъ жиле смирнымъ людямъ, и какъ вы мнѣ тогда приказали поступить сообразно приказу барыни, такъ я и сдалъ верхній этажъ, о чемъ тоже докладывалъ вамъ. А сегодня туда переѣзжаютъ. Везы привезли и, говорятъ, самъ баринъ со дня на день пріѣдетъ.

Левушка такъ давно не былъ дома и такъ мало интересовался тѣмъ, что тутъ происходило, что совершенно забылъ, что дѣйствительно Петръ Ивановичъ докладывалъ ему обо всемъ этомъ, но онъ пропустилъ какъ-то это мимо ушей.

Ему стало стыдно передъ Петромъ Ивановичемъ за такое невниманіе.

— Кто же баринъ этотъ?—спросилъ онъ.

— Изъ имѣнія, изъ-подъ Москвы, помѣщикъ, сказываютъ. Для него помѣщеніе-то купецъ нашъ сымалъ, онъ ему письмо писалъ объ этомъ. Знакомы они по Москвѣ. Говорить, что богатый. Цѣну дали хорошую. Я баринѣ отписалъ. Онъ изволили согласье дать...

— Ну, и отлично!—подтвердилъ Левушка,—лишь бы спокойный человѣкъ былъ.

— Купецъ его очень аттестовалъ хорошо,—увѣренно произнесъ Петръ Ивановичъ.—Одинъ баринъ всего и есть, а цѣлый этажъ занялъ — должно и правду богатый...

II.

Въ тотъ же день, когда Торусскій сидѣлъ за послѣобѣденнымъ чаемъ, усѣвшись въ мягкое кресло у жарко затопленнаго камина, пріѣхалъ съ дороги новый жилецъ.

Левушка узналъ это по прозвенѣвшимъ подъ самыми окнами бубенцамъ тройки, стихшимъ у воротъ и зазвучавшимъ снова черезъ нѣкоторое время уже на дворѣ.

„Что жъ это онъ на дворъ въѣзжаетъ, а не къ парадному крыльцу?“ подумалъ Левушка и пошелъ къ себѣ въ спальню, выходившую окнами на дворъ, чтобы посмотрѣть на вновь прибывшаго.

Сквозь замерзшее стекло онъ увидѣлъ въ сумеркахъ зимняго дня, освѣщенныхъ сѣрыми небесами и отраженіемъ отъ покрывавшаго и дворъ, и крыши своею пеленою снѣга,—тройку съ потными лошадьми, отъ которыхъ валилъ паръ, и огромный съ важами возокъ. Пріѣхавшіе ранѣе дворовые увидѣли сверху барскій возокъ и кинулись по стеклянной галлерей, обходящей домъ со стороны двора въ верхнемъ этажѣ,—внизъ, навстрѣчу барина.

Окно возка раскрылось, оттуда высунулась рука, долго повозилась съ ручкой дверцы и, наконецъ, дверца эта отхлоннулась. Соскочившій съ козелъ гайдукъ засунулъ обѣ руки въ возокъ и бережно вытащилъ довольно большихъ размѣровъ кованый сундукъ, а вслѣдъ за сундукомъ, почти держась за него, вылѣзъ укутанный съ головой въ шубу маленькій человѣчекъ, лица котораго и разобрать нельзя было.

Все это имѣло такой видъ, будто не баринъ пріѣхалъ, а привезли въ возкѣ главнымъ образомъ сундукъ, а при немъ уже состоялъ маленькій человѣкъ, вылѣзшій въ шубѣ.

„Надо будетъ его хоть чаю пригласить напиться, а то съ дороги ничего вѣдь нѣтъ у него“,—рѣшилъ Левушка и, возвращаясь къ себѣ въ кабинетъ, послалъ мимоходомъ сказать встрѣчавшему на дворѣ жильца Петру Ивановичу, чтобы тотъ пригласилъ его внизъ, къ барину чай пить.

Черезъ нѣсколько времени Петръ Ивановичъ явился нѣсколько недовольный и нахмуренный и доложилъ, что „жилецъ“ просилъ благодарить и что-де придетъ непременно, какъ только устроится немножко.

— Только это не настоящий баринъ,—заявилъ Петръ Ивановичъ, съ видомъ убѣжденного знатока въ людяхъ,—кажется, мы маленькую промашку сдѣлали, связавшись съ нимъ. Не настоящий баринъ совсѣмъ. Одно—если деньги платить будетъ, да смиренный. Вотъ что семьи нѣтъ у него никого и собакъ—это хорошо. А деньги, вѣрно, есть—сундучище во какой вынесли, и все посится съ нимъ: подъ кровать не подлѣзалъ, такъ онъ чурки велѣлъ подъ ножки кровати-то поставить и все-таки сундукъ подъ нее спряталъ. Ключи отъ всѣхъ дверей потребовалъ и всѣ замки осматрѣлъ...

Слова Петра Ивановича, что это не „настоящий баринъ“, безусловно подтвердились, когда къ Левушкѣ явился новый жилецъ ихъ дома.

Это былъ маленькій, худенькій человѣчекъ съ безпокойно бѣгавшими глазами, нервный, казавшійся на видѣ лѣтъ пятидесяти.

Левушка, какъ увидалъ его, такъ и убѣдился сейчасъ же, что никогда уже звать его къ себѣ не будетъ и самъ къ нему не пойдетъ.

Несмотря на то, что онъ видимо принарядился, чтобы сойти внизъ, надѣлъ, можетъ-быть, даже лучшее свое платье и чистую манишку и манжеты—онъ все-таки казался очень плохъ въ своемъ деревенскаго покроя суконномъ кафтанѣ и плохо натянутыхъ шерстяныхъ чулкахъ.

Онъ вошелъ, потирая руки, и на вѣзливый поклонъ Левушки распаркался какъ-то особенно, не то что неуклюже, но очень антипатично. Онъ не кланялся, а изгибался всѣмъ корпусомъ.

— Позвольте познакомиться,—заговорилъ онъ, сильно двигая губами и показывая изъ-за нихъ одинъ единственный большой плоскій желто-бѣлый передній зубъ,—позвольте познакомиться—если изволите уже узнать, зовутъ-съ меня Игнатъ Степанъичъ Чиликинъ...

— Чиликинъ? переспросилъ Левушка, сдѣлавъ шагъ назадъ.

— Да-съ,—Чиликинъ, Игнатъ Степанъичъ... можетъ-быть, изволили слышать фамилію?

— Нѣтъ,—помолчавъ отвѣтилъ Левушка,—вы къ какому же дворянству собственно принадлежите, къ московскому?

Левушкѣ не столько важно было знать, къ какому именно дворянству принадлежалъ Чиликинъ, сколько нужно было выяснитъ, дворянинъ онъ вообще или нѣтъ, а спросить прямо объ этомъ онъ считалъ неудобнымъ.

Но Чиликинъ отвѣтилъ уклончиво:

— Я изъ-подъ Москвы,—сказалъ онъ,—а вы будете господинъ Торусскій, племянникъ владѣтельницы нашего дома?..

Левушка, въ свою очередь, не отвѣтилъ, кто „онъ будетъ“, и просилъ гостя сѣсть, предложивъ ему чаю.

У Левушки была одна особенность:—съ антипатичнымъ ему человѣкомъ онъ не только не умѣлъ быть любезнымъ, несмотря на полное инюгда, когда это нужно было, стараніе, но просто ему становилось тяжело, невыносимо, и онъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно сидѣлъ насунувшись и молчалъ. Подъ конецъ у него всегда разболѣвалась голова.

Онъ и теперь сѣлъ глубоко въ свое кресло у камина, вытянулъ впередъ ноги и уставился на красившіе въ каминѣ уголья.

Чиликинъ, однако, не смутился этимъ. Онъ взялъ преспокойно поданный ему на подносѣ стаканъ чая, захватилъ большую порцію меду на ложку и, облизавъ ее, сталъ запивать не спѣшными глотками.

— Хотите рому?—спросилъ Левушка.

Чиликинъ съ охотою попросилъ рому и началъ рассказывать, что никогда не бывалъ въ Петербургѣ и что теперь пріѣхалъ по важному для себя дѣлу.

Онъ говорилъ о себѣ такъ просто, какъ будто оно такъ и должно было быть.

Левушка слушалъ и старался разобрать, что это за человѣкъ былъ передъ нимъ. Неужели всѣ жители провинціи теперь таковы. Но нѣтъ, онъ помнилъ провинцію по своимъ сравнительно еще недавнимъ воспоминаніямъ и никогда не знавалъ такихъ людей.

А Чиликинъ въ это время приставалъ къ нему съ разными мелочными просьбами—передѣлать замки у дверей, повѣсить новый замокъ, побольше, у входной двери, не надбавлять платы за лишнее стойло, принять водовоза на свой счетъ, словомъ—нашелъ пѣлый рядъ совершенно не интересовавшихъ Левушку вещей, благодаря которымъ могъ сдѣлать себѣ грошовую выгоду.

— Это не мое дѣло,—не выдержалъ, наконецъ, Левушка,—это дѣло все нашего человѣка Петра, вотъ что встрѣтилъ васъ. Ему поручено завѣдываніе домомъ...

— Ахъ нѣтъ, что вы!—испугался даже Чиликинъ,—какъ же я могу разговаривать о такихъ вещахъ съ человѣкомъ. Онъ просто хамъ и больше ничего. А вотъ прикажете вы—это другое дѣло будетъ, и не смѣетъ ослушаться-съ... Нѣтъ-съ, ужъ вы насчетъ замочковъ-то распоряженіе отдайте...—заклучилъ Чиликинъ, принимаясь за третій стаканъ чая съ ромомъ.

Ромъ ли дѣйствовалъ на него или послѣдорожное состояніе, но только онъ становился все разговорчивѣе и разговорчивѣе, но мѣрѣ того, какъ Левушка дѣлался угрюмѣе.

Торусскій даже почти пересталъ отвѣчать, а говорилъ только „да“, да „нѣтъ“.

А Чиликинъ, не стѣняясь и какъ бы вовсе не желая замѣтить, что давно надоѣлъ, разспрашивалъ Торусскаго о его связяхъ и положеніи общества, при чемъ, спрашивая безпрестанно Левушку, знаетъ ли тотъ того или другого, выказалъ довольно основательное знакомство съ именами высокооставленныхъ лицъ, а также и тѣхъ, черезъ которыхъ къ нимъ была дорога.

Послѣ подробнаго опроса съ этой стороны, Чиликинъ, улыбаясь и показывая свой плоскій зубъ, приступилъ къ Левушкѣ съ новою просьбой...

— Вотъ что-съ, Левъ Александровичъ,—началъ онъ таинственно (онъ ужъ имя и отчество узналъ Левушки),—я вижу-съ, что вы человѣкъ просвѣщенный и знакомства такія имѣете и, насколько могу судить, не пустословъ-съ. Ну, такъ вотъ что, могу я у васъ совѣта спросить по моему дѣлу, по которому я пріѣхалъ сюда, въ Петербургъ?

Левушка пожалъ только плечами.

— Да-съ,—дѣло у меня крайне важное. Вотъ видите ли, вы меня изволили спросить, къ какому дворянству принадлежу я, и я уклонился отъ отвѣта тогда, ну, а теперь скажу, что въ томъ-то и бѣда моя, что я не принадлежу еще къ дворянскому сословію и не имѣю права владѣть населенными имѣніями. Чувства и все прочее имѣю совершенно дворянскія, а населеннымъ имѣніемъ владѣть не могу. Вотъ я и пріѣхалъ похлопотать, нельзя ли при новыхъ вѣяніяхъ съ восшествіемъ на престолъ всепресвѣтлѣйшей государыни Елисаветы Петровны получить нужное мнѣ званіе...

— За какія же заслуги, за сто же вамъ могутъ дать дворянство?—почти со злобой уже спросилъ Левушка.

— Мало ли какія заслуги!—смирненно запѣлъ Чиликинъ,—я денегъ большихъ не имѣю, но изъ тѣхъ

Поймаль. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Писемского, грав. Пястухевичъ.

Пардель (*Leopardus Irbis*), нападающий на бѣляка (*Lepus variabilis*). Ориг. рис. К. Домбровскаго.

крохъ, что есть у меня, готовъ удѣлить на дѣла благотворенія, сдѣлать пожертвованія, вообще я думаю съ деньгами можно съ сдѣлать многое—лишь бы были онѣ.

Теперь Чиликинъ становился совершенно ясенъ. Онъ явился въ Петербургъ, чтобы получить при помощи денегъ (которыхъ вѣроятно у него были „не крохи“, какъ онъ говорилъ, а гораздо больше), получить себѣ дворянство, ради выгоды владѣть населеннымъ имѣниемъ и покупать людей.

Левушкѣ противно было это.

Онъ съ страшнымъ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ сказалъ бы этому господину съ плоскимъ зубомъ, чтобъ онъ не вѣрилъ ужь такъ слѣпо въ силу своихъ денегъ, но, къ сожалѣнію, долженъ былъ сознаться, что зналъ нѣсколько фактовъ, которые заставляли молчать его...

Когда Чиликинъ простился, наконецъ, и ушелъ, Левушка вздохнулъ, точно съ плечъ у него сняли непоправимую, давившую его, тяжесть...

III.

Левушка, какъ хотѣлъ, на другой же день отправился въ канцелярію иностранныхъ дѣлъ и въ нѣмецкое посольство, но ни тутъ, ни тамъ не было и признака извѣстій о князѣ Косомъ.

Дѣлать было нечего—Торусскому оставалось послѣ этого одно только—ждать.

Прошло еще около мѣсяца, наступили рождественскіе праздники. Косой не возвращался. Наканунъ новаго года вышелъ именной указъ съ наградами преобразенцамъ. Гренадерская рота получила названіе лейбъ-кампаніи, капитаномъ которой была сама императрица. Унтеръ-офицеры и всѣ рядовые не изъ дворянъ были пожалованы въ потомственные дворяне и получили имѣнья. Адъютантъ Грюнштейнъ получилъ 927 душъ. Остальнымъ ротамъ Преображенскаго полка и другимъ гвардейскимъ полкамъ были пожалованы денежные награды.

Сонюшка заждалась и истомилась вся. Сначала она придумывала себѣ разныя комбинаціи, въ силу которыхъ могъ задержаться князь Иванъ за границей. Но мало-по-малу изобрѣтательность ея истощалась, и все чаще и чаще приходило ей на умъ, что, можетъ-быть, Косой престо встрѣтился съ кѣмъ-нибудь, кто заставилъ его забыть о ней. Въ такія минуты она старалась вспомнить его лицо, правдивые, честные глаза и успокоивала себя тѣмъ, что это невозможно. Она опять перестала спать по почамъ, сидѣла поджавъ ноги на постели и все думала объ одномъ и томъ же.

Она ходила, шла, ѣла, садилась за работу, по точно это не она была, а кто-нибудь другой, посторонній, а сама она ничего не могла дѣлать—только думать и думать. Выходки Вѣры Андреевны даже не волновали ее. Она ко всему какъ-то была равнодушна и безучастна.

Вывозили ее на вечера вмѣстѣ съ Дашенькой. Она ѣхала туда и проводила время покорно, но совершенно апатично. Вотъ что она начала замѣчать съ каждымъ днемъ за собой:—съ каждымъ днемъ ей становилось все труднѣе и труднѣе думать, и все большее и большее усиліе требовалось ей для этого. Иногда, чтобы связать послѣдовательно нѣсколько мыслей, ей требовалась такая работа, что послѣ нея она ощущала какъ бы вполне физическую усталость.

Одинъ разъ только ей было весело, по какимъ-то пенормальнымъ, почти сумасшедшимъ образомъ.

Это было на праздникахъ, на каткѣ, устроенномъ на па-де-калѣ.

Было ясное, морозное утро. Почти все молодое общество Петербурга собралось тутъ.

Такіе праздники на каткѣ вошли въ моду еще при царѣ Петрѣ, по образцу Голландіи.

Довольно значительное пространство гладкаго, вычищенного льда обсаживалось елками, увѣшанными вѣнками изъ бумажныхъ цвѣтовъ и флагами. Между елокъ шли гирлянды разноцвѣтныхъ фонарей, зажигающихся вечеромъ. Молодые люди бѣжали за санками, красиво и причудливо устроенными въ видѣ какой-нибудь пестро раскрашенной лодки, птицы или звѣря, обитыми бархатомъ и убранными кисточками, ленточками, колокольчиками и бубенчиками.

Барышни съ ихъ мадамами (старикамъ было слишкомъ холодно на каткѣ) сидѣли на особо устроенномъ помостѣ, возлѣ обставленныхъ елками хоровъ, гдѣ играли рожечники. Мужчины со своими санками съ размаху подбѣгали къ какой-нибудь, заранѣ избранной, какъ въ танцахъ, приглашали ее сѣсть въ свои санки и во весь духъ мчали, на перегонку съ другими, по льду, одинъ кругъ, два, три... Подвозили къ прежнему ея мѣсту, высаживали и подбѣзжали къ другой. Дамы постоянно мѣнялись, мѣнялись и кавалеры, и это было очень весело. Главное, тутъ не требовалось ни знакомства, ни официальныхъ представленій. Молодой человекъ, выбравъ первое хорошенькое личико, лихо подкатывалъ свои санки. Отказу не могло быть. Всякая, явившаяся на катокъ, обязана была сѣсть и позволить себя провезти одинъ полный кругъ, затѣмъ сказать, если желала этого, чтобы ее везли на мѣсто... Все это дѣлалось быстро, подъ неумолкаемые звуки роговой музыки, звонъ бубенцовъ, колокольчиковъ и крики и смѣхъ...

У Соголевыхъ не было мадамы, и потому ихъ привезла на катокъ сама Вѣра Андреевна. Она была въ новой, сшитой на заработанныя Сонюшкой деньги, шубкѣ, Дашенька тоже была одѣта въ новое, одна Сонюшка, точно ей было все равно, сидѣла, кутаясь въ старенькую бархатную шубку. Правда, эта шубка темно-гранатового бархата была лучше многихъ и, была ли сшита лучше другихъ или Сонюшка умѣла ее носить, но на ней сидѣло все такъ, что казалось гораздо лучше, чѣмъ новыя вещи на Дашенькѣ и на Вѣрѣ Андреевнѣ.

Сонюшка сидѣла возлѣ Дашеньки и Рябичъ, которая подеѣла къ нимъ, —и, какъ-то цѣлкомъ уйдя въ себя, словно прислушивалась и приглядывалась не къ тому веселью и шуму, который былъ кругомъ нея, но къ тому, что происходило тамъ, внутри у нея.

Да, кругомъ веселились, радовались и смѣялись, а внутри ея сжимала жгучая, щемящая сердце тоска.

Сегодня ей какъ-то было особенно не по себѣ.

Она слишкомъ часто привыкла въ толгѣ молодыхъ людей искать и находить знакомое уже ей до мельчайшихъ оттѣнковъ выраженія лицо Косого.

И сегодня она нѣсколько разъ оглядѣла всѣхъ. Но его не было. Она знала это раньше. Будь онъ тутъ, она бы почувствовала это, не глядя.

Но невольно ей пришло въ голову, что какъ бы было хорошо, если бы онъ, ея милый, былъ тутъ. Она среди окружавшей ее толпы видѣла нѣкоторыхъ, которые съ особеннымъ, понятнымъ ей счастьемъ садились въ извѣстныя санки. Съ какимъ бы счастьемъ она сѣла тоже въ сани Косого—будь онъ тутъ!..

И вотъ Сонюшка, закрывъ глаза, стала воображать себѣ, что онъ тутъ, ищетъ ее, ждетъ и беспокоится. Наконецъ, вдругъ увидѣлъ ее, улыбнулся одними глазами только, такъ, какъ онъ дѣлаетъ это всегда, когда видитъ ее, и бѣжить къ ней такъ, что никто не можетъ догнать его... Вотъ онъ впереди всѣхъ и, круто сдѣлавъ заворотъ, останавливается вдругъ передъ нею...

Въ это время Сонюшка слышитъ, что дѣйствительно раскатившіяся сани, дрогнувъ бубенчиками и рѣзнувъ ледъ, остановились.

Она открываетъ глаза.

Передъ ней двоюродный братъ Рябичъ, ухмыляющийся и вѣжливо ожидающій, чтобы она сѣла въ его сани.

Дѣлать нечего—надо было садиться.

Сысоевъ отлично умѣлъ кататься на конькахъ и добросовѣстно сдѣлалъ два круга съ Сонюшкой. Когда онъ подвезъ ее на мѣсто—рванулась было Дашенька, думая, что Сысоевъ выберетъ и ее, но тотъ преспокойно повернулъ сани и отъѣхалъ въ сторону.

Наденька Рябичъ крикнула ему, чтобы онъ вернулся, но онъ не слышалъ.

Почти вслѣдъ за Сысоевымъ подъѣхалъ Левушка.

— Софья Александровна, пожалуйста!...

Сонюшка ѣхала уже второй разъ, а Дашенька еще не каталась ни разу. Вѣра Андреевна недовольно поморщилась.

Подъѣхалъ молодой Творожниковъ и увезъ Рябичъ.

Вѣра Андреевна кусала губы.

Сонюшка отлично видѣла ее недовольство и сейчасъ же поняла причину его.

— Вотъ что,—сказала она Левушкѣ, когда они отъѣхали,—провезите, пожалуйста, мою сестру тоже...

— Сестлу васу, зачѣмъ?—спросилъ Левушка,—здѣсь вѣдь полная свобода выбола. Таково плавило...

Когда они вернулись, Вѣра Андреевна сидѣла мрачнѣе тучи. Она готова была подняться и уѣхать, если бы это не было сочтено за постыдное бѣгство.

Дашенька дѣлала видъ, что ей вовсе не хочется кататься.

Левушка отъѣхалъ къ группѣ молодыхъ людей, отдыхавшихъ и оправлявшихъ коньки. Среди нихъ былъ и молодой Творожниковъ, только-что прокатившій Рябичъ.

— Знаете, планиметрия злится, зачѣмъ ее китайскій божокъ сидитъ, а ѣздить сталшая!...—сказалъ ему Левушка.

У нихъ въ тѣсномъ кружкѣ давно уже было почему-то присвоено Вѣрѣ Андреевнѣ, хотя, правда, совершенно недѣльное, но почему-то нравившееся названіе „планиметрии“,—кажется, потому, что она при комъ-то стала разсуждать объ этой наукѣ.

Что же касается „китайскаго божка“, то это названіе, данное Косымъ Дашенькѣ, такъ и осталось за нею.

— Да ну?—сказалъ Творожниковъ,—сейчасъ поѣду бѣсить планиметрию.

И онъ отправился къ Сонюшкѣ.

Это слышали другіе, стали спрашивать, въ чемъ дѣло, и, узнавъ, летѣли тоже къ старшей Соголевой...

Изъ этого вышло то, что Сонюшка не только не сидѣла ни минуты, но, напротивъ, ее ждали даже, такъ что ей приходилось переходить изъ однихъ саней прямо въ другія, и едва успѣвала она опуститься на сидѣнье, какъ ее подхватывали во весь духъ, и она неслась съ страшной быстротою по гладкому льду, точно убѣгая отъ всякихъ непріятностей, такъ что тяжелыя мысли не могли догнать ее. Эта быстрая-быстрая, сумасшедшая ѣзда захватила ее, заставила разсѣяться и не то что забыть, а мѣшала ей сосредоточиться... И ей было хорошо.

— Вы не боитесь?—спрашивали ее.

— Нѣтъ, пожалуйста,—отвѣчала она.

И сани неслись, перегоня остальные.

Вѣра Андреевна выходила изъ себя, совершенно не подозрѣвая, что даетъ этимъ спектакль молодымъ людямъ, которые находятъ его очень забавнымъ.

Она нѣсколько разъ пробовала указывать знакомымъ на младшую дочь, но тѣ, какъ бы не понимая ее намековъ, все-таки обращались къ Сонюшкѣ.

Наконецъ, уже и Рябичъ не вытерпѣла:

— Что это меня никто не катаетъ,—сказала она,—все только Сонюшку!..

IV.

Есть что-то захватывающее, увлекательное въ быстрой ѣздѣ, и эта ѣзда именно такимъ образомъ вліяла на Сонюшку... Она не имѣла времени духъ перевести.

Подъѣзжали къ ней и незнакомые, и всѣмъ одинаково отвѣчала она и благодарила.

Позже другихъ на катокъ явился Ополчининъ.

Онъ былъ награжденъ по только-что вышедшему указу деревней и повышенъ въ чинъ и теперь не только считался состоятельнымъ человѣкомъ, но и такимъ, у котораго много еще впереди. Онъ начиналъ свою службу при весьма блестящихъ для себя обстоятельствахъ. И это онъ сразу почувствовалъ послѣ удачнаго своего участія въ дѣйстви 25-го ноября. Тогда уже къ нему замѣтно стали относиться съ большимъ, чѣмъ прежде, дружелюбіемъ, а теперь, послѣ вышедшаго указа, по которому Ополчининъ получилъ отличіе не на ряду съ другими, а находился въ числѣ выдѣленныхъ особо,—теперь къ нему не только относились дружелюбно, но и съ нѣкоторою долею предупредительности.

И на каткѣ его встрѣтили особенно замѣтно. Правда, „прежніе“ его собутыльники, въ особенности Левушка и Творожниковъ, какъ будто держались немножко въ сторонѣ, но вмѣсто нихъ нашлись десять другихъ, которые очень любезно заѣздили вокругъ Ополчинина, чуть не готовые сами подвязать коньки ему. Но когда онъ подвязалъ ихъ, то въ его рукахъ очутились уже санки, услужливо уступленные ему однимъ изъ „начинавшихъ“ молодыхъ людей.

Санки были очень красивыя, въ видѣ бѣлаго лебедя, горделиво выгнувшаго свою длинную шею. Ополчининъ взялся за ручки и оглядѣлъ нарядныя скамейки, гдѣ сидѣло дамское общество.

Онъ чувствовалъ, что не одно сердце дрогнуло при этомъ. Такъ или иначе, онъ сегодня на каткѣ былъ однимъ изъ тѣхъ, на которыхъ смотрятъ, сраниваютъ, гдѣ они, и показываютъ на нихъ, и, разумеется, каждому женскому самолюбію было бы въ высшей степени лестно, если бы онъ подъѣхалъ.

Ополчининъ понималъ это и, испытывая удовольствіе польщеннаго самолюбія, нарочно медленно передвигая ногами, поѣхалъ съ санками, какъ бы не смотря на барышень.

Были между ними разныя. Многихъ онъ зналъ. Иныя смотрѣли на него и улыбались ему, какъ бы подзывая его, другія, напротивъ, усиленно старались разговаривать съ сосѣдками, но Ополчининъ зналъ, что онѣ только и думали о томъ, чтобы онъ подъѣхалъ къ нимъ.

И вдругъ онъ увидѣлъ рядомъ съ неспускавшей съ него глазъ Рябичъ, хорошенькое, раскраснѣвшееся личико Сонюшки.

Ее только-что привезли на мѣсто, и она сѣла, не обращая ни на кого вниманія и не дѣлая даже усилий смотрѣть на кого-либо.

Ополчинину показалось, что она потому не смотритъ на него, что „не смѣетъ“ смотрѣть, не смѣетъ думать, чтобы онъ (какъ онъ себѣ дорогъ и значителенъ казался въ эту минуту!) обратилъ на нее вниманіе, когда тутъ есть и болѣе богатая и видная по положенію своихъ родителей.

Такъ вообразилъ себѣ Ополчининъ, и вотъ именно потому, что онъ вообразилъ такъ себѣ—онъ подъѣхалъ не къ кому другому, а къ Сонюшкѣ, онъ искренно думалъ, что осчастливить ее.

Она послушно встала и сѣла въ его санки.

Онъ особенно отчетливо и красиво оттолкнулся коньками и, мѣрно раскачиваясь, погналъ санки, ловко лавируя между другими, которые онъ обгонялъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ополчининъ протанцовалъ съ Сонюшкой у Творожниковыхъ, онъ былъ у Соголевыхъ, говорилъ съ нею, сидѣлъ и долженъ былъ сознаться, что она и разговаривала, и держала себя такъ же мило, какъ и танцевала, и съ нею такъ же было ловко вообще, какъ и во время танцевъ.

Теперь, когда она сидѣла въ его санкахъ, и онъ,

то замедляя, то ускоряя по своему произволу ходъ, легко и скоро скользиль, зная, что она должна сидѣть такъ. пока ему не надоѣстъ, онъ чувствовалъ ее въ своей власти.

И это сознание власти надъ нею мало-по-малу переходило у него въ рядъ очень пріятныхъ и послѣдовательныхъ мыслей.

— Вы устали?—обернулась она къ нему.—Довольно...

— Нѣтъ еще!—отвѣтилъ онъ и, какъ бы въ доказательство того, что вовсе не усталъ, настойчивѣе сталъ отбивать коньками по льду.

Ему было очень весело и очень пріятно сознавать себя счастливымъ обладателемъ помѣстья, заслуженнаго собственнымъ своимъ усердіемъ.

Прежде онъ всегда мечталъ жениться на богатой и составить себѣ этимъ путемъ карьеру. Относительно того, что онъ долженъ былъ составить ее—онъ не сомнѣвался; неизвѣстно было, какимъ только путемъ. Но теперь неожиданно судьба такъ побаловала его, и начало его службы принесло ему такую легкую и быструю удачу, что онъ въ самолюбивыхъ грезахъ могъ уже разсчитывать на собственные свои силы. Для своихъ лѣтъ онъ былъ достаточно богатъ и достаточно занималъ видное положеніе, сравнительно съ другими. Теперь онъ могъ быть вполне самостоятеленъ. Богатая же женитьба, напротивъ, могла только огнить у него эту самостоятельность. Какъ бы тамъ ни было, а богатая невѣста все-таки „осчастливила“ его. А этого онъ не хотѣлъ. Онъ хотѣлъ именно самъ осчастливить. Добро бы еще онъ полюбилъ кого-нибудь изъ богатыхъ, по въ томъ-то и дѣло, что онъ чувствовалъ, что никто изъ всѣхъ дѣвушекъ ему не нравится такъ, какъ Сонюшка Соголева.

Женись онъ на ней (вѣдь то, что онъ думалъ такъ, ни къ чему его не обязывало), и она была бы вполне въ его власти. Онъ зналъ, что онъ бѣдны. И вотъ онъ изъ бѣдности беретъ ее и возвышаетъ, дѣлаетъ ее своею женой. И она уже изъ одной благодарности должна терпѣть все. Захочетъ онъ, приласкаетъ ее, захочетъ—огорчить и заставить, даже нарочно заставить претерпѣть, чтобы тутъ же и помиловать,—„ну, поди сюда“ сказать и по щекамъ погладить... А она же такая смиренная, робкая, покорная... И съ нею не стыдно показаться куда угодно, воспитана она превосходно...

Ему не было дѣла, какъ къ нему относилась сама Сонюшка. Онъ слишкомъ любилъ самъ себя, чтобы допустить, что его нельзя было бы полюбить, если онъ этого захочетъ.

„Вотъ если она обернется сейчасъ на меня, то все это случится“,—подумалъ онъ, не замѣчая, что задѣваетъ санками за чужія.

— Тише!—испугалась Сонюшка.—Мы чуть было не опрокинулись,—сказала она, когда онъ сумѣлъ справиться, свернувъ во-время, и обернулась.

Что-то странное, настаивающее и заставившее ее насторожиться, увидѣла она въ его глазахъ, когда обернулась.

Когда Сонюшка вернулась съ Ополчиннымъ, Вѣра Андреевна не выдержала больше,—она больно щипнула ее за руку и велѣла собираться домой.

Дашенька все время просидѣла на мѣстѣ. Только двоюродный братъ Рябичъ, не могшій дожидаться своей очереди, чтобы провезти вторично Сонюшку, одинъ разъ посадилъ ее въ сани.

(Продолженіе будетъ.)

Д Н Е В Н И Ц Ъ .

Рассказъ А. Я. Немеровскаго.

(Окончаніе.)

7 сентября.

Завтра она пріѣдетъ. Я собираю всѣ свои умственные силы, чтобы спокойно обсудить положеніе. И вчера на ночь, и сегодня утромъ я принялъ цѣлую массу своего любимаго хлораль-гидрата. Ничто не помогаетъ. Нервы разгулялись такъ, что хоть цѣлью ихъ сковывай. Задумаюсь, постараюсь свести все къ логической схемѣ: разобрать, что случилось, и какъ изъ того, что случилось, вытекло мое теперешнее настроеніе, — и не могу довести разсужденія до конца. Мысль вдругъ срывается съ своей узды и, какъ бѣшеная, скачетъ Богъ вѣсть куда, далеко въ сторону отъ того, куда ее хочешь направить. Съ трудомъ поймашь ее и снова припиоришь, по черезъ минуту—смотришь—она опять гуляетъ гдѣ-то на свободѣ, и такъ постоянно!

А нуце всего преслѣдуютъ видѣнія — особенно, какъ закрошь глаза. Сегодня утромъ, глубоко засѣвъ въ свое кресло, я задумался о нашей свадьбѣ и сталъ живо представлять будущій торжественный обрядъ. Вижу и себя во фракѣ, и Лизу, такую счастливую и улыбающуюся, въ блонъ платья, съ бѣлыми цвѣтами на головѣ, съ своими свѣтлыми, лучистыми глазами. Мы уже вернулись изъ церкви, и цѣлая толпа гостей, съ задранными бокалами, привѣтствуетъ повобратныхъ. Каждый подходитъ и говоритъ: „поздравляю васъ, желаю вамъ счастья“. И вдругъ, грубый голосъ, какой-то низкій басъ, глухо гудитъ въ дверяхъ: „и я поздравляю васъ... желаю вамъ счастья!“ „Отецъ!“ вскрикиваетъ Лиза и падаетъ безъ чувствъ, и замѣченная всѣми гостями фигура человека въ арестантскомъ халатѣ, съ бритой головой и мрачнымъ, обросшимъ лицомъ, исчезаетъ, какъ привидѣніе. Я открываю глаза и сильно припомнить, чей образъ связался въ моей фантазіи съ представленіемъ о счастливомъ Вельяпекомъ. Вспоминаю, что это лицо я видѣлъ давно-давно, еще въ дѣтствѣ, когда возлѣ нашей деревни сосѣдніе мужики задержали опаснаго арестанта — бѣглаго каторжника...

Съ какими глазами я покажусь передъ Лизой! Какая разница въ нашихъ настроеніяхъ, съ которыми мы встрѣтимъ другъ друга!.. Она пріѣдетъ веселая, какъ птичка, свѣтлая, какъ день, лучезарная, какъ ея любовь и надежды. А я... черныя мысли туманятъ мнѣ голову, злой коршунъ клюетъ мое сердце; въ душѣ—холодная ночь, мрачная пустота, наполненная одними страшными призраками... О, дорогой лучезарный утренній свѣтъ! Разогни хоть ты своей алой зарей эти страшные призраки ночи, что собрались въ моей бѣдной душѣ...

8 сентября.

Сегодня утромъ, въ ожиданіи пріѣзда Лизы, и захотѣлъ лично принарядиться и въ первый разъ подошелъ къ зеркалу. Боже, что со мной сдѣлала эта недѣля! Откуда взялись эти черные круги подъ глазами, этотъ страшный, воспаленный блескъ самыхъ глазъ, весь этотъ измученный видъ перенесшаго тяжкую болѣзнь человека? Я не узналъ самого себя въ этой изурнненной, страшной физиономіи.

Вечеромъ пріѣхала Лиза. Я весь день размышлялъ, встрѣчать ли ее на вокзалѣ. Надо встрѣтить: вѣдь я не думаю сбѣжать отъ нея, — а тѣмъ болѣе такъ, не повидавшись; рано или поздно, сегодня или завтра, а надо же будетъ объясниться!

На вокзалѣ я вспомнилъ, съ какимъ чувствомъ недѣлю назадъ я провожалъ Лизу. Я немысливалъ тогда такую боль, какъ будто мое собственное я разорвали на двѣ части и изъ нихъ одну увезли отъ другой. Теперь она, эта часть моего я, возвращалась на прежнее мѣсто, но тамъ уже все заросло корою, тамъ уже она чужая, тамъ уже не стало для нея пріюта.

Только въ послѣднія минуты, уже передъ самымъ поѣздомъ, меня охватила лихорадка настоящаго волненія. Лиза сейчасъ пріѣдетъ, а мнѣ такъ трудно, такъ тяжело заговорить съ нею, какъ будто мы разстались въ большой сорѣ, совершенными врагами, и вотъ теперь я, въ силу какого-то принужденія, долженъ, какъ ни въ чемъ не бывало, подойти къ ней и говорить слова дружбы. А вдругъ у меня не хватитъ силъ на это? И сердце мое въ какомъ-то страхѣ сжалось при этой мысли...

Ударилъ еще звонокъ, на вокзалѣ отперли входную дверь, и мы, встрѣчающіе, высыпали на платформу. Поѣздъ приближался, и, охваченный всей сутолокой массы народа, суетой озабоченныхъ понецковъ, съ одной дѣловой мыслью—какъ бы увидѣть Лизу на площадкѣ вагона — я забылъ на мигъ свои ощущенія. Прошла цѣлая вереница вагоновъ. „Володя!“ звонокъ крикнулъ съ одной площадки молодой женскій голосъ, и бѣлокурная головка стала посылать мнѣ дружескіе поклоны. Что-то *прежнее*, доброе шевельнулось у меня въ сердцѣ, и я побѣжалъ за уходящимъ впередъ вагономъ. Поѣздъ сталъ, и Лиза, оживленная, сіяющая, срыгнула съ площадки и, подхваченная мною, въ иѣжномъ поцѣлуѣ прижалась къ моимъ губамъ. Но въ эту самую минуту холодная мысль о *немъ*, объ ея отцѣ, обо всемъ, что пережила я за эту недѣлю разлуки, змѣею проскользнула мнѣ въ голову, и сердцемъ я почувство-

Храмъ Спасителя въ Боркахъ. Преображеніе Господне. Картина-икона В. Е. Маковского. Грав. Шюблеръ.

валь вдругъ, что Лиза мнѣ чужая, и ледяной холодъ сковалъ мнѣ уста, едва отвѣчавши на жаркій поцѣлуй молодой дѣвушки. Счастливая, упоенная, Лиза ничего не замѣтила. Она стала говорить о своей побѣдѣ, говорить безъ умолку, въ оживленіи молодости и счастья.

— Говори точно,—приставала она,—когда ваша свадьба? Я общалась сейчасъ же по приѣздѣ, прямо съ вокзала, телеграфировать теткѣ...

И испугалась.

— Да погоди, шалунья,—слабо улыбнулся я.—Обсудимъ вмѣстѣ. Завтра пошлемъ телеграмму.

— Ну, завтра, такъ завтра,—согласилась она, и мы поѣхали въ городъ.

И въ экипажѣ она все говорила и говорила, а я все молчалъ, и камень все тяжелѣе становился у меня на сердцѣ.

— А ты, плутишка, скучалъ здѣсь по мнѣ? Говори, скучалъ?—допрашивала она и весело ударила меня пальчикомъ по рукѣ, но вдругъ остановилась и съ шугливымъ пенугомъ сказала:—Да какой онъ серьезный сегодня и скучный! Это для приѣзда невѣсты—хороши!

Мы подѣхали къ ея квартирѣ. Я внесъ ея вещи и сталъ прощаться.

— Это еще что за выдумки,—закричала она.—Уйти сейчасъ, не оставайся со мной! Да и ни за что тебя не пусть!

— Нельзя, Лизочка, нельзя. Уже такъ поздно. Что о тебѣ подумають?..

И я почти насильно вырвался изъ ея рукъ, оставивъ ее удивленную и, кажется, огорченную. Роковые минуты близятся. Прошлое, очевидно, невозвратно. Приѣздъ Лизы не воскресилъ моей уграченной любви. Между нами образовалась пропасть, и я чувствую, что не могу перешагнуть черезъ нее. Но, Боже мой, что же мнѣ дѣлать? Какъ объявить объ этомъ Лизѣ? Какъ объяснить ей, почему она стала мнѣ чужда?

12 сентября.

Я долго не бесѣдовалъ съ тобою, мой добрый дневникъ. Позволь теперь сразу за всѣ эти дни передать твоимъ вѣрнымъ страницамъ то, что случилось со мною. Мы, наконецъ, обмѣнились съ Лизой.

Вотъ какъ это произошло.

Какъ тяжело, какъ напряжены стали наши встрѣчи послѣ ея приѣзда! Я не могъ ни переписать, ни угадать своего охлажденія къ Лизѣ, и прежней ласки не стало въ моемъ обращеніи съ нею. Я ходилъ къ ней каждый день, по обязанности жениха, но въ родникѣ пѣжныхъ словъ—въ сердцѣ моемъ—никако негаснущее ихъ чувство, и короткіе, односложные разговоры, полу-дѣловыя, до нельзя глухие—я это ясно сознавалъ—при нашихъ отношеніяхъ, съ длинными паузами между фразами, замѣнили собою сладкую воркотню влюбленныхъ. *Тотъ* вопросъ, единственный интересный для меня — объ ея отцѣ—все время дрожалъ на моихъ устахъ, но заговорить объ этомъ съ Лизой у меня не хватало силъ и, весь полный муки, уже изнемогая отъ этихъ истязаній, творимыхъ надъ собою и надъ нею, я все-таки столько дней не могъ открыть Лизѣ причины своего отчужденія. И бѣдная Лиза, чувствуя это отчужденіе и не умѣя понять его тайны, скорбѣла душою и замѣтно страдала сильнѣе, чѣмъ я.

— Что съ тобою случилось, мой милый?—еще спрашивала она меня сначала.—Сказалъ мнѣ, отчего ты сталъ такой грустный, задумчивый? Отчего ты меня никогда не приласкаешь? Или разлюбилъ меня въ эту недѣлю?

И она рукою своею ласкала мнѣ руку или обвинялась во-кругъ моей шеи, прижимаясь головкой къ моему плечу, и пѣжно заглядывала мнѣ въ глаза. Кого бы не свела съ ума эта ласка? Но я уже былъ во власти другого безумія: другія фурии владѣли моею душою!

И Лиза, не встрѣчая съ моей стороны ни отвѣта на ея тревожные запросы, ни отклика на ея пѣжныя ласки, замкнулась въ себя и гордымъ равнодушіемъ стала отвѣчать на мое неслѣпое поведеніе.

Только красные глаза, съ которыми на утро она меня встрѣчала, говорили о количествѣ слезъ, пролитыхъ за ночь бѣдной дѣвушкой, о глубокомъ горѣ, таившемся въ этой драмѣ безъ словъ.

Сегодня вечеромъ наше молчаніе казалось особенно напряженнымъ. За окномъ вылъ сердитый вѣтеръ; я, по обыкновенію, молча стоялъ у окна и барабанилъ пальцами по стеклу. Лиза съ приторно-спокойнымъ видомъ шла за столомъ. Мы такъ всѣ вечера проводили, но въ этотъ разъ какъ будто буря, гудѣвшая на дворѣ, парализовала насъ. Мы оба не выдержали, и въ самую ту минуту, когда я самъ собирался начать разговоръ, Лиза первая заговорила:

— Владимиръ,—начала она серьезно,—это—пора кончить. Я не люблю комедій. Или разорвемъ навсегда, или объясни мнѣ, что пережилось твоихъ отношеній ко мнѣ.

Я отомель отъ окна и сталъ подлѣ кресла Лизы.

— Вотъ что, Лиза,—съ трудомъ, глухо сказалъ я, какъ бы не отвѣчая ей. — Я давно хотѣлъ спросить тебя: ты извѣшь какіи-нибудь извѣстія о твоемъ отцѣ?

Она вздрогнула и испуганно взглянула на меня, и вдругъ съежилась, точно ее придавило что, но тотчасъ же оправилась и твердо отвѣтила:

— Какже! Я съ нимъ въ перепискѣ.

И несколько не сомнѣваясь, что получу именно такой отвѣтъ, но тѣмъ не менѣе вскопчилъ, какъ ужаленный, и горячо спросилъ Лизу:

— Такъ тебѣ извѣстна его судьба? Ты знаешь, что онъ... сдѣлалъ?—Я занулся на послѣднихъ словахъ.

Щеки Лизы вспыхнули яркимъ румянцемъ и тотчасъ поблѣли, какъ полотно. Даже губы ея задрожали... но опять она сдержалась и только сухо сказала:

— Если ты думаешь, что можно дожидать до 18 лѣтъ и ни разу не поинтересоваться судьбою своего отца, то твой вопросъ имѣетъ смыслъ... Иначе...

Я разсердился и, уже не владѣя собою, громко закричалъ:

— Ты знала это—и скрыла отъ меня! Ты обманула, безосвѣдно обманула своего жениха!

Она вскрикнула и, безпомощно протянувъ впередъ свои руки, безъ словъ, откинулась головою въ кресло. И вдругъ громкій, тяжелый, какъ будто хлынувшій откуда-то рыданіи, какой-то бесцельный, изнеможенный вопль, вырвавшійся изъ набольшей груди, огласилъ комнату... Точно струна, не выдержавшая слишкомъ долгаго напряженія, грянула со звономъ... Припадокъ длился долго; слезы смѣшались смѣхомъ—безосознательнымъ и страннымъ: то громкимъ и возбужденнымъ, то слабымъ смѣхомъ больного ребенка. Плечи дрожали отъ рыданій, грудь высоко и быстро поднималась.

Мнѣ стало такъ больно и стыдно! Сердце замгло отъ жалости къ Лизѣ, отъ раскаянія за свою безмысленную жестокость. Я бросился передъ нею на колѣни, цѣловалъ ея руки, умолялъ просить меня, самъ едва сдерживалъ подступавшій къ горлу рыданіи... Наконецъ Лиза очнулась и открыла глаза.—„Мнѣ холодно, дай мнѣ платокъ“, вздрагивая плечами, слабо сказала она и, какъ будто ея дрожь происходила отъ наружнаго холода, стала прислониваться къ тому, что происходило за окномъ. Манинально и я сдѣлалъ то же. А за окномъ буря не стихала. Вѣтеръ злился и шумѣлъ; крупныя капли дождя ударили въ стекла. Я стоялъ на колѣняхъ у ногъ Лизы и глазами нокорно некалъ ея взгляда, надѣясь въ несъ найти прощеніе моей вины...

— Ты простишь меня... за мою глупость?—виноватымъ голосомъ спросилъ я, цѣлуя ей руку.

Лиза теперь только какъ будто опомнилась—и, не торопясь, освободила свою руку.

— Уйди—теперь, слабо прошептала она,—я хотѣла бы на время остаться одна.

И повинувшись, молчаливый и грустный. — Какъ завтра мы встрѣтимся? Что выйдетъ изъ этого разговора? громко спрашивалъ я себя на улицѣ, подставляя свою разгоряченную голову подъ холодныя струи дождя.

Сколько разныхъ чувствъ закипѣло въ моей душѣ! Лиза оправдалась передо мною совершенно. Ея оскорбленная гордость такъ искренно высказалась безъ словъ въ этихъ громкихъ неукротимыхъ рыданіяхъ. Умысла не было въ томъ, что она скрыла отъ меня тайну своего отца: для меня это было ясно. И мой упрекъ, посланный ей за это, такимъ тяжелымъ стыдомъ давилъ мнѣ сердце, такъ щемилъ его. И такую болѣзненную жалостью слималось оно при мысли о Лизѣ.

И такъ, разсѣялось то, что, казалось мнѣ, болѣе всего отдѣляло меня отъ Лизы. Но почему же не совѣмъ расстается рана моего сердца? Почему чувство счастья при мысли о ней не возвращается въ мою душу, почему блаженство стать ей мужемъ уже такъ не волнуетъ, не пѣбляетъ меня?

Проститъ ли меня Лиза? Уладятся ли наши отношенія? Что будетъ дальше? Не знаю, не знаю, я самъ уже ничего рѣшить не могу. Предоставляю все времени, пусть оно дѣйствуетъ за меня. Я опустил поводья — колесница судьбы, куда-то ты умчишь мою бѣдную головунку?

13 сентября.

Какъ быстро она привела къ развязкѣ, эта могучая колесница! Романъ съ Лизой оконченъ, оконченъ весь совершенно — и она сама положила ему этотъ конецъ. О, славная, рѣшительная дѣвушка! Я мысленно предъ нею преклоняю колѣна.

Сегодня утромъ, раньше, чѣмъ я обыкновенно отправлялся къ Лизѣ, посыльный принесъ мнѣ отъ нея письмо.

„Милый другъ“, писала Лиза, „я сердцемъ своимъ чула истину. Я новела тайну вашего настроенія раньше, чѣмъ вы мнѣ о ней сказали, и теперь, когда догадка моя подтвердилась, мое рѣшеніе ясно, но и безповоротно: мы разстанемся навсегда. Объясню вамъ лишь то, какимъ истиннымъ и уталою причину вашей печали.“

„Мой отецъ былъ осужденъ въ ссылку тогда, когда мнѣ исполнилось едва три года. Мать не перенесла огорченія и скоро сошла въ могилу. Меня приняла къ себѣ и воспитала, какъ дочь, моя тетка—вы ее знаете. Добрую женщину очень заботила мысль о томъ, что ждетъ меня въ жизни, какъ дочь преступника, и чтобы смягчить для меня горечь неожиданнаго открытія, когда кто-нибудь—прислуга, знакомые, подруги—сообщатъ мнѣ, кто такой мой отецъ, тетушка моя еще въ дѣтствѣ моемъ не разъ говорила мнѣ о его судьбѣ. И горькая истина, введенная въ мое сознаніе пѣжной и деликатной

рукой, спросталась со мною, не причинив дѣтскому сердцу раны, не вызвавъ въ немъ острой и лгучей боли.

„По того, чему суждено случиться, миновать нельзя... Разъ въ гимназій—миѣ было тогда дѣтъ четырнадцать—одна наша подруга, дѣвочка глухая и злая, совершила какую-то некрасивую шалость. Мы—нѣсколько ея одноклассницъ—стали укорять ее, доказывать, какъ она не хорошо поступила. Говорили мы резво, и дѣвочкѣ возразить было нечего. И она все время молчала, никому не возражая, какъ вдругъ сердито обернулась только ко миѣ—а мы съ нею не были въ дурныхъ—худшихъ, чѣмъ съ другими—отношеніяхъ—и громко сказала: „И кто бы говорилъ, только не она, дочь каторжника!“

„Какъ подкошенная, и ушла на руки своихъ подругъ, но этотъ случай произвелъ въ моей душѣ странный переломъ. Началось съ того, что прежде всего я горячо полюбила своего отца,—такъ, какъ никогда не любила раньше. Какъ будто сама снисходительность возростала во мнѣ за этого человѣка, что люди такъ вѣрятъ его клевету преступника и не хотятъ заглянуть дальше, въ его бѣдную душу, не хотятъ признать для него никакого искупленія. И всю шѣдность, въ которой отказалъ ему міръ, я хотѣла собрать для него одна, въ своемъ дѣтскомъ сердцѣ, и этою шѣдностью усладить его печальные дни тамъ, вдали, на чужбинѣ. И стала разсраивать о немъ у тетки, у всѣхъ знавшихъ его людей, происвала тайными слезы радости по почамъ, если миѣ говорили о чемъ что-либо хорошее, доброе, симпатичное, убивалась отъ горь, если въ сдержанныхъ при миѣ отъзвахъ о немъ чулкому уху моему слышалась неприязнь или осужденіе. Въ пылкомъ ображеніи своемъ я надѣялась отца всѣми достоинствами и совершенствами, и если бы въ то время я могла на весь міръ крикнуть, какой чудный, какой благородный человѣкъ мой отецъ, но такъ, чтобы весь міръ это услышалъ и повѣрилъ, то, право, я готова была бы сейчасъ же, жизнь свою, заплатить за этотъ свой подвигъ! Тогда же, въ такомъ настроеніи, и написала и первое свое письмо къ отцу, письмомъ, наполненное такой страстной, такой шѣдной любовью, что бѣдный изгнанникъ, получивъ его, рыдалъ отъ умиленія и счастья. Съ того времени и началась наша переписка.

„Но рядомъ съ этимъ теченіемъ въ моей душѣ, съ того же времени, выросло въ ней и другое, болѣзненное и печальное. Сознаніе окружающаго меня презрѣнія придавило меня. Кличка „дочь каторжника“, какъ проклятіе, повисла надо мною, сдѣлавъ меня осторожной и мыслительной во всѣхъ моихъ отношеніяхъ къ людямъ. И боялась великаго участія къ себѣ, всякой ласки, чуждалась ихъ, какъ тайнаго для меня наслія, которое, казалось миѣ, люди дѣлаютъ надъ собою, чтобы перешагнуть черезъ свое презрѣніе ко миѣ, дочери преступника... И встрѣтила васъ—мы полюбили другъ друга. Я сначала не вѣрила искренности вашего чувства. И не вѣрила въ возможность для меня счастья, въ то, чтобы оно, мое проклятіе, хоть на миѣ освободило меня отъ своихъ страшныхъ чисковъ.

„Но вы такъ горячо, такъ неотразимо доказывали миѣ свою любовь, что подъ конецъ я ей повѣрила, и первый разъ въ жизни чувство полного, безграничнаго счастья охватило меня. Какъ не во-время я измѣнила своему недовѣрью! Повидному, вы раньше совсѣмъ не знали о томъ, что мой отецъ находится въ ссылкѣ, и только теперь, во время нашей разлуки, вамъ кто-нибудь сообщилъ объ этомъ. Я никакъ не подозрѣвала возможности такого невѣдѣнія съ вашей стороны. И такъ много постоянно думаю о судьбѣ своего отца, такъ сжилась съ нею, что миѣ кажется, будто уже у меня на лицѣ она написана, и всякій, еще ранѣе знакомства со мною, знаетъ, кто былъ мой отецъ. А тѣмъ болѣе вы, уроженецъ этого города, выросшій въ немъ, изъ такой общительной семьи, какъ могли вы не знать объ этомъ дѣлѣ, когда это было такое громкое, знаменитое дѣло, о которомъ столько трубили и газеты, и всѣ жители города? Понятнѣе, вы—человѣкъ не отъ міра сего, настоящій кабинетный затворникъ, если умудрились одинъ, во всемъ городѣ, не знать такихъ громкихъ именъ...

„И вотъ, я повѣрила и въ то, что вы меня полюбили, и въ васъ, что вы стали выше прошлаго моего отца, что вы сумѣли перешагнуть черезъ мое проклятіе... Сколько разъ я порывалась заговорить съ вами объ этомъ предметѣ, высказать его окончательно, и все не находила силъ сдѣлать это. Не сомнѣвался, что для васъ не существуетъ тайны въ этой области, чѣмъ могла и оправдать подобный разговоръ съ вами, любящимъ меня человѣкомъ? И боялась, что въ каждомъ намекѣ моемъ на этотъ вопросъ вы увидите мое недовѣріе къ вамъ, къ вашей способности подняться надъ предрасудкомъ, боялась обидѣть васъ этимъ, боялась сконфузить васъ, такого стыдливаго и деликатнаго, слишкомъ выраженіемъ благодарности за то, какъ—я воображала себѣ—вы отвѣтите на мои тревожные вопросы.

„Все время, съ того дня, какъ вы миѣ сказали „люблю“, я провела въ какомъ-то свѣтломъ очарованіи. Впервые, за всю жизнь, я вполне отдыхалась душой, какъ будто волшебной рукой вы спяли съ меня оковы, въ которыхъ меня долго держали, и я, свободная, возрадовалась Божьему міру...

„Затихли временно всѣ страданія моей постоянной мингелности, и миѣ казалось, что любовью своей ко миѣ вы неку-

наете и самое преступленіе моего отца, очищаете его предъ міромъ... И вдругъ... Когда я прѣѣхала и вы такъ странно встрѣтили меня на вокзалѣ и затѣмъ вечеромъ не захотѣли у меня остаться,—послѣ вашего ухода, я, замѣтивъ эту перемену въ васъ, стала отдавать себѣ въ ней отчетъ, и страшное подозрѣніе сразу заняло миѣ въ душу. „Оно... оно... мое проклятіе“... шептала я наединѣ съ самой собою, и сердце мое сжалось давно знакомой, смертельной тоскою. Напрасно старалась я себя успокоить: и гнала прочь черную мысль, вѣрала себя, что причина—другая: быть-можетъ, вамъ на *меня* что-либо наклеветали, и я разсѣю эту клевету. Но дни проходили, вы молчали... надежда потухала въ моей душѣ... печальная догадка все неотступнѣе забиралась въ голову. Я была готова къ объявленію съ вами, и первое же слово „отецъ“, вами вчера произнесенное, сдѣлало ненужнымъ весь остальной разговоръ...

„И такъ, я въ васъ ошиблась... Впрочемъ, и вы сами въ себѣ, кажется, ошибаетесь. Наверное, вы говорите себѣ, что вы миритесь съ позоромъ моего отца, но возмущаетесь мною, затѣмъ и отъ васъ его скрыла... Повѣрьте, что это самообманъ... Зная меня, вы не имѣли права, вы не могли такъ думать, подозрѣвать въ моихъ дѣйствіяхъ расчетъ: это слишкомъ на меня не похоже. И вы этого дѣйствительно не думали, и если вчера вы это жестокое обвиненіе бросили миѣ въ лицо—увѣрю васъ, что я даже не сержусь за эту обиду, освободившись отъ перваго послѣ нея впечатлѣнія: я знаю, что она не изъ сердца у васъ вышла, да и не въ этомъ дѣло,—то этимъ вы заглушаете только свое собственное неприятное сознаніе. Если бы я сама догадалась разсказать вамъ все о моемъ отцѣ, впечатлѣніе оказалось бы точно такое же. О, вы—образованный, просвѣщенный человѣкъ, и *мыслью* своею досрели до сознанія, что можно быть дочерью преступника... можно самому совершить преступленіе и остаться съ чистой душой. Но *чувства*, природнаго человѣку и развитаго въ немъ воспитаніемъ, чувства невольнаго, безсознательнаго презрѣнія къ безславной, запятанной семьѣ, особенно когда съ нею приходится породниться, не истребить гуманная мысль... для этого нужно пройти большаго закаля, а у васъ, человѣка книги, его никогда не было.

„Кто сообщилъ вамъ извѣстіе о моемъ отцѣ? Какъ я ему благодарна! И содрогаюсь при мысли о томъ, что я пережила бы, если бы только послѣ брака узнала, что для васъ составила тайну судьба моего отца... Тогда я дѣйствительно думала бы, что совершила преступленіе, обманула васъ, похитила вашу любовь... А вы... воображая, что стало бы съ вами тогда, послѣ такого аноналаго открытія истины! Еще болѣе, чѣмъ теперь, вы почувствовали бы презрѣніе ко миѣ, дочери преступника и самой обманщицы! еще шире стала бы пропасть между нами, и эта рана вашего сердца все болѣла бы до самого гроба,—то срастаетъ, то снова вскрывается отъ всякаго раздраженія. А когда-нибудь, въ минуту гнѣва, въ одну изъ вспышекъ, неизбежныхъ между супругами, вы бы не удержались, не могли бы овладѣть собой и, виѣ себя отъ ярости, закричали бы миѣ, какъ та, моя подруга: „замолчи ты, дочь каторжника!“

„Простите, что я съ вами говорю такъ рѣзко. Я сама горько плачу въ минуту, когда на прощанье... послѣдній разъ въ жизни пишу вамъ эти строки. Моя лампа сейчасъ погаснетъ. Надо кончатъ письмо—оно вышло и такъ черезчуръ, черезчуръ длинно. Въ окна начинается мелкая утренняя снѣгъ. Черезъ два часа отойдетъ поѣздъ съ нашего вокзала. Я уѣзжаю съ нимъ въ деревню, назадъ къ своей теткѣ,—уѣзжаю навсегда для васъ. Не старайтесь просить меня о возвратѣ—изъ жалости ко миѣ, изъ стыда, изъ любви. Все будетъ напрасно—я не могу стать вашей женою.

„P. S. Я задумалась теперь, какъ вы отнесетесь къ нашему разрыву. Миѣ кажется, онъ васъ болѣе устыдитъ, чѣмъ операция. Можетъ-быть, это письмо васъ теперь даже обрадуетъ: вамъ развизываютъ руки, васъ избавляютъ отъ тяжелой борьбы съ самимъ собою. Только со временемъ вы почувствуете скорбь отъ нашей разлуки—не сильную, какъ не сильна была ваша любовь, не устоявшая предъ первымъ ударомъ... Вы пожалѣете о той, кому, вы, поэтъ по натурѣ, всегда преувеличивающій силу своихъ чувствъ, такъ пышно и съ такою искренностью излагали въ вѣчной любви; о той, которая такъ мечтала составить ваше счастье...

Лиза.“

И прочелъ письмо и, усталый, закрывъ глаза, опустился въ глубокое кресло.

Норыва—бросился велѣдъ за Лизой, привезти ее обратно—совсѣмъ не было. Желаніе полнѣйшей физической неподвижности сковало всѣ члены. И, полузабывшись въ креслѣ, я все-таки не могъ отдать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ. Опре-дѣленнаго отношенія къ происшедшему событію какъ будто не существовало. Въ головѣ пробѣгали только отдѣльные фразы изъ письма Лизы, отрывочныя слова.—„Бѣдная, бѣдная“, шептала я, но эти слова возникали на устахъ машинально, и почему „бѣдная“, чему именно я сострадаю, отчетливо мысли не было, а оцѣненное чувство подсказывало еще меньше. И долго я просидѣлъ въ своей неподвижности, ни о чемъ въ по-

Вечеръ. Съ картини К. Мюкке, грав. Гедаль.

Павильонъ г. Москвы.

Военно-морской отдѣль. Внутренній видъ. Модели судовъ.
Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

Царскій павильонъ.

Зданіе военнаго и военно-морского отдѣловъ.

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнегъ-Новгородѣ.

рядкѣ не думая, ничего не рѣшая, съ мыслями, разбросанными какъ во снѣ. Но чѣмъ болѣе приходилъ я въ себя, тѣмъ сильнѣе росло во мнѣ тяжелое-тяжелое чувство, тѣмъ выше къ сердцу поднималась тоска... Что это? Стойте, стойте, глупыя слезы! По комъ это вы струитесь? По мнѣ—такъ за меня еще

рапо плакать... Лиза сказала, что скорбѣть я начну только со временемъ, а пока я буду даже радоваться нашей разлукѣ. Ну, а коли радоваться, такъ во всю ширь! Лиза должна быть во всемъ права! Ну что-жь, будемъ плясать на могилѣ собственнаго счастья!..

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Статья VI. (Съ 7 рисунками.)

Завтракаютъ на выставкѣ обыкновенно въ ресторацѣ „Эрмитажъ“, филиальномъ отдѣленіи извѣстнаго московскаго ресторана того же имени, который за 50.000 рубленъ согласился кормить выставочную публику. Здѣсь отъ часу до двухъ яблоку негдѣ упасть, всѣ столики и на террасѣ, и въ залѣ заняты. Дѣло простое: за 1 рубль вы получаете прекраснѣйшій завтракъ изъ двухъ блюдъ. Можно хорошо позавтракать и въ многочисленныхъ на выставкѣ буфетахъ съ холодными закусками, тогда какъ два остальныхъ большихъ ресторана не хвалятъ, и они не пользуются симпатіями посѣтителей выставки. Напротивъ „Эрмитажа“ находится приземистое зданіе, слегка смахивающее, по внѣшнему виду, на балаганъ средняго разбора, въ родѣ тѣхъ, которые воздвигаются на Царицыномъ лугу на Масленицѣ. Это концертный залъ, гдѣ пѣла чета Фигнеровъ, гдѣ даетъ концерты Главачъ и подвизается хоръ Славянскаго. Къ концертному залу примыкаютъ выставки военнаго и военно-морского отдѣловъ, размѣщенные въ нѣсколькихъ зданіяхъ. Туда мы и направимся. Главный навильонъ краснъ и своеобразенъ. Онъ имѣетъ видъ кремлевской стѣны-сруба съ тремя башенками и бойницами (рис. на стр. 807); фасадъ украшенъ флагами и гирляндами зелени. Передъ зданіемъ, на площадкѣ, разгавлены съ одной стороны повозки, передвижныя кухни, съ другой—миноноска, брони, ахтерштевни и проч. Зданіе этого отдѣла не только красиво снаружи, но имѣетъ вполнѣ характеръ выставочнаго зданія внутри, а это можно сказать далеко не про всѣ зданія выставки. Окна въ немъ расположены наверху, такъ что остается много мѣста для размѣщенія экспонатовъ по стѣнамъ и, кромѣ того, получается болѣе мягкое распределение свѣта.

Начнемъ осмотръ съ морского отдѣла, занимающаго правую половину зданія. Случалось ли вамъ, читатель, посѣщать наши военныя суда? Не боясь ошибиться, скажу, что въ разгавалннхъ съ судномъ,—будь то гигантскій броненосецъ береговой обороны или маленькая миноноска,—очарованные внимательными и радушиимъ приемомъ и унося самыя свѣтлыя впечатлѣнія о нашемъ флотѣ и о нашихъ морякахъ—гордости Россіи. Васъ приняли, какъ дорогихъ гостей, какъ будто васъ только и ждали, хотя бы вы ни съ кѣмъ и не были знакомы; вамъ показали весь механизмъ судна, все разъяснили, все рассказали, при чемъ объясненія давались съ такою любовью къ дѣлу, что вы невольно заинтересовывались, сами расспрашивали о такихъ предметахъ, до которыхъ четверть часа тому назадъ вамъ не было ровно никакого дѣла.

Точно такія же воспоминанія остаются и отъ посѣщенія военно-морского отдѣла всероссійской выставки. Начиная отъ завѣдующаго отдѣломъ, контръ-адмирала Скрыдлова, имя котораго извѣстно всей Россіи по его геройскому подвигу во время послѣдней русско-турецкой войны, и кончая матросами съ броненосца „Александръ II“, которые командированы на выставку, всѣ примутъ васъ, какъ радужные хозяева принимаютъ своихъ дорогихъ гостей. Въ отдѣлѣ все обласнено: на каждомъ предметѣ надпись, вполнѣ его разъясняющая; кромѣ того, въ день открытія выставки вышлетъ подробный указатель, въ которомъ дано обстоятельное описаніе выставленныхъ предметовъ и, несмотря на это, въ морскомъ отдѣлѣ—къ сожалѣнію, не въ примѣръ многимъ другимъ отдѣламъ выставки—все организовано такъ, чтобъ посѣтитель не бродилъ какъ въ лѣсу, не терзался бы среди малопонятныхъ специальныхъ предметовъ, но имѣющихъ общественное значеніе. И самъ адмиралъ, если видитъ, что вы хотите постичь какой-либо аппаратъ, и имѣетъ время, просто и мило подойдетъ и все укажетъ; то же самое сдѣлаютъ и офицеры, а матросы непрерывно даютъ разъясненія, на дѣлѣ показываютъ механизмъ орудій, ихъ снаряженіе, объясняютъ вооруженіе судовъ и проч. И нужно удивляться, какъ толково, съ какою видимымъ пониманіемъ дѣла они показываютъ свою выставку, и какъ имъ приятно, что ихъ дѣломъ интересуются; а вѣдь всего два-три года тому назадъ они были взяты прямо отъ сохи. И вотъ, благодаря-то этой предупредительности, въ морскомъ отдѣлѣ всегда толпы посѣтителей: они чувствуютъ, что устроители отдѣла прежде всего имѣли ихъ въ виду, желали еще болѣе увеличить интересъ къ ихъ родному флоту и сдѣлать этотъ интересъ еще болѣе сознательнымъ.

Въ морскомъ отдѣлѣ собраны только произведенія мастерскихъ и заводовъ, принадлежащихъ морскому вѣдомству, которое, подобно современному боевому кораблю, обнимаетъ весьма различныя отрасли техники. Посѣтитель найдетъ здѣсь отдѣлы: кораблестроительный, механическій, навигаціонный,

артиллерійскій, минный, электротехническій, водолазный, медицинскій, и во всѣхъ нихъ образцы самыхъ предметовъ или ихъ модели, съ достаточною ясностью представляющія ихъ. На выставкѣ участвуютъ: главное гидрографическое управленіе, порты кронштадтскій и с.-петербургскій, съ находящимися въ ихъ вѣдѣніи заводами, мастерскими и учебными заведеніями, заводы обуховскій сталелитейный и адмиралтейскіе икорскіе.

Какъ извѣстно, со времени крымской кампаніи, нашъ флотъ пережилъ два періода. До 1882 года дѣятельность морского министерства была направлена къ замѣнѣ паруснаго флота паровымъ: появились паровые корабли, фрегаты, корветы и прочія суда, строившіяся сначала изъ дерева, а затѣмъ изъ желѣза, крытая броней, которая постепенно увеличивается въ своихъ размѣрахъ. Время послѣ 1882 г. было употреблено на усиленное развитіе у насъ флота, пополненіемъ его рядовъ судами новѣйшихъ типовъ: броненосцами, крейсерами, канонерскими лодками, минными крейсерами и миноносцами. Съ 1881 по 1896 годъ стоимость построенныхъ судовъ въ общей суммѣ достигла 211 милліоновъ рублей. Морское вѣдомство всегда стремится строить суда въ Россіи, что очень понятно, такъ какъ специальный характеръ судовъ, назначенныхъ для военныхъ дѣйствій, требуетъ въ иныхъ случаяхъ тайны, и, кромѣ того, крайне важно, чтобы и во время войны мы имѣли возможность пользоваться своими мастерскими. Но, вотъ что неутѣшительно: постройка судовъ въ Россіи обходится дороже, чѣмъ при заказахъ за границей, и это зависитъ отъ малочисленности у насъ большихъ частныхъ верфей и заводовъ и, слѣдовательно, отъ отсутствія конкуренціи между ними.

При входѣ въ отдѣлъ прежде всего нельзя не обратить вниманія на прекрасное размѣщеніе—въ смыслѣ выставочной гармоніи—экспонатовъ; краснвы и оригинальныя декорации и украшенія, въ этомъ всегда были мастерами наши моряки. Въ первой отъ входа залѣ расположены мастерскія кронштадтскаго порта—нашего главнаго арсенала, снабжающаго Балтійскій флотъ всѣми судовыми запасами и ремонтирующаго всѣ суда Балтійскаго флота. Сюда входятъ: пароходный заводъ, выставившій паровые котлы, машины, блоки и пр.; канатный заводъ со своими тросами, линиями, витками; такежные *) мастерскія, экспонирующія образцы своихъ различныхъ работъ, между прочимъ узлы, морской пластырь, служащій для заделки пробойнъ и пр.; затѣмъ мастерскія блоковыхъ; парусныя (кошка матросская, тюфякъ, спасательный кругъ и пр.), гальванопластическія, артиллерійскія, минныя. Мины раздѣляются на наступательныя и оборонительныя. Первые первоначально осущестлялись въ такъ-называемыхъ шестовыхъ минахъ, составившихъ главное оружіе небольшихъ, но быстроходныхъ миноносцевъ. Самая мина начиналась прокопшиномъ и укрѣплялась на концѣ шеста въ 20—30 футовъ; необходимо было почти вплотную подойти къ кораблю и выдвинуть мину, которая, ударяясь о подводную часть корабля, гдѣ нѣтъ брони, взрывалась и производила большую пробойну, которая выводила судно изъ строя. За послѣднее время, съ увеличеніемъ на судахъ скорострѣльныхъ орудій, возможность миноносокъ подойти къ кораблю сильно уменьшилась, почему миноносцы стали вооружаться самодвижущимися минами, которыя даютъ возможность взорвать непріятельскій корабль на разстояніи 2000 ф. Эти мины, по имени ихъ изобрѣтателя, называются минами Уайтхеда. Оборонительныя мины называются минами загражденія и ставятся подъ поверхностью воды такъ, что ничто не выдаетъ ихъ присутствія, пока непріятельское судно не наткнется на нихъ и не взлетитъ на воздухъ. Образцы минъ въ изобиліи выставлены въ отдѣлѣ, равно какъ и ихъ спеціальные части. Изъ работъ минной мастерской кронштадтскаго порта обращаетъ на себя вниманіе выставленная въ угловой нишѣ модель колокольной Ивана Великаго въ Москвѣ въ 170 натуральной величины. Она сдѣлана изъ мѣди и показываетъ иллюминацію колокольной во время коронаванія императора Александра III, произведенную нижними чинами морского вѣдомства подъ руководствомъ офицеровъ. Модель эта была поднесена Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, и хранится въ одной изъ залъ Зимняго дворца.

*) Такежемъ на судахъ называются канаты (тросы), служащіе для оснастки мачтъ; онъ бываетъ бѣгучій и стоячій. Послѣдній служитъ для укрѣпленія мачтъ и не измѣняетъ своего положенія, тогда какъ бѣгучій служитъ для подъема и спуска частей рангоута, шлюпокъ, тяжестей и пр.

Въ слѣдующей залѣ представлены адмиралтейскіе ижорскіе заводы, главное гидрографическое управленіе и дирекція маяковъ. Ижорскіе заводы почти ровесники Петербургу и вначалѣ были лѣсопильными, устроенными на р. Ижорѣ, чтобы пользоваться ея водною силою, и служили цѣлямъ С.-Петербургскаго адмиралтейства; въ 1718 году тутъ же былъ устроенъ якорный заводъ, затѣмъ постепенно прибавлялись другія отрасли морскаго судостроенія, и теперь онъ удовлетворяетъ всѣмъ его требованіямъ, выдѣлывая броню, листовую сталь, судовыя машины, котлы и пр.; строились и небольшіе пароходы, а теперь изготовляются миноносцы. Заводъ выставилъ образцы желѣза и стали, трубы, цѣпные канаты, разныя машины и аппараты, какъ, напримеръ, рулевая машина, помпа, водолазный аппаратъ, судовыя иллюминаторы, камбузы (печки для нищи и даже цѣлая кухня). Интересенъ образецъ двѣнадцатидюймовой бортовой сталевикелевой плиты для броненосца „Севастополь“; въсь плиты 832 пуда, а такихъ плитъ для броненосца требуется 150, то-есть онъ несетъ болѣе 120,000 пудовъ.

Главное гидрографическое управленіе, измѣняющее свою задачу приняты мѣры къ обезпеченію безопасности плаванія, эконспируетъ морскія карты Финскаго и Ботническаго заливовъ, Чернаго и Каспійскаго морей, Тихаго океана и всего свѣта. Находящаяся въ вѣдѣніи гидрографическаго управленія мастерская мореходныхъ инструментовъ выдѣлываетъ и ремонтируетъ компасы, барометры, астрономическіе, метеорологическіе, физическіе и другіе инструменты. Она выставила главнымъ образомъ компасныя инструменты, которые представляютъ результатъ работъ и усовершенствованій, сдѣланныхъ въ Россіи за послѣднія 15—20 лѣтъ, и являются нагляднымъ выраженіемъ тѣхъ научныхъ принциповъ, которые приняты въ основу компаснаго дѣла при уничтоженіи вліянія корабельнаго желѣза на показанія компасной стрѣлки.

Дирекція маяковъ Балтійскаго и Чернаго морей эконспируютъ карты съ нанесенными на нихъ маяками, затѣмъ маячныя лампы, фонари, механизмы и пр.

Обуховскій сталелитейный заводъ занимаетъ слѣдующую большую залу. Заводъ этотъ принадлежитъ казѣ, но работаетъ на совершенно коммерческихъ основаніяхъ. Онъ изготовляетъ стальные орудія, станки и лафеты къ орудіямъ, броневыя плиты, башенныя установки для орудій броненосцевъ, самодвижущіеся мины, гребные валы для судовыхъ машинъ, рулевыя рамы и другія крупныя ослівки. Насколько велики средства завода, можно видѣть уже по одному тому, что одновременно въ работѣ бываетъ до 750 орудій разныхъ калибровъ. Со времени же основанія завода (1863 годъ) имъ изготовлено 6,795 орудій. О качествѣ же этихъ орудій можно судить по тому, что ни одно изъ нихъ не разорвалось. Изъ эконспатовъ завода отмѣтимъ: 12-дюймовую пушку, — нынѣ употребляемую для вооруженія эскадренныхъ броненосцевъ, на которыхъ она устанавливается на башняхъ; эта пушка стрѣляетъ на 25 верстѣ и развиваетъ начальную скорость полета снаряда 375 сажень въ секунду; тутъ же стальной пробивающій броню снарядъ къ этой пушкѣ; стоимость одного выстрѣла 625 рублей! Здѣсь же пушки мелкаго размѣра: 10-дюймовая, которыми вооружаютъ броненосцы и приморскія укрѣпленія; эта пушка можетъ пробить какую бы то ни было броню, плавящуюся въ настоящее время на судахъ иностранныхъ флотовъ; затѣмъ 6-ти-дюймовая пушка, изъ которой можно дѣлать по 8 выстрѣловъ въ минуту; она пробиваетъ броню въ 9 дюймовъ уже на разстояніи одной и трехъ четвертей версты; такія пушки ставятся главнымъ образомъ на крейсера. Интересна 9-фунтовая пушка образца 1867 г., и главнымъ образомъ потому, что изъ нея уже сдѣлано 6,000 выстрѣловъ и она остается пригодной для дальнѣйшей службы. Здѣсь же мины; въ одной изъ нихъ стальной корпусъ почти весь вырѣзанъ, такъ что можно видѣть всѣ подробности устройства мины; затѣмъ стальные валы, станки, цилиндры и пр.

Послѣднюю залу занимаетъ с.-петербургскій портъ, являющийся въ Россіи первымъ портомъ по количеству эллиговъ и по числу строящихся военныхъ судовъ. Онъ выставилъ паровой катеръ, которымъ снабжаются военныя суда, и который несетъ и сторожевую, и развѣдочную службу, можетъ и самостоятельно нападать на непріятельскія суда, пользуется минами; затѣмъ разныя разряды шлюпокъ (капитанскія вѣльбоги, двух-весельный яль), между которыми особенно интересна шлюпка, сдѣланная изъ парусины, пропитанной олифой; вслѣдствіе легкости и компактности, такими шлюпками снабжаются миноносцы; она вѣситъ всего 3 пуда и стоитъ 75 рублей. Затѣмъ много выставлено приборовъ для шлюпокъ, заслуживающихъ особаго вниманія тѣмъ, что они сдѣланы изъ особаго сплава стальной бронзы; блоки, спасательные круги и пр.

Много публики всегда толпится около моделей разныхъ судовъ, выставленныхъ во всѣхъ залахъ отдѣла (рис. на стр. 807) и взятыхъ изъ морскаго музея. Особое вниманіе привлекаетъ модель ботика „дѣдушки русскаго флота“, катающагося на которомъ, Петръ Великій впервые познакомился съ водною стихіею, послѣдствіемъ чего было созданіе русскаго флота. Самъ Петръ I назвалъ этотъ ботикъ „дѣдушкой“, торжественно выводилъ его передъ всѣмъ флотомъ и въ день празднованія Ништадтскаго мира велѣлъ выставить его на Кремлевской площади на пье-

дестатѣ, на которомъ красовались сочиненныя самимъ императоромъ вадимы; такъ, съ одной стороны, надъ нарисованнымъ моремъ, было написано: „дѣтская утѣха“, а съ противоположной: „принесла мужескій триумфъ“. Затѣмъ характерныя модели галеръ 1713 года, фрегата 1724 года, корабли „Три Святителя“, фрегатовъ „Свѣтлана“ и „Паллада“, одно изъ плаваній котораго хорошо извѣстно намъ по описанію И. А. Гопчарова. Моделей современныхъ судовъ очень много: „Полярная Звѣзда“, „Рюрикъ“, „Дмитрій Донской“ и т. д.; между ними есть три судна, на которыхъ въ 1893 году было совершено плаваніе по Ледовитому океану и р. Енисею до Красноярска. Это плаваніе подтвердило полную возможность пользоваться морскимъ путемъ въ Сибирь. Заслуживаетъ полнаго вниманія и модель военнаго порта императора Александра III въ Либавѣ. Вновь строящійся портъ этотъ имѣетъ цѣлью служить нашему флоту передовымъ морскимъ пунктомъ въ незамерзающей части Балтійскаго моря. Еще Петръ Великій, создавъ Кронштадтъ и завѣдая отстаивать его до послѣдней капли крови, сознавалъ, что онъ можетъ имѣть лишь оборонительное значеніе. Послѣднія событія на Востокѣ еще разъ рѣзко показали, какъ важно имѣть возможность во всякое время располагать флотомъ. Интересны и модели работъ воспитанниковъ техническаго училища морскаго вѣдомства въ Кронштадтѣ.

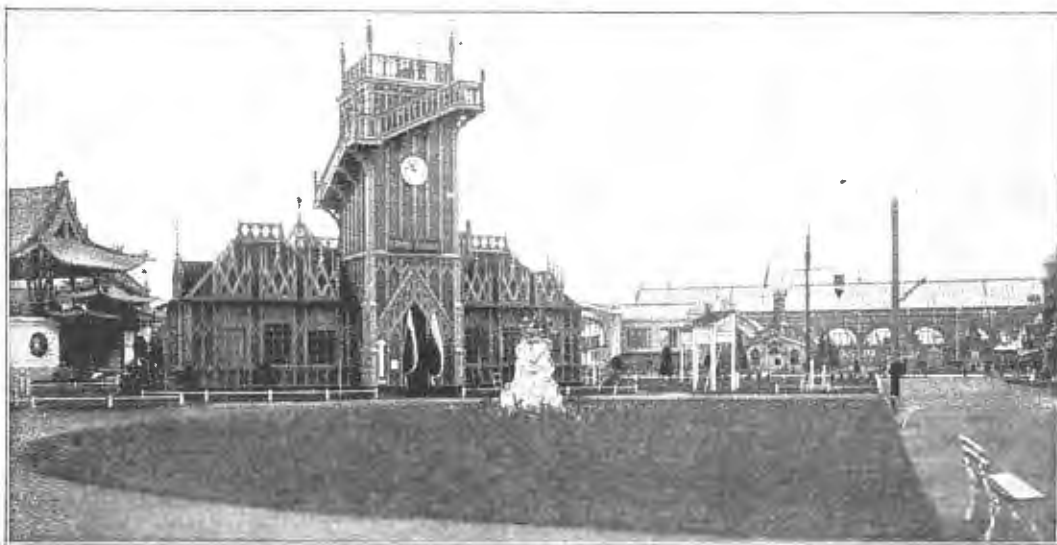
Намъ остается еще упомянуть объ эконспатахъ военно-медицинскаго управленія, чтобы закончить описаніе главнаго зданія морскаго отдѣла. Они состоятъ изъ данныхъ, указывающихъ на современную постановку медицинскаго дѣла во флотѣ, какъ-то: плановъ и чертежей морскихъ госпиталей и казармъ, диаграммъ заболеваемости, коекъ судовыхъ и госпитальныхъ, санитарныхъ и медицинскихъ инструментовъ, приборовъ и пр., такъ и изъ предметовъ, впервые введенныхъ во флотѣ для надобностей медицины, каковы, напримеръ, носилки для раненыхъ, фонарь для опредѣленія свѣтоощущенія и пр.

Главнымъ зданіемъ выставка военно-морскаго отдѣла, однако, не ограничивается; около него расположено еще нѣсколько крупныхъ эконспатовъ и, кромѣ того, есть еще одинъ павильонъ. По фасаду зданія выставлена миноноска, построенная въ 1878 году Балтійскимъ заводомъ въ С.-Петербургѣ, подъ именемъ „Соколъ“ и носящая нынѣ—№ 44. Она вѣситъ съ полнымъ грузомъ, съ запасами и командой 2,050 пудовъ, и для того, чтобы перевезти ее изъ С.-Петербурга, пришлось вынуть изъ нея всѣ принадлежности и запасы, и ея вѣсъ уменьшился до 1,700 пудовъ; ее можно было поставить на одну желѣзнодорожную платформу; отъ вокзала желѣзной дороги до выставки она была перетащена руками 300 солдатъ. Эта миноноска наглядно знакомитъ, какъ съ типомъ этихъ крайне интересныхъ судовъ, такъ и съ трудными условіями службы на нихъ, дающими, однако, много случаевъ, чтобы быстро отличиться. Кто не помнитъ имени Дубасова, Шестакова, Скрыдлова, Макарова, Нилова, которые, взорвавъ два монитора (одинъ изъ нихъ и нынѣ въ водѣ и виденъ изъ Рундука), совершенно парализовали дѣйствія турецкаго флота: громадные мониторы утѣгли отъ маленькихъ миноносокъ. На миноноскахъ всего одинъ офицеръ-командиръ и семь нижнихъ чиновъ: рулевой, минеръ, струблрокъ, два машиниста и два кочегара. Тутъ же, по боковому фасаду,— модели изъ дерева, по въ натуральную величину—форштевня и ахтерштевня, отлитыхъ на Балтійскомъ заводѣ для броненосца „Пересвѣтъ“. Штевнями называется носовая и кормовая части корабля, которыми заканчивается образование подводной части оконечностей остова судна. Форштевень, кромѣ того, имѣетъ значеніе тарана, а къ ахтерштевню привѣшивается руль. Эти штевни всегда привлекаютъ много зрителей; дѣйствительно, мало знакомаго съ морскимъ судостроеніемъ удивляютъ размѣры этихъ штевней. Около штевней громадные брони; онѣ уже выдержали пробу: снарядъ не углубился далѣе 10 дюймовъ и не далъ броневой трещины.

Въ дополнителюмъ павильонѣ помѣщено водолазное дѣло. Это одна изъ интереснѣйшихъ группъ и не только военно-морскаго отдѣла, но и всей выставки. Въ павильонѣ устроенъ громадный бассейнъ, и почти черезъ каждый часъ производится примѣрный спускъ водолазовъ. Собственно говоря, эта группа является отдѣленіемъ кронштадтской водолазной школы, гдѣ обучаютъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ правиламъ спуска въ воду, умѣнью владѣть всѣми частями тяжелаго одѣянія водолаза, управлять количествомъ воздуха въ рубахѣ, переговариваться по телефону и съ помощью веревки и вообще чувствовать себя въ водѣ спокойно и привѣчно. Кромѣ того, кругомъ разставлены одежды водолаза, воздухопатетельный помпъ, шлемы, телефоны, приспособленія для подводнаго фотографирования и образцы фотографій и пр. Крайне интересенъ спускъ въ воду водолазовъ. Всѣхъ приглашаютъ подняться по трапу къ краю бассейна; тамъ уже ждетъ офицеръ и команда. Офицеръ привѣтствуетъ васъ, и начинается снаряженіе очереднаго водолаза; внимательно осматриваютъ костюмъ, аппараты. Одежда водолаза очень тяжела: необходимо, чтобы онъ могъ легко спускаться на большія глубины (нынѣ спускъ возможенъ на 26 сажень). Необычность снаряженія и та внимательность, съ какою оно совершается, всегда дѣйствуетъ тре-

возможен на первых людей; первыми людям и воспринято случается в воду. Наконец сваржение кончено, водолаз медленно по лестнице идет в воду и исчезает; в руках у офицера телефон с двумя трубками: он предлагает желающим переговариваться с водолазом и под конец, по телефону же, приказывает ему крикнуть «ура». И откуда-то издали доносится тихое, но могучее «ура!»

С чувством глубокой благодарности и полного удовлетворения покидаем военно-морской отдел и переходим в военный отдел; он не менее интересен. Как там перед нами была умело развернута страница из морской жизни, так и здесь одна за другою проходят все роды службы сухопутной. В первой зал разбита выставка артиллерийского ведомства. Прямо у самого входа поставлена на платформе крепостная 9-ти-дюймовая мортира, а на лафете стоит 8-ми-дюймовая осадная мортира. Чтобы наглядно показать вооружение при горной войне, выставлено пять чучел лошадей, на которых навьючены по всем правилам горные орудия со всеми принадлежностями. Бездымный порох выставлен в особой витрине, представляющей модель «опасной мастерской». Интересны также приборы для проверки частей

Павильон под-отдела метеорологии.

еще несколько мостов, моделей дорог, чертежей, планов, но так и видно, что все набрано в «музеях». К числу экспонатов инженерного ведомства принадлежит и военная голубятня; она помещается в главной (средней) башне здания. Здесь находится несколько почтовых голубей, выдрессированных для полетов по направлению к Москве.

За главным инженерным управлением экспонируют военно-медицинские управление и академия. Управление выставило довольно полную коллекцию предметов, введенных в армию для санитарных целей. Весьма любопытны коллекции дезинфекционных предметов и средств; между ними почетное место занимает уголь. С его дезинфекционной силой весьма подробно нас знакомят богатая коллекция. Интересна и коллекция хирургических инструментов, медикаментов и перевязочных средств, изготовленных на заводах военного министерства, а также подвижная гигиеническая лаборатория, дающая возможность производства в любом месте санитарных исследований. Санитарная статистика весьма полно представлена в диаграммах и картах. Кроме того, в группе военно-медицинской выставлены обширные коллекции восковых препаратов различных частей тела, пораженных болезнями, фотографий душевно-больных, коллекции бактерий, черепов убитых во время войны. Вся эта коллекция производит отталкивающее впечатление, и зачем она на художественно-промышленной выставке? Правда, такие коллекции фигурируют на всех выставках, но разве это основание? Военно-медицинская академия выставила также работы своих профессоров.

Очень красивой и интересной вышла выставка казачьих войск, разбитая в зале рядом с медицинскими экспонатами. На выставку прислали экспонаты войска: доносное, оренбургское, уральское, кубанское и сибирское. Здесь особенно интереса заслуживают впервые появившиеся на наших северосибирских выставках изделия оружейных, обмундировальных, шорных и других мастерских казачьих войск. Эти мастерские открылись в недавнее время, но уже имеют полную возможность дешево и хорошо выдвигать сабли, ружья, шанки, кинжалы и пр. Главное интендантское управление дает подробную и обстоятельную картину своей деятельности. Здесь образцы и тканей, кожи, и предметов

вещевого довольствия войск, и предметы продовольствия, работы мастерских, приборы для испытания качества поставляемых товаров и пр. Любопытны приборы для испытания зернового хлеба, а также рисунки зернохранилищ, продовольственных магазинов, военных мукомолов, хлебонакарен, сахарных и кожевенных заводов и пр.

Группа экспонатов военно-учебного ведомства представляет собрание учебных пособий по курсу кадетских корпусов, а также статистические сведения об учебных успехах и санитарном состоянии воспитанников корпусов. Крайне интересна коллекция физических приборов, которая может быть составлена всяким руководящим воспитанием юношества лицом. Наконец, последнюю залу занимает главный штаб, экспонирующий отдел топографов; из них по высокому их интересу и значению отбита новая карта русских владений в Средней Азии и рельефную карту русско-турецкой войны 1877—78 гг. Кроме того, главный штаб выставил несколько вагонов, приспособленных к передвижению войск.

Военный отдел имеет еще дополнительное здание; в нем находится экспонат, который разбит с водолазным делом

общее внимание посетителей выставки. Здесь только как раз наоборот: совершается подъем — работает воздухоплавательный парк. Он помещается в довольно неуклюжем навильоне, задний фасад которого имеет вид сарая. Здесь хранится так называемый, сигнальный шар, внутри которого помещается электриче-

ская люстра. Шар поднимают на канат на громадную высоту (около 100 сажень) и при помощи электрических проводников делают сигнальные вспышки, которые и служат для переговоров на очень большой высоте. На привязном же шаре поднимается тоже на высоту около 100 сажень сильный фонарь, освещающий площадь до 2 квадратных верст и помогающий изучению неприятельских позиций; это освещение столь сильно, что без всякого труда можно читать книгу. Около навильона же находится и большой шар, употребляемый как для свободных полетов, так и для привязных; во время выставки состоялись уже свободные полеты, а также было сделано и много полетов на привязном шаре. В самом навильоне — целый сери предметов, необходимых для воздухоплавания. Посредине выставлена корзина с полным снабжением для полета и набором метеорологических инструментов; около стоит паровая лебедка, служащая для подтягивания привязного шара, повозки для перевозки запасов водородного газа, образцы материй, из которых делаются шары, и пр. Интересен выставленный около навильона прибор, служащий для определения направления и скорости движения облаков; при его помощи узнается вероятное направление полета шара. Заслуживает упоминания и коллекция фотографических видов, снятых с высоты полета шара; нужно было преодолеть много трудностей и проработать несколько дней, чтобы достигнуть хороших результатов. Воздухоплавательное дело сравнительно новое, но оно за последнее десятилетие также быстро двинулось вперед, и в настоящее время стало возможно даже такой колоссальный полет, как экспедиция к северному полюсу, ныне предпринятая Андрэ. Для военных целей шар также может уже оказывать существенные услуги. Нижегородская выставка наглядно показывает наши успехи в воздухоплавании, вместе с тем эта группа пополняет недостаток нашей выставки, — отсутствие интересных и поучительных зрелищ: ballon-parti стало уже неперемлимой принадлежностью всех больших выставок.

К зданию военного и военно-морского отделов примыкает парк, окружающий царский навильон. Это одна из наиболее прекрасных местностей выставки. Само здание навильона (рис. на стр. 807), проектированное профессором А. Померанцевым, характерно и красиво, и в общем, и в дета-

ляхъ. Чисто русскаго стиля, но безъ вычурностей и банальностей, легкое и стройное, съ высокимъ граціознымъ золотымъ шпидемъ, оно издали еще привлекаетъ вниманіе всѣхъ посѣтителей выставки. Красиво здание и внутри, и по расположенію комнатъ, и по ихъ отдѣлкѣ и убранству, которое было ввѣрено нашимъ лучшимъ артистическимъ и ремесленнымъ силамъ.

Пройдемъ теперь въ навильонъ метеорологин, который выстятся на рубежѣ съ наркомъ департамента удѣловъ. Зданіе метеорологин (рис. на стр. 810) еще издали можно узнать по его специальному (готическому) стилю съ массою башенокъ и площадокъ, по темному его цвѣту и по приборамъ, которые установлены и на башенныхъ зданіяхъ, и на окружающихъ его площадкахъ. Подъ-отдѣлъ метеорологин одинъ изъ характернѣйшихъ на нижегородской выставкѣ. Его задачей является ознакомить возможно большій кругъ лицъ съ современнымъ состояніемъ метеорологическаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и за границей. Метеорологія теперь приноситъ несомнѣнно большія услуги наукѣ, мореплаванію, торговлѣ, сельскому хозяйству; благодаря возможности предсказанія штормовъ, она сохраняетъ для полезной дѣятельности и сотни человеческихъ жнаний. Но для возможности пользованія метеорологіей во всемъ ея объемѣ необходимо, чтобы кругъ наблюдателей за атмосферными явленіями былъ возможно больше обширенъ, вотъ почему ознакомленіе съ постановкой метеорологическаго дѣла и имѣть такое большое значеніе. Для того, чтобы наглядно показать, какъ ведется метеорологическія наблюденія, въ подъ-отдѣлѣ устроены станціи 1-го, 2-го и 3-го разрядовъ. Всѣ станціи главной физической обсерваторіи дѣлятся на 3 разряда. Станціи 3-го разряда ограничиваются самыми простыми наблюденіями, изъ которыхъ большая часть не требуетъ никакихъ инструментовъ. Дождемѣръ для ежедневнаго измѣренія количества осадковъ, выпавшихъ въ видѣ дождя или снѣга за истекшія сутки, да вертикальная рейка для отсчитыванія глубины снѣжнаго покрова — вотъ и всѣ ихъ инструменты. На станціяхъ 2 разряда и II класса ведутся уже наблюденія надъ осадками, температурою воздуха, направлениемъ и силою вѣтра; станціи 2 разряда I класса сверхъ того производятъ наблюденія надъ атмосфернымъ давлениемъ, влажностью воздуха, количествомъ и видомъ облаковъ. Станціями 1 разряда являются уже обсерваторіи. На этихъ станціяхъ на выставкѣ все время производится наблюденія какъ непосредственно, такъ и съ помощью самопишущихъ приборовъ, и эти наблюденія обрабатываются. Приглашены и молодые люди—студенты высшихъ учебныхъ заведеній, которые пользуясь изучаютъ дѣло, а другую половину обязаны давать объясненія публикѣ. Кромѣ того, предоставлено публикѣ внести въ особую книгу свои пожеланія относительно развитія дѣла метеорологин и пр. На крышѣ башни выставлены флюгеръ и вертушки анемографовъ, гелиографъ, а въ верхней комнатѣ находятся пишущія ихъ части; нѣсколько пониже помѣщены нормальные часы, замѣчательные тѣмъ, что на ихъ маятникѣ не только устранено вліяніе температуры, но и меркьюри атмосфернаго давленія. Передъ зданіемъ большая мачта съ штормовыми сигналами, конусомъ и барабаннымъ дномъ, а въ ночное время трети красными фонарями.

Насколько развилась у насъ метеорологія, видно изъ того, что на выставкѣ 1882 года, въ Москвѣ, ея вовсе не было; тогда лишь существовало очень небольшое число лицъ, которыя, благодаря содѣйствію Императорскаго географическаго общества, производили первоначальныя наблюденія. Съ тѣхъ поръ все дѣло сосредоточено въ главной физической обсерваторіи, которая настолько его развила, что въ настоящее время у насъ считается 575 станцій II разряда и до 3,500 станцій III разряда, и главнал физическая обсерваторія могла приступить къ правильнымъ предсказаніямъ погоды. Кромѣ того возникли самостоятельныя сѣти по округамъ Россіи—юго-западная сѣть, придиѣровская сѣть, уральская, западная и пр. На выставкѣ метеорологин интересны также планы, фотографіи и описанія обсерваторій во всѣхъ государствахъ, образцы надѣлій и валь-

пнѣйшіи ихъ трудъ и затѣмъ полная—всѣхъ странъ—коллекція ежедневныхъ метеорологическихъ бюллетеней съ предсказаніями погоды, которыя дѣлаются въ цѣляхъ мореплаванія и сельскаго хозяйства, съ указаніемъ самой постановки этого дѣла въ различныхъ государствахъ.

Изъ подъ-отдѣла метеорологин, миновавъ оригинальнѣйшій китайскій навильонъ и обогнувъ центральное зданіе, пройдемъ въ навильонъ города Москвы (рис. на стр. 807). Онъ въ чисто русскомъ, даже московскомъ стилѣ, напомнилъ своею вышкой, расписанною разными колерами, кремлевскія башни. На фронтонѣ навильона большой гербъ Москвы—Георгій Побѣдопосецъ. Рядомъ съ навильономъ города Москвы—колокольническими заводами выстроены цѣлый рядъ навильоновъ, въ которыхъ то и дѣло пробуютъ колокола, что также напоминаетъ Москву, малюновъ звонъ ея сорока-сороковъ церквей и монастырей.

Москва—первый изъ русскихъ городовъ, явившійся на всероссійскую выставку экспонировать свое городское хозяйство, и единственный на нижегородской выставкѣ. Опытъ Москвы вышель несомнѣнно удачнымъ, и едва ли можно сомнѣваться, что на слѣдующей всероссійской выставкѣ будетъ цѣлый отдѣлъ, посвященный городскому хозяйству. Оно въ настоящее время столь сложно и охватываетъ столько разнообразныхъ сторонъ общественной и экономическаго жнани, что является полная необходимостью времени отъ времени оглянуться на пройденный путь и провѣрить себя опытомъ другихъ городовъ. „Городъ“, кромѣ того, является и крупнымъ производителемъ, онъ хозяйствъ многихъ промышленныхъ заведеній, что уже одно даетъ ему право и налагаетъ обязанность участвовать на всероссійскихъ промышленныхъ выставкахъ.

Большая часть навильона занята планами, чертежами, таблицами, диаграммами, картограммами. Москва экспонируетъ свое хозяйство, даетъ данныя съ 1863 года, и поэтому волей-неволей здѣсь должно быть много цифръ; сверхъ того, Москва обладаетъ прекраснѣйшимъ статистическимъ бюро—необходимо принадлежностью всякаго культурнаго города — и могла щегольнуть цифровымъ матеріаломъ, хорошо обработаннымъ и уже оказавшимъ несомнѣнныя услуги городскому населенію. Но кромѣ таблицъ въ навильонѣ много экспонатовъ, которые наглядно иллюстрируютъ хозяйство большого города. Передъ посѣтителемъ выставки проходятъ школы, больницы, пріюты, богадѣльни, водоснабженіе, освѣщеніе, бойни и проч., все въ моделяхъ, фотографіяхъ, образцахъ. Устроители выставки стремились возможно точно воспроизвести обстановку различныхъ московскихъ учреждений и городского хозяйства, что имъ и удалось; въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается даже излишняя полнота. Такъ, въ витринѣ больницы душевнобольныхъ, среди коллекцій работъ большихъ, помѣщены не только тѣ предметы, которые идутъ въ продажу, что дѣйствительно представляетъ интересъ, но и тѣ лишніи произведенія, которыя свидѣтельствуютъ только о полномъ умственномъ разстройствѣ ихъ авторовъ. Около зданія навильона сооружена въ натуральную величину главная выходная труба городской канализаціонной сѣти и разрывъ одного изъ каналовъ.

Приведемъ нѣсколько цифръ, относящихся до Москвы. Она занимаетъ площадь въ 63 кв. версты и, слѣдовательно, больше Берлина и лишь немного меньше Парижа. Населеніе ея исчисляется въ 939,000 человекъ обоаго пола, при чемъ мужчинъ 57,4% и женщинъ 42,6%. Дохода Москва получаетъ 9.023,000 р. (въ 1863 г.—1.783,000 р.), расходуетъ же 8.237,000 руб., при чемъ на народное образованіе, больницы и благотворительность тратится 1.821,000 р. (въ 1863 г.—240,000 р., т.е. въ 8 разъ больше). На душу населенія въ среднемъ расходуетъ 8 р. 20 к., почти столько же, какъ и въ Петербургѣ (8 р. 10 к.), но меньше, чѣмъ въ другихъ большихъ городахъ (Парижъ—41 р. 40 к., Лондонъ—24 р. 80 к., Берлинъ—20 р. 40 к.). Долга Москва имѣетъ 13.958,000 р. или на душу 15 р. 40 к.; слѣдовательно, тоже меньше, чѣмъ другія столицы (Парижъ—291 р. 80 к., на душу, Лондонъ—91 р. 90 к., Берлинъ—72 р. 30 к., Вѣна—41 р. 60 к.), кромѣ С.-Петербурга—13 р. 20 к. Последній крупный долгъ—3 милліона руб.—былъ сдѣланъ Московю

Генераль-фельдмаршалъ І. В. Гурко (по поводу 50-ти-лѣтія служенія въ офицерскихъ чинахъ). Съ фот. грав. Шюблеръ.

несколько летъ тому назадъ для устройства канализаціи, нѣмощей цѣлью возможно быстрое и полное удаленіе нечистоты. Общее протяженіе канализаціонной сѣти составитъ 580 верстъ; съ ея устройствомъ, Москва будетъ обладать однимъ изъ необходимѣйшихъ сооруженій большого города. Канали-

заціи, унося нечистоты и отбросы ежедневной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ и оздоравливаетъ городъ и тѣмъ сохраняетъ много жизненныхъ силъ населенія. Москва, имѣя возможность устроить у себя канализацію, въ правѣ гордиться своимъ хозяйствомъ.

Къ рисункамъ.

Грѣзы. (Рис. на стр. 795.)

Осень—грустная пора умирания природы. Дни стоятъ еще ясные, но безоблачное небо смотритъ холодно и непривѣтно. Солнце грѣетъ мало, и желтые листья падаютъ съ быстро обнажающихся деревьевъ. Молодая дѣвушка съ мандолиной въ рукахъ, избравъ укромное мѣстечко въ паркѣ, отдалась своимъ грѣзамъ. О чемъ она думаетъ? О молодомъ ли женихѣ-офицерѣ, ушедшемъ на войну, въ тяжелую эпоху владычества Наполеона I въ Пруссіи, объ униженіи ли отечества грознымъ диктаторомъ Европы, который, нѣсколько дней еще тому назадъ, такъ жестоко насмѣялся надъ ея обожаемой королевой—Луизой? Она и сама похожа на эту славную, добрую королеву, передъ которой преклонялся весь народъ, и память о которой такъ свято чтится въ Пруссіи. Тѣ же бѣлоскурые волосы, тонкіе, какъ нить паутины, тѣ же глубоко задумчивые темно-голубые глаза, тѣ же правильныя черты лица... Мюнхенскій художникъ Менцлеръ прекрасно передалъ, на своей картинѣ, этотъ типъ германской дѣвушки времени королевы Луизы.

Поймаль. (Рис. на стр. 798.)

Г. Писемскій давно уже извѣстенъ своимъ пейзажамъ, рисованными перомъ. На этотъ разъ это не только пейзажъ, но цѣлая жанровая картинка, такая, какую нерѣдко можно встрѣтить въ деревнѣ, гдѣ есть рѣчонка, озеро или прудъ. Каждый любитель рыбной ловли можетъ себѣ представить восторгъ на дѣтскихъ личикахъ, загорѣвшихъ глазки, вспыхнувшихъ щечки, когда на удочкѣ засеребрится пойманная рыба.

Пардель (Leopardus Irbis), нападающій на бѣляка (Lepus variabilis). (Рис. на стр. 799.)

Въ противоположность ягуару, леопарду и другимъ родамъ пантеръ, отличающимся своей красной нестройной шкурой и населяющимъ южныя страны,—пардель или ирбисъ уже по окраскѣ своего бѣловато-сѣраго мѣха указываетъ, что онъ водится въ болѣе холодныхъ мѣстностяхъ. Родина парделя—Средняя Азія вплоть до самой Сибири. Его встрѣчаютъ у источниковъ Енисея и Байкальского озера, чаще въ Тибетѣ, а также и у береговъ Персидскаго залива. По своей величинѣ пардель значительно уступаетъ пантерѣ: длина его достигаетъ 2,20 метра, изъ которыхъ 90 сантиметровъ приходится на его длинный хвостъ. Онъ ловко лазаетъ по деревьямъ и, подобно рыси, нападаетъ съ нихъ на свою добычу, обнаруживая при этомъ изумительную хитрость и проворство. Пардель, какъ и леопардъ, страшно кровожаденъ, онъ нападаетъ на каждое животное, которое только падѣтся побороть; ему безразлично, велико оно или мало, защищается ли или отдается ему безъ сопротивленія. Ища добычи, онъ не гнушается даже и маленькимъ полчинымъ зайцемъ-бѣлякомъ. Одна изъ такихъ сценъ нападенія страшнаго хищника на бѣднаго грызуна изображена на нашемъ рисункѣ Карломъ Домбровскимъ, глубокимъ знатокомъ быта и нравовъ дикихъ животныхъ.

Преображеніе Господне. (Рис. на стр. 803.)

Храмъ Спасителя въ Боркахъ, воздвигнутый въ память чудеснаго событія 17 октября 1888 г., заключаетъ въ своихъ стѣнахъ не мало прекрасныхъ произведеній художественнаго творчества. Мы уже дали въ настоящемъ году (*Иива*, 1896 г. № 11) снимки съ трехъ иконъ, находящихся въ храмѣ и писанныхъ В. Е. Маковскимъ, которому поручены были всѣ художественныя работы для этого храма. Помѣщая въ настоящемъ номерѣ снимокъ съ четвертой его картины-иконы — „Преображеніе Господне“, мы можемъ лишь повторить сказанное нами ранѣе о ея извѣстномъ и талантливомъ авторѣ,— что икона эта написана съ обычнымъ ему мастерствомъ и представляетъ кромѣ того особый интересъ въ виду того, что иконописныхъ работъ В. Е. Маковского существуетъ немного.

Вечеръ. (Рис. на стр. 806.)

Конечно это влюбленные. Если сумерки окутали задремавшую землю, если мѣсяць—блѣдный и нѣжный—робко выглядываетъ изъ-за синеватой дымки, подернувшей взморье, если сошныя волны такъ тихо шепчутъ непонятныя рѣчи, а они сидятъ, прижавшись другъ къ другу,—повѣрьте, что это влюбленные. Онъ — не женихъ и она — не невѣста: это было бы скучно, потому что это надѣло. Это вѣчно болѣе рѣдкое, вѣчно совсѣмъ необыкновенное: онъ — мужъ, она — его жена. И они все еще влюблены. Они выходятъ сюда, на это взморье,

каждый вечеръ, когда сгущаются сумерки, когда волны засыпаютъ; садятся, прижавшись другъ къ другу, онъ заглядываетъ ей въ глаза, она задумчиво смотритъ вдаль, и они вмѣстѣ что-то вспоминаютъ, о чемъ-то говорятъ, тихо, чуть слышно... О чемъ?

Всему свѣту извѣстно, о чемъ говорятъ люди, когда ей двадцать лѣтъ, а ему двадцать пять, когда таинственно глядитъ на нихъ мѣсяць, когда дремлютъ волны, и изъ сумрака ночи доносится непонятный шорохъ ихъ неразгаданной рѣчи.

Авторъ поэтическаго „Вечера“, К. Мюке—сынъ знаменитаго въ свое время Генриха Мюке, картинны котораго на историческія темы заставляли о себѣ много говорить въ Германіи, въ первой половинѣ этого столѣтія. К. Мюке живетъ и работаетъ въ Дюссельдорфѣ.

I. В. Гурко. (Портр. на стр. 811.)

12 августа п. г. исполняется пятидесятилѣтіе служенія въ офицерскихъ чинахъ члена Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютанта, генералъ-фельдмаршала Иосифа Владиміровича Гурко.

I. В. Гурко родился 3 ноября 1828 г. и воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ. По окончаніи курса въ корпусѣ, 12 августа 1846 г. I. В. поступилъ на службу корнетомъ въ лейбъ-гвардію гусарскій Его Величества полкъ. Желая ознакомиться на практикѣ со всѣми отраслями военного дѣла, онъ нѣсколько лѣтъ спустя перешелъ на службу въ пѣхотный генералъ-фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго полкъ. Изучивъ въ совершенствѣ пѣхотный строй, I. В. въ 1857 г. перешелъ назадъ эскадроннымъ командиромъ въ гусарскій полкъ, откуда уже въ чинѣ полковника (съ 1861 г.) былъ назначенъ въ 1866 г. командиромъ 4-го мариупольскаго его высочества принца Фридриха кассельскаго полка, а годъ спустя, произведенный въ генералъ-майоры, получилъ въ командованіе лейбъ-гвардіи конно-гренадерскій полкъ. Въ 1873 г. I. В. назначенъ былъ командиромъ первой бригады второй гвардейской кавалерійской дивизіи, а три года спустя — командующимъ этой дивизіей. Въ томъ же 1876 г. I. В. произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты.

Боевая дѣятельность I. В. Гурко, стяжавшая ему европейскую извѣстность и поставившая его въ ряду крупнѣйшихъ русскихъ военачальниковъ, началась еще въ 1849 г., во время венгерской кампаніи, въ походѣ войскъ гвардіи къ западнымъ предѣламъ имперіи. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ крымской кампаніи, находясь сначала въ составѣ чергубургскаго гарнизона при оборонительныхъ мѣрахъ, предпринятыхъ для защиты нашихъ береговъ на Балтійскомъ морѣ, а затѣмъ въ 1856 г. перейдя на самый театръ военныхъ дѣйствій, въ Крымъ. До прекращенія войны I. В. находился на Бельбекской позиціи и неоднократно выказывалъ храбрость, занимая передовыя позиціи.

Но неувыдаемыми лаврами одного изъ славнѣйшихъ русскихъ полководцевъ увѣчала I. В. Гурко его боевая дѣятельность въ минувшую турецкую кампанію 1877—78 гг.

Вызванный въ дѣйствующую армію, послѣ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай, I. В. принялъ командованіе передовымъ отрядомъ, и съ перваго же дня его начальствованія отрядомъ начался рядъ блестящихъ воинскихъ подвиговъ, прославившихъ русское оружіе. 25 іюня 1877 года генералъ Гурко съ одной кавалеріей и 16-й конной батареей занялъ Тырново, въ которомъ находилось 3000 турецкихъ гвардіи и нѣсколько батарей полевой артиллеріи, и открылъ себѣ этимъ путь къ Балканамъ. Недѣлю спустя отрядъ Гурко уже перешагнулъ „непреступныя“ Балканы. Не призывая никакихъ преградъ, преодолевая всякія трудности и лишения, отрядъ неотступно двигался впередъ. 2, 3, 4 и 6 іюля отбиты въ тѣхъ восточной войны, какъ для особенно упорныхъ и блестящихъ битвъ съ непріятельской арміей. Открывъ для нашей арміи Шипкинскій проходъ, Гурко занялъ 10 іюля городъ Эски-Загру и разрушилъ двѣ линіи турецкихъ желѣзныхъ дорогъ. Стремительный патисскъ его отряда сильно поколебалъ ряды непріятеля. Жители окрестныхъ турецкихъ городовъ и селеній въ ужасѣ покинули свои дома и бѣжали въ Адрианополь и Константинополь. 17, 18 и 19 іюля при Тени-Загрѣ и Джуранли отрядъ Гурко нанесъ рядъ тяжелыхъ пораженій арміи Сулеймана-паша, который вынужденъ былъ отступить, несмотря на то, что у него было 30 батальоновъ отборнаго турецкаго войска, а у „Гурко-паша“ (какъ турки называли Гурко) было всего лишь 13 батальоновъ.

Затянувшаяся осада Плевны вызвала на театръ военныхъ дѣйствій гвардію, и начальство надъ нею поручено было

Гурко. Чудеса храбрости, выказанные его отрядом под Горнымъ-Дубнякомъ и Телишемъ, оправдали надежды, возлагавшія Россіей на доблестную гвардію и ея начальника. Стянувъ Османа-пашу желѣзнымъ кольцомъ, Гурко отрубалъ для плеченской арміи подвозъ провіанта и боевыхъ припасовъ. Затѣмъ имъ были заняты городъ Враца и Орханійскій проходъ, ведущій въ Софію, долина Правицы, Этрополь и Златицкій переваль. Потерявъ эти три послѣднія позиціи вблизи Балканъ, турки собрали все свои силы, чтобы преградить путь отрядамъ Гурко. Гурко началъ укрѣпляться на перевалахъ Балканскаго хребта и затѣмъ вторично перешелъ Балканы. Этотъ геройскій переходъ—самый блестящій воинскій подвигъ, въ теченіе всей его доблестной 50-лѣтней службы. Подробная оцѣнка боевой дѣятельности І. В. Гурко въ послѣднюю войну еще не сдѣлана исторіей, но высокія ея достоинства признаваемы были неоднократно съ высоты Престола. Въ послѣднемъ Высочайшемъ рескриптѣ 14 мая н. г., на имя І. В., между прочимъ сказано: „Съ чувствами сердечнаго удовольствія и законной гордости, Я вспоминаю о преданности, самоотверженіи и боевыхъ подвигахъ, совершенныхъ въ минушую Турецкую войну войсками, состоявшими подъ вашимъ начальствомъ. Блестящія дѣйствія передового отряда при овладѣніи Балканскими проходами, славные и кровопролитные бои гвардіи для окончательнаго обложенія Плевны, наконецъ, безпримѣрный переходъ зимою черезъ Балканы войскъ западнаго отряда, сопровождавшійся полнымъ пораженіемъ и разстройствомъ противупоставленныхъ непріятельскихъ силъ, — останутся неизгладимо начертанными на страницахъ русской военной исторіи и неразрывно связанными съ вашимъ именемъ“.

Выдающіяся дарованія, твердость характера, преданность интересамъ службы и отличное исполненіе поручаемыхъ дѣлъ и задачъ, засвидѣльствованныя въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 14 мая н. г., І. В. Гурко обнаружилъ и въ своей послѣдующей административной дѣятельности. Оцѣнка этой дѣятельности сдѣлана далѣе въ томъ же рескриптѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Не только на поприщахъ службы военной и боевой, но и на высшихъ административныхъ постахъ государственнаго управленія вы успѣли оказать важныя услуги Престолу и Отечеству. Въ особенности же, занимая, по особому выбору и довѣрію Независимаго Родителя Моего, ответственную и важную должность варшавскаго генераль-губернатора и командующаго войсками варшавскаго военнаго округа, вы, со свойственными вамъ энергією, прямотою и самоотверженною заботливостію объ интересахъ государственныхъ, достигли серьезныхъ результатовъ по укрѣпленію неразрывнаго единенія края съ общимъ великимъ Отечествомъ, а также и по усовершенствованію внутреннихъ войскъ и стратегической оборонѣ наиболее важной изъ нашихъ окраинъ“.

6 декабря 1894 г. І. В. уволенъ былъ, согласно прошенію, по разстроеному здоровью, отъ должностей варшавскаго генераль-губернатора и командующаго войсками варшавскаго военнаго округа и произведенъ въ фельдмаршала, въ воздаяніе важныхъ заслугъ, оказанныхъ Престолу и Отечеству, особенно въ послѣднюю турецкую войну.

По поводу дарованія І. В. Гурко этого высшаго военнаго отличія, въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 14 мая н. г. сказано: „Назначая васъ генераль-фельдмаршаломъ, Я пребывалъ въ увѣренности, что, по мѣрѣ возстановленія вашего здоровья, вы еще на долгіе годы останетесь Моимъ вѣрнымъ и откровеннымъ совѣтникомъ въ дѣлахъ высшаго управленія военнаго и государственнаго, а нынѣ, въ ознаменованіе Моей признательности за ваши многочисленныя и важныя заслуги государственнымъ и Моему особаго къ вамъ благоволенія, жалую васъ кавалеромъ ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго“. Кроме этого ордена І. В. имѣетъ все русскіе ордена высшихъ степеней, военный орденъ св. Георгія 2, 3 и 4 степеней и множество иностранныхъ орденовъ.

Не задолго до исполненія 50-лѣтія службы І. В., маститый государственный дѣятель почтенъ былъ цѣннымъ подаркомъ отъ своихъ бывшихъ подчиненныхъ—войскъ варшавскаго военнаго округа. Во вниманіе къ 10-лѣтнимъ теплымъ заботамъ и самоотверженнымъ трудамъ по улучшенію быта и совершенствованію подготовки войскъ и къ высокимъ боевымъ заслугамъ І. В. Гурко еще въ 1894 г., по оставленіи І. В. службы въ Варшавѣ, образовался подъ предѣлительствомъ генерала-отъ-и-фантеріи Зѣбрева, особый комитетъ, въ которомъ было предложено поднести фельдмаршалу его бронзовую статуу на соответствующемъ пьедесталѣ, украшенную арматурами и надписями. Статуя должна была изобразить фельдмаршала верхомъ, на галошѣ, въ сюртукѣ и шарфѣ, какъ привыкли его видѣть войска на смотрахъ, ученьяхъ, маневрахъ и поляхъ сраженій.

Нынѣ эта мысль осуществлена. Выполненіе идеи, намѣченной комитетомъ, составленіе эскиза, а равно наблюденіе за художественными работами принялъ на себя помощникъ начальника Главнаго Штаба генералъ-лейтенантъ А. А. Вильдерлингъ. Кованая статуя, высотой въ 15 вершковъ, была вылита изъ глины академикомъ-скульпторомъ И. Н. Шредеромъ и отлита изъ темной бронзы. Пьедесталъ къ

статуѣ имѣетъ форму прямоугольнаго шестигранника, высотой въ 14 вершковъ, покоющагося на трехъ ступеняхъ, и сдѣланъ изъ краснаго полированнаго мрамора. На передней лицевой сторонѣ пьедестала находится, по словамъ *Русск. Инв.*, родовый гербъ фамиліи Гурко, а надъ нимъ помѣщается доска съ надписью: „Генераль-фельдмаршалу, генераль-адъютанту Іосифу Владиміровичу Гурко, своему начальнику и вождю—войска варшавскаго военнаго округа. 1883—1894“. По бокамъ у подножія пьедестала, на особыхъ выступкахъ, на которые положены турецкія знамена, высѣчены надписи „Балканы“, въ воспоминаніе двукратнаго перехода нашихъ войскъ черезъ эти горы, подъ начальствомъ І. В. Гурко. На боковыхъ же поверхностяхъ пьедестала на бронзовыхъ доскахъ начертаны названія побѣд, одержанныхъ въ эти два балканскіе похода. Съ одной стороны: „Тырново, Уфланъ, Казанлыкъ, Шипка, Эски-Загра, Лени-Загра, Джуранлы, Плевна, Горный Дубнякъ, Телишъ, Правецъ, Этрополь“. Съ другой стороны: „Шандоринскъ, Арабъ-Конакъ, Ташки-Сенъ, Горный Бугаровъ, Софія, Мечка, Татаръ-Базарджикъ, Филиппополь“. Статуя, по порученію войсковыхъ начальниковъ округа, была лично доставлена генераль-фельдмаршалу въ его имѣніе Сахарово, Тверской губерніи, генераль-лейтенантомъ А. К. Пузыревскимъ и нынѣ установлена на рѣзномъ постаментѣ изъ темнаго дуба посреди залы того дома, въ которомъ имѣетъ свое дѣтнее мѣстопробываніе І. В. Гурко.

А. С. Фаминцынъ. (Портр. на стр. 814.)

Музыкальная наука и литература понесла недавно большую утрату: умеръ, послѣ непродолжительной болѣзни, Александръ Сергѣевичъ Фаминцынъ. Мы недавно (*Лит. Прилож. № 2*) о немъ говорили по поводу его „Начатковъ теоріи музыки“, учебника, одобреннаго для всехъ учебныхъ заведеній; но это не было послѣднимъ его трудомъ; послѣднее время онъ работалъ надъ „Словаремъ русскихъ музыкальныхъ дѣятелей“; не знаемъ, довелъ ли онъ свой „Словарь“ до конца; очень будетъ жаль, если этотъ капитальный трудъ имъ не оконченъ: наша музыкальная литература, не особенно богатая разнаго рода пособіями, крайне нуждается въ серьезномъ словарѣ. Между тѣмъ можно съ увѣренностію сказать, что если за этотъ чувствительный пробѣлъ взялся такой знатокъ своего дѣла, какъ покойный Фаминцынъ, то мы въ его трудѣ имѣли бы образцовый словарь.

Мы сейчасъ сказали, что Фаминцынъ „знатокъ своего дѣла“; это онъ доказалъ своими выдающимися сочиненіями какъ въ области музыкальной литературы, такъ и въ области композиціи; но этими двумя сферами еще не ограничилась его дѣятельность; къ нимъ нужно прибавить еще педагогическую. Родившись въ 1841 г., А. С. воспитывался въ третьей петербургской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ университетъ, на факультетъ естественныхъ наукъ. Двадцати одного года онъ уже былъ кандидатомъ. Но наука не такъ прельщала его, какъ искусство, и въ особенности музыка, которою онъ очень серьезно занимался подъ руководствомъ Сапгиса и Фохта въ Петербургѣ. Лично только онъ окончилъ университетъ, какъ тотчасъ же (1862 г.) отправился въ лейпцигскую консерваторію, славившуюся въ то время своими дѣятелями. Здѣсь онъ 2½ года занимался то въ консерваторіи, то частнымъ образомъ съ Мошелесомъ, Рихтеромъ, Гауптманомъ и Ределемъ. 1865 годъ Фаминцынъ провелъ въ Левенбергѣ, гдѣ изучалъ инструментовку у Зейфрида. Какъ разъ въ этомъ году открылась петербургская консерваторія, и онъ приглашенъ былъ профессоромъ исторіи музыки и эстетики.

Въ этой должности А. С. прослужилъ до 1872 г., когда былъ назначенъ секретаремъ главной дирекціи русскаго музыкальнаго общества. На долю этого времени выпадаетъ главнымъ образомъ его рецензентская дѣятельность. Онъ писалъ во многихъ органахъ, русскихъ и нѣмецкихъ; назовемъ важнѣйшіе изъ нихъ: *Голосъ, Пчела, Слово, Муз. Листокъ, Nordische Presse, St. Petersburger Zeitung* и др. Одновременно съ этими занятіями, отымающими такъ много времени, онъ издавалъ и свой журналъ: *Музыкальный Сезонъ* между 1867 и 1871 гг. Однако труды Фаминцына вѣроятно канули бы въ вѣчность, подобно многимъ трудамъ его товарищей по перу, если бы онъ, вмѣстѣ съ разными рецензіями и мелкими газетными статьями, не работалъ надъ болѣе серьезными задачами. Къ такимъ слѣдуетъ причислить: во-1-хъ, переводы элементарной теоріи Рихтера, „Всеобщаго учебника музыки“ Маркса и „Ученія о правильномъ построеніи модуляцій“ Дрекеке, а во-2-хъ, самостоятельные труды: „Домра“, „Божества древнихъ славянъ“ (къ сожалѣнію, вышелъ только одинъ томъ), „Скорморохи на Руси“, объ „Индокитайской гаммѣ“ и пр. Эти сочиненія составляютъ прямо-таки вкладъ въ нашу музыкально-театральную литературу.

На композиторскомъ поприщѣ Фаминцыну менѣе повезло; впрочемъ, быть-можетъ, тутъ и обстоятельства имѣли большое значеніе. Его произведенія не имѣли блестящаго успѣха, и онъ надъ долгомъ, не встрѣтивъ поддержки со стороны публики и печати. Что касается послѣдней, то нужно прибавить, что среди ея представителей покойный Фаминцынъ имѣлъ не мало недоброжелателей; это тѣмъ болѣе пошито, что онъ, какъ че-

ловѣкъ убѣжденный, высказывалъ въ своихъ статьяхъ взгляды, которые не особенно были по душѣ пнымъ критикамъ и композиторамъ. Изъ его музыкальныхъ сочиненій назовемъ: нѣскольکو романсовъ и фортепьянныхъ пьесъ, „Русскую рапсодію“ для скрипки, три струнныхъ квартета, квинтетъ, симфоническую картину „Шествіе Діонисія“, исполнявшуюся въ симфоническихъ собраніяхъ, и двѣ оперы: „Сардананаль“,

данная на сценѣ Марининскаго театра, и „Уриель Акоста“ (вторая опера, кажется, осталась неоконченной). Быть-можетъ теперь произведенія его были бы оценены болѣе безпристрастно, чѣмъ при ихъ появленіи впервые. Во всякомъ случаѣ, потеря велика; это былъ дѣятель съ широкимъ образованіемъ, обширными знаніями, глубоко убѣжденный и съ большимъ дарованіемъ.

В. Басинъ.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ извѣстныхъ неудачъ въ колониальной политикѣ, Италия вынуждена подумать о своихъ экономически разоренныхъ провинціяхъ; островъ Сицилія создалъ съ прошлаго года для итальянскаго правительства рядъ усложненныхъ заботъ. Возникшее на экономической почвѣ движеніе оказалось въ Сициліи настолько серьезнымъ, что центральнымъ властямъ Италіи пришлось учредить на этомъ островѣ особое намѣстничество, съ предоставленіемъ ему, въ извѣстныхъ случаяхъ, свободы дѣйствія. Во время бурныхъ парламентскихъ преній по законопроекту о Сициліи, оппозиціонные ораторы палаты выставили серьезные возраженія, указывая на возможность такихъ же намѣстничествъ для Сардиніи, Калабріи и Апуліи, что, съ теченіемъ времени, создастъ нѣчто въ родѣ федераціи, а такой порядокъ, несомнѣнный съ единствомъ Италіи, послужитъ, пожалуй, началомъ конца ея независимости. Однако маркизу ди-Рудини удалось провести законопроектъ большинствомъ ста голосовъ палаты. Велѣдъ за этимъ вопросомъ стоялъ на очереди проектъ военнаго министра, генерала Рикотти, о военныхъ преобразованіяхъ, въ цѣляхъ сокращенія арміи до десяти-корпуснаго состава, выѣсто нынѣшнихъ двѣнадцати корпусовъ,—но маркизъ ди-Рудини отказался внести такой важный проектъ въ нынѣшнюю сессію парламента, накупивъ его каникулъ. Когда Рикотти, поддерживаемый нѣкоторыми изъ товарищей, подалъ выѣстъ съ ними въ отставку, совѣтъ министровъ принялъ рѣшеніе объ общей отставкѣ кабинета, но король согласился лишь на замѣну выбывающихъ четырехъ министровъ новыми лицами. Обновленный кабинетъ маркиза ди-Рудини принялъ въ свой составъ, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, стараго дипломата Висконти-Веноста—одного изъ первыхъ дѣятелей по установленію основъ тройственнаго союза. Это обстоятельство является новымъ залогомъ вѣрности Италіи прежнимъ политическимъ связямъ.

Изагаая, 9 іюля, въ палатѣ депутатовъ, причины и мотивы частнаго министерскаго кризиса, итальянскій премьеръ заявилъ, что преобразованіи Рикотти „не могли и не могутъ быть примѣнны“, при этомъ маркизъ ди-Рудини откровенно сознался, что новая программа министерства по этому предмету обойдется не дешево: независимо отъ африканскихъ расходовъ, въ военный бюджетъ на 1897 и 1898 годъ внесено 230 милліоновъ лиръ; правительство обѣщаетъ уменьшить африканскіе расходы до размѣровъ 1893 года въ томъ только случаѣ, если мирное положеніе въ Эригребѣ продолжится.

Въ сенатѣ маркизъ ди-Рудини заявилъ, 12 іюля, что нынѣшнее положеніе дѣлъ не позволило премьеру взять на себя величайшую отвѣтственность, оставивъ кормило правленія, поэтому стеченіе обстоятельствъ налагаетъ на правительство обязанность, сохранивъ общую программу кабинета, видоизмѣнить лишь его военную политику. Оппозиція приняла программу новаго кабинета, какъ отказъ правительства отъ экономіи въ бюджетѣ и преимущественно въ военномъ. По общему убѣжденію политическихъ кружковъ, глава итальянскаго кабинета не безъ ловкости успѣлъ удержать на своей сторонѣ большинство парламента до наступленія каникулъ, во время которыхъ, по увѣренію тѣхъ же кружковъ, маркизъ ди-Рудини собирается, будто бы, распустить палату депутатовъ, произведя новыя парламентскія выборы. Эти предположенія оправдываются отчасти нѣкоторыми симптомами въ лагерѣ сторонниковъ Криппи; бывшіе приверженцы котораго могутъ удержаться на своихъ депутатскихъ мѣстахъ только при условіи

полнаго отреченія отъ главнаго виновника итальянскаго прогрома въ Абиссиніи — „злого гения“ Италіи. Какъ сообщаютъ изъ Рима, отъ 23 іюля, Криппи прекратилъ изданіе своей газеты *Riforma*, предвидя, очевидно, полное распаденіе своей партіи.

Участь итальянцевъ, находящихся въ абиссинскомъ плѣну, не перестаетъ озабочивать выдающихся политическихъ дѣятелей. На послѣдовавшіе передъ закрытіемъ засѣданія палаты депутаты запросы, маркизъ ди-Рудини отвѣтилъ, что министерствомъ сдѣлано все возможное, чтобы получить извѣстіе о плѣнныхъ и закончить переговоры съ негусомъ Менеликомъ объ ихъ освобожденіи, для чего, однако, правительство не намерено вести войну, но, зная свои обязанности, оно въ состояніи сдѣлать негусу много затрудненій, не намереваясь подчиниться его притязаніямъ. Освобожденіе плѣнныхъ можетъ послужить поводомъ къ заключенію договора, по правительству, не особенно довѣрляя договору, никогда, во всякомъ случаѣ, не заключитъ мира, несогласнаго съ достоинствомъ Италіи. Вызванные этимъ заявленіемъ премьера оживленные знаки одобренія палаты пока едва ли облегчаютъ положеніе плѣнныхъ негуса. Въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Государя Императора негусъ Менеликъ освободилъ пятьдесятъ плѣнныхъ, поручивъ Леонтъеву, сопровождавшему въ прошломъ году абиссинское посольство, доставить освобожденныхъ итальянскимъ властямъ. По извѣстіямъ отъ 17 іюля, послѣ 45-ти-дневнаго пути освобожденные сданы на борту итальянскаго парохода въ Джибути и отбыли на родину. По случаю прибытія освобожденныхъ въ Джибути, городъ украсился флагами, и состоялся торжественный банкетъ, на которомъ провозглашенъ былъ тостъ въ честь русскаго Царя. Оставшіеся у негуса итальянцы будутъ освобождены послѣ подписанія мирнаго договора.

Какъ сообщаетъ *Tribuna*, со словъ освобожденныхъ итальянцевъ, негусъ Менеликъ и его расы обращались съ ними весьма человѣчно, снабжая ихъ платкомъ и деньгами. Нѣсколько двѣ спусти, по выходѣ съ Леонтъевымъ изъ абиссинскаго лагеря, плѣнные встрѣтили епископа Макарія (см. *Нива* № 23), передававши имъ деньги, пищу и платье, затѣмъ итальянцы продолжали путь до Джибути безъ лишней, получая отъ Леонтъева два раза въ день говядину, хлѣбъ и масло, бѣлье, мыло и даже напросы, за что освобожденные итальянцы искренно благодарили русскаго путешественника на торжественномъ банкетѣ въ Джибути.

Какъ извѣщаютъ французскія газеты, о папскомъ посольствѣ въ Абиссинію негусъ Менеликъ выразился, что, при всемъ его глубокомъ почтеніи къ высокому сану и великимъ добродѣтелямъ главы католическаго міра, царь царей Эіопіи откажетъ епископу Макарію въ его ходатайствѣ отъ имени папы, такъ какъ плѣнные должны остаться у негуса до подписанія съ Италіей мирнаго договора, въ цѣляхъ восстановленія дружественныхъ отношеній между двумя народами. Требованія негуса Менелика относительно плѣнныхъ, по сообщеніямъ компетентныхъ итальянскихъ газетъ, сводится теперь къ немедленной уплатѣ Италіей денежнаго выкупа въ размѣрѣ пяти милліоновъ франковъ. Уполномоченный итальянскаго правительства получилъ приказъ изъ Рима, вести переговоры по этому дѣлу. Въ то же время оффиціальная газета *Italia Militare* на-дняхъ сообщила сенсационную вѣсть, что Кассала окончательно уступлена итальянцами Англій.

Библиографія.

Всероссійская выставка 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Путеводитель. СПб. 1896. Ц. 60 коп.

Высочайше учрежденная коммисія по устройству выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ издала путеводитель по городу, яр-

маркѣ и выставкѣ, заглавіе котораго выписано нами выше. Эта очень полно и очень интересно составленная книга издана одновременно на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, подъ общимъ руководствомъ редактора

всѣхъ вообще изданій по выставкѣ, директора департамента торговли и мануфактуръ В. И. Ковалевскаго и при ближайшемъ участіи чиновника особыхъ порученій министерства финансовъ П. И. Миллера. Большая часть помѣщенныхъ въ книгѣ свѣдѣній вполнѣ самостоятельны и собраны спеціально для настоящаго изданія; но, кромѣ этого, составители пользовались также трудами и изслѣдованіями мѣстныхъ дѣятелей: г. Гацисскаго, архимандрита Аркадія, свещ. Добровольскаго, г. Лаврова, Дая и Мельникова. Такимъ образомъ книжка эта приобрѣ-

таетъ весьма цѣнное значеніе не только какъ путеводитель, но и какъ интересная, хотя и краткая монографія края. Въ особенности интересно составленныя историческія очерки Поволжья, города и ярмарки. Изданіе отпечатано въ типографіи А. С. Суворина, на велевеной бумагѣ, украшено рисунками художниковъ Н. Самокина, Н. Кравченко и Э. Соколовскаго и обложено въ красивую обложку; цѣна его общедоступна, и его можно смѣло рекомендовать всѣмъ интересующимся краемъ, ярмаркой или выставкой лицамъ.

Разныя извѣстія.

— 30 июля Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна изволили переехать въ Красное Село на временное пребываніе.

— 27 июля Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна съ Августѣйшими Дѣтьми Ихъ Императорскими Высочествами великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ и великой княжной Ольгой Александровной изволила отбыть въ Данію. По послѣднимъ извѣстіямъ, Ея Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна съ Августѣйшими Дѣтьми, 29 июля (10 августа), изволила благополучно прибыть въ замокъ Бернсторфъ, близъ Копенгагена. Морское путешествіе совершено при условіяхъ вполнѣ благоприятныхъ.

— 9 сентября с. г., по опредѣленію Святѣйшаго Синода, въ гор. Черниговѣ состоится торжественное открытіе мощей святителя Феодосія угличскаго, архіепископа черниговскаго.

— 26 июля состоялась закладка зданія втораго городского дома трудолюбія, сооружаемаго на Никольской площади, въ ознаменованіе рожденія Ея Императорскаго Высочества великой княжны Ольги Николаевны. Починъ въ устройствѣ новаго дома трудолюбія принадлежитъ с.-петербургскому городскому головой, по предложенію котораго столичное городское управленіе ассигновало изъ городскихъ суммъ на постройку 40,000 р. Воздвигаемое зданіе будетъ двухъ-этажное, съ особыми подвалами для хозяйственныхъ принадлежностей. Первый этажъ предназначенъ для женской мастерской, столовой, буфетной, кухни и квартиръ служащихъ при домѣ лицъ. Кромѣ того, здѣсь же будетъ помѣщаться контора для записи лицъ, ищущихъ работы внѣ дома трудолюбія. Во второмъ этажѣ будутъ устроены пять мужскихъ мастерскихъ для всевозможныхъ работъ. Рядомъ съ домомъ трудолюбія возводится особое зданіе для обширнаго ночлежнаго пріюта, средства на постройку котораго, въ размѣрѣ 20,000 р., ассигнованы с.-петербургскимъ кредитнымъ обществомъ. Здѣсь будетъ устроена обширная комната съ нарами для ночлежниковъ по типу двухъ-этажныхъ спальныхъ вагоновъ. Домъ трудолюбія рассчитанъ на 200 человекъ, а ночлежный пріютъ—на 180 человекъ.

— Въ *Правительств. Вѣстникѣ* опубликовано Высочайшее утвержденное положеніе о с.-петербургскомъ ольгискомъ дѣтскомъ пріютѣ трудолюбія. Пріютъ основанъ Государемъ Императоромъ въ ознаменованіе рожденія великой княжны Ольги Николаевны на Всемирноивѣстномъ пожалованномъ средствѣ. Пріютъ имѣетъ цѣлью призрѣвать и причащать къ труду остающихся въ столицѣ безъ пріюта или пристанища дѣтей обоего пола, впрелѣ до передачи ихъ на надежное попеченіе родственниковъ, подлѣжащихъ обществу, благотворительныхъ учреждений или частныхъ лицъ, или же до надеждащаго подготовленія ихъ къ трудовой жизни. Въ пріютѣ принимаются дѣти обоего пола, безъ различія вѣроисповѣданія, сословія и званія, способныя по своимъ силамъ и состоянию здоровья къ работѣ, въ возрастѣ не моложе 6-ти лѣтъ, причѣмъ они могутъ оставаться въ пріютѣ не позднѣе достиженія: мальчиками—15 лѣтъ и дѣвочками—16 лѣтъ. Пріютъ учреждается на 200 призрѣваемыхъ

и помѣщается въ ближайшихъ окрестностяхъ С.-Петербурга, на особо отведенномъ участкѣ земли. Учрежденія и лица, желающія помѣстить въ пріютѣ ребенка, обращаются съ заявленіемъ о томъ къ заведующему пріютомъ. Дѣвочки и мальчики содержатся отдѣльно, и помѣщенія ихъ должны быть, по возможности, удалены другъ отъ друга. Дѣти содержатся въ пріютѣ скромно и просто, съ тѣмъ, чтобы оказались подготовленными къ трудовой жизни рабочьихъ классовъ. Съ этою цѣлью ихъ приучаютъ, соразмѣрно возрасту и силамъ, къ крестьянскимъ работамъ, преимущественно по огородничеству и садоводству; кромѣ того, ихъ обучаютъ несложнымъ мастерствамъ и рукодѣліямъ, а также на нихъ, по возможности, возлагаютъ всѣ домашнія работы въ пріютѣ. На физическое развитіе призрѣваемыхъ обращается особое вниманіе. Усмотрѣнію совѣта предлагается установить въ пользу призрѣваемыхъ особое вознагражденіе, въ зависимости отъ производительности работъ, нравственныхъ качествъ и усердія каждаго призрѣваемаго. Вознагражденіе выдается при выпускѣ дѣтей изъ пріюта. Въ часы, свободные отъ работъ, дѣтей обучаютъ Закону Божію, грамотѣ и начальнымъ правиламъ счисленія. Независимо отъ этого для нихъ устраиваютъ религиозно-нравственныя чтенія и бесѣды, подъ руководствомъ преимущественно священника или кого-либо изъ учителей или учительницъ, по назначенію совѣта. Совѣтъ пріюта, по возможности, помогаетъ выпускаемымъ дѣтьямъ въ приисканіи заработка и слѣдитъ за дальнѣйшимъ судьбою бывшихъ своихъ питомцевъ до достиженія ими 25-ти-лѣтняго возраста или до замужества и, получивъ достовѣрные свѣдѣнія о томъ, что они, при хорошемъ поведеніи, способны къ самостоятельному труду, ходитъ объ оказаніи имъ матеріальной помощи съ представленіями въ комитетъ попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ.

— Въ ознаменованіе 200-лѣтія со дня ваятія гор. Азова, горская азовская дума постановила: ежегодно 19-го июля совершать въ соборной церкви панихиду по всѣмъ завоевателямъ Азова; соорудитъ памятникъ императору Петру Великому стоимостью въ 30,000 руб., на что въ теченіе 10 лѣтъ отчислять по 1,000 руб., а остальное пополнять путемъ частной подписки; мѣстную азовскую гимназію—наименовать Петровскою.

— Въ *Правит. Вѣстн.* обнародовано Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ Томскѣ технологическаго института. На сооруженіе зданій для института разрѣшено въ 1896 г. кредитъ въ 200 тысячъ руб.

— 1-го августа въ г. Ригѣ открылись X археологическій съѣздъ, на который съѣхалось болѣе 600 лицъ, и латышская этнографическая выставка, которая продолжается всего лишь мѣсяцъ и будетъ заключать въ себя, по словамъ *Риж. Вѣстн.*, три отдѣла: 1) страна и народъ (народные типы и одежда), 2) произведенія духовной жизни и 3) народная жизнь и народный трудъ (постройки, суда, лодки въ моделяхъ и рисункахъ, домашнія орудія, полевые орудія, приспособленія для рыбной ловли и домашнего труда). Въ числѣ предметовъ выставки имѣются модели: старинныхъ домовъ въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ, а также современнаго дома зажиточнаго усадьбоблагодѣльца и старинной бани. На выставкѣ

предполагается устраивать представленія и концерты народно-латышскаго репертуара.

— По сообщенію *Амурск. Газет.*, корейскій министръ народнаго просвѣщенія пригласилъ русскаго филолога для преподаванія въ Сеулѣ русскаго языка. Вознагражденіе назначено 1,800 іенъ въ годъ.

— По желаніямъ дорогамъ въ предѣлахъ имперіи и по участкамъ сибирской желѣзной дороги открытъ безплатный провозъ пожертвованій, поступающихъ для церкви, которая строится въ енархіяхъ Западной Сибири. Лица, желающія выслать какіе-либо предметы для строящихся сибирскихъ церквей, должны сдавать таковые въ канцелярію Комитета министровъ, или же получить отъ этой канцеляріи, предварительно отправленія по желѣзной дорогѣ, удостовѣреніе о цѣли и назначеніи высылки.

— Въ Берлинѣ, 29-го іюня, скончался на 82 году жизни профессоръ Эрнстъ Курциусъ, съ именемъ котораго неразрывно связывается въ Германіи изученіе классической древности. Въ этой области науки Эрнстъ Курциусъ совершенно по заслугамъ пользовался всемірной извѣстностью. Знаменитое сочиненіе его „Исторія Греціи“ переведено и на русскій языкъ. Помимо того, имъ издано очень много монографій по исторіи Аттики.

— 13 іюля скончался отъ чотакти въ кумысо-лѣчебномъ заведеніи на станціи Тургенево самаро-златоустовской желѣзной дор. Корнелій Владиславовичъ Тхоржевскій, довольно извѣстный балетистъ, на 38 году жизни, въ чинѣ полковника пограничной стражи. При объявленіи войны въ 1877 г., покойный съ гимназической скамьи поступилъ въ кавказскую дѣйствующую армію, блистательно отличился при штурмѣ Карса и былъ посланъ съ доношеніемъ о взятіи этой крѣпости къ августѣйшему главнокомандующему великому князю Михаилу Николаевичу. За Карсъ К. В. Тхоржевскій награжденъ былъ Георгіемъ 4-й степени. Затѣмъ онъ служилъ въ Саратовѣ, Казани и на о. Эзель, перейдя потомъ въ пограничную стражу. Покойный былъ извѣстенъ какъ авторъ живыхъ и талантливыхъ разсказовъ изъ военной жизни, которые памятны, навѣрное, и читателямъ *Нивы*, а также, какъ авторъ романа „Тепета“. Имъ изданы иллюстрированныя „Записки о рыбной ловлѣ“, а въ соучастіи съ г. Тепленевымъ имъ издавалась специальная охотничья газета *Приволжскій Вѣстникъ Охоты*. Два или три года покойный редактировалъ газету *Русь*, издававшуюся кн. Мещерскимъ.

— 25 іюля скончался въ Швеціи пионеръ русскаго керосиноваго дѣла на Кавказѣ Робертъ Эмануиловичъ Нобель.

— Недавно скончался Вильямъ Грове, англійскій физикъ, изобрѣвшій гальваническій элементъ, который и понынѣ по силѣ дѣйствія считается лучшимъ. Съ 1840—1847 г. Грове былъ профессоромъ экспериментальной физики въ лондонскомъ институтѣ. Съ 1872 г. возведенный въ дворянское достоинство, Грове занималъ высокія административныя и судебныя должности. Въ 1887 г. онъ удалился на покой.

— Недавно скончался ген.-майоръ Василій Федоровичъ Аргамаковъ, принадлежавшій къ числу славныхъ сподвижниковъ покойнаго М. Д. Скобелева во время послѣдней русско-турецкой войны.

СОДЕРЖАНІЕ: Кольцо Императрицы. Историческій романъ ин. м. Н. Волонскаго. (Продолженіе).—Дневникъ. Разсказъ А. Я. Немеровскаго. (Окончаніе).—Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Статья VI. (Съ 5 рисунками).—Къ рисункамъ: Грезы (съ рис.).—Поймалъ (съ рис.).—Пардель (Leopardus Irbis), нападающій на бѣляка (Lepus variabilis) (съ рис.).—Преображеніе Господне (съ рис.).—Вечеръ (съ рис.).—I. В. Гурно (съ портр.).—А. С. Фаминцынъ (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Библиографія.—Разныя извѣстія.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Иконозъ (А. Луцкой).

Альбомъ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ
состоитъ изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.
Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стила и заключаетъ въ себя массу превосходныхъ рисунковъ—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умѣренна: въ изданіи литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни В. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ПИСАЩАЯ МАШИНА „ВИЛЬЭМСЪ“
Цѣна 250 р.
ЮОИФЪ ЭЙХЕНВАЛЬДЪ, Москва, Столешниковъ пер., домъ № 5. (1)

Требуйте во всѣхъ писчебумажныхъ магазинахъ
всѣмиро-извѣстнаго,
превосходнаго перья
БЛАНЗИ ПУРЪ
и Ко.
Главл. предств. о. всей Россіи Г. и К. Эштейнъ. Москва. Черкасскій пер., домъ князя Голицына.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ
въ Гогенгеймѣ. R. № 9417 2—1
Зимній курсъ 1896/97 г. начинается въ понедѣльникъ, 19 октября с. г. Программы и расписанія лекцій съ изапомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаются по желанію безплатно.
КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ
Гогенгеймъ, августъ 1896 г. Представитель—Strebel.

Знаменитое бѣлье
Королевско-Саксонск. и Королевско-Рульнск. Придворн. Поставщиковъ
МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейпцигъ-Плагвицъ.
изящно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнянаго бѣлья. Штука-только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой непріятностей. Послѣ употребленія его фрасуютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усердномъ потѣнн. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ, и хозяевамъ. Нижедоменованные представители сообщать, по желанію, гдѣ оно продается.
Тауфани и Штейдель, Москва. Карлъ Шиммель, С.-Петербургъ, Садовая 18. Максъ Тишбейнъ, Рига. Фабианъ Клингеландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА
ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ „ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“ въ Будапештѣ.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ВЕЛОСИПЕДНЫЕ ФОНАРИ

даютъ большой свѣтъ на разстояніи болѣе 30 аршинъ. Зажигаются и гасятся моментально, не боятся тряски. Цѣна 16 рублей.

Т. Д. Абачинъ и Орловъ.
Москва, Мясницкая.

2 Р. ШТОПАЛЬНЫЙ АППАРАТЪ 2 Р.

Чиститъ чулки, пологоты, матеріи и проч. какъ ткань.

Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Волыя, Морская, 33.
Къ каждому аппарату прилагается наставленіе и началка работа. Высыл. немедленно, можно и наложеннымъ.

ФОНОГРАФЫ ЭДИСОНА.

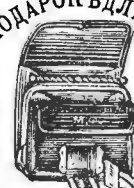
Единственный складъ для всей Россіи **НАСТОЯЩИХЪ АППАРАТОВЪ** и всѣхъ его новыхъ изобрѣтеній **ВЪ ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКОМЪ СКЛАДѢ РИХАРДЪ ЯКОБЪ.**

Москва, Газетный пер., уг. Б. Никитской ул., д. Нейштадтѣ. Прейсъ-курантъ безплатно.

ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ!!!

Заочное обученіе шитью и кройкѣ посредствомъ лекцій - корреспонденціи, по новейшему, логичному для каждаго, методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи свидѣтельство. Условія и программа безплатно. Преподавательница Е. Д. Ашмарина. Киевъ, № 9316 Б. Житомирская, № 4. 8—5

НАИЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛѢ САМОГО СЕБѢ.

Портмоне изъ наилучшей черной оловки заграничной выдѣлки, съ матовыми досками, съ 5 отдѣлками, 1 внутреннимъ для звонкой монеты. Корпусъ изъ одного куска съ механическимъ затворомъ, содержащимъ латучковый штемпель съ подушкой для краски.

Въ штемпелѣ можно помѣстить имя, отчество, фамилію и званіе, по желанію и корону. Наружная величина 2 1/4 x 1 3/4 вершка. Цѣна со штемпелемъ 1 шт. 2 р., 2 шт. 3 р. 75 к.

Также дамскія издѣлія, разнѣмъ 1 3/4 x 1 1/2 вершка, по тѣмъ же цѣнамъ.

Тѣ же изъ настоящей телячьей кожи шт. на 50 коп. дороже. Ц. № 9340 4—4

Изготавливаются также издѣлія и прочіе бумажники по слѣдующимъ цѣнамъ:

Прейсъ-курантъ	Разм. въ верши.		Отдѣлений	Цѣна въ коп.	
	Длина	Ширина		Оловка	Тяжел.
БУМАЖНИКАМЪ со штемпелями.					
„Кунечскій“	3 3/8	2 1/2	7	250	350
„Казначейскій“	4	3	9	350	500
„Банкирскій“	4 1/4	3	11	500	700

Всѣ цѣны съ пересылкою въ Европскую Россію, съ Австрійскою же — съ прибавленіемъ части въсоныхъ. Съ наложеннымъ платежомъ 10 коп. больше.

Требуется прому адресовать: Въ контору фабрики Америк. научн. штемпелей **М. ФИНИМАНЪ** Варшава, ул. Бѣльская, 23.

В. Фреймутъ. Москва, Никольская, д. гр. Шереметьева, прот. Слав. Базара.

Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества и придворн. часов. дѣл мастеръ.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЯГО РОДА ЧАСОВЪ, 8—6
Ш. № 9220 собствен. и друг. фабр.

Высылка наложеннымъ платежомъ. Полный прейсъ-курантъ безплатно.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ

лучшей системы Dr. Lehmann & Mann, въ Берлинѣ, изготовляются заводами **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержд. Товарищества „ЭЙЛЕРЪ и ПАСТОРЪ“, С.-Петербургъ, за Московской заставой.

Большая батарея находится въ дѣйстви на выставкѣ въ **НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ**, въ павильонѣ Товарищества. № 9379 5—4

НОВЫЙ иллюстриров. и описательный каталогъ фруктов. деревьямъ, исполненной земляникъ (спеціальность садоводства), розамъ, многолѣтнимъ грунтовыми цвѣтамъ и пр. раст. вышедъ изъ печати и высылается желающимъ безплатно. Многие лѣстные отзвы Гг. заказчиковъ, отпечатанные въ каталогѣ, свидѣтельствуютъ о добросовѣстномъ исполненіи заказовъ и объ образцовой упаковке. 2—2

Школьный питомникъ и садоводство Карла Георгиевича **МЕЙЕРА**, г. Невья, на Сырѣ, собственный домъ.

43—1. „МОРИСЪ“ 43—1.

Невскій пр., д. 43—1, уголъ Троицкой ул.

Колоссальный выборъ готового мужского платья новѣйшихъ фасоновъ, а также громадный выборъ матерій послѣднихъ новостей для заказовъ, иностранныхъ и здѣшнихъ фабрикъ.

= СПЕЦІАЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ =

экономическаго обмундированія: форменнаго платья для Гг. офицеровъ, а также и гражданскихъ чиновъ всѣхъ министерствъ.

ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ.

Для гг. иногороднихъ высылается наложеннымъ платежомъ съ задаткомъ третьей части. Ц. № 9386 2—2

Иллюстрированный прейсъ-курантъ со способомъ снятія мѣрки высылается безплатно.

Шитья готовыя и на заказъ изъ собственной золоташвейной.

Универсальный патентованный Шиндлера „АНТИКОРСЕТЪ“

Извѣстное міру полезное для здоровья изобрѣтеніе, имѣющъ замѣняющее корсетъ, придающее великой талии граціозный видъ, по признанію интеллигентныхъ и ученыхъ женщинъ, служить для избѣжанія разныхъ непріятностей, причиняемыхъ корсетомъ, а въ гигиеническомъ отношеніи оно признано полезнымъ извѣстѣйшими въ медицинскомъ мірѣ профессорами: Швейнигеръ, Фишеръ, Лице въ Берлинѣ, Нотнагель, Неубергъ, Цфлюгеръ въ Вѣнѣ, Гессель въ Лондонѣ и знаменитыми медиками въ Варшавѣ, отзывы которыхъ приложены къ каждому антикорсету. Въ ношеніи антикорсетъ даетъ полное свободное движеніе, не вызывая ни малѣйшаго давленія организма, не приостанавливаетъ нормальнаго дыханія и кровообращенія и избавляетъ женщинъ отъ женскихъ, нервныхъ и другихъ болѣзней, причиняемыхъ корсетомъ.

По практичности своей антикорсетъ рекомендуется даже страдающимъ, беременнымъ и груднымъ женщинамъ, хозяйкамъ въ домашнемъ быту, трудящимся въ продолженіе дня для разныхъ бюро, училищахъ, торговляхъ, путешествующимъ и т. п.

Антикорсеты изготавливаются изъ лучшаго корсетнаго матеріала и китового уса, съ самою щегольскою отдѣлкою, и каждый экземпляръ снабженъ фабричною маркою.

Цѣны	A	B	C	D	ШЕЛК.	Ц. № 9388
	4 р.	5 р.	6 р.	8 р.		3—2

Детальные заказы высылаются почтою во всѣ мѣста Россіи наложеннымъ платежомъ, съ причисленіемъ за пересылку съ упаковкою 75 коп.

При заказахъ слѣдуетъ прислать размѣръ объема груди, въ сантиметрахъ, измѣривъ подъ мышною въ полной орунмности, а также размѣръ талии, или прислать мѣрку тесьмой и сообщить хорошими чистыми почеркомъ адресъ заказчика. Каждый антикорсетъ по устройству своему увеличивается или уменьшается на 7 сантиметровъ.

Единственная и исключительная продажа на всю Имперію въ Варшавѣ въ **В. Риквертѣ**. Для единственной продажи требуются во всѣхъ городахъ опытные торговцы.

Всякую корреспонденцію прошу адресовать по-русски **В. Рикверту** въ Варшавѣ.

ПЕРЕМѢНА АДРЕСА.
ДАНТИСТЪ **Т. Ф. КОРЮЧЕВСКІЙ**
Владимірскій пр., д. № 8, кв. 4-й, 2-ой этажъ.
4-й домъ отъ Невскаго. № 9407

НОВАЯ КНИГА.
ТАБЛИЦЫ сроновъ протеста венселея и опредѣленія количества дней для вычисления процентовъ составлены и изданы **В. В. ЯННОВСКИМЪ** 1896 года.

Нижній-Новгородъ. Складъ изданія у В. В. Янковскаго, Нижній-Новгородъ, Канавино, Напольная улица, д. № 11-й. Цѣна 1 руб. Выписывающіе отъ издателя за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ 20% уступки.

К. Шликэйтень, Берлинъ SO.

машино-строительн. заводъ для кирпичн., торфяного, гончарнаго и известковаго производствъ, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длины, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (37)

Далѣе: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляционную массу. Вальцы изъ твердаго чугуна разн. величины и проч.

О ВЪЙШІЯ

арнадлежности для всякаго рода **спорта** какъ-то: костюмы, фуфайки, рубашки, брюки, пояса, чулки, подтяжки, подвязки, гамашни и перчатки **ВЪ МАГАЗИНѢ Ю. ГОТЛИБЪ.**

Владимірская, д. 2/49 угл. Невскаго просп. Иллюстрирован. прейсъ-курантъ высыл. безплатно.

№ 4711.

РОЗОВОЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.

Самое нѣжное глицериновое мыло, **ПРОЗРАЧНОЕ КАКЪ ХРУСТАЛЬ**

благодаря своимъ отличн. качествамъ, приобрѣло большую извѣстность. Высокое содержаніе глицерина, экономія въздѣствіе обилія пѣны, нѣжный запахъ розы — вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени. 12—2

Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей. При покупкѣ проситъ обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку № 4711.

ОГНЕУПОРНЫЙ КИРПИЧЪ, ТРОТУАРНЫЯ ПЛИТКИ, КАМЕНЬ ДЛѢ МОСТОВЫХЪ, КЛИНКЕРЪ

ТОВАРИЩЕСТВА **ПРОИЗВОДСТВА ГЛИНЯНЫХЪ И ГОНЧАРНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ** въ гор. Боровичахъ.

№ 9235. Съ заказами просятъ обращаться: 20—16

Въ Правленіе Т-ва: С.-Петербургъ, Бол. Подъяческая, д. № 2.
Въ Контору завода: г. Боровичи, Новгородской губ.
Въ Технич. Контору **В. И. Щербакова:** Москва, Ильинка, Шуйское подворье.

Фирма существуетъ съ 1822 г.

СВЯЩЕННИЧЕСКІЕ КРЕСТЫ

новаго, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного, рисунка (и изящной работы, съ серебряными или металлич. высеребранными цѣпочками) можно получать въ магазинѣ Торговаго дома

„ГАВРИЛА КОРНИЛОВА НАСЛѢДНИКИ“

Москва, Ильинка, Старый Гостиный дворъ (зданіе рядомъ съ биржей), рядомъ магазинъ помѣщался на Никольской въ д. Третьяковъхъ. Магазинъ имѣетъ выборъ брилліантовыхъ, золотыхъ, серебряныхъ вещей, карманныхъ часовъ и церковной утвари. Принимаются всевозможные заказы. Исполняются иконостасы, иконы для иконостасовъ, ризы для св. иконъ (серебряныя и металлическія), одежды на Св. Престолахъ, предметы для подношеній и проч. По требованіямъ выслаются парча, облаченія. Прейсъ-курранты безплатно. Отдѣленій магазинъ не имѣетъ. Въ армаркахъ торговля производится: въ Нижегородской—на Главной Линіи и въ Иркутской—въ Иркутскомъ домѣ. С. № 9410

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (83)
Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ ПФАФФА.

Самыя лучшія машины для домашнихъ работъ, для мастерскихъ и фабрикъ. Прейсъ-кур. высл. по требованію.
Фабрика швейныхъ машинъ
Г. М. ПФАФФА (G. M. PFAFF).
Кайзерслаутернъ (въ Германіи).
Основана въ 1862 году.
№ 8192 26 26 Число рабочихъ—700.

Золотыя медали 1894 г. и 1896 г.

ПРОВИЗОРЪ А. М. ОСТРОУМОВЪ. МОСКВА.

Мыло отъ головной перхоти кусокъ 30 к. и 50 к.
МЫЛО ДѢТСКОЕ ИЗЪ ТРАВЫ ЧЕРЕДЫ кусокъ 35 к. и 25 к.
О-ДЕ-СОВЭРЪ вода отъ перхоти флаконъ 2 руб. и 1 р. 25 к.
и ВСѢ туалетныя мыла. Продаются вездѣ.
(КЛАДЪ: Москва, Линія пер., № 9376 соб. домъ. 11—4)

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ съ естественнымъ методомъ лѣченія Д-ра. МАКСА ВѢМА.

Dr. Max Böhm's Naturheilanstalt, Bad Friedrichroda i/Th.
Нунанье ФРИДРИХОДА въ Тюрингіи, 1.430 футовъ надъ уровнемъ моря, открыто круглый годъ. Прекрасно обставленное и пользующееся лучшимъ репутациею заведеніе для всѣхъ страдающихъ хроническими болѣзнями. Мѣстоположеніе самое прекрасное въ Германіи. Проспекты выслаются безплатно. К. № 9070 21—12

50% ЭКОНОМИИ 50% Горная лѣнь-мѣдника самород. зелено-изумруд. цвѣта голов. 12 руб. п., готовая съ бѣлками и цифрой 9 руб. Гарантія на 8 лѣтъ. Имѣется вездѣ во всѣхъ москатель. и красильн. лавкахъ по фабрич. цѣнѣ. Образ. безплатн. Г. Ф. Гордѣ-Ц. № 9233 евъ въ Алатырь. 16—13

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО для производства СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ въ г. Ригѣ

изготавливаетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.
Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ. П. № 9127 10—10

КАРМАНЫЕ ЧАСЫ по фабрич. цѣнамъ ТОЛЬКО 4 руб.

Англійскіе, никел., вѣрнѣйшій ходъ, заводъ безъ ключа и указатель секундъ. 3 шт.—10 р. 80 к., 5 шт.—17 руб. Часы выслаются немедленно, монно и наложеннымъ.
Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ починкы изобрѣтеній, Большая Морская, № 9405 д. 33. 2—2

ВОЛИЦІИ лѣчить наружныя, внутреннія болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. в. № 9173 13—9

1865.

1882.

ТОВАРИЩЕСТВО

1870.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 8931 26—15

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

НА ВОСПИТАНИЕ И УХОДУ ДЕТЕЙ ВЪЗРАСТАЮЩИХ

САДОВАЯ 60.
ТЕЛЕФОНЪ 1360

ИМПЕРАТОРСКОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО

ПРОСИТЬ
АМЕРИКА АНДЕЙ
ЖЕЛТОВАТЬ
ЕМУ

НЕУЖИВШИЕ ВЕЩИ

АУДИОНЪ ПО ЕВРОПЕЙСКИМЪ ВОСПИТАНИЕ 500 руб.

ТЕЛЕФОНЪ 3672

ФИСГАРМОНИИ

известнѣйшихъ фабрикъ
ШИДМАЙЕРА,
КАРПЕНТЕРА

и другихъ лучшихъ фабрикъ:
въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 175,
190, 200, 225, 240, 250, 300, 325, 350,
400, 450, 500, 550, 750, 800 и 1000 руб.
Школа самоучитель Пахе 2 руб.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ
бесплатно.

Юлій Генрихъ
ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика
музыкальныхъ инструментовъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 31.
Складъ нотъ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 40.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

(Фисгармонія Карпентера въ 160 руб.).

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ

Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 25,

страхуетъ

билеты II-го 5/10 съ выигр. займа отъ
тиража 1 сентября 1896 г.

по 1 руб. 85 коп.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„РОССІЯ“

Высочайше утвержденное въ 1881 г.
въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 37.

Основной и запасные капиталы 25.500,000 руб.
Общество заключаетъ:

Страхования жизни
т. е. капиталовъ и доходовъ для обезпеченія семьи или собственной старости, приданого для дѣвущенъ, стипендій для мальчиковъ и т. п., на особо выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ Общества.
Къ 1 января 1896 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 35,563 лица на капиталъ въ 91.406.948 руб.

Страхования отъ несчастныхъ случаевъ
какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и коллективнаго страхованія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ, — съ уменьшеніемъ страховыхъ взносовъ вслѣдствіе зачета дивиденда.

Страхования отъ огня
движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода (строений, машинъ, товаровъ, мебели и проч.).

Страхования транспортовъ
рѣчныхъ, сухопутныхъ и морскихъ; страхованіе корпусовъ судовъ.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, совѣт. д., № 37) и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

Страховые билеты по страхованію пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на парходахъ выдаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на парходныхъ пристаняхъ.

В. № 9406 4—2

БРЮКИ

изъ чисто шерстяного англійскаго зинлаго тико-шеюта, съ ручательствомъ за прочность; дѣла за отръвъ на брюки средняго роста, въ 1 арш. 10. вершк., 3 руб. 60 коп., и на высокій ростъ, въ 1 арш. 12 вершк., 3 руб. 85 коп. Цѣвта темныи средние, вкусъ изысканный. Можно получить и выписывать исключительно въ фабрично-розничномъ магазинѣ

А. ИВАНОВА.

Москва, Тверская, пассажъ Постникова. Высылаютъ наложеннымъ платежемъ по первому требованію. Образцы высылаются за 2 семикопѣечныи марки.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ВСЯКАГО РОДА И ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА РЕКОМЕНД. ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ

МОСКВА, Петровка, домъ Волнова.
НИЖЕГ. ЯРМ Главныи домъ № 6.
ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ.

НОВОСТЬ! (4)

ДУХИ

БУКЕТЪ АМИРИСЪ

ПОСТАВЩИКОВЪ
Высочайшаго Двора

А. РАЛЛЕ и К^о.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ:
Невскій пр., № 18.

МОСКВА:
Кузнецкій мостъ.

ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

ТОРГОВАГО ДОМА
Андрей Емельяновъ.
КУДЯКОВЪ.

Конт.: Садовая ул., 30
въ С.-Петербургѣ.

ЮБИЛЕЙНЫЙ роскошно иллюстрирован. прейсъ-курантъ всѣхъ инструментовъ
высылается бесплатно. 4—1

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

духи — **ФИАЛКА ДУСЛЕЗЪ** — туалетное мыло.
духи — **ЯХОНСКАЯ ФИАЛКА** — туалетное мыло.
духи — **ЭДЕЛЬ РОЗЕ** — туалетное мыло.

Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, прудв. пост., Карлеруэ.

Можно получить:
Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вольеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Гершъ, Лизана и Рикса, А. Ляндъ, А. Энгелюда. Ц. № 9368
Въ Москвѣ: у гг. Миръ и Мерляндъ, въ магазинѣ „А-за-туалетъ“, у Г. Брунсъ, Л. Борхардъ, и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. 25—5
Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Максиклиановскій пер.

ЛАТВИШСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА

ВЪ Г. РИГѢ
съ 1-го по 31-ое августа 1896 г.
во время X Археологическаго Съѣзда.

Выставка представляетъ полную и подробную картину народной жизни латвишей. Въ помещеніи выставки на открытой сценѣ будутъ представлены народныи свадебныи обряды, обряды на крестинахъ, празднованіе ночи на Ивановъ день и т. п. Кромя того концерты съ латвишскими народными пѣснями и ежедневныи концерты военной музыки. № 9412

Справки получаютъ: г. Рига, этнографическая выставка. справочное бюро.

ЗАЯВЛЕНІЕ

лѣчится въ лѣчебномъ учрежденіи
И. П. Гимиллера. Москва, Земляной валъ, Яковлевскій пер., д. Духанной. П. № 9411

ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.
Условія высылаются бесплатно.

СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

„СТІРІЯ“

В. ЮХИМЪ и К^о.

С.-Петербургъ.
Невскій просп., д. № 3.
Москва.
Театральныи проездъ.

DR. PFLÜGER

Americ. Dentist

№ 9383 10—3 **BERLIN, W.**
Bilow Strasse, 30.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ № 42.

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ПРЕЙСЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блонъ, С.-Петербургъ, 39, Невскій.

♦ ПРАКТИЧНАЯ НОВОСТЬ! ♦

2 Р. АППАРАТЪ 2 Р.
ДЛЯ ВЫДѢЛНИ ПЕТЕЛЬ.

Всякая петля прорѣзается, выдѣлывается и обметывается необыкновенно быстро, чисто и аккуратно. Наставленіе прилагается. Высылается немедленно, можно и наложеннымъ. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтений, Больш. Морская, 33.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (14)

Специалистъ хронометровъ.
СПБургъ, Невскій пр. № 52
прот. Имп. Публ. Библиотекы.
Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.

Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

Васильевскій островъ 12 л., д. 36.

Женская Профессиональная школа Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

Пріемъ дѣвчатъ отъ 12 до 15 лѣтъ. Пріемныи испытанія 27 и 28 августа; начало занятий 1 сентября. Программы и условія пріема узнавать у Начальницы школы.

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ

Складъ резиновыхъ товаровъ и новостей.
СПБ., Б. Морская, № 34

выпустилъ новый прейсъ-курантъ съ иллюстраціями, на резиновую обувь, непромокаемыи одежды, предметы для больныхъ, для дороги, охоты, хозяйства, дѣтскія игрушки и

МНОГА ПРАКТИЧНЫИ НОВОСТИ.
Прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

ФОНЕДОСКОПЪ
новый инструментъ для изслѣдованія шумовъ внутри человѣческаго гѣла.
Цѣна съ пересылкою 11 руб.

№ 9421
3—1

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 33

Выходить еженедельно (52 № в год), съ приложением 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 17 августа 1896 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на 1896 годъ. Подробности см. въ концѣ этого №.

При этомъ № подписчикамъ прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложений» за Августъ 1896 г.

Иллюминированный павильонъ надъ фонтаномъ на Лубянской площади.

Иллюминація Кремлевскихъ башенъ.

Александровскій скверъ у Кремля. Иллюминированная арка и аллея.

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Иллюминація.

Ориг. рис. снѣг. корресп. „Нивы“ Е. П. Самоишъ-Судковской. Автотипія „Нивы“.

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ
Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Часть вторая.

V.

Игнатъ Степанычъ Чиликинъ, произведшій на Левушку своимъ появленіемъ крайне неприятное впечатлѣніе, оказался все-таки очень мирнымъ и тихимъ жильцомъ, не беспокоившимъ отнюдь Левушки. Левушка и не слыхала его совсѣмъ.

Чиликинъ даже какъ будто и не ходилъ наверхъ. Изъ дому онъ отлучался тоже какъ-то незамѣтно. Гостей у него не бывало, а приходили къ нему, и то крадучись, точно потихоньку, какіе-то монахи, чиновники, подьячіе, очевидно, по дѣлу, оставались не долго и такъ же, крадучись, уходили.

Разъ только, утромъ, случилось Левушкѣ самому открыть форточку у себя въ спальнѣ. Его поразилъ при этомъ донесшійся со стороны конюшни страшный, не то вопль, не то крикъ, жалобно-протяжный такой, какого Левушкѣ никогда не приходилось слышать.

— Сто это такое? — спросилъ онъ, призвавъ Петра Ивановича.

Тотъ, отвернувъ лицо въ сторону, недовольно проворчалъ, показавъ на потолокъ:

— „Верхній“ своего лакея дереть!..

Въ этомъ названіи „верхній“ сказалась вся сила презрѣнія Петра Ивановича къ Чиликину.

— Какъ делеть, самъ делеть?—спросилъ оня въ Левушка.

— Самъ-съ присутствуетъ, а дереть кучеръ.

Левушка захлопнулъ форточку и ушелъ въ кабинетъ, чтобъ не слышать этихъ криковъ.

Онъ прошелся нѣсколько разъ по кабинету и снова призвалъ Петра Ивановича.

— И давно онъ это?

— Да-съ, началъ давно, кажется.

— И все еще не пересталъ?

— Нѣтъ-съ, теперь затихло.

— За сто-жь онъ его?

Петръ Ивановичъ пожалъ плечами:

— Мы не знаемъ. Одинъ разъ уже дралъ, въ прошломъ мѣсяцѣ, такъ за то, что чашку разбилъ. А теперь—неизвѣстно.

— Сто-жь это его люди, сто ли? Какъ же онъ можетъ, если онъ не имѣетъ права владѣть людьми, вѣдь онъ не дворянинъ?—удивился Левушка, вспомнивъ самую цѣль прѣзда Чиликина въ Петербургъ.

Петръ Ивановичъ опять отвернулся, что служило у него признакомъ крайняго недовольства обстоятельствами.

— Да онъ и не имѣетъ права, собственно,—сказалъ онъ,—да такъ подведено, что онъ все равно, какъ баринъ.

— Какъ подведено?

— Онъ въ своемъ имѣннн какъ бы управитель, а имѣнье-то на чужое имя. Подставное, тоисъ, лицо. Такъ что онъ вполне хозяйствуетъ.

— Гдѣ же у него имѣнье?

— Люди, что сюда привезены, не сказываютъ, говорятъ, сами не знаютъ. Ихъ на Москвѣ онъ купилъ и прямо сюда привезъ...

— Въ молду ему дать, и только!—рѣшилъ Левушка и на цѣлый день уѣхалъ изъ дому.

Въ половинѣ января экзекуція опять повторилась, и опять были слышны крики на конюшнѣ.

Это было послѣ обѣда.

— Нѣтъ, я такъ не могу!—сказалъ Левушка.

Онъ послалъ къ Чиликину, предупредить, что желаетъ его видѣть, и пошелъ къ нему.

— Что же-съ, Левъ Александровичъ, развѣ я не могу учить людей, ввѣренныхъ моему попеченію?—заговорилъ Чиликинъ, выслушавъ Левушку.—Это ужъ послѣднія времена-съ, если тѣ, кто обязанъ поддерживать власть надъ подлымъ народомъ, будутъ колебать ее...

— Какъ колебать!—почти крикнулъ Левушка.—Я колебать ничего не хочу, я плосу только не длатъ людей на конюшняхъ, такъ сто-жь они воили на весь доль...

— А, это другое дѣло,—подхватилъ Чиликинъ,—это другое дѣло, и слѣдующій разъ я этому мерзавцу ротъ завяжу...

Левушка видѣлъ, что напрасно пришелъ, и что ему не сговорить съ этимъ человѣкомъ.

„Господи, и зачѣмъ надо было пускать его сюда жить къ намъ!..“—мелькнуло у него.

— Да лазвѣ вы неплемянно не можете безъ лозогъ,—все-таки попытался онъ сказать,—отчего же у меня никогда не делуть, а люди служатъ отлично.

— Это какой народъ,—вдохнулъ Чиликинъ,—миѣ попался такой, что плаче викакъ нельзя. Никакъ нельзя. Воръ народъ. Только страхомъ наказанія и живетъ. Да и вообще-съ, безъ наказанія нельзя. Возьмите вы хотя бы государство—развѣ оно не наказываетъ? Извоили слышать—сегодня барабаны били? Читали объявленіе о завтрашней казни. Завтра-съ всенародно

будутъ казнены—и кто же?—первѣйшія персоны: Остерманъ, Минихъ - фельдмаршалъ, Головкинъ - графъ, Левенвольдъ! Вельможи!—такъ что же послѣ этого холопская-то свина значить!..

Левушка и безъ Чиликина зналъ, что на завтра, тутъ, у нихъ, на Васильевскомъ острову, противъ зданія двѣнадцати коллегій, назначена смертная казнь осужденнымъ верховнымъ судомъ, но совершенно не могъ согласиться, чтобы это могло имѣть какое-нибудь отношеніе до расправъ Чиликина на конюшнѣ.

А тотъ, заговоривъ о предстоящей казни, видимо попалъ на весьма интересовавшій его предметъ.

— Вы вотъ что, сударь мой,—заговорилъ онъ, и нервныя глазки его, запрыгавъ, безпокойно забѣгали,—вотъ что—не имѣете ли какой-нибудь лазеечки въ зданіи двѣнадцати коллегій, чтобы посмотрѣть на производство самой казни. Очень любопытно. Миѣ бы хотѣлось устроиться поудобнѣе, очень бы хотѣлось—такъ, если можно, изъ окошечка.

— Неужели вы пойдете смолѣть?—спросилъ Левушка, не скрывая своей гадливости, которую только и испытывалъ къ этому человѣку.

— А какъ же-съ не идти?—подхватилъ Чиликинъ,—какъ же-съ не идти-то,—это-съ весьма поучительно и притомъ очень лестно.

— Лестно?—удивился Левушка.

— А какъ же,—первѣйшіе министры, персоны, передъ которыми трепетали не только такіе черви, какъ азъ недостойный, но даже и тѣ, передъ холопомъ которыхъ, можетъ-быть, миѣ-то трепетать приходилось, и вдругъ они передо мной во прахѣ и униженіи. Такъ это сидишь у окошечка, что ли, и даже развалишься—тебѣ и горюшка мало, а они тамъ гдѣ-то внизу, что ли, страдаютъ и послѣднія свои минуточки переживаютъ,—умирать-то при такихъ условіяхъ куды не сладко,—дрожить, робѣть,—а ты это сидишь, и даже какъ можно удобнѣе, и смотришь... И вдругъ эту самую первѣйшую персону, передъ которой ты могъ самъ лежать разъ двадцать въ прахѣ, передъ тобой ставить на колѣни и этакъ голову ему долой, или тамъ четвертовать стануть,—какъ же не лестно? Вы не знаете, четвертовать будутъ кого изъ нихъ?..

— Я бы васъ самихъ четвертовалъ, вотъ сто!—заявилъ вдругъ, не выдержавъ, Левушка, но Чиликинъ принялъ это въ шутку.

— Зачѣмъ же меня-то-съ четвертовать,—засмѣялся онъ, оскаливая свой единственный зубъ,—зачѣмъ меня четвертовать—я человѣкъ маленький... А вы слышали, что сказалъ про Остермана и Миниха Кириллъ Флоринскій? Миѣ изъ Москвы вотъ пишутъ: „Яко же бо Дін и Ермін во языцахъ, такъ Остерманъ и Минихъ были кумиры златыя, имъ же совѣсти не устыдѣнася, яко болваномъ, и жрати, своя совѣсти воли ихъ заклающе въ жертву; но уже сокрушишася о камень Петровъ!..“

Игнатъ Степанычъ поднялъ палецъ и, вставъ съ своего мѣста, закончилъ нараспѣвъ:

„Жертвенники, образы и жрецы Вааловы Остерманъ, Минихъ и снзвники тѣхъ, ихже и кромѣ насъ, яко скудельни идолы, самъ сокрушитъ Господь...“

Левушка, злясь на себя, зачѣмъ полѣзъ къ Чиликину, поднялся, чтобы уйти...

— Такъ какъ же насчетъ окошечка, порадойте, благодарѣтель!—остановилъ его Игнатъ Степанычъ.

— Ахъ, оставьте меня съ вашимъ окошечкомъ!—махнулъ рукой Левушка.

— Ну, такъ, дѣлать нечего, я ужъ на площадь, просто, въ народъ пойду,—заклучилъ Чиликинъ, но такимъ тономъ, точно его бѣднаго очень обидѣлъ Левушка тѣмъ, что не захотѣлъ „порадоить“ относительно окошечка.

VI.

На другой день, восемнадцатаго января, съ ранняго утра, сталъ собираться на площадь, передъ зданіемъ двѣнадцати коллегій, народъ.

Высокій черный помостъ эшафота былъ устроенъ еще ночью. Вокругъ него, широкимъ четырехугольникомъ, стояли солдаты. Человѣкъ въ нагольномъ тулупѣ, накинутомъ на красную рубаху, сидѣлъ на верху эшафота, на тоже окрашенномъ въ черную краску обрубѣ дерева, и спокойно позывавалъ въ кулакъ, какъ бы томья ожиданіемъ. Это былъ главный дѣятель готовившейся драмы,—палачъ, спокойно усѣвшійся на плаху. Два его помощника были тутъ же. Возлѣ нихъ, въ холщевыхъ мѣшкахъ, лежали топоры.

Все было очевидно готово, ждали только назначеннаго часа, чтобы вывезти осужденныхъ. Они уже были переведены изъ крѣпости въ зданіе двѣнадцати коллегій, на разсвѣтъ.

Игнатъ Степанычъ, не имѣвшій возможности устроиться, какъ ему хотѣлось, у окна, явился на площадь въ сопровожденіи своего кучера, который долженъ былъ находиться передъ нимъ, чтобы расталкивать толпу и прокладывать дорогу.

Народъ собирался со всѣхъ концовъ. Занасливые шли съ табуретками, лѣстницами, скамейками и бочками, чтобы стать повыше и увидѣть лучше другихъ. Вмѣстѣ съ простымъ народомъ прѣзжали и люди въ каретахъ—все больше военные, многіе съ дамами.

Ихъ пропускали за ряды солдатъ, и Чиликинъ съ завистью видѣлъ, какъ они проходили туда.

Одна барынька, молоденькая, свѣженькая, на красныхъ каблучкахъ, особенно заинтересовала его. Она шла подъ руку съ своимъ кавалеромъ, придерживая рукою платье и ловко перебирая ножками по замерзшимъ лужинамъ.

— Какъ странно,—говорила все она,—какое чудное утро, такъ и зовешь къ жизни, а они будутъ умирать!..

Игнатъ Степанычъ сунулся было за ними между солдатами, но его не пустили.

Разметавшаяся по площади толпа, впрочемъ, была еще настолько рѣдка, что можно было двигаться.

Но чѣмъ болѣе приближалось время къ десяти часамъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе становился наплывъ народа. Гулъ и говоръ усиливался кругомъ и толкотня переходила въ давку. Кучеръ, охранявшій Чиликина, работалъ что было силъ, но и то едва-едва спасалъ Игната Степаныча.

Мало-по-малу, ихъ отгирали все дальше и дальше, и, наконецъ, Чиликинъ съ ужасомъ увидѣлъ, что они такъ далеко отъ солдатъ, что ему ничего не видать, даже плаху онъ могъ разсмотрѣть лишь едва-едва изъ-за снѣжъ толпы. А должно-быть скоро начнется. Палачъ уже снѣжъ полушубокъ и стоять въ одной рубашкѣ. Видно, у него было что-нибудь подъ нею, потому что день стоялъ морозный.

И вдругъ гулъ толпы стихъ, и возлѣ эшафота произошло движеніе. Это солдаты, вышедшіе впереди осужденныхъ, окружили его. Были барабаны. Остермана вывезли въ извозчичьихъ саняхъ, въ одну лошадь. За нимъ шли Минихъ, Головкинъ, Мендентъ, Левевольтъ и Тимирязевъ. Но этого ничего не могъ видѣть Чиликинъ. Онъ съ отчаяніемъ порывался впередъ, становился на цыпочки, всѣ его усилія оказывались, однако, напрасны.

Онъ началъ оглядываться по сторонамъ, нѣсколько разъ повернулся направо, приемотрѣлся и затолкалъ своего кучера.

— Туда, туда, направо, работай—видишь сани и на нихъ господинъ стоитъ—вопъ туда... туда...

Кучеръ, подгоняемый вилками Игната Степаныча, заработалъ локтями и вѣзмъ корпусомъ въ направленіи, указанномъ ему. Онъ очень старался, они сейчасъ же достигли саней.

— Батюшка, Иванъ Кириллычъ, князинька, заговорилъ Чиликинъ,—позвольте къ вамъ въ сани стать!..

Непріятно было для князя Ивана его возвращеніе въ Петербургъ. Онъ поналъ какъ разъ сюда въ день назначенный для казни.

Онъ не зналъ этого.

Только вѣхавъ на Васильевскій островъ, онъ замѣтилъ необычное движеніе здѣсь и узналъ, что на площади двѣнадцати коллегій, черезъ которую ему пужно было проѣзжать, построенъ эшафотъ для казни „злодѣевъ“, и что злодѣями этими были приверженцы павшаго регента.

Князь Иванъ никогда не видалъ еще такой толпы, въ какую ему пришлось попасть при вѣздѣ на площадь.

Беспорядокъ тутъ царилъ полный. Полиціи было хотя и много, но она или ничего не дѣлала, или ее не слушали.

Косой думалъ пробраться въ саняхъ черезъ толпу, чтобы скорѣй проѣхать къ дому, и далъ рублевникъ полицейскому. Его пропустили въ саняхъ, но, понавъ въ толпу—выбраться изъ нея оказалось невозможно. Лошади стали. Ни впередъ, ни назадъ нельзя было двинуться.

Князь Иванъ волей-неволей долженъ былъ подняться, чтобы осмотрѣться кругомъ—нельзя ли какъ-нибудь проѣхать.

Тутъ какъ разъ стихла толпа, и забить барабанный бой, и надъ самымъ ухомъ Косого раздалось:

— Князинька, позвольте къ вамъ въ сани стать.

Онъ узналъ бывшаго управляющаго своего отца—Чиликина, лѣзнаго къ нему въ сани.

— Какъ же, прѣзхалъ въ Питеръ,—заговорилъ Чиликинъ,—и стою въ одномъ домѣ съ вами-съ. Верхній этажъ занимаю. Знакомый мнѣ купецъ подыскалъ. Я его объ васъ спрашивалъ...

Но въ это время кучера Игната Степаныча, помогавшаго ему карабкаться на сани, откинули, и Чиликинъ отклонился назадъ, носкользнулъ, его толкнули, народъ выдвинулся впередъ и его оттерли, отдавили куда-то въ сторону.

А тамъ, на помостѣ эшафота, почти на рукахъ внесли солдаты больного старика въ коротенькомъ парикѣ и поношенной лисьей шубѣйкѣ. Они внесли и опустили его на стулъ. Онъ сѣлъ такъ, какъ его посадили, и закачалъ головою въ разныя стороны, точно осматриваясь, но по слишкомъ равномернымъ поворотамъ этой головы и, главное, по неподвижно, какъ-то черезчуръ уже прямо уставившимся глазамъ видно было, что онъ едва ли различалъ происходившее вокругъ него. Голова его, и ноги, и руки тряслись, и онъ не хотѣлъ или не могъ сдѣлать усилія остановить ихъ.

По измѣнившемуся, потерявшему осмысленность, блѣдному лицу, князь Иванъ все-таки узналъ Остермана, и узналъ его лисью шубку, въ которой онъ обыкновенно сживалъ дома и въ которой онъ принялъ отъ него прошеніе.

Съ такимъ же, если еще не блѣднѣе, какъ у старика Остермана, лицомъ сталъ передъ нимъ высокій видный чиновникъ въ мундирѣ сенатскаго секретаря и началъ читать. Онъ, очевидно, читалъ приговоръ, но словъ разслышать не удалось князю Ивану. Онъ видѣлъ только, что бумага въ рукахъ сенатскаго секретаря дрожала и онъ нѣсколько разъ порывисто поправлялъ воротникъ своего мундира. Онъ, видимо, читалъ торопясь.

Чтеніе кончилось. Солдаты взяли опять Остермана. Онъ покорно отдался имъ и къ одному протянулъ даже руку кистью, чтобы удобнѣе было за нее взять. Его положили лицомъ внизъ. Палачъ, двинувъ плечами и расправивъ руки, нагнулся надъ нимъ.

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Принесеніе поздравленій Ихъ Императорскимъ Величествамъ отъ членовъ дипломатическаго корпуса. Ориг. рис. спец. корресп. „Нивы“ Е. П. Самокишъ-Судновской. Автотипія „Нивы“.

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Балъ въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца.
Ориг. рис. спец. корреси. „Нивы“ Е. П. Самонинъ-Судновской. Автотипія „Нивы“.

Лежавшее ничкомъ, точно уже безжизненное тѣло Остермана двинулось непроизвольно впередъ, какъ будто его притянули за голову. На плаху притянули его.

Помощникъ палача вынималъ изъ мѣшка топоръ.

Барабаны перестали бить. Тишина, мертвая тишина застыла въ морозномъ воздухѣ. Толпа притаилась и остановилась, не дыша.

И у князя Ивана захватило дыханіе.

„Господи, не надо, не надо!“ молился онъ про себя.—„Зачѣмъ они это дѣлаютъ... зачѣмъ!“

Сенатскій секретарь сдѣлалъ знакъ палачу.

— Богъ... государыня... тебѣ жизнь... донеслось до князя Ивана.

Тѣ же солдаты какъ-то дружнѣе и спорѣе подхватили Остермана,—палачи помогли имъ.—и свесли его внизъ.

„Помилованъ!“ вздохнулъ князь Иванъ, точно все время ротъ его былъ закрытъ чѣмъ-то не дававшимъ воздуха, и теперь отпустили его.

По толпѣ пробѣжалъ сдержанный гулъ.

Князь Иванъ не могъ смотрѣть дальше. Онъ чувствовалъ головокруженіе, кровь стучала въ виски. Онъ опустил въ сани. Онъ не могъ больше.

Онъ не слышалъ и не видѣлъ, какъ читали приговоры остальнымъ, какъ ихъ помиловали тоже, онъ очутился только, когда весь этотъ ужасъ былъ уже позади, и сани его, выбравшись съ площади, подѣхали къ дому.

— Князь Иванъ, вы ли это? Откуда, какъ, сто... Голубчикъ, въ молду вамъ мало дать... какъ же это не писать и не извѣстить!..—горячился Левушка, встрѣчая Косого, обнимая его и радуясь чуть не до слезъ.

Оказалось, князь Иванъ писалъ нѣсколько писемъ, по изъ маленькаго пѣмецкаго городка, гдѣ онъ заболѣлъ и пролежалъ все время до своего выздоровленія, приходилось отправлять письма съ оказіей, а вѣрныхъ оказій въ Россію не было.

— Ну, а тепель, тепель здоловы? спросилъ Левушка.

— Теперь, кажется, совсѣмъ здоровъ. Только и поналъ же я прямо въ Петербургъ на зрѣлище...

И князь Иванъ разсказалъ про казнь и про свою встрѣчу съ Чиликинымъ.

— Такъ это васъ бывсій упавляющій еще!—сказалъ Левушка.—Такъ я ему нелемѣнно въ молду дамъ!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Проигранная ставка.

I.

Опять катокъ. Опять переливается роговая музыка, и коньки вмѣстѣ съ полозьями сапокъ рѣжутъ съ рѣзкимъ, надтреснутымъ визгомъ ледъ.

На этотъ разъ Сонюшка знаетъ, что онъ будетъ здѣсь. Онъ прислалъ письмецо, что пріѣхалъ, былъ боленъ, но помнить и любить попрежнему.

Онъ былъ у нихъ. Его не приняли. Вѣра Андреевна запретила.

Сонюшкѣ стоило невѣроятныхъ усилій и хлопотъ, чтобы попасть сегодня на катокъ. Для этого нужно было придумать цѣлую исторію, чтобы именно сегодня поѣхать къ Рябиччѣ. Но счастью, Вѣра Андреевна съ Дашенькой собралась дѣлать послѣбраздничные, зимніе визиты. Это всегда сопровождалось извѣстною торжественностью, бралась карета, надѣвались шелковыя платья, старый Мотыка разставался со своимъ чулкомъ и облакался въ ливрею, давно съжившюся, точно онъ выросъ изъ нея.

Вѣра Андреевна, расфуфыренная, съ Дашенькой садилась въ карету и отправлялись по знакомымъ, главнымъ образомъ, къ такимъ, у которыхъ онѣ бывали раза два въ годъ, собственно сами хорошенько не зная зачѣмъ.

Сонюшку никогда не брали во время этихъ визитовъ. На этотъ разъ она не поѣхала съ особеннымъ удовольствіемъ.

Рѣшено было, что, какъ пріѣдетъ карета, Сонюшка поѣдетъ въ ней къ Рябиччѣ, пока Вѣра Андреевна будетъ одѣваться съ Дашенькой, а потомъ карета вернется за ними, и онѣ отправятся...

Для этого Сонюшка, у которой были золотыя руки на всякую работу, должна была просидѣть чуть ли не цѣлую ночь за передѣлкой панье на новой юбкѣ Дашеньки. Нужно было исправить, а сама Дашенька не умѣла.

Сонюшка сдѣлала все, что отъ нея требовали, и боялась одного только, чтобы Вѣра Андреевна не вспомнила, что сегодня воскресенье, и что Рябиччѣ, вѣроятно, поѣдутъ на катокъ, — тогда бы она ее не пустила къ нимъ. Но Вѣра Андреевна не вспомнила. Она слишкомъ была занята визитами.

Какъ бы то ни было, Сонюшка, послѣ цѣлаго ряда волненій, неизвѣстности и боязни, что выйдетъ неудача, сидѣла теперь на каткѣ, вмѣстѣ съ Паденькой Рябиччѣ, подъ надзоромъ ея мадамы, и была счастлива ипопли. Косой долженъ былъ быть уже тутъ.

Вотъ онъ. Онъ увидѣлъ ее сейчасъ же. Онъ ждалъ ее, и только что она появилась, направился къ нимъ со своими санками. Онъ похудѣлъ послѣ болѣзни, но худоба скорѣе шла къ нему. Лицо его было все такъ же красиво, только его черные глаза казались немного больше и блестяни.

Онъ подѣхалъ къ Сонюшкѣ.

— Здравствуйте!

„Милый, хорошій мой, родной!“—сказала она ему глазами и, вся сіяя улыбкою счастья, усѣлась въ его санки.

— Ну, вотъ, не успѣли мы пріѣхать, у ней уже явились санки!.. проговорила вслѣдъ Сонюшкѣ Паденька Рябиччѣ.

Но и къ ней, сейчасъ же почти, подѣхалъ Творожниковъ.

Косой былъ въ самомъ восторженномъ настроеніи.

— Ну, что, что новаго?—спросилъ онъ Сонюшку, задыхаясь и отъ счастья, и отъ быстраго бѣга, въ который онъ не втянулся еще.

— Много, много новаго,—отвѣтила Сонюшка, — и смѣшного, и грустнаго, но только теперь все хорошо будетъ...

— Да, теперь все хорошо будетъ,—подтвердилъ Косой.

Ему думалось, что теперь, съ восшествіемъ на престолъ императрицы Елисаветы, взойдетъ и его звѣзда, и что онъ имѣетъ право надѣяться на это. А много ли было ему нужно?—только устроиться настолько, чтобы можно было жить семейнымъ домомъ.

— А у васъ что?—спросилъ онъ опять.

— У меня что?—у меня? Ополчинникъ мнѣ сдѣлалъ декларацию.

Сонюшка почувствовала, какъ дрогнули санки подъ рукою князя Ивана...

— Какъ декларацию, онъ, почему онъ?

— Да, еще на праздникахъ мы были на каткѣ. Онъ повезъ меня въ своихъ санкахъ, и тогда уже мнѣ показалось въ немъ что-то... а потомъ...

— А потомъ?—переспросилъ Косой, замедля ходъ.

— Потомъ, онъ былъ раза два у насъ. Маменька пригласила его вечеромъ, и тутъ какъ-то такъ случилось, что онъ очутился возлѣ меня въ углу и сказалъ такъ, что я могла понять...

Сонюшка оглянулась и сама испугалась того, что она сдѣлала. Князь Иванъ былъ самъ не похожъ на себя. Онъ скалъ губы и, сдвинувъ брови, смотрѣлъ на нее...

Она была, конечно, не виновата въ томъ, что Ополчинникъ, который думалъ, что его мысли относительно

ся на каткѣ пройдутъ у него, — ошибся въ этомъ и дошелъ до того, что далъ ей почти безъ обиняка понять у нихъ на вечерѣ, что она ему нравится.

Напротивъ, ей казалось это только забавнымъ, и она, начавъ рассказывать князю Ивану, была вполне увѣрена, что это также позабавитъ и его, именно позабавитъ, потому что онъ не могъ и не долженъ былъ сомнѣваться въ ней!.. Что такое для нея былъ Ополчининъ, да и не одинъ онъ, а всѣ мужчины, вмѣстѣ взятые?

Но князь Иванъ не могъ понять этого.

— Ну, чего вы, ну, что съ вами?—заговорила она, испуганно глядя на него и неловко обернувшись въ санихъ.

Онъ первно, съ ожесточеніемъ отбивалъ коньками, какъ будто весь сосредоточившись на томъ, чтобы какъ можно лучше и быстрѣ везти свои санки. На самомъ дѣлѣ онъ не чувствовалъ того, что дѣлалъ.

— Что же вы ему отвѣтили?—сквозь зубы произнесъ онъ.

Она, все обернувшись къ нему, разсмѣялась, прямо глядя ему въ глаза.

— Ну, что же я могла ему отвѣтить, какъ вы думаете, а?

— Софья Александровна, не мучьте меня!

— Ахъ, глухой!—совсѣмъ ужъ разсмѣялась Союшка, — неужели я ему могла сказать, что люблю моего милаго, что тебя люблю... Ну, конечно, я сдѣлала видъ, что не поняла, и заговорила о другомъ.—Ну, доволенъ, бѣтъ?..

И она отвернулась.

Князь Иванъ чувствовалъ, что онъ доволенъ уже...

Союшка, начавъ рассказывать объ Ополчининѣ, хотѣла рассказать тоже и о Торусскомъ, но, увидѣвъ, какъ это дѣйствуетъ на князя Ивана, ни слова не сказала ему про Левушку.

Ополчининъ былъ тоже на каткѣ. Онъ видѣлъ, что князь Косой слишкомъ уже долго что-то ѣздитъ съ Союшкой, но особеннаго значенія этому не придавалъ.

Начавъ, въ упоръ постѣ своихъ разсужденій тогда на праздникахъ на этомъ каткѣ, думать о Союшкѣ, онъ все болѣе и болѣе увлекался ею. У него было все, какъ ему казалось, и все улыбалось ему, не доставало только увлеченія. Вотъ онъ и увлекся, и положилъ, что она будетъ его женою. Не захочетъ — все равно, мать заставитъ, и это даже больше какъ-то правилось Ополчинину, — взять къ себѣ насильно въ неволю маленькую, хорошенькую жену. Союшка будетъ его женою. Онъ былъ вполне спокоенъ въ этомъ. Пусть объясненіе, которое онъ началъ съ нею у нихъ на вечерѣ, вышло неудачнымъ. Да, наконецъ, она просто могла слишкомъ застыдиться, вотъ и все... Развѣ какой-нибудь полунцій князь Косой могъ въ самомъ дѣлѣ тягаться съ нимъ, съ Ополчининимъ, которому покровительствовала сама судьба!..

„Впрочемъ, вечеромъ мы съ нимъ увидимся“, — подумалъ Ополчининъ, котораго на сегодняшній вечеръ звалъ къ себѣ Левушка, и онъ зналъ навѣрное, что тамъ будетъ и князь Иванъ.

(Продолженіе будетъ.)

Страшная исторія.

Юмористическій очеркъ Берты фонъ-Зутнеръ.

I.

Вечеромъ все общество собралось въ саду.

Надъ столомъ съ беспорядочно разставленными на немъ вазами, бутылками и стаканами уже раскинулась вечерняя мгла, въ которой какъ-то спороливо догорали свѣчи, защищенныя отъ вѣтра стекляными колпаками. За стекломъ, жуужка и папая, кишѣлъ рой всевозможныхъ мотыльковъ и мошекъ, привлеченныхъ свѣтомъ огня.

Среди тишины и всеобщаго молчанія, часы отчетливо пробили десять...

— Не пора ли и въ комнаты? — предупредительно предложила хозяйка дома.—Какъ будто стало свѣжѣе...

— Свѣжѣе? Чтѣ вы! Въ такую дивную, июльскую ночь!—подслышались со всѣхъ сторонъ восторженные возраженія.

Фрау фонъ-Даллеръ закуталась полнотѣе въ теплый платокъ и велѣла своей дочери, Гизелѣ, также пойти надѣть что-нибудь.

Но далеко ходить за этимъ „чѣмъ-нибудь“ молодой дѣвушкѣ не пришлось. Сидѣвшій рядомъ съ нею на скамейкѣ поручикъ Кроинтедтъ послѣдилъ любезно накинуть ей на плечи накидку, которая лежала на спинкѣ скамьи, и воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы еще поближе придвинуться къ своей прелестной соседкѣ.

— Вѣдь вамъ не холодно, не правда ли, фрейлейнъ?—нѣжно и заботливо прозвучалъ его тихій голосъ.

— О, нѣтъ... Напротивъ!—отвѣтила Гизела съ милой улыбкой.

Въ эту минуту, изъ растворенныхъ оконъ гостиной въ садъ, донеслись звуки увертюры Вагнера.

— Положимъ, здѣсь и въ самомъ дѣлѣ удобнѣе болтать, чѣмъ тамъ, въ гостиной, гдѣ гремитъ „боевая музыка“, — шутя согласилась хозяйка, намекая на шумное исполненіе нѣкоторыми изъ ея родныхъ „музыки будущаго“.

— Вы правы, — поддакнулъ генералъ Штормъ, — это было бы не совсѣмъ удобно; здѣсь же, подъ звѣзднымъ покровомъ ночного неба, болтается легко, непринужденно. На чѣмъ же мы остановились? Кажется, ужъ обо всемъ говорено довольно: литература и политика, событія семейныя, научныя и міровыя... ничто не укрылось отъ нашего внимательнаго и всевидящаго ока! Всѣ темы исчерпаны... Чего же еще не хватаетъ для полноты картины? Развѣ только...

— Страшныхъ исторій съ призраками, тѣнями и тому подобными страшницами, выходящими съ того свѣта, въ которыхъ легче вѣрится подъ покровомъ ночи?—въ тонъ генералу шутить фонъ-Клетцендорфъ, соседъ-помѣщикъ.

— Но въ нашемъ кругу, гдѣ никто не вѣритъ въ привидѣнія, гдѣ никто самъ не видитъ пришельцевъ съ того свѣта...

— Почему вы знаете? Развѣ можно отвѣчать за другихъ?—

спокойно перебилъ профессоръ фонъ-Вольфъ, человекъ преданной науки.

— Ого! Да мы и не подозревали, что нашъ почтенный ученый—сторонникъ спиритизма!.. Да какъ же такъ?—раздался со всѣхъ сторонъ горячіе протесты.—Ну, можно ли было предположить, чтобы профессоръ увлекался такими пустяками, такой глупостью, какъ спиритическія явленія?

— Позвольте, однако; если вы заранѣе, не спросивъ броду, суетесь въ воду, то-есть беретесь разсуждать голословно о томъ, во что вы сами не вѣрите и не хотите, чтобы вѣрили другіе, — будетъ очень естественно попросить васъ доказать примѣромъ несостоятельность спиритизма!.. — стараясь говорить серьезно, предложилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Или вы докажете примѣромъ, что вамъ случалось бесѣдовать съ жителями загробнаго міра! — подхватила хозяйка дома, обращаясь къ профессору.

— Никакіе примѣры не помогутъ, если кто не вѣритъ въ привидѣнія!—горячо вмѣшался въ разговоръ докторъ Эльке.—Развѣ у насъ не принято вообще сваливать на привидѣнія, на вмѣшательство сверхъестественныхъ силъ все, что людямъ кажется чудеснымъ и необъяснимымъ въ ихъ земной юдоли? И наконецъ, вы сами, уважаемый коллега, въ качествѣ нѣвѣстнаго геолога, профессора и доктора естественныхъ наукъ, не можете же вѣрять въ существованіе безплотныхъ духовъ?

— Простите, коллега, но, къ сожалѣнію, я не могу оправдать вашихъ ожиданій,—спокойно возразилъ фонъ-Вольфъ. — Я вѣрю въ духовъ!

— О!..—раздалось на всѣ лады.

Профессору, однако, продолжать, не смущаясь.

— Вы правы, съ своей точнѣ зрѣнія; но правъ и я. Никакія теоріи, никакія доказательства не въ состояніи убѣдить человека, который рѣшился стоять на своемъ, то-есть на томъ, въ чѣмъ онъ увѣренъ, какъ въ единственномъ непреложномъ. Тутъ теоріи не помогутъ: фактовъ подавайте намъ, фактовъ!.. И я вамъ дамъ факты... если позволите...

— Пожалуйте!.. Пожалуйте!.. — оживленно подхватили гости.

— Я, право, готовъ слушать съ напряженнымъ вниманіемъ, — проговорилъ и докторъ Эльке.—Въ устахъ профессора „страшная исторія съ привидѣніями“ должна быть особенно интересна.

Профессоръ провелъ рукой по лицу, словно въ смущеніи или чтобы собраться съ мыслями, и тихо проговорилъ:

— Я долженъ прежде всего просить прощенія, если рѣчь моя пойдетъ недостаточно гладко, послѣдовательно... Я не могъ ожидать... не подготовился...

— Полноте, полноте!—съ привѣтливой строгостью перебила

его фрау фонъ-Даллеръ.—Вотъ увидите, выйдетъ прекрасно! Стоить только начать.

И фонъ-Вольфъ началъ.

II.

— Векоръ послѣ того, какъ мнѣ пришлось похоронить жену,—лѣтъ больше тридцати тому назадъ,—я совершенно отдался уединенью.

„Въ первые годы моего вдовства, для меня было бы дѣломъ немислимымъ и опреченнымъ всей душой предаваться своимъ ученымъ занятіямъ и потому я на время оставилъ профессуру, и среди глубокой зимы перебрался на житье въ уединенный охотничій домикъ, далеко отъ родного города, въ самой чащѣ обледѣлаго вѣкового лѣса. Старуха-служанка, бѣлый пудель, бывшій любимецъ покойной Юганны, малютка-канарейка, также ея любимца, и большой портретъ моей дорогой жены— вотъ и все мое общество. Впрочемъ, книги я также прихватилъ съ собою: безъ этихъ вѣтхыхъ утѣшителей въ моей печали мнѣ было-бъ не под силу бремя одинокой жизни— безъ любви, безъ ласки!.. Юганна была набожна и глубоко-вѣрующая женщина и часто любила пѣвать своимъ чистымъ, полнымъ голоскомъ „Ave Maria“, аккомпанируя себя на гармоніумъ. И его, также, я перевезъ къ себѣ, въ уединенье.

„Она, бывало, часто повторяла, когда я самъ говорилъ ей о своемъ невѣрїи— это было единственнымъ, въ чемъ мы расходились:

— „О, вотъ увидишь... увидишь! — Придетъ время, когда ты самъ будешь вѣрить. Когда тебѣ осѣнитъ благодать свыше; когда ты самъ на себѣ испытаешь знаменія загробной жизни,—ты перестанешь сомнѣваться, ты увѣруешь въ существованіе души...

— Но такихъ знаменій, такихъ чудесъ давно ужъ не бываетъ!

„Юганна, вся въ пену, зажимала мнѣ ротъ:

— „Молчи, молчи!.. Это великій грѣхъ!.. Не мучь меня! Я, кажется, готова умереть, чтобы только получить возможность въ безплотномъ видѣ явиться тебѣ и... явлюсь непременно!

„Немного больше года прожили мы счастливо, душа въ душу и... умирая, она говорила мнѣ съ просвѣтленной улыбкой:

— „Знаешь, почему Богъ меня такъ рано отзываетъ къ Себѣ?

Чтобы скорѣй послать душу твоя спасенье. И принесу его тебѣ... увидишь!“

— Ахъ, какой ужасъ!.. — вырвалось у почтенной фрау фонъ-Даллеръ.

Докторъ Эльке пожалъ плечами:

— Не удивительно, если послѣ такого вступленія явится рассказъ о загробныхъ духахъ и тому подобномъ „откровеннѣи свыше“! Къ этому естественно подготовило васъ нервное напряженное состояніе, которое должны были вызвать ея неоднократныя слова.

— Ну да, ну да! подхватилъ Клеттенбергъ,—галлюцинаціи, видѣнія, звуки и великія такіе штуки... Ничего нѣтъ мудренаго, когда человекъ съ ума сходитъ отъ горя, да еще сидитъ одинъ въ заперти...

— Госнода, не мѣшайте! перебила хозяйка.

— Да, правда, правда!— проворчалъ одинъ изъ сторонниковъ профессора. — Какой-нибудь глушійшій, давно извѣстный анекдотъ слушаютъ всеобщимъ вниманіемъ, а вотъ такую исторію, прямо изъ жизни... Продолжайте, фонъ-Вольфъ, продолжайте!

— Извольте! Но, госнода, вы ужъ мнѣ простите: я попрошу дать мнѣ сначала кончить... а тамъ ужъ мы все въстанемъ! будемъ спорить... Итакъ, я возвращаюсь къ своему рассказу.

„Время, — хотя медленно, — во все-таки шло впередъ. Про обѣщаніе Юганны я успѣлъ позабыть. Я такъ твердо былъ увѣренъ, что между земной и загробной жизнью нѣтъ ничего общаго, что даже и не придавалъ особаго значенія ея словамъ: о нихъ я вспомнилъ, когда она сдержала обѣщаніе...

— Вотъ какъ!—воскликнула фрау фонъ-Даллеръ.—Кстати... и свѣчи погасли... Не лучше ли... Не перейти ли намъ въ гостиную?

Иллюминированный фронтонъ Большаго театра.

Иллюминированный навислонъ на Театральной площади.

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. Иллюминація.

Ориг. рис. спец. корресп. „Нивы“ Е. П. Самокишъ-Судковской. Автотипія „Нивы“.

Свиданіє. Ориг. рис. (собств. „Півд“) Б. Томашевича. Автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

— П'ять, п'ять!—посп'шно возразил поручик,—нам и не надо св'щенія... Въ потемкахъ даже лучше слушать такіе ужасы: въ нихъ больше в'рится... Не правда-ли, господа?... И, наконецъ, сейчасъ взойдетъ луна...

— Однажды вечеромъ, когда я в'сколько часовъ под'рядъ уже сид'лъ надъ своими книгами,—продолжалъ профессоръ,—меня вдругъ испугалъ какой-то неопред'ленный шумъ. Описать его вамъ я не могу: это былъ не простой шумъ, не стукъ, не п'в'е. Это былъ не голосъ челов'ческій, не стонъ животнаго, а какой-то странный, непрерывный звукъ, который не былъ похожъ ни на что, когда-либо слышанное мною.

«Это былъ голосъ или звукъ, но только не земной, сверхъестественный. Потому-то меня и поразило, испугало его присутствіе зд'сь, въ тихой, безлюдной комнат'.

«Я тотчасъ же р'шилъ, что необходимо уб'диться, чт' это такое; всталъ, прошелъ по комнат'; остановившись, прислушивался... Звукъ тянулся ровно, протяжно, назойливо!

«Я позвалъ Бриггиту и, въ ожиданіи ея, еще разъ мелькомъ огляд'лъ комнату.

«Нудель спалъ, мирно похрапывая въ уголку, на диван'е. Кашанка въ к'б'т'е, свернувшись клубочкомъ, молчала, спрятавъ голову подъ крылышко. Везд' тишина невозмутимая... А звукъ летитъ, стонитъ надо мною въ воздух'...

— Бриггита, прислушайтесь; вамъ ничего не слышно?—говорю я старух'.

«Мы слушаемъ вдвоемъ и ничего не слышимъ.

— Н'тъ, погодите: вы не уходите!.. Еще минуточку, другую!.. прому я.

«Но все напрасно: звукъ п'чезъ безсл'дно!

«Она ушла, и снова вокругъ меня протянулся невидимый ст'тъ таинственного звука. Я посп'шилъ вернуть Бриггиту,—и снова тишина.

«Наконецъ, я заперся у себя одинъ, и одинъ вслушивался въ непонятный, однообразный, протяжный голосъ. Н'жныя волны звуковъ, сливаясь, окружали, ласкали, убавкивали меня и, мало-по-малу, замирали, такъ же п'жно, такъ же пр'в'тно умолкли...

«Я добрелъ до постели и заснулъ, какъ убитый.»

III.

«Пед'ля миновала, и вдругъ опять со мной повторилось точь-въ-точь то же, что и семь дней тому назадъ. Опять я сначала паузилъ, потомъ напрягалъ слухъ и зр'ніе, звалъ Бриггиту, оставался одинъ и снова звалъ ее. И, какъ только она появлялась, звуки п'чезали безсл'дно; уходила она—и они возвращались...

«Съ т'хъ поръ, нев'домые звуки стали пос'щать меня черезъ два, три дня и, наконецъ, черезъ день. Я свякъ съ шимъ до того, что больше не пугался ихъ, а даже въ тишин' моего кабинета безъ нихъ мн' словно не хватало чего-то привычнаго, близкаго, дорогаго. Я не зналъ, какъ ихъ назвать, я смился подыскать имъ выраженіе, которое бы отв'чало ихъ объемлющему, п'жному, ласкающему впечатл'нію, и вотъ, однажды, среди усній волготить ихъ въ общее, пр'в'тливое названіе, крикнувъ изъ глубины души:

— Иоанна!

«И въ тотъ же мигъ звуки вернулись, окружили, окутали меня своей незримой ст'бою... И съ каждымъ разомъ, когда я призывалъ опять свою милую, незабвенную и дорогую, звуки становились ясн'е и чище; звуки п'ли, ликовали... и у меня на душ' становилось св'тл'е, оград'б'е.

«Тогда ужъ поневол' мн' стали вспоминаться слова Иоанны, и, чтобы не поддаться ихъ нев'дому обаянію, мн' приходилось звать Бриггиту, чтобы колдовство оставило меня; зат'мъ посп'шно лечь въ постель и вынуть на ночь адовую дозу валеріана.

«Но на сл'дующій же вечеръ ко мн' вернулось привычное волненіе.

«Ага!» подумалъ я, опять припадокъ и шумъ въ ушахъ,—видите, докторъ, я разсуждалъ точь-въ-точь, какъ вы!—«Надо этому положить конецъ. Пойдемъ, пройдемся; чистый воздухъ какъ рукой все сниметъ!»

«Сказано—сд'лано. Я вышелъ изъ дому и по св'ту, въ тишин' зимней, холодной, лунной ночи иду вверхъ, въ гору, къ тому уступу, откуда видно далеко вокругъ.

«Волнение улеглось. Мн' дышится легко, спокойно. Я съ удовольствіемъ люблюсь волнообразными уступами, засыпанными сн'гомъ; лунною полосою, которая ложится на вершины и образуетъ ниже ихъ темныя т'ни, словно пронасти, обрывы...

«Вдругъ я почувствовалъ приливъ напряженнаго состоянія, которое всегда предшествовало моему таинственному волненію. Это встревожило меня.

«Не можетъ быть!»—подумалъ я.—«Неужели зд'сь... зд'сь?»

«Сердце мое забилось сильн'е... Я зам'тилъ, что начинаю прислушиваться...

— Иоанна!—крикнулъ я, чтобы пров'рить свое сомн'ніе, и увидалъ...

«Да! Положительно раньше этого не было... Увидалъ на вершин' уступа, гд' б'т'засъ раньше только ст'па часовни, полюсу св'та, который выходилъ изъ окна и ложился на дорогу...

Луна зашла за облака, и это былъ единственный св'тъ, который нарушалъ темноту.

«Повинуясь непреодолимому влеченію, я пошелъ прямо къ этой полос' св'та, отперъ не запертую на ключъ дверь и вошелъ въ часовню.»

Профессору перевелъ духъ и въ ту же минуту, какъ и въ его разсказ'е, луна зашла за облака.

«Вс'мъ стало жутко въ темнот'.

— Да, я вошелъ въ часовню,—продолжалъ разсказчикъ, понимая голосъ.

«Она была ярко осв'щена, хотя ни св'чи, ни напикадило не были зажжены. Но этотъ св'тъ былъ не похожъ на св'тъ обыкновенный: онъ тоже, какъ и т' нев'домые звуки, былъ знаменіемъ свыше, ч'мъ-то неземнымъ!

— Иоанна!—воскликнулъ я,—и сила св'та еще ярче, еще ошутительн'е обьяла меня, словно давила, душила...

«Непеговый крикъ вырвался у меня изъ груди, и я упалъ безъ чувствъ, безъ движенія.

«Очнувшись, я пошелъ домой и р'шилъ лечь въ постель, проспавъ себ' предварительно добрый пріемъ хинина.»

— Я самъ ничего лучшаго не могъ бы прописать! вполголоса вставилъ докторъ.

«— Все, что и вамъ уже сказалъ, а также то обстоятельство, что въ одинъ прекрасный вечеръ гармонируя самъ собою заигралъ „Ave Maria“, еще ничто въ сравненіи съ событіемъ, окончательн'о уб'дившимъ меня...

«Все это можно, пожалуй, съ п'которой натяжкой, отнести къ области нервоза, галлюцинацій, разстроенаго воображенія. Вотъ я и побоялся разстронть его себ' окончательн'о,—говори откровенн'е,—побоялся сойти съ ума, до того меня мучила загадка этихъ непонятныхъ явленій.

«На-скоро уложившись, прихвативъ съ собой в'рнюю Бриггиту, нудель Біанку и канарейку Пинка, я посп'шилъ перебраться назадъ, на свою городскую квартиру, и тутъ уже пор'шилъ, что вс' мои странныя приключенія покоичены разъ и навсегда.

«Такъ прошелъ ц'лый годъ. Я забылъ и думать обо всемъ происшедшемъ.

«Однажды, когда въ обществ', такомъ же миломъ, какъ и наше сегодняшнее, зашелъ горячій споръ о сверхъестественныхъ явленіяхъ—спорили, какъ и мы теперь, вьотьмахъ,—у меня спросили мое мн'іе.

«— Я безусловно этому не в'рю!—отв'чалъ я вполн' искренно: впечатл'ній миноваго для меня давно ужъ не существовали... Но едва умолкли въ воздух' мои слова, какъ вокругъ протянулись—секунды три, нав'рно!—т' же самые звуки, которые я слышалъ тогда, и разлился тотъ же яркий св'тъ!

«— Чт' это было?—воскликнули присутствующіе въ одинъ голосъ.

«Они вс' вид'ли и слышали все такъ же ясно, какъ я.

«Иоанна достигла своей ц'ли. Съ этой минуты, я в'рю въ существованіе духовъ.»

IV.

Луна появилась изъ-за облаковъ и осв'тила взволнованныя лица присутствующихъ.

Подъ впечатл'ніемъ слышаннаго, заговорили не сразу. Зат'мъ, каждому захот'лось высказать свое мн'іе.

Одинъ только докторъ Эльке воздержался и подъ конецъ, на предложеніе Клеттенберга напечатать разсказъ профессора въ газетахъ, отозвался:

— Что-жь, ну и пойдутъ его трепать во вс' тяжкія; да еще обьясненія и научныя формулы подъ него подводятъ...

— А вамъ это, в'рно, не по вкусу, докторъ?—возразилъ насм'шливо Клеттенбергъ. — Но, согласитесь, что надо же дать дорогу истин'...

— Да! Надо дать дорогу истин'!—подхватилъ профессоръ, вставая.—Такъ выслушайте же меня, господа. Докторъ Эльке былъ ув'ренъ въ томъ, что я подд'рую его и... я по мн' сил' и возможности старался его поддержать. Въ этомъ мн' помогло легков'ріе, которое и есть главное основаніе того, что въ людяхъ укореняется уб'жденность въ достов'рности подобныхъ разсказовъ.

— Страшная исторія, которую я вамъ только что разсказалъ—хотя и есть въ ней н'которые недочеты—можетъ служить тому прим'ромъ, какъ... чистый вымыселъ...

Въ обществ' провесся сдержанный ропотъ.

— Полиете шутить, профессоръ!—проговорила хозяйка дома, укоризненно качая головою.—Не можете же вы желать взять свои слова назадъ? Да, наконецъ, я первая твердо ув'рена, что это именно и былъ духъ вашей покойной жены...

— Но я отъ роду не былъ женатъ!

— Но, позвольте: предположеніе, что вы можете солгать, настолько для вашего достоинства обидно, что мы не могли его допустить!—горячился Клеттенбергъ.

— А, такъ вы, значить, считаете бол'е естественнымъ в'рить всякому вздору, нежели допустить, что людямъ свойственно ошибаться, обманывать другихъ и даже... самихъ себя?! Я еще во-время самъ разоблачилъ свой обманъ; но каково же приходится легков'рнымъ въ противномъ случа', — когда обманъ—или самообманъ, если хотите—не выясненъ и рас-

подобраться, потому что его принимают на-слово, а на подробные обманы и закона нѣтъ...

— Однако, уже поздно!—перебила его фрау фонъ-Даллерь.— Пора и по домам!

Всѣ молча двинулись вслѣдъ за нею. Позади всѣхъ шла Гизела, нѣжно опираясь на руку поручика...

И опять луна зашла за облака.

Берлинская юбилейная художественная выставка.

Я бродилъ по этимъ огромнымъ заламъ, залитымъ мягкимъ верхнимъ свѣтомъ, тысячи картинъ смотрѣли на меня изъ-за черныхъ, бронзовыхъ, золоченыхъ рамъ и тысячи людей толкались цѣлый день, мелкая нестрыми парядами, шляпками, зонтиками, цилиндрами. Я вспомнилъ тогда наши выставки, петербургскія, московскія,—маленькія, часто плохо освѣщенные комнатки, низкія стѣны, на которыхъ размѣщено 100—200 и много-много 300 номеровъ, публику, половину которой составляють экспоненты и ученики рисовальныхъ школъ,—какая поразительная разница въ обстановкѣ! Представте себѣ выставку, въ 89 залахъ которой размѣщено почти 4000 произведеній, изъ нихъ до 3500 картинъ,—вотъ что такое Берлинская выставка. Ко дню двухсотлѣтняго юбилея академіи художествъ берлинцы сумѣли собрать у себя все лучшее, что производятъ въ настоящее время художественныя силы Старого и Нового Свѣта. Нечего и думать о томъ, чтобы дать хоть сколько-нибудь обстоятельное описаніе всего, что здѣсь выставлено: для этого понадобились бы цѣлыя томы. Но мнѣ хотѣлось подѣлиться съ читателями тѣми изъ своихъ впечатлѣній, которые могутъ имѣть общій интересъ. Въ этомъ смыслѣ, мнѣ кажется, выставка даетъ много матеріала.

Трудно найти страну, болѣе или менѣе культурную, которая не была бы здѣсь представлена въ картинахъ, рисункахъ, въ мраморѣ, бронзѣ. Больше всего на выставкѣ нѣмцевъ; къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы они первенствовали и въ качественномъ отношеніи. Впрочемъ, говоря о нѣмцахъ, я имѣю въ виду только хозяевъ выставки — берлинцевъ, не захотѣвшихъ, можетъ-быть, по очень понятному чувству гостеприимства, составить конкуренцію своимъ иностраннымъ гостямъ, затѣмъ веймарцевъ, дрезденцевъ и отчасти дюссельдорфцевъ. Что касается Мюнхена и Карлсруэ, то эти два города дали Германіи такъ много крупныхъ силъ, что ихъ отдѣлы принадлежатъ къ числу самыхъ интересныхъ на выставкѣ. Мюнхенъ давно уже извѣстенъ, какъ крупнѣйшій художественный центръ Германіи; совершенно особые условия, въ какихъ находилась до недавняго времени Баварія, рядъ королей—традиціонныхъ представителей искусства, старинная академія—все это привело Мюнхенъ къ другимъ цѣлямъ и задачамъ, чѣмъ тѣ, къ какимъ пришли берлинцы. Карлсруэ моложе Мюнхена, но то, что выставили его художники теперь, обнаруживаетъ въ нихъ необыкновенную чуткость, свѣжесть талантовъ, оригинальность, желание выбиться изъ буржуазной колеи художественной банальности. Благодаря строгой академіи и многочисленнымъ частнымъ школамъ-мастерскимъ, мюнхенцы по большей части строгіе рисовальщики; въ последнее время выходятъ изъ ихъ среды и блестящіе колористы. Художники Карлсруэ — почти исключительно увлекаются задачами колорита. Изъ Мюнхена вышли такіе художники, какъ Ленбахъ, Беклинъ, Францъ Штукъ, принадлежащіе къ числу лучшихъ современныхъ художественныхъ силъ Европы. О нихъ мы надѣемся когда-нибудь поговорить особо. Въ отдѣлѣ Карлсруэ есть такіе художники, какъ Грэтъ, совершенно своеобразный и оригинальный талантъ, Кальморгенъ и цѣлая группа пейзажистовъ, смотрящихъ на природу совсѣмъ особыми глазами, по-своему, сумѣвшихъ найти въ ней кое-что новое. Они нѣсколько напоминаютъ шверянъ и въ особенности голландцевъ. Шверяне — шведы, норвежцы, шотландцы, датчане и голландцы — сильнѣе всѣхъ. Они выдвинулись въ самое послѣднее время, въ какія-нибудь 10—15 лѣтъ, шотландцы и того меньше, и успѣли не только заставить заговорить о себѣ весь художественный міръ, но и вытѣснить другихъ, занять первенствующее мѣсто. Центромъ выставки является бесспорно Андерсъ Цорнъ, шведскій художникъ, всего лѣтъ десять являющийся на выставкахъ. Это одинъ изъ лучшихъ знатоковъ формы, сумѣвшій выстѣ съ этимъ соединить блестящій, совсѣмъ изъ ряда вонъ выдающийся колоритъ. Обыкновенно рисовальщики бываютъ слабыми колористами и колористы хромаютъ въ рисункѣ; Цорнъ какой-то бальвань судьбы, которого природа надѣлила всѣмъ, о чемъ только можетъ мечтать художникъ. По технику, мастерству онъ не знаетъ себѣ равнаго и передъ каждымъ клочкомъ написаннаго имъ холста, передъ его карандашнымъ наброскомъ, акварелью, офортомъ человекъ, который знаетъ, что такое ремесло кисти и карандаша, невольно останавливается, совершенно подавленный этой бѣшеной, волшебной, чарующей виртуозностью. У него есть на выставкѣ портретъ; но это не портретъ, это сложная картина съ содержаніемъ, съ разсказомъ, съ психологіей и съ такой живописью, которой нельзя забыть. Это — „Тостъ“. Какой-то случай, можетъ-быть, торжественный, можетъ-быть, пинтимаго свойства далъ поводъ къ маленькой ирисункѣ. Послѣ серьезныхъ и глубокомысленныхъ тостовъ, безъ которыхъ, какъ водится, не бываетъ обѣдовъ, припоровлен-

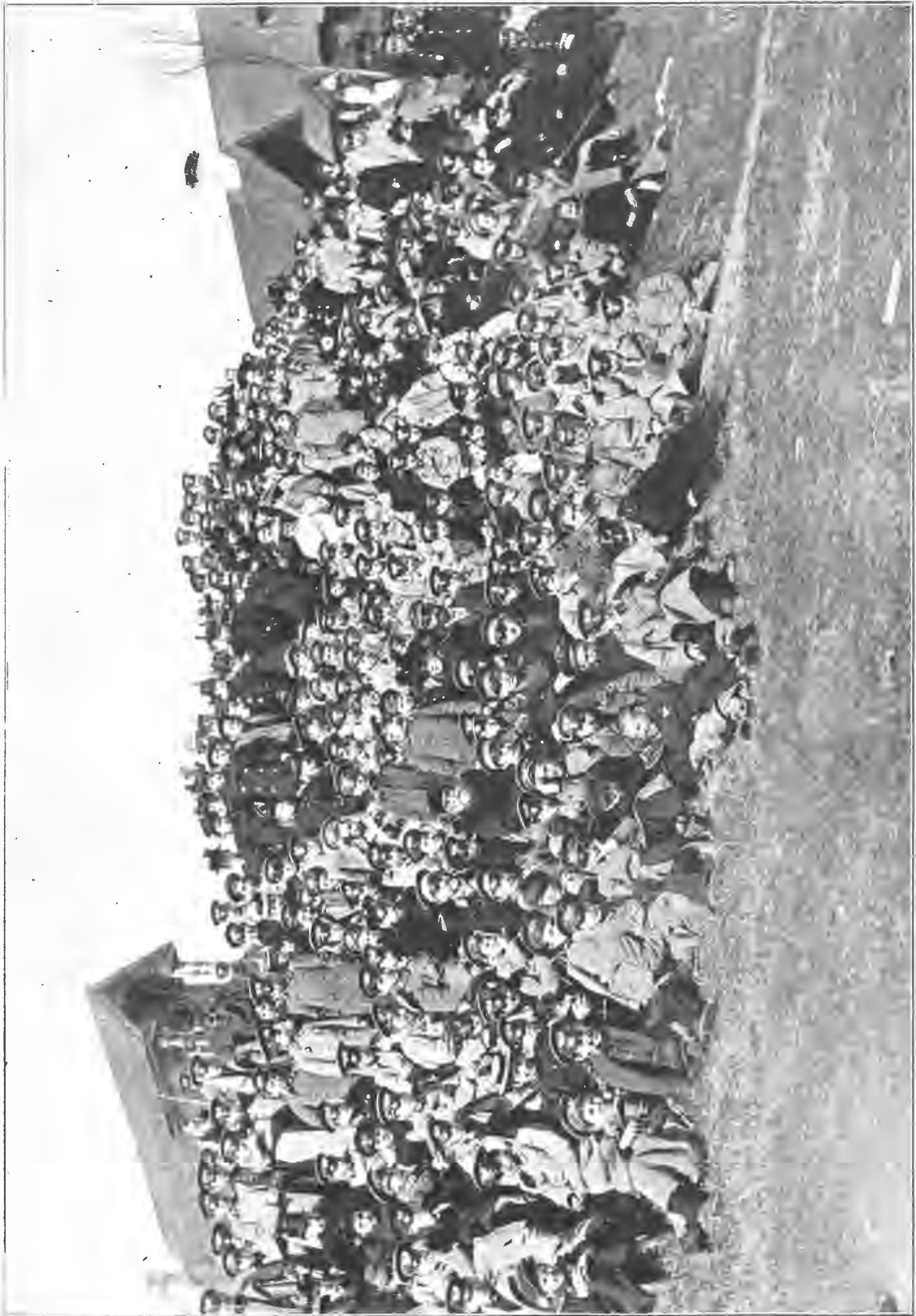
ныхъ къ „случаю“, поднимается старикъ, съ сѣдой бородой, извѣстный острякъ; онъ стоитъ съ бокаломъ въ рукѣ, съ сигарой въ другой, и по его лукаво смѣющимся крошечнымъ глазкамъ, по улыбка на губахъ вы чувствуете, что онъ приготовилъ что-то совершенно неожиданное, что-нибудь до такой степени забавное, смѣшное и остроумное, что сейчасъ всѣ покатыся со смѣху и еще завтра и черезъ недѣлю безъ смѣха не вспомнятъ остроумнаго „Тоста“. На картинѣ все это выражено въ одной фигурѣ; только три головы гостей видны сзади изъ-за спины застольнаго оратора; они приподнялись, чтобы не пропустить ни одного слова. Вотъ истинное художественное произведение и истинный художникъ. Другая картина Цорна „Ярмарка“ то же шедевръ, и въ особенности шедевръ его третья вещь „На парижскомъ бульварѣ“. Очень трудно достать фотографіи съ произведеній Цорна, но мы найдемъ, что возможно, чтобы дать читателямъ понятіе объ этомъ крупнѣйшемъ изъ современныхъ мастеровъ. Изъ другихъ шведовъ особенно блестящи Ларсонъ, Сальмсонъ и принцъ Евгеній шведскій. Впрочемъ, ихъ много.

На ряду со шведами стоятъ норвежцы, и среди нихъ особенно выдѣляются яркостью своихъ талантовъ Веренскиольдъ, Фрицъ Тауловъ, Гейердалъ, Штрэмъ и еще нѣсколько другихъ. Говорить о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности нельзя, не выйдя изъ предѣловъ статьи.

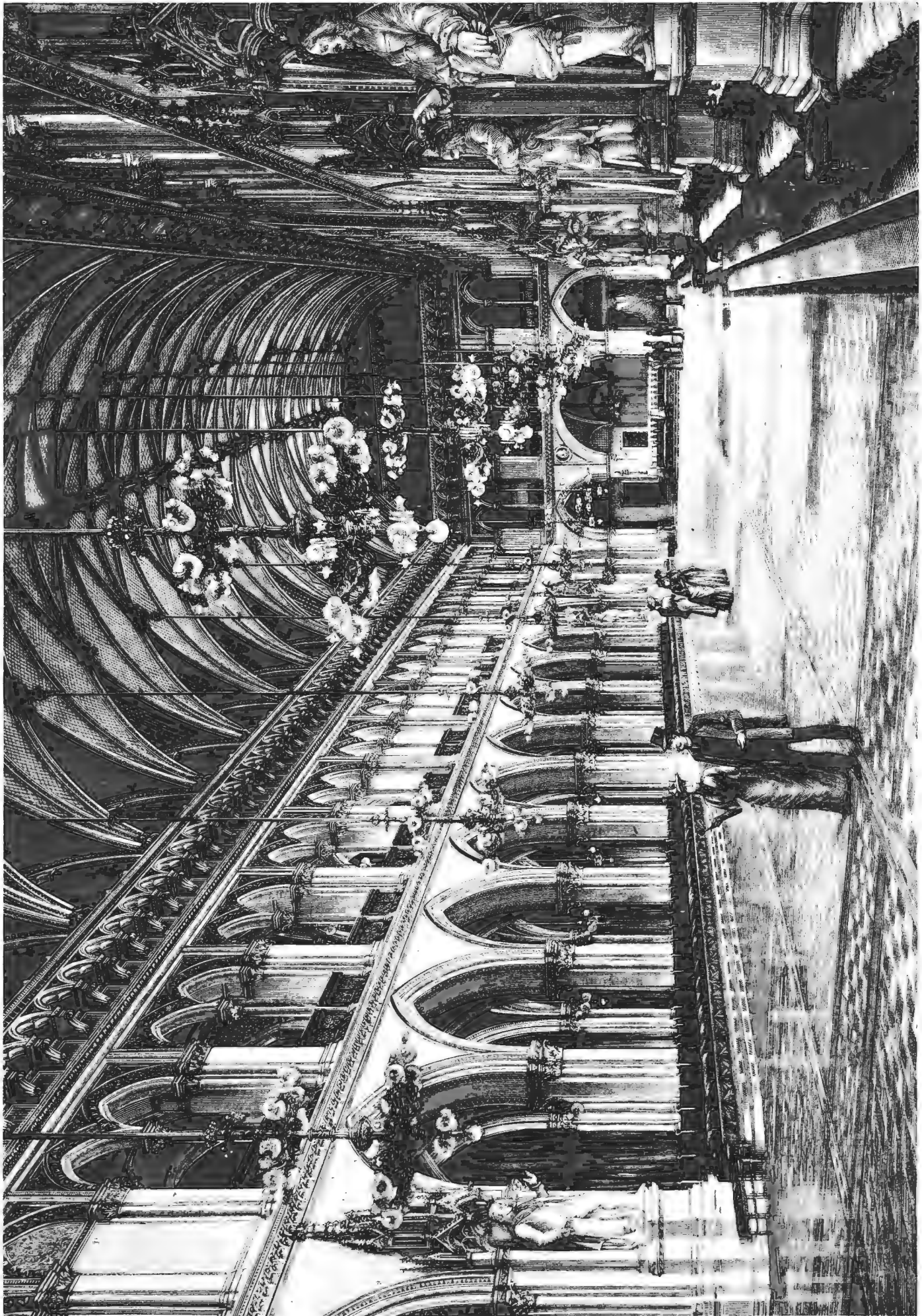
Между датчанами-художниками, очень близкимъ по задачамъ къ норвежцамъ — первое мѣсто на выставкѣ занимаетъ Кройеръ (Peter Severin Kroyer), поставившій двѣ большихъ картины. Одна изъ нихъ „Комитетъ французской выставки въ Копенгагенѣ 1888 года“ — есть не что иное, какъ собраніе портретовъ членовъ комитета, французскихъ художниковъ, по опитъ — такіе также, какъ у Цорна, это не портреты, а цѣлая картина. Всѣ эти люди, засидѣвшіеся въ собраніи до тѣхъ поръ, пока наступили сумерки и пришлось зажечь лампы, каждый въ характерной для него позѣ, — всѣ они точно живые смотрятъ на васъ изъ рамы. Нужно быть огромнымъ мастеромъ, чтобы изъ ряда портретовъ создать такое законченное художественное произведение и разрѣшить при этомъ попутно такую сложную задачу, какъ борьба свѣта потухающаго для съ блескомъ лампъ, играющимъ на всѣхъ лицахъ.

Голландцы какъ будто нѣсколько сродни норвежцамъ и датчанамъ, хотя имѣютъ и много совершенно несходнаго съ ними, своего, оригинальнаго. Всѣ они мрачны, темны; у нихъ вы не ищете яркихъ красокъ, бьющаго въ глаза рѣзкаго свѣта; самое солнце подернуто у нихъ какъ будто дымкой. Я бы сказалъ, что голландцы смотрятъ на міръ, надѣвая какой-то особой конструкціи очки, темныя, дымчатые, запяленные. Есть моменты, когда натура бываетъ похожа на голландцевъ. Я именно такъ и хотѣлъ сказать: *натура* похожа на *нихъ*. Подъ вліяніемъ извѣстной группы произведеній можно себя настроятъ на опредѣленный ладъ и видѣть не такъ, какъ вы видѣли годъ тому назадъ. Вѣдъ никто у насъ не видитъ такъ, какъ видѣли въ концѣ прошлаго столѣтія въ расцвѣтѣ ложнопластизма или даже въ первый періодъ романтизма; тогда, совершенно такъ же, какъ и теперь, люди останавливались передъ портретами и говорили въ восторгѣ: „вылитый, совсѣмъ живой“, теперь, глядя на портретъ того времени, мы ничего кромѣ коричневой, рыжей краски не видимъ. Новая школа пустила свои корни, заставивъ насъ по новому взглянуть на міръ. Голландцы находятся подъ сильнѣмъ вліяніемъ своихъ предковъ — старыхъ фламандскихъ и голландскихъ мастеровъ, и смотрятъ на природу глазами, напоминающими тѣ, какими видѣли это мастера. Какъ тѣ, они не охотники до нѣжныхъ сюжетовъ, до нѣжныхъ чарующихъ красокъ, ихъ рисунокъ суровъ, пріемъ широкъ, свободенъ, размашистъ, порой вызывающе смѣлъ и дерзокъ. Дѣйствующія лица ихъ картинъ — рыбаки, рыбацки; обстановка — угрюмый берегъ моря, сѣрое небо, нависшія тучи. Самые выдающиеся изъ нихъ Маргенсъ, Слуйтеръ, Врейтеръ, — необыкновенно оригинальный, — Эгмонтъ, — ихъ впрочемъ столько же выдающихся, сколько и выставившихъ свои произведения.

Самая молодая изъ всѣхъ школъ — гласговская. Шотландцы до такой степени оригинальны и ни на кого не похожи, что они до сихъ поръ все еще продолжаютъ возбуждать всеобщее удивленіе, начавшееся съ того момента, когда они впервые появились на выставкахъ континента. Они всѣ очень молоды и всѣ уже успѣли создать по цѣлому ряду замѣчательныхъ художественныхъ произведеній. Всякая новая вещь Браунгина, Лейри, Гатри, появляющаяся въ салонѣ Champ de Mars, является событіемъ въ парижскихъ художественныхъ кружкахъ. Они всѣ колористы, совершенно особеннаго характера, своеобразнаго, канризмаго, не поддающагося описанію. Въ большинствѣ случаевъ это — портретисты и пейзажисты, по самымъ

Группа учениковъ и ученицъ средне-учебныхъ заведеній, участвовавшихъ въ образовательной прогулкѣ, подѣ руководствомъ проф. П. Ф. Лесгафта. Съ фот. авторизіи „Ильм“.

Парадный залъ городской ратуши въ Вѣнѣ. Съ фотогр. грав. Крейф.

сильные изъ нихъ вынуть все: и портреты, и сложные картины, и животныхъ, и пейзажи. Шотландцы не имѣютъ ничего общаго съ англичанами въ тѣсномъ смыслѣ и сами всегда выставляютъ отдѣльно отъ послѣднихъ.

Что касается другихъ отдѣловъ, то самый интересный вѣдѣвъ за шотландцами — отдѣлъ американскій съ Александромъ (Alexander) и Мелькерсомъ во главѣ. У нихъ есть также какаютъ своя нота, несмотря на то, что они все получили художественное образование въ Парижѣ и Мюнхенѣ. Интересенъ также и французскій отдѣлъ, сравнительно впрочемъ слабо представленный. Одному французу, полунтальянскаго происхожденія, Больдини принадлежитъ въ этомъ отдѣлѣ пальма первенства. Онъ портретистъ, но портретистъ въ духѣ Цорна и Кройера по задачамъ и отношенію къ дѣлу. Каждый его портретъ — цѣлая картина, живое, глядящее на васъ лицо, полное жизни, экспрессіи, почти говорящее съ вами. Больдини — одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ художниковъ и лучшихъ рисовальщиковъ нашего времени.

Итальянцы — плохи, испанцы — тоже мало интересны за исключеніемъ двухъ, трехъ. Лучшій изъ нихъ, — я говорю, разумеется, только о томъ, что есть на выставкѣ — ПрадILLA, недавно умершій, пожалуй Гандра; остальные ужасно однообразны и похожи другъ на друга. Обыкновенно единственный ихъ сюжетъ тореадоры, религиозныя процессіи и Карменситы. Португальцы интереснѣе, и въ особенности сильный художникъ Колумбано, выставившій два превосходныхъ портрета и картину „Камоэнсо“. Англичане не интересны и какъ-то слишкомъ скучны.

Остались еще русскіе; ихъ довольно много и... довольно много недоумѣній приходится замѣчать на лицахъ художниковъ и публики, случайно забравшихся въ русскій отдѣлъ. Если бы не И. Е. Рѣпинъ и двѣ-три незначительныхъ картинки, то негдѣ было бы отдохнуть глазу. И. Е. Рѣпинъ выставилъ только три портрета „г. Ге“, „дочери художника“ и „Франца Листа“ — послѣдній во весь ростъ. Ими очень интересуются.

Игорь Гр.

„С.-Петербургское общество содѣйствія физическому развитію“.

(Рис. на стр. 830.)

Въ 1893 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ утвержденъ уставъ „С.-Петербургскаго общества содѣйствія физическому развитію“.

Названное Общество имѣетъ цѣлю: а) разрабатывать вопросы, относящіеся къ физическому воспитанію и образованію, въ видахъ установленія правильнаго взгляда родителей и воспитателей на этотъ предметъ; б) практически содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, физическому развитію дѣтей и молодыхъ людей обою пола.

Зародившись въ небольшомъ кругу лицъ, интересующихся вопросами физическаго развитія, среди которыхъ однимъ изъ первыхъ былъ ген.-м. А. Н. Макаровъ, бывшій директоръ 2-го кадетскаго корпуса, нынѣ директоръ Педагогическаго музея, — Общество съ каждымъ мѣсяцемъ приобретало все новыхъ членовъ и къ 1 января 1895 г. имѣло ихъ 391.

Въ настоящее время председателемъ Общества состоитъ статсъ-секретарь К. К. Гротъ, ученымъ секретаремъ проф. П. Ф. Лесафъ и членами правленія — лица, извѣстныя на поприщѣ общественной дѣятельности.

Въ первый же годъ своего существованія Общество было осчастливлено особымъ вниманіемъ со стороны Его Величества нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, бывшего тогда еще Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

5 декабря 1893 г. председателемъ Общества статсъ-секретаремъ К. К. Гротомъ было получено письмо отъ ген.-адъютанта Г. Г. Даниловича слѣдующаго содержанія:

„Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, сочувствуя цѣлямъ „Общества содѣйствія физическому развитію“ и находя, что улучшеніе въ этой отрасли воспитанія, въ особенности среди учащагося юношества всѣхъ сословій, составляетъ предметъ первостепенной важности, изволилъ назначить на нужды Общества единовременное пособіе въ 500 руб. изъ Собственныхъ Его Императорскаго Высочества средствъ“.

На аудіенціи, которой удостоился председатель Общества для принесенія благодарности, Наслѣдникъ Цесаревичъ съ величайшимъ интересомъ разспрашивалъ объ Обществѣ и преслѣдуемыхъ имъ цѣляхъ и вѣкоръ соизволилъ принять на себя званіе почетнаго члена Общества.

Приступая къ осуществленію своихъ задачъ, Общество съ первыхъ же шаговъ встрѣтило много затрудненій: все надо было начинать сънова, не имѣя предъ собою примѣровъ и образцовъ. Матеріальныя средства были слишкомъ малы, и приходилось поневолѣ суживать свою программу. Для начала было рѣшено въ первую зиму устроить катокъ и организовать игры въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

Согласно установленнымъ правиламъ, каткомъ пользовались безвозмездно учащіеся въ городскихъ училищахъ. Билеты на катокъ раздавались чрезъ учителейницъ. Дѣти членовъ тоже имѣли право на пользованіе каткомъ безвозмездно и притомъ въ особые часы. Постоянное дежурство на каткѣ одного изъ членовъ Общества обезпечивало какъ наблюденіе за поведеніемъ дѣтей, такъ и недопущеніе на катокъ лицъ неизвѣстныхъ. Катанье на каткѣ продолжалось лишь до наступленія сумерекъ. Общество приобрѣло также коньки для дѣтей недостаточныхъ родителей.

Игры въ закрытыхъ помѣщеніяхъ были пачаты также въ первую же зиму.

Такъ, игры были устроены въ манежѣ Старога Адмиралтейства для учащихся въ городскихъ училищахъ, а также и для другихъ дѣтей, въ залѣ городской думы для дѣвочекъ, учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ павильонахъ Императорскаго русскаго техническаго общества (въ Соляномъ Городкѣ) для мальчиковъ, учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Игры происходили подъ руководствомъ опытныхъ лицъ.

Посѣщеніе игръ въ манежѣ Старога Адмиралтейства было

безплатное, въ остальныхъ же двухъ мѣстахъ взималась незначительная плата на покрытіе расходовъ.

Съ наступленіемъ лѣта 1894 г. дѣятельность Общества расширилась организаціей игръ въ Александровскомъ саду, которыя устраивались 2 раза въ недѣлю и тоже происходили подъ руководствомъ опытныхъ лицъ. Въ настоящее время ведутся еженедѣльно по вторникамъ и пятницамъ отъ 1½ до 4½ пополудни. Советуемъ взглянуть на эти игры каждому, кто хочетъ видѣть искреннее веселье дѣтей.

Кромѣ того Обществомъ было организовано въ томъ же году 9 загородныхъ прогулокъ (на Лахту, въ Лѣсной, Озерки, Павловскъ и Царское Село). Участіе въ этихъ прогулкахъ было иногда безвозмездное, иногда же взималась небольшая плата на расходы по переѣзду и по устройству завтраковъ. Въ означенныхъ прогулкахъ приняло участіе болѣе 1,800 дѣтей.

Надо ли говорить, какое благотѣльное значеніе имѣютъ для дѣтей подобныя прогулки. Вопросъ о воспитательномъ значеніи школьныхъ загородныхъ прогулокъ былъ предметомъ неоднократнаго обсужденія какъ „въ Обществѣ содѣйствія физическому развитію“, такъ и въ спеціально педагогической литературѣ, при чемъ со всѣхъ сторонъ единогласно высказывалось убѣжденіе въ громадномъ значеніи этихъ прогулокъ, какъ съ точки зрѣнія гигиенической, такъ и образовательной.

Въ теченіе 1895 года было устроено Обществомъ 11 прогулокъ: 7 безплатныхъ для учащихся въ начальныхъ городскихъ училищахъ и 4 для учениковъ и ученицъ среднихъ учебныхъ заведеній за небольшую плату. Всѣхъ участвовавшихъ въ прогулкахъ было около 1,200 человекъ. Посѣщались слѣдующія мѣстности: Шпассельбургъ, Островки, Ново-Саратовская колонія, Лахта, Стрѣльна, Павловскъ и Сосновка. Во время этихъ прогулокъ, подъ наблюденіемъ особыхъ руководителей и руководительницъ велись, гдѣ оказывалось удобнымъ, игры; сверхъ того, дѣти получали на счетъ общества завтракъ.

Считая также своею обязанностию по мѣрѣ силъ содѣйствовать возможно широкой организаціи школьныхъ прогулокъ, правленіе Общества выдѣлило изъ своей среды особую комиссію, съ цѣлю предварительнаго обсужденія вопроса о ходатайствѣ передъ управленіями казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ объ удешевленномъ тарифѣ для участниковъ во время школьныхъ экскурсій, что въ настоящее время уже разрѣшено. Весной почти ежедневно по всѣмъ направленіямъ Петербурга можно было наблюдать оживленныя группы школьной дѣтвора, направляющіяся, подъ руководствомъ своихъ учителей и учительницъ, на вокзалы желѣзныхъ дорогъ, откуда безплатно ихъ перевозили въ дачныя мѣстности.

Комиссіи поручено также составить путеводитель школьныхъ прогулокъ съ описаніемъ ряда маршрутовъ экскурсій изъ Петербурга, продолжительностью отъ нѣсколькихъ часовъ до нѣсколькихъ дней, съ указаніемъ условій и стоимости прогулокъ и краткимъ описаніемъ достопримѣчательностей мѣстности.

Въ настоящемъ году, 27 апрѣля Обществомъ была принята обычная образовательная прогулка подъ руководствомъ проф. П. Ф. Лесафа на пароходѣ вверхъ по Невѣ, съ остановкою въ мѣстечкѣ Пески, близъ Шпассельбурга. Прогулка вполне удалась; за нѣсколько дней до нея уже нельзя было удовлетворить всѣхъ желающихъ принять участіе, такъ какъ билеты (по 60 коп.) были все распроданы.

Въ этой прогулкѣ принимало участіе около 300 дѣтей школьнаго возраста; фотографическая группа ихъ, неполная одна изъ участвовавшихъ въ прогулкѣ студентовъ, и помѣщена въ настоящемъ номерѣ (стр. 830).

Всѣмъ участникамъ прогулки до начала ея была роздана брошюрка, изданная Обществомъ, съ прекрасною составленнымъ

Описаніем мѣстъ и достопримѣчательностей, встрѣчавшихся на пути.

Радостное, бодрое настроеніе участниковъ прогулки не поддается описанію. Звонкій смѣхъ все время оглашалъ безмолвныя до тѣхъ поръ окрестности мѣстечка Пески.

Однѣ веселія игры, подъ руководствомъ опытныхъ лицъ, смѣнялись другими.

Наконецъ все собралось на пароходѣ, гдѣ дѣтямъ былъ предложенъ безплатно завтракъ.

Стройное, подъ руководствомъ сопровождавшихъ студентовъ, нѣшіе сотенъ дѣтскихъ голосовъ, оглашавшее почти на всемъ обратномъ пути величавое теченіе Невы и, наконецъ, дружное, громкое „ура“ при причаливаніи парохода къ пристани возлѣ Дѣтлага сада, производили трогательное впечатлѣніе.

Все разошлось съ запасомъ новыхъ силъ и съ сознаніемъ приятно проведешаго дня.

Но Общество не ограничивается исключительно устройствомъ прогулокъ: на каждомъ общемъ собраніи членовъ, происходящемъ въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній, ежемѣсячно предлагается какой-либо интересный рефератъ*), относящійся къ физическому воспитанію и образованію. Рефератами выступали: проф. П. Ф. Лесгафтъ, д-ръ С. А. Острогорскій, В. Д. Сиповскій, д-ръ В. Г. Дехтеревъ, А. В. Дудышкинъ и многіе другіе. Входъ для постороннихъ лицъ свободный.

Кромѣ рефератовъ на общихъ собраніяхъ, отъ Общества были предприняты еще лекціи проф. П. Ф. Лесгафта: „О физическомъ образованіи въ школахъ“ (напечатаны въ журналѣ *Русская Школа*) и д-ра В. В. Горниевскаго: „Недостатки тѣлеснаго развитія“. Сборъ съ этихъ лекцій поступилъ въ пользу Общества.

Чтобы дѣятельность Общества могла развернуться еще болѣе, правленіе Общества ходатайствовало передъ правительствомъ объ утвержденіи курсовъ для приготовленія учителей и вообще лицъ знакомыхъ съ физическимъ воспитаніемъ дѣтей. Ходатайство это уже утѣчалось полнымъ успѣхомъ, и можно ожидать, что дѣятельность Общества съ непрерывною постепенностью и послѣдовательностью будетъ расширяться въ будущемъ.

Но для расширенія дѣятельности Общества необходимо также и возможно болѣе широкое пропагандированіе его. Не малую услугу въ этомъ отношеніи можетъ и должна оказать, конечно, печать, помѣщая о немъ свѣдѣнія, отчеты, объявленія и отзывы и пробуждая сочувствіе къ задачамъ Общества. Къ сожалѣнію, до сего времени, повседневная печать не давала болѣе или менѣе подробныхъ, обстоятельныхъ отчетовъ, статей, кромѣ бѣглыхъ репортерскихъ замѣтокъ относительно образовательныхъ прогулокъ. Чрезвычайно важно для Общества сочувствіе городского управленія и тѣхъ вѣдомствъ, которымъ под-

чинены учебныя заведенія, и нельзя не пожелать, чтобы Общество могло идти съ ними рука объ руку по одному пути въ интересахъ учащейся молодежи.

Наконецъ, родители и частныя лица могутъ проявлять сочувствіе Обществу, поступаая въ члены и пропагандируя его цѣли и задачи среди знакомыхъ. Для участія въ Обществѣ не требуется какихъ-либо специальныхъ знаній, нужна лишь любовь къ дѣтямъ. Кто не располагаетъ временемъ, можетъ оказывать содѣйствіе ежегоднымъ членскимъ взносомъ.

Общество успѣло вызвать къ себѣ сочувствіе и въ провинціи, и правленіе его получаетъ изъ разныхъ городовъ просьбы объ устройствѣ филиальныхъ отдѣленій. Подобное отдѣленіе уже открыто въ Севастополѣ.

Въ заключеніе нашего очерка позволимъ себѣ привести отрывокъ изъ брошюры, изданной *Педагогическимъ Сборникомъ* для ознакомленія читателей съ задачами Общества:

„Намъ хочется вѣрить, что родители, воспитатели и вообще все лица, интересующіяся общественнымъ дѣломъ, придутъ на помощь Обществу. Еще недавно слышались горячіе толки о переутомленіи дѣтей, о ихъ слабости, нервности и проч. Толки эти нынѣ утратили свою остроту, но теперь приходится непрерывно слышать болѣе спокойныя рѣчи о необходимости оздоровленія юношества. За справедливостію этихъ рѣчей говорятъ многіе факты общественной жизни: браковка при рекрутскомъ наборѣ вслѣдствіе слабости здоровья, наблюденія врачей въ клиникахъ и лазаретахъ, нравственные проявленія, объявляемыя расшатанностью нервной системы, и многое другое. Думали, что все зло въ школахъ, въ ея программахъ, въ недостаткахъ преподаванія, и проч., и ждали, что все это будетъ вскорѣ исправлено и передѣлано. Было и сдѣлано нѣчто въ этомъ смыслѣ, но результаты не оправдали ожиданій, и вмѣстѣ съ тѣмъ стали высказываться мнѣнія, что эти требованія касаются только одной стороны дѣла. Справки показали, что заботы о здоровьи дѣтей, о правильной физической жизни ихъ, даютъ имъ силы справиться съ курсами столь же, а иногда и болѣе трудными, чѣмъ курсы нашихъ учебныхъ заведеній. Заботы вновь учрежденнаго Общества могутъ оказать не только непосредственную пользу, давъ здоровье и силы юношеству, но и повліять на успѣхъ его учебныхъ занятій, на нравственную выдержку, на возбужденіе бодрости и жизнерадостнаго чувства, естественнаго, но почти незнакомаго многимъ изъ юношей.

„Все это, однако, возможно только при условіи расширенія дѣятельности Общества, а оно всецѣло зависитъ отъ сочувствія и содѣйствія ему общественныхъ силъ.“

Будемъ же, съ своей стороны, надѣяться, что добрые люди, сочувствующіе всему благому и искренно, согласно евангельскому завету, любящіе „малыхъ сихъ“, всегда найдутся во всехъ слояхъ русскаго общества.

Къ рисункамъ.

Коронаціонныя торжества въ Москвѣ.

(Рисунки на стр. 819, 822, 823 и 826).

Помѣщенные нами въ настоящемъ номерѣ *Нивы* рисунки Е. И. Самокинъ-Судковской воспроизводятъ два момента коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ: церемонію принесенія поздравленій Ихъ Императорскимъ Величествамъ отъ членовъ дипломатическаго корпуса (рис. на стр. 822) и балъ въ Александровскомъ залѣ Кремлевскаго дворца (рис. на стр. 823) и нѣсколько видовъ грандіозной иллюминаціи города. Подробное описаніе этой иллюминаціи дано было нашимъ читателямъ въ № 22, въ „Письмахъ о коронаціи“ нашего спеціального корреспондента Вл. И. Немпровича-Данченко. Рисунки же иллюминаціи представляютъ пять различныхъ пунктовъ Москвы въ ея праздничномъ огневомъ убранствѣ.

Свиданіе. (Рис. на стр. 827.)

Не надо ридиться подъ украинскимъ небомъ, не надо даже быть подъ Кіевомъ, или за Полтавою, чтобы узнать и эту хату, и тополи, и подсолнечникъ, и эту парочку, забывшую все на свѣтѣ и обивающуюся здѣсь, ночью, при блѣдномъ свѣтѣ луны. Обо всемъ этомъ мы слышали, читали, давно уже, еще тогда, когда получали двойки изъ арифметики и тройки за поведеніе. Это было такъ хорошо написано, что намъ и теперь кажется, ужъ и въ самомъ дѣлѣ, не были ли мы сами на Украйнѣ, не видали ли подъ Гадячемъ сорочинскаго застѣдателя, отъ котораго ни одна вѣдьма на свѣтѣ не спрячется, не ѣли ли у кривого нана-головы галушечку, когда еще нана-винокуръ у него гостилъ, и не мы ли это такъ крѣпко обнимались за поповой левадой съ красавицей Горничной? Эти тоже обнимаются и, навѣрное, онъ—Левко, или Петро, а можетъ-быть и Ивась, а она—Пидорка, или Оксана, и, навѣрное, онъ не можетъ на ней жениться, потому что у Пидорки или Оксаны отецъ—старый Чубъ, а то и самъ нана-голова, можетъ-быть тоже кривой и

*) За подробностями отсылаемъ лицъ интересующихся въ отчетамъ о дѣятельности Общества, откуда мы и почерпнули матеріалъ для составленія даннаго очерка. Отчеты можно получать въ правленіи Общества (Фонтанка, домъ № 18, кв. № 25).

тоже пріятель нана-винокора, и ни за что не отдастъ дочку за бездомнаго паробка, у котораго только и есть своего, что черныя чубы, да черныя очи. И долго еще мѣсяць будетъ бѣгать по синему небу, гоняясь за звѣздочками, а въ тенюмъ воздухѣ все будетъ слышаться страстный шопотъ: „Пидорка, серденько мое, голубко...“

Парадный залъ городской ратуши въ Вѣнѣ.

(Рис. на стр. 831.)

Великолѣпное зданіе городской ратуши въ Вѣнѣ на Reichsstrasse, выстроенное между 1873 и 1883 годами въ готическомъ стилѣ архитекторомъ Шмидтомъ и обошедшее въ 15 мил. гульденовъ,—принадлежитъ къ грандіознѣйшимъ и красивѣйшимъ постройкамъ въ Европѣ и имѣетъ нѣсколько замѣчательныхъ залъ для пріемовъ и празднествъ, не говоря уже о безчисленныхъ комнатахъ для служебнаго персонала. Самый значительный и наиболѣе роскошно убранный изъ этихъ залъ изображенъ у насъ на стр. 831 настоящаго номера. Залъ этотъ находится въ бель-этажѣ; онъ выведенъ въ два свѣта, и высота его достигаетъ 17 метровъ. Къ дверямъ его ведетъ такъ-называемая парадная лѣстница; кругомъ зала расположены крытые хоры-галереи, на которые можно подняться по лѣстницамъ непосредственно изъ самаго зала или черезъ ходы второго этажа. Стѣны закарниваются надъ хорами великолѣпнымъ лѣснымъ карнизомъ, на которомъ покоится массивный сводчатый потоллокъ, изъ кованаго желѣза. Грандіозный залъ этотъ, имѣющій въ длину 70,7 метровъ (около 212 фут.), а въ ширину (вмѣстѣ съ ходомъ подъ аркадой) 18,6 метровъ (около 52 фут.)—производитъ прекрасное впечатлѣніе на посетителя, какъ своею роскошью, такъ и своимъ вкусомъ. У стѣнъ его расположено десять статуй, изображающихъ навѣстившихъ вѣнскихъ бургомистровъ; статуи эти выполнены лучшими скульпторами Вѣны. По короткой стѣнѣ зала выстроены эстрады для оркестровъ, а по бокамъ этихъ эстрадъ находятся высокія двери, ведущія въ буфеты, курительныя комнаты и пр. Освѣщаютъ залъ 17 электрическихъ люстръ съ 1311 лампочками накалыванія.

Р. И. Сементковскій. (Портр. на этой стр.)

15 августа с. г. исполнилось двадцатипятилѣтіе литературно-публицистической дѣятельности одного изъ выдающихся современныхъ журналистовъ и литературныхъ критиковъ, Ростислава Ивановича Сементковскаго.

Р. И. Сементковскій родился въ 1846 г. Окончив блестяще курсъ въ нѣмецкомъ петро-навловскомъ училищѣ въ С.-Петербургѣ, Р. И. поступилъ на юридическій факультетъ с.-петербургскаго университета. По окончаніи курса въ университетѣ, Р. И. посвятилъ себя изученію полицейскаго права, этого „права изъ всѣхъ правъ“. Состоитъ магистрантомъ по этому всеобъемлющему, наиболее многостороннему, и въ то же время наиболее близкому къ современному государственному и общественному строю предмету, Р. И. читалъ лекціи государственнаго права въ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣній. Отдавшись еще во времена студенчества изученію вопросовъ государственнаго благоустройства и безопасности, Р. И. задумалъ обогатить русскую литературу по своему предмету переводомъ нѣмецкаго труда знаменитаго нѣмецкаго ученаго Роберта фонъ-Моля „Die Polizeiwissenschaft“. 15 августа 1871 г. вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ этого перваго труда Р. И., подъ заглавіемъ: „Наука полиціи по началамъ юридическаго государства“, снабженный предисловіемъ, въ которомъ переводчикъ высказываетъ свой взглядъ на полицейскую науку. Магистерскій экзаменъ по полицейскому праву и политической экономіи Р. И. сдалъ въ томъ же году.

Напряженная дѣятельность и значительное первое истощеніе рѣзко сказались на молодомъ некрѣпкомъ организмѣ Р. И., и, по настоянію врачей, онъ долженъ былъ прервать свои работы и уѣхать за границу. Но дѣятельная натура Р. И. не могла примириться съ суровымъ приговоромъ врачей, и какъ только прошелъ острый періодъ болѣзни и силы стали прибывать, онъ, не теряя времени, рѣшилъ пополнить свое юридическое образованіе въ заграничныхъ университетахъ, на лекціяхъ двухъ крупнѣйшихъ свѣтилъ государственной науки — Блюмча и недавно скончавшагося Лоренца фонъ-Штейна. Во время этого же періода пребыванія за границей, Р. И. набралъ тему и сталъ работать для своей магистерской диссертации — „Объ отношеніи государства къ женскому образованію“. Тема была избрана самая животрепещущая; молодой ученый смѣло сталъ лицомъ къ лицу съ однимъ изъ труднѣйшихъ и наиболее сложныхъ государственныхъ вопросовъ. Онъ задумалъ освѣтить съ историко-философской точки зрѣнія отношенія правительствъ разныхъ временъ и народовъ къ женскому образованію, и, несмотря на то, что не имѣлъ предшественниковъ по разработкѣ этого вопроса ни въ русской, ни даже въ европейской литературѣ, онъ сумѣлъ изслѣдовать этотъ вопросъ настолько всесторонне, что трудъ его удостоенъ былъ лестныхъ отзывовъ со стороны лучшаго нашего знатока полицейскаго права, покойнаго проф. И. Е. Андреевскаго и другихъ профессоровъ. Несмотря, однако, на то, что диссертация была признана ими крупнымъ научнымъ трудомъ, авторъ ея вынужденъ былъ отказаться отъ публичной защиты своего труда. Лишенный возможности говорить съ обществомъ и поучать его съ университетской кафедры, Р. И. рѣшился взойти на другую не менѣе почетную кафедру съ гораздо большей еще аудиторіей, — стать публицистомъ, принять участіе въ высшеиіи текущихъ литературныхъ, экономическихъ и политическихъ вопросовъ, и выступилъ сначала въ *Новомъ Времени*. Начиная съ 1872 г. на страницахъ этой газеты стали появляться статьи Р. И., касавшіяся вопросовъ національности, земскаго самоуправленія, народнаго образованія. Статьи эти обнаружили сразу знатока предмета, и Р. И. поручено было руководить политическимъ и экономическимъ отдѣломъ *Новаго Времени*, и въ 1875 — 76 гг. онъ, вмѣстѣ съ покойнымъ Чебышевымъ-Дмитріевымъ, академикомъ В. П. Безобразовымъ и И. О. Василевскимъ (Буквой), состоялъ членомъ редакціи этой газеты. Оставивъ въ 1876 г. свое сотрудничество въ *Новомъ Времени*, перешедшемъ тогда въ другія руки, Р. И. въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ много работалъ и писалъ по разнымъ отраслямъ нашей экономической жизни и финансоваго хозяйства, и статьи его по этимъ вопросамъ помѣщались въ *Финансовомъ Обзорѣннн*, *Биржевой Газетѣ*, *Телеграфѣ* и *Новостяхъ*. Одновременно съ тѣмъ Р. И. прочелъ докладъ

Р. И. Сементковскій. (По поводу 25-лѣтія литературно-публицистической дѣятельности.)
Съ фот. авторіи „Нивы“.

„О вліяніи золотой пошлны на наше сельское хозяйство“ въ Вольно-экономическомъ обществѣ, въ которомъ онъ состоялъ секретаремъ III отдѣленія.

Когда обострился восточный вопросъ, къ которому главные органы нашей печати отнеслись отрицательно, подсмѣиваясь надъ „братушками“, Р. И., начиная съ 1874 года, старался выяснитъ, что событія ведутъ къ войнѣ. Послѣдующія событія послужили подтвержденіемъ его словъ.

За время своего десятилѣтняго (съ 1880 по 1890 г.) сотрудничества въ *Новостяхъ*, въ которыхъ онъ помѣщалъ статьи по многимъ государственнымъ и экономическимъ вопросамъ, Р. И. чутко отзывался на всѣ выдающіеся политическіе моменты, обсуждавшіеся тогда въ Россіи. По поводу поднятаго въ то время польскаго вопроса, Р. И. помѣстилъ цѣлый рядъ статей въ *Новостяхъ*, *Отечественныхъ Запискахъ*, *Наблюдателѣ* и *Издѣлн*. Статьи эти вышли особымъ сборникомъ въ 1882 г. подъ заглавіемъ „Польская бібліотека“. Сборникъ этотъ содержитъ въ себѣ, кромѣ публицистическихъ статей, характеристичныя выдающіеся современныхъ польскихъ беллетристовъ и переводы избранныхъ ихъ сочиненій. Въ такомъ обстоятельномъ ознакомленіи русскаго общества съ польской жизнью, отраженной въ современной беллетристикѣ, Р. И. видѣлъ одно изъ средствъ русско-польскаго сближенія. Въ связи съ этимъ пропагандированіемъ польской литературы въ русскомъ обществѣ, слѣдуетъ поставить участіе Р. И. въ изданіи (М. О. Вольфомъ) русскаго перевода сочиненій Мицкевича; Р. И. перевелъ и обработалъ для этого изданія „Курсъ славянской литературы“ Мицкевича, извлечши изъ него все, что характеризуетъ литературныя произведенія славянъ, и корреспонденцію величайшаго польскаго поэта.

Затѣмъ, когда вся Европа переживала въ восьмидесятихъ годахъ тревожное время, отразившееся очень невыгодно на нашемъ вексельномъ курсѣ, Р. И., выполняя намѣченную имъ себѣ задачу публициста — чутко отзываться на событія и вопросы, волнующіе общество и государство, принималъ участіе въ обсужденіи этого вопроса и изложилъ свои выводы въ книгѣ „Нашъ вексельный курсъ“.

Уже въ концѣ семидесятихъ годовъ, по окончаніи восточной войны, Р. И. въ одной изъ своихъ политическихъ статей высказалъ оцѣнку смѣ-

лую, по тогдашнему времени, мысль, что заключенный Россіей миръ долженъ вызвать новую группировку державъ, т. е. франко-русскій союзъ, и что чѣмъ скорѣе будетъ заключенъ этотъ союзъ, тѣмъ лучше будетъ для европейскаго мира. Мысль эта казалась другимъ органамъ печати столь несообразной, что въ то время ни одинъ изъ нихъ не рѣшался примкнуть къ ней.

Въ 1887 г. Р. И. Сементковскій выпустилъ въ свѣтъ книгу „Въ ожиданіи войны“, подъ псевдонимомъ „Ив. Ратовъ“, въ которой подробно разъяснилъ свою мысль. Книга эта, представляющая собраніе статей Р. И. по политическимъ вопросамъ, написанныхъ имъ съ 1883 по 1887 г., произвела своего рода сенсацію, какъ въ Россіи, такъ и въ особенности за границей. Последнее объясняется тѣмъ, что въ ней со строгой послѣдовательностью и убѣдительною доказана вся враждебность политики кн. Бисмарка по отношенію къ Россіи. Авторъ вышелъ въ Парижѣ французскій переводъ этой книги — „Dans l'attente de la guerre“, и вызвалъ сильныя нападки со стороны нѣмецкихъ преданныхъ канцлеру газетъ, встрѣтившихъ съ поиятной враждебностью этотъ трудъ, обнаружившій въ его авторѣ глубокое знаніе международныхъ отношеній „первоклассныхъ“ державъ и умѣнье постигнуть механизмы наиболее скрытыхъ пружинокъ „желѣзной“ политики германскаго канцлера.

Р. И. Сементковскій не оставилъ безъ вниманія и области искусства, при чемъ его дѣятельность въ этомъ направленіи можетъ быть названа критикою политическаго содержанія художественныхъ или псевдо-художественныхъ произведеній искусства. Такъ, между прочимъ, въ свое время обратили на себя вниманіе статьи его о театрѣ, о польской сценѣ и объ нѣкоторой гостившей у насъ въ Россіи, нѣмецкой мейншпигенской труппѣ. Статьи Р. И. о польскомъ театрѣ въ Петербургѣ были, по выраженію польскаго артиста Рихтера, „не рецензіи, но настоящіе уроки свѣдущаго театрална артиста, авторамъ и публикѣ, — уроки, облеченные въ такую заманчивую форму, что читались какъ легкіи фельетоны“. Взгляды и мнѣнія Р. И. о польскомъ театрѣ составили цѣлую монографію, которая была помѣщена имъ въ *Наблюдателѣ*.

Заслуживают также вниманія двѣ критическія статьи Р. И. подъ общимъ заглавіемъ „Идеалы въ искусствѣ“, помѣщенные въ *Историч. Вѣстникъ* (іюнь—іюль 1894 г.). Статьи эти посвящены анализу творчества „двухъ наиболее извѣстныхъ современныхъ русскихъ художниковъ Антокольскаго и Рѣпина.“ Авторъ критикуетъ дѣятельность этихъ двухъ столповъ современнаго русскаго искусства по отношенію къ выбору ими сюжетовъ; по его мнѣнію, единственно выборъ сюжетовъ бросаетъ свѣтъ на сущность творчества, на тѣ идеальныя стремленія, которыми руководствуется художникъ въ своей дѣятельности, и критикъ приходитъ къ заключенію, что „оба художника не указываютъ обществу какихъ-либо новыхъ идеаловъ, или, точнѣе говоря, отражаютъ въ своихъ произведеніяхъ только нывѣшнюю неустойчивость и безпорядочность общественной мысли“.

Этотъ довольно безотрадный выводъ автора объясняется тою широкою маштабомъ, который онъ хотѣлъ приложить къ искусству въ лицѣ указанныхъ и избранныхъ авторомъ двухъ его представителей. Авторъ тщетно пытался найти въ современномъ русскомъ искусствѣ такихъ же указаній на нарождающееся новое общественное міровоззрѣніе, какія по его мнѣнію наблюдаются въ современной русской беллетристикѣ. Этому послѣднему вопросу посвящена статья Р. И. „Шестидесятыя годы и современная беллетристика“ (*Историч. Вѣстникъ*, апрѣль 1892 г.).

Герои прѣжняго пошиба, говоритъ Р. И., не соблазняютъ современныхъ беллетристовъ. Общество наше ищетъ такихъ дѣятелей, которые не только провозвѣщаютъ правду, но и осуществляютъ ее въ жизни,—дѣятелей, которыхъ г. Вас. Немировичъ-Данченко первый назвалъ „незамѣтными героями“, которыхъ г. Потапенко демонстративно назвалъ „не-героями“, и о которыхъ Тургеневъ пророчески говорилъ: „Мы вступаемъ въ эпоху только полезныхъ людей... и это будутъ лучшіе люди“.

Мы такимъ образомъ подошли вмѣстѣ съ тѣмъ къ одному изъ основныхъ мотивовъ критической дѣятельности Р. И. Сементковскаго,—къ вопросу о „маленькихъ людяхъ“ и „маленькихъ дѣлахъ“, какъ наиболее вѣрному средству осуществленія одушевляющихъ насъ общественныхъ и политическихъ идеаловъ. О выдающемся значеніи этихъ „маленькихъ дѣлъ“ Р. И. не разъ говорилъ и на страницахъ *Литерат. Приложеній къ Нивѣ*, въ своихъ критическихъ очеркахъ.

Обративъ вниманіе на то, что общество наше склонно увлекаться, въ области социальной и политической мысли, разными модными теоріями, Р. И. помѣстилъ въ *Вопросахъ философіи*

и *психологіи* горячую статью „Модная теорія“, въ которой предостерегаетъ общество отъ увлеченія теоріей эволюціонизма Спенсера и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтуетъ не болѣе болѣе философскими теоріями вообще и болѣе приближаться къ дѣятельности.

Въ статьѣ „Философія и жизнь“ (*Истор. Вѣстникъ*, февр. 1894 г.) Р. И. задался цѣлью объяснить тотъ знаменательный и печальный фактъ, что, несмотря на всѣ успѣхи техническіе, политическіе, социальные и экономическіе, человѣчество какъ бы все болѣе

удаляется отъ радостнаго отношенія къ жизни и погружается въ мрачнейшій пессимизмъ. Причину этого авторъ главнымъ образомъ видитъ въ томъ, что мы очень увлекались „чистыми умозрѣніемъ“, то-есть разными философскими системами, увлекались настолько, что забыли о жизни, которая жестоко метитъ намъ за эту забывчивость неприглядностью окружающаго насъ условій. „Мы слишкомъ много философствовали за послѣднее столѣтіе,—говоритъ онъ въ заключеніе,—и намъ давно пора возвратиться къ тому идеалу, который воодушевлялъ Петра Великаго, Кантемира, Ломоносова и признанъ былъ такимъ писателемъ, какъ Гете“, показавшимъ въ своемъ „Фаустѣ“, что значеніе и смыслъ жизни познаетъ человѣкъ тогда лишь, когда посвятитъ себя практической дѣятельности, когда вступитъ въ тѣсный союзъ съ наукой и жизнью, для того, чтобы непосредственно обозначить благо ближнихъ.

Принцъ Карлъ датскій и супруга его, принцесса уэльская Модъ.

Публицистъ до мозга костей, въ лучшемъ европейскомъ значеніи этого слова, Р. И. Сементковскій не ограничился критическою дѣятельностью. Онъ иногда приближалъ къ болѣе широкаго распространенія своихъ выводовъ къ беллетристической формѣ. Такимъ образомъ имъ написанъ рядъ повѣстей и очерковъ, появившихся въ разныхъ журналахъ (*Истор. Вѣстникъ*, *Неделя*, *Русской Мысли*) и отдельными изданіями; напр., повѣсть „Дѣвичьи сны“ (1888 г.), въ которой авторъ старается выяснитъ взаимное отношеніе нашихъ партий; другая, не менѣе обширная повѣсть „Евреи и жиды“ (1890 г.) посвящена еврейскому вопросу; въ очеркѣ „Смерть сановника“ Р. И. коснулся основъ нашей внутренней политики; эту же „Однѣшка Довъ-Кихотъ“ и рассказъ „На вечерѣ у курьестокъ“ представляютъ попытку выяснитъ стремленія нашей молодежи и т. д.

На ряду съ интересною статьѣю Р. И. „Общественные мотивы современныхъ беллетристовъ“ (*Истор. Вѣстникъ*, мартъ 1895 г.), Р. И. посвятилъ спеціальныя этюды нѣкоторымъ наиболее выдающимся писателямъ: Боборыкину (въ *Телеграфѣ*),

Л. Толстому (въ *Новостях*), Ломоносову („Родоначальникъ нашей патриотической литературы“, *Истор. Вѣстн.*, августъ 1894 г.), Фонвизину („Наибъ первый скенникъ“), Кантемиру („Родоначальникъ нашей обличительной литературы“, мартъ 1894 г.) и, наконецъ, завоевавшему умы всей Европы, настоящему „варягу“, отдаленному потому тѣхъ норманновъ, которые наводили страхъ и ужасъ на всю Европу, порвежду Генриху Ибсену („Что такое Ибсенъ?“ *Истор. Вѣстн.*, сентябрь 1894 г.).

Къ числу произведеній Р. И. Сементковскаго, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, слѣдуетъ причислить и нѣсколько томиковъ „Биографической библиотеки“ Ф. Павленкова, а именно biography Кантемира, Канкринъ, Бисмаркъ, Дидро.

Кромѣ того, Р. И. принималъ участіе въ редактированіи многихъ иностранныхъ сочиненій, переведившихся на русскій языкъ, нѣрѣдко снабжая ихъ болѣе или менѣе обширными предисловіями, въ которыхъ старался выяснитъ значеніе этихъ трудовъ въ дѣлѣ правильной постановки у насъ вопросовъ жизни и литературы. Изъ значительнаго числа этихъ сочиненій укажемъ въ особенности на слѣдующія: „Въ трудобахъ Англіи“, Бугса; „Исторія французской революціи“, Карно; „Рабочій вопросъ“, Ланге; „Вырожденіе“, Макса Нордау; по поводу толковъ объ этой книгѣ Р. И. помѣстилъ въ *Истор. Вѣстн.* (январь 1894 г.) интересную статью „Вырожденіе или невѣжество“, представляющую критическій разборъ метода Макса Нордау.

Мы не въ состояніи были перечислить всего написаннаго Р. И. Сементковскимъ за двадцать пять лѣтъ его литературной дѣятельности, но и указаннаго вполнѣ достаточно для того, чтобы судить о его отзывчивости. Можно смѣло утверждать, что не было за послѣднюю четверть вѣка почти ни одного государственнаго, общественнаго или литературнаго вопроса, въ выясненіи котораго Р. И., какъ публицистъ, не принималъ бы въ той или другой формѣ участія.

„Вдумываться въ прошлое и смотрѣть на настоящее не съ точки зрѣнія интересовъ какого-либо кружка или партіи, а съ высшей точки зрѣнія блага своего народа и человѣчества, никогда не плыть по теченію, а наоборотъ стараться извлечь общество изъ мутныхъ волнъ дѣйствительности“ — вотъ что ставилъ себѣ всегда Р. И. задачей въ своей публицистической дѣятельности. Въ концѣ своей статьи „Шестидесятие годы и современная беллетристика“ Р. И. говоритъ: „быть на своемъ мѣстѣ, проявить выдержку въ борьбѣ съ прозою жизни, подавать примѣры дѣльности характера во всѣхъ мелочахъ жизни, дрягачахъ, повседневныхъ встрѣчахъ и столкновеніяхъ, работать неустанно и настойчиво надъ преодоленіемъ всевозможныхъ препятствій, противоставаемыхъ нашимъ возвышеннымъ идеаламъ и порывамъ, — это также своего рода подвигъ, незамѣтный, но тѣмъ болѣе великій... Этимъ „незамѣтнымъ героямъ“ надо оказывать поддержку, ибо они ея въ высшей мѣрѣ заслуживаютъ... Будемъ на нихъ указывать, протягивать имъ руку, отводить имъ почетное мѣсто, потому что они — истинные работники на родной нивѣ...“ Одно изъ такихъ почетныхъ мѣстъ отвоевалъ себѣ по праву и самъ авторъ этихъ строкъ, характеризующихъ его же собственную дѣятельность, какъ одного изъ „истинныхъ работниковъ на родной нивѣ“.

Принцъ Карлъ датскій и супруга его, принцесса уэльская Модъ. (Портр. на стр. 835).

10 іюля н. г. въ церкви Бэкингамскаго дворца состоялось при относительно скромной обстановкѣ бракосочетаніе второго сына датскаго наслѣднаго принца Карла съ младшей дочерью принца уэльскаго, принцессой Модъ. При бракосочетаніи присутствовали, кромѣ королевской англійской семьи, августѣйшіе родители жениха съ принцессами Тирой и Ингеборгой датскими, наслѣдныи принцъ и принцесса греческіе и принцъ Николай. Вѣнчаніе совершили архіепископъ кентерберійскій, епископъ лондонскій и вичестерскій въ сослуженіи съ нѣсколькими другими священнослужителями.

Наканунѣ вѣнчанія королева Викторія пожаловала жениху и старшему его брату орденъ Бани, а родители жениха, наслѣднаго принца Фредерика возвела въ кавалеры ордена Подвизки.

По окончаніи торжественнаго обряда вѣнчанія, состоялся семейный завтракъ, и затѣмъ новобрачные, привѣтствуемые населеніемъ Лондона, богаго разукрашивагося по случаю торжества, отбыли въ Сэндриггамъ.

Принцъ Карлъ родился въ Шарлоттенбургѣ, 22 іюля 1872 г. и состоитъ лейтенантомъ датскаго флота. Принцесса Модъ родилась въ Марльборо-Гоузѣ 14 ноября 1869 г.

Оба высокоароченные супруга состоятъ въ тѣсной родственной связи съ Русскимъ Императорскимъ Домомъ. Принцъ Карлъ — со стороны своего родителя, а принцесса Модъ — съ материнской стороны, приходится племянникомъ и племянницей Ея Величеству Государыни Императрицы Маріи Феодоровны.

В. М. Лахтинъ. (Портр. на стр. 837.)

14 августа н. г. исполнилось полгода со дня смерти управляющаго ивангородо-домбровской желѣзной дорогой, инже-

нера путей сообщенія, ст. сов. Владиміра Михайловича Лахтина.

Въ лицѣ В. М. Лахтина весь желѣзнодорожный мѣръ понесъ чувствительную утрату, лишившись не только одного изъ способѣйшихъ инженеровъ, но и талантливаго администратора, предупредительно и заботливо относившагося къ нуждамъ подчиненныхъ и старавшагося помочь каждому и словомъ, и дѣломъ.

В. М. Лахтинъ происходилъ изъ дворянъ Петербургской губерніи и родился въ 1842 г. Свою служебную карьеру В. М. Лахтинъ началъ въ 1861 г., по окончаніи курса въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія. Причисленный къ министерству путей сообщенія, съ откомандированіемъ въ инспекцію строившейся въ то время с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги, В. М. послѣдовательно занималъ должности начальника участка по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Ковилѣ, Смоленскѣ и Ревелѣ. На этихъ должностяхъ В. М. сумѣлъ скоро заявить себя съ наилучшей стороны, въ качествѣ техника и руководителя работъ, и былъ уже въ 1869 г. назначенъ главнымъ инженеромъ рыбинско-бологовской желѣзной дороги. Когда окончена была постройка этой дороги, В. М. приглашенъ былъ на постройку моршанско-сызранской желѣзной дороги. Въ 1874 г., по открытіи движенія по этой дорогѣ, В. М. назначенъ былъ управляющимъ ею.

Пятнадцать лѣтъ пробылъ В. М. во главѣ управленія этой дорогой и успѣлъ за это время снискать себѣ любовь и уваженіе не только въ средѣ своихъ служащихъ, но и во всемъ городѣ. Во вниманіе къ его выдающейся общественной дѣятельности и внимательному отношенію къ интересамъ и нуждамъ города, В. М. избранъ былъ въ Пензѣ, — мѣстопробываніи управленія дорогой, — почетнымъ мировымъ судьей, председателемъ общества взаимнаго страхованія, гласнымъ думы и членомъ всѣхъ благотворительныхъ обществъ въ городѣ. В. М. Лахтинъ состоялъ также однимъ изъ членовъ депутаціи отъ г. Пензы на торжествахъ Священнаго Коронованія въ Бозѣ почивающаго императора Александра III.

Въ 1890 г. В. М. ввѣрено было управленіе тремя соединенными желѣзными дорогами: моршанско-сызранской, рижско-моршанской и рижско-виземской.

Два года спустя, 18 іюня 1892 г. В. М. назначенъ былъ управляющимъ ивангородо-домбровской желѣзной дорогой. За три года своего пребыванія во главѣ управленія этой дорогой, В. М. добился быстро развитія дѣятельности дороги, развивагося не только въ оживленіи коммерческаго движенія по дорогѣ, но и въ значительномъ подъемѣ торговли, промышленности и земледѣлія въ краѣ. Въ заботахъ объ экономическомъ развитіи края В. М. представлялъ, между прочимъ, министерству проектъ — постройку на нѣкоторыхъ станціяхъ дороги въ Радомской и Кѣленкой губерніяхъ хлѣбные магазины и выдавать земледѣльцамъ ссуды подъ земледѣльческіе продукты.

Оцѣнка всей этой плодотворной дѣятельности В. М. Лахтина нашла себѣ особенно яркое выраженіе при первой неожиданной вѣсти о его кончинѣ, послѣдовавшей послѣ операціи въ Петербургѣ. Всѣ сослуживцы покойнаго, всѣ подчиненные вплоть до послѣдняго рабочаго, весь обширный кругъ лицъ, имѣвшихъ съ покойнымъ дѣловыя или личныя сношенія, — всѣ, какъ одинъ человекъ, были глубоко удручены этимъ горестнымъ событіемъ, волнуявшимся и опечаливающимъ всѣхъ знавшихъ его. Правленіе дороги въ особомъ засѣданіи постановило: возложить на гробъ покойнаго серебряный вѣнокъ и „поручить замѣстителю управляющаго дорогой по поводу понесенной тяжелой утраты объявить приказомъ по линіи, что правленіе глубоко сожалеетъ о безвременной кончинѣ Владиміра Михайловича, безусловно честнаго, безкорыстнаго, неутомимаго и полезнаго дѣятельность котораго представляетъ собою наилучшій примѣръ для всѣхъ служащихъ въ управленіи и на линіи“.

Память объ этомъ примѣрномъ скромномъ общественномъ дѣятелѣ увѣковѣчена дѣломъ, вполне достойнымъ его личности: — во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ протекла четверть вѣка дѣятельности покойнаго, въ Пензѣ и Калугѣ, учреждены стипендіи его имени и такая же стипендія учреждается и въ г. Радомѣ, послѣднемъ мѣстѣ служенія покойнаго.

Кумысо-водолѣбное заведеніе „Аннаево“.

(Рис. на стр. 838.)

Благотворное дѣйствіе кумыса при легочныхъ болѣзняхъ и въ особенности чахоткѣ давно уже признано всѣми. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время публіка начинаетъ немного охлаждать къ вопросу о лѣченіи кумысомъ, дававшимъ не разъ самые блестящіе результаты, когда лѣченіе применялось рационально и было начато во-время. Нѣсколько случаевъ безуспѣшнаго лѣченія, нѣсколько случаевъ замѣтнаго ухудшенія болѣзни, въ которыхъ былъ повышенъ не кумысъ самъ по себѣ, а неумѣлое его приготовленіе и плохіе условія кумысолѣченія, — и престижъ кумыса какъ будто подорванъ въ глазахъ публички, видящей печальныя слѣдствія, но не знающей породившихъ ихъ причинъ. Какъ прежде случаи успѣшнаго лѣченія болѣзней дыхательныхъ и пищеварительныхъ путей относились исключительно на счетъ цѣлебной силы кумыса, не принимая во вниманіе всѣхъ сопровождающихъ кумысолѣченіе

благоприятных условий — как-то: полнейшего отдыха, свежего, степенного воздуха, хорошего питания, успешного обмена веществ в организме под животворными лучами солнца, — которые являются при кумысолечении прекрасным подспорьем, — так в настоящее время все случаи неудачного лечения несправедливо приписывают вину кумыса. Между тем стоит только взглянуть, как происходит лечение, среди каких печальных условий приходится жить больному, обреченному на прозябанье в одном из маленьких кумысных курортов, каких не мало теперь развелось в Самарской, Саратовской, Уфимской и Оренбургской губерниях, чтобы понять, что для большинства больных, прибывающих к лечению кумысом, весьма тяжким и серьезным неудобством при лечении представляется именно неустроенность этих кумысолечебных заведений, содержание которых очень любят оправдывать все свои беспорядки заявлением, что „здесь не столица, а степь“. И больным поневоле приходится мириться с логикой такого заявления и с Божьей помощью отбывать курс лечения в глухих и некультурных уголках России, точно какую-нибудь суровую страду. Правда, при кумысолечении, чем ближе к природе, тем лучше, но близость к природе предполагает известную простоту жизни, известную скромность требований, а скромностью глуповатый культурный человек похвалиться не может. А так как для всякого лечения благоприятные условия жизни должны быть поставлены выше всех других условий лечения, то больным, привыкшим к удобствам и комфорту, можно указать на кумысо-водолечебное заведение „Аннаево“, расположенное в трех верстах от Самары.

Мы помещаем в этом номере *Нивы* рисунки, изображающие главное здание и сад этого наиболее благоустроенного из наших кумысолечебных заведений. Как ни далеко оно от того идеала, к которому должно приближаться рационально устроенное кумысолечебное заведение, оно все-таки лучше большинства других.

Кроме лечения кумысом, в Аннаеве можно пользоваться усовершенствованным водолечением и всеми родами лечения электричеством. К услугам — и высокого давления души Шарко, и электрические ванны, и гальванизация, и фарадизация, и Бог-вместе какие еще средства, которыми наука пытается подкрепить обезсиленное недугами человеческое тело. Одно уже перечисление методов лечения указывает на то, что „Аннаево“ пригодно не только для туберкулезных, но и для всякого рода больных. Самое заведение расположено на берегу Волги, на одном из красивых уголков левого берега. Из окон главного здания и из сада открывается чудный вид на Ябуглевские горы, мягкими контурами рисующиеся на противоположном берегу. Заведение состоит из „старого“ и „нового“ дома, курзала со сценой для концертов и любительских спектаклей и группы флигельков, живописно раскиданных среди зелени тенистого, хорошо распланированного парка, в котором больные проводят целые дни, дыша чистым воздухом и любя все виды окрестностей. При этом не стоит забывать, что место, несмотря на близость воды, огню не сырое, благодаря своему высокому положению.

Кроме культурных развлечений — концертов и спектаклей, которыми самоотверженно занимаются скачущие любители (а скачущая публика самоотверженно их смотрит и слушает) — для любителей природы имеются другого рода развлечения, в роду походов в окрестности и катаний на лодках.

Что касается самой жизни в Аннаеве, то она во всех отношениях ничем не отличается вообще от „курортной“ жизни. Цены не отличаются излишней умеренностью, потому что все-таки устройство курорта в России на граничный маляр стоит не малых затрат, но и не поражают своей чрезмерностью, вопреки стремлению русских предпринимателей за все усовершенствования взимать с публики денежную благодарность сторицей. При средних требованиях и благоразумной умеренности в пользовании особо оплачиваемыми удобствами и удовольствиями, летний сезон (с 10 мая по 1 сентября) может обойтись в 300—400 руб. Вот приблизительно цены: квартиры от 60—300 руб. за сезон, стол — обед из трех блюд и завтрак из двух — 30 руб. в месяц, кумыс — 25 коп. бутылка.

Людьми избалованным и привыкшим к всевозможным удобствам европейских курортов, если они захотят лечиться кумысом, быть-может, всего лучше отправиться поправлять свое здоровье в Аннаево. Здесь им, по крайней мере, не придется приходить в ужас от каждой мелочи и повторять на каждом шагу, что Россия — страна варварская, далеко отставшая от Западной Европы на пути прогресса. Им можно будет вести спокойную жизнь „пресных“, пользоваться наблюдениями и советами доктора, который, по приглашению владыка, весь лечебный сезон проводит в Аннаеве.

Но для людей, которых требования скромны и вкусы избалованы, лучше пользоваться кумысом в какой-нибудь башкирской деревушке, маленькой и плохенькой — расположенной среди безконечного раздолья степи. Было бы странно мечтать о каких-нибудь удобствах в заброшенной башкирской деревушке, но жить там можно без лишней и дешево, хотя многим и многим приходится запастись заранее, так как у башкир своеобразие условий жизни и вкусы. Еще дешевле жить компанией, общества наизысканней для приготовления кумыса опытного банкира с парой лошадей. Известный писатель Засодимский пробовал несколько лет подряд устраивать указанным способом для себя и для учащейся молодежи кумысолечение на товарищеских началах, и результаты получались самые блестящие. Никакие курорты, никакие усовершенствования науки не могут дать того, что дают солнце, воздух и степь.

Для того, чтобы представить разницу между условиями лечения в курортах средней руки и лечения на свободе у башкир, мы приведем интересные данные из обширной и прекрасной статьи д-ра Н. Н. Михайлова „Очерк современных условий кумысолечения на востоке России“ (*Врач*, 1896 г., № 15—25), которую горячо рекомендуем всем интересующимся вопросом о кумысолечении.

По приблизительным расчетам, на каждого больного в кумысолечебном заведении должно приходиться по две дойных матки, из которых каждая может дать в сутки не более 4—6 бутылок молока, сохраняя это количество удоя не более 6—8 недель. Постоянная смена здоровых дойных маток и содержание их в достаточном количестве, а также содержание хороших пастбищ не по средствам маленьким заведениям, которые прибывают поэтому или к увеличению количества пасечек качества, или устанавливают для больных какой-то „нормальный“ срок лечения — 6 недель, и „нормальное“ количество кумыса в день — 5—6 бутылок в сутки. Между тем, при лечении кумысом никаких вообще норм не существует — главное, был бы хорош кумыс и были бы хорошие условия жизни больного. Хорошим кумысом считается так называемый „средний“ кумыс, находящийся еще в процессе брожения и содержащий наибольший процент углекислоты, отчего при откупоривании бутылки он выбрасывает пробку в потолок и сильно играет. Средний кумыс слегка поднимается в горло и производит при питье такое впечатление, как будто язык и небо посыпаны мелким порошком. Налитый в стакан, он оставляет послѣ себя на стенках стакана ровный и плотный пристающий осадок. Желудком средний кумыс воспринимается легко в каком угодно количестве (некоторые больные ухитряются выпивать в день до 15 бутылок), в то время, как слабый, еще не перебродивший кумыс разстраивает желудок, а крепкий кумыс, в котором началось уже спиртовое брожение, производит запоры. Самым лучшим временем для лечения кумысом считается весна до половины июля, хотя, по наблюдениям д-ра Н. Н. Михайлова, кумыс не менее, если даже не более полезен в конце июля и в августе, когда лошадей пускают на скошенные залитые луга, дающие такой прекрасный и обильный корм.

Тихая, спокойная жизнь, продолжительный отдых, частые прогулки на свежем воздухе в степи, по которой бродит напоенный ароматами трав и цветов легкий ветерок, и — кумыс, как самый лучший питательный продукт, кумыс утром, в полдень, вечером, — вот самый действительный рецепт для тех, кто хочет быть здоровым без сомнительной помощи латинской кухни и ухищрений все еще пока экспериментирующей медицины.

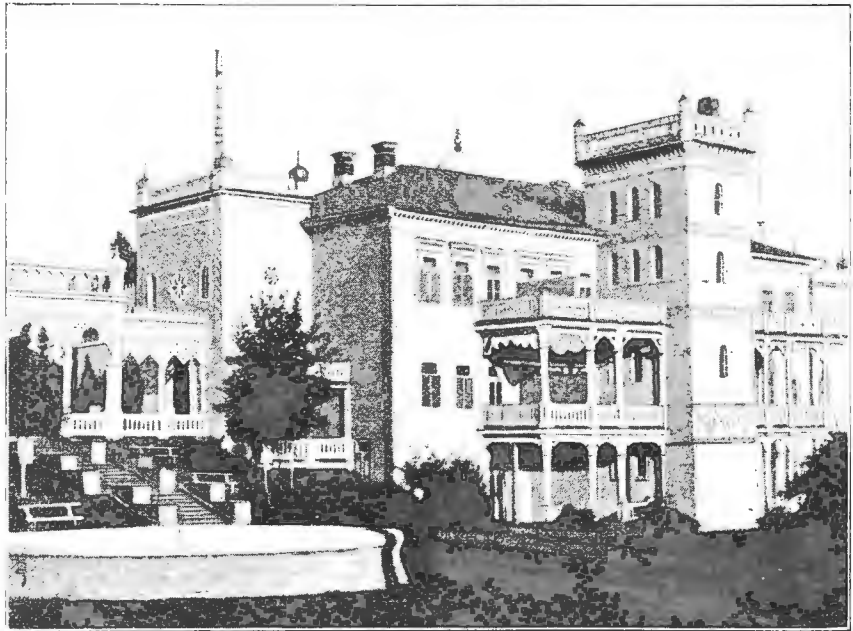

В. М. Лактинь. († 14 февраля 1896 г.)
Съ фот. авторипия „Нивы“.

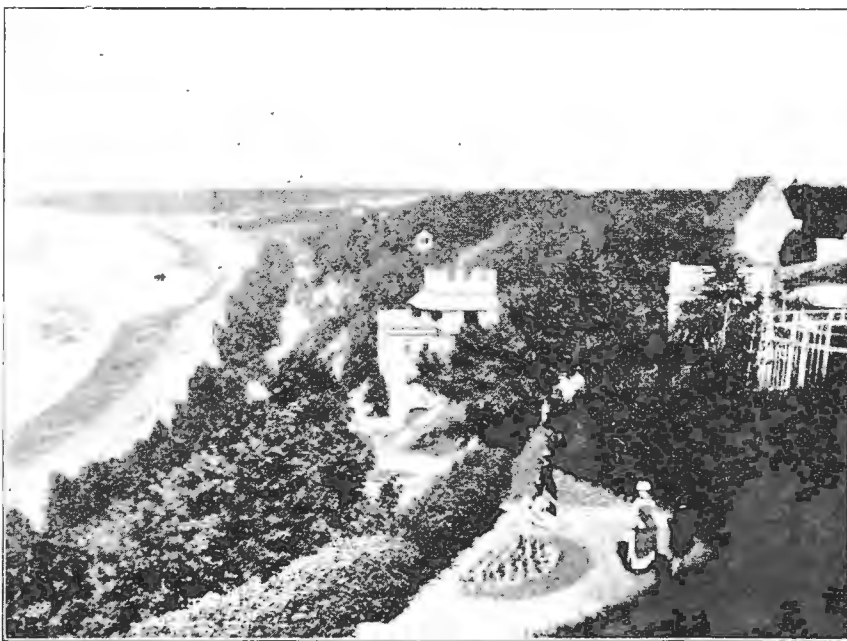
Политическое обозрѣніе.

Въ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ чѣмъ ближе къ президентскимъ выборамъ, тѣмъ сильнѣе разгорается избирательная борьба партій. Вѣдѣ за республиканскимъ конвентомъ (см. *Нива* № 26) состоялся въ Чикаго съѣздъ представителей демократической партіи, ознаменовавшийся бурными засѣданіями и горячими преніями между приверженцами серебряной и золотой валюты. Предсѣдатель конвента — сторонникъ серебра — въ своей рѣчи къ представителямъ демократической партіи высказался, что пришло время стряхнуть съ плечъ американскаго народа „гнетъ Европы“, такъ какъ Англія, обезцѣпывая американскія деньги, стремится превратить американскихъ промышленниковъ въ „чернорабочихъ“. Подрывомъ цѣлности серебряныхъ денегъ наносится американскому народу чувствительный ущербъ „по милости золотой валюты, сохраненіе которой въ основѣ денежнаго курса не можетъ быть желательнымъ съ точки зрѣнія благосостоянія Соединенныхъ Штатовъ“. После этой рѣчи, вызвавшей одобрителныя отзывы конвента, съѣхавшіеся представители демократической партіи высказали свои взгляды на нужды американской промышленности, кризисъ которой, по мнѣнію демократическихъ ораторовъ, объясняется ошибочной финансовой политикой: золотая валюта приноситъ выгоду только богатымъ классамъ, обезцѣпленіе же серебра сопровождается непосильнымъ гнетомъ для трудящагося населенія; такъ, Англія держится золотой валюты, при помощи которой создаетъ зависимость другихъ странъ отъ лондонскаго банка; устраненіемъ серебряной монеты наносится ущербъ огромному большинству населенія, а потому — необходима свободная чеканка въ неограниченномъ количествѣ съ установленіемъ постояннаго отношенія между серебромъ и золотомъ. Выказываясь за повышеніе ввозныхъ пошлинъ, демократы, однако, не доходятъ въ своихъ требованіяхъ по этому предмету до степени воспрещенія иностраннымъ товарамъ появляться на американскихъ рынкахъ. Затѣмъ конвентъ, придерживаясь высказанныхъ ораторами взглядовъ, принялъ выработанную спеціальною комиссіей программу, исключивъ лишь изъ нея

валюты и интересы рабочаго класса. Новый демократическій кандидатъ въ президенты обратился къ представителямъ своей партіи съ горячей рѣчью, въ которой назвалъ вопросъ о серебряной валютѣ „вопросомъ свободы и человѣколюбія“. Выказавшись за подоходный налогъ и за двойную валюту, Брейантъ старался въ своей рѣчи убѣдить своихъ многочисленныхъ

Кумысо-водолѣчебное заведеніе „Аннаево“, въ 3-хъ верстахъ отъ г. Самары. Главное зданіе. Съ фот. А. Васильева автотипія „Нивы“.

Кумысо-водолѣчебное заведеніе „Аннаево“, въ 3-хъ верстахъ отъ г. Самары. Садъ на берегу Волги. Съ фот. А. Васильева автотипія „Нивы“.

категорическое упоминаніе о доктринѣ Мошроэ и помѣтивъ неизмѣнный пунктъ всѣхъ политическихъ программъ янки о „сочувствіи геройской борьбѣ“ населенія острова Кубы за независимость. Въ заключеніе своихъ засѣданій демократическій конвентъ, после нѣсколькихъ голосованій, остановился въ выборѣ кандидата на Брейантъ — даровитомъ адвокатѣ, 36 лѣтъ, изъ штата Небраски, — убѣжденномъ сторонникѣ серебряной

слушателей, что только двойная валюта оставитъ надежду цѣлности серебра во всемъ свѣтѣ, вызванное неограниченной чеканкой серебряной монеты въ Соединенныхъ Штатахъ. Двойная валюта, по мнѣнію демократическаго кандидата, остановитъ также увеличивающійся вывозъ золота. Рѣчь свою Брейантъ закончилъ увѣреніемъ, что Соединенные Штаты только тогда добьются уваженія къ своей иностранной политикѣ, когда создадутъ собственную финансовую политику.

Упорно проявляемый интересъ всѣхъ американскихъ партій къ кубинскому вопросу заставляеть Испанію не падать усилій, направленныхъ къ усмиренію возставшей колоніи. Парламентъ разрѣшилъ правительству пользоваться всѣми не имѣющими спеціального назначенія источниками для подавленія возстанія на Кубѣ, что служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, какъ испанцы дорожатъ жемчужиной Англійловъ.

Вся печать требуетъ заключенія союзовъ для оказанія рѣшительнаго отпора чрезмѣрнымъ притязаніямъ Соединенныхъ Штатовъ. Тѣмъ временемъ нанесенное испанцами поражение нѣкоторымъ отрядамъ повстанцевъ и взятіе въ плѣнъ одного изъ ихъ предводителей далеко еще не устраняютъ необходимости въ немалыхъ жертвахъ со стороны Испаніи, такъ какъ процентъ заболѣваній среди ея войскъ на Кубѣ съ каждымъ днемъ возрастаетъ до ужасающихъ размѣровъ. Недавній пренія въ парламентѣ доказали, что правительство остается при прежнемъ своемъ рѣшеніи добиться полного замирненія колоніи. Хотя, по свѣдѣніямъ изъ Вашингтона отъ 18-го іюля, президентъ Кливлендъ обратился къ американцамъ съ прокламаціей, приглашая ихъ, подъ угрозой тяжелой отвѣтственности, къ строгому нейтралитету, тѣмъ не менѣе, какъ сообщаетъ *Berlin-Tageblatt*, это обстоятельство не произвело

въ Испаніи успокоенія: Кливлендъ скоро покинетъ Вѣдѣй домъ, а въ іюль, по мнѣнію испанцевъ, побѣдительница на президентскихъ выборахъ, республиканская партія приняла относительно Испаніи девизъ — „независимость Кубы“. Въ виду этого мадридское правительство рѣшило принять всѣ мѣры къ прекращенію возстанія на Кубѣ до избранія преемника Кливленда, обнаружившему, во всякомъ случаѣ,

въ кубинскомъ вопросѣ много сдержанности и такта. Съ этою цѣлью генералу Вейлеру даны новыя полномочія и средства. Въ Генуѣ заказаны 2 бронисосна, а въ Англии — 2 панцирныхъ крейсера. На Кубу отправлено уже 30 тысячъ ружей Маузера и изготовляется 40 тысячъ для отряда, выступающаго изъ Испаніи въ сентябрѣ; такой же запасъ ружей заказанъ и для резервистовъ.

Военный министръ вноситъ рядъ законопроектовъ о кредитахъ на военныя надобности. Умирненіе Кубы считается дѣломъ національной чести и экономической важности. Въ виду

того, что либеральная оппозиція парламента вслѣдствіи тормозитъ вопросъ о кредитахъ на борьбу съ Кубой, испанскій премьеръ выступилъ въ одно изъ недавнихъ засѣданій парламента, при дружномъ привѣтствіи со стороны всѣхъ партій, съ категорическимъ заявленіемъ, что правительство намѣрено „внести существенную реформу на Кубѣ — децентрализацию“, т. е. вводитъ самостоятельную администрацію колоніи, а „не политическую автономію, могущую подорвать владычество Испаніи на Кубѣ“. Но необходимо сперва одержать рѣшительную побѣду надъ инсургентами, чтобы „спасти честь Испаніи“.

Разныя извѣстія.

— 6 августа официально объявлено о намѣлкѣ наслѣдника итальянскаго престола принца Неаполитанскаго съ младшею дочерью князя Николая Черногогорскаго княгиней Еленой Николаевной.

— Съ 1896—97 учебнаго года въ Петербургѣ открывается 20 новыхъ городскихъ народныхъ училищъ въ память бракосочетанія Ихъ Величествъ, рожденія великой княжны Ольги Николаевны и Священнаго Коронованія.

— Попечитель варшавскаго учебнаго округа получить отъ министра народнаго просвѣщенія гр. И. Д. Делянова уведомленіе, что, въ силу Всемилостивѣйшаго манифеста отъ 14 мая, разрѣшается допустить къ курсовымъ экзаменамъ, послѣ канікулярнаго времени, тѣхъ студентовъ варшавскаго университета, которые не были допущены къ экзаменамъ весною настоящаго года за невозможность платы за слушаніе лекцій. Распоряженіе это, очевидно, имѣетъ одинаковую силу и для всѣхъ другихъ университетовъ.

— 4 августа, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Большомъ залѣ Кремлевскаго дворца состоялось открытіе всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда подъ предсѣдательствомъ Д. Ф. Кобеко. Число участниковъ съѣзда достигло въ настоящее время 1,000 чел. Открытіе засѣданій пяти отдѣловъ состоялось 7 августа; въ засѣданіяхъ будутъ прочитываться только тезисы представленныхъ докладовъ. Пренія въ засѣданіяхъ общаго собранія и отдѣловъ рѣшено стенографировать. Публика допускается въ засѣданія по особымъ билетамъ, выдаваемымъ изъ канцеляріи съѣзда.

— 1 августа исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня перехода *Петербургской Газеты* въ руки ея нынѣшняго издателя, Сергія Николаевича Худекова. Въ память этого С. Н. Худековъ, праздновавшій 25-лѣтіе въ своемъ имѣніи Ердино, Рязанской губ., пожертвовалъ въ вспомогательную кассу наборщиковъ тысячу рублей и пять тысячъ рублей въ кассу литературнаго фонда съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ выдавать на воспитаніе сына журналиста-газетнаго труженника.

— Разрѣшенъ безплатный проѣздъ на нижегородскую выставку лицамъ, окончившимъ въ нынѣшнемъ году курсъ ученія въ гимназіяхъ, но еще не поступившимъ въ высшія учебныя заведенія. Удостоверенія для проѣзда выдаются такимъ лицамъ изъ гимназій, гдѣ они окончили курсъ.

— Министерство финансовъ разрѣшило безплатный проѣздъ на нижегородскую выставку рабочимъ, работающимъ на желѣзныхъ дорогахъ, горныхъ заводахъ, рудникахъ и горныхъ промыслахъ.

— Министерство народнаго просвѣщенія предоставило иностраннымъ лицамъ право держать ежегодно экзамены вмѣстѣ съ гимназистами и на одноклассныхъ съ ними условіяхъ, т. е. лишь по тѣмъ предметамъ, какіе пройдены за послѣдній годъ.

— Для борьбы съ распространеніемъ среди сельскаго и городского населенія Россіи заразныхъ и эпидемическихъ болѣзней, которыя, какъ видно изъ статистическихъ отчетовъ, замѣтно увеличиваются, образовано въ настоящее время подъ предсѣдательствомъ пришецы Ольденбургской Евгении Максимиліановны, Высочайше утвержденное „Общество для

борьбы съ заразными болѣзнями“. Дѣятельность общества начинается теперь же, и несомнѣнно, что она будетъ тѣмъ шире, тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ большее число людей войдетъ въ него, принося съ собою готовность „и совѣтомъ, и дѣломъ, и материальными средствами помочь ему въ удачномъ разрѣшеніи взятой имъ на себя великой задачи. Съ цѣлью возможнаго широкаго распространенія свѣдѣній о предлагаемой дѣятельности общества, уставъ его въ настоящее время разсылается губернаторамъ, предводителямъ дворянства, предсѣдателямъ земскихъ управъ, городскимъ головамъ и др.

— Состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Русскаго театральное общество открылось въ непродолжительномъ времени въ Москвѣ „Театральное справочно-статистическое бюро“. Учрежденіе это имѣетъ цѣлью: собраніе, обработку и сводъ статистическихъ свѣдѣній о положеніи театрального дѣла въ Россіи, сосредоточеніе справочныхъ свѣдѣній и посредничество по спросу и предположенію артистическаго труда и по всякаго рода театральнымъ дѣламъ; устройство театральнаго предпріятія, составленіе труппъ, организація поѣздокъ, постановку спектаклей и проч. Подготовительныя работы по открытію бюро уже закончены, и открытіе его послѣдуетъ до начала зимняго сезона. Желаящие получить подробныя свѣдѣнія о бюро или сдѣлать по поводу него какіе-либо запросы благоволятъ обращаться письменно по адресу: Москва, въ Театральное бюро Русскаго театральнаго общества.

— Въ ноябрѣ, Общество охраненія народнаго здоровья, въ память столѣтія со дня открытія Э. Дженеромъ оспопрививанія, предпологаетъ выпустить въ свѣтъ юбилейное изданіе, которое представитъ собою полный сводъ того, что сдѣлано до сихъ поръ по вопросу оспопрививанія, и открыть къ дню чествованія специальную выставку по оспопрививанію. Выставка эта, состоящая изъ двухъ отдѣловъ — научнаго и популярнаго — дастъ, съ одной стороны, специалистамъ-врачамъ не мало интереснаго матеріала по оспопрививанію, съ другой — наглядно познакомитъ нашу публику съ картиной заблужденія осною, ея теченіемъ, мѣрами предохраненія и т. д.

— Какъ сообщаютъ *Моск. Вѣд.*, въ Москвѣ были произведены на-дняхъ опыты передачи рѣчи, музыки и пѣнія при помощи телефона системы г. Кильдшюперскаго, отъ Москвы до Ростова-на-Дону. Расстояние между этими городами 1,340 верстъ. Общая длина желѣзной проволоки свыше 2,700 верствъ. Каждое слово и звукъ съ поразительною силой и ясностью передавался присутствующимъ. Ни длина, ни сопротивленіе линіи вліянія на силу и ясность не оказали. По полученіи повсемѣтныхъ привилегій, изобрѣтатель ѣдетъ въ Англію для производства опытовъ передачи по трансатлантическому кабелю изъ Европы въ Америку.

— Съ осени въ московскомъ учительскомъ институтѣ вводится преподаваніе ручнаго труда.

— Его Императорское Высочество, Августѣйшій президентъ Императорской Академіи Наукъ утвердилъ слѣдующій составъ постоянной комисіи для

пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, на предстоящую сессію 1896—97 г.: предсѣдатель комисіи — Л. Н. Майковъ (вице-президентъ Императорской Академіи Наукъ); товарищъ предсѣдателя — Н. Ф. Дубровинъ (непрѣмный секретарь Академіи Наукъ); члены комисіи: академики — М. Н. Сухолинновъ, И. В. Еремѣевъ, А. Н. Веселовскій (кандидатъ); литераторы — Д. Ф. Кобеко, К. К. Стучевскій, князь Э. Э. Ухтомскій (кандидатъ); письмоводителемъ комисіи состоитъ Н. И. Позняковъ. Приемный часъ въ канцеляріи комисіи (въ зданіи Академіи Наукъ) — по средамъ, отъ 12 до 1 часа дня.

— Американская хлопчатобумажная интернациональная выставка въ Атлантѣ, какъ сообщаетъ *Нов. Вр.*, присудила слѣдующія награды въ русскомъ отдѣлѣ, устроеномъ Нью-Йоркскимъ складомъ русскихъ кустарныхъ издѣлій: большую золотую медаль: 1) Школѣ кружевницъ Вятскаго земства за кружева, сшитыя дѣтьми отъ 7 до 14 лѣтъ и заслужившія награду за чистоту аутентичнаго рисунка и прекрасное выполненіе. 2) Кн. М. Шаховской за коллекцію строчекъ, въ которыхъ красота рисунка соединена съ прочностью и прозрачностью. 3) С. П. Казанцевой за вышивки и строчки. 4) А. Н. Нарышкиной за коллекцію кружевъ и серебряныхъ вышивокъ. 5) Е. М. Вэмъ за хрусталь оригинальныхъ рисунковъ и силуэтовъ. — Малую золотую медаль: екатеринбургскимъ гранильщикамъ за коллекцію сибирскихъ драгоценныхъ камней. — Серебряную медаль: 1) Маврѣ Архиповой за вышиваніе цукровые платки. 2) Оренбургскимъ казачкамъ за холсты: простые и бранные. 3) Нижегородскимъ кустарямъ за русскую лакированную мебель. 4) Вятскимъ кустарямъ за старинную работу. 5) Княжѣ М. А. Шаховской за сукна. 6) Мамонтовой за рѣзную мебель. Дипломы уже получены. Желаящие получить медали изъ Америки платятъ за золотыя — 125 долларовъ (серебр. вызолоченныя — 9 дол., мѣдн. вызолоченныя — 4 дол.). Серебряныя медали 6 дол. Имя экспонента будетъ вырѣзано на каждой медали.

— По словамъ *Нов. Вр.*, 6 ноября, въ день столѣтія со дня кончины императрицы Екатерины Великой, въ Москвѣ откроется, устраиваемая мѣстнымъ обществомъ любителей россійской словесности „Екатеринская выставка“, въ которую войдутъ: портреты императрицы, гравюры, картины и медали, изображающія важныя событія ея царствованія; портреты ея современниковъ — извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей и писателей, въ изданія ея собственныхъ сочиненій и наиболѣе важныхъ литературныхъ произведеній, появившихся въ екатеринскую эпоху.

— Въ настоящее время въ казенныхъ палатахъ Имперіи разсматривается, по порученію департамента государственнаго казначейства, вопросъ о порядкѣ введенія въ губернскія и уѣздныя казначействахъ банковыхъ операцій. Предлагается допустить въ казначействахъ слѣдующія банковыя операціи: размѣвъ денегъ; покупку и продажу фондовъ; уплату процентовъ по купонамъ и капитала по процентнымъ бумагамъ, вышедшимъ въ тиражъ; переводы частныхъ суммъ; приемъ срочныхъ и безсрочныхъ вкладовъ и т. д.

Смѣсь.

Экспедиція Нансена. Телеграммой отъ 1-го августа изъ Христианіи Фригтофъ Нансенъ, предпринявшій на суднѣ „Fram“, весною прошлаго года, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Югансеномъ, путешествіе къ сѣверному полюсу, извѣстилъ о своемъ благополучномъ возвращеніи на родину. Непроходимые льды и недостатокъ пищи помѣшали Нансену проникнуть дальѣ 86¹/₄ градуса сѣверной широты и заставили измѣнить путь по направленію къ землѣ Франца-Иосифа, куда онъ прибылъ осенью 1895 г. Здѣсь онъ построилъ каменное зданіе, въ которомъ и прожилъ съ Югансеномъ всю зиму, питаясь медвѣжьимъ мясомъ и китовымъ саломъ. Весною прибора экспедиція Джексона, и вмѣстѣ съ ней на пароходѣ „Windward“ Нансенъ возвратился въ Норвегію. Нансенъ не достигъ своей цѣли — сѣвернаго полюса, но онъ проникъ по направленію къ полюсу на четыре градуса сѣвернѣе другихъ путешественниковъ. Никакой земли сѣвернѣе 82 градуса не найдено. По заявленію профессора Мона, научные результаты экспедиціи Нансена огромны: на карту нанесено много новыхъ острововъ. Самъ Нансенъ сообщаетъ въ газетѣ *Daily Chronicle* слѣдующія подробности: 4 августа 1893 года, по пов. ст., Нансенъ проѣхалъ черезъ Югорскій проливъ; онъ открылъ какъ въ Карскомъ морѣ, такъ и близъ материка до мыса Челюскина много новыхъ острововъ. Температура воздуха доходила до

62 град. С.; состояніе здоровья путешественниковъ было удовлетворительно. Южнѣе 79 градуса глубина моря доходила до 90 сажень. дальѣ лоджъ показывалъ 1,600 и 1,900 сажень. Подъ льдомъ вода была теплѣе и съ большимъ содержаніемъ соли — благодаря Гольфштрему. Лѣтомъ термометръ показывалъ +31—33 град. С. Въ Рождество Христово 1894 года Нансеномъ былъ достигнутъ 83,2 градуса. „Fram“ продолжительное время несло на сѣверо-западъ, почему Нансенъ и Югансенъ его покинули 14 марта нов. ст., находясь подъ 83,5 град. сѣверной широты, чтобы изслѣдовать море въ сѣверномъ направленіи. Нансенъ взялъ съ собою 28 собакъ, 3 саней и 2 каика. Проходъ по льдинамъ былъ очень трудный; ихъ понесло на югъ, почему Нансенъ и Югансенъ 7 апрѣля нов. ст., достигнувъ 86,14 градуса, повернули назадъ. На землѣ Франца-Иосифа былъ снѣгъ и трещины; ощущался недостатокъ въ провіантѣ. 6 августа путешественники достигли ледяныхъ острововъ, а 26 августа нов. ст., подъ 81,33 град., удобнаго мѣста для зимовки. 19 апрѣля 1896 г. продолжали путь на югъ, слѣдуя частью льдомъ, частью переправляясь на лодкахъ, и 7 августа они покинули на „Windward“ землю Франца-Иосифа. По послѣднимъ извѣстіямъ, судно Нансена „Fram“, оставленное имъ близъ устья р. Оленекъ, 7-го августа благополучно прибыло въ Шернэ (сѣверъ Норвегіи).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1896 г.

Безъ доставки въ 5 р. Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печновской, Петербургъ 6 р. Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к. Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи 7 р. За гра- ницу. 10 р.

СОДЕРЖАНИЕ: Кольцо Императрицы. Исторический романъ кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе.) — Страшная исторія. Юмористическій очеркъ Берты фонъ-Зутнеръ. — Берлинская юбилейная художественная выставка. — С.-Петербургское общество содѣйствія физическому развитію* (съ рис.). — Къ респектамъ: Коронаціонныя торжества въ Москвѣ (съ 4 рис.). — Свиданіе (съ рис.). — Парадный залъ городской ратуши въ Вѣнѣ (съ рис.). — Р. И. Сементковскій (съ портр.). — Принцъ Наръ датскій и супруга его, принцесса узльская Модъ (съ портр.). — В. М. Лахтинъ (съ портр.). — Нумисмо-водолѣбное заведеніе „Аннаево“ (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — Объявленія.

При этомъ не прилагается выпускъ „Ежемѣс. литературы. прилож.“ за Августъ 1896 г.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е изданіе. П. 1 р. 25 к., съ перес 1 р. 50 к.

Попробуйте мыться мыломъ **ЮМЪ - ЮМЪ** парфюмера ШЕРБЪ и вы другимъ мыломъ мыться не будете! Цѣна 20 к. за кусокъ; получить можно во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерн. магаз. Складъ въ Харьковѣ. Пассажъ, у П. УШАНОВА.

Требуйте во всѣхъ писчебумажныхъ магазинахъ **осмирно-извѣстнаго, превосходнаго перья ВЛАНЗИ ПУРЪ и К^о.**

Остерегайтесь поддѣлокъ!

Глос. предств. д. всей Россіи Г. и К. Эштейнъ. Москва. Черкасскій пер., домъ князя Голицына.

Спеціальное предпріятіе для постройки и переустройства крахмально-сахарныхъ, **ПАТОЧНЫХЪ И ДЕКСТРИННЫХЪ** заводовъ. **W. H. Uhland, Leipzig.** Испытан. аппараты. Проспекты безплатно.

ФОНОГРАФЫ ЭДИСОНА. Единственный складъ для всей Россіи **НАСТОЯЩИХЪ АППАРАТОВЪ** и всѣхъ его новыхъ изобрѣтеній **ВЪ ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКОМЪ СКЛАДѢ РИХАРДЪ ЯКОБЪ.** Москва, Газетный пер., у г. Б. Никитской ул., д. Нейштадтг. Прейсъ-курантъ безплатно.

DR. PFLÜGER
Americ. Dentist
№ 9383 10-4 **BERLIN, W.**
Bülow Strasse, 30.

ОГНЕУПОРНЫЙ КИРПИЧЪ, ТРОТУАРНЫЯ ПЛИТКИ, КАМЕНЬ ДЛЯ МОСТОВЫХЪ, КЛИНКЕРЪ ТОВАРИЩЕСТВА ПРОИЗВОДСТВА ГЛИНЯНЫХЪ И ГОНЧАРНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ въ гор. Боровичахъ.

Съ заказами просятъ обращаться: 20-17

Въ Правленіе Т-ва: С.-Петербургъ, Бол. Подъяческая, д. № 2.
Въ Контору завода: г. Боровичи, Новгородской губ.
Въ Технич. Контору В. И. Щербакова: Москва, Ильинка, Шуйское подворье.

Зубо-врачебная школа д-ра ТЫЧИНСКАГО въ г. Одессѣ. Приемъ прошелій начался. Обращаться: Одесса, д-ру Тычинскому.

ПЕРВАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ для каждаго **ВѢВЪЕ** **ПРОЧНОЕ И ЭЛЕГАНТНАГО ПОКРОЯ.** Последн. **НОВОСТЬ!** Практичныя сорочки. Специальн. магазинъ **Ю. ГОТЛИБЪ.** Владимирская, д. 2-49, углы Невскаго просп. Прейсъ-курантъ высылается **БЕЗПЛАТНО.** 2-1

СКЛАДЫ 24-15 **фотографическихъ принадлежностей** **Е. ЮХИМЪ и К^о.** С.-Петербургъ. Невскій пр., № 3. Существо. съ 1860 г. Москва. Театральн. проездъ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается за 50 копеекъ почтовыми марками. № 8956

== **НОВОСТИ ПО ФОТОГРАФИИ.** ==

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ лучшей системы Dr. Lehmann & Mann, въ Берлинѣ, изготовляются заводами **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержд. Товарищества „ЭЙЛЕРЪ И ПАСТОРЪ“, С.-Петербургъ, за Московской заставой. Большая батарея находится въ дѣйствиіи на выставкѣ въ **НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ,** въ навильонѣ Товарищества. № 9379 5-5

ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА въ Н.-НОВГОРОДѢ **К. И. БОКЪ-ЮВЕЛИРЪ** **ПРОДАЖА И ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ ПРОИЗВОДЯТСЯ:**
1) на выставкѣ — Х. Огдѣль, Центральное зданіе
2) въ С.-Петербургѣ — Большая Морская, домъ № 9.
Принимаются заказы на **ЖЕТОНЫ ИМЕННЫЕ** въ память Всероссійской Выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ по утвержденному рисунку, согласно представленному мнѣ праву на изготовленіе ихъ. № 9441

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ **EAU DE LYS DE LOHSE** Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетонъ. Фланонъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к. **МЫЛО ЛОЗЕ „LILLENMILCH“** **ГУСТАВЪ ЛОЗЕ** Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ **дистрибутовъ Россіи.** № 5420 (85)

До употребленія средства. **Д-РА ТОМСОНА** После употребленія средства **Депилаторій въ порошокъ.** Лучшее и совершенно безвредн. средство къ немедленн. удаленію волосъ на мѣстахъ, гдѣ ростъ ихъ нежелателенъ. Цѣна коробки 1 р. 50 к. Въ Петербургѣ этотъ депилаторій продается: у Г. Кожкина, Гостиный дворъ, 19; Н. Ушакова, Гостиный дворъ, № 33; В. Шарикова и К^о, Гост. дворъ, № 78. Въ Москвѣ — у А. Галле и К^о. **Требуйте только депилаторій ТОМСОНА,** такъ какъ большинство друг. средствъ производятъ вредное дѣйствіе на кожу.

ЛЕОНГАРДИ достохвалено-извѣстнаго, единственно настоящаго **Алициаринова чернила для письма и копированія** (желѣзисто-оръшковаго 1-го класса по отзывамъ государственныхъ № 8857 ныхъ учреждений), 30-2) **ЛЕГКО-СТЕКАЮЩІЯ, ЗПОЛНЪ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.** **НАКЛУЧІЯ:** для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода, можно получать почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи. **Неподдѣльно только съ сей** **Авг. Леонгарди** изобрѣтатель и единственный **въ Дрезденѣ,** фабрикантъ. Избѣгать поддѣлокъ.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ. **ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ,** совершенно не содержащіе кислотъ.

ДЕНТИФРИЧЕС
DOCTEUR PIERRE
MARQUE DE FABRIQUE
ИЗЪ МЕДИЦИНСКАГО ФАКУЛЬТЕТА въ Парижѣ

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ. **ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.** № 8851 26-17

Основан. въ 1886 году КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРИИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ

Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. Полякова.
1-го СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно. Ц. № 9431 4-1

№ 4711

РОЗОВОЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО. ПРОЗРАЧНОЕ КАКЪ ХРУСТАЛЬ

благодаря своимъ отличнѣйшимъ качествамъ, приобрѣло большую известность. Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія пѣны, пѣвныя запахи розъ — вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени. 12—3

Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей. При покушкѣ просить обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку № 4711.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучиваю въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условія и пробное письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. Кат. Э. Кошаринъ. № 9436 10-1

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ по фабрич. цѣнамъ **ТОЛЬКО 4 руб.**

Англискіе, нисел., вѣрнѣйшій ходъ, заводъ безъ ключа и указатель секундъ. 3 шт.—10 р. 80 к., 5 шт.—17 руб. Часы высылаются немедленно, монно и наложеннымъ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтений, Большая Морская, № 9438 д. 33.

въ память СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ.

Серебряныя 84-ой пр. брелокъ съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ. Красивая отдѣлка съ разноцвѣтной эмалью и позолоченной короною. Очень красивый рисунокъ. 5-6

Шт. 2 р. 75 к.; 2 за 5 р. 25 к.; 3 за 7 р. 75 к.; 6 за 14 р. 95 к.; 12 за 27 р. 50 к.

Пересылка наложеннымъ платежемъ. С.-Петербургъ, **БАЗАРЪ МАРОКЪ**, Невскій, № 20-31.

ДРАПЪ

изъ чисто-верблюжьей шерсти, цвѣтъ натуральшій, свѣтлый.

Цѣна 1 руб. 50 коп. за аршинъ. Ширина 2 арш. Для дамскихъ тальмъ, роговъ, кофточекъ, пальто, мужскихъ пиджаковъ, охотничьихъ куртокъ, армяковъ и дѣтскихъ вещей. Незамѣнимъ по теплотѣ, легкости и прочности. Можно получать и выписывать оптомъ и въ розницу исключительно въ фабрично-розничномъ магазинѣ

А. ИВАНОВА.

Москва, Тверская, пассажъ Постникова. Высылаютъ наложеннымъ платежемъ по первому требованію. 2-1

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ

100 загранич. хор. сорт.	50 к.
500	2 р.
50 лучш. разн. загранич.	1 " "
100 " " " "	2 " "
300 " " " "	5 " "
300 средн.	3 " "

ВНИМАНІЮ МАГАЗИНОВЪ!
Кто желаетъ взять почтов. марки на высов. комиссію?

ПОКУПАЮ всякія финск. и русск. марки.
Германъ Гуммель—Ревель.

43—1. „МОРИСЪ“ 43—1.

Невскій пр., уголъ Троицкой ул.

ФОРМЫ: для гг. студентовъ военно-медицинской академіи, Императорскаго университета, духовной академіи и всѣхъ институтовъ, а также для гг. воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній и въ громадномъ выборѣ готовая и на заказъ.

ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ со способомъ сплитъ мѣрки высылаются бесплатно.
Для гг. иногороднихъ высылаются наложеннымъ платежемъ съ задаткомъ третьей части. Ц. № 9380 6-3

№ 1-й ВЫШЕЛЪ ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНІЕМЪ и всѣ новые подписчики получаютъ журналъ съ № 1-го. Подписка на 1896 годъ продолжается. Остается немного экземпляровъ, цѣна судеть возвышена. Подписной годъ начался съ 15-го апрѣля 1895 г.

„МУЗЫКА И ПѢНІЕ“

ежемесячный музыкальный журналъ для пѣнія, однополоснаго ц. хорowego, фортепiano и другихъ инструментовъ. Одобренъ Учен. Комит. Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, среднего и старшаго возраста библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. Рекомендованъ Главн. Упр. Военно-Учебн. заведеній кадетскихъ корпусамъ для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки. Журналъ „Музыка и Пѣніе“ выходитъ ежемѣсячно тетрадями по 44 стр. большого нотнаго формата. Годовой экземпляръ составляетъ болѣе 500 стр. и даетъ своимъ подписчикамъ до 200 лучшихъ музыкальныхъ произведеній по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго творчества, стоящихъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ сорокъ рублей. Въ журналѣ „Музыка и Пѣніе“ помѣщаются выдающіяся музыкальныя новости, исполняемыя какъ въ Россіи, такъ и за границей. № 9426

Вышелъ № 10-й. Содержаніе: Отдѣль I текстъ: 1) Древняя музыка. Новѣйшія открытія въ Дельфакъ. Ж. Тьерсо. 2) Примѣчанія къ датскому гимну. 3) Театральное справочно-статист. бюро. Отдѣль II пѣніе: 4) Датскій народный гимнъ, для однополо. хора. 5) Тоже. Для симфоничнаго хора. 6) Мендельсонъ, Ф. Проманальная пѣсь пѣтчець, на 1 или 2 голоса съ форт. Отдѣль III легкія пѣсьи для фортепiano: 7) Burgmüller, Fr. La chevaleresque. 8) Мендельсонъ, Ф. На крымскихъ горахъ. Отдѣль IV пѣсьи для форт. средней степени трудности: 9) Датскій народный гимнъ. 10) Godard, V. Mazurka. 11) Мошковскій, М. Серенада. 12) Ивцкій, П. А. Осенніе листья. Вальсъ. 13) Reissiger, C. G. Die Feiernmühle. Увертюра. Отдѣль V для разн. инструментовъ: 14) Рейсцигеръ, К. Мельница на скалахъ. Увертюра, для скрипки съ фортепiano. 15) Тоже. Для флейты съ форт. 16) Тоже. Для виолончели съ форт. 17) Тоже. Для органа съ форт. Эту увертюру можно исполнить какъ дуэтъ, трио, квартетъ и квинтетъ. 18) Приложение. Новая рациональная метода пѣнія И. П. Бранскаго. 19) Объясненія. Оставшіяся нѣсколько полныхъ экземпляровъ №№ 1—12 перваго года изданія можно получить по возвыш. цѣнѣ 10 р., пересылка отдѣльно за 8 ф. Цѣна № въ отд. продажѣ 50 к., съ перес. 69 коп.

Открыта подписка на 1897 годъ. Изданія годъ 3-й.

Подписка принимается въ главной конторѣ: СПб., Садовая, 22, противъ Гостиного двора, при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ П. К. Селиверстова.

Редакторъ-издатель П. Селиверстовъ.

60.000.000

деревьевъ приготовлено для осенней продажи, изъ коихъ болѣе 2.000.000 фруктовыхъ. Цѣны противъ прежнихъ на болѣе потребныя деревья значительно понижены. Кроме того, выведены въ первый разъ миллионы сѣянцевъ ивы, тополя и осины.

Прейсъ-курантъ по требованію высылается бесплатно.

САДОВОДСТВО № 9430

А. А. БЫХАНОВОЙ СЪ СЫНОВЬЯМИ,

гор. Липецкъ (Тамб. губ.), бывшее В. В. Быханова.

ВИЛЬЯМА ЛАССОНА

Эликсиръ для волосъ.

СРЕДСТВО ДЛЯ УХОДА

за головную кожу и волосами.

Средство это не имѣетъ никакого вліянія на цвѣтъ волосъ и не содержитъ никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ.

Цѣна флакона 3 р. 50 к.

Въ Петербургѣ эликсиръ продается: у Г. Кошкина, Гостиный дворъ, 19; Н. Ушанова, Гостиный дворъ, 33; В. Парикова, Гостиный дворъ, 78.

Р. № 9435 2-1
Въ Москвѣ—у А. Ралле и К°.

Усовершенствованная пишущая машина **„ДЭНСМОРЪ“**

продается у единствен. представителя В. Бэйнсъ, Столени, пер., Москва. Въ Петерб.: Дж. Андерсонъ, Каменноостр. Въ Киевѣ: Эрнстъ Торклеръ, Брешанскій. Пр.-кур. высылаются бесплатно.

„Басни и были“ соч. Н. В. Масло-вича. Пятое изданіе. 102 басни и были. СПб. Ц. 75 к. Въ главныхъ книжныхъ магазинахъ и у автора (Харьковъ, Мирноосицкая ул., 23). Выписыв. отъ автора за перес. не платятъ.

ДЛЯ СБЕРЕЖЕНІЯ ЗУБОВЪ ОТЪ ПОРЧИ

препараты **Ө. ВАЖИНСКАГО**

(учредителя 1-й зубовац. школы въ Россіи). Зубной эликсиръ 1 р. Зубной порошокъ 75 к. Продаются въ аптекарскихъ, парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ.

БУХГАЛТЕРИИ и КРАСИВО ПИСАТЬ

выучиваю каждое посредствомъ переписки по новой усовершен. системѣ, вполнѣ замѣн. устновъ иредод. Условія и программы выскл. бесплатно. Г. К. БУРЕНКО, Киевъ, Прор., 10.

50% ЭКОНОМІЯ 50%

Горная яръ-и-дѣлка самород. зелено-пурпур. цвѣтъ голод. 12 руб. п., готовая съ бѣлками и офлюю 9 руб. Гарантия на 8 лѣтъ. Имѣется всѣхъ во всѣхъ москател. и красилки. давка по фабрич. цѣнѣ. Образъ бесплатно. Г. Ф. Гордъ-Ц. № 9233 евъ въ Алатырь. 16-14

Вв. Убъжище Гувернантокъ

принимаетъ гувернантовъ и рекомендуетъ оныхъ ежедневно, кромѣ вторниковъ, послѣднихъ и таб. дней, отъ 2 до 5 час. С.-Петербургъ, Конно-Гвардейскій пер., 4, кв. 1.

Аптекарь и резинов.

товары 6-5 и фабрика висегинонахъ и резиновыхъ накидокъ

И. ЗАКЛІНА,

7, Измайловскій пр., 7, СПб., 59, Невскій, 59. Прейсъ-курантъ бесплатно.

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,

Садовое заведеніе въ Ригѣ, снмъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что № 9425 4-1

НАТАЛОГИ ДЕРЕВЬЯМЪ, РАСТЕНІЯМЪ, ЦВѢТОЧНЫМЪ ЛУКОВИЦАМЪ и пр.

на 1896—1897 г.

заказы и высыл. по требованію бесплатно. Заведеніе существуетъ съ 1816 г.

ВИГРЫШ-

НЫЕ 1, 2 и 3 займа продаетъ **БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,**

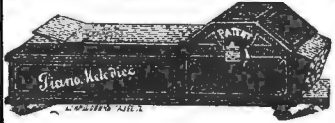
59, Невскій, СПб. 4-2

ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

ТОРГОВАГО ДОМА **Андрей Емельяновъ. КУДАКОВЪ.**

Конг.: Садовая ул., 33 въ С.-Петербургѣ.

ЮБИЛЕЙНЫЙ роскошно иллюстрирован. прейсъ-курантъ всѣхъ инструментовъ высылаются бесплатно. 4-2

ПИАНО-МЕЛОДИКО

салонный ручной орган со струнами, играет всевозможный пьесы, имитирует очень приятный мелодичный тон, сходный с оркестром из мандолин, и удобен как для салонной музыки, так и для танцев. Цена без пьес 70 р., пьесы по 60 и метри (около 1 1/2 арш.). Список пьес высылается бесплатно.

Юлий Генрих ЦИММЕРМАНЪ.

Главное дело и фабрика **МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.** СКЛАДЪ НОТЪ. С.-Петербургъ, Вол. Морская, № 34 и 40 Москва, Кузнецкий мостъ, д. Захарына.

На Нижегородской Выставке!
судебно отъ 30го 5 часовъ
Автоматическимъ
аппаратами
раздаются
Духи А. Палле и ко
въ 18 и
дополнительномъ
отдѣлѣ
въ главномъ
заламъ № 61
и на Выставкѣ

С-Пт.: Садовая 25.
 Невский 18.
 Москва
 Курский мостъ
 Продажа:

№ 9382 6-4

№ 9421
3-2

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ
 складъ резиновыхъ товаровъ и новостей.
СПБ., В. Морская, № 34
 выпустилъ новый прейс-курантъ съ иллюстрациями, на резиновую обувь, непромокаемую одежду, предметы для больных, для дороги, охоты, хозяйства, детские игрушки и **МНОГІЯ ПРАКТИЧНЫЯ НОВОСТИ.**
 Прейс-курантъ высылается бесплатно.
ФОНЕДОСКОПЪ
 новый инструментъ для исследования шумовъ внутри человеческого тѣла.
 Цена съ пересылкою 11 руб.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ
 С.-Петербургъ, Невскій пр., № 25,
 страхуетъ
 билеты II-го 5% съ выигр. займа отъ тиража 1 сентября 1896 г.
по 1 руб. 85 коп.

Василевскій островъ 12 л., д. 35.
 Женская Профессиональная школа Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.
 Приемъ дѣвицъ отъ 12 до 15 лѣтъ. Приемъ неплатанія 27 и 28 августа; начало занятий 1 сентября. Программы и условия приема узнавать у Начальницы школы.
 Ein energischer, nüchternor Gärtner, m. solid. Character, 27 J. alt, firm in Topfpflanzen Cultu'r, Rosenzucht u. Treiberei, Frucht-, Gemüse Treiberei, Teppich-, Landschafts-Gärtnerrei, Binderei, Baumschule, sucht zum sofort od. auch für spät. eine dauernde Stellung, als Obergärtner resp. Leiter einer gröss. Privat-Stelle. Selbiger ist noch in ungek. Stell. Prima Zeug. u. persönl. Empf. stehen zur Seite. Gefl. Angeb. unt. „Gärtner“ befordert d. Administration d. „Нива“.

ПАМЯТЬ

укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 ур.) профессоръ мнемоники С. Файнштейнъ

Въ несомнѣнной пользы и цѣлесообразности моего метода убѣдился въ течение моей 9-ти-лѣтней дѣятельности на поприщѣ преподаванія мнемоники, гг. врачамъ, педагогамъ, военнымъ, студентамъ и тысячамъ др. лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. Условія за курсъ высыл. за одну 7-ми коп. марку, вмѣстѣ съ книгой *) (6-е испр. и дополн. издание). Что такое искусство укрѣпленія памяти? за шесть 7-ми коп. марокъ, за веленовой бумагѣ за восемь 7-ми коп. марокъ.

Адресъ: Одесса, Гюванная ул., д. И. А. Бродскаго, № 6/28 (рядомъ съ городскимъ садомъ), кв. 2-8, въ бель-этажѣ, профессоръ мнемоники, членъ парижской академіи С. Файнштейнъ.

*) Книга эта продается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи. № 9440

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ КУРСЫ РАПГОФЪ.

Утвержденные Министерствомъ. Основанные въ 1882 году.
 С.-Петербургъ, Малая Морская, № 7.
 Подробныя программы высылаются и выдаются бесплатно.
 Приемъ съ 20-го августа. Начало занятій 2-го сентября.
 Письм. заявл. о поступленіи прос. адрес. на имя директора Курсовъ **ЕВГ. ПАВЛ. РАПГОФЪ.**

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯ“

Высочайше утвержденное въ 1881 г.
 въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 37.
 Основной и запасные капиталы 25.500,000 руб.
 Общество заключаетъ:
 Страхованія жизни
 т. е. капиталовъ и доходовъ для обезпеченія семьи или собственной старости, приданого для дѣтвущей, стипендій для мальчиновъ и т. п., на особо выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ Общества.
 Къ 1 января 1896 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 35,563 лица на капиталъ въ 91.406,948 руб.
 Страхованія отъ несчастныхъ случаевъ
 какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ, — съ уменьшеніемъ страховыхъ взносовъ вслѣдствіе зачета дивиденда.
 Страхованія отъ огня
 движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода (строений, машинъ, товаровъ, мебели и проч.).
 Страхованія транспортовъ
 рѣчныхъ, сухопутныхъ и морскихъ; страхованіе корпусовъ судовъ.
 Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. д., № 37) и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.
 Страховые билеты по страхованію пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ выдаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходныхъ пристаняхъ.

В. № 9406 4-3

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

ДУХИ — **ФІАЛКА АУСЛЭЭЭ** — туалетное мыло.
 ДУХИ — **ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА** — туалетное мыло.
 ДУХИ — **ЭДЕЛЬ РОЗЕ** — туалетное мыло.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, прудв. пост., Карлсруэ.
 Можно получать:
 Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Бюлеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Гершъ, Лимана и Рикса, А. Линде, А. Энглунда. Ц. № 9383
 Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Мерилъ, въ магазинѣ „А-ла туалетъ“, у П. Брунсъ, Л. Горхардъ, и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. 25-6
 Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Максимилиановскій пер.

Люда. Ведоров. Шликэйзень,
 Москва,
 Мясницкая ул., д. Ермаковхъ,
 рекомендуетъ: кирпичдѣлательныя и торфяныя машины, прессы для выдѣлки трубъ съ раструбами, черенки съ фальцами, брикетовъ; дѣлаетъ патентов. Шаровыя мельницы для измельченія и размоза и одновременно просианія материаловъ любой крѣпости, какъ-то: шамота, цемента, шлаковъ, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. п. (81)

НА ВОСПИТАНИЕ И УХОДУ БОЛЬНЫХЪ ДѢТЕЙ ВЪЗРАСТАЮЩИХЪ

СВѢДѢНІЯ
 60.
 ТЕЛЕФОНЪ 1360

ПОПЕЧИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

ПРОСИТЬ
 АГЕНТЪ ЛАНДЕЙ
 Ферствовать ему

НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ

АУДИОНЪ
 ПО СТРОИТЕЛСТВУ
 БОСОПІТАНІЕ
 500

ТЕЛЕФОНЪ 1369

ТРЕБУЙТЕ
 для смягченія
 ножилицы и рукъ
 и отъ ЗАГАРА
КРЕМЪ ОРИЗА
 пр. В.ШМОЛЬ
 ЧИЖА 20/35н. Продажа безъ вѣдъ

О.СКЛ.У.ПР.ШМОЛЬ И-ВА КРАСН.ВОР.С.Д.

Золотыя медали 1894 г. и 1896 г.

ПРОВИЗОРЪ
А. М. ОСТРОУМОВЪ.
 МОСКВА.

Мыло отъ головной перхоти
 кусокъ 30 к. и 50 к.
МЫЛО ДѢТСКОЕ ИЗЪ ТРАВЫ
ЧЕРЕДЫ
 кусокъ 35 к. и 25 к.
О-Д-Е-О-В-Э-РЪ
 вода отъ перхоти
 флаконъ 2 руб. и 1 р. 25 к.
 и ВСѢ
ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА.
 Продаются вездѣ.
 СКЛАДЪ: Москва, Лялинъ пер.,
 № 9376 соб. домъ. 11-5

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 34

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложениями 12-ти ежем. книг „Сборника“, со держ. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 24 августа 1896 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1896 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цена за годовое издание „Нивы“ со всеми приложениями за 1896 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ „Полное собраніе сочиненій Д. В. ГРИГОРОВИЧА“ (будетъ выдано въ теченіе ОДНОГО 1896 ГОДА и напечатано на хорошо глазированной бумагѣ), 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, портретъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны, и пр., и пр.

Безъ доставки въ	Безъ доставки въ	Съ достав-	Съ пересылкою	За
Петербургъ	Москву	кою въ Пе-	въ Москву и др.	гра-
5 р.	6 р.	тербургъ	города Россіи	р. ницу.
На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.		6 р. 50 к.		7 р. 10 р.

Туркмены милиціонеры. Съ фотогр. Дуарсабова въ Асхабадѣ, автографія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ
кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Часть вторая.

II.

Левушка былъ такъ радъ возвращенію Косого, что рѣшилъ отпраздновать это событіе непременно у себя особымъ вечеромъ, пригласивъ къ себѣ всѣхъ знакомыхъ молодыхъ людей.

Въ назначенный день онъ съ утра хлопоталъ, велъ длинныя совѣщанія съ поваромъ относительно ужина, ѣздилъ самъ за виномъ и очень радовался, что досталъ настоящаго стараго, литовскаго меду, которымъ готовился попотчивать гостей.

Князь Иванъ попробовалъ было сказать, что останется у себя въ комнатѣ, но на это Левушка такъ искренно огорчился, что Косой успѣшилъ обратить свои слова въ шутку.

Гости начали съѣзжаться рано. Даже прямо къ обѣду съ катка князь Косой привезъ двоихъ.

Когда онъ первый разъ сегодня появился въ обществѣ молодыхъ своихъ знакомыхъ, онъ былъ удивленъ тою неподдѣльною искренностью дружелюбія, которую иные изъ нихъ выказали ему. Молодой Творожниковъ попросту расцѣловалъ его нѣсколько разъ, сказавъ, что онъ очень, очень радъ. Еще кто-то пожалъ ему руку.

Отвѣчая на любезности и привѣтствія, князь Иванъ почувствовалъ, что его дергаютъ за рукавъ. Онъ обернулся. Двоюродный братъ Рябичъ широко улыбался ему и тоже говорилъ:

— Очень радъ!

Съ ними, то-есть съ Творожниковымъ и Сысоевымъ, онъ и пріѣхалъ прямо къ обѣду.

Пока они сидѣли за столомъ, явилось еще нѣсколько человѣкъ, такъ что Левушка не вытерѣлъ и, несмотря на то, что было другое вино, велѣлъ откупорить бутылочку стараго меду.

Князь Иванъ, вполне примиренный съ Союшкой, съ которой они договорились вполне, испытывалъ большую пріятность въ обществѣ людей, бывшихъ вполне ему по сердцу.

За обѣдомъ они провели время очень весело. Потомъ перешли въ кабинетъ. Тамъ у Косого потребовали разсказа объ его путешествіи, о болѣзни, о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, и онъ разсказывалъ съ охотою.

Бесѣда завязалась интересная, но, къ сожалѣнію, она долго не могла продолжаться, потому что подѣхали еще молодые люди, и разговоръ сейчасъ же разбился и измельчалъ. Всякій интересъ пропалъ, говорили только, чтобъ не молчать, поглядывали по сторонамъ въ замѣтномъ ожиданіи.

Оживленіе пришло только тогда, когда стали устраивать столъ для картъ. Тогда каждый заговорилъ о душевленіи, стараясь, разумѣется, сдѣлать видъ, что вовсе не интересуется карточнымъ столомъ. Но несмотря на то, что никто какъ будто не интересовался имъ, — всѣ сошлись у стола, какъ только его поставили.

И всѣ были очень любезны и предупредительны другъ къ другу.

„Помилуйте—не беспокойтесь“... — „Вамъ угодно на это мѣсто?“ — „Куда прикажете“. — „Сдѣлайте одолженіе“. — „Я не толкнулъ васъ?“ — слышалось кругомъ...

Усѣлись. Игра началась какъ будто въ шутку, такъ, между прочимъ, для препровожденія времени...

Князь Иванъ, знавшій за собой маленькій недостатокъ, или вѣрнѣе способность увлечься, разъ начнетъ играть, воздержался.

— Нѣтъ, я посмотрю сначала, — сказалъ онъ Левушкѣ.

Принесли чистые стаканы и новыя бутылки съ виномъ.

Князь Иванъ налилъ себѣ меду и, отпивая по глоткамъ, сталъ слѣдить за игрою...

Сначала играли очень весело и дружно, шутили и смѣялись, пили...

Черезъ нѣсколько талій опредѣлилось, кому везло, кому нѣтъ, и начавшіе проигрывать вдругъ притихли. Тѣ, кто выигрывалъ, тоже постарались замолкнуть, чтобы не подать вида, что радуются слишкомъ выигрышу.

Мало-по-малу за столомъ стали раздаваться только неожиданно рѣдкіе удары рукъ по столу, какъ бы сорвавшіеся, да отдѣльные, съ страшными со стороны промежутками, выкрики: — „восемька!“ — „бита!“

— Тузъ!..

— Получите.

Косой смотрѣлъ на игру сквозь туманъ табачнаго дыма и, главное, сквозь туманъ, который какъ бы изнутри застилалъ ему глаза отъ выпитаго меду и вина.

Ему давно уже сидѣть такъ показалось скучно. Онъ почти безсознательно опустилъ руку въ карманъ и, нащупавъ тамъ деньги, вынулъ ихъ.

Металь какъ разъ Ополчининъ.

— Атаде,—сказалъ Косой,—я ставлю.

Ополчининъ точно давно ждалъ этого момента, посмотрѣлъ на него веселыми, ясными, вызывающими глазами...

Этотъ взглядъ Ополчинина рѣшилъ дѣло. Вся таившаяся противъ него злоба поднялась въ душѣ князя Ивана. Онъ кинулъ на столъ деньги и, стиснувъ зубы, напряженно началъ смотрѣть на руки Ополчинина, метавшія карты.

— Дана!—сказалъ Ополчининъ и небрежно придвинулъ къ Косому горсть монетъ, равную его ставкѣ.

Князь Косой поставилъ опять и опять, но примѣта игроковъ, по которой взявшій первую ставку непременно долженъ проиграть въ концѣ, повидимому, начала оправдываться на князѣ Косомъ. Ему не то что не везло, — были карты, и даже не рѣдкія, которыя давались ему, но онъ не могъ угадать ихъ и выигрывалъ маленькія ставки, а большія проигрывалъ...

Деньги, бывшія при немъ, скоро вышли у него всѣ...

Онъ взялъ подъ рукою у Левушки и сейчасъ же проигралъ взятыя.

Тогда онъ всталъ и пошелъ къ себѣ въ комнату... Тамъ онъ, не зажигая свѣчи, при свѣтѣ мѣсяца, лившаго свой холодный, ровный и безстрастный, синій свѣтъ сквозь клетчатый переплетъ окна, досталъ всѣ свои деньги, зачѣмъ-то, словно прощаясь съ ними, пересчиталъ ихъ у окна и хотѣлъ было идти...

Тутъ только почувствовалъ онъ разницу перехода отъ накуренаго, пропитавшагося запахомъ вина кабинета, со столомъ и вѣсковыми, обгорѣвшими и напльвиными свѣчами, — къ свѣжему воздуху своей тихой, утонувшей въ лунномъ свѣтѣ комнаты.

Это были послѣднія, совсѣмъ послѣднія его деньги.

„Что это я дѣлаю?“ мелькнуло у него, но только мелькнуло, — мѣсяцъ блеснулъ ему въ глаза, и онъ, какъ бы махнувъ рукой на все, точно заранѣе зная, что все равно пропадать ему, пьяный — пошелъ съ деньгами въ кабинетъ, куда тянула уже его точно змѣиная сила.

Никто изъ игравшихъ, всецѣло поглощенныхъ игрою, не замѣтилъ его ухода и возвращенія. Кружокъ у стола давно порѣдѣлъ. Одни кончили играть и успѣли уже уѣхать. Одинъ, проигравшійся, сидѣлъ рядомъ съ не

принимавшимъ участіа въ игръ, но способнымъ всю ночь сидѣть у карточного стола, Сысоевымъ, и завистливо-животными глазами смотрѣлъ на переходившія по столу деньги. Двое спали на диванѣ.

Князь Иванъ, вернувшись, сѣлъ къ столу, толкнувъ кого-то, съ трудомъ отодвинувшагося съ его мѣста, и сталъ снова играть.

Онъ не считалъ, не соразмѣрялъ величину ставокъ, дѣлалъ одно безразсудство за другимъ, глотая вино большими, тяжелыми глотками и даже безъ ужаса и безъ волненія уже замѣчая, какъ таетъ кучка денегъ передъ нимъ.

Ему было все равно, когда метали другіе. Тутъ онъ ставилъ мелкія суммы и одну талію пропустилъ, на которой могъ бы сразу отыграться, и внутренне вѣсилъ на себя. Но, когда доходило до метки Ополчинина, тогда онъ старался собрать всю силу своей воли, старался играть обдуманно, взвѣшивать шансы; но чѣмъ обдуманнѣе дѣйствовалъ онъ и чѣмъ больше взвѣшивалъ, тѣмъ выходило хуже...

И тѣ самые люди, которые съ такой изысканной вѣжливостью садились въ началѣ вечера за столъ, казались теперь грубыми, съ тупымъ выраженіемъ озвѣрѣвшихъ лицъ, не стѣнявшимися выражать свою злобу на несчастье; а тѣ, которые пользовались ихъ несчастьемъ, старались суевѣрно скрыть, что имъ везетъ, прятали потихоньку, точно крали, свои деньги въ карманъ и корчили невинныя лица.

Но всѣхъ противнѣе, всѣхъ грубѣе и всѣхъ несноснѣе былъ Ополчининъ.

Главное, что непріятно и особенно грубо было въ немъ—это какая-то несокрушимая увѣренность въ свое счастье.

Увѣренность эта выражалась особенно въ манерѣ метать и открывать карты. Онъ держалъ колоду, опустивъ вѣки, но Косой чувствовалъ, что онъ смотритъ и видитъ его изъ-подъ этихъ опущенныхъ вѣкъ. И когда выходила его карта, онъ, не цѣлясь, прямо открывъ глаза, уставлялся на князя Ивана и нагло ударялъ костью кулака съ сухимъ, рѣзкимъ звукомъ по столу.

Если послѣ этого Косой медлил прислать ему деньги, онъ спокойно самъ протягивалъ къ нимъ руку.

Ополчининъ все чаще и чаще ударялъ по столу, деньги уходили у князя Ивана. Онъ уже не считалъ и не жалѣлъ ихъ. Онъ съ какимъ-то точно любопытствомъ смотрѣлъ только, какъ это Ополчининъ открываетъ карту за картой, и у него все бита, бита, бита... Косой ставилъ теперь и заранѣе уже зналъ, что бита, и все-таки ставилъ, какъ будто это иначе и нельзя было... Онъ ставилъ, проигрывалъ и вспоминалъ, а какъ хорошо было раньше, прежде, когда онъ былъ на каткѣ, или даже сидѣлъ и разсказывалъ о своей поѣздкѣ, какъ было весело, счастливо и именно хорошо... Это было чувство, точно стоялъ передъ нимъ кубокъ тонкаго, свѣжаго, чистаго напитка, и онъ не выпилъ его, а далъ испортить и отравить этотъ напитокъ, самъ, по своей волѣ, и сидѣлъ теперь передъ нимъ и смотрѣлъ на мутную, скверную жидкость, которая была когда-то чиста и прозрачна, и не могъ оторваться отъ нея.

И вотъ онъ пододвинулъ на карту послѣднія три монеты, лежавшія передъ нимъ.

Неужели и ихъ возьмутъ у него?

Карты быстро мелькаютъ въ рукахъ Ополчинина, Косой тупо смотритъ на нихъ: онъ не надѣется, онъ готовъ даже удивиться, если ему дадутъ...

— Ну, конечно!—его карта бита...

Онъ швырнулъ свои три монеты и быстрымъ взмахомъ написалъ на столѣ: 100 рублей.

Написался особенно четко и красиво.

Ополчининъ посмотрѣлъ на надпись, поднялъ глаза на Косого и спросилъ:

— А деньги?

Косой въ свою очередь взглянулъ на него.

— Я попрошу вмѣсто мѣла поставить деньги,—повторилъ Ополчининъ.

Онъ зналъ, что ихъ у князя Ивана не было, но, выигравъ съ него значительную уже сумму, онъ могъ бы ему позволить сдѣлать такую ставку.

Князь Косой вдругъ пришелъ въ себя. Дерзость Ополчинина и сознаніе, что съ только-что отданными тремя монетами исчезаетъ у него всякая надежда вернуть проигрышъ, если Ополчининъ не позволитъ ставить мѣломъ—перевернули все происшедшее передъ нимъ.

Что сдѣлать ему, что будетъ онъ дѣлать завтра, какъ встанетъ, какъ проснется... гдѣ возьметъ денегъ? Левушка... Творожниковъ... вспомнилъ онъ—даже имя Чиликина мелькнуло у него...

Онъ раскрылъ давно уже разстегнутый свой камзолъ, вытащилъ висѣвшее на цѣпочкѣ у него кольцо и сказалъ:

— Вы помните это кольцо, вы знаете ему цѣну?—ну, такъ я ставлю это кольцо, если вы отвѣтите противъ него ста рублями...

Ополчининъ глянулъ на него. Видно было, что неувѣренность овладѣла имъ, по сейчасъ же смѣнилась другимъ чувствомъ, онъ вскинулъ плечами и началъ метать...

Косой опять слѣдилъ за картами, отчетливо и въ первый разъ за весь вечеръ увѣренно, точно уловивъ темпъ и понавъ въ тактъ, съ котораго его уже не сбить.

И онъ сбился.

Карта была дана.

Косой пошелъ тѣмъ же кушемъ, потомъ опять на квнтъ...

Три карты дали ему четыреста рублей...

Онъ былъ въ проигрышѣ около семисотъ, теперь оставалось триста.

„Ставь четыреста!“ точно подсказалъ ему внутренній голосъ.

„Господи — никогда... больше... никогда не буду играть!“ подумалъ князь Иванъ и увидѣлъ, что Ополчининъ мечетъ.

Князь Иванъ не помнилъ когда и какъ, но четыреста рублей, безумно отыгранные имъ, стояли у него на картѣ.

Ополчининъ металъ, и руки у него слегка дрожали, онъ металъ очень скоро, но потому, какъ казалось всѣмъ слѣдившимъ, и въ особенности Косому—это было очень медленно, — точно карты были не карты, а чужунныя гири...

„Никогда... никогда... не буду!“ повторялъ себѣ князь Иванъ...

— Дана!—проговорилъ чей-то голосъ, который былъ прежде Ополчинина.

Косой отыгралъ свой проигрышъ и имѣлъ еще лишнихъ сто рублей...

Ополчининъ за весь вечеръ былъ въ слишкомъ большомъ выигрышѣ: отдавъ деньги Косому, онъ все-таки не могъ жаловаться на счастье.

Князь Иванъ всталъ и оглядѣлся. За столомъ ихъ сидѣло только четверо. Свѣчи догорѣли почти совсѣмъ, и пламя ихъ покрасѣло на пробивавшемся сквозь шторы свѣтѣ забрезжившаго утра, точно застыдилось. Пустыя бутылки, наполовину полные стаканы стояли кругомъ, на полу валялись разодранныя карты. Подъ столомъ былъ натоптанъ кусокъ мѣлу. Зола изъ трубокъ была выбита куда попало. Двоюродный братъ Рябичъ спалъ на своемъ стулѣ. Одинъ изъ лежавшихъ на диванѣ былъ Левушка и храпѣлъ.

Князь Иванъ всталъ, дошелъ до выкаченнаго на середину комнаты кресла и опустился въ него.

Парижскій Салонъ. Жмурни. Картина А. Арнга.

Встрѣча императора Фридриха Барбароссы съ папой Александромъ III (24 юня 1177 г.).
Картина Е. Жангера.

III.

Когда князь Иванъ всталъ, у стола еще продолжалась игра, какъ бы по инерціи.

Ополчнинъ докончилъ талію и передалъ слѣдующему; прометаль тотъ. Попробовалъ еще третій, но дѣло шло какъ-то вяло.

Послѣ четырехсотъ рублей, поставленныхъ княземъ Иваномъ на карту—ставки, гораздо болѣе мелкія, казались не интересны...

Кто-то сказалъ „не пора ли кончить?“

— Ну, послѣднюю!—рѣшилъ Ополчнинъ и прометаль талію.

Послѣ этой еще были прометаны двѣ; тогда одинъ изъ игроковъ, точно вспомнивъ теперь, что завтра ему „надо вставать“, поднялся изъ-за стола и сказалъ, что онъ больше играть не будетъ.

Стали прощаться, попробовавъ разбудить спавшихъ, но это оказалось невозможнымъ.

Левушка перевернулся на другой бокъ, проворчавъ что-то похожее на „молду!“. А двоюродный братъ Рябичъ прямо не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, кромѣ совершенно безмысленнаго сопѣнія.

Князь Иванъ, какъ сѣлъ на кресло, такъ тоже заснулъ.

— Ну, что же. ъдемте?—спросилъ одинъ изъ бодрствующихъ.

— Я сейчасъ,—сказалъ Ополчнинъ.

Онъ считалъ выигрышныя деньги у карточного стола...

Сосчитавъ и сложивъ ихъ, Ополчнинъ поднялъ голову и увидѣлъ себя одного среди спящихъ.

Его не стали ждать и ушли.

Деньги, несмотря на то, что Косой взялъ у него все-все—оставалось еще много. Но приблизительно рассчитавъ, онъ должно быть одинъ былъ въ большемъ выигрышѣ и обобралъ всѣхъ. Онъ спряталъ деньги, допилъ, чтобы освѣжиться, остатки согрѣвагося и потому ставшаго невкуснымъ вина изъ перваго понавшагося стакана и грузно поднялся изъ-за стола.

Привычная обстановка безобразно проведенной ночи за картами не поразила его. Ему знакомъ былъ и этотъ покраснѣвшій огонь догорѣвшихъ до подсвѣчниковъ свѣчекъ, и дымъ накуренной комнаты, и растоптанный мѣлъ на полу, и свѣтъ утра въ окна, смущающій обыкновенно новичковъ, и, наконецъ, эти спящія фигуры въ самыхъ неудобныхъ и произвольныхъ положеніяхъ, точно тѣла навшихъ на полѣ сраженія.

Особенно неестественна казалась поза скрючившагося на стулѣ Сысоева. Привычка Левушки засыпать была извѣстна. Онъ растянулся на диванѣ, придавивъ лежавшаго рядомъ съ нимъ сосѣда и поджавъ подъ себя ногу.

Ополчнинъ хотѣлъ было уйти, но остановился у кресла, на которомъ, выгнувъ далеко впередъ широко разставленныя ноги, сползши корпусомъ на сидѣнье, спалъ, раскинувъ руки, Косой.

Онъ былъ безъ кафтана, въ одномъ разстегнутомъ и распахнувшемся камзолѣ. Кружевная манишка его тоже раскрылась, и изъ-подъ нея свисла далеко въ бокъ откинувшаяся цѣпочка съ крестомъ и вплѣвшимся на ней кольцомъ.

Ополчнину такъ вдругъ и вспомнился Косой, какъ онъ стоялъ передъ нимъ за столомъ, показывая это кольцо, и говорилъ:

— Вы помните это кольцо, вы знаете ему цѣну?

Ополчнинъ, разумѣется, помнилъ и зналъ.

Онъ тогда не хотѣлъ давать карты, но желаніе отнять у князя Ивана кольцо взяло верхъ: онъ сталъ метать и проигралъ.

Дѣло было не въ этомъ. Деньги были все-таки не Богъ знаетъ какія ужъ большія, но скверно было, что Ополчнинъ вспомнилъ, что у Косого есть это кольцо, могшее принести ему по теперешнимъ временамъ большія выгоды.

И вотъ легкое чувство зависти, въ связи съ воспоминаніемъ видѣннаго на каткѣ, гдѣ Косой слишкомъ долго оставался съ Сонюшкой, раздражающе подѣйствовало на Ополчнина.

Теперь онъ стоялъ и серьезно смотрѣлъ на спящаго Косого. Тутъ могло что-то быть... неужели между ними, между нимъ и Сонюшкой, есть какая-нибудь близость?

У Ополчнина, тогда еще, при объясненіи съ Сонюшкой у нихъ на вечерѣ, запало сомнѣніе, нѣтъ ли у нея кого-нибудь на сердцѣ. Она ужъ слишкомъ для не полюбившей еще дѣвушки тщательно и ретиво оградила себя отъ дальнѣйшаго разговора. Точно эта область была занята у нея, и она никого больше не хотѣла впускать туда.

„Да, несомнѣнно это такъ“, — сообразилъ Ополчнинъ,—„и потомъ сегодня на каткѣ... да, сомнѣнія не можетъ быть... и онъ вовсе не такъ мало опасенъ, пока это кольцо у него, чтобы пренебрегать имъ... Но сгодитъ только отнять у него это кольцо, и тогда... онъ безсиленъ, безсиленъ вполне!“

Ополчнинъ нагнулся, какъ ему казалось, чтобы посмотреть, легко ли снимается кольцо съ цѣпочки, и чуть только коснулся его — оно снялось и очутилось, какъ бы само собою, у него въ рукахъ...

Онъ испытывалъ чувство, какъ будто дѣлаетъ что-то очень забавное, шуточное, такъ, не въ самомъ дѣлѣ, а будто парочно... Въ немъ нервно дрожало что-то, похожее на смѣхъ, но онъ не смѣялся, онъ точно говорилъ себѣ:—„а вотъ возьму, да и возьму!“

И взялъ.

Онъ зажалъ кольцо въ рукѣ и неестественно-неслышными шагами, словно не шель, а его несла посторонняя сила, направился къ двери.

Онъ боялся оглянуться, и боязнь эта заключалась въ томъ, что князь Косой проснулся, поднялъ голову и смотреть ему вслѣдъ, смотреть, больше ничего, какъ только смотреть...

Но князь Иванъ не проснулся и не почувствовалъ, какъ Ополчнинъ унесъ его кольцо...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Пропавшее кольцо.

I.

Прошло недѣли двѣ съ тѣхъ поръ, какъ послѣ своей разлуки съ княземъ Иваномъ, Сонюшка увидѣлась съ нимъ на каткѣ.

Это было мимолетное баловство судьбы, которая улыбнулась ей словно для того, чтобы почти сейчасъ же показаться еще суровѣе, чѣмъ прежде. Такъ въ пасмурный день иногда выглянетъ солнышко, освѣтитъ и спрячется, оттѣнить сѣрый день, послѣ чего онъ покажется еще пасмурнѣй.

Въ эти двѣ недѣли Сонюшкѣ не удалось ни разу говядиться съ княземъ Косымъ. Съ матерью она не заговаривала о немъ, заранѣе зная, что это ни къ чему не поведетъ. У Вѣры Андреевны были свои причины не допускать Косого. Во-первыхъ, это было по сердцу Сонюшкѣ, а она не хотѣла потакать ей ни въ чемъ. Во-вторыхъ, что же съ Дашенькой будетъ, за чтѣ пренебрегаютъ ею? И въ-третьихъ (и это было главное), — у князя Косого ничего не было за душой. Соголева выдала бы, пожалуй, старшую, но только за богатаго, если бы нашелся такой слѣпецъ, что предпочелъ бы ее Дашенькѣ.

Такъ было лучше (разсуждала Вѣра Андреевна) и для нея, и для всей семьи.

Вотъ почему она, какъ только замѣтила, что начинается что-то между Сонюшкой и княземъ Косымъ — постаралась отдалить его и, напротивъ, стала чаще приглашать къ себѣ другихъ молодыхъ людей и, между ними, Ополчнина, наиболѣе правившагося ей и подававшего наиболѣе серьезные надежды...

Но она не знала своей Сонюшки, не знала, что нельзя насловать ея воли, и что воля эта только крѣпнетъ подъ давленіемъ насилія.

Онѣ сидѣли за вечернимъ чаемъ, когда вдругъ Митька съ очень важнымъ и торжественнымъ лицомъ подалъ Вѣрѣ Андреевнѣ письмо, запечатанное красивою, фигурною печатью.

— Прислано съ придворнымъ лакеемъ, — поспилъ онъ.

— Съ придворнымъ лакеемъ? — переспросила Вѣра Андреевна, сначала напрасно стараясь не показать радостнаго, охватившаго ее удивленія, но сейчасъ же справилась съ собой и, какъ будто тутъ не было ничего особеннаго, распечатала письмо.

Дашенька, поднявъ голову, вскинула на мать свой обычно вопросительный взглядъ. Сонюшка пристально стала тоже смотрѣть на Вѣру Андреевну.

— Лейбъ-медикъ императрицы, Лестокъ, проситъ меня сообщить ему, могу ли я его принять завтра между двумя и тремя? — сказала Вѣра Андреевна, дочитавъ письмо. — Какъ же теперь ему отвѣтить?

— Ну, что же, — отвѣтите ему, что, конечно, будете ждаты, — сказала Дашенька.

— Ахъ, само собой, разумѣется. Дѣло не въ томъ, но на словахъ неудобно, я думаю написать такъ...

И Вѣра Андреевна сказала, обратясь къ Сонюшкѣ, французскій текстъ письма, которое она полагала послать въ отвѣтъ.

Она всегда совѣтовалась относительно французской своей переписки съ Сонюшкой, свободно говорившей и писавшей на этомъ языкѣ, а въ данномъ случаѣ и по-давно требовалась осмотрительность.

Отвѣтъ былъ составленъ сначала начерно, прочтенъ Сонюшкой, переписанъ и переданъ придворному лакею, ожидавшемуся въ передней.

— А меня, *все-таки*, интересуетъ это письмо, — сказала Вѣра Андреевна, когда онѣ снова усѣлись за чай и задумались всѣ три объ одномъ и томъ же.

— Да, странно, — сказала Сонюшка.

— То-есть, страннаго тутъ ничего нѣтъ, — подхватила Вѣра Андреевна, — отчего же ему и не имѣть до меня дѣла?

И она, высказавъ какое-то тутъ же пришедшее ей въ голову соображеніе, сама, сразу увидѣла, что оно неудачно, и тутъ же разсердилась на Сонюшку...

Сначала онѣ, въ особенности Дашенька и Вѣра Андреевна, еще старались дѣлать видъ, что ихъ не такъ уже волнуетъ неизвѣстность, но мало-по-малу заговорили и заспорили, наперерывъ высказывая догадки о причинахъ неожиданнаго визита Лестока, самаго Лестока, того самаго, который ѣхалъ 25 ноября на пятокъ саней государыни и который теперь состоялъ самымъ близкимъ, какъ говорили, и вліятельнымъ человекомъ при дворѣ...

Но сколько ни старались онѣ, сколько ни думали потомъ, разойдясь по своимъ комнатамъ на ночь — ничего не могли найти вѣрнаго и, главное, правдоподобнаго.

На другой день Вѣра Андреевна поднялась очень рано, надѣла шелковое платье.

— Я думаю, — сказала она дочерямъ, — что, во всякомъ случаѣ, тутъ не можетъ быть ничего дурнаго, а, напротивъ — очень хорошо.

Наиболѣе изъ вѣроятныхъ предположеній, высказанныхъ еще вчера, было то, что теперь, какъ ходили слухи, всѣ пострадавшіе въ минувшее время награждаются; и, можетъ-быть, вспомнили о сосланномъ когда-то съ Девьеромъ мужѣ Вѣры Андреевны и рѣшили сдѣлать что-нибудь для его семьи, тѣмъ болѣе, что Вѣра Андреевна знала, что кой-кто изъ вліятельныхъ лицъ думалъ ходатайствовать о возвращеніи самого Девьера...

Часъ приѣзда Лестока, долженствовавшій разрѣшить всѣ сомнѣнія, наконецъ, наступилъ.

Лестокъ приѣхалъ въ придворной каретѣ съ выѣздными лакеями и гусарами, и Вѣра Андреевна покраснѣла отъ удовольствія, увидавъ эту карету у своего подъезда.

Она приняла Лестока одна. Сонѣ было велѣно сидѣть у себя въ комнатѣ, а Дашенька была разодрѣта къ приѣму и ждала въ спальнѣ на случай, если удастся представить ее ваяиому посѣтителю.

Вѣра Андреевна должна была принять Лестока, разумѣется, какъ можно лучше, радушиемъ и внимательнѣй, но это ей стоило большого труда послѣ того, какъ Лестокъ изъяснилъ въ самой вѣжливой формѣ причину своего визита.

Оказалось, — онъ приѣхалъ сватомъ. Обычай этотъ, что лица царствующія посылали своихъ приближенныхъ въ дворянскіе дома сватать невѣсту за какого-нибудь покровительствуемаго ими человека, былъ, по старинѣ, укрѣпленъ еще Петромъ Великимъ, который иногда даже самъ лично бралъ на себя такіа дѣла.

Это повторялось очень часто, и удивительнаго тутъ не было ничего.

Само собой разумѣется, подобное сватовство равнялось почти приказанію, и за отказъ могло послѣдовать неожиданное возмездіе.

Вѣра Андреевна и не думала отказываться и страшно была бы рада, польщена и торжествовала, если бы сватали ея меньшую дочь. Но дѣло шло о Сонюшкѣ.

Лестокъ былъ страшно любезенъ, но этою самою своею до крайности доведенною любезностью отгнѣнилъ официальность своего посѣщенія, изложилъ дѣло и, не сомнѣваясь въ дальнѣйшемъ, распростился и уѣхалъ, блестяще исполнивъ возложенную на него миссію. Проводивъ его, Вѣра Андреевна долго стояла одна, посреди гостиной, недоумѣвая, какъ это случилось такъ, что всѣ занимаются Сонюшкой, когда, по ея, Вѣры Андреевны, мнѣнію, лучше Дашеньки нѣтъ никого на свѣтѣ...

Но, дѣлать было нечего, она повернулась и пошла къ Сонѣ въ комнату.

II.

— Вы знаете, зачѣмъ приѣзжалъ Лестокъ? — спросила она, входя къ Сонѣ.

Вопросъ былъ совершенно неумѣстный, потому что Сонюшкѣ, не бывшей въ гостини, никакъ не могло быть извѣстно о томъ, что ее спрашивали.

И, должно-быть, понявъ эту неумѣстность, Вѣра Андреевна сейчасъ же поспѣшила отвѣтить сама за пристально глядѣвшую на нее и измѣнившуюся въ лицѣ Сонюшку:

— Лестокъ приѣзжалъ сватать васъ, — сказала она, — отъ имени государыни.

— Отъ имени государыни? — переспросила Сонюшка, едва переводя дыханіе.

Она знала, что теперь рѣшается ея судьба безповоротно.

— Да, отъ имени государыни. Значитъ тутъ разсуждать не приходится... — сказала опять Вѣра Андреевна.

— Но... за кого же? — чуть слышно проговорила Сонюшка.

— За Ополчинина, преображенца, молодого человека, награжденнаго съ отличіемъ въ числѣ лейбъ-кампанцевъ... партія завидная...

Вѣра Андреевна такъ и впиалась глазами въ Сонюшку, чтобы по малѣйшему движенію ея лица понять, какое дѣйствіе произвело на нее это извѣстіе. Но несмотря на свою привычку къ дочери, несмотря даже на свою опытность, — она рѣшительно ничего не могла подмѣтить на этотъ разъ.

Лицо Сонюшки стало вдругъ, словно выточенное изъ камня. Ни испуга, ни горя, ни радости, ни даже волненія не отразилось на немъ.

Она стояла, вытянувшись, ощерившись обѣими руками

на столъ, и только глаза, точно увеличившіеся, блестяли и смѣло, прямо смотрѣли на Вѣру Андреевну.

— Во всякомъ случаѣ,—добавила та,—я желаю вамъ всего хорошаго. Дай Богъ вамъ всякаго счастья... Да, партія многиѣ завидная,—вы рады?

Вѣра Андреевна не могла удержаться, чтобы не сдѣлать этого вопроса...

— Да, я очень, очень рада!..—тихо произнесла Сонюшка.

— А, вы рады,—подхватила Вѣра Андреевна,—ходите—я вамъ скажу чему вы рады—вы рады освободиться отъ дому, вы рады вырваться отсюда, думая, что вамъ будетъ лучше замужемъ—ну, и вы жестоко ошибаетесь, мой другъ, вы жестоко ошибаетесь. Помните мое слово: не разъ вамъ придется вспомнить о вашей дѣвической жизни, и тогда помянете и меня. Съ вашимъ характеромъ вамъ вездѣ будетъ дурно, слышите ли, вездѣ... Вы воображаете себѣ, что къ вамъ несправедливы, что васъ тиранятъ, можетъ-быть, ну вотъ увидите, что покажетъ вамъ жизнь, вотъ вы увидите...

— Я ничего не думаю и никогда вамъ не показывала этого...—отвѣтила Сонюшка, потому что видѣла, что мать хочетъ, чтобы она отвѣтила что-нибудь...

Вѣра Андреевна сѣла, облокотилась на столъ и подперла щеку рукою.

— Такъ вы дѣйствительно рады?—протянула она.—Что же вы, любите его?

Сонюшка тоже опустилась на стулъ противъ Вѣры Андреевны и закрыла лицо руками.

— Ахъ, маленька,—начала она,—развѣ можно это спрашивать, развѣ дѣвушка скажетъ это—кого она любить... Если бы вы... если бы вы,—сдѣлала она надъ собой усиліе договорить,—захотѣли бы—сами поняли, люблю я или нѣтъ, а такъ я не могу вамъ сказать ничего...

Вѣра Андреевна пожала плечами.

— Васъ никогда не поймешь—то я было думала другое... а теперь вы меня съ толку сбили—вы принимаете предложеніе Ополчинина, какъ будто и рады этому, то-есть, по крайней мѣрѣ, я ничего не могу понять... Если любятъ другого, то, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть этого равнодушія, съ которымъ вы

относитесь къ своей свободѣ. Вы спокойны, слишкомъ спокойны...

Отвѣтъ на простыя, задушевныя слова Сонюшки Вѣра Андреевна иначе, можетъ-быть она бы и услышала отъ нея искреннюю, сердечную исповѣдь, но она отвѣтила безжалостно сухо, и Сонюшка отняла руки отъ лица, криво улыбнулась и сказала:

— Можетъ-быть, я не хочу выказывать моей радости.

— Можетъ-быть...

— Тогда я, значить, люблю Ополчинина?

„Нѣтъ, она выведетъ меня изъ терпѣнія!“ рѣшила Вѣра Андреевна и поднялась, чтобы уйти.

Но для того, чтобы послѣднее слово, все-таки, осталось за нею, она, уходя, проговорила внушительно Сонюшкѣ:

— Все-таки знайте, что я вамъ отъ души желаю всякаго счастья...

Какъ только ушла Вѣра Андреевна, Сонюшка заперла дверь на замокъ и опустилась на колѣни передъ своимъ образомъ.

Она молилась, тихо, горячо и долго, послѣ этого встала и вышла ровная, на видѣ спокойная, какъ всегда, и какъ всегда ласковая.

Это спокойствіе не покидало ее и во все послѣдующіе дни.

Она такъ же спокойно, какъ ходила, занималась работою, вставала въ опредѣленный часъ, обѣдала и завтракала, приняла Ополчинина, прѣбывающаго уже въ качествѣ жениха.

Она притихла вся, совѣмъ, вошла какъ бы въ самое себя, и, какъ ни старалась Вѣра Андреевна наблюдать ее, она должна была сознаться, что ничего не понимаетъ, что пронесло въ душѣ тихой Сонюшки.

Дашенька, та многиѣ откровенно и искренне завидовала ей.

Какъ бы случайно, въ разговорѣ обронила Сонюшка, что на Петербургской сторонѣ, въ старомъ городѣ, говорятъ, есть гадалыцкѣ, удивительный... Она знала слабость матери къ ворожеямъ и гадалыцкамъ.

Вѣра Андреевна встрепенулась, и Сонюшка видѣла, что она не пропустила ее словъ безъ вниманія...

(Продолженіе будетъ.)

Одинъ изъ скромныхъ богатырей.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.) П. Н. Полевого.

Прѣзжаю я однажды на станцію Кр., по устюженскому тракту, и, противъ всякаго обыкновенія, жду лошадей очень долго. Справляюсь о причинѣ задержанія у стараго моего пріятеля, содержателя станціи, и слышу такое извиненіе:

— Измучились сегодня съ лошадьми... А все Вахрамей виновать... Вздумалъ вчера медвѣдницу потрошить, да жиръ изъ нея добывать за самымъ концемъ двора—ну, и напустилъ этого медвѣжьего-то духу... Такъ напугалъ коней, что въ оглобли нейдутъ, хоть что хощь...

— Что же это за Вахрамей?—спросилъ я.

— Какъ же это вы Вахрамей не знаете? Онъ тутъ на сто верстъ всѣмъ извѣстенъ; а вы такъ часто ѣздите... Неужто не слышали?

— Не случалось слышать.

— Да Вахрамей медвѣжатникъ, изъ деревни Ракошина, вотъ тутъ, въ пяти верстахъ отъ насъ. Вы еще черезъ деревню прѣзжаете.

— А все же Вахрамей не знаю. Что же онъ охотникъ, что ли?

— Нѣтъ. Такъ себѣ мужичокъ—тоже по крестьянству. А только за него больше баба его хозяйствуетъ, а онъ все по лѣсамъ ходитъ, за звѣремъ значить.

— И что же, много ужъ медвѣдей убилъ?

— А кто его знаетъ? Каждый годъ бьегъ... Вотъ и ко мнѣ, на пустошь, повадилась медвѣдница на овесъ ходить,—за овесъ посылать... Онъ и убилъ ее.

— Какъ же онъ ее—на лабазѣ подкарауливалъ, что ли?

— Нѣтъ! Просто такъ, въ овесъ залегъ, выждалъ ее—и убилъ.

Меня ужасно заинтересовало это „просто такъ“—и я спросилъ своего пріятеля, чтобы въ первый же разъ, какъ я у него буду почевать на станціи, онъ посылалъ за Вахрамеемъ и доставилъ бы мнѣ возможность его новидать, и съ нимъ побесѣдовать.

— Отчего же? Онъ это съ великимъ удовольствіемъ. Извольте. Съ тѣмъ я и уѣхалъ. И дѣйствительно, мѣсяца два спустя, прѣзжалъ въ осеннюю пору черезъ Кр., и вынужденъ былъ тамъ започевать, и напомнилъ своему пріятелю о его обѣщаніи.

— Извольте, извольте. Вотъ сейчасъ съ вечера пошло за нимъ; завтра, рано поутру, какъ самоваръ подадимъ вамъ, такъ и онъ тоже подойдетъ.

На другое утро, когда я, умывшись, собирался сѣсть за самоваръ, мнѣ доложили, что Вахрамей пришелъ.

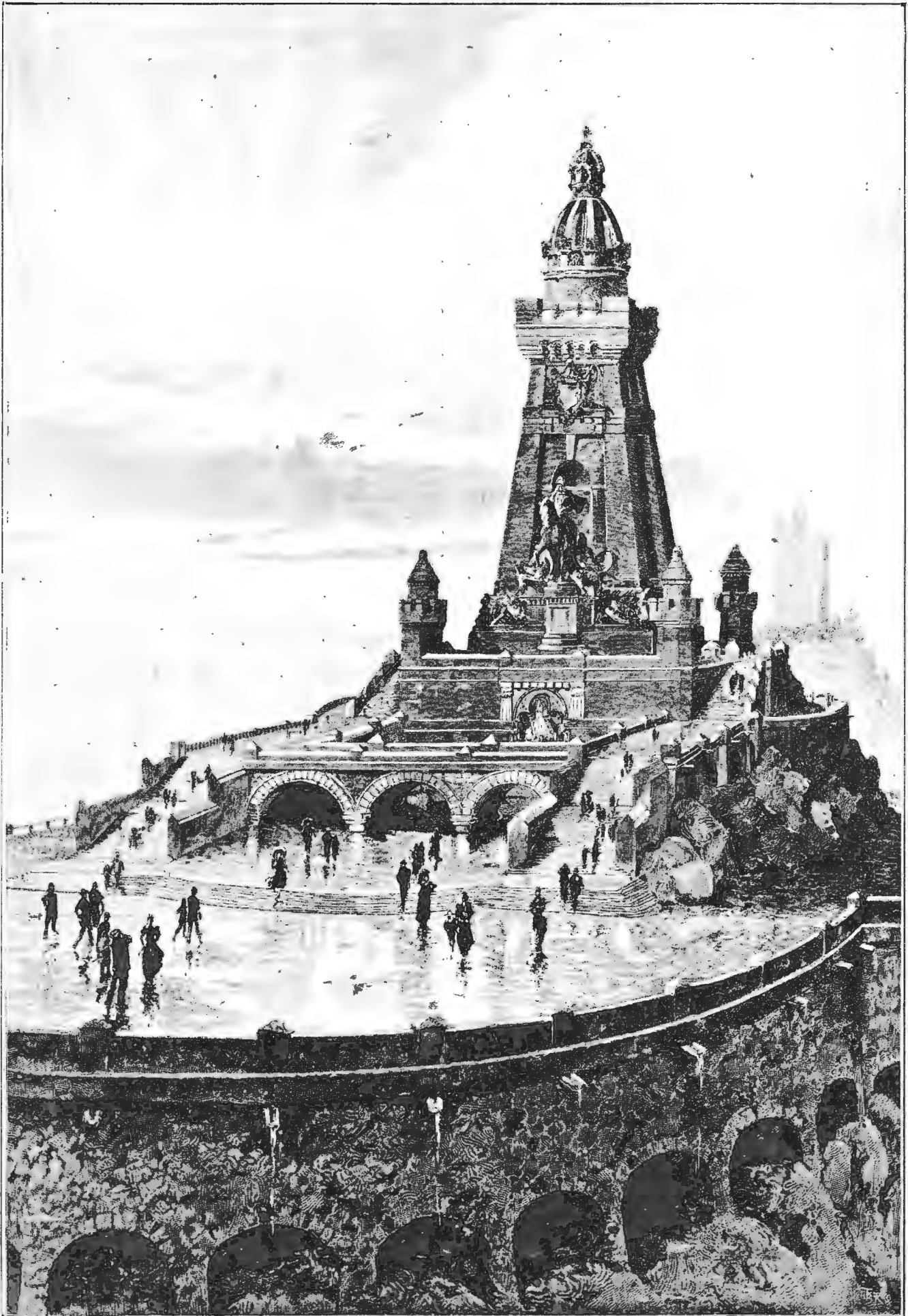
— А! зови его сюда! Зови скорѣе!

Признаюсь, я ожидалъ нѣкотораго зрѣлища... Думалъ, что вотъ ввалится въ комнату мужчина, вершковъ двѣнадцати росту, съ широчайшими плечиками и всѣмъ остальнымъ богатырскимъ складомъ,—и былъ крайне удивленъ, когда черезъ порогъ переступилъ молодой малый, на видѣ лѣтъ 30, помиле средняго роста, здоровый и крѣпкій, какъ и большинство крестьянъ въ нашей мѣстности, но не представлявшій собою ничего внушительнаго. И лицо у него было тоже самое обыкновенное, дюжинное: ни красиво, ни дурно; каріе глаза смотрѣли нѣсколько смущенно и тревожно... Небольшіе усы и жиденькая бородака опушали нижнюю часть его лица. Одѣтъ онъ былъ въ обычный, довольно чистый крестьянскій поштокъ, въ лапти съ оборамъ; въ рукѣ миль какую-то рваную шапочку. Ружье на перевязи закинуто было за лѣвое плечо; круглая пороховница, въ родѣ старинныхъ бересдеекъ, и еще какой-то мѣшочекъ, болтались у него на поясѣ.

Перекрестившись на иконы, онъ глинулъ на меня и остановился поодаль отъ стола.

— Извольли меня требовать?—спросилъ онъ.

— Здравствуй, братъ! Не требовалъ я тебя, а такъ, полюбилъ съ тобою побесѣдовать, прослышавъ, что ты медвѣдей такъ удачно бьешь...

Памятникъ германскому императору Вильгельму I, на Кифгейзерѣ.

По проекту Бруно Шмидта, рис. съ натуры А. Рихтера.

— Побесѣдовать?.. А вы не по начальству будете?
— Нѣтъ. Я такъ, просто—самъ по себѣ.

Вахрамей, видимо, ободрился, отбавлялся въ руку и, отставивъ ружье въ сторону, приготовился бесѣдовать.

Но я сначала его поострогѣлъ чайкомъ, потомъ занялъ сторонними разговорами, и затѣмъ уже перевелъ бесѣду на тему, интересовавшую меня.

— Ты котораго же это медвѣдя бьешь? — спросилъ я. — До сороковаго не добрался еще?

— Гдѣ еще! Всего 21-го недавно убилъ... Гдѣ еще сороковой?.. Я всего восьмой годъ ихъ и бью-го... И то, какъ перваго стрѣлилъ, такъ онъ отъ меня въ одну сторону, а я отъ него въ другую бѣжать пустился... Потомъ ужъ разыскалъ его въ лѣсу: кровью изощель. А я, надо тебѣ сказать, съ молоду очень робокъ былъ... Бывало matka велить пѣтуха зарѣзать — а я не могу. Потомъ ужъ лѣсъ-то очень полюбилъ — а лѣшницъ у насъ здѣсь большіе, версть на сорокъ во все стороны идутъ... Звѣря много. Вотъ я къ звѣрю присмотрѣлся, и осмѣлѣлъ...

— Ты какъ же ходишь на медвѣдя — съ рогатной? Изъ берлоги его выманиваешь?

— Нѣтъ. Этого я не умѣю. Тутъ надо его обойти, надо и собаку звѣровую имѣть, а у меня и собаки нѣтъ. Я на медвѣдя лѣтомъ хожу — съ однимъ ружьемъ.

— Какъ же ты его разыскиваешь?

— По слѣду. Да на слѣду и выгораживаю его... Вотъ и на овсахъ тоже, когда онъ повадится ихъ сосать... Онъ вѣдь это любитъ.

— И не боишься? Не пугаешься, какъ встрѣтишься съ медвѣдемъ?..

— Какъ тебѣ сказать? Медвѣдя всякій непугается — да при встрѣчѣ тутъ ужъ и страхъ весь забудешь... Тутъ ужъ стрѣлить надо — не то задереть тебя, либо уйдетъ...

— Что же ты, вѣрно, стрѣляешь мѣтко?

— Да, шаговъ на тридцать по доскѣ, либо по шанкѣ не промахнусь... А только вѣдь это не нужно, чтобы очень мѣтко — вѣдь я его почти въ упоръ бью.

— Какъ? Такъ близко подпускаешь его?

— Да, шаговъ на восемь.

Мнѣ вчужѣ стало жутко, слушая эти безхитростныя рѣчи.

— А ружье-то у тебя хоронее?

— Важное ружье! не безъ гордости сказалъ Вахрамей. — Такого ружья мало у кого и встрѣтишь.

И онъ подалъ мнѣ его съ самодовольной улыбкой. Ружье

оказалось самымъ обыкновеннымъ произведеніемъ тульскихъ оружейниковъ, братьевъ Аноновыхъ; вся и цѣна-то ему рублей 12—15.

— Ну, а какую же ты пулей бьешь медвѣдя? Круглой или острой?

Вахрамей не сразу понялъ мой вопросъ, и только ужъ по нѣкоторомъ соображеніи, отвѣтилъ мнѣ:

— Я больше жеребьями бью — вотъ такими, вотъ.

И онъ изъ мѣшечка высыпалъ на ладонь штукъ шесть свинцовыхъ цилиндриковъ, почти въ вершокъ длиною и толщиною въ миллинецъ.

— Вотъ этотъ ужъ въ трехъ медвѣдяхъ побывалъ, — указалъ онъ мнѣ на одинъ цилиндрикъ, отмѣченный престообразнымъ нарисомъ.

— Ну, и что же: промысль-то твой много ли тебѣ приноситъ?

— Да разное — годъ на годъ не придется. Мужики, какъ зовутъ меня къ себѣ на звѣря, чтобы ихъ я избавилъ отъ него, даютъ мнѣ за убой и два, и полтора рубля. Барыня вонъ звала меня къ себѣ въ усадьбу — пять рублей за медвѣдя пожалавала (онъ у ней съ десяткомъ коровъ переломалъ)... Ну, опять же шкура мнѣ достается. Прежде я ее сыремъ барышникамъ отдавалъ — много-много, что семь рублей платили. А теперь я самъ ужъ ихъ умѣю отдѣлывать и въ городъ отсылаю, либо господамъ продаю: рублей по 17, по 18 даютъ. И сало его тоже теперь у меня въ ходъ пошло: покупаютъ, и много спрашиваютъ — рубля по два за пудъ выручаютъ...

— И не случалось съ тобою, чтобы Миника на тебя лаяу наложили?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ — не бывало. Разъ только я невзначай паткнулся на медвѣдницу съ двоими медвѣжатами... А и медвѣжата ужъ не маленькіе, на возрастъ... Вотъ я стрѣлилъ въ медвѣдницу и ранилъ ее въ лопатку. Она тотчасъ упала... Я другимъ выстрѣломъ и медвѣжонка положилъ; тотъ, что остался живъ, пустился на утекъ... Я и думаю: дай заряду стволы, да за нимъ и пушусь вдогонку. Только зарядилъ, да и подхожу къ медвѣдницѣ: поближе осмотрѣть хотѣлъ... А она какъ вскопичитъ, какъ зарычитъ — да на меня! Ну, тутъ ужъ я въ нее въ упоръ выстрѣлилъ и положилъ ее... А если бы не догадался зарядить ружье — былъ бы мнѣ задраннымъ!

Я поблагодарилъ Вахрамея за разсказъ, подарилъ ему коробку пистоновъ на память, и пустился въ дорогу, невольно думая: „Сколько такихъ скромныхъ богатырей найдется у насъ въ глухихъ углахъ матушки Руси!“

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Статья VII. (Съ 11 рисунками.)

На Нижегородской выставкѣ, гдѣ-то въ уголку, на задворкахъ, высятся довольно большое, длинное неуклюжее зданіе, скорѣе напоминающее навѣсъ или сарай для пустыхъ ящиковъ, чѣмъ выставочный павильонъ, вмѣщающій продукты прогресса Россіи за минувшее десятилѣтіе. Многіе посетители выставки, бытъ-можетъ, даже пройдутъ мимо этого зданія, такъ оно неказисто, такъ не отвѣчаетъ нашему представленію о выставочныхъ павильонахъ, но... къ нему какъ нельзя болѣе приложима пословица: „по одежкѣ встрѣчаютъ, по уму провожаютъ“. Вы сразу перемѣните мнѣніе объ этомъ зданіи, лишь только войдете въ него: оно полно интереснѣйшими и прекраснѣйшими экспонатами. Здѣсь помѣщается фабрично-заводскій отдѣлъ выставки.

Повидному для самихъ устроителей фабрично-заводскаго отдѣла нижегородской выставки относительная полнота его и увлекательность были большимъ сюрпризомъ. Несмотря на неустанное въ теченіе двадцатилѣтія взвѣсиваніе нашего таможеннаго тарифа въ цѣляхъ восполненія, охраненія и насажденія отечественной промышленности, ея развитіе и ростъ и до сихъ поръ являются какъ бы окровавленнымъ. Иначе какъ объяснить, что фабрично-заводскую промышленность загнали въ дальній уголъ и нарядили, какъ золушку, въ затрапезную блузу. Разказываютъ, что хотѣли, будто бы, всю фабричную и заводскую промышленность втиснуть въ центральное зданіе, отдавъ ей половину его. Но тогда бы мануфактуристамъ, которые и теперь занимаютъ четвертую его часть, пришлось бы очень тѣсниться (они и такъ не очень ужъ роскошно помѣщены), и они выхлопотали себѣ разрѣшеніе расположиться какъ можно лучше, съ тѣмъ, что они построятъ особовъ зданіе для остальныхъ произведеній фабричной и заводской промышленности. И построили, мы видѣли, что! Все это очень характерно и si non e vero e ben trovato. Во всякомъ случаѣ мануфактуристы, кажется, никогда не были пасыками, и не только у насъ. Мануфактурная, главнымъ образомъ хлопчатобумажная, промышленность достигла наибольшаго развитія и успѣла образовать наибольшій капиталъ, чѣмъ кака-либо другая промышленность.

Фабрично-заводская промышленность не только помѣщена въ уродливомъ и плохо поставленномъ зданіи, но и положительно втиснута въ него. Такого первое впечатлѣніе при входѣ въ зданіе, оно остается и до конца. Витрины размѣнены столь

тѣсно, что совершенно теряются — ихъ можно разсматривать только по частямъ, а въ часъ налыва публики въ отдѣлѣ мѣстами положительно трудно проходить. Но тѣснота далеко не означаетъ, что въ фабрично-заводскомъ отдѣлѣ чрезвычайное обиліе экспонатовъ. Вовсе нѣтъ. Для такого громаднаго государства, какъ Россія, фабрично-заводскій отдѣлъ нижегородской выставки совершенно малъ, и если бы онъ полно представлялъ нашу промышленность, то тѣмъ самымъ онъ блестяще доказывалъ бы нашу отсталость. Ни о какихъ успѣхахъ не могло бы быть и рѣчи, такъ какъ они терлись бы въ общей, громадной массѣ того, что еще надо сдѣлать, чтобы догнать культурныя страны. Но этого нѣтъ; фабрично-заводскій отдѣлъ, при своей тѣснотѣ, и представленъ вообще очень слабо. Возьмемъ, наиримѣръ, мукомольное дѣло. Россія, стоящая во главѣ странъ производства хлѣбовъ, размалывающая ежегодно миллиарды пудовъ зерна, имѣетъ на своей выставкѣ не болѣе одного-двухъ десятковъ экспонентовъ-мукомоловъ, занимающихъ въ общей сложности, пожалуй, всего нѣсколько сажень. Полно была бы представлена эта промышленность лишь въ томъ случаѣ, если бы она заполнила особое и не маленькое зданіе; это соотвѣтствовало бы и развитію и значенію для Россіи мукомольнаго дѣла. Но мы опять отвлеклись и зашли въ область щекотливую, — указаній, чего не сдѣлаю.

Какъ бы то ни было, по фабрично-заводскій отдѣлъ на нижегородской выставкѣ значительно полнѣе, чѣмъ на московской выставкѣ 1883 года, весьма интересенъ и дѣйствительно красиво, выставочно составленъ. Если бы зданіе было немного выше и было бы попросторнѣе, то положительно съ вѣншей стороны онъ былъ бы образцовымъ. Нужно отдать полную справедливость экспонентамъ, они прекрасно поняли и разрѣшили свою задачу и выставили свои, часто неинтересные, съ казовой стороны, экспонаты столь картинно и наглядно, что не налюбуешься. Какъ въ мануфактурномъ отдѣлѣ, здѣсь много очень дорогихъ витринъ, но въ противоположность ему онѣ всею экономизированы съ извѣстной мыслью. Въ мануфактурномъ отдѣлѣ — витрины, роскошная, безумно дорогая, мебель, обстановка или, какъ выразился одинъ изъ моихъ собратей по описанію выставки, монументы, — въ фабрично-заводскомъ — витрины составляютъ неотъемлемую принадлежность выставки, какъ бы часть, дополненіе экспонатовъ.

У входа, обращеннаго къ военному и морскому павильону,

расположена выставка кожъ. Наши кожи давно уже заслужили лестную репутацию, и вездѣ на западѣ Европы можно встрѣтить на окнахъ магазиновъ, торгующихъ кожевенными издѣліями, краснорѣчивыя надписи: „изъ русской кожи“. Последняя чикагская выставка съ своей стороны подтвердила это мнѣніе иностранцевъ о нашихъ кожахъ: изъ 35 русскихъ экспонентовъ 26 удостоились наградъ. И дѣйствительно на нѣкоторыхъ крупныхъ заводахъ это дѣло поставлено у насъ превосходно, но въ общей своей массѣ оно давно уже пережило свою репутацию и отстало технически отъ производства другихъ странъ. Упало въ Россіи главнымъ образомъ производство сырыхъ кожъ; онѣ малы, непрочны, и ихъ получается недостаточное количество для удовлетворенія потребностей даже внутренняго спроса. На мировомъ рынкѣ Россія, бывшая еще въ половинѣ текущаго столѣтія главнѣйшимъ поставщикомъ, оттѣшена Америкой какъ Сѣверной, такъ и Южной, и Австраліей. Американскія кожи стали проникать и къ намъ въ увеличивающемся количествѣ, и теперь ихъ ввозится въ Россію на почтенную сумму въ 10 милліоновъ рублей; кромѣ того, выдѣланныхъ кожъ и издѣлій привозится на 5¼ милліоновъ рублей, а всего на 16 милліоновъ рублей; въ эпоху же московской выставки 1882 года общій ввозъ кожъ былъ на половину меньше: на 9 милліоновъ рублей. Такое положеніе объясняется прежде всего измѣлчаніемъ нашего скота; рослый украинскій скотъ и нагульный скотъ южныхъ степей, съ развитіемъ на Югѣ хлѣбопашества, постепенно сокращался, главнымъ производителемъ мало-по-малу началъ дѣлаться Востокъ — степи Сибири и Азии, гдѣ скотъ мелокъ, способы скриванія кожи и ихъ первичная обработка примитивны. Въ Америкѣ же и въ Австраліи, наоборотъ, качество скота постепенно улучшалось фермерами, которые вводили культурное хозяйство; кожи получались добротнѣе и больше размѣрами. Въмѣстѣ съ тѣмъ, эти страны развили отпущекъ мяса, волоса, роговъ и другихъ отбросовъ и поэтому въ общей массѣ могли отбывать кожи сравнительно дешевле, чѣмъ наши менѣе добротный товаръ, такъ какъ у насъ, на Востокѣ, мясо ни во что не считалось: на него иѣтъ потребителей, и цѣнность убиваемого скота всецѣло ложится на одну кожу. Только за послѣдніе два-три года начался ввозъ мяса съ Востока въ столицу. Что касается самой обработки кожи, то она и до сихъ поръ сосредоточена въ рукахъ кустарей. Здѣсь и разгадка на первый взглядъ аномаліи: нашими кожами хвастаются самыя дешевые магазины Запада (это продукты нашихъ поистинѣ прекрасныхъ заводовъ), а наше кожевенное производство все падаетъ и падаетъ (рутинный трудъ кустарей, ухудшающійся и дорогой сырой товаръ). На выставкѣ прекрасна витрина с.-петербургскаго фабриканта Брунциана; въ ней кромѣ замѣчательныхъ по выдѣлкѣ образцовъ кожи (всяма полно притомъ объясненныхъ) находится таблица, ярко иллюстрирующая стремленіе фабриканта улучшить обстановку рабочаго. Такъ, полна интереса таблица, показывающая гигиеническія условія главнѣйшихъ частей завода: отношеніе свѣта, воздуха, вентиляціи къ занятой на заводѣ постройкамъ площади. Интересна витрина Товарищества Алафузовскихъ фабрикъ и заводовъ, въ которой между прочимъ выставлены кожевенные предметы обмундирования и снаряженія войска; они наглядно показаны на куклахъ солдатъ, въ натуральную величину, на чучелахъ лошадей и пр. Нужно, однако, замѣтить, что выставка кожъ далеко не сосредоточена въ одномъ отдѣлѣ: кожи находятся еще и въ дополнительномъ зданіи фабрично-заводскаго отдѣла, и въ кустарномъ отдѣлѣ, и въ отдѣлѣ домашнихъ животныхъ, и въ сельско-хозяйственномъ...

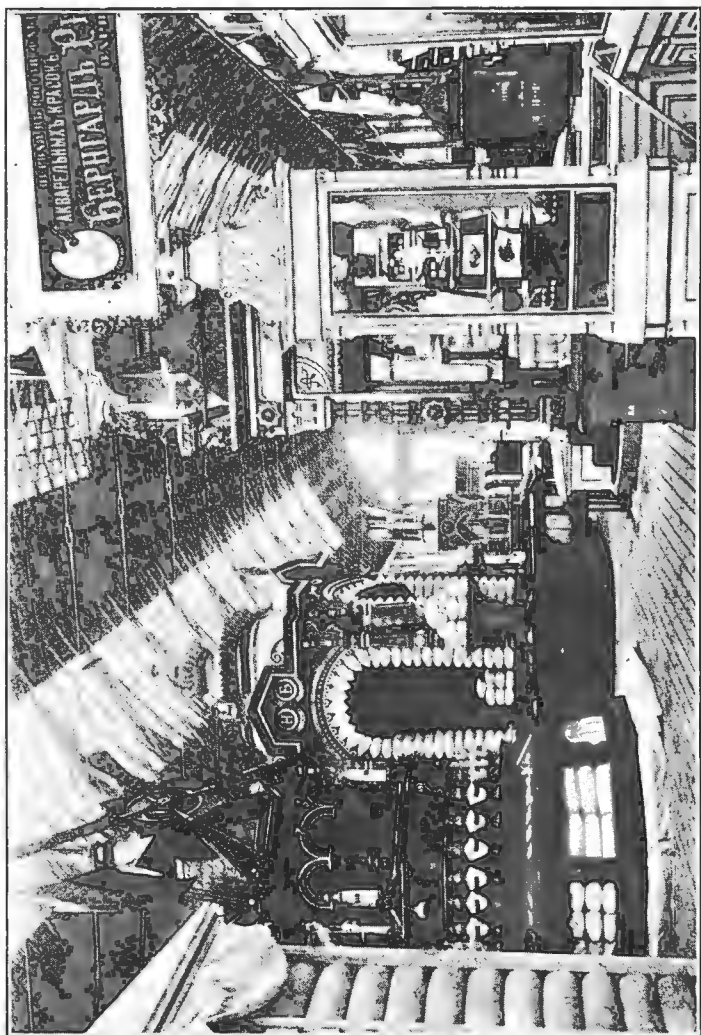
Въ главномъ зданіи фабрично-заводскаго отдѣла, рядомъ съ кожами, расположена бумага. Ея выставка также обставлена весьма эффектно. Въ центрѣ виситъ изящная восьмигранная витрина Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ. Въ ней, кромѣ великолѣпныхъ образцовъ бумаги (замѣчательна бумага съ водяными знаками), интересенъ научный отдѣлъ (разные сорта тринья, бумажная масса въ разныхъ стадіяхъ ея изготовленія) съ его большимъ стѣннымъ статистическими таблицами. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ Россіи готовится немного больше 6½ милліоновъ пудовъ бумаги (въ томъ числѣ свыше одного милліона пудовъ въ Финляндіи), и что производство увеличивается довольно быстро; но эти же таблицы сейчасъ же разочаруютъ насъ въ быстрыхъ шагахъ развитія изготовленія этого продукта, разбромъ потребленія котораго косвенно измѣряется умственный прогрессъ націи. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки въ 1894 г. изготовлено бумаги 90 милліоновъ пудовъ, въ Германіи—35 милл. пуд. и даже въ Австріи—10 милл. пуд. Эти цифры являютъ характерной иллюстраціей къ требованіямъ о новыненіи таможеннаго тарифа на бумагу, который время отъ времени возникаютъ среди бумажныхъ фабрикантовъ, указывающихъ, что ихъ тѣснить финляндская конкуренція. Дѣйствительно, въ Финляндіи широко и правильно развита древесно-массеная промышленность и производство целлюлозы — главнаго матеріала для фабрикаціи бумаги, и Финляндія работаетъ превосходно все сорта бумаги отъ картона до самыхъ тонкихъ и роскошныхъ бумагъ, легко соперничающихъ съ бумагой всему міру извѣстныхъ французскихъ фабрикъ. Бумага изъ древес-

ной массы значительно менѣе долговѣчна, чѣмъ бумага изъ триньки, и вотъ въ Финляндіи дѣйствуетъ станція для переработки бумаги, идущей для административныхъ учрежденій или вообще требующей долговѣчности. И у насъ большія фабрики работаютъ превосходно, но въ общемъ производство отстаетъ и отъ заграничнаго, и отъ финляндскаго; вотъ почему и ввозъ постоянно растетъ и, равнясь въ 1884 г. 1½ милл. руб., онъ къ 1894 г. подымается до 2¼ милл. руб. На нижегородской выставкѣ участвуютъ почти все наши бумажныя фабрики. Здѣсь всеобщее вниманіе привлекаетъ красивая витрина (рис. на стр. 857) акціонерной компаніи рижской писчебумажной фабрики; витрина исполнена въ египетскомъ стилѣ и декорирована тропическими растеніями, очень изящна и привѣтлива съ виду. Изящно обставленъ навильонъ изъ рижской писчебумажной фабрики Пече. Фирма, между прочимъ, выставила 6 большихъ катушекъ печатной бумаги для ротационныхъ машинъ; на катушкахъ надписи „Пига“—фирма поставляетъ бумагу, на которой печатается нашъ журналъ. Кромѣ печатной бумаги, фирма славится выдѣлкой тонкой напросной бумаги (выставлена катушка безконечной напросной ленты, длиною въ 21 тысячу аршинъ), вышнихъ сортовъ писчей и почтовой бумаги. Много прекрасныхъ образцовъ бумаги и въ другихъ витринахъ.

Довольно полно представлено и обоевое дѣло; оно замѣтно совершенствуется и понемногу начинаетъ эмансипироваться отъ иностранной зависимости, но въ фасонѣ и рисункѣ боеевъ видны лишь первые шаги самостоятельности. Интересна витрина таммерфорской обоевой фабрики, представляющая большой щитъ, въ видѣ колеса со спицами-обоями, а также большая витрина-комната Кротова съ поистинѣ прекрасными и разнообразными образцами боеевъ. Бумажныя издѣлія и письменныя принадлежности очень слабо представлены на выставкѣ, что и соответствуетъ слабому развитію въ Россіи этой отрасли промышленности. Вообще производство издѣлій комфорта, которые скрашиваютъ будничную жизнь и обстановку или придаютъ художественный отбѣнокъ утилитарнымъ предметамъ, почти еще не началось у насъ. Наша промышленность лишь едва-едва справляется съ предметами первой и прямой необходимости. На издѣлія комфорта и утилитарной художественности и не существуетъ въ Россіи серьезнаго требованія: наши заводы ихъ не работаютъ, а заграничныя издѣлія, благодаря таможенной стѣнѣ, могутъ упадать къ намъ лишь съ большими затрудненіями. Художественная потребность россиянина мирно пока спитъ подъ охраною таможеннаго тарифа, и какъ скучна, читатель, какъ однообразна обстановка нашихъ жилищъ!

Издѣлій изъ наше-маше почти иѣтъ на нашей выставкѣ, картонажей тоже не много. Едва ли не единственная, работающая фабричнымъ способомъ, фабрика Прогрессъ въ С.-Петербурѣ въ хорошею витринѣ — составленной изъ коробокъ изъбѣ—выставляетъ цѣлый рядъ порть-сигаръ, порть-панпиресъ, табачныхъ коробокъ, колець для салфетокъ, портфелей изъ картона и пр. Нѣсколько фирмъ экспонируютъ переплеты и конторскія книги; здѣсь заслуживаютъ вниманія издѣлія с.-петербургской фабрики Кирхнера и рижской—Киммели. Затѣмъ много гильзъ; частью выдѣлываемыхъ на самой выставкѣ. Вотъ и все по части издѣлій изъ бумаги. Въ эту группу включены и чернила, и перья. Чернила уже издавна производятся у насъ, что же касается стальныхъ перьевъ, то они впервые появляются на всероссійской выставкѣ. Выставляютъ двѣ фабрики—московская и рижская, послѣдняя даетъ столь популярное у насъ синее перо „86“; къ сожалѣнію, съдѣдовательно, это подражаніе, хотя и очень удачное.

Фарфоръ, стекло и хрусталь довольно разнообразно представлены на нашей выставкѣ, но далеко не полно: экспонентовъ сравнительно очень немного, и, кромѣ того, издѣлія этой группы не сконцентрированы въ фабрично-заводскомъ отдѣлѣ, а разбросаны по многимъ отдѣламъ выставки. Обращаетъ на себя вниманіе прежде всего большая витрина братьевъ Оффенбахеръ, вся изъ бамбука, въ видѣ пагоды. Фирма производитъ товаръ, издавна составляющій спеціальность венеціанскихъ фабрикъ, а именно зеркала, люстры, мебель, отдѣланную стекломъ въ фарфоромъ, деревянными, скульптурныя произведенія и проч. objets de luxe. Замѣчательна и высокая витрина-навильонъ сѣвернаго стеклянаго товарищества; ея крыша, сдѣланная изъ транспарантнаго стекла-картины, очень эффектна и красива. Внутри навильона замѣчательны громадныя зеркала и большія картины изъ прозрачной стеклянкой мозаики. Такія картины, давно уже вошедшія во всеобщее употребленіе за границей, у насъ еще слишкомъ дороги, чтобы быть ходкимъ продуктомъ художественной промышленности. Тутъ же показана постепенная стадія, черезъ которую проходитъ стекло, прежде чѣмъ сдѣлается зеркаломъ. Издѣлій изъ стекла—посуда, люстры, вазы—сравнительно немного. Расположены они на длинныхъ столахъ (рис. на стр. 858) и съ вышней стороны, конечно, весьма красивы, выдѣляясь блескомъ стекла. Но это въ большинствѣ обыкновенная стеклянная посуда, не выдающаяся ни оригинальностью и выдержанностью стилей, ни чистотою отдѣлки, ни относительною дешевизною. Не много экспонентовъ бутылочнаго, ламповаго, оконнаго, химическаго стекла.

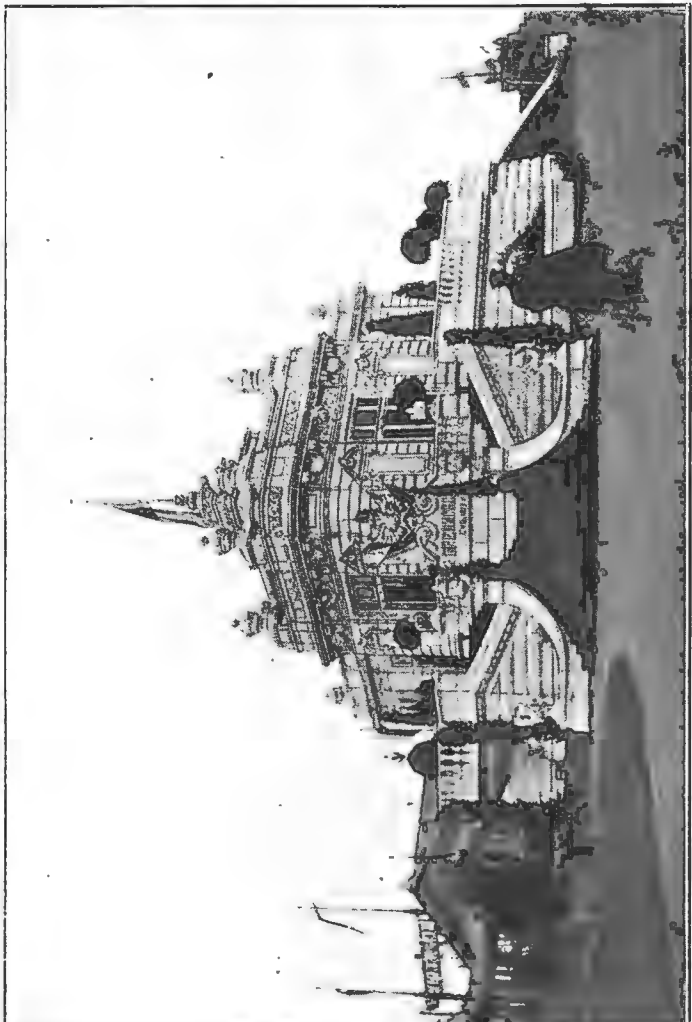
Фабрично-заводскій отдѣль. Мукомольная промышленность.

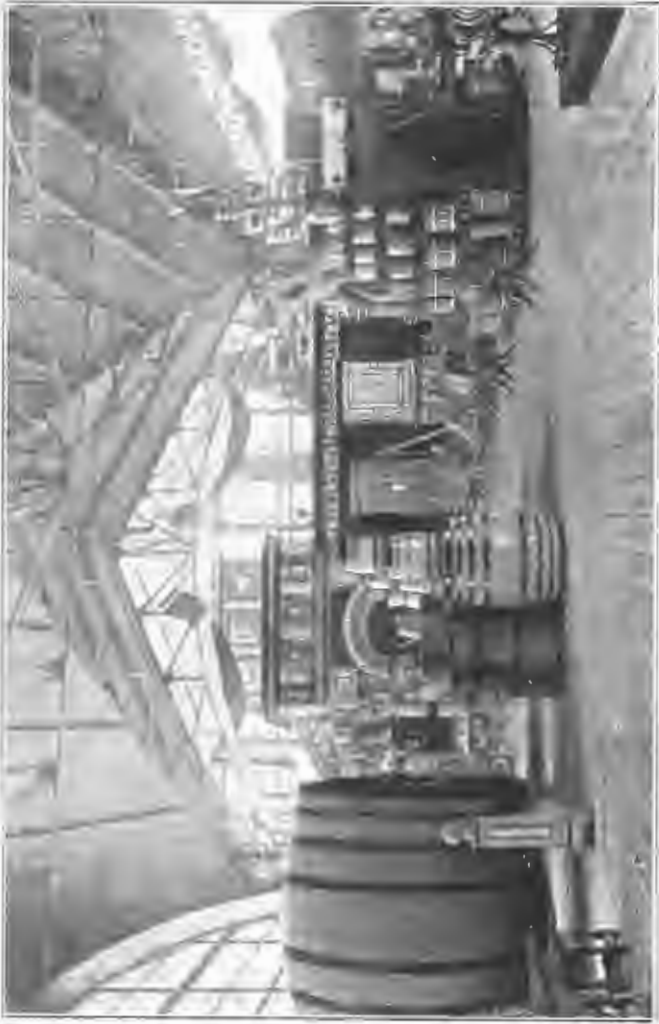
Фабрично-заводскій отдѣль. Мыловаренная промышленность.

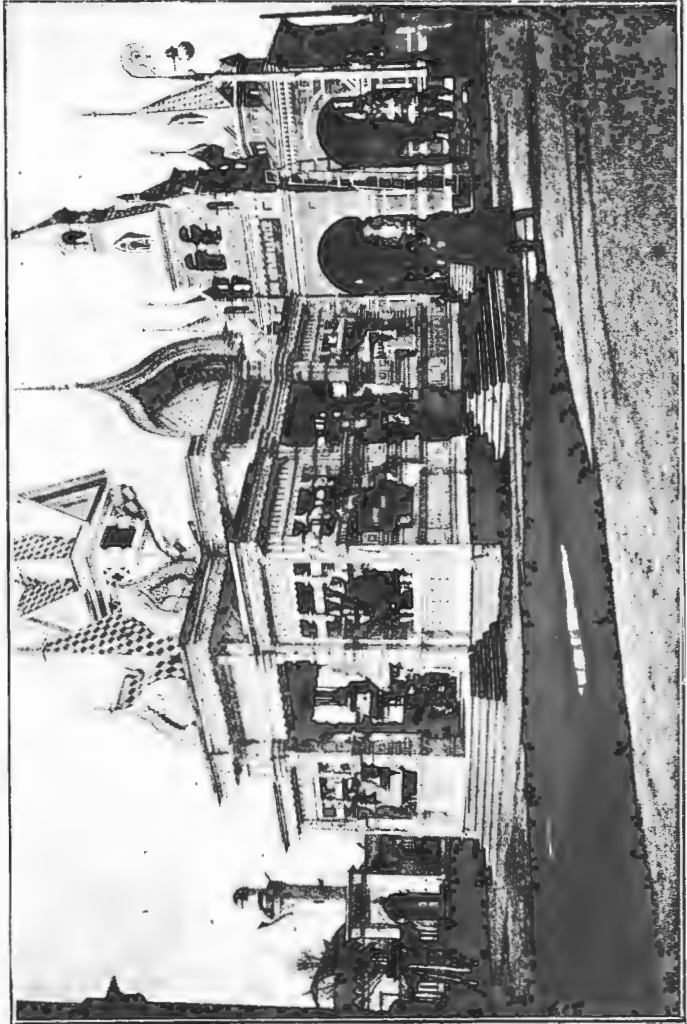
Фабрично-заводскій отдѣль. Виноградное вино. Съ фотогр. автотипии „Нива“.

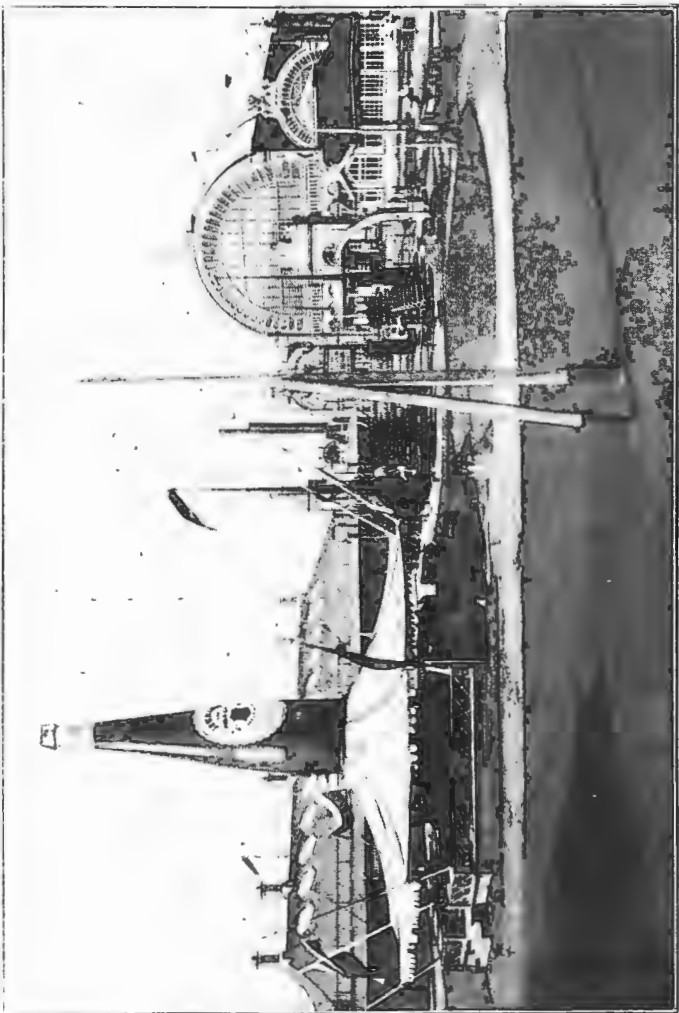
Павильонъ братьевъ Емѣевыхъ. Всероссийская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Фабрично-ремесленный отдѣль. Издѣлія изъ дерева.

Колокольный рядъ. Колокольный рядъ. Изъ фотогр. авторгнии „Нивы“.

Павильонъ-бутылка пивовареннаго завода Баварія.

Фабрично-ремесленный отдѣль. Издѣлія изъ жести.

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Съ фотогр. авторгнии „Нивы“.

Еще слабѣе представлено фарфорово-фаянсовое дѣло, размѣщенное пригломъ по многимъ отдѣламъ выставки. Въ фабрично-заводскомъ отдѣлѣ наибольшее вниманіе привлекаетъ небольшая витрина-столъ рижскаго, въ Мюльграбенѣ, фарфорового завода Я. К. Эссенъ. Его столовая и чайная посуда отличается прекраснымъ качествомъ, разнообразными и изящными рисунками и формами, весьма недорога и въ общемъ значительно превосходитъ, соответствующую по цѣнѣ, посуду и Корнилова, и Кузнецова, приближаясь къ англійскимъ образцамъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служить то, что уже въ первые дни выставки почти вся витрина этого завода была раскуплена. Интересны керамиковыя трубы и каменная посуда, экспонируемая нѣсколькими заводами; эта промышленность у насъ только зарождается, за границей же уже давно достигла многомилліоннаго развитія. Вообще наше стекольное и фарфорово-фаянсовое дѣло, хотя и сдѣлало нѣкоторые успѣхи со времени 1882 г., но еще далеко не достигло полнаго развитія и слишкомъ замѣтно отстаетъ отъ западно-европейскаго. Это особенно видно на рисункахъ и моделяхъ, которые въ большинствѣ, составляя копію съ западно-европейскихъ образцовъ, повторяются безъ измѣненія изъ года въ годъ. Но это явленіе замѣчается не въ одной только стекляно-фарфоровой промышленности, и мы его разсмотримъ подробнѣе при описаніи художественно-промышленнаго отдѣла.

Совершенно въ иномъ положеніи находится ближайшій соседъ этой группы — каучукъ, гуттаперча, резина. Въ этой области иностранная компанія подъ русскимъ флагомъ и подъ охраною русскаго таможеннаго тарифа быстро достигла совершенства въ выдѣлѣхъ издѣлій и вступила на самостоятельный путь дальнѣйшихъ улучшеній и нововведеній. Въ результатѣ гигантскій ростъ производства (въ 1860 г. изготовлено 220,000 паръ галошъ, въ 1870 г.—1.804,000 паръ, въ 1880 г.—2.313,000 паръ, въ 1890 г.—4.765,000 паръ), наибѣе завоеваніе русскаго рынка и положительно невѣроятные барыши. Въ Россіи, собственно говоря, дѣйствуютъ только четыре фирмы, обрабатывающія резину; изъ нихъ три участвуютъ на всероссійской выставкѣ. Главнѣйшая и старѣйшая русско-американская мануфактура взяла себѣ галошу, московское товарищество резиновой мануфактуры — разные галантерейные предметы, а товарищество русско-французскихъ заводовъ подъ фирмою „Проводникъ“ — линолеумъ, пробковые ковры и пр. Всѣ эти фирмы фактически пользуются монополіею, и, до чего значительны ихъ барыши, можно видѣть уже по тому, что резиновая мануфактура дѣлаетъ своимъ отновымъ покупателямъ до 40% уступки съ прейсъ-куртантныхъ цѣнъ и, несмотря на это, выдаетъ дивидендъ въ 30—40%. Но такъ или иначе мы имѣемъ превосходный резиновый товаръ, и онъ мало-по-малу начинаетъ завоевывать и иностранные рынки. Уже и теперь во всей Европѣ можно увидѣть галошу со штемпелемъ русско-американской мануфактуры и надписью: „Российскій товаръ“.

Выставка резины очень эффектна и интересна. Въ центрѣ находится громадная витрина краснаго дерева россійско-американской мануфактуры, большая часть которой занята чрезвычайно отчепливой моделью завода резиновыхъ галошъ. На модели имѣются всѣ машины, которыя посредствомъ электричества приводятъ въ движеніе и даютъ полную картину фабрики во время производства работъ. Посѣтитель выставки можетъ изучить здѣсь всю „исторію галоши“. Тутъ же два громадныхъ столба, составленныхъ изъ резиновыхъ галошъ (рис. на стр. 858), а въ основаніи имѣющихъ чудовищные по размѣрамъ салоги и галоши. Каждый столбъ заключается въ себѣ 2.500 паръ галошъ, что соответствуетъ работѣ завода въ теченіе 20 минутъ. Товарищество „Проводникъ“ выстроило цѣлую избу и экспонируетъ преимущественно линолеумъ. Московское товарищество резиновой мануфактуры тоже поставило витрину въ русскомъ стилѣ; вся она составлена изъ твердой разноцвѣтной резины, производство которой началось сравнительно недавно.

Центръ отдѣла занимаетъ роскошная витрина завода Жукова въ С.-Петербургѣ (рис. на стр. 854). Она предстаетъ высокую, въ семь сажень, колонну изъ стеариновыхъ свѣчей на фундаментѣ изъ мраморнаго мыла и увѣчанную звѣздой изъ свѣчей. Кругомъ колонны четыре бесѣдки изъ розоваго мыла съ затѣйливыми орнаментами; въ нишахъ бесѣдки поставлены, искусно отлитые изъ стеарина, бюсты четырехъ Императоровъ: Николая II, Александра III, Александра II и Николая I. Не менѣе красива и интересна витрина Братевъ Крестовниковыхъ со своими саженными свѣчами и побочными продуктами переработки стеарина (оленій, глицеринъ и пр.) Тутъ же фабрика духовъ и туалетнаго мыла Ралле въ хорошенькомъ навильончикѣ устроила фонтанъ изъ одеколона, всегда привлекающей массу публики. Фирма Брокваръ соорудила колонаду изъ прозрачнаго мыла съ инкрустациями, гирляндами; внутри колоннъ вставлены электрическія лампочки, посредничъ горка съ духами, помадой, нудрой и пр. Около расположились и другія парфюмерныя фирмы. Нужно, однако, замѣтить, что производство мыла еще сосредоточено у насъ въ рукахъ мелкихъ кустарей, которые варятъ мыло самымъ примитивнымъ способомъ. Большихъ заводовъ, приготовляю-

щихъ туалетныя мыла и парфюмеріи высшаго рода, очень немного, и почти всѣ они принадлежатъ иностранцамъ и работаютъ съ помощью иностранныхъ же мастеровъ и отчасти заграничныхъ матеріаловъ (напримѣръ, цвѣточнаго эссенціи). Повышеніе таможенныхъ пошлинъ сдѣлало невыгоднымъ ввозъ мыла и парфюмеріи средняго качества (не повліявъ на высшіе и спеціальныя сорта), но такъ какъ спросъ на мыла не уменьшился и съ ростомъ благосостоянія городского населенія склоненъ былъ возрастать, а отечественные производители и по недостатку знанія, и по своей неподвижности, не посѣлились завести мыловаренныя заводы, то пошлиною и воспользовались иностранцы, перенесъ въ центръ Россіи свои фабрики. Иначе обставлено стеариновое производство. Конкуренція газа, керосина и электричества уменьшила выгоду производства, по заводчики — въ большинствѣ капиталисты и истинно русскіе люди — употребили всѣ успѣхи, чтобы ослабить тяжелые удары конкуренціи, и улучшили самую технику производства, начали въ широкихъ размѣрахъ обработку отбросовъ производства. Такъ возникъ русскій глицеринъ, скоро вытѣснившій съ русскаго рынка иностранный продуктъ; началось производство кристаллическаго глицерина, въ возможности котораго еще недавно сомнѣвались химики, оленовой кислоты и пр. Это дало возможность понизить цѣны на свѣчи, но тѣмъ не менѣе освѣщеніе свѣчами обходится неизмѣримо дороже керосиноваго; рассчитываемъ, что въ городахъ 9-ти-часовое горѣніе 1 свѣчи стоитъ 5.8 коп., а освѣщеніе керосиновою лампою въ одну свѣчу за то же время только 1/4 коп., т. е. въ 23 раза дешевле. Свѣчи стали освѣщеніемъ спеціальнымъ, и спросъ на нихъ можетъ развиваться лишь медленно.

Мыловаренное и стеариновое производства вводятъ насъ въ химическую группу, которая расположена рядомъ. Сравнительно съ московской выставкой 1882 года химическія товары въ нижегородской выставкѣ неизмѣримо больше, и ихъ подборъ и качество указываютъ, что химическая промышленность становится у насъ твердо на ноги. Это большой праздникъ, такъ какъ химическія вещества употребляются во всѣхъ производствахъ, а по условіямъ нашей промышленности они исполнѣ могутъ у насъ выдѣлываться. Слабое развитіе русской химической промышленности находится въ зависимости не отъ того, что пошлины на химическіе товары стоили до послѣдняго времени не высокія, а отъ того, что пошлины на нихъ не соответствовали, были сравнительно ниже пошлинъ на тѣ товары, въ которые они входятъ какъ составныя части. Химическую промышленность считали служебной ко всѣмъ другимъ отраслямъ промышленности, главнымъ образомъ къ мануфактурной, и ее приносили имъ въ жертву. Русское химическое дѣло возникло поэтому или въ видѣ допозителнаго производства на другихъ фабрикахъ и заводахъ, или въ отдаленныхъ краяхъ по Камѣ, въ Баку, куда трудно пропикали иностранные товары. Лишь только тогда, когда другія отрасли нашей промышленности встали на ноги, рѣшено было оказать серьезное покровительство и химическимъ товарамъ, что и было исполнено тарифомъ 1891 года. Нынѣ уже многіе изъ нихъ изготовляются въ Россіи, и ихъ списокъ постепенно растетъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшаются и тѣ суммы, которыя мы уплачивали за границей за химическіе товары. Изъ числа выставочныхъ экспонентовъ особенно выдѣляются разнообразіемъ производства и красивымъ расположеніемъ экспонатовъ С.-Петербургскіе Тентелевскіе заводы, между прочимъ выставившіе лабораторную очистку платины и химически чистую платину для лабораторныхъ цѣлей. Какъ извѣстно, платина добывается главнымъ образомъ въ Россіи, вывозится въ сыромъ видѣ въ Англійю и въ видѣ издѣлій расходится по всему міру, возвращается и къ намъ. Тентелевскіе заводы, одинъ изъ немногихъ въ Россіи — обрабатывающіе платину. Интересны витрины завода Ушкова, Оловянишникова, Любимова сыновей, московскихъ фирмъ Келлера и Эрманса, производящихъ аптекарскіе и фармацевтическіе товары, И. С. Оссоветака — краски, въ очень кокетливой витринѣ, Столярова, выставившаго тоже краски и ихъ прототипы — красильныя деревья, уложенныя въ видѣ пирамиды; оригиналенъ затѣмъ домикъ-башня изъ головокъ спичекъ и пр.

Химическія группы съ трехъ сторонъ обнимаютъ мукомольное и крахмальное производство, которое открываетъ собою обширный рядъ группъ питательныхъ веществъ. Мы уже указывали, насколько слабо представлено на выставкѣ мукомольное дѣло; это замѣчаніе въ равной силѣ применимо и ко многимъ другимъ производствамъ (напримѣръ къ фарфоровому, стеклянному, кожевенному), но главнымъ образомъ къ группамъ питательныхъ веществъ. Въ мукомольной промышленности на выставкѣ первенство принадлежитъ нижегородцамъ, которые, однако, далеко не имѣютъ такого значенія ни въ цѣлой Россіи, ни собственно въ Поволжьѣ. Важнѣйшіе центры нашей мукомольной промышленности, за однимъ-двумя исключеніями, не выслали на выставку крупныхъ представителей; большинство экспонентовъ мало извѣстныхъ, третестепенныхъ фирмы. И съ казовой стороны мукомолье не отличилось; большинство витринъ, какъ въ мануфактурномъ отдѣлѣ, дорого стѣбщая, но безвкусная мебель. Но есть и исключенія. Кра-

сива витрина братьев Блиновых, в видѣ мельницы (рис. на стр. 854); оригинальна и остроумна витрина одесской фирмы Вайнштейнъ, владѣющей едва ли не лучшей мельницей на Югѣ; въ этой витринѣ колонны сдѣланы изъ стеклянныхъ трубокъ и заполнены зерномъ и мукою, въ серединѣ надъ горкомъ съ экпонатами фонтанъ изъ муки; не лишена эффектности и витрина Якова Башкирова.

Рядомъ съ мукою—крахмаль, картофельная мука и консервы изъ муки: макароны, вермишель, галеты. Последняя группа представлена совсемъ слабо, какъ будто этого производства у насъ и не существуетъ.

Мало экпонентовъ и по сахару. Изъ числа 226 дѣйствующихъ заводовъ въ каталогъ включено всего 29, притомъ и здѣсь большинство не главнѣйшихъ фирмы и не всѣ сосредоточены въ фабрично-заводскомъ отдѣлѣ, часть выдѣлена въ сельско-хозяйственный. Обставлены они тоже неэффективно; только одесскій сахаро-рафинаднй заводъ выставилъ громадную голову, представляющую одну стотысячную часть годового выпуска сахара, результатъ трехминутной работы завода. Во всѣхъ странахъ Европы, въ томъ числѣ и у насъ, сахаро-рафинадное производство—колосъ на глиняныхъ ногахъ. Эта промышленность буквально пасажена различными мѣрами поощренія и огражденія противъ конкуренціи естественнаго сахара—сахарнаго тростника. Искусственное водвореніе—пусть очень скользкій, но, развѣ ветушить на него, нужно идти до конца. Въ сахарной промышленности это было тѣмъ необходимымъ, что съ установленіемъ акциза на сахаръ, давшаго весьма значительный доходъ, правительство оказалось прямо заинтересованнымъ въ дѣвствующемъ положеніи сахарной промышленности и волей неволей принуждены были оказывать существенную поддержку во времена кризисовъ, наступившихъ все болѣе и болѣе часто по мѣрѣ того, какъ разросшаяся европейская промышленность начала считаться съ собственнымъ перепроизводствомъ. Русскіе потребители хорошо знаютъ эти поддержки и за удовольствіе пить чай съ собственнымъ сахаромъ уплачиваютъ за него 17 коп. за фунтъ, т. е. дороже, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ; но и это благополучіе достигается лишь при условіи вывоза за границу извѣстнаго количества сахара по цѣнѣ столь дешевой, что англичане откармливаютъ нашихъ сахаромъ своихъ домашнихъ животныхъ. Стоитъ ли поэтому хвастаться превосходнымъ (лучше французскаго) качествомъ нашего сахара!

Значительно болѣе полно и эффектно представлено на выставкѣ винокуреніе. Петръ Смирновъ соорудилъ величественную триумфальную арку изъ водочныхъ бочекъ трехъ національныхъ цвѣтовъ: бѣлаго, синяго и краснаго; арка увита плющомъ и освѣщена электричествомъ. Красивыя витрины и вокозъ на промышленныхъ заводахъ уже давно установилось прочно въ Россіи; за время съ московской выставки 1882 г. дальнѣйшіе успѣхи выразились главнѣйшимъ образомъ въ улучшеніи техники. Въ этой области насъ значительно болѣе интересуетъ введенное въ этотъ періодъ сельско-хозяйственное винокуреніе, экпонаты котораго выставлены въ I сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ. Здѣсь отмѣтимъ только, что выкурка вина далеко не увеличилась съ 1882 года,—наоборотъ, упала съ 32,6 мил. ведеръ до 30,2 мил. вед., что въ связи съ приростомъ населенія, сильно понижило среднее душевое потребленіе вина; въ 1881—83 гг. оно составляло 0,33 ведра на душу, въ 1894 году—только 0,23 ведра. Это пониженіе есть слѣдствіе сокращенія потребления благодаря постепенному повышенію акциза. Въ дѣлѣхъ дальнѣйшаго сокращенія пьянства вводится нынѣ казенная продажа вина, которая несомнѣнно внесетъ благотворяющее вліяніе въ торговлю виномъ и въ значительной мѣрѣ видоизмѣнитъ и условія самаго производства вина. Нужно

еще упомянуть, что число винокуренныхъ заводовъ подверглось значительному сокращенію за время съ 1882 г. Это явленіе отмѣчается и въ сахарной промышленности, и въ пивоваренной, и во многихъ другихъ, и объясняется вытѣсненіемъ мелкихъ заводовъ болѣе крупными, что свойственно всякой преуспевающей промышленности нашего времени.

Рядомъ съ винокурениемъ—винодѣліе, которое столь сильно развилось на нашихъ глазахъ. Въ эпоху московской выставки оно только зарождалось, нынѣ же хотя и не достигло мощнаго развитія, но уже настолько выросло, что русское виноградное вино—неизбѣжный спутникъ и прейсъ-кураторъ торговыхъ погребовъ, и картъ винъ даже фешенебельныхъ ресторановъ. Общее производство вина съ 1882 г. удвоилось, и сильно повысилась техника его приготовления. На выставкѣ, въ фабрично-заводскомъ отдѣлѣ, экспонируетъ цѣлый рядъ фирмъ, красиво расположившихъ свой товаръ въ витринахъ, увитыхъ гроздьями винограда и его листьями (рис. на стр. 854), но здѣсь далеко не всѣ экпоненты, часть изъ нихъ имѣетъ свои отдѣльные павильоны, часть экспонируетъ въ отдѣлѣ плодоводства и садоводства или въ сельско-хозяйственномъ. Изъ отдѣльныхъ павильоновъ выдѣляется красивое, чисто-бѣлое, во вкусѣ ренессанса, зданіе бр. Елисеѣвыхъ (рис. на стр. 854), которые, кромѣ винъ, выставляютъ также способъ хранения и розлива вина; затѣмъ интересенъ павильонъ кн. Голицына, въ видѣ погреба:—прямо отъ входа поставлена группа Бахусъ и вакханка, которая эффектно освѣщается голубымъ свѣтомъ.

Пивоваренной промышленности, мало разившейся съ 1882 года по количеству производства, но сосредоточившейся на крупныхъ заводахъ, улучшившихъ и разнообразившихъ продуктъ, сильно посчастливилось на выставкѣ. Пиво красиво представлено и въ зданіи отдѣла, и въ многочисленныхъ павильонахъ, раскинутыхъ по всему выставочному полю. Калининскій пиво-медоваренный заводъ выстроилъ большую витрину—колосальную бочку, окруженную боченками съ шишками на нихъ громами; заводъ Стрицкаго въ Ригѣ декорировалъ свою витрину въ старо-германскомъ стилѣ; впереди ея стоитъ фигура, въ ростъ человѣка, легендарнаго Гамбринуса, съ кружкою пѣнящагося пива. Кругомъ надписи: „Гдѣ пировать, тамъ и пиво попивать“. Не менѣе интересна витрина Трехгорнаго товарищества. Изъ павильоновъ отмѣтимъ колосальную бутылку общества „Баварія“ (рис. на стр. 855) и нѣсколько павильоновъ Жигулевскаго товарищества, производящаго едва ли не лучшее въ Россіи пиво, къ сожалѣнію, мало у насъ распространенное.

Далѣе размѣнены такъ-называемыя вкусовыя вещества: табакъ, горчица, уксусъ и другія приправы, а затѣмъ пряники, конфеты, шоколадъ, выставленные очень красиво. Жоржъ Борманъ въ витринѣ изъ цыпковъ и бамбука показываетъ публикѣ выдѣлку шоколада; Ландринъ, среди разныхъ сладостей, въ большомъ открытомъ павильонѣ выставилъ изъ шоколада группу Лаокоонъ, вѣсомъ 6 и 10 ф.; фирма Эйвемъ пошла еще дальше по пути грандіозной скульптуры изъ шоколада, соорудивъ льва въ 15 пудовъ; она же выставила памятникъ кн. Пожарскому и Минину изъ сахара и группу гномовъ изъ марципана. Колоссальнымъ печенемъ отличаются и пряничники; такъ, одинъ изъ нихъ выставилъ пряникъ въ три пуда. Здѣсь красива витрина Уткина въ Тулѣ, со своими эффектно расположенными мятнымъ пряниками. Конфеты и пряники продаются, и торговля, повидимому, идетъ бойко,—всѣ съишать купить хотя что-нибудь на выставкѣ: она не избилуетъ сувенирами, столь обильными на другихъ выставкахъ.

У выхода изъ зданія расположились два небольшихъ павильона Абрикосова и К. и С. Попова, соединенныхъ громадною аркой; посрединѣ фонтанъ. Павильоны далеко не изящны, но внутри прекрасно и интересно убраны.

Фабрично-заводскій отдѣлъ. Писчебумажная промышленность.

Теперь перейдемъ въ центральное зданіе, гдѣ находится вторая часть IX отдѣла — группы фабрично-ремесленного труда. Ремесленное производство еще очень слабо развито въ Россіи, несмотря на постепенный ростъ городского населенія и на увеличеніе его зажиточности, и незамѣрно отстаетъ въ этомъ отношеніи отъ границы. Зависитъ это прежде всего отъ недостатка знанія въ средѣ ремесленниковъ и отъ того, что по-

Фабрично-заводскій отдѣлъ. Стенло и хрусталь.

ложенію ремесленного труда удѣляется и обществомъ, и правительствомъ значительно меньше вниманія, чѣмъ условіямъ работъ крупныхъ, капиталистическихъ производствъ. Между тѣмъ трудъ ремесленный имѣетъ громадное значеніе для страны, давая заработокъ тысячамъ семействъ городского, оторваннаго отъ земли населенія и производя многіе предметы первой необходимости. Поэтому горячо нужно привѣтствовать серьезный починъ къ насажденію у насъ ремесленного образованія.

Приступая къ осмотру отдѣла, необходимо, однако, оговорить, что онъ не заключаетъ въ себѣ только трудъ ремесленный, но и фабрично-ремесленный. Въ этой области за послѣдніе десятилѣтія также замѣчается стремленіе къ сосредоточенію, къ образованію крупныхъ предпріятій, работающихъ уже не только ручнымъ трудомъ, хотя бы и многихъ рабочихъ, но и съ помощью машинъ, такъ что ремесленные мастерскія начинаютъ все больше принимать видъ и обстановку фабрикъ. Не можемъ не замѣтить, что мы ожидали нѣсколько иного расположенія экспонатовъ въ этой части отдѣла. Экспонентъ здѣсь мелкій, явившійся на выставку съ разныхъ концовъ Россіи, и поэтому эта часть должна быть едва ли не самой многолюдной, особенно если при организаціи отдѣла не ограничивались только приглашеніемъ пожаловать на выставку, но и были приняты мѣры, такъ сказать, къ завербованію экспонентовъ, чтобы дѣйствительно полно представить фабрично-ремесленное дѣло. Въ этихъ условіяхъ вопросъ о наглядности пріобрѣтаетъ особую важность, и обычная группировка по предметамъ дѣлается уже недостаточной, необходимо, чтобы параллельно ей шла еще одна группировка, которая облегчала бы посетителямъ отдѣла дѣлать выводъ изъ его осмотра. По нашему мнѣнію, такой второй группировкой должно было быть географическое распределеніе экспонатовъ. Этимъ достигалась бы наглядность, и, кромѣ того, получился бы коллективный и чрезвычайно интересный экспонентъ. Мы видѣли бы здѣсь, чѣмъ выдвинулся за періодъ съ московской выставки тотъ или иной городъ, какъ характеризуется товаръ по мѣстностямъ, гдѣ и какое начинается сосредоточиваться производство и т. д. Такое распределеніе, кромѣ интереса, было бы и весьма

важно, какъ показатель нашихъ промышленныхъ успѣховъ, такъ какъ ремесленная промышленность лишь въ томъ случаѣ можетъ разсчитывать на успѣхъ, если, специализируясь, по мѣстностямъ, она въ то же время начинаетъ широко примѣнять принципъ раздѣленія труда. За послѣдніе десятилѣтія во многихъ мѣстахъ въ Россіи дѣйствительно и установилось такое обширное производство какого-либо одного товара ремесленнымъ путемъ; оно легко можетъ соперничать съ фабриками и работаетъ на вывозъ въ другія мѣста Имперіи. Организаторы IX отдѣла совершенно не обратили вниманія на это движеніе русской промышленности, оно не выдвинуто и ускользаетъ отъ всѣхъ.

Но начнемъ осмотръ со стороны художественно-промышленнаго отдѣла. Первое мѣсто здѣсь занято пздѣліями изъ дерева: мебель, столярная и токарная работы, бондарныя и пр. Бочки (одна изъ нихъ громадная, на 300 ведеръ), боченки, кадки очень красиво и эффектно сгруппированы въ нѣсколькихъ витринахъ (рис. на стр. 855). Красива и мебель, особенно большія витрины-комнаты Войцѣхова, Кона и бр. Тоннетъ; это все гнутая буковая мебель, получившая столь большое распространеніе за послѣдніе годы и проникшая даже въ нашу деревню. Безусловно красива чисто-бѣлая мебель изъ березы и елена, и нужно только жалѣть, что она мало распространена у насъ. Здѣсь, однако, не сгруппирована вся мебель, часть ея помѣщена въ художественно-промышленномъ отдѣлѣ. Интересны и витрины съ билльярдами, которые выставляютъ фабриканты С.-Петербурга и Москвы. Груша игрушекъ не велика, и выставленные предметы мало выдѣляются изъ обычныхъ и давно уже рутинныхъ образцовъ игрушекъ. Не интересны также экспонаты токарные и рѣзные, ихъ и немного. Сравнительно мало и мѣховъ и мѣховыхъ издѣлій, столь необходимыхъ у насъ, и въ торговлѣ которыми Россія имѣетъ столь большое значеніе. По такъ какъ на выставкѣ участвуютъ главнѣйшія фирмы, то, конечно, она можетъ похвастаться весьма цѣнными экспонатами; есть, конечно, и скромные барашковые и бѣличьи мѣха, овчины, подушубки; ихъ даже значительно больше, чѣмъ на московской выставкѣ 1882 года.

Слѣдующую большую залу заполняютъ одежда, бѣлье, головные уборы, обувь. Нельзя сказать, чтобы эти группы были

Фабрично-заводскій отдѣлъ. Издѣлія изъ резины.

хорошо представлены; говорятъ, что здѣсь много не явилось экспонентовъ. Первое мѣсто занимаетъ большая витрина московско-вѣнской фирмы Маидль съ ея куклами въ челоуѣчскій ростъ, одѣтыми въ различныхъ фасоновъ платья. Интересны затѣмъ искусственные цвѣты. Большая часть изъ нихъ поистинѣ превосходны, почти являясь тожествомъ съ нату-

ральными цветами. Многие из выставленных цветов по изяществу работы не уступают парижским цветам. Публика подолгу любуется букетами сирени, одуванчиками, васильками. Искусственные цветы помещены также и в художественно-промышленном отделе, но как те, так и эти одинаково прекрасны. Не уступают заграничным, по изяществу и разнообразию сортамента, абажуры первой абажурной фабрики в С.-Петербурге.

Группа изделий из металлов, по числу экспонентов и по занятой площади, довольно обширна, но в общем бедна экспонатами. Здесь наглядно видны недостатки и дороговизна у нас металлов, о чем мы уже упоминали при описании гор-

Трупа изделий из металлов, по числу экспонентов и по занятой площади, довольно обширна, но в общем бедна экспонатами. Здесь наглядно видны недостатки и дороговизна у нас металлов, о чем мы уже упоминали при описании гор-

но из чугуна и привозимый из-за границы идет на железнодорожное и архитектурное строительство и лишь частью на отливку машинных частей и выделку инструментов. На разнообразных изделиях для домашнего употребления или украшения металла и не хватает, и он настолько дорог в сравнении со стоимостью дерева, что остается вне употребления. Вот почему в то время, как за границей города украшаются чугунными, желтыми, цинковыми решетками, фигурами, орнаментами, у нас даже в столицах и на бойких улицах процветают деревянные заборы, а фасады домов столь безобразно однообразны. Только под давлением крайней необходимости дерево заменяется металлом; так, например, за последние годы сильно развилось производство чугунных лестниц, так как, в видах охранения жизни рабочих, стало обязательным иметь на фабриках металлических лестниц. Нижегородская выставка верно отражает это направление нашей промышленности: металлические изделия на ней первой необходимости. Первое место между ними, конечно, занимают самовары, в числе которых и гизацкие, гальмидутские скобяные изделия, бубенчики, пуговицы, винты, гвозди, проволока, вѣсы и коромысла, преимущественно дорожные вещи, а также изделия из волоса—валенки.

Е. К. Мравина (по случаю исполнившегося десятилетия сценической деятельности). С фот. Императорских театров авториз. „Нивы“.

Лампы и горюлок, несмотря на столь громадное развитие у нас керосинового дела, почти нет; отсутствуют и металлические изделия для домашнего хозяйства, столь распространенные за границей.

Из отдельных витрин упомянем оригинальную витрину фабриканта С. Л. Салазкина (рис. на стр. 855); устроена громадная (в 14 аршин высоты) этрусская ваза сложной из железных изделий (ведра, лаханки и пр.). Рядом с ней не менее оригинальная, вся составленная из корбочек, идущих для упаковки конфет и консервов. Витрина—положительно художественное произведение. Корбочки эти приготовлены в Москве на фабрике, принадлежащей генеральному обществу французской ваксы и составляющей отделение их главной фабрики за границей. Работаются они из черной жести, получаемой из-за границы. Отметим еще характерную витрину часов Винтера; между прочим в ней установлены часы, играющие через каждый час наш национальный гимн.

Много на выставках и колоколов; большая часть из них помещена в особые навильончики, сгруппированные около центрального здания. Многие из них весьма эффектны, как например представленные на нашем рисунке навильоны г. Оловяшников и Финляндского. Звон большей части из колоколов установлен по камертону и на некоторых из них столь точно, что на них можно исполнять музыкальные пьесы. Колокола, едва ли первые из экспонатов, были предметом сделки и почти все уже проданы.

Нам остается еще перейти в дополнительное здание фабрично-заводского отдела. Оно в виде шатра, без стропиль, построено заводом Барн. Большая часть этого здания занята экипажами разных видов и фасонов. Между ними несколько велосипедов русского производства, т. е. собранных в России из частей, изготовленных за границей. Тут же выставлены изделия из кожи, преимущественно дорожные вещи, а также изделия из волоса—валенки.

Къ рисункамъ.

Туркмены-милиционеры. (Рис. на стр. 843.)

Туркмены—народ Тюркского племени—в средние века владели Сирією; по своей малочисленности (немного более 300 тысяч) не играли никогда выдающейся роли в истории; в настоящее время они живут в средне-азиатских владениях России и отчасти в Турции и Персии; религию исповедуют магометанскую суннитского толка; каждый туркмен носит оружие и имеет коня. Это, так сказать, естественное войско, образовавшееся вследствие исторически сложившихся обстоятельств жизни народа, вынужденного к вечной борьбе с окружающими его другими врагами-народами. Туркмены Закаспийской области преимущественно ведут ошельфованную жизнь и дают отличный материал для образования туземного войска—милиции. Они скоро освоились с требованиями военной дисциплины и казачьего строя, и в настоящее время туркмены-милиционеры представляют собою конницу, мало в чем уступающую по своим качествам кавказским казачьим войскамъ.

Жмурки. (Рис. на стр. 846.)

Сумерки. Старый парк с запущенным озером, таинственно мерцающим последними лучами догорающего заката; темная куца деревьев за полуразрушенной каменной стеной как будто непроницаемой завесой скрывают от молодых дѣвушек Божій міръ. Одна из них, с повязкой на глазах, с руками прогнугыми в пространство, устремилась вперед, чтобы поймать которую-нибудь из подружек. Дѣвушка двигается осторожно, и часто ей кажется, что она вот-вот поймала. Но, увя—вокруг нее пустота и она γίνεται за призракомъ. Сколько трудов и стараний употребляет она, чтобы достичь желаемого, и это желаемое каждый раз

оказывается—химерой. И сколько людей голятся по таинственному нарку жизни с завязанными глазами и стараются ловить в пустотѣ призраки, в то время какъ вокруг нихъ обидно раздаются хохотъ друзей..

Эта символическая картина, принадлежащая кисти художника Артига (А. Е. Artigue), была выставлена в Парижскомъ Салонѣ нынѣшняго года и собирала около себя публику. Кажется, новейшій французскій символизмъ в искусствѣ—по крайней мѣрѣ в живописи—нашелъ вѣрную дорогу и принесетъ со временемъ здоровые плоды въ общую ея сокровищницу.

Встрѣча императора Фридриха Барбароссы съ папой Александромъ III. (Рис. на стр. 847.)

Почти два десятилетия длилась упорная борьба Фридриха Барбароссы съ папой Александромъ III. Встрѣчал со стороны папы протесты противъ какихъ бы то ни было правъ императора на Римѣ, гдѣ всѣ коронныя права принадлежатъ—де св. Петру. Фридрихъ, оскорбленный этими пригизаниями, также в видѣ протеста, воздвигъ в папы преданныхъ ему кардиналовъ (Винтора IV, Пасхалия III и Каллиста III); кроме того, онъ совершилъ цѣлый рядъ походовъ въ Италію, во время которыхъ сжегъ и разорилъ города, перешедшіе на сторону папы. Въ 1174 г. имъ предпринятъ былъ пятый походъ въ Италію, который окончился для Фридриха весьма неудачно. Получая очень незначительныя подкрѣпленія изъ Германіи и ливининговъ одного изъ главнѣйшихъ союзниковъ, Генриха Лаксоно-Баварскаго, Фридрихъ вынужденъ былъ вступить одинъ, своими силами, в битву при Леньяно (между Миланомъ и Лоди). Битва длилась шесть часовъ сряду, и ломбардское войско, войско горожанъ-союзниковъ, одержало побѣду

надъ германскими рыцарями. Фридрихъ съ незначительной свитой съ трудомъ спасся и укрылся въ Павин. Но, какъ мудрый правитель, даже въ превратностяхъ судьбы не теряющей способности соображать, что возможно и достигнимо, онъ рѣшилъ примириться съ папой: расколъ въ церкви и борьба противъ преобладанія Вельфскаго дома страшно тяготили императора.

Папа Александръ III снялъ съ императора, его слугъ и приверженцевъ отлученіе отъ Церкви, и въ Венеціи, въ соборѣ св. Марка, оглашено было торжественное примиреніе. Папа съ епископами стоялъ предъ соборомъ въ ожиданіи императора, явившагося въ сопровожденіи дожа и патриарха. По словамъ очевидца-современника, Фридрихъ, „побуждаемый къ тому духомъ Божиимъ, и въ лицѣ Александра преклонился предъ Богомъ“, налъ предъ папою ницъ, постъ чего папа тотчасъ его поднялъ и далъ ему „лобаніе мира“. Загъмъ папа „взялъ императора за правую руку и ввелъ его въ Божій храмъ, гдѣ и далъ ему свое благословеніе“.

Это произошло 24 іюня 1177 г., а 1-го августа императоръ Фридрихъ держалъ на соборѣ торжественную рѣчь, въ которой сказалъ, что „до этого онъ бродилъ во мракѣ невѣдѣній, а нынѣ вернулся къ свѣту истины“, что онъ признаетъ Александра III папою католической церкви, и такимъ образомъ возвращаетъ миръ Церкви, высококому королю спичлійскому и ломбардцамъ.

Памятникъ императору Вильгельму I на Кифгейзерѣ. (Рис. на стр. 851.)

У нѣкоторыхъ народовъ существовало и даже нынѣ существуетъ повѣрье, что національные герои, послѣ своей смерти, уносятся въ горы, гдѣ и продолжаютъ жить. Особенно это повѣрье распространено въ Германіи. Такъ, императоръ Карлъ Великій живетъ въ Оденбергѣ, у Фрицлара; Арминій, Зигфридъ и Ариовиетъ обитаютъ въ горномъ замкѣ на Герольдскѣ. Но особенно распространена въ Германіи легенда о Фридрихѣ Барбароссѣ. Сражавшійся съ такой энергіей противъ папства, Фридрихъ, по народному повѣрью, не могъ умереть: онъ только „унесся“, чтобы снова вскорѣ вернуться и возстановить прелестный блескъ имперіи.

Съ конца XIV вѣка легенда эта стала гложуть и жила только въ Тюрингенѣ, у подножія горнаго хребта Кифгейзера. Въ началѣ XIX вѣка ее воскресили романтики, и стихотвореніе Рюккертъ „Барбаросса“, написанное въ 1817 году, распространило легенду снова по всей Германіи. Въ 1870 году фантазія поэта, воспользовавшись этой легендой, урѣзала и вопѣла въ лицѣ Вильгельма I пробудившагося Фридриха Барбароссу.

Кифгейзеръ, гордо высащійся за лѣснатымъ Гарцемъ и зеленѣющимъ Тюрингеномъ, несъ донныѣ на своей вершинѣ, точно увидѣвшій лавровый вѣнецъ, развалины императорскаго замка—свидѣтелей блеска былой имперіи и ея паденія. Нынѣ на главу его надѣтъ новый вѣнецъ, въ видѣ замѣчательнаго памятника.

Германскіе военные фрейеры, собравъ по подпискѣ свыше милліона марокъ, соорудили этотъ памятникъ, посвященный императору Вильгельму I, основателю новой Германской имперіи. Лучшіе германскіе скульпторы работали надъ проектомъ для этого памятника и лучшимъ изъ всѣхъ оказался проектъ Бруно Шницца. Пять лѣтъ длились работы; съ разрѣшенія владѣтеля Кифгейзера, князя Шварцбургъ-Рудольштадта, были заложены вблизи мѣста постройки богатѣйшія каменоломни, и 6-го іюня, въ день битвы подъ Ватерлоо, состоялось торжественное освященіе памятника. На церемоніи присутствовали императоръ, августѣйшіе представители всѣхъ германскихъ государствъ и депутаты отъ 16,000 военныхъ фрейеровъ.

По своимъ размѣрамъ памятникъ превосходитъ всѣ сооруженные до сихъ поръ. Запираемая имъ площадь равняется 2,500 кв. метр., нынѣ въ длину 131 метръ, а въ ширину 96 метровъ и состоитъ изъ трехъ террасъ.

Нижняя терраса образуетъ въ горизонтальной проекціи полукругъ діаметромъ въ 96 метръ и служитъ какъ бы преддверіемъ къ памятнику. Надъ нею возвышается средняя, а потомъ башенная терраса, къ которой ведутъ широкія лѣстницы, раздѣляемыя сводчатой галлереей. Черезъ эту трехсводчатую галлереею вступаютъ въ крѣпостной дворъ, въ глубинѣ котораго высѣчено въ камнѣ Рейгеромъ изображеніе стараго Барбароссы. Обѣ эти террасы съ галлереей и дворомъ имѣютъ въ длину 90 метръ, а въ ширину 61.

Башня, на которой собственно и возвышается памятникъ, четырехугольна, сверху суживается и увѣнчана огромной императорской короной, покоящейся на очень массивныхъ ребрахъ и имѣющей $3\frac{1}{2}$ метра въ діаметрѣ и $6\frac{1}{2}$ метръ вышины. Надъ изображеніемъ Барбароссы высится, какъ бы выходящая изъ

башни, фигура императора Вильгельма верхомъ на конѣ. Фигура эта, ослѣпая изъ мѣди по проекту Э. Гундризера въ Шарлоттенбургѣ, производитъ сильное впечатлѣніе. Предъ нами престарѣлый императоръ, такой, какимъ онъ сохранился навѣки предъ духовными взорами его старыхъ вожновъ. Онъ стоитъ, точно живой, тамъ наверху, выше самого Кифгейзера, и смотритъ на востокъ, навстрѣчу восходящему солнцу, а подъ его ногами шумятъ и качаются вершины старыхъ сосенъ и буквъ.

Этотъ прекрасный памятникъ, сооруженный изъ кифгейзерскаго камня, прочный и изумительный по своей грандіозности—эмблема новой Германской имперіи и достойное увѣковѣченіе памяти ея основателя. Въсѣтъ съ тѣмъ онъ почетный памятникъ всѣмъ тѣмъ, которые надъ нимъ работали.

Е. К. Мравина. (Портр. на стр. 859.)

7 января 1886 г., въ русской Императорской оперѣ, состоялся дебютъ Евгеніи Константиновны Мравинной, которая выступила въ партіи *Джизелды* въ оперѣ „Риголетто“ и, ведѣ за тѣмъ, въ партіи *Маргариты* въ оперѣ „Фаустъ“. Она имѣла тогда очень большой успѣхъ у публики и у музыкальной критики и, съ 20 августа того же года, была принята на службу въ русскую оперу. Такимъ образомъ, 20 августа настоящаго года минуетъ десять лѣтъ ея артистическаго служенія родному искусству на нашей казенной сценѣ. Тотъ вполне заслуженный ею успѣхъ, который опредѣлилъ ей выдающееся мѣсто среди нашихъ ивницъ при ея дебютѣ, неизмѣнно сопровождалъ ее въ теченіе всей ея артистической карьеры не только въ Россіи, но и за границей, гдѣ она нѣла нѣсколько сезоновъ на лучшихъ европейскихъ сценахъ. Природа щедро одарила г-жу Мравинну красивымъ, кристально-чистымъ голосомъ и эффектной сценической паружиостью, но и она сама не мало поработала передъ выступленіемъ на судъ публики и не переставала работать за все время своего пребыванія на нашей образцовой сценѣ. Результатами этой работы явились: великолѣпно выработанная вокализация, точность и изящество въ отдѣлкѣ ролей и безукоризненно-добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Ею созданы на нашей сценѣ цѣлый рядъ художественныхъ типовъ; такъ, напримѣръ, сестра покойнаго композитора Глинка, г-жа Шестакова, признаетъ ее за лучшую исполнительницу партіи *Людмилы* („Русланъ и Людмила“) и *Антониды* („Жизнь за Царя“). Репертуаръ г-жи Мравинной обширенъ, и она считаетъ въ немъ до 30-ти партій, изъ которыхъ, какъ на главнѣйшіи, укажемъ на *Тамару* („Демонъ“), *Татьяну* („Евгеній Онегинъ“), *Ситтиурочку*, *Джюльетту* („Ромео и Джульетта“), *Эльзу* („Лоэнгринъ“), *Виолетту* („Травиата“) и *Розину* („Севильскій Цырюльникъ“). Но въ ея репертуарѣ есть партіи, которыхъ петербургская публика не имѣла возможности слышать, потому что онѣ были пѣты ею за границей, такъ, напримѣръ, партіи въ операхъ „Марта“, „Филемонтъ и Бавкида“ и др. За границей г-жа Мравина нѣла въ Англій, Франціи, Бельгіи и Германіи, и всездѣ имѣла солидный и шумный успѣхъ. Такъ, напримѣръ, въ Лондонѣ она нѣла два сезона въ знаменитомъ Ковентгарденскомъ театрѣ, выступивъ въ своей коронной партіи—*Королевы* въ „Гугенотахъ“; въ Парижѣ, Шарлеруа (Бельгіи) и въ Берлинѣ она давала концерты; въ послѣднемъ городѣ она такъ понравилась, что директоръ королевскихъ театровъ, гр. Гофбергъ, настоятельно предлагалъ ей очень выгодный ангажементъ. Однако, артистка отклонила это предложеніе, предпочитая посвятить свой талантъ отечественной сценѣ и русскому искусству. Она рѣдко гастролируетъ въ теченіе лѣтняго свободнаго времени, употребляя его на отдыхъ, гдѣ-нибудь на морскомъ берегу, и на подготовленіе партій къ зимнему сезону. Будемъ надѣяться, что она долго еще будетъ украшать нашу сцену своимъ талантомъ; г-жа Мравина находится теперь въ полномъ расцвѣтѣ силъ и въ голосѣ ея не чувствуется ни малѣйшихъ признаковъ утомленія, что нужно поставить на счетъ культурному отношенію ивницы къ своимъ голосовымъ средствамъ.

Бронзовая статуя, поднесенная войсками Варшавскаго округа генераль-фельдмаршалу I. В. Гурко. (Рис. на стр. 862.)

Въ статьѣ по поводу пятидесятилѣтня службы въ офицерскихъ чинахъ генераль-фельдмаршала I. В. Гурко, мы упомянули о томъ, что войска Варшавскаго округа подносятъ I. В., во вниманіе къ его теплымъ заботамъ и самоотверженнымъ трудамъ по улучшенію быта войскъ и къ высокимъ боевымъ его заслугамъ, конную статуу фельдмаршала, вылитую изъ бронзы, по рисунку помощника начальника главнаго штаба, генераль-лейтенанта А. А. Вильдерлинга и исполненную академикомъ Шредеромъ. Въ настоящемъ № *Нивы* мы даемъ изображеніе этой статуи, а описаніе ея читатели найдутъ въ № 32 *Нивы*, въ концѣ очерка о службѣ генераль-фельдмаршала I. В. Гурко.

Пребыванію Ихъ Императорскихъ Величествъ за границею.

13 августа, въ 11 часовъ утра, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Теодоровна отбыли изъ Петергофа въ Вѣну. Въ этомъ

путешествіи Ихъ Величествъ сопровождаютъ: гофмейстерина свѣтлѣйшая княгиня Голицына, фрейлина Васильчикова, министры: Императорскаго Двора и иностранныхъ дѣлъ; гене-

раль-адъютанты: Рихтеръ и Гессе, Свиты Его Величества генералъ-майоръ графъ Бенкендорфъ, состоящій при Ея Величествѣ, въ должности гофмейстера, графъ Гендриковъ, флигель-адъютантъ: князь Оболенскій и князь Долгорукой, лейб-хирургъ Гиршъ, въ званіи камергера Коняцкий и въ званіи камеръ-юнкеровъ: Маломатовъ и Дюбрейль-Эшалпарръ. Предпріятное Высочайшее путешествіе является какъ бы отвѣтомъ на проявленіи дружественныхъ чувствъ главнѣйшихъ государствъ Западной Европы во время торжествъ Священнаго Коронованія.

Изъ Вѣны Ихъ Величества ожидаются въ Кіевъ къ освещенію Кіево-Владимірскаго собора, а затѣмъ Ихъ Величествамъ готовится торжественныя встрѣчи въ Бреславль, Коленгагенъ, Бальмораль (резиденція королевы Викторіи) и, наконецъ, въ Шербургъ, Парижъ и Дармштадтъ.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано слѣдующее извѣстіе о пребываніи Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Вѣнѣ: Съ пріѣздомъ въ Вѣну Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны начался рядъ царственныхъ встрѣчъ и перазрывныхъ съ ними многозаменательныхъ событій, къ которымъ Западная Европа готовилась уже нѣсколько недѣль.

Старѣйшему изъ европейскихъ монарховъ, императору Францу-Иосифу, вышло на долю прежде другихъ государей привѣтствовать въ своей столицѣ Русскую Императорскую Чету. Населеніе Вѣны усердно готовилось къ встрѣчѣ Вѣденскихъ Гостей. Со всѣхъ концовъ имперіи Габсбурговъ устремились въ ея столицу массы людей, съ цѣлью привѣтствовать Русскаго Царя и Августѣйшую Его Супругу. Еще за много дней до пріѣзда Высочайшихъ Путешественниковъ Вѣна переполнилась пріѣзжими, а поргеты Ихъ Величествъ раскулались на расхватъ.

По телеграфнымъ свѣдѣніямъ изъ Вѣны, отъ 14 (26) августа, приготовленія къ пріему Государя Императора и Государыни Императрицы къ этому дню были почти закончены. Сѣверный вокзалъ съ вѣншей стороны, равно какъ и по дебаркадеру, украшенъ гирляндами зелени и флагами русскихъ и австрійскихъ цвѣтовъ. Входъ и выходъ изъ Императорскихъ комнатъ покрыты роскошными балдахнами, задрапированными малиновымъ плюшемъ. Съ вокзала до Бурга, гдѣ будутъ имѣть пребываніе Ихъ Величества, съ обѣихъ сторонъ очень широкихъ въ этомъ мѣстѣ улицъ, на пространствѣ въ три сдѣшкомъ километра, тянется почти непрерывающагося линіею мачты съ русскими и австрійскими флагами, Императорскими коронами и золочеными шпикалами Ихъ Величествъ. Мачты соединены между собою гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ. По обѣ стороны Асперскаго моста возвышаются на широкій педесталахъ обелиски, увѣнчанные русскими гербами. На обѣихъ сторонахъ Шварценбергской площади, въ 50 шагахъ разстоянія одна отъ другой, сооружены громадныя триумфальныя арки съ балдахнами, на которыхъ красуются русскіе и австрійскіе орлы. Въ концѣ Рингъ-Штрассе черезъ улицу протянуты гирлянды цвѣтовъ. Многіе дома празднично убраны и покрыты зеленью, балконы украшены малиновымъ бархатомъ. Улицы необычайно оживлены. Гостилицы переполнены пріѣзжими.

15-го августа, въ день пріѣзда Ихъ Величествъ въ Вѣну, не взирая на ранній часъ и проливной дождь, тысячи народа собрались на Пратеръ и Рингъ-Штрассе. Къ семи часамъ утра дождь пересталъ, но погода все-таки была пасмурная. Къ восьми часамъ выстроились войска на указанныхъ мѣстахъ, образовалъ, на пространствѣ трехъ километровъ отъ вокзала сѣверной желѣзной дороги до вѣзда въ Гофбургъ, трехреперовыя шпалеры по обѣимъ сторонамъ пути. За рядами солдатъ стояла безчисленная толпа, ожидавшая прібытія Ихъ Величествъ. Всѣ окна и балконы были переполнены публикою. Движеніе экипажей на улицахъ приостановлено.

Къ 9½ часамъ утра на сѣверный вокзалъ собрались: особы австрійскаго императорскаго дома, свита, военные и гражданскіе чины, придворные дамы и кавалеры. На дебаркадерѣ былъ выстроенъ почетный караулъ со знаменемъ и хоромъ музыки отъ полка императора Александра I, Шефомъ котораго состоитъ Его Величество Государь Императоръ. Въ 10 часовъ на станцію прібыла австрійская императорская чета. Императоръ Францъ-Иосифъ былъ въ русской обще-генеральской формѣ и Андреевскій ордѣнъ.

Ровно въ 10½ часовъ подошелъ Императорскій поѣздъ при звукахъ русскаго гимна. Первою изъ вагона вышла Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна; Ея Величество была въ свѣтло-голубой туалетѣ, а Государь Императоръ—въ австрійской формѣ Своего полка. Поцѣловавъ у Государыни Императрицы руку, императоръ Францъ-Иосифъ дважды облобызалъ Государя Императора. Послѣ обхода Его Величествомъ почетнаго караула, послѣдовало взаимное представленіе свиты, при чемъ императоръ Францъ-Иосифъ удостоилъ бесѣдою министра иностранныхъ дѣлъ, князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго.

Съ вокзала въ первой коляскѣ отбыли Императоръ Австрійскій и Всероссийскій, во второй—Императрицы. На пути слѣдованія, по великолѣпно убраннымъ улицамъ, публика встрѣчала Ихъ Императорскія Величества громовыми кликами

„люди“ и махала шляпами. Хоры музыки стоявшихъ шпалерами войскъ исполняли русскій народный гимнъ. Оба Императора и обѣ Императрицы во время пріѣзда вели оживленную бесѣду. Его Величество Государь Императоръ, дѣлая подъ козырекъ, неоднократно благодарилъ публику за восторженные оваціи; вѣздъ имѣлъ видъ настоящаго триумфальнаго шествія. По прібытіи въ Гофбургъ, надъ которымъ немедленно были подняты русскій Императорскій штандартъ рядомъ съ австрійскимъ, Высочайшія Особы, сопровождаемые оберъ-гофмейстеромъ княземъ Лихтенштейномъ и оберъ-перемоніемейстеромъ графомъ Гунъяди, отправились въ залъ *Pietradura*, гдѣ Государь и Государыни были представлены придворные чины, общимиерскіе министры: графъ Голуховскій, Криггаммеръ и Калай, министры-президенты: графъ Бадени и баронъ Банфи, австрійскіе и венгерскіе министры и начальники главныхъ управленій.

Въ 12 часовъ 30 минутъ пополудни, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица прібыли въ помѣщеніе русскаго посольства, гдѣ были встрѣчены графомъ и графинею Каппиель. Завтракъ въ посольствѣ состоялся въ самомъ тѣсномъ кругу: присутствовали графъ Каппиель съ супругою, княгиня Голицына, генералъ-адъютанты: графъ Воронцовъ-Дашковъ и Рихтеръ, графъ Бенкендорфъ, флигель-адъютантъ князь Оболенскій, графиня Стивенъ и княгиня Долгорукая. Послѣ завтрака Ихъ Императорскія Величества осматривали начатую постройку церкви русскаго посольства. Въ 1 ч. 45 м. пополудни Ихъ Императорскія Величества въ закрытомъ экипажѣ выѣхали сдѣлать визиты членамъ австрійской императорской фамилии.

Въ 3 часа 30 минутъ пополудни, Государемъ Императоромъ были приняты въ особой аудіенціи министры: графъ Голуховскій, Криггаммеръ и Калай и затѣмъ министры-президенты: графъ Бадени и баронъ Банфи и министры государственной обороны Австріи—графъ Вельзергеймъ и Венгрии—баронъ Фейерварн. Супруга австрійскаго министра-президента, графиня Бадени, съ дочерью представлены Ея Величеству Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ передъ параднымъ обѣдомъ. По словамъ *Будапештской Корреспонденціи*, венгерскій министр-президентъ баронъ Банфи во время сегодняшней аудіенціи у Государя Императора отъ имени венгерскаго правительства благодарилъ Его Величество за великодушный даръ—пожалованіе сабли Ракоци будапештскому національному музею.

Въ 5 часовъ пополудни, въ Гофбургѣ состоялся парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали: Ихъ Величества Императоръ и Императрица Всероссийскіе; императоръ и императрица австрійскіе, члены австрійскаго императорскаго дома, свита Ихъ Величествъ и высшіе придворные, государственные и военные сановники со своими супругами. Залъ и обѣденный столъ были великолѣпно убраны цвѣтами; во время обѣда игралъ оркестръ музыки австрійскаго имени Государя Императора Николая Александровича полка. При входѣ въ залъ, императоръ Францъ-Иосифъ велъ подъ руку Ея Величество Императрицу Александру Ѳеодоровну, а Государь Императоръ—императрицу Елисавету; за Ихъ Величествами слѣдовали эрцгерцогъ Оттонъ съ вдовствующею наследною принцессою Стефаніею, эрцгерцогъ Людвигъ-Викторъ съ эрцгерцогинею Маріею-Иозефою, эрцгерцогъ Иосифъ-Фердинандъ съ эрцгерцогинею Изабеллою и прочіе члены австрійской императорской фамилии попарно. Ихъ Императорскія Величества Императоры Всероссийскій и Австрійскій занимали мѣста во главѣ стола. По правую руку отъ Императрицы Александры Ѳеодоровны сидѣли: императоръ Францъ-Иосифъ, и далѣе эрцгерцогиня Стефанія, эрцгерцогъ Оттонъ, эрцгерцогиня Изабелла и эрцгерцогъ Иосифъ-Фердинандъ и Евгений; слѣва отъ императрицы Елисаветы занимали мѣста: Императоръ Всероссийскій и по лѣвую руку отъ Его Величества—эрцгерцогиня Марія-Иозефа и эрцгерцогиня Людвигъ-Викторъ, Фридрихъ и Иосифъ-Августъ. Напротивъ Ихъ Величествъ помѣщались послы: графъ Каппиель и князь Лихтенштейнъ и министры: князь Лобановъ-Ростовскій и графъ Голуховскій. Императоръ Всероссийскій былъ въ австрійскомъ мундирѣ, а Австрійскій императоръ въ русскомъ мундирѣ. Государыни Императрица Александра Ѳеодоровна была въ платьѣ розоваго цвѣта, богато украшенномъ брилліантами, съ брилліантовою діадемою, а императрица Елисавета—въ черномъ платьѣ, съ спускающимся съ головы чернымъ вуалемъ. Послѣ третьяго блюда, когда подали шампанское, императоръ Францъ-Иосифъ всталъ съ своего мѣста и провозгласилъ на французскомъ языкѣ слѣдующій тостъ: „Принося Вашимъ Величествамъ благодарность за визитъ, который Вы соблаговолили сдѣлать и въ которомъ мнѣ пріятно видѣть новый залогъ связующей Насъ дружбы, я пью за здоровье Ихъ Величествъ Императора и Императрицы Всероссийскихъ“. Затѣмъ, Государь Императоръ и императоръ Францъ-Иосифъ чокнулись бокалами, и оркестръ исполнилъ русскій гимнъ. Черезъ нѣсколько минутъ Императоръ Всероссийскій всталъ съ своего мѣста и на французскомъ же языкѣ отвѣтилъ на тостъ императора Австрійскаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Принося вашему величеству благодарность за любезную встрѣчу, которую вы Намъ устроили, Я пью за здоровье ихъ величествъ

императора Австрийского и короля Венгерского и императрицы-королевы". Оркестръ сыгралъ австрийскій гимнъ, и Ихъ Величества вновь чокулись бокалами. Пронесенные обоими Государями тосты были выслушаны всеми присутствовавшими стои. Обѣденный столъ кончился въ 6 час. 15 мин. вечера, послѣ чего Высочайшія Особы отправились въ сосѣдніе аншартаменты, гдѣ бесѣдовали полчаса. Императрица Елисавета имѣла на себѣ знаки ордена „Stern-Kreuz“ и русскаго ордена св. Екатерины. Эрцгерцогъ Людвигъ-Викторъ былъ въ русскомъ мундирѣ, а прочіе эрцгерцоги въ австрийскихъ мундирахъ. Во время обѣда Ихъ Величества вели оживленную бесѣду.

Спектаклемъ въ придворномъ оперномъ театрѣ окончилась торжества въ первый день пребывания въ Вѣнѣ Государя Императора и Государыни Императрицы. Многочисленная публика ожидала прибытія Ихъ Величества въ прилегающихъ къ театру улицахъ. Въ Императорскую ложу Государыни Императрицы вошла подѣ руку съ императоромъ Францемъ-Иосифомъ. Государь Императоръ велѣ эрцгерцогиню Марію-Иозефу, замѣщавшую австрийскую императрицу. Эрцгерцогиня Марія-Иозефа заняла мѣсто по лѣвую руку Государыни Императрицы; Государь Императоръ сидѣлъ рядомъ съ эрцгерцогиней Марію-Иозефою, имѣя по лѣвую руку эрцгерцогиню Изабеллу. По правую руку Государыни Императрицы на- ходился императоръ Францъ-Иосифъ, далѣе эрцгерцогъ Оттонъ-Фридрихъ. Во второмъ ряду сидѣлъ эрцгерцогъ Евгенийъ. При появленіи Ихъ Величества публика поднялась со своихъ мѣстъ. Ихъ Величества внимательно прослушали оперу Массенэ „Мопоп“, за которой слѣдовалъ балетъ „Wiener-Walzer“. Послѣ второго акта оперы Августѣйшія Особы удалились въ роскошно убранный Императорскій салонъ, гдѣ изволили кушать чай. Театръ былъ великолѣпно освѣщенъ. Свита русской Императорской Четы находилась въ ложахъ; князь Лобановъ-Ростовскій и графъ Голуховскій съ супругою занимали одну ложу; въ другихъ были министры, придворные и дипломаты. Партеръ былъ занятъ генералитетомъ, придворными и государственными сановниками.

16-го августа, Государь Императоръ отбылъ на охоту въ Лайнци, куда ранѣе отправился императоръ Францъ-Иосифъ и гдѣ состоялся завтракъ. Государыня Императрица осматривала утромъ художественно-историческій музей. При посѣщеніи музея Государыня Императрица была въ вестибюлѣ встрѣче-

на оберъ-камергеромъ графомъ Траутмансдорфомъ и директоромъ музея. Осмотръ продолжался 1½ часа. Въ виду позднего времени, осмотръ естественно-историческаго музея произведенъ не былъ, и Государыня Императрица, въ сопровожденіи княгини Голицыной, назначенныхъ сослать при Ея Величествѣ австрийскихъ кавалеровъ Пальфи и Траутмансдорфа, Е. П. Васильчиковой и гофмейстера графа Гендрикова, отбыла въ Гофбургъ, гдѣ изволила завтракать и приняла эрцгерцогиню Марію-Иозефу.

Въ 3 ч. пополудни Ея Величество съ вдовствующею крѣп- принцессою Стефанією, въ открытомъ экипажѣ, отбыла въ Лайнцискій замокъ. По всему пути домъ празднично убранъ.

Публика, собравшаяся въ громадномъ числѣ, восторженно привѣтствовала Ея Величество кликами, на которые Государыня отвѣчала поклонами. Въ Лайнцискомъ дворцѣ собрались: Государь Императоръ, прибывшій съ охоты, австрийскій императоръ и остальные приглашенные къ обѣду особы. По случаю прибытія Русской Императорской Четы, замокъ роскошно украшенъ. Мраморный залъ и терраса предъ нимъ обращены въ цѣлѣтнѣе. Обѣдъ состоялся въ 4 ч. пополудни, въ тѣснѣйшемъ семейномъ кругу. Участвовали: Русская Императорская Чета, австрийскій императоръ, эрцгерцогиня Стефанія, Марія-Иозефа и Изабелла, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ, Оттонъ, Людвигъ-

Бронзовая статуя, поднесенная ген.-фельдмаршалу І. В. Гурно войсками Варшавскаго военнаго округа.

Викторъ, Иосифъ-Фердинандъ, Фридрихъ, Евгенийъ и Иосифъ-Августъ. Во время обѣда хоръ егерей исполнилъ нѣсколько музыкальныхъ пѣснь.

Отложенный 16 августа вслѣдствіе дождливой погоды смотръ войскамъ, назначенъ на 17 августа, въ 8 ч. утра.

Вниманіе всей Западной Европы сосредоточено теперь на Вѣнѣ, а мысли ея народовъ поглощены заботою о томъ, какъ бы достойнѣе и торжественнѣе встрѣтить у себя Державнаго Повелителя обширнѣйшей въ мірѣ Имперіи и пожелать Ему отъ всего сердца счастья, мира и радости въ Его Царственномъ служеніи благу своей земли и общему спокойствію. Вся заграничная печать сходится на томъ, что путешествіе, начатое Ихъ Величествами съ Вѣны, является отраднѣйшимъ событіемъ, усиливающимъ общую вѣру въ ненарушимость европейскаго мира, и что оно оставитъ по себѣ незаглядимый слѣдъ въ политической жизни европейскаго Запада.

Въ довершеніе знаменательныхъ для Европы дней, ея вни-

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разорочки, подписная стоимость журнала «Нива» въ количествѣ семи рублей должна быть уплачена сполна не позднѣе 1-го сентября с. г., а потому, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала, контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ еще полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1896 г., поспѣшить досылкою остальныхъ слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подѣ которою получается ими „Нива“.

мане сосредоточится на Франции. О томъ подъемѣ чувствъ, какой вызовутъ въ французскомъ народѣ прїѣздъ Ихъ Величествъ въ Шербургъ и Парижъ, уже можно приблизительно судить по статьямъ французскихъ газетъ. Выразителемъ чувствъ французскаго народа на облегчившую страну радостную вѣсть выступилъ, между прочимъ, вице-президентъ французской палаты депутатовъ Пуанкарэ въ рѣчи, произнесенной имъ на дняхъ передъ избирателями въ Коммерси. „Люdiamъ,—сказалъ ораторъ,—которымъ выпала высокая честь быть представителями французскаго народа, должны быть вѣчно прилежны за-

боты не столько о внутреннихъ судьбахъ страны, сколько о вѣдшемъ ея величїи, о славѣ и чести ея передъ лицомъ исторїи. Предстоящее посѣщенїе Франціи Государемъ дружественной державы наглядно запечатлѣетъ великіе успѣхи, достигнутые только мудростью, нашимъ постояннымъ и неуклоннымъ служенїемъ предначинанымъ задачамъ. Оно докажетъ Европѣ, что Франція, вышедшая изъ своего одиночества, достойна дружбы и уваженїи и можетъ съ честью занять подобающее ей мѣсто въ союзѣ великихъ державъ“. Подобную же оцѣнку ожидаемаго французами событїя дѣлаютъ и всѣ органы парижской печати.

СОДЕРЖАНІЕ: Кольцо Императрицы. Историческій романъ ич. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе.) — Одинъ изъ скромныхъ богатѣрей. (Изъ путевыхъ замѣтокъ.) П. Н. Полевого. — Всероссийская промышленная и художественная выставка въ Нилнемъ-Новгородѣ. Статьи VII. (Съ 11 рисунками.) — Къ рисункамъ: Туркмены-миллиционеры (съ рис.). — Имурии (съ рис.). — Встрѣча императора Фридриха Барбароссы съ папой Александромъ III (съ рис.). — Памятникъ императору Вильгельму I на Ифрейзерѣ (съ рис.). — Е. К. Мравина (съ портр.). — Бронзовая статуя, поднесенная войсками Варшавскаго округа генералъ-фельдмаршалу I. В. Гурько (съ рис.). — Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границею. — Завлеченіе. — Объявленїя.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихонцовъ (А. Луговой).

НОВОСТИ и РАЗСКАЗЫ
Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 25,
страхуетъ
билеты II-го 5% съ выигр. зѣйма отъ тиража 1 сентября 1896 г.
по 1 руб. 85 коп.

ОТКРЫТЬ СЕКРЕТЪ
Играетъ на фортеп. и фисгармонїи не зная нотъ. Книжка 20 к. На пробу 7 лекц. вѣщ. съ подробност. и пересылк. 1 р. (можно марк.). Руководство 2 р. Складъ изд.: СІВ., Вознесенскій, 47, А. И. Полярекову.

Фабрика непрокаемыхъ галюнокъ Я. ЮНАСА.
Складъ резины и аптекар. товаровъ
М. ХАЗАНОВИЧА, СІВ.
Вас. Остр., 7 лин., д. 40. Высылаютъ наложеннымъ платеж. Требуется безплатн. прейскурантъ.
„Бѣлье монополь.“

ФАБРИКА ДОРОЖНЫХЪ ВЕЩЕЙ
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
Тростниковыхъ сумкуновъ, несессеровъ и проч. высшаго качества.
Ю. МЮЛЛЕРЪ,
СІВ., Б. Морская, 16—8.

ВЪ ПАМЯТЬ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ.
Серебряные 84-ой пр. брелоки съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ. Красивая отдѣлка съ разноцвѣтной эмалью и позолоченной короною. Очень красивый № 938 рисунокъ. (7)
Шт. 2 р. 75 к.; 2 за 5 р. 25 к.; 3 за 7 р. 75 к.; 6 за 14 р. 95 к.; 12 за 27 р. 50 к.
Пересылка наложеннымъ платежѣмъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ. С.-Петербургъ, Невскій, № 20-31.
КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,
Садовое заведенїе въ Ригѣ, сямъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что № 9425 4—2
КАТАЛОГИ ДЕРЕВЬЯМЪ, РАСТЕНІЯМЪ, ЦВѢТНЫМЪ ЛУКОВИЦАМЪ и пр. на 1896—1897 г.
изданы и высл. по требованію безплатно. Заводъ не существуетъ съ 1816 г.

Складъ сельско-хозяйственн. и заводскихъ машинъ
В. ЭГГЕРСА.
С.-Петербургъ, Ямская, 11.
Прейск-кур. и смѣлы безплатно.

50% ЭКОНОМИИ 50%
Горная ярь-мѣдника самород. зелено-изумруд. цвѣта голов. 12 руб. и., готовая съ бѣлками и оливою 9 руб. Гарантия на 8 лѣтъ. Имѣется въездъ во всѣхъ мосткахъ, и красныя лавкакъ по фабрич. цѣн. Образ. безплатн. Г. Ф. Герцъ-Ц. № 9233 евѣ въ Алашѣ. 16—18

МОСКВА
„ГОСТИНИЦА МЕТРОПОЛЬ“
Театральная площадь.
Центръ столицы. 200 №№ отъ 1 р. и дорожж. 26—18

Знаменитое бѣлье
Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворн. Доставниковъ
МЕЙ и ЭДЛИХЪ,
Лейпцигъ-Плагвицъ.

изящно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнянаго бѣлья. Штука-только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой неприяностей. После употребленїя его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при уселенномъ погнѣнїи. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ, и холостяковъ. Нижнеименованные представители сообщать, по желанію, гдѣ оно продается.
Таифани и Штейдель, Москва. Карлъ Шиммель, С.-Петербургъ, Садовая 18. Максъ Тишбейнъ, Рига. Фабианъ Клингеландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ СЛУЧАЙНЫЯ ВЕЩИ:
Мебель, картины, пианино, рѣдкости, полныя обстановки и все проч.
А. Генке и К^о.
Москва, Пассажи Солдовникова (ходѣтъ съ Цеплягина).
ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ!!!
Зачное обученїе шитью и кройкѣ посредствомъ лекцій — корреспондентъ, по повѣнїю, повятному для каждая, методу. Полная гарантїя въ успѣхѣ. По окончанїи свидѣтельство. Условїя и программа безплатно. Преподавательница Е. Д. Ашмарина. Кїевъ № 9216 В. Жигомирска, № 4. 8—6

ПИШУЩАЯ МАШИНА „ВИЛЬЭМСЪ“
Цѣна 250 р.
ЮСИФЪ ЭЙХЕНВАЛЬДЪ, Москва, Столешниковъ пер., домъ № 5. (2)

Наименьшїй форматъ!
Видный шрифтъ!
Безъ лентъ!
Верхъ совершенства!
Единственный представитель для всей Россїи американской компанїи „Вильэмсъ“ (The Williams, Typewriter Co)

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN
Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (56)
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ Mimosa ЛОЗЕ Ixora-viola
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ. 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ нуаферсѣвъ.

Ө. ШВАБЕ
Физико-механикъ и оптикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ Москвѣ. Стереоскопическія картины на оумѣгъ Св. Коронаванїа Ихъ Императорскихъ Величествъ.
Цѣна коллекціи изъ 67 картинъ 26 р. с. Отдѣльныя картины по 45 коп. за штуку. Стереоскопы отъ 2 р. 50 к. и дорожж.
Картины для волшебнаго фонаря, на стеклѣ, раскрашенныя, по 2 р. за штуку. Каталогъ волшебнымъ фонарямъ и картинамъ высылается безплатно.
По требованію высылаются немедленно полныя систематич. иллюстр. каталоги: Оптическихъ, физическихъ, геодезическихъ и др. приборовъ ц. 3 р. с. По химїи и технологїи. 2 „ „ Хирургическихъ и медицинскихъ инструментовъ. 3 „ „ Увлеченныя за каталогъ деньги возвращаются при первомъ заказѣ на сумму не менше 10 р. с. Ш. № 9443 2—1

№ 9421 3—3
КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ
Складъ резиновыхъ товаровъ и новостей. СІВ., В. Морская, № 34
выпустилъ новый прейск-курантъ съ иллюстраціями, на резиновую обувь, непромокаемыя одежды, предметы для болыныхъ, для дороги, охоты, хозяйства, дѣтскїя игрушки и многія ПРАКТИЧНЫЯ НОВОСТИ.
Прейск-курантъ высылается безплатно.
ФОНЕДОСКОПЪ
новый инструментъ для испытанїя шумовъ внутри человѣческаго гѣла.
Цѣна съ пересылкою 11 руб.

Требуйте во всѣхъ писчебумажныхъ магазинахъ
ослепую-издѣлїя,
превосходный перъ
БЛАНЗИ ПУРЪ
и К^о.
Глян. предств. д. всей Россїи Г. и К. Эштейнъ. Москва. Чернассій пер., домъ князя Голицына.

Васильевскїй островъ 12 л., д. 35.
Мѣнская Профессиональная школа Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Прїемъ дѣвицъ отъ 12 до 15 лѣтъ. Прїемныя исптанїя 27 и 28 августа; начало занятїй 1 сентября. Программы и условїя прїема узнавать у Начальницы школы.

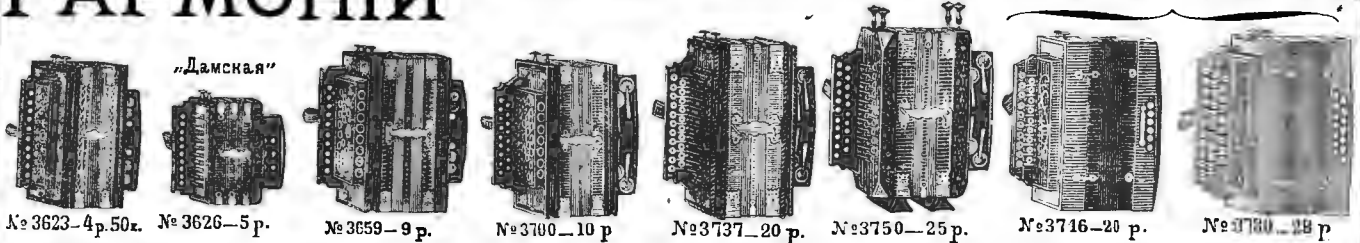
БУХГАЛТЕРІИ и КРАСИВО ПИСАТЬ
выучиваю каждого посредствомъ переписки по новой усовершен. системѣ, шлолѣ зѣмн. устно предло. Условїя и программы высл. безплатно. Г. К. БУРЕНКО, Кїевъ, Проп., 10.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣльныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

ЗАИКАНІЕ
выдѣливается основательно въ спеціальномъ заведенїи Карла Эрнста. Принимаются прїходящіе и ПАНСИОНЕРЫ. СІВ. Невскій пр., 100, кв. 7. Руководство къ самообученїю 3 р.

БРЮКИ
изъ чисто шерстянаго англїйскаго зѣнаго трико-шеврота, съ ручательствомъ за прочностъ; цѣна за отръзъ на брюки средняго роста, въ 1 арш. 10 вершк., 3 руб. 60 коп., и на высшїй ростъ, въ 1 арш. 12 вершк., 3 руб. 85 коп. Цвѣта темные и среднїе, вкусъ изысканъ. Можно получить и выписывать исключительно въ фабрично-розничномъ магазинѣ
А. ИВАНОВА.
Москва, Тверская, пассажъ Постникова. Высылаютъ наложеннымъ платежѣмъ по первому требованію. Образцы высылаются за 2 семикопѣчныя марк.
ПРАВОУЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ГАРМОНИИ ИЗВѢСТНѢЙШЕЙ ФАБРИКИ Г. Ф. КАЛЬБЕ И ЛУЧШЕЙ ВѢНСКОЙ РАБОТЫ.

САМОУЧИТЕЛИ: для однорядной 1 р., для двух-рядной 1 р., для трех-рядной 75 к. Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно
ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И ПОЛЪ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 34 и 40. МОСКВА, Кузнецкой мостъ, д. Захарьина.

К. Шликэйтень, Берлинъ SO.

машино-строитель, заводъ для кирпичи, торфяного, гончарного и известкового производства, а также для изготовления: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длины, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (38)
Далѣе: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляционную массу. Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

О. ЮХИМЪ и К^о
С.-Петербургъ.
Невскій просп., д. № 3.
Москва.
Театральный провъздъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
ВСЯКАГО РОДА И ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА РЕКОМЕНД. ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ
Г. Ф. МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, Петровка, домъ Волнова.
НИЖЕГ. ЯРМ Главн. домъ № 6.
ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГЪ.

Золотыя медали 1894 г. и 1896 г.
ПРОВИЗОРЪ А. М. ОСТРОУМОВЪ. МОСКВА.
Мыло отъ головной перхоти кусокъ 30 к. и 50 к.
МЫЛО ДѢТСКОЕ ИЗЪ ТРАВЫ ЧЕРЕДЫ кусокъ 35 к. и 25 к.
О-ДЕ-О-ОВЭРЪ вода отъ перхоти флаконъ 2 руб. и 1 р. 25 к. и ВСЕ
ТУАЛЕТНЫХЪ МЫЛА.
Продаются вездѣ.
СКЛАДЪ: Москва, Лизинъ пер., № 9-76 соб. домъ. 11-6

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„РОССІЯ“

Высочайше утвержденное въ 1881 г.
въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 37.
Основной и запасные капиталы 25.500,000 руб.
Общество заключаетъ:
Страхованія жизни
т. е. капиталовъ и доходовъ для обезпеченія семьи или собственной старости, приданаго для дѣвущей, стипендіи для мальчиковъ и т. и., на особо выгодныхъ условияхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ Общества.
Къ 1 января 1896 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 35,563 лица на капиталъ въ 91.406,948 руб.
Страхованія отъ несчастныхъ случаевъ
какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ, — съ уменьшеніемъ страховыхъ взносовъ вслѣдствіе зачета дивиденда.

Страхованія отъ огня

движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода (строений, машинъ, товаровъ, мебели и проч.).

Страхованія транспортовъ

рѣчныхъ, сухопутныхъ и морскихъ; страхованіе корпусовъ судовъ.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. д., № 37) и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

Страховые билеты по страхованію пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ выдаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходныхъ пристаняхъ.

В. № 9406 4-4

Волицій дѣлать наружныя, внутреннія болѣзныя электрофор. Невскій, 53, кв. 7
Отъ 2-4 и отъ 6-7 в. ч. № 9173 13-11

ЦВѢТОЧНАЯ ВОДА РАЛЛЕ

Мажорей Лендшигъ, Илангъ-Илангъ, Геліотропъ, Вера-Вюлетта и т. д.
Продаются во всѣхъ Агенса, магазинахъ Россіи, Имперіи.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ НЕВОКІЙ ПР. № 42.
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ПРЕЙСЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
ТОРГОВАГО ДОМА Андрей Емельяновъ. **КУЛАКОВЪ.**
Конт. Садовая ул., 33 въ С.-Петербургѣ.
ЮБИЛЕЙНЫЙ роскошно иллюстрирован. прейсъ-курантъ всѣхъ инструментовъ высылается бесплатно. 4-3

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

- духи — ФІАЛКА ДУСЛЭЗЗ — туалетное мыло.
 - духи — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
 - духи — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
 - духи — ЛАНДЫШЪ ДУСЛЭЗЗ — туалетное мыло.
- Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, прудъ. пост., Карлсруэ.**

Можно получить:
Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вольфъ, Э. Брезническаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Герца, Лизана и Рикса, А. Лице, А. Энгельда. Ц. № 9368
Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Мерлинъ, въ магазинѣ „А-ла туалетъ“, у Г. Брунесъ, Д. Горради, и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. 25-7
Представители для Петербурга: Г. Герца, Э. Максимилиановичъ и др.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ.

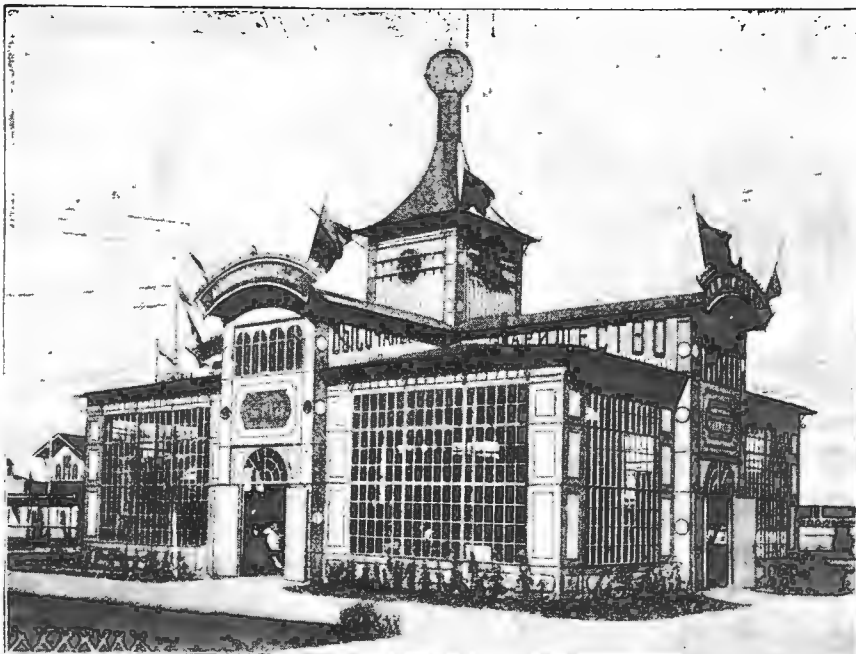
Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи.
Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ: **ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ, въ Будапештѣ.**

№ 4711
РОЗОВОЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.
Самое нѣжное глицериновое мыло, ПРОЗРАЧНОЕ
КАКЪ ХРУСТАЛЬ
благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, приобрѣло большую извѣстность.
Высокое содержаніе глицерина, экономія въ расходѣ обильнѣшимъ, нѣжный запахъ розы — вотъ качества, отличающія это мыло въ высочайшей степени. 12-4
Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей. При покупкѣ просить обращать вниманіе на утвержденную фабрикою марку № 4711.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА въ Нижнемъ-Новгородѣ.

На всероссийской выставкѣ. Высочайше утвержденное Товарищество М. М. Подобѣдова и К^о устроило круговую электрическую дорогу. Круговой она называется потому, что представляет из себя замкнутую цѣпь въ видѣ извилистой линіи, проходящей по всей выставочной территоріи. Легкіе рельсы, на разстояніи $\frac{3}{4}$ метра другъ отъ друга, красивой лентой извиваются между павильонами. Идя иногда по дорожкѣ, иногда по цѣвѣнкамъ, пересѣкая ихъ во всевозможныхъ направленіяхъ, скрываются вдругъ за зданіемъ и показываясь чрезъ нѣсколько саженъ за другимъ. Но что особенно дѣлаетъ честь Товариществу, это способъ питания вагоновъ токомъ, приводящимъ ихъ въ движеніе. Кто видѣлъ электрическіе трамваи за границей, или у насъ въ Россіи, какъ напримѣръ, въ Кіевѣ и здѣсь же въ Нижнемѣ, навѣрное былъ неприятно пораженъ массой проводовъ, натянутыхъ надъ головой по всевозможнымъ направленіямъ, число которыхъ увеличивается на поворотахъ, такъ что надъ проходящими и пробѣгающими виситъ цѣлая проволочная паутина, постоянно колеблющаяся опускается и поднимается по слѣду прохода вагона; вечеромъ же вслѣдствіе отставанія собирающаго тока аппарата постоянно вспыхиваютъ искры. На людей первыхъ это производило крайне неприятное впечатлѣніе. Стремясь къ наибольшему изидѣству и не останавливаясь передъ лишними затратами, Товарищество устроило подземное питаніе вагоновъ токомъ: посрединѣ между рельсами проходитъ узкая щель, ведущая во внутрь канала, находящагося вдоль всего пути. Внутри канала, въ сторонѣ отъ щели, протянутъ изолированный мѣдный проводъ, подвѣшенный при помощи особыхъ захватовъ къ стальной проволоцкѣ; этимъ остроумнымъ способомъ подвѣса Товариществу удалось добиться двойной изоляціи провода отъ земли и притомъ достигнуть полной возможности перемѣненія провода при измѣненіяхъ температуры, т. е. при его

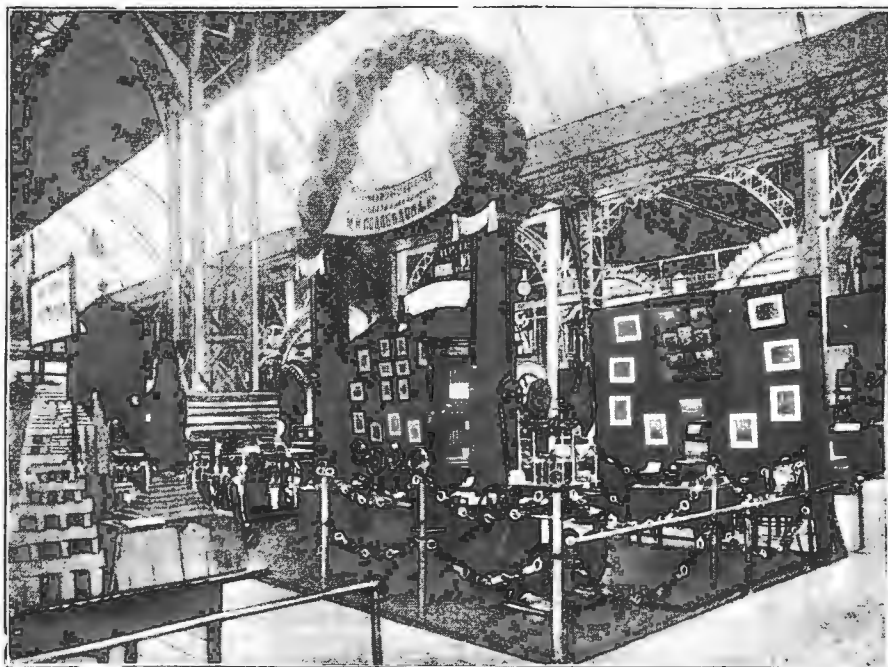
Павильонъ и электрическая станція М. М. Подобѣдова и К^о.

удлиненіи или укорачиваніи: въ общемъ такая система прокладки провода втрое дороже воздушной канализаціи. При помощи особой щетки, прикрѣпленной къ желѣзной полосѣ, идущей отъ середины вагона сквозь щель, токъ доставляется въ электродвигатель, помѣщенный подъ вагономъ. Такъ какъ всѣ эти приспособленія скрыты, то для публики получается полная иллюзія: вагонъ съ пассажирами бѣжитъ по рельсамъ какъ будто самъ собою.

Въ нѣкоторыхъ органахъ мѣстной печати появились искаженные отчеты, вводящіе въ заблужденіе часть публики, какъ по поводу устройства дороги, такъ и яко бы частыхъ остановокъ вагоновъ, что можно приписать исключительно малоккомпетентности людей, взявшихся трактовать о томъ, о чемъ они, какъ видно, даже приблизительнаго понятія не имѣютъ. Необходимы для приведенія въ движеніе вагоновъ машины помѣщаются въ красивомъ желѣзномъ павильонѣ между машинными и инженерными отдѣлами. И въ данномъ случаѣ, стремясь въ выборѣ архитектуры зданія къ возможному изидѣству, не щадя затратъ, Товарищество скрыло необходимую трубу для паровыхъ котловъ внутри легкой башни, помѣщающей по срединѣ павильона, благодаря чему зданіе не имѣетъ вида фабричнаго сарая.

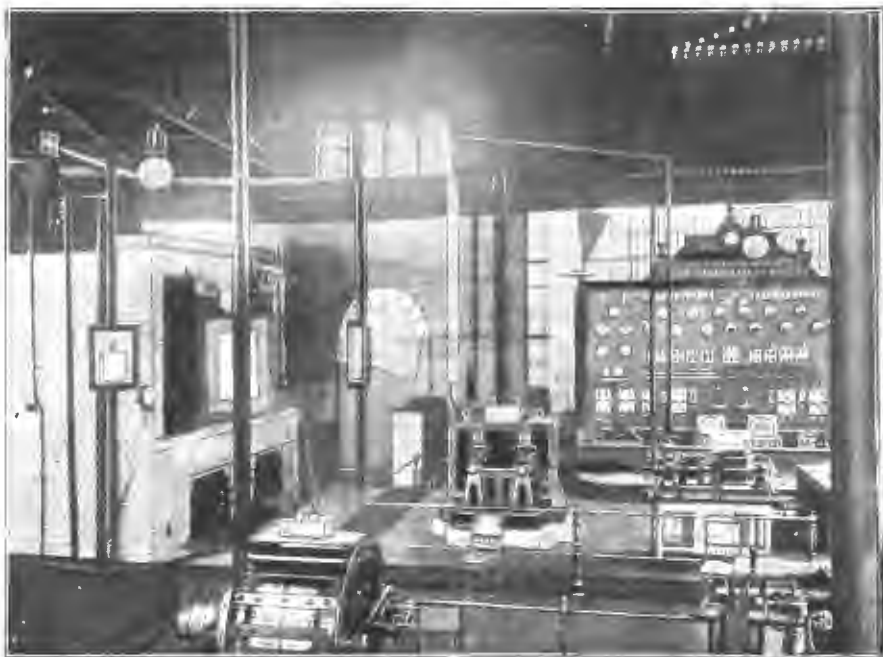
Товарищество получило субсидію въ размѣрѣ 25,000 руб., въ то время, когда другія фирмы были субсидированы въ *семь* разъ болѣе...

Въ павильонѣ этомъ помѣщаются два паровыхъ котла, по 150 лощ. силъ каждый, водотрубныхъ, безонасныхъ, отапливаемыхъ нефтью. Для питанія токомъ вагоновъ поставлены двѣ электрическія и двѣ паровыя машины Компаундъ, по 65 лощ. силъ каждая: въ работѣ только одна паровая машина и одна динамо, а другая пара служитъ запасной. Остальныя машины служатъ для освѣщенія частныхъ павильоновъ и зданій, и питаютъ около 2,000 лампъ, въ 16 свѣчей каждая. При этомъ Товарищество поставило себѣ цѣлью представить различныя двигатели, динамо-машины и устроило освѣщеніе по разнымъ системамъ. Такъ въ числѣ двигателей имѣется паровая турбина въ 100 лощ. силъ, на видъ небольшая и чрезвычайно компактная. Керосиновый двигатель, самодобывающій для себя необходимый газъ изъ

Витрина кабельнаго производства С.-Петербургскаго и Московскаго заводовъ М. М. Подобѣдова и К^о.

керосина. Освѣщеніе устроено по обыкновенной двухпроводной и трехпроводной системамъ (постѣдая весьма малое еще примѣненіе въ Россіи) и при помощи перемѣнныхъ токовъ высокаго напряженія (2,000 вольтъ) съ системой трансформаторовъ по образцу устроенныхъ Товариществу станцій въ киникахъ въ Москвѣ, Царскомъ Селѣ, военно-медицинской академіи, въ домѣ прирѣвнѣ Тименкова-Фролова, въ храмѣ Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви и многихъ другихъ. На красивой распределительной доскѣ наглядно расположены всѣ необходимыя приборы, и публика найдетъ здѣсь много интереснаго и поучительнаго. Поставивъ себѣ за правило никогда не скрывать малѣйшихъ деталей своихъ установокъ, Товарищество и здѣсь позаботилось о возможномъ ознакомленіи публики со всѣми приборами, подробными установками и съ этой цѣлью сдѣланы два широкихъ прохода вдоль и поперекъ между машинами для осмотра публикой. 19 июля навсегда останется памятнымъ и знаменательнымъ днемъ для Товарищества, такъ какъ въ этотъ день, при посѣщеніи Ихъ Величествами выставки, Государь Императоръ и Государыня Императрица въ сопровожденіи Великаго Князя Алексѣя Александровича и блестящей свиты, изволили дважды проѣхать по электрической дорогѣ Товарищества. При чемъ Его Величество изволило милостиво разспрашивать Подобѣдова о длинѣ дороги и ея устройствѣ, а Ея Величество выразила Свое Царское удовольствіе по поводу того, что вагонъ движется безъ посредства воздушной сѣти проводовъ. Въ ознаменованіе этой побѣдки, Товарищество постановило открыть школу для дѣтей заводскихъ рабочихъ. Пожелаемъ же родному, русскому Товариществу, смѣло отбросившему всю рутину, заведенную въ дѣлѣ электротехники нашими тяжелыми западными соседями, дальнѣйшаго и полнаго успѣха, какъ дѣлу русскаго ума, русскаго изобрѣтательности и русскаго настойчивости. Отъ души порадуемся, что несмотря на тѣ подчасъ тяжелыя условія, при которыхъ приходилось работать, хотя бы при постройкѣ той же дороги (сданной Товариществу только 27 сентября прошлаго года), успѣхъ все-таки получится блестящій. Леоновскій.

Внутренность электрической станціи М. М. Подобѣдова и К^о.

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 35

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содрж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выроекъ.

1896

Выдасть 31 августа 1896 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1896 г.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------	-------------	--	-------------	--	-------------------	---	-------------	---------------------	--------------

„Сеперь“. Съ картины Ф. Дефрегера грав. Гедагъ.

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Часть вторая.

III.

Спустившіяся надъ Петербургомъ сумерки ползли въ углы и закоулки, когда на извозничьихъ саняхъ подъѣхали къ пизенькому, одноэтажному, мазанковому дому, постройки еще начала города,—Вѣра Андреевна съ Сонюшкой.

На козлахъ сидѣла дворовая дѣвка Соголевыхъ, пустившая слухъ про гадальщика.

Вѣра Андреевна сама пожелала ѣхать. Сонюшка знала, что мать заинтересуется гадальщикомъ и, если не просить и не настаивать, сама повезетъ ее къ нему, зная, что Сонюшка не вѣрять ни въ какія гаданія и терпѣть не можетъ ихъ.

Но теперь дѣло было совсѣмъ другое.

Сани остановились у дома, и Вѣра Андреевна выскочила первая.

— Ну, веди,—сказала она дворовой, велѣвъ извозчику дожидаться.

Онѣ должны были войти во дворъ, подняться по ступенькамъ покосившагося крыльца и, миновавъ галлерейку, затянутую промасленной бумагой вмѣсто стеколъ, остановились у обитой рогожей двери.

Привезшая ихъ дѣвушка постучала въ эту дверь. Она отворилась не сразу.

Сонюшка съ Вѣрой Андреевной стояли укутанныя въ свои шубки съ закрытыми канорами лицами.

Наконецъ ихъ пустили послѣ таинственныхъ переговоровъ дворовой, и онѣ очутились въ довольно чистой горенкѣ, ничѣмъ особенно не отличавшейся отъ обыкновеннаго жилья мѣщанъ средней руки.

Впечатлѣніе, произведенное на Вѣру Андреевну, было удовлетворительное.

— Какъ же, мы вмѣстѣ пойдѣмъ?—спросила она.

— Итъ-съ, вмѣстѣ никакъ невозможно,— пояснилъ принявшій ихъ плечистый, но съ благообразнымъ лицомъ малый, повидимому, прислуживавшій здѣсь, — пужно въ одиночку...

— Ну, такъ ты иди первая, — сказала Вѣра Андреевна Сонюшкѣ.

— Какъ угодно, маменька.

Въ это время прислуживающій мальчикъ сказалъ: „пожалуйте“.

— Итъ, я пойду, — рѣшила Вѣра Андреевна, и двинулась къ маленькой дверкѣ, ведущей въ сосѣдную комнату.

Она ушла, и Соня видѣла, какъ Вѣра Андреевна, входя къ гадалщику, перекрестилась маленькимъ, чтобъ не замѣтно было, крестомъ у пояса.

Она оставалась тамъ довольно долго и вышла вся красная и очень взволнованная.

— Это удивительно, — сказала она, — я ничего подобнаго не слыхивала—такія подробности изъ прошлаго...

Сонюшка, точно боясь, что ее остановятъ, скользнула въ дверь.

— Только поскорѣй, слышите... — сказала ей вслѣдъ по-французски Вѣра Андреевна.

Но Сонюшка ничего не слыхала.

Она чувствовала только, что дверка за нею захлопнулась, и она очутилась въ затянутой силою чѣмъ-то темнымъ, съ закрытыми окнами комнатѣ, освѣщенной слабо маленькой, стоявшей на столѣ лампой. Лампа была поставлена такъ, что красноватый свѣтъ ея падалъ на сторону двери. Большая книга, развернутая на подставкѣ, бросала тѣнь назадъ и въ этой тѣни поднялся ей навстрѣчу одѣтый во все черное челоуѣкъ съ бѣлой бородою и космами сѣдыхъ волосъ, ниспадавшихъ изъ-подъ черной шапочки.

Сонюшка остановилась въ недоумѣніи. Вся эта обстановка, темная комната, лампа, толстая книга, черепъ, лежавшій возлѣ нея, — все это произвело на нее впечатлѣніе неожиданнаго.

Она оглядѣлась кругомъ, какъ бы ища кого-то другаго, и снова заглянула въ лицо приближавшемуся къ ней гадалщику.

— Не узнала?—сказалъ онъ, снимая бороду, шапочку и парикъ.—Ну, значитъ, переодѣванье удачно.

Въ тотъ же день, когда прїѣзжалъ къ нимъ Лестоукъ, она дала знать князю Ивану, посредствомъ установленныхъ уже между ними черезъ людей сношеній, что во что бы то ни стало должна, какъ можно скорѣе, видѣться съ нимъ.

Онъ отвѣтилъ ей, чтобы она устроилась такъ, чтобы попасть къ гадалщику на Петербургской, адресъ котораго извѣстенъ одной изъ ихъ дворовыхъ.

Сонюшка думала, что гадалщикъ существовалъ на самомъ дѣлѣ и что князь Иванъ, подкупивъ его, просто устроится такъ, чтобы видѣться съ нею у него, но чтобы онъ переодѣлся въ гадалщика—этого она никакъ не ожидала.

Князь Иванъ, въ свою очередь, не ожидалъ, чтобы Сонюшка прїѣхала сюда съ матерью и что ему придется разыгрывать комедію передъ Вѣрой Андреевной. Онъ думалъ, что та прїѣдетъ—вѣрнѣе всего, съ Рибичичъ. Теперь же вышло очень забавно: Соголева сама привезла, не зная того, свою дочь на свиданіе съ челоуѣкомъ, отъ котораго всѣми силами желала удалить ее.

И, представивъ себѣ положеніе Вѣры Андреевны, серьезно ожидающей дочь въ сосѣдней комнатѣ, князь Иванъ не могъ удержаться отъ такъ и подступавшаго къ его горлу смѣха.

Соня, однако, не отвѣтила радостью на его радость.

Онъ встрѣтилъ ее съ протянутыми руками, она положила ему на плечи свои, коснулась губами его щеки и отстранилась. Онъ усадилъ ее на покрытый ковромъ подпернувшійся сундукъ и, взглядывшись въ ея лицо, спросилъ:

— Что съ тобою?

— Что со мною — я сама не знаю; со мною случилось ужасное, самое ужасное, что только могло случиться... Я просватана.

— Просватана... ты?—могъ только выговорить князь Иванъ.

Онъ былъ готовъ къ одной лишь радости повидаться съ Сонюшкой, и не ожидалъ, что это свиданіе ихъ принесетъ ему горе. Теперь, еще не опомнившись, онъ выговорилъ ей первыя попавшіяся ему на языкъ слова, но не словами этими, а тѣмъ, какъ они были произнесены, онъ требовалъ, чтобы она скорѣй рассказала и объяснила все, что случилось.

Она стала говорить.

— Ну, и что же ты отвѣтила?—спросилъ онъ, когда она рассказала, какъ пришла къ ней мать послѣ отъѣзда Лестока.

— И отвѣтила, что очень рада.

„Вотъ оно!“ какъ бы ударило что-то князя Ивана. Онъ широко открытыми, съ помутившимся, какъ у безумнаго, взглядомъ, глазами посмотрѣлъ на нее.

— Какъ же такъ, если вы рады, то зачѣмъ же вы здѣсь?.. заговорилъ онъ.—Вы рады, вы рады, а прїѣзжаете сюда... Еслибъ капля въ васъ была любви, о которой вы говорили, даже простой жалости, то вы бы по крайней мѣрѣ не были такъ жестоки, чтобъ самой прїѣхать сюда... самой...

И еще болѣе обидные, самые обидные упреки готовы были сорваться съ его языка,—она видѣла это, и видѣла тоже, что онъ не помнитъ того, что говорить.

И жалѣя его за охватившее его отчаяніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радуясь той силѣ любви, которая сказывалась въ немъ, Сонюшка, забывъ свое волненіе, поднялась, обвила его руками и прижалась къ нему.

— Ахъ, какой ты глупый, какой глупый! — заговорила она.—Да вѣдь ты сообрази только одно: если бы я не любила—была бы я здѣсь или нѣтъ? Ну, въ самомъ дѣлѣ, неужели ты думаешь, что я давала бы тебѣ знать, рисковала явиться сюда, если бы мнѣ было все равно до тебя. Но я должна была такъ отвѣтить маменькѣ, пойми ты, что должна была, иначе было бы хуже. Чего мнѣ стоило выдержать эту пытку—а я ее выдержала. Узнай маменька, что для меня эта свадьба хуже смерти, она бы сдѣлала все, чтобы ускорить ее... и тогда все бы было потеряно—понимаешь, вѣришь? Только этимъ, только тѣмъ, что я буду показывать ей, что рада,—ну, хоть не показывать—такъ притворяться не могу,—а говорить только,—я могу продлить время. Словомъ, я сдѣлаю все, чтобы отдалить, но больше я не въ силахъ ничего. Теперь Великій постъ скоро—вотъ полтора мѣсяца выиграемъ, а потомъ, Богъ дастъ, какъ-нибудь ты устроишь. Ты устроишь вѣдь, да?..

— Да что-жъ тутъ устраивать,—вдругъ проговорилъ онъ,—убить его, вотъ и все тутъ.

Подъ ея слова и ласку онъ уже успѣлъ притти въ себя и, слушая, цѣловалъ, какъ бы бессознательно, ея маленькую ручку, держа ее въ своей рукѣ у самаго рта.

— Какъ убить, это дуэль?—спросила она, отклонившись отъ него, чтобы заглянуть ему въ лицо.

Онъ видѣлъ, что ея лицо, слабо освѣщенное краснымъ свѣтомъ лампы, улыбалось сквозь волненіе, отражавшееся на немъ.

— Ну, конечно, не изъ-за угла.

— Ахъ ты глупый! — снова повторила она, и снова прижалась къ нему.—Да кто же позволить вамъ драться? Развѣ я это допущу...

Онъ двинулъ плечами, какъ бы показывая, что не

знаешь, какимъ образомъ она можетъ не допустить его драться.

— Ты думаешь, что я не смогу не допустить?— поняла она его движеніе.—Ну, такъ слушай, я вотъ что скажу тебѣ: во-первыхъ, онъ можетъ тебя убить, во-вторыхъ, если ты убьешь его — тебя возьмутъ и посадятъ, будутъ судить...

— Миѣ все равно, пусть меня убьютъ или посадятъ...

— А я, что же со мной будетъ? Если тебѣ самому все равно, то миѣ-то каково будетъ. Ты не одинъ, и наше счастье общее... Что же, и миѣ тогда въ монастырь или въ воду... Хорошо исходить!.

Князь Иванъ молчалъ. Онъ не могъ сказать ничего, потому что другого исхода не было, какъ казалось ему.

— Ты теперь, — пѣжно, тихо продолжала она, — ты теперь не можешь еще владѣть собою. Въ тебѣ кипитъ злоба противъ него, и для удовлетворенія этой злобы хочется тебѣ, во что бы то ни стало, „убить его“, да, я вѣрю вполнѣ — миѣ самой хотѣлось это въ первую минуту, — и ради удовольствія удовлетворить этому желанію, ты готовъ пожертвовать теперь всѣмъ — и собою, и своимъ счастьемъ, и даже моимъ счастьемъ. Пойми ты, глупый, что вѣдь это себялюбіе, непростительное себялюбіе...

Онъ уже чувствовалъ, что, чѣмъ дальше говорить она, тѣмъ меньше остается что отвѣчать ему.

— Нѣтъ, милый, — не переставала она, — убить всякій сумѣетъ. Это не трудно. И на большой дорогѣ, и въ лѣсу подъ Петербургомъ, говорятъ, это силонъ да рядомъ случается!.. Это дѣло не хитрое, а, главное, оно не поможетъ намъ. Нѣтъ, я знаю, что не таковъ ты. Это можетъ сдѣлать слабый человѣкъ, но ты... ты долженъ быть сильнѣе. Я хочу этого, слышишь ли? Ты долженъ сдѣлать такъ, чтобы мы были счастливы, чтобы мы добились своего...

Въ ея словахъ звучали и мольба, и просьба, и страстное, непобѣдимое желаніе быть счастливой, надежда и вѣра въ него...

Князь Иванъ чувствовалъ, что точно что-то новое, бодрое вливается въ него и проснувшееся въ немъ звѣрское чувство къ Ополчинину, мало-по-малу, какъ подъ чарующіе звуки музыки, стихло подъ ея голосъ, и всего его охватило одно желаніе — заслужить во что бы то ни стало, оправдать ея безотчетное довѣріе къ нему и дать ей то счастье, на которое она надѣялась, вѣря въ него.

— Да, я все сдѣлаю, — все!.. — сказалъ онъ.

И ему показалось, что онъ говорилъ ей уже эти слова, но теперь онъ говорилъ ихъ съ особеннымъ удареціемъ убѣжденности.

Медлить дольше было опасно. Вѣра Андреевна давно уже сердилась за то, что „гаданье“ Сонюшки тинулось слишкомъ долго.

— Ну, что же онъ вамъ сказалъ? — спросила она, когда та вышла къ ней изъ таинственной комнаты.

— Что я буду счастлива! — отвѣтила Сонюшка.

И по улыбкѣ, освѣтившей ея лицо, Вѣра Андреевна увидѣла, что она вѣритъ въ то, что будетъ счастлива

IV.

Легко было князю Ивану, увлеченному словами Сонюшки, обѣщать ей устройство ихъ счастья, но какъ было сдерживать свое обѣщаніе?

Тамъ, въ полутьмѣ комнаты гадателя и въ не снятомъ еще костюмѣ его, Косой оцущалъ, окруженный воздухомъ, которымъ дышала Сонюшка, приливъ въ себѣ новыхъ силъ и какъ-то смутно чувствовалъ, что все должно устроиться, чувствовалъ по тому избытку энергии, которая зародилась въ немъ.

Но лампа была потушена, отдернуты занавѣсы маленькихъ оконъ, и дневной свѣтъ преобразилъ таинственную обстановку въ самую обыкновенную.

Уже тогда князь Иванъ испугался явившагося у него, вмѣстѣ со свѣтомъ, сомнѣнія — „хорошо, что же дѣлать?“

И чѣмъ дольше думалъ онъ, тѣмъ болѣе росло это сомнѣніе.

Единственная надежда на быстрый исходъ — кольцо Елисаветы Петровны — было у него потеряно.

Послѣ той ночи, проведенной за картами, онъ спохватился не сразу — черезъ день только, и когда замѣтилъ, что у него на цѣпочкѣ нѣтъ этого кольца, то помнилъ, что послѣдній разъ держалъ его въ рукахъ, когда показывалъ Ополчинину за картами, дѣлая послѣднюю, отчаянную ставку.

Когда именно пропало оно, и гдѣ онъ могъ потерять его, онъ даже приблизительно не зналъ.

Они переискали съ Левушкой во всемъ домѣ, но ничего не нашли.

Кольцо пропало.

А какъ было явиться безъ него?

„Отчего же, однако, не попробовать счастья?“ — пришло въ голову князю Ивану. — Ну, что же, онъ поѣдетъ, разскажетъ всѣ подробности, убѣдитъ, что это былъ онъ, напомнитъ, что онъ доставилъ копию съ письма къ Липару, и повѣритъ всему этому, и вспомнятъ о немъ, и сочтутъ достойнымъ награды — онъ попроситъ одного лишь, чтобы ему вернули Сонюшку.

Князь Иванъ послалъ узнать, когда принимаетъ Лестокъ, черезъ котораго рѣшилъ дѣйствовать, потому что Лестокъ все-таки видѣлъ его и говорилъ съ нимъ, когда прїѣзжалъ къ большому нищему!

Оказалось, Лестокъ принималъ только два раза въ недѣлю, въ официальномъ прїемѣ, всѣхъ, кому было до него дѣло, и въ этихъ назначенныхъ часовъ его нельзя было видѣть, потому что онъ все остальное время проводилъ во дворцѣ.

По прїемной сановника всегда можно узнать, какова его сила. Это самый вѣрный масштабъ, чтобы опредѣлить кредитъ въ отношеніи власти.

Лестокъ видно пользовался теперь большимъ значеніемъ. По крайней мѣрѣ, когда вошелъ къ нему въ прїемную князь Иванъ, она была полна народомъ, среди котораго терялись разсѣвшіеся по стѣнамъ бѣдныя просительницы, съ терпѣливо-страдающимъ лицомъ, державшія обѣими руками свои отношенія у груди. Чиновныя лица въ мундирахъ и орденахъ расхаживали по срединѣ комнаты, быстро поворачиваясь съ такимъ видомъ, точно хотѣли дать понять, что ходитъ потому, что имъ вовсе не долго ждать и ихъ сейчасъ вотъ примутъ. Иные стояли у оконъ и тихо переговаривались, изрѣдка поглядывая на дверь кабинета, въ которомъ принималъ Лестокъ.

И каждый разъ, какъ отворялась эта дверь, всѣ вздрагивали, подтигивались и взглядывали вопрошительно — не позовутъ ли?

Счастливицкѣ, чья была очередь, срывался съ мѣста и стремглавъ летѣлъ на цыпочкахъ, маленькими шажками, въ заветную дверь и исчезалъ за нею.

Лестокъ припилъ князя Ивана сейчасъ же послѣ чиновныхъ лицъ.

Косой вошелъ въ кабинетъ къ нему и въ сидѣвшемъ за круглымъ письменномъ столомъ человѣкѣ узналъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не узналъ прежняго Лестока.

Лестокъ сидѣлъ, положивъ ногу на ногу, въ бокъ отъ стола, и, не подвигивши настрѣчу Косому, показавъ рукою на стулъ противъ себя.

Той живости, которую подмѣтилъ въ немъ при своемъ первомъ знакомствѣ князь Иванъ, не было и помину теперь.

Онъ сидѣлъ со скучно и сонно опускавшимися вѣками, какъ бы отбывая досадную повинность, утомившую его и надоѣвшую ему.

Посадивъ князя Ивана, онъ поморщился и посмо-

Передъ началомъ танцевъ. Съ картины Ф. Дефрегера грав. Крей.

Андрей Гоферъ въ Инсбрункѣ. Съ картины Ф. Дефрегера грав. Клезебергъ.

трѣль на лежавшій передъ нимъ списокъ ожидавшихъ въ приемной—много ли еще осталось?

Все это онъ продѣлалъ, не показывая впазю Косому виду, узнавъ онъ его или нѣтъ.

Князь Иванъ напомнилъ о себѣ и рассказалъ въ чемъ состояло дѣло, по которому онъ явился.

Лестокъ слушалъ все время молча французскій рассказъ князя Ивана и нѣсколько разъ въ продолженіе его морщился, потирая щеку рукою.

Когда Косой кончилъ, Лестокъ подождать немного, не скажетъ ли онъ еще чего-нибудь, вынулъ табакерку, повертѣлъ ее въ пальцахъ и вдругъ, поднявъ голову, проговорилъ:

— Все это прекрасно и хорошо, но только вашъ рассказъ нѣсколько страненъ. При всей своей романтичности онъ былъ бы вполне правдоподобенъ, если бы...

Лестокъ приостановился, взялъ, сжавъ указательнымъ и большимъ пальцами, оттопыривъ остальные, щепотку табаку и отряхнулъ ее.

— Если бы,—продолжалъ онъ, понюхавъ,—государынѣ лично не было извѣстно подлинное лицо, которое получило перстень ея величества при рассказанныхъ вами обстоятельствахъ, и если бы также государынѣ и всѣмъ ея приближеннымъ не было извѣстно то же самое лицо, которое подъ видомъ стараго нищаго солдата доставляло къ ней въ трудное время многія важныя бумаги...

Вся кровь прилила князю Ивану въ голову.

„Что же я лгу?“—хотѣлъ онъ спросить, но удержался отъ вспышки, во-время сообразивъ, что горячностью можно лишь испортить дѣло.

Прежнее предположеніе о томъ, что существовалъ другой кто-нибудь, кто переодѣвался въ нищаго, почему его и провели тогда прямо, подтверждалось теперь, но это-то и служило, повидимому, не въ пользу Косому.

— Да, но позвольте,—заговорилъ онъ,—вѣдь это же можетъ быть совпаденіе—переодѣлся я нищимъ потому, что у насъ въ домѣ умеръ старикъ и осталось его платье. Оно дѣло у меня до сихъ поръ. Я могу показать его. Затѣмъ письма къ Линару поручено было везти мнѣ...

— Это-то и дурно, что они были поручены вамъ!..—улыбнулся Лестокъ.

— Но все-таки, я бы просилъ это дѣло разобрать. Я постараюсь доказать... наконецъ, хотите, я сейчасъ опишу подробно, какъ я былъ во дворцѣ у Па-де-Кале?..

— Нѣтъ, пожалуйста, —остановилъ его Лестокъ,—мнѣ рѣшительно некогда—другіе тамъ ждутъ (онъ кивнулъ на дверь); если вамъ угодно,—подайте письменное изложеніе и тогда это разберутъ въ подлежащемъ мѣстѣ...

По тону, которымъ говорили съ нимъ, князь Иванъ видѣлъ, что есть еще что-то, кромѣ утомленія просителемъ, что мѣшало Лестоку быть внимательнымъ къ нему...

— Да развѣ такое дѣло можно доказывать на письмѣ, отдавъ его въ руки канцелярій?—вырвалось у князя Ивана.—Тутъ даже неловко какъ-то выступить просителемъ. Ну, еще съ бумагами можетъ быть вопросъ, могло быть совпаденіе, но случай въ лѣсу... какъ же тутъ можетъ явиться кто-нибудь другой?

— А кольцо у васъ есть?—спросилъ Лестокъ.

— Нѣтъ, я вамъ сказалъ, что потерялъ его.

— Ну, вотъ видите, развѣ такія вещи теряютъ?

„Неужели онъ не вѣритъ мнѣ, неужели онъ сомнѣвается, что я, дворянинъ, говорю неправду?“—подумалъ князь Иванъ.

— Да развѣ сталъ бы я лгать?—выговорилъ онъ, наконецъ...

Лестокъ поднялъ обѣ руки.

— Я этого не сказалъ, мой князь,—даже какъ бы

ужаснулся онъ, первый разъ титулуя Косого,—и этого не сказалъ, но только, какъ хотите, я знаю про васъ одно:—вы отказались служить государынѣ въ трудное время, и это мнѣ, мнѣ, который самъ хотѣлъ направить васъ тогда, лично извѣстно. Вы прямо не взяли за предложенное вамъ тогда дѣло и поставили меня въ очень неловкое положеніе передъ французскимъ посланникомъ.

„Такъ вотъ оно что, такъ вотъ оно что!“ сообразилъ князь Косой, и ему стало теперь ясно отношеніе къ нему Лестока.

— Да, но вѣдь я же отказался тогда...—началъ было онъ; но Лестокъ перебилъ его:

— Мнѣ не надо знать, почему вы отказались, но фактъ налицо... и въ этомъ все. А теперь позвольте дать мнѣ вамъ совѣтъ—быть осторожнымъ,—пока, официально, вы выказали себя, какъ сторонникъ павшаго правительства, и если васъ не трогали до сихъ поръ, то потому лишь, что вы слишкомъ человекъ молодой и значенія имѣть не можете...

Лестокъ проговорилъ это такъ, что князю Ивану оставалось только, чтобы не быть невѣжливымъ, уйти, не затигивая разговора насильно.

Онъ видѣлъ, что съ этой стороны ни на какую поддержку рассчитывать было нельзя.

V.

Левушка ждалъ дома возвращенія князя Ивана отъ Лестока и волновался, ходя изъ угла въ уголъ по кабинету, прислушиваясь къ тому, не подъѣзжаетъ ли на улицѣ къ крыльцу карета Косого.

Онъ зналъ теперь все, до мельчайшихъ подробностей, что случилось съ нимъ. Князь Иванъ рассказалъ ему все вчера еще вечеромъ, когда они обсуждали вмѣстѣ, какъ вести себя Косому съ Лестокомъ.

Онъ надѣялся, что все устроится; но надежда—онъ сознавалъ это—была болѣе чѣмъ сомнительная.

Левушкѣ пришлось ждать очень долго. Онъ пробо-валъ было заняться чѣмъ-нибудь—но ни на чемъ не могъ сосредоточиться, бросалъ начатое дѣло и принимался снова ходить изъ одного угла въ другой.

Ему приходило не разъ въ голову: ужъ не выкинулъ ли князь Иванъ какую-нибудь штуку надъ собой, получивъ отъ Лестока неудовлетворительный отвѣтъ. Въ томъ же, что отвѣтъ этотъ былъ неудовлетворителенъ, Левушка убѣдился теперь вполне. Ему почему-то казалось, что будь все хорошо,—князь Иванъ долженъ бы былъ вернуться раньше.

„Вотъ онъ!“ сказалъ, наконецъ, себѣ Левушка, слышавъ издали скрипъ по мерзлому снѣгу каретныхъ колесъ.

Онъ видѣлъ изъ окна, какъ князь Иванъ вышелъ изъ кареты и быстро прыгнулъ на крыльцо, войдя въ домъ.

Левушка побѣжалъ ему навстрѣчу.

— Ну сто, сто, холосо все?—спрашивалъ онъ, напрасно стараясь разглядѣть въ темной прихожей лицо князя Ивана.

— Сейчасъ расскажу,—отвѣчалъ тотъ.

По его голосу ничего нельзя было узнать.

Онъ говорилъ, какъ будто, совсѣмъ спокойно.

— Ну сто же, значить холосо?—спросилъ опять Левушка, когда они черезъ коридоръ вошли въ кабинетъ.

Онъ видѣлъ, что князь Иванъ серьезенъ, даже очень, сосредоточенно серьезенъ. Но это еще ничего не значило.

— Ну вотъ что,—началъ рассказывать князь Иванъ,—это такія обстоятельства, что только руками развести... Представьте себѣ—оказывается, тамъ воображаютъ, что бумаги принесъ не я, а другой, и что кольцо не я получилъ, а тоже другой.

— Какъ же это такъ?—разинувъ ротъ, удивился Левушка.

— А такъ,—и князь Иванъ передалъ Левушкѣ слово въ слово свой разговоръ съ Лестокомъ.

— Удивительно, очень удивительно, — заговорилъ тотъ, вскочивъ съ дивана, на который было усѣлся рядомъ съ Косымъ, и забѣгавъ по комнатѣ, — и кто же этотъ другой?

— Не знаю навѣрно.

— Отчего же вы не спросили, кто онъ?

— Во-первыхъ, оттого, что это было неловко, а во-вторыхъ, я думаю, что догадался...

— Догадались?

— Да, по всѣмъ признакамъ это — Ополчинивъ.

— Ополчинивъ? — переспросилъ Левушка.

Онъ нахмурилъ брови и остановился.

— Конечно. Онъ въ числѣ награжденныхъ послѣ 25-го ноябрю поставленъ не заурядъ, а въ число исключительныхъ, значить оказалъ особая заслуги. Весьма вѣроятно, что онъ былъ однимъ изъ агентовъ, которые носили бумаги во дворецъ у Па-де-Кале и передѣвался тѣмъ самымъ нищимъ, котораго онъ видѣлъ при нашей первой встрѣчѣ. Правда, одѣяніе очень типическое. Оно его поразило, запомнилось ему, и вотъ онъ переодѣлся въ него, въ этого нищаго...

— Нищаго... нищаго... про себя повторилъ нѣсколько разъ Левушка, — да это стланно, очень стланно...

— Напротивъ, мнѣ кажется очень просто... — началъ было Косой.

— Нѣтъ, я не пло то, пло другое совсѣмъ — въ этого не знаете... — перебилъ его Левушка и снова заговорилъ. — Нѣтъ, знаете, это все-таки ничего еще не доказываетъ, — ну сто-жъ, сто онъ наглаженъ, ну сто-жъ, сто онъ видѣлъ нищаго, лавъ и другой не могъ видѣть и одѣться, — вы же сами одѣвались...

— Да, но подробности случая въ лѣсу могъ знать только онъ одинъ, потому что онъ былъ тогда со мною. Я никому не говорилъ, даже вамъ, тогда...

— Пойдите, — остановилъ Левушка князя Ивана, — значить... вѣдь это значить, сто кольцо уклалъ Ополчинивъ у васъ!.. Погодите, давайте ласкаемъ это по порядку. Это обвиненіе слишкомъ сельзное.

— Давайте разберемъ, — согласился князь Иванъ, — тутъ разобратъ, кажется, не трудно. Предположимъ, что я это кольцо потерялъ. Его нашелъ кто-нибудь другой и могъ, пожалуй, оставить его у себя, не возвратитъ мнѣ, но, чтобы воспользоваться имъ, нужно было не только знать его значеніе, но и подробности, при которыхъ оно получено. А этого никто не зналъ, кромѣ Ополчинина, и весьма вѣроятно, что онъ взялъ...

— Но онъ могъ ласказать кому-нибудь, если вы не ласказывали...

— Пойдите — я это обдумалъ по дорогѣ сюда, домой — вотъ дѣло въ чемъ. Мы замѣтили пропажу кольца послѣ того вечера, который былъ у васъ...

— Ну, — произнесъ Левушка.

— Ну, вотъ — за игрою въ карты я ему показывалъ кольцо, потомъ заснулъ. Камзолъ у меня былъ разстегнутъ, — а Ополчинивъ оставался послѣ всѣхъ, когда мы спали... Я это знаю отъ Творожниковъ, онъ у меня спрашивалъ, остался ли Ополчинивъ у насъ почевать тогда, потому что они ушли, оставивъ его одного у насъ...

Для правдиваго и честнаго Левушки предполагаемый поступокъ Ополчинина казался такимъ ужаснымъ, что онъ не хотѣлъ вѣрить въ возможность его. Но теперь, повидимому, трудно было сомнѣваться...

— Неужели и плавду это онъ? тепель похоже на то выходить... — сказалъ Левушка. — Знаете, сто же съ нимъ дѣлать?..

— Да не только съ нимъ, а вообще, я не знаю что еще дѣлать... — проговорилъ Косой.

Левушка долго молча ходилъ по комнатѣ и потомъ, вдругъ остановясь, точно нашелъ вѣрный исходъ, обернулся къ Косому.

— Знаете сто — я ему въ молду дамъ!

Косой не могъ не улыбнуться, несмотря на то, что ему теперь было не до шутокъ...

— Нѣтъ, я не сучу, — подхватила Левушка, — я плямо поѣду и сельзно ему въ молду дамъ... Пусть онъ меня вызываетъ. Я не могу иначе.

— Ну, и что же изъ этого выйдетъ? — спросилъ Косой. Левушка долго думалъ.

— Да, — отвѣтилъ онъ, наконецъ, убѣдившись, вѣроятно, что дѣйствительно изъ его плана ничего не выйдетъ, — я луте самъ поѣду къ Лестоку и ласкажу ему все, сто знаю...

Косой опять улыбнулся.

— Но вѣдь вы все знаете съ моихъ словъ, сами вы ничего не можете засвидѣтельствовать лично. Вы повторите только мой разговоръ.

— Ну, тогда поѣзжайте къ Ополчинину. Какими глазами онъ будетъ смотрѣть на васъ?

— Онъ можетъ прямо отпереться ото всего. Что же, вѣдь все-таки у насъ одни предположенія, а ничего опредѣленнаго нѣтъ. А чтобы ѣхать къ нему, нужно имѣть въ рукахъ прямыя улики...

Они оба замолчали и задумались.

Левушка опустилсѣ на стулъ у стола, а князь Иванъ сидѣлъ на диванѣ, безсознательно крутя попавшуюся ему подъ руку веревочку.

— Нѣтъ, — снова сказалъ Косой, — положительно это онъ, — это посольство Лестока къ Соголевымъ, какъ же объяснить иначе?.. И, Господи, какъ это все спутано — то, что должно было послужить къ устройству моего счастья, именно то служить на пользу моему сопернику теперь.

— Какъ сопелнику? — удивился Левушка.

Про отношенія князя Ивана къ Сонюшкѣ онъ ничего не зналъ.

— Ну да, — приподнявшись, сказалъ тотъ, — да, я люблю старшую Соголеву, объяснилсѣ съ ней, она моя и я никому не отдамъ ее...

— Вотъ оно сто! — протянулъ Левушка. — Ахъ вы бѣдный, бѣдный... и она бѣдная и милая — мнѣ жалко васъ... Ну тепель я еще луте буду помогать вамъ, то-есть помогу, вотъ вы увидите...

Тутъ только князь Иванъ вспомнилъ про стихи и про постоянное восхищеніе Левушки Сонюшкой...

И какъ ни тяжело было у него на сердцѣ, онъ не могъ безъ нѣкоторой доли умиленія смотрѣть на желавшаго имъ счастья Торусскаго. Левушка былъ очень милъ въ эту минуту.

— А какъ же вы сами-то? — спросилъ Косой.

— Сто я самъ?

— А помните — стихи?

— Ну, это плосло. То-есть не плосло, а я всегда го-волилъ, сто люблю ее, а кто любить, тотъ желаетъ счастья тому, кого любить. А съ вами она будетъ счастлива. Я и васъ тоже люблю... Нѣтъ, я долженъ сдѣлать одну вещь, и я ее сдѣлаю...

— Какую вещь?

— Нѣтъ, пока это секретъ, и мнѣ бы очень хотѣлось ласказать вамъ, но я не могу, не могу, потому сто обѣщаль, да еще какъ обѣщаль... Нѣтъ, но я сдѣлаю... только нужно влеми, влемя выиграть... Мнѣ тепель же нужно будетъ ѣхать и можетъ-быть надолго. Но я для васъ поѣду. Я долженъ поѣхать для васъ. И сто я медлилъ до сихъ поль... можетъ ужъ все было бы холосо и вы были бы спасены!..

— Спасент! — повторилъ князь Иванъ, растянувъ на пальцахъ веревку, которую вертѣлъ, и смотря на нее. — Знаете, мнѣ еще въ дѣтствѣ, въ Парижѣ, знаменитая Ленорманъ предсказала, что мнѣ веревка принесетъ благополучіе, — теперь, пожалуй, и вѣрно — повѣситься только остается...

Левушка остановился, какъ бы пораженный. Послѣднихъ словъ Косого онъ не слышалъ.

— Велевка, велевка...—заговорилъ онъ,—ну, такъ тепель я поѣду во сто бы то ни стало, такъ и знайте это. Да, велевка вамъ принесетъ благополучіе... вотъ вы увидите... вы увидите...

Левушка такъ волновался и говорилъ, повидимому, такія несуразныя и непонятныя вещи, что князь Иванъ одну минуту серьезно подумалъ, не рехнулся ли онъ въ самомъ дѣлѣ?..

Картинки изъ жизни журавля.

Приближается осень, и журавли начинаютъ тянуть къ югу. Нашъ журавль зимуетъ въ Суданѣ и въ Индіи. У насъ онъ птица болотная, а тамъ, въ тропическихъ зимовьяхъ, онъ становится прибрежнымъ обитателемъ. И въ другихъ отношеніяхъ нравы его мѣняются; подъ тропиками онъ становится стадною птицею, у насъ же держится отдѣльными парами; каждая пара обыкновенно занимаетъ опредѣленную территорию и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы въ область ея охоты не вступали другія птицы, такъ-что изъ-за обладанія этою областью, изъ-за соблюденія ея границъ, иногда возникаютъ между журавлями серьезные драки. Впрочемъ, въ силу твердо установленнаго обычая, нарушенія границъ случаются рѣдко.

Журавль—одна изъ интереснѣйшихъ нашихъ дикихъ птицъ, и намъ хотѣлось бы обратить на него вниманіе любителей природы. У насъ найдется не мало лицъ, собирающихъ коллекціи, ведущихъ всякаго рода наблюденія надъ явленіями природы, надъ дикими животными и птицами. Для такихъ лицъ журавль могъ бы представить весьма интересный предметъ изученія. Журавль привлекаетъ прежде всего своею наружностью. Онъ тонокъ, стройнъ, всё его движенія въ высшей степени изящны; онъ важенъ, серьезенъ, никогда не смѣется, не смѣшится, развѣ только прибавитъ шагу въ минуту опасности. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ породъ птицъ, у которыхъ вошли въ обычай танцы,—нѣтъ возможности придумать другого названія для тѣхъ тѣлодвиженій, которыми журавли часто развлекаются. Часто можно наблюдать пару журавлей, обыкновенно сурруговъ—сожителей, самку и самца, выдѣлывающихъ другъ передъ другомъ причудливыя движенія, очевидно, для развлечения. Они сходятся, расходятся, обвиваются одинъ другого вокругъ, сгибаютъ шею, кланяются, нагибаются въ стороны, распускаютъ крылья, подхватываютъ съ земли камешки, щепки, прутики, и кидаютъ ихъ вверхъ, словомъ—видимо и несомнѣнно забавляются движеніями, которые наилучшимъ образомъ можно охарактеризовать названіемъ танцевъ. Можно бы предложить нашимъ любителямъ-фотографамъ, столь обильно расплодившимся за послѣдніе годы, сдѣлать, при случаѣ, снимки съ этихъ журавлиныхъ танцевъ. Задача, надо сказать, весьма не легкая. Журавль до нѣкоторой степени остороженъ и подойти къ нему на близкое разстояніе—затруднительно. Старшія, опытныя птицы могутъ быть убиты только изъ засады, устроенной, притомъ, съ такимъ искусствомъ, чтобы она не возбудила въ осторожной птицѣ ни малѣйшаго подозрѣнія. Даже въ Африкѣ, въ пустыняхъ Судана, какъ передаютъ путешественники, и тамъ журавль держится такъ осторожно, что охотникамъ приходится заранѣе забираться на острова, которые носѣщаются этими птицами; лодку, на которой перенесли на островъ, необходимо опираться назадъ, иначе ни одна птица не отважится ступить на островъ, видя около него необычный предметъ, тотчасъ возбуждающій подозрѣніе. Вдобавокъ, послѣ перваго же выстрѣла вся стая мгновенно исчезаетъ. На зимовьяхъ, привыкнувъ держаться стаей, журавли выработали цѣлую систему сторожевой службы. Прежде чѣмъ занять мѣсто, гдѣ стая порѣшилась, положитъ, полагаясь свѣжими колосьями африканскаго проса, птица высматриваетъ цѣлую цѣну лазучицъ, которые тщательно осматриваютъ всю окрестность и, удостоверясь въ безопасности, возвращаются къ своимъ и даютъ знать, что все благополучно. Однако, эта первая рекогносцировка не успокаиваетъ стаю. Послѣ первой высматриваютъ вторую цѣну согладатаевъ, и когда эти въ свою очередь подтвердятъ, что опасности нѣтъ, тогда только стая располагается на избранномъ мѣстѣ, но все-таки окружаетъ себя цѣлымъ кольцомъ часовыхъ, которые зорко слѣдятъ за окрестностью и мгновенно поднимаютъ тревогу при первой же опасности.

Журавль питается молодыми всходами хлѣбовъ, гороха, молodoю травой, червями, насѣкомыми, иной разъ проглатываетъ лягушекъ. На его охоту за хлѣбами хозяинъ, конечно, не можетъ смотрѣть равнодушно, и не безъ основанія видитъ въ немъ врага. У насъ вредъ отъ журавлей мало замѣтенъ, именно потому, что птица эта у насъ живетъ не стадами, а отдѣльными парами. Въ Суданѣ, при богатомъ тамшнемъ климатѣ, при баснословныхъ урожаяхъ и сравнительно рѣдкомъ населеніи, вредъ отъ журавля тоже мало замѣтенъ, хотя бывающіе люди высчитываютъ, что въ той области журавли истребляютъ за зиму не менѣе 400.000 четвериковъ хлѣба. Но журавль даетъ себя почувствовать въ Индіи, гдѣ, при страш-

но Левушка не рехнулся. Черезъ нѣсколько дней онъ, послѣ послѣднихъ, по совершенно разумныхъ приговоровъ, уѣхалъ куда-то, сказавъ, что ѣдетъ для князя Ивана и что не слѣдуетъ ждать очень скоро его возвращенія, и оставилъ у себя въ домѣ полнымъ хозяиномъ Косого...

(Продолженіе будетъ.)

ной густотѣ населенія, причиняемая имъ потеря оказывается уже довольно чувствительными. Поэтому, нидусы ведутъ на него ожесточенную охоту. Впрочемъ, и въ Африкѣ находится не мало охотниковъ до его вкуснаго мяса; такимъ образомъ, весь обиходъ жизни пріучаетъ журавля къ крайней осторожности. Эта чуткость къ опасности крайне затрудняетъ наблюденія надъ журавлемъ на свободѣ, и для того, чтобы изучить эту птицу, надо приручить ее, взять ее птенцомъ, съ гнѣзда, и водворить у себя во дворѣ. Журавль очень легко привыкаетъ къ человѣку, къ двору, хотя никогда не становится домашнею птицею, въ строгомъ смыслѣ слова; онъ оставляетъ за собою множество привычекъ, обычаевъ, разъ навсегда усвоенныхъ на свободѣ и не исчезающихъ при соприкосновеніи съ человекомъ.

Но какъ добыть молодыхъ журавлятъ? Это, опять-таки, задача не легкая; тутъ надо полагаться на случай. Надо бродить по болотамъ, заглядывать въ самую глубь густыхъ зарослей камышей и тростниковъ, и вотъ тутъ-то можно нечаянно нагнать на тщательно скрытое въ чащѣ журавлиное гнѣздо. Журавль обладаетъ удивительнымъ искусствомъ скрывать свое гнѣздо. Никогда онъ не летитъ прямо къ гнѣздовцу, а опускается гдѣ-нибудь въ сторону, вдали, и тихо, осторожно, согнувшись крадется къ гнѣзду, но возможности скрывалась все время въ травѣ. Зачувъ какую-нибудь опасность, журавль никогда не залетитъ прямо съ гнѣзда, а опять-таки, непременно сначала осторожно отбѣжитъ отъ него на далекое разстояніе, и тогда уже вдругъ поднимется и улетитъ. Тщетно стали бы вы искать его гнѣздо въ томъ мѣстѣ, съ котораго его только-что спугнули. Вдобавокъ, во время насиживания и ухода за птенцами, журавль намазываетъ себя перьями глинистою землею и отъ этого приобретаетъ цвѣтъ до такой степени похожій на цвѣтъ земли, сливающейся съ ея общимъ господствующимъ тономъ, что, при неподвижномъ положеніи птицы, нѣтъ возможности отличить ее отъ окружающихъ предметовъ. Надо пользоваться благоприятнымъ случаемъ и забирать птенцовъ (ихъ, обыкновенно, пара), чтобы потомъ имѣть удовольствіе наблюдать вблизи любознательную птицу. Молодые журавлята часто цѣлуются, какъ голуби; на этомъ основывается догадка, что, быть-можетъ, журавли кормятъ своихъ малютокъ такъ же какъ голуби, т. е. не даютъ имъ сырой кормъ, а сначала размячуютъ его у себя въ зобу и этою кашницею уже кормятъ маленькихъ. Впрочемъ, что касается журавлятъ, то они, даже въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, легко привыкаютъ къ человеку, и берутъ кормъ прямо съ рукъ. Вообще, они отнюдь не проявляютъ той безпомощности, какъ, напримѣръ, голубята, а, напротивъ, по своей бойкости и проявляемой ими самостоятельности, напоминаютъ птенцовъ куриныхъ птицъ, которыхъ, какъ каждому извѣстно, проворно бѣгаютъ и сами принимаютъ пищу чуть ли не съ первыхъ часовъ жизни. Журавлиные птенчики очень красивы, хотя нѣсколько напоминаютъ щенятъ крупныхъ собакныхъ породъ; у нихъ тѣ же толстенныя лапки, тѣ же неуклюжія движенія. Они и въ неволѣ не всегда сидятъ на гнѣздѣ; въ случаѣ опасности родители уводятъ ихъ и прячутъ гдѣ-нибудь въ густой заросли. Журавлята очень недоѣдаютъ своимъ непрерывнымъ однообразнымъ ныканьемъ, отъ котораго отвлекаютъ только уже всецѣмъ взрослыми. Но съ этою маленькою неприятностью можно легко примириться, помни, что взрослая птица заставитъ впоследствии забыть о своемъ юношескомъ недоѣданномъ ныканьи.

Журавль, взятый въ неволю птенцомъ, очень легко привыкаетъ къ дому, къ хозяйну, ко всѣмъ домашнимъ, къ птицамъ, собакамъ... Такую тѣсную дружбу съ человекомъ способны проявлять развѣ только самые смѣшленные попугаи. Журавль видимо старается показать свое дружеское расположеніе къ хозяину. Онъ охотно заходитъ въ домъ, обходитъ всё углы и закоулки, узнаетъ весь распорядокъ въ домѣ и хозяйствѣ, участвуетъ различать время, входитъ въ интересы всего дома, поддерживаетъ, насколько умѣетъ, заведенный порядокъ. Онъ самъ собою опредѣляется въ сторожа къ домашней птицѣ, сурово прекращаетъ, ударами клюва, всякія ссоры между ними, а съ тѣми, которые ведутъ себѣ хорошо, старается быть ласковымъ, обходительнымъ, часто выдѣлываетъ передъ нимъ реверансы, даже приплясываетъ передъ нимъ, чтобы засвидѣтельствовать свое полное удовольствіе и благоволеніе. Но онъ ужасно самолюбивъ; берегитесь обидѣть его чѣмъ-нибудь, осо-

Франц Дефрегеръ. Съ фотогр. Артура Маркъ грав. Пэне.

бенно незаслуженно; онъ злопамятенъ и не склоненъ прощать обиды. Время называетъ журавля „пернатый человѣкомъ“.

Существуетъ много рассказовъ, свидѣтельствующихъ о высокой смысленности журавля. Мы передадимъ здѣсь кое-какіе изъ этихъ рассказы, собранные нѣмецкимъ натуралистомъ Эдуардомъ Рюдигеромъ. Такъ, у него, между прочимъ, записанъ рассказъ о журавлѣ, который былъ взятъ въ домъ еще птенцомъ, и вполне обжился. Съ нимъ случилось несчастіе, онъ повредилъ себѣ ногу, которая потомъ такъ разболѣлась, что пришлось ее обрѣзать; ампутированная нога оказалась короче здоровой на полтора вершка, и бѣдная птица лишилась возможности двигаться. Кто-то изъ домашнихъ придумалъ, жалѣя объ общемъ любимцѣ, устроитъ ему ибѣто въ родѣ костыля; подобрали деревянную планочку надлежащей длины и привязали ее къ ампутированной ногѣ. И птица тотчасъ омыслила, получила оказанную ей помощь и чудесно ею воспользовалась. Очень опасались за него, когда наступила осень и журавли потянули къ югу; раненаго хотѣли задержать на зиму дома, но ему какъ-то удалось обмануть бдительный надзоръ, и онъ въ одинъ прекрасный день исчезъ. Все такъ и порѣшили, что онъ пропадетъ, со своею раненою ногою. Но на слѣдующую весну онъ вернулся живъ и здоровъ. Осмотрѣли его ногу; оказалось, что костыль давно уже утерянъ; сдѣлалъ, конечно, новый, и журавль продолжалъ непререкаемо жить при домѣ, до осени, вполне сохраняя все привычки, приобретенныя раньше, во время прежней осыдлой жизни. На слѣдующую осень онъ опять улетѣлъ, вновь воротился весною, опять-таки безъ костыля, и такъ это продолжалось потомъ изъ года въ годъ.

Въ другомъ хозяйствѣ жилъ журавль, который такъ привязкъ къ хозяйшѣ, что всюду ходилъ за нимъ какъ собака. На этомъ бѣднягѣ самымъ злополучнымъ образомъ оправдались рассказы о необычайной прозорливости журавлей. Въ хозяйствѣ былъ прудъ съ рыбою. Однажды осенью его задумали спустить, чтобы вычистить. При спускѣ забрали и пересадили всю крупную рыбу, но въ тинѣ пруда осталось много мелкой рыбешки, карповъ и карасей, которыхъ не было возможности весть выловить. Журавль принялъ это къ свѣдѣнію, почью отправился на спущенный прудъ и принялся за утонувшую въ тинѣ рыбешку съ такимъ азартомъ, что бугально задохся; его такъ и нашли уже мертвымъ, погруженнымъ въ тину, съ открытымъ клювомъ, изъ котораго торчали хвостикъ и головка рыбешки, которая заперла ему духъ, какъ говорится.

У Рюдигера имѣется рассказъ въ подтвержденіе злопамятности журавля. Въ домѣ жилъ журавль, котораго разъ чѣмъ-то обидѣлъ одинъ мальчикъ. Съ тѣхъ поръ журавль не могъ его переносить, кидался на него, когда тотъ появлялся на дворѣ. Однажды онъ засигъ бѣднаго мальчугана во время купанья въ рѣчкѣ. Завидѣвъ врага, малый хотѣлъ было нустииться въ бѣгство, но журавль уловилъ маневръ и успѣлъ пересѣчь дорогу бѣглецу. Мальчику пришлось вернуться въ воду и во все горло звать людей на выручку. Впрочемъ, съ теченіемъ времени метительное чувство птицы ослабло, и, наконецъ, она совсѣмъ оставила мальчугана въ покоѣ.

Въ больномъ птицесоводомъ хозяйствѣ держали пару журавлей, самца и самку. Эта послѣдняя совершенно добровольно приняла на себя роль няньки; она сторожила гусятъ и утокъ, которые страшно боялись длинноногого своего пастуха и не выходили изъ его повиновенія. Журавлика каждый день, въ опредѣленный часъ являлась на кухню и требовала себѣ

завтракъ. Завидѣвъ бутерброды въ рукахъ у мальчиковъ, умная птица тотчасъ начинала за ними ухаживать, перѣблалась вкругъ, терлась объ одежду и обыкновенно добивалась, что ей давали хорошій кусокъ или даже цѣлый бутербродъ, который она и схватывала во мгноveníе ока. Она охотно играла съ дѣтми кухарки, но не жаловала садовника и его семью, потому что тѣ часто выгоняли ее изъ сада. Журавль охотно ѣлъ картофель; забавно было видѣть, какъ, иногда, заустивши носъ въ большую картофелину, онъ тщетно бился, стараясь разжать объ половинки клюва, захваченныя картофелиной. У него была превосходная слухъ. На голосъ хозяина онъ мчался издалека, очевидно, превосходно различалъ съ какою угодно разстоянія призывный звукъ.

Про одного журавля рассказываютъ, что онъ прожилъ въ хозяйствѣ (въ Швеціи) пятнадцать лѣтъ. Особенно любилъ онъ женское общество, и чѣмъ больше собиралось дамъ, тѣмъ, видимо, ему становилось веселѣе. Хозяйку дома онъ зналъ и очень любилъ, всегда караулил ея выходъ на дворъ и немедленно появлялся около нея. Онъ охотно танцевалъ, распуская крылья и высоко подпрыгивая; любилъ музыку, и когда въ домѣ раздавались звуки рояля, онъ непремѣнно входилъ въ комнату и становился около инструмента. При тихой пѣснѣ онъ задумчиво опускалъ голову, при грустномъ мотивѣ тихо покачивалъ головою, а веселыя и шумныя пѣснь возбуждали его, заставляли выпрямляться, вращать глазами и головою. Онъ охотно смотрѣлся въ зеркало, принимая передъ нимъ всевозможныя позы. Онъ померъ совершенно внезапно и невѣдомо отчего: просто-напросто нашли его однажды мертвымъ.

Забранные нарою въ пѣжномъ возрастѣ, журавли проявляютъ другъ къ другу самую несокрушимую привязанность. Случилось, однажды, что самецъ былъ раненъ. Самка выказывала искреннее горе, не отходила отъ него ни на шагъ и никого къ нему не подпускала. Вислѣдствіи, когда самецъ уже въздоровѣлъ, самка внезапно умерла. Когда мертвую птицу унесли, вдовецъ бѣгалъ по всему двору, искалъ ее по всемъ закоулкамъ. Убѣдившись, что подруга исчезла безвозвратно, онъ сталъ на одномъ мѣстѣ и такъ простоялъ неподвижно три дня подрядъ; но потомъ понемногу его грусть разсѣялась. Овдовѣвшее сердце его прилѣнилось къ другимъ животнымъ. Онъ завелъ тѣснѣйшую дружбу съ быкомъ. Онъ всюду ходилъ за нимъ, клаялся передъ нимъ и плясалъ, когда тотъ спокойно и неподвижно, по бычьей манерѣ, стоялъ среди двора. Онъ взялъ на себя надзоръ за домашнею птицею, присматривалъ также за овцами, отгонялъ чужую птицу и скотину. Онъ не любилъ, когда домашнія животныя держались неснокойно, хлещалъ на нихъ крыльями и кричалъ. Подобно многимъ собакамъ, не любилъ онъ пидчихъ и оборванцевъ; трубочиста очень боялся, бѣгалъ отъ него; вообще не любилъ, не могъ привыкнуть къ чернымъ предметамъ, даже, на примѣръ, къ чернымъ собакамъ. Онъ посѣщалъ дикихъ журавлей, особенно, если тѣ долго оставались на Сѣверѣ, въ теплую зиму, но, однако, рѣдко возвращался отъ нихъ цѣль и невредимъ; должно-бытъ у нихъ всегда выходила драка, невзвѣстно изъ-за чего. Онъ часто надолго отлучался изъ дома, но всегда возвращался.

Изъ этихъ примѣровъ читатели могутъ видѣть, какого интереснаго друга дома они могутъ приобрести себѣ въ журавлѣ, захваченномъ въ плѣнъ въ юномъ возрастѣ, и какія интереснѣйшія наблюденія могутъ быть сдѣланы надъ этою умною птицею.

* * *

Дымкою небо ночное покрылося;
Тихо, чуть видно плывутъ облака...
Вотъ разомкнулись—звѣзда засвѣтилася,
Снова сошлись—ночь темна, глубока...

Такъ-то и жизнь моя—путь незаманчивый,—
Умерло много мечтаній во мнѣ.
Робко блеснетъ лучъ надежды обманчивой —
И безвозвратно потонетъ во мглѣ.

А. С.

ДѢЛОВОЕ ПИСЬМО.

Юмористическій рассказъ Роберта Барръ.

Не странно ли, что иногда въ шутку брошенное замѣчаніе изволнуетъ до-нельзя человѣка, къ которому оно отнесено, между тѣмъ какъ изрекши его даже и не подумаешь придавать ему какого-либо серьезнаго значенія?

Вотъ это-то и случилось съ мистеромъ Денгамъ, когда одинъ изъ пріятелей его, во время разговора, замѣтилъ вскользь: „Вы богатый человѣкъ, Денгамъ, и на пуги скоро сдѣлаетесь миллионеромъ“. Говорившій вовсе не думалъ сказать этия Денгаму нѣчто новое или поразительное, а между тѣмъ озадачилъ его. Ричардъ Денгамъ происходилъ изъ семейства неудачниковъ, въ которомъ бѣдность наслѣдовалась изъ рода въ родѣ. Самъ онъ всю жизнь боролся съ нею, живя въ вѣчномъ страхѣ быть побѣжденнымъ ею, пока, наконецъ, не преодолѣлъ ее. Онъ неустанно работалъ, не давая себѣ отдыха, не позволяя себѣ даже провѣрять результата своихъ трудовъ,

и былъ, наконецъ, озадаченъ замѣчаніемъ посторонняго человѣка, которое заставило его обратить вниманіе на свое благосостояніе. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, какъ ѣздокъ въ скачки, первымъ прибывшій къ столбу, затѣмъ погрузился въ такое глубокое размышленіе, что даже не обратилъ вниманія на своего кассира, который просунулъ голову въ дверь и спросилъ:

— Я вамъ больше не нуженъ, мистеръ Денгамъ?

Денгамъ вскопчилъ, какъ человѣкъ, не понявшій смысла вопроса, хотя таковой приходилось ему слышать, изоднявь-дѣнь, въ продолженіе многихъ лѣтъ.

— Что... что вы хотите сказать этимъ?—воскликнулъ онъ въ испрошеніи.

Кассиръ, несмотря на свое удивленіе, былъ слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобы показать это.

— И вам больше не нужно, мистер Денгам? — повторил он.

— Ах, вот что! Нэтъ, Роджерсъ, благодарю васъ, вы свободны.

— Покойной ночи, мистер Денгам!

— Что вы хотите... Ахъ, да! Покойной ночи, милый Роджерсъ!

Когда мистер Денгам вышелъ на улицу, она показала ему совершенно иную, чѣмъ прежде. Онъ всматривался въ роскошные дома и думать про себя, что самъ теперь въ состоянн купить себѣ такой же; глядѣлъ на проѣзжающіе мимо него экипажи и вспоминалъ, что, будучи теперь богатымъ человекомъ, могъ бы самъ себѣ завести такой же экипажъ, если бы ему пришла фантазія. Но такая фантазія не могла придти ему въ голову, потому что онъ бы не зналъ, что дѣлать съ роскошнымъ домомъ и богатымъ экипажемъ. Ему некого было пригласить жить въ немъ, некого было катать въ экипажѣ. Тутъ только онъ сообразилъ: какой одинокій человекъ онъ при всемъ своемъ богатствѣ! Прежде ему некогда было думать объ этомъ, а теперь, когда онъ имѣлъ право пользоваться плодами долговѣстныхъ трудовъ своихъ, — ему даже не съ кѣмъ было раздѣлить это богатство. Конечно, у него есть пріатели, съ которыми онъ имѣетъ дѣловыя сношенія, но все они, по большей части, люди семейные, и ему какъ-то неловко сказать имъ: „Пригласите меня въ вашъ домъ, я такъ одинокъ“ — мнѣ не хватаетъ близкаго человека, друга!

Впрочемъ, если бы даже его и пригласили, то онъ не зналъ бы, что съ собою дѣлать. Только въ конторѣ онъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ, гостивая — это была для него неизвѣстная страна, и обычай свѣтской жизни былъ ему чужды. При постоянной борьбѣ съ нуждою, онъ упустилъ время сдѣлать то, что сдѣлать теперь казалось слишкомъ поздно. Еще вчера онъ слышалъ, какъ одинъ изъ младшихъ конторщиковъ, въ разговорѣ съ товарищемъ, называлъ его „нашъ старикъ“; конечно, говорившій не зналъ, что вблизи былъ хозяинъ, и говорилъ безъ стѣсненія. Денгамъ чувствовалъ себя еще бодрымъ и свѣжимъ, поэтому такой эпитетъ возмутилъ его и долго не выходилъ у него изъ головы.

Проходя теперь по улицамъ и дыша полной грудью, онъ сваялъ шляпу и провелъ рукою по своимъ рано посѣдѣвшимъ волосамъ.

Онъ вспомнилъ прошлое, и передъ нимъ пронесся образъ дѣвушки, на которой онъ хотѣлъ жениться, и вѣроятно бы женился, если бы у него хватило храбрости сдѣлать ей предложение. Но онъ не могъ на это рѣшиться, потому что ранняя женитьба была причиной всехъ несчастій поколѣнія Денгамовъ, мѣшала имъ выкарабкаться изъ бѣдности, и даже принудила ихъ умереть отъ горя и нищеты. Онъ одинъ сдѣлался счастливымъ исключеніемъ.

Дѣвушка эта вышла за булочника. О, какъ давно ужъ это было! Да, пожалуй, конторщикъ былъ правъ, называя его старикомъ.

Вдругъ въ умъ его промелькнулъ образъ другой дѣвушки, дѣвушки современной, совсемъ не похожей на ту, которая сдѣлалась булочницей. Она была единственной особой женскаго пола, съ которой онъ былъ знакомъ, и съ которой ему приходилось говорить, и то потому только, что она служила у него въ конторѣ при пишущей машинѣ.

Миссъ Галль, конечно, была хорошенькая дѣвушка. Развѣ не все пишущія машинной дѣвушки обязательно хорошенкыя? Въ конторѣ знали, что она изъ хорошаго семейства, и что стѣсненныя обстоятельства принудили ее искать заплать. Чувство собственнаго достоинства было такъ велико въ ней, что заставило всю конторскую молодежь относиться къ ней съ уваженіемъ.

Сообразивъ, что писать машинной гораздо легче и доходнѣе, нежели бѣгать по урокамъ музыки, она, не долго думая, поступила на службу въ контору мистера Ричарда Денгама, чѣмъ доказала, что она дѣвушка съ разсудкомъ.

Ричардъ Денгамъ присѣлъ на скамейку и нѣсколько разъ задумчиво провелъ по лбу рукою.

„Отчего же бы и не рискнуть?“ — спросилъ онъ самъ себя. — „Что можетъ помѣшать мнѣ? Но хватитъ ли у меня смѣлости сдѣлать предложеніе?“

Несмотря на сомнѣніе, онъ все-таки твердо рѣшился сдѣлать это.

Слѣдующій день прошелъ заведеннымъ порядкомъ. Приходили письма, ихъ прочитывали, на нихъ отвѣчали. Въ обычный часъ, въ кабинетъ мистера Денгама пришла миссъ Галль и спросила, не нужно ли написать еще чего-нибудь. Мистеръ Денгамъ медлилъ, находя, что дѣловой кабинетъ не мѣсто для объясненія въ любви, но онъ сознавалъ, что видъ этого кабинета онъ былъ бы еще застѣнчивѣе. Кромѣ того, онъ не зналъ, подъ какимъ бы предлогомъ сдѣлать ей визитъ на ея квартиру, слѣдовательно ему не оставалось другого выбора, какъ здѣсь теперь, или — никогда.

— Присядьте на минуту, миссъ Галль, — сказала онъ, — мнѣ хотѣлось бы посоветоваться съ вами, то-есть, хотѣлось бы узнать ваше мнѣніе относительно одного дѣла.

Миссъ Галль, съ карандашомъ въ рукахъ, присѣла, положила книгу на колѣни и вопросительно посмотрѣла на хозяина.

Денгамъ, которому отъ заминательства не сидѣлось на мѣстѣ, вскочилъ и провелъ рукою по своимъ волосамъ.

— Я задумалъ вступить въ компанію съ однимъ лицомъ, — началъ онъ послѣ продолжительной паузы. — Дѣло наше идетъ превосходно, такъ что лучше и желать нельзя!

— Да? — вопросительно отвѣчала миссъ Галль.

— Да. Я нахожу, что это необходимо, но сначала хотѣлъ поговорить съ вами.

— Не лучше ли вамъ поговорить объ этомъ съ мистеромъ Роджерсомъ? Онъ знаетъ дѣло лучше меня; но, можетъ-быть, вы прочтете себѣ въ компаньоны его самого?

— Нѣтъ, нѣтъ, не его. Роджерсъ прекрасный кассиръ, но... Нѣтъ, нѣтъ, объ немъ не можетъ быть и рѣчи.

— Въ такомъ случаѣ, по моему мнѣнію, вамъ лучше всего посоветоваться съ Роджерсомъ или вообще съ человекомъ хорошо понимающимъ дѣло.

— Я, въ сущности, даже не пужаюсь въ чьемъ-либо совѣтѣ, потому что твердо рѣшился вступить въ компанію съ этимъ лицомъ, то-есть, конечно, если только оно согласится.

Денгама начинало бросать въ жаръ. Дѣло оказывалось гораздо труднѣе, нежели онъ предполагалъ.

— Стало-быть, весь вопросъ заключается въ цифрѣ капитала, который долженъ быть внесенъ вступающимъ въ компанію? — спросила миссъ Галль, стараясь придти къ нему на помощь.

— Нѣтъ, нѣтъ! Капиталь тутъ рѣшительно ни при чемъ! У меня у самого его достаточно, а дѣло даетъ такой доходъ, который превышаетъ все ожиданія!

Дѣвушка посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Не захотите же вы дѣлить вашей прибыли съ компаньономъ, который не вноситъ вамъ капитала? — спросила она.

— Именно! Этого-то я и желаю, такъ какъ уже говорилъ вамъ, что мнѣ достаточно своего капитала.

— О, если вы намѣрены поступать такимъ образомъ, то лучше посоветуйтесь съ мистеромъ Роджерсомъ, прежде чѣмъ рѣшиться заключить условіе!

— Роджерсъ этого не пойметъ!

— Но... боюсь, что и я начинаю не понимать васъ! Не понимаю, какъ можно рѣшиться... если хотите знать мое откровенное мнѣніе, то... признаюсь, вамъ желаніе болѣе чѣмъ... наивно!

— Да! Будьте откровенны! Я прошу васъ! Мое желаніе далеко не такъ наивно, какъ вы думаете. Мнѣ уже давно слѣдовало на это рѣшиться, и теперь я твердо рѣшился и не намѣренъ болѣе откладывать дѣла въ долгій ящикъ.

— Право, не знаю, къ чему было спрашивать меня, развѣ вы такъ твердо рѣшились!

— Нѣтъ, все-таки я безъ васъ не обойдусь! Я боюсь, чтобы мое предложеніе не было отвергнуто.

— Если только лицо, которому вы собираетесь его сдѣлать, находится въ полномъ разсудкѣ, то нельзя даже и допустить мысли объ отказѣ. Не каждый день представляется подобный случай! Можете быть вполнѣ увѣрены, что всякій бы съ радостью согласился!

— О! вы такъ думаете, миссъ Галль? Очень радъ слышать это отъ васъ. То, о чемъ я хотѣлъ поговорить съ вами, касается именно формы положенія моего предложенія. Мнѣ бы хотѣлось сдѣлать это, — какъ бы вамъ сказать, — какъ можно деликатнѣе, чтобы не обидѣть имъ... и чтобы не получить отказа.

— Значитъ вы желаете, чтобы я написала письмо?

— Вотъ именно! — воскликнулъ Денгамъ, обрадовавшись.

Хотя онъ вовсе не собирался посылать письма, но теперь это показалось ему лучшимъ выходомъ изъ критическаго положенія.

— Вы уже говорили съ будущимъ компаньономъ объ этомъ дѣлѣ?

— Съ компаньономъ? О чемъ?

— Да о нашемъ намѣреніи вступить съ нимъ въ компанію!

— Нѣтъ... о, нѣтъ... Я, — я, кромѣ васъ, еще никому не повѣрилъ своего желанія!

— И вы рѣшительно не желаете совѣтоваться съ мистеромъ Роджерсомъ, прежде чѣмъ напишете письмо?

— Нѣтъ. Роджерсу до этого абсолютно никакого дѣла нѣтъ!

— Ну, въ такомъ случаѣ я принимаюсь писать, — заключила миссъ Галль, взявшись за тетрадь.

По тону ея легко можно было догадаться, что уваженіе ея къ уму мистера Денгама сильно пошатнулось. Вдругъ она подняла голову.

— Въ какую цифру мнѣ опредѣлить ежегодный доходъ съ вашего дѣла? Или, можетъ-быть, вы предпочтаете не распространяться объ этомъ?

— Нѣтъ, объ этомъ упомянуть не зачѣмъ. Потому что, видите ли, миссъ Галль, я никоимъ образомъ не желаю бы заключать нашего союза на дѣловомъ основаніи!

— Въ такомъ случаѣ, на какомъ же основаніи вы желаете заключить его?

— Да, этого я даже не сумѣю выразить! Ну, хоть на основаніи личнаго расположенія. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы мы сошлись по обоюдному симпатіи.

— Слѣдовательно, если я только вѣрно поняла васъ, вы желаете основать его на дружескихъ отношеніяхъ?

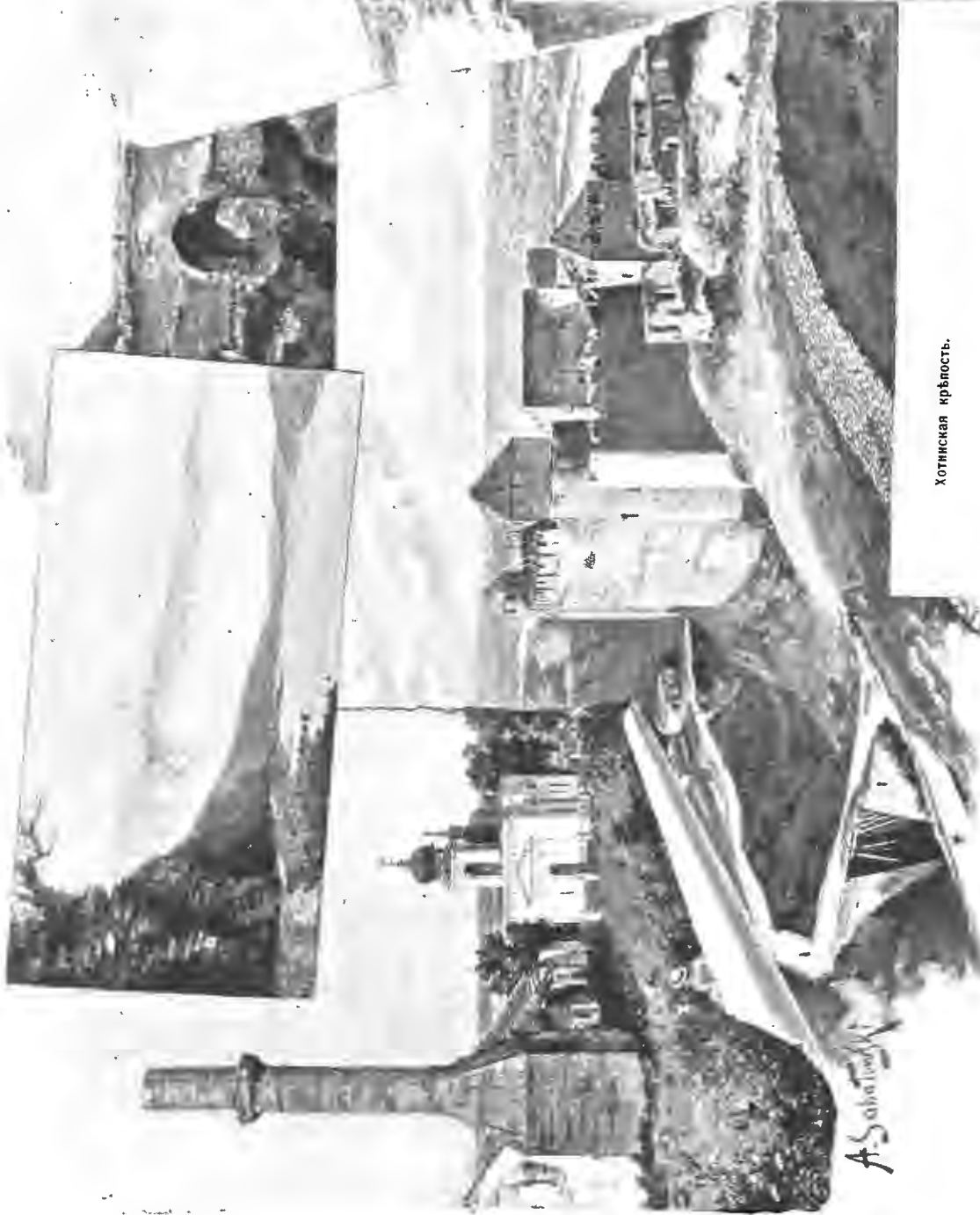
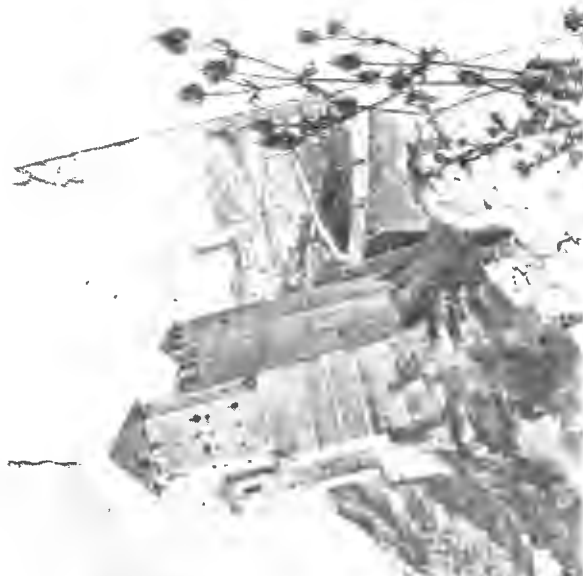
Берег Днѣстра у австрійской границы.

Каменный шлюзъ въ стѣнѣ крѣпости.

Видъ крѣпости вдоль рѣки.

Хотинская крѣпость.

Минареть и церковь въ Хотинѣ.

Хотинская крѣпость, Бессарабской губ.

Оригн. рисунокъ (собств. „Нива“) А. Сабатовскаго, авторпнл Ангерера и Гёшлль въ Вѣнѣ.

Часть подземной крѣпости.

Эйгеръ, Мёнхъ и Юнгфрау. Автолпня Ангерера и Гёшля въ Вѣлѣ.

— Да, да! На дружеских, именно на дружеских отношениях! даже больше чем дружеских, вы отлично поняли меня! Мисс Галль растерянно посмотрела вокруг себя.

— Почему же вы не хотите лучше написать ему несколько строк и пригласить его для личного объяснения? Все сдѣлаешь бы гораздо проще!

Денгамъ испугался.

— Ахъ, нѣтъ!—сказалъ онъ,—я сначала и самъ такъ думалъ, но этого нельзя, нѣтъ, рѣшительно—это невозможно! Нѣтъ, лучше все изложить нисѣмномъ!

— Миѣ кажется, что я не сумѣю угодить вамъ на этотъ разъ... то-есть, не напишу такъ, какъ бы вы того желали. Представляется очень много трудностей! Вѣдь нисѣмо такое—исключительное!

— Это правда! Потому-то именно я и обратился къ вамъ, мисс Галль! Вы однѣ въ состояннн помочь миѣ. Если вы будете довольны моимъ нисѣмомъ, то я и подавно буду имъ доволенъ.

Мисс Галль покачала головою, набросала нѣсколько строкъ и спросила:

— Послушайте, хорошо ли будетъ такъ: „Многоуважаемый сэръ!“

— Подождите немного!—воскликнулъ Денгамъ.— Не кажется ли вамъ такое обращеніе слишкомъ формальнымъ? не лучше ли написать: „другъ мой“!

— Какъ вамъ угодно!—возразила дѣвушка, зачеркивая написанное, и продолжала:

„Другъ мой! Давно уже я пишу съ мыслью предложить вамъ вступить со мною въ компанію. Подумайте и хорошенько взвѣсьте выгоду и невыгоду моего предложенія и затѣмъ рѣшите—желаете ли вы принять его. Мое дѣло уже нѣсколько лѣтъ идетъ прекрасно, и такъ какъ я не требую отъ васъ капитала, то не сомнѣваюсь, что вы найдете мое предложеніе выгоднымъ...“

— Нѣтъ, нельзя ли какъ-нибудь иначе?—перебилъ Денгамъ.— Выходитъ, что я выставляю на видъ всѣ выгоды для моего компаньона, между тѣмъ какъ—гм!.. вы меня понимаете?

— Но вѣдь на дѣлѣ оно такъ и есть!—возразила мисс Галль.

— Нѣтъ, напишите лучше, какъ вы раньше предлагали, мисс Галль!

— Я ничего не предлагала, мистеръ Денгамъ. Но, право, будетъ лучше, если бы вы миѣ продиктовали все нисѣмо. Я знаю, что не сумѣю выразить того, что вы намѣреваетесь сказать!

— Нѣтъ, это совершенно напрасно. Вѣдь я ставлю себя въ положеніе моего будущаго компаньона! Вы прекрасно составили нисѣмо, только заключите его болѣе дружески, теплѣе, искреннѣе!

Нѣсколько минутъ спустя мисс Галль прочитала:

„...выгоднымъ, и согласитесь принять его. Обращаюсь къ вамъ, какъ къ другу, и надѣюсь списать настолько ваше расположеніе, что вы не откажетесь вступить со мною въ союзъ.“

— Не прибавить ли еще что-нибудь, мистеръ Денгамъ?

— Отлично, отлично! Добавьте, пожалуй, что отказъ причинитъ миѣ большое горе и разочарованіе.

— Хорошо!—сказала дѣвушка,—но какъ подписаться: преданный вамъ, или душевно преданный вамъ?

— Подпишите, пожалуйста: „вашъ истинный другъ“.

Мисс Галль ушла въ сосѣдную комнату и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ оттуда раздавалось постукиванье пишущей машинки, затѣмъ мисс Галль вернулась съ готовымъ нисѣмомъ.

— Нужно ли скопировать это нисѣмо?—спросила она.

— Ради Бога, нѣтъ!—отвѣчалъ Денгамъ, вытирая выступившія капли пота на лбу.

„Онъ навѣрное хочетъ скрыть все отъ Роджерса, потому что такое дѣло вовсе не согласно съ коммерческими правилами!“—подумала она, и сказала вслухъ:

— Нѣтъ ли у васъ еще дѣла для меня, мистеръ Денгамъ?—Нѣтъ, мисс Галль, вы свободны, очень благодаренъ за нисѣмо!

На другое утро мисс Галль, улыбаясь, вошла въ кабинетъ своего принципала.

— Вы вчера вечеромъ, вѣроятно, ошиблись, мистеръ Денгамъ, сказала она, вынимая нисѣмо изъ кармана.

— Почему вы это думаете?—спросилъ онъ, вспыхнувъ.

— Вы адресовали это нисѣмо ко миѣ. Я получила его сегодня утромъ, и когда распечатала, предполагая, что вы вѣроятно на сегодня освобождаете меня отъ занятій, я сразу замѣтила, что вы вложили нисѣмо не въ тотъ конвертъ. Можетъ-быть и вамъ не пужна сегодня?

Съ языка его готова была сорваться фраза: „Миѣ вы пужны не только сегодня, но всегда, постоянно!“—но онъ ничего не сказалъ и только молча протянулъ руку за нисѣмомъ, точно желая убѣдиться въ своей ошибкѣ.

На слѣдующій день мисс Галль явилась позже обыкновеннаго и, съ испуганнымъ выраженіемъ на своемъ хорошенькомъ личикѣ, положила то же нисѣмо на столъ передъ мистеромъ Денгамъ; она предложила, что бѣдный хозяинъ окончателно помѣшался, и, казалось, предположеніе ея подтвердилось растеряннымъ видомъ послѣдняго, когда она сказала:

— Вы второй разъ прислали миѣ это нисѣмо, мистеръ Денгамъ!

Мистеръ Денгамъ вдругъ вскочилъ и, вооружившись отчаянной рѣшимостью, спросилъ нѣсколько сурово:

— Отчего же вы не отвѣтили на него?

Она отступила испуганная.

— Не отвѣтила?—пробормотала она, не понимая.

— Ну да! Если человѣкъ два раза получаетъ одно и то же нисѣмо, то ему обязательно слѣдуетъ на него отвѣтить.

— Что вы хотите сказать этимъ?—спросила дѣвушка и взялась за ручку двери.

— Именно то, чтѣ написано въ нисѣмѣ! Я желаю, чтобы вы сдѣлались моимъ компаньономъ, лучше сказать: чтобы вы вышли за меня замужъ! Да! Чортъ побери всѣ дѣловые термины!

— О!—воскликнула дѣвушка, глубоко вздохнувъ и убѣгая; она скрылась въ сосѣдную комнату, гдѣ стояла пишущая машинка, и заперлась на ключъ.

Ричардъ Денгамъ дождо въ безпокойствѣ рассказывалъ по своему кабинету, затѣмъ рѣшительно постучался въ комнату, но не получилъ отвѣта. Онъ взялъ шляпу съ полки и вышелъ на улицу. Когда онъ вернулся, безцѣльно пробродивъ нѣсколько часовъ по улицамъ, то кассиръ встрѣтилъ его со словами:

— Мисс Галль ушла, мистеръ Денгамъ!

— Вотъ какъ!

— Да. Она оставила вамъ нисѣмо, но сама не вернется.

— Хорошо, Роджерсъ.

Онъ пошелъ въ свой частный кабинетъ и нашелъ на столѣ нисѣмо съ припиской на конвертѣ: „въ собственныя руки.“ Онъ немедленно распечаталъ его и прочиталъ слѣдующія, отчетливо написанныя машинною строки:

„Оставляю свое мѣсто при пишущей машинкѣ, потому что написала болѣе выгодное. Миѣ предложено быть компаньономъ въ фирмѣ Ричардъ Денгамъ, и я рѣшилась принять это предложеніе, не ради финансовой выгоды, которую оно миѣ представляетъ, но ради дружескаго расположенія и симпатіи, которую я чувствую къ вышеозначенному господину.“

„Къ чему вы мучили меня глупымъ нисѣмомъ? Развѣ нѣсколько отъ сердца сказанныхъ словъ не привели бы къ тому же и даже скорѣйшему результату? Вы, кажется, дѣйствительно нуждаетесь въ компаньонѣ!—Моя мать во всякое время готова принять васъ, а нашъ адресъ вамъ извѣстенъ.“

Маргаретъ Галль.“

Огненные шары и падающіе камни.

Очеркъ д-ра Г. Клейна.

(Съ нѣмецкаго.)

Внезапное появленіе на небѣ огненнаго шара, взрывъ его, сопровождающійся страшнымъ громомъ, и паденіе на землю съ оглушительнымъ трескомъ каменныхъ или желѣзныхъ массъ,—вотъ явленіе, наблюдавшееся въ разные времена и въ разныхъ странахъ. Но сравнительно рѣдко это явленіе происходитъ въ той грозной и величественной формѣ, какъ въ томъ случаѣ, о которомъ въ серединѣ февраля текущаго года сообщалъ газета г. Мадрида. По газетнымъ извѣстіямъ, 10-го февраля, въ ясный, солнечный день, надъ городомъ Мадридомъ показался огненный шаръ, быстро промелькнувшій по небосклону; шаръ этотъ взорвался, обливъ весь городъ и его окрестности ослѣпительнымъ блескомъ, нослѣ чего раздался страшный ударъ грома, до того сильный, что зданія дрогнули, а стекла въ окнахъ разбиты въдребезги. Жителей обьялъ паническій ужасъ. Рассказывали даже, что нѣсколько зданій обрушилось; на этотъ

разъ это оказалось невѣрнымъ, но что въ нѣкоторыхъ случаяхъ описываемое явленіе сопровождается несчастьемъ—сомнѣваться не приходится. Въ знаменитыхъ „Fuldaer Analeen“ рассказывается, что въ 823 г. въ Саксоніи упалъ метеоролитъ, при чемъ убито было много людей и животныхъ и сгорѣло нѣсколько деревень.

17-го ноября 1492 г., въ Элизгеймѣ, въ Эльзасѣ, упалъ камень весомъ въ 130 килограммъ, своею фигурой нѣсколько напоминавшій пирамиду; къ счастью, паденіе этого метеоролита никому не причинило вреда. Императоръ Максимилианъ I, вскорѣ послѣ этого, прибылъ въ Элизгеймъ, камень былъ ему показанъ, и Максимилианъ велѣлъ привезти его на цѣпи въ Мѣтскомъ храмѣ; тамъ онъ хранился и по настоящее время. 4-го сентября 1511 г. подобный же случай паденія метеоролита наблюдался въ Италіи. Почти одновременно съ солнеч-

пыль затмением, которое уже и само по себе наводит ужас на людей незнакомых с его причинами, показались „хвостатый“ огненный шаръ, окруженный черною тучей; грянул громъ, сверкнула молнія и изъ воздуха посыпались на землю камни, — говорятъ, ихъ было болѣе 1,200; всѣ камни были малы, за исключеніемъ нѣсколькихъ, достигавшихъ 120—260 фунтовъ.

Въ 1660 г. въ Миланѣ небольшимъ метеоролитомъ, пробившимъ крышу монастырскаго зданія, была убитъ одинъ францисканскій монахъ; на правомъ бедрѣ несчастнаго оказалась зияющая рана, внутри которой, около раздробленной кости, былъ кругловатый острый камешекъ, издававшій сѣрный запахъ.

Въ прошедшемъ вѣкѣ, среди ученаго міра, развилось недо- вѣріе къ рассказамъ объ этомъ замѣчательномъ явленіи. Парижская академія наукъ положительно признала, что фактъ паденія съ неба камней невозможенъ, и всѣ рассказы объ этомъ не что иное, какъ выдумка. Но вотъ, 13-го сентября 1768 года, какъ разъ во Франціи, въ Лисе, въ Сартекомъ департаментѣ, упалъ метеоролитъ. Вечеромъ тамъ вдругъ появилась грозная туча, послѣдовала какъ бы пыльная буря и на землю упалъ камень вѣсомъ въ 7½ фунтовъ; когда его поднимали, онъ былъ такъ горячъ, что къ нему невозможно было прикоснуться. Онъ имѣлъ черную матовую оболочку, облекавшую вещество сѣро-пепельнаго цвѣта, содержащее множество крупночекъ желѣза. Слухи объ этомъ дошли до Парижа. Академія наукъ отправила троихъ изъ своихъ членовъ, съ тѣмъ, чтобы они узнали о подробностяхъ на мѣстѣ, но зараженные недо- вѣріемъ члены академіи пришли къ тому заключенію, что ничего подобнаго не было. Камень, по ихъ мнѣнію, лежалъ подъ дерномъ, въ него ударила молнія, влѣдствіе этого составныя части его расплавились и онъ былъ выброшенъ на поверхность. Возникшіе были споры затихли. Черезъ 22 года снова наблюдался подобный же случай и опять во Франціи, при этомъ очевидцами были составленъ протоколъ и отравленъ въ парижскую академію, но кабинетные ученые не удостоили его своимъ вниманіемъ.

Между тѣмъ вскорѣ послѣ этого нѣмецкій профессоръ Флоренцъ Фридрихъ Цицанди рѣшилъ заняться вопросомъ безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній; онъ собралъ въ богатой Гёттингенской бібліотекѣ необходимыя свѣдѣнія и убѣдился, что въ рассказахъ о паденіи съ неба камней нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Въ 1794 г. онъ издалъ сочиненіе, въ которомъ провѣлъ мысль, что дѣйствительно время отъ времени на землю падаютъ камни и что желѣзная масса, найденная на вершинѣ горы въ Сибири, есть также метеоролитъ.

Мнѣніе нѣмецкаго ученаго породило повсемѣстныя споры; но, когда, вскорѣ послѣ того, какъ мнѣніе Цицанди было опубликовано, въ Сиенѣ, въ Италіи, выпалъ каменный дождь, отрицать который было невозможно, французскіе ученые стали серьезно утверждать, что эти камни—изверженіе Везувія, хотя Везувій отстоитъ отъ Сиены на 150 миль. Вопросъ о паденіи съ неба камней былъ, однако, поставленъ на очередь и обсуждался съ разныхъ сторонъ; между прочимъ было высказано предположеніе, что падающіе камни — изверженія лунныхъ вулкановъ.

Но вѣтъ 26 апрѣля 1803 г. опять-таки во Франціи, близъ мѣстечка Эгль, упало 2000—3000 камней, всѣ они были въ раскаленномъ состояніи, въ моментъ послѣ паденія, впрочемъ, не до-красна. Это необыкновенное явленіе изумило всю Францію и побудило парижскую академію отравить нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ на мѣсто происшествія. Въ результатѣ оказалось, что передъ тѣмъ какъ выпали камни, показались огненный шаръ съ изогнутымъ „хвостомъ“, и шаръ этотъ взорвался; звукъ отъ взрыва былъ слышенъ на 30 миль въ окрестности, и влѣдъ за тѣмъ уже посыпались камни. Этого было уже достаточно, чтобы убѣдить парижскую академію, что паденіе съ неба камней не химера,—ученые имѣли въ своихъ рукахъ образчики метеоролитовъ.

Теперь возникъ вопросъ, чѣмъ объяснить это странное явленіе?

Цицанди утверждалъ, что метеоролиты имѣютъ свое происхожденіе въ мировомъ пространствѣ, гдѣ они движутся въ разныхъ направленіяхъ до тѣхъ поръ, пока не приблизятся къ какому-либо мировому тѣлу. Метеоролиты, упавшіе на землю, это тѣ, которые въ своемъ движеніи приблизились къ этой планетѣ и подверглись силѣ ея притяженія. Влѣдствіе сопротивленія земной атмосферы и тренія, метеоролиты приходятъ въ раскаленное состояніе; чрезвѣрное расширеніе составныхъ частицъ, неизбежное при этомъ условіи, служитъ причиною

взрыва. Объясненіе Цицанди подтверждается позднѣйшими наблюденіями и изслѣдовавшими паденія метеоролитовъ.

Появленіе огненныхъ шаровъ на небѣ происходитъ ежегодно, но такіе случаи, когда полетъ ихъ сопровождается взрывомъ, послѣ котораго находятъ на землѣ осколки камней или желѣзнымъ массъ, бывають довольно рѣдко. Будутъ найдены осколки метеора или нѣтъ—это, конечно, воиѣтъ зависеть отъ случайности, но нужно замѣтить, что громъ, которымъ сопровождается появленіе метеора, еще не доказываетъ того, что произошелъ взрывъ. Чѣмъ же объяснить громъ, какъ послѣ взрыва метеора? Пыльное ядро, разрѣвая воздухъ со скоростью 600 метровъ въ секунду, издаетъ звукъ въ родѣ свиста или жужжанія; если бы оно пролетѣло со скоростью 60,000 метровъ въ секунду, то оно промелькнуло бы, сверкнувъ какъ молнія, такъ какъ раскалилось бы до красна, а полетъ его сопровождался бы уже не свистомъ, а громомъ, т. е. влѣдѣ съ быстротою полета усилился бы и звукъ. Метеоры безъ сомнѣнія обладаютъ такою скоростью. Влѣдствіе усиленнаго тренія о воздухъ, они должны раскалиться, частицы ихъ, не вытѣвая треніе, принимаютъ температуру свыше 1000°; переходя въ паробразное состояніе, онѣ отдѣляются отъ метеоролитовъ и образуютъ „хвостъ“.

Что касается до происхожденія метеоролитовъ, то по позднѣйшимъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ оказывается, что эти тѣла приходятъ къ намъ изъ мирового пространства и къ нашей солнечной системѣ не принадлежатъ. Нѣтъ основанія предполагать, что они и тамъ движутся въ видѣ огненныхъ шаровъ; напротивъ, согласно положеніямъ повнѣйшей науки, нужно думать, что тамъ они лишены способности свѣтиться, и всѣ ихъ составныя частицы находятся въ охлажденномъ состояніи,—только заходя въ область атмосферы они раскаляются и издаютъ свѣтъ. Если же упавшіе на землю метеоролиты долетѣли къ намъ изъ отдаленныхъ системъ неподвижныхъ звѣздъ, то слѣдуетъ вывести заключеніе, что прежде, чѣмъ найти себѣ на нашей планетѣ могилу, они находились въ движеніи миллионы лѣтъ. Они расширили наши знанія, принесли съ собою образчики металловъ и минераловъ тѣхъ мировыхъ тѣлъ, которые находятся въ разныхъ пунктахъ пространства вселенной. Замѣчательно, что въ метеоролитахъ находятъ тѣ металлы и минералы, которые встрѣчаются и у насъ на землѣ, какъ-то: кварцъ, оливинъ, желѣзо, никкель и др. Съ помощью спектроскопа, въ нѣкоторыхъ метеорахъ найдено присутствіе кобальта, мѣди, натрія, калия, кальция и другихъ простыхъ веществъ. Нѣкоторые метеоролиты изобилуютъ газами, преимущественно водородомъ. Наконецъ найдено въ метеоролитахъ нѣсколько маленькихъ алмазовъ, и это имѣетъ громадное значеніе. Алмазъ есть тотъ же уголь, только чистый, свободный отъ примѣсей, а уголь—перегорѣвшее органическое вещество; слѣдовательно, присутствіе алмазовъ въ метеоролитахъ, которые, какъ мы уже признали, падаютъ на землю изъ мирового пространства, доказываетъ, что организмы находятся не только на землѣ. Въ настоящее время найдено уже пять метеоролитовъ, содержащихъ въ себѣ уголь.

Нельзя не упомянуть еще о метеоролитѣ, упавшемъ 14 мая 1864 г. близъ деревни Оргвейль во Франціи. Нѣкоторые изъ 20 кусковъ, найденныхъ отъ этого метеора, имѣли черную неповрежденную оболочку, которая, очевидно, была въ расплавленномъ состояніи. Ясно, что метеоролитъ, прежде нежели вступилъ въ предѣлы земной атмосферы, уже состоялъ изъ нѣсколькихъ кусковъ, которые двигались всѣ вмѣстѣ, кучей. Химическій анализъ показалъ, что въ составъ этого метеоролита входила вода и еще одно органическое вещество. Трудно понять, какимъ образомъ могло очутиться въ немъ это вещество. Для организмовъ разнаго рода необходима температура отъ 0° до 100° и атмосфера изъ кислорода, углерода и азота; метеоролиты, пробѣгая мировое пространство, не удовлетворяютъ ни тому, ни другому условію, и если, несмотря на это, въ нихъ все-таки находятъ присутствіе органическихъ веществъ, то ясно, что они не что иное, какъ осколки большихъ мировыхъ тѣлъ. Вѣроятно, миллионы лѣтъ назадъ кака-либо планета, влѣдствіе неизвѣстной намъ катастрофы, раздробилась на части, которая разсыпалась по пространству вселенной, и метеоролиты — осколки этой планеты. Конечно, они разсыпались и по другимъ путямъ, помимо пути къ нашей планетѣ.

Метеоролитъ, который привелъ въ ужасъ жителей Мадрида, также пришелъ изъ отдаленнаго пункта мирового пространства. Тысячи, бытъ-можетъ миллионы лѣтъ тому назадъ онъ началъ свой бѣгъ, тысячи, миллионы лѣтъ куда-то стремился, но, приблизившись къ землѣ, подвергся силѣ ея притяженія, упалъ и здѣсь закончилъ свое многовѣковое путешествіе.

Къ рисункамъ.

Францъ Дефрегеръ.

(Портр. на стр. 875 и рисунки на стр. 867, 870, 871 и 882.)

Имя Франца Дефрегера принадлежитъ къ числу самыхъ популярныхъ именъ въ Германіи. Его картины изъ жизни пророковъ, отличаясь всегда такой жизненностью, добродушнымъ юморомъ, проникнутыя теплотой и искренностью

чувства, извѣстны далеко за предѣлами его родины. Намъ неоднократно приходилось помѣщать на страницахъ *Нивы* снимки съ его произведеній, и теперь, помѣщая двѣ изъ самыхъ для него характерныхъ картинъ, его портретъ и свѣтъ съ дома, въ которомъ онъ родился, приводимъ и нѣсколько біографическихъ свѣдѣній изъ жизни этого крупнаго художника.

Старый домъ отца Дефрегера—простого тирольскаго крестьянина, въ которомъ, въ 1835 году, родился будущій художникъ, стоялъ одиноко въ глуши тирольскихъ горъ. До 15 лѣтъ маленький Францъ бѣгалъ босикомъ, безъ шапки зимой—въ школу, а лѣтомъ—въ горы, за стадомъ своего отца. Векорѣ онъ сдѣлался первымъ работникомъ въ домѣ и на полѣ и его правой рукой. Дровосѣки, пастухи, охотники были его единственными собесѣдниками и друзьями; они сдѣлались и любимыми героями его картинъ; никто не зналъ этого быта лучше его, и никто лучше Дефрегера не изображалъ его. 23-хъ лѣтъ онъ потерялъ отца и сталъ вести самостоятельное хозяйство, но его дѣла очень быстро пришли въ упадокъ, и онъ отправился въ Мюнхень, покинуть родные края. Тутъ онъ сталъ заниматься рисованіемъ, и его талантъ былъ скоро оцененъ знаменитымъ Пилоти, который не замедлилъ принять его въ число своихъ учениковъ. Однако, историческіе герои его не трогали, его родная, любимая среда, въ которой онъ выросъ, была ближе его сердцу, и онъ съ первыхъ же шаговъ истинно живо взялся за жанръ. Темой для первой его картины послужилъ одинъ изъ эпизодовъ тирольскаго народнаго восстанія. Вторая его вещь имѣла огромный успѣхъ и чрезвычайно распространена въ репродукціяхъ. Это—„Танецъ въ мѣстечкѣ Альмъ“; молодая, кокетливая крестьянка-тиролька танцуетъ съ угловатымъ, неуклюжимъ старичкомъ-тирольцемъ. Около того же времени появилась его „Призовая лошадь“; ее, очевидно, ведутъ съ бѣговъ, на которыхъ она получила первый призъ, а можетъ-быть и съ выставки, увѣнчанной ее медалью, и радостная, восторженная толпа, полная своего деревенскаго патриотическаго чувства, цѣлымъ селеніемъ вывалила ей навстрѣчу.

Послѣ этой картины послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ, изъ эпохи тирольскаго восстанія; между ними „Послѣдній призывъ“—безпорядочная толпа и старухъ и малыхъ, вооруженная кольями, вилами и палками, и въ pendantъ къ ней „Возвращеніе побѣдителей“. Затѣмъ идетъ цѣлая серия картинъ изъ тирольской жизни. Одну изъ нихъ, какъ необыкновенно типичную для Дефрегера, мы воспроизводимъ здѣсь, это—„Передъ танцами“ (стр. 870). Въ опрятную тирольскую таверну входятъ попарно деревенскіе парни и дѣвушки и не могутъ дожидаться, когда этотъ несносный музыкантъ настроитъ свою цитру. Картина—„Сеннерль“ (стр. 867) даетъ намъ типъ тирольской дѣвочки. Картины въ родѣ „Шестивя Андрея Гофера на казнь“, за которую онъ получилъ званіе профессора мюнхенской академіи и признанъ тамъ историческимъ живописцемъ, или „Андрей Гоферъ въ Инсбрукѣ“ (стр. 871), хотя и причисляются многими къ серьезнымъ произведеніямъ художника, однако, характеръ искусственности, дѣланности, сочиненности и театральности, которымъ онѣ отличаются, приближаетъ ихъ къ композиціямъ Пилоти и лишаетъ въ значительной степени жизненной правды. Мы воспроизводимъ здѣсь вторую изъ названныхъ картинъ, въ виду того, что она опять-таки характерна для Дефрегера. Дефрегерь-жанристъ не имѣетъ ничего общаго съ Дефрегеромъ-историческимъ живописцемъ, и первый несравненно выше второго. На воспроизводимой нами картинѣ художникомъ взятъ тотъ моментъ, когда Андрею Гоферу, народному тирольскому герою, исторію котораго мы рассказывали недавно въ *Нивѣ* (см. № 5 н. г.), приносятъ подарки отъ императора въ Гофбургъ.

Извѣстный нѣмецкій художественный критикъ, авторъ наилучшаго нѣмецкаго нѣскольکو лѣтъ тому назадъ трехтомнаго изданія „Живонисъ XIX-го вѣка“—Мутеръ отводитъ Дефрегеру третье мѣсто среди нѣмецкихъ жанристовъ, послѣ Кнауса и Вотье, и цѣнитъ его, главнымъ образомъ, какъ жанриста, падѣленнаго теплымъ чувствомъ и искренней любовью къ тому родному быту, который онъ воспроизводитъ со всеми его радостями и печальми. Въ числѣ его недостатковъ онъ указываетъ на нѣкоторую односторонность, сухость и близость въ краскахъ. Какъ бы то ни было, поэтическая душа художника, воодушевленная всеми прекрасными сторонами жизни и идеализировавшая все ея грустныя проявленія, приобрѣла ему множество поклонниковъ и сдѣлала его однимъ изъ любимыхъ художниковъ на его родинѣ и популярнымъ даже и за ея предѣлами.

Доминъ, гдѣ родился Францъ Дефрегерь.

Хотинская крѣпость. (Рис. на стр. 878.)

На возвышенномъ правомъ берегу рѣки Днѣстра, почти у самой австрійской границы, раскинутъ городъ Хотинъ, Бессарабской губ.

Городъ этотъ, заключающій въ себѣ до 25 тысячъ жителей, видомъ своимъ напоминаетъ скорѣе большую деревню. Въ особенности лѣтомъ совсемъ почти не видно городскихъ домовъ и построекъ: онъ весь утопаетъ въ обильной зелени садовъ и лишь какія-нибудь два-три каменныхъ зданія да церковный куполъ напоминаютъ посетителю, что передъ нимъ все-таки городъ. Поэтому лѣтомъ городъ смотритъ гораздо интереснѣе и оживленнѣе прїѣзжими на время дачнаго сезона, для купанья въ Днѣстрѣ. Зато жить здѣсь во время „грязнаго сезона“—осенней слякоти или весенней растенели—очень непривлекательно; въ такую пору ни одинъ изъ обитателей города не можетъ показаться на улицу, не рискуя утонуть въ глубокихъ лужахъ грязи. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, городъ Хотинъ мало чѣмъ отличается отъ другихъ мелкихъ городишекъ Бессарабинъ.

Ни одинъ турнестъ, понавнѣ въ эту мѣстность, а особенно посетившій сосѣдній губернской городъ Каменецъ-Подольскъ, не упуститъ случая сдѣлать лишніхъ 20 верстъ, чтобы осмотрѣть развалины Хотинской крѣпости.

Обнесенная высокими валами, крѣпость эта почти со всѣхъ сторонъ скрыта отъ глазъ приближающагося къ ней зрителя. Насыпавшись отъ другихъ объ этой колоссальной постройкѣ, вы цѣловольно удивляетесь, что въ одна часть, въ одна крыша крѣпости не выдѣляется надъ ея валами. Вы проходите ворота и видите только нѣсколько полуразрушенныхъ кирпичныхъ домовъ или казармъ восточной архитектуры и гордо поднимающійся между ними минаретъ.

Этотъ остатокъ магометанства, на которомъ, однако, успѣли уничтожить самое большее его украшеніе—мраморный куполъ,—уцѣлѣлъ только благодаря чрезвычайной

прочности своей постройки, неподдававшейся никакимъ успѣлимымъ невѣжественныхъ туземцевъ, безцеремонно отыскивавшихъ здѣсь себѣ обильный строительный матеріалъ для своихъ построекъ.

Но въ проходите еще нѣсколько шаговъ и передъ вашими глазами вдругъ открывается вся крѣпость, т. е., собственно говоря, цитадель, построенная вѣзду, на самомъ берегу рѣки. Васъ поражаютъ грандіозныя размѣры и прочность постройки стѣнъ цитадели. При болѣе внимательномъ осмотрѣ вы замѣчаете на стѣнѣ разные орнаменты, произведенные вставленными между сѣрыми камнями красными большими кирпичами. Узоры эти, горизонтально идущіе вдоль стѣнъ, въ верхнихъ двухъ рядахъ своихъ состоятъ изъ однообразныхъ повторовъ изображенія лѣсенки, съ крестомъ наверху, и затѣмъ слѣдующіе ряды состоятъ изъ повторяющихся, вставленныхъ одинъ въ другой, нѣсколькихъ квадратовъ. Нѣсколько большихъ вставленныхъ частей, въ которыхъ уже не хватаетъ этихъ украшеній, показываютъ, какія жестоки сраженія, отмѣченныя въ исторіи Польскаго края, выдержала крѣпость.

Цитадель окружена довольно глубокимъ ровомъ (10 саж.), на днѣ котораго струится едва замѣтный ручеекъ, берущій свое начало далеко за валами крѣпости, въ городѣ. Въ старыя времена, вѣроятно ручей этотъ приносилъ болѣе обильное количество воды, такъ какъ въ примыкающей къ этому оврагу стѣнѣ дѣланъ нарочно каменный шлюзъ для задержанія воды (рис. на стр. 878), въ случаѣ осады крѣпости. Черезъ тотъ же оврагъ перекинутъ мостъ, соединяющій еще довольно сохранившуюся каменную мостовую, ведущую изъ крѣпости въ „старый“ городъ, гдѣ, однако, мостовая эта никогда не поддерживалась, а даже часто служила матеріаломъ для построекъ мѣстныхъ обитателей.

Совершенно другой видъ принимаетъ крѣпость со стороны рѣки (рис. на стр. 878). Здѣсь вы замѣчаете, что главныя стѣны ея сходятся къ одной главной тупоугольной башнѣ. Направо, вдали видѣется уюминутый выше минаретъ и цѣлошій постройкой; налѣво, влѣзду, широкой лентой течетъ Днѣстръ, исчезая далеко-далеко между скалистыми и поросшими кустарникомъ берегами.

Не менѣе интереса представляетъ также внутренній видъ

питадали съ множествомъ подземныхъ погребовъ и ходовъ. Для археолога-знатока найдется здѣсь не мало матеріала для изслѣдованій. Смѣшанные стили украшеній свидѣлствуютъ о неоднократномъ переходѣ укрѣпленія изъ однихъ рукъ въ другія. Здѣсь вы встрѣтите и турецкія надписи, и символическіе знаки. Жаль только, что самыя значительныя изъ надписей, высѣченныя на мраморныхъ доскахъ, выломаны изъ стѣнъ и употреблены на подѣзды или садовые столы болѣе зажиточныхъ жителей города.

Исторія Хотина тоже представляетъ не мало интереснаго. Основаніе города приписывается предводителю Дановъ, Котязану, въ III ст.; во время владычества генуэзцевъ городъ былъ укрѣпленъ; въ XVIII ст. онъ попадаетъ поочередно во власть поляковъ, казаковъ Украйны, турокъ и молдаванъ; въ 1711 г. онъ окончательно достается туркамъ. Во время войны Турціи съ Россіей Хотинъ былъ нѣсколько разъ взятъ русскими войсками подъ предводительствомъ Миниха и кн. Голицына. Въ 1811 г. городъ сдался на капитуляцію генер. Эссену и въ

первоначальное воспитаніе дома, подъ руководствомъ гувернантки-нѣмки и гувернера-француза, обоихъ изъ Швейцаріи; 13 лѣтъ, по желанію въ Бозѣ почившаго императора Александра III, княжна Елена поступила въ Смольный институтъ въ Петербургѣ, гдѣ и пробыла пять лѣтъ. Княжна играетъ на роллѣ и на скрипкѣ, прекрасно рисуетъ и пишетъ сербскіе и французскіе стихи; кромѣ того, какъ истая черногорка, княжна — смѣлая, превосходная пабадица и искусный стрѣлокъ. Черногорія, какъ и Италія, пришла съ воодушевленіемъ извѣстіе объ этой помолвкѣ, которая состоялась въ Цетинье при очень скромной обстановкѣ — принцъ въ генеральской формѣ (онъ командиръ 15 кавалер. дивизіи) явился къ родителями княжны и сдѣлалъ предложеніе на итальянскомъ языкѣ, которое и было принято княземъ Николаемъ. Женихъ облобызалъ родителей невесты, а ей поднесъ цѣнный браслетъ, стоимостью въ миллионъ франковъ. Княжна Вѣра, сестра молодой невесты, поднесла ей и ей жениху цвѣты. Изъ Петербурга получено самое сердечное поздравленіе высоконаре-

Княжна черногорская Елена.

1812 г. присоединенъ къ Россіи вмѣстѣ съ Бессарабіей. Въ 1856 г. крѣпость была уразднена.

Эйгеръ, Мѣнхъ и Юнгфрау. (Рис. на стр. 879.)

Горная гряда Юнгфрау, принадлежащая къ группѣ Финстерааргорна, въ Бернскихъ альпахъ, съ ея двумя отдѣльными вершинами — Эйгеръ и Мѣнхъ, представляетъ собою красивое и величественное зрѣлище; всѣ три вершины ярко блестятъ подъ лучами лѣтняго солнца на голубомъ небѣ своими бѣлоснѣжными конусами, покрытыми пелесою вѣчнаго снѣга, въ то время когда подножья ихъ окутаны дымкою фіолетоваго тумана... Самая высокая изъ этихъ вершинъ — Юнгфрау, достигаетъ 4,160 метровъ; Мѣнхъ нѣсколько ниже — 4,105 метр., а Эйгеръ достигаетъ лишь 3,975 метр. Эти три вершины въ скоромъ времени сдѣлаются желѣзнодорожными станціями, такъ какъ здѣсь пройдетъ желѣзная дорога, о которой мы въ свое время подробно говорили въ нашемъ журналѣ (см. *Ниву* 1895 г. № 30) и дали общій видъ проектируемой дороги.

Помолвка наследнаго принца итальянскаго Виктора-Эммануила съ княжной Еленой черногорской.

(Портр. на этой стр.)

Наслѣдный принцъ итальянскій, Викторъ-Эммануилъ, помолвка котораго съ княжной Еленой черногорской недавно официально объявлена, родился въ Неаполѣ 11 ноября 1869 г. Отецъ принца, король Гумбертъ I, обращалъ главное вниманіе на военное образованіе сына, въ то время какъ мать, королева Маргарита, заботилась о его художественномъ и литературномъ образованіи; такимъ образомъ принцъ Неаполитанскій получилъ всестороннее образованіе; въ юности онъ очень увлекался нумизматикой. Его высоконареченная невеста родилась въ Цетинье, 8 января 1873 г.; княжна Елена получила

наслѣдный принцъ итальянскій Викторъ-Эммануилъ.

чешнымъ жениху и невестѣ. Бракосочетаніе ихъ, какъ сообщаютъ изъ Рима, состоится не раньше, какъ по возвращеніи плѣнныхъ итальянскихъ солдатъ изъ Шоа. Церемонія прозойдетъ въ Цетинье и будетъ носить семейный характеръ. Велѣдъ затѣмъ новобрачные отпривятся въ Римъ, гдѣ, въ Квиринальскомъ дворцѣ, будетъ официально подписанъ брачный контрактъ въ присутствіи членовъ королевской фамилии и высшихъ сановниковъ государства.

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. (Портр. на стр. 886.)

18-го августа, по дорогѣ изъ Вѣны въ Кіевъ, внезапно скончался ѣхавшій въ Императорскомъ поѣздѣ министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій. Недалеко отъ станціи Шеневки поѣздъ былъ остановленъ по приказанію Государя Императора, выразившаго желаніе пройтись по красивой рошѣ, попавшейся на дорогѣ. Вмѣстѣ со всѣми вышелъ и князь, но, внезапно почувствовавъ себя дурно, послѣ нѣсколькихъ же шаговъ присѣлъ на траву. Подняться самъ онъ ужъ не могъ и его должны были внести въ вагонъ, гдѣ онъ, несмотря на всѣ принятія мѣры, вскорѣ скончался отъ разрыва сердца. Уже въ Вѣнѣ князь чувствовалъ себя дурно и во время визита, сдѣланнаго имъ, совместно съ германскимъ посломъ гр. Эйленбургомъ, итальянскому послу гр. Нигра, онъ почти лишился чувствъ. Домашній врачъ покойнаго не совѣтовалъ ему предпринимать этого путешествія, но князь, вѣрный своему служебному долгу и чувствовавшій въ себѣ передъ поѣздкой достаточно силъ, не принялъ этого совѣта. — Тѣло покойнаго министра перевезено было въ Кіевъ, гдѣ было набальзамировано, положено въ бѣлый металлическій гробъ и поставлено въ залъ перваго класса вокзала желѣзной дороги. Вечеромъ была отслужена при гробѣ панихида въ Высочайшемъ присутствіи. Государь Императоръ и Государыня Императрица возложили на гробъ роскошныя

рѣнки изъ бѣлыхъ розъ и азалій. По Высочайшему повелѣнію, аллеяиціи города Кіева, приготовленная по случаю посѣщенія Государемъ города, была отмылена.

Князь А. Б. родился 18-го декабря 1824 г. Воспитаніе получилъ въ царскосельскомъ Александровскомъ лицей; по окончаніи въ немъ курса вступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и оставался до 1863 г.; за это время князь А. Б. былъ назначаемъ младшимъ совѣтникомъ мисіи въ Берлинѣ, совѣтникомъ въ Константинополѣ и, наконецъ, чрезвычайнымъ посланникомъ при Османской Порте. Въ 1863 году онъ былъ уволенъ отъ должности посланника, а въ 1866 году назначенъ орловскимъ губернаторомъ; въ слѣдующемъ же году онъ сталъ исполнять обязанности товарища министра внутреннихъ дѣлъ. На этомъ посту ему пришлось нѣкоторое время самостоятельно управлять министерствомъ и участвовать въ качествѣ предсѣдателя въ комисіяхъ: по дѣламъ о расколѣ, по преобразованію слѣдственной части, по составленію проекта новаго городского положенія и пр. Въ апрѣлѣ 1878 г. началъ второй періодъ дипломатической дѣятельности князи, получившаго назначеніе на постъ посла въ Константинополѣ. Здѣсь онъ долженъ былъ принять близкое участіе въ заключеніи мира съ Турціей и въ Берлинскомъ конгрессѣ; въ 1879 г. онъ былъ назначенъ русскимъ посломъ въ Лондонъ, а въ 1882 г. — въ Вѣну, гдѣ и оставался около 13 лѣтъ. 6-го января прошлаго года онъ былъ переведенъ на ту же должность въ Берлинъ, но, еще не успѣвъ вступить въ нес, получилъ 26-го февраля важный постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Князь Лобановъ-Ростовскій имѣлъ всѣ ордена, до Андрея Первозваннаго включительно, и множество высшихъ иностранныхъ орденовъ. Кроме того, удостоивался неоднократно Высочайшихъ рескриптовъ и благодарностей и званій статсъ-секретаря (въ 1870 г.).

Покойный министръ былъ талантливымъ и убѣжденнымъ проводникомъ той исполненной достоинства и сознанія собственной силы политики мира, которая была личнымъ созданіемъ въ Бозѣ почившаго императора Александра III; разносторонне образованный человѣкъ, сильный любовью къ роднѣмъ,

исторію которой онъ зналъ въ совершенствѣ, князь А. Б. принадлежалъ къ поколѣнію тѣхъ старыхъ родовитыхъ государственныхъ людей, которые всегда выше всего ставили честь Россіи и посвящали свои силы и знанія тому, чтобы завоевать ей подобающее, первенствующее мѣсто въ сонмѣ другихъ европейскихъ державъ. Неумолимая и неожиданныя смерть не дала ему выполнить всей его программы; но то, что онъ успѣлъ осуществить, заслуживаетъ вниманія. Онъ способствовалъ изолированію Японіи, привлеченію Германіи къ совместнымъ дѣйствіямъ Россіи и Франціи на Востокъ, примиренію съ Болгаріей, самостоятельной политикѣ въ Турціи и, что важнѣе всего, укрѣпленію дружбы съ Франціей. Онъ дѣйствительно строго выполнялъ обязанность „неуклонно стоять на стражѣ русской чести, выказывая соответствующую обстоятельству стойкость въ преслѣдованіи намѣченныхъ дѣлей“, охраняя непоколебимое достоинство Россіи, какъ это выражено въ Высочайшемъ рескриптѣ на его имя 13 мая 1895 г.

Иностранная пресса съ глубокимъ чувствомъ скорби отнеслась къ кончинѣ нашего министра. *Neue Freie Presse* говоритъ, что „кощива князи, составила тяжелую утрату для Царя и Россіи, и вѣдь предѣловъ ея будетъ встрѣчена общимъ соболѣнованіемъ...“ Парижская газета *Temps* свидѣтельствуегъ, что „смерть князи Лобанова-Ростовскаго возбуждаетъ глубокое сожалѣніе во Франціи и болѣзненно отзывается во всей Европѣ; но политика, которую преслѣдовать покойный, была политикою Царя. И эта политика отнынѣ не исчезнетъ изъ преданій Россіи“.

Какъ дѣятель на научномъ поприщѣ, кн. Лобановъ-Ростовскій извѣстенъ своими трудами по исторіи русскихъ дворянскихъ родовъ („Русская родословная книга“), статьями, печатавшимися въ *Русской Старинѣ* и *Русскомъ Архивѣ* и двумя сочиненіями на французскомъ языкѣ: „Histoire des émigrés“ и „Mémoires du marquis de Vaudreuil“. Покойный былъ страстнымъ собирателемъ документовъ и памятникоевъ старины и составилъ замѣчательную коллекцію книгъ, записокъ, автографовъ и прочихъ матеріаловъ, относящихся преимущественно къ XVIII вѣку.

Кіевскія торжества.

Освященіе собора св. Владиміра.—Закладка храма св. Николая

Кіевъ,—колыбель Россіи, мать городовъ русскихъ — только что былъ свидѣтелемъ дѣлаго ряда торжествъ, состоявшихся въ Высочайшемъ присутствіи. И торжества эти незабвенны: у Кіева въ вѣчное воспоминаніе о нихъ остаются замѣчательный въ художественномъ отношеніи соборъ св. Владиміра и памятникъ императору Николаю I, а въ слѣдствіи присоединятся къ нимъ еще и Николаевскій соборъ, заложенный въ оградѣ Покровскаго женскаго монастыря.

Торжества начались двадцатаго августа давно ожидавшимся освященіемъ собора, сооруженнаго во имя св. равноапостольнаго князи Владиміра, превратившаго языческую Русь въ православную. Соборъ этотъ будетъ достойнымъ и вѣковѣчнымъ памятникомъ тому, кому весь русскій народъ обязанъ озареніемъ свѣтомъ Христовой вѣры. Въ созданіи этого памятника приняла участіе посильными лептами вся Россія и во всей мощи сказались русскій гений, — вотъ почему освященіе храма св. Владиміра можно считать не только праздникомъ кіевлянъ, но и праздникомъ всей Руси. Какъ извѣстно, мысль объ увѣковѣченіи памяти равноапостольнаго князи Владиміра постройкой храма его имени была дана императору Николаю I кіевскимъ митрополитомъ Филаретомъ (Амфилаховымъ) во время освященія въ 1852 году памятника св. Владиміру, воздвигнутаго на берегу Днѣпра. Въ царствованіе Александра II состоялась закладка храма и предприняты дальнѣйшія работы. Въ царствованіе Александра III была закончена постройка храма, а теперь, въ личномъ присутствіи нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II, состоялось его освященіе. Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ, въ великолѣпнѣи и богатырѣ отдѣлкѣ нѣсколько уступающій храму Христа Спасителя въ Москвѣ, является истиннымъ чудомъ искусства въ смыслѣ архитектурномъ и художественномъ. Въ статьѣ „Кіевскій соборъ св. Владиміра и работы въ немъ В. М. Васнецова и М. В. Пестерова“, помѣщенной въ мартовской книжкѣ Литературныхъ Приложеній къ *Нивѣ* за этотъ годъ (а также въ статьѣ Д. И. Шингарева, помѣщенной въ іюньской книжкѣ Сборника *Нивы* за 1891 г.), подробно изложена исторія постройки этого храма. Въ №№ 11-мъ и 12-мъ *Нивы* за этотъ годъ мы дали нѣсколько снимковъ съ работъ В. М. Васнецова и М. В. Пестерова, украшающихъ этотъ храмъ.

Заинтересуемъ теперь изъ телеграммъ россійскаго телеграфнаго агентства подробности этого торжества. „Торжество началось всеобщимъ дѣйствіемъ, совершеннымъ митрополитомъ накануне, въ присутствіи оберъ-прокурора св. Синода. Красивую картину на другой день представляла площадь вокругъ собора. Яркое солнце залило золотые куполы собора. Вокругъ собора выстроились войска, нѣтъ въ переднемъ фасѣ, противъ входа въ соборъ, кіевскихъ юнкеровъ и кадетъ. Въ оградѣ собора сирава стали воспитанники спротскаго до-

Чудотворца.—Освященіе памятника императору Николаю I. ма и суземовской школы; на паперти собора стали конвойные казаки въ красныхъ черескахъ. Вскорѣ стали събѣжаться высокопоставленные лица. До Высочайшаго пріѣзда у входа сгруппировались гофмейстерина свѣтлѣйшая княгиня Голицына, фрейлина Васильчикова, министры военный и внутреннихъ дѣлъ, помощникъ министра Двора, генералъ-адъютанты: графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ, Драгомировъ, Чертковъ, начальникъ края графъ Алексѣй Павловичъ Игнатьевъ и военное начальство. Ровно въ десять часовъ утра восторженныя крики „ура“ возбѣгли приближеніе Ихъ Величествъ. За Ихъ Величествами ѣхали великій князь Владиміръ Александровичъ съ супругой, великій князь Михаилъ Николаевичъ, свята Государя. Музыка заиграла сначала встрѣчу, затѣмъ гимнъ. При торжественномъ колокольномъ звонѣ Ихъ Величества вошли въ соборъ, при чемъ на паперти были встрѣчены митрополитомъ съ крестомъ и святою водой. Приложившись къ кресту, Ихъ Величества вошли въ центральный алтарь и стали по правую сторону. Митрополитъ, намѣстникъ лавры, выдубицкій архимандритъ, ректоръ семинаріи и кафедральный протоіерей съ прочимъ духовенствомъ начали освященіе престола, въ углубленіи котораго затѣмъ вложены частицы св. мощей. Ихъ Величества осматрѣли мраморный престолъ замѣчательной работы. Въ это время, но пути тянудагося вокругъ собора моста, покрытаго краснымъ сукномъ, съ одной стороны стали знаменщики со знаменами и штандартами участвующихъ въ парадѣ частей, съ другой — хоругвеносцы съ хоругвями, несломщики съ зажженными свѣчами и священники съ крестами. Между ними были прибывшіе изъ московскаго Казанскаго собора и изъ Троице-Сергиевской лавры. Кафедральный протоіерей помазалъ свѣны святымъ мироу. Вскорѣ послѣ этого изъ собора тронулся крестный ходъ; впереди шли нѣвчѣе, за ними несломщики съ фонаремъ и диаконъ съ древнимъ запрестольнымъ крестомъ изъ Кіево-Печерской лавры; далѣе шли 18 священниковъ съ св. иконами, восемь архимандритовъ и семь архіереевъ съ зажженными свѣчами. Митрополитъ несъ на главѣ св. мощи. За духовенствомъ шли Ихъ Величества и Ихъ Высочества со святой, держа въ рукахъ зажженные свѣчи. Передъ митрополитомъ шодіаконы несли знаки митрополитскаго сана. Какъ только показался крестный ходъ изъ собора, грянулъ салютъ изъ пушекъ, и музыка заиграла „Коль Славеи“. Крестный ходъ обошелъ вокругъ собора, послѣ чего все духовенство сгруппировалось противъ главнаго входа, нѣтъ впереди архіереевъ. Ихъ Величества вошли въ соборъ и встали по правую сторону противъ алтаря на коврѣ, вышитомъ кіевскими дамами, гдѣ были поставлены два золотыхъ кресла съ малиновой бархатной обивкой и золотыми инициалами Ихъ Величествъ. Вокругъ Ихъ Величествъ сгруппировались всѣ мнш-

стры и свита. Началась торжественная литургия съ возглаше- нием многолѣтія Ихъ Величествамъ, Наслѣднику и всему Царствующему Дому. Во время пѣнія многолѣтія произведенъ былъ вторично салютъ изъ пушекъ. Затѣмъ была пропѣта „Вѣч- ная память“ императорамъ: Николаю I, Александру II и Але- ксандру III. При пѣніи „Вѣчная память“ все опустились на колѣна. Въ 12¼ ч. дня окончилось богослуженіе, и Ихъ Вели- чества, въ предшествіи митрополита съ крестомъ, вышли изъ собора. Митрополитъ, подойдя къ экипажу, благословилъ Ихъ Величества троекратно крестомъ. При восторженныхъ кликахъ народа и войска Ихъ Величества отбыли во дворецъ.

„На слѣдующій день утромъ, Ихъ Величества съ великой княгиней Маріей Павловной, великими князьями Владиміромъ Александровичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ, свитою и властями Кіева присутствовали на торжественной закладкѣ соборнаго храма во имя Николая Чудотворца въ женскомъ Покровскомъ монастырѣ. Въ десятомъ часу утра, въ монастырѣ собралось духовенство, киевскій митрополитъ, епископы каневскій, чигиринскій и уманскій, архимандриты, кафедраль- ный протоіерей и масса духовенства. Надъ мѣстомъ закладки храма высился роскошный шатеръ, утонавшій въ цвѣтахъ и экзотической зелени. Вскорѣ въ этотъ шатеръ были перене- сены св. иконы. Въ 11-мъ часу началась съѣздъ приглашен- ныхъ лицъ. Въ 11 часовъ прибыли Ихъ Величества. Навстрѣ- чу Имъ вышли: великая княгиня Александра Петровна и киевскій митрополитъ со всеми монашествующими сестрами. Приложившись къ святому кресту, Ихъ Величества при коло- кольномъ звонѣ прошли къ мѣсту закладки храма. Митропо- литъ съ епископами и прочимъ духовенствомъ совершили мо- лебствіе съ водосвятиемъ мѣста закладки собора. На четы- рехъ сторонахъ мѣста Ихъ Величества положили золотыя и серебряныя монеты. Митрополитъ прочелъ текстъ закладной доски и, положивъ ее въ основаніе алтаря, покрылъ бѣлымъ камнемъ. Государь укрѣпилъ первый камень, второй положила Императрица, далѣе клали камни великая княгиня Алекса- ндра Петровна, великіе князья Владиміръ Александровичъ и Михаилъ Николаевичъ. При этомъ монахини пѣли исалмы. Митрополитъ прочелъ колѣнопреклоненно молитву. Закладка закончилась возглашеіемъ многолѣтія Ихъ Величествамъ, Наслѣднику Цесаревичу, великой княгинѣ Александрѣ Петровнѣ и всему Царствующему Дому. Затѣмъ была возглашена „вѣчная память“ Императору Александру III. Послѣ закладки, Ихъ Величества посетили больницу монастыря, основанную великой княгиней Александрой Петровной, и затѣмъ прошли въ покои Ея Высочества. Въ исходѣ 12-го часа Ихъ Вели- чества отбыли изъ монастыря. По всему пути слѣдованія стояли несметныя толпы народа, восторженно привѣтствовавшія Ца- ря и Царицу.

„Въ тотъ же день, въ 3 часа, былъ торжественно освященъ

памятникъ императору Николаю I, въ присутствіи Государя, Государыни, великихъ князей Владиміра Александровича и Михаила Николаевича, великой княгини Маріи Павловны, министровъ: военнаго, внутреннихъ дѣлъ, помощника министра Двора, свиты, начальника крал, командующаго войсками. У памятника выставлены первые часовые юнкера, за памятни- комъ знаменщики съ знаменами и штандартами, справа кадеты и юнкера. Предъ памятникомъ двѣ эстрады, полныя нарядно одѣтыхъ дамъ; ниже ихъ: по правую сторону Императорскаго шатра—дворяне, а по лѣвую—многочисленные депутаціи съ вѣнками, далѣе институтки и гимназистки. Въ Император- скомъ шатрѣ передъ св. иконами находилось духовенство съ киевскимъ митрополитомъ во главѣ. Все пространство вокругъ памятника запружено народомъ. Тыломъ къ университету противъ парка стали входы войскъ киевскаго военнаго округа. Ровно въ три часа прибыли Ихъ Величества, встрѣченные митрополитомъ, и прошли въ шатеръ, гдѣ совершено молебствіе съ возглашеіемъ многолѣтія Ихъ Величествамъ, Наслѣднику Цесаревичу, всему Царствующему Дому и вѣчной памяти—им- ператору Николаю I. Все опустились на колѣна, раздался салютъ расположенной въ паркѣ батареи. Послѣ молебствія Ихъ Величества и Высочества со свитою и высокопоставлен- ными лицами, въ предшествіи митрополита, обошли вокругъ памятника. Митрополитъ окропилъ сначала памятникъ, а затѣмъ знамена святой водой. Ихъ Величества возвратились въ шатеръ, гдѣ принимали депутаціи отъ дворянства, города, института благородныхъ дѣвицъ, киевскаго кадетскаго корпуса, университета святаго Владиміра, первой классической гимназіи, биржевого комитета и киевскаго купеческаго общества. Послѣ освященія памятника Ихъ Величествамъ имѣли счастье представляться членамъ строительной комиссіи памятника во главѣ съ академикомъ Чижовымъ, авторомъ памятника. Госу- дарь осматрѣлъ стоящую въ шатрѣ модель памятника и раз- сраивалъ академика Чижова о подробностяхъ постройки памятника. Затѣмъ войска проходили мимо Государя и па- мятника церемониальнымъ маршемъ, удостоивался во время прохожденія Царскаго снаббо. Послѣ того Ихъ Величества и Высочества прошли въ университетъ св. Владиміра, гдѣ были встрѣчены попечителемъ округа и ректоромъ. Въ актовомъ залѣ находились профессора. Пройдя въ библиотеку, Ихъ Ве- личества осматривали рукописи и книги. Спустя полчаса Ихъ Величества отбыли въ коллегію Павла Галагана, которую по- дробно осматрѣли. Въ 7 часовъ вечера во дворцѣ состоялся Высочайшій обѣдъ, къ которому приглашены были высшіе гражданскіе чины и военные начальники.“

Въ ближайшихъ померахъ *Новы* будутъ воспроизведены по фотографіямъ общій видъ собора св. Владиміра, памятника императору Николаю I и вѣкторые моменты торжественнаго освященія.

Политическое обозрѣніе.

Въ Италіи возмуждало было, что итальянскимъ крейсерамъ въ Красномъ морѣ удалось недавно захватить голландскій пароходъ съ грузомъ въ 30 тысячъ малокалиберныхъ ружей бельгійской работы, съ боевыми припасами, предназначенными,

повидимому, для Абиссиніи. Однако, европейскіе компетентные полгики признаютъ этотъ захватъ незаконнымъ: блокада не была объявлена итальянцами въ свое время во всеобщее свѣдѣніе, кромѣ того, негусъ Мевеликъ, принявшій нѣсколько

лѣтъ тому назадъ участіе въ Брюссельской конференціи, по предложенію Криспи, въ качествѣ договорившейся стороны получилъ право приобретать для своихъ нуждъ оружіе. Во всякомъ случаѣ вопросъ о правильности захвата парохода остается весьма спорнымъ. Въ періодъ нѣкотораго подъема духа среди итальянцевъ, по поводу этой пока довольно сомнительной военной контрабанды, въ Римъ неожиданно прибылъ съ специальнымъ порученіемъ негуса Мевеллика русскій путешественникъ Н. С. Леонтьевъ, выяснившій окончательно, что плѣнные итальянцы получаютъ свободу только по заключеніи мира, и что негусъ ждетъ для этой цѣли въ Энтото уполномоченнаго итальянскаго генерала. Мирное настроеніе итальянскихъ официальныхъ кружковъ взяло верхъ надъ воинственными ликованіями по случаю захвата парохода съ абиссинскимъ оружіемъ. Послѣ продолжительной бесѣды Леонтьева съ министромъ-президентомъ маркизомъ ди-Рудини, какъ сообщаютъ изъ Рима, итальянское правительство снабдило надлежащими полномочіями генерала Уоллеса, который выѣзжаетъ въ Абиссинію для веденія переговоровъ съ негусомъ Мевелликомъ.

Мирное настроеніе итальянцевъ усугубилось общою радостью всей Италіи: въ Римѣ 6-го августа обнародовано официальное сообщеніе о состоявшейся въ Цетиньѣ помолвкѣ наследника итальянскаго престола — принца Неаполитанскаго съ княжною Еленою Черногорскою. Итальянская печать, выражая свое удовольствіе по случаю этого радостнаго для Италіи событія, надеется на посредничество Россіи въ дѣлѣ освобожденія плѣнныхъ и — на улучшеніе отношеній Италіи къ Франціи. Итальянскіе политики ожидаютъ отъ торжественнаго событія, встрѣченнаго восторгомъ черногорцевъ и итальянцевъ, — благихъ послѣдствій для счастья Италіи, не теряя почему-то надежды, что княжна Елена принесетъ Италіи въ будущемъ приданое — Албанию.

Тѣмъ временемъ Турціи, въ составъ которой входитъ ожидаемое итальянскими политиками приданое, не до ликованій. Порта напрягаетъ всѣ усилія къ водворенію порядка на Критѣ (также предлагавшемся приданомъ королевству Греціи, по случаю бракосочетанія наследника ея престола). Тревожныя извѣстія съ острова свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ почти столкновеніи христіанъ съ мусульманами. По мнѣнію *Berliner Tageblatt*, необходимымъ со стороны державъ внутреннею мѣрою воздѣйствія, между тѣмъ вопросъ о блокадѣ острова военными судами державъ оставленъ въ виду того, что Англія отказалась принять участіе и нарушила такимъ образомъ согласіе державъ. Теперь державы, стремясь вернуть британскую политику на прежній путь полнаго согласія, заняты усиленіемъ полицейскаго надзора въ критскихъ водахъ. Въ Константинополѣ идутъ почти непрерывныя совѣщанія пословъ великихъ державъ. Къ умиротворенію Крита, по отзывамъ газеты *Temps*, прилагаетъ старанія и папа Левъ XIII, обратившійся недавно съ письмомъ къ султану, прося его прекратить кровопролитіе. Съ другой стороны, помощь Греціи критянамъ не прекращается. Нѣсколько греческихъ офицеровъ регулярной арміи свободно переправились недавно на парусномъ суднѣ съ боевыми припасами на островъ Критъ; въ догонку командированъ былъ греческимъ правительствомъ особый крейсеръ, который, разумеется, не успѣлъ захватить бѣглецовъ. Какъ сообщаетъ *Berliner Tageblatt*, король эллиновъ сильно огорченъ этимъ образомъ дѣйствій офицеровъ.

Военный министръ Греціи приказалъ арестовать нѣсколькихъ офицеровъ, подозрѣваемыхъ въ намѣренія послѣдовать примѣру своихъ товарищей.

На ряду съ военными мѣропріятіями къ усмиренію Крита, Порта отпростила въ Канею специальную комиссію для веденія переговоровъ съ критянами. По послѣднимъ извѣстіямъ, положеніе дѣлъ продолжаетъ быть серьезнымъ: телеграфъ то и дѣло сообщаетъ о новыхъ столкновеніяхъ христіанъ съ мусульманами. Въ виду повитнаго сочувствія критянамъ со стороны Греціи, Порта сдѣлала серьезныя представленія греческому правительству, а представители великихъ державъ въ томъ Константинополѣ не перестаютъ усиленно дѣйствовать въ томъ направленіи, чтобы покончить дѣло между враждующими сторонами миромъ.

А между тѣмъ какъ рѣшеніе критскаго вопроса еще далеко отъ желательнаго конца, вопросъ армянскій принимаетъ острую форму: телеграммы изъ Константинополя отъ 14 августа принесли извѣстіе о дерзкомъ нападеніи кучки армянъ-революціонеровъ (по однимъ извѣстіямъ 25, по другимъ 36 человекъ) на Оттоманскій банкъ, причѣмъ полатились живыми сторожа и караульные жандармы. Этимъ нападеніемъ были вызваны беспорядки и грабежи въ Галаці и Топхане. Узнавъ о нападеніи, мусульманская чернь, возбужденная жаждой мщенія и, какъ оказалось потомъ, подготовленная къ преслѣдованію армянъ, набросилась на армянскіе дома и предала ихъ разграбленію, убивая тутъ же беззащитныхъ армянъ. Особенно сильно разыгрались страсти у мусульманской черни въ армянскомъ кварталѣ Хаскійскаго предмѣстья, въ которомъ, какъ удостовѣрено, передъ началомъ рѣзни были совершены молебствія и гдѣ, по слухамъ, число жертвъ достигло нѣсколькихъ сотенъ, причѣмъ въ числѣ убитыхъ попадаются даже женщины и дѣти, — общее же число жертвъ исчисляется въ нѣсколько тысячъ. Въ виду бездѣятельности турецкой полиціи и солдатъ, призванныхъ къ прекращенію возникшихъ беспорядковъ и обузданію незнающей удержу мстительности турецкаго населенія, нѣкоторые посольства приняли подъ свое покровительство искавшихъ у нихъ убѣжища армянъ.

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій († 18 августа 1896 г.).

18 августа французское правительство отправило въ Марсель около пятидесяти армянъ, служившихъ въ *Crédit Lyonnais* и въ нѣкоторыхъ другихъ французскихъ учрежденіяхъ. Точно также поступило и русское правительство съ семидесятью армянами, укрывшимися въ посольствѣ. Можно догадываться, что кучка армянъ, заронившая нападеніемъ на оттоманскій банкъ первую искру возмущенія, дѣйствовала въ политическихъ видахъ, желая поразить державы картиной „мусульманскихъ звѣрствъ“ и тѣмъ побудить къ скорѣйшему упрядченію владычества Турціи на Востокѣ. Послы европейскихъ державъ ограничились пока тѣмъ, что потребовали отъ Порты исполнѣнія законнаго принятія мѣръ къ прекращенію беспорядковъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Въ отвѣтъ на представленіе пословъ отъ 16 августа, Порта сообщила какъ о принятыхъ ею для прекращенія беспорядковъ мѣрахъ, такъ и объ учрежденіи особаго суда изъ мусульманъ и христіанъ, которому будутъ преданы арестованные властями армяне. Есть вѣроятіе, что послѣднія событія, такъ печально и неожиданно разыгравшіяся въ Константинополѣ, повлекутъ за собою отставку военнаго министра; преемникомъ называютъ Абдулла-пашу, бывшаго начальника войскъ на Критѣ.

Разныя извѣстія.

— По сообщенію „Россійскаго телеграфнаго агентства“ отъ 4 августа изъ Буда-Пешта, Его Величество Государь Императоръ Всероссійскій соизволилъ подарить венгерскому національному музею саблю князя Георга Ракоци, находившуюся въ русскомъ придворномъ музеѣ и помѣщенную въ настоящее время на выставкѣ, устроенной въ Буда-Пештѣ по

случаю тысячелѣтняго существованія Венгрии. ИстORIA сабли такова: венгерскія дамы поднесли это оружіе въ подарокъ генералу Бему во время венгерской кампаніи 1848 года, и когда послѣдній со своимъ отрядомъ былъ взятъ русской арміей въ плѣнъ, то и драгоценная сабля попала въ руки побѣдителямъ. Какъ военный трофей, саблю отправили

въ придворный арсеналь. Секретарь будапештской выставки, докторъ Шендрей, помѣстивъ ее въ списокъ предметовъ, достойныхъ украшать выставку. Венгерскій министръ торговли обратился къ посредничеству графа Голуховскаго, дабы послѣдній уговорилъ русское правительство уступить саблю на время празднованія тысячелѣтія Венгрии. Просьба

была уажена и драгоценное оружие изъ Петербурга отосланы въ Буда-Пешт съ условиемъ возврата къ 1-му августа. Въ упомянутый срокъ уже были сдѣланы всѣ распоряженія для отправки сабли къ мѣсту назначенія, какъ получило радостное извѣстие о Высочайшей милости Государя Императора. По этому случаю русский посолъ въ Вѣнѣ обратился къ австро-венгерскому министру иностранныхъ дѣлъ съ письмомъ, въ которомъ сказано, что Государь Императоръ, узнавъ о живомъ интересѣ, съ которымъ въ Венгрии относятся къ историческимъ памятникамъ, приказалъ графу Каппицу передать вышеупомянутый подарокъ въ ознаменованіе существующихъ между Россією и Австро-Венгерією дружественныхъ отношеній. Графъ Голуховскій отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ сообщилъ, что императоръ Францъ-Иосифъ, крайне тронутый такимъ вниманіемъ, поручилъ графу Голуховскому передать Государю Императору Всероссийскому, черезъ посредство графа Каппица, свою искреннѣйшую благодарность, прибавляя, что о подаркѣ онъ немедленно сообщитъ венгерскому правительству. Какъ извѣстно изъ газетныхъ сообщеній, подарокъ этотъ былъ встреченъ венгерскимъ народомъ съ искреннею радостью и съ чувствомъ глубокой благодарности.

— По сообщеніямъ газетныхъ телеграммъ, 16-го августа, въ Нижнемъ-Новгородѣ, министръ финансовъ Витте, на общемъ собраніи думы, объявилъ о новой Монаршей милости Нижнему-Новгороду: Государь пожаловалъ городу Императорскій навильонъ выставки.

— По сообщенію *Нов. Вр.*, 16-го августа въ Парижѣ состоялось публичное чтеніе профессора Стефана Роше о Всероссийской художественной и промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ, откуда недавно возвратился лекторъ. Роше указываетъ на то, что эта выставка — блестящій успѣхъ Россіи; она доказываетъ воочію, что производительная мощь Россіи болѣе чѣмъ удвоилась въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ.

— Министръ путей сообщенія князь М. И. Хилковъ въ настоящее время отправился въ далекое путешествіе: онъ пройдетъ черезъ всю Сибирь до Владивостока, осматривая пути сооруженія великой сибирской желѣзной дороги. Отсюда министръ предполагаетъ отправиться въ Америку или непосредственно, если во Владивостокѣ окажется русское военное судно, отправляющееся прямо въ Санъ-Франциско, или предварительно посѣтивъ Японію. Въ Санъ-Франциско г. министръ встрѣтитъ представителя американскаго желѣзнодорожнаго міра во главѣ съ Пенборнъ, предѣвателемъ американской комиссіи для изученія желѣзнодорожнаго дѣла во всемъ мірѣ. Князь Хилковъ посѣтитъ въ Соединенныхъ Штатахъ города: Денверъ, С.-Луи, Цинциннати, Чикаго, Питсбургъ, Буффало, Филадельфію, Востонъ и Вашингтонъ. Въ Вашингтонѣ князь Хилковъ будетъ принятъ президентомъ Северо-Американскихъ Штатовъ. Цѣль поездки министра — осмотрѣть все, что есть новаго и лучшаго въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ Америки и Англии.

— Съ 1-го сентября западно-сибирская желѣзная дорога, екатеринбургско-челябинская вѣтвь и уральская желѣзная дорога включаются въ прямое сообщеніе со всѣми станціями русскихъ желѣзныхъ дорогъ, для перевозокъ какъ пассажировъ, такъ равно и грузовъ.

— Въ видахъ предоставленія публикѣ возможности болѣе широко пользоваться приспособленіями вагоновъ для сна при проѣздѣ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, въ совѣщаніи, происшедшемъ 6 іюля при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, предложено ставить въ поѣздахъ, находящихся въ пути ночью, по одному вагону II и III классовъ, въ которыхъ будутъ мѣста нумерованы по числу спальныхъ приспособленій; мѣста эти будутъ предоставляться пассажирамъ за небольшую плату къ стоимости пассажирскаго билета. Во всѣхъ остальныхъ вагонахъ, имѣющихъ названныя приспособле-

нія, пассажиры могутъ пользоваться ими лишь тогда, когда этому не будетъ препятствовать число находящихся въ вагонѣ или вновь прибывшихъ съ промежуточной станціи пассажировъ.

— 28-го іюля исполнилось 50-лѣтіе служенія въ священническомъ санѣ протоіерея Тарасія Теодоровича Серединскаго. Во священникъ о. Тарасій Серединскій посвященъ былъ въ 1846 г. и назначенъ настоятелемъ церкви при русскомъ посольствѣ въ Неаполь. Въ 1859 г. переведенъ въ Варшву, также въ посольскую церковь. Въ 1886 г., послѣ сорокалѣтней плодотворной и полезной дѣятельности, о. Тарасій удалился на покой въ Ригу, гдѣ и живетъ по настоящее время. Кромѣ своей службы въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, о. Тарасій Серединскій былъ законоучителемъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ князей Константина, Дмитрія и Вячеслава Константиновичей и великихъ княгинь Ольги Константиновны, королевы эллиновъ, и Вѣры Константиновны, герцогини Виртембергской.

— 29 іюля, исполнилось пятидесятилѣтіе служенія въ офицерскихъ чинахъ генералъ-адъютанта, генерала-отъ-артиллеріи А. Д. Столыпина.

— 12 августа, исполнилось пятидесятилѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ слѣдующихъ лицъ: генерала-отъ-инфантеріи Александра Веняминовича Эллиса, генерала-отъ-инфантеріи Николая Николаевича Малахова, сенатора Императорскаго финляндскаго сената генералъ-лейтенанта барона Георга Антоновича фонъ-Альфтанъ, члена педагогическаго комитета при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, генералъ-лейтенанта М. С. Лалаева и члена конференціи Николаевской инженерной академіи, редактора *Инженернаго Журнала*, генералъ-лейтенанта А. А. Савурскаго; біографія А. А. Савурскаго была помѣщена въ № 23 нашего журнала за прошлый годъ.

— 16-го августа исполнилось двадцатипятилѣтіе со времени вступленія на государственную службу завѣдующаго канцеляріей министра Императорскаго Двора, д. с. с. Василія Силновича Кривенко.

— 12-го августа исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины перваго русскаго кругосвѣтнаго плавателя, адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна.

— 28 іюля скончался въ Ригѣ одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ генераловъ, членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, генералъ-отъ-инфантеріи Александръ Васильевичъ Фрейбергъ.

— 11 августа, въ 7 час. 30 мин. утра, произошелъ пожаръ въ московскомъ Румянцевскомъ музее, на Знаменкѣ. Загорѣлось въ Паннинской залѣ, гдѣ помѣщается публичная бібліотека и читальня. Мебель, шкафы и полки съ книгами сгорѣли. Черезъ часъ огонь былъ окончательно потушенъ. Въ точности число сгорѣвшихъ и поврежденныхъ книгъ пока еще въ извѣстность не приведено. По приблизительному же исчисленію предполагаютъ, что жертвою пожара сдѣлалось около полудоты тысячъ томовъ. Особенно цѣнныхъ въ бібліографическомъ отношеніи книгъ, въ этомъ мѣстѣ, какъ передаютъ *Русскія Вид.*, не было. Рѣдкіе экземпляры и рукописи хранятся въ особыхъ помѣщеніяхъ, которыя пожаромъ не повреждены.

— Какъ сообщаетъ *Астраханскій Листокъ*, въ прошломъ мѣсяцѣ, въ селѣ Линево-Озеро, Камышинскаго уѣзда, произошелъ пожаръ, уничтожившій все село до тла. Пожаръ начался въ 1 часъ дня, когда всѣ жители были въ полѣ на работѣ. Въ теченіе 5—6 часовъ село стало жертвою пламени, и спасти ничего не удалось. Между прочимъ, сгорѣли: церковь, волостное правленіе, общественные хлѣбозапасные магазины и гумна. Изъ 700 дворовъ это пожара уцѣлѣло только нѣсколько негодныхъ для жилья лачужекъ, и почти 7,000 жителей остались безъ крова и насущнаго куска хлѣба.

— По словамъ *Нов. Вр.* въ Плевнѣ предполагается соорудить памятникъ всѣмъ доблестнымъ русскимъ воинамъ, павшимъ во время осады армии Османъ-паша. Пожертвованія собираютъ болгарскимъ 4-мъ ихъотымъ имени княжича Бориса Тырновскаго полкомъ.

— Во время международного медицинскаго конгресса въ Москвѣ, въ августѣ 1897 года, состоится, по сообщенію мѣстныхъ газетъ, открытіе памятника русскому хирургу Н. И. Пирогову. Памятникъ воздвигается на Девичьемъ полѣ, между хирургическою и терапевтическою факультетскими клиниками. Гранитный pedestalъ памятника почти уже готовъ. На немъ будетъ установлена статуя Н. И. Пирогова, модель которой исполнена академикомъ В. І. Шервудомъ и отливается изъ бронзы. Знаменитый хирургъ изображенъ сидящимъ въ креслѣ. По сторонамъ гранитнаго pedestala внутри лавровыхъ вѣнковъ предполагается помѣстить нѣкоторыя выдающіяся изреченія Пирогова. На углахъ pedestala будутъ находиться эмблема медицины — чаша, вокругъ которой обилась змѣя. Вмѣстѣ со статуею произойдетъ отливка и другихъ металлическихъ частей памятника. На сооруженіе памятника собрано по подпискѣ 12,000 руб. Приемъ пожертвованій продолжается.

— 1 сентября нынѣшняго года состоится въ Казани открытіе памятника Н. И. Лобачевскому въ скверѣ его имени. На это торжество будутъ приглашены иностранные ученые и профессора въ качествѣ почетныхъ гостей.

— Въ Финляндіи, по словамъ мѣстныхъ газетъ, будетъ учреждена новая должность инспектора русскихъ народныхъ училищъ.

— Какъ сообщаетъ *Нов. Вр.*, во всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Черногоріи съ предстоящаго учебнаго года вводится преподаваніе русскаго языка, который, между прочимъ, давно уже преподается въ цетинской духовной семинаріи и женскомъ институтѣ.

— Главное управленіе государственнаго коннозаводства рѣшило принимать крестьянскихъ дѣтей въ казенныя заведенія коннозаводства, по пяти человѣкъ (въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ) въ каждое, съ цѣлью обученія ихъ началамъ ветеринаріи и при смотрѣ за лошадыми; срокъ пребыванія въ заведеніи пятилѣтній, по окончаніи котораго ученики получаютъ соответственные свидѣтельства.

— Императорское Патриотическое общество вотъ уже 7 лѣтъ подъ-рядъ ежегодно тратитъ изъ своихъ средствъ 1,000 руб. на обученіе своихъ воспитанницъ кулинарному искусству. Первые годы обученіе шло въ школѣ художнаго искусства Общества охраненія народнаго здравья, теперь же, какъ и послѣдніе три года, воспитанницы отдаются въ школу поварскаго искусства и домоводства, что въ Школомъ переулкѣ. На курсѣ всѣхъ 40 человекъ, изъ которыхъ 22 воспитанницы Патриотическаго общества и одна спеціально командирована въ эту школу изъ Черногоріи.

— По словамъ *Суд. Газ.*, Правительствующій Сенатъ по поводу жалобы одного домовладѣльца въ Харьковѣ, надъ домомъ и дворомъ котораго хотѣли провести телефонную проволоку, нашелъ, что домовладѣлецъ имѣетъ право соглашаться или не давать своего разрѣшенія для проведенія телефона надъ его дворомъ или домомъ.

— „Fram“, судно Нансена, доставило послѣднія извѣстныя о воздухоплавательной экспедиціи Андра. Полетъ не можетъ состояться въ этомъ году, въ виду постоянного противнаго вѣтра, который не переставалъ дуть съ 25 мая. Андра поэтому рѣшилъ выпустить газъ изъ шара и переминовать въ Стокгольмѣ, но вернуться на Шпицбергенъ и возобновить свою попытку при первой же возможности въ будущемъ году.

— Въ сентябрѣ нынѣшняго года, Кубанское казачье войско, составившееся изъ бывшихъ Черноморскаго и Линейнаго, празднуетъ 200-лѣтній юбилей своего существованія. 9-го сентября, въ Екатеринодарѣ, состоится закладка памятника императору Екатеринѣ II, по проекту покойнаго академика Микѣшина, представляющему его послѣднюю работу. По мысли автора, памятникъ этотъ является вмѣстѣ съ тѣмъ памятникомъ жизни кубанскаго казачества до нашихъ дней. На немъ начертаны годы и событія этой жизни съ самаго основанія войска.

СМѢСЬ.

Научные результаты экспедиціи Нансена. Въ настоящее время, когда вся Норвегія восторженно празднуетъ возвращеніе Нансена съ его спутниками изъ безпримѣрно-счастливаго путешествія къ сѣверному полюсу, которое нагляднымъ образомъ доказало возможность плаванія отъ устья Лены къ Ново-Сибирскимъ островамъ и отъ нихъ, въ обратномъ направленіи, къ землѣ Франца-Иосифа, интересно бросить взглядъ на научное значеніе этой экспедиціи. По мнѣнію профессора Мона, директора метеорологической обсерваторіи въ Христіаніи, научные результаты экспедиціи Нансена въ общемъ сводятся къ слѣдующему: По *географіи*: открытъ новый островъ въ сѣверной части Карскаго моря и множество новыхъ острововъ за Таймыромъ; найдена весьма мелкая вода за устьемъ Оленека. Составленная Шайеромъ карта земли Франца-Иосифа требуетъ полнаго пересмотра. По *геологическимъ*: найдены у Сибирскаго по-

бережья глетчеры, валуны и подводные камни. Эти признаки показываютъ, что Сибирь когда-то была покрыта льдами, и, такимъ образомъ, опровергаютъ прежнія гипотезы. По *биологическимъ*: найдена органическая жизнь въ ледяныхъ запрудахъ; на высотахъ градусъ широты нѣтъ никакой животной жизни. Въ большихъ глубинахъ моря не найдено никакихъ признаковъ жизни, перелетныхъ птицъ не было видно. Ученіе о распространеніи органической жизни изъ полярныхъ областей ничѣмъ не подтверждается. По *астрономическимъ*: астрономическія наблюденія производились во всякое время посредствомъ теодолита Ольсена, который ставили на деревянный столбъ, замороженный во льду. Хронометры провѣрялись наблюденіями надъ затмѣніями Юпитера. По *океанографическимъ*: глубина Сѣвернаго моря продолжается на сѣверъ отъ Шпицбергена до срединъ Ледянаго моря. На сѣверъ отъ земли Франца-Иосифа и на сѣверо-

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки, подпisanая стоимость журнала «Нива» въ количествѣ семи рублей должна быть уплачена сполна не позднѣе 1-го сентября с. г., а потому, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала, контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ еще полной годовой подписной платы э Ниву“ 1896 г., послѣдить досылкою остальныхъ слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подѣ которою получается ими „Нива“.

западъ отъ Ново-Сибирскихъ острововъ найдены глубины въ 3,800 метровъ. Температура воды отъ поверхности до 100 сажень въ глубину имѣетъ до одного съ половиною градуса, а ниже до дна она имѣетъ до половины градуса тепла. Течение идетъ, какъ и предвидѣлъ Нансенъ, къ сѣверу и сѣверо-западу зимою, а въ лѣтнее время въ обратномъ направленіи. По метеорологическимъ наблюденіямъ производились ежедневно. Температура и давленіе воздуха наблюдались и записывались. Самая низкая температура—была 50°. Гигрометрическія наблюденія производились весьма удачно; оси инструмента не качались, что показываетъ сухость холоднаго воздуха. Докторъ Блессингъ наблюдалъ сѣверное сіяніе.

Нансенъ, по послѣднимъ слухамъ, заявилъ о своемъ намѣреніи предпринять экспедицію къ югу для установленія карты южныхъ полярныхъ странъ. Для этой экспедиціи потребуется два корабля и много собакъ для путешествія на саняхъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Кольцо Императрицы. Историческій романъ ин. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе.)—Картинки изъ жизни журавля.—Стихотвореніе А. С.—Дѣловое письмо. Юмористическій разсказъ Роберта Барр.—Огненные шары и падающіе камни. Озеръ д-ра Г. Клейна. (Съ иллюстраціями.)—Къ рисункамъ: Францъ Де-Фрегеръ (съ портр. и 4 рис.).—Хотинская крѣпость (съ рис.).—Эйгеръ, Мѣхъ и Юнгфрау (съ рис.).—Помолва наследнаго принца итальянскаго съ княжной черногорской (съ 2 портр.).—Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій (съ портр.).—Кіевскія торжества.—Политическое обозрѣніе (съ картой о. Крита).—Разныя извѣстія.—Смѣсь.—Заявленіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоночь (А. Луговоѣ).

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес 1 р. 50 к.

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ, Садовое заведеніе въ Ригѣ, симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что № 9435 4—3 **КАТАЛОГИ ДЕРЕВЬЯМЪ, РАСТЕНІЯМЪ, ЦВѢТОЧНЫМЪ ЛУКОВИЦАМЪ** и пр. на 1896—1897 г. изданы и высл. по требованію бесплатно. Заведеніе существуетъ съ 1816 г.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая въ 6 уроковъ вѣчно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эдварда. За двѣ 7 коп. марки высылаю условія и пробное письмо. Одесса. Екатерининская, № 7. Проф. кал. Э. Кошдарисъ. № 9436 10 2

50% ЭКОНОМИИ 50%
Горная яръ-мѣдьянка самород. зелено-изумруд. цѣвѣт. голов. 12 руб. л., готовалъ съ бѣлками и олифою 9 руб. Гарантия на 8 лѣтъ. Имѣется всадѣ во всѣхъ москатель. и красильн. лавкахъ по фабрич. цѣвѣ. Образ. безплатн. Г. Ф. Герсб.-Ц. № 9233 евъ въ Алатырѣ. 16—16

За ОДИНЪ рубль:

- 5 безвременниковъ (Colchicum) . . . или
 - 10 гарлемскихъ гадящихъ . . . или
 - 12 Komaines blanches. или
 - 20 отборныхъ нарциссовъ или
 - 25 разноцвѣтныхъ тюльпановъ.
 - 5 полустамбовыхъ розановъ 8 р.
 - 5 шамбовыхъ отъ 4 до 7 р.
 - 25 низкихъ 10 р.
- У Г. ФРИКЪ, Адмиралт. пр., 10.**
Иллюстрированный каталогъ—безплатно.

ВЫГРЫШ-
НЫЕ 1, 2 и 3 ваймы продаетъ **БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ**, 59, Невскій, С.ПБ. 4—3

DR. PFLÜGER
Americ. Dentist
№ 9383 10—5 **BERLIN, W.**
Bülou Strasse, 30.

Требуйте во всѣхъ писчебумажныхъ магазинахъ **всемірно-известный, превосходный перо ВЛАНЗИ ПУРЪ и К^о.**

Остерегайтесь подделокъ! Глав. представ. д. всей Россіи Г. и К. Златейвъ. Москва. Черкасскій пер., домъ князя Голицына.

НОВОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ПЕЧЕНІЕ

С. СІУИКЪ
PETIT BEURRE
МОСКВА

С. СІУИКЪ

Ц. № 9457—1

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскаго дома Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

БУХГАЛТЕРІИ и КРАСИВО ПИСАТЬ
выучиваю каждою посредствомъ переписки по новой усовершен. системѣ, исполн. замѣн. устно препода. Условія и программы высл. безплатно. Г. К. БУРЕНКО, Кіевъ, Прор., 10.

ВИЛЬЯМА ЛАССОНА
Эликсиръ для волосъ.
СРЕДСТВО ДЛЯ УХОДА
за головную кожу и волосами.
Средство это не имѣетъ никакого вліянія на цѣвѣтъ волосъ и не содержитъ никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ.
Цѣна флакона 3 р. 50 к.
Въ Петербургѣ эликсиръ продается: у Г. Кошкина, Гостинный дворъ, 19; Н. Ушакова, Гостинный дворъ, 33; В. Парикова, Гостинный дворъ, 78. В. № 9435 2—2
Въ Москвѣ—у А. Ралле и К^о.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

DENTIFRICES
DOCTEUR PIERRE
MARQUE DE FABRIQUE
изъ Медицинскаго Факультета въ Парижѣ

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ. ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.
№ 8845 26—18

ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ
ТОРГОВАГО ДОМА
Я. ЗИМИНА вдова и К^о.
Москва: Тверская, уголъ Долгоруковскаго пер., домъ Шаблинскихъ.
Нижегородская ярмарка: шоссе, прот. флаговъ, лавка № 3.
Предлагаемъ охотникамъ большой выборъ ружей новѣйшихъ системъ, лучшихъ английскихъ, бельгийскихъ и вѣмецкихъ фабрикъ. Революеры всѣхъ системъ и всѣ охотничьи принадлежности, по цѣнамъ дешевымъ. Каталогъ безплатно. Ц. № 9453

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
Средство для полосканія рта, уничтожаетъ) запахъ во рту. № 5121 (8 4)
Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

DOM + DOM
BÉNÉDICTINE
de l'Abbaye de Fécamp
La Meilleure des Liqueurs
Se défier des imitations.
Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville.
DOM + DOM

Р. № 9124 15—8

**ДЛЯ СЪВРЕЖЕНІЯ ЗУБОВЪ
ОТЪ ПОРЧИ**

препараты **Ө. ВАЖИНСКАГО**

(учредителя 1-й зубоврач. школы въ Россіи).
Зубной элениръ 1 р. Зубной порошокъ 75 к.
Продаются въ аптекарскихъ, парфюмерныхъ
магазинахъ и аптекахъ.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

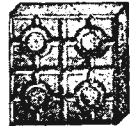
Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 25,

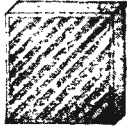
страхуетъ

билеты II-го 5% съ выигр. займа отъ
тиража 1 сентября 1896 г.

по 1 руб. 85 коп.

**ОГНЕУПОРНЫЙ КИРПИЧЪ,
ТРОТУАРНЫЯ ПЛИТКИ,
КАМЕНЬ ДЛЯ МОСТОВЫХЪ, КЛИНКЕРЪ**

ТОВАРИЩЕСТВА
ПРОИЗВОДСТВА ГЛИНЯНЫХЪ И ГОНЧАРНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
въ гор. Боровичахъ.

№ 9235

Съ заказами просить обращаться:

20-19

Въ Правленіе Т-ва: С.-Петербургъ, Бол. Подъяческая, д. № 2.

Въ Контору завода: г. Боровичи, Новгородской губ.

Въ Технич. Контору В. И. Щербакова: Москва, Ильинка, Шуйское подворье.

КИТАЙСКІЕ ЧАИ съ извѣсти. ПЛАНТАЦІЙ „НИНГЪ-ЧАУ“, мягкіе, полные,
ароматные.

ЦЕЙЛОНСКІЕ ЧАИ первоклассныхъ САДОВЪ ОСТРОВА, сильные, крѣпкіе
настояемъ (экономическіе).

Отъ 1 р. 60, 1 р. 80, 2 р., 2 р. 20, 2 р. 40, 2 р. 60 до 3 р. за фунтъ
высылаютъ выписывающимъ потребителямъ по почтѣ, желѣзнымъ доро-
гамъ за свой счетъ, а при задаткѣ и съ наложеніемъ платежа.

ЧАЙНЫЙ МАГАЗИНЪ въ Москвѣ В. И. НАРСКАГО

Ильинка, уголь средняго входа Верхнихъ рядовъ № 118.

43—1. „МОРИСЪ“ 43—1.

Невскій пр., уголь Троицкой ул.

ФОРМЫ: для гг. студентовъ военно-медицинской академіи, Император-
скаго университета, духовной академіи и всѣхъ институтовъ, а также
для гг. воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній имѣются въ громад-
номъ выборѣ готовыя и на заказъ.

ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ со способомъ снятія мѣрки высл-
дается безплатно.

Для гг. иногородныхъ высылается наложеннымъ платежемъ съ задат-
комъ третьей части. Ц. № 9380 6—4

ЛЕОНГАРДИ

достохвально-извѣстныя, единственно настоящія
Алициариновыя чернила для письма
и копиованія

(жельзисто-орѣшковаго 1-го класса по отзывамъ государствен-
ныхъ учрежденій), № 8857 30 · 21
ЛЕГКО-СТЕКЛЮЩАЯ, ЗПОЛНѢ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.

НАИЛУЧШІЯ:
для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго ро-
да, можно получать почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ
принадлежностей Россіи.

Неподдѣльно
только съ сей

Авг. Леонгарди
изобрѣтатель и
единственный

предохранительной
маркой.

въ Дрезденѣ,
фабрикантъ.
Избѣгать поддѣлокъ.

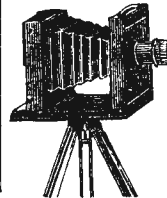

СКЛАДЫ 24-16
фотографическихъ принадлежностей

Ө. ЮХИМЪ И К^о.

С.-Петербургъ. Сущевскій пр., № 3. Москва. Театральн. проездъ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается за 50 копеекъ поч-
товыми марками. № 8956

==== НОВОСТИ ПО ФОТОГРАФИИ. ====

1865.

1882.

ТОВАРИЩЕСТВО

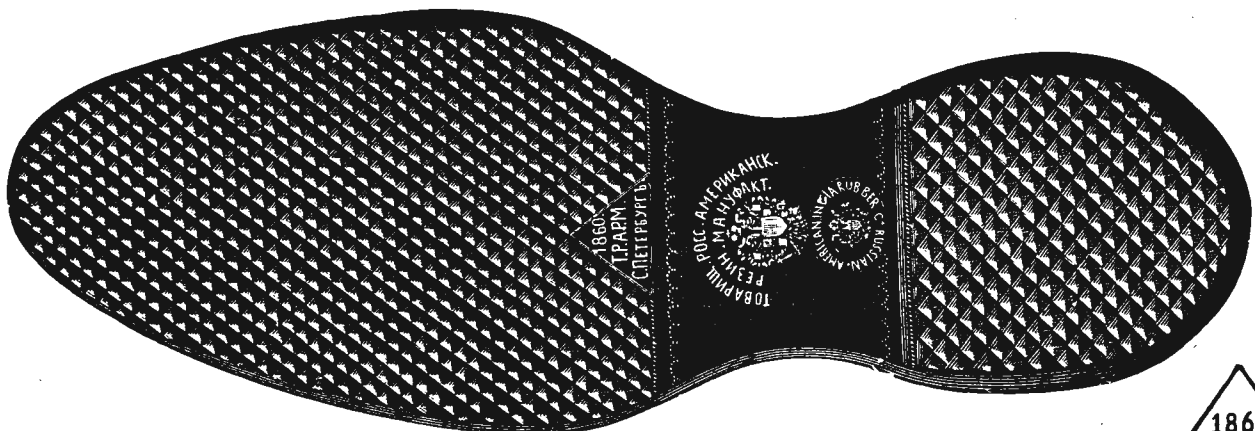
1870.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 8931 26-16

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“,
въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

Основан. въ 1886 году КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРИИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ.

Москва, Тверская ул., уголь Леонтьевского пер., д. Полякова.
1-го СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.

Ц. № 9431 4-3

ЦИРКУЛЯЦИОННЫЯ ПЕЧИ РИССНЕРЪ.

Только печи Рисснеръ съ патент. регуляторомъ и вслѣдствіе особаго устройства цоколя нагрѣваютъ полъ, даютъ равномерную температуру до желаемаго градуса и уничтожаютъ сырость.

Представитель
Торговаго дома
В. БАРТЕЛЬСЪ.
Котора: Москва, Мясницкая, д. Кисель-Загорянскаго.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (15)
Специалистъ хронометровъ.
СПбурѣ, Невскій пр. № 52
прот. Имп. Публ. Библиотеки.
Подробный иллюстр. прейскурантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.

Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

На Нижегородской Выставкѣ!
ежедневно отъ 3 до 5 часовъ
Автоматическимъ
аппаратомъ
раздаются
Духи А. Парле и №
въ 1/2 фунт.
полнотеломъ
отъ 1/2
въ главномъ
домѣ № 61
и на Выставкѣ

С-Петербургъ Садовая 25.
Москвинъ 18.
Москва Курецкій мостъ

Продажа: въ главномъ домѣ № 61 и на Выставкѣ

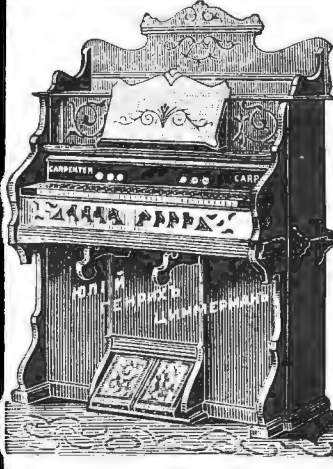
№ 9362 6-5

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ съ естественнымъ методомъ леченія Д-ра МАКСА БѢМА.

Dr. Max Böhm's Naturheilstalt, Bad Friedrichroda i-Th.
Купанье ФРИДРИХОДА въ Тюрингій, 1.430 футовъ надъ уровнемъ моря, открыто круглый годъ. Прекрасно обставленное и пользующееся лучшимъ реюме заведеніе для всѣхъ страдающихъ хроническими болѣзнями. Мѣстоположеніе самое прекрасное въ Германіи. Проспекты высылаются безплатно. R. № 9070 21-13

НАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО
СВѣдѣнія
60.
ТЕЛЕФОНЪ 1360
ИМПЕРАТОРСКОГО
ОПЕЧАТНІЯ
ПРОСИТЬ
ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
ЖЕРТВОВАТЬ
ЕМУ
НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ
АВДОНЪ
КО ВСТРЕЧКАМЪ
СОСЛАНІЕ
500 ЗАТѢ
ТЕЛЕФОНЪ 3672. ТЕЛЕФОНЪ 1141.

Люда. Федоров. Шлихтэизенъ,
Москва,
Мясницкая ул., д. Ермаковъхъ,
рекомендуетъ: кирпичедѣлательная и торфяныя машины, прессы для выдѣлки трубъ съ раструбами, черепицъ съ фальцами, брикетовъ; дагбѣ: патентов. Шаровыя мельницы для измельченія и размола и одновременнаго просѣиванія матеріаловъ любой крѣпости, какъ-то: шпота, цемента, шлаковъ, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. п.

ФИСГАРМОНІИ

извѣстныхъ фабрикъ
**ШИДМАЙЕРА,
КАРПЕНТЕРА**
и другихъ хорошихъ фабрикъ:
въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 180,
190, 200, 225, 240, 250, 300, 325, 350,
400, 450, 500, 550, 750, 800 и 1000 руб.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика
музыкальныхъ инструментовъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34.
Складъ нотъ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 40.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

ВЪ ПАМЯТЬ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ.

Серебряныя 84-ой пр. брелоки съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ. Красивая отдѣлка съ разноцвѣтной эмалью и позолоченной короною. Очень красивый № 9348 рисунокъ. (8)
Шт. 2 р. 75 к.; 2 за 5 р. 25 к.;
3 за 7 р. 75 к.; 6 за 14 р. 95 к.;
12 за 27 р. 50 к.

Пересылка наложеннымъ платежемъ.
С.-Петербургъ, Невскій, № 20-31.
БАЗАРЪ МАРОКЪ.

ДРАПЪ

изъ чисто-верблюжьей шерсти, цвѣтъ натуральный, сѣроватый.
Цѣна 1 руб. 50 коп. за аршинъ.
Ширина 2 арш. Для дамскихъ тальма, ротожд, кофточекъ, пальто, мужскихъ и дамскихъ куртокъ, армяковъ и дѣтскихъ вещей. Незамѣнимъ по теплотѣ, легкости и прочности. Можно получать и выписывать оптомъ и въ розницу исключительно въ фабрично-розничномъ магазинѣ

А. ИВАНОВА.

Москва, Тверская, пассажъ Постникова. Высылаютъ наложеннымъ платежемъ по первому требованію. 2-2

БЕЗПЛАТНО
ВЫСЫЛАЕТЪ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ПРЕЙСКУРАНТЪ
СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ БѢЛЯ
Ю. ГОТЛИБЪ.
Владимірская, д. 2/49, уголь Невскаго С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Зубоврачебная школа Д-ра ТЫЧИНСКАГО въ г. Одессѣ.

Пріемъ прошной начался. Обращаться: Одесса, д-ру Тычинскому.

САМЫЕ МОДНЫЯ ДУХИ

духи — ФІАЛКА АУСМЭЗЭ — туалетное мыло.
духи — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
духи — ЭДЕЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
духи — ЛАНДЫШЪ АУСМЭЗЭ — туалетное мыло.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлеруэ.

Можно получать:
Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вюлеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Гершъ, Лимана и Рикса, А. Линде, А. Энглузда. Ц. № 9368
Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Меринъ, въ магазинѣ «А-ла-туалетъ», у Г. Брунсъ, Д. Борхардъ, и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. 25-8
Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Максимилиановскій пер.

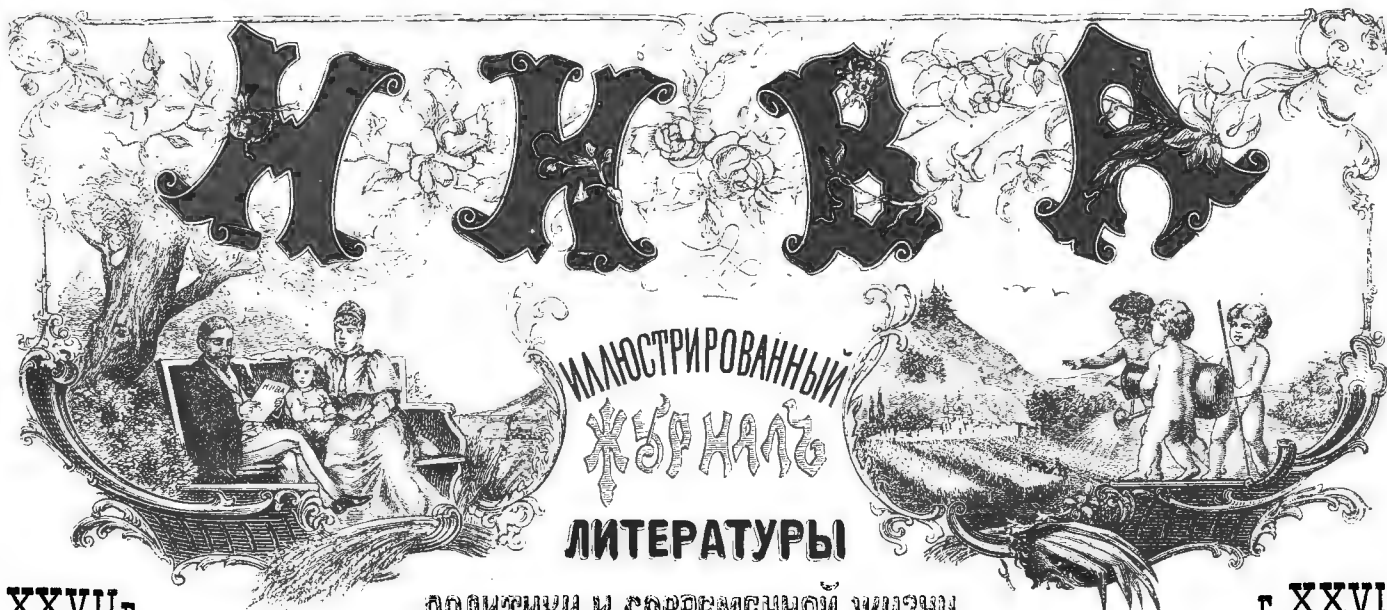
ВЪ ДЕПО ПОДЛИННЫХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ФОНОГРАФОВЪ ЭДИСОНА

получена большая партія машинъ модель 1896 года.
Цѣны понижены. Допускается расрочка.
Только при нашемъ магазинѣ имѣется мастерская для сборки и большой выборъ всѣхъ запасныхъ частей.
Постоянно громадный выборъ оперныхъ арій, романсовъ, комическихъ кушетовъ и разсказовъ на русскомъ языкѣ, а также оркестровыхъ пьесъ.
Адресъ для писемъ: Москва, Тверская, д. Толмачева, депо фонографовъ Эдисона.
Для телеграммъ: Москва — Фонографъ.
СИНЕТОГРАФЫ
проектированіе оживленныхъ сценъ на экранѣ въ натуральную величину.
Ц. № 9454 Аппаратъ имѣетъ громадный успѣхъ въ Европѣ. 4-1
Москва, д. Толмачева. Депо фонографовъ Эдисона.

Химич. Лабор. К. ШИМАНСКАГО
Москва, Покровка, д. 57, кв. 34.
ПРЕЗЕРВАТИВЪ отъ крысы, жест. въ 1 фунт. 75 к.; отъ мышей пакетъ 5 фунт. 75 к. Пудъ 4 р. 50 к. Средства не отравляющія, а лишь изгоняющія крысъ и мышей.
ПРЕЗЕРВАТИВЪ для отравленія крысъ и мышей 75 к.
ОРЕДСТВО для защиты фруктовыхъ деревьевъ отъ порчи зимой зайцами, на 200-400 корней 2 руб.

Золотыя медали 1894 г. и 1896 г.
**ПРОВИЗОРЪ
А. М. ОСТРОУМОВЪ.
МОСКВА.**
Мыло отъ головной перхоти кусокъ 30 к. и 50 к.
МЫЛО ДѢТСКОЕ ИЗЪ ТРАВЫ ЧЕРЕДЫ
кусокъ 35 к. и 25 к.
О-Д-Е-С-О-В-Э-РЪ
вода отъ перхоти флаконъ 2 руб. и 1 р. 25 к.
и ВСѢ
туалетныя мыла.
Продаются вездѣ.
СКЛАДЪ: Москва, Лядинъ пер., № 3/76 соб. домъ. 11-7

**ФАБРИКА
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
ИНСТРУМЕНТОВЪ
ТОРГОВАГО ДОМА
Андрей Емельяновъ.
КУДАКОВЪ.**
Конт.: Садовая ул., 33
въ С.-Петербургѣ.
ЮБИЛЕЙНЫЙ роскошно иллюстрирован. прейск-урантъ всѣхъ инструментовъ высылается бесплатно. 4-4

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 36

Выходить еженедельно (52 № в год), с приложением 42-ти ежене. книг „Сборника“, содерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусков еженеделных литературных приложений, 12 №№ „Парижских модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 7 сентября 1896 г.

Цена этого № 20 к., съ пер. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1896 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цена за годовое издание „Нивы“ со всеми приложениями за 1896 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ „Полное собраніе сочиненій Д. В. ГРИГОРОВИЧА“ (будетъ выдано въ теченіе ОДНОГО 1896 ГОДА и напечатано на хорошо глазированной бумагѣ), 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, портретъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------	-------------	--	-------------	--------------------------------------	-------------------	---	-------------	---------------------	--------------

При семъ прилагаются: 1) СОЧИН. Д. В. ГРИГОРОВИЧА, Т. IX (Сборникъ «Нивы» за Сентябрь); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА СЕНТЯБРЬ 1896 г. съ 26 рис. и отдѣл. листъ съ 30 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 44 рис. руководѣльных работъ.

XXIV передвижная выставка. Дубовая роща. Съ карт. И. И. Шишкина автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ
кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Часть третья.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Помощь въ помощи.

І.

Большой, просторный, высокій кабинетъ въ четыре окна, задрапированныя зелеными шелковыми занавѣсками. Между двумя средними изъ нихъ—бюро, а возлѣ большой, круглый столъ, весь заваленный книгами, бумагами, ландкартами и чертежами. По стѣнамъ—шканы съ книгами. Пня изъ нихъ въ толстыхъ старинныхъ переплетахъ изъ пергамента. Въ промежуткахъ между шканами и по простѣлку надъ бюро—висятъ гравюры въ золотыхъ рамахъ, подъ стекломъ. Въ дальнемъ отъ двери углу—большой столъ. На немъ—реторты, банки, флаконы, песочные часы, на полкахъ, надъ столомъ, опять книги, глобусъ на треножникѣ, сухія травы, черепъ...

Въ восточномъ углу—старинный образъ въ золотой ризѣ съ горящей передъ нимъ лампадкой...

По стѣнѣ, противоположной окнамъ—тонится широкій каминъ.

Синюю къ этому камину, у бюро сидитъ хозяинъ кабинета—Алексѣй Петровичъ Бестужевъ.

Онъ давно не новичокъ въ иностранныхъ дѣлахъ, но тяжелая, трудная работа выпала на его долю теперь.

Сколько лѣтъ привыкли къ тому, что эти иностранныя дѣла держалъ въ своихъ опытныхъ рукахъ славный пинѣ старикъ Остерманъ. Теперь канцлеромъ на мѣсто его назначенъ князь Черкасскій, по вся работа лежитъ на Бестужевѣ, потому что новый канцлеръ слишкомъ уже старъ и мѣшаетъ только. —забираетъ во что бы то ни стало дѣла къ себѣ домой и держитъ дѣлами недѣлами, ничего не дѣлая...

Не въ этомъ, конечно, суть —и не въ этомъ трудность.

Франція нарушила европейское равновѣсіе. Она хочетъ, пользуясь прекращеніемъ мужеской линіи Габсбургскаго дома, уничтожить давнишнюю свою соперницу Австрію раздѣленіемъ ея владѣній. Баварія и Саксонія согласны съ французскими видами. Фридрихъ II Прусскій тоже желаетъ поживиться на счетъ Австріи, гдѣ бѣдной Маріи-Терезіи не управиться одной со своими врагами. Ей нужна помощь.

Кто же долженъ помочь ей?

Рѣшеніе всего вопроса зависѣло отъ Россіи, отъ нея зависѣло—будетъ ли существовать Австрія, какъ сильное государство, или она будетъ низведена на степенъ второстепенной державы. Но тогда что же будетъ?—Хозяиномъ положенія европейскихъ дѣлъ станетъ Франція и явится полновластнымъ распорядителемъ судебъ, оставшись почти одинъ-на-одинъ съ Россіею, которая никогда не можетъ быть покойна отъ ея интригъ въ Швецію, Саксонію, Польшу и Турцію...

Но кромѣ Франціи—подъ бокомъ у Россіи прусскій король, энергія и дарованія котораго дѣлаютъ чудеса. А если онъ вдругъ начнетъ показывать ихъ надъ Россіей?

Нѣтъ, во что бы то ни стало нельзя было допускать усиленія опаснаго сосѣда и предоставить Франціи полное господство...

А для этого интересы Россіи требовали, чтобы была оказана помощь австрійской королевѣ.

Все это ясно сознавалъ Алексѣй Петровичъ, но трудно ему было вести дѣло, потому что, здѣсь, у насъ дома, ставили ему самыя сильныя, тяжелыя препятствія.

Шетарди, ловкій французскій посолъ, сумѣлъ войти въ довѣріе императрицы, еще когда она была цесаревной. Онъ пробовалъ подходить и къ Алексѣю Петровичу, предлагалъ ему 15,000 ливровъ пенсіи отъ Франціи...

Пятнадцать тысячъ ливровъ!—Неужели они думаютъ, что русскій министръ, первый русскій министръ послѣ ряда иностранцевъ—продастъ за деньги свою родину!..

Тогда Шетарди пошелъ инымъ путемъ. Онъ обратился къ Лестоку, и тотъ, веселый, легкомысленный, чуждый, какъ иностранецъ, интересамъ Россіи, сейчасъ же сталъ играть въ руку французскому послу.

Лестоку нравилось его общество, нравился французскій языкъ, вѣроятно и деньги, а до остального ему было все равно.

Между тѣмъ, онъ имѣлъ доступъ къ государынѣ, какъ ся медикъ, могъ, когда хотѣлъ, оставаться у ней подолгу.

Они стараются увѣрить государыню, что восшествіе ея на престолъ совершилось благодаря Франціи. Такъ вѣдь и шведы въ началѣ войны пустили манифестъ, что идутъ-де въ Петербургъ возстановлять права крови Петра Великаго.

Но права эти были возстановлены безъ участія иностранцевъ. Шетарди въ свое время, правда, далъ вѣнны двѣ тысячи рублей цесаревнѣ—эти деньги были возвращены ему съ лихвой—вотъ и все!..

Но не ради же этихъ двухъ тысячъ переходить Россіи на сторону Франціи, мириться съ ея союзницей Швеціей, и тѣмъ самымъ готовить себѣ самой, можетъ-быть, даже гибель!..

Пока Бестужевъ имѣетъ хоть какую-нибудь власть и значеніе,—этого не случится!..

Но останется ли онъ, выдержитъ ли борьбу и выйдетъ ли изъ нея побѣдителемъ?—этого онъ не можетъ ничего сказать себѣ павѣрное. Онъ одинъ. Большинство придворныхъ думаютъ объ одномъ только—какъ угодить сильному человѣку Лестоку, а этотъ сильный человѣкъ вмѣстѣ съ Шетарди всеми силами хочетъ уничтожить единственную помѣху свою—въ лицѣ Алексѣя Петровича.

ІІ.

Бестужевъ держалъ въ рукахъ одно изъ донесеній Кантемира изъ Парижа.—Кантемиръ знаетъ и понимаетъ дѣло. Въ каждомъ своемъ письмѣ почти онъ пишетъ, чтобы не довѣряться Франціи, что вся опасность для насъ отъ нея!.. Что она готовится даже союзъ противъ насъ!..

Алексѣй Петровичъ положилъ бумагу на бюро, всталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, остановился у каминна, поправилъ дрова щипцами и сталъ смотрѣть на вѣхнувшій съ новою силою огонь.

И вдругъ онъ какъ бы перенесся отъ этого каминна, дальше, въ сосѣдніе дома, улицы, во весь большой городъ и еще дальше—въ безконечныя поля, гдѣ ютились деревеньки и поселки, родные ему съ дѣтства, и сердце сжалось у него,—неужели все это милое, родное, все это не живуче, а осуждено на вѣчное прозябаніе подъ давленіемъ чужой воли, и неужели оно страдаетъ изъ-за того, что какой-нибудь Шетарди съ Лестокомъ возьмутъ верхъ надъ русскимъ вице-канцлеромъ?

Бестужевъ самъ улыбулся себѣ. Въ эту минуту онъ съ какимъ-то необычайнымъ спокойствіемъ сознавалъ,

что, можетъ-быть, и не разъ еще подобные Шетарди и Лестоку будутъ имѣть верхъ, можетъ-быть не разъ падеть и самъ онъ, Алексѣй Петровичъ, но эти поля, деревни и поселки будутъ жить и развиваться, пока сохранять въ себѣ ту душевную чистоту и вѣру, которая жива въ нихъ.

„Semper idem“ повторилъ про себя любимую поговорку Бестужевъ и, точно усюкоенный, сталъ, ходя по комнатѣ, думать о томъ, что пока есть въ немъ силы — онъ будетъ бороться, наставляя на своемъ и ведя дѣло такъ, какъ это нужно...

„Да, нужно, нужно продолжать войну со Швеціей... нужно!“ — говорилъ онъ себѣ.

Въ это время, по-заграничному, раздался троекратный стукъ въ дверь и, на позволеніе войти, появился въ дверяхъ лакей съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ лежала записка.

— Подметное? — спросилъ только Бестужевъ, сразу, по виду записки, догадавшись о ея происхожденіи.

Лакей сказалъ, что письмо найдено на крыльцѣ и никто не видѣлъ, какъ его бросили.

Алексѣй Петровичъ привыкъ къ этимъ письмамъ.

Не проходило почти дня, чтобы ему не приносили ихъ.

Онъ взялъ съ подноса записку и отпустилъ лакея.

„Не бросить ли?“ мелькнуло у него при взглядѣ на каминъ и на письмо. „Опять, вѣрно, — все то же самое!“

Эти подметныя письма бывали или наполнены бранью грубою и пошлою, или же подъ видомъ доброжелательства сообщали Бестужеву о нущенныхъ и, стѣдовательно, ходившихъ про него сплетняхъ...

Но, странно, онъ чувствовалъ нѣкоторую долю необъяснимой пріятности читать иногда эти письма.

Легко было догадаться, что или они отъ его недруговъ и служили доказательствомъ лишь слабости этихъ недруговъ.

Они не знали, чѣмъ донять его, и думали взбѣсить своими выходками.

„Ну, что же — пусть!“ пожалъ плечами Алексѣй Петровичъ и не бросилъ въ каминъ письмо, а распечаталъ его.

На этотъ разъ сообщеніе дѣлалъ доброжелатель.

Но въ смыслѣ сплетенъ явилась новинка:

„Да вѣдомо вамъ будетъ, — писалъ анонимный корреспондентъ, — что ея величеству благовѣрной государынѣ достовѣрно уже стало, что изволите вы получать отъ посла королевы венгерской генерала Ботты 20.000 дѣлковыхъ въ годъ, а посему, аки доброжелатель вашъ, пишу вамъ о томъ сообщеніе сдѣлать, чтобы вы могли принять свои мѣры къ надлежащему сокрытію тайныхъ сношеній своихъ...“

Бестужевъ не дочиталъ, онъ скомкалъ письмо и кинулъ его въ огонь.

До такихъ размѣровъ клевета еще не доходила...

„Любопытно было бы“ — подумалъ Бестужевъ, — что если бы я согласился взять у Шетарди его аудиторы — довели бы ли они это до свѣдѣнія государыни?“

До сихъ поръ Алексѣй Петровичъ гнушался всѣми этими сплетнями, клеветами, совѣтами и сообщеніями.

Онъ прочитывалъ ихъ, слышалъ объ нихъ, но ничего не дѣлалъ въ смыслѣ противодѣйствія. Ему, во-первыхъ, некогда было, а во-вторыхъ, онъ зналъ свою правоту и съ удивленіемъ какъ бы прислушивался къ окружавшей его лжи, не вѣря въ то, что торжество останется на ея сторонѣ.

Но теперь это вышло уже изъ ряду вонъ. Теперь отъ одной мысли только, что государыня можетъ подумать, что онъ имѣетъ личный интересъ въ отношеніи Вѣнскаго двора — онъ способенъ будетъ измѣниться въ лицѣ при упоминаніи на докладѣ имени Ботты...

Какъ ни старался успокоить себя Алексѣй Петровичъ — онъ долго, напрасно ходилъ по своему кабинету и долженъ былъ сознаться, что анонимныя письма

достигли-таки своей цѣли: это, послѣднее изъ нихъ, затронуло его за живое!..

„Гадко, мерзко!“ — повторилъ себѣ Бестужевъ — „но такъ оставить этого нельзя, нельзя давать безнаказанно клеветать на себя. Теперь уже всякое молчаніе будетъ равносильно подтвержденію этой клеветы.“

Но въ ту минуту, когда онъ думалъ такъ, онъ чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ всю свою безпомощность...

III.

Клевета — самое ужасное, хитрое и опасное орудіе. Ползетъ она незамѣтно и невѣдомо откуда, имѣть человѣка, которому бы прямо можно было сказать въ глаза „ты лжешь — это неправда!“ — потому что онъ не лжеть, онъ повторяетъ лишь и даже дѣлаетъ видъ, что вовсе не вѣритъ, но такъ сообщаетъ любопытную вещь — вотъ, молъ-де, — какіе злые люди, что рассказываютъ; а тѣ, которые слушаютъ, качаютъ головами, усмѣхаются, но сейчасъ же спѣшатъ разнести интересныя новости, пятнающія ближняго. И выходитъ въ концѣ концовъ, что никто не вѣритъ, но все знаютъ, что такой-то дѣлаетъ то-то. А потомъ начинаютъ сомнѣваться — „нѣтъ дыму безъ огня!“

„Какая гадость!“

Да, гадость, но что будете дѣлать противъ этой гадости?..

И чѣмъ больше думалъ Алексѣй Петровичъ объ этомъ, тѣмъ непріятнѣе и тяжелѣе становилось у него на душѣ...

И, странно, за свою почти пятидесятилѣтнюю жизнь много разъ случалось ему испытывать разныя непріятности, обиды и огорченія, но рѣдко приходилось ему съ такимъ трудомъ преодолевать ихъ въ себѣ, какъ въ этотъ разъ.

Правда, бывали случаи, что рассказывали про него разныя нечѣности, но до такихъ размѣровъ клевета еще не доходила никогда.

Попробовалъ было Бестужевъ взяться снова за бумагу, но сегодня и работа — давно испытанное имъ средство отъ всякихъ волненій — не помогала...

И все ему казалось непригляднымъ и скучнымъ — и его кабинетъ, съ знакомою ему привычною и любимую обстановкой, каждая вещь которой имѣла для него свою исторію и значеніе, и каминъ, обыкновенно, въ другое время привѣтливо согрѣвающій его, и дѣла... Погода на дворѣ, какъ нарочно, была такая, что могла только усилить скверное настроеніе, а не развлечь его.

Сѣрое сѣверное небо какъ-то особенно низко нависло своими тучами, точно онѣ давили и распозались по грязнымъ улицамъ и дѣзли въ окна, пропускавая сквозь себя таявшій сырой, мокрый снѣгъ.

Холодно должно было быть на дворѣ.

Алексѣй Петровичъ, откинувшись на спинку стула у бюро, сидѣлъ, вытянувъ ноги, и, отстранившись отъ бумаги, смотрѣлъ въ окно, невольно жалѣя о тѣхъ, кому приходится теперь идти по улицѣ.

А будь ясный и солнечный день — съ какимъ бы удовольствіемъ онъ проѣхался теперь!..

Въ дверь опять раздался стукъ.

— Войдите! — сказалъ Бестужевъ.

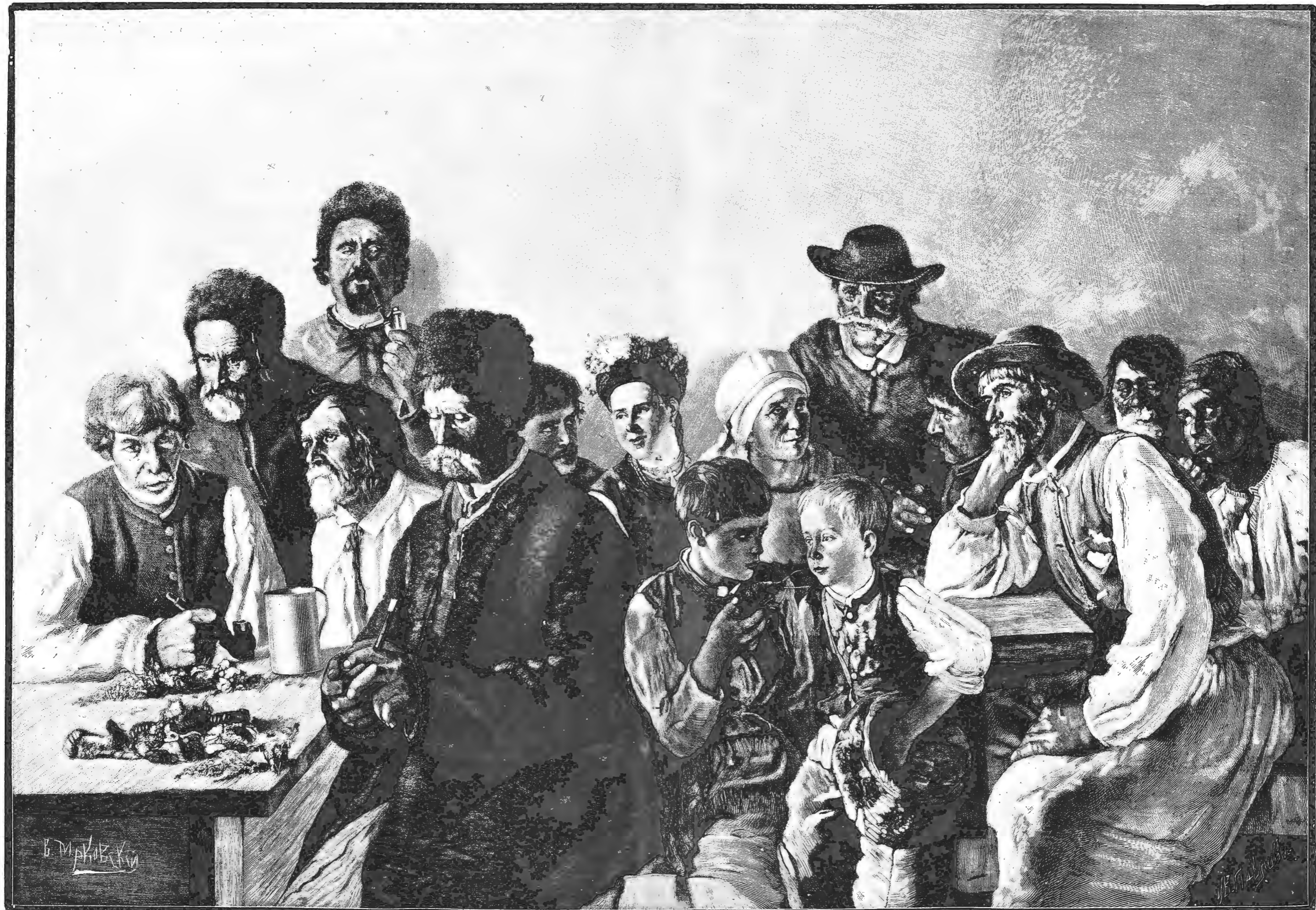
Появился опять тотъ же лакей — Алексѣй Петровичъ почти съ ужасомъ посмотрѣлъ на него — неужели еще письмо? — но лакей былъ безъ подноса.

Онъ доложилъ, что Бестужева спрашиваетъ барышня и проситъ непремѣнно принять ее.

— Какая тамъ барышня! — поморщился Алексѣй Петровичъ, — я вѣдь сказалъ — никого не принимать...

— Очень ужъ просятъ и жалко ихъ, — видно печаль какая, — проговорилъ лакей тономъ, которымъ умѣютъ говорить старые слуги съ господами, характеръ которыхъ хорошо извѣстенъ имъ.

— Кто жъ она такая?

Въ шинкѣ. Съ карт. В. Е. Мановскаго грав. Павловъ.

— Приказати доложить, что Соголева, Софья Александровна... Жаль ихъ—ребенокъ еще совѣтуетъ.

— И одна?

— Одна-съ.

Бестужевъ велѣлъ просить. Лакей пошелъ видимо съ особеннымъ удовольствіемъ.

Дверь открылась и въ кабинетъ Бестужева вошла Сонюшка въ простенькомъ, темномъ платьѣ и темной пакидѣ. Она вошла, не осмотрѣвшись, и остановилась у двери, взглянувъ своими большими, черными глазами на Алексѣя Петровича. Глаза эти, какъ поднялись на него, такъ и остались. Она была очень блѣдна.

Бестужевъ всталъ ей навстрѣчу и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

Казалось, эта хорошенькая, маленькая, милая дѣвушка, придя къ нему, не знала теперь, что ей дѣлать, и едва ли ясно сознавала окружающее. Правда—видно было, что печаль ея должна была быть велика, если она рѣшилась придти такъ. Но она дѣлала надъ собою невѣроятныя усилія, чтобы совладать съ своимъ волненіемъ. Алексѣй Петровичъ, давно привыкшій наблюдать людей и понимать ихъ душевное состояніе, видѣлъ это, и видѣлъ, какъ она рѣшилась—таки и, тяжело вздохнувъ, подошла къ нему.

— Простите,—заговорила она, — простите, что я безпокою васъ...

Головъ ея, манера, и каждое движеніе ея, дышавшее истинной порядочностью, произвели и на Алексѣя Петровича то же впечатлѣніе, какое производили на всѣхъ, видѣвшихъ Сонюшку и говорившихъ съ нею.

Только очень дурной, злой или невнимательный человекъ могъ обойтись съ нею не ласково, и Бестужевъ сразу почувствовалъ это.

Въ чемъ дѣло, чѣмъ я могу служить вамъ?—спросилъ онъ мягко и тихо, придвигая ей стулъ.

Она опустилась на этотъ, стулъ не потому, что ей придвинули его, и не потому, что хотѣла сѣсть. Она точно вдругъ послѣ ласковаго вопроса Алексѣя Петровича лишилась послѣдней опоры своей и обезсилѣла.

Дѣйствительно, она, не зная, какъ ее примутъ, призывала на помощь всю свою самолюбивую гордость, чтобы не выдать своей слабости, но теперь, послѣ вопроса Бестужева, она видѣла, что гордость не нужна съ нимъ, что это человекъ, который не обидитъ ее, и опоры ей уже не нужно было...

Бестужевъ сѣлъ противъ нея и ждалъ, пока она снова оправится.

Сонюшка еще разъ взглянула на него, лицо ея вдругъ все дрогнуло. Она вскинула руки и, спрятавъ въ нихъ лицо, заплакала горько, тяжело, неудержимо, какъ бы отчаявшись уже преодолѣть себя...

Съ самаго дѣтства она плакала первый разъ въ своей жизни.

IV.

— Ну, полноте, ну, довольно, дитя мое...—заговорила Бестужевъ и протянулъ ей руку. Но она не видѣла его движенія, не обратила вниманія на него...

Онъ потихоньку всталъ, прошелъ черезъ весь кабинетъ въ уголокъ, къ столу, налилъ тамъ въ стаканъ воды, выбралъ одинъ изъ стоявшихъ здѣсь флаконовъ съ прозрачною, какъ стекло, жидкостью, накапалъ въ воду и понесъ, осторожно держа стаканъ, къ Сонюшкѣ.

Все это онъ дѣлалъ нарочно медленно, чтобы дать ей время выплакаться. Онъ уже забылъ о себѣ, о своемъ дурномъ настроеніи, и нисколько не жалѣлъ и не сердился на то, что ему пришлось такъ неожиданно у себя въ кабинетѣ успокоивать блѣдную, незнакомую ему дѣвушку...

Сонюшка выпила воду, и отъ этой воды и, главное, отъ непривычныхъ для нея слезъ, съ которыми она всегда боролась до сихъ поръ.—ей стало легче.

Она отерла глаза и сквозь еще неосохшую ихъ влагу

улыбнулась своею особенною, тихою улыбкой, какъ бы извиняясь за слезы. Этою горькою улыбкой она стала еще милѣе, и еще жалче стало Бестужеву ее.

— Ну вотъ теперь вы расскажите мнѣ все,—сказалъ онъ голосомъ, какимъ обыкновенно говорятъ съ дѣтми, когда готовы принять участіе въ ихъ горѣ.

— Все рассказать?...—повторила Сонюшка, — всего рассказать нельзя—это было бы слишкомъ длинно... Вы должны были знать моего отца...

Бестужевъ сдвинулъ брови, какъ бы стараясь самымъ добросовѣстнымъ образомъ припомнить, кто былъ ея отецъ. Сонюшка поняла это его стараніе.

Онъ ничего не помнилъ.

— Мой отецъ,—пояснила она, — былъ сосланъ вмѣстѣ съ Девьеромъ и умеръ въ ссылкѣ. Онъ собственно былъ хорошо знакомъ съ вашей сестрою, княгиней Волконской...

Бестужевъ сдѣлалъ движеніе:

— Ну вотъ видите.—сказалъ онъ,—едва ли я могъ и видѣть вашего батюшку, потому что тогда жилъ за границей и рѣдко прѣзжалъ сюда... Такъ вашъ отецъ умеръ въ ссылкѣ, ну, а матушка ваша?..

— Маменька съ нами, здѣсь... мы живемъ въ Петербургѣ зимой...

— У васъ гдѣ имѣніе?..

— Въ Тверской. Но оно очень маленькое...

Бестужевъ наводилъ ее своими вопросами на то, чтобы ей легче было сказать, зачѣмъ пришла она. Онъ думалъ сначала, что она сирота.

— Ну, такъ чѣмъ же я могу служить вамъ?—спросилъ онъ наконецъ.

Сонюшка замолчала и задумалась. Она ошиблась въ томъ, что Бестужевъ знаетъ ея отца. Теперь не было никакой причины рассказывать ему все; но, хотя онъ и не знаетъ ея отца, онъ въ эту минуту казался ей такимъ добрымъ, внимательнымъ и ласковымъ, что она чувствовала полное довѣріе къ нему.

— Меня хотять...—начала она, и голосъ ея сорвался, — меня хотять насильно выдать замужъ за преображенца, котораго черезъ Лестока посватала за меня сама императрица...

Бестужевъ давно привыкъ къ просьбамъ, съ которыми обращаются къ сильнымъ людямъ женщины, желающія непремѣнно, чтобы для нихъ было сдѣлано невозможное. Эти чисто женскія просьбы, сопровождающіяся обыкновенно утвержденіемъ, что „вашего-де слова достаточно“, и наивная увѣренность въ возможность невозможнаго всегда сердили его.

И тутъ онъ увидѣлъ, какъ ни жаль было ему Соголеву, что она воображаетъ, что онъ въ состояніи измѣнить волю государыни и помочь ей въ ея маленькомъ, правда, самомъ важномъ для нея, сердечномъ міркѣ, гдѣ суждено было разыгратъя одному изъ часто повторявшихся на глазахъ Бестужева романовъ.

— Я въ эти дѣла не вхожу,—сказалъ онъ, нѣсколько суше, — и потому, что же я могу сдѣлать, если на то воли государыни?..

— Я не такъ глупа,—отвѣтила Сонюшка по-французски, какъ вели они и весь разговоръ, — я не такъ глупа, чтобы просить васъ объ этомъ. Я знаю, что невозможнаго сдѣлать нельзя.

Бестужевъ удивленно посмотрѣлъ на нее. Онъ зналъ, по опыту зналъ, что никогда еще не приходилось ему слышать этого ни отъ одной изъ просительницъ, которыхъ обыкновенно ничего не хотятъ признавать.

— Но тогда?...—началъ было Бестужевъ.

— Я пришла вотъ о чемъ просить, — перебила Сонюшка.—Мало того, что я не люблю человека, за котораго меня сватають, но есть другой, который любитъ меня, и я его тоже...

— А! сдѣлалъ Бестужевъ.

— Вотъ о немъ и я пришла просить васъ. Наша

свадьба, паша жизнь... это его дѣло. Онъ долженъ устроить все. На то я и вѣрю ему. Но только нужно дать возможность устроить ему. Нужно, чтобы онъ могъ гдѣ-нибудь проявить свою дѣятельность... Вы можете дать ему работу, наконецъ, онъ уже имѣлъ случай оказать государыни услуги. . только это не послужило ему на пользу... Но это онъ вамъ разкажетъ самъ, если вы его примете...

— Такъ вы хотите, — сталъ спрашивать Бестужевъ, — чтобы я принялъ его и далъ ему работу? Кто же онъ?

Сонюшка назвала князя Ивана.

— Косой? — повторилъ Бестужевъ, — не знаю. Что же у него нѣтъ средствъ?

— Отецъ его прожилъ все. У него ничего нѣтъ.

„Ужъ не искатель ли простой приключеній?“ мелькнуло у Бестужева.

— Хорошо-съ, — сказалъ онъ, подумавъ, — я приму его... но только... Только странно, — добавилъ онъ, — отчего же онъ самъ не явился ко мнѣ, — знаетъ онъ о томъ, что вы пошли сюда?

— Конечно, нѣтъ! — подхватила Сонюшка, и это вышло у ней такъ искренно, что не только все родившееся при видѣ ея расположеніе къ ней вернулось къ Алексѣю Петровичу, но даже онъ почувствовалъ тутъ долю симпатіи и къ князю Косому.

— Нѣтъ, онъ ничего не знаетъ, — продолжала Сонюшка, — и никто не знаетъ, что я у васъ. И я сама даже не знала, что пойду къ вамъ сегодня, еще утромъ. Я сегодня вышла съ няней къ обѣднѣ и всю ночь не спала, все думала. Утромъ мы пошли въ церковь. Я стала молиться и такъ усердно, какъ могла только... Вдругъ подъ самый конецъ уже, когда къ кресту подходить, слышу разговариваютъ двое какихъ-то — должно быть чиновниковъ, разговариваютъ о томъ, что теперь вѣрно скоро вернуть Девьера, потому что всѣхъ ссыльныхъ возвращаютъ и имъ милости... Вмѣстѣ съ Девьеромъ они назвали моего отца. Я остановилась и стала слушать. Одинъ не зналъ, умеръ онъ или нѣтъ, а другой сказалъ, что былъ знакомъ съ нимъ и встрѣчалъ его у княгини Волконской, вашей сестры, и что если бы онъ былъ живъ, то могъ бы черезъ васъ хлопотать теперь... Я не знаю — мнѣ показалось это очень страннымъ все. Точно мнѣ прямо показывали путь къ вамъ. Я и молилась, чтобы Богъ мнѣ помогъ. И вдругъ... тутъ же въ церкви... Меня точно кольнуло что — идти къ вамъ. Я такъ вдругъ и рѣшила. Вашъ домъ мнѣ показывали. И, когда стали толпиться у выхода, отстала отъ няни и прошла черезъ боковыя двери, она потеряла меня... Вотъ и все...

Бестужевъ повторилъ свое обѣщаніе призвать Косого и переговорить съ нимъ и общать также Сонюшкѣ, что никому, ни даже князю Ивану не станеть разказывать о ея посѣщеніи.

Онъ велѣлъ заложить карету и, только въ ней, отпустилъ Сонюшку домой...

— Ну, дай Богъ вамъ всего хорошаго, — сказалъ онъ ей на прощанье, — трудно сдѣлать что-нибудь, но только помните, что судьба все-таки всегда на сторонѣ любящихъ...

Сонюшка ничего не отвѣтила, но по молчанію ея Бестужевъ видѣлъ, что она надѣется на судьбу, — впрочемъ, больше не на что и надѣяться было ей!..

Когда она уѣхала, онъ почувствовалъ, что тяжелое настроеніе его не только уменьшилось, но прошло совсемъ, и та безпомощность, которую испытывалъ онъ, въ отношеніи пущенной про него клеветы, какъ бы таяла и расливалась...

„Если ждешь помощи отъ судьбы самъ, — вспомнилъ Бестужевъ, — помогай другимъ и въ этомъ найдешь свою помощь...“

Онъ подошелъ къ одному изъ шкаповъ, отворилъ его, надавилъ пружинку секретнаго отдѣленія и, вы-

нувъ оттуда одну изъ маленькихъ книжекъ, развернулъ ее на пришедшемъ ему на память мѣстѣ и сталъ читать...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Несчастные.

I.

Левушка уѣхалъ. Какъ ни допытывался князь Иванъ у него, куда онъ собрался, онъ твердо стоялъ на одномъ, что это необходимо для самого князя Ивана, и что онъ „лѣнился ѣхать“.

Это было похоже на Левушку, насколько успѣлъ его узнать князь Иванъ.

Разъ ужъ онъ что вбилъ себѣ въ голову — ничѣмъ нельзя было отговорить его.

Князь Иванъ сидѣлъ за обѣдомъ, который ему подавалъ молчаливый и особенно внимательный, послѣ отъѣзда Левушки, Петръ Ивановичъ.

— Вы бы изволили выкушать, — сказалъ онъ, показывая князю Ивану на бутылку стараго меду, оставшуюся, вѣроятно, еще отъ Левушкинаго вечера, которую онъ подаль теперь на столъ.

Косой въ нѣсколько дней похудѣлъ и сильно измѣнился. Онъ почти не ѣлъ за обѣдомъ и упорно смотрѣлъ, не отрываясь, на уголь стола, случайно взглянувъ на него, да такъ и оставшись...

На предложеніе Петра Ивановича онъ покачалъ головою и отставилъ, даже, свою рюмку въ сторону...

Петръ Ивановичъ вздохнулъ и пошелъ за слѣдующимъ блюдомъ.

Рядомъ въ прихожей, гдѣ дежурилъ Антипка, слышались шаги, разговоръ, и Антипка высунулся въ дверь:

— Князь, васъ верхній баринъ спрашиваютъ, — проговорилъ онъ.

— Какой верхній баринъ?

— А это-съ я, я, — послышался голосъ Чиликина, выглянувшего изъ-за спины Антипки, — дозволейте войти.

И онъ, какъ бы боясь, что ему не дозволятъ, поторопился отстранить Антипку и вошелъ.

Послѣ первой ихъ встрѣчи въ Петербургѣ на площади, во время приготовленій къ казни, князь Иванъ не видалъ Чиликина, а послѣднее время даже совсемъ забылъ о немъ...

Чиликинъ какъ бы притаился наверху у себя, и его не слышать было и не видать.

Князь Иванъ, полагавшій, что всѣ счеты его съ бывшимъ управляющимъ покончены, и еще тамъ, въ деревнѣ гадливо отстранившійся отъ него, никакъ не могъ ожидать, что Чиликинъ будетъ имѣть настолько наглости, чтобы приставать къ нему еще съ чѣмъ-нибудь...

Теперь онъ мелькомъ вспомнилъ, что Игнатъ Степановичъ сказалъ ему при встрѣчѣ, что нарочно остановился въ домѣ Торусскаго, узнавъ отъ знакомаго купца, который и квартиру снималъ для него, что князь Косой живетъ тутъ.

Но до сихъ поръ Чиликинъ не показывался.

Теперь, при одномъ взглядѣ на него, вся прежняя, законившаяся еще въ деревнѣ, когда тянулось ихъ дѣло, злоба снова проснулась у князя Ивана и, должно быть, онъ слишкомъ уже недружелюбно взглянулъ на Чиликина, потому что тотъ посѣпшилъ заговорить, ухмыляясь, потирая руки и пришептывая:

— Вижу-съ, что мое появленіе-съ неприятно вашему сіятельству, вижу-съ, потому и мѣры принялъ — войди какъ бы нахрапомъ — такъ-съ!.. Но вы ужъ потерпите, князь Иванъ Кирилловичъ, что же дѣлать? Мнѣ приходится, вотъ видите ли, переговорить съ вами.

— И что вамъ нужно отъ меня, — кажется, у васъ больше никакихъ разговоровъ быть не можетъ! — отвѣтилъ Косой.

— Пѣтъ-сь, есть-сь еще разговорикъ, такъ себѣ, маленькій-сь, а все-таки, стоя не удобно-сь—вы меня извините, ужъ я сяду-сь...

И Чиликинъ, опять безъ церемоній, отодвинулъ стулъ у стола и сѣлъ.

— Вы не извольте отвертываться и дѣлать видъ, что я вамъ очень неприятенъ-сь, я и самъ знаю это,—продолжалъ онъ, когда Косой, чувствуя удивительную антипатию къ выскакивающему у Чиликина изъ рта плоскому зубу, отвелъ глаза отъ него,—я знаю, что неприятенъ-сь вамъ и, можетъ-быть, это-то мнѣ и доставляетъ несказанное удовольствіе. Вы думаете, вы одни такъ ко мнѣ относитесь—пѣтъ-сь, многіе, а ничего нельзя сдѣлать, потому должны разговаривать... А мнѣ это забавно-сь...

Чиликинъ опять хихикнулъ и положилъ руки на столъ.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ Косой.

Игнатъ Степанычъ опять ухмыльнулся:

— Понимаю-сь и этотъ вопросъ,—дескать, говори скорѣе, прахъ тебя возьми, чтобы отвязаться отъ тебя. Хорошо-сь. Только напрасно вы пренебрегаете мною. Я не ныче, завтра стану такой же дворянинъ, какъ и вы... получаю дворянство...

Это вовсе не интересовало князя Ивана.

— До этого мнѣ дѣла пѣтъ,—сказалъ онъ,—если вамъ нужно передать мнѣ что-нибудь, то говорите скорѣе, потому что мнѣ некогда...

Чиликинъ распустился въ широкую улыбку:

— Позвольте-сь, князь Иванъ Кирилловичъ, развѣ можно такъ? Какъ же вамъ некогда, когда вы изволите за обѣдомъ благодушествовать? Ну-сь, да это все равно. А вотъ что позвольте узнать, когда прикажете получить съ васъ остальные три тысячи?

— Какія три тысячи?

— По документу, выданному покойнымъ батюшкой вашимъ...

Эта пѣвучая манера, съ которою, сладко растягивая слова, говорилъ Чиликинъ знакомую князю Ивану и надѣвшую ему въ рѣчи его фразу: „по документу, выданному покойнымъ батюшкой вашимъ“, особенно дѣйствовала на Косого всегда раздражающе.

Ему въ эту минуту такъ и представилось, что сидятъ они не въ Петербургѣ, не въ домѣ Левушки Торусскаго, а тамъ, въ Дубовыхъ Горкахъ, и ведутъ тѣ разговоры, отъ которыхъ, князь Иванъ думалъ, что убѣжалъ уже изъ деревни.

Только этого ему недоставало.

— Какой еще документъ, вѣдь у насъ было все уже кончено, кажется, вѣдь вы же все, какъ-то тамъ, по закону, отобрали у меня,—сказалъ Косой,—вѣдь все взяли...

— Этого-сь я не могу разсуждать—все ли, не все ли,—я вашихъ средствъ не знаю и входите въ нихъ не имѣю права, а что должно по закону...

— Опять по закону!

— Да-сь. Будьте увѣрены, что все въ самомъ строгомъ порядкѣ.

— Ну, хорошо,—вырвалось у Косого,—я вамъ заплачу эти три тысячи, но только съ однимъ условіемъ, что вы больше ко мнѣ ни съ какими долгами не придете и дадите мнѣ подписку, что всѣ счета между нами кончены.

— Да это счета-сь и не между нами вовсе. Я дѣйствую по довѣренности дворянина Пшелуцкаго. Документъ выданъ вашимъ покойнымъ батюшкой на его имя...

„Опять это—вашимъ покойнымъ батюшкой!“—князь Иванъ началъ выходить изъ себя.

— Оставьте вы отца въ покоѣ,—проговорилъ онъ.—

Я заплачу вамъ ваши деньги...

— Да, но когда?..

Князь Иванъ въ сердцахъ говорилъ, что замлатить, совершенно забывая, что платить ему рѣшительно не откудова. Теперь, когда ему пришлось назначить срокъ, онъ спохватился объ этомъ.

И какъ ему ни не хотѣлось разговаривать съ Чиликинымъ, какъ ни противенъ онъ былъ ему, онъ все-таки долженъ былъ говорить и отвѣчать.

— Я заплачу, когда буду увѣренъ, что платить слѣдуетъ,—отвѣтилъ онъ,—пусть разсмотрятъ дѣло въ судѣ...

— Судиться хотите!—протянулъ Чиликинъ.—Не со вѣтуу. Въ деревнѣ же судились вы, и что же изъ этого вышло?—однѣ неприятности для васъ, а разсчитываться все-таки пришлось. И сколько просудили денегъ задаромъ. Хорошо еще тогда было чѣмъ расплачиваться, а теперь-сь, теперь вѣдь, если по суду, то, въ случаѣ чего, съ несостоятельнымъ должникомъ знаете какъ постунають?..

Князь Иванъ готовъ былъ избить этого человѣка.

II.

— А вы вотъ что лучше-сь,—заговорилъ снова Чиликинъ,—лучше вникните въ то, что Игнатъ Чиликинъ вовсе не такой ужъ достойный презрѣннй человѣкъ. Да-сь! Я вамъ вотъ что осмѣлюсь предложить: я просто-напросто никакихъ исковъ къ вамъ предъявлять не стану. Вотъ и все. Вы спросите, почему-сь? А потому, что таково мое желаніе. Я желаю такъ, и этого для меня достаточно-сь. Князь Иванъ Кирилловичъ,—вдругъ воскликнулъ Чиликинъ, прижимая кулакъ къ самой груди,—вы думаете у меня сердца нѣтъ? Охъ, смѣю увѣрить,—не только есть, но можетъ-быть оно чувствуетъ во сто разъ съ большимъ-сь, такъ сказать, вичувствѣніемъ...

— Ну такъ чего же, ну такъ чего же...—повторилъ князь Иванъ,—вы пришли-то ко мнѣ, если не хотите никакихъ исковъ предъявлять!.. Ну, не хотите, и не надо...

— Какъ зачѣмъ пришелъ?—удивился даже Чиликинъ.—Да чтобы вамъ сказать объ этомъ. А то такъ сиди, дескать, въ сторонкѣ, будь благороденъ и даже возвышенъ и объ этомъ даже никто и знать не будетъ, даже человѣкъ, до котораго это прямо относится? Пѣтъ-сь, такъ нельзя. Мнѣ нужно, все-таки, чтобы вы не имѣли права, слышите ли, не имѣли права презирать меня. Тамъ презирать-то вы можете—отъ этого, я думаю, не отдѣляетесь, но права-то имѣть не будете, потому что я, спрятавъ подъ замокъ документъ, способный разорить васъ окончательно, поступаю возвышенно, и даже очень!..

Князь Иванъ поглядѣлъ на Чиликина, какъ бы удивляясь, что тотъ еще можетъ говорить такъ, какъ будто онъ, князь Иванъ, не былъ уже окончательно разоренъ!..

— Да и, наконецъ,—продолжалъ Чиликинъ,—денегъ что!—тѣнѣ и суета—лишь бы душа, душа-то цѣла осталась, а я знаю, что душа у васъ, какъ кристаллъ чистая... Иногда въ тиши ночной вспоминаю о васъ въ разумѣ души-то этой и умиляюсь—и такъ это мнѣ жаль даже васъ бываетъ...

Косой чувствовалъ, что, кажется, Чиликинъ заврался слишкомъ уже далеко и что слишкомъ долго онъ не выдержитъ его вранья.

Обѣдать онъ кончилъ.

— Вы меня извините,—остановилъ онъ Чиликина,—но мнѣ пора ѣхать,—и всталъ изъ-за стола.

Ѣхать ему куда, конечно, не требовалось, но онъ сказалъ это, чтобы покончить назойливый и неприятный разговоръ съ Чиликинымъ.

— Ахъ, князь Иванъ Кирилловичъ,—подхватилъ тотъ,—я вамъ о душѣ толкую, а вы о томъ, что ѣхать вамъ. Погодите минуточку. Я вамъ говорю—деньги

Безъ хозяина. Съ картины Гартмана (собств. „Пивы“) грав. Мультановскій.

тлѣнь, и если бы о нихъ однихъ шла рѣчь, я бы не явился къ вамъ. Нѣтъ-съ, вѣрьте, что я кромѣ денегъ понимать могу... я вѣдь кое-что знаю и еще... знаю, князь Иванъ Кирилловичъ...

— Что еще, что вы знаете?—нетерпѣливо проговорилъ, снова садясь, Косой.

Лицо Чиликина состроило гримасу, замѣнявшую у него улыбку.

Плоскій зубъ его выставился и скрылся:

— Лицомъ женскимъ, — парасѣвъ сказалъ онъ, — уязвленъ быхъ и мысли какъ мухи вызнуть въ поставхъ научинхъ...

— Что?—переспросилъ Косой.

— Это я про васъ-съ. Известно мнѣ, что вы уязвлены...

„Что онъ говоритъ?“ — силится сообразить князь Иванъ, чувствуя смутную боязнь, что Чиликинъ, какъ гадина, подползаетъ къ тому, что было всего дороже и святѣе ему въ жизни.

— Я васъ не понимаю, — сказалъ онъ.

— Ужъ будто такъ и не понимаете, а кажется я ясно сказалъ. Угодно я назову сейчасъ ту самую, которая, такъ сказать, въ предметѣ у васъ...

Князь Иванъ почти до крови прикусилъ губу и кулаки его сжимались уже.

Чиликинъ въ-время не далъ ему ни сказать ничего, ни двинуться.

— Я не посмѣлъ бы, — вдругъ съжившись и сдѣлавшись очень почтительнымъ, заговорилъ онъ, — я не посмѣлъ бы такъ заговорить съ вами, если бы вѣемъ сердцемъ не желалъ принести вамъ помощь. Да-съ, князь Иванъ Кирилловичъ, помощь... У васъ душа, какъ кристаллъ чистая, а про *нихъ* уже и говорить нечего... Вѣдь я *ихъ* почти съ дѣтства знаю. Имѣннице ихъ близехонько отъ насъ, сами, конечно, помните, какъ ѣзжали. И я ѣзжалъ-съ, и знаю. А теперь вотъ здѣсь уже, въ Петербургѣ, счелъ тоже своимъ долгомъ навѣстить ихъ, и былъ принятъ со всею любезностью Вѣрой Андреевной... Такъ вотъ видите ли, значить, выходитъ, я не зла вамъ желаю, а напротивъ, готовъ порадовать объ интересахъ вашихъ.

Почтительность Чиликина спасла его. Князь Иванъ видѣлъ, что онъ если и говоритъ о томъ, о чемъ не слѣдовало ему знать, то говоритъ, во всякомъ случаѣ, въ должномъ тонѣ, да еще свои услуги предлагаетъ.

— Да, но откуда вы можете знать объ этомъ?.. — спросилъ онъ.

— Мало ли что я знаю, князь Иванъ Кирилловичъ, мало ли что!..

— Я васъ спрашиваю, — неестественно тихо повторилъ Косой, — откуда вы можете знать объ этомъ?

Чиликинъ понялъ, что князь Иванъ былъ въ такомъ состоянн, что малѣйшая неосторожность способна вызвать въ немъ вспышку, въ которой можно было раскаться.

— Это ужъ, видно, судьба сама, — отвѣтилъ онъ. — Я случайно въ трубу слышалъ.

— Въ трубу?

— Да-съ, однажды разговоръ вашъ съ племянникомъ владѣтельнымъ дома сего, съ господиномъ Торусскимъ, слышалъ. У васъ внизу труба была открыта, а у меня наверху тоже. Говорили достаточно громко. Многое дословно слышалъ...

— Какъ же это вы?—удивился князь Иванъ.

— Очень просто-съ. Вѣдь труба въ каминѣ при-мая—по ней великолѣпно каждое слово передается...

Но Косой спрашивалъ не о томъ. Ясно было и для младенца, что по прямой трубѣ камина, покатымъ верхъ котораго служилъ какъ бы приемникомъ для звука, можно было слышать наверху все, что говорилось внизу.

— Я не о томъ, — пояснилъ онъ, — я спрашиваю, какъ же вы это подслушивали, развѣ это хорошо?

— Я вамъ докладываю, — пожалъ плечами Чиликинъ, — что это сама судьба, а отъ нея уходитъ не полагается...

Какъ ни казалось это противно князю Ивану, но онъ видѣлъ, что дѣйствительно сама судьба посвятила Чиликина въ его тайну и волей-неволей теперь приходится считаться съ нимъ.

Но тутъ вотъ что пришло въ голову князю Ивану: можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ этотъ Чиликинъ ощутилъ въ своей душѣ нѣчто въ родѣ раскаянн, и вполне искренно желаетъ теперь помочь ему? Въ этомъ не было ничего невѣроятнаго.

Самъ Косой былъ слишкомъ порядоченъ, чтобы не почувствовать отзыва въ своей душѣ ко всякому проявленню добраго намѣренн.

— Что же вы хотите сдѣлать для меня, какъ помочь?—спросилъ онъ.

Чиликинъ увидѣлъ, что, наконецъ, слова подѣйствовали.

— Тутъ можно дѣйствовать различными способами, — заговорилъ Чиликинъ. — Главное-съ, вамъ надо уничтожить соперника...

— Вы и это знаете?—спросилъ Косой.

— Знаю-съ. Ну, такъ вотъ есть для этого различные способы. Можно, наприимѣръ, совершенно извести его допосомъ...

— Какъ допосомъ?..

— А такъ, втнпнуть въ политическое дѣло и донести потомъ. Мнѣ одному этого не сдѣлать... но при вашей помощи...

„Экая гадина!“ мелькнуло у Косого.

— Да кто же вамъ сказалъ, что я стану вамъ помогать въ этомъ? Развѣ я пойду на такое средство?..

— Истинная любовь не разбираетъ средствъ!.. — началъ было Чиликинъ.

Но Косой уже раскандвался за свое мимолетное довѣрн къ этому человеку. Онъ, даже и желая сдѣлать хорошее, не могъ безъ зла.

— Нѣтъ, оставьте лучше, не путайтесь, — сказалъ Косой, — если вы мнѣ хотите добра, то не мѣшайтесь въ дѣло, которое совѣемъ не по васъ. Вотъ все, что я могу сказать вамъ...

Чиликинъ попробовалъ было предложить еще нѣсколько плановъ дѣйствн, но Косой наотрѣвъ отказался ото всѣхъ ихъ, почти насильно-таки выноротивъ отъ себя Чиликина.

И когда ушелъ Игнатъ Стенанычъ, то князю Ивану, послѣ всѣхъ разговоровъ съ нимъ, показалось какъ будто, что нѣтъ—Чиликинъ не желаетъ ему добра, а у него есть какн-то особыя, затаенныя въ душѣ причины навязываться съ своею помощью.

(Продолженн будетъ.)

Станція для оказанн помощи при несчастныхъ случаяхъ въ Берлинѣ.

Въ современной цивилизацн нѣкоторые наблюдатели отлѣчаютъ одну странную особенность: она входитъ въ область общественнаго благоустройства. Дѣло въ томъ, что рядъ способовъ и мѣръ, направленныхъ къ защитѣ и охраненн имущества, растетъ и развивается съ изумительною быстротой, а въ то же время человѣческая жизнь остается чуть ли не при первобытныхъ способахъ обороны. Средства борьбы съ огнемъ, напр., мѣстами доведены чуть не до чудеса, а равнодушн по

отношенн къ случайностямъ, угрожающимъ жизни, доходитъ почти до смѣшного. Правда, страховыя общества, обезпечивающн вознагражденн потернвшему отъ несчастнаго случая, получили широкое распространенн; но это косвенный способъ защиты человѣческой жизни; а между тѣмъ до послѣдняго времени почти ни въ одномъ европейскомъ городѣ не существовало правильно организованнаго учрежденн хотя бы, напр., для немедленной подачи помощи раненымъ; для

пихъ существуютъ лишь тѣ же больницы и госпитали, которые были и у нашихъ предковъ. Вспомни, для примѣра, взгляди на обычныя условія поданія помощи раненымъ въ одномъ изъ крупнѣйшихъ центровъ европейской цивилизаціи— Парижѣ. Здѣсь потерпѣвшаго отъ какого-нибудь несчастнаго случая на улицѣ, часто тяжело раненаго, поднимаютъ и относятъ въ ближайшую аптеку. Въ аптекѣ, само собою разумѣется, ему сдѣлаютъ перевязку, окажутъ первоначальную помощь. Но аптекаръ не хирургъ, и при всемъ добромъ желаніи, помощь не будетъ подана имъ правильно. Въ особо тяжкихъ случаяхъ, переноса больнаго въ аптеку, бѣгутъ за докторомъ, но вѣдь его не всегда же можно отыскать тотчасъ, а раненый тѣмъ временемъ можетъ и скончаться, и именно за отсутствіемъ врачебной помощи, которая, будучи подана во-время, спасла бы его отъ смерти. Иногда раненаго переноситъ въ полицейскій участокъ, и тогда его участь можетъ стать еще плачевнѣе; профессоръ Терье упоминалъ на одной изъ своихъ лекцій о томъ, что въ парижскихъ участкахъ раны иногда омываютъ тѣми самыми губками, которыми утромъ въ тотъ день умывались городовые околотки.

Между тѣмъ, при существующихъ пожарныхъ сигналахъ было бы очень легко устроить такія приспособленія, чтобы эти сигналы служили также и для передачи извѣстій объ участившихъ несчастіяхъ. При полученіи такого сигнала на станціи, ближайшей къ мѣсту происшествія, она тотчасъ же могла бы высылать на мѣсто экипажъ съ врачомъ и всѣми необходимыми принадлежностями для поданія первой помощи, и тогда такая помощь могла бы быть подаваема черезъ нѣсколько минутъ послѣ несчастія. Такого рода комитетъ поданія первоначальной помощи былъ организованъ и безукоризненно хорошо работалъ во время выставки въ Чикаго, въ 1893 году. Недавно такая станція открылась и въ Берлинѣ, который, такимъ образомъ, является первымъ европейскимъ городомъ, подающимъ другимъ крупнымъ европейскимъ культурнымъ центрамъ благой и достойной подражанія примѣръ.

Въ основу организаціи берлинской службы по поданію первой помощи положена та основная мысль, что въ подобной помощи первое мѣсто должно быть отведено быстротѣ этой помощи. Раненый слонитъ и рядомъ истекаетъ кровью, и уже одна только эта трудно вознаградимая потеря должна заставить спѣшить съ помощью; чѣмъ скорѣе она будетъ подана, тѣмъ меньше раненый потеряетъ крови, тѣмъ больній, значитъ, въ немъ останется запасъ силъ, и тѣмъ легче ему будетъ поправиться. Случается, что и небольшая рана, если она погочила много крови, становится источникомъ серьезнѣйшей опасности, грозящей даже смертью; между тѣмъ какъ, при быстро поданной помощи, та же рана преспокойно зажила бы въ нѣсколько дней, быть-можетъ даже не препятствуя человѣку вести обычныя занятія. Не даромъ знаменитый хирургъ-клиническій, профессоръ университета въ Галле, Фолькманъ, изрекъ свой извѣстный афоризмъ, что „первая перевязка рѣшаетъ участь раны“. Это очень хорошо извѣстно во всѣхъ больницахъ и приемныхъ покояхъ, и когда въ нихъ доставляютъ раненаго, то съ него прежде всего снимаютъ перевязку, если даже она была сдѣлана врачомъ, и послѣ того хирургъ заведенія налаживаетъ свою повязку, такъ какъ ни за какую чужую, сдѣланную наскоро и спѣшно, заведеніе не можетъ принять на себя отвѣтственности. Между тѣмъ, эта переѣтная повязка всегда сопряжена для раненаго съ болью и страданіями; а онъ и безъ того уже усиливаетъ довольно ватерпѣтисъ мученій и отъ раны, и отъ первой перевязки, и отъ переноски или перевозки въ больницу. Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что именно эта процедура перевозки часто доставляетъ больному всего больше страданій. Нѣтъ сомнѣнія, что раненаго окружаютъ жалѣющіе его люди, но они мало понимаютъ или, лучше сказать, ничего не понимаютъ въ хирургіи и своими неловкими движеніями подвергаютъ страдальца истинной пыткѣ. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ организаціи первой помощи, быстрое прибытіе на мѣсто несчастія и осторожная перевозка пострадавшаго стоятъ на первомъ планѣ.

Въ Берлинѣ много содѣйствовало устройству службы по поданію первой помощи директоръ товарищества служащихъ на швейныхъ заводахъ. Это товарищество и устроило первую станцію поданія помощи въ несчастныхъ случаяхъ; его примѣру послѣдовали другія такія же товарищества, и теперь въ Берлинѣ заведено уже четыре станціи. Всѣ эти станціи, по общепринятому постановленію, открыты цѣлый день, чтобы нигдѣ возможности не подавать помощь немедленно всѣмъ и каждому изъ членовъ товарищества. Въ Берлинѣ было рѣшено не сосредоточивать службы на одной центральной станціи, а завести ихъ возможно больше въ разныхъ частяхъ города. Выгоды такого устройства совершенно понятны: чѣмъ больше станцій, тѣмъ ближе помощь къ мѣсту несчастія. Въ Вѣнѣ, на примѣръ, тоже существуетъ частное общество „добровольной подачи первой помощи“; но у него всего одна станція въ этомъ обширномъ городѣ, поэтому случается, что иногда пострадавшій попадаетъ съ мѣста приключенія на станцію лишь черезъ часъ послѣ того, какъ произошло несчастіе. Берлинскіе союзы стремятся расширить по возможности дѣятельность своихъ станцій, сдѣлать ее общедоступною, не ограничиваясь поданіемъ помощи только своимъ

сочленамъ; люди состоятельные могутъ и, конечно, не откажутся заплатить за оказанную имъ помощь, а вѣнущимъ она можетъ быть оказана безплатно. Въ настоящее время примѣру Берлина уже готовятся послѣдовать нѣкоторые другіе города Германіи.

Посмотримъ теперь на самую дѣятельность берлинскихъ станцій.

Положимъ, что гдѣ-нибудь на фабрикѣ случилось несчастіе съ рабочимъ. Потерпѣвшаго прежде всего укладываютъ насколько возможно покойнѣе и тотчасъ даютъ знать по телефону на ближайшую станцію. Черезъ сорокъ секундъ по полученіи извѣщенія запрягается карета станціи и не болѣе какъ минутой спустя послѣ извѣщенія она уже быстро движется по вызову. Въ каретѣ помѣщается врачъ, снабженный наборомъ всего, что необходимо для поданія помощи: хирургическими инструментами, лѣкарствами, перевязочными матеріалами и т. п. На переѣздѣ въ предѣлахъ района дѣятельности станціи требуется не болѣе десяти минутъ. Само собою разумѣется, что врачи на станціяхъ набираются предпочтительно изъ числа опытныхъ хирурговъ и операторовъ, которые уже раньше были, напр., ассистентами въ крупныхъ лѣчебныхъ заведеніяхъ, съ обширнымъ кругомъ больныхъ; они должны быть, по возможности, ознакомлены на практикѣ съ самыми тяжелыми и рискованными операціями. Тотчасъ по прибытіи на мѣсто, врачъ приступаетъ къ осмотру потерпѣвшаго, и если это показывается его состояніемъ, немедленно начинается операція, для которой все нужное всегда съ нимъ. Послѣ операціи и перевязки пострадавшаго укладываютъ на носилки и вмѣстѣ съ ними ставятъ въ карету. Эти экипажи достаточно длинные и широки и вообще по своему фасону прекрасно приспособлены именно къ перевозкѣ больнаго; они чрезвычайно спокойны на ходу, снабжены чрезвычайно толстыми и эластичными резиновыми напонами, которые даже на пухлыхъ берлинскихъ мостовыхъ совершенно смягчаютъ толчки отъ движенія. На одной сторонѣ поставлена скамья для врача и его помощника, подъ кучерскимъ сидѣньемъ ставятся ящики съ инструментами и лѣкарствами. Носилки, около которыхъ садятся врачъ съ фельдшеромъ, привѣшиваются на толстыхъ и прочныхъ ремняхъ къ поперечной каретѣ; ихъ можно опустить или поднять посредствомъ системы зубчатыхъ колесъ. Для того, чтобы устранить качаніе носилокъ, примѣнено особое новѣйшее приспособленіе, именно спиральный буферъ, который держитъ носилки почти въ полной неподвижности. Благодаря всѣмъ этимъ приспособленіямъ, въ особенности же буферу, можно устранить всякіе безпокойствія больнаго толчки даже при самой быстрой ѣздѣ по неровной дорогѣ; ѣдущему въ такихъ носилкахъ и такой каретѣ самые сильные толчки будутъ представляться какъ бы выбѣю лодки отъ легкихъ волнъ. Въ этой-то каретѣ больній и доставляется прямо въ клинику станціи; такимъ образомъ, больній всегда находитъ готовую больницу и ему нѣтъ надобности дожидаться, какъ въ больницѣ, когда-то еще ему отвѣдутъ мѣсто. Въ клиникахъ берлинскихъ станцій всего тридцать кроватей, предназначенныхъ, конечно, прежде всего для потерпѣвшихъ несчастіе членовъ товарищества, основанныхъ станцій. На каждой станціи по четыре врача, четыре фельдшера, нѣсколько сестеръ милосердія и сидѣлокъ; такимъ образомъ, при малыхъ размѣрахъ клиники и ихъ превосходномъ снабженіи всѣмъ необходимымъ, уходъ за больными ведется образцовый. Клиника держитъ больнаго даже и послѣ минованія опасности, до полного восстановленія силъ и способности къ труду, отдавая, конечно, какъ и во всемъ прочемъ, первенство членамъ товарищества.

Берлинскія станціи помѣщаются, пока, въ наемныхъ квартирахъ. При станціи есть приемная для приходившихъ. Въ эту приемную имѣетъ право свободного входа каждый съ улицы; онъ находитъ кнопку электрическаго звонка и къ нему тотчасъ выходитъ врачъ, который и оказываетъ ему немедленную помощь. Это установленіе весьма полезно на случай разныхъ мелкихъ участившихъ приключеній, когда человѣкъ слегка ушибается, поранивается, или вдругъ почувствуетъ себя нехорошо. Обыкновенно на берлинскія станціи каждый день заходитъ человѣкъ двѣнадцать такихъ амбулаторныхъ пациентовъ съ пораненными головами, пальцами, руками; имъ дѣлаютъ прекрасную перевязку по всѣмъ правиламъ искусства и отпускаютъ домой. Операціонный и перевязочный залъ станцій, обыкновенно прилегающій къ приемной, съ большою тщательностью и въ изобиліи снабженъ всѣми инструментами, столами, стульями и перевязочными матеріалами для всевозможныхъ операцій; особенно же богатъ и разнообразенъ выборъ перевязочныхъ припасовъ. На дворѣ устроены конюшни для лошадей и каретниковъ. Упряжь сдѣлана по образцу принятой въ берлинской пожарной командѣ; она надѣвается на лошадей въ нѣсколько секундъ; запряжка совершается въ два приема, двумя движеніями рукъ. Лошадь привязана въ конюшнѣ на дѣвкахъ; при звонокѣ къ запряжкѣ, цѣпи автоматически (посредствомъ электромагнитнаго снаряда) сбрасываются съ лошадей, и умныя животныя сами подбѣгаютъ къ каретѣ.

Станціи входятъ въ общую телефонную сеть и, кромѣ того, соединены своею особою линіею телефоннаго сообщенія; въ случаѣ особенно крупнаго несчастія ихъ можно поставить на ноги всѣ сразу.

Процессія виступаєть. Съ картици Софїи Браунъ грав. Болаффіо.

Праздникъ цвѣтовъ въ Венеціи.

П а я ц ь .

Разсказъ Н. В.

То, что я собираюсь разсказать, не романъ, и даже не повесть,—это страничка изъ сѣренькой, будничной жизни, которая именно своей дѣтской простотой произвела на меня глубокое и неизгладимое впечатлѣніе.

Дѣло происходило нынѣшнимъ лѣтомъ, въ Савойѣ, въ Aix les Bains. Aix извѣстный и паломническій французскій курортъ, который притягиваетъ каждый годъ—преимущественно въ августѣ мѣсяцѣ—многолюдную, изысканную публику со всѣхъ концовъ земного шара. Мѣстоположеніе восхищительно: прелесть швейцарскихъ горъ и скалъ, безъ ихъ суровости; задумчиво-спинное озеро, вослѣдствіемъ Ламартинамъ; всюду смѣющаяся зелень.

Солнце ярко свѣтитъ, ласково обѣщая выздоровленіе многочисленнымъ больнымъ. Души и паровыя ванны, по мнѣнію докторовъ, производятъ чудеса; но главная примаика Aix'a состоитъ въ зеленомъ столѣ, вокругъ котораго толнятся съ утра до ночи и съ ночи до утра алчная, праздная толпа. Весело гремитъ музыка, феерически освѣщаются по вечерамъ фейерверками и бенгальскими огнями роскошныя казино, повсюду встрѣчаются намазанные лица, крашенные волосы, подведенные глаза, принадлежащіе вмѣстѣ съ тысячами брилліантами дамамъ полушвѣта.

Бархатъ, шелкъ и разноцвѣтные камни нестрѣбуютъ въ глазахъ. Театры, концерты, балы чередуются ежедневно; все новое и новыя развлечения придумываетъ дирекція казино, чтобы заманивать публику и притягивать ее къ игрѣ, которая и составляетъ главнымъ образомъ источникъ богатства курорта.

Утомленная постояннымъ шумомъ и блескомъ, я любила иногда бродить по пустынь, окружающимъ Aix полямъ, гдѣ слышалось только чириканье птицъ и видѣлось широкое, синее небо. Возвращаясь однажды съ подобной прогулки, моя пріятельница, старушка В*, которая часто сопровождала меня въ мои экскурсіи, вздумала зайти на обратномъ пути въ лавку, купить ошейникъ для своей собачки. Проходя мимо довольно невзрачнаго базара, мы вошли въ одинъ изъ его магазиновъ. Лавочникъ былъ занятъ, и намъ пришлось быть невольными свидѣтельницами слѣдующей сцены: покупатель былъ ребенокъ, мальчикъ лѣтъ 6—8, блѣдный, хилый, въ грязномъ, изорванномъ платьѣ. Въ худой, загорѣвшей ручонкѣ онъ крѣпко держалъ одинъ су. Передъ нимъ лежали грошовыя игрушки, въ родѣ солдатиковъ, лошадокъ и куколъ, которыя онъ тщательно осматривалъ.

Лавочникъ, добродушно улыбаясь, глядѣлъ на него. Прошло нѣсколько минутъ колебаній; наконецъ, ребенокъ робко указалъ на маленькій пистолетъ. Игрушка действительно стояла су; но къ нему были необходимы пистоны и требовали второго су. Что дѣлать? Какъ быть? Въ полномъ смятеніи стоялъ мальчикъ передъ желаніемъ игрушки, не зная, какъ посту-

пить, на что рѣшиться? Тяжело вздохнувъ, поцѣлуетъ оръ ма-газинъ, проситъ лавочника обождать минуточку; тотъ снова улыбнулся, кивнувъ ему головой, и сталъ служить моей пріятельнице. Любопытство, съ одной стороны, жалость—съ другой, заставили меня послѣдовать за ребенкомъ; онъ стоялъ въ десяти шагахъ отъ лавки, оживленно споря съ товарищемъ—мальчикомъ года на два старше его. Видно рѣшалась судьба пистолета.

Я подошла къ ребенку, взяла его за руку, уговорила вернуться со мною въ магазинъ и выбрать себѣ, по своему вкусу, любую игрушку, не стѣняясь въ цѣнѣ. Онъ удивленно поглядѣлъ на меня и молча пошелъ со мною. Я подвела его къ болѣе дорогимъ игрушкамъ и повторила ему еще разъ—не стѣняясь выборомъ. Все съ большимъ и съ большимъ недоумѣніемъ глядѣлъ блѣдный мальчикъ на меня. Взглядъ его переходилъ отъ меня къ игрушкамъ, отъ игрушекъ ко мнѣ, наконецъ, онъ жадно схватилъ отчаянно блестящаго паяца, цѣною въ два франка, и страстно прижимая его къ груди, сталъ глядѣть уже на меня съ мольбой и страхомъ. Онъ видимо воображалъ, что я смѣюсь надъ нимъ. Глубокая и безотчетная тоска овладѣла мною при этомъ взглядѣ, и слезы выступили у меня на глазахъ.

Я нагнулась къ ребенку и, прикасаясь губами къ его блѣдной головкѣ, шепнула ему:

— Не бойся, дитя мое, игрушка эта твоя, и никто ее у тебя не отыметъ. Возьми ее, спрячь твой су, онъ тебѣ пригодится въ другой разъ, и иди домой!

Все еще съ недоумѣніемъ глядѣлъ на меня блѣдный мальчикъ; но когда лавочникъ, подойдя, повторилъ ему мои слова, онъ, наконецъ, понялъ, что желанный паяцъ дѣйствительно сталъ его собственностью. Ни слова не промолвилъ онъ; но во взглядѣ, который онъ теперь поднималъ на меня, было столько благодарности и свѣтлаго счастья, что я никогда его не забуду; затѣмъ, прижимая еще крѣпче мишураго паясуна къ своей маленькой, дѣтской груди, онъ молча, стремглавъ бросился вонъ изъ магазина. Лавочникъ и пріятельница моя весело смѣялись. Выйдя изъ лавки, послѣдняя замѣтила мнѣ:

— Жаль, что я не сказала мальчику, что вы фея. Сегодняшній день остался бы ему свѣтлымъ воспоминаніемъ на всю жизнь!

— Къ чему,—возразила я, улыбаясь,—мѣшать таинственное съ дѣйствительностью? Цѣль моя достигнута. Ребенокъ счастливъ чистой, дѣтской радостью, а забудетъ ли онъ меня, или будетъ вспоминать обо мнѣ, какъ о феѣ, не все ли равно?

И мы стали говорить о другомъ. Когда я вернулась въ душное казино и снова взглянула на неструю, скучающую толпу, невольная мысль пришла мнѣ въ голову: „Почему богатые люди линяютъ сами себя лучшаго наслажденія на землѣ—осчастливить другихъ?“ И внутренний голосъ шепнулъ мнѣ въ отвѣтъ: „Времени у нихъ нѣтъ объ этомъ подумать!“

Къ рисункамъ.

Дубовая роща. (Рис. на стр. 891.)

Которая это уже „дубовая роща“, написанная И. И. Шинкинскимъ? Вѣроятно, и самъ авторъ затруднился назвать приблизительно цифру всѣхъ „дубовыхъ рощъ“, вышедшихъ изъ-подъ его вѣчно свѣжей, юной и могучей кисти, хотя „дубовыхъ рощъ“ у него въ десять разъ меньше, чѣмъ „словныхъ лѣсовъ“, и въ двадцать разъ меньше, чѣмъ „основныхъ боровъ“. Отчего же всѣ новыя „рощи, лѣса и боры“ продолжаютъ такъ всѣмъ нравиться, отчего никто не жалуется на однообразіе шинкинскихъ сюжетовъ, на вѣчный лѣсъ, изъ котораго онъ вотъ уже 50 лѣтъ упорно не желаетъ выбраться? Оттого, что никому лучше его не удалось поймать и понять эту красоту лѣсной поэзіи, съ неутомкающимъ таинственнымъ шумомъ вѣтвей, съ пѣніемъ птицъ, журчаніемъ ручейковъ. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ, любитъ и передаетъ эту поэзію, чтобы измѣнить ей. И зачѣмъ ей измѣнять? Пусть еще долго не старѣетъ его молодая кисть, и пусть много еще появится его „рощъ, лѣсовъ и боровъ“, которые доставляютъ столько удовольствія его поклонникамъ.

Въ шинкѣ. (Рис. на стр. 894 и 895.)

Славный шинокъ у стараго Янкеля, и горилка такая добрая, что какъ вынешь одну рюмку, такъ словно тебя кто обухомъ по головѣ събьдигитъ, а со второй—и Почаевъ увидишь! Староста Тымко—вотъ тотъ, что люльку набиваетъ—на своемъ вѣку столько перенилъ этой самой горилки, сколько другому и воды не выпить, а поди-жь ты, уважаетъ за горилку Янкеля. А ужъ если самъ староста Тымко уважаетъ, такъ другимъ и Богъ велѣлъ. Оттого-то, когда по праздникамъ старость приходится бывать въ мѣстечкѣ Чоботахъ, никогда онъ не упу-

стить случая провѣдать Янкеля и отдохнуть у него часъ-другой, пробуя горилку и закусывая пирогомъ съ горохомъ, какіе умѣетъ такъ вкусно нечь жена Янкеля, Рухля. А если староста къ Янкелю, такъ и всѣ къ Янкелю! Но Боже васъ унаси душатъ, что Янкель привлекаетъ только горилкой: надо же отдохнуть гдѣ-нибудь человѣку. Горилкой и на селѣ власть попочивать себя можно и ужъ конечно—безъ бабъ, потому обидно мужику „гулять“ вмѣстѣ съ бабами. А у Янкеля и съ жинками посидѣть можно да и ребятишекъ, что присматривали за волами, привести—пускай шей похлебаютъ да раками побалуется. Чистый шинокъ, просторный! Отдохнешь этакъ, выкуришь люльку, пропустишь „для пробы“ двѣ-три чарки „бисовой горилки“, послушаешь занятныхъ разсказовъ стараго Онанаса—а тамъ и до хаты!

Помѣщенной въ настоящемъ померѣ *Нивы* жанровой картинкой В. Е. Маковскій прибавилъ къ портретной галлерей малороссійскихъ типовъ нѣсколько новыхъ—типовъ, которые онъ изображаетъ съ присущимъ ему мастерствомъ и юморомъ.

Безъ хозяина. (Рис. на стр. 899.)

Если бы какому-нибудь глубокомысленному статистику, профессору гейдельбергскаго или лейпцигскаго университета, пришла въ голову остроумная мысль собрать статистическіе матеріалы для рѣшенія вопроса о процентномъ отношеніи разгула къ профессиональнымъ занятіямъ, то онъ, навѣрное, нашелъ бы, что наибольшій процентъ того особеннаго ремесленно-цехового разгула, какимъ отличается городъ отъ деревни—надаеть на саножниковъ. „Пьяль, какъ саножникъ“, „играетъ, какъ саножникъ“, „ругается, какъ саножникъ“, „какъ послѣдній саножникъ“. Блѣдный саножникъ, въ особен-

ности „последній сапожник!“ Для берлинских уличных мальчишек пѣть болѣе обиднаго и браннаго слова, какъ „сапожникъ“ — „Schuster!“ Художники на этотъ счетъ имѣютъ свое статистическое чутье, которое рѣшительно не уступитъ безпощадной правдѣ языка цифръ“. Художники, если придти фантазія изобразить какого-нибудь необыкновеннаго шалуна, проказника, безшабашнаго уличнаго мальчугана, сейчасъ же берутъ подмастерье забуддыги-сапожника. Единственной конкуренціей сапожникамъ подмастерьямъ являются поварята, тоже большіе охотники напроказить, выкинуть головоломную шалость, накуролесить. Посмотрите, развѣ сядетъ кто-нибудь другой такъ на лавочкѣ, какъ сидитъ этотъ проказникъ „безъ хозяина“? Не успѣлъ выйти изъ воротъ „самъ“, напаяли, по случаю торжественнаго дня починки ботинокъ стараго совѣтника фонъ-Гозенрегера, новый засаленный илджакъ и вновь залатанныя панталоны, какъ мальчуганъ успѣлъ уже стащить недопитуемую хозяйскую кружку и недокуренную сигарку, забытую еще вчера заказчикомъ и припрятанную хозяиномъ. Онъ очень хорошо знаетъ, что не пройдетъ и полчаса, какъ получитъ превосходную встрепку, — не меньше и не больше той, какая достается ему по заведенному обычаю, и больше изъ принципа, каждый день отъ 5—6 часовъ вечера: хозяинъ человекъ обстоятельный и любитъ аккуратность. Но какое ему теперь дѣло до аккуратности хозяина и строгости его принциповъ, если пиво такъ вкусно, сигарка такъ деретъ горло, а главное — можно себя чувствовать самому хозяиномъ.

Процессія выступаетъ. (Рис. на стр. 902.)

Итальянцы, какъ и испанцы и вообще какъ всѣ южные народы, любятъ всякія празднества, торжества, зрѣлища и въ особенности церковныя процессіи. Съ ранняго утра по главнымъ улицамъ, ведущимъ въ церковь, въ день ея храмоваго праздника или въ день праздника какого-нибудь святаго, считающагося патрономъ города, сѣдѣтъ народъ къ наперти собора. Самыя очаровательныя ручки приносятъ въ церковь благоухающіе цвѣты; къ погамъ мраморной статуи святаго еклопнутся чудныя головки, твердо вѣрующія, что одного прикосновенія къ статуѣ достаточно, чтобы запастись счастьемъ на цѣлый годъ. Такие праздники являются вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникомъ нищихъ, которыхъ въ Италіи не мало. Въ такой день они собираютъ обильную жатву съ благочестиво настроенныхъ прихожанъ, въ другое время достаточно скупныхъ. Итальянскіе нищіе обыкновенно пренебрежительный народъ: они хватаютъ васъ за фалды, за рукава и пристають до тѣхъ поръ, пока вы имъ не дадите „un soldo“, или же весьма недвусмысленно крикнете на нихъ. Ихъ рѣзкіе и требовательные голоса, бормотанье молитвъ, ныскъ дѣтей, злобное ораенье женщинъ, которыхъ отгалькиваютъ мужчины — все это производитъ отвратительное впечатлѣніе.

Но вотъ — процессія выступаетъ... Все смолкаетъ, все приходитъ въ благообразный видъ. Слѣпые, хромыя и всякаго рода калѣки разсаживаются по мѣстамъ, благочестивыя женщины падаютъ ницъ, распростертыми на землю, и тогда вѣчному взору представляется картина, могущая дать вамъ живое представление о сценахъ временъ Петра Амьенскаго, когда онъ проповѣдывалъ крестовый походъ.

Праздникъ цвѣтовъ въ Венеціи. (Рис. на стр. 903.)

Венеція, сохранившая свой колоритъ и оригинальность временъ давно минувшихъ, до сихъ поръ является городомъ, привлекающимъ къ своимъ лагунамъ путешественниковъ и художниковъ всѣхъ странъ и народовъ. Мутно-зеленые каналы, мраморныя дворцы съ ихъ ступенками, спускающимися прямо въ воду, съ ихъ полосатыми *pili* (сваи), раскрашенными въ родовые цвѣта мѣстной аристократіи, съ ихъ черными гондолами — представляютъ собою единственное въ Европѣ зрѣлище. Праздникъ цвѣтовъ — дунисый праздникъ лѣта — особенно интересенъ въ Венеціи. Тогда чуть не подъ каждымъ мраморнымъ балкономъ можно видѣть гондолу, разукрашенную вѣнками и гирилами, съ сидящими въ ней богато разодѣтыми венеціанками. Теперь все это прошло, но въ тѣ времена, когда въ Венеціи жили Байронъ и сочинялъ тамъ своего безсмертнаго „Донъ-Жуана“, жили веселье и умѣли пользоваться прелестью природы.

Китайскіе часы. (Рис. на стр. 903.)

Китайцы съ незапамятныхъ временъ придумали способы для измѣренія времени. Въ Китаѣ всегда была въ большомъ почетѣ астрономія, или, правильнѣе говоря, астрологія; а при астрономическихъ наблюденіяхъ измѣреніе времени — совершенно необходимое условіе точнаго наблюденія. Мысль человека, отыскивающаго ирѣмы и способы измѣренія времени, конечно, должна была прежде всего обратиться на тѣ явленія природы, періодическая правильность которыхъ кидалась въ глаза. Прохождение солнца или луны по небу, движеніе воды или смущающаго тѣла сами собою представились какъ

наиболѣе сподручныя основы для измѣренія времени. Такихъ образомъ, часы солнечныя, песочныя, водяныя явились на сцену прежде всякихъ другихъ времяизмѣрительныхъ снарядовъ. Механическіе часы — продуктъ новѣйшей человѣческой изобрѣтательности.

Конечно, прежде чѣмъ говорить, какъ люди измѣряли время, надо знать, какъ они его раздѣляли. Еще во времена императора Іао, т. е. около 2340 г. до Р. Х., астрономы въ Китаѣ уже твердо установили самый долгій и самый короткій день въ году, а также оба дня, на которыхъ падаетъ равноденствіе весною и осенью. Они дѣлили годъ на четыре періода, установили, что въ году заключается 365 дней и 6 часовъ, установили также, для поправки времясчисленія, високосные годы. День дѣлился на 12 частей, которыя, конечно, должны были равняться нашимъ двумъ часамъ; свои часы они дѣлили на части, называемыя *ке*. Каждое *ке* дѣлилось на 100 минутъ, а минута на 100 секундъ. Сутки дѣлились на день и ночь — каждая половина по 6 часовъ, отъ восхода до заката солнца, и отъ заката до восхода. Началомъ сутокъ считалась полночь. Для обозначенія знаковь зодиака, мѣсяцевъ года и часовъ китайцы употребляли 12 знаковь.

Китайское времясчисленіе было потомъ перенесено въ Японію; оно держалось въ Китаѣ нерушимо до принестія европейскіхъ миссіонеровъ, т. е. до XVII столѣтія. Одинъ изъ нихъ, іезуитъ, патеръ Шолль, былъ свѣдущъ въ астрономіи и познакомилъ китайцевъ съ европейскимъ вѣсчисленіемъ времени. Китайскіе ученые одобрили и приняли европейскую систему, съ дѣленіемъ сутокъ на 24 часа, а часовъ на минуты и секунды, по 60.

Дѣтонисы Китая свидѣтельствуютъ о томъ, что древнѣйшими времяизмѣрительными снарядомъ были солнечныя часы. Они состояли изъ высокаго обелиска, а въ небольшихъ приборахъ, — изъ стрѣлки или налочки, поставленныхъ вертикально. О времени заключали по длинѣ и направленію тѣни; циферблата китайцы не догадались придумать, пока ихъ не научили этому миссіонеры. Но водяныя часы (кленсидры) были довольно хорошо разработаны китайцами. Нѣкоторые авторы относятъ ихъ изобрѣтеніе ко времени императора Хоангъ-Ли, вступившаго на престолъ въ 2698 г. до Р. Х. Онъ приказалъ отлить 12 колоколовъ, по числу лунныхъ мѣсяцевъ, для обозначенія временъ года, мѣсяцевъ, дней и часовъ. Другіе относятъ это изобрѣтеніе ко времени императора Іао. Въ книгѣ церемоній, изданной за 200 лѣтъ до Р. Х., между прочимъ, предписывается, особо приставленнымъ людямъ, „наблюдать теченіе планеты Юнгитеръ, раздѣлить nocturne время на равныя промежутки и отмѣчать ихъ ударами въ доски, а промежутки измѣрять водяными часами“.

Водяныя часы, какъ ихъ описываютъ древнѣйшіе европейскіе посѣтители Китая, состояли изъ бассейна, въ которомъ была вставлена рейка съ дѣленіями для измѣренія уровня воды. Въ этомъ бассейнѣ лилась сверху тонкою струею вода, постепенно поднимая уровень воды въ бассейнѣ. Въ царствованіе династіи Чоу (1122—225 гг. до Р. Х.) при дворѣ находился особый саовникъ, который былъ обязанъ содержать въ исправности водяныя часы. Въ зимнее время эти ненадежныя часы нерѣдко замерзали; чтобы этому воспрепятствовать, стали ставить ихъ въ чаны съ горячею водою. Китайскіе дѣтонисы сохранили имя изобрѣтателя этого немудреного приѣма — принца императорской крови Чоу, младшаго брата императора Чуанга. Съ теченіемъ времени кленсидры совершенствовались; ихъ стали дѣлать изъ четырехъ сосудовъ: вода переливалась сначала изъ верхняго во второй, потомъ изъ второго въ третій и, наконецъ, въ нижній. Эти сосуды и ихъ подставки стали покрывать украшеніями, такъ что весь снарядъ служилъ декоративнымъ предметомъ въ жилищахъ, подобно нашимъ часамъ. Авторы VI вѣка упоминаютъ о водяныхъ часахъ, въ которыхъ вода стекала тонкою струйкою въ сосудъ, поставленный на чашкѣ вѣсовъ; каждый фунтъ стекшей воды соответствовалъ одному *ке* времени. Около того же времени стали примѣнять въ кленсидрахъ ртуть вмѣсто воды; удобство этого видоизмѣненія состояло въ томъ, что ртутныя часы могли работать и въ стужу, не замерзая.

Во II вѣкѣ послѣ Р. Х. китайцы стали строить очень точныя водяныя часы для астрономическихъ цѣлей. Особенно прославились часы, построенныя ученымъ буддѣйскимъ жрецомъ звѣздочетомъ И-Хангомъ, по порученію императора Хуанъ-Цонга, въ 721 г. по Р. Х. Въ этихъ часахъ уровень тихо капавшей воды указывалъ движеніе солнца и луны, затменія звѣздъ и планетъ, относительную длину дней и ночей въ разное время года, высоту полюса и звѣздъ надъ горизонтомъ. По простѣнѣи каждаго *ке* появлялась деревянная статуэтка, которая ударяла въ барабанъ и тогда исчезала; другая статуэтка отмѣчала часы ударами въ колокольчикъ. Въ Кантонѣ имѣются водяныя часы, поставленные въ особомъ павильонѣ, на улицѣ. Они состоятъ изъ четырехъ мѣдныхъ сосудовъ, поставленныхъ одинъ надъ другимъ; вода льется изъ сосуда въ сосудъ по желобкамъ, поставленнымъ подлѣ отверстіями около дна сосудовъ. Нижний сосудъ снабженъ рейкою съ дѣленіями. Конецъ рейки, опущенный въ воду, опирается на поплавокъ, который поддерживаетъ рейку и приводитъ

нимает ее вверх, по мѣрѣ измѣненія уровня воды въ сосудѣ. Утромъ и вечеромъ, когда вся вода стекаетъ въ нижній сосудъ, ее вновь изъ нижняго переливаютъ въ верхній сосудъ—заводятъ часы. Эти часы посвящены многочисленному родоначальнику китайскаго народа, Панъ-Ку, который,—трудно понять почему именно,—считается божественнымъ покровителемъ часовъ. Въ началѣ каждаго часа, стражъ, приставленный къ этимъ священнымъ часамъ, вставляетъ спаружу, у дверей, доску, на которой китайскими знаками обозначаются часы; тотъ же стражъ долженъ отбивать часы—днемъ въ барабанъ, а ночью въ гонгъ. Свои длинные досуги этотъ сторожъ посвящаетъ выдѣлкѣ жертвенныхъ курительныхъ свѣчекъ, которыя продаетъ благочестивымъ прохожимъ, пополняя этимъ торговлею свое скудное жалованье. Кантонскіе часы были построены въ 1316 году.

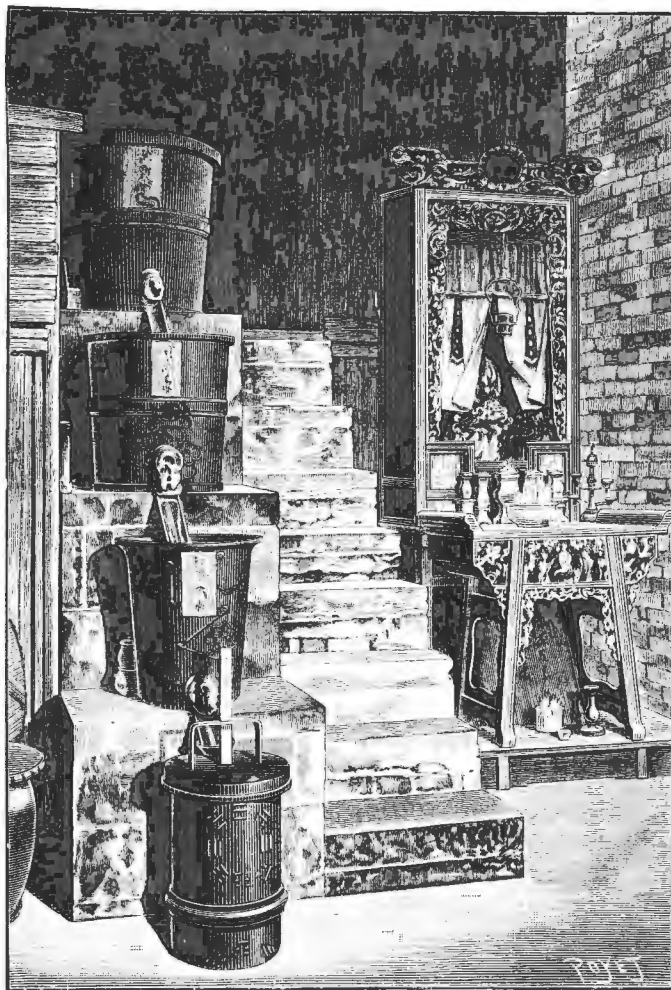
Императоръ Шимъ-Ли (1333—1367) упоминается въ лѣтописяхъ, какъ обладатель одной изъ диковинокъ по части китайскаго часовыхъ дѣлъ мастерства. У него былъ просторный шкани, увѣнчанный вышю, носившею названіе горы „трехъ мудрецовъ“. Посреди шкана была поставлена фигура молодой дѣвочки, которая держала въ рукахъ стрѣлку, указывавшую на часы, дневные и ночные. По прошествіи каждаго часа начинала бить фонтанъ воды. Сбоку стояли два геши, одинъ съ колокольчикомъ, а другой съ мѣднымъ тазикомъ. Ночью эти фигурки отбивали часы по показаніямъ стрѣлки. Въ шкану были, кромѣ того, фигуры разныхъ звѣрей, которыя периодически приходили въ движеніе. Путь солнца и знаки зодиака обозначались на особыхъ показателяхъ справа и слева. Шесть фигуръ, представляющихъ „безсмертныхъ“, въ полдень и въ полночь совершали торжественное шествіе, входили въ нишу трехъ мудрецовъ и возвращались обратно на свое мѣсто. Сохранилось преданіе, что это чудо механики было придумано самимъ императоромъ.

Солнце и вода служили указателями времени дня, для измѣренія же времени ночью служили у китайцевъ огонь. Китайцы дѣлятъ ночь на пять стражъ или смѣтъ, продолжительность которыхъ, конечно, колеблется, по временамъ года, потому что подъ „ночью“ китайцы подразумеваютъ время отъ заката до восхода солнца. Начало каждаго стражи возвѣщается равнымъ сигналомъ, частью для того, чтобы населеніе знало время, частью для засвидѣтельствованія бдительности стражи. Въ извѣстные часы ночи никто не могъ появляться на улицахъ, и стража, захватывавшая такихъ полуночниковъ, чинила имъ строгій допросъ: кто, куда, зачѣмъ?

Нѣкоторые стражи носили въ рукѣ бамбуковую трубу, и по ней отбивали время; иногда этому билу придавали фигуру рыбы. Начальники стражи вѣдали верхомъ на ослѣхъ, при чемъ впереди шелъ сторожъ съ фонаремъ. Другіе сторожа привлекали себя къ рукѣ погромнуку, которую трясли, отмѣчая время ея звономъ; на ихъ сигналъ отвѣчала стража съ софдиныхъ пунтовъ. Одинъ путешественникъ XVII вѣка пишетъ, что въ китайскихъ городахъ имѣются двѣ башни—барабанныя и колокольная, — съ которыхъ возвѣщаютъ часы. Въ началѣ ночи сторожъ на барабанной башнѣ ударяетъ нѣсколько разъ въ барабанъ, а сторожъ на колокольной башнѣ тотчасъ отвѣчаетъ нѣсколькими ударами колокола. Точно такъ же перекликаются они ночью при каждой смѣтѣ стражи. Очередной сторожъ стражи отмѣчается соответствующимъ числомъ ударовъ. Сигналы, соответствующій номеру стражи, т. е., напр., два удара для означенія второй стражи ночи, повторяется черезъ каждыя 4—5 минутъ въ теченіе всей этой стражи, такъ что случайно проснувшійся ночью обыватель, выждавъ малое время, можетъ узнать, какаѣ въ тотъ моментъ типется смѣта. Въ Пе-

кинѣ, на городской часовой башнѣ, барабанъ имѣетъ около 5 футовъ въ поперечникѣ. Колоколъ пекинскій дворцовой часовой башни одинъ изъ самыхъ крупныхъ на всемъ свѣтѣ, и чрезвычайно звученъ. Въ колоколъ бьютъ не языкомъ, привѣшеннымъ внутри его, а ударяютъ по краю его, спаружу, молоткомъ; такая манера возвышенія времени была когда-то въ ходу по всей Европѣ. Въ Китаѣ бой часовъ иногда сопровождается чтеніемъ разныхъ нравственныхъ изреченій: „Повируйтесь родителямъ, почитайте престарѣлыхъ, не творите беззаконій“ и т. п.

Мы уже упомянули о томъ, что китайцы измѣряли продолжительность ночныхъ стражъ огнемъ. Вотъ какой способъ при этомъ применялся. Дробили въ мелкій порошокъ особое хрупкое дерево и изъ добытой пудры выдѣлывали палочки разной формы, толщиною въ гусиное перо. Эти палочки сжигали въ видѣ жертвенныхъ свѣчей, въ кумирняхъ, и на нихъ же переносили огонь (за отсутствіемъ свѣчекъ). Иногда палочки втыкали въ кучу золь, насыпанной въ металлическую чашу. Палочки горѣли чрезвычайно медленно и равномерно, а потому по ихъ сгѣбванію можно было судить о времени; вдобавокъ къ массѣ, изъ которой онѣ выдѣлывались, пригнѣивали ароматическія вещества, такъ что палочки эти служили вмѣстѣ съ тѣмъ курительными свѣчками. Часто этимъ палочкамъ придавали значительную длину и закручивали ихъ въ видѣ спирали; однимъ концомъ ихъ привѣшивали къ металлическому крюку, а съ нижняго конца зажигали. Такая спираль могла тлѣть непрерывно часъ, два часа, даже цѣлую ночь, смотря по длине. Спирали для ночныхъ смѣтъ дѣлали особыми значками на 5 равныхъ частей, по числу смѣтъ ночи, и по этому указателю отбивали сигналы смѣтъ. Замѣчательно, что въ среднѣ вѣка въ Европѣ употреблялся подобный же „огневой“ приемъ измѣренія времени: брали восковую свѣчу, дѣлили ее отмѣтками на части, и эта раздѣленная свѣча, по мѣрѣ сгорания, указывала время. Людовикъ Святой читалъ свою библію при свѣтѣ такой часовой свѣчи. Карлъ V держалъ въ своей капеллѣ свѣчу, раздѣленную на 24

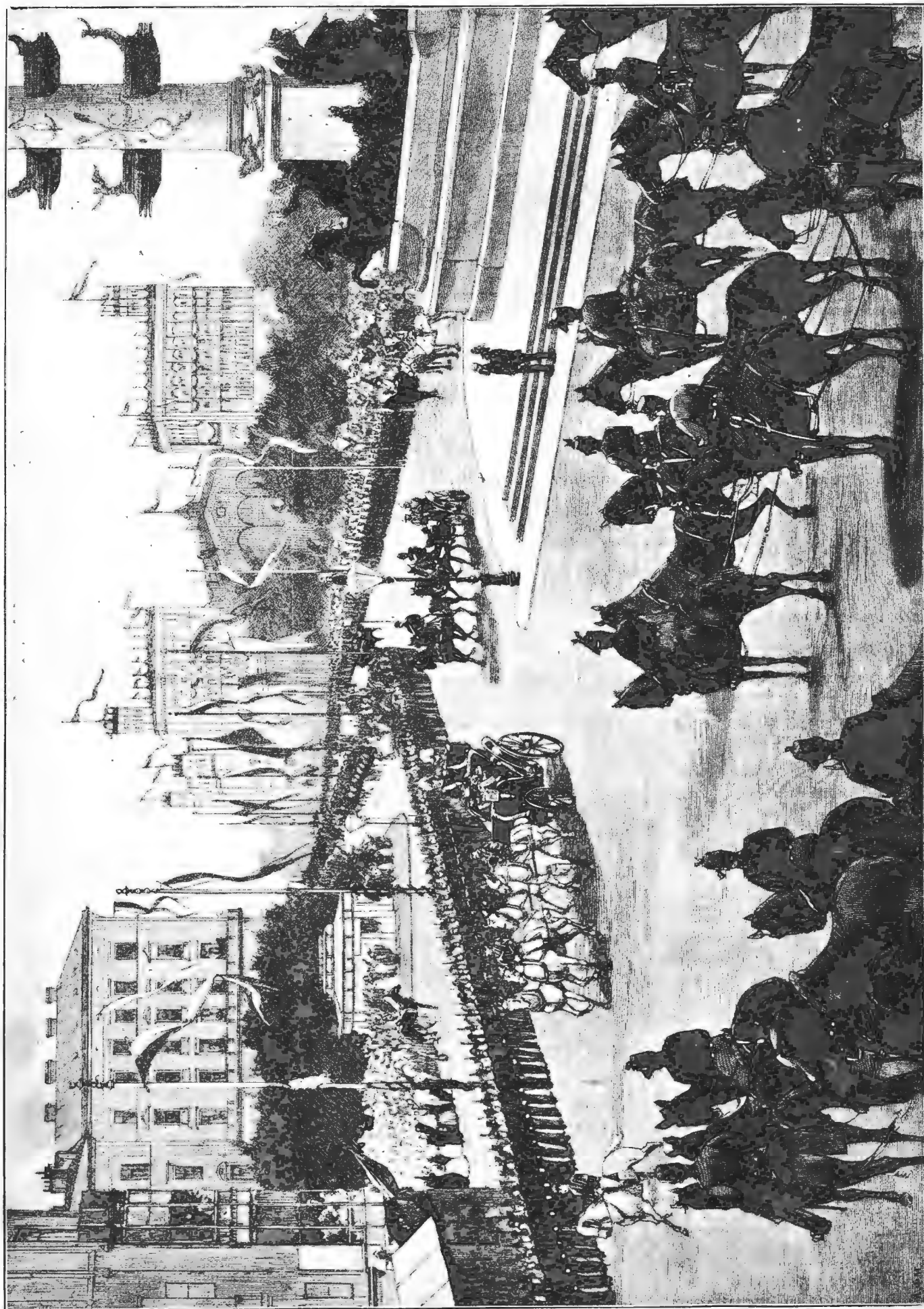

Китайскіе часы.

части, т. е. часа, и особые приставники должны были ему докладывать, сколько частей свѣчи сгорѣло; онъ распредѣлялъ, соответственно тому, свои занятія.

Китайцы приспособили свои тлѣющія палочки къ устройству будильниковъ. Когда кому-нибудь нужно было подняться ночью, въ опредѣленное время, онъ подвѣшивалъ маленькую металлическую гирьку какъ разъ на томъ мѣстѣ тлѣющей спирали, которое соответствовало нужному часу. Въ этотъ отмѣченный моментъ гирька падала въ мѣдный тазъ, и грохотъ отъ ея паденія будилъ спящаго. Было придумано много разныхъ подвѣсокъ и сосудовъ для вмѣщенія тлѣющихъ палочекъ; имъ, напримеръ, придавали видъ длиннаго блюда съ головою и хвостомъ дракона на концахъ.

Первые европейскіе механическіе часы были ввезены въ Китай въ 1654 году, при императорѣ Ши-Цу-Хоангъ-Ти. Это были маленькіе часы съ босмъ, совершенно очаровавшие Сына Неба, который потребовалъ, чтобы китайскіе мастера сдѣлали по этому образцу другіе часы. Китайцы выполнили всѣ части механизма въ точности, но никакъ не могли приготовить хорошей пружины; это искусство оказалось совершенно непознаннымъ китайцамъ. Часы съ плохую пружиною, конечно, шли невѣрно. Въ 1680 г. императоръ Хангъ-Хи основалъ придворную фабрику часовъ, призвавъ въ нее мастеровъ поселившихся въ Китаѣ европейцевъ, свѣдущихъ въ часовой дѣлѣ. Послѣ того европейскіе часы стали быстро распространяться въ Китаѣ, а также и въ Японію, гдѣ вскорѣ появились собственные, туземные, весьма некусные часовщики.

Торжественный въезд Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Вѣну. По рис. Illustrierte Zeitung австрийск. Цивил.

Торжественный въезд Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Вѣну. (Рис. на стр. 907.)

Въ предыдущемъ номерѣ мы сообщали подробности пребывания Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Вѣнѣ; въ настоящемъ номерѣ помѣщаемъ замѣчательный изъ *Illustrirte Zeitung* рисунокъ, изображающій торжественный въезд Ихъ Величествъ въ Вѣну.

П. П. Тыртовъ 1-й. (Портр. на стр. 910.)

Въ № 30 *Пиры* (см. „Разныя извѣстия“) мы уже сообщали о назначеніи на постъ управляющаго морскимъ министерствомъ,—вмѣсто Высочайше уволеннаго, согласно прошенію, генераль-адъютанта, адмирала Чихачова,—предсѣдателя морского технического комитета Добровольнаго флота, вице-адмирала Павла Петровича Тыртова 1-го. Трудно найти болѣе подходящаго человека, которому можно было бы смѣло вручить судьбы русскаго флота и быть увѣреннымъ, что бдительность начальника уметритъ его недостатки, а энергія исправитъ ихъ, и что подъ руководствомъ такого начальника русскій флотъ сохранитъ весь блескъ своей боевой славы. Многолѣтняя опытность, въ пользу которой краснорѣчиво говоритъ то обстоятельство, что вице-адмиралъ Тыртовъ прослужилъ во флотѣ сорокъ четыре года, изъ которыхъ двадцать пять лѣтъ проведены имъ на палубѣ, среди опасностей плаванія,—лучшее ручательство, что ни одинъ изъ недостатковъ нашего флота не останется незамѣченнымъ и ни одно достоинство его не останется незамѣченнымъ. Если къ этому прибавить еще рѣдкую специальную эрудицію и личные достоинства П. П., какъ гуманнаго, отзывчиваго и доступнаго человека, то къ искреннему уваженію моряковъ, съ радостью приветствовавшихъ назначеніе П. П. Тыртова на отвѣтственный постъ управляющаго морскимъ министерствомъ,—безъ всякаго сомнѣнія присоединятся симпатія и надежды всѣхъ, кому дорого дальнѣйшее славное развитіе нашего флота.

Павелъ Петровичъ Тыртовъ происходитъ изъ тверскихъ дворянъ и имѣетъ предками лицъ, не мало потрудившихся въ славу роднаго флота. Такъ, еще при Петрѣ Великомъ, смѣлая и удачная атака полковника Тыртова на Ладожскомъ озерѣ, во время войны со шведами въ 1702 г., имѣла своимъ послѣдствиемъ переходъ и закрѣпленіе этого озера въ нашихъ рукахъ.

П. П. Тыртовъ родился 3 іюля 1836 г. въ имѣніи своего отца, въ Тверской губ. Съ 1847 по 1854 годъ онъ пробылъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда вышелъ мичманомъ и готчасъ же былъ назначенъ на корабль „Виллагонъ“, входившій въ составъ эскадры, которая должна была во время крымской кампаніи преградить неприятелю входъ въ крымскій рейдъ. По окончаніи войны П. П. Тыртовъ поступилъ въ Николаевскую морскую академію, которую успѣшно окончилъ въ 1857 г. По выходѣ изъ академіи и послѣдовавшемъ вскорѣ производствѣ въ чинъ лейтенанта начинается долгая служебная дѣятельность П. П. на морѣ, въ которой отмѣнены назначеніе П. П. командиромъ шлюпочной лодки „Стерлядь“ (1858 г.), кругосвѣтное плаваніе на корветѣ „Аскольдъ“

(1872—1879 г.), командованіе съ 1879—1880 г. пловучей батареей „Не тропь моря“, съ 1880—1881 г.—броненоснымъ фрегатомъ „Князь Пожарскій“, а съ 1881 по 1884 г.—фрегатомъ „Владимиръ Мономахъ“. Въ 1886 г. состоялось назначеніе П. П. Тыртова помощникомъ начальника главнаго морского штаба, а въ 1891 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ эскадры въ Тихомъ океанѣ. 1-го августа 1893 г. послѣдовало назначеніе П. П. начальникомъ главнаго управления кораблестроенія и снабженій и предсѣдателемъ комитета Добровольнаго флота, а съ 16 октября 1894 г. П. П. состоитъ членомъ конференціи Николаевской морской академіи. П. П. Тыртовъ имѣетъ всѣ русскіе ордена до св. Владимира 2-й степени включительно, а изъ иностранныхъ: греческій—орденъ Спасителя, французскій—Почетнаго Легіона, прусскій—Краснаго Орла со звѣздой, и японскій—Восходящаго Солнца.

Ө. К. Авеланъ. (Портр. на стр. 910.)

Согласно Высочайшему приказу отъ 13-го іюля н. г. помощникъ начальника главнаго морского штаба, контръ-адмиралъ Ө. К. Авеланъ назначенъ исправляющимъ должность начальника того же штаба. Имя контръ-адмирала Авелана получило широкую извѣстность со времени тулонскихъ празднествъ, когда нашимъ морякамъ средиземной эскадры, во главѣ съ ихъ начальникомъ адмираломъ Авеланомъ, были устроены французами такія восторженныя оваціи.

Өдуръ Карловичъ Авеланъ родился 31-го августа 1839 г. въ г. Ловицѣ, Юлаидской губерніи. Отецъ его служилъ поручикомъ въ одномъ изъ русскіхъ батальоновъ, расположенныхъ въ Финляндіи. На одиннадцатомъ году мальчикъ былъ отданъ въ морскую кадетскій корпусъ. Служебная дѣятельность Ө. К. началась съ 1855 г., когда, въ качествѣ гардемарина, онъ поступилъ въ балтійскій флотъ. Черезъ два года, уже мичманомъ, Ө. К. отправился въ кругосвѣтное плаваніе, но возвращеніи изъ котораго онъ довольно быстро пошелъ впередъ по службѣ: въ 1878 г. Ө. К. самостоятельно командовалъ уже крейсерами „Азія“, а затѣмъ клинеромъ „Вѣстникъ“; въ 1884 г. ему было поручено командованіе корветомъ „Рында“, въ 1885—фрегатомъ „Свѣтлана“, а въ слѣдующемъ году онъ былъ командованъ въ отрядъ корветъ „Рында“, которымъ Ө. К. и командовалъ по 1890 г. Совершивъ въ 1889 г. послѣднее плаваніе, Ө. К. 1 января 1891 года удостоился производства въ контръ-адмирала. Въ 1893 и 1894 гг. онъ былъ командиромъ эскадры въ Средиземномъ морѣ.

1 января 1895 г. Ө. К. получилъ назначеніе на должность помощника начальника главнаго морского штаба. Ө. К. имѣетъ всѣ русскіе ордена до св. Анны 1-ой ст. включительно и нѣсколько иностранныхъ, изъ которыхъ слѣдуетъ упомянуть объ офицерскомъ крестѣ св. Маврикія и Лавра, пожалованномъ ему итальянскимъ королемъ, и командорскомъ крестѣ Почетнаго Легіона, связанномъ съ воспоминаніями о тулонскихъ празднествахъ. По случаю своего назначенія на должность начальника главнаго морского штаба, вице-адмиралъ Авеланъ получилъ изъ Франціи множество поздравленій и адресъ въ роскошномъ сафьянномъ перенесѣ изъ Парижа.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границую.

22 августа, въ 7 часовъ вечера, Ихъ Величества отбыли изъ Кіева за границу. Телеграммой отъ 24 августа министръ Императорскаго Двора сообщилъ, что Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ Великою Княжною Ольгою Николаевною прибыли въ Бреславль въ девять часовъ утра.

Въ телеграммахъ, печатающихся въ ежедневныхъ газетахъ, мы находимъ слѣдующее описаніе прибытія и пребыванія Ихъ Величествъ въ Бреславль. „Когда Ихъ Величества вышли изъ Императорскаго вагона, почетный караулъ 11-го полка отдалъ честь; музыка исполнила встрѣчу. На вокзалѣ находились: германская императорская чета, принцы Генрихъ, Фридрихъ-Леопольдъ, Альбрехтъ, остальные принцы и принцессы, наследная принцесса Мейнингенская, вся свита, генералитетъ, высшія военныя и гражданскія власти, имперскій канцлеръ, статсъ-секретарь Маршалъ и другіе. Императоръ Вильгельмъ и вышеперечисленные три принца были въ русскіхъ мундирахъ, Государь Императоръ въ мундирѣ прусскаго имени императора Александра полка, Государыня Императрица—въ бѣломъ платьѣ, императрица германская—въ шелковомъ платьѣ цвѣта „saumon“. Ихъ Величества сердечно поздоровались. При входѣ фронта почетнаго караула, при чемъ императоръ Вильгельмъ велъ Государыню Императрицу, Государь Императоръ—германскую императрицу, музыка исполнила русскій народный гимнъ. Августѣйшія особы прослѣдовали затѣмъ въ королевскія комнаты, послѣ чего почетный караулъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ предъ обоими императорами. Затѣмъ небольшой прожегютокъ времени былъ употребленъ на взаимное представленіе саювниковъ, и Государь Императоръ съ Государыней Императрицей отбыли въ областной домъ, назначенный для пребыванія Ихъ Величествъ. Впереди шелъ эскадронъ 8-го гусарскаго имени Императора Николая II полка, затѣмъ

слѣдовали запряженный четверкой придворный экипажъ съ двумя Императорами, при чемъ императоръ Вильгельмъ сидѣлъ по лѣвую руку Государя Императора; въ такомъ же экипажѣ ѣхали далѣе обѣ Императрицы. Процессія замыкала эскадронъ 2-го гвардейскаго драгунскаго имени Императрицы Александры Ѳеодоровны полка. Съ вокзала до областного дома шпалерами стоялъ полкъ имени императора Александра. Отъ этого же полка у областного дома выставленъ былъ почетный караулъ. Здѣсь Ихъ Величества обошли фронтъ караула, который затѣмъ прошелъ предъ Императорами. Музыка исполнила при этомъ русскій гимнъ. Германская императорская чета проводила Ихъ Величества въ областной домъ, обращенный во дворецъ. Публика повсюду приветствовала Высочайшихъ Гостей. Погода была прекрасная.

„Около половины 11-го часа Государь Императоръ и Государыня Императрица были съ визитомъ у германской императорской четы, которая передъ тѣмъ завтракала у Ихъ Императорскихъ Величествъ въ областномъ домѣ. Послѣ краткаго визита обѣ Императорскія Четы отбыли на парадъ въ двухъ экипажахъ à la Daumont, оба Императора въѣхали, такъ же, какъ и обѣ Императрицы. Императоръ Вильгельмъ былъ въ полномъ генеральскомъ мундирѣ и сидѣлъ по лѣвую руку Государя Императора, императрица германская сидѣла по лѣвую руку Государыни. Государь Императоръ былъ въ мундирѣ полка имени императора Александра. При роскошной погодѣ на Гандзускомъ полѣ состоялся парадъ 6-му корпусу. Оба Императора объѣхали фронтъ верхомъ, обѣ Императрицы—въ экипажѣ. Влепящая свита сопровождала объѣздъ, во время котораго музыка исполнила русскій гимнъ. Объѣздъ состоялся дважды. Затѣмъ конница пронеслась галопомъ. Государь Императоръ находился по лѣвую руку императора Вильгельма. Императоръ провелъ предъ Государемъ 2-й гравадерскій полкъ. По всему

пути отъ Гаудаускаго поля до центра города народъ стоялъ густыми массами. Военные союзы стояли шпалерами. „Ура“ раздавалось не смолкая.

„Съ парада Государь Императоръ, по собственному желанію, прослѣдовалъ вмѣстѣ съ императоромъ Вильгельмомъ, во главѣ знаменныхъ рогъ и штабартныхъ эскадроновъ, вилоть до королевскаго замка, а оттуда, во главѣ знаменъ Александровскаго полка—до областного дома, куда были внесены знамена. Нѣсколько времени спустя, императоръ и императрица германскіе побѣхали въ областной домъ, гдѣ былъ сервированъ завтракъ на четыре куверта, то-есть исключительно для обоихъ Императоровъ и обеихъ Императрицъ.

„Сердечный приемъ, оказанный въ Бреславлѣ Русской Императорской Четѣ съѣхавшейся сюда массами публикою, превратился, при появленіи Государя и Государыни на улицахъ и на всемъ пути слѣдованія Ихъ Императорскихъ Величествъ къ плацъ-параду, въ восторженную овацію. Какъ при слѣдованіи Августѣйшихъ Гостей на парадъ, такъ и при возвращеніи съ парада, публика оглашала воздухъ громовыми „ура“. Особенно густыми массами толпилась постоянно публика передъ областнымъ домомъ, гдѣ имѣли пребываніе Ихъ Императорскія Величества. Несмотря, однако, на скопленіе такой массы народа, соблюдался повсюду образцовый порядокъ. Улицы приняли видъ лѣса изъ флаговъ; у всѣхъ домовъ возвышаются мачты, между которыми протянуты красивыя гирлянды изъ зелени. Въ окрестностяхъ областного дома преобладаютъ русскіе флаги. Надъ богато разукрашеннымъ областнымъ домомъ развѣвается Императорскій штандартъ. Въ витрины магазиновъ и большая часть фасадовъ тоже роскошно убраны флагами и сдѣланными со вкусомъ украшениями изъ цвѣтвъ и зелени, обрамляющими бюсты Русской и германской Императорской Четы.

„Въ 9^{1/2} час. вечера передъ королевскимъ замкомъ состоялась, подъ управленіемъ Росберга, зари съ церемоніею. Блистательно иллюминированныя улицы были наполнены толпами народа. Всѣ музыканты полковъ, въ сопровожденіи 200 солдатъ съ факелами магии, направилась къ замку при звукахъ войскового марша. Концертъ начался русскимъ народнымъ гимномъ, послѣ чего были исполнены разные войсковые марши, презентиръ-марши и народныя пѣсни. Высочайшія Особы вышли на террасу замка и милостиво отвѣчали во вѣ стороны поклонами на приветственныя возгласы публики. Исполненная затѣмъ зари завершилась молитвою и долгою барабанныю дробью. Присутствіе Русской и германской Императорской Четы, замѣчательно красивой иллюминаціи и благоговѣйное поведеніе народныхъ массъ оставили во всѣхъ впечатлѣніе, которое долго не выгладится.

„На слѣдующій день, въ 12^{1/2} час. дня, состоялся фамильный завтракъ у Русской Императорской Четы. На завтракъ, сервированномъ въ большомъ залѣ празднествъ областного дома на 24 куверта, присутствовали: всѣ принцы и принцессы королевскаго дома, а также иностранныя августѣйшія особы. Императоръ Вильгельмъ и Государыня Императрица Александра Феодоровна сидѣли напротивъ Государя Императора и императрицы Августы-Викторіи. Императоръ Вильгельмъ прѣѣхалъ къ Государю Императору уже въ 11^{1/2} час., въ 12^{1/2} часовъ прибыла въ областной домъ императрица германская.

„Въ 2 часа пополудни, Государь Императоръ принималъ имперскаго канцлера въ продолжительной аудіенціи. Позже Государь позволилъ принимать офицеровъ Своего гусарскаго полка. Послѣ завтрака имѣли счастье представляться Государынь Императрицъ офицеры Ея драгунскаго полка.

„Императоръ Вильгельмъ совершилъ послѣ полудня прогулку. Тѣмъ временемъ Государь Императоръ и Государыня Императрица дѣлали визиты находящимся въ Бреславлѣ принцамъ и принцессамъ. Государыня Императрица вернулась въ областной домъ въ 5^{1/2} часовъ. Государь Императоръ, сдѣлавъ визитъ германскому канцлеру, возвратился въ 6 час. Многочисленныя начальствующія лица и представители аристократіи оставили въ теченіе дня въ областномъ домѣ свои карточки. Имперскій канцлеръ сдѣлалъ статью-секретарю Шинкшну визитъ, продолжавшійся болѣе полчаса.

„Въ 7 час. веч. въ замкѣ состоялся парадный обѣдъ на 325 кувертовъ. За обѣдомъ императрица Викторія-Августа сидѣла по лѣвую руку Государыни Императрицы, сдѣла отъ императрицы Викторіи-Августы—Государь Императоръ, а справа отъ Государыни Императрицы—императоръ Вильгельмъ. Напротивъ Государыни Императрицы и императора Вильгельма занялъ мѣсто имперскій канцлеръ, напротивъ императрицы германской и Государя Императора—наслѣдственный принцъ мейнингенскій. Игралъ хоръ музыки 10-го грендерскаго полка.

„Во время обѣда императоръ Вильгельмъ обратился къ Государю Императору съ слѣдующею заздравною рѣчью:

„«Прону дозволенія Вашихъ Величествъ повергнуть къ стопамъ Вашихъ Величествъ чувства моей сердечнѣйшей благодарности за милостивый визитъ, сдѣланный Вами намъ сегодня, и за честь, которая выпала на долю 6-му армейскому корпусу, дефилировавшему передъ Вами. Ликованія, которыми встрѣчены были въ Бреславлѣ Ваши Величества, служатъ выраженіемъ чувствъ не только этого города, не только Си-

лезской провинціи, но всего моего народа. Въ Особѣ Вашего Величества народъ мой приветствуетъ носителя старой традиціи и оплотъ мѣра. Притомъ онъ Васъ приветствуетъ на той землѣ, на которой однажды увѣнчанный славою предокъ Вашего Величества встрѣтился съ моимъ прадедомъ. Чувства, которыя я и весь народъ нашъ питаемъ къ Вашему Величеству, я могу выразить въ возгласѣ: „Да благословитъ, хранитъ и сберегаетъ Господь Богъ Ваше Величество ко благу Европы. Вашимъ Величествамъ, Императору и Императрицѣ ура! ура! ура!»

„Государь Императоръ отвѣтилъ на французскомъ языкѣ: „Благодарю Ваше Величество за только что сказанныя вами слова, равно какъ и за приемъ, оказанный Мнѣ въ Бреславлѣ. Могу васъ увѣрить, Государь, что Я воодушевленъ тѣми же традиционными чувствами, какъ и Ваше Величество. Пью здоровье Вашего Величества и Ея Величества Императрицы. Ура!»

„Парадный спектакль 25 августа прошель блистательно. Первый ярусъ ложъ былъ весь занятъ дамами, принадлежащими къ высшей аристократіи; прочіе ярусы были наполнены отборною публикою, а въ партерѣ сидѣли офицеры, высшіе гражданскіе чиновники, дворяне и т. д. Дамы были въ блестящихъ туалетахъ, съ живыхъ брилліантами. Ихъ Величества вошли въ королевскую ложу ровно въ 8^{1/2} час. и были приветствованы твоекратнымъ тушемъ, послѣ чего были исполнены русскій народный гимнъ. Весь театральныи залъ былъ богато убранъ гирляндами изъ дубовыхъ листьевъ, перевитыми астрами. Спектакль начался вторымъ дѣйствіемъ оперы Вагнера „Морикъ скиталецъ“, по окончаніи котораго Ихъ Величества изволили кушать чай въ фойе. За Ихъ Величествами сидѣли въ королевской ложѣ принцы, принцессы и другія августѣйшія особы. Затѣмъ, была исполнена одноактная пьеса „Militärfromm“. Государь Императоръ и Государыня Императрица оставались въ театрѣ до окончанія представленія. Когда Ихъ Величества поднялись съ мѣстъ, публика огласила воздухъ твоекратнымъ восторженнымъ „ура“. Ихъ Величества отвѣчали милостивыми поклонами. Въ театрѣ господствовало праздничное, жизнерадостное настроеніе. Во время представленія Императоръ оживленно и неоднократно бесѣдовалъ съ княземъ Гацфельдомъ, сидѣвшимъ въ ложѣ рядомъ съ королевскою. Послѣ спектакля Русская Императорская Чета вернулась въ областной домъ, а императоръ и императрица германскіе—въ замокъ. Ихъ Величества были предметомъ восторженныхъ овацій со стороны публики, несмотря на дождливую погоду, наполнявшей густыми массами улицы.

„Въ театрѣ императоръ Вильгельмъ, равно какъ принцы Альбрехтъ, Генрихъ и Фридрихъ-Леопольдъ были въ русскіихъ мундирахъ, а Государь Императоръ въ мундирѣ Своего вестфальскаго гусарскаго полка. Обѣ Императрицы были въ великолѣпныхъ туалетахъ, въ діадемахъ и брилліантовыхъ ожерельяхъ. На спектаклѣ присутствовали также: имперскій канцлеръ, русскіе сановники, статья-секретарь фонъ-Маршалъ, князь Радоминъ, бывшіе германскіе послы въ Петербургѣ—генераль Вердеръ и Швейницъ и многія другія высокопоставленныя лица.

„26 августа, въ 7^{1/2} час. утра, германская императорская чета заѣхала за Ихъ Императорскими Величествами въ областной домъ. Передъ Императорскимъ экипажемъ скакать эскадронъ гусарскаго полка, Шефомъ котораго состоитъ Государь Императоръ; въ замѣтъ слѣдовалъ эскадронъ 2-го гвардейскаго Императрицы Веевропейской Александры полка. Стоявшая на пути слѣдованія густыми массами публика приветствовала Ихъ Величества восторженными „ура“. Въ 7 час. 55 мин. Ихъ Величества прибыли въ вокзалъ, гдѣ были встрѣчены обѣими свитами, полицейскимъ президентомъ и комендантомъ города. Наслѣдний принцъ Мейнингенскій сопровождалъ Ихъ Величества. Почетный караулъ былъ отъ Александровскаго полка. Ровно въ 8 ч., при звукахъ русскаго народнаго гимна, придворный побѣдъ отошелъ.

„Въ 10 час. 40 мин. утра, Ихъ Величества съ императоромъ и императрицею германскими прибыли въ Гёрлицъ и были встрѣчены оберъ-президентомъ, репрингсъ-президентомъ, ландратомъ и городскими властями. На дебаркадерѣ оберъ-бургометръ приветствовалъ Ихъ Величества краткою рѣчью, закончивъ ее словами: „Добро пожаловать, добро пожаловать отъ всей души!“ Императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ, что ему очень пріятно посѣтить вновь прекрасный городъ Гёрлицъ. Затѣмъ Ихъ Величества сѣли въ запряженные шестеркою лошадей экипажи. Оба Императора ѣхали впереди, за ними слѣдовали обѣ Императрицы. Улицы, по которымъ слѣдовалъ кортежъ, были прекрасно убраны, и стоявшие шпалерами фрейлины, ремесленныя корпораціи и воспитанники учебныхъ заведеній оглашали воздухъ радостными, восторженными кликами. Передъ экипажемъ Императоровъ скакалъ полускадронъ 2-го лейбъ-гусарскаго полка, за экипажемъ Императрицъ слѣдовали другой полускадронъ того же полка. На всѣхъ ложахъ и на мачтахъ развѣвались флаги, въ томъ числѣ много русскіихъ и италіянскіихъ. Приемъ, оказанный Ихъ Величествамъ, былъ вообще очень сердечный.

„Въ первомъ часу дня состоялся Высочайшій смотръ войскъ, который прошель такъ же блистательно, какъ и въ Бреславлѣ.

Императоръ Вильгельмъ провелъ дважды предъ Государемъ Императоромъ королевскихъ гренадеръ и лейбъ-кирасиръ, а Его Величество провелъ предъ германскимъ императоромъ полкъ александровскихъ уланъ. Каждый разъ, какъ Монархи становились во главѣ названныхъ полковъ, въ многотысячной толпѣ раздавалось бурное троекратное „ура“. После того какъ

императоръ Вильгельмъ приказалъ корпусу выстроиться въ двѣ линіи и объѣхать верхомъ съ Государемъ Императоромъ по фронту подъ звуки русскаго гимна, между тѣмъ какъ обѣ Императрицы совершили объѣздъ въ экипажѣ. На всемъ пути Ихъ Величества были привѣтствованы съ восторгомъ. Въ 2^{3/4} часа дня, Государь Императоръ и императоръ Вильгельмъ возвратились съ парада верхами, во главѣ знаменныхъ ротъ и штандартныхъ эскадроновъ.

„Государь ѣхалъ между императоромъ и командиромъ корпуса Зексомъ до сословнаго дома. У сословнаго дома оба Императора остановились и остались на коняхъ, пока не прошли все знаменныя и штандартныя отряды. Затѣмъ, оба Императора вошли въ сословный домъ, гдѣ въ 4^{1/4} часа состоялся обѣдъ, на которомъ присутствовали Ихъ Величества и русская свита.

„Отъѣздъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Феодоровны изъ Гёрлица въ Киль, послѣдовавшій въ тотъ же день, превратился въ величественную овацію. По всему пути шалерами стоялъ шестой гренадерскій полкъ, отдавшій честь при проѣздѣ Ихъ Величествъ. У вокзала стояли вальштедскіе кадеты. Эскортировали, какъ и при прибытіи Ихъ Величествъ, 6-й лейбъ-гусарскій полкъ. Бурное „ура“ раздавалось изъ рядовъ публики, сплошной стѣной стоявшей позади шалера войскъ. Городъ былъ роскошно иллюминированъ, особенно Почтовая площадь. Все присутствовавшій въ Гёрлицѣ Августѣйшіи особы, придворныя чины и импера-

торская главная квартира заранѣе собрались на вокзалъ и ожидали прибытія Ихъ Величествъ, которое состоялось въ неходѣ шестого часа. Императоръ Вильгельмъ былъ въ русскомъ мундирѣ, Государь Императоръ — въ мундирѣ Своего германскаго гусарскаго полка. После сердечнаго прощанія Ихъ Величествъ въ залѣ вокзала, Монархи обошли фронтъ почетнаго караула отъ 6-го гренадерскаго полка, стоявшаго на дебаркадерѣ со знаменемъ и музыкой, которая исполняла русскій гимнъ. Затѣмъ, Ихъ Величества снова простились. Государь Императоръ поцѣловалъ руку германской императрицы, императоръ Вильгельмъ — руку Государыни Императрицы. Императрицы облобызались, видимо взволнованныя. Оба Императора обнялись, и Государь съ Государыней вошли въ вагонъ Императорскаго поѣзда, который отошелъ при звукахъ русскаго гимна. Ихъ Величества кланялись на ходу поѣзда.

„Послѣ ухода поѣзда, германская императорская чета возвратилась въ областную домъ. Во время наряднаго обѣда 27 августа, императоръ и императрица германскіе сидѣли рядомъ. Надѣво отъ императрицы сидѣлъ графъ Турнискій, направо отъ императора Вильгельма — принцъ Лудвигъ Баварскій. Напротивъ ихъ величествъ занималъ мѣсто генералъ Зеектъ, направо отъ него — Вальдерее, надѣво — генералъ Гольцъ. После второго блюда императоръ Вильгельмъ провозгласилъ тостъ въ честь 5-го корпуса. Поблагодаривъ за прекрасную выдержку,

императоръ высказалъ далѣе слѣдующее: „Особенно же высказываю вамъ и корпусу моему радостную признательность за то, что вамъ выпало на долю выказать свою чудесную выдержку передъ глазами моего Возлюбленнаго Сосѣда и Брата, Его Величества Императора Россійскаго. Мы все находимся еще подъ очарованіемъ японеской фигуры Императора-Рыцаря, и передъ нашими глазами витаетъ Его обликъ, какимъ мы Его видѣли впереди полка Его почившаго Родителя. Онъ, стоящій во главѣ могущественнѣйшей арміи, желаетъ употребить свои войска только для служенія культурѣ и на охрану мира. Въ полномъ единодушіи со мною, Онъ стремится къ тому, чтобы объединить все народы европейскаго материка на почвѣ общихъ интересовъ и на защиту священнѣйшихъ благъ“. После обѣда состоялась большая вечерняя зари.

„26 августа Государь Императоръ и Государыня Императрица въ полночь прибыли въ Берлинъ на пути изъ Гёрлица въ Киль и тотчасъ прослѣдовали далѣе. Официальнаго приѣма не было.

„Въ Киль Государь Императоръ и Государыня Императрица прибыли въ 10 часовъ утра. На вокзалѣ находились: принцъ Генрихъ и наследный принцъ — оба въ русскіихъ мундирахъ, принцесса Ирена, принцъ Вальдемаръ, все мѣстныя высшіе морскіе офицеры и командиры прибывшей сюда утромъ эскадры. Государь Императоръ съ принцемъ Генрихомъ и наследнымъ принцемъ обошелъ почетный караулъ отъ морскаго батальона, который затѣмъ про-

цѣдился предъ Его Величествомъ. Съ вокзала отбыли: Государыня съ принцессой Иреной и принцемъ Вальдемаромъ въ первомъ экипажѣ, Государь съ принцемъ Генрихомъ — во второмъ. Экипажи прослѣдовали до Левенскаго моста, откуда водою Ихъ Величества и высочества отбыли въ замокъ. Вокзалъ былъ роскошно украшенъ гирляндами, германскими и русскими флагами и эмблемами. Такъ же убранны главною телеграфное управленіе и суда въ портѣ. Весь путь отъ вокзала до замка чудесно украшенъ гирляндами цвѣтовъ, флагами русскіихъ и германскіихъ цвѣтовъ. Особенно выделяется вокзальная площадь, гдѣ съ одной стороны самъ вокзалъ, съ другой — зданіе почты и телеграфа, а также гостиницы представляютъ очаровательное зрѣлище. Залы вокзала были роскошно декорированы. Предъ вокзаломъ съ утра стояла густая толпа народа.

„Государь Императоръ и принцъ Генрихъ осматривали новую яхту принца Генриха „Esperanza“ и въ 5^{1/4} часовъ возвратились въ замокъ. Вокругъ замка, на мосту Барбароссы, по всей набережной и вездѣ, гдѣ предпологалась возможность увидать Государя и Государыню, народъ стоялъ сплошной толпой. При проѣздѣ Ихъ Величествъ повсюду раздавалось безконечное „ура“. Погода весь день стояла чудесная.

„Послѣ обѣда Государю и Государыни представлялись адмиралы и командиры. Ихъ Величества почтили адмирала Кнорра продолжительной бесѣдой. Позже Государыня Императрица съ принцессой Иреной и принцемъ Вальдемаромъ совершили прогулку въ Дюстерброкъ по каналу императора Вильгельма и осматривали мостъ Левензау. Государь Императоръ съ принцемъ Генрихомъ осматривали судно „Курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ“ и крейсеръ „Императрица Августа“. После чего отправились на суда „Бранденбургъ“ и „Вёртъ“, гдѣ были про-

Вице-адмиралъ П. П. Тыртовъ I-й, вновь назначенный управляющій морскимъ министерствомъ. Съ фотогр. грав. Хелмицкій.

Контръ-адмиралъ В. К. Авеланъ, вновь назначенный начальникъ главнаго морскаго штаба. Съ фотогр. грав. Хелмицкій.

Иреной и принцемъ Вальдемаромъ совершили прогулку въ Дюстерброкъ по каналу императора Вильгельма и осматривали мостъ Левензау. Государь Императоръ съ принцемъ Генрихомъ осматривали судно „Курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ“ и крейсеръ „Императрица Августа“. После чего отправились на суда „Бранденбургъ“ и „Вёртъ“, гдѣ были про-

изведены упражненія въ стрѣльбѣ изъ орудій, къ которымъ Его Величество отнесся съ большимъ интересомъ.

„Наслѣдный принцъ послѣ встрѣчи Ихъ Величествъ возвратился въ Пленъ.

„Въ тотъ же день, вечеромъ, Ихъ Величества вмѣстѣ съ великой княжной Ольгой Николаевной на Императорской яхтѣ „Полярная Звѣзда“ отбыли въ Копенгагенъ. Принцъ Генрихъ съ сунуругою и принцъ Вальдемаръ простились въ 6 ч. 45 м. на яхтѣ „Полярная Звѣзда“ съ Ихъ Императорскими Величе-

ствами и тотчасъ отправились на „Hohenzollern“, откуда слѣдуютъ за отплытіемъ Императорской яхты. Въ моментъ ухода яхты, германскими военными судами произведенъ былъ салютъ изъ орудій. На „Полярной Звѣздѣ“ хоръ музыкантовъ игралъ въ это время прусскій народный гимнъ. Проходя мимо „Hohenzollern“, Императорская яхта произвела салютъ. Со всѣхъ судовъ раздавались громовыя „ура“ командъ. Въ 7 ч. 5 м. веч. „Полярная Звѣзда“ ушла въ море.“

Политическое обозрѣніе.

Энергичное внимательство пословъ, добивавшихся скорѣйшаго разрѣшенія критскаго вопроса, заставило наконецъ султана опубликовать новый органическій законъ о дарованныхъ Криту реформахъ, встрѣченный общей радостью критянъ, которые не могутъ не быть благодарны Европѣ за такое благодѣтельное внимательство. Уступки критянамъ, сдѣланныя по соглашенію съ Портою на основаніи предложеній пословъ, сводятся по существу къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) султанъ назначаетъ генералъ-губернатора христіанскаго неовѣданія на пятилѣтній срокъ съ согласія державы; 2) генералъ-губернаторъ пользуется правомъ вето относительно вогтируемыхъ народнымъ собраніемъ резолюцій и законовъ, за исключеніемъ измѣненій въ конституціи, подлежащихъ утвержденію султана. По истеченіи двухмѣсячнаго срока законы считаются утвержденными; 3) въ случаѣ возникновенія безпорядковъ на островѣ, генералъ-губернаторъ можетъ располагать турецкими войсками, но въ обыкновенное время послѣднія должны оставаться въ своихъ мѣстахъ расположенія; 4) генералъ-губернаторъ пользуется правомъ назначенія на низшія должности, но высшія должностныя лица назначаются султаномъ; 5) двѣ трети офицерскихъ мѣстъ предоставляется христіанамъ, треть — мусульманамъ; 6) выборы въ народное собраніе производятся каждые два года по крайней мѣрѣ; черезъ годъ должна быть сессія, продолжающаяся отъ 40 до 80 дней. Собраніе вогтируетъ бюджетъ, проверяетъ отчетность и предложенія генералъ-губернатора. Для измѣненій въ конституціи требуется двѣ трети голосовъ. Никакой законъ не можетъ быть примѣняемъ безъ согласія собранія; 7) направленныя къ увеличенію бюджета предложенія не могутъ быть обсуждаемы безъ участія въ дѣлѣ генералъ-губернатора, административнаго совѣта и подлежащихъ властей; 8) согласно фирману 1887 года, вступить въ силу предусмотрѣнное употребленіе половины таможенныхъ доходовъ на нужды острова; 9) реорганизация жандармеріи **будетъ произведена** особою комиссіей, въ составъ которой войдутъ также европейскіе офицеры; 10) судебная реформа **поручается комиссіи**, въ которой участвуютъ и иностранцы юристы; 11) согласно закону, генералъ-губернаторъ разрѣшаетъ изданіе книгъ и газетъ, равно какъ открытіе типографій и ученыхъ обществъ; 12) африканскіе эмигранты могутъ селиться на островѣ не иначе, какъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора. Генералъ-губернаторъ можетъ, безъ ущерба предоставленнымъ иностранцамъ правамъ, высылать лицъ, лишенныхъ средствъ къ существованію или угрожающихъ общественной безопасности; 13) собраніе соберется полгода спустя по утвержденіи наложенныхъ уступокъ. Выборы будутъ произведены на основаніи закона 1888 г. Тѣмъ време-

немъ генералъ-губернаторъ при содѣйствіи административнаго совѣта будетъ издавать временныя распоряженія для исполненія настоящихъ постановленій; 14) державы примутъ мѣры къ обезпеченію выполненія уступокъ. Представители державъ полагаютъ, что причиненные послѣдними событіями убытки должны быть покрыты повышеніемъ таможенныхъ пошлинъ.

Такимъ образомъ критскій вопросъ, въ теченіе лѣта приковывавшій вниманіе всѣхъ державъ, можно считать покоиченнымъ, если, конечно, Портою, проводя реформы въ ливанъ, будетъ руководиться тѣми же благими цѣлями, какія заставили ее согласиться на уступки, предложенныя державами.

Сомель со сцены критскій вопросъ, но зато тѣмъ настойчивѣе выдвигается армянскій. Кровавые безпорядки на улицахъ Константинополя, вызванные нападениемъ кучки революціонеровъ на оттоманскій банкъ (см. № 35 *Новы*), по взрыву мусульманскаго фанатизма и числу невинно павшихъ жертвъ (по послѣднимъ извѣстіямъ погибло 7,000 армянъ), представляются ужасающимъ слѣдствіемъ сравнительно ничтожной причины. Поведеніе Порты во время разыгравшихся безпорядковъ, которая должна была употребить всѣ усилія къ ихъ немедленному прекращенію, было таково, что даже въ коллективной устной нотѣ пословъ отъ 22 августа, отмѣченъ фактъ равнодушнаго отношенія правительства къ буйству и, болѣе того — дѣятельнаго участія въ цѣланныхъ неистовствахъ со стороны отдѣльныхъ гражданскихъ и военныхъ органовъ администраціи. Безпорядки мало-по-малу затихаютъ, населеніе возвращается къ обычнымъ занятіямъ, и только среди армянъ царствуетъ паника, вызываемая массовыми арестами и угрозами со стороны мусульманъ. Дѣятельность чрезвычайнаго суда, производящаго разслѣдованіе по дѣлу объ армянскихъ безпорядкахъ, не можетъ похвалиться безпристрастіемъ, которое одно могло бы подѣйствовать успокоительно: въ то время, какъ по отношенію къ армянамъ достаточны для обвинительнаго приговора лишь подозрѣнія, по отношенію къ курдамъ оказываются недостаточными явные улики! Державы не перестаютъ наблюдать за дѣйствіями турецкихъ властей; такъ, за слѣдствіемъ падъ 600 армянами, нашедшими прибѣжище въ русскомъ посольствѣ, строго слѣдитъ русское консульство. Кучка армянъ-революціонеровъ, нававшихъ на оттоманскій банкъ, по сообщенію телеграммъ отъ 23 августа, прибыла изъ Константинополя на почтовомъ пароходѣ „Gironde“ въ Марсель; въ ожиданіи предстоящей отправки ихъ въ Нью-Йоркъ прибывшіе армяне заключены въ тюрьму, но, въ виду того, что султанъ обѣщалъ имъ жизнь и свободу, они ходатайствуютъ объ отпущеніи ихъ на волю.

Библиографія.

Памяти Н. В. Стасовой. СПб. 1896. Ц. 50 к.

27-го сентября 1895 г. скончалась, 74-хъ лѣтъ отъ роду, Надежда Васильевна Стасова, неутомимая общественная дѣятельница и основательница Общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на СПб. высшихъ женскихъ курсахъ. О дѣятельности покойной на страницахъ *Новы* (№ 41, 1895 г.) нами помѣщенъ былъ своевременно подробный очеркъ, поэтому мы не будемъ возвращаться къ известнымъ уже нашимъ читателямъ даннымъ. Лежащая передъ нами брошюра, посвященная ей памяти, издана Обществомъ, въ пользу фонда имени Н. В. Стасовой, снабжена ея портретомъ и автографомъ и заключаетъ въ себѣ сводъ журнальныхъ и газетныхъ замѣтокъ и статей о покойной, тексты рѣчей, произнесенныхъ на ея похоровахъ и экстренныхъ засѣданіяхъ, посвященныхъ ей кончинѣ, и пр. Цѣна брошюры не дорога, а цѣль ея изданія почтенная, и потому слѣдуетъ надѣяться, что русская интеллигенція, дѣлающаяся съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе отзывчивой къ судьбамъ своихъ общественныхъ дѣятелей, докажетъ свое сочувствіе къ трудамъ покойной не одними словами, но и добрымъ починомъ учрежденія фонда имени Надежды Васильевны.

Какъ поступать родителямъ при появленіи въ семьѣ острой заразной дѣтской болѣзни. Практическія указанія А. Э. Гиппіуса. Съ предисловіемъ проф. Н. Ф. Филатова. Москва. 1896 г. 86 стр.

Для всякой семьи здоровье дѣтей—это все. Поэтому каждая книга, застраховывающая до известной степени родителей отъ величайшаго горя—смерти или болѣзни дѣтей, является благодѣніемъ для семьи. Чѣмъ такая книга практичнѣе, тѣмъ лучше. Ясностью и практичностью отличается и новая книжка московскаго дѣтскаго врача А. Э. Гиппіуса. Всѣ ужасы, называемые дифтеріею, коклюшемъ, кровавымъ носомъ, скарлатиною и проч., и проч., все это предусмотрѣно въ книжкѣ, при чемъ въ руки матерей валаются общепонятныя и общедоступныя орудія борьбы съ бѣдой, когда она уже наступила, и что еще важнѣе, мѣры предотвращенія наступленія бѣды. Лучше всего, конечно, если книжка доктора Гиппіуса усвоится матерями въ то время, когда всѣ дѣти здоровы и невредимы. Тогда она будетъ уже знакомымъ и тѣмъ болѣе надежнымъ союзникомъ во время черныхъ дней.

Разныя извѣстія.

— Министерство финансовъ утвердило уставъ семикласснаго коммерческаго училища въ Кіевѣ. Въ это училище принимаются приходскими учениками преимущественно дѣти лицъ, состоящихъ въ кievскомъ купечествѣ или, по крайней мѣрѣ, происходящихъ изъ этого сословія, съ платою въ годъ отъ 60 р. (младшіе классы) до 120 р. (спеціальные классы). Окончившіе курсъ ученія въ училищѣ получаютъ званіе личнаго почетнаго гражданина; окончившіе же курсъ ученія съ отличіемъ удостоиваются званія кандидата коммерціи. Въ отношеніи воинской повинности, правъ поступленія на государственную службу и въ высшія учебныя заведенія, ученики кievскаго училища пользуются правами, предоставленными ученикамъ реальныхъ училищъ. Служебному персоналу училища предоставляются права и преимущества по происхожденію государственной службы, предусмотрѣныя новымъ закономъ о коммерческомъ образованіи 15-го апрѣля 1896 г.

— По словамъ *Нов. Вр.*, медицинская бібліотека покойнаго профессора Ю. Т. Чудновскаго, состоящая изъ 4,000 томовъ, пожертвована женскому медицинскому институту.

— По словамъ *Нов. Вр.*, на-дняхъ послѣдовало измѣненіе и дополненіе правилъ объ отпускѣ лѣса изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ. Новая правила значительно облегчаютъ частнымъ лицамъ пользованіе казеннымъ лѣсомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнены и инструкціи по лѣсному хозяйству и лѣсостроительству.

— 18-го августа, въ Одессѣ, по сообщенію мѣстныхъ газетъ, состоялось открытіе памятника доктору Э. С. Андреевскому, который является первымъ изслѣдователемъ южно-русскихъ лимановъ. Памятникъ сооруженъ на Куяльницкомъ лиманѣ, гдѣ докторомъ Андреевскимъ было устроено первое лимано-лѣчебное заведеніе, по приговору городской думы и на средства сына покойнаго доктора.

— 21-го августа въ Петербургъ прибыли предста-

вители бѣлградскаго пѣвческаго общества, находившагося подъ покровительствомъ сербскаго короля Александра I, съ цѣлью познакомить русскихъ съ сербскими народными пѣснями и славянскими мотивами. Гости-пѣвцы были встрѣчены на дебаркадерѣ сербскимъ посланникомъ М. Д. Михайловичемъ, членами славянскаго благотворительнаго общества и многочисленнымъ собраніемъ проживающихъ въ Петербургѣ славянъ. Въ составъ прибывшаго хора входятъ сербскіе ученые, адвокаты, чиновники и служащіе въ различныхъ частныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, а также нѣсколько дамъ.

— 22-го августа телеграммы изъ Варшавы принесли извѣстіе о болѣзни варшавскаго генералъ-губернатора, графа П. А. Шувалова, у котораго произошло параличъ лѣвой половины тѣла. На консулѣцію былъ вызванъ изъ Берлина профессоръ Бергманъ. Въ настоящее время здоровье графа значительно лучше.

О ПЕРЕМЪНЪ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ просит своих гг. иногородних подписчиков, при переимънъ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографские расходы. Гг.-же городские подписчики благоволят представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Нольцо Императрицы. Историческій романъ ин. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе).—Станція для оказанія помощи при несчастныхъ случаяхъ въ Берлинѣ.—Паяцъ. Разсказъ Н. В.—Къ рисункамъ: Дубовая роца (съ рис.).—Въ шиниѣ (съ рис.).—Безъ хозяина (съ рис.).—Процессія выступаетъ (съ рис.).—Праздникъ цвѣтовъ въ Венеціи (съ рис.).—Итаійскіе часы (съ рис.).—Торжественный въездъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Вѣну (съ рис.).—П. П. Тьртовъ (съ портр.).—Ф. Н. Авеланъ (съ портр.).—Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границею.—Политическое обозрѣніе.—Библиографія.—Разныя извѣстія.—О переимънъ адреса.—Объявленія.

При этомъ № прилагаются: 1) СОЧИНЕНІЯ Д. В. ГРИГОРОВИЧА, т. IX (Сборникъ „Нивы“ за сентябрь); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за сентябрь съ 26 рис. и отд. листъ съ 30 черт. выкр. въ натур. вел. и 44 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ!!!

Зачное обученіе шитью и кройкѣ посредствомъ лекцій - корреспонденцій, по новѣйшему, понятному для каждаго, методу. Полная гарантія въ успѣхъ. По окончаніи свидѣтельство. Условія и программа безплатно. Преподавательница Е. Д. Ашмарина. Кіевъ, № 9216 В. Бѣгомырская, № 4. 8-7

ПИШУЩАЯ МАШИНА „СМИСЬ-ПРЕМЬЕ“

Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствованія. Цѣна 250 рублей и 275 рублей. Пишущая машина „НОСМОНИТЬ“. Самый красивый шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Подарокъ ящикъ къ ней 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высылаются безплатно.

Оптикъ О. РИХТЕРЪ.
С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4.

Остерегаться поддѣлокъ
Провизора
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОУГОДНОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
Продается въ бѣздѣ
1/2 к. 50 1/2 к. 30

Главный складъ для Россіи: Г. Ф. Юргенсъ, Москва, Золотая медаль 1893 г. 6-5

За 10 руб. 8 ВЕЩЕЙ.

- Изящ. гарнитуръ для дамъ (изъ имитат.):
1. Америк. часовая цѣпочка.
 2. Брошь съ искусств. брил.
 3. Серьги съ искусств. брил.
 4. Колье съ искусств. брил.
 5. Браслетъ франц. золота.
 6. Колье настольн. коралл.
 7. Вѣеръ изъ перьевъ.
 8. Настоящее страус. перо.

За 5 руб. высылаютъ мужской приборъ:

1. Америк. часовая цѣл.
 2. Приборъ манж. и грудн. зап.
 3. Галстукъ модный „Regat“.
 4. Булавка для галстука. Все это изящно и элегантно. Высыл. налогъ платж.
- АМЕРИКАНСКІЙ МАГАЗИНЪ**
Невскій пр., 69, Спб.

Большая золотая медаль Парижъ.
* МАССА БЛАГОДАРН. И ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ *
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
БУХГАЛТЕРІИ
ИНОГОРОДНИХЪ И МОСКОВСКИХЪ
ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ
ВПОЛНЪ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.—ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.
Преподаватель коммерческаго наукъ
С. Я. ДИДЕНТАЛЬ.
Условія: пробныя лекціи *МОСКВА* высылаются
и на лекціи *МОСКВА* безплатно.

Больш. Бутырская ул., д. № 27.
НАРЛЬ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,
Садовое заведеніе въ Ригѣ, сумъ имѣть честь довести до свѣдѣнія любителей, что № 9425 4-4
КАТАЛОГИ ДЕРЕВЬЯМЪ, РАСТЕНІЯМЪ, ЦВѢТНЫМЪ ЛУКОВИЦАМЪ и пр. за 1896—1897 г.
изданы и высыл. по требованію безплатно. Заведеніе существуетъ съ 1816 г.

ТРЕБУЕТСЯ
ДЛЯ СМѢНЕНІЯ
НОЖИЦА ИРУНЪ
И ОТЪ ЗАГАРА
КРЕМЪ ОРИЗА
ЦѢНА 20 К. 35 К. ПРОДАМЪ БЕЗДѢ

Химич. Лабор. Н. ШИМАНСКАГО
Москва, Покровка, д. 57, кв. 34.
ПРЕЗЕРВАТИВЪ отъ красн. жест. въ 1 фут. 75 к.; отъ мышей пакетъ 5 фут. 75 к. Пудъ 4 р. 50 к. Средства не отравляющія, а лишь изгоняющія красн. и мышей.
ПРЕЗЕРВАТИВЪ для отравленія красн. и мышей 75 к.
ОРЕДТВО для защиты фруктовыхъ деревьевъ отъ порчи зимой зайцами, на 200—400 корней 2 руб.

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ 1894 и 1896 г.
А. М. ОСТРОУМОВЪ
МОСКВА, ПЕТРОВЪ П. С. Д.
МЫЛО О ГЛАЗАХЪ И ПЕРЯТИИ
ЦѢНА 30 К. 40 К.
МЫЛО ДѢТСКОЕ
изъ ТРАВЪ ЧЕРЕДАИ
Кус. 35 + 25 коп.
ОДЕ-СОВЪРЪ вода отъ перхотн.
Флаконъ 1 р. 50 к.
ВСѢ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА
ПРОДАЮТСЯ БЕЗДѢ

ВЪ САМОМЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПИТЬ ВЪ ПРОДАЖУ
ОТПЕЧАТАННОЕ НОВЫМЪ, ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ
РУКОВОДСТВО КЪ КРОЙКѢ БѢЛЫЯ,
мужского, дамскаго и дѣтскаго,
для школьнаго и домашняго употребленія.
Въ 36 таблицахъ, на которыхъ помѣщены масштабы и весь текстъ.
Съ 8-го нѣмецкаго изданія переводъ Маріи Линдеманъ.
Изданіе это знакомитъ съ наилучшими и простѣйшими приемами кроить и шитья бѣлья и можетъ быть съ большою пользою примѣняемо какъ въ школѣ, такъ и въ домашнемъ быту. На 36 таблицахъ, составляющихъ изданіе, помѣщено 125 чертежей бѣлья, причѣмъ чертежи разработаны настолько тщательно, что составленіе выкроекъ и приспособленіе ихъ ко всякой фигурѣ является легкимъ дѣломъ даже для тѣхъ, кто совершенно неопытенъ въ этомъ отношеніи.
Цѣна изданія 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 25 коп.

Требуйте во всѣхъ писчебумажныхъ магазинахъ
всѣмиро-известнаго,
превосходнаго пера
БЛАНЗИ ПУРЪ
и К^о.
Остерегаться поддѣлокъ!
Главно. предств. д. всей Россіи Г. и К. Экштейнъ. Москва. Черкасскій пер., домъ князя Голицына.

Технич. контора и складъ машинъ В. ЭГГЕРСА
С.-Петербургъ, Ямская ул., № 11.
Полное устройство и оборудованіе заводовъ съ новѣйш. усовершенств., гарантирующ. наибольшую доходность. Единствен. современ. керосиновый двигатель америк. сист. „Уинтонъ“. Самая дешев. и выгодн. двигат. сила. М. № 9469
Прейсъ-курранты и списки безплатно.

МОСКВА
„ГОСТИНИЦА МЕТРОПОЛЬ“
Театральная площадь.
Центръ столицы. 200 №№ отъ 1 р. Ц. № 8706 и дороже. 26—19

DR. PFLÜGER
Americ. Dentist
№ 9383 10-6 **BERLIN, W.**
Bülow Strasse, 30.

Старинныя греческія монеты покупаютъ постоянно любители. Подробныя предложенія адресовать: СИБ. 4-е почтовое отдѣленіе. Предъавителю трехрублеваго кредитнаго билета № 721648.

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ
Лилипутъ
Безъ фармы и фарфин.
Найма поддѣлки.

со шнура. въ замшевомъ кошель. 8 р. 50 к. съ пер. въ Евр. Росс. 9 р., въ Азиат. 10 р. „Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествій или театра, болѣе и тяжелые бинокли.
Е. КРАУСЪ и К^о.
Спец. фабр. оптич. инструм. въ Парижѣ.
ЕДИНСТВ. СКЛАДЪ ФАБРИКИ ДЛЯ РОССІИ С.-Петербургъ, Мойка, 42. 2-1
Иллюстр. пр.-кур. биноклей, зрит. трубъ, микроскоп., готовальней и пр. высыл. безплатно.

ВЪ ПАМЯТЬ
СВЯЩЕННАГО КРОНОВАНІЯ.
Серебряные 84-ой пр. брелоки съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ. Красивая отдѣлка съ разноцвѣтной эмалью и позолоченной короной. Очень красивый № 9348 рисунокъ. (9)
Шт. 2 р. 75 к.; 2 за 5 р. 25 к.; 3 за 7 р. 75 к.; 6 за 14 р. 95 к.; 12 за 27 р. 50 к.
Пересылка наложеннымъ платежемъ.
С.-Петербургъ, Невскій, № 20-31.
БАЗАРЪ МАРКЪ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлонурыхъ, желтая вода для брюнетонъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5121 (186)

МОРИСЪ Спб., Невскій пр., 43—1, уголъ Троицкой.
Къ осеннему сезону заготовленъ колоссальный выборъ готоваго мужскаго платья новѣйшихъ фасоновъ, а также получены въ громадномъ выборѣ матеріи послѣднихъ новостей для заказовъ, иностр. и русскихъ фабрикъ.
= СПЕЦІАЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ =
экономическаго обмундированія: форменнаго платья для Гг. офицеровъ, а также гражданскихъ чиновъ всѣхъ министерствъ.
ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ.
Шитья готовыя и на заказъ изъ собственной золотойшейной.
Для гг. иногороднихъ высчитаемъ наложеннымъ платежемъ съ задаткомъ третей части стоимости. Ц. № 9468 2-1
Иллюстрированныя прейсъ-курранты со способомъ сшитія мѣрны высылаются безплатно.

Знаменитое бѣлье
Королевско-Саксонск. и Королевско-Руминск. Придворн. Поставащниковъ
МЕЙ и ЭДЛИХЪ,
Лейпцигъ - Плагвицъ.
Изящно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнянаго бѣлья. Штука-только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой неурядицъ. Послѣ употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усиленомъ потѣннн. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ, и холостяковъ. Нижелюименованные представителн сообщать, по желанію, гдѣ оно продается.
Танфани и Штейдель, Москва. Карлъ Шиммель, С.-Петербургъ, Садовая 18. Максъ Тишбейнъ, Рига. Фабіанъ Клингенландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

К. Шликэйтэнъ, Берлинъ SO.

машино-строительн. заводъ для кирпичн., торфяного, гончарного и известкового производствъ, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длинны, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (39)

Далѣе: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляционную массу. Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (16)
Спеціалистъ хронометровъ.
СПбурѣ, Невскій пр. № 52
прот. Им. Публ. Библиотек.
Подробный каталогъ, прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.
Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

ЗАИКАНІЕ

вытѣчивается основательно въ спеціальномъ заведеніи Карла Эрнста. Принимаются приходящіе и ПАНСИОНЕРЫ. СПб., Невскій пр., 100, кв. 7. Руководство къ самообученію 3 р.

РОЗОВОЕ

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.

Самое нѣжное глицериновое мыло, приобрѣло большую извѣстность. Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія вѣны, нѣжный запахъ розы—вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени. 12—5
Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей. При покупкѣ просить обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку № 4711.

Универсальный патентованный Шиндлера „АНТИКОРСЕТЪ“

Извѣстное міру полезное для здоровья изобрѣтеніе, вполне замѣняющее корсетъ, придающее всякой талии граціозный видъ, по признанію интеллигентныхъ и ученыхъ женщинъ, служитъ для избѣжанія разныхъ неприяностей, причиняемыхъ корсетомъ, а въ гигиеническомъ отношеніи оно признано полезнымъ извѣстѣйшими въ медицинскомъ мірѣ профессорами: Швейнгеръ, Фишеръ, Ляче въ Берлинѣ, Нотнагель, Неуберъ, Цфлюгеръ въ Вѣнѣ, Гессель въ Лондонѣ и знаменитыми медиками въ Варшавѣ, отзывы которыхъ приложены къ каждому антикорсету. Въ пошеніи антикорсетъ даетъ полное свободное движеніе, не вызывая ни малѣйшаго давленія организма, не приостанавливаетъ нормальнаго дыханія и кровообращенія и избавляетъ женщинъ отъ женскихъ, нервныхъ и другихъ болѣзней, причиняемыхъ корсетомъ.
По практичности своей антикорсетъ рекомендуется даже страдающимъ, беременнымъ и груднымъ женщинамъ, хозяйкамъ въ домашнемъ быту, трудящимся въ продолженіе цѣлаго дня въ разныхъ бюро, училищахъ, торговляхъ, путешествующимъ и т. п. Антикорсеты изготовляются изъ лучшаго корсетнаго матеріала и китового уса, съ самою щегольской отдѣлкой, и каждый экземпляръ снабженъ фабричною маркою.

Цѣны	A	B	C	D	ШЕЛК.	Ц. № 946
	4 р.	5 р.	6 р.	8 р.		4—1

Детальные заказы высылаются почтою во все мѣста Россіи наложеннымъ платежомъ, съ причисленіемъ за пересылку съ упаковкою 75 коп.

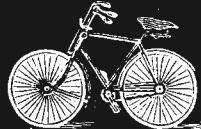
При заказахъ слѣдуетъ прислать размѣръ объема груди, въ сантиметрахъ, измѣривъ подъ мышною въ полной округности, а также размѣръ талии, или прислать мѣрку тесьмой и сообщить хорошимъ чистымъ почеркомъ адресъ заказчика. Каждый антикорсетъ по устройству своему увеличивается или уменьшается на 7 сантиметровъ.

Единственная и исключительная продажа на всю Имперію въ Варшавѣ у В. Rueqvert.

Для единственной продажи требуются во всехъ городахъ опытные торговцы. Всякую корреспонденцію просить адресовать по-русски **В. Рикверту въ Варшавѣ.**

Зубоврачебная школа д-ра ТЫЧИНСКАГО въ г. Одессѣ.
Пріемъ прошеній начался. Обращаться: Одесса, д-ру Тычинскому.

СКЛАДЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

В. ЮХИМЪ и К^о.
С.-Петербургъ.
Невскій просп., д. № 3.
Москва.
Театральныи прѣздъ.

В. Фреймутъ.

Москва, Никольская, д. гр. Шереметьева, прот. Слав. Базара.
Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества и придвори. часовъ. дѣль мастеръ.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЯКАГО РОДА ЧАСОВЪ,
III. № 9220 собствен. и друг. фабр. 8—7
Высылка наложеннымъ платежемъ. Полный прейсъ-курантъ безплатно.

Много
нечел. заказовъ.

Спеціальное заведеніе
для устройства и перестройки 6—6
КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ
В. Г. Уландъ, Лейпцигъ. W. H. Uhland, Leipzig
Подробности высылаются безплатно.

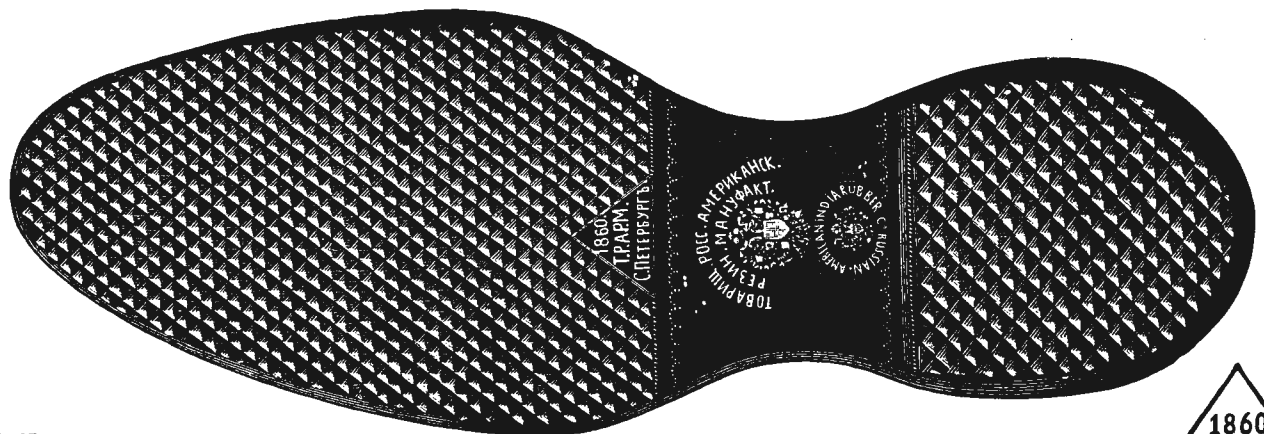
Всѣ спеціальныя
машинъ.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 8931 26—17
на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

Основан. въ 1886 году КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРИИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ.

Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевского пер., д. Полякова.

1-го СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.

Ц. № 9431 4-4

НОВОСТЬ!

ДУХИ
ВЪ ЧЕСТЬ
КОРОНАЦИИ

ПОСТАВЩИКОВЪ
ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА

А. РАЛЛЕ и К^о.

Москва, Кузнецкій мостъ.
С.-Петербургъ, Невскій, № 18. (5)

ОГНЕУПОРНЫЙ КИРПИЧЪ,
ТРОТУАРНЫЯ ПЛИТКИ,
КАМЕНЬ ДЛЯ МОСТОВЫХЪ, КЛИНКЕРЪ

ТОВАРИЩЕСТВА
ПРОИЗВОДСТВА ГЛИНЯНЫХЪ И ГОНЧАРНЫХЪ ИЗДѢЛИЙ
въ гор. Боровичахъ.

№ 9235

Съ заказами просятъ обращаться:

Въ Правленіе Т-ва: С.-Петербургъ, Бол. Подълическая, д. № 2.
Въ Контору завода: г. Боровичи, Новгородской губ.
Въ Технич. Контору В. И. Щербакова: Москва, Ильинка, Шуйское подворье.

20-20

НА ВОСПИТАНІЕ МУЗЫКАНТОВЪ И ПИАНИСТОВЪ

СВѢДѢНІЯ
60. ТЕЛЕФОНЪ 1360

ОПЕРАТИВНОЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВАГО
ОБЩЕСТВА

ПРОСИТЪ
ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
ЖЕЛЕТОВАТЬ
ЕМУ

НЕУЖИВЪЕ ВЕЩИ

АУДИОНЪ ПО ВТОРОМУ КЛАССУ
СОСОИТАНІЕ № 500

ТЕЛЕФОНЪ 3672

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПІАНИНО.

Можно играть какъ на обыкновенномъ пианино, а также вертл ручки эффектно исполнять всѣ танцы и всевозможныя пьесы. Цѣна 550 р. Ноты въ богатомъ выборѣ по 1 р. 25 к. за метръ (=1 1/2 аршина). Списокъ пьесъ — бесплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВО

БРОКАРЪ и К^о.

„ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОМЪ“

замѣняетъ духи, туалетную воду, куренія и обыкновенный о-де-коломъ.

ДУХИ „ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“

изъ настоящихъ цвѣтовъ персидской сирени.

„Глицериновая пудра“

освѣжаетъ и смягчаетъ кожу.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННОЕ
„ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО“.

№ 9218 8-5

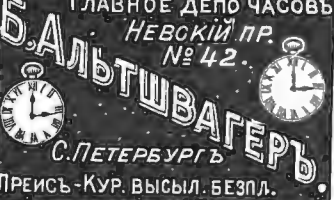
ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ

НЕВСКІЙ ПР. № 42

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ПРЕССЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

ВЪ ДЕПО ПОДЛИННЫХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ

ФОНОГРАФОВЪ ЭДИСОНА

получена большая партія машинъ модель 1896 года.
Цѣны понижены. Допускается разсрочка.

Только при нашемъ магазинѣ имѣется мастерская для сборки и большой выборъ всѣхъ запасныхъ частей.

Постоянно громадный выборъ оперныхъ арій, романсовъ, комическихъ куплетовъ и разсказовъ на русскомъ языкѣ, а также оркестровыхъ пьесъ.
Адресъ для писемъ: Москва, Тверская, д. Толмачева, депо фонографовъ Эдисона.
Для телеграммъ: Москва—Фонографъ.

СИНЕТОГРАФЫ

проектированіе оживленныхъ сценъ на экранѣ въ натуральную величину.
№ 9454 Аппаратъ имѣетъ громадный успѣхъ въ Европѣ.

Москва, д. Толмачева. Депо фонографовъ Эдисона.

ВОЛИЦІЙ лѣчить наружныя, внутреннія болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. в. № 9173 13—11

ПАМЯТЬ

укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 ур.) профессоръ мнемоники С. Файнштейнъ.

Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдился въ теченіе моей 9-ти-лѣтней дѣятельности на поприщѣ преподаванія мнемоники, гг. врачи, педагоги, военные, студенты и тысячи др. лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ психіеціи и укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. Условія за курсъ высыл. за одну 7-ми коп. марку, вмѣстѣ съ книгой *) (6-е испр. и дополн. изданіе) „Что такое искусство укрѣпленія памяти?“ за шесть 7-ми коп. марокъ, на веленовой бумагѣ за восемь 7-ми коп. марокъ.

Адресъ: **Одесса, Гаганная ул., д. И. А. Бродскаго, № 6/28** (рядомъ съ городскимъ садомъ), кв. 2—8, въ бело-стѣж. профессоръ мнемоники, членъ парижской академіи С. Файнштейнъ.

*) Книга эта продается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи. № 9470 3—1

При этомъ № прилагается для гг. многогородныхъ подписчиковъ (за исключеніемъ 13, 14 и 15 трактовъ) прессъ-куррантъ отъ Ш. Гейлера въ Варшавѣ.

ЛЕОНГАРДИ

достоверно-извѣстныя, единственно настоящія

Линцариновыя чернила для письма и копированія

(жѣлѣзисто-орѣшковая 1-го класса по отзывамъ государственныхъ учрежденій), № 8857 30-22

ЛЕГКО-СТЕКАЮЩІЯ, ЦВѢТН. ЧЕРНИЛА И ПРОЧІЯ.

НАИЛУЧШИЯ:

для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода, можно получать почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподдѣльно только съ сей предохранительной маркой.

Авг. Леонгарди въ Дрезденѣ, изобрѣтатель и единственный фабрикантъ. Избѣгать поддѣлокъ.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

духи — **ФІАЛКА АУСМЭЭЭ** — туалетное мыло.
духи — **ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА** — туалетное мыло.
духи — **ЭДЕЛЬ РОЗЕ** — туалетное мыло.
духи — **ЛАНДЫШЪ АУСМЭЭЭ** — туалетное мыло.

Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карlsruэ.

Можно получить:
Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вилеръ, Ф. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Гершъ, Ляманъ и Рикса, А. Линде, А. Энгелюнда. Ц. № 9368
Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Мерлянь, въ магазинѣ „А-за-туалетъ“, у Г. Брунсъ, Л. Боргардъ, и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. 25-9
Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Максимілиановскій пер.

Ев. Убъжище Гувернантокъ принимаетъ гувернантокъ и рекомендуетъ оныхъ ежедневно, кромѣ вторниковъ, воскресныхъ и таб. дней, отъ 2 до 5 час. С.-Петербургъ, Конно-Гвардейскій пер., 4, кв. 1.

ЗАКАШЕ

лѣчится въ лечебномъ учрежденіи И. И. Гимиллера. Москва, Земляной валъ, Яковлевскій пер., д. Духаниной. Ц. № 9460

ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.
Условія высылаются бесплатно.

XXVII.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 37

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 14 сентября 1896 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на 1896 годъ.
 Подробности см. въ концѣ этого №.

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Часть третья.

III.

Выдумка Косого—переодѣться въ гадалщика для того, чтобы повидаться съ Сонюшкой, имѣла свои послѣдствія.

Въ то время, когда официальные календари издавались не иначе, какъ съ предсказаніями на цѣлый годъ, сдѣланными на основаніи астрологическихъ выкладокъ, когда въ академіи наукъ составлялись учеными гороскопы и когда то и дѣло появлялись въ Петербургѣ съ Востока, а потомъ и съ Запада, шарлатаны, морочившіе публику,—въ то время появленіе на Петербургской сторонѣ гадалки, да еще въ очень эффектно устроенной Косымъ обстановкѣ, непременно должно было произвести впечатлѣніе.

Достаточно было Вѣрѣ Андреевнѣ рассказать двумъ, тремъ знакомымъ о новомъ гадалщикѣ, сообщившемъ ей, по ея мнѣнію, удивительныя вещи, чтобы слава его была упрочена. Уже объ немъ знали теперь во многихъ домахъ и желали побывать у него.

Князь Иванъ не предвидѣлъ этого сначала, но теперь дѣлать было нечего—приходилось поддерживать роль. Къ тому же это являлось единственнымъ средствомъ, чтобы видѣться съ Сонюшкой. Она въ большинствѣ случаевъ пріѣзжала вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ, въ качествѣ якобы провожатой, и могла такимъ образомъ провести наединѣ съ княземъ Ивановымъ хоть четверть часа. Обыкновенно она давала знать заранее Косому, съ кѣмъ она пріѣдетъ, и тотъ, черезъ молодыхъ людей, незамѣтно выспрашивая ихъ, узнавалъ кое-какія подробности о той, которая должна была явиться съ Сонюшкой, и, благодаря этимъ подробностямъ, производилъ впечатлѣніе такое, что ему вѣрили и затѣмъ уже начинали рассказывать сами все, что нужно.

Теперь комнату, взятую-было на Петербургской у свояка Степушки на одинъ разъ, князь Иванъ оставилъ за собою.

Мало-по-малу онъ даже пріобрѣлъ опытъ и очень ловко выходилъ побѣдителемъ изъ встрѣчавшихся иногда въ его роли затрудненій.

По преимуществу пріѣзжали къ нему барыни, бы-

Академическая выставка. Бѣлыя ночи. Съ карт. И. А. Владимірова (исключ. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“) грав. Мульгаиовскій.

вали и мужчины, по гораздо рѣже. И то—изъ нихъ князь Косой принималъ далеко не всѣхъ. Приѣзжалъ-было молодой Творожниковъ (князь Иванъ въ предсказаніи Наденькѣ Рябичъ намекнулъ, что она выйдетъ за него), но Косой его не пустилъ къ себѣ изъ боязни, что тотъ узнаетъ и догадается. Двоюроднаго же брата Рябичъ онъ принялъ и разсказалъ ему что-то совсѣмъ несурзное, чѣмъ тотъ остался очень доволенъ и во все повѣрилъ.

И вдругъ отъ Сонюшки пришло извѣстіе, что Ополчининъ, наслушавшись отъ Вѣры Андреевны разсказовъ про гадателя, хочетъ тоже поѣхать.

Князь Иванъ нисколько не удивился этому. Ему казалось, что Ополчининъ не премѣнно приѣдетъ къ нему. Онъ точно давно-давно уже ждалъ этого и какъ будто вовсе не сомнѣвался. У него не было ни капли боязни даже, что Ополчининъ узнаетъ его. Онъ объ этомъ даже не подумалъ и встрѣтилъ Ополчинина въ своей темной комнатѣ, въ парикѣ съ сѣдою бородою и въ большихъ синихъ очкахъ, съ такою увѣренностью, что потомъ самъ себѣ удивлялся.

Ополчининъ вошелъ, нагнувшись, въ маленькую, пропустившую его дверь и, шурясь не услышанными еще привыкнуть послѣ свѣта къ полутьмѣ глазами, оглянулся кругомъ.

Князь Иванъ сидѣлъ за столомъ, передъ развернутой большой, въ пергаментѣ, книгой, заслонившей отъ него свѣтъ лампочки и, не подымая головы, дѣлая видъ, что читаетъ, слѣдилъ за Ополчининимъ. Тотъ, оглядѣвшись, замѣтилъ гадателя за книгой и довольно тихими шагами приблизился къ столу, подождать немного и опустился на стоявшее тутъ кресло.

Лицо его освѣтилось лампочкой. Оно, какъ и ожидалъ Косой, было вполне серьезно и даже доля сосредоточенности была видна на немъ.

Обстановка произвела на Ополчинина впечатлѣніе.

Онъ попробовалъ было отодвинуть особенно, какъ казалось, смущавшую его лампочку, тронуть ее, но сейчасъ же взялъ назадъ руку. Лампочка была крѣпко привинчена къ столу.

Когда слѣлъ Ополчининъ, князь Иванъ взглянулъ на него и махнулъ рукою, какъ бы показывая этимъ, чтобы онъ молчалъ пока. Онъ взялъ стоявшій справа на столѣ маленький хрустальный флакончикъ съ красною жидкостью и, поднявъ его, сталъ смотрѣть на свѣтъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ заговорилъ, растягивая слова и ловко владея кусочкомъ пробочки, который держалъ во рту, вслѣдствіе чего до неузнаваемости измѣнился его природный голосъ на старческую шепелявость.

Онъ назвалъ имя Ополчинина, сказалъ сколько ему лѣтъ, гдѣ онъ родился, когда поступилъ на службу, сказалъ, что отецъ его умеръ, а мать вышла вторично замужъ и тоже умерла, и что вотчимъ его живетъ въ Москвѣ, что у него не-лады съ нимъ изъ-за наслѣдства, оставшагося послѣ матери.

Все это князь Иванъ успѣлъ разузнать и повторилъ теперь не торопясь и умѣючи.

— Вѣрно?—спросилъ онъ Ополчинина, переставъ говорить.

— Вѣрно! — подтвердилъ почти шопотомъ Ополчининъ, которому уже показалось, что гадатель разсказалъ всю его жизнь до мельчайшихъ подробностей.

И по выраженію его шопота было видно, что то, что онъ слышалъ, окончательно довершило впечатлѣніе обстановки и одурманило его.

Расчетъ Косого оказался вѣрнымъ: Ополчининъ принадлежалъ къ числу тѣхъ слабыхъ, склонныхъ къ суевѣрью натуръ, которыя способны, подъ извѣстными впечатлѣніемъ, всецѣло подпасть вліянію таинственности.

— Что же ожидаетъ меня?—еще болѣе тихимъ шопотомъ спросилъ онъ.

Князь Иванъ опять взялся за флаконъ и опять сталъ смотрѣть въ него на свѣтъ.

— Я вижу кольцо... — сказалъ онъ послѣ какъ бы долгаго напряженія.

— Обручальное...—подсказалъ Ополчининъ.

Князь Иванъ, держа передъ собою флаконъ, изъ-за своихъ синихъ очковъ, закрывавшихъ ему глаза, слѣдилъ за Ополчининимъ.

Онъ выдержалъ еще нѣкоторое время и продолжалъ:

— Нѣтъ, перстень. Онъ виситъ на шейной цѣпочкѣ. Человѣкъ спитъ. Свѣчи догорѣли. Кругомъ бутылки, карты и стаканы. Заря. Кольцо взято.

Ополчининъ вынулъ платокъ и, смывъ его въ комокъ, провелъ имъ по лбу. По лицу его Косой понялъ, что предположеніе его вѣрно. Кольцо взято Ополчининимъ.

— Это кольцо попадаетъ...—продолжалъ князь Иванъ, снова читая въ выраженіи Ополчинина подтвержденіе своимъ словамъ,—это кольцо попадаетъ... въ руки государыни... А-а, я вижу въ чемъ дѣло... просьба въ видѣ награды, чтобы была посватана...

— Довольно,—остановилъ Ополчининъ,—я знаю, все это вѣрно... это было... Но мнѣ важно знать теперь, знаетъ ли или хотя подозрѣваетъ тотъ, у кого взято кольцо, кто его взял?..

„А, такъ вотъ зачѣмъ ты пришелъ!“ — сообразилъ князь Иванъ, и ему ужасно захотѣлось въ эту минуту вдругъ сбросить съ себя парикъ, очки и бороду и показаться Ополчинину, чтобы доказать ему, что знаетъ онъ все.

Но въ томъ-то и дѣло, что онъ далеко еще не все знаетъ, что ему было нужно.

IV.

— То-есть вы хотите знать,—спросилъ, сдержавшись, Косой,—знаетъ ли онъ о кольцѣ или о чемъ-нибудь еще другомъ?

— Нѣтъ, не только о кольцѣ, но и о письмѣ, которое взято у него.

Князь Иванъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы не выдать себя невольнымъ движеніемъ въ эту минуту... Рука его дернулась сама собою, и онъ постарался ближе нагнуться къ флакону, будто смотрѣлъ въ него.

— Мнѣ вужно видѣть это,—сказалъ онъ.

Онъ сказалъ наобумъ первый, пришедшія ему въ голову слова, не соображая о томъ, какъ же онъ, ничего не зная, будетъ говорить, что видитъ.

Но слова эти пришлись какъ пельзя болѣе кстати.

— Я самъ вамъ скажу,—остановилъ его Ополчининъ, вполне уже убѣжденный, что въ волшебномъ флаконѣ все видно, — это будетъ скорѣе. Письмо взято у него ночью казачкомъ.

„Антипкой!“—подумалъ князь Иванъ, вспомнивъ, какъ онъ засталъ Антипку съ письмомъ у стола.

— Онъ его,—продолжалъ Ополчининъ,—поймалъ въ ту минуту, когда тотъ хотѣлъ утромъ подкинуть письмо, такъ-что, можетъ-быть, онъ и догадывается.

Князь Иванъ снова пристально сталъ смотрѣть на красную жидкость въ флаконѣ.

— Мнѣ не ясно одно...—началъ онъ снова.

— Что такое?

— Казачокъ сытъ подкупленъ?

— Да. Кромѣ того,—это шустрый малый,—онъ и изъ любви къ искусству...

— Отчего же онъ не взялъ всѣхъ писемъ?

— Боялся. Схватилъ сколько успѣлъ—одно.

— И оно было списано?

— Да.

— Когда же?

— Въ теченіе ночи. Казачокъ стащилъ письмо съ вечера изъ-подъ подушки.

— А печать?

— Прямо была сломана. Казачокъ долженъ былъ вѣять это на себя, когда утромъ подбрасывалъ письмо... Онъ знаетъ, что его выдраны только, но ничего за это ему не будетъ.

— И конія съ письма была отнесена къ Лестоку?

— Да.

— Ее несутъ старый нищій, такъ?—спросилъ князь Иванъ, притворяясь, что видитъ во флаконѣ все, что говоритъ Ополчининъ.

— Да, переодѣтый старый нищій.

— Но развѣ кто-нибудь другой не можетъ переодѣться такимъ же нищимъ?

— Лестокъ отличаетъ настоящаго по знаку особому, условному...

— Этотъ знакъ?

— Прикосновеніе ко лбу...

Теперь князю Ивану было все ясно: письмо, при помощи Антипки, было выкрадено у него, снята копія, и Ополчининъ лично передалъ ее Лестоку. Ту же копію, которую принесъ самъ князь Иванъ, отъ него принялъ кто-то другой. Теперь былъ понятенъ и особенно недовѣрчивый разговоръ Лестока впоследствии. Дѣйствительно, этотъ Лестокъ знаетъ, какъ выходило, что копію съ письма принесъ ему Ополчининъ. Между тѣмъ, Косой ему говорилъ, что это былъ онъ. Вслѣдствіе этого трудно было ему повѣрить и въ правдивость разказа съ кольцомъ, которое было представлено Ополчининымъ же. Такимъ образомъ, въ глазахъ Лестока, Косой являлся несомнѣнно обманщикомъ, желавшимъ воспользоваться заслугами другого, когда на самомъ дѣлѣ это было наоборотъ!

— Теперь мнѣ нужно, чтобы мнѣ сказали, знаетъ ли онъ или догадывается. Это весьма важно для меня.

Князь Иванъ долго смотрѣлъ въ флаконъ, собираясь съ мыслями, чтобы вполнѣ воспринять и освѣтятся съ путаницей обстоятельствъ, сплетшихся вокругъ него.

— Да, онъ знаетъ все!—сказалъ онъ наконецъ.

Ополчининъ втянулъ голову въ плечи и какъ бы сжался весь.

— Что же теперь дѣлать?—выговорилъ онъ.

Князь Иванъ опять отвѣтилъ послѣ долгаго молчанія:

— Нужно исправить зло...

— Да, по какъ?

— Пойти и признаться во всемъ. Сказать истину.

Ополчининъ даже не выказалъ колебанія.

— Никогда!—проговорилъ онъ. — Другого средства нѣтъ?..

— Я ничего не вижу,—отвѣтилъ Косой, — жидкость въ флаконѣ совершенно прозрачна...

— Ну, хорошо.. Что же меня ожидаетъ дальше: женюсь я, буду счастливымъ?..

Косой чувствовалъ въ рукахъ дрожь и сердце забилося у него сильнѣе. Онъ опять долго глядѣлъ въ свой флаконъ.

— Ничего не видно,—выговорилъ онъ, — жидкость темнѣетъ, становится черною... Черное дѣло затемнило ее, совсѣмъ... совсѣмъ... Мракъ полный. Я ничего не увижу для васъ больше, — заключилъ Косой и поставилъ флаконъ на столъ.

Сказалъ онъ это рѣшительно, строго, безповоротно, давая понять Ополчинину, что гаданіе кончилось.

Тотъ всталъ, поправилъ на себѣ камзолъ, положилъ на столъ деньги и пошелъ къ двери нетвердыми шагами. Дышалъ онъ тяжело и, главное, рѣшительно не помнилъ, что говорилъ самъ. Ему казалось, что онъ молчалъ все время, и только слушалъ то, что говорили ему, а самъ ничего не говорилъ.

Онъ былъ пораженъ, уничтоженъ и изумленъ ясно-виднѣмъ гадателя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Въ старой Москвѣ.

I.

Императрица Елисавета, взойдя на престолъ, спѣшила закрѣпить за собою власть, желая какъ можно скорѣе короноваться, для чего давно уже дѣлались приготовленія къ отъѣзду двора, иностранныхъ пословъ, сенаторовъ и генералитета въ Москву.

Въ самой первопрестольной уже съ января работала назначенная сенатомъ коммисія по устройству и приготовленію всего необходимаго для коронаціонныхъ торжествъ.

На первое время на расходы этой коммисіи было отпущено 30,000 руб., съ тѣмъ, чтобы всѣ необходимые матеріалы покупались въ Москвѣ у русскихъ куницовъ.

Изъ Петербурга двинулась гвардія, затѣмъ на казенныхъ подставахъ,—для чего скопанысь со всѣхъ придорожныхъ участковъ лошади,—поѣхали министры, придворные и иностранные послы. Наконецъ, 23 февраля выѣхала сама императрица и черезъ три дня, 26 числа, въ пятомъ часу пополудни, прибыла въ село Всесвятское, а черезъ день торжественно въѣзжала въ Москву.

Князь Иванъ, зачисленный въ иностранную канцелярію еще Остерманомъ, получилъ вдругъ извѣщеніе, что онъ долженъ пожаловать туда.

Оказалось, самъ вице-канцлеръ Бестужевъ потребовалъ его къ себѣ. Онъ призвалъ князя Ивана, долго разговаривалъ съ нимъ, остался видимо доволенъ его французскимъ языкомъ и всѣмъ прочимъ и попробовалъ его способности, давъ ему порученіе по письменной части. Косой исполнилъ и, вѣроятно, не сдѣлалъ промаха, потому что Бестужевъ одобрилъ.

Когда же онъ сталъ собираться въ Москву для присутствія на торжествахъ коронаціи, то въ числѣ отпавшихся съ нимъ, по его назначенію, подчиненныхъ былъ и князь Иванъ Кирилловичъ.

Сонюшка ни слова не сказала князю Ивану о своемъ разговорѣ съ Бестужевымъ, и онъ никакъ не подозрѣвалъ, что добрый геній, повліявшій въ его пользу на Бестужева, былъ не кто иной, какъ она...

Передъ отъѣздомъ его въ Москву, они видѣлись въ послѣдній разъ, и Сонюшка сказала ему, что будетъ писать и чтобы онъ отвѣчалъ ей тѣмъ же путемъ, какимъ самъ будетъ получать ея письма. Онъ не зналъ этого пути, но съ первой же официальной почтой, которую ему было поручено получать у Бестужева, въ домѣ котораго онъ и остановился въ Москвѣ, онъ нашель среди казенныхъ писемъ и письмо Сонюшки къ нему. Тогда онъ попробовалъ написать ей не отъ себя изъ предосторожности, но такъ, что она могла догадаться, что это письмо отъ него, и вложилъ его, на удачу, въ почту, отправленную въ Петербургъ. Она получила его письмо и отвѣтила. Такимъ образомъ установилась у нихъ переписка, хотя князь Иванъ рѣшительно не могъ понять, какъ устраивалась Сонюшка, чтобы письма ея попадали въ казенную сумку и чтобы получать изъ этой сумки письма, адресованныя ей. Боясь какъ-нибудь повредить дѣлу, онъ не пытался раскрыть эту загадку.

Когда уѣзжалъ князь Иванъ, Соголевы еще ничего не рѣшили, поѣдутъ ли и онъ въ Москву, или нѣтъ. Но въ третьемъ своемъ письмѣ Сонюшка сообщала, что Вѣра Андреевна собирается съ Дашенькой и съ нею на коронацію и что онѣ остановятся въ Москвѣ вмѣстѣ съ Наденькой Рябичъ у Сысоевыхъ, родителей ея двоюроднаго брата.

Ополчининъ, котораго князь Иванъ не видѣлъ послѣ ихъ разговора за „гаданіемъ“,—былъ вмѣстѣ съ гвардіей въ Москвѣ.

Широко раскинувшаяся первопрестольная столица была знакома уже князю Ивану, своею невылазною

Третьяковская галерея. Въ народной столовой. Съ карт. Боткина грав. Хелмшпигг.

Напрасный трудъ. Съ карт. Лангемангели грав. Унголь.

грязью, своими непомерными расстояниями и отсутствием сколько-нибудь прямых и правильно распланированных улиц. Тут строили всякий, как хотѣлъ. Богатые дома воздвигались на манеръ деревенской усадьбы, со службами, съ садами и огородами, тут же ютились къ нимъ бѣдные домишки, крытые лубкомъ. вмѣсто улицъ, пролегалo нѣсколько большихъ дорогъ, довольно скупо освѣщенныхъ фонарями со слюдою вмѣсто стеколъ.

Между этими дорогами шелъ такой лабиринтъ проулковъ; закоулковъ, проѣздовъ и тупиковъ, что, чтобы попасть куда-нибудь, нужно было специально изучить данную мѣстность.

Барскіе каменные дома,—многіе выстроенные уже по образцу петербургскихъ,—среди этой грязи и бѣдности, казались дворцами въ своихъ роскошныхъ садахъ, убраншихся и расчищавшихся даже зимою руками крѣпостныхъ людей.

Теперь, съ переѣздомъ въ Москву государыни, двора и знати, дома эти оживились, и въ нихъ то и дѣло давались вечера, балы и празднества.

Князь Иванъ долженъ былъ являться повсюду, вмѣстѣ съ Бестужевымъ, который тутъ, въ Москвѣ, приблизилъ его къ себѣ и какъ бы въ свитѣ котораго находился онъ.

Косой уже видѣлъ и результаты этого приближенія. Многіе, имѣвшіе дѣло къ Бестужеву, и чиновныя лица даже, старались быть любезными съ нимъ и внимательными къ нему.

II.

Кабинетъ Бестужева въ московскомъ его домѣ былъ устроенъ совершенно такъ же, какъ въ Петербургѣ, до мельчайшихъ подробностей—тѣ же размѣры, тѣ же вещи и разставлены одинаково съ педантической тщательностью. Алексѣй Петровичъ не любилъ мѣнять своихъ привычекъ. Работалъ онъ почти буквально съ утра до ночи, такъ что Косой, которому случалось съ нимъ засиживаться до позднихъ часовъ, съ удивленіемъ узнавалъ, что Бестужевъ на разсвѣтѣ уже призывалъ кого-нибудь для распоряженій или съ докладомъ. Трудно было уловить время, когда спалъ этотъ человекъ.

Еще въ обыкновенные дни это было понятно, но при постоянныхъ празднествахъ, торжествахъ и выѣздахъ—Бестужевъ все-таки не оставлялъ кабинетной работы и, появляясь по долгу службы на каждомъ официальномъ собраніи, иногда поздно вернувшись домой, шелъ къ себѣ въ спальню лишь для того, чтобы переодѣться въ домашній нарядъ и сѣсть за бюро или письменный столъ.

Императрица короновалась 25 апрѣля.

Празднества были въ самомъ разгарѣ. Въ комиссію о коронаціи отпущено—сверхъ прежнихъ 30,000 руб.—еще двадцать тысячъ. Кромѣ того, на фейерверкъ—19,000 р. Иллюминація продолжалась восемь дней. Въ день коронаціи, во вновь устроенномъ театрѣ, на берегу Яузы, въ первый разъ въ Россіи была поставлена итальянская интермедія, состоявшая изъ оперъ „Титово милосердіе“ и „Опечаленная и вповь утѣшенная Россія“. Послѣ оперъ шелъ балетъ „Радость народа, или появленіе Астреи на российскомъ горизонтѣ и возстановленіе золотого вѣка“, аранжированный балетмейстеромъ Антоніемъ Ринальдо-Фузапо. Для народа были устроены разныя зрѣлища, пиры и шествіе, гдѣ участвовали „разные крылатые геніусы и фамы, которыя въ трубы поздравленіе говорили“.

Затѣмъ въ этомъ новомъ театрѣ было назначено любимое въ то время увеселеніе—машкера.

Наканунѣ этой машкеры князь Иванъ ждалъ около полудни въ кабинетѣ Бестужева возвращенія Алексѣя Петровича съ балу отъ Шереметева. Бестужевъ велѣлъ ему притти съ бумагами и сказалъ, что вернется къ двѣнадцати, и Косой зналъ, что это будетъ исполнено пунктуально.

Въ самомъ дѣлѣ, еще било двѣнадцать часовъ, когда на дворъ въѣхала карета Бестужева и князь Иванъ слышалъ, какъ откинулась подножка, хлопнула дверца, и слуги на лѣстницѣ кинулись навстрѣчу барину.

Черезъ нѣсколько времени вошелъ въ кабинетъ Бестужевъ, переодѣтый уже въ короткій халатикъ, и весело и бодро улыбулся князю Ивану, какъ будто для него и не существовало утомленія цѣлаго, проведеннаго имъ почти цѣлкомъ на ногахъ, дня.

Косой сѣлъ противъ него у стола и началъ передавать свѣдѣнія бумаги, требовавшія немедленнаго разрѣшенія.

Все это касалось дѣла о возобновленной настоящими Бестужева шведской войнѣ и о пріѣздѣ сюда въ Москву шведскаго посла Нолькена для переговоровъ.

Нолькенъ остановился въ Москвѣ, въ домѣ Шетарди. Шетарди, требовавшій сначала, чтобы со Швеціей былъ заключенъ миръ на самыхъ выгодныхъ для послѣдней условіяхъ, потому-де, что она способствовала восшествію императрицы на престолъ, потерпѣлъ, несмотря на старанія Лестока, полное пораженіе, и со стороны Россіи не только не было сдѣлано никакихъ „выгодныхъ“ предложеній, но, напротивъ, посланъ въ Финляндію указъ о продолженіи войны. Несмотря на всѣ проски Шетарди и Лестока, французская политика не восторжествовала до сихъ поръ. Но противники Бестужева не клали еще оружія.

Изъ Швеціи пріѣхалъ въ Москву бывший уже посолъ въ Россіи Нолькенъ для того, чтобы вмѣстѣ съ французскимъ посланникомъ начать новую кампанію.

— А письмо къ турецкому резиденту? — спросилъ Алексѣй Петровичъ Косого, принимая отъ него нѣсколько бумагъ къ подписи.

— Вотъ оно.

И князь Иванъ передалъ ему письмо.

Бестужевъ внимательно перечитывалъ каждую бумагу, одобрительно кивалъ головою и затѣмъ подписывалъ.

Поставивъ послѣднюю подпись, онъ откинулся на спинку стула и провелъ рукою по головѣ, какъ человекъ уставшій не физически, но нравственно, и знающій, что конца этой усталости не предвидится.

— Куда вы?.. Нѣтъ, оставайтесь еще, мой другъ, — проговорилъ онъ Косому, видя, что тотъ хочетъ подняться, чтобы уйти.

— Я думалъ, что вы отдохнуть хотите... — сказалъ Косой.—Я и то удивляюсь вамъ, вы не даете себѣ ни минуты покоя...

— Ахъ, не въ этомъ покоѣ дѣло, мой другъ!—сказалъ Бестужевъ.— Вы подумайте только, какую трудную задачу намъ взвалили обстоятельства... Для пользы дѣла приходится бороться съ личными симпатіями и антипатіями государыни. Она женщина, а у женщины, знаете, личное чувство прежде всего... Да и мужчинѣ не всякому это подъ силу. Только самыя сильныя натуры могутъ отдѣлать дѣловыя отношенія отъ личныхъ...

— Но вѣдь до сихъ поръ...—началъ было Косой.

— Да, до сихъ поръ она заставляла удивляться своей силѣ воли. Это дочь Петра. Но, не знаю, выдержитъ ли... Вы поймите, что вѣдь всѣ тѣ, съ которыми мы должны дружить, лично неприятели государыни... Австрійскій посолъ Ботта былъ облаканъ брауншвейгской фамиліей и сторонился государыни, когда она была цесаревной. Съ Саксоніей—связано воспоминаніе о Линарѣ; наконецъ, англійскій посланникъ Финчъ, тотъ прямо предостерегалъ неоднократно Остермана противъ цесаревны и государыни—это извѣстно. Они боялись, что съ паденіемъ брауншвейгской фамиліи, измѣнится русская политика, та политика, выгоды которой для Россіи понимали нѣмцы Биронъ и Остерманъ, — что ни говорите, — но честно ведшіе ее и не уронившіе русскаго достоинства. Такъ какъ же намъ, намъ-то, русскимъ, не понимать этого и изъ личнаго

расположенія къ Шетарди давать возможность Франціи съ Пруссіей погубить Австрію, чтобы затѣмъ самимъ считаться съ ними. Вѣдь это же ясно. А между тѣмъ Шетарди оказывалъ личныя услуги императрицѣ, Мар-дефельдъ вель себя осторожно, но, послѣ паденія Минаха, былъ не въ ладахъ съ бывшей регентшей и тоже сумѣлъ вызвать въ государынѣ расположеніе къ своей Пруссіи... И противъ этого надо бороться и слѣдить ежеминутно почти за настроеніемъ государыни... Завтра что такое будетъ?..

Князь Иванъ называлъ, какіе назначены приемы на завтрашній день.

— Ахъ да, повторилъ Бестужевъ, — завтра маскарадъ въ новомъ театрѣ. Вы будете?..

— Я?—какъ бы даже удивился Косой,—нѣтъ, я не собирался.

— Отчего вы мало выѣзжаете такъ. Вамъ бы нужно больше показываться въ обществѣ...

— У меня и костюма нѣтъ,—сказалъ князь Иванъ, думая, что этимъ положить конецъ настоянью Бестужева.

На самомъ дѣлѣ ему просто не хотѣлось никуда.

Онъ выѣзжалъ только на официальные выѣзды, когда это было прямо необходимо.

— А костюмъ *старшао ницаго*?—подчеркнулъ Бестужевъ.

Косой внимательно посмотрѣлъ на него. Онъ уже привыкъ къ нему настолько, что сразу могъ опредѣлить, когда Бестужевъ шутитъ или говоритъ серьезно. На этотъ разъ Алексѣй Петровичъ не шутилъ.

Князь Иванъ въ свое время разсказалъ ему всю свою исторію съ кольцомъ и съ письмомъ, но не разсказалъ только о Союзнѣ, считая это тогда лишнимъ и не желая выказывать передъ Бестужевымъ слишкомъ уже большую болтливость. Теперь онъ видѣлъ, что Алексѣй Петровичъ своимъ напоминаніемъ о „старикѣ нищемъ“ какъ бы давалъ понять, что можетъ-быть найдеть для него во время маскарада какое-нибудь дѣло, словомъ, ему почему-то нужно, чтобы онъ тамъ былъ въ костюмѣ ницаго.

— Тогда я поѣду!—сказалъ Косой.

— Да, поѣзжайте и надѣньте этотъ костюмъ... До свиданія...

И онъ поклонился князю Ивану, отпуская его къ себѣ.

III.

Несмотря на то, что до сихъ поръ старанія Шетарди направить въ пользу Франціи политику Россіи рѣшительно не увѣнчивались успѣхомъ, онъ все-таки былъ то, что называется *persona grata* при дворѣ Елисаветы, и въ то время, когда другіе послы иногда понапрасну добивались аудіенціи цѣлыми недѣлями — онъ имѣлъ всегда открытый доступъ во дворецъ, и на всѣхъ празднествахъ, гдѣ появлялась только императрица, былъ въ числѣ немногихъ, находившихся возлѣ нея лицъ. И на маскарадѣ, устроенномъ въ новомъ театрѣ, Шетарди вмѣстѣ съ Разумовскимъ, Шуваловыми, Михаиломъ Петровичемъ Бестужевымъ, братомъ вице-канцлера, и Лестокомъ былъ въ ложѣ государыни, откуда она смотрѣла на пеструю толпу двигавшихся и танцовавшихъ внизу передъ нею масокъ.

Императрица была довольна празднествами и то и дѣло посылала въ другія ложи за кѣмъ-нибудь изъ знатныхъ персонъ, которыхъ желала осчастливить своимъ разговоромъ.

Эти избранные входили въ ложу съ блаженно сиявшими лицами и выходили изъ нея почти поминутно, такъ-что находившимся тамъ то и дѣло приходилось сторониться, чтобы дать имъ дорогу.

— Ухъ, жарко!—пройтись бы немного,—сказалъ на ухо Шетарди Лестоку, пропуская мимо себя старика съ орденомъ Андрея Первозваннаго.

— Да, жарко,—отвѣтилъ нарочно громче Лестоку,—отчего же не пройтись—пойдемте...

И они вышли изъ ложи.

— Я васъ нарочно вызвалъ, — пояснилъ Шетарди, какъ только они очутились въ проходѣ сзади ложи,—мнѣ бы нужно было переговорить съ вами...

Лестоку кивнулъ головой, сказалъ „сейчасъ“ и, подойдя къ одной изъ дверей, велѣлъ открыть ее.

Они очутились въ темной низенькой аванъ-ложѣ съ уютнымъ диванчикомъ, куда пробивался слабо, сквозь продѣланное въ самой ложѣ окно въ залу, шумъ и свѣтъ этой залы...

— Ну, здѣсь насъ никто не увидитъ и не услышитъ, — сказалъ Лестоку, — мы можемъ говорить спокойно... Ну, какъ дѣла?..

Шетарди усѣлся не торопясь на диванчикъ и положилъ ногу на ногу, какъ человѣкъ, который дѣлаетъ все не торопясь и, главное, знаетъ то, что дѣлаетъ.

— Не особенно хорошо. Поэтому я и хотѣлъ переговорить съ вами серьезно. До сихъ поръ мы ничего не могли добиться, — теперь, съ пріѣздомъ Полькена, нужно будетъ дѣйствовать рѣшительно. Вѣдь это почти послѣднее средство. Война для Швеціи—сказать между нами — чистая нагуба, а между тѣмъ, если Полькенъ уѣдетъ отсюда ни съ чѣмъ, то, пожалуй, союзникамъ Франціи придется сложить оружіе... И я не понимаю, какъ государыня не можетъ или не хочетъ вникнуть въ положеніе и пользу европейскіхъ дѣлъ. Пока Австрія имѣетъ хоть какую-нибудь силу—Франція не можетъ первенствовать. Необходимо, для пользы Европы необходимо, чтобы эта страна была ослаблена настолько, чтобы не мѣшала свободному развитію французскаго государства...

— Мнѣ странно одно,—заговорилъ Лестоку въ свою очередь,—какимъ образомъ теперь, при русскомъ правленіи въ Россіи, ничего не выходитъ изъ нашихъ стараній. Ну, прежде правили тутъ нѣмцы, сочувствіе ихъ къ австрійскому двору и нелюбовь ко всему французскому понятна, но теперь — ума не приложу. Какъ не видѣть, что это тормозитъ дѣло развитія...

Оба они говорили совершенно искренно, для обоихъ ихъ Франція была первою страной міра, говорившей на языкѣ, которымъ только и можно было бесѣдовать въ гостиныхъ, обладавшей литературой, которую только и могъ читать порядочный человѣкъ, она была страной, откуда шли люди, правила приличій и умѣнья жить, новыя покроя кафтановъ и дамскіхъ нарядовъ, и въ ней была міровая столица—Парижъ. Они оба совершенно искренно вѣрили, что Франція должна была единственно первенствовать, и въ этомъ заключались „европейскіе интересы“, о которыхъ они заботились. О томъ, что у полуварварской, чуждой имъ и совершенно незнакомой Россіи могли быть свои собственные интересы и національная политика — они даже и не думали и вѣроятно очень бы удивились наивности того, кто попытался бы объяснить имъ это.

Если Россія не хотѣла оставаться въ Азіи, а участвовать въ семьѣ европейскихъ народовъ (и къ этому они относились съ улыбкой), то должна была способствовать развитію Франціи, думать только о ней, а никакъ уже не о себѣ...

— Превжній канцлеръ, Остерманъ,—заговорилъ опять Шетарди на слова Лестока, — былъ плутъ, но умный плутъ, который отлично умѣлъ золотить свои пилюли. Теперешній же вице-канцлеръ положительно полусумасшедшій...

Лестоку улыбнулся.

— Я никогда не былъ высокаго мнѣнія объ его умѣ,—перебилъ онъ,—я думалъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ послушенъ, но вышло не то...

— Не то, совсѣмъ не то... — повторилъ Шетарди, — и я боюсь, что и теперь, съ пріѣздомъ Полькена, онъ что-нибудь напортитъ.

— Ну, по-моему, бояться его нечего. Все-таки это

человѣкъ ограниченный и лѣнивый, а потому мало что дѣлающій, а если и дѣлающій что-нибудь, то въ силу предразсудковъ, которыми только и руководится. Знаете, я даже думаю, что онъ трусъ...

— Кто бы онъ ни былъ, во всякомъ случаѣ онъ намъ помѣха и нужно избавиться отъ него во что бы то ни стало. Лестоукъ задумался.

— Да, но это трудно, — сказалъ онъ. — Какъ я ни старался, какъ я ни слѣдилъ за нимъ, — ничего нельзя подмѣтить...

— Если нельзя ничего подмѣтить, то можно предположить и дѣйствовать такъ, будто владѣешь уже истиной... Мы уже предположили, что онъ получаетъ пенсію отъ австрійскаго двора.

— Да, — подхватилъ Лестоукъ, — и послѣ отравленныхъ къ нему подметныхъ писемъ онъ сталъ то краснѣть, то блѣднѣть при упоминаніи о генералѣ Ботта... Сама государыня замѣтила это и сказала мнѣ.

— Ну, вотъ видите ли!.. Значитъ, можно найти и еще что-нибудь... для окончательнаго его низложенія, и найти, какъ можно скорѣе, потому что время дорого, пока Нолькенъ здѣсь...

— Но что же, вѣдь выдумать ничего нельзя, нельзя лгать прямо...

— Лгать! — усмѣхнулся Шетарди, — ложь страшное слово только и больше ничего... Позвольте, если, напримеръ, на васъ нападаетъ разбойникъ въ лѣсу — вы имѣете полное право убить его, если сумѣете сдѣлать это. Это дозволено всѣми писаными законами и нравственными кодексами. Никто не упрекнетъ — ни даже собственная совѣсть — человѣка за такое убійство. Такъ

какъ же, если убійство допускается при извѣстныхъ случаяхъ самою нравственностью, то какъ же не допустить извѣстной доли лжи, если отъ этого зависятъ существенные интересы всей Европы!..

Лестоукъ слушалъ очень внимательно.

— Да, можетъ быть... — подтвердилъ онъ, чувствуя, что на него дѣйствуютъ и слова Шетарди и, главное, его убѣдительный тонъ.

Онъ былъ слишкомъ трусливъ мыслию, чтобы самостоятельно подыскать опроверженіе изложенной ему казуистики.

— А господинъ Бестужевъ, — еще съ бѣльшею убѣдительностію заговорилъ Шетарди, видя, что его слова дѣйствуютъ, — а господинъ Бестужевъ хуже разбойника, потому что посягаетъ на священнѣйшее право народовъ — право поступательнаго и мирнаго развитія... Какъ же его не устранить?..

— Да, — согласился Лестоукъ, — это зло нужно съ корнемъ вырвать... И какъ я ошибся въ немъ! Я же вѣдь первый способствовалъ его назначенію!..

— Значитъ теперь можете съ легкимъ сердцемъ способствовать его паденію. Вамъ онъ обязанъ мѣстомъ вице-канцлера — пусть, благодаря вамъ же, онъ лишится этого мѣста. Надо умѣть исправлять свои ошибки, — закончилъ Шетарди, самъ улыбаясь своей шуткѣ...

Слишкомъ долгое отсутствіе ихъ могли замѣтить въ ложѣ государыни. Надо было идти. Но главное было уже условлено между ними — паденіе Бестужева во что бы то ни стало казалось рѣшеннымъ. Оставалось только найти къ тому подходящія средства.

(Продолженіе будетъ.)

Изъ „Пѣсенъ о счастьѣ“.

(На мотивы Юлія Словацкаго.)

Стихотворенія Аполлона Коринфскаго.

I.

„Пойдемъ!“

Пойдемъ со мной туда, гдѣ глетчеръ
Вѣнчаетъ вѣсь гранитныхъ горъ!
Пойдемъ туда, гдѣ зеленѣетъ
У синихъ льдовъ сосновый боръ!..
Пойдемъ туда, куда лишь эхо
Несетъ звонки далекихъ стадъ, —
Гдѣ убирается Юнгфрау
Въ свой лучший радужный нарядъ...
Гдѣ даже солнце, солнце даже
Всплываетъ ниже гордыхъ льдинъ,
Гдѣ только серна и промчится
Порой по выступу лавинъ...
Пойдемъ туда, гдѣ снѣжно крыльсвѣ
Цари пустынныхъ Альпъ, орлы,
Бросають тѣнь на стаю тучекъ,
Взлетая съ каменной скалы...
Пойдемъ туда, подруга счастья!
Я — буду тамъ, гдѣ будешь ты...
А если мы не возвратимся
Къ долинамъ съ этой высоты, —
Всѣ стануть думать, что обоихъ
Насъ взяли духи горныхъ странъ
И унесли къ себѣ — на небо,
Въ лазурно-волнны океанъ...

II.

Гдѣ-то.

I.

Штъ! Счастливейшій не знаетъ
И вовѣкъ не разгадаетъ,
Гдѣ обитель есть такая въ мѣрѣ, тонущемъ во мглѣ, —
Что туда летятъ толпами
Духи съ бѣлыми крылами
И въ блаженствѣ созерцають счастье жизни на землѣ!

2.

Не найдеть мудрецъ вселенной
Уголокъ тотъ сокровенный,
Гдѣ — въ забытой всѣми кельѣ — въ дни любви я
сердцемъ жилъ!
Сколько розъ благоухало,
Сколько листьевъ трепетало,
Соловиный хоръ какіе гимны въ честь любви сложили!..
3.
Что за чудо-серенады
Въ часъ мучительной отрады
Каждой блѣдной лунной ночью раздавались по кустамъ!
Какъ гремѣлъ каскадъ въ томъ хорѣ,
Слившемъ волнныхъ звуковъ море!
Сколько пестрыхъ стадъ звенѣло бубенцами по лугамъ!..

4.

Даже спящимъ не приснится,
Что, бывало, тамъ творится;
Даже мѣрными строфами мнѣ всего не описать!
Заклинанья и признанья;
И лобзанья, и рыданья...
Это было и промчалось, — не воротится опять!..

5.

Доль зеленый, крошка-келья —
Храмъ блаженнаго веселья;
Вишни, розы съ соловьями; и стада, и водопадъ...
Все осталось тамъ, далеко, —
Гдѣ — распахнуты широко,
Отъ скалы къ скалѣ — незримо крылья бѣлыя дрожатъ!..

6.

Кроткій геній нашъ хранитель
Скрылъ блаженную обитель:
Не найти, хотя искать бы всюду цѣлые годъ...
Знала путь туда одна ты,
Жертва ранняя утраты! —
Безъ тебя-жъ и мнѣ той кельи не увидѣть никогда!..

Подсолнечникъ. Съ карт. Клары Вальтеръ по фотогр. Унионъ въ Мюнхенѣ грав. Кирмзе.

Выставка тысячелѣтія Венгріи въ Буда-Пештѣ.

Спеціальная корреспонденція „Нивы“. (Съ 11 рисунками).

— Вы только-что изъ Буда-Пешта,— конечно, побывали на выставкѣ?

— Конечно.

— Вы вѣдь видѣли и нижегородскую выставку, которая же лучше?

Вотъ вопросы, которыми неизмѣнно встрѣчаютъ соотечественника, побывавшаго въ Буда-Пештѣ, на его выставкѣ— праздникъ въ память тысячелѣтія Венгріи. Но этого вопроса не зададутъ ни въ Буда-Пештѣ, ни въ Берлинѣ, гдѣ тоже теперь выставка по случаю 25-лѣтія Германской имперіи. Берлинецъ по уши влюбленъ въ свою выставку, и ему никогда и не придетъ въ голову мысль, что его Berliner Gewerbe-Ausstellung—не лучшая. На венгерца, хвастливаго по природѣ, въ этомъ случаѣ нападетъ смѣрнее чаше гордости. „Мы сдѣлали все, что могли“,— обыкновенно говорятъ они,—и, дѣйствительно, поработали много и долго, чтобы дать вѣрную картину настоящаго культурнаго и промышленнаго развитія Венгріи. Судя по всѣмъ отзывамъ, наша выставка удалась намъ, но мы несколько не претендуемъ на первенство, быть-можетъ, выставка въ Берлинѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ или Женевѣ и лучше нашей.“ Въ послѣднихъ словахъ уже слышатся фальшивыя нотки; чувствуется, что вашъ собесѣдникъ глубоко убѣжденъ, что нѣтъ лучше его выставки и, лишь пересиливая свою любезность, онъ говоритъ это.

Но, въ дѣйствительности, хороша ли буда-пештская выставка? Въ Вѣнѣ, всѣ въ одинъ голосъ доказывали, что она—пуфъ, полный проваль, мыльный пузырь, блестящій всѣми цвѣтами радуги. На выставкѣ только тѣмъ удовольствій и самаго низменнаго, азіатскаго вкуса, сама же она очень слабенька и положительна смѣшна для серьезнаго человѣка, который вздумалъ бы изучать по ней промышленное развитіе Венгріи. Впечатлѣніе отъ этихъ толковъ разлетается, однако, какъ дымъ при первомъ соприкосновеніи съ выставкой. Повидимому эти толки ничего общаго съ ней и не имѣютъ, являясь лишь отголоскомъ „дуализма“ Австро-Венгерской монархіи. Впрочемъ, и у насъ, цѣлѣнныхъ слуховъ про нижегородскую выставку не оберешься.

Буда-Пештѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливицъ, которые на всѣхъ производятъ хорошее впечатлѣніе и оставляютъ наилучшія воспоминанія. Большинство отзывается о немъ восторженно, какъ о городѣ, полномъ свѣжести, красоты и того бодрого оживленія, которое свойственно только юности. Буда-Пештѣ совершенно новый городъ; его широкіе бульвары, имѣющіе претензію соперничать въ красотѣ съ парижскими авеню, роскошные дома, болѣе похожіе на дворцы, чѣмъ на жилища простыхъ труженниковъ, обширные парки, монументы, мосты—все блещетъ повсюду.—„Вы не удивляйтесь“, скажутъ вамъ,—„что у насъ нѣтъ старинныхъ зданій—памятниковъ былыхъ временъ; вѣдь еще недавно, когда Венгріей распоряжались австрійцы, всѣ доходы съ нея шли на украшеніе Вѣны“. Это правда, но будутъ правы и хорваты, словаки, кроаты и прочія славянскія племена, находящіеся подъ венгерской короной, если, въ свою очередь, скажутъ:—„венгерцамъ легко на наши деньги украшать и расширять свой Буда-Пештѣ, но въ этомъ нѣтъ никакой заслуги“.

Но если Буда-Пештѣ и городъ новый, то все-таки въ немъ много своей оригинальной прелести. Прежде всего Дунай—славянскій рѣка,—на обоихъ берегахъ котораго онъ расположенъ. Дунай здѣсь не чета рѣчкамъ другихъ столицъ; по своей величавости онъ напоминаетъ намъ Неву или Волгу у Нижняго, а это удѣлъ не многихъ городовъ. Характерно и населеніе, вѣчно подвижное, шумное, веселое, не лишнее своеобразной красоты. Венгерцы въ своемъ официальном пу-

теводителѣ, не обинуясь, заявляютъ, что они—самая красивая нація въ мірѣ, совершеннѣе ихъ (зачѣмъ такая скромность!) только нѣкоторые племена Кавказа.

Я пріѣхалъ въ Буда-Пештѣ подъ вечеръ. Послѣ степенной равнины съ золотистымъ отливомъ сѣющаго хлѣба, который видѣлся на всемъ пространствѣ, удивительнымъ показался городъ съ высокими многоэтажными домами и полнымъ оживленіемъ.

На другой день сѣшу съ утра на выставку. Къ ней ведетъ одна изъ лучшихъ улицъ города—Авеню Андраши, которое и упирается въ красивый главный входъ выставки (рис. на этой стран.). Это одно изъ преимуществъ буда-пештской выставки, выгодно отличающее ее отъ нашей нижегородской, гдѣ первое впечатлѣніе далеко не прекрасное. Грязные домики Кунавина и ужасное выставочное шоссе, обрамленное казарменными корпусами гостиницъ—дѣйствуютъ какъ ушатъ воды. Безусловно лучше и общій видъ буда-пештской выставки—главнымъ образомъ потому, что она раскинута среди стараго лѣса, а не на голомъ и плоскомъ полѣ, какъ нижегородская. Обиліе выставочныхъ зданій, тѣснѣющихся на небольшомъ пространствѣ, всегда дѣйствуетъ угнетительно, производитъ впечатлѣніе искусственности, и въ концѣ концовъ, напоминаетъ балаганы, хотя бы то и были прекраснѣйшія зданія, какъ на нашей выставкѣ. Деревья же являются удачнѣйшимъ фономъ, они скрываютъ толпу зданій, эффектно выдвигая ихъ одно за другимъ и тѣмъ облегчая сосредоточеніе вниманія; они же скрываютъ и искусственность расположенія зданій, ихъ характеръ, постройки на одно лѣто, что всегда производить такое неприятное впечатлѣніе. Густая тѣнь стараго и большого сада оберегаетъ посетителей выставки отъ солнечныхъ лучей и даже въ безоблачные лѣтніе дни даетъ возможность совершать пріятную прогулку по выставкѣ.

Зданія буда-пештской выставки въ общемъ мѣло характерны, чѣмъ на нижегородской. Ихъ стиль не имѣетъ отпечатка причудливой фантазіи Востока, какой несомнѣнно носитъ русская архитектура; и въ то же время они не столь изящны или классически строгі, какъ постройки Запада. Конечно, есть и исключенія, и нѣсколько зданій дѣйствительно хороши, по это или подражанія историческимъ памятникамъ, или стиль современной международной архитектуры. Но зато внутренняя расплановка зданій несомнѣнно хороша и далеко оставляетъ позади расплановку павильоновъ нижегородской выставки. Очарованный вѣжливостью, фасадами нашей выставки, я долго былъ убѣжденъ, что наши архитекторы блестяще преодолѣли поставленную имъ задачу и построили образцовыя зданія, но, увидавъ выставку въ Буда-Пештѣ, я съ горечью убѣдился, что я заблуждался. Наши павильоны дѣйствительно образцовы, но только съ казовой стороны, внутри же они грѣшатъ полнѣйшею непригодностью къ выставочнымъ цѣлямъ. Здѣсь, въ Буда-Пештѣ, зданія прежде всего высоки, съ массою воздуха—нѣтъ той приземистости, какъ у насъ, которая невольно придаетъ объекту фонъ отпечатокъ бѣдности, мизерности, создаетъ и духоту въ жаркіе дни; здѣсь—высокіе потолки дали возможность помѣстить окна на большой высотѣ и тѣмъ утилизировать наибольшее пространство стѣнъ и устроить прекрасное, многиѣ выставочное освѣщеніе. Нѣтъ рѣзкихъ, неприятныхъ тѣней, неизбежныхъ при боковомъ свѣтѣ изъ оконъ съ простѣнками, какихъ большинство на нижегородской выставкѣ, гдѣ притомъ солнце свободно разгуливаетъ по экспонатамъ, а окна настолько беззаботно прорѣзаны, что серьезно затруднили въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ размѣщеніе витринъ. Затѣмъ большинство зданій въ Буда-Пештѣ распланованы такъ, что, начавъ осмотръ съ

Выставка тысячелѣтія Венгріи въ Буда-Пештѣ. Главный входъ.

нѣ характерны, чѣмъ на нижегородской. Ихъ стиль не имѣетъ отпечатка причудливой фантазіи Востока, какой несомнѣнно носитъ русская архитектура; и въ то же время они не столь изящны или классически строгі, какъ постройки Запада. Конечно, есть и исключенія, и нѣсколько зданій дѣйствительно хороши, по это или подражанія историческимъ памятникамъ, или стиль современной международной архитектуры. Но зато внутренняя расплановка зданій несомнѣнно хороша и далеко оставляетъ позади расплановку павильоновъ нижегородской выставки. Очарованный вѣжливостью, фасадами нашей выставки, я долго былъ убѣжденъ, что наши архитекторы блестяще преодолѣли поставленную имъ задачу и построили образцовыя зданія, но, увидавъ выставку въ Буда-Пештѣ, я съ горечью убѣдился, что я заблуждался. Наши павильоны дѣйствительно образцовы, но только съ казовой стороны, внутри же они грѣшатъ полнѣйшею непригодностью къ выставочнымъ цѣлямъ. Здѣсь, въ Буда-Пештѣ, зданія прежде всего высоки, съ массою воздуха—нѣтъ той приземистости, какъ у насъ, которая невольно придаетъ объекту фонъ отпечатокъ бѣдности, мизерности, создаетъ и духоту въ жаркіе дни; здѣсь—высокіе потолки дали возможность помѣстить окна на большой высотѣ и тѣмъ утилизировать наибольшее пространство стѣнъ и устроить прекрасное, многиѣ выставочное освѣщеніе. Нѣтъ рѣзкихъ, неприятныхъ тѣней, неизбежныхъ при боковомъ свѣтѣ изъ оконъ съ простѣнками, какихъ большинство на нижегородской выставкѣ, гдѣ притомъ солнце свободно разгуливаетъ по экспонатамъ, а окна настолько беззаботно прорѣзаны, что серьезно затруднили въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ размѣщеніе витринъ. Затѣмъ большинство зданій въ Буда-Пештѣ распланованы такъ, что, начавъ осмотръ съ

одной стороны, непремьнно к ней и возвратившись, заканчивая обзорные. Мы очень понравились и раслаивровка зданий в два (и больше) этажа; она дала возможность архитекторам выказать себя в проектировании эффектных лестниц и очень высоких в два света залы, а декораторам — в украшении их, придала разнообразие и позволила экспонентам выгодно разместить большие экспонаты, и, наконец, создала ряд выставок à vol d'oiseau. На всероссийской выставке, как известно, лишь в двух зданиях экспонаты находятся в двух этажах, но это лишь хоры, с которых, однако, не открывается ровно никакого красивого вида.

Характерною и весьма удачною особенностью буда-пештской выставки является ее наглядность. Почти в каждом отделе помещены цифровые списки производства, устроены декорации и панорамы, иллюстрирующие выставленные экспонаты. Кроме того почти каждая витрина снабжена цѣлою справочною литературою, чаще всего рукописною; здесь находятся планы, чертежи, карты, графики, балансы, отчеты и прочія свѣдѣнія, доказывающія, прежде всего, как сознательно и серьезно отнеслись к своей задаче экспоненты.

Выставка устроена в память тысячелѣтія Венгрии. Тысячелѣтіе и въ жизни народов — большой промежутокъ, въ который вполне можетъ опредѣлиться характеръ народности и ее положеніе среди другихъ народовъ. Что же сдѣлала за тысячелѣтіе своей жизни Венгрия? Последнею волною великаго переселенія народовъ небольшое пастушеское племя, обитавшее въ верховьяхъ Иртыша и по рѣкѣ Уралу, было перенесено въ 895 и 896 гг. на берега Дуная. Покоривъ славянскія племена, оно могло бы, мирно совершенствуясь, безмятежно проживать въ роскошной долине, съ трехъ сторонъ окруженій высокими Карпатами. Но природа Азии беретъ верхъ и венгерцы стремятся къ дальнѣйшимъ нападѣниямъ и захватамъ, посягая даже на границы Византии и Германіи, но терпятъ жестокия поражения. Съ тѣхъ поръ вся исторія Венгрии проходитъ въ попыткахъ пораженія своихъ соседей, оканчивающихся водвореніемъ венгерцевъ на прежнее мѣсто, усмирненіемъ этого самодовольнаго и обладающаго большимъ самолюбіемъ народа. Не принадлежа къ великимъ націямъ, которыя сами исторически слагаютъ свои государственныя учрежденія, венгерцы замѣщали государственное устройство отъ франковъ, какъ прежде итали и правителей изъ чуждыхъ династій. Не проявили себя венгерцы замѣтнымъ образомъ и на поприщѣ науки, литературы, промышленности, и только мирная эпоха второй половины XIX вѣка сказала въ Венгрии, какъ и вездѣ, быстрымъ ростомъ промышленныхъ силъ. Все тысячелѣтіе, слѣдовательно, указываетъ на болѣе чѣмъ скромную роль, какую играли венгерцы въ жизни народовъ. Скроменность не лишаетъ права на уваженіе и не умаляетъ пользы; но самолюбіе этого народа не имѣетъ границъ и сказалося очень ярко въ хвастовствѣ, которымъ полно официальное изданіе, появившееся спеціально къ выставкѣ и составленное выдающимися литературными силами Венгрии.

Но обратимся къ самой выставкѣ. Она раздѣляется на два большихъ отдела: историческій и современный, который, въ свою очередь, дѣлится на 20 группъ. На выставку, принявая во вниманіе ея размѣры (520,000 кв. метровъ), ассигнована сравнительно небольшая сумма — 4.380,000 гульденовъ*), изъ которыхъ государственное казначейство дало только 1 миллионъ гульденовъ, остальное же покрывается входною платою (1.300,000 гульд.) лотереей (1.000,000 гульд.) и пр. Всѣхъ экспонентовъ 24,174. Выставочною администраціей было принято цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ привлеченію возможно большаго числа посѣтителей выставки. Во-первыхъ, еще за годъ публична знакомилась съ выставкой и посредствомъ газетныхъ статей и спеціальныхъ брошюръ и объявленій, которыя ко времени открытія выставки оказались расклеенными чуть ли не повсемѣстно; затѣмъ были установлены значительно пониженный тарифъ желѣзныхъ дорогъ и паромовъ, какъ венгерскихъ, такъ и заграницныхъ (только русскія дороги не пошли на соглашеніе), назначена такса гостиницъ, устроены въ теченіе всей выставки разнообразныя праздники, какъ-то: состязанія гимнастическія, атлетическія, велосипедистовъ, фехтованія, скачки, музыкальныя и хоровыя концерты и пр. Интересны еще увѣчавшіяся полнымъ успѣхомъ усилія выставочной администраціи къ тому, чтобы облегчить массѣ населенія Венгрии посѣщеніе выставки. Едва ли кто станетъ сомнѣваться въ значеніи „массы“; руководить государственною жизнью страны, конечно, отдѣльныя личности, но они, члены „массы“ населенія, призваны работать ей на пользу и могутъ проводить лишь тѣ благодѣтельныя реформы, которыя вытекаютъ изъ жизни массы и которыя она способна воспринять. Чѣмъ выше познанія и степени пониманія у „массы“, тѣмъ болѣе могутъ быть увѣрены руководители, что ихъ мѣропріятія дѣйствительно проникнутъ въ жизнь, а не окажутся благодѣтельными лишь на бумагѣ. Никто не изучаетъ современныя выставки, за исключеніемъ небольшого числа экспертовъ и лицъ спеціально занятированныхъ; для большинства это было бы и безцѣльно, такъ какъ, при чрезвычайномъ раз-

витіи промышленности, выставки далеко не даютъ картины промышленныя успѣховъ, а являются лишь намекомъ, отраженіемъ ихъ. Выставки имѣютъ скорѣе политическое значеніе, какъ прекрасныя посѣтели національной идеи и какъ торжество труда, публичное чествованіе государственныхъ заслугъ массы производителей; онѣ имѣютъ и воспитательное значеніе, такъ какъ несомнѣнно, что каждый побывавшій на выставкѣ уйдетъ и съ новыми знаніями, и съ новыми впечатлѣніями, которыя породятъ новый потокъ мыслей, иначе, быть-можетъ, не разившіяся бы въ десятилѣтіе. Вотъ почему важно, чтобы національную выставку посѣтила „масса“ населенія. Устроители буда-пештской выставки внимательно отнеслись къ массѣ и устроили такъ, что безо всякихъ хлопотъ и съ ничтожною затратою каждый можетъ побывать на выставкѣ тысячелѣтія. Такъ, введены особые билеты, которые за 3—5 гульденовъ (смотря по разстоянію) даютъ право на проѣздъ туда и обратно, входъ на выставку и полное содержаніе въ теченіе сутокъ въ Буда-Пештѣ. Кроме того построены баракы, гдѣ крестьяне за 10 крейцеровъ (8 копеекъ) получаютъ постель и за такую же плату обѣдъ. Въ Буда-Пештѣ масса — желанный гость и, посмотрите, число посѣтителей исчисляется миллионами, и больше всего крестьянъ.

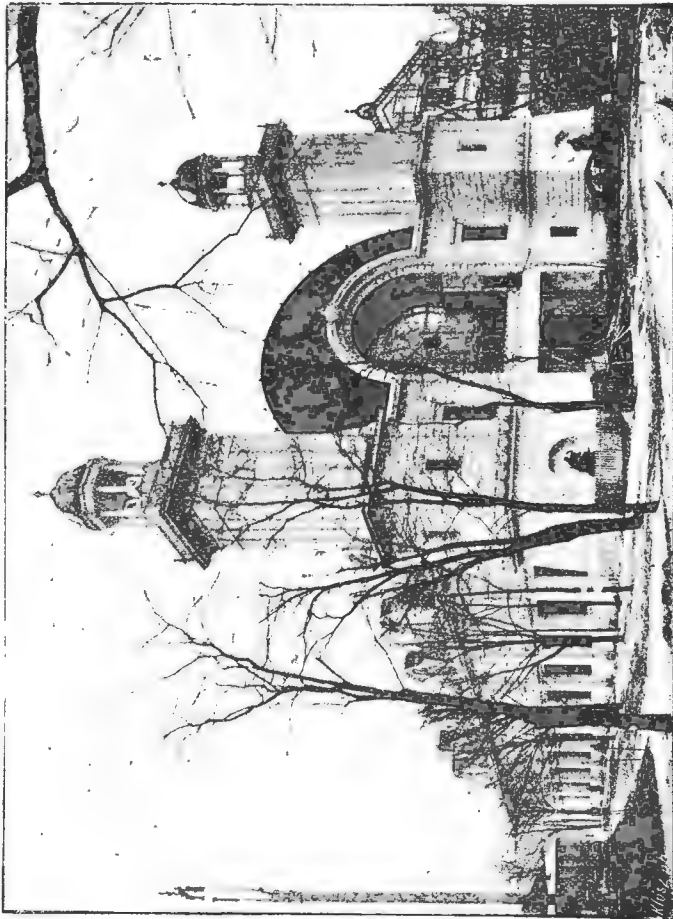
Историческая группа сосредоточена на островкѣ обширнаго красиваго, обрамленнаго вѣковыми деревьями пруда. Выставка исторической группы задумана очень широко; по плану предполагалось показать постепенное развитіе народа по памятникамъ, которые остались отъ давно прошедшихъ временъ — мысль оригинальная, но вполне соответствующая празднованію тысячелѣтія. Задача эта исполнена блестяще. Изъ національныхъ музеевъ были взяты историческія реликвіи, частныя лица въ значительномъ количествѣ экспонировали свои историческія вещи, иностранные музеи, по просьбѣ венгерскаго правительства, также прислали много предметовъ, такъ-что историческая выставка дѣйствительно оказалась полной и крайне интересной. Она размѣщена въ трехъ зданияхъ, различныхъ стилей, характеризующихъ періоды венгерской исторіи: романскій — съ 888 г. до 1301 — времена венгерскихъ князей и династій Арпада, готическій съ 1301 г. до 1526 г. — царствованіе различныхъ династій, и возрожденія съ 1526 г. — царствованіе Габсбурговъ.

Зданіе старо-романскаго стиля находится тотчасъ же за мостомъ, скомпонованнымъ въ старинномъ крѣпостномъ стилѣ. Вообще все строительныя детали исторической группы воспроизводитъ прекраснѣйшіе остатки старины; при проектированіи этихъ зданій художники стремились выказать не блескъ фантазіи, но артистически сочетать все, что сохранили намъ вѣка отъ предковъ, все, что дорого сердцу венгерца. Старо-романскій стиль вводитъ насъ въ ту эпоху, когда венгерцы жили еще въ нападкахъ и, принявъ христіанство, ревностно начали строить храмы. Этотъ стиль дошелъ до насъ лишь въ церковныхъ постройкахъ; соответственно и на выставкѣ постройка старо-романскаго стиля имѣетъ видъ монастыря (см. рис. на стр. 927). Она состоитъ изъ помѣщенія для аббата, монастыря и часовни. Внутреннее убранство роскошно и красиво. Стѣнная живопись, скульптурныя украшенія, расписныя окна — все вѣрные копии историческихъ памятниковъ — служатъ идеальнымъ фономъ къ выставленнымъ здѣсь предметамъ. Много монетъ, медалей, первый но стариннѣйшій манускриптъ на венгерскомъ языкѣ, хартии и печати первыхъ князей и королей и другія реликвіи. Тутъ же богатѣйшая коллекція сѣделъ, оружія, стремлянъ и прочія принадлежностей богатыхъ и знатныхъ венгровъ древности; эти вещи дошли до насъ въ сравнительномъ изобиліи, благодаря обычаю погребать мадярь во всеоружіи, верхомъ на конѣ, какимъ онъ долженъ былъ явиться передъ Гадуромъ — богомъ войны. Большой интересъ представляетъ карта движенія мадярь при переселеніи ихъ въ Европу. Среди всѣхъ этихъ остатковъ старины устроены роскошные апартаменты нынѣшняго короля Венгрии — Франца-Иосифа.

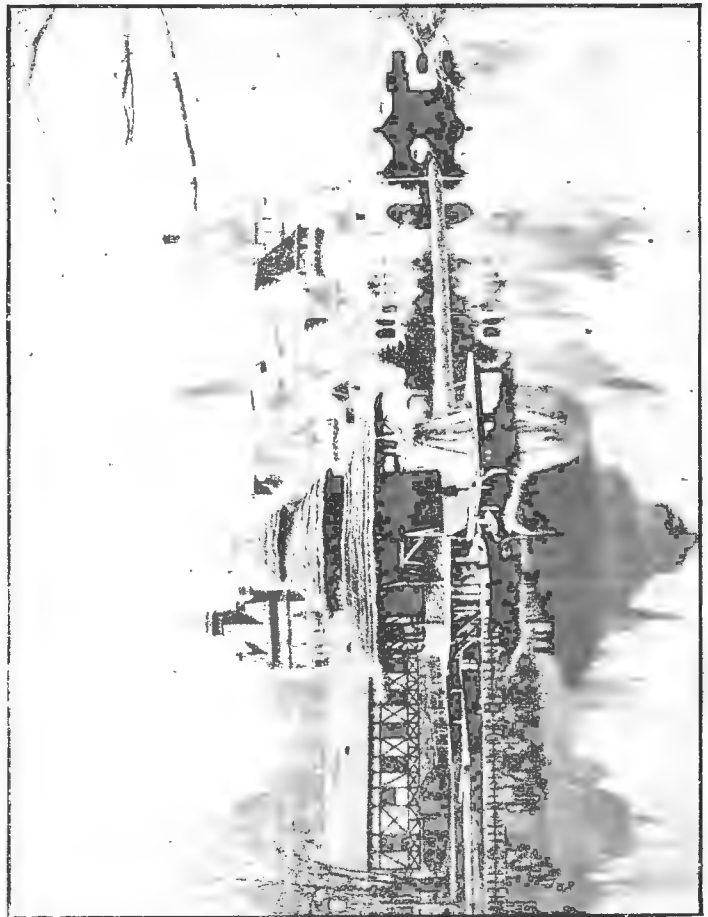
Напротивъ старо-романскаго зданія — величественная постройка въ готическомъ стилѣ (рис. на стр. 927). Она особенно хороша со стороны пруда, воды котораго омываютъ его подножіе. Одна изъ частей его фасада воспроизводитъ историческій замокъ Вайда-Гуниадъ, его башню подъ именемъ Ne-bojsza; глубоко печально звучитъ для насъ славянское названіе теперь уже старинной венгерской твердыни. Въ первой залѣ внизу размѣщены произведенія скульптуры и архитектуры XIV и XV вѣковъ, затѣмъ идетъ большая зала рыцарей замка Вайда-Гуниадъ, вся украшенная картинами битвъ, турнировъ. Рядомъ часовня съ религиозными предметами среднихъ вѣковъ, а съ другой стороны копія залы засѣданій городского совета одного изъ городовъ, въ томъ видѣ, какъ она была 400 лѣтъ тому назадъ. Во второмъ этажѣ большой интересъ представляютъ и залы, имитирующія обстановку средневѣковой жизни: жилыя комнаты XV вѣка, залы рыцарей, бібліотека ученаго, неполная старинными книгами, картами, гороскопами. Интерьеръ и дворъ со своими орудіями, фонтанами и пр.

Последнее зданіе — во вкусѣ Возрожденія (рис. на стр. 927), конечно, наиболѣе богато экспонатами, такъ какъ оно содержитъ въ себѣ реликвіи за время съ 1526 г. до 1867 г. Обра-

*) Гульденъ около 80 копеекъ.

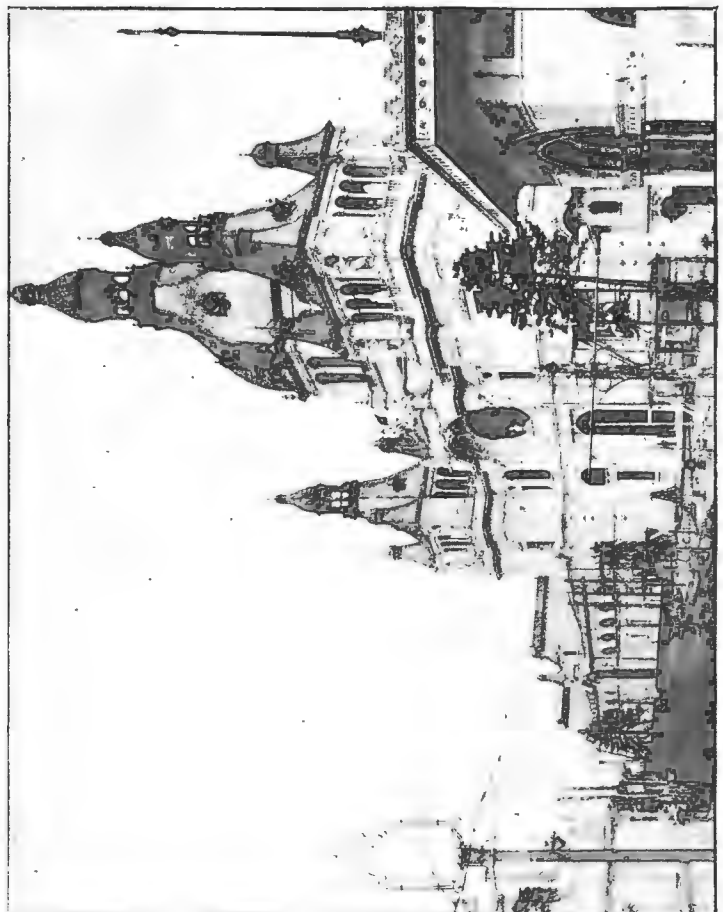
Машинний одѣль.

Хижина первобытного рыболова.

Павильонъ винодѣлія. Фотогр. спеціал. корреспонд. „Изма“.

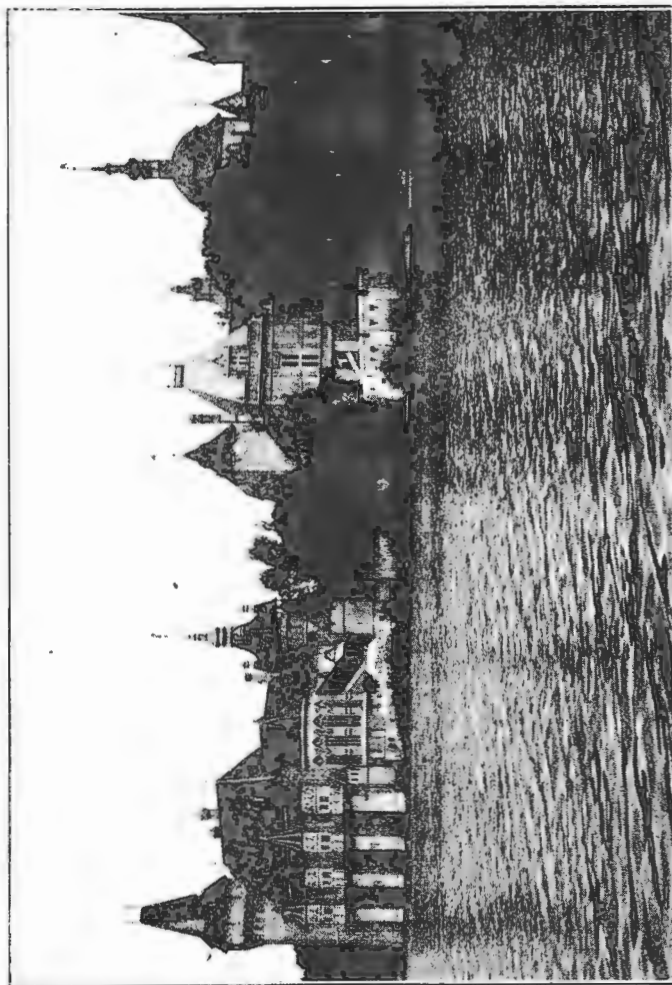

Зданіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

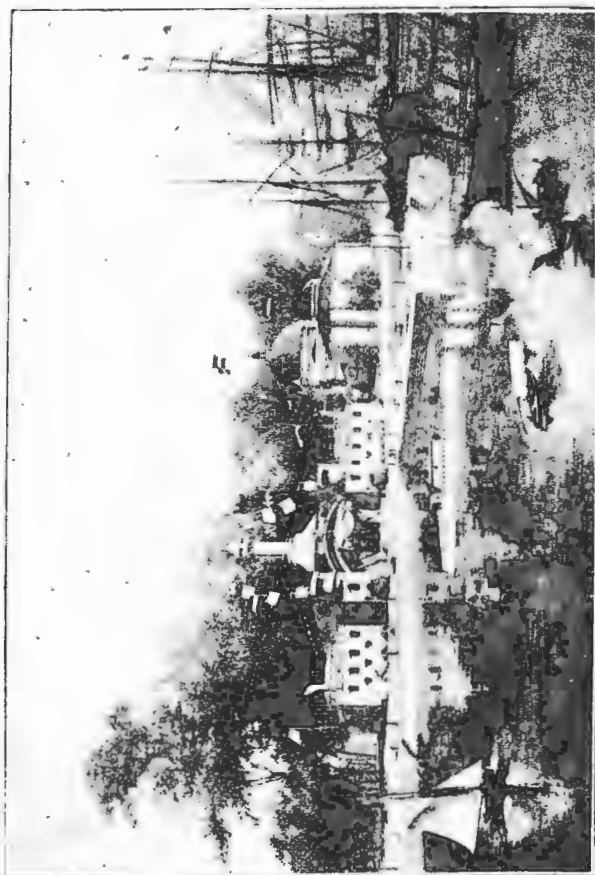
Выставка тысячелѣтія Венгріи въ Буда-Пештѣ.

Историческая группа. Эпоха Возрождения.

Историческая группа. Здание в готическом стиле. Фотогр. спец. изд. корреспонд. „Нивы“.
Выставка тысячелетия Венгрии в Буда-Пеште.

Павильонъ военного флота

Историческая группа. Здание в старо-романском стиле.

надеть внимание группировка предметов, относящихся къ промышленности XVII и XVIII столѣтій, къ исторіи просвѣщенія, затѣмъ обстановка жизни въ XVII вѣкѣ: полное убранство комнаты, кухни, лабораторія алхимика и пр. Здѣсь же, въ особой затѣ, посвященной Ракоци, выставлена его сабля—подарок венгерскому народу Императора Николая II. Сабля эта—трофей венгерской кампаніи 1849 г. — хранилась въ одномъ изъ музеевъ Петербурга.

Къ исторической группѣ принадлежитъ еще небольшой павильонъ охоты въ старія времена, въ которомъ чрезвычайно наглядно (манекены въ ростъ человѣка, чучела) воспроизведена охота разныхъ видовъ, въ той обстановкѣ, какъ она производилась въ разные эпохи. На пруду выстроена хижина первобытнаго рыбака (см. рис. на стр. 926), въ которой помѣщена коллекція снастей для ловли рыбы въ отдаленнѣйшій времена.

Изъ этого краткаго описанія исторической группы читатель видитъ, какъ серьезно и интересно она была задумана. Устроители буда-пештской выставки отличо понимали глубокое воспитательное значеніе историческихъ памятниковъ. Ничто такъ не возвышаетъ патриотизма, не укрѣпляетъ національную идею, какъ сознаніе массою населенія, что народъ прожилъ много вѣковъ, дружно перенося невзгоды и дѣля радости, какъ указаніе на легендарные подвиги героев, которые появлялись во все вѣка, покрывая неувидаемую славою и себя, и свой народъ. И тутъ же, рядомъ съ прошедшимъ—прекрасное настоящее.

Современная выставка начинается военнымъ отдѣломъ, который долженъ показать всемъ посетителямъ выставки военное могущество Венгріи, организацию ея національной обороны. Благодаря своей картинности и наглядности, онъ привлекаетъ большое вниманіе всѣхъ посетителей. Особенно много всегда толпится народа около входной декорации, бюста императора, окруженнаго манекенами, представляющими всѣ типы войскъ австро-венгерской арміи. Около этого павильона раскинутъ лагерь, съ военною желѣзною дорогою, телеграфомъ, воздухоплавательнымъ паркомъ и службой Краснаго Креста. Тутъ же недалеко и павильонъ военного флота, виднѣющимся видомъ напоминающій морское судно. Это одно изъ оригинальнѣйшихъ зданій выставки, очень удачно помѣщенное на берегу пруда (см. рис. на стр. 927). Внутри масса моделей судовъ и судовыхъ принадлежностей, карты, планы, фотографии, пушки, мины и прочіе предметы, которые знакомятъ посетителя съ современнымъ состояніемъ военного флота Австро-Венгріи и доказываютъ венгерцамъ его могущество. Мною очень понравилось, что въ числѣ экспонатовъ были красиво расположены въ отдѣльныхъ витринахъ реликвии (мундиры, ордена, патенты, портреты, автографы и пр.), которыми напоминали о морскихъ герояхъ изъ сыновъ Венгріи и ихъ подвигахъ. Прекрасная мысль—на праздникъ промышленности чествовать заслуги выдающихся защитниковъ родины.

Очень нарядно павильонъ города Буда-Пешта, въ которомъ сгруппированы дачныя, иллюстрирующія положеніе хозяйства въ этомъ городѣ и тѣ прогрессивныя успѣхи, которые онъ сдѣлалъ за послѣдніе года. Павильонъ прекрасно декорированъ внутри; при входѣ обращаетъ на себя вниманіе громадная картина, изображающая императора Франца-Иосифа, окруженнаго блестящею свитой. Вообще бюсты и портреты мастиаго монарха помѣщены почти въ каждомъ павильонѣ. Въ павильонѣ г. Буда-Пешта по окончаніи выставки будетъ помѣщаться отель для посетителей артезианскихъ ваннъ—гидротерапевческаго заведенія, находящагося на островкѣ, гдѣ теперь историческая выставка. Это заведеніе очень оригинально и дѣлаетъ честь городу; вода для ваннъ доставляется изъ артезианскаго колодца, глубиною въ 970 метровъ (наибольшая въ мірѣ), и имѣетъ температуру въ 74° Цельсія.

Напротивъ павильона г. Буда-Пешта находится выставка торговли и промышленности. Это новшество, доселѣ ни на одной изъ выставокъ небывалая, но весьма удачная. Торговля сдѣлала такіе громадные успѣхи за послѣднее двадцатипятилѣтіе и съ нею такъ тѣсно связаны успѣхи промышленности, что она вѣдѣ сомнѣній является необходимѣйшимъ экспонатомъ на всякой промышленной выставкѣ. На буда-пештской она организована по частному почину: 426 финансовыхъ учреждений и 237 частныхъ лицъ собрали между собою необходимыя средства для ея осуществленія. Широкое участіе общества въ дѣлѣ организаціи буда-пештской выставки тоже одна изъ ея прекрасныхъ особенностей, обезпечившихъ ей серьезный успѣхъ. Выставка торговли и финансовъ по замыслу очень хороша, но исполненіе ея не понравилось: слишкомъ много картинности, слишкомъ мало данныхъ, указывающихъ на обстановку торговли, видно, что это первые, робкіе шаги. При входѣ въ павильонъ расположена выставка венгерскаго торговаго музея (образцы товаровъ, предметы торговли съ Востокомъ и пр.) и газеты, журналы и изданія „справочнаго бюро“. Далѣе графическія таблицы и статистическія министерства финансовъ и выставка банковъ, которая кромѣ разнообразнѣйшихъ статистическихъ данныхъ содержитъ въ себѣ пять конторъ въ дѣйствиіи главнѣйшихъ банковыхъ учреждений Венгріи; напротивъ—для контраста—представлены лавчонки мѣсяцъ XV, XVI и XVII

вѣковъ и два банковыхъ бюро начала и середины XIX вѣка. Такъ же картинно организована выставка торговли, гдѣ на ряду съ конторами первоклассныхъ фирмъ съ разнообразными въ нихъ образцами товаровъ, моделями торговыхъ устройствъ и фотографіями, находятся панорамы старинныхъ лавокъ и рынковъ. Интересна, но поверхностна, выставка багажа коммивояжеровъ, транспортныхъ обществъ и торговыхъ палатъ. Значительно болѣе подробно представлены торговая реклама—это могучее и все болѣе расширяющееся орудіе своего примененія въ рукахъ современного предпринимателя.

Проиди мимо павильона, гдѣ помѣщается osculoscope—инструментъ, въ родѣ камеры-люциды, эффектно отражающій на экранѣ окружающіе его виды выставки, попадаемъ на выставку „деревни“. Это тоже одна изъ оригинальнѣйшихъ и интереснѣйшихъ страничекъ буда-пештской выставки. Среди вѣсковыхъ павильоновъ и линъ раскинуты, образуя нѣсколько улицъ, ряды деревенскихъ домиковъ, со всѣми службами. Каждая изъ народностей, населяющихъ Венгрію,—мадьяры, вѣмцы, сербы, словаки, румыны, имѣетъ свой домъ, построенный съ соблюденіемъ всѣхъ типичнѣйшихъ особенностей; внутри—полная и характерная обстановка, утварь, манекены въ національныхъ костюмахъ; въ сараихъ повозки, подѣ павѣсами земледѣльческія орудія, на дворѣ колодезь, бродятъ куры, изъ конюшни доносятся мычаніе коровъ. Вся деревня состоитъ изъ 40 домиковъ, посрединѣ возвышается церковь, окруженная лавчонками; тутъ же на площади мѣрия, школа, пожарное депо, ивныя и гостиницы. Все это не имѣетъ вида только обстановка, выставочной декорации; наоборотъ, все какъ бы выхвачено изъ жизни и перенесено сюда съ разными концовъ Венгріи. Въ церкви ежедневно совершается служба, въ школѣ идутъ уроки; деревня населена, въ ней 120 жителей, принадлежащихъ къ разнымъ племенамъ Венгріи. Все они въ національныхъ, подчасъ очень живописныхъ костюмахъ: сербы въ чулкахъ и ботинкахъ, словаки въ кожаныхъ лантяхъ и туфляхъ, вѣмцы въ городской обуви; большинство въ бѣлыхъ суконныхъ, расшитыхъ разнообразнѣйшими узорами, курткахъ и шароварахъ; въ женскихъ костюмахъ, конечно, еще болѣе разнообразія; на первый взглядъ поражаютъ венгерки въ короткихъ юбочкахъ, но въ салюгахъ съ громадными голенищами. Вся эта деревня по окончаніи выставки составитъ ядро постоянной этнографической выставки. По устроители выставки далеко не преслѣдовали только одну цѣль дать интересно и красивое этнографическое зрѣлище. Ихъ задачи были значительно шире. На выставкѣ, подводившей итоги промышленнаго развитія страны, они раскрыли картину народнаго сельскаго быта и быта, поставили вопросъ параллельно съ промышленностью,—этимъ дѣтищемъ, пользующимся великими бенефисами, и показали, какъ растетъ благосостояніе всей массы народа. Итоги въ этомъ отношеніи значительны, и поучительны, а для насъ еще и завидны: венгерецъ, оказывается, пользуется большими благами жизни, чѣмъ вѣмецъ, и почти приближается къ французу.

Устроители буда-пештской выставки, организовавъ выставку сельскаго быта, вмѣстѣ съ тѣмъ создали живую связь всего сельскаго населенія съ выставкой, какъ бы призвали и его участвовать въ торжествѣ производительныхъ силъ страны. Для еще большаго укрѣпленія этой связи устроители провели весьма оригинальную мысль: они организовали ежедневныя празднества въ деревнѣ на выставкѣ. Каждый „комитатъ“ поочередно высылаетъ на выставку жениха съ невѣстою съ ихъ ближайшими родичами, гдѣ ихъ безплатно вѣчаютъ, сначала въ мѣрии, затѣмъ въ церкви, и справляютъ свадьбу, при многочисленномъ стеченіи публики, которая иногда и сама принимаетъ участіе въ танцахъ подѣ открытымъ небомъ. Въ іюнѣ, кромѣ того, была устроена большая ярмарка, а въ октябрѣ предполагено дать большой народный праздникъ—сборъ вина въ Токаѣ. Съ какою благодарностью отзовутся во всѣхъ углахъ Венгріи откликніи этого торжества, и гдѣ только этотъ праздникъ тысячелѣтія не дастъ плодовъ!

Но выставка деревни имѣетъ и поучительный характеръ; здѣсь построены образцовыя мѣрия, школа, больница и пожарное депо, даны всѣ разъясненія по постройкѣ и приведена смѣта. На выставкѣ, какъ я уже сказалъ, масса крестьянъ; всѣ они знакомятся съ этими образцовыми постройками и, быть-можетъ, въ самомъ началѣ второго тысячелѣтія венгерскія деревни будутъ имѣть и такія школы, и такія больницы. Немного при этомъ мнѣ вспомнилась столь близкая мнѣ, наша нижегородская выставка. Тамъ тоже есть, такъ сказать, образцовыя деревни—поселокъ огнестойкихъ построекъ. Мысль удачная, но она выполнена столь безалаберно, что едва ли кто изъ посетителей нашей выставки туда и заглянетъ, не говоря уже о томъ, что крестьянъ на выставкѣ вовсе нѣтъ; не только о нихъ, но и вообще о публикѣ никто не позаботился. Поселокъ унылъ, не интересенъ, бѣденъ, какъ и наша деревня.

Но пойдѣмъ далѣе. Интересна образцово поставленная выставка шелка, культура котораго столь ревностно пасажается въ Венгрію; на ряду съ тканями и штками эффектибнѣе образцы матерій, вытканыхъ въ Любѣ изъ венгерскаго шелка—въ Венгрію еще нѣтъ своихъ шелковыхъ мануфактуръ.

Рядомъ выставка Боснии и Герцеговины, обставленная особенно внимательно, такъ какъ венгерцы стремились показать, что эти провинции, управление коихъ вѣрено печальныя памяти берлинскимъ трактатомъ Австро-Венгрии, далеко ушли впередъ съ 1878 года. Выставка размѣщена въ четырехъ зданіяхъ. Большой навильонъ промышленности крайне оригиналенъ; по его фасаду тянется рядъ лавочекъ, въ которыхъ кустари и ремесленники торгуютъ своимъ товаромъ, производимымъ ту же. Здѣсь дѣлаютъ ножи, котлы, рѣжутъ по дереву, работаютъ филигранъ, шьютъ платье и обувь. Это—уголокъ, выхваченный изъ жизни этихъ провинцій, но можно еще подробнѣе познакомиться съ бытомъ населенія, пройдя въ домъ босняка. Въ первомъ этажѣ молодая дѣвушка тклетъ, придутъ и дѣлаютъ кружева, здѣсь же и кухня; второй этажъ воспроизводитъ обстановку жилища богатаго землевладѣльца; рядомъ боснійская кофейня, гдѣ подаютъ настоящій турецкій кофе и наргиле, а странствующіе музыканты почти непрерывно играютъ пѣсни и мелодіи народа.

Напротивъ—небольшой, но оригинальный, въ видѣ крѣпости, навильонъ метеорологій (рис. на стр. 930) и затѣмъ громаднѣйшій въ два этажа дворецъ земледѣлія—въ нѣсколько разъ превосходящій нашу выставку земледѣлія въ Нижнемъ-Новгородѣ. Большой интересъ представляетъ отдѣлъ ветеринаріи, у насъ совершенно отсутствующій. Не менѣе интересна выставка дѣсоводства, со своими грандіозными образцами дѣса и массою чудель дѣсныхъ звѣрей и птицъ, прекрасно и картинно расположенныхъ и декорированныхъ, какъ, впрочемъ, и все на выставкѣ.

Въ этомъ отношеніи первенство принадлежитъ мукомольному дѣлу, въ которомъ издавна венгерцы завоевали себѣ прочное и почетное мѣсто. Уже навильонъ, украшенный эмблемами мельничнаго дѣла, указываетъ на свое назначеніе, внутри же цѣлый рядъ панорамъ, иллюстрирующихъ развитіе мукомольнаго дѣла въ странѣ. Вотъ небольшая водяная мельница, странствующая мельница на рѣчномъ суднѣ, двухпоставная вѣтряная мельница, небольшая паровая и, наконецъ, громаднѣйшая, почти въ натуральную величину, модель съ разрывомъ современной буда-пештской мельницы. Кругомъ витрины съ мукой, инструменты, орудія и приспособленія мукомольнаго дѣла, статистика, громадная карта всего міра, съ показаніемъ путей распространенія венгерской муки. Столъ же наглядно, но болѣе величественно, обставлена выставка железнодорожнаго хозяйства, въ которомъ венгерцы также проявили себя съ самой лучшей стороны. Венгерскія желѣзныя дороги находятся на высшій, недосигаемый для многихъ странъ; кромѣ точности и быстроты движенія, онѣ замѣчательны простотой своей конструкціи, удобствомъ для публики и безусловной дешевизной. Венгерцы первые ввели дешевый поисной тарифъ (плата за версту пути понижается съ увеличеніемъ растоянія) и доказали, что пониженіе тарифа до разумныхъ предѣловъ не уменьшаетъ дохода желѣзныхъ дорогъ и влечетъ за собою нечеловѣчкія выгоды для государства, такъ какъ усиливаетъ движеніе, оборотъ. Зданіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ грандіозно (рис. на стр. 926) и дѣлаетъ честь строителямъ не только красотой своихъ линий, но и дешевиною постройки. Оно все изъ камня, а обошлось всего въ 280,000 гульденовъ. Въ числѣ экзонативъ меня больше всего заинтересовала обширная коллекція матеріаловъ, изъ которыхъ строятся желѣзныя дороги и ихъ подвижной составъ; всѣ матеріалы распределены по мѣстамъ производства и такимъ образомъ ясно видно, что производится въ Венгрии, и что она еще должна получать изъ-за границы, и каковы, слѣдовательно, результаты таможеннаго тарифа. По части желѣзнодорожнаго строительства Венгрии, однако, не много уже приходится брать у другихъ странъ, какъ это показываютъ экзонативы, собраныя въ мастерскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Эти мастерскія самыя большія заводы въ Венгрии.

Прекрасно зданіе машиннаго отдѣла на нижегородской выставкѣ, и далеко отъ него по красотѣ дворцу машинъ на будапештской (рис. на стр. 926). Но онъ значительно больше; по размѣрамъ его превышаетъ только знаменитое зданіе франкфуртскаго вокзала. Дворецъ машинъ самое дорогое зданіе на выставкѣ: оно обошлось въ 300,000 гульд. (240,000 р.); „всего-то?“—скажетъ россиянинъ, скептически относящійся къ „заграничкѣ“—„ну, пѣтъ, мы побогае, у насъ одна перевозка центральнаго зданія изъ Москвы въ Нижній стопа не почти столько же“. Большого вниманія заслуживаетъ навильонъ строительнаго искусства (вентиляція, освѣщеніе, отопленіе, канализация, обойное дѣло, художественно-промышленное) и, главнымъ образомъ, по обилію и разнообразію утилитарныхъ предметовъ, которымъ приданы художественныя формы. Много и хозяйственныхъ принадлежностей; наши хозяйки, привыкшія къ нашимъ примитивнымъ кухнямъ, благословляющія судьбу, если нѣмга дѣйствуетъ мало-мальски исправно, и понятія не имѣютъ насколько разнообразно обставлены венгерскія кухни.

Полна интереса обширная выставка почти и телеграфовъ; громадно, по сравненію съ навильономъ на нижегородской выставкѣ, притомъ почти пустымъ, зданіе экипажнаго дѣла. Горный отдѣлъ, конечно, хуже нашего. — это можно было предвидѣть, такъ какъ въ Нижнемъ онъ дѣйствительно со-

ставленъ образцово. Затѣмъ идетъ рядъ навильоновъ съ оригинальными выставками: навильонъ юстиціи, въ которомъ сгруппированы статистическія свѣдѣнія о преступности и помѣщеніе работы арестантовъ; навильонъ общественной благотворительности, подробно иллюстрирующій общественное призаніе и воспитаніе идіотовъ, слѣпыхъ, глухо-нѣмыхъ и пр.; прекрасное зданіе общественной гигиены — о ея значеніи можно судить по тому, что одинъ Буда-Пештъ на нее тратитъ около 7 милліоновъ гульденовъ. Кокетливъ навильонъ базнеологіи, украшенный нѣсколькими панорамами венгерскихъ курортовъ. Въ Нижнемъ эта группа представлена десяткомъ бутылокъ богатѣйшихъ въ мірѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ, и больше ничего. Нельзя безъ чувства обиды сморгнуть, какъ умѣло, съ какою любовью обставили венгерцы свою выставку водъ. Тутъ же симпатичнѣйшій навильонъ — онъ посвященъ ребенку; показано, что дѣлается, чтобы сохранить его жизнь и здоровье, развитіе его физическія и умственные способности, его питаніе, его гигиена, игрушки; въ немъ же выставка дѣтскихъ модъ и игрушекъ за все XIX столѣтіе и цѣлый рядъ реликвій: игрушки, платья, люльки венгерскихъ королей и королев, патриотовъ и лицъ, потрудившихся на народную нивѣ; въ нѣсколькихъ комнатахъ устроена коллективная выставка ухода за ребенкомъ въ семействѣ крестьянъ и горожанъ. Недалеко отъ этого навильона, зданіе научно-учебнаго отдѣла; ограничимся только замѣчаніемъ, что въ Венгрии 2 1/2 милліона учащихся въ низшихъ школахъ, ихъ насчитывается 17,000 на 17 милліоновъ населенія; Венгрия только на нихъ затрачиваетъ 17 милліоновъ гульденовъ.

Здѣсь мы выходимъ на громаднѣйшую площадку, уставленную рядами скамеекъ и обрамленную цвѣтниками; посерединѣ музыкальный навильонъ, а далѣе величественный свѣтящійся фонтанъ. Это грандіозное *corso*, на которомъ по вечерамъ собирается до 30—40 тысячъ посѣтителей. На *corso* главнымъ фасадомъ выходитъ дворецъ промышленности, зданіе во вкусѣ современнаго итальянскаго ренессанса; въ немъ помѣщены: хрусталь и фарфоръ, бронза, мебель, декоративное дѣло, ткани, кожи, одежда, пищевые вещества. Какое великолѣбіе ихъ фарфоръ и хрусталь! Нельзя было и ожидать этого, такъ какъ въ Европѣ ничего о немъ неизвѣстно! Какое разнообразіе формъ и красотъ; мнѣ попались вещицы, орнаментъ или форма которыхъ заимствованы съ древнихъ мастеровъ оригиналовъ, находящихся въ музеяхъ Неаполи и Аѳинъ!—это вѣрный залогъ дальнобѣйшаго пруссифициіи. Группа пѣдлѣй изъ волокнистыхъ веществъ, конечно, во много разъ уступаетъ VIII группѣ нижегородской выставки. Но не нужно забывать, что Европа вовсе не такъ требовательна къ хлопчатобумажному товару, какъ Россія. Тамъ идутъ лишь простые ситцы, высокій же модный и фасонный товаръ почти неизвѣстенъ, такъ какъ населеніе, болѣе богатое, чѣмъ мы, взамѣнъ его потребляетъ шелкъ и шерсть.

Намъ остается пройти въ навильоны Кроаціи, чтобы закончить осмотръ выставки. На нихъ развѣвается флагъ—наши національные цвѣта, но въ иномъ порядкѣ: красный, бѣлый, синий. Кроаціи—славянская страна и здѣсь смѣло можно говорить по-русски, не опасаясь, что васъ не поймутъ. Отдѣлъ Кроаціи, по полнотѣ, лучшій на выставкѣ.

По выставка продолжается и за ея оградой; почти рядомъ возвышается красивое зданіе (см. рис. на стр. 930), въ которомъ находятся художественныя произведенія, во главѣ съ твореніями Мункаччи (его „*Esse homo!*“). Подземная электрическая желѣзная дорога, которая соединяетъ центръ города съ выставкой, также можетъ считаться экзонативомъ — по своей новизнѣ и прекрасному устройству.

Продолженіемъ выставки служитъ и Os-Budavara—воспроизведеніе уголка стараго Буда-Пешта, каковы онъ былъ 300 лѣтъ тому назадъ, подъ владычествомъ турокъ. Странная идея на праздникъ тысячелѣтія возстановитъ ту страну исторіи Венгрии, которая должна бы навѣвать самыя мрачныя мысли, напоинная времена рабства. Но какъ бы то ни было, старшій Буда-Пештъ очень эффектенъ, живописенъ, благодаря прекрасному выполненію совершенно незамѣтно его выставочное происхожденіе) и исторически вѣренъ. Тутъ есть и старая ратуша, и старшій королевскій судъ, тюрьма, турецкая казарма, мечеть, съ которой муэдзинъ призываетъ правобѣрныхъ, и турецкій базаръ. Весь этотъ городокъ заполняется преимущественно по вечерамъ, такъ какъ въ немъ находится и тѣмъ развлеченій. Кромѣ безчисленныхъ кафе, здѣсь показываютъ, все, конечно, за отдѣльную плату: танцы деревней, лабиринтъ и гаремъ, въ который, однако, допускается входъ только женщинамъ, а мужчинамъ предоставляется сморгнуть черезъ оконшко, кинематографъ (движущаяся фотографія), живыя картины, снѣгаго факла и т. д. Шумъ и оживленіе здѣсь полное, но лишь до полночи, когда все быстро пустѣетъ.

Другое увеселительное мѣсто, тоже устроенное къ выставкѣ—Константинополь. Онъ пріютился на берегу Дуная и дѣйствительно близко напоминаетъ великолѣпную картину столицы Турціи. Въ Константинополь также всегда масса публики, которую сюда привлекаетъ не только панорама города съ его кофейнями, театриками и другими развлеченіями въ турецкомъ вкусѣ, но и прелестная поѣздка по Дунаю, съ его

дивными видами на даль зеленых гор Буда и на величественную громаду Пешта.

Читатель видит, как широко и разнообразно была задумана выставка и как удачно исполнена. Устроителям удалось набрать багательной симметрии в расстановке выставки и составить вполне самостоятельную и оригинальную классификацию, обогатив выставочное искусство новыми и крайне интересными группами. Выставка, по сути своей научной и серьезный характер, вместе с тем устроена так картинно и наглядно, что заинтересовывает и поучает каждого, даже необразованного зрителя. Посетителей уже насчитывают четвертый миллион. Даже пристрастный человек должен согласиться поэтому, что выставка удалась. На чем же основывается эта удача? Мне кажется, что она прежде всего вытекает из того, что организаторы выставки сумели сделать из нее национальное дело, сумели привлечь ее созданию всю нацию. Обратите внимание на число экспонентов (25,000), на громадные списки сотрудников и помощников завѣдующих отдѣлами, и вы легко убедитесь, что выставка организована массою. Масса и посещает выставку, масса она и принесет пользу, на благо Венгрии. Общее дело не вызвало здесь ряда пререкательств и недоразумѣній на личной почве, оно соединило всѣх — а это признак истинной культуры. И — кто знает — быть может мечта венгерца о независимости, указав на его культурныя заслуги, все, что считается теперь не болѣе как хвастовством, черезъ немногое лѣтъ будетъ совершившимся фактомъ.

Къ рисункамъ.

Бѣлыя ночи. (Рис. на стр. 915.)

Читательница, если вы молоды и недурны собой, — а всякій авторъ совершенно убежденъ въ томъ, что его читательница непременно молодая и недурна собой, — то вы, конечно, лучше кого бы то ни было знаете, что дѣлаютъ двѣ барышни у этого высокаго окошечка, въ которомъ, тамъ, вдали, свѣтится адмиралтейская игла. Если вы проводили лѣто въ Петербургѣ, то вы такъ же точно сидѣли у окошечка, смотрѣли на серебряную Неву, любовались молочной дымкой, которой подернута даль и... мечтали, — непременно мечтали, потому что всему свѣту извѣстно, что молодая и недурная собой читательница — не прочь помечтать. И такъ, вы мечтали и вспоминали стихи Пушкина; и если теперь вы сразу не можете ихъ вспомнить, то я вамъ напомню:

Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,

Береговой ея гранить,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ
безлунный,

Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И лсны сиянія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла...

Въ народной столовой.

(Рис. на стр. 918.)

Въ послѣднее время русское общество сдѣлало цѣлый рядъ попытокъ прийти на помощь голодному: еще слишкомъ свѣжа память о голодномъ годѣ, который мы такъ недавно пережили, еще не успѣли исчезнуть изъ памяти тѣ жертвы, на какия оказался способнымъ русский «сытый» человекъ. Дѣятельность нашего общества за это злополучное время голода и голоднаго тифа, дѣятельность земствъ, различныхъ учреждений, печати, частныхъ лицъ, медиковъ, — все это слишкомъ хорошо извѣстно каждому, что бы стоило повторять. Къ этому времени относится особенно усиленное распространение народныхъ чайныхъ и столовыхъ. Сытому человеку вообще не мѣшало бы иногда, оставивъ какъ-нибудь дома своего кучера, пойти итѣкомъ, хотя изъ любопытства, въ одну изъ народныхъ столовыхъ. Онъ увидѣлъ бы тамъ много поучительнаго. Онъ увидѣлъ бы тамъ оборванныхъ, прозябшихъ, голодныхъ, которымъ иногда и эти столовыя кажутся роскошью; онъ увидѣлъ бы лицъ, которые

получаетъ голодный за двѣ копейки, кашу въ три копейки, — и можетъ-быть видѣ двухкопеечныхъ щей и трехкопеечной кашки viuшилъ бы и ему мысль о необходимости участія къ жалкой долѣ голоднаго.

Напрасный трудъ. (Рис. на стр. 919.)

Онъ не отличается ни красотой, ни хорошимъ голодомъ, этотъ бравый молодецъ, который не жалѣетъ ни времени, ни труда, чтобы покорить сердце одной изъ этихъ молоденькихъ дѣвушекъ, а то такъ и обѣихъ сразу. Но онъ все-таки веселый малый и отчего же въ часы досуга не позабавиться его смѣшками и анекдотами и пѣснями, которые онъ передаетъ голодомъ, охрипшимъ отъ злопогребленія пивомъ?

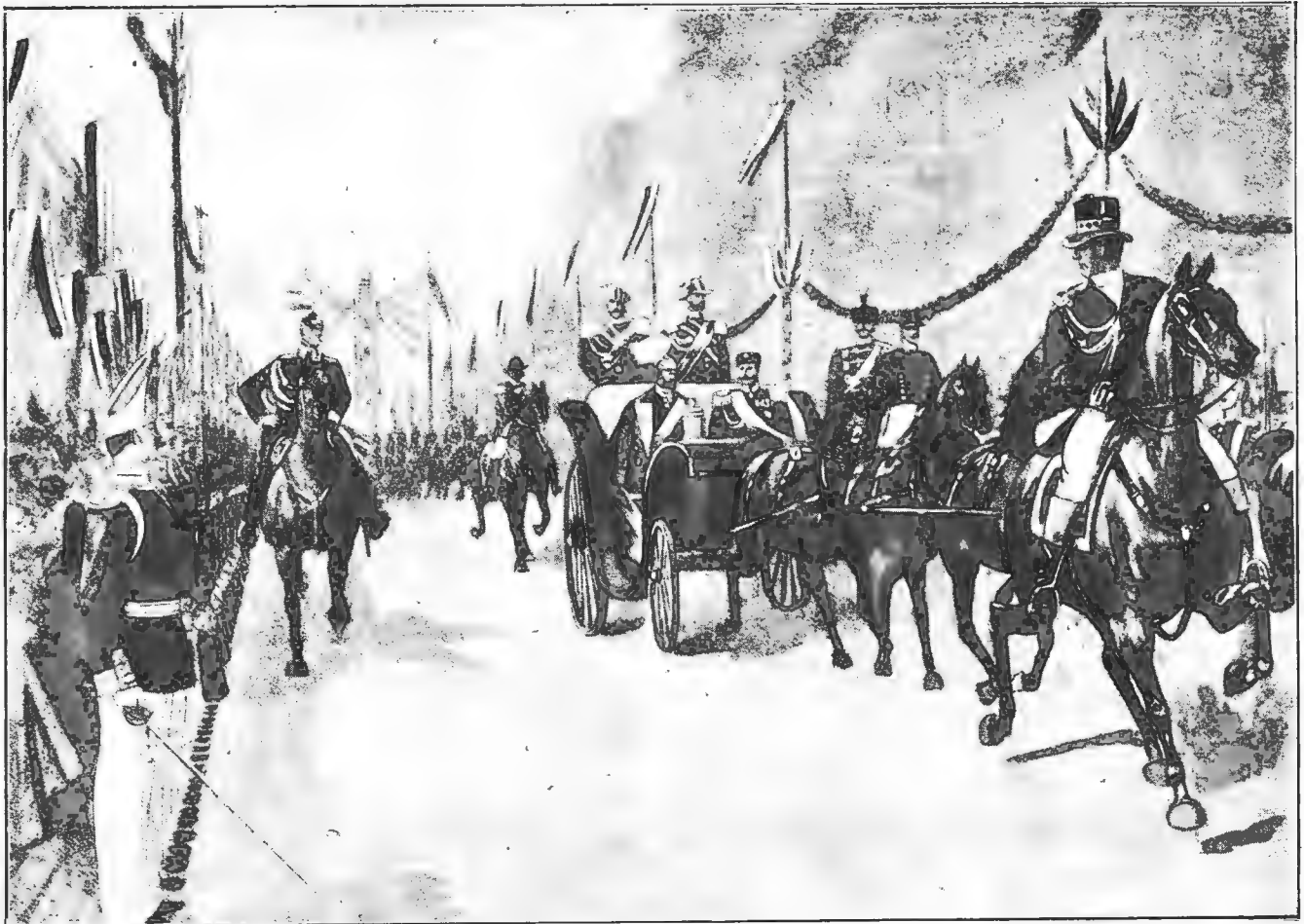
Эта деревенская жанровая картинка написана художникомъ Людвигомъ фонъ-Лангемантелемъ, родившимся въ 1854 году въ Баваріи. Художественное образование свое онъ получилъ въ художественно-промыш-

Выставка тысячелѣтія Венгріи въ Буда-Пештѣ. Метеорологическій павильонъ.

Выставка тысячелѣтія Венгріи въ Буда-Пештѣ. Художественный отдѣлъ.

Торжественный въезд Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Бреславль.

Высочайшій смотръ войскамъ предъ памятникомъ императору Вильгельму I.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Бреславль. По рис. Illustr. Lond. News авторства „Нпвы“.

ленной школы въ Мюнхенѣ, потомъ въ мюнхенской академіи и, наконецъ, довершилъ его, сдѣлавшись ученикомъ Карла Пилоти. Дебютировалъ онъ картиною на историческую тему: „Арестъ химика Лавуазье во время террора 1794 г.“ Оригинальная трактовка фигуръ, правильный и строгій рисунокъ и прекрасный колоритъ—являются отличительными качествами этого художника.

Подсолнечникъ. (Рис. на стр. 923).

У нея такая миленькая, хорошенькая головка, что было бы обидно, если бы не нашелся художникъ, который сумѣлъ бы передать на полотнѣ эти нѣжныя черты, эти ровныя темныя брови, густыя, длинныя рѣсницы, черныя, мягкіе, шелковые волосы. И онъ нашелся, этотъ художникъ. Клара Вальтеръ всегда умѣла выбирать для своихъ картинъ хорошенькія дѣтскія головки и всегда передавала ихъ съ той простотой, искренностью и любовью, съ какой написавъ ею и этотъ прелестный этюдъ. Можетъ-быть кого-нибудь займетъ вопросъ, зачѣмъ къ этой чудной головкѣ понадобилось автору приставить подсолнечникъ? Вѣроятно и сама художница не смогла бы дать на него вполне удовлетворительный отвѣтъ: художники на этотъ счетъ большіе эгоисты и дѣлаютъ то, что имъ нравится. Въ этихъ вещахъ они очень умѣренно признаютъ логику. Да и зачѣмъ она, эта логика, въ дѣлахъ чувства и красоты? Если въ нихъ и есть логика, то какаѣ-то особенная, своя, логика эстетики, прекраснаго, ничего общаго съ обыкновенной логикой не имѣющая. Сидѣлъ художникъ и любовался изящными линиями этой головки, граціей этой фигурки, чудными, нѣжными тонами ея личика, и ему недоставало еще чего-то. Онъ пробовалъ набросить на ея шейку шаль, бѣлую, розовую, голубую, пробовалъ сажать съ букетомъ цвѣтовъ, ставить у дерева съ вѣткой сирени, поднималъ головку вверхъ, опускалъ глаза внизъ—все не то. Ему бросился въ глаза сверкавшій на солнцѣ подсолнечникъ: онъ нашелъ то, что было красиво. Къ ея розовому маговому личику такъ шли желтыя лепестки цвѣтка, съ его темной пушистой сердцевинкой, съ большими широкими листьями. Художникъ написалъ свой „подсолнечникъ“. И можетъ-быть это потому, что только подъ яркимъ солнцемъ, а не въ тѣни могла вырасти такая чудная, полная жизни головка.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Бреславлѣ. (Рис. на стр. 931.)

Въ предыдущемъ номерѣ мы сообщали подробности пребыванія Ихъ Величествъ въ Бреславлѣ. Помысливъ въ настоящемъ номерѣ замѣтываемыя нами изъ журнала *Illustrated London News* рисунки, изображающіе торжественный въѣздъ Ихъ Величествъ въ Бреславль и состоявшійся тамъ, въ Высочайшемъ присутствіи Императоровъ Россійскаго и Германскаго и обѣихъ Императрицъ, 24 августа, смотръ войскамъ передъ открытымъ накануне памятникомъ императору Вильгельму I.

Н. А. Неклюдовъ. (Портр. на стр. 934.)

Смерть товарища министра внутреннихъ дѣлъ, Николая Адриановича Неклюдова, послѣдовавшая въ ночь на 1-е сентября, несомнѣнно отзовется скорбью въ сердцѣ каждаго, кто хотя поверхностно былъ знакомъ съ многосторонней плодотворной дѣятельностью покойнаго на государственномъ и научномъ поприщахъ. Оставалась предъ этой новою утратой—увѣкъ на памяти смерть кн. Лобанова-Ростовскаго—съ невольнымъ изумленіемъ припоминаешь неослабную энергію и исключительную неутомимость покойнаго, которыя позволяли ему почти до конца жизни, несмотря на тяготы службы и занятія въ многочисленныхъ коммисіяхъ, читать лекціи въ военно-юридической академіи и продолжать научную дѣятельность.

Н. А. родился въ 1840 г. въ Саратовской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ пензенскомъ дворянскомъ институтѣ, а затѣмъ окончилъ курсъ университета по математическому факультету; не ограничившись этимъ и чувствовалъ особый интересъ къ юриспруденціи, Н. А. вторично вступилъ въ число студентовъ уже по юридическому факультету с.-петербургскаго университета. По полученіи въ 1861 г. степени кандидата права, Н. А., увлекшійся разработкой вопросовъ уголовного права, отправился за границу, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ слушалъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ-юристовъ. Следила подготовка и знанія, соединенныя съ несомнѣнной талантливіестью, позволили ему въ 1865 году блестяще защитить диссертацию на степень магистра уголовного права, а въ 1884 г. „за ученые заслуги въ области юридическихъ наукъ“—киевскій университетъ св. Владиміра удостоилъ его степени доктора. Изъ научныхъ трудовъ покойнаго хорошо знакомо юристамъ „Руководство къ особенной части русскаго уголовного права“, весьма обстоятельно комментирующее главнѣйшіе отдѣлы дѣйствующаго уложенія, а мировымъ судьямъ—сдѣлавшееся для нихъ настольной книгой „Руководство для мировыхъ судей“ (вышло въ свѣтъ въ 1867 г.), первый томъ котораго посвященъ разсмотрѣнію устава уголовного судопроизводства, а второй—уставу о наказаніяхъ. Изъ оригинальныхъ сочиненій Н. А. необходимо еще отмѣтить „Уголовно-статистическіе этюды“, въ которыхъ детально развиты и пре-

восходно аргументированы вопросы о вліяніи возраста на преступность, и „Общую часть уголовного права“—весьма серьезный учебникъ для юристовъ. Кромя того, покойнымъ переведены двухтомный „Учебникъ уголовного права“ Бернера, изобилующій учеными примѣчаніями и дополненіями, принадлежащими перу Н. А., „Уставъ уголовного судопроизводства Франціи“ и др.

Служебная карьера Н. А. Неклюдова началась въ 1866 году—съ избраніемъ его 16 мая 1866 году на должность участковаго мирового судьи г. С.-Петербурга. Институтъ мировыхъ судей въ то время былъ только что учрежденъ, и Н. А. одному изъ первыхъ выпало на долю упрочить въ сознаніи населенія полезность новаго учрежденія и поддержать его престижъ. Мировымъ судьямъ, принявшимъ въ руководство заветы незабвеннаго Творца „Судебныхъ Уставовъ“—„творить судъ скорый, правый и милостивый“,—приходилось не только „мирить“ населеніе и охранять „правовой миръ“ отъ нарушенія, но и „примирять“ съ собой недоверчиво и недружелюбно относившюся къ „мировымъ учрежденіямъ“ и ихъ представителямъ администрацію. Однимъ изъ такихъ представителей администраціи, не вѣрившихъ въ будущность „мировыхъ судей“, былъ и петербургскій градоначальникъ Ѳ. Ѳ. Треповъ; но и онъ съ теченіемъ времени „увѣровалъ“—именно благодаря Н. А. Неклюдову, доказавшему ему воочию, что преданный своему дѣлу „мировой судья“ призванъ и исполнѣ въ состояніи дѣйствовать не только для охраны правопорядка, но и въ цѣляхъ городского благоустройства и благочынія, дѣйствовать „мирнымъ“ орудіемъ—увѣщаніями и наставленіями, въдревнѣемъ въ сознаніи населенія началъ правъ и порядка, причѣмъ Николаю Адриановичу неоднократно приходилось лично объясняться съ Ѳ. Ѳ. Треповымъ. Требуя отъ населенія соблюденія правилъ и приказовъ административной власти, Н. А. старался въ то же время оберегать большей частью темную массу населенія отъ несправедливыхъ и придирчивыхъ требованій не въ мѣру ретивыхъ „стражей порядка“. И Петербургъ скоро оцѣнилъ Н. А.—по истеченіи трехлѣтія онъ списалъ къ себѣ огромныя симпатіи мѣстнаго населенія—его участокъ былъ на Свѣной—необыкновенно внимательнымъ отношеніемъ къ его нуждамъ и интересамъ, былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей и назначенъ председателемъ столичнаго мирового съѣзда. Еще черезъ два года, Н. А. сталъ уже юрисконсультомъ консуляціи, учрежденной при министерствѣ юстиціи; состоя въ этой должности, Н. А. въ 1872 г. управлялъ статистическимъ отдѣленіемъ министерства юстиціи, а въ 1878 г. вошелъ въ составъ членовъ консуляціи. Дальнѣйшая его карьера шла еще быстрее. Первымъ шагомъ на ней были работы его, въ качествѣ представителя отъ министерства юстиціи, въ совѣщаніяхъ объ уплатѣ вознагражденія частнымъ лицамъ за убытки, причиненные нашими войсками въ минувшую турецкую кампанію. Ведѣе за этимъ, 3-го іюня 1880 года, Н. А. назначенъ былъ членомъ отъ министерства юстиціи въ Высочайшее учрежденіе при военномъ министерствѣ расчетной коммисіи по дѣламъ дѣйствующей арміи. Тутъ, въ работахъ этой коммисіи, Н. А. выказалъ всю свою идеальную преданность интересамъ права и законности. Имѣя противъ себя дѣльную армію подрядчиковъ и поставщиковъ, старавшихся всѣми правдами и неправдами высосать у государства, и безъ того обесилепаного издержками по войнѣ, какъ можно болѣе миллионы въ возмѣщеніе ихъ подчасъ миѣнческихъ издержекъ, Н. А. Неклюдовъ вынужденъ былъ продолжать всѣ ихъ коммерческія ухищренія, отвратить и ниспровергнуть всѣ якобы законныя и договоренныя права, построенныя руками напятахъ подрядчиками „прелюбоудѣевъ мысли“,—мало того, онъ долженъ былъ подумывать въ это время даже о личной своей безопасности,—но все было тщетно—Н. А. неуклонно довелъ свои работы до конца: строго обоснованные многомилліонныя начѣты на подрядчиковъ были отвѣтомъ на ихъ многомилліонныя претензіи. Ему же, почитно, было поручено по Высочайшему повелѣнію, и защищать интересы казны по искамъ контрагентовъ бывшей дѣйствующей арміи, и officialной наградой за эти его труды было Высочайшее благоволеніе, объявленное ему 6-го марта 1882 года. Въ то время Н. А. уже состоялъ (съ іюня 1881 г.) оберъ-прокуроромъ уголовного кассационнаго департамента Правительствующаго Сената; въ должности оберъ-прокурора, въ томъ же году, Н. А. былъ командированъ за границу, для собранія свѣдѣній по составленію проекта новаго „Уложенія о наказаніяхъ“. Въ 1884 г. онъ былъ командированъ въ Тагарогъ, для обозрѣнія находившагося въ пататѣ извѣстнаго дѣла о таможенныхъ хищеніяхъ Вальдио. Въ январѣ слѣдующаго года Н. А. назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ общаго собранія и соединеннаго присутствія перваго и кассационныхъ департаментовъ, а въ сентябрѣ 1893 г.—товарищемъ государственнаго секретаря.

14-го декабря 1895 года состоялось назначеніе Н. А. на должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ, и только отвѣтственность этого высокаго поста заставила покойнаго, въ виду недостатка времени, отказаться отъ кафедры уголовного права въ военно-юридической академіи,—кафедры, которую Н. А. съ честью занималъ болѣе двадцати пяти лѣтъ. Двадцатипяти-

лѣтіе преподавательской дѣятельности Н. А. было отпраздновано въ академіи 7-го мая 1890 года. По выходѣ же его изъ состава профессоровъ академіи, Н. А. былъ избранъ 23-го декабря 1895 года членомъ конференціи академіи.

Н. А. имѣлъ всѣ ордена, до Александра Невскаго включительно; послѣдній орденъ былъ ему пожалованъ 1-го января с. г. — „въ особомъ вниманіи къ неутомимымъ и полезнымъ трудамъ его по должности товарища государственнаго секретаря“.

Н. А. давно уже былъ боленъ, по любовь къ труду, приводившая его къ болѣзни, придавала ему особенную бодрость духа, побуждавшую тѣлесный недугъ. О послѣднихъ минутахъ его жизни *Гражданинъ* сообщаетъ слѣдующее: вернувшись вечеромъ домой изъ англійскаго клуба, Н. А. „принялся за почтовую работу. Два большихъ портфеля имъ были просмотрѣны и изготовлены къ отправкѣ обратно. Затѣмъ, легши спать, онъ почувствовалъ, что ему холодно, и велѣлъ себя теплѣе накрыть... Черезъ нѣсколько времени раздались сильный крикъ

въ его комнату. Прислуга вбѣжала на этотъ крикъ и застала Н. А. на ногахъ, съ ужаснымъ страдальческимъ лицомъ. Черезъ минуту онъ былъ уже мертвъ въ рукахъ прислуги“.

Похороненъ Н. А. 4 сентября на Никольскомъ кладбищѣ Александровской лавры. Отдать послѣдній долгъ усопшему собрались военный министръ П. С. Ванюшинъ, предсѣдатель комитета министровъ И. Н. Дурново, управляющій морскими министерствомъ П. П. Тыртовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ, товарищъ министра юстиціи ген.-л. Н. П. Петровъ, товарищъ министра юстиціи сен. П. М. Бутковский, товарищъ министра земледѣлія А. А. Нарышкинъ и д. петербургскаго губернатора Н. А. Косачъ; начальники академіи: военно-медицинской В. В. Пашутинъ и военно-юридической — ген.-л. П. І. Бобровскій, сиб. градоначальникъ ген.-м. Н. В. Клейгельсъ, С. В. Максимовъ, много сенаторовъ, предсѣдателей министерствъ, мировыхъ судей и представителей городского самоуправленія.

Открытие мощей св. Феодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго.

9 сентября въ Черниговѣ состоялся открытіе мощей св. Феодосія, архіепископа и чудотворца черниговскаго. Торжества открылись 4 сентября. Въ этотъ день, какъ сообщаютъ телеграммы, въ пещерѣ Борисо-Глѣбскаго собора, послѣ установленнаго молебствія, епископы черниговскій и вѣжинскій и Питиримъ новгородсѣверскій, кафедральные протоіереи, ключарь и іеромонахъ Кіево-Печерской лавры Алексій совершили переоблаченіе мощей святителя негнѣнно сохранившаго шейный крестъ на шнуркѣ и парамандъ съ отпечатанными на шелкѣ орудіями страданій Христа, который посятъ на синѣхъ всѣ монашествующіе. Мощи святителя были облачены въ роскошное архіерейское облаченіе изъ бѣлой парчи съ вышитыми золотомъ цвѣтами. Панагія и митра были надѣты тѣ самыя, которыя были при погребеніи святителя въ 1696 году. По переоблаченіи мощи возложены на обитую желтымъ и елкомъ съ цвѣтами доску. Для мощей приготовленъ новый кипарисный гробъ, обитый желтой шелковой матеріей. Изъ Москвы доставлена серебряная рака въ десять пудовъ. Въ двѣнадцатъ часовъ дня благовѣстъ въ кафедральномъ соборѣ и во всѣхъ церквахъ города созвалъ народъ въ храмы. Торжественную панихиду въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ служилъ епископъ Питиримъ съ духовенствомъ. Соборъ былъ переполненъ; множество богомольцевъ стояло въ оградѣ храма. При поминаніи патріарха Адріана, совершавшаго хиротонію святи-

теля Феодосія во епископа, благочестивѣйшихъ государей и государынь отъ императора Петра I до Александра III включительно, родителей святителя Феодосія, іерея Никиты и Маріи, а также всѣхъ почившихъ архіепископовъ черниговскихъ, народъ опустился на колѣни. Молебеніе производило на всѣхъ трогательное глубокорелигиозное впечатлѣніе. Среди богомольцевъ не мало больныхъ, калѣкъ и слабоумныхъ, шпущихъ исцѣленія у мощей святителя. Степень богомольцевъ съ каждымъ днемъ увеличивается. Гостилицы почти всѣ заняты. Богомольцы частью располагаются на почлегъ на открытомъ воздухѣ близъ соборовъ и на бульварѣ. Полагаютъ, что ко дню открытія мощей стеченіе народа дойдетъ до 300,000 человекъ. Въ виду этого площадь собора, гдѣ почиваютъ мощи, будетъ охраняема войсками отъ большого нахлыва народа, который будетъ пропускаться въ строгомъ порядкѣ.

Порядокъ торжества открытія слѣдующій: 6 сентября въ 6 часовъ вечера состоится заупокойное всенощное бдѣніе съ пространною панихидою, причемъ на заупокойныхъ ектеніяхъ поминается преосвященный Феодосій, архіепископъ черниговскій. 7 сентября состоится послѣдняя заупокойная литургія по святителѣ. 8 сентября состоится положеніе святителя въ новый гробъ и перенесеніе негнѣнныхъ его мощей въ Спасо-Преображенскій соборъ. 9 сентября будетъ торжественная литургія, во время которой святитель будетъ внесенъ въ алтарь и, поставленный на горнемъ мѣстѣ, какъ бы займетъ мѣсто нервослужащаго іерарха. — Подробное описаніе торжествъ будетъ помѣщено въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ *Новы*.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границею.

Министръ Императорскаго Двора телеграммой изъ Копенгагена, отъ 28 августа, сообщилъ, что Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна съ великою княжною Ольгою Николаевною, на яхтѣ „Полярная Звѣзда“, прибыли въ Копенгагенъ въ 12 час. дня. По сообщенію телеграммы, въ 12¼ часовъ русскій катеръ съ Императорскою Четою причалилъ къ таможи. На лѣстницѣ, ведущей къ пристани, Государь Императоръ и Государыня Императрица были встрѣчены королею, королевою, наследнымъ принцемъ съ супругою, принцессою уэльской и другими находившимися тамъ Августѣйшими Особами, за исключеніемъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. Король былъ въ мундирѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, наследный принцъ въ мундирѣ Сумскаго драгунскаго полка. Почетный караулъ былъ отъ лейбъ-гвардейскаго полка. При звукахъ русскаго народнаго гимна Ихъ Величества и Ихъ Высочества прослѣдовали по главнымъ улицамъ въ замокъ Бернсторфъ. Въ первомъ экипажѣ, запряженномъ шестеркою лошадей, сѣдѣли Ихъ Императорскія и Королевскія Величества. Улицы были прекрасно убраны и переполнены народомъ; приемъ былъ восторженный. Въ 1 ч. 30 м. Императорскій кортежъ прибылъ въ замокъ, гдѣ Императорская Чета была встрѣчена Государынею Императрицею Маріей Феодоровной. Въ 2 часа состоялся фамилный завтракъ, а въ 7 час. обѣдъ, къ которому приглашены были наследный принцъ съ семействомъ и русскій посланникъ графъ Муравьевъ и генералъ-майоръ фонъ-Пфафъ. При входѣ въ залъ датскій король велъ подъ руку Государыню. По правую руку отъ короля сѣдѣла Императрица Александра Феодоровна, а по лѣвую — Императрица Марія Феодоровна. Во время обѣда король привѣтствовалъ Ихъ Императорскихъ Величествъ съ приѣдомъ въ Бернсторфъ. Послѣ непродолжи-

тельной прогулки по саду былъ сервированъ чай. Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Даніи будетъ имѣть совсѣмъ семейный характеръ; большихъ празднествъ не предполагается.

Первый день Ихъ Императорскія Величества пробыли въ тѣсномъ семейномъ кругу. Въ 10½ час. утра Государь Императоръ, Государыня Императрица и великій князь Михаилъ Александровичъ отправились изъ Бернсторфа въ городъ, чтобы присутствовать въ русской церкви на панихидѣ по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III. Въ церкви присутствовали: графъ Муравьевъ, первый секретарь князь Кудашевъ, члены русскаго консульства, командиръ Императорской яхты „Штадартъ“ баронъ Фридериксъ, морскіе офицеры и много лицъ мѣстной русскаго колоніи. Въ 2½ часа Императорская Чета въ открытой коляскѣ отправилась въ Шарлоттенлундъ, чтобы отдать визитъ кронпринцу и кронпринцессѣ.

2-го сентября Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна посѣтили королевскій фарфоровый заводъ и сѣдѣли тамъ болѣе полутора часа. На другой день утромъ Государь Императоръ и Государыня Императрица въ сопровожденіи принцессы уэльской, дочери ея, принцессы Викторіи, принца Вальдемара съ супругою и королевича греческаго Георгія, прибывшаго въ Копенгагенъ вмѣстѣ съ королемъ эллиновъ 30 августа, посѣтили новую Императорскую яхту „Штадартъ“ и затѣмъ завтракали на яхтѣ „Полярная Звѣзда“. Въ завтракѣ не участвовали лишь обѣ принцессы уэльскія. Позже предполагался осмотръ хронологической коллекціи датскихъ королей въ замкѣ Розенборгъ. „Штадартъ“ выходитъ на три дня въ пробное плаваніе, отъ успѣха котораго будетъ зависѣть, предприметъ ли на немъ Государь Императоръ свое дальнѣйшее путешествіе.

Политическое обозрѣніе.

Событіемъ первостепенной важности, привлекающимъ вниманіе всей Европы, является въ настоящее время заграничное путешествіе Ихъ Императорскихъ Величествъ; подробныя свѣдѣнія о немъ мы получаемъ отдѣльными статьями, подъ заглавіемъ: „Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за

границею“; очевидная важность этого путешествія для фактическаго укрѣпленія между державами прочныхъ и дружественныхъ отношеній едва ли требуетъ особыхъ комментарій къ тѣмъ сообщеніямъ, которыя заключаются въ вышеуказанныхъ статьяхъ.

Последняя неделя прошла в Константинополе сравнительно тихо, но положение армян попрежнему продолжает быть самым печальным: прописаны истинные султанские постановления, в роде недавно изданного константинопольским правительством указа о том, что „грабежи и убийства подлежат пресечению; что проигравшиеся распоряжениям властей магометане и христиане подлежат наказанию без различия сословий; что все мѣры должны быть принимаемы немедленно“, — не в состоянии разбить в армянском населении постоянную тревогу за жизнь, тревогу, къ которой присоединяется в лучшем случае пернектива быть высланным и остаться безъ куска хлѣба. Такъ, по сообщенію телеграммъ отъ 31 августа, увольняются все армяне, служащіе на казенныхъ, гражданскихъ и военныхъ фабрикахъ. Управление табачной монополией намѣревается поступить такъ же. Все державы, осуждая образъ дѣйствія армянскихъ революціонеровъ, сходятся на выраженіи сочувствія армянамъ; между прочимъ, по приказанію французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Ганото, роздано 10,000 франковъ армянскимъ семействамъ, пострадавшимъ во время разгрома въ Хаскойѣ. Прибывающимъ во Францію армянамъ выдаются также пособія. Параллельно съ сочувствіемъ армянамъ, высказывается полное неодобрение чуждымъ безпристрастія дѣйствіемъ турецкаго правительства. Англійскія газеты проектируютъ даже замѣну пѣвѣ царствующаго султана другимъ — по выбору европейскихъ державъ. Проектъ этотъ, лишенный всякаго вѣроятія, характеренъ не только какъ выраженіе крайняго недовольства Турціей, но и какъ указатель направленія англійской политики, ищущей удобнаго случая отвлечь вниманіе Европы отъ ея дѣйствій въ Египтѣ и Суданѣ. Къ этому вопросу мы еще будемъ имѣть случай вернуться, когда болѣе ясно опредѣлится намѣренія всѣхъ европейскихъ державъ.

На дальнемъ Востокѣ событія приняли сравнительно нормальное теченіе. После нѣкоторой натянутости отношеній между Японіей и Китаемъ изъза торговаго договора (см. *Нива* № 18), договоръ этотъ подписанъ на основаніи симонсекскаго трактата, при чемъ Китай, не получая взаимно никакихъ льготъ, предоставилъ Японіи права наиболее благоприятствующей державы.

Относительно Кореи Японія продолжаетъ держаться вызывающаго образа дѣйствія, требуя за убитыхъ корейскими бунтовщиками японскихъ солдатъ уплаты значительныхъ издержекъ и настаивая на обезпеченіи личной и имущественной безопасности въ Корей для всѣхъ японскихъ подданныхъ. Въ японскихъ высшихъ сферахъ крайне недовольны выѣздомъ изъ Токио въ Сеулъ, по приказанію корейскаго короля, принца Гива, котораго японцы считаютъ бесспорнымъ наследникомъ корейскаго престола и потому предполагали женить на японской принцессѣ. Къ этимъ неприятностямъ присоединилось вновь вспыхнувшее возстаніе на Формозѣ. По свѣдѣніямъ изъ Токамаги, тревожное настроеніе въ Японіи усиливается: инсургенты на Формозѣ образовали нѣсколько хорошо вооруженныхъ отрядовъ подъ предводительствомъ опытныхъ начальниковъ. Хотя японскіе гарнизоны, занимающіе важныя стратегическія мѣста, держатся пока съ успѣхомъ, расчитывать, однако, на скорое подавленіе возстанія — преждевременно: при крайне неблагоприятныхъ климатическихъ условіяхъ, на Фор-

мозѣ появилась въ японскихъ отрядахъ эпидемія чумы и холеры, распространившаяся и въ самой Японіи.

Въ Сеулѣ, корейскій король, опасаясь за свою жизнь, не возвращается въ свой дворецъ, что вызываетъ сильное недовольство японской партіи въ Корей, которая подавала даже русскому представителю петицію не держать короля въ зданіи русской миссіи. Однако король, не намѣреваясь рисковать жизнью, рѣшилъ удалиться изъ зданія миссіи лишь по окончаніи возводимой рядомъ съ нею постройки новаго дворца. Благодаря правительственнымъ войскамъ, вооруженнымъ и обученнымъ по европейскому образцу, прекращаются безпрестанныя волненія въ корейскихъ провинціяхъ противъ администраціи, вызвавшей эти безпорядки своими грабежами и насиліями надъ населеніемъ.

Несмотря на протесты Японіи, иностранцы, послѣ продолжительнаго соперничества, успѣли получить нѣсколько концессій: американцы — на постройку желѣзной дороги Сеулъ-Чемульпо, съ разработкой минеральныхъ богатствъ; французы — на желѣзную дорогу Сеулъ-Пивьянъ; русскіе — на разработку золота въ провинціи Хамъ-Кюнъ. Кроме того, по свѣдѣніямъ изъ Сеула, отъ 25 іюля, корейское правительство предоставило французской компаніи постройку желѣзной дороги Сеулъ-Ви-Чжю, до китайскаго порта Аргура и на Цидикарь. Японцы желали получить концессию на постройку желѣзной дороги Сеулъ-Фузанъ, но корейское правительство отказало имъ; концессія будетъ дана нѣмцамъ. Корейское правительство проектируетъ свою телеграфную линію, для соединенія съ русскими и китайскими проволоками. Сеулъ поемному принимаетъ мирный характеръ: русскій десантъ сокращенъ, англичане вывели свой, американцы готовятся къ тому же. Какъ и слѣдовало ожидать, англичане крайне недовольны такой развязкой замѣшательства на дальнемъ Востокѣ.

По отзывамъ такой компетентной газеты, какъ *Daily News*, въ ясности политическаго горизонта и въ мирномъ настроеніи мало утѣшенія для Англии: Японія — де, вынужденная постепенно падать въ объятія Россіи, уже согласилась съ нею по вопросу о замиреніи Кореи. После отказа британскаго кабинета лорда Розбери принять участіе въ давленіи на Японію съ цѣлью заставить ее отказаться отъ Ліатонскаго полуострова, установились было дружественныя отношенія между Японіей и Англійей, но, съ наступленіемъ кризиса на дальнемъ Востокѣ, отказъ маркиза Салисбюри отъ исполнѣ опредѣленныхъ взглядовъ заставилъ Японію уклониться отъ британскихъ краснорѣчивыхъ фразъ и обѣщаній и примкнуть къ государству съ серьезными намѣреніями — къ Россіи, такъ что Англія, отголкнувъ отъ себя сперва Китай, затѣмъ Японію, оказалась на дальнемъ Востокѣ совершенно изолированной и безсилой: у Англии тамъ ничего нѣтъ, тогда какъ Россія располагаетъ готовою стотысячною арміей и сильнѣйшимъ флотомъ. По невольному убѣжденію названнаго авторитетнаго органа печати, „Россія дѣйствительно суждено сдѣлаться могущественною державою и въ Азіи“. Можно пожелать, чтобы положеніе Россіи на дальнемъ Востокѣ оказалось на самомъ дѣлѣ таковымъ, тогда упомянутый взглядъ, по этому вопросу скорѣе вкоренится въ сознаніи англичанъ, содѣйствуя установленію правильныхъ отношеній между двумя могущественнѣйшими мировыми державами.

Н. А. Неилудовъ († 1 сентября 1896 г.)
Съ фотогр. Мѣшковскаго въ Варшавѣ автотипія „Нивы“.

Библиографія.

Преображенское и окружающія его мѣста. Составилъ и издалъ И. В. Синицынъ. Рис. художн. М. В. Нестерова, грав. А. С. Яновъ. Москва, 1896 г. Цѣна 10 руб.

„Представляя сей трудъ на судъ публики — говорить въ своемъ предисловіи авторъ этой роскошно изданной монографіи — прошу не судить меня строго въ моихъ погрѣшностяхъ, такъ какъ я не принадлежу къ числу писателей, и перо для составленія этой книги взято мною въ первый разъ“. Эта авторская скромность сразу подкупаетъ читателя и заставляетъ его отнестись снисходительно къ нѣкоторымъ, дѣйствительно довольно крупнымъ, погрѣшностямъ этой, во всякомъ случаѣ, крайне добросовѣстно и съ очевидною любовью составленной исторической монографіи знаменитаго Преображенскаго села — нынѣ предмѣстья Москвы. „Погрѣшности“ заключаются, главнымъ образомъ,

не столько въ не всегда удачномъ пользованіи историческимъ матеріаломъ и не всегда вѣрномъ освѣщеніи его, сколько въ разныхъ не идущихъ къ дѣлу и къ тону историческаго изслѣдованія постороннихъ выходяхъ, въ которыхъ авторъ выражаетъ свою неприязнь къ петровскимъ реформамъ. Но все это нисколько не умаляетъ цѣнности этого изданія, на которое составителемъ потрачено, очевидно, много труда, хлопотъ и денегъ. Изданіе обильно украшено рисунками талантливаго художника г. Нестерова, прекрасно изучившаго духъ историческаго русскаго жанра. Гравированы и отпечатаны рисунки превосходно. Нельзя не поблагодарить г. Синицына за этотъ цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу, вообще очень небогату самостоятельными изслѣдованіями и отдѣльными монографіями наиболее извѣстныхъ мѣстностей и событій.

Овящ. Іоаннъ Ковалевскій. Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви. М. 1895. Ц. 1 р.
 Эта подробная и весьма интересно составленная историческая монографія касается вопроса, имѣющаго очень не маловажное значеніе въ нашей народной жизни и до сихъ поръ еще совершенно не изслѣдованнаго. Литература по этому предмету исчерпывается нѣсколькими краткими статьями въ специальныхъ духовныхъ журналахъ да еще болѣе краткими замѣтками изрѣдка — да и то болѣе въ видѣ курьезовъ — попадающихъ на страницѣ общей печати. Малоизслѣдованный вопросъ этотъ издана возбуждаетъ множество сомнѣній и недоумѣній даже у лицъ обладающихъ свѣдѣніями по религіознымъ и церковнымъ вопросамъ. О. Іоаннъ Ковалевскій всесторонне, съ документами въ рукахъ и ссылками на многочисленные источники, подробно студируетъ вопросъ о юродивыхъ и юродствѣ вообще. Конечно, смотритъ онъ на него съ точки зрѣнія православнаго пастыря, какъ на исключительный христіанскій подвигъ, и объясняетъ его происхожденіе, указывая на эпохи и условия, осо-

бенно благопріятствовавшія появленію и развитію этого вида подвижничества въ христіанствѣ. Почтенный авторъ изслѣдованія разбираетъ явленіе юродства какъ по существу, такъ и съ точки зрѣнія иноческихъ уставовъ, касающихся „подвига юродства“, посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ и ученія блж. Феодорита Кирскаго.
 Во второй части монографіи изслѣдуется юродство, проникшее изъ Греціи въ Русскую церковь, вмѣстѣ съ другими видами подвижничества, приводится нѣсколько жизнеописаній православныхъ подвижниковъ и блаженныхъ и разбирается крайне интересный вопросъ о мнимо-юродивыхъ, т. е. сознательныхъ эксплуататорахъ религіознаго чувства русскаго народа. Просвѣщенный авторъ разбираемой книжки справедливо считаетъ единственно рациональнымъ способомъ борьбы съ этимъ зломъ — религіозно-нравственное просвѣщеніе народа. Отсылаемъ интересующихся вопросомъ читателей къ самой монографіи о. Ковалевскаго.

Разныя извѣстія.

— По всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ соизволить объявить строгій выговоръ помощнику московскаго оберъ-полицеймейстера, числящемуся по полевой конной артиллеріи, полковнику Рудневу и состоящему по армейской кавалеріи; полицеймейстеру московской городской полиціи полковнику барону Удбергу и чиновнику особыхъ порученій при московскомъ оберъ-полицеймейстерѣ полковнику Померанцеву за упущенія по службѣ, обнаруженныя слѣдствіемъ по дѣлу о несчастномъ событіи 18 мая сего года въ Москвѣ, на Ходынскомъ полѣ. Высочайшій приказъ объ этомъ последовалъ 27 августа, въ Кіевѣ.

— 30 августа въ Вяткѣ состоялось открытіе памятника Царю Миротворцу Александру III.

— Въ гор. Екатеринбургѣ производится въ настоящее время постройка мраморнаго монумента Императору Александру II, въ память освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Деньги на памятники собраны частью по добровольной подпискѣ, частью же пожертвованы мастерами, бывшими учрочными рабочими.

— Московская дума получила изъ Франціи просьбу о присылкѣ туда части украшеній, находившихся на Красной площади во время вѣзда Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москву передъ Священнымъ Коронованіемъ. Просьба эта исполнена.

— *Прав. Вѣсти.* сообщаетъ о сооруженіи въ г. Павловскѣ памятника Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, августѣйшей супругѣ императора Павла I. По собраніи свѣдѣній, постановка монумента, достойнаго памяти Императрицы Маріи Феодоровны, потребуетъ приблизительно около 15,000 рублей, подлежащихъ добровольному сбору, въ видѣ подписныхъ приношеній. Собираемые пожертвованія принимаются для хранения въ павловскомъ городскомъ правленіи.

— По сообщенію телеграммъ изъ Стокгольма, 6 сентября состоялось открытіе памятника на могилѣ профессора математики въ Стокгольмѣ, Софіи Васильевны Ковалевской (скончавшейся 29 января 1891 г.). Памятникъ сооруженъ на средства, собранныя по подпискѣ, открытой повсемѣстно по инициативѣ С.-Петербургскаго комитета Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Проектъ памятника (въ формѣ грандіознаго креста) безвозмездно составленъ профессоромъ архитектуры Султановымъ.

— 1 сентября въ Казани состоялось торжественное открытіе памятника знаменитому ученому-математику Лобачевскому. Бюстъ и постаментъ памятника исполнены художницею М. Л. Диллонъ. Бюстъ изнаню сдѣланъ изъ бронзы, размѣромъ въ 1 1/2 аршина и поставленъ на колоннѣ изъ чернаго полированного гранита, высотой болѣе 2 аршинъ, въ діаметрѣ 3/4 аршина. Постаментъ сдѣланъ изъ сѣраго полированного гранита, въ двѣ ступени. По совершеніи литія, въ моментъ провозглашенія вѣчной памяти, председатель физико-математическаго общества, профессоръ Васильевъ, открылъ завѣсу, покрывавшую бюстъ; затѣмъ присутствующіе отправившись въ университетскій садъ, гдѣ открылось торжественное собраніе. Городской голова Дьяченко прочиталъ отчетъ по устройству памятника, профессоръ Суворовъ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ научныя заслуги покойнаго Лобачевскаго

въ области математики и геометріи, профессоръ Васильевъ въ блестящей рѣчи указалъ на значеніе трудовъ Лобачевскаго для науки вообще, охарактеризовалъ этого энергичнаго дѣятеля на попріи просвѣщенія, особенно какъ пионера распространенія научныхъ знаній въ народной массѣ. Потомъ произнесены были привѣтствія физико-математическому обществу и прочтаны поздравительныя телеграммы. Вечеромъ состоялось торжественное засѣданіе физико-математическаго общества, посвященное памяти Лобачевскаго.

— Профессоръ гігіены Ф. Ф. Эрисманъ оставляетъ свою службу при московскомъ университетѣ и покидаетъ кафедру. Слушателями его было сдѣлано по этому поводу въ исходѣ августа торжественное прощаніе, при чемъ было высказано много привѣтствій за почтенную дѣятельность профессора, какъ строгаго гігіениста, особенно на полѣ дѣятельности земской службы по Московской губерніи. Въ адресѣхъ высказывалось сожалѣніе по поводу того, что Ф. Ф. Эрисманъ покидаетъ кафедру, а также по поводу намеренія профессора покинуть Россію навсегда.

— Въ *Русскомъ Инвалидѣ* напечатано: „Въ устраненіе неосновательныхъ слуховъ, разъясняется, что Высочайшій приказъ 21-го августа, о разжалованіи въ рядовые нѣсколькихъ офицеровъ 35-го драгунскаго Бѣлгородскаго полка, состоялся по случаю того, что офицеры эти, вопреки существующихъ правилъ, дозволили себѣ взять команду нижнихъ чиновъ, которыхъ заставили чинить противозаконную расправу надъ нѣкоторыми обывателями мѣстечка Межибужья, Подольской губерніи, въ отищеніе за оскорбленіе своего товарища.“

— Многочисленныя жалобы публики на нарушеніе правилъ куренія въ пассажирскихъ вагонахъ заставили управленіе привилегіальныхъ желѣзныхъ дорогъ сдѣлать распоряженіе объ усиленіи надзора со стороны желѣзнодорожныхъ служащихъ за строгимъ выполненіемъ правилъ и о составленіи протоколовъ о нарушеніи таковыхъ не позже ближайшей станціи.

— Министерствомъ земледѣлія одобренъ, по сообщенію *Нов. Вр.*, проектъ орошенія южныхъ и восточныхъ губерній Россіи, выработанный ген.-лейт. Жилкинскимъ.

— По словамъ *Новаго Времени*, министерство внутреннихъ дѣлъ поручило губернаторамъ собрать и доставить не позже 1 ноября свѣдѣнія о числѣ существующихъ въ Россіи велосипедовъ и автоматическихъ экипажей. Кроме того, городскимъ управленіямъ, къ тому же сроку, предложено представить соображенія о возможности обложенія велосипедовъ и автоматическихъ экипажей безъ особаго обремененія ихъ владѣльцевъ.

— Въ московскихъ газетахъ напечатанъ приказъ исправляющаго обязанность московскаго оберъ-полицеймейстера, предписывающій полиціи безпріятственно допускать расклеивку на улицахъ столбѣхъ печатаемыхъ въ городской типографіи списковъ лицъ, ищущихъ мѣста и занятій.

— Какъ сообщаютъ телеграммы, 29 августа, въ 2 1/2 ч. дня, надъ центральной частью Парижа пронесся несильнаго силы ураганъ. Убиты громадины. Деревья вырваны съ корнями. Много раненыхъ.

— Въ Петербургѣ прибыли два выдающихся болгарскихъ дѣятеля: дипломатическій агентъ Болгаринъ въ Вѣнѣ Станчевъ и директоръ оффиціозной газеты „La Bulgarie“, Дорастель.

2 внутр. съ вынгр. заемъ 1866 г.

61 тиражъ 2-го сентябрѣ 1896 г.

ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ

билетовъ 2 внутренняго съ вынгршами займа 1866 г.

НУМЕРА СЕРІЙ:

каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ, съ № 1 по № 50-й включительно.

104	1152	2386	3671	5312	6651	7945	8667	9959	11655	12609	13510	14990	15982	16846	17493	18843	19868
280	1176	2630	3834	5653	6858	7972	8854	10177	11650	12689	13674	15089	16240	16862	17625	18556	19936
391	1515	2873	3867	5683	6866	7990	8873	10247	11903	12700	13772	15255	16296	16914	17705	19016	
444	1651	3020	3923	5787	6878	8048	8949	10258	11945	12794	14043	15280	16322	17026	17740	19056	
471	1652	3324	3962	6027	6942	8205	8967	10509	12039	12797	14124	15281	16304	17044	17805	19108	
609	1664	3438	4174	6170	6986	8345	8970	10742	12045	12822	14170	15285	16336	17096	17827	19116	
746	1848	3467	4188	6229	7038	8379	9091	10747	12397	12975	14198	15463	16446	17287	17885	19197	
874	1918	3530	4435	6243	7394	8471	9327	10945	12470	13101	14384	15458	16456	17303	17922	19419	
957	2012	3559	4526	6335	7486	8476	9343	10966	12552	13186	14445	15613	16519	17306	17929	19419	
1026	2074	3589	4790	6391	7518	8580	9697	11080	12556	13206	14554	15690	16616	17399	18038	19542	
1056	2075	3605	4932	6428	7559	8648	9899	11105	12565	13246	14771	15702	16690	17373	18081	19744	
1076	2133	3663	5059	6518	7788	8666	9954	11479	12591	13395	14919	15710	16752	17444	18537	19829	

Всего 206 серій, составляющія 10,300 билетовъ, на сумму 1.339,000 рублей.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1896 г.

Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. Безъ доставленія въ Москвѣ и др. города Россіи 7 р. За пересылкою въ Москвѣ и др. города Россіи 7 р. За гра- ницу 10 р.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНИЕ: Кольцо Императрицы. Историческій романъ кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе.)—Изъ „пѣсень о счастьѣ“. (На ютяхъ Юлія Словацкаго.) Стихотвореніе: Аполлона Норинскаго.—Выставка тысячелѣтія Венгріи въ Буда-Пештѣ. Спеціальная корреспонденція „Нивы“. (Съ 11 рисунками.)—Ъзъ рисункамъ: Бѣлая ночь (съ рис.).—Въ народной столовой (съ рис.).—Напрасный трудъ (съ рис.).—Подсолнечникъ (съ рис.).—Прѣбываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Бреславлѣ (съ 2 рис.).—Н. А. Неклюдовъ (съ портр.).—Открытие мощей св. Феодосія Угличскаго, архіепископа Черниговскаго.—Прѣбываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границею.—Политическое обозрѣніе.—Библиографія.—Разныя извѣстія.—Тиражъ погашенія билетовъ II внутр. съ выигр. займа.—О подпискѣ на „Ниву“ 1886 г.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихонозь (А. Луговой).

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“.
Москва. * Рига. * Спб.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подѣ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ. Обращать вниманіе на клейма и фирму.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
НОВЫМЪ, ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ

РУКОВОДСТВО КЪ КРОЙКѢ БѢЛЫЯ,

мужского, дамскаго и дѣтскаго,
для школьнаго и домашняго употребленія.

Въ 36 таблицахъ, на которыхъ помѣщены масштабы и весь текстъ.
Съ 8-го нѣмецкаго изданія переводъ Маріи Линдеманъ.

Изданіе это знакомитъ съ наилучшими и простѣйшими приемами кройки и шитья бѣлья и можетъ быть съ большою пользою применіемо какъ въ школѣ, такъ и въ домашнемъ быту. На 36 таблицахъ, составляющихъ изданіе, помѣщено 123 чертежа бѣлья, причемъ чертежи разработаны настолько тщательно, что составленіе выкроекъ и приспособленіе ихъ ко всякой фигурѣ является легкимъ дѣломъ даже для тѣхъ, кто совершенно неопытенъ въ этомъ отношеніи.
Цѣна изданія 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 25 коп.

ХІ-ый и ХІІ-ый томы
полн. собр. сочиненій Н. С. ЛѢСКОВА.

Въ конторѣ изданій А. Ф. МАРКСА
поступилъ въ продажу ХІ томъ, а также только-что окон-
ченный печатаніемъ ХІІ томъ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Н. С. ЛѢСКОВА.

Обращаемъ вниманіе на эти два тома тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ полное
собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова только въ ДЕОРТИ томыхъ.

Цѣна каждаго тома 3 рубля.

Выписывающіе эти книги изъ Конторы изданій А. Ф. Маркса,
С.-Петербургъ, Мал. Морская, № 22,—за пересылку не платятъ.

Химич. Лабор. К. ШИМАНСКАГО
Москва, Покровка, д. 57, кв. 34.
ПРЕЗЕРВАТИВЪ отъ крысъ, жест.
въ 1 фунт. 75 к.; отъ мышей пакетъ
5 фунт. 75 к. Пудъ 4 р. 50 к. Средства
не отравляющія, а лишь изгоняющія
крысъ и мышей.
ПРЕЗЕРВАТИВЪ для отравленія
крысъ и мышей 75 к.
СРЕДСТВО для защиты фруктовыхъ
деревьевъ отъ порчи зимой зайцами,
на 200—400 корней 2 руб.

ПООЛДНЯЯ НОВОСТЫ
Для канцелярій, конторъ
30 р. и частн. лицъ 30 р.
пишущая машина.
Четкій шрифтъ, заглавныя и проч. буквы,
цифры и все знаки. Писать можно на бу-
магѣ любого формата и не подвергается
порчѣ. Руководство прилагается. Высы-
лается немедленно по полученіи 10 руб.
задатка. С.-Петербургъ, Складъ новыхъ
изобрѣтеній, Большая Морская, № 33.

ЖЕЛАЮ ПРИОБРѢСТИ ИМѢНІЕ
въ обмѣнъ на домъ въ Петербургѣ, прино-
сашій вал. дохода около 7 тысячъ рублей.
С.-Петербургъ, Почтамтъ, предьявляю
рубля № 26,791. Ц. № 9472

КАРАНДАШИ и ГРИФЕЛЫ
въ большомъ и разнообразномъ
выборѣ фабрики
В. Ф. КАРНАЦЪ
въ Москвѣ.

Продаются во всѣхъ учебныхъ и
писчебумажныхъ магазинахъ.

Требуйте во всѣхъ писчебумаж-
ныхъ магазинахъ
всемирно-извѣстнаго,
неисходимаго перья
БЛАНЗИ
ПУРЪ
и К^о.

Остерегайтесь поддѣлокъ!
Главы, предстал.
д. всея Россіи
Г. и К. Эмштейнъ.
Москва,
Черкасскій пер., домъ
князя Голицына.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе
кислотъ.

DENTIFRICES
DOCTEUR PIERRE
изъ Медицинскаго Факультета въ Парижѣ

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.
№ 8835 ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ. 26—19

Остерегайтесь поддѣлокъ!
Остергаться поддѣлокъ!

РОЗОВОЕ
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.
Самое нѣжное глицериновое мыло,
ПРОЗРАЧНОЕ
КАКЪ ХРУСТАЛЬ
благодаря своимъ отличнымъ качествамъ,
приобрѣло большую извѣстность.
Высокое содержаніе глицерина, эконо-
милъ вслѣдствіе обилія пѣны, нѣжный за-
пахъ розы—вотъ качества, отличающія
это мыло въ высокой степени. 12—6
Издѣлія № 4711 можно получать въ
лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ
магазинахъ Россіи и за границей. При
покупкѣ просить обращать вниманіе на
утвержденную фабричную марку № 4711.

Аптекарьскіе и резинов.
товары 6—6
и фабрика выкаточныхъ и
резиновыхъ наклеекъ
И. ЗАКЛИНА,
7, Измайловскій пр., 7.
СПБ., 59, Невскій, 59.
Прейсъ-курантъ безплатно.

Людв. Водоровъ. Шликэйзенъ,
Москва,
Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ,
рекомендуетъ: кирпичдѣлательныя
и торфяныя машины, прессы для вы-
дѣлки трубъ съ раструбами, чере-
пиль съ фальцами, брикетницы; далѣе:
патентовъ. Шаровыя мельницы для
измельченія и размола и одновремен-
наго просѣиванія материаловъ любой
крѣпости, какъ-то: шпота, цемента,
шакаловъ, руды, костей, стекла, фос-
форитовъ и т. п. (83)

Зубооубрачебная школа д-ра ТЫЧИНСКАГО въ г. Одессѣ.
Пріемъ прошеній начатся. Обращаться: Одесса, д-ру Тычинскому.

СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ В. В. ЕЗЕРСКАГО.
С.-Петербургъ, Фадеева № 18, уголъ Невскаго. Москва, Тверская, № 42, д. В. Езерскаго.
Свѣдѣнія сообщаются лично и высылаются почтою безплатно.

ВЫГРЫШ-
НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаютъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, Спб. 4—4

ВАЖНО для ДАМЪ!
КАЛОДЕРМА Ц. № 9473
 16-1
Ф. ВОЛЬФЪ и Сынъ.
НЕЗАМѢНИМА для холи КОЖИ.
 Продажа въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Можно получать въ Москвѣ во всѣхъ магазинахъ Товарищества «Эйнемъ». Ш. № 8983 16-11

ГОЛЛАНДСКІИ
КАКАО въ ЭЙНЕМЪ
МОСКВѢ.

Можно получать во всѣхъ колониальныхъ магазинахъ Россіи.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

„Гуниади Яносъ“ представляет собою продуктъ природы, **СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ** котораго извѣстно. Для норм. приема достаточно 1/2 обмыл. стакана.

Просимъ обращать вниманіе на нашу предохранител. марку портрета, которая неизмѣнно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей нашей воды.

Владелецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
 Ц. № 9157 **ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ** 12-4
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
 ИЗ МАЙЛОВСКОГО ПР. № 21.

О-де-Колонъ двойной О-де-Колонъ тройной

МАГАЗИНЫ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
 Вознесенскій просп. уголъ Казанской ул. домъ № 24-52
 НЕВСКІИ ПР. № 32. НЕВСКІИ ПР. № 66.

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ съ естественнымъ методомъ леченія **Д-ра МАКСА ВѢМА.**
Dr. Max Böhm's Naturheilanstalt, Bad Friedrichroda i/Th.
 Курортъ ФРИДРИХРОДА въ Тюрингіи, 1.430 футовъ надъ уровнемъ моря, открыто круглый годъ. Прекрасно обставленное и пользующееся лучшимъ репутацией заведеніе для всѣхъ страдающихъ хроническими болѣзнями. Мѣстоположеніе самое прекрасное въ Германіи. Проспекты высылаются безплатно. В. № 9070 21-14

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen

Первоклассный альпийскій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г. Анализъ и подробности объ источникѣ высылаются по почтѣ безплатно. Контора отправки нижеслѣдующихъ минеральныхъ водъ въ **ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ**: **ФУРБАХЪ и СТИБОЛЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.**
 5-4 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 9153

НОВОСТЬ!
Кабинетн. часы только 6 р.
 Очень изящны; золоченые, высеребр. и оксидиров. Изрѣченный ходъ. Украшеніе любой комнаты. Высылаются немедленно по полученіи 3-хъ руб. задатка. С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Большая Морская, 33.

Dr. PFLÜGER
 Americ. Dentist
 № 9383 10-7 **BERLIN, W.**
 Bülow Strasse, 30.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блонья, С.-Петербургъ, 50, Невскій.

ПЕРВАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ
 для каждаго **ВЪ ВѢКЪ**
ПРОЧНОЕ и ЭЛЕГАНТНОГО ПOKPOЯ.
 Последн. **НОВОСТЬ!** Практичныя сорочки.
 Специальн. магазинъ **Ю. ГОТЛИБЪ.** Владимірская, д. 2-49, бѣлая уголъ Невскаго просп.
 Прейс-курантъ высылается **ВЕСПЛАТНО.** 2-2

43-1. „МОРИСЪ“ 43-1.
 Невскій пр., уголъ Троицкой ул.

ФОРМЫ: для гг. студентовъ военно-медицинской академіи, Императорскаго университета, духовной академіи и всѣхъ институтовъ, а также для гг. воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній имѣются въ громадномъ выборѣ готовыя и на заказъ.

ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ.
 Иллюстрированный прейс-курантъ со способомъ снятія мѣрки высылается безплатно.
 Для гг. иногороднихъ высылается наложеннымъ платежомъ съ задаткомъ третьей части. Ц. № 9380 6-5

СѢМЕННОЯ ТОРГОВЛЯ
А. Б. МЕЙЕРЪ, въ МОСКВѢ,
 Мясницкая ул., д. Кузнецова, предлагаетъ голландскія цвѣточные луковички, какъ-то: глацинты, тюльпаны и др. въ отборныхъ экземплярахъ по умѣрен. цѣнамъ.
 Ц. № 9475 **КАТАЛОГЪ ВЕСПЛАТНО.** 2-1

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN
 Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (57)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ Mimosa **ЛОЗЕ Ixora-viola**
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

СКЛАДЫ 24-17
фотографическихъ принадлежностей
Э. ЮХИМЪ и К^о.
 С.-Петербургъ. Сумскія. Москва.
 Невскій пр., № 3. съ 1860 г. Театральн. проѣздъ.
 Иллюстрированный прейс-курантъ высылается за 50 копеекъ почтовыми марками. № 8956

==== **НОВОСТИ ПО ФОТОГРАФІИ.** =====

До употребленія средства. **Д-РА ТОМСОНА** После употребленія средства.

Депилаторій въ порошокѣ.
 Лучшее и совершенно безвредн. средство къ немедленн. удаленію волосъ на мѣстахъ, гдѣ ростъ ихъ нежелателенъ.
 Цѣна коробки 1 р. 50 и.
 Въ Петербургѣ этотъ депилаторій продается: у Г. Кошкина, Гостиный дворъ, 19; Н. Ушакова, Гостиный дворъ, № 33; В. Шаржова и К^о, Гост. дворъ, № 78.
 Въ Москвѣ — у А. Галле и К^о.
 Требуется только депилаторій ТОМСОНА, такъ какъ большинство друг. средствъ производитъ вредное дѣйствіе на кожу.

ДЛЯ СБЕРЕЖЕНИЯ ЗУБОВЪ ОТЪ ПОРЧИ
препараты Ѳ. ВАЖИНСКАГО
 (учредителя 1-я зубочная школа въ Россіи).
 Зубной элениръ 1 р. Зубной порошокъ 75 к.
 Продаются въ аптекарскихъ, парфюмерныхъ
 магазинахъ и аптекахъ.

Самаго Лучшаго качества по дешовымъ цѣнамъ:

СКРИПКИ по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
 Смычки для скрипки по 30 к., 1 р., 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 руб.
 МАНДОЛИНЫ по 8, 15, 22, 30, 50, 75, 100 и 125 р.
 НОРНЫ по 12, 15, 18, 22, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 90, 100, 150 и 250 р.
 ФЛЕЙТЫ по 2, 4, 6, 8, 12, 18, 25, 35, 40, 50, 60, 75, 85, 90, 120 и 160 р.
 КЛАРНЕТЫ по 6, 10, 15, 21, 25, 35, 45, 60, 75 и 90 р.
 а также всѣ другіе музыкальные инструменты и ноты въ большомъ выборѣ, по дешовымъ цѣнамъ, рекомендуютъ
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
 Главное депо и фабрика МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ. СЛАДЪ НОТЪ.
 С.-Петербургъ, Бол. Морская, № 24 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарина.

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ 1894 и 1896 г.

А.М. ОСТРОУМОВЪ
 МЫЛО ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
 МЫЛО ДѢТСКОЕ
 ИЗЪ ТРАВЫ ЧЕРЕДЫ
 ВСѢ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА ПРОДАЮТСЯ ВЪ ДѢВЪ.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиноса. За двѣ 7-ми книжки выслать условія и пробное письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. кат. Ѳ. Коидарисъ. № 9436 10 3

ПАМЯТЬ

укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10-ур.) профессоръ мнемоники С. Файнштейнъ.

Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдился въ теченіи моей 9-ти-лѣтней дѣятельности на поприщѣ преподаванія мнемоники, гг. врачи, педагоги, военные, студенты и тысячи др. лицъ разныхъ профессій, зрѣлѣ и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности. Условія за курсъ высыл. за одну 7-ми коп. марку вмѣстѣ съ книгой *) (6-е испр. и дополн. изданіе) и что такое искусство укрѣпленія памяти? за шесть 7-ми коп. марокъ, на волевоуной бумагѣ за восемь 7-ми коп. марокъ.

Адресъ: Одесса, Гаванная ул., д. И. А. Бродскаго, № 6/28 (рядомъ съ городскимъ садомъ), кв. 2-3, въ белѣ-стѣжкѣ, профессоръ мнемоники, членъ парижской академіи С. Файнштейнъ.

*) Книга эта продается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи. № 9470 3-2

На Нижегородской Выставкѣ!
 ежедневно отъ 3-го до 5-го часовъ

Автоматическимъ аппаратамъ раздаютъ
Духи А. Парле и Ко

въ 18-мъ дополнителномъ отдѣлѣ въ Главномъ залѣ 35-й и на Выставкѣ

Москва Курецкій мостъ

С. П. М.: Садовая 25. Мещки 18.

Продажа:

ВНИМАНІЮ ГГ. ИНОГОРОДНЫХЪ.

Въ виду того, что въ Правленіе С.-Петербургскаго благотворительнаго общества посподателей Гомеопатіи поступаютъ отъ иногородныхъ многочисленныя заавленія съ просьбой дать медицинскій совѣтъ и выслать соответствующія лѣкарства, считаемъ необходимымъ сдѣлать слѣдующія указанія. При описаніи болѣзни слѣдуетъ сообщить: возрастъ больного, давность болѣзни, предшествующія болѣзни и способъ лѣченія, принявшійся ранѣе; образъ жизни больного и его привычки. Симптоми болѣзни необходимо описывать подробно, такъ какъ одного названія или опредѣленія болѣзни недостаточно для правильнаго назначенія лѣкарствъ. Всѣ необходимыя лѣкарства правленіе высылаетъ черезъ аптеку Общества наложеннымъ платежемъ и проситъ, во избѣжаніе недоразумѣній, точно, ясно и подробно обозначать адресъ. Плата за совѣтъ поступаетъ на содержаніе больницы и лѣчебницы и предоставляется усмотрѣнію больного. Всѣ письма за совѣтомъ и лѣкарствами адресовать: С.-Петербургъ, въ Правленіе С.-Петербургскаго благотворительнаго общества посподателей Гомеопатіи, САДОВАЯ, д. № 18.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

духи — **ФИАЛКА ДУСМЭЗЭ** — туалетное мыло.
 духи — **ЯПОНСКАЯ ФИАЛКА** — туалетное мыло.
 духи — **ЭДЭЛЬ РОЗЕ** — туалетное мыло.
 духи — **ЛАНДЪШХТЪ ДУСМЭЗЭ** — туалетное мыло.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлеруэ.
 Можно получить:
 въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Болеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шаскохскаго, у Константина Гершъ, Лимана и Риска, А. Лянда, А. Энглуида. Ц. № 9368
 въ Москвѣ: у гг. Моръ и Мериндизъ, въ магазинѣ „А-ла-туалетъ“, у Г. Брунсъ, Л. Лоркардъ, и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. 25-10
 Представитель для Петербурга: Л. Герге, 2, Максиміановскій пер.

ВЪ ДЕПО ПОДЛИННЫХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ФОНОГРАФОВЪ ЭДИСОНА

получена большая партія машинъ модель 1896 года.
 Цѣны понижены. Допускается разсрочка.
 Только при нашемъ магазинѣ имѣется мастерская для сборки и большой выборъ всѣхъ запасныхъ частей.
 Постоянно громадный выборъ оперныхъ арій, романсовъ, комическихъ куплетовъ и разсказовъ на русскомъ языкѣ, а также оркестровыхъ пьесъ.
 Адресъ для писемъ: Москва, Тверская, д. Толмачева, депо фонографовъ Эдисона. Для телеграммъ: Москва—Фонографъ.

СИНЕТОГРАФЫ

проектированіе оживленныхъ сценъ на экранѣ въ натуральную величину. Ц. № 9454
 Аппаратъ имѣетъ громадный успѣхъ въ Европѣ. 4-3
 Москва, д. Толмачева. Депо фонографовъ Эдисона.

ЛЕОНГАРДИ
 достохвално-извѣстныя, единственно настоящія
Алицариновыя чернила для письма и копированія
 (жельтино-орѣшкова 1-го класса по отзывамъ государственныхъ учреждений) 30-23
ЛЕГКО-СТЕКАЮЩІЯ, ЭПОЛЪ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧІЯ.
НАИЛУЧШІЯ
 для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода, можно получать почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.
 Неподѣльно только съ сей предохранительной маркой.
Авг. Леонгардъ, изобретатель и единственный въ Дрезденѣ, фабрикантъ. Пзѣгать поддѣлокъ.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ
 въ Гогенгеймѣ. В. № 9417 2-2
 Зимній курсъ 1896/97 г. начинается въ понедѣльникъ, 19 октября с. г. Программы и расписанія лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія выслаются по желанію бесплатно.
КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ
 Гогенгеймъ, сентябрь 1896 г. Представитель—Strebel.

НА ВОСТАНІЕ И ВОССТРОЕВАНІЕ ДѢТЕЙ ВЪ СІАДЕНІИ

СВѢДѢНІЯ
 ТЕЛЕФОНЪ 1360

ОПЕНІИ И ВѢЩЕ
 ОБЩЕСТВА

ПРОСИТЪ
 ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
 ЖЕЛАННОСТЬ

ЖЕНУЖНЫЯ ВЕЩИ

АЛДОНЪ ПО ЕТОРНИКАМЪ СОСНІТАНІЕ 500 СЕПТ.
 БОКСЕРСНАЯ ШКОЛА

ТЕЛЕФОНЪ 3672

ТЕЛЕФОНЪ 1141

ВЪ ПАДЯТЬ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ.
 Серебряные 84-ой пр. брекети съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ. Красивая отдѣлка съ разноцѣтной эмалью и позолоченной короной. Очень красивый № 9348 рисунокъ. (10)
 Шт. 2 р. 75 к.; 2 за 5 р. 25 к.; 3 за 7 р. 75 к.; 6 за 14 р. 95 к.; 12 за 27 р. 50 к.
 Пересылка наложеннымъ платежемъ. С.-Петербургъ, **БАЗАРЪ МАРКЪ**, Невскій, № 20-31.

НОВОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ПЕЧЕНІЕ

С. С. Юнкъ
PETIT BEURRE
МОСКВА

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „СМИСЬ-ПРЕМЬЕ“.

Способность, прочность, удобство. Послѣдніе усовершенствованія. Цѣна 250 рублей и 275 рублей.
 Пишущая машина „КОСМОПОЛІТЬ“
 Самый класіи. шрицъ... Съ 3 разными русскими и 8 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Подарокъ пишущей къ ней 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ обихъ машинъ выслаются бесплатно.
Оптикъ О. РИХТЕРЪ.
 С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4.
НОВОРОДЕНІЕ. Ромъ изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 38

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 21 сентября 1896 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на 1896 годъ. Подробности см. въ концѣ этого №.

При этомъ № подписчикамъ прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложеній» за Сентябрь 1896 г.

На чердакѣ. Съ картинъ Г. Каульбаха грав. Брендамуръ.

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Часть третья.

IV.

Князь Иванъ, въ одѣяніи старика-нищаго, среди окружавшихъ его богатыхъ, иногда сплошь зашитыхъ самоцвѣтными камнями и брильянтами масокъ, — чувствовалъ себя несвободно, да и вообще ему скучно было одному среди веселящейся толпы. Онъ прошелся на своей деревяжкѣ раза два по залу и затѣмъ нашелъ себѣ укромное, темное мѣстечко, въ самомъ проходѣ подъ ложею бельэтажа, въ уголку, у бархатной, падавшей щедрыми складками занавѣски, которая, въ случаѣ чего, могла скрыть его вовсе.

Здѣсь онъ могъ сторожить Бестужева, посланнаго его въ маскарадъ, если тотъ пойдетъ искать его.

Мѣсто было очень удобное. Мимо князя Ивана то и дѣло проходили маски, вовсе не замѣчая его.

Онъ разсѣянно слушалъ отрывки маскарадныхъ разговоровъ, долетавшія до него слова, и внутренно продолжалъ скучать.

Все это было то же самое, старое, знакомое.

И неужели они новаго ничего не могутъ выдумать?

Посредиѣ заль Арлекинъ, Пьеро, Коломбина и Касандръ начали представлять интермедію. Маски окружили ихъ тѣснымъ кольцомъ и столпились къ середиѣ заль.

Въ это время, въ проходѣ, гдѣ князь Иванъ стоялъ у занавѣски,

остановился спиной къ нему капюшонъ въ коричневой сутанѣ, державшій подь руку даму, одѣтую въ простенькій костюмъ Сандрильоны.

— Погодите!—сказала она.

И Косой сразу узналъ этотъ голосъ, не вѣря вмѣстѣ съ тѣмъ себѣ.

Но онъ не могъ ошибиться—этимъ голосомъ могла говорить только Сонюшка.

„Она прѣехала, она здѣсь!“—радостно задрожало въ груди князя Ивана.—„По кто жъ это съ нею?“

Онъ постарался догадаться по фигурѣ капюшина, кто онъ такой, но сутана и капюшонъ плотно скрывали сложеніе переряженнаго, такъ что даже о ростѣ его трудно было предположить что-нибудь.

— Ну, зачѣмъ намъ ждать, пойдемте лучше смотрѣть интермедію...—отвѣтилъ онъ.

— Погодите!—снова остановила она. — Погодите, я до сихъ поръ молчала съ вами, теперь мнѣ нужно поговорить.

— Здѣсь, въ маскарадѣ? Мы здѣсь для того, я думаю, чтобы веселиться. Мы можемъ поговорить, если хотите—завтра, дома. Намъ никто не помѣшаетъ.

— Нѣтъ, именно здѣсь и сейчасъ—не только завтра, но можетъ-быть и черезъ полчаса будетъ уже поздно. Вы знаете, отчего я не говорила до сихъ поръ съ вами серьезно?

— Не знаю, но могу сказать только одно, что прекрасно сдѣлали, что не говорили.

— Вотъ какъ! Ну, такъ я вамъ скажу—я молчала, потому что могла вамъ сказать лишь, что люблю не васъ, а другого, я не думала, что это подѣйствуетъ на васъ и ждала напротивъ, что маменька, чтобы сдѣлать мнѣ наперекоръ, скоритъ только свадьбу и справитъ ее на Красную горку. Поэтому я скрывала до сихъ поръ, и свадьба оттягивалась благодаря тому, что маменька ищетъ все денегъ на приданое...

— Ну, а теперь отчего же вы вдругъ здѣсь, въ маскарадѣ, куда я настоялъ, чтобы мы поѣхали вмѣстѣ, и ваша матушка... отчего же теперь вы вдругъ заговорили—значитъ уже не боитесь, что ускоритъ свадьбу?..

— Значитъ, теперь не боюсь. И прямо говорю вамъ, что люблю другого.

— Я это зналъ и безъ того...

— Вы знали?

— То-есть, не зналъ навѣрное, но могъ догадываться...

— И что же, вы къ этому были равнодушны?

— Вполнѣ. Вы будете моею, я жепьюсь на васъ; можетъ-быть вы поскучаете, поплачете, что ли, первое время, а потомъ привыкнете. Вотъ и все. Вы думаете,—вы первая выходите такъ замужъ? Такихъ браковъ большинство. И, знаете,—они самые счастливые... — Можетъ быть.

— И несмотря на то, что вы не боитесь, что свадьба будетъ ускорена, я все-таки настою на томъ, чтобы сдѣлать ее какъ можно скорѣе. Завтра же переговорю съ вашей матушкой.

— Завтра ни о чемъ не переговарите вы, потому что будетъ поздно. Я вамъ повторю это. Теперь я могу посоветовать одно—откажитесь отъ меня...

— Отказаться отъ васъ?

— Да, пока есть время, сейчасъ же, сію минуту—подите къ маменькѣ въ ложи и откажитесь...

— Какой вы еще ребенокъ!—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Вы думаете? Могу васъ увѣрить, что дѣти иногда, да почти всегда даже, поступаютъ лучше взрослыхъ.

— Даже ужъ и лучше?

— Да,—честнѣе...

Онъ опять помолчалъ.

— Меня вотъ что удивляетъ,—заговорилъ онъ опять,—къ чему всѣ эти загадки? Неужели потому

только, что мы въ маскарадѣ. И думаю, вы просто хотите интриговать меня...

— Нѣтъ, не интриговать, а пробудить въ васъ доброе чувство, чтобы вы сами поняли то, что вы дѣлаете. Вы говорите, я привыкну къ вамъ! Да подумайте, развѣ можетъ женщина привыкнуть къ человѣку, про котораго она знаетъ то, что я знаю про васъ?..

— А что вы знаете про меня?..

— Все.

— Съ одной стороны это слишкомъ много сказано, а съ другой—весьма мало. Что же это все?..

Она нагнулась передъ нимъ, какъ бы желая заглянуть черезъ блестящія сквозь его маску глаза въ самую душу его.

— Хотите,—размѣренно тихо проговорила она,—я скажу вамъ, что знаю про кольцо и про письмо?..

Рука его, державшая ее руку, дрогнула. Она вытащила свою и остановилась.

— Вамъ успѣли уже наклеветать на меня,—сказалъ онъ, справившись съ собой,—но не будемте говорить объ этомъ. Все равно это ничего не измѣнитъ.

— Ничего не измѣнитъ! Значитъ на васъ такъ прямо ни просьбой, ни уговоромъ подѣйствовать нельзя?

— Чѣмъ вы больше будете говорить, тѣмъ больше будете доказывать лишь, что вы умны и милы, и что отказаться отъ васъ можетъ одинъ только глупый человекъ, а я себя дуракомъ не считаю...

— Нѣтъ, это оттого, что я не умѣю говорить какъ надо,—сказала она задумчиво,—не умѣю убѣдить васъ. Но послушайте, повѣрьте, что такъ лучше будетъ, какъ я васъ прошу... вы можете раскаяться... я не могу вамъ сказать всего...

— Ну бросимте эти маскарадныя загадки—пойдемте лучше—пройдемъ по залѣ...

— Вы хотите, чтобы я шла?

— Да!

И онъ подставилъ ей руку.

— Ну, тогда будь по-вашему!—сказала она, и прежде чѣмъ успѣли удержать ее—юркнула мимо князя Косого въ дверь, въ коридоръ.

Какъ нарочно въ это время интермедія кончилась и толпа повалила къ выходамъ и разбрелась по залѣ.

Ополчинникъ,—князь Иванъ не сомнѣвался теперь, что это былъ онъ,—стоялъ и оглядывался, напрасно стараясь найти, куда исчезла Сонюшка.

„Что же это?—съ ужасомъ думалъ Косой,—что она говорила тутъ, или она отчаялась и рѣшилась на какое-нибудь безразсудство? Неужели она серьезно говорила съ Ополчинникомъ?..“

Онъ откинулъ полускрывавшую его заправѣску и протиснулся къ нему.

— Я слушалъ, я былъ тутъ,—сказалъ онъ ему, хватая его за руку,—зачѣмъ вы отпустили ее...

Ополчинникъ подь своей маской капюшина испуганно смотрѣлъ на него.

— Это—вы, Косой?—могъ только проговорить онъ, сейчасъ же догадавшись, что кромѣ князя Ивана никому было быть подь одѣяннѣмъ стараго нищаго.

— Да, я... Но что вы сдѣлали?—продолжалъ Косой.—Зачѣмъ вы отпустили ее! Вы слышали, она говорила, что завтра будетъ „поздно“, что вы раскаетесь, что она не можетъ вамъ сказать всего...

Онъ въ эту минуту не думалъ о томъ, что рядомъ съ нимъ тотъ самый Ополчинникъ, который не стыдится украсть его счастье, онъ видѣлъ теперь въ Ополчинникѣ лишь человека, способнаго помочь ему остановить во-время Сонюшку, если она задумала что-нибудь слишкомъ рѣшительное.

— Нужно идти, остановить ее... она сюда, сюда пошла!..

И онъ потащилъ Ополчинника въ коридоръ, видя уже по суетливости его движеній, что и онъ понялъ, нако-

пецъ, въ чемъ могло быть дѣло, и гостевъ бѣжать за Союшкой.

Онъ толкнулъ его направо, а самъ пошелъ въ другую сторону.

Старанія его оказались, однако, напрасными. Деревяжка, которую онъ, для полноты костюма, привязалъ къ ногѣ, мѣшала ему скоро двигаться; онъ прошелъ весь коридоръ до конца, спрашивалъ у лакеевъ, не видѣлъ ли кто-нибудь тутъ маски въ сбромъ костюмѣ Сандрильоны, вернулся въ ту сторону, гдѣ оставилъ Ополчинина, но даже и его не могъ найти. Союшки нигдѣ не было и никто не видалъ ея.

— Наконецъ-то вы, Косой!—остановилъ его за руку сынъ Алексѣя Петровича Бестужева, молодой человекъ.

Онъ былъ въ костюмѣ гугенота. Князь Иванъ узналъ его, потому что онъ прѣхали вмѣстѣ въ маскарадъ.

— Батюшка васъ зоветъ, вы ему пужны, — сказалъ молодой Бестужевъ.

И не давъ опомниться Косому, онъ повелъ его почти насильно.

V.

Послѣ интермедіи государыня пила чай въ залѣ фойе, гдѣ былъ приготовленъ уставленный золотымъ чайнымъ сервизомъ, вазами съ фруктами, сладостями и печеньями столъ, разукрашенный цвѣтами.

Императрица сидѣла въ креслѣ, съ чашкою въ рукахъ, окруженная близкими своими людьми; тутъ же были и дамы, приглашенныя къ чаю государыни, болшинство—замаскированныя.

Елисавета Петровна разговаривала съ Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ, когда сынъ его ввелъ сюда князя Косого въ его костюмѣ старика-солдата.

Князь Иванъ вошелъ и остановился, пораженный. Онъ никакъ не могъ ожидать, что его приведутъ сюда, въ эту блестящую, залитую свѣтомъ залу, полную народа. По весь этотъ народъ, группы сверкавшихъ брилліантами дамъ, стоявшихъ по обѣ стороны залы, освѣщенный канделябрами столъ, съ вытянувшимися возлѣ него въ струнку ливрейными лакеями, и блестящій золотымъ шитьемъ и алмазными звѣздами полукругъ царедворцевъ, — все слилось для него, и онъ сразу увидѣлъ только одну, сидѣвшую въ центрѣ этого полукруга, государыню, въ ея бѣлой, шелковой, съ открытой шейю робѣ и голубой андреевской лентѣ черезъ плечо.

Она взглянула на него. Стоявшій у ея кресла Бестужевъ сдѣлалъ чуть замѣтный знакъ головою Косому приблизиться.

Князь Иванъ, въ своемъ бѣдномъ одѣяннѣи ницѣго, хромая на деревяжкѣ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру, затягивавшему залу. Онъ чувствовалъ, что все до единого человекъ смотритъ на него, потому что государыня смотрѣла.

Здѣсь, въ этой залѣ, возлѣ нея все было, какъ ему казалось, не такъ, какъ всегда. И свѣчи горѣли ярче, и воздухъ, пронитанный куреніями и запахомъ духовъ, былъ точно знойнѣе, точно грѣлъ и обжигалъ вмѣстѣ съ устремленными на него взглядами пріостановившей при его появленіи свой сдержанный говоръ толпы.

Онъ привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе. По необычайности его появленія здѣсь все видѣли, что онъ затѣмъ-то призванъ, что что-то должно произойти сейчасъ очень занимательное и интересное... Но никто, а всего менѣе самъ князь Косой, не зналъ, что именно.

Государыня улыбнулась ему, когда онъ подошелъ и остановился все-таки въ нѣкоторомъ отдаленіи передъ нею.

— Вотъ, ваше величество, тотъ нищій, о которомъ я докладывалъ вамъ, — сказалъ Алексѣй Петровичъ внятно, почтительно и нѣсколько громче, видимо ободряя этимъ главнымъ образомъ самого Косого.

Государыня кивнула головой и, поднявъ глаза на Бестужева, спросила:

— А гдѣ же другой?

Бестужевъ оглянулся, обвелъ глазами кругомъ и сдѣлалъ знакъ головою стоявшему уже у двери капуцину.

Тотъ большими, рѣшительными шагами выступилъ впередъ.

Онъ былъ безъ маски, такъ же какъ и князь Иванъ, которому молодой Бестужевъ сказалъ ее спрятать при входѣ въ залу, и Косой подъ капюшономъ капуцина узналъ блѣдное, сосредоточенное лицо Ополчинина.

Государыня еще разъ осмотрѣла ихъ. Оба они повили уже теперь, въ чемъ дѣло. Сейчасъ, въ зависимости отъ того, что отвѣтятъ и скажутъ здѣсь они, должна будетъ рѣшиться ихъ участь.

Романтическія, но совсѣмъ обыкновенныя обстоятельства, въ которыхъ имъ пришлось, какъ дѣйствующимъ, принимать участіе, какъ нельзя болѣе подходили къ обстановкѣ маскарада, и Елисавета Петровна общалась Бестужеву сама разобрать здѣсь это запутанное для всѣхъ, кто слышалъ о немъ, дѣло.

Ее самое даже интересовало, который же въ самомъ дѣлѣ изъ двухъ молодыхъ людей, стоявшихъ теперь передъ нею, зрѣль, и который былъ по праву достоинъ награжденія.

Сама она не могла узнать того, кто защитилъ ее въ дѣсу,—она не помнила ни лица его, ни даже фигуры, благодаря той поспѣшности, съ которой все случилось тогда, и темнотѣ.

Теперь она начала съ того, что одинъ изъ нихъ долженъ сказать чистосердечно, что вовсе не желалъ серьезно воспользоваться заслугами другого, а по легкомыслию впутался въ эту исторію и лишь ради забавности интриги. Она сказала, что не взыщетъ съ него и посмотритъ на это только, какъ на извинительную въ молодости необдуманную выходку.

Косой слушалъ, радуясь мудрости милостивыхъ словъ императрицы, дававшихъ возможность Ополчинину выйти изъ его положенія, если и не съ полнымъ достоинствомъ, то во всякомъ случаѣ безъ особеннаго уже безчестія.

Онъ думалъ, что онъ въ эту-то хоть минуту образумится и будетъ имѣть настолько доблести, чтобы раскрыть истину. Онъ слѣдилъ за Ополчининимъ, не оборачиваясь къ нему, и угломъ глазъ видѣлъ выраженіе его лица. Лицо его было блѣдно попрежнему, но онъ смотрѣлъ смѣло и даже дерзко впередъ, смотрѣлъ такъ, будто былъ совершенно правъ и слова государыни не могли относиться къ нему.

„Неужели онъ смолчитъ, неужели у него не хватитъ духу признаться?“ думалъ Косой, чувствуя, какъ у него захватываетъ дыханіе и сердце бьется все сильнѣе и сильнѣе.

Ополчининъ молчалъ.

Государыня подождала, медленно перевела глаза съ Ополчинина на князя Ивана. Косому тяжело было выдержать этотъ ея взглядъ.

Жгучая боль обиды стоять рядомъ съ человекомъ, который могъ идти съ такою наглостью на прямой обманъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самому быть заподозрѣннымъ въ этомъ обманѣ, такъ и подымалась въ немъ.

Ему хотѣлось тутъ громко, при всѣхъ, сказать Ополчинину, что онъ лжетъ своимъ молчаніемъ, что онъ не имѣетъ права молчать. Онъ чуть не забылся въ эту минуту, чуть не сказалъ того, чего не долженъ былъ... Но, къ счастью, строгій, выразительный взглядъ Бестужева во-время удержалъ его.

— Если вы оба молчите, — сказала императрица, — тогда разберемъ дѣло. Я знаю, и хорошо знаю, — обратилась она къ Косому, — что прапорщикъ Ополчининъ носилъ подъ видомъ старика-ницѣго въ мой дворецъ на Царицыномъ лугу бумаги и донесенія отъ Грюнштейна, между тѣмъ вы говорите, что вы дѣлали то же самое?..

Каменный век. Фрески В. М. Васнецова в Историческом музее в Москве. Грав. Павловъ.

Она остановилась, и Косой видѣлъ, что она требуетъ отвѣта отъ него.

— Мною была принесена одинъ разъ только конія съ письма къ графу Линару, ваше величество,—отвѣтилъ онъ.

— И тоже подъ видомъ нищаго?

Косой показалъ на себя.

— Вотъ въ этомъ костюмѣ, который теперь на мнѣ.

Елисавета обернулась къ Бестужеву. Тотъ показалъ ей на стоявшаго рядомъ съ нимъ камергера.

Камергеръ этотъ—Шуваловъ, былъ тѣмъ самымъ,—какъ узналъ Бестужевъ, подготовившій къ сегодняшнему дню, насколько было возможно, все дѣло,—лицомъ, которое приняло отъ Косого снятую имъ съ письма къ Линару копію.

— Эту копію,—сказалъ Шуваловъ,—получилъ я, потому что лейбъ-медика не было въ это время. Я зналъ, что бумаги приносятъ старикъ-нищій, и когда мнѣ сказали, что онъ вошелъ на дворъ, а лейбъ-медика нѣтъ, я велѣлъ призвать его къ себѣ. Но мнѣ некогда было говорить съ нимъ. Я взялъ бумагу и потомъ Лестоукъ сказалъ мнѣ, что тоже получилъ вторую копію. Мы рѣшили, что это доказательство лишь усердія, и были увѣрены, что обѣ копіи доставлены однимъ и тѣмъ же лицомъ. Я помню это, ваше величество, и могу засвидѣтельствовать...

Князь Иванъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Главное—что ему казалось труднѣе всего доказать, что конія была принесена тоже и имъ—теперь было доказано. По крайней мѣрѣ теперь было ясно, что онъ не лгалъ. Относительно случая въ лѣсу онъ беспокоился меньше.

Тутъ, ему казалось, у него были доказательства въ рукахъ.

VI.

— Хорошо,—сказала императрица, снова обращаясь къ Косому и Ополчинину,—я готова вѣрить, что вы оба съ письмомъ хотѣли услужить мнѣ и оба принесли каждый свою копію, но въ лѣсу тогда, вѣдь, былъ одинъ изъ васъ только?

Каменный век. Фрески В. М. Васнецова в Историческом музее в Москве. Грав. Павловъ.

Князь Иванъ медлитъ отвѣтомъ, выжидал, не скажетъ ли что-нибудь Ополчининъ.

— Только одинъ, ваше величество, бросился спасать васъ, а другой ухалъ. Мы были вмѣстѣ въ лѣсу,—сказалъ голосъ Ополчинина.

Князь Иванъ, не вѣря себѣ, оглянулся на него. Онъ стоялъ подъ своимъ каюшономъ, прямо, смѣло и рѣшительно глядя передъ собою.

Видно было, что онъ положитъ себѣ твердо не сдаваться и, разъ покотившись съ горы, не могъ уже остановиться.

— Какъ же это все произошло?—спросила государыня.

— Въ этотъ день,—началъ ровно и изумительно спокойно Ополчининъ,—мнѣ пришлось быть передѣтымъ въ нищаго, по обыкновению, во дворцѣ по порученію Грюнштейна. Изъ дворца я отправился въ бильярдный домъ, гдѣ у насъ была отдѣльная комната, въ которой мы передѣвались, когда нужно было, потому что въ казармахъ на виду у всѣхъ опасно было дѣлать это. Нужно было оберегать сношенія казармъ съ дворцомъ. Въ бильярдномъ домѣ хозяйинъ у насъ былъ закупленъ и мы передѣвались тамъ, какъ будто дѣлали это ради любовной интриги. Никто не зналъ, кромѣ, конечно, посвященныхъ, настоящей цѣли нашихъ передѣваній. Въ бильярдномъ домѣ я снялъ наверху, въ нашей комнатѣ, одежду нищаго и, надѣвъ обыкновенное платье, спустился внизъ, гдѣ засталъ цѣлое общество молодыхъ людей. Мы играли на бильярдѣ и пили. Тамъ и обѣдали. За обѣдомъ составилось пари, чтобы ѣхать въ лѣсу. Мы и поѣхали вдвоемъ къ ночи. Дорогу я зналъ хорошо. Ѣхали мы рысдой и разговаривали, ничего, конечно, не ожидая. Вдругъ слышимъ шумъ, свистъ и выстрѣлы... я, кажется, сказалъ, что это лихіе люди,—пришпорилъ лошадь и понесся... тутъ я не могу дать себѣ отчета, какъ и что все случилось, потому что не помню. Слишкомъ былъ взволнованъ, но могу только подѣлать какой вашему величеству будетъ угодно клятвой или присягой показать, что все, чтѣ я сказалъ сейчасъ,—сущая, неопровержимая и самая святая истина!..

Онъ сказалъ это самымъ убѣжденнымъ, искреннимъ тономъ и, надо было отдать ему справедливость,—имѣлъ на то полное право.

Въ разсказѣ своемъ онъ ничего не сказалъ такого, чего бы не было на самомъ дѣлѣ. Весьма было вѣроятно, что онъ и не помнилъ, что было съ нимъ, когда онъ, заслышавъ шумъ схватки, пришпорилъ лошадь и поскакалъ, но только не впередъ, а назадъ по дорогѣ. Объ этомъ, воть, онъ умолчалъ, а все, что сказалъ, было, дѣйствительно, сущая правда!. И онъ могъ въ самомъ дѣлѣ идти подъ присягу подтверждать свои слова.

Въ то время, какъ говорили Ополчинникъ и произносили готовность клятвы, цѣлый рядъ душевныхъ ощущений, одно другому противоположныхъ, ощутилъ князь Иванъ. Удивленіе, ужасъ передъ наглостью и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы даже интересъ къ находчивости Ополчинника смѣнялись въ немъ чувствомъ гадливости и отвращенія. Онъ слушалъ и не вѣрилъ, что все это происходитъ воочию, и тѣмъ болѣе не вѣрилъ, что, какъ онъ думалъ — у него были неопровержимый доводъ, которымъ онъ могъ сразу уничтожить Ополчинника.

И когда тотъ кончилъ говорить и государыня обратилась къ князю Ивану, онъ безъ лишняго многословія просто сказалъ, что перстень, полученный имъ отъ императрицы въ лѣсу, былъ у него и висѣлъ на шейной цѣпочкѣ, вмѣстѣ съ крестомъ, что вырѣзаннымъ на немъ орломъ онъ запечаталъ сломанную печать на письмѣ Анны Леопольдовны, а главное, что онъ показывалъ этотъ перстень во время игры Ополчиннику и показывалъ при свидѣтеляхъ, которые могутъ подтвердить, что перстень былъ у него...

Косой сказалъ это все такъ просто и такъ правдиво, что расположилъ почти всѣхъ присутствующихъ въ свою пользу. Онъ былъ такъ увѣренъ въ неопровержимость своего довода, что не сомнѣвался уже, что Ополчиннику не останется отвѣтить ничего. Такое же впечатлѣніе было повидимому вызвано и у большинства словами князя Ивана.

Ополчинникъ стоялъ теперь съ опущенными глазами, безмолвный, какъ каменное изваяніе.

— Что же вы не отвѣчаете на это?—обратилась къ нему императрица.

— Я не зналъ, ваше величество,— могу ли я отвѣтить?—произнесъ онъ скромно.

— Говорите!..

— Я могу сказать, что никто не видѣлъ, когда и какъ было запечатано письмо и какою печатью... Это никому не извѣстно, тѣмъ болѣе, что письма уже нѣтъ и оно отдано по назначенію. Но я могу сказать, что то кольцо, которое мнѣ при свидѣтеляхъ показывалъ князь Косой—было вовсе не кольцо вашего императорскаго величества, а кольцо... одной дѣвушки... моей невѣсты... Свидѣтели видѣли, какъ онъ мнѣ показывалъ кольцо, но во время игры не могли разглядывать его, и не думаю, чтобы они рѣшились подтверждать показаніе князя...

Онъ сказалъ и умолкъ. И слова неопредѣленность и неясность покрыли на минуту было блеснувшій свѣтъ правды.

Косой вспомнилъ, что, дѣйствительно, онъ показывалъ кольцо, не давая его никому въ руки, и не сказалъ тогда, чье оно, только спросилъ Ополчинника, знаетъ ли тотъ его значеніе? Это было гадко все, но хуже всего было то, что Ополчинникъ солгалъ, сказавъ, что кольцо было *его невѣсты*...

И не будь все время устремленнаго на него строгаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ сочувственнаго и ободряющаго взгляда Вестужева, князь Иванъ навѣрное потерялъ бы голову и снова забылся, сдѣлавъ какую-нибудь несоответствующую выходку въ сердцахъ.

Кажется, Ополчинникъ разсчитывалъ, между прочимъ, и на это.

По вышнему виду — онъ велъ себя вполне безукоризненно, а искусно напущенная имъ на себя скромность и правдивость могли обмануть самый опытный глазъ, до того онъ казался естественнымъ.

Государыня была обманута видомъ Ополчинника, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ дышавшей правотой рѣчи Косого она не находила причинъ для сомнѣнія.

— Вы не помните, что я сказала, отдавая перстень?—спросила она.

— Къ несчастію, ваше императорское величество,— отвѣтилъ князь Иванъ,—шумъ лѣса мѣшалъ мнѣ разслышать, и потомъ это произошло такъ быстро и неожиданно...

Государыня не дослушала и обернулась къ Ополчиннику—не скажете ли онъ?

— Да, лѣсъ слишкомъ шумѣлъ—я ничего не могъ разслышать...—сказалъ и онъ.

— Я была одна или еще кто-нибудь былъ со мною?—спросила опять императрица, глядя на Ополчинника, только что отвѣтившаго ей.

— Ваше величество изволили быть, — проговорилъ онъ,— вдвоемъ, по съ кѣмъ—я не могъ разглядѣть...

— А вы?—обратилась она къ Косому.

Ему пришлось повторить то же, что сказалъ Ополчинникъ, очевидно отлично запомнившій его разсказъ у Дмитрича, немедленно послѣ происшествія...

Князь Иванъ видѣлъ, что такимъ путемъ, т. е. разспросомъ, императрицѣ не пайти истины. У Ополчинника всегда останется возможность или отдѣлаться общими словами, или же повторить что-нибудь изъ слышаннаго имъ разсказа. Очевидно, Ополчиннику важно было лишь какъ-нибудь выдержать этотъ сегодняшний допросъ. Онъ зналъ, что если сегодня пройдетъ всего благополучно, то все и останется попрежнему, и уже государыня никогда не вернется къ этому дѣлу, видимо и теперь начинавшему надоѣдать ей. Ну что же? — она сдѣлала! даже болѣе, чѣмъ могла: она сама, лично попыталась разобратъ, но не по ся внѣ ничего нельзя было добиться — очень жалъ, по дѣлать нечего!..

Князь Иванъ понималъ это и видѣлъ, что напрасно считалъ побѣду легкою; онъ видѣлъ, что Ополчинникъ начинаетъ торжествовать и что еще нѣсколько вопросовъ и государыня отпуститъ ихъ, оставивъ все попрежнему... Ополчинникъ добьется своего...

И вдругъ отчаянная, дерзкая мысль пришла въ голову князю Ивану: онъ рѣшился на страшный рискъ, но другого ему ничего не оставалось, правда, дѣлать...

VII.

— Позвольте мнѣ, ваше величество, — заговорилъ Косой,—позвольте мнѣ разсказать подробно все, что произошло на вашихъ глазахъ въ лѣсу. Я разсказывалъ это Ополчиннику, когда мы отдыхали потомъ съ нимъ въ гербергѣ у заставы, но тогда я не далъ ему многихъ подробностей. Теперь я не пропущу ни одной изъ нихъ. Когда я кинулся на свистъ и крики впередъ по дорогѣ, я увидѣлъ въ спускѣ тропинки группу людей и сейчасъ же понялъ, что это разбойники напали на проѣзжихъ. Ихъ сейчасъ же можно было признать по ярко-краснымъ рубахамъ, цвѣтъ которыхъ темнѣлъ на лунномъ, пробивавшемся сквозь деревья свѣту, и по высокимъ барашковымъ шапкамъ. Все они были верхами и между ними атаманъ въ парчевомъ кафтанѣ, блестящемъ, словно латы. Я его какъ сейчасъ помню, потому что кинулся на него перваго...

Онъ видѣлъ, какъ по мѣрѣ его разсказа начинало хмуриться лицо государыни, но онъ, не смущаясь этимъ, продолжалъ, прибавляя все новыя и новыя подробности. Елисавета не останавливала его и дала досказать ему до конца.

— Ну, а вы то же видѣли?..—спросила она у Ополчинина, когда кончилъ рассказъ свой князь Иванъ.

Ополчинину идти назадъ было уже поздно. Ему оставалось, какъ думалъ онъ, сдѣлать еще маленькое, послѣднее усиліе, и торжество его будетъ полнымъ...

И онъ не отступилъ передъ этимъ усиліемъ.

— И я бы могъ рассказать все это, — сказалъ онъ (новыя подробности, найденныя Косымъ, смутили его въ первую минуту, но онъ сейчасъ же овладѣлъ собою, рѣшившись продолжать твердо свою роль), — рассказать тѣмъ болѣе, что весь этотъ рассказъ переданъ съ моихъ словъ. Я подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ все это рассказывалъ князю Косому въ гербергѣ, но потомъ многия подробности забылъ. У него память лучше моей, вотъ и все. Но теперь я припоминаю и могу сказать, что дѣйствительно ясно вижу этого атамана въ парчевомъ кафтанѣ...

Онъ увѣренъ былъ, что провѣрить, кто изъ нихъ видѣлъ на самомъ дѣлѣ, а кто знаетъ по рассказу — пельзи, и потому говорилъ со смѣлостью праваго человека...

Императрица, видимо пораженная, взглянула на него.

— Вы видѣли атамана въ парчевомъ кафтанѣ? — спросила она.

— Да, ваше величество, видѣлъ, — отвѣтилъ Ополчининъ, но голосъ его первый разъ дрогнулъ.

— И разбойниковъ верхами, въ красныхъ рубахахъ?

И Ополчининъ, точно подчиняясь уже не себѣ, а чьей-то посторонней, ведшей его помимо собственного разума воли, снова отвѣтилъ:

— И разбойниковъ верхами!..

— Ваше величество! — вдругъ подхватилъ князь Иванъ, рѣшаясь заговорить первый съ императрицей. — Теперь вы можете видѣть, кто изъ насъ говоритъ правду и кто лжетъ. Вотъ Ополчининъ подтверждаетъ то, что онъ видѣлъ — послѣ моихъ словъ, но на самомъ дѣлѣ вашему величеству извѣстно, что не было этихъ подробностей. Я ихъ нарочно рассказалъ сейчасъ, подбравъ ихъ для того, чтобы поймать его наконецъ...

Онъ говорилъ и чувствовалъ, что говорить хорошо и что Бестужевъ одобрительно смотритъ на него...

— Этихъ подробностей не было, — повторилъ князь Иванъ, — ни красныхъ рубахъ, ни барашковыхъ шапокъ, ни парчеваго кафтана, и разбойники были не верхами, а пѣшие. Да и какъ же они развѣзжали бы по лѣсу на лошадяхъ? Только человекъ, не видѣвшій ничего этого, могъ подтвердить это...

Онъ взглянулъ на Ополчинина, блѣдность котораго смѣнилась теперь яркою краской, покрывшей его лицо.

Онъ попался и пойманный потерялъ окончательно самообладаніе...

Если было теперь посмотрѣть на него и на князя Косого, выпрямившагося и блестящаго ясными, правдивыми глазами, прямо, открыто державшаго свою голову, то, казалось, уже не было сомнѣнія, кто былъ изъ нихъ правъ...

— Какъ же попало къ вамъ кольцо? — сдвинувъ брови, спросила императрица Ополчинина.

Онъ дрогнулъ только и съежился, но языкъ отказывался повиноваться ему.

Тогда государыня обратилась къ князю Ивану.

— Отчего же кольца не было у васъ? — проговорила она.

— Оно было взято, — твердо отвѣтилъ Косой, — у меня, когда я заснулъ на креслѣ. Я это знаю навѣрно.

— Навѣрно даже знаете?

— Пусть, ваше величество, Ополчининъ повторитъ передъ вами то, что онъ говорилъ мнѣ, когда я принималъ его подъ видомъ гадателя на Петербургской сторонѣ. Онъ не узналъ меня...

Это былъ послѣдній ударъ, довершившій дѣло.

При упоминаніи о гадателѣ Ополчининъ вдругъ повернулъ голову въ сторону князя Ивана. У него это сдѣлалось невольнo, но выраженіе, которое было при этомъ у него на лицѣ, лучше словъ подтвердило, что теперь торжество на сторонѣ Косого.

Ополчининъ, какъ придавленный, оглядѣлся, и не встрѣтилъ ни одного взгляда кругомъ, который смотрѣлъ бы на него даже съ сожалѣніемъ. Явное осужденіе читалось во всѣхъ глазахъ, смотрѣвшихъ на него, и въ глазахъ императрицы тоже...

Ополчининъ, какъ стоялъ, опустился на колѣно и чуть слышно произнесъ:

— Виновенъ!..

Точно вздохъ облегченія пронесся по всей залѣ. Давно уже общія симпатіи инстинктивно были на сторонѣ Косого. Теперь онѣ были подтверждены. И теперь только князь Иванъ почувствовалъ, чего ему стоила вся эта сцена и все, что онъ вынесъ тутъ, стоя передъ императрицей рядомъ съ Ополчининимъ...

Теперь онъ, охваченный новымъ чувствомъ радости, умиленія и восторга, стоялъ не слыша того, что говорить строгимъ, сдержаннымъ голосомъ императрица. Онъ не слышалъ потому, что именно голосъ этотъ былъ строгъ и очевидно относился не къ нему.

Но когда онъ зазвучалъ мягко и кротко, тогда каждое слово явственно отозвалось у князя Ивана.

— Вы долго ждали и терпѣли, — говорила императрица, обращаясь къ князю Ивану, — и были вѣрнымъ мнѣ слугою. Я должна наградить васъ...

Она обернулась и сдѣлала знакъ рукою одной изъ тѣхъ дамъ, которыя оставались подъ масками.

Средневѣковая принцесса, въ длинномъ, со шлейфомъ, бѣломъ платьѣ, отдѣлившись, подошла къ ней.

— Вотъ вамъ моя награда, — сказала Елисавета, — это ваша невѣста, за которой я сама даю вамъ приданое... возьмите ее и будьте счастливы... Я увѣрена, что выборъ мой принесетъ вамъ счастье.

Она встала и, какъ бы не желая извѣщенія знакою благодарности, сдѣлала общій поклонъ и пошла къ своей ложѣ, сопровождаемая ближайшими къ ней лицами.

Въ это время къ князю Ивану со всѣхъ сторонъ направились знакомые и незнакомые и непрерывно старались выказать ему вниманіе, поздравляли его, пожимали руки, цѣловались съ нимъ...

Но князь Иванъ не могъ раздѣлить выказываемую имъ радость. Рядомъ съ нимъ стояла только-что навязанная ему, да еще въ награду, принцесса, а его маленькая, милая и любимая Сандрильона исчезла и, можетъ-быть, навсегда...

„Господи, Господи... гдѣ она и что съ нею!“ — думала Косой...

(Продолженіе будетъ.)

Первоцвѣтъ *).

Устный рассказъ Бертольда Ауэрбаха, переданный Кэтъ Андрэ.

(Съ нѣмецкаго.)

Я была еще ребенкомъ, когда Бертольдъ Ауэрбахъ рассказывалъ мнѣ нижеслѣдующую исторію. Но и до сихъ поръ каждый разъ, когда я вижу цвѣтокъ первоцвѣта, я вспоминаю какъ старикъ Ауэрбахъ похлопалъ меня по плечу, взялъ у меня изъ руки цвѣтокъ и сказалъ:

*) Растеніе „Первоцвѣтъ“ (Primula veris) называется по-нѣмецки das Himmelschältselchen, то-есть ключикъ отъ неба. Это примѣчаніе необходимо запомнить для яснѣнн снмсла разсказа.

— Послушай, Кэтъ, можно ли представить себѣ, что великій Моисей Мендельсонъ былъ обязанъ этому цвѣтку своей жемчужной?

И онъ со своею спокойною и поэтической манерой рассказывалъ мнѣ то, что слѣдуетъ ниже, между тѣмъ какъ я слушала его съ дѣтскимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ.

Для поправленія своего здоровья, этотъ знаменитый уче-

ний отправился на воды въ Пирмонтъ. Тамъ онъ познакомился съ пѣкнмъ господиномъ Гуггенгеймомъ изъ Гамбурга. Скоро между ними завязалась самая теплая дружба, и въ душѣ стараго Гуггенгейма родилось желаніе имѣть этого благороднаго и скромнаго человека своимъ зятемъ. Однакоже онъ былъ настолько благоразуменъ, что ни однимъ словомъ не выдалъ этой мысли молодому человеку. Только своей единственной дочери, Фрометъ, онъ въ своихъ письмахъ такъ много рассказывалъ о философѣ, что она выразила желаніе познакомиться съ Мендельсономъ лично. Прощаясь, Гуггенгеймъ просилъ своего друга навѣстить его, и какъ можно скорее, въ Гамбургѣ. И вотъ застѣчивый, меланхолическій горбушъ отправился въ 1762 г. въ Гамбургъ. Гуггенгеймъ несказанно обрадовался его пріѣзду. Онъ представилъ ученаго своей дочери. Однако старикъ не мало удивился, когда Мендельсонъ на другой день рано утромъ явился къ нему въ контору и напрямки спросилъ его:

— Что говорила обо мнѣ ваша дочь?

Гуггенгеймъ печально посмотрѣлъ на маленькую горбатую фигуру ученаго, и слезы заблестѣли въ его глазахъ.

— Мендельсонъ, вскричалъ онъ, — милый, бѣдный другъ, желалъ бы я угнѣшить васъ, но не могу! Вѣдь и моя завѣтная мечта тоже разсыпалась. Могу ли, смѣю ли я сказать вамъ правду? Но вы такой умный человекъ, — вы не осудите мою дочь, но... но...

— Она испугалась моего горба. — закончилъ философъ спокойно.

Послѣдовало нѣсколько мгновеній тягостнаго молчанія.

— И все-таки я прошу васъ позволить мнѣ

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Ихъ Величества подходятъ къ отдѣлу лѣсоводства на выставкѣ.

Съ фот. генер. Насвѣтевича автотипія „Нивы“.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Ихъ Величества выходятъ изъ павильона бр. Нобель на выставкѣ. Съ фот. генер. Насвѣтевича автотипія „Нивы“.

проститься съ нею, — продолжалъ Мендельсонъ со своею спокойною, мягкою манерой, которую такъ любили въ немъ всѣ, близко знавшіе его, и которую Лессингъ увѣковѣчилъ въ своемъ „Натанѣ“.

Онъ медленно поднялся наверхъ, въ комнату Фрометъ. Дѣвушка прилежно занималась тачъ шитьемъ въ эту минуту. Въ открытое окно весело сіяло солнце, бросая свои золотые лучи на букетъ изъ желтыхъ цвѣтовъ первоцвѣта, стоявшій передъ нею на ея рабочемъ столѣ.

Фрометъ была нѣсколько испугана этимъ раннимъ посѣщеніемъ. Однакоже то пугливая, то серьезная рѣчь Мендельсона скоро примирила ее съ его неожиданнымъ появленіемъ. Она слушала его, не отрывая глазъ отъ своей работы.

Наконецъ Мендельсонъ искусно повелъ разговоръ на такую тему, что дѣвушка, съ дѣтскимъ удивленіемъ, спросила его:

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что браки заключаются на небѣ?

Онъ посмотрѣлъ на нее своими умными глазами. Дѣвушка опустила свою работу и покраснѣла, какъ бы устыдись своего дѣтскаго, необдуманнаго вопроса. Она сконфуженно наклонилась надъ цвѣточной вазой и привела въ порядокъ маленькіе желтенькіе цвѣтки — *Himmelschlüsselchen*.

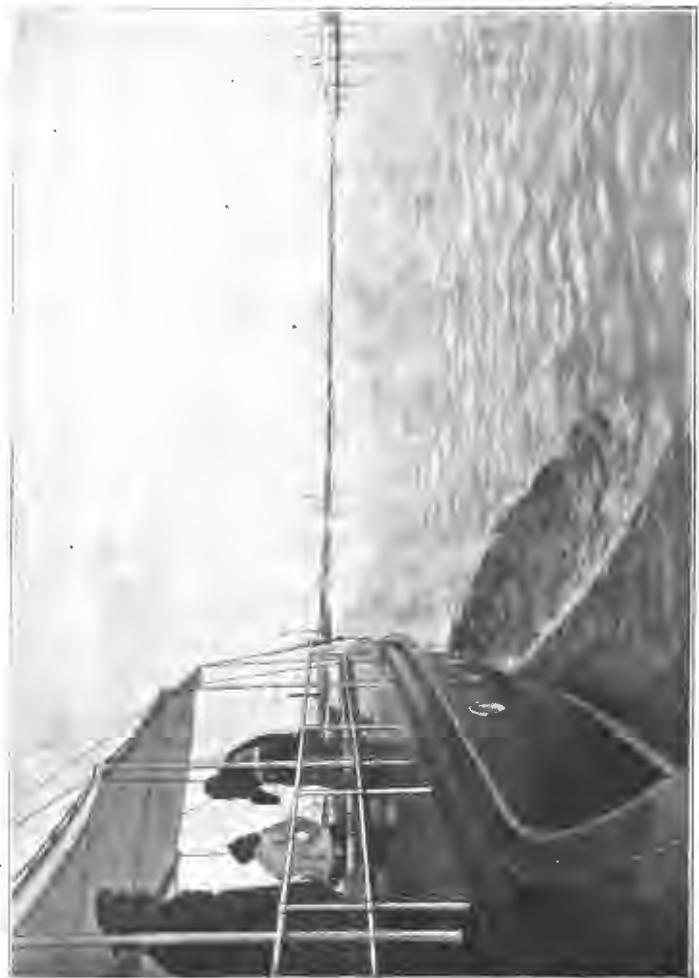
— Да, я думаю такъ, — тихо отвѣчалъ Мендельсонъ, — и эти „ключики отъ неба“ въ вашей рукѣ напоминаютъ мнѣ объ одномъ странномъ снѣгѣ.

— Пожалуйста, расскажите его, — воскликнула Фрометъ и задумчиво посмотрѣла на цвѣты.

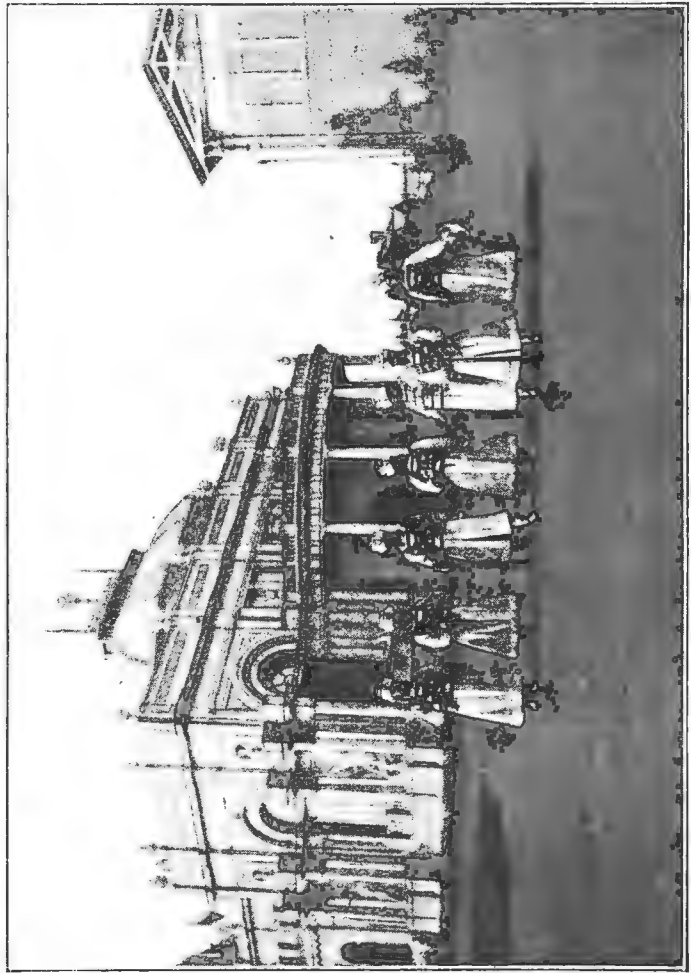
„Я былъ маленькимъ мальчикомъ, — рассказывалъ ей Мендельсонъ, — когда меня постигла тяжелая болѣзнь. Я нѣсколько недѣль не вставалъ съ постели. Наступила весна. Какъ рвалась моя душа въ лѣсъ и въ поле! Комната казалась мнѣ такою тѣсною, такою

Ихъ Величества слѣдуютъ по выставочной электрической дорогѣ Подобѣдова и К^о.

Прогулка Ихъ Величества по Волгѣ на пароходѣ „Князь Юрій“. Возвращеніе къ царской пристани.

Рынды. Съ фотогр. автотипія „Швей“.

Его Величество при вступленіи на пароходѣ „Князь Юрій“ принимаетъ рапортъ командира.

маленькою и скучною! Печально лежалъ я на своей кровати. Вдругъ дверь тихо отворилась.

— Ты не спишь, Мойсей?—крикнула мнѣ моя маленькая сосѣдка, навѣщавшая меня почти каждый день.—Я вздумала сдѣлать тебѣ сюрпризъ: поднести тебѣ первоцвѣтниковъ при твоёмъ пробужденіи.

И она подала мнѣ большой букетъ изъ этихъ цвѣтковъ, и снова исчезла, такъ же быстро, какъ пришла. Въ моихъ ухахъ звенѣлъ ея веселый голосъ, доносившійся ко мнѣ черезъ отворенное окно; она шутила и смѣялась съ братьями и сестрами, а я снова остался одинъ на своей постели. Мой взоръ уталъ на маленькіе желтые цвѣточки. „Почему они называются ключиками отъ неба?“—спрашивалъ я себя самого и не могъ насмотрѣться на нихъ. И вотъ вдругъ цвѣты сдѣлались больше, сладкій запахъ ихъ усилился, и почувствовалъ себя такъ легко, такъ невыразимо пріятно! Я всталъ съ постели, и побѣжалъ черезъ луга и лѣсъ,—далеко-далеко,—и не чувствовалъ ни малѣйшей усталости.

И я дошелъ до золотой двери неба и отворилъ ее своими цвѣточными ключиками.

* * *

Не все равно на что истратить сердца жаръ
И жизнь, намъ данную отъ Бога.
Кому отпущено, по волѣ неба, много,
Съ того и взыщется за этотъ щедрый даръ!

И горе тѣмъ избранныкамъ-пророкамъ,
Съ печатью неба на челѣ,

„Я увидалъ великолѣпіе рай, я слышалъ, какъ Всемогущій нарекалъ будущую судьбу какого-то поворожденнаго дитяти. Ангелъ золотымъ перомъ вписалъ въ большую книгу имя „Фрометъ“, а также имя ея будущаго супруга, и я съ удивленіемъ прочелъ мое собственное имя.

— Бѣдный малютка,—сказалъ ангелъ печально.—Твоя жена будетъ горбата, но она будетъ добра и хороша во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

„Я вздрогнулъ, повергся къ ногамъ Господа и вскричалъ: — Боже милосливный! Пусть дѣвушка будетъ мила и прекрасна; горбатая можетъ легко ожесточиться и очерствѣть душою; дай мнѣ горбъ, Господи, но дозволь ей вырасти прекрасною!

„Господь кивнулъ головой,—а я вдругъ почувствовалъ сильную боль въ спинѣ... и... проснулся.“

Фрометъ все еще держала въ рукѣ букетъ первоцвѣтниковъ, и ея слеза упала на маленькіе желтые цвѣточки. Молча она склонилась на грудь Мендельсона.

Она сдѣлалась его женою.

Древнѣйшія пещеры.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней осени 1847 года, близъ города Аббевиля, въ прежней французской провинціи Пикардіи, въ теперешнемъ департаментѣ Соммы, происходило необычайное движеніе. Въ окрестностяхъ маленькаго города, на берегу рѣки Соммы, съѣхались ученые, изъ которыхъ нѣкоторые пользовались всемірною извѣстностью. Такого съѣзда Аббевилю никогда не видалъ раньше, и обитатели его, вѣроятно, съ удивленіемъ спрашивали другъ друга—что это произошло? Зачѣмъ съѣхались туда знаменитые французскіе, англійскіе и нѣмецкіе ученые?

Произошло событіе великой важности. Французскій археологъ Буше-де-Пертъ нашелъ въ древнихъ паносахъ рѣки Соммы каменные орудія, сдѣланныя рукою человѣка. Тогда еще не думали, что человѣкъ могъ жить въ тѣ древнія времена, когда образовались эти паносы. Ученые, правда, давно знали, что нѣкогда въ Европѣ былъ такой же теплый климатъ, какъ теперь въ жаркихъ странахъ, и что въ ней жили слоны, носороги, вымершіе теперь мамонты и крупныя животныя изъ породы тигровъ, медвѣдей, гѣевъ и проч. Знали ученые и тогда, что теплый климатъ смѣнился такимъ холоднымъ, что сѣверная и средняя Европа покрылись льдомъ, который не таялъ, какъ не таетъ онъ теперь въ Гренландіи. Но еще не допускалось, чтобы въ тѣ отдаленныя времена въ Европѣ могъ жить человѣкъ. Правда, и прежде попадались каменные орудія, то-есть камни, обтесанные такъ, что они могли служить вмѣсто топора или ножа, и попадались даже вмѣстѣ съ костями вымершихъ животныхъ, наиримѣръ, слоновъ и т. п.; случалось, что съ этими костями встрѣчались и кости человѣка. Но эти находки еще не признавались за доказательство существованія человѣка въ эпоху мамонтовъ и носороговъ.

Когда Буше-де-Пертъ нашелъ топоры, сдѣланные изъ кремня, въ древнихъ отложеніяхъ рѣки Соммы, стало уже невозможнымъ сомнѣваться, что человѣкъ жилъ въ Европѣ задолго до историческаго времени, что онъ видѣлъ тамъ и тропическую природу, то-есть растенія и животныя жаркаго пояса, и природу полярную, такую же, какова она теперь на крайнемъ Сѣверѣ. Вслѣдъ за открытіемъ Буше-де-Перта найдены были и другія доказательства, что нѣкогда человѣкъ въ Европѣ питался мясомъ нѣнѣ вымершихъ породъ животныхъ. Французскій ученый Эдуардъ Ларте нашелъ пещеру, входъ въ которую былъ наглухо заложень каменной плитой. Въ этой пещерѣ оказались кости восьми животныхъ, уже давно не существующихъ въ Европѣ, какъ, наиримѣръ, кости носорога. На костяхъ были сдѣланы надрѣзы, и онѣ носили слѣды отъ огня; сохранились даже уголья и пепель отъ костра. И надрѣзывать, и поджаривать на огнѣ могъ, конечно, только человѣкъ. Зола и уголи, удѣлѣніе въ петроуглѣ видѣ, показывали, что все въ этой пещерѣ оставалось въ томъ видѣ, въ какомъ оно было, когда древній человѣкъ послѣдній разъ уголялъ тамъ свой голодъ. Нельзя было думать, что кости занесены какимъ-нибудь хищнымъ животнымъ. Если бы животное могло проникать туда, вѣтеръ и вода также врываются бы въ пещеру и давно развеесли и смыли бы пепель костра. Въ другой пещерѣ, тотъ же

Которые, потворствуя порокамъ,
Пройдутъ соблазномъ по землѣ.

Кто призванъ быть свѣтильникомъ—да свѣтить,
А не смущаетъ малыхъ сихъ.

Великому—почетъ; но онъ отвѣтитъ
За каждый грѣхъ сильнѣй другихъ!

А. Кругловъ.

Ларте, вмѣстѣ со своимъ помощникомъ Кристи, нашли кремневые орудія, уголья и кости вымершихъ животныхъ, среди которыхъ были позвонокъ сѣвернаго оленя, пробитый острымъ каменнымъ орудіемъ. Эти же ученые отыскали потомъ кусокъ мамонтова клыка, на которомъ нацаранано было изображеніе этого животнаго, показывавшее, что человѣкъ не только жилъ въ то время, но даже могъ срисовывать животныхъ, которыхъ видѣлъ передъ собою.

Подобныя находки повторяются и до настоящаго времени, подтверждая прежнія открытія и показывая намъ, что человѣкъ нѣкогда жилъ въ Европѣ одновременно съ мамонтомъ. Такъ, не далѣе, какъ въ іюлѣ нынѣшняго года, французскій геологъ Марселленъ Буль представилъ парижской академіи записку о своей интересной находкѣ близъ Тиллюа (Tilloux), на лѣвомъ берегу Шаранты. Тамъ, въ песочной ямѣ, найдены были остатки трехъ угасшихъ слоновъ и другихъ вымершихъ животныхъ вмѣстѣ съ человѣческими издѣліями. Два клыка, принадлежавшіе такъ-называемому „южному слову“, оказались крупнѣе найденныхъ раньше во Франціи: длина ихъ равнялась почти 1½ сажени. Тутъ же были найдены зубы мамонта, носорога, бегемота, оленя и зубра. Съ остатками этихъ древнихъ животныхъ перемѣшаны были каменные топоры и наконечники копій, сдѣланные рукою человѣка. Сомнѣнія въ томъ, что эти орудія попали сюда вмѣстѣ съ трупами животныхъ, то-есть были современны послѣднимъ, уже быть не могло. Замѣчательно, что орудія сдѣланы тщательно и искусно, чѣмъ можно было ожидать отъ мастеровъ, жившихъ въ одно время съ мамонтомъ.

А эти южные слоны и мамонты жили очень давно. Тогда еще Англія была соединена съ материкомъ Европы, и слоны могли сухимъ путемъ переходить изъ Африки. Затѣмъ климатъ въ Европѣ изъ жаркаго постепенно превратился въ холодный, на что потребовалось много вѣковъ. Холодъ дважды оковывалъ Европу ледянымъ покровомъ; на это также ушло не мало времени, а человѣкъ продолжалъ жить и среди огромныхъ страшныхъ животныхъ, и у окраинъ ледниковъ. На его глазахъ эти ледники таяли, и на ихъ мѣстѣ появлялись луга и лѣса нынѣшняго періода.

Человѣкъ, слабому и беззащитному, жилое тогда очень трудно. Въ жаркое время онъ еще могъ довольствоваться сѣнью деревьевъ и кровомъ изъ шкуръ, но въ холодное—ему нужно было убѣжище прочное и теплое. Такими убѣжищами, созданными самой природой, были пещеры. Повсюду, гдѣ ихъ можно было найти, онѣ служили жилищемъ человѣку. Такъ было нѣкогда въ Германіи и Франціи, на берегахъ Чернаго и Каспійскаго морей, въ Сиріи, на Синаѣ, въ Египтѣ. Въ Палестинѣ, какъ мы знаемъ изъ Евангелія, онѣ замѣняли жилища для живыхъ людей и давали послѣдній пріютъ умершимъ. Въ преданіяхъ грековъ о циклопахъ мы находимъ свидѣтельство, что въ пещерахъ укрывались не только люди, но и ихъ домашніе животныя. У древнихъ писателей многіе народы называются „троглодитами“, т. е. пещерными жителями, откуда слѣдуетъ, что люди долго пользовались пещерами, какъ жилищами.

Въ настоящее время, благодаря многочисленнымъ раскопкамъ, мы уже ясно можемъ представить себѣ, чѣмъ за люди были древнѣйшіе обитатели пещеръ и какую жизнь они вели тамъ. Такъ, нѣмецкій археологъ Фраасъ находилъ возможнымъ дать полную картину жизни обитателей Голдфельдской пещеры въ Швабїи. Эта пещера находится въ Ахской долинѣ. Сажени на полторы выше уровня рѣчки, въ скалѣ, открывается удобный входъ въ цѣлый рядъ пещеръ; этотъ входъ имѣетъ болѣе 10 сажени въ ширину и ведетъ въ подземное помѣщеніе сажень въ 15 высотой и приблизительно такой же ширины и длины. Судя по найденнымъ тамъ предметамъ, пещера служила жилищемъ для древнѣйшихъ обитателей Европы. Зимой она была особенно желательнымъ пріютомъ: между тѣмъ, какъ на открытомъ воздухѣ холодно и у входа громоздятся слои льда, въ самой пещерѣ поддерживается прїятная температура, мало измѣняющаяся зимою и лѣтомъ. Уже это качество было драгоценнымъ для подземнаго жилья. Быть-можетъ, съ толка и стѣны его падали водяныя капли, но онѣ были ничтожной помѣхой въ сравненіи съ другими удобствами убійщика, какъ будто приготовленнаго для человѣка невидимой рукой. Въ пещерѣ темно, но не настолько, чтобы ничего нельзя было видѣть: освѣщеніе ея скорѣе можно назвать полусвѣтомъ, въ которомъ привычный глазъ легко различаетъ предметы. Впрочемъ, древній человѣкъ, обитавшій въ пещерѣ, зналъ употребленіе огня и оживлялъ сумракъ ея свѣтомъ костра, который освѣщаль и согрѣваль его и служилъ для приготовления пищи. Въ пещерѣ до сихъ поръ еще уцѣлѣли камни, на которыхъ древніе обитатели ея разводили огонь, тѣснясь около него въ холодная ночи.

Они кормились охотой, и главнымъ пищей ихъ было мясо. Но убить и принести животное еще было недостаточно: надо было разнять его на части, а это было не легко при отсутствіи рѣжущихъ инструментовъ; грубыя кремневая орудія были слишкомъ несовершенны для этой цѣли. Въ кучахъ отбросовъ Голдфельдской пещеры мы видимъ, къ какому орудію прибѣгалъ человѣкъ для разрубанія мяса и раздробленія крупныхъ костей. Орудіемъ эгѣмъ служила нижняя челюсть медвѣдя, въ которой выламывались коренныя зубы и оставался острый и длинный клыкъ. Съ помощью его, крѣпко захватывая челюсть въ руку, древній охотникъ разрѣзывалъ или раздиралъ мясо и разбивалъ большія кости, откуда добывалъ свое лучшее лакомство—костный мозгъ.

Мясо доставляли убитые на охотѣ медвѣди, зубры, лошади, сѣверныя олени и т. п. Снятыя съ нихъ шкуры служили единственною въ то время одеждою. Шкура снималась при помощи остраго кремня; если она была медвѣжья, она надѣвалась всѣмъ цѣльнымъ: руки и ноги просовывались въ соответственные мѣста переднихъ и заднихъ лапъ, а кожа головы закрывала шапку. Также сдирались и шкуры другихъ крупныхъ животныхъ, напримѣръ, сѣвернаго оленя, рога котораго оставались прикрѣпленными къ кожѣ головы. Шкуры, въ такомъ видѣ, накладывались не только для тепла: онѣ помогали охотнику подкрадываться незамѣченнымъ къ стаду пасущихся животныхъ. О томъ, что обитатели древнихъ пещеръ прибѣгали къ этой хитрости, мы можемъ предположить, видя то же самое у дикарей-охотниковъ, и зная изъ описаній древнихъ историковъ, что эоїоны, находившіеся въ персидскомъ войскѣ, сражались, накинувъ на себя лошадинныя шкуры съ головой, ушами и гривой. Такой костюмъ, вѣроятно, и далъ поводъ къ сказкамъ о демонахъ съ лошадиной головой.

Пещерные обитатели не довольствовались для своей одежды цѣльными шкурами: онѣ были неудобны и не каждому были вѣнору. Шкуры разрѣзывались кремневыми пожами на отдѣльныя куски, которые шивались посредствомъ шила или иглы изъ кости или рога, при чемъ нитки замѣнялись сухожилиями изъ ногъ сѣвернаго оленя. Такимъ образомъ изготовлялись одежды, въ видѣ накидки, для верхней, и въ видѣ передника для нижней части тѣла; онѣ держались съ помощью ремней, полосокъ кожи, вырѣзанныхъ изъ шкуры.

Главнымъ занятіемъ мужчинъ было добываніе продовольствія путемъ охоты. Они знали почти всѣ употребительныя способы охоты на звѣрей и на птицъ. Они метали въ животныхъ копейми—каменными или костяными наконечниками, насаженными на длинное или короткое древко,—пускали въ нихъ стрѣлы, били ихъ топорами и палицами, пронзали рогаatinaми. Животныхъ, опасныхъ своею величиною и силой, они заманивали въ ямы, прикрытыя вѣтками, или ловили ихъ силками. (См. рис. на стр. 943). Едва ли нужно прибавлять, что, при несовершенствѣ оружія, борьба съ крупными животными была нелегкой и охота постоянно угрожала жизни охотника.

Послѣ страшной, утомительной охоты, онъ возвращался въ свою пещеру. Тамъ уже было уютно и безопасно. Женщины, поддерживавшія огонь и хранившія принасы, даже въ случаѣ

неудачной охоты, давали ему чѣмъ утолить голодъ. Онѣ поджаривали на угольяхъ мясо, разрѣзанное на небольшіе куски; мясо запекалось сверху, оставаясь внутри мягкимъ и сочнымъ. Къ мясу, только въ небольшомъ количествѣ, прибавлялась растительная пища, въ видѣ немногихъ съѣдобныхъ стеблей и плодовъ.

Послѣ бѣды мужчины отдыхали или занимались приготовленіемъ и направленіемъ оружія для завтрашней охоты. (См. рис. на стр. 950). Они обтесывали, обивая твердымъ камнемъ, кремни, выдѣлывали изъ нихъ плоскіе и острые куски, привывавшіеся къ деревянной рукояткѣ и служившіе вмѣсто топора, или подобныя же куски меньшей величины, прикрѣплявшіеся къ длинной, тонкой жерди и замѣнявшіе копье. Болѣе легкіе, мелкіе кремни насаживались на тонкія палочки, образуя стрѣлы, пускавшіеся съ помощью лука. Оружіе изготовлялось также изъ рога или кости—материаловъ не столь прочныхъ, но болѣе легкихъ по вѣсу и удобныхъ для обработки. Изъ нихъ, въ особенности изъ рога, изготовлялись остроги, длинное оружіе, съ зазубринами и веревкой, которое можно было бросать въ бѣгущее животное и не давать ему скрыться, преслѣдуя его, пока оно не упадетъ отъ истощенія силъ. Когда у пещернаго мастера былъ досугъ, онъ не просто вырѣзывалъ свое костяное или роговое оружіе: онъ его украшалъ рисунками или придавалъ ему различныя причудливыя формы. Въ видѣ знаковъ ему животныхъ: мамонта, оленя, лошади, мускуснаго быка, каменнаго барана и т. п. Рисунки, вырѣзанные на кости, и фигуры изъ кости или рога, дошедшіе до насъ, выполнены иногда такъ хорошо, что мы невольно удивляемся искусству художника, изображавшаго съ натуры мамонтовъ и сѣверныхъ оленей въ Западной Европѣ.

У женщинъ, когда хозяйство и уходъ за дѣтми оставляли имъ свободное время, была своя ручная работа, которую онѣ выполняли сообща, при свѣтѣ костра. На нихъ лежало изготовленіе одежды изъ кожи, единственнаго доступнаго въ то время матеріала. (См. рис. на стр. 942). Чтобы пользоваться имъ, нужно было придать ему гибкость и мягкость, чѣмъ достигалось натираніемъ сырой кожи жиромъ. Шкуры мелкихъ животныхъ служили вмѣсто посуды, въ видѣ „мѣховъ“, которые, подъ именемъ бурдюковъ, и до сихъ поръ еще не вышли изъ употребленія. Въ „мѣхахъ“ изъ цѣльной шкуры, при чемъ шея кожи замѣняла горлышко, а кожа переднихъ ногъ—ручки сосуда, приносилась вода изъ ручья или родника, находившагося вблизи пещеры. Обитательницы этой послѣдней умѣли еще плести корзины изъ древесныхъ вѣтвей. Изъ волоконъ растений онѣ сучили веревки.

Важнымъ занятіемъ женщинъ было поддержаніе огня. Огонь тогда добывался съ большими усиліями посредствомъ тренія одного куска дерева о другой и, чтобы не прибѣгать часто къ этому утомительному способу, огню не давали погаснуть. Вѣроятно, послѣ того, какъ мужчины ложились спать, женщины поочередно бодрствовали, продолжая подбрасывать хворостъ въ костеръ, горѣвшій у входа, гдѣ костеръ этотъ служилъ также и для охраны отъ дикихъ звѣрей.

Люди, жившіе въ древнихъ пещерахъ, не были ни великанами, ни карлами, какими рисуютъ ихъ сказки. Пѣкеры изъ нихъ были рослыми, но вообще ростъ ихъ не превышалъ нашего средняго роста. Сложеніе ихъ было массивнѣе и черты лица грубѣе, чѣмъ у насъ, но, судя по ихъ черепамъ и скелетамъ, похожихъ на нихъ людей можно встрѣтить въ Европѣ и въ настоящее время.

Въ другихъ частяхъ свѣта люди, подобныя древнимъ обитателямъ пещеръ доисторической Европы, продолжаютъ еще жить въ такой же обстановкѣ, въ какой жили эти послѣдніе. Такъ, дикіе австралийцы и теперь охотно ищутъ себѣ пріюта въ пещерахъ. Тамъ они готовятъ себѣ бѣду изъ добычи своей охоты, проводятъ холодныя ночи у костра и, если не украшаютъ своего оружія, то покрываютъ стѣны пещеры рисунками, начерченными углемъ или охрой.

И повсюду, гдѣ есть пещеры, дикіе люди пользуются ими. Вѣдахи на Цейлонѣ лѣто проводятъ въ лѣсныхъ и болотныхъ низменностяхъ, а зимой поднимаются въ высокія мѣста и укрываются въ скалистыхъ горахъ. Въ Средней Африкѣ цѣлыя племена живутъ въ пещерахъ вмѣстѣ со своими домашними животными. Цѣлыя поселенія скучиваются также въ скалахъ Нильской долины. Даже Европа не составляетъ исключенія: во Франціи до сихъ поръ, въ горныхъ мѣстностяхъ, въ естественныхъ углубленіяхъ скалъ помѣщаются деревни вмѣстѣ съ церковью. И на берегахъ Дуная, близъ Кельгейма, такъ-называемый Клѣстерль, есть не что иное, какъ пещера, гдѣ люди давно живутъ сами и устроили себѣ церковь. У насъ пещерныя жилища встрѣчаются на Кавказѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ *).

Д. А. К.

Пещерныя жилища въ наше время.

Путевыя замѣтки. (Съ 4 рисунками.)

Кому случалось лѣзнуть на одесскихъ зиманахъ, тотъ знаетъ, какъ они оба—и Андреевскій, и Хаджибейскій—бѣдны мѣстами

удобными для прогулокъ, и какъ мало интересны ихъ окрестности.

*) См. ниже: „Пещерныя жилища въ наше время“.

Пресловутый Хаджибейский парк, которым не прочь похвастаться местные жители, скоро надоедает, темъ болѣе, что въ жаркіе дни въ немъ царитъ нестерпимая духота. А видъ парка ибѣтъ возможности вынести жгучіе лучи солнца, печѣмъ дышать отъ носящейся въ воздухѣ мелкой пыли, и надо имѣть большую смѣлость, чтобы пойти бродить тутъ по окрестностямъ безъ опредѣленной цѣли. Поэтому большинство живущихъ на лиманѣ скучаетъ, сяди у себя на дачахъ.

Между темъ въблизи Хаджибейскаго парка есть два, три уголка, мало извѣстныхъ даже самимъ одеситамъ и, однако, заслуживающихъ того, чтобы на нихъ обратили вниманіе не только скучающіе посетители курорта, но и этнографы. Будь это въ Германіи или Швейцаріи, эти уголки, какъ ни незначительны они сами по себѣ, вошли бы въ число мѣстныхъ Sehenswürdigkeiten и были бы отмѣчены во всѣхъ путеводителяхъ.

Если вы изъ здания ваннъ „Хаджибейскаго лечебнаго заведенія“ выйдете къ трамваю, повернете направо и спросите дорогу на „Усатовы хутора“, вамъ укажутъ узенькую тропинку, круто поднимающуюся между домами и заборами въ гору. Пойдите по ней, и едва вы минуете дачи, которыя принадлежатъ къ району курорта, вы увидите маленькіе домики изъ мѣстнаго дикаго камня. Здѣсь и начинаются „Усатовы хутора“ — деревни или вѣрнѣе село, потому что вдали между этими домиками виднѣется каменная церковь.

Жители „Усатовыхъ хуторовъ“ считаются мѣщанами города Одессы; это преимущественно малорос-

Каменный вѣкъ. Фрески В. М. Васнецова въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ. Грав. Мультановскій.

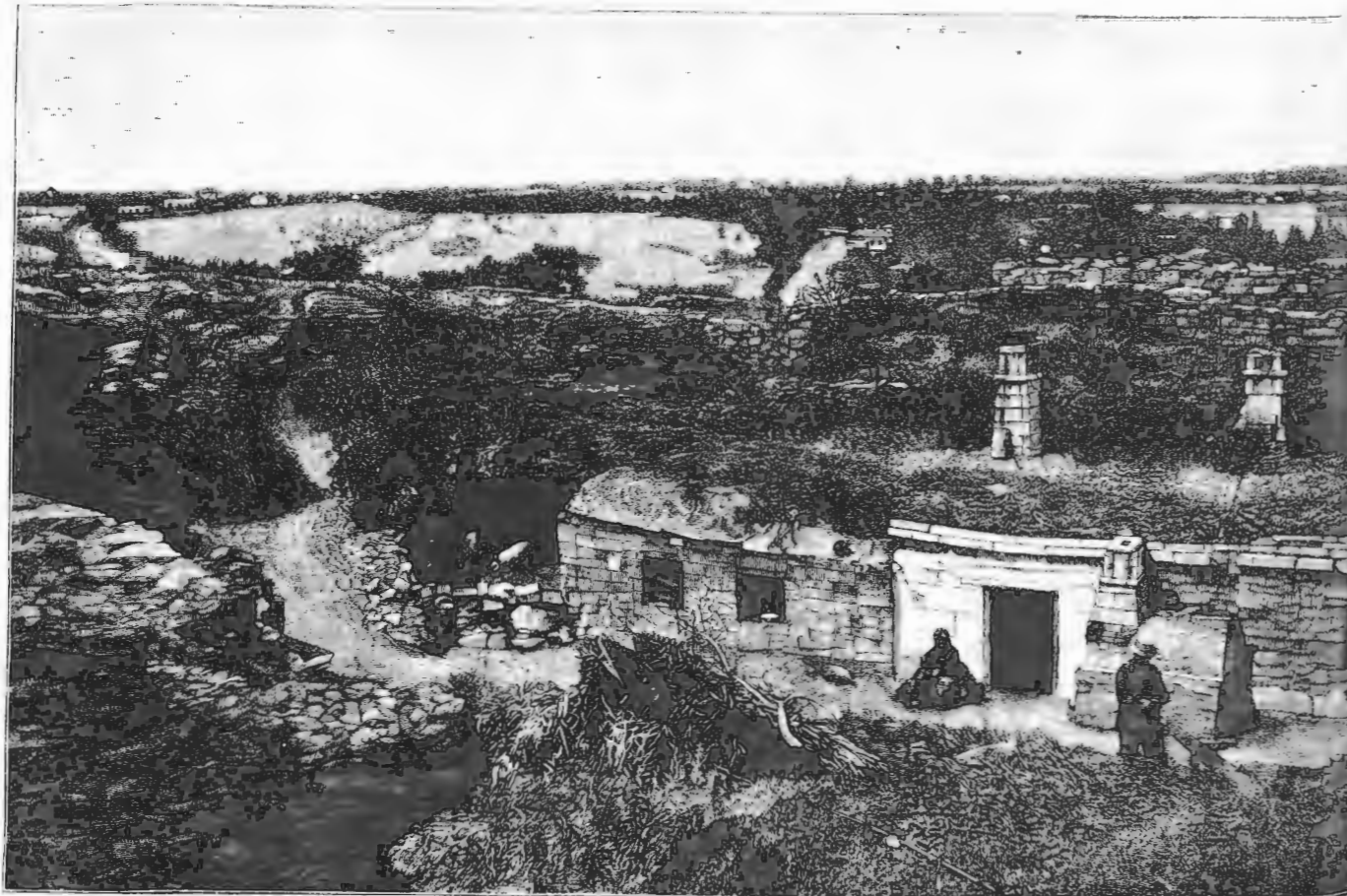
сіяне, частью великороссы, переселившіеся сюда давно; теперешніе старики — это уже внуки и правнуки основателей „Усатовыхъ хуторовъ“.

Первые попадающіеся вамъ на пути домики представляютъ мало интереснаго; близкой своихъ стѣнъ и раскрашенными окошками напоминаютъ малороссійскія мазанки, они, по своимъ плоскимъ, поросшимъ травой кровлямъ, похожи на постройки крымскихъ и кавказскихъ ауловъ. Но вотъ, по дорожкамъ и тропинкамъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго подобія улицъ, вы пробираетесь къ какимъ-то страннымъ ямамъ и пещерамъ. Приглядываясь къ нимъ внимательнѣе, вы догадываетесь, что здѣсь прежде, должно быть, были каменоломни.

Вся эта мѣстность была, очевидно, когда-то дномъ моря, и громадные наносные слои песка, смѣшаннаго съ мелкими раковинками, превратились — еще Богъ знаетъ въ какія времена — въ прочный, красивый, поздритый камень, мѣлкій и легко поддающийся плѣкѣ самой обыкновенной плоды, но въ то же время достаточно прочный и не разсыпавшійся подъ влияніемъ воды и воздуха.

Этотъ камень служитъ главнымъ строительнымъ матеріаломъ для всѣхъ одесскихъ построекъ — крупныхъ и мелкихъ. Большая легкость его добычанія и обработки и легкость его, благоприятствующая перевозкѣ, заставляютъ забывать его излившую пористость и удобопроницаемость для холода и вѣтра.

Все время, пока вы идете по этимъ тропинкамъ между ямами и соединяющими ихъ, въ видѣ мостиковъ, остатками камня, вы ви-

Пещерныя жилища въ наше время. Усатовы хутора. № 263. Съ фотогр. В. В. Нака, въ Одессѣ, грав. Шюблеръ.

Пещерныя жилища въ наше время. Усатовы хутора. №№ 118—119. Съ фотогр. В. В. Нака, въ Одессѣ, грав. Шюблеръ.

дите передь собою то своды, то галлерей, то какъ будто развалины подземныхъ жилищъ построекъ. И въ самомъ дѣлѣ, иѣкоторые изъ этихъ ямъ оказываются разрушенными жилищами съ еще удѣльными развалинами печей.

Нѣсколько образчиковъ такихъ подземныхъ жилищъ можно найтъ и сейчасъ, и одинъ изъ самыхъ любопытныхъ встрѣчается въ началѣ „Усаговыхъ хуторовъ“: шагъ, два отъ узенькой тропинки, и вы—на поросшей травой крышѣ дома, рядомъ съ торчащей изъ земли дымовой трубой!

Но, еще не доходя до этой трубы, вы уже издали видите въ ямкѣ, рядомъ съ вашей тропинкой, гладко выбѣленную стѣну маленькой хатки (см. рис. на стр. 950). Подойдя, вы замѣтите на этой стѣнкѣ красивую чугунную доску съ рельефными цифрами „№ 263“, раскрашенными разными красками,—это номеръ этого самого дома по списку одесскаго градоначальства.

Около хатки—ничѣмъ не огороженный, беспорядочный, заросенный дворикъ; въ концѣ его бросаются въ глаза двѣ темныхъ пещеры, уходящихъ куда-то далеко подъ землю; оттуда, съвозъ полумракъ, виднѣются колеса и торчащи къверху оглобли телѣги, оттуда же доносится хрюканье свиньи.

Вы дѣлаете нѣсколько шаговъ по дворнику, и вдругъ изъ-подъ вашихъ ногъ откуда-то выскакиваетъ черный кроликъ, за нимъ другой, третій—и уносятся вдаль, прыгая съ камня на камень.

Вы окидываете теперь взглядомъ „главный фасадъ“ дома: входная дверь, два окна налѣво, окно направо, а у самой двери, вѣтъ хатки,—словно выѣзла на дворъ,—обыкновенная русская печка—какъ есть настоящая печка съ подомъ, съ заслонкой, съ трубой.

— Это что такое?—спросите вы сидящую у дверей почтенную, чистенько одѣтую старушку,—и она вамъ объяснитъ, что это *пещера* печка для печенія хлѣба. Въ глухой каменной хаткѣ въ жаркіе лѣтніе дни гораздо прохладнѣе, чѣмъ на дворѣ; и дорожка этой прохладой, домохозяйка готовитъ себѣ пищу не въ тѣхъ печахъ, которые находятся внутри и топятся только зимою, а въ нарочно для этой цѣли устроенныхъ печахъ на дворѣ.

Зайдите въ хатку. Тамъ все очень чисто и, несмотря на скудость обстановки, уютно. Столъ, покрытый клеенкой, двѣ крашенныя скамейки, шкапъ—вотъ и вся обстановка „парадной“ половины. Въ другой—жилой половине—небольшая скромная кровать, кое-какая утварь, да двѣ, три подпорки, поддерживающія давно готовый обрушиться потолокъ. Словоохотливая старушка-хозяйка расскажетъ вамъ, что она прожила тутъ пятьдесятъ лѣтъ, не выходя нигуда, кромѣ какъ въ поле на работу; расскажетъ, какъ они съ „чоловикомъ“ вырастили здѣсь сына; расскажетъ, какъ его женили, какъ пировали въ этой хаткѣ свадьбу, и какъ молодой „женикъ“ не понравился жить здѣсь, и какъ молодые ушли отсюда, а она, старуха, осталась тутъ теперь дожидать свой вѣкъ вдвоемъ со старикомъ. И вы уйдете изъ этой хатки съ сознаниемъ, какъ мало иногда нужно „дарю природы“ для счастья, если она живетъ не на землѣ, а подъ землей. Пятьдесятъ лѣтъ пещерного существованія въ этой ямкѣ—и ни одной жалобы на судьбу!

Этотъ домикъ—самый бѣдный изъ всѣхъ на „Усаговыхъ хуторахъ“. Но, если вы не очень боитесь солнца и пыльной дороги, пройдите еще съ полверсты и познакомятесь съ пещерой, принадлежащей одному изъ наиболее зажиточныхъ мѣстныхъ обывателей.

Недалеко отъ церкви, — черезъ площадь и улицу, — есть дорожка, ведущая къ находящемуся подъ горою колодцу. Прежде чѣмъ спуститесь по этой дорожкѣ, вы увидите небольшое поле, засѣянное иппеницей; если это будетъ послѣ жатвы, во время уборки хлѣба, вы, конечно, увидите тутъ телѣгу и лошадей и работающихъ мужика и бабу. Не удивляйтесь, если около нагруженной снопами телѣги вы увидите также и торчащую изъ земли дымовую трубу.

Это поле принадлежит домохозяину, изба и дворъ котораго находятся тутъ же подъ землей.

Спуститесь съ этого поля на нѣсколько десятковъ сажень по дорожкѣ подъ гору. Оглянувшись назадъ, вы увидите передь собою отвѣсную скалу сажени въ три вышиною. На вершинѣ ея остались и телѣга, нагруженная хлѣбомъ, и мужикъ съ бабой, и дымовая труба; а у подножія скалы раскинулся небольшой, плотно утрамбованный и чисто выметенный дворикъ, огороженный каменной стѣной, съ широкой брешью вѣсего воротъ (см. рис. на стр. 951). Часть стѣны по обѣ стороны этой брешни оштукатурена и выбѣлена, — на остальной части вы различаете правильную кладку камня. По стѣнкѣ разложены вараванъ князя — мѣстное топливо изъ навоза и соломы, — а за стѣной, у самыхъ воротъ, такая же лѣтная русская печка, какую вы уже видѣли въ первомъ, описанномъ выше домикѣ.

Подойдите ближе. Въ отвѣсной скалѣ, представляющей задній планъ картины, вы видите ворота, ведущія куда-то вглубь большой пещеры; видите направо и налѣво отъ нихъ красивыя окошки съ хорошими рамами; дальше, направо и налѣво, вы видите опять большія отверстия—входы въ пещеры, представляющія собою амбары. Вся нижняя часть скалы у воротъ и надъ окнами оштукатурена и выбѣлена; рамы выкрашены масляной краской; передъ входомъ въ пещеру—также раскра-

шенныя—каменный столъ и скамья: здѣсь лѣтняя „столовая“ семьи.

Вы можете встрѣтить у этого стола кучку ребятъ, размазанныхъ книжку съ картинками, а можетъ-быть застаете только подростка-нижку, кормящую тюреръ маленькаго ребенка. По двору бродятъ куры; на шестилахъ гисятъ молочныя крынки; изъ темнаго угла дальнея пещеры, оказывающейся хлѣвомъ, выглядываетъ голова теленка. Куда вы ни оглянетесь вокругъ, зайдя на этотъ дворъ, вы видите, что это жилье очень зажиточныхъ крестьянъ, и только возвышающаяся надъ вашей головой отвѣсная скала убѣждаетъ васъ, что это—*пещера*.

Если вамъ случится застать хозяевъ не работающими въ полѣ паверху, если они дома, войдите къ нимъ внутрь пещеры, и вы встрѣтите радушный приемъ.

Передняя часть пещеры—иѣчто въ родѣ сѣней (см. рис. на стр. 954); отъ нихъ далеко вглубь, подъ землю, пещера представляетъ большой сарай, гдѣ устроены стойла для лошади и коровы, складъ сѣна, тутъ же вы видите ясли, какия-то бочки,—всего сразу не различить при тускломъ свѣтѣ маленькой керосиновой лампочки. Изъ сѣней налѣво—небольшая комната съ печью представляетъ собою какъ бы черную половину и служитъ кухней въ зимнее время. Но „черной“ ее можно назвать только въ отличіе отъ находящейся направо „парадной“ половины, а сама по себѣ и эта „черная“ хатка такъ чиста, какъ дай Богъ, чтобы были чисты всѣ крестьянскія избы на Русь.

Прежде чѣмъ понасть изъ сѣней въ „парадную“ половину, вы должны пройти еще черезъ темную переднюю, наполненную мѣшками съ мукой, крупой, десятками коронаевъ свѣжепеченаго хлѣба, всякой домашней утварью. Но вы отворяете дверь въ лучшую часть этого дома и—предъ вами свѣтлая, уютная комнатка въ два окна (см. рис. на стр. 954), потолокъ тщательно выбѣленъ, стѣны оклеены обоями, полъ чисто выметенъ, въ углу кюль съ иконами и лампадой, на стѣнахъ картинки; сквозь чисто вымытыя стекла окошъ врываются въ это подземное жилище яркіе лучи солнца, на окнахъ за иппеницей запавѣской красуются горники цвѣтговъ. Воздухъ въ этой комнатѣ чистъ, хотя при переходѣ сюда изъ-подъ налѣжныхъ лучей солнца здѣсь и кажется холодно, какъ въ погребѣ.

Если вы войдете неожиданнымъ гостемъ, вы можете-быть застанете хозяйна и хозяйку сидящими съ ребятами за чаемъ; на покрытомъ красной скатертью столѣ шумитъ блестящій самоваръ, и горячій паръ поднимается отъ налитыхъ чашекъ и стакановъ. Въ общемъ, это жилище современнаго троглодита производить чрезвычайно оградное впечатлѣніе.

Самымъ любопытнымъ здѣсь представляется то, что всѣ части здания не сложены изъ отдѣльныхъ камней, а выдолблены въ дѣльной каменной скалѣ. Здѣсь, по мѣстному выраженію, все „родимое“—и полъ, и стѣны, и потолокъ, и косяки дверей и оконъ, и самая печка съ ея подомъ и выдолбленной внутреннею стѣною. Все это жилье до такой степени не похоже на то, что приходится видѣть въ другихъ мѣстахъ, что кажется иногда какой-то сказкой. Но это сама настоящая дѣйствительность, числящаяся на „Усаговыхъ хуторахъ“ подъ №№ 118—119 и обложенная даже ежегоднымъ налогомъ что-то въ родѣ двухъ рублей.

Теперьшнему хозяину эта пещера досталась въ наслѣдство отъ отца, получившаго ее, кажется, еще отъ дѣда. Прежде, говорятъ, цѣна ея была сто рублей, теперь же она стоитъ чуть ли не пятьсотъ!

Но прежде обитателямъ этой пещеры жилось много привольнѣе, чѣмъ теперь. Ихъ благосостояніе создано на добычѣ изъ вѣдръ земли вотъ этого самаго камня, въ которомъ выдолблено ихъ жилище. Прежде, когда всѣ мѣстные жители имѣли право вездѣ въ окрестностяхъ вынимать этотъ камень и возить его на продажу въ Одессу, люди трудолюбивые скоро богатѣли. Теперь районъ выломки камня ограниченъ, и самое добыванье его обложено, кажется, довольно высокой пошлиной, такъ-что почти единственной доходной статьей осталось хлѣбонашество.

Если благосостояніе этихъ современныхъ троглодитовъ создано благодаря цивилизаціи, благодаря культурному росту города, теперь можно только пожелать, чтобы дальнѣйшіе успѣхи цивилизаціи—и связанная съ ними все возрастающая трудность борьбы за существованіе—не послужили препятствіемъ къ дальнѣйшему росту благосостоянія современныхъ „пещерныхъ“ жителей. Если сравнить жизнь въ пещерахъ во времена доисторическія съ жизнью современной, то нельзя не преклониться предъ могуществомъ человѣческаго ума и энергіи; но рядомъ съ этимъ уже приходится думать о прочности фундамента подъ гигантской башней нашей культуры; въ *качественномъ* отношеніи эта культура достигла почти невѣроятныхъ успѣховъ, — теперь сама жизнь ставитъ ей уже другую задачу: возможно широкое—*количественное*—распространеніе достигнутыхъ благъ. Дикое состояніе челоѣчества смѣнилось культурнымъ,—это всѣ видѣть, въ этомъ никто не сомнѣвается; пожелаемъ, чтобы теперь въ культурныхъ странахъ исчезла нищета и на смѣну ея явилось общее благосостояніе, — и не будемъ сомнѣваться въ возможности достиженія этого.

Осенняя мелодія.

То было осенью. Природа увидала;
Съ дървьевъ падалъ листь. Тучъ сѣрыхъ пелена,
Какъ скатертью все небо покрывала...
Въ раздумьи тягостномъ стоаьт я у окна,
Глядя на грустную осеннюю картину:
На обнаженный лѣсъ, туманныя поля

И на отцѣвѣтшую садовую куртину,
Которою весной такъ любовался я,
Когда цвѣты на ней лишь только распускались,
Когда въ полдневный часъ иль тихимъ вечеркомъ
Они какъ будто бы между собой шептались,
Колелемы веселымъ вѣтеркомъ...

В. В. Ад—ій.

Къ рисункамъ.

На чердакѣ. (Рис. на стр. 939.)

Извѣстно, что обитатели бель-этажа скучаютъ чаще, чѣмъ бѣдняки, живущіе на чердакахъ. Первымъ все пріѣлось, и простое развлеченіе уже не удовлетворяетъ ихъ, да и умъ и чувства ихъ изощрениѣ, тоньше; вторые близки еще къ природѣ; въ рѣдкія минуты досуга и отдыха они довольствуются какой-нибудь пѣсенкой или шуткой, а ужъ если доведется прочесть занимательную сказку—такъ это событіе. Дѣти чердака тоже отличаются отъ дѣтей бель-этажа: они незнакомы ни съ лаунъ-теннисомъ, ни съ крокетомъ, но и они умѣютъ слушать, когда имъ читаютъ сказку и умѣютъ населять въ воображеніи любимыми образами и паркъ, разстилающійся внизу, и отдаленный шипль колоколни, и кусочекъ голубого неба, видящагося сквозь слуховое окно...

Каменный вѣкъ. (Рисунки на стр. 942—943, 950—951.)

О В. М. Васнецовѣ намъ приходилось уже не разъ говорить на страницахъ нашего журнала, въ особенности въ послѣднее время, по поводу его замѣчательныхъ картинъ-иконокъ, находящихся въ только-что освещенномъ въ Кіевѣ соборѣ св. Владиміра (см. №№ *Нивы* 11 и 12-й и „Лит. Прил.“ къ *Нивѣ* за мартъ и т.). Но В. М. Васнецовъ пользуется не меньшей извѣстностью и какъ живописецъ доисторической эпохи Руси. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ его фрески „Каменный вѣкъ“, находящіяся въ Историческомъ музее, въ Москвѣ. При постройкѣ музея художнику поручено было украсить живописью тѣ залы музея, въ которыхъ собраны древности каменнаго вѣка. И художникъ, съ могучей силой воображенія, изобразилъ намъ сцены изъ жизни доисторическихъ людей. Въ первой фрескѣ (см. рис. на стр. 942) мы видимъ доисторическую семью собравшуюся вокругъ костра, у входа въ пещеру, служащую имъ обиталищемъ. Охота была удачной, много шкубокъ звѣрей, шкуры которыхъ пойдутъ на одежды, кости—на орудія для домашнихъ работъ и охоты, а зубы—на украшенія; одинъ изъ этихъ людей тащитъ огромную голову лося, другой—цѣлаго медвѣдя, котораго онъ убилъ, третій прицѣпляетъ изъ лука въ летящую птицу. На другой фрескѣ (см. рис. на стр. 950—951) изображенъ—гигантъ, собирающійся на охоту, а можетъ-быть и на войну. Вокругъ него сидятъ группа людей, занимающихся гончарнымъ производствомъ. Дальше, обросшій волосами старецъ распиливаетъ толстый стволъ дерева при помощи огня, пламя котораго раздуваетъ мальчикъ. На второмъ планѣ—два человека долбятъ каменными орудіями тоже стволъ дерева, превращая его въ лодку. Наконецъ, направо, молодой и ловкая женщина вытаскиваетъ изъ пруда небольшую рыбу. Третья фреска (см. рис. на стр. 943) очень замѣчательна: она воспроизводитъ настоящую драму—ожесточенную битву между охотниками и мамонтомъ. Звѣрь-великанъ попалъ въ вырытую яму. Онъ уже успѣлъ смертельно ранитъ женщину, плавающую тутъ же въ собственной крови. Конечно звѣрь попатится за это: взгляните только на лица этихъ людей, которые сами превратились въ ожесточенныхъ звѣрей.

Въ этомъ же № *Нивы* (см. стр. 948) читатели найдутъ очеркъ „Древнѣйшія пещеры“, въ которомъ подробно описаны какъ бытъ пещерныхъ людей, такъ и орудія каменнаго вѣка.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. (Рис. на стр. 946 и 947.)

Нижегородская выставка была осчастливлена Высочайшимъ посѣщеніемъ. Въ свое время, въ отдѣлѣ „Разныхъ извѣстій“ (см. №№ 30 и 31-й *Нивы*), мы сообщали о пребываніи Ихъ Величествъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; въ настоящемъ номерѣ мы даемъ нѣсколько рисунковъ, воспроизводящихъ отдѣльные моменты пребыванія Ихъ Величествъ въ Нижнемѣ и осмотра выставки. Ихъ Величества прибыли въ Нижній 17 июля утромъ и въ тотъ же день, въ 4 часа пополудни, посѣтили выставку. У главнаго зданія они были встрѣчены живописною группою сыновей московскихъ и нижегородскихъ купцовъ, въ бѣлыхъ, сѣдланыхъ по рисунку художника Васнецова, одѣяныхъ древне-русскихъ рывдѣ, съ алебардами. Въ этотъ день были осмотрѣны отдѣлы мануфактурный, художественно-промышленный, фабрично-ремесленный и горный; на слѣдующій день Ихъ Величества продолжали осмотръ выставки, начавъ съ навильона бр. Нобель, достопримѣчательность котораго составляетъ прекрасная панорама работы художника Шильдера, иллюстрирую-

щая исторію нефтяного промысла. Послѣ отдыха на верандѣ, Ихъ Величествами былъ осмотрѣнъ отдѣлъ лѣсоводства, рыболовства и охотничьихъ промысловъ. Въ лѣсномъ отдѣлѣ привлекала общее вниманіе витрина пермскаго имѣнія графа Строганова. Черезъ пожарный отдѣлъ Ихъ Величества прослѣдовали къ электрической желѣзной дорогѣ товарищества М. Подобѣдова и К°. На переднемъ торвозѣ Императорскаго вагона встали министръ финансовъ С. Ю. Витте, начальникъ губерніи Н. М. Барановъ, генеральный комиссаръ В. И. Тимирязевъ и М. М. Подобѣдовъ. Во второмъ вагонѣ ѣхала свита Государя Императора. Среди восторженныхъ привѣтствій народа и благословеній духовенства, встрѣтившаго Ихъ Величества на крыльцѣ павильона „церковь—школа“, Ихъ Величества прибыли въ Царскій навильонъ, на верандѣ котораго состоялся завтракъ. Рис. на стр. 947 изображаетъ прогулку Ихъ Величествъ, на третій день пребыванія въ Нижнемѣ, на казенномъ пароходѣ „Князь Юрій“ подъ брѣвѣй-вымпеломъ Государыни Императрицы, со всею свитой. Конвоировать пароходъ путей сообщенія „Ярославль“. Пройдя по Окѣ мимо рыбныхъ каравановъ чрезъ разведенный пласкоутный мостъ на Волгу и на сибирскую пристань вверхъ по Волгѣ, мновавъ всѣ пристани, пароходъ „Князь Юрій“ дошелъ до Дарьинской пристани, повернуть и остановился у пристани, противъ которой стояли два парохода Зевеке; на одномъ игралъ оркестръ музыки; пристань была красно драпирована флагами и зеленью. Когда пароходъ „Юрій“ остановился, и Ихъ Величества со свитой вышли на пристань, путь Ихъ усыпали цвѣтами дѣти пріюта графини Кутаисовой. Отсюда Ихъ Величества прослѣдовали въ экипажахъ на станцію желѣзной дороги и отбыли изъ Нижняго.

Памятникъ императору Николаю I въ Кіевѣ.

(Рис. на стр. 955.)

21 августа текущаго года въ Кіевѣ въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Θεодоровны состоялось торжественное открытіе памятника императору Николаю I. Памятникъ этотъ сооруженъ по проекту академика скульптуры М. А. Чиждова и находится въ университетскомъ Николаевскомъ паркѣ, въ лучшей центральной части города, противъ зданія университета св. Владиміра и кіевской 1-й гимназій, сооруженныхъ, какъ извѣстно, по желанію императора Николая I. Мѣсто для памятника выбрано весьма удачно, и въ настоящее время паркъ и памятникъ служатъ украшеніемъ этой части города.

Памятникъ представляетъ собою статую императора изъ темной бронзы на пьедесталѣ изъ гранита; высота статуи 7½ аршинъ и пьедестала 12 аршинъ. Императоръ изображенъ въ стоячемъ положеніи, въ сюртукѣ съ генеральскими эполетами, съ непокрытой головою, лицомъ къ зданію университета. Правая рука согнута и большой палецъ заложень за борть сюртука, лѣвая рука возложена на планъ г. Кіева, лежащій на тумбѣ. Пьедесталъ имѣетъ форму квадрата, каждая сторона его въ 27 аршинъ длины и одинъ аршинъ высоты. Съ основанія поднимаются три ступени, имѣющія по угламъ круглыя тумбы. Пьедесталъ постепенно суживается и верхній площадка его у ногъ статуи императора имѣетъ по 2½ арш. въ длину и ширину; онъ состоитъ изъ девяти рядовъ гранитныхъ глыбъ, причемъ седьмой рядъ представляетъ собою монолитъ вѣсомъ въ 1,200 пуд., восьмой—плиту въ 500 пуд. и девятый—тоже монолитъ въ 500 пуд. На памятникъ пошло всего 340 глыбъ, вѣсомъ свыше 48,000 пудовъ. Съ лицевой стороны пьедесталъ украшенъ вензелемъ императора, окруженнымъ вѣнкомъ. Ниже вензеля помѣщается барельефъ, изображающій зданіе кіевскаго университета, а подъ нимъ надпись: „Императору Николаю I благодарный Кіевъ“. Надъ надписью бронзовый двуглавый орелъ. На задней и боковыхъ сторонахъ памятника барельефъ съ изображеніями 1-й гимназій и кадетскаго корпуса, сооруженныхъ въ царствованіе императора Николая I, гербъ города Кіева и надпись: „сооруженъ въ царствованіе Императора Александра III, открытъ въ царствованіе Императора Николая II“. По угламъ основанія памятника установлены бронзовые канделабры, изготовленные на петербургскомъ заводѣ Гаврилова по рисункамъ академика М. А. Чиждова, стоимостью свыше 7,000 рублей.

На сооруженіе памятника израсходовано свыше 150,000 руб., при чемъ 30,000 руб. пожертвованы городомъ Кіевомъ, 20,000 руб. военнымъ вѣдомствомъ, а остальные разными частными

Пещерныя жилища въ наше время. Усатовы хутора. Входъ въ пещеру № 118—119.
Съ фотогр. В. В. Нака, въ Одессѣ, грав. Шюблеръ.

Пещерныя жилища въ наше время. Усатовы хутора. Внутренній видъ пещеры № 118—119.
Съ фот. В. В. Нака, въ Одессѣ, грав. Шюблеръ.

Пам'ятникъ императору Николаю I въ Кіевѣ. Съ фотогр. автотипія П. А. Демчипсаго.

лицами, между которыми самым крупным жертвователем является И. С. Щепиовский, предоставивший весь гравитъ, стоимостью до 40,000 руб.

Грандиозному впечатлѣнію, которое производитъ памятникъ, способствуетъ удачный выборъ мѣста, окруженнаго лучшими зданіями въ городѣ, а также весьма благоустроенный скверъ, засаженный деревьями и цвѣтами. Скверъ этотъ въ настоящее время сдѣлался любимымъ мѣстомъ для прогулокъ дѣтей и горожанъ.

Торжественная встрѣча Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Копенгагенѣ. (Рис. на стр. 958.)

Въ предыдущемъ номерѣ мы дали описание прибытія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Копенгагенъ. Помѣщаемъ теперь рисунокъ изъ *Illustration*, изображающій встрѣчу Ихъ Величествъ датской королевской фамиліей тотчасъ по прибытіи яхты „Полярная Звѣзда“ и по вступленіи Ихъ Величествъ на землю.

Л. I. Грассъ. (Портр. на стр. 959.)

Еще не такъ далеко ушло отъ насъ то время, когда для русской провинціи только и свѣту было, что въ томъ окошкѣ, которое прорубилъ въ Европу Петръ Великій. Выѣзды съ правительственными распоряженіями, съ модами и иностранными товарами, Петербургъ снабжалъ Россію новѣйшими, а иногда и подновленными идеями и теоріями и направлялъ теченіе общественной и экономической жизни всей страны. Петербургъ всегда и во всемъ являлся инициаторомъ, провинція — только исполнительницей его предначертаній, только рабскимъ подражателемъ его образцамъ. Всѣхъ родовъ и званій лучшие люди провинцій или прямо уходили въ Петербургъ, или неизменно тяготѣли къ нему душой. Петербургъ, въ свою очередь, выбрасывалъ въ провинцію то, что ему было не подъ силу. Въ послѣдніе два-три десятка лѣтъ эти отношенія между Петербургомъ и провинціей во многомъ измѣнились, и измѣненія, несмотря ни на какія благоприятныя или неблагоприятныя теченія, шли съ годами непрерывно возрастающія. Теперь мы видимъ, съ одной стороны, въ сферѣ административной, возможность быстраго достиженія провинціальными дѣятелями даже министерскихъ портфелей, достиженія, обусловленнаго не вселюдой лѣтъ, чинами и связями, а лишь выдающимися способностями и личными качествами данныхъ лицъ; съ другой, въ сферѣ общественной жизни — непрерывный ростъ самосознанія и самопознанія провинцій, совершенно независимо отъ того, какой влѣгерь дуетъ съ береговъ Финскаго залива. Переставъ дожидаться, что кто-нибудь изобрѣтетъ для нея панацею отъ всѣхъ ея золъ и неустойчивъ или проведетъ къ ней изъ невѣдомыхъ страны и отъ невѣдомыхъ ключей водопроводъ благополучія, наша провинція уже начинаетъ, наконецъ, понемногу сама выставлять такихъ дѣятелей, которые, зная мѣстные нужды, — потому что это въ то же время и ихъ личные нужды, — работаютъ для блага провинцій со всѣмъ интересомъ, какой только можетъ быть вложить въ личное дѣло; а такъ какъ, при всемъ разнообразіи климата и формъ быта, большинство „мѣстныхъ“ нуждъ однакоже присуще болѣе или менѣе всей Россіи, то частная работа, возникающая изъ желанія улучшенія мѣстныхъ условий существованія, сама собой превращается въ общенациональную государственную дѣятельность.

Однимъ изъ видныхъ провинціальнхъ дѣятелей этой категории былъ скоропостижно скончавшійся въ Казани, въ ночь на 11-е іюня н. г., предѣдатель департамента казанской судебной палаты, тайный совѣтникъ Людвигъ Геронимовичъ Грассъ.

Талантливый юристъ, блестящій ораторъ, въ 34 года уже предѣдатель окружного суда, Грассъ, по природѣ человѣкъ разносторонній, почавъ въ провинцію, не замкнулся въ сферу исключительно судебной дѣятельности. Свѣтскій человѣкъ, нравившій видную роль въ мѣдномъ обществѣ, онъ не отдалъ этому обществу всего своего досуга; любознательный наблюдатель, онъ, на основаніи изученія предмета и непосредственныхъ наблюденій, писалъ и печаталъ въ разныхъ специальныхъ органахъ статьи по вопросамъ права, предѣдательствовалъ въ юридическомъ обществѣ при казанскомъ университетѣ и вообще являлся однимъ изъ двигателей умственной жизни города. Огнѣвчивый, доброжелательный, съ широкимъ кругозоромъ, Грассъ жилъ и волновалъ всѣмъ, чѣмъ жило и волновалось въ разныя эпохи русское общество, иногда съ чисто русской поинѣпностью охладѣвая къ одному вопросу и набрасываясь на другой.

И вотъ, въ то время, когда во всей Россіи, подъ вліяніемъ неурожаевъ, развивается земледѣльческой кризисъ, когда взоры всѣхъ землевладѣльцевъ обращаются къ банковымъ ссудамъ и къ правительственнымъ субсидіямъ, Грассъ, самъ землевладѣлецъ, предѣдатель крупнаго землевладѣнія въ Казанской губерніи, хватывается за мысль обезпеченія дохода землевладѣльца, крупнаго и мелкаго, путемъ страхованія опредѣленной нормы посѣвовъ. Онъ съ юношескимъ жаромъ отдается осуществленію этой идеи и пишетъ проектъ. Но это не одинъ изъ тѣхъ проектовъ, представляющихъ „взглядъ и ничто“ и ежегодно нарождающихся

десятками для наполненія корзины разныхъ канцелярій, — это трудъ, быть-можетъ, единственный въ своемъ родѣ. На собственный рискъ и страхъ, и, кромѣ фанатической вѣры въ пользу и осуществимость своей идеи, не имѣя никакого другого обезпеченія вознагражденія за отданныя на это дѣло средства и силы, Грассъ затрачиваетъ не одинъ десятокъ тысячъ рублей и три года усиленнаго труда на собраніе и разработку матеріаловъ для выясненія средней урожайности разныхъ посѣвовъ въ сорока губерніяхъ за двадцатилѣтній періодъ и для опредѣленія размѣра страховых премій. Голодъ 1891 года заставилъ его еще съ большей энергіей торопиться окончить задачу, за которую онъ взялся, и въ 1892 году онъ выпускаетъ свой трудъ „Страхованіе сельско-хозяйственныхъ посѣвовъ отъ неурожая“ — объемистый томъ, in 4°, въ которомъ разработаны исторія и теорія вопроса съ приложеніемъ множества подробнѣйшихъ статистическихъ таблицъ и картограммъ *).

Извѣстно, что страхованіе посѣвовъ отъ неурожая существуетъ лишь въ одной странѣ во всемъ мірѣ — въ Японіи. Поэтому трудъ Грасса сразу обратилъ на себя вниманіе не только у насъ, но и за границей, гдѣ имъ въ особенности заинтересовалось французское министерство земледѣлія. Въ Россіи же имя Грасса сразу приобрѣло громкую извѣстность: въ 1893 г. онъ былъ приглашенъ въ качествѣ свѣдущаго экономиста въ учрежденную при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссію по пересмотру Устава о народномъ продовольствіи, его проектъ страхованія посѣвовъ, увѣнчанный самаринской преміей, обезпечилъ въ разныхъ сельско-хозяйственныхъ обществахъ, министерство внутреннихъ дѣлъ разсылало его на разсмотрѣніе губернаторамъ, возникло сначала предположеніе объ учрежденіи государственнаго страхованія посѣвовъ, потомъ частнаго акціонернаго общества, и Грассъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, неустанно, съ ослабѣвавшей энергіей, хлопоталъ, гдѣ только могъ и какъ могъ, объ осуществленіи своей мечты. Но если бы это ему удалось, то что же стало бы съ нимъ? „Итъ пророка въ своемъ отечествѣ“. И судьба, на минуту улыбнувшаяся было Грассу, оказалась къ нему такой же немилостивой, какой была когда-то къ другому казанцу, шибѣ знаменитому, математику Лобачевскому, которому теперь въ Казани поставленъ памятникъ. Быть-можетъ, когда-нибудь поставятъ тамъ памятникъ и Грассу; но „памятникъ нерукотворный“ онъ во всякомъ случаѣ уже самъ воздвигъ себѣ, потому что, если Европа, идя по слѣдамъ Японіи, рано или поздно осуществитъ у себя страхованіе посѣвовъ, трудъ Грасса, по крайней мѣрѣ, для Россіи ляжетъ тутъ красуящимся камнемъ. Теперь же энергія этого выдающагося человѣка встрѣтила очень мало поддержки. Въ кругу нашихъ капиталистовъ онъ столкнулся съ той косностью, которая всегда или мѣшала осуществленію многихъ полезныхъ предпріятій, или отдавала ихъ въ руки иностранцевъ; въ сферѣ бюрократической — съ обычной медлительностью, нерѣшительностью, боязнью всякой новизны. Если не рѣшена до сихъ поръ участь „Устава о народномъ продовольствіи“, за пересмотръ котораго спѣшно принялись послѣ того, какъ голодъ 1891 года обнаружилъ неудовлетворительность дѣйствительныхъ до того времени положеній, то частному проекту страхованія посѣвовъ естественно лежать подъ спудомъ быть-можетъ еще долго и долго. Между тѣмъ жизнь его автора въ послѣдніе годы, когда онъ съ каждымъ днемъ встрѣчалъ все новыя и новыя препятствія къ осуществленію своей задачи, сдѣлалась настоящей драмой; подавленный неудачами организмъ не выдержалъ, и скоропостижная смерть была удѣломъ этого энергичнаго человѣка, достойнаго лучшей доли. Въ Грассѣ русское общество потеряло крупную интеллигентную рабочую силу и — если страхованіе посѣвовъ осуществится — потеряло самаго свѣдущаго и способнаго руководителя для этого дѣла. Грассъ, если не былъ Колумбомъ этого вопроса, то былъ для него во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ Америго Веспуччи.

Для характеристики Грасса, какъ судебного дѣателя, приведемъ выдержки изъ личныхъ воспоминаній о немъ одного изъ сотрудинокъ казанской газеты *Волжскій Вѣстникъ*, напечатанныхъ къ девятому дню кончины Грасса. Вотъ какъ характеризуется въ этихъ воспоминаніяхъ первое резюме, произнесенное Грассомъ, когда онъ только-что вступилъ въ должность предѣдателя казанскаго окружного суда. „Это не была рутинная рѣчь предѣдателя съ обычнымъ разъясненіемъ общихъ признаковъ преступленія, краткимъ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла и толкованіемъ о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ засѣдателей, — нѣтъ, это была ясная, живая, жизненная картина объективной стороны преступленія, это былъ строго психическій, образный анализъ личности подсудимаго и свидѣтелей, это было здравое, удобопонятное, оснащенное блестящими примѣрами изъ обиходной бытовой жизни, сужденіе и разъясненіе закона. Безъ преувеличенія скажу, что речію Л. I. Грасса составилъ эру въ судебномъ ораторскомъ искусствѣ въ Казани. Незамѣтно для всѣхъ, для прокуроровъ, присяжныхъ повѣренныхъ, для предѣдательствующихъ, они

* Л. I. Грассъ. *Страхованіе сельско-хозяйственныхъ посѣвовъ отъ неурожая*. Казань. Типографія Императорскаго университета. 1892. Цѣна 5 р. Сборъ поступилъ въ распоряженіе Казанскаго губернскаго земства въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая крестьянъ.

вещи почувляли живое слово Грасса, они не завидовали ему, и кто как могъ послѣдовали его безподобному примѣру. — И далѣе: — „Это былъ бичъ начинающей адвокатуры, но какъ часто онъ и выручалъ ее въ своемъ резюмѣ, вставляя туда сочные факты въ пользу подсудимаго, вставляя то, о чемъ и не помышлялъ претендентъ-защитникъ, и прибавляя иногда убійственные для самолюбія защитника слова: „защита могла бы сказать вамъ, гг. присяжные, то-то и то-то...“

Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ ярко рисуется Грассъ, какъ человекъ. „Его мягкое и доброе сердце особенно рельефно высказывалось при несчастіи, случившемся съ ближнимъ, даже враждебнымъ ему лицомъ. Онъ первый являлся съ помощью и участвіемъ во время болѣзни, при кончинѣ же кого-либо изъ нихъ онъ устраивалъ похороны, дѣлалъ подлинки, покупалъ для выручки семьи ненужныя вещи, выхлопывалъ усиленную

пенсію. Все прошлое, враждебное, даже оскорбительное — забывалось, и онъ дѣйствовалъ, стремясь единственно помочь, и помочь во что бы то ни стало.“

Кто лично зналъ покойнаго, для тѣхъ онъ навсегда останется незабвеннымъ. Пожелаемъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ не умерло его дѣло, его проектъ.

А. И. Грассъ, изъ потомственныхъ дворянъ, родился въ Варшавѣ, 12 августа 1841 г., воспитывался тамъ же въ дворянскомъ институтѣ, затѣмъ поступилъ на юридическій факультетъ петербургскаго университета. По окончаніи курса онъ тотчасъ же началъ службу по министерству юстиціи и служилъ сначала въ Царскомъ Селѣ, потомъ въ Рыбнскѣ, Курскѣ, Таганрогѣ, Симферополѣ, Тулѣ, Петербургѣ и, наконецъ, въ Казани. Похороненъ въ Казани, на лютеранскомъ кладбищѣ.

А. Луговой.

Торжество открытія мощей святителя Феодосія Углицкаго.

Какъ уже было сообщено въ предыдущемъ номерѣ *Нивы*, торжества открылись еще 4 сентября, пересоблаченіемъ мощей святителя. 6 сентября духовенство Чернигова торжественно встрѣтило святыхъ хоругви, жертвуемыхъ отъ общества московскихъ хоругвеносцевъ кремлевскихъ соборовъ и монастырей и Казанскаго собора. Въ 6 час. вечера, въ кафедральномъ соборѣ и во всѣхъ церквахъ города совершенно было заупокойное всепоходное бдѣніе съ пространною панихидою, при чемъ на заупокойныхъ ектеніяхъ номинался Феодосій, архіепископъ черниговскій. Стечение богомольцевъ настолько усилилось, что достунъ въ пещеру къ мощамъ чудотворца сталъ затруднителенъ. Начальникомъ губерніи приняты были всѣ мѣры для болѣе удобнаго расположенія богомольцевъ. На берегу Десны построены изъ цѣлаго ряда бараконъ городокъ святителя Феодосія съ безплатными ночлежными помѣщеніями и дешевыми столовыми и чайными. Противъ соборовъ, для оказанія медицинской помощи, разбито нѣсколько лазаретныхъ палатокъ общества Краснаго Креста.

Въ телеграммахъ „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“ сообщены слѣдующія дальнѣйшія свѣдѣнія о торжествахъ открытія мощей:

„7 сентября, въ 9 ч. утра, прибыли: кіевскій митрополитъ, архіепископы волынской, одесскій, херсонскій, наместникъ Почаевской лавры, настоятельница петербургскаго Дѣвичьяго монастыря, товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Саблеръ. Въ десятомъ часу, въ присутствіи начальника губерніи и другихъ властей Чернигова и прибывшаго на торжество духовенства, монашествующей братіи, хоругвеносцевъ и громаднаго стеченія богомольцевъ, въ соборѣ и во всѣхъ церквахъ города совершенно послѣдняя заупокойная литургія по святителю Феодосію. Въ кафедральномъ соборѣ епископъ новгородсѣверскій Питиримъ произнесъ слово о значеніи торжества.“

„Послѣ заупокойной литургіи панихиду служилъ кіевскій митрополитъ съ архіепископомъ волынскимъ, епископами самарскимъ и новгородсѣверскимъ, 7 архимандритами, 5 игуменами, 42 протоіереями и священниками. При пѣніи „со святыми упокой“ и „вѣчная память“, всѣ собравшіеся въ соборѣ встали на колѣна. Въ теченіе дня отъ собора роздано до 20,000 тропачиныхъ листовъ съ жизнеописаніемъ святителя.“

„Послѣ торжественной панихиды въ монастыряхъ и соборахъ, были совершены архіереями всепоходныя. 8 сентября отслужены были архіерейскія бдѣнія. Богомольцы долгими часами ждали очереди проникнуть въ пещеру. Среди нихъ множество больныхъ. Въ шесть часовъ загудѣли по всему городу колокола. Въ восьмомъ часу вечера состоялось торжественное перенесеніе мощей святителя Феодосія изъ пещеры Борисоглѣбскаго собора въ Преображенскій соборъ. Въ Преображенскомъ соборѣ собрались начальникъ губерніи, во главѣ властей; среди высокопоставленныхъ пріѣзжихъ были статсъ-секретарь Дурново, г. с. Саблеръ, главный инспекторъ желѣзныхъ дорогъ Мясоѣдовъ-Ивановъ, генералъ-адеютантъ Драгомировъ, черниговскія дамы, настоятельницы женскихъ монастырей; въ алтарѣ—кіевскій митрополитъ; архіепископы: херсонскій и одесскій, волынской и житомирскій; епископы: самарскій, гдовскій, черниговскій, новгородсѣверскій; девять архимандритовъ, девять игуменовъ, всѣ настоятели черниговскихъ церквей и монастырей. Выше духовенство было въ магіяхъ, протоіерей—въ рясахъ съ епитрахилью, діаконы и псаломщики—въ бѣлыхъ стихаряхъ. Послѣ совершенія начала всепоходнаго бдѣнія, изъ Спасо-Преображенскаго собора вышелъ крестный ходъ въ Борисоглѣбскій соборъ. Хоругви, кресты и фонари, украшенные цвѣтами, несли московскіе и тропце-сергіевскіе хоругвеносцы. Впереди крестъ изъ живыхъ цвѣтовъ—даръ къ гробу святителя отъ черниговскихъ дамъ. По прибытіи крестнаго хода къ Благовѣщенскому собору, митрополитъ съ архіереями опустился въ пещеру, гдѣ окропилъ св. водою гробницу и покровы. Архіерей переложили мощи святителя въ новый кипарисный гробъ, обитый шелковой матеріей, украшенной золотымъ галуномъ; архимандриты: Филаретъ изъ Почаевской лавры, Германъ изъ Новгородсѣверскаго монастыря и Евлогій изъ Выдубецкаго монастыря и старѣйшіе протоіерей,

поднявъ гробъ, внесли его изъ пещеры и храма. По установленіи на носилки, архимандриты, поднявъ гробъ съ мощами на плеча, при содѣйствіи некоторыхъ богомольцевъ, понесли его вдоль монастырской ограды. Гробъ предшествовалъ крестный ходъ. За гробомъ шли митрополитъ, архіепископы, епископы и съѣхавшіеся на торжество высокопоставленные лица. Во время обнесенія мощей кругомъ Преображенскаго собора, процессія на каждой сторонѣ его останавливалась для произнесенія прошенія литіиной ектеніи. По окончаніи прошеній, у западныхъ дверей собора была прочтена литіиная молитва: „Владыко многомилостивый“, и затѣмъ гробъ былъ внесенъ въ соборъ и установленъ по срединѣ его. Во время перенесенія мощей всѣ стояли съ зажженными свѣчами. Вокругъ ограды и въ самой оградѣ было стеченіе богомольцевъ необычайное,—положительно некуда было унасть блоку. Говорятъ, что здѣсь собралось до 75-ти тысячъ человекъ. Когда показался гробъ изъ Борисоглѣбскаго собора, вся эта многочисленная толпа народа опустилась на колѣна и съ рыданіями стала возносить свои горячія молитвы Всевышнему. Большинство богомольцевъ было въ религиозномъ экстазѣ, всюду раздавались истеричные крики и вопли. Хотя духовная процессія, залитая луннымъ свѣтомъ, сильно дѣйствовала на религиозно настроеннаго человека, прославляя величіе Православной Церкви, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, множество больныхъ, калѣкъ и бѣсноватыхъ представляли тяжелую картину. Послѣ благословенія хлѣбцовъ, всепоходное бдѣніе продолжалось въ соборѣ по уставу до полудня. Между каюнами епископъ Антоній черниговскій сказалъ слово о значеніи сегодняшняго дня. Митрополитъ роздалъ духовенству, а архіерей народу зажженные свѣчи; подождя къ гробу съ мощами, митрополитъ открылъ крышку гроба, и совершилось общее поклоненіе святителю Феодосію. Послѣ него плѣсо святителю величаніе. По прочтеніи евангелія, митрополитъ, архіерей, духовенство, а затѣмъ и народъ прикладывались къ мощамъ. По окончаніи всепоходной, храмъ былъ открытъ всю ночь для поклоненія народа мощамъ святителя.“

„9 сентября, въ день торжественнаго открытія мощей святителя Феодосія Углицкаго, Черниговъ проснулся рано или, вѣрнѣе, совсѣмъ не спалъ. Всю ночь богомольцы одинъ за другимъ подходили къ гробу и прикладывались къ мощамъ. Многие тутъ же получали исцѣленіе. Въ особенности рѣзко выдѣлилось новое чудесное исцѣленіе крестьянина Орловской губерніи Діонисія Иванина, 32 лѣтъ, который былъ расслабленъ послѣдній 15 лѣтъ. Принявъ вчера утромъ св. даръ послѣ всепоходной, онъ былъ внесенъ въ Спасо-Преображенскій соборъ къ мощамъ. Приложившись къ нимъ, онъ, юзѣтъ помазаніи освятившимся елеемъ, послѣ патнадцатилѣтняго лежанія, всталъ съ своего ложа, чтобы воздать своему горячую молитву Творцу за чудесное исцѣленіе. При мѣѣ въ пещеру ввели крестьяне сѣбнаго мальчика лѣтъ шести, который оцущью взялъ восковую свѣчку. Вставъ на колѣна предъ гробницею святителя, дитя горячо молилось и слезы канала изъ глазъ. Молитва безгрѣшнаго ребенка была услышана Богомъ—онъ прозрѣлъ. Нельзя описать радость ребенка, увидавшаго вновь свѣтъ Божій. Смотрѣть безъ слезъ умиленія на радость его родителей не было возможности. Всѣ свидѣтели этого чуда плакали навзрыдъ. Были и другія исцѣленія, но, къ сожалѣнію, ихъ не занесли. Чуть забрезжилъ свѣтъ, толпы богомольцевъ потянулись къ собору; часть ихъ прошлила за ограду и въ Спасо-Преображенскій соборъ, другая часть всей своей массой встала вокругъ ограды соборовъ сплошной стѣною. Несмотря на такое громадное стеченіе народа, порядокъ былъ всюду образцовый. Распоряжался лично начальникъ губерніи. Въ девятomъ часу утра, къ собору прибыли войска, выстроившіеся въ двѣ линіи по сторонамъ воротъ, противъ входа въ Спасо-Преображенскій соборъ. Знамена были внесены въ соборъ и поставлены у гроба святителя. Далѣе, тыломъ къ мужской гимназій, выстроились ратники ополченія ирива нынѣшняго года, собравшіеся на учебный сборъ, свободные отъ наряда. Въ парадъ войска были откомандированы на усиленіе полиціи, которой сильную поддержку оказывали конные уральскіе казаки и прибывшіе изъ Москвы жандармы. Въ 9 часовъ утра ударили въ колоколъ благо-

вѣсть къ поздней литургіи, которую совершалъ кievскій митрополитъ съ двумя архіепископами, четырьмя епископами, девятью архимандритами и массою духовенства. На маломъ входѣ съ Евангеліемъ, при пѣніи „Приидите поклонимся“, священнослужители, преимущественно архимандриты, подняли кипарисный гробъ со святыми мощами и внесли его въ Царскія двери, въ алтарь, и поставили предъ Св. Престоломъ такъ, чтобы лицо святителя было обращено къ Престолу, какъ служащаго. За мощами въ алтарь вошли епископы, архіепископы и митрополитъ Иоанникій. Главу святителя возвысили въ гробѣ настолько, чтобы почитающій во гробѣ святитель былъ виденъ народу, стоящему въ храмѣ. Четыре подіакона, въ ораяхъ, въ продолженіе всей литургіи держали надъ святителемъ съ обѣихъ сторонъ рипиды, дикиріи и трикириі съ возженными свѣчами по сторонамъ мощей святителя. Въ алтарѣ встали митрополитъ и архіереи. Въ это время въ Спасо-Преображенскій соборъ стали прибывать изъ всѣхъ черниговскихъ церквей крестные ходы съ мѣстными священниками. Въ соборѣ вскорѣ были принесены чудотворныя иконы Елецкая и Троицкая. Крестные ходы медленно двигались по улицамъ Чернигова при торжественномъ колокольномъ звонѣ. Войска отдавали честь святителямъ. Въ обычное время предъ окончаніемъ литургіи, кievскій митрополитъ сказалъ высокознаменательное слово о нетлѣнныхъ святыхъ мощей. По окончаніи литургіи, святые мощи были вынесены изъ алтаря и установлены посрединѣ храма. Послѣ молебнаго пѣнія съ капономъ предъ святыми мощами, тронулся изъ собора вокругъ его крестный ходъ, который какъ бы предшествовалъ святымъ мощамъ, которые несли на плечахъ архимандриты въ открытомъ гробѣ. Впереди несли 46 хоругвей, много запрестольныхъ крестовъ, всѣ святые иконы города. Въ крестномъ ходѣ, кромѣ митрополита, архіепископовъ и епископовъ, участвовало до ста священниковъ и іеромонаховъ. По пути слѣдованія крестнаго хода встали семинарія, жепское епархіальное училище, женская и мужская гимназіи, мужское духовное училище и церковно-приходскія школы города Чернигова. Позади высшего духовенства шли статсъ-секретарь Дурново, т. е. Саблеръ, генералъ-адъютантъ Драгомировъ, начальникъ губерніи, предводитель дворянства графъ Милорадовичъ, ректоръ университета св. Владимира, профессоръ каведры первыхъ болѣзней Сикорскій, профессоръ Праховъ и много другихъ высокопоставленныхъ лицъ. По возвращеніи крестнаго хода въ соборъ, гробъ съ мощами святителя былъ вставленъ въ сере-

Государь Императоръ. Наслѣдный принцъ датскій. Король датскій. Принцъ Вальдемаръ. Принцъ Христианъ.

Торжественная встрѣча Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Нѣппенгагенѣ.

брюную раку, между колоннами, по правую сторону собора. Митрополитъ и архіереи окружили раку, протоіакоу возгласилъ: „наки и наки преклонимъ колѣна, святителю и чудотворцу Θεодосію помоллимся“, всѣ опустили на колѣна. Митрополитъ прочелъ предъ мощами молитву святителю; затѣмъ прикладывались ко св. мощамъ духовенство, власти и народъ. Колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ продолжался весь день и слѣдующіе два дня. На торжество съѣхалось множество миссіонеровъ. Не мало прибыло въ Черниговъ раскольниковъ Поморскаго и безпоповскаго толковъ. Изъ Нижегородской и Владимірской губерній прибыли три главныхъ пачетчика раскольниковъ: ихъ сопровождали миссіонеры-священники Смирновъ и Тарутиевъ. Цѣль пріѣзда убѣдиться въ нетлѣнной мощей святителя Θεодосія. Когда они убѣдятся въ этомъ, то стоящіе за ними двѣ тысячи раскольниковъ примутъ православіе. Митрополитъ разрѣшилъ послѣ окончанія торжества открыть для нихъ ликъ святителя, дабы они увѣривали и стали бы вѣрными сынами Православной Церкви.

„10-го сентября, послѣ архіерейской объѣди, митрополитомъ Иоанникіемъ съ четырьмя архіереями совершено было молебенъ. Послѣ литургіи, пресвященнейшій Пиприувъ открывалъ мощи прибывшимъ съ Дона, Кубани и изъ Владиміра раскольниковымъ учителямъ и пачетчикамъ. Наканунѣ при нихъ пещлялся разслабленный, пребывавшій въ болѣзненномъ состояніи 15 лѣтъ, котораго несли на подушкахъ четверо человекъ.

„9-го сентября совершены были торжественныя богослуженія во всей Россіи. Особою торжественностью отличалась служба въ столицахъ. Въ Петербургѣ торжественное богослуженіе совершено было въ Исаакіевскомъ соборѣ. Литургію совершалъ настоятель собора протоіерей о. Смирновъ въ сослуженіи мѣстнаго духовенства и семи архимандритовъ. На молебенъ же вышли: высокопреосвященные: Паладій, митрополитъ петербургскій и ладожскій, Антоній, архіепископъ финляндскій, Арсеній, архіепископъ рижскій и митавскій, члены Св. Синода преосвященные: Маркель и Турій и почти все духовенство столичныхъ приходскихъ церквей. Храмъ былъ полонъ молящихся. По окончаніи молебствія настоятель собора о. Смирновъ сказалъ слово о значеніи открываемыхъ сегодня мощей и о жизни угодника Θεодосія. Въ Москвѣ торжественное молебеніе совершено было въ большомъ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ московскимъ Сергіемъ. Наканунѣ во всѣхъ храмахъ совершены были торжественныя всенощныя бдѣнія съ краснымъ звономъ, литіями и величаніями святителю Θεодосію.“

Приготовленія къ встрѣчѣ Ихъ Величествъ во Франціи.

Ихъ Императорскія Величества отправятся во Францію изъ Портемута и вступятъ на французскую землю въ Шербургѣ. Предполагается, что Ихъ Величества прибудутъ на шербургскій рейдъ вечеромъ или ночью. Въ виду этого Шербургъ встрѣтитъ Августѣйшихъ Гостей блестящей иллюминаціей: гавань на прогнѣнн болѣе шести верстъ будетъ освѣщена десятками тысячъ венеціанскихъ фонарей. Всѣ суда, стоящія на рейдѣ, будутъ такъ же иллюминированы и украшены флагами, какъ и эскадра, которая пойдетъ впереди Императорскихъ яхтъ.

Для перевозки Августѣйшихъ Гостей съ яхты „Штандартъ“ на берегъ готовится золотая лодка Наполеона III, заново реставрированная. Эта лодка до сихъ поръ хранилась въ арсеналѣ, какъ историческая достопримѣчательность. Августѣйшихъ Гостей будутъ встрѣчать президентъ республики, морекон и иностранныхъ дѣлъ министры, адмиралъ, командующій мѣстной эскадрой, морской префектъ Шербурга и другія высокопоставленныя лица. Муниципалитетъ города ассигновалъ на приготовленія къ встрѣчѣ Ихъ Величествъ неограниченный кредитъ.

На шербургскомъ рейдѣ предполагается устроить въ Высочайшемъ присутствіи морской смотръ, въ которомъ будетъ участвовать вся эскадра Сѣвернаго моря.

Въ назначенный день, въ 10 час. утра, Императорскій поѣздъ прибудетъ въ Парижъ и остановится въ вокзалѣ La Muette, крайней станціи городской желѣзной дороги. Съ вокзала Августѣйшіе Путешественники прослѣдуютъ по Avenue Булонскаго лѣса, площади de l'Étoile, Avenue Елисейскихъ полей, по площади и мосту Согласія, Сентъ-Жерменскому бульвару и улицѣ Сентъ-Симонъ къ дому русскаго посольства, гдѣ изволитъ остановиться. Парадный экипажъ, который будетъ предоставленъ въ распоряженіе Ихъ Величествъ, именно тотъ, которымъ пользовался генераль Буадефрѣ во время коронаціонныхъ празднествъ въ Москвѣ.

Начальникъ французскаго генеральнаго штаба генераль Буадефрѣ назначенъ состоять при Особѣ Его Величества. При Особѣ Ея Величества будетъ состоять вице-адмиралъ Жерве.

Въ посольскомъ домѣ Ихъ Величества займутъ парадные апартаменты, а личные апартаменты посла будутъ отведены для великой княгини Ольги Николаевны.

Позавтракавъ въ посольствѣ, Ихъ Величества поѣдутъ въ русскую церковь, гдѣ будетъ отслуженъ благодарственный молебенъ, послѣ чего сдѣлаютъ визитъ президенту республики въ Елисейскомъ дворцѣ. Затѣмъ Ихъ Величества позволятъ возвратиться въ домъ русскаго посольства, гдѣ тотчасъ по прибытіи примутъ президента республики. Вечеромъ въ Елисейскомъ дворцѣ будетъ большой обѣдъ, но никакого приема послѣ обѣда не будетъ. Въ 9½ часовъ вечера Ихъ Величества, въ сопровожденіи президента республики, поѣдутъ въ Théâtre Français, гдѣ назначенъ spectacle demi-gala.

Второй день пребыванія Ихъ Величествъ въ Парижѣ будетъ посвященъ осмотру достопримѣчательностей столицы Франціи.

Въ списокъ достопримѣчательностей Парижа одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ французская академія. Ихъ Величества посѣтятъ академію въ обыкновенномъ ея дѣловомъ заведеніи, въ малой квадратной залѣ. Для Ихъ Величествъ будутъ поставлены два кресла противъ академическаго бюро. Всѣ „сорокъ бессмертныхъ“ встрѣтятъ Царственныхъ Гостей на порогѣ академіи, но не въ мундирахъ, а въ сюртукахъ, согласно традиціи. Директоръ академіи произнесетъ привѣтствіе. Поэтъ Франсуа Коппѣ прочтетъ въ стихахъ короткую пьесу, написанную по случаю Царскаго посѣщенія. Затѣмъ директоръ произнесетъ обычную фразу: „Господа, мы переходимъ къ составленію словаря“. Въ этотъ моментъ Ихъ Величествамъ будетъ доложено, что Ихъ ожидаютъ на монетномъ дворѣ.

Всѣ русскіе Государя, бывавшіе въ Парижѣ, посѣщали монетный дворъ. Ихъ Величества будутъ присутствовать при че-

канкѣ золотой медали въ память Ихъ посѣщенія парижскаго монетнаго двора, а также при чеканкѣ серебряныхъ монетъ, заказанныхъ русскимъ правительствомъ. Кроме того, Ихъ Величества посѣтятъ зданіе городской думы (Hôtel de Ville). Вечеромъ состоится парадный спектакль въ театрѣ „Оперы“.

На третій день, утромъ, Государь Императоръ будетъ присутствовать на смотрѣ войскъ въ Шалонѣ-на-Марнѣ. Смотръ состоится поутру, 27 сентября (9 октября), и въ немъ будетъ участвовать: 100 батальоновъ, 100 эскадроновъ и 50 батарей. Всѣми войсками будетъ командовать генераль Соссе, обязанности начальника штаба будетъ исполнять генераль Лемутонъ де-Буадефрѣ.

Французскія войска съ нетерпѣніемъ ждутъ дня смотра, когда имъ придется пройти церемониальнымъ маршемъ предъ Державнымъ Воздемъ дружественнаго народа. Офицеры и солдаты резервовъ парижскаго округа, срокъ службы которыхъ истекаетъ на-дняхъ, массами обращаются къ военнымъ властямъ съ просьбою оставить ихъ подъ знаменами, чтобы они могли имѣть возможность участвовать въ смотрѣ въ присутствіи Государя Императора.

Весь Парижъ, во главѣ всей радостно настроенной Франціи, послѣдно готовится къ приему Ихъ Величествъ. Городское управленіе Парижа приняло на себя: 1) украшеніе улицъ, по которымъ пройдутъ Ихъ Величества, начиная отъ вокзала и до русскаго посольства; 2) украшеніе флагами и иллюминаціей зданій, принадлежащихъ городу, и 3) организцію большого общепарижскаго народнаго празднества. Комитетами отдѣльныхъ городскихъ округовъ будетъ дана субсидія въ 100,000 фр. для устройства празднествъ по кварталамъ, и 200,000 фр. будутъ розданы бѣднымъ.

Въ украшеніяхъ и иллюминаціи Парижа, на ряду съ городскимъ управленіемъ, принимаютъ дѣятельное участіе и сами жители Парижа. Такъ, напримеръ, главнѣйшіе кунцы улицы Мира (rue de la Paix) рѣшили на свои средства воздвигнуть пять триумфальныхъ арокъ изъ зеленыхъ вѣтвей и изъ цвѣтовъ, между Вандомской площадью и площадью Оперы.

Затѣмъ, бюро комитета парижской „Общей ассоціаціи студентовъ“ намѣрено устроить

грандиозную манифестацію. Оно обратилось ко всемъ французскимъ студенческимъ ассоціаціямъ съ посланіемъ, съ цѣлью засвидѣтельствовать Русской Императорской Четѣ чувства почтенія и симпатіи отъ имени французской учащейся молодежи.

Въ ожиданіи предстоящаго приѣзда въ Парижъ Ихъ Величествъ, явился огромный спросъ на портреты Ихъ Величествъ. Портреты отираютъ изъ Парижа во все французскіе города по пятидесяти и болѣе тысячъ экземпляровъ въ день. Въ ознаменованіе приѣзда во Францію Русской Императорской Четѣ, выйдутъ миллионы экземпляровъ символическаго изображенія франко-русскихъ отношеній, въ видѣ двухъ флаговъ, слившихся внизу своими складками. Вдали желтѣетъ нива—поле мирнаго труда, а впереди, на первомъ планѣ—символь промышленнаго преуспѣванія—колесо прогресса.

СОДЕРЖАНІЕ: Кольцо Императрицы. Историческій романъ кн. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе.)—Первоцѣтъ. Устный разсказъ Бертольда Ауэрбаха, переложенный Натъ Андрѣ. (Съ иллюстраціями.)—Стихотвореніе А. Уруглова.—Древнѣйшія пещеры.—Пещерныя жилища въ наше время. Путевыя замѣтки. (Съ 4 рисунками.)—Осенняя мелодія. Стихъ В. В. Ад-наго.—Къ рисункамъ: На чердакѣ (съ рис.).—Каменный вѣкъ (съ 3 рис.).—Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Нижнемъ-Новгородѣ (съ 6 рис.).—Памятникъ императору Николаю I въ Кіевѣ (съ рис.).—Торжественная встрѣча Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Копенгагенѣ (съ рис.).—Л. I. Грассъ (съ портр.).—Торжество открытія мощей святаго Теодосія Угличскаго.—Приготовленія къ встрѣчѣ Ихъ Величествъ во Франціи.—Объявленія.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемѣс. литературн. прилож.“ за Сентябрь 1896 г.

Л. I. Грассъ († 11 июня 1896 г.)

Съ фотогр. Федорова въ Казани автотипія „Нивы“.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ МЪХОВЫМЪ ТОВАРАМЪ

МАГАЗИНОВЪ

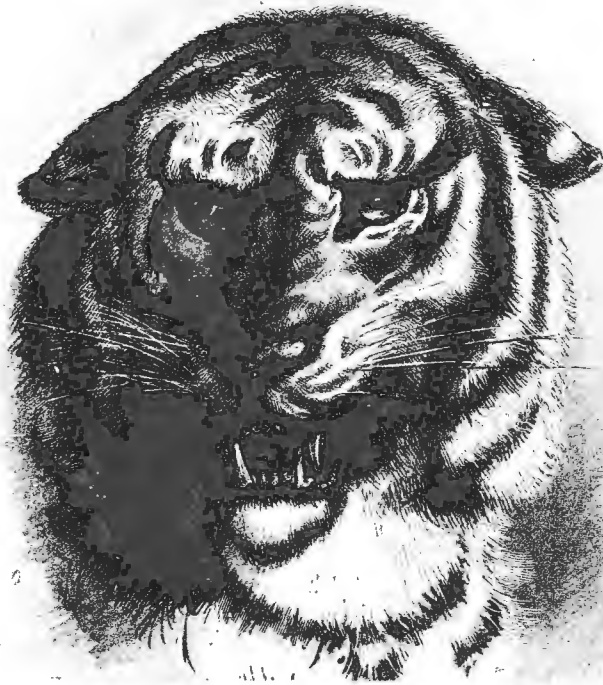
Ф. Л. МЕРТЕНСЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ:

- 1) Невскій проспектъ, собств. домъ, № 21.
- 2) Гостиный дворъ, № 58.

Р И Г А:

- 3) Господская улица, домъ Бакалдиныхъ.

ОПТОВЫЕ СКЛАДЫ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ:

- 1) Внутри Гостиного двора, собств. клад., №№ 2 и 3.

ЛЕЙПЦИГЪ:

- 2) Брюль, св. д., №№ 56, 58, 60.

НИЖЕГОРОД. ЯРМАРКА:

- 3) 1-я линия, Пушной рядъ, собств. лавка, № 20.

Личное присутствіе на аукціонахъ мѣхового сырья въ Лондонѣ (главномъ пунктѣ ввоза и вывоза американскихъ товаровъ); собственный оптовый складъ въ Лейпцигѣ (центрѣ всемірной мѣховой торговли); посѣщеніе всѣхъ европейскихъ ярмарокъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ мѣховому дѣлу; спеціальныя комиссіонеры въ Сибири и Америкѣ,— словомъ: покупка товаровъ высшаго качества, крупными партіями, всегда изъ первыхъ рукъ и за наличныя деньги — вотъ условія, которыя даютъ мнѣ возможность продавать лучшія мѣховыя издѣлія, приготовляемая въ собственныхъ мастерскихъ, подъ личнымъ наблюденіемъ, значительно дешевле другихъ. Довѣріе многочисленныхъ кліентовъ, свыше чѣмъ за пятидесятилѣтній періодъ существованія фирмы, годъ отъ года прогрессирующее процвѣтаніе ея—результатъ всегда внимательнаго и аккуратнаго отношенія одинаково какъ къ цѣннымъ, такъ и недорогимъ заказамъ.

Магазины принимаютъ всякаго рода передѣлки съ добавкой мѣха и перекрышкой новой матеріей, а также въ окраску старыя мѣха и въ выдѣлку сырья шкуры звѣрей.

Пріемъ на сбереженіе отъ моли мѣховыхъ вещей, ковровъ и пр. (по желанію съ застрахованіемъ отъ огня) во всѣхъ магазинахъ моихъ производится по самой умѣренной цѣнѣ.

По требованію гг. иногородныхъ покупателей товаръ высылается съ наложеннымъ платежемъ, по полученіи задатка не менѣе 20%.

—* Пересылка въ предѣлахъ Европейской Россіи за счетъ магазиновъ. —*

Магазины имѣютъ въ обширномъ выборѣ всевозможныя русскія и заграничныя матеріи для покрывекъ.

При заказахъ слѣдуетъ обозначать мѣрку въ сантиметрахъ или вершинахъ.

Въ заключеніе долгомъ считаю замѣтить, что цѣны, назначенныя здѣсь, могутъ измѣняться въ зависимости отъ рода заказа, роста заказчика и количества мѣха и матеріи, потребныхъ для изготовленія той или другой вещи, почему, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, магазины даютъ лично и письменно точныя разъясненія на всѣ запросы.

Ф. Л. Мертенсъ.

I. Мѣха для ротондъ, пальто, шинелей, шубокъ, жакетовъ и пр.

1. Соболей сибирскихъ натуральныхъ 600, 700, 800 до 5000 р.
2. Соболей подкрашенныхъ 400, 500, 600 до 800 р.
3. Куницъ натуральн. мягкихъ и горскихъ 250, 300, 350, 400 до 750 р.
4. Песцовъ (голубой лисицы) 450, 500, 550, 600, 700 до 1400 р.
5. Лисицъ черныхъ серебристыхъ 1200, 1400, 1500, 1800, 2000 до 5000 р.
6. Лисицъ чернобурыхъ (сиводушки) 175, 200, 225, 250, 275, 300 до 1200 р.
7. Лисицъ красныхъ: сибирскихъ, американскихъ, шведскихъ, норвежскихъ и др. 40, 50, 60, 75, 80, 90, 100 до 250 р.
8. Норокъ американскихъ и русскихъ 80, 100, 125, 150, 175, 200, 250 до 500 р.
9. Хорьковъ черныхъ 60, 80, 100, 125, 150, 175, 200 до 350 р.
10. Хорьковъ свѣтлыхъ сибир. натур. и краш. 35, 40, 45 до 60 р.
11. Опоссумъ (кенгуру) коричневыя (Тасманскій) 100, 120, 130, 140, 150 до 210 р.
12. Опоссумъ сѣр. австрал. 35, 40, 45, 50, 60, 70, 75 до 125 р.
13. Выхухоля серебрист. русскаго (мускуснаго) 100, 120, 140, 150 до 200 р.
14. Выхухоля америк. чернаго 60, 75, 100, 110, 125 до 150 р.
15. Выхухоля америк. бронзоваго 30, 32, 35, 38, 40, 45, 50 до 75 р.
16. Выхухоля чернаго черевьи 15, 18, 20 до 30 р.
17. Лира-скунтъ (дибеткатцъ) 140, 170, 180, 200 до 250 р.
18. Горносталя лучшаго 150, 175, 200, 220 до 300 р.
19. Нютригъ американ. 40, 50, 65, 75, 85 до 110 р.
20. Пыжика (молад. оленя) 25, 35, 40, 50, 60 до 120 р.
21. Бѣлки сибирск. темной хребт. 35, 40, 50, 60, 75 до 160 р.
22. Бѣлки сибирск. черевьи 15, 18, 20, 25, 30 до 45 р.
23. Бѣлки русской (отборной) 15, 17, 20, 22, 26 до 32 р.
24. Бѣлки русской черевьи 6, 7, 8, 10 до 12 р.
25. Крестоватика сибирскаго 38, 40, 45, 50, 60 до 100 р.
26. Недопеска т. 80, 100 до 125 р.
27. Кролика англійскаго 25, 30, 35, 40, 45 до 60 р.
28. Козъ астрахан. (щипани.) 20, 25, 30, 35 до 65 р.
29. Кошекъ сибир. и бухарск. черн., голуб. и сѣр. 12, 15, 18, 20, 24, 28 до 45 р.
30. Овчинъ калмыцкихъ, русскихъ и др. 15, 17, 20, 22, 25, 30 до 40 р.
31. Скунка америк. 125, 150, 170, 180, 200 до 400 р.
32. Овчинъ (козъ) тибетск. бѣлыхъ 50, 55, 60, 70, 80, 90 до 160 р.
33. Тоже, черныхъ (загран. краски) 80, 90, 100, 120 до 200 р.
34. Собольихъ лапокъ 75, 90, 100, 120, 140, 160 до 350 р.
35. Кунныхъ лапокъ 40, 50, 60, 75, 85, 100, до 160 р.
36. Лисицъ черн. лапокъ 175, 200, 225, 240, 260 до 1000 р.
37. Лисицъ чернобур. лапокъ 70, 80, 100, 110 до 200 р.
38. Песцовъ голубыхъ лапокъ 100, 120, 140, 160, 175 до 325 р.
39. Ильки лапокъ 110, 120, 140, 160, 175 до 525 р.
40. Пыжика лапокъ 25, 30, 35 до 45 р.
41. Собольихъ шеекъ 170, 180, 200, 230, 260, 275 до 600 р.
42. Кунныхъ шеекъ 75, 85, 100, 110, 120 до 210 р.
43. Ильки шеекъ 125, 150, 175 до 250 р.
44. Лисицъ красныхъ душекъ 45, 60, 75, 100 до 175 р.
45. Енота бочковые 12, 15, 18, 20 до 35 р.

II. Мужскія шубы съ воротникомъ, не крытыя.

46. Медвѣдя американ. 300, 325, 350, 400, 450, 500, 600 до 1000 р.
47. Ильки натуральной 350, 400, 500, 600, 750, 800 до 3000 р.
48. Енота чернаго 300, 400, 450, 500, 600 до 1700 р.
49. Енота голубого 70, 80, 90, 100, 110, 120 до 250 р.
50. Волка сибирск. хребт. и черев. 50, 60, 75 до 125 р.

III. Шкуры разн. звѣрей, выдѣланныя.

51. Соболей сибирскихъ натуральн. 10, 15, 18, 20, 25, 30, 40 до 300 р.
52. Лисицъ черныхъ (серебристыхъ) 75, 100, 125, 150, 200 до 1200 р.
53. Песцовъ (голубой лисицы) 40, 50, 60, 75, 80, 100 до 155 р.
54. Ильки американ. 15, 20, 25, 30, 40, 50 до 110 р.
55. Бобровъ камчатскихъ 250, 350, 400, 500, 600 до 2500 р.
56. Медвѣдей американ. черныхъ 30, 40, 50, 60 до 150 р.
57. Медвѣдей сибирскихъ бурыхъ 15, 20, 25, 30, 40 до 100 р.
58. Куницъ мягкихъ и горскихъ 4, 5, 6, 8, 10, 12 до 15 р.
59. Лисицъ чернобурыхъ (сиводушки) 15, 20, 25, 30 до 50 р.
60. Лисицъ красныхъ 3, 5, 7 до 10 р.
61. Лисицъ японскихъ 5, 7, 8 до 10 р.
62. Лисицъ бѣлыхъ (песцовъ) 5, 8, 10, 12 до 15 р.

IV. Ротонды дамскія, крытыя бархатомъ, плюшемъ, шелковыми и шерстяными матеріями, изготовляются:

88. На мѣху черн. лисицъ съ такой же шалью 1400, 1500, 1750, 2000, 2200 до 4000 р.
89. На мѣху сибирск. соболей съ такой же или камчат. бобра шалью 600, 750, 800, 1000, 1200 до 2500 р.
90. На мѣху голуб. песцовъ съ такой же, черн. лисицы, камч. бобра или собол. шалью 600, 700, 800, 1000 до 2000 р.
91. На мѣху мягк. или горск. куницъ съ такой же, соболей или камчат. бобра шалью 400, 450, 500, 600 до 1100 р.
92. На мѣху черноб. лисицъ (сиводушки) съ соболей, черн. лисей или камч. бобра шалью 350, 400, 460, 500 до 1000 р.
93. На мѣху луч. красн. лисицъ съ соболей, черн. лисицъ, голуб. песца, куньей и др. шал. 200, 225, 250, 300 до 550 р.
94. На мѣху лисицъ средн. сорт. съ соболей, куньей, японск. или крашен. лисицъ и др. шалью 70, 80, 100, 110, 125, 150, 175, 200 до 300 р.

63. Бобровъ рѣчныхъ (польскихъ) 15, 18, 20, 25 до 40 р.
64. Енота 1, 2, 3, 4, 5, 7, 10, 15, 20 до 30 р.
65. Енота стрижен. подъ бобръ 5, 6, 7, 8, до 14 р.
66. Скунка американ. 2, 3, 4, 5 до 10 р.
67. Котика америк. 40, 50, 60, 75, 100 до 160 р.
68. Норки амер. отборн. 2, 4, 5, 6, 7, 8 до 18 р.
69. Нютригъ 2, 3, 4, 5 до 8 р.
70. Шеншелля 15, 18, 20, 22 до 28 р.
71. Бартаджъ (шеншелля) 3, 4, 5, 6 до 10 р.
72. Каракуль (хлвинка) загран. краски 4, 5, 6, 7, 8, 10 до 20 р.
73. Каракуль натур. черн., коричневыя и сѣрый 4, 5, 7, 9 до 15 р.
74. Овчинка бухарск. сѣрая 4, 5, 6, 8 до 12 р.
75. Овчинка крымская сѣрая 3, 4, 5 до 8 р.
76. Овчинка тибет. бѣлая 5, 7, 8, 10 до 14 р.
77. Овчинка тибет. черн., загран. краски 7, 8, 10, 12 до 20 р.
78. Козы астрахан. щипан. бѣлыя и голуб. 3, 5, 7, 10 до 12 р.
79. Выхухоль амер. черн. и бронз. 50, 75 к., 1 р., 1 р. 25 к., 1 р. 50 к. до 2 р.
80. Выхухоль серебристый (мускусн.) 75 к., 1 р., 1.50 до 2 р.
81. Горносталя лучшій 1, 1.50, 2 до 3 р.
82. Опоссумъ (кенгуру) коричневыя тасман. 3, 4, 5, 6 до 10 р.
83. Опоссумъ сѣрый, австрал. 50 к., 75 к., 1.25, 1.50 до 2 р.
84. Выхухоль амер. щипан. подъ котикъ 1.50, 2, 2.50.
85. Хорьки 50 к., 1 р., 1.50, 2, 2.50 до 4 р.
86. Кошка сибир. и бухар. разн. цвѣтовъ 40, 50, 60 до 80 к.
87. Бѣлка сибир. темн. 30, 40, 50 до 75 к.

95. На мѣху бѣл. и черн. тибет. овчин. съ такой же шалью 100, 110, 125, 140, 150 до 225 р.
 96. На мѣху сибир. темн. бѣлокъ съ собол., песц., черн. тибет., японск. лисицы и др. шалью 125, 140, 160, 175 до 275 р.
 97. На мѣху астрахан. козъ съ такой же или песцов. голуб. шалью 60, 75, 80, 90, 100, 110, 125 до 200 р.
 98. На мѣху опоссумъ (кенгуру) коричневыя тасман. съ такой же, соболей, песцов. и др. шалью 150, 175, 200, 210, 220 до 350 р.
 99. На мѣху опоссумъ (кенгуру) сѣр. съ такой же, тасман., голуб. песца и др. шалью 60, 70, 80, 100, 110, 125 до 175 р.
 100. На мѣху амер. норокъ съ собол. шалью или пелерной, норков., соболей и др. 200, 225, 250 до 1000 р. и дороже.
- И на всѣхъ другихъ мѣхахъ по желанію покупателей.

V. Пальто дамскія, крытыя бархатомъ, плюшемъ, шелковыми и шерстяными матеріями, изготовляются:

101. На мѣху сибирскихъ соболей съ такимъ-же, камчатскаго бобра или черной лисицы воротникомъ 550, 600, 700, 800 до 1100 р.
 102. На мѣху черныхъ лисицъ съ такимъ-же, собольимъ, или камчат. бобра воротникомъ 850, 900, 1000 до 2250 р.
 103. На мѣху кунницъ съ такимъ-же, собольимъ или камчат. бобра воротникомъ 300, 350, 400, 450 до 750 р.
 104. На мѣху чернобурныхъ лисицъ съ собол., камчат. бобра или черн. лисицы воротн. 325, 375, 400, 500 до 800 р.
 105. На мѣху лучшихъ красныхъ лисицъ, съ

- собол., песчовымъ, камчат. бобра или черной лисицы воротн. 175, 200, 225, 250, 300 до 450 р.
 106. На мѣху шведскихъ и норвежск. лисицъ съ собол., песчовымъ, чер. лисицы или камчат. бобра воротникомъ 120, 150, 160, 175, 200 до 300 р.
 107. На мѣху американ. норокъ съ такимъ-же собольимъ, куннымъ и др. воротн. 160, 175, 200, 225, 250 до 600 р.
 108. На мѣху сибирской темной бѣлки съ собол., камчатск. бобра, кунницы, япон. лисицы или тибет. черной шалю (или воротн.) 120, 130, 145, 160, 175 до 500 р.

VI. Жакеты и полупальто дамскіе.

(Готовые и на заказъ).

109. Жакетъ котиковый на мѣху или шелку съ котиков. или шеншелля воротникомъ (однорбортный и двухрбортный) 375, 400, 450 до 1000 р.
 110. Жакетъ каракулевый на шелковой (черной или цветной) подкладкѣ съ каракул. воротникомъ (однорбортный или двурбортный) 130, 145, 150, 160, 175 до 275 р.
 111. Тоже съ воротн. шеншелля или горносталя дороже на 10, 15, 20 до 40 р.
 112. Жакетъ каракул. на мѣху сибир. бѣлки, шотрпн, пыжика и др. 150, 160, 170, 180 до 300 р.

113. Жакетъ пыжиковый на шелку или пыжпг., бѣлки, шотрпн и др. мѣху 120, 140, 150 до 200 р.
 114. Жакетъ и полупальто шелковаго, шерстяного плюша или бархата на шелку и разныхъ мѣхахъ съ воротниками изъ котика, соболя и пр. 100, 110, 125, 150 до 400 р.
 115. Жакетъ и полупальто трико, шевіот. и др. шерст. матерій на разныхъ мѣхахъ съ разными воротниками 55, 65, 75, 85, 100 до 200 р.

VII. Пелерины и сорти-де-баль.
(Готовыя и на заказъ).

116. Пелерина соболя съ собольими хвостами на шелку (смотря по количеству и качеству соболей) 150, 175, 200, 250, 300, 350, 400 до 4000 р.
 117. Пелерина котиковая съ котиков. воротн. на шелку 175, 200, 250 до 500 р.
 118. Пелерина каракулевая съ воротн. каракул., шеншелля, бастардъ, горносталя и пр., на шелковой или мѣховой подкладкѣ разныхъ фасоновъ и величины 30, 40, 50, 60, 75, 80, 100, 120 до 250 р.
 119. Пелерина горносталя на шелку 75, 100, 125 до 270 р.
 120. Пелерина норковая съ порк. хвостами (лучшей американск. норки) 100, 110, 125, 140, 160 до 260 р.
 121. Пелерина кунья (натур. и крашен.) съ куньими хвостами 160, 180, 200 до 250 р.
 122. Пелерина шеншелля и бастардъ (только на заказъ).
 123. Сорти-де-баль шелковая, плюшевая, бархатная и пр. съ отдѣльной всевозможныхъ мѣховъ (только на заказъ) отъ 40 до 300 р.

VIII. Мужскія шубы и шубки съ воротниками или шалями, крытыя лучшимъ сункомъ или насторомъ, изготовляются:

124. Американскихъ медвѣдей 325, 350, 400, 450, 500 до 850 р.

Иллюстрированный
Журналъ
Литературы

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 39

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 42-га еженедѣ. книжъ „Сборника“, содерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 лѣтъ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 28 сентября 1896 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1896 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложеніями за 1896 г.: 12 книжъ Сборника „Нивы“, содерж. „Полное собраніе сочиненій Д. В. ГРИГОРОВИЧА“ (будетъ выдано въ теченіе ОДНОГО 1896 ГОДА и напечатано на хорошо глазированной бумагѣ), 12 книжъ „Литературныхъ приложеній“, портретъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------	-------------	--	-------------	--	-------------------	---	-------------	---------------------	--------------

На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к.; съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

„Терзай.“ Борзая. Отгодъ (собств. „Нивы“) А. Д. Нившенко. Автогипсія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ

кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Часть третья.

VIII.

Въ то время какъ одни двинулись вслѣдъ за императрицей изъ залы, а другіе столпились вокругъ князя Косого съ его дамой, поздравляя его, — къ стоявшему въ отдаленіи у окна, старавшемуся не понадаться на глаза другимъ Ополчинину подошелъ Лестокъ.

Императрица сказала Ополчинину, что за его прежнюю службу прощаетъ его, но что не знаетъ, какъ отнесутся къ его поступку товарищи его по полку, и удобно ли ему будетъ продолжать службу?..

Ополчининъ заранѣе уже зналъ, какъ послѣ этихъ словъ могутъ отнестись къ нему товарищи по полку, и не сомнѣвался, что карьера его потеряна навсегда.

Онъ остановился у окна, потому что въ дверяхъ была толпа, которую ему, конечно, хотѣлось избѣжать, и остановился онъ, чтобы дать разойтись всѣмъ, видѣвшимъ его униженіе, и затѣмъ уѣхать, по возможности, незамѣтно.

Со своего мѣста ему былъ виденъ собравшійся вокругъ Косого кружокъ, и онъ злобно смотрѣлъ на князя Ивана, теперь уже перебирая способы отомстить ему; но ничего не могъ придумать и только мысленно повторялъ самъ себѣ: „погоди же ты, погоди, мы такъ еще съ тобой не разстанемся. Мы сведемъ наши счеты!“

Лестокъ нарочно отсталъ отъ свиты государыни.

Онъ все время слѣдилъ за Ополчининимъ и прямо подошелъ къ нему.

— Завтра прѣзжайте ко мнѣ, — сказалъ онъ ему, въ польборота, такъ, будто и разговариваетъ съ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ, — вы мнѣ будете нужны, если захотите поправить случившееся съ вами сегодня...

Ополчининъ, за минуту передъ тѣмъ чувствовавшій себя отверженнымъ и окончательно пропавшимъ, вдругъ приободрился и поднялъ голову.

Оказывалось, съ нимъ могли еще разговаривать, онъ могъ быть зачѣмъ-то нуженъ даже такимъ людямъ, какъ Лестокъ.

— Я радъ исполнить все, — отвѣтилъ онъ, — если окажусь еще на что-нибудь годенъ...

— Я думаю, что вы будете годны и именно теперь, — отвѣтилъ Лестокъ, — мнѣ нуженъ рѣшительный человѣкъ, которому почти нечего терять и который рѣшился бы на все, имѣя, конечно, въ виду, что будетъ вознагражденъ за это; а если за порученіе, которое я имѣю сдѣлать, возьметесь вы и выполните его удачно, то можете разсчитывать, что этимъ исправите совершенно все происшедшее сегодня...

— Я къ вашимъ услугамъ, когда угодно! — сказалъ Ополчининъ.

— Завтра въ одиннадцать прѣзжайте ко мнѣ, — повторилъ Лестокъ и, минуя группу князя Косого, направился къ ложѣ государыни.

Черезъ толпу протиснулся къ князю Ивану молодой Бестужевъ, служившій ему, повидимому, менторомъ сегодня, и сказалъ, пригибаясь къ его уху:

— Вамъ лучше теперь остаться однимъ — идите за мною, я проведу васъ въ ложу отца. Онъ велѣлъ отворить ее для васъ...

Князь Иванъ почувствовалъ, какъ его дама взяла его подъ руку, и они, окруженные говоромъ суетившихся вокругъ, новыхъ доброжелателей, лихкихъ ко всякому, кого коснулась милость императрицы, — пошли изъ фойе, миновали коридоръ, гдѣ посторонніе отстали отъ нихъ, и, наконецъ, очутились въ полутемной, освѣщенной только рефлексами горѣвшихъ въ залѣ лампъ, глубокой ложѣ.

Такіе дни, какой выпалъ сегодня на долю князя Косого, — приходятъ разъ въ жизни человѣку.

Сегодня пришлось ему испытать — скуку и отчужденность не обращавшей на него вниманія, когда онъ только что прѣехалъ, толпы, затѣмъ узнать о прѣздѣ Соголевыхъ. Это было радостно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несло волненіе горя, потому что прѣздъ Соголевыхъ въ Москву означалъ приближеніе свадьбы Сонюшки съ Ополчининимъ, свадьбы, противъ которой онъ не умѣлъ еще принять никакихъ мѣръ. На его глазахъ Сонюшка боролась, пыталась отстоять себя и исчезла, намекнувъ Ополчинину о томъ, что онъ раскается.

Теперь, войдя въ пустую ложу съ чужой, таинственной, но волей-неволей готовой стать ему близкой дѣвушкой, — онъ жалѣлъ, зачѣмъ не дали ему найти его Сонюшку и зачѣмъ случилось все, что произошло послѣ ея исчезновенія.

Что-жъ изъ того, что опутанная было его ложа раскрыта теперь, и онъ получилъ удовлетвореніе, награду даже. Эта „награда“ тутъ, возлѣ него, въ своемъ бѣломъ, богатомъ платьѣ и кружевной, закрывающей ея лицо маскѣ, но каково ему-то... Нѣтъ, лучше — если бы этого не было ничего!..

Въ довершеніе всего, къ нравственному утомленію, послѣ только что пережитого, присоединилась чисто физическая усталость. Нога отъ неловкаго положенія на деревяжкѣ затекла и болѣзненно ныла.

Князь Иванъ, войдя въ ложу, почти машинально сталъ отстегивать свою деревяжку съ ноги, чтобы дать отдохнуть ей.

— Вы меня простите, — сказалъ онъ, — но эта деревяжка измучила меня...

Это были первыя слова, съ которыми онъ обратился къ ней.

Принцесса въ бѣломъ платьѣ кивнула головой и ничего не сказала.

Косой принялся разнимать пряжки ремней и, освободивъ ногу, съ удовольствіемъ вытянулъ ее. Въ тѣснотѣ ложи иначе ему было не повернуться.

Думалъ онъ въ это время о Сонюшкѣ и, мало-помалу, подбиралъ себѣ успокоеніе.

Не должна она была дойти до полного отчаянія. Не могла она этого сдѣлать. Да и, наконецъ, тутъ, въ маскарадѣ, что она можетъ? То, что произошло въ залѣ фойе, было слишкомъ открыто, чтобы сейчасъ же не стать вполне гласнымъ. Объ этомъ, вѣроятно, говорили уже, и слухъ могъ долетѣть до Сонюшки, образумить ее. Теперь она могла отказать опозоренному Ополчинину.

Вѣра Андреевна изъ одного дворянскаго самолюбія не захочетъ видѣть за нимъ хотя бы даже нелюбимую свою дочь. Да, Сонюшка была свободна, но онъ?

Государыня думала наградить его, избрала ему невѣсту и обѣщала дать ей приданое!.. Какъ иногда зло смѣется судьба!..

Онъ поглядѣлъ на свою бѣлую даму, и ему пришло въ голову, что вѣдь она сама-то не виновата ни въ чемъ.

И ему стало жаль ее.

— Странное наше положеніе теперь... — сказалъ онъ, взглянувъ на нее.

Она не снимала своей маски, князь Иванъ не имѣлъ права настаивать на этомъ. Они были въ маскарадѣ. Но онъ хотѣлъ услышать ея голосъ.

— Отчего же странное? — спросила она.

Говоръ ея былъ совершенно незнакомъ Косому. Это былъ голосъ, скорѣе грубый и рѣзкій, даже непріятный.

И рѣзкость этого голоса отталкивающе подѣйствовала на князя Ивана.

Кто она такая, — можетъ-быть, одна изъ фрейлинъ-люблиницъ государыни, жизнь которой она хочетъ устроить счастливо?

„Да, почти навѣрно такъ!“ рѣшили князь Иванъ.

Но во всякомъ случаѣ лучше сказать ей все прямо, и лучше, что она не снимаетъ маски. Такъ и ему говорить удобнѣе.

— Странное, — сказалъ онъ, — потому, что мы теперь вмѣстѣ по волѣ государыни, но, собственно, по правдѣ-то, въ нашемъ положеніи не должно было бы быть чужой воли.

— То-есть, говорите за себя, — отвѣтилъ грубый голосъ изъ-подъ маски, — а можетъ-быть мое желаніе исполнѣ совпадаетъ съ волею императрицы...

Одна догадка за другою замелькала въ воображеніи князя Ивана. Онъ не зналъ, кому онъ собственно обязанъ за то, что государыня лично взялась за его дѣло. Онъ видѣлъ, что тутъ принималъ участіе Бестужевъ, но Бестужевъ могъ только дѣйствовать, а главная причина этого дѣйствія, направившая его, могла лежать въ комъ-нибудь другомъ.

— Можетъ-быть и все происшедшее въ залѣ было не безъ вашего участія? — спросилъ онъ.

— Можетъ-быть.

— Значитъ, вы знали меня раньше, видѣли, говорили со мной?

— Я васъ знала раньше, видѣла и говорила съ вами.

Косой постарался вспомнить, съ кѣмъ изъ приближенныхъ къ императрицѣ дѣвушка онъ былъ знакомъ. Но или онъ не помнилъ, или ихъ встрѣча была слишкомъ мимолетна, чтобы онъ узналъ ее. Онъ, казалось, никогда не слышалъ ея голоса.

— Хорошо, — сказалъ онъ, — но, кромѣ воли императрицы и вашего желанія, все-таки вамъ интересно знать и то, что касается меня въ данномъ случаѣ?

— Ну?

— Ну, и я долженъ вамъ сказать, что мое желаніе не совпадаетъ съ волей императрицы и, значитъ, съ вашимъ желаніемъ.

— Это и смѣло, и откровенно... — начала было она.

Но онъ перебилъ ее:

— Да, можетъ-быть, смѣло... Что же до откровенности, то во всякомъ случаѣ она здѣсь приличнѣе всего...

— Но вѣдь вы меня не знаете; можетъ-быть, открой лицо...

— Я васъ не знаю, но знаю другую, которую люблю, какъ только умѣю, какъ только могу...

— Другую... Что же, она красива, умна?

— Она и красива, и умна, и мила.

— Но, можетъ-быть, я красивѣе ея?

— Простите. Для меня лучше ея никого не можетъ быть.

— И вы не согласитесь ни на кого промѣнять ее?

— Ни на кого на свѣтѣ!

— Даже если такова воля государыни, если она обѣщаетъ вамъ лучшую будущность, почетъ, богатство...

— Государыня можетъ приказать умереть мнѣ, и я пойду на смерть ради нея, но полюбить она не можетъ заставить...

— Такъ что же она богата, знатна?

— Нѣтъ, у ней ничего нѣтъ, но она тѣмъ дороже и милѣе для меня.

— Значитъ, вы отъ меня готовы отказаться?

— Я думаю, послѣ того, что я сказалъ вамъ — вы сами откажетесь...

— Это все равно. Но, можетъ-быть, вы будете раскаиваться?

— Не знаю. Но только люблю не васъ, а другую...

— Другую?.. Подумайте то, что вы говорите... Вѣдь вы же не знаете меня...

— Все равно, я скажу то же самое, когда и узнаю васъ...

— Навѣрное?

— Навѣрное.

— Ну, говорите! — сказала она и сняла свою маску.

Передъ нимъ была Союшка въ бѣломъ платьѣ принцессы.

— Соня! — крикнулъ онъ, — злая, милая... Что же это?.. Я... я не узналъ тебя, — вотъ, значитъ, какъ измучили меня сегодня... Боже мой... тебя не узналъ...

— Да вѣдь ты не меня любишь — другую...

— Тебя, моя радость... тебя одну... Но только зачѣмъ же ты такъ долго мучила меня здѣсь, зачѣмъ?.. Знаешь, вѣдь это было жестоко, слишкомъ жестоко...

Теперь, когда онъ былъ на всей высотѣ своего достигшаго почти до безумія счастья, ему казалось жестокою то, что сдѣлала съ нимъ Соня.

Она видѣла, что онъ въ этотъ мигъ былъ искренно огорченъ.

— Милый, — начала она, — ну, прости... слышишь? прости... Ты подумай только, какое мнѣ было счастье услышать все, что ты говорилъ. Я не сомнѣвалась въ тебѣ, нѣтъ, но если бы ты зналъ, какъ ты былъ милъ въ эту минуту, и какъ я слушала тебя и радовалась... Милый, я такъ рада теперь...

— Рада!.. Ну, я самъ не знаю, что говорю. Я самъ потерялъ голову... Но, какъ же это случилось все?.. Откуда это платье, откуда ты у императрицы... Вѣдь я тебя видѣлъ Сандрильоной!..

— Видѣлъ, когда?

— Во время интермедіи. Ты говорила съ Ополчиннымъ. Я узналъ твой голосъ, ты не перемѣнила его тогда, какъ теперь со мной.

— А хорошо я мѣняю его, хорошо? — спросила она тѣмъ смѣшнымъ теперь говоромъ, которымъ объяснялась съ княземъ Иваномъ подъ маской. — Такъ ты слышалъ нашъ разговоръ?

— Я стоялъ почти сзади васъ у двери, у занавѣски...

— Ну, и видишь, что Сандрильона стала принцессой, какъ въ сказкѣ... Я его хотѣла убѣдить сознаться заранѣе, чтобы избѣжалъ онъ позора, который перенесъ потомъ въ залѣ, я знала, что это будетъ, знала, что ты возьмешь верхъ... Но какъ ты поймалъ его?..

— Знала... Вотъ оно что!.. Я было думалъ...

— Что думалъ?..

— Нѣтъ, ничего. Значитъ, это все было приготовлено заранѣе, но кѣмъ, кто же это сдѣлалъ все?

— Бестужевъ.

— Бестужевъ? Откуда жъ онъ узналъ про тебя, — я ему ничего не говорилъ...

— Ну, объ этомъ я послѣ расскажу, — все равно, какъ узналъ... Только знаешь, наши письма, которые ты получалъ отъ меня въ вашей почтѣ, — это тоже онъ. Онъ мнѣ велѣлъ дать ему знать, когда мы приѣдемъ въ Москву, а сегодня я здѣсь тоже благодаря ему, хотя маменька и думаетъ, что привезла меня насильно сюда... Меня нашли по костюму и по заранѣе условленному знаку — и представили императрицѣ передъ вашимъ приходомъ въ залу, еще Сандрильоной, — она послала меня переодѣться въ уборную, гдѣ былъ готовъ уже этотъ костюмъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не все еще кончено.

I.

Игнатъ Степанычъ Чиликинъ сидѣлъ въ маленькой, низенькой комнатѣ, еще старинной постройки, но убранной съ претензіей на нѣкоторое новшество, сидѣлъ съ своимъ товарищемъ по дѣламъ, дворяниномъ Пшелудкимъ.

Псарный дворъ. Съ карт. А. Д. Иешенно авторгнии Ангерера и Гёшля въ Вѣдѣ.

Одуванчикъ. Съ картинѣ Ц. Пагана грав. Бодъ.

Этотъ Ишелуцкій былъ найденъ имъ, какъ подставное лицо для того, чтобы приобрести пока на его имя имѣніе князя Косого, которымъ самъ онъ владѣть не имѣлъ права. Дворянское происхожденіе Ишелуцкаго было польское и довольно сомнительное, но его оказалось все-таки достаточно.

Чиликинъ отыскалъ поляка Ишелуцкаго приживальщикомъ въ одномъ изъ богатыхъ московскихъ домовъ, устроилъ на него имѣніе, оградилъ себя тройными долговыми обязательствами, взялъ полную довѣренность и держалъ Ишелуцкаго въ черномъ, до нѣкоторой степени, тѣлѣ, не посвящая его въ дѣла вовсе и заставляя, когда было нужно, подвизывать все, что требовалось.

И паспортъ Ишелуцкаго былъ у него.

Они сидѣли у ненакрытаго скатертью стола, на которомъ въ безпорядкѣ стояли бутылки съ наливкой и водкой, лежалъ хлѣбъ безъ тарелки, соленые огурцы и закуска.

Они уже давно пили, и оба были пьяны.

— И никогда, никогда не быть тебѣ дворянину, — говорилъ, поддразнивая, Ишелуцкій, хриплымъ голосомъ, — никогда не повѣрю, чтобы ты былъ дворянинъ...

Чиликинъ смѣялся въ отвѣтъ, показывая свой зубъ, и повторять:

— Ахъ буду, — на все пойду, а дворяниномъ буду. Ты думаешь, я даромъ жилъ въ Петербургѣ почти всю зиму? Тамъ уже почти налажено. Обѣщано. Да и какъ я тамъ жилъ! Окончательно на дворянскую ногу, въ какомъ домѣ — ты бы посмотри!

— Видалъ я дома... я не такіе дома видалъ, я самого графа Шереметьева домъ видѣлъ... — хваталъ Ишелуцкій.

— И все ты врешь, и передней у Шереметьева не видалъ... а я жилъ въ домѣ, въ Петербургѣ, и опять туда побѣду, вотъ получу дворянина и побѣду...

— И никогда не получишь. Потому это совѣтъ ничему не подобно. Обѣщаютъ тебѣ, вотъ и все... Такъ обѣщаютъ, чтобы деньги тянуть — знаю я этихъ подьячихъ, знаю — все тянуть, у самого деньги бывали... Черезъ нихъ я совѣтъ пропалъ...

— Ты пропалъ черезъ себя, — наставительно замѣтилъ Чиликинъ, — только черезъ себя. Воли настоящей въ тебѣ нѣтъ и са-мо-о-бладанія (онъ съ трудомъ произнесъ это слово)... пьешь ты, людей не разбираешь...

— А ты не пьешь?..

— Такъ вѣдь когда я пью? когда я пью? спрашиваю я тебя. — Я пью, когда это сама судьба такъ повѣдѣвается...

— Фортуна!.. — вдругъ вздохнулъ Ишелуцкій.

— Ну да, фортуна. Вотъ хоть сегодня, почему я пью? Ты думаешь — такъ, потому что водку купилъ и наливку досталъ? Такъ вѣдь почему я купилъ водку и наливку досталъ... вѣдь этому есть резоны...

— Резоны? — повторилъ Ишелуцкій и облокотился на столъ для поддержанія равновѣсія.

— Ну да, резоны. Сегодня я новость узналъ удивительную... Свидѣтельство фортуны, что она на моей сторонѣ!..

Чиликинъ поднесъ бережно къ губамъ стаканчикъ съ наливкой и выпилъ его залпомъ.

— Ну да, какъ же, — такъ я и рассказалъ тебѣ въ чемъ дѣло, — сказалъ онъ вдругъ, стукнувъ о столъ стаканчикомъ, точно Ишелуцкій и вправду просилъ его рассказывать. — А впрочемъ, — продолжалъ онъ сейчасъ же, отивъчая самъ себѣ, — отчего же не рассказать?.. Хочу и расскажу... ты думаешь, для тебя расскажу — вовсе не для тебя, а просто вотъ хочу такъ... таково мое желаніе...

— Фантазія! — опять вздохнулъ Ишелуцкій, видимо улавливая изъ того, что ему говорили, отдѣльные только слова.

— Ну да, фантазія... Знаешь ли ты, зачѣмъ мнѣ нужно дворянство — ты думаешь, чтобы тебя выгнать. Во все нѣтъ. Можетъ-быть я тебя все равно не выгоню, а оставлю — живи при мнѣ, — нѣтъ тутъ со-о-ображенія великія... тутъ ужъ не тобой пахнетъ... Я получу дворянство и женюсь... да, женюсь — ты не смотри на меня мутно — я женюсь, и на такой кралечкѣ, что ты и не видывалъ такой — розанчикъ — да что розанчикъ... ты, братъ, и понятія имѣть не можешь... Пей, проше пане, пей...

Ишелуцкій поискалъ на столѣ стакана рукой, нащелъ его и выпилъ.

— Ты за ея здоровье пей, — подхватилъ опять Чиликинъ, — потому ты возлѣ пей отъ меня приставленъ будешь... вѣдь я ее еще дѣточкой, дѣточкой зналъ... вотъ такую, и теперь она скромнущка, тихенькая... я всю подноготную знаю... и вотъ эту дворяночку, дворяночку-то за себя возьму, маленькую-то... она, дрянъ этакая, — будетъ должна этакъ ко мнѣ какъ мужу-то головку на плечо, а ей, душенька, на вотъ тебѣ, на... и этакъ за талию рукою, а талия-то словно ниточка тоненькая, кровь-то дворянская, бѣлая косточка... и знаю, что я противень буду, а все-таки съ противнемъ-то ласковой будь, а не то пожалуйте и на расправу, этакъ легонько плеточкой, плеточкой, по-старинному, ахъ ты миленькая, ахъ ты маленькая, вотъ тебѣ, вотъ... чувствуешь, какъ мужа уважать должна... да, должна... вотъ ты и понимай это... Только были препятствія мнѣ большія, то-есть, одно препятствіе было, — да развѣ я ихъ въ жизни не пережилъ; мало ли я ихъ пережилъ, и всегда побѣда до сихъ поръ была на моей сторонѣ!.. И вотъ теперь, я вижу, судьба опять дѣлаетъ ко мнѣ шагъ побѣдный...

— Ви... ви-кторіальный, — сдѣлалъ усиліе выговорить Ишелуцкій.

— Ну да — ви-кторіальный... Да какой еще шагъ!.. Она, видишь ли, была просватана по приказанію самой императрицы, за одного, противъ котораго я ничего-то не могъ сдѣлать. Ужъ я ладилъ и такъ и этакъ, и другого, соперника его, пробовалъ натравить на него — ничего не взяло — я думалъ, все пропадетъ. Вѣдненькія опѣ, деньжонокъ-то нѣтъ, имѣніе маленькое, — возлѣ Дубовыхъ Горокъ опо, — мать-то ее бьетъ, какъ рыба объ ледъ, у меня просить денегъ на приданое и согласна на какія угодно условія... Ну, вотъ я пріѣзжаю о деньгахъ-то говорить, а она мнѣ сегодня: „вы, говорить, знаете, что вчера на маскарадѣ случилось?“ и рассказала... да такъ это мнѣ словно елей на душу потекъ... Женяхъ-то ей потерялъ срамъ, срамъ потерялъ, понимаешь ли, срамъ...

— Конфузъ! — вдругъ снова неожиданно и видимо серьезно вставилъ Ишелуцкій.

— Ну да — конфузъ... И посрамленный онъ исчезъ съ кругозора, а на мѣсто его — соперникъ этотъ самый восторжествовалъ... Ну, этотъ соперникъ-то у меня въ рукахъ... Мы съ нимъ давно счеты имѣемъ, и самый рокъ какъ бы его ко мнѣ направляетъ, судьба... Такое, видно, предопредѣленіе, что я карающій перстъ для него. Съ нимъ мы справимся живо — на три тысячи есть обязательствъ у меня на него. Безспорныхъ, точныхъ. А платить нечѣмъ. Я его и посажу, и посажу и сгною въ заключеніи. Говорятъ — тамъ императрица ей, невѣстѣ-то дворяночкѣ, которую я себѣ избралъ, — въ приданое деревню даетъ, — ну да жалуетъ царь, да не жалуетъ царь, — посмотримъ еще, какъ она это имѣніе-то подучить... Мы это дѣло по мѣстамъ затянемъ, а пока безспорныхъ-то и представимъ куда нужно, и представимъ, и выйдетъ, что она останется кругомъ опозорена — одинъ женихъ сраму передъ всѣмъ свѣтомъ натерѣлся, а другой сидитъ за долги, въ заключеніе за долги посаженъ... вотъ тебѣ и весь сказъ, — такъ вѣдь съ этого самаго не только она за Игната Чили-

гина пойдетъ, да еще при всей ихъ бѣдности-то, а за тебя готова будетъ идти и такъ ротикомъ-то своимъ малюсенькимъ скажетъ: „согласна“— не любимая вѣдь дочь-то... Ну, такъ вотъ отчего я пью, потому выйдитъ теперь, что дворяночка моя, и я женюсь на ней...

— Ты женнишся?—вдругъ подымая отяжелѣвшія вѣки и глядя на Чиликина совсѣмъ ослонившимися, безъ малѣйшаго выраженія, глазами, съ трудомъ выговорилъ Пшелуцкій.

— Да,—подтвердилъ Чиликинъ, не замѣчая, что тотъ ничего не слышалъ изъ его многословнаго разсказа и не понималъ.

— На комъ?—спросилъ опять Пшелуцкій.

— На дворяночкѣ...

— Ты женишься на дворяночкѣ?—удивился Пшелуцкій, теперь только понималъ, въ чемъ дѣло,—время— не бывать этому, нѣтъ такой дворяночки, не найдется...

— Найдется, душевка, найдется, дворяночка топенькая... и будетъ моею—не будь я Игнатъ Чиликинъ... Я знаю, что говорю, и знаю, что дѣлаю. И все навѣрняка... дѣлаю... сгною въ заключеніи... сгною...

И долго они еще говорили другъ другу пьяныя, безсвязныя рѣчи, пока, наконецъ, тутъ же не заснули за столомъ, положивъ на него локти и склонивъ на нихъ головы.

II.

Князь Иванъ былъ наверху блаженства и счастья.

На другой день послѣ маскарада онъ явился уже официально къ Вѣрѣ Андреевнѣ, и она должна была принять его соответствующимъ образомъ.

Исторія, происшедшая во время маскарада, стала, разумѣется, новостью дня и повторилась изъ устъ въ уста по всей Москвѣ, и Вѣра Андреевна должна была сознаться, что самолюбіе ея было пощипано въ высшей степени.

Она приглядывалась къ Сонюшкѣ, желая замѣтить въ ней хоть каплю переменъ по отношенію къ себѣ, но та была попрежнему почтительна, внимательна къ ней и даже болѣе, чѣмъ прежде, такъ что и придраться нельзя было ни къ чему.

Кромѣ того, онѣ были теперь не у себя, а гостили въ чужомъ домѣ, у Сысоевыхъ, и поэтому Соголева должна была держать себя подѣ-узды.

У Сысоевыхъ была тоже семейная радость. Молодой Творожниковъ сдѣлалъ во время же маскарада предложеніе Наденькѣ Рябичъ, такъ что у нихъ были теперь двѣ счастливыя, влюбленные пары.

Счастливыѣ всѣхъ, однако, казался двоюродный братъ Рябичъ. Онъ такъ искренно и весело поздравлялъ жениховъ, хотѣлъ услужить имъ и дѣлилъ радость невѣсть, что просто любо было смотрѣть на него.

Князь Иванъ вспоминалъ о Левушкѣ, котораго сильно недоставало ему. Онъ давно писалъ ему въ Петербургъ, но отвѣта не получилъ.

Съ Бестужевымъ у нихъ были самыя лучшія, искреннія отношенія. Алексѣй Петровичъ тогда, послѣ маскарада, прямо сказалъ ему, что любовался его находчивостью и тѣмъ, какъ онъ держалъ себя передъ государыней, и очень радъ, что не ошибся въ немъ.

Черезъ нѣсколько дней, вечеромъ, онъ послалъ за Косымъ, только-что вернувшимся отъ Сысоевыхъ, гдѣ бывалъ теперь каждый день.

Князь Иванъ поднялся наверхъ, какъ свой человѣкъ, прямо въ кабинетъ къ Алексѣю Петровичу.

— Ну, что, совсѣмъ потеряли голову отъ счастья,— встрѣтилъ его тотъ, — какъ всегда, говорили они по-французски, — и ласково улыбнулся, — или еще можете и дѣломъ заняться?..

Бумаги, которыя ждалъ отъ него на сегодня Бестужевъ, были всѣ готовы до одной, и князь Иванъ держалъ ихъ въ рукахъ.

— У меня все сдѣлано,—сказалъ онъ.

— Ну, и отлично. Къ сожалѣнію, я вамъ не могу дать отдыха теперь. Какъ разъ самое горячее время. Вы знаете — Нолькенъ непремѣнно хочетъ, чтобы въ переговорахъ съ нимъ принималъ участіе Шетарди. Съ какой стати?.. Мало того, онъ требуетъ французскаго посредничества. Я очень радъ.

— Какъ, вы согласны допустить это посредничество?—переспросилъ Косой.—Но вѣдь ясно, что Франція всецѣло будетъ на сторонѣ Швеціи...

— Нѣтъ, я радъ тому, что требованія ихъ растутъ мало-по-малу. Чѣмъ больше они будутъ требовать, тѣмъ меньше получатъ, и тѣмъ скорѣе государыня увидитъ, въ чемъ тутъ дѣло.

— А они надѣются достигнуть чего-нибудь?

— А вотъ сейчасъ увидимъ, какія у нихъ тамъ новости, — сказалъ Бестужевъ и позвонилъ.—Проси войти, — приказалъ онъ появившемуся на его звонокъ лакею.

Лакей ушелъ. Черезъ нѣсколько времени дверь снова отворилась, и въ комнату, низко кланяясь, скользнулъ знакомый князю Ивану человѣкъ.

— Узнаете?—спросилъ Бестужевъ.

— Это былъ м-г Дрю. Косой сразу, сейчасъ же, узналъ его.

— Ну, что скажете?—обернулся Алексѣй Петровичъ къ французу.

Тотъ поклонился еще разъ, поклонился въ сторону Косого, показывая тѣмъ, что въ свою очередь узналъ его, и проговорилъ, понизивъ голосъ:

— Могу я дѣлать свои сообщенія при господинѣ князѣ?

— Можете вполне.

— Въ такомъ случаѣ у меня есть весьма важныя новости.

— А, — тѣмъ лучше.

— Сегодня утромъ господинъ лейбъ-медикъ пріѣхалъ къ господину послу и они долго разговаривали въ кабинетѣ наединѣ.

— Слышали вы ихъ разговоръ?

— Разумѣется, каждое слово. Я, по обыкновенію, приклеилъ мое ухо къ дверямъ изъ маленькой гостиной.

— Нолькенъ былъ съ ними?

— Нѣтъ, они одни.

— Что же они говорили?

— Разговоръ шелъ о васъ. Господинъ лейбъ-медикъ прямо началъ съ того, что вы, какъ вице-канцлеръ, не допускаете, чтобы въ переговорахъ со шведскимъ посломъ участвовалъ господинъ Шетарди. Тогда господинъ Шетарди отвѣтилъ:—„Вотъ видите ли, я вамъ говорилъ, что пока мы, во что бы то ни стало, не отдѣлаемся отъ него—у насъ руки будутъ связаны“...

— Я надѣюсь!—вставилъ Бестужевъ,—ну, и что же сказалъ на это Лестоукъ?

— Онъ сказалъ, что дѣло почти устроено, что мѣсяца не пройдетъ, какъ васъ уже не будетъ...

Князь Иванъ пристально слѣдилъ за выраженіемъ лица Бестужева. Въ эту минуту оно было спокойнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Ну, они слишкомъ рѣшительны и скоры,—улыбнулся Алексѣй Петровичъ.

— Однако, я долженъ доложить вамъ, — заговорилъ м-г Дрю, видимо, очень довольный тѣмъ, что можетъ разговаривать такъ свободно съ самимъ вице-канцлеромъ, и тѣмъ въ особенности, что, замѣшанный въ таинственную интригу, можетъ „дѣлать политику“, — однако, — заговорилъ онъ, — пусть господинъ вице-канцлеръ будетъ остороженъ. Плясъ ихъ очень опасенъ.

— А, — сдѣлалъ Бестужевъ, — въ чемъ же тутъ дѣло?

— Въ брауншвейгской фамилии. Господинъ Лестоукъ прямо сказалъ, что господинъ вице-канцлеръ наводитъ на себя подозрѣніе тѣмъ, что усиленно настаиваетъ

па отъѣздѣ брауншвейгской фамилии изъ Риги за границу. Хотя это и обѣщано въ манифестѣ, но поступило опротивительно, безъ достаточнаго обдуманія дѣла. Въ настоящее время никто, желающій добра государя, не посовѣтуетъ этого. Бывшую правительницу выпустить изъ Россіи нельзя. Россія, все-таки Россія, и такъ какъ это не послѣднее обѣщаніе, которое не исполняется, то императрица все равно, что объ этомъ будутъ говорить въ обществѣ!.. *)

Хороши? — спросилъ только Бестужевъ, обернувшись къ Косому.

Князь Иванъ пожалъ плечами.

Такъ что же, — спросилъ Алексѣй Петровичъ у Дрю, они считаютъ достаточнымъ для моего удаленія то, что я настаиваю на исполненіи даннаго въ манифестѣ обѣщанія?..

Нѣтъ, они хитрѣе этого... Я только боюсь, могу ли я говорить все?

— Говорите, — приказалъ серьезно Бестужевъ.

— Они говорятъ, что господинъ вице-канцлеръ получаетъ субсидію отъ вѣнскаго двора и потому держитъ его сторону.

— Я это знаю, — сказалъ Бестужевъ.

— Но, что вамъ трудно бороться противъ теперешнихъ теченій, которыя идутъ въ пользу Франціи, и что поэтому вы готовы поддержать возвращеніе брауншвейгской фамилии, которая предана интересамъ Россіи...

— Новая клевета! — вырвалось у Бестужева. — Господи, что дѣлаютъ эти люди!..

Князь Иванъ, чувствуя всю важность того, что общалъ болтливый французъ, слушалъ серьезно и внимательно, удивляясь, что Бестужевъ, наоборотъ, ставился какъ бы разсѣяннѣе и беззаботнѣе...

— Да, — подтвердилъ м-г Дрю, — и клевета не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Затѣяны цѣлыя тенета, въ которыя хотятъ поймать васъ. Въ Ригу посланъ спеціально человѣкъ.

— Кѣмъ?

— Господиномъ лейбъ-медикомъ съ письмами.

— Къ бывшей правительницѣ?

— Да, кажется. И эти письма якобы отъ васъ... они будутъ переданы отъ вашего имени правительницѣ, и если та отвѣтитъ... на нихъ, то это уже будутъ подлинныя ея письма, которыя и будутъ представлены императрицѣ. Они считаютъ, что трехъ недѣль будетъ достаточно для всего этого. Госпожа же императрица будетъ подготовлена, какъ нужно...

Бестужевъ задумался, положивъ голову на руку... М-г Дрю, молча, ждалъ.

III.

— И кто же этотъ посланный? — спросилъ, наконецъ, Алексѣй Петровичъ.

— Фамилію я не могъ разслышать, господинъ Лестоковъ, кажется, и не называлъ ея. Онъ сказалъ только, что это человѣкъ заинтересованный въ вашемъ надежніи и которому ничего не остается выбирать. Онъ рѣшится на все...

*) Подлинныя слова Лестока.

— Вы говорите, что онъ уже „посланъ“?

— Да.

— Значитъ, уже уѣхалъ?

— Сегодня вечеромъ, но петербургскому тракту... Такъ сказалъ господинъ лейбъ-медикъ, что онъ уѣдетъ сегодня...

— И что это за пустяки все! — вдругъ разсмѣялся Бестужевъ, — дѣтскія игрушки... ну и пусть его ѣдетъ... Но, во всякомъ случаѣ, я очень благодаренъ вамъ за ваше сообщеніе, хотя я не считаю его вовсе столь важнымъ — право это пустяки — и я увѣренъ, что господинъ лейбъ-медикъ ничего этого не сдѣлаетъ...

— Какъ, господинъ вице-канцлеръ не хочетъ принять никакихъ мѣръ?.. — удивился м-г Дрю.

— Рѣшительно никакихъ, — снова разсмѣялся Бестужевъ, — но вотъ вамъ за стараніе, м-г Дрю... это особю, сверхъ обыкновенной платы...

И онъ, доставъ изъ стола горсть золотыхъ, протянулъ ее французу.

— О, помилуйте, я вовсе не изъ-за денегъ, — подхватилъ тотъ, — я всегда стою за правду... я радъ, что могу спасти Россію...

Но несмотря на эту торжественную фразу, которая не могла не сорваться съ языка француза, м-г Дрю все-таки сдѣлалъ нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ къ Бестужеву и взялъ отъ него золотые.

— Все-таки я вамъ сдѣлалъ важное сообщеніе, — проговорилъ онъ, уходя и кланяясь.

Когда онъ вышелъ, Бестужевъ поднялся, подошелъ къ дверямъ, послушалъ и снова вернулся къ столу.

— Откуда онъ явился у васъ? — спросилъ Косой, желая узнать, какъ намѣренъ поступить Бестужевъ, и не рѣшаясь спросить объ этомъ прямо.

— Благодаря вамъ, — сказалъ тотъ, — вы какъ-то мнѣ въ разговорѣ упомянули, что вашъ бывший камердинеръ служитъ у Шетарди, а у меня никого не было, чтобы слѣдить за французскимъ посланникомъ. Я попробовалъ послать за Дрю, якобы для того, чтобы узнать у него свѣдѣнія о васъ. Онъ пришелъ и оказался достаточно болтливъ. Я заплатилъ ему. На слѣдующій разъ онъ явился самъ. Такъ дѣло и пошло...

— И онъ до сихъ поръ дѣлалъ вѣрныя сообщенія? — опять нерѣшительно спросилъ Косой.

— До сихъ поръ безусловно вѣрныя.

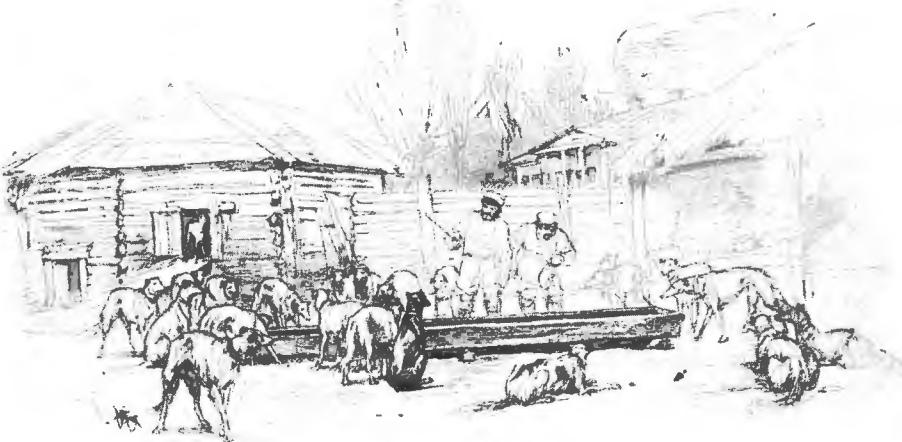
— Значитъ, и то, что онъ разсказалъ сейчасъ, тоже вѣрно?

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ.

— Такъ какъ же, — не утерпѣлъ-таки Косой, — вы не хотите принять никакихъ мѣръ, неужели вы хотите оставить это такъ?

Бестужевъ покачалъ головою.

— Да вѣдь это я для него говорилъ, — сказалъ онъ, — вѣдь если онъ за деньги разсказываетъ мнѣ, что дѣлается у Шетарди, такъ никто не можетъ поручиться, что онъ за тѣ же деньги продастъ меня, въ свою очередь, и станетъ разсказывать обо мнѣ. Конечно, я не долженъ ему быть показатъ виду, что придаю значеніе его разсказу, ну а вамъ я скажу другое: — надо дѣйствовать...

Этюдъ карандашомъ (собств. „Нивы“) къ картинѣ „Псарный дворъ“, А. Д. Кившенко. Автогипсъ Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Діана. Съ картини **Витторіо Корноса** грав. **Болаффіо**

Князь Ивапъ вздохнулъ свободнѣе.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, проговорилъ онъ. — Времени терять нельзя.

Бестужевъ сталъ ходить по кабинету. Косой зналъ уже, что это служило у него признакомъ нѣкотораго волненія.

— Какъ вы думаете, кто этотъ человекъ, который рѣшился поѣхать въ Ригу?—спросилъ онъ.

„Мало ли кто!“ хотѣлъ отвѣтить Косой, но тутъ же одумался, вспомнивъ, что съ такимъ порученіемъ, пожалуй, дѣйствительно мало кто согласится поѣхать.

— Человекъ,—началъ соображать онъ вслухъ, припоминая слова француза, — которому терять нечего и который можетъ-быть самъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ... ужь не Ополчинникъ ли?

— По всей вѣроятности онъ, — подтвердилъ Бестужевъ, — не даромъ онъ давно привыкъ служить Лестоку, но дѣло не въ томъ. Нужно принять мѣры противъ самой цѣли его поѣздки... Положимъ, что уже половина бѣды миновала—хорошо, что мы предупреждены...

— Въ крайнемъ случаѣ можно прямо сказать государынь...—началъ было Косой.

— Государынь ничего говорить нельзя. Единственно, къ чему она относится съ безпокойствомъ—къ брауншвейгской фамили. Тутъ легче всего потерять ея довѣріе. Ихъ расчетъ хитрѣе даже, чѣмъ вы думаете. Самое лучшее было бы остановить ихъ посланнаго, по когда, какъ?—Послать за нимъ по приказанію?—пока еще сдѣлаютъ распоряженіе, пока пошлютъ, а онъ уже въ дорогѣ...

— Нѣтъ, официально и думать нечего посылать, — сказалъ Косой, — все равно ничего не выйдетъ... Нужно просто поѣхать, догнать его и такъ или иначе отобрать эти письма...

— Кто же поѣдетъ?

— Я поѣду, — отвѣтилъ князь Ивапъ и такъ рѣшительно, что Бестужевъ остановился и оглянулся на него:

— Какъ же вы поѣдете, одни?..

— Мнѣ никого не нужно. Я сейчасъ велю осѣдлатъ двѣ лошади для меня и для человека, и мы поѣдемъ. И я даю вамъ слово, что письма будутъ взяты и привезены вамъ...

Бестужевъ въ это время подошелъ близко къ нему и, видимо любясь его горячностью и тѣмъ рвеніемъ, съ которымъ князь Ивапъ желалъ услужить ему, положилъ ему руку на плечо.

— Все это хорошо, — сказали онъ, — но вы можете не догнать его.

— Не думаю. Онъ поѣхалъ, вѣроятно, на перемѣнныхъ, въ бричкѣ. Дороги теперь слишкомъ тяжелы для того, чтобы онъ уѣхалъ далеко до ночи, а ночью, несмотря на то, что и мѣсяцъ теперь свѣтитъ, ни одинъ ямщикъ не повезетъ. Вѣрнѣе всего, что я его застаю на первой же станціи сянцимъ... Я на это безусловно надѣюсь... А разъ я его догону только...

— Ну, ну, — сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе Бестужевъ, — а когда догоните, тогда что?

— Тогда—не знаю... это будетъ, смотря по обстоятельствамъ, какъ Богъ поможетъ...

Во всякомъ случаѣ Бестужевъ видѣлъ, что Косой не говоритъ зря, что у него созданъ уже болѣе или мѣнѣе обдуманннй въ головѣ планъ.

Онъ отошелъ отъ него и опять заходилъ по кабинету...

— Какъ ни не хочется, — сказали онъ наконецъ, — надо рѣшиться на это. Что-жъ въ самомъ дѣлѣ, — поѣзжайте — попробуйте... можетъ-быть и удастся что-нибудь...

Князь Ивапъ только и ждалъ этого разрѣшенія.

— Можно велѣть сѣдлатъ?—спросилъ онъ, взявшись за звонокъ.

На звонокъ этотъ сейчасъ же явился одинъ изъ лакеевъ.

— Велите осѣдлатъ „Красавчика“ и „Яраго“, — приказалъ Бестужевъ, — князю нужно ѣхать сейчасъ...

Онъ зналъ, что „Красавчикъ“ былъ любимой лошадей Косого.

— Деньги у васъ есть?—спросилъ онъ у князя Ивапа.

— Есть.

— А въ чемъ же вы поѣдете, — такъ, какъ вы есть?..

— Нѣтъ, я переодѣнусь...

— Погодите, — остановилъ его Бестужевъ и, подойдя къ столу со склянками, выбралъ двѣ изъ нихъ, — возьмите это съ собой тоже на всякій случай. Въ одной—сонныя капли, — въ другой—эвѣръ, понюхать который достаточно, чтобы заснуть... Можетъ-быть это пригодится вамъ...

Черезъ полчаса князь Ивапъ вмѣстѣ съ взятымъ имъ изъ Петербурга Степушкой выѣзжалъ изъ воротъ бестужевского дома, направляясь къ петербургскому тракту...

(Продолженіе будетъ.)

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Статья VIII. (Съ 10 рисунками.)

Осмотримъ теперь три отдѣла всероссійской выставки, которые выдѣлены изъ общей классификаціи и образуютъ самостоятельныя коллективныя выставки. Это отдѣлы: средне-азиатскій, сибирскій и Крайняго Сѣвера; всѣ они на ряду съ обычными выставочными экспонатами заключаютъ въ себя цѣлую серію коллекцій музейнаго характера, которыя обрисовываютъ и наглядно иллюстрируютъ природу, населеніе и бытъ этихъ далекихъ и еще мало извѣданныхъ окраинъ Россіи. Задачей выставки и является оживить интересъ къ этимъ окраинамъ, большія естественныя богатства которыхъ еще ждутъ предприимчивыхъ людей, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ получающихъ полную возможность осуществлять свои начинанія. На московской выставкѣ 1882 г. тоже была организована выставка окраинъ; сравненіе ея съ выставкой окраинъ на нижегородской выставкѣ наглядно показываетъ, насколько развилась наша промышленная жизнь за 14 лѣтъ. Въ 1882 году окраинами, требовавшими особой специальной выставки, считались Царство Польское и Финляндія, и главнымъ образомъ потому, что здѣсь была болѣе развита промышленная дѣятельность, чѣмъ въ нашихъ губерніяхъ, и затѣмъ Туркестанъ, значительно отстававшій отъ нихъ. Нынѣ промышленныя успѣхи коренной Россіи уже настолько, казалось, возросли, что можно было рискнуть поставить на одну доску ея экспонаты съ экспонатами Привислинскаго края и Финляндіи и, хотя во многихъ отрасляхъ сравненіе оказа-

лось и не въ нашу пользу, особенно въ сферѣ практичности и новизны, но тѣмъ не менѣе замѣтной разницы уже не получилось. Окраинами считаются теперь мѣстности дѣйствительно уже отдаленныя, промышленное развитіе которыхъ только зарождается*).

Зданіе средне-азиатскаго отдѣла (рис. на стр. 974) одно изъ лучшихъ украшеній всероссійской выставки. Поставленное на первомъ планѣ, оно еще пѣдалн привлекаетъ вниманіе своими бѣлыми куполами-чалмами, башенками-минаретами и общимъ мавританскимъ стилемъ, напоминающимъ знойныя стены Азіи. Оно красиво и вблизи, все расписанное разными колерами. Прямо—широкій балконъ—площадка, уставленная большими тропическими растеніями; за нимъ высокая круглая зала, все убранная въ восточномъ вкусѣ коврами и матеріями. Посрединѣ залы стоитъ роскошная витрина Товарищества для торговли въ Персіи и Средней Азіи (рис. на стр. 973). Товарищество является посредникомъ въ сношеніяхъ Европейской Россіи съ этими странами и выставило богатую

* Нельзя не пожалѣть здѣсь, что къ числу окраинъ, заслуживающихъ особой специальной выставки, не причислили Кавказъ: его экспонаты крайне незначительны и раскинуты по всѣмъ отдѣламъ выставки. Между тѣмъ, Кавказъ по своимъ природнымъ богатствамъ оставляетъ далеко позади себя всѣ прочія окраины Россіи, а по своему устройству, неразработанности и заботности нуждается въ немнѣе вниманіи, чѣмъ остальные окраины. И какъ эффектно можно было бы обставить выставку, благодаря чудной природѣ Кавказа съ его ледниками, ущельями, горными потоками и разнообразнѣйшему населенію.

коллекцію разнообразных персидских и среднеазиатских товаров, которые оно берет на комиссию. Но центр тяжести в этой витрине заключается в образцах тканей и некоторых других товаров, русских и иностранных, имеющих наибольший сбыт на Востоке, и в коллекции персидских товаров, вывозимых в Европу. Дополнением к этой витрине служат коллекции заводов Кузнецова и Мальцева—керамических изделий, обращающихся на среднеазиатских рынках. Эти коллекции имеют большое практическое значение, так как позволяют выявить недостатки наших товаров, сравнительно с иностранными, и определить условия конкуренции. Такие выставки давно уже существуют на западе Европы, где они настолько обширны, что помещаются в громадных зданиях, по своему стилю напоминающих дворцы, и постоянно пополняются; эти выставки

составляют лишь часть крупных полуофициальных учреждений, имеющих целью способствовать развитию экспортой торговли страны, они издаются газеты, имеют целую сеть корреспондентов, дают советы и, между прочим, организуют выставку образцов. У нас ничего подобного, конечно, нет: Россия пока сама является страной, которая больше поглощает продукты иностранного производства, чем вывозит свои. Поэтому целью не приветствовать почти в этом деле, и не только потому, что они могут иметь благотворное воздействие на нашу вывозную торговлю, но и потому, что они уже знаменуют ее прогрессивный рост: действительно, за последние десять лет ни в одной торговой области не отмечается такого шага вперед, как в сношениях с Азией.

В витрине Товарищества для торговли в Персии и Средней Азии выставлены также образцы среднеазиатского хлопка; гораздо полнее представлены хлопчатые в находящейся тут же витрине Ярославской большой мануфактуры, которая ведет большое дело с азиатским хлопком. Витрина красиво украшена изящными кустиками хлопчатника и содержит весьма полную коллекцию хлопчатника; тут же прессованные тюки хлопчатника, фотографии, иллюстрирующие разные фазы производства хлопчатника и пр. Рядом общество „Кавказ и Меркурий“ экспонирует кисти хлопчатника, прессованные ручным и гидравлическим способом и посредством парового пресса, единственного в крае и принадлежащего обществу. Не оставаясь на витринах более мелких фирм, укажем, что азиатский хлопок выставлен довольно подробно, и можно получить полное представление о современной постановке этого дела. Хлопок с давних времен известен в Средней Азии, но местный хлопок отличается такими недостатками, что совершенно не может конкурировать с американским; попытки же водворить местный, начавшиеся лишь по завоеванию этого края Россией, долгое время оставались безуспешными по простой причине: стояли сорняки, распутив в Америке близ моря и следовательно совершенно неподходящий к климатическим условиям Средней Азии; когда же повезли хлопок из местности в глубине Америки, то дело изменилось полным успехом и быстро начало развиваться. В настоящее время почти половина всего потребляемого в России хлопчатника доставляется нашими среднеазиатскими властями. Честь развития хлопководства принадлежит нашим мануфактуристам, преимущественно лодзинцам, и затем отдаленным лицам из местной администрации.

Кроме хлопчатника, Средняя Азия доставляет шелк, за последнее время, к сожалению, заметно пострадавший вследствие болезни червей, разнообразные сорта мерлушек, шерсть, фрукты и вино. Садоводство всегда было распространено в Средней Азии, где деревни и города имеют вид сплошного сада. Лишь в Закаспийской области садоводство начало развиваться послѣ

завоевания края русскими. Местные жители всецело степняки, их мироощущение прекрасно характеризуется поговоркою: „настоящий туркмен не нуждается ни в твоем дереве, ни в твоей власти“. Но и здесь, когда разведение садов было делом обязательным, они стали быстро распространяться, и теперь вывоз сухих фруктов достигает уже крупных размеров и ежегодно расширяется. С виноделием Средняя Азия познакомилась лишь с приходом русских; эта отрасль хозяйства имеет большую будущность, благодаря обильным урожаям винограда и отсутствию в крае, вследствие особого состава почвы, филлоксеры—этого бича виноделия. В среднеазиатском отделе есть уже целый ряд экспонентов вина; оно конечно еще молодое, но качественно весьма удовлетворительное.

Другие богатства края, эксплуатация которых еще только начинается, а именно минеральные (медь, серебра, каменный уголь), выставлены главным образом в коллекциях и фотографиях. Коллекциями же, фотографиями, моделями и манекенами иллюстрируется и быт населения. Представлены жилища, ичкара (женская половина), одежда, утварь, начиная от сельскохозяйственных орудий и кончая музыкальными инструментами. Интересна здесь богатая иллюстрация свадебного поезда, выставленная живинским ханом, модель жилища живинского земледельца с двором и надворными постройками, сарайский дом и пр. Дополнением к бытовой выставке служит целый базар, устроенный на одном из балконов здания, несколько кибуток и юрты, раскинутых около отдела. Базар очень живописен и характерен; здесь можно купить много кустарных безделушек, шелковые материи, ковры, пить чай и кумыс, здесь же одеть и обычная жизнь Востока: женщины ткут ковры, мужчины выдѣлывают оружие, сбрую, шьют сапоги и пр. Кустарная промышленность вообще очень развита на Востоке, особенно славится оружие. Замечательные образцы серебряных чеканных изделий бухарской работы, с инкрустацией из бирюзы, выставил бухарский эмир.

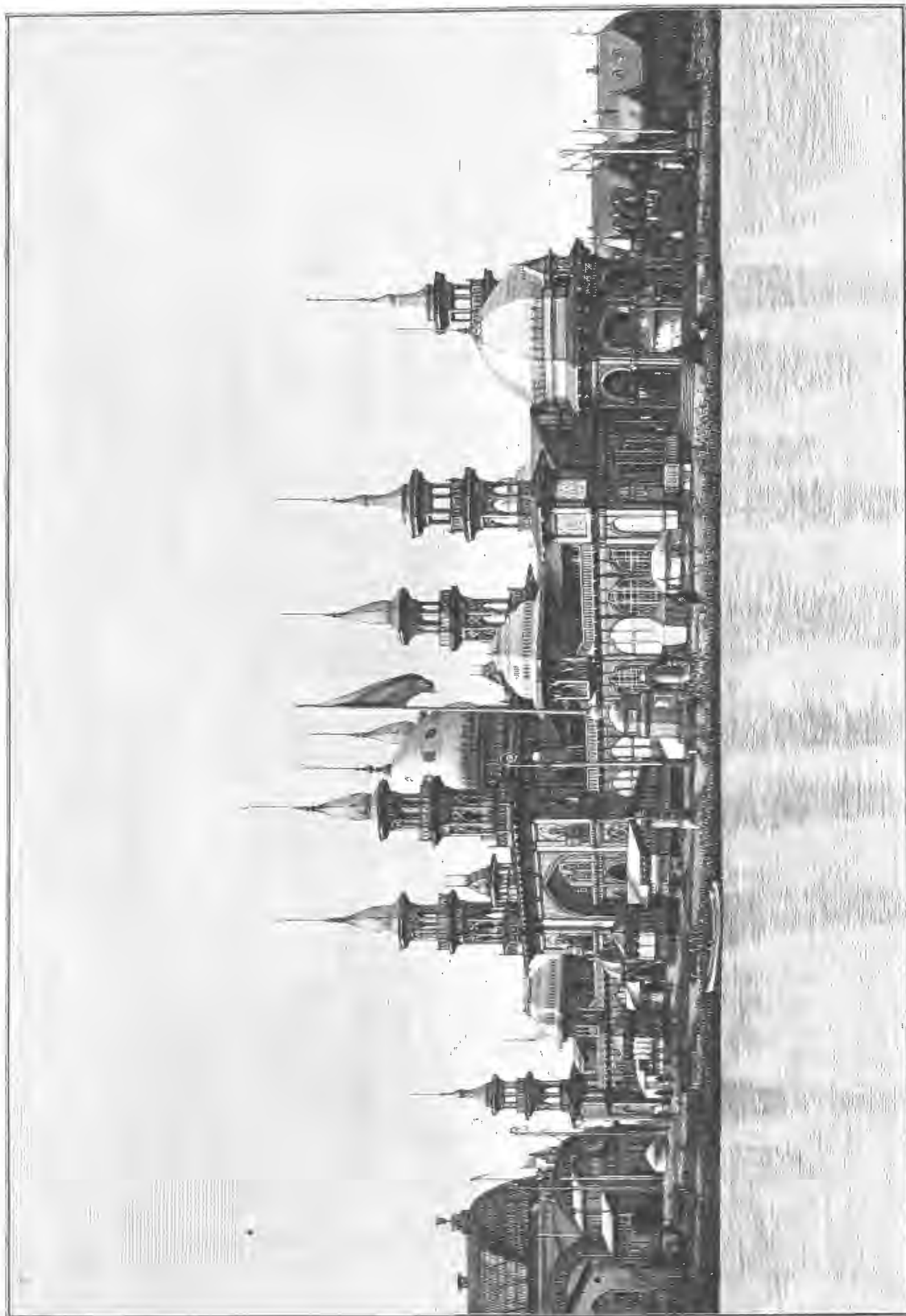
В общем среднеазиатский отдел характерен и интересен и может дать представление о наших среднеазиатских владениях. К сожалению, отдел во многом уступает в полноте и наглядности бывшей ранее в Москве Среднеазиатской выставке, хотя и имеет свои достоинства и новости. Главный недостаток отдела заключается в его невыдержанности, во всем проглядывает, что его устроители работали только предисайями. От этого-то Самаркандская область оказалась представленной очень полно, тогда как экспонаты Ферганской области носят раздробленный характер, а сирь-дарьинских до конца июля вовсе не было. Каринность отдела также далеко не безукоризненна, достаточно заметить, что она достигается главным образом коврами и восточными материями, на которых выдѣлывается весь *couleur locale* отдела, и нет ни одной панорамы. А какія чудныя можно было бы сделать!

Здание среднеазиатского отдела в два этажа. Наверху ведут узкие и кривые лестницы; но не стоит и подниматься: там ничего нет, и полюбоваться на общий вид, как советует официальный путеводитель, нельзя,—видны лишь крыши витрин и левая сторона протянутых между ними ковров и материй.

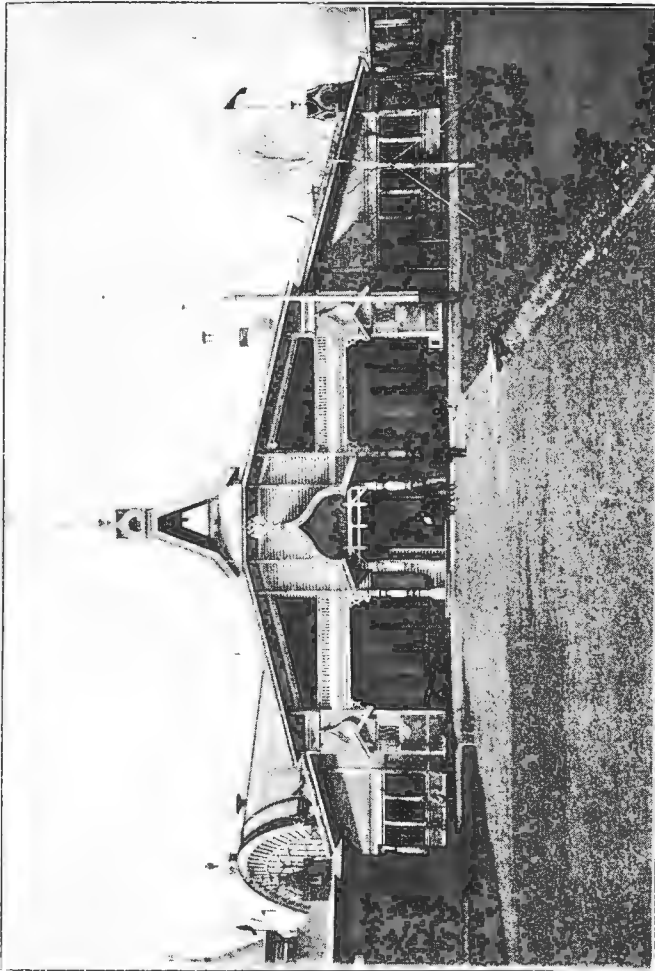
Значительно более подробно, полно и живописно составлен сибирский отдел (рис. на стр. 975.) Уже при входе в него бросаются в глаза несколько больших стѣнных картин, которые знакомы с характерными пейзажами и как бы служат предисловием к выставленным экспонатам. Одна из групп сибирского отдела, а именно Стенное генерал-губернаторство помещается в здании среднеазиатского

Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем-Новгородѣ. Средне-азиатский отдел. Витрина персидскаго Товарищества. Сѣ фотограф. спец. корресп. „Нивы“, авторитипія „Нивы“.

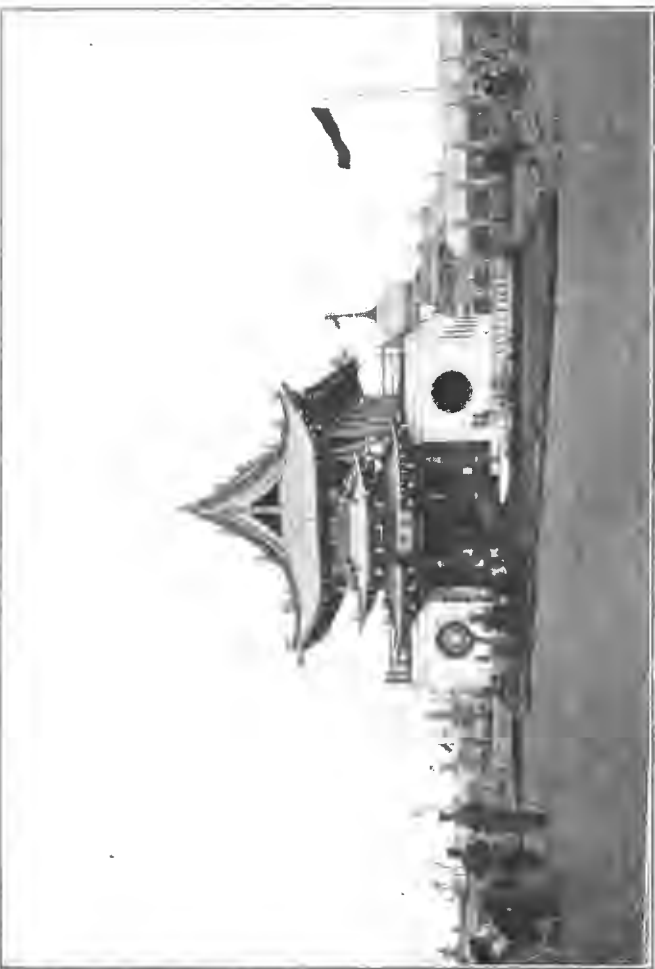
Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Зданіе средне-азіатскаго отдѣла. Съ фот. Н. Дмитриева въ Нижнемъ-Новгородѣ, грав. Шюлеръ.

Здание сибирского отдела.

Сибирский отделъ. Вытрины Степного генераль-губернаторства. Съ фотор. спеціальн. корреспондента „Нивы“, автотипии „Нивы“.

Павильонъ кяхтинскихъ частерговцевъ. Фотогр. І. Ф. Кшесинскаго.

Сибирский отделъ. Витрина съ божнами сибирскихъ инородцевъ. Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ.

отдѣла. Эта громадная область представлена очень полно (около 3.000 экспонатовъ); тутъ и карты, планы, фотографіи, модели, образцы, чучела, красиво расположенныя на гербѣ (рис. на стр. 975), гербаріи, этнографическія и археологическія коллекціи и пр. На одномъ изъ балконовъ юрта со всею обстановкою. Собственно сибирскій отдѣлъ расположенъ въ особомъ зданіи (рис. на стр. 975) довольно оригинальной архитектуры, напоминающей детали крестьянскихъ построекъ въ Сибирѣ. Зданіе раздѣляется на 4 зала, въ которыхъ размѣщены группы отдѣла, соответствующія географическимъ дѣлеціямъ Сибирѣ: амурско-приморская, восточная Сибирь, алтайско-верхненская и западная Сибирь.

Первал—амурско-приморская группа; прямо отъ входа—громадная группа дикихъ животныхъ, населяющихъ этотъ край, съ большимъ медвѣдемъ на вершинѣ. Четыре громадныхъ декоративныхъ картины (побережье озера Байкаль и бурятскій храмъ, р. Амуръ, Владивостокъ и Беринговъ островъ) украшаютъ стѣны и вмѣстѣ съ коллекціями предметовъ одежды и домашняго обихода гилевъ, орочанъ и якутовъ, характеризующихъ обстановку и бытъ этой наиболее отдаленной нашей окраины. Вся зала уставлена витринами съ произведениями края, главнымъ образомъ Амурской и Приморской областей. Эти области громады по пространству, но населены еще очень слабо; главный контингентъ—русскіе, которые переселяются сюда, чтобы заняться земледѣльемъ, отвоевывавъ у суровой природы этотъ богатый край. Главный трудъ и расходъ, который приходится преодолевать здѣсь каждому новому земледѣльцу, заключается въ расчиствѣ земли изъ-подъ тайги, которая при наименьшемъ трудѣ обходится не менѣе 100 руб. на десятину. По тѣмъ же мѣстамъ земледѣлье водворяется здѣсь прочно, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленные экспонаты. Кромѣ крестьянскаго хозяйства, здѣсь развивается и фермерское хозяйство. Изъ промысловъ особенно развиты морскіе. Крупное дѣло представляютъ китовые и китоловные промыслы; послѣдніе очень подробно представлены не только образцами продуктовъ (ворвань, китовый усъ), но и орудіями лова китовъ. Много экспонатовъ морской капусты, селенды, трепанговъ вмѣстѣ съ моделями устройства промысловъ. Обрабатывающая промышленность находится еще въ зародкѣ и выражается нѣсколькими заводами: винокуренными, мукомольными, кожевенными, мыловаренными, кирпичными, свичечными, чугунолитейными и маслобойными; большинство изъ нихъ явились экспонатами нижегородской выставки. Нужно еще упомянуть о попыткахъ выподѣля въ краѣ; въ оны еще не увѣличены полными успѣхомъ, такъ какъ виноградъ получается очень кислый и безъ прибавки сахара не можетъ давать вина. Самостоятельными и интересными экспонатами являются китайскіе и японскіе товары, обращающиеся на владивостокскомъ рынкѣ; кромѣ чисто утилитарныхъ предметовъ, имѣется дѣльный рядъ издѣлій роскони: разнообразныя рѣзные и точенныя вещицы изъ кости, черепахи и пр. Интересна также модель сухого дока во Владивостокѣ, которому, быть-можетъ, суждено играть большую роль для нашего флота, такъ какъ до сихъ поръ русскимъ судамъ приходилось заходить для ремонта или починки въ японскіе порты. Амурская золотопромышленность выставлена въ особомъ павильонѣ, находящемся недалеко отъ зданія сибирскаго отдѣла.

Въ слѣдующей залѣ—павильонъ—Восточная Сибирь, также представленная картинами, и подробно. Къ сожалѣнію, эта зала крайне приземиста, что, конечно, невыгодно отражается и на общемъ фонѣ группы. Въ числѣ экспонатовъ больше всего предметовъ музейнаго типа, выставленныхъ музеями миссионерскими, енисейскимъ и восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества. Это богатая археологическая и этнографическая коллекція, фотографіи, карты, рисунки, вносившіе обстановку этого края. Чрезвычайно отрадное впечатлѣніе оставляетъ осмотръ этихъ коллекцій, составленныхъ умѣлыми руками и съ замѣчательною любовью къ родному краю. Все это труды отдѣльныхъ лицъ; какую громадную энергію они должны были употребить и сколько затратить изъ своихъ скудныхъ средствъ, чтобы закончить свое живое дѣло. Съ глубокою благодарностью вспоминаемъ Н. М. Мартынова, антекаря въ Минусинскѣ, въ теченіе долгихъ лѣтъ собиравшаго цѣлый музей, переданный имъ потомъ городу, который построилъ для этого музея особое зданіе и назначилъ субсидію. Нужно замѣтить, что коллекція минусинскаго музея приобретаютъ особый интересъ, такъ какъ Минусинскій край былъ въ доисторическія времена центромъ своеобразной культуры мѣднаго вѣка (чудя). Въ числѣ коллекцій обращаетъ на себя общее вниманіе коллекція бурхановъ и другихъ предметовъ ламайскаго культа (рис. на стр. 975). Среди изображеній боговъ, между прочимъ, находится одно, сильно напоминающее обликъ императрицы Екатерины II; объясняется это тѣмъ, что происхожденіе этого идола относится къ тому времени, когда у Китая только-что завязались торговля сношенія съ Россіей, и въ это время въ Китай проникли портреты русской царицы. Въ этой же залѣ характерны громадная чучела бѣлыхъ медвѣдей и колоссальныя кости мамонта, а также образцы, объясняющіе весь кедровый промыселъ, и образцы разныхъ видовъ рыбъ, модели

орудій и приспособленій для рыбной ловли. Изъ фабрично-заводскихъ экспонатовъ отмѣтимъ: водки, муку, шведскія свички, мыла, свѣчи, кожи, веревки, канаты, фарфоръ и стекло—все самое необходимое; въ Сибирѣ промышленность только зарождалась.

Залъ, отдѣленный алтайско-верхненской области Сибирѣ, занятъ преимущественно выставкою Кабинета Его Величества, произведеніями алтайскаго и верхненскаго горныхъ округовъ и екатеринбургской гранильной фабрики. Стѣнные картины здѣсь очень интересны, такъ какъ онѣ представляютъ живописнѣйшія мѣста Сибирѣ, которыя по своей красотѣ могутъ соперничать съ знаменитѣйшими видами Швейцаріи. Таковы Теленкое озеро, гора, возвышающаяся надъ нимъ, водонадъ р. Катунь и алтайскій Монбланъ—гора Бѣлуха съ окружающими ее бѣлками (ледниками). Экспонаты Императорской екатеринбургской гранильной фабрики, конечно, верхъ совершенства. Это, однако, не относится къ горѣ-гроту изъ самоцвѣтныхъ камней—108 различныхъ породъ, изъ которыхъ на фабрикѣ готовится издѣлія. Она интересна по подбору камней, но не имѣетъ ровно никакой художественной цѣнности. Горка увѣчана бюстомъ императрицы Елисаветы Петровны, по повелѣнію которой Алтай перешелъ въ Кабинетъ Его Величества. На этой горѣ есть, однако, замѣчательное художественное произведеніе, это небольшая изъ колчанской яшмы барельефъ Государя Императора Николая II, укрѣпленный въ лапахъ уральскаго беркута изъ орской яшмы, который сидитъ на вѣткѣ, сдѣланной изъ нефрита; вся группа укрѣплена на медальонѣ изъ орлена. Нельзя не любоваться и подборомъ красокъ, и изяществомъ исполненія этой небольшой вещицы. Но что самое замѣчательное, это то, что она сработана мастеромъ, получающимъ всего-на-все 20 рублей въ мѣсяцъ. Какую опытность, какой недогаданный талантъ нужно имѣть, чтобы создать подобно художественное произведеніе, и въ результатѣ полная безбѣдность и вознагражденіе поденщика. Къ сожалѣнію, произведенія этой фабрики,—въ конкурсѣ по исполненію,—по замыслу, и по художественной командовкѣ остаются безъ движенія въпередъ. Чашы и вазы, корзиночки, иглочки и шпиретки, притомъ по рисункамъ, по мѣняющимся десятками лѣтъ, вотъ обычный репертуаръ этой фабрики. Больше разнообразія, больше художественной мысли заключается въ каменныхъ вещахъ Колыванской шифовальной фабрики. Интересна выставленная здѣсь же модель первой въ Россіи паровой машины, изобрѣтенной шахтѣ-мейстеромъ Н. И. Ползуновымъ въ г. Барнаулѣ въ 1763 г., что есть рашнѣ Уатта; машина дѣйствовала на барнаульскомъ сереброплавильномъ заводѣ для накачанія воздуха въ печи. За свое изобрѣтеніе, которое могло бы обезсмертить его имя, Ползуновъ получилъ чинъ капитанъ-поручика и награду въ 400 р.; онъ скоро умеръ, и его машина, проработавъ 3 мѣсяца, сломалась, и не нашлось никого, кто бы могъ ее починить. Горные округа представлены большими рельефными картами, планами, образцами рудъ, шихорова золота и пр. Два громадныхъ золоченыхъ шара, поддерживаемыхъ гипсами, наглядно изображаютъ въ натуральную величину количество золота, добытаго съ начала золотопромышленности въ Верхненскомъ (съ 1835 г.) и въ Алтайскомъ (съ 1831 г.) округахъ.

Западная Сибирь по характеру растительности и населенія больше приближается къ Европейской Россіи. Главное занятіе населенія—земледѣліе, которое все распространяется съ успѣхомъ переселенческаго движенія. Оно представлено очень интересно и наглядно. Одна изъ большихъ стѣнныхъ картинъ изображаетъ водвореніе новоселовъ въ тѣбу, масса моделей и фотографій землянокъ, въ которыхъ селится переселенцы въ первый годъ по прибытіи, избы уже водворившихся, сцены изъ переселенческой жизни и пр. Много образцовъ хлѣбовъ и сельско-хозяйственныхъ орудій, знакомящихъ съ условіями земледѣлія. Рыболовство и звѣроловство инородцевъ края вмѣстѣ со всею ихъ бытовою обстановкою составляетъ интересную сѣверную группу, рисующую весь строй жизни самоцвѣдовъ и остяковъ. Экспонатовъ фабрично-заводской промышленности значительно больше, чѣмъ въ другихъ группахъ отдѣла; конечно, преобладаетъ водка и спиртъ, но встрѣчается и сукно, и химическіе продукты (сода, глауберова соль) и консервы. Много, наконецъ, кустарныхъ издѣлій, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримеръ издѣлія изъ кости мамонта, выдаются даже художественностью работы.

Къ сибирскому отдѣлу причисляется еще павильонъ кяхтинскихъ часторговцевъ (рис. на стр. 975). Онъ расположенъ на берегу выставочнаго пруда и имѣетъ видъ росконскаго общественаго китайскаго зданія. Общественныя китайскія постройки, какъ извѣстно, отличаются отъ частныхъ не только большими размѣрами, но и тѣмъ, что имѣютъ крышу, одну или нѣсколько, смотря по важности зданія, тогда какъ въ частныхъ домахъ средняя часть зданія представляетъ открытый дворъ, вокругъ котораго расположены крытыя жилища помещиковъ. Павильонъ построенъ на средства кяхтинскаго купечества и заключаетъ въ себя предметы, относящіеся до торговли Россіи съ Китаемъ и Японіей. Съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги, наши торговля сношенія съ Востокомъ несомнѣнно должны сильно увеличиться. Вотъ почему наглядное изученіе условій

и обстановки торговли в Китае и Японии представляет высочайший интерес именно в настоящую минуту, и не только по отношению к русским товарам, но и к иностранным, а также в смысле изучения бытовой обстановки Китая и Японии, которое может послужить путеводной нитью в выяснении значения ввоза тех или иных товаров, и в указании тех товаров, которые хотя ныне и не ввозятся, но могут пойти легкой сбыть. Павильон полон выдающегося интереса, действительно переносит посетителя в самую глубь Китая и оказывается несомненно поучительным. Конечно, среди экспонатов первое место занимает чай, выставленный в зал, представляющей точную копию китайской купеческой конторы в Маймаине. Здесь, кроме образцов чая, выставлен ряд моделей и фотографий, подробно иллюстрирующих приготовление чая в Китае. Далее следуют другие вывезенные из Китая и Японии товары: шелковые ткани, лакированные вещи, фарфор, рис, табак и проч. Большая часть этих предметов, равно как и образцы товаров, ввозимых в Китай и Японию, были собраны специальной экспедицией министерства финансов на Востоке. Интересна крайняя дешевизна китайских и японских товаров, к сожалению, несмотря на это, мало доступных нам, в виду их дороговизны у нас, и не потому, что за морем телушка полушка, да рубль перевозу, а благодаря высокой таможенной пошлине, как будто специальные китайские или японские товары могут у нас производиться.

Теперь перейдем в не менее оригинальный с виду павильон Крайнего Севера (рис. на стр. 979). Простая дощатая стена и высокая круглая крыша напоминают факторию промышленников на океанском побережье. Стены павильона снаружи убраны рыболовными сетями, на углах крыши громадные профили рыб. Вокруг павильона тянется балкон с балюстрадой, рисунок которой представляет фигуры оленей, самофодов, саней. На балконе с одной стороны большая шняк, на которой промышленники вывезают в море для ловли рыбы, со всеми снастями, с другой— самофоды и лонарские сани, чучела оленей в упряжи, громадные баки, в которых, герметически закупоренная, развивается треска и проч. Тут же расхаживает и чета самофодов в своих национальных костюмах. У подножия балюстрады устроен грот из алебаstra, искусно подражающего глыбам льда; на вершине грота выхлещен громадный белый медведь, а внизу, около бассейна с фонтаном, помещены прирученная чайка, тюлень и ручной морж, который умает по приказу переворачиваться на спину, а при некотором воображении можно услышать, как он произносит „мама“ и „благодарю“. Не менее картинно и удачно внутреннее убранство. Небольшие сфинксы прямо при входе украшены образами св. Зосимы и Савватия и св. Трифона Печенгского и Феодорита Кольского, просветителей Северного края, и увешаны планами, картами, чертежами, фотографиями, относящимися к постройке северной дороги и быту народностей, обитающих земли, ею проходимы. Нужно сказать, что отдел Крайнего Севера устроен обществом московско-ярославской железной дороги, которому предоставлена ныне постройка железного пути от Вологды до Архангельска. Эта дорога уже строится, и нынешним летом открывается часть пути. Наш Север— забытый край; между тем несколько вкось тому назад ему суждено было играть большую роль в наших торговых сношениях, так как через Архангельск лежал большой путь между Европой и Россией с одной стороны и Востоком— с другой. Но завоевания берегов Балтийского и Черного морей направили торговое движение иным путем, и мало-по-малу Северный край совершенно замер. Строящаяся железная дорога, прорывавшая грандиозные леса и тундры, проходит по совершенно пустынным местам; за Сухоной к Архангельску, на протяжении 230 верст, попадается всего одна деревня в 15 дворов. Железной дороге приходится поэтому заботиться и о заселении этого края, поэтому, например, при станциях устраиваются помещения для проезжих с их лошадьми, а также магазины с продажей предметов первой необходимости. Нет сомнения, что железная дорога облегчит эксплуатацию природных богатств Севера, многие из которых далеко еще не извданы.

Павильон „Крайнего Севера“ включает в себя собственно одну только залу; убрана она замечательно эффектно. Прежде всего охватывает, что только в этом павильоне позаботились устроить верхнее освещение и устранить непосредственные лучи солнца, что не маловажно. Все стены увешаны картинами, писанными К. А. Коровиным, все они взяты из северной жизни и составлены по эскизам, набросанным на месте. Они представляют пристань в Архангельске, аркары там же, незамерзающую Екатерининскую бухту Мурманского побережья, где ршено устроить гавань, моржевый и тюлений промысел, рыбную факторию, снимание жира с кита при свете полярного солнца, северное сияние, лес и тундры, монастырь на Печенге и пр. Много и фотографий. Посреди залы витрина с моделями пароходов мурманского общества,

рядом— стол с изделиями соловецких монахов: деревянные ложки, крестики, изделия из тюленьей кожи. Напротив, чучело громадной белой медведицы (рис. на стр. 979), а у ее ног маленький медвежонок. Целый ряд чучел различных северных животных и птиц расположен вдоль стены; тут же: одежды самофодов, модели судов, юрты, хижины, аппараты и приспособления для ловли рыбы и животных; данна о лесном промысле и пр. Наш Север наиболее богат рыбными и морскими звериными промыслами, но, несмотря на все их богатство, они находятся в первобытном состоянии, как по способу лова, так и по заготовке продуктов в прок. Зато идет лес и лесные продукты: смола, пек, варь, деготь и пр. Лес на Севере отличается весьма медленным ростом, полной зрелости он достигает в 150 лет, отчего отличается мелкою стоимостью и ценится очень высоко. Другой богатства еще мало обследованы; открыта хорошая нефть в Печерском крае, в Ланландии свинцовая и серебряная руда, на берегах Двины на просторстве соленая вереть залежи превосходного алебаstra. В заключение нельзя не упомянуть об изделиях кустарей Архангельской губернии; в большинстве это меховые изделия: туфли, коврики из гагарных шкур, куклы в меховых костюмах и пр. В общем отдел Крайнего Севера вышель одним из удачнейших и интереснейших на нижегородской выставке. То же самое можно было сказать и про отдел (грунту) торговли России с Китаем и Японией. Это тем более заслуживает внимания, что оба отдела составлены на частные средства. Успех этих отделов коренится в том, что их устроители отнеслись, как видно, к своей задаче с большою любовью и убежденно проводили свои мысли, начиная. Единственный недостаток северного отдела— это почти полное отсутствие частных экспонентов, но это уже не вина его устроителей, так как отдел был образован почти накануне открытия выставки.

Кустарные промыслы образуют особый отдел всероссийской выставки. На предшествовавшей промышленной выставке в Москве, в 1882 году, кустарный отдел в значительной степени имел музейный характер, состоял в большинстве из коллекций и имел целью сгруппировать все, что известно о кустарных промыслах, чтобы всемерно познакомить с ними и общественности, и правительственной сферы. Совершенно иной характер имел кустарный отдел на нижегородской выставке. На ней около 3,000 кустарей выставили уже самостоятельными экспонентами— и непосредственно, и через посредство земских управ, а земские и правительственные учреждения экспонируют то, что ими сделано для поощрения кустарного труда. Из сферы изучения вопрос следовательно перешел на чистую практическую почву. Благодаря тому, что кустарям разрешено продавать свои экспонаты, кустарный отдел имел совершенно вид базара.

Земледельческий труд далеко не везде в России обеспечивается крестьянское население, что, в связи с продолжительным зимним досугом, вызвало к жизни целый ряд отдельных промыслов,—кустарных,—которые крестьяне занимаются на месте, не отрываясь от дома, от семьи. Кустарные промыслы в общем весьма значительны, ими занято около 7 миллионов крестьян, давая довольно крупный заработок, служащий подспорьем, а иногда даже единственным средством для существования. Было время, когда кустарные промыслы процветали и на Западе Европы, но с развитием фабричной и заводской деятельности и ремесленной промышленности в городах, им суждено было мало-по-малу исчезнуть. У нас кустарные промыслы еще полны жизни; правда, некоторые из них уже исчезли под давлением фабричной конкуренции, многие сами превратились в крупное фабричное дело, но зато народилось еще больше новых, более совершенных и выгодных промыслов. Большую помощь в этом отношении оказывают кустарям земства и частные лица. Земства заводят мастерские, где кустары могут научиться технике производства, для облегчения сбыта земства устраивают выставки, где потребители знакомятся с производимыми кустарными товарами, и склады, откуда непосредственно можно их выписывать, а также входят в соглашение с крупными потребителями, как например, интенданство, и организуют поставку им кустарных товаров; земское земство пошло еще дальше и устроило специальный кустарный банк.

На нижегородской выставке участвуют три земства: московское, вятское и нижегородское. Особенно интересна выставка московского земства, наиболее преуспевающего в деле поддержания кустарных промыслов. Здесь выставлены целый ряд образцов изделий, производившихся кустарным ручным способом, и тех же изделий, но значительно улучшенных— работы кустарей, промышленных кузев в мастерских земства. Многие из таких изделий сгламо могут найти себе место в лучших столичных магазинах, таковы, например, мебель из бамбука и плетения, корзинки, начиная от обыкновенных и кончая изящными жаднишьерами, детские игрушки и пр. На игрушках особенно рельефно замтно облагораживающее влияние земских мастерских; трудно встать, чтобы куклы изящные, почти парижские, и примитив-

ныя, грубыя, работали бы однимъ и тѣмъ же мастеромъ. Дѣло въ томъ, что на французской выставкѣ въ Москвѣ земство приобрѣло цѣлую коллекцію парижскихъ куколъ, которыя и разослало по кустарнымъ мастерскимъ. Работа земства была направлена и къ видоизмѣненію существовавшихъ производствъ, къ большому приоритету ихъ къ требованіямъ рынка. Такъ, въ кустарномъ отдѣлѣ обращаютъ на себя вниманіе прекрасныя вапны, дупы, улывальники, замѣчательныя по тщательности работы, остроумнымъ приспособленіямъ и дешевизнѣ. Оказывается, что этотъ промыселъ развился, благодаря земскимъ мастерскимъ, изъ существовавшего на старинномъ производствѣ кофейниковъ и фонарей, который по своей маловыгодности клонился къ совершенному упадку. То

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Машинный отдѣлъ. Внутренній видъ. Съ фотогр. спеціальн. корреспонд. „Нивы“, автотипія „Нивы“.

же самое можно сказать и про щеточный промыселъ, въ которомъ кустари перешли къ выдѣлкѣ специальныхъ щетокъ, идущихъ на фабрики.

Въ группѣ кустарныхъ издѣлій, выставленныхъ вятскимъ земствомъ, также видимъ рядъ существенныхъ улучшеній. Много изищше стали формы керамическихъ и гипсовыхъ издѣлій, между прочимъ, появились очень педурно сработанныя бюсты писателей. На выставкѣ возбуждаетъ вниманіе и этнографическая коллекція, исполненная близко къ правдѣ и въ некоторыхъ случаяхъ

не безъ русскаго юмора. Тутъ же статуэтки, могущія служить украшеніемъ любой квартиры. Въ мебельномъ отдѣлѣ обращаютъ вниманіе точеные и пылы стулья — 12 образцовъ, цѣною отъ 18 до 23 руб. за дюжину; они годятся и

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Зданіе машиннаго отдѣла. Съ фотогр. М. Дмитриева въ Нижнемъ-Новгородѣ, автотипія „Нивы“.

для парадной столовой. Улучшения замѣтны и въ роговомъ, и въ берестяномъ промыслахъ. Нижегородское земство лишь недавно выступило съ энергичными мѣрами къ поддержанію кустарнаго промысла, но и здѣсь виденъ успѣхъ. Между прочимъ, интересна обширная коллекція такъ-называемой семеновской мебели, нашедшей сбытъ даже въ Парижѣ; семеновцы экспонируютъ и модель семеновской избы съ полной обстановкой и утварью, а также фигурами рабочихъ по ложкарному промыслу. Эти фигуры наглядно показываютъ весь процессъ работы съ существующимъ здѣсь раздѣленіемъ труда. Въ этой же группѣ выставлены прекрасно въѣтъ извѣстныя и вошедшія въ общее употребленіе стальные издѣлія павловскихъ кустарей.

Частная инициатива въ дѣлѣ помощи кустарямъ тѣсно связана съ именами нашихъ интеллигентныхъ женщинъ. Толчокъ ея развитію въ значительной степени былъ данъ московской выставкой 1882 года, которая впервые познакомила наше общество съ кустарными промыслами, показала ихъ громадное значеніе для крестьянства и выяснила, насколько они нуждаются въ интеллигентныхъ силахъ. Много содѣйствія въ этомъ отношеніи оказали и 1891, голодный, годъ, когда наше общество вновь было поставлено лицомъ къ лицу съ крестьянскою нуждою; многие изъ побывавшихъ тогда въ деревнѣ естественно перешли отъ временной помощи къ постоянному содѣйствію, избравъ для того вѣрный путь: поднять тотъ промыселъ, который установился изстаря. Такъ развились школы ткачества, вышиванія, кружевницъ и пр. Кустар-

ницы работы этой группѣ, еще недавно совершенно неизвѣстныя, завоевали русскіе рынки, начали проникать и за границу, и на большинствѣ выставокъ получили заслуженныя награды. Помощь кустарямъ была оказана и съ совершенно противоположной стороны — чисто коммерческой. Многие торговцы, угадывая расширеніе спроса на кустарныя издѣлія, начали раздавать кустарямъ матеріалы, болѣе совершенныя образцы, оказывать кредитъ и, изучая вкусы погребителей и условия рынка, направлять кустарей въ ихъ дѣятельности. Результаты не замедлили блестяще подтвердить вѣрность взгляда этихъ торговцевъ. Такъ, напримеръ, кто теперь не знаетъ малороссійскихъ плахтъ и иныхъ тканей съ шелкомъ и гарусомъ, производимыхъ около г. Кролевца; еще недавно этотъ промыселъ былъ въ зачаточномъ состояніи, теперь же въ городѣ и въ окрестныхъ селахъ работаетъ до 1.000 семей. Упомянемъ еще объ артельномъ началѣ, также недавно возникшемъ среди кустарей, но обладающемъ крупнымъ успѣхомъ, такъ какъ при его помощи возможна конкурен-

ція съ фабриками. На выставкѣ много образцовъ издѣлій кустарныхъ артелей, таковы попки павловской артели, ножи, трости, прессъ-напье—златоустовской, саногги—саратувской и пр.

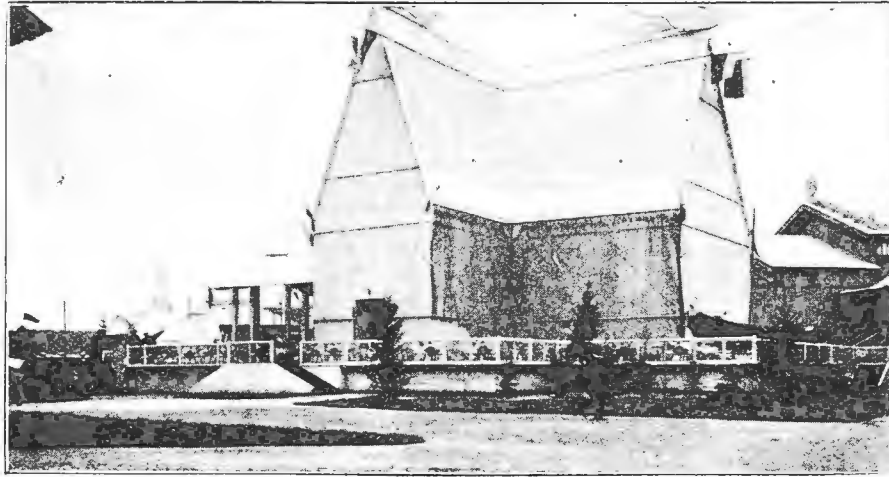
Изъ отдѣльныхъ экспонатовъ многие выдаются художественностью и изяществомъ исполненія (таковы, напр., Тайная Вечеря, рѣзанная по дереву Хрустачевымъ, ваза гранльщика Трапезникова, дагестанскія издѣлія и проч.). Кустарный отдѣлъ очень эффектно декорированъ и умѣло обставленъ. Очень красивы громадныя витрины съ произведеніями ткацкаго промысла. Интересны большія стѣнные картины, иллюстрирующія разные промыслы, нѣкоторые изъ нихъ представлены и въ дѣйствіи.

Теперь перейдемъ въ машинный отдѣлъ. Онъ помѣщается въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ зданій выставки (рис. на стр. 978). Оно, въ стилѣ современныхъ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ, все изъ стекла и желѣза. Внутри масса свѣта и воздуха (рис. на стр. 978). Въ машинномъ дѣлѣ отмѣчаются большіе

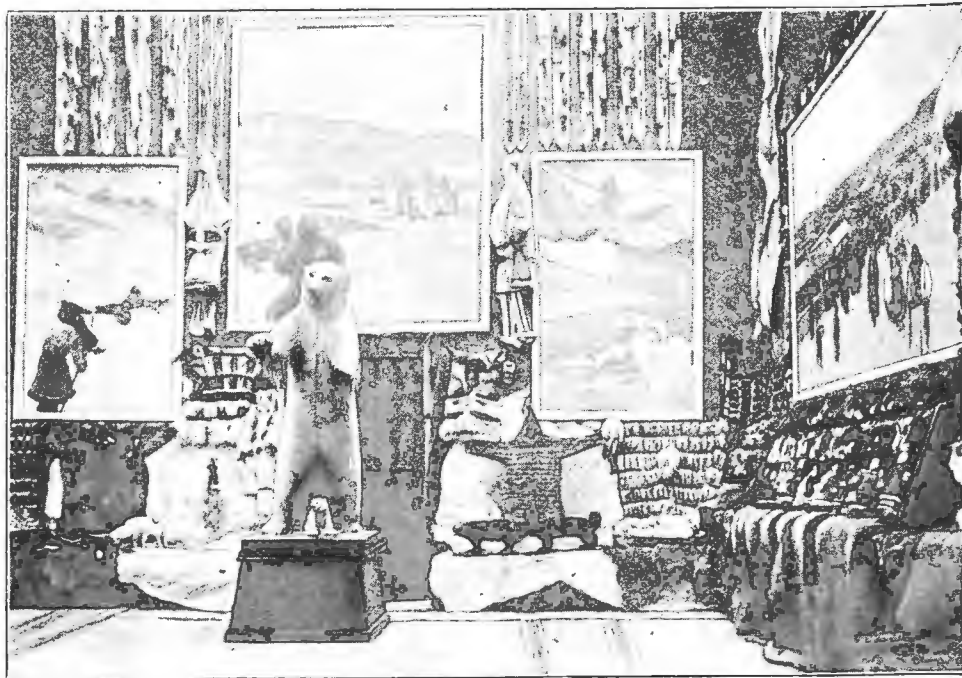
успѣхи со времени предшествовавшей всероссійской выставки, но едва ли въ какой-либо другой отрасли промышленности съ такою очевидностью видна наша отсталость, какъ въ машиностроеніи. Техника все время прогрессировала, и машинный отдѣлъ настоящей выставки и значительно больше, и богаче и содержательнѣе, чѣмъ на выставкѣ въ Москвѣ. Но какъ тогда, такъ и теперь, всѣ выставленныя машины, безъ исключенія, построены по иностраннымъ патентамъ—русской мысли здѣсь нѣтъ. Прочтите списокъ экспонентовъ, и вы увидите, къ тому же, почти одинъ только иностранный пмепа. Издѣсь барьеръ таможенныхъ пошлинъ не создалъ русскаго производства, онъ вызвалъ только переселеніе въ Россію отдѣльныхъ иностранныхъ фирмъ. Но и техника нашихъ машиностроительныхъ заводовъ, несмотря на большой шагъ впередъ, далеко еще отстаетъ отъ западно-европейской или американской. Возьмите любую изъ машинъ, которая впервые появляется на всероссійской выставкѣ и свидѣтельствуешь о развитіи техники, и вы съ горечью убѣдитесь,

что на Западѣ такія машины въ лучшемъ случаѣ уже выходятъ изъ употребленія и замѣняются новыми — болѣе совершенными. Такъ, напримеръ, станки для обдѣлки металловъ; на московской выставкѣ ихъ почти не было, на нижегородской ихъ очень много, но конструкция ихъ уже 14 лѣтъ какъ вышла изъ употребленія за границей.

Изъ отдѣльныхъ экспонатовъ на выставкѣ много паровыхъ машинъ и котловъ, особенно пароходныхъ. Параллельно съ быстрымъ развитіемъ судоходства по Волгѣ, развивалось и

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Павильонъ „Крайняго Сѣвера“.

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Павильонъ „Крайняго Сѣвера“. Внутренній видъ.

машиностроение, и шьют весь волжский паровой флот; изготовляется на заводах по Волге. Много машин для оборудования винокуренных и сахароваренных заводов, но изготовление машин для хлопчатобумажных фабрик только зарождается. Забьются затѣмъ большіе шаги впередъ въ изготовленіи лѣсопильных машинъ и разнообразныхъ керосиновыхъ двигателей; какъ извѣстно, за послѣдніи 14 лѣтъ у насъ затѣмъ развилось лѣсопильное дѣло, а керосиновое выросло до гигантскихъ размѣровъ. Сильно развилось производство вѣтряныхъ двигателей; это одна изъ немногихъ отраслей нашего машиностроения, которая уже прочно стала на ноги и въ которой забьчается уже самостоятельное развитіе. Этому успѣхъ достигнуть главнымъ образомъ слѣдствие того, что заводы специализировались, и слѣдовательно при массовомъ производствѣ могли и лучше, и дешевле вести свое дѣло. Однимъ изъ большихъ недостатковъ нашихъ машиностроительныхъ заводовъ является между прочимъ то, что они берутся за изготовленіе всевозможныхъ машинъ — принципъ прямо противоположный основнымъ условіямъ машиностроения на Западѣ и въ Америкѣ.

Около машиннаго зданія высятся большія водонапорная башня, построенная изъ желѣза, заводомъ Бари; около нея небольшою навильонъ испытательной станціи. Мысль устроить этотъ навильонъ нельзя не признать весьма удачною, но исполненіе является нагляднымъ образцомъ того, какъ не слѣдуетъ устранивать выставки. Всякій въ правѣ былъ ожидать найти въ навильонѣ выставку того, что сдѣлано въ

Россіи за 14 лѣтъ по части примѣненія научныхъ методовъ для практическихъ дѣлей испытанія матеріаловъ и товаровъ. А въ этой—весьма важной—области прогрессъ не малъ. Такъ, во многихъ городахъ открылись аналитическія станціи для испытанія пищевыхъ продуктовъ, на многихъ фабрикахъ устроены испытательныя отдѣленія, которыя даютъ возможность вести дѣло на научныхъ основаніяхъ (напримѣръ, Большая ярославская мануфактура, приступая къ работѣ, испытываетъ сорта хлопка, пряжи; Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ анализируетъ бумагу, и пр.). Въ торговой сферѣ чисто научные методы также все болѣе находятъ примѣненія; въ Москвѣ, напримѣръ, нидого за послѣднее время продается не иначе, какъ по анализамъ лабораторій при одномъ изъ ученыхъ обществъ, и т. д. Сопоставленіе всего этого было бы въ высокой степени интересно и поучительно. Устроители станціи совершенно игнорировали все уже сдѣланное и своей станціей стремились показать необходимость научныхъ методовъ въ промышленности, доказать не только ихъ преимущество, но и ихъ важное значеніе въ прогрессѣ самой промышленности. Какъ будто все это давнымъ-давно уже не сознано самими промышленниками, перешедшими уже къ чисто практической дѣятельности. Въ результатѣ испытательная станція, которая могла бы быть интереснѣйшимъ навильономъ на выставкѣ, вышла скучной лекціей, совершенно нектати прочитанной; навильонъ мало кѣмъ и посѣщался, а станція занималась чисто дѣтскими, наивными работами, въ родѣ изслѣдованія воды, которую ньютъ на выставкѣ...

Къ рисункамъ.

„Псарный дворъ“ и „Терзай“ — картины А. Д. Кившенко. (Рис. на стр. 963, 966 и 970.)

Биографическія данныя о покойномъ академикѣ живописи Алексѣѣ Даниловичѣ Кившенко были нами даны своевременно, въ его некрологѣ (см. № 42 *Нивы* 1895 г.). Въ этомъ номерѣ мы помѣщаемъ одинъ изъ его охотничьихъ жанровъ, въ которыхъ онъ не имѣлъ у насъ соперниковъ. Это — картина *Псарный дворъ*, написанная въ 1883 г. и составляющая въ настоящее время собственность нашей Академіи художествъ. Передъ нами молодые супруги, посѣтившіе *псарный дворъ* (стр. 966) во время кормежки собакъ, всѣхъ этихъ поджарыхъ „густонцовыхъ“, соловыхъ и съ подпалинами Терзаевъ, Улетаяевъ и Догониевъ. Доблзачій показываетъ молодымъ барамъ этотъ „живой инвентаръ“ ихъ пубны; онъ съ снисходительнымъ пренебреженіемъ поглядываетъ на барыню, которая еще никакъ не можетъ разобраться въ мудреныхъ охотничьихъ терминахъ и никакъ не можетъ отличить одной собаки отъ другой, которая окружили ее, ожидая подачки. На стр. 970 мы даемъ любопытное для каждаго художника факсимиле первоначальнаго этюда той же картины; а вотъ, на стр. 963, и самъ *Терзай* — великолѣпный типъ чистокровной борзой охотничьей собаки.

Борзая, какъ извѣстно, стоитъ особнякомъ отъ всѣхъ другихъ собакъ, и по вѣнности, и по праву. Ни у одной собаки другой породы нѣтъ такого тонкаго, изящнаго тѣла, такой красивой и типической формы головы, такихъ тонкихъ, точно выточенныхъ ногъ, на которыхъ отчетливо обрисовываются каждый мускулъ, каждая мышца, какъ будто отгренарированные рукой искуснаго анатома. На борзой болѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ собакахъ, опровергается мнѣніе Зороастра, что въ собакѣ соединено все животное благородство и совершенство. Она страшно себялюбива, тщеславна и горда. Пока хозяинъ угождаетъ ей во всемъ, она выказываетъ къ нему расположеніе, но стѣтъ другому быть съ ней еще ласковѣе, и она перестаетъ быть вѣрною своему хозяину. Невѣрность борзой увѣковѣчена въ исторіи. Когда умиралъ Эдуардъ III, возлюбленная его стащила съ пальца короля дорогое кольцо, а любимая борзая собака въ самую минуту смерти его убѣжала и стала ласкаться къ его втрамамъ. Къ себѣ подобнымъ борзая относится такъ же, какъ къ человѣку. Пользуясь своей силой и высокимъ ростомъ, она не брезгаетъ показать свою силу и надъ самой маленькою собачонкой, которую схватываетъ крѣпко зубами, поднимаетъ на воздухъ и трясетъ, пока несчастная не испуститъ духа. Для охотника же эта ея кровожадность — огромное достоинство, выделяющее ее изъ другихъ породъ. Борзую высоко цѣнятъ и охотникъ-сѣверянинъ, и бедунинъ, кабилъ, арабъ, суданецъ, нидусъ. Обитатель степи не продастъ борзой ни за какія деньги. Въ Іеменѣ всякій, кто убьетъ борзую собаку, долженъ уплатить пеню — такое количество пшеницы, какое нужно, чтобы засыпать вполне животное, повѣшенное такимъ образомъ, что конецъ морды едва касается земли.

На рисункѣ А. Д. Кившенко изображена русская борзая; особенность ея — болѣе густая шерсть и болѣе пушистый хвостъ; у ирландскихъ и шотландскихъ борзыхъ одинъ только хвостъ густо покрытъ шерстью; вообще существуетъ примѣта, что чѣмъ гуще опушенъ хвостъ борзой, тѣмъ она быстрее. У болѣе же распространенной породы борзыхъ шерсть плотно прилегаетъ къ кожѣ, тонка и гладка; обыкновенный двѣтъ шерсти — рыжеватый.

Борзая настолько ретива на охотѣ, что въ пѣкоторыхъ странахъ, какъ напр., въ Германіи, въ видахъ охраненія дичи, запрещена во многихъ мѣстностяхъ охота съ борзыми. Но запрещеніе это ни къ чему не ведетъ; нѣтъ такого охотника, у котораго не бѣнуло бы сердце, когда спуститъ свору борзыхъ на звѣря; это чувство понятно только охотникамъ, въ родѣ тѣхъ, которые такъ мастерски изображены въ рассказѣ Р. Д. Маркова „Волчій князь“, помѣщенномъ въ сентябрьской книжкѣ „Литературныхъ приложений“ н. г.

Одуванчикъ. (Рис. на стр. 967.)

Какъ хорошо это лѣтнее утро и какъ красивъ необъятный просторъ зеленого луга, покрытаго высокой травой, изъ которой то тутъ, то тамъ показываютъ одуванчики свои серебристыя головки! Ихъ даритъ сама мать-природа, въѣсто игрушки, бѣднымъ дѣтямъ, и, право, что за прелесть эти игрушки: стѣтъ только тихо-тихо подуть на одуванчикъ, и серебристыя пушинки начинаютъ вздрагивать, безокойно сжиматься, точно живыя, и, наконецъ, отдѣляясь отъ головки, уплывать другъ за другомъ, толкаясь и спѣша, куда зоветъ ихъ вѣтерокъ.

Диана. (Рис. на стр. 971.)

Диана или Артемида — символъ луны и ночи, какъ Аполлонъ — символъ солнца и свѣта. Луна съ своимъ чистымъ, ровнымъ свѣтомъ вызывала у древнихъ, а по ихъ прижрѣ и у насъ, представленіе о чистой и непорочной дѣвственности, и потому Диану считали дѣломудренною, юной дѣвственницей, покровительствомъ чавшей непорочнымъ дѣвушкамъ и юношамъ, которые увѣчивали ее каждую весну цвѣтами. Въ силу этого Диана почиталась какъ богиня-покровительница строгой нравственности, добраго имени, здраваго образа мыслей. Все дикое и непокорное преслѣдовала она своими стрѣлами. И любимымъ ея занятіемъ было преслѣдованіе дикихъ существъ — охота, благодаря которой она стала мужественна и воинственна. Такою она всегда и изображалась въ статуяхъ и на картинахъ, волющая въ себѣ, но возрѣнимъ древнихъ, идеаль женской красоты. Такого же, очевидно, возрѣнія и талантливый итальянскій художникъ Витторіо Коркось, изобразившій современную Диану въ видѣ гордой красавицы, окутанной волнами легкаго газа, точно луна, заволокнутая тучами, и подобно древней своей соименицѣ порлажающей своимъ взоромъ непокорныя сердца.

И. Н. Березинъ. (Портр. на стр. 982.)

22 сентября исполнилось полгода со дня смерти скончавшагося 22 марта н. г. въ Петербургѣ заслуженнаго ординарнаго профессора и почетнаго члена с.-петербургскаго университета, т. е. Ильи Николаевича Березина. Смерть постигла почетнаго ученаго черезъ три дня послѣ празднованія 50-лѣтія его ученой дѣятельности.

И. Н. Березинъ родился 19 іюля 1818 г., на Юго-камскомъ заводѣ Пермской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ екатеринбургскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ на его блестящія способности обратилъ вниманіе ревизовавшій въ то время учебныя заведенія въ краѣ проф. Суровцевъ, благодаря которому И. Н. былъ переведенъ въ пермскую гимназію на казенный счетъ. По окончаніи курса въ гимназіи, И. Н. поступилъ въ казанскій университетъ по отдѣлу восточной словесности, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата, и

былъ затѣмъ оставленъ при университетѣ для приготовления къ профессурѣ.

Въ 1842 г., удостоенный степени магистра восточной словесности, И. Н. Березинъ былъ отпущенъ на средства университета съ научными цѣлями въ путешествіе по Востоку. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ проѣхалъ всю Персію, Месопотамію, Малую Азію, Сирію и Египетъ и затѣмъ провелъ годъ въ Константинополь. Отчеты о научныхъ занятіяхъ его во время этого путешествія печатались въ „Ученыхъ запискахъ казанскаго университета“.

По возвращеніи изъ Константинополя, въ 1846 г., И. Н. назначенъ былъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора турецкаго языка въ казанскомъ университетѣ. За девятилѣтнее пребываніе его въ этомъ университетѣ написано было имъ цѣлый рядъ трудовъ, въ числѣ которыхъ отмѣтимъ: „Описаніе турецко-татарскихъ рукописей, хранящихся въ петербургскихъ бібліотекахъ“, „Путешествіе по Востоку“ (2 тома, Казань, 1849—52 г.), „Système des dialectes turcs“, „Recherches sur les dialectes persans“.

Въ 1848 г. И. Н. отпущенъ для филологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій въ Тобольскъ, а въ 1852 г. занялся на мѣстѣ изученіемъ исторіи города Булгара на Волгѣ, результатомъ чего была его монографія „Булгаръ на Волгѣ“ (Казань, 1853 г.).

Въ томъ же году издана была имъ въ Петербургѣ интересная монографія „О намѣстѣи Батгя на Россію“.

Когда открылся, въ 1855 г., факультетъ восточныхъ языковъ въ петербургскомъ университетѣ, И. Н. приглашенъ былъ занять кафедру турецко-татарской словесности, на которой неутомимо проработалъ болѣе 40 лѣтъ.

Переѣхавъ въ Петербургъ, И. Н. Березинъ принималъ дѣятельное участіе въ современной журнальной литературѣ популярными научными статьями о Востокѣ, главнымъ образомъ, очерками изъ своего путешествія 1842—45 гг., — въ „Можетъ быть“, „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“, „Библіотекѣ для чтенія“, „Современникѣ“, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Журналѣ Министерствъ Народнаго Просвѣщенія“.

Одновременно съ тѣмъ И. Н. продолжалъ свои труды по изученію Востока, его исторіи и языковъ.

Перечислить всѣ многочисленныя труды И. Н. немислимо; укажемъ лишь на главныя труды, относящіяся къ разработкѣ исторіи монголовъ по подлиннымъ документамъ и восточнымъ авторамъ: „Ханскіе ярлыки“ (въ 4-хъ выпускахъ), „Библіотека восточныхъ историковъ“ (въ первомъ изъ трехъ томовъ этого

цѣннаго сочиненія помещена отысканная И. Н. Березинымъ исторія монголовъ и турокъ на джугатайскомъ нарѣчій, подъ названіемъ „Шейбани-Наме“, съ русскимъ переводомъ, примѣчаніями и дополненіями), и, наконецъ, болѣе цѣнный трудъ его „Исторія монголовъ“, соч. Рашидъ-эд-Дина, напечатанный въ „Трудахъ“ восточнаго отдѣла Императорскаго археологическаго общества 1858—88 гг.—7 томовъ.

Въ 1864 г. И. Н. получилъ степень доктора восточной словесности, послѣ защиты диссертациі „Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева“.

Если всѣ эти научныя работы создали И. Н. Березину славу извѣстнаго оріенталиста во всей Европѣ, то нельзя и не признать громаднаго общеобразовательнаго значенія для всей Россіи его 16-томнаго „Русскаго энциклопедическаго словаря“. „Словарь Березина“—это первый серьезный опытъ русскаго энциклопедическаго справочнаго изданія, доведеннаго до конца. Словарь этотъ выходилъ въ теченіе семи лѣтъ, съ 1872 по 1879 гг. и поглотилъ въ себя почти весь запасъ силъ его составителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все его состояніе. Не встрѣчалъ къ себѣ особаго сочувствія въ публикѣ, не привыкшей еще у насъ цѣнить значеніе энциклопедическаго словаря, ощущая большой недостатокъ въ преданныхъ дѣлу сотрудникахъ, И. Н. Березинъ не останавливался ни передъ какими препятствіями, самъ редактировалъ, писалъ статьи, корректировалъ и добился-таки своей цѣли — не далъ своему словарю, подобно другимъ, предшествовавшимъ ему, всенаучнымъ словарямъ, застрять на половинѣ алфавита и блестяще закончилъ свое изданіе. Пусть словарь этотъ въ извѣстной мѣрѣ уже устарѣлъ теперь, но онъ еще долго будетъ единственнымъ полнымъ энциклопедическимъ словаремъ. Обширный энциклопедическій словарь, начатый подъ редакціей покойнаго проф. И. Е. Андреевскаго, а нынѣ продолжающій издаваться подъ редакціей К. К. Арсеньева и проф. Ф. Ф. Петрушевскаго, еще не достигъ и половины алфавита.

Сознаніе необходимости энциклопедическаго словаря для русскаго общества было настолько велико въ И. Н. Березинѣ, что спустя три года послѣ окончанія имъ большаго словаря, онъ предпринялъ изданіе краткаго общедоступнаго и по цѣнѣ, и по изложенію, „Новаго энциклопедическаго словаря“, который пресѣкся, къ сожалѣнію, на первыхъ двухъ томахъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни И. Н. съ неугасающей энергіей работалъ до послѣдней минуты надъ сравнительнымъ словаремъ турецкаго и монгольскаго языковъ, оставившимся неоконченнымъ наполовину.

Похороненъ покойный въ Новодевичьемъ монастырѣ.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границею.

4-го сентября, Ихъ Величества, съ королемъ и королевою датскими и прочими Высочайшими Особами, посѣтили его величество короля греческаго Георга, въ иѣтніи его Смидструпѣ. Высочайшія Особы оставили Бернсторфъ въ 11½ часовъ. Впередѣ поѣхали на велосипедахъ: Государь Императоръ, принцъ Христіанъ, принцесса Викторія, Великій Князь Михаилъ Александровичъ и принцъ Вальдемаръ. По словамъ корреспондента *Петербургскихъ Вѣдомостей*, Его Величество—любитель велосипеднаго спорта и много ѣздилъ на велосипедѣ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда, будучи Наслѣдникомъ, гостилъ въ Фреденсборгѣ. За Его Величествомъ и Ихъ Высочествами слѣдовали два экипажа: въ первомъ изъ нихъ сидѣли его величество король датскій, Государыня Императрица Марія Теодоровна, принцесса Уэльская и принцъ Галсъ, во второмъ—ея величество королева датская, Государыня Императрица Александра Теодоровна, Великая Княжна Ольга Александровна и принцесса Марія. Почти въ то же время выѣхали изъ Шарлоттенлунда его высочество кронпринцъ датскій, кронпринцесса съ принцессами Ингеборгъ и Тирою. Король Георгъ и принцъ Георгъ греческіе заблаговременно выѣхали въ Смидструпъ. Высочайшія Особы поѣхали по широкой шоссею дорогѣ, тянущейся вдоль Зунда. Всѣ расположенныя у дороги виллы расцвѣтились флагами, и жители приветствовали Августѣйшихъ Особъ. Было около часа, когда Высочайшіе Гости прибыли въ Смидструпъ. Сейчасъ по приѣздѣ состоялся фамиліальный завтракъ. Послѣ завтрака Высочайшіе Гости прогуливались въ саду, гдѣ былъ сервированъ кофе. Обратная поѣздка состоялась въ томъ же порядкѣ и по той же дорогѣ. Высочайшія Особы вернулись въ Бернсторфъ и Шарлоттенлундъ въ 5 часовъ вечера.

6-го сентября Государь Императоръ принялъ въ аудіенціи, въ замкѣ Бернсторфъ, барона де-Казедибове, удостоившагося вручить Его Величеству подношенія отъ 3,000 французовъ: севрскій сервизъ, разрисованный вручную живописью и украшенный гербами французскихъ провинцій, и иллюстрированный акварелью и перомъ альбомъ съ именами подносителей, во главѣ которыхъ стоятъ: президентъ французской республики г. Феликсъ Форъ, французскіе кардиналы, архіепископы и епископы, адмиралы и генералы и свыше ста городовъ; далѣе слѣдуютъ подноси множества штабъ- и оберъ-офицеровъ, утеръ-офицеровъ и бригадировъ французской ар-

міи, а также тысячи лицъ, принадлежащихъ ко всѣмъ сословіямъ французскаго народа.

7-го сентября состоялся въ Бернсторфѣ обѣдъ, на который были приглашены члены русскаго и англійскаго посольствъ.

8-го сентября, въ 10½ час., Ихъ Императорскія Величества, въ сопровожденіи королевской фамиліи, изволили отбыть изъ замка Бернсторфъ въ Копенгагенъ. По прибытіи въ Копенгагенъ, Ихъ Величества, въ сопровожденіи королевской фамиліи, отправились на Императорскую яхту „Штандартъ“. Королевская фамилія оставила яхту въ 11¼ часовъ, при салютѣ съ русскихъ судовъ. Въ 12½ часовъ яхта „Штандартъ“ ушла въ море, но безъ салюта, такъ какъ на ней не былъ поднятъ Императорскій штандартъ. За рейдомъ ожидала „Штандартъ“ яхта „Полярная Звѣзда“, которая конвоировала „Штандартъ“ до Лейта (гавань Эдинбурга, на р. Фортъ-офъ-Фортъ).

10 сентября принцъ Уэльскій, герцогъ Ковнаутскій, русскій посоль и свита въ одиннадцатомъ часу утра сѣли на пароходъ, чтобы выйти навстрѣчу русской Императорской яхтѣ „Штандартъ“. Въ ожиданіи прибытія Императорской яхты „Штандартъ“, выстроились въ рядъ англійскіе броненосцы. По сообщенію корреспондента *Новаго Времени*, присутствоваваго при встрѣчѣ, видъ кораблей совершенно измѣнился. „Всѣ рен и снасти были украшены флагами, налубы, мостки, башни усѣяны экипажемъ въ парадной формѣ. Эскадра имѣла очень красивый видъ. Страшные колоссы приняли праздничный, почти кокетливый обликъ. Но красивѣе ихъ и величавѣе казалась мнѣ проходившая мимо ихъ яхта, которой они всѣ собрались отдавать почесть. Да, яхта, несная Царя Россіи, была могущественнѣе и величественнѣе всѣхъ флотовъ! И когда музыка всѣхъ кораблей заиграла „Боже, Царя храни“, которому вторили сердца на нашемъ катерѣ, чудный гимнъ этотъ наполнилъ насъ радостью и гордостью“. Встрѣченная салютомъ изъ орудій англійскаго флота, яхта „Штандартъ“ бросила якорь. Англійскіе принцы и баронъ Стаалъ отпраздновали на яхтѣ, гдѣ завтракали съ Ихъ Императорскими Величествами. Встрѣча Ихъ Величествъ съ принцами была весьма сердечна.

Государь Императоръ и Государыня Императрица перешли съ яхты „Штандартъ“ на пароходъ „Tantalou Castle“, который прошесть съ Ихъ Величествами по лѣніямъ эскадры, съ судовъ которой раздавались салюты. Ихъ Величества сошли на берегъ

въ 1 ч. 40 м. Войска отдали честь, музыка исполнила русскій гимнъ. Государь Императоръ и Государыня Императрица, встрѣченные съ большимъ энтузиазмомъ, вошли въ навильонъ на набережной, гдѣ находились члены городскихъ совѣтовъ Эдинбурга и Лейта и множество именитыхъ гражданъ обоихъ названныхъ городовъ и окрестностей. Государь Императоръ былъ въ полковничьемъ мундирѣ полка *Scotts Greys*, почетный караулъ отъ котораго находился внѣ навильона. Государыня Императрица вызвала всеобщее восхищеніе. На эстрадѣ Ихъ Величества появились окруженные принцемъ Уэльскимъ, герцогомъ Коннаутскимъ и свитами. Эдинбургскій городской голова поднесъ букетъ Государынѣ Императрицѣ. Члены совѣта города Лейта и голова Эдинбурга привѣтствовали Ихъ Величества отъ имени обоихъ городовъ. На привѣтствія городскихъ властей, Государь Императоръ отвѣчалъ милостивымъ наклономъ головы. Нѣсколько именитыхъ гражданъ были представлены Ихъ Величествами, и затѣмъ Государь Императоръ, Государыня Императрица, принцъ Уэльскій и герцогъ Коннаутскій въ открытой коляскѣ, несмотря на непрерывный дождь, прослѣдовали на вокзалъ, привѣтствуемые народомъ. Въ первомъ частномъ экипажѣ, слѣдовавшемъ за кортежемъ, помѣщалась великая княжна Ольга Николаевна. Шотландскія дамы пришли въ неописанный восторгъ при видѣ Августѣйшей малютки и устроили горячую овацию, что нисколько не испугало великую княжну, которая весело улыбалась. Провожая Ихъ Величества, холодые, разсудочные шотландцы стали кричать „ура!“, нѣкоторые же, особенно дамы, восклицали „God bless Your Majesties!“ („Да благословитъ Господь Ваши Величества!“). Императорскій поѣздъ вышелъ въ 2 ч. 30 м. на Тей-Форгскій мостъ и въ 4 ч. прибылъ въ Денди, гдѣ остановился на 15 минутъ. Здѣсь выставленъ былъ почетный караулъ, музыка котораго исполнила гимны русскій и британскій. Ихъ Величества появились у окна, и голова города Денди поднесъ привѣтственный адресъ. Государь Императоръ благодарилъ среди восторженныхъ кликовъ.

Въ 5 ч. 30 м. дня Императорскій поѣздъ пришелъ въ Эбердинъ. Погода была холодная и дождливая. Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ великою княжною Ольгою Николаевною были встрѣчены многочисленными властями и избранною публикою, въ числѣ которой находилось много дамъ. Вокзалъ былъ роскошно убранъ цвѣтами. Приходъ поѣзда встрѣченъ громовымъ „ура“. Государь Императоръ, отвѣчая на адресъ, поднесенный Его Величеству эбердинскимъ мэромъ, милостиво благодарилъ въ нѣсколькихъ словахъ, послѣ чего герцогъ Коннаутскій и лордъ Пемброкъ представили Ихъ Величествами нѣсколько лицъ. Въ 5 ч. 49 м. поѣздъ двинулся въ Баллатеръ,—станція, откуда ведетъ дорога въ Бальмораль. Въ Баллатеръ Императорскій поѣздъ пришелъ въ 7 ч. 5 м. Ихъ Величества были встрѣчены здѣсь муниципальными властями. Когда Императорская Чета, принцъ Уэльскій и герцогъ Коннаутскій пересѣли въ экипажи для слѣдованія въ Бальмораль,—на вершинахъ окрестныхъ горъ запылали костры. Картина являлась тѣмъ болѣе эффектною, что ночь была очень темная. Около 8 ч. верховой привезъ въ Бальморальскій замокъ извѣстіе о приближеніи Державныхъ Гостей. Въ недалекомъ разстояніи отъ замка Императорскій кортежъ былъ встрѣченъ мѣстными волонтерами, отрядомъ полка *Scotts Greys* и многочисленными горцами, державшими въ рукахъ зажженные факелы и игра-

вшими на вольпкахъ. Королева Викторія, выйдя на подъѣздъ привѣтствовала Императорскую Чету. Встрѣча была сердечная. Въ ту же минуту горцы стали махать факелами. Погода разъяснилась только въ моментъ пріѣзда Ихъ Величества въ Бальмораль, но на всемъ пути туда (девять миль) шелъ дождь. Несмотря на это, Ихъ Величества ѣхали все время въ открытомъ экипажѣ.

12 сентября Государь Императоръ, Государыня Императрица и королева Викторія совершили прогулку въ экипажѣ по окрестностямъ и кужали чай въ одномъ изъ многочисленныхъ сельскихъ домиковъ, находящихся въ имѣніи королевы. Вечеромъ у королевы состоялся обѣдъ на 22 куверта, въ числѣ приглашенныхъ на который находились герцогъ Кэбриджскій и графъ Паленъ.

13 сентября, несмотря на упорный дождь, Государь Императоръ, принцъ Уэльскій, герцогъ Коннаутскій и принцъ Францъ Баттенбергскій удачно охотились. Послѣ полудня погода прояснилась, и Государыня Императрица съ королевой Викторіей совершили прогулку въ экипажѣ.

15 сентября, Государь Императоръ, Государыня Императрица, королева Викторія, принцъ Уэльскій, герцогиня Йоркская, герцогъ и герцогиня Коннаутскія и другія Августѣйшія Особы, а также маркизъ Салсбюри, присутствовали утромъ на богослуженіи. Ихъ Императорскія Величества вмѣстѣ съ королевою поѣхали въ церковь въ закрытомъ экипажѣ. Во время богослуженія, настоярь прочелъ молитву о ниспосланіи въ изобиліи Царю и Царицѣ долгой, счастливой жизни и благополучнаго Царствованія. Богослуженіе продолжалось съ часъ, по окончаніи его Ихъ Величества и Ихъ Высочества вернулись въ замокъ. Утромъ погода стала холодная, дождливая и было вѣтрено, но съ полудня погода разъяснилась, и Августѣйшія Особы совершили прогулку въ экипажѣ. Ихъ Величества вмѣстѣ съ королевою пили чай въ замкѣ Эберджели и затѣмъ вернулись въ Бальмораль.

15 сентября, Ея Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна съ Августѣйшими дѣтьми отбыла изъ Коенгагена на Императорской яхтѣ „Полярная Звѣзда“ въ Либаву, куда прибыла 16 сентября въ 1 ч. пополудни и, перейдя на Императорскій поѣздъ, въ 6 ч. вечера изволила прослѣдовать въ Абастумачъ черезъ Одессу и Батумъ. 16 сентября, Государь Императоръ, англійскіе принцы, графъ Воронцовъ-Данковъ и князь Голицынъ были на охотѣ. Государыня Императрица и королева совершили прогулку въ экипажѣ. Маркизъ Салсбюри и г. Стаалъ съ дочерью приглашены были къ королевскому обѣденному столу.

18 сентября, Государь Императоръ, Государыня Императрица и члены англійской королевской фамилии поѣхали въ Маръ-Лоджъ.

Къ полудню погода установилась прекрасная, и на пути слѣдованія Ихъ Величества собралась многочисленная публика. Почетный караулъ изъ 70 человекъ дуффъ-гайлендерскаго полка выстроился передъ Маръ-Лоджъ, гдѣ Государь Императоръ, Государыня Императрица и королева были встрѣчены у подъѣзда герцогомъ и герцогинею Файфъ и принцессою Уэльскою съ дочерью Викторіей и Модъ. Послѣ полудня Государь Императоръ, Государыня Императрица и королева вернулись въ Бальмораль.

Отъѣздъ Ихъ Императорскихъ Величества изъ Бальморала въ Портсмутъ, а отсюда на яхтѣ „Штаандартъ“ въ Шербургъ официально назначенъ на 21 сентября.

И. Н. Березинъ († 22 марта 1896 г.).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Разныя извѣстія.

— Въ видѣ приложенія къ № 86 *Вѣстника Финансовъ* и къ № 196 *Торгово-промышленной Газеты* напечатанъ „Списокъ экспонентовъ всероссійской промышленной и художественной выставки 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, удостоенныхъ похвальныхъ наградъ“. Награды эти въ послѣдовательномъ порядкѣ слѣдующія: право изображенія государственнаго герба, дипломы четырехъ разрядовъ, золотыя, серебряныя и бронзовыя медали, похвальные отзывы и денежные награды. Въ этотъ списокъ не вошли награды по отдѣлу IV (садоводство, плодоводство и огородничество). Все не подвергалось экспертизѣ отдѣла „художественный“ и „Крайняго Севера“.

— Большой колоколъ, помѣщенный на выставкѣ московскаго завода, проданъ въ Петербургъ для строящагося храма во имя св. Александра Невскаго въ память мученической кончины императора Александра Второго.

— Нашъ маститый поэтъ Я. П. Полонскій, состоявшій свыше 30-ти лѣтъ цензоромъ при комитетѣ ино-

странной цензуры, назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати.

— Лейбъ-гвардіи коннаго полка полковнику Д. Ѳ. Трепову Всемилостивѣе повелѣно быть исправляющимъ должность московскаго оберъ-полицеймейстера.

— Въ торжественномъ засѣданіи общества русскихъ врачей, 12 сентября, избранъ почетнымъ членомъ общества проф. П. Ѳ. Лесгафтъ.

— Общество курскихъ врачей постановило поднести адресъ бывшему профессору гигиены при московскомъ университетѣ Ѳеодору Ѳеодоровичу Эрисману. Въ адресѣ этомъ, между прочимъ, говорится: „русскіе врачи въ своей кропотливой работѣ самосозанія встрѣтили въ васъ горячаго участника; строгаго логичнаго, безпристрастнаго, знаніе жизни и выдающіяся способности выдвинули васъ на руководящее мѣсто въ этомъ дѣлѣ. Общество русскихъ врачей рѣшительно осиротѣло безъ васъ и лишится, можетъ-быть, яркости и глубины, которыя его отли-

чали“. Весь адресъ проникнутъ сердечностью, теплотою и глубокимъ сожалѣніемъ по случаю оставленія Ѳеодоромъ Ѳеодоровичемъ каведры. Въ виду слуха объ оставленіи почетнымъ профессоромъ Россіи, курскіе врачи въ концѣ адреса просятъ Ѳ. Ѳ. Эрисмана „не порывать тѣсныхъ связей съ русскою жизнью и принимать возможное участіе въ коллективныхъ трудахъ, направляющихъ ея развитіе“.

— По почину нѣсколькихъ врачей С.-Петербургской губерніи возбуждается, по словамъ *Новаго Времени*, ходатайство о разрѣшеніи въ мѣстныхъ земскихъ школахъ чтеній по гигиенѣ, доступныхъ учащимся, а также, чтобы этого рода чтенія въ воскресные и праздничные дни могли производиться и для грамотныхъ крестьянъ.

— 16 сентября съѣздъ врачей въ Петрозаводскѣ постановилъ, чтобы земскіе врачи командировались для ознакомленія съ усовершенствованными практическими приемами медицины. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ врачей постановилъ устроить при уѣздныхъ зем-

скихъ больницахъ курсы основъ гигиены, на которые поочередно командировать учителей городскихъ и сельскихъ училищъ; ходатайствовать объ обязательномъ введеніи въ программу курса основъ гигиены; упорядочить помѣщеніе для фельдшерскихъ амбулаторій.

— 17 сентября въ Клермонѣ (Франція) состоялось торжественное открытіе международнаго конгресса гидрологій и климатологій. Русскій делегатъ докторъ Левъ Бертенсонъ избранъ единогласно почетнымъ председателемъ конгресса.

— 18 сентября освещено помѣщеніе убѣжища для престарѣлыхъ немощныхъ дворянъ С.-Петербургской губерши. Мысль объ устройствѣ такого убѣжища возникла среди дворянъ давно, но недостатковъ средствъ и другія обстоятельства отодвигали это доброе дѣло, пока, благодаря г. Трубинкову, исправляющему должность губернскаго предводителя, удалось собрать кой-какія суммы. Въ 1894 г. былъ утвержденъ уставъ убѣжища, но оно не имѣло постоянного помѣщенія. Въ нынѣшнемъ году, благодаря пожертвованіямъ, удалось выстроить на Госпитальной улицѣ собственный домъ. Домъ небольшой, въ два съ половиною этажа, не отличается роскошью, но зато снабженъ всѣмъ необходимымъ. Надъ устройствомъ этого убѣжища много потрудились попечители его: ген.-лейт. баронъ А. Н. Корфъ и В. И. Трофимовъ. Въ настоящее время въ убѣжищѣ призрѣваются 25 лицъ обоего пола, всѣхъ же вакансій 30. Попечители надѣются со временемъ, когда увеличатся средства, надстроить третій этажъ и увеличить комплектъ призрѣваемыхъ.

— Въ Москвѣ, 14 сентября, освещено и открыто при обществѣ распространения практическихъ знаній между образованными женщинами общежитіе для

иногородныхъ ученицъ, обучающихся въ школахъ.

— 14 сентября состоялось въ Москвѣ торжественное открытіе Императорскаго инженернаго училища.

— 18 сентября открылись спектакли въ театрѣ столичнаго Литературно-артистическаго кружка. На нынѣшній сезонъ кружокъ переехалъ изъ Малаго въ бывшій Панаевскій театръ. Для открытія поставлены были: комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ „Честное слово“, „Тяжба“, смена Н. В. Гоголя, и „Лѣтняя картинка“, шутка въ 1 дѣйствіи Т. Я. Щепкиной-Куперникъ.

— 17-го сентября исполнилось тридцатилѣтіе научно-литературной дѣятельности нашего многоуважаемаго сотрудника, извѣстнаго писателя по естествознанію В. Э. Иверсена, впервые выступившаго въ 1866 г., въ журналѣ „Народная бѣда, со статьєю „О змѣяхъ, волящихся въ Россіи“. Имя г. Иверсена, какъ автора нѣсколькихъ учебниковъ и руководствъ по естествознанію, пользуется по настоящее время большою извѣстностью, и многія изъ его работъ, какъ, напр., „Полная сельскохозяйственная зоологія“, „Стѣнные естественнористорическія таблицы“, учебникъ ботаники и т. п., представляютъ несомнѣнно цѣнный вкладъ въ науку естествознанія. Большинство статей г. Иверсена, занимающаго нынѣ должность завѣдывающаго библиотекой с.-петербургскаго технологическаго института, разбросано по разнымъ сельскохозяйственнымъ и популярнымъ изданіямъ.

— 8-го сентября, въ Александринскомъ театрѣ данъ былъ спектакль въ память Н. И. Хмельницкаго, собравшій многочисленную публику — театръ былъ полонъ. Передъ началомъ спектакля приватъ-доцентъ Петербургскаго университета И. А. Шляпкинъ въ небольшомъ рефератѣ далъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о Хмельницкомъ и сдѣлалъ

очеркъ его драматической дѣятельности. Спектакль состоялъ изъ пьесъ Хмельницкаго: „Шалости влюбленныхъ“ (первое произведеніе Хмельницкаго, впервые игранное на сценѣ въ 1817 году), „Говоруха“ и „Воздушные замки“.

— 7-го сентября истекла третья годовщина со дня гибели броненосца береговой обороны „Русалка“. Каждый годъ, весь флотъ, глубоко скорбя о своихъ безвременно погибшихъ жертвахъ долга товарищахъ, служить по нимъ панихиду въ церквахъ морскаго вѣдомства. Такая панихида, въ присутствіи адмираловъ, генераловъ и другихъ чиновъ флота, была отслужена и 7 сентября въ Кронштадтѣ въ церкви св. Николая Чудотворца. Въ церковь было приведено по ротѣ нижнихъ чиновъ отъ каждой флотской дивизіи.

— 25-го сентября истекаетъ 75-лѣтіе службы одного изъ старѣйшихъ адмираловъ, Василія Степановича Завойко, участника Баваринскаго боя.

— 26 августа исполнилось шестидесятилѣтіе служебной дѣятельности одесскаго старожилы Анолона Александровича Скальковскаго, извѣстнаго литератора и члена-корреспондента Императорской академіи наукъ. Какъ сообщаютъ газеты, А. А. Скальковскій ведетъ дневникъ, начатый имъ 70 лѣтъ тому назадъ, еще юношей, и представляющій собою цѣлый архивъ тетрадей, въ которыхъ собрано много интереснаго изъ личной жизни автора, исторіи Россіи и исторіи Одессы въ царствованіе Николая I. Въ настоящемъ же году исполняется и 60-лѣтіе литературной дѣятельности Скальковскаго.

— 27 ноября н. г. исполнится двадцать пять лѣтъ литературной и художественной дѣятельности талантливаго писателя и художника Николая Николаевича Каразина.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ слѣдующаго 40-го номера, контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ еще полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1896 г., послѣдить досылкою остальныхъ слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которою получается ими „Нива“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подлинныя билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Кольцо Императрицы. Историческій романъ ин. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе.)—Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Статья VIII. (Съ 10 рисунками).—Къ рисункамъ: „Парный дворъ“ и „Терзай“—картины А. Д. Кившенко (съ 3 рис.).—Одванчикъ (съ рис.).—Діана (съ рис.).—И. Н. Березинъ (съ портр.).—Пробываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границую.—Разныя извѣстія.—Заявленіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Мадисъ.

Редакторъ А. А. Тумановъ (А. Бугово).

ТОВАРИЩЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“. Москва. * Рига. * СПб.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ. Обращать вниманіе на клейма и фирму.

СИБИРСКОЕ ПАМЯТЬ

СУКНО И ТРИКО

по прочности и дешевизнѣ незамѣнно для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ гг. помѣщикамъ, чиновникамъ, контористамъ, вѣнчальн., учителямъ, гимназистамъ и проч. Образцы, описаніе и условия пересылки заказа высылаются за 7 коп. марку. Магазины: С.-Петербургъ, Владимирская, 6; Рига, б. Новая ул., 15.

лицъ всякаго возраста заочно (путемъ переписки) укрѣпляетъ Мнемонистъ С. Берковичъ. Успѣхъ гарантирую. Условия (вполнѣ общедоступныя) за 7 коп. марку. Адресъ: Мнемонисту С. Берковичу, Почтовая ул., д. Кеслера, кв. 6 въ Одессѣ.

ПЛОДЪ

ОВЫЙ питомникъ и садоводство КАРЛА ГЕОРГІЕВИЧА МЕЙЕРА, Кіевъ, Сырецъ, с. д., бесплатно высыл. новый иллюстр. каталогъ фрукт. деревьямъ, розамъ, исполниск. земляники и пр. растениямъ.

Знаменитое бѣлье

Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворн. Поставщиковъ

МЕЙ и ЭДЛИХЪ,

Лейпцигъ - Плагвицъ.

назично, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго водонянаго бѣлья. Штука-только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со старкой неприятностей. Послѣ употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усильномъ потѣнн. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ, и холостяковъ. Нижепоименованные представители сообщать, по желанію, гдѣ оно продается.

Танфани и Штейдель, Москва. Карлъ Шиммель, С.-Петербургъ, Садовая 18. Максъ Тишбейнъ, Рига. Фабианъ Клингеландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

АЛЬБОМЪ ПАРИЖСКИХЪ КРАСАВИЦЪ

составленъ изъ 12 картинъ лучшихъ французскихъ художниковъ, какъ напримѣръ: Триумфъ Венеры; Юсифъ и Потифаръ; Леда съ лебедемъ; Судъ Париса надъ тремя граціями; Діана при купаньи; Послѣ купанья въ гаремѣ; Венера, являющаяся тремя граціямъ и пр. Всѣ картины новѣйшей французской школы въ особенности замѣчательны тѣмъ, что художники съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ изобразили

ПРЕЛЕСТИ

и гармоніи пластичныхъ линий

ЖЕНЩИНЫ,

не оскорбляя при всемъ этомъ глазъ зрителя.

ЦѢНЫ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ въ назичной мѣлкѣ: 2 р. 90 к., 2 за 5 р. 35 к. НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖЕМЪ: Безъ 2 р. 5 к., 2 за 3 р. 60 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ.

С.-Петербургъ, Невскій, № 70—31.

ПАВЕЛЬ БУРЕ
 В. № 9518
 12-1
 поставщик Двора Его Величества. С.-Петербург, Невский пр., д. № 23.
 Москва, по В. Лубянкъ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
 ♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ♦
 съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
 Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащiе кислотъ.

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.
 № 8865 **ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.** 26-20

РУКОВОДСТВО
КЪ ИЗУЧЕНІЮ
КРОЙКИ И ШИТЬЯ
 дѣтскаго, дамскаго и мужскаго платья и верхнихъ вещей, а также одежды для духовенства и церковныхъ облачений
по методѣ А. А. БАЗАРОВОЙ.
 Новое изданіе, исправленное и значительно дополненное, съ атласомъ чертежей; ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Ц. № 9503
 Складъ изданій въ **ШНОЛАХЪ** НРОЙНИ А. А. Базаровой: С.-Петербургъ, Литейный, 45; Москва, Арбатъ, д. вл. Оболенской. Приемъ ученицъ въ школахъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца. Подробныя условія въ особыхъ программахъ.

Универсальный патентованный Шиндлера „АНТИКОРСЕТЪ“

Извѣстное міру полезное для здоровья изобрѣтеніе, вполне замѣняющее корсетъ, придающее всякой талии граціозный видъ, по признанію интеллигентныхъ и ученыхъ женщинъ, служитъ для избѣжанія разныхъ неприяностей, причиняемыхъ корсетомъ, а въ гигиеническомъ отношеніи оно признано полезнымъ извѣстѣйшими въ медицинскомъ мірѣ профессорами: Швейнигеръ, Фишеръ, Люде въ Берлинѣ, Нотнагель, Неубнеръ, Флюгеръ въ Вѣнѣ, Гессель въ Лондонѣ и знаменитыми медиками въ Варшавѣ, отзывы которыхъ приложены къ каждому антикорсету. Въ пошеніи антикорсетъ даетъ полное свободное движеніе, не вызывая ни малѣйшаго давленія организма, не приостанавливаетъ нормальнаго дыханія и кровообращенія и избавляетъ женщинъ отъ

женскихъ, нервныхъ и другихъ болѣзней, причиняемыхъ корсетомъ.
 По практичности своей антикорсетъ рекомендуется даже страждущимъ, беременнымъ и груднымъ женщинамъ, хозяйкамъ въ домашнемъ быту, трудящимся въ продолженіе цѣлаго дня въ разныхъ бюро, училищахъ, торговыхъ, путешествующимъ и т. п.
 Антикорсеты готовятся изъ лучшаго корсетнаго матеріала и вытвораго уса, съ самою негольскою отдѣлкой, и каждый экземпляръ снабженъ фабричною маркою.

ЦѢНЫ	A	B	C	D	ШЕЛК.	Ц. № 9462
	4 р.	5 р.	6 р.	8 р.		4-2

Детальные заказы высылаются почтою во всѣ мѣста Россіи наложеннымъ платежомъ, съ причисленіемъ за пересылку съ упаковкою 75 коп.
 При заказахъ слѣдуетъ прислать размѣръ объема груди, въ сантиметрахъ, измѣривъ подъ мышкою въ полной округности, а также размѣръ талии, или при латѣ мѣрку тесьмой и сообщить хорошимъ чистымъ почеркомъ адресъ заказчика. Каждый антикорсетъ по устройству своему увеличивается или уменьшается на 7 сантиметровъ.
 Единственная и исключительная продажа на всю Имперію въ Варшавѣ у В. Rueqvert.
 Для единственной продажи требуются во всѣхъ городахъ опытные торговцы.
 Всякую корреспонденцію прошу адресовать по-русски **В. Рикверту въ Варшавѣ.**

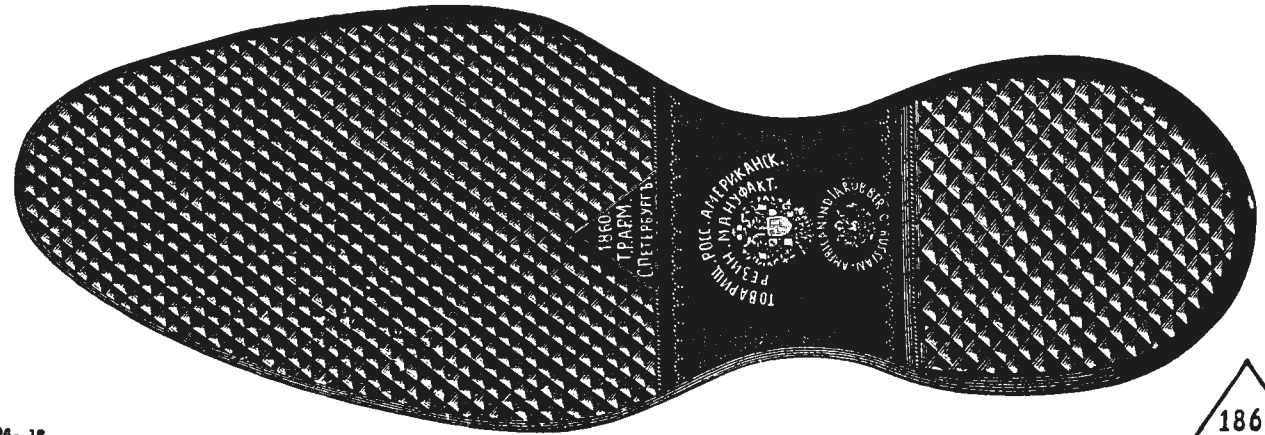

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 8931 26-18

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

ВАЖНО ДЛЯ ТАНЦУЮЩИХЪ.

Поступило въ продажу новѣйшее руководство какъ нужно распоряжаться и командовать танцами на балахъ и танцевальныхъ вечерахъ, съ новыми красивыми и граціозными фигурами „Грань-Ронъ“, по которому всякій танцующій легко можетъ составить распоряжаться и командовать танцами, сделать домашніе танцевальные вечера и балы веселыми, оживленными и разнообразными. Составилъ артистъ-любитель. Цѣна 40 к., съ пересылкою 50 к. Продается въ газетныхъ кіоскахъ. Иногородные желающіе выписать — могутъ высылать почтовыми марками вмѣсто денегъ. Адресъ: Москва, Мясницкая, 54. Наумову. Ц. № 9511

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ 1894 и 1896г.

А.М. ОСТРОУМОВЪ
Москва, Ломоносова, С.А.

МЫЛО ГОЛОВНОЕ ПЕРХОТИ
Лит. № 30

МЫЛО ДѢТСКОЕ
изъ ТРАВЫ ЧЕРЕДЫ
Лит. № 35 и 25 коп.

ОДЕ-СОВЕРЪ Вода отъ перхоти
Лит. № 20 и 1.50

ВСѢ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА ПРОДАЮТСЯ ВЪСДѢ

ТОЛЬКО ЗА 4 РУБ.!
Выдается 15 ур. кройки и шитья по легкой системѣ Островской, удостоенной диплома на Всеросс. выст. 1896 г. Условъ гарантируется. Н.-Новгородъ, С. В. Островской.

**ФАБРИЧНЫЯ
СМАЛДЪ ЧАСОВЫ
„ЖЕНЕВА“**

въ Варшавѣ,
Вильнонскан, 20
высш. импор.
Прейс-куррантъ
БЕЗПЛАТНО.

**ПРИ ЭЛЕКТРОЛѢЧЕБНИЦѢ ВРАЧА
Н. В. СЛЕТОВА**
открыто массажно-гимнастическое отделение. Москва, Рождественной бул., д. Нолесова. Приемъ больныхъ ежедневно отъ 1-3 ч. д. Приемъ желающихъ учиться техникѣ массажа и врачебной гимнастикѣ открытъ: окончившимъ полный курсъ выдаются надлежащія свидѣтельства.

Требуйте во всѣхъ пишечбумажныхъ магазинахъ
всемирно-известный,
превосходный перья
**ВЛАНЗИ
ПУРЪ
и Ко.**

Остерегайтесь не вѣрять
главн. предств. Прох. Дементри
д. всей Россіи
Г. и К. Эштейнъ.
Москва.
Черкасскій пер., домъ
князя Голицына.

СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ.
Серебряные 84-ой пр. брелки съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ. Красивая отбѣлка съ разноцвѣтной эмалью и позолоченной короной. Очень красивый № 9348 рисунокъ. (12)
Шт. 2 р. 75 к.; 2 за 5 р. 25 к.;
3 за 7 р. 75 к.; 6 за 14 р. 95 к.;
12 за 27 р. 50 к.

Пересылка наложеннымъ платежемъ.
С.-Петербургъ,
БАЗАРЪ МАРОКЪ, Невскій, № 20-31.

ЗУЕВЪ И ОРАЧЕВСКІЙ
сотрудники по постройкѣ „Сандуновскихъ“ бань въ Москвѣ и строители „Центральныхъ“ бань въ Ярославлѣ и др.
предлагаютъ веденіе и консультацію
**ПО БАННЫМЪ И ГИГИЕНИЧЕСКИМЪ СО-
ОРУЖЕНІЯМЪ.**
Адресъ: Москва, Мех. заводъ Мюллеръ, Фугельзангъ и Ко, на Ст. Басманной.

ПРОСИТЬ
ДЕРЖАТЬ ЛЮДИ
ЖЕРТВОВАТЬ
ему

НЕУЖИВЪ ВЕЩИ

АУДИОНЪ
ПО ЕСТЕСТВЕННЫМЪ
СОСЛАНІЯМЪ
500 штукъ

В. О. 12/17
№ 35

В. О. 12/17
№ 13

ТЕЛЕФОНЪ 3672.

ТЕЛЕФОНЪ 1141.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступило въ продажу новое издание
Ф. ПАВЛЕНКОВА: № 9518

СОЦІОЛОГІЯ Д-ра Шарля Летурно.
Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора А. С. Грачевскаго. 376 страницъ большого формата. Цѣна 1 р. 50 к.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для блоннурыхъ, желтая вода для брюнетонъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россіи. № 512 (87)

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ съ естественнымъ методомъ лѣченія
Д-ра МАКСА ВѢМА.
Dr. Max Böhm's Naturheilanstalt, Bad Friedrichroda i/Th.
Купанье ФРИДРИХРОДА въ Тюрингіи, 1.430 футовъ надъ уровнемъ моря, открыто круглый годъ. Прекрасно обставленное и пользующееся лучшимъ репутациею заведеніе для вѣхъ страдающихъ хроническими болѣзнями. Мѣстоположеніе самое прекрасное въ Германіи. Проспекты высылаются безплатно. К. № 9070 21—15

Календарь № 1432 сдѣланъ изъ глины, кожи съ градусн., календ записн. фарфор. доск. и каранда
ИЗЯЩНЫЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ПИСЬМЕННАГО СТОЛА.
3 р. 85 коп., 2 за 7 р. 15 коп.
Перес. наложеннымъ платежомъ.

МАКСИМАЛЬНЫЙ ТЕРМОМЕТРЪ
1 р. 25 к., 2 за 2 р. 25 к.
Ванный: 50 и 75 к.
Оконный: 60 к., 1 р. 10 к., 1 р. 65 к. и 2 р. 65 к.
Комнатный: 35 к., 50 к., 75 к., 1 р. 10 к. и 1 р. 60 к.

МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО
ламбн, свички и картан. фонарь. Изящно и практично. Превосный подарокъ! Цѣна съ 1000 зарядовъ 1 р. 85 к., 000 зарядовъ 95 к., 0,000—4 р. 25 коп.

БАЗАРЪ МАРОКЪ. С.-Петербургъ, Невскій пр., 20—31.

Парижскій БАРОМЕТРЪ
служитъ украшен. и предсказываетъ погоду. На изящной раковинѣ 2 хорош. фигуры съ пропитанными платьями, кот. измѣняютъ свой цвѣтъ смотря по погодѣ.
75 коп., 2 за 1 р. 35 коп.

Очень красиво и ново!

ДЛЯ КАРТОЧНАГО СТОЛА:
ЩЕТКИ 25 к., 4—95 коп.,
" настольн. орѣхов. 50 к., 4—1 р. 70 к.
ВСТАВКИ д. мѣлковъ 25 к., 4—85 коп.
МѢЛКИ кор. 20 коп., 6 за 95 коп.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій

**ЦИРКУЛЯЦИОННЫ ПЕЧИ
РИССНЕРЪ.**
Только печи Рисснеръ съ патент. регуляторомъ и вслѣдствіе особаго устройства цоколя нагреваютъ полъ, даютъ равномерную теплоту до желаемаго градуса и уничтожаютъ сырость.
Представитель для Россіи
В. БАРТЕЛЬСЪ.
Контора: Москва, Мясницкая, д. Кисель-Загорянскаго.
К. Рисснеръ и К°, Нюрнбергеръ.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ
Москва, Петровка, № 2,
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ.

ОСЕННІЯ НОВОСТИ.
ВЫШЕЛЪ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
НА ОСЕННІЙ СЕЗОНЪ 1896 Г.,
съ образчиками матерій.
Высылается **БЕЗПЛАТНО** всѣмъ желающимъ.

Пересылка товара наложеннымъ платежомъ во всѣ мѣста Европейской Россіи.
При выпискѣ на 75 руб. (въ Европ. Россіи) пересылку принимаемъ на свой счетъ.
Охотно высылаемъ образцы всякихъ матерій, но вслѣдствіе громаднаго выбора просимъ всегда точно обозначать родъ товара, цвѣтъ, ширину, приблизительную цѣну и для какой вещи товаръ предназначается.
Ш. № 9505 2—1

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая изъ 6 уроковъ вѣчно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эдварда. За двѣ 7 коп. маркн высланъ условія и пробное писмо. Одесса, Евстафьевская, № 7. Проф. Кат. Э. Конидарскъ. № 9436 10—4

Людв. Федоровъ Шлинэйзенъ,
Москва,
Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ,
рекомендуетъ: кирпичдѣлательныя и торфяныя машины, прессы для выдѣлки трубъ съ раструбами, черепицъ съ фальцами, брикетовъ; дѣлае: патентов. Шаровыя мельницы для измельченія и размола и одновременнонаго просѣиванія матеріаловъ любой крѣпости, какъ-то: шпота, цемента, шлаковъ, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. п. (34)

ЦВѢТОЧНАЯ ВОДА
РАЛЛЕ
(Самыя вкусная Луизиана)

Майковъ Ландышъ, Илангъ-Илангъ, Гелиотропъ, Вера-Віолетта и т. д. Продается во всѣхъ аптекахъ, магазинахъ Россійск. Имперіи.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ
ДЛЯ КАНЦ., КОНТОРЪ И ЧАСТН. ЛИЦЪ
ПИСАЮЩАЯ МАШИНА
ТОЛЬКО 30 РУБ.

Четкій шрифтъ, заглавныя и проч. буквы, цифры и всѣ знаки. Писать можно на бумагѣ любого формата и не подвергается порчѣ. Руководство прилагается. Выдается немедленно по получении 10 р. задатка. С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Большая Морская, № 33.

№ 4711.

Остерпата и подделка. Оригиналы только въ Петербургѣ.

РОЗОВОЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.
Самое нѣжное глицериновое мыло, **ПРОЗРАЧНОЕ КАКЪ ХРУСТАЛЬ** благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, приобрѣло большую извѣстность. Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія пѣны, лѣжный запахъ розъ—вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени. 6—2

Издѣлія № 4711 можно получить въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей. При покупке просить обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку № 4711. Цѣны: большой кусокъ 30 коп., средній 25 коп. и малый 20 коп.

БЕЗПЛАТНО
ВЫСЛАЕВЪ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ БЕЛЬЯ
Ю. ГОТЛИБЪ.
Владимірская, д. 2/49, уголъ Невскаго С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Вборянское Мыло
Спектральной лабораторіи

БАНКІЕРСКИЙ ДОМЪ
Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 25, **страхуетъ**
50% закл. съ выгр. ласты
Гос. Двор. Зем. Банка
по 1 руб. 25 коп.

СИМФОНИОНЫ

Музыкальныя шкатулки съ пріятнѣйшими тономъ, въ родѣ швейцарскихъ, даютъ возможность мѣнять по произволу пьесы, имѣющіяся въ большомъ выборѣ.

Съ ручкой 40 - тонн. безъ нотъ	5 —
Ноты по	— 25
Заводной 40 - тонн. безъ нотъ	10 —
Ноты по	— 25
Заводной 60-тон. безъ нотъ	28 —
Ноты по	— 50
Заводной 84-тон. безъ нотъ	40 —
Ноты по	— 60
Заводной 84-тонный Sublime Harmonie	70 —
Ноты по	— 80
Заводной 100-тонный Sublime Harmonie Piccolo	100 —
Ноты по	1 —

Часы съ музыкой. Солидные часы, разъ въ день заведенные, играютъ сами черезъ каждый часъ выбраннаго по произволу пьесы. Въ случаѣ желанія—играютъ, когда угодно. Густые, пріятнѣйшіе звуки. Богатый репертуаръ.

Цѣна 225 руб. Ноты по 1 р.

Списки пьесъ для симфонионовъ, а также иллюстрированный преисъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ. Складъ нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

РЕМИНГТОНЪ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **И. БЛОКЪ**

Около 1000 машинъ Ремингтонъ въ употребленіи въ Министерствахъ въ одномъ Петербургѣ.

Ц. № 9487 Общій сбытъ около **150,000.** 2—2

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

духи — **ФИАЛКА АУСЛЭЗЭ** — туалетное мыло.
духи — **ЯХОНСКАЯ ФИАЛКА** — туалетное мыло.
духи — **ЭДЭЛЬ РОЗЕ** — туалетное мыло.
духи — **ЛАНДЫШЪ АУСЛЭЗЭ** — туалетное мыло.

Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, прудв. пост., Карлеруэ.

Можно получать:
Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вольеръ, Э. Бразискаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Гершъ, Лимана и Рисса, А. Линде, А. Энгелунда. Ц. № 9368
Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Меридизъ, въ магазинѣ «А-ла-туалетъ», у Г. Брунсъ, Л. Борхардъ, и во всѣхъ крупнѣхъ городахъ Россіи. 25—12
Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Максимилиановскій пер.

ПИСАЮЩАЯ МАШИНА
„ВИЛЬЭМСЪ“

Наименьшій форматъ!
Видный шрифтъ!
Безъ лентъ!
Верхъ совершенства!

Единственный представитель для всей Россіи американской компаніи «Вильэмсъ» (The Williams, Typewriter Co)

Цѣна 250 р.
ЮСИФЪ ЭЙХЕНВАЛДЪ. Москва, Столешниковъ пер., домъ № 5. (1)

БИЛЬЦЪ. ГИГИЕНИЧЕСК. ЛѢЧЕБНИЦА.
Санаторія Дрезденъ-Радебѣйлъ (Герм.).
2 врача. Особенно приспособлена для осени и зимняго лѣченія. Одна изъ самыхъ большихъ и прелестн. гигиенич. лѣчебницъ Германіи. Лѣченіе болѣзней женск., нервн., желудочн., грудн., кожн., полов. орган., астмы, ревмат., ожирѣн., малокр. и т. п. Подр. объявленія—бесплатно. Владѣлецъ лѣч.—Ф. Е. Бильцъ, авторъ преміров. соч.: «Бильцъ. Гигиеническ. мѣненіе.»

Склады фотографическихъ принадлежностей
О. ЮХИМЪ и К^о.
С.-Петербургъ. Москва. 24—18
Невскій пр., № 3. Театральн. провъдъ.
Громадный выборъ всевозможныхъ аппаратовъ для фотографовъ спеціалистовъ и любителей, а также для научныхъ цѣлей. Преисъ-курантъ изданія 1896 г., состоящій изъ 424 стран. въ 80 листа. съ 710 рисунками въ текстѣ, вышедъ изъ печати и выслается по требованію за 50 коп. почтовыми марками.
Всѣ новости по фотографіи.

ВЫИГРЫШНЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКІЕРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СІВ. 4—1

ЕСЛИ ВЫ ЕЩЕ НЕ

живете за 3—4000 и болѣе верстъ отъ С.-Петербурга, то не забывайте, что почта и желѣзная дорога потребуютъ много времени, чтобы дойти до Петербурга и обратно до Васъ. Поэтому я напоминаю Вамъ, что если Вы

ДУМАЛИ о подаркахъ на Рождество и о коллекціяхъ для елокъ, то теперь крайній срокъ для ихъ заказа. Всякій любящій обрадовать на Рождество свою семью и всѣхъ знакомыхъ, жена съ удовольствіемъ ухаживаетъ

ЗА МУЖЕМЪ

и думаетъ о томъ, какой подарокъ сдѣлать ему, дѣтямъ и всѣмъ другимъ, и все это надо заблаговременно выписать отъ **„БАЗАРЪ МАРОКЪ“** изъ С.-Петербурга, Невскій проспектъ, № 20—31.

Тутъ имѣются прекрасно составленныя коллекціи для елокъ въ 5 р., 10 р., 15 р., 25 р., 50 р. и къ нимъ коллекція хлопчужеск. съ скюринками въ 1 р. 50 к., 3 р. 25 к., 5 р. и коллекція хлопчужеск. съ костюмами въ 95 к., 1 р. 85 к., 3 р. 50 к. и дорожн., коллекція подарковъ въ 2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 7 р. 50 к. и 10 руб.

Тутъ также громадный выборъ пренітереснѣйш. практичныхъ и изящныхъ подарковъ. Если мало времени, то заказать слѣдуетъ телеграммой, чтобы товаръ отправитъ по желѣзной дорогѣ, что гораздо выгоднѣе для гг. заказчиковъ, чѣмъ пересылка почтою. Задаговъ требуется небольшой, такъ какъ остальную сумму перевозу наложенимъ платежемъ. № 9504

НОВОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ПЕЧЕНІЕ

С. СІУИКЪ
PETIT BEURRE
МОСКВА

С. СІУИКЪ

Ц. № 9457 9—3

DR. PFLÜGER
Americ. Dentist
№ 9383 10—9 **BERLIN, W.**
Bülow Strasse, 30.

По требованію высладается бесплатно **КАТАЛОГЪ НОТЪ** собственныхъ изданій книжнаго и музыкальнаго магазина

Леона Идзиковскаго въ Кіевѣ, въ которомъ помѣщенъ болѣе частью мадороссійскія пѣсни какъ для плѣны, съ аккомпаниментомъ фортепіано, такъ и для фор. № 9501 тѣпіано въ 2 и 4 руки. 3—2

ФАБРИКА ДОРОЖНЫХЪ ВЕЩЕЙ
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ТРОСТНИКОВЫХЪ СУНДУКОВЪ, несессеровъ и проч. высшаго качества.
Ю. МЮЛЛЕРЪ,
СІВ., В. Морская, 16—8.

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 40

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти ежем. книг „Сборника“, со держ. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 5 октября 1896 г.

Цѣна этого № 20 к., съ пер. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1896 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложениями за 1896 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, со держащихъ „Полное собраніе сочиненій Д. В. ГРИГОРОВИЧА“ (будетъ выдано въ теченіе ОДНОГО 1896 ГОДА и напечатано на хорошо глазированной бумагѣ), 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, портретъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговля линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------	-------------	--	-------------	--------------------------------------	-------------------	---	-------------	---------------------	--------------

На ¼ года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на ½ года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

При семъ прилагаются: 1) СОЧИН. Д. В. ГРИГОРОВИЧА, Т. X (Сборникъ «Нивы» за Октябрь); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ОКТЯБРЬ 1896 г. съ 27 рис. и отдѣл. листъ съ 25 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 18 рис. вышивальныхъ работъ.

Осень. Съ карт. А. А. Писемскаго (собств. „Нивы“) грав. Рашевскій.

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ
кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Часть третья.

IV.

„Догонить—или не догонитъ онъ?“—вотъ что во все время дороги билось неустанно у князя Ивана.

Онъ боялся посылать слишкомъ лошадей впередъ, не зная, какое разстояніе ей придется пройти сегодня...

Теперь уже онъ зналъ навѣрное, что будетъ имѣть дѣло съ Ополчиннымъ.

По дорогѣ, по Москвѣ ему пришлось проѣхать мимо помѣщенія казармъ, гдѣ долженъ былъ жить Ополчинный. Князь Иванъ рѣшилъ узнать, тутъ ли онъ. Это было легко сдѣлать—стоило только послать Стенушку, якобы тотъ пришелъ съ порученіемъ отъ кого-нибудь, и тогда ему должны сказать, тутъ Ополчинный или нѣтъ.

Косой такъ и сдѣлалъ.

Онъ остался ждать съ лошадьми въ одномъ изъ тупиковъ, рѣшивъ, что, если его спроситъ кто-нибудь, зачѣмъ онъ здѣсь—онъ отвѣтитъ, что товарищъ у него пошелъ на свиданіе, а онъ вотъ тутъ ждетъ. Стенушка ходилъ довольно долго, но, вернувшись, принесъ зато вполне точныя свѣдѣнія, что Ополчинный уѣхалъ сегодня въ Ригу по петербургскому тракту...

Теперь не было сомнѣнія—Косому приходилось догонять именно Ополчинна.

Но хорошо, если онъ захватитъ его на первой станціи, и расчетъ его окажется вѣренъ—тогда онъ еще ночью можетъ вернуться домой. И ночью удобнѣе будетъ справиться ему свое дѣло. Но что, если случится ему догнать Ополчинна только завтра днемъ?—какъ поступить тогда? Ополчинный узнѣетъ его непременно и, весьма вѣроятно, догадается, что не просто поѣхалъ князь Иванъ по одной дорогѣ съ нимъ...

И онъ торопился поскорѣй доѣхать до станціи и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся пріѣхать туда слишкомъ рано. Самое было бы лучшее попасть на станцію въ то время, когда Ополчинный былъ бы уже тамъ, легъ бы и заснулъ. Это, казалось, впрочемъ единственнымъ выходомъ. При всякомъ другомъ стеченіи обстоятельствъ дѣло, вѣрнѣе всего—было проиграно.

И князь Иванъ старался перебирать все возможные, какіе онъ могъ только придумать, случаи и ничего не могъ подобрать болѣе подходящаго.

Но только вотъ что онъ давно успѣлъ наблюсти:—чѣмъ больше обдумаешь и взвѣсишь какой-нибудь планъ, чѣмъ подробнѣе выяснишь его себѣ и чѣмъ безошибочнѣе кажется онъ, тѣмъ рѣже осуществляется онъ на самомъ дѣлѣ. И напротивъ, если чувствуешь въ себѣ увѣренность только, что все устроится, и лишь въ общихъ чертахъ намѣтишь себѣ, какъ поступать, но главное поступать съ увѣренностью, безъ лишняго многословія—тутъ-то и выйдетъ удача, и съ той стороны, съ которой менѣе всего приходилось ждать ея.

Теперь князь Иванъ, безотчетно радуясь этому, чувствовалъ именно твердую увѣренность въ удачу и ѣхалъ въ сопровожденіи Стенушки, прислушиваясь и къ тому, чтó происходило въ его душѣ, и къ окружающей его истогѣ майской ночи.

Ночь была хороша, даже слишкомъ хороша, и звала къ нѣгѣ и покою—своимъ пахучимъ весеннимъ оныняющимъ воздухомъ, но въ душѣ князя Ивана была именно нѣга и покой счастливаго влюбленнаго и любимаго человѣка.

Онъ ѣхалъ, какъ будто не по неприятному, до нѣкоторой степени рискованному и, пожалуй, едва полному дѣлу, но такъ, ради прогулки, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ майской ночи.

И ему дышалось легко...

Въ общихъ чертахъ онъ сказалъ Стенушкѣ, въ чемъ дѣло, т. е. что они ѣдутъ доставать у „доносчика“ (такъ онъ сказалъ для простоты) письма, чтобы лишить его ихъ.

Ѣхать было свѣтло. Мѣсяцъ то и дѣло выглядывалъ полнымъ своимъ кругомъ изъ-за набѣгавшихъ на него прозрачныхъ облачковъ. Въ лѣсу, въ кустахъ, переливались соловьи, мѣстами, гдѣ-нибудь на полянѣ, фыркали выгнанныя въ ночное лошади со спутанными передними ногами, неловко подыргивая ими, когда, испугавшись проѣзжихъ, отскакивали прочь отъ дороги и оглядывались удивленными, рисовавшимися темнымъ силуэтомъ мордами.

Дорога была пустыня и грязна. Князь Иванъ со Стенушкой миновали уже двѣ сонныя деревни, разбудив собакъ, бросившихся на нихъ съ лаской и долго потомъ перекликавшихся своимъ тѣвганьемъ сзади нихъ...

— Кажется, это станція, — проговорилъ Косой, показавъ на виднѣвшуюся передъ ними темными пятнами деревню, не столько узнавая мѣстность, сколько чувствуя по времени, что они должны подъѣхать къ станціи.

— Должно-быть такъ, — подтвердилъ Стенушка.

Князь Иванъ придержалъ лошадь.

— Что же теперь дѣлать?

Стенушка тоже остановился и смотрѣлъ на Косого съ полнымъ выраженіемъ готовности повиноваться ему, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражая полную неспособность придумать что-нибудь самостоятельное.

Все равно такъ или иначе нужно было ѣхать къ станціонному дому.

Домъ этотъ стоялъ отдѣльно у околицы и отличался болѣе рѣшительнымъ видомъ, чѣмъ остальные избушки деревни.

„Можетъ-быть у воротъ кто-нибудь есть“, подумалъ Косой и направился къ дому.

Но домъ этотъ, погруженный въ тишину, казался безмолвнымъ, и даже, когда Стенушка постучался въ кольцо калитки, не раздалось собачьяго лая со стороны двора.

— Ишь, точно вымерли все!—сказалъ Стенушка, и постучалъ сильнѣе.

— Тише ты!—хотѣлъ остановить его князь Иванъ, но тотъ въ это время съ силой ударилъ кольцомъ.

— А, идуть!—проговорилъ онъ наконецъ.

За калиткой послышались шаги по деревянному настилу, потомъ скрипъ ржаваго замка, и она отворилась.

Сонный мужикъ-ямщикъ, босикомъ, отперъ ее и высунулъ голову.

— Чего вамъ, чего полупощничаєте?—спросилъ онъ, больше для порядка, чѣмъ на самомъ дѣлѣ сердитымъ голосомъ.

Онъ почесался, зѣвнулъ и, рѣшивъ, должно-быть, что сердиться не стоитъ, проговорилъ болѣе мягко:

— Лошадей што ли?

— Ты поди сюда!—крикнулъ ему не слѣзавшій съ лошади Косой, — ну, живо...

Ямщикъ совсѣмъ проснулся отъ окрика и, узнавъ въ проѣзжемъ одного изъ тѣхъ богатыхъ господъ, не послушаться которыхъ (онъ зналъ это по опыту) не совсѣмъ удобно,—быстро подкидывая босыми ногами, въ упоръ подошелъ къ его лошади.

— Переночевать у васъ можно тутъ?—спросилъ Косой. Ему важно было знать, занята или не занята комната для проѣзжихъ.

— Переночевать,—протянулъ ямщикъ. — А вы откуда будете?

— Я тебя спрашиваю, можно ли тутъ переночевать?—повторилъ Косой.

— Переночевать можно.

— Комната не занята?

— Слободна.

— Значитъ, у васъ и ночью ѣздить здѣсь теперь?

— То-есть оно ѣздить... а лошадей только нѣтъ...

— Что же недавно проѣхалъ кто-нибудь, послѣднихъ вѣзлъ?—продолжалъ спрашивать Косой, желая окольнымъ путемъ выяснитъ себѣ то, что ему было нужно.

— Нѣтъ, никто не бралъ, а въ разгонѣ всѣ, вонъ и кулверъ спитъ, дожидается...

Косой такъ и встрепенулся весь.

— Какой курьеръ, гдѣ, какъ же ты говоришь, что комната свободна?

— Такъ онъ въ сѣнномъ сараѣ спитъ, на сѣнѣ; приѣхалъ тутъ, ругался, ругался—ничего не сдѣлалъ—спать пошелъ!..

— Офицеръ?

— А кто его знаетъ,—видно чиновный, только не въ солдатской одежѣ.

— Молодой?

— Молодой.

— Съ черными усами?

— Какъ быдто такъ.

— Ну, веди меня тоже въ сарай.

— А съ лошадьми какъ же?—спросилъ ямщикъ.

— Съ какими?

— Съ вашими.

— Пусть на дворѣ постоятъ. Мой малый посмотритъ за ними.

— Можетъ смотрителя разбудить?

— Не надо.

Князь Иванъ соскочилъ съ лошади, досталъ мѣдный пятакъ и сунулъ ямщику. Тотъ ловко принялъ этотъ пятакъ и сдѣлался послѣ него совершенно уже расторопнѣе.

Онъ быстро раскрылъ ворота, хорошо смазанныя въ петляхъ и не заскрипѣвшія, впустилъ Стенушку съ лошадьми и повелъ князя Ивана въ сарай.

Тутъ только князь Иванъ ощутилъ нѣкоторое волненіе. Онъ шопотомъ приказалъ Стенушкѣ не разсѣдывать лошадей и ждать его.

Во всякомъ случаѣ имъ нужно было сейчасъ же уѣхать,—былъ ли этотъ курьеръ Ополчининъ, или другой кто-нибудь. Если это Ополчининъ—онъ захватитъ его сумку, и имъ нужно будетъ возвращаться назадъ, а не то ѣхать впередъ, дальше.

Въ сѣнномъ сараѣ было почти темно, но въ этой темнотѣ Косой сейчасъ же разглядѣлъ спавшаго съ поджатою одною ногою въ сапогѣ человѣка. Онъ дышалъ ровно, присвистывалъ слегка.

Князь Иванъ тихо попробовалъ тоже улечься. Лица спавшаго онъ не могъ разсмотрѣть. Оно было обращено въ другую отъ него сторону.

Онъ попытался по фигурѣ узнать въ спавшемъ Ополчинина. Фигура была какъ будто похожа на него.

Заползти съ другой стороны казалось неудобно.

Князь Иванъ тогда рѣшилъ поступить слѣдующимъ образомъ: приблизиться, насколько было возможно, и дать ему понюхать зѣиру. Тогда онъ могъ не опасаться, что будетъ остановленъ. Бестужевъ прямо сказалъ, что зѣиръ дѣйствуетъ сильно, хотя никакихъ послѣдствій не оставляетъ и совершенно безвреденъ. Дѣйствіе этого зѣира Бестужевъ раньше какъ-то объяснялъ ему.

И Косой чуть замѣтно самъ для себя началъ при-

двигаться съ замираніемъ сердца, слѣдя за тѣмъ, чтобы человѣкъ не проснулся.

Но тотъ лежалъ все попрежнему, вытянувъ ногу и поджавъ другую, и попрежнему дышалъ ровно, съ присвистываніемъ.

У Косого былъ уже въ рукахъ флакончикъ съ зѣиромъ наготовѣ, и вотъ онъ подползъ совсѣмъ близко, остается только перенести руку и дать понюхать зѣиръ. Князь Иванъ открылъ стеклянную трубочку и, не дыша, и скорѣе инстинктивно разсчитывая свои движенія, чѣмъ сознательно управляя ими, началъ тихонько поводить флакончикомъ у носа спавшаго, лица котораго онъ все еще не могъ разглядѣть, потому что для этого нужно было подняться ему. Такъ, сзади онъ далъ дышать ему нѣкоторое время зѣиромъ и, когда, наконецъ, услышалъ дыханіе еще болѣе ровное, отнять руку съ флакономъ, закрылъ его и попробовалъ двинуть спавшаго за плечо. Тотъ продолжалъ дышать все тѣмъ же ровнымъ дыханіемъ глубокаго сна. Князь Иванъ толкнулъ его еще разъ.

Человѣкъ спалъ.

Тогда князь Иванъ, не мѣняя положенія, ощущалъ рукою, есть ли у него на груди замшевая сумка, въ которыхъ возились обыкновенно секретный шьемъ.

Онъ дѣйствовалъ теперь смѣлѣе, боясь одного только—не найти этой сумки.

Онъ разстегнулъ ему камзолъ, засунулъ подъ него руку и невольно остановился.

Сумка была въ его рукѣ...

Князь Иванъ помнилъ потомъ, какъ въ эту минуту каждый звукъ, каждое движеніе были слышны ему. Онъ отчетливо различалъ и бѣшеніе своего сердца, и тихое шуршаніе сѣна, и то, какъ чмокнула ногами лошадь, переставивъ ихъ въ грязи на дворѣ, и, главное, различалъ непрерывное дыханіе спавшаго. Онъ уже, не разбирая ничего, отрѣзалъ сумку и, сунувъ ее въ карманъ, поспѣшными, быстрыми шагами кинулся вонъ изъ сарая.

Стенушка ждалъ его на дворѣ съ неразсѣданными лошадьми.

Они тихо отворили ворота, вывели лошадей, вскочили на нихъ и что было духу помчались назадъ къ Москвѣ, не заботясь теперь о силахъ „Красавчика“ и „Ярага“, зная, что они донесутъ ихъ не болѣе какъ въ полтора часа времени до Москвы.

И въ самомъ дѣлѣ, въ третьемъ еще часу ночи, они уже подъѣзжали къ дому Бестужева, гдѣ, въ окнахъ кабинета Алексѣя Петровича, виднѣлся еще свѣтъ. Онъ не ложился спать.

Князь Иванъ соскочилъ съ сѣдла и увѣренно, не боясь шума, сталъ стучать въ большія двери наряднаго подъѣзда.

Видно не ждали такъ рано его возвращенія, и двери были заперты уже.

Стучать имъ, впрочемъ, пришлось не долго.

Дежурный лакей, спавшій одѣтымъ въ сѣняхъ, встрѣтилъ ихъ со свѣчою въ рукѣ, и князь Иванъ, какъ былъ забрызганный грязью и въ высокихъ, дорожныхъ сапогахъ, поднялся на верхъ къ Бестужеву, знакомой дорогой прямо къ нему въ кабинетъ.

Онъ остановился у двери и постучалъ.

— Войдите,—послышался голосъ Бестужева.

Алексѣй Петровичъ сидѣлъ у своего стола съ ретортами и при свѣтѣ сильной, съ рефлекторомъ лампы, смотрѣлъ на кипѣвшую передъ нимъ въ металлическомъ кубѣ жидкость, пахнущую спиртными парами, когда вошелъ князь Иванъ.

— Какъ, ужъ вернулись?—спросилъ онъ.— Скоро. Не ждалъ я васъ такъ рано. Что же, неужели удачно?

Князь Иванъ держалъ въ рукахъ завітную сумку.

— Сейчасъ,—сказалъ Бестужевъ,—погодите, не могу отойти...

Ура! Ёдутъ! Съ карт. Т. Клагаса. По фот. Ф. Гапфигенгеля въ Мюнхенѣ грав. Брендамуръ.

„Ръчаница“, народный танецъ въ болгарской корчмѣ. Изъ альбома, поднесеннаго болгарами Государю Императору по случаю Священнаго Коронованія. Съ картины Мерквича автотипіи „Цивы“.

И онъ снова сталъ смотрѣть въ кипящій кубъ, изрѣдка помѣнивая въ немъ.

Потомъ онъ, не торопясь, слилъ жидкость въ реторту, поставилъ ее вмѣсто куба на спиртовую лампу и, помѣстивъ ее въ должное положеніе, тогда только обернулся къ князю Ивану.

— Ну, благодарю васъ, давайте,—сказалъ онъ, весело улыбувшись,—молодцамъ сработали...

Князю Косому самому было весело. И какъ вѣдь это все просто произошло. Давно ли, кажется, онъ былъ въ этомъ же кабинетѣ, собираясь только уѣзжать, и вотъ теперь все уже сдѣлано и все уже готово, и онъ можетъ отдать письма Бестужеву.

Алексѣй Петровичъ взялъ у него сумку, подошелъ къ письменному столу и раскрылъ ее.

Но съ перваго же письма, адресъ котораго онъ прочелъ, глаза его раскрылись широко, и онъ сталъ быстро перебирать остальные, выбрасывая ихъ на столъ.

— Это не то! — проговорилъ онъ, наконецъ. — Вы знаете, что вы мнѣ привезли тутъ?

Но въ это время, внизу, въ той сторонѣ, гдѣ было помѣщеніе князя Ивана, раздался шумъ, трескъ, что-то непонятное, необъяснимое, заставившее вздрогнуть князя Ивана и Бестужева, вдругъ склонившаго голову и прислушавшагося.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Шведскія дѣла.

I.

Трудно было Ополчинину выстоять и выдержать допросъ государыни во время маскарада. Но еще труднѣе было пережить ему то, что послѣдовало затѣмъ.

Онъ былъ самолюбивъ, завистливъ и отъ природы злобенъ. А тутъ какъ разъ было гдѣ разыграться именно уязвленному самолюбію, зависти и поднявшейся вслѣдствіе ихъ злобѣ. Сначала, когда онъ всталъ съ кофѣнъ и опомнился отъ своей растерянности, подъ влияніемъ которой, какъ думалъ онъ потомъ, онъ выговорилъ это отчаянное, позорное слово „виновенъ“,— онъ какъ будто не повѣрилъ въ то, что случилось. Но доказательства явились сейчасъ же. Съ мнительностью болѣзненнаго самолюбія, онъ во всѣхъ окружающихъ сейчасъ же, по ихъ взглядамъ, улыбкамъ и двумъ-тремъ долетѣвшимъ до него словамъ, увидѣлъ своихъ смертельныхъ враговъ, которымъ онъ тутъ же положилъ отомстить, отомстить за то, что они были свидѣтелями происшедшаго съ нимъ.

Но, конечно, они были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, кто составлялъ ихъ центръ теперь, а вмѣстѣ съ этимъ и главный предметъ злобы и ненависти самого Ополчинина, — съ княземъ Косымъ, который казался ему низкимъ и гадкимъ интриганомъ, безжалостно и недостойно поступившимъ съ нимъ.

Онъ стоялъ тогда у окна, не зная, куда глядѣть и куда идти, сознавая только одно, что не пропустить этого даромъ князю Ивану, и вдругъ подошедшій Лестоукъ какъ бы пробудилъ его и вернулъ вновь къ дѣйствительности.

Онъ на другой же день, какъ было сказано, отправился въ назначенный часъ къ жѣйбъ-медику.

Они условились.

Ополчининъ долженъ былъ ѣхать черезъ нѣсколько дней въ Ригу съ порученіемъ, которое было способно погубить самого Бестужева.

Лестоукъ еще въ маскарадѣ сказалъ Ополчинину, что если тотъ способенъ будетъ выполнить свое порученіе, онъ можетъ рассчитывать на то, что дѣло его приметъ иной, совершенно новый оборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, расчетъ, заключавшійся въ этихъ словахъ, могъ быть вѣренъ. Холодно обсудивъ происшедшее, Ополчининъ понялъ, что главною двигательною силою былъ тутъ Бестужевъ. Потерявъ онъ довѣріе только государыни—

будутъ уничтожены и его „клеветы“. (Такъ онъ мысленно называлъ князя Ивана).

Ополчининъ съ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ взялся способствовать паденію Бестужева и готовъ былъ, какъ и выразился онъ Лестоку,—на всякую „хитрость“.

Положено было, что онъ послѣ нужныхъ приготовленій выѣдетъ немедленно. Эти нѣсколько дней ожиданія онъ провелъ одинъ-одинѣшенекъ. Товарищи какъ-то вдругъ измѣнили къ нему свои отношенія и молча обходили его. Кажется, собирався ихъ судъ надъ нимъ.

За это время отчужденности и одиночества, злоба Ополчинина далеко ушла впередъ. Онъ вполне сознавалъ, что планъ, избранный Лестокомъ для своихъ цѣлей, очень хорошъ и можетъ достигнуть результата, по ему, Ополчинину, этого казалось уже мало. Бестужевъ—Бестужевымъ, а онъ хотѣлъ свести свои счеты непосредственно съ княземъ Косымъ и свести такъ, чтобы они были покопчены разъ навсегда.

Эту фразу „покопчить разъ навсегда“, которую поималъ Ополчининъ, онъ повторялъ много разъ себѣ, сначала бессмысленно, потомъ все болѣе и болѣе привыкая къ ней и вдумываясь въ нее.

Мало-по-малу все ушло у него на второй планъ, и остался одинъ только Косой, счастливый, довольный и наслаждающійся своимъ счастьемъ.

Ополчининъ посылалъ къ Соголевымъ узнать, что тамъ у нихъ, и получилъ извѣстіе, что Сонюшка самой императрицей назначена теперь въ жены Косому.

А Сонюшку онъ привыкъ уже считать своею и такъ увѣренъ былъ въ этомъ, что твердо высказывалъ свою увѣренность тогда ей въ маскарадѣ же, почти передъ тѣмъ, какъ его нашли и позвали въ залу, въ фойѣ.

Онъ еще хотѣлъ „ускорить“ свадьбу.

„Вотъ и ускоришь, и ускоришь“, злобно повторялъ Ополчининъ, самъ себя дразня и растравляя, „нечего сказать, хорошо!..“

И отъ себя онъ мысленно переносился то въ квартиру Сысоевыхъ, гдѣ на его мѣстѣ, возлѣ молчаливой съ нимъ и, вѣроятно, радостной теперь Сонюшки, былъ торжествующій и счастливый Косой, то въ домъ Бестужева, въ помѣщеніе князя Ивана, гдѣ тотъ, пока онъ, Ополчининъ, сидитъ тутъ у себя и не знаетъ, что ему дѣлать съ собой,—ходитъ и мечтаетъ о своемъ счастьи.

Онъ бывалъ въ домѣ Бестужева прежде и зналъ, гдѣ теперь помѣщался князь Иванъ—внизу, направо съ главной лѣстницы. Тутъ была пустая квартира, въ первой залѣ которой помѣщалась временная канцелярія Бестужева, а дальше были двѣ комнаты, гдѣ жилъ у него всегда ближній чиновникъ.

Ополчининъ зналъ, что чиновникомъ, жившимъ въ домѣ Бестужева, былъ князь Косой,—значить, онъ помѣщался въ этихъ комнатахъ.

И вотъ, чѣмъ больше думалъ Ополчининъ о князѣ Иванѣ, чѣмъ больше растравлялъ себя, тѣмъ больше тянуло его къ нему какой-то, точно не здѣшной, сверхъестественной силой.

Насталъ день отъѣзда. Ополчининъ получилъ всѣ бумаги, забралъ ихъ и пріѣхалъ домой, чтобы собраться окончательно въ дорогу.

Но чѣмъ ближе становился часъ отъѣзда, тѣмъ болѣе медлил Ополчининъ.

Неужели онъ уѣдетъ такъ, ничего не сдѣлавъ, и оставить въ покоѣ князя Ивана, уѣдетъ и, Богъ знаетъ, что еще съ нимъ будетъ въ дорогѣ, а тутъ Косой можетъ жениться уже въ это время, уѣхать въ свою очередь, а потомъ ищи его!..

Вѣстовой увязывалъ вещи, и лошади уже пріѣхали, когда вдругъ все, что за послѣдніе дни зрѣло и создавалось въ душѣ Ополчинина, оформилось и ясно стало передъ нимъ во всѣхъ подробностяхъ такъ, какъ будто все уже случилось.

Это былъ одинъ мигъ, но этого мига было вполне достаточно, чтобы Ополчинникъ какъ бы осязательно ощутилъ всю прелесть отмищенія и окончательно потерялъ уже всякое самообладаніе. Всѣ помыслы, чувства, желанія и дѣйствія его сами собою опредѣлились въ одномъ направленіи.

Онъ началъ дѣйствовать, и дѣйствовать систематически, точно каждый шагъ у него былъ теперь заранее опредѣленъ, обдуманъ и даже изученъ.

Въ тотъ моментъ, какъ онъ отпиралъ вѣстового укладывая въ бричку вещи, онъ заперъ дверь на крючокъ, досталъ изъ шкапа запертое туда одѣяніе нищаго, завязалъ его въ особый узелокъ и успѣлъ справиться со всѣмъ этимъ до возвращенія вѣстового. Такъ что, когда тотъ пришелъ, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, надѣвалъ плащъ свой, собирався выходить. Узелокъ онъ взялъ самъ въ руки.

На дворѣ онъ нарочно медленно садился въ бричку и долго приказывалъ что-то вѣстовому, нѣсколько разъ повторивъ ему, что ѣзжаетъ въ Ригу.

Выѣхавъ изъ воротъ, онъ далъ спокойно отѣхать бричкѣ далеко отъ казармъ и тутъ остановилъ ямщика и сказалъ, чтобы онъ продолжалъ ѣхать съ вещами до станціи, а самому ему нужно-де остаться въ городѣ, и что онъ къ завтрашнему утру будетъ тамъ самъ, а ямщикъ пусть ѣдетъ.

Выйдя изъ брички, онъ направился къ первому попавшемуся заѣзжему двору и тамъ спросилъ себя комнату.

Онъ велѣлъ подать себя ужинать, водки и вина, и, когда ему принесли потребованное, принялся прямо за водку. Съѣлъ онъ мало, но пилъ очень много, и вино на него не оказывало никакого дѣйствія.

Наконецъ, онъ рѣшительно скинулъ съ себя одежду и, развязавъ свой узелокъ, надѣлъ платье стараго нищаго, которое давно уже было привычно ему, благодаря переодѣваньямъ его въ Петербургѣ. Только онъ не пристегнулъ на этотъ разъ деревяжки, которая мѣшала быстрымъ движениямъ.

Переодѣтый, онъ незамѣтно выбрался изъ окна проѣзжаго двора и зашагалъ бодро по улицамъ, гдѣ горѣли еще слюдяные фонари и двигался народъ.

Онъ жилъ съ дѣтства, передъ тѣмъ какъ пріѣхать искать счастья въ Петербургѣ, — въ Москвѣ и зналъ городъ.

Мало-по-малу онъ выбрался окольными путями къ дому Бестужева, но не съ главной стороны его, а съ противоположной—со стороны вѣтвистаго сада, раскинушагося сади, по обычаю всѣхъ богатыхъ московскихъ домовъ.

Въ частоколѣ сада должна быть навѣрно часть разобрана. Ужъ безъ этого нельзя—или просто бревна подгнили и ихъ легко разобрать. Такъ и вышло. Ополчинникъ сейчасъ же нашелъ пролазъ и очутился въ бестужевскомъ саду.

Здѣсь онъ залегъ въ кусты и сталъ ждать.

Онъ не боялся, что его накроютъ. Если бы и увидѣлъ его кто—вѣрнѣе всего, что оставилъ бы безъ вниманія старика-нищаго, очевидно, лишеннаго крова и пріютившагося въ богатомъ барскомъ саду.

Онъ лежалъ терпѣливо и долго.

Судя по звѣздамъ, много прошло уже времени, но онъ все лежалъ не двигаясь и смотрѣлъ по направленію выходившаго заднимъ фасомъ въ садъ дома.

Онъ видѣлъ въ верхнемъ этажѣ огни, видѣлъ, какъ погасли они, какъ показался свѣтъ въ двухъ окнахъ нижняго этажа, но не въ той сторонѣ, гдѣ жилъ Косой, — какъ, затѣмъ, исчезъ и этотъ свѣтъ, и домъ погрузился со стороны сада въ полную тьму, заблестѣвъ маленькими квадратами стеколъ на лунномъ, серебряномъ свѣтѣ.

Тогда Ополчинникъ поползъ потихоньку къ лѣвой

сторонѣ дома. Онъ ползъ почти совсѣмъ не слышно, вспомнивъ, какъ подросткомъ случалось ему подкрадываться къ яблокамъ ночью...

Онъ былъ уже близко у самаго цвѣтника, и отъ оконъ его отдѣляла только широкая, освѣщенная лунною дорожка.

Два окна залы, гдѣ помещалась канцелярія, были приподняты.

Очевидно, ихъ оставили открытыми, чтобы освѣжить комнату, переполненную за день разнымъ народомъ. Тамъ, со стороны улицы, окна нижняго этажа затворились ставнями, но здѣсь, со стороны сада — ставень не было.

Перейти, однако, на свѣту, дорожку, отдѣлявшую цвѣтникъ отъ дома, Ополчинникъ не рѣшился. Казалось страшно, а вдругъ кто-нибудь не спитъ въ этомъ замолкшемъ и по виду совершенно безмолвномъ домѣ и смотритъ въ одно изъ оконъ.

Ополчинникъ поползъ въ обходъ до забора, потомъ сталъ пробираться по стѣнѣ за клубами цвѣтовъ. Достигнувъ окна, онъ выпрямился во весь ростъ и просунулъ въ окно голову.

На него пахнуло комнатнымъ, пахнувшимъ сыростью, табакомъ и слежавшеюся нилью, воздухомъ, и странно показалась зала въ таинственной полутьмѣ пробивавшихся въ окна лунныхъ лучей и ложившихся на полу свѣтлыми квадратами. Гдѣ-то въ углу скребла мышь. Ополчинникъ ясно слышалъ. Это служило хорошимъ признакомъ—значить въ домѣ успокоились и затихли совсѣмъ, если мыши начали свою возню.

Онъ оперся ногою о карнизъ, ухватился руками за подоконникъ и ловко скользнулъ подъ поднятую раму.

Когда онъ почувствовалъ подъ ногами крѣпкій полъ вѣсто влажнаго и зыбкаго грунта сада—ему въ первую минуту стало жутко. Но было даже какъ будто что-то пріятное въ этой жути.

Онъ оглянулся и переступилъ съ ноги на ногу, не скрипитъ ли полъ. Но полъ былъ паркетный, штучный, хорошо сколоченный, и не скрипѣлъ.

И вдругъ Ополчинникъ вздрогнулъ. Направо, тамъ, гдѣ должны были быть парадныя сѣни, раздался стукъ, потомъ шаги.

Ополчинникъ, не помня себя, кинулся со всѣхъ ногъ, на цыпочкахъ, самъ не чувствуя, какъ неслась его точно посторонняя сила, въ уголъ къ шкапу и, только притаившись въ этомъ углу за шкапомъ, вздохнулъ свободнѣе.

Мышь, пробѣжавъ по залѣ, исчезла. Шаги въ сѣняхъ смѣнились говоромъ, хлопнула дверь...

Ополчинникъ не могъ, конечно, подозрѣвать, что это князь Иванъ вернулся изъ своего ночного путешествія.

Онъ вообще давно уже потерялъ сознание всего того, что не касалось прямой, избранной имъ теперь цѣли. Но и тутъ онъ дѣйствовалъ, шелъ и двигался, точно это былъ не онъ, а какой-то сидѣвшій вмѣсто него самого въ немъ духъ управлялъ теперь его волею и разумомъ и несъ сообразно своимъ желаніямъ его тѣло и заставлялъ его дѣйствовать, ходить и двигаться...

Когда въ сѣняхъ стихло, Ополчинникъ, успѣвъ уже выбрать изъ-за шкапа отворенную, какъ онъ думалъ, дверь въ слѣдующую комнату, гдѣ такъ же, какъ въ залѣ, видѣлись лунные лучи, направился прямо къ ней...

Но оттуда, изъ этой комнаты, куда на цыпочкахъ шелъ онъ, такъ же тихо и безшумно подвигалась на него, прямо на него, знакомая ему фигура старика-нищаго.

Ополчинникъ остановился. Нищій сдѣлалъ то же самое и уставился на него своими блеснувшими глазами.

Ужасъ суевѣрнаго страха охватилъ Ополчинника.

Онъ чувствовалъ, что ноги его трясутся и голова кружится и кровь стучитъ въ вискахъ, а сердце точно перестало биться. Будь то, что онъ видѣлъ передъ

своими глазами, хотя чѣмъ-нибудь, не такъ ясно, натурально и рельефно, было бы меньше страшно. Но въ томъ-то и дѣло, что передъ Ополчиннинымъ стояло не видѣніе, не пѣчто безформенное и расплывчатое, но вполне определенное. Онъ именно вполне определенно видѣлъ старика-нищаго, освѣщеннаго сбоку луной и смотрѣвшаго на него изъ другой комнаты...

И тутъ вся сцена въ маскарадѣ такъ и представилась ему, когда рядомъ съ нимъ въ одѣвѣніи этого нищаго стоялъ Косой. Ополчинникъ вспомнилъ, что у князя Ивана есть точно такое же платье, и на минуту подумалъ, не онъ ли это самъ шелъ переодѣтый и они встрѣтились, и можетъ-быть князь Иванъ такъ же оробѣлъ этой встрѣчи, какъ и самъ Ополчинникъ?..

Ополчинникъ выждалъ секунду — не скажетъ ли ему что-нибудь этотъ другой, изъ той комнаты — но тотъ молчалъ и стоялъ не двигаясь.

Ополчинникъ сдѣлалъ еще шагъ и тотъ приблизился.

Тогда Ополчинникъ, уже не сомнѣваясь, что имѣетъ дѣло съ живымъ лицомъ, кинулся на него...

Они сошлись... сшиблись, Ополчинникъ, не помня себя, выхватилъ готовый у него за пазухой ножикъ, размахнулся — все это было мгновенно — меньше мгновенья... и страшный ударъ раскатился по комнатамъ и осколки большого, вдѣланнаго въ стѣну зеркала посыпались на полъ...

Въ чаду своего волненія Ополчинникъ, обманутый полусвѣтомъ залы, — принялъ собственное свое отраже-

ніе въ устроенномъ въ такомъ же окладѣ, какъ были двери, зеркалѣ, за появленіе посторонняго, и кинулся на него, не помня себя...

Шумъ и трескъ разбитаго зеркала были услышаны наверху, въ ту самую минуту, когда князь Иванъ передалъ привезенную имъ сумку Бестужеву и тотъ сталъ вынимать изъ нея письма...

Сбѣжались люди...

Спустился князь Иванъ сверху и упалъ въ лежавшемъ у разбитаго зеркала переодѣтомъ старикѣ-писцѣмъ Ополчинника, и легко представилъ себѣ то, что произошло здѣсь...

Прежде, чѣмъ предпринять что-нибудь, нужно было оказать помощь пострадавшему Ополчиннику. Руки его были все изрѣзаны осколками стекла.

Онъ лежалъ на полу безъ движенія. Князь Иванъ осматривалъ его.

Странное дѣло — при паденіи онъ пришелся должно быть головой объ уголокъ деревяннаго, поваленнаго имъ тутъ же дубоваго стула, и она оказалась почти такъ же пробитою, какъ это было у старика, передъ гербергомъ Митрича.

Косой хорошо помнить, какъ они съ Левушкой осматривали его тогда и перевязывали ему голову. И вотъ теперь точно этотъ умершій у нихъ старикъ-нищій отомстилъ за себя, точно онъ жилъ еще и дѣйствовалъ и — князь Иванъ долженъ былъ сознаться, — оберегалъ его...

(Продолженіе будетъ.)

* * *

Промчался ураганъ... Все сломано, изрыто;
Деревья вырваны; истерзаны цвѣты;
Земля погибшими колосьями покрыта,
И точно замерли надежды и мечты.

Промчался ураганъ; угасъ огонь желаній,
И мертвой тишиной душевный міръ объятъ;

Исчезли радости; нѣтъ больше и страданій;
Холодные, какъ сталь, глаза ужъ не горятъ.

Промчался ураганъ... и на одно мгновеніе
Мной пережитыхъ бурь мнѣ стало какъ-то жаль;
Мнѣ стали дороги забытое волненіе,
Борьба тяжелая, и вѣчное сомнѣніе,
И въ сердцѣ жившая знакомая печаль.

В. Умановъ-Каплуновскій.

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Статья IX. (Съ 12 рисунками.)

Научно-учебный отдѣлъ всероссійской выставки принадлежитъ къ числу наиболѣе обширныхъ — онъ расположенъ въ дѣломъ рядѣ павильоновъ — и поэтому, быть-можетъ, въ этомъ отдѣлѣ наиболѣе рельефно и выступаетъ общій недостатокъ нижегородской выставки: ея неровность, несистематичность, неустойчивость. Въ то время какъ одніи группы представлены безукоризненно полно, другія лишь намѣчены и имѣютъ массу самыхъ грубыхъ пробѣловъ. Кромѣ того, и организованы отдѣлы безъ достаточнаго умѣнья; видно отсутствіе опытныхъ и заботливыхъ рукъ, на каждомъ шагѣ замѣтна какая-то растерянность, какъ будто организаторы, подавленные обиліемъ экспонатовъ, старались лишь бы разсовать какъ-нибудь прибывшіе предметы. Отсюда полный хаосъ группировки. Судите сами, въ отдѣленіи, надъ которымъ находится краснорѣчивая надпись: „Заблуждаетесь, не вѣдая писанія“, помѣщены книги священнаго писанія, высшіе женскіе курсы и книги по начальному народному образованію, издавшія московскимъ земствомъ, а статистика по тому же предмету того же земства находится совершенно въ другомъ мѣстѣ, а именно въ отдѣлѣ сельскаго хозяйства! Обиліе экспонатовъ по ручному труду поразительно; сорочки, вышивки, кружева, столярныя и гипсовыя надѣлы совершенно затѣняютъ предметы учебно-воспитательныя, и по вѣншему виду отдѣлъ скорѣе походитъ на рождественскій благотворительный базаръ, чѣмъ на выставку учебнаго научно-учебнаго дѣла.

Въ главномъ зданіи отдѣла (рис. на стр. 999) сосредоточены экспонаты, относящіеся до народнаго образованія. Первая группа отдѣла: дошкольное воспитаніе дѣтей, типична дѣтскаго возраста, дѣтскія игрушки и занятія — представлена крайне бѣдно и не даетъ должнаго представленія о постановкѣ этого дѣла въ селахъ и городахъ, въ богатыхъ и бѣдныхъ семьяхъ, въ воспитательныхъ учрежденіяхъ и проч. Нѣсколько случайныхъ экспонатовъ — всѣхъ ихъ восемь — и никакой организаторской работы. Фребелевское общество выставляетъ работы дѣтей дѣтскихъ садовъ, народнаго и частныхъ,

с.-петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ, со своими общезвѣстными игрушками и оптическими фонарями, и нѣсколько небольшихъ витринъ и столовъ съ игрушками прочіихъ экспонатовъ — вотъ все по этой крайне важной и интересной группѣ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что игрушки находятся еще и въ ремесленномъ отдѣлѣ, и въ кустарномъ, и въ отдѣлѣ Крайняго Сѣвера...

Много подробнѣе представлены низшія учебныя заведенія. Планы и фотографіи школь и школьной жизни, письменныя работы учащихся, но главнымъ образомъ предметы ручнаго труда: столярныя, перелетныя, слесарныя, сапожныя работы, рукодѣлія, — вотъ экспонаты низшихъ школъ. На стѣнѣ громадная карта начального образованія въ Россіи, рисующая печальную постановку его въ нашемъ отечествѣ. Въ Европейской Россіи начальное образованіе получаетъ 3% населенія, дѣтей же школьнаго возраста считается 11%, и такимъ образомъ 8% населенія или 9½ милліоновъ дѣтей остается внѣ школы. По начальному образованію Россія отстала отъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ: вотъ данныя о количествѣ учащихся на 1,000 жителей:

С.-А. Соед. Штаты	22,4	Финляндія	13,0
Швейцарія	19,0	Испанія	8,3
Германія	18,8	Японія	7,0
Англія	16,6	Италія	7,0
Франція	14,7	Болгарія	5,3
Швеція	14,4	Португалія	3,3
Норвегія	14,1	Россія	3,0
Австрія	13,1		

Даже Болгарія и Японія сумѣли лучше насъ поставить дѣло народнаго образованія. И, несмотря на такія цифры, еще пахотятся у насъ лица, которыя отрицаютъ необходимость развитія у насъ образованія. Но важное государственное значеніе образованія уже сознано большинствомъ, и школьное дѣло быстро двинулось за послѣдніе годы впередъ. Сильно ожи-

Въ краю чужомъ... Съ картины А. Зейферта грав. Терике.

вилась деятельность земств, во многих из них даже поставлен на очередь вопрос о всеобщем обучении, т. е. об устройстве такого числа училищ, где бы могли найти место все желающие учиться. В среде духовенства, которое должно бы быть первым и важнейшим насадителем образования, также замечается движение. За время съездов московской выставки 1882 года изданы правила о церковно-приходских школах и школах грамоты, привлекающие духовенство к образованию народа.

Учебные заведения духовного ведомства, кроме главного здания отдела, где выставлены преимущественно статистика, отчеты и неизбежные руководящие работы, размещены в особом характерном здании — церкви-школе. Она построена с целью показать возможность такого совмещения. Церковь-школа в два этажа: внизу — помещения для учителя и спальни для учеников, наверху — классы и церкви. Один из классов меблирован и иллюстрирует обстановку церковно-приходских школ. Из экспонатов также преобладают изделия по ручному труду, между прочим выставлены фисгармонии производства Вологодской двухклассной церковно-приходской школы; много выставлено планов, чертежей и фотографий школ, письменных работ учащихся, учебных пособий, в том числе по церковному пению и пр. Министерство народного просвещения, с своей стороны, построило образовательную школу, представляющую тип, к которому должно бы стремиться каждое самостоятельное сельское общество. Школа состоит из двух половин, — на одной квартире учителя. Классная комната обставлена образцами мебели и учебных пособий, ночлежная — койками. Другая комната школы занята различными экспонатами; конечно и здесь больше всего изделий ручного труда, как будто главнейшей задачей современной школы является приготовление профессионала, ремесленника, а не прежде всего воспитание человека. При школе устроены учебный садик.

Выставка высшего образования находится еще в одном небольшом, но полном выдающегося интереса павильоне. Это выставка воскресных школ, устроенная Х. Д. Алчевской. Здесь помещены фотографии, планы, брошюры, отчеты, школьный музей, коллекции учебных пособий и письменных работ учащихся, дающие полное понятие о состоянии у нас воскресных школ, учреждений для образования лиц, не имеющих возможности пользоваться обучением ежедневно. Эти школы возникли в России в конце 50-х годов, по инициативе пещер. В 1871 г. Х. Д. Алчевского была открыта в Харьковском воскресная школа, существующая и поныне и имеющая около 550 учащихся. За последнее десятилетие школа эта начала привлекать внимание людей, желающих работать для просвещения народных масс, и по ее примеру стали возникать одна за другой школы во других городах. В настоящее время действует 115 воскресных школ, созданных частною инициативою. Школы эти успели уже завоевать симпатии всех слоев общества, что видно, между прочим, из того, что среди учредителей встречаются лица всех положений: и скромные учителя, и губернаторы, и архiereи.

Группа среднего образования — мужские и женские гимназии иprogимназии, реальные училища, — также представлена главнейшим образом предметами ручного труда (рис. на стр. 999), а также планами и фотографиями видов зданий и статистическими таблицами. Всего средних учебных заведений в 1894 г. состояло 811, с 148,624 учениками и 75,553 ученицами; в 1880 году всего было 597 заведений. Наибольшее увеличение — на 62% — относится к женским заведениям; число мужских выросло на 24%. Одно мужское учебное заведение приходится на 405,000 населения и на 53,000 кв. верст; женское — на 640,000 населения и 88,000 кв. верст, — цифры, говорящие сами за себя.

Наше высшее образование представлено на нижегородской выставке поразительно слабо. Высшие женские курсы (фотографии), казанский университет (альбом видов), лазаревский институт восточных языков (труды профессоров) — вот и все. Тут же, неизвестно почему, и центральное управление министерства народного просвещения экспонирует сборники узаконений, уставы, письменные работы учеников и учениц средних учебных заведений и пр. А между тем общее число высших учебных заведений в России достигает 52, с 25,166 слушателями, в том числе 983 или 4% женщины. В среде студентов преобладают медики, за ними следуют изучающие право, технические и инженерные науки. За время послѣ выставки в Москвѣ открытъ новый университет въ Томскѣ, высшіе женскіе курсы въ С.-Петербургѣ, высшіе курсы виноделия въ Харьковѣ и электротехническій институтъ въ С.-Петербургѣ.

Профессиональное образование выставлено очень полно и подробно. Профессиональное образование, собственно говоря, зародилось у нас послѣ московской выставки, и крупные его успѣхи замѣчаются лишь за самое послѣднее время. О насажденіи этого образованія заботятся самыя разнообразныя вѣдомства. Министерство народнаго просвѣщенія учреждаетъ техническія и ремесленныя учебныя заведенія, министерство земледѣлія — сельско-хозяйственныя курсы и школы, министер-

ство финансов — коммерческія училища, министерство путей сообщенія — желѣзнодорожныя училища и пр. Кроме обычных данных о постановкѣ учебнаго дѣла, отчетовъ, диаграммъ, фотографическихъ видовъ, здѣсь богатыя коллекціи предметовъ, изготовленныхъ въ училищахъ, начиная отъ небольшихъ ремесленныхъ изделий и кончая сложными химическими приборами и паровыми машинами (см. рис. на стр. 999). Одна изъ нихъ въ 40 силъ; если припомнить, что на московской выставкѣ въ 1882 г., въ спеціальному машинному отдѣлѣ наибольшая машина имѣла 100 силъ, то станетъ очевиднымъ поразительный успѣхъ профессиональнаго образованія, которое имѣетъ столь большое значеніе, особенно въ странѣ, щедро надѣленной естественными богатствами, не разработываемыми за недостаткомъ знанія.

Группа научная опять очень слабо представлена и имѣетъ совершенно случайный характеръ. Здѣсь и археологическая коммисія, и страховое общество, и руководство по чистописанию, и общество покровительства животнымъ, и крымскій горный клубъ, и пр. Тщетно было бы желаніе познакомиться въ научно-учебномъ отдѣлѣ съ движениемъ русской науки, деятельностью ученыхъ обществъ, равно какъ банковыхъ и страховыхъ учрежденій, которыя по программѣ должны бы были войти въ этотъ отдѣлъ.

Насустроивъ зданія научно-учебнаго отдела высятся хорошие, въ чисто-московскомъ стилѣ, съ большими двуглавыми орлами на своихъ башенкахъ, навильонъ благотворительныхъ учреждений (рис. на стр. 999). Выставка благотворительности, собственно говоря, ограничивается двумя обширѣйшими вѣдомствами, поставившими себѣ целью заботу о немущихъ и страждущихъ: вѣдомствомъ учреждений Императрицы Маріи и Императорскимъ Человѣколюбивымъ обществомъ. Такъ какъ и здѣсь главная масса экспонатовъ состоитъ изъ работъ призываемыхъ, то и этотъ навильонъ внутри напоминаетъ благотворительный базаръ, очень эффектно и оригинально убранный. Вѣдомство учреждений Императрицы Маріи обставило свою выставку и интересно, и поучительно. Цѣлый рядъ статистическихъ данныхъ и отчетовъ знакомитъ съ постановкою воспитательнаго и дѣтскаго дѣла въ этомъ обширѣйшемъ у насъ благотворительномъ вѣдомствѣ; фотографіи зданий и сценъ изъ внутренней жизни знакомятъ съ обстановкою и бытомъ многочисленныхъ и разнообразныхъ заведеній, находящихся на попеченіи вѣдомства. Главнѣйшія изъ нихъ представлены моделями и даже точнымъ воспроизведеніемъ въ натурѣ отдѣльныхъ помѣщеній, какова, напримеръ, комната призываемыхъ во вдовьемъ домѣ, со всею обстановкою и утварью. Предметы ручнаго труда весьма разнообразны; извѣстны сиротскіе дома и пріюты выставляютъ утилитарныя предметы первой необходимости, профессиональныя школы — тѣ же предметы, но сдѣланные болѣе изящно, на все вкусы и средства: здѣсь и простенькія платья, и богатые туалеты. Институты выставляютъ шитье по атласу шелками, живопись по фарфору и прочія художественныя изделия, предметы роскоши. Между экспонатами особенное вниманіе обращаютъ на себя по изяществу и художественности исполненія шитыя шелками ширмы, поднесенныя великой княгинѣ Кесіин Александровнѣ. Столь же характерна и выставка Человѣколюбиваго общества; интересны изделия стѣнныхъ, выставленныхъ вмѣстѣ съ книгами съ вынутыми шрифтами, а также выставка попечительства для сбора пожертвованій; оно собираетъ ненужныя вещи, имѣющіяся въ каждомъ хозяйствѣ, и на вырученные отъ продажи ихъ деньги (въ 1894 г. — 29,000 р.) устраиваетъ въ мастерство бѣдныхъ дѣтей. Заслуживаетъ еще вниманія навильонъ с.-петербургскаго пріюта принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго (рис. на стр. 1001). Въ пріютѣ 510 воспитанниковъ и 160 воспитанницъ; основную заботу пріюта составляютъ возможно широкая подготовка призываемыхъ къ практическимъ занятіямъ. Въ мужскомъ отдѣленіи пріюта воспитанники обучаются слесарно-механическому, токарному, часовому, портняжному и переплетному мастерствамъ; воспитанницы шьютъ платья, ткнутъ ковры, выжигаютъ по дереву, упражняются въ тисненіи по кожѣ, въ дѣланіи искусственныхъ цвѣтовъ и въ приготовленіи разнообразныхъ пизциныхъ работъ.

Общее количество благотворительныхъ обществъ и учреждений въ Россіи приблизительно опредѣляется цифрою 3600, не считая церковныхъ попечительствъ. По роду благотворенія эти учрежденія распределяются такъ: до 1100 благотворительныхъ обществъ, попечительствъ, братствъ, комитетовъ и т. п. союзовъ, 825 учреждений дѣтскаго призрѣнія, до 1,520 учреждений призрѣнія взрослыхъ и до 200 больничныхъ учреждений. Нужно при этомъ замѣтить, что до 4% этихъ учреждений основаны послѣ 1860 г.

Къ числу учреждений, имѣющихъ цѣлью подачу помощи ближнимъ, относится и Красный Крестъ, интересная выставка котораго размѣщена недалеко отъ навильона благотворительныхъ учреждений. Въ задачи Краснаго Креста входитъ не только помощь раненымъ на поляхъ битвы, но и забота объ увеличеніи участи увѣчныхъ воиновъ на мѣстахъ ихъ жительства и помощь въ общественныхъ бѣдствіяхъ. Такъ, еще недавно, въ тяжелый 1891—92 голодный годъ и въ 1892—94 гг.,

во время холеры, тифа и дифтерита, Красным Крестом были организованы отряды сестер милосердия, которые оказали существенную пользу населению. О размерах деятельности Красного Креста до известной степени можно судить по его средствам: к 1 января 1895 года его запасный капитал достигал почтенной суммы 9½ миллионов рублей. Выставка Красного Креста расположена в нескольких зданиях; в центральном находится музей общества, в котором посетитель знакомится с постепенным усовершенствованием приборов и приспособлений, облегчающих страдания раненных. Тут же все принадлежности медицинской и санитарной помощи, фотографии всех учреждений общества, а главнейшие из них представлены в натуре четыре типичнейшие свои комнаты-палаты. Вокруг здания раскинут ряд шатров: здесь подвижной лазарет, который, равно как и все находящиеся в нем мебель, устроен так, что может быстро и удобно складываться, затем операционная палатка и несколько палаток, которые являются типичнейшим образцом этаных пунктов (в одной из них устроены выставочный приемный покой), далее сортировочный пункт и походная кухня. Эвакуация, т. е. система удаления раненных с поля битвы, представлена разнообразными носилками, повозками, фургонами и, наконец, вагонами, приспособленными к перевозке раненных.

Недалеко от выставок Красного Креста находится четыре простеньких барака, в которых помещается санитарно-гигиенический под-отдел. Представлен он очень слабо, и его экспонаты имеют совершенно случайный характер, а между тем под-отдел затрагивает весьма важные вопросы и должен был бы быть и интересным, и обширным, так как в России землями и городами сделано уже не мало в области общественной гигиены. В первом бараке сосредоточены экспонаты, касающиеся вопросов общественной санитарии и в частности больничного дела, а также дезинфекционные снаряды и средства; здесь, кроме моделей нескольких больниц, обращают внимание таблицы и диаграммы о заболеваемости рабочих на горных заводах и на рыбных промыслах на Волге; здесь же приборы для обеззараживания, дезинфицирования, нормальная обувь и пр. Второй барак занят выставкою аптекарских, химических и парфюмерных товаров известной московской фирмы В. К. Феррейц и зубо-врачебными инструментами и приборами. Третий барак — хирургический; в нем всего 10 экспонатов, выставивших хирургические инструменты и приборы. Вся их выставка показывается, как еще слабо поставлено у нас производство предметов не утилитарного характера. Четвертый барак — гигиена индивидуальная и общественная — совсем уже слаб; в нем всего четыре экспоната: детское приданое, фильтр, подвижной очаг и школа кухонного искусства Русского общества охранения народного здоровья. Вот все, что дает нам под-отдел; работающие на принцип санитарии и гигиены не найдут в нем указаний, правильно ли ведут они дело, и не поопытятся своим знанием опытов других лиц и учреждений; не ознакомятся и публика с постановкою гигиены и санитарии в нашем отечестве. Мы особенно пожалели о полном отсутствии выставки наших минеральных вод; она прямо являлась необходимостью, и как показатель успехов в их устройстве за время с 1882 г. и как реклама.

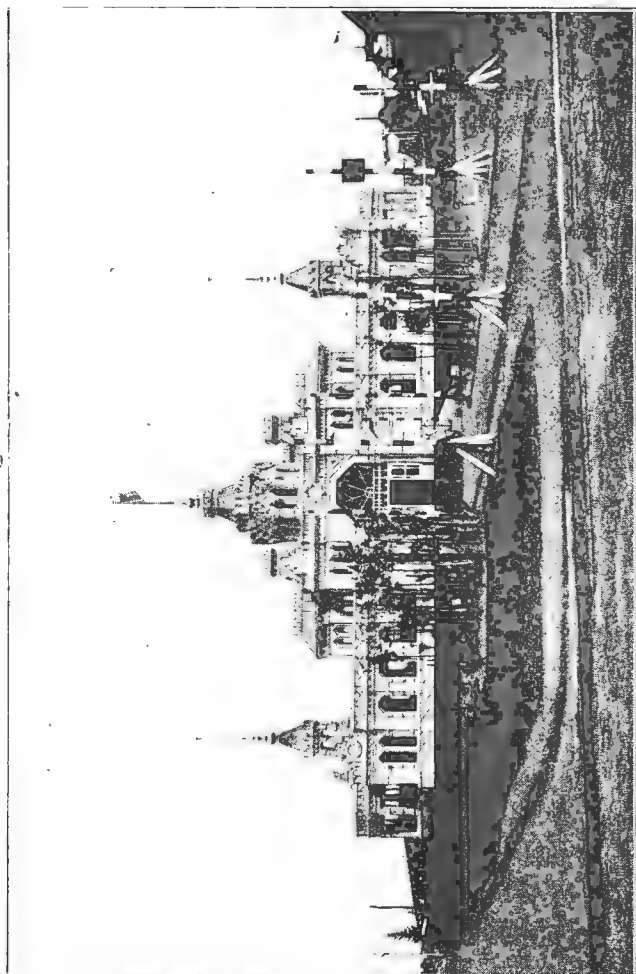
К научно-учебному отделу причислен и под-отдел спасения на водах. Он помещен на противоположном конце выставки и устроен обществом спасения на водах. Прежде всего возникает вопрос, почему на всероссийской промышленной и художественной выставке выступает это общество, чуждое и промышленности, и науки. Единственное предположение, что общество хотело ознакомить возможно большее число лиц со своею высоко-полезною деятельностью; этим быть-может и объясняется то, что выставка спасения на водах ограничивается лишь предметами, доставленными из музея общества.

Рядом с обществом спасения на водах помещается выставка строительного и инженерного дела. Она открывается рядом навигационных речного и морского судостроения и судостроения. В самом большом из них помещены экспонаты, относящиеся до каспийско-волжского судостроения. Этот навигационный очень красив (рис. на стр. 998); он имеет вид изящной парусной пристани и по окончании выставки будет перенесен на баржу и переведен в Казань, где будет служить пристанью для казенных пароходов. Устроители отдела задались целью наглядно показать в этом навигационном всю обстановку плаванья по обширному бассейну Волги с ее притоками и по Каспийскому морю. И нужно отдать справедливость, нам удалось составить и интересную, и поучительную выставку. Все стены навигационного украшены целюю серию картин и фотографий пейзажа и бытовых сцен всего Поволжья; чтобы составить эту замечательную коллекцию, была организована летом 1895 года особая экспедиция из художников и фотографов, которые проехали всю Волгу, начиная от истоков до устья. Прямо против входа возвышаются две исторические яхты, принадлежавшие великому преобразователю Руси — «Вереяка» и «Плезирь»; на одной из них кормовые украшения были выточены самим Петром

Великим. Яхты эти всегда хранятся в Астрахани. Громадный интерес представляет затям коллекция типичных судов волжского флота, составленная в историческом порядке развития судостроения на Волге. На первом месте поставлены модели «Струга Московорбца», на котором Петр Великий вместе с Екатериною совершил переѣзд из Москвы до Астрахани, и галеры «Тверь», на которой путешествовала от Твери до Симбирска императрица Екатерина II. Тут же модель водоходной машины механика-самоучки Кулибина — прототип парохода, изобретенный им еще в 1804 году. Далее идут модели вышедших из употребления судов: коноводка, кабестан, колотовка — все эти машины приводились в движение подчаею, т. е. заводили якорь вперёд и притягивались к нему канатом, наматываемым на вал, который приводился в движение сначала силою людей, потом лошадыми и наконец паром — кабестаны, которые и были вытеснены буксирными пароходами. Затям идут современные суда; типов их еще очень много, потому что почти каждый приток Волги имеет свои особые суда, таковы: хлебная баржа, товарная баржа, сурянка, коломенка, тихвинка, бляна, шкуна для нефти, ушак и пр. Интересны мокшаны — суда, которые сохранились еще от времени, когда не было пароходства. Они строятся на р. Мокше, грузят исключительно хлебом и выходят весной, идя сплавом, т. е. силою течения. Управляются они лотами — громадным округленным куском железа, пудов в 70—80 весом, который привязывается к длинному канату. Лот спускают с кормы мокшаны в воду; благодаря своим округленным формам, он легко скатывается в самую глубокую часть фарватера, куда направляет и мокшану, которая течением несется вперед. Самый большой на Волге суд — бляны, он поднимают до полутора миллиона пудов хлеба; строятся он в самых лесистых частях Волги и ее притоках на одну навигацию, не красятся и не смазывают, почему и названы блянами. Большой интерес представляет в этом навигационном карта русла Волги, со всеми ее мелями и перекатами, а также модели их образования и укрепительных работ на Волге.

Экспонаты, относящиеся до других рек, выставлены в двух навигационных. Здесь также планы, карты, фотографии, модели судов, модели обстановки фарватера и сигнализации. Особый интерес представляют прекрасно исполненные модели шлюзов, плотин и порогов, подробные карты и целый ряд фотографий недавно перестроенного Мариинского водного пути. Россия богата речными путями, их протяжение составляет 69,796 верст, в том числе судоходных 45,831 верста и сплавных 23,965 верст. Но они далеко не находятся в исправном состоянии, и еще предстоит не мало работы, чтобы их довели до такой же исправности, как реки Западной Европы. На наши реки, собственно говоря, начинают обращать внимание только за последние годы, этим и объясняется, что на их улучшение за 14 лет, с 1882 г. по 1895 год, затрачено всего только 13 миллионов рублей. Между тем движение постоянно растет, в 1881 г. число грузившихся судов было 51,417, в 1893 г. — 98,297, или на 91% больше.

Морскому судостроению посвящен особый навигационный, напоминающий очертания корабля и снаружи украшенный большою маягою (см. рис. на стр. 998). Морское судостроение развивается у нас, главным образом, на Каспийском море, тогда как на внутренних морях, как в 1882 году, так и теперь, нам приходится уплачивать громадные суммы иностранцам за перевозку наших произведений. Главное препятствие к развитию морского флота России — это высокая таможенные пошлины на суда, недостаток собственных верфей в России, и тем стеснения, которые испытывают русские суда в русских же портах. Не безизвестны случаи, что для избежания их, суда, принадлежащие русским, принимались к иностранным портам и ходят под чужим флагом... Такое положение отразилось, конечно, и на нижегородской выставке; в ее морском отделе, собственно говоря, только 4 экспоната. Первое место занимают разнообразные экспонаты Добровольного флота, возникшего, как известно, на средства, собранные по всенародной подписке в 1877 году. В настоящее время деятельность флота настолько разрослась, что по итогу водозамещения своих судов он занимает пятое место среди торговых компаний всех стран, по числу же больших пароходов (12 с водозамещением свыше 8,000 тонн) — первое. Этот флот выставил прекрасные исполненные модели своих судов, статистические сведения, отчеты и модель в натуральную величину каюты строящегося нынче в Англии парохода «Херсон». Каюта просторная, уютная и полна комфорта. Русское общество пароходства и торговли также выставило модели судов, построенных на его верфях, и образцы работ мастерских, отличающиеся чистотою отделки. Общество азовского пароходства выставило модель и планы парохода «Севастополь». Видное место в этом навигационном занимают также предметы, выставленные комитетом по устройству коммерческих портов; это — планы и рельефные карты всех русских портов, как в настоящем их виде, так и в ирешнее время, так что наглядно можно видеть с

Павильон каспійско-вожжскаго судоходства.

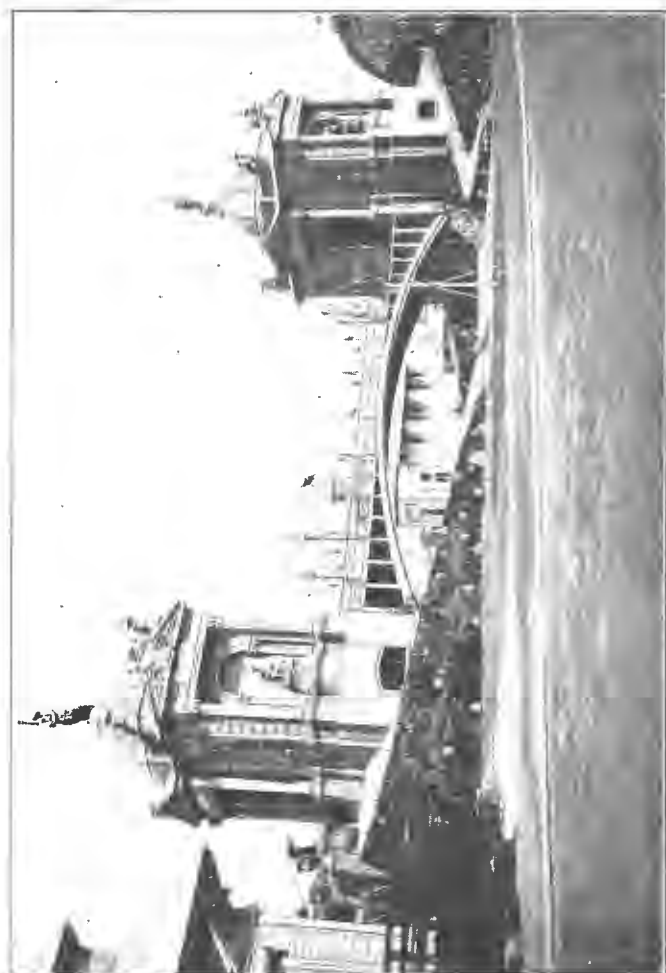
Паровозы.

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отдѣль строительный, инженерный и судоходства.

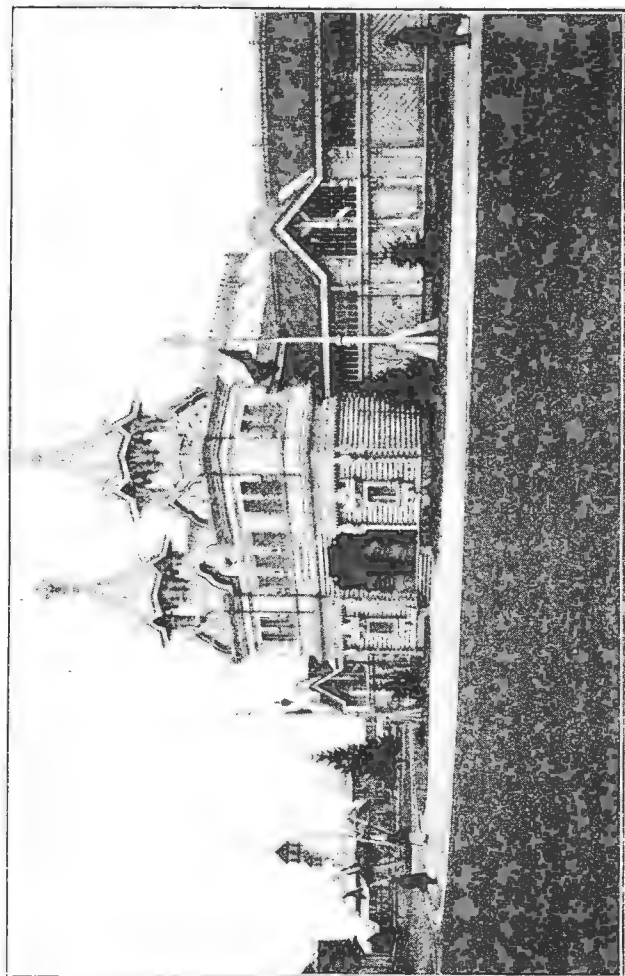
Съ фот. спец. корресп. «Нивы» автоніи «Нивы».

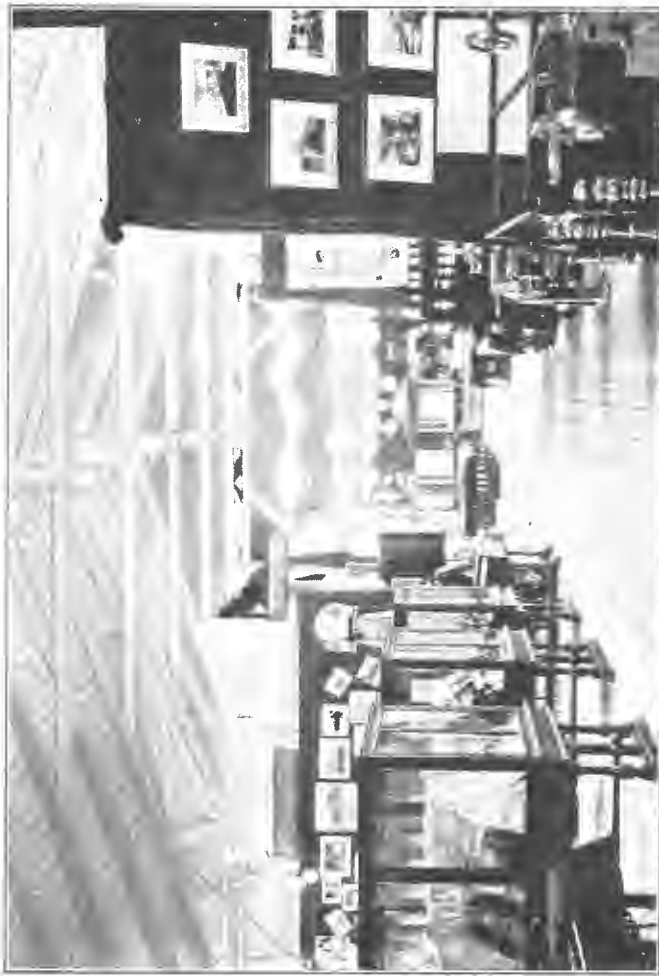
Павильонъ морскаго судоходства.

Павильонъ цементныхъ заводовъ.

Павильонъ благотворительныхъ учреждений.

Женскія учебныя заведенія.
Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Научно-учебный отдѣлъ.
 Съ фот. спец. корресп. „Нивы“ авторщиці „Цивы“.

Зданіе научно-учебнаго отдѣла.

Ремесленныя училища.

лавины улучшения; комсией же выставлены модели ледоколовъ и морскихъ сооружений, какъ-то: мысовъ, дамбъ, волноломовъ. Тутъ же владикавказскою и харьково-николаевскою желѣзными дорогами выставлены модели экспортныхъ элеваторовъ.

Собственно строительное и инженерное дѣло выставлены въ нѣсколькихъ навильонахъ, подъ навѣсами и на многочисленныхъ рельсовыхъ путяхъ. Навильоны очень оригинальной формы; они имѣютъ видъ шатра, у котораго крыша не установлена на строилахъ, а представляетъ ватупутую висячую сѣтку. Это нововъ, шагъ впередъ въ архитектурномъ дѣлѣ, но эти навильоны оказались совершенно негодными для выставочныхъ цѣлей: металлическая крыша и стѣны шатра, накаливаясь въ солнечные дни, производили нестерпимую духоту и жаръ, а небольшіе размѣры оконъ дѣлали отдѣлъ полутемнымъ. Изъ группъ инженернаго отдѣла наиболее полно, безспорно, представлены желѣзныя дороги. Достаточно указать, что коллѣкція подвижнаго состава столь обширна, что занимаетъ около 1½ версты путей. Наше желѣзно орожное дѣло сильно двинулось впередъ за время съ 1882 года, что видно изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ. Въ 1882 году въ Россіи было 22,586 верстъ желѣзныхъ дорогъ, или 36,692 версты, или болѣе на 60%; число перевезенныхъ пассажировъ увеличилось съ 34,5 миллионъ до 49,4 миллионъ, или на 44%, количество перевезенныхъ грузовъ на 91%. Валовой доходъ поднялся на 64%, тогда какъ валовой расходъ увеличился только на 38%, что указываетъ на лучшую постановку дѣла. Изъ экспонатовъ особенно много паровозовъ (рис. на стр. 998); большая часть изъ нихъ расположена въ оригинальномъ кругломъ зданіи, своими очертаніями напоминающемъ паровозное депо, съ новоротнымъ кругомъ посерединѣ и расходящимися отъ него радиусами путями. Въ настоящее время большая часть паровозовъ, требующихся желѣзными дорогами, готовится въ Россіи—заводы могутъ изготовлять до 500 паровозовъ ежегодно, кромѣ того, специально желѣзнодорожныя мастерскія, сильно разившіяся за 14 лѣтъ, имѣютъ до 940 столяръ, способныхъ принять за одновременнаго ремонта до 800 паровозовъ. Равнымъ образом и вагоны въ большинствѣ изготовляются нашими же заводами и мастерскими, которыя могутъ выпускать ежегодно до 22,000 вагоновъ. Значительныя усовершенствованія и улучшения введены въ типы какъ паровозовъ, такъ и вагоновъ. На выставкѣ особенно посвѣтлится устройство спальныхъ мѣстъ, которое эконизируется многими дорогами и мастерскими. Въ виду громаднаго протяженія нашихъ путей и необходимости проводить ночи въ дорогѣ, возможность спать лежа имѣетъ дѣйствительно большое значеніе и нужно только пожелать, чтобы какое-либо изъ выставленныхъ остроумныхъ приспособленій поскорѣе осуществилось на практикѣ. Кромѣ спальныхъ вагоновъ, много выставлено специальныхъ вагоновъ: ледниковъ, для перевозки мяса, фруктовъ и пр. Говори о вагонахъ, необходимо упомянуть и о воздушныхъ тормозахъ, также въ изобиліи представленныхъ на выставкѣ; въ 1882 г. вопросъ о тормозахъ былъ еще только въ зародкѣ, теперь они находятся на всѣхъ дорогахъ. Эти тормозы имѣютъ большое значеніе и въ смыслѣ безопасности движенія, такъ какъ они автоматически и моментально останавливаютъ поѣздъ, и въ смыслѣ быстроты движенія, такъ какъ позволяютъ уменьшать ходъ поѣзда на меньшемъ разстояніи отъ станціи остановки, чѣмъ прежде. Быстрога движенія на нашихъ дорогахъ до сихъ поръ, однако, оставляетъ желать многого. Изъ числа вагоновъ привлекаетъ также вниманіе старинный вагонъ императора Николая I, выставленный, какъ реликвія и какъ первый по времени русскій императорскій вагонъ.

Довольно значительное распространѣе, какъ показываетъ выставка, получила за послѣднее время проитка шпаль противопожарными средствами; теперь проитывается около ¼ всѣхъ укладываемыхъ шпаль (изъ 14 миллионъ штукъ до 2½ мил.); проитка стоитъ всего около 25 коп. на шпаль, но увеличиваетъ ея годность службы съ 4 до 9 лѣтъ. Шпаль и верхнее строеніе пути эконизируются въ натурѣ на многочисленныхъ путяхъ, которые примыкаютъ къ навильонамъ отдѣла; тутъ же представлены и разнообразныя способы примѣненія желѣзнодорожной сигнализаци.

Большимъ успѣхомъ желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи является также примѣненіе нефтянаго отопленія и затѣмъ устройство узкоколейныхъ дорогъ мѣстнаго пользованія. Это подѣзныя пути; они имѣютъ то большое значеніе, что со сравнительно небольшими средствами позволяютъ соединять желѣзными дорогами мѣстности, гдѣ движеніе не можетъ быть особенно большимъ. Постройка такихъ дорогъ у насъ только зарождается. Чтобы дать возможность ознакомиться посѣтителямъ выставки съ успѣхами, достигнутыми въ этомъ отношеніи за границей, развѣршено было иностранными фирмами представить свои произведенія, относящіяся до подѣзныхъ путей, на нижегородскую выставку. Экспонаты, относящіяся до техническихъ сооружений, въ изобиліи представлены на выставкѣ моделями, чертежами, планами, фотографіями.

Экспонаты конножелѣзныхъ и сухонутныхъ дорогъ, а также материалы и инструменты строительныхъ работъ выставлены въ особомъ зданіи. Тутъ же предметы оборудованія зда-

ній (отопленіе, вентиляція, освѣщеніе и пр.) и архитектурныя постройки (фотографіи, планы, чертежи и модели жилыхъ домовъ, казармъ, промышленныхъ и общественныхъ зданій). Къ отдѣлу примыкаетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ навильоновъ. Строительное дѣло и пути сообщенія Сибиря сгруппированы вмѣстѣ въ хорошеюкомъ навильончикѣ. Здѣсь прежде всего громадная карта Сибиря, съ нанесенными на ней путями, и затѣмъ цѣлый рядъ фотографій, рисунковъ и моделей, по которымъ посѣтитель выставки можетъ легко познаться съ обстановкою великаго желѣзнодорожнаго пути черезъ Сибирь къ Тихому океану. Изъ частныхъ зданій упомянемъ о навильонѣ трехъ цементныхъ заводовъ, въ виду его оригинальной конструкціи (рис. на стр. 998). Чтобы закончить описаніе строительнаго и инженернаго отдѣла необходимо еще упомянуть о поселкѣ огнескойхъ построекъ. Онъ помѣщенъ на краю выставки и состоитъ изъ домовъ разныхъ типовъ, отличающихся по способу выполненія и по материаламъ постройки. Здѣсь крестьянскій дворъ для средней и сѣверной полосы, амбулаторія, училище, домъ для народныхъ бесѣдъ и развлеченій, рига, кухня и пр. Поселокъ имѣетъ совершенно деревенскій видъ, и нужно только пожалѣть, что онъ поставленъ не на бойкомъ мѣстѣ и въ немъ не помѣщены экспонаты, быющіе на эффектѣ и притягивающіе массы посѣтителей. Теперь онъ вышелъ унылымъ, скучнымъ, напоминающимъ по безлюдію пустыню, и совершенно не достигаетъ своей цѣли. Его задачей было ознакомить посѣтителей выставки съ системой постройки нестерпимыхъ помѣщеній, распространенія которыхъ имѣетъ такое большое значеніе для Руси, сплошь деревянной и жестоко страдающей отъ пожаровъ. Постройка поселка послужила, однако, хорошей школой, такъ какъ она практически познакомила свыше 100 лицъ, командированныхъ земствами разныхъ губерній, съ возведеніемъ этихъ построекъ. Напротивъ поселка висѣтъ небольшое зданіе, съ казанчой, въ которомъ размѣщены экспонаты пожарнаго дѣла.

Теперь перейдемъ въ зданіе художественнаго отдѣла (рис. на стр. 1002). Проспектированное проф. Померанцевымъ въ строгомъ стилѣ эпохи Возрожденія, оно производитъ прекрасное впечатлѣніе и является однимъ изъ лучшихъ украшеній всероссійской выставки. Этого нельзя сказать про самый художественный отдѣлъ. По общему отзыву онъ вышелъ очень слабымъ и далеко ниже художественнаго отдѣла московской выставки 1882 года. Тогда художественный отдѣлъ вмѣщалъ въ себя всю или большую часть выдающихся художественныхъ произведеній, созданныхъ за предшествовавшее 25-ти-лѣтіе, и былъ дѣйствительно выразителемъ успѣховъ Россіи за этотъ промежутокъ времени. На нижегородской выставкѣ въ художественномъ отдѣлѣ никакого подбора нѣтъ; его экспонаты—произведенія самаго послѣдняго времени, которыя уже побывали на выставкахъ, но остались непроданными. Попытка организовать такую же систематическую выставку, какъ въ 1882 г., не удалась и, какъ говорятъ, потому, что система постройки зданія отдѣла не волюнтаризировала его отъ огня. Его остовъ желѣзный, но стѣны обшиты досками, хотя и оштукатуренными. Поэтому и Академія Художествъ, и частныя лица побоялись дать свои художественныя сокровища. Нужно очень пожалѣть, что все это такъ вышло, и не только потому, что выставка русскаго искусства за 15 послѣднихъ лѣтъ безусловно была бы однимъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ выставки, но и потому, что она была бы высокооучительнымъ зрелищемъ. На всѣхъ выставкахъ масса посѣтителей, толпа прежде всего направляется въ художественный отдѣлъ, какъ наиболее доступный ея пониманію, наиболѣе разнообразный и волнующій чувства. Вотъ почему правильное устройство художественнаго отдѣла имѣетъ большое значеніе для успѣха выставки и въ смыслѣ матеріальномъ, и въ воспитательномъ отношеніи. Мы не станемъ перечислять экспонаты отдѣла, какъ въ виду ихъ многочисленности (окол. 1,000 номеровъ), такъ и потому, что съ большинствомъ изъ выдающихся произведеній читатели *Иви* уже знакомы по своевременно помѣщеннымъ въ нашемъ журналѣ описаніямъ художественныхъ выставокъ и рисункамъ наиболѣе интересныхъ картинъ и скульптурныхъ произведений. Къ художественному отдѣлу нижегородской выставки должно еще причислить картину К. Е. Маковскаго: „Мининъ, говорящій свою патриотическую рѣчь“. Она помѣщена въ особомъ навильонѣ, удивительно пензициной архитектуры; остряки говорятъ, что блѣый медвѣдь сѣвернаго отдѣла, изображенный въ позѣ отчаянія, оттого столь безнадежно реветъ, что передъ нимъ поставили такой уродливый навильонъ. Картина тоже мнѣ не понравилась: мутный колоритъ, отсутствіе движенія, и потому все тѣ же женскія и дѣтскія головки, что мы уже столько разъ видѣли на другихъ картинахъ маститаго художника. Болѣе удалась панорама проф. Рубо—взятіе Ахульга, помѣщенная въ особомъ зданіи, около художественнаго отдѣла.

Новостью на нижегородской выставкѣ является художественно-промышленный отдѣлъ, занимающій нѣсколько залъ въ центральныхъ зданіи. Онъ организованъ нашимъ известнымъ писателемъ Д. В. Григоровичемъ и дѣйствительно представляетъ большой интересъ, какъ первый показателъ успѣховъ, достигнутыхъ Россіей на этомъ важномъ и вѣдѣтъ съ тѣмъ трудномъ поприщѣ, возможномъ только при извѣстной

степени культурности. Художественность в промышленности имеет громадное значение: она улучшает и облагораживает нашу будничную обстановку, вносит в обыденную жизнь свежую струю, красоту, и тем несомненно содействует постепенному улучшению нравов и повышению культурности; вместе с тем художественность является великим залогом успеха в деле все обостряющейся конкуренции. Припомним, например, Францию, в которую ежегодно притекают из всех стран миллионы франков за ее артистически промышленные изделия.

Наше художественно-промышленный отдел в общем вышел интересным, но, как первый опыт, не лишен многих недостатков. Так, в виду того, что не были произведены предварительные экспертизы, в отделе попали предметы далеко не художественные и, наоборот, много экспонатов, исполненных изящно и с большим артистическим вкусом, было выставлено в других отделах. Во главе художественно-промышленного отдела, конечно, следует поставить рисовальные школы, как рассадники художественного образования. Хотя у нас за последнее время число таких школ значительно увеличилось, но на выставку их всего четыре: Строгановское училище технического рисования, Рисовальная промышленно-художественная школа Императорского общества поощрения художеств, Центральное училище технического рисования барона Штиглица и Виленская школа рисования. Все они выставили работы учеников, которые правильностью рисунка, изяществом композиции и умением приспособляться к материалам, указывают на правильную, чисто практическую постановку дела в этих заведениях.

Нужно пожалеть, что наши мануфактуристы, затратившие десятки тысяч рублей на витрины, никому не нужные, не демонстрировали работ заведенных уже при многих фабриках рисовальных школ и рисовальщиков-мастеров. Такая выставка не осталась бы без результатов, так как в настоящее время главным недостатком

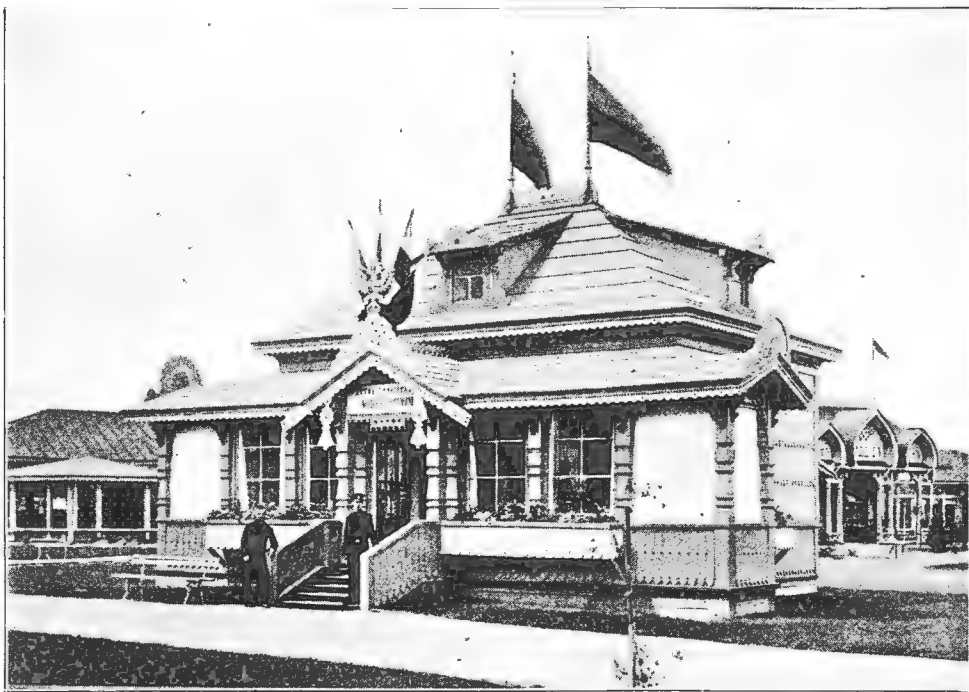
мануфактурного дела в России является работа по выписанным из-за границы рисункам.

Большой интерес представляет группа типографских работ. Здесь в особой витрине-киоске (рис. на стр. 1002) устроена и выставка *Нивы* и других изданий А. Ф. Маркса, которому присуждены экспертной награды: по отряду художественно-промышленному — право изображения на изданиях государственного герба, а по отряду народного образования — дипломом 1-го разряда.

Прекрасные издания выставки Экспедиция заготовления государственных бумаг, А. С. Суворин и московское товарищество И. Н. Кушнерев и К^о. Фотография, хотя и сделала громадный успех со времени последней всероссийской выставки, но на нижегородской представлена очень слабо: здесь всего 40 экспонентов. Слабо представлены наше се-

ребриное и ювелирное дело, которое обыкновенно и на русских, и на иностранных выставках возбуждало всеобщее внимание. Говорят, что коронация, с ее большими заказами, заняла все свободные руки, и фирмы не успели подготовиться к выставке. Наоборот, бронзы много, и она блестяще и красотою рисунка, и чистотою отливки и чеканки, свидетельствующими о несомненном развитии этой отрасли промышленности. Улучшения замечаются и в резьбе и токарном деле; несколько иконостасов и образцы мебели заслуживают полного внимания. Музыкальные инструменты уже на выставке 1892 года заслужили всеобщее одобрение, экспонаты нижегородской выставки указывают на дальнейшее усовершенствование; но за это время новых соловьиных фирм не открылось.

Гончарная группа опять одна экспонентами. Громадную витрину, во вкус московских мануфактуристов, соорудила фирма М. Кузнецова, но ее произведения далеко не удачны, за исключением майоликового иконостаса, но цена его, по моему мнению, высокая, указывает на неправильную постановку дела на фабрике. Целый ряд выставленных фабрикой майоликовых печей, отчасти

Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем-Новгороде. Павильон принца Ольденбургского. С фот. Ратькова-Рожнова авторитетия „Нивы“.

Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем-Новгороде. Внутренний вид павильона принца Ольденбургского. Слесарно-механическое мастерство. С фот. Ратькова-Рожнова авторитетия „Нивы“.

работавшихся для московскихъ тузовъ изъ кунечества, по общимъ отзывамъ сильно уступаетъ дѣйствительно художественнымъ камнямъ и нечамъ рижской фабрики Цельмъ и Бемъ, скромно пріютившейся рядомъ; экспертиза отдала полную справедливость этой послѣдней фабрикт, присудивъ ей золотую медаль. Намъ остается еще упомянуть о женскихъ рукодѣльных работахъ, изъ которыхъ многія отличаются большимъ вкусомъ и изяществомъ; особенно всѣмъ понравились искусственные двѣты, они не уступаютъ парижскимъ и по художественности компановки и вѣрности къ природѣ почти безукоризненны. Едва ли на какой-либо европейской выставкѣ было что-нибудь подобное.

Къ рисункамъ.

Осень.

(Рис. на стр. 987.)

Оригинальный рисунокъ академика А. А. Писемскаго очень удачно передаетъ настроеніе, навѣваемое на насъ осенью, въ ту пору, когда она только-что наступила... Это именно та пора, которую воспѣлъ Ѳ. И. Тютчевъ:
Есть въ осени первоначальной

Теперь ужъ пусто все—просторъ вездѣ,—
Лишь паутины тонкій волосъ
Блеститъ на празднои бороздѣ.
Пустѣетъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ,

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Зданіе художественнаго отдѣла.
Съ фот. спец. корресп. „Нивы“ автотипія „Нивы“.

Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
И летящая чистая лазурь
На отдыхающее поле.

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Витрина „Нивы“.
Съ фот. спец. корресп. „Нивы“ автотипія „Нивы“.

Короткая, но дивная пора:
Весь день стоитъ какъ бы хрустальный,
И лучезарны вечера.
Гдѣ бодрый сериъ гулялъ и надалъ колосъ,

комъ очевидно безъ отношенія къ тому или другому мѣсту или времени, но точно живьемъ выхвачена изъ недавнихъ торжествъ въ Германіи, въ Бреславлѣ.

„Ура! Бдутъ!“

(Рис. на стр. 990.)

Милая, живая дѣтская сцена! Все забыто и брошено: и завтракъ, и игры. Чуткое дѣтское ухо многому уловило доносящіяся издали крики привѣтствій. Этими крикомъ ребятишки адали съ утра уже, и не разъ они подбѣгали къ окну при малѣйшемъ шумѣ, долетавшемъ съ улицы. Но теперь они уже не ошиблись. Вонъ пародъ машетъ шапками, все ближе и слышнѣе доносится раскаты „ура“, а вотъ выѣхали уже на площадь и направляются мимо ко дворицу парадные экипажи съ Августѣйшими гостями. „Ура! Бдутъ!“, и дюжина дѣтскихъ, искрящихся радостью и любопытствомъ глазъ устремлена на блестящій кортежъ, подобнаго которому еще никогда, быть-можетъ, не бывало въ ихъ городѣ.

Эта интересная, характерная сценка взята художникомъ

Коронационный подарок болгарь Государю Императору. (Рис. на стр. 991.)

В концѣ прошлаго года въ болгарскомъ совѣтѣ министровъ былъ поднятъ вопросъ о поднесеніи Государю Императору коронаціоннаго подарка отъ признательной „маленькой“ Болгаріи. Совѣтъ остановился на предложеніи г. Величкова, министра народнаго просвѣщенія, о поднесеніи альбома съ картинками, характеризующими болгарскую природу и народную жизнь.

Выполненіе бронзовыхъ и серебряныхъ фигуръ для подставки къ альбому было поручено въ началѣ января настоящаго года молодому русскому художнику, ученику Антокольскаго, г. Борису Шатцъ, проживавшему съ тѣмъ временемъ въ Софіи и успѣвшему уже обратить на себя вниманіе своими работами жанроваго характера, какъ, напримѣръ, „Арестантка“, „Бродяга“ и проч., выставившимися въ разное время въ парижскомъ Салонѣ. Для картинъ же былъ организованъ конкурсъ, въ которомъ приняли участіе лучшіе художники Болгаріи: гг. Мерквичка, Митовъ, Кацелли и др. Первый — одинъ изъ лучшихъ знатоковъ болгарскаго народнаго искусства, изученію котораго онъ посвящаетъ все свое время. Его пейзажи и жанровыя картины изъ мѣстной жизни, выставленныя на послѣдней антверпенской выставкѣ, удостоены награды.

Времени для приведенія въ исполненіе рѣшенія совѣта оставалось немного, а Болгарія представляетъ страну, мало подготовленную для такихъ работъ: всевозможныя технические неудобства, отсутствіе ателье, бронзоваго литья, натурщиковъ и пр., — все стояло на пути этихъ работъ; а главное, болгарская старина, ведущая свое начало отъ римлянъ, грековъ и турокъ, ждетъ еще разработки ея болгарскими силами, которыя должны ввести народное творчество въ храмъ современнаго искусства цивилизованныхъ народовъ; оторванное отъ культурнаго челоуѣчества политическими и бытовыми условиями, стѣсненное въ ками турецкаго ига, болгарское народное искусство пробило себѣ путь, пока только въ области церковной.

Не взирая на помннутыя трудности, гг. Шатцъ, Мерквичка, Митовъ и другіе дружно валились за работу и единодушно рѣшили въ этомъ національномъ подаркѣ Россіи ко дню коронаціи ея Императорской Четы вылить характерныя и оригинальныя черты прошлаго и настоящаго Болгаріи, олицетворить ея теплую, признательную славянскую душу со всеми скорбями и радостями былыхъ временъ, со всею надеждою и вѣрою въ будущее. И намъ кажется, что эта задача вполне удалась. Вниманіе, которое моделированная г. Б. Шатцомъ бронза альбома обратила на себя въ Парижѣ, на частной выставкѣ Varbedienъ'a, — фирмы, лившей первый оригиналъ, по заказу болгарскаго правительства, — если судить по отзывамъ французской прессы, указываетъ, что въ этой чудной вещи гармонично слились назначеніе подарка и чувство поднесшаго народа, идея и ея выполненіе съ художественной сторо-

ны. На изукрашенной мозаичной платформѣ покоится великолѣпный пьедесталъ овальной формы, вылитый изъ темной бронзы съ карнизами и нишетами вокругъ и болгарскимъ гербомъ на передней сторонѣ. Пьедесталъ этотъ служитъ подножіемъ роскошнаго альбома, поддерживаемаго двумя статуями — стоящаго болгарина и колѣнопреклоннаго македонца, въ національныхъ костюмахъ. Въ серьезныхъ старческихъ чертахъ перваго выражено покойное добродушіе славянина; лицо македонца, сравнительно молодое, обнаруживаетъ скорбь подавленной души этого болѣе несчастнаго народа и вѣру въ болѣе свѣтлое будущее. Лицевая сторона альбома, изящно орнаментированная въ древнемъ стилѣ болгарской церкви, по сторонамъ имѣетъ

Святитель Вѣодосій Углицій.

рельефные портреты-медальоны Коронованныхъ: слѣва — Государыни Императрицы, справа — Государя Императора. Въ верхней части круга, въ срединѣ лицевой стороны, выгравированы года: 1878 — освобожденія Болгаріи и 1896 — Коронаціи Императора Николая II. Въ центрѣ упомянутаго круга красуется русскій гербъ изъ массивнаго золота, въ рельефѣ. Колоссальный альбомъ съ платформой и пьедесталомъ имѣетъ 2 метра и 20 сант. вышины и вѣситъ около 700 килограммовъ.

При открываніи альбома, автоматическій механизмъ пзнутри выдвигаетъ картинку, которая затѣмъ, при разматриваніи, ставится рукою зрителя, одна за другой, на складывающуюся юнигромъ крышку.

Всѣхъ картинъ 23. Нарисованы онѣ масляными красками, акварелью и перомъ и представляютъ виды роскошной болгарской природы, бытъ, сцены и типы изъ болгарской народной жизни и борювъ за освобожденіе Болгаріи, какъ, напримѣръ, портретъ Левскаго.

Мы въ этомъ номерѣ воспроизводимъ картину г. Мерквичка, изображающую въ оригиналѣ „Ричанцу“ — народный танецъ въ корчмѣ. Простота сюжета, выполненнаго съ оригинальной живостью и съ особенною любовью г. Мерквичкомъ во всѣхъ деталяхъ, свидѣтельствуетъ о немъ, какъ о весьма талантливомъ художникѣ.

Въ краю чужомъ... (Рис. на стр. 995.)

Догораетъ осенній вечеръ. Далекій лѣсъ, еще недавно пышно зеленѣвшій, то краснѣетъ, то желтѣетъ мѣстами, проступая гусклыми разноцвѣтными пятнами сквозь тонкую пелену голубоватаго тумана. Но несмотря на разнообразіе красокъ, непривѣтно глядитъ окрестность, и тоскливую, хатающую за сердце пѣсню панѣвастъ вѣтеръ. Еще тоскливѣе звучитъ рѣвкій протяжный крикъ улетающихъ на югъ журавлей... Въ такіе осенніе дни непосильна борьба съ тоской для тѣхъ, кто судьбою оторванъ отъ семьи, отъ родины, кто одинокъ въ чужомъ краю... Какъ живыя встаютъ воспоминанія о родникѣ!.. Все далекое кажется особенно дорогимъ и близкимъ... Улетѣть бы туда, унести бы въ родные края!.. А замирающій крикъ журавлей, подхваченный порывами вѣтра, все больше надрываетъ безсильное ирогнвостоятъ тоскѣ сердце...

створя, ієромонаха Іоанна Максимовича, и въ половинѣ 1695 года посвятилъ его въ архимандриты Черниговскаго Елецкаго монастыря, который дотолѣ управлялъ самъ. Вскорѣ послѣ сего, именно 5-го февраля 1696 года, святитель Θεодосій скончался и погребенъ въ Черниговскомъ Борисоглѣбскомъ соборѣ, за правымъ клиросомъ.

Изъ священныхъ вещей, бывшихъ въ употребленіи у святителя Θεодосія, уцѣлѣли до сихъ поръ: полное архіерейское облаченіе старинной парчи и шелковой корничевой подрясникъ, надѣтые на него по смерти, серебряный архіерейскій посохъ, стоящій у гроба святителя, рѣзной кипарисный крестъ съ ручкою, въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ съ украшеніями, бывшій въ рукахъ св. угодника при его погребеніи, и серебряная кружка съ крышкою и рукояткою. Изъ писемъ-ныхъ же памятниконъ, относящихся ко времени жизни святителя Θεодосія въ Черниговѣ, сохранились: 9 грамотъ царскихъ и патриаршихъ и пять писемъ святителя къ разнымъ лицамъ. Факсимиле одного изъ этихъ писемъ святителя, написаннаго красивымъ фигурнымъ стариннымъ почеркомъ, помещено въ настоящемъ номерѣ, на стр. 1004.

Въ черниговскомъ кафедральномъ соборѣ сохранилось живописное изображеніе святителя Θεодосія: онъ изображенъ во весь ростъ, въ саккосѣ и омофорѣ, съ крестомъ въ правой рукѣ, съ жезломъ въ лѣвой и съ паперенымъ крестомъ на груди; росту онъ на этомъ изображеніи выше средняго; благообразный, блѣдноогулый ликъ его съ пронзительнымъ взглядомъ, съ окладистой черной, съ просѣдью, бородою, сіяетъ умомъ и силою воли. На верху, въ углу сего изображенія, написанъ гербъ святителя, представляющій собою окрыленное сердце человѣческое, окруженное архіерейскими регалиями и инициалами его титула въ такомъ порядкѣ: „Θ. У. Β. Μ. Π. Α. Ч. и Н. В.—С.“, то-есть, Θεодосій Углицкій, Божією милостію православный архієпископъ Черниговскій и Повгородъ-Сѣверскій (см. стр. 1003).

Подъ изображеніемъ сдѣлана была архієпископомъ Іоанномъ Максимовичемъ надпись, прославляющая дѣянія святителя. И архієпископъ же Іоаннъ первый испиталъ на себѣ чудодѣйственную помощь предстательствомъ святителя Θεодосія, получивъ исцѣленіе отъ болѣзни. Это чудо исцѣленія архієпископа Іоанна послужило началомъ чествованія святителя Θεодосія, которое, вслѣдствіе новыхъ объявленыхъ проявленій благодати Божіей, распространилось далеко за предѣлы Черниговской губерніи.

По распоряженію архієпископа Іоанна, устроена была въ фундаментѣ Борисоглѣбскаго соборнаго храма, надъ гробомъ святителя Θεодосія, каменная пещера, въ которую около 200 лѣтъ стекаются въ благословеніемъ и дарами духовными усердные почитатели святителя Θεодосія. Увѣренность въ свитостіи сего святителя чрезъ совершавшіяся у гроба его чудесныя исцѣленія въ православномъ народѣ возрастала и утверждалась все болѣе и болѣе. О такой увѣренности народа засви-

дѣтельствовавалъ, между прочимъ, черниговскій губернаторъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи Черниговской губерніи за 1889 г., на что благоугодно было обратить Свое вниманіе въ Божѣ почившему Государю Императору Александру Александровичу. Въ виду сего, Св. Синодъ поручилъ архієпископу черниговскому собрать свѣдѣнія о жизни и подвигахъ святителя Θεодосія. По разсмотрѣніи этихъ свѣдѣній, Св. Синодъ призналъ своевременнымъ приступить къ необходимымъ распоряженіямъ для удостовѣренія о нетлѣнии тѣла святителя Θεодосія и о чудесныхъ дѣйствіяхъ, совершающихся при гробѣ его надъ вѣрующими.

Ближайшее обследованіе сего дѣла Святѣйшій Синодъ возложилъ на пресвященнаго Іоаннікія, митрополита кievскаго, и мѣстнаго епископа Антонія, которые, присоединивъ къ себѣ викарія черниговской епархіи, епископа Питирима и еще нѣсколько духовныхъ лицъ, 5 іюля 1895 года произвели подробное освидѣтельствованіе гроба, одежды и самаго тѣла святителя Θεодосія и удостовѣрились, что тѣло святителя Θεодосія сохранилось нетлѣннымъ, несмотря на пребываніе въ теченіе 200 лѣтъ въ нещербѣ Борисоглѣбскаго храма, не отличающейся притомъ сухостью. Одновременно съ этимъ были собраны показанія лицъ, испытавшихъ на себѣ или своихъ родственниковъ чудесныя исцѣленія заступленіемъ святителя Θεодосія. Такихъ событій было обследовано ими 49, изъ числа коихъ двѣнадцать были въ свое время занесены въ книги кафедральнаго черниговскаго собора для записей сказаній о чудесахъ святителя.

Разсмотрѣвъ все это, Св. Синодъ мнѣніемъ положилъ: причислить святителя Θεодосія къ лику святыхъ и нетлѣнное тѣло его признавать св. мощами. О семъ Св. Синодъ подносилъ Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ Государь Императоръ, 13-го апрѣля сего года, изволилъ собственноручно начертать: „Согласенъ. Прочелъ съ умиленіемъ.“

Во исполненіе изыясненной Высочайшей воли, Святѣйшій Синодъ и постановилъ поручить пресвященному Іоаннікію, митрополиту кievскому, совершить, совместно съ пресвященнымъ черниговскимъ Антоніемъ, торжественное открытіе мощей святителя Θεодосія Углицкаго, состоявшееся въ 9-й день сентября текущаго года.

Торжеству открытія мощей св. Θεодосія Углицкаго посвящены въ настоящемъ номерѣ три рисунка. Первый рисунокъ на стр. 1006 представляетъ многотысячную толпу богомольцевъ, собравшихся предъ Борисоглѣбскимъ соборомъ и ожидающихъ наступленія торжества перенесенія мощей въ Спасо-Преображенскій соборъ. Слѣдующій рисунокъ воспроизводитъ крестный ходъ съ мощами святителя вокругъ Спасо-Преображенскаго собора. Описаніе этого торжества помещено въ № 38 на стр. 958. На третьемъ рисунокѣ (на стр. 1007) изображенъ „городокъ св. Θεодосія“—рядъ дощатыхъ бараконъ, устроенныхъ для богомольцевъ, прибывшихъ на торжество и находившихъ тутъ кровъ въ теченіе всего времени торжества.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границею.

Изъ Портсмута Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Θεодоровна выѣхали, какъ сообщаетъ „Россійское Телеграфное Агентство“, на яхтѣ „Полярная Звѣзда“ 23-го сентября въ 7 часовъ утра. Погода была ясная, но холодная, когда яхта вышла изъ порта. Музыка англійскаго адмиральскаго судна исполнила русскій народный гимнъ. Съ броненосцевъ „Inflexible“, „Victory“ и „Hers“ сдѣланы были королевскія салюты, подхваченный батареями. Герцогъ Коинаутскій на паровомъ катерѣ сопровождалъ Императорскую яхту до выхода изъ порта. Первый лордъ адмиралтейства Гошенъ находился на одномъ изъ судовъ эскадры, сопровождавшей Императорскую Четву до середины Ламанша и состоявшей изъ 20 судовъ и 12 миносенокъ.

Два французскія крейсера, высланные навстрѣчу эскадрѣ, усмотрѣли русскія суда, подвигавшіяся посреди англійской эскадры. Послѣдняя поворотила обратно къ англійскому берегу, отсалютовавъ 21 выстрѣломъ Императорскимъ яхтамъ, которыя продолжали путь. Французская эскадра, узнавъ Императорскія яхты, сдѣлала полъ-оборота и стала эскортировать ихъ. Императорскія яхты стали между французскими судами, экипажи которыхъ отдали предписанныя уставами почести. Французскою эскадрою произведенъ салютъ въ 101 выстрѣлъ. На каждомъ суднѣ въ моментъ, когда проходила мимо его Императорская яхта, хоръ музыки исполнилъ русскій народный гимнъ и команды оглашали воздухъ восторженными „ура“. Государь Императоръ, стоя на мостикѣ, отдалъ честь. Несмотря на волненіе, всѣ передвиженія совершались въ замѣчательномъ порядкѣ.

Въ 2 ч. Императорскія яхты показались въ открытомъ морѣ, эскортируемыя французскою эскадрою, съ которой прощались салюты въ 101 выстрѣлъ. Салютовали и портовые батареи. Яхта „Полярная Звѣзда“ описала дугу, чтобы войти въ аванпортъ, въ который и вступила въ 2 часа 20 мин. Трубаки на береговой насыпи ударили походъ. Яхты „Полярная Звѣзда“ и „Штандартъ“ подили французскій флагъ и отвѣчали

на салюты пушечнымъ выстрѣломъ. Буксирные пароходы канатомъ подвели яхту къ пристани, и высадка закончилась въ 3 ч. Государь Императоръ и Государыня Императрица по церемониалу, установленному при русскомъ дворѣ, сошли съ трапа яхты и взошли на специально устроенный дебаркадеръ, гдѣ Ихъ ожидали президентъ республики, Мелинъ, Ганого въ присвоенномъ ему мундирѣ, Бенаръ, Буадефрѣ, Жерве, русское посольство, офицеры и свита. Государыня Императрица сошла съ „Полярной Звѣзды“ первою; Государь Императоръ слѣдовалъ въ морской формѣ съ лентой ордена Почетнаго Легиона, Государыня Императрица была въ платьѣ „beige“ и такой же шляпкѣ съ розами. Президентъ республики—во фракѣ и при ивреевской лентѣ—съ обнаженною головою, низко поклонился Ея Величеству и подѣловалъ Ея руку. Государь отдалъ президенту честь но-военному и пожалъ ему руку. На привѣтствіе президента Его Величество отвѣтилъ въ нѣсколькихъ словахъ. Затѣмъ президентъ предложилъ руку Ея Величеству и ввелъ Ихъ Величества въ илюминированный приемный салонъ. Хоръ музыки исполнилъ русскій гимнъ и марсельезу. Ихъ Величества, предшествуемая президентомъ, взошли на эстраду, гдѣ и оставались во время представленія Ихъ Лубе, Бриссона, Мелина, Ганого, Бенара, Буадефра, Жерве и Турнье. Послѣ того Государь Императоръ и подъ-руку съ президентомъ Государыня Императрица подошли къ группѣ сенаторовъ, депутатовъ, духовенства и другихъ лицъ, а затѣмъ вошли въ навильонъ, великолѣпное убранство котораго состояло изъ флаговъ, пушекъ, торпедъ, ядеръ и сабель, разнообразно расположенныхъ. Ихъ Величества вошли въ центральный проходъ, образовавшійся изъ пушекъ, связанныхъ гирляндами. Справа стояли флотскіе офицеры, отдававшіе честь саблями; слѣва—наклоненныя знамена всего гарнизона. Трибуна была наполнена дамами, представителями гражданской власти и печати и офицерами арміи. Изъ чувства почтенія присутствующіе воздерживались отъ кланья, но глубокое волненіе замѣчалось на всѣхъ лицахъ. Государыня Императрица кланялась. Государь Импера-

Богомольцы предъ Борисоглѣбскимъ соборомъ, въ ожиданіи перенесенія мощей св. Феодосія въ Спасо-Преображенскій соборъ.

Крестный ходъ съ мощами св. Феодосія вокругъ Спасо-Преображенскаго собора.

Торжество открытія мощей св. Феодосія Углицкаго въ Черниговѣ. Съ фот. Чарнецкаго автогипса „Пивъ“.

Библиотека "Руниверс"

торъ отдавалъ честь предъ знаменами. Ихъ Величества прошли въ дипломатическій салонъ, обтянутый желтой шелковой матеріей и убранный гобеленами, коврами, зеркалами, цвѣтами и электрическими лампами. Послѣ отдыха въ нѣсколько минутъ Ихъ Величества и президентъ возвратились съ тѣмъ же церемониаломъ и вошли на „Полярную Звѣзду“, музыка которой исполнила марсельезу. Ихъ Величества и президентъ перешли затѣмъ на вѣстовое судно „Elan“, которое подошло для этого къ яхтѣ „Полярная Звѣзда“. Съ Ними перешли Лубе, Бриссонъ, министры и свита. На верхушкѣ мачты „Elan“ подняты были Императорскій и президентскій штандарты, послѣ чего начался морской смотръ. Суда эскадры расположились въ рейдѣ по заранее установленной программѣ. Въ то время, какъ „Elan“ проходилъ по линіи судовъ, матросы, разставленные на рейхъ, встрѣчали его установленными кли-

рихтеръ и Бенаръ. По лѣвую руку президента были Бриссонъ, Ганото, графъ Воронцовъ-Дашковъ, Монтебелло и другіе военныя, морскія и гражданскія высокопоставленные лица. За десертомъ президентъ сказалъ: „Я счастливъ, что Ваше Величество избрали къ Франціи путь моремъ и нашли великій военный портъ Шербургъ, какъ мѣсто высадки. Французскій флотъ, знавшій Вашего Августѣйшаго Родителя, гордится тѣмъ, что служилъ Вамъ эскортомъ, и будетъ Вамъ признателенъ за смотръ, который Вы соблагородили ему произвести. Завтра, въ Парижѣ, Вы почувствуете бисіе сердца Франціи. Я счастливъ, что могу Васъ привѣтствовать и провозглашаю тостъ за здравіе Его Величества Императора и Ея Величества Императрицы Всероссийскихъ“. Музыка исполнила русскій гимнъ.

Государь Императоръ на тостъ президента отвѣтилъ, по общенію „Россійскаго телеграфнаго агентства“, въ слѣдующихъ

Торжество открытія мощей св. Θεодосія Углицкаго въ Черниговѣ. „Городокъ св. Θεодосія“. Съ фог. Чарнецкаго въ Черниговѣ автотипія „Нивы“.

камп. Съ каждаго судна раздавался салютъ въ 21 выстрѣлъ.

Каждое судно прошло затѣмъ передъ броненосцемъ „Носче“, куда перешли Ихъ Величества и президентъ. Здѣсь прозвучалъ былъ смотръ экипажу. Суда продефилировали предъ „Носче“, при чемъ экипажи кричали „ура“, а музыка исполнила русскій гимнъ. Ихъ Величества и президентъ затѣмъ снова перешли на „Elan“ и встрѣчены были на берегу съ тѣми же почестями, какъ и при отбытіи.

Затѣмъ Его Величество и президентъ возвратились въ арсеналь. Въ 6 ч. 30 м. начался обѣдъ, сервированный на 75 кувертовъ въ столовой, обтянутой зеленой шелковой матеріей, декорированной военными и морскими атрибутами и освѣщенной 600 электрическими лампами. Государыня Императрица выразила сожалѣніе, что не можетъ присутствовать на обѣдѣ. Государь Императоръ и президентъ республики занимали мѣста въ центрѣ почетнаго стола, расположеннаго на эстрадѣ въ глубинѣ зала. Позади Государя Императора и президента помѣщалась декорация, составленная изъ пушекъ, мортиръ, сабель, топоровъ и алебардъ, посреди которыхъ находилась шиага Карла Великаго, окруженная ружьями. По правую руку Государя Императора сидѣлъ Лубе. За тѣмъ же столомъ находились баронъ Моренгеймъ, Мелипъ, генераль-адъютантъ

выраженіяхъ:

„Я тронутъ симпатичнымъ и сердечнымъ пріемомъ, оказаннымъ Намъ въ Шербургѣ. Я много любовался эскадрой, которая насъ конвоировала, равно какъ адмиральскимъ судномъ „Носче“ при вступленіи во французскія владѣнія. Я раздѣляю чувства, которые вы мнѣ выразили, господинъ президентъ, и поднимаю бокалъ въ честь французской націи, французскаго флота и его бравыхъ моряковъ. Благодарю президента республики за только что высказанныя Намъ привѣтствія.“

Затѣмъ Государь Императоръ чокнулся съ президентомъ, какъ тотъ сдѣлалъ по окончаніи своего тоста. Хоръ музыки исполнилъ марсельезу, которая вслушана была стоя. Во время обѣда исполнялись различныя музыкальныя пьесы. Суда были плюмированы. По окончаніи обѣда Государь Императоръ вышелъ въ дипломатическую залу, гдѣ подавъ былъ кофе. Его Величество сердечно бесѣдовалъ съ президентомъ около двадцати минутъ. Во время обѣда великая княжна Ольга Николаевна на пути къ повѣду прослѣдовала павильономъ, на которомъ находились тѣ же лица, что и раньше. Войска отдали честь, знамена салютовали, публика привѣтствовала ея высочество. Государыня Императрица позволила обѣдать на „Полярной Звѣздѣ“.

В девятую часу Государь Императоръ и Государыня Императрица были торжественно сопровождены президентомъ къ поѣзду. Государь Императоръ любезно пожалъ руку г. Форю, который поцѣловалъ руку Государыни Императрицы. Когда Ихъ Величества сѣли въ поѣздъ, батареи и форты отдали воинскія почести. Императорскій поѣздъ отошелъ въ 8 час. 30 мин., а четверть часа спустя отошелъ и президентскій поѣздъ, съ которымъ уѣхали также Дубе, Бриссонъ, Мелинь и другія официальные лица. Вдоль полотна желѣзной дороги выстроены были шпалерами войска, которая при проходѣ поѣзда брали на караулъ.

По всему пути отъ Шербурга до Парижа население привѣтствовало Ихъ Величества кликами, особенно въ Байъ, Канъ, Лиэве и Дрэ, гдѣ привѣтствовали власти. Въ Версалѣ вокзалъ былъ декорированъ флагами и щитами. Перронъ былъ покрытъ ковромъ. Зала, обтянутая красной матеріей, была украшена рѣдкими растеніями. Въ 8 часовъ послѣдній разъ былъ осмотрѣвъ путь жандармами и служащими восточнаго желѣзнодорожнаго общества, послѣ чего вокзалъ былъ очищенъ отъ посторонней публики. Остались лишь мѣстныя власти, которыя и ожидали прибытія поѣздовъ на перронѣ. Въ 8 ч. 32 м. прибылъ президентскій поѣздъ. Президентъ Форъ вошелъ въ салонъ съ президентами палаты, съ Шинкнинымъ, Моренгеймомъ, Монтебелло и Гирсомъ. Въ 8 час. 50 мин. прибылъ Императорскій поѣздъ. Трубацы заиграли. Рота 1-го инженернаго полка отдала воинскія почести. Государь Императоръ и Государыня Императрица, поцѣловавъ великую княжну Ольгу Николаевну, вышли изъ вагона съ генераломъ Буадефромъ и адмираломъ Жерве. Государь пожалъ руку президенту, который поцѣловалъ руку Государыни.

Президентъ пригласилъ Ихъ Величества сѣсть въ президентскій поѣздъ. Въ 9 час. 4 мин. послѣдовалъ отъѣздъ въ Парижъ. Толпа привѣтствовала Ихъ Величества восторженными непрерывными кликами. Ихъ Величества и президентъ кланялись. Въ 9 час. 17 мин. отошелъ поѣздъ съ великой княжной Ольгой Николаевной. Въ Парижѣ съ 9 час. бюро сената и палаты и министры отирались въ ландо, эскортируемые драгунами, въ Раила. Войска гарнизона выстроились шпалерами на семь протяженій. Въ 9 час. 1-й батальонъ республиканской гвардіи выстроился на вокзалѣ у Императорскаго павильона въ формѣ ротонды, украшеннаго зеленью, цвѣтами. Входъ задрапированъ плюшемъ *vieil or*, чрезвычайно изысканные ковры *Savonnerie* усыпаны розовыми лепестками. Баронесса Моренгеймъ, княгиня Голицына, фрейлина Васильчикова, княжна Оболенская находились въ прилегающемъ салонѣ.

Погода была прекрасная, солнце сіяло. Многочисленная публика направлялась къ улицамъ, по которымъ должны были проѣхать Ихъ Величества.

Въ 10 час. прибылъ президентскій поѣздъ при звукахъ русскаго гимна и маршевыя. Государь и Государыня подъ руку съ президентомъ вышли при громовыхъ возгласахъ толпы: *Vive la République! Vive le Tsar!* Публика махала шапками. Государь Императоръ отдавалъ честь, Государыня Императрица кланялась, Форъ снималъ шляпу.

Государыня Императрица была въ бѣломъ платьѣ, вышитомъ золотомъ, Государь Императоръ въ полковничьемъ мундирѣ 4-го стрѣлковаго батальона и въ лейтѣ Почетнаго Легіона. Съ Монъ-Валериенъ произведенъ былъ салютъ въ 101 выстрѣлъ. Члены русскаго посольства, министры, бюро обѣихъ палатъ, бюро городского совѣта, архіепископъ Парижскій, генералъ Даву и генералъ Соссе собрались на дебаркадеръ еще до прибытія поѣзда. Представленія состоялись въ роскошномъ салонѣ, построенномъ для этого случая. При входѣ въ павильонъ Ихъ Величества были встрѣчены членами посольства. Баронесса Моренгеймъ поднесла Государыни Императрицѣ орхиден и поцѣловала руку Ея Величества. Затѣмъ президентъ предложилъ Государыни Императрицѣ руку. Государь Императоръ по правую руку президента вышелъ съ нимъ и Государыней обратно на перронъ, гдѣ и обомелъ фронтъ караула республиканской гвардіи, послѣ чего Ихъ Величества вышли изъ вокзала и сѣли въ коляску. Громовое „ура“ толпы огласило воздухъ. Со всѣхъ трибунъ, устроенныхъ по соседству съ вокзаломъ, раздались многочисленныя клики: „Да здравствуетъ Царь!“ Кортѣжъ выстроился и двинулся въ путь. Въ головѣ кортежа ѣхали два офицера президентства и эскадронъ африканской кавалеріи, за ними арабскіе и тунисскіе старшины, гарцовавшіе на великолѣпно убранныхъ коняхъ. Въ первомъ экипажѣ, запряженномъ *à la Daumont*, сѣдѣли Государь Императоръ и Государыня Императрица, напротивъ Ихъ занималъ мѣсто президентъ Форъ. За экипажемъ ѣхали верхами адъютанты и взводъ кавалеріи. Во второмъ экипажѣ находились президенты сената и палаты, а также генералы Турнье и Буадефр. Потомъ ѣхали африканскіе егеря и алжирскіе канды. Въ третьемъ экипажѣ помѣщались княгиня Голицына, госпожа Васильчикова и княжна Оболенская, а въ слѣдующихъ экипажахъ ѣхали гг. Мелинь, Ганото, Шинкни, Баргу, Кошери, Тюррель, генералъ Рихтеръ, адмиралъ Бенаръ, Лебонъ и другія лица. Въ замкѣ кортежа ѣхали драгуны. Всего въ кортежѣ было пятнадцать экипажей. По прибытіи кортежа на площадь Согласія многочисленная толпа, махала шляпами и

платками, привѣтствовала Ихъ Величества. Народъ покрывъ всю площадь до фонтановъ включительно, гдѣ люди совершенно промокали. Каждое дерево, каждый фонарь были буквально обтѣлены людьми. Все это рукоплескало. На Елисейскихъ поляхъ всѣ окна и крыши были переполнены народомъ. Повсюду раздавались крики: „Да здравствуетъ Царь! Да здравствуетъ Россія!“ Порядокъ соблюдался образцовый. Толпа держала себя почтительно. На всемъ пути слѣдованія Ихъ Величества обнаруживался тотъ же энтузіазмъ. Приѣздъ въ посольство состоялся въ 11 часовъ.

Когда Императорскій экипажъ подѣхалъ къ посольству, клики удвоились. Привѣтственные возгласы раздавались изъ всѣхъ оконъ, которыя были переполнены народомъ, со всѣхъ балконовъ, террасъ и даже крышъ. Предъ входомъ въ посольство Государь Императоръ въ послѣдній разъ отдалъ честь, Государыня Императрица поклонилась. Дворъ посольства представлялъ поразительное зрѣлище. Убранство его одно изъ самыхъ величественныхъ. Личный штандартъ Государя Императора поднятъ надъ тронной залой. Музыка исполняла русскій гимнъ. Ихъ Величества и президентъ встрѣчены были барономъ и баронессой Моренгеймъ и членами посольства. Ихъ Величества вошли въ маленькій салонъ, выходящій въ садъ. Баронъ и баронесса Моренгеймъ поднесли хлѣбъ-соль. Государь Императоръ бесѣдовалъ затѣмъ нѣсколько мгновений съ Форомъ и сказалъ ему, насколько Ихъ Величества тронуты горячимъ пріемомъ во Франціи и какое глубокое впечатлѣніе произвелъ на нихъ этотъ пріемъ. Когда президентъ отбылъ изъ посольства въ коляскѣ *à la Daumont*, толпа, все такъ же многочисленная, устроила ему горячую овацію.

Затѣмъ Ихъ Величества отправились къ великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, которая прибыла въ 10 час. 20 мин. Начиная съ 7¹/₂ час., 10.000 человекъ ожидали на станціи Монпарнасъ великую княжну. Въ 9 ч. 45 мин. прибылъ поѣздъ, встрѣченный баронессою Фредерикъ, представителемъ президента и Ганото. Толпа восторженно привѣтствовала великую княжну. Войска отдали военныя почести. Въ первой каретѣ поѣхала великая княжна; во второй каретѣ—баронъ и баронесса Фредерикъ, представители гг. Форы и Ганото. Поѣздъ былъ эскортированъ эскадрономъ кирасиръ.

Семейный завтракъ въ русскомъ посольствѣ, на которомъ присутствовали лица свиты и французскіе офицеры, состоявшее при Ихъ Величествахъ, кончилось въ часъ. Полчаса спустя прибыли въ посольство, безъ эскорта, г-жа Форъ съ дочерью. Свиданіе ихъ съ Государемъ и Государыней длилось около 15 минутъ. Послѣ отъѣзда г-жъ Форъ парадная коляска *à la Daumont* подѣхала, чтобы отвезти Ихъ Величества въ русскую церковь.

Ровно въ 2 часа Государь Императоръ и Государыня Императрица отбыли изъ посольства, эскортируемые эскадрономъ кирасиръ. Противъ Ихъ Величества въ коляскѣ на роскошной скамеечкѣ лежала корзина розъ. Слѣдованіе кортежа по улицѣ Веласкець имѣло характеръ триумфальнаго шествія. Публика клала цвѣты. Клички привѣтствія гремѣли со всѣхъ сторонъ: *Vive la Russie! Vive l'Empereur! Vive l'Impératrice!* Государь отдавалъ честь, Государыня милостиво кланялась. Коляски со свитой Ихъ Величества эскортировались драгунами. Посолъ съ супругой и члены посольства отбыли ранѣе Ихъ Величества.

Въ русскую церковь Ихъ Величества прибыли въ 2 ч. 35 м. среди восторженныхъ кликовъ массы народа. На паперти церкви Ихъ Величества были встрѣчены барономъ Моренгеймомъ, генераломъ Буадефромъ и членами русскаго посольства. Тутъ же находились графъ Толстой, князь Трубецкой и Мещерскій, г. Маковскій, князь Орловъ, генералы графы Воронцовъ-Данковъ и Бенкендорфъ и князь Долгорукій. Въ 3 часа послѣдовалъ выходъ изъ церкви. Раздался восторженный клики. Въ первомъ экипажѣ *à la Daumont* отбыла Государыня Императрица въ сопровожденіи стасъ-дамы и, по возвращеніи въ посольство, позволила принять госножъ Форъ и Карно. Государь сѣлъ во второй экипажъ и пригласилъ къ себѣ генерала Буадефра. Публика устроила Его Величеству овацію. Государь отвѣтилъ поклономъ и отбылъ въ Елисейскій дворецъ. Ея Величество возвратилась изъ церкви въ русское посольство, гдѣ принимала г-жу Карно.

При посѣщеніи Государемъ Императоромъ Елисейскаго дворца пѣхотный батальонъ отдалъ военныя почести. Музыка играла русскій гимнъ. Государь отдалъ честь знамени. Офицеры, прикомандированные къ президенту, встрѣтили Его Величество и сопровождали до вестибюля, гдѣ находился Форъ, окруженный членами военного и гражданскаго кабинета. Государь и президентъ бесѣдовали 20 минутъ въ *Salon des Grâces*, послѣ чего Форъ представилъ Его Величеству совѣтъ министровъ. Въ сопровожденіи Форы и министровъ Государь Императоръ прослѣдовалъ затѣмъ въ большой залъ, гдѣ находились президенты сената и палаты, 200 сенаторовъ и 300 депутатовъ, съ присвоенными имъ знаками. Сенаторы находились справа, депутаты—слѣва, бывшіе министры—въ первомъ ряду, расположенные по рангамъ, сообразно съ пмѣющимися у нихъ русскими орденами. Президентъ представилъ присутствующихъ и высказалъ удовольствіе, что можетъ представить такое

большое число народных представителей. Государь Император выразил удовольствие, что находится в среде набранников Франции, а затѣм дружественно бесѣдовалъ съ нѣкоторыми сенаторами и депутатами, которые приведены были въ восхищеніе любезностью Русскаго Императора. Эта встрѣча, по словамъ корреспондента *Новаго Времени*, произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ; нѣкоторые сенаторы и депутаты были тронуты до слезъ добротой Императора. Въ числѣ лицъ, съ которыми Его Величество бесѣдовалъ, были Констанъ, Девелль, Рибо, Дюнон, Буржуа, Фрейснэ, Думе и Пуанкаре. Приемъ парламентскихъ представителей Франціи Государемъ Императоромъ не былъ включенъ въ официальную программу. По окончаніи представленія Государь Императоръ и президентъ прослѣдовали въ золоченый залъ, гдѣ уже находились кардиналъ Ришаръ съ духовенствомъ, высшій военный совѣтъ, государственный совѣтъ, судебное вѣдомство и академія—всѣ въ парадныхъ мундирахъ. Послѣ слѣдовавшаго затѣмъ представленія военнаго и гражданскаго кабинетовъ президентъ проводилъ Государя Императора до лѣстницы. Государь пожалъ руку Форю, въ то время какъ отдавались военные почести и исполнялась марсельеза. Государя Императора при выходѣ приветствовала громадная толпа. Его Величество оставилъ карточки у президентовъ сената и палаты и возвратился въ русское посольство въ 4½ ч. Немедленно же начался приемъ, на который явился весь дипломатическій корпусъ. Приемъ окончился въ 5 час.

Въ 6 час. вечера улицы Гренель и Сень-Симонъ, а также Сень-Жерменскій бульваръ, были уже блистательно иллюминированы. Громадная толпа народа наполнила окрестности дома русскаго посольства, нетерпѣливо ожидая выѣзда Державныхъ Гостей въ Елисейскій дворецъ. Въ 6 час. 30 мин. вечера Государыня Императрица отдала визитъ г-жамъ Форъ. Въ 7 часовъ Императорская Чета выѣхала изъ посольства, въ сопровожденіи графа Воронцова-Данкова, статсъ-секретаря Шинкина, графа Бенкендорфа, генерала Буадефра, княгини Голицыной и адмирала Жерве. Государь Императоръ былъ въ полномъ парадномъ мундирѣ, Государыня Императрица—въ роскошномъ туалетѣ голубого цвѣта. По всему пути слѣдованія Августѣйшихъ Гостей раздавались восторженные клики: „vive le Tsar! vive la Tsarine!“ Ихъ Величества милостиво кланялись. Улицы по пути слѣдованія были роскошно иллюминированы.

Ихъ Величества прибыли въ Елисейскій дворецъ въ 7¼ ч. На площади Согласія устроена была Ихъ Величествамъ восторженная овація. Погода была прекрасная и содѣйствовала силѣ впечатлѣній.

Обѣдъ въ Елисейскомъ дворцѣ сервированъ былъ на 225 кувертовъ, почетный столъ—на 18. Залъ былъ удивительно декорированъ гобеленами и освѣщенъ 20 люстрами. Столъ былъ убранъ цвѣтами, зеленью, фруктами, массивнымъ серебрянымъ сервизомъ и роскошными группами севрскаго фарфора. Почетный столъ для Ихъ Величества и для президента республики поставленъ на эстрадѣ въ глубинѣ „Залы празднествъ“, подъ свѣжо. Государь Императоръ и президентъ республики сидѣли въ центрѣ, справа отъ Государя занимала мѣсто госпожа Форъ, слева отъ президента республики—Государыня Императрица. Ея Величество въ голубомъ платьѣ съ диадемою и ожерельемъ изъ брилліантовъ, госпожа Форъ тоже въ туалетѣ голубого цвѣта. За почетнымъ столомъ занимали мѣста также гг. Лубе и Бриссонъ, министры, статсъ-секретарь Шинкинъ, баронъ Моренгеймъ и всѣ лица Государевой свиты, госпожи Бриссонъ, Мелинъ и Барту, княгиня Голицына и баронесса Моренгеймъ.

Играла музыка республиканской гвардіи.

За обѣдомъ президентъ республики произнесъ слѣдующій тостъ:

„Приемъ, оказанный Вашему Величеству въ Парижѣ, доказалъ Вамъ искренность чувствъ, которыя должны были найти себѣ выраженіе, когда Ваше Величество вступили на почву республики. Присутствіе Вашего Величества среди насъ скрѣпило, при какихъ привѣтствіяхъ всего народа, тѣ узы, которыя соединяютъ обѣ страны въ гармонической дѣятельности и во взаимномъ довѣрїи къ ихъ признаніямъ. Союзъ могущественной имперїи и трудолюбивой республики оказалъ уже благотворное вліяніе на всесвѣтній миръ. Подкрѣпленнымъ псытанной вѣрностью участвующихъ, этотъ союзъ и впредь будетъ распространять повсюду свое счастливое вліяніе. Отъ лица всего народа я снова повторяю Вашему Величеству пожеланіи величїи Вашему царствованію, счастья Вашему Величеству и Императрицѣ, благодаренствїи обширной имперїи, судьба которой поконтся въ рукахъ Вашего Императорскаго Величества. Да будетъ мнѣ позволено присовокупить, какъ Франція была тронута готовностью, съ которой Ея Величество Императрица сооблаговолила къ намъ пожаловать. Ея милостивое пребываніе оставитъ въ нашей странѣ неизгладимое воспоминаніе. Я поднимаю свой бокалъ за здравіе Его Величества Императора Николая и Ея Величества Императрицы Александръ Феодоровны!“

Государь Императоръ отвѣчалъ:

„Я глубоко тронутъ приемомъ, который оказанъ былъ Импе-

ратрицѣ и мнѣ въ этомъ великомъ городѣ—Парижѣ, источникъ такой гениальности, такого вкуса и просвѣщенїя. Вѣрный незабвеннымъ традиціямъ, я прибылъ во Францію привѣтствовать въ васъ, господинъ президентъ, главу націи, съ которой насъ соединяютъ, какъ вы сказали, столь цѣнные узы. Эта дружба своей устойчивостью можетъ оказывать лишь благотворное вліяніе. Я васъ прошу, господинъ президентъ, передать эти чувства всей Франціи. Благодарю васъ за выраженныя вами Императрицѣ и мнѣ пожеланїя, пью за Францію и поднимая бокалъ за президента французской республики.“

По словамъ корреспондента *Правительственнаго Вѣстника*, этотъ знаменательный тостъ „настрогалъ до слезъ присутствовавшихъ за обѣдомъ и заставилъ ихъ, забывъ этикетъ, шумно привѣтствовать дорогія имъ слова. Этотъ тостъ, это Царское упоминаніе о драгоцѣнныхъ узахъ, связывающихъ Францію съ Россїею, какъ электрической токъ, мгновенно облетѣлъ весь Парижъ и вызвалъ бурю восторговъ.“

Вечеромъ Парижъ представлялъ собою сказочное зрѣлище. Все населеніе, увеличенное сотнями тысячъ прїѣзжихъ изъ провинціи, наполнило большіе бульвары, Елисейскія Поля и главныя улицы. Электрическія лампы, газъ и разноцвѣтные шары бросали удивительный свѣтъ на деревья и гирлянды цвѣтовъ.

Всѣ общественныя зданія и частныя дома были иллюминированы, по Сень сновали иллюминированныя суда, берега рѣки сияли огнями. Разноцвѣтными огнями блистали также мосты. Газовыя лампы рисовали въ очертанїи городской ратуши. Начиная съ Madeleine и вплоть до площади Республики электрическія лампочки въ разноцвѣтныхъ шарахъ образовывали обширный огненный сводъ. Театръ „Оперы“ представлялъ роскошную картину. Avenue de l'Opéra освѣщена была трехцвѣтными лампами. Домъ военнаго собранія и улица de la Paix просто утопали въ электрическихъ огняхъ. Обелискъ весь опоясанъ трехцвѣтными дисками. Триумфальныя арки и Елисейскія поля съ ихъ свѣтящимися шарами производили чарующее впечатлѣніе. На Трокадеро—ночной праздникъ, подобный тому, который былъ устроенъ во время выставки 1878 года. Праздникъ завершился фейерверкомъ-моштръ. Эйфелева башня вся горѣла въ огнѣ. Несметныя толпы народа. Движеніе совершается съ трудомъ. Погода великолѣпная. Сильное оживленіе, общее веселое настроеніе, энтузіазмъ. Повсюду раздаются пѣсни, происходятъ танцы на открытомъ воздухѣ. Клички: „vive le Tsar! vive la Tsarine!“ не умолкали. Кафе переполнены. Никогда въ Парижѣ не бывало такого скопленія народа. Населеніе Парижа удвоилось.

Во всѣхъ кварталахъ устраивались балы, на которыхъ господствовало общее веселье. Центромъ празднества служили Елисейскія Поля и Трокадеро. На Сень устроенъ былъ ночной праздникъ. Фейерверкъ былъ сожженъ въ Трокадеро. Мошартръ и Вельвиллѣ. Бульваръ Мадленъ и площадь Оперы покрыты народомъ, который нетерпѣливо ждалъ проѣзда Ихъ Величества въ Оперу. Поведеніе парижскаго населенія и прїѣзжихъ изъ всѣхъ пунктовъ Франціи заслуживаетъ удивленія. Весь день энтузіазмъ былъ неопредѣлимъ, но сохранилъ характеръ торжественный и разумный.

Площадь передъ Оперой охранялась вчера тройнымъ кордономъ республиканской гвардіи. Предосторожность не излишняя, потому что въокругъ видѣлся океанъ человѣческихъ головъ, откуда раздавались непрерывныя крики и привѣтственные возгласы безъ конца. Приглашенные начали прїѣзжать въ театръ въ 9 ч. Русскихъ офицеровъ толпа встрѣтила продолжительными кликами.

При проѣздѣ Ихъ Величества въ Оперу, на парадный спектакль, Парижъ, чудно иллюминированный, представлялъ феерическую картину. Милліонная толпа стояла шпалерами, живою стѣною; всѣ окна были переполнены, а деревья унизаны людьми. Царя встрѣчали кликами „ура“, махали платками и шляпами; многие плакали отъ восторга. По словамъ корреспондента *Правительственнаго Вѣстника*, происходило что-то необычайное; видно было, что народъ дѣлаетъ невѣроятныя усилїя, чтобы сдержаться и не броситься къ Царскому лаю и не понести его на рукахъ. Такія заявленія слышались со всѣхъ сторонъ, но боялись беспокоить Императрицу. Парижъ не запомнитъ ничего подобнаго, ничего болѣе величественнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательнаго.

Государь Императоръ, Государыня Императрица и президентъ прибыли въ театръ въ псходѣ одинадцатаго часа. Прїѣздъ сопровождался оваціями, причѣмъ раздавались крики: „Vive la Russie, l'Empereur, l'Impératrice!“ Войска отдали честь. Музыка исполнила русскій гимнъ. Зала Оперы представляла ослѣпительное зрѣлище, благодаря военнымъ мундирамъ, туалетамъ дамъ и ихъ брилліантамъ. На спектакль присутствовали всѣ знаменитости Парижа, составившіе себѣ имя на самыхъ различныхъ поприщахъ. Ложи переполнены. Когда Государь и Государыня появились въ ложѣ, оваціи удвоились. Зрители поднялись съ мѣстъ и стоя прослушали русскій гимнъ, исполненный оркестромъ, труппою Оперы и хоромъ въ русскихъ костюмахъ, послѣ чего бурно аплодировали. Русскій гимнъ пропѣтъ былъ три раза. Громовыя „ура“ сопровождали исполненіе. Для Ихъ Императорскихъ Величества была устро-

на, по словам корреспондента *Новаго Времени*, открытая ложа въ переднихъ рядахъ балкона надъ креслами (въ бель-этажѣ). Вся ложа убрана розами. Въ четырехъ золоченыхъ креслахъ заняли мѣста: Государь Императоръ, имѣя по правую руку г-жу Форъ, Государыня Императрица, имѣя по правую руку президента республики. Государыня была въ голубомъ платьѣ. За этими креслами десять креселъ для свиты, впереди пониже два ряда креселъ, которые заняли высокопоставленныя дамы въ свѣтлыхъ платьяхъ различныхъ оттенковъ—настоящій живой букетъ. Спектакль начался въ 10 час. 50 мин. Зала была наполнена избраннѣйшимъ обществомъ, литераторами, художниками и членами русской колоніи. Затѣмъ исполненъ былъ второй актъ оперы „Sigurd“. Такъ какъ Ихъ Величества не аплодировали, то и публика не считала себя въ правѣ давать выраженіе своему впечатлѣнію. Во время антракта Государь Императоръ выразилъ желаніе видѣть арабскихъ шейховъ. Желаніе это было немедленно осуществлено. Государь, побесѣдовавъ съ шейхами нѣсколько мгновеній, поспѣлъ затѣмъ вмѣстѣ съ Государыней и лицами свиты фойе Оперы и появился на балконъ. Толпа, покрывавшая площадь и улицу Оперы, Rue de la Paix и бульвары, встрѣтила восторженную овацію. Последней частью спектакля было исполненіе „Korrigane“, которое тоже не сопровождалось никакими рукоплесканіями. Послѣ балета русской гимнъ и марсельеза были повторены и вызвали еще болѣе восторженные клики. Въ 12 ч. 20 м. Ихъ Величества отбыли изъ театра при исполненіи оркестромъ русскаго гимна. Президентъ Форъ сопровождалъ Ихъ Величества до посольства, куда Царская Чета и прибыла въ 12 ч. 25 м.

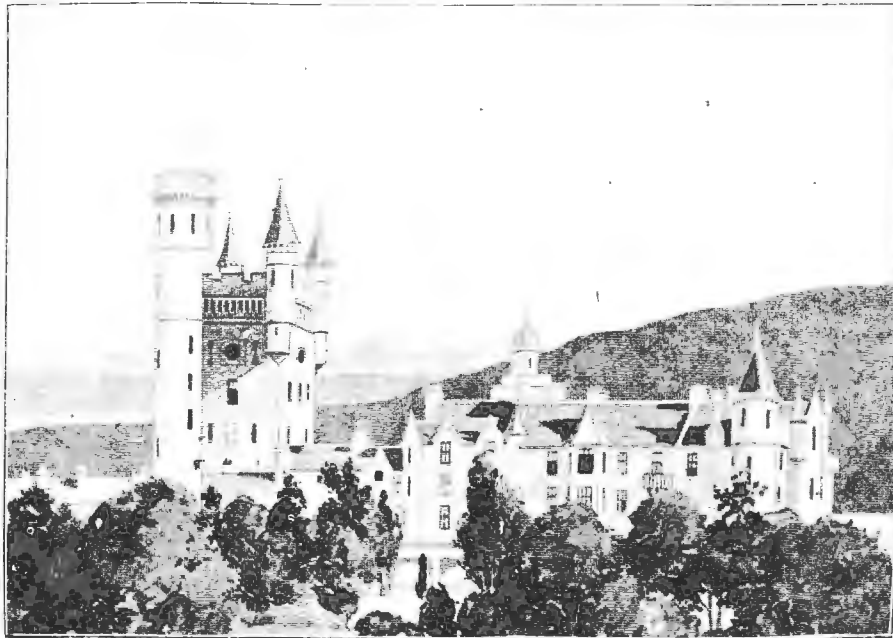
Государь Императоръ неоднократно заявлялъ, что Его искренно радуется восторженному и волшебному приему, оказанному Ему Парижемъ.

По сообщенію „Россійскаго телеграфнаго агентства“, утромъ 25 сентября (7 октября) шелъ дождь, но къ 10 часамъ пересталъ, хотя погода оставалась пасмурною. Въ 10 часовъ утра президентъ республики—въ сюртукѣ, а генералы Буадефрѣ и Турье и адмиралъ Жерве—въ обыкновенной формѣ, прибыли въ домъ посольства, для сопровожденія Ихъ Величествъ при осмотровѣ достопримѣчательностей Парижа. Государь Императоръ былъ въ полковничьей формѣ и въ пальто, Государыня Императрица—въ туалетѣ цвѣта taupe. Кортежъ преслѣдовалъ по Сень-Жерменскому бульвару, сонувствующей линіи-

нами народа, который, несмотря на пасмурную погоду, запи- ными сплошными толпами тротуары. Когда Ихъ Величества прибыли на соборную площадь, раздался трезвонъ всѣхъ колоколовъ. На паперти Ихъ Величества были встрѣчены кардиналомъ Ришаромъ, окруженнымъ духовенствомъ, а также министромъ исповѣданій. Духовенство было въ городскихъ рясахъ. Ихъ Величества вошли въ соборъ, въ которомъ никакихъ украшеній не было, чтобы не повредить впечатлѣнію величія памятника. При входѣ Ихъ Величествъ въ храмъ, раздались звуки органа. Императорская Чета поспѣла гробницу Пастера и союзовщицу, гдѣ Ихъ Величествамъ были поднесены виды собора и изображеніе Богоматери на шелку.

Въ 10 час. 40 мин. Ихъ Величества прибыли въ зданіе судебныхъ мѣстъ и были встрѣчены министромъ юстиціи, первымъ президентомъ Перивье и генеральнымъ прокуроромъ Бертрамомъ. Г. Форъ подаль руку Государыни Императрицѣ, Государь Императоръ шелъ по лѣвую руку президента. При осмотровѣ Sainte Chapelle, Ихъ Величествамъ было показано знаменитое рукописное евангеліе на древне-славянскомъ языкѣ, изъ реймской бібліотеки, на которомъ французскіе короли приносили присягу при муромзаніи. Государь прочелъ нѣ-

сколько строкъ, потомъ осматрѣлъ подлинный актъ, подписанный Анною Ярославною, сунуругою Генриха I, а также греческія рукописи. Ихъ Величествамъ были поднесены фотографическія снимки съ театровъ, послѣ чего Императорская Чета прошла въ залъ Pas Perdue, гдѣ собралась, чтобы привѣтствовать Императора, члены кассационной палаты въ красныхъ тогахъ и горностаявыхъ мантияхъ, члены апелляціонной палаты и судьи первой инстанціи. Милостиво отвѣтивъ на поклонны магистратуры, Ихъ Величества отбыли въ

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Англіи. Замокъ Бальмораль.

Пантеонъ при восторженныхъ кликахъ студентовъ различныхъ факультетовъ и при неумолкавшихъ возгласахъ: „Боже, Царя храни“.

Въ Пантеонѣ Ихъ Величества были встрѣчены министромъ Рамбо. Полюбовавшись фресками, Государь спустился въ крипту, освѣщенную факелами въ два метра вышиною. Государь возложилъ цвѣты на гробницу Карно, при чемъ обратился съ нѣсколькими трогательными словами къ капитану Карно и его братьямъ, сказавъ, что эти цвѣты смѣнитъ золотой вѣнокъ. Въ 11 час. Ихъ Величества отбыли изъ Пантеона при громовыхъ восторженныхъ кликахъ народа, который уже узналъ о милостивомъ разговорѣ Императора съ сыновьями покойнаго президента.

При слѣдующемъ 41-мъ № „Нивы“ будетъ разослана всѣмъ ГОДОВЫМЪ подписчикамъ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ „НИВЫ“ НА 1896 ГОДЪ —

портретъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ,

отпечатанный масляными красками по оригиналу художника И. С. ГАЛКИНА.

Въ виду этого контора журнала „Нива“ проситъ гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ не прямо изъ почтовыхъ учрежденій, а по земской почтѣ, черезъ довѣренныхъ лицъ, или инымъ путемъ, озаботиться, съ своей стороны, чтобы премія была доставлена имъ своевременно и въ надлежащемъ видѣ, такъ какъ почтовые конторы, сдѣвъ полученное ими по принадлежности, дальнейшей отвѣтственности на себя не принимаютъ. Тѣ изъ гг. подписчиковъ, которые получаютъ корреспонденцію на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, не имѣющихъ почтовыхъ отдѣленій, благоволятъ требовать премію отъ лицъ, завѣдывающихъ станціями.

Картины будутъ упакованы, вмѣстѣ съ номеромъ, въ трубкахъ.

Пребиваніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Англіи. Шотландіе горцы съ факелами конвоируютъ Ихъ Величества при въездѣ въ Бальмораль. По рисунку Illustr. Lond. News автотипія „Пчелы“.

Въ 11 ч. 30 м. Ихъ Величества прибыли въ отель Инвалидовъ, гдѣ, въ ожиданіи Ихъ прѣзда, собрались многочисленный генералитетъ. Прежде всего Августѣйшіе Гости посѣтили гробницу Наполеона, передъ которой Государь молча остановился на минуту. Затѣмъ Его Величество, въ сопровожденіи генерала Бильо и нѣсколькихъ офицеровъ, спустился въ склепъ. Простѣдовавъ потомъ черезъ капеллу и посѣтивъ лазаретъ, столовую и артиллерійскій музей, Ихъ Величества вышли изъ отеля на парадный дворъ, гдѣ находился генералитетъ и были выстроены инвалиды. Осмотръ отеля Инвалидовъ Ихъ Величествами продолжался 20 минутъ.

Въ 12 ч. 30 м. въ домъ русскаго посольства у Ихъ Величества состоялся завтракъ.

Въ 2 ч. 30 м. Ихъ Величества выѣхали изъ посольства на церемонію закладки моста Императора Александра III. На всемъ пути слѣдовація стояли несметныя толпы народа. Многіе тутъ же на тротуарѣ завтракали, чтобы только не упустить случая еще разъ лицезрѣть Императорскую Чету. Овація опять отличались неописуемымъ восторгомъ. На церемоніи закладки присутствовала громадная толпа народа и 13,000 приглашенныхъ. Подъ шатромъ, раскинутымъ на Cours-la-Reine, депутаты и сенаторы ждали прѣзда Ихъ Величества. Въ особой оградѣ помѣщались президенты генеральныхъ совѣтовъ, мэры большихъ городовъ, делегаты торговыхъ палатъ, крупныхъ промышленныхъ заведеній, желѣзныхъ дорогъ и банковъ. Другіе приглашенные занимали мѣста на противоположномъ берегу. На каждомъ берегу два каменные устои поддерживали канаты, изображавшіе будущій мостъ. Ихъ Величества прибыли въ 3 часа пополудни. На обоихъ берегахъ забили барабаны, и раздались восторженные клики. Съ флотилии яхты, стоявшія на Сенѣ, производили салютъ изъ орудій. Хоры музыки исполняли русскій народный гимнъ и марсельезу. Г. Форъ вышелъ навстрѣчу Ихъ Величествамъ и поклонился. Государь Императоръ былъ въ мундирѣ полковника гвардейскихъ стрѣлковъ и въ пальто, Государыня Императрица — въ платьѣ сѣро-пепельнаго цвѣта, въ мантильи à la Henri II, украшенной бѣлыми табакарами, и въ шляпкѣ съ бѣлою эгреткой. По правую руку президента республики заняли мѣста Государь Императоръ, Лубе и Бриссонъ, по лѣвую руку отъ Государыни Императрицы — Мелинъ. Трибуны представляли великолѣпное зрѣлище. Министръ торговли, имѣя на себѣ пожалованную ему шакаунъ ленту ордена Бѣлаго Орла, произнесъ слѣдующее:

„Государь! Франція пожелала посвятить памяти Вашего Августѣйшаго Родителя одинъ изъ главныхъ памятниковъ ея столицы. Отъ имени правительства обращаюсь къ Вашимъ Величествамъ съ просьбою принять эту дань, приносимую цѣлымъ народомъ, и вмѣстѣ съ президентомъ республики положить первый камень моста Александра III, долженствующаго соединить Парижъ съ выставкою 1900 г. Такимъ образомъ, великое культурное дѣло, къ которому мы приступаемъ, получитъ Высочайшее одобрение Императора и будетъ находиться подъ милостивымъ покровительствомъ Императрицы“.

Послѣ пѣнія хора солдатъ, актеръ Муна-Сюлли прочелъ оду Императору, написанную поэтомъ Жозе-Маріа Герерди. Каждая строфа вызвала браво. Ихъ Величества благодарили автора и направились затѣмъ къ мѣсту закладки. Г. Форъ подаль руку Государынѣ, имѣя по правую руку отъ себя Государя. Позади шли: Лубе, Бриссонъ и министры. Въ это время, по сообщенію корреспондента *Правительственнаго Вѣстника*, восторженные клики съ трибуны понеслись по набережной и перелетѣли на другую сторону рѣки, откуда отчалилъ скрывавшійся до этой минуты, роскошный баркасъ, на которомъ группа прелестныхъ, одѣтыхъ во все бѣлое, дѣвицъ и другихъ представительницъ Парижа окружала драгоцѣнную гигантскую вазу съ рѣдкими цвѣтами — подарокъ отъ французскихъ дамъ Царницѣ. При кликахъ народа и звукахъ музыки тихо подплывавшій бѣлый баркасъ, одѣтый въ бѣлое гребцы и чудный букетъ красавицъ-парижанокъ и цвѣты производили сказочное впечатлѣніе. Когда ваза была поставлена передъ Императрицею, зазвучала кантата, а затѣмъ — новые клики, новые восторги.

Ихъ Величества стали подъ сѣнь Императорскаго навильона, надъ которымъ развѣвались трехцвѣтные флаги. Въ углубленіе перваго закладочнаго камня были положены русскія и французскія монеты 1896 года и кожаная напка съ коніей закладочнаго акта. Буше поднесъ Государынѣ лопатку. Ея Величество взяла цементъ лопаточкой изъ чернаго дерева, которая служила уже 25 іюля 1852 года для перваго камня сооруженій, соединившихъ Лувръ съ Тюильри. Ихъ Величества ударили молоткомъ по заложенному камню. Золотая лопаточка, на которой былъ поданъ цементъ — истинный перлъ. На ней выгравировано: „7-го октября 1896 г. Его Величество Николай, Императоръ Всея Россіи, Ея Величество Императрица Александра Феодоровна, Феликсъ Форъ, президентъ Французской республики, положили въ Парижѣ первый камень моста Александра III. Мелинъ, президентъ совѣта министровъ, Буше, министръ торговли, Пикарь, генеральный комиссаръ выставки 1900 г.“ Затѣмъ Государь взялъ перо, сдѣланное изъ тростника и золота, длиною въ 24 сантиметра, и энергическимъ почеркомъ сдѣлалъ под-

пись: „Николай“ и передалъ перо Императрицѣ, которая подписала: „Александра“. Въ то время, какъ президентъ республики прикладывалъ свою подпись, Государь Императоръ выразилъ желаніе видѣть высшій персоналъ выставки. Церемонія окончилась исполненіемъ русскаго гимна и марсельезы. Пущенный выстрѣлъ возвѣстилъ конецъ торжества. Императорскій флагъ былъ спущенъ на мѣстѣ закладки.

Въ Императорскомъ экипажѣ помѣстились Ихъ Величества и президентъ республики. Кортель направился по набережной на монетный дворъ, все время сопровождаемый восторженными возгласами, и въ 4 часа появился на углу Вольтеровской набережной. Прибытіе Ихъ Величества и президента встрѣчено восторженными кликами: „Vive l'Empereur! Vive la Russie!“ Государь и Государыня милостиво кланялись народу. Передъ монетнымъ дворомъ въ почетномъ караулѣ были выстроены двѣ роты пограничной стражи, прибывшія для этого изъ Гавра и Руана. Экипажъ à la Daumont съ Ихъ Величествами и г. Форомъ остановился у подъѣзда зданія; музыка пограничной стражи исполнила русскій гимнъ. Высокіе Посѣтители вышли изъ экипажа при нескончаемыхъ кликахъ: „Vive l'Empereur! Vive l'Impératrice! Vive la Russie!“ и были встрѣчены Кошерн — министромъ финансовъ, Дефовилемъ — директоромъ монетнаго двора, и Колльеромъ — завѣдывающимъ работами. Семилѣтній Жавъ Кошерн, сынъ министра, поднесъ великолѣпный снопъ цвѣтовъ Государынѣ Императрицѣ. Дворъ зданія былъ украшенъ растениями и флагами на террасахъ. Эстрада была занята приглашенными. Въ сопровожденіи г. Фора, Ихъ Величества прошли по мастерскимъ, въ которыхъ всѣ машины были приведены въ дѣйствіе. Государь и Государыня остановились передъ шибаломъ, которое должно было отчеканить медаль. Это же шибало въ 1867 году отчеканило медаль въ честь императора Александра II, поднесенную покойному государю въ память посѣщенія Имъ Парижа. Образцы этой медали представлены Ихъ Величествамъ. Послѣ чеканки медали, Государь Императоръ и Государыня Императрица перешли въ салонъ, гдѣ Кошерн представилъ Ихъ Величествамъ членовъ счетнаго двора. Затѣмъ была поднесена Государю только-что отчеканенная медаль въ футлярѣ изъ красной кожи, съ надписью: „Бѣлому Царю и Царицѣ“ и съ инициалами Высочайшій Именъ.

Отъ монетнаго двора до академіи разстояніе небольшое. Толпа привѣтствовала Государя и Государыню громовыми кликами. Ихъ Величества милостиво кланялись. Императорская коляска въѣхала во дворъ бібліотеки. Ихъ Величества были встрѣчены бюро французской академіи, состоящимъ изъ директора Легуве и членовъ: виконта де-Вогюе и Буассье, и сопровождаемы въ „Залѣ Сорока“. Зеленныя бархатныя кресла были поставлены противъ бюро. Президентъ Форъ занялъ мѣсто посрединѣ, Государь — по правую сторону, Государыня — по лѣвую. Присутствовали 23 академика изъ 34, въ томъ числѣ: Конне, герцогъ Одиффе-Паке, Лоти, Мезьеръ, Фрейспис, Кларети, Брولي и герцогъ Омальскій. Легуве открылъ засѣданіе привѣтствіемъ Высокимъ Посѣтителямъ и напомнилъ, что 200 лѣтъ назадъ въ работахъ академіи принималъ участіе Петръ Великій, въ недавнія времена — бразильскій императоръ и позже — великій князь Константинъ Константиновичъ. Въ заключеніе Легуве сказалъ: „Посѣщеніе Петра Великаго связано съ посѣщеніемъ Вашихъ Велиществъ. Позвольте же намъ праздновать сегодня двухсотлѣтіе сердечной дружбы Россіи съ Франціей“. Затѣмъ Конне прочелъ свою оду въ честь Ихъ Величества, и академія приступила къ работамъ по составленію словаря. Предъ уходомъ Государь Императоръ произнесъ нѣсколько словъ благодарности, послѣ чего Ихъ Величества подписали протоколъ засѣданія и въ 5 часовъ отбыли въ домъ городского совѣта среди толпы еще болѣе сиплоной и при восторгѣ, который становился все болѣе неописуемымъ.

Ихъ Величества прибыли въ городской домъ въ 5 ч. 30 м. На специально сооруженныхъ эстрадахъ находились хоры и оркестры. Какъ только подавъ былъ снгалъ о приближеніи Ихъ Величества, всѣ хоры, соединенные между собою электрическою проволокою, одновременно исполнили русскій гимнъ, затѣмъ марсельезу. Сѣнь у главнаго входа была освѣщена шестью канделябрами въ 25 рожковъ и залита свѣтомъ. Зала мэрзовъ освѣщалась 14-ю газовыми торшерами. Повсюду — зелень, цвѣты, живонисы. Дворъ, обращенный въ востокъ, покрытъ былъ тысячами электрическихъ огней и украшенъ гротомъ съ фонтаномъ. Боденъ и сенскій префектъ де-Сельвъ вышли навстрѣчу Ихъ Величествамъ и г. Фору. Городской совѣтъ остался въ ожиданіи Государя въ залѣ мэрзовъ. Г. Форъ подаль руку Государынѣ и вмѣстѣ съ Государемъ вступилъ въ почетный входъ. Толпа загремѣла, войска отдали честь, барабаны забили, трубачи затрубили, муниципальная гвардія обнажила сабли. Боденъ, представляя муниципальный совѣтъ, сказалъ: „Имѣю честь представить Вашимъ Величествамъ совѣтъ и, привѣтствуя Васъ въ городской думѣ, выразить пожеланія отъ великаго города счастья Вашимъ Величествамъ и благоденствія Россіи. Парижъ, который торжественно привѣтствуетъ въ Особѣ Вашего Величества Гостя и Союзника Французской республики, приостановилъ свою трудовую дѣятельность, чтобы воздать Вашему Величеству и Императрицѣ дань, предписы-

всемому ему традициям, патриотизмом и вѣрою въ судьбы обѣихъ великихъ націй“. Государь Императоръ изволилъ отвѣтить: „*Благодарю васъ*“. Затѣмъ Ихъ Величества прошли въ залъ мѣровъ, гдѣ хоры оперы и консерваторіи и оркестръ муниципальной гвардіи исполнили русскій гимнъ. Черезъ почетный дворъ, обрамленный въ роскошный зимній садъ, Ихъ Величества прошли въ великолѣпно убранныя залы, мимоходомъ осмотрѣвъ вазу изъ оникса, пожалованную Парижу Императоромъ Александромъ III. Въ залѣ Празднествъ 4,000 приглашенныхъ встрѣтили Августѣйшихъ посѣтителей кликами. Затѣмъ состоялся концертъ, во время котораго Ихъ Величества многократно аплодировали, вызывая къ тому и публику. Его Величество прошелъ въ дипломатическій салонъ, бесѣдуя съ Боденомъ. Здѣсь Государь остановился и сказалъ ему: „*Я никогда не забуду приема, который вы оказали нашимъ морякамъ. Встрѣча изъ городовъ Парижемъ должно сохраниться въ памяти*“. Затѣмъ Ихъ Величества, въ сопровожденіи г. Форя, въ 6 час. отбыли изъ „Hôtel de Ville“. Когда Государь Императоръ выѣхалъ изъ дома городского совѣта, 15,000 человекъ исполнили марсельезу. Эффектъ получился необычайный. Ихъ Величества и г. Форь прослѣдовали въ посольство, куда прибыли въ 6 ч. 15 м. Президентъ тотчасъ удался, сопровождаемый народными кликами.

Въ 7½ часовъ вечера состоялся Высочайшій обѣдъ въ домѣ русскаго посольства. Всѣ присутствовавшіе на обѣдѣ были во фракахъ. Столъ былъ накрытъ въ столовой перваго этажа, убранной растеніями и цвѣтами. Въ 7 час. 25 м. президентъ Форь прибылъ въ сопровожденіи генерала Турнье и съ почетнымъ конвоемъ кирасировъ. Президентъ прошелъ одинъ до пріемнаго зала, гдѣ былъ встрѣченъ Государемъ Императоромъ. За обѣдомъ президентъ Форь сидѣлъ по правую руку отъ Государыни Императрицы, а г-жа Форь — по лѣвую сторону отъ Ея Величества. На обѣдѣ присутствовали: Лубе, Бриссонъ, генералъ Соссе, Мелинъ и всѣ министры, статсъ-секретарь Шинкинъ, генералы Турнье и Буадефрѣ, баронъ Моренгеймъ, графъ Монтебелло, княгиня Голицына и капитанъ Карно. Послѣ обѣда состоялся отъѣздъ въ театръ „Comédie Française“.

Французскій театръ во время параднаго спектакля представлялъ поразительное зрѣлище. У главнаго входа, отведеннаго для высокопоставленныхъ лицъ, были сооружены двѣ сѣни. Государь былъ встрѣченъ у входа г. Рамбо, который представилъ Его Величеству Ружона и Кларети. Президентъ Форь предложилъ руку Ея Величеству. Царская ложа была убрана гирляндами цвѣтовъ и бѣлой матеріей съ золотыми пуговками. Въ театрѣ собрались: министры, депутаты, сенаторы, генералы, бывшіе министры и послы. Въ 10 ч. 5 м. вошли въ ложу Ихъ Императорскія Величества. Всѣ зрители поднялись съ мѣсть и стали лицомъ къ ложѣ. Государь Императоръ и Форь заняли центральныя мѣста. Направо отъ Государя заняла мѣсто г-жа Форь, налѣво отъ президента — Государыня Императрица. При входѣ Ихъ Величествовъ залъ потрясли рукоплесканія и клики: „Vive l'Empereur, l'Impératrice, l'Empereur!“ Оваціи продолжались нѣсколько минутъ. Ихъ Величества, тронутые, многократно кланялись. Государь былъ во фракѣ и въ лентѣ Почетнаго Легіона; на Государынѣ было шелковое платье цвѣта saumon, Екатерининская лента, брильянтовое ожерелье и діадема; г. Форь — въ Андреевской лентѣ. Русскій гимнъ былъ прослушанъ въ глубокомъ молчаніи, послѣ чего оваціи удвоились. Но вотъ завѣлся занавѣсъ. На сценѣ всѣ артисты, въ традиціонныхъ красныхъ плащахъ, опушенныхъ мѣхомъ, стояли группой вокругъ бюстовъ Мольера, Рамина и Корнели. Зрѣлище было живописное. Артисты съѣздили, по словамъ корреспондента *Правительственнаго Вѣстника*, низкій поклонъ Царю, и въ ихъ движеніяхъ, въ выраженіи ихъ лицъ было столько почтения, столько любви и преданности, что по залу пробѣгло невольное „браво!“ Но вотъ выступилъ Муэ-Сюлли, — и началъ прологъ.

„Il est un beau pays aussi vaste qu'un monde où l'horizon lointain semble ne pas finir“, — декламировалъ извѣстный артистъ. Въ прологѣ участвовали еще: Ремаберъ, Баррета и Бартэ, которые съ несравненною граціею и воодушевленіемъ закончили прологъ стихами:

„Qu'à la sainte et forte Russie,
Sous le clair rayon du ciel bleu,
La France à jamais s'associe
Les grandes œuvres de Dieu“.

Залъ вновь потрясла аплодисменты, и слезы заблестали на глазахъ расстроганныхъ зрителей. Публика аплодировала, особенно при фразѣ: „Надежда свѣтитъ намъ съ сѣвера“. Прочитаны были и другія привѣтствія. Государь Императоръ бесѣдовалъ во время чтенія съ Форомъ и нѣсколько разъ улыбался. Представленіе началось исеюю Мюссе „Капризъ“. Ихъ Величества аплодировали первые. Во время антракта Государь и Государыня принимали въ ложѣ г. Муэ-Сюлли и г-жу Ремаберъ. Спектакль закончился въ полночь отрывками изъ „Сиды“ и третьимъ актомъ изъ „Femmes savantes“. Въ заключеніе была исполнена марсельеза, которая выслушана Ихъ Величествами стоя. Весь залъ разразился востор-

женными оваціями. Ихъ Величества поклонились и отбыли въ русское посольство по avenue Оперы и rue de la Paix.

Ночной праздникъ прошелъ блистательно. Повсюду были устроены факельныя шествія и балы подъ открытымъ небомъ; иллюминація общественныхъ зданій была такъ же великолѣпна, какъ и наканунѣ.

26 сентября погода была прекрасная. Съ 8 ч. утра народъ занималъ сплошными толпами набережную Лувра и площадь du Carrousel. Государь Императоръ, Государыня Императрица и президентъ республики въ 10 ч. 30 мин. выѣхали изъ посольства для осмотра Луврскаго музея. Въ 10 ч. 40 мин. Ихъ Величества выѣхали въ ворота du Carrousel. Раздѣлившись восторженные клики. У входа въ музей антиковъ находились: Рамбо, Ружонъ и Леопъ Буржуа. Поздоровавшись съ Рамбо Государь, Государыня и г. Форь вошли во дворецъ. У входа въ галерею Рамбо представилъ Ихъ Величествамъ Пюви-де-Шаванна и Детайли. Государь милостиво пожалъ руку Детайлю и отвѣтилъ на поклонъ Пюви-де-Шаванну. Никакихъ паружныхъ украшеній на музеѣ не было; только лѣстницы, колонны и потолки обиты краснымъ бархатомъ и коврами. Ихъ Величества любовались коронными брильянтами и великолѣпнымъ ларчикомъ съ эмалью, посланнымъ въ даръ Франціи городомъ С.-Петербургомъ послѣ франко-русскихъ празднествъ, съ надписью, посвященною дружественной націи; затѣмъ Ихъ Величества любовались статуею Венеры Милосской и другими главными шедеврами Лувра. Государыня Императрица выказала большой интересъ къ рѣдкими коллекціямъ и требовала объясненій во многихъ случаяхъ. Въ полдень Ихъ Величества вышли изъ залы Кариагидъ и въ 12 ч. 20 м. возвратились въ посольство. Клики сопровождали по всему пути.

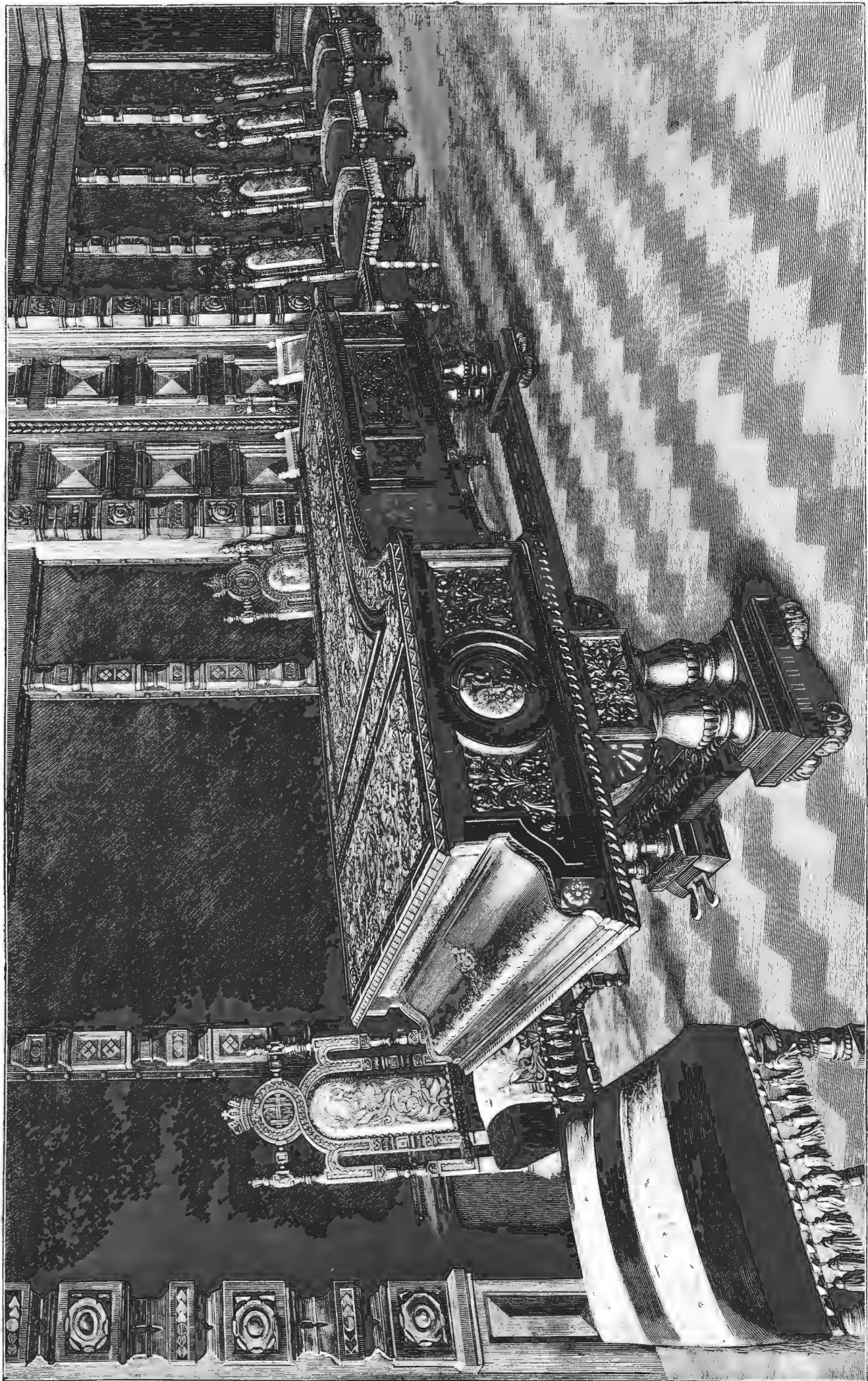
Въ полдень у Ихъ Величествовъ въ посольствѣ былъ сервированъ завтракъ на 60 кувертовъ для членовъ посольства и офицеровъ, назначенныхъ состоять при Ихъ Величествахъ; къ завтраку былъ приглашенъ также священникъ русско-посольской церкви. Государь Императоръ желалъ посѣтить военный клубъ; но намѣреніе это не было исполнено за недостаткомъ времени.

Черезъ генерала Буадефра Его Величество пожаловалъ 100,000 фр. бѣднымъ города Парижа и приказалъ изготовить возможно скорѣе золотой вѣнокъ на могилу Карно, на которомъ будетъ надпись: „A Carnot Nicolas II“.

Въ 1 ч. 25 м. президентъ республики прибылъ въ посольство въ коляскѣ, запряженной четверкою великолѣпныхъ першероновъ. Государь и Государыня тотчасъ заняли мѣста въ президентской коляскѣ, которая немедленно выѣхала въ Версаль, эскортируемая кирасирами. Городской совѣтъ Парижа прислалъ роскошный снопъ цвѣтовъ, который и положенъ былъ въ коляску. Громадная толпа, собравшаяся у посольства, встрѣтила Ихъ Величества восторженными оваціями. Ихъ Величества отвѣчали наклоненіемъ головы. Сентъ-Жерменскій бульваръ, площадь Согласія, Елсейскія Поля и Булонскій лѣсъ были сплошь покрыты народомъ. Восклицанія стали еще оживленнѣе, чѣмъ раньше. Кричали: „Vive la Russie!“ „Vive la Tsarine!“ „Vive la Tsarine!“ Государь Императоръ безпрерывно отвѣчалъ на прощальныя привѣтствія парижанъ. Государыня Императрица милостиво кланялась. Чувствовалось, что между парижанами и Августѣйшими Гостями установились сердечныя узы.

Въ 2 часа 45 минутъ Ихъ Императорскія Величества прибыли въ Севръ и были восторженно привѣтствованы многочисленною толпою кликами: „Vive la Russie! Vive la France!“ Городъ убранъ очень красиво. Ихъ Величества посѣтили фарфоровый заводъ. Государь развелъ огонь въ обжигательной печи, послѣ чего кортежъ прослѣдовалъ въ музей, гдѣ Ихъ Величествамъ было поднесено нѣсколько предметовъ. По прошествіи двадцати минутъ, кортежъ двинулся далѣе, по парку Сентъ-Клу, въ Версаль. Парижъ простился съ Главою дружественной націи, но надѣется вновь увидѣть у себя желаннаго Гостя. Впечатлѣніе, произведенное прѣздомъ Государя, — громадное и пробудило во французахъ самыя дорогія чувства. Трогательно было видѣть, — говоритъ корреспондентъ *Правительственнаго Вѣстника*, — съ какимъ жаромъ вожди-представители самыхъ крайнихъ партій привѣтствовали Царя въ газетахъ, въ театрахъ, въ „Hôtel de Ville“ и на закладкѣ моста — этого монумента, напоминающаго почившаго императора Александра III, перекинуваемаго постоянный мостъ общихъ интересовъ между Франціею и Россіею.

СОДЕРЖАНІЕ: Нольцо Императрицы. Историческій романъ ин. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе.) — Стихотвореніе В. Уманова-Наплунновскаго. — Всероссийская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Статья IX. (Съ 12 рисунками.) — Къ рисункамъ: Осень (съ рис.). — Ура! Бдуть! (съ рис.). — Короначіонный подарокъ болгаръ Государю Императору (съ рис.). — Въ праю чужомъ... (съ рис.). — Пробываніе Ихъ Императорскихъ Величествовъ въ Англіи. Замокъ Бальморалъ и встрѣча Ихъ Величествовъ горцами (съ 2 рис.). — Святитель Флодисъ Улицкій (съ 5 рис.). — Пробываніе Ихъ Императорскихъ Величествовъ за границею. — О разсылкѣ художественной премии „Нивы“ на 1896 г. — Объявленія. При этомъ не прилагаются: 1) СОЧИНЕНІЯ Д. В. ГРИГОРОВИЧА. т. X (Сборникъ „Нивы“ за октябрь); 2) „ПАРИЖСІЙ МОДЪ“ за октябрь съ 27 рис. и отд. листъ съ 26 черт. вывр. въ натур. вел. и 18 рис. выпильныхъ работъ.

Рояль фабрики Я. БЕНКЕРЪ, находящійся въ пріемномъ залѣ ЦАРСКАГО ПАВИЛЬОНА въ Нижнемъ-Новгородѣ. Во время посѣщенія ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВАМИ Нижегородской выставки, фабрика Я. Бенкеръ удостоилась ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія на принятіе изображеннаго здѣсь рояля.

Фабрика Я. Бенкеръ—единственная въ Россіи, которая имѣетъ свои спеціальныя мастерскія: чугуно-литейную, слесарную и механическую. Произведенія этихъ мастерскихъ экспонированы въ IX отдѣлѣ выставки, въ особой витринѣ. Въ X отдѣлѣ выставлены рояли Я. Бенкеръ. На Нижегородской выставкѣ фабрика Я. Бенкеръ удостоена высшей награды — Государственнаго Герба.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛО ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛО В ПРОДАЖУ
НОВЫМЪ, ВТОРЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ

РУКОВОДСТВО КЪ КРОЙКЪ БЪДЛЯ, МУЖСКОГО, ДАМСКАГО И ДЪТЕКАГО, ДЛЯ ШКОЛЬНАГО И ДОМАШНЯГО УПОТРЕБЛЕНА.

Въ 36 таблицахъ, на которыхъ помѣщены масштабы и весь текстъ.
Съ 8-го нѣмецкаго изданія переводъ Маріи Линдеманъ.

Изданіе это знакомитъ съ наилучшими и простѣйшими приемами кройки и шитья бѣлья и можетъ быть съ большою пользою примѣняемо какъ въ школѣ, такъ и въ домашнемъ быту. На 36 таблицахъ, составляющихъ изданіе, помѣщено 125 чертежей бѣлья, причемъ чертежи разработаны настолько тщательно, что составленіе выкроекъ и приспособленіе ихъ ко всякой фигурѣ является легкимъ дѣломъ даже для тѣхъ, кто совершенно неопытенъ въ этомъ отношеніи.
Цѣна изданія 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 25 коп.

МОСКВА

„ГОСТИННИЦА МЕТРОПОЛЬ“
Театральная площадь.

Центръ столицы, 200 №№ отъ 1 р.
п. № 8706 и дороже. 26—21

ДЛЯ ПОДАРОКОВЪ
30000 ВЕЩЕЙ
ПО 1 РУБ.
презент. Английской Базаръ
СНБ.
Невскій пр.,
68.

ВОЛИЦНИЙ дѣлать наружныя, внутреннія
болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7.
Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. в. № 9173 13—13

ВСѢ КНИГИ

ноги и учебныя пособия
высылаютъ
книжный складъ п. п. СОЙНИНА.
С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. д.
Пробный № журнала „Природа и Люди“ вы-
сылается за 7 коп. марку.
—Новый каталогъ книгъ безплатно.—

Ев. Убжище Губернаторъ
принимаетъ губернаторъ и рекомендуетъ
оныхъ ежедневно, кромѣ вторника, вос-
кресныхъ и таб. дней, отъ 2 до 5 час. С.-Пе-
тербургъ, Коно-Гвардейскій пер., 4, кв. 1.

АППАРАТЫ

отопленія, осушенія, вентиляціи.
Новая система Ф. К. Транлина. Самодѣ-
люющіе горѣ. возд. Эконом. топлива 30%.
Вставные отъ 6 до 15 р. Передвижные (печи):
30, 40, 50 р. На требов. до 15 окт. скидка 10%.
Адресъ: Москва (до востреб.) Ф. К. Транлина.

ГЕНЕРАЛЬНЫИ КОМИССАРЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОИ ВЫСТАВКИ 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что за закрытіемъ Выставки имѣютъ поступитъ въ
продажу по полной цѣнѣ казенныя выставочныя сооруженія (жѣлѣзныя и деревянныя).
Осмотръ этихъ зданій можетъ быть произведенъ съ 1-го октября по 15 ноября сего
года. Предложенія на пріобрѣтеніе ихъ должны быть подаваемы въ теченіе того же
срока, съ указаніемъ предлагаемой цѣны, въ Петербургъ въ Департаментъ Торговой
и Мануфактуръ.

Казеннымъ и общественнымъ учрежденіямъ предоставляется независимо, отъ покупки
зданій, заявлять также ходатайства и о передачѣ имъ сихъ зданій на какихъ-либо
иныхъ основаніяхъ. Ц. № 9542

Schlesischer Obersalzbrunnen Oberbrunnen

Первоклассный алыкалическій источникъ, съ успѣхомъ примѣняемый съ 1601 г.
Анализъ и подробности объ источникѣ высылаютъ по почтѣ безплатно
Контра отправки инаженскихъ минеральныхъ водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ.

ФУРБАХЪ и СТРЕЙХОЛЬ, Зальцбруннъ, въ Силезіи.
5—5 Склады во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Ц. № 9153

До употребленія
средства.

Д-РА ТОМСОНА

Послѣ употребленія
средства.

Депилаторій въ порошокѣ.

Лучшее и совершенно безвредн. средство
къ немедленн. удаленію волосъ на мѣ-
стахъ, гдѣ ростъ ихъ нежелателенъ.
Цѣна коробки 1 р. 50 к.

Въ Петербургѣ этотъ депилаторій про-
даются: у Г. Кошкина, Гостинный дворъ,
19; Н. Ушакова, Гостинный дворъ, № 33;
В. Парижова и К^о, Гост. дворъ, № 78.
Въ Москвѣ—у А. Ралле и К^о.

Требуйте только депилаторій ТОМСОНА,
такъ какъ большинство друг. средствъ производятъ вредное дѣйствіе на кожу.

Магазинъ офицерскихъ вещей, принадлежностей гражданскихъ
чиновъ, шитій, орденовъ и знаковъ отличій

В. И. ЖИВАГО

(существуетъ съ 1822 года)

Москва, Тверская, д. Коммиссарова.

Выселяетъ наложеннымъ платежемъ Высочайше утвержденные 20-го апрѣля 1896 года

КРЕСТЫ

для всѣхъ іереевъ монашествующаго и бѣлаго духовенства:
Крестъ серебряный массивный, ювелир. раб., съ цѣпью серебр. . . 30 р., 25 р. и 20 р.
Тоже съ цѣпью бѣлаго металла. 20 „ и 15 р.
Кресты высылаются въ футлярахъ. При выпискѣ пяти крестовъ одновременно и цѣпью
благочиніемъ пересылка принимается за счетъ магазина. № 9538

Генеральный Комиссаръ Всероссийской художественно- промышленной выставки 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что за закрытіемъ Выставки, имѣетъ поступитъ въ
продажу по полной цѣнѣ движимое имущество Управленія Выставк., состоящее изъ
домашнихъ вещей, витринъ, принадлежностей пожарнаго обоза, садовыхъ растений и
инструментовъ, декоративныхъ матеріаловъ и т. п. Осматривать означенное имущество
можно съ 1 октября до 15 ноября. Предложенія на покупку, съ указаніемъ ближайшихъ
подробностей о родѣ и количествѣ предметовъ и о предлагаемой цѣнѣ, имѣютъ быть
подаваемы въ теченіе того же срока въ Управленіе Генеральнаго Комиссара въ Ниж-
немъ-Новгородѣ. Управленіе высылаетъ или выдаетъ по требованію печатные списки
продаваемаго имущества. Ц. № 9543

ДЪТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ.

ДЛЯ ВСКАРМЛИВАНІЯ ГРУДНЫХЪ ДЪТЕЙ
суррогатъ материнскаго молока.

Цѣна жестянки 1 р. 50 к.
СТУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ.
Цѣна жест. 1 руб. 10 коп. 6—1

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*
Оптовый складъ въ централн. депо перевозочныхъ и хирургич. матеріаловъ
торговаго дома АЛЕКСАНДРЪ ВЕНЦЕЛЬ въ С.-Петербургѣ, Гороховая, 33.
Въ С.-Петербургѣ можно получать во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ.

ПЛОДОВЫИ НИТОМНИКЪ И САДОВОДСТВО КАРЛА ГЕРГЕИВНА МЕЙЕРА,

Кіевъ, Сырецъ, с. д. безплатно высыл. новый иллюстр. каталогъ
фрукт. деревьямъ, розамъ, исполниск. землянкамъ и пр. растеніямъ.

ЛЕОНГАРДИ

достохвално-извѣстна, единственно настояща
Алициариновыя чернила для письма
и копированія

(жѣлѣзисто-орѣшкова 1-го класса по отзывамъ государствен-
ныхъ учреждений), № 8857 30—25
ЛЕГКО-СТЕКАЮЩАЯ, ВСОЛНЪ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.

НАИЛУЧШАЯ:
для книгъ, актовъ, документовъ и нѣмнелостей всякаго ро-
да, можно получать почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ
принадлежностей Россіи.

Неподѣльно
только съ сей
Авг. Леонгарди
изобрѣтатель и
единственный
предохранительной
маркой.
въ Дрезденъ,
фабрикантъ.
Пабѣгать подѣлокъ.

ВАЖНО ДЛЯ ВСЯКАГО.

Въ теченіе 15 уроковъ каждый плохо-пишущій, безъ различія пола и возраста,
можетъ научиться заочно правильно и блестяще-красиво писать у профессора калли-
графіи А. Коссода въ Одессѣ. Самый плохой ломанный и неразборчивый почеркъ
превращается въ изящный каллиграфическій. Успѣхъ гарантируется. Методъ удо-
стоенъ аттестатовъ Императорскаго Новорос. Университета, разныхъ гимназій,
почет. отзыв. Парижской выставки 1889 г. и медалей. За 4 семикон. марки высылаетъ
пробное письмо шрифтовъ и подробности, а за 1 рубль (можно почт.
марками) высылаются заказ. порядкомъ пробное письмо, условия, образцы шрифтовъ
и образцы исправленныхъ почерковъ заочныхъ учениковъ.

Послѣднее весьма важно для лицъ, желающихъ изучить различныя шрифты и
усовершенствоваться въ высшей каллиграфіи.
Адресъ: Одесса, проф. каллиграфіи Адольфу Коссодо. Дерибасовская ул., д. № 19.
Знаменитыя „Коссодо-Перья“ лучшія перья для всякихъ конторск. и канцелярскихъ
работъ. Продаются въ лучшихъ писчебумажныхъ магазинахъ Имперіи. На каждомъ
перѣ имѣется надпись по-русски „А. Коссодо“. Главнй складъ въ Одессѣ, у профес-
сора каллиграфіи Адольфа Коссодо, Коробка (12 дюймовъ) съ пересылкой въ Евро-
пейск. Россіи 2 руб. Магазиновладельцамъ обычна уступка. № 9498

УКРАШЕНІЕ для ЕЛОКЪ

для Г. ингородныхъ составлены коллекціи:
Въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.
и каждая коллекція, даже 5 руб., такъ составлена, что она содержитъ все
необходимое для украшенія елокъ. Коллекція въ 25, 50 и 100 руб. особенно
пригодна для большихъ семействъ, школы, пріютовъ, базаровъ, собраний,
гансеновъ и пр. Прошу дать заказы на эти коллекціи немедленно.
Перес. наложен. платежомъ. С.-Петербургъ,
Вл. Азиатскую Россію съ задаткомъ. БАЗАРЪ МАРОКЪ Невск. пр., № 20-31.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

духи — ФІАЛКА АУСМЭЗЗ — туалетное мыло.
духи — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
духи — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
духи — ЛАНДЫШЪ АУСМЭЗЗ — туалетное мыло.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлеруэ.
Можно получать:
Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Бюлеръ, Э. Брезинскаго, Р. Пасколевскаго, у Кон-
стантина Гершъ, Лимана и Рикса, А. Линда, А. Энгелнда. Ц. № 9368
Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Мердлинъ, въ магазинѣ „А-ла-туалетъ“, у П. Брюнсъ,
Д. Борхардъ, и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. 25—13
Предствитель въ Петербургѣ: Л. Герве, 2, Мавенкиановскій пер.

№ 4711.

РОЗОВОЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.
Самое лучшее глицериновое мыло, **ПРОЗРАЧНОЕ КАКЪ ХРУСТАЛЬ** благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, приобрѣло большую известность. Высокое содержание глицерина, экономія вследствие обилія пены, изысканнѣе ароматы розы — нотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени. 6—3

Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей. При покупкѣ просите обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку № 4711. Цѣны: большой кусокъ 30 коп., средній 25 коп. и малый 20 коп.

ЦИРКУЛЯЦИОННЫЯ ПЕЧИ РИСНЕРЪ.

Только печи Риснеръ съ патент. регуляторомъ и вследствие особаго устройства цоколя нагреваютъ полъ, даютъ равномерную теплоту до желаемаго градуса и уничтожаютъ сырость.

Представитель для Россіи **В. БАРТЕЛЬСЪ.**
Контора: Москва, Мясницкая, д. Киселев-Заторянского.

КАРМАШНЫЕ ЧАСЫ по фабрич. цѣнамъ **ТОЛЬКО 4 руб.**
Англійскіе, никел., вѣрнѣйшій ходъ, заводъ безъ вѣла и указатель секундъ. 3 шт.—10 р. 80 к., 5 шт.—17 руб. Часы высылаются немедленно, монисто и наложеннымъ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Большая Морская, № 9536 д. 33.

СИБИРСКОЕ СУКНО И ТРИКО

по прочности и дешевизнѣ незамѣнимо для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ гг. помѣщикамъ, чиновникамъ, контористамъ, врачамъ, учителямъ, гимназистамъ и проч. Образцы, описание и условия пересылки вагона высылаются за 7 коп. марку. Магазины: С.-Петербургъ, Владимирская, 6. Рига, 6. Новая ул., 15. 5—2

ЛЪЧЕВИЦА
Д-ра мед. **НЕТКАЧЕВА**
для СТРАДАЮЩИХЪ ЗАИКАНИЕМЪ и другими болезнями **РЪЧИ.**
МОСКВА, Никитскій б-ль, д. Прибылова.

ДВѢ НОВЫЯ КНИГИ у ЗЕМСКАГО, книгопродавца, въ Россійскомъ центральномъ книжномъ магазинѣ, въ Москвѣ, въ зданіи „Славянскаго Базара“, на Никольской ул.

ЗНАМЕНИТЫЯ СИСТЕМЫ И МЕТОДЫ профессора Оллендорфа для самоучебнаго французскаго и нѣмецкаго языковъ въ 5 1/2 мѣсяцевъ, а при усиленномъ занятіи въ 3 1/2 мѣсяца. **САМОУЧИТЕЛЬ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА**

съ приложеніемъ особаго отдѣла, въ которомъ имѣются самыя разнообразныя формы и образцы писемъ: дружескихъ, любовныхъ, родственныхъ, торговыхъ и другихъ, которыми можно писать по-французски. Кромѣ того весьма полезны для учениковъ, какъ вспомогательное руководство для сдачи экзаменовъ.

Этотъ самоучитель, предлагаемый русскимъ, желающимъ выучиться безъ помощи учителя въ 5 1/2 мѣсяцевъ правильно читать, писать и говорить по-французски, составленъ по новѣйшему, усовершенствованному методу извѣстнаго профессора, г. ОЛЛЕНДОРФА, съ дополненіемъ въ ономъ учебникѣ для учащихся новаго легчайшаго способа изученія французскія слова и фразы рѣчь, изображенныя русскими буквами. Обработаны по редакціи учителя французскаго языка Ю. АЛЬБЕРТА и А. В. СВѢТЛОВСКАГО. Съ дополненіемъ особой части, въ которой помѣщены легкіе французскіе разговоры, необходимые въ особенности для путешествующихъ русскихъ за границей. Ц. 2 р. съ перес.

Примѣчаніе. Приступивъ къ изданію настоящаго французскаго учебника, мы, составители, первымъ долгомъ признали крайне необходимымъ собрать лучшія руководства, какъ вспомогательныя матеріалы, какіе только были до сего времени изданы для изученія французскаго языка и при этомъ сочли святою обязанностью дать публикѣ не какую-либо жалкую компіляцію, изъ среды которой и безъ того уже не мало разугнѣваетъ таковыхъ популярнѣхъ изданій среди русскаго люда, того русскаго люда, который съ стремительнѣе жаждою любознательности старается изыскать средство изучить французскій языкъ по необходимости безъ помощи учителя, то есть найти то дѣльное руководство, которое было бы составлено только и просто и могло бы вполне удовлетворить цѣлесообразному требованію. Рекомендуемъ нашу книгу желающимъ ее имѣть, въ которой мы даемъ вѣрный и новый приемъ выучиться по-французски говорить, писать и правильно читать безъ малѣйшей помощи учителя, въ самое кратчайшее время. При составленіи оного самоучителя нами были пересмотрѣны всѣ лучшіе учебники со всеми упрощенными методами, изъ которыхъ мы и составили полный и ясный, толковый конспектъ, преимущественно изъ статей легкихъ разговоровъ и фразъ съ легкой, просто изложенной французской грамматикой. Кромѣ того, мы нашъ учебникъ для самоучекъ обработали, дополнили и усовершенствовали по новой системѣ, еще до сего времени не бывавшей ни въ одномъ изъ лучшихъ учебниковъ за исключеніемъ въ своемъ родѣ прекраснаго изданія доктора Хана, который былъ одобренъ ученнымъ комитетомъ и распроданъ съ поразительной быстротой въ самое короткое время.

Точь-въ-точь безусловно такой же системы, какъ и французскій, о чемъ уже выше сказано, имѣется въ продажѣ

САМОУЧИТЕЛЬ и НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА, и по этой же методѣ ОЛЛЕНДОРФА. Цѣна съ пересылкою 2 рубля, въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ.

Кромѣ того, книжный магазинъ Земскаго дѣляетъ уступку 10% на всѣ книги, по всѣмъ отраслямъ, кромѣ изданій газетныхъ и изданій, окончательно распроданныхъ, а погороднымъ пересылка по разстоянію.

Книгопродавецъ и издатель **ЗЕМСКІЙ.**

3-е удешевленное изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА.
СЧАСТЬЕ И ТРУДЪ
Профессора П. Малтегандца. Переводъ д-ра Лейненберга. Цѣна 50 коп.

ФАБРИЧНЫЙ СКАЛАВЪ ЧАСОВЪ „ЖЕНЕВА“
въ Варшавѣ, Бѣльска, 20
высыл. иллюстр. **ПРИБЫТІЕ ПУТЯНЫ БЕЗПЛАТНО.**

По требованію высылается бесплатно **КАТАЛОГЪ НОТЪ** собственнѣхъ изданій книжнаго и музыкальнаго магазина **Леона Идзюновскаго въ Кіевѣ,** въ которомъ помѣщены болѣею частью малороссійскія пѣсни какъ для дѣтви, съ аккомпаниментомъ фортепьяно, такъ и для фор- № 9501 тепляно въ 2 и 4 руки. 3—3

ПРИГЛАШАЮТЪ дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блонъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

!!! ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ !!!
Заочное обученіе шитью и кройкѣ посредствомъ лекцій-корреспонденцій, по новѣйшему, легчайшему и понятному для каждой методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи курса свидѣтельство. Условія и программы высылаются **БЕЗПЛАТНО.**
Преподавательница **Е. Д. Ашмарина.**
Кіевъ, Б. Житомирская, № 4.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „СМИСЬ-ПРЕМЬЕ“.
Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствованія. Цѣна 250 рублей и 275 рублей. Пишущая машина „ГОСПОПОЛЦЪ“
Самый красив. шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Полиров. ящикъ въ ней 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высылаются бесплатно.
Оптикъ О. РИХТЕРЪ.
С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4.

ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ исправляется каждымъ заочно (посредствомъ перенесенія) въ 15 уроковъ на **КРАСИВОЕ ПИСЬМО** у каллиграфа **А. В. Иванова.**
Методъ и результаты обученія удостоены медалью на Всероссийск. выст. 1882 г. и высшей награды на выст. 1883 г. въ Москвѣ. Подробныя свидѣнія, условія и образцы шрифтовъ высылаются за 3 семикоп. почт. марку.
Москва, Цвѣтн. бульв., д. Торопова, 2—1
учредителю курсовъ **А. В. Иванова.**

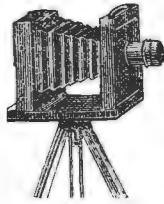
ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ (18)
Специальность хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Имя. Лубя. Библиотекы. Подробный иллюстр. прейсъ-куррантъ во вострѣб. бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.
Различная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

ЗАИКАНИЕ
вылѣчивается основательно въ спеціальномъ заведеніи Карла Эрнста.
Принимаются приходящіе и ПАНСИОНЕРЫ. СПБ., Невскій пр., 100, кв. 7. Руководство къ самообученію 3 руб. 7—1

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ
Москва, Петровка, № 2,
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ.
ОСЕННЯЯ НОВОСТИ.
ВЫШЕЛЪ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
НА ОСЕННИЙ СЕЗОНЪ 1896 г.,
съ образчиками матерій.
Высылается **БЕЗПЛАТНО** всѣмъ желающимъ.

Пересылка товара наложеннымъ платежомъ во всѣ мѣста Европейской Россіи.
При выискѣ на **75 руб.** (въ Европ. Россіи) пересылку принимаемъ на свой счетъ.
Охотно высылаемъ образцы всякихъ матерій, но вследствие громаднаго выбора просимъ всегда точно обозначать родъ товара, цвѣтъ, ширину, приблизительную цѣну и для какой вещи товаръ предназначается.
Ш. № 9505 2—2

НА РОСПИСАНІИ ВОПРОСОВЪ ДАЮТЪ ВЪ ПЛАТНОСТИ
СНАДЕЖ 60
ТЕЛЕФОНЪ 1360
ПОПЕЛИНЪ
ПРОСИТЪ
НЕУЖИВЪЕ ВЕЩИ
АУДИОНЪ
ВОСПИТАНІЕ
500
КАТЕГОРИИ № 13

Склады фотографических принадлежностей
О. ЮХИМЪ И К^о.
 С.-Петербург. Москва. 24-19
 Невскій пр., № 3. Театральн. проезд.
 Громадный выборъ всевозможныхъ аппаратовъ для фотографовъ
 специалистовъ и любителей, а также для научныхъ цѣлей.
 Прейсъ-курантъ издамѣ 1896 г., состоящій изъ 424 стран. въ 80
 листа, съ 710 рисунками въ текстѣ, вышелъ изъ печати и высл-
 ается по требованію за 50 коп. почтовыми марками.
 ВСѢ НОВОУТИ ПО ФОТОГРАФИИ.

АЛЬБОМЪ ПАРИЖСКИХЪ КРАСАВИЦЪ

составленъ изъ 12 картинъ лучшихъ французскихъ художниковъ, какъ напримѣр:
 Триумфъ Венеры; Іосифъ и Потифаръ; Леда съ лебедемъ; Судъ Париса надъ тремя
 граціями; Дана при купаньи; Послѣ купанья въ гаремѣ; Венера, являющаяся тремя
 граціямъ и пр. Всѣ картины новѣйшей французской школы въ особенности замѣча-
 тельны тѣмъ, что художники съ такни неподражаемымъ искусствомъ изобразили

ПРЕЛЕСТИ и гармоніи пластичныхъ линий
ЖЕНЩИНЫ, не оскорбляя при всемъ этомъ глазъ
 зрителя.

ЦѢНЫ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ Въ издѣиціи малѣ: 2 р. 90 к., 2 за 5 р. 35 к.
 НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖЕМЪ: Безъ " 2 р. 5 к., 2 за 3 р. 60 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ. С.-Петербургъ,
 Невскій, № 20-31.

ГЕРМАНЪ РЕЙХЕЛЬ, Складъ новостей. СИВ. Невскій пр., 82

„Кавалеръ“.

„Грація“.

предлагаетъ золотыя издѣлія по умереннымъ
 цѣнамъ. Кольцо „Кавалеръ“, золото 56 пробы съ
 большимъ настоящимъ алмадиномъ и 4 настоящ.
 жемчугами 5 р. 25 к. Кольцо „Грація“, золото
 56 пробы съ 3 большими настоящими бирюзами
 и 6 настоящими жемчугами 6 р. 15 к.
 Всякая наложеннымъ платежемъ. Иллюстри-
 рованный прейсъ-курантъ новостей бесплатно.

Можно получать въ Москвѣ во всѣхъ магазинахъ Товарищества
„Эйнемъ“. Ш. № 8983 16-12

Можно получать во всѣхъ колоніальныхъ магазинахъ Россіи.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ
 УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ
ЛАБОРАТОРІЯ
 ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 21.

ЖИРНАЯ ПУДРА
 БѢЛАЯ, РОЗОВАЯ И РАШЕЛЬ, 50 н. кор.
 Пудра Велютиль Пудра де Нанояъ
 Пудра Донгола Вѣдла и Рувана.

МЕДАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
 БОЖИЕНСКІЙ просп. уголъ Казанской ул., д. № 24-51
 НЕВСКІЙ ПР. № 32 НЕВСКІЙ ПР. № 26

МАГАЗИНЪ ВЪ МОСКВѢ на Кузнецкомъ мосту д. № 11

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
 Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (58)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ Mimosa **ЛОЗЕ Ixora-viola**

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ
 магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
 учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
 обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 8931 26-10
 на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“,
 въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).
 На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ **ЗА РЕЗИНОВЫЯ**
ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено
 высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

РОЯЛИ И ПИАНИНО

Ю. БЛЮТНЕРА, въ Лейпцигѣ

и другихъ извѣстныхъ заграничныхъ и русскихъ фабрикъ; по фабричнымъ цѣнамъ:

ПИАНИНО отъ 375 руб. } и дороже
РОЯЛИ отъ 525 руб. }

а также всѣ другіе музыкальные инструменты, принадлежности къ нимъ и ноты, рекомендуетъ

ЮЛІЙ ГЕПРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДѢЛО И ФАБРИКА
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.
С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34 и 40.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВО

БРОКАРЪ и К^о.

**„ЦВѢТОЧНЫЙ
О-ДЕ-КОЛОНЪ“**

замѣняетъ духи, туалетную воду, курения и обыкновенный о-де-колонъ.

ДУХИ

**„ПЕРСИДСКАЯ
СИРЕНЬ“**

изъ настоящихъ цвѣ-
товъ персидской
спрени.

„Глицериновая
пудра“

освѣжаетъ и
мягчитъ кожу.

Усовершенствованное
„ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО“.

К. Шликэizenъ, Берлинъ SO.

машино-строительн. заводъ для кирпичн., торфяного, гончарнаго и известковаго производствъ, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длины, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (41)

Далѣе: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, лилейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляционную массу. Валцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

На Всероссийской Выставкѣ
въ Нижнемъ-Новгородѣ
обувь ТОВАРИЩЕСТВА
удостоена высшей награды:
правомъ изображенія
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА.

Товарищество
С.-Петербургскаго
Механическаго
Производства
Обуви.

№ 9533

2Р. ШТОПАЛЬНЫЙ 2Р. АНШАРАТЪ 2Р.

Чинить чулки, полотно, матеріи и проч. какъ тканю.
Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Больш. Морская, 33.
Къ каждому аппарату прилагается наставленіе и начатая работа. Высыл. немедленно, можно и наложеннымъ.

НОВОСТЬ!
ДУХИ
ВЪ ЧЕСТЬ
КОРОНАЦИИ
ПОСТАВЩИКОВЪ
ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА
А. РАЛЛЕ и К^о.
Москва, Кузнецкій мостъ.
С.-Петербургъ, Невскій, № 18.

В. Фреймутъ.

Москва, Никольская, д. гр. Шо-реметьева, прот. Слав. Базара.
Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества и придворн. часов. дѣл. мастеръ.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЯКАГО РОДА ЧАСОВЪ,
Ш. № 9220 собствен. и друг. фабр. 8-8
Высылка наложеннымъ платежамъ. Полный прейсъ-курантъ безплатно.

Около 1000 машинъ Ремингтонъ въ употребленіи въ министерствахъ въ одномъ Петербургѣ.
Общій сбытъ около 150,000.
№ 9524 10-1

DR. PFLÜGER
Americ. Dentist
№ 9383 10-10 **BERLIN, W.**
Bülow Strasse. 30.

ФАБРИКА И СКЛАДЪ
МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ
ТОКАРНЫХЪ СТАНКОВЪ
СКАВРОНСКАГО
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Литейный просп., № 43.
Фабрика существуетъ съ 1867 г. Станки дешевле заграничныхъ на 50%. Прейсъ-курантъ высылается за 7 коп. марку.

**ВЪ ПАМЯТЬ
СВЯЩЕННОГО КОРОНОВАНІЯ.**
Серебряные 84-ой пр. брелокъ съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ. Красивая отдѣлка съ разноцвѣтной эмалью и позолоченной короною. Очень красивый № 9348 рисунокъ. (13)
Шт. 2 р. 75 к.; 2 за 5 р. 25 к.; 3 за 7 р. 75 к.; 6 за 14 р. 95 к.; 12 за 27 р. 50 к.
Пересылка наложеннымъ платежамъ.
БАЗАРЪ МАРКЪ С.-Петербургъ, Невскій, № 20-31.

**БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ**
С.-Петербургъ, Невскій пр., 25.
СТРАХУЕТЪ
5% занл. съ выгр. листы
Гос. Двор. Зем. Банка
по 1 р. 25 к.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ (за исключеніемъ москвскихъ) объявленіе отъ „Базара марокъ“ въ СПБ.

XXVII.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 41

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содрж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 12 октября 1896 г.

Цена этого № 15 к., съ пор. 20 к.

**ПРИ ЭТОМЪ № РАВСЫЛАЕТСЯ
ВСѢМЪ ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ ЖУРНАЛА
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ „НИВЫ“ на 1896 годъ—
портретъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ,
исполненный по оригиналу художника И. С. ГАЛКИНА и отпечатанный масляными красками, размѣромъ
въ 18 вершковъ вышины и 14 вершковъ ширины.**

Типы и виды Средней Азіи. Сартянна.
Съ фот. А. Коробова автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

Часть третья.

II.

Князь Иванъ сдѣлалъ наскоро перевязку Ополчинину, раздѣлъ его, уложилъ въ свою комнату, на свою кровать, умылся самъ, переодѣлся и, оставивъ у больного Стенушку, поднялся опять наверхъ къ Бестужеву.

Онъ засталъ Алексѣя Петровича все еще за привезенными имъ письмами.

Бестужевъ сидѣлъ видимо на первомъ попавшемся ему стулѣ у круглаго стола, возлѣ котораго отдалъ ему сумку князь Иванъ, и не перенесъ даже сюда лампы, такъ, какъ былъ, углубился въ чтеніе.

Онъ такъ занялся, что казалось ничто уже, даже причина раздавагося внизу шума не интересовала его.

Реторта шипѣла на спиртовкѣ. Онъ забылъ о ней.

И первымъ вопросомъ его было, когда вошелъ къ нему Косой:

— Откуда вы достали это?

Но онъ и спросилъ такъ только, увидѣвъ лицо князя Ивана, и машинально совѣмъ.

По крайней мѣрѣ, спросивъ, онъ на минуту поднималъ глаза и снова опустилъ ихъ къ письму, вовсе и не желая услышать отвѣта.

Косой понялъ это, понялъ, что должно-быть въ письмахъ было что-нибудь очень важное, и остановился молча, чтобы не мѣшать...

— Это ужасъ, что такое!—проговорилъ, какъ бы про себя, продолжая читать, Алексѣй Петровичъ,—сейчасъ,—кивнулъ онъ князю Ивану,—сидьте...

Косой сѣлъ и сталъ ждать.

Бестужевъ кончилъ письмо, которое держалъ въ рукахъ, и, взявшись за новое, взглянулъ, поймавъ взглядъ смотрѣвшаго на него Косого...

— Вы знаете, что было въ этой сумкѣ?—спросилъ онъ.

— Я знаю, что тамъ не было только тѣхъ писемъ, за которыми я ѣздилъ,—отвѣтилъ увѣренно и спокойно Косой, — новидимому, я ошибся, понавъ не на того курьера... Я догналъ на первой станціи и все это сдѣлалъ слишкомъ поспѣшно. Но лица не могъ разглядѣть...

— И хорошо, что не разглядѣли, хорошо, что ошиблись... Я не знаю, какія письма нужнѣе—эти (Бестужевъ показалъ на лежавшія передъ нимъ), или тѣ, за которыми вы поѣхали...

— Даже такъ!—протянулъ Косой.—Я какъ сейчасъ вошелъ—видѣлъ, что тутъ есть интересующее васъ, но не ожидалъ, что...

— Да какъ же,—нѣтъ!—перебилъ Бестужевъ,—вѣдь это секретная переписка Шетарди со своимъ дворомъ. Вотъ его официальное донесеніе,—вотъ письмо къ кардиналу, къ прусскому королю, къ Амелоту—Амелотъ сдѣлалъ ему выговоръ, новидимому, и онъ оправдывается, прямо говоря, что будетъ стараться исправить свои ошибки, что если, по словамъ Амелота, честь короля Франціи обязываетъ поддерживать шведовъ и доставить имъ обезпеченія и преимущества, на которыя они надѣялись, то онъ теперь приложитъ къ тому еще болѣе старанія, чѣмъ прежде... Въ письмѣ къ прусскому королю онъ приводитъ слова, написанныя ему Амелотомъ,—вотъ...

Бестужевъ взялъ письмо и сталъ читать его вслухъ:

„Если король Франціи всегда желалъ переворота въ Россіи, только какъ средства облегчить шведамъ исполненіе ихъ намѣреній, и если этотъ переворотъ произвелъ противное дѣйствіе, то надобно жалѣть о трудахъ, предпринятыхъ для его ускоренія... Если война продолжится, то шведы не останутся безъ союзниковъ... Пусть царица остается въ увѣренности насчетъ благонамѣренности короля; однако, не нужно, чтобъ она слишкомъ оболъщала себя надеждою на выгодность мирныхъ условій...“

— Этого уже одного довольно,—заговорилъ Бестужевъ,—а тутъ въ другихъ письмахъ еще лучше... Я давно зналъ, что у Шетарди должны быть секретные курьеры; тѣ письма, что онъ посылалъ по почтѣ, мы прочитывали, и въ нихъ рѣшительно не было ничего предосудительнаго. Онъ не могъ ограничиваться ими. Но ни разу не пришлось не только перехватить его курьера, но даже узнать навѣрное, что онъ посылаетъ ихъ... И что же, это былъ русскій, у котораго вы взяли?..

— Должно-быть русскій,—улыбнулся Косой.

— А что?

— Имчикъ говорилъ, что очень крѣпко бранился на станціи...

— Ну, во всякомъ случаѣ,—рѣшилъ Бестужевъ,—теперь глаза государыни будутъ открыты. Изъ этихъ писемъ она ясно увидитъ, какую пользу намъ ждать отъ французскаго посланника. Теперь я не боюсь и за переговоры съ Нолькеномъ. Завтра же ѣду съ докладомъ къ государынь... Да, эти письма сдѣлаютъ многое... а тѣ другія, значить, ѣдутъ по назначенію?—вдругъ вспомнилъ онъ, но съ улыбкой.

Теперь ужъ ему казались не такъ страшны ухищренія его противниковъ, когда у него въ рукахъ было несомнѣнное доказательство ихъ собственной интриги.

Но князь Иванъ въ это время вынулъ изъ кармана другую замшевую сумку и положилъ ее на столъ передъ Бестужевымъ.

— Они не ѣдутъ,—сказалъ онъ,—вотъ они!..

Какъ ни привыкъ Косой къ тому, что Бестужевъ на его глазахъ рѣдко чему удивлялся, но теперь онъ

видѣлъ, что на Алексѣя Петровича его слова произвели впечатлѣніе.

Онъ, пораженный, поглядѣлъ на сумку, перевелъ глаза на князя Ивана и снова взглянулъ на столъ, на то мѣсто, гдѣ была положена сумка, точно ждалъ—не исчезнетъ ли она?

— Это что-жь, вы тоже привезли?—спросилъ онъ, не скрывая своего удивленія.

— Нѣтъ, это привезъ не я.

— Не вы—такъ кто же?

— Она была принесена сюда, прямо ко мнѣ, впизъ...

— Принесена,—протянулъ Бестужевъ,—но кѣмъ?

— Старымъ нищимъ.

И князь Иванъ рассказалъ, какимъ образомъ попала ему въ руки эта сумка отъ Ополчинина, прокравнагося ночью къ нему и наткнувшагося на зеркало.

— Она у него была на груди,—поиспилъ онъ,—вѣроятно онъ собрался совсѣмъ уже ѣхать, но заблагодарилъ передъ отъѣздомъ пожаловать ко мнѣ въ видѣ стараго нищаго...

— Странно,—опять улыбнулся Бестужевъ,—очень странно, по судьба, если захочетъ—все устронть... Въ этомъ нищемъ—ваша счастливая звѣзда. И гдѣ же онъ теперь?

— Ополчининъ?—онъ лежитъ у меня на постели, и оттого и замѣшкался внизу. Надо было ему перевязку сдѣлать...

— А за докторомъ послали?

— Гдѣ же теперь—ночью. Все равно никого не найти... Я велѣлъ, чтобы съ утра сходили.

— Да, да,—повторялъ Бестужевъ,—пусть сходятъ...

И онъ отпустилъ Косого, сказавъ, что теперь послѣ утомленія ему лучше всего заснуть.

— А вы не ляжете?—спросилъ его Косой.

— Нѣтъ—сегодня мнѣ спать не придется,—отвѣтилъ Алексѣй Петровичъ.

III.

Князь Иванъ спустился къ себѣ, занелъ посмотреть на Ополчинина (тотъ бредилъ о чемъ-то совершенно несвязномъ) и, выйдя изъ спальни въ комнату, которая служила ему кабинетомъ, легъ, не раздѣваясь, на диванъ.

Тутъ только, вытянувшись на диванѣ, онъ почувствовалъ, какъ онъ усталъ, и, какъ только закрылъ глаза, такъ ему показалось, что онъ ѣдетъ, ѣдетъ верхомъ по лѣсу, гдѣ заливаются соловей и лошади, выгнанныя въ ночное, фыркаютъ и скачутъ своими связанными ногами. Потомъ лѣсъ начинаетъ шумѣть, шумѣть, и онъ ѣдетъ уже не со Стенушкой, но съ Ополчининимъ, и не верхомъ, а по гладкой дорогѣ съ заворотомъ. Что-то было знакомое въ этой дорогѣ. Князь Иванъ сдѣлалъ усиліе вспомнить и вспомнилъ свой сонъ, видѣнный имъ вскорѣ послѣ прѣѣзда въ Петербургъ. Тамъ, во снѣ этомъ, лошадь гналась за нимъ и старалась загрызть его. Кто-то объяснилъ ему или онъ самъ нащелъ это—онъ уже не помнилъ,—что лошадь означала—ложь. И въ самомъ дѣлѣ—сколько всякой лжи опугало его, ложь, ложь кругомъ его была, но, слава Богу, мало-по-малу—все прошло, все миновалось, и теперь ждало его одно только счастье съ его Сопюшкой. Онъ не зналъ, какъ они будутъ жить съ нею, и хватить ли у нихъ средствъ, но до этого ему теперь, по крайней мѣрѣ, мало было дѣла...

Ему довольно было и сознанія, что она его, что никто уже не сможетъ отнять ее у него...

И съ этою счастливою мыслью онъ заснулъ глубокимъ, непробуднымъ сномъ, ровнымъ, безъ сновидѣній, ободряющимъ и освѣжительнымъ.

Вѣроятно, онъ спалъ очень долго, но когда онъ очнулся, почувствовавъ, что его будятъ, онъ окончательно потерялъ сознаніе времени и долго не могъ по-

нять, почему так свѣтло въ окнахъ и почему онъ лежитъ одѣтый на диванѣ у себя въ кабинетѣ.

Будиль его дворецкій Бестужева.

— Ваше сіятельство, ваше сіятельство, --- говорилъ онъ, --- извольте вставать. Сейчасъ докторъ пріѣдутъ...

Косой сѣлъ на диванъ, спустилъ ноги и протеръ глаза. Очнувшись, онъ вспомнилъ все происшедшее сегодня ночью.

— Да, докторъ, --- сказала онъ, --- а который часъ?

— Да ужъ одиннадцать скоро.

— Одиннадцать! неужели! --- удивился, даже испугался Косой.

Никогда ему не приходилось вставать такъ поздно.

— Такъ неужели до сихъ поръ доктора еще не было? --- спросилъ онъ опять.

— Нѣтъ-съ, утромъ одинъ пріѣзжалъ и за цырюльникомъ послали --- кровь бросили, а теперь сейчасъ самъ лейбъ-медикъ пожалуетъ...

— Какъ лейбъ-медикъ, какой лейбъ-медикъ?

— Господинъ Лестокъ. Графъ къ нимъ съ утра послали, они на словахъ приказали отвѣтить, что будутъ послѣ одиннадцати.

Камердинеръ видимо съ удовольствіемъ называлъ Бестужева „графомъ“. Это было еще вновѣ, потому что отецъ Алексѣй Петровича получилъ только на коронацію графское достоинство.

— Что же, онъ ему записку писалъ?

— Да-съ, записку писали и послали.

— А самъ Алексѣй Петровичъ дома?

— Съ утра уѣхали во дворецъ съ докладомъ. Они приказали, что если не вернется къ пріѣзду господина Лестока, то чтобы вы и молодой графиня ихъ приняли...

— А Андрей Алексѣвичъ дома?

— Сейчасъ сюда придутъ.

Едва только успѣлъ привести себя въ порядокъ князь Иванъ, какъ къ нему вошелъ свѣжій, румяный, довольный собой и жизнью, сынъ Бестужева.

— Что у васъ тутъ за происшествія, --- началъ онъ, --- здравствуйте, выспались?

Князь Иванъ всегда ощущалъ удовольствіе при видѣ симпатичнаго ему молодого графа Андрея, а послѣ того, какъ тотъ возился съ нимъ въ маскарадѣ, и со-всѣмъ полюбилъ его.

— Кажется, выспался, --- отвѣтилъ Косой, --- вы видѣли Алексѣя Петровича, когда онъ уѣзжалъ во дворецъ?

— Да, я какъ всталъ утромъ --- пошелъ къ нему. Онъ, кажется, опять всю ночь не спалъ.

— Я ему вообще удивляюсь, --- сказалъ князь Иванъ, --- какъ онъ выдерживаетъ.

— Не знаю, принялъ какія-то свои капли и, какъ ни въ чемъ не бывало --- уѣхалъ.

— Онъ вамъ ничего не говорилъ?

— Сказалъ только, чтобы васъ не тревожить, а разбудить васъ къ пріѣзду Лестока... Мнѣ люди рассказали, что вы куда-то ѣздили ночью, потомъ у васъ оказался ночной посѣтитель съ зеркаломъ. Удивительная исторія! Я не понимаю только, зачѣмъ для него понадобилось отъ тревожить самого Лестока... Вѣдь онъ даже не практикуетъ теперь, но къ намъ, сказалъ, что пріѣдетъ...

Князь Иванъ отлично понималъ, зачѣмъ понадобился Алексѣю Петровичу именно Лестокъ для оказанія врачебной помощи лежавшему тутъ въ домѣ Ополчинину.

Лучше трудно было и придумать, какъ пригласить его сюда, но онъ ничего не сталъ объяснять Андрею Алексѣевичу.

Князь Иванъ только усмѣхнулся въ усы и прошелся по комнатѣ, заранѣе представляя себѣ, какое должно будетъ сдѣлать лицо Лестокъ, когда узнаетъ своего пациента.

— Я иногда удивляюсь, --- сказалъ онъ только, ---

быстротѣ и вѣрности, съ которою вашъ батюшка дѣлаетъ свои распоряженія. Я ни одного изъ нихъ не знаю, которое бы не попадало сразу туда, куда нужно.

Въ это время пришли сказать, что пріѣхалъ Лестокъ, и молодой Бестужевъ долженъ былъ идти ему навстрѣчу.

Лестокъ вошелъ и сразу всѣмъ остался очень недоволенъ.

Заниматься практикой теперь ему, во-первыхъ, было некогда, а во-вторыхъ --- совершенно не нужно, при тѣхъ огромныхъ деньгахъ, которыя онъ получалъ и при дворѣ, и отъ французскаго двора.

Конечно, онъ пріѣхалъ въ домъ къ Бестужеву не ради этой практики, но только подъ предлогомъ ея. Сношеній своихъ съ вице-канцлеромъ онъ не прерывалъ никогда и при встрѣчахъ обмѣнивался съ нимъ откровенными любезностями.

Получивъ сегодня утромъ записку отъ Бестужева, съ просьбою пріѣхать сегодня же къ трудно-больному, Лестокъ все-таки ощутилъ нѣкоторую долю пріятности польщеннаго самолюбія, что такой человекъ, какъ Бестужевъ, самъ понимавшій многое въ медицинѣ и любившій ее, все-таки вѣрить въ его научный авторитетъ и зоветь его къ себѣ въ домъ, къ „трудно-больному“.

Онъ попытался велѣть разспросить у посланнаго, кто собственно боленъ, но отъ него ничего не могли добиться. Онъ твердилъ лишь, что велѣли ему отнести записку и принести отвѣтъ, а больше о-вѣ-де ничего не знаетъ.

Могло быть, что и самъ Алексѣй Петровичъ заболѣлъ --- вообще эта записка заинтриговала Лестока, и мысль побывать запросто, въ интимной жизни, въ домѣ Бестужева, --- посмотреть, что тамъ у нихъ и какъ --- показала ему соблазнительной.

Онъ сказалъ, что пріѣдетъ, и пріѣхалъ въ назначенный часъ, но конечно особеннаго удовольствія въ этомъ не видѣлъ, ему было интересно, жаль не поѣхать --- вотъ и все. Но, во всякомъ случаѣ, онъ думалъ, что его встрѣтитъ самъ Алексѣй Петровичъ, что ему окажутъ должный почетъ, къ которому онъ успѣлъ уже привыкнуть.

А на самомъ дѣлѣ вышло, что встрѣтилъ его сынъ Бестужева, сказавшій, что отецъ во дворецѣ и хотѣлъ, правда, вернуться къ его пріѣзду, но вѣроятнаго его задержали у государыни. Повели Лестока не въ парадныя комнаты на верхъ, а внизъ, черезъ залу, гдѣ была канцелярія и въ дверяхъ виднѣлось разбитое зеркало, и, наконецъ, ему пришлось столкнуться съ княземъ Косымъ, котораго онъ помнитъ отлично, и который именно сегодня показался ему особенно неприятенъ.

Всѣмъ этимъ онъ остался крайне недоволенъ, едва отвѣтилъ на поклонъ князя Ивана и одну минуту думалъ уже уѣхать назадъ, домой, и непременно уѣхать бы, еслибы не сообразилъ, что этимъ самъ станетъ въ неловкое положеніе.

— Гдѣ же больной? --- спросилъ онъ, обращаясь къ молодому Бестужеву съ такимъ видомъ, будто Косого и не было въ комнатѣ.

Андрей Алексѣвичъ открылъ дверь въ спальню.

Лестокъ, потирая руки, увѣренной походкой знающаго свое дѣло доктора, вошелъ туда.

Князь Ивану, по правдѣ сказать, очень хотѣлось войти за Лестокомъ въ спальню, но онъ ждалъ, войдетъ туда или нѣтъ молодой Бестужевъ, и хотѣлъ пройти только за нимъ.

Но Андрей Алексѣевичъ, пропустивъ Лестока, заворилъ дверь и шопотомъ сказалъ князю Ивану:

— Батюшка приказалъ впустить его туда одного...

IV.

Лестокъ оставался въ спальнѣ довольно долго.

Наемъ прислуги. Съ карт. в. Е. Маковского грав. Пягушкевичъ.

Заблудилась. Съ картины Э. Мелида, по фотогр. Браунъ, Клеманъ и К^о грав. Валла.

Князь Иванъ съ молодымъ Бестужевымъ ждали его, тихо разговаривая.

Косой отвѣчалъ Андрею Алексѣвичу машинально, а самъ все время думалъ о томъ, что должно было происходить тамъ, въ спальнѣ, между Лестокомъ и его неудачнымъ посланнымъ. Онъ зналъ уже, что Ополчининъ пришелъ въ себя, и потому, когда проснулся, не зашелъ къ нему. По продолжительности пребыванія Лестока въ спальнѣ, онъ чувствовалъ, что они разговариваютъ не только о болѣзни, но, вѣроятно, и о сумкѣ, бывшей вчера на груди у Ополчинина. Говорили они, однако, такъ тихо, что ни одно слово, ни единственный звукъ не долетали изъ спальни.

— Однако, я бы очень желалъ, чтобы батюшка,—проговорилъ Андрей Алексѣвичъ,—пріѣхалъ до его отъѣзда, а то онъ, кажется, обидѣлся...

— Погодите, — остановилъ его Косой, слышавъ стукъ колесъ на дворѣ,—кажется, карета Алексѣя Петровича...

— Такъ и есть—ну, слава Богу, — сказала молодой Бестужевъ, посмотрѣвъ въ окно.

Алексѣй Петровичъ, прямо какъ пріѣхалъ отъ государыни, въ своемъ парадномъ, бархатномъ кафтанѣ, въ орденахъ и лентѣ, прошелъ черезъ канцелярію въ помѣщеніе князя Ивана.

— Ну, слава Богу — все хорошо, даже болѣе, чѣмъ хорошо—отлично!—сказалъ онъ Косому.—Государыня одного меня только и приняла сегодня. Ей *все* доложено.

Онъ сказалъ это слово „все“ такъ, что князь Иванъ сразу понялъ, что не только *все* было доложено, но и произвело оно свое дѣйствіе. Словомъ, что кампанія выиграна.

— А онъ тамъ? — показалъ Бестужевъ на спальню.

— Лейбъ-медикъ у больного, — отвѣтилъ князь Иванъ, не смогши сдержать при этомъ улыбки.

— Ну, хорошо — оставьте меня здѣсь одного, мнѣ нужно переговорить съ нимъ,—проговорилъ Бестужевъ.

Не лицо его, но глаза, одни глаза только улыбались. Князь Иванъ и Андрей Алексѣвичъ вышли.

Оставшись одинъ, Алексѣй Петровичъ прошелся по комнатѣ, подошелъ къ зеркалу, поправилъ кружева своего жабо и, взглянувъ въ свое лицо, остался имъ доволенъ — и признака утомленія, благодаря подкрѣпляющимъ каплямъ, не было замѣтно въ немъ.

Онъ отошелъ къ письменному столу князя Ивана и, вынувъ изъ кармана золотую табакерку съ миниатюрой на крышкѣ, положилъ ее на столъ. Миниатюра представляла изъ себя удивительно похожій портретъ Соношки, заказанный Алексѣемъ Петровичемъ Караваку для князя Ивана. Сегодня, утромъ, весьма кстати, принесли эту табакерку готовою.

Дверь спальни отворилась, и Лестокъ, весь красный, сердитыми, быстрыми шагами вышелъ оттуда.

Онъ вышелъ и остановился, не подозрѣвая, что самъ Бестужевъ ждалъ его тутъ.

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза, и Лестокъ понялъ, что Алексѣй Петровичъ не ждетъ и не желаетъ никакихъ объясненій.

Въ самомъ дѣлѣ, разговаривать было не о чемъ.

Но Бестужевъ, послѣ официального, изысканно-вѣжливаго поклона, все-таки спросилъ:

— Ну, что больно?

Лестокъ, борясь съ собою, отвѣтилъ, силясь заставить повиноваться свои дрожавшія губы:

— Кажется, очень плохо. Нужно опасаться гангрены.

Онъ отвѣчалъ какъ докторъ и этимъ отвѣтомъ своимъ хотѣлъ показать, что онъ именно здѣсь какъ докторъ, и что поэтому считаетъ лишними всякіе другіе разговоры.

Онъ хотѣлъ поклониться и пройти.

Въ самомъ дѣлѣ, это было для него самое удобное, по Бестужевъ остановилъ его.

— Простите, — проговорилъ онъ, — что я былъ лишень удовольствія встрѣтить васъ лично, но я прямо отъ государыни...

И онъ показалъ на свое парадное одѣяніе.

Лестокъ опять поклонился и хотѣлъ снова пройти. Ему было рѣшительно все равно, гдѣ былъ и откуда пріѣхалъ Бестужевъ,—уйти поскорѣе, вотъ чего желалъ онъ только.

— Мнѣ кстати,—заговорилъ опять Бестужевъ,—нужно вамъ сказать нѣсколько словъ по поводу сегодняшняго моего доклада...

— Простите—мнѣ некогда,—началъ было Лестокъ.

— По приказанію ея величества, — сказалъ Бестужевъ.

Лестокъ остановился. Онъ долженъ былъ выслушать, если дѣло касалось приказанія императрицы. Онъ хотѣлъ выслушать, однако, стоя, но Алексѣй Петровичъ имѣлъ жестокость придвинуть ему стулъ.

Лестокъ былъ въ такомъ состояніи волненія, что уже не могъ долѣе сопротивляться. Онъ опустился на стулъ, тяжело дыша. Онъ былъ весь въ испаринѣ и очень красенъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Вы вѣдь хорошо, кажется, знакомы съ Шетарди?.. Лестокъ поежился.

— Да, какъ и со всѣми...—выговорилъ онъ.

— Но все-таки между вами и французскимъ посломъ существуетъ нѣкоторая интимность?

— То-есть, никакой особенно... Я люблю пріятное общество...

— Да, я знаю,—сказалъ Бестужевъ, „и французскія деньги!“ мелькнуло у него. — Ну такъ, знаете что,—продолжалъ онъ,—намеряйте ему, чтобы онъ уѣхалъ отсюда... въ отпускъ домой, во Францію...

— Домой, во Францію?—переспросилъ, разинувъ ротъ, Лестокъ. — Какъ, чтобы французскій посолъ уѣхалъ домой?

— Да, это будетъ полезно для него.

— И на это государыня согласна?

— Официально отъ ея имени нельзя сказать этого, во-первыхъ, потому, что императрица не желаетъ полного разрыва съ Франціей, а во-вторыхъ—эти несчастныя двѣ тысячи, которыя ссудилъ ея величеству Шетарди, когда она была цесаревною... Но дѣло въ томъ, что это не оправдываетъ вовсе его дальнѣйшаго поведенія. Оно слишкомъ скомпрометировало его.

— Да... но... въ такомъ случаѣ...—проговорилъ растерянно Лестокъ, — что же будетъ съ мирнымъ договоромъ со Швеціей, вѣдь этакъ Нолькенъ уѣдетъ...

— И пусть его уѣзжаетъ...

— Значитъ, разорительная война продолжится?..

— Разорительная война!—подхватилъ Бестужевъ,—гдѣ же это разорительная война, когда шведы боятся сраженія и не идутъ въ открытыя дѣйствія, — гдѣ же тутъ разореніе, когда наши войска въ отличномъ состояніи, а шведскія никуда не годны, развѣ только къ отступленію. И при такихъ обстоятельствахъ вы хотите, чтобы Россія заключила миръ, сдѣлавъ Швеціи уступки противъ ништадтскаго мира. Да это не война разорительная, а такой миръ былъ бы позоромъ и оскорбленіемъ памяти Петра Великаго!.. Швеціи дѣлать уступки—за что? За то, что это угодно Франціи?..

— Да, по развитіе Европы впередъ... — попытался было вставить Лестокъ, самъ не зная того, что говорить.

— Намъ до развитія дѣлъ Европы, — перебилъ Бестужевъ,—нѣтъ никакого отношенія. Мы должны знать родное, русское и оберегать честь Россіи — вотъ это наше дѣло, а до прочаго мы не касаемся.

Лестокъ, видя, что говорить уже нечего, постарался скрыть свое смущеніе подъ видомъ напускнаго оскорбленнаго достоинства.

— Это все, что вы имѣли мнѣ сказать? — спросилъ онъ, выпрямляясь и напрасно сился принять горделивую осанку.

— Все. Хотя, если угодно, я могу и еще сказать вамъ... Такъ вы думаете, что большой опасенъ?..

Лестонокъ опять всныхнулъ.

— Очень опасенъ,—отвѣтилъ онъ, снѣна укрыться подъ скорлупкой докторскаго званія, и поднялся со своего мѣста.

Бестужевъ тоже всталъ, показывая этимъ, что разговоръ ихъ конченъ.

Онъ вѣжливо проводилъ Лестока до самыхъ сѣней.

Когда князь Иванъ вернулся къ себѣ въ кабинетъ, онъ нашелъ на столѣ табакерку съ портретомъ Союшки. Онъ понялъ, что это подарокъ ему Бестужева, заказанный имъ раньше, но сегодня сдѣланный въ благодарность за его успѣшную службу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Домъ на Фонтанной.

I.

Кампанія была выиграна. Нолькенъ уѣхалъ изъ Москвы съ дѣлюю, какъ объяснилъ онъ русскимъ представителямъ власти, — отправиться прямо въ Швецію, дабы засвидѣтельствовать тамъ о мирныхъ стремленіяхъ русскаго правительства и желаніи его вести переговоры прямо со Швеціею, безъ французскаго посредничества, о которомъ-де онъ слышитъ здѣсь въ первый разъ.

Вскорѣ, дѣйствительно, 23 іюля фельдмаршалъ Лесси, командовавшій нашей арміею въ Финляндіи, получилъ отъ Нолькена письмо, въ которомъ тотъ писалъ, что побывалъ въ Стокгольмѣ и явился въ Финляндію въ качествѣ полномочнаго посла, которому поручено вести мирные переговоры.

Онъ былъ въ Борго. Переговоры съ Нолькеномъ были поручены Румянцеву, но пока они шли—военныя дѣйствія продолжались.

Лесси подошелъ къ Фридрихсгаму, и шведы сдали эту крѣпость, отступивъ и зажегши ее. Предводительствовавшій шведами Левенгауптъ отступилъ за Кюмень, направляясь къ Гельсингфорсу. Русскіе преслѣдовали его. Сдалисъ также безъ сопротивленія Нейшлотъ и Тавастгусъ.

Лесси постигъ шведскую армію у Гельсингфорса и сумѣлъ отрѣзать ей отступление къ Або, воспользовавшись для этого дорогой, проложенной пѣкогда по приказанію Петра Великаго и указанной теперь однимъ крестьяниномъ. Со стороны моря шведы были заперты русскимъ флотомъ.

Генералы шведскіе Левенгауптъ и Будденброкъ были отозваны въ Стокгольмъ для отданія отчета сейму въ своихъ дѣйствіяхъ. На мѣсто ихъ остался командовать арміею генералъ Бускетъ.

И тутъ случилось нѣчто небывалое въ военныхъ лѣтописяхъ: семнадцатитысячная шведская армія сдалась 26 августа на капитуляцію, сдавъ русскимъ оружіе и всю артиллерію.

Теперь не только со стороны шведовъ нельзя было падѣяться на какія-нибудь уступки отъ Россіи, о чемъ такъ усердно хлопоталъ Шетарди, но имъ надо было думать о томъ, какъ заключить миръ на менѣе тяжелыхъ для себя условіяхъ.

Бестужевъ велъ дѣло твердою рукою.

Великій канцлеръ Черкасскій былъ больной старикъ, и вся забота лежала на вице-канцлерѣ — Алексѣѣ Петровичѣ.

Онъ не отпуская отъ себя Косого, успѣвъ привыкнуть къ нему, и все говорилъ только:

— Дайте намъ раздѣлаться со Швеціею—тогда я васъ отпущу и можете играть вашу свадьбу. Я устрою васъ.

Князю Косому дѣйствительно нужно было устроиться для свадьбы.

На холостое житье теперь ему хватало того, что у него было, но и то хватало лишь при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился. Было у него собственнаго—одно только жалованье, но оно уходило на расходы по той жизни, которую долженъ былъ вести князь Косой.

Жилъ онъ въ домѣ Бестужева и у него же обѣдалъ почти каждый день.

Все это было хорошо для холостого. Но, женившись, онъ не могъ уже оставаться у Алексѣя Петровича, да и на самую свадьбу нужны были деньги. Онъ не хотѣлъ сдѣлать ее кое-какъ, а средствъ у него не было.

Къ тому же, приданое, обѣщанное императрицею Союшкѣ, затягивалось самымъ непонятнымъ образомъ, и даже влияніе Бестужева не могло тутъ ничего сдѣлать.

Находились какія-то проволочки, справки, и все никакъ не могли подобрать нужной деревни.

Словомъ, на это, какъ на выходъ, рассчитывать было нельзя.

Бестужевъ обѣщался „устроить“, приходилось ждать. Между тѣмъ, князь Иванъ видѣлъ, что Союшка мучается и страдаетъ оттяжкой дѣла.

Вѣра Андреевна все чаще и чаще стала намекать ей, что, что же это такое, дескать, ваша свадьба? — и нѣсколько разъ въ сердцахъ вырывалось у нея названіе Союшки „вѣчная невѣста“.

Вѣра Андреевна злорадствовала, Союшка терпѣливо переносила все, и князь Иванъ, несмотря на все свое безумное, страстное желаніе поскорѣе обвѣнчаться съ нею, долженъ былъ придумывать самъ себѣ на зло благовидные предлоги для откладыванія свадьбы, чтобы давать по возможности меньше поводовъ для злорадства Вѣры Андреевны.

Еще лѣтомъ, послѣ Петровокъ, уѣхали въ Петербургъ Рябичи, и тамъ была сыграна свадьба Наденьки съ молодымъ Творожниковымъ.

Соголевы въ Успенскій постъ уѣхали къ себѣ въ деревню, гдѣ провели всю осень.

Въ концѣ октября, по первопутку, они отправились въ Петербургъ. Остановиться опять у Сысоевыхъ Вѣра Андреевна нашла неудобнымъ, а самостоятельно жить въ Москвѣ было слишкомъ дорого.

Князь Иванъ и Союшка были въ перепекѣ, какъ женихъ и невѣста.

Они видѣлись при проѣздѣ черезъ Москву. Косой былъ въ такомъ отчаяніи, что Союшкѣ пришлось утѣшать его.

Они уѣхали въ Петербургъ. Князь Иванъ не могъ выйти изъ своей неизвѣстности. Дворъ долженъ былъ, какъ говорили, остаться въ Москвѣ до конца года, значить, и Бестужевъ будетъ тутъ до этого времени.

Нельзя будетъ и Косому вырваться раньше. Одному ему ѣхать въ Петербургъ не имѣетъ смысла, такъ какъ что онъ будетъ дѣлать тамъ безъ денегъ, безъ возможности какъ-нибудь устроиться.

Ему приходило въ голову нѣсколько разъ запясть денегъ, но, или ни у кого изъ тѣхъ, кто готовъ былъ повѣрить ему, не было ихъ, или ему, бездомному, въ сущности, князю Косому, не вѣрили тѣ, у кого были деньги.

Да и въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ онъ могъ отдать свой долгъ?

Сумма ему для обзаведенія требовалась большая, а рассчитывать онъ могъ только на свое жалованье.

Онъ бомбардировалъ Союшку отчаянными письмами, получалъ отъ нея, но ни онъ, ни она не могли сообщить другъ другу ничего утѣшительнаго.

И вдругъ разъ, когда Косой сидѣлъ въ канцеляріи, ожидая, что принесутъ сейчасъ почту и онъ получитъ письмо отъ Союшки—единственное свое утѣшеніе те-

перь—и думать, что письмо это хотя и принесет радость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и горе, потому что растравить только, —ему подали не одно, какъ онъ ждалъ, а два письма.

На одномъ— онъ сейчасъ же узналъ на адресѣ мелкій почеркъ Сонюшкиной руки. Другой же адресъ былъ написанъ тоже знакомою рукой, но только князь Иванъ не могъ сразу узнать—чей.

Онъ распечаталъ Сонюшкино письмо, пробѣжалъ его, отложилъ, чтобы потомъ перечестъ какъ слѣдуетъ, и раскрылъ второе.

БѢЛЫЙ НЕВОЛЬНИКЪ.

(Съ нѣмецкаго.)

Въ Англіи ссылка была издавна одною изъ употребительнѣйшихъ мѣръ наказанія; задолго до основанія австралійскихъ исправительныхъ колоній, преступниковъ ссылали въ сѣвероамериканскія колоніи и на восточные острова, причемъ, съ истинно-британскою спекулятивною, извлекалась денежная выгода даже изъ этого акта правосудія. „Бѣлые невольники“—такъ называли ссыльных—запродавались въ кабалу къ плантаторамъ за опредѣленный взносъ въ пользу англійскаго правительства. Но такъ какъ въ колоніяхъ денегъ было мало, то взносы производились большей частью „натурой“, то-есть судебное вѣдомство получало въ счетъ платы за работу всевозможные туземные продукты: въ Виргиніи—табакъ, на островахъ Ямайки и Барбадосѣ—сахаръ, и т. д. Въ концѣ XVII столѣтія, напри- мѣръ, на Барбадосѣ уже вполне установились цѣны на „бѣлыхъ невольниковъ“ изъ Англіи; за совершенно здороваго, способнаго къ работѣ человѣка давали 1,150 фунтовъ сахара—вѣроятно, въ видѣ большого боченка сахарнаго песка. Такимъ своеобразнымъ отношеніемъ къ преступникамъ, изобрѣтательное англійское правительство достигло того, что за покрытіемъ издержекъ по перевозкѣ ссыльныхъ, въ казну поступалъ еще довольно значительный доходъ.

Въ числѣ „бѣлыхъ невольниковъ“ сбывались плантаторамъ не только настоящіе преступники, но и политическіе враги правительства, а также лица, которыхъ считали таковыми по одному только подозрѣнію. Такъ было, напри- мѣръ, въ деспотическое правленіе Іакова II, послѣ неудавшагося возстанія герцога Монмаутскаго въ 1685 году. Страшна была месть короля побѣжденнымъ. Многие, въ томъ числѣ самъ герцогъ, были казнены; тысячи несчастныхъ сосланы; пощадъ не было даже именитымъ джентльменамъ и, какъ единогласно утверждаютъ всѣ историки, пострадало много совершенно невиновныхъ. Жертвой ярости короля сдѣлался, между прочимъ, одинъ довольно состоятельный помѣщикъ, Томасъ Ригби. Никакого участія въ возстаніи онъ не принималъ, но, по доносу одного враждебно къ нему относившагося сосѣда, его обвинили въ томъ, что онъ далъ у себя ночлегъ и помощь бѣжать своему двоюродному брату, приверженцу Монмаута, послѣ рѣшительной битвы съ королевскими войсками, окончившейся полнымъ пораженіемъ герцога.

Ригби былъ арестованъ и, послѣ десятидневнаго тюремнаго заключенія, посаженъ вмѣстѣ съ многими другими товарищами по несчастью на корабль, съ тѣмъ, чтобы быть проданнымъ на Барбадосѣ въ качествѣ „блага невольника“; его участь должны были раздѣлить и всѣ другіе, между которыми были офицеры, адвокаты, духовныя лица. Въ продолженіе ареста Ригби ничего не слышалъ о своей женѣ Элеонорѣ и своихъ двухъ сыновьяхъ, такъ какъ въ сношеніяхъ съ семьями, даже въ переноскѣ, заключеннымъ было отказано. Покорившись судьбѣ, онъ отправился на Барбадосъ, думая, что навсегда потерялъ для своихъ близкихъ.

По прибытіи транспортнаго судна въ гавань Бриджтауна, главнаго города острова, ссыльные были помѣщены въ какомъ-то сараѣ, гдѣ губернаторскій комиссаръ передавалъ ихъ тѣмъ плантаторамъ, которые, цѣной взноса 1,150 фунтовъ сахара за человѣка, желали имѣть бѣлыхъ рабовъ. Ригби узналъ, что его запродали владѣльцѣ одной маленькой плантаціи близъ города. Солдатъ долженъ былъ отвезти его туда и сдать подъ расписку.

Онъ отправился въ путь, мучимый мрачными мыслями, ропща на свою судьбу и почти отчаяваясь въ Промыслѣ Божіемъ.

Какъ только онъ раскрылъ его и взглянулъ на подпись, онъ сейчасъ же узналъ руку.

Письмо было отъ Левушки.

Левушка звалъ его въ Петербургъ, какъ можно скорѣе, хоть на нѣсколько дней, если иначе не отпустятъ его, звалъ непремѣнно, безотлагательно, во что бы то ни стало...

Онъ требовалъ, чтобы Косой бросилъ все и немедленно прѣзжалъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Время было къ вечеру, когда путники достигли небольшого, красиваго дома плантаціи. Двери распахнулись, со ступенекъ веранды сбѣжала дама съ двумя мальчиками, всѣ трое кинулись къ Ригби и обняли его, плача отъ радости. Къ величайшему своему изумленію, онъ узналъ въ дамѣ свою жену, въ мальчикахъ—своихъ сыновей. Растроганный солдатъ смахнулъ навернувшіяся слезинки и, получивъ расписку въ доставкѣ ссыльнаго владѣльцѣ плантаціи, удалился.

— Сонъ это или дѣйствительность?—воскликнулъ Ригби, совершенно растерявшись отъ радостнаго потрясенія.

— Самая счастливая дѣйствительность, милый Томасъ!—весело сказала она.

— Ты на Барбадосѣ, Элеонора? И Артуръ, и Георгъ?

— Да, мой милый! Мой долгъ быть тамъ, гдѣ ты, не покидать тебя въ горѣ и нуждѣ.

— Но какъ тебѣ это удалось?

— Очень просто. Ты опять мой. Чтобы добиться этого, я поспѣшила сдѣлаться плантаторшей на Барбадосѣ. Уже двѣ недѣли, какъ я съ Артуромъ и Георгомъ на этомъ прекрасномъ островѣ.

— Значитъ, ты меня купила?

— Да, купила... за 1,150 фунтовъ сахара!

— О, ты, моя несравненная умница! вѣрная жена!—воскликнулъ Томасъ, крѣпко обнимая и цѣлуя ее.

Счастливая семья вошла въ домъ, гдѣ въ уютной комнатѣ былъ поданъ ужинъ. За столомъ Элеонора рассказала мужу, какъ все это устроилось:

— Я не въ состояніи передать тебѣ,—говорила она,—какое мучительное безпокойство я испытывала, когда ты былъ въ тюрьмѣ. Я старалась на всѣ лады завязать съ тобой переписку, но мои старанія были напрасны. Благодарю подкуну, я узнала, по крайней мѣрѣ, отъ одного судебного клерка, что тебя ссылаютъ на Барбадосъ, и что этотъ приговоръ не будетъ смѣгченъ,—ты, вмѣстѣ съ другими жертвами будешь проданъ въ качествѣ „блага раба“. Тогда я собрала точныя свѣдѣнія объ условіяхъ сбыта преступниковъ въ колоніяхъ и, вполне уяснивъ себѣ положеніе вещей, рѣшилась переселиться на Барбадосъ, сдѣлаться плантаторшей и купить тебя. Наше имѣніе я поручила надежному управляющему; взяла съ собой столько денегъ, сколько нужно было по приблизительному расчету для перваго обзаведенія, и заручилась кредитомъ у одного купца въ Бриджтаунѣ. Послѣ благополучнаго плаванія, я прибыла сюда двѣ недѣли тому назадъ. Конецъ и его жена оказались очень добрыми людьми, обласкали меня и были мнѣ полезны во всѣхъ отношеніяхъ. Черезъ нихъ я познакомилась съ женой губернатора и женой комиссара. Эти благородныя души исходатайствовали мнѣ разрѣшеніе купить тебя. Всѣмъ извѣстно, что ты не преступникъ, а невинная жертва доноса, поэтому всѣ отнеслись къ нашей судьбѣ съ самымъ теплымъ участіемъ. Итакъ, по закону, официально, ты мой „бѣлый рабъ“, въ дѣйствительности же—ты господинъ и повелитель этой маленькой, красивой плантаціи, которую я купила ради тебя и для тебя.

Изгнаніе, впрочемъ, длилось недолго. Англійскій народъ, наскучивъ деспотизмомъ короля Іакова II, изгналъ его въ 1688 году. На престолъ вступилъ Вильгельмъ III. Въ числѣ множества ссыльныхъ, возвращенныхъ на родину, былъ и Томасъ Ригби. Жена его продала всю плантацію, удержавъ только „блага невольника“.

Промышленныя выставки въ Берлинѣ и въ Женевѣ.

Спеціальная корреспонденція „Нивы“.

Мологъ въ могучей рукѣ, выходящей изъ пѣдръ земли—эмблема труда, энергіи и промышленной силы—такова виньетка герба берлинской промышленной выставки. Многие находятъ его неизящнымъ, некрасивымъ, но на всѣ вкусы не угодишь, а гербъ этотъ характеренъ, бросается въ глаза и какъ нельзя лучше пенюшилъ свое дѣло. Онъ всѣмъ извѣстенъ, всѣмъ прокричалъ про выставку. Еще задолго до открытія выставки оригиналь-

ное объявленіе-виньетку съ молотомъ и надписью большими буквами Berliner Gewerbe-Ausstellung можно было встрѣтить чуть ли не вездѣ: и на бульварахъ Парижа, и у подножія пирамиды въ Каирѣ, и въ вагонахъ петербургскихъ конокъ; на лѣстницѣ конторы „Нивы“ оно усѣло уже состариться, когда появилась въ маѣ виньетка нашей нижегородской выставки—русская дѣвушка въ княжескомъ нарядѣ, окруженная лучами

Осень. Съ картины А. Зейферта грав. Цэне.

славы и лавровыми ветками. В нашу ветвь реклама—великое дело. половина ушей: она разнообразна, как жизнь: одна блестящая и трещит, как метеоры, другая назойлива, выплывающая в мозг, неотступно преследующая; к этой последней категории принадлежит и рука с молотом, которая все время перед глазами и в конце концов заставит-таки посетить выставку. И в результате берлинцы уже насчитывают шестой миллион посетителей, и если они еще недо-вольны, еще жаждут, то едва ли не потому, что в ушей у них закружилась голова и разыгрался аппетит.

Берлин всегда имеет несколько торжественный, приподнятый вид: по случаю выставки он еще более поднят и стал совсем самодовольно-ликующим. Выставка в Берлине имеет чисто мѣстный характер—по правилам на нее допускались лишь предметы, произведенные в Берлине—но первоначально был проект в честь 25-летию Германской империи устроить в Берлине всемирную выставку, и вот быт-может почему немцы так и шумят, придают такое большое значение своей Berliner Gewerbe-Ausstellung. Спутники по куле вагона, кондукторы или Zugführer, как теперь их называют в Германии, и даже посылки смотрят на иностранца, направляющегося в Берлин, и как на неизбежный аксессуар их выставки и как на счастливицу, которому предстоит тьма удовольствий. Сколько бы вы ни расспрашивали немцев про их выставку, много ответа, кроме восторженных похвал, вы не получите, и волей-неволей до ближайшего съ ней ознакомления вам придется уверовать, что берлинская выставка вне конкурса, из всех выставок выставка.

Подъезжая к отелю, в котором, по старой привычке, останавливаются всегда: тотчас же големом выскакивает портье и, получив отрицательный ответ на вопрос, заказан ли номер, торжественно объявляет, что у них все занято, и въ его тон слышится вот главный, думать, что во время выставки у нас есть свободные комнаты! Слово нет, немцы любят утрировать свой патриотизм, свое поклонение всему немецкому, но они восхищаются так искренно, так сильно, что увлекут всякого, даже славянина, недоверчиво относящегося ко всяким порывам. Впрочем, изо всех наций едва ли не один только славяне не выработали въ себе уважение къ чуждому труду и знанию, не учились подчиняться предводителю въ общественном деле и не вбукиваться въ работу подчиненных. Отсюда неминуемая рознь, принимающая иногда гомерические размеры и съ комментариями и добавлениями разнообразная по Руси досужими сплетниками—а где их у нас нет? Окупите на минутку въ служебную жизнь берлинской выставки и, кроме указаний на грандиозность непонятной задачи, изменений перед глазами, как своими, так и своих соотарищ, и преклонения перед начальством, вы ничего не услышите. Быт-может все это и не так въ действительности, но сора из избы не выносить: общественное дело должно быть въ орудь. Поблизайте затѣм на нашу нижегородскую выставку и развѣсьте только уши, и вам тотчас же расскажут и расскажут великодушно историю—и не одну—въ родѣ того, как посеорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ; и въ рассказъ будет столько добродушия, столько чистого русского юмора, что слушатель не почувствует никакой неприязни къ этимъ Иванычамъ и Никифорычамъ, которые въ общественное дело вбукивали личные счеы, а благодушно, раскатисто пошлетса.

Берлинская выставка расположена на краю города, даже отчасти за городскую чертою, въ паркѣ Трептовъ (рис. на стр. 1022), отстоящем довольно далеко отъ центра Берлина и кварталовъ, обыкновенно посещаемыхъ иностранцами. Но сообщение съ выставкой идеальное: кроме обычныхъ фиакровъ, къ выставкѣ идетъ круговая желѣзная дорога, электрической трамвай, конно-желѣзная дорога, ходятъ пароходы и электрические лодки. Въ они въ три часа свободно могутъ перевезти по 170,000 пассажировъ. Вотъ тутъ-то и разница съ нашей выставкой. Къ Нижнему-Новгороду ведетъ одна только желѣзная дорога, которая въ день доставляетъ всего около 10,000 пассажировъ, а выставка со станцией и съ городомъ соединена однимъ электрическимъ трамваемъ, способнымъ перевозить въ часъ не больше 600 пассажировъ. Интересная подробность: оба трамвая, въ Нижнемъ и въ Берлине, построены одною фирмою—Сименсъ и Гальске; въ Берлине онъ рассчитанъ на 6,000 пассажировъ въ часъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ—600! Можно себѣ представить, что бы было, еслибы въ одинъ прекрасный день пожелало посетить нижегородскую выставку 250,000 лицъ—число посетителей бывшее въ Духовъ день на берлинской выставкѣ.

Турить хорошо съѣзжаетъ, если проѣдетъ одинъ разъ на выставку по кошке или въ фиакрѣ съ кучеромъ въ бѣлой шляпѣ: эти фиакры снабжены механическимъ счетчикомъ, прямо показывающимъ, сколько слѣдуетъ заплатить: не приходится торговаться или сражаться по такел. Эта поездка тѣмъ интересна, что приходится проѣзжать по отдаленнымъ кварталамъ Берлина, почти сплошь заселеннымъ рабочими. Въ эти кварталы обыкновенный туристъ едва ли иначе когда-нибудь по-

наль бы, а они имеютъ несомнѣнный общественный интересъ. Они далеко не имеютъ вида рабочихъ слободокъ. Высокие пяти-шести-этажные дома, красивой новой архитектуры, совсемъ не кажутся населенными пролетариями. Большия окна, наверху изъ нихъ бѣлыя кисейныя занавѣски и куски цвѣтовъ, содержимые, повидимому, заботливою рукою. Повсюду сады, въ которыхъ видишь здоровыхъ и веселыхъ ребятшекъ и отдыхающихъ рабочихъ, съ газетою въ рукахъ. Все веселая, подбодряющая картина. Говорятъ, что немецкій рабочий въ настоящее время живетъ болѣе роскошно, чѣмъ англійскій, можетъ иметь больше потребностей, и этому нельзя не вѣрить. Еще недавно германская промышленность была совершенно ничтожной; колоссальный успехъ, о которомъ свидетельствуетъ и рабочий кварталъ и еще нагляднѣе берлинская выставка, указываетъ, чего можно достигнуть путемъ упорной настойчивости и выдержки.

У самыхъ выставочныхъ воротъ расположился навильонъ, довольно оригинальной архитектуры, въ которомъ помѣщается такъ называемое propaganda-bureau, учрежденіе, призванное всеми силами рекламировать выставку и привлекать къ ней массы посетителей. И здѣсь же ясно видно, что оно достигло цели; народъ, что называется, валомъ валитъ—обычная ежедневная норма 50 — 60 тысячъ посетителей. И, идя навстрѣчу толпѣ, вамъ кажется, что вы попали къ окончанію театра или концерта, когда народъ расходится.

Первое впечатлѣніе отъ выставки очень пріятное: хорошенькіе кіоски, навильончики, густолѣственный паркъ, быт-можетъ менѣе выложенный, чѣмъ въ Буда-Пештѣ, но не менѣе пріятный. Про берлинскую выставку обыкновенно говорятъ, что она построена на чисто-коммерческихъ началахъ и поэтому въ ней слишкомъ много развлеченій и удовольствій, привлекающихъ невзыскательную публику. Но это не точно. Хотя устроители выставки и не поскупились на нихъ—наши читатели знаютъ по статьѣ, уже помѣщенной въ *Пиво*, какъ притомъ разнообразно они организованы—но въ кофейни, гаремъ, циркъ и пр., сгруппированы вмѣстѣ и образуютъ особый Vergnügungspark, въ который при желаніи можно и вовсе не поасть. Сама же выставка имеетъ несомнѣнно серьезный и поучительный характеръ, который придаетъ ей цѣлая серия прекрасныхъ и научно сгруппированныхъ экспонатъ и лекцій по техническимъ и общеобразовательнымъ вопросамъ, которые читаются ежедневно по вечерамъ въ навильонѣ жизни. Къ чтеніямъ привлечены выдающиеся ученые и писатели всей Германии.

Центръ берлинской выставки составляетъ зданіе промышленности, построенное не въ обычномъ выставочно-вокзальномъ стилѣ, но оригинальной, даже причудливой архитектуры. Фронтонъ его украшенъ громадною колоннадой, которая спускается къ пруду и переходитъ здѣсь въ красивую аллею. На противоположномъ концѣ пруда виситъ красивая терраса ресторана, съ громадною водопроводною башнею. Забѣлательно умѣе немцевъ сочетать полезное съ красивымъ; эта башня положительно украшаетъ прудъ; поставьте ее отдѣльно—и ея безобразіе пужно будетъ скрывать. На пруду плаваютъ граціозные лебеди и плывутъ гондолы. Очаровательную картину представляетъ этотъ прудъ по вечерамъ, съ огнивающимъ его аллеями, сплошь увѣшанными разноцвѣтными фонариками. Особенно красиво въ дни иллюминацій. Но обратимся къ зданію промышленности.

Прямо при входѣ высокая подъ куполомъ зала (см. рис. на стр. 1023), производящая впечатлѣніе и своею величественностью, и массою аллегорическихъ фигуръ; наверху, на куполѣ, большими золотыми буквами начертанъ гимнъ труду и бюргеру:

Arbeit ist des Bürgers Zierde,
Segen ist der Mühe Preis!

Тутъ же навильонъ „золотой книги“, въ которую предлагаютъ вписывать свои имена всемъ посетителямъ выставки. Книга эта будетъ подарена въ даръ городу Берлину, въ архивъ котораго и будетъ сохраняться. Каждому желающему за одну марку выдается красиво разрисованный дипломъ. Кстати, замѣлательно обиліе русскихъ на берлинской выставкѣ; такъ, когда я поди-скался въ золотой книгѣ, наверху ея четырехъ страницахъ, выставленныхъ для подписи, послѣднія имена были русскія. Нѣсколько времени тому назадъ проходило маленькое, но шумное торжество-экспромтъ, связаннаго съ золотой книгою. Рѣшено было чествовать миллионную подписъ въ книгѣ; она, оказалось, была съдлана молоденькой и хорошенькой бюргершей. Представьте же ея смущеніе и радость, когда, тотчасъ же послѣ того, какъ она расіекалась, раздалась призывная труба и, затѣмъ, подъ звуки туша, къ ней приблизилась депутация устроителей выставки, поднесшая, при подобающемъ высокопоздравительномъ спичѣ, на память изящную золотую брошку. Конечно, собралась масса публики, которая кричала hoch и тѣмъ еще болѣе приводила въ смущеніе счастливцу.

Въ этой же галереѣ цѣлая рядъ залъ для чтеній—слыше 3,000 газетъ, бюро для прессы, телефонъ, почта, тогенина для отдыха и пр. Внутри—первыя комнаты навильона императора, затѣмъ идетъ выставка выигрышей (одною изъ крупныхъ до-

ходных статей берлинской выставки является лотерея), изящная витрина королевской фабрики фарфора и разнообразные группы экспонатов.

Берлин, собственно говоря, не крупный фабричный или заводский центр. Большой механический мастерский, хлопчатобумажный мануфактуры, фабрики стекол и красок находятся в других частях империи; он скорее фабрично-ремесленный город, доведший, однако, свое производство до виртуозности — главным образом в смысле организации, позволяющей его ремеслам соперничать с фабриками. В берлинской промышленности царствуют строгая специализация и разделение труда, позволяющие каждой семье или мастерской готовить массу одного и того же товара, или его части — точно на фабрике. Масса ремесленных изделий, художественно-промышленных музеев и музеев чистого искусства дает возможность пополнить образование и вносить улучшения в свои произведения. Берлинцы уже достигли многого; недавно — всего 10—15 лет тому назад — они ввозили к себе произведения промышленности других городов или народов, теперь они разсылают товары своего труда по всему миру, — в Америку, Австралию, Африку.

Наибольшей по числу экспонатов группой является — одежда. Здесь платья, шубы, бѣлье, принадлежности дамского и мужского туалета (галстуки, зонтики, корсеты), цветы, перья, прически, шляпы — словомъ цѣлый *Paradis des dames*. Характерно, что моды в витринах три раза переменялись: сначала были выставлены весенняя, затѣмъ лѣтняя, а теперь — осенняя. Особенно много толпится здѣсь посетителей перед витринами не в одномъ Берлинѣ извѣстных фирмъ Рудольфъ Герцогъ, Гессе и передъ выставкой исторіи моды въ XIX столѣтіи. Она очень интересна, поучительна и даже забавна. Передъ многими, еще недавнихъ времени, моделями, которые, быть-можетъ, были предметомъ желаній не одной красавицы, теперь нельзя остановиться безъ улыбки. Какъ все условно, какъ все повторяется въ этой области газа, кружевъ и шелка: вчерашняя мода всегдѣ кажется смѣшной, но пройдетъ десятильдію другую лѣтъ, и она — вновь предметъ мечтаній и восхищеній. Моды расположены въ последовательномъ историческомъ порядкѣ; все онѣ надѣты на отлично исполненные манекены, въ ростъ человѣка, и разставлены группами, изображающими сцены домашней жизни; вотъ шестые невѣсты, гостинял, семья бюргеровъ на прогулкѣ и проч. Замѣчательно инвентарное влияние желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ; моды *fin de siècle* — громадные шары въѣсто рукавовъ, пышный корсажъ и юбка одинаковы всадѣ: и въ Англии, и въ Германіи, и Нью-Йоркѣ; сто лѣтъ тому назадъ первый модникъ Парижа показался бы смѣшнымъ въ Берлинѣ или Римѣ.

Большую группу образуетъ также мебель, которая дѣйствительно хороша въ Берлинѣ: она прочна, дешева и отличается „стильностью“. Мнѣ понравилось размѣщеніе экспонатовъ: для всѣхъ изъ нихъ устроены одинаковыя витрины-комнатки, которые и предоставлялось убирать, кто какъ умѣетъ. Мебель изъ Берлина въ значительныхъ количествахъ идетъ даже въ Австралію. При осмотрѣ витринъ съ мебелью, мнѣ вспомнилась наша петербургская рыночная работа. Кажется, что послѣ Петра Великаго, который устроилъ мебельныя мастерскія на Охтѣ, никто не позаботился о нихъ; кустари-мебельники со своею рутинною работою прозябаютъ, бюются изо дня въ день; дайте имъ знаніе, покажите и разъясните имъ художественныя коллекціи, и въ немного лѣтъ вы не узнаете ихъ произведеній, и они, подобно своимъ берлинскимъ собратьямъ, будутъ работать не на одинъ Петербургъ, но и на провинціальныя города, которые столь нуждаются въ хорошей мебели.

Двадцать лѣтъ тому назадъ и берлинская мебель не шла съ руки, благодаря отсутствію вкуса и знаній у мастеровъ; художественная мебель, какъ и многое другое изъ предметовъ берлинской промышленности, сравнительно очень недавного происхожденія. Въ чемъ же заключается основаніе успѣха? Зайдите въ удивительныя промышленныя музеи Берлина и вы навѣрно застанете тамъ нѣсколько мастеровъ, усердно копирующихъ рисунки или изучающихъ образцы, — вотъ валя и разгадка.

Большой интересъ представляютъ въ этомъ отношеніи и витрины съ металлическими надѣлками, галантерейными товарами, бумажными, картонными и каучуковыми надѣлками, — все это коронный товаръ берлинцевъ, который они разсылаютъ повсюду, получая взаменъ миллионы марокъ. Отсюда берутся и средства на украшеніе города, которое идетъ непрерывно. Сколько бы разъ ни приходилось въѣзжать въ Берлинъ, каждый разъ встрѣчаешь новыя улучшения, новыя величественныя зданія, памятники, и тогда какъ въ Парижѣ блескъ и пышность столицы создались путемъ займовъ (ни одинъ городъ въ мірѣ не обремененъ такимъ количествомъ долговъ, какъ Парижъ) — въ Берлинѣ они достигаются упорнымъ трудомъ и идутъ параллельно съ накопленіемъ богатства.

Въ парижской выставке много интересныхъ павильоновъ. Цѣлое большое зданіе устроено для химической промышленности, въ которой, какъ извѣстно, Германія не имѣетъ соперниковъ; затѣмъ интересенъ павильонъ, въ которомъ размѣщены всевозможныя новѣйшія усовершенствованія для ухода за больными; государ-

ственные учрежденія страхованія рабочихъ выставили результаты своихъ трудовъ. Северо-германскій Ллойдъ, въ очень большомъ и оригинальномъ павильонѣ, экспонируетъ свою дѣятельность; одна часть павильона построена въ видѣ океанскаго парохода, со всѣми его деталями, и вѣзывается въ Шире — иллюзия получается полная. Интересенъ затѣмъ небольшой павильонъ, гдѣ устроено отдѣленіе такъ-называемаго *Kinderbrut-Anstalt*, учрежденіе для искусственнаго сохраненія жизни дѣтей, родившихся преждевременно или недостаточно жизнеспособными. Подъ стеклышками лючками-колпаками на бѣлыхъ матрасахъ лежатъ малютки, родившіяся на 7 и 8 мѣсяцахъ: остроумное приспособленіе поддерживаетъ температуру воздуха подъ колпачками всегда на одномъ уровнѣ и часто мѣняетъ его; вскармливается младенцы кормилицами. По словамъ брошюрки, раздающейся въ павильонѣ, во Франціи сохраняется такимъ образомъ жизнь болѣе 1.500 младенцевъ.

Отсюда отправимся на германскую колониальную выставку. Подходимъ къ станціи электрической желѣзной дороги: нѣтъ ни сторожа, ни кассира, ни кондуктора на поѣздѣ — одинъ машинистъ. Нѣмцы устроили очень остроумно: они поставили автоматическія пропускатели, которые при опусканіи 10 пфениговой монеты дѣлаютъ поворотъ крестовины, замыкающей входъ. Въ Берлинѣ каждый ребенокъ знакомъ съ автоматами, которые его снабжаютъ и сладостями, и мелкими предметами, необходимыми въ хозяйствѣ, но многіе провинціалы становятся передъ ними втупикъ. Конечно, съ хохотомъ передаютъ разсказы, какъ папашень, желавшій пройти со всею семьею, вложилъ монету въ 50 пфениговъ, но, увы, вовсе не былъ пропущенъ: автоматъ дѣйствуетъ только на основаніи тяжести монеты, а не ея достоинства, и монета въ 10 пфениговъ изъ лигатуры вѣситъ для него больше, чѣмъ серебряная въ 50 пфениговъ. Гнѣву бережливаго бюргера и смѣху толпы не было предѣловъ.

Колониальная выставка несомнѣнно интересна; здѣсь въ цѣломъ рядѣ палашей, блокгаузовъ и домиковъ представлена вся обстановка жизни въ колониальныхъ владѣніяхъ Германіи; здѣсь и жилища, населенныя чернокожими съ ихъ семьями, и домашними животными, и простые домики, въ которыхъ живутъ въ Африкѣ пионеры германскаго владычества. Но все это аксессуаръ, который дѣйствуетъ и привлекаетъ толпу, вселяетъ въ нее убѣжденіе о дальнѣйшемъ расширеніи могущества Германской имперіи. Центр тяжести выставки лежитъ въ нѣсколькихъ павильонахъ, въ которыхъ разбиты систематическія коллекціи товаровъ, ввозимыхъ въ германскія колоніи и оттуда вывозимыхъ. Это большая и наглядная школа. Въ одномъ изъ павильоновъ прямо отъ входа виситъ громадная стѣнная карта всего міра, на которой горделиво изображены пути германскихъ насѣдвателей, богатѣйшихъ европейскую науку открытіями въ невѣдомыхъ до того странахъ. Черезъ Россію, къ Волгѣ и Уралу идетъ путь Гумбольдта! Тутъ же таблицы и диаграммы, указывающія на высокое культурное значеніе Германіи. Одну изъ нихъ выписываемъ, какъ вызывающую на многія размышленія. На 1,000 жителей, гласитъ она, не умѣютъ ни читать, ни писать:

въ Россіи	750—800
въ Австро-Венгріи	350—375
во Франціи	275—300
въ Великобританіи	80—90
въ Германіи	8—9

Здѣсь есть чѣмъ похвалиться германцамъ, о чемъ нечеловѣчась намъ. Германія очень недавно стала колониальной страной. Теперь ея африканскія колоніи: Камерунъ, восточная Африка, юго-западная Африка и Того въ нѣсколько разъ своею площадью превосходятъ Германію — метрополию. Весь секретъ успѣха Германіи на поприщѣ международной торговли и колонизаціи заключается въ умѣньи сочетать знанія съ упорнымъ и добросовѣстнымъ трудомъ и умѣренными личными требованіями. Нѣмцы по природѣ своей выказываютъ очень слабую способность къ самостоятельной изобрѣтательности, но разъ занявшись серьезно какимъ-либо вопросомъ, онъ чрезвычайно легко переимаетъ чужія изобрѣтенія и умѣетъ весьма основательно пользоваться ими. Торговль нѣмцы выучились въ англійскихъ конторахъ, куда они отправляя своихъ дѣтей, строятъ пароходы на англійскихъ верфяхъ, а теперь нѣмецкій флотъ соперничаетъ съ англійскимъ, соединяетъ многія заокеанскія страны съ нѣмецкими гаванями и распространяетъ германское вліяніе на такихъ пунктахъ земного шара, гдѣ еще недавно самое имя Германіи было неизвѣстно. Характерная черта германской колониальной и торговой политики прекрасно видна и въ общемъ, и въ подробностяхъ на этой выставкѣ: колонизація, что и придаетъ ей большой интересъ и для иностранцевъ.

На берлинской выставкѣ есть два *clous*, и оба они замѣтнованы. Улица въ Каирѣ скопирована съ парижской выставки 1889 года, Старый Берлинъ — съ антверпенской 1892 года. Исполненіе Каира положительно превосходно и совершенно напоминаетъ арабскую часть этого дивнаго города: здѣсь мечеть *El-Muadjad*, базаръ, кофейня, знаменитый *Hotel Shepherd*, въ которомъ останавливаются туристы, базаръ арабскихъ ков-

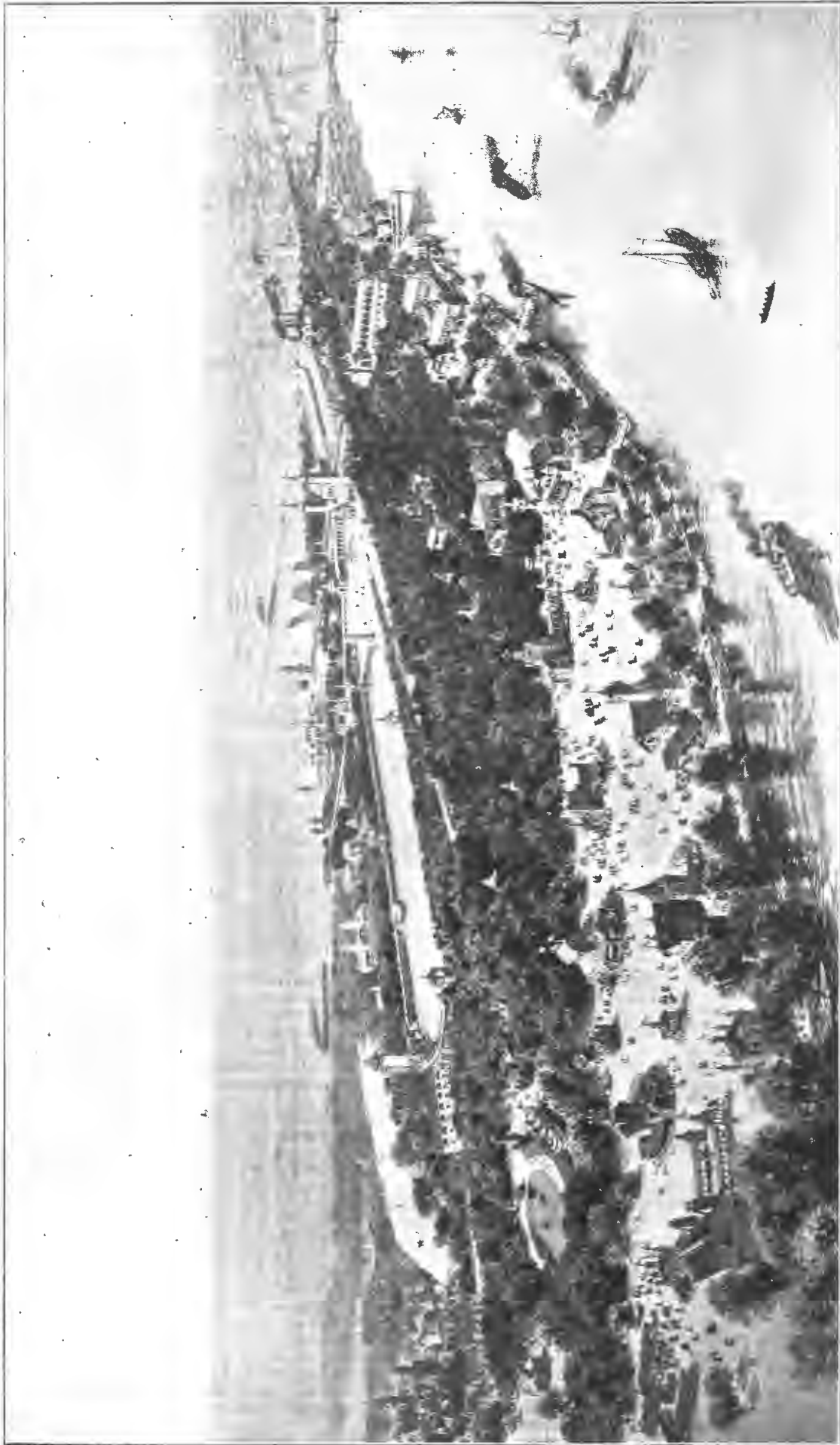
Берлинъ,
Станція Трелтовъ берлинской
круговой дорожки.

Главное здание промышленности.

Каиръ.

Негритяская
деревня.
Волоповодная башня
и главный ресторанъ.

Старый Берлинъ.

Телескопъ.

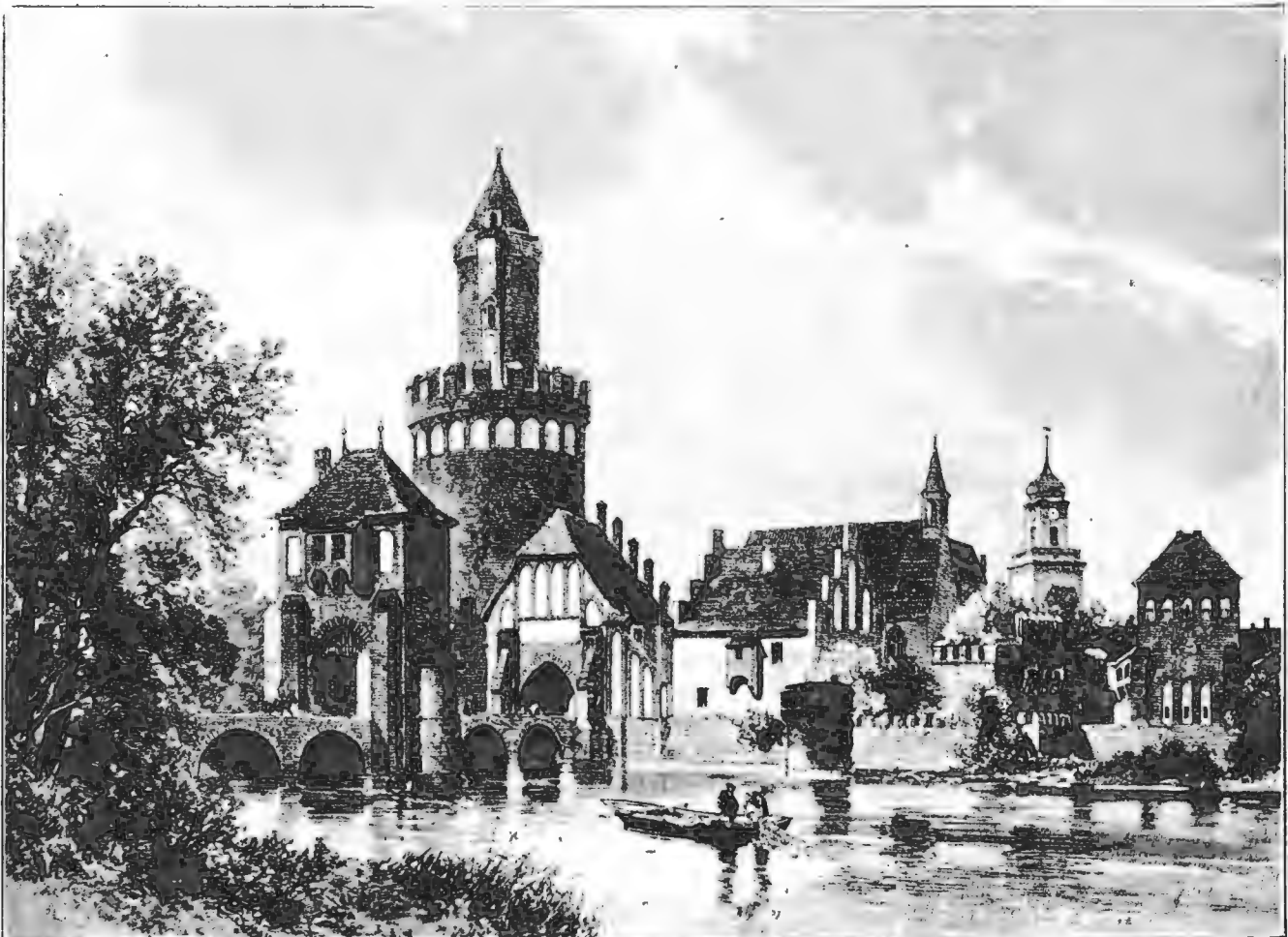
Альпійская панорама.

Океанскій пароходъ.

Промышленная выставка въ Берлинъ. Общій видъ выставки съ птичьего полета. По рис. Illustrirte Zeitung автотипія „Нива“.

Зала подъ куполомъ при входѣ въ главное здание промышленности.

Уголокъ „Старога Берлина“.
Промышленная выставка въ Берлинѣ. По рис. Illustrirte Zeitung автотипія „Нивы“.
Библиотека "Руниверс"

ровъ, арабская школа, гаремъ и пр. Сотни фелакховъ, горшечниковъ, полицейскихъ вынесена изъ Египта и размѣщена въ разныхъ пунктахъ импровизированнаго городка. Тутъ же бродятъ караваны верблюдовъ, несутся ослы со своими ногощицами, вдали виднѣются пирамиды съ сидицами по ихъ склоны арабами, раскидывающими свои пѣсни пустыни; около площади нильская мельница, приводимая въ движеніе паромъ египетскихъ быковъ — словомъ, полная и живая копія Востока. А тутъ же на базарѣ и площади масса лавочекъ, въ которыхъ переодѣтые берлинскіе приказчики и приказницы торгуютъ разною дребеденью, имѣющею отдаленное сходство съ Востокомъ; мимо нихъ съ шумомъ и гамомъ скачутъ на верблюдахъ берлинскіе франты въ непрочайшихъ модныхъ шароварахъ.

Не менѣе шуменъ Alt-Berlin (см. рис. на стр. 1023); онъ расположенъ на берегу пруда — Karpfenteich, должествующаго изображать Шпрее. Берлинъ выхваченъ изъ XVIII столѣтія, когда онъ былъ маленькой столицей великаго курфюрста. Узкія и кривыя улицы, небольшие домики не имѣютъ даже отдаленнаго сходства съ настоящимъ великолѣпнѣмъ Берлиномъ. Старый Берлинъ скорѣе похожъ на бѣдный уздѣный городокъ, который не можетъ похвастаться ни величавыми храмами, ни зданіями цеховъ, ни дворцами правителей. Вотъ почему до нашихъ дней почти ничего не сохранилось отъ стараго Берлина, тогда какъ Антверпенъ, Кельнъ, Франкфуртъ имѣютъ цѣлыя старинныя кварталы, перенесенныя въ отдаленное, но славное прошлое. Тѣмъ не менѣе воспроизведеніе стараго Берлина мысль удачная; она несомнѣнно заинтересовала и не однихъ только берлинцевъ и затѣмъ имѣетъ большое воспитательное значеніе, такъ какъ наглядно показываетъ тѣ блестящіе результаты, которые достигнуты въ сравнительно небольшой промежутокъ лѣтъ, благодаря энергіи отцовъ и дѣдовъ. Но и въ Alt-Berlin обиліе кафе и пивныхъ съ женскою прислугой, стремящеюся какъ бы побольше занолучить „начавъ“ съ посѣтителей, значительно портятъ общее впечатлѣніе.

Берлинская выставка въ значительной степени предпріятіе коммерческое, вотъ почему на ней есть еще нѣсколько примаковъ рекламнаго свойства. Таковы, напримѣръ, гигантскій телескопъ, крематоріумъ, т. е. учрежденіе для сжиганія умершихъ, и проч. Къ ихъ числу принадлежатъ и ступенчатая дорога, и альпійская панорама, и весь паркъ удовольствій, о которомъ уже было сказано на страницахъ *Литы*. Паркъ этотъ далеко не имѣетъ элегантнаго вида, и по характеру многихъ зрѣлищъ, и по обилію пивныхъ, кафе и рестораничковыхъ средней руки скорѣе можетъ быть названъ паркомъ для народныхъ развлеченій. Здѣсь всегда толпа, въ нѣше дни по вечерамъ положительно была тѣснота. Меня заинтересовалъ навильонъ подъ названіемъ Die Welt-Musik — музыка со всего свѣта — и главнымъ образомъ потому, что ея great attraction служили, какъ въцѣли огромныя афины, русскіе. Идея представитъ національную музыку всего міра цедурна. Въ большомъ зданіи цѣлый рядъ залъ, каждая изъ нихъ представлена особой народности и соответственно декорирована. Деревяныя скамьи, рога козъ и оленей по стѣнамъ, горныя вершины, покрытыя лѣсомъ и вдали сѣгомъ на передней декорации — значитъ: тирольцы; море, рыбацкая лодка и каюта съ Мадонной, кораллы, вязаные шарфы и кошельки — и вы безъ труда угадаете, что сейчасъ на эстраду выйдутъ итальянцы; также представлены баварцы, румыны со своею пнзывающею музыкою, такъ правящіеся теперь повсемѣстно, англичане и пр. Особая зала отведена русскимъ, и туда пускаютъ за особую плату; все она сводчатая и расписана, въ подражаніе стариннымъ комнатамъ московскаго кремля; въ залѣ століки и... наши московскіе половые въ своихъ бѣлыхъ рубахахъ, подпоясанные малиновымъ поясомъ съ бумажинкомъ; все это переодѣтые пѣмцы, но копируютъ они нашихъ половыхъ неподражасмо. Конечно, всѣ зрители — яблоку негде упасть — пьютъ пиво. Послѣ нѣсколькихъ международныхъ шансонетныхъ пѣвицъ, выходитъ малороссійскій хоръ, и зала замираетъ — видно, что это любимцы публики. Странное впечатлѣніе производитъ на чужбинѣ въ этомъ залѣ, пропитанномъ пивомъ и табакомъ, ясная пѣсня степеней, пропѣтая притомъ мастерски. Воинъши пропуститъ хоть одинъ звукъ; пѣсни, на которую быть-можетъ не обратилъ бы вовсе вниманія въ одномъ изъ увеселительныхъ столичныхъ садовъ, становится близкой и дорогой, какъ родное, и ревнѣешь ее къ окружающему, подымается тяжелое, грустное чувство, зачѣмъ русская пѣсня въ этомъ кафе-шантажѣ, а не льется съ эстрады Singakademie.

Основной характеръ нижегородской выставки — научный, буда-пейтской — національно-политическій, берлинской же — коммерческой. И это ее и портитъ. Несомнѣнно, что она хорошо задумана, что ея промышленная часть и полна, и безусловно интересна, что Каиръ и Старый Берлинъ върыны подлиннику, а колониальная выставка единственная въ своемъ родѣ и имѣетъ большое практическое значеніе, но тѣмъ не менѣе во всемъ не видно такой законченности, какъ въ Нижнемъ или Буда-Пейтѣ. Въ Берлинѣ вездѣ, гдѣ было только возможно, ставили, такъ сказать, картонные аксессуары, на русской и венгерской выставкахъ — все настоящее. Вотъ почему эти выставки далеко прекраснѣе берлинской, а такъ какъ онѣ, кромѣ

того, охватываютъ жизнь цѣлаго народа, — то онѣ и интереснѣе.

Теперь перенесемъ къ берегамъ Лемана, съ его зелеными вознами, изумрудными холмами и бѣлоснѣжною цѣнью Монблана, вырисовывающеюся вдали на темной синевѣ южнаго неба. Мы на національной швейцарской выставкѣ въ Женевѣ. Конечно, она значительно меньше нижегородской выставки и не можетъ быть сравниваема съ нею, но и она не лишена своей доли интереса и прелести. На Швейцарію обыкновенно смотрятъ, какъ на грандіозный паркъ съ кучей отелей для туристовъ со всего свѣта, но это далеко не вѣрно. Швейцарія, благодаря своимъ горамъ съ ихъ даровою двигательною силой — водопадами и потоками, — еще и промышленная страна.

На выставкѣ можно любоваться громаднымъ машиннымъ зданіемъ, въ которомъ сосредоточились самыя разнообразныя машины, начиная отъ колоссальныхъ паровозовъ, паровыхъ котловъ и кончая сложными машинами прядильнаго и ткацкаго дѣла и аппаратами химической технологии и электротехники (телефоны и пр.). Недалеко отъ этого зданія расположено другое, специально посвященное машинамъ мукомольнаго дѣла; на его стѣнахъ виднѣются надписи тѣхъ городовъ, гдѣ на мельницахъ поставлены аппараты швейцарской выдѣлки, и между ними: Москва, Нижний-Новгородъ. Не боясь ошибиться, можно съ увѣренностью сказать, что изъ всѣхъ четырехъ большихъ европейскихъ выставокъ текущего года швейцарская обладала наибольшимъ и наилучшимъ машиннымъ отдѣломъ. Замѣчательными по рисункамъ, отдѣлкѣ и окраскѣ оказались шелковыя издѣлія; часовой и ювелирный товаръ, вышивки и рѣзные издѣлія издавна составляють славу Швейцаріи. Мы не будемъ останавливаться на описаніи экспонативъ: всѣ выставки болѣе или менѣе похожи другъ на дружку, — отмѣтимъ лишь двѣ группы, которыя составляютъ характерную особенность выставки въ Женевѣ. Во-первыхъ, навильонъ отелной промышленности; онъ возможенъ только въ Швейцаріи, въ которую стекаются туристы со всего міра, и гдѣ гостиницы и поставлены образцово, и имѣютъ большое значеніе въ промышленной жизни. Въ этомъ навильонѣ, кромѣ плановъ и фотографій различныхъ отелей, представлены въ натурѣ виолнѣ убранныя комнаты, снальни, гостиницы и выставлены разнообразныя экспонаты, касающіеся мебелировки, сервировки, кухни и пр. Другая группа еще интереснѣе, это навильонъ альпійскаго клуба; онъ уже издали привлекаетъ вниманіе своимъ оригинальнымъ видомъ: небольшой, но кокетливый швейцарскій домикъ, расположенный на скалахъ съ каскадами и окруженный растительностью горныхъ высотъ: альпійскія розы, рододендроны и пр. Внутри подробно представлена дѣятельность клуба. Его задачей является развитіе горныхъ экскурсій и слѣдовательно поддержаніе дорогъ и тропинокъ, устройство хижинокъ на вершинахъ горъ, выдача вспомогательной гидамъ и ихъ вдовамъ и затѣмъ научныя изслѣдованія въ горахъ. Большой научный интересъ имѣетъ выставленная въ навильонѣ карта движенія ледниковъ, на основаніи 33-лѣтнихъ наблюденій членовъ клуба. Хорошій примѣръ долженъ быть заразителенъ. У насъ горы только на окраинахъ, и за исключеніемъ крымскаго горнаго клуба мы не знаемъ другихъ; но не горы вызвали къ жизни полезную дѣятельность альпійскаго клуба, а любовь къ природѣ родного края; дивныхъ же, дорогихъ сердцу русскаго мѣстъ и у насъ не мало. Почему же повсемѣстно не организуются общества, которыя заботились бы о сохраненіи красоты этихъ мѣстъ, устранили бы скамейки, бесѣдки и цѣтники и принимали мѣры къ поддержанію памятниковъ былыхъ временъ. Существовать хоть одно такое общество, и вѣрнѣе, мининскій садъ никогда не пумлялъ бы тысячъ посѣтителей нижегородской выставки своею обидною занущенностью, а историческая площадь въ нижегородскомъ Кремлѣ, на которой Миншинъ говорилъ свои воззванія, не имѣла бы столь казарменнаго вида. Такія общества существуютъ повсемѣстно въ Германіи, и не разъ съ чувствомъ благодарности приходится вспоминать ихъ туристамъ; въ Англіи ни одна желѣзная дорога, ни одна фабрика не можетъ быть построена безъ запроса у такого общества: не обезобразитъ ли она мѣстность?

Большой интересъ на женевской выставкѣ имѣетъ и небольшой навильончикъ Рауля Пикте; въ немъ одно изъ замѣчательныхъ прилженій точной науки къ практическимъ цѣлямъ. Швейцарецъ Рауль Пикте, въ своемъ институтѣ въ Парижѣ, при помощи открытаго имъ способа получаетъ низкую температуру (—213° С), при которой уже испаряется атмосферный воздухъ. Эта температура, необходимая для многихъ научныхъ опытовъ, имѣетъ и большое практическое значеніе, такъ какъ при ея помощи можно очищать нѣкоторыя тѣла, напримѣръ хлороформъ, духи и эссенции, улучшать коньяки и другіе ликеры, т. е. придавать имъ въ нѣсколько часовъ тѣ свойства, которыя при обычномъ способѣ они должны пріобрѣтать въ нѣсколько лѣтъ. Лабораторія Рауля Пикте выдѣлываетъ и жидкій азотъ, новый свѣтлѣный газъ, горящій свѣтлѣе электричества и имѣющій громадную будущность.

Подобно Берлину, и Женева имѣетъ „гвоздь“ на своей выставкѣ — швейцарскую деревню. Она составлена очень удачно. Въ нее вошли типическія постройки всѣхъ кантоновъ Швей-

парин, скопированный до мельчайших подробностей: тут и обычные деревенские домики, и церкви, и исторические здания. Она начинается старинным деревянным мостом в Люцернѣ, съ его подлинными фресками XVIII столѣтія, которыя одолжены городомъ, затѣмъ цѣлый рядъ типичнѣйшихъ зданий, ручеекъ, настибще, пригорки, скалы съ водопадомъ и, наконецъ, цѣлая панорама Бернского Оберланда, уже фигурировавшая, впрочемъ, на выставкахъ въ Парижѣ, Чикаго и Антверпенѣ. Населеніе деревни постоянно на работѣ; тутъ и кузница, и мельница, ткутъ шелковыя матеріи, работаютъ вышивки, рѣжутъ по дереву. Конечно, подобная деревня и интересна, и поучительна, но она возможна лишь для такой небольшой, но разнообразной страны, какъ Швейцарія. Въ швейцарской деревнѣ въ теченіе всей выставки, въ особо назначенные дни, проходятъ и торжества: концерты, танцы, процессіи и, главнымъ образомъ, стрельба изъ арбалета — национальное удовольствіе швейцарцевъ, еще отъ времени легендарнаго Вильгельма Телли.

Часть выставки, какъ и въ Берлинѣ, отдѣлена подъ назвѣ-

удовольствій. Ихъ чрезвычайное разнообразіе, но они еще больше, чѣмъ на берлинской выставкѣ, напоминаютъ балаганы и по внѣшнему виду навильоновъ, и по составу зрѣлищъ. Театръ-концертъ явайцевъ, дворецъ фей, въ которомъ помѣщается кинематографъ Люмера, вертящаяся комната, египетскій и японскій базарь, затѣмъ деревня чернокожихъ, карусели, Water-Toboggan — нѣчто въ родѣ высокихъ горъ, съ которыхъ скатываются въ лодкѣ прямо въ воду, и пр.

Не велика выставка въ Женевѣ и не богата она сравнительно съ будапештской и нижегородской, но не менѣе ихъ прекрасна. Ее украшаютъ какъ многіе экспонаты, которые указываютъ на успѣхи этого маленькаго, но трудолюбиваго и энергичнаго народа во многихъ отрасляхъ промышленности, такъ и замѣчательная организація всей выставки, которая какъ бы свидѣтельствуетъ о любви народа къ каждой пяди своего отечества. Благородный девизъ страны: un pour tous, tous pour un — одинъ за всѣхъ, всѣ за одного — сослужилъ свою службу и въ маленькомъ дѣлѣ созданія выставки.

О с е н ь .

(Изъ Ф. Коппе.)

Стихотвореніе Д. Л. Михаловскаго

Пока ручьевъ и рѣчекъ чистыхъ
Льдомъ не сковалъ еще морозъ,
Послушай птичекъ голосистыхъ,
Взгляни на цвѣтъ послѣднихъ розъ.

Какъ ясенъ сводъ небесъ лазурный!
Октябрь сіяетъ красотой,
И полонъ чаръ закатъ пурпурный,
Уборъ деревьевъ золотой.

Но этотъ блескъ не можетъ длиться,
То цвѣтъ красы полуживой:
Спѣши мгновеньемъ насладиться,
Создай послѣдній замокъ свой.

И оживись надеждой новой,
Забывъ, что къ намъ зима идетъ
И вмигъ, метлой своей суровой,
Всѣ упованья размететъ...

Къ рисункамъ.

Типы и виды Средней Азій. Сартянка. Чай-хане.

(Рис. на стр. 1011 и 1026.)

Однообразная жизнь кореннаго, осѣдлаго населенія Средней Азій рѣзко выдѣляется въ дни „уразы“ — поста, предшествующаго „рамазанъ-байраму“ — празднику, совпадающему съ мѣсяцемъ рамазанъ. Постъ этотъ тянется въ теченіе тридцати дней. Въ продолженіе этого времени дневная уличная жизнь въ городкахъ и селеніяхъ Средней Азій какъ бы вымираетъ. Безчисленные трактирчики — „чай-хане“ — эти мѣстные клубы для мужского населенія, разбросанные не только по обширнымъ базарамъ городовъ Востока, но и приткнувшіеся у „дувальныхъ“ *) стѣнъ по безконечнымъ улицамъ и извилистымъ переулкамъ и закоулкамъ, совершенно пустыютъ. Мусульманинъ хотя и проводитъ эти дни въ обычномъ трудѣ, но отъ восхода до заката солнца не только не припимаетъ пищи и не утоляетъ жажды, но и не прикасается къ кальяну.

Какъ только солнце заходитъ за горизонтъ и высокіе куполы мечетей, а съ ними и весь городъ начинаютъ заволакиваться дымкою ночи, — благодаря обычному явленію на Востокѣ — отсутствію сумерекъ, — съ высокихъ минаретовъ мечетей раздаются протяжные возгласы „азанчей“, призывающіе къ молитвѣ — „намазу“. Гдѣ бы ни засталъ этотъ возгласъ мусульманина, онъ благоговѣнно разгибается на землю своей верхней халатъ и, предварятельно снявъ обувь, садится на корточки съ поднятими къ небу глазами, затыкаетъ уши и весь какъ бы сосредоточивается въ самомъ себѣ, забывъ обо всемъ окружающемъ.

„Намазъ“ конченъ. Потянулись со всѣхъ концовъ города группы правобѣрныхъ къ общему гулянью на главномъ базарѣ, фантастически выростывающаго со своимъ „чѣвымъ“ (камышевымъ) навѣсомъ во мракѣ ночи, освѣщенномъ площадками. Во всѣхъ концахъ, сливаясь съ темно-синнею полоскою далекаго горизонта, разлилось дѣлое море огней. Въ воздухѣ пахнеть кунжутнымъ масломъ, жареными пирожками съ лукомъ, специфическимъ запахомъ ялова и другими лѣтвами, въ изобиліи изготовленными въ „чай-хане“.

Всѣ „чай-хане“ переполнены праздничными мусульманами. Здѣсь, на сложенныхъ ватныхъ одѣялахъ, поджавъ ноги кальянкомъ, мусульманинъ въ кругу пріятелей поиваетъ изъ круглой, небольшою фаянсовой чашки сизинкомъ горькій для вкуса русскаго чай и потягиваетъ время отъ времени изъ незатѣйливой формы кальяна листовую, мѣтеной культуры, фѣдкаго запаха табакъ. Въ доказательство счастливаго кейфа, бесѣда и чаепитіе пріятелей сопровождаются отрыганьемъ, представляющимъ у всѣхъ народовъ Средней Азій характерную черту порядочнаго воспитанія.

Говоръ толпы смѣшивается съ своеобразнымъ горловымъ ора-

ніемъ „мальчика плясуна“, съ рѣзкимъ звукомъ двухструнной „дугары“, переходящими изъ тѣхъ же „чай-хане“.

На свободныхъ площадкахъ базара раскинулись открытые, на скорую руку сооруженные, театры, гдѣ мѣстные туземные лицедеи — „маскарабазы“ разыгрываютъ своеобразныя „театры“, потѣшая публику остроуміемъ, нѣрѣдко удачно копируя лицъ русской администраціи, болѣе популярныя въ народѣ. Далѣе, акробаты смѣняются фокусниками, канатоходцами, — къ слову сказать, въ своемъ дѣлѣ искусными.

А въ то время, когда мужичны ируютъ на базарѣ, ихъ жены, — которыхъ, согласно корану, каждый мусульманинъ можетъ имѣть одновременно не болѣе четырехъ законныхъ, — въ ожиданіи прихода своихъ повелителей, среди своей семьи, веселится по-своему или, просто, скучаютъ въ одиночествѣ.

Съ точки зрѣнія азіата, женщина — существо слабое, не только физически, но нравственно и умственно. Она, по его мнѣнію, отличается дѣтскими чертами характера и поэтому не можетъ пользоваться самостоятельностью. Тѣмъ не менѣе, попеченіе и заботы, которыя несетъ мать при воспитаніи дѣтей своихъ, — будь то дѣвочки или мальчики, — остающіяся исключительно на попеченіи своихъ матерей, даютъ ей въ народномъ воззрѣніи неоспоримое право на полное уваженіе къ ней; такая духовная связь матери съ дѣтми не можетъ не оказывать вліянія на послѣднихъ; характеръ матери явственно отражается на дѣтяхъ. Вкрадчивость, мягкость манеръ, необыкновенная выдержанность являются отличительными внѣшними чертами осѣдлаго жителя Средней Азій.

„Едва зардѣлся востокъ, новый возгласъ „азанчи“ призываеъ мусульманина къ утреннему „намазу“. Вновь опустѣлъ базарь и закрылись „чай-хане“ до слѣдующей ночи.

Наемъ прислуги. (Рис. на стр. 1014.)

Матрена уѣзжаетъ въ деревню. За утреннимъ чаемъ на торжественномъ семейномъ совѣтѣ госпождѣ Аквидентовѣхъ шла рѣчь о пріисканіи новой кухарки. — „Ахъ, я боюсь... всѣ онѣ ужасныя воровки... какъ ихъ узнаешь съ перваго взгляда!“ — сокрушалась госпожа Аквидентова. — „Да... съ перваго взгляда не узнаешь...“ — поддакивала супругъ, степенно потягивая съ легкимъ прищипываніемъ дымъ изъ длиннаго чубука и стараясь съ достоинствомъ поддержать авторитетъ „главы“ семейства. — „Матрена... про Матрену я и не говорю — мы къ ней привыкли, но и то, если правду сказать... А другая — съ вѣтру... кто ее знаетъ... Не влѣзешь въ чужую душу!“ — продолжала озачебно госпожа Аквидентова. — „Что правда, то правда, — разсуждалъ супругъ, — недаромъ говорятъ: чужая душа — потемки. Ну, да вѣдь не всегда же онѣ такія...“ — „Ну, ужъ ты вѣчно заступаешься... А вонъ у Вавиловыхъ былъ такой случай...“ Въ эту минуту отворилась дверь, и Матрена ввела свою куму, которую она обѣщалась поставить на свое

*) Смѣсь глины съ крошеной соломою.

мъсто. Смирный видъ вошедшей произвелъ на хозяйку благопріятное впечатлѣніе, и она въ глубинѣ души сразу же рѣшила ее принять, потому что все-таки она—кума Матрены, стало-быть лично извѣстна ей... Вотъ только относительно условій... Этотъ моментъ объясненія выразительно переданъ художникомъ на картинѣ.

Заблудилась. (Рис. на стр. 1015.)

Заблудилась! Грустная сцена, которую, къ сожалѣнію, нѣрѣдко можно наблюдать на людныхъ улицахъ большихъ городовъ. Кто она, — жертва ли собственной шалости или легкомыслія матери или няньки, увлекшейся городскими соблазнами и забывшей о малюткѣ,—все равно; каждый прохожій съ состраданіемъ подойдетъ къ бѣдной малюткѣ, въ слезахъ, безпомощно стоящей въ этомъ лѣсу домовъ. Объяснить, гдѣ ея домъ, она врядъ ли сможетъ, и остается только одно—отправить ее въ полицію. Полиція разыщетъ. Но что долженъ не-

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ во Франціи. (Рис. на стр. 1027 — 1035.)

Въ настоящемъ номерѣ помѣщаемъ рядъ рисунковъ, изображающихъ торжества встрѣчи и пребыванія Ихъ Императорскихъ Величествъ во Франціи, описанныя въ № 39 *Нивы*.

Первые два рисунка изображаютъ: одинъ — прибытіе Ихъ Величествъ въ Шербургъ. Ихъ Величества переходятъ съ Императорской яхты на плоскоусть „Виссонъ“, который подвезъ Августѣйшихъ Гостей къ берегу Франціи; другой рисунокъ изображаетъ прибытіе Ихъ Величествъ въ Парижъ: Императорскій поѣздъ остановился у дебаркадера станціи Рanelá, и Ихъ Величества, встрѣченные президентомъ и высшими сановниками Франціи, входятъ въ специально сооруженный для встрѣчи Державныхъ Гостей роскошный салонъ.

На слѣдующемъ рисункѣ изображенъ одинъ изъ моментовъ слѣдованія Императорскаго кортежа — процессія экипажа, въ которомъ находились Ихъ Величества и противъ нихъ прези-

Типы и виды Средней Азии. Чай-хане. Съ фот. А. Коробова авторитипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

речувствовать ребенокъ въ этихъ дунныхъ, смрадныхъ, шумныхъ полицейскихъ комнатахъ, всегда полныхъ народа, приходящаго туда или со страхомъ, или съ отвращеніемъ. Каждый изъ насъ знаетъ или предугадываетъ это тяжелое чувство, и никто почти изъ насъ въ то же время не обезпеченъ отъ того, что завтра же не очутится въ такомъ же отчаянномъ положеніи нашъ ребенокъ, благодаря небрежности или легкомыслію няньки, бонны, гувернантки, на руки которыхъ мы имѣемъ обыкновеніе сдавать нашихъ дѣтей. Вотъ это печальное сознаніе „hodie tibi, cras mihi“ заставляетъ всегда собираться вокругъ заблудившагося ребенка и рабочаго-блудника, и даму-аристократку, и какого-нибудь мальчугана-поваренка, и старика, отживающаго свой вѣкъ.

Осень. (Рис. на стр. 1019.)

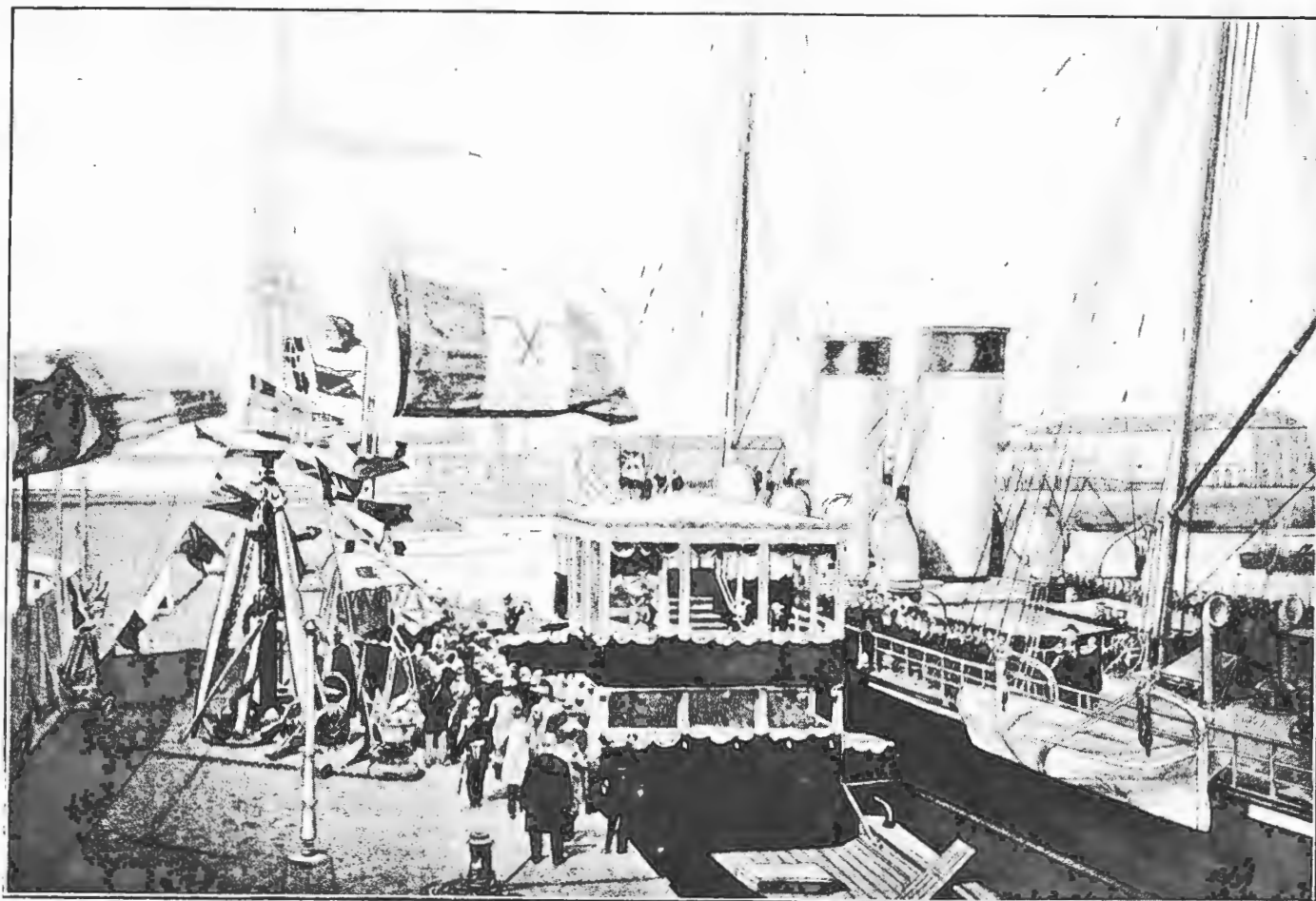
... Хорошенькая головка женщины гѣхъ лѣтъ, которая можно назвать „осенью жизни“ — живое олицетвореніе осени. Тамъ, позади—знойное лѣто, полное красокъ и звуковъ, впереди—неизбѣжный холодъ зимы. Жизнь уходитъ, но хочется еще разъ, хоть въ воспоминаніяхъ, опынить себя ея восторгами, о которыхъ скоро придется сказать „невозвратные“. Вѣнокъ изъ виноградныхъ листьевъ на головѣ—символь такого искусственнаго опьянѣнія. На груди, на фонѣ нѣжной, прозрачной ткани, приколотъ послѣдній осенній цвѣтокъ—астра, символъ еще не угасшей творческой силы лѣта, могущей воззвать къ жизни хотя и нѣжнѣе, но уже не яркѣе, не благоухающіе цвѣты.

дентъ Форъ, мимо Триумфальной арки, а затѣмъ далѣе другой моментъ—слѣдованіе Императорскаго кортежа, среди шалеръ войскъ, по Елисейскимъ полямъ, по направленію къ площади Согласія, на которой, какъ извѣстно, народомъ была сдѣлана Ихъ Величествамъ безпримѣрная овація. Послѣдующій рисунокъ изображаетъ почетный эскортъ изъ арабскихъ и тунисскихъ старшинъ, гарцовавшихъ на своихъ великолѣпно убранныхъ коняхъ,—въ тотъ именно моментъ, когда они, предшествуя кортежу, выѣзжаютъ на площадь Согласія.

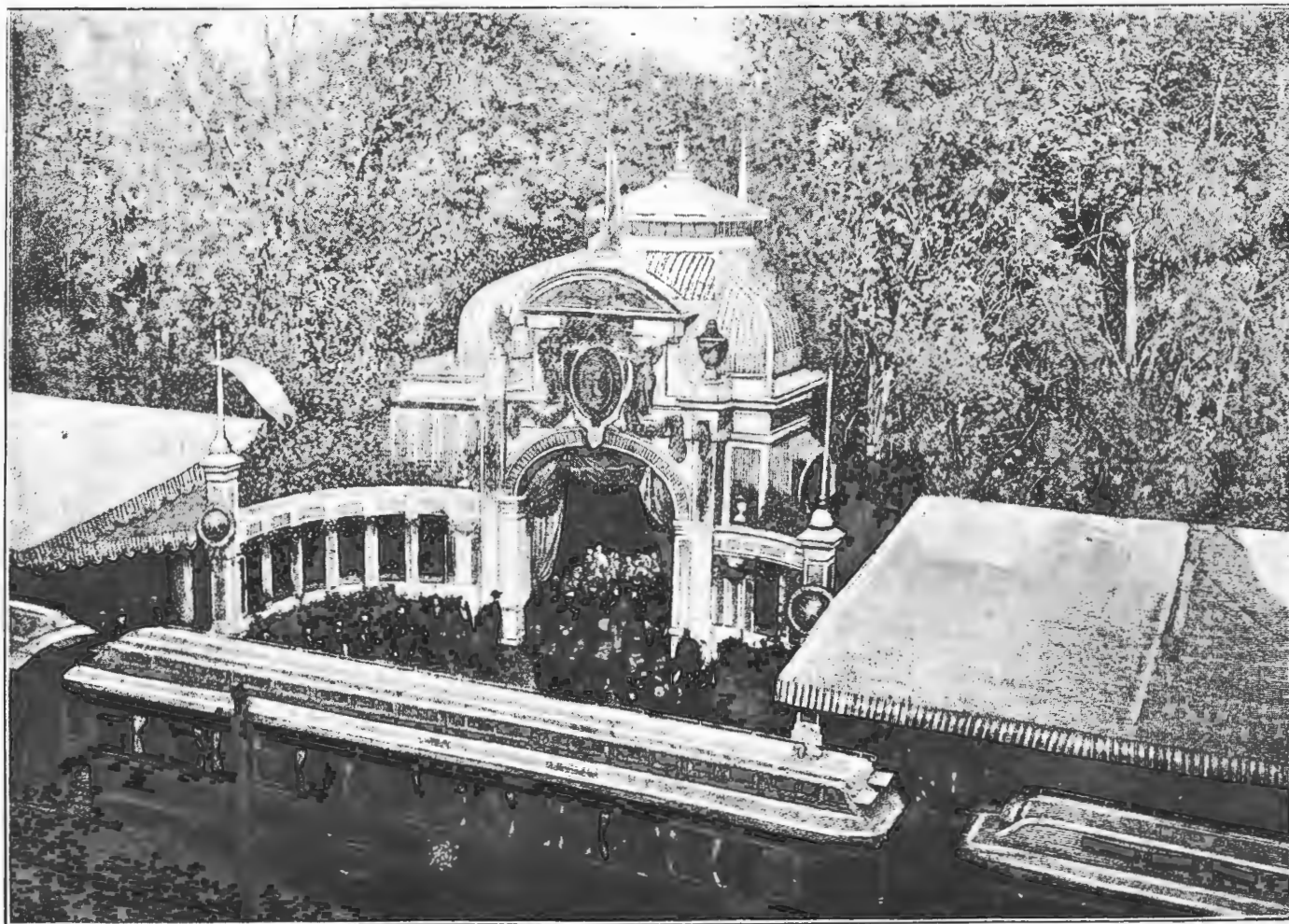
Убранство дома русскаго посольства, въ которомъ пребывали Ихъ Величества, поражало своимъ великолѣпіемъ—весь домъ утоналъ во флагахъ, а по вечерамъ горѣлъ тысячами огней.

Вечеромъ, 24 сентября, Ихъ Величества посетили парадный спектакль въ Оперѣ. Рисунокъ нашъ изображаетъ Ихъ Величества въ открытой ложѣ, убранной розами и украшенной сверху знаменательной надписью „Ракъ“—миръ. Государь Императоръ имѣетъ по правую руку супругу президента г-жу Форъ, Государыня Императрица по правую руку—президента.

При посѣщеніи отеля Инвалидовъ, на другой день послѣ прѣзда, Ихъ Величества первымъ долгомъ посетили гробницу Наполеона I, передъ которой Государь молча остановился на минуту. Гробница Наполеона I сооружена изъ русскаго краснаго порфира, добытаго въ Олоонецкой губерніи съ особаго разрѣшенія императора Николая I. Давая свое разрѣшеніе на добычу громаднаго монолита этого самаго прочнаго камня, истиннѣе достойнаго служить намятникомъ царямъ-пурпуровоцдамъ, императоръ Николай I, говорятъ, не могъ удержаться,

Прибытіє въ Шербургъ. Ихъ Величества переходятъ съ яхты „Полярная Звѣзда“ на плашкоутъ „Bisson“. По рис. „Illustration“ автотипія „Нивы“.

Прибытіє Ихъ Велиществъ на станцію Ранеля. По рис. „Monde Illustré“ автотипія „Нивы“.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Велиществъ во Франціи.

Библиотека "Руниверс"

чтобы не указать на эту странную проноу судьбы:— гробницей Наполеону I послужил русский камень. Рисунок гробницы изображается Государя Императора именно в тот момент, когда он остановился перед гробницей Наполеона (см. стр. 1034а).

Въ тотъ же день Ихъ Величества присутствовали при закладкѣ моста императора Александра III. Первый камень моста заложили Ихъ Величества. Для первыхъ ударовъ по заложному камню специально изготовленъ былъ изображенный у насъ на рисункѣ (съ двухъ сторонъ) молотокъ съ знаменательными надписями (см. стр. 1033). На одной сторонѣ, надъ инициалами имени Государя Императора, начертано „Рух“ (миръ), на другой—надъ инициалами французской республики— R. F.—начертано: „Robur“ (сила). Молотокъ изготовленъ изъ полированной стали съ золотыми украшениями; рукоятъ его выточена изъ слоеновой кости. Затѣмъ тутъ же внизу изображена у насъ лопаточка, сдѣланная все изъ золота и имѣющая форму трапеции, въ 12½ сантиметра длины и въ 10 сантимет. ширины у основанія рукоятки. Лопаточкой этой Государыня Императрица взяла цементъ. На лопаточкѣ выгравирована надпись, приведенная у насъ въ предыдущемъ номерѣ, при описаніи закладки моста. Рукоятъ лопаточки выточена съ замѣчательною тонкостью и украшена гербомъ города Парижа. На ея округленной оконечности выступаютъ три геральдическія лиліи, входящія въ гербъ Парижа, и подъ ними изображенъ корабль древней Лютеціи съ латинскимъ надъ нимъ девизомъ: „Fluctuat nec mergitur“ („плаваетъ, но не тонетъ“). Тутъ же изображено перо, сдѣланное изъ тростника и золота, длиною въ 24 сантиметра. На тростникѣ инкрустированъ микроскопическій муравей—символъ труда, основы величія и богатства на-

рововъ. Этимъ перомъ Ихъ Величества подписали свои имена подъ актомъ о торжественной закладкѣ моста. Материаломъ для пера послужилъ, по мысли министра Буше, одинъ изъ тростниковъ, растущихъ на Сенѣ, и теперь Франція предлагаетъ поднести Его Величеству это перо на память о пребываніи въ Парижѣ. Актъ о закладкѣ положенъ въ позлащенный на нашемъ рисункѣ ящичекъ, а конія закладочнаго акта положена вмѣстѣ съ нѣсколькими русскими и французскими монетами чекана 1896 г. въ углубленіе, выдолбленное въ первомъ закладочномъ камнѣ. Камень этотъ высѣченъ изъ розоваго гранита, величиною въ два кубическихъ метра.

По окончаніи торжества закладки моста, Ихъ Величества, продолжая осмотръ достопримѣчательностей Парижа, посетили монетный дворъ. Въ ознаменованіе посѣщенія Ихъ Величествами Парижа, выбита была особая медаль, рѣшавшая знаменитымъ французскимъ граверомъ Шаллономъ (Chaplain) (см. стр. 1033). Лицевая сторона медали изображаетъ въ профиль бюсты Государя Императора и Государыни Императрицы. Государь въ полковничьемъ мундирѣ, Государыня въ діадемѣ. Надписи гласятъ: Nicolas II (съ лѣвой стороны) и Alexandra (съ правой). На оборотной сторонѣ вверху изображены рядомъ гербы Россіи и Франціи, затѣмъ, спускаясь слѣва вправо, гирлянды изъ розъ и ширини, а по правую сторону—монетный дворецъ. Посреди этихъ атрибутовъ начертана слѣдующая надпись: „Ихъ Величества Императоръ и Императрица Россіи посѣщаютъ парижскій монетный дворъ 7 октября 1896“. („Leurs Majestés l'Empereur et l'Impératrice de Russie visitent la Monnaie de Paris. 7 Octobre 1896“).

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границею.

26 сентября, въ 3 часа 35 мин. Ихъ Величества прибыли, по сообщенію „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“, въ версальскій дворецъ, привѣтствуемые восторженными кликами несмѣтной толпы, состоявшей преимущественно изъ парижанъ, паводнившихъ городъ уже съ ранняго утра. Выстроенные между Вилья д'Аврэ и Версалемъ войска отдали воинскія почести. При въѣздѣ Ихъ Величествъ въ Версаль, произведенъ салютъ въ 21 пушечный выстрѣлъ. Городъ былъ убранъ флагами скромно, но изящно.

Ихъ Величества и президентъ республики начали осмотръ Версаля съ сада и парка, гдѣ блии фонтаны. Обѣздъ сада продолжался до 5 час. 30 мин. Публика привѣтствовала Ихъ Величества кликами. Возвращеніе во дворецъ состоялось чрезъ парадный дворъ, гдѣ находились министры и другія приглашенные лица. Ихъ Величества удалились въ отведенные Имъ апартаменты Людовика XIV и Людовика XV.

Въ 6 час. 40 мин. великая княжна Ольга Николаевна, на рукахъ кормилицы и въ сопровожденіи фрейлины, была отвезена въ Императорскій поѣздъ. Сердечные проводы великой княжны устроены были при ея отъѣздѣ изъ Парижа. Великая княжна Ольга Николаевна, въ бѣломъ атласномъ туалетѣ, въ 3 часа выѣхала въ парадной каретѣ съ баронессою Фредерикъ, гг. Коныткинымъ и Гиршемъ изъ посольства къ вокзалу Сенъ-Лазаръ. Многочисленная свита сопровождала Ея Высочество. Вздвѣ 5-го кирасирскаго полка служилъ эскортъ. На пути великую княжну привѣтвовалъ народъ. Въ вокзалѣ Ея Высочество встрѣчена главными должностными лицами Западной желѣзной дороги. Приемный залъ былъ обтянутъ малиновымъ бархатомъ съ золотыми украшениями и убранъ растеніями, трофеями и франко-русскими флагами. Ея Высочество была внесена въ Императорскій поѣздъ. Къ поѣзду были прифиглены два локомотива, на которыхъ находились начальникъ движенія и его помощникъ. Громадная толпа, окружавшая вокзалъ и наполнявшая дебаркадеръ, привѣтвовала великую княжну восторженными кликами. Ея Высочество изъ окна вагона отвѣчала воздушными поцѣлуями. Кликъ: „Vive la Russie! Vive la Grande Duchesse!“ перешли въ неопишуемую овацію. Дамы махали платками, простыя женщины поднимали своихъ дѣтей, чтобы показать имъ великую княжну. Въ 4 часа подавъ былъ сигналъ къ отходу поѣзда, въ которомъ находился директоръ дороги.

Въ 7 час., въ Версалѣ, въ Галлерей Битвъ, изящно декорированной, состоялся обѣдъ на 125 кувертовъ. По правую руку г. Фора, бывшаго при Андреевской лентѣ, занимала мѣсто Государыня Императрица въ бѣломъ туалетѣ съ бриллиантовою діадемою на головѣ. Налѣво отъ президента сѣдѣла г-жа Бриссонъ. Государь Императоръ во фракѣ съ лентою Почетнаго Легіона сѣдѣлъ противъ г. Фора и имѣлъ по правую отъ Себя руку г-жу Форъ, по лѣвую—г-жу Дубе. Присутствовали въ министры, члены президентскаго военнаго кабинета и офицеры, назначенные состоять при Ихъ Величествахъ. Играла музыка инженернаго полка.

Съ наступленіемъ ночи дворецъ и общественныя зданія Версаля были роскошно иллюминированы. Деревья всѣхъ трехъ авенюе, ведущихъ во дворцы, освѣщены жирандолями. Пляцъ-парадъ представлялъ собою море головъ. Всякое движеніе было приостановлено. Восторгъ народа не поддавался описанію. Го-

родъ имѣлъ волшебный видъ. Ихъ Величества вышли на средней балконъ дворца, при чемъ 15,000 зрителей, наполнившихъ террасу, устроили Ихъ восторженную овацію. Ихъ Величествамъ поднесена на память золотая дощечка, на одной сторонѣ которой изображенъ гербъ въ облакахъ, а съ другой—дворецъ съ развѣвающимися надъ нимъ русскими и французскими флагами.

Въ 10 час. начался концертъ. Государь Императоръ предложилъ руку г-жѣ Форъ, президентъ—Государыня Императрица. Присутствовавшіе привѣтвовали появленіе Ихъ Величествъ кликами. Въ концертѣ участвовали: Сарра Бернарь, Делонэ, Кокленъ, пѣвецъ Дельмасъ и пѣвица Мельба. Сарра Бернарь прочла стихотвореніе Сюлли-Прюдома. Затѣмъ исполненъ былъ дуэтъ изъ комической оперы. Кокленъ блестяще прочелъ нѣсколько монологовъ. Дельмасъ пропѣлъ оперную арію. Главныя танцовщицы Оперы исполнили древніе танцы, которые всѣмъ присутствовавшимъ очень понравились. Вообще, концертъ чрезвычайно удался.

Послѣ концерта послѣдовалъ отъѣздъ Ихъ Величествъ. Коротекъ направился къ вокзалу желѣзной дороги. При отъѣздѣ изъ дворца Ихъ Величества милостиво простидись съ г-жею Форъ. Государь Императоръ сказалъ г-жѣ Форъ, что онъ въ восхищеніи отъ оказаннаго Ему во Франціи приема. Г. Фору Его Величество выразилъ свое сердечное удивленіе по поводу соблюденія порядка, несмотря на огромное стеченіе народа. Такое поведеніе дѣлаетъ честь толпѣ, привѣтственные клики которой очень тронули Государя. Его Величество просилъ президента поздравить префекта полиціи.

Коротекъ прибылъ на вокзалъ въ 11 час. 20 мин. Ихъ Величества и президентъ республики были встрѣчены министрами. На дебаркадерѣ президентъ Форъ откланялся Ихъ Величествамъ. Государь очень любезно пожалъ руку г. Фору, который поцѣловалъ руку Государыни. Затѣмъ Ихъ Императорскія Величества вошли въ поѣздъ въ сопровожденіи генерала Буадера и адмирала Жерве. Хоръ музыки исполнилъ національные русскій и французскій гимны. Государь съ непокрытою головою и Государыня стояли у дверцы вагона до послѣдней минуты и, когда поѣздъ тронулся, нѣсколько разъ поклонились г. Фору. Множество зрителей кричали: „Да здравствуетъ Россія! да здравствуетъ Императрица! да здравствуетъ Царь!“

Когда поѣздъ сталъ медленно отходить отъ станціи, зная склонилось предъ Императорскимъ вагономъ, въ которомъ Ихъ Величества стояли у окна, милостиво кланяясь. Черезъ пять минутъ послѣ отхода Императорскаго поѣзда, предъ почетнымъ заломъ остановился президентскій поѣздъ. Президентъ и министры бесѣдовали о впечатлѣніи, произведенномъ на Ихъ Величествъ пріемомъ въ Парижѣ и Версалѣ. Затѣмъ г. Форъ вошелъ въ вагонъ; съ нимъ отбыли всѣ министры и свита. Поѣздъ отошелъ въ 11 час. 50 мин. среди восторженныхъ кликовъ. Городъ Версаль представлялъ волшебное зрѣлище; всѣ улицы были иллюминированы.

По отъѣздѣ Ихъ Величествъ въ Шалонъ, вокзалъ представлялъ неопишуемое зрѣлище. Тысячи офицеровъ всѣхъ родовъ оружія и множество пассажировъ съшлили найти мѣста въ вагонахъ. Поѣзды слѣдовали одинъ за другимъ и всѣ были переполнены. Въ 2 ч. 45 м. отошелъ поѣздъ съ генераломъ Бильо и съ офицерами. 2,000 человекъ пришлось остаться въ

Парижѣ. Въ 5 ч. уѣхали члены муниципальнаго совѣта, въ 7 ч.—дипломатической корнусы; члены парламента отправились въ четырехъ поѣздахъ.

Въ мѣстности, гдѣ расположенъ шалонскій лагерь, всю ночь на 27-е сентября шелъ проливной дождь, но къ 7 ч. утра пересталъ. Къ 9 часамъ небо все еще было покрыто тучами. Поѣзда приходили въ Мурмелонъ настолько переполненными, что пассажиры помѣщались даже на подножкахъ. По дорогамъ, ведущимъ къ мѣсту смотря, тянулись безконечными рядами толпы народа. Омнибусы, экипажи брались съ бою. Въ 10 ч. на мѣстѣ смотря собралось уже свыше 150,000 зрителей. По официальнымъ свѣдѣніямъ, во время смотря находились въ строю: 3,090 генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, 66,756 нижнихъ чиновъ, 18,679 лошадей и 1,060 орудій или повозокъ. Въ 10 ч. 15 м. громъ орудій возвѣстилъ о прибытіи Государя Императора въ главную квартиру.

Президентскій поѣздъ пришелъ нѣсколькими минутами раньше Императорскаго. Президентъ Форъ, окруженный Лубе, Бриссономъ и министрами, встрѣтилъ Императорскую Четугу при выходѣ изъ вагона. Государыня Императрица была въ изящномъ голубомъ костюмѣ, опушенномъ соболемъ, Государь Императоръ — въ казачьемъ красномъ мундирѣ и въ шапкѣ, имѣя черезъ плечо ленту Почетнаго Легіона. Ихъ Величества и президентъ Форъ сѣли въ берлинскіе, запряженный шестеркою лошадей, которыми правили артиллеристы. Кортэжъ направился галопомъ къ мѣсту смотря. Въ 12 ч. 20 м. раздался громогласный, восторженные клики народа. Ихъ Величества и президентъ подъѣхали къ фронту войскъ. Склопились передъ Русскимъ Царемъ республиканскія знамена, — описываетъ корреспондентъ *Правительственнаго Вѣстника*, — барабанички забили походъ, горнисты затрубили, музыка заиграла „Боже, Царя храни“. Во французскихъ войскахъ не принято встрѣчать кликами. Колонны стояли тихо, безмолвно, но Государь видѣлъ и всякій изъ присутствовавшихъ чувствовалъ, какимъ огнемъ радости горѣли глаза офицеровъ и солдатъ, какъ сильно билось ихъ сердца. Стоящая масса зрителей развилася громкими восклицаніями: „Vive l'Empereur!“, „Vive le Tsar!“ Когда войска двинулись церемониальнымъ маршемъ, народъ, гордый своею арміею, встрѣтилъ ее привѣтствіемъ: „Vive l'armée!“ Во главѣ войскъ ѣхалъ военный министръ съ главнымъ штабомъ, а затѣмъ слѣдовалъ командовавшій войсками генералъ Соссе со своимъ штабомъ. Вотъ, подошли части, специально командированныя съ итальянской границы и изъ Алжира, для чествованія Царя и придавшіе большей нарядности смотрю: неутомимые альпійскіе стрѣлки въ обособаго покрою костюмахъ, въ синихъ береткахъ, съ длинными горными палками и рапцевъ; за ними въ фескахъ, восточныхъ курткахъ и шальварахъ—красный полкъ зуавовъ и синий—туркочевъ; у послѣднихъ пѣхоты, въѣто горна, ѣхало въ родѣ кавказской зурны—музыка очень своеобразная. Всѣ эти экзотическія части очень популярны во Франціи, и съ трибуны ихъ встрѣчали взрывомъ рукоплесканій. Далѣе шли синіе стрѣлки, а за ними показалась и главная сила всякой арміи — линейная пѣхота.

Она прошла не по-ротно, и не по-батальонно, а цѣлою монументальной дивизионной массой, параллельными колоннами въѣхъ четырехъ полковъ, имѣя на одной передней линіи всѣ четыре знамени, по одному на каждый полкъ, и всѣ они новыя, переѣнныя послѣ 1870 года. Линія по фронту огромная, для насъ непривычная, равненіе держать было очень трудно. Впереди дивизіи шелъ взводъ инженеровъ и ѣхали конные ординарцы отъ кавалеріи и цѣлый отдѣльный батальонъ, составленный изъ всѣхъ музыкантовъ, барабаниковъ и горнистовъ. Дивизія стройно двигалась передъ колонной. Тихо звучали оркестры, громомъ грохотали барабаны, воинственно трубили рожки. Одновременно играла только половина горнистовъ, а вторая ждала очереди, и, по знаку тамбуръ-мажора, ровными, красивыми движеніями рукъ одни поднимали, а другіе опускали инструменты. Высоко видѣлась булава тамбуръ-мажора, затѣмъ опускалась внизъ, и всѣ музыканты, какъ одинъ, поворачивались назадъ и отходили къ сторонѣ, останавливаясь противъ Царской бесѣдки. Могучимъ потокомъ надвигалась трехцѣтная лавина: красная лента ками, синія волосы пальто съ отвернутыми полами и снова красная кайма панталонъ на блѣломъ фонѣ газашей. Шли стройно, не пятацто, оживленно, — такъ ихъ отцы и дѣды ходили на штурмы, ходили къ побѣдамъ, ходили тысячами умирать. Величественный видъ сплоченной силы не замѣтныхъ въ отдѣльности солдатъ поражалъ зрителей и слышалось радостное: „Vive la ligne“. За каждой дивизіей громыхла артиллерія — черная ками, черные мундиры и черныя брюки съ красными лампасами у солдатъ, а у офицеровъ наоборотъ. Въ концѣ пѣхоты шла воздухоплавательная команда съ высоко парившимъ воздушнымъ шаромъ, съ котораго красиво развѣвались безконечныя русскіе флаги. За пѣхотою галопомъ, на размахистыхъ рослыхъ и втянутыхъ въ работу лошадей, прошли голубые гусары, темно-синіе кирасиры и драгуны съ касками, украшенными конскимъ волосомъ. Наконецъ, лихо пролетѣла конная артиллерія. Каждую колону зрители встрѣчали аплодисментами. Войска, дефилируя передъ нескончаемыми трибунами и отойди уже далеко

отъ Царской бесѣдки, старались сохратить равненіе и показаться достойными одобренія. Кромѣ генераловъ Бильо и Соссе съ ихъ штабами, никто заѣздовъ не дѣлалъ и лишь салютовали саблями. Прохождение войскъ закончилось въ 2½ часа. Въ заключеніе, кавалерія, скрывшаяся въ складкахъ мѣстности, вновь показала на горизонтѣ и, по трубному сигналу, растяжнымъ галопомъ, не нарушая правильности колонны, подошла къ трибунамъ.

Общая атака въ карьеръ ста эскадроновъ кавалеріи прошла великолѣпно: вся линія кавалеріи остановилась на полномъ карьерѣ въ ста метрахъ отъ трибуны. Государь Императоръ салютовалъ. Смотръ окончился, войска разбиты по частямъ и смѣшались съ толпою, которая ихъ привѣтствовала.

По окончаніи смотря Государь Императоръ послалъ за генераломъ Бильо и выразилъ ему Свое удовольствіе выправкою войскъ. Вернувшись въ главную квартиру, Его Величество вторично потребовалъ къ Себѣ генерала Бильо и послѣ продолжительной бесѣды, во время которой возобновилъ Свой поздравленія, вручилъ ему Свой портретъ, украшенный брилліантами, для ношенія на груди.

По случаю шалонскаго смотря въ честь Государя Императора, военный министръ отменилъ всѣ дисциплинарныя наказанія, не превышающія мѣсячнаго заключенія.

Въ главной квартирѣ былъ сервированъ завтракъ на 400 четвертовъ. Къ почетному столу были приглашены генералы Бильо и Соссе, послы, супруга русскаго посла и другія особы, а также лица Государевой свиты. Затѣмъ на завтракѣ присутствовали генералы и штабъ-офицеры бывшихъ въ строю частей войскъ. Во время завтрака играли хоры музыки 11-й пѣхотной дивизіи.

Къ концу завтрака, предложеннаго г. Формъ Ихъ Величества, президентъ республики провозгласилъ слѣдующій тостъ:

„Ваше Величество покинетъ насъ послѣ пребыванія, которое оставитъ въ лѣтописяхъ нашихъ странъ неизгладимую память. Какъ улыбка счастливаго предзнаменованія, обаяніе пребыванія Ея Величества Императрицы не изгладится изъ французскихъ сердецъ. Въ Парижѣ Ваши Величества были встрѣчены ликоваціями всей націи, въ Шербургѣ и въ Шалонѣ Васъ встрѣтило то, что больше всего дорого сердцу Франціи: ея армія и флотъ. Здѣсь привѣтствуетъ Васъ французская армія. По случаю каждой изъ многочисленныхъ годовщинъ ихъ славнаго промеднаго французскіе моряки и солдаты обмѣниваются со своими русскими братьями доказательствами своихъ взаимныхъ сердечныхъ чувствъ и своими пожеланіями. Въ сегодняшний день отъ имени французской арміи и французскаго флота прошу Ваши Величества принять для Вашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ торжественное подтвержденіе неизмѣнной дружбы. Пью за русскую армію и русскій флотъ и подымаю бокалъ въ честь Ихъ Величества Императора и Императрицы.“

Въ отвѣтъ на это Государь Императоръ провозгласилъ слѣдующій тостъ:

„Въ шербургскомъ портѣ, въ моментъ Нашего прѣѣзда, Я восторгался французскою эскадрою, сегодня, уѣзжая изъ вашей прекрасной страны, Я имѣлъ удовольствіе присутствовать на самомъ величественномъ военномъ зрѣлищѣ, отсутствуя на смотрю вашихъ прекрасныхъ войскъ на обычномъ мѣстѣ ихъ бытовья. Франція можетъ гордиться своей арміею. Вы были правы, господинъ президентъ, заявляя, что объ страны связаны неизмѣнной дружбой, точно такъ же, какъ между нашими обѣими арміями существуетъ глубокое чувство братства по оружію. Подымаю бокалъ въ честь вашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ и пью за здравіе господина президента республики.“

Тостъ Государя Императора, провозглашенный твердымъ голосомъ, произвелъ глубокое впечатлѣніе, которое сказалось въ многократныхъ и восторженныхъ „ура“.

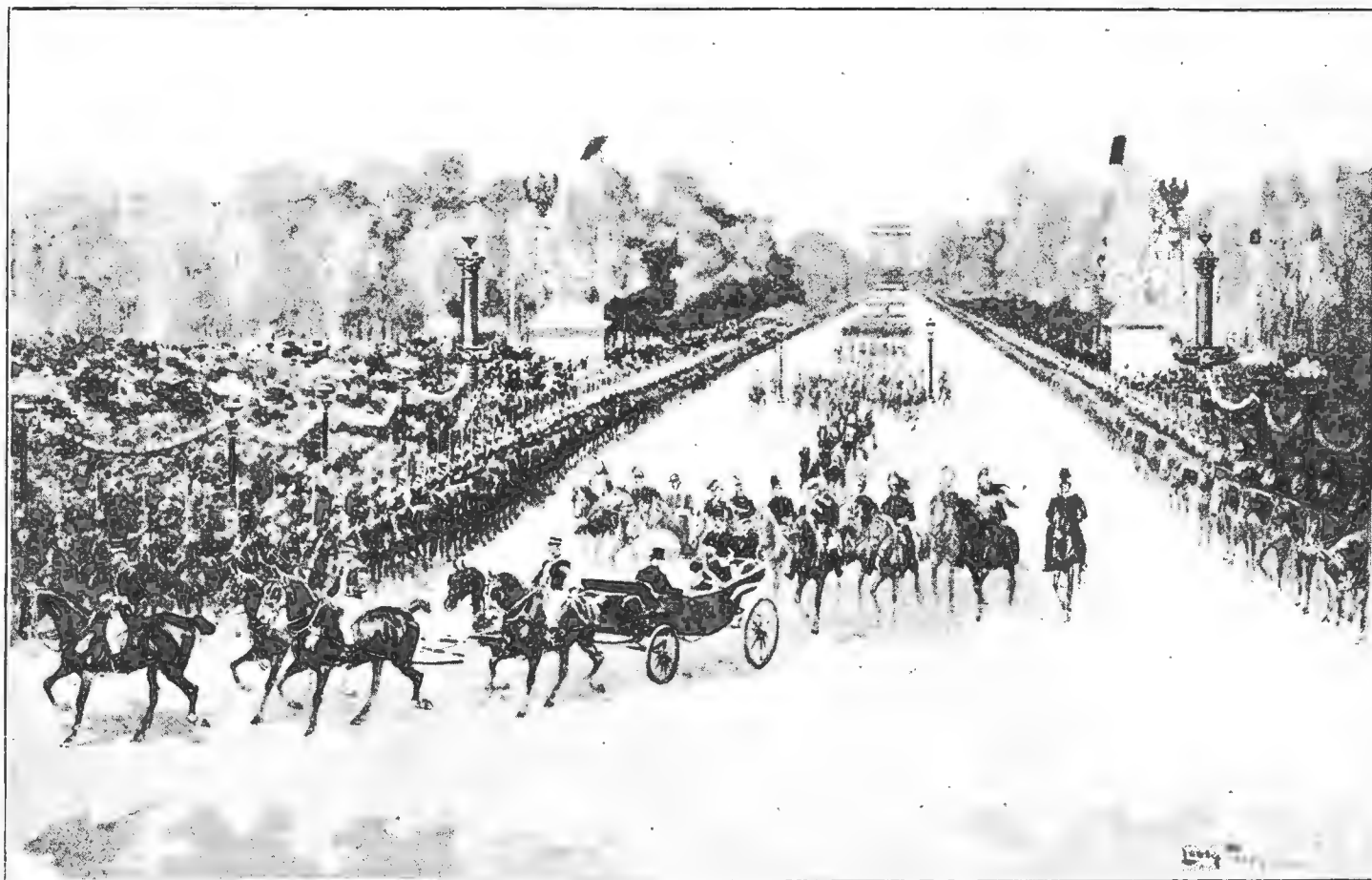
Послѣ каждой задральной рѣчи были исполнены русскій народный гимнъ и марсельеза.

Послѣ завтрака всѣ присутствовавшіе, по выходѣ изъ залы, съ оживленіемъ говорили о твердости, съ которой Государь Императоръ произнесъ Свой тостъ, и объ удареніи, съ какимъ Его Величество останавливался на знаменательныхъ мѣстахъ Своей рѣчи.

Къ вокзалу, на стациіи Бун, Ихъ Величества и президентъ отбыли въ берлинскіе съ блестящимъ эскортомъ, 70,000 человекъ, участвовавшихъ на смотрю, стояли шалерами по всему пути (5 километровъ), который Ихъ Величества проѣхали при барабанномъ боѣ и звукахъ трубъ. Знамена склопились, Государь Императоръ отдавалъ имъ честь. Ихъ Величества были предметомъ безпрерывныхъ овацій. Зрѣлище было величественное. Въ вокзалѣ Государь просился съ министрами, съ Лубе, Бриссономъ, къ каждому обратился съ многостыннымъ словомъ и выразилъ Баргу удовольствіе по поводу порядка, которымъ сопровождалась всѣ церемоніи. Затѣмъ, въ Императорскій вагонъ былъ приглашенъ министръ Гаото, съ которымъ Государь Императоръ бесѣдовалъ и вручилъ ему Свой портретъ съ весьма любезною надписью, тутъ же при немъ сдѣланной. Президентъ Форъ вошелъ въ Императорскій поѣздъ и, обмѣ-

Пребывание Ихъ Императорскихъ Величествъ во Франціи. Императорскій кортежъ у Триумфальной арки.
По рисунку „Illustration“ австрийца „Нивы“.

Императорскій кортежъ въ Елисейскихъ поляхъ. По рисунку „Monde Illustré“ автотипія „Нивы“.

Прибытіе Императорскаго кортежа на площадь Согласія. Авангардъ арабскихъ и тунисскихъ старшинъ. По рис. „Illustration“ автотипія „Нивы“.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ во Франціи.

нявшиеся съ Ихъ Величествами нѣсколькими словами, поцѣловать руку Государыни. Затѣмъ, среди общаго волненія, Государь Императоръ и г. Форъ, пожавъ другъ другу руку, облобызались съ глубокимъ чувствомъ. Президентъ вышелъ, но прежде чѣмъ подюбка вагона была поднята, Государь Императоръ выразилъ желаніе видѣть всѣхъ офицеровъ, которые были назначены состоять при особахъ Ихъ Величествъ, и эти господа продефилировали предъ площадкой вагона. Императорскій поѣздъ отошелъ въ 5 ч. 55 мин. при несомлаемыхъ кликахъ: „Vive l'Empereur! vive la Russie!“ Овація провожавшихъ приняла неописуемые размѣры. Ихъ Величества кланялись. Войска отдавали честь оружіемъ. Музыка исполняла русскій гимнъ.

Предъ отъѣздомъ изъ Буи, Государь Императоръ пожаловалъ членамъ русскаго посольства нѣсколько наградъ. Графу Монтебелло пожалованы брильянтовые знаки ордена св. Александра Невскаго.

Отъ Буи до Паньи всѣ вокзалы были расцвѣчены флагами. Вокругъ станцій къ приходу Императорскаго поѣзда собралась громадная толпа, пріявѣтствовавшая Ихъ Величества. Во Фруарѣ музыка исполняла марсельезу, въ то время какъ поѣздъ мѣнялъ локомотивы, и батальонъ отдавалъ воинскіи почести.

Въ Паньи - Сюръ - Мюзель къ прибытію Императорскаго поѣзда выставленъ былъ нѣхотный батальонъ со знаменемъ и музыкой. Вокзалъ былъ декорированъ и иллюминированъ. Поѣздъ пришелъ въ 10 часовъ 45 минутъ. Музыка исполнила русскій гимнъ. Императорскій вагонъ остановился противъ знамени при барабанномъ боѣ и звукахъ трубъ. Ихъ Величества бесѣдовали нѣсколько минутъ съ откланявшимися генераломъ Буадефромъ и адмираломъ Жерве. Государь пожалъ имъ руки. Префектъ города представлялся Ихъ Величествамъ и выразилъ почтеніе отъ имени французской Лотарингіи и города Нанси. Поѣздъ отошелъ дальше въ 11 час. 3 м. среди народныхъ кликовъ. Народные клики продолжались еще по отходѣ поѣзда.

По сообщенію „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“, изъ Паньи Государь Императоръ обратился къ президенту Французской республики съ слѣдующею телеграммой:

„Переѣзжая границу, Я желаю бы еще разъ выразить вамъ, господинъ президентъ, насколько Императрица и Я тронуты горячимъ пріемомъ, оказаннымъ Намъ въ Парижѣ. Мы чувствовали бѣшіе сердца прекрасной страны Франціи въ ея прекрасной столицѣ, и воспоминаніе о нѣсколькихъ дняхъ, проведенныхъ среди васъ, останется глубоко запечатлѣннымъ въ нашихъ сердцахъ. Прошу васъ, господинъ президентъ, соблаговолите передать Наши чувства всей Франціи. Николай“.

Съ своей стороны, президентъ, по отъѣздѣ Государя Императора изъ Шалона, послалъ Его Величеству слѣдующую теле-

грамму: „Въ моментъ отъѣзда Вашего Величества изъ Франціи, я желаю бы, чтобы Вы получили новое выраженіе радости, которую вызвало въ насъ Ваше посѣщеніе. Пожеланія Французской республики сопровождаютъ Ваши Величества до порога Вашей Имперіи и во все время Вашего славнаго царствованія. Феликсъ Форъ“.

Ихъ Величества направились изъ Франціи на востокъ, на родину Ея Величества, въ Дармштадтъ.

28 сентября, въ 9 час. утра, Императорскій поѣздъ прибылъ

въ Дармштадтъ. Выставленный въ вокзалѣ почетный караулъ лейбъ-гвардейскаго полка отдалъ честь. Музыка послѣ презентиръ-марша исполнила русскій гимнъ. Въ вокзалѣ находились: великій герцогъ, великая герцогиня, принцесса Виктория съ дѣтьми, великій князь Сергій Александровичъ съ супругой, принцы Генрихъ и Вильгельмъ и другіе. Государыня Императрица вышла изъ вагона первая и сердечно поздоровалась со своими Августѣйшими Родственниками. Затѣмъ вышла изъ вагона Государь Императоръ и также сердечно со всѣми поздоровался. Всѣ расцѣловали великую княжну Ольгу Николаевну. Государь съ великимъ герцогомъ обошелъ фронтъ караула, который, затѣмъ, прошелъ отдѣленіемъ церемониальнымъ маршемъ. Въ вокзалѣ, во время пріема, находился русскій министръ-резидентъ г. Озеровъ. Послѣ представленія свиты, Государь съ великимъ герцогомъ занялъ мѣста въ открытой коляскѣ à la Daumont, запряженной шестеркой, и отбыли съ вокзала къ триумфальной, чрезвычайно изысканной аркѣ. Во вторую коляску сѣли Государыня Императрица и великая герцогиня, въ третью—великій князь Сергій Александровичъ съ супругой и принцесса Баттенбергская, въ четвертую—великая княжна Ольга Николаевна съ кормилицей. Кортэжу предшествовалъ эскадронъ 2-го драгунскаго полка. За коляской Государыни Императрицы слѣдовалъ эскадронъ 24-го полка.

Во время проѣзда городомъ, населеніе восторженно пріявѣтствовало Ихъ Величества. Государь Императоръ и великій князь Сергій Александровичъ были въ русскихъ мундирахъ, Государыня Императрица—въ свѣтломъ туалетѣ. Кортэжъ подвигался вдоль шпалеръ войскъ къ Новому двору, гдѣ былъ выстроенъ почетный караулъ отъ конной батареи 25-го полка полевой артиллеріи и гвардейской унтеръ-офицерской роты. У триумфальной арки на Рейнштрассе пріявѣтствовали Ихъ Величества оберъ-бургомистръ и члены городского совѣта, при чемъ оберъ-бургомистръ сказалъ: „Отъ имени столичнаго бургомистерства и городской совѣтъ почтительнѣе пріявѣтствуютъ Ваше Величество. Съ радостнымъ сердцемъ пріявѣтствуемъ мы въ лицѣ Вашего Величества не только Августѣйшаго Супруга, но и Внука Гессенской Принцессы, равно какъ и Внука въ Божѣ почивающаго Императора Александра II, Августѣйшаго Покровителя нашего города, который, будучи насѣдникомъ цесаревичемъ, не пренебрегъ принять почетное гражданство Дармштадта. Ваше Величество также были столь милостивы, что отличили родивую Императрицу доказательствами благоволенія и вызвали этимъ благодарность, которую да позволено мнѣ будетъ почтительно выразить. Въ завершеніе долгаго путешествія за границей Ваше Величество прибыли сюда, чтобы отдохнуть въ высокомъ фамильномъ кругу. Да найдеть Ваше Величество въ возлюбленной герцогской

семьѣ среди вѣрнопреданнаго населенія нашего скромнаго города и чудныхъ красокъ осеннихъ лѣсовъ чистую радость и отдохновеніе и да исполнятся наши пожеланія, которые мы выражаемъ въ почтительномъ кликѣ: Его Величеству Императору Россіи Николаю II „hoch!“ Окружающее подхватило возгласъ громовымъ кликомъ. Императоръ сердечно поблагодарилъ. Къ Государынь Императрицъ оберъ-бургомистръ обратился со слѣдующею рѣчью: „Послѣ двухлѣтняго отсутствія Ваше Величество вступаютъ нынѣ впервые въ свой родной городъ выѣсть

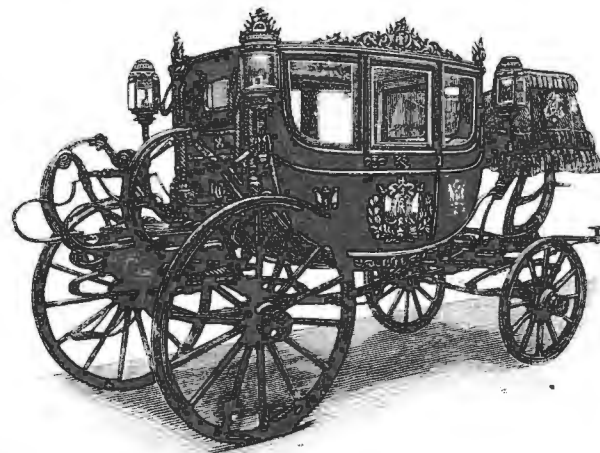
русскихъ мундирахъ, Государыня Императрица—въ свѣтломъ туалетѣ. Кортэжъ подвигался вдоль шпалеръ войскъ къ Новому двору, гдѣ былъ выстроенъ почетный караулъ отъ конной батареи 25-го полка полевой артиллеріи и гвардейской унтеръ-офицерской роты.

У триумфальной арки на Рейнштрассе пріявѣтствовали Ихъ Величества оберъ-бургомистръ и члены городского совѣта, при чемъ оберъ-бургомистръ сказалъ: „Отъ имени столичнаго бургомистерства и городской совѣтъ почтительнѣе пріявѣтствуютъ Ваше Величество. Съ радостнымъ сердцемъ пріявѣтствуемъ мы въ лицѣ Вашего Величества не только Августѣйшаго Супруга, но и Внука Гессенской Принцессы, равно какъ и Внука въ Божѣ почивающаго Императора Александра II, Августѣйшаго Покровителя нашего города, который, будучи насѣдникомъ цесаревичемъ, не пренебрегъ принять почетное гражданство Дармштадта. Ваше Величество также были столь милостивы, что отличили родивую Императрицу доказательствами благоволенія и вызвали этимъ благодарность, которую да позволено мнѣ будетъ почтительно выразить. Въ завершеніе долгаго путешествія за границей Ваше Величество прибыли сюда, чтобы отдохнуть въ высокомъ фамильномъ кругу. Да найдеть Ваше Величество въ возлюбленной герцогской

семьѣ среди вѣрнопреданнаго населенія нашего скромнаго города и чудныхъ красокъ осеннихъ лѣсовъ чистую радость и отдохновеніе и да исполнятся наши пожеланія, которые мы выражаемъ въ почтительномъ кликѣ: Его Величеству Императору Россіи Николаю II „hoch!“ Окружающее подхватило возгласъ громовымъ кликомъ. Императоръ сердечно поблагодарилъ. Къ Государынь Императрицъ оберъ-бургомистръ обратился со слѣдующею рѣчью: „Послѣ двухлѣтняго отсутствія Ваше Величество вступаютъ нынѣ впервые въ свой родной городъ выѣсть

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ во Франціи. Украшеніе улицы le Grenelle передъ домомъ русскаго посольства въ Парижѣ.

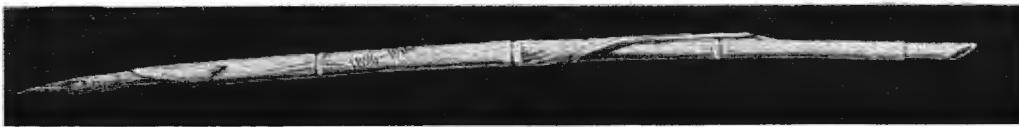

Парадная карета для Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Парижѣ.

съ Августѣйшимъ Супругомъ, Котораго украшаютъ личныя достоинства болѣе нежели пурпуръ. Благопожеланіи всего Гессена и нашего города и сочувственная вѣрность, проводившая высокопочитаемую, покидавшую насъ Прицессу, остались прежними, и радостно привѣтствуемъ мы сегодня Ее, возвращающуюся къ намъ Августѣйшей Императрицей и сіяющей радостью Матерью. И мы восклицаемъ: Ея Вели-

Медаль въ память посѣщенія Ихъ Императорскими Величествами парижскаго монетнаго двора.

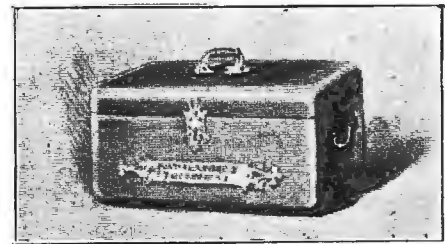

Перо, которымъ былъ подписанъ актъ о закладкѣ моста Императора Александра III въ Парижѣ.

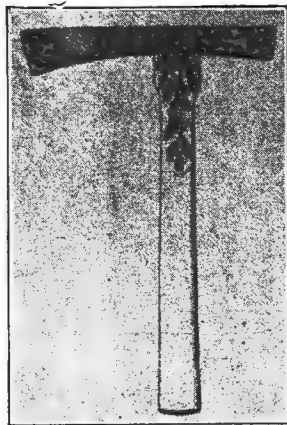
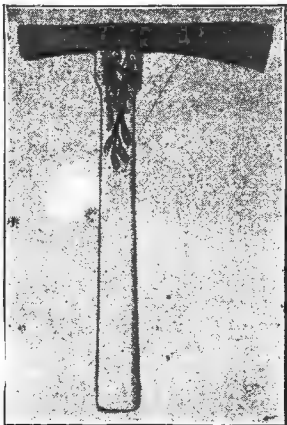
съ другими Высочайшими Особами. Въ серенадѣ участвовало до 3.000 человекъ. Зрителей было несмѣтное множество. Депутатъ Келлеръ провозгласилъ, среди общаго восторженнаго настроенія, „hoch“ Ихъ Величествамъ.

29 сентября, утромъ, Государь Императоръ изволилъ пригласить назначенныхъ состоять при Особѣ Его Величества офицеровъ, а также полковника 24-го драгунскаго полка Арденнъ; Государынѣ Императрицѣ имѣли счастье представиться: баронесса Ридзель, графиня Раппау и супруга профессора Прахта. Послѣ ленча Августѣйшія Особы совершили прогулку, съ которой вернулись во дворецъ въ экипажѣ. Вечеромъ въ придворномъ театрѣ былъ парадный спектакль.

Шла опера Вагнера „Лоэнгринъ“. Когда Ихъ Величества и другія Августѣйшія Особы вошли въ большую придворную

Ящичекъ, въ который вложенъ подлинный актъ о закладкѣ моста Императора Александра III въ Парижѣ.

Молотокъ, которымъ былъ закрѣпленъ первый камень моста Императора Александра III въ Парижѣ.

честву Императрицѣ Россійской Александрѣ, возлюбленной сестрѣ милостивѣйнаго великаго герцога — „hoch!“ Восторженно подхватили всѣ присутствующіе этотъ возгласъ. Государыня, видимо взволнованная и радостная, благодарила наклоненіемъ головы, послѣ чего представительницы городскихъ школъ поднесли Ея Величеству превосходные букеты. Въ Новомъ дворцѣ, гдѣ Ихъ Величества будутъ имѣть пребываніе, кортежъ былъ встрѣченъ оберъ-гофмаршаломъ и оберъ-церемоніи-мейстеромъ.

Великій герцогъ гессенскій поднесъ Его Величеству Государю Императору шефство лейбъ-драгунскаго полка.

Послѣ полудня Государь Императоръ и Государыня Императрица въ открытой коляскѣ прослѣдовали въ Мавзолей, гдѣ возложили великолѣпный вѣнокъ, а затѣмъ посѣтили Краинхштейнскій паркъ, гдѣ пили чай. Многотысячная толпа восторженно привѣтствовала Ихъ Величества при отъѣздѣ и возвращеніи. Въ 9 ч. вечера соединеннымъ гѣвческимъ обществомъ, на освѣщенной, какъ днемъ, площади Луны, была исполнена серенада передъ Ихъ Величествами, находившимися на балконѣ дворца, вмѣстѣ

Лопаточка, которой былъ взятъ цементъ при закладкѣ моста Императора Александра III въ Парижѣ.

ложу, директоръ придворнаго театра Вернеръ провозгласилъ „hoch“ въ честь Императорской Четы. Публика восторженно трижды повторила „hoch“, послѣ чего была исполнена русскій народный гимнъ, который публика слушала стоя. Ихъ Императорскія Величества неоднократно выражали благодарность за сердечное чествованіе.

30 сентября, Государь Императоръ, великій герцогъ и великій князь Сергій Александровичъ изволили принять приглашеніе общества офицеровъ 24-го драгунскаго полка и поѣхать въ офицерское собраніе этого полка.

4 октября, Ихъ Императорскія Величества и великій герцогъ въ 10¼ час. угра отбыли въ Гомбургъ.

Для встрѣчи Ихъ Императорскихъ Величествъ городъ убранъ по-праздничному. Передъ краугольнымъ камнемъ новой православной церкви выстроены для Ихъ Величествъ навильоны. Съѣхалось много иностранцевъ и иногородныхъ. Императорская Чета и великій герцогъ гессенскій прибыли въ 11¼ час. и были встрѣчены въ вокзалѣ начальствующими лицами. Въ качествѣ представителя императора Вильгельма, присутствовалъ при встрѣчѣ командиръ 11-го армейскаго корпуса генералъ Виттихъ. Встрѣча съ вдовствующей императрицею Викторіей состоялась

въ Императорскомъ навильонѣ. Затѣмъ Августѣйшія Особы прослѣдовали къ мѣсту закладки церкви.

На церемоніи закладки русской церкви присутствовали пять русскихъ священниковъ, члены распорядительнаго комитета по сооруженію церкви: т. с. Проворовъ и петербургскій городской голова Ратковъ-Рожновъ, а также профессоръ архитектуры Л. Н. Бенуа, по проекту котораго воздвигается церковь, и строитель ея Якоби. Для приглашенныхъ устроены были трибуны. Когда приблизился Императорскій кортежъ, хоръ музыки 13 гусарскаго полка и оркестръ кургауза исполнили русскій народный гимнъ. Послѣ того, какъ Императорская Чета вошла въ шатеръ, произнесена была рѣчь, обращенная къ Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Затѣмъ началось богослуженіе. Протоіерей Протопоповъ прочелъ актъ о закладкѣ церкви. Ихъ Величества и другія Августѣйшія Особы положили

Августѣйшія Особы, а также лица свиты положили около пятнадцати камней въ формѣ креста. Потомъ оберъ-бургомістръ Шеттенборнъ принесъ благодарность Ихъ Величествамъ и прочимъ Августѣйшимъ Особамъ за присутствіе Ихъ на церемоніи, заявилъ, что будетъ заботиться о сохраненіи церкви, и окончилъ свою рѣчь „hoch“ въ честь Императора. Ихъ Величества и прочія Августѣйшія Особы при кликахъ „hoch“ публично отбыли затѣмъ въ экипажахъ въ замокъ Фридрихсгофъ.

На завтракъ, данному въ честь Ихъ Величества въ замкѣ Фридрихсгофъ, присутствовали 18 лицъ. Государь Императоръ былъ въ партикулярномъ платьѣ. Въ началѣ пятого часа Ихъ Императорскія Величества и прочія прибывшія изъ Дармштадта Августѣйшія Особы отбыли съ экстреннымъ поѣздомъ обратно въ Дармштадтъ. Вдовствующая императрица Викторія проводила Высочихъ Гостей до вокзала. Въ память Своего

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ во Франціи. Парадный спектакль въ Большой Оперѣ. Императорская ложа.
По рисунку „Illustration“ автотипія „Нивы“.

монеты на краугольный камень. Государь Императоръ положилъ первый камень тремя ударами молотка, вдовствующая императрица Викторія, Государыня Императрица и прочія

перваго визита, Государь Императоръ посадилъ въ фридрихсгофскомъ паркѣ исполнинскую велилингтонію. Государыня Императрица посадила кедръ.

СМѢСЬ.

Населеніе Парижа за время „русской недѣли“, какъ прозвали парижане дни пребыванія въ стѣнахъ ихъ города Государственныхъ Гостей,—увеличилось, по собраннымъ газетами точнымъ свѣдѣніямъ, на 800.000 человекъ, прибывшихъ какъ изъ-за границы, такъ и изъ разныхъ пунктовъ Франціи. Кроме того, изъ предмѣстій и ближайшихъ къ Парижу городовъ наѣхало за время пребыванія Ихъ Императорскихъ Величествъ до полумилліона человекъ. Такимъ образомъ, въ общей сложности, въ теченіе пяти дней, въ Парижѣ проживало до 3.800.000 человекъ. Соотвѣтственно приросту населенія, возросло и потребленіе пищевыхъ продуктовъ. Газета *Economiste Européen* высчитала, что за тѣ же пять дней въ Парижѣ уничтожено: хлѣба 7.600.000 килограммовъ, говядины — 2.174.000, разной живности и дичи—598.500, рыбы — 575.700, яицъ — 10.450.000 шт., свинины—509.200, сливочнаго масла—487.000, фруктовъ и овощей—266.000, устрицъ—184.300 кил., сыру—144.000 и консервовъ—34.200 кил. Количество вина, выпитаго въ пять дней, опредѣляется, приблизительно, въ 10.650.000 литровъ. Если предположить, что каждый прибывшій тратилъ въ среднемъ по 12 франковъ въ день, то за пять праздничныхъ дней дополнительная прибыль, доставшаяся на долю па-

рижской торговли, опредѣлится слишкомъ въ 80 милліоновъ франковъ.

Привѣтствіе французскихъ литераторовъ своимъ русскимъ собратьямъ. 1 октября, члены литературнаго общества въ Парижѣ, собравшіеся, по словамъ *Новаго Времени*, на обѣдъ подъ предсѣдательствомъ Эмиля Ришбура, тронутые милостивымъ посѣщеніемъ Франціи Ихъ Величествами Государемъ и Государыней всей Россіи, шлютъ, въ лицѣ своего делегата графини Лидіи Растопчиной, своимъ русскимъ собратьямъ, литераторамъ и публицистамъ, сердечное заявленіе братства.

Оваціи въ честь Франціи. 25 сентября, по сообщенію *Новаго Времени*, во время представленія на сценѣ Литерат.-Артистическаго Кружка пьесы В. Сарду — „Графъ де-Ризооръ“ (Patrie), въ антрактѣ, когда оркестръ заигралъ известную увертюру Литольфа, куда, какъ извѣстно, входитъ „Марсельеза“, вся публика встала, какъ одинъ человекъ, услышавъ знакомый французскій народный гимнъ, и устроила горячую манифестацію въ честь Франціи. По окончаніи увертюры, публика потребовала „Марсельезу“ снова, которая и была сыграна еще два раза при громкихъ рукоплесканіяхъ и кликахъ всей публики, все время слушающей стоя. Вслѣдъ

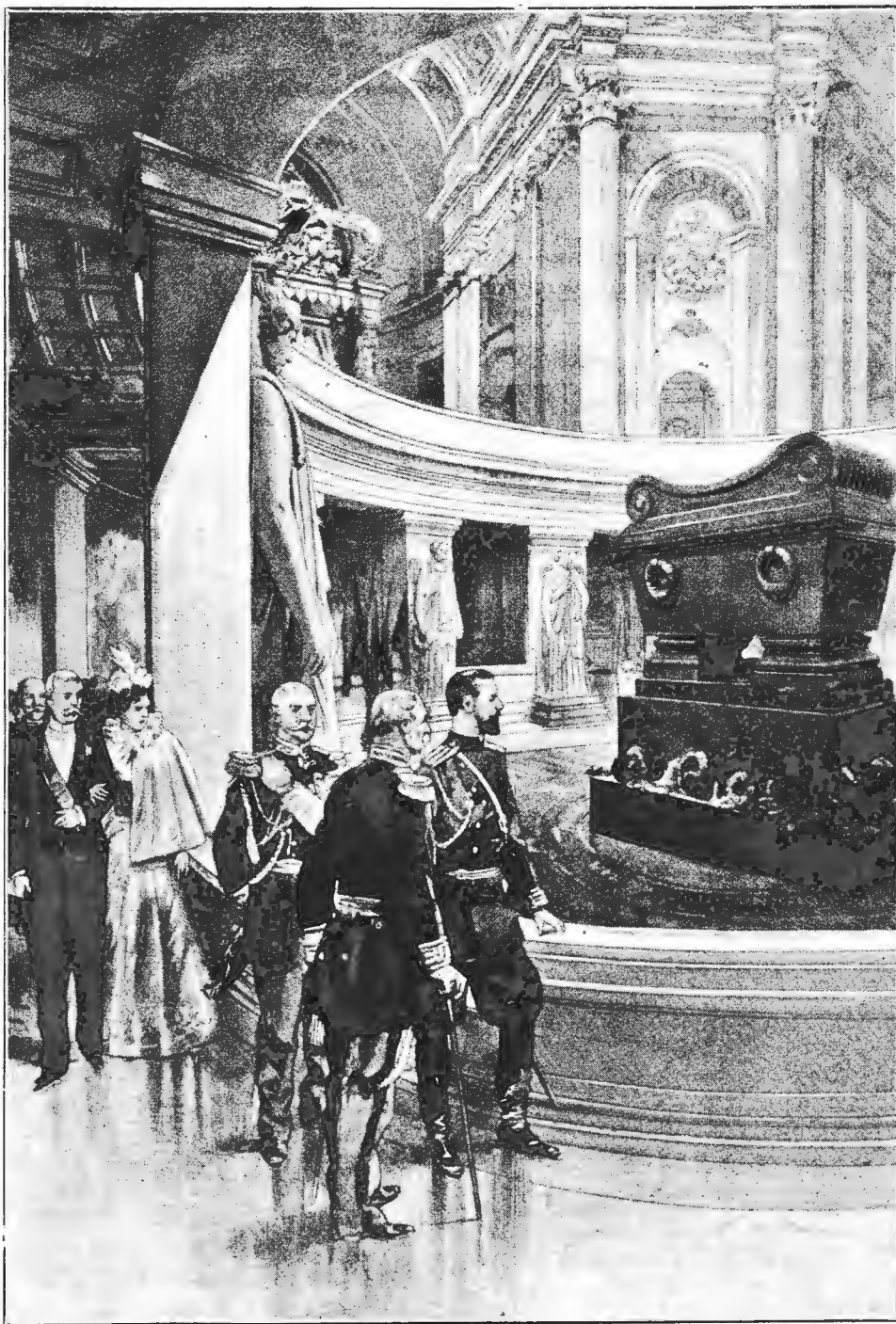
за этимъ, по требованію публики, исполненъ былъ трижды наизъ народный гимнъ, сопровождавшійся восторженнымъ „ура!“ „Манифестація эта вышла совершенно неожиданно и тѣмъ была она торжественнѣе и задушевнѣе. Зрители, — говоритъ по этому случаю *Новое Время*, — перенесли мысль и сердцемъ въ Парижъ, гдѣ вся Франція празднуетъ такъ торжественно, одушевленно и радостно прибытіе нашихъ Государя и Государыни. Эту манифестацію случайныхъ зрителей театра раздѣляютъ, конечно, всѣ русскіе люди, читающіе подробности о томъ небываломъ, прямо сказать, великомъ событіи, которое теперь совершается въ Парижѣ, этомъ „источникѣ такой гениальности, такого вкуса и просвѣщенія“, какъ выразился Государь Императоръ, произнося тогость за обѣдомъ въ Елисейскомъ дворцѣ. Наша манифестація только слабая дань, — но дань искренняя и самая задушевная, дань за тѣ великолѣпныя, изумительныя манифестаціи, которыми живетъ и дышитъ Парижъ въ дни пребыванія нашихъ Государя и Государыни.“

Это была первая манифестація въ этомъ родѣ; затѣмъ въ слѣдующіе дни подобныя оваціи въ честь Франціи были устроены публикою и въ Императорскихъ театрахъ въ Петербургѣ.

Такія же горячія манифестаціи въ честь дружественной намъ Франціи устроены были и въ московскихъ театрахъ, какъ въ Императорскихъ, Вольшомъ и Маломъ, такъ и въ оперномъ театрѣ Солодовникова. По требованію публики оркестръ исполнялъ по нѣсколько разъ русскій гимнъ и марсельезу, сопровождавшійся шумными единодушными оваціями.

Къ торжествамъ „русской недѣли“ въ Парижѣ. Въ *Прагматическомъ Вѣстникѣ* находимъ слѣдующее интересное сообщеніе, рисующее тотъ энтузіазмъ, съ которымъ относилось населеніе Парижа къ посѣщенію „великаго города“ Ихъ Величествами: „Мелкая французская промышленность, удовлетворяющая преимущественно спросу незначительнаго простонародья, прониклась, какъ и все французское, значеніемъ переживаемыхъ Парижемъ дней. Въ продажѣ появилось множество всякихъ вещей и бездѣлушекъ, не притязавшихъ на изящность, но дорогихъ французскому простолюдину въ виду ихъ отношенія къ радостнымъ для Франціи событіямъ „русской недѣли.“ Нѣтъ чернорабочаго, который не считалъ бы своимъ долгомъ купить себѣ что-либо такое, съ чѣмъ соединялось бы для него и его семьи воспоминаніе о свѣтлыхъ дняхъ „русской недѣли“.

Кромѣ портретовъ и бюстовъ Русской Императорской Четы, кокардъ, значковъ, скрещенныхъ русскихъ и французскихъ флаговъ, расписаній празднествъ и почтовыхъ карточекъ съ раскрашенными на нихъ портретами Ихъ Величествъ, продаваемыхъ по всѣмъ улицамъ Парижа, въ рабочихъ кварталахъ, на далекихъ городскихъ окраинахъ расходятся въ несмѣтномъ количествѣ всякаго рода русско-французскія эмблемы, дешевизна которыхъ дѣлаетъ ихъ доступными для каждаго бѣдняка. Безпритязательная простонародная промышленность пустила въ обращеніе множество вещей въ память знаменательныхъ для французскаго народа дней. Особенно бойко распродаются картонны въ видѣ складней, посреди которыхъ — три раскрашенныхъ медальона съ портретами Императора Александра III, Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны, а по бокамъ портреты президентовъ Карно и Фора и другихъ лицъ; эти картонно-складни — наглядная исторія франко-рускаго сближенія отъ кронштадтскихъ и тулонскихъ дней до нынѣшнихъ народныхъ празднествъ во Франціи. Не успѣваютъ готовить тарелокъ съ портретами Ихъ Величествъ и съ эпизодами кронштадтской и тулонской встрѣчи. Въ огромномъ количествѣ раскупаются украшения для стѣнъ, столовъ или комодовъ, состоящія изъ глиняныхъ дощечекъ съ рельефными на нихъ изображеніями Государя Императора и президента Фора, надъ которыми свѣшиваются русскій штандартъ и французское знамя. Раскрашенные платки съ черными посерединѣ двуглавыми орлами, стаканы, чашки, солонки, бумажные вѣера, глиняныя трубки и всякіе другіе предметы домашняго обихода съ портретами Ихъ Величествъ или

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ во Франціи. Посѣщеніе гробницы Наполеона I въ отелѣ Инвалидовъ. По рисунку „Illustration“ авторства „Нивы“.

со скрещенными знаменами Россіи и Франціи расходятся въ народѣ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Особенно бойко шла за послѣдніе дни продажа кожаныхъ портмоне съ символическими фигурами, изображающими встрѣчу въ Шербургѣ Франціи съ Россіей. Даже игрушки для дѣтей носятъ отпечатокъ одушевляющихъ французовъ чувствъ, идущихъ отъ глубины ихъ сердца, а лихорадочная поспѣшность, съ какою послѣдній бѣднякъ стремится приобрести себѣ ту или другую вещь въ память безпримѣрныхъ въ исторіи Франціи торжественныхъ дней, свидѣтельствуетъ о такомъ настроеніи народныхъ массъ, какого никто еще не видывалъ въ Парижѣ.“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Котора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографские расходы. Гг.-же городские подписчики благодарятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНИЕ: Кольцо Императрицы. Историческій романъ ин. М. Н. Волконскаго. (Продолженіе).—Бѣлый невольникъ. (Съ пѣснечкаго).—Промышленныя выставки въ Берлинѣ и въ Женевѣ. Спеціальная корреспонденція „Нивы“. (Съ 3 рис.).—Осень. (Изъ Ф. Коппе.) Стих. Д. Л. Михаловскаго.—Къ рисункамъ. Типы и виды Средней Азии. Сарганъ. Чай-хане (съ 2 рис.).—Наемъ прислуги (съ рис.).—Забудилась (съ рис.).—Осень (съ рис.).—Пробываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ во Франціи (съ 14 рис.).—Пробываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границу.—Смѣсь.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія. При этомъ № разсылается всѣмъ годовымъ подписчикамъ журнала художественная премія „Нивы“ на 1896 годъ—портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
НОВЫМЪ, ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ

РУКОВОДСТВО КЪ КРОЙКѢ БѢЛЫЯ,

мужского, дамскаго и дѣтскаго,
для школьнаго и домашняго употребленія.

Въ 36 таблицахъ, на которыхъ помѣщены масштабы и весь текстъ.
Съ 8-го нѣмецкаго изданія переводъ Маріи Линдеманъ.

Изданіе это знакомитъ съ наилучшими и простѣйшими приемами кройки и шитья бѣлья и можетъ быть съ большою пользою применено какъ въ школѣ, такъ и въ домашнемъ быту. На 36 таблицахъ, составляющихъ изданіе, помѣщено 125 чертежей бѣлья, причемъ чертежи разработаны настолько тщательно, что составленіе выкроекъ и приспособленіе ихъ ко всякой фигурѣ является легкимъ дѣломъ даже для тѣхъ, кто совершенно неопытенъ въ этомъ отношеніи.

Цѣна изданія 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 25 коп.

Бильцъ, ГИГИЕНИЧЕСК. ЛѢЧЕБНИЦА.

Санаторія Дрезденъ-Радебейль (Герм.).

2 врача. Особенно приспособлена для осени, и зимняго лѣченія. Одна изъ самыхъ большихъ и прекрасн. гигиенич. лѣчебницъ Германіи. Лѣченіе болѣзней женск. нервн., желудочн., груди., назожн., нолов. орган., астмы, ревмат., ожирѣн., малокр. и т. п. Подр. объявленія—бесплатно. Владѣлецъ лѣч.—Ф. Е. Бильцъ, авторъ преміров. соч.: «Бильцъ. Гигиеническ. мнѣніе».

ПАВЕЛЬ БУРЕ
В. № 6014
12-2
поставщикъ Двора Ея Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
♦ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАОВОВЪ собственной фабрики ♦
съ поднимъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ

на Всероссийской выставкѣ 1896 г. за „Мыло Диспозе“ П. Н. Виноградова.

**ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ
ВЪ ТЕПЛОЙ ВОДѢ
БЕЗЪ ПАРКИ**

ТРЕБОВАТЬ, чтобы каждый кусокъ имѣлъ на мнѣхъ штампъ „Мыло Диспозе“. БѢЛЫЕ получаютъ замѣчательно чистыми. ЖЕЛТИЗНА и плина уничтожаются. ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. МЫЛА этого расходуются ВЪ ТРИ РАЗА МЕНЬШЕ простого. Совершенно безвредно для тканей бѣлья. Удостовер. за № 3780. Продажа въ колониальныхъ, мыльн., аптеч. и др. магаз. Опт. у П. Н. Виноградова. Могилка, Рождественка, д. № 2. Ц. № 9552 6-1

СКЛАДЪ ИГРУШЕКЪ И ДРУГИХЪ ТОВАРОВЪ В. М. ДОЙНИКОВЪ

Садовая улица, Александровская линія, № 8. противъ Госуд. Банка, С.-Петербургъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, имѣетъ честь уведомить гг. иногороднихъ, что къ празднику Рождества Христова имѣется уже въ настоящее время полный выборъ игрушекъ, игръ, работъ, занятій и другихъ предметовъ для подарковъ дѣтямъ на елку. Украшенія для елки: бонбоньерки, картонажи, хлопюшки, маски, ордена для котлыона, подсвѣчники и свѣчи.

Заказы исполняются для военныхъ собраній, школъ, пригововъ, клубовъ и пр.

Цѣны рѣшительныя. № 9547

Высылка товара исполняется съ нервовыми платежами, чрезъ посредство желѣзныхъ дорогъ, транспортныхъ конторъ и почтою, по полученіи предварительнаго задатка 25 %.
Подробныя свѣдѣнія высылаются по требованію немедленно.

Знаменитое бѣлье
Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворн. Поставщиковъ
**МЕЙ и ЭДЛИХЪ,
Лейпцигъ-Плагвицъ.**

изящно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго домашняго бѣлья. Штучка-только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ соперниковъ со стиркой неспрнтностью. После употребленія его бросать. Постоянно новое, безупрочно-чистое бѣлье. Превосходно сохраняется даже при усилеиномъ употребл. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ, и холостяковъ. Вышесказанные представители сообщать, по желанію, гдѣ оно продается.

Таифанн и Штейдль, Москва. Карлъ Шиммель, С.-Петербургъ, Садовая 18. Максъ Тишбейнъ, Рига. Фабианъ Клингеландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

**Склады фотографическихъ принадлежностей
О. ЮХИМЪ и К°.**
С.-Петербургъ. Москва.
Невскій пр., № 3. Театральн. проездъ. 24-20
Громадный выборъ всевозможныхъ аппаратовъ для фотографовъ специалистовъ и любителей, а также для научныхъ цѣлей.
Прейсъ-курантъ изданія 1896 г., состоящій изъ 424 стран. въ 8^ю листа, съ 710 рисунками въ текстѣ, вышлелъ изъ печати и высылается по требованію за 50 коп. почтовыми марками.
ВЪСѢ НОВОСТИ ПО ФОТОГРАФИИ.

**EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOHSE**
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (86)
Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ съ естественнымъ методомъ лѣченія **Д-ра МАКСА ВѢМА.**
Dr. Max Böhm's Naturheilstalt, Bad Friedrichroda i/Th.
Купанье ФРИДРИХОДА въ Тюрингіи, 1490 футовъ надъ уровнемъ моря, открыто круглый годъ. Прекрасно обставленное и пользующееся лучшимъ реюме заведеніе для всѣхъ страдающихъ хроническими болѣзнями. Мѣстоположеніе самое прекрасное въ Германіи. Проспекты высылаются бесплатно. В. № 9070 21-16

„Гуниади Яносъ“ представляетъ собою продуктъ природы,
СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ котораго извѣстно.
Для орм. приема достаточно 1-2 обмыки. ставала.
Просимъ обращать вниманіе на нашу предохранител. марку портрета, которая неизмѣнно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей нашей воды.
Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
Ц. № 9157 **ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ** 12-5
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Фабричный **СМАДЪ ЧАДОВЪ „ЖЕНЕВА“**
въ Варшавѣ, Вилнискій, 20
всѣмъ иллюстр. прейсъ-курантъ **БЕЗПЛАТНО.**

ПОВѢСТИ И РАССКАЗЫ
Вс. Крестовскаго.
(автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е изданіе. Цѣна 1 р. 25 коп., съ пересылкой 1 руб. 50 коп.

КАШИМОВСКАЯ НЕВѢСТА.
Вс. Соловьева.
Историческій ром. въ 3-хъ част. Изданіе II. СИБ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнѣ, переслать 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ТРЕБУЙТЕ для смѣненія **НОЖИЦА ИРУКЪ**
КРЕМЪ ОРИЗА
Пр. В.ШМОЛЬ
Цѣна 20 коп. Продажа бездѣль.

НОВОСТЬ!
для курящихъ **МАШИНКА ДЛЯ НАВИВКИ**
9 р. папирсъ. 9 р.
Дѣлаетъ 10 шт. въ 1-минуту. Чрезвычайно практична, прочна и изящна. Годна для гильзъ всѣхъ номеровъ. Высылается немедленно по получеиіи задатка въ 3 рубля. С.-Петербургъ, Связь новыхъ изобрѣтѣній, Большая Морская, 33.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
Г. ВАВЕЛЬБЕРТЪ
С.-Петербургъ, Невскій пр., 25.
СТРАХУЕТЪ
5% закл. съ выигр. листы
Гос. Двор. Зем. Банна
по 1 р. 25 к.

Вборянской Мыло
Спектральной Лабораторіи
ИЗДАВАНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

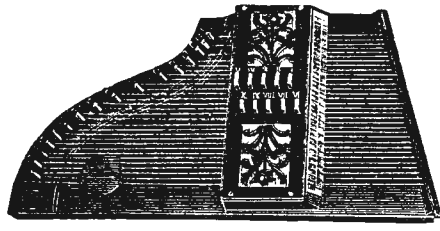

НОВАЯ КНИГА: Мысли оъ основѣхъ житейскаго нравственности и челоѣческаго счастья. Н. В. Соколовскаго. Ученый Комитетомъ Мин. Нар.д. Просвѣд. книга одобрена для учебныхъ, старшаго возраста, библиотекъ, среднихъ учебныхъ заведеній, для учителейъ и учащихся, для народа, читальнѣ, для награды ованчивающимъ курсъ городскихъ и уездныхъ училищъ. (Ж. М. Н. П. 18:5 IX.)

Содержаніе: Жизнь людей съ нравствен. точки зрѣнія. Права и обязанности челоѣка. Высота ученія Христа. Значеніе любви. Правила жизни. Люди съ правилами и безъ правилъ. Наслѣдственность, воспитаніе и воля. О нравственномъ самовоспитаніи. Совѣсть. Слово и смѣхъ. Честность. Гнѣвъ и кротость. Скромность, смиреніе и гордость. Обращеніе съ людьми. Трудъ. Порядокъ и бережливость. Осторожность и предусмотрительность. Удовольствія и развлечения. О здоровьи и болѣзни. Богатство. Цѣломудріе. Мужъ и жена. Нѣсколько словъ о воспитаніи дѣтей. О мудромъ возрѣніи на жизнь. Цѣна 60 коп. съ перес.

Адресъ: Екатеринбургъ, реальное уч. П. В. Соколовскому. № 9545

Фабрика Торговаго дома **А. Е. КУЛАКОВЪ**, Спб., Садовая ул., 33.

ЦИТРА-АРФА

7 декад. 24 струны 5 р. 50 к. 10 декадъ 32 струны 10 р. Самоучители по 50 к. и 1 р. Цитра-арфа популярный и самый наилучшій для обученія инструментъ. Лицо совершенно незнакомое съ нотами или даже неспособное и то въ состоянн играть какія угодно пьесы, аранжированныя въ особомъ альбомѣхъ съ подробнымъ объясненіемъ чрезвычайно легко и удобопонятно. Юбилейный прейсъ-курантъ всѣхъ инструментовъ высылается безплатно.

Продолжается подписка на 1896 годъ. Остается немного экземпляровъ, цѣна будетъ возвышена. Подписной годъ начался съ 15-го ноября 1895 г.

„МУЗЫКА И ПѢНІЕ“

ежемесячный музыкальный журналъ для пѣнія, одноголоснаго и хорового, фортепiano и другихъ инструментовъ. Одобренъ Учен. Комит. Министерства Народнаго Просвѣднія для учебныхъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. Рекомендованъ Главн. Упр. Военно-Учебн. заведеній кадетскимъ корпусамъ для приобритенія въ фундаментальныя библиотекы. Журналъ „Музыка и Пѣніе“ выходитъ ежемесячно тетрадами по 44 стр. большого нотнаго формата. Годовой экземпляръ составиъ больше 500 стр. и дасть своимъ подписчикамъ до 200 лучшихъ музыкальных произведеній не всѣмъ отраженнымъ музыкальнаго творчества, стоящихъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ по самымъ дешавымъ цѣнамъ соронъ рублей. Въ журналѣ „Музыка и Пѣніе“ помѣщаются выдающіяся музыкальныя новости, исполненія въ концертахъ какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Вышелъ № 12-й. Содержаніе: Отдѣлъ I тенсты: 1) О естественной постановкѣ голоса. А. Ф. Рокджанп. (Лекц. чит. въ Спб. консерваторіи). 2) Древняя музыка. Новѣйшія открытія въ Дельфакъ. Ж. Тьерес. Отдѣлъ II пѣніе: 3) Гуно, К. Раскаланіе. На 1 гол. съ форт. 4) Шведская пѣсня. На 1 гол. съ форт. 5) Тоже. На 2 гол. съ форт. 6) Тоже. На 3 гол. съ форт. Отдѣлъ III легкія пѣссы для фортепiano: 7) Мендельсонъ, Ф. Прощаніе съ лѣсой. 8) Lille, G. Polka des roses. 9) Гуно, К. Маршъ изъ оп. „Фаустъ“. Отдѣлъ IV пѣссы для форт. средней трудности: 10) Gillet, E. Le rouet de grand man. 11) Neldy, A. La voix du ciel. Reverie. 12) Philipp, I. En dansant. 13) Grieg, Ed. Berceuse. 14) Ego-же. Volksweise. 15) Adam, A. Si j'étais roi. Увертюра. Отдѣлъ V, пѣссы для разныхъ инструментовъ: 16) Adam, A. Si j'étais roi. Увертюра. Для скрипки съ форт. 17) Тоже. Для флейты съ форт. 18) Тоже. Для виолончели съ форт. 19) Тоже. Для трубы съ форт. Эту увертюру можно исполнять какъ дуэтъ, тріо, квартетъ и квинтетъ. 20) Приложение. Новая рациональная метода пѣнія Н. П. Брянскаго. 21) Объясненія. Цѣна № въ отд. продажѣ 50 к., съ перес. 69 коп.

Открыта подписка на 1897 годъ. Изданія годъ 3-й. Подписной годъ начинается съ 15 ноября 1896 г. Допускается расрочка, первый взносъ одинъ рубль. Подписка принимается въ главн. конторѣ: С.-Петербургъ, Садовая, 22, противъ Гостиного двора, при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ П. К. СЕЛИВЕРСТОВА.

Редакторъ-издатель П. К. Селиверстовъ.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

ЗНАМЕНИТЫЕ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ.
№ 8885 **ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.** 26—21

ПОЛНЫЯ КОЛЛЕКЦІИ ЕЛОЧНЫХЪ УКРАШЕНІЙ

4. 8. 12. 18. 25 и 40 рублей.

Кромѣ всѣхъ здѣшнихъ и заграничныхъ новостей въ этихъ коллекціяхъ включены также любимыя хлопущимъ, безъ особ. доплаты. Во избѣжаніе опозданія въ доставкѣ, събѣдуетъ заказывать заблаговременно. Высылка наложен. платежемъ.

ГЕРМАНЪ РЕЙХЕЛЬ, Складъ новостей

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 82.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

ВСЯКОМУ

жителю Тифлисской, Томской, Бакинской, Фергалской, Сирь-Дарьинской и другихъ дальнихъ губерній, надо вспомнить, что почта беретъ много времени, чтобы доставить требованія заказчиковъ въ С.-Петербургъ, а желѣзная дорога беретъ еще больше времени для доставки заказанныхъ предметовъ на мѣсто назначенія. Поэтому всѣмъ женатымъ и каждому

ХОЛОСТОМУ

надо подумать о подаркахъ къ Рождеству и немедленно дать заказъ. Кому требуется

МИЛЕНЬКАЯ

золотая брошка (отъ 6 р. 50 к. до 100 р.), кому кулка (4 р. 50 к.), коллекція для елокъ (5, 10, 15, 25 и 50 р.), коллекція хлопущемъ съ скоризами (1 р. 50 к., 3 р. 25 к., 5 р.) или коллекція въ 10 подарковъ (2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 7 р. 50 к. и 10 р.) и всѣ эти вещи и многие другіе предметы можно выписать отъ **„БАЗАРЪ МАРКОНЪ“**, С.-Петербургъ, Невскій пр., № 20—31, тутъ каждый, отецъ для своихъ дѣтей, мужъ для жены,

НЕВѢСТА

для жениха, холостой для знакомыхъ найдеть практичный и дешавый подарокъ. Главное же надо замѣтить, что если мало времени, то заказъ събѣдуетъ сдѣлать телеграммой, чтобы товаръ отправилъ по желѣзной дорогѣ, что гораздо выгоднѣе для гг. заказчиковъ, чѣмъ пересылка почтою. Задатокъ требуется небольшой, такъ какъ остальная сумма переводится наложеннымъ платежемъ.

НА ВОСПИТАНІЕ И ВОЗРОСТЪ РОССІЙСКИХЪ ДѢТЕЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

СВѢДѢНІЯ

ТЕЛЕФОНЪ 1360

ОПЕЧАТЪ

ИМПЕРАТОРСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРОСИТЪ

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ЖЕРТВОВАТЬ

ЕМУ

НЕУЖИВНЫЯ ВЕЩИ

АКЦИОНЪ

ТО ВОЗРОСТОВА

СОСТАВЛЕНІЕ

500

ТЕЛЕФОНЪ 1360

ВЫИГРЫШЪ

НМЕ 1, 2 и 3 займа продаетъ

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,

59, Невскій, Спб. 4—2

Людв. Ведоровъ Шлинзѣнъ,

Москва,

Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ,

рекомендуетъ: кирпичедѣлательная и торфяныя машины, прессы для выдѣлки трубъ съ раструбами, черепицы съ фальцами, брикетовъ; дагѣ: патентовъ. Шаровыя мельницы для размалыванія и размола и одновременнаго просѣиванія материаловъ любой крѣпости, какъ-то: шпота, цемента, шлаковъ, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. п. (35)

Остерегайтесь поддѣлки!

№ 4711.

РОЗОВОЕ

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.

Самое вѣжное глицериновое мыло, **ПРОЗРАЧНОЕ**

КАКЪ ХРУСТАЛЬ

благодаря своимъ отличнѣмъ качествамъ, приобрѣло большую известность. Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія пѣны, пѣнажаній запахъ розмъ—вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени. 6—4

Издѣлія № 4711 можно получить въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей. При покупке просить обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку № 4711. Цѣны: большой кусокъ 30 коп., средній 25 коп. и малый 20 коп.

НОВОЕ

ФРАНЦУЗСКОЕ

ПЕЧЕНІЕ

С. СІУиКЪ

PETIT BEURRE

МОСКВА

С. СІУиКЪ

Ц. № 9457 9—4

ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ исправляется каждымъ заочно (посредствомъ переноски) въ 15 уроковъ на **КРАСИВОЕ ПИСЬМО** у каллиграфа **А. В. Иванова**. Методъ и результаты обученія удостоены медалью на Всероссійск. выст. 1882 г. и высшей награды на выст. 1883 г. въ Москвѣ. Подробныя свѣдѣнія, условія и образцы шрифтовъ высылаются за 3 семикоп. почт. марш. Москва, Цвѣтной бульв., д. Торопова, уредителю курсовъ **А. В. Иванову**. 2—2

РЕКОМЕНДУЕТСЯ

НОВОСТЬ:

Будильникъ съ музыкальнымъ механизмомъ играющимъ „Русскій народный гимнъ и Марсельезу“. Цѣна 8 р., пересылка за 4 ф. Два будильника съ улаковомъ въбѣтъ въ 7 ф. Музыкальный и часовой механизмы перваго сорта.

Адресовать: фабричному складу часовъ „Женева“, Варшава, Бѣлянская, № 20. **ПИСАТЬ** не только красиво, но и скоро вучивую въ 6 уроковъ заочно. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ 7 коп. марш выслать условія и пробное письмо, Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. гал. Э. Кояндарисъ. № 9436 10—5

ФИСГАРМОНИИ

Американскія, французскія и знаменитой фабрики Шидмайера, рекомендованныя Главачемъ, Гензелътомъ, Листомъ и др. въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 175, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 325, 350, 400, 450, 500, 550, 750, 800, 1000 р. и дороже. Самоучитель Шахе 2 р. Играть на фисгармоніи можно выучиться легко.

Рояли и пианино извѣстѣйшихъ фабрикъ, а также всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ лучшаго качества, по дешевымъ цѣнамъ.

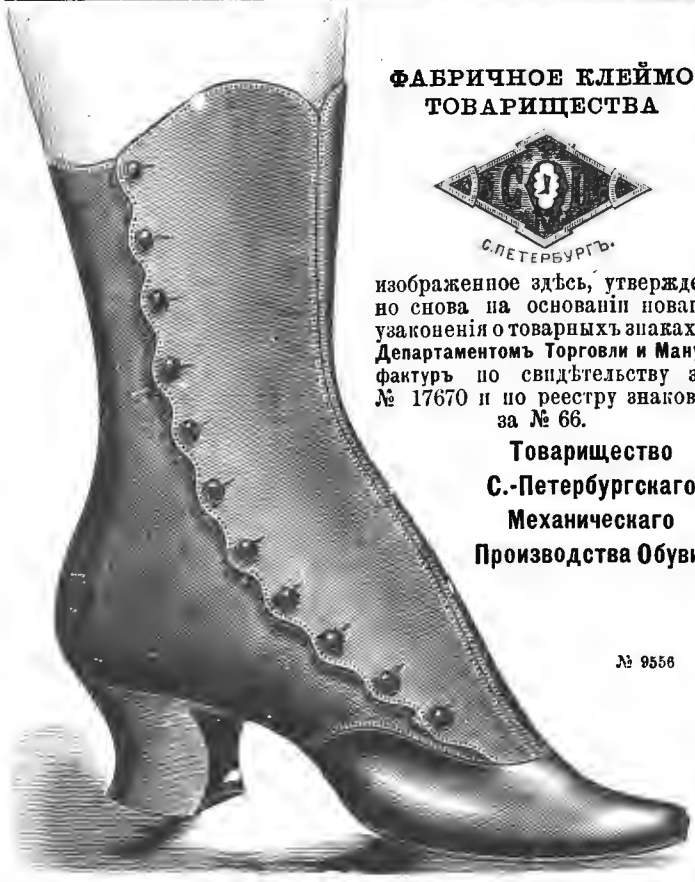
Прейсъ-курантъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика музыкальныхъ инструментовъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34. Москва, Кузнецкій м., д. Захаркина.

(Фабрики Карпентера съ 160 руб.).

ФАБРИЧНОЕ КЛЕЙМО ТОВАРИЩЕСТВА

изображенное здѣсь, утверждено снова на основаніи новаго узаконенія о товарныхъ знакахъ Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ по свидѣтельству за № 17670 и по реестру знаковъ за № 66.

Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви.

№ 9556

НА ВСЕРОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ

ВЫСТАВКѢ 1896 г.

ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному ТОВАРИЩЕСТВУ ПАРФЮМЕРНАГО ПРОИЗВОДСТВА

БРОКАРЪ и К°.

ИЗОБРѢТЕЛЯМЪ:

- 1) Цвѣточнаго о-де-колона,
- 2) Глицериновой пудры,
- 3) усовершенствованнаго Глицериноваго мыла,
- 4) Духовъ Персидской Сирени и Резеды,
- 5) Душистыхъ чернилъ

ПРИСУЖДЕНА

№ 9546 2-1

ВЫСШАЯ НАГРАДА

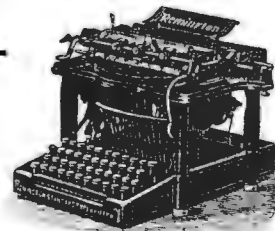
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБЪ.

== НОВОСТЬ! ==

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.

1896—

НОВѢЙШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ

—1897.

ПИШУЩАЯ МАШИНА.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДЪЛЮКЪ

КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ

МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. ЦѢНА 325 РУБ.

РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 РУБ.

Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ. Единственный для всей Россіи Складъ

Торговый Домъ *М. Блок*

ГЛАВНАЯ КОНТОРА МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ: С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ н/Д.

ВЪ ПАМЯТЬ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ.

Серебряные 84-ой пр. брелоки съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ. Красивая отдѣлка съ разноцвѣтной эмалью и позолоченной короною. Очень красивый № 9348 рисунокъ. (14) Шт. 2 р. 75 к.; 2 за 5 р. 25 к.; 3 за 7 р. 75 к.; 6 за 14 р. 95 к.; 12 за 27 р. 50 к.

Пересылка наложеннымъ платежемъ. С.-Петербургъ, Невскій, № 20-31. **БАЗАРЪ МАРКЪ.**

ДЛЯ ПОДАРОКОВЪ 30000 ВЕЩЕЙ ПО 1 РУБ. продвѣтъ. Антикварскій Базаръ Спб. Невскій пр., № 68.

Поступилъ въ продажу НОВАЯ КНИГА: **ЖИЗНЬ ЛАССАЛЯ** въ связи съ его научн. и обществ. дѣятельностью. Составилъ В. Я. Классенъ. Съ портретомъ Лассалья. Цѣна 1 руб.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВАЯ КНИГА

изд. В. С. Спиридоновымъ подъ общимъ заглавіемъ: „Библиотека маленькаго читателя“. Вышло 4 книжки. Цѣна каждой 15 к., въ пакетъ 23 к. Склады въ Москвѣ у М. Д. Наумова, Мясницкая ул.; въ СПб. у П. В. Дуконникова.

Высылаются съ наложеннымъ платежемъ.

НОВОСТЬ! (6)

ДУХИ БУБЕТЪ АМРИСЪ ПОСТАВЩИКОВЪ Высочайшаго Двора **А. РАЛЛЕ и К°.** С.-ПЕТЕРБУРГЪ: Невскій пр., № 18. МОСКВА: Кузнецкій мостъ.

ЛѢЧЕВНИЦА Д-ра мед. **НЕТКАЧЕВА** для СТРАДАЮЩИХЪ ЗАМКАНІЕМЪ и другими болѣзнями **РЪЧИ.** МОСКВА, Никитскій б-д., д. Прибылова.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

- духи — ФІАЛКА ДУСМЭЭЭ — туалетное мыло.
 - духи — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
 - духи — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
 - духи — ЛАНДЫШЪ ДУСМЭЭЭ — туалетное мыло.
- Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, прудъ пост., Карлсруэ. Можно получить: Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вольеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Герша, Лимана и Рикса, А. Линде, А. Энгелюнда. Ц. № 9368 Въ Москвѣ: у гг. Муръ и Мердизъ, въ магазинѣ „А-ла-туалетъ“, у Г. Брунсъ, Д. Борхардъ, и во всѣхъ крупнѣхъ городахъ Россіи. 25-14 Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Мазожилянковскій пер.

СИБИРСКОЕ ЗАМКАНІЕ

СУКНО И ТРИКО дѣлается въ лѣчебномъ учрежденіи И. И. Гимиллера. Москва, Земляной валъ, Яковлевскій пер., д. Духанной. Ц. № 9544 **ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.** Условія высылаются бесплатно.

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 42

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти ежем. книг „Сборника“, содерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусков ежем. литературных приложений, 12 № № „Парижских модъ“ и 12 листовъ чертежей и выроекъ.

1896

Выданъ 19 октября 1896 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложеніями за 1896 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содерж. собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- ною въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------	-------------	--	-------------	--------------------------------------	-------------------	---	-------------	---------------------	--------------

При этомъ № подписчикамъ прилагается выпускъ «Ежемесяч. литер. приложений» за Октябрь 1896 г.

Маленькій музыкантъ. Съ карт. В. И. Андреева (исключ. право воспр. принадлежить „Нивѣ“) грав. Ольшескій.

Кольцо Императрицы.

Историческій романъ

кн. М. Н. Волконскаго.

(Окончаніе.)

Часть третья.

II.

Письмо Левушки было послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія князя Косога; князь Иванъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе желалъ увидѣть Союшку, хоть на одинъ мигъ, хоть однимъ глазкомъ взглянуть на нее!..

Онъ взялъ отпускъ, занявъ у молодого Бестужева денегъ на дорогу и уѣхалъ въ Петербургъ.

Черезъ пять дней онъ былъ уже тамъ, на Васильевскомъ острову, у Левушки, найдя его бодрымъ, веселымъ и попрежнему милымъ, добродушнымъ, шенеливымъ и искреннимъ.

Оказалось, что Торусскій пріѣхалъ въ Петербургъ уже давно, но упорно скрывалъ ото всѣхъ свой пріѣздъ и у Соголевыхъ былъ только три дня тому назадъ въ первый разъ.

Онъ узналъ отъ людей, что князь Косой теперь „въ силѣ“, служить у Бестужева и помолвленъ со старшей Соголевой.

Третьяго дня Союшка подробно передавала ему все, что случилось безъ него, но онъ самъ хотѣлъ еще разъ услышать все отъ князя Ивана.

Князь Иванъ рассказывалъ про себя, но какъ ни добивался у Левушки, гдѣ тотъ былъ, — Левушка ни за что не хотѣлъ объяснить пока, ни куда онъ ѣздилъ, ни почему жилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, скрываясь ото всѣхъ.

— Мнѣ ужасно хочется самому ласказать, — говорилъ онъ Косому, — но это выйдетъ совсѣмъ не то. Сегодня вечеломъ я поведу васъ въ одно мѣсто, и тогда все, все узнаете. Ужъ ждали столько влемеи — потелните еще немного... А то будете просить — я самъ не выделжу — ласкажу...

Левушка такъ волновался, такъ горячился, что князю Ивану оставалось одно лишь, чтобы успокоить его — согласиться съ нимъ...

Когда они вдоволь наговорились, наконецъ, позавтракали, и Левушка въ десятый разъ высказалъ Косому, какъ онъ радъ, что все устроилось такъ хорошо, а объ остальномъ чтобы онъ не беспокоился, князь Иванъ пошелъ одѣваться въ бывшую свою комнату, вновь отведенную ему.

Онъ уже былъ совсѣмъ почти готовъ, когда влетѣлъ къ нему Торусскій въ новомъ шарикѣ и отлично шитомъ французскомъ кафтанѣ.

— Ухъ, да какимъ вы щеголемъ, — удивился Косой.

— Это настоящій французскій, — показалъ Левушка на свой кафтанъ. — Погодите, — вдругъ забеспокоился онъ, — это сто-жъ вы одѣваетесь — вы къ Соголевымъ хотите ѣхать, а?

— Ну, конечно, къ нимъ.

— Лади Бога не поѣжайте, лади Бога, ну, я плюсу васъ, ну, для меня, потелните немного... Я къ нимъ самъ сейчасъ ѣду...

Князь Иванъ окончательно сталъ втуникъ.

— Этого ужъ я не понимаю, — серьезно сказала онъ, — мнѣ не ѣхать къ Соголевымъ?

— Голубчикъ, — запросилъ Левушка, — это для васъ, для васъ же плюсу, ну, сдѣлайте для меня. Вечеломъ все узнаете, все, а до вечера останьтесь дома, ну, докажите, сто вы меня любите. Потомъ сами увидите, сто это холосо все выйдетъ.

Нужно было видѣть отчаяніе Левушки отъ одной мысли только, что князь Иванъ можетъ его не послу-

шаться и поѣдетъ къ Соголевымъ, что противорѣчило плану, который онъ составилъ себѣ.

— Послушайте, — силлся онъ убѣдить Косога, — вѣдь не дамь я хлопоталъ съ феврала мѣсяца для васъ, вѣдь не дамь... ну, такъ сдѣлайте тепель по-моему. Вѣдь восемь мѣсяцевъ хлопоталъ я — лавѣ мало влемеи...

— Ну, если вы такъ просите, — согласился Косой, пожавъ плечами, — я, пожалуй, останусь дома... только это мнѣ очень не по сердцу...

— Знаю, милый, сто тудно, но все лавно, — обрадовался Левушка, — спасибо вамъ... очень я ладъ, сто послушали...

И онъ, точно боясь, что князь Иванъ передумаетъ, вылетѣлъ стремглавъ изъ комнаты, обнявшись и расцѣловавшись съ Косымъ.

Князь Иванъ видѣлъ изъ окна, какъ Левушкѣ подали карету, но не изъ паемныхъ, а видимо собственную, новомодную, на высокихъ рессорахъ, ярко-желтую съ большимъ гербомъ на дверцахъ и съ зеркальными великолѣпными стеклами, обитую внутри пуцовымъ бархатомъ, запряженную цугомъ сѣрыхъ лошадей. Онъ сѣлъ въ нее и поѣхалъ.

„Дивны дѣла Твои, Господи!“ — подумалъ Косой, — „откуда у него можетъ быть такая карета?..“

Онъ видѣлъ, что Левушка затѣялъ и, повидимому, исполнить что-то непонятное, чему онъ обѣщался дать разгадку сегодня вечеромъ.

Князь Иванъ, чтобы не нарушать восторга, въ которомъ засталъ Левушку, рѣшился подчиниться ему, давъ, однако, себѣ обѣщаніе, что если Торусскій не сдержитъ слова и не раскроетъ загадку сегодня, — завтра болѣе не уступать никакимъ его просьбамъ.

Онъ остался одинъ и жалѣлъ уже, зачѣмъ согласился на просьбу Левушки. Въ самомъ дѣлѣ, что это за глупая, въ сущности, была фантазія — отчего ему не поѣхать къ Союшкѣ...

Но когда онъ вспоминалъ восторженное лицо Левушки, онъ успокоивался и заставлялъ себя смириться хотя бы до его возвращенія.

Князь Иванъ, чтобы пока заняться чѣмъ-нибудь, сталъ разбирать свои вещи.

Онъ стоялъ наклонившись надъ сундукомъ, когда дверь въ его комнату скринула, и онъ, поднявъ голову, увидѣлъ въ дверяхъ... Игната Степаныча Чиликина.

— А я опять, извините, безъ доклада, — заговорилъ Чиликинъ (онъ не измѣнился ничуть, былъ такъ же противень и зубъ его торчалъ попрежнему), — знаю, что иначе не пустили бы меня... Я вашего мальчишка въ прихожей турнулъ и пришелъ сюда, онъ знаетъ, кто я такой. Я все-съ здѣсь наверху живу...

Мальченокъ, о которомъ говорилъ онъ, былъ новый казачокъ, замѣнившій Антипку, отосланнаго въ деревню. Князь Иванъ недовольно поднялся.

— Что вамъ еще нужно отъ меня? — проговорилъ онъ.

— А документикъ въ три тысячи-то забыли-съ, — помните, я докладывалъ вамъ объ немъ?.. Я тутъ вотъ все только и ждалъ вашего пріѣзда — мнѣ теперь деньги очень нужны, князь Иванъ Кирилловичъ...

У Косога опустились руки.

Деньги! да если ужъ онъ не могъ ихъ достать до сихъ поръ для себя, хотя отъ этого зависѣло все счастье его жизни, то какъ же онъ достанетъ для Чиликина-то. Откуда — смѣшно даже!..

И князю Ивану дѣйствительно стало смѣшно.
— Деньги, три тысячи! — повторилъ онъ, — да откуда я вамъ ихъ достану?

Лицо Чиликина расплылось въ широкую самодовольную улыбку.

Онъ зналъ, что если ужъ разсчитываетъ на что-нибудь, то разсчитываетъ навѣрное.

— Я такъ и зналъ-съ, — прямо отвѣтилъ онъ, осклабясь, — я такъ и зналъ-съ, что у васъ денегъ не будетъ.

— Чему же онъ радъ-то такъ? — подумалъ невольно князь Иванъ.

— Если знали, что у меня не будетъ денегъ, то зачѣмъ же пришли тогда спрашивать ихъ? — сказала Косой, отвертываясь.

— А для того, чтобы предупредить, что я взыскивать буду...

Князь Иванъ ничего не отвѣтилъ. Онъ задумался о томъ, что новая бѣда надвинулась на него, бѣда, о которой онъ не хотѣлъ было вспоминать.

Но она пришла, пришла насильно, во образѣ этого Чиликина, и снова стала поперекъ дороги ему. Съ этимъ долгомъ ему не распутаться никогда.

И въ первый разъ ему показалось, что онъ усталъ отъ борьбы, и что долѣе бороться онъ не въ состояніи.

Неужели ему придется, почти достигнувъ цѣли, разстаться навѣки со всѣми мечтами и радостями жизни?

Если Чиликинъ „начнетъ взыскивать“, князь Иванъ зналъ, что это будетъ такое, — это будетъ позоръ, оскорбленіе за оскорбленіемъ.

Одна Вѣра Андреевна чего будетъ стоить въ это время со своимъ ехидно и въ-время выказываемымъ злодѣствомъ.

„Нищій-князь, искатель приключеній“, — она иначе не называла его заглазно, но нашлись услужливые люди, которые передали ему это. И теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, оправдаются ея слова.

Откуда онъ возьметъ эти три тысячи?..

А Игнатъ Степанычъ смотрѣлъ на него и улыбался, и видимо ему доставляла большое удовольствіе безвыходность положенія князя Ивана.

— Послушайте, — началъ Косой, — вѣдь эти деньги не я вамъ долженъ, а отецъ мой.

— Это все равно-съ, разъ вы прижали наслѣдство — теперь уже ничего подѣлать нельзя... Все по закону...

— Я знаю, по закону, по правдѣ-то — развѣ не со вѣстно вамъ? Вѣдь эти деньги можетъ-быть и не слѣдуютъ вамъ вовсе...

— Какъ не слѣдуютъ... нѣтъ-съ, онѣ мнѣ по всѣмъ правамъ слѣдуютъ... Если по самому закону!.. — протянулъ Чиликинъ.

Но въ это время въ дверяхъ раздался голосъ Левушки, вернувшася отъ Соголевыхъ.

— Сто, сто такое по закону? — спрашивалъ онъ.

Чиликинъ нѣсколько смутился при появленіи посторонняго.

— Нѣтъ-съ, сто ничего, это наше дѣло съ княземъ Иваномъ Кирилловичемъ...

— Я васъ сплассываю, сто по закону? — крикнулъ Левушка во весь голосъ, такъ что князь Иванъ, не ожидавшій отъ него такой прыти, удивленно глянулъ на него.

— Что же тутъ кричать, — обидѣлся Чиликинъ, — я имѣю получить съ князя три тысячи, вотъ и все, я, кажется, пришелъ не за чужими, а за своими деньгами...

— Три тысячи! — повторилъ Левушка, — вы ихъ получите завтра...

— Завтра? — переспросилъ Чиликинъ.

— Ну да, завтра. Подготовьте документъ, а тепель ступайте вонъ... Ступайте вонъ! — повторилъ Левушка, вида, что Чиликинъ хочетъ еще возразить что-то такое.

— Посмотримъ! — проговорилъ Чиликинъ и, сгорбившись, вышелъ изъ комнаты.

Левушка дѣйствовалъ такимъ молодцомъ, что князь Иванъ дивился ему и залюбовался имъ.

— Да что съ вами, что вы сдѣлали такое? — спросилъ онъ.

Но Левушка отвѣтилъ только:

— Сколо узнаете!..

III.

Уговоривъ князя Ивана остаться дома, Левушка въ своей новой, желтой каретѣ поѣхалъ къ Соголевымъ и удивилъ ихъ странною просьбой.

Онъ просилъ Вѣру Андреевну съ дочерьми, непремѣнно и неотступно, сегодня, и именно сегодня, къ себѣ на вечеръ, уѣзжая Соголеву, что она можетъ быть покойна, что онъ сумѣетъ принять „долгихъ гостей“ должнымъ и подобающимъ образомъ.

Сначала Вѣра Андреевна удивилась. Потомъ ей показалась затѣя оригинальною. Ужъ если Торусскій звалъ такъ, то вѣроятно въ самомъ дѣлѣ приготовилъ что-нибудь особенное, а Вѣра Андреевна любила все особенное, всякое развлеченіе и угощеніе.

Къ тому же ея Дашенька скучала. Выѣздовъ, благодаря пребыванію двора въ Москвѣ, было мало.

Сонюшка, ждавшая письма сегодня отъ Косого, который выѣхалъ изъ Москвы такъ поспѣшно, что не успѣлъ дать ей знать, — была сегодня молчаливѣе и грустнѣе обыкновеннаго.

Ей никуда не хотѣлось.

— Ну полноте, Левъ Александровичъ, — сказала она, — ну что вы затѣли.

И это рѣшило окончательно сомнѣніе Вѣры Андреевны.

— Вѣчно, вы, моя милая, — сказала она единственно для того, чтобы попротиворѣчить дочери, — съездетъ туда, куда васъ не спрашиваютъ... напротивъ, это очень мило со стороны Торусскаго, что онъ приглашаетъ насъ...

— Такъ вы будете, неплемѣнно будете, — заговорилъ Левушка, лоя ея на словѣ, — я за вами, если позволите, калегу плишлю... Вы ни о чемъ не безпокойтесь... Все будетъ сдѣлано... Только плѣзжайте.

И онъ опять такъ сталъ просить, такъ умолять, что Вѣра Андреевна, уже заинтригованная, согласилась.

Какъ только согласіе было дано — Левушка, видѣ себя отъ счастья, уѣхалъ домой, потребовавъ еще разъ подтвержденія, что его не обманутъ и пріѣдутъ непременно.

Вечеромъ, въ назначенный часъ, гайдукъ, въ новой, съ иголки, ливреѣ, поднялся къ Соголевымъ, чтобы доложить, что карета за ними пріѣхала.

Каретѣ, конечно, пришлось ждать, пока Соголевы одѣвались. Поспѣть въ-время Вѣра Андреевна никогда не могла.

Наконецъ, всѣ шильки и булавки были заколоты, платья оправлены передъ зеркаломъ, волосы напудрены, и Соголевы спустились въ своихъ шубахъ внизъ.

Вѣра Андреевна, оглядѣвъ богатую карету, пріѣхавшую за ними, ничего не сказала, но по граціи ея движеній, съ которою она влѣзла на высокую, опущенной гайдукомъ подножкѣ, видно было, что она желаетъ показать, что умѣетъ ѣздить въ такихъ хорошихъ каретахъ.

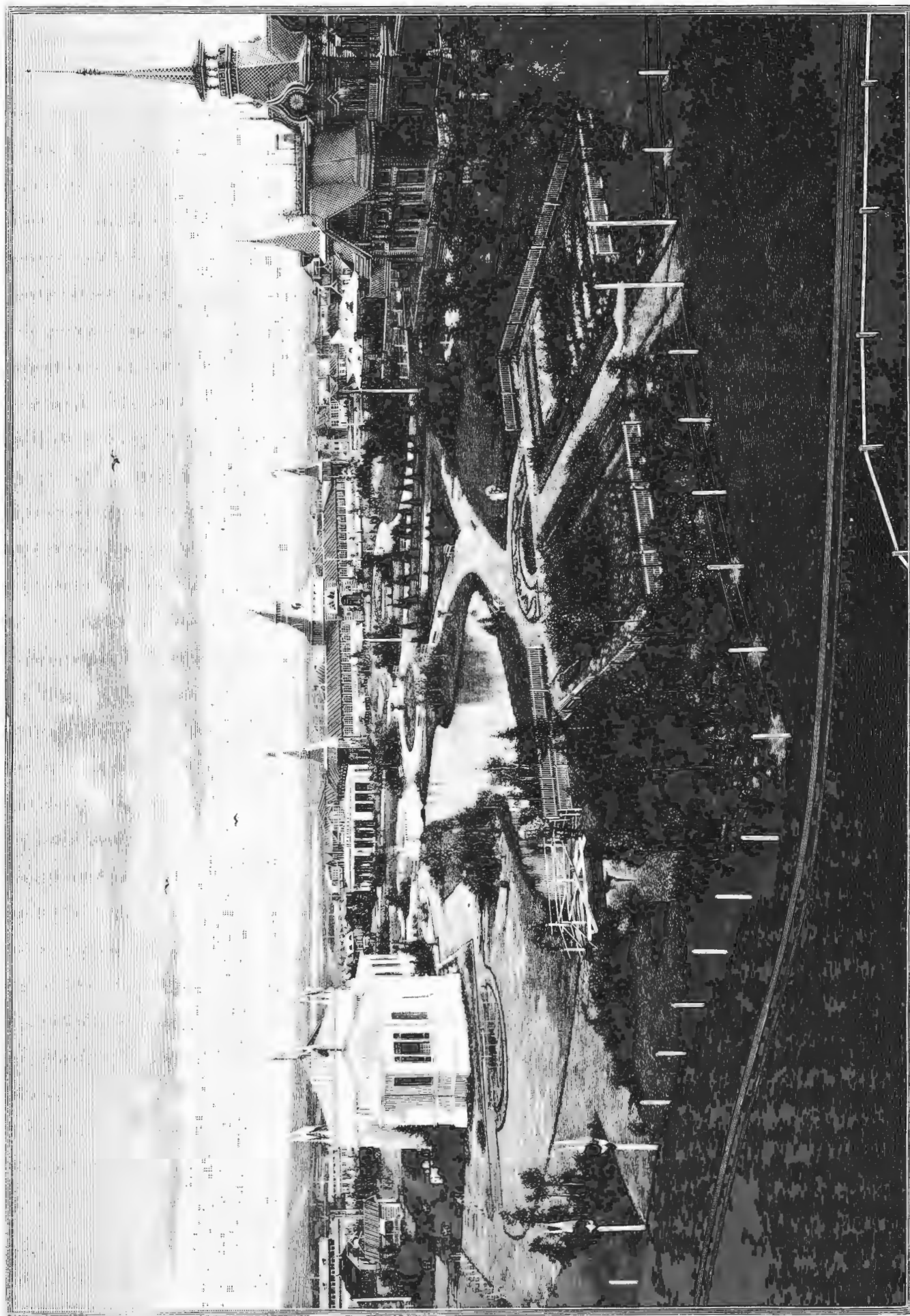
Онѣ сѣли, щелкнула закинутая вновь подножка, хлопнула дверца, и карета тронулась.

Сонюшка, убаюканная мягкой качкою эластичныхъ рессоръ, смотрѣла въ окно сначала безсознательно, но мало-по-малу стала замѣчать, что ихъ везутъ не на Васильевскій островъ, гдѣ, какъ она знала, жилъ Торусскій, въ домѣ тетקי, а куда-то въ сторону Фонтанной.

— Куда же это онъ ѣдетъ? — спросила она.

Приходъ со службы. Съ картины Н. Орлова грав. Мультаповскій.

Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем-Новгородѣ, Общій видъ на павильонъ и паркъ Главнаго Управленія Удѣловъ. Съ фотогр. М. Дмитриева въ Нижнемъ-Новгородѣ грав. Рашевскій.

— Ахъ, моя милая, вѣроятно—туда, куда нужно...— остановила ее Вѣра Андреевна.

— Да вѣдь Торусскій живетъ же на Васильевскомъ острову...

— Ну такъ что-жь?

— А мы сворачиваемъ на Фонтанную...

— На какую Фонтанную... вы непременно придумаете что-нибудь...—недовольно проговорила Вѣра Андреевна.—Ну да, на Фонтанную...—добавила она, глянувъ въ окошко, — вѣроятно тутъ лучше дорога на островъ...

Сонюшка замолчала и не стала говорить, что по Фонтанной нѣтъ дороги отъ нихъ на Васильевскій.

Ей, въ сущности, было все равно.

Карета ѣхала по набережной довольно долго и вдругъ свернула на дворъ одного изъ тѣхъ барскихъ домовъ, которые со своими садами и службами были расположены здѣсь и не разъ своею роскошью тревожили воображеніе Сонюшки.

Они остановились у крыльца, и навстрѣчу имъ выскочили, пренебрегая холодомъ, какъ это и подобаетъ настоящимъ лакеямъ, ливрейные гайдуки, поспѣшившіе посадить ихъ.

На лѣстницѣ, покрытой краснымъ сукномъ и уставленной цвѣтами, ждалъ ихъ сіяющій Левушка.

— Да, это мое новоселье,—отвѣтилъ онъ Сонюшкѣ, спросившей его, развѣ онъ переѣхалъ сюда съ Васильевского.

Онъ провелъ ихъ налѣво, въ нижній этажъ дома, гдѣ оказалась очень мило, уютно и удобно обставленная маленькая квартирка.

На столѣ, въ столовой, былъ приготовленъ на серебряномъ сервизѣ чай, фрукты и всевозможныя печенія.

Дамы удивлялись, хвалили устройство, Левушка казался наверху блаженства.

Онъ былъ очень счастливъ.

Сонюшка невольно вздохнула.

Какъ бы было хорошо, еслибъ ея князь Иванъ могъ устроиться такъ!..

Среди привѣтствій, разговоровъ и болтовни, Левушка (Сонюшка видѣла это) нѣсколько разъ взглядывалъ на нее, какъ будто хотѣлъ сказать ей что-то отдѣльно, но секрету.

Наконецъ, онъ сталъ показывать Вѣрѣ Андреевнѣ и Дашенькѣ какой-то очень любопытный альбомъ съ видами Швейцаріи, и, когда онѣ, заинтересовавшись, занялись имъ,—потихоньку подошелъ къ Сонюшкѣ.

— Пойдите за мной,—сказалъ онъ,—пойдите, пожалуйста.

Онъ вывелъ Сонюшку на парадную лѣстницу и просилъ ее не бояться подняться въ верхній этажъ.

Сонюшкѣ уже пришлось пережить много неожиданнаго и страннаго. Она пошла.

Левушка, выведя ее на лѣстницу, самъ не пошелъ за нею, а вернулся къ себѣ.

Ливрейные лакеи, выстроенные на лѣстницѣ (одинъ изъ нихъ былъ въ особенно красивой, голубой, съ галунами ливреѣ), встрѣтили ее низкимъ, глубокимъ поклономъ.

Она кивнула имъ, и тутъ только замѣтила, что у нихъ на галунахъ гербы подъ княжеской мантией и шапкой.

Она стала своими маленькими, какъ бы рожденными, чтобъ только ходить по коврамъ, ножками, подыматься по мягкому сукну лѣстницы.

На средней площадкѣ стояло еще два лакея, въ еще болѣе богатыхъ, опять съ княжескими гербами ливреяхъ, и тоже низко-низко поклонились ей.

Наверху, у зеркала, стоялъ въ бѣлой съ зеленымъ чалмѣ, въ пестромъ костюмѣ, арапъ, тоже встрѣтившій ее поклономъ.

Онъ тронулъ зеркало, оно отворилось, и Сонюшка вошла въ большую расписную и отдѣланную золотомъ залу, освѣщенную хрустальною люстрой.

Сонюшка не знала ужъ теперь, на-яву ли это, или грезить она?

Она идетъ по лоснящемуся, какъ стекло, узорному паркету. Зала обставлена легкой, бѣлой, глянцевитою мебелью, съ желтыми штофными гардинами и такою же обивкой. Стѣны лѣпныя. Потолокъ расписанъ большою фрескою, изображающей Диану на охотѣ. У оконъ большія китайскія вазы. Изъ залы, направо, сквозь лѣпную арку, виднѣется маленькій садъ, съ фонтанчикомъ, наполненный деревьями и бѣлыми лиліями—ея любимый цвѣтокъ. Она входитъ въ этотъ садъ, дышитъ ароматомъ цвѣтовъ, оглядывается—одна арка изъ сада ведетъ въ высокую, покрытую темнымъ дубомъ столовую, съ буфетомъ, на которомъ горою видно серебро, другая—въ гостиную, затянутую сплошь краснымъ штофомъ. Мебель золотая—чистаго стиля покойнаго короля французскаго Людовика XIV. Мягкій коверъ застилаетъ всю комнату.

Черезъ гостиную она попадаетъ снова въ залу, по другой сторонѣ которой—китайская комната съ лакированными стѣнами, уставленными фарфоромъ на скупорахъ.

Отсюда виденъ прямо рядъ комнатъ, а налѣво—открыта дверь въ обитый деревомъ кабинетъ съ большимъ бюро, круглымъ столомъ, диваномъ и кожаной мебелью. Сонюшка заглядываетъ въ него. Онъ пустъ. Она идетъ дальше по комнатамъ—еще гостиная, диванная комната, завѣшанная картинами, и, наконецъ, уютный будуарчикъ съ шелковыми занавѣсами и стѣнами, съ мягкой мебелью, съ волнистымъ ковромъ.

Сонюшка останавливается въ дверяхъ. Передъ нею князь Иванъ... Откуда, какъ... откуда этотъ домъ, эти комнаты?..

Она начинаетъ вѣрить, что это только счастливая, но несбыточная греза... Но нѣтъ, онъ идетъ къ ней, протягиваетъ руки. Онъ живой, настоящій человекъ. Онъ встрѣчаетъ ее и начинаетъ объяснять ей, что все это значитъ, а изъ залы слышится уже голосъ Левушки, который ведетъ къ нимъ Вѣру Андреевну и Дашеньку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Верева нищаго.

I.

На другой день Левушка пріѣхалъ въ домъ на Васильевскій, гдѣ обѣщалъ Чиликину повидаться съ нимъ относительно денегъ, должныхъ Косымъ.

Онъ послалъ на верхъ за Игнатомъ Степановичемъ, и когда тотъ явился къ нему, просилъ его одѣться, чтобы ѣхать вмѣстѣ.

— Куда же мы поѣдемъ это?—поинтересовался Чиликинъ.

— Къ князю Косому. Документъ у васъ?

— У меня-съ... все еще не вѣря, что ему отдадутъ сегодня,—отвѣтилъ Игнатъ Степановичъ.

Но онъ уже поколебался въ своемъ сомнѣніи, когда они съ Торусскимъ сѣли въ богатую карету съ княжескимъ гербомъ.

Чиликинъ узналъ его—это былъ гербъ Косыхъ.

Всю дорогу до Фонтанной они ѣхали молча.

Когда наконецъ карета подъездала ихъ къ широкому крыльцу дома, Игнатъ Степановичъ не выдержалъ и спросилъ:

— Позвольте, Левъ Александровичъ, неловкости не выйдетъ—вы навѣрное изволите знать, что князь Косой тутъ живутъ...

Странно было бы Левушкѣ не знать этого дома, который онъ, вернувшись потихоньку въ Петербургъ, купилъ и отдѣлывалъ по секрету ото всѣхъ, приготовляя

въ верхнемъ этажѣ помѣщеніе для своего друга — князя Косого, а въ нижнемъ—для себя маленькую квартиру...

Тогда такіе сюрриризы были въ модѣ. Цѣлые сады пасажиивались въ одну ночь, а у Левушки было довольно времени, чтобы устроить все.

Левушка ничего не отвѣтила. Онъ вышелъ изъ кареты и сказалъ только Чиликину:

— Ступайте за мною.

Когда они прошли между цвѣтовъ и растений, которыми была уставлена лѣстница, миновали залу и вошли черезъ китайскую комнату въ кабинетъ князя Ивана, Чиликинъ понялъ и почувствовалъ всю несуразность своей затѣи и нелѣпность своихъ себялюбивыхъ мечтаній.

Тоже выдумалъ тягаться съ кѣмъ!

„Нѣтъ, ужъ куда намъ, куда намъ!“ повторялъ себѣ мысленно Игнатъ Степанычъ, почти съ благоговѣніемъ ступая по блестящему паркету и оглядывая лѣпныя и расписныя стѣны.

Онъ привыкъ благоговѣть передъ роскошью. Она всегда производила на него подавляющее впечатлѣніе.

И князь Иванъ, поднявшійся навстрѣчу Левушкѣ и поздоровавшійся съ нимъ, показался ему теперь совсемъ другимъ, чѣмъ прежде, точно онъ сталъ выше ростомъ.

Онъ казался Чиликину выше, потому что самъ Игнатъ Степанычъ сжался и съежился передъ нимъ.

„И бываетъ же людямъ счастье!“ думалъ онъ, низко кланяясь Косому.

— Ну сто, ты холосо ночь поведъ на новосельѣ? спросилъ Левушка князя Ивана.

Вчера, за ужиномъ они вышли на „ты“.

Князь Иванъ отвѣчалъ, что почти не спалъ совсѣмъ. Ему такъ теперь было хорошо на-яву, что казалось жаль заснуть...

— Я велѣлъ изъ оланжелеи каждый день носить цвѣты къ Соголевымъ Степушкѣ, — сказалъ опять Торусскій.

Стенушка была наряжена въ голубую, особенно красивую ливрею и, какъ будущій собственный гайдукъ книжки Косой, вчера держалъ ея шубу, когда Сонюшка вышла, чтобы уѣзжать домой.

Князь Иванъ такъ и представилъ его ей.

Они говорили по-французски, и Чиликинъ не понималъ ихъ разговора, но онъ видѣлъ, что разговоръ этотъ былъ веселъ и пріятенъ имъ.

И онъ слушалъ непонятныя ему слова французской рѣчи, съ подобострастною улыбкою, склоняясь и прижимая свою шляпу къ груди...

— Ну, гдѣ же вашъ документъ?—обратился наконецъ къ нему князь Иванъ.

Игнатъ Степанычъ сдѣлалъ нѣсколько шажковъ и, какъ-то подпрыгнувъ, подалъ на вытянутой рукѣ Косому свой документъ.

Тотъ разсмотрѣлъ его, сказалъ еще что-то по-французски Торусскому, уѣвшемуся на диванъ, подошелъ къ бюро и открылъ одинъ изъ ящичковъ.

Въ этомъ ящичкѣ Чиликинъ увидѣлъ столько денегъ, что ихъ могло хватить для расплаты не одного, а можетъ быть десятка такихъ документовъ, каковы были у него.

Косой вынулъ три билета французскаго банка, отсчиталъ еще, сколько было нужно, золотомъ, и подалъ ихъ Чиликину.

— Ну теперь мы въ расчетѣ съ вами? — спросилъ онъ.

Чиликинъ раскланялся, принявъ деньги, и отвѣтилъ:

— Въ полномъ!..

Князь Иванъ взялъ „документъ“, разорвалъ его, подалъ къ камину, и бросилъ туда.

— Ваше сіятельство, — остановилъ его Чиликинъ, — дозволейте мнѣ говорить?

Косой обернулся:

— Что?

— Если вамъ угодно имѣть опытнаго управляющаго, то я готовъ служить вамъ всею душою. Какъ вашему батюшкѣ служилъ вѣрою и правдою...

— Ну, нѣтъ, — разсмѣялся князь Иванъ, — для меня вы слишкомъ уже опыты... Мнѣ васъ не нужно...

„И чего полѣзт!“ опять съ досадою подумалъ про себя Чиликинъ. — „И никакого въ тебѣ собственнаго достоинства нѣтъ, Игнатъ Степанычъ!..“

Но, несмотря на это сознаніе, онъ, все-таки, не могъ не чувствовать своей ничтожности передъ величіемъ, подъ которымъ онъ подразумѣвалъ одно только — пышность и роскошь.

— Значитъ, я могу ретироваться теперь? — спросилъ онъ, желая все-таки тономъ своего вопроса поддержать хоть сколько-нибудь достоинство, о которомъ сожалѣлъ.

— Погодите, — сказалъ ему Торусскій, — я васъ доведу сейчасъ...

II.

Игнатъ Степанычъ былъ очень серьезенъ и молчаливъ, когда они обратнымъ порядкомъ вышли черезъ залу, парадную лѣстницу и стѣны на крыльцо и стѣны въ карету.

Онъ, сильно хмурясь, забился въ самый уголокъ. — Казалось, онъ былъ вовсе не доволенъ получкою трехъ тысячъ. Онъ жался и кутался въ свою шубу, сердито пофыркивая и выставляя свой плоскій зубъ...

Левушка искоса поглядывала на него.

— Дозволено мнѣ будетъ, — наконецъ проговорилъ онъ, — сдѣлать вамъ одинъ вопросъ?

— Сколько угодно! — отвѣтила Левушка.

— Скажите, пожалуйста, вы вѣроятно должны знать, откуда у князя Косого могло появиться такое богатство?

— Я очень холосо знаю! — сказалъ Левушка.

— Любопытно это очень...

— Ему еще въ Цалижѣ пледсказала Ленолманъ, что счастье его будетъ зависѣть отъ велевки...

— Отъ веревки?

— Да. Такъ оно и вышло.

— Это ужъ совсѣмъ любопытно! — заявилъ Чиликинъ.

— Да, и поучительно! — добавилъ Левушка, — я вамъ ласкажу, въ чемъ дѣло.

И онъ началъ рассказывать.

Три года тому назадъ наши войска брали Хотинъ.

Когда крѣпость была взята, она была отдана за звѣрства, чинимыя турками, на разграбленіе нашимъ солдатамъ. Оружіе и военные запасы они должны были представлять начальству, а остальное могли брать себѣ...

Войска наши пѣхотныя стояли подъ крѣпостью въ землянкахъ и оттуда отправлялись въ Хотинъ за добычею...

Въ одной изъ ротъ былъ особенно лихой и предпримчивый командиръ. Отправился онъ съ одиннадцатью солдатами. Въ землянкѣ у него остался старый служивый, бывшій уже на сверхсрочной службѣ и за старостію не исполнявшій полевой службъ, а смотрѣвшій за ротнымъ хозяйствомъ. Онъ былъ нѣчто въ родѣ эконома—въ помощь капралу.

Солдаты съ ротнымъ скоро вернулись и принесли съ собою двѣнадцать мѣшковъ, верхомъ полныхъ жемчугомъ и самоцвѣтными камнями.

Въ одномъ изъ нихъ были одни только брильянты. Ротному удалось добраться въ крѣпости до сокровищницы самого шахи, и онъ со своими солдатами захватилъ самыя драгоцѣнныя мѣшки съ камнями. Сложивъ мѣшки въ землянку, они отправились на новыя поиски, но уже не вернулись. Старикъ прождалъ ихъ

напрасно, не зная, что случилось с ними. Они пропали, какъ въ воду канули...

Старикъ остался съ мѣшками въ землянкѣ. Думалъ онъ, думалъ— что съ ними дѣлать—одному не спести все равно, и рѣшилъ законать свои сокровища.

Только ему нужно было такъ изловчиться, чтобы потомъ сразу можно было найти мѣсто, гдѣ онъ закопалъ эти мѣшки.

Ему пришло вотъ что въ голову:—у мусульманъ колодець считается священнымъ, и они оберегаютъ его и поддерживаютъ. Землянки, конечно, будутъ скрыты, дома могутъ быть разломаны, но колодець постоянно останется, хранимый заботливой рукою набожныхъ мусульманъ.

Такой колодець былъ вблизи землянки, гдѣ пришлось остаться старику.

Ночью онъ откопалъ прямо на востокъ нѣкоторое разстояніе отъ колодца, вырылъ глубокую яму и закопалъ тамъ свои мѣшки.

Никто не видѣлъ и не зналъ объ этомъ. Землянка ротная стояла настолько въ сторонѣ, что можно было все это продѣлать, оставаясь незамѣченнымъ.

А для того, чтобы не потерять мѣста, гдѣ были зарыты мѣшки, старикъ откопалъ веревочкой разстояніе этого мѣста отъ колодца...

Потомъ, вскорѣ послѣ этого, въ первомъ же дѣлѣ ему повредила ногу шальная граната, залетѣвшая слишкомъ далеко.

Ему пришлось остаться въ деревнѣ, а наши войска ушли.

Когда онъ оправился—нога его оказалась въ такомъ положеніи, что онъ не могъ ходить уже безъ деревяжки.

Онъ приладилъ себѣ эту деревяжку и пошелъ со своей веревочкой на родину...

— Ну, и что же-съ?—спросилъ Чиликинъ, видимо заинтересовавшись рассказомъ.

— Ну, и этотъ солдатъ добился наконецъ нынче, въ августъ, до Петербурга и умель у меня въ домѣ.

— Ахъ, это тотъ, котораго вы, говорятъ, у заставы подобрали—какъ же, люди рассказывали у васъ въ домѣ,—слышалъ-съ,—подтвердилъ Чиликинъ.—Ну, и что же-съ, кому же онъ передалъ свою веревочку-то?

— Мнѣ.

— Вамъ?

— Да. Пеледь самую своей смельтью.

— И значитъ, это вы вотъ въ февралѣ уѣзжали... неужели вы въ Хотинѣ были?

— Отчего же нѣтъ? Я былъ тамъ подъ видомъ купца. Въ Москвѣ насолъ понутчика изъ купцовъ и поѣхалъ съ нимъ. Мы все и сдѣлали вмѣстѣ... Насли колодець. Ницѣй мнѣ его описалъ приблизительно, откопалъ веревочкой разстояніе и насли все мѣски въ цѣлости: два изъ нихъ съ жемчугомъ я далъ купцу, а остальные повезъ въ Цалижъ и тамъ заслодалъ. Деньги пришлось вылучить холосіа.

— И большіе мѣшки?

— Не особенно... вотъ этакіе, одной дукой поднять можно, но тяжелые... Я ихъ на ослѣ везъ подъ матами слытыми. Будто я матами толговать...

— Ну, хорошо-съ,—протянулъ Чиликинъ,—при чемъ же тутъ, однако, князь Косой, и почему, если вы получили такія большія сокровища—у него-то домъ, и прислуга, и все, какъ слѣдуетъ...

— Потому сто эти мѣски и деньги, вылученныя за нихъ, были его.

— Какъ его? Это что-то совсѣмъ уже непонятное. Я законы-съ знаю. Прежде всего найденные вами мѣшки нужно разсматривать, какъ кладъ. Великій кладъ по закону Петра Алексѣевича принадлежитъ казнѣ. Но такъ какъ вы обрѣли драгоценности въ территоріи Россійскаго государства, то этотъ законъ на васъ не рас-

простраивается, и вы собственникъ всего богатства. Тутъ князь Косой рѣшительно не при чемъ.

— При чемъ тутъ князь Косой—я вамъ сейчасъ объясню, когда мы пойдемъ,—сказалъ Левушка.

Чиликинъ глянуть въ окно.

— Батюшки,—сказалъ онъ,—куда жъ это мы. Мы видѣ нашъ домъ проѣхали...

Онъ видѣлъ, что они катились по Васильевскому острову дальше, и проѣхали мимо ихъ дома, который остался давно позади, чего онъ, заслушавшись разказа Левушки, не замѣтилъ совсѣмъ.

— Куда же это мы ѣдемъ?—повторилъ Чиликинъ, взглядывая на Левушку.

— Куда нужно!—отвѣтилъ тотъ.

III.

Они приѣхали къ воротамъ кладбища, и карета остановилась.

— Выйдемте,—предложилъ Левушка.

— Да зачѣмъ же это-съ?—усомнился Чиликинъ.

— Выйдемте, я вамъ говолю,—настоялъ Левушка, и такъ авторитетно, что Игнатъ Степановичъ послушался.

Солнце, играя на бѣломъ, напавшемъ за почъ снѣгу, свѣтило ярко, нескрясь и переливаясь радужными блестящими.

Кладбищенская ограда, могилки за нею, оголенные, кой-гдѣ торчавшія деревца, крыша церкви—все было покрыто чистою, бѣлою пеленой яркаго снѣга и казалось опрятнымъ и ряпчивымъ...

Торусскій шель по расчищенной между могилкамъ, еще не спрятанныхъ благодаря началу зимы въ сугробы, дорожкѣ, и за нимъ скрипѣлъ послушно своими большими калошами по снѣгу Игнатъ Степановичъ.

Благодаря солнцу и бѣлизнѣ этого снѣга, на кладбищѣ не было ничего мрачнаго, ничего давящаго. Напротивъ, здѣсь было привольѣе и дышалось легче, чѣмъ въ грязномъ городѣ.

Левушка прошелъ до конца расчищенной дорожки и повернулъ вправо, гдѣ были могилки побѣдѣе.

Передъ одною изъ нихъ онъ остановился, наконецъ.

Это была невысокая могилка съ бѣлымъ, свѣжимъ, видно недавно заново поставленнымъ, деревяннымъ крестомъ. На крестѣ надпись гласила:

„Степанъ Чиликинъ, скончался августа въ тринадцатый день 1741 года, 82 лѣтъ отъ роду“...

Игнатъ Степановичъ прочелъ надпись, и недоумѣвающее поглядѣлъ на Левушку.

Тотъ въ свою очередь слѣдилъ за нимъ и видѣлъ, какъ вдругъ поблѣднѣлъ Игнатъ Степановичъ.

— Это что же-съ... что же-съ?...—чуть внятно выговорилъ онъ.

— Это могила сталника-нищаго, умелшаго у меня,—сказалъ Левушка.—Онъ плисолъ на лодину, къ своему сыну, съ тѣмъ стобы пеледать ему свое богатство и умелеть у него спокойно, но тотъ не плинилъ его и даже впустить не хотѣлъ къ себѣ и отказался отъ него, потому сто, обоблавъ князя Косого, самъ думалъ, сто сталъ богатымъ балномъ, и въ двоинство полѣзъ, к толому, конечно, мѣшалъ отецъ, сталый плостой солдатъ-калѣба. И онъ не плизналъ его. Тогда сталникъ узналъ, сто сынъ его оглабилъ молодого князя, и сто князь долженъ былъ уѣхать изъ лодного имѣнія въ Петербургъ, въ чужихъ людяхъ искать счастья, и по-солъ, плоннанный сыномъ, отыскнвать въ Петербургъ обобланнаго имъ молодого князя, стобы пеледать ему свое богатство и вознаграждать за дѣйствія сына. Князь Иванъ заделжался въ Москвѣ, и Богъ свелъ ихъ у самой заставы Петербурга. Здѣсь мы встлѣтились. Я взялъ сталника къ себѣ, и онъ, умилая, получилъ мнѣ пеледать князю Косому свое наследство. Я сначала не плидавалъ этому важности, но потомъ высло, сто иначе было нельзя...

Офелия. Съ картины И. Е. Мановскаго (право воспроизв. въ гравюрѣ принадлежитъ исключ. „Извѣ“) грав. В. Чехомскій. Библиотека „Руниверс“

Игнатъ Степанычъ вспомнилъ теперь ясно, съ сокрушеннымъ сердцемъ, какъ ему сказали тогда, въ деревнѣ, что пришелъ старый калѣка, который хочетъ видѣть его и пазываетъ себя его отцомъ, какъ онъ выдохнулъ при этомъ и закричалъ, что никакихъ калѣкъ знать не хочетъ и чтобы его сейчасъ же выгнали вонъ, и чтобы духу его не было въ его домѣ. Да, такое родство казалось ему помѣхой къ полученію дворянскаго званія, о которомъ онъ мечталъ.

А теперь?—теперь оказывалось, что этотъ прогнанный имъ человекъ, его отецъ, несъ ему богатство, да такое, о которомъ онъ и грезить не смѣлъ... Получилъ онъ завѣтный кладъ, — а онъ бы съѣздить и достать его и ужъ конечно не отдалъ бы никому не только двухъ мѣшковъ, но ни одного зернышка жемчуга,—онъ былъ бы обладателемъ огромнаго состоянія!..

И не раскаяніе, не чувство стыда за свой поступокъ охватилъ его, а зависть, зачѣмъ ушло изъ его рукъ пльвинее было въ нихъ богатство...

— Позвольте, какъ же это такъ...—заговорилъ онъ,—значитъ, если бы я принялъ тогда родители—вѣдь всѣ богатства его были бы мои... и я бы могъ кунить такой же домъ... и лакеевъ... и все это...

Левушка съ удивленіемъ смотрѣлъ на него. Онъ ждалъ, что хоть тутъ, на кладбищѣ, у могилы его отца, совѣтъ, наконецъ, заговорить въ Чилиннѣ.

Но Игнатъ Степанычъ развелъ широко руками, потомъ всплеснулъ ими и почти крикнулъ:

— Батюшки мои, вѣдь вы меня, значитъ, ограбили, мое родовое отняли... погубили... ограбили...—безмысленно повторялъ онъ, уставясь помутившимися глазами на надпись на крестѣ.

„Въ молду бы тебѣ дать“, — рѣшилъ мысленно Левушка и, чувствуя, что долгие не можетъ оставаться съ этимъ человекомъ, вышелъ съ кладбища и отира-

вился за княземъ Косымъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать къ Солевымъ.

Они обѣдали тамъ сегодня...

Въ тотъ же день вечеромъ нанли Ппгата Степаныча у себя въ спальнѣ повѣсившимся. Онъ перекинулъ черезъ дверь перегородки полотенце и удавился на немъ... не имѣвъ, вѣроятно, силы перепести потерю богатства, которое онъ самъ оттолкнулъ отъ себя...

Предсказаніе Лестока относительно Ополчишина оправдалось. У него сдѣлалась гангрена, и онъ не выжилъ. Умеръ онъ въ полковомъ лазаретѣ, оставленный еще во время болѣзни отъ офицерскаго званія.

Свадьба Косого была отпразднована торжественно по возвращеніи двора изъ Москвы.

Вестужевъ былъ посаженнымъ отцомъ у князя Ивана. Союшку благословляла сама императрица.

Левушка былъ шаферомъ. Онъ поселился, какъ хотѣлъ, въ одномъ домѣ съ Косыми, и впоследствии, когда у нихъ пошли дѣти, возился съ ними съ утра до ночи, радуясь, что они протягивали къ нему ручонки и весело лепетали ему навстрѣчу: „Здравствуй, дядя Лева“... И дядя Лева былъ въ восторгѣ и не зналъ, какъ приласкать своихъ любимцевъ.

Дашенька вышла-таки замужъ, и счастливымъ супругомъ ея оказался Сысоевъ, двоюродный братъ Рябичъ.

Они, впрочемъ, были очень милой и хорошей парой, и ихъ всѣ очень любили.

Но общія симпатіи и особенное расположеніе все-таки оставались на сторонѣ Союшки, молодой, счастливой княгини Косой.

Одна только Вѣра Андреевна, постарѣвшая съ годами, продолжала няньчиться съ Дашенькой и брюзжала при всякомъ удобномъ случаѣ на свою милую и все-таки (она почувствовала это, когда осталась одна) дорогую Союшку.

Среди инородцевъ нашего сѣверо-востока.

Очеркъ профессора Э. Ю. Петри.

Къ рисунку на стр. 1046—1047.

Рисунокъ покойнаго Алексѣя Даниловича Кившенко, изображающій типы и бытовія особенности вогулъ, зырянъ и пермяковъ, живо напоминаетъ намъ тѣ незабвенныя часы, которые мы провели съ талантливымъ художникомъ надъ разработкою и группировкою этнографическаго матеріала. А. Д. былъ интеллигентный и даровитый труженникъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ любилъ святое искусство; но онъ любилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и трудъ, и мысль. Съ необычайною добросовѣстностью погружался онъ въ безчисленныя фотографіи, рисунки и описанія, предоставляемые ему, и съ тактомъ художественной натуры разбирался въ требовавшихся педагогичной учености.

А. Д. несомнѣнно обладалъ чуткѣмъ этнографомъ: онъ замечательно вѣрно схватывала характерныя типы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ понималъ и настроеніе ландшафта, какъ рѣдкій изъ пейзажистовъ; объ этомъ свидѣлствуютъ его пейзажескія воспоминанія и его многочисленныя работы, относящіяся къ нашему сѣверу. Рѣдкое сочетаніе талантовъ физіономиста и пейзажиста ярко выразилось и въ описываемой нами картинѣ.

Всматриваясь въ эту картину, вы невольно подаетесь восторгу очарованію художественнаго изображенія: передъ вами живая картина... Вы какъ будто бы слышите величественный равномерный гулъ и шумъ сосноваго бора, и въ вашей памяти воскресаетъ угрюмый хвойный лѣсъ: передъ вами высочайшею стѣною стоятъ мрачныя ели и сосны, покрытыя длинными прядями бородаго лишайника; вотъ—величавый кедръ (см. на рисункѣ № 16); вотъ—темная чаща оживляется прекрасною свѣтлою лиственницею... на влажной почвѣ вѣчными сноухъ покоятся гигантскіе стволы, сваленные буреломомъ или вѣковой старостью; они покрыты толстымъ слоемъ мха и лишью разросшимся напоротникамъ; тамъ и сямъ среди валежника поднимаются громадныя шиш и камни, обросшіе рыжеватымъ мхомъ, и напоминаютъ собою дремлющихъ медвѣдей. При безвѣтріи тишина въ такомъ полутемномъ и сырмомъ бору—сказочная; слышится лишь гулкій звукъ шаговъ путника и перѣдка трескъ ломающагося подъ его ногами сухого валежника или вѣтви.

Этотъ молчаливый сумрачный лѣсъ производитъ впечатлѣніе величественное, хотя и угрюмое... Несравненно безотраднѣе картина горѣлаго лѣса, столь частаго на нашемъ сѣверѣ, въ особенности вѣтши заводовъ и заповодей: на далекомъ пространствѣ, окаймленномъ обгорѣлою и жалкою опушкою лѣса,

всюду видны почеркѣвшіе, обуглившіеся шиш и стволы и желта-красно-бурыя хвои деревьевъ; на почвѣ—ни кустарника, ни травы. Медленно возрождается здѣсь жизнь: первую вырастаетъ на „гаринкахъ“ малина, привлекающая своими ягодами лакомку-медвѣда и другихъ животныхъ; за нею слѣдуютъ рябина, ольха, береза и другія лиственные породы, и только впоследствии появляются сосны и хвойныя деревья вообще.

Наиболѣе печальныя мѣста нашей области представляютъ, однако, тонкія тундрныя болота, чрезъ которыя приходится перебираться по кое-какъ накиданнымъ бревнамъ и древеснымъ стволамъ. Болота эти, занимающія подчасъ громадныя пространства, являютъ очагомъ для безчисленныхъ мучитель-лей-комаровъ, отравляющихъ существованіе всякаго живого существа и заставляющихъ человека прибѣгать къ всякому и, въ сущности, тоже невыносимому дыму „дымокурки“. Тамъ называются жезтыяя коробиш. наполненныя тлѣющими щенками и привязываемыя къ спиш путника. Поселки русскихъ поселенцевъ и одинокія хижины туземцевъ, затеряныя въ глухомъ лѣсу, почти постоянно затянуты сизомъ туманною дымкою; всюду здѣсь пахнетъ гарью; на каждомъ дворѣ стоитъ большой чугунный котель, наполненный курищимся навозомъ, гнилушками и щенками; огонь подъ нимъ поддерживается день и ночь: около этого бѣлаго дыма спускаются и люди, и домашнія животныя. Въ сѣняхъ избы зачастую стоитъ такой же котелокъ.

Безотрады въ нашемъ краѣ, наконецъ, и горы (см. на рис. № 20). Это по большей части неуклюжія обнаженныя сѣрыя громады. Известный Денежкинъ камень напоминаетъ Чатырдагъ, однакоже, здѣсь нѣтъ южнаго неба и вершины перѣдка заволаниваются туманомъ и облаками. Описывая видъ Урала съ Денежкина камня, путешественникъ Вегеръ говоритъ: „удивительно, что здѣсь человекъ вовсе нерасположенъ къ восторгу,—напротивъ, какое-то совершенно противоположное, похожее на уныніе, чувство наполняетъ и душу, и сердце“.

Трудно дается жизнь въ подобныхъ скудныхъ по природѣ и унылыхъ по своему настроенію мѣстностяхъ. Хлѣбопашество является значительнымъ элементомъ въ хозяйствѣ русскаго инородца только въ Приуральѣ; въ горахъ и непосредственно прилегающихъ къ нимъ лѣсахъ жители промышленно завѣрловствомъ, на большихъ рѣкахъ—рыболовствомъ, а далѣе

къ сѣверу, съ приближеніемъ къ тундрѣ, преобладаетъ оленеводство.

Въ наименѣе выгодныхъ географическихъ условіяхъ находится *вогулы*, которыхъ официально насчитываютъ до 8,000 человекъ. Они расположены по восточному склону Урала въ Березовскомъ, Тобольскомъ и Туринскомъ округахъ Тобольской губерніи и Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи.

Сами вогулы называютъ себя манси; по происхожденію своему они принадлежатъ къ уральской группѣ и притомъ къ угрской вѣтви финновъ на ряду съ остяками и мадярами. Последнее обстоятельство неоднократно привлекало въ вогульскій край венгерскихъ ученыхъ. Такъ, здѣсь работали Регули, Мунчаки, Папан. Довольно богата и русская, и шведско-финская, и венгерская литература болѣе или менѣе значительными трудами о вогулахъ. Тѣмъ не менѣе изученіе вогуловъ далеко не закончено и затрудняется главнымъ образомъ тѣмъ, что вогулы частью совершенно обрусѣли, частью же слились съ остяками. Извѣстный апатокъ Пермскаго края И. Г. Остроумовъ утверждаетъ, что только въ бассейнѣ рѣки Лозьвы „остается пока около двухъ десятковъ вогуль, вполнѣ сохранившихъ какъ свои физическія особенности, такъ и языческую вѣру, первобытную одежду изъ оленьихъ шкуръ и образъ жизни кочующихъ охотниковъ и звѣролововъ“. Мы, со своей стороны, также можемъ подтвердить роковой фактъ исчезновенія вогуловъ, такъ какъ русскіе и венгерскіе изслѣдователи края, на наши просьбы, намъ доставили фотографіи или рисунки почти исключительно однихъ и тѣхъ же лицъ. Слѣженіе вогуловъ съ остяками настолько тѣсно, что одинъ изъ изслѣдователей края, Н. И. Кузнецовъ затруднился опредѣлить, кого онъ имѣетъ передъ собою, вогуловъ или остяковъ. Слѣженіе это выражается и въ различіи диалектовъ вогуловъ, и въ типѣ ихъ. Вогуль (№ 19), бывшій проводникомъ д-ра Папан, плутоватый и въ то же время добродушный малый, имѣетъ, благодаря своему широкому плоскому лицу, сильно выступающимъ скуламъ, узкому, нѣсколько приподнятому у височныхъ угловъ разрыву глазъ и большому рту съ прямыми губами, личными характернаго изгиба европейскіхъ губъ, несомнѣнно болѣе сходства съ типичнымъ монголомъ, чѣмъ его соплеменникъ (№ 17), съ нѣсколькими европейскими складомъ лица и двумя, на остячій манеръ, заплетеными косами. Кондинскіе вогулы, изслѣдованные Альквистомъ, имѣютъ болѣе выраженный монгольскій типъ: они отличаются блѣднымъ и смуглымъ цвѣтомъ лица, сильно выдающимися скулами, черными, а не темнорусыми, какъ у большинства вогуловъ, волосами и слабою растительностью на бородѣ. Впрочемъ, уже симпатичный финскій изслѣдователь Кастренъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что типичный вогуль гораздо болѣе напоминаетъ калмыка, чѣмъ родственныи ему остяки.

Вниманію заслуживаетъ то обстоятельство, что къ числу вогуловъ причисляются не только финскіе остяки, но и татары тюркскаго племени. Н. Булычевъ, между прочимъ, выяснилъ, что „вогулы“ Илецкихъ юртъ въ Ирбитскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Ницы, не что иное, какъ причисленные административнымъ распоряженіемъ къ вогуламъ татары, и понынѣ самихъ себя считаютъ чистокровными татарами.

Одежда обрусѣвшихъ вогуловъ та же, что у русскихъ, но хуже и болѣе рваная. У сѣверныхъ вогуловъ на Соснѣ одерждой служитъ малица изъ оленьихъ шкуръ или крестьянскаго сукна; лѣтомъ они шапокъ не носятъ, а зимою покрываютъ голову мѣшкомъ изъ оленьей шкуры; по обѣимъ сторонамъ этого капюшонъ украшенъ ушами какого-нибудь мелкаго животного; подъ капюшономъ носится еще другая шапочка, плотно облегающая голову. Нижняя часть малицы оторачивается, ради красоты, длинною шерстью, болѣею частью бѣлаго цвѣта; на рукавахъ и на подолѣ разбѣгаются разноцвѣтные лоскутки въ видѣ узоровъ. Женщины (№ 18) носятъ костюмъ, напоминающій татарскій. Характерна татуировка вогуловъ, имѣющая, какъ это показалъ Н. Сорокинъ, не только эстетическое, но и экономическое и религиозно-медицинское значеніе. У большинства видѣнныхъ имъ вогуловъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, на рукахъ новыше кисти и на ногахъ оказались различныя узоры, состоящіе изъ темносинихъ черточекъ, квадратишковъ и точекъ; смотри по комбинаціямъ фигуръ, получаются кресты, четырехугольники съ расходящимися лучами и т. д. (№ 15). Какъ мы уже замѣтили, татуировка эта удовлетворяетъ не только эстетическимъ и религиозно-медицинскимъ дикари, но имѣетъ и экономическое значеніе: рисунокъ настолько индивидуаленъ, что можетъ служить знакомъ собственности, подлинность, а въ видѣ напечатки на деревѣ—знакомъ того, что проходилъ собственникъ „талги“. Въ случаѣ болѣзни на мѣстѣ, въ которомъ испытывается наибольшее страданіе, дѣлается напечатка. Татуировка производится очень просто: острымъ оружіемъ дѣлаются надрѣзы кожи, въ которые затѣмъ втирается толченый порошокъ.

Довольно характерны жилища кондинскихъ вогуловъ. Альквистъ полагаетъ, что не много на свѣтѣ жилищъ, которыхъ были бы такъ просты, какъ вогульскіе „паулы“ или поселки. Пауль состоитъ изъ двухъ-трехъ, рѣдко пяти юртъ, расположенныхъ по близости къ рыбной рѣкѣ. Зимняя юрта бревенчатая, она проконопачена мхомъ и покрыта крышей изъ дре-

весной коры и плавковъ; въ углу, около двери, жалкіи глиняный чурвалъ,—печь, въ родѣ гамна, быстро остывающій. По стѣнамъ широкія лавки, напоминающія татарскія нары, на нихъ лежатъ шкуры, кошачья пастырьками. Грязь повсюду невообразимая. Дневной свѣтъ проникаетъ черезъ окошечко, болѣею частью затянутае рыбьими пузырями или бумагой. Лѣтомъ вогулы живутъ въ берестяныхъ шалашахъ. Припасы сохраняются, въ огражденіе отъ расхищенія со стороны хищныхъ звѣрей, въ амбарчикахъ на сваяхъ (№ 18). Утварь вогула въ высшей степени скудная. Собака и плохенькое ружье, которое, однако, въ его рукахъ является страннымъ оружіемъ,—самыя цѣнные вещи у вогула; топоръ, ножи, огниво, острога (№№ 1 и 13)—вотъ все, что онъ имѣетъ. Кромѣ посуды для варки, весь прочій домашній и хозяйственный скарбъ изготовляется по возможности изъ бересты. Такъ, напримѣръ, вогулы, какъ и вообще жители Урала, дѣлаютъ изъ бересты различныхъ формъ и размѣровъ „чуманы“, коробки (№ 3) или корзины, люльки для дѣтей (№ 5). Изъ оленьей шкуры изготовляются узорчатые сумочки (№ 9), не лишеныя извѣстной красоты, хотя и уступающія тунгусскимъ издѣліямъ этого рода.

Питаніе вогула по меньшей мѣрѣ скудное, хотя, какъ у настоящего звѣролова, и у вогула бываютъ праздничные дни. Въ случаѣ удачи на охотѣ, вогуль, вообще весьма ограниченный въ своихъ потребностяхъ и умѣющій голодать подолгу, можетъ съѣсть до пяти тетерекъ, выхлебать всю похлебку, въ которой онѣ варилась, и закусить этотъ обѣдъ массой сушеной рыбы. Для южныхъ вогуловъ хлѣбъ и соль сдѣлались потребностями; обитатели болѣе глухихъ мѣстностей рѣдко употребляютъ соль, а хлѣбъ, подобно остякамъ, считаютъ за величайшее лакомство. Въ высшей степени падки наши дикари, какъ, къ сожалѣнію, и всѣ инородцы, къ водкѣ. Они готовы ради алкоголя уступить все свое имущество и въ оныявѣшіи проявляютъ буйность и горделивость, очень мало поддающія къ этимъ тихимъ, нѣсколько сумрачнымъ и вѣчно бдѣвающимъ дикарямъ. Такія выходки ихъ скорѣе напоминаютъ то далекое уже время, когда вогуличи, совместно съ остяками, боролись противъ русскихъ, вторгавшихся въ ихъ страну. Табакъ вогулы очень любятъ, но болѣею частью нюхаютъ, а не курятъ его. Въ общемъ, однако, жизненные потребности вогула ничтожны. Богатые, то-есть люди, имѣющіе болѣе или менѣе крупный стада оленей, мало отличаются по образу жизни отъ бѣдняковъ: всюду та же скудость, та же неряшливость. Въ характерѣ вогула преобладаетъ пассивность: онъ бдѣствуетъ, но у него нѣтъ силы воли, чтобы выйти изъ этого тяжелого положенія. Одинъ вогуль стрѣлялъ только ту дичь, которая подлетала къ его юртѣ на близкое разстояніе. Нѣсколько дней, благодаря мятели, ни звѣрь, ни птица не появлялись; запасовъ у вогула не было; помощи въ глухомъ тѣму ждать было не отъ кого. Онъ бы умеръ голодною смертью, еслибъ глухарь не наткнулся на юрту и не сдѣлалъ добычей голоднаго дикаря. Весьма поинто, что при такой беззаботности вогуль способенъ при случаѣ сразу прокутить тотъ заработокъ, который можетъ ему предоставить охота на дѣснаго пушного звѣря.

Тѣмъ не менѣе, и этимъ, съ виду столь забытымъ судьбою и жалкимъ людямъ, не чужды высшіе порывы человеческой души: они болѣе любители музыки, хотя ихъ мелодіи настолько чужды нашему европейскому слуху, что Н. Сорокинъ ихъ называетъ простымъ „завлеченіемъ звуковъ“. Музыкальный инструментъ вогуловъ называется „шагуръ“ (№ 10); это небольшая коробка въ видѣ лодки, съ круглымъ дномъ; верхняя часть задѣлана декой, въ которой нѣсколько отверстій; надъ декой протянуто пять металлическихъ струнъ; колки помѣщены на суженой части инструмента; каждая струна настраивается на цѣлый тонъ выше сосѣдней. Подъ странный звукъ этого инструмента вогулы пляшутъ, не сгибая коленъ и не поднимая ногъ высоко надъ землею; туловище они при этомъ перегибаютъ самыми дикими образомъ и машутъ платками, имѣющимися у нихъ въ рукахъ; при этомъ правая рука машетъ платкомъ влѣво, а лѣвая—направо. Плясуны, которые выступаютъ по-двое, иногда дико вскрикиваютъ и привнесеныя въ танцахъ этихъ значительную роль играетъ мимическій элементъ: частую танцовъ изображаютъ медвѣдя и другихъ животныхъ. Иногда на сцену выступаетъ плясунъ-комикъ, въ грубой маскѣ изъ древесной коры. Нѣчто весьма близкое встрѣчается, какъ извѣстно, у остяковъ. Иные вогуль скорѣе можно назвать речитативомъ. Поезія ихъ намъ мало извѣстна; образцы вогульскихъ пѣсень не блещутъ красотой и отражаютъ въ себѣ лишь событія повседневной жизни, въ родѣ охоты. Однакоже намъ не слѣдуетъ забывать того, что дикари весьма неохотно открываютъ сокровищницы души своей, а къ сокровищамъ, конечно, принадлежатъ старинныя народныя пѣсни. Мало знаемъ мы также о религіи вогуловъ: старинные писатели, какъ, напримѣръ, Григорій Повицкій, въ своемъ „Братскомъ описаніи о народѣ остяцкомъ“, 1715 года, описываетъ ихъ „богомерзкое кумиролуженіе“, какъ онъ выражается, жертвоприношенія лошадей, развѣшиваніе шкуръ другихъ жертвъ на деревьяхъ.—обычай, который мы и понынѣ встрѣчаемъ у другихъ финновъ, алтайцевъ и чистыхъ монголовъ,—новленіе конью, кумиралъ и т. д.

1. Идолы и домашняя утварь вогуловъ.	2. Жертвоприношение оленя.	3. Коробка изъ бересты.	4. Пермячка.	5. Люлька изъ бересты.	6. Пермячка.	7. Пермячкіе пояса.	8. Зырянскій охотникъ.	9. Узорчатая сумочка изъ оленьей шкуры.	10. „Шангуръ“—музыкальный инструментъ вогуловъ.	11. Пермякъ.	12. Пермякъ.	13. Острога.	14. Могила вогула.	15. Узоры татуировки вогуловъ.
	20. Горы.	16. Недръ.	17. Остякъ.			18. Вогульскіе жилья.	21. Зыряно.						19. Вогуль.	22. Хижина зырянна.

Среди инородцевъ нашего сѣверо-востока. Ориг. рис. (собл. „Нива“) А. Д. Кившенко, автотипил Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Витязей разказывают о томъ, что вогулы признаютъ за собою солнце, луну и воду. И въ этомъ отношеніи нѣтъ недостатка въ параллеляхъ съ родственными имъ народами. Въ настоящее время вогулы номинально считаются христианами; тѣмъ не менѣе и понѣйшій жизнь ихъ всецѣло переполнена различными суевѣрїями и преданїями языческой старины. Жертвоприношенїя оленя (№ 2) совершаются въ настоящее время въ глухихъ лѣсныхъ трупобахъ и болотахъ верховьевъ Лозьвы. Въ почетѣ, помимо главнаго идола, намъ неизвѣстна, идолы маленькіе, такъ сказать, личные фетиши. Н. Сорокинъ описываетъ этихъ идоловъ (№ 1) слѣдующимъ образомъ: первая фигура изображаетъ мужчину въ высокой шапкѣ; на лицѣ его видно подобіе глазъ, носа и рта; вторая изображаетъ четвероногое чудовище, поверхность котораго покрыта чешуями, особенно замѣтными на хвостовой части. На ногахъ его, что также встрѣчается на изображенїяхъ человѣческой фигуры, три пальца. Наружная поверхность идоловъ, едѣлаиныхъ вообще грубо, шероховата, задняя сторона болѣе или менѣе сглажена, такъ какъ вогулы вдѣлываютъ своихъ божковъ въ древесные стволы. Обычаемъ, общимъ всемъ финскимъ племенамъ и отлѣченнымъ уже академикомъ Лепехинымъ, является почитанїе деревьевъ и, въ особенности, лиственницъ. Обращаясь отъ этихъ грубыхъ и осыпанныхъ долотомъ темной массы народа объектовъ поклоненїя къ идейной сторонѣ старинной вогульской вѣры, мы должны отмѣтить указанїя на существованїе у нихъ представленїя о высшемъ существѣ—„Торомъ“, о существѣ всеблагомъ, не возмущающемся даже шайствомъ и безнравственннми вогуловъ; понятїе о Богѣ сливается у нихъ съ понятїемъ о небѣ, такъ какъ для того и другого существуетъ одно общее слово. Смерть есть божеское наказанїе. Погребенїе совершается въ лѣсу; могилу роютъ съ сѣвера на югъ; голова покойника должна быть положена на сѣверъ; хоронить въ ящикахъ или безъ нихъ. На могилу кладутъ оружіе, водку и нюхательный табакъ, сани (№ 14), что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что у вогуловъ существуютъ опредѣленные понятїя о загробномъ мїрѣ.

Женщина при совершенїи религиозныхъ обрядовъ устраивается; вогулянки, будто бы подъ страхомъ смерти, должны набѣгать того, чтобы даже не взглянуть на верхушки тѣхъ деревьевъ, подъ которыми находится главный идолъ. Такимъ образомъ, положенїе женщины здѣсь, какъ и повсюду, гдѣ непрестанная борьба за существованїе даетъ перевѣсъ болѣе сильному существу, крайне униженное.

Брачныя отношенїя выработаны у нашихъ дикарей вообще довольно слабо. Въ прежнїи времена, женихъ, уплативъ родителямъ невесты небольшой калымъ, отиравался съ нею въ свою хижину, и этимъ нечерннвалась вся обрядная сторона заключенїя брака. Нынѣ вогулы поступаютъ приблизительно такимъ же образомъ, хотя при случаѣ охотно прибѣгаютъ къ церковному вѣнчанїю.

Несмотря на свое приниженное положенїе, вогульская женщина подчасъ проявляетъ большую силу характера: не ограничиваясь домашней работою и уходомъ за дѣтьми, вырѣшаетъ очень немногочисленными, погулка иногда является неустрашимымъ охотникомъ на медвѣда и лося.

Въ общемъ, однако, какъ насивность характера вогуловъ, такъ и ничтожный приростъ ихъ (въ Тобольской губерніи съ 1858 по 1887 годъ, т.-е., въ теченїе 30 лѣтъ, прибаво вогуловъ (1,241 человекъ и 1,318 человекъ), всего 77 человекъ), не даютъ надежды на то, чтобы это племя сохранилось, и мы вполнѣ соглашаемся съ упомянутымъ уже нами И. Г. Остроумовымъ, указавшимъ на то, что не слѣдуетъ медлить „последней“ экспедиціе для болѣе глубокаго изученїя вогуловъ, такъ какъ они слишкомъ быстро утрачиваютъ свои національныя особенннсти.

Несравненно сильнѣе и устойчивѣе, хотя, быть-можетъ, и несимпатичнѣе вогуловъ и многихъ другихъ инородцевъ представляютъ пермской группы финновъ, изображенныхъ на рисункѣ А. Д. Кившенко, *зыряне* (№ 21). Этотъ народъ, численность котораго у насъ официально опредѣляется въ 120,000 человекъ, населяетъ по преимуществу мезенскїй уѣздъ архангельской губерніи и уѣзды усть-сысольскїй и яренскїй— вологодской губерніи, гдѣ они составляютъ всю массу сельскаго и большую часть городского населенїя; затѣмъ зыряне встрѣчаются среди сельскаго населенїя сольвычегодскаго уѣзда. Ф. М. Истоминъ, изслѣдовавшїй Печорскїй край, отличаетъ пермско-русскую верховую Печору съ старо-повгородскимъ русскимъ населенїемъ; вологодско- или сисольско-зырянскую Печору, гдѣ уже съ первой деревни Ильичъ начинается чисто зырянское и притомъ старовѣрческое населенїе; архангельско- или ижемско-зырянскую Печору, представляющую продолженїе предыдущаго района съ постепеннымъ переходомъ къ ижемско-зырянскому типу. Въ отличїе отъ влаго и апатичнаго вологодскаго зырянина, архангельскїй является чрезвычайно подвижнымъ и живымъ. Затѣмъ слѣдуютъ опять области русскїй и, наконецъ, самоѣдскїй. Зыряно самихъ себя называютъ „коми“, говорятъ на особомъ языкѣ, хотя и на различныхъ диалектахъ, и огчаси отличаются въ различныхъ мѣстностяхъ по типу. При общемъ финско-мошгольскомъ типѣ мы среди зырянъ выдѣляемъ двѣ рѣзко отличныя группы болѣе темныхъ и болѣе свѣтлыхъ по окраскѣ волосъ и кожи зырянъ.

Въ общемъ зыряне—народъ крѣпкїй по сложенїю и не ли-

шенный извѣстной вѣншей привлекательности на нашъ европейскїй взглядъ. Зырянскїя женщины славятся своей красотой. По характеру своему зыряне являются несомнѣнно народомъ сильными: они замкнуты, сдержанны и крайне недоверчивы, но, въ то же время, быстро и умѣло схватываютъ все то, что русская культура приноситъ имъ хорошаго и, сливаясь съ русскими въ областяхъ непосредственнаго соприкосновенїя съ ними, сохраняютъ, однако, и свои національныя особеннсти. Не слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, преувеличивать, какъ это обыкновенно дѣлается, успѣховъ снїиия зырянъ съ русскими: ничтожный процентъ вологодско-печорскихъ зырянъ знаетъ русскїй языкъ; въ особенности это относится къ женщинамъ, которыя здѣсь, какъ и повсюду, являются элементомъ болѣе консервативнымъ. Зато зыряне ревностные христиане и съ любовью заботятся объ украшенїи храмовъ. Несмотря на извѣстную жесткость характера, благодаря которой зыряне являются безпощадными эксплуататорами болѣе простодушныхъ инородцевъ, какъ напримеръ, самоѣдовъ, они проявляютъ совершенно выраженныя симпатїи ко всему прекрасному. Хижина зырянна, если это не промысловый домъ въ лѣсной глуши (№ 22), отличается просторомъ и чистотою. Внутренность хижины опрятна; заловокъ и шкапчикъ расписаны разнообразными красками; съ потолка иногда свисаетъ на ниточкѣ деревянный голубъ съ распушенными крыльями, который при малѣйшемъ движенїи воздуха трещитъ; на стѣнахъ висятъ зубочныя картинны; для болшей чистоты на плечекѣ виситъ кувшинчикъ съ водою и рядомъ съ нимъ, смотря по достатку хозяина, полотенце или мягкїя стружки, замѣняющїя на нашемъ сѣверо-востокѣ полотенце. Не чужда зырянамъ и поэзія, хотя въ нашей литературѣ и утвердилось мнѣнїе, поддерживаемое такимъ авторитетнымъ знатокомъ зырянъ, какъ К. Поповъ, что у зырянъ отсутствуетъ всякая способность къ поэзіи. Однакоже у Кастрена мы находимъ, между прочимъ, дивную по драматической силѣ лѣсню зырянской невесты, разстающейся со своими родителями. Поучительна въ этомъ отношенїи, какъ мы имѣли уже случай замѣтить въ другомъ мѣстѣ, судьба ближайшихъ родственниковъ зырянъ, финляндскихъ финновъ, народной поэзіей которыхъ мы столь увлекаемся, тогда какъ до собранїя Ленротомъ „Калевалы“ никто не по-вѣрилъ бы, чтобы этотъ тихїй, угрюмый народъ обладалъ поэзіею, душевною и богатой красками.

Трудно проникнуть въ душу замкнутого зырянина и въ область его религиозныхъ представленїй и мечтанїй. Насколько крѣпко зыряннн держался языческой старины, видно изъ того, что онъ сумѣлъ слить христианскїй культъ съ излюбленнымъ всѣми финнами почитанїемъ деревьевъ. По легендѣ престолъ первой церкви, сооруженной въ вышннемъ Усть-Вымѣ, поставленъ на старомъ лнѣ большой березы, когда-то обоготворившейся язычниками. Многочисленны, хотя, къ сожалѣнїю, мало изучены суевѣрїя и предразсудки зырянъ.

Въ экономическомъ отношенїи зыряне поставлены весьма благоприятно: они занимаются земледѣлїемъ, лѣсными промыслами, звѣроловствомъ и рыболовствомъ, и, наконецъ, по мѣрѣ своего вгорженїя въ самоѣдскую тундру, все болѣе и болѣе захватываютъ въ свои руки оленьи стада самоѣдовъ. Всюду, даже и въ торговомъ дѣлѣ, зыряне оазываются на своемъ мѣстѣ. Какъ охотники, они, несмотря на свои кремневые ружья, пользуются завидною репутациею, даже среди опытныхъ инородческихъ стрѣлковъ. Бьютъ они преимущественно оленя, медвѣда, рысь, лису, но въ особенности бѣлку; въ удачные годы зыряне доставляютъ до 1,000,000 бѣлчиныхъ шкурокъ, такъ называемыхъ зырянскихъ, и положительно невѣроятное количество великой иглицы. Костюмъ зырянина-охотника (№ 8) состоитъ изъ зипуна бѣлаго грубаго сукна съ пришитыми къ рукавамъ рукавницами изъ оленьей кожи; поверхъ зипуна надѣвается такъ-называемый лозъ изъ полосатаго зырянскаго сукна безъ рукавовъ, но съ пришитою къ воротнику шапкою изъ бѣлаго сукна. На ногахъ у него штаны изъ чернаго грубаго сукна, чулки, портянки и, наконецъ, обувь, приспособленная къ ходѣ по льду; у пояса привѣшено огниво и различная другая мелочь, на сннѣ особой скобкой прикрѣпленъ топоръ. Ближайшимъ другомъ и помощникомъ охотника является его собака, такъ-называемая „лайка“ (№ 21). Зырянскїя женщины носятъ по преимуществу русскїй костюмъ, цвѣтные сарафаны, но съ такъ называемыми городскими костюмами не могутъ примириться. Отношенїе половъ несравненно болѣе достойное, чѣмъ у вогуловъ, хотя въ церкви женщины обязательно помѣщаются отдѣльно отъ мужчинъ; до брака дѣвушка, какъ у многихъ другихъ финскихъ племенъ, пользуется абсолютной свободой; брачная же вѣрность сохраняется самими строгимъ образомъ. Взаимныя отношенїя зырянъ основаны на чрезвычайно тонко развитомъ чувствѣ справедливости; воровство среди зырянъ неиспорченныхъ—дѣло неслыханное. Зато этическія воззрѣнїя ихъ по отношенїю къ инородцамъ подчасъ черезчуръ эластичны; не мало въ этомъ отношенїи имѣется въ нашей литературѣ указанїй, рисующихъ зырянъ съ самой несимпатичной стороны въ ихъ сношенїяхъ съ самоѣдами и т. д. Съ негодованїемъ отзывается о зырянахъ, представляя ихъ какъ опаснѣйшїй для благосостоянїя нашего сѣвера элементъ, симпатичный и высокоуманный изслѣдователь

и защитникъ сѣверныхъ породцевъ, А. И. Якобій. Страннымъ образомъ, тѣ же кремневые сердца зырянъ, хладнокровно губящихъ цѣлый народъ—самоѣдовъ, оказываются въ высшей степени чувствительными при видѣ страданій животныхъ.

Менѣе выдержаны, менѣе энергичны, но отнюдь не менѣе интересны по множеству своеобразныхъ чертъ своего быта породы третьей группы, изображенные на нашемъ рисункѣ. Это пермяки (№№ 4, 6, 11, 12.), число которыхъ доходитъ до 90.000 и которые населяютъ Соликамскій, Оханскій, Чердыньскій и Екатеринбургскій уѣзды Пермской губерніи, точно такъ же какъ Орловскій и Глазовскій уѣзды Вятской губерніи. Пермяки, называющіе самихъ себя „ками-мортъ“, т. е. камскіи народъ, получили свое названіе, повидимому, отъ финскаго слова парма, обозначающаго поросшую дремучимъ лѣсомъ возвышенность; они принадлежатъ, на ряду съ зырянами и вотяками, къ пермской группѣ финновъ. Главное занятіе пермяковъ земледѣліе, отчасти охота, рыболовство; скотоводы они плохіе, да и вообще въ энергіи сильно уступаютъ русскимъ и зырянамъ. Экономическое положеніе ихъ въ общемъ довольно плохо. Обрубающіи они подпадаютъ быстро и считаются православными; молодое поколѣніе охотно выдаетъ себя за русскихъ и говоритъ по-русски довольно сносно.

Понятно, что при такой малой устойчивости и типа пермяковъ довольно смѣшаны. По росту и по тѣлосложенію они уступаютъ великорусамъ, но все же не могутъ быть названы хилыми, какъ это говорили нѣкоторые изслѣдователи, а скорѣе людьми средняго, умѣренно-крѣпкаго тѣлосложенія. По тѣлу они ближе къ европейцамъ, чѣмъ описанные выше народцы: большинство изъ нихъ блондины. Проф. П. М. Малевъ насчитываетъ на 100 ч. взрослыхъ мужчинъ 63 блондина, 32 брюнета съ темной смуглой кожей и 5 шатеновъ съ нѣсколько болѣе свѣтлой кожей. Волосы у нихъ сѣдѣютъ очень поздно; плѣшивыхъ среди нихъ мало. Строеніе лица разнообразное, хотя преобладаютъ финскіе типы. Женщины-пермячки часто описывались, какъ безобразныя. Упомянутый изслѣдователь утверждаетъ, что видѣлъ многихъ съ правильными чертами лица, а нѣкоторыхъ онъ называетъ даже красивыми. Эффектенъ „шашмуръ“, своеобразный головной уборъ женщины (№ 6), оставляющій лобъ и лицо совершенно открытыми и вышитый бисеромъ и блестками. Пояса носятъ и мужчины и женщины, и дѣтми. Пояса эти узорчаты (№ 7). У первыхъ поясъ шире, и имъ подпоясываются кафтанъ излюбленнаго синею цвѣта или полосатой пестрядиной самоѣдѣльщины, или черныи суковный зипунъ, поверхъ котораго, во время работы, набрасывается бѣлый или синий, или пестрый холщевый фартукъ съ вырѣзомъ для головы. На головѣ бѣлая или черная войлочная шляпа. Женщины ходятъ въ синихъ холщевыхъ сарафанахъ или въ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ; дѣвочки покрываютъ голову платками; замужнія—упомянутымъ шашмуромъ. Питаются пермяки плохо; хлѣбъ дѣлать дурной; мясо появляется на столѣ за рѣдкою. Зато брага оказывается популярнѣйшимъ напиткомъ и для мужчинъ, и для женщинъ. Незавидны и жилища пермяковъ. Помимо разбросанности и неправильности въ расположеніи построекъ и соломенныхъ шитовъ отъ холода передъ окнами, пермяцкая деревушка не отличается ни по своему внутреннему устройству, ни по внѣшности отъ любой захудалой русской деревни.

Чтобы ближе ознакомиться съ своеобразнымъ міромъ пермяковъ необходимо всмотрѣться въ ихъ религіозную и общественную жизнь. Темная масса пермяковъ и дониндѣ живетъ величскими суевѣрїями, сковывающими ихъ жизнь. Погребеніе совершается такимъ образомъ, что покойника кладутъ головою на западъ, ногами на востокъ; въ руку ему, по старинному, существующему у многихъ народовъ, обычаю, кладутъ деньги, долженствующій ему пригодиться въ предтоящихъ ему далекихъ странствованїяхъ. Знахари играютъ въ жизни пермяка большую роль и подчасъ деспотически распоряжаются интересами общины. А между тѣмъ, община, въ особенности въ прежнія времена, выражала собою всю общественную жизнь пермяка. Не даромъ Добротворскій цитируетъ насмѣшливую поговорку великорусовъ, гласящую, что „пермякъ безъ пермяка и ложки ко дѣту поднести не умѣетъ“, и упоминаетъ, что будто бы пермяки того мнѣнія, что „даже чертѣ жить въ гдѣ-то далеко, въ глуши лѣсовъ безпросвѣтныхъ, все тою же общиною“. Духъ общины прекрасно проявляется при общественныхъ праздникахъ весною и въ началѣ сѣнокоса, когда устраиваются общіе пиры и жертвоприношенія на счетъ общества, проявляется онъ и въ семейной жизни, такъ какъ пермякъ ничего не предприметъ важнаго,—будь это работа, продажа, купля или даже бракъ дочери, которая въ дѣвчествѣ также пользуется свободой,—безъ совѣта съ сосѣдами. Общественныя работы представляли, по крайней мѣрѣ, въ прежнее время нормальное явленіе, и община приходила на помощь каждому своему сочлену при очисткѣ лѣса, постановкѣ сруба и т. д. Община — волость, однако, уничтожена была въ 1879 г.; въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ деревень остались только лѣса и луга. Печено и говоритъ, что въ общинѣ, въ то время, когда она отличалась жизненною силою, господствовала безусловная честность. Въ настоящее время нравственность пермяковъ значительно ухудшилась.

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Статья X. (Съ 3 рисунками.)

На нижегородской выставкѣ общее вниманіе привлекали экспонаты, выставленные Департаментомъ Удѣловъ. Выставка Департамента Удѣловъ вообще была поучительна своею общою художественностью, общою гармоніею всѣхъ своихъ частей. Видно, что весь планъ былъ хорошо обдуманъ, не ловились только идеи, но и обсуждалось, насколько онѣ идутъ къ дѣлу и исполнимы. Само зданіе—какое оно выдержанное, строгое, полное красоты! (Рис. на стр. 1050). Право, оно одно изъ лучшихъ украшеній выставки. Построено оно по проектамъ профессора архитектуры Шретера въ ново-афинскомъ стилѣ, иногда у насъ называемомъ „помпейскимъ“; на нашемъ рисункѣ оно изображено со стороны, обращенной къ царскому навильону. Главный входъ съ противоположной стороны; онъ украшенъ двумя художественно исполненными проф. Вахомъ статуями зубровъ знаменитой Бѣловѣжской пущи, принадлежащей къ землямъ удѣльнаго вѣдомства; единственно только въ этой пущѣ до сихъ поръ сохранились эти могучія животные; единичные экземпляры, впрочемъ, рѣдко-рѣдко попадаются и на Кавказѣ. Въ пущѣ живетъ на кокофъ до 300 зубровъ, окруженныхъ самымъ заботливымъ уходомъ.

Прямо при входѣ въ навильонъ устроена небольшая гостиница, примыкающая къ витринѣ гранильной фабрики въ Петергофѣ. Работы этой фабрики почти въ конкурсу; здѣсь заслуживаетъ полного вниманія мозаичное расписаніе по рисункамъ проф. В. И. Верещагина и вещи изъ нефрита и орлепа. Тутъ же въ вестибюлѣ выставлены чучела красного оленя, лося и проч. При входѣ въ правое крыло зданія поставлено чучело большого зубра (рис. на стр. 1050), исполненное очень живо и возбуждающее общій интересъ посетителей выставки; у ногъ животнаго положены оханки сѣна изъ любимой зубрами травы-зубровки, знаменитой своею ароматознъ. Въ правомъ крылѣ расположены экспонаты, относящіеся до лѣснаго отдѣла удѣльнаго вѣдомства. Это вѣдомство управляетъ громадными лѣсными пространствами, расположенными въ значительной части на нашемъ Сѣверѣ. Лѣсное хозяйство поставлено Управленіемъ Удѣловъ на правильныхъ основанїяхъ и ежегодно совершенствуется. Полный ходъ лѣснаго хозяйства представленъ на выставкѣ и весьма картинно, и весьма интересно. Выставлены модели пабушекъ, гдѣ змнуютъ лѣсопро-

мышленники, лѣсные плоты и баржи, въ которыхъ сплавляется лѣсъ, лѣсопильные, дегтярные и скипидарно-очистительные заводы, а также планы, чертежи лѣсоствѣтъ, лѣсныхъ насажденій и пр. Тутъ же и продукты лѣснаго хозяйства: образцы лѣса, нѣкоторые изъ нихъ наполовину полированы, продуктъ смолокурения и пековарения, замѣчательныя резонансовыя доски изъ великой ели; затѣмъ характерныя паросты, болѣзнь лѣса, враги лѣса: наѣкомыя, черви, птицы и проч.

Въ соответствующей залѣ налѣво, украшенной при входѣ чучеломъ громаднаго лося, находились экспонаты по сахару, винодѣлію, плодоводству и орошенію. Особенно интересно винодѣліе и орошеніе. Удѣлы являются не только крупными владѣльцами виноградниковъ, но и много содѣйствуютъ, благодаря своему образцовому хозяйству, развитію винодѣлія въ Россіи, являясь прекрасною школою для другихъ винодѣловъ и опытною станціею, на которой примѣняются всевозможныя улучшенія и производится изслѣдованія. Посѣтитель легко можетъ ознакомиться со способами полученія, обработки и перевозки вина; выставлены модели погребовъ и складовъ, инструменты, гигаевскія бочки (внутри одной помѣчалась напорамъ погребныхъ работъ въ подвалахъ имѣній Государя Императора въ Ливадїи), прессы, бурдюки, фотографїи, планы и пр. Нужно замѣтить, что производство Управленіемъ Удѣловъ винограднаго вина далеко еще не достигло своего полного развитія. Управленіе поставило своею задачею вынуждать на продажу лишь хорошо выдержанный винъ, и поэтому только черезъ два года, когда исполнится семь лѣтъ выдержки винъ, въ продажѣ будетъ подлый сортиментъ удѣльскихъ винъ. Орошеніе представлено также моделями, планами, чертежами и картами; громадный интересъ представляетъ предпринятое удѣльнымъ вѣдомствомъ орошеніе Мургабскаго Государева орошенія; здѣсь въ эпоху глубокой древности были произведены орошенія работы, и эта мѣстность была двѣтунимъ садомъ. Подъ вліяніемъ воинственныхъ движеній народовъ Азіи орошеніе было приостановлено, и страна вновь превратилась въ пустыню. Большой интересъ представляетъ фауна этого имѣнія, весьма картинно и притомъ расположенная на выставкѣ. Особенно много толковъ возбуждаютъ гигаевскія ашериды и степныя птицы.

Чудным экспонатом удѣльнаго вѣдомства являлся и со- оруженный имъ паркъ около царскаго павильона (рис. на стр. 1039). Паркъ созданъ поистинѣ прекрасно: вы не налюбуетесь этимъ чуднымъ уголкомъ. Конечно, тѣмъ нѣтъ — ее и не сдѣлаешь въ одинъ годъ, но цвѣтовъ и зелени масса, и она очень разнообразна; разнообразна и распланировка плана. На такомъ сравнительно маленькомъ простран- ствѣ устроены и лужайки, и холмики, два пруда, каскадъ-ручеекъ, горка, группы деревьевъ, аллеи, цвѣтники и пр. И замѣтите, какой образцовый порядокъ! Вотъ бы гдѣ хоть немножко поучиться Нижнему-Новгороду уходу за садами; грустно видѣть наши гу- бернскіе скверы, до которыхъ нико- гда не дотрогивается умѣлая и забот- ливая рука садовника. Это особенно примѣнимо къ такимъ скверамъ, ко- торые раскинуты на глубоко-истори- ческомъ мѣстѣ, какимъ является ни- жегородскій Мининскій садъ. Но это къ слову. Кромѣ цвѣтовъ и декора- тивныхъ растений, въ паркѣ много плодовыхъ саженцевъ, виноградный садъ и, какъ новость, чайныя посад- ки, которыя только недавно начали производить на Кавказѣ. Чай поса- женъ вокругъ небольшого обелиска, на горкѣ. Кромѣ Управленія Удѣловъ, чай на нижегородской выставкѣ экс- понировался братьями К. и С. Попо- выми и г. Словоцкимъ, первымъ пионеромъ чайнаго хозяйства на Кавказѣ. Русскій чай — большая новость. Пока все это лишь опыты, но уже давнѣе положительныя результаты, такъ что

тому, что общій ввозъ чая въ Россію достигаетъ нынѣ громаднѣе суммы въ 40 милліоновъ рублей, и затѣмъ по тому, что развитіе

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Павильонъ Главнаго Управленія Удѣловъ. Съ фот. М. Дмитріева въ Нижнемъ-Новгородѣ автотипія „Нивы“.

потребленія чая тѣсно связано съ уменьшеніемъ потребленія водки. Недалеко отъ горки съ чаемъ, подъ павильономъ, положи- ны образцы деревьевъ Бѣловѣжской пущи; они имѣютъ гигант- скіе размеры: отрубокъ въ 24 аршина длины и діаметромъ 24 вершка (носа- жени), вѣситъ 300 пудовъ!

Не малый интересъ возбуждаютъ и переносныя постройки, выдѣлываемыя фабричнымъ способомъ на одномъ изъ заводовъ Управленія Удѣловъ въ Ко- модельнскомъ уѣздѣ. Это небольшіе, въ двѣ-четыре комнаты, домики, которые безъ особыхъ приспособленій и знаній складываются и разбираются. Такіе до- ма чрезвычайно распространены въ Шве- ции и Норвегій, гдѣ они являются даже предметомъ экспортной торговли. Удѣлы продаютъ эти домики весьма дешево, всего по нѣсколько сотъ рублей, расчи- тывая на большой ихъ сбытъ, главнымъ образомъ въ фабричныя центры, гдѣ они могутъ служить прекраснымъ жилищемъ для рабочихъ, замѣняя пыльные много- этажные корпуса.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что въ павильонѣ Главнаго Управленія Удѣ- ловъ раньше, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ выставки, было организовано система- тическое объясненіе экспонатовъ, всегда привлекавшее толпы посетителей.

Къ рисункамъ.

Маленькій музыкантъ.

(Рис. на стр. 1035.)

Знакомъ вамъ этотъ уголокъ? Слѣва — чистенькая хатка, съ неизмѣнной окру- жающей хату „прызбой“ — заваленкой, на которой въ тихіе лѣтніе вечера такъ лю- бить посидѣть старички... Справа — ма- ленькій садикъ съ лужайкой, поросшей густой травой и лопухами, съ еле замѣтными тропинками, про- топтанными босыми ногами ребятншекъ... Это уголокъ Мало-

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Чучело зубра изъ Бѣловѣжской пущи въ павильонѣ Главнаго Управленія Удѣловъ. Съ фототр. М. Дмитріева въ Нижнемъ-Новгородѣ автотипія „Нивы“.

можно рассчитывать года черезъ четыре имѣть собственный русскій чай. О значеніи же этого факта можно судить уже по

густой травой и лопухами, съ еле замѣтными тропинками, про- топтанными босыми ногами ребятншекъ... Это уголокъ Мало-

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Для удобства гг. иногородныхъ подписчиковъ, при этомъ № прилагается подписной бланкъ и конвертъ съ адресомъ редакціи, для **заблаговременнаго возобновленія ПОДПИСКИ** на журналъ „Нива“ въ **1897** году.

россеи, того теплаго, лазурнаго края, гдѣ, по выраженію поэта, — «все обильемъ дышетъ, гдѣ рѣки льются чище серебра, гдѣ вътерокъ стеной ковыль колышетъ, въ вишневыхъ рощахъ то-вуть хutora.» Мечтательная красота роскошной украинской природы, вдохновенно описанная Гоголемъ, поэзія ея почей, воспѣтыхъ Пушкинымъ, восходящія къ вольнымъ временамъ казачества преданія дѣлаютъ изъ каждаго малоросса созерцателя и мечтателя, поэта въ душѣ. Неневоротливый и лѣнивый, малороссъ, какъ и итальянецъ, весь—въ пѣсняхъ, въ которыхъ онъ изливаетъ свои радости и свои печали. Поглядите на этого маленькаго Г р и ц ь к а! Страсть къ звукамъ просну-лась уже въ душѣ маленькаго „хлопчика“, который такъ сосредоточенно водить веревочнымъ смычкомъ по ниточкамъ, прилаженнымъ на смастеренной имъ самимъ „скрипцѣ“. Пусть эти ниточки издають еле слышный, то инсканвый, то дребезжащій звукъ, — это не мѣшаетъ маленькому Петрусю, задумчиво подперевъ голову рукою, внимательно прислушиваться къ своеобразной музыкѣ товарища - музыканта. Молодость понимаетъ молодость. Старшія сестры легкомысленно подсмѣиваются надъ сосредоточенными усиліями своего брата - малыша извлечь изъ ниточекъ какіе-то звуки, но онѣ подсмѣиваются потому, что не понимаютъ, какія сладкія, хотя и безсознательныя, хотя и вялыя ощущенія бродятъ въ дѣтской душѣ, почувствовавшей первые призывы къ творчеству.

Приходъ со службы. (Рис. на стр. 1038).

Это ужасно, то, что взялъ темой для своей картины г. Орловъ. Еще очень недавно это было самымъ зауряднымъ явленіемъ въ жизни деревни средней полосы Россіи и теперь, слава Богу, повторяется все рѣже и рѣже. Въ деревнѣ жена не обуза, не лишній ротъ, какъ это нерѣдко бываетъ въ сѣрой жизни городского мастерового; тамъ она работница, необходимая подмога въ хозяйствѣ, и этимъ прежде всего обременяется то обоеятельство, что парень подыскиваетъ себѣ жену, когда ему еще нѣтъ семнадцати лѣтъ. Въ семнадцать съ половиной—законный ерокъ, съ котораго можно жениться—онъ торопится справить свадьбу. Само собой разумѣется, что здѣсь не можетъ быть вопроса о любви, даже часто взаимной симпатіи: родители невѣсты находятъ выгоднымъ предложеніе, женихъ видитъ свои выгоды, и дѣло улаживается. Это въ боль-

шинствѣ случаевъ простая сдѣлка. Самая лучшая жена та, которая здорова и сильна. Сильная, рослая, крѣпкаго сложения, пусть она будетъ даже уродлива, такая невѣста никогда не засидится у отца и матери; напротивъ, „блоручка“, красивая, часто на видъ совершенная барышня, но имѣющая несчастье не обладать крѣпкимъ сложениемъ—почти всегда за-снживается, если не „позарится“ на нее барскій экономъ или лѣсной приказчикъ. Проходитъ нѣсколько лѣтъ послѣ такой женитьбы на основаніи взаимныхъ выгодъ, и парня забираютъ въ службу.

Очень часто онъ попадаетъ въ тюрьму, можетъ быть въ депенци, становится кумпротомъ мѣстныхъ горничныхъ и кухарокъ и нерѣдко совершенно забываетъ о своей женѣ, которая въ свою очередь мало думаетъ о мужѣ, не дающемъ о себѣ даже вѣстей. При этихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мужъ, вернувшись со службы, заста-етъ дома кромѣ своихъ дѣтей еще двухъ, трехъ, о которыхъ онъ ничего не знаетъ. Картина нашсана, какъ и все картины г. Орлова, въ тенденціозномъ направленіи. Она приобрѣтена П. М. Третьяковымъ.

Офелія.

(Рис. на стр. 1043.)

Кому не извѣстенъ поэгическій образъ Офеліи, безмертной героини одной изъ извѣстнѣйшихъ трагедій Шекспира. Несчастная судьба Офеліи всегда вдохновляла и продолжаетъ вдохновлять художниковъ. Больше всего привлекаетъ къ себѣ художниковъ Офелія въ четвертомъ актѣ: ея безумныя рѣчи, ея бредъ, полный глубокаго смысла, ея пѣ-

ни и, наконецъ, ея трагическая кончина. Знаменитый нашъ художникъ изобразилъ Офелію въ послѣднія минуты ея жизни, когда она, потерявъ съ горя рассудокъ, идетъ къ потоку.

„Гдѣ надъ водой растутъ склонившійся ива,
Глядясь въ волну серебряной листвой,
Туда пришла Офелія съ цвѣтами,
Все въ лиліяхъ, фіалкахъ и крапивѣ. —
Она хогѣла пестрые вѣнки
Развѣсить средь вѣтвей на этой ивѣ,
Но вѣтвь сломилась—въ плачущій потокъ
Понадали душистыя гирлянды,
Она сама упала вслѣдъ за ними...
Широко распустившись по водѣ,

Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами французской національной академіи.
По рисунку „Illustration“ авторнія „Нивы“.

Ее держало платье, как русалку...
Она, свою не замбчяла гибель,
Обрывки пѣла изъ старинныхъ пѣсень,—
Казалось, что съ водой она сроднилась...
Но долго это длиться не могло:
Намокло платье; пѣнье замолкло,—
И ложе изъ подводныхъ травъ облягъ
Раскрыло ей“.

Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами французской національной академіи.

(Рис. на стр. 1051.)

Въ № 40 *Нивы*, въ статьѣ „Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границею“, помѣщено подробное описаніе посѣщенія Ихъ Величествами французской академіи. Помѣщенный здѣсь рисунокъ воспроизводитъ тотъ моментъ, когда престарѣлый директоръ академіи, извѣстный писатель Легуве говоритъ Ихъ Величествамъ привѣтственную рѣчь. Приводимъ эту рѣчь цѣликомъ, по переводу, сдѣланному *Нов. Врем.*

„Около двухсотъ лѣтъ тому назадъ Петръ Великій, во время пребыванія своего въ Парижѣ, пришелъ однажды совѣтъмъ неожиданно въ помѣщеніе, гдѣ собирались обыкновенно члены академіи, фамильярно усѣлся между ними и сталъ принимать участіе въ ихъ трудахъ.

„Визитъ этотъ, исполненный сердечности, хранится въ нашихъ архивахъ, какъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ нашихъ воспоминаній.

„Ваше Величество сдѣлали сегодня еще больше; къ этой чести Вы прибавили еще другую честь, а именно, что прибыли не одни (обращаясь къ Государыни Императрицѣ): Ваше присутствіе, Всемилостивѣйшая Государыня, присвоить нашимъ серьезнымъ засѣданіямъ что-то совѣтъмъ необычайное... прелестъ.

„Какъ благодарить Ваши Величества за то, что Вы удостоили насъ занять мѣста въ этой маленькой залѣ? Лучше всего мы выразимъ свою благодарность тѣмъ, что дадимъ вамъ идею о томъ, что здѣсь происходитъ, доставимъ Вамъ случай присутствовать на одномъ изъ нашихъ обыкновенныхъ засѣданій, и покажемъ Вамъ, какъ академики... работаютъ. Бразильскій императоръ неоднократно принималъ участіе въ нашихъ филологическихъ преніяхъ, великій князь Константинычъ, позволяемъ надѣяться, проводилъ здѣсь время пріятнымъ образомъ— все это возбуждаетъ въ насъ надежду, что Ваши Величества не слишкомъ будете жалѣть о тѣхъ немногихъ минутокъ, которые Ваши Величества позволите намъ посвятить, и всю цѣну которыхъ мы вполнѣ сознаемъ.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границею.

По сообщенію „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“, Государь Императоръ и Государыня Императрица 6 октября, въ 10 ч. 45 м. утра, прибыли въ Висбаденъ. Государь Императоръ былъ въ партикулярномъ платьѣ. Ихъ Императорскія Величества въ открытомъ экипажѣ прослѣдовали черезъ городъ къ православной церкви на Неробергѣ, привѣтствуемые кликами „hoch“ несметной толпы народа, стоявшаго за шпалерами войскъ. Въ церкви протоіерей Протопоповъ поднесъ Ихъ Величествамъ хлѣбъ-соль и совершилъ богослуженіе.

Послѣ богослуженія въ православной церкви Ихъ Императорскимъ Величествамъ представлялся генералъ-фельдмаршалъ Гурко, который былъ въ церкви съ семейю. На богослуженіи присутствовалъ и русскій посланникъ въ Дармштадтѣ Озеровъ съ супругой, а также русскій генеральный консулъ Баумгартенъ и вице-консулъ во Франкфуртѣ Струве. Изъ церкви Государь Императоръ и Государыня Императрица прослѣдовали къ великой княгинѣ Александрѣ Яосифовнѣ, гдѣ изволили завтракать. На пути слѣдованія Ихъ Величествъ войска гарнизона отдавали честь. Послѣ завтрака Ихъ Императорскія Величества въ сопровожденіи великаго князя Сергія Александровича и великой княгини Елисаветы Теодоровны отбыли обратно въ Дармштадтъ, куда прибыли въ 3 ч. 30 м. пополудни. Въ 5 ч. 30 м. Государь Императоръ принималъ г. Вилье. Вечеромъ Ихъ Императорскія Величества и прочія Августѣйшія Особы были въ театрѣ, гдѣ шла „Аида“.

7 октября, въ 2 ч. пополудни, прибылъ въ Дармштадтъ императоръ Вильгельмъ, чтобы сдѣлать визитъ Государю Импера-

„Да позволено мнѣ будетъ сказать—это доказательство симпатій обращается не только къ академіи, но къ самому нашему національному языку... который для Васъ не иностраный языкъ, и во всемъ этомъ ощущаешь какое-то желаніе войти въ болѣе тѣсное общеніе съ французскимъ вкусомъ и съ французскимъ умомъ. Такая милость дѣлаетъ насъ болѣе сближенными, она напоминаетъ намъ Вашего безсмертнаго предка, мы усматриваемъ связь между его визитомъ и Вашимъ и, исполненные чувства признательности, мы осмѣливаемся обратиться къ Вашимъ Величествамъ съ просьбою: соизволите разрѣшить, чтобы мы завтра опирали сегодня двухсотлѣтнюю годовщину сердечной дружбы между Россіей и Франціей.“

Факсимиле одного изъ билетовъ для входа на торжество закладки моста Императора Александра III въ Парижѣ. (Рис. на стр. 1053.)

Этотъ пригласительный билетъ, полученный французскимъ художникомъ Полемъ Мерваромъ и присланный имъ въ нашу редакцію, интересенъ, какъ одинъ изъ сувенировъ о незабвенныхъ дняхъ пребыванія Ихъ Императорскихъ Величествъ во Франціи и притомъ о событіи, наиболѣе близкомъ и дорогомъ русскому сердцу—закладкѣ моста, увѣковѣчивающаго во Франціи память Царя-Миротворца, перекрестившаго мостъ братства и единенія между Россіей и Франціей. Рисунокъ на билетѣ исполненъ самимъ же Полемъ Мерваромъ и въ цѣломъ рядѣ эмблемъ передаетъ все мирное значеніе этого торжества, послужившаго началомъ для грядущаго великаго праздника мира и культуры—всемирной парижской выставки 1900 г. На ступеняхъ лѣстницы, ведущей къ храму мира и братства, стоитъ аллегорическая фигура Франціи съ двумя скрещенными, русскимъ и французскимъ, знаменами въ одной рукѣ и оливокою вѣтвью—въ другой. У ея ногъ сидитъ юный Гермесъ,—эмблема торговли, ума и мира. Тутъ же рядомъ два амура съ доской, гдѣ начертано великое слово—„рах“, которое призваны служить все народы и который характеризуетъ франко-русскій союзъ. На переднемъ планѣ изображенъ закладочный камень, и на немъ—день закладки моста, а поверхъ камня перекинута пальмовая вѣтвь—также эмблема мира. Далѣе—чуть намѣченными сплутотомъ вырисовывается Троядеро, ближе Сена съ ея широкими набережными и съ перекинутыми черезъ нее на колоннахъ расцвѣченными флагами банатами, изображающими будущій мостъ. Тутъ же изображено на *Cours la Reine* мѣсто закладки моста,—Императорскій навильонъ и шатеръ для лицъ, приглашенныхъ на торжество.

Въ вокзалѣ желѣзной дороги, императоръ Вильгельмъ былъ встрѣченъ великимъ герцогомъ Гессенскимъ и вмѣстѣ съ нимъ прослѣдовалъ въ Новый дворецъ, гдѣ состоялся фамильный обѣдъ. Публика привѣтствовала императора Вильгельма восторженными кликами. Въ 4 часа пополудни императоръ Вильгельмъ уѣхалъ обратно въ Висбаденъ.

Великій герцогъ проводилъ императора до вокзала, гдѣ они простились самымъ сердечнымъ образомъ. Несмотря на дождь, многочисленная толпа народа восторженно привѣтствовала императора.

8 октября, въ 12 ч. 40 м. пополудни, Государь Императоръ, великій князь Сергіи Александровичъ и великій герцогъ Гессенскій прибыли въ Висбаденъ. Императоръ Вильгельмъ въ русскомъ мундирѣ встрѣтилъ Гостей на вокзалѣ. Государь Императоръ былъ въ прусскомъ мундирѣ. Войска стояли шпалерами отъ вокзала до дворца. Народъ привѣтствовалъ Ихъ Величества оживленными кликами.

Въ 4 ч. пополудни, Государь Императоръ, великій князь Сергіи Александровичъ и великій герцогъ Гессенскій возвратились въ Дармштадтъ.

10 октября, въ полдень прибыла въ Дармштадтъ вдовствующая германская императрица Викторія и на вокзалѣ встрѣчена была Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей и великогерцогской четой. Въ 4 ч. 30 м. пополудни императрица Викторія возвратилась въ Кронбергъ. До вокзала ея величество проводили великій герцогъ и великая герцогиня.

Политическое обозрѣніе.

Путешествіе Государя Императора, имѣющее громадное политическое значеніе, заслонило собою на время все „большие“ вопросы политики. Особенно много всевозможныхъ толковъ въ Западной Европѣ, какъ и слѣдовало ожидать, возбудило посѣщеніе Государемъ Императоромъ Франціи. Громогласныя заявленія Государя Императора въ Шербургѣ и Парижѣ о братскихъ узахъ, связывающихъ Россію и Францію, установили неопровержимо предъ лицомъ всего міра существованіе союза между Россіей и Франціей и общность ихъ политическихъ интересовъ. Этотъ

фактъ сильно смутилъ, какъ державы тройственнаго союза, такъ и въ особенности Англію, которая, сохраняя свой излюбленный нейтралитетъ, какъ будто склонялась на сторону тройственнаго союза и въ то же время старалась намекнуть, что лишаетъ снмнатин къ болѣе здоровому и прочному союзу—двойственному. Эти снмнатин объясняются тѣмъ, что въ дѣйствительности только и есть теперь два государства, дѣйствующія въ международной политикѣ рука объ руку, это—Россія и Франція. Остальныя же державы не только не довѣряютъ

друг другу, но даже подстерегают одна другую, стремясь как бы „уловить момент“ и примкнуть къ той державѣ, которая начнет одерживать перевѣсъ въ „вѣчномъ спорѣ“ — рѣшенія рѣдко выдвинутого восточнаго вопроса. Многоплеменная, раздираемая на части внутренними раздорами, Австрія, чувствуя охлажденіе къ ней дружбы со стороны Германіи и Италіи и боясь остаться не у дѣлъ, заигрываетъ съ Англіей; Италія явно стремится возобновить свои исконныя кровныя дружественныя отношенія къ Франціи; наконецъ, Германія, уже ранѣе въ своей восточной политикѣ примкнувшая къ Россіи и Франціи, продолжаетъ склоняться на сторону Россіи и въ то же время вступила въ непріязненныя отношенія къ Англіи по поводу вопросовъ колониальной политики. Эта непріязнь сообщалась уже и обществу, и по послѣднимъ свѣдѣніямъ англійскія банки и конторы увольняютъ своихъ служащихъ изъ шымцевъ. Корреспонденты берлинскихъ газетъ жалуются на дурное обращеніе съ ними.

И одновременно съ этой антигерманской политикой, въ Англіи принимаетъ все болѣе и болѣе размѣры движеніе въ пользу сближенія съ Франціей. Газета *Daily Chronicle* совѣтуетъ своему правительству примкнуть къ русско-французской политикѣ въ турецкомъ вопросѣ, такъ какъ-де „сближеніе Англіи съ русскою державою могло бы всего скорѣе положить рѣшительный конецъ непрекращающимся въ Турціи безпорядкамъ, и Европа въ такомъ случаѣ вздохнула бы свободнѣе“. „Поразительная восторженность, — добавляетъ въ заключеніе газета, — съ какою французы привѣтствовали на своей землѣ Русскаго Царя, окончательно убѣдила насъ въ томъ, что, съ нравственной точки зрѣнія, политическимъ центромъ тяжести въ Европѣ должно сдѣлаться теперь соглашеніе Англіи съ Россіею“. Всѣ эти новыя рѣчи англійскихъ газетъ навѣяны рѣчью сэра Гаркорта и главнымъ образомъ рѣчью лорда Розберри въ Эдинбургѣ, послѣдней рѣчью его въ качествѣ предводителя либеральной партіи. Въ то время, какъ престарѣлый бывшій глава либераловъ, Гладстонъ, и его единомышленники стоятъ за вмѣшательство Англіи въ турецкія дѣла помимо остальныхъ державъ и за сверженіе „великаго убійцы“, какъ называлъ Гладстонъ султана Абдуль-Гамида, — другой представитель лагеря англійскихъ либераловъ, сэръ Уильямъ Гаркортъ, и его приверженцы считаютъ, что британское правительство не можетъ приступить къ рѣшенію турецкаго вопроса безъ предварительнаго соглашенія съ Россіей и Франціей, и что для этого Англія должна отказаться отъ англо-турецкой кипрской конвенціи, установившей какъ бы протекторатъ Англіи надъ Турціей и имѣющей цѣлью вооруженное противодѣйствіе всякой попыткѣ Россіи принять участіе въ поддержаніи порядка въ азиатскихъ областяхъ Порты. По мнѣнію сэра Гаркорта, „пора положить конецъ подозрѣніямъ, какія Россія въ правѣ питать относительно Англіи, и такая „бѣдная“ политика гораздо лучше политики блестящаго обособленія“. Лордъ Розберри не согласенъ ни съ Гладстономъ, ни съ Гаркортъ. Что касается вооруженнаго вмѣшательства въ армянскій вопросъ и, въ силу этого, въ дѣла Турціи, то онъ выразилъ взглядъ, что тотъ англійскій министръ, который „вовлекъ бы свою страну въ европейскую войну изъ-за чего-либо (такого, что не затрогивало бы непосредственно насущныхъ интересовъ Великобританіи), такой министръ совершилъ бы преступленіе по отношенію къ своему отечеству“. Что же касается вопроса о сближеніи съ Россіей,

то Розберри напомнилъ о заключенной либеральнымъ правительствомъ съ Россіей Памирской конвенціи и высказалъ надежду, что будутъ найдены средства къ соглашенію съ Россіей, но съ удареніемъ замѣтилъ, что не всякое дѣяніе Россіи будутъ англичане восхвалять и не во всѣхъ частяхъ свѣта будутъ давать ей одинаковую власть.

Возврънія эти, несогласныя съ мнѣніемъ большинства англійскихъ либераловъ, вынудили Розберри сложить съ себя предводительство либеральной партіей, и замѣстителемъ его, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ сэръ Гаркортъ, предводительствующій въ палатѣ общины либеральной оппозиціей. Быть-можетъ сэру Гаркорту суждено будетъ, наконецъ, заставить Россію измѣнить свое убѣжденіе въ двуличности англійской политики.

Почти въ унисонъ съ руководителями либеральной партіи высказались недавно по турецкому вопросу и два представителя англійскаго правительства: товарищъ министра иностран-

Факсимиле одного изъ билетовъ для входа на торжество закладки моста императора Александра III въ Парижѣ. Съ оригинала автогитиш „Нивы“.

ныхъ дѣлъ Керзонъ и канцлеръ казначейства Гиксъ-Бичъ. Сущность рѣчи Керзона сводится къ тому, что прямой долгъ британскаго правительства — „доказать безкорыстіе своихъ цѣлей“ и руководствоваться тѣмъ соображеніемъ, что Англія не имѣетъ права отдѣльно вмѣшиваться въ турецкія дѣла изъ чувства состраданія къ страждущимъ армянамъ. Канцлеръ казначейства Гиксъ-Бичъ, со своей стороны, высказался въ томъ же смыслѣ. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ Дарлингтонѣ, онъ ясно заявилъ, что Англія не ищетъ себѣ выгодъ и, дѣйствуя сообща съ прочими державами, добывается одного только общаго блага.

Надо надѣяться, что эти двѣ рѣчи дѣйствительно выражаютъ воззрѣнія и намѣренія англійскаго правительства. Только въ такомъ случаѣ и мыслимо улаженіе той анархіи, которая теперь царитъ въ Турціи. Если Англія дѣйствительно рѣшилась прекратить подстрекательство армій въ Константинополѣ и открыто примкнуть къ представленіямъ остальныхъ европейскихъ державъ въ дѣлѣ реформы государственнаго строя Турціи и въ дѣлѣ охраны турецкихъ христіанъ отъ избиенія, — то само собою улегучится и грозный призракъ европейской войны. Путемъ ли непосредственной угрозы со стороны державъ, путемъ ли созыва международной конференціи, улаженіе восточнаго вопроса осуществится только подъ условіемъ единодушныхъ, слоченныхъ дѣйствій державъ. Въ этомъ единодушнѣ существовали сомнѣнія только по отношенію къ Англіи, и если они стали теперь неосновательны, то можно надѣяться, что европейскій миръ обезпеченъ.

СМѢСЬ.

Куреніе табуку въ общественныхъ мѣстахъ. Въ августѣ с.-петербургскій градоначальникъ издалъ приказъ, которымъ запрещается куреніе табуку въ кухмистерскихъ, столовыхъ съ домашними обѣдами и тому подобнахъ заведеніяхъ въ виду того, что „главнѣйшій контингентъ посѣтителей кухмистерскихъ составляютъ лица, не имѣющія домашняго стола, а потому поставленныя въ не-

обходимость въ нихъ обѣдать“. Цитируя этотъ приказъ, редакция *Врача* дѣлаетъ слѣдующее вполне основательное замѣчаніе: „Можно только пожелать, чтобы и вообще во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ (правительственныхъ учрежденіяхъ, банкахъ, баняхъ, лавкахъ, фойе театровъ и т. п.) куреніе было, наконецъ, запрещено. Пора же признать, что люди, пріобрѣтшіе дурную привычку курить, не имѣютъ

На Всероссийской промышленной и художественной выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ издателю „НИВЫ“ А. Ф. Марксу присуждены: по отдѣлу народнаго образования — ДИПЛОМЪ ПЕРВАГО РАЗРЯДА и по отдѣлу художественно-промышленному — ПРАВО ИЗОБРАЖЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1897 г.

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ЛѢТЪ изданія журнала, двадцать семь лѣтъ постоянного улучшения его и увеличения его объема и — какъ показатель успѣха — постоянное возрастаніе числа подписчиковъ, — что можно сказать лучше этого для привлеченія къ „Нивѣ“ вниманія тѣхъ, кому она какъ-нибудь случайно оказалась бы еще недостаточно извѣстной.

Объ увеличивающейся распространенности „Нивы“ всего яснѣе могутъ дать понятіе двѣ цифры: коронаціонный номеръ „Нивы“ 1883 года печатался въ количествѣ 130,000 экземпляровъ, а коронаціонный номеръ (№ 20) текущаго 1896 года — уже въ количествѣ **200,000 экземпляровъ**; что же касается достоинства журнала, то лучшими судьями въ этомъ дѣлѣ могутъ быть сами читатели, и въ особенности тѣ, которые остались вѣрны журналу съ самаго его основанія.

Въ текущемъ году на страницахъ „Нивы“ и „Литературныхъ приложений“ къ ней печатали свои беллетристическія произведенія, стихотворенія и разныя статьи: К. Д. Бальмонтъ, Маркъ Басинъ, В. С. Баскинъ, проф. А. Г. Брикеръ, И. А. Букинъ, проф. П. П. Вагнеръ (Котъ-Мурлыка), П. П. Вейнбергъ, В. Л. Величко, кн. М. Н. Волконскій, М. М. Гербановскій, П. П. Гудичъ, † А. В. Елестевъ, † В. П. Желиховская, В. Э. Иверсенъ, Н. Н. Каразинъ, проф. Н. И. Карповъ, А. А. Коринскій, А. В. Круловъ, проф. П. Ф. Легафть, А. А. Луговой, П. А. Лурманова, С. В. Макенковъ, М. А. Марская, Д. С. Мерезковский, Д. Л. Михаловскій, В. М. Михеевъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Влад. И. Немировичъ-Данченко, С. П. Норманскій (Сима), М. Л. Песковский, проф. Э. Ю. Петри, П. Н. Полевой, Я. П. Полонскій, И. Н. Поттошенко, Э. Л. Рабловъ, В. А. Рышковъ, В. Я. Септловъ, Р. И. Семитковскій, Влад. И. Семеновъ, К. К. Случевскій, П. М. Соколовъ, Влад. С. Соловьевъ, А. В. Стернъ, К. М. Фобановъ, О. Н. Чюмина, Антонъ Чеховъ, Т. Л. Щепкина-Куперникъ, проф. Ф. Ф. Эрнманъ, А. М. Федоровъ и мн. др.; печатались романы, повѣсти, рассказы, пьесы, стихи, статьи историческаго и научнаго содержанія, анатомическіе очерки, гигиеническія бесѣды, критическіе очерки, біографіи, бібліографическія замѣтки, статьи къ рисункамъ, политическое обозрѣніе, разныя извѣстія, смѣсь, шахматы, задачи и пр.

Той же программы, что и до сихъ поръ, и при тѣхъ же сотрудникахъ, будетъ держаться „Нива“ и въ будущемъ 1897 году; и, кажется, уже настало то время, когда сознаніе долготѣннаго добросовѣстнаго выполненія своихъ обязательствъ предъ многочисленными подписчиками и увѣренность въ ихъ неизмѣнномъ сочувствіи дѣлаютъ для „Нивы“ излишнимъ ежегодное перечисленіе всего, что предполагается помѣщать въ журналѣ. Постоянная забота „Нивы“ состоитъ въ томъ, чтобы тщательный выборъ литературнаго и художественнаго матеріала далъ ея читате-

лямъ возможность сказать: „Нива“ непрерывно совершенствуется“.

Въ текущемъ 1896 году „Нивою“ было обращено особенное вниманіе на полное, точное и художественное воспроизведеніе такихъ выдающихся событій, какъ торжества Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Всероссийская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Пасколько это удачно выполнено специальными корреспондентами „Нивы“, всего лучше могли судить сами читатели.

Точно такъ же и всѣмъ другимъ главнѣйшимъ событіямъ русской и иностранной жизни было отведено на страницахъ „Нивы“ мѣсто, соотвѣтствующее ихъ значенію и тому интересу, который они могли представить для большаго круга читателей.

Но многочисленнымъ прежнимъ примѣрамъ читатели знаютъ, что „Нива“ не останавливалась даже предъ затратами на особія, не входившія въ программу того или другаго года, приложенія, если того требовали обстоятельства. Само собою разумѣется, что и въ наступающемъ году, все, что будетъ болѣе или менѣе замѣтнаго, найдетъ себѣ мѣсто на страницахъ „Нивы“ въ видѣ описаній и иллюстрацій. Кроме того, предполагается помѣстить имѣющіяся въ „Нивѣ“ цѣнный запасъ разнообразныхъ иллюстрированныхъ статей этнографическаго, историческаго, естественно-научнаго, сельскохозяйственнаго и техническаго содержанія, которыя на ряду съ новѣйшими романами, повѣстями, стихотвореніями, пьесами и текущими статьями будутъ печататься, какъ и прежде, въ еженедѣльныхъ номерахъ „НИВЫ“ и ежемѣсячныхъ книжкахъ

„ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“

къ ней, объемъ, форматъ и программа которыхъ ни въ чемъ не будутъ уменьшены.

Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ „Нива“ получала со всѣхъ сторонъ заявленія, что то время, когда олеографическія картины, выдававшіяся ею въ видѣ премій, возбуждали интересъ, теперь уже прошло, и что подписчики придаютъ гораздо болѣе значенія непосредственному улучшенію самаго журнала, чѣмъ дальнѣйшему накопленію олеографій, которыя во многихъ небольшихъ квартирахъ не находятъ себѣ теперь и мѣста на стѣнахъ. Уступая этимъ заявленіямъ, „Нива“ уже и на текущій 1896 годъ отказалась отъ приложенія картинъ и только въ видѣ исключенія дала портретъ Государыни Императрицы, соотвѣтствовавшій по своимъ размерамъ и выполненію портрету Государя Императора, разосланному „Нивою“ въ видѣ премій въ 1895 году, — кромѣ замѣтить, безъ всякихъ предварительныхъ обѣщаній въ объявленіи о подпискѣ на 1895 годъ.

Устраненіе этихъ олеографическихъ приложеній, стѣдующихъ не дешево, а оказывающихся теперь уже не нужными, и дало „Нивѣ“ возможность сдѣлать разныя улучшенія въ самомъ журналѣ, увеличить „Литературныя приложения“, улучшить бумагу „Сборника Нивы“, а также увеличить объемъ его въ текущемъ 1896 г.

Но продолжая давать ежегодныя приложенія для пополненія домашнихъ бібліотекъ своихъ подписчиковъ собраніями сочиненій главнѣйшихъ русскихъ писателей, „НИВА“ въ 1897 году въ 12-ти книгахъ своего „Сборника“ дастъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“
 СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ
 Безъ доставки въ Москву, въ кон-
 съ пересылкою 7 р. 50 к.
 со въ Москву и др. города Россіи. 10 р.
 Безъ доставки въ 6 р. 50 к.
 Сдѣлано въ Петербургѣ.
 Главная контора журнала „НИВА“, СПБ., Малая Морская, 22, открыта для приема подписки на 1897 г. ежедневно (кроме воскресн. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. веч.

собраніе романовъ, повѣстей и рассказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА,

избранныхъ «Нивою» и авторомъ изъ числа лучшихъ его произведеній, представляющихъ все наиболѣе выдающееся и цѣнное, что было написано П. Д. Боборыкинымъ въ послѣдніе 25 лѣтъ, начиная съ появленія его извѣстнаго романа «Китай-городъ».

Талантъ П. Д. Боборыкина хорошо знакомъ всѣмъ русскимъ читателямъ; но большинство произведеній его было до сихъ поръ разбѣяно по разнымъ журналамъ, и то собраніе ихъ, которое дастъ «Нива» въ 1897 году, является впервые.

Крупное значеніе произведеній П. Д. Боборыкина, всегда отличавшагося необыкновенной отзывчивостью на все, чѣмъ живетъ и волнуетъ современное русское общество, уже нашло себѣ оцѣнку въ разныхъ статьяхъ, посвященныхъ ему русскими и иностранными критиками, но еще недостаточно оцѣнено большинствомъ русскихъ читателей, именно по отсутствію полного и общедоступнаго изданія сочиненій этого въ высшей степени многосторонняго и чуткаго ко всему новому писателя.

Теперь, по тому собранію, которое получаютъ читатели „Нивы“ въ 1897 году, они будутъ имѣть возможность вполне ознакомиться съ однимъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ русскихъ писателей въ періодъ полного расцвѣта его таланта, увидѣть и почувствовать въ его живыхъ, художественныхъ произведеніяхъ все недавно пережитое или еще переживаемое ими самими, узнать въ легкой и занимательной формѣ романовъ и повѣстей исторію умственной жизни русскаго общества за послѣднюю четверть кончающагося столѣ-

тія. Нельзя въ трехъ словахъ болѣе мѣтко охарактеризовать П. Д. Боборыкина, какъ бытописателя современности, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ посвященнаго ему критико-біографическаго очерка въ сентябрьской книжкѣ „Литературныхъ приложений“ къ „Нивѣ“ текущаго года, назвавший его „Лѣтописцемъ нашего времени“. Читатели „Нивы“ конечно уже прочли или прочтутъ этотъ интересный оцѣнки литературной дѣятельности П. Д. Боборыкина; здѣсь же будетъ крѣпко напомнить его заключеніе: „г. Боборыкинъ можетъ быть названъ лѣтописцемъ-художникомъ общественной мысли послѣдняго тридцатилѣтія вѣка. Его произведенія имѣютъ несомнѣнно историческое значеніе; его повѣсти и романы несомнѣнно историческіе повѣсти и романы, написанные современнымъ для потомства, и всякій будущій историкъ, котораго заинтересуетъ эволюція идей и направленій русскаго общества за нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій, не обойдется безъ того, чтобы не заглянуть, а заглянувши не изучить его повѣстей и романовъ.“—И въ самомъ дѣлѣ: въ произведеніяхъ П. Д. Боборыкина дѣйствуютъ не историческія личности, а только наиболѣе типичные представители нашего современнаго общества, но, благодаря своей безграничной отзывчивости, онъ далъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ богатѣйшій матеріалъ для изученія исторіи той толпы, подъ давленіемъ которой протекаетъ исторія героевъ.

Въ двѣнадцати книгахъ собранія романовъ, повѣстей и рассказовъ П. Д. Боборыкина, которыя составятъ приложеніе къ „НИВѢ“ 1897 года и будутъ выходить въ началѣ каждаго мѣсяца, будутъ помѣщены:

ТОМЪ I. „Китай-городъ“. Романъ въ 5-ти книгахъ.	„Изъ новыхъ“. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть I.	„Съ убійцей“. Повѣсть. „Горленни“. Рассказъ.
ТОМЪ II. „Безъ мужей“. Повѣсть. „Псарня“. Рассказъ. „Умереть — уснуть“. Рассказъ. „Пристроился“. Повѣсть. „Безвѣстная“. Рассказъ.	ТОМЪ IV. „Изъ новыхъ“. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части II и III.	ТОМЪ IX. „Ходонъ“. Романъ въ 3-хъ частяхъ.
ТОМЪ III. „По чужимъ людямъ“. Рассказъ. „За красненькую“. Рассказъ. „Послѣдняя депеша“. Рассказъ. „Три афиши“. Рассказъ. „Голубой лифъ“. Рассказъ. „У плиты“. Рассказъ.	ТОМЪ V. „На ущербѣ“. Романъ въ 3-хъ частяхъ.	ТОМЪ X. „Поумнѣлъ“. Повѣсть. „Измѣнникъ“. Повѣсть. „Морзъ и Юзъ“. Рассказъ.
	ТОМЪ VI. „Обречена“. Повѣсть. „Прѣздомъ“. Повѣсть. „Вторая отъ воды“. Рассказъ. „Въ отъѣздъ“. Рассказъ.	ТОМЪ XI. „Ранніе выводни“. Повѣсть. „Трупъ“. Рассказъ. „Василій Тернинъ“. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть I.
	ТОМЪ VII. „Переваль“. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части I и II.	ТОМЪ XII. „Василій Тернинъ“. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части II и III.
	ТОМЪ VIII. „Переваль“. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть III.	

Всѣ эти романы, повѣсти и рассказы будутъ напечатаны въ „Сборникѣ Нивы“ въ томъ видѣ, какъ они были написаны авторомъ, безъ всякихъ пропусковъ и сокращеній.

При первомъ томѣ будетъ приложенъ гравированный на стали Ф. А. Бронгаузомъ въ Лейпцигѣ портретъ съ автографомъ П. Д. Боборыкина.

Эти 12 книгъ будутъ выпущены въ томъ же форматѣ „Сборника Нивы“ и на такой же глазированной бумагѣ, какъ и заключавшій въ себѣ сочиненія Д. В. Григоровича „Сборникъ Нивы“ за 1896 годъ.

О стоимости такого никогда не теряющаго своей цѣны изданія, какъ этотъ „Сборникъ“, можно судить по тому, что 12 книгъ „Сборника Нивы“, въ которыхъ будутъ заключаться перечисленныя выше произведенія, составятъ въ общемъ около 250 печатныхъ листовъ; при обычной продажной цѣнѣ отдѣльныхъ изданій — отъ 6 до 8 копеекъ за печатный листъ — такое „Собрание романовъ, повѣстей и рассказовъ П. Д. Боборыкина“ стоило бы въ отдѣльной продажѣ не менѣе 15 руб. Подписчики же „Нивы“ на 1897 годъ получаютъ его при журналѣ безъ всякой доплаты.

Съ первыхъ годовъ существованія „Нивы“ при ней выходилъ въ особомъ приложеніи „модный“ отдѣлъ, расширившійся теперь, по количеству даваемыхъ въ немъ рисунковъ, моделей и чертежей, въ цѣлый

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ, который будетъ и въ 1897 году приложенъ къ „Нивѣ“ и будетъ

заключатъ въ себѣ 12 №№ новѣйшихъ модъ (въ теченіе года болѣе 300 прекрасно выполненныхъ модныхъ гравюръ и рисунковъ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ), съ 12 приложеніями рисунковъ рундѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300 рисунковъ и около 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину). По заключенному „Нивою“ контракту съ одной изъ лучшихъ фирмъ въ Парижѣ, модная гравюра при „Нивѣ“ и въ 1897 году будутъ выходить ОДНОВРЕМЕННО съ парижскими изданіями, и, такимъ образомъ, въ модномъ отдѣлѣ „Нивы“ будутъ появляться послѣднія новинки лучшихъ фасоновъ „Парижскихъ модъ“.

Многіе изъ помѣщаемыхъ въ этомъ модномъ журналѣ рисунковъ исполнены французскими художниками-граверами по фотографіямъ съ моделей, шитыхъ у лучшихъ парижскихъ портныхъ, и поэтому являются не только художественными картинками, но и съ величайшей точностью передаютъ и общее впечатлѣніе, производимое нарядами, и всѣ подробности отдѣлки.

Въ томъ же модномъ журналѣ читатели найдутъ въ отдѣлѣ „Почтовый ящикъ“ цѣлую серію рецептовъ по хозяйству и домоводству, одинаково полезныхъ какъ для людей богатыхъ, такъ и для имѣющихъ самую ограниченную средства.

Какъ это дѣлалось и въ предыдущіе годы, при первомъ номерѣ „Нивы“ подписчики получаютъ СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ, отпечатанный въ нѣсколько красокъ.

ни юридического, ни—тѣмъ паче—правственнаго права заставлять другихъ, такой привычки не имѣющихъ, испытывать непріятныя ощущенія и даже прямо терпѣть вредъ своему здоровью“.

Лѣчение рака. Въ № 30-мъ Врача напечатано интересное сообщеніе старшаго врача городской Брянской больницы (Орловской губ.) П. Денисенко о лѣченіи рака вытѣжкой изъ свѣже сорванной herbae chelidonii majoris (такъ-называемаго—чистотѣла)—простымъ и сравнительно быстро излѣчивающемся способѣ, который—что всего важнѣе—даетъ возможность обойтись безъ мучительныхъ операцій, признававшихся до сихъ поръ единственнымъ, хотя, къ сожалѣнію, рѣдко успѣвшимъ способомъ лѣченія рака. Г. Денисенко предостерегаетъ больныхъ, чтобы они не вздумали самолично воспользоваться сообщеннымъ имъ простымъ методомъ, потому что лѣченіе возможно не иначе, какъ при ближайшемъ участіи врача и непосредственномъ наблюденіи, само собой устраивающемся возможностью заочныхъ совѣтовъ.

Замѣчательное собраніе древнихъ рукописей по церковному пѣнію въ Россіи, по сообщенію московскихъ газетъ, находится въ настоящее время въ московскомъ синодальномъ училищѣ. Администрація училища усѣбла собрать богатый матеріалъ по изученію исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи. Теперь бібліотека училища имѣетъ 739 томовъ, составившихся изъ рукописей, полу-

ченныхъ отъ преосвященнаго Никифора, нынѣ епископа смоленскаго, изъ рукописей московскаго Донскаго ставропигиальнаго монастыря, Новоспаскаго, Чудова и Покровскаго монастырей и, наконецъ, изъ рукописей монастырей вологодской, олопецкой, полтавской, костромской, тамбовской и владимирской епархій, изъ рукописей, переданныхъ преосвященнымъ Приижемъ, епископомъ тульскимъ, а также изъ рукописей новгородскаго архіерейскаго дома, Саровской пустыни и пожертвованныхъ отдѣльными лицами. Всѣ эти рукописи хранятся въ особомъ помѣщеніи, защищенномъ отъ огня и сырости. Съ помощью этой бібліотеки явилась возможность основательно проходить курсъ древняго церковнаго пѣнія, его исторію и теорію, приучать воспитанниковъ къ работамъ по рукописямъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Кольцо Императрицы. Историческій романъ кн. М. Н. Волконскаго. (Окончаніе).—Среди инородцевъ нашего сѣверо-востока. Очеркъ профессора Э. Ю. Петри (съ рисункомъ).—Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Статья Х. (Съ 3 рисунками).—Къ рисункамъ: Маленькій музыкантъ (съ рис.).—Приходъ со службы (съ рис.).—Офелия (съ рис.).—Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами Французской національной академіи (съ рис.).—Фансимиле одного изъ билетовъ для входа на торжество закладки моста Императора Александра III въ Парижѣ (съ рис.).—Пробываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границею.—Политическое обозрѣніе.—Сибѣрь.—О подпискѣ на „Ниву“ 1897 г.—Объявленія. При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемѣс. литературы. прилож.“ за Октябрь.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

ТОВАРИЩЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“ Москва — Рига — Спбурѣ.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подѣ фирмой: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ. Обращать вниманіе на клейма и фирму.

ОСТЕРЕЖИТЕСЯ ПОДЪЛЖИХЪ

№ 4711.

ПРОЗРАЧНОЕ

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.

Самое нѣжное глицериновое мыло, ПРОЗРАЧНОЕ КАКЪ ХРУСТАЛЬ

благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, приобрѣло большую нѣвѣстность. Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія нѣжныя, нѣжныя запахъ розы—вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени. 6—5

Издѣлія № 4711 можно получать въ лавчакъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей. При покупкѣ просить обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку № 4711. Цѣны: большой кусокъ 30 коп., средній 25 коп. и малый 20 коп.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„НИКИТЫ ПОНИЗОВКИНА СЫНОВЬЯ“

въ ЯРОСЛАВЛѢ

на Всероссійской художественно-промышленной выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ удостоены высшей награды

ВТОРОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА.

Производство химическихъ продуктовъ: кислоты сѣрная, азотная, соляная и уксусная; мѣдянка, венецейка, купоросы желѣзные и мѣдный. Картофельное производство: патока, крахмалъ, саго, глюкоза и декстринъ.

Фабрика непромокаемыхъ капаковъ Я. ЮНАСА.

Складъ резины и шпентар. товаровъ М. ХАЗАНОВИЧА, СПБ. Вас. Остр., 7 лин., д. 40. Выдаетъ наложеннымъ платежъ. Требуется безплатн. проба курантъ.

„Бѣлыя монополю.“

ЛѢЧЕБНИЦА

Д-ра мед. ПЕТКАЧЕВА, 2—1 для страдающихъ ЗАИНТЕРЕСИМЪ и другими болезнями РѢЧИ.

МОСКВА, Никитскій бульв., д. Прибылицына.

КАРАМЕЛЬ

изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семедни въ Кіевѣ.

Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.

Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекар. лавкахъ имперіи Россіи. 12—1

Волинскій гдѣтъ наружная, внутренняя, полуденный электротер. Цевскій, 53, кв. 7. Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. в. № 9565 13—1

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ

С.-Петербургъ, Невскій пр., 25.

СТРАХУЕТЪ

5% закл. съ выигр. листы Гос. Двор. Зем. Банна по 1 р. 25 к.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

духи — ФІАЛКА АУСМЭЭ — туалетное мыло.
духи — ЯХОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
духи — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
духи — ЛАНДЫШЪ АУСМЭЭ — туалетное мыло.

Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлеруэ.

Можно получить: Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вилеръ, Э. Брэнискаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Гершъ, Лимана и Рикса, А. Линде, А. Энглунда. Ц. № 9368
Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Мериндизъ, въ магазинѣ „А-да-туалетъ“, у Г. Брунсъ, Д. Пурлардъ, и во всѣхъ аптекахъ и аптекар. лавкахъ Россіи. 25—15
Представителъ для Петербурга: Э. Герко, 2, Максимовскій пер.

ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

ТОРГОВАГО ДОМА Андрей Емельяновичъ

КУЛАКОВЪ

С.-Петербургъ, Садовая улица, 33.

ГИТАРЫ

солодной работы, отличнаго тона въ 2, 3, 5, 8, 10, 15, 30, 40, 75 и 100 руб.

КОНЦЕРТНАЯ 50, 75 и 150 руб съ двойнымъ грифомъ 25 и 40 рублей.

Юбилейный прѣльс-курантъ высладема безплатно.

КРАСИВО (посредствомъ переливки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи А. КОССОДО.

Методъ премірованъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 9363 6—1

За 2 семиконечныя марки высылаются пробное письмо и условія, а за 4 семиконечныя марки высыл. пробное письмо трифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерка заочн. учил. Адресъ: профессору каллиграфіи Адальфу Коссодо въ Одессѣ, Леринская ул., № 18.

Поставленъ въ продажу новое издѣліе Ф. ПАВЛЕНКИНА:

АНТРОПОЛОГІЯ

Крживицнаго.

Переводъ съ польскаго подѣ редакціей Р. И. Сементковскаго. 350 стр. съ рисунками и тексты. Цѣна 1 р. 50 к. № 9568

VELOUTINE CH. FAY

PARIS 9, rue de la Paix, 9 ПАРИЖЪ

РИСОВАЯ ПУДРА

СПЕЦІАЛЬНОЕ ПРИГОТОВЛЕНІЕ СЪ ВИСМУТОМЪ

Имѣемъ честь уведомить Гг. Покупателей, что коробки пудры «VELOUTINE» не снабженныя русской таможенной пломбой должны считаться поддѣлкой.

ФАБРИЧНЫЙ О КЛАДЪ ЧАСОВЪ „ЖЕНЕВА“

въ Варшавѣ, въ Вильнѣ, въ Брестѣ, въ Милостр.

Прѣльс-курантъ БЕЗПЛАТНО

ЭЛЕКТРОЛАТЪ Э. С. И. Л. ОБЪЕКТЪ

железой лампы въ пріятный обликъ огня, предохраняетъ отъ копоти и отъ взрыва. Цѣна 30 к. Заказы до 3 р. на перес. 40 к.

Въ Азіат. Россію по почте.

Въ Азіат. Россію по почте. В. Газаръ польза и забавы Г. Гейбардъ, 10-Петербургъ, Симеоновская ул., д. № 5.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

П. П. Семенинова, СПБ., Невск. пр., д. 46. Устройства и пополненіе провинціальныхъ бібліотекъ. № 9566

ФИСЪ ГАРМОНИИ
 ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ
 ПРЕЙСЪ КУРАНТЬ БЕЗПЛАТНО
 № 9-75
 Д. АЛЕКСАНДРОВА
 С. П. БУРГЪ НЕВСКІЙ 57

ПИШУЩАЯ МАШИНА „ВИЛЬЭМСЪ“
 Наименьшій формат! Видный шрифт! Безъ лентъ! Верхъ совершенства!
 Единственный представитель для всей Россіи американской компании „Вильэмсъ“ (The Williams, Typewriter Co)
 Цѣна 250 р.
 ЮСИФЪ ЭЙХЕНВАЛЬДЪ. Москва, Столешниковъ пер., домъ № 5. (2)

МОСКВА „ГОСТИНИЦА МЕТРОПОЛЬ“
 Театральная площадь.
 Центръ столицы. 200 №№ отъ 1 р. Ц. № 8706 и дороже. 26-92

12 ТЕТРАДЕЙ НОТЫ музыкальн. пьесъ 1 р. 35 к. съ перес.
 Для танцевъ, салонной игры и пѣнія, въ томъ числѣ и новый танецъ съ фигурами „Pas de quatre“.
 Всѣ ноты новыя, стоимостью около 5 р. продаются за 1 р. 35 к. (можно почт. марками выслать).
Ю. ГИЛЬКНЕРЪ.
 Москва, Тверская, д. Варгина.
 ВСѢ НОТЫ всѣхъ русскихъ издателей (по всѣмъ каталогамъ) высылаются и погороднымъ немедленно, а по-решаю по почтѣ НЕ СЧИТАЕТЪ.

К. Шликэйтень, Берлинъ SO.
 машино-строитель, заводъ для кирпичи, торфяного, гончарного и известкового производства, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длины, бетона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (42)
 Далѣе: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляционную массу.
 Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

СИБИРСКОЕ СУКНО И ТРИКО
 по прочности и дешевизнѣ незамѣнно для костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, повседневныхъ гг. помѣщикамъ, чиновникамъ, контористамъ, врачамъ, учителямъ, гимназистамъ и проч. Образцы, описаніе и условия пересылки заказа высылаются за 7 коп. марку.
 Магазины: С.-Петербургъ, Владимирская, 6; Рига, б. Новал ул., 15. 5-4

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ (19)
 Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Нил. Публ. Библиотекъ. Подробный иллюстр. преискурантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.
 Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

ВСѢ КНИГИ ноты и учебныя пособия высылаются
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ П. П. СОЙКИНА.
 С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. д. Пробный № журнала „Природа и Люди“ высылаются за 7 коп. марку.
 — Новый каталогъ книгъ безплатно. —

Кружки въ память Св. Коронованія изъ бѣлаго медала съ надписью, портретами и гербомъ въ краскахъ. Съ перес. 5 шт. 2 р., 25 шт. 9 р., 100 шт. 28 р. Въ Азіат. Россію по разст. Г. Гебгардтъ, СПб., Симеоновская, 5.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ EAU DE LYS DE LOHSE
 Бѣлая и розовая вода для блоннурыхъ, желтая вода для брюнетонъ.
 Фланонъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5120 (88)

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
 ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 21.
 ДУХИ высшаго качества, самыя модныя:
 Айва (Grab-Apple) Лѣсной ландышъ
 Новая Фалка Букеть Флориды
 пріятный и долго сохраняющійся запахъ.
 Магазины въ С.-Петербургѣ:
 Вознесенскій перекр. уголъ Казанской ул. домъ № 204-502
 НЕВСКІЙ ПР. № 204-502
 НЕВСКІЙ ПР. № 66

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА ГАЗЕТУ „ОТГОЛОСКИ“
 Цѣна за годъ 3 руб. съ дост. и перес. Цѣна за годъ 3 руб. съ дост. и перес.
 (Годъ изданія 2-й).
 Въ программу изданія входятъ всѣ обычные отдѣлы политическихъ, общественныхъ и литературныхъ газетъ. Въ каждомъ № дается въ сжатомъ, но живомъ и общедоступномъ изложеніи систематическій обзоръ всѣхъ важнейшихъ новостей въ области политики и общественной жизни за недѣлю, а также отчеты о всѣхъ выдающихся и интереснѣйшихъ новинкахъ русской литературы съ приведеніемъ наиболее характерныхъ отрывковъ изъ нихъ, что можетъ до известной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Газета предназначается преимущественно для лицъ, не имѣющихъ возможности или времени слѣдить за ежедневными изданіями и ежемѣсячными журналами и разбираться въ массѣ даваемого ими матеріала. Изданію придана серьезная постановка. Особенное вниманіе обращено на сообщенія изъ провинціи, силами которой питаются наши центры, умственный и моральный ростъ которой составляетъ такое замѣтное явленіе въ наши дни. № 9588
 Газета выходитъ еженедѣльно нумерами обычнаго формата еженедѣльныхъ и иллюстрированныхъ изданій. — Условія подписки: на годъ съ дост. и пер. ТРИ руб. За границу на годъ 5 руб. — Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, 6-я Рождественская ул., д. 10. Редакторъ-издатель И. В. СКВОРЦОВЪ.

Мои превосходно составленныя КОЛЛЕКЦІИ для ЕЛОКЪ въ 5-10-15-25-50 РУБ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ
 НЕВСКІЙ ПР. № 20-31.
 Для ПОЛУЧКИ по ЖЕЛ. ДОР. ЗАКАЖИТЕ СКОРЕЕ

РЕМИНГТОНЪ
 Торговый Домъ И. Брок

Около 1000 машинъ Ремингтонъ въ употребленіи въ министерствахъ въ одномъ Петербургѣ.
 Ц. № 9524 Общій сбытъ около 150,000. 10-2

Склады фотографическихъ принадлежностей Э. ЮХИМЪ И КО.
 С.-Петербургъ. Москва. 24-21
 Невскій пр., № 3. Театральн. профздъ.
 Громадный выборъ всевозможныхъ аппаратовъ для фотографовъ специалитовъ и любителей, а также для научныхъ цѣлей. Преискурантъ изданія 1896 г., состоящій изъ 424 страницъ въ 8-ми листахъ, съ 710 рисунками въ текстѣ, вышель изъ печати и высылаются по требованію за 50 коп. почтовыми марками.
ВЪСѢ НОВОСТИ ПО ФОТОГРАФИИ.

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:
КОМЕТЫ И ПАДУЧІЯ ЗВѢЗДЫ.
 Популярно-научная бесѣда Е. А. Предтеченскаго. Съ 20 рис. въ текстѣ. Цѣна 40 к.

НОВОСТЬ! ПАРУСНЫЯ ЛЫЖИ
 для лазовки на снѣжной поверхности!
 См. рефератъ К. Кометса „О бѣгѣ на лыжахъ“ въ № 6 „Извѣстій“ за 1896 г. Получены: норм. машинъ д-ра Наксена (новості) отъ 2 р. 50 к. — 5 р., патент. лыжная ботинка, самобѣдная сумка и пр. для эффект. подарковъ въ Рождество. Наставленіи и преискурантъ безплатно. Адресъ на рисункѣ.
 Ц. № 9573

К. КОМЕТСЪ
 СПЕЦ. СКАДЪ ЛЫЖЪ
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ИДАНОВСКАЯ УЛ. № 17/9.

РОЯЛИ И ПИАНИНО

Ю. БЛЮТНЕРА, в Лейпцигѣ

и другихъ известныхъ заграничныхъ и русскихъ фабрикъ по фабричнымъ цѣнамъ:

ПИАНИНО отъ 350 руб. } и дороже.
РОЯЛИ отъ 525 руб. }

Также всѣ другіе музыкальные инструменты, принадлежности къ нимъ и ноты, рекомендуемъ

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина, С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34 и 43.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.

НОВЫЯ КНИГИ.

Всероссійская промышленная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Описание 25 павильоновъ выставки, планы, чертежи, хромо-литографіи. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой.
♦ Планъ-картина (съ полета птицы) швейцарской выставки хромо-литографированная и краткое описаніе выставки по отдѣламъ. Цѣна 50 к. Адресъ: Одесса. Технич. бюро технолога Н. Мельникова.

!!! ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ !!!

Зачное обученіе шитью и кройкѣ посредствомъ лекцій - корреспонденцій, по побѣдѣ, легчайшему и понятному для каждаго методу. Полная гарантія въ успѣхѣ. По окончаніи курса свидѣтельство. Условія и программы высылаются БЕЗПЛАТНО. Преподавательница Е. Д. Ашмарина. Кіевъ, В. Житомирская, № 4.

Бесплатно высылаютъ каждому книжку о кройкѣ и шитьѣ и основательно обучаютъ кройкѣ и шитью заочно, т. е. письменно на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, не требуя никакой уплаты впередъ, преподавательница практической кройки г-жа Найдичъ, Дав.-Городокъ, Мясной губ. Агенты приглашаются. № 9570

МѢХОВЫЯ ДАМСКІЯ ПЕЛЕРИНЫ
ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ ФАСОНОВЪ.
МѢХОВОЙ МАГАЗИНЪ ЯКУШЕВА
Загородный пр., № 1.

ЦВѢТОЧНАЯ ВОДА РАЛЛЕ
(Самыя изысканн. духи).
Майскій Ландышъ, Илангъ-Илангъ, Геліотропъ, Вера-Виолетта и т. д.
Продается во всѣхъ Аптек. магазинахъ Россіи. Имперіи

СЛУЧАЙ

Приобрѣсти чисто шерстяное зимнее ТРИКО НАММА, выработка шевіота, изысканн. рисунки, въ высшей степени прочное и практичное, не займѣно для повседневныхъ костюмовъ, цвѣта разныя; высылкою за 1 р. 80 к. арш., ширина 2 арш. И ОТГРѢЗЪ БРЮКИ 1 арш. 3/4 за 3 р. 25 к., рисунокъ параллель. **ВОЛЬОНЪ**, Сар. губери., **ВЛАДИМИРУ ПАВЛОВИЧУ МАЛИНИНУ.**

Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обuvi.
ФАБРИЧНОЕ КЛЕЙМО ТОВАРИЩЕСТВА:

Въ виду того, что означенное фабричное клеймо многократно поддѣляется, то Товарищество считаетъ нужнымъ указать на статью III, 1) новаго узаконенія о товарныхъ знакахъ, которая гласитъ, какъ слѣдуетъ:

Промышленникъ или торговецъ, виновный въ самовольномъ выставленіи на изготовленномъ имъ или находящемся у него для продажи товарѣ, или на упаковкѣ и посудѣ, въ коей хранятся товары, или на коммерческомъ объявленіи, прейсъ-курантѣ или бланкѣ, товарнаго знака, точно воспроизведеннаго или явно сходственнаго съ такимъ же товарнымъ знакомъ, состоящимъ, завѣдомо для виновнаго, въ исключительномъ пользованіи другого промышленника или торговца, подвергается заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ.

Тому же наказанію подвергается промышленникъ или торговецъ, виновный въ храненіи въ промышленномъ или торговомъ заведеніи или въ продажѣ товара съ указаннымъ завѣдомо для него самовольно выставленнымъ знакомъ.

№ 9584

ФРАНЦ. ЛАМПАДА съ разноцв. камнями 2 р. 85 к.

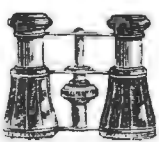

ВАЗА изъ британскаго металла для меда, варенья, сахара 3 р. 25 к.

Золотыя вещи СЪ ИСКУССТВЕННЫМИ БРИЛЛІАНТАМИ
56-ой пробы БЕЗЪ ФОЛГЫ ИЛИ НАНЛАДКИ, такъ что трудно отличить ихъ отъ настоящихъ брилліантовъ.
№ 254. Нольцо. Шт. 4 р. 90 к. | № 306. Брошка. Шт. 10 р. 85 к. | № 457. Брошь «Якорь». Шт. 4 р. 95 к.
№ 353. Серьги. Пара 4 р. 85 к. | № 267. Перстень. Шт. 9 р. 75 к. | № 493. Брошь на серьгахъ.
№ 358. Серьги на винтахъ. 4 р. 85 к. | Гарнитура НАДЕЖДА: съ настояц. бирюза. Всѣ 3 вещи №№ 493, 302 и 351 - 40 р. 85 к.
№ 401. Браслетъ. Шт. 19 р. 75 к. | ОТДѢЛЬНО: Браслетъ № 403 - 19 р. 50 к. Брошка № 302 - 13 р. 85 к. Серьги № 351 - 9 р. 75 к.
№ 307. Брошка. Шт. 7 р. 55 к.

ПОДСТАКАННИКЪ британскаго металла 1 р. 55 к.

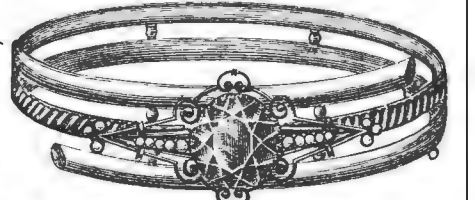
БИНОКЛЬ превосходной парижской работы 5 р. 45 к.

ПАРИЖСКАЯ КУКЛА

говоритъ «папа, мама», спитъ, плачетъ и смѣется. 4 р. 50 к.

Брошка БАНТИКЪ золотая 56-й пробы 9 р. 95 к.

БРАСЛЕТЪ съ прелестнымъ аметистомъ и жемчугами 39 р. 50 к.

Пересылка наложен. платежемъ. Въ Азіатск. Россію съ задаткомъ. **БАЗАРЪ МАРОКЪ.** С.-Петербургъ. Невскій пр., № 20-31.

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 43

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложениемъ 12-ти еженеѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 26 октября 1896 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

Безъ доставки въ Петербургъ **5 р.** Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи, **6 р.** Съ доставкою въ Петербургъ **6 р. 50 к.** Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи **7 р.** За границу **10 р.**

Турчанка. Съ картины К. Е. Мановскаго грав. А. Троицкій.
(Гравюра, премированная на выставкѣ въ школѣ Императорскаго Общества поощренія художествъ.)

ВЪ ГОСТЯХЪ
у Донъ-Кихота.
(Недѣля въ Ламанчѣ.)

Вас. И.
Немировича-Данченко.

I.

Напутствіе поэта.

Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Мадрида ко мнѣ заѣхалъ знаменитый испанскій поэтъ Нуньесъ-де-Арсе. Онъ привезъ мнѣ письма въ Толедо, Севилью и Кордову, къ его друзьямъ, отдавая въ мое распоряженіе, по испанскому обычаю, не только ихъ самихъ, но и ихъ чады и домочадцевъ, ихъ дома, сады, экипажи, короче— все, что предусмотрительно включено въ десятую заповѣдь. Прощаясь— онъ точно вспомнилъ что-то...

— А въ Ламанчѣ вы остановитесь?

— Еще бы! Донъ-Кихоть— другъ моего дѣтства. Проѣхать мимо и не побывать у него въ гостяхъ— нельзя...

— Я вамъ совѣтую посмотрѣть Аргамасилью. Тамъ до сихъ поръ вы найдете добрыхъ малыхъ, убѣжденныхъ, что они — потомки незабвеннаго Санчо-Пансы.

— Этакъ, пожалуй, я найду и родственниковъ Донъ-Кихота?

— Непремѣнно!..

— Да вѣдь онъ не былъ женатъ?

— А вы забыли Дульцинею Тобозскую.

— Она вышла за другого.

— Ну, это официально... Хотя, правду сказать, всё мы — настоящие кастильцы — непременно сродни или Донь-Кихоту или Санчо-Пансе!.. Въ каждомъ изъ насъ вы найдете черточки, напоминающія или рыцаря печальнаго образа или его оруженосца. А иногда и того и другого вмѣстѣ... Да кстати. Вы можете пытаться „гаспаччо“?

— Могу.

— И пить вальдененьяе?

— Ещё бы!

— Ну, тогда я смѣло благословляю васъ на путешествіе по Ламанчѣ. Купите себѣ осла или Росси-нанта, киньте за плечи гитару, вооружитесь кастаньетами, и да благословитъ васъ Богъ на великіе подвиги... Только берегитесь одного — современныхъ Дульциней тобозскихъ. Онѣ для путешественника не безопасны. Вы знаете, какъ ихъ описываетъ одна ламанчская пѣсня?

— Какъ?

— Послушайте:

Какъ цвѣтъ весенній, чистый, кроткій,
Подъ листьямъ прячется въ поляхъ, —
Такъ за желѣзною рѣшеткой
Шалунья кроется впопыхахъ...
Цвѣтъ полевой сорветъ прохладій...
Но! — берегитесь нашихъ дѣвъ.
Онѣ — вѣжны, какъ ангелъ Божій,
Но и страшны — какъ Божій гнѣвъ!

Съ этимъ напутствіемъ вашъ покорнѣйшій слуга выѣхалъ изъ Мадрида. И черезъ мѣсяцъ, который у меня занялъ Толедо, я уже былъ въ Ламанчѣ.

II.

Ламанча.

Какіе рѣзкіе переходы, какія крайности на каждомъ шагу. Послѣ монументальнаго Толедо, съ его тысячеклѣтными памятниками, прохлады и тѣни чудныхъ садовъ Аранхузса, убаюканнаго говоромъ водъ, — спаленная солнцемъ, одиночная отъ бѣдности, голая, какъ камень, Ламанча... Бдешь по ея равнинѣ, отыскиваешь на лповатомъ горизонтѣ хоть далекій силуэтъ одинокаго деревца, но кромѣ полуразвалившихся башенъ да чертополоха — ничего... Тишина кладбища! Жутко становится. Мысль замираетъ, всего охватываетъ зноимъ и дремою. Только небо прекрасно надъ этою малоподпою и невѣжественною провинціею? Его молочная голубизна не затмевается ни одною тучкой. Раскалено оно такъ, что кажется, будто огненный дождь падаетъ оттуда на истомившіяся, желтыя, какъ шафранъ, поля. Отъ двухъ до пяти часовъ все млѣетъ и задыхается. Земля жжетъ подошву, до камня нельзя дотронуться. Однѣ стрекозы, необычайной яркости, весело сверкая, какими-то летучими рубинами и изумрудами носятся въ этомъ адскомъ воздухѣ. Какъ я себя проклиналъ, что, послушавшись Нуньеса-де-Арсе, поѣхалъ не желѣзною дорогою, а верхомъ! Усталый Россиантъ подо мною едва передвигалъ ноги. Надо сказать правду, за эти триста пятьдесятъ лѣтъ бѣдное животное мало измѣнилось. Воскресни сегодня Донь-Кихотъ — они бы встрѣтились какъ старые друзья! Свѣтъ такъ силенъ, что, не выдерживая его, начинаешь жмуриться. Огненные спирали передъ глазами. Въ зрительныхъ нервахъ — боль. Понятны здѣшніе солнечные удары, отъ которыхъ люди или умираютъ, или слѣпнутъ... Вонъ движется навстрѣчу „гесиа“ (рекуа — длинный каравапъ). Я насчиталъ болѣе сорока муловъ, привязанныхъ одинъ къ другому. Уныло позвякиваетъ своимъ „zumbo“ (колоколь) передній, еще унылѣе переступаютъ за нимъ другіе. На послѣднемъ какъ-то ухитрился развалиться на хребтѣ точно весь обожженный солнцемъ погонщикъ — и, глядя прямо въ это безпощадное небо, бречитъ себѣ что-то на гитарѣ! Чортъ

его знаетъ, какъ на него не дѣйствуетъ эта африканская жара, точно изъ устья печи дышащая на меня такъ, что я оглядываюсь во все стороны, не пошлетъ ли мнѣ судьба какую-нибудь придорожную венту. Кажется, самой грязной бы обрадовался. И хоть бы потнуло вѣтеркомъ! Нѣтъ, жара игомъ лежитъ, недвижная, мертвящая все кругомъ. Какъ тутъ не сходить съ ума въ этомъ неклѣ! Поневолѣ — какъ у бедуина въ Аравіи — воображеніе начинаетъ работать. Дѣйствительность отступаетъ куда-то, точно проваливается — и осуществленныя яркими образами грѣзы отступаютъ тебѣ отовсюду. Призраки заслоняютъ настоящихъ людей... Не удивительно, что начитавшіяся рыцарскихъ книгъ — послѣдній изъ идеалистовъ — вступалъ здѣсь въ бой съ драконами и баенсловными чудовищами, съ враждебными ему паладинами... Это солнце преувеличиваетъ все кругомъ. Живое все умираетъ подъ его зноимъ. Ящерицъ — и тѣхъ не видно. Развѣ-развѣ проскользнетъ змѣя, но и та спѣшитъ, извиваясь, забраться поглубже въ горячую нору... Великаны Донь-Кихота, какъ раскинули свои руки-крылья, такъ и замерли. Солнце стоитъ въ самой серединѣ неба, такъ что отъ этихъ вѣтряныхъ мельницъ — ни клочка тѣни.

Воображеніе начинаетъ работать, безпорядочно, какъ въ кошмарѣ. Чудится рядомъ силуэтъ рыцаря печальной фигуры, и онъ все растетъ и растетъ среди этой пустыни, которую обезмерило перо гениальнаго кастильца... Да, разумеется, съ этою именно мельницей вступалъ въ неравный бой Донь-Кихотъ: вонъ полуразвалившійся домъ, гдѣ вѣрно жилъ Санчо-Панса. Ни балкона, ни жалюзи. Плотно, какъ и его хозяинъ, онъ уѣлся у дороги... Я обрадовался ему. Какъ бы ни было тамъ плохо, все-таки, будетъ защита отъ солнца, отъ этого страшнаго, пристальнаго солнца Ламанчи. Подвѣваю, стучу...

Ни звука въ отвѣтъ. Все заперто.

Заглядываю въ окно — крыша провалилась, внутри соръ. Должно — быть „despoblados“... Въ Ламанчѣ оставленныхъ домовъ и совершенно обезлюдѣвшихъ сель больше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Вся земля подѣлена между крупными собственниками; нищета, поэтому, доходитъ до того, что народъ разбѣгается даже и туда, куда глаза не глядятъ. При этихъ тяжелыхъ условіяхъ, понятно, и типъ выработался не похойй на общій испанскій, воспѣтый поэтами и путешественниками. Куда ни зайдете — или Донь-Кихоты, длинные, сухіе, съ ярко-горящими глазами, загнутыми носами, нервные, заживо заготовленные скелеты, или приземистые, косоланые Санчо-Пансы. Изъ этихъ двухъ образчиковъ вся Ламанча до сихъ поръ не можетъ выбиться и создать что-либо среднее, переходное между ними. Дульциней тобозскія ничего общаго не имѣютъ съ испанскою красотою. Въ своихъ платкахъ, — треугольникомъ на голвѣ и подвязанныхъ подъ самымъ подбородкомъ, — онѣ никого навѣрное не прельстятъ... Уроdlивость типа соединяется здѣсь съ невѣроятною неопрятностью. Кастильцы говорятъ: нельзя превзойти галисійца въ глупости и ламанчца — въ неряшствѣ... Не отсутствіе ли воды, помимо бѣдности, причиною этому?..

И все тутъ кажется угасающимъ. Въ прошломъ — все, въ настоящемъ — ничего. Сегодняшній оборванецъ является потомкомъ нѣкогда знатнаго гидальго.

Недаромъ мѣстный поэтъ Эстебанъ Кассазо говоритъ устами ламанчскаго ницаго:

Нашъ родъ былъ знатенъ и великъ,
Но онъ угасъ — среди страданій,
И даже бѣдный мой языкъ
Не перечтетъ именъ и званій,
Какія въ правѣ я носить!
Мой предокъ спорилъ съ королями —
Самъ Карль не могъ его затмить
Полями, замками, садами.
Въ дѣвнѣя стравы родной
Вписавъ страницы золотыя,

Нашъ родъ небесною грозой
 Провелъ столбѣнъ бѣлыя;
 Нашъ мечъ— навѣдалъ буйный галль;
 Въ венахъ, бури и туманы
 Не разъ съ высочныхъ мачтъ смиралъ.
 Мой флагъ— моря и океаны.
 Но... знать, на насъ быть гнѣвънъ Божъ.
 Мой пращѣ жилъ еще героемъ,
 А я— лежу у вашихъ ногъ.
 Покрѣтъ— проказою и гноемъ,
 Я у дороги нищимъ росъ.
 Забывъ о родѣ знаменитомъ,—
 Я— что въ грязи бездомный псѣвъ,
 Что червь, раздавленный копытомъ...

III.

Ламанчская вента.

Я готовъ былъ уже отъ этого безлюдья придти въ отчаяніе, — въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько часовъ живой души не встрѣтилъ, — когда у самой дороги показалось вдругъ что-то черное, кудлатое, прыгавшее на рукахъ рядомъ съ моимъ конемъ. Только всмотрѣвшись, можно было разобрать въ этомъ искалѣченномъ, искусственно искалѣченномъ нищемъ — человека... Онъ съ такимъ отчаяніемъ вымаливалъ „una limosnita“, такъ при этомъ вопилъ, стоналъ, хрипѣлъ, что становилось больно за него! Подъ этимъ солнцемъ — все преувеличено: и сухость земли, и безлюдье края, и уродство тамъ, гдѣ оно встрѣчается... Я бросилъ бѣднягѣ всю свою мелочь и спросилъ его, гдѣ вента, — но онъ продолжалъ хрипѣть и стонать, прыгая, какъ клубъ какой-то или чудовищный тарантулъ, попрежнему рядомъ со мною. Насколько я его понять, онъ хотѣлъ самъ довести меня до венты... И дѣйствительно, скоро она оказалась, вся бѣлая, горя въ этомъ ослѣпительномъ свѣтѣ, такъ-что на нее страшно взглянуть... Недалеко отъ нея, на дороге вынолъзъ другой нищій — этотъ былъ слѣпъ. Къ его шеѣ, на длинномъ шнурѣ, привязана маленькая собака. Она его водитъ, она за него подбираетъ милостыню. Онъ кричитъ, она лаеетъ проѣзжимъ и прохожимъ. Она стремглавъ несется за ними — а онъ за нею — въ тучѣ пыли, проваливаясь во рвы, взбираясь на сухія кочки этой земли, похожей на змѣиную кожу. Нужно слышать, какъ они здѣсь вымаливаютъ милостыню! Неужели этотъ топъ, этотъ ужасъ въ голосахъ, тоска и безнадежность необходимы, чтобы растрогать кастильское сердце?

Въ венту я попалъ какъ разъ во время сѣксты.

Переѣхавшись братски, здѣсь благополучно отдыхали ослы, погонщики, козы, свиньи... Люди, сидя и лежа между животными, одни спали, другіе нечестово играли въ карты. Въ углу толстый „падре“ бесѣдовалъ съ духовной дочерью и, вѣроятно, въ видѣ знаковъ пренія отдѣлялъ свои фразы, одну отъ другой, хлопывая ладонью по ей крупнымъ плечамъ. Вента и внутри была выбѣлена извѣстью... Отъ этого бѣлаго цвѣта глазамъ дѣлалось нестерпимо. Я спросилъ, нѣтъ ли отдѣльной комнаты. Худая и остроносая хозяйка — все тотъ же Донъ-Кихотъ, но уже въ видѣ женщины — весьма обстоятельно объявила: „это сеньору кабалеро будетъ стоить два реала“. Сеньора-кабалеро два реала не испугали, и меня провели наверхъ, въ маленькую, тоже бѣлую клѣтучку, гдѣ только нестрыя изображенія католическихъ святыхъ и желѣзная кровать съ такими же святыми у изголовья нѣсколько нарушали это однообразіе. Въ окно нельзя было взглянуть: за нимъ все горѣло, сверкало, лучилось. Земля была здѣсь покрыта солянымъ налетомъ. Сказывалась уже близость Алькасаръ-де-санъ-Хуана. Соляныя озера горѣли вдаль... Виднѣлись плоско-кровельныя заведенія для добыванія соды и кали, — и совѣмъ не было воды. Нельзя же назвать водою грязь, которую мнѣ подали въ стаканѣ. Это былъ скорѣе „питательный бульонъ“ какого-нибудь бактериолога, чѣмъ вода. Невѣрно, какія страшныя лихорадки должны здѣсь царствовать въ этотъ

сезонъ. Онѣ опустошаютъ Ламанчу до того, что мой пріятель французъ Анри Жилье, захватившій въ Куэро, изъ его полудтора тысячь обывателей не нашелъ и трети здоровыми.

Не успѣлъ я расположиться на отдыхъ, какъ дверь ко мнѣ отворилась — и въ комнату бокомъ втѣзла толстая фигура благополучнаго падре.

Я приподнялся на постели.

Падре радушно кивнулъ мнѣ головою и медленно началъ разоблачаться.

Святой отецъ, вы вѣрно ошиблись номеромъ?

— Нѣтъ, дитя мое... Тутъ мудрено ошибиться: всего одна комната, на всю венту.

— Да, но я нанялъ ее...

— И я тоже... На кровати — мѣсто для двоихъ.

И онъ со спокойною совѣстью улегся рядомъ со мною. Я уже было собирался рѣшительнѣе заявить о своихъ правахъ, но вспомнилъ, что въ вентахъ Ламанчи дѣйствительно берутъ не за комнату, а за мѣсто въ постели. Еще слава Богу, что пришлось отдыхать съ духовною особой, а не съ погонщикомъ ослевъ.

— Вы откуда, святой отецъ?

— Изъ Тобозо, мой сынъ.

— Боже мой! Это изъ родины Дульцинеи.

— Именно... И я по прямой линіи происхожу отъ этой знаменитой доньи.

Я даже привѣталь съ постели.

— Отъ Дульцинеи... и... и Донъ-Кихота?

— Нѣтъ. Она была замужемъ за Альфонсо ла-Серда...

Не смущайтесь этимъ именемъ. Оно самое популярное въ Ламанчѣ. Здѣсь многіе гидальго съ честью носили его. А у нашего алькальда — свинья (la serda) даже въ гербѣ... Голубая на золотомъ полѣ.

— Позвольте... Вѣдь Дульцинею выдумалъ Сервантесъ.

— Какъ онъ могъ ее выдумать, если я ей потомокъ.

— Значитъ, это правда, что здѣсь есть и фамилія Донъ-Кихота.

— Въ Аргамасильѣ вы ее найдете... Меня сюда художники рисовать пріѣзжали! А когда въ Мадридѣ праздновали память Донъ-Кихота, и туда ѣздилъ самъ, и меня принималъ король. Нашъ родъ — знаменитый родъ...

Но тутъ жара и усталъ одолѣли потомка Дульцинеи тобозской. Онъ сладко сомкнулъ глаза и сталъ такъ вкусно похрапывать жирнымъ баскомъ, такъ носивистывать посомъ, что я понялъ разомъ всю невозможность заснуть подъ эту музыку.

Я всталъ. Сдвинулъ три соломенныхъ стула, перенесъ туда подушку и постарался, если не уснуть, то хоть отойти отъ жары. Но, увы! Очевидно, все было въ разговорѣ противу меня. Внизу, какой-то погонщикъ должно-быть изъ Андалузіи, вдругъ забрѣталъ на гитарѣ, въ тактъ ему раздались звуки кастаньетъ и чей-то тонкій-тонкій голосъ началъ выпѣвать видимо импровизируемая на мѣстѣ „Coplas“.

Распѣла я одинокой

Розой, путника маяя...

Какъ-то мимо шелъ жестокой

И, смѣясь, сорвалъ меня...

Делестковъ моихъ коснулся

Онъ — огнемъ горячихъ усть —

И швырнулъ въ колодій кустъ —

И ушелъ, и не вернулся.

У ренейника въ шинахъ.

Обливаясь алой кровью.

Я одной полна любовью

И мечтой о тѣхъ устахъ...

О, приди, вернись съ закатомъ.

Есть цвѣты, — и я изъ нихъ.

Что псодитъ ароматомъ

Въ свой послѣдній, смертный мигъ.

Къ первой гитарѣ присоединились другія. Гвалтъ тамъ поднялся невообразимый. Ослы орали, блеяли

Любимецъ. Съ картини Бруно Шпелзгелма грав. Бонгъ.

козы, лаяли собаки, храпѣть уже во всю мою благополучный padre—потомокъ Дульциней... Нашло пригорѣлымъ оливковымъ масломъ—гаспачью и конюшной. Въ виски была кровь отъ жары. За окно страшно было взглянуть—такъ тамъ все горѣло отъ жару.

Правду сказать, не особенно привѣтливо встрѣчала меня родина Донъ-Кихота и Санчо-Пансы! Легендарныя времена, когда въ Ламанчѣ пѣли и плясали, прошли давно. Наша вента была исключеніемъ. Тутъ собрались приѣзжіе. Ламанцамъ не до того. Это народъ мрачный и песообщительный. „Насъ самъ Богъ забылъ“—говорять они—„а чорту нѣтъ до насъ никакого дѣла. Что ему дѣлать въ Ламанчѣ, если у него въ аду прохлада!“ Пшцета здѣсь убила пѣною. Постѣжною я слышала въ Толедо, и вновь привелось мнѣ вспомнить ее въ Мансепаресѣ, но въ промежуткѣ между двумя этими—готскими городомъ и арабскимъ гнѣдомъ, люди только тряслись въ лихорадкѣ и до того мучились отъ зноя, что имъ вовсе было не до вокальныхъ или хорсграфическихъ ураженій...

Изъ придорожной венты я выѣхалъ только вечеромъ...

IV.

Алькасаръ де-Санъ-Хуанъ.

Слава Богу, дышать становилось легче. Небо поглубило. На немъ уже не было этого опаловаго блеска—отъ жары котораго мозгъ кажется тонится въ черепѣ, какъ въ чашѣ надъ огнемъ...

Жара спадала, западъ былъ охваченъ розовымъ блескомъ, и на немъ, весь казавшійся чернымъ, рисовался древній Алькасаръ-де-Санъ-Хуанъ. Чрезвычайно красивые были изданы его башни и колокольни, сидуты оставленныхъ дворцовъ и строгій профиль собора... Но—увы!—очарованіе продолжалось только до вѣзда въ его тѣсныя и запущенныя улицы... Всѣ восемь съ половиною тысячъ жителей этого злополучнаго мѣстечка смотрять такими больными, захудалыми, что совсѣмъ не понимаешь, кто тутъ работаетъ? А между тѣмъ въ городѣ нѣсколько фабрикъ и одна изъ нихъ шоколадная, даже знаменитость въ нѣкоторомъ родѣ. Печальные и жалкіе люди попадались мнѣ навстрѣчу и казались такими убитыми, точно въ городѣ только что случилось величайшее несчастье. Тѣмъ не менѣе съ ними не шутите. Алькасаръ, во-первыхъ, одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые претендуютъ съ большимъ или меньшимъ правомъ на имя „родины Сервантеса“. Алькасарскіе археологи, разрывъ акты крещеній того времени, нашли даже въ нихъ имя младенца Мигуэли де-Сервантеса-Сааведры. Юю такіе же младенцы и въ ту же эпоху оказались и въ семи другихъ городахъ Испаніи, изъ коихъ только Алькала-де-Хенаресъ могла представить болѣе вѣскія доказательства. Нѣкогда здѣсь существовалъ рыцарскій орденъ „Санъ-Хуанъ“, требовавшій отъ своихъ сочленовъ такихъ родословныхъ, что величайшіе герои Испаніи не могли попасть въ него. Въ числѣ рыцарей этого ордена были ведшіе свой родъ отъ... Тубаль-Каина, отъ Геркулеса и даже отъ Атласа, я уже не говорю о другихъ столь же достоверныхъ историческихъ лицахъ. Съ соборной колокольни Алькасара видна на самомъ горизонтѣ жалкая и бѣдная группа старыхъ домовъ, сбитыхъ изъ земляныхъ кирпичей, съ крошечною церковью по срединѣ. Я бы не упомянулъ о ней, если бы это не было знаменитое *Тобозо*, гдѣ безсмертный донъ-Кихотъ отыскалъ свою очаровательную Дульцинею. Кстати—если будете въ Алькасарѣ, не забудьте посѣтить мѣстнаго алькальда Хозе Меркадора. У него есть картинная галлерей, курьезнѣе которой я еще ничего не встрѣчалъ. Начинается она портретомъ владѣльца замка, гдѣ приняли и чествовали Донъ-Кихота. Это предокъ знаменитой фамиліи Меркадоровъ. Затѣмъ слѣдуютъ

подлинныя изображенія самого Донъ-Кихота и наконецъ Дульциней изъ Тобозо съ двѣточкомъ въ рукахъ и голубкомъ на правомъ плечѣ.

— Какъ вамъ достались эти величайшія реликвіи живописи?—спросилъ я у алькальда.

— Отъ моего прадѣда...

— Но есть вѣдь легкомысленные люди, которые усомнятся въ ихъ подлинности.

— Я бы имъ этого не совѣтовалъ.

— Почему?

— Я... знаете, несмотря на мое официальное положеніе, педурно владѣю навахой... И при случаѣ готовъ показать свое искусство любому нахалу...

Послѣ такого доказательства, мнѣ пришлось только преклониться передъ счастливымъ обладателемъ этихъ портретовъ.

Но у него оказались не одни портреты. Культъ Донъ-Кихота въ Ламанчѣ такъ распространенъ, въ знаменитатаго рыцаря печальной фигуры все населеніе такъ вѣритъ, что у того же Меркадора въ особомъ кюлтѣ хранятся подлинныя письма Сервантесоваго героя къ прелестной Дульциней. Справедливость требуетъ сказать, что отвѣтовъ на нихъ нѣтъ, ибо красива, великобѣно воспитывавшая тобозскихъ свиней, была безграмотна. Заняться, что письма Донъ-Кихота поддѣлка, здѣсь нельзя. Не только отлично владѣющей навахой алькальдъ Алькасара де-Санъ-Хуана, но и все населеніе этого города съ пригородами свято вѣритъ въ подлинность этихъ пыльныхъ и пожелтѣвшихъ листковъ. Мнѣ рассказывали даже о „легендарномъ англичанинѣ“, предлагавшемъ за нихъ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ... Какъ извѣстно, ни въ Испаніи, ни въ Италіи нѣтъ ни одной достопримѣчательности безъ такого же „легендарнаго англичанина“.

Издали Тобозо—довольно красиво... Я взялъ у Хозе Меркадора лошадь и отправился туда...

Прозрачность воздуха на этихъ равнинахъ такова, что видишь дѣйствительно одинъ городъ изъ другого. „Тутъ путникъ уже утромъ замѣчаетъ колокольню деревни, гдѣ онъ проведетъ ночь...“ Я туда ѣздилъ, но—увы!—все Тобозо было въ лихорадкѣ, а Дульциней давно вывелись. Впрочемъ, только Дульциней Донъ-Кихотовыхъ мечтаній. Дѣйствительныхъ — я встрѣтилъ здѣсь сколько угодно и именно такими, какими описал ихъ Сервантесъ. Онѣ дѣйательно разводять свиней, варятъ мужьямъ гаспачью и до того пропитались чеснокомъ, что даже и лихорадка, прежде чѣмъ основаться здѣсь, должна была акклиматизироваться.

Съ меня было достаточно одного жаркаго дня. Изъ Алькасара я выѣхалъ поздно вечеромъ.

Ночь яркая, лунная. Она до сихъ поръ въ моей памяти, съ голубымъ блескомъ ея небесъ, съ этимъ задумчивымъ мѣсяцемъ и глазами Ламанчи, казавшимися серебряными... Тѣни ложились рѣзко и отчетливо. За Камно де-Криптана мнѣ показался небольшой холмъ, который представляетъ здѣсь такое необычайное явление, что его назвали сьеррой. На этой сьеррѣ до тридцати мельницъ, и гордые своею „сьеррою“ криптанцы увѣряютъ, что именно съ этими вступалъ въ борьбу послѣдній изъ ламанчскихъ рыцарей. Донъ-Кихотъ, какъ я уже говорилъ, для всей Ламанчи сталъ живою дѣйствительностью. Здѣсь вы никого не разувѣрите въ томъ, что этого рыцаря никогда не существовало. Не только алькальды, но и простые крестьяне рассказываютъ о его подвигахъ. Вамъ укажутъ его потомковъ, и самые эти потомки подтвердятъ не безъ самодовольствія свое происхожденіе отъ рыцаря печальной фигуры. Напрасны были мои ссылки на то, что Донъ-Кихотъ умеръ холодакомъ. Эти господа упорно желали имѣть его ими въ своей родословной.

Одинъ изъ претендентовъ на столь высокое происхожденіе даже очень нанвно отвѣтилъ мнѣ:

— Что-жь что холостякомъ? Развѣ у холостяковъ не можетъ быть дѣтей, если угодно Богу.

А другой, даже называвшійся Кихоте, съ негодованіемъ опровергалъ Сервантеса.

— Какъ же мой предокъ могъ быть холостякомъ, если я существую на свѣтѣ... Жаль, что Сааведра умеръ.

— А что?

— Мы бы съ нимъ сходили въ ближайшій оврагъ.

— Зачѣмъ?

— Такъ... Очень бы я хотѣлъ посмотрѣть, какая у него въ жилахъ кровь!

За *Cerrojo de los molinos* (мельницъ) уже нѣтъ болѣе возвышенностей до самой *Сиерры-Морены*. Ламанча тутъ — какъ поверхность стола — гладка, плоска и желта. По ней далеко ложится тѣнь Донъ-Кихота и его Россинанта... Проѣхавъ чрезъ жалкій ручей, несущій величественное имя „Мараньонъ“ — мы стали приближаться къ дѣйствительно историческимъ мѣстамъ. Передо мною въ луиномъ свѣтѣ, похожая на какой-то свѣтлый, прелестный сонъ, раскидывалась *Аргамасилья де-Альба*.

V.

Аргамасилья де-Альба. — Мансанаресъ. — Вальдепеньясъ.

Сонъ свѣтлый и прелестный по дѣтскимъ воспоминаніямъ о ней... Но трудно себѣ представить мѣстность унылѣе и печальнѣе той, которая окружаетъ Аргамасилью, гдѣ родился, выросъ и умеръ Донъ-Кихотъ! Какъ въ спаленныхъ солнцемъ пустыняхъ Аравіи должна была чудовищно развиться и въ огненныхъ краскахъ и въ образахъ сказаться фантазія Востока, такъ и здѣсь только и могъ вырасти и дѣйствовать ламанчскій дворянинъ, до сихъ поръ живущій въ людяхъ и дѣлахъ своей страны... Воздухъ, переполненный зноемъ, горящій и сверкающій каждымъ своимъ атомомъ; небо — глубина безпредѣльна, лазурь густа и ярка; земля — пуста, бесплодна и, что называется, хоть шаромъ покати. Тутъ ничто не привлекаетъ воображенія человека къ сегодняшнему дню, къ его дѣйствительности, къ предметамъ, его окружающимъ. Оно невольно уносится въ высоту, ему не за что уцѣпиться на землѣ. Поэтому въ лунныя ночи и томительные солнечные дни мнѣ здѣсь всюду чудилась длинная фигура Донъ-Кихота на его истощенномъ конѣ, бросающая свою рѣзкую тѣнь на плоскости, сіяющей кругомъ, какъ блюдо. Именно блюдо — серебряное, въ такую именно почъ, когда я подѣзжалъ къ Аргамасильѣ, и золотое — днемъ. Здѣсь только и могъ родиться Донъ-Кихотъ въ фантазіи Сервантеса, присланнаго сюда сборщикомъ податей и здѣсь же арестованнаго. Въ Аргамасильской тюрьмѣ были имъ написаны первыя главы рыцаря печальной фигуры. Бродя по окружающимъ ее пустынямъ, Сервантесъ видѣлъ и наблюдалъ типы, выведенные въ этомъ безсмертномъ произведеніи. Оттого такъ живъ этотъ типъ, и подите-ка разувѣрьте теперь многихъ аргамасильцевъ, что они не происходятъ по прямой линіи отъ Санчо-Пансы.

— Ужъ это мнѣ лучше знать! — убѣжденно увѣрялъ меня одинъ изъ такихъ, хозяинъ венты, гдѣ я остановился.

— Почему?

— Да вѣдь это venta de Quesada!

— Ну?

— Вотъ именно здѣсь, — указалъ онъ на плотно убитую землю безыскусственнаго пола, — вотъ именно здѣсь *нашъ* Донъ-Кихотъ, наканунѣ своего посвященія въ рыцари, бодрствовалъ всю ночь надъ оружіемъ.

Теперь тамъ бродили свиньи и куры, дремали кудлатые псы и, понурясь, стояли разгруженные задумчивые ослы. Тутъ же двое погонщиковъ и какой-то оборванецъ играли въ засаленныя карты, а сверху съ потолка висѣли окорока знаменитой ламанчской ветчины,

которую здѣсь запекаютъ въ сахарѣ, почему она несквозь пропитывается имъ и получаетъ сладкій вкусъ.

— Вы бы здѣсь монументъ поставили! — засмѣялся я..

— Что же вы этому не вѣрите, когда объ этомъ написано во всѣхъ книжкахъ?

Да, Аргамасилья де-Альба именно тотъ городъ, который не хотѣлъ называть Сервантесъ; недалеко отъ него Пуэрто-Ланито, прославленный подвигами Донъ-Кихота, вѣтряныя мельницы Кристаны — его зачарованные великаны и, наконецъ, эта вента, гдѣ знаменитый рыцарь былъ посвященъ по обрядамъ своего ордена... Поклонники Сервантеса отыскали домъ, гдѣ онъ былъ арестованъ. Домъ этотъ ламанчцы сохраняютъ, какъ святыню. Его тяжелый фасадъ, угрюмый входъ, полустершійся щитъ надъ этимъ входомъ остались въ моей памяти. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ здѣсь была типографія. Мадридскій издатель Рибаденейра — фанатическій послѣдователь традицій Сааведры, страстный обожатель языка, на которомъ тотъ писалъ — перевелъ сюда изъ столицы Испаніи свою книгопечатню для того, чтобы здѣсь, на мѣстѣ, набрать, отпечатать и издать великолѣпнѣйшіе изъ существующихъ на Пиренейскомъ полуостровѣ экземпляры Донъ-Кихота... Они цѣнятся теперь чуть ли не на вѣсъ золота, и если Рибаденейра не разорился на этомъ, такъ только потому, что вся патріотическая знать обѣихъ Кастилій пришла къ нему на помощь...

— Вотъ комнаты, гдѣ были написаны первыя главы Донъ-Кихота...

Я посмотрѣлъ на эти тяжелые своды и старыя стѣны. Въ окно видна сухая, какъ змѣиная кожа, Ламанча... Вдали Аргамасилья съ своей колокольнею.

— А вы думаете, у насъ Донъ-Кихотовъ мало и теперь? — спросилъ меня трактирщикъ venta de Quesada.

— Потомковъ отъ его домоправительницы?

— Нѣтъ, настоящихъ. Поговорите съ нашими — нѣтъ такой семьи, въ роду которой не насчитывалось бы нѣсколько десятковъ рыцарей, героевъ, сказочныхъ богатырей почище Амадиса Гальскаго. Я, напримѣръ, происхожу отъ рыцаря дю-Гесклена.

— Что?

— Отъ рыцаря дю-Гесклена... Онъ проѣзжалъ чрезъ Аргамасилью, когда отправлялся на борьбу съ Петромъ Жестокимъ... Ну, женился здѣсь — и вотъ я..

Очевидно, Донъ-Кихоты здѣсь росли, какъ лопухъ.

Ни одного зеленого уголка до самаго Мансанареса (не смѣшивайте съ рѣкою). Все та же сухая змѣиная кожа кругомъ, дали шафраннаго цвѣта, молочно-голубое небо и преувеличенное солнце. Правду сказать, „золотое блюдо“ Ламанчи начало уже надобѣдать; особенно ея нищія. Въ этомъ отношеніи Испанія — страна удивительная: нигдѣ сила фантазіи испанцевъ не сказалась такъ, какъ въ произведствѣ ея нищихъ. Когда я былъ въ Бургосѣ, мнѣ казалось, что хуже его нищихъ я не увижу нигдѣ; по въ Авилѣ и Эскориалѣ — оказались еще ужаснѣе „пордіосеросы“. Думаю — дальше этого нельзя идти; но въ Вильясекѣ наталкиваюсь на экземпляры еще поразительнѣе. Я полагаю, что все остальное будетъ только слабымъ подражаніемъ, но въ Толедо въ первый разъ начинаю понимать, что въ этомъ отношеніи кастильскому творчеству нѣтъ и предѣла. Въ Ламанчѣ это уже становится истиной... Въ самомъ дѣлѣ, „дворъ чудесъ“ Виктора Гюго ничто въ сравненіи съ этими комками искривленнаго человеческого тѣла! Я не описываю ихъ — изображеніе было бы слишкомъ ужасно. Это здѣсь достигается искусственными путями. *Comrachicos* — до сихъ поръ существуютъ здѣсь, и Ламанча въ этомъ отношеніи гнѣздо ихъ; но не все же можно объяснить этимъ. Должно-быть положеніе людей стало слишкомъ ужасно, безвыходно, что они прибѣгаютъ къ подобному промыслу. И дѣйствительно, какъ я говорилъ выше, земля въ

Ламанчѣ принадлежить вся нѣсколькимъ аристократическимъ фамиліямъ. Населеніе — пролетаріи. Понятно, что иного исхода нѣтъ! Нищіе бѣгутъ за вами по дорогамъ, а такъ какъ испанцы вообще отличные бѣгуны, то спаситесь отъ нихъ нѣтъ никакой возможности... Они достигнутъ вашихъ экипажей, перегонятъ вашего коня. И не одиночками, ихъ—цѣлыя толпы. Подъ страшнымъ звономъ они сидятъ на дорогахъ, выжидая проезжающаго. Никогда зрѣлище человеческихъ страданій не было унижительнѣе. Эти желтые скелеты, бѣгунціе въ пыли, точно въ облакѣ, рядомъ съ вами, причемъ вамъ кажется, что вы слышите стукъ и трескъ ихъ костей, эти пауки съ человеческими лицами, обгоняющіе васъ, подпрыгивая на рукахъ и на ногахъ, эти покрытыя сплошными язвами, заживо гниющія чудовища, выкатившіеся изъ-подъ черной шерсти свалившихся волосъ глаза, разорванные рты — остаются въ памяти кошмаромъ. А лохмотья, а дѣти этихъ несчастныхъ...

Д. Х. Ортега въ концѣ прошлаго столѣтія занялся изученіемъ испанскаго нищенства и насчиталъ въ немъ болѣе сорока „сектъ“. Нигдѣ приемы производства не достигали въ Испаніи такого совершенства, какъ въ этой специальности. Каждая секта имѣла свои обязанности, свои выработанные статуты, свои орудія. Кажется, нельзя было бы найти въ природѣ такой чудовищной формы и предмета, подѣ образъ и подобіе котораго здѣшніе компрачикоесы не поддѣляли бы нищаго. Это—ватели живого человеческого тѣла! До самаго Мансанареса мнѣ пришлось ѣхать въ толпѣ этихъ нищихъ, иначе, право, не сумѣю прибрать другого имени сплошной толпѣ ихъ, все время окружавшей меня, вопившей, стонавшей, плакавшей, кричавшей, катавшейся по землѣ въ судорогахъ и конвульсіяхъ, крестами раскидывавшейся у самыхъ копытъ коня... Когда вдали показалось первое зеленое пятно Ламанчи—сады, окружающіе Мансанаресъ,—они удвоили свои старанія. Я выбросилъ имъ все, что было со мною, но они не отставали. Это было какое-то бѣшенство выпрашивания и вымаливанія...

Какихъ только разновидностей нищенства не выработала Ламанча, да и вся Испанія тоже. Тутъ есть, напримеръ, *galloferes*, отъ gallofa—даровой обѣдъ, которымъ когда-то монастыри угощали неимущихъ; *falsos bordones*, или лже-паллигримы; *clerizontes*—лже-священники; *afrajles*—лже-монахи, пока обители еще существовали въ Испаніи; *lagrimantes*—плакальщики, умѣющіе такъ рыдать и по стольку времени, что они всю душу вамъ вывернутъ на изнанку; *aturdidos*—притворяющіеся идиотами и глухо-нѣмыми; *acayentes*—прикидывающіеся паралитиками, опасно больными, умирающими на дорогѣ; *rebantizados*—разыгрывающіе роль обращенныхъ жидовъ, собирающихъ деньги для того, чтобы заплатить за свое крещеніе; *harineros*—выпрашивающіе муку ради яко-бы „гостія“ для церкви; *lampareros*, которые шлятся по всей странѣ, вымаливая масло для церкви и продавая его на рынокъ; *acarpones*—художники, разрисовывающіе свое тѣло всевозможными ранами. Дайте имъ полубогрѣлое перо и немного кроличьей крови — и вы придете въ ужасъ отъ зрѣлища человеческихъ страданій. Иногда они наносятъ себѣ и дѣйствительныя раны на видныхъ мѣстахъ. *Quemados* или *abrazados*—обожженные, они разрисовываютъ себя пятнами отъ обжоговъ, и въ такомъ видѣ выпрашиваютъ подавнїе на погорѣлое; *endemoniados*—одержимые демономъ, ревушіе быками, падающіе въ судорогахъ, и тысячи другихъ. Каждая изъ этихъ категорій составляетъ правильно организованный цехъ, имѣетъ своихъ старостъ, разъ въ годъ собирается гдѣ-нибудь на ярмаркѣ или на праздникѣ потолковать объ общихъ интересахъ, ознакомиться съ новыми изобрѣтеніями въ ихъ искусствѣ. Не даромъ мѣстная пѣсня говоритъ:

Con arte e con engano
Se vive media ano;
Con ingenio y con arte
Se vive la otra parte.

То-есть, съ искусствомъ и плутовствомъ проживешь первую половину года, а съ изобрѣтательностью и искусствомъ—вторую.

Попробуйте посоветовать дюжему и здоровому нищему заняться какимъ-нибудь дѣломъ. Онъ гордо завернется въ свой плащъ, обдастъ васъ непогодующимъ взглядомъ и величественно отвѣтитъ:

— Я прошу у васъ денегъ, а не совѣтовъ.

Разъ я одному такому предложилъ за пезету дотащить мой сакъ до отеля. Онъ выпрямился, вздернулъ носъ и уничтожилъ меня великолѣпнымъ отвѣтомъ:

— Я не ласкѣй васъ, а нищій Пресвятой Маріи!

Нѣсколько поколѣній нищенства, переходящаго отъ отца къ сыну, создаютъ нѣчто въ родѣ дворянства между ними. Это, говорятъ, *indulto*, его прадѣдъ уже былъ соборнымъ пульгадоресомъ, соборнымъ нищимъ!

— Мы настоящіе дворяне!—объяснилъ мнѣ нищій въ Мансанаресѣ.

— Почему?

— А потому, еще мой пра-прадѣдъ былъ за нищенство и изобрѣтательность повѣшенъ Филиппомъ V.

Вотъ это такъ геральдическій документъ!

Мансанаресъ—мертвый городъ. Только въ девять часовъ вечера на его прямыхъ, широкихъ и красивыхъ улицахъ просыпается жизнь. За желѣзными рѣшетками оконъ появляются смуглыя личики здѣшнихъ красавицъ, сквозь двери видны *patios*—дворики, пропадающіе подѣ виноградными сѣтями, апельсинными деревьями, лимонами и розами. По вечерамъ они переполнены посетителями... На „Площадъ Конституціи“ точно изъ какого-то чудовищнаго мѣшка высыпаются сотни торговцевъ съ цѣлыми грудами арбузовъ, томатъ, гранатъ, лимоновъ, огурцовъ, лука, чеснока, индїйскаго перца. Утромъ—рынокъ. Всю ночь торговцы провозятъ здѣсь, благополучно просыпая на ея плитахъ: въ полночь между ними начинается страшный шумъ, крики до бѣшенства. Вамъ кажется,—сейчасъ же пойдутъ въ ходъ навахи, и кровь польется рѣкою.

— Что это?—спрашиваете вы.

— Э, ничего... Устанавливаютъ дѣны на завтра.

Смолкнуть они, — начинаютъ свои ночные концерты сторожа, поющіе до утра о томъ, сколько часовъ, какая погода и какъ слѣдуетъ молиться Санта Маріи „*putissima*“... У самыхъ вашихъ оконъ — другіе концерты. Ламанчицы держатъ въ окнахъ большія клѣтки съ перепелами, которые, кажется, никогда не спятъ.

Когда разсвѣло, вдали на югѣ показались нѣжно и смутно намѣченныя предгорія Сьерры-Морены. Голубья, они такъ и манили въ прохладу и тѣнь своихъ ущелій... Тамъ—конецъ спаленнымъ пустынямъ Ламанчи. Тамъ, за ними, цвѣтущая и улыбающаяся Андалузія... И въ нихъ самихъ, въ этихъ горахъ, опять-таки всюду слѣды пребыванія Донъ-Кихота... Правду сказать, въ Мансанаресѣ я отказался отъ дальнѣйшей поѣздки верхомъ. Нищіе стали до того ужасны, что я предпочелъ желѣзную дорогу.

По всей Ламанчѣ, вмѣстѣ съ нищими, къ вамъ пристають продавцы наваховъ. Альбасенъ и Толедо, гдѣ онѣ дѣлаются, не далеко, такъ-что здѣсь нельзя отдѣлаться, не закупивъ этихъ ножей, кипжаловъ, шпагъ съ модными ламанчскими травленными краснымъ по стали девицами, въ родѣ:

Quando esta vivora pica
No hay remedio en la botica.

То-есть:

Когда эта випера укуситъ—
Не найдешь противоядія въ аптекѣ.

На маленькихъ пожахъ была та же надпись, но сокращенная: „*Mas pica que una vivora*“ („Кусаюсь боль-

Изъ юбилейнаго альбома А. Ф. Маркса. Портретъ М. А. Зичи и фансимиле его анварели.
 Автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

нѣе вперы“). Крики продавцевъ: „runalero, pavaјero“ преслѣдуютъ васъ даже на желѣзной дорогѣ. Они проходятъ по всему поѣзду, и храбрый итальянецъ де-Амичисъ весьма живописно изобразилъ, какъ вдругъ, проснувшись, онъ увидѣлъ передъ собою такого молодца съ цѣлою грудюю ножей и кинжаловъ и... струсилъ.

Вонь „Долина камней“. Это—городъ съ 13,000 жителей, силошъ винодѣловъ. Давильберъ и другіе въ восторгѣ отъ здѣшняго вина. Виноградники Вальдепеньяса все пронесходять отъ бургундскихъ черенковъ, но каменистая почва здѣсь сообщила вину качества, ничего общаго не имѣющія съ бургонскимъ. Воспѣтое испанскими поэтами, оно въ сущности ужасно. Вальдепеньясъ связываетъ языкъ „мертвымъ“ узломъ. Имъ можно писать, какъ чернилами. Изъ города, носящаго это название, и послать въ Петербургъ письмо, написанное этимъ виномъ. Оно цѣло до сихъ поръ, и отъ времени буквы его даже потемнѣли. „Чудный и ароматный“ вальдепеньясъ можно поставить на одну доску съ знаменитымъ силезскимъ виномъ. Оно пахнетъ сѣрой и крѣпко до того, что отъ одного стакана уже начинается кружиться голова. Чтобы пить его, надо имѣть ламанчскую голову, извѣстную, по кастильской пословицѣ, тѣмъ, что „пѣть такой палки, которая бы объ эту голову не обломалась“. За Вальдепеньясомъ начинаются такъ-называемые *puevas poblaciones*.

Закатъ и восходъ.

Очеркъ Н. А. Лухмановой.

Спальня стариковъ Башиловыхъ была большая четырехугольная, теплая и уютная комната. Самъ Николай Степановичъ, въ сѣрой плюшевой тужуркѣ, сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ и дремалъ. Его голова, съ густыми сѣдыми волосами, остриженными щеткой, свѣсилась на грудь. Кругомъ закрытыхъ глазъ лежала темная спива; тонкій, обострившійся носъ выдѣлялся на лицѣ. Жена его, Наталья Петровна, сидѣла тутъ же въ низенькомъ креслѣ и смотрѣла въ тонившійся передъ нею каминъ. На ея колѣняхъ лежалъ большой бѣлый котъ, и его круглые, зеленые глаза, съ продольной черточкой зрачка, глядѣли тоже пристально, не мигая, на огонь. Красные угли лежали причудливой грудой, изрѣдка пламя вспыхивало мелькающими язычками и перещѣло въ трещинахъ костра, придавая ему новыя очертанія.

Что грезилося комкѣ, смотрѣвшей въ огонь глазами Изиды? Вѣрнѣе — ничего; она эгоистично и чувственно наслаждалась тепломъ и свѣтомъ; но хозяйка ее глядѣла на прихотливо горѣвшие угли глазами полными слезъ. Николай Степановичъ былъ боленъ, и хотя докторъ не говорилъ ничего опредѣленнаго, все въ домѣ ощущали уже тотъ инстинктивный, неподдающійся никакому анализу гнетъ, который поселяется тамъ, гдѣ паритъ невидимая смерть.

До сихъ поръ, когда въ обществѣ разговоръ касался смерти, Наталья Петровна отвѣчала спокойно-рутинными фразами: „Что жь, и слава Богу, пожили, будетъ, пора и на покой. Николай Степановичъ видѣлъ и чины, и почетъ, дай Богъ всякому того достигнуть...“

Теперь же, когда крыло смерти коснулось ея порога, міросозерцаніе ея вдругъ точно расширилось, прояснѣло, и она съ ужасомъ оглянулась назадъ.

Гдѣ же жизнь? Чѣмъ помянуть ее? Жила ли она когда-нибудь со своимъ Николаемъ Степановичемъ настоящимъ, наслаждались ли они когда-нибудь тѣмъ, что имѣли? Хотѣлось ли имъ хоть разъ въ жизни задержать текущее часъ? Никогда! Они жили всегда только будущимъ, — „сегодня“ была только ступень, по которой взбирался на „завтра“. Чины, ордена, аренды, поѣздки за границу, все это имѣло значеніе, только пока было впереди; разъ достигалось, становилось фактомъ, оно немедленно отходило въ прошлое и высылало собою новыя надежды и планы на будущее. Жизнь для нихъ была „прихожая судьбы“, въ которой они нетерпѣливо топтались, выжидали, пока будетъ выполнено все сплоскь предъявленныхъ ими къ жизни требованій, чтобы затѣмъ уже открыть себѣ настежь двери... куда? Этого они и сами ясно не сознавали. Но вотъ, когда достигнуты были все блага земныя, когда они дошли до возможности широко пользоваться всемъ приобретеннымъ, они рѣшились перешагнуть порогъ „прихожей“ своихъ ожиданій, и за открытой дверью нашли только—могилу. Жизненный путь пройденъ. Чѣмъ помянуть его?

О, многихъ, многихъ! Такая масса событий, именъ, столько почестей... Но гдѣ же собственное счастье, тихое, спокойное довольство всемі?... Такого счастья не было, за выжиданіями и

Новыя поселенія были основаны здѣсь во время оно, чтобы положить конецъ разбойничеству. Мурадѣль, Карденьясъ, Санта Елена—выросли здѣсь какъ грибы, но разбойничества не уничтожили. Напротивъ, еще недавно бандиты нападали даже на желѣзныя дороги, становились въ дверяхъ и окнахъ вагона, направляли свои трубуко (ружья съ расширенными въ концѣ дулами) въ путешественниковъ и весьма смиренно при этомъ объявляли:

— Госпожи и кавалеры! Мы пришли не для того, чтобы убивать ваши милости. Мы—бѣдные люди...

Горы Сьерры Морены все больше и больше росли. Оттуда вѣяло оживляющей прохладой. Мы были уже на краю „золотого блюда“... Донъ-Кихотъ оставался позади... На станціяхъ входили уже не добродушные Санчо-Пансы, а рослые, широкоплечіе молодцы, больше похожіе на *salteadores*’овъ, когда-то владѣвшихъ всеми проходами на этомъ пути черезъ горы.

Оглядываясь, мы прощались съ отечествомъ рыцаря печальной фигуры. Въ золотистомъ блескѣ его пустынныхъ далей долго еще намъ чудился худой и длинный силуэтъ героя, гордо возсѣдающаго на своемъ Россинавтѣ... Прощай, великодушный рыцарь, другъ моего дѣтства! Прощай, печальная и бѣдная Ламанча!

проектами Башиловы проглядѣли собственную жизнь. Была ли любовь между ними?... Наталья Петровна всегда была вѣрна своему мужу, да и ему, кажется, некогда было замѣнять ей: они уважали другъ друга, всю жизнь шли ровню, но честолюбіе, проекты, полезные люди и нужныя связи такъ наполнили все ихъ время, что они скорѣе были союзники, нежели супруги.

Наталья Петровна отерла платкомъ катившіяся изъ ея глазъ слезы, взяла каминные щипцы и, придерживая лѣвой рукой развѣшавшагоса кота, правой стала класть уголь въ возводитъ цѣлую огненную башню.

„Я въ жизни никому не сдѣлала зла. Я воспитала дочь свою съ помощью лучшихъ учителей и наставницъ и не стѣсняла ни въ чемъ ея свободы“—мысленно закончила Наталья Петровна печальные итоги своей жизни.

— Не спите?

Легкій стукъ въ дверь и вопросъ вѣшедшаго затѣмъ доктора Словоцова раздались такъ неожиданно, что Наталья Петровна вдрогнула, щипцы выпали изъ ея рукъ и воздвигнутая ею башня ярко-красныхъ углей рухнула.

— А-а, докторъ!—привѣтствовалъ вѣшедшаго проснувшійся старикъ Башиловъ.—Радъ васъ видѣть!

Черезъ часъ Словоцовъ, успокоивъ, какъ могъ, Наталью Петровну, заставивъ упрямго старика согласиться на консультацию, шель внизъ по внутренней лѣстницѣ.

Внизъ дверь въ бібліотеку была открыта; проходя мимо нея, Словоцовъ невольно остановился. У шкафа съ книгами, на небольшой складной лѣстницѣ стояла Лиза Башилова. Суконное сѣрое платье плотно охватывало ее. Ни бантовъ, ни украшеній, ни высоко поднятыхъ плечъ—совершенно простой, гладкій лифъ и прямая юбка, падавшая внизъ красивыми складками. Лицо дѣвушки было вѣсколько приподнято, точно узелъ волнистыхъ, темныхъ волосъ былъ слишкомъ тяжелъ для ея головки. Правую рукою она перебирала книги на верхней полкѣ. Большая лампа, поднятая на блокъ къ самому потолку, освѣщала всю стройную фигуру дѣвушки. Словоцову былъ виденъ ея красивый профиль, темная бровь, уголокъ пушистаго рта, нѣжная шея молочной бѣлизны, переходившая неуловимой линіей въ пышно развитую грудь.

Каждый разъ, когда Словоцовъ видѣлъ Лизу, она производила на него особое впечатлѣніе. Въ этой дѣвушкѣ необыкновенно женственная красота соединялась съ силой и здоровьемъ. Все движенія ея были легки, граціозны и опредѣленны. Большіе сѣрые глаза глядѣли свѣтло и прямо. Она всегда была спокойна и весела, и теперь, глядя на молодую дѣвушку, не замѣчавшую его присутствія, онъ чувствовалъ, какъ грудь его дышитъ шире, сердце согрѣвается, точно туда проникаетъ какой-то теплый лучъ. Его неудержимо влекло къ ней, и онъ перешагнулъ порогъ бібліотеки.

Лиза обернулась тогда, когда Словоцовъ подошелъ и положилъ руку на площадку лѣсенки, точно оберегалъ, чтобы та не пошатнулась подъ своею дорогою ношею.

— Петръ Дмитріевичъ, здравствуйте, вы чего подкрались—я даже вашихъ шаговъ не слышала!

— Я не подкрался, по ковру не слышно, да и вы ужъ слишкомъ углубились. Я отъ Николая Степановича, онъ вѣдь серьезно нездоровъ.

— Серьезно?—дѣвушка оставила книги и вдругъ неожиданно и легко соскочила съ лѣсенки въ противоположную сторону отъ доктора.

— Что съ нами,—скажите пожалуйста?

Докторъ не хотѣлъ пугать дѣвучку, напротивъ, онъ считалъ своимъ долгомъ пока скрывать свои печальныя предположенія, но невольно онъ началъ съ того предлога, который оправдывалъ его появленіе въ библіотекѣ.

— Опаснаго-то нѣтъ ничего. Увѣрю васъ.

— Петръ Дмитріевичъ, мамѣ нельзя говорить, но мнѣ надо сказать правду!—Въ тревогѣ за отца дѣвушка подошла близко къ доктору и въ упоръ глядѣла ему въ глаза, какъ бы подстерегая въ нихъ тѣ мысли, которыми онъ не хотѣлъ бы ей высказать.

— Скажите, что съ нами?

— Онъ усталъ, простудился, но, повторяю, пока, ничего опаснаго нѣтъ. Я только именно *вамъ* хотѣлъ сказать, потому что, знаю, *вы* избѣте на него большое вліяніе: заставьте его не выходить изъ комнаты, не пускайте къ нему много народу, не давайте играть въ карты—всякое волненіе ему вредно. Я буду приходить каждый день и увѣренъ, что черезъ недѣлю онъ будетъ опять на ногахъ. Успокойтесь?

— Почти.

— А теперь вы мнѣ позволите поболтать съ вами полчаса?

— Садитесь, Петръ Дмитріевичъ, курите!—Лиза отошла къ столу и придвинула къ креслу, за которое брался докторъ, принадлежности куренія.

Рука Словоцова нѣсколько дрожала, когда онъ вынималъ папиросу. Онъ вдругъ совершенно неожиданно для себя рѣшилъ, что сегодня, сейчасъ будетъ просить руки Лизы.

Словоцовъ былъ молодой, хорошей семьи, обезпеченъ и не особенно боялся отказа со стороны стариковъ Башкиловыхъ, но не ихъ согласіе, а сердце Лизы казалось ему такимъ жизненно важнымъ призомъ, получить который можетъ только человѣкъ, отмѣченный судьбою.

— Елизавета Николаевна!—голосъ Словоцова такъ перемѣнился, что Лиза сразу почувала значеніе того, что онъ скажетъ дальше, легкая краска набѣжала и исчезла съ ея лица.

— Вы можете-быть догадываетесь, о чемъ я рѣшился заговорить съ вами, теперь, когда печально засталъ васъ совершенно одну...

— Я васъ слушаю...—проговорила тихо Лиза и сѣла противъ него на стулъ.

— Елизавета Николаевна, я сразу скажу вамъ самое страшное слово, которое мучитъ меня. Вы не отвѣчайте мнѣ ничего, то-есть, нѣтъ, не то... если слова мои вамъ не понравятся, то выгоните меня сразу, оборвите меня однимъ словомъ... а если же... напротивъ... то... то только не гоните... Елизавета Николаевна... я пришелъ просить вашей руки...

Словоцовъ опустилъ голову и смотрѣлъ внизъ на свои сапоги. Лиза чувствовала давно, что она нравится доктору, и взаимно онъ нравился ей, но ничего такого быстрого, рѣшительнаго она не ждала, и теперь сердце ея билось странно.

Прогнать, оборвать—за что? Молчать, принять предложеніе? Да развѣ она любитъ его?—она глядѣла на молодого человѣка, на его курчавые, темные волосы, сбившіеся красивыми прядями на лобъ, на блѣдное лицо и каріе глаза, казавшіеся теперь такими печальными; онъ нравился ей, былъ симпатиченъ, но вѣдь она читала, слышала, что любовь, это—что-то другое... Такъ это что же—придетъ потомъ? Или какъ... значить, это еще не настоящее чувство?..

— Петръ Дмитріевичъ, вотъ видите...—начала она.

Словоцовъ вскоцилъ.

— Я понимаю: мнѣ надо уйти!..

— Нѣтъ, зачѣмъ же... нѣтъ,—со страхомъ остановила его Лиза.

Словоцовъ поднялъ голову, взгляды ихъ встрѣтились, и они вдругъ оба совершенно неожиданно для себя, первно, но искрено разсмѣялись.

— Вы принимаете мое предложеніе?

— Зачѣмъ вы такъ сбиваете, — уже овладевъ собою, проговорила Лиза, — вѣдь вы самое страшное слово сказали... и васъ не прогнала, ну такъ теперь давайте поговоримъ.

— Давайте говорить!—весело воскликнулъ Словоцовъ, вдругъ вздохнувъ всей грудью.—Фу, какъ свободно стало, точно гора съ плечъ!

Они оба снова разсмѣялись.

— Вотъ что, Елизавета Николаевна, вы не прогнали меня, но и не сказали, чтобъ я остался; значить, въ сердцѣ вашемъ безсознательно есть иъчто и за меня, и противъ меня... скажите, что именно? Ну, начните хоть, что противъ меня, это легче сказать!

— Видите, — дѣвушка вся вскинулась, — я не... влюблена... то-есть я такъ думаю...—загоронилась она,—потому что вотъ... если бы сегодня утромъ я услышала, что вы поеззатальнѣ... за другую... я... и не знаю... была ли бы я... несчастна...

— Такъ, ну, а вотъ теперь... вотъ сейчасъ... когда я уже сказалъ вамъ, что люблю васъ...

— Вы этого не говорили...—прошентала Лиза.

— Не говорилъ?! Вотъ видите, мое сердце такъ часто и громко говоритъ это, что, я думалъ, даже вы слышали!.. Такъ вотъ теперь... когда я сказалъ, что люблю васъ, если бы и исчезъ, умеръ или уѣхалъ куда далеко... навсегда... вы тоже не были бы огорчены?..

Дѣвушка широко открыла глаза и глядѣла на него молча. Съ неподдѣльнымъ восторгомъ она прислушивалась къ тому, что дѣлалось въ ея сердцѣ,—тамъ просыпалась любовь, точно разъяснялся какой-то туманъ, лежавшій между нею и этимъ, еще такъ недавно чужимъ ей человѣкомъ, точно солнце прокрадывалось на мѣсто этого тумана и согрѣвало и освѣщало все кругомъ. Еще разъ глаза молодыхъ людей встрѣтились, и въ нихъ уже лежала смущенная иъжная ласка.

— Нѣтъ, не надо ни умирать, ни уѣзжать... — тихо сказала она. — Но только я скажу вамъ, что у меня составилась свой взглядъ и свой идеалъ на жизнь...

— Вы мнѣ его скажете?..

— Да... оно заключается всего въ нѣсколькихъ словахъ. Я хочу непременно быть счастливой!..

— Вотъ это хорошо! Это вполне сходится съ моимъ взглядомъ! И пришелъ именно къ *вамъ*, ницъ именно *васъ*, потому что чувствую, что съ *вами* могу быть счастливымъ... И, какъ человѣкъ и какъ докторъ, скажу вамъ, что счастье состоитъ въ здоровьи и въ уравновѣженности! Простите, это можетъ показаться вамъ педагогичной фразой, но я говорю отъ души!..

Словоцовъ всталъ и подошелъ къ дѣвучкѣ, глаза его глядѣли теперь спокойно и ясно, голосъ былъ увѣренный, какъ если бы онъ говорилъ съ товарищемъ.

— Видите, я *способенъ* быть счастливымъ, потому что я страстно люблю жизнь, именно во всѣхъ ея простыхъ проявленіяхъ, я счастливъ, сознавая, что грудь моя дышитъ глубоко и свободно, что голова моя способна воспринимать и работать, что сердце мое бьется радостно и сильно, я люблю природу и въ ней могу находить наслажденіе помимо всѣхъ условій человѣческой жизни. Вы знаете, не всякій *способенъ* даже быть счастливымъ, многие считаютъ страданіе удѣломъ возвышенныхъ натуръ, а вотъ вы ставите счастье непремѣннымъ условіемъ жизни, и мнѣ это *ужасно* нравится!

Лицо Лизы горѣло, глаза сияли, ей было смѣшно, что докторъ говоритъ горячо и сбивчиво, но всѣмъ существомъ своимъ она понимала его.

Да, конечно, одно изъ условій счастья въ семейной жизни—есть пониманіе другъ друга. Чувство безконечно иъжное и доверчивое поднималось изъ глубины ея дѣвственнаго, чистаго и здороваго существа.

— Петръ Дмитріевичъ, знаете, что я чувствую именно теперь... вотъ сейчасъ?.. Что я счастлива!

Словоцовъ рванулся къ ней.

— Лиза!

Но она съ иъжной улыбкой отстранила его.

— Да, я счастлива и знаю, что и вы тоже... но теперь довольно, оставьте этотъ разговоръ... пока намъ будетъ легче. Мнѣ даже странно быть такой веселой, когда онъ и мама такъ страдаютъ! Вѣдь вы вѣрите мнѣ?

— Безусловно! Больше мнѣ не надо никакихъ словъ!..

— Это хорошо. Посидите еще нѣсколько минутъ, не уходите...

Она отошла къ столу и постаралась совладать со своимъ волненіемъ и прибрать разбросанныя ею книги.

Онъ сѣлъ на прежнее мѣсто и закурилъ папиросу. Они больше не разсуждали, не вдавались въ анализъ своихъ чувствъ, они молчали, даже не переглядывались, и оба чувствовали себя глубоко счастливыми, расстроганными отъ сознанія связывающаго ихъ чувства.

И пока наверху догорало одно существованіе и подводились печальныя итоги пройденнаго пути, внизу загоралась другая жизнь и снова люди вѣрили въ возможность земного счастья.

Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ.

Величественный памятникъ искусства, какъ о немъ говорится повсюду, кіевскій соборъ св. Владиміра, основанный при императорѣ Николаѣ I митрополитомъ Филаретомъ и сооруженный въ продолженіе двухъ царствованій — Александра II и

Александра III, законченъ и освященъ при нынѣ царствующемъ Императорѣ Николаѣ II.

Исторія постройки собора, а также и описаніе его даны были въ „Сборникѣ Нивы“ (1891 г. июнь. Статя Д. И. Шин-

Соборъ св. Владиміра, освященный 20 августа с. г. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Освященіе собора св. Владимира въ Кіевѣ. Выходъ процесси изъ западныхъ дверей собора. Ихъ Императорскія Величества шествуютъ за высокопреосвященнымъ Іоанніемъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ.

Освященіе собора св. Владимира въ Кіевѣ. Ихъ Императорскія Величества шествуютъ въ процесси вонругъ собора.

Освященіе памятника императору Николаю I въ Кіевѣ. Ихъ Императорскія Величества шествуютъ за высокопреосвященнымъ Іоанніемъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ. **Кіевскія торжества.** Съ фотогр. ген. А. А. Насвѣтвича автотипія „Иппей“.

Женскій Покровскій монастырь; здѣсь состоялась 21 августа закладка соборнаго храма во имя св. Николая Чудотворца.

марева) и въ „Ежемесячныхъ литературныхъ приложенияхъ“ къ *Нивы* (1896 г. мартъ), нѣкоторыя изъ картинъ были воспроизведены въ № 11 и 12 *Нивы* и г., описаніе же торжественнаго открытія въ № 35 *Нивы* и г. Въ настоящемъ номерѣ мы помѣщаемъ нѣсколько рисунковъ собора и торжества освященія его.

Чтобы не повториться въ сказанномъ и не отмѣчать всѣ частности, много разъ уже нами отмѣченныя, мы ограничимся въ данной замѣткѣ тѣми общими впечатлѣніями, которое производитъ соборъ, какъ выдающійся памятникъ искусства.

Съ вѣншей стороны онъ въ архитектурномъ отношеніи далеко не удовлетворяетъ художественнымъ требованіямъ, — особенно съ тѣми контрфорсами, которые должны были поставить въ позднѣйшее время для болѣе надежной устойчивости стѣнъ. Первый проектъ собора принадлежитъ архитектору Штрому, передѣлывали проектъ сархіальный архитекторъ Спарро, а затѣмъ кievскій архитекторъ Берретти, который и началъ его строить, но, не достроивши, заболѣлъ и, спустя десять лѣтъ, послѣ того какъ соборъ далъ трещину, постройку заканчивали извѣстный архитекторъ-техникъ профессоръ Бергардтъ и ученикъ его архитекторъ Николаевъ. Считаемо долгомъ отмѣтить здѣсь и тотъ фактъ, нигдѣ еще не отмѣченный, что талантливый архитекторъ Гартманъ (родственникъ Берретти) хотѣлъ было помочь чѣмъ-либо вѣншей красотѣ храма, но ограничился одними кружевами, выходящими изъ-подъ навѣса крыши, и хотя это немного оживило фасадъ, тѣмъ не менѣе въ общемъ вѣншая архитектура далеко все-таки не соответствуетъ внутреннему богатству. По своему блеску и по красотѣ все, что находится внутри, едва ли не займетъ одну изъ первыхъ страницъ въ исторіи нашего искусства. Тутъ профессоръ А. В. Праховъ и художники: гг. Васнецовъ, Нестеровъ, Котарбинскій и Свѣдомскій положили

со сферическимъ потолкомъ) доминируетъ надъ всѣми окружающимъ, такъ и работы Васнецова главенствуютъ надъ всѣми остальными. Богоматерь на золотомъ фонѣ, ярко сіяющемъ при свѣтѣ дня и искрищемся при вечернемъ освѣщеніи, вы-

Кievскія торжества. Столовая проф. А. В. Прахова съ картиной В. М. Васнецова „Богоматерь“. Съ фот. генер. А. А. Насвѣтевича автотипія „Нивы“.

стунаетъ изъ фона могучей силой живописи и спокойнымъ величіемъ. Ея фигуры съ Младенцемъ на рукахъ. Ея глубокой, кроткій взглядъ производитъ неотразимое, неизгладимое впечатлѣніе. Какъ широкрасны многія изъ работъ того же Васнецова и другихъ художниковъ, но, оставивъ соборъ, вы все-таки уносите въ душѣ своей, какъ небесное видѣніе, одинъ божественный обликъ Богоматери. Она, помимо всякаго стиля, о

которомъ такъ много трактуютъ цѣлители искусства, есть то высоко-художественное произведеніе, которое одинаково будетъ дѣйствовать на душу человека во всѣ времена и на всѣхъ, имѣющихъ эту душу. Если создалась легенда о чудѣ появленія въ соборѣ Ея слугѣ, совершенно схожаго съ эскизомъ и образомъ, написаннымъ одновременно художникомъ въ Москвѣ, не знавшимъ ничего объ этомъ слугѣ (см. *Нива* № 12 и г.), то цѣль сомнѣнія, что въ будущемъ можетъ явиться множество еще и другихъ легендъ, прямо, непосредственно знаменующихъ то глубокое впечатлѣніе, которымъ будутъ преисполнены сердца вѣрующихъ и молящихся передъ Ней. При творствѣ этого образа въ Васнецовѣ сказался несомнѣнно большой художникъ, ясно подтвердившій свои силы и другими работами. Подъ величавымъ изображеніемъ Богоматери, вы снова видите его широкую, могучую кисть, представляющую передъ нами во всю ширину задвѣй стѣны алтаря таинство евхаристіи. Здѣсь двѣнадцать апостоловъ и Христосъ изображены по мозаикамъ первыхъ временъ христіанства. Подъ этимъ изображеніемъ, направо отъ престола мы видимъ святителей русской церкви, направо — святителей вселенской церкви; на колоннахъ же въ алтарѣ — архангеловъ Михаила и Гавріила, а во второмъ ярусѣ, надъ святителями, — пророковъ, говорившихъ о Спасителѣ и Богоматери. Все это, написанное въ колоссальныхъ размѣрахъ, принадлежитъ Васнецову и составляетъ одну только четвертую долю всѣхъ его

Кievскія торжества. Гостинная проф. А. В. Прахова. Кресло императрицы Екатерины II, приготовленное къ освященію собора для Его Императорскаго Величества.

Съ фот. генер. А. А. Насвѣтевича автотипія „Нивы“.

много силъ, а Васнецовъ проявилъ такую мощь своего таланта, что ему приписывается теперь новалъ эра въ искусствѣ церковной живописи и иконописи. Какъ его Богоматерь, изображенная почти въ половину высоты собора (въ полуцилиндри-

Михаила и Гавріила, а во второмъ ярусѣ, надъ святителями, — пророковъ, говорившихъ о Спасителѣ и Богоматери. Все это, написанное въ колоссальныхъ размѣрахъ, принадлежитъ Васнецову и составляетъ одну только четвертую долю всѣхъ его

работ. Весь средний корабль храма, начиная от входа, исключительно расписанъ имъ, и тутъ, помимо характерныхъ типовъ, мы видимъ и цѣлыя картины также колоссальныхъ размѣровъ. На колоннахъ или столбахъ, отдѣляющихъ средний корабль отъ двухъ боковыхъ, передъ нами выступаютъ замѣчательныя по своей типичности изображенія: Прокопій Устюжскаго (юродиваго), Кувши, Бориса и Глѣба, князя Андрея Боголюбскаго, Никиты (безбородаго), епископа новгородскаго, великой княгини Евдокии (жены Дмитрія Донскаго), лѣтписца Пестора, кн. Михаила Черниговскаго, кн. Михаила Тверскаго, преподобнаго Аллія (живописца), Евфросиніи Полоцкой (княжны-монахини), Андрея Первозваннаго и апостола Павла. Въ куполахъ мы видимъ Христа благословляющаго, и затѣмъ Бога Отца скорбящаго и Христа распятаго на крестѣ (см. *Нива* № 11 в. г.). Подъ окнами главнаго купола, на широкомъ поясѣ, изображена картина „Преддверіе рай“ (см. *Нива* № 12 в. г.), а при входѣ въ соборъ—картина „Страшный судъ“, съ правой стороны которой—„Крещение Руси“, съ лѣвой же—„Крещение Владимира“. На картинѣ „Страшный судъ“ надъ дверью при входѣ представленъ ангелъ съ вѣсами и свиткомъ грѣхоу міра за семью печатями. Надъ нимъ Христосъ, и Его умоляютъ Матерь Божія и Іоаннъ Креститель о пощадѣ грѣшниковъ; кругомъ двѣнадцать апостоловъ. По правую сторону картина, представляющая море, выходящее мертвецовъ и грѣшниковъ; по лѣвую—разверзшуюся землю, откуда выходятъ: царь, рабъ, поэтъ, философъ, витязь, и тутъ же вы видите Юлія Цезаря, грѣшницу Клеопатру, Нерона и другихъ. Все въ смятеніи, звѣри мечутся, гробы открываются... На картинѣ „Преддверіе рай“ представлены: Екатерина и Варвара, которыхъ несутъ ангелы, нѣтъ мудрыхъ дѣвъ со свѣтилниками, Адамъ и Ева, Авель, Вѣра, Надежда, Любовь и Софія, благоразумный разбойникъ, младенцы, избѣнные Иродомъ, Марія Египетская, Магдалина; въ среднихъ картинахъ—три предвѣстника райа: архангелы Михаилъ, Гавриилъ и Рафаилъ и тутъ же Ананій, Лазарь и Мисаилъ, а на заднемъ планѣ картины—Константинъ и Елена и, наконецъ, Владиміръ и Ольга. Подъ этой картиной, представляющей, какъ мы уже сказали, поясъ главнаго купола, книги же Васнецова принадлежатъ и отдѣльныя изображенія четырехъ евангелистовъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ работы Васнецова. Каждый пойметъ, что работы эти грандіозны и по размѣрамъ, и по труду, положенному на нихъ; но помимо всѣхъ ихъ достоинствъ, и количественныхъ и качественныхъ, помимо стилистичности и глубины идейныхъ совершенствъ, о чемъ такъ много было говорено во всѣхъ описаніяхъ собора св. Владиміра, мы отмѣтимъ ту выдающуюся особенность этихъ произведеній, что они сдѣланы точно однимъ почеркомъ, точно въ одинъ пріисклетъ,—такъ они выдержаны и такъ много въ нихъ единства. Этими же самыми отличающагося и произведеніи Нестерова, также вдохновленнаго одной религіозной идеей и также вложившаго въ свои полотно всю свою душу и всѣ помыслы. Ему, сравнительно, принадлежатъ въ храмѣ немногое, но и это немногое ярко выдѣлило его талантъ. Самыми выдающимися его работами въ храмѣ надо назвать: Рождество Христово, или Поклоненіе пастырей, и Вознесеніе Господне. Въ этихъ работахъ, какъ и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, онъ крайне оригиналенъ и по складу своего чувства ближе всего подходитъ къ направленію Васнецова, хотя Нестеровъ болѣе жеманственъ, болѣе идеалистъ, и вслѣдствіе этого онъ стремится не къ воплощенію идеи, не къ объективному воссозданію ея, а

къ выраженію того чувства, которое исходить въ душѣ своей каждый вѣрующей. Его картины, это—моленіе, но не творческое представленіе. Онъ, однимъ словомъ, прекрасный доводительный спутникъ Васнецова.

Художникамъ Свѣдомскому и Котарбинскому принадлежатъ, за пѣготами исключеніями, два боковыхъ корабля храма: Свѣдомскому—справа отъ входа въ храмъ, Котарбинскому—слѣва отъ входа.

Произведенія этихъ послѣднихъ художниковъ носятъ совершенно иной характеръ, чѣмъ произведенія Васнецова и Нестерова. Ихъ картины блещутъ вышними эффектами, красками и по трактованію сюжетовъ относятся чисто къ западному искусству.

Лучшими изъ картинъ Свѣдомскаго признаются: Воскресеніе Лазаря и Судъ передъ Пилатомъ. Въ первой картинѣ прекрасно переданъ эффектъ двойного освѣщенія.—дневного, проникающаго сверху въ пещеру, и факельнаго—снизу, при чемъ Спаситель съ поднятой рукой ярко освѣщенъ пламенемъ факела. Въ картинѣ „Судъ передъ Пилатомъ“ Свѣдомскій вслѣдствію вдохновленія пѣвѣстной картиной Мункачи и представилъ такъ же, какъ и у Мункачи, и фигуру Спасителя со связанными руками, и сидицій по одну сторону суда въ полномъ составѣ съ Пилатомъ, а по другую—толпу, кричащую „Распни Его, распни!“

Кромѣ этихъ двухъ картинъ, ему же принадлежатъ: „Крестная смерть“, „Тайная вечеря“, „Входъ Господень въ Иерусалимъ“, „Моленіе о Чашѣ“, „Вознесеніе“ и четыре потолка подъ жорами въ правомъ же кораблѣ съ изображеніемъ четырехъ дней творенія: 1) сотвореніе земли; 2) воды; 3) твореніе птицъ, рыбъ, звѣрей, и 4) ангеловъ. Во всѣхъ этихъ послѣднихъ четырехъ картинахъ, какъ и у Котарбинскаго въ лѣвомъ кораблѣ въ его трехъ такихъ же картинахъ, которыми заканчиваются семь дней творенія, Богъ-Отецъ представленъ въ видѣ старца, сидящаго на радугѣ и окруженнаго предметами дня творенія. Котарбинскій изобразилъ: пятый день,—твореніе небесныхъ сферъ, шестой—твореніе человека и, наконецъ, седьмой день,—что мы видимъ уже на потолкѣ въ алтарѣ лѣваго корабля,—Богъ почилъ отъ дѣла. Самымъ красивымъ и эффектнымъ по краскамъ слѣдуетъ назвать изображеніе творенія небесныхъ сферъ Котарбинскаго, а по настроенію и выразительности въ изображеніи—его же потолокъ въ алтарѣ, или Бога, почившаго отъ дѣла, Который, наклонивъ сосредоточенно голову, глядитъ на сотворенный имъ міръ, раскинутый у Его ногъ. Лучшее изъ большихъ картинъ Котарбинскаго слѣдуетъ назвать „Снѣгіе со креста“.

Вотъ въ главныхъ чертахъ общій видъ храма съ его характерными особенностями; и если къ этимъ художественнымъ богатствамъ вы прибавите мраморный иконостасъ, исполненный по проекту профессора Прахова, и его же, а также и Васнецова, орнаментную окраску всего собора и тутъ же всю церковную утварь, сдѣланную исключительно по стилистическимъ рисункамъ Прахова, то представьте себѣ еще волну широкаго свѣта, льющагося со всѣхъ колоссальныхъ оконъ храма, и въ этомъ воздушномъ эфирѣ искриющееся повсюду золото, блестя яркими, чарующими взоръ, красочнѣе, зеркальную гладь полированного мрамора,—и вотъ предъ вами тотъ памятникъ искусства и вѣры, который вполне можетъ уладить и ване эстетическое, и ване религіозное чувство. Такихъ памятниковъ въ мірѣ не много.

Къ рисункамъ.

Турчанка. (Рис. на стр. 1059.)

Слава К. Е. Маковскаго зиждется болѣе всего на изображеніи женской красоты. К. Е. Маковскій—поэтъ, воспевавшій эту красоту въ краскахъ. Такую маленькую поэму представляетъ и его картина „Турчанка“. О талантѣ и значеніи художественной дѣятельности К. Е. Маковскаго было уже у насъ писано очень много, и по поводу „Турчанки“ приходится только повторить, что евронейская и даже заатлантическая слава нашего художника вполне заслужена имъ.

Гравюра, исполненная г. А. Троицкимъ, тонко и вѣрно передаетъ красоту оригинала и отличаетъ въ молодомъ граверѣ недюжинный талантъ. Достоинства ея были признаны и оценены на выставкѣ въ школѣ Императорскаго общества поощренія художествъ, присудившей г. Троицкому денежную премію.

Любимецъ. (Рис. на стр. 1062—1063.)

Бруно Пигльгеймъ, извѣстный мюнхенскій художникъ, скопчался въ расцвѣтѣ силъ и таланта, въ 1894 году, и многія его картины, посвященныя на себѣ печать крушаго дарованія, ставятъ его въ ряду лучшихъ современныхъ иѣмецкихъ художниковъ. Родившійся въ Гамбургѣ, въ 1848 году, Пигльгеймъ сначала посвятилъ себя скульптурѣ и поступилъ въ ученики къ гамбургскому скульптору Линшельту, но, затѣмъ, попутешествовавъ по Италіи, онъ оставилъ скульптуру и взялся за живопись. Первымъ профессоромъ его былъ Паувельсъ, въ Веймарѣ, а за-

тѣмъ Дитцъ, въ Мюнхенѣ. Первую свою картину онъ выставилъ публично въ 1872 году. Написанная имъ въ 1879 году и вызвавшая сенсацію картина „Moritur in Deo“ (распятаго на крестѣ Спасителя цѣлуетъ ангелъ смерти) находится съ 1894 въ берлинской національной галлерей. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ посвятилъ себя почти всецѣло живописи настелью. За это время имъ была написана цѣлая галлерей очаровательныхъ женскихъ головокъ, кокетливыхъ балеринъ и пьереттъ, на ряду съ которыми обращали на себя особенное вниманіе критики его артистическія „дѣтскія головки“. Въ 1885—1886 гг. Пигльгеймъ много поработалъ надъ напоромой „Страстей Христовыхъ“, которая была написана по эскизамъ, сдѣланнымъ имъ на мѣстѣ, въ Палестинѣ. Панорама эта была выставлена въ Мюнхенѣ, Берлинѣ, а затѣмъ въ Вѣнѣ, гдѣ, въ 1892 году, сорѣла. Съ тѣхъ поръ Пигльгеймъ съ особенной любовью работалъ надъ религіозными темами. Его „Положеніе во гробѣ“, написанное въ 1888 году, помѣщено въ новой инакокекѣ въ Мюнхенѣ. Въ 1886 году онъ былъ избранъ въ профессора, а затѣмъ и въ предѣдателя мюнхенскаго художественнаго союза.

Воспроизведенная въ настоящемъ номерѣ картина Пигльгейма „Любимецъ“,—одинъ изъ лучшихъ его дѣтскихъ портретовъ. Названіе картины остроумно по своей двусмысленности. Любимецъ этого ребенка, мирно покоящійся въ его крѣпкихъ объятіяхъ, и самъ ребенокъ—оба имѣютъ полное право на это милое названіе.

Изъ юбилейнаго альбома А. Ф. Маркса. Портретъ М. А. Зичи и факсимиле его акварели.

(Портр. и рис. на стр. 1067.)

Кто не знаетъ рисунковъ Зичи, всегда такихъ типичныхъ, всегда изящныхъ, всегда ласкающихъ глазъ пѣжностью линий и мягкостью пятенъ? И, конечно, никто ихъ не знаетъ такъ, какъ знаютъ читатели *Нивы*: не даромъ онъ 25 лѣтъ состоитъ ея неизмѣннымъ сотрудникомъ. М. А. Зичи — это типъ иллюстратора въ лучшемъ значеніи этого слова. Можно быть огромнымъ художникомъ, авторомъ цѣлой сотни холстовъ, украшающихъ стѣны европейскихъ галлерей и музеевъ, и все-таки можно не быть иллюстраторомъ, можно совершенно не обладать тѣмъ особеннымъ инстинктивнымъ чувствомъ легкости, воздушности и граціи рисунка, безъ которыхъ можетъ обходиться живопись и не можетъ существовать иллюстрація.

М. А. Зичи природа надѣлила всеми этими данными въ такой степени, что ихъ хватило бы на цѣлую дюжину иллюстраторовъ. Онъ работалъ при этомъ всю жизнь надъ собою съ постоянствомъ и упорствомъ рѣдкаго труженика, счастливо избѣгнувъ обычнаго среди иллюстраторовъ пониженія своихъ художественныхъ силъ и таланта — постоянное послѣдствіе быстраго успѣха и нежеланія штудировать натуру.

Михаилъ Александровичъ Зичи родился 14 октября 1829 г. въ Залѣ, въ Венгріи, гдѣ окончилъ гимназію и позже университетъ. Онъ очень рано полюбилъ рисованіе, и на его первоначальное художественное развитіе имѣлъ большое вліяніе италіецъ Маростони. Рѣшивъ окончательно посвятить себя искусству, Зичи обратился къ профессору Вѣнской академіи искусствъ Вандмиллеру. Послѣдній пришилъ близкое участіе въ судьбѣ даровитаго и многообщавшаго мальчика и взялся руководить его занятіями. Первые произведенія молодого художника появились на выставкахъ Вѣны въ 1844 и 1845 гг., когда ему было всего 15—16 лѣтъ. Въ 1847 г. вели-

комъ онъ принужденъ былъ взять мѣсто ретушера въ одной изъ петербургскихъ фотографій. Это тинулось цѣлыхъ 8 лѣтъ. Восемь лѣтъ ретушерскихъ обязанностей, когда скрытыя въ груди силы просеются и рвутся наружу, когда юное, свѣжее, чистое вдохновеніе жаждетъ творчества! Однако Зичи удалось получить заказъ отъ императора Николая Павловича, который еще во время венгерской кампаніи покровительствовалъ художнику и поручилъ ему тогда еще иллюстрировать военныя релиціи. На этотъ разъ заказъ посылъ другой характеръ; это

Кіевскія торжества. Внутренній видъ собора св. Владиміра. Съ фот. генер. А. А. Насвѣтевича авторитія „Нивы“.

Кіевскія торжества. Члены комитета по постройкѣ собора св. Владиміра и художники у западныхъ дверей собора, въ ожиданіи прибытія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Съ фот. генер. А. А. Насвѣтевича авторитія „Нивы“.

кая княгиня Елена Павловна искала преподавателя рисованія для своей дочери, великой княжны Екатерины Михайловны. Вандмиллеръ горячо рекомендовалъ великой княгинѣ своего ученика. Въ томъ же году восемнадцатилѣтній Зичи отправился въ С.-Петербургъ и вступилъ въ обязанности преподавателя. Въ то же время онъ давалъ уроки въ нѣсколькихъ богатыхъ домахъ. Это продолжалось однако всего два года. Въ 1849 г. онъ принужденъ былъ оставить уроки, и тогда наступило тяжелое время для художника. Въ поискахъ за заработ-

комъ былъ знаменитый альбомъ изъ „Петербургской жизни“. Государь неоднократно говорилъ о даровитомъ художникѣ: „Il y ajoute toujours quelque chose de sien“. Это было чрезвычайно характерно для Зичи: изъ всѣхъ тогдашнихъ петербургскихъ художниковъ у него было больше другихъ „своего“, такого „своего“, которое дѣлало его особенно интереснымъ и оригинальнымъ.

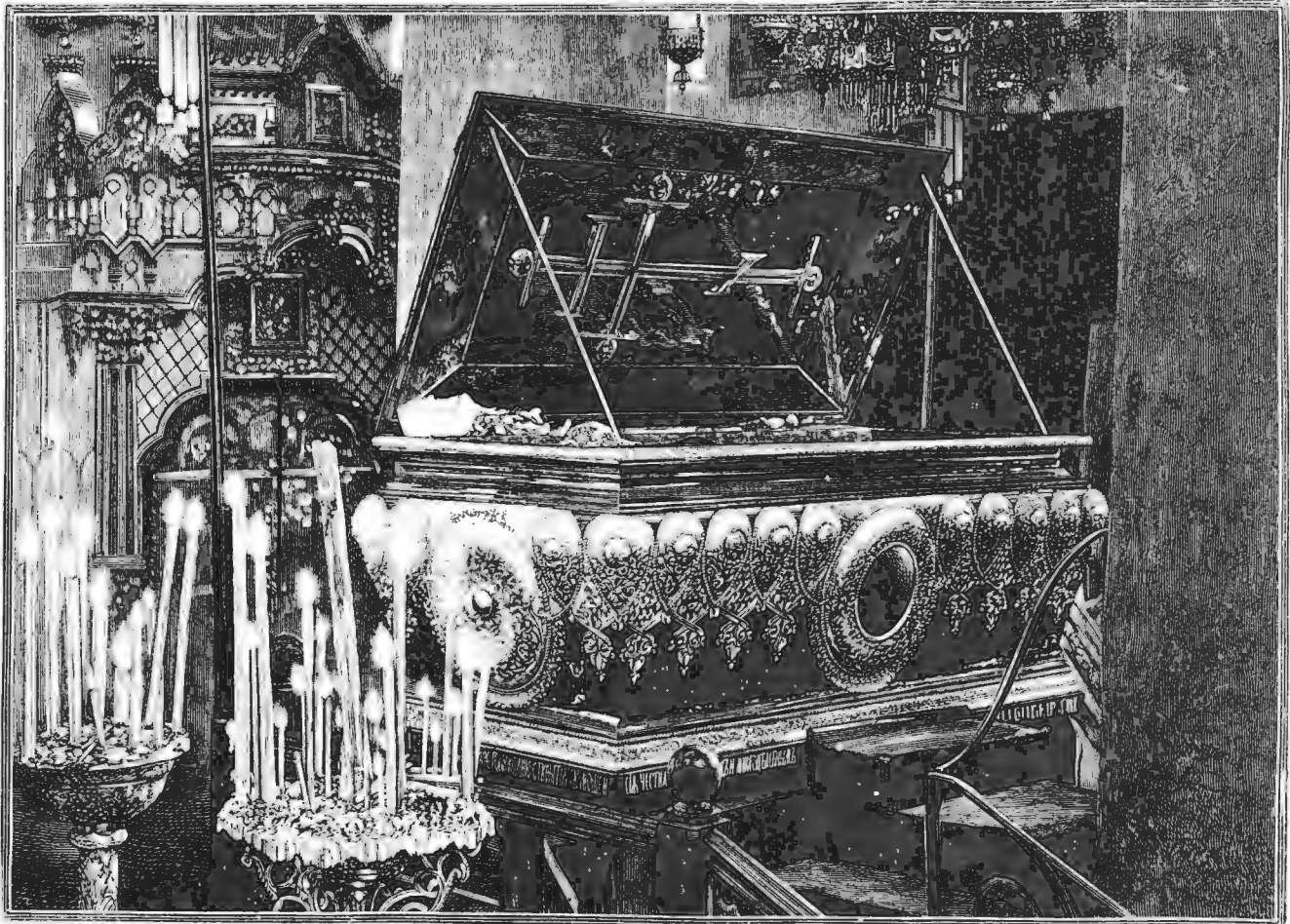
Слава Зичи начинается съ 1858 г., когда въ Россію пріѣхалъ знаменитый эстетикъ и художественный критикъ Теофиль Готье. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ рисунковъ Зичи и, вернувшись въ Парижъ, издалъ свою извѣстную книжку „Voyage en Russie“, въ которой есть цѣлая глава, специально посвященная Зичи. Похвала знаменитаго француза необыкновенно быстро произвела свое дѣйствіе на любителей и цѣнителей искусства въ Россіи: рисунки Зичи начинаютъ раскупаться нарасхватъ, и онъ быстро входитъ въ моду.

Въ 1856 г. ему была заказана картина, изображающая коронацію императора Александра II. Въ 1858 г. за акварели, выставленныя имъ въ Академіи художествъ — „Убитый волкъ“, „Лицица и рысь“ — онъ получилъ званіе академика. Въ слѣдующемъ году, по рекомендаціи австро-венгерскаго посла князя Валентина Эстергази, онъ получилъ заказъ иллюстрировать различные эпизоды изъ Императорской охоты. Альбомъ рисунковъ такъ понравился государю, что съ этихъ поръ художникъ становится постояннымъ иллюстраторомъ придворной жизни. До 1873 г. имъ исполнено около 500 иллюстрацій всевозможныхъ событій придворной жизни. Въ 1874 г. Зичи принужденъ былъ покинуть Петербургъ и уѣхать въ Парижъ. Здѣсь по заказу венгерскаго правительства онъ написалъ картину на тему „Австрійская императрица собственноручно возлагаетъ вѣнокъ на Деака, лежащаго въ гробу“. Картина находится въ Пештскомъ музеѣ.

Въ 1880 г. Зичи былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ

официально придворным художником. С тех пор он усиленно рисовал такую массу виньеток, меню, адресов, иллюстраций, что нет никакой возможности перечислить хотя

помещенный в настоящем номере. Гений, усталый, изнуренный, с подомленными крыльями (Huglahm), в изнеможении лежит окруженный вѣтвями, за что онъ брался въ

Серебряная рана, въ которой покоятся мощи св. Феодосія Углицкаго. Съ фот. Чарнецкаго въ Черниговѣ, грав. Шюблеръ.

бы самыя выдающіяся изъ нихъ. Масляными красками Зичи почти не работаетъ, предпочитая акварель, сепию, соусъ и простой карандашъ. Какъ человекъ, М. А. Зичи отличается необыкновенной мягкостью и ровностью характера, добротой и чрезвычайной скромностью. Приятели послѣдней можетъ служить рисункъ изъ альбома, поднесеннаго А. Ф. Марксу,

своей жизни. Это гений, перепробовавшій все (Universal-Genie): онъ иллюстрировалъ охотничьи сцены, иллюстрировалъ военные эпизоды, театральную жизнь, жизнь большого свѣта, иллюстрировалъ журналы; вогъ ружье, гвардейская каска, бинокль, вѣрь, вогъ толстый томъ *Нивы*, которой онъ отдавалъ столько вдохновенія—словомъ, трудно найти какую-

Къ открытію мощей св. Феодосія Углицкаго. Спасо-Преображенскій и Борисоглѣбскій соборы въ Черниговѣ. Съ фот. Чарнецкаго въ Черниговѣ автотипія „Нивы“.

нибуде области, которой не коснулся бы его карандаш. И что же? Онь уголени, онь разбиты, а идеаль, свѣтлый, радостный, манищий, сверкающій въ лавровомъ вѣнкѣ, все такъ же далека, такъ же недостижимъ, и тѣсно тиснется къ нему дрожащая, усталая рука! Надо ли прибавлять, что въ этомъ усталомъ и изнуренномъ тенѣ, безнадежно устремившемъ свой погухающій взоръ къ идеалу, художникъ хотѣлъ изобразить себя? Надо ли подсказывать читателю, такъ часто любовавшемуся его рисунками, какое чувство руководило этимъ художникомъ, когда онь набрасывалъ своей рисункъ? Сознать всю бездну разстояній, отдѣляющаго насъ отъ идеала, умѣютъ не многие; чѣмъ крупнѣе человекъ, чѣмъ больше онь сдѣлалъ, тѣмъ выше ему кажется его идеаль, тѣмъ недостижимѣе этотъ сверкающій въ вышнѣ вѣнокъ.

Кіевскія торжества. (Рис. на стр. 1070, 1071, 1072 и 1074.)

Торжества освященія собора св. Владиміра и памятника императору Николаю I, состоявшіяся 20 августа и. г., подробно описаны уже въ № 35 *Нивы*. Помѣщенные здѣсь, на стр. 1071, рисунки воспроизводятъ, какъ видно изъ подписей подъ ними, нѣсколько наиболее выдающихся моментовъ этихъ торжествъ. Тутъ же, на стр. 1071, изображенъ и женскій Покровскій монастырь, въ которомъ состоялось, въ присутствіи Ихъ Величествъ, 21 августа, описанное въ № 35 торжество закладки соборнаго храма во имя св. Николая Чудотворца. Въ Покровскомъ монастырѣ подъ Кіевомъ проживаетъ великая княгиня Александра Петровна, стараніями и подъ руководствомъ которой и строится новый соборный храмъ.

Помѣщенные на стр. 1072 фотографическіе снимки столовой и гостиной проф. А. В. Прахова, одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей по сооруженію новаго храма св. Владиміра, интересны въ особенности по тѣмъ предметамъ, которые въ нихъ находятся. Въ столовой, на стѣнѣ, виситъ копія знаменитой картины-икона В. М. Васнецова „Богоматерь“. Объ этой картинѣ подробно говорится въ этомъ же номерѣ, въ статьѣ „Соборъ св. Владиміра“, самая же картина была уже воспроизведена у насъ въ гравюрѣ (*Нивы* 1891 г., № 42). Въ гостиной проф. А. В. Прахова помѣщено старинное кресло императрицы Екатерины II, во время освященія собора стоявшее для Ея Императорскаго Величества.

Внутренній видъ собора св. Владиміра, представленный на рисункѣ на стр. 1074, подробно описанъ въ статьѣ „Соборъ св. Владиміра“. Последний рисунокъ изображаетъ: съѣзды членовъ распорядительнаго комитета по постройкѣ собора, и съѣзда — участвовавшихъ въ украшеніи храма художниковъ съ В. М. Васнецовымъ во главѣ, ожидающихъ прибытія Ихъ Императорскихъ Величествъ у западныхъ дверей собора.

Спасо-Преображенскій и Борисоглѣбскій соборы въ Черниговѣ. Серебряная рака, въ которой покоятся мощи св. Θεодосія Углицкаго.

(Рис. на стр. 1075.)

Соборы Спасо-Преображенскій и Борисоглѣбскій — мѣста выдающаго и прѣжняго упокоенія мощей святителя Θεодосія Углицкаго — древнѣйшіе храмы въ Черниговѣ.

Спасо-Преображенскій соборъ началъ постройкой въ 1024 г. тмуаракавскимъ княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ *Удалымъ*. Объ этомъ упоминается въ Несторовой лѣтописи: „Въ лѣто 6544 Мстиславъ павде на ловы, разболѣлся и угре, и положиша и въ церкву у святаго Спаса, юже бѣ самъ заложилъ; бѣ бо вздано ея при немъ взыще яко на кони стояще доисши“. Изъ этихъ словъ Нестора мы видимъ, что князю Мстиславу не удалось довершить постройки церкви; она была закончена уже въ 1054 г. Спасо-Преображенскій соборъ замѣчательнъ, какъ памятникъ древне-греческаго зодчества. По преданію, онь служилъ мѣстомъ погребенія черниговскихъ князей. Снаружи соборъ весь бѣлый, съ вызолоченными куполами. По бокамъ его вьсятся двѣ башни съ коническихъ золочеными куполами. Лѣвая башня древнѣе правой. Она была возведена одновременно съ постройкою собора и известна подъ названіемъ Краснаго терема. Съ нея кинулась, по преданію, во время татарскаго набѣга, княгиня черниговская Доминія, не желая попасть въ руки татары. Правая же башня еще сѣвуетъ около ста лѣтъ, — она возведена для симметріи, въ 1798 году.

Вблизи Спасо-Преображенскаго собора находится Борисоглѣбскій, построенный около 1120 г. черниговскимъ княземъ Давидомъ Святославичемъ. Въ концѣ XIII вѣка соборъ этотъ возобновленъ былъ митрополитомъ всероссійскимъ Максимомъ, устроившимъ при немъ мужской монастырь, который былъ затѣмъ въ 1785 г., преобразованъ въ архіерейскій домъ. Въ началѣ XVII в. поляки обратили храмъ въ доминиканскій костелъ, но усиліями архіепископа черниговскаго Лазаря Барановича, во второй половинѣ XVII в., соборъ былъ возстановленъ въ православный. Въ соборѣ замѣчательны по своей цѣнности старинныя нарекія врата, сдѣланныя еще въ 1702 г. изъ серебра, найденнаго въ землѣ при рытвѣ фундамента для колокольни. Соборъ снаружи также бѣлый, покрытъ бѣлыми

желѣзомъ, купола же окрашены въ зеленую краску. Рядомъ съ соборомъ помѣщается отдѣльная колокольня. Подъ нею вьизу находится церковная лавка, а сзади — помѣщенія для квартиръ священно- и церковно-служителей.

Дѣлать лѣтъ привлекалъ къ себѣ Борисоглѣбскій соборъ изъ разныхъ концовъ Россіи богомольцевъ, стекавшихся къ мощамъ святителя Θεодосія Углицкаго, погребеннаго въ соборѣ за правымъ клиросомъ. Со дня кончины, въ теченіе 76 лѣтъ, святитель почивалъ въ простомъ кипарисномъ гробу. 14 февраля 1772 г. нетлѣнное тѣло его, по благословенію мѣстнаго епископа Θεофила (Игнатовича), переложено было въ новую деревянную раку, при чемъ, по преданію, первый гробъ угодника, какъ и его мантия, розданы были по частямъ богомольцамъ. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ, въ 1824 г. при гробѣ св. Θεодосія совершилось исцѣленіе черниговскаго купца-раскольника Горбунова. Горбуновъ обратился въ православіе и въ память чудеснаго исцѣленія своего на собственные средства соорудилъ для нетлѣннаго тѣла святителя новую мѣдную посеребренную и мѣстами вызолоченную раку; второй же гробъ святителя сданъ былъ при этомъ въ соборную ризницу, гдѣ и хранится понынѣ.

По дню открытія мощей святителя Θεодосія былъ приготовленъ новый кипарисный гробъ, обитый золотой парчой. Гробъ этотъ, по торжественномъ переложеніи въ него мощей святителя, былъ вставленъ въ новую цѣнную раку, изготовленную изъ серебра, по заказу П. А. Терещенко. Рака напоминаетъ съ виду древній саркофагъ, утвержденный на бронзовой вызолоченной подставѣ, имѣющей въ длину болѣе сажени, а въ ширину и вышину — болѣе аршина. Длина же самой раки — 3 аршина 1 вершокъ, ширина — 1 арш. 2 вер., вышина — 1 арш. 1/2 вер. Вся рака вызолочена, за исключеніемъ орнаментовъ. По всѣмъ четыремъ сторонамъ идетъ серебряный, чеканной работы, орнаментъ въ видѣ продолговатыхъ выпуклыхъ щипцовъ. Вьизу на бортахъ подставы начертана слѣдующая надпись: „Сія честная рака святымъ и многоцѣлебнымъ мощамъ прендобнаго Θεодосія Углицкаго, архіепископа черниговскаго, сооружена въ благополучное царствованіе Государа Императора, всея Россіи Самодержца Николая Александровича, при епископѣ черниговскомъ и вѣднскомъ Антоніи, д. с. с. Николаемъ Артемьевичемъ Терещенко и сунурой его Пелагіей Георгіевною въ 1896 г., ко дню открытія святыхъ мощей“. На боку раки въ клеймѣ славянскими буквами написано, что здѣсь почиваютъ мощи св. Θεодосія, указавъ годъ его посвященія въ архіерейскій санъ — 1692 и день его кончины — 5 февраля 1696 г. Сверху — массивная серебряная крыша съ большими серебряными крестомъ. Вѣснть рака болѣе 10 пудовъ; стоимость ея — 35,000 р. Работана она на фабрикѣ Овчинникова по рисункамъ проф. А. В. Прахова.

В. С. Кривенко. (Портр. на стр. 1078.)

16 августа и. г. исполнилось двадцатипятилѣтіе служебной дѣятельности управляющаго канцеляріей министра Императорскаго Двора, д. с. с. Василія Силевича Кривенко.

По окончаніи курса Петровской полтавской военной гимназіи, В. С. Кривенко вступилъ въ ряды войскъ юнкеромъ наволочскаго военного училища, и былъ выпущенъ въ офицеры въ лейбъ-гвардію финляндскій полкъ. Векорѣ затѣмъ В. С. Кривенко поступилъ въ военно-юридическую академію, по окончаніи курса въ которой перешелъ на службу въ министерство Императорскаго Двора, занявъ сначала должность помощника юрисконсульта, а затѣмъ старшаго секретари; вышнѣйшій свой постъ В. С. занимаетъ съ 1888 года.

На ряду съ отвѣтственными и сложными служебными занятіями, В. С. уже давно посвятилъ себя литературѣ, и притомъ самымъ разнообразнымъ ея родамъ. Кромѣ цѣлаго ряда очерковъ и фелетоновъ, помѣщенныхъ В. С. подъ псевдонимами въ различныхъ органахъ прессы, въ томъ числѣ и въ *Нивѣ*, — имя В. С. Кривенко значится и на многихъ литературныхъ работахъ, обратившихъ на себя общее вниманіе.

Въ ряду юридическихъ работъ В. С. нельзя не остановиться на выдержавшемъ уже два изданія „Сборникѣ краткихъ свѣдѣній о правительственныхъ учрежденіяхъ“, составленномъ В. С. по порученію министра Императорскаго Двора. Задача этого сборника — краткѣ ознакомить съ характеромъ дѣятельности разнообразныхъ учреждений Имперіи; и дѣйствительно, каждый, даже понятіи не имѣющій о юриспруденціи и государствовѣдѣніи, будетъ по этому краткому, толковому и удобно размѣшенному сборнику, въ состояніи уразумѣть компетенцію всѣхъ разнообразныхъ правительственныхъ установленій, уяснитъ всѣ предметы ихъ вѣдомствъ. Этотъ довольно объемистый трудъ съ его приложениями послужилъ затѣмъ канвою для многихъ справочныхъ изданій.

Стоящій по своимъ служебнымъ обязанностямъ очень близко къ Императорскому Двору, В. С. Кривенко неоднократно сопутствовалъ Ихъ Величествамъ въ Высочайшихъ путешествіяхъ вьизу и внѣ Россіи. Литераторъ въ дунѣ и художникъ по натурѣ, В. С. Кривенко всегда дѣлится съ публичной своимъ впечатлѣніями, вьносимыми изъ этихъ путешествій, обставленныхъ совершенно исключительнымъ образомъ и дающихъ возможность видѣть и наблюдать то, что другимъ въ нихъ усло-

ставитель России не жалеть трудов: по близким дням работает с корейскими сановниками, а по вечерам устраивает поучительные беседы с королем. Тьм не менее, расположение корейских сановников, при их низком нравственном уровне, только наружное. В народ же русское обаяние довольно сильно, по—сомнительной устойчивости, благодаря интригам японской партии. В последнее время эксплуатируется продолжительное пребывание короля в русской миссии: интрига действует на патриотизм народной массы, уверяя ее, что король находится в плену у русских. К представителю России направляются петиции вернуть короля в дворцовый город, куда сам король переселиться не может, не рискуя жизнью; между тьм, во избежание осложнений, должен же быть конец прожизанию короля в здании русской миссии.

Кроме того, недовольство России в некоторой части корейского народа питается разными толками о состоявшемся будто бы соглашении дружественной кореей России с ненавистной им Японией, чего корейцы допустить не могут, предпочитают отдаться всецело России, лишь бы избавиться от непрошенных восточных цивилизаторов.

Лестное внимание, оказываемое нами корейским министрам в некоторых случаях, по справедливому замечанию корреспондента, не толкуется корейскими сановниками как слабость с нашей стороны. Вообще, как известно давно, всякая неуверенная на Востоке видимость с нашей стороны только понижает наш престиж. В политике азиаты преклоняются только перед точно определенной задачей и уважают лишь безпо-

воротни приняты меры к ее осуществлению, всякая же неуверенность в избранном пути, а отсюда всякие колебания, признаются на Востоке за слабость противника. Неопределенность нашей задачи в Корее, где мы восстановили порядок, дала, как оказывается, России ничтожные выгоды сравнительно с ее услугами этому азиатскому, якобы независимому, королевству. Мы выхлопотали одному нашему инженеру концессию для разработки малозначущих золотых россыпей и одному торговому дому право эксплуатации леса по русско-корейской границе. Между тьм другие государства далеко опередили нас: американцы строят важнейшую железнодорожную линию Сеул—Чемульно, разрабатывают богатейшие рудники и пристраиваются в Корею в качестве хорошо оплачиваемых советников королевства; немцы, во ожидании больших выгод, добыли концессию на не менее важную линию Сеул—Фузань; англичане прибрали к своим рукам корейские финансы; наконец, наши союзники-французы получили концессию на линию, которая, вместе с французской линией в Китае, послужит в будущем связующим звеном между Порт-Артуром и нашим великим Сибирским путем.

Позволительно надяться, что русские интересы в Корее будут своевременно взвешены, чтобы не повторилась на дальнем Востоке полнота чувств, пришедшая, как известно, не мало разочарования на ближайшем Востоке, где политической сентиментальность дала возможность нашим соперникам эксплуатировать русское присутствие в свою исключительную пользу, придавая ему при этом направление, явно враждебное насущным интересам России.

В. С. Кривенко (по поводу двадцатипятилетия служебной деятельности).
Съ фот. К. Е. Гань и К^о в Царском Селе автотипия „Нивы“.

ную пользу, придавая ему при этом направление, явно враждебное насущным интересам России.

Разные известия.

— 17 октября, в день чудесного спасения Государя Императора, Государыни Императрицы Марии Феодоровны с Августейшими Детьми, во время крушения Императорского поезда близ ст. Борки, Курско-Харьково-Азовской железной дороги, во время войсковых частей и учреждениях военного и морского ведомств были совершены благодарственные молебствия. Такие же молебствия были совершены в домовых церквях министерств, правительственных учреждений и учебных заведений, а также в думь и некоторых благотворительных учреждениях столицы. На молебствиях присутствовали все чины. В столичных церквях и соборах, переполненных народом, духовенство совершило, постъ божественной литургии, молебствия с возгласием многолетия Их Императорским Величествам, Наследнику Цесаревичу и всему Царствующему Дому. В Исаакиевском соборе была совершена божественная литургия. В собор приехали члены Государственного Совета, министры, сенаторы, почетные опекуны, первые и вторые чины Высочайшего Двора, придворные кавалеры, адмиралы, генералитет и офицерство всех родов оружия. Собор был переполнен молящимися. По окончании литургии было совершено молебствие, на котором присутствовали Их Императорския Высочества великие князья Константин Константинович и Дмитрий Константинович и герцог Михаил Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий.

В Москве совершены в Успенском соборе литургия епископом Тихоном и молебствие митрополитом Сергием. Съ Тайничой бани произведенъ 101 выстрелъ. Въ Кремль был церковный парадъ изъ частей всего московского гарнизона съ участием воспитанников военно-учебных заведений.

О совершении молебствъ въ этотъ день получены телеграммы изъ всьхъ главнйшихъ городовъ России.

— 5 октября, в 4 ч. 15 м. утра, въ Новомъ Петергофѣ, въ Знаменскомъ дворцѣ, въ имѣніи великаго князя Петра Николаевича, супруга Его Императорскаго Высочества великая княгиня Милица Николаевна благополучно разрышилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ при святой молитвѣ Романомъ. Здоровье Августѣйшей Родильницы и Высоконоорожденнаго шло въ удовлетворительно. Буллетень о разрышеніи отъ бремени Ея Императорскаго Высочества подписанъ лейбъ-акушеромъ Оттомъ и докторомъ Дранцинымъ.

— 12 октября въ Римѣ состоялось бракосочетаніе наследнаго принца итальянскаго Виктора Эммануэля съ княжной черногорскою Еленой.

— 12 октября, въ Шверинѣ, въ дворцовой церкви, въ 11 часовъ утра, состоялось бракосочетаніе наследнаго великаго герцога Ольденбургскаго съ принцессой Елизаветой Мекленбург-Шверинской. Бракосочетаніе совершалъ придворный проповѣдникъ Вольфъ. Шествіе открывалъ императоръ Вильгельмъ съ великой княгиней Маріей Павловной. Женить шелъ между великой герцогиней Маріей и великой княгиней Анастасіей Михайловной, невѣста—между великими герцогами Ольденбургскимъ и Шверинскимъ. Постъ бракосочетанія былъ приемъ поздравленій, затѣмъ—семейный обѣдъ.

— 1 октября исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія графа Михаила Николаевича Муравьева, известнаго своей дѣятельностью въ качествѣ виленаго генералъ-губернатора и военнаго губернатора всего сѣверо-западнаго края. По словамъ *Виленаго Вѣстника*, день этотъ былъ посвященъ въ гор. Вильнѣ молчаливому воспоминанію о незабвенномъ дѣятелѣ сѣверо-западнаго края. Въ дворцовой церкви, постъ божественной литургии, совершена была, въ присутствіи генералъ-губернатора, командующаго войсками виленаго военнаго округа, начальника губернии и многихъ другихъ лицъ, панхиды. Въ соборахъ и приходскихъ церквяхъ панхиды совершены еще наканунѣ. Учебное ведомство, памятуя заслуги графа М. Н. Муравьева для просвѣщенія сѣверо-западнаго края, почтило особымъ номинированіемъ знаменитаго государственнаго дѣятеля. Въ церкви средне-учебныхъ заведеній гор. Вильны собралась на заукопной Богослуженіе директора, преподаватели и воспитанники во главѣ съ управляющимъ учебнымъ округомъ. Ученики низшихъ учебныхъ заведеній со своими наставниками и начальствомъ собрались на панхиду въ Пречистенскомъ соборѣ. Совершены были панхиды и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

— Въ настоящее время, по словамъ *Нов. Вр.*, составляются Коронаціонный сборникъ и Коронаціонный альбомъ. Первый выйдетъ подъ редакціей управленнаго канцеляріей министра Императорскаго Двора В. С. Кривенко. Выпетыки для сборника рисуетъ известнй художникъ г. Самокишъ. Сборникъ будетъ украшенъ цѣлымъ рядомъ фототипій, исполненныхъ Экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ, съ фотографій, снятыхъ съ натуры во время коронаціонныхъ торжествъ. Коронаціонный альбомъ

составляетъ Императорская академія художествъ. Рисунки будутъ исполнены художниками А. Н. Бенуа, В. М. Васнецовымъ, С. И. Васильевымъ, Н. Д. Кузнецовымъ, К. В. Лебедевымъ, В. Е. Маковскимъ, К. Е. Маковскимъ, В. В. Мата, И. Е. Рьпнинымъ, А. П. Рябушкинымъ, Н. С. Самокишемъ, А. И. Соколовымъ, В. А. Скрябинымъ, А. Зельфельдомъ и другими. Текстъ будетъ украшенъ заглавными буквами и заставками.

— Президентъ Французской республики декретомъ отъ 12 октября 1896 года объявляетъ, что, по случаю посѣщенія Франціи Его Величествомъ Государемъ Императоромъ, слагаются и уменьшаются наказания 402 лицамъ, приговореннымъ французскими, а также алжирскимъ и тунискимъ судами.

— Президенту евангелическо-лютеранской генеральной консисторіи, сенатору барону Александру Александровичу Искулю-фонъ-Гильденбанду Высочайше повелѣно быть товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

— Младшему флагману контръ-адмиралу Гильдебранду Всемилоствитѣше повелѣно быть помощникомъ начальнаго главнаго морского штаба.

— Министра Народнаго Просвѣщенія постигла серьезная болѣзнь. 14 октября у гр. И. Д. Делянова появились приливы крови къ головѣ, вызвавшие слабость и сонливость. Пользующіе министра проф. Мочутковскій и д-ръ Трубачевъ указали въ буллетенѣ на необходимость безусловнаго покоя. Въ духѣ послѣдующихъ буллетеняхъ констатируется постепенное улучшеніе здоровья больного.

— На берлинской международной выставкѣ присуждены малыя золотыя медали художникамъ В. Е. Маковскому и И. Е. Рьпнину.

СОДЕРЖАНІЕ: Въ гостяхъ у Донъ-Никота. (Недѣля въ Лажанчѣ). Вас. И. Немировича-Данченко. — Занять и восходъ. Очеркъ Н. А. Лухмановой. — Соборъ св. Владкѣра въ Києѣ. — Къ рисункамъ: Турчанка (съ рис.). — Любимецъ (съ рис.). — Изъ юбилейнаго альбома А. Ф. Маркса. Портретъ М. А. Зичи и фансимиле его анварели (съ портр. и рис.). — Невснй торжество (съ 9 рис.). — Спасъ-Преображенскій и Борисо-льбскій соборы въ Черниговѣ. Серебряная рака, въ которой поносятся мощи св. Феодосія Углицкаго (съ 2 рис.). — В. С. Кривенко (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя известія. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.
Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой.)

Безплатно высылаютъ каждому книжку о кройкѣ и шитьѣ и основательно обучаютъ кройкѣ и шитью самою, т. е. письменно на русскомъ и въякомъ языкѣхъ, не требуя никакой уплаты впередъ, преподавательница практической кройки г-жа Найдичъ, Дав.-Городокъ, Минской губ. Агенты приглашаются. № 9570

ВЫГРЫШ-

НЫЕ 1, 2 и 3 выигрываетъ **БАНКІРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,** 59, Невскій, Спб. 4-3

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „СМІСЬ - ПРЕМЬЕ“.

Способность, прочность, удобство. Последнія усовершенствования. Цѣна 250 рублей и 275 рублей.

Пишущая машина „КОСМОПОЛИТЬ“ Самый красивый шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 8 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Полнораз. аццисъ въ ней 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ обихихъ машинъ высылаются бесплатно.

Оптъкъ О. РИХТЕРЪ. С.-Петербургъ. Адмиралтейскій просп. № 4.

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ
на Всероссийской выставкѣ 1896 г. за „Мыло Диспозе“ П. Н. Виноградова.

НОВОЕ МЫЛО ИЗОБР. ДИСПОЗЕ

ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫХЪ ВЪ ТЕПЛОЙ ВОДѢ БЕЗЪ ПАРКИ

ТРЕБОВАТЬ, чтобы каждый кусокъ имѣлъ на оберткѣ и на мылѣ штампъ „Мыло Диспозе“. БѢЛЫЕ получается замѣчательно чистыми. ЖЕЛТИЗНА и пятна уничтожаются. ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. МЫЛА этого расходуется ВЪ ТРИ РАЗА МЕНЬШЕ простого. Совершенно безвредно для тканей бѣлыхъ. Удостовер. за № 3780. Продажа въ колоніальныхъ, мыльн., аптеч., и др. магаз. Опт. у П. Н. Виноградова. Москва, Рождественка, д. № 2. Ц. № 9552 6-2

Знаменитое бѣлье
Королевско-Саксонск. и Королевско-Руянск. Придворн. Поставщиковъ

МЕЙ и ЭДЛИХЪ, Лейцигъ - Плагвицъ.

изящно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго подолнянаго бѣлья. Штука только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой неприятностей. После употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при уселенномъ потѣнн. Необходимо для военныхъ, путешествующихъ, и холостяковъ. Нижепомеменованные представители сообщать, по желанію, гдѣ оно продается.

Танфани Штейдель, Москва. Карль Шimmel, С.-Петербургъ. Садовая 18. Шваръ Тишбейнъ, Рига. Фабіанъ Клингеландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

ТВЕРСКАЯ ЛѢЧЕБНИЦА
ДЛЯ ПРИХОДЯЩИХЪ И СТАЦИОНАРНЫХЪ БОЛЬНЫХЪ

И. В. МУХАЙЛОВА.
Болѣзны мочевыхъ и половыхъ органовъ. Приемъ отъ 4-7 ч. вец. 2-1
Москва, Тверская, Брюссельск. пер., д. Ермакова.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ
для всевозмож. картинъ

НА БУМАГѢ

изобрѣтенія полк. Малиновскаго. Специальная мастерская С. И. Анкимовой. Москва, Арбатъ, д. 40. Школьникъ. фон. 15-35 р. и др. Подробн. каталогъ 2 изд. фонарей. Книгъ для школъ и войскъ и картинъ бумажныхъ съ отзывами печати и друг. за 20 к. марк.

ДИПЛОМЪ
за ВСЕРОССИЙСКУЮ ВЫСТАВКУ 1896 г.

CRÈME SIMON
(КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольд. крема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіемъ.

J. Simon, 13, Rue Grange, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. Р. № 9603 13-1

НАКЛАДЫШЪ ПОДАРОКЪ ДЛѢ САМОГО СЕБѢ.

Портмонезъ изъ лучшей черной оюпки заграничной выдѣлки, съ матовыми лоскоми, съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ для звонкой монеты. Корпусъ изъ одного куска съ механическимъ затворомъ, содержащимъ латуновый штемпель съ подушкою для краски.

Въ штемпелѣ можно помѣстить имя, отчество, фамилію и званіе, по желанію и коронку. Наружная величина 2 1/4 x 1 1/4 вершка. Цѣна со штемпелемъ 1 шт. 2 р., 2 шт. 3 р. 75 к.

Также дамскія изліцныя, разборномъ 1 3/4 x 1 1/2 вершка, по тѣмъ же цѣнамъ. Тѣ же изъ настоящей тюленевой мягкой шагренированной кожи на 50 коп. дороже. Ц. № 460 x 2-1

Изготавливаются также изящные и прочныя бумажники по слѣдующимъ цѣнамъ:

Преисъ-курантъ БУМАЖНИКАМЪ со штемпелями.	Разм. въ вершк.		ЦѢНА въ коп.
	Длина	Ширин.	
„Купеческій“ „Казначейскій“ „Банкирскій“.	3 3/4	2 1/2	7 250 350
	4	3	9 350 500
	4 1/4	3	11 500 700

Всѣ цѣны съ пересылкою въ Европейскую Россію, въ Азіатскую же съ прибавленіемъ части въвозной. Съ наложеннымъ платежомъ 10 коп. больше.

Въ контору фабрики Америк. научн. штемпелей **М. ФИШМАНЪ** Варшава, ул. Бѣльская, 23.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены **ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРВА**

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика **РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО** основанная въ 1810 году Спб., Владимирская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы **РОЯЛИ** въ 1100, 900, 800, 700, 610 и 550 рублей **ПИАНИНО** въ 550, 500 и 450 р. Преисъ-куранты высылаются бесплатно. В. № 988 13-1

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:
ВЗВЕЙТЕСЬ СОКОЛЫ — ОРЛАМИ
соч. **АТСКІЙ.**
Цѣна 1 р.; выисывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Складъ при типографіи М. Розенеръ. Спб., Литейный, 43. № 98 7

= НОВОСТЬ! =
ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.

1896—1897.

НОВАЙШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА.

РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ

МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. Цѣна 325 руб.

РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 руб.

Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ. Единотвенный для всей Россіи СКЛАДЪ

Торговый Домъ **Ж. Блокъ**

ОТДѢЛЕНІЯ:
ГЛАВНАЯ КОНТОРА МОСКВА. С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Ковна, Ростовъ и Д.

№ 4711.

РОЗОВОЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО.
Самое нѣжное глицериновое мыло, ПРОЗРАЧНОЕ **КАКЪ ХРУСТАЛЬ** благодаря своимъ отличнымъ качествамъ, приобрѣло большую извѣстность. Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилія пѣны, нѣжный запахъ розы—вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени. 6-6

Издѣлія № 4711 можно получать въ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей. При покупкѣ проситъ обращать вниманіе на утвержденную фабричную марку № 4711. Цѣна: большой кусокъ 30 коп., средній 25 коп., и малый 20 коп.

НОВОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ПЕЧЕНІЕ

С. СІУИКЪ
PETIT BEURRE
МОСКВА

С. СІУИКЪ

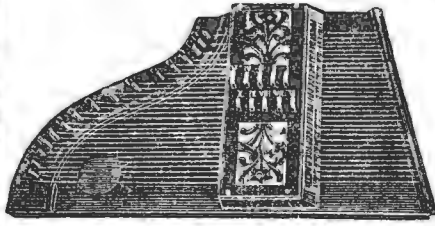
Фисъ ГАРМОНИИ

Цѣны дешовыя

ПРЕИСКЪ КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО

Д. А. ЛЕКСАНДРОВА
С. П. БУРГЪ НЕВСКІЙ 57

Фабрика Торгового дома А. Е. КУЛАКОВЪ, Спб., Садовая ул., 33.

ЦИТРА-АРФА

7 пед. 24 струны 5 р. 50 к. 10 пед. 32 струны 11 р. Самоучителя по 50 к. и 1 р. Цитра-арфа популярный и самый наилучший для обучения инструментъ. Лицо совершенно незнакомое съ нами или даже неспособное и то въ состоянн играть какія угодно пьесы, аранжированнны въ особомъ альбоме и удобопонятно. Высылается бесплатно.

Въмахъ съ подробнымъ объясненіемъ чрезвычайно Юбилейный преѣсъ-курантъ всѣхъ инструментовъ высылается бесплатно.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

и депо подлинныхъ

ФОНОГРАФОВЪ ЭДИСОНА

Москва, Тверская, д. Толмачева.

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ:

- == Электрическихъ, рессорныхъ и ручныхъ фонографовъ, цѣною отъ 200 до 550 р. съ принадлежностями.
 - == Кинетографъ, для проектированія на экранѣ движущихся фотографическихъ сценъ въ натуральную величину отъ 2000 до 3000 руб.
 - == Кинетоскоповъ и театроскоповъ (оживленная фотографія) въ маломъ видѣ 500 руб.
 - == Приборъ для демонстрированія фотографій невидимыхъ предметовъ 750 руб.
 - == Тысячи фонограммъ пѣня известныхъ артистовъ, комическихъ куплетовъ, разсказовъ и оркестровыхъ пьесъ.
 - == Только нашъ магазинъ: Всегда имѣеть большой выборъ запасныхъ частей, высланныхъ по телеграфному запросу, П. № 9595 5-1
 - == Собственную мастерскую съ иностранными мастерами.
 - == Выдаетъ дѣйствительную гарантію въ исправности проданныхъ машинъ, основательно и бесплатно обучаетъ обращенію съ фонографомъ.
- Москва, Тверская, домъ Толмачева, Депо фонографовъ.

D.O.M + D.O.M

BENEDICTINE

de de

L'Abbaye de Fécamp

MONACHORUM MONACHORUM

La Meilleure des Liqueurs Se defier des contrefaçons.

Se trouve dans toutes les bonnes maisons de chaque ville

D.O.M + D.O.M

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ. ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE

изъ Медицинскаго Факультета въ Парижѣ

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ. ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ. № 8835 26-22

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на богато иллюстриров. изданіе поэмы М. Ю. Лермонтова съ 12 оригинальн. рисунками худ. Н. В. Изенберга. Въ форм. больш. изд., со множ. страницъ, вѣнзетокъ и рам., отпечатан. фотот. Цѣна по подп. писью до 15 дек. 3 р.; съ почт. перес. 3 р. 50 к. Подп. привимъ въ Спб., М. Морская, д. 20, фототинія П. Бабкина. Съ 25 декабря складъ и фототип. перемѣст. на уг. Общественной ул. и Англійскаго проспекта, домъ № 28-58. Высылается вѣдом. платежомъ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ СЫЩЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. 27.

ТУАЛЕТНЫЙ УКУСОУЪ. РАВНОВѢСНЫМЪ КОСМЕТИЧЕСКИМЪ СВОЙСТВА ЭТОГО СОСТАВА СЛАДКИ И ВО ВАЖНОЮ ПОТРЕБНОСТЮ ДЛЯ ТРАПЕЗЪ

Туалетный Укусъ Виолетъ де Парижъ
Карболовый Туалетный Укусъ
Туалетный Укусъ ге ла Нобельсъ.

МАГАЗИНЫ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ:
ВОЗНЕСЕНСКІЙ ПР. УГОЛЪ КАЗАНСКІЙ ДВ. ДОМЪ № 24-28
НЕВСКІЙ ПР. № 22
НЕВСКІЙ ПР. № 66

МАГАЗИНЫ ВЪ МОСКВѢ:
КРАСН. УЛОМЪ И ПЕТРОВСКО-САДОВ. ПР. № 11

43-1. „МОРИСЪ“ 43-1.

Невскій пр., д. 43-1, уголъ Троицкой ул.

На настоящему сезону приготовленъ колоссальный выборъ готового мужского платья новѣйшихъ фасоновъ и мѣховыхъ вещей, а также получены въ громадномъ выборѣ всевозможные мѣха и матеріи послѣднихъ новостей для заказовъ русскихъ и иностранныхъ фабрикъ.

Цѣны дешевыя.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ:

Экономическаго обмундированія: форменнаго платья для гг. офицеровъ, гражданскихъ чиновъ всѣхъ министерствъ и вѣдомствъ, а также для гг. воспитанниковъ Императорскаго Александровскаго Лицея, училища Правовѣднн и всѣхъ формъ для гг. студентовъ, готового и на заказъ.

Шитья военное и гражданское

всѣхъ министерствъ и вѣдомствъ готовое и на заказъ собств. золототшвейной. Для гг. иногородныхъ высылается наложеннымъ платежомъ съ задаткомъ 3-й части стоимости заказа. П. № 9601 3-1

Иллюстрированный преѣсъ-курантъ съ указаніемъ способа снятія мѣрки высылается по требованію бесплатно.

Можно получать въ Москвѣ во всѣхъ магазинахъ Товарищества «Эйнемъ». П. № 9898 16-1

ГОЛЛАНДСКІЙ

КАКАО

ВЪ

ЭЙНЕМЪ

МОСКВѢ.

Можно получать во всѣхъ колониальныхъ магазинахъ Россіи.

Склады фотографическихъ принадлежностей

Е. ЮХИМЪ и К^о.

С.-Петербургъ. Невскій пр., № 8. Москва. Театральн. провъзд. 24-22

Громадный выборъ всевозможныхъ аппаратовъ для фотографовъ специалистовъ и любителей, а также для научныхъ цѣлей.

Преѣсъ-курантъ изданія 1896 г., состоящій изъ 424 страницъ въ 8^ю листъ, съ 710 рисунками въ текстѣ, вышелъ изъ печати и высылается по требованію за 50 коп. почтовыми марками.

== ВСѢ НОВОСТИ ПО ФОТОГРАФИИ. ==

ЛЕОНГАРДИ

достоверно-извѣстна, единственно настоящія

Алициариновая чернила для письма и копированія

(жѣлѣзисто-орѣшковаго 1-го класса по отзывамъ государственныхъ № 8857 ныхъ учрежденій), 30-26

ЛЕГКО-СТЕКАЮЩІЯ, ВПОЛНѢ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.

НАИЛУЧШІЯ.

для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода, можно получать почти во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи.

Неподѣльно только съ сей

Авг. Леонгарди, изобрѣтатель и единственный

предохранительной маркой.

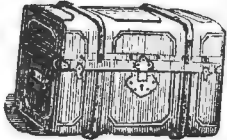
въ Дрезденѣ, фабрикантъ.

Избѣгать поддѣлокъ.

ЛЪЧЕВИЦА
Д-ра мед. **ПЕТКАЧЕВА**
для страдающих **ЗАИМАНІЕМЪ**
и другими болезнями **РЪЧИ**.
МОСКВА, Никитскій бул., д. Прибылова.

Выписывайте заодно
ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ
пока громадный выборъ разныхъ
разновъ и новѣйшихъ конструкций, съ 12-ю
и больше картинками. Цѣны 2 р. 50 к.,
3 р., 4 р. 50 коп., 4 р., 5 р., 6 р., 7 р.,
8 р., 9 р., 10 р. и т. д. до 100 р. Къ
фонарямъ отъ 5 р. прилагаются еще
хромотроши и движущіеся изображенія.
Адресъ: С.-Петербургъ, Большая
Морская, 33. (кладъ новыхъ изобрѣ-
теній). Высылаются немедленно по
полученіи стоимости, можно и налож.

ФАБРИКА ДОРОЖНЫХЪ ВЕЩЕЙ

БОЛЬШОЙ
ВЫБОРЪ
ТРОСТЯНОВЫХЪ
СУНДУКОВЪ,
сесерсовъ и
проч. высшаго
качества.

Ю. МЮЛЛЕРЪ,
СПБ., Б. Морская, 16-8.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

В. № 9518
12-3
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнечкаго моста.
♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ♦
съ нѣжными ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (59)

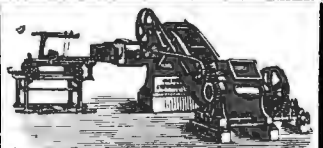
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ **Mimosa** ЛОЗЕ **Ixora-viola**

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ
магазинахъ и у лучшихъ нуаферовъ.

Людв. Ведоров. Шликэйзель,
Москва,

Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ,
рекомендуетъ кирпичедѣлательный
и торфяныя машины, прессы для вы-
дѣлки трубъ съ раструбами, чере-
пичъ съ фальцами, брикетовъ; дабы
патентов. Шаровыя мельницы для
измельченія и размола и одновремен-
наго просѣиванія материаловъ любой
крѣпости, какъ-то: шпота, цемента,
шлаковъ, руды, костей, стекла, фос-
форитовъ и т. п. (36)

ЛЮБИМЫЕ ВАЛЬСЫ для фортеп. въ 2 руки:
Лазурное небо, муз. Гекера, ц. 50 к.
Жить и любить, муз. Коста, ц. 60 к.
Днѣпровскія волны, муз. Калерштейна, ц. 50 к.
Боярский паркъ, муз. Присовскаго, ц. 50 к.
Оградныя мечты, муз. Рогового, ц. 60 к.
Страданіе, муз. Маркмана, ц. 40 к.
Моя милочка, муз. Д. М., ц. 40 к.
Торжественный маршь въ память открытія
въ Кіевѣ памятника императору Николаю I-му,
муз. Волчекъ. Изданіе издѣльное съ видомъ
памятника, ц. 60 к.
Гг. илюстродіе при требованіи 8 выше оза-
наченныхъ пьесъ за пересылку не плататъ.
Адр. Густавъ Форнеръ, изд. ноль въ Кіевѣ.

**СИБИРСКОЕ
СУКНО И ТРИКО**

по прочности и дешевизнѣ незамѣнимъ для
костюмовъ домашнихъ, рабочихъ, последнен-
ныхъ гг. помѣщикамъ, чиновникамъ, конто-
ристамъ, врачамъ, учителямъ, гимназистамъ
и проч. Образцы, описаніе и условия пере-
сылки заказа высылаются за 7 коп. марку.
Магазины: С.-Петербургъ, Владимірская, 6;
Рига, 6. Новая ул., 15. 5-5

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни
Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

НАСТОЛЬНЫЙ

**ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ
ОКОНЧЕНЪ.**

Изд. Т-ва А. ГРАНАТЬ и К°. Цѣль изданія — въ сжатомъ изложеніи дать точныя и
обстоятельныя свѣдѣнія по каждому предмету знанія, ознакомить съ основными выво-
дами всѣхъ наукъ и болѣе важными вопросами жизни и тѣмъ содѣйствовать самообра-
зованію и болѣе разностороннему развитію. Въ изданіи принимали участіе: проф. Д. Н.
Анучинъ, проф. П. Г. Виноградовъ, прив.-доц. П. И. Вознесенскій, М. Я. Герцен-
штейнъ, В. А. Гольцевъ, В. И. Григорьевъ, прив.-доц. И. Я. Гурляндъ, Г. А. Джанши-
евъ, Я. П. Колюбовскій, проф. В. Ф. Левицкій, д-ръ М. Е. Лѣонъ, прив.-доц. И. Л.
Лосъ, проф. И. В. Лучинскій, П. Н. Милоковъ, С. А. Муромцевъ, В. А. Микотинъ,
проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нецаевъ, В. И. Острогорскій, проф. Э. Ю. Петри,
А. С. Пругавинъ, проф. Э. Л. Радловъ, А. С. Размадзе, прив.-доц. А. Р. Свиридовскій,
прив.-доц. В. Д. Соколовъ, проф. А. С. Тауберъ, маг. М. И. Туганъ-Барановскій,
проф. Н. А. Умовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, проф. А. И.
Чупровъ, проф. В. Г. Щегловъ и мн. др. Ц. № 9590 4-1

ОКОНЧЕНЪ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
МОСКВА,
Б. Никитская, д. 5.

8 томовъ (бол. 11,000 столб. убористой печати), 71,890 статей и замѣтокъ, 1567
портретовъ и рисунковъ, 26 географич. картъ, 150 таблицъ рисунк. и статисти-
таблицъ. Цѣна 38 руб., въ переплетѣ — 42 руб. За пересылку 10%.

Допускается разсрочка отъ 1 р. 20 к. въ мѣс. ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ
съ отрывками печати, выдержками изъ текста и условиями разсрочки высылаются **БЕЗПЛАТНО.**

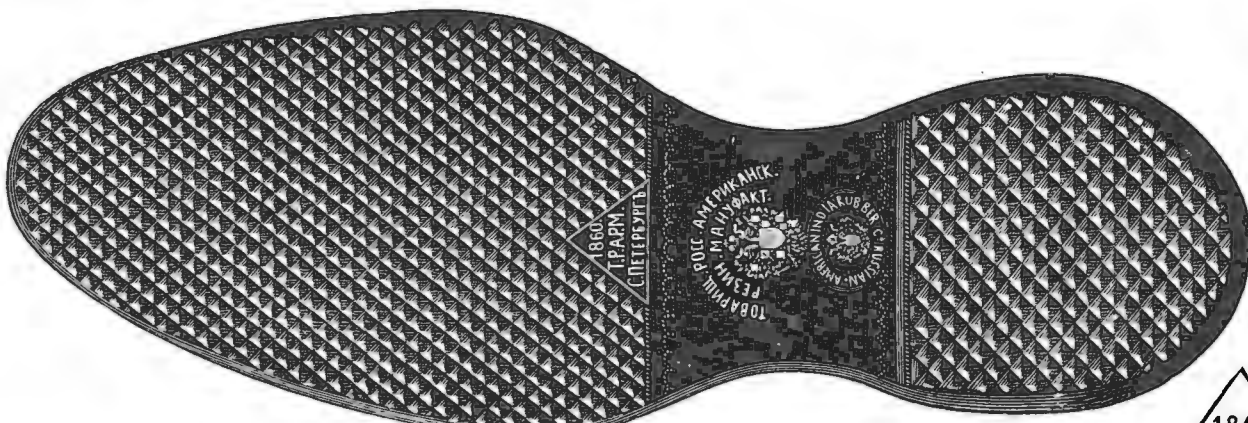

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

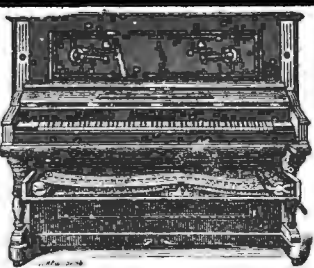

№ 6931 26-20

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“,
въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ **ЗА РЕЗИНОВЫЯ**
ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено
высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНИНО.

Играет посредством верчения рулеви, а также можно играть как на обыкновенном пианино.

Цена 55, 600, 700 и 800 р.

Ноты по 1 р. 25 к. за метр (-1/3 арш).

Список пьес и прейсъ-курангъ бесплатно.

ОЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо и фабрика

музыкальных инструментовъ

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34.

Москва, Кузнецкiй мостъ, д. Захарьина.

ВУДЛЕ!

Шерсть съ шелкомъ, новѣйшая матерiя для дамскаго наряднаго зимняго платья. Цена за купонъ на полное платье жѣброу въ 10 арш. 12 р. 50 к., ширина 24 вершка. Цвѣта среднiе, съ отливомъ сѣрымъ, синимъ, зеленымъ и золотистымъ. Эта матерiя выработана на нашихъ фабрикахъ съ французскаго образцоваго платья, которое стоитъ въ Парижѣ 100 франковъ.

ФАБРИЧНЫЙ РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИНЪ А. ИВАНОВА

Москва, Тверская, Пассажъ Постникова. Магазинъ высылаетъ съ наложен. платежемъ по первому требованiю. Упаковка за счетъ магазина. Пересылка за счетъ покупателя.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

- духи — **ФИАЛКА ДУСЛЕЗЭ** — туалетное мыло.
- духи — **ЯХОНСКАЯ ФИАЛКА** — туалетное мыло.
- духи — **ЭДЭЛЬ РОЗЕ** — туалетное мыло.
- духи — **ЛАНДЫХИЪ ДУСЛЕЗЭ** — туалетное мыло.

Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлсруэ.
Можно получить:
Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Бюлеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Гершъ, Лимана и Рисса, А. Ланде, А. Энглуанда. Ц. № 9368
Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Меринизъ, въ магазинѣ „А-ла-туалетъ“, у Г. Брунесъ, Д. Герхардъ, и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россiи. 25-16
Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Максимилиановскiй пер.

НОВОСТЬ!
ДУХИ
ВЪ ЧЕСТЬ
КОРОНАЦIИ
ПОСТАВЩИКОВЪ
ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА
А. РАЛЛЕ и К°.
Москва, Кузнецкiй мостъ.
С.-Петербургъ, Невскiй, № 18. (7)

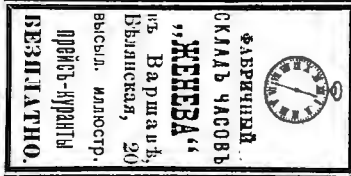
Бильць. ГИГИЕНИЧЕСК. ЛЪЧЕБНИЦА.

Санаторiя Дрезденъ-Радебиль (Герм.).
2 врача. Особенно приспособлена для осени, и зимняго лѣченiя. Одна изъ самыхъ большихъ и прекрасн. гигиенич. лѣчебницъ Германiи. Лѣчение болѣзней женск., нерин., желудочн., грудн., наложн., полов. орган., астмы, ревмат., ожирѣн., малокр. и т. п. Подр. объявленiя—бесплатно. Владѣлецъ лѣч.—Ф. Е. Бильць, авторъ премировъ соч.: «Бильць. Гигиеническ. лѣчение».

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
для производства **СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ**
въ г. Ригѣ
изготовляетъ въ большомъ количествѣ и въ выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.
Продаются во всѣхъ городахъ Имперiи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ. Л. № 9599 10—1

ЧУДО НЕТЪ Каждый можетъ играть въ 5 минутъ. Со школой и 12-ю нотами 1 руб., за чересычку 80 коп. Въ Азию по разстоянiю.
„Базаръ польза и забава“ Г. Гебгарда. С.-Петербургъ, Симеоновск. ул., № 5.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучиваю изъ 6 уроковъ вачино. Методъ удостоенъ золотой медали и благодарности короля Эллионъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условiя и пробное письмо. Одесса, Екаторинская, № 7. Проф. Кат. Э. Кошидинъ. № 9436 10 6

ВСЯКОМУ

жителю Тифлисской, Томской, Бакинской, Ферганской, Сыр-Дарьинской и другихъ дальнихъ губерний, надо вспомнить, что почта беретъ много времени, чтобы доставить требованiя заказчиковъ въ С.-Петербургъ, а желѣзная дорога беретъ еще больше времени для доставки заказанныхъ предметовъ на мѣсто назначенiя. Поэтому всѣмъ желателямъ и каждому

ХОЛОСТОМУ

надо подумать о подаркахъ къ Рождеству и немедленно дать заказъ. Кому требуется

МИЛЕНЬКАЯ

золотая брочка (отъ 6 р. 50 к. до 100 р.), кому кулка (4 р. 50 к.), коллекцiя для елокъ (5, 10, 15, 25 и 50 р.), коллекцiя хлопושекъ съ сюрпризами (1 р. 50 к., 3 р. 25 к., 5 р.) или коллекцiя въ 10 подарковъ (2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 7 р. 50 к. и 10 р.) и всѣ эти вещи и многiе другiе предметы можно выслать отъ **„БАЗАРЪ МАРОКЪ“**, С.-Петербургъ, Невскiй пр., № 20—31, тутъ каждый отецъ для своихъ дѣтей, мужъ для жены,

НЕВЪСТА

для жениха, холостой для знакомыхъ найдеть практичный и дешевый подарокъ. Главное же надо замѣтить, что если мало времени, то заказъ съдѣлать събавить телеграммой, что бы товаръ отправилъ по желѣзной дорогѣ, что гораздо выгоднѣе для гг. заказчиковъ, чѣмъ пересылка почтою. Задатокъ требуется небольшой, такъ какъ остальная сумма переводится наложеннымъ платежемъ.

ВИНТЬ ДЛЯ УСОВЪ
дають преледную форму усамъ. Высшiй сортъ 50 к., 2 за 90 к.

Брошь **СВИНКА** франц. золота 1 р. 25 к.
Брошь **НА ПАМЯТЬ** съ эмал. цвѣт. 2 р. 25 к.

УКРАШЕНIЙ ДЛЯ ЕЛОКЪ
ИЗЯЩНЫ, ДЕШЕВЫ И ДОБРОСОБЪСТНО СОСТАВЛЕНЫ.

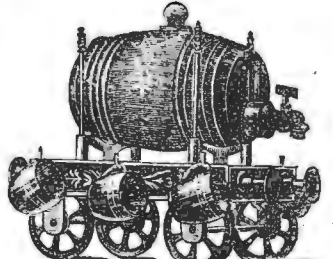
Имѣются коллекцiи въ **5 р., 10 р., 15 р., 25 р., 50 р. и 100 р.** и всѣ даже 6-ти рублевiя содержатъ всѣ необходимыя вещи для украшенiя елокъ и въ нихъ положены русскiе и заграничныя картонныя новѣйшихъ рисунковъ, а также стеклянныя и блестящiя украшенiя, дождь, флаги и проч.
КОЛЛЕКЦIИ ХЛОПУШЕКЪ съ сюрпризами
1 р. 50 к., 3 р. 25 к., 5 р., 7 р. 50 к. и 10 р. 90 к.
КОЛЛЕКЦIИ ХЛОПУШЕКЪ съ костюмами
95 коп., 1 р. 25 к., 3 р. 50 к., 5 р. 75 к., 9 р. 50 коп.
КОЛЛЕКЦIИ ПОДАРОКОВЪ
2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 7 р. 50 к., 10 р. Въ каждой коллекцiи 10 разн. подарковъ для мальчиковъ и дѣвочекъ.

БЕЗОПАСНАЯ РАЗРИТВА
Лучше всѣхъ! Остерегайтесь! Поддѣлокъ!
3 р. 50 к. Запасной ножикъ 1 р. 25 к.
ПОЛНЫЙ ПРИБОРЪ 7 вещей 6 р. 25 коп.

ВИНОКЛЬ
съ портретами Ихъ Импер. Величiя Государя Императора и Государыни Императрицы франц. золота 2 р. 45 к., 2 за 4 р. 15 к.

Винный приборъ ПАРОВОЗЪ
съ боченкомъ и 6 рюмками съ позол. и узорами 9 р. 75 к.
Такой же паровозъ брит. мет. съ судками для масла, укуса, горчицы и перца 6 р. 75 к.

НАСТОЯЩАЯ ИСПАНСКАЯ ШЕЛНОВАЯ ШАЛЬ

ДЕНЕВАЯ ИЗЯЩНАЯ И МОДНАЯ ВЕЩЬ.
54x8 вершк. 4 р. 65 к.
ВЫСШIЙ СОРТЪ богат. расунокъ 56x11 1/2 вершк. 9 р. 0 к.

ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ 56-Й ПРОБЫ съ БРИЛЛIАНТАМИ:
БЕЗЪ ФОЛГЫ ИЛИ НАКЛАДКИ такъ что трудно отлич. отъ наст. бриллiант.
№ 254. Нольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3 за 13 р. 90 к.
№ 353. Серьги на крючк. 4 р. 85 к. № 307. Брошка. Шт. 7 р. 55 к.
№ 358. Серьги на винт. 4 р. 85 к. № 503. Булжан. Шт. 2 р. 90 к.
№ 401. Браслетъ. Шт. 19 р. 75 к. № 306. Брошка съ 8 бриллiантами—похоже на браслетъ № 401. Шт. 10 р. 75 к.

Пересылка наложеннымъ платежемъ. Въ Азиатскую Россiю съ задаткомъ. **„БАЗАРЪ МАРОКЪ“** С.-Петербургъ, Невскiй пр., № 20—31.

При этомъ № прилагаются для гг. иногородн. подписчиковъ (за исключен. московскихъ) 2 объявленiя: 1) отъ книжн. магазина А. М. Зелскаго въ Москвѣ и 2) отъ книжн. магазина Г. Т. Бриллiантова въ Москвѣ.

XXVII.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 44

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 2 ноября 1896 г.

Цена этого № 20 к., съ пер. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1897 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложеніями за 1896 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ Н. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговая линія.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
На ¼ гола безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к.; съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на ½ гола безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.									

При семъ прилагаются: 1) **СОЧИН. Д. В. ГРИГОРОВИЧА, Т. XI (Сборникъ «Нивы» за Ноябрь);** 2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА НОЯБРЬ 1896 г. съ 28 рис. и отдѣл. листь съ 28 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 32 рис. руководѣльных работъ.**

Берлинская юбилейная выставка. „Въ саду“. Съ карт. Ф. Андрюетти. Автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Три дѣйствія комедіи.

Повѣсть

† В. П. Желиховской.

I.

Въ деревенской глуши.

Іюнь въ полномъ цвѣту.

Давно на берегахъ Волги не помнили такого дружнаго лѣта, такой благодатной весны, такихъ богатыхъ травъ и всходовъ.

Въ Ранѣвкѣ, имѣніи, гдѣ жилъ самъ хозяинъ,—такъ же усердно и неутомимо распорядясь по хозяйству, какъ нѣкогда энергично распорядился на Кавказѣ войсками, воюя съ горцами,—уже косили. Черезъ рѣку, на луговой сторонѣ, въ богатѣйшемъ селѣ Анны Дмитриевны Смольцевой, по постояннѣму ея сосѣдству, еще ранѣе, чѣмъ у него, заработали косари; только рядомъ съ имѣніемъ бывшего кавказскаго генерала, въ заброшенномъ, живописномъ, по давно не видавшемъ господѣ, селѣ Красныя-Дубки, травы желтѣли и грозили погибнуть на корню, если не скажутся надъ ними сами мужички,— въ свою или въ господскую пользу.

Генералъ Борисъ Илларионовичъ Ранѣевъ вставалъ въ пять часовъ утра; сейчасъ же садился на бѣговья дрожки, а къ десяти уже возвращался и требовалъ завтрака,— утренняго чая его домашнихъ. До трехъ читалъ, считалъ и писалъ въ своемъ кабинетѣ, и горе племянницамъ, повару, лакеямъ, даже его непамятной дочкѣ Надѣ, если въ три супъ не стоялъ уже на столѣ. Отдохнувъ не болѣе часу, въ пять часовъ генералъ уже снова мчался на работы на дрожкахъ или верхомъ. Вечеромъ подолгу бесѣдовалъ со старостой и приказчиками, а въ одиннадцать всегда былъ въ постели.

Вслѣдствіе такихъ энергическихъ мѣръ недавно купленные имъ у владѣтелей Красныхъ-Дубковъ и переименованныя въ Ранѣевку, тысяча десятинъ земли процвѣтали и на-диво всемъ сосѣдямъ щедро вознаграждали труды помѣщика.

Генералу было для кого потрудиться: дочь, пятнадцати лѣтъ, и трое сиротъ брата, убитаго въ Дагестанѣ, были на его рукахъ. Старшей племянницѣ его, Софьѣ Сергѣевнѣ, было ужъ подъ тридцать; она заправляла всемъ домашнимъ хозяйствомъ. Братъ ея Миша кончалъ въ Москвѣ образованіе; а младшая сестра, Пина, только что вышла изъ института и, какъ сама о себѣ выражалась, помогала Наденькѣ баклуши бить.

Баклуши обѣ барышни были неустанно и очень охотно, съ той разницей, что Надежда Борисовна Ранѣева, будучи еще на положеніи подростка, была ихъ откровенно, — этимъ лѣтомъ въ особенности она бездѣльничала потому, что гувернантка ея уѣхала въ Англію, повидаться съ матерью,—а Пина Сергѣевна рисовалась этимъ „битьемъ“, яко бы занятіемъ временнымъ, которое и сама она несомнѣнно презираетъ глубоко, но ради удовольствія „принцессы Надины“ *должна-де* проводить время не въ свое удовольствіе, а этому маленькому деспоту въ угоду...

Прикрываясь шуткой, вторая Ранѣева очень любила провозглашать свою двоюродную сестру „деспотомъ, пустельгой и капризницей“... Въ характерѣ Пины много было свойствъ ея матери, имеретинки родомъ; свойства, за которыя ту еще въ дѣтствѣ, въ тифлисскомъ институтѣ, подруги прозвали „*кутаисской змѣйкой*“. Она любила стлать мягко, чтобъ потомъ людямъ было жестоко спать... Она, впрочемъ, всемъ нравилась и была замѣчательно хорошенькая дѣвушка.

Старшая сестра, Софья Сергѣевна, уродилась въ отца. Ни свѣтлые волосы ея, ни аляповатія черты лица, выражавшія несомнѣнную искренность и доброту всехъ Ранѣевыхъ, ни довольно тяжеловѣсное сложеніе, ни

чѣмъ не напоминали стройной фигуры и красоты ея покойной матери. Зато если бы Пина когда-нибудь явилась на берегахъ Ріона, велъ Имеретія мигомъ признала бы въ ней отпрыскъ княжескаго рода Джеулдзе.

Братъ ихъ былъ гранью между ними; онъ унаследовалъ отъ матери физическую красоту, а отъ отца его душевныя качества и способности, всю жизнь выдѣлявшія старшаго Ранѣева изъ строя посредственностей, къ которому собственная скромность его заставляла примыкать.

Вообще въ семьѣ Ранѣевыхъ было много своеобразныхъ особенностей, между которыми едва ли не больше всего выдѣлялись свойства ея младшей представительницы. Надя наружностью и многими чертами ушла изъ семьи или, вѣрнѣе, пошла тоже въ чуждый Ранѣевымъ полу-малороссійскій, полу-черкесскій родъ своей матери. Борисъ Илларионовичъ былъ женатъ на дочери черноморца, казачьяго полковника, выходца съ береговъ Днѣпра, одного изъ первыхъ представителей Сѣчи Запорожской, переселившася на Кубань и тамъ женившася на чистокровной черкешенкѣ. Породы много было въ этой стройной, сильной, живой и смѣлой дѣвочкѣ. Она до тринадцати лѣтъ росла и развивалась на-диво, обѣщая быть такою же замѣчательною красавицей, какою были все женщины въ семьѣ ея матери. Но года два тому назадъ Надя упала съ лошади, и вслѣдствіе этого неловкаго паденія болѣла болѣе года. Физическое развитіе ея было насильственно задержано, а съ нимъ приостановился и расцвѣтъ ея красоты. Еслибъ не болѣзнь эта, она была бы уже взрослой, вполне развитою дѣвушкой; теперь же она казалась все еще полу-ребенкомъ, худенькой, смуглой дѣвочкой съ капризными, подвижными чертами, въ лицѣ которой, пока, одни черные глаза могли назваться дѣйствительно прекрасными. Эти мягкіе, бархатные глаза, почти всегда прикрытые черной бахромой шелковистыхъ, загнутыхъ вверхъ рѣсницъ, до того густыхъ и длинныхъ, что онѣ положительно дожились тѣнью на худенькія щеки, могли и теперь уже вспыхивать и загораться глубокимъ пламенемъ. Въ лицѣ Ниночки краса была въ тонкости и правильной нѣжности очертатій; въ лицѣ же Нади, напротивъ, все дѣло было въ выраженіи и окраскѣ.

Надя была изумительно переменчива и въ характерѣ, и въ наружности. Бывали дни, когда она положительно бывала некрасива; зато порою, оживляясь, она могла и должна была затмить правильную красоту Пины. Мало кто могъ догадываться объ этомъ теперь; сама Наденька была искренно убѣждена въ томъ, что она дурнушка, убѣждена всемъ не изъ излишней скромности, а просто потому, что въ рѣдкія минуты ея ярко вспыхивавшей красоты не случалось ей взглянуть въ зеркало. Пока лишь двоюродный братъ ея Миша, да отчасти товарищъ его по раннему ученью въ гимназіи, кончившій нынѣ курсъ лицейскій, Николай Андреевичъ Смольневъ, и воздавали должное Надеждѣ Борисовнѣ.

Въ то яркое утро, съ котораго начинается наше повѣствованіе, генералъ возвратился съ утренней прогулки по работамъ не одинъ: онъ встрѣтилъ передъ самымъ въѣздомъ въ липовую аллею перекладную, обогналъ ее и возвѣстивъ властнымъ веселымъ голосомъ:

— Сонечка! И вы,—гдѣ вы тамъ?.. Стрекозы!.. Братъ ѣдетъ!.. Встрѣчайте!

Мишу ждали на вакаціи, но тѣмъ не менѣе пріѣздъ его произвелъ радостный переполохъ. Старшая сестра чуть не разбила чашку, которую вытирала въ чайной

у готового къ завтраку стола, и закричала, оглянувшись на балконную дверь, отворенную настежь въ цѣвѣтничекъ:

— Нина! Надя!.. Миня прѣѣхалъ! — и бросилась бѣжать на дворовое крыльцо.

Прибѣжавшая на ея зовъ сестры застала ее уже грузно висящей на шеѣ запяленного, едва соскочившаго съ повозки, брата. Софья Сергѣевна была старше его на восемь лѣтъ; ея отношенія къ Мишѣ были почти материнскія. Когда умерла ихъ мать, ей было десять лѣтъ, а ему два, и самъ онъ не замѣчалъ, какъ часто, вкоренившаяся въ то время привычка, называть ее мама-Соня, и теперь заставляла его иногда обмолвиться...

Онъ цѣловалъ теперь ея загорѣлыя, полныя руки, съ которыхъ сползли широкіе рукава кисейнаго платья по локотъ, а въ то время еще двѣ пары рукъ легли ему на плечи. Смуглыя, тепенькія ручки Нади безъ церемоніи обвились вокругъ шеи двоюроднаго брата и тянули его къ себѣ, изъ объятій старшей сестры; а болѣе выхоленные, изящныя руки Нины только сомкнулись на плечѣ его. Она терпѣливѣе другихъ ожидала поцѣлуевъ студента, пристально вглядываясь въ правильный профиль его, достойный греческой статуи Адониса или божественнаго супруга Психеи, и думала про себя, что братъ ея хорошъ! Очень хорошъ! По... и она не хуже!

Истина, однако, требуетъ заявить, что это было преувеличенное самолюбіе: Нинѣ Сергѣевнѣ далеко было до брата!

— Ну! Шивки!.. Впились! — кричалъ изъ окна своей комнаты, гдѣ онъ переодѣвался, генераль. — Брось ихъ, братъ, Мишка!.. Идемъ завтракать. Вѣдь отъ нихъ не отвяжешься!

— Можеть-быть, переодѣнешся, умоешься съ дороги, Миша? — съ другой стороны, спрашивала Соня. — Тебѣ все готово, наверху, въ твоей комнатѣ.

— Вотъ еще! Зачѣмъ ему лѣзть наверху? — протестовала Надя и ужъ тянула его за руку за собою. — Пусть къ намъ идетъ! Ко мнѣ или къ Ниночкѣ!.. Тутъ скорбе!.. Къ чему это переодѣваться, когда мы его сейчасъ видѣть хотимъ!.. Правда, Нина?

— Конечно, правда! — отвѣчала Нина, хотя только что думала съ истинно институтской сдержанностью, что это совсѣмъ неприлично, да и безпорядочно.

Ниночка, хотя и не была знакома съ изреченіемъ Талейрана, вполне раздѣляла его мысль о томъ, что языкъ данъ человѣку именно затѣмъ, чтобъ скрывать свои помыслы...

Софья Сергѣевна примирила несогласія, уведя брата въ свою комнату.

Черезъ четверть часа всѣ сошлись у чайнаго стола, и говоръ и смѣхъ звонко стояли надъ нимъ. Михаилъ Сергѣевичъ Ранѣевъ рассказывалъ дядѣ — о доставкѣ купленныхъ по его порученію хозяйственныхъ орудій; старшей сестрѣ — о благополучной сдачѣ экзаменовъ; меньшимъ — о дорожныхъ встрѣчахъ и приключеніяхъ, едва успѣвая отвѣчать на вопросы, соображать отвѣты, — такъ его осаждала на радостяхъ семья.

— Да! Да! Да!.. Вотъ было слона-то и забылъ! — вскричалъ онъ, вдругъ самъ себя прерывая среди рѣчи. — Честь имѣю поздравить съ новымъ сосѣдствомъ!.. И въ особенности барышень — съ новыми сосѣдями!.. Да какими!.. — онъ поцѣловалъ концы своихъ пальцевъ: — Первый сортъ — рафинадъ! Деликатесъ!..

— Ты совсѣмъ гостинодворецъ! — засмѣялась Софья Сергѣевна. — Говоришь, точно московскій купчикъ.

— На томъ стоимъ-съ! Мы люди московскіе, съ деликатнымъ образованіемъ-съ!.. — пошутилъ студентъ и повернулся отъ старшей сестры къ младшимъ. — Ну-съ! Принцесса Сперанца!.. Догадайтесь: кто къ намъ ѣдетъ? И ты Ниночка: припатуешься!

— Мнѣ откуда-жъ знать? — улыбаясь, пожала плечи-

комъ Нина. — Я и сама у васъ въ гостяхъ!.. Почти никого не знаю.

— А надо, надо узнавать! Освойтсѣя! — прервалъ дядя. — Теперь кончила курсъ — такой же обывательницей сельца Ранѣевки станешь, какъ и мы всѣ.

Ниночка сдѣлала гримаску. Желаніе дяди, чтобъ она поселилась просто-напросто съ ними въ деревнѣ, было ихъ постояннымъ яблокомъ раздора.

— Ну-ну! Principessa mia!.. Догадайся хоть ты.

— Да куда же — сюда? — переспросила Надя, безпричинно вся вслыхнувъ, какъ алая гвоздика, приколотая у ея груди. — Къ намъ въ домъ или въ сосѣдство?

— Ну, разумеется, въ сосѣдство!

— Кто жъ?.. Коля!.. Николай Андренчъ долженъ быть прѣѣхать.

— Смольневъ? — прервалъ молодой Ранѣевъ. — Да ужъ онъ прѣѣхалъ!.. Вчера, если не раньше!.. Я видѣлся съ нимъ: въ Москвѣ встрѣтились, но онъ не хотѣлъ меня ждать.

— Да, да! Я не сказалъ вамъ?.. — подтвердилъ генераль. — Анна Дмитриевна третьяго-дня еще прислала сказать, что сынъ прѣѣхалъ. Блистательно копчилъ!.. Ужъ имѣетъ прекрасное назначеніе, мѣсто тамъ же, въ Петербургѣ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Вся краска сбѣжала съ подвижнаго лица Нади. Она будто сразу осовѣла.

— Такъ кто же, наконецъ? — спросила Ниночка.

— Краснодарскіе ѣдутъ! Надоѣло, видишь, за границей доходы тратить. Взбрело имъ на умъ Волгу по-смотреть.

— Сюда?.. Въ Дубки? — изумился Борисъ Илларионовичъ. — Да гдѣ же они жить-то здѣсь будутъ?.. Въ курятникѣ, что ли? Вѣдь въ домѣ-то течь — что твое рѣшето!

— Ужъ не знаю!.. Вѣрно, поправятъ. Книгини не одна: сынокъ офранцузенный съ ней и сестра ея, баронесса... Рисдольфъ, Флисдорфъ, какъ ее тамъ?.. Съ супругомъ даже, кажется, посланникомъ...

— Посланникомъ?.. Господи! — вскричали сестры.

— Ну, братецъ! Ужъ ты и хватилъ! — засмѣялся дядя, заливъ кокетку кахегинскимъ, безъ котораго и здѣсь, на Волгѣ, не обходился. — Рейсдольфъ консуломъ гдѣ-то состоитъ, вотъ и все!.. Да вѣдь и въ консульствахъ, думаю, все же онъ къ крову привыкъ?.. Ужъ не знаю, какъ они размѣстятся въ дубковскихъ сѣвальныхъ залахъ!

Онъ отодвинулъ стулъ, вытеръ салфеткой усы и, вставая, прибавилъ:

— Ну, пока, до свиданія, дружочки! У меня дѣло.

— Ты знаешь этихъ Краснодарскихъ?.. Отчего ты называешь князя Краснодарскаго офранцузеннымъ?.. Почему ты знаешь, что они будутъ жить здѣсь?.. А этотъ Рейсдольфъ, молодой или старый? — тотчасъ же по уходѣ дяди осыпала институтка вопросами своего брата.

Вопросы эти касались почти исключительно не-прекрасной половины человѣчества въ семьѣ новыхъ сосѣдей.

А Надя словно завяла: опустила, смолкла и ускользнула въ садъ „подумать“.

Подумать — прежде всего являлась ей необходимость, какъ только что-либо сбивало ее съ колеи, поражаало ея чувства или мысли. Послѣ недолгаго съ самой собою разсужденія, она обыкновенно рѣшалась на что-нибудь, чему ужъ слѣдовало неуклонно.

Она побѣжала по вновь разведенному саду, мимо цвѣточныхъ клумбъ, навилона и крохотнаго пруда, въ дальній конецъ его; туда, гдѣ было больше разросшейся зелени и тѣни, гдѣ молодой садъ переходилъ въ простую березовую рощу. Тамъ она остановилась въ чащѣ деревьевъ, закинула голову назадъ и внимательно смотрѣла, какъ трепетали нѣжныя листочки

Академическая выставка 1896 г. Съ картины В. Симова грав. Павловъ.

на темной синевѣ неба—точно будто за тѣмъ только она и пришла сюда... Но по озабоченно сведеннымъ бровямъ ея, по выраженію печали на почти дѣтскомъ лицѣ, замѣтно было, что не трепетные листочки въ высотѣ, — куда она смотритъ, не видя ихъ, — занимаютъ ее.

„Такъ вотъ какъ!.. Приѣхалъ ужъ третій день?.. Приѣхалъ—и не показался!..“ Ничѣмъ не откликнулся на ея ожиданія?!.. А что говорилось осенью, въ послѣдніи ихъ прогулки, въ послѣдніи, памятные свиданія?.. Неужели забылъ?.. Измѣнился?.. Развѣ такія слова забываются?.. Или что-либо помѣшалось, задержало?.. Посмотримъ... *Es* — ничто бы не удержало! Ничто и никто не могъ бы помѣшало ей придти къ нему сейчасъ же! Сію минуту, прежде всѣхъ!.. „Увидимъ. Сегодня ужъ навѣрное приѣдетъ.“

— Наденька!.. Гдѣ ты?..—раздался голосъ Нины.

— *Speranza mia!*.. Сестричка-птичка!.. Куда залѣтѣла?—вторилъ ей Миша Ранѣевъ.

Надя нервно вздрогнула, откликнулась и, пожмаясь худенькими плечиками, словно ей, въ это жаркое утро, было холодно, пошла имъ навстрѣчу.

Въ этотъ самый день, въ этотъ самый часъ, неподдающему, за синей лентой цвѣтущей Волги, въ барскомъ домѣ Анны Дмитриевны Смольпеовой, сама хозяйка, почти старушка, хотя въ бѣлокурыхъ волосахъ ея еще не было сѣдины, была занята рисованіемъ какихъ-то растений съ натуры на широкомъ балконѣ, выходившемъ въ садъ.

Въ тѣни полосатой маркизы, окруженная цвѣтами, на блиставшемъ фонѣ стеклянныхъ дверей и оконъ, увитыхъ зеленью, въ виду чудной панорамы рѣки въ ея живописныхъ берегахъ, даже эта отцвѣтшая, высокая, блѣдная женщина казалась красивой.

Красива она и была когда-то; но болѣзни и печали рано уничтожили ея красоту, оставивъ лишь прелесть ласки во взглядѣ голубыхъ глазъ и въ привѣтливости обращенія, да красивую осанку, поддержанную тщательнымъ туалетомъ. При жизни мужа, занимавшаго высокое положеніе въ учебно-административномъ мѣрѣ, Смольпеова играла большую роль въ столичномъ обществѣ; да и теперь еще, послѣ почти безвыѣздной десятилѣтней жизни въ деревнѣ, сохранила дружескія связи и сношенія со многими сильными міра. Это было ей нужно прежде всего для будущности единственнаго сына, котораго ей удалось сохранить — меньшого изъ шестерыхъ дѣтей. Смерть мужа и пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ трое умерли на одной недѣлѣ, сразила ее, состаривъ раньше времени. Но, разлюбивъ шумъ и удовольствія свѣта, Анна Дмитриевна не стала ненавидѣть его и чуждаться людей. Помимо расчетовъ, ради Николая Андреевича, въ ней самой было много сердечности; она сама нуждалась въ живомъ общеніи съ людьми и, несмотря ни на что, сохранила способность интересоваться и принимать участіе во всемъ мірскомъ. Чтеніе, переписка съ друзьями и громаднымъ родствомъ, музыка, да развившаяся у Анны Дмитриевны въ послѣдніе годы страсть къ ботаникѣ, въ серьезномъ смыслѣ этой науки, наполняли жизнь ея. Впрочемъ, ее рѣдко оставляли совсѣмъ одну: знакомые и родственники находили ее и въ дальнемъ Луговомъ, какъ прежде въ ея городскихъ хоромахъ.

Къ пристани, устроенной у самаго сада, подошелъ паровой катеръ; изъ него на берегъ выскочилъ стройный юноша, въ безукоризненномъ лѣтнемъ костюмѣ, и быстро пошелъ къ балкону; снявъ соломенную шляпу и вытирая лобъ платкомъ, онъ казался сильно озабоченнымъ.

— Знаете, маман!—издали еще заговорилъ онъ по-французски, — мнѣ необходимо тотчасъ же ѣхать въ городъ.

— Въ городъ?.. Какъ въ городъ?—изумилась Смольпеова.—Зачѣмъ такъ скоро?

— Ахъ, маман, да не совсѣмъ же! Не въ Москву!.. Богъ съ вами!—улыбнулся онъ. — А въ губернской городъ. Представьте, вышла ошибка: въ комнаты баронессы не хватаетъ ни голубыхъ, ни бѣлыхъ обоевъ!.. Не знаю, что и дѣлать?.. Пожалуй, такихъ гладкихъ здѣсь и не найдешь!.. Придется перемѣшать — выисывать ужъ некогда! Но вѣдь надо выбрать со вкусомъ, съ толкомъ; *autrement ce sera une horreur!*.. Нельзи же—въ видѣ латокъ! Или не подѣ цвѣтъ. Надо съѣздить самому.

— Другъ мой, неужели тебѣ необходимо изъ-за этого ѣхать, только-что приѣхавъ, за семьдесятъ верстъ?—возразила мать.—Это было бы странно!.. Не побывавъ у сосѣдей, почти со мною не видавшись... *Ne serait ce pas pousser l'amabilité un peu loin?*

— Какъ, не видавшись съ вами?—перебилъ онъ.

— Ну, разумѣется!—прервала мать.—Я тебя почти не видала... ты цѣлыми днями въ Красныхъ-Дубкахъ!

— *Mais puisque j'ai promis...* Я обѣщался, а поручить положительно некому... Не могутъ же Краснодарскіе и баронесса жить въ такомъ... *dans une bicoque!*

— Очень хорошо, но ты не архитекторъ и не ихъ управляющій, чтобъ посвятить себя исключительно работамъ о ихъ помѣщеніи... Я понимаю побывать изъ любезности, распорядиться... Но чуть ли не самому красить полы!

— *Tu exagères, maman!* Зачѣмъ преувеличивать?

Николай Андреевичъ смутился и даже покраснѣлъ.

— Очень мало!—съ убѣжденіемъ возразила мать.— Почему не приѣхалъ баронъ заранѣе? Или почему не поручили Анатолю?

— Тотъ! Этому младенцу?—засмѣялся Смольпеовъ.

— Младенецъ девятнадцати, если не двадцати лѣтъ, однако. Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, что ты приѣхалъ нѣсколько болѣе для свиданія со мною, нежели для устройства жилища княгинѣ Краснодарской или даже ея прелестной сестрѣ?.. Енѣ!.. Мы сейчасъ попросимъ Александру Семеновну или Кириака Васильевича, кого тебѣ угодно, съѣздить въ городъ...

— Но если они не сумѣютъ...

— Они превосходно все сдѣлаютъ. Ты дашь образцы, объяснишь... Мы же съ тобою завтра въ Ранѣевкѣ!.. Я дала знать Борису Илларионовичу, что мы у нихъ обѣдаемъ.

— Да?.. Завтра привезутъ книги баронессы. Я хотѣлъ заняться...

— Я думаю, что ей самой гораздо будетъ пріятнѣе, если ты ей оставишь хоть немножко дѣла,—улыбаясь, но очень рѣшительно сказала мать и перемѣнила разговоръ.

Николай ей не противорѣчилъ; хотя онъ возмущался въ душѣ противъ такихъ распоряженій, но сознавалъ, что мать права, и у него не хватило духу настаивать на своихъ желаніяхъ.

Сила воли и рѣшительность дѣйствій не были его отличительными чертами. Онъ вообще легко поддавался подѣ чужое вліяніе и плылъ по теченію, пока самолюбіе его было спокойно. Зато этотъ рычагъ, разъ затронутый, могъ возбудить въ немъ самостоятельность даже до упрямства.

На другой день обѣденный столъ у Ранѣевыхъ былъ очень оживленъ и многолюденъ. Кромѣ Смольпеовыхъ, изъ города приѣхали гости, довольно часто посѣщавшіе генерала военные: сосѣдь ихъ, женихъ Софьи Сергѣевны, очень добродушный человекъ, полковникъ Лешневъ, раненый въ ногу, а потому слегка прихрамывавшій; майоръ, помышлявшій до обѣда о хорошей закускѣ съ послѣдующей благодатью, а по окончаніи его—объ удачной пулкѣ; и поручикъ, не помышлявшій ни о чемъ, кромѣ лучезарныхъ взоровъ Нины Сергѣевны, на которую взиралъ съ подобострастнымъ восторгомъ.

Николай Андреевич Смольневъ былъ также чрезвычайно къ ней внимателенъ; но къ остальнымъ своимъ старымъ знакомымъ въ этотъ день относился крайне разсѣяннo и отнюдь не замѣчалъ упорныхъ, пристально вопросительныхъ взглядовъ, которые нѣсколько разъ уткой устремляла на него издали Надя. Зато ихъ замѣчала Нина и втайнѣ имъ очень забавлялась.

Это была для нея новость. Въ тѣ времена институтокъ еще не пускали на вакаціи домой, и она давно не бывала въ семьѣ. „Туда же!“—думалось ей:—„этотъ ошипанный бекасикъ уже помышляетъ о побѣдахъ?.. Самопадѣянна!.. Не съ твоей рожницей удивленной обезьянки, мой дружокъ!..“ И она, къ отчаянію поручика, обращала усиленное вниманіе на будущаго дипломата.

Хозяинъ дома, Смольнева, Софья Сергѣевна, двое старшихъ военныхъ гостей и отчасти Миша Ранѣевъ, вели болѣе или менѣе общую бесѣду, отъ которой послѣдній отвлекался по временамъ ради примолкнувшей собесѣдницы своей, Надежды Борисовны; но она такъ неприязненно принимала его обращенія къ ней, такъ жестоко вспыхивала и бросала на него такіе умоляющіе взгляды изъ-подъ сдвинутыхъ бровей, что онъ, наконецъ, понялъ, что лучше оставить ее въ покоѣ.

„Что же это? Онъ парочно не говоритъ со мной? Не смотритъ!..“—мелькали у нея раздражительныя мысли. „Что-жь, онъ хочетъ показать мнѣ, что все измѣнилось?.. Или онъ въ самомъ дѣлѣ забылъ все, что было?.. Нѣтъ, этого быть не можетъ!.. Онъ только лицемеритъ, но я заставлю его бросить притворство! Я прямо спрошу его!“

И она успокоилась, остановившись на этомъ рѣшеніи.

Послѣ обѣда старшіе составили партію въ ералашъ, а молодежь разсѣялась по цвѣтнику и саду. Нинѣ не долго сидѣлось вмѣстѣ со всѣми: она любила устранивать себя а part, а потому, вдругъ отдѣлившись отъ общества, она побѣжала въ другой конецъ сада, мило оглянувшись и закричавъ:

— Кто меня покачаетъ? Мнѣ хочется покачаться на качеляхъ.

Этимъ маневромъ она думала отвлечь Николая Андреевича, разговорившагося съ Мишей и Софьей Сергѣевной; но она ошиблась въ расчетѣ и очень разсердилась, когда, оглянувшись почти у самыхъ качелей, увидала, что за ней поспѣшно шагаетъ одинъ, вѣрный ей, несмотря ни на что, поручикъ... Но, разумеется, отступить было немислимо, и Нина съѣла на качели, громко смѣясь, рѣшившись быть до того любезной съ поручикомъ, чтобъ пробудить не только вниманіе, но и ревность Смольнева.

Онъ однако продолжалъ оживленно бесѣдовать со старшими Ранѣевыми. Онъ предлагалъ общую побѣдку, въ видѣ пикника, въ Красные-Дубки... Онъ хотѣлъ посоветоваться насчетъ нѣкоторыхъ подробностей отдѣлки комнатъ на половинѣ Рейсдольфовъ, специально порученныхъ его наблюденію самой баронессой.

— Вотъ какъ, Николай Андреевичъ!—смѣялась Софья Сергѣевна.—Съ чего же вы попали въ такіе комиссіонеры?.. Въ чемъ вы проявили способности, по дѣламъ отдѣлокъ и обивокъ?

— О! это изъ любезности,—прервалъ ее братъ.—Вѣдь Смольневъ ужасный ловеласъ!

— Да, я бы это поняла, еслибъ дѣло шло о молодой, хорошенькой женщинѣ!—продолжала Софья Сергѣевна.—Но вѣдь эта баронесса должна быть старая баба!

— Что ты? Что ты, Соня! Комета первой величины!

— Старая баба?! Прелестнѣйшая женщина!—въ одинъ голосъ прервали ее молодые люди.—Вы увидите сами, когда она пріѣдетъ.

— Я не петербуржець,—продолжалъ Михаилъ Сер-

гѣевичъ,—да и то знаю, что баронесса Рейсдольфъ одна изъ самыхъ модныхъ дамъ большого свѣта.

— Прелестнѣйшая женщина, — повторилъ убѣдительно Смольневъ.—La plus charmante, la plus spirituelle, la plus élégante des femmes.

— Но позвольте! — спокойно, улыбаясь, замѣтила Софья Сергѣевна,—élégante, spirituelle—сколько угодно! Но что она не молода, это мнѣ прекрасно извѣстно!.. Я чуть не десять лѣтъ тому назадъ кончала курсъ; ея дочь была тогда во второмъ или третьемъ классѣ... Она иногда ее навѣщала, хотя не любила, потому что обдѣняжка была немощно кривобочка... Баронессѣ теперь вѣрныхъ сорокъ лѣтъ, если не больше.

— Impossible!—вскричалъ Смольневъ.

— Ну кто говорить о женскихъ лѣтахъ!—укорилъ ее братъ.—La femme a l'âge qu'elle paraît avoir,—кто же этого не знаетъ?

Надя сидѣла тутъ же на скамейкѣ. Она зонтикомъ водила по дорожкѣ, не принимая участія въ разговорѣ, но не теряя изъ него ни слова.

Въ эту минуту подошелъ лакей къ Софьѣ Сергѣевнѣ съ просьбой генерала, не забыть навѣдаться въ конюшню, взглянуть на „Красавчика“, каково ему, послѣ лѣтства?

— Хорошо, сейчасъ... отвѣчала она и тутъ же разсмѣялась.—Бѣда мнѣ съ дядюшкой! Онъ рѣшительно воображаетъ, что я ветеринаръ!..

— Не мудрено! Ты такъ любишь лошадей и съ ними вѣчно возишься, что убѣдила его въ этомъ!—возразилъ ей братъ.—Пойдемъ вмѣстѣ, если хочешь. И я взгляну... Жаль „Красавчика“!.. Такая славная лошадка!

— Заболѣла?—спросилъ Смольневъ.

— Повредила ногу, а разнія конюхъ не сказали вовремя.

Они пошли къ калиткѣ сада. Смольневъ всталъ, не зная, идти ли съ ними, направиться ли къ качелямъ, гдѣ поручикъ высоко раскачалъ Нину и продолжалъ „поддавать“, несмотря на визгъ ея и хохотъ. Но вдругъ онъ увидѣлъ Наденьку, подошелъ и сѣлъ съ ней рядомъ.

— Что это вы пишете на пескѣ, Надежда Борисовна?—спросилъ онъ, улыбаясь.

— Я?..

Она подняла на него глаза, такъ чудно засіявшіе, что онъ встрепенулся. Взглядъ этой дѣвочки словно затронулъ въ немъ долго молчавшую струну, и въ душѣ его прозвучалъ отвѣтный отзвукъ дальняго, дѣтскаго, но милого прошлаго.

— Я не имѣю привычки писать что-либо на сыпучемъ пескѣ... Это вы, когда-то, любили писать на немъ... потому-то...

— Потому-то?—мягко спросилъ юноша.

— Потому-то слова ваши, все то, что вы тогда писали, и стерлось такъ скоро и безслѣдно изъ вашей памяти... Такъ же легко, какъ съ сыпучаго песку!

Она уже не смотрѣла на него, а низко опустила голову, продолжая играть зонтикомъ по землѣ. Лицо ея ярко горѣло, глаза затуманились слезами, которыя она напрасно силилась сдержать.

— Но почему же вы думаете, Надя, что я забылъ?—медленно выговорилъ Смольневъ, стараясь дѣйствительно вспомнить, что такое, когда-нибудь, писалъ онъ.

— А вы помните?—живо встрепенулась она и тотчасъ потупилась, взглянувъ въ глаза его.—Нѣтъ!.. Вы конечно не помните, а не то...

Она опять загнулась.

— А не то?.. Что-жь вы не договариваете?

— А не то, вы не оставались бы три дня въ Луговомъ, не навѣстивъ насъ, и... были бы совсѣмъ другой!—твердо выговорила Надя.

— Но, Боже мой! Я, право, каждый день собирался. Мнѣ столько было дѣла...

— Убирать комнаты баронессы Рейсдольфъ? — преврала она презрительно.

— Да! Что-жь тутъ особеннаго? — оскорбился юноша. — Отчего не помочь сосѣдямъ? Хорошимъ знакомымъ.

— Анна Дмитріевна говорила, что она ихъ почти не знаетъ!

— Что-жь такое?.. Развѣ я не могу имѣть своихъ знакомыхъ и друзей, помимо татапа?

— О! Безъ сомнѣнія.

Она встала холодно, блѣдная, некрасивая. Но, при взглядѣ на нее, Николаю вспомнилось ихъ дѣтство, ихъ старая дружба... Вотъ точно такое бывало у нея выраженіе, когда она, играя съ нимъ шестилѣтней дѣвочкой, почему-нибудь обижалась и бросала игру, сердясь на него... Ему вдругъ стало жаль,—прошлаго ли дѣтства, ея ли самой? Онъ самъ не зналъ, только онъ не далъ ей уйти. По-старому, по-прошлогоднему, онъ взялъ ея худенькую ручку, властно заложилъ за свою и сказалъ:

— Ни-ни!.. Не сердитесь на стараго друга!.. Пройдемтесь къ рошѣ! Къ милой нашей рошѣ!.. Помните, какъ вы съ горы, а я снизу, съ нашей пристани, бывало посылали другъ другу телеграммы?.. Пойдемте туда!

— Я ничего не забыла,—отвѣчала она тихо, но рѣшительно освобождая свою руку.—Но напоминать забытое никому не хочу!

— Мнѣ напоминать не нужно. Я тоже помню все!

— Да?.. Такъ скажите же: что писали вы на пескѣ, въ прошломъ году наканунѣ отъѣзда вашего, — вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ?

— Ахъ, Боже мой!.. Да!.. Помню, помню! Было что-то такое...

Онъ точно разомъ вспомнилъ. Онъ взялъ зонтикъ изъ рукъ ея и написалъ большими буквами:

„Наденька! Милая! Дорогая! Не забывай меня! Я тебя люблю!“

— Вотъ это?—спросилъ онъ живо.—Ну, развѣ не слово въ слово?.. Вотъ видите, вы думали, что я забылъ!.. А я и опять готовъ повторить то же.

Она сначала вспыхнула. Сердце ея крѣпко забилося, но она взглянула на него внимательнѣй: что-то неловкое, странное послышалось ей въ его черезчуръ развязномъ тонѣ, и она сразу поняла, что это... *совсемъ не то!*.. Она мгновенно потухла и спросила почти равнодушнымъ голосомъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, вы готовы повторить?

— Разумѣется готовъ! Разумѣется!—увѣренно подтвердилъ онъ.—Развѣ такія, какъ наша, дѣтскія дружбы забываются?.. Да тамъ, что бы ни было впоследствии, что бы ни случилось со мною въ жизни, но васъ, Наденька, я никогда не разлюблю и не забуду!..

— Въ самомъ дѣлѣ?..—повторила она.—Благодарю васъ... Я тоже всегда буду васъ... помнить!

— Еще бы!.. Мы какъ братъ и сестра. Я даже не понимаю, какъ могъ приучиться говорить вамъ — *вы!* Но, разумѣется, съ лѣтами даже такимъ близкимъ друзьямъ, какъ мы, оставаться на *ты*—неудобно!

— Разумѣется неудобно!—согласилась она.

Но долѣе выдержать притворства Надя не могла и очень обрадовалась, когда Нина, не выдержавъ тоже напускнаго равнодушія, закричала:

— Полноте вамъ тамъ секретничать въ сторонкѣ! Надюша! Николай Андреичъ!.. Идите, помогите намъ доску большую положить на качели и покачаемтесь всѣ вмѣстѣ.

— Пойдемте!—предложилъ Смольневъ.

— Идите! Я сейчасъ,—отвѣтила Надя.—Я, все равно, качаться не могу: у меня отъ качелей голова кружится... Я взгляну дома, не нужно ли чего? И сейчасъ вернусь.

Она пошла, не торопясь, къ балкону, въ то время какъ навѣки ея утраченный другъ дѣтства — она чувствовала, что навѣки, что все между ними сказано! — побѣждалъ прочь отъ нея, къ хорошенькой кокеткѣ. Она сама дивилась своей силѣ, своему наружному спокойствію! Она знала, что нужно скрыть, и скрыла глубоко въ себѣ свое первое, уже не дѣтское, а женское горе; но оно не стало легче оттого, что она рѣшилась схоронить его глубоко, подъ развалинами своихъ несбывшихся мечтаній и надеждъ.

(Продолженіе будетъ.)

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Статья XI. (Съ 11 рисунками.)

Намъ остается еще осмотрѣть нѣсколько группъ нижегородской выставки, обнимающихъ собою сельское хозяйство въ обширномъ смыслѣ этого слова. Эти группы по внѣшнему виду далеко не столь блестящи и эффектны, какъ многія другія группы выставки. Здѣсь нѣтъ великолѣпныхъ, доселѣ невиданныхъ тканей, отъ которыхъ глаза не могли оторвать наши барыни, нѣтъ и громадныхъ машинъ, изумлявшихъ зрителя сложностью своей конструкціи и точностью работы и вызывавшихъ представленіе о промышленныхъ городкахъ съ ярко освещенными по ночамъ нити-этажными фабриками съ многомиллионными оборотами, нѣтъ и предметовъ причудливой фантазіи Востока. Экспонаты сельскохозяйственнаго отдѣла въ большинствѣ не видные, скромные, не вызывавшіе даже впечатлѣнія о тѣхъ производствахъ, которыя они представляли. Ряды банокъ съ хлѣбными зернами или сѣменами масличныхъ растений не напоминали намъ о раскинувшихся на тысячи верстъ золотистыхъ нивахъ и о тѣхъ сотняхъ тысячъ сверкающихъ на солнцѣ серповъ и косъ, которые нужны для ихъ уборки; зерна эти не говорили нашему уму и о той работѣ мысли и усиляхъ воли, которыя приходилось дѣлать, чтобы улучшить качество зерна, не видное на глазъ, но имѣющее громадное значеніе. Но тѣмъ не менѣе скромные навильоны сельскаго хозяйства были полны животрепещущаго интереса, особенно для насъ, русскихъ.

Россия страна сельскаго хозяйства по преимуществу; отъ положенія сельскаго хозяйства зависитъ ходъ всей нашей государственной машины. Его невзгоды заставляютъ печаловаться всю Россію, его удача благотворно отражается во всѣхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества. Не даромъ говорятъ, что лучший министръ финансовъ Россіи — Господинъ Урожай. Чтобы судить о значеніи для Россіи сельскаго хозяйства, достаточно остановиться на цифрахъ внѣшней торговли; вотъ онѣ: въ среднемъ за 1885—1894 гг. вывезено:

	Цѣнность въ рубляхъ.	% отношеніе къ общему итогу.
Хлѣба, льна и др. продуктовъ		
растениеводства	426.491,500	67
Лѣсныхъ матеріаловъ	40.062,800	6
Продуктовъ животноводства	50.780,700	8
Итого	517.335,000	81
Общая сумма вывоза	642.121,140	100

Такимъ образомъ $\frac{4}{5}$ всего, что мы вывозимъ за границу, приходится на долю земледѣлія. Это отношеніе съ удивительною точностью повторяется и въ цифрахъ населенія: городского населенія числится 13%, сельскаго, т. е. занятаго преимущественно земледѣліемъ,—87%.

На всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ собственно сельское хозяйство размѣщено было въ двухъ павильонахъ, построенныхъ въ чисто русскомъ стилѣ; они красивы съ виду, особенно главное зданіе (рис. на стр. 1094). Но послѣ великолѣпныхъ навильоновъ фабричнаго, заводскаго и машиннаго дѣла, они поражаютъ своею скромностью. Такъ оно и должно быть. До самаго послѣдняго времени промышленность фабрично-заводская играла у насъ роль балованнаго сынка, а сельское хозяйство — пасынка. И это направленіе съ особою рѣзкостью подчеркнула нижегородская выставка, и едва ли не наиболѣе цѣннымъ результатомъ ея и является сознаніе необходимости уничтоженія этой ненормальности, необходимости прежде всего заботы о развитіи сельскаго хозяйства.

Для того, чтобы дать наглядное понятіе объ огромныхъ размахѣхъ зернового производства нашего отечества, въ центрѣ главнаго навильона сельскаго хозяйства помѣщенъ огромный, упирающийся въ стеклянную крышу, 4-хъ-гранный столбъ. Столбъ этотъ (рис. на стр. 1098) есть наглядное изображеніе того закрома, уменьшеннаго въ миллионъ разъ, который

Эзопъ. Съ картини Веласкеца грав. Болъ.

потребовался бы для вмещения въ себя всего урожая главныхъ хлѣбовъ Россіи. Газѣтшеники ихъ идутъ слоями, сообразно значенію каждаго хлѣба: рожь (1,100 мил. пуд.), овесъ (570 мил. пуд.), пшеница (520 мил. пуд.), ячмень (520 мил. пуд.), просо (70 мил. пуд.), гречиха (50 мил. пуд.) и кукуруза (40 мил. пуд.). Если сосчитать весь этотъ урожай на деньги, то получится громадная сумма въ 1,093 мил. рублей. Все это итоги урожая 1895 года, который въ общемъ былъ близокъ къ среднему. На всѣхъ четырехъ сторонахъ колонны и вокругъ нея разбѣшены таблицы и діаграммы; всѣ онѣ очень интересны. Вотъ діаграмма развитія нашего вывоза пшеницы; оказывается, что въ 1895 году онъ достигъ наибольшей величины—253 мил. пудовъ, тогда какъ въ прежніе годы рѣдко-рѣдко достигалъ 200 мил. пуд. Но значеніе этого громаднаго вывоза тотчасъ же уменьшается, если взглянуть въ цифры цѣнности отнуса. Въ 1895 году за всѣ эти 253 мил. пуд. мы получили 163 мил. руб., тогда какъ въ 1888—89 году мы выручили 175 мил. руб. только за 176 мил. вывезенныхъ изъ Россіи пудовъ пшеницы. Тутъ наглядно видно важное и тяжелое значеніе для Россіи паденія цѣны, которое идетъ почти непрерывно съ начала восьмидесятихъ годовъ. Для покрытія своихъ неотложныхъ потребностей и крестьяне, и землевладельцы нуждаются въ опредѣленной суммѣ денегъ. Чѣмъ выше цѣна, тѣмъ меньше зерна они должны продать, чтобы получить ее, и наоборотъ; оттого-то въ года съ низкими цѣнами увеличивается и подвозъ зерна на наши сельскіе базары, растетъ и вывозъ за границу. Еще менѣе утѣнительную картину даетъ сопѣнная картограмма, показывающая цифры всемірнаго производства пшеницы въ 1895 году. На ней между прочимъ можно было видѣть, что маленькая Франція производить то же количество пшеницы, что и колоссъ Россіи, и это происходитъ отъ того, что урожайность (средній сборъ съ десятины) Россіи значительно слабѣе, чѣмъ во Франціи. Увеличьте урожайность въ Россіи только на одно зерно, и тѣмъ самымъ повысится сборъ на 100 милліоновъ пудовъ, или на 70—80 милліоновъ рублей. А это далеко не невозможно, какъ доказываетъ и сама выставка.

Чѣмъ же объясняется это паденіе цѣны на зерно, такъ-называемый сельско-хозяйственный кризисъ? Оно зависитъ прежде всего отъ громаднаго улучшенія механизма хлѣбной торговли, послѣдовавшаго подъ вліяніемъ распространенія сѣти желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и телеграфныхъ линий, которая сильно удешевила издержки подвоза хлѣба даже изъ отдаленныхъ мѣстностей и привлекла къ участію въ хлѣбной торговлѣ такія страны, какъ Остъ-Индіи, Австралія, Аргентинская республика, которая прежде за недостаткомъ и дороговизною сообщений была недоступна для правильной торговли. Быстрота сообщений сдѣлала невозможнымъ искусственное повышеніе цѣны къ веснѣ, которое составляло обычное явленіе прежде, когда система торговли и состояла въ томъ, что скупался хлѣбъ по дешевой цѣнѣ осенью, когда вслѣдъ за уборкой у всѣхъ были полны закрома, и сбывался по болѣе дорогой цѣнѣ весною и лѣтомъ, когда онъ оставался лишь у купцовъ и богатыхъ землевладельцевъ, имѣвшихъ возможность выждать весны. Теперь, благодаря тому, что хлѣбная торговля сдѣлалась международною, уборка хлѣба совершается не разъ въ году—лѣтомъ, а идетъ круглый годъ. Въ юнѣ начинается жатва въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ и продолжается до сентября, въ октябрѣ убираютъ второй сборъ въ Остъ-Индіи, въ ноябрѣ начинается жатва въ южномъ полушаріи: Аргентинской республикѣ, Австраліи и оканчивается въ февраль, а въ мартѣ уже жнутъ въ Остъ-Индіи, въ апрѣлѣ—въ Египтѣ, въ маѣ—въ Алжирѣ. При такомъ положеніи и быстротѣ сообщений естественно, что о выжиданіи цѣны нечего и думать, и что старая система рухнула и замѣнилась коммисіоннымъ способомъ: покупкой купеческой конторою у землевладельца извѣстнаго количества зерна по приказу потребителя, при чемъ контора довольствуется небольшимъ коммисіоннымъ вознагражденіемъ. Возможность распродажи подѣ хлѣба земель въ отдаленныхъ странахъ въ свою очередь повліяла на удешевленіе хлѣба. Мы не говоримъ про увеличеніе конкуренціи, про превышеніе предложенія надъ спросомъ, такъ какъ и нынѣ хлѣбъ производится не больше, чѣмъ требуется,—мы имѣемъ въ виду здѣсь, что стоимость производства хлѣба на новыхъ земляхъ обходится дешевле, чѣмъ на старыхъ, давно уже обрабатываемыхъ земляхъ; новыя земли не требуютъ удобренія, онѣ стоятъ неизвѣстно дешевле, во многихъ странахъ и рабочей трудъ оплачивается дешевле, чѣмъ въ Европѣ. Сочтите всѣ удешевленія: провоза, обработки земли, вознагражденія за торговое посредничество, и вы увидите, что значительная часть удешевленія хлѣба составляетъ естественное слѣдствіе новаго порядка вещей и едва ли касается землевладельца. Но на пониженіе цѣны на хлѣбъ повліяла еще одна причина: это—удешевленіе ренты, пониженіе того вознагражденія, которое въ результатѣ получаетъ землевладелецъ за свой трудъ. Это удешевленіе—характерное явленіе послѣдняго времени и встрѣчается не только въ сельскомъ хозяйствѣ, но и въ другихъ отрасляхъ экономической жизни. Выше мы уже отмѣтили удешевленіе торговыхъ услугъ, укажемъ еще удешевленіе учетнаго процента. Вотъ это-то удешевленіе рентнаго процента и тяготитъ землевладѣніе, такъ какъ оно сталкивается съ задолженностью землевладѣнія, все болѣе

возрастающею. Процентъ, который платятъ землевладельцы банку за ссуду, почти не понижался, тогда какъ ихъ выручка понижалась и постепенно приближалась къ той суммѣ, которую они должны вносить банку. Задолжавшіе землевладельцы такимъ образомъ обратились въ сущности въ управляющихъ, а въ иныхъ случаяхъ принуждены даже бросать свои имѣнія, такъ какъ они перестали приносить имъ доходъ, обезпечивающій ихъ существованіе. Для міровой экономіи совершенно безразлично, кто будетъ получать ренту: банки или землевладельцы, для нея лишь важно, чтобы земледѣлецъ, лицо фактически обрабатывающее землю, получилъ вознагражденіе за свой трудъ; но для государства далеко не безразлична неустойчивость землевладѣнія и затруднительное положеніе хотя бы нѣкоторыхъ его представителей. Этимъ и объясняется, что къ толкамъ о кризисѣ землевладѣнія прислушиваются съ большимъ вниманіемъ, и что одна за другою принимаются мѣры къ воспособленію сельскаго хозяйства; изъ важнѣйшихъ мѣръ, послѣдовавшихъ за время послѣ всероссійской выставки 1882 года, назовемъ учрежденіе дворянскаго и крестьянскаго банковъ, понизившихъ ссудный процентъ сравнительно съ частными земельными банками.

На выставкѣ, само собою разумѣется, участвовали лишь неправныя, незадолженные хозяйства, въ большинствѣ даже очень богатые, въ которыхъ „счетъ на милліонъ пошелъ“, какъ говоритъ купчиха въ одной изъ комедій Островскаго. Но образцовыя хозяйства и являются лучшимъ примѣромъ и указаніемъ, какъ избѣжать кризиса. Витрины частныхъ хозяйствъ въ большинствѣ случаевъ скромныя, ничѣмъ не напоминающія тысячныя витрины мануфактурнаго отдѣла. Едва ли не самою выдающеюся является витрина гг. Голлицына, представляющая дупло старой ветлы (рис. на стр. 1098), въ которомъ разставлены образцы хлѣбовъ и прочихъ произведеній имѣнія. Красива и витрина г. Терещенко съ ея экспонатами сахара. Вообще большая часть частныхъ хозяйствъ выставила кромѣ хлѣбовъ также сахаръ, вино, лѣсные товары и прочія произведенія обширной и разнообразной сельскохозяйственной дѣятельности. Конечно, разнообразіе и подвѣжность хозяйства, переходъ отъ малоодоходнаго зернового хозяйства къ очень выгодной переработкѣ зерна въ спиртъ, или къ культурѣ свекловича и выработкѣ изъ нея дорогаго у насъ сахара, и является лучшимъ средствомъ противъ кризиса, но только исключительно, богатая хозяйства могутъ заводить заводы и быстро переходить отъ одной культуры къ другой, для большинства же хозяйствъ это далеко не подлѣ силу. Насъ поэтому больше интересуетъ обычное зерновое хозяйство, и здѣсь мы видимъ много поучительнаго. Рассматривая ряды таблицъ, которые сопровождаютъ экспонаты частныхъ хозяйствъ, не трудно замѣтить у большинства изъ нихъ повышеніе урожайности. Вотъ цифры по одному имѣнію Тамбовской губерніи: въ шестидесятихъ годахъ maximum урожая ржи былъ 80 пуд. съ десятины, цѣна въ тотъ годъ стояла 40 коп. за пудъ, и, слѣдовательно, валовой доходъ составилъ 32 рубля; въ семидесятихъ годахъ максимальный урожай уже 94 пуда, цѣна остается та же, доходъ 37 р. 60 к.; въ восьмидесятихъ—105 пудовъ, цѣна 33½ коп., доходъ 35 р.; наконецъ въ девятидесятыхъ—сборъ 115 пуд., цѣна 27 коп., доходъ 31 р. Вы видите, какъ послѣдовательно понижаются цѣны и параллельно съ этимъ растетъ урожайность въ имѣніи, что и позволяетъ поддерживать цифру дохода на неизвѣстномъ уровнѣ. Это и есть тотъ путь, практически примѣненный,—борьба съ кризисомъ, о которомъ мы говорили выше, отмѣчая значеніе повышенія урожайности. Конечно, повышеніе урожайности дѣйствительное средство, — быть-можетъ скажетъ читатель,—хотя оно и сопряжено съ увеличеніемъ труда земледѣльца, но въ общемъ выводѣ Россія теряетъ; не будь пониженія цѣны, Россія, вывозя за границу вдвое болѣе, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ, количество зерна, получила бы за него и вдвое болѣе сумму денегъ, а не ту же самую, какъ теперь? Но дешевый хлѣбъ не бѣдствіе, а благодѣніе для всякаго государства; припомнимъ, что только благодаря дешевизнѣ хлѣба могла развиться до такихъ колоссальныхъ размѣровъ и въ такой короткій срокъ вся промышленность, которая и является наиболѣе постояннымъ и выгоднымъ покупателемъ зерна. Пониженіе цѣны отмѣчается притомъ не только для зерна, но и для большинства другихъ товаровъ, въ томъ числѣ и на желѣзо. Если въ Россіи цѣны на желѣзо не понижались, то исключительно лишь благодаря таможенной пошлинѣ, которая повышалась параллельно съ пониженіемъ цѣны на желѣзо. Примите во вниманіе, что Россія вовсе не имѣетъ своего торговаго флота, и поэтому морскіе фрахты, т. е. стоимость перевозки зерна изъ портовъ Россіи въ иностранныя государства, остались на томъ же уровнѣ, что и двадцать лѣтъ тому назадъ, тогда какъ фрахты понижались во всемъ мірѣ (и нынѣ поэтому провозъ изъ Америки въ Англію обходится вдвое-втрое дешевле, чѣмъ изъ Россіи); замѣтите затѣмъ, что морскія суда строятся теперь исключительно изъ желѣза, и вы увидите, что Россія могла выручать большую сумму за свое зерно, чѣмъ теперь, и узнаете, почему на низкія цѣны у насъ платятся болѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Чѣмъ же достигли повышенія урожайности тѣ хозяйства, которыя экспонировали на выставкѣ? Во-первыхъ, болѣе тща-

тельной работой и затѣмъ примѣненіемъ знаній къ своимъ работамъ, изученіемъ условій почвы и климата тѣхъ мѣстностей, гдѣ расположены имѣнія. Почти каждое изъ этихъ хозяйствъ имѣетъ свою метеорологическую станцію, свои почвенныя изслѣдованія, результаты которыхъ и демонстрируются на выставкѣ. Вислѣвъ научнымъ способомъ выработываютъ эти имѣнія сорта хлѣбныхъ, которые сбываютъ въ ихъ имѣніяхъ, а затѣмъ и расходится по всей Россіи. Сѣмянное хозяйство сдѣлало у насъ громадные успѣхи за время съ московской выставки, и нынѣ постоянно уже имѣется въ продажѣ много сортовъ, послѣднихъ чисто русскія имена и всегда предпочтительны иностраннымъ, какъ болѣе пригодныя. Въ этомъ отношеніи характерныя выводы дала сама нижегородская выставка, на которой было устроено демонстративное поле съ посѣянными на немъ, въ одинаковыхъ условіяхъ, сортами русскихъ и лучшихъ иностранныхъ сѣмянъ. Оказалось, что русское сѣмя дало значительно лучше результаты, чѣмъ иностранное.

Изученіе почвы и климата—двухъ краеугольныхъ камней, отъ которыхъ зависитъ плодотворность трудовъ земледѣльца, производится далеко не въ однихъ только благоустроенныхъ частныхъ хозяйствахъ. Въ значительно большихъ размѣрахъ оно ведется правительственными и общественными силами для блага уже общаго. Почвенныя изслѣдованія производились у насъ уже сравнительно давно, и первая почвенная карта Европейской Россіи появилась еще въ 1851 г. Но едва ли не съ болѣею, чѣмъ когда-либо, плодотворностью и энергіею они совершались за послѣднее пятнадцатилѣтіе, когда образовалась цѣлая группа молодыхъ русскихъ ученыхъ почвовѣдцевъ и къ правительственнымъ начинаніямъ примкнули земства. Что же касается до сельско-хозяйственной метеорологіи, то ея возникновеніе и развитіе принадлежатъ какъ разъ тому времени, за которое даетъ наглядный отчетъ всероссійская выставка. За этотъ періодъ Россія покрывалась метеорологическими станціями, которыя собираютъ наблюденія, имѣющія непосредственную связь съ условіями веденія сельскаго хозяйства. Цѣнный матеріалъ уже обработанъ по вопросу объ осадкахъ, грозахъ, высотѣ сѣвѣжнаго покроя, града. На нижегородской выставкѣ группа сельско-хозяйственной метеорологіи была представлена не только метеорологическими приборами и учеными трудами, но и цѣлой организованной метеорологической станціей для сельско-хозяйственныхъ цѣлей, которая служила нагляднымъ образцомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ значенія такихъ станцій.

Говоря объ экспонатахъ, иллюстрирующихъ научныя работы, имѣющія непосредственное значеніе для сельскаго хозяйства, нельзя не упомянуть теплицу для опытныхъ научныхъ культуръ, устроенную проф. Тимирязевымъ. Такая теплица—угловокъ лабораторіи ученаго—впервые появляется передъ публикой. Результаты опытовъ, произведенныхъ въ теплицѣ, наглядно показываютъ, въ какихъ основныхъ элементахъ нуждается растеніе для своего развитія, и какое значеніе имѣетъ каждый изъ этихъ элементовъ. Такъ, вы увидите роскошный экземпляръ гречихи, не видѣвшей никогда почвы и вращенный лишь въ водѣ, но содержащей тѣ же соли, которыя необходимы для питанія растенія; рядомъ помѣщенъ одновременно посаженный другой экземпляръ гречихи: онъ также достигъ полного развитія, но ростъ его не болѣе одного верхка—окажется, что одна изъ этихъ ягн солей не была положена въ воду, питавшую растеніе. Такіе же опыты произведены надъ вліяніемъ удобренья, значеніемъ азота и проч. Эта маленькая теплица явилась полнымъ и практическимъ курсомъ сельскаго хозяйства.

Особую группу сельско-хозяйственнаго отдѣла составляли главнѣйшіе виды меліоранціи почвъ—осушеніе, орошеніе, закрѣпленіе песковъ и овраговъ—которыя у насъ только зарождаются, но имѣютъ несомнѣнно важное значеніе. Затѣмъ большой интересъ представляютъ земскіе экспонаты, свидѣтельствующіе о земской работѣ на пользу сельскаго хозяйства, а также выставка сельско-хозяйственныхъ школъ. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза карта Россіи, съ показаніемъ распредѣленія этихъ учебныхъ заведеній. Ознакомленіе съ нею приводитъ къ печальному выводу, что у насъ еще слишкомъ мало сдѣлано для развитія сельско-хозяйственнаго образованія, особенно, если сопоставить эту карту съ окружающимъ ея картограммами распредѣленія сельско-хозяйственнаго образованія въ другихъ государствахъ Европы. Всего у насъ имѣется 89 школъ съ 3.860 учениками. Но значеніе этого числа должно замѣниться въ значительно болѣе благоприятную сторону, если вспомнить, что въ 1882 году, въ моментъ предшествовавшей всероссійской выставки, мы имѣли такихъ школъ въ 6 разъ меньше, всего 16.

Сельскохозяйственные машины помѣщены были въ особомъ зданіи—навѣсѣ (рис. на стр. 1094) и въ нѣсколькихъ частныхъ навѣскахъ. Машинъ много; въ большинствѣ онѣ составлены по иностраннымъ патентамъ, но уже видоизмѣненными и приспособленными къ условіямъ хозяйства въ Россіи. Производство машинъ въ Россіи сдѣлало очень большіе успѣхи за послѣднія 14 лѣтъ, открылась цѣлая серія заводовъ и мастерскихъ, нѣкоторыя изъ нихъ специализировались и выпускаютъ

сотнями тысячъ одно какое-либо орудіе. Возникло и кустарное производство, въ короткое время достигшее весьма почтенныхъ размѣровъ. О развитіи русскаго сельско-хозяйственнаго машиностроенія можно судить уже потому, что въ текущемъ году открылась въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ кафедре сельско-хозяйственнаго машиностроенія и первая станція для технического испытанія земледѣльческихъ машинъ и орудій. Но, несмотря на всѣ эти благоприятные результаты, наше машиностроеніе далеко не можетъ удовлетворить всего предъявляемаго къ нему спроса, и до сихъ поръ деревянная борова и соха являются преобладающими орудіями обработки нашей почвы. Объясняется это дороговизною орудій, дѣлающихъ ихъ недоступными для крестьянъ и многихъ земледѣльцевъ, а это, въ свою очередь, зависитъ отъ недостатка и дороговизны у насъ желѣза. Желѣзодѣлательныя заводы работаютъ у насъ главнымъ образомъ для правительства и желѣзныхъ дорогъ, едва успѣвая справляться съ ихъ заказами, и поэтому сельско-хозяйственное машиностроеніе должно работать на иностранномъ чугунѣ и платить за него высокую таможенную пошлину. Вотъ почему на торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ на вопросъ министерства финансовъ: „чѣмъ пособитъ сельско-хозяйственному машиностроенію“, былъ полученъ почти единодушный, но неожиданный отвѣтъ: „уничтоженіемъ пошлины на желѣзо“. Этотъ отвѣтъ былъ послѣдствіемъ самой выставки—великоблѣннымъ и богатствомъ горнаго отдѣла, скромностью и дороговизною сельско-хозяйственныхъ машинъ и полнымъ отсутствіемъ въ числѣ экспонатовъ сельскихъ хозяевъ средняго достатка и крестьянства. Это отсутствіе и наложило отрицательный характеръ на весь сельско-хозяйственный отдѣлъ. Ясно видно было, что всѣ тѣ и не малозначительныя успѣхи, которые въ немъ экспонируются, принадлежатъ лишь очень и очень небольшому числу хозяевъ, а успѣхи болѣе общаго тина—всѣ эти меліоранціи, метеорологіи, изученіе почвы и пр.—только начинанія, которыя могутъ дать обильный плодъ, лишь когда будутъ устранены препятствія, въ видѣ, напримѣръ, дорогаго желѣза.

Недалеко отъ зданія сельско-хозяйственнаго отдѣла расположена была выставка коннозаводства. Она раздѣлялась на сроки и въ общемъ прошла незамѣтно, не отличаясь ни обиліемъ экспонатовъ, ни достоинствомъ экспонатовъ. Большой новинкой на выставкѣ были косяки стѣнныхъ лошадей, а также кони, приведенные бухарскимъ эмиромъ и хивинскимъ ханомъ. Россія славилась своими лошадьми, главнымъ образомъ, количествомъ ихъ, такъ какъ качество ихъ оставило желать многоаго. На улучшеніе качества обращено вниманіе, собственно говоря, лишь за послѣднее время; въ 1881 году главное управленіе государственнаго коннозаводства видоизмѣнило характеръ своей дѣятельности: прежде она была направлена на улучшеніе землевладѣльческихъ и вообще нѣскольکو улучшенныхъ лошадей, теперь же заботаю является массовое улучшеніе коневодства. Результаты не замедлили сказаться; между прочимъ, они выражаются въ увеличеніи числа крестьянскихъ лошадей, приводимыхъ на мѣстныя выставки. Такъ, въ 1881 году, на всѣ конскія выставки было приведено 1,675 лошадей; въ 1895 году—уже 7,920. Нельзя пройти молчаніемъ и развитіе скакового и рысаковаго спорта: въ 1881 году разыграно призовъ на 295.000 руб., въ 1895 году—на 2,096,000 руб. Значеніе этого спорта заключается въ томъ, что онъ поощряетъ производство лошадей высшаго сорта, которыя, путемъ выдержки къ испытаніямъ, развиваютъ прирожденную энергію, силу и стойкость и, затѣмъ, по окончаніи призовой карьеры, поступаютъ производителями на заводы и, передавая потомству свои достоинства, улучшаютъ породу.

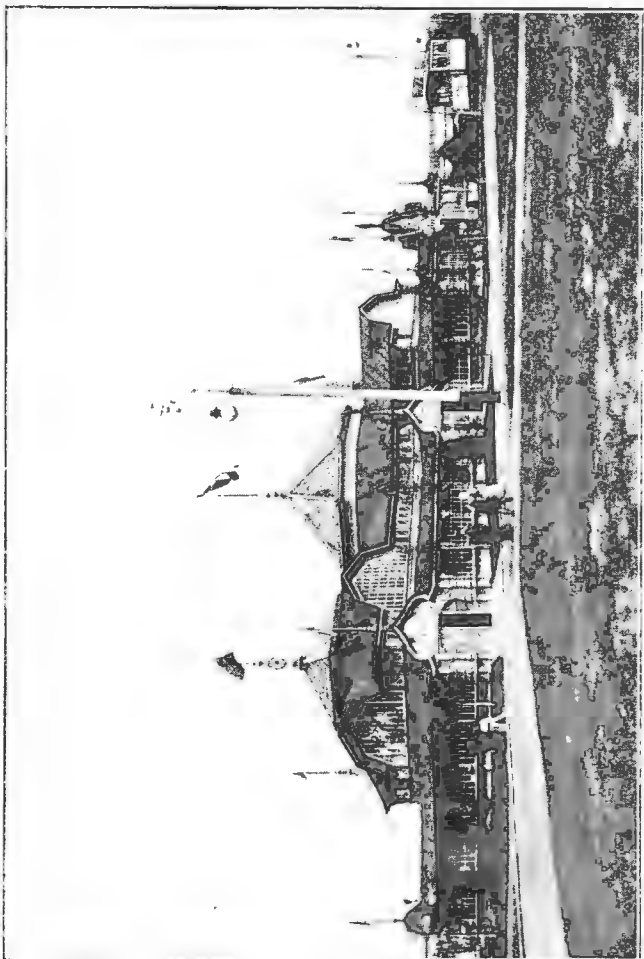
Выставка домашняго скота также была раздѣлена на сроки, что значительно уменьшило ея интересъ. Вмѣсто большой выставки вышло нѣсколько маленькихъ, которыя не могли привлечь общаго вниманія, ни вызвать спеціальныя посѣщенія хозяевъ, такъ какъ тѣмъ изъ нихъ, которые пожелали бы осмотрѣть весь отдѣлъ, пришлось бы нѣсколько разъ путешествовать въ Нижній. Скотъ помѣщенъ подъ навѣсами и въ скотномъ дворѣ, и здѣсь дѣйствительно было много интересныхъ экспонатовъ. Въ зданіи было отведено мѣсто научнымъ трудамъ по молочному хозяйству, продуктамъ животноводства и продуктамъ молочнаго хозяйства (сыръ, масло и пр.). Здѣсь же можно было покусать молоко, и въ теченіе всей выставки едва ли пустовалъ хоть одинъ изъ столиковъ. Большой интересъ представляла демонстрація различныхъ производствъ молочнаго хозяйства: сыроваренія, маслодѣлія, отдѣленія сливокъ сепараторами различныхъ системъ. Одна часть этой залы была занята экспонатами по пчеловодству, составившему одно изъ любимыхъ занятій въ древней Руси, затѣмъ упавшему и вновь возрождающемуся за послѣднее время. Другія двѣ отрасли животноводства: шелководство и птицеводство были помѣщены въ особыхъ навѣскахъ. Особенно красивъ навѣсокъ птицеводства, весь отдѣланный берегою (рис. на стр. 1094). Шелководство во многихъ мѣстахъ Россіи является исконнымъ занятіемъ населенія, но по недостатку знаній оно не развивается и скорѣе падаетъ. Къ посадженію знанія и направлены въ настоящее время усилія правительства и земства; при обзорѣ научно-учебнаго отдѣла мы

Сельско-хозяйственный отдѣль. Сельско-хозяйственные машины.

Сельско-хозяйственный отдѣль. Павильонъ садоводства и огородничества. **Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Сельско-Хозяйственный отдѣль.**

Зданіе сельско-хозяйственного отдѣла. Съ фот. М. Дмитриева въ Нижнемъ-Новгородѣ автотипія „Цивы“.

Сельско-хозяйственный отдѣль. Павильонъ птицеводства. **Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Сельско-Хозяйственный отдѣль.**

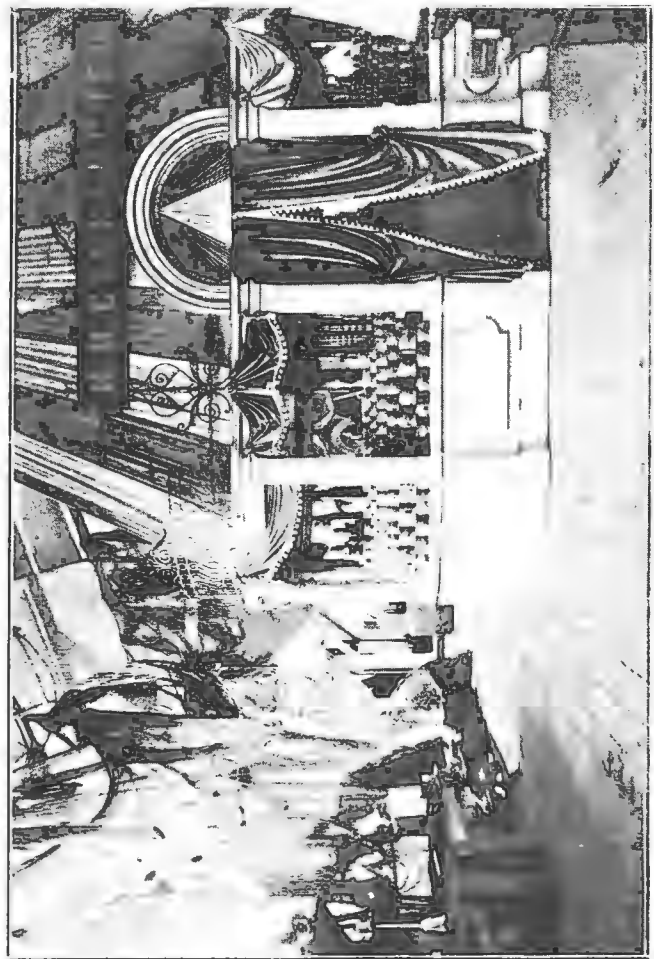
Отдѣль охоты и рыболовства. Пушныя промыслы и акваріумъ.

Отдѣль лѣсоводства. Витрина графа Строганова.
Отдѣль лѣсоводства, охоты и рыболовства.
Съ фот. след. корресп. „Нивы“ автотипія „Нивы“.

Павильонъ рыбнаго и лѣснаго хозяйства. Съ фот. М. Дмитриева автотипія „Нивы“.

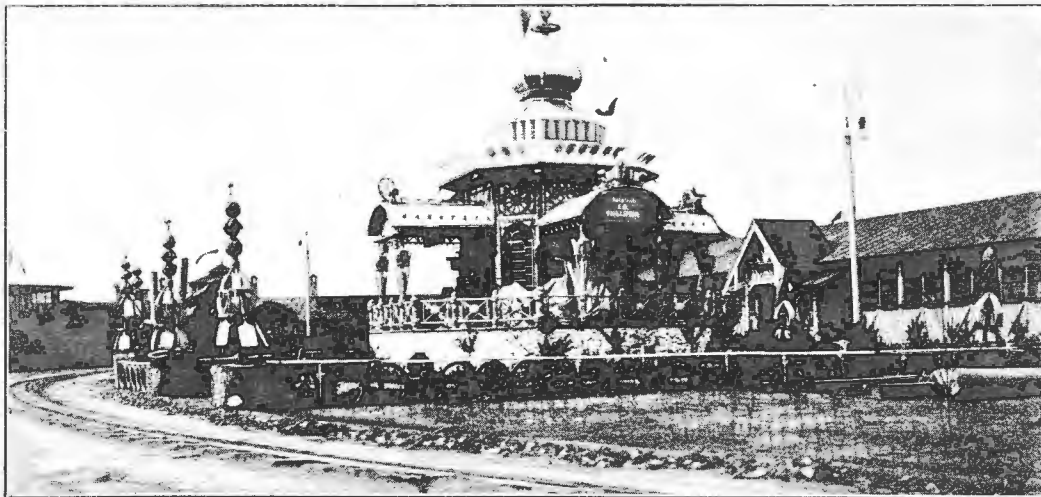

Отдѣль рыболовства. Консервы и сѣти.
Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ.
Съ фот. след. корресп. „Нивы“ автотипія „Нивы“.

уже имѣли случай указывать на прочную постановку курсов шелководства при многих народных школахъ, сулящую подъемъ и расширение этой богатой отрасли народного хозяйства. Что же касается птицеводства, то выставка его тоже была испорчена раздѣленіемъ ея на нѣсколько смѣнъ. Хотя домашними птицами Россіи всегда была богата, но правильное птицеводство, массовое улучшение птиц у насъ только начинается. За послѣдніе годы съ замѣчательною быстротою развились отпускъ куриныхъ яицъ изъ Россіи, въ короткое время достигшии громадной суммы въ 10 милліоновъ рублей.

Садоводство, плодоводство и огородничество составляли особый отдѣлъ и размѣщались въ небольшомъ зданіи, часть котораго имѣла видъ стеклянной оранжереи; впереди располагался большой лугъ, весь отдѣланный цвѣтниками, посреди него находился небольшой павильонъ, въ видѣ бесѣды, цвѣтнаго сада Импера. Выставка садоводства не отличалась обиліемъ экспонатовъ, но по красотѣ они заслуживали полного вниманія. При нашемъ суровомъ климатѣ любовь къ цвѣтамъ чрезвычайно развита во всѣхъ слояхъ общества. Замѣчательно, что у насъ культивируются преимущественно растения тропическаго пояса съ ихъ вѣчнозеленою листвою, тогда какъ на западѣ Европы, болѣе изобилующемъ зеленью садовъ, въ комнатахъ разводятся главнымъ образомъ цвѣтущія растения. Промышленное садоводство сдѣлало громадные успѣхи за время съ московской выставки 1882 года, особенно по выгонкѣ цвѣтовъ, достигшей большаго искусства, чѣмъ за границей. Такъ, наприимѣръ, Франція считается первой страной по вы-

значительно богаче отдѣлъ рыболовства, но и онъ не можетъ быть поставленъ по полнотѣ на ряду съ рыбной выставкой въ С.-Петербургѣ. Рыбныя богатства Россіи общезвѣстны, но всѣмъ ли извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все настоящее начинается возникать грозный призракъ обезрешенія, и на сцену все чаще выступаетъ вопросъ объ искусственномъ разведеніи рыбы. Правильное рыболовство началось въ Россіи лишь около 20 лѣтъ тому назадъ и далеко еще не достигло развитія, соответствующаго экономическому его значенію для страны. На выставкѣ главные экспонаты по рыболовству принадлежали Никольскому казенному заводу, выставившему коллекцію эмбриологическихъ препаратовъ, наглядно изображающихъ развитіе малька лосося, сига и форели изъ икры и конечный продуктъ культуры—5-лѣтняя форель и 4-хъ-лѣтній сигъ. Большой интересъ представляетъ модель подвижной части устричнаго завода, выставленная первымъ товариществомъ устрицеводства на Черномъ морѣ. Значительно болѣе подробно представлено рыболовство. Несмотря на технические успѣхи послѣдняго времени, ловля рыбы въ Россіи и до сихъ поръ совершается преимущественно хищническимъ способомъ. Главный массовый уловъ совершается обыкновенно тогда, когда многомилліонные косяки рыбы идутъ на нерестища, т. е. во время такъ-называемаго весенняго хода. Кромѣ того, что при этомъ истребляется масса матокъ, способъ этотъ не экономичен и тѣмъ, что въ это время рыбы худотѣлы. На выставкѣ большой интересъ представляетъ большая и систематическая коллекція Уральскаго казачьяго войска, иллюстри-

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отдѣлъ лѣсоводства. Павильонъ фонъ-Дервиза.

Съ фот. спец. корресп. „Нива“ автотипія „Нива“.

гонкѣ розъ, тогда какъ розы, выгнанныя въ С.-Петербургѣ, оказываются совершенно лучше парижскихъ и на всѣхъ международныхъ выставкахъ получали первыя преміи; затѣмъ только у насъ, въ Россіи, имѣются въ продажѣ круглый годъ ландыши. Къ сожалѣнію, гонка цвѣтовъ въ Россіи совершается изъ заграничнаго выписанаго матеріала, много оттуда поступаетъ къ намъ и срѣзанныхъ цвѣтовъ. Какъ легко, однако, могъ бы Кавказъ замѣнить намъ въ этомъ отношеніи югъ Франціи и сѣверъ Италіи.

Фруктовое садоводство представлено на выставкѣ цѣлымъ рядомъ интениковъ, фруктами и затѣмъ громаднымъ подборомъ консервовъ. Техника ихъ сдѣлала замѣчательные успѣхи, причемъ усовершенствованіе коснулось всѣхъ приемовъ обработки, начиная отъ простой сушки и кончая вышними продуктами искусства—консервами, фруктовыми и ягодными винами и сидрами. Изъ экспонатовъ огородничества также наибольшее вниманіе обращали консервы и пресованные овощи огневой сушки, которые изготовляются у насъ настолько хорошо, что при умѣломъ кулинарномъ приготовленіи даютъ полную иллюзію свѣжаго продукта.

Теперь перейдемъ въ послѣдній еще изъ неосмотрѣнныхъ нами павильоновъ; въ немъ помѣщаются два отдѣла: пушные и рыбные промыслы и лѣсное хозяйство. Павильонъ (рис. на стр. 1095) въ характерномъ русскомъ стилѣ, съ масою балюстрадами и балкончиками, окруженъ лѣсными интениками. На одномъ изъ входныхъ балконовъ помѣщенъ громадный бакъ, въ которомъ плаваютъ и копошатся морскіе тюлени. Этимъ начинается выставка звѣриныхъ промысловъ. Къ сожалѣнію, она очень бѣдна: нѣсколько витринъ съ ружьями, дробью и пистолями, нѣсколько десятковъ шкуръ и чучель—вотъ и все. А между тѣмъ какимъ разнообразнымъ и интереснымъ могъ бы быть этотъ отдѣлъ. Правда, въ значительной степени на его полноту повліяло выдѣленіе въ спеціальныя отдѣлы Крайняго Сѣвера, Сибири и Закаспійской области, въ которыхъ и сосредоточиваются главнѣйшія наши богатства пушнина.

Сосѣдь рыбнаго отдѣла—лѣсной, также не богатъ былъ экспонатами. Значительнѣйшая часть ихъ принадлежала казенному вѣдомству, тогда какъ частныхъ владѣльцевъ очень мало. Правильное частно-владѣльческое лѣсное хозяйство зародилось у насъ, собственно говоря, послѣ 1882 г. и, главнымъ образомъ, послѣ 1888 года, когда былъ изданъ лѣсоохранительный законъ, и было очень жаль, что не пришлось познакомиться съ его успѣхами. Россія, какъ извѣстно, принадлежитъ къ самымъ богатымъ лѣсами странамъ. Но лѣса распределены на ней крайне неравномерно, въ то время какъ на сѣверѣ громадные пространства покрыты дѣственными лѣсами, на югѣ на сотни верстъ стелется совершенно голая степь. Поэтому и заботы лѣсного вѣдомства были направлены къ разведенію лѣса на югѣ, тѣмъ болѣе, что здѣсь лѣсъ имѣетъ значеніе, не только какъ матеріалъ для построекъ и топлива, но и какъ защита противъ несквозъ степей, и какъ средство къ увлажненію степного климата. На выставкѣ цѣлый рядъ арбораріевъ и расписовокъ, имѣющихъ цѣлью наглядно доказать на поперечныхъ разрѣзахъ стволы вліяніе климата и почвы на образованіе древесины. Все это въ высшей степени интересныя экспонаты для специалистовъ, но совершенно недоступныя пониманію публики, которая и проходила мимо нихъ. Публика ожидала здѣсь встрѣтить указанія, въ общедоступной и наглядной формѣ, на постановку лѣснаго дѣла въ различныхъ полосахъ Россіи, модели лѣсопильныхъ заводовъ и образцы, подобранные и объясненные, пиленого, тесаного и круглаго лѣса, продукты переработки дерева. Къ сожалѣнію, многого, что можно было разчитывать увидѣть, не оказалось вовсе, многое же было не систематизировано. Изъ частныхъ выставокъ обращала на себя вниманіе витрина графа Строганова (рис. на стр. 1095) и прежде всего своимъ оригинальнымъ видомъ: она вся была скомпанована изъ продуктовъ лѣснаго царства; внутри она заключала полное описаніе обширныхъ пермскихъ Строгановскихъ имѣній. Большой интересъ представлялъ и павильонъ фонъ-Дервиза (рис. на этой стр.), тоже очень оригиналь-

рующая не только орудія и способы лова, но и обстановку казачьей жизни на промыслахъ: во время весенняго лова, такъ-называемаго северюжьяго, осенней плавни и зимняго багренья. Кромѣ уральскихъ казаковъ, коллекціи выставлены и многими другими лицами. Большую группу и здѣсь составляютъ консервы, производство которыхъ сдѣлало колоссальный успѣхъ послѣ московской выставки и нынѣ оцѣнивается по меньшей мѣрѣ въ 1 милліонъ рублей. Нѣкоторыя фирмы соорудили цѣлыя витрины изъ жестинокъ съ консервами (рис. на стр. 1095). Весь отдѣлъ красиво задрапированъ съѣтими, неводами и другими атрибутами рыболовства. Нужно еще отметить большой аквариумъ (рис. на стр. 1095) съ его богатымъ морскимъ населеніемъ.

ный по своему рисунку; въ немъ заключались экспонаты по лѣснымъ имѣниямъ губерній рязанской, кѣвской и оренбургской: разнаго рода лѣсныя подѣлки, товаръ бочарный, щепной, торговый строгильный лѣсъ съ показаніемъ пріемовъ распиловки, продукты угольнаго производства и пр.

1 октября, послѣ молебна, XVI всероссійская промышленная и художественная выставка была закрыта. Интересно подвести итоги. На нижегородской выставкѣ участвовало 9700 экспонатовъ, на московской 1882 г. — 5318; наградъ выдано въ 1896 г. — 5925, въ 1882 г. — 3666. Всѣхъ посѣтителей на нижегородской выставкѣ было 991,043, въ томъ числѣ безплатныхъ 281,808; на московской — 1,077,200 и 107,198; всероссійскую выставку въ 1870 г. въ С.-Петербургѣ посѣтило 320,500 лицъ. Самое большее число посѣтителей въ день на нижегородской выставкѣ было 27,790, на московской около 40,000. Почти половина посѣтителей нижегородской выставки относится къ августу (434,704) — времени открытія нижегородской ярмарки. Такимъ образомъ, по числу посѣтителей нижегородская выставка далеко не оправдала ожиданій. Многие склонны видѣть въ этомъ неудачный выборъ города, лежащаго не на большой дорогѣ. Но это едва ли такъ. Выборъ Нижнего заключалъ въ себѣ прекрасную, возвышенную и полную вѣры въ развитіе народа идею, нельзя и теперь не преклоняться предъ нею. Поставьте выставку въ городѣ на горѣ, откуда развѣвался бы чудный видъ на Оку, обставьте Кремль и Откосъ столь же изысканно и изящно, какъ это привыкли дѣлать европейцы, постройте постоянный мостъ черезъ Оку, улучшите желѣзнодорожное сообщеніе и введите его въ непосредственную связь съ пароходнымъ, и развѣ въ Нижнемъ на выставкѣ былъ бы только миллионъ посѣтителей? А всѣ эти неустройства вначалѣ, — дороговизна, желѣзнодорожная неурядица, — развѣ мало они отвлекли нашей публики, еще столь нерфшительной, неопытной въ путешествіяхъ и столь расчетливой.

И все-таки на вопросъ: какая же изъ всѣхъ большихъ европейскихъ выставокъ текущаго года оставляетъ лучшее впечатлѣніе, — можно безъ колебаній отвѣтить: нижегородская. Миѣ нравится ея вѣншій видъ горodka на ладони, эта ширь, напоминающая наши поля и степи, съ разнообразными однимъ лучше другого навиллонами, раскидывающимися вѣромъ, а не обособленными, уединившимися въ чащѣ деревьевъ навиллонами, какъ на выставкахъ Запада. Миѣ нравится мощь большинства витринъ, громко говорящая объ удивительно развитіи нашихъ промышленныхъ силъ. Да и можно ли сравнивать нижегородскую выставку съ западно-европейскими; тамъ культура насчитывала за собою уже тысячи лѣтъ, въ то время, когда у насъ она только зарождалась. И не замечательно ли то, что наши выставки — результатъ нашего труда и саморазвитія —

можно уже ставить на одну доску съ выставками Запада. Нижегородскую выставку прежде всего слѣдуетъ сравнивать съ ея предшественницею — московскою выставкою 1882 года; здѣсь нѣтъ колебаній, нѣтъ отдѣльныхъ мнѣній: всѣ въ одинъ голосъ признають, что выставка 1896 г. несравненно великолѣпнѣе.

Миѣ, какъ и всякому русскому, дорога наша выставка уже потому, что она сослужила большую службу нашему общественному самосознанію. Необходимость развитія грамотности чувствовалась всѣми, нижегородская выставка дала тысячи самыхъ реальныхъ доказательствъ, что это нужда самая неотложная, что недостатокъ просвѣщенія губительно отражается на всякомъ начинаніи; нижегородская выставка яено подчеркнула, что въ Россіи, страшнѣ земледѣльческой, земледѣліе сильно хромаетъ и не можетъ идти въ ногу съ промышленностью, чрезмѣрно покровительствуемой; выставка показала и слабыя стороны таможеннаго тарифа 1891—1894 годовъ, доселѣ считавшагося почти непогрѣшимымъ; наконецъ, она же указала намъ на быстрое развитіе промышленныхъ и умственныхъ силъ провинціи и все увеличивающуюся сплоченность съ русскимъ элементомъ населенія окраинъ, а развѣ одно это не можетъ придать бодрости для дальнѣйшей работы.

Говорятъ, что выставка выяснила много недостатковъ и сама ихъ имѣла не мало. Пусть такъ, пусть иностранныя выставки совершеннѣе. Но молодой развивающійся народъ и устраиваетъ свои выставки, чтобы легче подмѣтить свои недостатки и, сознавъ ихъ, исправить. Выставка, вызывающая только самовосхищеніе, не даетъ плода, она заставитъ народъ, ее устроенный, почить на лаврахъ, которые скоро могутъ обратиться въ терніи. И чѣмъ больше выяснилось недостатковъ на нижегородской выставкѣ, тѣмъ, казалось миѣ, лучше: они всѣ будутъ исправлены, какъ немедленно исправлялись замѣченные недостатки въ организаціи самой выставки. Всякій, побывавшій на ней въ началѣ и въ концѣ, не могъ не замѣтить громадныхъ улучшеній. И когда я смотрѣлъ на московскаго туза-мануфактуриста, восхищавшагося произведеніями своей фабрики, миѣ казалось, что я ясно вижу за нимъ громадную цифру таможеннаго покровительства. Встрѣчая же толпы фабрикантовъ и мастеровъ, подолгу стоящихъ у витринъ, изучая производство своихъ конкурентовъ и выискивающихъ недостатки своего фабриката, я зналъ, что наша выставка исполнила свою государственную задачу: она показала и отдѣльнымъ дѣятелямъ, и всему народу путь къ дальнѣйшему самоусовершенствованію.

Мой долгъ, какъ описателя выставки, былъ бы не исполненъ, если бы, заканчивая свои статьи, я вмѣстѣ съ читателями не вспоминалъ съ благодарностью устроителей выставки: министра финансовъ С. Ю. Витте и директора департамента торговли и мануфактуръ В. И. Ковалевскаго, положившихъ много настойчивыхъ трудовъ, энергіи и таланта на это народное дѣло.

Къ рисункамъ.

Берлинская юбилейная выставка. „Въ саду“.

(Рис. на стр. 1083.)

Въ отдѣлѣ итальянскихъ художниковъ на нынѣшней Берлинской международной выставкѣ, занимающихъ на ней четыре залы, есть небольшая картина флорентійскаго художника Андреотти, съ картинами котораго читателямъ уже приходилось встрѣчаться на страницахъ *Нивы*. Художникъ назвалъ ее „Въ саду“. Она обращаетъ на себя вниманіе красивой колоритной живописью, изящной, элегантною, и красивымъ рисункомъ. Андреотти принадлежитъ къ числу тѣхъ итальянскихъ художниковъ послѣдняго времени, которые ищутъ небольшой вѣнщицы безъ претензій, безъ особенныхъ замысловъ, задаваясь просто цѣлью передать извѣстную красоту натуры, остановившей почему-либо ихъ вниманіе. Ихъ можно упрекнуть въ нѣкоторой манерности, условности и, пожалуй, однообразіи техническихъ пріемовъ, — недостатокъ, котораго не лишены и два крупнѣйшихъ изъ современныхъ художниковъ Италіи: Микетти и Морелли; послѣдній впрочемъ меньше. Мы помѣщаемъ здѣсь именно эту картину Андреотти потому, что она въ высшей степени характерна для теперешняго итальянца. Это сюжетъ уже далеко не новый, не разъ трактованный разными художниками, но итальянцы имѣютъ къ нему особенное пристрастіе. „Они“, дѣйствующія лица картины, молодцы, юны, какъ природа, ихъ окружающая, какъ трава, недавно еще поднявшаяся послѣ зимы, какъ только что расцвѣтшіяся деревья, какъ раскрышіяся бутоны цвѣтовъ. Они любятъ другъ друга и мечтаютъ здѣсь, среди аромата цвѣтовъ, среди щебетанія птицъ, такихъ же счастливыхъ, какъ они, такихъ же беззаботныхъ, радостныхъ, довольныхъ.

Св. Филиппъ. (Рис. на стр. 1086 — 1087.)

Когда изнуренный тяжкою болѣзью и удрученный тѣмъ, что творилось на Москвѣ съ тѣхъ поръ, какъ завелась опричина, митрополитъ Афанасій ушелъ на покой, тогда Грозный задумалъ подыскать іерарха, который не сталъ бы перечить его волѣ и не грозилъ бы превратиться въ новаго Сильвестра. Выборъ палъ на казанскаго архіепископа Германа. Послѣдній

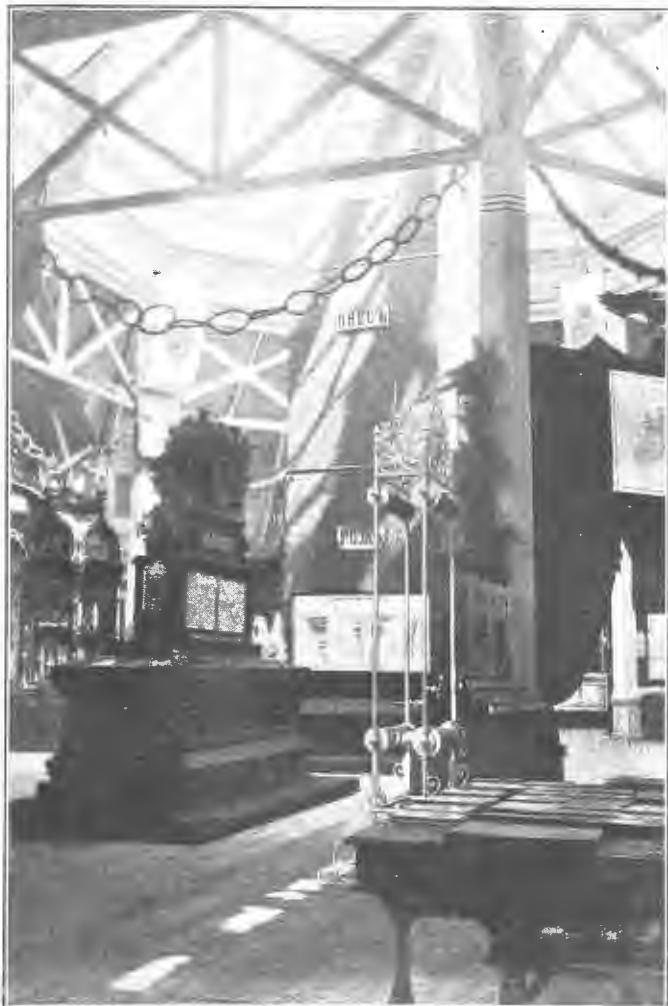
нѣсколько разъ пробовалъ отказываться отъ блага клобука, но принужденъ былъ уступить настояніямъ царя. Уже въ Москвѣ съѣхались епископы для посвященія новаго митрополита, и Германъ занялъ посвященія покои, когда короткая беседа, происшедшая между іерархомъ и царемъ, заставила послѣдняго искать новаго епископа. Германъ попробовалъ было напомнить Іоанну о грѣхахъ, о смерти, о Странномъ Судѣ. Іоаннъ, недовольный и мрачный, вышелъ отъ него и передалъ свой разговоръ опричникамъ, спрашивая у нихъ совѣта. Алексѣй Басмановъ отвѣчалъ за товарищей, что Германъ повидимому мѣтитъ въ Сильвестра. Одною напомнимъ объ этомъ имени было достаточно для того, чтобы царь разрѣшилъ опричникамъ распорядиться съ Германомъ по-своему. „Его немедленно изгнали изъ покоевъ и, по свидѣтельству Курбскаго, „по двѣ двѣхъ обрѣтенъ во дворѣ своемъ мертвъ епископъ оный“. Царь принялся искать другаго епископа. На этотъ разъ его выборъ палъ на Филиппа, игумена Соловецкаго монастыря.

„Среди хладныхъ волъ Бѣлаго моря, — повѣствуетъ Карамзинъ, — на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ труженниковъ, Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями игуменъ Филиппъ, сынъ боярина Колычева, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности и служба примѣромъ строгой жизни для иноковъ-отшельниковъ.“ Іоаннъ слышалъ много о подвигахъ Филиппа, неоднократно дарилъ его монастырю драгоценности, земли, деревни. Филиппа вызвали въ Москву. Царь встрѣтилъ его съ большими почестями и объявилъ, что ему быть митрополитомъ. Святитель отказывался, но царь оставался непреклоненъ, и тогда Филиппъ согласился, предложивъ однако одно условіе: уничтоженіе опричнины. Іоаннъ, переспелъ свой гнѣвъ, пробовалъ доказывать святителю необходимость опричнины, которая является единственнымъ средствомъ противъ козней бояръ. Однако, выведенный изъ себя смѣлыми возраженіями Филиппа, велѣлъ ему замолчать. Въ ожиданіи, что Филиппа постигнетъ участь Германа; но Іоаннъ не желалъ дать ему славы гонимаго за добродѣтель и ограничился тѣмъ, что заставилъ его подписать грамоту, въ которой Филиппъ отказывается отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла

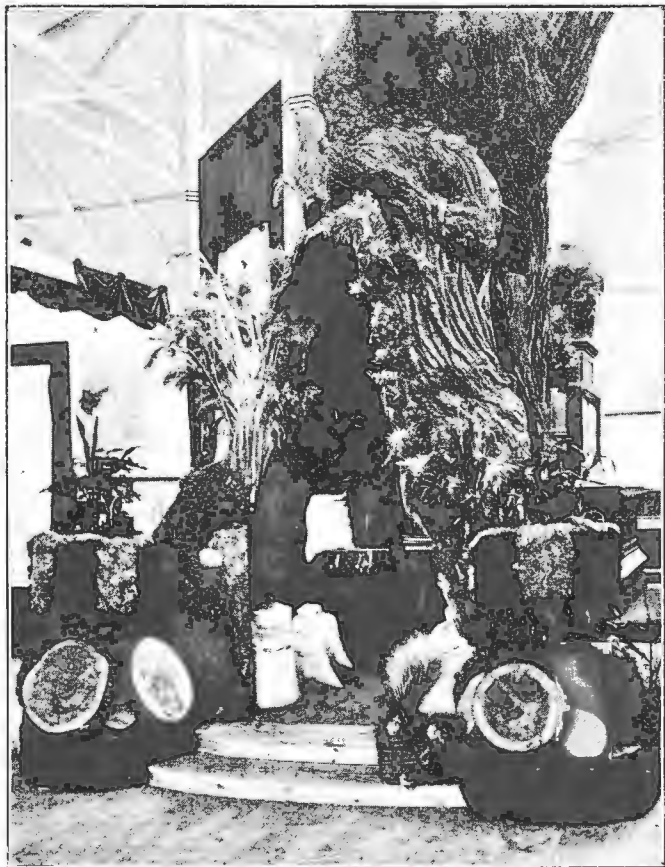
опричины. После этого он, самый сильный из врагов опричины, был возведен в сан митрополита. Это было в 1566 г. Начался период наибольшей разнузданности опричины. Совершались небывалые насилия и казни. По словам Карамзина, «опричники, вооруженные длинными ножами, саблями, бегали по городу, искали жертв, убивали всенародно человека десять или двадцать в день; трупы лежали на улицах, на площадях; никто не смел погребать их». Граждане боялись выходить из домов. В безмолвии Москвы тьма иностранцев раздавала свирепый вопль палачей царских. Родные потерпевших приходили к Филиппу и с рыданиями указывали ему на лившуюся кровь.

«Однажды, в день воскресный, в часе обедни, Иоанн, провожаемый некоторыми боярами и множеством опричников, входит в соборную церковь Успенья. Царь и вся дружина его были в черных ризах, в высоких шляках. Митрополит Филипп стоял в церкви на своем месте; Иоанн приблизился к нему и ждал благословения. Митрополит смотрел на образ Спасителя, не говоря ни слова. Наконец бояре сказали: «Святый Владыко! се Государь; благослови его!» Тут, взглянув на Иоанна, Филипп отвечивал: «В семь видѣ, в семь одѣяній странномъ не узнаю Царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства... О, Государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за отларемъ льется невинная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видало, не слышало, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ — а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства — и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ представишь на судъ Его? Обогранный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? Ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести! Государь! Вѣщай, яко пастырь душъ. Бояся Господа единаго!» Иоанн трепеталъ отъ гнѣва; уда-

нарочно выдумалъ сказку, чтобы возбудить народъ противъ опричины. Иоанн пришелъ в бѣшенство и всенародно сталъ ругать митрополита, называя его лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ. Надъ Филиппомъ парядили судъ. Митрополитъ вошелъ в палату, гдѣ засѣдали царь съ судьями, и высказалъ здѣсь все, что накипѣло въ его груди. «Государь, — сказалъ онъ между прочимъ, — ты думаешь, что я боюсь тебя, или смерти: нѣтъ! Онъ снялъ бѣлый клобукъ и мантию; но царь перебилъ его и приказалъ надѣть снова. 8-го ноября, въ день Архангела Михаила, по повелѣнію государя, Филиппъ долженъ былъ служить обедню. «Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи сто-

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Сельско-хозяйственный отдѣлъ. Внутренній видъ. Съ фот. спец. корресп. „Нивы“ автотипія „Нивы“.

Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Сельско-хозяйственный отдѣлъ. Дупло старой липы — витрина кн. Голицына. Съ фот. спец. корресп. „Нивы“ автотипія „Нивы“.

рилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: «Чернецъ! доселѣ я излишно падалъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня порицаете!» — и вышелъ съ угрозою». Начались новые казни. Это происходило въ 1568 г. 28 июня того же года, во время службы въ Новодѣвическомъ монастырѣ, на которой присутствовалъ и царь съ опричниками, митрополитъ замѣтилъ, что одинъ изъ нихъ въ тафѣ. Онъ съ негодованіемъ сказалъ объ этомъ государю. Последний обернувшись, по опричникамъ успѣлъ уже спрятать тафю, и царя увѣрили, что онъ

леть предъ алтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ наумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу; услышали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишень сана пастырскаго. Вонны вступили въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви метлами и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленья. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицомъ свѣтлымъ, съ любовью благословлялъ людей и говорилъ имъ: «молитесь!» Его посадили въ темницу, въ которой онъ пробылъ 8 дней, и затѣмъ, по повелѣнію Грознаго, былъ перевезенъ въ Тверской Отрочій монастырь, подальше отъ слишкомъ его чтившаго народа. Въ декабрѣ 1569 г. онъ былъ задушенъ въ своей кельѣ Малютой Скуратовымъ, посланнымъ къ нему царемъ для испрошенія благословенія. Въ 1584 г. его мощи были перенесены въ Соловецкую обитель, а впоследствии, въ 1652 г., въ Москву въ Успенскій соборъ.

На картинѣ г. Симова взятъ тотъ моментъ, когда, выгнавъ митрополита изъ храма, его въ простой ризѣ-рубицѣ, на дровняхъ, навосятъ побой и осыпая бравью, везутъ въ Богоявленскую обитель. Картина павѣйна, новидимому, на талантливаго художника знаменитой «Боярыней Морозовой» В. И. Сурикова; такъ же взята толпа, дровни, такой же юродивый боскомъ на снѣгу, даже фигура Филиппа напоминаетъ фигуру Морозовой. Въ картинѣ есть масса достоинствъ, дѣлающихъ ее серьезнымъ произведеніемъ, какихъ у насъ появляется не много.

Тріумфальная арка.

Великогерцогскій дворець—апартаменты Ихъ Императорскихъ Величествъ.
Въездъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Дармштадтъ.

Площадь Луизы.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Дармштадтъ. По рис. „Monde Illustré“ автотипія „Нивы“.

Эзопъ. (Рис. на стр. 1031.)

Въ далекой исторической перспективѣ намъ все кажется полумифическимъ. Мы съ недоумѣемъ относимся къ героямъ сѣдой древности потому, что народъ, останавливая свое вниманіе на какомъ-нибудь излюбленномъ лицѣ, обыкновенно приписываетъ своему избраннику черты однородной дѣятельности многихъ его предшественниковъ и многихъ слѣдовавшихъ за нимъ дѣятелей. Подобно тому, какъ мифической кажется намъ личность Гомера, гениальнаго творца древне-греческаго эпоса,—мифической кажется и личность Эзона, знаменитаго греческаго баснописца, чье имя сдѣлалось нарицательнымъ для басенной дидактически-показательной поэзіи. О жизни Эзона дошли до насъ скудные свѣдѣнія. Согласно свѣдѣтельству Геродота, Эзонъ жилъ въ половинѣ шестого вѣка до Р. Х. Онъ былъ уроженцемъ фригійскаго города Мезембрии, въ Малой Азіи, и долгое время находился въ рабствѣ у самосада Идоноа, который, во вниманіе къ его необычайному уму, отпустилъ, наконецъ, Эзона на свободу. Свобода дала возможность Эзону удовлетворить побужденіямъ своей любознательности и предпринять рядъ путешествій. Въ Вавилонѣ онъ скоро снискалъ себѣ почетъ и уваженіе при дворѣ цари Ликера, удачно разрѣшая хитроумныя загадки, которыми вмѣсто войвъ рѣшали иногда споры восточные владыки. Не имѣя дѣтей, Эзонъ усыновилъ Эна (*αἴνος* — рѣчь). По усыновленіи имъ Эна оклеветали его передъ царемъ, и Эзонъ навѣрное погибъ бы, еслибъ его не спасло заступничество одного царедворца. Не желая метить Эну, Эзонъ прочиталъ ему только нравоученіе, и—такова была сила его ума и слова, что сознаніе вины стало для Эна невыносимой пыткой, и онъ умеръ, терзаемый угрызениями совѣсти. Другимъ царемъ, питавшимъ къ Эзону особенное расположеніе, былъ Крезъ. Онъ поставилъ Эзона во главѣ посольства, которому поручено было отвезти дары въ храмъ Дельфійскаго оракула. Въ Дельфахъ шутки Эзона надъ морочивыми народъ жрецами были такъ извѣстны и остры, что возненавидѣвшіе Эзона жрецы изъ мести звели на него обвиненіе въ кражѣ священныя предметы и сбросили его со скалы, хоти, прибавляетъ преданіе, впоследствии въ этомъ раскаялись и даже воздвигли въ честь его золотую статую. Есть также преданіе, что Эзонъ читалъ аэиннамъ басню „Дягушки, просища царя“, когда власть въ Аѳонахъ была узурпирована тираномъ Низетратомъ. У древнихъ писателей нѣтъ извѣстій, что Эзонъ былъ физически безобразенъ и горбатъ, какимъ его обыкновенно изображаютъ. Впервые такимъ онъ изображенъ въ биографій, написанной константинопольскимъ монахомъ Максимомъ Планудомъ (XIV в.)—*Vita Aesopi*. Объ урожденіи Эзона свѣдѣтельствуется также древняя статуя его въ *Villa Albani*, близъ Рима. Что касается басенъ Эзона, то онѣ въ течение длиннаго ряда вѣковъ подвергались такимъ измѣненіямъ и прибавленіямъ, что не только не представляется возможнымъ въ числѣ шестисотъ пятидесяти басенъ, приписываемыхъ Эзону, указать на несомненно ему принадлежащія, но является даже сомнѣніе въ какой бы то ни было принадлежності ихъ полумифической личности баснописца.

На воспроизведенной въ настоящемъ номерѣ гравюрѣ съ знаменитой картины Веласкеса Эзонъ изображенъ именно такимъ, какъ изображалъ его монахъ Планудъ,—съ рѣзкими, неправильными чертами лица, сторбленнымъ, съ включенной головой, неряшливо одѣтымъ,—но отъ этой уродливой фигуры вѣетъ какой-то мощью выдающегося ума, какою-то злоюironией и недоумѣемъ къ людямъ... Въ этомъ портретѣ Эзона—вся его биографія, гораздо болѣе полная, чѣмъ тѣ скудные письменныя биографическія свѣдѣнія, которыя о немъ сохранились. Подаромъ доиъ-Діого-де-Веласкеса-де-Сильва (1599—1660) извѣстенъ, какъ первый въ мірѣ портретистъ, и именно какъ „портретистъ-биографъ“. Его портреты—художественныя биографій изображеннаго лица, дающія намъ весь внутренний міръ этого лица, со всеми его страстями и недостатками. Съ Веласкеса собственно развилаеь и имъ же прославилась испанская живопись, и ни до него, ни послѣ него ни одинъ художникъ не могъ достигъ такой граціи въ передачѣ натуры, такъ развить воздушную перспективу и свѣто-тѣни, какъ Веласкесъ. Уже давнымъ-давно художественная критика установила, какъ непреложную истину, что портреты Веласкеса, это—идеаль, къ которому должны стремиться портретисты.

Картины Веласкеса разсѣяны по главнѣйшимъ сокровищницамъ искусства, въ томъ числѣ имѣются пять его картинъ и въ нашемъ Эрмитажѣ; но болѣе всѣхъ работами Веласкеса музей Прадо въ Мадридѣ, родинѣ Веласкеса и мѣстѣ его кончины. Въ мадридскомъ музеѣ около 60 картинъ Веласкеса, изъ которыхъ болѣешая часть портреты. На ряду съ цѣлой галлереей портретовъ испанскихъ королей, тамъ хранятся портреты Эзона и философа-диинка Мешинна. На этомъ портретѣ Эзонъ изображенъ во весь ростъ, въ грубомъ хитонѣ, подпоясанный веревкой, и съ книгой въ рукѣ. Этого-то знаменитый портретъ, но лишь въ форматѣ полезнаго, воспроизведенъ и на помѣщенной здѣсь гравюрѣ.

Преосвященный Діонисій, епископъ уфимскій и мензелинскій. (Портр. на стр. 1103.)

8 сентября въ одной изъ московскихъ частныхъ лѣчебницъ

скончался преосвященный Діонисій, епископъ уфимскій и мензелинскій, 78 лѣтъ отъ роду.

Покойный архимандритъ (въ мірѣ Димитрій Васильевичъ Хитровъ), родился 22 октября 1818 года въ селѣ Хитровѣ, Данковскаго уѣзда Рязанской губерніи. Отецъ его былъ пономаремъ въ упомянутомъ селѣ. Обучался покойный преосвященный сначала въ данковскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ рязанскомъ духовной семинаріи, гдѣ и кончилъ курсъ съ званіемъ студента 15 іюня 1840 года. Въ слѣдующемъ году онъ былъ вызванъ, какъ одинъ изъ лучшихъ среди кончившихъ семинарію, въ Якутскъ, гдѣ посвященъ былъ преосвященнымъ Иннокентіемъ, впоследствии московскимъ митрополитомъ, въ санъ священника. Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ трудился почившій на миссіонерскомъ поприщѣ. Проповѣдь его среди язычнковъ-якутовъ была такъ плодотворна, что язычники сотнями обращались въ христіанство, но зато на долю миссіонера выпала такая масса трудовъ, что только надежда на помощь Божественную и поддерживала труженика.

За свои многолѣтніе труды почившій былъ въ 1856 году возведенъ въ санъ протоіерея и проходилъ въ этомъ санѣ должности—сначала смотрителя якутскаго духовнаго училища, а потомъ ректора духовной семинаріи.

Въ 1867 году покойный лишился жены. Въ слѣдующемъ году онъ постригся въ монахи съ именемъ Діонисія, и тогда же возведенъ былъ въ санъ архимандрита, а 9 февраля того же года былъ хиротонисанъ во епископа якутскаго, сначала викарія камчатской епархіи, съ 12 же января 1869 года, по образованіи отдѣльной якутской епархіи, состоялъ самостоятельнымъ епископомъ. Въ этомъ санѣ покойный архимандритъ около пятнадцати лѣтъ просвѣщалъ якутовъ свѣтомъ христіанской истины.

Въ 1883 году, за заслуги и во вниманіе къ престарѣлому возрасту, преосвященный Діонисій былъ переведенъ на уфимскую епископскую кафедру. Попржнему трудолюбивый и энергичный, здѣсь онъ скоро приобрѣлъ себѣ любовь среди паствы.

Въ 1889 году, покойный преосвященный, несмотря на свои преклонныя лѣта, предпринялъ поѣздку по епархіи для осмотра церквей. Цѣлью его поѣздки было также огражденіе крещеныхъ инородцевъ отъ зловреднаго вліянія распространителей лжеучения, а русскихъ отъ проповѣдниковъ австрійскаго лжеисповѣданія. Поѣздка была очень трудная: гористая мѣстность, дождливая погода и другія неблагопріятныя условія, по словамъ самого преосвященнаго, весьма затруднили путь. Поврежденія въ повозкѣ архіерейской иногда заставляли престарѣлаго преосвященнаго идти пешкомъ цѣлые десятки верстъ. Но всѣ эти трудности сторицею вознаграждались тою пламенною любовью, съ которою владыка былъ встрѣчаемъ своими пасомыми.

Обозрѣвая церкви, владыка вездѣ интересовался состояніемъ религіознаго просвѣщенія, бесѣдуя съ дѣтьми о предметахъ вѣры и нравственности и давая проникнутыя любовью наставленія. Описанная поѣздка почившаго архимандрита навсегда останется памятною въ сердцахъ любящихъ его пасомыхъ.

Покойному преосвященному принадлежатъ: переводъ священныя и богослужебныя книгъ на якутскій языкъ, сдѣланный имъ еще въ бытность священникомъ-миссіонеромъ и давшій возможность совершать богослуженіе для якутовъ на ихъ родномъ языкѣ; азбука и грамматика якутскаго языка, явившіяся плодомъ долготѣннаго, тщательнаго изученія этого языка; очерки поѣздки по уфимской епархіи (въ *Уфимскихъ Епархіальныхъ Видомостяхъ* за 1889—1890 гг.), множество проповѣдей, простыхъ, но согрѣтыхъ теплотою чувства. Очень много писалъ почившій архимандритъ о своихъ миссіонерскихъ поѣздкахъ въ глушь Сибири къ разнымъ инородцамъ. Съ 1831 года покойный состоялъ почетнымъ членомъ казанской духовной академіи.

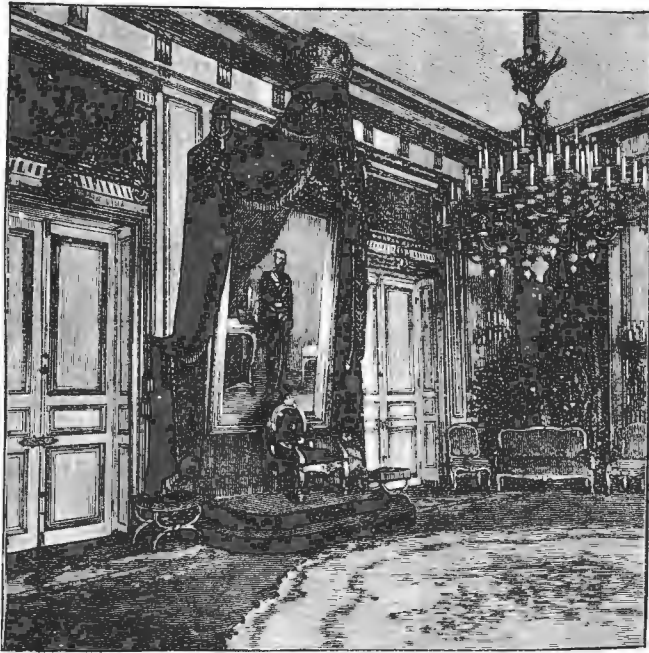
Протоіерей Г. М. Любимовъ. (Портр. на стр. 1103.)

Среди многочисленнаго русскаго православнаго духовенства встрѣчаются достойнѣйшіе пастыри и выдающіеся общественные дѣятели, которые скромно трудятся на избранномъ имъ нелегкомъ поприщѣ, не заботясь о мірской молвѣ и славѣ, и лишь особо исключительные случаи вызываютъ признаніе ихъ плодотворной дѣятельности.

Такимъ пастыремъ является протоіерей ораніенбаумской придворной церкви Гавріилъ Марковичъ Любимовъ, 50-лѣтній юбилей священства и службы котораго на *одномъ* мѣстѣ справлялъ въ этомъ году г. Ораніенбаумъ, и на празднество это откликнулись многочисленныя почитатели о. Гавріила со всѣхъ концовъ Россіи.

Уроженецъ Тамбовской губ., воспитанникъ с.-петербургской духовной академіи, о. Гавріилъ въ 1846 г. занялъ скромное мѣсто единственнаго священника (въ ту пору для громаднаго, почти 100-верстнаго прихода была одна маленькая придворная церковь) въ небольшомъ тогда городкѣ Ораніенбаумѣ, который не имѣлъ нынѣшняго удобнаго сообщенія со столицею и далеко не былъ похожъ на нынѣшній быстро разросшійся, благоустроенный дачный пунктъ. Молодой ревностный пастырь, неутомимый труженикъ и искренній гуманистъ, сначала за-

вился устройством сельских училищ въ имѣніяхъ великой княгини Елены Павловны, затѣмъ завелъ въ Ораніенбаумъ первое училище (ставшее впоследствии уѣзднымъ), изыскавъ необходимыя средства для постройки собственнаго дома для училища и обезпеченія содержанія его неприкосновеннымъ капиталомъ; далѣе создать въ своемъ приходѣ на

Къ пребыванію Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Парижѣ. Домъ русскаго посольства. Тронная зала. По рис. Ш. грав. Шюблеръ.

пожертвованія благотворителей нѣсколько храмовъ и, наконецъ, сосредоточиваетъ свои неусыпные труды и истинно-христіанскія заботы на дѣлахъ милосердія и благотворительности. По почину или при ближайшемъ содѣйствіи о. Гавриила, а то и всецѣло на собраныя имъ жертвы, возникли одно за другимъ въ Ораніенбаумѣ богоугодныя и воспитательныя заведенія. Во главѣ ихъ надо поставить „Свято-Троицкій богадельный домъ“ для призрѣнія престарѣлыхъ и убогихъ обоихо

пола, на 150 чел.—выдающееся общественное благотворительное учрежденіе, своимъ возникновеніемъ и вышѣшимъ преемствомъ (неприкосновеннаго капитала до 200 т. р. и недвижимой собственности на 80 т. р.) обязанное о. Гавриилу и въ теченіе 35 лѣтъ уже давнее тихій и полный пріютъ многимъ сотнямъ призрѣваемыхъ. Такое же живое и плодотворное участіе проявилъ почтенный настырь и въ отношеніи къ нѣкоторымъ гуманитарнымъ столичнымъ учрежденіямъ (Общ. Краснаго Креста, Крестовоздвиженская община, Сиб. дамскій благотворительно-тюремный комитетъ, постоянная комесія народныхъ чтеній и друг.), какъ дѣятельный членъ ихъ, и относительно многихъ церковныхъ братствъ, попечительствъ и т. п.

Зная по опыту, какое громадное значеніе для русскаго православнаго челоуѣка имѣетъ храмъ Божій, служащій для него нерѣдко единственнымъ свѣточемъ всякаго просвѣщенія, о. Гавриилъ въ послѣднія 30 лѣтъ употребилъ необыкновенную силу своей воли и энергіи для отысканія благотворителей, готовыхъ строить церкви въ мѣстахъ, гдѣ ихъ не было и чувствовалась въ нихъ безотложная нужда, но не было для того никакихъ средствъ (какъ, напримѣръ, на сѣверѣ Россіи, въ западныхъ губерніяхъ), и достигъ почти невѣроятныхъ результатовъ: имъ выстроено 86 храмовъ. Такимъ образомъ, за полвѣка черезъ руки о. Гавриила прошло жертвъ на благотворенія на пользу церкви и ближняго до полутора милліоновъ рублей. Оттого и юбилейное празднество досточимаго настыря—76-лѣтняго старца и виднаго общественаго дѣятеля—отличалось особенною торжественностью и дѣшало неподдѣльною искренностью во всѣхъ участникахъ его. Августѣйшіе хозяева Ораніенбаума, Ихъ Высочества великіе герцоги Мекленбургъ-Стрелицкіе Михаилъ и Георгъ Георгиевичи привѣтствовали юбиляра въ храмѣ и, затѣмъ, присутствовали при пріемѣ имъ поздравительныхъ депутацій, поднесенныхъ при адресахъ иконы, блюда, шкатулки со вложеніями, картину дома и мѣстности, въ которой о. Гавриилъ живетъ 50 лѣтъ, и другіе подарки. Изъ привѣтствій сильное впечатлѣніе произвела задумевшая рѣчь сосѣда юбиляра по мѣсту священнослуженія—о. Іоанна Ильича Сергіева (Кронштадтскаго). Празднество закончилось обѣдомъ, даннымъ городомъ въ честь юбиляра—своего почетнаго гражданина; на обѣдѣ присутствовало до 250 челоуѣкъ. На столѣ, предъ юбиляромъ, красовалась массивная серебряная, художественной работы, ваза съ громаднымъ букетомъ изъ живыхъ цвѣтовъ—даръ, присланный къ обѣду виновику торжества Августѣйшими хозяевами Ораніенбаума. Юбиларъ былъ почтенъ слѣшкомъ двумя стами привѣтствій. Высокопресвященный митрополитъ Палладій благословилъ его иконой, которую привезъ въ Ораніенбаумъ и передалъ при этомъ благословеніе владыки пресвященный Назарій, епископъ гдовскій.

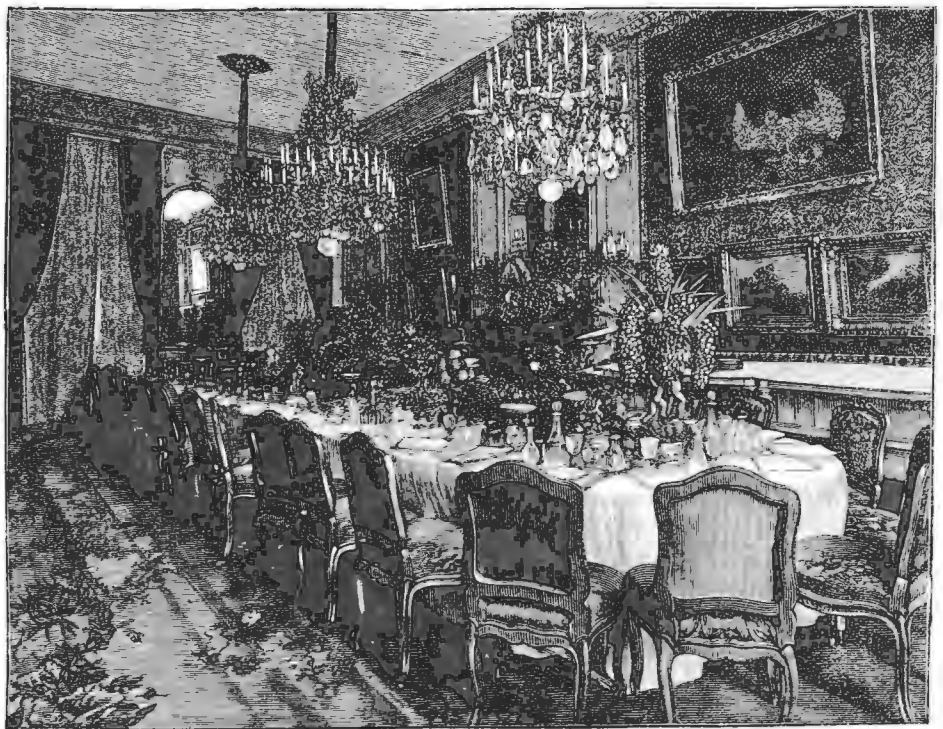
Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границею.

(Съ 5 рисунками на стр. 1099, 1101 и 1102.)

12 октября, Государь Императоръ и Государыня Императрица присутствовали на археологическихъ раскопкахъ, начатыхъ около дома лѣтничаго въ Коберштадтѣ. Вечеромъ Ихъ Величества посѣтили театръ, гдѣ была исполнена пьеса Грильбардера, „Предокъ“. На слѣдующій день, Государь Императоръ, великій герцогъ и великій князь Сергій Александровичъ посѣтили, по приглашенію офицерскаго корпуса лейбъ-гвардейскаго 115-го полка, казино этого полка. Позже Государь, Государыня и всѣ находившіеся въ Дармштадтѣ высочайшія особы присутствовали на представленіи „Таугейзера“ въ придворномъ театрѣ.

17 октября послѣдовалъ отъѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ Дармштадта. Около 9 час. утра изъ великогерцогскаго дворца отправилась на вокзалъ нѣсколько отрядовъ жандармеріи и полиціи. Украшеній на улицахъ не было, по желанію Государя Императора. Русскіе генералы и придворные чины прибыли на вокзалъ въ половинѣ десятаго. Спустя нѣкоторое время, туда явились русскій посланникъ Озеровъ съ супругою и нѣсколько гессенскихъ офицеровъ. Входъ въ вокзалъ былъ убранъ гирляндами, русскими и гессенскими флагами. Огромный коверъ покрывалъ лѣстницу. Ровно въ 10 час. прибыли на вокзалъ Ихъ Императорскія Величества, великогерцогская чета, великій князь Сергій Александровичъ съ великой княгиней Елизаветою Теодоровною, принцъ Вильгельмъ гессенскій, принцесса Бат-

тенбергская, графиня Эрбахъ съ великою княжною Ольгою Николаевною и двухлѣтнею дочерью великаго герцога. Собрав-

Къ пребыванію Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Парижѣ. Домъ русскаго посольства. Столовая. По рис. „Illustration“ грав. Шюблеръ.

шейся у вокзала народъ привѣтствовалъ Августѣйшихъ Особъ восторженными восклицаніями.

Первою заняла мѣсто въ вагонѣ великая княжна Ольга Николаевна, имѣвшая на себѣ бѣлое платье и мантилью цвѣта крещъ, огдѣланную мехомъ. Въ это время Ихъ Величества прощались въ парадной залѣ вокзала съ Августѣйшими хозяе-

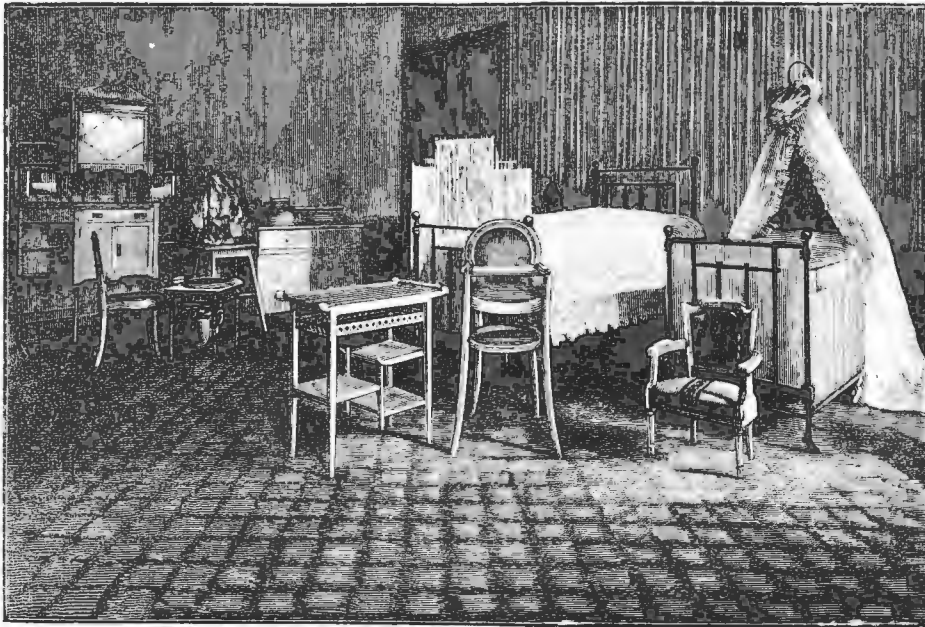
библиотека, состоящая изъ 400,000 томовъ и 3,300 рукописей, коллекціи географическихъ картъ и многихъ цѣнныхъ старинныхъ печатныхъ изданій; тутъ же находятся вновь переустроенная коллекція древнихъ вещей и минераловъ. Въ верхнемъ этажѣ дворца находится картинная галлерей, въ которой есть такіе шедевры, какъ „Христосъ у колоны бичеванія“ Рембрандта (1668) и „Мадонна“ Ганса Гольбейна-младшаго.

Въ этомъ же номерѣ, въ дополненіе къ помѣщеннымъ уже у насъ рисункамъ, относящимся къ пребыванію Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Парижѣ, помѣщаемъ нѣсколько рисунковъ, воспроизводящихъ анпартаменты Ихъ Величествъ въ домѣ русскаго посольства въ Парижѣ.

Анпартаменты Ихъ Величествъ помѣщались въ бель-этажѣ. Рядомъ съ небольшимъ салономъ, украшеннымъ бюстами Ихъ Величествъ, находился будуаръ Государыни Императрицы, весь убранный великолѣпными коврами; далѣе—рабочій кабинетъ Государя Императора и пріемный залъ, весь покрытый зеленымъ шелкомъ. Правая сторона бель-этажа была отведена для сна. Комната Государыни Императрицы, скромно и въ то же время очень изящно обставленная, вся была убрана бѣлымъ и золотомъ; обои и мебель были изъ тканого шелка цвѣта мальвы.

Залы для официальныхъ пріемовъ помѣщались въ салонахъ перваго этажа, въ которые ведетъ великолѣпная мраморная лѣстница. Большая часть этажа занята тронной залой, окна которой выходятъ въ садъ. Посреди залы у стѣны стоитъ Императорскій тронъ—золоченое кресло, обитое краснымъ шелкомъ. Великолѣпный красный бархатный baldachinъ, увѣчаный Императорской короной, спускается сверху и какъ бы обрамляетъ портретъ Государя Императора, изображеннаго въ гусарскомъ мундирѣ.

Въ томъ же этажѣ помѣщалась Царская столовая, хотя и небольшая по размѣрамъ, но великолѣпно убранная картинами и троническими растеніями. Въ ней состоялся парадный обѣдъ на 46 кувертовъ.

Къ пребыванію Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Парижѣ. Домъ русскаго посольства. Комната великой княжны Ольги Николаевны. По рис. „Illustration“ грав. Шлипперъ.

вами. Государь Императоръ и великій герцогъ долго держали друга друга въ объятіяхъ. На Государыни Императрицѣ было ге.попроноваго цвѣта платье и шляпа того же цвѣта. Государь Императоръ былъ въ формѣ Своего лейбъ-драгунскаго гессенскаго полка. Въ то время, когда Августѣйшія дамы находились уже въ вагонѣ, Государь Императоръ еще разъ подошелъ къ бывшимъ на платформѣ полковымъ командирамъ и каждаго изъ нихъ удостоилъ милостивою бесѣдою. Наконецъ, вошелъ въ вагонъ и Государь Императоръ. Когда поѣздъ тронулся, Ихъ Величества стояли у окна, причемъ Государь Императоръ кланялся, а Государыня Императрица послала прощальные знаки платкомъ. Присутствовавшіе на перрошъ лица оглашали воздухъ восторженными кликами.

Ихъ Императорскія Величества избрали для своего обратнаго пути въ Россію направление на Познань, куда прибыли 18 октября, въ 7 ч. 30 м. утра, и затѣмъ, послѣ краткой остановки, на Торшъ и Эйдкуненъ, чрезъ который прослѣдовали въ тотъ же день, въ 6 ч. 30 м. вечера.

Въ настоящемъ номерѣ помѣщаемъ пять рисунковъ, представляющихъ описанный уже у насъ въездъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Дармштадтъ, триумфальную арку, воздвигнутую въ честь Ихъ Величествъ на пути Ихъ слѣдованія съ вокзала къ великогерцогскому дворцу; расцвѣченную флагами и гирляндами зелени, великолѣпную площадь Луизы, съ высѣщеннымъ посрединѣ ея бронзовымъ памятникомъ великому герцогу Людвигу I, въ 9 метровъ вышины, увѣнчанную каменную колонну въ 43 метра вышины; наконецъ на томъ же рисункѣ (стр. 1099) посрединѣ изображенъ великогерцогскій дворецъ (фасадъ и фронтъ дворца, выходящій въ садъ), въ которомъ были отведены анпартаменты для Ихъ Величествъ. Великогерцогскій дворецъ возведенъ въ первоначальномъ своемъ видѣ въ XV вѣкѣ, еще во времена графовъ Каденелнбогешъ, но затѣмъ былъ перестроенъ ландграфомъ Георгомъ I, а по его кончинѣ, въ 1596 г., украшенъ былъ величественными порталами въ стилѣ ренессанса. Главная центральная часть зданія возведена въ проломъ вѣкѣ. Перестройка дворца была закончена въ 1833 г. Въ среднемъ этажѣ дворца находится богатѣйшая придворная

Къ пребыванію Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Парижѣ. Домъ русскаго посольства. Анпартаменты Государыни Императрицы. По рис. „Illustration“ грав. Шлипперъ.

Во второмъ этажѣ помѣщалась комната великой княжны Ольги Николаевны. Маленькая кроватка съ бѣлыми занавѣсками, рядомъ желѣзная кровать кормилицы; немного бѣлой лакированной мебели, и вотъ все убранство комнаты Августѣйшей малютки.

Политическое обозрѣніе.

Торжества русской пѣдѣти во Франціи, какъ и слѣдовало относительно Австріи, въ случаѣ, разумѣется, правдоподобности его ильшннихъ „разоблаченій“. Какъ бы то ни было, эти „разоблаченія“, охлаждающая сердечность австро-германскихъ отношеній, едва ли послужатъ усиленію довѣрія Австріи къ германской политикѣ.

Особенно разочарованы австрійскіе пѣмцы и мадьяры, зато ликуютъ австрійскіе славяне, потѣшающіеся надъ австрійскою „вѣрою въ честность германской политики“.

Берлинская печать смущена подобнымъ результатомъ „бисмарковскихъ разоблаченій“. Указывая на то, что самъ князь Бисмаркъ вовсе не былъ такимъ русофиломъ, какимъ себя выставляетъ теперь, столичная германская печать негодуетъ на бывшего канцлера, который изъ ненависти къ своему преемнику, искажая истину, не щадитъ де государственныхъ интересовъ.

Во всякомъ случаѣ бесспорнымъ остается фактъ, что никакія разоблаченія не могутъ имѣть серьезныхъ послѣдствій въ европейской политикѣ: въ настоящее время Европѣ приходится считаться съ безвозвратно совершившимся фактомъ окончательнаго сближенія Россіи съ Франціей, съ которыми, по видимому, и Германія старается дѣйствовать такъ, чтобы интересы имперіи Гогенцоллерновъ уживались съ двойственнымъ союзомъ.

Италія торжественно отпраздновала бракосочетаніе наследника итальянскаго престола. Въ городѣ Барі, 9 октября, въ храмѣ св. Николая, княжна Елена Черногогорская, окруженная духовенствомъ, произнесла католическій символъ вѣры въ присутствіи итальянскихъ и черногорскихъ высокопоставленныхъ особъ. Затѣмъ была совершена торжественная месса, въ концѣ которой душевные салюты возвѣстили о совершившейся церемоніи. 12 октября состоялось гражданское бракосочетаніе принца Неаполитанскаго съ княжной Еленой въ большой залѣ Квиринала, откуда блестящій кортежъ отправился въ церковь Santa Maria degli Angeli, гдѣ совершенно церковное бракосочетаніе.

Установившіеся родственныя узы между Италіей и Черногоріей приветствуются южно-славянской печатью, какъ залогъ дружбы Италіи съ славянствомъ, — въ особенности съ сербскою народностью, которая приобрѣла высокую покровительницу въ лицѣ будущей итальянской королевы-славянки. Такимъ образомъ мирное торжество итальянской королевской семьи послужило поводомъ политическимъ чашамъ въ будущемъ: сербство надѣется заручиться дружбой одного изъ членовъ „могущественнаго“ тройственнаго союза; итальянцы, съ своей стороны, болѣе компетентные въ могуществѣ Италіи, возлагаютъ большую надежду на связь итальянскаго королевскаго дома съ славянскимъ миромъ и въ особенности съ дѣйствительно могущественнымъ представителемъ его — Россіей.

Ослзательныя послѣдствія совершившагося событія въ Италіи сказываются пока въ возрастаніи популярности королевскаго дома вообще и короля Гумберта въ частности. По слу-

Преосвященный Діонисій, епископъ уфимскій и мензелинскій († 8 сентября 1896 г.). Съ фот. Здобцова автотипія „Нивы“.

Франціи, какъ и слѣдовало относительно Австріи, въ случаѣ, разумѣется, правдоподобности его ильшннихъ „разоблаченій“. Какъ бы то ни было, эти „разоблаченія“, охлаждающая сердечность австро-германскихъ отношеній, едва ли послужатъ усиленію довѣрія Австріи къ германской политикѣ.

Особенно разочарованы австрійскіе пѣмцы и мадьяры, зато ликуютъ австрійскіе славяне, потѣшающіеся надъ австрійскою „вѣрою въ честность германской политики“.

Берлинская печать смущена подобнымъ результатомъ „бисмарковскихъ разоблаченій“. Указывая на то, что самъ князь Бисмаркъ вовсе не былъ такимъ русофиломъ, какимъ себя выставляетъ теперь, столичная германская печать негодуетъ на бывшего канцлера, который изъ ненависти къ своему преемнику, искажая истину, не щадитъ де государственныхъ интересовъ.

Во всякомъ случаѣ бесспорнымъ остается фактъ, что никакія разоблаченія не могутъ имѣть серьезныхъ послѣдствій въ европейской политикѣ: въ настоящее время Европѣ приходится считаться съ безвозвратно совершившимся фактомъ окончательнаго сближенія Россіи съ Франціей, съ которыми, по видимому, и Германія старается дѣйствовать такъ, чтобы интересы имперіи Гогенцоллерновъ уживались съ двойственнымъ союзомъ.

Италія торжественно отпраздновала бракосочетаніе наследника итальянскаго престола. Въ городѣ Барі, 9 октября, въ храмѣ св. Николая, княжна Елена Черногогорская, окруженная духовенствомъ, произнесла католическій символъ вѣры въ присутствіи итальянскихъ и черногорскихъ высокопоставленныхъ особъ. Затѣмъ была совершена торжественная месса, въ концѣ которой душевные салюты возвѣстили о совершившейся церемоніи. 12 октября состоялось гражданское бракосочетаніе принца Неаполитанскаго съ княжной Еленой въ большой залѣ Квиринала, откуда блестящій кортежъ отправился въ церковь Santa Maria degli Angeli, гдѣ совершенно церковное бракосочетаніе.

Установившіеся родственныя узы между Италіей и Черногоріей приветствуются южно-славянской печатью, какъ залогъ дружбы Италіи съ славянствомъ, — въ особенности съ сербскою народностью, которая приобрѣла высокую покровительницу въ лицѣ будущей итальянской королевы-славянки. Такимъ образомъ мирное торжество итальянской королевской семьи послужило поводомъ политическимъ чашамъ въ будущемъ: сербство надѣется заручиться дружбой одного изъ членовъ „могущественнаго“ тройственнаго союза; итальянцы, съ своей стороны, болѣе компетентные въ могуществѣ Италіи, возлагаютъ большую надежду на связь итальянскаго королевскаго дома съ славянскимъ миромъ и въ особенности съ дѣйствительно могущественнымъ представителемъ его — Россіей.

Ослзательныя послѣдствія совершившагося событія въ Италіи сказываются пока въ возрастаніи популярности королевскаго дома вообще и короля Гумберта въ частности. По слу-

Протоіерей Г. М. Любимовъ (по поводу 50-ти лѣтія священнослуженія). Съ фот. Пазетти автотипія „Нивы“.

Франціи, какъ и слѣдовало относительно Австріи, въ случаѣ, разумѣется, правдоподобности его ильшннихъ „разоблаченій“. Какъ бы то ни было, эти „разоблаченія“, охлаждающая сердечность австро-германскихъ отношеній, едва ли послужатъ усиленію довѣрія Австріи къ германской политикѣ.

Особенно разочарованы австрійскіе пѣмцы и мадьяры, зато ликуютъ австрійскіе славяне, потѣшающіеся надъ австрійскою „вѣрою въ честность германской политики“.

Берлинская печать смущена подобнымъ результатомъ „бисмарковскихъ разоблаченій“. Указывая на то, что самъ князь Бисмаркъ вовсе не былъ такимъ русофиломъ, какимъ себя выставляетъ теперь, столичная германская печать негодуетъ на бывшего канцлера, который изъ ненависти къ своему преемнику, искажая истину, не щадитъ де государственныхъ интересовъ.

Во всякомъ случаѣ бесспорнымъ остается фактъ, что никакія разоблаченія не могутъ имѣть серьезныхъ послѣдствій въ европейской политикѣ: въ настоящее время Европѣ приходится считаться съ безвозвратно совершившимся фактомъ окончательнаго сближенія Россіи съ Франціей, съ которыми, по видимому, и Германія старается дѣйствовать такъ, чтобы интересы имперіи Гогенцоллерновъ уживались съ двойственнымъ союзомъ.

Италія торжественно отпраздновала бракосочетаніе наследника итальянскаго престола. Въ городѣ Барі, 9 октября, въ храмѣ св. Николая, княжна Елена Черногогорская, окруженная духовенствомъ, произнесла католическій символъ вѣры въ присутствіи итальянскихъ и черногорскихъ высокопоставленныхъ особъ. Затѣмъ была совершена торжественная месса, въ концѣ которой душевные салюты возвѣстили о совершившейся церемоніи. 12 октября состоялось гражданское бракосочетаніе принца Неаполитанскаго съ княжной Еленой въ большой залѣ Квиринала, откуда блестящій кортежъ отправился въ церковь Santa Maria degli Angeli, гдѣ совершенно церковное бракосочетаніе.

Установившіеся родственныя узы между Италіей и Черногоріей приветствуются южно-славянской печатью, какъ залогъ дружбы Италіи съ славянствомъ, — въ особенности съ сербскою народностью, которая приобрѣла высокую покровительницу въ лицѣ будущей итальянской королевы-славянки. Такимъ образомъ мирное торжество итальянской королевской семьи послужило поводомъ политическимъ чашамъ въ будущемъ: сербство надѣется заручиться дружбой одного изъ членовъ „могущественнаго“ тройственнаго союза; итальянцы, съ своей стороны, болѣе компетентные въ могуществѣ Италіи, возлагаютъ большую надежду на связь итальянскаго королевскаго дома съ славянскимъ миромъ и въ особенности съ дѣйствительно могущественнымъ представителемъ его — Россіей.

Ослзательныя послѣдствія совершившагося событія въ Италіи сказываются пока въ возрастаніи популярности королевскаго дома вообще и короля Гумберта въ частности. По слу-

чаю бракосочетания наследника престола, министерство напомнило королю о необходимости внести в парламент предложение относительно кредитов на содержание двора наследника. Зная незавидное положение финансов страны, король отверг предложение министерства; тогда правительство доложило королю, что его отказом нарушается восстановление конституции, предусматривающей законопроект о содержании двора наследника престола. В виду этого король Гумберт дал свое согласие на внесение в парламент требуемого законопроекта, но вместе с тем настоял на уменьшении королевского цивильного листа на сумму, какая будет вогнорвана в пользу наследника престола.

Король Сербии совершил победку в Румынию, и 18 октября был привѣтствованъ въ Бухарестѣ весьма торжественно, что вызвало неодобреніе побѣдки короля со стороны сербской радикальной партіи; но мѣшью этой оппозиционной партіи, визитъ короля, вмѣсто первоначальнаго предположенія побѣхать въ Софію и Цетинье, указываетъ, будто бы, на желаніе сблизиться съ тройственнымъ союзомъ, застрѣльникомъ котораго состоитъ Румынія, чествовавшая у себя, въ Скопльскомъ медѣль тому назадъ, австрійскаго императора Франца-Иосифа. Сербская оппозиція сваливаетъ всю вину поворота во вѣнчій сербской политикѣ на австрійскій напредвѣдкій кабинетъ Поваковича. Въ то же время, большинство европейской влиятельной печати, на основаніи свѣдѣній изъ Бѣлграда, сообщаетъ, что причина происшедшей перемѣны въ сербской политикѣ кроется, будто бы, въ томъ, что самъ юный король подчинился вліянію своего родителя—сх-короля сербскаго, не переставшаго, по видимому, интересоваться состояніемъ покинутой имъ Сербіи.

Въ Софіи вышелъ 10 октября указъ о распусченіи VIII обыкновеннаго народнаго собранія и о созывѣ на 17 ноября избирателей княжества, для выбора новыхъ представителей въ IX

обыкновенное собраніе. Въ докладѣ своемъ предсѣдатель министерскаго совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ Столювъ указываетъ на то, что, благодаря мудрости принца Кобургскаго и содѣйствію народнаго представительства, горячее желаніе народа вырвать страну изъ ненормальнаго положенія—достигнуто, а потому естественнымъ является намѣреніе правительства дать въ народѣ всѣмъ политическимъ теченіямъ его нормальной конституціонной жизни, тѣмъ болѣе, что по осуществленію общей задачи, вѣдѣнной въ обязанность нынѣшнему представительству, появились новые задачи существенной экономической и политической важности. Въ виду этого правительство, пользуясь полнымъ довѣріемъ народнаго представительства, обнаружившимся въ прошлыхъ сессіяхъ собранія, считаетъ своевременнымъ обратиться снова къ народу, чтобы онъ въ новыхъ выборахъ высказался относительно направленія, какое желательно придать болгарскимъ государственнымъ дѣламъ.

Такой неожиданный шагъ министерства, распускающаго собраніе до его созыва въ очередную сессію, смутилъ всѣ оппозиціонныя партіи, такъ какъ, по общему мнѣнію, министерство позаботится оказать свое давленіе на выборы. Вожди оппозиціи испросили у принца Кобургскаго аудиенцію, чтобы просить его о передачѣ власти временному кабинету до окончанія выборовъ. Во дворцѣ увѣрили представителей оппозиціи, что дава будетъ возможно большая свобода выборовъ и избирательной агитаціи, почему и не представляется надобности въ образованіи временнаго правительства. Тѣмъ не менѣе, вожаки оппозиціонныхъ фракцій въ общемъ собраніи рѣшили дѣйствовать совместно противъ правительства. Избирательная кампанія уже началась, но и правительство не отстаетъ, имѣя на своей сторонѣ не только полицію, но и войска, играющія, какъ извѣстно, роль главнѣйшаго политическаго фактора въ княжествѣ.

Разныя извѣстія.

— 19 октября, въ 4 часа 30 минутъ пополудни, въ Гатчину по Николаевской, а затѣмъ Балтійской желѣзнымъ дорогамъ, черезъ станцію Тосно, изволила вернуться изъ Абастумана Ея Императорскаго Величества Государыня Императрица Марія Теодоровна съ Августѣйшимъ Дѣтвемъ Ихъ Императорскимъ Высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ и великой княжной Ольгой Александровной.

— 19 октября, въ 8 часовъ 35 мин. вечера, Ихъ Императорскія Величества изволили вернуться по Варшавской желѣзной дорогѣ изъ-за границы въ Царское Село. Для встрѣчи Ихъ Императорскихъ Величествъ на Александровской станціи собрались: министръ внутреннихъ дѣлъ сенаторъ т. с. Н. Л. Горемыкинъ, командиръ гвардейскаго корпуса генералъ Манзей, начальникъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа ген.-лейт. Н. И. Бобринковъ и другія высокопоставленныя лица. Ко времени прихода побѣда на станцію прибыли для встрѣчи Ихъ Величествъ Ихъ Императорскія Высочества великіе князья Павелъ Александровичъ и Константинъ Константиновичъ съ Августѣйшею супругою великой княгиней Елисаветой Мавриковной. Въ 7 часовъ вечера Императорскія побѣды прибыли въ гор. Гатчину, гдѣ Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Теодоровна, прибывшія съ Ихъ Величествъ изъ-за границы Ихъ Императорскія Высочества великій князь Сергій Александровичъ съ Августѣйшею супругою великой княгиней Елисаветой Теодоровной послали Ея Величество Государыню Императрицу Марію Теодоровну, а затѣмъ въ 8 ч. вечера изволили отбыть на станцію Александровскую. Въ 8 ч. 35 м. вечера Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Теодоровна съ Ихъ Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшею дочерью великой княжной Ольгой Николаевной, великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ и Августѣйшею супругою Ею Высочествомъ прибыли на станцію Александровскую. По выходѣ изъ Императорскаго салона вагона Ихъ Величествъ и Ихъ Императорскія Высочества поздоровались съ Августѣйшимъ родственникомъ, а затѣмъ изволили отбыть въ Царскоесельскій дворецъ.

— 19 октября, въ Петропавловскомъ соборѣ, послѣ заупокойной литургіи, была совершена панихида по въ Бозѣ почивающемъ государѣ императорѣ Александрѣ Александровичѣ.

— 20 октября, въ день кончины въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра III, въ Петропавловскомъ соборѣ была совершена заупокойная литургия. Къ началу литургіи въ соборъ прибыли Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Теодоровна, Государыня Императрица Марія Теодоровна, Ихъ Императорскія Высочества великій князь Михаилъ Александровичъ, великая княжна Ольга Александровна, великій князь Андрей Владимировичъ, великая княжна Елена Владимировна, великіе князья Сергій Александровичъ, съ Августѣйшею супругою великою княгиней Елисаветой Теодоровной, Павелъ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ, съ Августѣйшею супругою великою княгиней Елисаветой Мавриковной, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Петръ Николаевичъ и Ихъ Высочества принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій и герцоги Михаилъ Георгиевичъ Мекленбург-Стрелицкій.

— 20 октября, въ день кончины въ Бозѣ почивающаго императора Александра III, во всѣхъ столич-

ныхъ церквахъ, соборахъ и домовыхъ церквахъ учрежденъ былъ совершена послѣ литургіи панихиды, а также и во всѣхъ городахъ Имперіи.

— Въ годовщину кончины въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра III, въ Ново-Адмиралтейской столовой обществу дешевыхъ столовыхъ и чайныхъ и домовъ трудолюбія въ Петербургѣ, отслужена панихида и отпущено бѣднымъ жителямъ столицы 350 поминальныхъ обѣдовъ безплатно, на проценты съ капитала въ 2,000 р., пожертвованнаго на этотъ предметъ саратовскимъ купечествомъ.

— 20 октября, во вторую годовщину кончины государя императора Александра III, въ Ливадіи совершено было торжественное заупокойное богослуженіе. Въ память въ Бозѣ почивающаго императора при въездѣ въ Ялту сооружается памятникъ, проектъ котораго уже утвержденъ.

— Въ годовщину кончины императора Александра III отслужена была въ русской церкви въ Парижѣ заупокойная литургия въ присутствіи великихъ князей Владиміра и Алексѣя Александровичей, всѣхъ членовъ русскаго посольства и представителей президента республики и министра иностранныхъ дѣлъ. Заупокойная литургия и панихиды по въ Бозѣ почивающемъ императорѣ отслужены были и во многихъ другихъ столицахъ государствъ Западной Европы.

— Въ высокоторжественный день восшествія на престолъ Государя Императора, Петербургъ съ утра украсился флагами. На балконахъ и подъѣздахъ домовъ свѣсились ковры и драпировки, на окнахъ магазиновъ и балконовъ появились украшенныя растеніями бусы Ихъ Величествъ. Во всѣхъ церквахъ столицы совершены были торжественныя литургіи, во многихъ городскихъ и общественныхъ учрежденіяхъ отслужены благодарственныя молебствія, а также въ залахъ и церквахъ учебныхъ заведеній. Въ кадетскихъ корпусахъ и церквахъ полковыхъ и военныхъ богослуженія сопровождался церковными хорами. Особенно торжественное богослуженіе совершено въ Исаакіевскомъ кафедральномъ соборѣ. Множество народа наполнило соборъ. Въ передней части собора, на правой половинѣ, собрались въ парадныхъ мундирахъ члены Государственного Совѣта, министры, сенаторы, лица высшихъ гражданскихъ чиновъ и придворные чины, камергеры, камеръ-юнкеры, на лѣвой сторонѣ плотно блестящею шпалерой стояли военные генералы, штабъ- и оберъ-офицеры.

Божественную литургію совершалъ первенствующій членъ Святѣйшаго Синода, высокопреосвященный митрополитъ Напладій, съ членами Синода высокопреосвященными Антоніемъ, архіепископомъ финляндскимъ, Арсеніемъ, архіепископомъ рижскимъ, и двумя выкарными епископами: преосвященнымъ нарвскимъ Иоанномъ и Назаріемъ гдовскимъ, при архимандритахъ и соборномъ духовенствѣ. Изъ два хора—невскій митрополитій и исаакіевскій. На молебствіе вышли въ сонмѣ архіереи еще двое преосвященныхъ, присутствующихъ въ Синодѣ, епископы Гурій и Маркеллъ, и до 70 священниковъ.

На молебствіе прибыли Ихъ Императорскія Высочества великіе князья Сергій Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Ихъ Высочества принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій и герцоги Михаилъ Георгиевичъ Мекленбург-Стрелицкій. Послѣ молебствія съ когнѣопреклоненіемъ воспѣто концертное „Тебе Бога хвалимъ“, а въ моментъ провозглашенія много-

лѣтія Государю Императору съ верховъ Петропавловской крѣпости грянуло Императорскій салютъ. По всѣмъ церквамъ шелъ цѣлдневный звонъ. Вечеромъ Петербургъ одѣлся на главныя улицы въ линіи газовыхъ огней, звѣздъ, вензелей и фигуръ; на другихъ улицахъ протянулись гирляндами цвѣтныхъ фонарей; мѣстами горѣла электрическая иллюминація.

— 22 октября, совершенно было съ чрезвычайною торжественностью празднованіе Казанской иконы Божіей Матери въ Казанскомъ соборѣ. Давно Казанскій соборъ не впадалъ въ своихъ стѣнахъ такого сонма іерарховъ и священнослужителей, какъ въ этотъ день, когда къ престольному празднику собора присоединено было и торжественное молебствіе по случаю благополучнаго окончанія путешествія Ихъ Величествъ. Литургію совершалъ высокопреосвященный Арсеній, архіепископъ рижскій и митавскій, съ соборнымъ духовенствомъ, пѣли два хора пѣвчихъ—невскіе митрополиты и Казанскій соборъ. На молебствіе вышли высокопреосвященные: митрополитъ с.-петербургскій Палладій, архіепископы: финляндскій—Антоній, рижскій—Арсеній, преосвященные епископы: Гурій и ректоръ с.-петербургской духовной академіи Іоаннъ, съ 5-ю архимандритами и представителями отъ всѣхъ столичныхъ приходоовъ. Молебствіе совершено предъ чудотворною Казанскою иконою съ двумя когнѣопреклоненными молитвами—Божіей Матери и Спасителю, послѣ которой было пропѣто „Тебе Бога хвалимъ“. Весь народъ не могъ вмѣститься въ обширномъ храмѣ, и вся паперть собора была переполнена молящимися.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ. Г-ну К. З. Указанія въ вашемъ письмѣ сочиненія П. Д. Боборыкина не включены въ „Сборникъ Нивы“ на 1897 г. потому, что большинство ихъ принадлежатъ къ болѣе раннему періоду литературной дѣятельности П. Д. Боборыкина, и они вовсе не были предлагаемы авторомъ для „Сборника Нивы“; выборъ же былъ сдѣланъ, какъ это ясно сказано въ объявленіи о подпискѣ, „Нивою“ и авторомъ изъ числа лучшихъ его произведеній, представляющихъ все наиболѣе выдающееся и цѣнное, что было написано П. Д. Боборыкинымъ въ послѣдніи 25 лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Три дѣйствія комедіи. Повѣсть. † В. П. Желюховскій.—Всероссійская промышленная и художественная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Статьи XI. (Съ 11 рисунками).—Къ рисункамъ: Берлинская юбилейная выставка. „Въ саду“ (съ рис.).—Св. Филиппъ (съ рис.).—Злопъ (съ рис.).—Преосвященный Діонисій, епископъ уфимскій и мензелинскій (съ портр.).—Протоіерей Г. М. Любимовъ (съ портр.).—Привѣтаніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границу (съ 5 рис.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Почтовый ящикъ.—Объявленія. При этомъ не прилагаются: 1) СОЧИНЕНІЯ Д. В. ГРИГОРОВИЧА, т. XI (Сборникъ „Нивы“ за ноябрь); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ноябрь съ 28 рис. и отд. листъ съ 28 черт. выр. въ натур. вел. и 32 рис. руководящихъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.
Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой.)

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
**СЛАБИТЕЛЬНАЯ
ГОРЬКАЯ ВОДА**
ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ
Продается во всех аптеках и
аптекарских магазинах России и
Зарубежья.
Дирекция источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ
"ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ" в Будалешть.

ТВЕРСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА
ДЛЯ ПРИХОДАЩИХ И СТАЦИОНАРНЫХ
БОЛЬНЫХЪ
И. В. МИХАЙЛОВА.
Бользни мочевого и половых органов.
Приемъ отъ 4-7 ч. в. 2-2
Москва, Тверская, Брюссов. пер., д. Ермакова.

ФАБРИКА
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
ИНСТРУМЕНТОВЪ
ТОРГОВАГО ДОМА
Андрей Емельяновичъ
КУЛАКОВЪ
С. Петербургъ,
Садовая улица, 83.
ГИТАРЫ
солидной работы,
отличнаго тона
въ 2, 3, 5, 8, 10,
15, 30, 40, 75 и
100 руб.
КОНЦЕРТНЫЯ
50, 75 и 150 руб.
съ двойнымъ
грифомъ
25 и 40 рублей.
Юбилейный
прейсь-курантъ
высылается без-
платно.

К. Шликэйнъ,
Берлинъ SO.
машино-строительн. заводъ для
кирпичи., торфяного, гончарнаго
и известковаго производствъ,
а также для изготовленія:
всякаго рода черепицы, гон-
чарныхъ трубъ различной дли-
ны, бегона, брикетовъ, огне-
упорнаго кирпича, глиняныхъ
и цементныхъ половыхъ плитъ
и проч. (43)
Дальше: мѣшалокъ и формовоч-
ныхъ машинъ для печныхъ, ли-
тейныхъ, красильныхъ, кле-
выхъ, мыловаренныхъ заводовъ
и заводовъ, изготовляющихъ
изоляціонную массу.
Вальцы изъ твердаго чугуна
разной величины и проч.

ВУКЛЕ!
Шерсть съ шелкомъ, новѣйшая матерія для
дамскаго наряднаго зимняго платья. Цена
за купонъ на полное платье мѣрю въ 10
арш. 12 р. 50 к., ширина 24 вершка. Цвѣта
средніе, съ отливомъ сѣрыи, синіи, зе-
ленымъ и золотистымъ. Эта матерія вырабо-
тана на нашихъ фабрикахъ съ французскаго
образцоваго платья, которое стоитъ въ Па-
рижѣ 100 франковъ.
ФАБРИЧНЫЙ РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИНЪ
А. ИВАНОВА
Москва, Тверская, Пассажъ Постникова. Ма-
газинъ высылаетъ съ наложен. платежемъ по
первому требованію. Упаковка за счетъ ма-
газина. Пересылка за счетъ покупателя.

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ
въ большомъ выборѣ: шерстяные чулки,
шерстяные носки, шерстяныя сорочки,
шерстяныя фуфайки, шерстяные пальто,
шерстяныя гимнази и прочія шерстяныя,
трикотажныя и вязаныя издѣлія.
Большой складъ шерстяного нормальнаго
бѣлья
ПРОФ. Д-РА ЭГЕРА въ Штутгартѣ.
Прейсь-курантъ высылается бесплатно.
Джонъ ЛОРЕНЦЪ.
17-56. Гороховая, у Краснаго м. 17-56.

Инженерное училище въ Цвейбрюкенѣ,
— въ Рейнфальцѣ. —
Высшее машиностроительное и электротехническое училище.
6-1

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ съ естествен-
нымъ методомъ леченія **Д-ра МАКСА ВЕМА.**
Dr. Max Böhm's Naturheilstalt, Bad Friedrichroda i/Th.
Нупане ФРИДРИХРОДА въ Тюрингѣ, 1.430 футовъ надъ уровнемъ моря, открыто
круглый годъ. Прекрасно обставленное и пользующееся лучшимъ ременомъ заведеніе для
всѣхъ страдающихъ хроническими болѣзнями. Мѣстоположеніе самое прекрасное въ
Германіи. Проспекты высылаются бесплатно. В. № 9070 21-17

4711
Лучшій цвѣточный О-ДЕ-КОЛОНЪ.
4711
"РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ"
ПРЕВОСХ. ПРОДОЛЖИТЪ
И ДЕШЕВ. ДУХИ ДЛЯ ПЛАТКОВЪ
Всѣхъ цвѣточныхъ и модныхъ запаховъ
ПРОДАЮТ. ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ 4711 И ПАРФЮМЕР. МАГАЗИНАХЪ

Цѣны: 1 р. 10 к. и 60 к. за флаконъ, смотря по величинѣ.

БЕЗПЛАТНО.
Лицамъ, интересующимся объявляе-
мъ С. Берновича въ Одессѣ, вы-
сылаю брошюру въ 31 стр.:
"КОЕ-ЧТО
изъ исторіи одного искусства"
БЕЗПЛАТНО.
Адресъ: Одесса, Гаванная ул., д.
Н. А. Бродскаго, № 6/28, рядомъ съ
городскимъ садомъ, кв. 2/8, въ бель-
этажѣ, профессоръ мѣмоники, членъ
Парижской Академіи
С. Файнштейнъ.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника
XVIII в. Всеволода Соловьева. СПб.
Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

"ОТГОЛОСКИ"
ежедн. полит., литер. и обществ. газета.
Цена на годъ съ пер. три руб. Адресъ:
С.-Петербургъ, 6-я Рождественская, д. 10.
(Подр. объявл. см. "Нива" № 42).
Редакторъ-издатель И. В. Сиворцовъ.

КОРНЕТЪ-а-ПИСТОНЫ
и всѣ другіе духовые мѣдныя
и деревянные инструменты.
**РОЯЛИ, ПИАНИНО,
ФИСГАРМОНИИ.**

СРИБКИ. 2-100 р.
ГИТАРЫ. 3-75 р.
БАЛАЛАЙКИ. 1-20 р.
МАНДОЛИНЫ. 10-75 р.
ЦИТРЫ. 8-75 р.
и всѣ прочіе струнные а
также и механическіе и
самоиграющіе инструмен-
ты и принадлежності
рекомендуетъ
І. Ф. МЮЛДЕРЪ.
Москва, Петровка, д. Волкова.
Требуйте иллюстрир. прейсь-курантъ.

ВОЛИЦІЙ дѣятъ наружныя, внутреннія,
болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7.
Отъ 2-4 и отъ 6-7 1/2 ч. в. № 9565 13-2

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (20)
Специалистъ хронометровъ.
СПбургъ, Невскій пр. № 52
прот. Нил. Публ. Библиотеки.
Подробный иллюстр. прейсь-
курантъ по востреб. безплатно.
Пересылка на счетъ мага-
зина. Ручательство на 2 года.
Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

ВСѢ КНИГИ
ноты и учеб-
ныя пособія
высылаютъ
книжный складъ П. П. СОЙНИНА.
С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. д.
Пробный № журнала "Природа и Люди" вы-
сылается за 7 коп. марну.
—Новый каталогъ книгъ бесплатно.—

СПЕЦІАЛЬНЫЕ КЛАССЫ
ИТАЛЬЯНСКАГО ЯЗЫКА
разрѣшенныя СПб. Учебн. Округомъ.
Теорія, практика, литература. Разговорные
классы. Мысленная плата 10 руб. Частные
уроки по соглашенію. Приемъ по понедѣльн.
и четверг. отъ 1 до 4 ч.
Улица Глинки, д. № 1, кв. 4.

!!! ВАЖНО ДЛЯ ДАМЪ !!!
Заочное обученіе шитью и кройкѣ посред-
ствомъ лекцій, корреспонденцій, по новѣй-
шему, легчайшему и понятному для каждого
методу. Полная гарантія въ успѣхъ. По окон-
чаніи курса свидѣтельство. Условія и про-
граммы высылаются БЕЗПЛАТНО.
Преподавательница Е. Д. Ашмарина.
Низъ, Б. Жигомирская, № 4.

ВЫПИСЫВАЙТЕ
КЪ ПРАЗДНИКАМЪ
новѣйшій музыкальный журналъ
15 р. "ДОЛСХУЕ" 15 р.
Играетъ, всѣ танцы, кадрили, пѣсни и
т. д.; звукъ необычайно пріятный и
громкій, такъ что ищете этотъ журналъ
пригоденъ для увеселеній и танцевъ
въ любомъ маломъ и большомъ помѣ-
щеніи. Прочтѣншій по конструкціи
журналъ этотъ по дешевой цѣнѣ своей
превосходитъ всѣ остальные. Адресъ:
С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изо-
брѣтеній, Большая Морская, 33. Вы-
сылается немедленно по полученіи
5 руб. залатна. № 9628

НА ВОСПИТАНІЕ И СТРОИТЕЛЬСТВО ДѢТЕЙ ВЪ
МАГДЕРСКОМЪ
СВЯТЫХЪ
60
ТЕЛЕФОНЪ
1360
ИМПЕРАТОРСКОГО
УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНІЯ
ОПЕЧИТЕЛЬСТВО
ОБЩЕСТВА
ПРОСИТЪ
ДРУЖЕЛЮБН. ПОДДЕРЖИТЬ
ЖЕРТВОВАТЬ
ЕМУ
НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ
АМПУЛЫ
ПО СТРАХОВАНІЮ
СОСОДИАНІЮ
500 ЛАТВ.
СВЯТЫХЪ
МАГДЕРСКОГО
ТЕЛЕФОНЪ 1360

НОВАЯ ИЗДАЦІЯ:
ВЭВЕРЛЕЙ.
Иллюстриров. романъ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА.
ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ.
Съ портретомъ, 2-мя картинками и 50-ю по-
литипажками въ текствѣ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
въ колѣнкор. переплетѣ съ золот. 2 р. 25 к. =
Въ 1-мъ изданіи д-ра Хаана цѣна этой книги
была 3 р. 50 к.
ДѢТСКІЯ СКАЗКИ.
Разсказалъ В. П. Авенариусъ. Съ рисунками
Н. Н. Каразина и др. Изданіе 3-е. Ц. 1 р.
25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. съ
золот. 2 р. Выпускающіе изъ книжнаго
магазина П. В. Луговникова, (СПБ., Лешту-
ковъ пер., д. 2, за пересылку этихъ книгъ
не платятъ. № 9616

НОВОСТЬ! (7)
ДУХИ
БУКЕТЪ АМРИСЪ
ПОСТАВЩИКОВЪ
Высочайшаго Двора
А. РАЛЛЕ и К^о.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ:
Невскій пр., № 18.
МОСКВА:
Кузнецкій мостъ.

Открыта подписка на общедоступный
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ
въ 6 выпускахъ, редакц. П. И. Вейберга.
Ц. по подпискѣ 6 р., съ перес. 8 р. Без-
платная премія первымъ 2000 подписчимъ.
Роскошн. допотоп. (дл. 24 верш., ш. 17 в.)
или посп. (18 1/2 верш.) портр. въ 28 клас.
ГОСУДАРЯ (отд. продается по 5 р.). Заго-
товл. рами въ 8 р. 50 к., 7 р. и 5 р. Подр.
проспекты безпл. Вып. вых. 3-4 м. съ 25
дек. 1896 г. Адресъ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Каза-
нейская, 6, редакція "ЭНЦ. СЛОВАРЯ".

Вборанское Мыло
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
ХИМИЧЕСКОГО
ЛАБОРАТОРИИ

Воззвание.
Православные и Христіановѣе жертво-
ватели!
Ради самого Христа и Его Пречистой Ма-
тери, усерднѣе просите Васъ причтъ и
церковный староста Июмечскаго прихода,
церкви Святителя и Чудотворца Николая,
находящейся въ С.-Петербургской губ., въ
Новоладожскомъ уездѣ, въ краѣ неурожай-
номъ и голодномъ: не откажите принять уча-
стіе въ сборѣ на постройку, вмѣстѣ старой,
пришедшей въ совершенную ветхость, новой
деревянной одностропной церкви; окажите
по илнью помощь, что чѣмъ важнее: день-
гами, церковными вещами или матеріалами.
Всѣ пожертвованія на означенный храмъ
благочестивые жертвователи благоволятъ при-
мать уполомоченію на сборъ лицу, женой
ичного почетнаго гражданина Александра
Федоровичъ Эльманъ, имѣющей книгу для
сбора, разрѣшенную Епархіальнымъ Началь-
ствомъ. Жительство г. Эльманъ въ С.-Пе-
тербургѣ, Малая Итальянская, домъ № 30,
кварт. 21. № 9661

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“.
 Москва. * Рига. * СПбургь.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЪ. Обращать вниманіе на клейма и фирму.

НОВЫЯ КНИЖИ.
 Всероссийская промышленная выставка в Нижнем-Новгородѣ. Описание 25 павильоновъ выставки, планы, чертежи, хромо-литография. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой.
 * Планъ-картина (съ полета птицы) Нижегородской выставки хромо-литографированная и криткое описание выставки по отдѣламъ. Цѣна 50 к. Адресъ: Одесса. Технич. бюро технолога Н. Мельникова.

ПАРОВАЯ КРАСИЛЬНЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА
А. ДАНЦИГЕРЪ.
 Основана 1866 г.
СПБ., М. Конюшенная, 16.
 уголъ Невского просп.
 ОДНА ИЗЪ НАИБОЛЬШИХЪ ФАБРИКЪ ВЪ ЭТОМЪ РОДѢ.
НАИЛУЧШЕЕ ИСПОЛНЕНІЕ.
 Иногородные заказы исполняются скоро.
 Химическая чистка бѣлыхъ шубъ.
 Химическая чистка бѣлыхъ воротник. и т. д., и т. д.
 Химическая чистка всевозможныхъ гардеробныхъ вещей „НЕПРОТЫМИ“, бальныхъ платьевъ, бархатныхъ и плюшевыхъ пальто.
СТИРНА ЗАВАНЬСЕЙ.
 ФАБРИКА:
 СПБ., Рижскій, 48.

ЗАИКАНИЕ
 выдѣляется основательно въ специальномъ заведеніи Карла Эрнста.
 Принимаются приходящіе и ПАНСИОНЕРЫ.
 СПБ., Невскій пр., 100, кв. 7. Руководство къ самообученію 3 руб. 7-2
 новость для Г. КУРАЦХЪ.

Патентованная машина „Волга“, для набивки папиросъ. Удостоена на Всероссийской промышленной и художественной Выставкѣ въ Н.-Новгородѣ 1896 похвальнымъ отзывомъ. При изготовленіи навѣкъ каждый можетъ набить 8-10 штукъ кружечныхъ папиросъ разныхъ номеровъ въ 1 минуту. Къ каждой машинкѣ приложены 3 №№ металлическихъ гильзы № 10, 11 и 12.
 Цѣна 7 рублей за штуку.
 Гг. иногороднимъ высылается по полученіи задатка въ 3 руб. наложеннымъ платежемъ. Можно получить:
 1) Лимаъ и Риксъ, Б. Морская, 28.
 2) Горохова 16.
 3) К. Черновостовъ, Госп. дворъ, Зеркальн. ланія 35. Гл. представитель К. А. Роде. С.-Петербургъ, Большая Подъячская, 23.

СОСНОВОЙ ШЕРСТИ БЪЛЪЕ
 Лучшее испытанное средство противъ простуды и ревматизма.
 Слѣдуетъ одѣвать непосредственно на тѣло.
 Получены заграничныя (требовать съ таможенной plombой) настояція „Штрика“ сосновая суфайни, кальсоны, сорочки, также имеются чулки и носки. Ц. № 9618 2-1
ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ БЪЛЪЯ.
 5. Владимірская, 5.
 противъ Стрѣмянной.
 Поставщикъ гг. офицеровъ и чиновъ Главнаго Артиллерійскаго управленія. Дополненный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

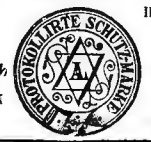
Поступило въ продажу новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕССЪ И РЕГРЕССЪ
 Греефа,
 профессора вольнаго Брюссельск. университета. Переводъ съ франц. Г. Пауерля.
 Цѣна 1 руб. 50 коп. № 9591

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ
 Вс. Крестовскаго
 (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е изданіе. Цѣна 1 р. 25 коп., съ пересылкой 1 руб. 50 коп.
 Съ требованіями обратиться въ Контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербурга, Мал. Морская, № 22.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
 и ДЕПО ПОДЛИННЫХЪ
ФОНОГРАФОВЪ ЭДИСОНА
 Москва, Тверская, д. Толмачева.
ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ:
 = Электрическихъ, рессорныхъ и ручныхъ фонографовъ, цѣною отъ 200 до 550 р. съ принадлежностями.
 = Кинетграфъ, для проектированія на экранѣ движущихся фотографическихъ сценъ въ натуральную величину отъ 200 до 3000 руб.
 = Кинетоскоповъ и театроскоповъ (оживленная фотография) въ маломъ видѣ 500 руб.
 = Приборъ для демонстраціи фотографіи невидимыхъ предметовъ 750 руб.
 = Тысячи фонограммъ пѣнія извѣстныхъ артистовъ, комическихъ куплетовъ, разсказовъ и оркестровыхъ пьесъ.
 = Только нашъ магазинъ: Всегда имѣетъ большой выборъ запасныхъ частей, высланныхъ по телеграфному запросу. П. № 9595 5-2
 = Собственную мастерскую съ иностранными мастерами.
 = Выдаетъ дѣйствительную гарантію въ исправности проданныхъ машинъ,
 = Основательно и безплатно обучаетъ обращенію съ фонографомъ.
 Москва, Тверская, домъ Толмачева, Дено фонографовъ.

ЛЕОНГАРДИ
 достохвально-извѣстный, единственно настоящий
Алидариновый чернила для письма
 и копированія
 (жеманство-орѣшковаго 1-го класса по отзывамъ государственныхъ № 8857 учреждений), 30-27
ЛЕГКО-СТЕКАЮЩІЯ, ВЪСЛѢЗЪ ЧЕРНЫЯ И ПРОЧНЫЯ.
НАИЛУЧШІЯ:
 для книгъ, актовъ, документовъ и писемностей всякаго рода, можно получать почти во всѣхъ магазинахъ казначейскихъ принадлежностей Россіи.
 Неподдѣльно только съ сей предохранительной маркой.
Авг. Леонгарди въ Дрезденѣ, изобрѣтатель и единственный фабрикантъ.
 Изобрѣтатель и единственный фабрикантъ.
 Изобрѣтатель и единственный фабрикантъ.

ПОЛНЫЯ КОЛЛЕКЦІИ ЕЛОЧНЫХЪ УКРАШЕНІЙ
4. 8. 12. 18. 25 и 40 рублей,

такъ напримеръ въ составъ 4-хъ рублевой коллекціи входятъ слѣдующіе предметы: блестящая мишка для верха, накл. снѣга, зажимательная нитка, свѣтъ магнія, золото для золоченія и серебро для серебрения орѣховъ и т. п., 12 разноцвѣтныхъ флаговъ, 12 забавныхъ хлопушекъ, 30 подвѣшечковъ, 30 разноцвѣтныхъ свѣчей, 36 волшебныхъ звѣздъ, 41 разнообразныхъ превосходныхъ картонажей, 75 проволочекъ для привѣщиванія, 100 армянъ золотого и 100 армянъ серебрянаго дожда, кромѣ того много изящныхъ стеклянныхъ вещей и исключительно въ моихъ коллекціяхъ большой выборъ премилыхъ миниатюрныхъ звѣрей, какъ-то: лошади, собачки, коровы, затѣмъ нѣсколько штукъ голубей и другихъ птицъ.
все это получить можно за 4 рубля только
 такъ что всякому можно будетъ приобрести эту коллекцію.
 Остальныя же коллекціи въ 8, 12, 18, 25 и 40 руб. отличаются своимъ богатствомъ и изящнымъ выборомъ всевозможныхъ украшеній, между прочимъ, въ нихъ включены премилыя ангельчскыя съ подвижными крыльями и трубкой въ рукахъ, затѣмъ тутъ большое количество блестящихъ вещей, корабль съ ангеломъ, люстры съ большимъ краснымъ шаромъ, якорь съ красными цвѣтами, лира съ ангеломъ и много другихъ.
 Упаковка бесплатно. Высылка наложеннымъ платежемъ.
 Если Вы далеко живете отъ С.-Петербурга, то прому заказать по телеграфу, чтобы имѣть возможность получить коллекцію еще до наступленія праздниковъ.

ГЕРМАНЪ РЕЙХЕЛЬ, Складъ Новостей
 С.-Петербургъ, Невскій пр., 82.
 Адресъ для телеграммъ: Рейхель, Петербургъ, Невскій, 82.
 Иллюстрированный прейсъ-курантъ новостей безплатно.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу
АЛЬБОМЪ ШРИФТОВЪ.
 Пропись для чертениковъ, техниковъ, землемѣровъ и проч. и руководство къ составленію надписей на чертежахъ, планахъ, рисункахъ и т. п. П. С. ВЫШИНСКАГО.
 Альбомъ состоитъ изъ 18 таблицъ и руководства съ чертежами, приложенными къ тексту. Съ помощью особой кѣтъчатки, даже малоопытный можетъ быстро дѣлать самыя красив. и правильн. надписи. Цѣна 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 75 к. По полученіи треб., альбомъ высл. нал. плат. Обращ. къ издателю П. С. Вышинскому Варшавы, Понявая, № 13.

ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ 1894 и 1896 г.
А. М. ОСТРОУМОВЪ
 Москва, Варшавск. д. С. А.
МЫЛО ГОЛОВНОЕ ПЕРХОТИ
МЫЛО ДѢТСКОЕ
ИЗЪ ТРАВЪ ЧЕРЕВЫ
 Цѣна 35 и 25 коп.
ОДЕСОВЕРЪ (для стирки)
 Цѣна 25 и 15 коп.
ВСѢ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА
 ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЪ.

выучивается всякій заочно
КРАСИВО (посредствомъ переноски) въ 15 урокахъ у
ПИСАТЬ профессоръ каллиграфіи
А. КОССОДО.
 Методъ премированъ въ Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 2563 6-2
 3 семиклѣтныя марки выслаются поштомъ по сѣмью и условія, а за 4 семиклѣтныя марки высл. пробное письмо шрифтовое, подробныя условія и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: профессору каллиграфіи Адольфу Коссо до въ О-сѣб. Ленибаевостан. д. № 19.

ГОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪ ЛОЖКЪ
 ПРОВИЗОРЪ
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОВОЕ МЫЛО
 ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
 Цѣна 50 к. 1/2 и 30 к.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДЪ

Главный складъ для Россіи: Г. Ф. Юргенсъ, Москва, Золотая медаль 1893 г. 6-6

ВЫГРЫШ-
 НЫЕ 1, 2 и 3 ваимы продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, С.ПБ. 4-4

7 разъ удостоены
 первыхъ премій.
СКРИПКИ,
ВІОЛОНЧЕЛИ и пр.
 неподражаемая по тону и качеству. Старин. итальянскіе инструменты въ громадн. выборѣ.
ЦИТРЫ,
 всемирно-извѣстныя по своему прекрасному тону и превосходн. работѣ. Въ другіе музыкальные инструм. Иллюстр. каталоги выслаются безплатно.
Братья Вольфъ.
 Фабрика струнныхъ инструментовъ.
 Крейцнахъ.

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 45

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти еженеделных книг "Сборника", содержащих соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусков еженедельных литературных приложений, 12 №№ "Парижских мод" и 12 листов чертежей и выкроек.

1896

Выданъ 9 ноября 1896 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1897 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всѣми приложеніями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разказовъ П. Д. БѢБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ доставкою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу	10 р.
На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.									

Екатерина Великая.

(По поводу столѣтія со дня ея кончины.)

Долгое, славное, блестящее царствованіе императрицы Екатерины, — изумившее Европу необычайно-быстрыми успѣхами и колоссальнымъ ростомъ Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, — закончилось внезапною и неожиданно для всѣхъ скоростною кончиною государыни, послѣдовавшею утромъ 6-го ноября 1796 года, въ Зимнемъ дворцѣ... Императрица въ этотъ день поднялась съ постели, по обычаю своему, очень рано; занималась дѣлами и принимала доклады; потомъ, отпустивъ докладчиковъ, одиноко сидѣла даже удержала въ приемной, въ ожиданіи ея распоряженій... А часъ спустя, странная вѣсть о кончинѣ великой государыни уже передавалась шепотомъ изъ устъ въ устъ средѣ придворныхъ и приближенныхъ къ императрицѣ лицъ, и усердные гонцы уже мчались по дорогѣ къ Павловску — мѣсто пребыванію наследника цесаревича.

Императрица Екатерина II. Къ столѣтію дня кончины. По литограф. портрету А. Мюстера автотипія „Нивы“.

Вѣсть о кончинѣ обожаемой „матушки-царицы“ поразила весь народъ самую некрепкою, самою глубокою скорбью; а въ средѣ европейскіхъ Дворовъ и дипломатовъ произвела небывалый, неслыханный переполохъ. Всѣ нити современной европейской политики сходились въ рукахъ Екатерины; отъ нея зависѣли западныя державы, Австрія, Англія и Пруссія, панугающія успѣхами революцій. Ждали энергическаго воздѣйствія противъ республиканской Франціи — ждали созданія мощной и грозной коалиціи, для борьбы съ „кровавой гидрой“... И вдругъ, почти одновременно, получили извѣстіе объ Акольской побѣдѣ генерала Бонапарта и о кончинѣ Екатерины II — „великой Семiramиды Сѣвера“, какъ уже давно представили се въ Европѣ: поэты всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ цивилизованнаго міра. При вѣсти объ этой кончинѣ, перелетѣ очами современниковъ, живою павора-

мою, полною блеска и красок, промелькнули воспоминания о славному царствовании Екатерины, которое для многих представлялось чѣмъ-то волшебнымъ, сказочнымъ, безпримѣрнымъ въ исторіи. По обилію и важности фактовъ, составлявшихъ исторію этого царствованія, оно, на всемъ тысячелѣтнемъ пространствѣ русской исторической жизни, можетъ быть сравнено только съ царствованіемъ Петра Великаго. Оба царствованія—Петра I и Екатерины II—были почти одинаковы по числу лѣтъ, проведенныхъ въценосями на тронѣ, и одинаково плодотворны по тѣмъ громаднымъ результатамъ, какихъ достигли эти неутомимые монархи-труженики на пользу Россіи. Петръ пересоздалъ Россію, пробудивъ ее отъ вѣкового сна, призвавъ ея къ участию въ общеевропейской жизни, принудивъ русскихъ людей сознать свою силу и показать свое равенство по уму, талантамъ и энергіи со всѣми остальными европейцами; онъ положилъ основаніе могуществу Россіи, какъ европейской державы, „прорубивъ окно въ Европу“.—Екатерина воспользовалась съ изумительнымъ, гениальнымъ искусствомъ всѣми „дѣлами Петра“, и, сознавая значеніе созданной имъ мощной державы, такъ смѣло стала во главѣ всей европейской политики, что первѣйшіе дипломаты и государственные люди Запада передъ нею преклонились и почтительно уступили ей мѣсто. То, что сдѣлалъ Петръ для обезпеченія могущества и спокойствія Россіи на Сѣверѣ и Сѣверо-Западѣ, обративъ всѣ силы Россіи на борьбу со Швеціей, длившуюся слишкомъ двадцать лѣтъ—то же самое сдѣлала Екатерина на Югѣ и Юго-Западѣ своею упорною борьбою противъ Турціи, еще грозной въ то время,—Петръ завоевалъ Россіи морекую путь въ Европу черезъ Балтійское и Нѣмецкое моря; Екатерина, власною рукою, присоединила къ Россіи побережья Чернаго моря и открыла его волны своими кораблями, открывая такимъ образомъ новые горизонты для восточной политики Россіи. Петръ сознавалъ важность полного умиротворенія Польши и съ тревожною взиралъ на эту страну, которая грозила быть вѣчнымъ очагомъ западной политической интриги—вѣчною угрозою для спокойствія Россіи.—Екатерина повела его мысль, воспользовавшись удобною минутой и почти безъ успѣвъ присоединила къ Россіи тѣ части Польши, которая уже издавна тяготѣли къ ней по преобладанію русскаго элемента въ населеніи и по религіозному родству. Рядомъ громадныхъ успѣвъ ума и желѣзной воли Петръ добился того, что Европа, ослѣпленная громомъ Полтавской побѣды, стала искать союза съ Россіей и допустила ее къ участию въ общеевропейскомъ концертѣ.—Екатерина, слѣдуя по его стопамъ, цѣлымъ рядомъ блестящихъ дипломатическихъ кампаній вынудила Европу признать громадное значеніе Россіи въ европейскомъ равновѣсіи и съ уваженіемъ выжидать рѣшеній Екатерины въ каждомъ важномъ политическомъ вопросѣ... Съ полнымъ сознаніемъ своего значенія и достоинства Екатерина имѣла непреложное право поставить на памятникъ своему великому предшественнику: „Петру Первому Екатерина Вторая“.

Минуло сто лѣтъ со дня кончины великой государыни. Россія, въ теченіе цѣлаго вѣка неуклонно шествовавшая тѣмъ путемъ, который былъ ей указанъ Петромъ и Екатериной, раскинулась въ просторѣ, стала на первое мѣсто въ рѣшеніи мировыхъ вопросовъ и важнѣйшихъ задачъ цивилизаціи и культуры, и въ особенности въ поддержаніи того мира и тишины, которые такъ необходимы для общаго преуспѣванія всего человѣчества. Но эти сто лѣтъ,—полныя въ жизни Россіи славою и значеніемъ царствованій Александра I, Николая I, Александра II и незабвеннаго Александра III—не затмили славы и блеска Екатерининскаго царствованія. Цѣлая литература

мемуаровъ, воспоминаній, изслѣдованій, разсужденій, восторженныхъ восхваленій и озлобленныхъ порицаній Екатерины Великой, въ теченіе этого вѣка, успѣла явиться въ свѣтъ у насъ и на Западѣ, на всѣхъ языкахъ изображая намъ обаятельный и дивный образъ „Сѣверной Семпраниды“, освѣщая его съ разныхъ, то темныхъ, то свѣтлыхъ сторонъ. Народная фантазія овладѣла имъ также, рисуетъ его по-своему то въ пѣснѣ, то въ историческомъ анекдотѣ, то въ мѣстномъ преданіи, передаваемыхъ изъ устъ въ уста, отъ поколѣній къ поколѣнію. По этимъ даннымъ, слѣдуя ощутно въ потемкахъ всякихъ догадокъ и намековъ, пошла и драма, и историческая повѣсть, пополняя историческую эпопею своими красками, своимъ поэтическимъ вымысломъ. Но никому изъ историковъ, никому изъ писателей и поэтовъ не удалось еще представить Екатерину Великую въ образѣ цѣльномъ, живомъ, ясномъ для пониманія этой великой и гениальной женщины, этой неутомимой царницы-труженицы на пользу и славу Россіи! И только въ минувшее царствованіе въ Бозѣ почивнаго императора Александра III, ревностнаго покровителя русской исторической науки, явилась возможность приступить къ безпристрастной оцѣнкѣ дѣяній императрицы Екатерины. По волѣ Государя, на страницахъ изданій того „Русскаго Историческаго Общества“, въ которомъ онъ самъ благоволилъ принять на себя августѣйшее председательство, явился цѣлый рядъ драгоценныхъ матеріаловъ для исторіи царствованія Екатерины, въ видѣ множества документовъ первостепенной важности и въ видѣ громадной личной переписки великой государыни, гдѣ передъ нами развергивается полная картина внутренней жизни этой изумительной женщины,—этого тончайшаго дипломата, который свободно могъ тягаться въ государственной мудрости съ первѣйшими политиками и дипломатами современной Европы, а въ умѣ и образованности—съ высшими представителями европейской интеллигенціи XVIII вѣка. Эти драгоценные матеріалы, напечатанные въ изданіяхъ „Русскаго Историческаго Общества“, могутъ быть названы лучшимъ памятникомъ въ честь Екатерины, слава которой, наравнѣ со славою Великаго Преобразователя Россіи, переживетъ вѣка, не страшась приговора исторіи. И въ этихъ матеріалахъ, живые и ярые, чѣмъ во всей громадной литературѣ, вызванной Екатериною у насъ и на Западѣ, выступаетъ она передъ нами тою „Семпранидою Сѣвера“, которая, глубоко изучивъ духъ своего народа, безпрестанно доказывала Европѣ, что для нея нѣтъ ничего неисполнимаго и невозможнаго — что для нея все достижимо при помощи „преданійхъ ей сыновъ Россіи“. И въ подтвержденіе своихъ словъ она постоянно указывала на массу окружающихъ ее дѣятелей, блиставшихъ силою ума, таланта и характера, — на своихъ „учениковъ“, ея отысканныхъ, ея угаданныхъ и ея направленныхъ на тотъ или другой кругъ дѣятельности... Она обладала удивительнымъ умѣньемъ быстро и вѣрно оцѣнивать этихъ учениковъ, давать каждому изъ нихъ задачи по силамъ—и привлекать ихъ къ себѣ на всю жизнь всѣми силами души. И Европа съ изумленіемъ смотрѣла на блестящую свиту дипломатовъ, полководцевъ, поэтовъ и ученыхъ, администраторовъ и филантроповъ, которыми Екатерина сумѣла окружить себя, какъ бы въ укоръ своимъ ближайшимъ предшественникамъ, искавшимъ себѣ сподвижниковъ между иностранцами. Она смѣла сказать, что „знаетъ свой народъ“ и что „народъ ее понимаетъ и знаетъ“:—въ великомъ предвѣдѣніи грядущаго угадывала, что потомство не забудетъ ея благихъ начинаній и увѣчиваетъ ея дѣла неувидаемою славою.

П. Полевой.

Три дѣйствія комедіи.

Повѣсть

† В. П. Желиховской.

(Продолженіе.)

Старый домъ въ давно заброшенномъ имѣніи ожилъ. Хотя половина его наглухо заколочена,—архитекторъ объявилъ, что тамъ небезопасно, — зато другая часть кое-какъ подмазана, подклеена, подбита на живую нитку, новыми латками къ старымъ прорѣхамъ, и хозяева, важные бары, ослѣпленные своимъ пріѣздомъ гнѣздо своихъ предковъ. Не надолго, разумеется; такъ, опустившись въ него, какъ птицы перелетныя, между вѣсною въ Ниццѣ, раннимъ лѣтомъ въ Парижѣ и осенью на южномъ берегу Крыма. Книгиня Краснодарская, урожденная Базарщикова,—впрочемъ, она не поминала на визитныхъ карточкахъ своего дѣвичьяго имени, предпочитая втихомолку пользоваться громкой фамиліей своего вотчина, — всюду разыскивала климата благоприятнаго или, правильнѣе, неблагоприятнаго ей вѣчнымъ мигренямъ; но, путешествуя по Европѣ тридцать

лѣтъ, найти его не могла, и постоянно страдала. Зато ея меньшая сестра, баронесса Рейсдольфъ, всегда и вездѣ чувствовала себя превосходно, если вокругъ нея были поклонники; а они всюду находились и падали къ ногамъ ея, словно шишки въ бору къ подножью и зимой зеленой елки...

Помянувъ визитныя карточки сестеръ, надо на нихъ остановиться, характеристически ради. На очень большой, глазированной карточкѣ старшей, подъ большимъ гербомъ и княжеской короной было написано: съ одной стороны „Княгиня Евдокія Ильинична Краснодарская“, на другой: „Eudoxie, princesse de Krasnodoubsky“. У меньшей, подъ маленькой баронской короной, стояло: „Баронесса Клавдія Валеріановна фонъ-Рейсдольфъ, рожденная графиня Любославская“, и то же самое, кромѣ отчества, на французскихъ карточкахъ...

Сестры, повидимому, были очень дружны. Княгиня *шанронировала* рѣдко съ нею разстававшуюся баронессу и съ мужемъ ея обращалась покровительственно. „Рожденная графиня“ охотно это позволяла „рожденной негодявкѣ“ по двумъ причинамъ: чтобы казаться моложе, и потому, что ея отецъ, графъ Любославскій, пріучилъ ее жить въ свое удовольствіе, какъ жилъ смолоду и самъ, на счетъ бабушекъ и тетюшекъ, а въ позднѣйшіе годы, — когда фамильнаго ничего не осталось, — на счетъ своей жены, а, умирая, ничего ей не оставилъ. Между тѣмъ Илья Ивановъ Базарщиковъ, купецъ первой гильдіи, наградилъ вдову свою „милліономъ чистагана“, а Дуниошку — двумя! Къ счастью Авдотьи или, какъ она сама себя называла, Евдокии Ильиничны, панаша ея была такъ благоразумна и предусмотрительна, что завѣщала ей и наследникамъ ея лишь право пользованія процентами, сохраняя неукосновеннымъ самый капиталъ. Вслѣдствіе этого маленький, золотушный князь Тото Краснодарскій все еще былъ наследникомъ милліоновъ, тогда какъ бѣдная баронесса и ея потомство не имѣли почти ничего. То немногое, сравнительно, что осталось Клавдіи Валеріановнѣ по смерти отца, изъ „чистаганнаго милліона“, взятаго имъ „за себя“ вмѣстѣ съ матерью ея, вдовой Базарщиковой, весьма скоро было прожито ею самой. Ее выручало постоянное сожителство съ сестрой, которую она „обожала, — какъ святую женщину, и съ дѣтства уважала — какъ родную мать!..“ Такъ, по крайней мѣрѣ, весьма охотно заявляла баронесса.

Князь Краснодарскій скончался три года тому назадъ отъ удара, обратившагося въ параличъ желудка. Съ тѣхъ поръ сестры путешествовали почти постоянно: княгиня „не находила мѣста отъ тоски“, — такъ говорила она сама; но на самомъ дѣлѣ она до того напугалась болѣзнию и смертью мужа, что мнительность ея развилась до крайности, и всюду она видѣла опасности, эпидеміи, дурные климаты и странствовала подъ влияніемъ этого страха, нища безопасности для себя, Тото и его гувернера, м-г Артура Дютресси, очень виднаго альзаца. Сынъ и его наставникъ занимали первое мѣсто въ заботахъ княгини, но она любила и сестру... Она любила въ ней привычку всей жизни и чрезвычайно красивую декорацию, придававшую ей еще сильнѣйшій престижъ аристократизма, которымъ она чрезвычайно дорожила.

Въ этотъ разъ имъ сопутствовалъ и баронъ Рейсдольфъ, временно отдыхавшій въ отпуску, сдавъ консульскія обязанности своему помощнику: по долго пробыть съ ними онъ не рассчитывалъ.

Какъ только устроились вновь пріѣзжіе, тотчасъ же завели дѣлательныя сношенія съ сосѣдями. Николай Смольневъ и до визита его матери бывалъ ежедневно въ Красныхъ-Дубкахъ, но его общества баронессѣ было мало! Она сейчасъ окружила себя всею, что было въ наличности, въ уѣздномъ городѣ, по деревнямъ, и чуть ли не въ цѣлой губерніи, „возможной“ молодежи; но, побывавъ въ Ранѣевкѣ, не замедлила рѣшить, что никто не достоинъ ея вниманія болѣе Михаила Сергѣевича, и съ увлеченіемъ занялась бы его развитіемъ, еслибъ этотъ дикарь упрямо не уклонился отъ ея заботъ.

Его невозмутимое спокойствіе, понятно, еще больше подстрекало избалованную усильями кокетку; она удвоила старанія обратить на себя вниманіе этого „безсознательнаго Антиноя“, какъ прозванъ былъ молодой Ранѣевъ въ Дубкахъ; но ей удавалось лишь возбуждать ревность и досаду Смольнева.

Къ недоумѣнію многихъ и особому неудовольствію Анны Дмитриевны, сынъ ея оказывался не на шутку влюбленнымъ. Не только бѣдная Наденька, но даже прелестная Ниночка Ранѣева потеряли въ глазахъ Николая Андреевича всякую привлекательность съ по-

явленіемъ баронессы, которая его рѣшительно околдовала... Зато обѣ молодыя дѣвушки нашли горячихъ поклонниковъ въ двухъ новыхъ сосѣдяхъ: Тото Краснодарскій тайли, глядя на Нину, и серьезно помышлялъ, достигнувъ совершеннолѣтія, именно на ней остановить свой выборъ; а его почтенный дядюшка, баронъ Рейсдольфъ, пользовавшійся гораздо большимъ довѣріемъ юноши, чѣмъ его мамъ или м-г Артуръ, въ качествѣ добродушнаго, снисходительнаго собесѣдника, а не ментора, корилъ его за неопытность. Онъ смотрѣлъ на женщину, какъ знатокъ, и увѣрялъ племянника честнымъ словомъ, что его Ниночка не стѣбитъ и поготовка ея маленькой кузины.

— Другъ мой! — говорилъ онъ съ убѣжденіемъ, — красота твоей избрапной черезъ пять, много-много черезъ десять лѣтъ, — поблекнетъ и исчезнетъ; а красота этой маленькой дикарки, съ глазами подобными чернымъ тучамъ, мечущимъ молніи, и черезъ двадцать лѣтъ еще будетъ ослѣпительна!.. Она теперь не развилась, не окрасилась, не осмыслилась, сама себя не сознавая! Но ты посмотришь, чтѣ это будетъ года черезъ два-три!.. Въ ея улыбкѣ, въ силѣ выраженія, въ необычайной подвижности чертъ — задатки прочной, необыкновенной красоты. И посмотри, сколько въ ней оригинальной прелести! Какая самостоятельность движеній!.. Она умна и отзывчива, какъ бѣснонокъ!.. А ужъ о томъ, что таится въ глубинахъ ея глазъ, — я и говорить не хочу!..

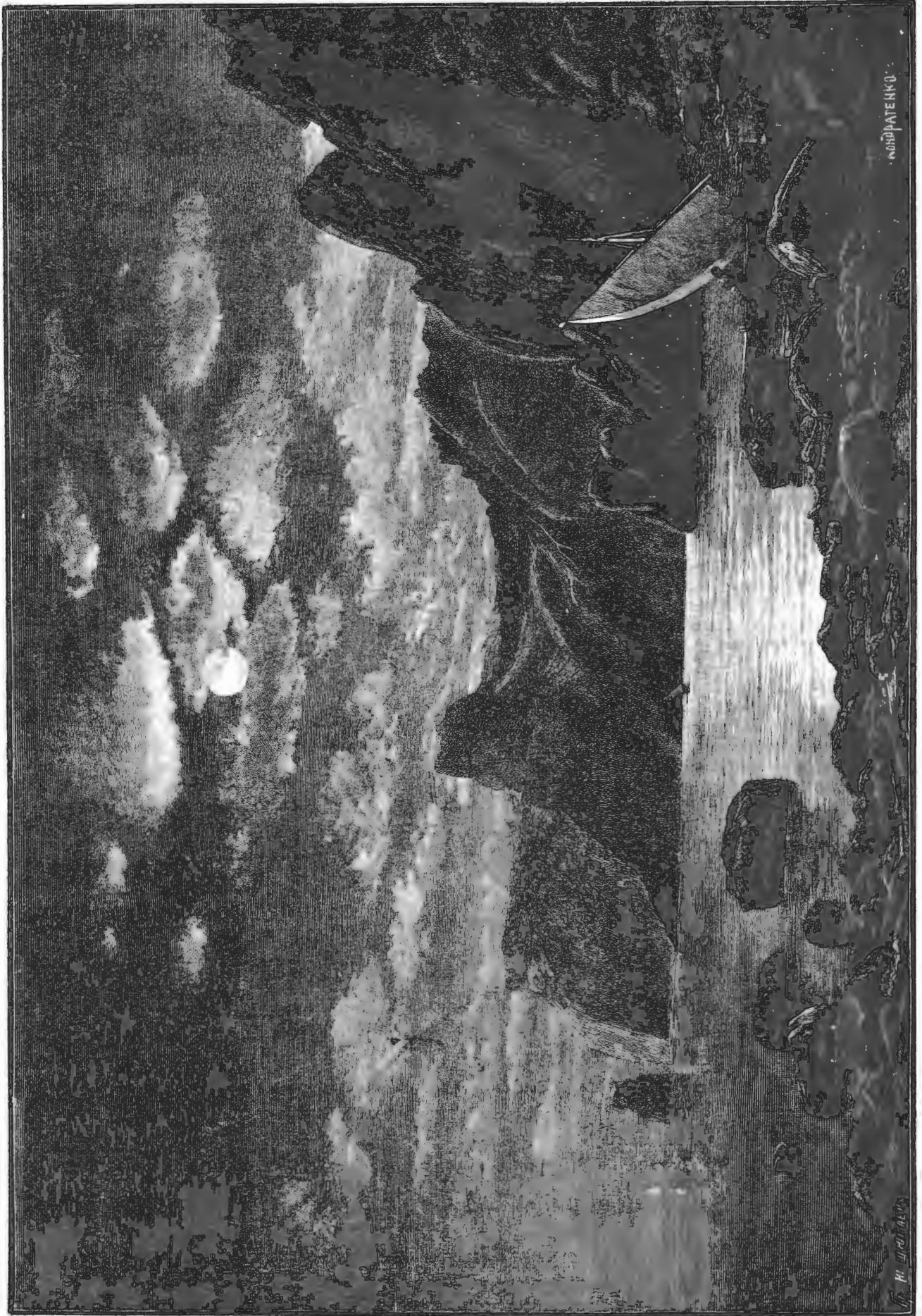
Такъ искусившійся въ премудрости любитель просвѣщалъ неопытнаго птенца, едва расправлявшаго крылья на поприщѣ жизни. Но птенецъ болѣе довѣрялъ собственнымъ глазамъ и вкусу; онъ только дивился, чтѣ находить дядя въ этой угловатой, смуглой дѣвочкѣ съ рѣзко очерченнымъ ртомъ, съ громадными черными глазами, глубоко всажеными подъ прямыми, часто нахмуренными брови?.. То ли дѣло его синеглазая, прелестная, съ ангельской улыбкой на алыхъ губахъ и мягкими, какъ у кошечки, движеніями чудная Ниночка!.. „Возможно ли предпочесть ей эту цыганку? Или даже кого-нибудь и гораздо лучше: напримѣръ, tante Claudine, какъ дѣлаетъ этотъ длинноногий Nicolas Smolneff?“ — размышлялъ на французскомъ языкѣ юный иностранецъ изъ російскаго рода Базарщиковыхъ. „Tante Claudine“, безспорно, была въ его глазахъ чрезвычайно привлекательной женщиной, несмотря на свѣдѣнія его по части высокаго малярнаго искусства его тетюшки; но, тѣмъ не менѣе, свѣжая, молодая красота Нины, еще не требовавшая вспомоgetельныхъ средствъ, для него лично была привлекательнѣй.

Мнѣніе его искренно, хотя безъ предварительнаго соглашенія, раздѣляли и еще двѣ особы: Анна Дмитриевна Смольнева и сама Надя Ранѣева.

„О, еслибъ ужъ влюбился, да не въ нее!“ — много разъ приходило на мысль обѣимъ. — „Ужъ пусть бы лучше въ кого угодно, — въ Ниночку! Она такая хорошенькая!.. Пусть бы, съ Богомъ, въ нее влюбился, чѣмъ въ эту старую, размалеванную куклу!.. Это слишкомъ обидно!..“

И баронесса, въ свою очередь, весьма недружелюбно относилась къ обѣимъ женщинамъ, заодно пріобщая къ нимъ и Нину. Ей, впрочемъ, женскій персоналъ въ знакомыхъ семьяхъ почти всегда бывалъ антипатиченъ. Смольнева другого имени у нея не имѣла, какъ: „cette vieille pédante“; а Надя прозывалась „cette petite corneille éfarouchée“. Надинино голоса она почти не слыхала, такъ упорно та ея сторонилась. Нина, напротивъ, ласкалась и выказывала ей большую симпатію, чѣмъ заставляла и баронессу относиться къ ней снисходительнѣй, даже ласкать ее и безпрерывно приглашать къ себѣ.

— Eh bien, cher m-г Nicolas! Вы еще не влюбились въ одну изъ барышень, тамъ, у генерала? — часто спрашивала баронесса.

Лунная ночь въ Крыму. Сл. картины Г. П. Кондратенно (собств. "Изма") грав. Шюблер.

Идиллія. Съ картини В. Зингера грав. Курмае.

Николай Андреевич или смѣлся насильственно, или просто сердился, смотря по обстоятельствамъ, и просилъ ее оставить эти неумѣстные вопросы.

А Клавдія Валеріановна настаивала, изумляясь, почему бы ему не влюбиться въ такую хорошенькую дѣвочку, какъ Нина Раѣева, не порадовать своей маман?

— Мать моя слишкомъ умна, чтобъ вмѣшиваться въ мои дѣла!—разъ отвѣтилъ онъ ей очень рѣзко.

Баронесса мелодично размѣялась.

— Вы ошибаетесь, мой молодой другъ! — возразила она. — Всѣ матери вмѣшиваются, прямо или косвенно, — смотря по свойствамъ ихъ характеровъ, — въ дѣла своихъ любимыхъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Ваша же мамушка васъ долго, очень долго, не выпуститъ изъ-подъ своей ферулы.

— Несовершеннолѣтнихъ — быть-можетъ! — отвѣчалъ Смольневъ, стараясь сдерживать краску негодованія и еще болѣе сердясь на себя за то, что краснѣетъ и волнуется. — Но мнѣ двадцать четвертый годъ et je suis depuis longtemps mon maître.

Чтобъ доказать, что онъ самъ себѣ господинъ, Николай Смольневъ все свое время проводилъ въ Дубкахъ, почти не видя не только другихъ сосѣдей, но и своей матери, по цѣлымъ днямъ не бывая дома.

Когда Анна Дмитриевна, наконецъ, собралась съ духомъ поговорить съ нимъ, онъ такъ рѣзко отвѣтилъ ей, что вышелъ изъ лѣтъ, въ которыхъ матери водятъ дѣтей на помочахъ, какъ прежде никогда не позволялъ себѣ говорить.

Она посмотрѣла на него укоризненнымъ, удивленнымъ взглядомъ и сказала голосомъ, дрогнувшимъ отъ небывалой печали:

— Я думала, Nicolas, что дѣти, любимыя такъ, какъ я тебя всю жизнь любила, для своихъ матерей лѣтъ не имѣютъ! Неужели я могу меньше о тебѣ заботиться потому, что тебѣ не десять, а двадцать лѣтъ?.. Или я, по-твоему, должна лицемерить, скрывать свои чувства?

Смольневъ смутился. Если бы мать его разсердилась, онъ былъ готовъ на ссору; но ея печали, ея укора онъ вынести равнодушно не могъ.

— Простите меня, маман! — сказалъ онъ, цѣлуя ея руку. — Но, ради Бога! Я прошу васъ... оставить!.. Есть вещи, о которыхъ я говорить не могъ бы даже съ вами!

— Въ такомъ случаѣ, — поблѣднѣвъ, отвѣчала ему мать, — я обязана предупредить тебя, Николай, что бываютъ вещи, которыя матери иногда поставлены въ необходимость высказать своимъ дѣтямъ. И вотъ, я говорю тебѣ: Николай! Ты на фальшивой, скользкой и опасной дорогѣ!.. Я понимаю увлеченія молодости; я уважаю юношескую любовь, когда она естественна, основана на чистыхъ побужденіяхъ сердца. Но твой выборъ — неестественъ!.. Онъ основанъ на нездоровыхъ началахъ: на самолюбіи, на фальши, въ которой ты самъ себѣ теперь не отдаешь отчета, но которая отыметъ у тебя все, чѣмъ юность счастлива!.. Повторяю тебѣ: ты на фальшивомъ, несчастномъ пути, который тебя погубитъ, если ты ему предашься. Остановись! Сдѣлай усилие надъ собою! Вѣрь, что не я, а ты себѣ врагъ, и спаси себя самъ, пока есть время...

И въ этотъ день Смольнева до поздняго вечера не видѣла сына. Только она напрасно убивалась надъ безсердечностью и упорствомъ его: Николай былъ не въ Красныхъ-Дубкахъ. Тамъ тоже недоумѣвали, отчего его нѣтъ. А онъ цѣлый день проходилъ и проѣзжалъ безъ цѣли, самъ не зная, что дѣлаетъ. Поздно вечеромъ конюхъ долго водилъ взмыленную лошадь, на которой утромъ выѣхалъ молодой баринъ, недоумѣвая, какъ и зачѣмъ онъ такъ умаялъ коня?.. А баринъ, узнавъ, что мать ушла уже въ спальню, бросился въ постель, изнеможенный отъ усталости и голода, забывъ, что онъ за цѣлый день только выпилъ кувшинъ молока.

Промелькнуло красное лѣто; наступало лѣто бабье. Въ Дубкахъ уже поговаривали о Крымѣ, о чудесахъ винограднаго лѣченія. Туда стремились обѣ дамы: княгиня — ради перемѣны мѣста, — полуразрушенный домъ въ Дубкахъ наводилъ на нее тоску; а баронесса несовершенъ была удовлетворена своимъ entourage'емъ. Изъ Антиной, себѣ не знающаго цѣны, Михаилъ Сергѣевичъ уже обратился въ „безмысленнаго идиота“; остальные тоже не удовлетворили требованіямъ Клавдіи Валеріановны. Къ тому же, ближайшіе сосѣди ее раздражали несказанно! Съ одной стороны — эта „премудрая Минерва“, Смольнева, часто сильно смущавшая баронессу Рейсдольфъ невѣдомо чѣмъ; развѣ спокойнымъ взоромъ своихъ серьезныхъ, глубокихъ глазъ... Онъ очень рѣдко видѣлся. Анна Дмитриевна, вскорѣ послѣ возобновленія знакомства съ ними, начала видимо избѣгать даже разговоры съ нею; а баронесса ее искренно ненавидѣла. Съ другой — тоже непріятные сосѣди, — всѣ эти раѣевскіе!.. Не любила она и генерала Раѣева, по-своему, добродушно воздававшего ей тѣмъ же; еще болѣе недолюбливала Надю — по инстинкту, а Софію Сергѣевну за то, что та знала ея дочь и открыто интересовалась узнать, гдѣ она теперь и почему не кончатъ такъ долго курса.

Въ началѣ Клавдія Валеріановна равнодушно относилась къ „сдобной булкѣ“; но съ того злополучнаго обѣда, на которомъ Соня вздумала во всеуслышаніе заявить, какая милая десятилѣтняя дѣвочка была Лена Рейсдольфъ *десять лѣтъ тому назадъ*, и освѣдомиться, не замужемъ ли она? — равнодушіе перешло въ худо скрытую ненависть. Вообще, баронессѣ не везло на берегахъ Волги!..

Зато князь Тотъ былъ веселъ и ни за что не хотѣлъ уѣзжать раньше срока. Онъ охотно не уѣхалъ бы и вовсе, пока его дѣла шли такъ успѣшно... А могъ ли онъ не преуспѣвать, при его двухмилліонномъ состояніи, въ ухаживаніи за такой практичной дѣвушкой, какой была Ниночка Раѣева?..

Нина рѣшила очень серьезно, что выйдетъ за него замужъ, и била на это искусно, то поддерживая въ избалованномъ мальчишкѣ надежду на ея взаимность, то доводя его до бѣшенства своимъ кокетствомъ съ другими. Разъ, послѣ цѣлаго дня отчаяннаго кокетства и полного невниманія къ князю Краснодарскому, Нина неожиданно исчезла. Онъ нашелъ ее въ саду, запрятанной въ самой чащѣ ихъ стариннаго запущеннаго парка и, вдобавокъ, всю въ слезахъ.

Тутъ произошла сцена, достойная опытной актрисы съ одной стороны и самаго искренняго incéни — съ другой. Тотъ было объявлено, что его любить — только его одного! Но что онъ несовершеннолѣтенъ, что мать его навѣрное будетъ противиться его раннему браку; а она, между тѣмъ, дѣвушка бѣдная и должна о себѣ позаботиться, чтобъ не вѣчно висѣть лишней заботой у дяди на шеѣ. Ей необходимо или „идти въ люди“, — быть гувернанткой, — или выйти замужъ, не принимая въ расчетъ своихъ личныхъ вкусовъ и чувствъ... Нечего и говорить, что на это послѣдовало пламенное объясненіе въ любви и категорическое заявленіе, что ему, князю Анатолю Краснодарскому, черезъ восемь мѣсяцевъ двадцать одинъ годъ, и что онъ ни на комъ не женится, кромѣ ней, если она согласна быть женой его.

Тутъ же Нина подала ему мысль, за которую Тотъ схватился съ жадностью. Сама она ужъ начала давно подводить мины для успѣшнѣйшаго окончанія задуманнаго ею плана. Ей хотѣлось, чтобъ княгиня пригласила ее съ собою въ Крымъ... Въ исполненіи ея желанія не было ничего невозможнаго. Почему же было ей не съѣздить туда на мѣсяць или два, съ хорошо знакомымъ семействомъ, съ близкими сосѣдями?.. Ее отпустить, если княгиня сама попроситъ дядю... А для того, чтобъ

она попросила, одного желанія Тотò мало! Нина понимала дѣло прекрасно, а потому исподволь старалась заручиться не только расположеніемъ баронессы, но и благоволеніемъ м-г Дютресси. Лучшей рекомендаціей ей ловкости и скороспѣлаго знанія человѣческихъ слабостей могъ служить ея успѣхъ въ послѣднемъ: Нина Раѣева очаровала мягкосердечнаго француза и обезпечила себѣ его содѣйствіе.

Какъ были удивлены Раѣевы, когда, въ одинъ вечеръ, отозвавшись очень дружелюбно на желаніе, высказанное Ниночкой, познакомиться съ Крымомъ, княгиня Краснодубская на слѣдующее утро пріѣхала въ Раѣевку просить генерала и старшую сестру ея отпустить ее съ ними въ Ялту.

Генералъ не особенно сочувствовалъ этой семьѣ, а тѣмъ болѣе этому плану. Однако, онъ не имѣлъ причины возставать противъ обоюднаго желанія и усиленныхъ просьбъ племянницы и Евдокіи Ильиничны. Софья Сергѣевна, совѣмъ растерявшись отъ неожиданности, тоже стала втупикъ и не видала возможности противиться. Нина бросилась въ объятія княгини. Княгиня хотя отвѣчала на поцѣлун ея довольно холодно, но притворилась растроганной и очень довольной, вспоминая мольбы сына и инструкціи гувернера его.

— Laissez le donc faire son petit roman!—толковала ей Артуръ Дютресси не далѣе, какъ въ это же утро.—Его годы таковы, что романъ неизбеженъ! Позвольте мальчику прилично забавляться,—en tout bien, tout honneur!

— Но, cher m-g Arthur! Онъ такой еще ребенокъ!. Жениться ему еще рано и, наконецъ, онъ могъ бы сдѣлать партію!.

— Eh! sac à papier! Кто говорить вамъ о женитьбѣ?.. Напротивъ, вы только подбоете его на женитьбу, противорѣча его юношеской страсти. Дайте вещамъ естественное теченіе, и я буду не Артуръ Дютресси, если черезъ шесть мѣсяцевъ Anatol самъ не будетъ искать новой игрушки!.. Не раздражайте его безъ нужды. Il pourrait s'adresser plus mal, voyons!

Гувернеръ самъ не зналъ Ниночки! Не зналъ, съ какими недюжиннымъ партнеромъ затѣваетъ игру.

Итакъ, дѣло рѣшено: Нина Сергѣевна ѣхала въ Крымъ, несмотря на энергическіе отговоры сестры и брата. Михаилъ Сергѣевичъ былъ изумленъ и даже крайне огорченъ такой неожиданностью.

— Какъ можешь ты рѣшиться на это? Какъ можешь ты этого желать?.. Съ такими людьми ѣхать на край свѣта, отдавать себя въ распоряженіе баронессы Рейсдольфъ! Принимать милости незнакомыхъ, антипатичныхъ людей!—дивился хоромъ ея близкіе.

— Я не принимаю ничьихъ милостей, и мнѣ нѣтъ дѣла до баронессы!—возражала хладнокровно Нина.— Я ѣду съ княгиней Краснодубской,—совѣмъ не съ такими, какими-нибудь людьми!.. Если она антипатична вамъ—вы съ ней не поѣзжайте! Мнѣ же она и вся ея семья очень нравятся, какъ и я имъ!.. Потому я охотно принимаю ихъ приглашеніе, увѣренная, что сама этимъ дѣлаю имъ одолженіе... Вотъ и все!

Разъ ее наединѣ спросила Надя:

— Ниночка, скажи мнѣ правду: ты думаешь выйти замужъ за Анатоля Краснодубскаго?

— Не знаю... Можеть-быть!.. А что?

— За этого... несчастнаго уродца?—сорвалось у Нади съ языка.—Но помилуй! Вѣдь это, значить, ты только, только за деньги?!

— Ну, такъ что-жь?..

— Какъ же что-жь!.. Нина! Но вѣдь это не честно! Вѣдь ты его любить не можешь, этого болѣзненнаго, бѣднаго мальчика!

— А ты почему это знаешь?.. На вкусъ и цвѣтъ мастера нѣтъ!.. По крайней мѣрѣ, я навѣрное знаю, что онъ любитъ меня и что я ему не навязываюсь, не-

прошенной и нежеланной, какъ это дѣлають многія!—со злобынымъ смѣхомъ отрѣзала Нина.

Надя подняла на нее сверкнувшіе глаза и тотчасъ, поблѣднѣвъ, опустила ихъ и отошла.

Съ этого дня двоюродныя сестры, безъ видимой размолвки, будто отдалились, будто холодомъ пахнуло между ними и развѣяло ихъ общіе интересы и дѣтскую дружбу. Для Нины это охлажденіе не составило ровно никакой потери,—она даже не замѣтила его; но въ жизни Нади оно провело замѣтную черту и въ ея постоянное, молодое, страстное горе прибавило еще каплю яду.

Она молчала, боролась съ собою, негодовала, но совладать съ печалью, съ горькимъ разочарованіемъ,—не могла. Она не поддавалась унынію, но тѣмъ тяжелѣй что-то гнело ея душу, накопляясь на сердцѣ, подкашивая пробудившіяся было въ немъ къ жизни и счастью первыя юношескія силы.

Никто почти не замѣчалъ въ ней таиннаго разлада, ея душевной борьбы. Отецъ видѣлъ только, что его „дѣвочкѣ опять неможется“; это его тревожило. Но кромѣ недуговъ физическихъ, онъ ничего не боялся... Подозрѣвалъ, или скорѣе сердцемъ чуялъ нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ временное нездоровье, одинъ Миша Раѣевъ. Съ ранняго дѣтства Надя была его любимицей, его обожаемымъ маленькимъ деспотомъ. Всѣ три сестры были ему дороги, но чувства къ нимъ у него были разныя. Соною онъ любилъ скорѣе сыновнимъ чувствомъ, нежели братскимъ; Нину любилъ, но не былъ съ нею друженъ: между ними всегда была какая-то неопредѣленная, не сознанная ими, но ощутительная по своимъ результатамъ преграда,—они другъ друга не понимали и другъ другу не довѣряли. Одна Надя, хоть моложе его на нѣтъ лѣтъ, была близка и дорога ему безъ мѣры. Сызмала баловень его и кумиръ, она, входя въ года, быстро догоняла его въ духовномъ развитіи, быстро равнялась съ нимъ и изъ любимицы дѣлалась все болѣе ему другомъ и товарищемъ. Она лучше всѣхъ понимала его, скорѣе всѣхъ откликалась на каждое вновь возникавшее въ немъ сознаніе и чувство. Быстрый умъ и скороспѣлая южная природа сказывались въ раннемъ ея развитіи.

До предпоследняго пріѣзда обоихъ сосѣдей и бывшихъ товарищей, Раѣева и Смольнева, въ дружескихъ отношеніяхъ къ нимъ Нади мало проявлялось разницы. Повидимому, оба ее любили, какъ сестру, и она не отличала брата Мишу отъ друга Коли.

Но въ прошлое лѣто явилась значительная разница и въ обращеніи ея, и тѣмъ болѣе въ ея чувствахъ. Братъ оставался все тѣмъ же дорогимъ братомъ и другомъ; а другъ становился иначе милъ, иначе дорогъ... Впрочемъ, между ними двумя все скоро объяснилось. Что бы ни говорилъ Николай Андреевичъ позже, но въ предшествовавшемъ году онъ подалъ поводъ и право Надѣ считать себя его невѣстой, и самъ былъ безосновательно убѣжденъ, что дѣло къ тому идетъ. То же думала и Анна Дмитриевна... Оба они были такъ молоды, что говорить объ этомъ она считала преждевременнымъ; но была увѣрена, да и теперь еще надѣялась, что такъ тому и быть.

Судьба иначе порѣшила, съ самаго начала поставивъ между ними хитрую, умную, чванную эгоистку, которой суждено было имѣть на жизнь Николая Смольнева рѣшающее, безповоротное влияніе. Такимъ женщинамъ, какъ баронесса Рейсдольфъ, беззавѣтная преданность очень молодыхъ людей, хорошо поставленныхъ въ свѣтѣ, льститъ, онѣ ею рисуются. Если же къ тому еще примѣшивается расчетъ, корыстолюбіе, тогда онѣ когтями и зубами рады вѣшиться въ свою добычу, лишь бы не выпустить ее изъ рукъ. Смольневъ былъ богатъ; онъ, помимо материнскаго, имѣлъ свое независимое состояніе. Ему было двадцать-три года, онъ былъ

красивъ, имѣлъ большія связи, прекрасное родство, начиналъ блистательно службу,—всѣ условія, чтобы заставить Главдію Валеріановну сосредоточить на немъ свои помыслы. Она могла забавляться встрѣчными „Антиноями“, пока не убѣдилась въ дѣйствительныхъ преимуществахъ Смольнева; но, разъ понявъ, что онъ не на шутку влюбился въ нее, узнавъ ближе его безхарактерность и всѣ прочія *подходящія* обстоятельства, она должна была за него ухватиться, какъ утопающій за послѣднюю соломинку... Отнынѣ „Антиной“ и случайные поклонники должны были служить ей лишь какъ орудія для болѣе прочной кабалы Николая Смольнева.

Напрасно Анна Дмитриевна вздохнула облегченнымъ вздохомъ, когда уѣхали обитатели Красныхъ-Дубковъ. Напрасно надѣялась она на разлуку, на свое вліяніе, на соседство Ранѣвыхъ, на возобновленіе старыхъ, дружескихъ отношеній своего сына къ Надѣ, которую она теперь съ радостью, несмотря на раннюю молодость ихъ обоихъ, благословила бы его невѣстой... Не то было въ умѣ и въ сердцѣ околдованнаго Николая Андреевича! Старого нельзя было вернуть, а впереди бѣдную женщину ожидало столько горя за этого единственнаго, спасеннаго ею отъ смерти сына, сколько не заставила ее испытать смерть всѣхъ остальныхъ дѣтей.

Не прошло и двухъ недѣль со времени отъѣзда Краснодарскихъ, какъ, вслѣдствіе неожиданной телеграммы, до срока, почти не простившись съ матерью, уѣхалъ съ береговъ Волги и Николай Смольневъ. Онъ говорилъ, что его вызываютъ по службѣ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ; но мать по одному взгляду на него узнала, что это неправда... Эта ложь, этотъ первый въ жизни обманъ со стороны сына до того поразилъ ее, ей такъ больно и стыдно было за него, что она не имѣла духу изболѣть его... Она смолчала, но по отъѣздѣ сына стала хандрить и болѣть безпрестанно.

Сильную, переломную болѣзнь вынесла и бѣдная дѣвочка, душевныя силы которой, при первомъ ихъ расцвѣтѣ, были такъ безжалостно поцраны судьбой. Но выздоровѣвъ, Надя Ранѣва стала быстро оправляться не только здоровьемъ, но и нравственно. Ея сильная, страстная натура не терпѣла переходныхъ состояній: не сломившее ее горе должно было излѣчиться и сама она воспрянуть къ новой жизни для новыхъ чувствъ.

Черезъ годъ, на слѣдующее лѣто, молодая княгиня Нина Сергѣевна Краснодарская посѣтила проѣздомъ Ранѣвку. Она ѣхала съ мужемъ и съ сильно постарѣвшей свекровью за границу. И мужъ, и свекровь были, пока, ея покорнѣйшими слугами... Объ Артурѣ Дюгресси и помину не было.

II.

На раздолы.

Годы бѣжали и летѣли неудержимой, быстрой чередой. Вчерашніе юности не успѣли опомниться, какъ незрѣлая юность ужъ замѣнилась содидной молодостью; но и она, въ свою очередь, грозила измѣнить нѣкоторымъ лицамъ перваго дѣйствія житейской комедіи, разыгрывагося въ деревенскомъ захолустьи на берегахъ Волги.

Съ той поры много воды утекло, много перемѣнъ совершилось въ жизни ея дѣйствующихъ лицъ.

Генералъ Борнсъ Иларіоновичъ совсѣмъ сошелъ съ житейской сцены. Онъ простудился, поздней осенью разлѣзая по хозяйству, схватилъ воспаленіе въ груди, и въ двѣ недѣли его не стало.

Цѣлый мѣсяцъ по смерти отца Наденька не выходила изъ своей комнаты, не хотѣла никого видѣть, не переносила даже присутствія такихъ близкихъ друзей, какъ ея старая гувернантка миссъ Линнъ, какъ Анна

Дмитриевна Смольнева, или полковникъ Лешневъ, мужъ двоюродной сестры ея, Сони.

Мало этого: Софья Сергѣевна и братъ ея Миша, сами были ей часто въ тягость. Жизнь была не мила бѣдной дѣвушкѣ!. Будущее казалось ей темной пустыней, она боялась думать о немъ... Первые мѣсяцы ничто, ни чтеніе, ни музыка, которую она страстно любила, не развлекали и не занимали ее.

Когда Наденька въ первый разъ съѣла за роля, Соня отъ восторга чуть не перекрестилась. Всѣ подходили на цыпочкахъ, радостно переглядываясь, къ дверямъ ея комнаты—слушать, убѣдиться собственными глазами въ счастливыхъ событіи.

Послѣ зимнихъ праздниковъ Надежда Борисовна объявила, что ѣдетъ за границу съ миссъ Линнъ, не путешествовать собственно, а учиться пѣть. Въ послѣдніе годы голосъ ея, точно, необыкновенно развился: знатоки дивились его силѣ и мягкости.

Никто не препятствовалъ ея желанію; напротивъ, всѣ были рады, что она ожила, и надѣялись на силу времени, развлеченій и новаго интереса въ ея жизни.

Интересъ, какой-нибудь стимулъ, дѣйствительно, былъ ей нуженъ. Слишкомъ однообразна и безцвѣтна была ея жизнь въ послѣднее время. Всѣ силы ея, всѣ способности и чувства, вся мощь ея талантливой, энергической природы были насильственно задержаны, придавлены неудачами и горемъ. Но вѣдь ей едва было двадцать лѣтъ!. Вся жизнь, весь міръ широко открывался передъ этой высоко одаренной, оригинально красивой, талантливой, впечатлительной, жаждавшей жизни и дѣятельности, дѣвушкой.

Въ то время, какъ ея кузина, княгиня Краснодарская, уже искусилась во всѣхъ житейскихъ дрязгахъ, уже начинала опошляваться ими, тяжелѣть и опускаться среди мелочныхъ интересовъ существованія, избраннаго ею самою, Надежда Борисовна только-что вступала на широкую арену жизни, полная свѣжихъ силъ, вновь воскресавшихъ въ ней послѣ непогодъ и несчастя, которыя омрачали ея раннюю юность.

Былъ конецъ января, морозное, яркое утро, когда легкія сани перенеслись изъ Ранѣвки черезъ сѣвѣжную Волгу и остановились у крыльца дома въ Луговомъ. Это Надя, уѣзжавшая надолго, пріѣхала проститься со своей старой пріятельницей. Именно—старой: пять лѣтъ стали Аннѣ Дмитриевнѣ въ двадцать, до того она измѣнилась наружно, изболѣлась душевно!..

Она съ тѣхъ поръ не видалась со своимъ сыномъ; она считала его какъ бы умершимъ, пропавшимъ для себя. Его рѣдкія, короткія письма не сблизжали, а, напротивъ, все расширяли раздѣляющую ихъ пропасть той вѣчной лжи и фальши, которыми эти письма были переполнены. Она не разрывала съ нимъ, она отвѣчала на письма его въ томъ смыслѣ, что она жива и здорова и желаетъ ему всякихъ преуспѣяній; но послѣ полной неудачи первыхъ писемъ ея къ нему, писанныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ не чернилами, а материнскими слезами,—тѣхъ страстныхъ, скорбныхъ писемъ, которыми она стремилась спасти его, на которыя ждала и не дождалась отвѣта,—ихъ переписка стала пустой формальностью, не согрѣвавшей ея одинокой старости. Даже служебные успѣхи его ея не радовали. Она знала, что онъ въ нравственной кабалѣ у недостойной его женщины, которая не раньше отпустить его на волю, какъ истомивши душу его, испортивъ навѣки его жизнь...

Анна Дмитриевна улыбнулась и невольно вздохнула, издали протягивая обѣ руки высокой, стройной дѣвушкѣ съ ярко блиставшими глазами и яркимъ румянцемъ отъ мороза на ея щекахъ.

— Ѣдете, Наденька? — спросила она. — Покидаете насъ?.. Дай Богъ вамъ счастья и успѣха!

Признаніе. Съ картины К. Вюнненберга грав. Кирмае.

— Благодарю васъ... По всей вѣроятности и скоро соскучусь и возвращусь къ вамъ назадъ.

Смольнева покачала недовѣрчиво головой.

— Дай только Богъ, чтобъ не „съ повихнутымъ крыломъ“ и не „съ пробитой головой“, — на подобіе голубя въ баснѣ! — добавила Надя, съ улыбкой.

— О, нѣтъ! Будетъ ужъ вамъ ушибовъ и печалей, голубка моя! — горячо сказала Смольнева. — Благословляю васъ на всякое преуспѣяніе и радость.

И то же повторили Надѣ всѣ, въ день ея отъѣзда.

— Богъ съ тобою, дорогая моя! Живи тамъ, учись, веселись, но насъ не забывай и возвращайся здоровой и довольной! — напутствовала ее Софья Сергѣевна.

А трехлѣтній сынъ Софьи Сергѣевны, Боря, протянулъ отъ нея руки къ уѣзжавшей тетѣ, крикомъ стиснуть шею ея и повторялъ:

— И меня возьми! И меня!.. Я съ тобой хочу..

Его дядя Михаилъ Сергѣичъ, продлившій отпускъ свой на праздники затѣмъ, чтобъ тоже проводить двоюродную сестру, не говорилъ этого громко, но печальное выраженіе его идеально-красиваго лица ясно выражало то же неодолимое желаніе.

Едва уѣхала Надя, онъ оставилъ деревню и упорнѣе, чѣмъ когда-нибудь, углубился въ свои ученія запитія. Не расчетливая въ своихъ щедротахъ природа одарила этого человѣка излишней физической красотой, которая ему не была дорога, которую онъ продолжалъ равнодушно не цѣнить, оставаясь все тѣмъ же „безсознательнымъ Антиноемъ“, какимъ его назвала когда-то баронесса. Положительный, серьезный, любящій, но не влюбчивый и совершенно лишенный нѣкоторыхъ человѣческихъ слабостей, не тщеславный, не самонадѣянный и очень разсѣянный, какими бываютъ часто люди науки, Михаилъ Сергѣевичъ легко забылъ бы о своей красотѣ, еслибъ женщины давали ему на то возможность. Но онѣ ему не хотѣли дать ея! И онъ очень тяготился своей *расписной вытѣской*, старался усиленно ступешаться, пока не прослылъ наконецъ бирюкомъ и ненавистникомъ женщинъ, чѣмъ совсѣмъ въ сущности не былъ. Изъ двухъ золь, — говорилъ Рапѣевъ, — онъ предпочиталъ меньшее и позволилъ установиться своей репутаціи *буки*.

Зато младшая его сестра репутаціи человѣконенавистницы ужъ никакъ не могла бы заслужить!

Въ первые два-три года послѣ замужества она, цари полновластно надъ сердцемъ и волей супруга, невозбранно исполняя свои желанія, переполнила домъ гостями и пирами, упилась весельемъ и шумомъ свѣта власть. Но потомъ, ко всеобщему изумленію, въ супружеской жизни князя и княгини Краснодарскихъ произошла самая неожиданная перемѣна: Анатолій Θεодоровичъ круто измѣнился. Въ немъ вдругъ пробудился настойчивый, требовательный нравъ его дѣда, Ильи Базарщикова. У Нины Сергѣевны родилась дочь, сразу сосредоточившая на себѣ всю отцовскую нѣжность. Князь настаивалъ, чтобъ мать ее сама кормила; но до подчиненія такой варварской тираниі княгиня еще не была доведена: она не уступила! Въ домѣ явилась разряженная кормилица. Однако „самодурныя затѣи“ князя на томъ не ограничились. Онъ сталъ неустанно, настойчиво, назойливо преслѣдовать жену упреками въ легкомысліи, проповѣдями о семейныхъ и, въ особенности, материнскихъ обязанностяхъ. Онъ не давалъ ей вздохнуть!.. Нина отгосилась бы равнодушно и къ назиданіямъ и къ требованіямъ мужа, если бы онъ высказывалъ ихъ съ-глазу-на-глазъ, — но нѣтъ! Въ томъ-то и была бѣда ея, что, проповѣдуя домосѣдство и аккуратности жизни, Анатолий ревновалъ ее, а потому всюду за нею слѣдовалъ, какъ тѣнь, не давалъ и на людяхъ отдохнуть отъ себя и своихъ поученій.

Нина стала втупикъ. Она никакъ не ожидала такого осложненія въ своей жизни. На бѣду мужъ сталъ

болѣть; недовольство и брюзжаніе его усиливались, а съ ними оперялась княгиня-мать и входила, въ силу любви своей къ сыну и внукамъ, вновь въ права настоящей хозяйки дома..

У Нины опустелись руки.

Шель пятый годъ ея супружества всего, а изъ-подъ ея ногъ уже ускользала почва! Она не знала, какъ ей быть? Въ чемъ искать спасенія?.. Въ прежнія времена она расхохоталась бы, еслибъ ей сказали о возможности и чего-нибудь подобнаго. Ей въ двадцать три-четыре года стать втупикъ предъ задачами жизни? Предъ деспотизмомъ золотушнаго князя Тото?.. О, Боже мой! Не онъ, — такъ другіе!.. Не даромъ же она восхиталась женщинами, подобными удалой баронессѣ Рейсдольфъ. У нея самой не меньше удали и ловкости: проведетъ и выведетъ и мужа, и кого угодно!

Но видно ея расчеты были построены на песокъ. Она была очень хитра, очень находчива и ловка. И беззастѣнчива, и безсердечна не менѣе баронессы, — все это такъ! Но она далеко не была такъ умна, такъ образована и не имѣла десятой доли чаръ и рессурсовъ своего идеала.

Начать съ того, что она никогда не сумѣла бы такъ сберечь свою красоту. Клавдія Валеріановна въ сорокъ пять лѣтъ была прелестна; а Нина въ 24, послѣ второго ребенка, ужъ располнѣла, обрюзгла, излѣнилась и опустилась. И если бы даже пожелала она найти поклонниковъ, — такихъ преданныхъ на жизнь и смерть поклонниковъ, какихъ находила баронесса, — врядъ ли бы нашлись они. А въ ней даже не было на то рѣшимости.

Вмѣстѣ съ скоропреходящей красотой, молодая княгиня Краснодарская наслѣдовала отъ матери-грузинки и недостатокъ послѣдовательности и настойчивости. Она могла дѣйствовать очень рѣшительно, но ея энергіи надолго не хватало, — воля уступала восточной лѣни.

Совсѣмъ иное свойство составляло силу баронессы Рейсдольфъ. Она могла гнутья, какъ сталь, и такъ же легко разгибаться, не теряя никогда ни силы, ни блеска. Ея закаленная броня никогда ее не покидала, а проницательное око всегда впередъ провидѣло опасность и помогало ей избѣгать ея прежде, чѣмъ гроза успѣвала скопиться надъ головой. Она знала людей и знала, что кому нужно, чѣмъ кого заполнить и какъ вѣрнѣе не только заманить ихъ въ свои золотыя сѣти, но и придержать ихъ тамъ. Она была не мелочна, не падоѣдала требовательностью; допускала маленькія развлеченія, маленькія стороннія забавы, — раг-сі, раг-ла, — людямъ истинно преданнымъ и себя не стѣсняла въ удовольствіяхъ жизни. Она удивительно умѣла облегчать и скрашивать свое иго!.. Кандалы, ею налагаемые, не мѣшали плѣнникамъ срывать по сторонамъ цвѣточки, — это зналъ лучше всѣхъ Николай Андреевичъ Смольневъ.

Узнавъ о какой-нибудь новой прогулкѣ молодого дипломата въ сады Ариадны, Клавдія Валеріановна спѣшила первая поздравить его съ успѣхомъ или пожелать ему его.

— Мой милый другъ, — говорила ему съ пріятнѣйшей улыбкой эта опытная Цирцея: — *prenez votre plaisir, mais gare aux ronces et aux épines!*.. Берегитесь сорныхъ растений!.. Впрочемъ, я не боюсь за васъ: такого человѣка, какъ вы, блескъ бездушноты камелии можетъ привлечь лишь мимоходомъ, не надолго!

И она была права.

Она даже радовалась эскурсіямъ Смольнева въ тѣ пестрые цвѣтники, гдѣ нѣтъ мѣста ни чистымъ, царственнымъ лиліямъ, ни тѣмъ менѣе скромнымъ фіалкамъ или блѣднѣющимъ ландышамъ. Она знала, что привычный къ этимъ пестрымъ разсадникамъ человѣкъ отвыкаетъ отъ здоровой почвы, которой она боялась гораздо больше. Оттуда могла придти дѣйстви-

тельная опасность для спокойствія ея, для ея плановъ; тогда какъ лепестки цвѣтовъ, взлѣтѣнныхъ на житейскомъ болотѣ, очень скоро осыпались и увядали на ея порогѣ—данью ея несомнѣнному превосходству, — такъ она думала. Но поистинѣ—гибель ихъ являлась лишь данью привычкѣ, доказательствомъ безволя, стѣпного подчиненія повседневной рутинѣ. Чѣмъ болѣе Николай Смольневъ погрязалъ въ колеѣ, добровольно имъ избранной и выбитой годами, тѣмъ труднѣе было ему рѣшиться перешагнуть на болѣе твердую и чистую почву. Онъ, наконецъ, рѣшилъ, что нѣтъ ему другой дороги!.. Что другіе пути закрыты для него, погрязшаго нравственно, не въ брачную ризу одѣтаго.

Чистота одеждъ его, точно, была загублена излишествами жизни. Въ тридцать лѣтъ онъ смотрѣлъ сильно пожившимъ, чуть не сорокалѣтнимъ человѣкомъ. Природныя благообразіе, изящество и порядочность спасали наружность его отъ грязи и пошлости; но никто не узналъ бы теперь въ немъ прежняго, блестящаго Николая Смольнева.

Чего не творить сила привычки? Баронесса Рейсдольфъ никакъ не повѣрила бы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что человѣкъ, избранный ею изъ чистѣйшихъ расчетовъ, съ теченіемъ времени станетъ ей истинно дорогъ. А между тѣмъ она дѣйствительно, по-своему, любила, очень любила Смольнева! Такъ любила, что непритворно была поражена до отчаянія, когда ему дали высшее назначеніе, и онъ долженъ былъ уѣхать изъ Россіи, а она, прикованная временно къ постели мужа, умирающаго медленнымъ недугомъ, не могла за нимъ слѣдовать тотчасъ... Такъ рѣзко нарушить приличіе, бросить барона въ такую минуту, Клавдія Валеріановна не могла рѣшиться. До нѣкоторой степени она все же дорожила мнѣніемъ свѣта, а еще болѣе расположеніемъ сестры своей и отчасти наследствомъ барона.

А Николай Андреевичъ, хотя былъ убѣжденъ, что искренно любить ее, что „обязанъ любить жепщину, всеѣмъ ему пожертвовавшую“, тѣмъ не менѣе вздохнулъ глубоко, почувствовавъ, впервые послѣ восьми лѣтъ добровольной кабалы, свое нравственное освобожденіе.

(Продолженіе будетъ.)

Горилла.

Разсказъ моего пріятеля-япки.
Г. Т. Назарова.

Почтеннѣйшій читатель, позвольте дать вамъ одинъ полезный совѣтъ. Когда вы будете въ Чикаго, не вдумайтесь неуважительно отозваться объ „Отелѣ Горшечниковъ“ въ присутствіи япки, разумеется, если вы дорожите своей жизнью. Безусловно рекомендую вамъ остановиться въ этомъ отелѣ; хорошей табльдотъ, вѣжливая прислуга, роскошныя комнаты и всѣ удобства за адски дешевую плату. Это единственное мѣсто во всемъ Чикаго, гдѣ вы можете завязать хорошее знакомство: въ „Отелѣ Горшечниковъ“ останавливаются только настоящіе джентльмены, а въ другія гостиницы идутъ лишь одна мразь. (Никому не вѣрchte, если вамъ будутъ говорить, что я акціонеръ въ „Отелѣ Горшечниковъ“; клянусь, что это наглая ложь).

Мистеръ Джорсби, великолѣпный джентльменъ, повѣстникъ всему Чикаго, владѣлецъ самаго интереснаго въ мірѣ „Музея Капризовъ Природы“—(улица Ньюгоувъ, 242. Плата за входъ 2 цента)—такъ мистеръ Джорсби, говорю я, набралъ мѣстомъ отдыха и пріятнаго времяпровожденія (вы угадываете)—курильную комнату „Отеля Горшечниковъ“.

Вчера, въ 12 часовъ 33 минуты дня, означенный джентльменъ ворвался, какъ бомба, въ курильный салонъ, унелъ въ первое попавшееся кресло и хриплымъ голосомъ приказалъ подать живѣе большой стаканъ виски. Затѣмъ онъ началъ вытирать лобъ своимъ огромнымъ желтымъ шелковымъ платкомъ, отдуваясь съ такой силой, какъ будто онъ только-что сбѣгалъ на вершину Чимборассо. Наконецъ, онъ объявилъ, что не будетъ ничего имѣть противъ, если весь Чикаго немедленно же провалится къ дьяволу въ тартарары.

Все это было весьма необыкновенно, начиная съ большого стакана виски, ибо мистеръ Джорсби пилъ всегда изъ маленькаго, — и кончая бурною стремительностью, которую этотъ приморно-солнцный джентльменъ проявилъ при своемъ появленіи въ салонѣ. Я освѣдомился у него о причинахъ того и другого.

— Если бы вы были въ моемъ „Музеѣ“ часъ тому назадъ, то вы не спрашивали бы о причинахъ. Вы были бы свидѣтелемъ самой адской свалки, какая только случалась за все время существованія моего „Музея“ въ Чикаго, а тому уже пять лѣтъ, какъ вамъ повѣстко.

— Какъ же это случилось?—осмѣлился я спросить, сиѣдаемъ и звинительнымъ любознательствомъ.

— Это вовсе не случайность. Это естественное послѣдствіе моего дурацкаго мягкосердечія; оно было причиною всякаго зла въ теченіе всей моей жизни и особенно съ тѣхъ поръ, какъ я началъ вести дѣло. Никогда не дѣлайте добра, если вы только не миліонеръ и трудомъ добываете себѣ хлѣбъ. Вы слышали, что поютъ дѣти воскресныхъ школъ въ ихъ пѣснѣ: „Добрыя слова никогда не умираютъ!..“ Это какъ разъ подходитъ къ случаю. Я былъ бы въ двадцать разъ богаче теперь, если бы поменьше говорилъ этихъ добрыхъ словъ, и не уступалъ принадлежамъ своего благодумія.

„Три недѣли тому назадъ явился ко мнѣ въ контору одинъ малый изъ Калифорніи и просилъ для себя мѣсто „Горилла“. Онъ былъ въ оборванномъ костюмѣ, тощъ и увѣрялъ, что умираетъ съ голоду. Когда я спросилъ у него, достаточно ли онъ опытенъ въ ремеслѣ „Горилла“, то онъ оказался настолько добросовѣстенъ, что далъ отрицательный отвѣтъ. Онъ заявилъ мнѣ, что до сихъ поръ служилъ кондукторомъ на diligенсахъ Чикагской компаніи, а потому рассчитываетъ, что ремесло „Го-

рилла“ будетъ ему какъ разъ въ пору. Хорошо. Я долженъ признаться, что онъ внушилъ мнѣ сожалѣніе; а такъ какъ я и знаю, къ тому же, что хорошій „Горилла“—вещь вообще рѣдкая, то я и не колебался больше. Вы сами понимаете, какая это прекрасная приманка для публики, особенно для дѣтщины. А у меня, какъ нарочно, не было уже давно „Гориллы“, потому что послѣдній умеръ еще въ прошломъ году отъ бѣлой горячки, и другого на его мѣсто не находилось.

„Я спросилъ этого молодца, постоянный ли онъ пьюнчикъ или только запойный; потому что, вы знаете, необходимо въ такихъ случаяхъ принимать свои мѣры предосторожности. Но малый поклялся, что онъ не бралъ ни капли водки въ ротъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ родился, и что у него есть въ лямбартѣ медаль за трезвость, которую ему повѣсилъ на шею самъ генералъ „Арминъ спасенія“, собственными руками. Я былъ такъ глупъ, что повѣрилъ ему, хотя и зналъ, что если калифорніецъ говоритъ, что не пьетъ, то это значитъ, что онъ лишь бережетъ свой аппетитъ къ спирту до перваго выдающагося случая; а тогда вы и можете полюбоваться на него. Я нанялъ этого молодца, и въ тотъ же день ему была примѣрена новая пара, состоящая изъ цѣльной шкуры гориллы.

„Онъ исполнилъ обязанности „Гориллы“ весьма недурно. Ему была сдѣлана новая комфортабельная кѣлѣтка, и вообще онъ велъ довольно пріятную жизнь. Во время представленій онъ забавлялся едериживаніемъ шалинокъ съ тѣхъ дамъ, которыя имѣли неосторожность подойти слишкомъ близко къ его кѣлѣткѣ; другія дамы, болѣе благоразумныя, передавали потомъ своимъ знакомымъ, что было истинное наслажденіе смотреть, съ какой торжественной манерой бѣдное милое животное усаживалось и начинало рвать въ клочки эти смѣшныя вульгарныя япки. Послѣ дневной работы, когда „Музей“ запирается и весь персоналъ могъ заниматься своими дѣлами, „Горилла“ снималъ съ себя свою шкуру и отмывалъ гримировку съ лица и рукъ. Тогда онъ являлся добрымъ малымъ и весьма быстро заслужилъ популярность въ средѣ своихъ товарищей, другихъ „Капризовъ Природы“. У него былъ веселый характеръ и способность развлекать общество; во время ужина онъ разсказывалъ всевозможныя исторіи и смѣлилъ слушателей анекдотами, а послѣ ужина, если его просили, онъ могъ спѣтъ съ большимъ умѣньемъ и двѣ три пѣсенки.

„Но, однако, былъ нѣкто среди нашей компаніи, кому „Горилла“ не нравился и кому онъ не могъ угодить ни своими разсказами, ни своими пѣсенками. Этотъ нѣкто — была „Женщина-Геркулесъ“, о которой вы, конечно, знаете по афишамъ моего „Музея“. Она у меня настоящая и вполне соответствуетъ подробнымъ описаніямъ въ рекламмахъ. Кроме большой физической силы, она обладаетъ свойствами хорошаго гимнаста, и до сихъ поръ была для „Музея“ драгоценнымъ номеромъ. Работала она великолѣпно! Видѣть ее стоящую на головѣ и держащую на одной ногѣ „Карлика“, а на другой „Живого Скелета“, поистинѣ, было зрѣлищемъ, могущимъ вызвать цѣлый ручей слезъ умиленія у любителя искусства. Но это еще не все. Въ зубахъ она могла держать „Толстую Женщину“; ставъ на приподнятую платформу и стиснувъ зубами конецъ пенса, укрѣпленнаго вокругъ талии „Толстой Женщины“, она поднимала эту послѣднюю прямо съ пола.

„Вѣтъ „Толстой Женщины“ была тоже настоящій; она носила на себѣ, во время представленій, свиновый корсетъ, дававшій ей триста фунтовъ лишнихъ, да еще въ ея турнирѣ

Рудольф Вирховъ на броненосцѣ „Гангутъ“. Съ фот. Иванова въ Ревелѣ автотипія „Пчела“.

Иородческія школы. Школа дѣтей крещеныхъ татаръ, въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. Съ фот. автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Иородческія школы. Вотяцкая школа въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. Съ фот. автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Иородческія школы. Черемисская школа въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. Съ фот. автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.
Библиотека "Руниверс"

заклячалось фунтов полтора. За исключением всего этого, „Толстая Женщина“ была, все-таки, довольно жирна и весила сама по себе хороших полтора фунтов.

„Женщина-Геркулес“ была еще девушка, и к тому же, очень хорошая девушка, преданная всей душой своей профессии. Она совсем не хотела выходить замуж, ни дѣлать иной подобной глупости; она обыкновенно говорила, что гораздо лучше она себя чувствует, стоя на головѣ передъ публикой, и совершенно не понимаетъ, что бы она стала дѣлать съ мужемъ. Она вполне увѣрена, что придушила бы его на другой же день послѣ свадьбы.

„Живой Скелетъ“, кажется, всю свою жизнь не заботился о чемъ-либо, кромѣ ѣды, и былъ невозможный обжора, подобно всемъ другимъ скелетамъ. Собственно говоря, только такимъ путемъ и воспитываются живые скелеты; кормите его исключительно однимъ мясомъ и давайте ему ѣсть каждые три часа столько, сколько онъ будетъ въ состояніи съѣсть. Этими способомъ вы пустите въ оборотъ такое количество „Живыхъ Скелетовъ“, что всегда удовлетворите спросу на нихъ.

„Этотъ былъ у меня уже семь лѣтъ и никогда не выказывалъ ни малѣйшаго вниманія къ женскому полу. Но, какъ всему бываешь своей чередъ, то попался, наконецъ, и мой „Скелетъ“. Онъ влюбился въ „Женщину-Геркулеса“, и влюбился, притомъ, самымъ дурацкимъ образомъ.

— Это все произошло отъ балансприванія,—объясняетъ мнѣ „Живой Скелетъ“ про свою любовь.—Въ самый первый разъ, когда я сидѣлъ на подояхъ ея ноги, а она стояла на головѣ подо мною, спокойно и нѣжно, какъ ангелъ самаго высшего сорта, то тогда же я почувствовалъ, что пропалъ. Ахъ, я уже не думаю больше о ѣдѣ, какъ бывало прежде... И если мнѣ не удастся снискавъ ея любовь, то я навѣрно растолѣю съ гори и задохнусь отъ жира!.

„Я подумалъ, что это въ самомъ дѣлѣ можетъ случиться. Въ прошломъ году у меня умеръ отъ избытка жира великолѣпный экземпляръ „Толстая-Мальчика“, подававшій большія надежды. Поэтому я рѣшилъ помочь „Скелету“, насколько это зависѣло отъ меня; ничего лучшаго нельзя было придумать, какъ обратиться съ „Женщиною-Геркулесомъ“ и разузнать о ея видахъ относительно этого худощаваго претендента на ея сердце. Это не представляло большихъ затрудненій.

— Я люблю только свое ремесло,—сказала мнѣ она въ отвѣтъ на мое сватовство.—Я не выйду замужъ ни за кого, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока буду работать передъ публикой. Мнѣ весьма жаль бѣднаго „Скелета“, передайте это ему. Я охотно готова быть ему сестрой, если онъ этого пожелаетъ; но лучше всего будетъ, если онъ постарается меня забыть и выкинуть вонъ изъ головы все эти глупости. Посоветуйте-ка ему лучше позаботиться о своей наружности: мнѣ кажется, что онъ толстѣетъ за послѣднее время и дѣлается менѣе интереснымъ для публики.

„Вотъ что сказала мнѣ „Женщина-Геркулесъ“ и что я передалъ „Живому Скелету“, по возможности, въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ. Вы можете судить, какъ бѣдняга былъ огорченъ. Но этимъ дѣломъ не кончилось; вѣрнѣе сказать—этимъ дѣломъ только начиналось.

„Горилла“ самъ вдыхалъ о красавицѣ „Геркулесъ“, и его любовь только увеличилась отъ ея холодности; она же ненавидѣла его „какъ чортъ содовую воду“, по нашей поговоркѣ. И „Горилла“ сдѣлался мраченъ и золъ.

„Во время представленій онъ начиналъ злиться, когда публика разговаривала по поводу его наружности. Когда одинъ господинъ замѣтилъ своей жемъ: „Ахъ, какое это ужасное животное!“—то „Горилла“ едва удержался, чтобы не выругать этого джентльмена. Конечно, у него достало здраваго смысла проглотить обиду молча. Какъ бы то ни было, но я начиналъ беспокоиться, ибо этотъ негодий могъ съ гори напиться пыльнымъ и устроить мнѣ скандалъ. Кто могъ поручиться, что въ одно прекрасное утро „Горилла“ не вступитъ въ препирательства съ публикой на самомъ грубѣмъ жаргонѣ? Тогда публика окажется въ правѣ не довѣрять не только ему, „Гориллѣ“, но и остальнымъ дѣйствующимъ лицамъ моего „Музея“.

„Толстая Женщина“, которая сидѣла за столомъ рядомъ съ „Гориллой“, также имѣла свои причины быть грустной. Она призналась послѣ, что каждый моментъ она дрожала въ ожиданіи ссоры между „Гориллой“ и „Скелетомъ“, къ которому первый чувствовала непримиримую вражду ревниваца. Бѣдная женщина имѣла добрую душу и чувствительное сердце, и лишь только одинъ остылелый своей страстью „Горилла“ могъ не видѣть ея внимательности къ нему. Она хозяйничала за обѣдомъ и ужинаемъ, что давало ей возможность награждать „Гориллу“ лучшими кусками мяса и puddinga, къ немалой досадѣ „Скелета“, котораго любовь еще несомнѣнно лишила аппетита. Наконецъ, „Толстая Женщина“ стала до того задумчива и разсѣяна, что сидѣла и рядомъ забывала вскрикивать, когда во время представленія какой-нибудь шалунъ изъ публики втыкалъ булаву въ ея ложку; это, конечно, подавало поводъ сомнѣваться въ ея подлинности.

„Горилла“ при каждомъ удобномъ случаѣ говорилъ непріятныя вещи „Живому Скелету“ и очевидно вызывалъ его на сору. Подобный образъ дѣйствій возбуждалъ общее негодова-

ніе, такъ какъ „Скелетъ“ былъ не сильнѣе котенка, въ сравненіи съ „Гориллой“; послѣднему было лишь нужно сорвать на бѣднякѣ свою злобу, хотя онъ не могъ не видѣть, что въ „Скелетѣ“ ровно ничего не было воинственнаго.

„Когда я узналъ о положеніи дѣла, то, разумеется, сейчасъ же сдѣлалъ строгій выговоръ „Гориллѣ“ и сказалъ ему, не стѣсняясь, мое мнѣніе относительно его поступковъ. Мало того, и предупредилъ его, что онъ немедленно же будетъ уволенъ со службы, если только не перестанетъ нарушать миръ въ моемъ счастливомъ семействѣ. И все-таки мое безпокойство увеличивалось съ минуты на минуту, потому что я видѣлъ и предчувствовалъ близость взрыва; оказалось даже, что своею угрозою прогнать „Гориллу“ я только ускорила развязку драмы. Клянусь вамъ, что и на этотъ разъ была виною всему моя мягкосердечность: не будь ея, я расчиталъ бы „Гориллу“ не мѣдлѣ ни минуты. Но я расудилъ, что неосновательно лишать себя хорошаго „Гориллы“ только потому, что этотъ послѣдній не имѣлъ удачи въ любви. И вотъ, настала день кризиса, какъ и всегда, когда его меньше всего ожидали; исключеніе бываетъ, какъ извѣстно, только для господъ политиковъ, которые дѣлаютъ кризисы, когда это имъ бываетъ угодно.

„Въ этотъ день, рано утромъ, „Горилла“ вышелъ изъ дому и купилъ бутылку виски, которую контрабанднымъ образомъ протасилъ въ свою кѣтку и спряталъ подъ соломою, разосланной у него на полу. При первой же возможности онъ выпилъ ее всю цѣлкомъ, такъ-что когда въ опредѣленный часъ открылся нашъ „Музей“, онъ былъ уже вдребезги пьянъ.

„Вначалѣ публика не замѣчала ничего особеннаго и, вѣроятно, полагала, что „Горилла“ сегодня хорошо накормленъ, такъ какъ выказываетъ необычайно веселое расположеніе духа. На самомъ же дѣлѣ, негодный пьяница лишь только и ждалъ момента, когда кто-нибудь его оскорбитъ, и, къ несчастью, моментъ этотъ не замедлил явиться. Около кѣтки остановился одинъ толстый политикъ, съ жирнымъ и глупымъ лицомъ, и, осматрѣвши звѣря во всѣхъ подробностяхъ, замѣтилъ своему товарищу:

— „Этого „Горилла“ почти такъ же безобразенъ, какъ и любой негръ, такъ-что меня удивляетъ, что онъ не засѣдаетъ въ республиканскомъ генеральномъ комитетѣ!.

„Нужно же было случиться, что „Горилла“ оказался демократомъ самой крайней патіи! Немудруно поэтому, что названія его негромъ, да вдобавокъ еще—республиканцемъ, онъ никакъ не могъ перенести. Моментально просунувъ свой кулакъ сквозь прутья рѣшетки и потрясая имъ передъ носомъ политика, онъ закричалъ:

— Эй, вы! Если вы не послѣдній трусишка и не бонитесь спать свой сюртукъ, то я охотно покажу вамъ разницу между буланымъ республиканцемъ и демократомъ!.

„Почтенный джентльменъ былъ такъ удивленъ этимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ, что сначала не могъ выговорить ни слова и только, разинувъ ротъ, смотрѣлъ на задорнаго „Гориллу“. Конечно, онъ сейчасъ же пришелъ въ себя: вѣдь все дѣло въ самолюбіи. А извѣстно всему міру, что активный политикъ долженъ быть самолюбивъ, ни передъ чѣмъ не отступать и обожать боекъ.

— Ну, выходи, скверное животное!—кричалъ политикъ, быстро сбрасывая сюртукъ и засучивая рукава: вылезай изъ своей кѣтки... Мы увидимъ сейчасъ, кто правъ!

„Горилла“ кинулъ прочь свою дубину, которая служила ему для поддержанія тѣла въ стоячемъ положеніи, затѣмъ открылъ дверь кѣтки и прыгнулъ внизъ.

„Меня не было тамъ при началѣ исторіи, и я, конечно, сожалѣю отъ этого: мнѣ рассказали, что я пропустилъ случай присутствовать при одной изъ самыхъ прелестныхъ дракъ, какой еще никогда никто не видѣлъ въ Чикаго. Политикъ вначалѣ держался твердо, такъ-что въ первый двѣ минуты восемнадцать паръ перешло на его сторону; но все-таки большинство державшихъ было за „Гориллу“. Общее возбужденіе было громадное; джентльмены яростными криками и жестами поощряли бойцовъ, но дѣлу много мѣшали дамы, которые визжали, падали въ обморокъ и бросались отъ одной двери къ другой. Наконецъ, онъ все исчезли. Мужчины тѣснились и протискивались въ центръ круга, гдѣ бой быстро приходилъ къ концу. „Горилла“ оказался гораздо искуснѣе своего противника и въ три тура обработалъ его на славу. Когда мѣсто сдѣлалось свободнымъ, „Горилла“ спросилъ, не жалеетъ ли еще кто изъ джентльменовъ выступить впередъ. И такъ какъ желающихъ не нашлось, то „Горилла“ расудилъ, что пришло время ему заняться собственными интересами, то-есть—поколотить „Живого Скелета“.

„Площадка, на которой находился „Скелетъ“ вмѣстѣ съ другими „Капризами Природы“, помѣщалась въ сторонѣ, въ этой же залѣ, и „Горилла“ бросился прямо къ ней. Сейчасъ же онъ предложилъ „Скелету“ ставитъ два цента противъ его собственной головы, но это предложеніе было отклонено. Тогда „Горилла“ селъ себя оскорбленнымъ, и „Скелету“ пришлось бы плохо, но „Толстая Женщина“, сидѣвшая тутъ же, съ выномъ кинулась между ними и, обхвативъ „Гориллу“ за шею, повалила его на полъ. Публика, въ экстазѣ, аплодировала.

„Между „Толстой Женщиной“ и „Гориллой“ произошла ко-

роткая борьба, результат которой получился двойной: первое, что „Горилла“ все-таки выкарабкался на свободу и снова вскочил на ноги, а второе, что у „Толстой Женщины“ оказалась большая дыра на одном чулке. Последнее обстоятельство было точнее же замечено всеми, ибо из отверстий посыпались в изобилии отруби, замывавшие этой дамь недостающее количество жира. Прежде, нежели „Толстая Женщина“ успела добывать до дверей уборной, ее фигура приняла свои натуральные размеры, и трико, досель плотно облегавшее ее формы, теперь живописно повисло в виде драпировки... Репутация ее была потеряна навсегда.

„Горилла“ немедленно воспользовался свободой и снова накинуд на бедного „Скелета“; схвативши его за пояс напалонь, он намревался бросить его через всю комнату, но, к счастью „Скелета“, не успел этого сделать. „Женщина-Геркулес“, рвннвъ видимо, что настала и ее пора принять участие въ представлении, подбжала къ „Гориллѣ“ и наотмашь дала ему такой ударъ въ лобъ, что „Горилла“ перевернулся въ воздухъ, прежде чѣмъ упасть съ платформы на полъ. Я бы, на его мѣстѣ, удовлетворялся этимъ, но „Горилла“ былъ слишкомъ пьянъ, чтобы разсуждать разумно; едва только онъ опомнился отъ паденія и подвдился на ноги, какъ сейчасъ же вновь ринулся на платформу—передъ его глазами все еще торчала ненавистная фигура „Скелета“. На этотъ разъ „Гориллѣ“ совсѣмъ не повезло: „Женщина-Геркулесъ“ схватила его одной рукой за шиворотъ, а другой за правую ногу и, размахнувъ имъ, точно гирей, пустила его въ пространство, при громкихъ крикахъ одобренія со стороны счастливой публики. „Горилла“ прилетѣлъ какъ разъ къ дверямъ своей кѣтки, и когда подошедшіе джентльмены подняли его и стали понуждать впередъ, желая видѣть окончаніе сцены, то онъ заявилъ, что съ него довольно, и что онъ предпочитаетъ немедленно отправиться въ госпиталь за свѣдѣніями касательно числа оставшихся у него цѣльными реберь.

„Я явился на мѣсто дѣйствія именно въ этотъ моментъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, счелъ необходимымъ обратиться къ публикѣ съ рѣчью. Я спрошу прежде всего этихъ господъ, могутъ ли они, какъ честные люди и джентльмены, признать, что они получили за свои деньги достаточное количество удовольствія? Они дали утвердительный отвѣтъ.

„— Джентльмены! — сказалъ я тогда. — Въ каждой области промышленности есть свои хитрости и ловки, и въ этомъ смыслѣ, вы не можете не согласиться, что мой „Горилла“ и моя „Толстая Женщина“ были совершенными произведеніями искусства. Теперь прошу васъ сказать мнѣ: въ какомъ другомъ „Музеѣ“ могли вы видѣть столь великодушный бой и столь удивительное проявленіе женской силы, граціи и благородства?..

„Все эти господа оказались довольно чувствительными и справедливыми людьми, — смѣю васъ въ этомъ увѣрить. Они согласились со мною, что не могутъ не считать себя вполне удовлетворенными и затѣмъ, обсудивъ происшедшій бой во всехъ *pro* и *contra*, они собрали подписку въ пользу мою и „Женщины-Геркулеса“ и удалились.

„Теперь, хотя на мою долю привелось неожиданно получить сто пятьдесятъ долларовъ, я считаю, все-таки, что мнѣ приходится терять значительные убытки, благодаря этому неудачному дню. Во-первыхъ, я потерялъ моего „Гориллу“; во-вторыхъ, публика потеряла теперь довѣріе къ „Горилламъ“, такъ-что мнѣ нельзя показывать другого раибе, чѣмъ черезъ годъ; въ-третьихъ, репутация „Толстой Женщины“ испорчена настолько, что ее невозможно теперь выставить вновь въ Чикаго. Впрочемъ, эта дама и безъ того не желаетъ болѣе появляться передъ публикой; она отправилась ухаживать за больнымъ „Гориллой“ и, вѣроятно, хочетъ выйти за него замужъ послѣ его выздоровленія.

„Но что хуже всего, такъ это то, что „Живой Скелетъ“ столь быстро началъ толстѣть, что его нельзя будетъ болѣе демонстрировать. А еще хуже этого, — что „Женщина-Геркулесъ“ сегодня объявила намъ свое намрѣніе выйти замужъ за „Скелета“, какъ только онъ достигнетъ необходимой толщины. Словомъ, вы видите, что я совсѣмъ близокъ къ окончательному разоренію.

„Не дѣлайтесь никогда содержателемъ музея, если не хотите умереть отъ горя и вознеи. Но если ужъ случилось бы вамъ влопаться въ подобную антрепризу, то примите совѣтъ опытнаго директора: не берите ни за что въ свѣтъ американскаго гориллу, все равно изъ какого бы Штата онъ ни явился. Возмите хорошаго, трезваго, чѣщекаго гориллу. Они работаютъ прекрасно, и я даже думаю, что этотъ сортъ именно и даетъ лучшихъ профессиональных гориллъ.“

Къ рисункамъ.

Лунная ночь въ Крыму. (Рис. на стр. 1110.)

Г. П. Кондратенко, одинъ изъ лучшихъ современныхъ пейзажистовъ, воспитанникъ академіи художествъ, въ которую онъ поступилъ ученикомъ въ 1873 г., сначала въ классъ К. О. Гуна, по исторической живописи, а затѣмъ къ М. К. Клодту, по пейзажной живописи. Въ 1882 г., по полученіи шести серебряныхъ медалей, Г. П. Кондратенко удостоенъ былъ малой золотой медаліи и званія класснаго художника 2 степени, а въ слѣдующемъ году ему была присуждена обществомъ поощренія художествъ первая премія. Спустя годъ, въ томъ же обществѣ поощренія художествъ устроена была Г. П. первая отдѣльная выставка его пейзажей, обратившая на себя особенное вниманіе тѣмъ, что она была посвящена М. Ю. Лермонтову:—туть были сгруппированы картины мѣстностей, которыя были близки сердцу великаго поэта или прославлены его именемъ; при томъ съ выставки пошелъ на сооруженіе памятника М. Ю. Лермонтову. Въ 1885 г. Г. П. снова устроилъ выставку своихъ 18 южныхъ пейзажей. Южные пейзажи создали собственно извѣстность Г. П. Кондратенко. Картины этого талантливаго художника обратили на себя вниманіе уже съ перваго появленія на академической выставкѣ, въ 1882 г. Первыя его двѣ картины „Севастополь“ и „Ночь въ Бахчисарай“ со своими эффектами луннаго освѣщенія, указали сразу ту область, въ которой рѣшилъ работать молодой художникъ. И мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что среди значительнаго количества картинъ Г. П. Кондратенко, лучшія его работы представляютъ южный лунный ландшафтъ. Такимъ же талантливымъ „цѣвцомъ южной лунной ночи“ сказался Г. П. и въ воспроизводимой у насъ картинѣ „Лунная ночь въ Крыму“.

Идиллія. (Рис. на стр. 1111.)

Долгую и трудную стадію развитія должно было пройти человѣчество, прежде чѣмъ оно достигло наковенъ того времени, съ котораго исторія начинаетъ записывать его жизнь на свои страницы. Скуднымъ свѣдѣніямъ располагаемъ мы о доисторической жизни человѣчества, и наука, пытающаяся освѣтить эту эпоху, несмотря на все ее старанія, все еще пока блуждаетъ въ потемкахъ, все еще на вопросы о томъ, какова была жизнь первобытнаго человѣка, можетъ отвѣтить только болѣе или менѣе остроумными догадками. Сильный тѣломъ, но умственно немощный первобытный человѣкъ, поставленный предъ лицомъ грозной природы, принужденъ былъ въ тѣ далекія времена тяжелой борьбой завоевывать себѣ право на существованіе и, мало-по-малу поощряясь въ ежечасной борьбѣ, вырабатывать первые начатки цивилизаціи. Вначалѣ у него

не было опредѣленнаго жилища, не было прочнаго семейнаго очага; скитаясь по лѣсамъ, первобытный человѣкъ, подобно животному, руководился въ своей жизни однимъ лишь инстинктами. Инстинктъ подсказывалъ ему, что безопаснѣе скитаться въ обществѣ себѣ подобныхъ, нежели въ одиночку, и онъ приставалъ къ какой-нибудь группѣ; инстинктъ влекъ его къ женщинѣ, и инстинктъ же удерживалъ его при ней. Такъ возникъ семейный очагъ, который упрочило затѣмъ печальное открытіе огня—упрочило и сдѣлало привлекательнымъ. Пока мужчина съ случайной удачей охотился въ лѣсу на дикихъ звѣрей, женщина утилизировала добычу предыдущей охоты и, когда онъ голодный возвращался подъ прежній кровъ, ему не приходилось уже самому готовить пищу. Постоянное скитаніе по лѣсамъ и постоянная охота были, конечно, богаты впечатлѣніями и кое-чему научили человѣка: такъ, онъ убѣдился, что не все звѣри—его враги, что не все звѣри для него опасны. Изъ тѣхъ животныхъ, съ которыми не приходилось вести борьбы для завладѣнія ими и которыхъ легко было приручить, образовался стада, составившіи первое богатство человѣка, какъ первой его собственностью было оружіе. Съ появленіемъ стады охота утратила свое значеніе, и у человѣка явился досугъ, который весьма благоприятно отразился на развитіи его эстетическаго чувства. Пасты стады вблизи рѣкъ и озеръ, гдѣ трава была сочна, человѣкъ векорѣ полюбилъ гармонию окружающихъ его звуковъ. Счастливый случай открылъ, что звуки природы можно подражать, пзвлекали звуки изъ тростинки. День, въ который человѣкъ впервые повлекъ звукъ изъ тростинки, можно считать первымъ въ исторіи музыки...

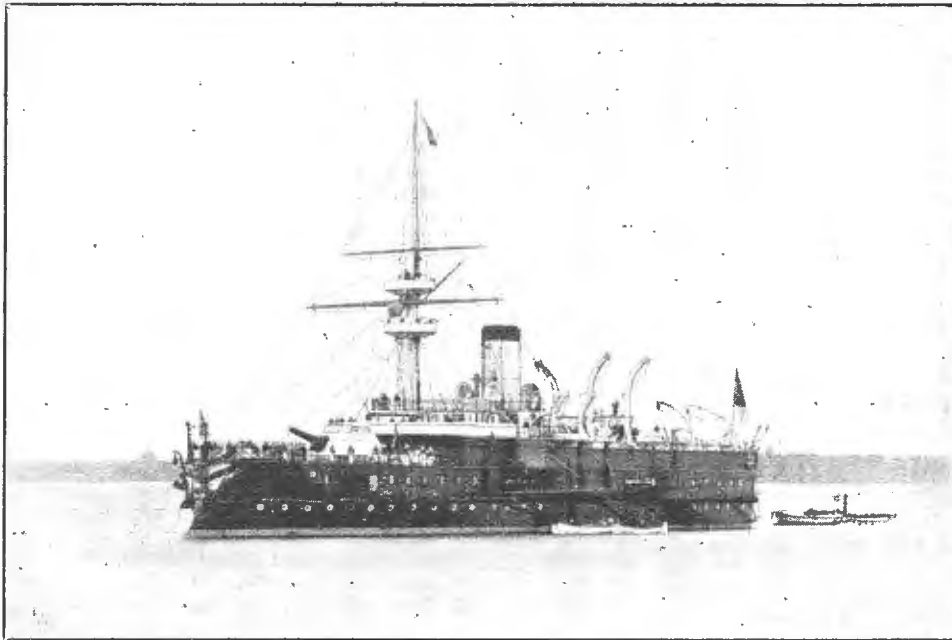
Взгляните: подъ густымъ и прохладнымъ навѣсомъ вѣтвей, пропускающимъ только рѣдкіе солнечные лучи, на мягкой, душистой травѣ—мужчина и женщина. Онъ—яркое олицетвореніе грубой мускульной силы, она—олицетвореніе грубой животной красоты. Но... въ рукахъ у мужчины свирѣль, на которой нѣсколько минутъ тому назадъ онъ наигрывалъ своей подругѣ нескучную нѣжную любовь. Но... лица и той и другаго озабочены улыбкой при видѣ смѣшной борьбы ихъ ребенка съ лохматымъ приплодомъ козлинаго стада. Съ упорной сосредоточенностью эти два врага стучатся лбами другъ о друга, и по насупленному взгляду упрямаго ребенка можно предположить, что побѣда, пожалуй, останется на его сторонѣ. Съ большимъ мастерствомъ скомпонованная Зиммеромъ картина является прекрасной иллюстраціей семейнаго счастья въ томъ видѣ, какимъ оно было на зарѣ человѣчества.

Признаніе. (Рис. на стр. 1115.)

Граціозная картина Карла Вювненберга воскрешаетъ въ на-

милли одно из великих произведений Гёте, его поэму „Германь и Доротея“. Картина могла бы служить иллюстрацией к одной из наиболее поэтических глав поэмы, описывающей идиллическую встречу Германа с Доротеей и его объяснение в любви к ней. После долгих, томительных дум о милой, Германь случайно встретился с нею:

Точно как странник, который, взглянув перед самым закатом
Прямо на быстрое, красное солнце, послѣ невольна
Видит его и на темных кустах, и на скалах утеса
Перед очами: куда бы ни кинул онъ взора, повсюду
Свертит оно перед нимъ и качается въ красках чудесныхъ.—
Такъ передъ Германомъ образъ возлюбленной дѣвушки тихо
Плыть, и, казалось, она проходила тропой черезъ жатву.
Но, ото сна съ наумленнымъ очувшись, онъ обернулся
Прямо къ деревнѣ и вновь изумился—все то же явление:
Стройная дѣвушка шла къ нему по дорогѣ навстрѣчу.
Пристально сталъ онъ смотреть. Нѣтъ, это не сонъ: въ самомъ дѣлѣ.
Это она. По кувшину въ рукѣ, большой да поменьше.
Взявъ за ручки, несла и такъ поспѣвала къ колодезю.
Весело къ ней навстрѣчу пошелъ онъ...
„Дай мнѣ напиться“,—сказала ей юноша, полонъ веселья.—
И кувшинъ подала она. Тутъ, опершись на сосуды,
Оба они отдыхали: она жь обратилась къ другу:
„Какъ это здѣсь ты? Откуда? Безъ лошадей и повозки.“

Броненосецъ „Гангутъ“. Съ фотографіи Иванова въ Ревельъ автотипія „Ививъ“.

Такъ далеко отъ мѣста, гдѣ мы повстрѣчались недавно?
Германъ въ раздумьи глаза опустилъ, но, скоро поднявъ ихъ
На нее и взглянувъ ей весело въ очи, онъ тотчасъ
Сталъ покоемъ въ душѣ. Но все говорить о любви съ ней
Было-бъ ему невозможно. Глаза у нея не любовныя—
Чистымъ разсудкомъ свѣтились и ждали разумнаго слова.
„Полный мѣсяць сиялъ такъ чудно съ вечерняго неба.
Ночь наступила. Последнее зарево солнца потухло.
Такъ предъ глазами у нихъ отдѣлялась рѣзкой чертою
Свѣтъ, прозрачный, какъ день, и черныя тѣни ночныя.
И съ наслажденіемъ Германъ вопросъ отрадный услышалъ.
Подъ широкимъ навѣсомъ груди, на мѣсть любимомъ,
Бывшимъ нимъ свидѣтелемъ слезъ его тайныхъ по милой.
И, садясь на скамью отдохнуть немного, влюбленный
Юноша за руку дѣвушку взявъ и тихо сказалъ ей:
„Сердце пусть научитъ тебя: его ты послушай!“
Но ни слова онъ больше прибавить не смѣлъ, хоть минута
Благопріятна была; отказъ получить онъ страшился.“

Настроеніемъ, которымъ проникнута эта послѣдняя сцена, — привнесенная нами въ переводѣ А. А. Фета,—былъ, очевидно, проникнутъ и художникъ, когда писалъ воспроизводимую нами картину „Признаніе“, хотя видѣнія обстановка встрѣчи влюбленныхъ здѣсь нѣсколько иная, чѣмъ у Гёте.

Карлъ Вюнненбергъ пользуется въ Германіи солидною известностью, какъ талантливый жанристъ. Художественное свое образование получилъ онъ въ дюссельдорфской академіи, подъ руководствомъ Дегера и Эдуарда Гебгардта.

Рудольфъ Вирховъ на эскадренномъ броненосцѣ „Гангутъ“. (Рис. на стр. 1118 и 1122.)

Рудольфъ Вирховъ—не только гордость Германіи, но и всего міра. Знаменитый патологъ, антропологъ и общественный дѣятель, несмотря на свой преклонный возрастъ (1 октября с. г. ему исполнилось 75 лѣтъ), продолжаетъ съ прежней неутомимостью служить наукѣ и человечеству. Пятьдесятъ лѣтъ непрерывной профессорской дѣятельности, сорокъ лѣтъ неустаннаго руководства учрежденнымъ для него въ Берлинѣ патологическимъ институтомъ, пятидесятилѣтніе труды по редактированію и изданію основаннаго имъ журнала *Архивъ патологической анатоміи и физиологіи и клинической меди-*

цины—если и состарили его физически, то ничуть не угасили его духа, не ослабили его отрывчивости ни къ вопросамъ врачеванія, ни къ общественной санитаріи, въ области которой особенно извѣстны труды Вирхова по канализаціи и очисткѣ городовъ, дезинфекціи, школьной гигиенѣ, лазаретному дѣлу и т. д. Не меньшей извѣстностью пользуется маститый ученый своими работами по антропологіи и этнологіи, которыми привели его не разъ къ намъ, въ Россію, на Кавказъ, гдѣ онъ совершилъ цѣлый рядъ экскурсій съ этнографическою цѣлью.

Глубокий, и въ то же время разносторонній ученый, свѣдущій во всѣхъ областяхъ знанія, Вирховъ уже издавна занимается археологіей, неразрывно связанной съ антропологіей и этнологіей и даже служащей для нихъ одной изъ основъ. Въ 1879 г. Вирховъ выступилъ со своими археологическими работами, принявъ дѣятельное участіе въ знаменитыхъ раскопкахъ Трои Шлимана. Такое же дѣятельное участіе въ трудахъ по археологіи принимаетъ онъ и донынѣ, чѣмъ и объясняется его пріѣздъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Ригу, на археологическій съѣздъ. Всюду встрѣчалъ у насъ маститый ученый самый радушный, даже восторженный пріемъ; и Рудольфъ Вирховъ, въѣмъ интересующійся, все желающій видѣть, отвѣчая на любезныя приглашенія, всюду ѣздилъ, стараясь, чтобы ничто не ускользнуло отъ его вниманія.

Отправившись по окончаніи съѣзда изъ Риги въ Ревель, Рудольфъ Вирховъ посѣтилъ между прочимъ, по приглашенію командира и офицеровъ, эскадренный броненосецъ „Гангутъ“. На память о нѣсколькихъ часахъ, проведенныхъ почтеннымъ нѣмецкимъ ученымъ на русскомъ броненосцѣ, и снята была воспроизведенная у насъ на стр. 1118 группа, на которой изображены Рудольфъ Вирховъ и его спутники въ кругу офицеровъ броненосца, а на этой страницѣ мы даемъ снимокъ и самого броненосца.

Эскадренный броненосецъ „Гангутъ“ получилъ свое имя въ память первой морской победы русскаго флота, 27 іюня 1714 г., при мѣстности Гангэ-Уддъ въ Финляндіи.

Незабвенное и дорогое имя этой победы носить уже третій корабль: первый—окончилъ свое существованіе еще при Петрѣ Великомъ, второй же вписалъ одну изъ блестящихъ страницъ

въ исторію нашего флота, участвуя 8 октября 1827 г. подъ командой капитана Гранга Авинова въ Паваринскомъ сраженіи, гдѣ потерялъ наиболее серьезные поврежденія послѣ адмиральскаго корабля „Азовъ“.—Нынѣшній „Гангутъ“, славный преемникъ Паваринскаго героя, получилъ отъ него кромѣ имени еще и историческій образъ Божіей Матери, подіятый изъ воды на корабль въ самый разгаръ Паваринской битвы.

Къ постройкѣ „Гангута“ приступлено 20 октября 1888 года; заложень онъ—20 мая 1889 года; спущень на воду—6 октября 1890 года. Строитель—старшій судостроитель Иванъ Евгеньевичъ Леонтьевъ. Строился броненосецъ въ Новомъ Адмиралтействѣ въ С.-Петербургѣ. Длина между персидскими мѣрами 278 футовъ. Наибольшая ширина 62 ф. Полное углубленіе: кормой 24 ф., носомъ 22 фута. Полное водонѣмненіе около 7000 тоннъ. До спуска употреблено на корпусъ стали 163,200 пуд.

Боевое электрическое освѣщеніе производится двумя проекторами Манжена—въ 75 свѣтъ-каждый; одинъ изъ нихъ установленъ на марсѣ, другой—на полудѣлѣ, причемъ управлять обоими можно изъ боевой рубки особыми приборами. По всѣмъ налубамъ, каютамъ, крѣпкѣ-камерамъ проведена сеть электрическихъ лампочекъ накаливанія, источникъ же свѣта заключается въ 4-хъ динамо-машинкахъ и 120 вторичныхъ элементахъ.

„Гангутъ“ имѣетъ между 20 и 69 шпангоутомъ двойное дно и двойной бортъ, при чемъ междудноное пространство разделено на 13, а междубортовое—на 8 водонепроницаемыхъ отдѣленій. Кромѣ того, броненосецъ водонепроницаемыми переборками дѣлится на 12 отдѣленій, сообщающихся одно съ другимъ также водонепроницаемыми дверьми.

Машины построены на Балтійскомъ заводѣ въ 1891 году. Главныхъ машинъ 2, по 3000 индикаторныхъ силъ каждая. Скорость—14 узловъ.

На броненосцѣ имѣется вспомогательный котель для электрическаго освѣщенія, опрѣсненія воды и т. д.

Всѣ котлы питаются прѣсной водой посредствомъ двухъ помпъ Вира. Запасъ угля—427 тоннъ.

Театр Литературно-Артистического Кружка. „Граф де-Ризооръ“, драма Сарду. Сцена въ брюссельской ратушѣ (актъ III).
Ориг. рис. В. Андреева, автотипія „Нивы“.

Инородческія школы. (Рис. на стр. 1118 и 1119.)

Инородцами, въ обширномъ смыслѣ слова, называются всѣ русскіе подданные не славянскаго племени; въ болѣе же тѣсномъ смыслѣ, наше законодательство подъ именемъ *инородцевъ* подразумеваетъ нѣкоторые племена преимущественно монгольскаго, тюркскаго и финскаго происхожденія. Дѣйствующіе законы относятся различно къ разнымъ инородческимъ племенамъ, въ общемъ же, воздѣйствіе государственной власти на ихъ бытъ ограничивается надзоромъ за ихъ самоуправленіемъ, гдѣ таковое имѣется, подчиненіемъ ихъ русскому уголовному суду за тяжкія преступленія, охраненіемъ ихъ отъ хищнической эксплуатаціи неблагонадежныхъ элементовъ кореннаго населенія и кое-какими льготами и покровительствомъ ихъ промысламъ. Всего этого однако слишкомъ недостаточно, и это воздѣйствіе почти не касается внутреннихъ сторонъ инородческаго быта. Экономическая безпомощность и нравственная одичаніе, если и не прогрессируютъ, то, во всякомъ случаѣ, идутъ крайне медленно на убыль, и единственнымъ могущественнымъ и просвѣтительнымъ орудіемъ въ цивилизаторской миссіи государства могло бы быть правильно и широко поставленное народное образованіе инородческихъ массъ—хотя бы путемъ обширной сѣти первоначальныхъ низшихъ школъ. Въ настоящей статьѣ мы и коснемся этого тѣсна школы въ вятской губерніи, населенной, какъ извѣстно, множествомъ инородческихъ племенъ, между которыми вотяки, крещеные татары и черемисы занимаютъ видное мѣсто. Самыми древними обитателями вятской губерніи считаются инородцы финскаго племени пермской группы—вотяки. Въ настоящее время ихъ въ губерніи насчитывается около 350 тысячъ.

У вотяковъ до сихъ поръ осталось много старыхъ обычаевъ, которыхъ они крѣпко придерживаются, въ особенности же язычества, несмотря на то, что уже болѣе пятидесяти лѣтъ числятся православными. Серьезныя же попытки обращенія вотяковъ въ христіанство относятся къ срединѣ XVIII вѣка; однако, несмотря на всѣ льготы, которыя были предоставлены крещенымъ, вотяки упорно держались язычества и вмѣстѣ съ татарами, чувашами и черемисами—дѣтей своихъ не крестили, умершихъ въ церковь не носили и невѣсты вѣчали по татарскому обычаю. До сихъ поръ въ вятскихъ дѣсахъ сохраняются особая урочища, куда отъ времени до времени сбиваются вотяки для языческихъ жертвоприношеній. Такое урочище называется „кереметь“. Здѣсь, подъ развѣсистой елкой, приносятся въ жертву языческимъ божествамъ гуси, куры и бараны. Жрецъ, по-вотяцки—„бодзимъ-босисъ“, рѣжетъ эту живность, читая особыя молитвы и призывая милость боговъ на головы молящихся. Незначительная часть вотяковъ до сего времени формально числится язычниками. Существуетъ среди русскихъ крестьянъ суевѣрная молва, что нрѣдка въ жертву приносятся и люди.

Тромкое мурманское дѣло, взволновавшее все русское общество, извѣстно, конечно, и нашимъ читателямъ. Оно вызвало огромное количество газетныхъ и журнальныхъ статей, въ ряду которыхъ особенно большое впечатлѣніе произвела статья В. Г. Короленко и цѣлый рядъ докладовъ въ ученыхъ обществахъ. Два раза судъ присяжныхъ выносилъ обвиненіе, и оба раза сенатъ кассировалъ обвинительные приговоры, причѣмъ обер-прокуроръ сената А. Ф. Кони въ своей рѣчи назвалъ это дѣло „дѣломъ огромной важности, вмѣющимъ не только юридическій, но и бытовое интересъ“. При разбирательствѣ дѣла въ третій разъ, защитѣ, въ лицѣ гг. Карабчевскаго и Дрягина и выступившаго защитникомъ по этому дѣлу В. Г. Короленко, удалось наконецъ добиться оправданія всѣхъ обвиняемыхъ вотяковъ.

Изъ какихъ бы источниковъ ни появилась на свѣтъ легенда о вотяцкомъ каннибализмѣ, несомнѣнно одно, что та тѣма, во власти которой находится вотяки, создаетъ удобную и, пожалуй, правдоподобную почву для возникновенія такихъ легендъ. Вотъ почему просвѣдательная миссія государства и общества не только желательна въ этой темной средѣ, но прямо—воиную необходима. Между тѣмъ, нельзя не сознаться, что въ этомъ отношеніи до сихъ поръ было крайне мало сдѣлано по инициативѣ какъ властей, такъ и представителей культурныхъ классовъ нашего провинціального общества.

За послѣдніе годы, впрочемъ, во многихъ вотяцкихъ селеніяхъ какъ земствомъ, такъ и мѣстнымъ духовенствомъ учреждены сельскія и церковно-приходскія школы съ цѣлью нѣсколько разсвѣтить мракъ, окутывающій духовную жизнь вотяка. Хотя дѣти вотяковъ сравнительно охотно идутъ и въ русскія школы, но поступающія туда не безъ труда проходятъ установленный курсъ, вслѣдствіе плохого знанія русскаго языка, и поэтому вновь открываемыя школы снабжаются учителями уже изъ природныхъ вотяковъ, съ правомъ преподаванія на родномъ нарѣчій. На помѣщенномъ въ этомъ номерѣ (стр. 1119) рисункѣ изображена группа учениковъ и ученицъ такой школы съ священниками-руководителями во главѣ и съ двумя учителями и одной учительницей—одѣтой въ вотяцкій костюмъ—изъ природныхъ вотяковъ. Послѣдніе получаютъ педагогическую подготовку или въ казанской инородческой учительской семинаріи, или въ одной изъ такъ-называемыхъ

„центральныхъ“ школъ съ нѣскольکو болѣе обширнымъ курсомъ учебныхъ предметовъ, нежели церковно-приходская школа. Изображенная на фотографіи учительница, дѣвушка 17 лѣтъ, изъ бѣдной крестьянской семьи, самоучкой обучилась грамотѣ и чтенію по-русски, затѣмъ на средства добрыхъ людей прошла курсъ центральной школы и теперь второй уже годъ преподаетъ въ одной деревнѣ Циньинской волости.

Такия же школы существуютъ и для другихъ инородцевъ края—напримѣръ, для дѣтей крещеныхъ татаръ. Извѣстно, что послѣ завоеванія въ 1552 г. Казанскаго царства, царь Иванъ Грозный выселилъ часть татаръ въ предѣлы нынѣшней вятской губерніи, гдѣ они, тѣсно соприкасаясь съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, а также съ инородцами—вотяками и черемисами, давно уже принявшими христіанство,—быстро оставили мусульманскую вѣру и въ концѣ XVI вѣка были уже обращены казанскими епископами Гуріемъ и Варсонофіемъ въ православіе. Но, сохранивъ нѣкоторыя бытовыя особенности, языкъ и отчасти костюмъ своихъ предковъ, крещеные татары до сихъ поръ рѣдко отличаются отъ коренного русскаго населенія. Случаи смѣшанныхъ русско-татарскихъ браковъ крайне рѣдки, вслѣдствіе чего и типъ татарскихъ лицъ сохраняется прежній, напоминающій о монгольскомъ ихъ происхожденіи. Селенія крещеныхъ татаръ причислены къ русскимъ приходамъ и въ большинствѣ этихъ селъ въ настоящее время учреждены церковно-приходскія школы, въ которыхъ дѣтей обоего пола обучаютъ закону Божію, русскому и церковно-славянскому языкамъ, арифметикѣ и письму. Такъ какъ преподаваніе ведется тоже на родномъ—татарскомъ—языкѣ, то учителями исключительно служатъ татары, получившіе педагогическую подготовку въ той же инородческой учительской семинаріи, учрежденной для этой цѣли въ Казани, въ которой получаютъ педагогическую подготовку и учителя-вотяки. Руководителями и законоучителями татарскихъ школъ состоятъ мѣстные священники. На нашемъ рисункѣ (стр. 1118) изображена группа учениковъ и ученицъ татарской школы, съ ихъ руководителями. Учебники, по которымъ ведется преподаваніе, переведены на татарскій языкъ, равно какъ и богослужебныя книги. Сформированный изъ школьниковъ церковный хоръ, недостаточно знакомый еще съ церковно-славянскимъ языкомъ, поетъ въ православномъ храмѣ большую часть по-татарски, что приводитъ на молящихся замѣчательно оригинальное и въ то же время трогательное впечатлѣніе. Иногда съ амвона раздается и проповѣдь на томъ же татарскомъ языкѣ, такъ какъ среди мѣстнаго духовенства есть природные татары, которые въ исключительныхъ случаяхъ даже всю службу отправляютъ на родномъ имъ языкѣ.

Крещеные татары занимаются исключительно земледѣліемъ; они трудолюбивы и трезвы. Семейныя начала до сихъ поръ стоятъ у нихъ на самыхъ патриархальныхъ основаніяхъ; нрѣдко можно встрѣтить живущую вмѣстѣ семью въ 20 и болѣе человѣкъ, состоящую изъ стараго дѣда съ огромнымъ потомствомъ. Татары очень способны къ ученю. Въ деревнѣ Дургѣ, маманьскаго уѣзда, гдѣ церковно-приходская школа существуетъ съ 70-хъ годовъ, почти нѣтъ ни одного молодого татарина, не знающаго русскаго языка или вообще неграмотнаго.

Что касается черемисъ, то они представляютъ одну изъ самыхъ жалкихъ народностей въ имперіи. За рѣдкими исключеніями, низкая степенъ умственного развитія, отсутствіе энергіи и умѣнья приспособиться къ измѣняющимся экономическимъ условіямъ жизни, замкнутость и робость въ сношеніяхъ съ вѣншимъ міромъ, пенальщная слабость къ водкѣ и негигіеничность жилищной обстановки,—всѣ эти причины едва ли приведутъ черемисъ къ чему-нибудь другому, кромѣ медленнаго вымиранія. Черемисы были когда-то сильны и самостоятельны; они владѣли лѣвымъ берегомъ Волги со всѣми ея сѣверными притоками; они привольно жили въ дѣсахъ, промышляя охотою и рыбною ловлею. Движеніе новгородскихъ выходцевъ на востокъ вмѣстѣ съ образованіемъ на развалинахъ Буларинъ поаго, сильнаго мусульманскаго царства заставило черемисъ уйти съ Волги въ глубь лѣсовъ, на сѣверъ. Но и здѣсь они не долго наслаждались спокойствіемъ. Началось заселеніе района теперешнихъ казанской, костромской и вятской губерній, лѣса начали рѣдѣть, и черемисы должны были поневолѣ обратиться къ земледѣлію, къ которому они однако и до сихъ поръ болѣе, чѣмъ равнодушны. Въ настоящее время ихъ осталось въ вятской губерніи немного болѣе ста тысячъ человѣкъ. Большинство изъ нихъ живетъ бѣдно и въ высшей степени периящимъ. Черемисы вообще небольшого роста, худощавы, блѣднолицы, слабаго сложенія и болѣзненнаго вида. Они охотно придерживаются языческихъ обрядовъ, хотя формально числятся православными; русскаго языка почти не знаютъ; къ обученію мало способны, такъ-что во всей губерніи, кажется, нѣтъ и не было ни одного черемиса, продолжавшаго образованіе далѣе уѣзднаго училища, да и съ образованіемъ уѣзднаго училища ихъ можно перечесть по пальцамъ, тогда какъ вотяки, татарскія и другія инородческія фамиліи встрѣчаются нрѣдко среди мѣстной интеллигенціи. Отсутствіе учителей изъ природныхъ черемисъ весьма затрудняетъ распространеніе среди нихъ образованія. Тѣмъ не менѣе и у нихъ уже завелись церковно-приходскія школы (рис. на стр. 1119). Дѣти,

учащіяся въ нихъ, одѣты въ характерныя черемисскіе костюмы, состоящіе изъ всего бѣлаго (холщеваго), вышитыя довольно искусно красной и черной бумагой. Учащіяся въ этихъ школахъ значительно меньше, чѣмъ въ школахъ татарскихъ и вогуличихъ.

Конечно, такія церковно-приходскія школы находятъ не въ каждой деревнѣ, но если бы онѣ даже появились и въ каждомъ населенномъ инородцами мѣстечкѣ, то это было бы лишь первой ступенью къ дальнѣйшему культурному преуспѣванію инородческихъ племенъ. Нужно много терпѣнія, энергіи, силы воли и, въ особенности, любви къ этимъ бѣднымъ, обездоленнымъ народностямъ Россіи, со стороны лицъ поставленныхъ блюсти духовныя и нравственныя интересы „малыхъ сихъ“. Одного формальнаго и холоднаго отношенія совершенно недостаточно, во-первыхъ, потому, что формализмъ вообще ни къ чему доброму еще не приводилъ въ этомъ дѣлѣ, а только породилъ поговорку — „вогякъ бѣжить отъ русскаго — какъ мышъ отъ кошки“, — и въ этой поговоркѣ, право, не мало обиднаго и горькаго для русскаго самолюбія, — а во-вторыхъ, потому что никакія формальныя приказанія не могутъ искоренить у вогулка убѣжденія, что „долго жить на одномъ мѣстѣ несчастливо — мрутъ дѣтки и скотина“. И все-таки, несмотря на эти колючеыя истинки и на близкое отношеніе къ русскимъ, инородцы — тамъ гдѣ его удается приручить — быстро усваиваютъ русскую рѣчь и обычаи; стоитъ появиться двумъ-тремъ русскимъ дворянъ въ вогуличью селенію, напримеръ, и оно черезъ десять-двадцать лѣтъ очень замѣтно принимаетъ русскую фizioномію: жители говорятъ и одѣваются по-русски. Г. Матвѣевъ — знатокъ инородческаго быта, удостовѣряетъ, что вогулки быстро русифицируются подъ этимъ напоромъ русской колонизаціи, что, несмотря на ихъ природную вялость, они ловкие и смѣтливые охотники, и что слабость ихъ физическаго развитія не можетъ считаться признакомъ физическаго вырожденія, такъ какъ общій годовій приростъ населенія значительно превышаетъ смертность. Этотъ приростъ былъ бы еще больше, если бы просвѣщеніе коснулось ихъ и научило бы хоть самымъ элементарнымъ понятіямъ о гигиенѣ. Слѣдуетъ горько желать, чтобы въ каждомъ инородческомъ селеніи организовалось по одной первоначальной школѣ, въ родѣ описанныхъ и изображенныхъ въ настоящемъ номерѣ *Нивы*. Тогда только государственное воздѣйствіе на инородцевъ будетъ полно, и просвѣтительно-культурная миссія Россіи будетъ доведена до желательнаго и вполне естественнаго конца.

„Графъ де-Ризооръ“ — драма Сарду.

(Рис. на стр. 1123.)

23 сентября на сценѣ театра Литературно-Артистическаго Кружка дана была драма извѣстнаго французскаго драматурга Сарду „Графъ де-Ризооръ“ въ переводѣ Арбенкина, никогда еще на русскомъ языкѣ не игранная. Въ подлинникѣ эта драма называется „Patrie!“ и была представлена впервые въ Парижѣ лѣтъ двадцать семь тому назадъ. Долгое время она находилась у насъ подъ цензурнымъ запрещеніемъ, хотя нѣсколько представлений ея на французскомъ языкѣ было дано на сценѣ Михайловскаго театра въ 1881 г. Въ 1892 г. цензура, наконецъ, разрѣшила переводъ драмы, но съ перемѣною заглавія „Отчизны“ на „Графа де-Ризоора“. Разрѣшеніе было дано спеціально для московской Императорской сцены, и тамъ пьеса имѣла громадный успѣхъ, особенно благодаря эффектной игрѣ г-жи Ермоловой. Литературно-Артистическій Кружокъ выхлопоталъ позволеніе поставить пьесу у себя, и здѣсь она имѣла такой же успѣхъ, какъ и вездѣ въ Европѣ.

Драма эта принадлежитъ къ числу гораздо болѣе сценическихъ, чѣмъ литературныхъ произведеній. Написанная глубокимъ знатокомъ сцены, она изобилуетъ тѣми эффектами, которые, нарастая, связываютъ и захватываютъ интригу, держа все время зрителя въ напряженномъ состояніи.

Время дѣйствія, взятое авторомъ для его пьесы, происходитъ въ Брюсселѣ въ ту эпоху, когда испанцы захватили Нидерланды и владычествовали тамъ, какъ полные хозяева. Филиппъ II послалъ отборныхъ солдатъ, изощренныхъ въ грабежѣ и насиліихъ, подъ предводительствомъ герцога Альбы, въ несчастную Фландрію. Альба отяготилъ страну налогами, повергъ ее въ ужасъ пытками и цѣлымъ рядомъ казней, и въ концѣ концовъ довелъ фламандцевъ до заговора лично противъ себя. Сарду останавливается на томъ моментѣ, когда заговоръ уже созрѣлъ и представители Брюсселя соединились, скрѣпивъ свой договоръ клятвой, чтобы захватить ночью герцога во дворцѣ испанскаго намѣстничества. Заговоръ этотъ не удается, благодаря предательству женщины: жена графа де-Ризоора — Долоресъ, испанка по происхожденію, открываетъ герцогу весь заговоръ, желая отомстить мужу и въ то же время спасти своего возлюбленнаго Карлоо ванъ-дёр-Ноогъ. Но, губя мужа, она невольно губитъ и Карлоо, потому что онъ тоже участвуетъ въ заговорѣ, какъ и графъ. Графъ умираетъ, самъ себя закалывая кинжаломъ предъ входомъ въ застѣнокъ, куда его ведутъ на пытку. Карлоо, покаявшійся рыскается лицо, предавшее ихъ, и убить его, убиваетъ Долоресъ, и самъ гибнетъ на кострѣ вмѣстѣ съ другими заговорщиками, которыхъ сжигаютъ, какъ еретиковъ.

По этой эффектной канвѣ и вышиты Сарду тѣ узоры, которые, съ одной стороны, поражаютъ грубостью и наивной аляповатостью приподнятаго текста, а съ другой — являются блестящимъ матеріаломъ для постановки, благодаря костюмамъ и декорациямъ одной изъ самыхъ живописныхъ эпохъ.

Дирекція Кружка задалась дѣлою дать, по возможности, вѣрный, общій фонъ пьесѣ и въ общихъ пятнахъ и грунгахъ подойти къ картинамъ фламандской и голландской школы живописи, перенеся на сцену жанры братьевъ Тенинсовъ и тины Рембрандта и ванъ-Дейка. Собственно говоря, въ такихъ пьесахъ, какъ „Графъ де-Ризооръ“, правильная постановка фона, — это половина успѣха. Если откинуть красивыя декорации и вѣрные костюмы, останется фейерверкъ трескучихъ фразъ и рядъ эффектныхъ, но шаблонныхъ сценическихъ положеній. Типовъ въ драмѣ Сарду нѣтъ и слѣда, а есть только манекены съ ярлычками: злодѣя, патриота, любовника и т. д.

Исполнена пьеса была на сценѣ Кружка, тѣмъ не менѣе, удовлетворительно. Особенно выдался г. Далматовъ въ роли герцога Альбы. Обстановочная часть драмы, заслужившая единогласное одобреніе всей печати, выполнена съ такою тщательностью, что далеко оставила за собой ту же обстановку на сценахъ французскаго Михайловскаго и Малаго Императорскихъ театровъ. Большинство декораций принадлежатъ кисти молодого художника Суворова, завѣдывающаго декорационной мастерской Кружка. Особенной похвалы заслуживаютъ: ратуша въ Брюсселѣ, городская бойня тамъ же и кабинетъ герцога Альбы, завѣшанный фламандскими боевыми и украшенный огромнымъ портретомъ короля Филиппа II. Всей постановкой — декорационной, бутафорской и костюмною — руководитъ управляющій труппой Литературнаго Кружка П. П. Губидичъ, по рисункамъ котораго и ставятся пьесы.

На помѣщенномъ у насъ рисункѣ воспроизведена сцена въ ратушѣ (3-й актъ): герцогъ Альба внезапно захватываетъ заговорщиковъ въ тотъ моментъ, когда они, думая, что онъ ничего не знаетъ о заговорѣ, готовились дать сигналъ къ поголовному возстанію.

Чествованіе Нансена и его спутниковъ въ Христіаніи.

(Съ портретомъ, 3 рис. и картою.)

„Великія географическія открытія, безъ сомнѣнія, стоятъ на ряду съ величайшими побѣдами науки вообще, являясь событиями, принадлежащими, какъ по своимъ косвеннымъ выгодамъ, такъ и по прямымъ послѣдствіямъ, не исключительно какой-нибудь отдѣльной странѣ, но всему человѣчеству. Лейфъ Эриксонъ, Васко-де-Гама, Колумбъ, Кукъ, Парри, Стэвль, Норденшельдъ, Фритіофъ Нансенъ — все это побѣдоносные носители культурнаго труда, представляющаго значеніе для всего міра“. Этими словами началъ свое привѣтствіе въ честь Нансена король Швеціи и Норвегіи Оскаръ, за параднымъ обѣдомъ во дворцѣ, въ день прибытія отважнаго путешественника въ Христіанію. Въ этихъ словахъ все великое значеніе экспедиціи Нансена.

Три года жила весь міръ въ тревогѣ за участь отважныхъ тринадцати норвежцевъ, рѣшившихся пожертвовать своею жизнью ради науки, малѣйшій намекъ на вѣсть о судьбѣ этихъ тринадцати смѣльчаковъ волновалъ миллионы людей, и первая достоверная вѣсть о возвращеніи Нансена живымъ и невредимымъ заставила ликовать все человѣчество. Далекая и маленькая Норвегія и вмѣстѣ съ нею весь міръ ликovali и чествовали Нансена не только за географическія открытія, а за что-то другое, высокое, чистое, — за ту возвышающую духъ силу, которая можетъ заключать въ себѣ дѣло одного человека, какъ выразился профессоръ Брѣггеръ.

И скромная, холодная Норвегія, въ порывѣ признательности и благоговѣнія, раскрыла свое горячее мужественное сердце родному герою. Чествованіе Нансена — это былъ какой-то феерическій триумфъ, великій національный праздникъ, который повторенъ только вѣками. Давно уже смолкли громогласные клики девятикратнаго „ура“, которымъ вторилъ весь цивилизованный міръ, давно отзвучали звуки привѣтственнаго туша и многочисленныя рѣчи круивѣйшихъ ученыхъ Норвегіи, но эхо ихъ еще долго будетъ жить въ скалахъ Норвегіи и давать свой отзвукъ при каждомъ упоминаніи имени Нансена.

Мы въ свое время, при отправленіи Нансена въ дальній путь, въ спеціальной статьѣ (*Нива* 1893 г. № 30) говорили и о планѣ экспедиціи, и о суднѣ Нансена „Фрамъ“, и о немъ самомъ. Помѣщенная здѣсь, кромѣ портрета Нансена, карта его экспедиціи и обратнаго пути „Фрама“ ясно указываетъ направленіе, въ которомъ двигалось судно, и затѣмъ дальнѣйшій путь Нансена и Югансена, покинувшихъ судно, для того, чтобы достигъ цѣли на саняхъ и на лыжахъ. На протяженіи всего пути, означеннаго на картѣ жирной черной линіей, указаны разные пункты, которые постепенно проходили судно и затѣмъ Нансенъ, и рядомъ поставлены число, мѣсяцъ и годъ, указывающіе время прибытія въ каждый упомянутый пунктъ.

Подробная біографія Нансена, полный обзоръ его научной дѣятельности, описаніе плана самаго путешествія помѣщены въ недавно вышедшей книгѣ „Фритіофъ Нансенъ“, составленной проф. В. Г. Брѣггеромъ и Р. Н. Рольфсеномъ и прекрасно переведенной съ датскаго на русскій языкъ А. и П. Ганзель.

Прекрасно изданное А. Ф. Девриеном в двух томах, с многочисленными рисунками и тексты и три карты, сочинение это представляет солидную монографию о Нансене и его экспедиции.

Определение научного значения экспедиции Нансена — дело будущего. Только теперь, когда начало выходить в свет описание путешествия Нансена, сделанное им самим, можно будет установить научные результаты его экспедиции, крупное значение которых несомненно.

Чествование Нансена началось собственноручно в первом же пункте, куда он прибыл, — в Вардэ, и затем продолжалось во всех пунктах следования „Фрама“ — Тромсё, Тронхемь, Бергенъ. В Бергенѣ, между прочимъ, приветствовалъ Нансена известный русскій путешественникъ баронъ фонъ-Толь отъ имени нашей Академии Наукъ и Императорскаго Географическаго Общества, на что Нансень отвѣтилъ рѣчью, въ которой высказалъ благодарность барону фонъ-Толлю за его содѣйствіе дѣлу экспедиции и, напоминая присутствовавшимъ о трудахъ знаменитыхъ русскихъ пионеровъ-ислѣдователей арктическихъ областей, провозгласилъ тостъ за Россію.

Во мѣстѣ главнаго чествованія Нансена была столица Норвегіи — Христианія. На устройство торжественной встрѣчи Нансена и его спутниковъ въ Христианіи сторингъ ассигновалъ 32.000 кронъ (16.560 р.), король принялъ личное участіе въ этомъ національномъ торжествѣ, а королева приказала отвести помѣщенія во дворцѣ для Евы Нансенъ съ дочкой и матерью, жены главнаго помощника Нансена, Свердруна, и дѣтей прочихъ участниковъ экспедиции. Въ день встрѣчи, всѣ магазины и конторы, были закрыты, и вся набережная и прилегающія къ морю скаты были съ ранняго утра запержены по праздничному одѣтымъ народомъ.

Въ 2½ часа раздались пушечные салюты, возвѣстившіе о приходѣ „Фрама“ въ гавань. У пристани, въ специально воздвигнутомъ павильонѣ ожидали путешественниковъ извѣстный писатель, другъ Нансена, Бьёрнстёрне-Бьёрсонъ съ женою и 86-лѣтняя мать жены Нансена, г-жа Сарсъ. Сама же Ева Нансенъ съ дочерью, женою Свердруна, и прочими смотрѣла на въѣздъ своего мужа изъ оконъ дворца. Три года тому назадъ, она такъ же, только съ берега, одна, печальная, вдала отъ прочихъ провожавшихъ Нансена, безмолвно простилась съ мужемъ, махая платкомъ.

Участники экспедиции спустились съ „Фрама“ въ двѣ лодки и поплыли между двумя рядами лодокъ къ набережной, на встрѣчу радостнымъ кликамъ и приветственно развѣвающимся флагамъ и платкамъ. Въ первой лодкѣ былъ самъ Нансень съ пятью товарищами, во второй — остальные. Приветливо, съ некоторымъ смущеніемъ отвѣчая на поклонныя, входили они по ступенямъ лѣстницы въ павильонъ при звукахъ стариннаго хора „Нашъ Богъ — наша твердыня и оплотъ!“ и затѣмъ національной пѣсни „Да, мы любимъ эти скалы!“ Нансень горничко пожалъ руку Бьёрнстёрне-Бьёрсону и затѣмъ почтительно поцѣловалъ руку престарѣлой Маренъ Сарсъ. Первую

привѣтственную рѣчь произнесъ предсѣдатель городского управленія Лунде, на которую Нансень отвѣтилъ краткою благодарственною рѣчью, покрытою, по норвежскому обычаю, девятикратнымъ „ура“.

Затѣмъ были поданы экипажи, и весь кортежъ, при несомокаемыхъ кликахъ восторга, двинулся по триумфальному пути.

Такого триумфа еще не видала и никому не устраивала Норвегія.

Первыя триумфальныя ворота на пути Нансена были живыя: — составленныя изъ возвышавшихся ступенями площадокъ, они были усажены людьми — членами гимнастическихъ обществъ, мужчинами и дамами, въ бѣлыхъ одеждахъ; мужчины приветствовали своихъ сочленовъ, маханіемъ флаговъ, дамы осыпали отважныхъ путешественниковъ цвѣтами. У университета кортежъ остановился. Ректоръ университета произнесъ краткою привѣтствіе, на что Нансень отвѣтилъ благодарственною рѣчью; затѣмъ, предсѣдатель студенческаго фехтовальнаго и гимнастическаго общества надѣлъ на Нансена лавровый вѣнокъ; такими же вѣнками увѣнчаны были и всѣ его спутники.

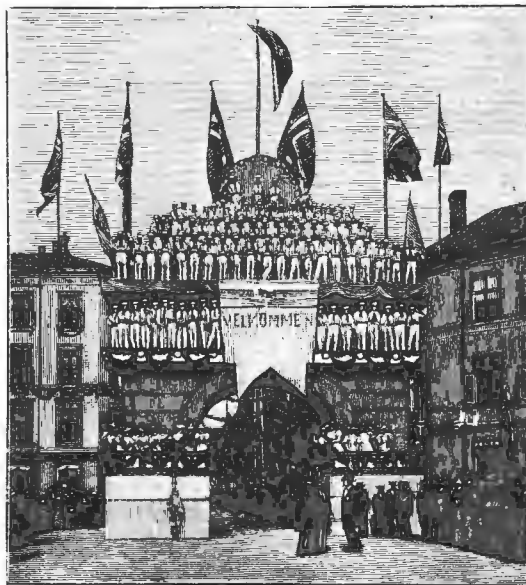
По прибытіи во дворецъ, Нансень былъ встрѣченъ королемъ, наслѣднымъ принцемъ и членами государственнаго совѣта. Король лично передалъ Нансену большой крестъ ордена св. Олафа, Свердруну — командорскій крестъ того же ордена, лейтенантамъ Гансену, Югансену и доктору Влессингу — кавалерскіе кресты, остальнымъ — специально выбитыя „Нансеновскія медали“. За параднымъ обѣдомъ король сказалъ пространную, горячую рѣчь, въ которой очертилъ заслуги Нансена и его товарищей предъ родиной и всѣмъ человечествомъ.

На другой день, въ часть дня, король съ наслѣднымъ принцемъ посѣтили „Фрама“ и пробыли на немъ около часа. За два часа передъ тѣмъ, въ честь Нансена и его спутниковъ устроили манифестацію дѣти Христианіи. Сорокъ пять школъ, in согросе, въ продолженіе полутора часовъ, дефилировали передъ героями, размахивая флагами, съ громкими возгласами: „За мужество и силу! За трудъ и побѣду! Ура!“ Въ тотъ же день былъ данъ путешественникамъ обѣдъ отъ города, затѣмъ, въ четвертый день торжество, чествовало Нансена и его товарищей географическое общество, вечеромъ состоялся парадный спектакль, по окончаніи котораго студенты устроили торжественный факельдугъ. Пятый день торжество закончился народнымъ праздникомъ на обширной площади передъ крѣпостью.

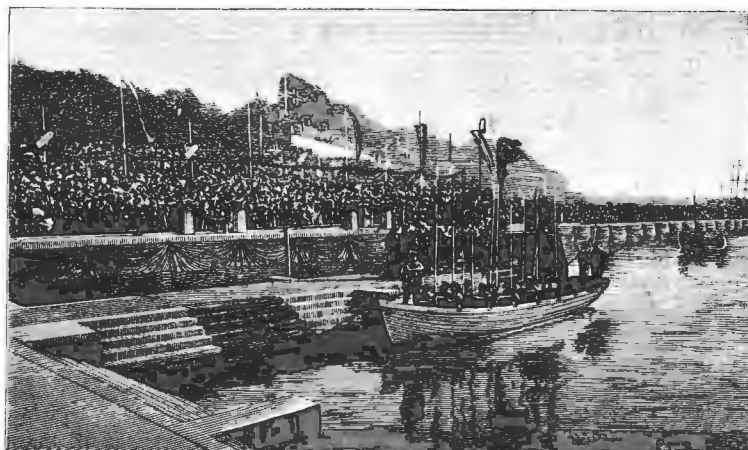
Особенный интересъ представлялъ обѣдъ, данный въ честь Нансена городомъ Христианіей, какъ по многочисленности участвовавшихъ въ немъ лицъ, такъ и по содержанію произнесенныхъ на немъ приветственныхъ рѣчей. Особенную сенсацию произвела рѣчь профессора Брѣггера, залывшаго о томъ, что, по его мысли, учрежденъ „Нансеновскій фондъ для поощренія наукъ“, и что уже собрано для этой

Фридрихъ Нансенъ.

Триумфальныя ворота, сооруженныя въ честь Нансена членами гимнастическихъ обществъ.

Пріѣздъ Нансена и его спутниковъ въ Христианію.

фондъ для поощренія наукъ“, и что уже собрано для этой цѣли 200,000 кронъ.

кую мысль объ изолированном образѣ дѣйствія какой-либо державы. Кромѣ того, державами установлено единогласно, что воздѣйствіе на султана не должно посягать на цѣлость Турціи и на положеніе, созданное договорами. Европейская дипломатія приступила къ улучшенію турецкихъ порядковъ сомыѣстно съ Турціей, для чего державы располагаютъ достаточными средствами. По убѣжденію г. Ганото, умѣренность, справедливость и заботливость Франціи съ Россіей о будущемъ отвѣтитъ взглядамъ другихъ державъ и нуждамъ Востока. Европа разъяснитъ Абдуль Гамиду источникъ дурныхъ порядковъ, отъ которыхъ страдаютъ всѣ турецкіе подданные безъ различія вѣроисповѣданій, и потребуетъ отъ султана выполнения его собственныхъ обещаній, реформъ и прекращенія насилій. Въ заключеніе своей пространной рѣчи, г. Ганото высказалъ увѣренность, что „въ палатѣ и за стѣнами ея залы засѣданій будетъ ясно понято, что Франція, вѣрная своимъ традиціямъ, желаетъ улучшенія участи восточныхъ народовъ, не забывая узъ, связывающихъ Францію съ Оттоманскою имперіей, и исполнѣ цѣли въ то же время причины, заславляющія желаніе сохраненія цѣлости Турціи“.

Послѣ одобрительныхъ отзывовъ палаты, одинъ изъ радикальныхъ вожаковъ, называя сообщенія правительства „недостаточными и старающимися отвлечь отвѣтственность за рѣзку, тогда какъ тутъ дѣйствовала султанъ въ сообществѣ съ Англіей, Россіей и Франціей“,—предложилъ палатѣ неодобрительную формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, отвергнутую, однако, громаднымъ большинствомъ голосовъ. Затѣмъ большинствомъ 402 голосовъ противъ 90 принята формула, которою палата депутатовъ одобрила сообщенія правительства.

Рѣчь г. Ганото произвела сильное впечатлѣніе и за предѣлами Франціи. Приказавъ передать содержаніе этой полити-

ческой деклараціи по телеграфу, султанъ выразилъ французскому посланнику благодарность за исполненный такта заявления г. Ганото, и общалъ безотлагательно провести реформы, которые, по свѣдѣніямъ газеты *Temps*, уже разсматриваются совѣтомъ турецкихъ министровъ.

Признавая руководящую роль Франціи въ восточныхъ дѣлахъ, австрійская и германская печать отмѣчаетъ полное одобреніе державами провозглашенной французскимъ правительствомъ программы дѣйствія. Даже британскій премьеръ въ своей рѣчи на традиціонномъ банкетѣ лорда-мэра, 28 октября, высказался, что „готовъ подписаться почти подъ всѣмъ, что высказано г. Ганото относительно дѣйствій Европы“. Далѣ маркизъ Салисбюри заявилъ, что Англія всегда сочувствовала тройственному союзу, который, какъ надѣется высокопоставленный ораторъ, и впредь будетъ дѣйствовать сообща съ Англіей. Рѣшительно протестуя противъ отзыва, будто между Англіей и Россіей существуетъ неизбѣжный и постоянный антагонизмъ, британскій премьеръ назвалъ это мнѣніе „предразсудкомъ устарѣвшей дипломатіи“, такъ какъ „Россія преслѣдуетъ тѣ же цѣли и имѣетъ тѣ же намѣренія относительно выясненія событий на Востокѣ“.

Избирательная горячка въ Соединенныхъ Штатахъ закончилась 3 ноября (нов. ст.) побѣдой республиканской партіи и ея кандидата, извѣстнаго экономиста и политическаго дѣятеля Вильяма Макъ-Кинлея. Собственно Макъ-Кинлей еще не избранъ окончательно въ президенты Соединенныхъ Штатовъ,—избраніе его состоится лишь 22 декабря н. г., но теперь уже выбраны тѣ, которые изберутъ новаго президента и значительное большинство которыхъ уже открыто высказалось за кандидатуру Макъ-Кинлея; избраніе его этимъ уже исполнѣ предрѣшено; процедура самыхъ выборовъ 22 декабря будетъ лишь одной формальностью.

Только что поступило въ продажу новое издание А. Ф. МАРКСА:
НѢМЕЦКО-РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ И ФРАНЦУЗКО-РУССКО-НѢМЕЦКОЙ ЛѢСОТЕХНИЧЕСКОЙ СЛОВАРЬ.
Составилъ В. Н. Кутузовъ, лекторъ нѣмецкаго языка въ СПб. Лѣсномъ институтѣ. Словарь имѣетъ цѣлю облегчить интересующимся лѣснымъ хозяйствомъ чтеніе специальныхъ книгъ по этому предмету на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Въ словарѣ помѣщены не только лѣсохозяйственные термины, но и наиболее часто встречающіеся термины по другимъ отраслямъ знанія, соприкасающимся съ лѣснымъ хозяйствомъ. Цѣна 60 коп., съ перс. 75 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Екатерина Великая. (По поводу столѣтія со дня ея кончины.) (Съ портретомъ).—Три дѣйствія комедіи. Повесть + В. П. Желиховской. (Продолженіе).—Горилла. Разсказъ моего пріятеля-янки. Г. Т. Назарова.—Къ рисункамъ: Лунная ночь въ Крыму (съ рис.).—Идиллія (съ рис.).—Признаніе (съ рис.).—Рудольфъ Вирховъ на знаменномъ броненосцѣ „Гангутъ“ (съ 2 рис.).—Инородческія школы (съ 3 рис.).—„Графъ де-Ризооръ“—Драма Сарду (съ рис.).—Чествованіе Нансена и его спутниковъ въ Христианіи (съ портретомъ, 3 рис. и картою).—Политическое обозрѣніе.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе
Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ ПРАВЛЕНІЕ.

Публицистическіе очерки ДЖ. СТУАРТА МИЛЛЯ.
Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго.
200 страницъ большого формата. Цѣна 60 коп. № 9638

**ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
НОВОЕ, 2-е ИЗДАНІЕ, ВЪ 12-ти ТОМАХЪ**

**ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА,**

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ пяти портретовъ Н. С. Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравированныхъ на стали у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

Первое изданіе сочиненій Лѣскова печаталось въ теченіе 1889—1890 гг. и состояло только изъ десяти томовъ. Въ 1893 г. вышелъ въ свѣтъ XI дополнительный томъ, а въ текущемъ 1896 г. А. Ф. Марксомъ изданы остальные произведенія Лѣскова въ новомъ XII-мъ томѣ, редактированномъ и приготовленномъ къ печати самимъ авторомъ. Первое изданіе соч. Лѣскова, стоившее 26 р., быстро разошлось, и въ послѣднее время, когда первые десять томовъ стали библиографическою рѣдкостью, оно продавалось по цѣнѣ отъ 40 до 50 рублей.

Купивъ у наследниковъ право собственности на всѣ сочиненія покойнаго Н. С. Лѣскова, А. Ф. Марксъ, согласно поставленной имъ себѣ за цѣль — сдѣлать сочиненія русскихъ писателей доступными для возможнаго большаго круга читателей, рѣшилъ выпустить новое изданіе полнаго собранія сочиненій Лѣскова, нисколько не уступающее первому изданію ни по качеству бумаги, ни по шрифту и проч., но по возможно дешевой цѣнѣ—15 руб. вмѣсто прежнихъ 26 руб.

Считая излишнимъ вдаваться здѣсь подробно въ указанія и перечисленія достоинствъ такого первостепеннаго и извѣстнаго писателя, какъ Н. С. Лѣсковъ, ограничился лишь слѣдующей выдержкой изъ статьи одного изъ нашихъ наиболее добросовѣстныхъ литературныхъ критиковъ, г. Бенгеровъ, слѣдующимъ образомъ характеризующаго Лѣскова: „Подходя къ некоторымъ сторонамъ своего таланта къ Островскому, Лисескому и Достоевскому, онъ ни одному изъ этихъ великихъ мастеровъ русскаго слова не уступаетъ по чисто-художественнымъ силамъ... Ни у одного русскаго писателя нѣтъ такого неисчерпаемаго богатства фабулы... Въ тѣсной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической манеры Лѣскова... Наконецъ, не много знаетъ Лѣсковъ соперниковъ въ литературѣ по колоритности и оригинальности своего языка“.

Второе изданіе состоитъ изъ двѣнадцати объемистыхъ томовъ, въ которые вошли всѣ сочиненія Н. С. Лѣскова, помѣщенные какъ въ первыхъ десяти томахъ перваго изданія, такъ и въ двухъ дополнительныхъ XI и XII томахъ, и такимъ образомъ оно является первымъ по полнотѣ собраніемъ соч. Н. С. Лѣскова. Изданіе отпечатано очень изящно, на хорошей бумагѣ, красивымъ, четкимъ шрифтомъ.

Цѣна полному собранію соч. Н. С. Лѣскова въ 12 томахъ 15 р., съ пересылкою 17 р., а въ 12 роскош. коленкоров. перепл., тисненыхъ золотомъ и краскою,—20 р., съ пересылкою 23 р. Цѣна каждому тому отдѣльно, безъ переплета, 2 р., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Съ требованіями обращаться въ Контору изданій А. Ф. МАРКСА, СПб., Мал. Морская, № 22.

Teichner's Fettwunder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Цѣна коробки 1 рубль. Пудра для дѣл и вечера, незамѣтна на кожѣ. Косметическое средство для улучшенія красоты кожи.
Театральная гримировка. Жирная румяна и бѣлая. Карандаши для бровей. Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ белгійскихъ императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: В. Аурихъ, Колокольная, 18—19, С.-Петербургъ.
В. № 9646 15—1

ЧУДНЫЙ ПОДАРОКЪ КЪ РОЖДЕСТВУ!
(см. рис.)

НОРМАЛЬНЫЯ ЗИМНЯЯ ШАПКИ
Д-ра Нансена

съ откидн. козырькомъ, зашит. глаза отъ соли, лучшей и блеска слѣга, съ откидными наушниками и затылочникомъ, зашит. уши и шею отъ холода. Защищаютъ мѣхов. воротникъ, шарфъ и башмакъ, лишь затрудн. въ движ. При заказ. сообщ. округн. 1-го лова. Цѣна 2 р. 50 к.—5 р. Высок. налож. платекъ, при задаткѣ 1/2. Получены самоѣдн. рукавицы двойн. оден. мѣхъ, цѣна 2—3 р. за пару. Специальн. складъ бѣгов., парусн. и охотн. мѣхъ Н. Кошетса. Контора: С.-Петербургъ, Ждановская ул. 17/19, кн. 3. Наставл. и пр.-кур. бесплатно. Ц. № 9654

Знаменитое бѣлье
Королевско-Саксонск. и Королевско-Румынск. Придворн. Поставщикомъ

МЕЙ И ЭДЛИХЪ,
Лейпцигъ - Плагвицъ.

изящно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнянаго бѣлья. Штука-только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со старкой несприятностей. Послѣ употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при увеличенномъ потѣянн. Необходимо для военныхъ, путешественныхъ и холостяковъ. Нижесименованные представители сообщать, по желанію, гдѣ оно продается.

Танфани и Штейдель, Москва. Карлъ Шиммель, С.-Петербургъ, Садовая 18. Максъ Тиббениъ, Рига. Фабианъ Клингеландъ, Варшава. Оттонъ Вундеръ, Харьковъ.

„ОТГОЛОСКИ“
ежедн. полит., литер. и обществ. газета.
Цена на годъ съ пер. три руб. Адресъ:
С.-Петербургъ, 6-я Рождественская, д. 10.
(Подр. объявл. см. „Нива“ № 42).
Редакторъ-издатель И. В. Свирицовъ.

КАРАМЕЛЬ
изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
В. Семадени въ Кіевѣ.
Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка
15 коп.
Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕН-
ЦЕЛЯ. С.-Петербургъ, Гороховая ул., 83.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекар-
скихъ магазинахъ Россіи. 12-2

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро
рѣ выучиваю въ 6 уроковъ
зачино. Методъ удостоенъ золотой медали
и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ
7 коп. марья выслать условія и пробное
письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф.
квал. Э. Ковндарисъ. № 9436 10-7

БЕЗПЛАТНО.
Лицамъ, интересующимся объявляе-
емъ С. Берновича въ Одессѣ, вы-
слать брошюру въ 31 стр.:

„КОЕ-ЧТО“
изъ исторіи одного искусства
БЕЗПЛАТНО.
Адресъ: Одесса, Гаванная ул., д.
И. А. Бродскаго, № 6/23, рядомъ съ
городскимъ садомъ, кв. 2/8, въ боль-
этажѣ, профессоръ мимоники, членъ
Парижской Академіи
С. Файнштейнъ.

Главное депо часовъ Э. БУРХАРДЪ, СПБ.
Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
Часы никель отъ 6 р. 50 до 15 р.
Стальн. черн. отъ 11 до 25 р.
„ серебр. отъ 12 до 50 р.
„ золотые отъ 25 до 500 р.
регуляторы двухмѣсячнаго
завода отъ 17 до 55 р.
Высылаю наложен. платежемъ иллюстр.
прейсъ-курранты бесплатно.

ЛУЧШЕ ПОДАРОКЪ
для дѣтей и взрослыхъ.
Только что получены изъ за грани-
цы **ВСЕВОЗМОЖНЫЯ КОЛЛЕКЦІИ**
новѣйшихъ, забавнѣйшихъ и инте-
реснѣйшихъ **ФОНУСОВЪ И ЗАБАВЪ**,
могущихъ занять дѣтей, взрослыхъ и
цѣлыя общества. Коллекціи съ подроб-
ными объясненіями въ 2 р., 3 р.,
4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р. и
15 руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ
новыхъ изобрѣтеній, Большая Мор-
ская, 33. Въ виду громаднаго числа
уже поступившихъ заказовъ, просимъ
гг. заказчиковъ выписывать забла-
говременно. Заказы исполняются скоро
и аккуратно по полученіи стоимости
или 1/2 задатка.

ТРЕБУЙТЕ
для снятія
НОЖИЦА ИРУКЪ
и отъ ЗАГАРА
КРЕМЪ ОРИЗА
пр. В.ШМОЛЬ
цѣна 20 коп. ПРОДАМА БЕЗДЪ.
О.СКЛ.У ПР.ШМОЛЬ М-ВА КРАСН.ВОР.С.Д.

ПАВЕЛЬ БУРЕ В. № 9515
12-4
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Москва, по Б. Дублянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ♦
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-куррантъ высыл. по требован. бесплатно.

Склады фотографическихъ принадлежностей
Ф. ЮХИМЪ и К^о.
С.-Петербургъ. Москва.
Невскій пр., № 3. Театральн. проездъ. 24-24
Громадный выборъ всевозможныхъ аппаратовъ для фотографовъ
специалистовъ и любителей, а также для научныхъ цѣлей.
Прейсъ-куррантъ изданія 1896 г., состоящій изъ 424 стран. въ 80
листа, съ 710 рисунками въ текстѣ, вышелъ изъ печати и высыл-
ается по требованію за 50 коп. почтовыми марками.
== **ВСѢ НОВОСТИ ПО ФОТОГРАФИИ.** ==

Бильць. ГИГИЕНИЧЕСК. ЛѢЧЕБНИЦА.
Санаторія Дрезденъ-Радебиль (Герм.).
2 врача. Особенно приспособлена для осени, и зимняго лѣ-
ченія. Одна изъ самыхъ большихъ и прекрасн. гигиенич. лѣче-
бницъ Германіи. Лѣчение болѣзней женск., нервн., желудочн.,
грудн., наложн., полов. орган., астмы, ревмат., ожирѣн., малокр.
и т. п. Подр. объявленія—бесплатно. Владѣлецъ лѣч.—Ф. Е.
Бильць, авторъ премиров. соч.: «*Бильць. Гигиеническ. лѣченіе*».

ДЛЯ ТАНЦЕВЪ! реком. въ большомъ
выборѣ и по умѣр.
цѣнамъ всевозможн.
механическіе инструменты:
дѣтскіе АРИСТОНЪ 6 р., ИНТОНА 10 р., ДОЛЬЩИНА
10 р., СЕРАФИОНЪ 14 р., АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ 18 р., ГЕРО-
ФОНЪ 25 р., НАЛЛИСТОНЪ 40 р., МАНОЛАНЪ 55 р.,
ПИАНО-МЕЛОДИНО 70, 75 и 90 р., самоиграющіе съ мото-
ромъ 225 р., ОРГАНЫ съ деревянными флейтами, само-
играюще, 225 руб.
МЕХАНИЧ. ПИАНО на которомъ можно
играть руками и посред-
ствомъ верченія ручки, 550, 600, 650, 700 руб.
СИМФОНІОНЫ съ ручкой 5 руб., самоиграющіе
въ 10, 20, 28, 40, 70 и 100 руб.
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ. И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
Москва, Петровка, домъ Волкова.
МОСКВА. ПЕТРОВКА. ♦ Иллюстрированный прейсъ-куррантъ бесплатно. ♦

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
и депо подлинныхъ
ФОНОГРАФОВЪ ЭДИСОНА
Москва, Тверская, д. Толмачева.
ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ:
= Электрическихъ, рессорныхъ и ручныхъ фонографовъ, цѣною отъ 200 до 550 р.
съ принадлежностями.
= Кинетогр. для проектированія на экранѣ движущихся фотографическихъ сценъ
въ натуральную величину отъ 2000 до 3000 руб.
= Кинетоскоповъ и театроскоповъ (оживленная фотография) въ маломъ видѣ 500 руб.
= Приборъ для демонстраціи фотографіи невидимыхъ предметовъ 750 руб.
= Тысячи фонограммъ пѣня известныхъ артистовъ, комическихъ куплетовъ, раз-
сказовъ и оркестровыхъ пьесъ.
= Только нашъ магазинъ: Всегда имѣетъ большой выборъ запасныхъ частей, высл-
аемыхъ по телеграфному запросу, П. № 9595 5-3
= Собственную мастерскую съ иностранными мастерами,
= Выдаетъ дѣйствительную гарантію въ исправности проданныхъ машинъ,
= Основательно и бесплатно обучаетъ обращенію съ фонографомъ.
Москва, Тверская, домъ Толмачева, Депо фонографовъ.

ПОКУПАЙТЕ ТОЛЬКО
ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ И
ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ
освѣжаютъ ротъ и предохраняютъ зубы. 5-1
СПБ. ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
Главные склады: СПБ., Площадь Александр. театра, 9.—МОСКВА, Николь-
ская, д. Шереметева.—ВАРШАВА, Новый Свѣтъ, 37. ПРОДАЮТСЯ БЕЗДЪ.

НАСТОЛЬНЫЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ
ОКОНЧЕНЪ.
Изд. Т-ва А. ГРАНАТЬ и К^о. Цѣль изданія — въ скатомъ изложеніи дать точныя и
обстоятельныя свѣдѣнія по каждому предмету знанія, ознакомить съ основными выво-
дами всѣхъ наукъ и болѣе важнымъ вопросамъ жизни и тѣмъ содѣйствовать самообра-
зованію и болѣе разностороннему развитію. Въ изданіи принимали участіе: проф. Д. Н.
Анучинъ, проф. П. Г. Виноградовъ, прив.-доц. П. И. Вознесенскій, М. Я. Герден-
штейнъ, В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, прив.-доц. И. Я. Гурляндъ, Г. А. Джанинъ,
Я. П. Колаубовскій, проф. В. Ф. Левицкій, д-ръ М. Е. Ливъ, прив.-доц. И. Л.
Лосъ, проф. И. В. Лучицкій, П. Н. Миллюковъ, С. А. Муромцевъ, В. А. Микозякъ,
проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечаевъ, В. П. Острогорскій, проф. Э. Ю. Петри,
А. С. Пругавинъ, проф. Э. Л. Радловъ, А. С. Размадзе, прив.-доц. А. Р. Свирицескій,
прив.-доц. В. Д. Соколовъ, проф. А. С. Тауберъ, маг. М. И. Туганъ-Барановскій,
проф. Н. А. Умовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, проф. А. И.
Чупровъ, проф. В. Г. Щегольвъ и ин. др. П. № 9590 4-3
8 томовъ (бол. 11,000 столб. убористой печати), 71,890 статей въ замятокъ, 1587
портретовъ и рисунковъ, 28 географич. картъ, 150 таблицъ рисун. и статистич.
таблицъ. Цѣна 38 руб., въ переплетѣ—42 руб. За пересылку 10^{коп.}
Допускается разсрочка отъ 1 р. 20 к. въ мѣс. ПОДРОБНЫЯ ПРОСПЕКТЫ
съ отзывами печати, выдержками изъ текста и условіями разсрочки высылаются **БЕЗПЛАТНО.**

ЗАИКАНИЕ
лѣчится въ лѣчебномъ учрежденіи
И. И. Гимиллера. Москва, Земля-
ной валъ, Яковлевскій пер., д. Ду-
хашиной. П. № 9655

ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.
Условія высылаются бесплатно.

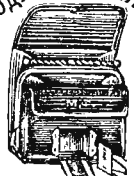
Ев. Убѣжище Гвернантокъ
принимаетъ гвернантокъ и рекомендуетъ
онихъ ежедневно, кроми вторниковъ, пос-
кресныхъ и таб. дней, отъ 2 до 5 час. С.-Пе-
тербургъ, Коно-Гвардейскій пер., 4, кв. 1.

„ЖЕНЕВА“
ФАБРИЧНЫЙ
СКИДЪ ЧАСОВЪ
въ Варшавѣ,
Брылянская, 20
высыл. иллюстр.
Прейсъ-куррантъ
БЕЗПЛАТНО.

Поступило въ продажу новое изданіе
Ф. НАВЛЕНКОВА:
ЖЕНЩИНА
ПРЕДЪ СУДОМЪ НАУКИ.
Жана Лурбе, автора „Essai sur l'évolution hu-
maine“. Перев. съ франц. Е. Предтеченскаго.
1-0 страницъ. Цѣна 30 коп.

МОДНЫЯ ЖУРНАЛЫ
ПОДПИСКА И ПРОДАЖА
мужскіе, дамскіе, дѣтскіе.
Маскарадныя картинки и альбомы
модъ. 2-1

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ВЫКРОЙКИ
ГОТОВЫЯ И НА ЗАКАЗЪ.
МАГАЗИНЪ И КОНТОРА
П. А. ПОЗИНА ВЪ МОСКВѢ
ПАССАЖЪ ПОСТНИКОВА
на Тверской.
Каталогъ высылается бесплатно.

НАИЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ САМО СЕБЯ.

Портмоне изъ наилучшей черной
ошуйки заграничной выдѣлки, съ мато-
вымъ доскомъ, съ 5 отдѣленіями, 1 вну-
тряннимъ для звонкой монеты. Корпусъ
изъ одного куска съ механическимъ
затворомъ, содержащимъ научукомый
штемпель съ подушкою для красна.

Въ штемпелѣ можно помѣстить имя,
отчество, фамилію и знаніе, по желанію
и коронку. Наружная величина 2 1/4 x 1 3/4
вершка. Цѣна со штемпелемъ 1 шт.
2 р., 2 шт. 3 р. 75 к.

Также дамскія изящныя, разбѣромъ
1 3/4 x 1 1/2 вершка, по тѣмъ же цѣнамъ.
Тѣ же изъ настоящей тюленевой мяг-
кой шагренированной кожи на 50 коп.
дороже. П. № 9604 2-2
Изготавливаются также изящныя и
прочныя бумажники по слѣдующимъ
цѣнамъ:

Прейсъ-куррантъ БУМАЖНИКАМЪ со штемпелями.	Разм. въ вершк.		ЦѢНА въ коп.
	Длина	Ширина	
„Купеческій“ „Казначейскій“ „Банкирскій“	3 3/4	2 1/2	7 250 350
	4	3	9 350 500
	4 1/4	3	11 500 700

Всѣ цѣны съ пересылкою въ Евро-
пейскую Россію, въ Азіатскую же—
съ прибавленіемъ части въвоыхъ. Съ
наложеннымъ платежомъ 10 коп. больше.

Въ контору фабрики
Америн. научн. штемпелей
М. ФИШМАНЪ
Варшава, ул. Бѣльская, 23.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВО

БРОКАРЪ и К^о.

„ЦВѢТЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ“

замѣняетъ духи, туалетную воду, курения и обыкновенный о-де-колонъ.

ДУХИ

„ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“

изъ настоящихъ цвѣтовъ персидской сирени.

Глицериновая

пудра

освѣжаетъ и смягчаетъ кожу.

УСОБЕРШЕНСТВОВАННОЕ

„ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО“.

№ 9218 8-7

ГРОТЪ-КОЛЛЕКЦІИ.

Кабинетныя вещи, какъ-то: письмен. приборы, шкатулки, прессъ-папье, подчасники и проч., сработанныя мозаично-рельефнымъ способомъ изъ сибирско-уральскихъ минераловъ въ природномъ ихъ видѣ, въ число которыхъ входятъ между прочимъ: александриты, аквамаринъ, аметисты, гранаты, изумруды, хризолиты, малахиты, яшмы шлифован. всевозможн. цвѣтовъ и множество другихъ интересныхъ породъ минераловъ.

Прейсъ-курантъ высылаю бесплатно.

Адресъ: г. Екатеринбургъ, Мастерская каменныхъ вещей

А. Н. Насонову. 2-1

НОВОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ПЕЧЕНІЕ

С. СІУИКЪ; PETIT BEURRE МОСКВА

С. СІУИКЪ

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е издание. Ит. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

- духи — ФІАЛКА ДУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
- духи — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
- духи — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
- духи — ЛАНДЫШЪ ДУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.

Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, прудв. пост., Карлеруэ.

Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Бюлеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Герши, Лизана и Рикса, А. Линде, А. Энгльнда. Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Мерлянь, въ магазинъ „А-ла-туалетъ“, у Г. Брунсъ, Л. Борхардъ, Р. Бедеръ и К^о, Оскаръ Гетлингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9368 25-18. Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Максимилиановскій пер.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО для производства СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ

въ г. Ригѣ изготовляетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.

Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ. Л. № 9599 10-3

4711

ЛУЧШІЙ ЦВѢТЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ. № 4711

„РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ“

ПРЕВОСХ. и ДЕШЕВ. ДУХИ

ПРОДОЛЖИТЪ для платковъ

Всѣхъ цвѣтчныхъ и модныхъ запаховъ

ПРОДАЮТ. ВО ВСѢХЪ АПТЕКАР. 4711 и ПАРФЮМЕР. МАГАЗИНАХЪ

Ц. № 9198 11

Цѣны: 1 р. 10 к. и 60 к. за флаконъ, смотря по величинѣ.

КАКЪ НАМЪ ОБУВАТЬСЯ?

Д-ръ В. Гориневскій. С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 12. (2)

На Всероссийской выставкѣ въ Миннеъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены ГОСУДАРСТВЕННАГО ГЕРБА

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО основанная въ 1810 году Сиб. Владимірская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы РОЯЛИ въ 1100, 930, 800, 700, 630 и 550 рублей ПИАНИНО въ 550, 500 и 450 р. Прейсъ-куранты высылаются бесплатно. В. № 9588 13-2

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для блоннурыхъ, желтая вода для брюнетовъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к. МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ ГУСТАВЪ ЛОЗЕ Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5120 (89)

ЦВѢТЧНАЯ ВОДА РАЛЛЕ (Сага-Камиская духи)

Майскій Ландышъ, Илангъ-Илангъ, Гелиотропъ, Вера-Віолетта и т. д. Произдается во всѣхъ Аптекахъ, магазинахъ Россійск. Имперіи

ОДЪЯЛА А. ИВАНОВА

Модныя Тюрбаны, Пасокажъ, Пестичиновыя, Высокыя съ наклонными краями, плавающие по первому требованію. Въ часъ съ ул. Колодеи 7 Фрунзе. 2-1

CRÈME SIMON (КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служитъ для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольдъ крема). Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія. J. Simon, 13, Rue Grange Batellière, Парижъ. Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. Р. № 9802 13-3

Людв. Федоровъ. Шлихэйзенъ, Москва, Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ, рекомендуетъ кирпичедѣлательныя и торфяныя машины, прессы для выдѣлки трубъ съ раструбами, черпачки съ фальцами, брикеттеры; дѣлаетъ патентов. Шаровыя мельницы для измельченія и размолы и одновременно просѣиванія матеріаловъ любой крупности, какъ-то: шпота, цемента, шлаковъ, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. п. (87)

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 46

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти ежемес. книг „Сборника“, соерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусков ежемес. литературных приложений, 12 № № „Парижских модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 16 ноября 1896 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1897 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложениями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, соержащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к.; съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.									

При этомъ № подписчикамъ предлагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложений» за Ноябрь 1896 г.

Виды Константинополя. Блестательная Порта. Съ фотографіи грав. М. Рашевскій.

Три дѣйствія комедіи.

Повѣсть

† В. П. Желиховской.

(Продолженіе.)

Шли послѣдніе годы второй французской имперіи. Наполеонъ, въ виду грядущихъ усложненій, очертя голову веселилъ парижанъ, потворствуя элементамъ разложенія, — зрѣлищамъ, безумной роскоши, вѣчнымъ пирамъ.

Въ Большой Оперѣ маскарадъ былъ въ полномъ разгарѣ. Было два часа свѣтлой, полувесенней ночи; все сіяло разгаромъ масленичныхъ увеселеній, когда Смольневъ пробѣжалъ со званого вечера на правый берегъ Сены, самъ не зная еще—ѣхать ли домой, лечь спать, или заглянуть въ Оперу. Онъ утромъ далъ слово приятелю встрѣтиться съ нимъ тамъ ровно въ два часа, въ указанномъ мѣстѣ. Наканунѣ вечеромъ, онъ тоже обѣщавъ встрѣчу въ маскарадѣ... нѣсколькимъ веселымъ приятельницамъ, которыя, по всей вѣроятности, нетерпѣливо поджидали „се charmant comte russe!“. Но теперь его разбирала положительная лѣнь и великая охота приказать кучеру везти его въ свою улицу. Но пока онъ собирался и не рѣшился, мелькнули Тюльери и бульвары, и его фіакръ остановился въ вереницѣ экипажей, все еще подъѣзжавшихъ къ зданію Оперы.

„Судьба!“ — подумалъ Смольневъ, выходя на подъѣздъ.

Онъ очень часто произносилъ это слово, возлагая на него отвѣтственность за свои поступки.

Удерживая зѣвоту и слегка щурясь отъ ослѣпительнаго свѣта, онъ вошелъ въ залу, двигаясь по теченію, изрѣдка улыбаясь кивкамъ встрѣчныхъ масокъ, выходякамъ пьеро и дебардѣровъ, но въ сущности очень мало занятый охватившими его блескомъ, музыкой и бальнымъ шумомъ.

На мѣстѣ, назначенномъ приятелю, никого не оказалось. Смольневъ постоялъ у колонны, оглядѣлъ ложи, группы танцующихъ и нетанцующихъ масокъ и ждалъ терпѣливо, пока къ нему подойдетъ его знакомый. Онъ рѣшилъ, что если до трехъ не подойдутъ, то тѣмъ и лучше, онъ уйдетъ и ляжетъ спать.

Онъ дождался, но не тѣхъ, кого ожидалъ.

Возлѣ него остановился стройный итальянецъ, въ старомъ придворномъ венеціанскомъ костюмѣ, самаго строгаго стиля, въ маленькой полумаскѣ, не мѣшавшей видѣть всю нижнюю часть его лица. Судя по ней, онъ долженъ былъ быть молодъ и красивъ. Бѣлые зубы его сверкали сквозь темные усы и вьющуюся небольшую бородку; сквозь отверстія для глазъ смотрѣли прямо, не скрываясь, два темныхъ, блестящихъ глаза; широкополая шляпа бросала тѣнь на нихъ и на темные кудри его, перо спускалось низко на плечо; правая рука лежала на рукояткѣ шпаги, торчавшей изъ-подъ епанчи. На руку его опиралась женщина въ черномъ домино, ничѣмъ не отличавшаяся отъ другихъ. Венеціанецъ остановился ненамѣренно, его, казалось, задержало общее движеніе. Онъ говорилъ своей маскѣ по-французски, тихо, но такъ льстиво, что каждое слово его было слышно стоявшему позади Смольневу.

— Каждому человѣку, каждой душѣ, отпущенной въ земную жизнь, данъ свободный выборъ дороги и дана минута и случай вступить на нее, чтобы идти широкимъ путемъ къ общей цѣли человѣчества, — къ самоусовершенствованію. Я твердо вѣрю въ это!.. Тотъ, кто не пользуется случаемъ, кто сбивается на ложный путь, тотъ вдвойнѣ виноватъ, — предъ собой и предъ всѣмъ человѣчествомъ, котораго общій ростъ онъ задерживаетъ. И человѣкъ этотъ всегда глубоко несчастенъ!

„Ого!“ — подумалъ Смольневъ. — „Лекція философіи

въ маскарадномъ балѣ Большой Оперы?.. Чего на свѣтѣ не бываетъ!“

— И ты утверждаешь, что и здѣсь, въ этой веселой залѣ, мало искренняго веселья? — спросила его дама такимъ веселымъ голоскомъ, который явно противорѣчилъ вопросу.

— Я только что далъ тебѣ вкратцѣ біографію, — передалъ тайныя заботы каждаго, на кого ты мнѣ указала, — а ты спрашиваешь опять? — было отвѣтомъ.

— О! Да, ты насаждалъ мнѣ много всякихъ ужасовъ! Но остается узнать, говорилъ ли ты правду, мой милый колдунъ!.. Ты такъ молодъ самъ! Откуда могъ ты набраться такой глубокой мудрости?

— Ужъ я сказалъ тебѣ, что только кажусь молодымъ, что я старъ, какъ мѣрь!..

— Ахъ, да! Я знаю! — смѣясь, прервало его домино. — Ты внукъ Калиостро!.. Извини! я хотѣла сказать, ты его прадѣдъ?.. Все равно! Очень бы мнѣ хотѣлось провѣрить на комъ-нибудь еще, кромѣ себя самой, твою прозорливость!.. Но и никого не знаю! Не смѣю никого просить!..

— Beau masque! — наклонился Смольневъ къ домину. — Я къ твоимъ услугамъ!

Эта парочка заинтересовала его, и онъ рѣшился вмѣшаться въ разговоръ. Но итальянецъ не такъ понималъ шутку. Онъ гнѣвно обернулся и спросилъ:

— Monsieur, кто позволилъ вамъ заговаривать съ моею дамой?

Голосъ его прозвучалъ такъ молодо, такъ почти женственно, что Смольневъ невольно улыбнулся, подумавъ, что это долженъ быть совсѣмъ юноша, мальчикъ.

— Извините меня, beau cavalier, — отвѣчалъ онъ съ поклономъ, — я не хотѣлъ васъ оскорбить.

— Mais non, mais non! — вступилась дама. — Лоренцо не сердится, увѣряю васъ. Я вамъ очень благодарна за любезность!..

— Я самъ буду радъ убѣдиться въ магической проницаемости синьора Лоренцо! — шутливо продолжалъ Смольневъ. — И обѣщаю вамъ откровенно признавать истину, если въ рѣчахъ его обо мнѣ она будетъ!

— Это будетъ лишнее! — спокойно возразилъ итальянецъ, глядя на него внимательно-печальнымъ взоромъ. — Въ нашемъ лицѣ я вижу такія рѣзкія черты прошлаго, что оно само изобличитъ васъ, по мѣрѣ того, какъ я напомяну вамъ пережитые годы.

— О! Да это чрезвычайно интересно, господинъ венеціанецъ! — вскричалъ Смольневъ. — Не поищемъ ли мы болѣе спокойнаго уголка для предстоящаго прощанія?

— Зачѣмъ?.. Вы меня слышите! Много говорить я не буду... Слушай же, маска! — обратился онъ къ своей дамѣ. — Человѣкъ, котораго ты предъ собою видишь, — самое блестящее подтвержденіе моихъ словъ!.. Ему очень не весело, и пришелъ онъ сюда отъ скуки, неохотно. Но если бы и не приходилъ онъ — все равно! Скука осталась бы при немъ. Она — плодъ пустоты всей его жизни, — а пустота, безсодержательность, безцѣльность ея — избранны имъ самия!.. Посмотри на него: онъ кажется старше своихъ лѣтъ, — потому что искал, загубилъ свою молодость!.. Жизнь не то бы дала ему, если бы онъ шелъ прямой, честной дорогой: но онъ позволилъ порочному созданію руководить первыми шагами своими, и оно завело его въ сорное поле мелочныхъ, нездоровыхъ страстей!..

— О!.. Но, однако!.. — невольно вырвалось у поблѣднѣвшаго Николая Андреевича.

— Что?—безстрастно спросилъ итальянецъ. — Быть-можетъ, мнѣ замолчать?.. Не желали ли вы сами?

— О, пѣтъ! Говори, говори, колдунъ! — капризно вскричало домино.

— Я долженъ говорить правду, а она... пріятна быть не можетъ! Я жду разрѣшенія...

— О, Боже мой!—пожалъ Смольневъ плечами.—Говорите!.. Я слушаю.

Онъ слушалъ, дѣйствительно, жадно, изумленно слушалъ.

— Этотъ человекъ могъ бы быть счастливымъ!—продолжалъ задумчиво юноша. — Онъ могъ бы достигнуть большой нравственной силы, большого роста; но онъ позвѣлъ себя въ пигмеи именно тѣмъ, что вступилъ на ложную, порочную дорогу!.. А между тѣмъ, возлѣ него были... Да! Были два существа, горячо его любившія!.. Онъ презрѣлъ ихъ чувства... Любовь дѣвушки онъ, быть-можетъ, и не замѣтилъ? Но другой любовью, — любовью, на немъ сосредоточенной съ его колыбели, — онъ не имѣлъ права пренебрегать! Онъ дастъ... Что я говорю?.. Онъ ужъ воздастъ тяжкій отвѣтъ за презрѣнную имъ материнскую любовь... Онъ заплатилъ счастьемъ всей жизни своей за то, что не услышалъ мольбы и совѣтовъ своей матери! За то, что пожертвовалъ ей счастьемъ, сыновнимъ долгомъ, — самою честью своей, — низкимъ проискамъ интригантки!

— Monsieur!..—задыхался, вскричалъ Смольневъ. — Vous allez trop loin... Вы себя слишкомъ много позволяете!

— По развѣ не вы сами этого хотѣли?.. — холодно возразилъ итальянецъ. — Посмѣйте сказать, что я говорю неправду!.. Я могу напомнить вамъ еще многое... если вамъ угодно.

— Нѣтъ!.. Довольно! Но, послушайте... кто вы такой? Смольневъ схватилъ руку незнакомца выше локтя и въ забывчивости гнѣвно сказалъ ей, какъ въ тискахъ.

— Этого я не скажу вамъ!—отвѣчалъ итальянецъ.

Догадка, до глубины души возмутившая Смольнева, заставила его отбросить руку юноши, въ негодованіи. Онъ склонился къ нему и сказалъ по-русски:

— Послушайте, это дерзкая и глупая шутка!.. Вы, просто, кто-нибудь изъ нашихъ?.. Вы—русскій! И, если вы человекъ честный, вы не откажетесь отвѣчать за свою дерзость.

Итальянецъ и его дама невозмутимо смотрѣли, какъ люди ничего не понимающіе.

— Monsieur! Voulez vous bien vous expliquer? — горделиво произнесъ первый.

А домино вскричало въ негодованіи:

— Voilà bien les étrangers!.. Только иностранцы могутъ позволять себѣ такіа варварскія выходки!.. Сердиться за маскарадную шутку, на которую самъ же напросился!

Смольневъ опомнился и устыдился до того, что ни полслова не отвѣтилъ, даже не пошевелился въ отвѣтъ на послѣднюю дерзость удалявшагося итальянца.

Уходя, медленно вступивъ въ общее движеніе паръ вокругъ залы, тотъ презрительно сказалъ, полюбовернувъ назадъ голову:

— Au lieu de vous en prendre à la vérité, ne vaudrait-il pas mieux vous en prendre à vous même? Не пора ли опомниться?.. Порадовать несчастную, одинокую женщину, тамъ, на берегахъ большой рѣки?..

Смольневъ ничего не отвѣтилъ, — онъ опѣмѣлъ и окаменѣлъ.

А когда прошелъ его столбнякъ, когда онъ бросился разыскивать этого удивительнаго, ему совершенно неизвѣстнаго юношу, знавшаго такъ хорошо не только его настоящее, но и всю жизнь, — было поздно!

Итальянца съ его дамой въ черномъ домино нигдѣ не было видно.

Нѣсколько дней сряду Смольневъ продумалъ о

странной маскарадной встрѣчѣ; усердно вглядывался во всѣхъ знакомыхъ, въ особенности русскихъ, стараясь между ними выискать кого-либо сходнаго съ красивымъ юношей итальянцемъ, но ни на комъ мало-мальски подходящемъ не могъ остановить вниманія. Онъ бросилъ искать, потомъ забылъ и самый случай. Неприятное впечатлѣніе выслушанныхъ имъ истинъ начало сглаживаться, но зато опъ заскучалъ и затосковалъ еще сильнѣе.

Подъ вліяніемъ неожиданнаго напоминанія, онъ сталъ чаще и чаще думать о матери, о свиданіи съ ней. Баронесса писала ему, что дни мужа ея окончательно сочтены, и что послѣ похоронъ она тотчасъ уѣдетъ за границу. Онъ отвѣчалъ, чтобъ пріѣздомъ въ Парижъ она не свѣшила: что ему самому едва ли не придется покинуть Парижъ на неопредѣленное время... О томъ, что онъ замышлялъ взять отпускъ и ѣхать на Волгу, онъ не упоминалъ, боясь сосѣдства Красныхъ-Дубковъ.

Зато онъ, чуть ли не впервые, написалъ матери длинное письмо, прося позволенія пріѣхать, разсиранивая ее подробно обо всѣхъ.

Сердце Анны Дмитріевны всколыхнулось. Она мигомъ увидала, читая это письмо, что въ жизни сына ея произошла капитальная перемена. Лучше поздно, чѣмъ никогда! Она тотчасъ отвѣтила ему, что всегда рада его видѣть, что ждетъ его...

И дождалась. Въ маѣ Николай Андреевичъ взялъ отпускъ и все лѣто провелъ въ Луговомъ. Но тайной надеждѣ его не суждено было исполниться. Онъ нашелъ въ Ранѣвкѣ полный домъ: Михаила Сергѣевича, Союю съ ея представительнымъ, попрежнему добродушнымъ, попрежнему прихрамывавшимъ, опираясь на палочку, мужемъ; кучу дѣтей ихъ, между которыми была и новая малепыкая Нада. Но прежней Нади не было тамъ въ это лѣто!.. Онъ узналъ, что она ужъ пятый годъ все больше живетъ за границей, въ Италіи, во Франціи, въ южной Англій, съ вновь пріобрѣтенными ею друзьями; что она развилась и похорошѣла на диво; могла бы десять разъ выйти замужъ, составить блестящую партію, но до сихъ поръ еще не остановила своего выбора.

— Никто не нравится?.. Разборчивая невѣста?.. Холодное сердце?—полувопросительно произнесъ Николай Андреевичъ, скрививъ ротъ неопредѣленной, пѣсколько неестественной усмѣшкой.

— Холодное сердце?—повторила за нимъ Софья Сергѣевна.—О, пѣтъ! Напротивъ, сердце у Нади золотое!.. Она могла бы любить горячо...

— И, вѣроятно, любила! — прервалъ жену полковникъ Лешневъ.—Да, видно, не задалось!.. Чужая душа—потемки!

— Очень вѣроятно!—согласилась Софья Сергѣевна.— Такихъ, какъ Нада,—на свѣтѣ мало!.. Она много можетъ дать, многого и требуетъ. Да и пѣтъ ей нужды спѣшить: она не скучаетъ!.. Жизнь ея полна и переполнена интересами.

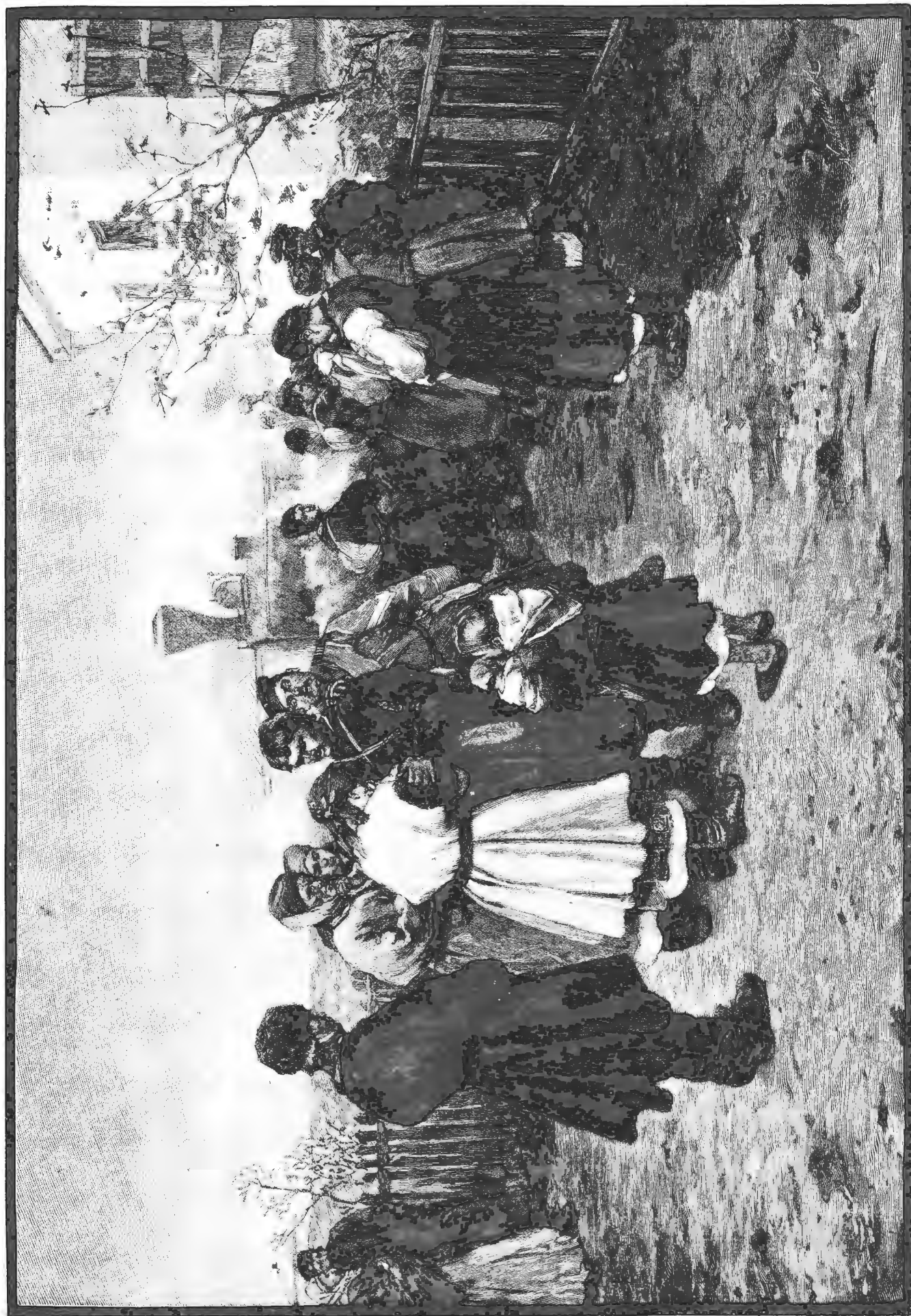
— Счастливая!.. — прервалъ Смольневъ, слегка насмѣшливо.—Исключительная натура!.. Люди стрѣляются и топятся отъ невыносимой пустоты жизни! — вздохнулъ онъ.

— А вотъ она пишетъ, что если бы сутки имѣли сорокъ восемь часовъ, ей едва хватало бы времени!

Смольневъ пожалъ плечами и замолкъ.

Онъ пересталъ разспрашивать о Надѣ, но не пересталъ о ней думать... Здѣсь каждый уголокъ, каждый кустъ и дерево въ Луговомъ и въ Ранѣвкѣ, само ясное небо и отражавшая его синія Волга, — все говорило ему о прошломъ, все воскрешало въ немъ ея образъ и все прежнее, канувшее въ вѣчность.

На возвратномъ пути онъ побывалъ въ Петербургѣ и устроилъ себѣ продолжительную командировку въ Италію.

Разлука. Съ картны И. К. Пимонно (исключительное право воспроизведеніи принадлежатъ „Нивѣ“) грав. Музыгановскій.

Маленькій капельмейстеръ. Съ картины М. Вудна грав. Уліонъ въ Мюнхенѣ.

Представительная, хотя очень некрасивая смолоду, старушка мисс Линн все еще была неразлучна съ Надеждой Борисовной. Онѣ извѣздили всю Европу, о чемъ свидѣтельствовали сотни эскизовъ, карандашомъ и акварелью, въ ихъ альбомахъ. Такая великая охотница до путешествій была Нади Ранѣва, что врядъ ли бы ея странствованія ограничились Старымъ Свѣтомъ, еслибъ не помощи старой ея воспитательницы, боявшейся моря. Черезъ годъ, два послѣ ея вольной-волюшки, ее ужасно тинуло за моря, за океаны; по она не хотѣла идти въ разрѣзъ съ требованіями свѣта, а въ особенности не хотѣла огорчать „своихъ“, въ томъ числѣ и мисс Линнъ, которую искренно любила. Любви же эгонистической, безъ обязательствъ и даже безъ жертвъ,—Нади не понимала.

Было яркое утро въ декабрѣ, но счастливый Римъ, не знающій морозовъ, только лучше красовался, весь въ блескѣ солнца и переливахъ прозрачнаго воздуха. Окно въ комнатѣ англичанки было открыто; она смотрѣла вдаль, на чудную панораму вѣчнаго города, поджидая свою воспитанницу. Но вмѣсто нея вошла блонкурая дѣвушка небольшого роста и не первой молодости. Выраженіе заботы и печали омрачало лицо вошедшей,—лицо, которое можно было бы назвать красивымъ, еслибъ не худоба, не болѣзненное его истомленіе.

— Какъ, вы одни, мисс Лена? — встрѣтила ее англичанка.—Гдѣ же осталась miss Raneieff?

— Надежда Борисовна сейчасъ вернется. Она осталась у Орнальди... Карлотта совсѣмъ заболѣла!

— Ахъ, это несчастье!—вздохнула мисс Линнъ.

— Да, въ особенности въ виду ихъ разстроенныхъ дѣлъ и выгоднаго ангажемента на праздники, который она должна утратить... вѣроятно, даже полатиться штрафомъ!.. Этотъ пизанскій антрепренеръ ужаснѣйшій выжиг! Онѣ говорятъ, что пріѣздъ Карлотты ужъ опубликованъ, что ее ждутъ въ Пизѣ, и множество ложъ и мѣсть уже разобрано.

— Онъ былъ тамъ, у сипьоры Орнальди?

— Ну, да!.. Я оставила Надо въ переговорахъ съ нимъ.

Англичанка вздохнула и умолкла, покачавъ головой. Зная свою воспитанницу, она ожидала съ ея стороны рѣшительныхъ дѣйствій. И не ошиблась! Надежда Борисовна долго заставила ждать себя. Мисс Линнъ и Елена Рейсдольфъ должны были позавтракать однѣ. Время потянулось вяло; оно всегда казалось имъ обфимъ безконечнымъ, когда съ ними не было ихъ „dearest darling“, ихъ „краснаго солнышка“.

Обѣ женщины читали, изрѣдка перекидываясь словами, нетерпѣливо прислушиваясь къ звонкамъ, къ шагамъ на лѣстницѣ, каждая считая въ недоумѣвіи удары часовъ, бившихъ въ сосѣдней комнатѣ.

Стемпѣло. Читать уже было трудно.

— Разъ!.. Два!—громко начала считать Лена звонъ часовъ.—Шесть!..—посчитала она и посмотрѣла вопрошительно на лампу, готовясь зажечь ее.

Англичанка покорно вздохнула.

— Удивляюсь!.. — вырвалось у нея. — Неужели мы безъ нея и пообѣдаемъ?

Собесѣдница ея пожала плечами и встала, чтобъ затворить окно и зажечь лампу.

— Подождемъ!—произнесла она на ходу.—Она должна скоро придти.

— Я изумляюсь и завидую вашему хладнокровію, дорогая miss Lena!—замѣтила старуха.—Я такъ всегда безпокоюсь, когда miss Nadia вотъ такъ пропадаетъ.

— О! Она не пропадетъ!—тихо засмѣялась дѣвушка.

— Вы такая убѣжденная фаталистка!.. А я, къ несчастью, вѣрю случайностямъ.

— И я имъ вѣрю, до нѣкоторой степени. Но не умѣю бояться до срока. Чего-жъ я буду пугаться, когда ничего еще нѣтъ?

— Кто знаетъ?.. Римъ великъ!.. Этотъ городъ прекрасенъ, но въ немъ много злодѣйствъ и преступленій!.. Запоздывать молодой, прекрасной дѣвушкѣ, на улицахъ не годится.

— Она, вѣроятно, не запоздастъ... Во всякомъ случаѣ, боязнь за нее мы ей не поможемъ!.. Вотъ она, кажется!

И обѣ встрепенулись.

Послышались быстрые, увѣренные шаги, и ярко вспыхнувшая лампа освѣтила оживленное лицо высокой, стройной дѣвушки.

Надежда Борисовна на ходу сорвала съ себя шляпу и тальму и бросилась въ кресло.

— Простите, милыя! Заставила васъ ждать?—заговорила она, тоже по-англійски.—Не было возможности вырваться!.. Ну, слава Богу! Все устроила!.. Signor Mogesco въ восторгѣ и лучше ничего не хочетъ!.. Да! Будемте же обѣдать!.. Я умираю отъ голода: не завтракала!

— Сейчасъ!.. Но что же именно устроили вы, дитя мое?

— Ахъ! Развѣ Лена не рассказала вамъ, въ чемъ дѣло? Переговоры начались при ней.

— Ты ничего мнѣ не разрѣшила говорить, Наденька!—уходи, чтобъ распорядиться обѣдомъ, по-русски отвѣчала ей дѣвушка.—Я не знала, имѣю ли я право!

— О, Господи! Конечно!.. Какая смѣшная!

И Нади повернулась къ гувернанткѣ:

— Oh! You, poor old darling!.. Вы, обѣдяжка, ничего не знали?.. Поздравьте меня па новомъ поприщѣ: я пѣвица Пизанской оперы!

Англичанка поднялась съ мѣста и чуть не всплеснула руками, въ забвеніи всякаго приличія.

— God gracious me!—могла она только прошептать.

Надежда Борисовна звонко размѣялась.

— Да не присяжная! Не навсегда! Успокойтесь!..—говорила она сквозь смѣхъ.—Помилуйте! Развѣ жъ это такъ страшно?.. Я могу прославиться.

— Oh! Bless your soul, child!—продолжала ужасаться miss Linn.—Возможно ли дѣлать такія вещи?.. Что скажутъ ваши родные? Что скажетъ свѣтъ?..

— А свѣту какое до меня дѣло? Я бы его боялась, пожалуй, еслибъ совершала преступленіе, а я только дѣлаю доброе дѣло—помогаю семьѣ! Выручаю изъ бѣды бѣдную, прекрасную дѣвушку... Чего же мнѣ бояться свѣта?..

— Но родные ваши?.. Вамъ, благородной дѣвушкѣ, показываться на подмосткахъ!..

— Подмостки театра въ Пизѣ крѣпки: я не провалюсь!

— Вы все шутите!.. А въ Ранѣвкѣ что скажутъ!

— Надѣюсь, ничего такого, что могло бы ихъ скомпрометировать?—размѣялась Надежда Борисовна.—Но, безъ шутокъ, дорогая мисс Линнъ, мы можемъ ихъ спасти отъ лишнихъ тревоженій, если имъ не напишемъ объ этомъ маленькомъ „уклоненіи отъ законовъ добронормальности“,—объясъ объ закладъ, что вы такъ окрестили мой будущій дебютъ?

— Совершенно такъ!.. Но, узнавъ отъ другихъ, они укорятъ насъ въ скрытности и впоследствии намъ перестанутъ вѣрить.

— О, милая мисс Линнъ! Вы совсѣмъ, совсѣмъ по-благоразумны!—смѣясь, принялась поучать ее своевольная воспитанница.—Во-первыхъ, вы все забываете, что я старая дѣва, никому не обязанная отчетомъ въ своихъ поступкахъ.

— Alas!—вздохнула укоризненно гувернантка.

— Ну да! Ну да!.. Я знаю, что вы не можете простить мнѣ моего послѣдняго претендента, лорда-графа-баронета и поудателя кровавыхъ beefsteake'овъ! И потому лучше молчите! Не растревляйте вашихъ периодическихъ ранъ излишними рѣчами!.. Далѣе: узнать

въ Россіи о моихъ беззаконіяхъ никакъ не могутъ, потому что въ Пизѣ, я надѣюсь, знакомыхъ у меня не найдется..

— А газеты?.. А это ужасное „Figaro“, которое всюду вмѣшивается и обо всемъ кричить!..

— О, полноте! Какое дѣло корреспондентамъ до меня бѣдной?..

— Положимъ, Наденька, что еслибъ ты, pour tout de bon, поступила на сцену, то о тебѣ заговорилъ бы не одинъ „Фигаро“, — вмѣшалась вернувшаяся Елена Рейсдольфъ.

— Можетъ-быть; но такъ какъ моя скромность и христіанская добродѣтель не позволяютъ злоумышлять противъ ближняго, я не стану дѣлать подрыва Патти — конкурировать въ благородномъ ея искусствѣ съ ней не буду долѣе нѣсколькихъ дней! — пошутила Ранѣва и снова обратилась къ англичанкѣ. — Итакъ, вы слышите, dearest old darling, что я не успѣю обратить на себя вниманіе міра; а еслибъ и обратила, то мое имя ровно ничего не сказало бы моимъ соотечественникамъ, потому что на сценѣ я буду не я, а синьора Орнальди, младшая сестра Карлотты, которую замѣню, съ грѣхомъ пополамъ, пока пройдетъ ея гринишъ.

— Смотри, чтобъ не вышло другого грѣха! — сказала Елена. — Чтобъ публика, услышавъ младшую, не нашла ея пѣнія лучше и не осталась недовольна выздоровленіемъ старшей.

— Вздоръ!.. Мореско больше доволенъ моимъ голосомъ, чѣмъ умѣнемъ; а вѣдь итальянцы взыскательные музыканты! Одного голоса имъ мало!.. Дай только Богъ, чтобъ мнѣ выручить бѣдную Карлотту, безъ урона и для антрепризы, и для себя. Хотя Пиза не Римъ, и не Флоренція, а все же самолюбію было бы неприятно и въ захоластьи потерять фiasco!

Черезъ нѣсколько дней, древній, обезлюженный, покинутый волнами Средиземнаго моря, городъ на берегахъ Арно гостепріимно принялъ подъ сѣнь своихъ бѣло-мраморныхъ колоннадъ и башенъ двухъ русскихъ дѣвушекъ.

Гувернантка, въ виду предполагаемой краткости отсутствія ихъ и во вниманіе къ своимъ разыгравшимся немочамъ, осталась благополучно въ Римѣ, куда Надежда Борисовна должна была возвратиться, какъ только настоящая примадонна, Карлотта Орнальди, выздоровѣетъ.

Немного страшно и дико казалось Надеждѣ Борисовнѣ выступать на сценѣ, въ партіяхъ присяжныхъ Нормъ, Лючій или Джулеттъ, не только пѣть, по и *играть* въ полныхъ операхъ; но, разъ взявшись вывести изъ бѣды любимую ею пѣвицу, она не хотѣла и не могла отступить. Никогда не отступала она передъ трудностями услугъ своимъ ближнимъ; а въ этотъ разъ дѣло касалось семьи умершаго, очень дорогого ей чело-вѣка, ея учителя пѣнія, смерть котораго и безъ того тяжело отозвалась на благосостояніи его матери и сестры.

Въ сущности, риску почти не было. Ранѣвой ужъ много разъ случалось пѣть и играть на сценахъ домашнихъ и благотворительныхъ спектаклей, и всегда съ громаднымъ успѣхомъ. Она любила сцену; знала прекрасно музыку и знала также, что голосомъ такимъ, какъ у нея, владѣютъ немногія присяжныя пѣвицы, — потому не особенно робѣла. Оставалось лишь бояться оригинальности выходы, осужденія общества, — флорентійской и римской колоніи иностранцевъ и въ особенности русскихъ, гдѣ у нея было много знакомыхъ. Но Надежда Борисовна и въ ранней молодости никогда особенно не трепетала предъ судомъ свѣта и его не баловала послушаніемъ и смиреніемъ. Множество нынѣшнихъ пріятелей ея вначалѣ были строгими порицателями ея поступковъ и образа жизни; потому убѣдились въ своей несправедливости и сами же

стали первыми защитниками и поклонниками не только красоты ея и талантовъ, но и нравственнаго превосходства. Теперь она стояла такъ высоко и твердо во мнѣніи всѣхъ ее знавшихъ, что лишняя смѣлая выходка, лишній оригинальный поступокъ врядъ ли могли расшатать ея пьедесталъ. Къ тому же, Пиза была такой заглохшій, тихій уголокъ, что можно было рассчитывать на полную возможность скрыться отъ глазъ знакомыхъ. Кому охота оставлять на веселое праздничное время такіе центры общественныхъ увеселеній, какъ Флоренція и другіе большіе сосѣдніе города, для скромнаго городка, пережившаго свое когда-то блистательное прошлое и обѣдѣвшаго до того, что въ немъ нѣтъ даже постоянной оперы? Итальянскій городъ — безъ оперы! Кому же охота туда ѣхать? Развѣ больнымъ, которымъ дорогъ климатъ, свѣтъ и тепло, майскій расцвѣтъ и весеннее благоуханіе среди декабря? Но вѣдь тѣ не пойдутъ въ театръ, слушать наскоро составленную разнокалиберную труппу временныхъ пѣвцовъ.

— Ну, хорошо, что ваша фантазія, Надя, насъ привела сюда, а то, пожалуй, никогда бы намъ не попасть въ этотъ чудный городокъ! — много разъ повторяла Елена въ первые дни ихъ пріѣзда.

Все счастье этой обиженой судьбой и людьми дѣвушки заключалось въ любви ея къ природѣ, поэзіи, музыкѣ и чтенію. Съ дѣтства брошенная отцомъ и матерью на попеченіе чужихъ людей, не любимая ими за свое физическое увѣче и наружную непривлекательность, Елена Рейсдольфъ выросла сиротой, на чужбинѣ, едва имѣя самое необходимое. Ея тѣлеславная, молодившаяся мать продержала до двадцати лѣтъ ее запертой въ пансіонѣ; потомъ она попала наставницей и учительницей русскаго языка въ англійскую семью, оказавшуюся на ея счастье развитой, честной и благожелательной даже къ ней, бѣдной, отверженной, непривычной къ привѣту. Тамъ она прожила лѣтъ шесть, пока была нужна; случайно встрѣтилась въ ихъ обоюдныхъ страствіяхъ по Европѣ съ Надеждой Борисовной и до того къ ней страстно привязалась, что готова была служить ей хотя бы горничной, лишь бы не покидать ея.

Само собою разумѣется, что Ранѣва не могла оставаться равнодушной къ такой безкорыстной преданности, тѣмъ болѣе, что очень скоро поняла умъ Лены и рѣдкія душевныя способности. Дѣвушки сошлись и полюбили другъ друга, какъ рѣдко сходятся сестры, и не разставались болѣе. Съ той поры, вотъ уже четыре года, она вдвоемъ съ миссъ Линпъ состояла въ полномъ распоряженіи Надежды Борисовны; большей частью онѣ жили въ Италіи, но иногда совершали путешествія въ другія государства Европы, не исключая и Россіи, по волѣ и мановенію своего кумира. Состояніе Ранѣвой позволяло ей вполне независимую жизнь. А Елена Васильевна довольствовалась тѣмъ, что могла заработать уроками и что благоволили иногда присылать ей родители.

Казалось бы, перевѣсъ вліянія долженъ былъ принадлежать Ранѣвой, въ дружбѣ этихъ двухъ, столь различныхъ по вѣнности женщинъ; а между тѣмъ, въ духовной жизни Надежды Борисовны произошла большая перемена со времени ихъ сближенія. Лена Рейсдольфъ во всемъ была готова подчиниться подругѣ, кромѣ опредѣленныхъ, стойкихъ убѣжденій, выработанныхъ размышленіемъ, чтеніемъ множества філософскихъ, отчасти мистическихъ, религиозныхъ книгъ и раннимъ общеніемъ съ людьми особаго закала и развитія вполне самобытнаго. Англійская семья, въ которой она нашла долгіи пріютъ и пріязнь на всю жизнь, съ которой поддерживала и въ разлукѣ дѣятельное общеніе, имѣла громадное вліяніе на духовную жизнь ея. Она, въ свою очередь, проникнутая глубокой вѣрой, искреннимъ желаніемъ подѣлиться и съ другими нравственной бронею, которая, казалось ей, всякаго мысля-

щего человека могла и должна была укрѣпить, поддержать въ несчастіи и оградить отъ всѣхъ житейскихъ золъ,—она исводволь, но неострастно вліяла на тонкій умъ, на воспримчивую душу своей подруги. Повидимому вѣчно дѣятельная, всегда довольная всѣмъ, всѣми любимая, красавица Надя въ сущности далеко не была удовлетворена нравственно. Казалось, все было дано ей, а между тѣмъ главнаго сокровища, ключа къ счастью женщины, счастливой любви, она не находила. Какъ помятый грозю цвѣтокъ, долго не могла она ожить сердцемъ послѣ ранниго, неудачнаго выбора. Много было ей нужно свѣта и солнца, чтобъ отогрѣться и вновь полюбить. Когда же и вторая любовь ея была у нея насильственно отнята судьбой, настала въ жизни ея страшная минута! Горечь незаслуженныхъ страданій, безсходная пустота внутренней жизни, а болѣе всего тяжкія сомнѣнія въ разумной цѣли бытія, въ справедливости Провидѣнія, чуть было не осилили, не сломали сложившихся въ ней убѣжденій. Ей грозило худшее изъ несчастій, когда на выручку колеблющемуся духу ея подоспѣли знакомство и дружба съ Елепой Рейсдольфъ.

Это воплощеніе немощнаго плотью, но бодрого духомъ созданія, явилось силой умиротворяющей, нагляднымъ доказательствомъ, что не удовлетворенныя привязанности земныя, не жизненные удачи даютъ разумному существу спокойствіе и ясность душевную, способны вопетину скрасить существованіе,—имущія силу и власть самыя скорби обратить въ радости... Многое, что неопредѣленными предположеніями возникало въ умѣ Надежды Борисовны, въ убѣжденіяхъ Елены Рейсдольфъ было непреложной истиной. И она указала Надѣ новый, широкій путь и тѣ свѣточки науки, которые ея освѣщали; она внесла новый элементъ и новую силу въ жизнь ея.

Такъ называемый случай, этотъ важнѣйшій рычагъ въ жизни человѣческой, въ продолженіе десяти лѣтъ не допускалъ встрѣчи Николая Андреевича съ Надѣй Рапѣвой. Онъ приводитъ ея въ Парижъ въ то время, какъ она уѣзжала въ Россію; въ Рапѣвку — именно тогда, когда она проводила лѣто на югѣ Англій; въ Римъ—въ тотъ день, когда она уѣзжала въ осеннюю экскурсію на острова, взглянуть на отчизны двухъ великихъ людей—Наполеона I и Гарибальди, или на мѣсто рожденія мессинскихъ апельсинновъ. Едва онъ, въ проломъ ноябрѣ, переѣхалъ изъ Рима во Флоренцію, она вернулась изъ своего плаванія къ нетерпѣливо ожидавшей ее въ „вѣчномъ городѣ“ миссъ Линнъ.

Почти первыми словами гвернантки было уведомленіе, что она два раза встрѣчалась съ мистеръ Smolneff; что онъ ее, вѣроятно, не узналъ, а сама она не рѣшилась подойти къ нему.

— И прекрасно сдѣлала!—отвѣтила ей Рапѣва.—На что онъ намъ?.. Терпѣть не могу возобновенія старыхъ знакомствъ съ людьми, которыхъ не люблю и не уважаю, какъ Смольнева!

Лена Рейсдольфъ покосилась на нее, улыбаясь.

Улыбнулась, но не весело, и Надежда Борисовна и спросила ее такъ, что англичанка слышать не могла:

— Вы вспоминаете парижскую оперу?

— Да... Мнѣ до сихъ поръ жаль, когда я вспомню его несчастное, растерянное лицо!.. Вы были очень злы!

— Что-жь! Иезуиты подчасъ правы!.. Иногда, какъ вы видите, цѣль оправдываетъ средства... Вы читали осенью письмо ко мнѣ его бѣдной матери? Все же она была счастлива, что онъ побывалъ у нея!—возразила Рапѣва и тутъ же заключила:—Не будемъ больше говорить объ этомъ!

И вотъ теперь тотъ же случай вздумалъ свести этихъ старыхъ знакомцевъ въ посѣщенномъ обоими, впервые и па самое короткое время, уединенномъ городкѣ на живописныхъ берегахъ Арно.

Избѣгая баронессы Рейсдольфъ, переселившейся, по смерти мужа, въ Парижъ, Смольневъ затягивалъ придуманную имъ quasi дипломатическую командировку. Но наконецъ оттягивать долѣе стало невозможно, не бросая службы. Онъ и такъ уже цѣлый мѣсяцъ безцѣльно прожилъ въ Флоренціи, самъ себя не признавая въ томъ, что со дня на день поджидаетъ Рапѣву... Общие знакомые изъ русской колоніи увѣряли, что она обыкновенно прѣзжаетъ въ ноябрѣ или декабрѣ и мѣсяца два-три проводитъ въ этихъ цвѣтущихъ Аониахъ Италіи. Смольневъ самъ не зналъ, почему ему такъ хотѣлось свидѣться съ другомъ своего дѣтства? Но хотѣлось давно и все сильнѣй по мѣрѣ того, какъ слышалъ онъ все больше о красотѣ ея, о чудномъ ея голосѣ, успѣхахъ и положеніи въ обществѣ, которое она сумѣла себя доставить. Снова не дождавшись ея, съ большимъ неудовольствіемъ собрался онъ уѣзжать, какъ вдругъ ему совсѣмъ неожиданно пришла охота передъ разлукой съ Италіей взглянуть на пизанскую семисотъ-лѣтнюю „падающую башню“. Это едва отымало у него сутки времени, онъ могъ еще дня на два опоздать... И онъ свернулъ съ прямого пути на ближайшій сѣверо-западный берегъ, подумывая даже, въ случаѣ благоприятной погоды, сѣсть на пароходъ въ Ливорно и возвратиться моремъ, via Марсель.

И снова случай развелъ ихъ разными дорогами изъ одного и того же отеля, и въ то время, какъ они направлялись въ одни и тѣ же мѣста, и не далъ имъ встрѣтиться. Пока Смольневъ любовался чудесами скульптуры и живописи въ соборѣ, *миланскомъ*, подавшимъ Галилею мысль объ измѣреніи времени; пока онъ бросалъ камни съ тридцати-саженной высоты „il campanile torto“, съ галлерей колоколовъ Падающей Башни, откуда тотъ же Галилей, профессоръ Пизанскаго университета, производилъ свои наблюденія падъ *уклоненіемъ тѣла*; пока съ этой галлерей, вѣнчающей семь ярусомъ колоннъ, онъ любовался городомъ, темно-зеленой долиной Арно, исчерченной каналами и рельсами, цѣнью Аннини съ одной стороны и синимъ моремъ съ бѣлѣвшими въ туманѣ зданіями Ливорно—съ другой,—Надежда Борисовна, со своей мечтательной спутницей, были совсѣмъ въ другой сторонѣ. Онѣ обходили дворецъ Casa Lanfranchi, прославленный пребываніемъ въ немъ Байрона и свиданіями поэта съ вдохновлявшей его въ то время первой красавицей всей Италіи, графиней Гвиччюли; смотрѣли въ храмъ рыцарскаго ордена св. Стефана нависшіе со сводовъ бунчуки съ двурогой луной, полуистлѣвшія турецкія знамена; ѣздили на мѣсто знаменитой „*Башни голода*“, прославленной смертью графа Уголино, поэмой о ней Данта и первой оперой, данной въ Италіи въ 1500 году.

— Ну, довольно сильныхъ ощущеній па сегодня!—сказала Надежда Борисовна, выслушавъ печальную легенду отъ своего чичероне:—завтра посмотримъ остальное. А то, пожалуй, я такъ устану, что вечеромъ поспрашу имя *Сперанцы* Орнальди.

И онѣ вернулись и заперлись въ своемъ номерѣ за-долго до возвращенія Смольнева. Онѣ пообѣдали у себя, потому что въ расчеты Рапѣвой совсѣмъ не входило показываться пизанской публикѣ раньше времени, и стали готовиться къ предстоявшему событію. Примадонна была гораздо спокойнѣе своей паперницы: Елену Васильевну положительно била лихорадка безпокойства за своего друга!

Въ то время, какъ онѣ уже готовились ѣхать въ зданіе театра, Николай Андреевичъ, окончивъ въ одиночествѣ обѣдъ въ общей столовой отеля, взглянулъ на афишу, вывѣшенную у дверей табль-дота. Ему бросилось въ глаза имя „Карлотты Орнальди, кантатрисы изъ Рима“, и онъ рѣшилъ, что лучше пойдетъ ее послушать, чѣмъ коротать вечеръ въ гостиницѣ.

Орнальди, хотя не была звѣздой первой величины,

Витторія Колонна. Съ картины Жюли Лефевра, по фот. М. Браунъ и К°, въ Парижѣ, грав. Жиларди.

по слыла хорошей пѣвицей, и въ Римѣ Смольневъ ее слышалъ и видѣлъ не разъ. Вечеръ былъ прекрасный, до оперы — нѣсколько шаговъ; Смольневъ прошелся пѣшкомъ и вошелъ въ зданіе, ничего не замѣчая. Между тѣмъ събѣжавшаяся и сходявшаяся на крыльцѣ и въ галереяхъ публика была замѣтно оживлена и казалась чѣмъ-то раздраженной. Мужчины собирались группами у наклеенныхъ на стѣнахъ объявленій; читали, пожимали плечами и, усиленно размахивая руками, расходились, повидимому, въ недоумѣніи. Смольневъ вошелъ въ партеръ и сѣлъ на свое мѣсто. Въ театрѣ далеко еще не все разошлось по ложамъ и мѣстамъ, но видно было, что онъ очень полонъ. Гулъ стоялъ отъ говора и шума шаговъ. Смольневъ вынулъ бинокль, съ намѣреніемъ осмотрѣть публику, поискать хорошенькихъ пизанокъ; но движеніе было такъ велико, что никого еще нельзя было рассмотреть.

За его кресломъ двое итальянцевъ громко разговаривали, отчаянно жестикулируя. Николай Андреевичъ понималъ, что рѣчь идетъ о какой-то болѣзни, объ афишахъ, о замѣнѣ кого-то, но не обращалъ вниманія.

Около него сѣлъ дородный дѣтина, англичанинъ, съ которымъ онъ познакомился въ то утро въ зданіи Baptisterio, рассматривая среднѣбювыя купели со статуей Иоанна Крестителя. Англичанинъ теперь оглянулся и выставилъ длинные бѣлые зубы въ знакъ удовольствія, что встрѣтилъ въ своемъ сосѣдѣ знакома.

— A-o!.. It's a pity! Is it not?..—протянулъ онъ, кивая головой.

— What is it? I do not know?.. Я не знаю, о чемъ вы сожалѣете?

— Oh?.. Ah!..—удивился тотъ.—Но эта болѣзнь Карлотты, примадонны. Ее замѣнитъ сестра.

— А! Вотъ что!.. Да, конечно, жаль. Но можетъ быть и сестра не хуже ея поетъ? — равнодушно улыбался, предположилъ Смольневъ.

— O-oh! Yes!.. Indeed! — согласился англичанинъ и углубился въ осмотръ собственныхъ ногъ, обтянутыхъ въ клѣтчатыя брюки.

Въ эту минуту въ закрытую маленькую боковую ложу вошла женщина просто одѣтая, съ гладко зачесанными волосами, и, не взглянувъ даже на зрителей, сѣла, совсѣмъ скрывшись за рампой. Но Смольневу, сидѣвшему въ первомъ ряду, она была хорошо видна. Онъ сначала обратилъ на нее вниманіе, замѣтивъ, что она кривобокая,—одно плечо ея было значительно выше другого; но при второмъ взглядѣ что-то слишкомъ знакомое, именно сходство съ баронессой Рейсдольфъ, поразило его.

„Какой вздоръ!.. Вотъ представилось!“ — подумалъ онъ.

Напоминаніе, какъ видно, не было особенно приятно. Онъ опустилъ глаза, пахмурившись, и сталъ, подобно своему сосѣду, тоже рассматривать концы собственныхъ сапогъ, въ ожиданіи подъема занавѣса.

Вотъ грянулъ оркестръ; небольшой, но хорошо подобранный, онъ очевидно въ другое время заслужилъ бы одобреніе публики своей увертюрой; но теперь публика была недовольна и слишкомъ возбуждена ожиданіемъ...

Взвился занавѣсъ, открылся священный дубъ, и хоръ друидовъ добросовѣстно выполнилъ свое дѣло... Но довольства все еще въ зрителяхъ не было. Все, напротивъ, примолкло и замерло въ усиленномъ ожиданіи Нормы.

„Бѣдная примадонна!“ — подумалъ Смольневъ.—„Ей надо быть не заурядной пѣвицей, чтобы побѣдить такой критическій моментъ!“

И онъ заранѣе далъ себѣ слово, что будетъ аплодировать quand mѣme, постарается усладить ея горькую чашу.

И вотъ наступила рѣшительная минута.

(Продолженіе будетъ.)

Изъ осеннихъ мелодій.

Стих. Зои Бухаровой.

Умираетъ лазурное лѣто...

Но въ его безмятежномъ прощаньи

Столько ласки, и нѣги, и свѣта,

Что земля затаила рыданья...

Осушила безсильныя слезы,

Встрепенулася блѣдной листвою

И, въ порывѣ несбыточной грезы,

Освѣтилась улыбкой былою...

Будто ей небеса голубья

Прошептали слова упованья

На грядущіе дни золотые,

На безгрѣшную радость свиданья...

Загадалъ.

Изъ воспоминаній Эрнста фонъ-Вильденбруха.

(Съ нѣмецкаго.)

Если ночью не спится...

Если бы кому-нибудь изъ насъ приходило въ голову записывать утромъ, послѣ безсонной ночи, все, что промелькнетъ у насъ въ головѣ и душѣ, въ то время, пока мы ворочаемся въ постели, — какую массу неизвѣстныхъ, замѣчательныхъ впечатлѣній узналъ бы свѣтъ, какой открылся бы ему новый міръ...

Для насъ, существъ, иноплѣт зависающихъ отъ солнечнаго свѣта, ночь всегда есть и будетъ инымъ міромъ, и именно міромъ ужасовъ, до тѣхъ поръ, пока не придетъ благодѣтельный сонъ и не проведетъ насъ, подъ своимъ покровомъ, сквозь бездны мрака. Разсудокъ, управляющій нами днемъ, терлетъ ночью свою власть; элементарныя силы, противъ которыхъ мы тщетно боремся, начинаютъ брать верхъ: все чувства принимаютъ колоссальные размѣры — они подчиняютъ насъ и подавляютъ. И, на ряду съ такимъ болѣзненнымъ повышеніемъ впечатлительности, у насъ появляются способности, о которыхъ мы и не подозревали днемъ, среди обыденныхъ дѣлъ. Фантазія принимаетъ такіе же размѣры, какъ во свѣтъ, но безъ сладкаго самозабвенія, присущаго сну; она переступаетъ чрезъ годы и десятилетия, собираетъ въ одну картину всю нашу жизнь и проноситъ ее передъ нашимъ умственнымъ взоромъ. Мы начинаемъ припоминать... Но не такъ, какъ днемъ, — одною мыслью, — а всеми чувствами. Види, слыши, обоняи, осязаи, — мы вторично переживаемъ пережитое. Черты, давно забытыя, до осязаемости ясно выплываютъ передъ нами: голоса, слы-

шанные въ дѣтствѣ, встаютъ съ такою реальностью, какъ будто мы слышали ихъ лишь вчера.

Недавно, въ одну изъ безсонныхъ ночей, мнѣ явились изъ давно прошедшаго знакомыя черты, и я услышалъ звуки знакомаго голоса.

Черты эти принадлежали маленькому мальчику, толстенькому и кругленькому, какъ шарикъ, бывшему нѣсколько мѣсяцевъ моимъ школьнымъ товарищемъ въ Галле. Я видѣлъ ясно и зеленую суконную курточку, и жилетку, вѣчно висопавшую кверху, и слишкомъ короткія сѣрыя панталоны, и большую круглую голову, всегда нѣсколько наклоненную впередъ, и высокій, неуклюжій снѣгъ картузъ.

Мальчикамъ, съ такой вышнностью, всегда трудно живется въ кругу товарищей: къ нимъ пристають, ихъ дразнятъ, надъ ними смѣются... если только они не отличаются особыми выдающимися способностями или исключительной физической силой. Но толстенькій мальчикъ не отличался ни тѣмъ, ни другимъ. Онъ всецѣло принадлежалъ, такъ-сказать, къ среднему человечеству, и скорѣе даже стоилъ нѣсколько ниже средняго.

Въ классѣ онъ далеко не былъ свѣтлоломъ и хотя не отличался собственною лѣнностью, но былъ всегда вялъ и разсѣянъ; въ классѣ онъ не только не былъ героемъ, а напротивъ — несмѣлымъ, почти трусливымъ, замкнутымъ, однимъ словомъ, что называется — „бабой“.

Это было замѣтно все время уроков гимнастики, которой очень усердно занимался у насъ въ училищѣ. Послѣ перваго же опыта, толстенькій мальчикъ былъ переведенъ въ самый послѣдній разрядъ, гдѣ числились самые маленькіе и слабые; да и тамъ онъ былъ чуть ли не послѣднимъ.

Общее „ура“ пронеслось между школьниками, когда „монсъ“ — таково было прозвище, въ первый же день данное мальчику — сталъ лѣзть на канатъ. Неловко карабкался и размахивая руками и ногами, поднялся онъ фута на два отъ земли и, захавшись, повисъ на срединѣ, вбирая воздухъ, какъ рыба, выпутая изъ воды, пока сердитый возгласъ учителя: „Довольно! Спускайся!“ — не заставилъ его скатиться внизъ. Нѣсколько ударовъ концомъ каната по „круглой подушкѣ“, выглядывавшей изъ-подъ зеленой курточки, неизмѣнно заканчивали всѣ попытки.

— Маленькинъ сынокъ!.. — таково было общее сужденіе о мальчикѣ.

Школьники съ той жестокостью, съ которой они подмѣчаютъ слабыя стороны товарищей, быстро рѣшили, что мальчикъ впервые разстался съ родительскимъ кровомъ и сдѣлалъ скачекъ по дому.

Скачешь по дому!.. Въ глубинѣ души большинство изъ насъ, если не всѣ, испугивало, конечно, то же самое: по развѣ можно сознаться? Это значило бы выказать себя „бабой“!

Внѣ классовъ „монсъ“ всегда сидѣлъ за своимъ столомъ, но не учился, а писалъ письма. Крупными, неуклюжими буквами онъ вѣчно писалъ, и вѣчно домой, къ матери. Старшій по классу долженъ былъ почти насильно отнимать у него бумагу и выгонять въ садъ, на обычную послабѣденную прогулку.

Потомъ было сдѣлано открытіе, положившее вѣнецъ всему: мальчикъ погнулъ въ училищѣ послѣ лѣтнихъ каникулъ, и на Рождество ему въ первый разъ предстояло ѣхать на праздники домой. Какъ-то узнали, что онъ сдѣлалъ себѣ календарь. Сколько дней оставалось до Рождества, столько онъ сдѣлалъ на листѣ бумаги вертикальныхъ черточекъ и каждый вечеръ перечеркивалъ одну изъ вертикальныхъ черточекъ горизонтальной, — однимъ днемъ меньше. И съ утра до вечера онъ жилъ только одной мыслью, что вечеромъ онъ можетъ вычеркнуть еще одинъ день.

Бѣднягѣ не давали проходу.

— „Монсъ“, а что твой календарь?.. „Монсъ“, сколько дней осталось до Рождества?.. „Монсъ“, директоръ сказалъ, что тебя на Рождество не отпустить домой.

При послѣдней фразѣ мальчикъ блѣднѣлъ какъ пологно, хотя отлично зналъ, что это не болѣе, какъ плохая шутка.

— Вотъ дуракъ-то, этотъ „Монсъ“!.. Всему вѣрять!

Между тѣмъ наступилъ ноябрь, стало холодно, и гимнастическія упражненія проводились уже въ закрытомъ коридорѣ. Площадка, гдѣ давались уроки гимнастики лѣтомъ, стояла теперь пустая.

Однажды, послѣ обѣда, когда мы, живущіе въ училищѣ пансіонеры, плотно засегнутые въ зимній пальто, совершали нашу обычную прогулку по саду, я замѣтила, что у забора, отдѣлявшаго гимнастическую площадку, собралась кучка учениковъ. Они смѣялись и подшывали знакомъ остальныхъ.

Я тоже подошла, вмѣстѣ съ товарищемъ. Намъ сдѣлали знакъ, чтобы мы не шумѣли.

— Монсъ дѣлаетъ гимнастику, — сказали намъ, сдержливая смѣхъ. — Надо, чтобы онъ не замѣтилъ, что за нимъ наблюдаютъ.

— Монсъ дѣлаетъ гимнастику?

Мы заглянули черезъ заборъ, имѣвшій всего нѣсколько футовъ вышины, на гимнастическую площадку: — дѣйствительно, на площадкѣ, гдѣ стояли одиноко скамьи, брусья и трапеция, мальчикъ расхаживалъ озабоченно взадъ и впередъ, заложивъ руки въ карманы пальто.

Онъ видимо о чемъ-то раздумывалъ. Его большая, круглая голова еще болѣе обыкновеннаго наклонилась впередъ, а глаза были устремлены на бревно, находившееся посрединѣ площадки.

Наконецъ онъ, повидимому, пришелъ къ какому-то рѣшенію. Онъ вскарабкался на бревно, и такъ неловко, что чуть сразу не перевалился на другую сторону. Только энергичные знаки товарищей сдерживали еще общій врывъ хохота.

Что онъ дѣлаетъ, этотъ чудакъ? Онъ видимо раздумываетъ, удастся ли ему дойти до конца бревна. Но зачѣмъ? Съ какой цѣлью? Неужели для упражненія? Это на него не похоже.

Вдругъ у него блеснула, повидимому, новая мысль. Съ теплымъ пальто на плечахъ ему, конечно, не удастся дойти до конца. Онъ слѣзъ съ бревна, снялъ, несмотря на холодъ, пальто и перекинулъ его черезъ задній конецъ бревна. Видно было, что ему очень холодно. Руки его носились, а пальцы ходили на морковки.

Но что же это такое? Монсъ осматривается кругомъ, не видитъ ли его ктонибудь, — всѣ головы за заборомъ моментально нырнули внизъ и исчезли, — онъ не замѣтилъ ничего и сложилъ свои окончатѣвшія маленькія ручонки на мотыгу.

Монсъ молится, чтобы ему удалось дойти до конца бревна... Неужели?

За заборомъ поднялось отчаянное, судорожное фырканье:

дѣлались нечеловѣческія усилія, чтобы не прыснуть со смѣху.

Мальчикъ окончилъ молитву. Онъ вторично вскарабкался на бревно, широко разставилъ руки для поддержанія равновѣсія, и, скорчивъ такое лицо, какъ будто отъ усѣха его предпріятія зависѣла жизнь или смерть, двинулся въ путь.

Вначалѣ, пока онъ имѣлъ подъ ногами толстый конецъ бревна, дѣло кое-какъ шло на ладъ. Но по мѣрѣ того, какъ бревно становилось тоньше, труднѣе было удержаться на качающемся концѣ. Тѣмъ не менѣе Монсъ можетъ-быть благополучно добрался бы до цѣли, если бы не злая шутка товарищей. Мгновенно всѣ головы высунулись изъ-за забора и поднялись отчаянные крики:

— Монсъ, упадешь!.. Монсъ, Монсъ, свалишься!..

Мальчикъ вдрогнулъ. Но онъ еще не считалъ дѣло потеряннымъ. Онъ съ отчаяніемъ стиснулъ зубы и продолжалъ идти. Но тутъ школьники стали однимъ за другимъ прыгать черезъ заборъ. Одинъ схватился за свободный конецъ бревна и принялся раскачивать его изъ стороны въ сторону. Мальчикъ не въ состояніи былъ удержаться.

— Не падо! — закричалъ онъ пронзительнымъ голосомъ. — Не падо!..

Но тотъ продолжалъ раскачивать бревно. Еще минута, и несчастный Монсъ свалился на землю. Поднялся отчаянный хохотъ; но вслѣдъ за тѣмъ разъяренные крики. Монсъ, никогда никому не дѣлавшій вреда, и во время дракъ притавишійся, какъ улитка въ раковину, вдругъ какъ бѣшеный, со сжатыми кулаками, бросился на обидчика. Тотъ, конечно, не остался въ долгу; вступились и другіе: такая дерзость со стороны Монса была неслыханной. Черезъ нѣсколько мгновений мальчикъ лежалъ уже, перекинувъ руки черезъ бревно и уткнувъ въ нихъ голову, и рыдалъ, рыдалъ, какъ потерянный.

Высокій, неуклюжій картузъ упалъ у него съ головы — онъ не обратилъ вниманія. Не замѣчалъ онъ и холода, хотя, несмотря на зимнюю стужу, оставался все еще безъ пальто.

Наконецъ, старшіе вступились въ дѣло. Они отогнали прочь учителей, которые все еще съ насмѣшками окружали мальчика, старались утѣшить, поднять его, но все напрасно. Глухія рыданія, отчаянное покачиваніе головой были единственными отвѣтами.

Въ концѣ концовъ появился гебдомаръ. Каждую недѣлю учителя дежурили поочередно во время приготовленія уроковъ и въ рекреационные часы, а такъ какъ мы изображали изъ себя весьма ученую компанію, то и учитель назывался на греческій ладъ гебдомаромъ.

Въ эту недѣлю дежурнымъ былъ профессоръ Даніэль, высокій, толстый старикъ, обладавшій необычайной добротой и сердечностью.

Онъ гулялъ, самъ по себѣ, въ отдаленной части сада, но, услышавъ шумъ и крикъ, поспѣшилъ къ намъ, на гимнастическую площадку.

Не теряя времени на разспросы, онъ прямо обратился къ мальчику, который все еще лежалъ, перекинувшись черезъ бревно. Широкой, мясистой ладонью онъ припался ласкать спутавшіеся волосы мальчугана.

— Что съ тобой, Монсенкъ? А, Монсенкъ? Кто тебя обидѣлъ?

Услышавъ ласковый голосъ учителя, мальчикъ медленно выпрямился. Головы онъ не поднималъ. Лицо его было красно отъ слезъ; онъ продолжалъ всхлипывать.

— Надѣньте же ему пальто! — приказалъ Даніэль. — Зачѣмъ ты его снялъ? Въ такой холодъ! — продолжалъ старикъ.

Монсенкъ молчалъ.

— Онъ ходилъ по бревну, — отвѣтило за него нѣсколько голосовъ.

— Я не васъ спрашиваю, — возразилъ учитель. — Монсенкъ самъ скажетъ мнѣ. Зачѣмъ ты ходилъ по бревну? Вѣдь ты скажешь мнѣ?

Монсенкъ, видимо, хотѣлъ сказать, но не могъ. Какой-то неизъяснимый стыдъ удерживалъ его. Онъ выпнулъ маленькій блѣвнкій носовою платочекъ изъ кармана пальто, которое мы снова надѣли ему, и сталъ вытирать имъ себѣ слезы и песокъ, припавшій къ лицу.

Старикъ Даніэль терпѣливо ждалъ. У него было умное и доброе сердце. Онъ, вѣроятно, понималъ, какое великое страданіе дѣломудренно прятала отъ любопытныхъ глазъ маленькая душа мальчика.

— Вѣдь ты скажешь мнѣ, Монсенкъ? Мнѣ-то ты можешь сказать.

Старикъ опустилца на свободный конецъ бревна. Мальчикъ стоялъ между его коленями, положивъ руки въ руки учителя.

— Моя... моя мама, — началъ онъ.

Но новое рыданіе перехватило ему горло.

Широкая, мясстая ладонь старика Даніэля ласково погладила его по головѣ, потрепала по спинѣ.

— Моя мама... написала... что она больна... и... и...

Новый потокъ слезъ хлынулъ изъ глазъ мальчика. Онъ разставилъ руки и упалъ на шею старому профессору. Съ трудомъ можно было разобрать его слова.

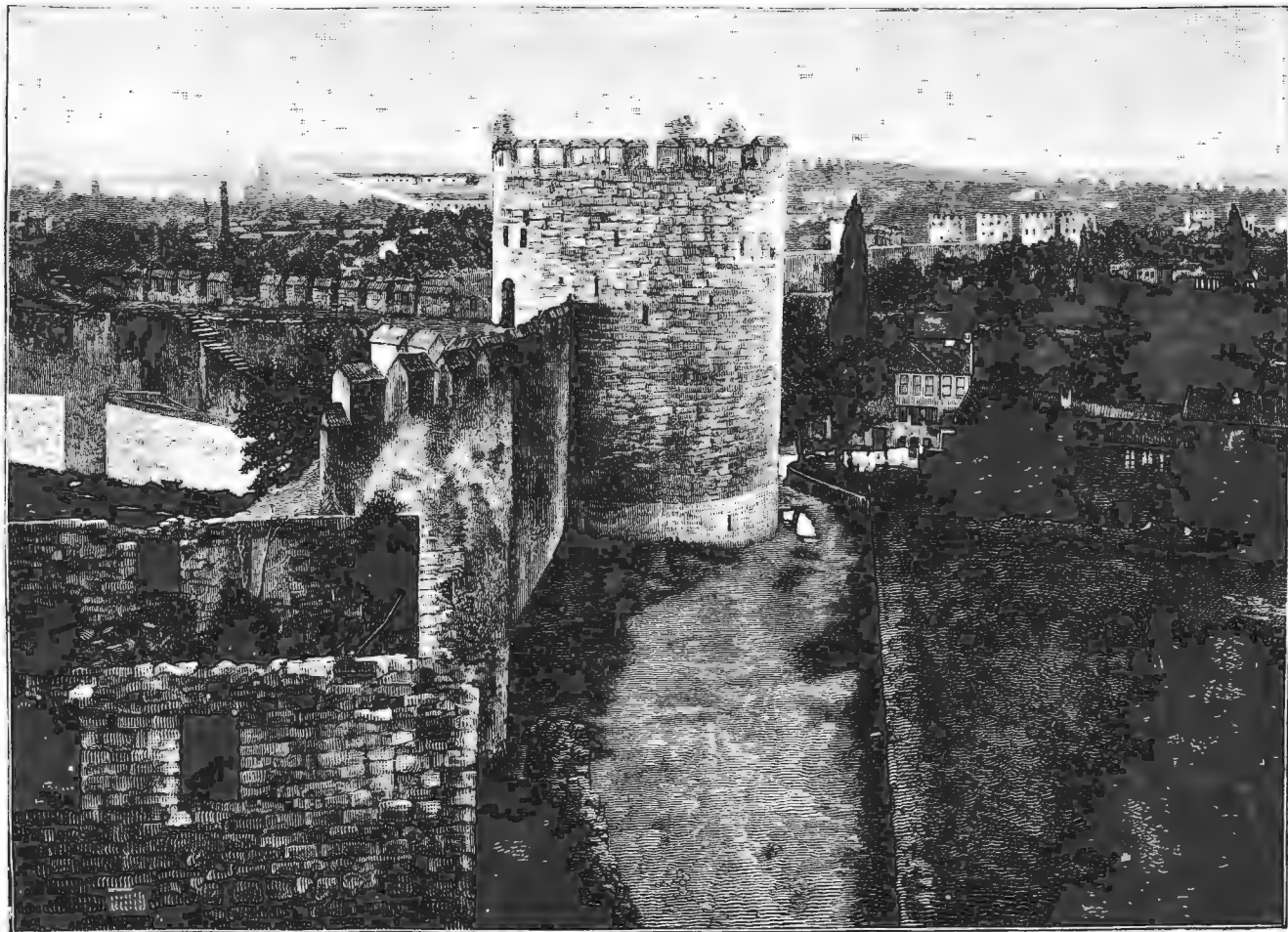
— И... она говоритъ... что, вѣрно, не поправится.

Мы всѣ стисли и подошли ближе.

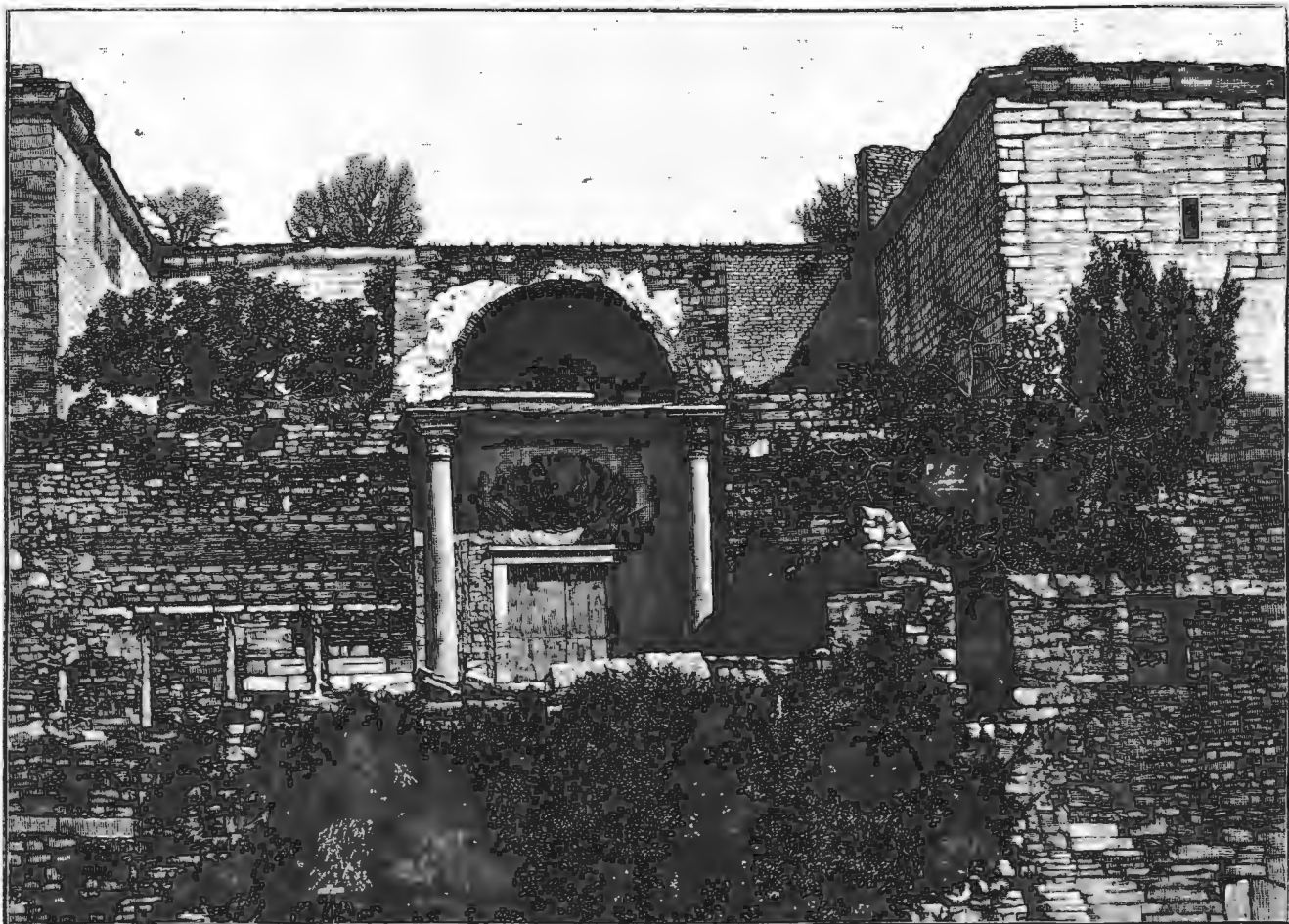
— И я... пошелъ сюда... и загадалъ... что если я... дойду до

Пѣснь любви. Съ карт. Арменязе грав. Бопгъ.

Семибашенный замок. Боковой вид. Съ фотогр. грав. Шлипперъ,

Семибашенный замок. Porta aurea. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Виды Константинополя.

Библиотека "Руниверс"

конца бревна... тогда.. и задумалъ... что Богъ... дастъ... мама поправится...

Даніэль прижалъ голову мальчика къ своей груди.

— И ты дошелъ до конца?

Мальчикъ сталъ вздрагивать всѣмъ тѣломъ.

— Я ужь почти дошелъ до конца, а они пришли... и столкнули меня...

Учитель поднялъ голову, и его добродушные глазки метнули на насъ молнии гнѣва. Онъ озабоченно покачалъ головой, потомъ снова обратился къ мальчику.

— Бѣдняжка ты мой!..—сказалъ онъ.—Бѣдняжка!..

Онъ подождалъ, пока мальчикъ немного успокоится, потомъ всталъ, обнявъ его одной рукой и пошелъ по направлению къ дому.

— И вы тоже идите домой,—обратился онъ къ намъ,—пора гововить уроки.

Мы молча, какъ преступники, пошли за старикомъ.

На слѣдующее утро, старшій въ дортуарѣ, гдѣ спалъ мальчикъ, разсказалъ намъ, что ночью, когда всѣ спали, вдругъ отворилась дверь, и въ спальню вошелъ старикъ Даніэль. Онъ прямо подошелъ къ кровати Монсика, закрывая свѣчку рукой, и молча простоялъ вѣскольکو времени, глядя на спящаго ребенка. Потомъ вздохнулъ и такъ же молча ушелъ, какъ и пришелъ.

Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней, въ то время какъ мы сидѣли въ классѣ въ ожиданіи учителя, дверь вдругъ отворилась и, вмѣстѣ съ учителемъ, вошелъ старикъ Даніэль.

— Монсикъ,—сказалъ онъ, и было слышно по его голосу, что онъ старается говорить спокойно,—Монсикъ, поди-ка сюда. Мальчикъ вылезъ изъ своей скамейки; старикъ взялъ его за руку и вывелъ изъ комнаты. Монсикъ не возвращался.

Когда мы уходили изъ класса по окончаніи урока, мы увидѣли внизу, въ сѣняхъ, Монсика, въ тѣломъ пальто, укутаннымъ картузъ на головѣ и съ тѣлымъ шарфомъ на шеѣ. Сундучокъ его, запертый и увязанный, стоялъ подлѣ.

Что это значитъ? Неужели мальчикъ уѣзжаетъ? До начала канікулъ?

Онъ стоялъ, по обыкновенію, сосредоточенный, углубленный въ себя. Отъ него ничего нельзя было добиться.

Вскорѣ наверху лѣстницы показался старикъ Даніэль, также закутанный. Мы окружили его и закидали вопросами. Онъ отвѣчалъ вяло. Получена телеграмма. Мать мальчика внезапно сильно захворала; мальчика требуютъ немедленно домой.

Старикъ профессоръ посмотрѣлъ на Монсика, стоявшаго у дверей.

— Не говорите ему; онъ не знаетъ, что дѣло такъ серьезно.

Мы ничего не свазали. Мы даже не подошли къ нему, не надѣясь на себя. Лишиться матери!.. Всякій изъ насъ понималъ, что это значитъ. Мальчикъ, служившій до тѣхъ поръ мишенью для нашихъ шутокъ, вдругъ сдѣлался носителемъ судьбы, передъ которой трепетали наши сердца. Онъ казался намъ чѣмъ-то священнымъ. Къ дверямъ училища подѣхалъ назанный экипажъ. Старикъ Даніэль подошелъ къ мальчику и обнявъ его одной рукой.

— Пойдемъ, голубчикъ; ты поѣдешь домой, къ матери.

Мальчикъ поднялъ голову. Лучъ радости блеснулъ на его лицѣ. Онъ хотѣлъ взять свой сундучокъ, но мы предупредили его. Каждый хотѣлъ помочь мальчику, каждый чувствовалъ потребность оказать ему послѣднюю услугу.

— Прощай, Монсикъ!.. Прощай, до свиданья!..

Двадцать рукъ протянулось къ его маленькой, посинѣвшей отъ холода ручонкѣ, всѣ хотѣли пожать ее, проститься. По удивленному лицу мальчика было видно, что онъ едва сознаетъ, что съ нимъ происходитъ.

Ему помогли влѣзть въ экипажъ. Старикъ Даніэль сѣлъ рядомъ. Дверца съ шумомъ захлопнулась. Онъ еще разъ высунулся изъ окна и послалъ намъ привѣтствіе своимъ неуклюжимъ синимъ картузомъ. Колеса экипажа загромычали; мы стояли и смотрѣли вслѣдъ, пока онъ не выѣхалъ со двора училища. Тогда мы пошли прочь. Никто не говорилъ ни слова.

Мальчикъ не вернулся въ училище. Я не знаю, засталъ ли онъ свою мать въ живыхъ—и никогда больше не встрѣчался съ нимъ. И вдругъ, недавно ночью, я совершенно ясно увидѣлъ его. Онъ стоялъ возлѣ гимнастическаго бревна, между колѣнъ старика Даніэля. Я видѣлъ блѣдный платочекъ, которымъ онъ вытиралъ себѣ лицо, слышалъ, какъ онъ рыдалъ. Пусть онъ не является мнѣ больше; а то сонъ бѣжитъ отъ меня!..

Открытие Нептуна.

Очеркъ К. П.

(По поводу пятидесятилѣтней годовщины.)

Осмотрите то мѣсто неба, которое я указываю, и вы увидите планету.

23 сентября (нов. ст.) 1846 года астрономъ берлинской обсерваторіи Галле получилъ изъ Парижа письмо, въ которомъ молодой ученый Леверье просилъ его между прочимъ осмотрѣть небо вблизи звѣзды δ Козерога:—здѣсь, по его вычисленіямъ, должна была находиться неизвѣстная планета. Какъ разъ почь съ 23-го на 24-е была ясна, и Галле могъ заняться изслѣдованіемъ указаннаго мѣста неба. Онъ недолго сравнительно трудился,—здѣсь дѣйствительно оказалась маленькая звѣздочка, 8-й величины, которой не было на картѣ. Это и была неизвѣстная планета, впоследствии названная Нептуномъ, существованіе которой давно уже предугадывалось астрономами, по которую до тѣхъ поръ никто не могъ указать на себѣ. Фактъ поразительный, безпримѣрный! Планета открыта не случайно и даже не черезъ систематическое изслѣдованіе по паудачу выбранной области неба. Существованіе ея подсказано теоріей, ея положеніе на небѣ предвычислено впередъ. Какой праздникъ въ наукѣ, какое торжество теоріи и ея основателей! Чрезвычайно интересенъ фактъ и самъ по себѣ. Обращаемъ вниманіе читателя на главнѣйшіе моменты изъ его исторіи.

Чтобы имѣть передъ собой возможно полную картину, мы начнемъ съ 13 марта 1781 года, когда В. Гершель открылъ планету Урана. Это открытіе имѣло огромное значеніе, такъ какъ оно совершенно неожиданнымъ образомъ раздвинуло предѣлы нашей солнечной системы и показало намъ новаго могучаго ея члена. Понятно, что Урана начали наблюдать самымъ тщательнымъ образомъ, была вычислена его орбита, а когда наблюденій накопилось достаточно много, то задумали составить и таблицы, по которымъ можно было бы получить положеніе планеты для всякаго времени. При этомъ были приняты во вниманіе всѣ отклоненія отъ основной орбиты Урана, происходящія вслѣдствіе притяженія другихъ планетъ. Но странное дѣло! Въ то время, когда аналогичныя таблицы для Юпитера и Сатурна удовлетворяли вполнѣ требованіямъ астрономовъ, для Урана тотъ же самый вычислитель, Буваръ, какимъ образомъ не могъ согласить старыхъ наблюденій съ новыми. Онъ рѣшился отбросить прежнія наблюденія и основалъ свои таблицы только на позднѣйшихъ. Но и это не помогло. Очень скоро положенія Урана, получаемыя вычисленіемъ, стали расходиться отъ наблюдаемыхъ непосредственно, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Понятно, что неудачная попытка Буvara обратила на себя вниманіе всего міра. Что за

причина разногласія теоріи съ наблюденіями? Невѣрны вычисленія?—мало вѣроятіа. Невѣрна основа ихъ—законъ всемірнаго тяготѣнія, послужившій для вычисленія возмущеній Урана другими планетами?—того менѣе. Быть-можетъ, наконецъ, существуетъ еще планета, неизвѣстная до сихъ поръ, которая своимъ притяженіемъ производитъ отклоненія Урана? Подобная мысль, кажется, впервые пришла Бесселю, который высказалъ ее еще въ 1823 году. Позднѣе онъ совѣтуетъ своему талантливому ученику Флеммингу приняться за разысканіе этой планеты. Но... Флеммингъ умираетъ, у самого Бесселя масса своей работы. Только въ 1843 году молодой англійскій астрономъ Адамсъ дѣлаетъ попытку разрѣшить задачу, а черезъ два года, независимо отъ Адамса, принимается за нее другой ученый—Леверье. Задача оказалась необычайно трудной, тѣмъ не менѣе Адамсъ окончилъ свою работу довольно скоро, и въ октябрѣ 1845 года представилъ свои результаты директору Гринвичской обсерваторіи, Эри. Но послѣдній отнесся къ нимъ скептически и не сдѣлалъ никакого распоряженія относительно наблюденій для разысканія планеты. Результаты Адамса не были даже опубликованы, а между тѣмъ они были, какъ оказалось впоследствии, очень цѣнны.

Въ 1845 году, какъ мы сказали, начинается свою работу Леверье. Онъ ведетъ ее строго-систематически. Прежде всего надо убѣдиться, имѣтъ ли ошибокъ въ вычисленіяхъ Буvara, и готъ онъ снова провѣряетъ таблицы, но тѣ частныя ошибки, которыя обнаружались, ничего не объясняли. Поэтому далѣе Леверье дѣлаетъ попытку исправить орбиту Урана, но опять получаетъ отрицательный результатъ. Тогда, наконецъ, онъ рѣшается ввести свои разсканія гипотезу о неизвѣстной планетѣ и пытается опредѣлить ея положеніе. Но какъ это сдѣлать? Гдѣ должно находиться это невѣдомое, таинственное тѣло, какъ вычислить направленіе, въ какомъ оно находится отъ насъ, когда мы не знаемъ ни разстоянія его, ни положенія, ни формы того пути, по которому оно движется, ни массы его? Леверье рѣшается сдѣлать нѣкоторыя упрощенія, руководствуясь своимъ остроуміемъ и основываясь на особенностяхъ солнечной системы. Но и при всѣхъ упрощеніяхъ задача оказывается очень сложной. Приходится рѣшать ее пробами, поѣдая планету въ одномъ, другомъ, третьемъ направленіи, и вычисляя всякій разъ ея влияние на положеніе Урана. То направленіе, при которомъ получается рядъ наименьшихъ отклоненій вычисленныхъ положеній Урана отъ действительныхъ, конечно, нужно считать наиболѣе вѣроятнымъ. Такимъ образомъ получаютъ грубые предѣлы для положенія планеты

на небѣ. Послѣ этого дѣлаются различныя поправки въ величины, принятыхъ за извѣстныя, чтобы точнѣе и точнѣе удовлетворить наблюденіямъ. 31 августа 1846 г. Леверье представилъ свои результаты парижской академіи наукъ. Когда они были напечатаны, директоръ Кембриджской обсерваторіи Чаллисъ поразился сходствомъ ихъ съ результатами Адамса, о работѣ котораго онъ зналъ раньше. Чаллисъ тотчасъ же принимается за систематическое изслѣдованіе указанного мѣста неба. Но такъ какъ подробной звѣздной карты у него не было, а на значительный диаметръ планеты, который можно было бы взглянуть въ трубу, рассчитывать было трудно, то онъ рѣшается опредѣлить по нѣсколькимъ разамъ положенія всѣхъ мелкихъ звѣздъ, чтобы по измѣненіямъ открыть планету. И онъ дѣйствительно наблюдалъ ее два раза: 4 и 12 сентября, такъ что если бы только онъ позаботился тотчасъ же вычислить свои наблюденія, то онъ открылъ бы планету. Но должно-быть все-таки Чаллисъ не имѣлъ глубокой, непоколебимой увѣренности въ существованіе планеты, онъ не былъ охваченъ воодушевленіемъ вычислителей и... опоздалъ. Ничтожный фактъ опредѣляетъ дальнѣйшій ходъ дѣла. Ассистентъ берлинской обсерваторіи Галле послалъ въ подарокъ Леверье, хотя и не зная его лично, свою докторскую диссертацию съ расчетомъ, что она можетъ ему пригодиться при его изслѣдованіяхъ о движеніи Меркурія. Леверье съелъ долготу въжливости поблагодарить автора письмомъ и заодно просилъ его осмотрѣть ту часть неба, гдѣ, по его только что оконченными вычисленіямъ, должна была находиться неизвестная планета. Въ виду опредѣленныхъ указаній и увѣренности тона Леверье, Галле не захотѣлъ игнорировать этой просьбы и, какъ только смерклое, отправился въ сопровожденіи молодого практиканта д'Арре къ большой трубѣ. Онъ надѣялся узнать планету по ея диску, но, несмотря на тщательные поиски, онъ ничего не находилъ. Приходилось обратиться къ картѣ. Какъ разъ въ то время къ Берлинѣ составлялись и печатались подробныя карты звѣзднаго неба. Д'Арре вспомнилъ про нихъ и предложилъ Галле посмотреть, не готова ли карта той части неба, которая ихъ интересовала въ данное время. На счастье она была уже напечатана. Отыскавъ карту въ шкафу вычислительной комнаты, Галле возвращается къ трубѣ и начинаетъ сравнивать всѣ звѣзды, помѣченныя на картѣ въблизи указанного мѣста, съ тѣми, которыя были видны въ трубу. Скоро онъ замѣтилъ звѣздочку 8-й величины, которой не оказалось на картѣ. Конечно, сейчасъ же явилось подозрѣніе, что это и есть неизвестная планета, но нужны доказательства, нужно подождать и посмотреть, не перемѣщается ли эта звѣздочка относительно другихъ, и вотъ Галле дѣлаетъ рядъ опредѣленій ея положенія. Онъ сидитъ у трубы вмѣстѣ съ директоромъ обсерваторіи Энке всю ночь, но сказать увѣренно, что звѣздочка движется, не можетъ. Нужно ждать слѣдующей ночи. А что, если въ слѣдующую ночь небо будетъ облачно и непогода установится надолго. Вы представьте себѣ, конечно, волненіе астронома, сдѣлавшаго уже открытіе, но не имѣющаго послѣдняго факта для подтвержденія его. Счастье благоприятствуетъ Берлину: слѣдующая ночь опять ясная. Смѣщеніе звѣздочки было констатировано тотчасъ же, какъ только взглянули въ трубу. Несомнѣнно—это планета. Она оказалась не въ томъ мѣстѣ, гдѣ указалъ ее Леверье, но разница въ положеніяхъ едва превзошла $1\frac{1}{2}$ диаметра Луны. Прилагаемъ карту (черт. на стр. 1146) той части неба, гдѣ находилась Пентуна въ моментъ открытія. Положеніе планеты отмѣчено кружочкомъ, вокругъ мелкія звѣзды созвѣздія Водолея и Козерога, греческими буквами α , β , λ обозначены наиболѣе яркія звѣзды, римскія цифры даютъ часы,

промежуточныя арабскія — минуты прямого восхожденія, цифры вертикальныхъ столбцовъ — градусы южнаго склоненія.

Удача Берлина обуславливалась двумя обстоятельствами. Изъ нихъ первое — необычайная лень, опредѣленность инструкцій и глубокая увѣренность Леверье въ успѣхъ своихъ изслѣдованій. Осмотрите то мѣсто неба, которое я указываю, и вы увидите планету—вотъ перифразъ просьбы его. Второе благоприятствующее обстоятельство—наличность хорошей, подробной карты мелкихъ звѣздъ. Чего бы, казалось, проще—обратиться Леверье къ своимъ коллегамъ по парижской обсерваторіи, съ просьбой поискать планету, но тамъ не было организовано систематическихъ наблюденій мелкихъ звѣздъ. Англичане тоже потерпѣли неудачу, хотя и стояли на вѣрномъ пути. Между тѣмъ въ Берлинѣ планета открыта, если не при первомъ взглядѣ на небо, то во всякомъ случаѣ только черезъ нѣсколько минутъ поисковъ по картѣ. Вотъ одна изъ цѣнныхъ наградъ наблюдателямъ, потратившимъ свое время и энергію на однообразныя, кропотливыя и утомительныя опредѣленія положеній звѣздъ на небѣ.

Интересно еще одно обстоятельство. Если мы сравнимъ величины, опредѣляющія орбиту Пентуны по вычисленіямъ Леверье и Адамса, съ величинами, полученными послѣ на основаніи непосредственныхъ наблюденій планеты, то мы поразимся, какъ сильно отличается послѣдній рядъ отъ двухъ первыхъ. Является вопросъ, какъ же могла быть открыта планета при такомъ неточномъ рѣшеніи? Да, дѣйствительно, планета Леверье, планета Адамса и настоящій Пентуна ничего общаго между собой не имѣютъ, но если мы вычислимъ положенія этихъ планетъ для дна открытія, то всѣ три окажутся приблизительно въ одномъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что вліяніе Пентуны на Урана не во всѣхъ частяхъ его орбиты одинаково. Оно оказалось всего больше около 1820 г., и вычислители при своихъ изысканіяхъ могли выдѣлать то направленіе, откуда проходили большія возмущенія, не имѣя достаточно данныхъ, чтобы судить о всей орбитѣ, которую обходитъ планета. Если бы астрономы не обратили вниманія на отклоненія въ движеніи Урана, сдѣлавшіяся замѣтными съ начала столѣтія, то, быть-можетъ, открытіе Пентуны замедлилось бы на неопредѣленное время, потому что съ 1822 г. отклоненія становятся менше и менше, и только при новомъ сближеніи планеты, которыя, замѣтимъ, повторяются черезъ 170 лѣтъ, они сдѣлаются опять значительны. Но астрономія стояла на высокой уже ступени развитія, и астрономы были настолько бдительны, что подобное явленіе не могло остаться незамѣченнымъ. За развитіемъ цвѣта, какъ фигурально выражается Дж. Гершель, сдѣлили внимательно и плодъ сорвали, лишь только онъ успѣлъ созрѣть. Новую планету назвали сначала именемъ Леверье, но это обижало Адамса, результаты котораго, хотя и не послужили непосредственно къ открытію планеты, тѣмъ не менше были получены за цѣлый годъ раньше; оно не было въ согласіи и съ названіями старыхъ планетъ; потому астрономы, по предложенію Бюро Долгого, остановились на имени „Пентуна“.

Много было споровъ о первенствѣ открытія, но чистой наукѣ мало дѣла до этихъ бесполезныхъ и праздныхъ разговоровъ. Игнорируя все это, астрономія можетъ только гордиться, что обладаетъ двумя такими молодцами, по выраженію Гёте (zwei solche Kerle), изъ которыхъ каждый, независимо отъ другого, рѣшилъ задачу, требовавшую столько же остроумія и теоретическаго знанія, какъ и настойчивости.

Прилагаемъ портреты обояхъ великихъ ученыхъ (см. на стр. 1146).

Къ рисункамъ.

Виды Константинополя. Зданіе „Блистательная Порта“. (Рис. на стр. 1131.)

Читателямъ вѣроятно неоднократно приходилось встрѣчаться въ періодическихъ изданіяхъ слова: „Блистательная или Высокая Порта“. Это громкое названіе присвоило себѣ Оттоманское правительство еще съ давнихъ временъ. Насколько это названіе въ прежніе вѣка, вѣка могущества и славы, соответствовало Турціи, настолько же теперь является страннымъ, если не сказать иначе, слышать рѣчь о „Блистательной Портѣ“; блескъ Турціи давно уже перенесъ въ область преданій, и существованіе „большого человека“ въ Европѣ поддерживается лишь по волѣ великихъ державъ.

Рисунокъ данъ на стр. 1131 настоящаго номера представляетъ собою зданіе „Блистательная Порта“—одного изъ главнѣйшихъ учрежденій въ турецкой столицѣ, въ которомъ между прочимъ помѣщаются: кабинетъ великаго визиря, министерства внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ; здѣсь же происходитъ и засѣданія турецкаго государственнаго совѣта.

Самое зданіе „Блистательной Порты“—старинная постройка въ итальянскомъ стилѣ. Зданіе имѣетъ нѣсколько входовъ; главный фасадъ выступаетъ значительно впередъ и окру-

жаетъ рядомъ колоннъ. Внутренность зданія раздѣляется на нѣсколько отдѣленій длинными, широкими коридорами, по обѣимъ сторонамъ которыхъ расположены многочисленныя приеутствія. Дверей обыкновенно нѣтъ; коридоры отъ комнатъ отдѣлены только портьерами.

Для туриста обзоръ внутренней зданія „Блистательной Порты“ представляетъ собою интересъ въ смыслѣ ознакомленія съ турецкой канцелярскою жизнью, которая поражаетъ своимъ младежескимъ, или вѣрнѣе, первобытнымъ состояніемъ. Турецкій канцеляристъ—это особый типъ безличности, небрежности и сознанія собственнаго высокаго достоинства.

Разлука. (Рис. на стр. 1134.)

Въ любой деревнѣ осенью можно наблюдать сцены, подобныя той, которую съ такой выразительностью изобразилъ на картинѣ талантливый художникъ. Проводы повобрайцевъ—это послѣдній актъ драмы, которая начинается съ того времени, какъ парню не посчастливилось въ воинскомъ приеутствіи вытунуть на жеребьевкѣ далекій номеръ. Съ той минуты, какъ официально удостовѣрена его годность къ отбыванію воинской повинности, въ крестьянской семьѣ онъ—отрѣзанный лозоть. Начинаются недолгіе, грустные сборы въ дорогу, а тамъ на-

ступает и послѣдній день, огрызающей на нѣсколько лѣтъ парня отъ стариковъ-родителей, а часто и отъ молодой жены и отъ недавно заведеннаго хозяйства. У стариковъ, не мало потерѣвшихъ на своемъ вѣку, горе безмолвно, но глубоко: подперевъ голову рукою, старуха-мать глазъ не сводитъ съ своего ненагляднаго дитяти; старикъ-отецъ стоитъ понуро и думаетъ горькую думу о томъ, что теперь хозяйство, лишное одной рабочей силы, пойдетъ не такъ складно, какъ прежде, и въ ихъ пѣбу, пожалуй, заглянетъ настоящая крестьянская нужда. Безмолвно горе у стариковъ, но молодая жена не въ силахъ сдерживать „глухихъ“ бабыныхъ слезъ, что въ два ручья такъ и текутъ по лицу, не въ силахъ поднять заплаканное лицо отъ груди мужа. Но и заплакаться вволю нельзя: уже петербургская рука „дядьки“ сердито треплетъ за плечо замѣшканнаго новобрачна. Еще нѣсколько минутъ, и,

еще больше воодушевить хоръ. И хоръ вполне понимаетъ своего капельмейстера: онъ прилагаетъ всѣ старанія, чтобы не ударить лицомъ въ грязь и съ честью оправдать оказанное доверіе. Здѣсь нѣтъ соперничества, нѣтъ „угнетенныхъ“ талантовъ—одно убѣжденіе объединяетъ участниковъ хора и капельмейстера, непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что лучшаго исполненія національнаго гимна—это ясно, какъ день—никогда не было и, пожалуй, не будетъ:

„Lieb' Vaterland magst ruhig sein—
Fest steht und treu die Wacht am Rhein!“

Витторія Колонна. (Рис. на стр. 1139.)

Витторія Колонна — знаменитая итальянская поэтесса. Она происходила изъ славнаго римскаго рода Колонна, появившагося въ Италіи въ XI вѣкѣ и вплоть до XVI в. правившаго на

Астрономъ Адамсъ (1819—1892). Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

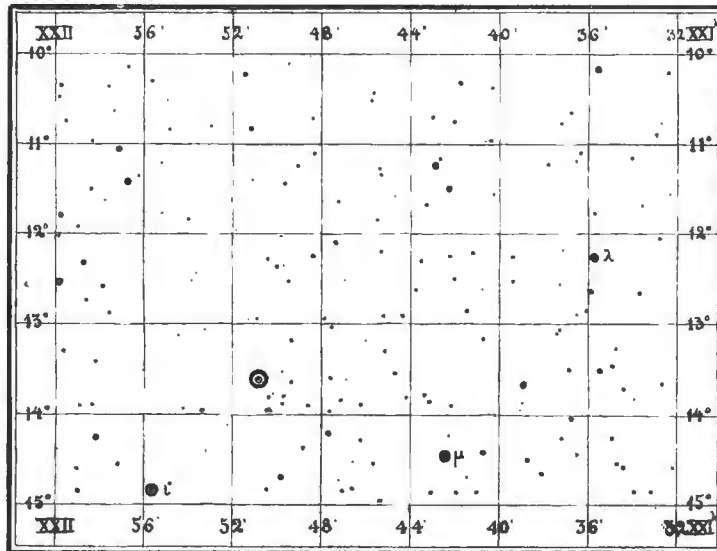
Астрономъ Лаверье (1811—1877). Съ лит. портрета грав. Шюблеръ.

Къ пятидесятилѣтней годовщинѣ открытія Нептуна.

съ послѣднимъ свѣткомъ, позадъ умчѣтъ ошеломленнаго горемъ парня далеко, въ незнакомый городъ, къ какой-то повой, смутно рисуемойся его воображенію жизни.

Маленькій капельмейстеръ. (Рис. на стр. 1135.)

Эта сценка выхвачена художникомъ прямо изъ нѣмецкой жизни. Кто бывалъ въ Германіи, тотъ знаетъ, какъ часто тамъ дѣти собираются группами, чтобы играть въ солдаты и хоромъ пѣть „Die Wacht am Rhein“. Безспорно маленькому оборвышу пріятнѣе играть въ солдаты съ сверстниками-товарищами и, воодушевляясь воинственнымъ гимномъ, одолевая воображаемыхъ враговъ, но, пока товарищи въ школь, можно попробовать составить хоръ изъ сестреночекъ. Польщенный такимъ вниманіемъ, сестренки охотно прервали только-что начатую игру въ куклы и покорно заняли на толстомъ бревнѣ мѣста въ такомъ порядкѣ, какой имъ былъ указанъ братомъ. Составленъ хоръ, даны необходимыя наставленія, теперь—вниманіе! Разъ... два... три... Тоненькая палочка, знакъ капельмейстерскаго достоинства, поднялась въ послѣдній разъ вверхъ и — пестройные звуки гимна огласили дворъ. Правда, звуки очень и даже очень нестройны, но зато сколько старанія прилагаютъ маленькія пѣвицы, чтобы придать имъ воинственный отблескъ. Съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ члены импровизированнаго хора за замахами палочки капельмейстера, который въ порывѣ крайняго воодушевленія пустилъ даже въ ходъ лѣвую руку, чтобы

Карта части звѣзднаго неба, гдѣ находилась планета Нептунъ въ моментъ ея открытія, 24 сентября 1846 г.

ряду съ родомъ Орсини выдающуюся роль въ Римѣ. Большинство представителей рода Колонна были предводителями гибеллиновъ. Однимъ изъ наиболее извѣстныхъ представителей этого рода былъ отецъ поэтессы, Фабриціо Колонна, верховный конетабль Неаполя, восхваленный Макіавелли въ его знаменитомъ трактатѣ „Arte della guerra“.

Витторія Колонна родилась въ 1490 г. въ Маринно, одномъ изъ принадлежавшихъ ей роду ленныхъ владѣній. Въ 1509 г. она вышла замужъ за Ферранте д'Авалось, маркиза ди-Пескара, храбраго полководца Карла V. Замѣчательная красота, недюжинный умъ и блестящій поэтическій даръ снискали юной Витторіи всеобщее поклоненіе. Шестнадцать лѣтъ спустя, воинственный Ферранте д'Авалось, все время не перестававшій предводительствовать войсками своего короля, былъ смертельно раненъ въ сраженіи при Павіи, и, глубоко опечаленная преждевременною кончиною супруга, Витторія искала утѣшенія въ уединеніи и поэзіи. Удалившись отъ міра, она поселилась въ монастырѣ и проживала сначала въ одномъ изъ монастырей въ Римѣ, затѣмъ въ Неаполѣ, на Искіи, въ Орвіетто, Витербо, наконецъ, опять въ Римѣ. Особенно интересовалъ религиозными вопросами, Витторія прикинула къ реформаціонному движенію, стремившемуся кореннымъ образомъ пересоздать уставы католической церкви. Переставъ интересоваться светскими вопросами свѣта, она не порвала связи съ духовнымъ міромъ поэзіи и поддерживала знакомство и дружбу съ извѣстнѣйшими ху-

И. Е. Рѣпинъ (по поводу 25-лѣтія художественной дѣятельности).
Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

дожниками и поэтами своего времени — Микель-Анжело Буонаротти, Аріосто и другими.

Поэтическія произведенія Витторіи Колонна, подъ заглавіемъ „Rime“ („Римы“), отпечатанныя при жизни поэтессы четырьмя изданіями, раздѣляются на двѣ части: вся первая часть посвящена памяти и восхваленію подвиговъ ея супруга, вторая состоитъ изъ религиозныхъ стихотвореній. Первое изданіе ея стиховъ вышло въ Пармѣ въ 1538 г., а затѣмъ въ Венеціи въ 1548 г. Полное собраніе произведеній Витторіи Колонна, вмѣстѣ съ ея биографіей, издаю Висконти въ Римѣ, въ 1840 г., а затѣмъ и Сальтани подъ заглавіемъ „Rime e lettere di Vittoria Colonna“ (Florentia, 1860).

Скончалась Витторіа Колонна 25 февраля 1547 г. въ Римѣ. Великолѣпный портретъ Витторіи Колонна, помѣщенный въ

В. Д. Полѣновъ (по поводу 25-лѣтія художественной дѣятельности).
Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

настоящемъ номерѣ, принадлежитъ кисти французскаго художника Жюльа Лефевра, который въ совершенствѣ передаетъ лица, исполненныя строгой внѣшней и глубокой внутренней, духовной красоты. На его „Витторіи Колонна“ и „Лореттѣ“ (№ 18 *Нивы* и. г.) лежитъ печать какой-то неземной красоты, чего-то строгого, чистаго, святаго, вызывающая въ зрителѣ чувство восторга и благоговѣнія.

Пѣснь любви. (Рис. на стр. 1142.)

Что за глаза, Боже мой — что за глаза!.. Сердце бравата карабинера, ни разу не тронутае въ самыхъ жаркихъ схваткахъ, невольно затренило подъ огнемъ этихъ пламенныхъ взоровъ. Привѣтъ синьорѣ, а если у синьоры такое же прекрасное вино, какъ прекрасны ея глаза — тысячу разъ при-

Воскрешеніе дочери Іаира, картина И. Е. Рѣпина, удостоенная въ 1871 г. большой золотой медали Академіи Художествъ.
Автотипія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

вѣтъ! Храбрѣйшій герцогъ, которому онъ, бѣдный карабиньеръ, служить вѣрой и правдой, вѣдѣи въ вознагражденіе его за доставленные свѣдѣнія, поручивъ угостить его виномъ такой прекрасной синьоры. За здоровье герцога! За здоровье синьоры! Мариетта? За прекрасные глаза синьоры Мариетты! Пусть не думаютъ, что рука, которая умѣетъ на славу работать шпагой, ничего другого не умѣетъ. То, что въ военное время для нея шпага, то въ мирное—гитара. Женское сердце тоже вѣдѣ крѣпость, которую могутъ полонить только искусной рукой извлеченные звуки—то вѣжные, какъ поночь утренняго вѣтерка, то страстные, какъ эти черные глаза. Да, хорошо поетъ молодой карабиньеръ, и можетъ ли сердце Мариетты не поддаться обаянію пѣсни? На розовыхъ устахъ ея уже расцвѣтаютъ улыбки, а въ глазахъ, погупленныхъ ея притворной скромностью, блестятъ задорные огоньки, когда она укладной выглядываетъ на пѣвца. Видно, молодой карабиньеръ опытенъ не только въ сраженіяхъ, и не только въ сраженіяхъ ему легко достаются победы.

Замокъ „Семи башень“ въ Константинополь.

(Рис. на стр. 1143).

Замокъ „Семи башень“—турецкое Jedikulle, греческое Нертарургон, — построенъ въ 1468 году, въ царствованіе султана Магомета II, на развалинахъ древняго Kyklobion (также Strongylon, т. е. круглый замокъ); впоследствии Kyklobion, по числу своихъ башень (5), былъ названъ Pentarurgon, а въ 1350 году, когда Кантакузій пристроилъ еще двѣ башни, названіе Pentarurgon было замѣнено въ Нертарургон.

Много страшныхъ тайнъ могли бы повѣдать современному поколѣнію суровыя, уже успѣвшія покрыться растительностью, стѣны замка „Семи башень“, который долгое время служилъ для Константинополя своего рода Басилеей: при частыхъ возстаніяхъ иначаръ сюда заключались низвергнутыя, приговоренныя къ казни султаны: во время войны въ этотъ замокъ заточали посланниковъ чужестранныхъ государствъ, съ которыми Турція вела войну. На внутреннихъ стѣнахъ „Семи башень“ и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще сохранились надписи на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, относящіяся ко времени пѣвца многихъ венеціанскихъ и германскихъ посланниковъ. Последній дипломатъ, который подвергся заключенію въ этотъ замокъ, былъ французскій уполномоченный г. Рюфэнъ (Ruffin). Это было въ 1798 году: съ этого времени замокъ „Семи башень“ постепенно терять свое грозное значеніе темницы и быстро подвергался разрушенію; среди обгорѣвшихъ кровью руинъ, изъ глубины которыхъ въ теченіе вѣковъ раздавался стонъ и мольбы несчастныхъ узниковъ, теперь раздастся лишь плачь да заунывный вой неугомоннаго вѣтра...

Къ югу отъ замка „Семи башень“ была расположена такъ называемая „Porta aurea“—золотыя ворота, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея—колодець крови, съ которымъ тоже связано тяжелое воспоминаніе о многихъ сотняхъ невинныхъ страдалцевъ, навшихъ жертвою ненасытнаго тиранства трусливыхъ турецкихъ султановъ: въ этотъ колодець бросались головы назвинныхъ придворныхъ; послѣднихъ, по преданіямъ, было такъ много, что вода ночью никогда не измѣняла своего кроваваго цвѣта.

Porta aurea, чрезъ которую Михаилъ Палеологъ послѣ победы надъ латинцами въ 1261 году вновь вступилъ въ столицу своихъ предковъ, въ настоящее время закрыта стѣною. Поводомъ къ этому послужило древнее турецкое пророчество, по словамъ котораго, именно чрезъ Porta aurea христіане вновь вступятъ въ Константинополь, въ день обратнаго покоренія его.

Юбилей И. Е. Рѣпина и В. Д. Полѣнова.

(Портреты на стр. 1147.)

4-го ноября текущаго года исполнилось 25 лѣтъ съ того дня, когда два талантливейшихъ русскихъ художника, Илья Ефимовичъ Рѣпинъ и Василій Дмитріевичъ Полѣновъ, получили по большой золотой медали за академическую программу „Воскрешеніе дочери Іаира“. Медали эти дали имъ возможность поѣхать на казенный счетъ за границу и ознакомиться тамъ съ величайшими образцами европейскаго искусства. Съ тѣхъ поръ ихъ юношескіе таланты развернулись съ могучей силой, и оба товарища по классамъ Академіи теперь стоятъ во главѣ молодой русской школы на ряду съ третьими огромными талантами—В. М. Васнецовымъ.

Въ теченіе четверти столѣтія Рѣпинъ создалъ цѣлый рядъ картинъ, поразительныхъ по глубинѣ экспрессіи и блеску техники. Его „Бурлаки“, „Проводы новобранца“, „Іоаннъ Грозный и царевичъ Иванъ“, „Святитель Николай“, „Не ждали!“, „Запорожская сѣчка“, „Правительница Софья“, „Крестный ходъ“, и т. д. принадлежатъ къ самымъ крупнымъ явленіямъ отечественной живописи. Имъ написана галерея портретовъ, неотразимыхъ по впечатлѣнью живой, реальной правды. Писемскій, Толстой, хирургъ Павловъ, Гаринъ, Бородинъ, Герардъ, Глазуновъ, Лисскъ, Глинка,—это такая коллекція портретовъ, которой могъ бы гордиться любой музей.

В. Д. Полѣновъ не портретистъ, это—жанристъ, пейзажистъ и изобразитель библейскихъ и сваягельскихъ сюжетовъ. Истин-

ный колористъ, онъ съ неподражаемымъ искусствомъ сочетаетъ гармонію красокъ на своихъ холстахъ. Его картины—цѣлая музыкальная поэма, цѣлое море красокъ и огня. Особенно хороши его картины: „Отрокъ Христосъ въ храмѣ“, „Христосъ на берегу Гешенсаретскаго озера“, „Христосъ и трѣпница“, „Большой ребенокъ“, „Бабушкинъ садъ“. „Jus prima noctis“ и пр.

Четверть вѣка назадъ, товарищи, какъ сказано выше, конкурировали на сюжетъ „Воскрешеніе дочери Іаира“. Каждый трактовалъ сюжетъ по-своему, но однаково сильно и колоритно. Органы печати тогда сразу отмѣтили сильныя работы конкурентовъ, отличавшіяся „достоинствами, рѣдко находимыми въ подобныхъ твореніяхъ“. Относительно же Рѣпина одинъ изъ критиковъ пророчествовалъ такъ:

„...Еще одинъ могучій талантъ высказался теперь во всей силѣ и несомнѣнной подлинности. Важно, впрочемъ, не то, что онъ явился и высказался такъ поразительно, а важно, что выразился въ натуралистической формѣ, заявивъ и подтвердивъ осариваемую истину, что натурализму можно возвышаться до высренняго идеала“.

Мы ограничиваемся здѣсь только этими немногими строками по поводу этихъ юбилеевъ, потому что оба художника величавы настолько крупныя, что о нихъ и безъ всякаго особаго повода, каковыя обыкновенно являются юбилей, могутъ быть написаны обширныя статьи, а если собрать все, что уже написано въ разное время о Рѣпинѣ, то составителъ большая книга.

Официальнаго празднованія этихъ юбилеевъ не было.

Замѣтимъ кстати, что 4-е ноября было днемъ 25-лѣтняго юбилея еще трехъ другихъ конкурентовъ на золотую медаль: Макарова, Зеленцова и Урлауба. Всѣ они были удостоены этой награды. Но не всѣмъ повезло, какъ двумъ первымъ талантливымъ художникамъ: Макаровъ умеръ въ 1884 году, Зеленцовъ по болѣзни отказался отъ заграничнаго пенсионерства, а Урлаубъ—сынъ баварскаго подданнаго, получивъ отъ нашей академіи званіе академика, поселился навсегда за границей.

Вильямъ Макъ-Кинлей. (Портр. на стр. 1150.)

Вильямъ Макъ-Кинлей, явившійся кандидатомъ республиканской партіи на постъ президента, павѣтень и въ Старомъ, и въ Новомъ Свѣтѣ, какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ экономическихъ и политическихъ дѣятелей въ Америкѣ, какъ одинъ изъ столповъ покровительственной системы. Являясь талантливымъ и энергичнымъ глашатаямъ крайняго протекціонизма, Макъ-Кинлей создалъ себѣ широкую популярность въ средѣ представителей промышленнаго міра великой Заатлантической республики и имъ главнымъ образомъ обязанъ своей побѣдой надъ своимъ соперникомъ Брейаномъ, кандидатомъ демократической партіи. Имя Макъ-Кинлея увѣковѣчено уже въ законодательствѣ Соединенныхъ Штатовъ—двумя законодательными проектами, имъ составленными и имъ проведенными въ жизнь—„закономъ Макъ-Кинлея“ („Mac-Kinley Administrative Bill“) вошедшимъ въ силу 19 іюля 1890 г., и „тарифомъ Макъ-Кинлея“ („Mac-Kinley Tariff Bill“), введеннымъ 24 сентября 1890 г. Оба эти закона имѣютъ цѣлю сообщить государственному хозяйству Соединенныхъ Штатовъ полную независимость отъ Европы, путемъ значительнаго повышенія ввозныхъ пошлинъ. Таможенный тарифъ Макъ-Кинлея не привелъ однако къ желаннымъ результатамъ, и друзья Макъ-Кинлея, снѣсь скрашить это единственное темное пятнышко на его репутаціи безупречнаго политико-экономна и финансиста, объяснили неудачу обстоятельствомъ, сопровождавшими введеніе тарифа, и американцы этому повѣрили. Теперь же, когда онъ явился горячимъ борникомъ золотой валюты, они еще болѣе вѣрятъ въ его славу.

Вильямъ Макъ-Кинлей, по происхожденію шотландо-ирландецъ, родился 14 февраля 1844 г. въ штатѣ Огайо. Семнадцатилѣтнимъ юношей онъ принималъ участіе въ междоусобной войнѣ Сѣверныхъ и Южныхъ Штатовъ, находясь подъ командой генерала Шеридана. По окончаніи войны онъ занялся адвокатурой. Въ 1876 г. онъ былъ впервые избранъ въ члены конгресса, въ которомъ пробылъ тринадцать лѣтъ; въ теченіе этого времени онъ и успѣлъ себя зарекомендовать въ качествѣ горячаго сторонника покровительственной системы. Въ 1890 г., на выборахъ въ члены конгресса, демократическая партія, считая Макъ-Кинлея однимъ изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ своихъ, добилась его забаллотированія, но зато въ слѣдующемъ году республиканская партія провела его на постъ губернатора въ его родномъ штатѣ Огайо. Въ этой должности Макъ-Кинлей состоитъ и теперь.

Съ того времени, какъ Макъ-Кинлей выставилъ себя кандидатомъ въ президенты республики, онъ пересталъ вести обычную жизнь мирнаго человека и гражданина,—онъ сталъ борцомъ, конкурентомъ, не знающимъ ни отдыха, ни сна, вонюмъ и въ то же время военачальникомъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи цѣлый штабъ агентовъ. Домъ его въ Кантонѣ превратился въ главную квартиру, гдѣ онъ, при содѣйствіи двухъ секретарей, написалъ болѣе сотни рѣчей и принялъ безчисленное количество делегацій. Бывали дни, когда къ нему явля-

лось по 8,000 человекъ, и каждому делегату приходилось пожать руку, пожать такъ, какъ принято у мускулистыхъ англичанъ и американцевъ, крѣико, что называется „shake-hands“. Еще болѣе пыткой для него была корреспонденція. Ежедневно получалъ онъ до 2,000 писемъ, значительная часть которыхъ содержала въ себѣ просьбы о припискѣ на память фотографической карточки, пуговицы съ гамашъ, изношенныхъ сапоговъ и даже окурковъ сигаръ. Все это приходилось исполнять по мѣрѣ возможности,—это были просьбы „выборщиковъ“, тѣхъ ничтожныхъ единицъ, которые въ общей сложности и дали миллионную цифру голосовъ.

Для того, чтобы быть въ состояніи все это исполнить, Макъ-Кинлей принимался за работу въ 5 часовъ утра. До 9 часовъ онъ прочитывалъ письма и подписывалъ заготовленные секретарями отвѣты на нихъ. Въ 9 часовъ начинались прѣемы, длившиеся, съ небольшимъ перерывомъ для „ленча“, до 4 часовъ. Затѣмъ онъ совершалъ съ женою прогулку въ кабриолетѣ и, пообедавъ, начиналъ диктовать свои рѣчи, которые ему предстояло произнести на слѣдующій день,—за этой тяжелой ум-

ственной работой онъ проводилъ время до часа ночи. На сонъ оставалось всего 4 часа.

Торжества, которыя были устроены населеніемъ Соединенныхъ Штатовъ по поводу побѣды Макъ-Кинлея, были достойной наградой за все его труды. День объявленія окончательныхъ результатовъ выборовъ былъ „днемъ флаговъ“. Вся страна расцвѣтила въ этотъ день маленькими американскими флагами. Все приверженцы „золотой системы“ украсили ими свои дома, экипажи и т. д. Въ Нью-Йоркѣ была устроена процессія республиканцевъ, въ которой принимало участіе 140,000 человекъ и 125 оркестровъ музыки. На дефилированіе процессіи потребовалось 12 часовъ времени. У большинства участвовавшихъ въ процессіи были воткнуты въ петлицу желтые цвѣты—эмблема золотой валюты; у каждаго была въ рукахъ палка, на которой развѣвался красный флагъ. Подобнаго грандіознаго выраженія народнаго ликования не бывало еще со времени встрѣчи въ Вашингтонѣ ветерановъ по окончаніи междоусобной войны.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ очищенія итальянцами Адиграта, въ Абиссиніи, по видимому, наступило перемиріе, тѣмъ болѣе, что періодъ дождей дѣлалъ невозможнымъ какія бы то ни было военныя дѣйствія. Съ тѣхъ поръ на возбуждаемый въ европейскомъ обществѣ интересъ къ дѣламъ въ Эіопіи офиціозные органы итальянской печати отвѣчали, что „заключеніе мира съ негусомъ не встрѣчаетъ серьезныхъ препятствій“. Тѣмъ не менѣе стало извѣстнымъ, что въ правительственныхъ кружкахъ Італіи вырабатывается, будто бы, программа дѣйствій на случай неудачнаго исхода мирныхъ переговоровъ, для веденія которыхъ были командированы Пераццини (см. *Итава* № 23).

Намѣреваясь стоять на опредѣленіи пограничной черты по рѣкѣ Марербъ, итальянское правительство заявило, что, въ случаѣ разногласія съ абиссинцами по этому предмету, представляется негусу оспаривать эту границу съ оружіемъ въ рукахъ. Выѣсть съ тѣмъ генералу Вальдессера посланы были инструкции, что желательно вести только оборонительную войну, и то лишь въ предѣлахъ колониальной территоріи. По ходу затормозившихся мирныхъ переговоровъ можно было предположить, что главнымъ препятствіемъ къ заключенію договора была полоса земли по эту сторону рѣки Марербъ, на уступку чего негусъ неохотно соглашался, итальянцы же упорствовали въ требованіи этой земли, какъ единственной полосы, пригодной для колонизаціи. Къ этимъ несогласіямъ присоединилось вконецъ новое обстоятельство—захватъ итальянцами пархода съ оружіемъ, адресованнымъ въ Абиссинію (см. *Итава* № 35). Кромѣ этого инцидента, пререканія о пограничной чертѣ послужили поводомъ къ опасеніямъ, что возможны повлія столкновенія между воюющими сторонами въ Абиссиніи, о чемъ извѣстили нѣкоторыя газеты, сообщившія, что негусъ Менеликъ вызвалъ изъ Тигре въ Шоа именитыхъ вождей на совѣщаніе.

Извѣстія изъ Рима, отъ 30 октября, подтвердили нѣтъ-то-положенія. Въ *Ossevatore Romano* опубликовано письмо папы къ негусу Менелику, къ которому ѣздилъ съ порученіемъ конскій епископъ Макаріи. Глава католической церкви старался своимъ письмомъ, въ маѣ нынѣшняго года, убѣдить негуса, что удерживаніе плѣнныхъ итальянцевъ, не увеличивая силы императора Эіопіи, усиливаетъ лишь скорбь тысячи матерей и женъ, а потому, „во имя Св. Троицы и всего, что особенно дорого негусу“, просилъ освободить плѣнныхъ, которыхъ папа „любитъ, какъ своихъ сыновей“. Въ опубликованномъ также докладѣ епископа Макаріа папѣ изложены все подробности насконъ миссіи въ Абиссинію. Письмо папы передано было Менелику 12 августа, а 28—Макаріи велѣ частную бесѣду съ негусомъ, выразившимъ готовность освободить всехъ плѣнныхъ, кромѣ офицеровъ. На слѣдующій день распространился слухъ, что освобождаемыхъ плѣнныхъ, развѣданныхъ по разнымъ пунктамъ, соберутъ выѣсть въ теченіе двухъ недѣль и отправятъ въ Джипути. Но 5 сентября прибывшій съ береговъ моря гонецъ извѣстилъ о захватѣ итальянцами пархода съ абиссинскимъ оружіемъ.

Послѣ засѣданій многочисленнаго совѣта въ теченіе нѣсколькихъ дней, Макарію сообщено было о невозможности отнестись плѣнныхъ, и на аудіенціи 1 октября вручено было отвѣтное письмо негуса къ папѣ. Императоръ Эіопіи отвѣтилъ въ письмѣ, что „по первому влеченію сердца хотѣлъ тотчасъ исполнить благородное желаніе папы“, но, къ сожалѣнію, горячій порывъ негуса былъ разбитъ неожиданнымъ поведеніемъ итальянскаго правительства, которое, вопреки выраженному намѣренію заключить миръ и возстановить добрыя отношенія, „продолжаетъ дѣйствовать какъ бы при военномъ положеніи“. Долгъ негуса, „какъ государя и отца своего народа, воспринять жертвованія, при подобныхъ обстоятельствахъ, единственно въ рукахъ негуса гарантіей мира“. Со словъ Макаріа, плѣнные живутъ на свободѣ, одинъ лишь генералъ Альбертоне находится подъ строгимъ надзоромъ.

Римская печать увѣряетъ, что Макаріи привезъ собственноручное письмо негуса къ русскому правительству въ Петербургъ, куда тотчасъ былъ отправленъ курьеръ Ватикана.

2 ноября получены были въ Парижѣ въ колониальномъ вѣдомствѣ утѣшительныя извѣстія изъ французскихъ источниковъ о благоприятныхъ результатахъ переговоровъ между Пераццини и Менеликомъ. Наконецъ, по свѣдѣніямъ изъ Рима отъ 3 ноября, самъ Пераццини донесъ итальянскому правительству, телеграммой изъ Аддис-Абабы отъ 14 октября, что въ торжественной формѣ подписаны имъ, Пераццини, мирный договоръ и конвенція о плѣнныхъ.

Миръ между Італіей и Эіопіей заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) военное положеніе прекращается, и возстановляется между обоими государствами вѣчный миръ и вѣчная дружба; 2) учтивскій договоръ отмѣняется; 3) признается независимость Эіопіи; 4) до окончательнаго опредѣленія сторонами пограничной черты, во избежаніе перерыва мирныхъ переговоровъ, особые уполномоченные обоихъ правительствъ, путемъ дружественнаго соглашенія, установить въ годичный срокъ окончательную границу, пока же граница остается—*statu quo ante*, т.-е. черта Марербъ—Велеза—Муна; 5) до установленія окончательной пограничной черты, Італія обязуется не дѣлать никакихъ территоріальныхъ уступокъ другой державѣ; если же такая уступка послѣдуетъ со стороны Італіи добровольно, уступаемая территорія вновь переходитъ во владѣніе Эіопіи; 6) въ цѣляхъ торгово-промышленныхъ, между сторонами могутъ быть заключаемы особыя конвенціи; 7) настоющій договоръ будетъ сообщенъ державамъ; 8) ратификація договора, со дня подписанія его, должна послѣдовать въ теченіе мѣсяца. Конвенція относительно плѣнныхъ содержитъ въ себѣ слѣдующіе пункты: 1) вѣдѣствіе заключенія мира, плѣнные свободны; негусъ направить ихъ черезъ Хараръ въ Зейду, какъ только получитъ по телеграфу ратификація договора; 2) отряду итальянскаго „Краснаго Креста“ разрѣшается навстрѣчу плѣннымъ до Виздессе; 3) итальянскій уполномоченный охотно призналъ основательность требованія негуса о возмщеніи крупныхъ расходовъ по содержанію и сбору плѣнныхъ для отсылки ихъ на родину, поэтому императоръ Эіопіи не опредѣляетъ суммы вознагражденія, а налагается на чувство справедливости Італіи. Въ тотъ же день негусъ Менеликъ телеграфировалъ королю Гумбергу о томъ, какъ „счастливъ“, что имѣетъ возможность уведомить о совершившемся событіи, выражая желаніе, чтобы „Богъ сохранилъ негуса и короля друзьями навсегда“. Сообщая при этомъ, что ему извѣстно о недавнемъ великомъ торжествѣ въ итальянской королевской семьѣ, негусъ Менеликъ передаетъ свою радость, что „представилась возможность превратить этотъ достопамятный день въ день ликованія для отцовъ и матерей итальянскихъ плѣнныхъ“, и закончилъ свою замѣчательную телеграмму пожеланіями многолѣтія своему недавнему противнику.

Радостью о заключеніи мира императоръ Эіопіи поспѣшилъ подѣлиться съ президентомъ Форомъ, котораго негусъ Менеликъ уведомилъ телеграммой, что „Богу угодно было возвратить миръ“ народу негуса, который „почтеть за счастье, если друзья негуса возрадуются вмѣстѣ съ нимъ“. Президентъ Форъ, „тройственный уведомленіемъ о мирѣ“, сердечно поздравилъ негуса выраженіемъ радости, „какъ сосѣдъ и какъ другъ“.

Съ другой стороны радостная вѣсть о мирѣ сообщалась и друзьямъ Італіи. По свѣдѣніямъ изъ Берлина, отъ 4 ноября, императоръ Визгельмъ послалъ королю Гумбергу телеграмму съ самыми сердечными поздравленіями, а статсъ-секретарь Маршалъ, лично поспѣтивъ итальянскаго посла въ Берлинъ, принеся поздравленіе отъ имени германскаго правительства.

Какъ извѣщаютъ изъ Рима отъ 5 ноября, ратификація договора съ Абиссиніей сообщена Менелику по телеграфу. Эту историческую телеграмму подписали итальянскій премьеръ

маркизы ди-Рудини, министры иностранных дѣлъ и военных. Такимъ образомъ положенъ конецъ войнѣ Италіи съ Абиссипіей. Итоги итальянской „ваптюры“ въ Африкѣ, безъ особеннаго затрудненія, будутъ подсчитаны, по всей вѣроятности, въ ближайшемъ будущемъ. Этимъ вопросомъ займется, надо полагать, итальянскій парламентъ совместно съ органами влиятельной печати. Закончившаяся кровавая борьба принесла культурному человечеству не мало пользы, расширивъ кругозоръ

политического міра: какъ послѣ Полтавы Европа открыла возрастающее могущественное христіанское государство Сѣвера, такъ послѣ Адуна та же просвѣщенная Европа узнала о существованіи сильнаго государства черныхъ христіанъ подъ экваторомъ въ Африкѣ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что при Адуѣ, гдѣ разгромлена одна изъ союзницъ тройственной лиги, зародилась важная роль Эіопіи во вѣншей политикѣ европейскихъ державъ.

Разныя извѣстія.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШЕЙ УКАЗЪ Правительствующему Сенату.

Въ пятый день октября сего года, супруга Его Императорскаго Высочества великаго князя Петра Николаевича, Ея Императорское Высочество великая княгиня Милица Николаевна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Романомъ.

Повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать распоряженіе, чтобы сей поворожденный князь Императорской крови, по принадлежащему ему, какъ правнуку Императора, титулу, во всехъ гдѣ причастуетъ, случаяхъ быть именемъ Высочествомъ.

На подлинномъ. Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Царское Село.

21 октября 1896 года.

— 4 ноября, въ загородномъ Знаменскомъ дворцѣ великаго князя Петра Николаевича происходило таинство св. крещенія высокопорожденнаго князя Романа Петровича. Въ 2 часа дня, по прибытіи во Дворецъ Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Теодоровны, началось Высочайшій выходъ изъ внутреннихъ покоевъ въ залъ, гдѣ была поставлена походная церковь. За Ихъ Величествами следовали Ихъ Императорскія Высочества великіе князья: Борисъ Владимировичъ съ великою княгиней Александровою Петровною, Павелъ Александровичъ съ княгиней Анастасіею Николаевною Романовскою, Константинъ Константиновичъ съ принцессою Евгениею Максимилиановною Ольденбургскою, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Петръ Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ и Сергій Михаиловичъ. За Ихъ Императорскими Высочествами—супруга министра Императорскаго Двора песты высокопорожденнаго. Нодушку и покрывало по сторонамъ поддерживали генералъ-адъютантъ Галль и завѣдывающій Дворомъ великаго князя Петра Николаевича. Далѣе следовали Ихъ Высочества принцы Александръ Петровичъ и Петръ Александровичъ, Ольденбургскіе и герцоги Георгій Георгіевичъ и Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкіе. При входѣ въ церковь Ихъ Величества были встрѣчены придворнымъ духовенствомъ со крестомъ и святою водою. Послѣ того, какъ великій князь Петръ Николаевичъ вышелъ изъ церкви, началось таинство святого крещенія. Воспріемниками были Государь Императоръ, великая княгиня Александра Петровна, великій князь Николай Николаевичъ, княгиня Маріа Петровна, принцъ Александръ Петровичъ, Ольденбургскій и княгиня Анастасія Николаевна Романовская. По совершеніи таинства, при пѣніи „Тебе, Бога, хвалимъ“, затрещать пушечный салютъ въ 31 выстрѣлъ. Затѣмъ великій князь Петръ Николаевичъ, войдя въ церковь, принесъ благодареніе Ихъ Императорскимъ Величествамъ, а духовенство принесло поздравленіе Ихъ Величествамъ и великому князю Петру Николаевичу.

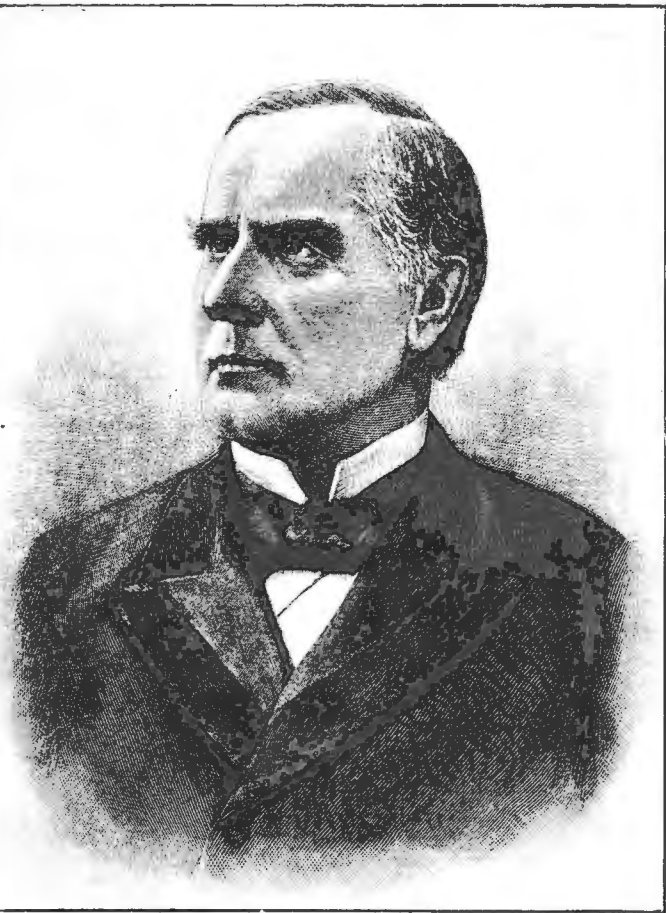
— 6 ноября, въ день столетія кончины императрицы Екатерины II, во всехъ столицахъ храмахъ отслужены панихиды по въ Восѣ починающей императрицѣ. Въ Исаакіевскомъ кафедральномъ соборѣ заупокойную литургію совершалъ соборъ высокопреосвященній Арсеній, архіепископъ рижскій и митрополитъ. На панихидѣ выходили: высокопреосвященныя митрополитъ Наталій и архіепископъ финляндскій и Выборгскій Антоній, преосвященныя Юаннъ, епископъ Навскій, и члены Святыяшаго Синода епископъ Гурій. Соборъ былъ переполненъ молящимися. Въ маломъ конференцъ-залѣ Императорской Академіи Наукъ панихида совершена въ присутствіи Августѣйшаго президента великаго князя Константина Константиновича и академикомъ. Во многихъ соборахъ и церквахъ столицы отслужены панихиды по желанію некоторыхъ полковъ и общественныхъ учреждений. Между прочимъ, въ Петропавловскомъ со-

борѣ отслужена въ 10 час. утра заупокойная литургія и панихида по почину командира и офицеровъ лейбъ-гвардіи гренатерскаго полка, въ чинѣ полковника котораго состояла въ Восѣ починающая императрица, бывшая вмѣстѣ съ тѣмъ, первымъ державнымъ шепфомъ полка. Въ томъ же соборѣ, въ 2 ч.

въ глубинѣ сцены былъ поставленъ бюстъ Екатерины, украшенный зеленью и цвѣтами. Полукругомъ, справа и слева отъ него, сидѣли артистки труппы, въ бѣлыхъ платьяхъ: за ними размѣстившись артисты, въ костюмахъ и фракахъ. Кругомъ отступивъ отъ обычной Александринскаго театра, гдѣ лекторъ помещается передъ занавѣсью и читаетъ только публикѣ. Кругомъ устроилъ чтеніе для публики и артистовъ. Г. К. Градовскій прочелъ очеркъ литературной дѣятельности Екатерины, очень скатый и интересный. Публика много ему аплодировала. Л. В. Яворская поистинѣ превосходила и съ одушевленіемъ, которое она внушила и публикѣ, прочла „Памятникъ“—Алехтина. Это чтеніе вызвало бурю рукоплесканій. Въ заключеніе г. Коръ-де-Ласъ съ своимъ оркестромъ сыгралъ „Громъ победы раздавайся“—М. М. Иванова, покрытый также горячимъ рукоплесканіемъ. Послѣ этого артисты и артистки поклонились передъ бюстомъ Екатерины, и занавѣсь опустился.

— Передъ закрытіемъ всероссійской промышленной и художественной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ, состоявшейся 1 октября, экспоненты ея устроивали, по словамъ *Нов. Вр.*, обѣды въ честь многихъ дѣятелей по выставкѣ. Экспоненты же X отдѣла, завѣдующіе которыми состоятъ Д. В. Григоровичъ, рѣшили собрать капиталъ на стипендію его имени и въ память выставки преподнести жетонъ. Объ этомъ желаніи экспонентовъ Д. В. Григоровичъ былъ увѣдомленъ събвдующимъ иеромомъ отъ нихъ:

„Дмитрій Васильевичъ. Мы, экспоненты X отдѣла и ихъ представители, многие мѣсяцы были свидетелями вашей энергической дѣятельности и неустанныхъ заботъ о полнотѣ и благоустройствѣ вѣншнаго вашему почесенію отдѣла Всероссійской художественно-промышленной выставки: большинство изъ насъ пользовались, при установкѣ витринъ и расположеніи экспонатовъ, нашими цѣнными совѣтами и указаніями. Кроме того, въ теченіе вѣншей дѣятельности на выставкѣ почти каждый изъ насъ обращался къ вамъ съ различными просьбами, и вы, какъ необыкновенно добрый и сердечный человекъ, а главное, вѣра рутиннаго канцеляризма, всегда съ охотой исполняли ихъ, не принимая въ соображеніе ни ранга, ни общественнаго положенія просившаго.

Новый президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Вильямъ Макъ-Кинлей.

30 м. дня, отслужена панихида, съ возгласеніемъ вѣчной памяти императрицы Екатерины II, по почину с.-петербургскаго губернскаго предводителя дворянства, въ присутствіи дворянъ С.-Петербургскаго губернскаго ремесленнаго сословія. Въ то же день отслужены заупокойныя литургіи и панихиды въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ въ царствованіе императрицы Екатерины II. Заупокойныя панихиды отслужены въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ присутствіи управляющаго морскимъ министерствомъ, въ Императорскомъ воспитательномъ домѣ, въ церквахъ генеральнаго и главнаго штаба, Императорской академіи художествъ, горнаго института, которому Высочайше присвоено отнынѣ названіе „Горный институтъ“. Императрицы Екатерины II, и с.-петербургской консерваторіи, въ залѣ с.-петербургскаго художескаго управленія, у памятника императрицы Екатерины II на Невскомъ проспектѣ, въ кадетскихъ корпусахъ, институтахъ и многихъ другихъ учрежденіяхъ, какъ въ столицѣ, такъ и во многихъ другихъ городахъ Россіи.

Въ годовищю кончины императрицы Екатерины II помянуть спеціальною чествованіемъ театр. Литературно-Артистическаго Кружка. 6 ноября, въ антрактѣ, послѣ 1-го акта шедшей въ тотъ день на сценѣ пьесы „Пришесса Греза“. По словамъ *Нов. Вр.*,

Желая хоть въ малой степени выразить вамъ, какъ завѣдующему X отдѣломъ, нашу искреннюю, сердечную признательность, мы рѣшили собрать между собою капиталъ на стипендію вашего имени.

„Убѣдительнѣе просимъ васъ указать учебное или благотворительное учрежденіе, въ которое мы и внесемъ собранную сумму, какъ вещественное доказательство того, что на какомъ бы поприщѣ общественной дѣятельности ни появлялся маститый авторъ безсмертнаго „Антоня Горемыки“, онъ воздѣлываетъ и чаруетъ сердца.

Желаемъ вамъ, Дмитрій Васильевичъ, долгихъ и счастливыхъ дней жизни на радость и гордость безчисленныхъ сыновъ матушки Россіи.“

На это посланіе отъ Д. В. Григоровича полученъ слѣдующій отвѣтъ:

„Принося искреннѣйшую благодарности гг. экспонентамъ X отдѣла Всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ и ихъ представителямъ за доброе вниманіе къ моимъ скромнымъ трудамъ, събвду отвѣтить, по возвращеніи изъ-за границы, на ихъ любезный запросъ, что мнѣ пріятнѣе всего было бы, если бы собранная ими сумма на стипендію моего имени, въ какомъ-либо учрежденіи могла поступить въ Императорское общество поощренія художествъ, на нужды его рисовальной и художественно-промышленной школы, съ которой такъ тѣсно связана большая часть моей дѣятельности на художественномъ поприщѣ.“

На стипендію имени Д. В. Григоровича уже собрано 3.000 руб.

СМѢСЬ.

Въ Индіи голодь. По извѣстіямъ изъ Бомбея, тамъ возникли уже „голодные безпорядки“ — народъ разнесъ хлѣбные магазины. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, англійское правительство принимаетъ

мѣры къ подавленію безпорядковъ, но лучшею мѣрой можетъ быть только снабженіе голодающихъ хлѣбомъ. Два обширныхъ государства стоятъ ближе всехъ въ Индіи: Англія и Россія, Англія—

как властелин, Россия—как добрый соседъ. Миллионы людей гибнуть съ голоду—долгъ нашъ, долгъ человѣка вообще—носить помощь бѣдствующимъ. Наша печать, въ лицѣ *Новаго Времени* и *С.-Петербургскихъ Видомостей*, помѣстила уже на своихъ страницахъ горячія воззванія, на которыя откликнулись сердца, отзывчивыя къ бѣдствію ближняго. Этотъ чистый, сердечный порывъ русскаго общества уже нашелъ себѣ откликъ, какъ сообщаютъ въ *Новое Время* изъ Лондона, въ различныхъ классахъ мѣстнаго населенія. Въ числѣ первыхъ, отозвавшихся на статью въ *Новомъ Времени*, былъ преосвященный Антоній, архіепископъ финляндскій, приславшій отъ себя съ братіей Митрофаньевскаго синодальнаго подворья въ редакцію газеты, на пользу голодающихъ въ Индіи, сто рублей, при слѣдующемъ письмѣ: „Въ Индіи страшный голодъ. Телеграфъ принесъ уже тревожныя вѣсти о безпорядкахъ, производимыхъ обезумѣвшимъ отъ голода народною толпою. Господь нашъ алтѣе въ лицѣ Своихъ братьевъ и ждетъ, чтобы мы накормили ихъ. Нельзя христіанскимъ народамъ безъ боли сердца и съ холоднымъ равнодушіемъ относиться къ страданіямъ своихъ братьевъ, разумныхъ Божіихъ созданий. Безъ любви и милосердія христіанскіе народы перестали бы быть христіанскими. Посему съ сердечною радостію отмѣчаю, что въ вашей газетѣ уже появились благородныя отклики христіанскаго сочувствія голодающимъ. И я вполне увѣренъ, что редакція не остановится только на этомъ. Безъ сомнѣнія, она не откажется и отъ принятія на себя посредничества въ оказаніи имъ дѣйствительной помощи, открывъ у себя пріемъ пожертвованій на это истинно-доброе и христіанское дѣло, которое найдеть для себя живой откликъ въ добрыхъ русскихъ сердцахъ“. Контора *Новаго Времени* (Невскій, 38) открыла пріемъ пожертвованій на этотъ предметъ.

Нѣсколько дней спустя, такой же человѣколюбивый призывъ на помощь голодающимъ раздался со столбцовъ *Московскихъ Видомостей* отъ лица высокопреосвященнѣйшаго митрополита московскаго Сергія:

„Въ Индіи свирѣствуетъ голодъ. Господь отъ единия крови произвелъ весь родъ человѣчскій. Посему люди голодающіе, гдѣ бы они ни были, суть наши ближніе, и мы, какъ вѣрные послѣдователи ученія Христова, должны имъ помочь въ ихъ нуждѣ.“

„Съ сею цѣлью учрежденъ мною въ Чудовомъ монастырѣ комитетъ для принятія пожертвованій въ пользу голодающихъ индій-

цевъ. Пріемъ въ помѣщеніи намѣстника архимандрита Товія. Въ основаніе сбора мною положено пятьсотъ рублей.“

„Сергія, митрополита московскій“.

Страшное стихійное бѣдствіе постигло и дальнюю окраину Россіи—большую и лучшую часть Южно-Уссурийскаго края. Сильный тайфунъ, прошедшій въ ночь съ 6-го на 7-е августа по прилегающей къ Уссурийскому краю Манчжуріи и по всему краю, вызвалъ небывалое по силѣ и разрушительности наводненіе, залившее всю долину рѣки Суйфуна, съ ея верховьевъ до устья, весь Посельскій участокъ, на югъ до корейской границы, и приморскія части Суванскаго участка, главнымъ образомъ долины Майхэ, Ци-мукхэ, Кангоуза, Шитухэ, отчасти самой Суванъ и дальше къ востоку—Судухэ. Подробныя свѣдѣнія объ этомъ бѣдствіи дошли до столицы только теперь и помѣщены въ *Новомъ Времени*, въ корреспонденціи В. А. Панова изъ Владивостока. Погибли сотни людей—русскихъ и корейцевъ. Многие и спасены—болѣе 400 человѣкъ,—благодаря усиліямъ нашихъ военныхъ командъ, расположенныхъ на дальнемъ Востокѣ, оказавшихъ подвиги истиннаго самопожертвованія; во главѣ этихъ „незамѣтныхъ героев“, пожертвовавшихъ своею жизнью ради ближняго, слѣдуетъ поставить рогатого командира 5-го восточно-сибирскаго батальона, штабсъ-капитана С. А. Дубровкина,—онъ утонулъ, спасая несчастныхъ корейцевъ. Все населеніе—казаки и остальные—находится въ бѣдственномъ положеніи, безъ крова и средствъ къ жизни. Урожай, обѣщавшій быть очень обильнымъ, пропалъ безслѣдно. Особенно тяжело положеніе новоселовъ,—недавно основавшихся на новыхъ мѣстахъ переселенцевъ въ Южно-Уссурийскій край. Первая помощь несчастнымъ русскимъ поселенцамъ оказана была жителями Владивостока,—въ двѣ недѣли среди жителей было собрано болѣе 6,000 руб.: но помощь эта очень незначительна въ сравненіи съ величиною бѣдствія. Нужны средства для того, чтобы дать населенію возможность прокормиться до слѣдующаго урожая, возвести себѣ жилища и обезвредить хоть какимъ-нибудь хозяйствомъ. Мѣстная администрація хлопочетъ о безвозмездномъ отпускѣ пострадавшимъ лѣса на постройки и объ отводѣ сѣнокосовъ изъ казенныхъ дачъ. Но наиболѣе значительную помощь своимъ несчастнымъ братьямъ могутъ и должны оказать остальные русскіе подданные. При конторѣ газеты *Новое Время* (Невскій, д. № 38) открытъ пріемъ пожертвованій для пострадавшихъ отъ наводненія въ Уссурийскомъ краѣ.

5% съ выигр. заемъ Гос. Дв. Зем. Банка 1889 г.

14 тиражъ 1-го ноября 1896 г.

ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ

закладныхъ листовъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка.

НУМЕРА СЕРІЙ:

каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 листовъ, съ № 1 по № 50-й включительно.

9	639	1736	2669	3750	4601	5354	6081	7258	8336	8978	9610	10539	11540	12613	13688	14913	15861
15	791	1797	2771	3757	4647	5383	6062	7287	8366	9027	9756	10605	11549	12656	13693	14945	15984
148	891	1945	2774	3776	4663	5396	6116	7365	8372	9073	9767	10844	11656	12716	13809	15048	
200	899	1989	2797	3792	4732	5527	6137	7441	8401	9231	9927	10874	11663	12753	13825	15101	
297	902	2084	2828	3832	5103	5534	6164	7606	8403	9294	9982	10859	11734	12794	13881	15370	
345	934	2096	2894	3843	5029	5568	6228	7664	8459	9298	9986	11074	11904	12795	13899	15388	
365	1120	2101	2913	3878	5031	5610	6360	7675	8482	9450	10039	11092	11967	12799	13962	15494	
402	1285	2151	3226	3922	5086	5604	6352	7764	8533	9475	10043	11281	12088	12902	14163	15631	
422	1610	2249	3406	4133	5133	5642	6701	7858	8564	9590	10219	11283	12224	13518	14445	15706	
430	1630	2429	3514	4211	5136	5835	6702	8033	8581	9538	10285	11348	12239	13595	14587	15714	
540	1693	2466	3662	4373	5274	5843	7035	8247	8664	9572	10314	11431	12278	13599	14628	15734	
544	1700	2544	3661	4413	5301	5932	7201	8293	8979	9576	10336	11516	12589	13636	14793	15835	

Всего 206 серій, составляющихъ 10,300 листовъ, на сумму 1.339,000 рублей.

СОДЕРЖАНІЕ: Три дѣйствія комедіи. Повесть ꙗ В. П. Желиховскій. (Продолженіе) — Изъ осеннихъ мелодій. Стихъ Зои Бухаровой. — Загадка. Изъ воспоминаній Эрнста фонъ-Вильденбруха. (Съ ильскаго) — Отыртіе Нептуна. Очеркъ Н. П. (По поводу пятидесятилѣтней годовщины.) (Съ 2 портр.) — Къ рисункамъ: Видъ Константинопля. Зданіе „Блистательная Porta“ (съ рис.) — Радуга (съ рис.) — Маленькій пальмейстеръ (съ рис.) — Витторія Колонна (съ рис.) — Пѣсня любви (съ рис.) — Замокъ „Семи башенъ“ въ Константинополѣ (съ 2 рис.).

Юбилей И. Е. Рѣпина и В. Д. Полѣнова (съ 2 портр.). — Вильямъ Манъ-Кинлей (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Разная новѣсть. — Смѣсь. — Тиражъ погашенія закладныхъ листовъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка. — Объявленія. При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемѣс. литературн. прилож.“ за Ноябрь.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой).

ІЕРУСАЛИМЪ
текста 68 страницъ. 36 картинъ. Цѣна 10 к. съ перес. за одинъ руб. 10 кн. СПБ. Бронницкая 11. кв. 2. П. П. Свѣцкому.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (21)
Специалистъ хронометровъ.
СПбургъ, Невскій пр. № 52
прот. Пил. Публ. Библиотекы.
Подробный иллюстр. прейскурантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.

12 ТЕТРАДЕЙ МУЗЫК.
НОТЫ ПЬЕСЪ ДЛЯ РОЯЛЯ
1 р. 35 к. съ пер. по почтѣ, для танцевъ, салонной игры и иныя, въ томъ числѣ и новый танецъ съ фигурами „Pas de quatre“.
Всѣ ноты новыя, стоимостью около 5 р. с., продаются за 1 р. 35 к. (можно марками почт. высылать).
У Ю. ГИЛЬКЕНЕРЪ
Москва, Тверская, д. Варгина.
ВСѢ НОТЫ русскихъ издателей (по всѣмъ всѣмъ сущ. каталогамъ) высылаются гг. иногороднымъ.
ПЕРЕСЫЛКА ПОЧТОЮ БЕЗПЛАТНО.

КОНЧ. УНИВ. по физ.-мат. фак. съ дипл. 1 ст. лиц. постоян. зан. сокл. и конторск. Им. много автор. реком. С.-Петербургъ, В. О. 3 л. д. 16, кв. 1. Ш. № 9682 3-1

ЛУЧШАЯ ПИЩУЩАЯ МАШИНА „СМИСЪ-ПРЕМЬЕ“.
Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствованія. Цѣна 250 рублей и 275 рублей.
Пищущая машина „КОСМОПОЛИТЬ“
Самый красивый шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Цѣна 95 р. Полноров. ящикъ къ ней 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высылаются безплатно.
Оптикъ О. РИХТЕРЪ.
С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4.

Склады фотографическихъ принадлежностей
О. ЮХИМЪ и К°.
С.-Петербургъ. Москва.
Невскій пр., № 3. Театральн. проездъ. (25)
Громадный выборъ всевозможныхъ аппаратовъ для фотографовъ, специалистовъ и любителей, а также для научныхъ цѣлей. Прейскурантъ изданія 1896 г., состоящій изъ 424 страницъ въ 8' листа, съ 719 рисунками въ текстѣ, вышель изъ печати и высылается по требованію въ 50 коп. почтовыми марками.
ВСѢ НОВОСТИ ПО ФОТОГРАФИИ.

НОВЫЙ НЕОБХОД. РУКОВОДСТВО
1) 4-е изд. перваго русск. и ли. рук. **МНЕМОТЕХНИКА** или искусства ПАМЯТИ. Объясн. до минимума запоминаніе чиселъ, словъ, языкъ, географ., исторіи, рѣчей, стихот., картъ, шахмат., бухгалтер., логарие. и пр. Цѣна 55 к. (марками) съ перес.
2) **БУХГАЛТЕРІЯ** простая и двойная въ 8 дней. 2-е изд. 11. 45 к. Адресъ: Одесса. **Н. Д. Слоущу.**
замѣняютъ дорого стоящ. курсы.

СТЕПНОЙ КУМЫСЪ
достоинъ награды на Всероссийской Выставкѣ. Специальное производство экспортнаго кумыса при кумыс.-леч. зав. Д-га Постникова. — Запасъ названу. Ящикъ 60 бут. 30 р. съ доставкой по лимитамъ ж. д. При заказѣ 10 р., остальное можно наложеннымъ. Склады: Самара, аптека Позернѣ.

СОСНОВОЙ ШЕРСТИ БЪЛЪЕ
Лучшее испытанное средство противъ простуды и ревматизма. Слѣдуетъ одѣвать непосредственно на тѣло.
Получены заграничныя (гребоватъ съ замороженной пломбой) настоящія „Шпринка“ сосновыя фуфайки, пальто, сорочки, также имѣются чулки и носки. Ц. № 9618 2-2
ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ БЪЛЪЯ.
5. Владимірская, 5. противъ Стрѣмянной.
Поставщикъ гг. офицеровъ и чиновъ Главнаго Артиллерійскаго управленія. Дополненныя прейскурантъ высылаются безплатно.

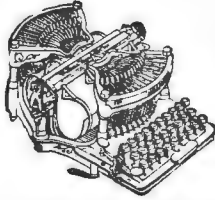
Поступило в продажу у всех книгопродавцев новое издание Ф. ПАВЛЕНКОВА:

НАСЛѢДСТВО и РАЗДѢЛЪ

(№ 2 „Популярно-юридической библиотеки“, составлен. Я. В. Абрамовым).

Вся библиотека будет состоять из 11 книжек: № 1. Духовная завѣщанія. — № 2. Наслѣдство и раздѣлъ. — № 3. Приобрѣтеніе имуществъ. — № 4. Аренда и наемъ имуществъ. — № 5. Судба и заемъ. — № 6. Личный наемъ и служба. — № 7. Опека. — № 8. Бракъ и семья. — № 9. Разводъ. — № 10. Усыновленіе. — № 11. Какъ искать и отвѣчать на судѣ. Цѣна каждой книжки 25 коп. Первые двѣ книжки находятся въ продажѣ. Третья книжка будетъ вышущена въ декабрь нынѣшняго года. №№ 4, 5, 6 и 7-й — въ будущемъ 1897 году, остальные — въ 1898 году.

ПИШУЩАЯ МАШИНА „ВИЛЬЭМСЪ“

Наименьшій форматъ!
Видный шрифтъ!
Безъ лентъ!
Верхъ совершенства!

Единственный представитель для всей Россіи американской компании „Вильэмсъ“ (The Williams, Typewriter Co)

Цѣна 250 р.

ЮСИФЪ ЭЙХЕНВАЛЬДЪ, Москва, Столешниковъ пер., домъ № 5. (3)

Можно получать въ Москвѣ во всехъ магазинахъ Товарищества „Эйнемъ“. Ш. № 8988 16 — 14

Можно получать во всехъ колоніальныхъ магазинахъ Россіи.

ИЗДАНІЯ годъ 3-й.

Подписной годъ начинается съ 15 ноября 1896 года по 15 ноября 1897 года.

ОТКРЫТА ПОДПИСНА на 1897 годъ

самый распространенный въ Россіи ежемѣсячный музыкальный журналъ „МУЗЫКА и ПѢНИ“

Подписная цѣна на годъ безъ дост. 4 р., съ дост. и перес. по всей Россіи 5 р., за границу 6 р. Допускается разсрочка. Первый взносъ 1 р.

ПѢНИ, ОДНОГОЛОСНАГО и ХОРОВОГО, ФОРТЕПИАНО и ДРУГИХЪ ИНСТРУМЕНТ. Одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, среднего и старшаго возраста библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. Рекомендованъ Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній кадетскимъ корпусамъ для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки. Журналъ „Музыка и Пѣніе“ выходитъ ежемѣсячно тетрадями по 44 стран. большого нотнаго формата. Годовой экземпляръ составляетъ болѣе 500 страницъ и даетъ своимъ подписчикамъ до 200 лучшихъ музыкальныхъ произведеній по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго творчества, стоящихъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ сорочъ рублей. Въ журналѣ „Музыка и Пѣніе“ помѣщаются выдающіяся музыкальныя новости, исполняемыя въ концертахъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Кроме того, желающіе изъ гг. подписчиковъ за добавочную плату одиной рубль могутъ получить на выборъ одну изъ поименованныхъ ниже премій: полныя оперы въ двѣ руки: Гуно: Фаустъ (225 стр.). Базе: Карменъ (200 стр.) новыя изданія съ прибавленіемъ бадетовъ. Байеръ: Волшебница Куколь, балетъ. Верди: Аида, Травиата, Трубадуръ, Фальстафъ, Риголетто. Казаченко: Князь Серебряный. Масканы: Сельская честь, Другъ Фрицъ. Леонковало: Налям, Пуччини: Манонъ Леско. Целлеръ: Мартинъ Рудовичъ. Таска: Святая Лючія. Школы для фортепиано: Гюнтена, Бурмильера, Дамъч. ч. I. или II. Ганои: Этюды для фортепиано. Беріо: Школа для скрипки. ч. I. Вальдтейфель: Альбомъ танцевъ въ четыре руки Пѣния Рейне съ иллюстраціями Юганна Грота, переводъ подъ редакціею И. Вейсбергера. 104 рисунка къ поэмѣ Н. В. Гоголя „Мертвыя души“, рис. А. Аливъ, гравироваль Бернардинъ.

Подробныя объясненія, содержанія 1-го и 2-го года изданія и начала мелодій высылаются бесплатно.

Вышелъ № 1-й. Содержаніе: Отдѣлъ I, текстъ: 1) Бринскій, Н. П. Музыкальный ритмъ народныхъ пѣсенъ, съ нотными призрами: а) Изъвъ лѣсу, лѣсу темнаго. б) Вылина про Добрыню и Василия Казимірова. в) Какъ по морю. г) (Зава на небѣ. д) На быстрой рѣкѣ. е) Ой самодерка. ж) Еще внизъ то по рѣкѣ. 2) Поражительная восприимчивость слуха. 3) Пѣніе и велосипедъ. 4) Старинный обрядъ. Отдѣлъ II, пѣніе: 5) Бетховенъ, Л. Прославленіе Бога (Sanctus) на 1 гол. съ форт. 6) Тоже. На 2 гол. 7) Тоже. На 3 гол. 8) Моцартъ, В. Молитва Спасителю (Ave virgin) на 1 гол. съ форт. 9) Тоже. На 2 гол. 10) Тоже. На 3 гол. 11) Тоже. Для смѣн. хора, съ аккомп. фортепиано и съ сопр. по желанію 2 скрипокъ, альта, виолонч., баса, органа или фисгармоніи. Пѣніи на 1 гол. съ форт. ар. Н. П. Бринскимъ: 12) Еще внизъ то по рѣкѣ было Камышенкѣ. 13) Какъ у нашего широкаго двора. 14) Во лузяхъ. 15) Ой самодерка. 16) Гуно, К. Воспоминаніе бала, на 1 гол. съ форт. Отдѣлъ III, легкія пѣснь для форт.: 17) Гурянтъ, К. Веселое пробужденіе. Маршъ. 18) Его-же. Утренняя молитва. 19) Бизе, Ж. Габанера изъ оп. „Карменъ“. 20) Его-же. Menuet de l'arlesienne. 21) Гуно, К. Вальсъ изъ оп. „Ромео и Джульетта“. Отдѣлъ IV, пѣснь для фортепиано средн. трудн.: 22) Веберъ, К. Приглашеніе къ танцу. 23) Kossini, G. Cujus animam. Знаменитая арія изъ „Stabat Mater“. 24) Шопенъ, Ф. Знаменитый полонезъ. 25) Pergolesi, G. Nina. Celebre Siciliana. 26) Gillet, E. Molanole. 27) Бетховенъ, Л. Турецкій маршъ. 28) Гринъ, Э. Ручеи. Лирическая пѣснь. 29) Шуманъ, Р. Грезъ. 30) Grieg, Ch. Pastorale. 31) Gounod, Ch. Souvenir d'un Bal. (Посмертное изданіе) 32) Wachs, P. Danse Japonaise. Отдѣлъ V, для фортепиано въ 4 р. ки: 33) Moszkowski, M. Serenata. Отдѣлъ VI, для разн. инструментовъ: 34) Бетховенъ, Л. Турецкій маршъ, для скрипки съ форт. 35) Тоже. Для флейты съ форт. 36) Тоже. Для виолонч. съ форт. 37) Тоже. Для трубы съ форт. 38) Kossini, G. Air de Stabat Mater, для скрипки съ форт. 39) Тоже. Для флейты съ форт. 40) Тоже. Для виолонч. съ форт. 41) Тоже. Для корнета съ форт. 42) Веберъ, К. Приглашеніе къ танцу, для скр. съ форт. 43) Тоже. Для флейты съ форт. 44) Тоже. Для виолонч. съ форт. 45) Тоже. Для корнета съ форт. 46) Шуманъ, Р. Грезъ, для скр. съ форт. 47) Тоже. Для фл. съ форт. 48) Тоже. Для виолонч. съ форт. 49) Тоже для корн. съ форт. 50) Приложение: Карасевъ, А. Н. Нотная грамота. Опытъ самоучителя пѣнія. 51) Объясненія. Цѣна № 1-го въ отдѣльной продажѣ 50 коп., съ пер. 71 к., съ налогъ. платж. 81 к. Части рубля можно почт. марками. Купившіе для ознакомленія № 1-й при дальнѣйшей подпискѣ удерживаютъ изъ подписной суммы 33 к., т. е. стоимость № 1-й при г. подписчивъ. Подписка принимается въ гласной конторѣ: С.-Петербургъ, Садовая, 22, прот. Гостиннаго двора, при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ П. С. Севиертова. Редакторъ и издатель П. СЕВІЕРТОВЪ.

КАКЪ НАМЪ ОБУВАТЬСЯ?

Д-ръ В. Гориневскій.

С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 12. (3)

О нормальной обуви, по преимуществу дѣтской. Цѣна 25 коп. Новая книга. Изд. маг. пособій по воспитанію дѣтей.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

В. № 9515 12-5

поставимъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23. Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста. **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики. **♦** съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. **♦** Новымъ иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

„Гуниади Яносъ“ представляетъ собою продуктъ природы, **СЛАБИТЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ** котораго извѣстно. Для пом. приёма достаточно 1/2 обмын. стакана.

Просимъ обращать вниманіе на нашу предохранител. марку портрета, которая неизмѣнно находится на этикетѣ каждой бутылки настоящей нашей воды.

Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ. **ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.** П. № 9157 **ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ** 12-6 **ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.**

ЛЕОНГАРДИ

достоверно-извѣстная, единственно настоящія **Алициариновыя чернила для письма и копирования** (жестяно-орѣшковая 1-го класса по отзывамъ государственныхъ учреждений), 30-28 № 8857 **ЛЕГКО-СТЕКАЮЩІЯ, ЗЛОЖЪ ЧЕРНЫЯ и ПРОЧІЯ.** **НАИЛУЧШІЯ** для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода, можно получать почти во всехъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей Россіи. Неподдѣльно только съ сей **Авг. Леонгарди**, изобрѣтатель и единственный предохранительной маркой. **въ Дрезденѣ**, фабрикантъ. Избѣгать поддѣлокъ.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ и ДЕЛО ПОДЛИННЫХЪ

ФОНОГРАФОВЪ ЭДИСОНА

Москва, Тверская, д. Толмачева.

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ:

- Электрическихъ, рессорныхъ и ручныхъ фонографовъ, цѣною отъ 200 до 550 р. съ принадлежностями.
- Кинетографъ, для проектированія на экранѣ движущихся фотографическихъ сценъ въ натуральную величину отъ 2000 до 3000 руб.
- Кинетоскоповъ и театроскоповъ (оживленная фотографія) въ маломъ видѣ 500 руб.
- Приборъ для демонстрированія фотографій невидимыхъ предметовъ 750 руб.
- Тысячи фонограммъ пѣнія извѣстныхъ артистовъ, комическихъ куплетовъ, разсказовъ и оркестровыхъ пѣснь.

Только нашъ магазинъ! Всегда имѣетъ большой выборъ запасныхъ частей, высылаемыхъ по телеграфному запросу, П. № 9595 5-4

- Собственную мастерскую съ иностранцами мастерами,
- Выдаетъ дѣйствительную гарантію въ исправности проданныхъ машинъ,
- Оскаательно и бесплатно обучаетъ обращенію съ фонографомъ.

Москва, Тверская, домъ Толмачева, Дело фонографовъ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ЛАРИЖЪ 1889.

ВЫСОЧІЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ИЗМАЙЛОВСКОГО ПРЯЗЛІ.

ВЕЩЕСТВА ДЛЯ КУРЕНІЯ.

О де Лавандъ Лѣсная вода
Амбре тройной Придворная вода
и двойной для куренія.

КУРЯТЕЛЬНАЯ БУВАГА, — КУРЯТЕЛЬНАЯ ЛЕНА
КУРЯТЕЛЬНАЯ СЪВѢТА, ВЪСМА АРОМАТИЧЕСКАЯ

МАГАЗИНЫ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
РОЗЕНСКОМЪ ПЕР. СЛ. УГОЛЪ КАЗАНСКОГО УЛ. Д. № 24-25
НЕВСКОМЪ ПЕР. № 28

СПЕ. ТЕХНОХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
„КАПРИЗЪ НЕВЫ“ | ТУАЛЕТНЫЯ
„МЮСКЪ“ | МЫЛА.
 Своими прекрасными достоинствами заслужил полное одобрение со стороны многочисленных потребителей. Ц. № 9671
ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ: СПБ., Площ. Александр. театра, 9.—МОСКВА, Никольская, д. Шереметева.—ВАРШАВА, Новый Свѣтъ, 37. 5-1

„ПРЕЛЕСТЬ-АККОРДЕОНЪ“
 наилучша въ настоящее время ручная гармонія. Отличается замѣчательной легкостью, пріятным тономъ, удобной игрой, новыми натаи, грифомъ и металл. углами у мѣховъ; одоради. дамская 5 руб.; обыкно. епн. 8, 10 и 14 р.; двухрадиал 20 и 30 р.; трехрадиал 40 руб.
„КРЕМОНА-АККОРДЕОНЪ“
 послѣдняя новостъ въ ручныхъ гармоніяхъ съ чрезвычайно пѣвучимъ тономъ. 10 клас. въ 8, 10 и 12 руб. 19 клас. 16 руб. Самоучитель Алексѣева 1 руб.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
 Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Подробное описаніе и полный иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно. Ц. № 9670 3-1

Прекрасный подарок!
КАЖДЫЙ САМЪ
ФАБРИКАНТЪ
СОБСТВЕННОЙ МОНОГРАММЫ
ЗА ОДИНЪ РУБЛЬ.

Аппаратъ состоитъ изъ двоякой монограммы—буквъ французскаго алфавита—какъ для конвертовъ, такъ и для листовъ—изъ нажиматся и соответствующей подушки. Призвѣніе самое легкое, такъ что и дѣти безъ затрудненій могутъ пользоваться имъ.

ПРОЧНОСТЬ, СКОРОСТЬ, ИЗЯЩНОСТЬ

ЦѢНА АППАРАТА СЛИНЪ РУБЛЬ.
Монограммы отдѣльно по 65 коп.
ПЕРЕСЫЛКА ЗА ОДИНЪ ФУНТЪ.
 Высылаются точно такъ по полученіи стоимости, а также и наложен. платежемъ.
 Единственный представитель для Россіи: Книжный магазинъ
Г. ШМИЦОРФЪ,
 ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.
 С.-Петербургъ, Невскій просп. № 6.
 Имѣется во всѣхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей.
ТОРГОВЦАМЪ ДѢЛАЕТСЯ УСТУПКА.

ЮРОДСТВО О ХРИСТѢ.
 ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВЫЕ И ДѢЕЮЩИЕ РОССІИ. Отзыви см. № 37 Нивы. Одобрена Учебн. Ком. въ библиотеки семинарій, муж. духовн. и женск. епарх. училищъ, монастырскія и церковно-приходскія. Москва, Пятницкая, святи. Ковалевскому и книжн. магаз. Ц. съ перес. 1 руб.

НАСТОЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ ОКОНЧЕНЪ.

Изд. Т-ва А. ГРАНАТЬ и К°. Цѣль изданія—въ сжатомъ изложеніи дать точныя и обстоятельныя свѣдѣнія по каждому предмету знанія, ознакомить съ основными выводами всѣхъ наукъ и болѣе важными вопросами жизни и тѣмъ содѣйствовать самообразованію и болѣе разностороннему развитію. Въ изданіи принимали участіе: проф. Д. Н. Анучинъ, проф. П. Г. Виноградовъ, прив.-доц. П. П. Вознесенскій, М. Я. Герценштейнъ, В. А. Гольдцель, В. Н. Григорьевъ, прив.-доц. Н. И. Гурляндъ, Г. А. Джанинъ, Я. Н. Колюбовскій, проф. В. Ф. Ленский, д-ръ М. Е. Лозъ, прив.-доц. Н. Л. Лосъ, проф. И. В. Лучинскій, Н. Н. Милуковъ, С. А. Муромцевъ, В. А. Мясотинъ, проф. Н. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нецаевъ, В. П. Острогорскій, проф. Э. Ю. Петри, А. С. Пругавинъ, проф. Э. Я. Радловъ, А. С. Размадзе, прив.-доц. А. Р. Свиридовскій, прив.-доц. В. Д. Соколовъ, проф. А. С. Тауберъ, маг. М. Н. Туганъ-Барановскій, проф. Н. А. Умовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, проф. А. Н. Чупровъ, проф. В. Г. Шенловъ и мн. др. Ц. № 9590 4-1
 8 томовъ (бол. 11,000 столб. убоистой печати), 71,890 статей и замѣтокъ, 1567 портретовъ и рисунковъ, 26 географич. картъ, 150 таблицъ рисунк. и статистич. таблицъ. Цѣна 38 руб., въ переплетѣ—42 руб. За пересылку 10%.

Допускается разсрочка отъ 1 р. 20 к. въ мѣс. ПОДРОБНЫЕ ПРОСЧЕТЫ съ отзывами печати, выдержками изъ текста и условіями разсрочки высылаются **БЕЗПЛАТНО.**

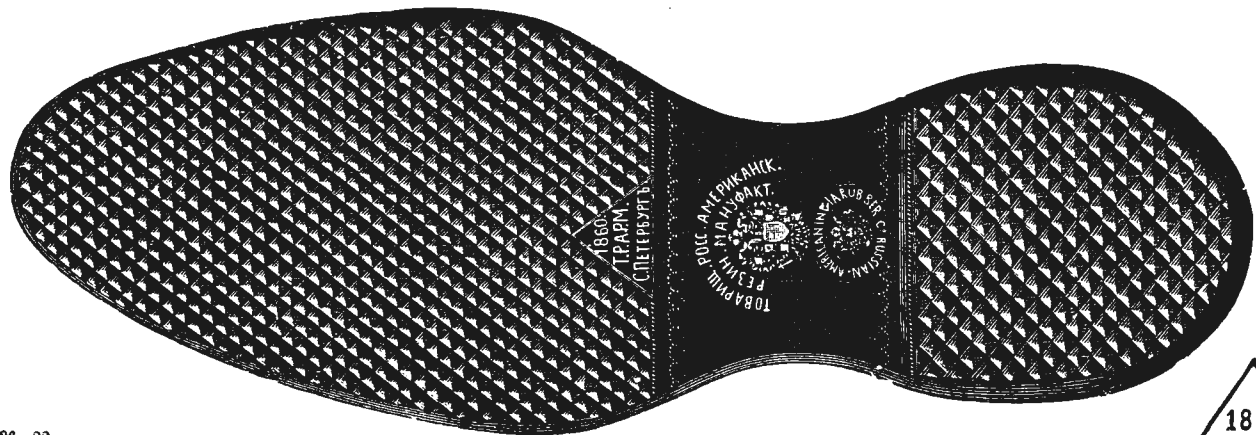
ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
МОСКВА,
Б. Никитская, д. 5.

ВСѢ КНИГИ ноты и учебники и пособія
 высылаются
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ П. П. СОЙКИНА.
 С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. д.
 Пробный № журнала „Природа и Люди“ высылается за 7 коп. марку.
 —Новый каталогъ книгъ безплатно.—

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
 учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
 обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6931 26-22
 на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).
 На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактурѣ удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

НАРОДНАЯ ЦИТРА

съ индустриальными подкладами. Дает возможность каждому, желающему, легко и просто играть на ней подкладным методом. Цена без листов 9 р. Подкладные листы по 20 к. Подробное описание и список пьес безплатно.

Юлий Генрих ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо и фабрика МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34.
Москва, Кузнецкий мостъ, д. Базарный.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
для производства **СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ**
въ г. Ригѣ

готовить въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.

Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ. Л. № 9599 10-4

НОВОСТЬ ДУХИ
ВЪ ЧЕСТЬ **КОРОНАЦИИ**
ПОСТАВЩИКОВЪ **ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА**
А. РАЛЛЕ И К^о

Москва, Кузнецкий мостъ.
С.-Петербургъ, Невскій, № 18. (67)

ПАМЯТЬ

лицъ каждаго возраста укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 ур.) профессоръ мнемоники С. Файнштейнъ.

Условия за курсъ высыл. за одну 7-ми коп. марку, вмѣстѣ съ платой (седьмое изданіе) "Что такое наука укрѣпленія памяти?" за шесть 7-ми коп. марокъ, на вешевой бумагѣ за восемь 7-ми коп. марокъ.

Адресъ: Одесса, Риванная ул., д. И. А. Бродского, № 6/28 (рядомъ съ городскимъ садомъ), кв. 2-8, въ бель-этажѣ, профессору мнемоники, члену парижской академіи С. Файнштейнъ.

Иногородніе могутъ адресовать простыя письма въ Контору "отдѣленія курсовъ заочнаго преподаванія мнемоники", уг. Пушкинской и Базарной ул., собственн. домъ, профессору мнемоники **С. Файнштейну**.

Адресъ для телеграммъ: Одесса, профессору мнемоники Файнштейну.

*) Книга эта продается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи. № 9680 5-1

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

духи — **ФИДЖА ДУСЛЭЭ** — туалетное мыло.
духи — **ЯПОНСКАЯ ФИДЖА** — туалетное мыло.
духи — **ЭДЕЛЬ РОЗЕ** — туалетное мыло.
духи — **ЛАНДЫХЪ ДУСЛЭЭ** — туалетное мыло.

Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлсруэ.

Можно получить:
Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Бюлеръ, Э. Брезинского, Р. Шакопольскаго, у Константина Гершъ, Ламана и Рика, А. Линде, А. Энгельда. Въ Москвѣ: у гг. Мюль и Мерляндъ, въ магазинѣ "А-ла-туалетъ", у Г. Брунсъ, Л. Борхардъ, Р. Келеръ и К^о, Оскаръ Гетлингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9363 25-19

ГРОТЪ-КОЛЛЕКЦИ.

Кабинетныя вещи, какъ-то: письмен. приборы, шкатулки, прессы-наше, подчасники и проч., сработанныя мозаично-резьбеными способами изъ сибирско-уральскихъ минераловъ въ природномъ ихъ видѣ, въ число которыхъ входятъ между прочимъ: александриты, аквамаринъ, аметисты, гранаты, изумруды, хризолиты, малахиты, яшмы шифоновыя. всевозмож. цѣтвъ и множество другихъ интересныхъ породъ минераловъ.

Прейсъ-курантъ высылаетъ безплатно.

Адресъ: г. Екатеринбургъ, Мастерская каменныхъ вещей **А. Н. Насонову**. 2-2

РЕМИНГТОНЪ

Торговый Домъ **И. Блокъ**

Около 1000 машинъ Ремингтонъ въ употребленіи въ новгородцахъ въ одномъ Петербургѣ. Общій обитъ около 150,000.

№ 9524 10-4

ВЫГРЫШ-
НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ **БАНКИРСКИЙ ДОМЪ**
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, СПб. 7-1

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.
Графъ Е. А. Салтаса.
Историческій романъ времени отъ начала до престола и начала царствованія императрицы Екатерины II. 4 т. 2-е изд. СПб. Цена 2 руб., съ перес. 2 р. 50 коп. колонкор. перепл. 2 руб. 75 коп., об. перепл. 3 руб. 25 коп.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6412 (80)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ Mimosa **ЛОЗЕ Ixora-viola**
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

ПОСТАВЩИКЪ **ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА**
КОНСТАНТИНЪ МАЛЫНЪ
Большая Морская, д. 34.
Складъ резиновыхъ товаровъ и новостей.

Въ предстоящихъ праздникахъ поминаніи разрѣшить вопросъ:
ЧТО ПОДАРИТЬ
дѣтямъ, родственникамъ и пр.
Прочту трюфель мой новый **магистрально-пробный-курантъ**, содержащій болѣе 1000 оригинальныхъ пробъ для всѣхъ возрастовъ и на все случаи. Гг. иногороднымъ присылку высылается безплатно. 2-1

АХРОМАТИЧ. БИНОКЛИ
"Малютка" 5 р. с.
"Унионъ" 7 р. с.
"СИЛОСВѢТЪ"
по 8 р., 10 р. и 12 р. с.
Перес. на счетъ посылки "Силосвѣтъ" лучшей оптикой нашего времени, преимущественно его: 1) громадное увеличеніе, 2) сильное увеличеніе, 3) незначительное поглощеніе свѣта.

ОПТИКЪ Г. ШТРАУСЪ.
Новый адресъ:
27. Большая Морская 27.
Сокращенныя прейсъ-куранты безплатно.

КАЛЕНДАРЬ-АЛЬМАНАХЪ НА 1897 Г.
"ЦАРЬ-КОЛОКОЛЬ"

изданіи О. И. Лашкевичъ, годъ одиннадцатый. Продается во всѣхъ книжныхъ и оптово-бумажныхъ магазинахъ. Цена со всеми приложениями 60 коп., съ пересылкой 90 коп., безъ приложений 50 коп., съ пересылкой 80 коп. Склады изданія: Москва, Петровка, д. № 26, типография О. И. Лашкевичъ и К^о, въ холлѣ; В. В. Думнова, Новое Время, А. Я. Шафардина, И. Д. Ситни, А. Д. Ступинъ и Н. П. Берлиншова.

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ съ естественнымъ методомъ леченія **Д-ра МАКСА ВЕМА.**
Dr. Max Böhm's Naturheilstalt, Bad Friedrichroda i Th.
Купанья ФРИДРИХОДА въ Тюрингіи, 1.430 футовъ надъ уровнемъ моря, открыто круглый годъ. Прекрасно обставленное и пользующееся лучшимъ репутациею заведеніе для леченія хроническихъ болѣзней. Мѣстоположеніе самое прекрасное въ Рудольдѣ. Прейсъ-куранты высылаются безплатно. К. № 9070 21-19

Фабрика непромокаемыхъ плащевъ **Я. ЮНАСА.**
Складъ резины и автентар. товаровъ **М. ХАЗАНОВИЧА**, СПб.
Вас. Остр., 7 лин., д. 40. Высылаются наложеннымъ платежъ. Требуется безплатно. Прейсъ-курантъ "Бѣлая Королева".

ПРИГЛАШАЮТЪ
опытныхъ агентовъ. Обращаться къ господину Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

БАЗАРЪ МАРОКЪ.
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 20-31.

Пересылаетъ наложеннымъ платежъ.

ЗОЛОТЫЕ ВЕЩИ съ индустриальными **БРИЛЛЯНТАМИ**
58-ой пробы **БЕЗЪ ФОЛЬГИ ИЛИ НАМЛАДНИ**, такъ что трудно отличить ихъ отъ настоящихъ брилліантовъ.

№ 254. Золотое кольцо. Шт. 4 р. 90 к., 2 за 9 р. 55 к., 3-за 18 р. 90 к. № 457. Браслетъ "Якорь". Шт. 4 р. 95 к.
№ 353. Золотыя серьги. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. № 267. Перстень. Шт. 9 р. 75 к. Гравировать 1 р. 50 к.
№ 358. Золотыя серьги на вытикахъ. Пара 4 р. 85 к., 2 пары за 8 р. 90 к. Гарантия **НАДЕМДА**: съ настоящ. брилліанты на брасл. и брошкѣ, на серьгахъ настоящ. жемчугу и искусств. брилліантамъ.
№ 401. Золотой бѣ слезъ. Шт. 19 р. 75 к., 2-за 37 р. 85 к. № 403. Браслетъ. Шт. 18 р. 50 к., 2-за 37 р. 75 к.
№ 307. Золотая брошка. Шт. 7 р. 55 к., 2-за 13 р. 90 к. № 302. Брошка. Шт. 13 р. 85 к., 2-за 25 р. 90 к.
№ 503. Золотая блява. Шт. 2 р. 90 к., 2-за 5 р. 55 к. № 351. Серьги. Пара 9 р. 75 к., 2 пары 18 р. 75 к.
№ 306. Золотая брошка. Шт. 10 р. 85 к., 2-за 19 р. 85 к. | Вся гарнитура **Надемда** № 403, 302 и 351 вмѣстѣ **ТОЛЬКО 40 р. 85 к.**

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 47

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти ежене. книг „Сборника“, содрж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ еженеделныхъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 23 ноября 1896 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1897 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложеніями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содржающихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговая линія.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
На ¼ года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к.; съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на ½ года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.									

Берлинская юбилейная художественная выставка. Антоній и Клеопатра. Съ карт. Альмы Тадемы автогипня Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

Три дѣйствія комедіи.

Повѣсть

† В. П. Желиховской.

(Продолженіе.)

На сцену выступила стройная, высокая женщина въ классическихъ, бѣлыхъ одеждахъ, въ зеленомъ вѣнкѣ на черныхъ волосахъ. Медленно, просто, величественно шла она, опустивъ взоръ на руки, въ которыхъ блистала золотой серпъ.

Въ партерѣ, во всемъ театрѣ произошло движеніе. Многіе привстали, удерживая дыханіе, привсталъ и Смольневъ, пораженный. И дѣвушка въ боковой ложѣ, забывшись, оперлась на перила и вся обратилась въ слухъ и зрѣніе...

Еще секунда, и электрическая искра пробѣжала по всему собранію. Примадонна подняла свои длинные рѣсницы, черные глаза ея блеснули, и все ея дивно-красивое лицо вдохновилось. Раздались первые сдержанные, мягкіе звуки могучаго, свѣжаго контральта;— первые мольбы глубоко страждущаго сердца къ чистой, безстрастной богинѣ.

Съ послѣдней нотой арии „Casta diva“, вопль одобренія провеса на театру и загремѣли крики и рукоплесканія, тѣмъ несдержаннѣе, чѣмъ сильнѣе было педальеріе и напряженнѣе ожиданіе разочарованія. Дѣти юга, поклонники музыки и красоты, сдерживать удивленія и восторга не считали ни нужнымъ, ни возможнымъ. Большинство ихъ никогда не слышали пѣнія Орнальди и были недовольны замѣной ея по принципу, лишь вслѣдствіе того, что именно ее ждали: но знавшіе и слышавшіе Карлотту теперь кричали, что эта сестра несравненно лучше поетъ, ужъ не говоря о красотѣ ея!.

— O! la divina, la bella ragazza!

— Ah! Oh!.. Charming creature! Beautiful voice indeed!—раздавались вокругъ Смольнева восклицанія и похвалы.

А онъ сидѣлъ, какъ къ мѣсту прикованный, остолбенѣлый, не смѣя вѣрять глазамъ, не смѣя довѣрять воспоминанію.

„Она — или не она?.. Если она — зачѣмъ же это?.. Зачѣмъ она на сценѣ?.. Здѣсь! Въ этомъ заброшенномъ городишкѣ, когда она могла бы быть знаменитостью, кантатрисой въ любой столицѣ!.. О, Боже мой! Какъ дивно она развилась, похорошѣла!.. Какой талантъ!.. Неужели это точно она? Маленькая Надя изъ Ранѣвки?.. Не можетъ быть!..“—волновался онъ, не зная, на чемъ остановиться.

Между тѣмъ тишина была водворена, первое дѣйствіе продолжалось. Жадно слѣдилъ онъ слухомъ и глазами за пѣвицей, ломая голову, дѣлая необычныя предположенія, составляя планы, волнуясь, какъ юноша, какъ уже давно не волновался.

И вокругъ него все волновались, все слѣдили за красавицей-примадонной, сразу заполонившей все симпатіи. Нѣсколько сердецъ было покорено ею въ этотъ вечеръ, а всеобщій интересъ возбужденъ до послѣдней степени. Гдѣ была она до сихъ поръ?.. Гдѣ пѣла? У кого училась? Отчего о ней ничего не было слышно, никто не говорилъ, не писалъ о ней, когда она въ тысячу разъ выше своей сестры?..

О томъ только и говорили въ антрактахъ.

Множество зрителей, въ томъ числѣ Смольневъ и англичанинъ, пытались проникнуть за кулисы, но до причудливой красавицы не было доступа. Она рѣшительно заявила антрепенеру и режиссеру, что никого не хочетъ видѣть и выходить будетъ изъ своей уборной прямо на сцену. Съ нею была только ея блѣднолицая, увѣчная спутница, оставлявшая уборную за минуту до поднятія занавѣса.

Съ каждымъ выходомъ пѣвицы, съ каждой новой партицей, впечатлѣніе, производимое ею, росло. Она воодушевила не только слушателей, но и всю труппу; артисты средней руки превзошли самихъ себя, стараясь поддержать честь своей корпораціи. Теноръ бросалъ на нее огненные взгляды, готовый измѣнить для такой Нормы не только фиктивной Адальгизъ, но и своей законной супругѣ; Оровезо, усиленно подергивая эспаньолку подъ приставной бѣлой бородой, клялся режиссеру, съ нимъ вмѣстѣ состоявшему въ дѣлахъ антрепризы, что они прочно поправили бы дѣла свои, еслибъ синьора Орнальди ослѣпнула ихъ продолжительной болѣзью: а самъ антрепенеръ вздыхалъ, сѣтуя на непредусмотрительность судьбы, давшей такія голосовыя и сценическія средства иностранкѣ, да къ тому же еще и не нуждающейся въ заработкахъ.

Въ сценѣ задуманнаго убійства и разлуки съ дѣтми многія матроны разразились слезами; а въ послѣднемъ дѣйствіи, когда, въ виду уже пылающаго костра, Норма трагическимъ движеніемъ отводитъ въ сторону вѣроломнаго римлянина, чтобъ бросить въ лицо ему страстный упрекъ:

„Qual cor tradesti?.. Qual cor perdesti?..“—

прозвучало такимъ глубокимъ, выстрадавшимъ чувствомъ, что не у одного Смольнева захватило дыханіе и сердце веколыхнулось сильнѣе...

Показалось ли это ему, или въ самомъ дѣлѣ, случайно или намеренно, глаза пѣвицы, скользнувъ по зрителямъ, на мгновеніе остановились на немъ?.. Кровь ударила ему въ голову. Онъ только тутъ узналъ ее несомнѣнно!.. Этотъ глубокий, сумрачный взоръ, изъподъ сдвинутыхъ бровей метнувшій въ него электрическую искру и мгновенно потухшій, былъ Надинъ взглядъ, у Смольнева не осталось сомнѣнія!

„Она! Она!.. Я долженъ ее видѣть!“—рѣшилъ онъ. Потрясенный до глубины души, онъ не ждалъ, пока угомонятся изступленные крики, аплодисменты и грохотъ восторга въ залѣ; онъ сталъ пробираться къ выходу заранее, чтобъ видѣть ее или узнать о ней: какъ найти ее, гдѣ она остановилась?.. Стиснутый волновавшейся толпой, онъ на ходу оглядывался, чтобъ видѣть ея выходы... Она вышла разъ и другой, кланяясь просто, съ улыбкой привѣта скорѣе, чѣмъ благодарностей, безъ малѣйшихъ сценическихъ ужимокъ, какъ кланяется привѣтливая хозяйка въ своей гостиной, а не заискивающая милости актриса на театральныхъ подмосткахъ. Третьяго выхода онъ не дождался, да и никто не дождался его: со сцены было объявлено бѣсновашейся публикѣ, что „la signora primadonna“ очень утомлена, благодаритъ сердечно за честь, тронута вниманіемъ публики до глубины души и пр., и пр., но уже уѣхала. Собравшаяся у подъѣзда публика, ждавшая ея выхода, чтобъ сдѣлать овацію, была разочарована точно такимъ же объявленіемъ.

Смольневъ, разгоряченный, взволнованный цѣлой бурей разнообразныхъ чувствъ, вскопчилъ въ фіакръ, совершенно забывъ, что отель противъ театра: бросилъ извозчику серебряную монету, не разбирая, какаया попаласть, и, не слыша и не видя его усиленныхъ благодарностей, взбѣжалъ въ отель, себя не помня. Въ театрѣ онъ ничего не добился, кромѣ указанія отеля, какъ мѣста жительства примадонны. Кровь его буневала, какъ въ юности, и каждое биеніе пульса, казалось, повторяло: „Это она! Она!.. Я сейчасъ ее увижу!..“ Онъ потерялъ всякое представленіе о времени и очень удивился, когда лакей, посланный имъ въ номеръ, зани-

маемый примадонной, съ его карточкой, возвратился съ отвѣтомъ:

— Теперь поздно, la signora утомлена: но завтра утромъ приметъ эчченену.

Быть одиннадцатый часъ всего,—куда дѣваться?..

Смольневъ и подумать не могъ оставаться въ четырехъ стѣнахъ. Онъ вышелъ снова на крыльцо, снова вскочилъ въ неотѣхавшій еще фіакръ, къ величайшему удовольствію кучера, узнаваго въ немъ щедрого синьора forestiero, и приказалъ ѣхать,—скорѣе ѣхать! Куда?.. Куда самъ знаетъ, все равно!.. Возница понялъ, что имѣеть дѣло съ путешественникомъ-оригиналомъ, и хлестнулъ лошадь. Въ Низѣ, куда же везти иностранца, желающаго покататься при лунномъ свѣтѣ, какъ не на ту же зеленую площадь, въ концѣ которой возвышаются четыре громаднхъ намятника средне-вѣковаго искусства: Campo Santo, это чудное кладбище, воздвигнутое на почвѣ, доставленной многими эскадрами галеръ изъ Иерусалима, и бѣломраморные купола и колонны собора, баптистеріи и падающей башни?.. Это было грандіозное зрѣлище, которымъ Смольневъ, впрочемъ, не любовался: онъ хотѣлъ только воздуха, только усиленнаго движенія и подгонялъ извозчика ѣхать и ѣхать далѣе и скорѣе.

— Не желаете ли, синьоръ, прокатиться по лѣвому берегу?.. Тамъ сады, хорошія зданія, — церкви и дворцы?..

— Прекрасно! Куда знаешь!

И вотъ покатилаь снова колясочка, во всю прыть невзрачной, но бойкой лошади. Миновали набережную, проѣхали по мраморному мосту... Городъ, рѣка, сады, величественные фронтоны и башни дворцовъ, и вдали синѣвшія въ серебристомъ туманѣ горы,—все было залито свѣтомъ, все тонуло въ блескѣ—но не огней, а чудной южной ночи. Пиза, не знающая веселья давно, съ тѣхъ поръ какъ была лишена торговли и значенія, лишена самой безжалостной природой, отнявшей у нея порть, удаливъ отъ нея море,—тихая Пиза даже въ такіе ночи не оживаетъ къ жизни. Ея узкія улицы, ея поросшія травой площади и мостовыя широкихъ набережныхъ не оживляются ни веселой толпой, ни серенадами, ни звукомъ музыки или пѣвня, изъ оконъ мало обитаемыхъ палатц. Еслибъ не отворялись для ночной прохлады жалюзи и балконы, можно бы подумать, что городъ вымеръ... Онъ точно спитъ и въ заколдованномъ свѣ переживаетъ въ своихъ музеяхъ и бібліотекахъ, въ уединенныхъ студіяхъ профессоровъ и ученыхъ свое блѣстящее прошлое! Свои войны съ невѣрными, свои побѣды, свою всемірную торговлю, обогатившую Тоскану и всю Италію, въ тѣ времена, когда о ея нынѣ торгуютомъ сосѣдѣ, Ливорно, еще и помину не бывало!..

Смольневъ ни о чемъ такомъ не думалъ и даже ничего вокругъ не видѣлъ: онъ весь ушелъ въ воспоминанія! Передъ нимъ не вилса желтый Арно, а разстилалась широкая Волга; не сіяли мраморные дворцы и храмы,—а зеленѣли березы, колосились нивы, краснѣли крыши одноэтажныхъ, деревенскихъ домовъ. А въ ухахъ его еще звучали величественные аккорды Беллини, еще отдавался то ласкающій, то отчаянный, дивный голосъ пѣвицы, вдругъ прерывавшійся дѣтскимъ, звонкимъ смѣхомъ черноглазой дѣвочки, образъ которой то и дѣло заслонялъ собою красавицу-женищину...

Зато ни одна подробность этой волшебной ночи, этой величественной панорамы, не пропала даромъ для двухъ сильно возбужденныхъ, настроенныхъ необычайно чутко подругъ, тоже пользовавшихся прелестью ночной прогулки.

Надеждѣ Борисовнѣ тоже не спалось и не сидѣлось въ душной комнатѣ, послѣ ея неожиданнаго торжества. Ей тоже хотѣлось освѣжиться движеніемъ и воздухомъ, послѣ столькихъ впечатлѣній. И она тоже предложила

своей восторженно-счастливой въ тотъ вечеръ спутницѣ прогулку за городъ. Онѣ поѣхали за рѣку, къ церкви Santa Maria della Spina. Онѣ уже тамъ были днемъ, но Надеждѣ Борисовнѣ пришло желаніе именно въ эту чудную ночь прокатиться по берегу, полюбоваться этой готической игрушкой-храмомъ при лунномъ сіянии. Эти кружевные мраморные фестоны, легкіе, прозрачные до того, что, кажется, сотканы только на одинъ день, стоятъ болѣе пяти вѣковъ: граціозно переилстаясь, вырѣзываются на синевѣ небесъ и отражаясь въ тихомъ Арно, они радуютъ взоры поколѣній за поколѣніями и все такъ же кокетливо будутъ улыбаться нашимъ правнучкамъ и потомкамъ, какъ улыбались любовавшимся ими дѣвушкамъ, въ эту прозрачную ночь.

Глядя на нихъ, на окружавшее ее торжество юга, Надя тоже вспомнила дальній сѣверъ: заиссенную спѣгомъ рѣку, Раивевку на высокомъ берегу и Луговое внизу, подъ горою, мирно дремлюція подъ бѣлыми покровами, осеребренными вотъ этой самой, яркой луною... Что бы сказали тамъ, если бы знали о сегодняшнемъ вечерѣ?.. Что бы сказала она сама, десять лѣтъ тому назадъ, еслибъ показали ей эту панораму и сказали: „Вотъ, что будетъ окружать тебя въ ту декабрьскую ночь, когда ты, послѣ долгой разлуки, встрѣтишься съ Николаемъ Смольневымъ и... не почувствуешь ни радости, ни горя, — ровно ничего, кромѣ маленькаго недовольства предстоящей скукой объясненія?..“

Да! Это была неожиданная и оригинальная встрѣча. Надежда Борисовна улыбнулась своимъ мыслямъ и приказала кучеру ѣхать обратно, никакъ не думая, что ее подкарауливаетъ еще одна неожиданность, что „свиданіе“ съ другомъ дѣтства должно быть эффектибѣе, чѣмъ она ожидала.

Въ ту минуту, какъ возница ихъ задергалъ вожжами, поворачивая экипажъ, навстрѣчу имъ показался другой фіакръ, гдѣ сидѣлъ, глядя на звѣзды, въ необычномъ мечтательномъ расположеніи духа, Николай Андреевичъ. Проѣздъ на поворотѣ былъ не широкъ, кучера итальянцы не особенно ловки: тутъ еще подвернулся какой-то камень... Маленькій экипажикъ съ двумя дамами неловко накренился, ставъ поперегъ дороги; быстро ѣхавшій извозчикъ Смольнева не успѣлъ сдержать свою лошадь, — оглобля вѣхала въ чужой экипажъ,—раздался трескъ, и Раивева схватилась за козлы, чувствуя, что они валятся на-бокъ.

Громкіе крики и руготня кучеровъ прервались отчаяннымъ возгласомъ Смольнева. Онъ выскочилъ изъ фіакра какъ разъ во-время, чтобы принять въ свои объятія падающую Елену Рейсдольфъ, которая не сумѣла удержаться, какъ ея подруга, выпрыгнувшая на землю вслѣдъ за ней.

Пораженные неожиданнымъ случаемъ и неожиданной встрѣчей, старые знакомые стояли съ секунду неподвижно, прямо глядя другъ на друга, не находя еще словъ...

Наконецъ Смольневъ опомнился, приподнял шляпу и произнесъ сильно дрожавшимъ голосомъ, не рѣшаясь заговорить по-русски, хотя тотчасъ узналъ Раивеву:

— Pardon, mesdames!.. Quel malheur!.. J'espère que vous ne vous êtes pas fait mal?

Мѣсяцъ ярко свѣтилъ на нихъ, прямо въ лицо Надежды Борисовны. Оно озарилось невольной улыбкой, и она отвѣтила по-русски:

— Здравствуйте, Николай Андреевичъ! Вотъ гдѣ Богъ привелъ встрѣтиться!

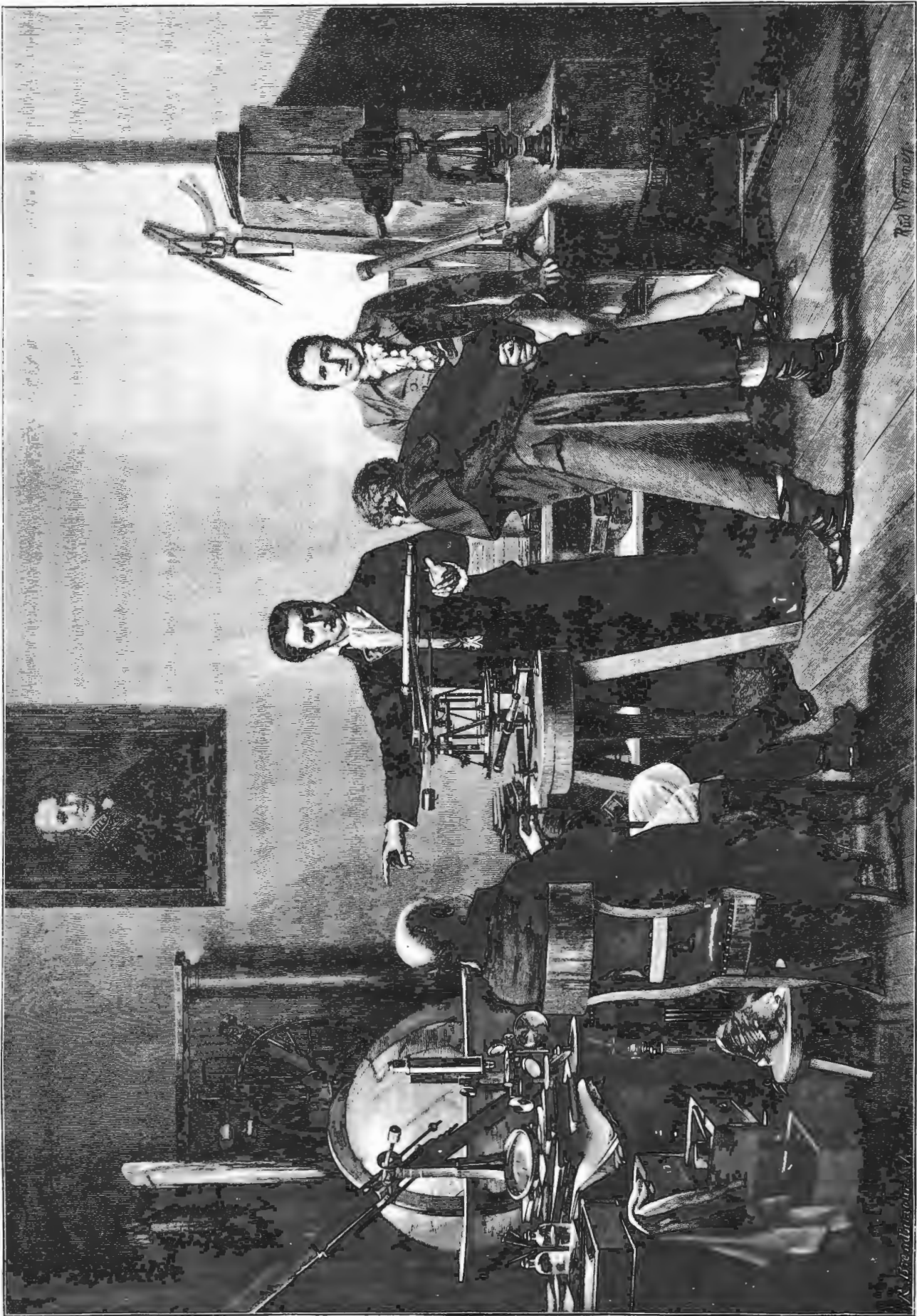
Вмѣсто отвѣта, у него вырвалось пѣчто весьма похожее на крикъ восторга, и онъ, схвативъ ея протянутую руку, припалъ къ ней горячо...

Она ея не отымала, хорошо понимая, что это было бы неумѣстно.

— Такъ это точно вы?.. Точно вы, Надя... Надежда Борисовна?..—повторилъ онъ, себя не помня отъ волненія.

Берлинская юбилейная художественная выставка. Въ храмъ Венеры.
Съ карт. Альмы Тадемы австриин Ангерера, и Гешля въ Вѣнѣ.

Иосифь Фраунгоферъ показываетъ изобрѣтенный имъ спектрометръ. Съ карт. Р. Вилхера, грав. Брендамури.

На нихъ смотрѣла Елена Рейсдольфъ не удивленными, но большими, внимательными глазами.

— Вы не ошиблись, милая Лена? — обратилась къ ней Ранѣва.

— Щѣла и невредима! — съ улыбкой отвѣчала она и прибавила, ласково глядя на Смольнева: — Благодаря помощи вашего знакомаго!

Онъ тоже посмотрѣлъ на нее и, словно уколотый, сдѣлалъ шагъ назадъ. Сходство! Опять поразило его это сходство... Онъ узналъ теперь въ ней дѣвушку, видѣнную имъ сегодня въ боковой ложѣ театра.

— Я очень радъ, что подоспѣлъ во-время, чтобы помочь вамъ! — пробормоталъ онъ, приподнявъ шляпу.

А Надежда Борисовна, глядя на нихъ въ маленькомъ замѣшательствѣ, думала: „А вѣдь надо назвать ихъ!.. Что-то онъ скажетъ?.. Славу Богу, что бѣдная Леночка ничего не знаетъ... Его имя для нея — ничто!“

Между тѣмъ кучера переругались, расцѣпились, разѣхались, но оказывалось, что въ одномъ изъ фіакровъ, въ томъ, гдѣ сидѣли дамы, ѣхать нельзя было: сломалась рессора и вылетѣла спица изъ колеса. Извозчикъ бранился неистово... Смольневъ поспѣшилъ его уговорить самымъ убѣдительнымъ и утѣшительнымъ аргументомъ — звонкой монетой. Разумѣется, онъ умолялъ дамъ сѣсть въ его экипажъ, да больше нечего было и дѣлать!

— Ну, что-жъ? Дождемъ какъ-нибудь втроемъ! — согласилась Надежда Борисовна.

— О, разумѣется!.. Я сяду на козлы, на подножку, куда-нибудь! — говорилъ Смольневъ. — Вѣдь мы съ вами остановились въ одномъ отелѣ. Ахъ, какъ все это странно! Какъ неожиданно! Бога ради скажите, какимъ образомъ... Отчего... Я хочу сказать, какъ это случилось, что вы на сценѣ?

— Я совсѣмъ не на сценѣ, собственно. Я должна была замѣнить заболѣвшую настоящую пѣвицу... Впрочемъ, это долгая исторія!.. Я лучше расскажу вамъ завтра, послѣ!.. А теперь поѣдемте. Пора!

На нее вдругъ нашло какое-то странное, тяжелое чувство, котораго она не сумѣла бы объяснить, но результатомъ котораго было положительное желаніе молчать, отдѣлаться отъ него скорѣй, остаться одной. Ей была очень неприятна перспектива обратнаго пути, дружескаго разговора, очевидно неизбежнаго съ этимъ человекомъ. Не то чтобы матѣйшая злоба на него, или какое бы то ни было личное чувство проснулось въ ней *за* или *противъ* него. Нѣтъ! Сердце ея въ отношеніи его давно стало бланкомъ, и должно было такимъ пребыть навѣки. Но воспоминанія, пробуждаемые его близостью, вѣяли на нее грустью... Образъ матери его, отравленная имъ жизнь этой прекрасной женщины, извѣдавшей столько горя; собственная жизнь его, имъ поруганная, испорченная; наконецъ, имя той несчастной, загубившей ихъ обоихъ, и свою дочь, и все, что имѣло несчастье къ ней приближаться! Имя, которое она должна же была сейчасъ назвать ему и быть свидѣтельницей его униженія, его выпужденнаго притворства... Нѣтъ! Все это было сильнѣе ея! Она не могла допустить такой фальши.

— А знаете, Николай Андреевичъ, — рѣшительно сказала она, приближаясь, чтобъ сѣсть въ экипажъ. — Съ нами сидѣть вамъ будетъ страшно неловко! Садитесь лучше на козлы... Вѣдь правда, Лена?.. Да! Я должна же васъ познакомить: Николаю Андреевичу Смольневу. — баронесса Елена Васильевна Рейсдольфъ!

Аэролитъ, упавшій съ неба, не заставилъ бы Смольнева отшатнуться и окаменѣть, какъ онъ окаменѣлъ при этомъ имени. Все его самообладаніе и вмѣстѣ все счастливое расположеніе духа исчезли. Онъ позабылъ надѣть шляпу, которую снялъ для поклона, и стоялъ, уставивъ на нее глаза.

„Ея дочь!.. Эта пожилая, больная, увѣчная дѣвушка?..

Сходство, значитъ, не обмануло?.. Но дочь ли?.. Быть-можетъ родственница! Однофамилица!..“

Словно догадываясь о мысляхъ его, Надежда Борисовна продолжала, садясь въ экипажъ:

— Это дочь Клавдіи Валеріановны, родственницы Нины Краснотубской, вы знаете?.. Моей двоюродной сестры... Случай свелъ насъ съ Леной, но теперь мы такіе друзья, что ужъ не развести насъ никакому случаю.

— Тѣмъ болѣе, что не онъ и свелъ насъ! — улыбаясь, промолвила Елена, садясь рядомъ съ нею.

— Да?.. Очень радъ! — только и нашелся сказать Смольневъ, и насилу догадался, что надо и ему пригласиться рядомъ съ возницей.

Тотъ уже улыбаясь во весь ротъ, радушно саживаясь на край козелъ, въ предвкушеніи двойной платы. Быстро обошелъ Смольневъ на другую сторону и взгромоздился на его сидѣнье. Совсѣмъ не похожъ былъ обратный путь на то, чего онъ ожидалъ. Онъ ни разу не обернулся къ дамамъ, и онѣ ни разу не обратились къ нему съ рѣчью. На сердцѣ его словно камень лежалъ, и въ мозгу была какая-то пустота.

Спасибо кучеръ довольно скоро довезъ ихъ: вѣсьма имъ, не исключая и чуткой Елены, вздохнулось легко, когда онъ остановился у отеля.

Но Надежда Борисовна за это время надумалась и сказала ему, прощаясь, довольно ласково:

— Завтра, если вы хотите, съѣздимъ утромъ въ Санто Санто? Мы еще не были тамъ... У меня въ два часа релетиція, а утро свободно... Лучше гулять, чѣмъ сидѣть въ гостиницѣ.

„Не подумалъ бы, что я его избѣгаю!“ — мелькнуло въ головѣ у Надежды Борисовны — „Лучше сразу опредѣлить наши будущія отношенія“.

Въ эту ночь Смольневъ долго не спалъ. Онъ ходилъ по комнатѣ, останавливаясь подолгу то передъ окномъ, за которымъ все еще стояла лунная ночь, то передъ какой-нибудь картиной, украшавшей стѣны номера, и подолгу задумывался. Но если бы пришлось ему опредѣлить, о чемъ именно онъ думалъ, — онъ по совѣсти не могъ бы сдѣлать этого, такъ смутно было на душѣ его, въ мысляхъ хаосъ, а на сердцѣ все та же тяжесть.

Передъ свѣтомъ только онъ бросился въ постель и заснулъ тяжелою спомъ, безъ сновидѣній.

Зато съ первымъ проблескомъ сознанія въ немъ проснулось и безотчетное чувство удовольствия, ожиданіе чего-то хорошаго. Въ полуснѣ еще онъ вспомнилъ: „Надя Ранѣва здѣсь!“ Вспомнилъ, открылъ глаза и тотчасъ всталъ, будто ему надо было куда-то сѣсть. Но радостное настроеніе очень скоро исчезло и замѣнилось неприятными размышленіями... Опять на пути его „баронесса Рейсдольфъ“!.. Неужели всегда, всю жизнь это имя будетъ его преслѣдовать, становится между нимъ и Надей Ранѣвой?..

Въ одиннадцать часовъ Надежда Борисовна и Елена позавтракали и собрались въ обычныя утреннія экскурсіи. Обѣ были молчаливы, потому что Надя смотрѣла озабоченной... Елена напомнила ей, что надо дать знать Смольневу.

— Вы предложили ему вчера ѣхать съ нами...

Надежда Борисовна вздохнула.

— Да, — сказала она, — къ несчастью, эта дапа пропущена необходима, а я люблю глотать пилюлю сразу.

— *Только дань прошлому?* — переспросила Елена, съ особымъ удареніемъ на слова.

— О, да!.. Повѣрьте, душа моя, что лицемѣрить я съ вами, да и ни съ кѣмъ не стану! — отвѣтила Ранѣва, глядя ей прямо въ лицо. — Вѣдь вы знаете, какія отношенія у меня, у всей семьи нашей, къ его матери?.. Какovy бы ни были мои личные чувства къ Николаю Андреевичу, я должна ихъ сдерживать во имя семейныхъ, старыхъ отношеній, и во имя ихъ же не

откажусь отвѣтить ему на вопросы, которыхъ разрѣшенія, я знаю, онъ будетъ добиваться.

И она позвонила и приказала извѣстить Смольнева. Елена Васильевна запаслась карандашами и веѣми рисовальными принадлежностями.

„Какія бы ни были у нихъ воспоминанія и объясненія, я имъ не буду мѣшать!“—рѣшила она.

Въ общей залѣ они поздоровались радушно, какъ подобаетъ добрымъ знакомымъ, освѣдомились о снѣ и ночи, которую, оказалось, все провели „превосходно“, и вышли на веранду. Тамъ уже стоялъ на сторожѣ ихъ ночной возница, догадливо явившійся съ парой лошадей, впряженныхъ въ четырехмѣстное ландо, или нѣчто въ этомъ родѣ—древнюю, но помѣстительную колыхагу. Онъ былъ, какъ видно, малый острый и бывалый. Едва завидѣвъ вчерашнихъ сѣдочковъ, онъ подкатилъ къ ступенямъ, словно ихъ только и ждалъ, кивая головой и скаля зубы въ знакъ радостнаго привѣта. Разумѣется, догадливость его была вознаграждена.

— Куда же мы ѣдемъ? Въ Campo Santo?..

— Ну да!.. Вы были тамъ?

— Не успѣлъ... Вчера я все утро почти пробылъ въ соборѣ. Какія тамъ замѣчательныя вещи!.. Рѣзба какая! Статуи!.. Обратили ли вы вниманіе на прелестную картину Андреа Дель-Сарто?.. Св. Агнесса, ласкающая агненка. Прекрасно лицо дѣвушки!..

— Я видѣла. Но вы съ такими вопросами обращайтесь къ Еленѣ Васильевнѣ: она знатокъ въ живописи и сама художникъ.

— Нисколько не болѣе васъ, Наденька!

— Ну, пожалуйста, безъ лишней скромности!—засмѣялась Ранѣева.—Я себя не обижу!.. Вѣдь не скажу же я, что вы лучше меня поете!

— Только бы этого заявленія не доставало!—весело вскричала Елена.—Не позволите ли мнѣ замѣнить васъ выпче вечеромъ?

— Нѣтъ, душа моя, не позволю! Въ интересахъ не своихъ, а Карлотты.

— Карлотты?..—переспросилъ Смольневъ.

— Ну, да. Карлотты Орнальди, ради которой я на нѣсколько вечеровъ обратилась въ присяжную пѣвицу. И она рассказала въ чемъ дѣло.

— Боюсь я!—покачалъ головой, выслушавъ разсказъ ея, Смольневъ,—очень боюсь, что услуга ваша ей обратится на погибель. Elle n'auga pas beau jeu après vous!

— Вотъ и я говорила то же!—вскричала Елена.

— Да всякій это скажетъ, кто слышалъ пѣвіе Орнальди и Надежды Борисовны... Удивляюсь, что вы пренебрегаете европейской славой, которая въ вашихъ рукахъ!

— Будто?.. Богъ съ ней!.. Мірская слава—тѣнь и прахъ!—улыбнулась она, глядя на свою спутницу.—Не такъ ли, Леночка?

— И часто великое горе здѣсь, и тяжкое бремя на долгіе вѣка!—прибавила серьезно Елена.

Смольневъ посмотрѣлъ вопросительно на ту и на другую.

— О, не обращайтесь вниманія!—тихо засмѣялась Ранѣева, отвѣчая на взглядъ его.—Это у насъ съ Леной свой говоръ... У насъ съ ней много понятій... не веѣмъ понятныхъ!

— Къ несчастію!—прошептала Елена со вздохомъ, еле слышно.

Смольневъ не настаивалъ, и все смолкли.

Узкіе переулки, запущенныя, пустынные площади, гдѣ, какъ на полѣ, пасутся лошади и телята, остались позади. Въ виду уже были громадныя памятники Пизы. Соборъ выставилъ особенно ярко блиставшіе въ этотъ солнечный день четыре яруса своихъ нестрихъ колоннъ: передъ нимъ удлиненный, пожелтѣвшій отъ

времени, какъ янтарь, громадный куноль Baptisterio, будто мраморный колоколь, весь въ бѣлыхъ колоннахъ, поставленный на землю; далѣе склонившаяся на-богъ, словно готовая рухнуть, восьмиэтажная банія и неподалеку мрачная, высокая, сплошная стѣна, съ одною лишь дверью, съ рельефнымъ изображеніемъ Мадонны надъ ней.

Это и есть знаменитое прежнее кладбище и древній Пантеонъ жителей Пизы, а нынѣ скорѣе музей средневѣковаго зодчества и живописи.

Обѣ дѣвушки только что прочли стихотвореніе Огюста Барбье о Campo Santo и фрескахъ его знаменитаго живописца XIII вѣка, Орнаны. Онѣ знали, какая величавая старина, какіе сильные образы и вмѣстѣ какая красота зодчества и скульптуры ожидаютъ ихъ за этой мрачной стѣною. Онѣ не были нисколько пресыщены, и въ нихъ обѣихъ положительно преобладалъ интересъ минуты, мѣста и вышней жизни; тогда какъ ихъ молчаливый спутникъ ко всему окружающему его извнѣ въ данную минуту былъ болѣе чѣмъ равнодушенъ, и даже врядъ ли видѣлъ и что-либо понималъ внѣ его внутренней жизни и личныхъ дѣлъ. Онъ смотрѣлъ на Надежду Борисовну, любовался каждой чертой ея, каждымъ движеніемъ, дивился ей и дивился себѣ, дивился ея красотѣ, и своему непонятному, стѣпному тупоумію!.. О чемъ онъ думалъ до сихъ поръ? Отчего ранѣе не отыскалъ ея?.. За что потерялъ десять лѣтъ счастья?.. Безсознательныя чувства въ немъ еще не переродились въ опредѣленныя мысли; онъ еще ни разу не задалъ себѣ вопроса: только ли десять лѣтъ жизненнаго счастья имъ безумно потеряно?.. Не вся ли жизнь его, навѣки, безвозвратно загублена?.. Онъ такъ углубился въ себя, что удивился, услышавъ восклицанія восторга своихъ спутницъ, и лишь тогда осмотрѣлся сознательно.

Ключарь только-что отворилъ имъ тяжелыя двери; они стояли подъ величественными сводами вѣковыхъ галлерей, а изъ-подъ ихъ смѣлыхъ арокъ блистало—все въ зелени, въ памятникахъ, въ тысячелѣтнихъ египетскихъ саркофагахъ, въ колонадахъ и кружевной рѣзбѣ—„Священное поле“, этотъ чудный городъ мертвыхъ, основанный на святой землѣ, которую попиралъ Христосъ со своими учениками. Готическія аркады, мраморныя изваянія, стройныя, темныя киварисы и свѣтлая, благоуханная зелень померанцевъ—узорчатыми тѣнями ложились на мраморные помосты, на высокія травы, испещренныя цвѣтами, залитыя солнечнымъ свѣтомъ.

Да, это было прекрасное, оригинальное и поэтическое зрѣлище! Но какое теперь ему дѣло до всего этого?.. Могъ ли онъ смотрѣть на что-либо, кромѣ Нади? Любоваться чѣмъ-либо, кромѣ ея красоты, слышать что-либо, кромѣ ея голоса?..

Елена Рейсдольфъ тотчасъ же вся ушла въ изученіе фресокъ и барельефовъ; въ таинственныя аллегоріи „Торжества смерти“ и въ ужасы „Ада“ Орнаны: въ историческую, библейскую и мифологическую живопись Годзольи и безсмертнаго Джіотто, этого родоначальника новой итальянской школы, изъ пастуха превратившагося въ великаго художника. Сначала онѣ ходили вмѣстѣ, забывъ о слѣдовавшемъ за ними спутникѣ: Елена указывала Надеждѣ Борисовнѣ диковинки, которыя ей были заранѣе знакомы изъ книгъ. Потомъ она взялась за альбомъ и карандашъ, и скоро была поглощена любимымъ дѣломъ.

— Ну, а мы съ вами, профаны, чѣмъ займемся. Николай Андреевичъ?—наконецъ вспомнила о немъ Надежда Борисовна.—Развѣ станемъ другъ другу разсказывать сказки?

— Я не прочь!.. И мнѣ сказки о живыхъ были бы гораздо интереснѣй, чѣмъ эти уродливыя изображенія смерти и загробныхъ ужасовъ, измышленныхъ давно

истлѣвшими профанами и фанатиками средних вѣковъ.

— Профанами?.. Вы такъ называете безсмертныхъ отцовъ архитектуры и живописи?.. Хорошо, что Елена Васильевна васъ не слышитъ!

„Какое дѣло мнѣ до нея?“ — чуть не сорвалось съ языка Смольнева.

Ему хотѣлось и казалось законнымъ говорить только съ Надей, о ней самой или, пожалуй, о себѣ...

— Оставимъ мертвымъ хоронить своихъ мертвыхъ! — тихо сказалъ онъ. — Профаны — они, конечно, были въ силу своего времени и невѣжественныхъ понятій.

— Вы думаете, что въ три-четыре вѣка человѣчество ушло много впередъ? — спросила она, садясь на мраморныя ступени портика.

— Какъ?... — изумился онъ. — Что значитъ этотъ вопросъ?.. Я не совѣмъ васъ понимаю...

— Ну, разумеется, не въ кулинарномъ искусствѣ!.. а вотъ, въ понятіяхъ, о которыхъ здѣсь трактовали мудрецы тринадцатаго столѣтія.

— О! Вы въ отвлеченномъ смыслѣ!.. А я говорю по-просту, о житейскомъ... Мнѣ кажется, ужъ человѣчество далеко шагнуло впередъ хоть въ томъ именно, что болѣе практично. Заботится о существенномъ, а не тратитъ попусту времени на проникновеніе загробныхъ тайнъ. Наши Данты пишутъ житейскія, всемъ доступныя, а не „*Божественныя комедіи*“; а наши философы, слава Богу, болѣе заботятся о жизни, чѣмъ о смерти...

— Да вѣдь то же дѣлали и циники — правды нашихъ матеріалистовъ — въ древности! — прервала Надежда Борисовна.

— Всему есть мѣра. Но я не знаю даже, не были ли разумнѣе циники, чѣмъ аскеты и фанатики, убивавшіе жизнь — ради смерти? Дѣйствительность — ради вымысла!

— Да?.. Вы такъ думаете? — медленно произнесла она, взглянувъ на него исподлобья, прежнимъ, давно ему памятнымъ взоромъ, и тотчасъ перемѣнила тонъ. — Я такъ давно съ вами не видалась, что не знала вашихъ взглядовъ и мнѣній... Мы съ вами въ нихъ не сойдемся.

— Почему вы думаете?.. Я не мистикъ, но и не матеріалистъ, — горячо возразилъ онъ. — Надѣюсь, что и вы не преданы мистицизму?

— Видите ли, это такого рода вещи, о которыхъ можно говорить много и часто — и не стовориться!.. А такъ какъ мы, вотъ, встрѣтились съ вами, послѣ десяти лѣтъ, на сутки для того, чтобъ снова разойтись быть-можетъ на всю жизнь, — то нечего и подымать такого сложнаго вопроса.

Сердце Смольнева больно шелохнулось.

— Неужели вы думаете, что наши встрѣчи не могутъ повторяться? — спросилъ онъ, забывъ о сущности ихъ бесѣды.

Надежда Борисовна усмѣхнулась коротенькимъ, тихимъ смѣхомъ.

— Почему же?.. Быть-можетъ, наши дороги и опять, когда-нибудь, скрестятся. Но онѣ такъ далеко разошлись въ разныя стороны, что рядомъ имъ никогда идти не придется.

„Что это?“ — подумалъ онъ: — „предупрежденіе?“ — И сказалъ:

— Какъ знать?.. Наши феодальныя гнѣзда такъ близки... Неужели вы не думаете вернуться когда-нибудь въ Россію, на Волгу?..

— Какъ не думать! Зарока не давала, напротивъ!.. Я такъ люблю Ранѣвку и всѣхъ своихъ, что, вѣроятно, если доживу, состарѣюсь на родномъ пенелѣщѣ!..

— Вотъ видите!

— Ничего не вижу. Я можетъ-статься приѣду; но вы-то ужъ никакъ не превратитесь въ приволжскаго анахорета.

— Но развѣ нельзя тамъ поселиться, не превращаясь въ пустытника?.. Живутъ же тамъ люди семьями... Кузина ваша, Лешнева, всю жизнь провела тамъ и, кажется, очень счастлива.

Она опять тихо засмѣялась.

— Безъ сомнѣнія!.. Соня счастливѣе всѣхъ насъ и заслуживаетъ того. Но мы съ вами, — она подняла голову и лукаво смотрѣла на него, смѣясь и щурясь отъ солнца: — мы съ вами не изъ такого доброкачественнаго тѣста!.. Я еще угомонюсь, пожалуй, на старости, — но вы... И подумать смѣшно!..

— Но почему же?

— Потому... Потому что вы, какъ тотъ барашекъ въ баснѣ, котораго въ родимомъ загонѣ и холили, и грѣли, и кормили; а онъ, недовольный, побѣжалъ за волкомъ, — сначала развѣять всю свою бѣлую шерстку по придорожнымъ кустамъ и колючкамъ, а потомъ... Потомъ не помню, что съ нимъ случилось. Во всякомъ случаѣ онъ умеръ не въ родномъ сараѣ.

Она встала и, сорвавъ вѣточку мирта, смѣясь, прибавила:

— Ну, вотъ видите, я и сказочку вамъ разсказала, почерпнутую въ морѣ житейскомъ.

Она пошла вдоль галлерей, тихо двигаясь между гробницами, порой останавливаясь, наклоняясь, чтобъ рассмотреть рѣзбу или живопись. Смольневъ шелъ за ней, глядя на извивы ея платья по мягкой травѣ, на ея бѣлую шею и вившіеся, блестящіе черные волосы, уложенные жгутомъ за румяныя уши. Сквозь газовый вуаль ея черной, небольшой шляпки, нѣжный румянецъ ея щекъ и блескъ чудныхъ глазъ не теряли красы. Она казалась воплощеніемъ свѣжей, сильной, непорочно-чистой красоты. Между ними теперь казалось не семь-восемь, — а всѣхъ двадцать лѣтъ разницы.

Смольневъ смотрѣлъ на нее, волновался и думать.

— Надежда Борисовна! — произнесъ онъ, разомъ рѣшившись.

— Что угодно, Николай Андреевичъ? — остановилась она, взглянувъ на него взглядомъ, заставившимъ его почему-то отвести глаза въ сторону.

— Вы позволите мнѣ, во имя стараго знакомства, сдѣлать вамъ нескромный вопросъ?

— Сколько мнѣ лѣтъ? — весело прервала она, облокотившись локтемъ на мраморный саркофагъ. — Двадцать шестой!

— О! Нѣтъ... Это я знаю самъ!.. Нѣтъ: гораздо нескромнѣе: неужели вы никогда не любили?

Быстро поднялись и снова упали, на блеснувшіе глаза, черныя, длинныя рѣсницы; алія губы не то насмѣшливо, не то печально улыбнулись; она медленно отвѣчала:

— Почему вы думаете, что нѣтъ? Я любила... Два раза въ жизни!

— Этого не можетъ быть! — вскричалъ онъ.

— Не можетъ?.. Однако, было. Почему же вы не вѣрите?

— Какъ же мнѣ вѣрить?.. Если вы любили — почему вы не замужемъ?

Она снова тихонько, невесело размѣялась.

— Вотъ странно!.. Видно, мало было одной *моей* любви!.. Я-то любила, но меня не любили! Вотъ и все!.. — Васъ не любили?! Извините, но этому повѣрить трудно!

— Благодарю за комплиментъ и глубоко его цѣню! — иронически промолвила она.

— Полноте тѣшиться, Надежда Борисовна!.. Слово сами вы не знаете себѣ цѣны.

— Ахъ! Очень знаю. Вы видите это изъ моей разборчивости. Вѣдь я не говорю, что не имѣла случаевъ „блестательно пристроиться“, какъ говоритъ старая княгиня Краснодарская... Я потому-то и останусь на

Берлинская юбилейная художественная выставка. Жемчужины.

Съ картины Альма-Тадемы авторства Ангерера и Гёбля въ Вѣнѣ.

Библиотека "Руниверс"

бобахъ, какъ разборчивая невѣста, вѣроятпо!.. Но врядь ли только выйду за калѣку.

— Откуда берется у васъ юморъ!.. Сколько въ васъ силы жизни!—вдохнуть оны.

— Кошачья порода!

— Полноте шутить!.. Ну, это вашъ первый выборъ такъ былъ неудаченъ!..

— О! Чрезвычайно!.. Я не разъ благодарила судьбу за недостатокъ вкуса и сердца у моего перво-избраннаго.

— Прекрасно!.. А второй?

— Второй?..

Ее, видимо, передернуло, но черезъ секунду она прямо въ лицо ему устремила блиставшій взглядъ.

— О второмъ, если позволите, мы много говорить не будемъ!.. Скажу одно: оны былъ—не чета первому! Могу еще прибавить: оны умеръ!

Она отвернулась и быстро пошла, направляясь къ Еленѣ, усердно занятой фронтисписомъ, украшавшимъ когда-то каминъ Даны. Недовольство собою, злоба на нее овладѣвали Смольшевымъ все сильнѣе. Оны самъ не зналъ, за что и чѣмъ оны недоволенъ, но пазойливое чувство горечи все росло и скребло на сердце!.. Оны остановился, прилонился къ портику, унытому плющемъ, и смотрѣлъ на нихъ издали.

Надежда Борисовна склонилась надъ рисункомъ Елены.

— Мастерски, Леночка!—сказала она.— Скоро кончито?

Та быстро подняла на нее глаза.

— Если хотите вѣхать—я готова!—сказала она.

— О, нѣтъ! Не сѣшите!.. Миѣ все равно гдѣ быть!.. Вѣдь отъ него не отдѣлаешься! Запираться въ своемъ номерѣ я не хочу!..

— Нилюля промочена?—улыбнулась Елена.

— Да!.. Только она обратилась въ ложку микстуры, и не скоро пройдетъ ея неприятный вкусъ.

— Вѣдний оны!

— Чѣмъ это?.. Какъ вы скоры на жалость, душа моя!

— Не мудрость видѣть, что человекъ этотъ очень несчастенъ.

— Что слышу?.. Отъ васъ ли?.. А кто утверждаетъ, что каждый человекъ кузнецъ своей судьбы!.. что счастье и несчастье въ нашихъ рукахъ?

— Такъ что-жъ такое?.. Развѣ легче тому, кто по своей винѣ несчастенъ?.. Напротивъ!

— Да!.. Но я жалю больше тѣхъ, кто умѣетъ и хочетъ бороться, а не скользнуть въ яму, безпомощно закрывъ глаза. Миѣ очень тяжела эта встрѣча!

— Хотите, я скажу вамъ!.. одно замѣчаніе и одно предсказаніе?—съ задумчивой улыбкой сказала Елена.

— Пожалуйста!—весело отозвалась Надежда Борисовна.— Вы знаете, какъ я вѣрю вашей наблюдательности и проницательности.

— Ну-съ, наблюдательность моя говорить миѣ, что вашъ старый знакомый почему-то меня боится и даже ненавидитъ. А проницательность подсказываетъ, что оны полюбитъ васъ страстно и будетъ очень несчастенъ!

— Аминь!—раземѣлась Ранѣева.

— Т-съ! Вотъ оны идетъ!.. Не пытайте его безъ нужды близостью ко миѣ: не дѣлайте мени участницей вашего злорадства! Отойдите!..

— *Vade retro, satana!*—латентически воскликнула Надежда Борисовна, протянувъ повелительно руку.

— Кому это?.. Миѣ?—спросилъ Смольшевъ.

— О! Богъ съ вами!—смѣясь, возразила она:— это Елена Васильевна удалаетъ мени отъ себя и своего рисунка.

— Ахъ! Нади, Нади!.. Грѣховодница!—протестовала та, снова наклоняясь къ работѣ.— Не вѣрьте ей: я, наирогивъ, говорю вамъ обоимъ: идите съ миромъ!

— Идемъ! Николай Андреевичъ. Что-жъ намъ дѣ-

лать, когда прогоняютъ?.. Пойдемте вотъ въ ту галлерею; сидѣть, видите тамъ, на мраморной скамьѣ и будемъ, какъ умѣемъ, занимать другъ друга, пока Елена Васильевна окончитъ заниматься богами Рима и Греціи!..

— Или разгадывать загадки ефинкса?—пути указалъ Смольшевъ на возвышавшійся невдалекѣ египетскій памятникъ.

— О! Да. Пожалуй. Вы не знаете, какая она мастерица разгадывать чужія тайны!—на ходу отвѣчала Надежда Борисовна.

Они взошли на ступени галлерей изъ готическихъ колоннъ и арокъ и сѣли на скамью, выстѣченную въ формѣ греческаго ложа изъ каррарскаго мрамора. Урна, увитая лаврами, вѣшала ее, а по низу были изображенія побѣдныхъ колесницъ, галерей на полныхъ парусахъ и вооруженныхъ всадниковъ.

— Какая прелесть!—положила она руку на тонкую рѣзбу урны.—Какъ работали наши предки! А вы еще называете ихъ профанами!.. И вотъ мы непочтительно располагаемся на прахѣ какого-нибудь славнаго рыцаря, крестоносца, побѣдителя сарациновъ!.. Впрочемъ, говорятъ, свойство земли этой таково, что она въ двадцать четыре часа истребляла остатки до тла!.. Здѣсь Гамлету не пришлось бы произносить „слова“, надъ черепомъ Юрика! А видѣли вы палатцо Данфрапка? Жиллице Байрона?.. Оны тоже быть-можетъ сживалъ на этой скамьѣ!.. Вѣдь здѣсь оны долго пробылъ, и, вѣрно, Campo-Santo вдохновляло его не разъ!

Она говорила, что приходило на умъ, лишь бы время убить и скрыть тоскливое чувство, все сильнѣе ее одолевавшее, отъ присутствія этого изжившагося, блѣднаго физически и нравственно человека, которому она не могла некронно высказать своихъ мыслей и чувствъ. Колеца эта была ей тяжела несказанно!.. Она бы предночала десять разъ высказать ему горькую правду и сразу оборвать все; но ради матеря его, ради давню прошедшаго, стѣснилась. Да къ тому же, какое имѣла она право вторгаться въ жизнь его?

А оны смотрѣлъ на нее все съ возрастающимъ волненіемъ, оны вспоминалъ, что было когда-то. Какъ они любили другъ друга въ дѣтствѣ; какъ въ юности оны думалъ, что она будетъ женой его; какъ потомъ самъ отшатнулся отъ нея, увлекся, погрязъ и забылъ о ней!.. Да полно! Забылъ ли?.. Ее насильственно у него вырвали! Оны самъ тогда не зналъ, что дѣлалъ!.. Но развѣ теперь нельзя все поправить, все вернуть?.. Они оба свободны! Оба еще молоды!.. Оны чувствовалъ, что она такъ стала дорога ему, какъ никогда нѣ одна женщина не бывала!.. А она?.. Она его тоже любила! Она его любила даже тогда, когда оны отъ нея ушелъ! Ее промѣнялъ на ту!.. женщину!

Мысль о Клавдіи Валеріановнѣ какъ ножомъ рѣзнула его сердце. Злоба и отвращеніе волной поднялись въ немъ противъ нея!.. И вдругъ ему метнулось въ память сѣна въ ранѣевскомъ саду, на скамейкѣ, когда она ему напоминала, чуть не присла любви его, а оны равнодушно писалъ на песокъ: „Нади, я люблю тебя! Не забывай мени!“

А что если она не забыла?.. Почему же она, такая красавица, въ теченіе десяти лѣтъ не вышла замужъ?!.. Приливъ безумной радости захватилъ ему дыханіе. Оны едва сдержалъ себя, чтобы не броситься къ ней и повторить ей эти слова, горячо, страстно воскликнуть: „Нади! Милая! Дорогая!.. Я люблю тебя!“

А она, не глядя на него, продолжала несвязныя, насильственно оживленные рѣчи!.. Но вдругъ, дивясь его молчанію, взглянула и поразила, такъ оны былъ блѣденъ и взволнованъ.

— Что съ вами?—неволью спросила она.

— Нади!.. Нади, вы не забыли прошлаго?—пробормоталъ оны, самъ себя не отдавая отчета въ томъ, что говоритъ.

Она вдруг встала, какъ ужаленная, и горделиво выпрямилась.

— Вы помните, о чемъ я просилъ васъ, тогда, въ саду?.. Что я писалъ на пескѣ аллеи, въ Рацѣвкѣ?

— А!.. А вы забыли, какъ сами зачеркнули написанное?..— поблѣввшими губами прошептала она.

— Не я! — вскричалъ онъ. Мое безуміе! Мое несчастіе!.. Скажите, Надя! — онъ сдѣлалъ движеніе, чтобъ схватить ея руку. — О! Бога ради скажите, что вы не забыли меня!.. Что вы меня ждали!..

Она отступила, блѣдная отъ негодованія. Ей хотѣлось захохотать въ лицо этому безумцу, но, взглянувъ на него, она почувствовала жалость.

Она сѣла, потому что ноги ея дрожали отъ сдерживаемаго волненія. Ей было стыдно за него, и она не находила словъ въ отвѣтъ на дерзкое напоминаніе. А онъ стоялъ передъ ней, ожидая, все еще надѣясь, блѣдный, дрожащій.

— О! Боже мой! — вздохнула наконецъ она. — Что вы дѣлаете?.. Затѣмъ... Затѣмъ вы коснулись?..

Онъ схватился за голову и прошепталъ:

— Затѣмъ... что люблю васъ, Надя! Больше чѣмъ прежде! Страстно!.. Безумно люблю!

— Но я-то не люблю васъ больше, Смольневъ!.. Не люблю — давно!.. Не люблю съ той поры, какъ перестала уважать васъ!..

Она перевела дыханіе глубокимъ вздохомъ и заговорила спокойнѣе:

— Послушайте, что я скажу вамъ. Мнѣ очень жаль, что мы встрѣтились, но я.. рада тому, что вы дали мнѣ право высказаться прямо. Ваши слова, — послѣднія слова, — оскорбительны! Но я не оскорбился ими потому, что чувство жалости къ вамъ заглушаетъ личныя чувства... Вы спрашиваете: помню ли я? Не забыла ли?.. А я васъ спрашиваю: какое право дали вы мнѣ васъ помнить?.. Могла ли я, уважая себя, хранить воспоминаніе о васъ?.. Чтѣ сдѣлали вы изъ своей жизни, Смольневъ? Во что превратили вы жизнь вашей матери?.. Изъ-за чего все это? Изъ-за слабости воли! Изъ-за недостатка желанія выскнуть въ свое положеніе... О! Я ждала бы васъ! Я бы сумѣла помнить и любить годы и годы разлуки, еслибъ разлучила насъ

не собственная ваша... слабость, ваше малодушіе.. Даже еслибъ вы увлеклись несчастной страстью и продолжали заблуждаться, продолжали любить ту, которой вѣзмъ пожертвовали, — я бы жалѣла, но сумѣла-бъ простить васъ... Но вѣдь я знаю, какъ знаете и вы, какъ знаютъ все, — что вы поняли баронессу скоро и не можете ее любить. Вы даже и ее обманываете, по безволю, по слабости характера, отдавшей васъ ей въ вѣчную кабалу. И вы спрашиваете меня, продолжаю ли я, зная все это, помнить васъ и любить?..

Она засмѣялась и встала.

— Стыдитесь, Смольневъ!.. Не только помнить и любить, но ни жалѣть, ни даже простить васъ не могу я!

Она быстро пошла отъ него прочь, но въ нѣсколькихъ шагахъ остановилась и горделиво, повернувшись къ нему голову, черезъ плечо повелительно сказала:

— Уйдите!.. Постарайтесь никогда со мною не встрѣчаться!.. И, если можете, ради матери вашей, ради достоинства человѣческаго, — подымитесь! Облгите себя правдивно!..

И она ушла, не оглядываясь, сѣла рядомъ съ Еленой и не видала, какъ онъ ушелъ.

И онъ не видалъ болѣе лица ея. Онъ въ тотъ же день, въ тотъ же часъ почти оставилъ Пизу, возненавидѣвъ самое имя этого города, самую память о „прекрасной Италіи“.

Успѣхъ Надежды Борисовны въ тотъ вечеръ въ оперѣ, если возможно, былъ еще блистательнѣе, чѣмъ наканунѣ. Ей пришлось еще пѣть разъ шесть, пока здоровье Карлотты Орпальди позволило ей освободить ее.

Слава сестры ея, Сперанцы, въ это время проникла за предѣлы Италіи. Изъ Флоренціи наѣхали корреспонденты послушать новую „диву“, и газеты, а между ними и пугливѣе своей нескромностью миссъ Анни Фиццо, также схватились за интересное явленіе. Онъ парусили нѣсколько никогнино Надежды Борисовны, однако не для всѣхъ: въ Рацѣвкѣ никто не догадался, кто была та „высоко-даровитая иностранка“, которая, „подъ именемъ небывалой у Карлотты Орпальди сестры“, выручила бѣдную кантатрицу изъ бѣды и доставила меломанамъ города Пизы небывалое наслажденіе.

(Описание будетъ)

С О Н Ъ.

(Изъ Лемуана.)

Стих. Аполлона Коринфскаго.

Три огненно-красныхъ тюльпана
Приснились мнѣ ночью осенней;
Проснулся поутру я рано
Подъ гнетомъ тяжелыхъ сомнѣній...

Сомнѣній туманъ надо мною
Висѣтъ пеленой непроглядной;
А думы всплывали волною —
Кипучей волною и жалдой...

Крылатая думы, какъ птицы,
Какъ хищныя птицы, слетались, —
При всплывкахъ злобѣщей зарницы,
Во мракѣ на ширь собирались...

На ширь собирались кровавый
И клювами сердце терзали,
Гдѣ страсть разливалась лавой
Горючею лавой печали.

А въ сердцѣ три раны явились
Отравленной знойною кровью:
Двѣ раны обидою бились,
А третья, а третья — любовью.

Всѣхъ глубже была эта рана;
Всѣ три — пламенѣли пожаромъ.
Недаромъ мнѣ снились, недаромъ
Три огненно-красныхъ тюльпана!

Столѣтіе оспопрививанія.

(Съ портретомъ Эдуарда Дженнера на стр. 1170.)

2-го (14-го) мая 1896 года исполнилось сто лѣтъ со времени первой прививки человѣку коровьей предохранительной оспы, произведенной публично знаменитымъ англійскимъ врачомъ Эдуардомъ Дженнеромъ (Edward Jenner).

Празднованіе этого великаго открытія во всей Европѣ совершилось 2-го (14-го) мая, у насъ же, въ Россіи, въ виду совпаденія этого дня съ торжественными днями Священнаго Коронованія и затѣмъ съ открытіемъ Нижегородской выставки, было отложено до 24 ноября настоящаго года.

Инициатива празднованія принадлежитъ Русскому обществу охраненія народнаго здравія, и съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія празднованіе будетъ заключаться въ слѣдующемъ:

- 1) Торжественное общее собраніе Русскаго общества охраненія народнаго здравія.
- 2) Открытіе выставки относящихся къ оспопрививанію предметовъ.
- 3) Присужденіе четырехъ премій за самостоятельныя труды,

Бывалый. грав. Фельдберг.

посвященные разработки вопросов, касающихся оспы и ее прививания.

4) Въ выпускъ юбилейнаго изданія общества объ оснопрививаніи, съ переводомъ на русскій языкъ сочиненій Дженнера (и его біографію, портретомъ и рисунками оспы), подъ редакціей д-ра В. О. Губерта.

Чтобы понять всю важность открытія Дженнера, столь единодушно признаннаго всею образованною міромъ, будетъ небезынтереснымъ ознакомиться нѣсколько подробнѣе съ исторіей оспенныхъ эпидемій до открытія предохранительныхъ прививокъ, съ этимъ грознымъ бичомъ человечества, отъ ужасовъ котораго мы уже отвязли, благодаря Дженнеру.

Родина оспы—Китай и Индія, тамъ она была извѣстна въ глубокой древности, болѣе чѣмъ за 1,000 лѣтъ до Рождества Христова. Европа, повидимому, была раньше избавлена отъ этой злой гостини, и лишь въ концѣ VI вѣка постѣ Рождества Христова появляются первыя достоверныя свѣдѣнія о посѣщеніи ею всего Юга Европы. По быстрому распространенію, но громадной смертности эпидемія оспы часто свѣшивалась въ то время съ чумою, почти одновременно съ нею посѣщавшей Европу.

Въ первое время послѣ своего появленія эпидемія оспы повторилась довольно рѣдко, въ виду малыхъ сношеній между различными государствами; но въ эпоху крестовыхъ походовъ оны принимаютъ ужасающіе размѣры и постепенно охватываютъ всю Европу, повторяясь чуть не каждое десятилѣтіе. Въ Англіи она появилась въ XIII столѣтіи, въ Германіи и Шведіи—въ XV, въ Россіи время появленія ея точно неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ раньше XVI столѣтія. Смертность отъ оспы была такъ велика, что, по вычисленію Oesterlen'a, въ Европѣ погибало отъ $\frac{1}{12}$ до $\frac{1}{10}$ части всѣхъ жителей, при чемъ особенно страдали дѣти, изъ которыхъ $\frac{2}{5}$ всѣхъ умирающихъ погибали отъ оспы. Появленіе эпидеміи вызывало такой ужасъ, что большыя бросали на произволъ судьбы, родители бросали дѣтей, и населеніе болѣею частью разбѣгалось. Оспа не щадяла ни пола, ни возраста, ни социальнаго положенія, ни расы,—все уравнивала и вездѣ была одинаково губительна. Россія страдала не меньше другихъ странъ. По вычисленію Веревкина, съ 1804 по 1810 годъ, т.-е., за 6 лѣтъ, умерло въ Россіи отъ оспы 827,080 человекъ; если при этомъ допустить, что изъ десяти заболѣвшихъ оспою умираетъ всего по одному человеку, то число заболѣвшихъ за этотъ шестилѣтній промежутокъ времени будетъ около 8-ми миллионъ, и это при тогдашнемъ населеніи Россіи всего въ 40 миллионъ. Нѣкоторая племена Сибири, сходящая на низкой степени развитія, погибали отъ оспы цѣлкою, какъ, напримѣръ, вымерло племя юмаковъ и юкагировъ въ концѣ XVI столѣтія.

Борьба съ этимъ грознымъ бичомъ человечества была почти невозможна, и уже въ глубокой древности начали изыскивать средства не столько для лѣченія болѣзни, сколько, главнымъ образомъ, для предохраненія себя отъ нея.

Еще пастари было извѣстно, что болѣзнь эта приличива, передается отъ больного посредствомъ прикосновенія, пребыванія въ одной комнатѣ, отъ постели, бѣлья и т. д., поэтому еще въ средніе вѣка стали строить особые оспенные дома, куда старались помѣщать больныхъ въ началѣ заболѣванія. Въ Россіи въ первый разъ упоминается объ отдѣленіи больныхъ оспою отъ здоровыхъ въ 1727 году.—но эти мѣры касались главнымъ образомъ Императорскаго Двора.

Въ 1755 году въ Петербургѣ были назначены особые врачи для лѣченія больныхъ оспою и приказано приобщать этихъ больныхъ только въ особо назначенныхъ церквяхъ, а умершихъ отъ оспы не отпирать въ церквяхъ. Съ другой стороны, въ народѣ давно укоренилось убѣжденіе, что перенесшіи оспу защищены отъ повторнаго заболѣванія ею, почему во многихъ странахъ пробовали нарочно помѣщать дѣтей въ соедѣствіи съ оспеннымъ больнымъ, особенно не тяжелой формою, для того, чтобы дѣти заражались также легкой формою и, перенесши ее, были бы на всю жизнь застрахованы отъ новаго заболѣванія этою страшною болѣзью. Это же возрѣніе привело къ настоящей вариоляціи, т.-е. къ искусственному привитію оспеннаго яда отъ больного здоровому человеку. Начало вариоляціи относится къ глубокой древности и было впервые примѣнено въ Китай и Индію; отсюда вариоляція постепенно распространилась по западной Азіи и достигла Константинополя, гдѣ узнала о ней леди Монтегю (Wortley Montague) и испробовала ее съ хорошимъ успѣхомъ на своемъ сынѣ въ 1717 году.

Убѣжденная этимъ опытомъ въ пользу вариоляціи, она привезла съ собою въ Лондонъ шитки, наполненныя содержимымъ оспенной дуплы отъ больного натуральной оспою. Этими шитками была принята оспа ее дочері въ 1821 году; теченіе оспы было легкое, и больная вполнѣ поправилась. Примѣръ леди Монтегю нашелъ подражателей, и послѣ нѣсколькихъ благотворныхъ опытовъ, прививка была сдѣлана всему королевскому семейству. Вариоляція стала быстро распространяться по Европѣ, ибо возлагающаяся на нее надежда болѣею частью оправдывалась, такъ какъ привитая оспа переносилась легче натуральной и дѣйствительно предохраняла отъ новаго зараженія. Въ Россіи привитіе человеческой оспы введено императрицею Екатериною II, привившею въ 1768 году оспу

себѣ и наслѣднику престола. Для привитія оспы была выписана изъ Англіи д-ръ Димсдаль (Dimesdale), получившій въ награду полмилліона рублей, 25,000 р. подмзненной ценой и числ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Примѣръ императрицы нашелъ массу подражателей, и, какъ видно изъ письма ея къ нашему посланнику въ Англію Чернышеву, въ придворныхъ кругахъ „не было дома, гдѣ бы не было по нѣсколько привитыхъ, а многіе жалѣють, что имѣли природную оспу и не могутъ быть по модѣ“.

Насколько принесла бы пользу вариоляціи—сказать трудно, за отсутствіемъ въ XVIII вѣкѣ точной статистики; повидимому, въ рукахъ опытныхъ врачей она давала хорошіе результаты (д-ръ Sutton показываетъ, что изъ 1,700 сдѣланныхъ имъ прививокъ, только 7 человекъ погибли отъ привитой оспы), но въ невѣжественныхъ рукахъ она часто оканчивалась смертью и тяжелымъ обезображиваніемъ. Главнѣй же недостатокъ вариоляціи заключался въ томъ, что привитые люди получали отъ прививки все-таки настоящую оспу, хотя и болѣе легкую, но тѣмъ не менѣе такую, которая въ свою очередь могла заражать окружающихъ и послужитъ очагомъ для дальнѣйшаго распространенія оспы. Такимъ образомъ при распространеніи вариоляціи оспа никогда не прекращалась, и дѣлалась постоянной (эпидемическою) болѣзью, тогда какъ обыкновенно эпидемія оспы посѣщала всякую мѣстность только временно. Все это значительно подрывало вѣру въ вариоляцію, вызывая справедливый ропотъ среди населенія, нѣрѣдко доходившій до открытаго сопротивленія, тѣмъ болѣе, что прививки, для болѣе быстрого распространенія, болѣею частью поручались людямъ невѣдущимъ въ медицинѣ и потому давали, какъ уже сказано, болѣею частью плачевные результаты. Тѣмъ не менѣе вариоляція сослужила свою службу человечеству, ибо она подготовила почву для пониманія и воспріятія великаго открытія Эдуарда Дженнера; этому-то открытію иныи исполнилось ровно сто лѣтъ.

Сущность открытія Дженнера заключается въ слѣдующемъ: онъ первый указалъ на существованіе настоящей оспы у коровъ, опредѣлилъ точно ея признаки и отличія отъ всѣхъ другихъ сыпныхъ болѣзней коровъ, сходныхъ съ оспою. Но самое важное открытіе Дженнера заключалось въ томъ, что коровья оспа, будучи привита человеку, не только дѣлаетъ его невоспримчивымъ къ заболѣванію оспою, но и вполнѣ сохраняетъ свою силу при дальнѣйшей прививкѣ отъ человека къ человеку, какъ и привитая прямо отъ животнаго. Не менѣе цѣнно его указаніе на то, что коровья оспа только тогда дѣйствительна, когда, будучи взята отъ животнаго, она сохраняется съ извѣстными предосторожностями, безъ доступа воздуха, свѣта и т. д., ибо иначе она теряетъ свою силу и уже не дѣлаетъ человека невоспримчивымъ къ натуральной человеческой оспѣ. Открытіе Дженнера, подобно большинству открытій, не было везаннмымъ откровеніемъ, а только результатомъ глубокой наблюдательности и упрямой работы для доказательства того, что уже давно было извѣстно среди народа. Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго начала XVIII столѣтія встрѣчаются уже литературныя указанія на то, что люди, заразившіеся коровьей оспою, не подвергаютъ болѣе заболѣванію натуральной, и еще въ 1713 году была задана диссертація нѣмецкаго студента Sulger'a, проводившая такой взглядъ. Среди народа подобное убѣжденіе можно было считать установившимся, и люди, случайно заразившіеся коровьей оспой, потомъ настолько считали себя защищенными, что охотно ухаживали за оспенными больными и дѣйствительно не заражались. Дѣлалось даже попытки искусственной прививки коровьей оспы, но встрѣчались всѣми съ большимъ недоверіемъ и боязью.

Все это было, конечно, извѣстно Эдуарду Дженнеру, занявшемуся предвѣрительно изученіемъ коровьей оспы и опредѣленіемъ ея отличительныхъ признаковъ. Точно установив картину коровьей оспы, онъ 2 мая 1796 года приступилъ къ первому публичному опыту прививки ея человеку. Прививка была сдѣлана восьмилѣтнему мальчику, James Phirps, на плечо котораго была перенесена вакцина, взятая отъ руки женщины, случайно заразившейся коровьей оспой при доеніи. Прививка оказалась удачною, и притомъ болѣзненное состояніе, наблюдавшееся всегда при прививкѣ человѣчьей оспы (вариоляціи), было здѣсь едва замѣтно. Черезъ нѣкоторое время этому же мальчику была сдѣлана прививка человѣчьей оспы, и оказалось, что онъ вполнѣ невоспримчивъ къ этой заразѣ; вторая прививка черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и третья—черезъ 5 лѣтъ, вполнѣ подтвердили стойкость полученной невоспримчивости къ зараженію оспою. Имѣя цѣлый рядъ подобныхъ случаевъ, Дженнеръ въ 1798 году опубликовалъ свое великое открытіе и плодъ 25-ти-лѣтнихъ наблюденій. Новый методъ предохранительной прививки, благодаря талантливому изложенію и всѣмъ доказательствамъ, распространился необычайно быстро, и уже въ 1801 году сдѣлался достояніемъ всей Европы, Сѣверной Америки и Ост-Индіи. Имя Дженнера сдѣлалось извѣстнымъ всему міру, и повсюду его встрѣчали съ глубокимъ почтеніемъ. Но, несмотря на такое быстрое признание его заслугъ, Дженнеру не удалось избѣжать зависти и вражды, которыя всегда преслѣдуютъ выдающіеся таланты, и особенно лицъ, сдѣлавшихъ на томъ или другомъ поприщѣ

важное открытие. Прежде всего стали оспаривать самое открытие, обвиняя Дженнера в неискренности его наблюдений, в малой доказательности их. Затем начали на самый метод, уверяя, что, вводя в организм человека скотскую жидкость, легко произвести скотскую горячку, и даже высказывали боязнь, что таким путем может постепенно произойти вырождение рода человеческого в скотов. Нашлись будто бы и подтверждающие подобный взгляд факты: «Одна дама—инищеть Рингъ,—жалуется, что дочь ее после привития коровьей осыни кашляет, как корова, и что по всему телу ее стали расти волосы; в деревнях перестают прививать осыну, ибо привитые после этого мчатся, как быки».

Подобная нападка не могла, конечно, подорвать силу доказательств Дженнера, и общее признание важности и вѣрности его открытия заставило скоро замолкнуть противников. Но возраставше славу Дженнера вызвало новых врагов, стремившихся доказать, что самое открытие принадлежит не Дженнеру, а имъ, и его обвиняли даже в плагиате (Nash). Дѣло доходило до суда, и судъ оправдал Дженнера. Въ концѣ концовъ Дженнеръ побѣдилъ всѣхъ враговъ, и ему пришлось дожидаться до полного всеобщаго признанія его заслугъ. Со всѣхъ сторонъ онъ получалъ изъявленія благодарности и почтенія, и прибѣгали взглянуть на него, какъ на чудо. Въ 1814 году онъ

былъ представленъ императору Александру I, который сказалъ ему: «Вы очень счастливы: сознание долга, выполненнаго вами передъ человечествомъ, должно быть для васъ нетонокимъ пенечернаемаго наслажденія, и мнѣ приятно слышать, что вы снискали себѣ благодарность, похвалу и воздаяніе отъ людей».

Прошло это дѣло, и имя Дженнера приобрѣло еще большую извѣстность. Результаты, достигнутые открытій имъ основопрививаніемъ громады; многія государства почти совершенно избавлены отъ осыни, и много миллионъ людей в теченіе этого столѣтія обязаны ему не только сохраненіемъ жизни, но и избавленіемъ отъ обезображиванія и тяжелыхъ увѣщій. Особенно много жертвъ поглотила осына въ войскахъ во время войнъ, но теперь въ тѣхъ странахъ, гдѣ основопрививаніе обязательно, и войска оказались вполнѣ застрахованными отъ осыни; такъ, во время франко-германской войны 1870 года заболѣваній осыною въ германской арміи почти не наблюдалось.

Юбилейное въ память Дженнера изданіе Общества охраненія народнаго здравія содержитъ полную разработку не только исторіи основопрививанія, но и всего современнаго ученія объ осыни. Съ этимъ капитальнымъ трудомъ д-ра Губерта мы познакомятъ читателей въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ *Ливы* или въ книжкахъ „Литературныхъ приложеній“.

В. С.

Къ рисункамъ.

Берлинская юбилейная художественная выставка.—Альма-Тадема.

(Рисунки на стр. 1155, 1158 и 1163.)

Самый извѣстный изъ современныхъ англійскихъ художниковъ—несомнѣнно Альма-Тадема; для Англіи и англичанъ онъ то же, что для Германіи и всякаго нѣмца—Менцель и для Франціи и французъ—Пуви-де-Шаванъ. Это художникъ вполнѣ англійскій, исключительно англійскій, національный художникъ. И при всемъ томъ, Альма-Тадема совсѣмъ не англичанинъ, ни отецъ его, ни мать, ни его предки никогда не были англичанами,—онъ голландецъ. Онъ родился 8 января 1836 г., въ Дронригъ (Dronryp) и провелъ свое дѣтство и юность въ Антверпенѣ и отчасти въ Брюсселѣ. Первыми руководителями его въ живописи были антверпенскіе художники: баронъ Ванперъ и баронъ Лейсъ (Leys). Его извѣстность начинается уже съ того времени, когда онъ переселился въ Брюссель и после нѣсколькихъ попытокъ обратиться къ исторической живописи (серія Меровинговъ), началъ на тотъ жанръ, который впоследствии получилъ названіе „жанра Альма-Тадемы“. Это—сцены изъ древне-римской и отчасти греческой жизни. Только въ 1870 году, уже зрѣлымъ художникомъ, съ крупнымъ именемъ, Альма-Тадема переселился въ Лондонъ. И все же онъ англійскій художникъ, а не голландскій. Трудно объяснить, какимъ образомъ это произошло, но еще въ Брюсселѣ искусство Альма-Тадемы не имѣло ничего общаго съ искусствомъ голландцевъ. Последніе въ общей группѣ европейскихъ художниковъ стоятъ совершенно отдѣльно, въ сторонѣ, имѣютъ свои задачи, своей колоритъ, технику, композицію. Альма-Тадема, съ его пышными, перѣдко слишкомъ слащавыми красками, его красивыми, гибкими, изгибными контурами фигуръ, съ его женскими головками, такими идеальными красивыми, изящными, граціозными.—Альма-Тадема—совершенный англичанинъ, онъ лучше всѣхъ англичанъ постигъ англійскій идеалъ красоты и воплотилъ его въ своей живописи. Онъ, незаконный сынъ англійскаго некудства, не только усвоившись англійскимъ обществу, но это общество видитъ въ немъ болѣе близкаго и роднаго, чѣмъ въ собственныхъ дѣтяхъ. Никогда, ни на одной выставкѣ вы не встрѣтите имени Альма-Тадемы въ отдѣлѣ голландцевъ: онъ всегда съ англичанами и впереди всѣхъ англичанъ.

Никогда никто не передавалъ античный міръ до такой степени античнымъ, какъ передаетъ его Альма-Тадема. Въ чемъ же его секретъ? Обыкновенно говорятъ, что секретъ кроется въ удивительныхъ археологическихъ познаніяхъ, какими обладаетъ художникъ, даже болѣе: въ его археологическомъ чутьѣ, если хотите, инстинктѣ. Дѣйствительно, это чутье, этотъ инстинктъ поразительны. Альма-Тадема не только лучше всѣхъ знаетъ интересующую его сторону античной жизни, не только безошибочно опредѣляетъ стиль и эпоху мебели, бронзы, фрески, обивки, одежды,—онъ дѣлаетъ болѣе: когда онъ не знаетъ, онъ возсоздаетъ такъ, какъ это могло и должно было быть. Такимъ именно образомъ онъ поступилъ, когда писалъ картину „Смерть поворожденнаго“: онъ положилъ въ погахъ умершаго вѣнокъ цвѣтовъ, съ которыми, но его предположенію, должны были погребать фараоновъ (дѣйствіе происходило въ Египтѣ), и десять лѣтъ спустя нашли совершенно такой же вѣнокъ въ царскихъ могилахъ въ Деръ-эль-Башири. Однако, не въ этомъ сила и обаяніе Альма-Тадемы: есть много художниковъ-археологовъ, картины которыхъ оставляютъ насъ совершенно безучастными. Альма-Тадема великъ потому, что онъ сумѣлъ воссоздать античную жизнь именно такой, какой она представляется по обрывкамъ инсценаторовъ спустя 2,000 лѣтъ. Его дѣйствующія лица не просто натурщики и

натурщицы, одѣтые въ античные костюмы; они дѣйствительно римляне и римлянки, они смотрятъ на насъ по-римски, думаютъ, дѣйствуютъ, любятъ, ненавидятъ по-римски. У него есть такой же стиль римской жизни, стиль Альма-Тадемы, какой есть у Ропгросса, когда онъ пишетъ „Гибель Вавилона“ и „Танецъ Саломеи“, и какой есть у В. М. Васнецова, когда онъ пишетъ своихъ витязей, иллюстрируетъ бытъ окольничихъ и бояръ, жизнь византийскихъ свитателей и русскихъ подвижниковъ.

Большинство картинъ Альма-Тадемы отличаются необыкновенно яснымъ и свѣтлымъ тономъ, въ особенности тѣ, въ которыхъ дѣйствіе происходитъ на воздухѣ. Къ числу такихъ относится и его послѣдняя вещь, находившаяся на берлинской юбилейной выставкѣ этого года и воспроизводимая въ настоящемъ номерѣ *Ливы*—„Жемчужины“. Три дѣвушки, римлянки, на мраморной террасѣ какой-нибудь виллы, выходящей на море, перебираютъ жемчугъ. Онѣ такія же жемчужины, какъ и тѣ, которыя играютъ въ ихъ рукахъ. Картина не принадлежатъ къ числу лучшихъ вещей художника, но во всякомъ случаѣ чрезвычайно характерна для него. Чтобы дать читателямъ нѣсколько болѣе опредѣленное понятіе объ Альма-Тадемѣ, мы помѣщаемъ въ этомъ же номерѣ двѣ его прежнихъ картины, одиѣ изъ лучшихъ, имъ написанныхъ. „Въ храмѣ Венеры“—удивительное сочетаніе красивыхъ линий и гармоничныхъ красокъ. Посмотрите на изогнувшіяся, граціозныя фигуры двухъ дѣвушекъ, отдающихъ здѣсь въ тѣни алтаря, какъ много красоты въ ихъ движеніяхъ, позахъ. Что касается „Антонія и Клеопатры“, картины полу-историческаго, полу-бытового характера, то здѣсь поражаетъ благородство и красота композиціи, такъ просто задуманной, такъ художественно трактованной. Эта простота и въ то же время красота не скоро, однако, даются художнику; необходима страшная работа, штудировка, чтобы добиться этихъ результатовъ. И Альма-Тадема работаетъ, какъ немногіе. Если ему покажется лишнимъ кусокъ картины, который стоить ему бездны успій и труда, онъ говоритъ: „искусство требуетъ жертвъ“—и сокращиваетъ написанное, продвигая это до тѣхъ поръ, пока не будетъ удовлетворенъ своей работой. Такое отношеніе къ дѣлу должно бы быть у каждаго художника,—въ немъ часто залогъ серьезнаго искусства.

Задача живописи Альма-Тадемы—возсозданіе, по возможности близкое и точное, античной жизни. Онъ до такой степени погруженъ въ эту жизнь, такъ сжился со всѣми Агриппами, Клавдіями, что не пишетъ ничего, кромѣ картинъ изъ жизни этого отдаленнаго прошлаго. Вотъ уже 30 лѣтъ, какъ онъ отдалъ себя этому прошлому, и ничто его отъ него не отвлекаетъ. Въ его книги, археологическія поисканія, которыми онъ занимается, наконецъ, самыя мысли влекутъ его въ античный міръ: для того, чтобы не отвлекаться отъ него, онъ и себя окружилъ обстановкой этого міра. Онъ построилъ въ окрестностяхъ Лондона настоящую римскую виллу, въ которой его мечта, его внутренній міръ могъ получить реальную оболочку. Де-ля-Сиверанъ, французскій художественный критикъ, выпустившій въ прошломъ году книгу о современной англійской живописи (*), носившій нѣсколько страницъ описанію обстановки, среди которой работаетъ Альма-Тадема. Вообразите себѣ виллу тою же точь такую, какія не разъ попадались на картинахъ Альма-Тадемы. Она окружена со всѣхъ сторонъ роскошнымъ садомъ, напоминающимъ римскіе сады временъ цезарей. Какъ только переступаете вы черезъ порогъ виллы, на которомъ красуется знаменитое „salvo“ римлянъ, вы чувствуете себя оторван-

*) Robert de la Sizeronne „La peinture anglaise contemporaine“, 1895. Статьи, которыя составили эту книгу, помѣщались первоначально въ „Revue de deux mondes“.

вымъ отъ современной жизни. „dépaycé“, какъ выражается Сивераннъ: вы больше не сынъ XIX вѣка, а гражданинъ Рима, современникъ Цицерона, Цезари. Вы входите внутрь и попадаете въ атрiумъ, весь мраморный, съ мраморными великолѣпными колонами, съ верхнимъ свѣтомъ, какъ въ помпейскихъ домахъ, съ дымящимся жертвенникомъ, для возношенiя молитвъ домашнимъ богамъ. Изъ одной комнаты роскошная золоченая лѣстница ведетъ въ мастерскую художника. Но это не мастерская современнаго художника: ея дорическiя колонны, мраморъ, бронза, золото, все какъ будто перенесено изъ виллы знатнаго римлянина. „Можно подумать,—говоритъ Сивераннъ,—что находишься у Антигiя Лабсона, въ одинъ изъ дней, когда проконсулъ бросилъ свои занятiя для того, чтобы отдаться живописи. Вы невольно забываете о Коventъ-Гарденъ, о Дерби, о земледѣльческомъ кризисѣ, о Мадагаскарѣ“. Альма-

Тадема былъ бы очень удивленъ, если бы его спросили, отчего онъ изображаетъ только античную жизнь? Оттого, что онъ другой жизни не понимаетъ, не любитъ, да, наконецъ, и не знаетъ, совершенно не знаетъ. И то, что онъ пишетъ, не есть иллюстрацiя археологiи,—это сама жизнь, такая же кипучая, такая же шумная, какъ и та, что течетъ передъ нашими глазами. У него не Римъ Давида, Пуссена, Брюллова, не публичныя торжества, не великiя событiя, волновавшiя мiръ, совсѣмъ нѣтъ: его Римъ—частный, съ интимной стороной его жизни, та: ой, какой мы знаемъ по письмамъ Цицерона къ Аттику, такой, какой сквозитъ и чувствуется у Теренция и Плавта. Это именно та сторона античной жизни, которая наиболее близка къ нашей, современной. „Измѣнилась политика, говоритъ Сивераннъ, измѣнилась война, его разъ перемѣнились учрежденiя, но человекъ остался тотъ же. Что значитъ для насъ теперь лишнiй документъ о битвѣ при Каннахъ, или объ убiйствѣ Юли Цезари? Но знать, какъ любили, когда мiръ былъ молодъ, какъ играли, какъ занимались болтовней подлi оливковыми деревьями,—это насъ привлекаетъ, забавляетъ и воснiгиваетъ, не навязывая насильно морали“.

Иосифъ Фраунгоферъ показываетъ изобрѣтенный имъ спектрометръ. (Рис. на стр. 1159.)

Имя Иосифа Фраунгофера одно изъ самыхъ крупныхъ въ исторiи оптики. Фраунгоферу принадлежитъ честь значительнаго усовершенствованiя зрительной трубы и многихъ другихъ оптическихъ инструментовъ. Такъ, онъ открылъ секретъ приготвленiя флинтгласа, употребляемаго для устройства лучшiхъ ахроматическихъ телескоповъ. Особенно извѣстны его выдающiяся открытiя и работы по изслѣдованiю спектра. Какъ извѣстно, при разматриванiи въ спектроскопъ солнечнаго спектра, послѣднiй представляетъ непрерывную цвѣтную полосу, поперекъ которой, перпендикулярно къ продольному направлению спектра, тянутся темныя узенькiя полоски или темныя линiи, представляющiя собою разрывы въ спектрѣ, доказывающiе отсутствiе лучей въ томъ мѣстѣ, гдѣ эти линiи падаются; впрочемъ, онѣ могутъ происходить отъ сравнительно слабого направленiя свѣта въ этихъ мѣстахъ. Эти темныя линiи спектра открылъ Фраунгоферъ, наблюдая однажды солнечный спектръ, составленный хорошей призмой, въ зрительную трубу, и онѣ обезмертили внослѣдствiи его имя въ исторiю физики. „Фраунгоферовы линiи“, благодаря спектральному анализу, приобрѣли громадное значенiе въ оптикѣ. Открытiе это сдѣлано имъ въ 1814 г. Кромѣ солнечнаго спектра Фраунгоферъ изслѣдовалъ и спектры небесныхъ свѣтилъ, въ томъ числѣ Спирiуса. Для наблюденiя звѣздныхъ спектровъ Фраунгоферъ употреблялъ зрительную трубу, передъ объективомъ которой помѣщалъ призму. Внослѣдствiи окулярные

спектроскопы замѣнили способъ Фраунгофера, но въ семидесятихъ годахъ Фраунгоферова система спектроскоповъ была возобновлена астрономомъ Реснэ въ Римѣ. Вместе съ тѣмъ онъ открылъ одну характеристичную свѣтлую линiю въ свѣтѣ лампы, а также свѣтлыя линiи—въ электрическомъ свѣтѣ; эти два послѣднихъ его открытiя очень важны, какъ начало изслѣдованiя искусственныхъ или, вѣрнѣе, земныхъ источниковъ свѣта. Изъ изобрѣтенныхъ и усовершенствованныхъ имъ оптическихъ инструментовъ слѣдуетъ еще указать гелиометръ и ахроматическiй микроскопъ. Особенно важную заслугу Фраунгофера въ оптикѣ составляетъ именно его опредѣленiе показателей преломленiя лучей свѣта, составляющихъ разныя части спектра; все громадное значенiе этихъ многолѣтнихъ работъ Фраунгофера оцѣнено было внослѣдствiи Гершелемъ, Миллеромъ и другими астрономами, занимавшимися

изслѣдованiемъ разнаго рода спектровъ въ связи съ составомъ источниковъ свѣта. Дальнѣйшими продолжателями работъ въ этой области были Бузэнъ и Кирхгофъ.

Иосифъ Фраунгоферъ родился 6 марта 1787 г. въ Штраубингѣ, въ Баварiи. Двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ поступилъ онъ въ ученики къ придворному зеркальному мастеру и шлифовщику стеклъ Вейксельбергеру въ Мюнхенѣ. Случайно обративъ на себя вниманiе баварскаго короля Максимилиана Иосифа, Фраунгоферъ получилъ отъ него въ подарокъ 18 дукатовъ. На эти деньги онъ купилъ себѣ машину для шлифованiя стеклъ и занялся шлифовкой оптическихъ стеклъ и гравированiемъ на металлѣ. На ряду съ этимъ онъ ревностно изучалъ математическiя науки, и въ ней опять-таки главнымъ образомъ одинъ отдѣлъ оптики—законы преломленiя свѣта. Въ 1806 г. Фраунгоферъ, приобрѣвшiй уже нѣкоторую извѣстность своими работами, былъ приглашенъ занять мѣсто оптика въ новомъ механическомъ институтѣ, основанномъ въ 1804 г., въ Мюнхенѣ, Иосифомъ Удшнейдеромъ, Георгомъ Рейхенбахомъ и Иосифомъ Либгеромъ и существующемъ еще нынѣ подъ фирмою „T. Ertel und Sohn“. Велѣдъ затѣмъ въ 1809 г. Фраунгоферъ вместе съ первыми двумя учредилъ въ Бенедиктбернѣ знаменитый оптическiй институтъ, долго снабжавшiй почти всю Европу астрономическими инструментами. Въ 1818 г. Фраунгоферъ сталъ управлять институтомъ единолично, и въ слѣдующемъ году перевелъ его въ Мюнхенъ. Однимъ изъ замѣчательныхъ инструментовъ, вышедшихъ изъ мастерской Фраунгофера, считается колоссальный рефракторъ въ Юрьевѣ, славящiйся, какъ одинъ изъ лучшiхъ и красивѣйшiхъ рефракторовъ во всемъ свѣтѣ. За свои ученые заслуги Фраунгоферъ былъ избранъ въ 1817 г. въ члены академiи наукъ, а въ 1823 г. назначенъ консерваторомъ физическаго кабинета академiи. Годъ спустя ему пожаловано было дворянское достоинство. 7 июня 1826 г. Фраунгоферъ скончался въ Мюнхенѣ, гдѣ ему поставленъ бронзовый памятникъ. Полное собранiе ученыхъ работъ Фраунгофера издано Ломмелемъ въ Мюнхенѣ, въ 1888 г.

Картина проф. Рудольфа Виммера представляетъ тотъ моментъ, когда великiй физикъ рѣшился показать своимъ ученымъ друзьямъ вновь изобрѣтенный имъ спектрометръ. Интересная сцена эта должна была произойти въ 1815 г., именно вскорѣ послѣ открытiя имъ темныхъ линiй солнечнаго спектра, для болѣе тщательнаго наблюденiя и измѣренiя которыхъ и предназначенъ спектрометръ.

Картина проф. Рудольфа Виммера представляетъ тотъ моментъ, когда великiй физикъ рѣшился показать своимъ ученымъ друзьямъ вновь изобрѣтенный имъ спектрометръ.

Интересная сцена эта должна была произойти въ 1815 г., именно вскорѣ послѣ открытiя имъ темныхъ линiй солнечнаго спектра, для болѣе тщательнаго наблюденiя и измѣренiя которыхъ и предназначенъ спектрометръ.

Бывалый. (Рис. на стр. 1166 и 1167.)

— Джулио вернулся!.. Джулио!
— Какой Джулио?
— Вы не знаете Джулио? Джулио Дормато, старшаго сына старой Фрацески, ея любимца?.. Джулио, что ушелъ за море

Столѣтiе оспопрививанiя. Эдуардъ Дженнеръ.
Съ гравюры автотипiи „Нива“.

и такъ долго пропадалъ безъ вѣсти.

— Какъ, развѣ у старой Франчески былъ еще сынъ, кромѣ Бенно?

— Былъ?! Тоже сказала! Онъ и теперь у нея. Да какой красавецъ. Старуха чуть не помѣшалась съ радости и разсказываетъ про него каждому встрѣчному... Далеко-далеко побывалъ Джулио, и чего только не навиделся... Онъ и въ Америкѣ побывалъ.

— Въ Америкѣ? Ахъ, мой Бенно тоже въ Америкѣ.

— И у меня дядя тамъ! Не знаетъ ли чего Джулио о немъ?

— И о моемъ Бенно! Пойдемте къ Франческѣ.

И нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, забывъ, что онѣ пришли на базаръ за покупками, отирались смотрѣть Джулио. Старой Франчески какъ разъ не было дома. Гостей встрѣтилъ молодой загорблый парень съ черными, какъ смоль, волосами и горькими огнемъ глазами.

„Хорошъ, правда, хорошъ!“ — рѣшили все сразу. А онъ, увидѣвъ цѣлую дюжину направленныхъ на него глазъ, ничуть не смутился, какъ подобаетъ „бывалому“ человѣку, и попросилъ дорогихъ гостей войти, — матушка-де сейчасъ вернется и очень будетъ рада.

А пока старушка замѣшкатель, надо же угостить и запить гостей. Появился кувшинъ вина, стаканчики, а изъ устъ Джулио слово-за-словомъ и какъ-то сразу, неудержимымъ потокомъ, полились разсказы о дальнихъ странствіяхъ и приключеніяхъ, то веселые, то грустные, то смѣшные, то страшные. И хотя онъ не знаетъ ни Бенно, ни какого-то „дяди“, онъ разсказывалъ такъ живо и интересно, что подруги не замѣтили, какъ летѣли часы, забыли о томъ, что старуха все еще не воротилась, и что всего важнѣе — что базаръ ужъ кончился.

„Джулио очарователенъ!“ — глядя на него, думала про себя каждая, — даже и та, у которой былъ Бенно въ Америкѣ.

Н. Н. Карзинъ.

(Портр. на этой стр.)

Писатель-художникъ Николай Николаевичъ Карзинъ, юбилей котораго празднуютъ 27 ноября н. г. писатели и художники, принадлежитъ къ числу тѣхъ богато-одаренныхъ чисто русскихъ натуръ, которыя разбрасываютъ свое богатство, не стѣняясь ни формой, ни традиціями, приходи со своимъ талантомъ всюду, гдѣ нуждаются въ этомъ талантѣ, гдѣ есть спросъ на него. Лучшіе толстые журналы охотно открываютъ свои страницы для произведеній Карзинъ; въ то же время газета, принадлежащая къ такъ-называемой „малой прессѣ“, старается усиленно печатать его корреспонденціи; въ Зимнемъ дворцѣ красуется рядъ его картинъ, заказанныхъ художнику Императоромъ; въ маленькихъ мелочныхъ лавочкахъ висятъ его работы акварельныя „объявленія“ о мануфактурѣ какихъ-то штокъ. Тѣ Карзинъ — молодымъ офицеромъ — сражается на нашихъ окраинахъ, получаетъ золотое оружіе, Владимира съ мечами и т. д.; то онъ членомъ ученой экспедиціи ѣдетъ на Аму-Дарью, и пишетъ потомъ путевые очерки, иллюстрированные бойкими карандашомъ автора. То онъ корреспондентъ съ театра войны, то декораторъ въ клубѣ художниковъ, то учредитель акварельнаго общества, то рома-

нистъ, написавшій двадцать два тома беллетристическихъ произведеній. На выставкахъ въ Академіи и въ „Обществѣ поощренія художниковъ“ его картины покупаются изъ первыхъ; французская *Illustration*, англійскій *Graphic*, нѣмецкій *Gartenlaube* — считаютъ его въ числѣ своихъ сотрудниковъ. И все его вещи, — будь это картины для дворца или выписка для объявленія, романъ или газетная корреспонденція, — все это замечательно вкусомъ, талантомъ, яркимъ колоритомъ, любовью къ роднѣ, любовью къ искусству.

Николай Николаевичъ родился въ 1842 году. Воспитывался онъ во 2-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, и въ 1862 году былъ выпущенъ въ офицеры. Онъ участвовалъ въ польской кампаніи 1863 года и шесть лѣтъ провелъ въ боевой арміи Туркестана. Въ 1871 году онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Петербургѣ и съ этихъ поръ весь ушелъ въ литературную и художественную дѣятельность.

Онъ печаталъ свои литературныя произведенія въ самыхъ противоположныхъ по направленію органахъ печати: въ *Вѣстникѣ Европы*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Дѣль*, *Русскомъ Обзорѣ*, *Нивѣ*, *Всемирной иллюстраціи*, *Свѣтъ*, *Природѣ* и *Люди*, *Живописномъ Обзорѣ*, *Искусствѣ*, *Родникѣ*, *Новомъ Времени*, *Петербургской Газетѣ* и т. д. Изъ романовъ его наиболѣе извѣстны: „На далекихъ окраинахъ“, „Въ погонѣ за наживою“, „Въ камышахъ“, „Двуногий волкъ“, „Голосъ крови“, „Въ пороховомъ дымѣ“ и пр.

Въ *Нивѣ* было напечатано множество его литературныхъ и художественныхъ произведеній. Съ 1872 г. Н. Н. Карзинъ далъ въ *Нивѣ* цѣлую галерею своихъ талантливыхъ рисунковъ и композицій.

Самой крупною его работою по части иллюстрацій является Путешествіе Паслѣдника Цесаревича (нынѣ царствующаго Государя Императора) на Востокъ. Изданіе это, вышедшее одновременно на трехъ языкахъ, заключается въ трехъ томахъ in folio, гдѣ талантливой кистью набросаны разные виды и сцены изъ этого знаменательнаго путешествія. Рисунки прекрасно гравированы въ Лейпцигѣ и въ общемъ не уступаютъ лучшимъ иностраннымъ изданіямъ.

Не менѣе интересныя его работы — иллюстрированное изданіе разсказовъ „Аудропъ Головаитъ“ и „Съ сѣвера на югъ“, — гдѣ живописная часть идетъ рука объ руку съ беллетристической фабулой.

Остается сожалѣть, чтобы Николай Николаевичъ снова возвратился къ своей литературной дѣятельности, къ которой онъ какъ будто охладѣлъ за послѣдніе годы, занятый постоянной живописной работою. Желаямъ также почтенному юбиляру еще долго-долго украшать акварельныя выставки его колоритными вещами, и такъ же неустанно и плодотворно работать, какъ онъ работалъ до сихъ поръ.

Велосипедъ-коньки. (Рис. на стр. 1172).

Къ числу изобрѣтеній послѣдняго времени, въ немного лѣтъ достигшихъ замѣчательной популярности, несомнѣнно принадлежитъ велосипедъ, на которомъ теперь катаются и стары, и

Н. Н. Карзинъ (по поводу 25-лѣтія художественно-литературной дѣятельности). Съ фот. Ренца и Шрадера въ СПБ. авторъ „Нивы“.

При этомъ номерѣ прилагается для всѣхъ подписчиковъ иллюстрированное объявленіе о подпискѣ на „ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛИОТЕКУ НИВЫ“, содержащую въ себѣ на 1897 годъ:

„ИСТОРИЮ ИСКУССТВЪ“ соч. П. П. ГНѢДИЧА, а также объявленіе о другихъ изданіяхъ А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

младъ. Велосипедъ является и забавой, и здоровымъ спортомъ, и вполнѣ утилитарною вещью. За границею юнга и армія уже снабжены велосипедами, они получаютъ все большее прилѣченіе и для передвиженія такъ-называемыхъ ручныхъ тележекъ, которыя применяются въ родѣ велосипеда. Усѣхъ велосипеда вызвалъ цѣлый рядъ попытокъ примененія его къ водному спорту: водной велосипедъ постепенно входитъ въ общее употребленіе, и на швейцарскихъ озерахъ туристы совершаютъ цѣлыя прогулки на нихъ. Последние номера американскихъ журналовъ принесли намъ извѣстіе объ изобрѣтеніи велосипеда, приспособленнаго къ передвиженію по льду. Это очень кстати въ началѣ зимняго сезона, когда большинство велосипедистовъ и велосипедистовъ принуждены забыть о своемъ стальномъ колѣ. Велосипедъ-коньки—изобрѣтеніе, повидимому, вполнѣ практичное, и ему предсказываютъ усѣхъ, особенно въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ здоровый зимній спортъ—коньки, лыжи, горы—дѣлаются все болѣе модными и получаютъ все большее распространеніе. Несомнѣнно, что этотъ велосипедъ привьется быстро и въ Голландіи, Швеціи, Норвегіи и Даніи, гдѣ коньки и лыжи повсемѣстно въ народномъ употребленіи. Пожелаемъ распространенія этого велосипеда и у насъ, какъ содѣйствующаго развитію зимняго спорта,—въ Россіи, несмотря на долгую зиму, очень мало пользуются, благодаря нашей необщительности и домоудовольствію, ея удовольствіями и дивными пейзажами. Представленный на рисункѣ велосипедъ-коньки уже достаточно объясняетъ сущность изобрѣтенія. Вмѣсто перваго колеса обыкновеннаго бикллета, придѣланъ конекъ; онъ снабженъ тормозомъ въ видѣ заостренной вилки, которая приводится въ движеніе съ помощью небольшого рычага, помѣщеннаго у руля. Заднее колесо соединено цѣпью, какъ обыкновенно, съ педалями: оно приводитъ велосипедъ въ движеніе. Колесо это имѣетъ шипы, которыя не допускаютъ его скользить по льду при движеніи, а въ вѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, на склонахъ, позволяютъ захватывать ледъ. Но тяжесть велосипеда не давить на это колесо, оно должно только касаться льда, велосипедистъ же поддерживается вторымъ конькомъ, который устроенъ такъ, что можетъ подыматься и опускаться и тѣмъ регулировать силу нажима колеса на ледъ. Эта регулировка производится съ помощью кремальера и ее можно дѣлать, не сходя съ сѣла. Вѣтъ-можетъ, если

Велосипедъ-коньки.

вмѣсто перваго конька-руля поставитъ маленькую лыжу, а вмѣсто втораго—ось съ двумя большими лыжами, которая шли бы съ боковъ колеса-двигателя, снабженнаго вмѣсто шиповъ лопастями, этотъ велосипедъ-лыжи дасть бы прекраснѣйшіе результаты и при движеніи по снѣгу.

Д. Ѳ. Треновъ. (Портр. на стр. 1175.)

Полковникъ лейбъ-гвардіи коннаго полка Дмитрій Ѳедоровичъ Треновъ, вновь назначенный Изменнымъ Высочайшимъ указомъ 12 сентября н. в. исправляющимъ должность московскаго оберъ-полицеймейстера,—сынъ павѣтнаго петербургскаго градоначальника Ѳ. Ѳ. Тренова и братъ волынскаго губернатора Ѳ. Ѳ. Тренова.

Д. Ѳ. Треновъ родился въ 1855 году въ Кіевѣ. Десяти лѣтъ Д. Ѳ. былъ опредѣленъ въ Нахескій Его Величества корпусъ. Получивъ прекрасную подготовку дома, Д. Ѳ. выказалъ блестящіе усѣхы въ наукахъ въ корпусѣ и былъ пожалованъ въ камеръ-нажи. Въ Возѣ почившая государыня императрица Марія Александровна, удостоившая Д. Ѳ. принятіемъ въ число своихъ камеръ-нажей, пожаловала ему, въ знакъ своего благоволенія, золотыя часы. Произведенный, по окончаніи курса въ корпусѣ, въ 1874 году, въ корнеты, Д. Ѳ. опредѣленъ былъ въ лейбъ-гвардію конный полкъ, въ которомъ непрерывно съ тѣхъ поръ прослужилъ двадцать два года, ревностно неси коннекую службу, сначала въ качествѣ начальника небольшой части, а затѣмъ постепенно все повышаясь по службѣ достигнувъ, наконецъ, чина полковника.

Въ первые годы своей службы въ полку, когда разразилась восточная война 1877—78 гг., Д. Ѳ. воспылавъ желаніемъ принять участіе въ освободительной войнѣ и не имѣя возможности участвовать въ бою въ рядахъ своего полка, не отравлявшагося на театр военныхъ дѣйствій, выхлопоталъ себѣ прикомандированіе къ лейбъ-гвардіи гусарскому Его Величества полку. Вмѣстѣ съ этимъ полкомъ Д. Ѳ. участвовать въ дѣлахъ оградъ генерала Гурко и, въ томъ числѣ, въ памятномъ кавалерійскомъ бою подъ Телищемъ, 12-го октября 1877 г., гдѣ былъ раненъ въ руку. Наградой Д. Ѳ. Тренову за эту кампанію были ордена: св. Анны 4-й степ. съ надписью „за храбрость“ и св. Станислава 3-й степ. съ мечами и бантомъ. Въ настоящее время Д. Ѳ. Треновъ имѣетъ всѣ ордена до св. Владиміра 4-й степ. и нѣсколько иностранныхъ.

Политическое обозрѣніе.

Война Италіи съ Абиссиніей окончена. Возстановленіе мирныхъ отношеній между двумя враждовавшими народами радостно привѣтствовалась всей Европой. Но въ этихъ радостно-привѣтственныхъ гимнахъ миру слышится еще другая интересная нотка, совершенно небывалая,—слышится выраженіе уваженія къ Абиссиніи и къ ея негусу, уваженія, какъ къ равному, какъ къ правителью государства, а не какъ къ главѣ какого-то воинственнаго племени, интересующаго обыкновенно политическій міръ только потому, что оно воюетъ, нападаетъ и сопротивляется, и совершенно неинтереснаго въ замиренномъ состояніи. Абиссинія въ данномъ случаѣ на особомъ положеніи,—быть-можетъ, потому, что она предшествовала сама условія мира съ Италіей, а, быть-можетъ, даже скорѣе, потому, что она выказала свою глубокую нравственную силу и свѣжую и крѣпкую государственную организацію, невѣдомую доселѣ Европѣ.

Старая арена политическаго состязанія у ора „большого человѣка“ на Босфорѣ уже мало удовлетворяетъ тѣ державы, которыя полагаютъ почему-либо, что интересы ихъ скрещиваются на рубежѣ Европы и Азии,— мало удовлетворяетъ, во-первыхъ, потому, что агонія „большого“ ужъ слишкомъ затянута, а затѣмъ по той внушительной причинѣ, что у ора всталъ на стражѣ законный наследникъ умирающаго—Сѣверный колоссъ, съ притязаніями котораго нельзя не считаться. Вотъ почему Европа вынуждена была значительно расширить горизонтъ своихъ политическихъ стремленій.

Со времени столкновенія двухъ представителей желтой расы на дальнемъ Востокѣ, вниманіе всей Европы сосредоточилось на берегахъ Великаго океана, азиатскій берегъ котораго съ прилегающими къ нему странами представляетъ собою непопулярный уголокъ для насажденія европейской культуры. Но по дорогѣ къ этой грандіозной аренѣ европейскаго соперничества,

Европы, съ открытіемъ главнаго пути на Востокъ черезъ Суэцскій каналъ, заблаговременно остановилась въ Африкѣ.

На ряду съ неконными колониальными державами—Англіей, Франціей и Португаліей—и Германіи, удалось отмежевать себѣ въ Африкѣ обширнѣйшія владѣнія Англія же, придавая африканскимъ колоніямъ важное значеніе, захвативъ Египетъ, принялась распространять свое владѣтельство и на верховья рѣки Нила, пытаясь проникнуть дальѣ. Съ другой стороны, козни Англіи на югѣ Африки, особенно въ Трансваалѣ, раскрыли сложный британскій планъ—образовать изъ всѣхъ захваченныхъ Англіей земель сплошную полосу британскихъ владѣній—отъ Египта до южной оконечности Африки. Но такая свѣдѣность британской поллики встрѣтила на своемъ пути Германію, колонія которой оказалась сопрѣдѣльными съ британскими, какъ на восточномъ, такъ и на западномъ берегахъ чернаго материка.

Кромѣ того, основанное нѣсколькими бельгійскими свѣльчакми въ Центральной Африкѣ, на сретства бельгійскаго короля, обширное государство Конго, по особому соглашенію, современемъ можетъ быть приобрѣтено отъ бельгійскаго короля Франціей, такъ-что стремленія Англіи встрѣтятъ серьезныя преніяетія со стороны не только Германіи, но и Франціи.

Съ восточной стороны на Индійскомъ океанѣ прочно установилась Франція, недавно окончательно закрѣпившая за собою островъ Мадагаскаръ.

На прилегаемой здѣсь (стр. 1174) картѣ Африки можно видѣть дѣйствительно владѣнія всѣхъ государствъ Европы, кромѣ одного—Россіи и по мѣру, въ сравненіи съ метрополіями и съ ихъ колоніями, дальне всѣхъ отстоитъ отъ Абиссиніи, а между тѣмъ къ ней-то и тяготѣетъ исключительно негусъ Менелликъ и его народъ, въ ней-то повелитель черныхъ христіанъ видѣть своего единственнаго друга и покровителя, близкаго ему

по вѣрѣ. Мы видимъ на картѣ указаніи цѣлаго ряда политическихъ трактатовъ, заключившихъ за государственными владѣніемъ извѣстную часть африканскаго материка, только одна Россія, по свойственному ей безкорыстію, не участвовала въ этомъ хищнически-полюбовномъ раздѣлѣ чужой собственности. Не желая никого поработить, ничѣмъ овладѣвагь, Россія, взаи́мъ того, скрѣпила узамъ доброжелательства и покровительства братьямъ по Христу наиболее прочный союзъ съ Абиссиніей и приобрѣла себѣ преданнаго друга, вѣрнаго и сильнаго союзника, который при случаѣ можетъ явиться представителемъ интересовъ Россіи въ Африкѣ.

Въ европейскихъ политическихъ кружкахъ приписываютъ негусу Менелику пламенное стремленіе раздвинуть предѣлы

Абиссиніи до моря, въ цѣляхъ культурнаго прусейтивія возрждающейся Эіопіи. Недаромъ идутъ толки, что ближайшей задачею политики негуса будетъ направленіе всѣхъ силъ, чтобы расширить эіопское царство отъ Харрара до Зейлы, откуда англичанамъ придется, по всей вѣроятности, убрать британское знамя.

Такимъ образомъ, въ среду европейскихъ державъ, подвлившихъ между собою необятныя пространства чернаго материка, событіями послѣдняго времени выдвинутъ существенный политическій факторъ,—Абиссинія,—безъ котораго не мыслима будетъ никакая комбинація въ Центральной Африкѣ, служащей въ дѣйствительности для соперничества европейскихъ державъ только этаномъ въ ихъ культурномъ движеніи на Востокъ.

Разныя извѣстія.

— 9 ноября исполнилось столѣтіе гвардейской артиллеріи. Сто лѣтъ назадъ, 9 ноября 1796 г., императоръ Павелъ I повелѣлъ сформировать изъ бомбардирской роты лейб-гвардіи преображенскаго полка, пушкарей лейб-гвардіи семовскаго и пажмановскаго полковъ и Собственной Его Величества гатчинской артиллеріи совершенно самостоятельную артиллерійскую часть—лейб-гвардіи артиллерійской батальонъ, получившій организационно гатчинской артиллеріи. Задачею новообразованной части поставлено продолжать начатое послѣднее дѣло усовершенствованія русской артиллеріи. Вслѣдствіе этого вышлись вновь сформированный батальонъ свою задачу и много способствовалъ той громкой европейской славѣ, которую стяжала русская артиллерія въ эпоху Отечественной войны. Раздѣленіе лейб-гвардіи артиллерійской бригады (бывшаго гвардейскаго артиллерійскаго батальона) на три самостоятельные части: лейб-гвардіи 1-ю, 2-ю и гвардейскую конно-артиллерійскую бригады не умаило значенія этихъ частей, изъ которыхъ каждая празднуетъ 9 ноября 1896 г. столѣтіе со дня сформированія лейб-гвардіи артиллерійскаго батальона ихъ общей кочыбелі, развернула предъ очами своего Возлюбленнаго Монарха, прошедшаго въ ея рядахъ артиллерійскую службу, картину славнаго своего вѣкового прошлаго. Очерку этого славнаго прошлаго посвященъ роскошно изданный, съ 9 ноября, трудъ капитана лейб-гвардіи 1-й артиллерійской бригады Н. Потоцкаго: «Исторія гвардейской артиллеріи». Составленный по архивнымъ и достовернымъ источникамъ, прекрасно изданный и иллюстрированный, трудъ этотъ является первою цѣльною исторіею гвардейской артиллеріи, картиною рисующею ея заслуги отечеству, доблесть и прошлую жизнь.

— Въ залѣ московской городской думы состоялось, 6 ноября, открытіе памятника императрицѣ Екатерины II. Торжеству открытія предшествовала нашедша по въ Бозѣ почивающей императрицѣ, совершенная собраніе пресвященнымъ Тихономъ, епископомъ можаискимъ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Августѣйшаго московскаго генералъ-губернатора великаго князя Сергія Александровича и великой княгини Елисаветы Феодоровны, лицъ святы Ихъ Высочествъ и др. По освѣщеніи памятника, къ подножію его воздвигнута отъ города лавровой вѣтвь. Памятникъ сооруженъ по проекту академика А. М. Олсуфьевскаго. Императрица изображена во весь ростъ. Высота статуи 3 1/2 аршина; она высѣчена изъ сѣраго мрамора и установлена на пьедесталѣ изъ порфира, который въ свою очередь, покоится на ступенчатыхъ изъ сѣраго гранита. Статуя изображаетъ императрицу Екатерину II въ порфирѣ, въ лентѣ Андрея Первозванскаго, съ цѣпью этого ордена; голова увѣнчана малою короною; въ правой рукѣ—золоченый скипетръ, а лѣвая какъ бы обрываетъ порфиру назадъ. На пьедесталѣ помѣщенъ золоченый вѣнокъ императрицы, а нѣсколько ниже, на первой ступенькѣ—лавровый золоченый вѣнокъ изъ бронзы. Сзади памятника по стѣнѣ сдѣлана драпировка изъ плюша, образующая сѣнь, увѣнчанную золоченою короною.

— Высочайшимъ повелѣніемъ, опубликованнымъ въ *Пров. Вѣстн.* (№№ 237 и 238), постановлено заимать шнѣжные государственные кредитные билеты пятирублеваго достоинства билетами новаго образца, согласно Высочайше утвержденному ри-

сунку. Окончательнымъ срокомъ для обмена кредитныхъ билетовъ пятирублеваго, а также и двадцатилетнихъ и десятирублеваго достоинства образца 1887 г. назначено 31 декабря 1897 г.

— Въ виду того, что встрѣчается серьезное затрудненіе въ присказаніи необразованнаго числа благонадежныхъ и достаточно образованныхъ лицъ, на которыхъ можно было бы возложить обязанности счетчиковъ для предстоящей всеобщей переписи населенія Имперіи, училищный при Св. Синодѣ совѣтъ постановилъ, чтобы учителями церковно-приходскихъ школъ и тѣмъ изъ учителей школъ грамоты, которые имѣютъ свидѣтельство на учительское знаніе, безпрятственно было разрѣшаемо принимать на себя обязанности счетчиковъ въ предстоящей всеобщей переписи населенія, по приглашенію завѣдывающихъ переписными участками, съ освобожденіемъ отъ учебныхъ занятій приблизительно за двѣ недѣли до 1 февраля 1897 года.

— Умерла въ Оренбургѣ мѣстная купчиха М. Иванова все свое состояніе (365,000 рублей) завѣщала на школы и богоугодныя заведенія.

— Въ Дуконскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, Турканинъ, какъ сообщаютъ мѣстные газеты, двѣ библиотеки-читальни имени В. Г. Короленко. Средства собраны по частной подпискѣ.

— 22 сентября, въ городѣ Костромѣ, торжественно освѣщено и открыто зданіе народныхъ чтеній имени А. Н. Островскаго, въ присутствіи администраціи, представителей учреждений, а также семьи покойнаго писателя.

— Недавно женщина-врачъ И. И. Чарномская, бывшій врачъ кашинскаго земства, назначена ординаторомъ дѣтской хирургической клиники Императорской военно-медицинской академіи. На эту должность высвѣе назначена женщина.

— 27 октября, по именованію при Фарфоровской Преображенской церкви, по Шинсбургскому тракту, праздновано 25-лѣтіе своего существованія. Главными представителями поименованнаго являются братья Варгушины и гг. Торнтонъ.

— Недавно окончено печатаніемъ альбомъ дѣятелей всероссійской выставки печатнаго дѣла, представляющей собою извѣстное изданіе, снабженное прекрасною воспроизведенными фототипическимъ способомъ портретами.

— Крещеніе буддѣйскаго жреца совершенно пресвященнымъ Агаѳодоромъ, епископомъ староропольскимъ и скатеринадскимъ, въ городѣ Старорополь-Гавраскомъ, 2-го сентября и г. Нородкреншій-гильдонъ 2-го Бальшедербетовскаго хурда, Иачинскаго рода, Тоша Гильдурова, 44-хъ лѣтъ отъ роду, нареченъ именемъ Николая. Въ исторіи расширенія христіанства среди мѣстныхъ буддистовъ это первый случай обращенія въ православіе жреца. Съ семилѣтняго возраста онъ безотлучно проживалъ при хурдѣ, приготовляясь къ крещенію. Онъ обученъ монголо-тибетской грамотѣ, владѣть владѣть мѣстнымъ нарѣчіемъ калмыцкаго языка, но совершенно не знаетъ русскаго, такъ какъ уединенная жизнь лишила его возможности встрѣчаться съ окрестнымъ русскимъ населеніемъ. Знаніемъ его съ христіанствомъ началось со времени учрежденія мисіонерскаго стана и посѣлка крещеныхъ калмыковъ, въ Бальшедербетовскомъ уѣздѣ. Покещеніе хурда въ прошломъ году пресвященнымъ Агаѳодоромъ, его общеніе въ случаѣ пере-

хода гильдонъ въ православіе оставить ихъ въ монашескомъ званіи окончательно положили конецъ колебаніямъ жреца; онъ твердо рѣшилъ принять христіанство. Облагненіе новопривѣщеннаго и исповѣданіе върны православной совершенно чрезъ переводчика на калмыцкомъ языкѣ.

— Зданіе образованной церкви-школы на бывшей въ Нижнемъ-Новгородѣ Беероссійской художественной выставкѣ перенесена въ торгово-промышленное село Сормово, близъ Нижняго-Новгорода, гдѣ и будетъ обращено въ постоянную церковь-школу.

— Число желающихъ изучать русскій языкъ изъ міра торговаго, банковаго и техникувъ въ Берлинѣ, по словамъ *Нов. Вр.*, такъ велико, что въ мѣстной семинаріи восточныхъ языковъ пришлось явиться параллельный классъ специально для обученія русскому языку, который протолается въ вечерне часы.

— 24-го октября страховое общество «Саламандра» праздновало пятидесятилѣтіе своего существованія.

— 17-го октября состоялось празднованіе пятидесятилѣтія государственнаго служенія сенатора д. т. с. Н. И. Смирнова, бывшаго товарища оберъ-прокурора Святышшаго Синода.

— 21-го октября, общество взаимнаго кредита петербургскаго уѣзднаго земства праздновало 25-лѣтіе своего существованія. Основанное по инициативѣ уѣднаго земства, общество открыло свои операціи 21-го октября 1871 года, въ составѣ 183 членовъ, которыми было внесено въ оборотный капиталъ 10 проц. членскихъ взносов, всего 38,890 руб. Въ настоящее время въ немъ 2,169 членовъ при оборотномъ капиталѣ въ 5,378,300 р. 53 к.

— Московская дума постановила относительно ограниченія торговли въ праздничные дни: въ воскресные и праздничные дни, всѣ торгово-промышленныя заведенія открываются не ранее 12 часъ и закрываются не позднее 4 часъ, полудни. Лавки и магазины, торгующіе исключительно съѣдными продуктами и кормомъ для скота, могутъ быть открыты по утрамъ, но съ тѣмъ, чтобы они не были открыты между 9 и 12 ч. дня. Чайныя лавочки ограниченіямъ не подлежатъ. Транспортныя конторы, кіоски, лари, открытыя лавки для продаж газетъ и новременныхъ изданій могутъ быть открыты съ утра до 4 часъ, дни. Торговля минеральными водами и прохладительными напитками, молокомъ, съестными, печеными и фруктами изъ лаватокъ или кіосковъ не подлежатъ никакимъ ограниченіямъ. Правила примѣняются къ воскреснымъ днямъ, двадцатипятимъ праздникамъ, второму дню Рождества и Пасхи. Въсѣтъ съ тѣмъ, дума поручила городской управѣ сдѣлать распоряженіе, чтобы городскія читальни въ воскресные и праздничные дни закрывались не ранее 9 часъ, вечера, а комиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ представлять соображенія объ открытіи въ разныхъ мѣстахъ города воскресныхъ отдѣльныхъ городскихъ читаленъ и объ увеличеніи числа почитаній.

— Въ залѣ Городскаго Кредитнаго общества по воскресеньямъ, днемъ 1, 8 и 15 декабря 1896 г. и 12 и 19 января 1897 г., состоится пять музыкальныхъ утръ, устраиваемыхъ А. П. Рубецкѣ, при участіи г-жъ: Жеробовой-Евреновой, Познанской-Рабевиной, Терминой и гг. Ауэра, Влуденфельда, Вержбидовича, Дубасова, Туначарскаго, Таньва. Билеты (на всѣ пять утръ и разовые) можно получать въ магазинѣ Г. Юргенсона (В. Морская, 9).

Смѣсь.

Празднество въ Смольномъ институтѣ состоялось 12 ноября по поводу исполняющаго столѣтія со дня послуженія Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, учрежденнаго императрицею Екатериною II, въ вѣдѣніи въ Бозѣ почившей императрицы Маріи Феодоровны, супруги императора Павла I. Съ тѣхъ поръ великое дѣло женскаго образованія вѣдали и вѣдають Государыни Императрицы. Честь празднованія столѣтняго юбилея этого знаменательнаго событія выпала на долю Смольному институту,—какъ непосредственно преобразованному изъ Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ.

Празднество началось литургіей и благодарственнымъ молебствіемъ съ возглагошеніемъ многолѣтня Царствующему Дому и вѣчной памяти почившихъ императрицъ. Послѣ богослуженія въ стѣнахъ института состоялся завтракъ, предложенный отъ Высочайшаго Двора.

Въ 3 часа состоялся актъ, къ которому прибыли Ихъ Императорскія Высочества Государь Императоръ и Государыня Императрица со святой. Встрѣченные высшимъ начальствомъ, Ихъ Величества подвигались въ большой актовъ залѣ, гдѣ были присутствовали при входѣ звуками гимна, исполненнаго хоромъ воспитан-

ницъ. Въ залѣ были собраны всѣ воспитанницы института, одѣты въ платья тѣхъ цвѣтовъ, какіе носили воспитанницы сто лѣтъ. Изъ Высочайшихъ Особъ въ залѣ присутствовали Ихъ Императорскія Высочества великіе князья Владиміръ Александровичъ съ супругою великою княгинею Марією Павловною, Константинъ Константиновичъ, Михаилъ Николаевичъ, Георгій Михайловичъ, Сергій Михайловичъ, княгиня Анастасія Николаевна Романовская, принцъ Александръ Петровичъ и принцесса Евгенія Максимилиановна Ольденбургскія. Кроме того, тутъ же находились: высокопресвященный митрополитъ с.-петербургскій Палладій, архіепископъ финляндскій Антоній, епископъ Назарій, статсъ-секретарь Дурново, товарищъ министра земледѣлія т. с. Нарышкинъ, почти всѣ почетные опекуны, генералъ-адъютанты: Гессе, гр. Олсуфьевъ, кн. Барятинскій, с.-петербургскій губернский предводитель дворянства гр. Бобинскій, губернаторъ гр. Толъ и градоначальникъ генер.-майоръ Клейгельсъ и др., много дамъ, бывшихъ воспитанницъ института, а также начальницы прочихъ институтовъ съ избранными воспитанницами.

Актъ открывалъ инспекторъ института г. Прейсъ чтеніемъ историческаго очерка, посвященнаго дѣятельности въ Бозѣ почивающей

императрицы Марии Феодоровны. Затѣмъ состоялся въ Высочайшемъ присутствіи концертъ воспитанницъ, состоявшій изъ 6 номеровъ. Программы концерта, рисованныя акварелью, были поднесены Ихъ Величествамъ и Ихъ Высочествамъ. Двѣ воспитанницы прочли предъ Ихъ Величествами стихотворенія, и кромѣ того, въ качествѣ пріветственной кантаты (музыка г. Пиполитова-Иванова), было прочтено стихотвореніе воспитанницы Никольской. Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ двѣ маленькія воспитанницы удостоились поднести букетъ цвѣтовъ.

Затѣмъ начались историческіе танцы. Въ залъ вошли 108 воспитанницъ, начиная съ маленькыхъ и кончая взрослыми, въ бѣлыхъ платьяхъ, съ напудренными волосами и, подъ звуки стариннаго менуэта, граціозно обошли весь огромный залъ, извиваясь по нему красной, бѣлой, безконечной лентой. Картина была очаровательная и несколько переносила присутствовавшихъ за сто лѣтъ назадъ. Воспитанницы танцовали менуэтъ и гавотъ. Подъ конецъ воспитанницы, исполнивъ танцы, окружили красивыми группами высшіяся посреди зала бюсты въ Бозѣ почивающей императрицы Маріи Феодоровны и украсили его цвѣтами и гирляндами. Въ заключеніе праздника былъ исполненъ хоромъ воспитанницъ гимнъ.

При несомнѣяемыхъ пріветствіяхъ воспитанницъ, Ихъ Величества оставили залъ. Проходя по коридору, Ихъ Величества посѣтили открытый въ этотъ день историческій музей института, содержащій въ себѣ многіе цѣнные предметы, касающіеся исторіи института за истекшее столѣтіе, въ томъ числѣ: собственноручный черновой указъ императрицы Екатерины II, письмо короля Густава-Адольфа шведскаго, виды института, нарисованные сто лѣтъ тому назадъ.

Молодой русскій піанистъ Осипъ Габриловичъ пользуется шумнымъ, почти небывалымъ для русскаго музыканта успѣхомъ за границей. Г. Габриловичъ, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ окончившій первымъ курсъ въ петербургской консерваторіи, уже успѣлъ себѣ составить солидную извѣстность въ русскомъ музыкальномъ мірѣ. Такую же, если не болѣешую, извѣстность завоевалъ себѣ теперь молодой піанистъ въ Германіи, давъ два концерта въ Берлинѣ въ залѣ Вехштейна. Успѣхъ его былъ громадный. Берлинская печать, въ лицѣ *Berl. Börsen Cour.*, *Berl. Tageblatt*, *Post* и *Staatsbürger Ztg.*, признала г. Габриловича однимъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ піанистовъ, достойнымъ преемникомъ славы покойнаго Антона Рубинштейна. Послѣдовавшее послѣ концертовъ въ Берлинѣ приглашеніе г. Габриловича—участвовать въ извѣстныхъ симфоническихъ концертахъ въ лейпцигскомъ Gewandthaus—можетъ служить лучшимъ указаніемъ успѣха г. О. Габриловича не только въ публикѣ, но и въ средѣ строгой нѣмецкой музыкальной критики. Къ участію въ симфоническихъ концертахъ лейпцигскаго Gewandthaus'a приглашаются исключительно выдающіеся артисты, составившіе себѣ уже солидную репутацию. Успѣхъ г. Габриловича въ Лейпцигѣ былъ еще болѣе шумный, чѣмъ въ Берлинѣ; артисту была устроена горячая, единодушная овация. Мѣстная же газета (*Leipziger Tageblatt*, *Leipziger Zeitung*, *Leipziger Neueste Nachrichten*, *Signale*) превзошла своими хвалебными отзывами берлинскія газеты, распространившись объ исключительныхъ достоинствахъ игры молодого піаниста, соединяющей въ себѣ колоссальную технику съ красотою туша, мастерскую педализацию и силу удара съ благородствомъ тона, ритмическимъ чувствомъ, тонкостью фразировки, умѣемъ понять композитора и одухотворить исполняемое произведение и этимъ увлечь слушателя. Изъ Лейпцига г. Габриловичъ отправился въ Берлинъ—дать еще два концерта съ участіемъ филармоническаго оркестра. Большая зала „Philharmonie“ въ Берлинѣ вмѣщаетъ въ себѣ 3,000 слушателей. Успѣхъ г. Габриловича былъ опять-таки огромный. Кромѣ того, даровитый артистъ уже получилъ приглашеніе отъ извѣстнаго капельмейстера Ганса Рихтера принять участіе въ одномъ изъ филармоническихъ концертовъ въ Вѣнѣ и въ квартетѣ Гельмесбергера. Въ настоящемъ году г. Габриловичъ удостоенъ еще очень большой чести со стороны своей *almae matris*—на ряду съ извѣстнѣйшими въ Европѣ артистами онъ приглашенъ участвовать въ качествѣ солиста въ симфоническихъ концертахъ Императорскаго русскаго музыкальнаго общества.

Сельскохозяйственные юбилеи. Ирландскіе сельскіе хозяева, въ лицѣ своего „общества садоводства и огородничества“,

достойнымъ образомъ почтили исполнившееся въ текущемъ ноябрѣ трехсотлѣтіе съ того дня, когда впервые въ Ирландіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во всей Европѣ, появился картофель, имѣющій общезнаменитое громадное значеніе въ питаніи человѣчества. Въ 1596 году нѣкто Уолтеръ Рэлей впервые въ Европѣ посадилъ въ огородѣ своей виллы, близъ Ионгтоля, въ графствѣ Юркскомъ, только что вывезенныя изъ Америки сѣмена этого кормильца-корнеплода. Вилла эта, носящая названіе „Миртль“, сохранилась до настоящаго времени, и внутренность ея поддерживается въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ была 300 лѣтъ тому назадъ. Упомянутое общество садоводства устраиваетъ теперь, въ воспоминаніе о благотворномъ предпріятіи Рэлея, картофельную выставку въ Дублинѣ и созываетъ съѣздъ сельскихъ хозяевъ.

Другой юбилей—столѣтній—предстоитъ одному изъ наиболѣе производительно дѣйствующихъ удобрительныхъ средствъ—перуанскому гуано. Сто лѣтъ минуетъ съ того времени, какъ знаменитый нѣмецкій путешественникъ-естествоиспытатель Александръ фонъ-Гумбольдтъ, вернувшись изъ кругосвѣтнаго путешествія, впервые привезъ въ Европу гуано. Химическія изслѣдованія, произведенныя надъ привезеннымъ имъ продуктомъ, ясно указали громадное значеніе послѣдняго, какъ удобрительнаго средства, въ дѣлѣ сельскаго хозяйства. Гуано, какъ извѣстно, не что иное, какъ пометъ морскихъ птицъ, въ безчисленномъ количествѣ обитающихъ на перуанскихъ островахъ и на перуанскомъ берегу. По испанскимъ источникамъ, примѣненіе гуано къ земледѣлію въ качествѣ удобрения практиковалось въ Перу еще въ XII столѣтіи. Гуано перевозилось съ острововъ и съ берега въ такія мѣстности, гдѣ возможно было произвести искусственное орошеніе, и съ его помощью почти безплодная площадь земли обращалась въ плодородныя нивы, обильно родившія манисъ и другіе злаки. Этимъ-то богатствомъ и объясняется та сравнительно высокая культура, которую проявляли господствовавшіе въ то время въ странѣ инки. Немудрено, что, въ благодарность за такую услугу, морскія птицы пользовались у туземцевъ почти божественнымъ поклоненіемъ. Во время высиживанія ими птенцовъ, приближеніе къ птицамъ воспринималось подъ страхомъ смертной казни; точно такъ же, по свидѣтельству испанскаго писателя Гарчилозо де-ла-Вега, полагались жестокія наказанія и за убійство морской птицы. Каждый извѣстный округъ обрабатываемой земли имѣлъ право собирать гуано на строго опредѣленномъ для

Д. О. Треповъ, новый московскій оберъ-полицеймейстеръ. Съ фот. Ренца и Шрадера въ СПб. автотипія „Нивы“.

него участка берега или одного изъ острововъ, а специально опредѣленные на то смотрители зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы пользование птичьимъ пометомъ производилось правильно. Къ сожалѣнію, доводы Гумбольдта въ пользу употребленія гуано въ Европѣ встрѣтили въ свое время слишкомъ мало сочувствія, и сорокъ лѣтъ понадобилось на то, чтобы о немъ вспомнили и приступили къ опытамъ, которые на первыхъ же порахъ и дали самые блестящіе результаты.

Карманные часы въ роли компаса. Многимъ, быть-можетъ, покажется страннымъ и даже невѣроятнымъ, что обыкновенные карманные часы могутъ при случаѣ замѣнять собою компасъ. Между тѣмъ въ достовѣрности такого явленія не трудно убѣдиться каждому, прибѣгнувъ лишь къ слѣдующему простому опыту. Открытые часы нужно горизонтально положить такъ, чтобы маленькая часовая стрѣлка была обращена прямо къ солнцу. Тогда, сравнивая циферблатъ часовъ съ компасомъ, мы каждый разъ можемъ убѣдиться, что югъ приходится какъ разъ въ направленіи той линіи, которая, будучи проведена отъ центра циферблата, пересѣкла бы окружность его на половинѣ разстоянія отъ часовой стрѣлки до цифры 12. Такимъ образомъ, если, наприкладъ, направленная на солнце часовая стрѣлка показываетъ 10, то югъ будетъ тамъ, гдѣ цифра 11. Любопытно то, что такой простой способъ примѣненія карманныхъ часовъ къ роли компаса до сихъ поръ очень мало извѣстенъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Три дѣйствія комедіи. Повесть ꙗ В. П. Желиховской. (Продолженіе).—Сонъ. (Изъ Лемуана). Стихъ. Аполлона Норинскаго.—Столѣтіе оспорииванія. (Съ портретомъ Эдуарда Жеинера).—Къ рисункамъ: Берлинскія юбилейная художественная выставка.—Альма-Тадема (съ 3 рис.).—Иосифъ Фраунгоферъ показываетъ изобрѣтенный имъ спектрометръ (съ рис.).—Бывалый (съ рис.).—Н. Н. Карзинъ (съ портр.).—Велосипедъ-коньки (съ рис.).—Д. О. Треповъ (съ портр.).—Политическое обозрѣніе (съ картой европейскіихъ владѣній въ Африкѣ).—Разныя извѣстія.—Сибирь.—Объявленія.

ПИСАТЬ не только красиво, но и скоро выучивая в 6 уроков, вложно. Метод удостоен золотой медали и благодарности короля Эллионъ. За двѣ 7 коп. марки высылаю условія и пробное писмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф. кал. Э. Кондариусъ. № 9436 10 8

ВОДЯНАЯ ПОЗОЛОТА. Каждый может позолотить всевозможные предметы изъ дерева, металла и проч. Цѣна 20 к., 50 к. и 1 р. За перес. въ Евр. Рос. на заказ, до 5 р. прибав. 40 к., въ Азіяг. Рос. по разстоян. Складъ Гебгардта, СПб., Невскій пр. 96.

Калуферъ, Кузьмичевскую траву, Хвощъ, Брусничную траву, все другія дѣкарветвенныя растенія высылаетъ **Провизоръ П. Фогель.** Гор. Луоян, П. 9697 Полтавской губ. 6-1

ЖЕНСТВЕННОСТЬ брошюра **А. Мниховскаго,** 5-е исправленное издание. Ц. съ перес. 50 коп. Складъ изд. въ книжн. торг. **Г. Савоунова,** г. Одесса, Дерибас. ул. Деньги можно высылать почтовыми марками.

НОВОСТИ Бѣгови и парусныя лыжи для бѣга и лыжировки на свѣжести поперности по способу **д-ра Нансена.** См. рефератъ К. Кометса "О бѣгѣ на лыжахъ" въ № 6 *Новыя* 1896 г. Получены: **Нормальная зимняя шапка д-ра Нансена** съ откидн. козырькомъ и откидными наушниками и затыльникомъ, защищ. какъ глаза отъ блеска снѣга или солн. лучей, такъ уши и шею отъ холода. Забѣн. мѣхов. воротн. шарфъ или башлыкъ. См. рис. въ № 45 *Новыя* 98 г. Высел. налож. плат. Сообщить округ. голы. Цѣна 2 р. 50 к.—5 р. Эффектнй подарокъ въ Ружд.: Новая книга о "Фр. Нансенъ", съ массою рис., 363 стр., и 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Выше. лыжи изъ склада К. Кометса за перес. не платятъ. Патентов. лыжн. бутинки 2 р. 60 к.—4 р. Самоѣскія рукавицы двойного оленьего мѣха (волосами внутрь и наружу) 2 р. 50 к. Наставл. и прейсъ-курантъ безплатно. Адресъ на рис.

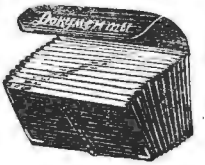

С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЖДАНОВСКАЯ УЛ. № 17/19.

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.
ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО
56-ой ПРОБЫ
съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ.
Пересылаю наложеннымъ платежѣмъ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20—31.

НЕЗАМѢТНА НА ЛИЦѢ ТОЛЬКО РОСКОШНАГО ЗАПАХА. 5-1
ПУДРА „ГИГИЕНА“
„ТОВАРИЩЕСТВА ГИГИЕНА“
СПБ., Плещ. Александр. театра, 9. Москва, Никольская, д. Шереметева. Варшава, Новый Свѣтъ, 37.
ПРОДАЕТСЯ ВЪСѢДЪ.

ДОКУМЕНТНЫЯ ПАПКИ
для храненія важныхъ документ. и бумагъ въ 12 отдѣл. нумерован. и съ алфавитомъ. Очень важн. для помѣщенія, домоклад., юристовъ, частн. лицъ, также для канцелір., конторъ и т. п. учрежд. Отправка налож. платеж. Цѣны № 1 форматъ въ больш. почтов. Quart листъ безъ замка 2 р. 70 к.; съ замкомъ 4 р. № 2 форматъ въ писчей листъ 3 руб 50 коп. безъ замка, съ замкомъ 5 руб.

Портфели для всѣхъ, изготовлены изъ картона, обтянуты прочной клеенкой, сгибы — парусиной, форматъ въ писчей листъ. Цѣна 50 коп., если съ ремнемъ 60 коп. Въ теченіе 3 мѣс. продано болѣе 1000 портфелей.

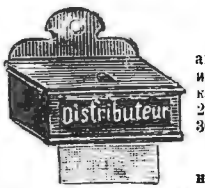
ПАТЕНТОВАННАЯ БАНКА ДЛЯ КЛЕЯ, наполн. самымъ лучшимъ гумми-арабикомъ, не требующая ни губки, ни кисти. Всегда годная къ употребленію, до послѣдней капли. Постоянно замкнутая, клей никогда не киснетъ. Обращаются съ банкою, какъ съ кистью. Цѣна за банку 35 коп. Коробками въ 6 банокъ 1 р. 75 коп.

МАМОНТОВАЯ ПОЧТОВАЯ БУМАГА въ видѣ нотолита высшаго качества, особ. крѣпкая, соединяющая со всѣми преимуществами лучш. сорт. почт. бумаги своеобразную виѣшность и весьма эластичную и прѣстную для письма поверхность. Цѣна за 50 лист. Остау въ 40 конв. въ коробкахъ 1 р. 20 к., 1 р. 40 к. и 1 р. 60 коп.

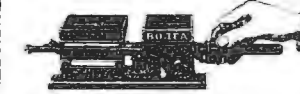
Чернильница „ДУНЬКА-КЛЮНЪ-КА“ очень практичная, чернила не высыхаютъ и не лачкаетъ пальцы. Цѣна 20 к., 30 и 40 коп.

ДИСТРИБУТОРЪ-НИПИФАКСЪ автоматич. ашаратъ для клеветной бумаги, Прантичн., чистопл. и бережливе. Цѣна за 1 дерев. ашар. съ приболз. 450 лист. клеветн. бум. 60 к. Изящн. дерев. аппараты по 1 руб. и 1 р. 20 коп.; аппараты изъ шапки по 50 коп. Запасная бумага по 30 коп. за пачку. Имѣется въ лучш. антекарск. магаз. и писчебумажн. горювкахъ. Подр. прейсъ-курантъ выс. безплатно. Продажа писчей бумаги, конверт. и канцелірск. принадлежностей, для конторъ и домашн. обихода, по фабричн. цѣнамъ.

В. ФРИЦЪ И К. С.-Петербургъ, Гороховая ул., № 22, во 2-мъ этажѣ, рад. съ Воспит. домомъ.

новость для Гг. КУРАЩИХЪ.

Патентованная машинка „Волга“, для набивки панировъ. Удостоена на Всероссийской промышлен. и художественной Выставкѣ въ Н.-Новгородѣ 1896 похвальнымъ отзывомъ. При ѣвоторомъ павильнѣ каждый можетъ набить 8—10 штукъ крученыхъ панировъ разныхъ померовъ въ 1 минуту. Къ каждой машинкѣ приложено 2 №№ металлическихъ гильзы № 10 и 11.

Цѣна 7 рублей за штуку. Гг. ииотородимъ высылаются по полученіи задатка въ 3 руб. наложеннымъ платежѣмъ. Можно получить:
1) Лимаъ и Риксъ, Б. Морская, 28.
2) Гороховая 16.
3) К. Чернохостовъ, Гост. дворъ, Зеркальн. ливня 35. Гл. представитель К. А. Роде. С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, 23.

ЧАСЫ для НОЧНОГО ВРЕМЕНИ

освѣщаются электричествомъ. Полное описаніе часовъ выс. безплатно. Главное депо часовъ **Б. АЛЬТШВАГЕРЪ,** С.-Петербургъ, Невскій пр., 32.

ЧУДО-КЛАРНЕТЪ. Каждый выуч. игр. въ 5 мин.

Со школою и 12 нотами 1 руб. За перес. въ Евр. Рос. по 80 коп. или на 2-хъ инструм. 1 руб., въ Азію по разстоянію. „Базаръ польза и забава“ Г. Гебгардта, С.-Петербургъ, Сименовская ул. № 5.

КОНЫКИ всѣхъ системъ отъ 1 до 12 руб. СПб. Б. Морская, 40.

А. О. БРАБЕЦЪ. Иллюстриров. прейсъ-курантъ безплатно.

Открыта подписка на 1897 годъ на **ВѢСТНИКЪ РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА.** 26-й годъ изданія.

Съ 1 января 1897 г. изданіе „Вѣстника Россійскаго Общества Краснаго Креста“ переходитъ отъ генералъ-лейтенанта С. П. Зыкова въ непосредственное вѣдѣніе Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста. Журналъ будетъ издаваться (безъ предварительной цензуры) по новой, значительно расширенной, программѣ, обнимающей, кромѣ подробной разработки вопросовъ, непосредственно соприкасающихся съ дѣятельностью Краснаго Креста въ Россіи и за границей, также правительственныя распоряженія, выдающіяся событія внутренней и иностранной жизни, обзоръ дѣятельности филантропическихъ учрежденій русскихъ и иностранныхъ, историко-библиографическій отдѣлъ, статьи по гигиенѣ и проч. Журналъ будетъ выходить ежедневно, по субботамъ. Изданіе это одобрено и рекомендовано Министерствомъ: Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и Военнымъ, а также Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ.

Подписка цѣна пять (5) руб. въ годъ, съ пересылкой и доставкой.

Подписка принимается въ Главномъ Управленіи Россійскаго Общества Краснаго Креста (С.-Петербургъ, Инженерная, 9), а также во всѣхъ окружныхъ и мѣстныхъ управленіяхъ и мѣстныхъ комитетахъ Общества. Гг. подписчики, какъ прежде—при возобновленіи подписки на „Вѣстникъ Россійскаго Общества Краснаго Креста“, также и новые, благоволятъ направлять свои требованія и подписныя деньги исключительно въ одно изъ названныхъ выше учрежденій, притомъ по возможности заблаговременно, во избѣжаніе задержки въ высылкѣ журнала.

ЧАСЫ Вальтгамъ съ 4-хъ-лѣтн. гарантіей: Золотые въ 95, 110 и 160 р. Накладн. зол. 43 и 50 р. Серебряные 22 р. и 28 р. Никелевые 14 р. и 18 р.

„Новость“ стальные 18 р. и 25 р., а также женевскія фабрикъ, 2 г. руп. Стальные дамскіе 8 р., 9 р., 10 р. и 15 р. Серебрян. мужск. и дамск. 8, 9, 15 и 20 р. Будильники столовые отъ 3 р. до 23 р. Английскій маг. часовъ А. Генри Майеръ. Толмазовъ пер., д. № 2. бл. Алек. театра. С.-Петербургъ.

Въ старой Москвѣ. Графа Е. А. САЛІАСА. Историческій романъ времени востанія на престолѣ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ част. СПб. Цѣна 2 руб., съ перес. 3 р. 50 к.; въ колденкор. перепл. 2 руб. 75 коп., съ пересылк. 3 руб. 25 коп.

КАКЪ НАМЪ ОБУВАТЬСЯ? О нормальной обуви, по преимуществу дѣтской. Цѣна 25 коп. Новая книга. Изд. маг. пособій по воспитанію дѣтей. С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 12. (4)

ПОЛНЫЯ КОЛЛЕКЦІЯ ЕЛОЧНЫХЪ УКРАШЕНІЙ по 4. 8. 12. 18. 25 и 40 р. въ которыхъ вклучены всѣ дѣшныя и заграничныя новости, какъ равно и любимыя хлопотники. Болѣе подробныя свѣдѣнія благово-лите усмотрѣть въ № 44 журнала „Новья“. Высылка наложеннымъ платежѣмъ. **ГЕРМАНЪ РЕЙХЕЛЬ,** Складъ Новостей, СПбургъ, Невскій 82.

VELOUTINE CH. FAY PARIS 9, rue de la Paix, 9 ПАРИЖЪ **РИСОВАЯ ПУДРА** СПЕЦІАЛЬНОЕ ПРИГОТОВЛЕНІЕ СЪ ВИСМУТОМЪ **Имѣемъ честь увѣдомить Гг. Покупателей, что коробки пудры «VELOUTINE» не снабжены русской таможенной пломбой должны считаться поддѣлкой.**

В. ПРЕТЦЕЛЬ преемникъ **КАРЛЬ БОРХАРТЪ** Москва, Рождественна, д. № 5. **БИНОКЛИ** для театра и поля, съ большимъ увеличеніемъ отъ 3 р. 50 к. до 30 рублей. **ОЧКИ И ПЕНСНЪ** пригодные для каждого, съ лучшими стеклами, стальные 1 руб. 25 коп.; double (накладного золотого), не отличающіеся отъ золотыхъ и не чернѣющіе, 4 руб. Ц. № 969 2 4—

Мои ПРЕВОСХОДНО СОСТАВЛЕННЫЕ КОЛЛЕКЦИИ для ЕЛОКЪ въ 5-10-15-25-50 РУБ.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ

НЕВСКІЙ ПР. № 20-31.

ЗАКАЖИТЕ СКОРѢЕ для ПОЛУЧКИ по ЖЕЛ. ДОР.

ПАВЕЛЬ БУРЕ В. № 9513 12-6

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23. Мессива, по В. Лубанкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ подлиннымъ руководствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

въ 1897 году.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **РУССКАЯ СТАРИНА**, вступающій въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается и въ будущемъ вѣрнѣ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелими Русской земли. Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполне обезпеченнымъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелими, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой. Подписка принимается въ главной конторѣ журнала, въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, домъ № 145, кв. № 1. № 9694 3-1

Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

Leichner's Fettmilde

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Цѣна коробки 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незамѣтная на кожѣ. Косметическое средство для улучшенія красоты кожи.

Театральная гримировка. Жирныя румяна и бѣлала. Карандаши для бровей. Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ бельгийскихъ императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: В. Аурахъ, Колокольная, 18-19, С.-Петербургъ. В. № 9646 15-2

Склады фотографическихъ принадлежностей

Е. ЮХИМЪ и К°

С.-Петербургъ. Невскій пр., № 3. Мессива. Театральн. прѣздъ (26)

Гремидный выборъ всевозможныхъ аппаратовъ для фотографовъ-спеціалистовъ и любителей, а также для научныхъ цѣлей.

Прейсъ-курантъ изданія 1896 г. состоящій изъ 424 страницъ, въ 8-ми листахъ, съ 710 рисунками въ текстѣ, высыл. изд. печатн. и высылается по требованію за 50 коп. почтовыми марками.

ВСѢ НОВОСТИ ПО ФОТОГРАФІИ.

Наилучшій подарокъ для самого себя!!!

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ КАРМАННЫЕ ЧАСЫ

НИКЕЛЕВЫЕ заводъ безъ ключа, анкернымъ ходомъ **АМЕРИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ** въ немъ цѣлочка новаго золота и брелокъ въ память Свѣтленнаго Коронованія Ц. № 9681 4-2

только за 4 руб.

Заказы исполняются по полученію не менѣе 1 руб. задатка. Требованія прошу адресовать въ складъ часовъ **І. ВУЗЕЕРА**, Варшава. Иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются безплатно.

ВЫШЕЛЪ ТРЕТІЙ ТОМЪ

Сочиненій д-ра А. В. ЕЛИСѢЕВА

„ПО БѢЛУ-СВѢТУ“ 40) стр. текста въ 4-хъ до 350 оригинальн. рис. художн. Овсяникова, Писемскаго, Ризниченко, Самокишъ, Соколовскаго и Чикина.

ЦѢНА 3 руб., въ колѣнкоромѣ переплетѣ, тисненомъ золотомъ, 4 руб.

Выписывающіе отъ издателя **Н. П. СОЙКИНА** (СПБ., Стремянная, № 12) за перес. не платятъ.

Каждый т.мъ СОЧИНЕНІЙ Д-РА ЕЛИСѢЕВА представляетъ самостоятельное цѣлое.

Томъ I и II одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для учебническихъ (старш. возраста) библиотекъ и рекомендованы Главнымъ Штабомъ для приобретенія въ офицерскія библиотекы.

ФАБРИКА И СКЛАДЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ТОКАРНЫХЪ СТАНКОВЪ СКАВРОНСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Литейный просп., № 43. Фабрика существуетъ съ 1867 г. Станки дешелее заграничныхъ на 50%. Прейсъ-куранты высылаются за 7 коп. марку.

Издается съ 1885 г.

5 РУБЛЕЙ ВЪЗЪ ДОСТАВКИ.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ **А. И. ПОПОВИЦКАГО** И ПРИ УЧАСТІИ **Отца ЮАННА КРОНШТАДТСКАГО**

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА, **12** КНИГЪ И БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

Ц. № 9691 2-1

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСПОЛНЕННАЯ КОПИЯ СЪ ИКОНЫ НОВАЯВЛЕННАГО ЧУДОТВОРЦА СВЯТИТЕЛЯ **ФЕОДОСІЯ АРХІЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКАГО.**

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-Петербургъ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

Подробное объявленіе и пробный № высылается за 14 коп. марками.

Допускается разсрочка подписныхъ денегъ.

НИЖЕНІЯ ЮВКИ

Юбки казьяго нуха - 5 р.
Юбки атлас. стеган. - 8 р.
Юбки шелк. черн. съ барх. - 8 р.
Юбки сукон. ра и новог. - 6 р. 50 к.

Высылаютъ Гг. иногородн. съ нал. пл. Цѣны безъ пересылки. 2-1

С.-Петербургъ, Гостин. дворъ, по Садов. лин., Я. С. Якобсонъ № 31.

ВЫИГРЫШ-

НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ **БАНКІРСКІЙ ДОМЪ**

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,

59, Невскій, СПБ. 7-2

ФАБРИЧНЫИ СКЛАДЪ ЧАСОВЪ „ЖЕНЕВА“

въ Варшавѣ, Брылянская, 20

высыл. иллюстр. прейсъ-куранты **БЕЗПЛАТНО.**

ЧТО ПОДАРИТЬ?

Новые сборники въ роск. изд. въ 2 руки:

- Album amusant, сод. салон. пьесы средней трудн. 1 р. 50 к.
- Album des dames. Тоже. 1 р.
- Эйленберг. Альб. Тоже. 1 р. 50 к.
- Что новаго? 70 легких пьесок пьес. 1 р. 50 к.
- Что мнѣ сыграть? 77 люб. легких пьес. 1 р. 50 к.

Маленький Штраусъ, сод. легк. нов. танцы. 1 р.

Развеселый Петербургъ, сод. нов. танц. 1 р. 50 к.

Гандующий Петерб. ргъ, сод. нов. танц. 1 р. 50 к.

Незабвенная ночь. 25 цыг. пьесок. 1 р. 50 к.

Музык. дѣтскій садъ (Рейнеке) 9 том. по 1 р.

Отъ колыбели до могилы. 16 характ. пьесъ ср. тр. соч. К. Рейнеке. 2 тр. по 1 р. 50 к.

Музык. картины изъ священнаго писанія. 14 хар. и ср. т. соч. Рейнеке 2 р.

Въ 4 руки:

Биолюбка. 22 легк. пьесы (Лютш). 1 р. 50 к.

Часъ досуга, сод. легк. пьесы (Лютш). 2 тетр. по 1 руб.

Первые успѣхи. 6 легк. пьесъ (Шлемюллер). 1 р. 50 к.

Эйленберг-Альбомъ. 7 легк. салон. п. 2 р.

Отъ колыбели до могилы. 16 характ. пьесъ ср. тр. (Рейнеке) 2 тетр. по 2 р.

Музыкал. дѣтскій садъ. (Рейнеке). 9 тетр. по 1 р. 50 к.

Для пѣнія:

Цыганскія ночи. 50 люб. цыг. п. 2 тетр. по 2 р.

Альбомъ дѣтскихъ пѣсенъ. (Рейнеке). 1 р.

Рай дѣтей, сод. рус. дѣтск. и (Галлер) 1 р.

Для разныхъ инструментовъ:

Маленький Паганини. 100 легк. пьесъ для одной скрипки 1 р., д. скр. съ форт. 2 р., для 2-хъ скр. 2 р.

Развлечение русск. скрипача. 20 рус. нар. и цыг. п. для одной скр. 1 р., д. скр. съ форт. 2 т. по 1 р., для 2-хъ скр. 2 т. по 1 р.

Полурри-Альбомъ д. одной скрипки 2 тетр. по 1 р., д. одной флейты 1 р. 50 к., для одного корнета 2 тетр. по 1 р.

Эйленберг-Альбомъ. для одной скр. 75 к.

Волшебная флейта. 100 легк. пьесъ (Э. Керлер) д. одной флейты 1 р. 25 к., д. флейты съ форт. 2 р. 50 к., д. 2-хъ фл. 2 р. 50 к. и многочисленные другіе сборники. Полныя оперы отъ 75 к. и дороже. Классическія сочиненія въ перел. и безъ перел. въ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ и въ ДЕШЕВЫХЪ ИЗД. (Каталоги бесплатно.) Рекомендуетъ

ОЛИГ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ С.-Петербургъ, Б. Морская, № 31 и 40. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

Выс. съ пал. влаетек.

CRÈME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

Crème Simon прелестнаго запаха, никогда не портится, служить для смягченія кожи. Онъ употребляется вмѣсто Cold cream (кольдыкрема).

Пудра Симонъ (la Poudre Simon) и мыло Симонъ (le Savon à la Crème Simon) имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствіемъ.

J. Simon, 13, Rue Grange Batelière, Парижъ

Въ розницу продается у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

Р. № 9602 13-5

НАРОДНАЯ ЦИТРА

очень любимый и легко изучаемый музыкальный инструментъ.

Въ 1 часъ можно выучиться играть.

Звукъ очень мягкіе и пріятельные.

Подробное описаніе выс. бесплатно. 7-ми педальная, съ приспособ. для настройки только 6 р., дучш. работы и сильнѣе въ тольк 8 р.

Ноты - 14 альбомовъ по 50 коп.

Пересылка за 15 фунт. 3-1

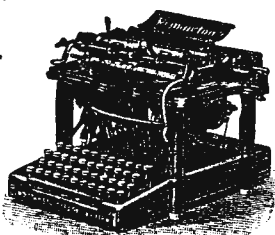
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, д. Волнова.

== НОВОСТЬ! == ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.

1896-1897.

НОВѢЙШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ

ПИШУЩАЯ МАШИНА.

РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ

МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. Цѣна 325 руб.

РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 руб.

Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ. ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ СКЛАДЪ

Торговый Домъ

М. Блок

ГЛАВНАЯ КОНТОРА МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Ковандъ, Ростовъ и/Д.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДДѢЛОКЪ

КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

Русская недѣля во Франціи.

За 7 коп.

почтовыми марками

42 РИСУНКА

выдается нумерованный номеръ, составленный въ память этихъ незабвенныхъ празднествъ и содержащій

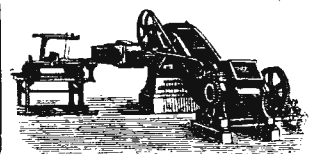
извѣстныхъ художниковъ.

Главная контора „Биржевыхъ Вѣдомостей“, С.-Петербургъ, Невскій, 28.

ЛУЧШЕ ПОДАРИТЬ

для дѣтей и взрослыхъ.

Только что получены изъ-за границы ВСЕВОЗМОЖНЫЯ КОЛЛЕКЦІИ новѣйшихъ, забавнѣйшихъ и интереснѣйшихъ ФОНУСОВЪ И ЗАБАВЪ, могущихъ занять дѣтей, взрослыхъ и цѣлыя общества. Коллекція съ подробными объясненіями въ 2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р. и 15 руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Силахъ новыхъ изобрѣтеній, Большая Морская, 33. Изъ виду громаднаго числа уже поступившихъ заказовъ, просимъ гг. заказчиковъ выписывать заблаговременно. Заказы исполняются скоро и аккуратно по полученіи стоимости или 1/2 задатка.

Людв. Федоровъ Шликэйзентъ, Москва,

Мясницкая ул., д. Ермаковихъ.

рекомендуетъ: кирпичедѣлательныя и торфяныя машины, прессы для выдѣлки трубъ съ раструбами, черепицы съ фальцами, брикетовыя дѣлательныя. Шаровыя мельницы для измельченія и размала и одновременнаго просѣиванія матеріаловъ любой крупности, какъ-то: шпота, цемента, шлаковъ, руды, костей, стекла, фосфоритовъ и т. п. (58)

Въ книжн. сил. Мельманъ, Эстл., Ревель, Шир. Пес. 356

имѣются брошюры:

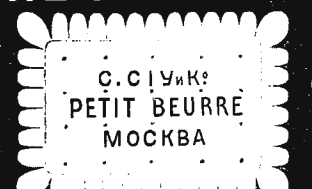
Лѣченіе пьянства. Ц. 1 руб.

Вѣрный путь къ достиженію здороваго сна. Ц. 42 к.

Какъ я излѣчилъ свою нервную болѣзнь. Ц. 28 к.

Цѣны (почт. марк.) обозн. съ перес.

НОВОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ПЕЧЕНІЕ

С. СІУиКЪ PETIT BEURRE МОСКВА

С. СІУиКЪ

КАРАМЕЛЬ

изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ „КЕТТИ БОССЪ“

В. Семедени въ Кіевѣ. Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.

Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ. С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12-3

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентствъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блоннъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софьи. Изд 2-е. II. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ конспект. перел. 2 р. 75 к. съ перес. 3 руб. 25 коп.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены высшаго отличія ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА Г. ВЕЙСЪ

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 56. Мужская, дамская и дѣтская обувь

изъ наилучшаго матеріала, новѣйшаго фасона, удобно сидящая, всегда въ большомъ выборѣ. Изготовленный прейс-курантъ бесплатно. В. № 9621 8-4. Прому остерегаться поддѣлокъ; каждый сапогъ долженъ быть снабженъ штемпелемъ моей фирмы.

ВЯЗАНОЕ ДЖУТОВОЕ БѢЛЪЕ (БУМАЖНОЕ)

ОЧЕНЬ ПРОЧНОЕ, особенно рекомендуется лицамъ, не носящимъ шерстянаго бѣлья.

ФУФАЙКИ КАЛЬСОНЫ

ТОННІЯ - 35 к. СРЕДНІЯ 1 р. ПЛОТНЫЯ 1 р. 20 к. ЛЕГНІЯ 1 р. 15 к. ПЛОТНЫЯ 1 р. 50 к. ТОЛОТНЫЯ 1 р. 75 к.

Гг. иногороднимъ высылается на сумму не менѣе 1 рубля. Цѣны безъ пересылки.

ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ БѢЛЪЯ.

С.-Петербургъ, № 5, Владимірская, № 5, близъ Графскаго. Для мѣры слѣдуетъ указывать: Ц. № 9710 (1) Для кальсоновъ: объемъ вокруг пояса (тафты) и длину отъ пояса до подошвы. Для фуфайки: объемъ вокругъ груди подъ мышками. Дополнительный прейс-курантъ высылается БЕЗПЛАТНО.

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 48

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти ежемес. книг "Сборника", содерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусков ежемес. литературных приложений, 12 №№ "Парижских мод" и 12 листов чертежей и выкроек.

1896

Выданъ 30 ноября 1896 г.

Цена этого № 20 к., с пер. 25 к.

Открыта подписка на 1897 годъ. Подробности см. въ концѣ этого №.

При семь прилагаются: „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ДЕКАБРЬ 1896 г. съ 33 рис. и отдѣл. листъ съ 28 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 18 рис. вышивальныхъ работъ.

Академическая выставка 1896 г. Урокъ рисованія.

Съ картины К. П. Степанова (исключ. право воспр. принадл. „Нивѣ“) грав. Мультановскій.

Три дѣйствія комедіи.

Повѣсть

† В. П. Желиховской.

(Окончаніе.)

III.

У тихой пристани.

День за днемъ, мѣсяць за мѣсяцемъ, годъ за годомъ чередуются, уходя въ вѣчность, и чѣмъ ближе человѣкъ къ срединѣ пути, тѣмъ скорѣй и скорѣй убогаютъ они, увлекая его отъ невозвратнаго, скоропреходящаго, — къ вѣчному, незыблемому, невѣдомому!.. Блаженъ, кому не стыдно оглянуться! Кому не страшно смотрѣть впередъ, въ темную бездну, скрашиваемую спокойной совѣстью, освѣщаемую лишь непоколебимой вѣрой въ разумъ, въ благодать, въ любовь все Созданаго не на погибель, а въ жизнь вѣчную.

Нѣкоторымъ дѣйствующимъ лицамъ нашей вырванной изъ жизни, далеко не исчерпанной этими коротенькими дѣйствіями, комедіи, посчастливилось: они смотрѣли прямо въ близившіяся къ нимъ, замкнутыя до послѣдняго вздоха человѣческаго загадочныя врата смерти и, думая о ней, ея не страшились. Другіе зато хоти и закрывали глаза и старались о ней забыть, но она вѣчно была предъ ними, — безотраднѣмъ ли вопросомъ или угрожающимъ пугаломъ, смущая ихъ старость, отнимая послѣднее спокойствіе.

Семидесятилѣтняя старушка Анна Дмитріевна Смольнева и рада бы покончить расчеты съ жизнью, да нѣтъ—все еще, видно, не время!.. Она не рошцетъ, ждетъ освобожденія покорно, тихо дожидая печальный, но не безпо-

лезный и не одинокий вѣкъ свой попрежнему, въ Луговомъ. Она окружена большой семьей. За отсутствіемъ своихъ дѣтей она взрастила нѣсколько чужихъ сиротъ и бѣдныхъ дѣтей; кромѣ того, со смерти сестры ея у нея растутъ и воспитываются племянники и племянницы. Она любовно призрѣла многихъ обездоленныхъ, стараясь чувствами къ нимъ восполнить въ наболѣвшемъ сердцѣ пробѣлы, оставленный въ немъ отчужденіемъ единственнаго сына.

Зато старая княгиня Краснодубская и сестра ея были поистинѣ жалки, до того одна мысль о смерти пугала ихъ и раздражала! Онѣ постились, говѣли по нѣскольку разъ въ годъ, то и дѣло ѣздили на богомолья, по святымъ мѣстамъ, но ничто не помогало. Ни постъ, ни молитва не утѣшали ихъ и не отвращали старческихъ недуговъ. Старость ихъ была дѣйствительно безотраднѣе. Возлѣ нихъ не было ни души нѣмъ безкорыстно преданной, да и сами онѣ никого не любили, ни даже обоюдпо одна другую. Баронесса терпѣла сестру за ея деньги; княгиня держала возлѣ себя баронессу для того, чтобъ было на кого ворчать и къмъ помыкать въ промежуткахъ между церковными службами и чтеніемъ душевспасительныхъ книгъ.

Убѣдившись въ окончательномъ разрушеніи своихъ плановъ и надеждъ на Смольнева, баронесса вначалѣ поселилась было съ племянницей, Ниной Сергѣевной, въ Москвѣ; но спокойная жизнь ей вскорѣ прискучила. Она слишкомъ привыкла къ перекочевкамъ и перемѣнамъ и обрадовалась предложенію сестры сопутствовать ей въ Иерусалимъ. Съ тѣхъ поръ онѣ жили вмѣстѣ, разъѣзжали по бѣлому свѣту на богомолья, точно такъ, какъ прежде разъѣзжали по увеселительнымъ столицамъ и водамъ. Дочери своей баронесса попрежнему не желала видѣть; не находила даже времени отвѣчать на ея два-три письма въ годъ, до того была усердно занята отмаливаніемъ грѣховъ своей юности,—впрочемъ, продолжавшейся до лѣтъ достаточно преклонныхъ.

Со смерти князя Анатоля, не дожившаго до тридцати лѣтъ, вдова его не жила со своею свекровью, а поселившись въ Москвѣ, большою барыней, широко пользовалась правами матери и льготами опекуни малолѣтняго наслѣдника базарщиковскихъ милліоновъ, князька Сережи Краснодубскаго.

Красавчикъ Сережа былъ кумиромъ матери и росъ среди нянекъ, гувернантокъ и гувернеровъ полновластнымъ тираномъ и, повидимому, будущимъ отъявленнымъ негодяемъ.

Отъ первородной дочери Нина Сергѣевна отдѣлалась, какъ только умеръ мужъ ея. Она, по примѣру родственницы своей, тоже не любила ее за то, что та не была красива. Уѣзжая за границу съ сыномъ, княгиня свезла семилѣтнюю Ольгу въ Ранѣвку и прикинула ее сестрѣ Сонѣ, справедливо разсуждая, что тамъ, гдѣ растутъ и воспитываются четыре дѣвочки, вырастетъ и кое-чему выучится и пятая. Олю полюбили въ семьѣ Лешневыхъ; тетя Соня стала ей родной матерью, а дядя, принявъ ее въ свой домъ, въ обиду не далъ ея будущности: какъ покровитель и воспитатель сироты, онъ аккуратно спосилъ съ опекой, наблюдая за тѣмъ, чтобъ излишекъ, болѣе четырехъ пятыхъ ежегоднаго ея дохода, откладывался на приращеніе процентовъ до ея совершеннолѣтія... Еслибъ не его забота, опека, вмѣстѣ съ родной матерью, очень легко могла бы забыть о существованіи сестры князя Сергѣя. Ольга, разумѣется, ничего о томъ не знала и тихо росла въ Ранѣвкѣ съ братьями и сестрами, у горячо ею любимыхъ родныхъ, въ полнѣйшемъ невѣдѣніи своего богатства. Зато ея братъ чуть не съ пяти лѣтъ былъ извѣщенъ, что ему все можно кувить, ничего не надо знать и что трудиться совсѣмъ лишнее, потому что у него очень много денегъ, а у кого есть деньги, тому-де все

можно... Все воспитаніе любящей матери заключалось въ преподаваніи сыну этихъ полезныхъ свѣдѣній, хотя она очень любила, когда о ней говорили, что всю жизнь свою она посвящаетъ ему и „меньшей брати“.

Послѣ тридцати лѣтъ княгиня Нина Сергѣевна такъ быстро огрубѣла, распустилась и располѣбла, что о красотѣ ея и помину не было. Лѣтъ окончательно одолѣла былую остроту ума, притупила хитрость, даже отягла всякое тщеславіе, охоту нравиться и побѣждать. Вѣдь для этого необходимо было стѣснять себя, одѣваться, заботиться о туалетахъ. Вотъ еще скука какая!.. Она нашла другія забавы, для которыхъ не нужно было напяливать корсета: она занималась благотворительными учрежденіями и всякими добрыми дѣлами, въ число которыхъ включались и заботы о выдачѣ замужъ бѣдныхъ невѣстъ и о подысканіи подходящихъ партій для богатыхъ. Отяжелѣвъ, она перестала много выѣзжать; но у себя принимала каждый день, радушно веселя и угощая сотни знакомыхъ, извиняясь въ небрежности своего туалета недосугомъ.

— Вѣдь вы знаете,—говорила она,—Сержъ и мои бѣдныя—вся цѣль и вся радость моей жизни!

Когда какая-нибудь тороватая на языкъ всезнайка напоминала ей, что у нея есть еще дочь, княгиня умилилась и, вздыхая, сообщала, что она приноситъ материнскія чувства свои въ жертву здоровью „бѣдной Ольги“... Деревенскій воздухъ ей необходимъ, и ей такъ хорошо тамъ, на Волгѣ, въ семьѣ ея сестры. Но сама по себѣ, княгиня никогда не думала объ этой „дурнушкѣ“.

Зато ей и Сережѣ часто въ первые года напоминалъ о ней Михаилъ Сергѣевичъ Ранѣвъ, выѣзжавшій изъ Москвы только лѣтомъ въ Ранѣвку. Но съ теченіемъ времени онъ почти пересталъ бывать у Краснодубскихъ. Ужъ очень претили ему обстановка сестры и воспитаніе племянника!

Трудовая жизнь Ранѣва текла однообразно, но скучать онъ не умѣлъ, всегда занятый дѣломъ и чужими, хотя не чуждыми ему интересами. Всѣ удовольствія и развлеченія его жизни ограничивались поѣздками на лѣто на Волгу, а иногда и за границу, для свиданія съ Надей и небольшихъ экскурсій съ ней. Большаго счастья, какъ предполагаемое имъ и ею окончательное переселеніе въ Ранѣвку,—„когда-нибудь,—подъ старость!“—онъ не желалъ и не ждалъ отъ судьбы. Надя такъ и осталась яркой мечтой его юности, единственной его любовью... Онъ скрывалъ даже отъ самого себя этотъ „грѣхъ“ его первой молодости, считая чувства свои „къ сестрѣ“ чуть ли не беззаконіемъ. Юношескій пылъ потухъ съ годами; улеглась безпокойная страсть, о которой Надя даже и не подозрѣвала, но глубокое, честное чувство переродилось въ прочную, обоюдную дружбу, которая скрашивала жизнь его и нимало не колебалась, когда Надя вышла замужъ. Напротивъ, онъ, какъ и всѣ знавшіе Павла Николаевича Кайсарова—лично, а не по однимъ литературнымъ трудамъ его или патріотической дѣятельности, о которыхъ знала вся Россія,—могъ только искренно обрадоваться ея выбору.

Жизнь Михаила Сергѣевича скрашивалась несказанно зимними пріѣздами въ Москву Кайсаровыхъ; а ужъ что это былъ за праздникъ, когда они всѣ вмѣстѣ пріѣхали въ Ранѣвку—трудно разказать!

Было это давно, теперь уже около пятнадцати лѣтъ тому назадъ; съ тѣхъ поръ Надежда Борисовна нѣсколько разъ навѣщала ихъ, проводила двѣ-три недѣли въ родной семьѣ и парадоваться не могла тому, какъ мирно и счастливо живетъ въ ней.

О Софьѣ Сергѣевнѣ ея двоюродная сестра говорила справедливо, что она счастливѣе ихъ всѣхъ. Всю жизнь почти безвыѣздно провела она съ любимымъ мужемъ и дѣтьми въ Ранѣвкѣ и не горевала о томъ нимаго.

Ихъ собственное имѣніе, верстахъ въ сорока, пусто-вало, видя помѣщиковъ своихъ только наѣздомъ; они же такъ жили съ селомъ Надежды Борисовны, что охотно исполняли просьбу ея не покидать ихъ общаго родного дома. Всѣ эти годы Софія Сергѣевна растила дѣтей: четверехъ дочерей и троихъ сыновей, любя ихъ самоотверженной, но вполне разумной любовью, и не видала, какъ пролетѣло почти четверть вѣка. Она и въ пятьдесятъ лѣтъ была все такая же бодрая, дѣятельная хозяйка, какъ и смолоду, при жизни дяди. Заботы ея о воспитаніи и образованіи молодого поколѣнія теперь почти кончались; она могла отдохнуть. смѣло падаясъ на ихъ будущность, на плоды материнскихъ трудовъ своихъ, и оглянуться назадъ съ гордостью имѣла полное право: она честно и разумно выполнила назначеніе женщины.

Было одно затаенное горе у Софіи Сергѣевны Лешневой: братъ ея не хотѣлъ жениться; съ нимъ прекращался родъ Рапѣвыхъ. Часто выговаривала она ему, увѣряла, что это прямая его обязанность, что самъ онъ горько раскается впоследствии, скучая одиночествомъ стараго холостяка. Михаилъ Сергѣевичъ смѣялся, отшучивался, увѣряя, что его домъ и семья всегда будутъ у нихъ, у племянниковъ и племянницъ: а что жениться ему невозможно, по его безалаберному характеру, да и не на комъ!.. Въ послѣдніе годы Софія Сергѣевна бросила и говорить, потерявъ всякую надежду. Въ ея семьѣ всѣ обожали дядю Мишу, онъ былъ общій любимецъ и баловникъ всей этой подраставшей молодежи, лучшій другъ ихъ во всю послѣдовавшую жизнь.

Старшіе и молодое поколѣніе въ Рапѣвкѣ и въ Луговомъ составляли какъ бы одну семью: видаешь ежедневно, проводя вмѣстѣ всѣ праздничные дни, дѣти вырастали, имѣя общіе интересы, общія воспоминанія, общія привязанности. Въ средѣ ихъ всѣмъ милый, каждое лѣто восторженно ожидаемый, центръ всѣхъ привязанностей, являлся этотъ бородастый красавецъ, все знавшій, веселый, всегда готовый на предстательство, на прогулки и всякія затѣи, добрый великанъ—всеобщій *дядя Миша!* Онъ былъ кумиръ видимый, доступный, близкій!.. *Тетя Надя* являлась кумиромъ другого рода: блестящимъ, красивымъ, идеаломъ дѣвочекъ, добрымъ гениемъ всѣхъ. — по далекимъ, отсутствующимъ, рѣдко достигаемымъ!

Потому-то время, которое дядя Миша и тетя Надя проводили на берегахъ Волги, и считалось величайшимъ праздникомъ, эрой, съ которой долго потомъ велось лѣтосчисленіе въ Луговомъ и Рапѣвкѣ.

Надежда Борисовна вышла замужъ не по страстной любви, но по весьма опредѣленной склопности и полнѣйшему убѣжденію, что человекъ, на которомъ, наконецъ, остановился ея выборъ, достоинъ любви ея и глубокаго уваженія. Въ этомъ она не ошибалась.

Ихъ знакомство было довольно оригинально.

Она, разумеется, слышала о немъ; читала его серьезные статьи, по принципу столько же, какъ и по личному вкусу, его поэзію съ увлеченіемъ, наслаждалась ея глубокими мыслями, ея яркими, чисто-русскими образами, его прекраснымъ, сильнымъ языкомъ; но встрѣчаться имъ не приходилось.

Вернувшись изъ Пизы въ Римъ, послѣ успѣха своего на сценѣ, она повела обычную дѣятельную жизнь; много читала, много гуляла, занималась музыкой и отчасти живописью.

Она увѣряла, впрочемъ, что у нея въ отношеніи къ живописи „охота смертная — но участь горькая!“, въ чемъ ее усердно разуверяла Елена Рейсдольфъ, не позволяя ей бросать занятіе живописью. Заспоривъ разъ, онѣ сговорились помѣняться альбомами, рисуя съ натуры, съ тѣмъ, чтобъ послѣ отдать свою работу на

судъ какого-нибудь хорошаго знатока, не предупредая его.

— Въ мѣнѣ альбомовъ я буду въ вѣрномъ выигрышѣ! — смѣялась Надежда Борисовна. — Но вашего альбома мнѣ жаль! *Знатокъ* навѣрное рѣшитъ, что я сдѣлала большіе успѣхи, а вы, бѣдпенькая, разучились рисовать! Только, чуръ, не поддаваться!

— А вы не извольте небрежничать!.. Завтра же начнемъ опытъ съ нашихъ трехъ колоннъ, — рѣшила Елена.

Три колонны были любимымъ мѣстомъ въ развалинахъ Колизея, которое онѣ давно собирались нарисовать. Колонны стояли въ сторонѣ отъ другихъ, особенно эффектно выдѣляясь среди обломковъ и кустарника, высоко уходя въ синеву яркаго неба.

Сказано — сдѣлано!

На другой же день онѣ принялись за работу усердно, и первый рисунокъ былъ готовъ очень скоро. Дѣло поправилось... Рѣшили продолжать состязаніе, копируя разные пункты изъ разныхъ тѣнистыхъ уголковъ, гдѣ можно было удобно пристроиться, и стали ѣздить въ Колизей чуть не каждый день.

Иногда имъ сопутствовала гувернантка, съ книгой, и занимала ихъ чтеніемъ, пока онѣ рисовали: но въ этомъ занятіи имъ часто мѣшали путешественники, непрерывно посѣщающіе эти развалины. Мимо нихъ, группами или одиночными любознательными, то и дѣло проходили посѣтители; но, къ ихъ величайшему удовольствію, знакомыхъ между ними не оказывалось, рисовать имъ никто не мѣшалъ.

Ужъ нѣсколько эскизовъ акварелью было снято, шли уже споры: кого избрать въ присяжные судьи состязанія, когда, разъ, подруги какъ-то заработались, недоглядѣли, а надъ головами ихъ собралась гроза. Замѣтивъ ее, онѣ посѣбно начали укладывать краски, карандаши; но не успѣли собраться, какъ разомъ все всколыхнулось въ воздухѣ, пронесся сильный порывъ вихря и однимъ взмахомъ снесъ и подхватилъ большой зонтикъ изъ рукъ Елены Рейсдольфъ и послѣдній рисунокъ изъ альбома Надежды Борисовны. Зонтикъ покатиля перекаати-полемъ по травѣ, а листокъ бумаги высоко взвился на воздухъ.

— О, несчастіе!.. Развалины мои, развалины улетѣли! — вскричала Рапѣва и бросилась за рисункомъ.

Одной рукою придерживая шляпу и развѣвавшуюся вуаль, она другою на-обѣгу поймала зонтикъ Лены, закрыла и бросила его на землю, закричавъ ей:

— Берите!.. Ахъ! Развалины мои совсѣмъ пропали!..

И она устремилась далѣе, ловить то спускавшійся, то несшійся далѣе листокъ.

Вдругъ онъ припалъ къ землѣ, раза два перевернулся и словно прилипъ къ подножію колонны, стоявшей съ краю главнаго корпуса развалины. Только что она подбѣжала, наклонилась, думая, что ужъ она его поймала, держитъ... какъ вдругъ онъ оторвался, взвился и исчезъ за угломъ...

Смѣхъ и отчаянный возгласъ разомъ вырвались у дѣвушки. Она бросилась за нимъ и чуть не унала въ объятія господина, пріютившагося степенно за колонной древней римской арены.

— Pardon, monsieur! — вскричала она.

— Прошу прощенія! — съ улыбкой отвѣчалъ высокій господинъ, по-русски. — Извольте!..

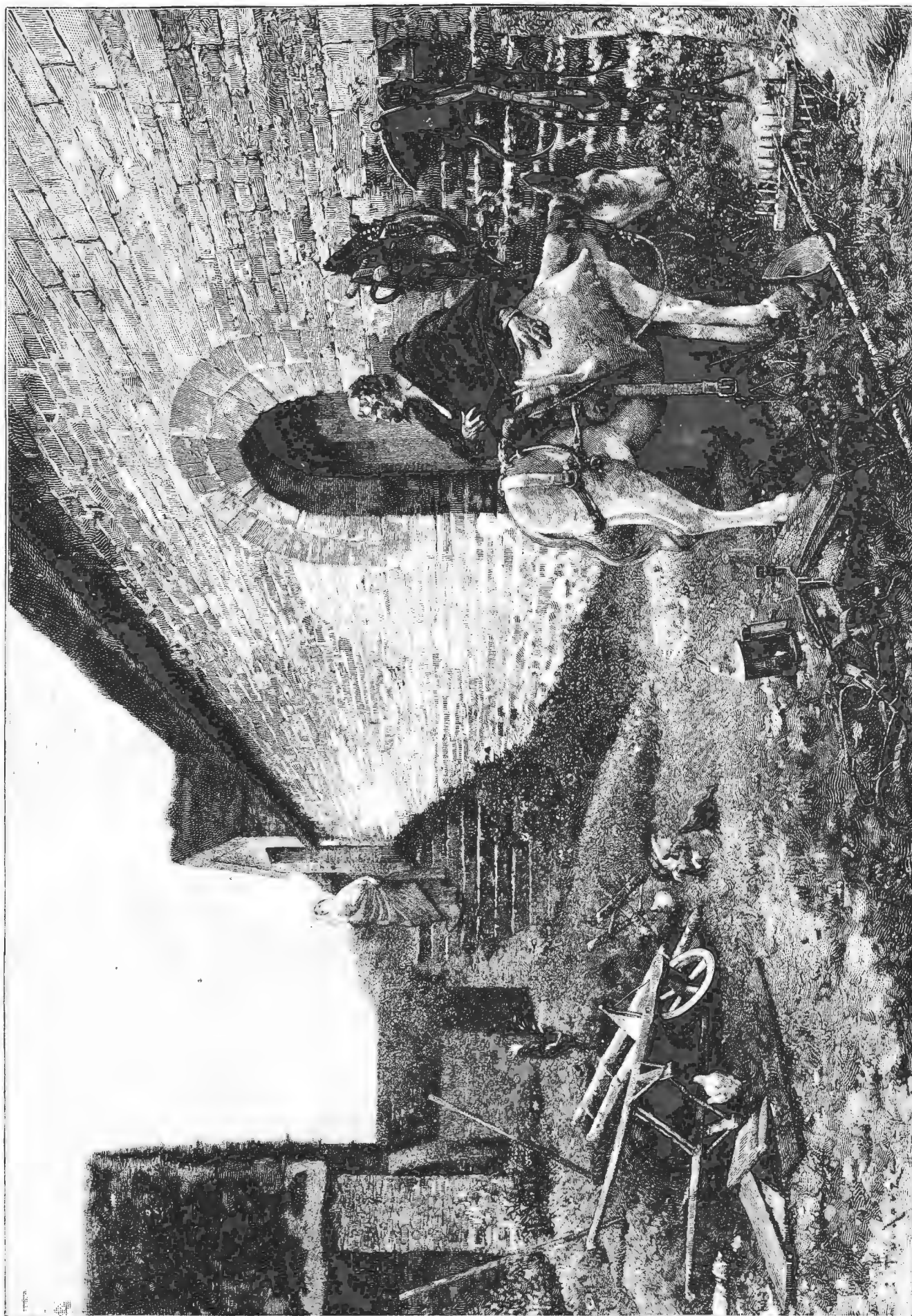
Онъ держалъ въ рукѣ пойманный имъ на лету рисунокъ.

— Вы, кажется, это изволили ловить?.. Я слышала ваши горестныя восклицанія...

Онъ улыбался, весело смотря на нее, а она никакъ не могла справиться съ вуалью и шляпой, которыя явно хотѣли тоже улетѣть.

— Очень вамъ благодарна... Ахъ, Господи!..

Новое несчастіе!.. За массивной колонной галереи

Бѣгство въ Египетъ. Съ картины Э. Тудуза грав. Пастушковичъ.

незнакомецъ былъ въ затиши; но едва онъ выступилъ изъ-за нея, желая ей помочь, подавая рисунокъ одной рукою, а другой придерживая собственную шляпу, какъ новый ударъ вихря захлестнулъ ея длинную вуаль за его руку и зацѣпилъ на груди его за цѣпочку часовъ, за брелоки или пуговицы,—она ничего не могла разобрать отъ смущенія и смѣха, только чувствовала, что никакъ не можетъ отцѣпиться.

Пришлось зайти подъ прикрытiе колоннады, снимать шляпу и провозиться добрую минуту, оставивъ все же кусочекъ газа, въ видѣ трофея, на брелокахъ незнакомаго соотечественника. Онъ, передавъ ей рисунокъ, самъ очень терпѣливо и добродушно занялся этимъ выпутыванiемъ своихъ печатокъ и крючковъ и, наконецъ, поклонивъ, съ поклономъ передалъ ей собственноручно ея извиняющаго за растерзанный уголокъ вуали.

Начинался дождь; онъ помогъ дѣвушкамъ донести пожитки ихъ, сѣсть въ фиакръ, и разстался съ ними, глубокимъ поклономъ отвѣтивъ на ихъ благодарности, по себя не хотѣлъ или забылъ назвать.

Однако они въ тотъ же вечеръ неожиданно познакомились. Вернувшись домой, она застала у себя гостью, княгиню Льнову, ждавшую ее уже съ полчаса.

— Je vous enlève!—объявила та.—Какъ хотите, но вы со мной сегодня обѣдаете. Я васъ знакомлю съ оригиналомъ, какихъ мало! И прелестный человекъ! Угадайте, кто?

— Ну, какъ же я могу знать? Русскiй?

— Разпрерусскiй!.. Что только есть самаго русскаго. И патриотъ! Любить Россiю до безумiя! А между тѣмъ большую часть жизни—за границей.

— Что-жъ! Это не диво. Я и сама почти всегда въ чужихъ краяхъ, а ужъ на чтѣ люблю Россiю.

— Ну, да. Любите Русь, да не любите многоаго русскаго?.. Вотъ и онъ также... Я знаю: вы съ нимъ сойдетесь... Я ужъ говорила ему о васъ, да ужъ онъ и такъ васъ знаетъ, по репутацин...

— Меня-то?.. Боже мой! Чтѣ я за извѣстность?

— А вотъ! Ваша послѣдняя выходка съ Карлоттой Орнальди падѣлала шуму... Ужасно вашъ *coup de tête* ему нравится. Да и знакомыхъ общихъ много... Хотя бы я! Ужъ онъ мнѣ старый другъ, а я не знаю, кто изъ васъ двоихъ мнѣ милѣе?.. Право!.. Но я рада, что вы увидите. Ахъ, какой это интересный человекъ!.. Чего и кого онъ не знаетъ?.. Перебывалъ во всѣхъ частяхъ и во всѣхъ уголкахъ свѣта. А говорить,—какъ писать! А это значить сказать много!..

Княгиня Льнова была очень милая, но и очень болтливая женщина. Она наговорила еще съ три короба, только никакъ не хотѣла назвать своего необыкновеннаго знакомаго, увѣряя, что желаетъ сдѣлать ей сюрпризъ, что она хорошо знаетъ этого человека и любить его, и будетъ очень, очень рада съ нимъ познакомиться и ее лично.

— Господи! Да кто же это такой?.. Что за *bel inconnu*?.. Вы меня интригуете, какъ въ маскарадѣ!—протестовала Надежда Борисовна.

Елена Рейсдольфъ отказалась ѣхать, извиняясь головною болью; она вообще избѣгала свѣтскихъ знакомствъ и выѣздовъ. Льнова ей шепнула фамилию интереснаго путешественника, и ея восклицанiе симпатiи и изумленiя еще болѣе заинтриговало Ранѣву... Она уѣхала съ княгиней, такъ и не узнавъ, съ кѣмъ именно предстоитъ ей знакомство.

Но каково же было изумленiе Льновой, когда черезъ часъ послѣ нихъ въ ея гостиную вошелъ ея знакомый, и оказалось, что они съ Надеждой Борисовной не сосѣдъ другъ другу неизвѣстны!.. Лакей княгини доложилъ:

— Павелъ Николаичъ Кайсаровъ.

Она перевела, улыбаясь, взглядъ на свою гостью, словно говоря: „А?.. Что?.. Кѣмъ я васъ угостила?“

Въ глазахъ Ранѣвой точно выразилось удовольствiе, но едва вошелъ вновь прибывшiй, оно замѣнилось изумленiемъ, яркiй румянецъ разлился по лицу ея вмѣстѣ съ веселой, слегка смущенной улыбкой. Она знала своего незнакомаго знакомаго по Колизею.

И онъ, поздоровавшись съ хозяйкой дома, увидавъ ея гостью, точно такъ же расцвѣлъ радостной улыбкой.

— Что это значить?—вскричала Льнова.—Эге, друзья мои! Je croyais vous ménagez une surprise et c'est vous qui m'en ménager une?.. Вы, кажется, уже знакомы?

— Нѣтъ, княгиня, увѣрю васъ, что я впервые услышала, что это Павелъ Николаевичъ Кайсаровъ,—отвѣчала Ранѣва,—хотя мы видимся не въ первый разъ.

— Вотъ какъ!.. Il y a anguille sous roche! Expliquez vous!.. Позвольте объясниться!

— Прежде назовите меня!—попросила дѣвушка.

— Какъ? И вы не знаете ея имени?—удивилась Льнова.—Но нѣтъ! Держу пари, что вы догадались!

— Теперь, конечно, догадаться не трудно, такъ какъ вы мнѣ обѣщали знакомство съ Надеждой Борисовной Ранѣвой!—отвѣтилъ Кайсаровъ.—Но давеча, въ Колизеѣ, когда я измѣлъ счастье снасти „летающiя развалины“, я не зналъ...

— *Летающiя развалины*?!.. Часъ-отъ-часу не легче!—воскликнула Льнова.—Расскажите же скорѣй, въ чемъ дѣло?

Эпизодъ съ рисункомъ въ Колизеѣ былъ разсказанъ ко всеобщему удовольствию, и дружба новыхъ знакомцевъ сразу установлена. На другой день Кайсаровъ былъ у Надежды Борисовны и очаровалъ обѣихъ ея прiятельницъ: миссъ Линнъ—знанiемъ языка ея и самаго отечества; а Елену—любовью къ живописи и глубокимъ пониманiемъ ея. Со временемъ у нихъ нашлись и еще пункты соприкосновенiя,—общiе взгляды и общiя убѣжденiя, которыя скрѣпили ихъ дружескiй союзъ навсегда.

Вначалѣ они видѣлись не часто: Кайсаровъ былъ слишкомъ занятый человекъ. Но чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ у него находилось болѣе досуга для новыхъ знакомствъ. Въ февралѣ онъ переѣхалъ въ Неаполь; отправился туда и онъ: оказалось, что ему еще ни разу не пришлось побывать на Везувiи, а теперь шла туда цѣлая компания знакомыхъ...

Въ мартѣ Надежда Борисовна заговорила о своемъ желанiи понемпогу двигаться на сѣверъ, чтобъ лѣто провести отчасти въ Англии, отчасти въ Швеци и Норвегии, куда ее давно тянуло. Тамъ она еще никогда не бывала, хотя имѣла давнiя приглашенiя хорошихъ знакомыхъ. Но ѣхать она будетъ не спѣша, останавливаясь въ мѣстахъ ея особенно любимыхъ, и прежде всего пробудеть нѣкоторое время въ Венецин...

— Вы мнѣ напоминаете мое давнишнее желанiе,—сказалъ Кайсаровъ;—я очень давно не бывалъ на Адриатикѣ... Быть-можетъ удастся и мнѣ васъ тамъ застать.

— Я очень буду рада!—отвѣчала Надежда Борисовна.—Въ Венецин у меня совсѣмъ нѣтъ знакомыхъ.

Въ апрѣлѣ, уѣзжая изъ Неаполя, Елена Васильевна сказала Кайсарову:

— Я съ вами не прощаюсь: скоро увидимся!

— Надѣюсь и отъ всей души того желаю!—отвѣтилъ онъ, глядя прямо въ глаза ей и улыбаясь своей открытой улыбкой, озарившей его обычно серьезныя, даже строгiя черты необычайной привлекательностью.

Въ вагонѣ Ранѣва шутя замѣтила Еленѣ, что ея дружеское согласiе съ Павломъ Николаевичемъ до того полное, что она того и ждетъ, что онъ ей сдѣлаетъ предложенiе...

— Мнѣ никто предложенiя не подумаетъ дѣлать!—весело возразила ей Елена Рейсдольфъ, смотря на нее смѣющимися глазами,—а вамъ сдѣлаетъ! Навѣрно!..

И очень вы огорчите меня и безумно попустите, если ему откажете.

Надежда Борисовна засмѣялась, но, — чего съ ней никогда не бывало, — совѣмъ не искренно.

Въ Венецію Кайсаровъ точно прїѣхалъ, и очень скоро. Въздивъ въ одно съ ними время и въ Копенгагенъ, и въ Христианію; катался по фїордамъ и любовался сталактитовыми пещерами, дикими скалами и дѣсами: однако ожиданія Елены Рейсдольфъ и среди величія сѣверной природы не сбылись, какъ не сбывались и ранѣе, на голубыхъ лагунахъ и каналахъ столицы дождей. Она начинала недоумѣвать и печалиться не на шутку.

Дѣло въ томъ, что Надежда Борисовна была очень нѣ сердцу Кайсарову, какъ никогда прежде не бывала ни одна женщина; но все же онъ не довѣрялъ себѣ, всматривался и боялся рѣшиться.

Прошелъ годъ близкаго, дружескаго знакомства Кайсарова съ Надеждой Борисовной; онъ понималъ прекрасно, что она стала ему очень дорога, что такихъ честныхъ, искреннихъ и разумныхъ женщинъ, какъ она, мало, а все еще медлить. Только послѣ разлуки нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведи зиму въ Москвѣ, съѣздивъ на Уралъ, на Бѣлое море, чуть ли не въ сибирскія тундры, убѣдился онъ, что никакія ученые занятія, никакія поэтическія увлеченія не отвлекутъ его отъ поздней привязанности, и даже самое спокойствіе стало невозможно ему вдали отъ нея.

Онъ бросилъ все и поѣхалъ къ ней, рѣшившись окончательно попытать счастья, тревожась лишь вопросами: что-то она ему отвѣтитъ?.. Не заблуждался ли онъ, рассчитывая на ея симпатію?.. По письмамъ ея и въ особенности Елены Рейсдольфъ, поддерживавшей съ нимъ аккуратныя сношенія, онъ зналъ, гдѣ найдеть ихъ, и отправился прямо на границу Австріи съ Баваріей.

Надеждѣ Борисовнѣ вздумалось познакомиться ближе съ красивой мѣстностью между Вѣной, Зальцбургомъ и Мюнхеномъ. Она весь май провела въ коротенькихъ переѣздахъ, то и дѣло останавливаясь въ красивыхъ городкахъ и деревушкахъ Баваріи и Вюртемберга, дѣлая экскурсіи въ горы, и была намѣрена такъ провести часть лѣта.

Кайсаровъ нашелъ ее въ маленькомъ бургѣ, спрятанномъ между горъ, среди густыхъ лѣсовъ, неподалеку отъ Эйслингена. Впервые въ жизни окружавшія его природа и дѣятельность въ высшей степени промышленнаго народа очень мало занимали его. Горы, долины, покрытыя самой разнообразной зеленью, отъ темной сосны до каштана и жасмина въ розовомъ и бѣломъ цвѣту; надъ ними живописныя цѣпи горъ, усѣяныя замками, башнями, островерхими шпильцами церквей, да кое-гдѣ особенно высокая вершина, припудренная снѣжкомъ; по низу сады, поля, испещренные прудами и рѣчками, въ которыхъ отражаются цвѣтущіе заборы, аллеи пирамидальныхъ тополей, бѣлые и красные домики съ зелеными жалюзи, съ увитыми розами окнами; каналы, по которымъ медленно тинутся баржи, нагруженные дровами, кирпичомъ, желѣзомъ; и вездѣ движеніе, кипучая жизнь и работа, — вотъ декорация, окружавшія въ данный моментъ Надежду Борисовну. Ей нравилась эта новая обстановка. Она въ послѣднее время все искала перемѣнъ, новыхъ впечатлѣній... Въ ней самой чувствовалось все сильнѣе не то чтобы недовольство жизнью, а неудовлетворенность ею, правдивное бездѣйствіе и безцѣльность ея, заставлявшія ее искать внѣшняго разнообразія. Она надѣялась, что „все это“ временный разладъ; что „оно“ уляжется, пройдетъ, и старалась побороть и даже скрыть отъ себя самой странное чувство ожиданія чего-то совершенно неопредѣленнаго, неизвѣстнаго, но тѣмъ не менѣе овла-

дѣвавшего ею все сильнѣе. Среди непрестанныхъ занятій, дѣятельности физической и умственной, она то и дѣло себя ловила на какомъ-то странномъ состояніи „духовнаго отсутствія“... Такъ она опредѣлила то чувство пустоты душевной, которое заставляло ее пугаться, вздрагивать отъ каждаго шороха и неожиданнаго движенія и приходило въ себя, словно просыпаясь отъ сна, съ чувствомъ боли на сердцѣ, будто отъ обманутаго ожиданія... чего?.. Она сама не знала!

Но какъ ни таилась она отъ пропитательныхъ, любящихъ глазъ Елены Рейсдольфъ, ей трудно было скрыть свое тяжелое состояніе. Безпрестанно вдаваясь въ самыя отвлеченныя бесѣды, она тщательно избѣгала говорить о себѣ; изъ этого одного Еленѣ было ясно, что ее томятъ сомнѣнія или печали, которыя она хочетъ скрыть. Елена считала себя не въ правѣ спрашивать; но если бы только разъ случилось Надеждѣ Борисовнѣ невольно высказаться, она услышала бы отъ прїятельницы отвѣтъ вполне искренній и прямой.

Такой случай насталъ лишь въ вечеръ того дня, когда онѣ нежданно-негаданно увидали передъ собою Павла Николаевича Кайсарова.

Онъ дошелъ глѣшкомъ отъ недалеко отстоявшей станціи и нашелъ ихъ въ крохотномъ садикѣ передъ ихъ красивымъ домикомъ, глядѣвшимся въ прудъ, по которому плавали утки и гуси. Обстановка была достойна героини какого-нибудь Ауэрбаховскаго разсказа, что онъ и высказалъ тотчасъ же, здороваясь съ ними, будто они вчера разстались.

— Какъ вы нашли насъ? Какъ вы сюда попали? Зачѣмъ?.. — встрѣтили онѣ его не совѣмъ любезными, но весьма естественными вопросами.

Онъ на нихъ отвѣчалъ безъ запинки:

— Сюда я только зачѣмъ, чтобъ видѣть васъ, Надежда Борисовна; по дѣлу, которое... если позволите, объясню вамъ не сейчасъ!

И перемѣнилъ разговоръ, начавъ рассказывать о себѣ, о своихъ недавнихъ поѣздкахъ въ Екатеринбургъ и въ Соловки.

Въ тотъ вечеръ, послѣ ухода Кайсарова, Надежда Борисовна взшла наверхъ, въ крохотную комнатку, занимаемую Еленой Васильевной, въ мансардѣ деревенскаго домика ихъ, въ то время, какъ уже та раздѣвалась, и прямо спросила:

— Какъ вы думаете, душа моя, зачѣмъ прїѣхалъ Кайсаровъ?

Елена даже размѣялась.

— Вотъ вопросъ! Я не знала, что вы умѣете лицемѣрить. Будто сами вы не знаете, что оба вы другъ-друга любите, и что онъ прїѣхалъ просить васъ быть его женой.

— Люблю?.. — промолвила задумчиво Ранѣева. — Тотъ: люблю ли?..

— Полно, Надя!.. Съ чего же вы, въ послѣдніе полгода, мѣста не можете найти себѣ?.. Вы даже измѣнились, похудѣли... Съ чего же?

— Не знаю, Леночка... Разныя у меня сомнѣнія. Быть-можетъ я и люблю его... но иначе! Не такъ, какъ могу любить, какъ любила!.. Не знаю, голубушка моя, имѣю ли я право сказать ему: да!

— Бога ради не отказывайте ему, Надя! — горячо воскликнула Елена Васильевна. — Вы сгубите всю жизнь свою... Мало ли чтѣ было въ ранней молодости?.. Можеть-быть та любовь принесла бы вамъ одно горе. А Павелъ Николаевичъ такой человѣкъ... Вы будете оба счастливы.

— Во всякомъ случаѣ обманывать его я не стану; я расскажу ему все, какъ было и какъ есть.

Такъ она и сдѣлала.

На другой день онъ предложилъ прогулку; разумѣется, никто съ ними идти не могъ: у миссъ Линнъ голова страшно болѣла, а Елена кончала заказную ра-

боту, переводъ съ итальянскаго, который ждали къ сроку...

Почти съ первыхъ шаговъ Кайсаровъ сказалъ прямо, зачѣмъ прѣхалъ, какъ испытывалъ себя самъ долгимъ отсутствіемъ, какъ убѣдился въ своихъ чувствахъ, и просить ее отвѣчать ему, не снѣша, строго обдумавъ свой отвѣтъ... Если нужно, онъ уѣдетъ, онъ готовъ ждать, сколько она прикажетъ.

Нѣтъ! Ждать не нужно, но надо ее выслушать. Она отвѣчала бы ему тотчасъ, не заинаясь, что любить его, еслибъ не знала, что прежде любила другого нѣмъ, болѣе безпокойнымъ, болѣе страстнымъ чувствомъ...

Въ очень ранней молодости она думала тоже, что любить человѣка, оказавшагося недостойнымъ честной привязанности: она скоро убѣдилась въ этомъ, и въ сердцѣ ея и слѣда не осталось чувства къ нему, кромѣ отвращенія и глубокой жалости. Но вторая любовь ея была сознательнѣе, сильнѣе. Ей уже было двадцать три года; она любила честнаго, искренно любившаго ее человѣка, котораго никогда не разлюбила бы, смерть котораго ей самой едва не стоила жизни!.. Онъ былъ итальянецъ по отцу, русскій по матери. Они познакомились въ Миланѣ: онъ былъ женихомъ ея, и черезъ два мѣсяца они должны были стать мужемъ и женой... Но нашлись люди, которымъ любовь ихъ и будущее счастье были оскорбленіемъ и горестью великой. Между ними былъ человѣкъ, которому она передъ тѣмъ отказала; была его мать, ихъ сторонники... Поднялись толки, сплетни. Она не обратила бы вниманья... Какое дѣло было ей до ихъ клеветъ, до интригъ безчестныхъ людей и мнѣнія толпы?.. Но женихъ ея думалъ не такъ,—онъ не могъ допустить оскорбленія: онъ вызвалъ клеветника ея на дуэль и былъ убитъ за нее!..

Она остановилась, досказавъ все, что хотѣла, чтобы онъ зналъ; все,—что Кайсаровъ зналъ уже давно, раньше чѣмъ познакомился съ ней, изъ пересудовъ и сплетенъ свѣта! Она прислонилась къ дереву, вся поблѣднѣвъ и сдерживая рыданіе, подступившее къ горлу при воспоминаніи пережитого. Кайсаровъ стоялъ передъ ней молча, не глядя на нее, чтобы дать ей время оправиться. Наконецъ онъ протянулъ ей руку и, улыбаясь, ласково промолвилъ:

— Вѣдная!.. Много раннихъ печалей пало на вашу долю? Жизнь пережить не легко! Особенно такимъ, какъ вы,—выдѣляющимся!

Она дала ему руку, стараясь отвѣтить на улыбку его улыбкой. Потомъ они пошли далѣе и долго шли молча, вдоль изгороди подстриженного ельника, за которымъ высидись выхолопныя деревья садовъ. По другую сторону ущелья, домикъ къ домику, какъ улья на пасѣкѣ, пестрѣли деревенскія зданія; надъ ними церковь съ высокой красной кровлей, съ острымъ шпичемъ, а еще выше горы и горы, одна за другой все темнѣе и больше, покрытыя густымъ лѣсомъ.

На поворотѣ онъ остановился и, снова подавъ ей руку, на этотъ разъ уже на жизнь и смерть, спросилъ:

— Такъ какъ же, Надежда Борисовна? Ушедшихъ—намъ къ земному не вернуть!.. Я же, пока живъ, не измѣню своей любви, своего уваженія... Что скажете, на мою долю?

— Но я уже все сказала. Вамъ остается рѣшить... Я тоже и уважаю, и люблю васъ глубоко! Но не скрываю, что прежде я умѣла любить горячѣй...

— Что дѣлать!.. Я утѣшусь тѣмъ, что быть-можетъ, на сей разъ, горячность будетъ замѣнена продолжительностью чувства и въ концѣ концовъ—дастъ намъ счастье... Не такъ ли?

— Я надѣюсь!

Они вернулись рука въ руку и не раскались никогда въ томъ, что подали ихъ въ тотъ день другъ

другу навсегда,—на горе и на радость,—на все, что Богъ пошлетъ имъ въ жизни.

Николай Андреевичъ Смольневъ не выполнилъ совѣта, даннаго ему въ минуту разлуки и вѣчнаго съ нимъ разрыва Надежды Борисовны: онъ не сумѣлъ подняться и не обѣлилъ себя. Напротивъ, онъ хуже погрязъ въ омутѣ мелочныхъ страстей.

Вернувшись въ Парижъ изъ Италіи, онъ разорвалъ съ баронессой, но никогда не могъ рѣшиться объясниться съ ней прямо, сразу отнять у нея надежду быть его женой. Онъ малодушно лгалъ, прятался отъ нея, избѣгая ея, какъ трусливый школьникъ бѣгаетъ отъ ненавидимой наставницы. Онъ было рѣшился просить какого-нибудь дальняго назначенія,—въ Америку, въ Китай,—мѣсто было ему безразлично, лишь бы захватить такъ, чтобы не могла его отыскать баронесса Рейсдольфъ!.. Лишь бы уйти отъ ея упрековъ, насмѣшекъ и, пуще всего, отъ ея непрощенныхъ заботъ, отъ увѣреній въ любви!.. Но уѣзжать ему не пришлось, а довелось совсѣмъ выйти въ отставку. Неожиданно для всѣхъ и прежде всего для себя самого, онъ бросилъ безъ разрѣшенія служебныя обязанности и уѣхалъ въ Испанію, преслѣдуя ловкую, красивую танцовщицу, сумѣвшую въ двадцать четыре часа вскружить ему голову до безумія.

Онъ пропалъ на полгода, никто не зналъ куда; а когда вернулся, оказалось, что онъ законнымъ образомъ обвѣнчанъ съ интриганткой, съ какой-то испанской еврейкой, съ самымъ скабрзнымъ прошедшимъ.

Новая кабала была во всѣхъ отношеніяхъ хуже старой. На бѣду жена его оказалась особой съ большимъ характеромъ, преслѣдовавшая неуклонно свои цѣли. Она хотѣла его женить на себѣ не для того, чтобы бросить свою „богему“, подмостки кафе-шантановъ и многія еще гораздо болѣе предосудительныя профессіи, а только затѣмъ, чтобы имѣть вѣрное пристанище на случай какихъ-либо житейскихъ пезадачъ, имѣть человѣка обязаннаго ее содержать на законномъ основаніи. Она сама его бросила не далѣе какъ черезъ годъ, но развода онъ добиться не могъ „по недостатку уликъ“... У нея всегда находились ловкіе защитники—адвокаты.

Пришлось Смольневу откупать личную свободу значительнымъ содержаніемъ; имени же своего онъ ужъ ничѣмъ не могъ выкупить: эта женщина его окончательно втоптала въ грязь.

Чего все это стоило его матери,—можно себѣ представить. Много разъ бѣдная, въ великой скорби своей, въ униженіи материнскаго самолюбія раскаивалась въ томъ, что вымолила жизнь сыну, когда онъ въ дѣтствѣ умиралъ, вмѣстѣ съ другими ея дѣтьми... Во сколько разъ такая жизнь была горше смерти!.. Теперь она была бы рада, чтобы въ искупилъ заблужденія свои хотя бы честной кончиной, чѣмъ продолжать такую бесплодную, позорную жизнь!.. Судьба исполнила ея печальное желаніе.

Наступила вторая половина семидесятыхъ годовъ. Горизонтъ быстро нахмурился: война очевидно была неизбежна. Всѣ русскіе люди спѣшили вернуться въ Россію, быть по мѣстамъ, приносить и свою лепту трудовъ и работы въ общее дѣло отечества. У кого не было опредѣленныхъ занятій, тотъ ихъ разыскивалъ, съгдасы оставаться празднымъ. Кайсаровъ давно были въ Россіи. Онъ, за постоянными разъѣздами, почти не видѣлся съ семьей; у него были сложныя занятія по передвиженіямъ войскъ, по Красному Кресту. Въ промежуткахъ поѣздокъ на европейскія и азіатскія окраины Россіи, онъ не только дни, а часто ночи просиживалъ надъ письменными занятіями. Съ объявленіемъ войны Кайсаровы отдали свой московскій домъ въ распоряженіе комитета Краснаго Креста; Кайсаровъ оставилъ

На яблонѣ. Съ картины Э. Тудуза грав. Цехомскій.

себѣ только одну комнату, ради набѣдъ; а Надежда Борисовна уѣхала на Волгу съ дѣтми, съ трехлѣтнимъ Борисомъ и Павлушей, котораго она сама еще кормила. Елены Рейсдольфъ давно съ ними не было: она еще ранѣе уѣхала въ Болгарію, сестрой милосердія.

Это лѣто проходило печально и тревожно въ Ранѣевкѣ, какъ и во всей Россіи. Но кромѣ общаго траура и скорби, тамъ было свое горе: Анна Дмитриевна Смольнева была очень больна, едва не умирала. Софья Сергѣевна и Кайсарова были этимъ огорчены чуть ли не болѣе ея домашнихъ и все свободное время проводили въ Луговомъ. Старушка была въ полной памяти, только слабѣла съ каждымъ днемъ отъ изводившей ее лихорадки и страдала отекомъ ногъ, съ жестокими болями по временамъ. Она давно ужъ плохо видѣла, сама почти не могла читать и рѣдко теперь писала письма, обыкновенно диктуя ихъ племянницамъ. Тѣмъ болѣе удивилась Надежда Борисовна, войдя къ ней разъ въ комнату и увидавъ, что она сидитъ обложенная подушками въ кровати, съ портфелемъ на колѣняхъ, и дрожащей рукой пишетъ что-то, поминутно стряхивая набѣгавшія слезы, окончателно ея слѣпившія.

Кайсарова остановилась на порогѣ, не зная, войти ли къ ней или не мѣшать, дать ей время окончить дѣло. Но чуткій слухъ больной слышалъ движеніе. Она повернула голову и спросила:

— Кто тамъ?

Надежда Борисовна подошла, предлагая свои услуги, но Смольнева качала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ! Благодарю!.. Это письмо я сама все должна написать! Своей рукой!—говорила она, съ лихорадочною поспѣшностью перебирая бумаги.—Но я рада, что вы пришли, душа моя. Садитесь, садитесь!.. У меня новости!.. Слава Богу! Добрыя вѣсти о... о Николаѣ... Я рада!

Слезы текли по блѣдному, старческому лицу: она говорила о радости, а захлебывалась слезами.

— Въ чемъ дѣло?.. Дорогая Анна Дмитриевна! Успокойтесь!

— О! Я спокойна, увѣряю васъ!.. Это отъ радости. Вотъ! Пишу ему,—благословляю... Пусть идетъ!.. Авось... Или возродится къ новой, болѣе чистой жизни, или... искупить честной смертью!.. Я рада!.. Прочтите.

Дрожащей рукой подала она письмо, послѣднее изъ рѣдкихъ писемъ сына, только-что полученное послѣ пяти-мѣсячнаго молчанія.

Онъ писалъ, что поступилъ въ военную службу добровольцемъ, что раньше времени не хотѣлъ ее беспокоить, а теперь, когда они уже на границѣ, когда ждуть каждую минуту приказанія перейти Дунай, онъ пишетъ ей, прося ея благословенія, прощенія во многихъ своихъ прегрѣшеніяхъ, въ томъ, что всю жизнь приносилъ ей одно горе...

...„Эта печальная жизнь мнѣ самому такъ тяжела, что я молю Бога допустить меня окончить ее такъ, чтобъ вамъ не было стыдно поминать хоть смерть вашего сына“—писалъ онъ.

— Слава Богу!—искренно вскричала Надежда Бо-

рисовна.—Я рада за него и за васъ, голубушка моя, дорогая!.. Будемъ надѣяться, что война ему будетъ очистительной купелью, послѣ которой все пойдетъ лучше.

Лучше оказалось дѣйствительно въ томъ, что послѣдніе дни Анны Дмитриевны прошли нравственно спокойно. Написавъ письмо, свое благословеніе сыну, она успокоилась и стала терпѣливо ждать извѣстій. Николай Андреевичъ какъ разъ въ пору получить это послѣднее благословеніе матері: онъ былъ убитъ въ одной изъ первыхъ жестокихъ стычекъ за Дунаемъ...

Въ началѣ іюля, рано утромъ, одинъ изъ племянниковъ Смольневой, гимназистъ, проводившій у нея ваканціи, поспѣшно причалилъ къ ранѣевской пристани. Онъ присланъ былъ за Лешневыми и Кайсаровой: Анна Дмитриевна умирала...

На другой день она лежала въ гробу, помолодѣвъ, спокойная, величественная, съ улыбкой блаженной отрады на лицѣ.

А черезъ недѣлю послѣ ея похоронъ въ Ранѣевкѣ, прочли въ газетахъ о смерти Николая Андреевича Смольнева.

Слѣдующей весной, по заключеніи мира, вся семья Кайсаровыхъ и самъ Павелъ Николаевичъ прѣехали и провели все лѣто на Волгѣ. Ему такъ понравилось въ Ранѣевкѣ, такъ хорошо жилось съ семьей жениныхъ родныхъ, что онъ подтвердилъ обѣщаніе Надежды Борисовны—закончить здѣсь свою жизнь.

Въ ранѣевскомъ затишьи онъ, тѣмъ лѣтомъ, написалъ сочиненіе, давшее имени его европейскую извѣстность, и надѣется, если Богъ дастъ жизни, написать и еще...

— Чуть затѣю что-нибудь серьезное,—я вашъ гость!—говорилъ онъ Лешневымъ.— Нигдѣ мнѣ такъ легко и пріятно не работалось!.. Но пока есть у насъ еще силы не однимъ мозгомъ, а болѣе дѣятельно служить отечеству, нельзя намъ удаляться въ пустыню!.. Не такъ ли, дяди Миша?—шутливо обратился онъ къ Михаилу Сергѣевичу.

— Разумѣется!—согласился Ранѣевъ.— А пока не дурно было бы этимъ приволжскимъ отшельникамъ намъ, по зимамъ, визиты въ Москвѣ отдавать. Что въ самомъ дѣлѣ! Дѣтей однихъ бросаютъ тамъ на всѣ столбчатые соблазны и опасности.

— Дѣтямъ некогда соблазняться опасностями: они дѣлами заняты!—улыбаясь, возразилъ старшій сынъ Лешневыхъ, студентъ.

А меньшой, гимназистъ, курчавый Боря, любимецъ Надежды Борисовны, прибавилъ, дѣлуя ей руку:

— Да и не одни мы совѣмъ! Папа съ мамой знаютъ, что есть у насъ тамъ тетюшка и двое строгихъ дядюшек!

— Такіе ли на васъ, разбойниковъ, нужны!—расправляя бороду, возразилъ дядя Миша.

Елена Васильевна Рейсдольфъ тоже провела все это лѣто на покой въ Ранѣевкѣ. Она такъ сжилась съ обѣими семьями, всѣ Лешневы такъ искренно полюбили „тети Надиного друга“, что она совсѣмъ забыла, что не принадлежитъ къ ихъ семьѣ.

КОНЕЦЪ.

Подпоручикъ „Машенька“.

Изъ воспоминаній стараго армейца.

В. А. Дов—ло.

I.

Первые шаги.

Въ одинъ изъ ненастоящихъ дней октября мѣсяца 1877 года, около полудня, съ большой Плевненской дороги свернулъ рядъ фургоновъ, украшенныхъ знакомъ Краснаго Креста, и, остававливаясь по очереди, началъ вытягиваться въ линію на окраинѣ бивуака N—скаго пѣхотнаго полка, расположеннаго на позиціи у деревни Горній-Петрополь.

Едва успѣли остановиться передніе фургоны, какъ изъ одного изъ нихъ выскочилъ молодой, совсѣмъ еще юный офицеръ, одѣтый въ походную форму, а вѣдѣ за нимъ показалась фигура пожилого господина, одѣтаго въ статскій костюмъ, съ повязкою Краснаго Креста на рукавѣ пальто.

— Ну-съ, вотъ, юноша, я васъ и доставилъ на мѣсто, — улыбуясь послѣдній, обращаясь къ офицеру и указывая ему рукой въ сторону бѣлѣющихъ впереди палатокъ лагеря.

— Я, право, не знаю, как и благодарить вас, ваше сѣм-тельство,—тонкимъ, почти женскимъ голосомъ, конфузливо пропалесъ юный воинъ, покраснѣвъ до ушей и прикладываясь къ козырьку фуражки.

— Ну, вотъ еще!.. Есть о чемъ говорить!.. Я очень радъ, что могъ вамъ оказать эту маленькую услугу... Повозки моего отряда все равно ѣхали пока пустыми, мѣста довольно было... Ну-съ, давай вамъ Богъ, юноша, всего хорошаго, чиновъ, орденовъ!.. Только не забывайте, что я вамъ совѣтовалъ дорогой: не горячитесь, не напрашивайтесь сами на дѣла, а идите лишь туда, куда прикажутъ!.. Такъ много лучше!.. Повѣрьте!

Офицеръ покраснѣлъ еще болѣе и, видимо затрудняясь возразить что-либо, продолжалъ раскланиваться, прикладываясь къ козырьку.

— Итакъ, съ Богомъ, дорогой Дмитрій Львовичъ, идите теперь знакомиться съ новыми однополчанами, да по начальству!.. Господь приведетъ, свидимся еще когда-нибудь въ Россіи!.. Вернетесь героемъ, съ грудью, увѣнчанной орденами,—продолжалъ, ободриительно улыбаясь, господинъ, съ чувствомъ пожимая руку своего юнаго собесѣдника.—За вещами своими пришлите солдатика изъ лагеря, а то у меня людей свободныхъ совѣсть пѣтъ,—добавилъ онъ на прощанье.

Дмитрій Львовичъ Загорскій,—такъ звали юнаго офицера, почтительно раскланившись и приложившись въ согнѣй разѣ къ козырьку, пробормоталъ еще какую-то благодарность и быстрыми шагами направился къ лагерю. Войдя въ его линію, онъ остановился около небольшой группы солдатъ, стоявшихъ у одной изъ палатокъ и съ любопытствомъ смотрѣвшихъ въ сторону прибывшаго санитарнаго отряда.

Увидя приближающагося офицера, солдатики вытянулись и взяли подъ козырекъ.

— Здѣсь лагерь N—скаго пѣхотнаго полка?—спросилъ неровнымъ, какъ бы неувѣреннымъ голосомъ Загорскій, подходя къ солдатамъ.

— Такъ точно, ваше благородіе, — отвѣтили усачь-ундери, вытягиваясь въ струнку.

— А гдѣ здѣсь палатка адъютанта?

— Полкового или баталіоннаго, ваше благородіе?

— Да, мнѣ надо бы полкового.

— Полковой, ваше благородіе, во второй линіи, промежъ вторымъ баталіономъ и стрѣлками.

— Это гдѣ же? спросилъ Загорскій, окидывая взоромъ ряды лежавшихъ впереди палатокъ.

— А вотъ солдатикъ, ваше благородіе, проводить. Эй, Егоровъ, проводи ихъ благородіе къ полковому адъютанту!

Одинъ изъ рядовыхъ быстро выдвинулся изъ группы и представилъ себя такимъ образомъ въ распоряженіе вновь прибывшаго офицера.

Загорскій, шагая за своимъ вожатымъ по линіи глинистои почвъ между рядами палатокъ, добрался, наконецъ, до помѣщенія, занимаемаго адъютантомъ.

— Вотъ тутъ, ваше благородіе, полковая канцелярія, а вотъ здѣсь адъютантъ стоять, — доложилъ солдатикъ, указывая юному офицеру на двѣ рядомъ стоящія палатки, сравнительно болѣе высокія, нежели прочія.

— Спасибо, голубчикъ, теперь вызови вѣстового адъютанта, чтобъ доложить обо мнѣ.

— Слушаю, ваше благородіе!

Солдатикъ юркнулъ между палатокъ и спусти минуту вернулся въ сопровожденіи вѣстового.

— Адъютантъ у себя?—спросилъ у него Загорскій.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, они въ канцеляріи.

— Это вотъ здѣсь, рядомъ?

— Такъ точно, ваше благородіе.

— Не можешь ли доложить, что подпоручикъ Загорскій...— началъ было юноша.

Но въ это время изъ палатки, занимаемой канцеляріей, показавши высокую молодой блондинъ, въ мундирѣ съ поручичьими погонами и аксельбантами.

— Вотъ-съ они сами. — шеннулъ вѣстовой, почтительно отходя въ сторону.

Вышедшій изъ палатки офицеръ вопросительно и съ какою-то особеннымъ любопытствомъ устремилъ глаза на извѣстную фигуру Загорскаго.

— Вновь произведенный въ вашъ полкъ подпоручикъ Загорскій, честь имѣю явиться, — пролетелъ послѣдній, бѣря подъ козырекъ и чувствуя успешное бѣженіе сердца.

— Очень приятно, — сказала адъютантъ, протягивая руку новому коллегѣ и видимо любуясь чертами его смущеннаго, почти дѣвическаго лица. — Но позвольте.—продолжалъ онъ,—у насъ никакихъ свѣдѣній о вашемъ переводѣ еще не получено. Извѣстіе это окончательно сконфузило юношу.

— Помилуйте, я еще въ августѣ произведенъ,—лепеталъ онъ, вспыхнувъ до ушей.

— Все можетъ быть, но мы были на походѣ, при постоянномъ передвиженіи полка бумаги къ намъ запаздываютъ. Впрочемъ, у васъ, вѣроятно, есть съ собой аттестатъ или Высочайшій приказъ?..

— Какъ же, какъ же.—обрадовался Загорскій.—И аттестатъ и приказъ со мною.

Говоря это, юноша съ лихорадочной поспѣшностью полѣзъ въ боковую карманъ мундира и досталъ оттуда требуемые документы.

— Вотъ-съ, извольте.

— Вы изъ N—скаго военнаго училища?—спросилъ адъютантъ, пробѣжавъ глазами бумаги.

— Точно такъ.

— Ну, очень радъ, мы съ вами, значить, коллеги. Я тоже изъ этого училища, только рапѣе васъ лѣтъ на шесть оттуда вышелъ,—улыбнулся адъютантъ, сочувственно пожимая руку юноши.—Вы по формѣ одѣты?—добавилъ онъ, окидывая его взоромъ.

— Какъ же, въ походной формѣ и при шарфѣ. Я это, подѣлывая къ лагерю, дорогой!..

— Вотъ и прекрасно!.. Хотите, сейчасъ и командиру полка можете представиться?

— Я думалъ даже васъ просить объ этомъ!..

И прекрасно, пойдемте вмѣстѣ, я кстати съ докладомъ иду. —И адъютантъ указалъ на бывшій въ его рукахъ портфель.

Обрадованный радушной встрѣчей адъютанта, Загорскій приободрился и уже смѣлѣе зашагалъ рядомъ съ послѣднимъ между палатокъ лагеря.

Встрѣчавшіеся по пути офицеры съ пріятнымъ изумленіемъ поглядывали на новаго однополчанина.

— Вновь произведенный изъ N—скаго военнаго училища подпоручикъ Загорскій,—рекомендовалъ своего спутника мнѣ походомъ адъютантъ.

Офицеры взаимно рекомендовались и жали руку новаго товарища.

— Да это барышня какая-то клѣстная!—шеннулъ поручикъ Борнень въ двумъ стоявшимъ съ нимъ молодымъ офицерамъ, глядя вѣдѣ юношѣ, прошедшему далѣе съ адъютантомъ.

— Того и гляди, турки его возьмутъ въ плѣнъ и въ гаремъ посадятъ,—поддакнулъ штабъ-капитанъ Коньковъ.

— Полковникъ у себя?—спросилъ адъютантъ у ординарца, когда они съ Загорскимъ, миновавъ половину лагеря, подошли къ палаткѣ полкового командира, стоявшей въ глубинѣ второй линіи, почти посрединѣ лагеря.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, поѣхали съ баталіонными на батареи къ дѣльному-Петролю.

— Ну, неудача, придется намъ промаршировать еще конецъ не малый,—буркнулъ досадливо адъютантъ.—А давно они ѣхали?—обратился онъ снова къ ординарцу.

— Часа два времени будетъ, ваше благородіе.

— А, ну такъ мы ихъ, вѣроятно, встрѣнимъ. Пойдемте, ежели хотите, а то подождите хоть у меня въ палаткѣ. Устали, чай, съ дороги-то?

— Нѣтъ, что же!.. Я лучше теперь съ вами,—быстро произнесъ Загорскій, считая за лучшее представиться начальству въ присутствіи адъютанта.

— Если такъ, то отираемся.

По не успѣли они выйти за линію лагеря, какъ встрѣчу имъ показалась небольшая кавалькада всадниковъ.

— Ну вотъ, выходитъ, я былъ правъ,—весело воскликнулъ адъютантъ,—вотъ и командиръ нашъ! Кстати, съ нимъ баталіонные, заодно и представитесь, къ которому въ баталіонъ будете назначены.

Замѣтивъ, что начальство приближается, Загорскій подтянулъ портупею, обдернулъ мундиръ и отошелъ къ сторонѣ дороги вмѣстѣ со своимъ менторомъ.

Съ сильно бьющимся сердцемъ смотрѣлъ юноша на приближающихся всадниковъ.

— Подгнитесь, молодцомъ представитесь! — подбадривалъ адъютантъ, глядя съ улыбкою на раскраснѣвшееся лицо молодого офицера.

Командиръ полка, полковникъ Заботинъ, былъ средняго роста, довольно полный мужчина, съ добродушнымъ выраженіемъ лица. Онъ ѣхалъ впереди небольшой группы всадниковъ, на караковомъ породистомъ жеребцѣ, и о чемъ-то оживленно бесѣдовалъ съ сѣдымъ, высокимъ штабъ-офицеромъ, сильно жестикулируя.

Замѣтивъ стоящихъ на краю дороги офицеровъ, полковникъ зорко посмотрѣлъ въ ихъ сторону и, поровнявшись, остановилъ лошадь.

— А вы, Николай Ивановичъ, ко мнѣ вѣрно? — произнесъ онъ мягкимъ груднымъ голосомъ, обращаясь къ адъютанту.

— Такъ точно, господинъ полковникъ. Слѣдшія бумаги есть.

— И къ подписи много?

— Есть и къ подписи.

— А бумаги съ вами, и много? — скороговоркою продолжалъ полковникъ.

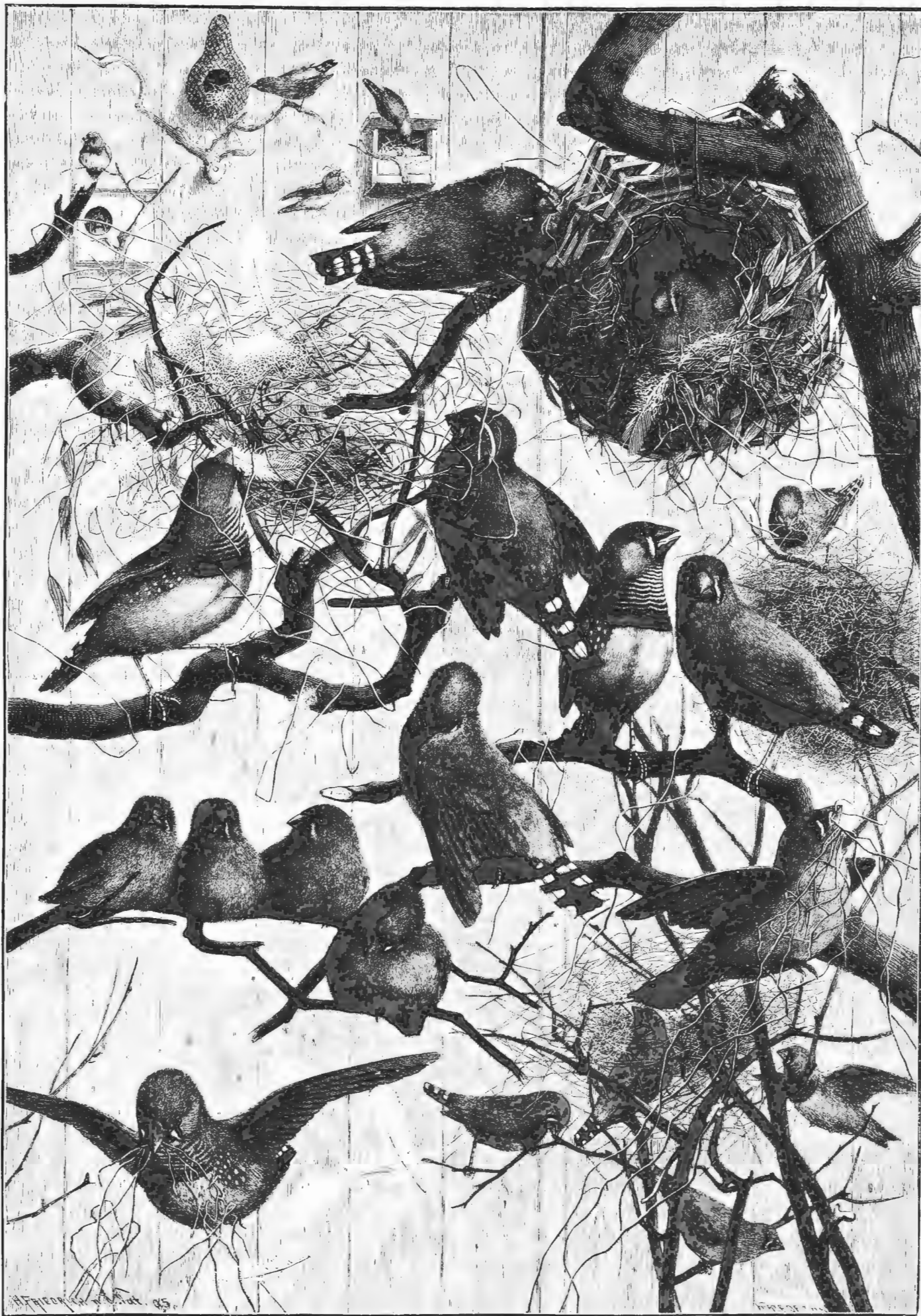
— Со мной!.. Слѣдшихъ три!.. Вотъ извольте, господинъ полковникъ,—продолжалъ адъютантъ, доставая три пакета и подавая ихъ командиру.

— А вы что?—вскликая вопросительно глаза на юношу, произнесъ полковникъ.

— Честь имѣю явиться, вновь произведенный въ вашъ полкъ подпоручикъ Загорскій.—слегка дрогнувшимъ голосомъ доложилъ юноша, вытягиваясь и бѣря подъ козырекъ.

Приготовленіе урока. Съ карт. Г. Каульбаха, по фотографіи Ганфшгенгели въ Мюнхенѣ, грав. Брендамуртъ.

Зебровый зяблик. Рисункъ съ натуры и гравюра Гуго Фридриха.
Библиотека "Руниверс"

На губах полковника скользнула добродушно-саркастическая улыбка, и онъ переглянулся съ рядомъ стоящимъ штабъ-офицеромъ.

— Вы изъ какого училища?

— Изъ X—скаго военного, господинъ полковникъ.

— По первому разряду кончили?

— Такъ точно, господинъ полковникъ.

— А стрѣлять умѣете?

— Изъю значокъ за стрѣльбу, господинъ полковникъ, — вепыхнулъ Загорскій, чувствуя, какъ кровь бросилась ему въ голову.

— Во-отъ какъ! — протянулъ командиръ, наумленно подымая брови и снова переглядываясь съ соседомъ.

— А сколько вамъ лѣтъ, г. подпоручикъ?

— Двадцать первый, г. полковникъ.

— Есть у васъ рара и маман?

— Есть мать, г. полковникъ... Отецъ убитъ подъ Ташкентомъ, — едва сдерживая волненіе, отвѣтилъ юноша.

Лицо Заботина, при этихъ словахъ Загорскаго, приняло серьезное выраженіе.

— Убитъ подъ Ташкентомъ, — произнесъ онъ, сочувственно глядя на покрывшееся яркой краской красное лицо юнаго офицера. — И большое у васъ семейство?

— Четверо братьевъ и двѣ сестры... Я старшій.

— И вамъ не жаль было разставаться съ ними?

— Когда отечество нуждается въ вѣрныхъ слугахъ, сердечнымъ привязанностямъ не можетъ быть мѣста!

Нѣжный, почти женскій тембръ голоса юноши, когда онъ проговорилъ эту фразу, прозвучалъ такой несвойственной ему энергій, что невольно поразили какъ командира полка, такъ и бывшихъ въ кавалькадѣ старыхъ штабъ-офицеровъ.

Взоры всѣхъ съ выраженіемъ сочувствія, смѣшаннаго съ удивленіемъ, обратились на изящную фигуру юноши.

— Хорошо... Хорошо сказано! — съ чувствомъ произнесъ полковникъ. — А, каковы, господа, нашъ юный товарищъ? — обратился онъ къ своимъ спутникамъ.

Последніе одобрительно кивали головой.

— Прекрасно, прекрасно, г. подпоручикъ!.. Вы достойный сынъ вашего славнаго отца!.. — продолжалъ уже расстроганнымъ голосомъ Заботинъ. — Николай Михайловичъ, — обратился онъ къ своему сосѣду, старому подполковнику Козыреву, — я къ вамъ его назначаю, стрѣлокъ вѣдь, такъ ужъ пускай къ стрѣлкамъ и идетъ... Въ третью стрѣлковую его назначьте, Николай Ивановичъ, — добавилъ онъ въ сторону адъютанта. — Тамъ одинъ всего субалтерна... Такъ вотъ его въ третью... Сегодня же въ приказъ.

— Слушаю, г. полковникъ!

— А къ поднеси бумаги ко мнѣ занесите... Я сейчасъ къ себѣ... Ну, до свиданія, г. подпоручикъ... Послужимъ вмѣстѣ... Что Богъ дастъ!

И, ласково кивнувъ Загорскому, командиръ полка далъ шпоры своему кошу.

Старикъ-подполковникъ Козыревъ, отдѣлившись отъ кавалькады, подѣхалъ къ Загорскому и, протягивая ему руку и стараясь придать мягкое своему грубоватому голосу, сказалъ:

— Вы, того... вы ко мнѣ ужъ не трудитесь являться... Вы ужъ прямо къ ротному своему... Тоже изъ училища... Поручикъ Рачинскій... Такъ вы, того, къ нему; скажите, что ко мнѣ ужъ являлись.

Проговоривъ эту незамысловатую рѣчь, подполковникъ пожелалъ догонять кавалькаду.

— Ну, и молодецъ же вы!.. Вѣрите Богу, что, суди по первому впечатлѣнію, я не ожидалъ отъ васъ такой прыти!.. Молодецъ вы, ей-Богу!.. — крикну, съ чувствомъ пожимая руку Загорскаго, сказалъ адъютантъ.

— Да и что же... Я, привязавшись, весьма целовко себя почувствовалъ... Мнѣ показалось, что полковникъ меня вышучивать вдумалъ, ну, я и не стерпѣлъ... Вѣдь обидно, я тоже офицеръ, а не пѣшка какая-нибудь!.. — съ юношескимъ задоромъ воскликнулъ Загорскій.

— Да вы на полковника не обижайтесь... Я напрасно раньше васъ не предупредилъ... Онъ у насъ добрейшей души человекъ... Строгъ, правда, но справедливъ... Любить иногда пошутить съ молодежью, это правда, но чтобъ обидѣть — ни Боже мой!.. Увидѣлъ васъ, такого молодого да вѣснаго съ виду, ну и вдумалось ему пошутить... А вотъ вѣдь сами видѣли, какое на него впечатлѣніе произвели ваши слова, что отецъ вашъ убитъ подъ Ташкентомъ, да и послѣднее ваше энергическое возраженіе... Хорошо было сказано... Вотъ помяните мое слово, что теперь любимыкомъ командира сдѣлаетесь!

— Ни въ любимчики не желаю попасть, ни шуткомъ быть не желаю... Пусть судитъ по заслугамъ, каковы на дѣлѣ буду!.. — съ веселымъ еще раздраженіемъ воскликнулъ юноша.

— Все это прекрасно, только не раздражайтесь напрасно... Я говорю же вамъ, что онъ справедливъ и обладаетъ способностью сразу дѣлать должную оцѣнку своимъ подчиненнымъ. Кто его знаетъ хорошо, какъ мы, напримѣръ, прослужившіе съ намъ вѣскольکو лѣтъ, тотъ на его незлобны шутки обижаться не будетъ... Кстати, ваше имя, отчество?... Дмитрій...

— Дмитрій Львовичъ.

— Будемъ друзьями, Дмитрій Львовичъ. Мы съ вами вѣдь одноклассники, и ротный, къ которому вы назначены, тоже изъ военнаго училища, Рачинскій, Ромуальдъ Владиславовичъ... А меня зовутъ: Николай Ивановичъ Лехановъ.

— Благодарю, отъ души благодарю васъ, Николай Ивановичъ, за ваше доброе сочувствіе!.. — горячо произнесъ Загорскій, пожимая руку адъютанта.

— Вотъ и палатка вашего ротнаго, — замѣтилъ Лехановъ, когда они, пройдя первую линію палатокъ, подошли къ интервалу между баталіонами.

У крайней палатки слѣдующей линіи стояло вѣскольکو офицеровъ, мирно бесѣдовавшихъ между собою и курившихъ папиросы.

— А я веду къ вамъ новаго субалтерна, Ромуальдъ Владиславовичъ, — сказалъ адъютантъ, обращаясь къ молодому, почти безусому поручику съ крайне симпатичнымъ лицомъ.

Взоры всѣхъ съ любопытствомъ устремились на говорившаго и его спутника.

Увидя, къ кому относились слова Леханова, Загорскій выдвинулся впередъ.

— Чести изъю явиться, назначенный къ вамъ въ роту подпоручикъ Загорскій, — съ нѣкоторой застѣнчивостью отработовалъ онъ молодому поручику, беря подъ козырекъ.

— Ахъ, очень пріятно; я уже слышалъ о вашемъ прибытіи, и вотъ такъ случилось, что вы именно ко мнѣ въ роту попали. Очень пріятно, прошу васъ и поселитесь у меня въ палаткѣ, насъ пока только въ ней двое: я и прапорщикъ Смирновъ, — быстро проговорилъ поручикъ, пожимая руку юноши и представляя его рядомъ стоящему офицеру съ густою растительностью на лицѣ.

— Прапорщикъ Смирновъ, ванъ будущій сослуживецъ, — произнесъ послѣдній густымъ басомъ, протягивая въ свою очередь руку.

Послѣдовали рукопожатія и представленія другимъ двумъ офицерамъ, стоявшимъ въ группѣ.

— Ну, теперь я васъ, господа, пока оставлю, мнѣ надо сфлѣкшить къ полковнику, — сказалъ Лехановъ, сворачивая къ виднѣвшейся недалеко палаткѣ командира полка.

— Какъ вы сюда къ намъ добрались? Гдѣ ваши вещи? — заботливо осведомился Рачинскій у Загорскаго.

— Благодарю любезности завѣдующаго санитарнымъ отрядомъ, я изъ Сисцова прѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ изъ фургоновъ... Тамъ и вещи мои остались... Только одинъ чемоданъ и складная кровать.

— А, это вотъ въ тѣхъ повозкахъ... — И Рачинскій указалъ рукою на виднѣвшуюся вдаль экипажу отряда. — Что же, и прекрасно. Я сейчасъ пошло за вашими вещами, да кстати назначу вамъ вѣстового. Эй, Карпенко! — крикнулъ онъ въ сторону палатки.

— Что прикажете, ваше благородіе? — гаркнулъ вынырнувшій невѣдомо откуда вѣстовой ротнаго командира.

— Ступай къ фельдфебелю и скажи ему, чтобы онъ сейчасъ же назначилъ подпоручику въ вѣстовые Демчука, котораго пусть и пошлетъ за ихъ вещами, вонъ туда, къ повозкамъ, чтобъ остановились у лагера. Пошаль?

— Понялъ, ваше благородіе!

— Проню васъ осмотрѣть наше общее жилище, — продолжалъ Рачинскій, обращаясь къ юношѣ и пригласивъ его пройти въ палатку.

Внутренность этого походнаго жилища оказалась далеко не обшпрныхъ разнѣровъ, но свободнаго мѣста было еще столько, что присутствіе новаго обитателя не могло особенно стѣснить тѣхъ, что устроились здѣсь ранѣе.

У задней стѣнки палатки стояла походная кровать самого Рачинскаго, съ правой стороны примостился зончанъ, сбитый наскоро изъ досокъ, гдѣ была поестель прапорщика Смирнова, противоположная же сторона палатки оказалась совершенно свободной, и здѣсь-то заботливый поручикъ предложилъ устроиться своему новому субалтерну.

— Ужъ не взыщите, мѣста, какъ видите, хватить, но остальныхъ удобствъ не найдете никакихъ.

— Помилуйте, развѣ я не понимаю... Да и давно ли я съ училищной койки сошелъ; тамъ вѣдь тоже комфорта особеннаго не было, да и не привыкъ я къ нему. — застѣнчиво замѣтилъ Загорскій.

— А вѣдь глядя на васъ, можно подумать, что вы на пуховикахъ выросли, — пробасилъ, улыбаясь, Смирновъ.

— Напрасно вы такъ думаете!.. — вепыхнулъ-было Загорскій, но удержался и нервно закусилъ губы.

— Да вы не обижайтесь, я вѣдь это такъ. — оправдывался прапорщикъ, стараясь придать своему голосу мягкое выраженіе. — И по простотѣ, по-товарищески. Вы съ виду такой нѣжный, что твоя барышня, хе-хе...

Юноша покраснѣлъ еще болѣе, но не возражалъ, и только вопросительно устремилъ глаза на Рачинскаго.

— Да-съ, такъ вотъ и всѣ наши удобства, — началъ послѣдній, стараясь замаять непріятный для своего коша субалтерна разговоръ. — Обѣдать и чай пить будемъ вотъ-съ на этомъ саркофатѣ, — продолжалъ Рачинскій, указывая на стоявшій по-

средишь палатки высокой ящикъ. — Да, кстати, не хотите ли вы съ дороги чайку, я прикажу сейчас заварить.

— Благодарю васъ..

— Да вы не стѣсняйтесь. Эй, Гарпенко!

— Ну-съ, устраивайтесь въ новомъ жилищѣ, а мы пока сходимъ къ нашему Николаю Михайловичу, у него въ это время всегда закуска. — пробасилъ Смирновъ, обращаясь съ улыбкой къ Загорекому. — Вы являлись къ начальнику стрѣлковъ?

— Да, я уже представлялся ему..

— Славный старикъ!.. Что же, идете, господа, — сказали прапорщикъ дружилъ двумя офицерами, находившимся въ палаткѣ.

— Вы не обращайте вниманія на слова Смирнова, онъ знаетъ, немного грубоватъ, но парень ничего себѣ, хороший! — сказала Рачинскій по выходѣ офицеровъ изъ палатки.

— Помилуйте, что же обижаться!.. Пусть себѣ болтаетъ..

— Безвредный онъ.. Такъ себѣ, зубоскаль.. пустомеля.. А вотъ и чай, давайте, присядемъ, выпьемъ по стакачику, согрѣетесь, — радушно предложилъ Загорекому Рачинскій, увидя входящаго съ мѣднымъ чайникомъ вѣстового.

— Смазливъ, каналъ, ровно дѣвочка! — разсуждалъ между тѣмъ Смирновъ, идя между палатками съ двумя товарищами.

— Дѣвочка-то дѣвочка, а какъ онъ срѣзалъ тебя, когда ты о пуховникахъ началъ, — замѣтилъ прапорщикъ Ильинъ.

— Ну, ужъ и срѣзалъ!.. Голосъ такой пискливый, точно бабій!.. Знаете что, господа, будемъ его звать Машенькой!.. Ей-Богу, мысль отличная: будь онъ подпоручикъ Машенька — и конечно! А, какъ вы думаете?

— Да вѣдь онъ можетъ обидѣться!.. Еще на исторію наскочить!..

— Ну вотъ еще, какая тамъ исторія!.. Вѣдь мы шутя, поговариваемъ.. Какая тутъ можетъ быть обида!..

— Мнѣ кажется, Смирновъ, ты просто досаждаешь, что в роту прибылъ старше тебя въ чинѣ субалтернъ!.. Вѣдь теперь первой полуротой онъ будетъ командовать, а не ты, — замѣтилъ другой изъ офицеровъ, подпоручикъ Пѣтуховъ.

— Эка важно кушанье!.. Первой полуротой?! Точно это не все равно?! Да еще увидимъ, долго ли онъ прокомандуетъ: какъ придется переходъ сломать вереть въ сорокъ безъ привала, такъ эта пѣженка того и гляди еще разойдется и съ ногъ свалится!.. Совѣмъ дѣвочка какая-то!

Офицеры не возражали, и разговоръ этотъ прекратился самъ собою, такъ-какъ въ это время они подошли къ палаткѣ начальника стрѣлковъ, откуда несся смѣхъ и веселый говоръ собравшихся къ завтраку офицеровъ.

(Продолженіе будетъ.)

Къ рисункамъ.

Урокъ рисованія. (Рис. на стр. 1179.)

Смокнинги, фракы, жакеты, воротнички, галстуки, манжеты — какъ это скучно, господа, какъ невыносимо скучно! Это все онъ виноватъ, этотъ чудовищный вѣкъ чудесъ техники, вѣкъ практическаго разума и меркантильнаго чувства: онъ наложило свое veto на мудреные парики за ихъ ненужность и великодушно предложилъ для всеобщаго пользованія машинку № 1, машинку № 2 и машинку № 3 для стрижки волосъ; онъ вытѣснилъ голубой бархатъ и розовый атласъ за ихъ дороговизну и роскошь и любезно предоставилъ всѣмъ и каждому пиджакъ и галстукъ цвѣта недожареннаго крокодила. Онъ призналъ неудовлетворительными задачамъ строгой морали гавотъ и менуэтъ и придумалъ совѣмъ оригинальный типъ кафешантанной пляски — Терсиохоры fin d'siècle'я. Скученъ, господа, fin de siècle, и не вина г. Степанова, если онъ не любить смокнинговъ, и фраковъ, и галстуковъ, и манжетъ, а любить мудреные парики, бархатные камзолы, шелковые чулки..

Впрочемъ, какъ знать? Можетъ-быть и парики, и камзолы были въ свое время такъ же скучны и пошлы, какъ пошлы и скучны стали фракы и смокнинги, но чтъ дѣлать, если дымка исторіи обладаетъ такимъ волшебнымъ свойствомъ превращать въ изящное и прекрасное все то, что задернуто ею. Г. Степановъ очень хорошо знаетъ это волшебное свойство и недаромъ написалъ свои миниатюрныя фигурки подъ этой красной дымкой. Онъ хотѣлъ дать вещь только красивую и изящную, безъ модной идеи, безъ желанія заинтриговать сюжетомъ зрителя. И развѣ онъ — учитель и ученикъ — не лучше и не изящнѣе такъ, въ своихъ парикахъ, въ атласѣ, чѣмъ если бы на немъ былъ смокнингъ изъ Лондона, а на ней рукава отъ Ворта?

Салонъ Елисейскихъ полей 1896 г. „Бѣгство въ Египетъ“ и „На яблонѣ“. (Рис. на стр. 1182 и 1187.)

Имя Эд. Тудуза (Toudouze) пользуется почетной извѣстностью среди парижскихъ художниковъ. Въ Россіи была одна его вещь на французской выставкѣ въ Москвѣ; эту же женщины, — и въ свое время знатоки имѣли возможность любоваться живописью этого художника и оцѣнили его по достоинству. Онъ работаетъ въ самыхъ различныхъ жанрахъ: онъ писалъ на историческія темы, писалъ сцены съ характеромъ историческаго жанра, писалъ пейзажи, „nudité“, сцены изъ быта крестьянъ, и, наконецъ, въ этомъ году въ Салонѣ появилась его картина религіознаго содержания. Онъ пробовалъ свои силы на холстахъ огромныхъ размѣровъ, брался за миниатюру во вкусѣ Фортуни, работалъ много акварелью, пастелью. Одна изъ картинъ, составившихъ ему крупное имя, была „Гибель Содома“, колоссальной холсты съ массой фигуръ болѣе натуральной величины. Въ Салонѣ 1885 года появилась его небольшая вещь, служившая украшеніемъ выставки, это его извѣстный „Менуэтъ“, мальчикъ и дѣвочка въ костюмахъ XVII вѣка, танцующіе граціозный менуэтъ. Картина была написана съ рѣдкимъ мастерствомъ и виртуозностью. Лучшія вещи Тудуза надо отнести къ этому жанру. Онъ превосходно знаетъ эпоху шелковыхъ чулокъ, кудрявыхъ париковъ и бархатныхъ камзоловъ, мастерики передавая блескъ роскошной жизни тогдашнихъ сибаритовъ, красоту обстановки и ту особенную грацію, какой обладали носители шелковыхъ чулокъ и бархатныхъ камзоловъ. Ученикъ Пильса и Лелюара, онъ до сихъ поръ находится подъ ихъ вліяніемъ: въ особенности замѣтно вліяніе Лелюара, у котораго онъ наследовалъ тонкій и изящный рисунокъ и большой вкусъ, съ какимъ Лелюаръ писалъ свои картины изъ придворной жизни английскихъ и французскихъ королей. Даже въ самой манерѣ писать

у нихъ есть много общаго, но Тудузъ пошелъ дальше въ сторону миниатюрныхъ мазковъ, которые иногда слишкомъ нестроятъ его красную живопись. Она отъ этого перѣдко выдаетъ въ излишнюю слащавость и пригорюность. Постѣдняя, впрочемъ, гораздо замѣтнѣе въ его картинахъ, писанныхъ масляными красками: что касается до его акварелей, то въ этой области у него не много соперниковъ. Въ послѣдней у него много общаго съ нидерландскими акварелистами и ихъ главою Фортуни.

Одна изъ воспроизведенныхъ въ этомъ номерѣ картинъ его — „Бѣгство въ Египетъ“ была выставлена въ Салонѣ Елисейскихъ полей въ этомъ году. Она очень проста по замыслу. Иосифъ, приготовивъ все къ путешествію въ Египетъ, поджидастъ Марію, которая спускается на ступенькамъ, ведущимъ въ дворикъ, съ младенцемъ-Христомъ. Отъ картины вѣетъ необыкновеннымъ миромъ, тишиной и спокойствіемъ. Написана картина такъ, какъ обыкновенно пишетъ Тудузъ, такими же миниатюрными мазками, съ такой же отдѣлкой мелочей, не портящихъ, однако, общаго впечатлѣнія, такъ какъ при этой манерѣ художникъ обладаетъ способностью писать тѣмъ приемомъ, которому среди художниковъ присвоено названіе „широкаго письма“.

Другая его вещь, которую мы воспроизводимъ, написана съ еще большимъ мастерствомъ. Это „На яблонѣ“. Трудно придумать что-нибудь болѣе красивое и изящное, чѣмъ эта черноглазая дѣвочка, забравшаяся на дерево, такая легкая, стройная. Нечего и говорить о томъ, какъ хорошо нарисованы всѣ подробности картины, начиная отъ фигурки дѣвочки, ея пальчиковъ и кончая стволомъ и вѣтками дерева, скамейкой.

Столѣтіе города Гатчины. (Рис. на стр. 1183.)

11-го ноября городъ Гатчина отпраздновалъ столѣтіе своего существованія.

Гатчина, какъ и ея близкій сосѣдь, Павловскъ, получили городскія права отъ императора Павла I, почти немедленно велѣлъ за вѣществомъ его на престолѣ: первая — 11-го ноября, а второй — 12-го числа того же мѣсяца. Но въ то время, какъ Павловскъ — поселеніе сравнительно молодое, основанное только въ половинѣ прошлаго вѣка, — начало Гатчины скрывается еще въ среднихъ вѣкахъ. Въ писцовыхъ новгородскихъ книгахъ уже въ XV вѣкѣ упоминается селеніе Хотчино, принадлежавшее въ то время, какъ и вся бывшая Ингерманландія, новгородцамъ. Затѣмъ вѣстность эта перешла въ руки шведовъ, и только побѣдоносная война Петра Великаго со шведами вернула ее русскимъ.

По занятіи русскими войсками Ингерманландіи, пѣтшиня Гатчина была скромною мызой, которую Петръ I приписалъ къ дворцовому вѣдомству; однако, въ скоромъ времени, императоръ подарилъ ее своей сестрѣ, великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, а по ея кончинѣ мыза вернулась обратно въ дворцовое вѣдомство, — но не надолго: въ 1719 году Гатчина была пожалована Великимъ императоромъ лейбъ-медику Блуменстроу. Но ей не суждено было долго оставаться въ одиѣхъ и тѣхъ же рукахъ; волею императрицы Анны Иоанновны, Гатчина была отнята отъ Блуменстрога и пожалована князю А. Б. Курякину, а послѣ его смерти снова была куплена въ казну. Императрица Елисавета Петровна отдала Гатчину во владѣніе цесаревича Петра Феодоровича; императрица Екатерина II подарила ее князю Григорію Орлову, а въ 1783 году, послѣ смерти этого новаго владѣльца Гатчины, мыза была вновь куплена въ казну у его наслѣдниковъ за полтора милліона, и императрица подарила ее цесаревичу Павлу Петровичу; съ этихъ поръ Гатчина сдѣлалась любимымъ мѣстопробываніемъ

Зебровый зяблик. (Рис. на стр. 1191.)

В последние годы любители комнатных птиц проявляют особенную склонность к разным породам зябликов, особенно вывезенным из европейских местностей. В прежнее время эти породы очень редко ввозились в Европу и не находили любителей, частью из-за высоких цен, по которым они продавались поставщикам этого товара. Теперь же некоторые из этих пород очень понравились, требуются в большом количестве, и предприимчивые люди начали разводить их в европейских птичниках. К числу легко плодящихся и зимующих птиц относятся, между прочим, разные породы попугаев и зябликов, особенно доставляемые из Австралии. К этим любимым породам надо причислить и представленных на нашем рисунке зебровых зябликов. Это прелестная, нестрай маленькая птичка, на которую обращает внимание любителей, между прочим, и знаменитый Брем в своей книге о комнатных птицах. Этот зяблик, как, впрочем, и большинство экзотических птичек, не может быть отнесен к числу искусных певцов; в нем привлекает главным образом, его замечательная миловидность, яркая пестрота оперения, за которую он получил свое название, и, наконец, прелестный, веселый нрав.

Еще не так давно зебровые зяблики ценились довольно высоко, а теперь, например, в Германии можно достать пару этих птичек, самца и самку, за 4—5 марок (1 р. 80 к.—2 р. 25 к.). Для их содержания не требуется никаких особенных забот; они довольствуются небольшою клеткою, которую надо поместить поближе к окнам, к яркому свету и солнцу, избегая, однако, очень вредного для птичек тока холодного воздуха от окна, а тем паче сквозного ветра. Для пары или двух пар птичек вполне достаточно провололочная клетка аршина в $1\frac{1}{2}$ длины и в $\frac{3}{4}$ аршина ширины и высоты. В клетку надо устроить настилку из веток да привесить деревянные коробки для гнезд, величиною 4—5 дюймов в поперечник, закрыты со всех сторон, с летками надлежащей величины. Дно клетки надо посыпать чистым, сухим речным песком; ящички для корма, посуда для питьевой воды и ванночка для купанья дополнить мебельровку этого птичьего домика. Любимая пища зябликов — разные виды проса, затем разное другое мелкое зерно — конопляное, маковое, сурьбиное; изредка можно давать муравьиные яйца. Свежую зелень также не мешает доставлять птичкам: она поддерживает в должном порядке их пищеварительный аппарат. Для чистки носиков зябликам, как и другим мелким птичкам, надо дать кошачью каракатицу (сеин); это вещество, богатое известью и другими минеральными веществами, доставляет материал для костяка птичек и для образования скорлупы на яйцах во время кладки.

Зебровые зяблики очень скоро свыкаются с своим новым жильем. Вначале они слегка дичатся, всего, впрочем, лишь несколько дней, а потом быстро покоряются своей участи и принимают ее, так сказать, в веселую сторону. Их вро-

жденный инстинкт домостроительства начинается проявляться чуть ли не с первых дней пленения. Надо доставить им всевозможные материалы для удовлетворения этой потребности возиться с постройкою — наложить в клетку разного волоса,

Высокопреосвященный Савва, архиепископ тверской и нашинский († 13 октября 1896 г.). С фот. Здобнова автотипия „Нива“.

шерсти, кокосового волокна, ключочков ваты, перышек, пуха и т. п. мелочи. Особенно деятельным строителем оказывается обыкновенно самец. Он хватает все, что найдет в клетке, и все это волочет к избранному гнездовищу. Можно подолгу любоваться удивительно деятельною, живою и неутомимою птичкою. Случается, что маленький зодчий битых полчаса возится над каким-нибудь длинным волосом или ниткою, зацепившеюся за проволоку или за сучок на настилке; он ни за что не отпустит добычу, у него идет в счет каждая птичка, и он будет перхать, кружиться, тинуть и дергать, пока, наконец-таки, не освободит занутившейся нити, которую потом с торжеством тащит к гнезду; на некоторое время он исчезает внутри гнездовой коробочки, чтобы там уложить в надлежащем порядке добытый с такими хлопотами материал, а затем вновь появляется и опять тащит что-нибудь в гнездо. Глядя на эти хлопоты, можно подумать, что птичка имеет какую-то совершенно определенную цель, какую-то очень близкую задачу, которую надо поскорее выполнить; а между тем, проявившись с неописанным усердием некоторое время над гнездом, зяблик, иногда, внезапно бросает его и принимается строить новое, которое, по своей очереди, вдруг, непонятно почему, бросит и примется за прежнее. Тут, надо думать, играет просто неутомимый врожденный строительный инстинкт. Однако же, в брачное время, эти хлопоты приобретают вполне определенную цель; тут птичка хлопочет изо всех сил над устройством гнездышка и уже заканчивает его как следует. Время кладки яиц у зебровых зябликов очень неопределенное, чаще всего от начала мая до конца сентября; случается кладка и позже, напр., в октябре и ноябре, но в это время дело кончается ничем, яйца не доживают или оказываются бесплодными, словом — потомства не получается. В брачную пору необходимо особенно заботливо ухаживать за птицами, доставлять им в обилии зеленый корм и муравьиные яйца; усилить размножения, вообще, много зависит от хорошего ухода и корма. Рекомендуются запасаться яйцами мелких черных муравьев; но их трудно достать в продаже, и потому заботливые любители сами добывают их летом из муравьиных куч. Каждой паре птичек следует давать ежедневно, примерно, чайную ложку муравьиных яиц. Птенчики вырастают быстро и через месяц после вылупления из яйца уже начинают летать. Их окраска сначала бывает несколько темнее, чем у взрослых птичек, и притом одинакова у самок и самок; но скоро клювики молодежи краснеют, и они постепенно выравниваются в окраске с взрослыми. Родители расточают своему потомству величайшую заботу, хотя, иногда, — правда в редких случаях, — вдруг, и совершенно непонятно почему, бросают своих малюток и пред-

А. П. Боголюбов († 26 октября 1896 г.). С фот. автотипия „Нива“.

оставляют их без малейшей жалости въ добычу голодной смерти. Повидимому, такая жестокость проявляется птичками въ томъ случаѣ, если гнѣздышко будетъ кѣмъ-нибудь потревожено. Поэтому, надо принять за правило—какъ только началась брачная пора, оставить птичекъ, но возможности, въ покоѣ, не впускать въ клетку новыхъ жильцовъ и особенно избѣгать малѣйшаго прикосновенія къ гнѣзду.

Памятникъ Н. И. Лобачевскому въ г. Казани.

(Рис. на стр. 1194.)

1 сентября н. г., какъ уже было сообщено („Ива“ № 37, Разн. Изв.); состоялось въ Казани открытіе памятника бывшему профессору Казанскаго университета Николаю Ивановичу Лобачевскому, давно уже снискавшему въ научномъ мірѣ славу одного изъ крупнѣйшихъ свѣтилъ математической науки. Память великаго русскаго геометра, скончавшагося въ 1856 г., была достойно почтена въ 1893 г. по поводу исполнявшагося тогда столѣтія со дня его рожденія. Въ Казани, гдѣ протекла великая жизнь и научная дѣятельность Н. И. Лобачевского, гдѣ онъ 32 года былъ профессоромъ и 19 лѣтъ ректоромъ университета, память покойнаго ученаго почтена была тогда трехдневнымъ празднованіемъ, начавшимся 22 октября, въ день его рожденія. Въ *Иву* тогда же (1893 г., № 46) былъ помѣщенъ портретъ Н. И. Лобачевского и краткій очеркъ его ученой дѣятельности. Въ настоящемъ номерѣ помѣщаемъ снимокъ съ памятника Н. И. Лобачевскому, исполненнаго талантливой скульпторшей М. Д. Дилловъ. Описание памятника было уже помѣщено (въ отдѣлѣ „Разн. Изв.“) въ № 37 *Иву*.

Высокопреосвященный Савва, архіепископъ тверской и кашинскій. (Портр. на стр. 1195.)

13 октября н. г., послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни (водички), скончался въ Твери старшій іерархъ русской церкви, докторъ церковной исторіи, высокопреосвященный Савва.

Скончавшійся архіепископъ (въ мірѣ Иванъ Михайловичъ Тихоміровъ)—сынъ бѣднаго псаломщика с. Палеа, Вязниковскаго уѣзда, Владимирской губерніи, родился 15 марта 1819 г. Младенческие годы его протекли при самыхъ скудныхъ средствахъ къ существованію. Маститый іерархъ прошелъ обычную духовную школу. По окончаніи семинарскаго курса (во Владимирѣ), ему, какъ одному изъ лучшихъ студентовъ, семинарскимъ начальствомъ предложено было поступить въ московскую духовную академію, но онъ отказался по болѣзни. По настояніи своихъ родственниковъ, онъ поступилъ священникомъ къ Муромскому Богородицкому собору, состоя въ то же время учителемъ 1-го класса духовнаго училища. Послѣ смерти любимца-сына и не менѣе любимой жены, онъ поступилъ въ московскую духовную академію (1845), гдѣ, на второмъ курсѣ, постригся въ монахи съ именемъ Саввы.

По выходѣ изъ академіи (1850) начинается служебная дѣятельность іеромонаха Саввы, подъ руководствомъ знаменитаго московскаго митрополита Филарета. По избранію митрополита, іеромонахъ Савва, удостоенный вскорѣ степени магистра богословія, назначенъ былъ сначала на довольно важную должность ризничаго московской синодальной (бывшей патриаршей) ризницы; здѣсь, за свои учено-литературные труды, снуета непродолжительное время возведенъ былъ въ санъ архимандрита. Прохождение должностей ризничаго дало возможность почившему архіепископу познакомиться со многими учеными лицами и съ извѣстными въ то время профессорами московскаго университета: С. П. Шевревымъ, О. М. Бодякинскимъ, С. М. Соловьевымъ, Ф. И. Булаевымъ и друг., которые готовили къ предстоявшему тогда празднованію столѣтія московскаго университета разныя ученые изданія, занимаясь въ тѣсныхъ комнатахъ о. ризничаго.

Указомъ Св. Синода отъ 18 мая 1859 г., архимандритъ Савва опредѣленъ былъ ректоромъ московской духовной семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ, а потомъ (1861 г.) назначенъ былъ и ректоромъ московской духовной академіи. Въ 1862 г. онъ становится епископомъ Можайскимъ, вторымъ викаріемъ московской митрополіи; а въ 1886 г., по желанію митрополита Филарета, назначенъ на самостоятельную кафедру въ Витебскъ. Въ 1874 г. перемѣщенъ былъ въ Харьковъ, гдѣ пробылъ четыре сличкомъ года. Пребываніе епископа Саввы на харьковской кафедрѣ имѣло ту особенность, что въ это время вся Россія приглашалась приносить свои посылки пожертвованія въ пользу бѣдствующихъ славянъ Балканскаго полуострова. Благодаря мощному архіепископскому слову, въ короткое время собрано было свыше 10.000 р., которые и проведены были частью въ московскій славянскій комитетъ, частью къ преосвященному митрополиту Михаилу сербскому и Иларіону черногорскому, а частью переданы харьковскому комитету помощи славянамъ для отравленія добровольцевъ и санитарныхъ отрядовъ. Множество вещественныхъ приношеній (холста, рубахъ, шубъ, свѣтъ, платья и т. п.) передано было туда же.

Въ 1879 г. епископъ Савва переведенъ былъ въ Тверь и въ слѣдующемъ году возведенъ въ архіепископа.

Архіепископъ Савва извѣстенъ какъ высокопросвѣщенный

дѣятель, обогатившій русскую науку разнаго рода цѣнными церковно-историческими трудами. Сохранившаеся обширная библиотека высокопреосвященнаго (она большею частью перешла въ 1894 году въ даръ московской духовной академіи) свидѣтельствуетъ о глубокой начитанности старца-архіепископа. Изъ ученыхъ изданій самого высокопреосвященнаго нужно отмѣтить: 1) „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ“; 2) „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго, по дѣламъ Православной Церкви на Востокахъ“; 3) „Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей московской синодальной библиотеки VI—XVIII вв.“; 4) „Указатель для обозрѣнія московской патриаршей (синодальной) ризницы и библиотеки“,—трудъ, за который авторъ его удостоился получить отъ государя императора Александра Николаевича Высочайшій подарокъ въ 429 рублей, и за который Академіей Наукъ присуждена была ему Демидовская премія; 5) „Письма Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго, къ Высочайшимъ Особамъ“; 6) „Воспоминанія о высокопреосвященномъ Леонидѣ, архіепископѣ ярославскомъ и ростовскомъ“, и мн. др. За свои ученые изысканія въ области палеографіи и археологіи архіепископъ Савва, между прочимъ, удостоенъ былъ московской духовной академіей, въ 1894 году, ученой степени доктора церковной исторіи, каковую степень въ настоящее время изъ всѣхъ русскихъ іерарховъ имѣютъ только четверо (Автопій, архіепископъ финляндскій, Сергій, архіепископъ владимірскій, Виссаріонъ, епископъ костромской, и Сильвестръ, епископъ каневскій, ректоръ кievской духовной академіи).

Вмѣстѣ съ тѣмъ выдающаяся ученой дѣятельность скончавшагося архіепископа оцѣнена была по достоинству и многими другими учеными учрежденіями. Архіепископъ Савва состоялъ почетнымъ членомъ московскаго и одесскаго обществъ исторіи и древностей российскихъ, московскаго братства св. Петра митрополита и церковно-археологическаго общества при кievской духовной академіи; членомъ-корреспондентомъ Императорскаго русскаго археологическаго общества, действительнымъ членомъ общества древне-русскихъ искусствъ и московскаго археологическаго общества; почетнымъ членомъ духовныхъ академій въ Петербургѣ, Москвѣ, Киевѣ и Казани, а также палестинскаго общества и археологическаго института въ Петербургѣ. Высшими наградами высокопреосвященнаго были: орденъ св. Анны 1-й степени, Владимира 1-й степени, Александра Невскаго съ брилліантами и черногорскаго князя Данила 1-й степени. Ко дню Коронаванія Ихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Теодоровны, онъ былъ награжденъ брилліантовымъ крестомъ, для пошенія на клобукъ, при чемъ данъ былъ на его имя Высочайшій рескриптъ.

А. П. Боголюбовъ. (Портр. на стр. 1195.)

Въ ночь на 26 октября скончался въ Парижѣ, скоропостижно, во время сна, извѣстный художникъ-маринистъ Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ.

А. П. Боголюбовъ родился 16-го марта 1824 г., въ с. Помераньѣ, Новгородской губерніи. Несмотря на свои 72 года, онъ былъ еще очень бодръ и крѣпокъ и примѣромъ своей кипучей неутомимой дѣятельности возбуждалъ энергію въ болѣе молодыхъ художникахъ.

Морю отдался А. П. Боголюбовъ съ самаго дѣтства,—его учалъ онъ и юнымъ кадетомъ въ морскомъ корпусѣ, съ нимъ еродился онъ съ 1839 г., начавъ службу во флотѣ, ему онъ посвятилъ и весь свой огромный талантъ, воспроизводя морскую стпихю на своихъ полотнахъ то бурной, то ласково плещущей подъ лучами солнца, у береговъ ли теплаго юга или суроваго сѣвера,—но всегда прекрасной.

Открытъ талантъ Боголюбова суждено было герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому, котораго А. П. сопровождалъ на островъ Мадеру, въ члелѣ другихъ офицеровъ, на кораблѣ „Камчатка“. Это было въ 1849 году; герцогъ былъ тогда президентомъ Академіи Художествъ и, увидявъ рисунки молодого моряка, заинтересовался ими и посоветовалъ А. П. поступить въ Академію Художествъ. Талантъ быстро сказался. Подъ руководствомъ профессоровъ М. П. Воробьева и Б. П. Виллельмиде онъ черезъ три года, удостоенный цѣлаго ряда медалей и отличій, уже награжденъ былъ первой золотой медалью и въ томъ же 1853 году назначенъ былъ по Высочайшему повелѣнію художникомъ главнаго морскаго штаба Его Величества. Съ этого времени начался его работы по писанію батальныхъ картинъ, изображающихъ подвиги русскаго флота; работы эти длились безпрерывно болѣе сорока лѣтъ,—вплоть до самой его кончины.

Въ 1854 году Боголюбовъ былъ отправленъ пенсіонеромъ Академіи за границу. Онъ объѣхалъ всю Европу, посѣтилъ Женеву, гдѣ работалъ у Калама, затѣмъ побывалъ въ Парижѣ, гдѣ учился у Изаба, а затѣмъ два года проработалъ подъ руководствомъ Ахенбаха. Шесть лѣтъ пробылъ онъ за границей и за это время успѣлъ уже получить за свои работы (въ 1858 году) званіе академика.

Его путешествія по Россіи: по Волгѣ, Камѣ и Каспійскому морю и по Финляндіи дали ему обильный матеріалъ для задуманныхъ имъ и ему заказанныхъ картинъ. Значительную часть своихъ путешествій А. П. совершилъ въ свѣтъ Высочайшихъ Особъ, въ Бозѣ почившихъ наследника цесаревича Николая Александровича (по Волгѣ и въ Крымѣ, въ 1863 г.) и государя императора Александра III, въ бытность его наследникомъ цесаревичемъ (по Россіи и въ Данію, въ 1866 и 1867 гг.), и великаго князя Владиміра Александровича (въ Голландію, Бельгію и Германію, въ 1870 году). Цѣлая галлерей картинъ, написанная имъ за это время, доставила ему уже славу одного изъ лучшихъ нашихъ маринистовъ.

Въ 1871 году А. П. Боголюбовъ почтенъ былъ избраніемъ его Академіей въ члены совѣта.

Въ 1873 году А. П. вынужденъ былъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, покинуть родину и поселиться въ тепломъ климатѣ, за границей. Не имѣя возможности жить въ Россіи, онъ не переставалъ жить для Россіи и для родного искусства. Убѣждая за границу, онъ принялъ на себя порученіе Академіи наблюдать за успѣхами ея пенсіонеровъ и заботиться о могущихъ встрѣтиться имъ нуждахъ.

Вплоть до кончины, А. П. Боголюбовъ безъ усталы работалъ и создалъ сотни полотенъ, украшающихъ стѣны дворцовъ, Эрмитажа, крупнейшихъ правительственныхъ учреждений и лучшихъ частныхъ художественныхъ галлерей. Всѣ его картины, за незначительнымъ исключеніемъ, трактуютъ событія изъ жизни нашего флота или выдающіея морскія торжества, проехавшія въ Высочайшемъ присутствіи, и давно уже создали Боголюбову славу живописца-исторіографа русскаго морскаго дѣла со времени Крымской кампаніи до времени франко-русскаго союза.

Картины А. П. Боголюбова фигурировали въ русскіхъ отдѣлахъ на всѣхъ всемирныхъ выставкахъ, начиная съ 1867 года, на ежегодныхъ академическихъ, а также и на передвижныхъ, гдѣ покойный былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ.

Всею душою преданный родному искусству, А. П. неустанно радѣлъ о его будущемъ,—о тѣхъ молодыхъ русскіхъ талантахъ, которые отирали за границу для совершенствованія своихъ знаний и способностей. Онъ стоялъ во главѣ кружка русскіхъ художниковъ въ Парижѣ, и молодые художники встрѣчали съ его стороны, можно сказать, отеческую заботливость.

Но у Боголюбова была еще одно любимое дѣлце — Радичевскій музей въ Саратовѣ. Этотъ музей и рисовальной школы при немъ А. П. хотѣлъ восполнить и дѣйствительно въ значительной мѣрѣ восполнилъ сильно ощущаемый у насъ недостатокъ въ большихъ провинціальныхъ музеяхъ и художественно-промышленныхъ школахъ, которыя необходимы для развитія эстетическаго вкуса и художественнаго образованія въ народѣ. Мѣстомъ для музея А. П. избралъ Саратовъ, городъ, родной ему по матери и по дѣду, знаменитому Радичеву, имя котораго и носитъ музей. Боголюбовъ подарилъ для этой цѣли городу всѣ свои художественныя коллекціи, затѣмъ выстроилъ для музея великолѣпное зданіе. Кроме того, онъ выхлопоталъ своему музею у въ Бозѣ почившаго императора Александра III, любимаго А. П. и цѣниваго его труда на пользу родного искусства, дубликаты по всѣмъ отдѣламъ искусства изъ Эрмитажа. Устроивъ музей, Боголюбовъ взялся за устройство рисовальной школы; чтобы обезпечить ея существованіе на будущее время, А. П. отдалъ ей значительную часть своего состоянія, около 200,000 р. Но этимъ не ограничились его заботы о Радичевскомъ музеѣ. Музей сталъ цѣлю всей его послѣдующей жизни. Живя въ самой скромной обстановкѣ, не позволяя себѣ ни малѣйшихъ лишннихъ тратъ, онъ всѣ средства отдавалъ музею, все, что онъ прибрѣталъ или получалъ въ даръ изъ предметовъ искусства или книгъ,—все онъ предназначалъ музею, на всемъ онъ выставлялъ сейчасъ же неизлѣпные два инициала: „Р. М.“—Радичевскій музей. Радичевскому музею онъ завѣщалъ все свое состояніе послѣ смерти, и этотъ музей сталъ вѣчнымъ памятникомъ Боголюбову.

Н. И. Быстровъ. (Портр. на стр. 1198.)

Въ октябрѣ н. г. исполнилось тридцать лѣтъ учебной и ученой дѣятельности профессора Военно-Медицинской Академіи по дѣтскимъ болѣзнямъ, почетнаго лейбъ-медика Высочайшаго Двора, Николая Ивановича Быстрова, портретъ котораго помѣщенъ на стр. 1198. Н. И. Быстровъ пользуется громкой извѣстностью среди столичнаго населенія, какъ ученый и какъ врачъ. Н. И. родился 28 февраля 1841 г. Медицинское свое образованіе онъ получилъ въ Медико-Хирургической Академіи, курсъ которой окончилъ съ золотой медалью въ 1864 г. Оставленный на три года при академіи, Н. И. былъ отправленъ для усовершенствованія за границу, гдѣ работалъ по физиологіи и химіи въ лабораторіи Либрейха и Розенталя, а затѣмъ занялся изученіемъ дѣтскихъ болѣзней въ лучшихъ клиникахъ Австріи и Германіи. Возвратившись изъ-за границы, онъ получилъ званіе приватъ-доцента, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было академіей завѣдываніе дѣтской клинкой и чтеніе лекцій по дѣтскимъ болѣзнямъ. Въ теченіе тридцати лѣтъ онъ продолжаетъ свою плодотворную дѣятельность.

Въ качествѣ ученаго педагога Н. И. Быстровъ обогатилъ медицинскую литературу цѣлымъ рядомъ научныхъ изслѣдованій, имѣющихъ своимъ предметомъ дѣтскій организмъ и уклоненія его, а затѣмъ выпускалъ цѣлую фалангу своихъ учениковъ, занимающихъ видное мѣсто среди спеціалистовъ-дѣтскихъ врачей, въ свою очередь составившихъ себѣ громкую извѣстность. Общественная дѣятельность Н. И. Быстрова не ограничивалась только стѣнами академіи; она проявлялась и на другихъ поприщахъ; такъ, онъ читалъ лекціи въ школахъ для фельдшерицъ при общинахъ Покровской и Св. Георгія, читалъ публичныя лекціи по гигиенѣ дѣтскаго возраста, сотрудничалъ въ педагогическихъ журналахъ: *Семья и Школа*, *Здоровье*, *Русская Школа* и др. Онъ же учредилъ общество дѣтскихъ врачей, состоялъ долгое время предѣвателемъ медицинского отдѣла общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, содѣйствовалъ учрежденію лѣчебницы для хроническихъ больныхъ и, наконецъ, состоитъ директоромъ дѣтскаго приюта Кирилла и Меодія и почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ.

Не знающій отдыха въ своей учебной и врачебной дѣятельности, Н. И. Быстровъ не перестаетъ работать на пользу ближняго даже и въ тѣ короткіе мѣсяцы лѣтняго вакаціоннаго времени, которое онъ проводитъ въ деревнѣ, въ своемъ имѣніи (въ Валдайскомъ уѣздѣ). При первой вѣсти о пріѣздѣ Н. И. въ имѣніе, со всѣхъ окрестныхъ и даже дальнихъ деревень начинаютъ стекаться къ нему крестьяне съ больными дѣтьми, и всѣ они получаютъ не только безвозмездные медицинскіе совѣты, но даже и готовыя лѣкарства. Желая хотя бы чѣмъ-нибудь воздать Н. И. за его безкорыстную филантропическую дѣятельность, валдайское земство избрало его своимъ почетнымъ мировымъ судьейю.

Ю. К. Арнольдъ. (Портр. на стр. 1198.)

„In Deo spes mea!“—таковъ девизъ фамильнаго герба Арнольдовъ; этотъ же девизъ выставленъ былъ нашимъ почетнымъ юбиляромъ, Юріемъ Карловичемъ Арнольдъ, на балладѣ „Свѣтлана“ (къ поэмѣ Жуковскаго), поданной имъ на конкурсъ, назначенномъ петербургскимъ филармоническимъ обществомъ въ 1839 г., за которую онъ получилъ премію, присужденную такимъ судьеймъ, какъ Глинка, Львовъ, графъ Вельгускій, князь Одоевскій и извѣстный теоретикъ Фуксъ. Юрій Карловичъ Арнольдъ праздновалъ 1 ноября рѣдкій въ наше время юбилей: шестидесятилѣтній своей музыкально-литературной и композиторской дѣятельности и восьмидесятилетній со дня своего рожденія. Ему исполнилось 1 ноября 85 лѣтъ (род. въ Петербургѣ 1 ноября 1811 г.), а его первымъ произведеніемъ: романсу „Вечерній звонъ“ (на слова Кольцова) и повѣсти „Любовь музыкальнаго учителя“ (появилась въ ноябрѣ 1836 г. въ *Библиотекѣ для чтенія*)—шестьдесятъ лѣтъ.

Громадный періодъ дѣятельности, въ теченіе котораго маститый юбиляръ успѣлъ многое сдѣлать и на разныхъ поприщахъ, вносилъ повсюду обширныя познанія, начитанность, серьезный трудъ и любовь къ дѣлу. Труды Ю. К. Арнольда очень разнообразны по своему содержанию; онъ писалъ не только композиціи, но и драмы, много работалъ на поприщѣ музыкальной педагогикѣ, писалъ критически-литературныя статьи въ разныхъ журналахъ и изданіяхъ, русскіхъ и иностранныхъ; но главнѣйшія заслуги его заключаются въ тѣхъ научно-историческихъ изслѣдованіяхъ и трактатахъ, которые имѣютъ своимъ предметомъ церковную музыку и народныя пѣсни. Онъ весь вѣкъ своей работалъ на пользу музыкальной науки, и его имя извѣстно въ Германіи не въ меньшей степени, чѣмъ у насъ, хотя онъ большую часть своей жизни и дѣятельность провелъ на родинѣ, главнымъ образомъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

О жизни Юрія Карловича даемъ самыя лучшія свѣдѣнія его трудъ „Воспоминанія“, вышедшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ трехъ выпускахъ; это сочиненіе касается не только дѣятельности самого юбиляра, но прекрасно характеризуетъ все время, со дня его рожденія до девятидесятихъ годовъ, и тѣхъ извѣстныхъ дѣятелей и лицъ, съ которыми г. Арнольдъ пришлось сталкиваться.

Принадлежа къ старинному дворянскому роду, Ю. К. уже пяти лѣтъ посѣщалъ школу настая Муральта, а семи лѣтъ отправленъ былъ за границу въ пансіонъ доктора Ланга (близъ Дрездена), гдѣ преподаваніе проеходило по системѣ Песталоцци. Черезъ четыре года,—но смерти Ланга,—онъ былъ переведенъ въ дерптскую гимназію, по окончаніи которой поступилъ на факультетъ камеральныхъ наукъ; затѣмъ онъ поступилъ въ стародубскій кирасирскій полкъ, участвовалъ въ семи сраженіяхъ, а за отличіе при взятіи штурмомъ Варшавы получилъ орденъ св. Георгія, съ которымъ всю жизнь не расстается. Такъ длилась его жизнь до 1835 г., когда онъ рѣшилъ окончательно посвятить себя музыкѣ, которой онъ обучался еще вмѣстѣ съ общеобразовательными предметами въ пансіонѣ Ланга. Но главнѣйшими его учителями по музыкѣ были: извѣстный Шарль Мейеръ (рояль), теоретикъ Фуксъ, а контрапункту обучался онъ у славившагося въ то время Гунке.

Изъ композиторскихъ трудовъ юбиляра назовемъ его оперы „Цыганка“ (сожженная изъ внослѣдствія), „Инвалидъ“ (одно-

актная), „Ночь на Ивана-Купалу“ (трехъактная), обѣ съ нѣмецкимъ текстомъ, „Послѣдній день Помпеи“ или „Ниди“ (трехъактная); эта опера, надъ которой авторъ уже давно работаетъ, еще нигдѣ не давалась; судя по либретто, составленному самимъ композиторомъ и имѣющему своимъ сюжетомъ эпоху возрожденія христіанства, „Ниди“ должна представлять большой интересъ. Кроме оперъ нашъ юбиляръ писалъ: романсы, трехголосную обѣдню, восьмой псаломъ для хора, увертюру „Борисъ Годуновъ“, имѣющую успѣхъ у насъ и за границей, сонату для фортепіано и мн. др. Говоря о творчествѣ г. Арнольда, слѣдуетъ упомянуть еще, во-первыхъ, о двухъ драмахъ на нѣмецкомъ языкѣ: „Ideal und Wirklichkeit“ и „Andreas Bruneau“ (послѣдняя въ стихахъ, написана на конкурсѣ въ двѣ пьесы и удостоена преміи въ Кенигсбергѣ; давалась съ успѣхомъ и въ Петербургѣ), и, во-вторыхъ, о переводѣ на нѣмецкій языкъ либретто: „Руслана и Людмила“ (по просьбѣ Глинки), „Русалки“ (по просьбѣ Даргомыжскаго), „Юдифь“ (по просьбѣ Стрѣва), „Сарданпала“ (по просьбѣ Фаминина), „Орлеанской дѣвы“ Чайковскаго и „Анжело“ г. Кюн.

Но главнѣйшія заслуги нашего юбиляра заключаются въ его теоретическихъ и научныхъ трудахъ, изъ которыхъ особенную цѣнность имѣютъ слѣдующіе: „Теорія древне-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія на основаніи аутентическихъ трактатовъ и акустическаго анализа“, „Общій сводъ правилъ гармонизаціи знаменнаго распѣва“, „Примѣненіе древне-эллинской и византійской теоріи музыки къ современному пѣнію“, „Die Lehre der Tonkunst“ (въ трехъ частяхъ), „Рациональная музыкальная грамматика на основаніи акустическихъ и эстетическихъ началъ“ по собственной системѣ автора (обширный трудъ этотъ находится еще въ рукописи). Онъ первый составилъ по-русски „Теорію композиціи“ и перевелъ на русскій языкъ учебникъ Фукса „Теорія музыкальнаго сочиненія“.

Г. Арнольдъ читалъ лекціи въ лейпцигской консерваторіи, устраивалъ публичныя чтенія по исторіи музыки въ Петербургѣ, былъ приглашенъ приватъ-доцентомъ въ московскій университетъ для занятій по кафедрѣ музыкальныхъ наукъ. Много содѣйствовалъ онъ преподаванію пѣнія; первый основалъ въ Петербургѣ общедоступную музыкальную школу въ 1845 г., имѣлъ свои музыкальные классы въ Москвѣ.

Несмотря на свои годы, г. Арнольдъ до настоящаго времени прекрасно видитъ, имѣетъ очень тонкій слухъ и продолжаетъ работать надъ своими статьями и заниматься педагогіей. Остаются только пожелать ему еще много лѣтъ здравствовать и продолжать быть полезнымъ на трудномъ поприщѣ своей обширной дѣятельности, на которомъ онъ составилъ себѣ такое прекрасное и почетное имя.

В. Басинъ.

Политическое обозрѣніе.

„Русское Телеграфное Агентство“ сообщило 15-го ноября слухи, что президентъ французской республики намѣревается

пріѣхать въ половинѣ апрѣля будущаго года въ Петербургъ, гдѣ остановится въ зданіи французскаго посольства, чтобы, въ качествѣ главы государства, отдать визитъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ.

Ожидаемое событіе первоестепенной важности обставлено, однако, существенною формальностью. Французская конституція 1876 года предусматриваетъ лишь на случай вакантности президентскаго поста переходъ нравѣ и обязанностей главы государства къ президенту сената, до избранія новаго президента, и ни слова не говоритъ о временномъ замѣстителѣ президента республики въ случаѣ пребыванія его за предѣлами Франціи. Между тѣмъ, возможность подобныхъ случаевъ стала очевидною въ особенности со времени установленія дружественныхъ отношеній между Франціей и Россіей. Вопросъ о возможности временной отлучки президента республики впервые возобудилъ послѣ тулонскихъ и парижскихъ торжествъ 1893 г., когда французская печать заговорила о необходимости поѣздки президента въ Россію. Однако, изъ компетентныхъ французскихъ сферъ послышалось мнѣніе, что „глава государства“ пользуется своимъ высокимъ положеніемъ только въ предѣлахъ Франціи; за границей же президентъ — частное лицо.

Передъ Коронаціей Государя Императора вопросъ объ отлучкѣ президента изъ Франціи былъ снова поставленъ на очередь горячими сторонниками Россіи, потребовавшими, чтобы г. Форъ самъ поѣхалъ въ Москву, какъ верховный представитель французской республики.

Наконецъ, послѣ посѣщенія Франціи Русскою Царственною Четой, общественное мнѣніе Франціи вмѣняетъ президенту республики, въ качествѣ „главы государства“, сдѣлать отвѣтныи визитъ въ Петербургъ. И такъ какъ, въ силу конституціи, обѣ палаты, засѣдая вмѣстѣ, образуютъ національное собраніе, которое составляетъ верховную учредительную власть Франціи, то такимъ образомъ пробѣлъ французской конституціи объ отлучкѣ президента республики можетъ быть восполненъ національнымъ собраніемъ, которое уполномочитъ г. Форъ отвѣтнѣ на Высочайшій визитъ при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ онъ сдѣланъ былъ французскому народу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, это же собраніе рѣшить, къ кому должны перейти на время права и обязанности президента республики.

При какихъ бы условіяхъ ни выбылъ президентъ изъ Франціи въ Россію, онъ пріѣдетъ какъ исполнитель воли французскаго народа, какъ глава дружественной намъ Франціи. Истиннее по этому прибавлять, что г. Феликсу Форю оказанъ будетъ торжественный пріемъ и истинно-русское радушіе, которое при встрѣчѣ друзей не знаетъ границъ.

Какъ сообщаютъ изъ итальянскихъ военныхъ сферъ, генералъ Альбертоне, по освобожденіи его изъ абиссинскаго плѣна, предстанетъ передъ военнымъ судомъ въ Массовѣ, по обвиненію въ неисполненіи предписанной передъ адуанскимъ боемъ диспозиціи и въ нарушеніи, вслѣдствіе этого, гармоніи общаго боевого порядка. Между тѣмъ, по мнѣнію извѣстнаго нашего путешественника г. Леонтьева, въ его специальной корреспонден-

Н. И. Быстровъ. (По поводу 30-тилѣтія ученой дѣятельности.)
Съ фот. Вестли-сына автотипія „Нивы“.

Ю. Н. Арнольдъ. (По поводу 60-тилѣтія музыкально-литературной дѣятельности.)
Съ фот. Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ автотипія „Нивы“.

денни въ *Новое Время*, генералъ Альбертоне „велъ себя во время боя истиннымъ героемъ, выдерживавшимъ на себѣ всю тяжесть атаки абиссинцевъ, пушки котораго гремѣли еще тогда, когда отъ другихъ колоннъ не оставалось и слѣдовъ на позиціяхъ, и для котораго плѣтъ явился только несчастною и нежелательною случайностью“. Даже абиссинцы, „съ пренебреженіемъ относившіеся къ итальянскимъ войскамъ, дѣлали въ этомъ отношеніи исключеніе для Альбертоне, отдавая должную дань удивленія его храбрости и энергіи“, и потому судъ надъ генераломъ въ глазахъ его побѣдителей, чрезвычайно чуткихъ къ правдѣ, показался бы вопиющей несправедливостью, что въ значительной степени повредило бы „дипломатіи Европа“ вообще. Г. Леонтьевъ отмѣчаетъ между прочимъ слѣдующій благородный поступокъ Альбертоне и всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ. Въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Госу-

даря Императора, 14 мая негусъ Менеликъ хотѣлъ отпустить на свободу всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ, на честное слово, согласно обычаю европейскихъ армій. По порученію негуса, г. Леонтьевъ составилъ формулу обѣщанія, которую должны были подписать освобождаемые изъ плѣна и по которой они обязывались не поднимать болѣе оружія противъ негуса. Тронутой до слезъ вниманіемъ негуса, генералъ однако за себя и за своихъ офицеровъ отказался дать обязательство, „несогласное съ итальянскимъ военнымъ уставомъ“. Изъ уваженія къ такому желанію исполнить свой долгъ до послѣдней возможности, негусъ Менеликъ устроилъ въ честь генерала и другихъ плѣнныхъ офицеровъ парадный обѣдъ.

Недавній прѣздъ въ Петербургъ нашего посла въ Константинополь, г. Нелидова, далъ обильную пищу различнымъ толкамъ о важномъ „совѣщаніи“, сосредоточившемъ на себѣ весь ин-

Открыта подписка на „НИВУ“ 1897 г.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ со всѣми нижеозначенными приложеніями: Безъ доставки въ СПб. 5 р. Съ доставкой въ СПб. 6 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской) 6 р. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 7 р. ЗА ГРАНИЦУ 10 р.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1897 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „Нива“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

12 ТОМОВЪ Собранія романовъ, повѣстей и рассказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА,

избранныхъ авторомъ и „Нивою“ изъ числа лучшихъ его произведеній и представляющихъ все наиболѣе выдающееся и цѣнное, что было написано П. Д. Боборыкинымъ въ послѣдніа 25 лѣтъ, начиная съ появленія его извѣстнаго романа „Китай-городъ“.

Собраніе романовъ, повѣстей и рассказовъ П. Д. Боборыкина будетъ отпечатано на хорошей глазированной бумагѣ, въ 12 томахъ, которые, подъ заглавіемъ „Сборникъ Нивы“, будутъ выходить въ началѣ каждаго мѣсяца и заключать въ себѣ:

ТОМЪ I. „Китай-городъ“. Романъ въ 3-ти книгахъ.	„Изъ новыхъ“. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть I.	ТОМЪ IX. „Съ убійцей“. Повѣсть. „Горлени“. Рассказъ.
ТОМЪ II. „Безъ мужей“. Повѣсть. „Псарня“. Рассказъ. „Умереть — уснуть“. Рассказъ. „Пристроился“. Повѣсть. „Безвѣстная“. Рассказъ.	ТОМЪ IV. „Изъ новыхъ“. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части II и III.	ТОМЪ X. „Ходонъ“. Романъ въ 3-хъ частяхъ.
ТОМЪ III. „По чужимъ людямъ“. Рассказъ. „За красненькую“. Рассказъ. „Послѣдняя депеша“. Рассказъ. „Три афиши“. Рассказъ. „Голубой лифъ“. Рассказъ. „У плиты“. Рассказъ.	ТОМЪ V. „На ущербѣ“. Романъ въ 3-хъ частяхъ.	ТОМЪ XI. „Поумнѣлъ“. Повѣсть. „Измѣнникъ“. Повѣсть. „Морзь и Юзь“. Рассказъ.
	ТОМЪ VI. „Обречена“. Повѣсть. „Прѣздомъ“. Повѣсть. „Вторая отъ воды“. Рассказъ. „Въ отъздѣ“. Рассказъ.	ТОМЪ XII. „Ранніе выводни“. Повѣсть. „Трупъ“. Рассказъ. „Василій Тернинъ“. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть I.
	ТОМЪ VII. „Переваль“. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части I и II.	ТОМЪ XII. „Василій Тернинъ“. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части II и III.
	ТОМЪ VIII. „Переваль“. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть III.	

Всѣ эти романы, повѣсти и рассказы будутъ напечатаны въ „Сборникѣ Нивы“ въ томъ видѣ, какъ они были написаны авторомъ, безъ всякихъ пропусковъ и сокращеній.

При первомъ томѣ будетъ приложенъ гравированный на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ портретъ съ автографомъ П. Д. Боборыкина.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, которыя будутъ выходить при „Нивѣ“ въ серединѣ каждаго мѣсяца и содержать въ себѣ романы, повѣсти, рассказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1897 годъ, отпечатанный въ нѣсколько красокъ.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Малая Морская, д. № 22.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Котора покорнѣе проситъ гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву“ 1897 года заблаговременно, въ виду того, что въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Котора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногороднихъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

терес политического мира. По отзывам влиятельных органов европейской печати, совмещение это имело своим предметом „финансовое оздоровление Турции“: Франция внесла проект, с которым Россия не могла согласиться, так что заключение нового турецкого займа под гарантией европейских держав следует считать немисланным.

Газета *Times* подтвердила версию, что французский проект отвергнут, благодаря противодействию России. В целях обезличивания французских владельцев турецких облигаций, Франция, по свидетельству упомянутого органа печати, сделала несколько предложений, чтобы примыкнуть к Турции те же мѣры, как и практикуются европейскими державами по отношению к Египту, но эти предложения оказались противорѣ-

чащими традиционной политике России. Наконец, и французские авторитетные органы печати констатируют, в последнее время неудачу проекта о „финансовом оздоровлении Турции“.

По мнѣнию *Standard'a*, Россия не могла поступить иначе, как она поступила, не могла признать за другими державами законного права вмешиваться во внутреннюю дѣла Турции, поэтому и предпочла оставаться на почвѣ берлинскаго трактата. Теперь во всѣх западно-европейских политических кружках съ негероическимъ ждутъ возвращенія г. Нелидова въ Константинополь. Въ турецкихъ кружкахъ надѣются, что г. Нелидовъ вернется съ специально русскими предложениями, принятіе которыхъ, будто бы, со стороны султана обезпечено.

Разныя извѣстія.

— 14 ноября, въ высокочестивый день рождения Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, въ Гатчинѣ, мѣсть пребыванія Ея Величества, въ 11 часовъ утра, совершена была въ дворцовой церкви литургія придворнымъ духовенствомъ, при хорѣ придворныхъ пѣвчихъ. Въ церкви присутствовали Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна, прибывшіе накануне изъ Царскаго Села, и Царская Фамилія. Послѣ богослуженія постѣлованы Высочайшіи завтракъ, къ которому были приглашены лица, приписанныя Ея Величеству по правленію: придворныя дамы и фрейлины, министры и лица Государевой свиты, высшіе придворныя чины, а также депутація отъ шефскихъ полковъ, въ которыхъ Императрица Марія Феодоровна состоитъ Шефомъ, офицеры Собственного Его Величества конвоя и своднаго гвардейскаго баталіона. Въ Петербургѣ въ этотъ торжественный день во всѣхъ церквяхъ столицы совершены божественныя литургіи съ благодарственными молебствіями. Въ военныхъ и полковыхъ церквяхъ онѣ сопровождался церковными хорами. Въ кадетскихъ корпусахъ и гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ совершены молебствія въ присутствіи учащаго и учащаго персонала. Торжественное богослуженіе совершено въ Исаакіевскомъ кафедральномъ соборѣ высокопреосвященнымъ митрополитомъ с.-петербургскимъ Палладіемъ, съ архіепископомъ финляндскимъ Антоимъ и епископомъ словенскимъ Назаріемъ, архимандритами и соборнымъ духовенствомъ, при двухъ хорахъ пѣвчихъ, несклькихъ митрополитскихъ и исаакіевскихъ соборныхъ. Такія же торжественныя богослуженія были совершены во всѣхъ городахъ Россіи и въ русскихъ посольскихъ церквяхъ въ главнѣйшихъ столицахъ Западной Европы.

— 14 ноября, въ Витебскѣ, въ память бракосочетанія Ихъ Величествъ, на средства мѣщанскаго сословія открыта въ присутствіи преосвященнаго и губернатора богадельня на 25 кроватей для престарѣлыхъ мѣщанъ обоаго пола. По сообщенію „Рос. Телегр. Аргентина“, въ послѣдніе два года по инициативѣ губернатора открыты въ Витебскѣ рядъ благотворительныхъ учреждений: домъ трудолюбива съ богадельней, амбулаторная, образованная столовая, мастерская въ пріютѣ. Поднятъ вопросъ о больницѣ при общинѣ „Краснаго Креста“.

Съ самымъ большимъ русскимъ крейсеромъ — крейсеромъ 1-го ранга „Россия“ случилась серьезная аварія. По какой-то несчастной случайности судно уклонилось отъ фарватера и сѣло на мель у самаго Крошталда. Для выясненія причинъ и виновниковъ аваріи ведется судебное слѣдствіе. Несмотря на принятія мѣры, громадный крейсеръ до сихъ поръ не удалось снять съ мели. Наступившіе морозы вынудили временно прекратить работы. По словамъ газеты *Комп. торж.*, броненосцы береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ“ и „Адмиралъ Сенявинъ“, работавшіе около крейсера, вошли 17 ноября въ гавань. Около „Россіи“ остались только пароходъ ледоколъ „Могучій“, землечерпательная машина и 4 землекопа, пароходъ „Ледоколъ“ путемъ сообщенія, мелкія портовые суда: „Полезный“, „Помощникъ“ и „Старшина“, несущія посылную службу и по разломкѣ льда. Кроме того, зафрахтованы 2 частныя парохода. Въсѣтъ съ 20,000 пудовъ расporажене о доставкѣ на крейсеръ 2,000 пудовъ каменнаго угля для судовыхъ потребностей.

— Общество содѣйствія физическому развитію открыло, какъ сообщается *Новое Время*, въ Петербургѣ курсы для приготовленія руководящихъ физическихъ упражненій и игръ. Курсы помѣстятся подъ гостеприимной кровлей Педагогическаго музея. На нихъ поступило 130 лицъ, кончившихъ курсъ въ женскихъ гимназіяхъ; нѣкоторые изъ нихъ подучили, кроме того, педагогическое образованіе въ педагогическихъ классахъ гимназій и на педагогическихъ женскихъ курсахъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ слушательницы курсовъ изучаютъ анатомію и физиологию человѣка, краткія свѣдѣнія изъ химіи и механики, теорію движеній, исторію физическаго воспитанія и игръ, гигиену, практическія физическія упражненія и игры. За слушаніе лекцій и участіе въ практическихъ занятіяхъ установлена плата 25 руб. въ годъ. Такъ какъ многія изъ слушательницъ, прѣхавшія въ Петербургъ изъ провинціи, пользуются близкимъ помѣщеніемъ (грязными, часто антисанитарными меблированными комнатами) и принуждены обитать въ такъ называемыхъ „нормальныхъ“ столовыхъ, что вредно отзывается на ихъ здоровьѣ, то, по предложенію профессора П. Ф. Лесгафта, при обществѣ образовался особый кружокъ, съ цѣлью устроить общежитіе для курсистокъ. Общество физическаго развитія ассигновало замкомобразно на устроеніе интерната 500 р. Кроме того, поступило на это дѣло нѣсколько пожертвованій отъ лицъ, сочувствующихъ дѣлушамъ провинціалкамъ, вынужденнымъ ради полученія образованія, бдѣствовать въ Петербургѣ. Пожертвованія принима-

ются у инспектриссы курсовъ С. М. Познеръ (Фонтанка, д. 18, кв. 18).

— Въ пунктахъ наиболѣе удаленныхъ отъ центра Россіи, министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ устроены, какъ извѣстно, склады земледѣльческихъ орудій. До сихъ поръ изъ этихъ складовъ орудія только продавались, правда, для крестьянъ на льготныхъ условіяхъ, теперь же предполагается допустить отладку плуговъ и другихъ сельско-хозяйственныхъ орудій на прокатъ.

— Олонекскимъ земскимъ собраніемъ рѣшено открыть тридцать бесплатныхъ библиотекъ.

— Св. Синодъ разрѣшилъ сборъ по всѣмъ церквамъ имперіи, ежегодно 19 февраля или въ ближайшее къ этому дню воскресенье, на сооруженіе храма во имя св. Александра Невскаго въ Москвѣ, въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

— Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ будетъ устроена „Вторая выставка охотничьяго оружія и предметовъ охотничьяго и рыболовнаго промысловъ“, принятая съ Высочайшаго соизволенія подъ высокое покровительство Его Императорскаго Высочества великаго князя Владимира Александровича. Открытіе выставки должно постѣловать 1 февраля 1897 г.

— 29 октября, въ 3 ч. 35 м. дня, на Варшавской желѣзной дорогѣ произошла печальная катастрофа. На 836-й верстѣ отъ Петербурга, между станціями Соколка и Кузница, столкнулись петербургскій почтовый поѣздъ № 3 съ товарнымъ поѣздомъ № 118, вышедшимъ со станціи Кузница. Послѣдствія столкновения оказались ужасными. Разбиты три паровоза (почтовый поѣздъ шель съ двумя паровозами), четыре пассажирскихъ вагона и 11 товарныхъ, сильно повреждены три паровоза и 6 вагоновъ. Не обошлось и безъ человѣческихъ жертвъ. Семь человѣкъ поднято мертвыми, 14 человѣкъ ранено. Въ 5 ч. дня изъ Гродно прибылъ палачный врачевскій персоналъ, и по оказаніи первоначальной медицинской помощи, всѣ раненые были отправлены въ санитарныхъ вагонахъ въ Гродно, гдѣ помѣщены въ больницы. По официальнымъ свѣдѣніямъ, катастрофа произошла вслѣдствіе недоразумѣній. Почтовый поѣздъ № 3 запыдалъ на 40 минутъ. Это обстоятельство было извѣстно начальнику станціи Соколка. По современному прибытію на эту станцію товарнаго поѣзда № 118, была запрошена по телеграфу станція Кузница, отстоящая въ шестнадцать верстахъ отъ Соколки, можно ли отправить поѣздъ. Телеграфистка Андреева, безъ вѣдома начальника станціи, отвѣтила, что путь свободенъ. Между тѣмъ, почтовый поѣздъ № 3, идя съ двумя паровозами, успѣлъ нагнать на двухъ перегонахъ 20 минутъ. По прибытію поѣзда въ Кузницу, начальнику этой станціи г. Буткевичу, не подозрѣвая объ отвѣтѣ телеграфистки, повисилъ отправлять его. Тѣмъ временемъ и начальникъ Соколки, въ расчетъ, что товарный поѣздъ успѣетъ пробѣжать шестнадцать верстъ въ тѣ же сорокъ минутъ, на которыхъ запаздывалъ почтовый, пустилъ его. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что машинисты обоихъ поѣздовъ сѣлиши: одинъ — чтобы нагнать двадцать минутъ заюзданія, а другой — чтобы поспѣть на станцію Кузница до прибытія почтоваго. Столкновение произошло на небольшомъ закругленіи, и, воянито, предупредить его или ослабить не было возможности.

— Въ Воронежѣ скромно отпраздновано недавно, по словамъ *Новое Время*, 25-лѣтіе литературной и служебной дѣятельности инспектора воронежскаго реальнаго училища Г. Н. Недѣвскаго, довольно известнаго въ русской литературѣ своими трудами, по преимуществу беллетристическаго содержания, помѣщенными въ *Вестникъ Европы*, *Отечественныя Записки*, *Дѣль*, *Русскій Мысли*, *Свердловскій Вѣстникъ*, подъ псевдонимомъ „О. Забытый“. И до сего времени, несмотря на сложныя служебныя обязанности, онъ не покидаетъ литературныхъ занятій.

— 5 октября, въ залѣ засѣданія с.-петербургскихъ уѣздскихъ судовъ предъидается двадцатипятилѣтній юбилей дѣятельности председателя с.-петербургской санитарной комиссіи и председателя с.-петербургской уѣздной земской управы А. Н. Яковлева. Въ присутствіи губернатора т. с. С. А. Толя, членовъ и служащихъ управы, земскихъ врачей, учителей, нѣкоторыхъ лицъ изъ духовенства, сельскихъ старостъ и пр., было отслужено молебствіе, послѣ котораго было произнесено много рѣчей, посвященныхъ благотворной дѣятельности юбиляра, и поднесены адресы, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ адресъ осироченныхъ крестьянъ, помѣщенный въ вѣнокъ живыхъ цвѣтовъ съ надписью „XXV и означеніемъ имени поднесшихъ.“

— 2 октября состоялся празднованіе 25-лѣтія служебной дѣятельности секретаря с.-петербургской губернской земской управы М. А. Кавоса.

— 3 ноября состоялось въ Академіи Художествъ

торжественное чествованіе 25-лѣтія художественной дѣятельности И. П. Петрова-Ронета, пользующагося громкою извѣстностью въ качествѣ одного изъ талантливейшихъ русскихъ архитекторовъ и лучшаго знатока древне-русскаго стіля.

— 12 октября, въ залахъ с.-петербургскаго градоначальника состоялось чествованіе 25-лѣтія службы въ с.-петербургской столичной полиціи полшеимейстера 1-го отдѣленія гор. С.-Петербурга ген.-м. В. Н. Ешпова.

— 20 октября, въ Самарѣ, скончался отъ грудной жабы на 62 году жизни Веніаминъ Осиповичъ Португаловъ. Покойный принадлежалъ къ числу извѣстныхъ врачей-публицистовъ, горячо ратовавшихъ на страницахъ періодическихъ изданій за необходимость улучшенія врачебнаго дѣла въ Россіи. Его популярныя очерки-статьи печатались въ *Новомъ Язвѣ* въ видѣ фельетоновъ, въ *Свѣ. Вѣстникѣ* и въ другихъ журналахъ. Кроме того, перу покойнаго принадлежатъ рядъ популярныхъ брошюръ, посвященныхъ разрѣшенію насущныхъ вопросовъ о сохраненіи народнаго здравья. Помимо литературной дѣятельности, В. О. былъ извѣстенъ какъ земскій врачъ-практикъ, старавшійся на дѣлѣ осуществитъ свои теоретическія взгляды. Большую часть своей службы онъ посвятилъ самарскому земству и въ послѣднее время жилъ почти безвыѣздно въ Самарѣ, пользуясь заслуженными симпатіями мѣстныхъ обывателей. Похороны В. О. Португалова состоялись 21 октября. На гробъ покойнаго возложено было до тридцати вѣнковъ. Среди нихъ выделялись: отъ рабочихъ самарскаго театра, гдѣ покойный состоялъ много лѣтъ врачомъ. На этомъ вѣнкѣ была краткая надпись: „Хорошему человѣку“. Рабочіе Жигулевскаго завода возложили вѣнокъ съ надписью: „Своему незабвенному врачу“. Губернская земская управа возложила вѣнокъ съ надписью: „Старшему земскому врачу и общественному дѣятелю“. Отъ самарскаго общества поощренія образованія — „Незабвенному поборнику просвѣщенія и другу человечества“; вѣнки отъ Маринскаго пріюта и другихъ благотворительныхъ учреждений гласили о многолѣтнемъ безвозмездномъ трудѣ врача Португалова. Вѣнокъ „Отъ бѣдняковъ окранный города“ гласилъ: „Другу и врачу“. Редакция *Самарскаго Газетнаго и Самарскаго Вѣстника* возложила общій вѣнокъ съ надписью: „Неутомимому борцу-публицисту“. Редакция *Саратовскаго Листка* прислала вѣнокъ съ надписью: „Честному публицисту и общественному дѣятелю“.

— 25 октября скончался состоявшій при Особѣ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны оберъ-гофмейстеръ князь Иванъ Михайловичъ Голицынъ. Покойный служъ малаго 40 лѣтъ провелъ на государственной службѣ, преимущественно въ придворныхъ должностяхъ и званіяхъ. Начавъ службу по окончаніи курса въ московскомъ университетѣ въ азиатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ 1856 г., покойный черезъ три года получилъ званіе камер-юнкера и еще черезъ три года былъ назначенъ на должность церемоніейстера (1862 г.), а въ 1866 г. — на должность гофмаршала, въ 1880 г. утверждень гофмаршаломъ, затѣмъ назначенъ гофмейстеромъ — состоятъ при Ея Величествѣ. Съ 1882 г. покойный состоялъ все время при Особѣ Ея Величества Императрицы Маріи Феодоровны и въ день Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ, въ нынѣшнемъ году, получилъ высшій чинъ оберъ-гофмейстера. Покойный имѣлъ всѣ русскіе ордена, до св. Александра Невскаго включительно, и до 30 разныхъ иностранныхъ орденовъ первыхъ степеней. Какъ человѣкъ, покойный пользовался общимъ уваженіемъ и симпатіями какъ лицъ его круга и великодушнаго общества, такъ и его бывшихъ подчиненныхъ и всѣхъ, кто его зналъ. На нихъ иждѣ по покойному и на отпѣваніи тѣла присутствовали Ихъ Императорскія Величества. На гробъ покойнаго былъ возложенъ вѣнокъ отъ Государя Императора.

СОДЕРЖАНІЕ: Три дѣйства комедіи. Повѣсть П. П. Желюховскаго. (Окончаніе). — Подпоручикъ „Машенька“. Изъ воспоминаній стараго армейца. В. А. Дов — лло. — Къ рисункамъ: Урокъ рисованія (съ рис.). — Салонъ Елисейскихъ полей 1896 г. „Бѣство въ Египетѣ“ и „На яблонѣ“ (съ 2 рис.). — Столѣтье города Гатчины (съ рис.). — Приготовленіе урона (съ рис.). — Зерновыи званіи (съ рис.). — Памятникъ Н. И. Лобачевскому въ Казани (съ рис.). — Высокопреосвященный Сава, архіепископъ тверской и машинскій (съ портр.). — А. П. Боголюбовъ (съ портр.). — Н. И. Быстровъ (съ портр.). — Ю. К. Арнольдъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — 0 подискъ на „Ниву“ 1897 г. — Къ свѣдѣнію гг. подисчисловъ. — Разныя извѣстія. — Объявленія. При этомъ № прилагаются: ПАРИЖСІЯ МОДЫ за декабрь съ 33 рис. и отд. листъ съ 28 черт. выкр. въ натур. вел. и 18 рис. выпильныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой.)

ПАМЯТЬ

лицу каждого возраста укрепляет лично и заочно (въ 10 ур.) профессор мнемоники С. Файнштейн.

Условия за курсъ выслу. за одну 7-ми коп. марку, вмѣстѣ съ книгой *) (седьмое изданіе) „Что такое искусство укрѣпленія памяти?“ за шесть 7-ми коп. марокъ, на вѣзеновой бумагѣ за восемь 7-ми коп. марокъ.

Адресъ: *Одесса, Гаванная ул., д. И. А. Бродского, № 6, 28* (рядомъ съ городскимъ садомъ), кв. 2—8, вь бель-этажѣ, профессоръ мнемоники членъ ларинжской академіи С. Файнштейнъ.

Иногородніе

могутъ адресовать пріестія выслу въ Контору „отдѣленія курсовъ заочнаго преподаванія мнемоники“, ул. Пушкинской и Базарной ул. собствѣнный домъ, профессору мнемоники С. Файнштейну.

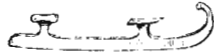
Адресъ для телеграммъ: Одесса, профессору мнемоники Файнштейну.

*) Книга эта продается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи. № 9680 5—3

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Калуферъ, Кузьмичевскую траву, Хвощъ, Брусличную траву, всѣ другія лѣкарственные растенія выслушаетъ **Провизоръ П. Фогель**. Гор. Лубин. Ц. 9697. Полтавской губ. 6—2

КОНЬКИ всѣхъ системъ отъ 1 до 12 руб. СІБ. Б. Морская, 40.

А. О. БРАБЕЦЪ.

Иллюстриров. прейсъ-курантъ бесплатно.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ
департамента торговли и мануфактуръ
„ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ СИЛЫ РОССІИ“.

Характеристика различныхъ отраслей труда. Подъ редакціей В. И. Ковалевскаго. Объемъ книги около 90 печатн. листовъ. Цѣна книги безъ перепл. 5 р., въ перепл. 6 р. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Ц. № 9737

Складъ изданія: СІБ., Б. Морская, 65, типо-литографія А. Лейферта.

PAPIER FAYARD ET BLAUN.

Бумага Фаляръ и Блаунъ. Пластирь, разрѣшенный Медицинскимъ Совѣтомъ. Требовать подписи Fayard et Blaun. Продается въ аптекахъ.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

для устройства и перестройки **ПАТОЧНЫХЪ И ДЕКСТРИННЫХЪ ЗАВОДОВЪ**

В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Uhland, Leipzig.

Неиспытанные аппараты. Пр.-кур. бесплатно.

МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЕ ЗАВѢДЕНІЕ „СВАБОДА“

ТЕЛЕФОНЪ 1560

ПРОСИТЪ

НЕНУЖНЫЯ ВЕЩИ

АУКЦИОНЪ

ВЪ СЕНТЯБРѢ

СОСТОЯТЪ

500

ПРОЦЕНТЪ

ПРОЦЕНТЪ

ПРОЦЕНТЪ

БАНКІРСКІЙ ДОМЪ
Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 25,
страхуетъ
билеты 1-го 5% съ выигр. займа отъ тиража 2 января 1897 г.
по 1 руб. 50 коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (22)
Спеціалістъ хронометровъ.
СПБургъ, Невскій пр. № 52
прот. Илл. Публ. Библиотеки.
Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по почте. Безплатно.
Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.

Различная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

ВСѢ КНИГИ ноты и учебная пособия высылаются
книжный складъ п. п. СОЙНИНА.
С.-Петербургъ, Стрѣмянная ул., собств. д.
Пробный № журнала „Природа и Люди“ высылаются за 7 коп. марку.
—Новый каталогъ книгъ безплатно.—

ЦВѢТОЧНЫЯ ЭКСТРАКТЫ
Т-ва „ГИГИЕНА“
разныхъ запаховъ, припима, прочны, значительно превосходятъ существующіе до сихъ поръ цвѣточные одеколоны и туалетныя воды.
Главные склады: СІБ., площ. театра 9. — Москва, Никольская, д. Шереметова. — Варшава, Новый Свѣтъ, 37.

ПОСТАВЩИКЪ ВЫСОЧАЙШАГО АВОРА
КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ
Большая Морская, д. 34.
Складъ резиновыхъ товаровъ и новостей.
Къ предстоящимъ праздникамъ помогаетъ разрѣшить вопросы:
ЧТО ПОДАРИТЬ
дѣтямъ, родственникамъ и пр.
Прощу требовать мой новый иллюстрированный прейсъ-курантъ, заключающій болѣе 1000 практичныхъ предметовъ для всѣхъ возрастовъ и на всѣ вкусы. Гг. иногороднимъ прейсъ-курантъ высылается безплатно. 3—8

КРАСИВО выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**
Методъ премірованъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. № 9613 6—4
За 2 семикопѣечныя марки высылаются пробное письмо и условія, а за 4 семикопѣечныя марки выслу. пробное письмо шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ. Дерibasовская, д. № 19.

7 разъ удостоены первыя преміи.
СКРИПКИ, ВИОЛОНЧЕЛИ и пр. неодолажаема по тону и качеству. Старин. итальянскіе инструменты въ громаднѣмъ выборѣ.
ЦИТРЫ, всемірно-извѣстныя по своему прекрасному тону и превосходн. работѣ. Всѣ другіе музыкальные инструм. Иллюстр. каталоги высылаются безплатно.
Братъ ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструмен. Крейцнахъ.

КРАМБАМБУЛИ
геометрическая игра, очень интересная забава для дѣтей и взрослыхъ. Цѣна только 50 коп. за игру съ пересылкою по почтѣ во всѣ мѣста Европ. Россіи, по лѣтъ по полученаго стоимости (50 к.) почтов. марк.
Складъ писчей бумаги и конвертовъ
В. ФРИЦЪ И КО. С.-Петербургъ, Гороховая ул., № 22.

КАКЪ НАМЪ ОБУВАТЬСЯ? О нормальной обуви, по преимуществу дѣтской. Цѣна 25 коп.
Д-ръ В. Гориневскій. Новая книга. Изд. маг. пособій по воспитанію дѣтей.
С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 12. (5)

ПОЛНЫЯ КОЛЛЕКЦІЯ ЕЛОЧНЫХЪ УКРАШЕНІЙ
по **4. 8. 12. 18. 25 и 40 р.**
въ которыхъ включены всѣ здѣшнія и заграничныя новости, какъ равно и любимаго клоушки. Болѣе подробныя свѣдѣнія благоволяте усмотрѣть въ № 44 журнала „Нива“.
Высодка наложеннымъ платежемъ.
ГЕРМАНЪ РЕЙХЕЛЬ, Складъ Новостей, СІБургъ, Невскій 82.

ВЯЗАНОЕ ДЖУТОВОЕ БѢЛЪЕ (БУМАЖНОЕ)

ОЧЕНЬ ПРОЧНОЕ, особенно рекомендуется лицамъ, не посещающъ шерстяного бѣлья.

ФУФАЙКИ КАЛЬСОНЫ

ТОНКІЯ — 85 к. **ЛЕГКІЯ 1 р. 15 к.**
СРЕДНІЯ 1 р. — **ПЛОТНЫЯ 1 р. 50 к.**
ПЛОТНЫЯ 1 р. 20 к. **ТОЛСТЫЯ 1 р. 75 к.**

Гг. иногороднимъ высылаются на сумму не менѣе 1 рубля. Цѣны безъ пересылки.

ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ БѢЛЪЯ.

С.-Петербургъ, № 5, Владимирская, № 5, близъ Графскаго.

Для мѣрки сдѣдуетъ указать: Ц. № 9710 (2)
Для кальсоны: объемъ вокругъ пояса (талин) и длину отъ пояса до подошвы.
Для фуфаекъ: объемъ вокругъ груди подъ мышками.
Дополнительный прейсъ-курантъ высылаются **БЕЗПЛАТНО.**

ПАВЕЛЬ БУРЕ В. № 9513 12—7
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23. Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ♦
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ. желтая вода для брюнетонъ.
Флаконтъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 512) (90)

К. Шликэizenъ, Берлинъ SO.
машинно-строительн. заводъ для кирпичн., торфаного, гончарнаго и известковаго производствъ, а также для изготовленія: всякаго рода черепицы, гончарныхъ трубъ различной длины, бегона, брикетовъ, огнеупорнаго кирпича, глиняныхъ и цементныхъ половыхъ плитъ и проч. (45)
Далѣе: мѣшалокъ и формовочныхъ машинъ для печныхъ, литейныхъ, красильныхъ, клеевыхъ, мыловаренныхъ заводовъ и заводовъ, изготовляющихъ изоляціонную массу.
Вальцы изъ твердаго чугуна разной величины и проч.

НИЖНІЯ ЮБКИ
Юбки колыгаго нуха—5 р.
Юбки атлас. стеган.—8 р.
Юбки шелк. черн. съ барх.—8 р.
Юбки сукон. разн. новост.—6 р. 50 к.
Высылаютъ Гг. иногородн. съ нал. пл.
Цѣны безъ пересылки. 2—2
С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, по Садов. лин., Я. С. Якобсонъ № 31.

КОНЧ. УНИВ. по физ.-мат. фак. съ дипл. 1 ст. лиц. постоянн. зан., согл. и контролср. Им. много автор. реком. С.-Петербургъ, В. О. 3 л., т. 16, кв. 1. Ш. № 9182 3—3

ШИТЬЯ
всѣхъ Министерствъ и Вѣдомствъ готовая и на заказъ собственной золотойшейной. Магазины „**МОРИСЪ**“ СІБ. Невскій 43—1, уголъ Троицкой.

АХРОМАТИЧ. БИНОКЛИ
„Малютка“ 5 р. с.
„Унионъ“ 7 р. с.
„СИЛОСВѢТЬ“
по 8 р., 10 р. и 12 р. с.
Перес. на счетъ покупателя.
„Силосвѣтъ“ лучшей бинокль нашего времени, преимущества его: 1) громаднѣе поле зрѣнія, 2) сильное приближеніе, 3) незначительное поглощеніе свѣта.
ОПТИКЪ Г. ШТРАУСЪ.
Новый адресъ: 27. Большая Морская. 27.
Сокращенные прейсъ-куранты безплатно.

ТОВАРИЩЕСТВО
 „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * СПбурге.

РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“
 ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ. Обращать вниманіе на клейма и фирму.

МУЗЫКА! ВСЯКАГО РОДА! МУЗЫКА!

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
 МОСКВА. ПЕТРОВКА.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
 Москва, Петровка, домъ Волкова.

Заказы исполняются по полученіи 1/3 стоимости наложеннымъ платежомъ.

Скрипки въ 2, 3, 5, 8, 10, 15, 25 р. и до 100 р.
 Смычки для нихъ въ 50, 75 к., 1, 2, 3 р. и до 25 р.
 1/2 и 3/4 скрипки въ 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10 и 15 р.
 Мандолины въ 8, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 р.,
 отъ 15 р. итальянской работы.

Цитры обмювовенія, концертныя и элегичныя въ 8, 15, 20, 30, 45, 60, 75 и 100 р.
 Цитра „Эрато“ съ 36 аккордами въ 18 и 25 р.
 „Эрато“ 48 40 руб.
 „Самоучитель къ нимъ“ 50 коп.

Норнетъ-а-пистоны въ 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 и 100 руб.
 Флейты отъ 2 руб. Кларнеты отъ 6 руб.
 Барабаны дѣтскіе, школьные, концертныя и военныя.
 Вальдгорны, Рожки, Бубны и Тарелки.
 Народныя цитры, на которыхъ въ теченіе 1 часа
 можно выучиться играть, 6 р. и 8 р.
 Песни къ нимъ 14 альбомовъ по 50 коп.

Самоиграющіе и механич. инструменты съ ручками.

Музыкальные ящики малые отъ 2 до 10 руб.
 „ „ средіе въ 16, 20, 30 и 40 р.
 „ „ большіе въ 50, 60, 70, и 90 р.
 Такіе же съ колокольчиками 90, 110 и 130 р.
 и съ перемѣн. вадами въ 150, 200 и 350 р.

„Симфоніоны“

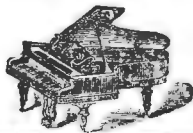
- № 1. Съ ручкой. 5 р. Песни по 25 к.
 - 9. Самоиграющій. 10 р. „ „ 25 к.
 - № 11. Самоиграющій 40-тонный 20 р. Песни по — р. 40 к.
 - „ 2. „ 60-тонный 28 р. Песни по — р. 50 к.
 - „ 6. „ 84-тонный 40 р. Песни по — р. 60 к.
 - „ 8. Sublime Harmonie 70 руб. Песни по — руб. 80 коп.
 - 12. Pécioso 100-тонный 100 руб. Песни по 1 руб. — коп.
 - 154. Вол. рѣз. изъщ. шкафъ съ 164 тон. 3 0 р. Песни по 3 р.
- Часы съ музыкой 200 руб. Песни по 1 рублю.

Механическія Піанино:

Лучшихъ русскихъ и заграничныхъ фабрикъ.

Рояли отъ 550 руб. до 1000 руб.
 Піанино отъ 350 руб. до 700 руб.

Исполненіе всѣхъ заказовъ **СКОРЕ**
 и **ДОБРОСОВѢСТНОЕ.**

Народныя цитры съ подкладными п-тами 8 руб.
 Подкладные листы съ 2-мя пѣснями по 30 коп.

Гитары:

въ 3, 5, 7, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 и 100 р.
 Гитары отъ 7 р. съ машинкой для струнъ.
 Школа для гитары Сырцова ч. I и II по 2 р. 50 к.
 Любаина ч. I по 1 руб.

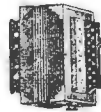
Балалайки въ 2, 3, 4, 7, 10 и 15 руб.

РУЧНЫЯ ГАРМОНИ

наилучшія въ настоящее время
„Прелестъ-Акордеоны“:
 Дамскія въ 5 р., обыкновен. размѣр. 8, 10 и 14 р.
 Двухрядныя въ 20 и 30 р. Трехрядныя 40 р.

Кремона-Акордеоны:

Однорядныя въ 8, 10 и 12 р. Двухрядныя 19 р.
 Гармони илѣются русскаго и нѣмецкаго строа.

- Аристонъ дѣтскій 6 р. Песни по — р. 20 к.
- Органъ Дольчина 10 р. Песни по — р. 25 к.
- Интона Органъ 10 руб. Песни по — р. 35 к.
- Серафинъ Органъ 14 р. Песни по — р. 35 к.
- Аристонъ большой 20 р. Песни по — р. 40 к.
- Герофонъ большой 25 р. Песни по — р. 50 к.
- Каллофонъ со стальными голосами 25 р. Песни по — р. 60 к.
- Каллистонъ со стальными голосами съ барабаномъ и колокольч. 40 р. Песни по — р. 75 коп.
- Орнестъ Манопанъ 35 руб. Песни по 1 руб.
- Піано Мелодия въ 70 и 75 р. Песни различной длины
- Тоже форма стола 90 руб. { Песни по — р. 60 коп.
- Тоже самоиграющее 225 р. { за одинъ метръ 60 коп.
- Піано Мелодия концертное 150 руб. { Песни за одинъ метръ 90 коп.
- Тоже самоиграющее 400 руб. {

Фисгармоніи.

Американской фабрики Стори и Кларкъ въ 180, 200, 250, 300, 400 и до 1000 руб.
 Нѣмецкія въ 90, 110, 130, 150, 200, 300 и 400 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ
 безплатно. Ц. № 9712 2—1

И. О. ЖИРКОВЪ ВЪ РЯЗАНИ.

Недорогія КНИГИ ДЛЯ ПОДАРОКОВЪ
 подрастающимъ читателямъ и читатель-
 нямъ:
 Н. А. Рубакинъ. Испытанія доктора
 Исаяки. Стар. былъ. Съ 4 рис. Ц. 25 к.
 В. Ламзій. Пастухъ. Разск. изъ дерев.
 жизни. Съ 4 рис. Ц. 25 к.
 Ив. Жирновъ. Въ горахъ безъ добра.
 Разск. пожит. человека. Съ 10 рис.
 Ц. 15 к.
 Его же. Спасибо отцу. Разсказъ. Съ 6
 рис. Ц. 25 к.
 С. Н. Бажина. Эпитимія. Быль. Съ 3
 рис. Ц. 15 к.
 Ф. О. Тютчевъ. Отаметилъ. Изъ вос-
 помин. создана. Съ 6 рис. Ц. 15 к.
 Его же. Сложился и мушкетеръ. Раз-
 сказъ. Съ 3 рис. Ц. 15 к.
 Его же. Райской Саватеевъ. Разсказъ.
 Съ 10 рис. Ц. 25 к.
 Его же. Одинъ день на полѣ сраженія.
 Разсказъ. Съ 5 рис. Ц. 15 к.
 Его же. Герои долга. Разск. изъ быта
 на границѣ. Съ 6 рис. Ц. 25 к.
 Ф. А. Желтовъ. Косы и золото. Дрени-
 сказаніе. Съ 6 рис. Ц. 15 к.
 А. П. Смирновъ. Мать. Разсказъ. Съ
 5 рис. Ц. 15 к.
 Н. Лукманова. Пріемъ. Разск. изъ
 жизни. Съ 3 рис. Ц. 15 к.
 С. Т. Семеновъ. Дичокъ. Разсказъ. Съ
 3 рис. Ц. 15 к.
 Избранныя русскія сказки. Книжка I,
 для маленькихъ дѣтей. Съ 35 рис.
 Ц. въ пакѣ 50 к.
 Тоже. Книжка II, для младшаго возр.
 Съ 36 рис. Ц. въ пакѣ 50 к.
 Тоже. Книжка III, для средн. возр. Съ
 21 рис. Ц. въ пакѣ 50 к.
 Всѣ книги напечатаны на лучшей ве-
 леновой бумагѣ. Рекомендуются въ осо-
 бенности для раздачи на школьныхъ и
 др. елкахъ, какъ вполне подходящіе
 подарки. Продаются во всѣхъ книжныхъ
 магазинахъ. Выписывающіе книги отъ
 издателя, И. О. ЖИРКОВА, въ РЯЗАНИ,
 при высылкѣ денегъ впередъ, за пере-
 сылку (простою бандеролью) не платятъ.
 На одинъ рубль и больше можно требо-
 вать съ наложеннымъ платежемъ. Гг.
 провинціальнымъ книгопродавцамъ, по-
 купающимъ за наличныя деньги, усил-
 ленная скидка.

ВЫИГРЫШ-

НЫЕ 1, 2 и 3 выигрываетъ
БАШКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,

59, Невскій, СПБ. 7—8

САМЫЕ МОДНЫЯ ДУХИ

- духи — ФІАЛКА АУСЛЭЭЭ — туалетное мыло.
- духи — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
- духи — ЭДЕЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
- духи — ЛАНДЫШЪ АУСЛЭЭЭ — туалетное мыло.

Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, пріидв. пост., Карлеруэ.

Можно получить:
 Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Вольеръ, Э. Брезилскаго, Р. Шасюльскаго, у Кон-
 стаantina Гершъ, Лимана и Рикса, А. Лянда, А. Энгельда. Въ Миснѣ: у гг. Мюръ
 и Меридиль, въ магазинѣ „А-ла-туалетъ“, у Г. Брунсъ, Л. Борхардъ, Р. Келеръ и К.
 Оскаръ Гетлингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9368 25—21
 Представитель для Петербурга: Д. Герке, 2, Максимилианскій пер.

В. Фреймутъ.

Москва, Никольская, д. гр. Ше-
 реметева, прот. Слав. Базара.

Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества
 и придворн. часовъ дѣль мастеровъ.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЯКАГО РОДА ЧАСОВЪ,

Ш. № 9824 собствен. и друг. фабр. (1)

Высылка наложеннымъ платежемъ. Полный прейсъ-курантъ безплатно.

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ съ естествен-
 нымъ методомъ
 лѣченія **Д-ра МАКСА ВѢМА.**

Dr. Max Böhm's Naturheilstalt, Bad Friedrichroda i Th.

Купанье ФРИДРИХРОДА въ Тюрингіи, 1.420 футовъ надъ уровнемъ моря, открыто
 круглый годъ. Прекрасно обставленное и пользующееся лучшимъ репутациою заведеніе для
 всѣхъ страдающихъ хроническими болѣзнями. Местоположеніе самое прекрасное въ
 Германіи. Проспекты высылаются безплатно. К. № 9070 21—19

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE
DENTIFRICES
 des RR. PP.

BÉNÉDICTINS
 DE
Abbaye de Soulac,
 Dom MAGUELONNE, Prieur.

Inventés en l'an **1373** par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
 Maison fondée en 1807.

VENTE DANS TOUTES
 LES BONNES PARFUMERIES,
 PHARMACIES ET DROGUERIES.

MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX
 Expos. Int'l. Lyon 1894
 HORS CONCOURS
 MEMBRE DU JURY
 Exp. Int'l. Bordeaux 1895.

EXIGER LA SIGNATURE
 du PRIEUR
 Dom Maguelonne
 de Soulac

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 49

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти ежем. книгъ „Сборника“, содерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1896

Выданъ 7 декабря 1896 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1897 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое паданіе „Нивы“ со всеми приложениями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содерж. собр. романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
На 1/4 года безъ дост.	1 р. 25 к.,	съ дост. въ СПб.	1 р. 75 к.,	съ перес. иногор.	1 р. 75 к.;	на 1/2 года безъ дост.	2 р. 50 к.,	съ дост. въ СПб.	3 р. 50 к.,
				съ перес. иногородн.	3 р. 50 коп.				

При семъ № прилагаются: Сочиненія Д. В. ГРИГОРОВИЧА, Т. XII (Сборникъ «Нивы» за Декабрь).

Судьба.

Повѣсть

И. Н. Потапенко.

Г.
Уже по кибиткѣ можно было узнать, кто пріѣхалъ.
Во всемъ уѣздѣ не было ни у кого такого экипажа,

какъ у скирдинскаго батюшки, о. Мартирія. Онъ из-
обрѣлъ его самъ и, передъ тѣмъ, какъ заказать, далъ
городскому кузнецу самыя точныя и подробныя указа-

Земной рай. Съ карт. Альма-Тадема, автотинія Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ.

ня; когда же произведение было готово, онъ нарекъ ему имя, которое какъ нельзя болѣе подходило къ нему. „Вотъ ужъ поистинѣ фантазмагорія!“ воскликнулъ онъ, любуясь своимъ созданиемъ. Да такъ съ тѣхъ поръ и осталось за нимъ это названіе, и всякій, завидѣвъ издали удивительную кибитку, восклицалъ: „А, вонъ фантазмагорія о. Мартирія ѣдетъ“.

Это былъ не длинный, но очень широкій и высокій ящикъ, выкрашенный въ цвѣтъ свѣжей малины. Надъ ящикомъ возвышался кожаный верхъ во всю его длину, съ маленькими окошечками по бокамъ и сзади. Влѣзть въ него надо было съ дышла, и это не представляло большихъ затрудненій, но зато, разъ понавши туда, уже трудно было выбраться, такъ какъ внутренность его представляла глубокую яму, устланную мягкой перinou и подушками.

Впрочемъ, въ кибиткѣ этой, со времени ея созданія въ городской кузницѣ, не ѣздили ни одинъ человѣкъ, кромѣ самого о. Мартирія да его кучера Терешки, ноги котораго болтались на воздухѣ, такъ что онъ ими свободно поощрялъ лошадей, вмѣсто кнута. Она была и заказана примѣнительно къ чрезвычайному росту и толщинѣ о. Мартирія, чѣмъ, вмѣстѣ взятое, давало его тѣлу слишкомъ много вѣса, а это обстоятельство во время продолжительныхъ путешествій изъ города въ Скирды заставляло его предпочитать горизонтальное положеніе всякому другому.

Такимъ образомъ, когда кибитка остановилась у воротъ малѣвскаго батюшки, о. Якова, всѣ тотчасъ же поняли, что пріѣхалъ скирдинскій попъ. Поняли это не только матушка, надрѣзывавшая въ это время вѣтви у кустовъ въ палисадникѣ, кухарка, изъ всѣхъ силъ старавшаяся поймать курицу для супа, кучеръ Андрей, несшій вязку сѣна въ конюшню, но и собаки, расположившіяся во всѣхъ углахъ двора, гдѣ только была тѣнь, — онѣ не шелохнулись и не издали ни звука.

Но несмотря на то, что о. Мартирій всегда былъ желаннымъ гостемъ у о. Якова, ни матушка, ни кухарка, ни кучеръ не оставили своихъ занятій и не двинулись съ мѣста, чтобы выразить какіе-нибудь признаки гостепримства, — и единственной причиной этого было устройство кибитки о. Мартирія.

О. Мартирій пріѣхалъ, это такъ. Но отъ этого момента до того, когда онъ появится во дворѣ, было еще далеко. Вѣдь ему надо еще выбраться изъ кибитки, а это дѣло не легкое. За это время матушка успѣетъ срѣзать десятка два сухихъ вѣтвей, Андрей — отнести въ конюшню и положить въ ясли сѣно, кухарка — поймать курицу, чтобы подать ее на обѣдъ самому же о. Мартирію, анкетить котораго давно уже вошелъ въ поговорку среди уѣзднаго духовенства.

Кибитка остановилась у палисадника. Терешка неторопливо спустилъ обѣ ноги на дышло, потомъ, упираясь одной рукой въ ящикъ экипажа, а другой — въ спину лошади, слѣзъ на землю, положилъ кнутъ, опустил поводья и привязалъ лошадей къ изгороди; затѣмъ опять подошелъ къ кибиткѣ, всунулъ голову подъ крышу и промолвилъ:

— Батюшка! о. Мартирій! пріѣхали!

Тогда въ кибиткѣ началось движеніе. О. Мартирій отогналъ отъ себя дорожную дремоту, потянулся, протеръ глаза и поднялся, а затѣмъ началъ вылѣзать при помощи Терешки. И вотъ, когда его гигантскія ноги, обутыя въ высокіе сапоги, выглянули на свѣтъ, собаки сочли своевременнымъ подняться со своихъ мѣстъ, лѣниво вытянулись и лѣниво же выйти за ворота, чтобы привѣтствовать гостя ласковымъ движеніемъ хвостовъ. Когда же изъ кибитки выдвинулась широкая спина о. Мартирія, и матушка подошла поближе и обратилась къ Терешкѣ съ шутливою рѣчью:

— Это ты медвѣдя, что ли, привезъ къ намъ, Те-

решка? а? Должно-быть, что такъ... Да нѣтъ, что-то не похоже... Эге-ге! (въ это время показалась голова съ черными растрепанными кудрями). Да это, кажись, духовное лицо! Такъ и есть. Здравствуйте, о. Мартирій!

Уже одинъ этотъ тонъ достаточно показываетъ, что съ о. Мартиріемъ здѣсь обращались запросто, по-пріятельски. Такъ оно и было, да иначе и быть не могло, такъ какъ матушка знала его еще семинаристомъ, когда онъ былъ и статень, и тонокъ, и благообразень, принимала участіе въ присканіи ему невѣсты, присутствовала на его свадьбѣ, а къ несчастью — скоро и на похоронахъ его жены, и на ея глазахъ о. Мартирій растолѣлъ съ горя до тѣхъ размѣровъ, какіе даже въ духовномъ сословіи считались чрезвычайными.

И, вылѣзая изъ кибитки, крихтя и обливаясь потомъ, о. Мартирій слышалъ ласково-шутливый голосъ матушки и улыбался себѣ въ усы. Когда же онъ, наконецъ, очутился на твердой землѣ, то первымъ дѣломъ приложился къ пухлой и мягкой рукѣ матушки, а потомъ издалъ глубокой вздохъ, въ которомъ выразилась вся тягота жизни непомѣрно толстаго человѣка.

— Пфу-у! Добраго здоровья, Марина Лукинична.

— Вы это изъ города?

— Изъ самага.

— Заснули, должно-быть, о. Мартирій?

— Да какъ же. Дорога, я вамъ скажу, такая, будто тебя за грѣхи въ адъ везутъ... Такъ тебя изъ стороны въ сторону и качаетъ; ну, и укачалось... А о. Яковъ дома?

— Хоронить поѣхалъ. Тутъ одинъ хуторянинъ, можетъ, знали, Семень Крыга, померъ... Да ужъ скоро, я думаю, вернется. Ну, пойдѣте же въ домъ, о. Мартирій. А ты, Терешка, заѣзжай во дворъ, да распряги лошадей, да сѣна имъ дай. У насъ сѣно свѣжее, только что накосили... Эй, Андрей, отвори ворота! Пойдѣте, о. Мартирій...

Матушка была высокаго роста и далеко не бѣдной комплекціи, но рядомъ съ о. Мартиріемъ, когда они шли черезъ дворъ къ крыльцу, она казалась тоненькой. Она спрашивала его о томъ, чѣмъ новаго въ городѣ, а о. Мартирій какъ-то загадочно не отвѣчалъ прямо на вопросъ, а неопредѣленно махалъ рукой и говорилъ:

— Э, что-жъ тамъ можетъ быть такого? Все стоитъ на старыхъ мѣстахъ. Ну, да погодите, все расскажу... Дайте духъ перевести.

И матушка чувствовала, что у него что-то есть, но болѣе не приставала къ нему съ разспросами. Есть вещи, которыя нельзя рассказывать такъ себѣ, зря. Онѣ теряютъ весь свой смыслъ, если говорятъ безъ соотвѣтствующей обстановки. А когда обстановка налицо, онѣ какъ бы сами себя рассказываютъ.

А что о. Мартирій заѣхалъ не проста, это было видно по всему. Говоря о надеждахъ на урожай въ Скирдахъ, онъ раза три освѣдомился о томъ, скоро ли пріѣдетъ о. Яковъ, — очевидно, для настоящаго разсказа необходимо было присутствіе о. Якова, — а когда они вошли въ домъ, то онъ, повидимому, безъ всякаго повода, спросилъ:

— Ну, что же, какъ вашъ молодецъ?.. Не женили его еще? а?

Матушка слегка удивилась.

— Зачѣмъ же этакъ-то торопиться, о. Мартирій? — промолвила она. — Нашему Васенькѣ всего только двѣнадцать годковъ...

— Гм!.. Оно, конечно... Ну, а все же того... Не мѣшало бы...

Матушка подумала: „не проста, не проста это... ужъ не приглядѣлъ ли онъ невѣсту?“

Но мимоходомъ она позаботилась объ устроении обстановки, шепнувъ горничной дѣвкѣ Аксюнкѣ нѣсколько словъ, результатомъ которыхъ было постепен-

ное появленіе на столѣ: скатерти, тарелокъ, вилокъ съ ножами, графинчика съ полынной настойкой, селедки, маслинъ, вяленаго рыба, холодной курицы, куска вчерашняго пирога и вообще всего того, что носить названіе „легкой закуски“.

— И зачѣмъ это вы беспокоитесь, матушка? — сказалъ о. Мартирій, — и совѣмъ этого не надо...

И при этомъ весьма доброжелательно посмотрѣлъ на вяленаго рыба, къ которому питалъ необычайную слабость.

— А ужъ это мое хозяйское дѣло, о. Мартирій! — возразила матушка такимъ тономъ, какъ будто не знала его слабости и хотѣла заставить его принести маленькую жертву и съѣсть рыба.

Сама же она, между тѣмъ, выглядывала въ окошко, съ нетерпѣніемъ поджидая о. Якова, такъ какъ была уже окончательно увѣрена, что у о. Мартирія „что-то есть“.

Въ раскрытое окно нахнула струя свѣжаго весенняго воздуха. О. Мартирій, испросивъ позволенія у хозяйки, снялъ рясу и разстегнувъ воротъ кафтана. Онъ развалился на диванѣ и наслаждался прохладой, которой, очевидно, не было въ глубинѣ кибитки. Послышался гулъ; къ воротамъ подѣхала мужицкая повозка, въ которой привезли съ хутора о. Якова и дьячка, но этотъ послѣдній, захвативъ съ собой узелъ съ облаченіемъ, тотчасъ пошелъ домой.

— А у насъ гости! — кликнула матушка въ окно.

— Да ужъ я вижу — фантазмагорія стоитъ!.. — смѣясь, отвѣтилъ батюшка. — Пошли-ка Аксию забрать хлѣбъ. И тутъ еще сыру овечьяго мнѣ пожертвовали. Вотъ и угостимъ о. Мартирія.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ о. Яковъ. Онъ былъ человѣкъ умѣреннаго сложенія и терялъ во всемъ не только передъ о. Мартиріемъ (передъ которымъ онъ казался какъ бы не существующимъ), но и передъ матушкой. Зато у него была славная борода, — длинная, широкая, сѣдая, придававшая ему видъ какого-то величія. Онъ былъ гораздо старше о. Мартирія, у котораго не было еще ни одной сѣдины.

— Ну, садитесь же за столъ, о. Мартирій! — сказала матушка послѣ того, какъ іереи поцѣловались и обмѣнялись словесными привѣтствіями. Она, со свойственной ей выдержкой, сохраняла видъ спокойствія, но въ душѣ у нея кипѣло желаніе поскорѣе узнать то „нѣчто“, которое о. Мартирій привезъ изъ города и хранилъ до пріѣзда о. Якова.

Такъ какъ обстановка на столѣ уже была полная, то о. Мартирій внявъ приглашенію матушки, поднялся, помолился на образа и сѣлъ за столъ.

— Экіе у васъ рыба удивительныя! — сказалъ онъ, закусывая послѣ водки рыбакомъ, — и откуда вы ихъ только достаете? — Потомъ онъ обратился къ хозяйнѣ: — Вамъ, о. Яковъ, кланяется о. благочинный... Онъ скоро будетъ у васъ...

— Что жъ, милости просимъ... У меня всегда все въ неправости... — отвѣтилъ о. Яковъ, понявъ это въ томъ смыслѣ, что благочинный желаетъ произвести у него ревизію.

— Нѣтъ, не о томъ... Тутъ совѣмъ другое...

„Ага, я такъ и думала!“ — промелькнуло въ головѣ матушки. А о. Мартирій, не желавшій всѣ интересныя вѣсти выложить сразу, продолжалъ цѣдить понемногу:

— Я къ нему заѣхалъ по дѣлу... У насъ, какъ вы знаете, съ о. Петромъ нелады идутъ... Ахъ, знаете, нѣтъ хуже, какъ два священника на одномъ приходѣ. Вотъ ужъ я вамъ завидую, о. Яковъ, что вы себѣ — одинъ...

— Такъ что же отецъ-то благочинный? — не выдержала матушка и спросила-таки.

— Да... такъ я, говорю, заѣхалъ по дѣлу. Ну, поговорили мы о своемъ, выпилъ я у него чаю и прочее...

Вотъ онъ мнѣ и говоритъ: — вы, говоритъ, будете у о. Якова? Я говорю: — не имѣлъ, говорю, въ виду, но, ежели надо, могу заѣхать. Мнѣ почти по дорогѣ, не большой крюкъ, говорю... Нѣтъ, матушка, вы прямо волшебница. Нигдѣ такого рыба не ѣдалъ, какъ у васъ... Ужъ вы меня научите, гдѣ доставать...

— Я вамъ, о. Мартирій, десяточекъ въ вашу фантазмагорію положу... — сказала матушка, какъ бы желая этой невинной взятой поощрить его къ болѣе краткому изложенію.

— Ну, зачѣмъ же вамъ беспокоиться?.. А впрочемъ — спасибо. Потому что рыба дѣйствительно того... необыкновенныя рыба... Да. Такъ я говорю: — заѣду къ о. Якову. — А что, говоритъ о. благочинный, не знаете, женили они своего сына?

— Женили? Василья? — съ удивленіемъ переспросилъ о. Яковъ. — Съ чего же это онъ? Василій совѣмъ еще дитя...

— Ну, какъ вамъ сказать... Оно, конечно... такъ нѣтъ это-жъ не я, а о. благочинный спросилъ. Я говорю: — каюсь, нѣтъ еще. — А онъ говоритъ: такъ вы скажите о. Якову, что ежели онъ сына поторопится женить, то изъ этого можетъ выйти благо...

— Благо, говорите? — съ большимъ участіемъ спросилъ о. Яковъ.

— Да, о. благочинный сказалъ такъ. Передайте, говоритъ, о. Якову, что черезъ двѣ недѣли преосвященный владыка путешествіе по епархіи совершать намѣревается, и еще вчерашняго дня меня къ себѣ призывалъ и спрашивалъ, — это то-есть о. благочиннаго. Я, говоритъ, желалъ бы въ Троицкомъ монастырѣ торжественное богослуженіе отправить и кого-нибудь въ санѣ рукоположить, такъ не имѣется ли кого достойнаго? О. благочинный просилъ времени подумать, а вамъ велѣлъ передать, что ежели-бы вашъ сынъ былъ женатъ, такъ онъ бы его владыкѣ къ дьяконскому сану представилъ...

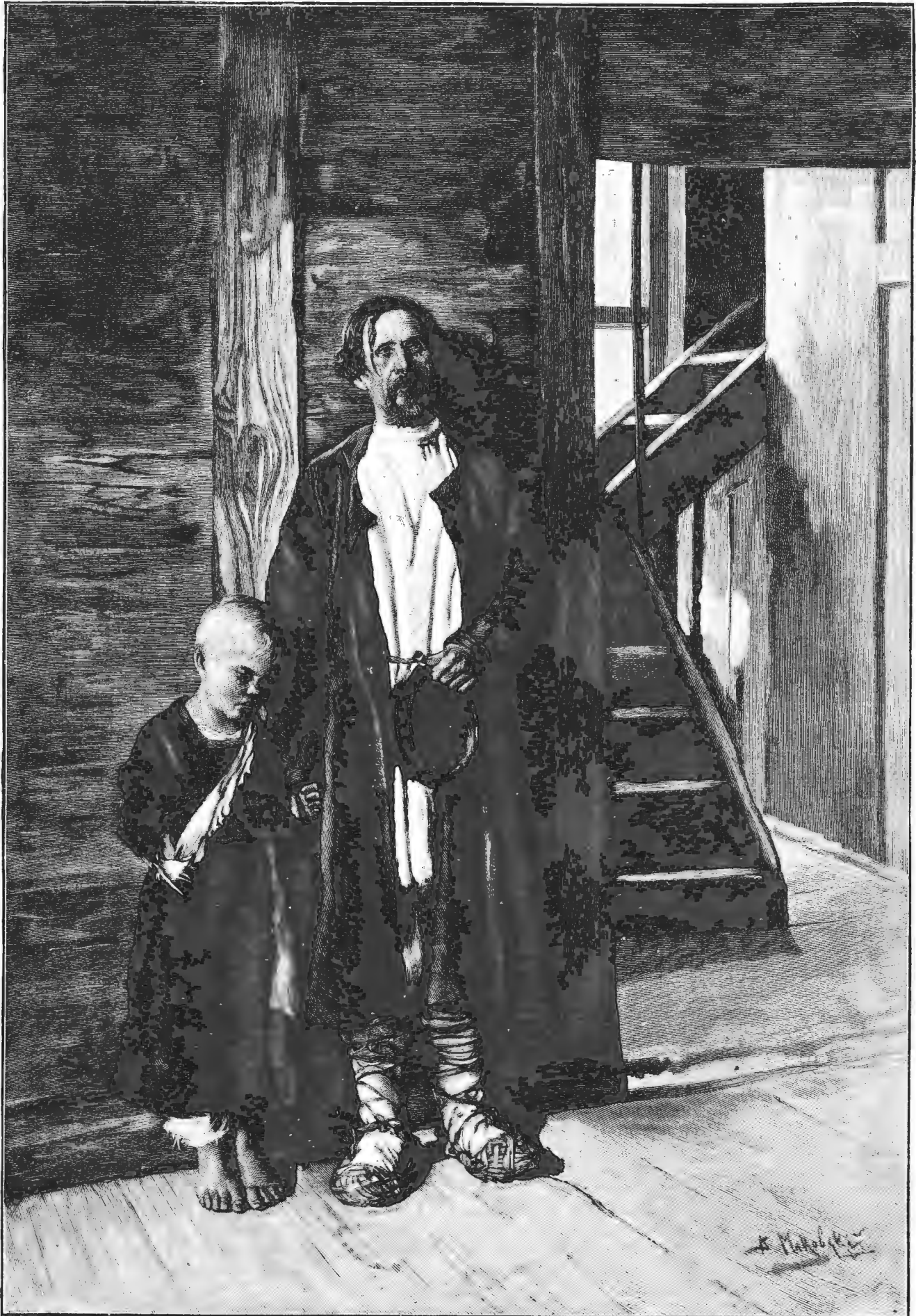
— Да что вы говорите? — воскликнула матушка, какъ бы не вѣря ни с. Мартирію, ни своимъ собственнымъ ушамъ.

— Я, матушка, за что купилъ, за то и продаю! — скромно отвѣтилъ о. Мартирій. — Какъ о. благочинный мнѣ сказалъ, такъ и вамъ говорю. О. благочинный къ о. Якову большое расположеніе имѣетъ; это, я думаю, вамъ безызвѣстно... И случай дѣйствительно рѣдкій. За вакансіей дѣло не станеть; хотя бы и у насъ въ Скирдахъ...

— Чего же лучше? — промолвила матушка. — Ты какъ полагаешь, о. Яковъ?

О. Яковъ до сихъ поръ молчалъ, потому что не былъ такъ экспансивенъ, какъ матушка. Сообщеніе о. Мартирія ему было такъ же пріятно, какъ и ей, но онъ ко всякому дѣлу прежде всего прилагалъ свой, избѣженный долгой жизнью, скептицизмъ. О. Мартирій, конечно, человѣкъ добрый и искренно расположенъ къ нему, но по части передачи извѣстій не особенно надеженъ. Голова его рѣдко бываетъ въ томъ состояніи, въ какомъ создалъ ее Богъ: большею частью онъ или слегка выпилъ, или слегка въ похмельѣ. Можно предположить, что, отираваясь къ о. благочинному, какъ къ начальству, онъ поудержался отъ возліаній, но нельзя быть въ этомъ увѣреннымъ. О. благочинный могъ говорить что-нибудь такое, наиримѣръ, высказывать желаніе послужить о. Якову или сожалѣніе по поводу того, что у него, о. Якова, такая неудача съ сыномъ, — ну, а о. Мартирій прибавилъ еще своего доброжелательства, безсознательно украсилъ не совѣмъ трезвой фантазіей, и вышло нѣчто очень пріятное. А то еще могло и такъ случиться: ѣхалъ о. Мартирій въ своей кибиткѣ, и ему все это приснилось.

Поэтому онъ и на вопросъ матушки отвѣтилъ очень осторожно:

„Христа ради“. Съ карт. В. Е. Маковскаго грав. Хелмицкій.

Геній и насиліе. Мраморная группа Годобскаго, грав. Геданъ.

— Ежели бы устами о. благочиннаго, какъ говорится, да медь бы пить... Что-то ужъ очень это хорошо, о. Мартирій.

— И я не говорю, что худо!— подтвердилъ о. Мартирій и затѣмъ, взглянувъ въ глаза о. Якова и прочитавъ въ нихъ сомнѣніе, онъ прибавилъ:— Вижу, вижу, о. Яковъ, ваши мысли... Вы думаете: ужъ не съ пьяныхъ ли глазъ это примерещилось о. Мартирію? а?

О. Яковъ смутился. Вѣдь, въ сущности, онъ почти такъ думалъ. Но надо было опровергнуть.

— Нѣтъ, не то, о. Мартирій... А какъ бы вамъ сказать... Очень ужъ это лестно выходить... какъ сонъ... Ну, и не вѣрится...

— Разсказывайте! Навѣрно такъ подумали. Только я вамъ скажу, о. Яковъ, не сомнѣвайтесь. Оно, дѣйствительно, бываетъ, что со мной иной разъ случается такое... не отрицаю. Но на сей разъ ничего такого не было... То-есть ни въ одномъ глазу. Истинно вамъ говорю это. И совѣтъ вамъ мой таковъ: вамъ къ о. благочинному самолично съѣздить и окончательно поговорить. А тамъ какъ хотите...

— А само собою съѣздить. Непремѣнно съѣзди, с. Яковъ!—воскликнула матушка.

Она ни на минуту не сомнѣвалась въ достовѣрности извѣстій о. Мартирія. Благо, которое, по его словамъ, предстояло ей сыну, ослѣпило ее.

Что же касается о. Якова, то онъ до конца выдержалъ свой характеръ и на всѣ совѣты о. Мартирія отвѣчалъ: „подумаю“, „оно, конечно“, „а все-таки сперва надо взвѣсить“, словомъ, велъ себя такимъ образомъ, что о. Мартирію показалось, будто дьяконство для своего сына онъ не считаетъ такимъ ужъ великимъ благомъ. И онъ слегка даже обидѣлся и заторопился ѣхать.

„Богъ знаетъ“,— думалъ онъ,— „считаешь, что припесешь человѣку великую радость, и большой крюкъ для этого дѣлаешь, а ему какъ будто все равно“.

Напрасно матушка оставляла его обѣдать,—онъ выдумалъ какую-то потребу, которая будто бы призвала его. Единственное, отъ чего онъ не могъ отказаться, несмотря на оскорбленную гордость, это отъ десятка рыбцовъ, которые прежде него полѣзли въ кибитку.

Впрочемъ, надо сказать, что, прощаясь съ хозяевами, о. Мартирій не обнаружилъ ни раздраженія, ни обидчивости. Онъ даже воспользовался минутнымъ отсутствіемъ о. Якова, подошелъ къ матушкѣ, съ которой у него были вообще болѣе довѣрчивыя отношенія, и чрезвычайно конфиденціально спросилъ:

— Ну, а ежели, въ случаѣ чего... невѣсту въ предметъ имѣете?

— Н-нѣтъ... Такъ, чтобы имѣть опредѣленно... Пѣтъ!— почему-то не очень увѣренно отвѣтила матушка.

— Такъ вотъ же вамъ: пріѣзжайте ко мнѣ въ Скирды, и мы тамъ поговоримъ. Только съ сыномъ Василемъ пріѣзжайте...

— Что же у васъ, о. Мартирій? Вы ужъ говорите прямо...

— Дьякона Порфирія Благоволенскаго помните? Лѣтъ восемь какъ померъ... Въ Скирдахъ служилъ. Такъ вотъ его дочка, Лизанька... Сиротка круглая, да это ничего... Сердце доброе, и изъ себя красива... Вотъ увидите. Хорошая пара будетъ... Спасибо мнѣ скажете...

Въ это время изъ кабинета вышелъ о. Яковъ и, шутя, замѣтилъ:

— А вы уже мою матушку исповѣдуете, о. Мартирій? Какіе тутъ у васъ секреты?

Но о. Мартирій, послѣ того какъ усомнились въ достовѣрности его извѣстій и недостаточно оцѣнили сдѣланный имъ изъ дружбы большой крюкъ, не довѣрялъ о. Якову. Поэтому онъ сказалъ:

— Нѣтъ, это мы такъ... Насчетъ рыбцовъ секретничаемъ...

А матушка, какъ бы молчаливо присоединившись къ заговору, ничего не возразила.

И о. Мартирій забрался въ свою фантазмагорію и уѣхалъ.

II.

Когда кибитка, проѣхавъ сотни двѣ шаговъ, повернула направо и скрылась за угломъ дома, матушка посмотрѣла на о. Якова и воскликнула дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Охъ, даже не вѣрится!

— То-то и оно, что не вѣрится...— съ чрезвычайной серьезностью отвѣтилъ о. Яковъ.— Ежели-бъ о. благочинный хотѣлъ передать такое дѣло, то не о. Мартирія выбралъ бы... О. Мартирій хорошій человѣкъ, но слабъ... Вотъ оно что...

— Какъ же мы будемъ, о. Яковъ?

— Да ничего не подѣлаешь. Надо ѣхать въ городъ... Вели запрягать...

— А надо... Кто-жъ его знаетъ? А вдругъ и въ самомъ дѣлѣ...

— Не вѣрится, не вѣрится... Ну, а все же, — какъ бы самъ съ собой размышляя, говорилъ о. Яковъ. — Ежели бы такое счастье, чтобы Василья въ люди опредѣлить, такъ ужъ не знаю... чего бы я только ни сдѣлалъ... А ты вотъ что, матушка, вели запрягать, да не забудь положить въ бричку для о. благочиннаго гостинца, ужъ ты лучше знаешь тамъ, чего... Что-жъ! Почему бы и не такъ? На преосвященнаго владыку иногда такое благорасположеніе находить... А о. благочинный въ большомъ довѣрїи у него... Ну, и къ намъ хорошъ. Почему же бы и не такъ? Богъ наказалъ насъ Василемъ, ну, а теперь, можетъ, и помиловать захочетъ...

Матушка не теряла времени и тотчасъ же велѣла Андрею запрягать, сама же отправилась въ погребъ, пригласила туда кухарку и тамъ устроила съ нею маленькій хозяйственный совѣтъ. Затѣмъ произошло извлеченіе изряднаго куска свѣжаго творогу изъ-подъ деревяннаго круга, придавленнаго тяжелымъ камнемъ, свѣтло-желтаго майскаго масла изъ огромной макутры и цѣлага окорока, мирно висѣвшаго у потолка. Въ то же время Аксинья усиѣла изловить индюшку, безжалостно лишить ее жизни, облить затѣмъ киняткомъ, снять съ нея перья и вообще придать ей настолько благообразный видъ, чтобы ей не стыдно было появиться въ домѣ о. благочиннаго. Все это было заключено въ рогожу и уложено въ ящикъ, въ задней части брички, когда Андрей подкатилъ на ней къ крыльцу.

О. Яковъ вышелъ въ ясѣ и въ черной поярковой шляпѣ, а въ рукахъ вынесъ высокую круглую жестяную коробку, въ которой заключалась бархатная камиллава. Этотъ головной уборъ онъ оберегалъ отъ пыли и потому рѣшилъ надѣть его только при въѣздѣ въ городъ. На прощанье онъ сказалъ матушкѣ:

— Только, ради Бога, ничего ты не говори Василью... Знаешь, можетъ, все еще окончится пуфомъ... Зачѣмъ смущать его душу? Ужъ ты удержи свой языкъ.

— Ну, что ты, о. Яковъ? Съ чего бы это я стала? Неужели я не знаю?—отвѣтила матушка.

Но едва бричка выѣхала со двора, какъ матушка почувствовала неотразимую потребность дать такой или иной ходъ дѣлу. Если о. Мартирій немного и пріукрасилъ, то все же что-нибудь было. Ну, можетъ-быть, благочинный только намекнулъ, такъ ужъ о. Яковъ до чего-нибудь договорится. А сидѣтъ вотъ такъ и ждать его возвращенія изъ города, и ничего не предпринять,—это было свыше ея силъ.

И первое ея душевное движеніе клонилось къ тому, чтобы нарушить завѣтъ о. Якова.

— Послушай, Аксинья, ты не видала паньча?—спросила она у горничной.

— А гдѣ-жъ мнѣ ихъ видѣть?— отвѣтила Аксинья, въ языкѣ которой вообще не существовало ни „да“, ни „нѣтъ“, а замѣнялись они какими-то полувопросительными отрицаніями и утвержденіями.

— Гм!.. Куда-жъ онъ дѣвался?

— Да должно-быть не на току ли они, въ соломахъ спать... Гдѣ же имъ больше быть?..

Это было правдоподобно. Солома на току или, въ послѣдніе дни, свѣжее, еще даже не утратившее зеленого цвѣта, сѣно — были постояннымъ ложемъ единственнаго сына о. Якова и матушки, того самаго сына, посредствомъ котораго, по словамъ о. Якова, Богъ наказалъ ихъ, и посредствомъ него же теперь хотѣлъ ихъ помиловать.

Онъ полюбилъ это мѣсто съ перваго же дня послѣ своего прибытія изъ семинаріи, гдѣ пришли къ заключенію о его окончательной неспособности воспринимать науки. Это было прошлымъ лѣтомъ. Тогда на току стояли скирды хлѣба и соломы, и шла молотба. Василій находилъ звукъ цѣповъ весьма мелодичнымъ и, зарывшись въ солому съ головой, засыпалъ подъ эти звуки, какъ будто они были волшебной музыкой. Когда наступила зима, ему пришлось отказаться отъ этого блаженства и замѣнить лоно природы крѣпко нагрѣтой лежанкой, а музыку цѣповъ—мурлыканьемъ жирнаго матушкина кота. Впрочемъ, суть дѣла не измѣнялась, и здѣсь ему спалось такъ же хорошо, какъ и въ соломахъ, подъ жаркими лучами лѣтняго солнца. Но вотъ пришла весна, лучи солнца опять сдѣлались теплыми, на току появился стогъ новаго сѣна, и Василій снова переселился, какъ онъ говорилъ, на дачу. Никогда ни въ одномъ положеніи онъ не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ въ этомъ. Казалось, что за пять лѣтъ семинарской жизни, не принесшей никакихъ плодовъ, онъ ни разу не выспался какъ слѣдуетъ и теперь хотѣлъ это наверстать. Казалось также, что ничто изъ окружающаго міра его не заботило; жизнь какъ бы проходила мимо него, не задѣвъ его вовсе. Онъ смотрѣлъ на все своими спокойными, какъ бы застывшими въ одной думѣ, глазами, и ничто его не волновало: ни постоянные укоры со стороны о. Якова за то, что онъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ и не захотѣлъ учиться, ни молчаливые, исполненные любви и жалости, взгляды матушки, ни сочувственныя киванья головой знакомыхъ, словомъ — рѣшительно ничто.

Матушка въ глубинѣ души чувствовала, что нарушаетъ завѣтъ о. Якова, и потому всѣ ея дальнѣйшія дѣйствія въ этотъ день имѣли видъ тайны. Казалось бы, было очень простымъ дѣломъ послать ту же самую Аксюшу на токъ, чтобы разбудить Василья. Но у нея было такое ощущеніе, что въ такомъ случаѣ она какъ бы и Аксюшу посвятить въ тайну, и она предпочла обойтись безъ ея услугъ.

Надо было пройти черезъ довольно обширный дворъ, миновать сарай и конюшню. Пріотворивъ дощатыя ворота, матушка устроила для себя небольшую щель и пролѣзла въ нее съ нѣкоторымъ усиленіемъ.

Отъ прошлогодней соломы остался только небольшой холмикъ. Круглый токъ (гумно) слегка поросъ молодымъ бурьяномъ. Неподалеку отъ него стояла пришедшая въ негодность повозка съ однимъ колесомъ, со свалившимся на сторону ящикомъ. Все это вмѣстѣ могло бы представить довольно печальный видъ, если бы изъ-за повозки весело и молодо не выглядывалъ жирный коренастый стогъ свѣжаго зеленого сѣна, отъ котораго еще вѣяло ароматомъ поля, если бы надо всѣмъ этимъ по блѣдно-голубому небу не плыло яркое весеннее солнце, щедро разливавшее по землѣ тепло и свѣтъ.

Вокругъ стога было разсыпано много сѣна, — оче-

видно, былъ урожай, и имъ не дорожили. Матушка обогнула стогъ и пошла къ тому мѣсту, гдѣ отъ него падала короткая тѣнь. Тутъ, вытянувшись во весь ростъ, лежалъ на синѣй дѣтина. Голова его уже вышла изъ предѣловъ тѣни, и лицо было предоставлено въ полное распоряженіе мухамъ, — но сонъ его былъ такъ сладокъ, что спящій этого не замѣчалъ.

Матушка остановилась и съ улыбкой посмотрѣла на свое дѣтище. Хотя она и раздѣляла мнѣніе о. Якова, что посредствомъ Василья ихъ наказалъ Богъ, тѣмъ не менѣе смотрѣла на него съ безконечной нѣжностью. Даже въ качествѣ Божія наказанія и при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, Васенька былъ для нея самымъ дорогимъ существомъ на свѣтѣ, и—надо сознаться!—самъ о. Яковъ — увь! — стоялъ въ ея сердцѣ вторымъ номеромъ послѣ него.

Василій обладалъ большимъ ростомъ матушки, и лицо его носило на себѣ всѣ ея черты. Тѣ же большіе сѣрые глаза, только не надѣленные такой подвижностью и той пронизательностью, которая дается лишь жизненнымъ опытомъ; тѣ же густыя темныя брови, ровный, немного большіе, чѣмъ слѣдуетъ, широкій носъ, красиво очерченный ротъ; въ общемъ Василій былъ красивъ и хорошо сложенъ, только держался мѣшкомъ и все смотрѣлъ куда-то въ сторону. Усы у него еще только собирались расти, а на подбородкѣ и щекахъ пробивалась негустая свѣтлая бородка. Зато голова его была украшена чудными русыми кудрями, а на щекахъ, нагрѣтыхъ солнцемъ, игралъ яркій румянецъ.

— Вася, Василій! — осторожно, чтобы не испугать его, кликнула матушка, по тогъ, разумѣется, не откликнулся. Она повторила погромче, но, въ концѣ концовъ, пришла къ заключенію, что его надо растолкать. Тогда она наклонилась къ нему, протянула руку, протгнала съ его лица мухъ и погладила его кудри.

Василій открылъ глаза, но солнечные лучи заставили его тотчасъ же закрыть ихъ. Когда глаза открылись вторично, то выразили крайнее недоумѣніе по поводу того, что кому-то понадобилось нарушать его покой, и что, слѣдовательно, кто-то можетъ имѣть въ немъ какую-то надобность. Это было странно. Когда, около года назадъ, онъ вернулся изъ семинаріи въ качествѣ неспособнаго къ ученію юноши, о. Яковъ предпринялъ рядъ попытокъ, чтобы приставить его къ какому-нибудь дѣлу. Пробовалъ Василій учить дѣтей, но оказалось, что онъ рѣшительно не умѣетъ передать имъ тѣ немногія знанія, которыя у него были; недѣли три онъ сидѣлъ въ городѣ въ какой-то канцеляріи, надъ бумагами, но, переписывая ихъ, онъ не видѣлъ строчекъ, хотя и смотрѣлъ на нихъ, а мысли его витали гдѣ-то въ безпредметномъ пространствѣ, и отъ этого онъ пропускалъ не только буквы, слова и слова, но цѣлыя строчки, цѣлыя страницы. Разумѣется, его оттуда взяли и посадили дома за переписку метрическихъ книгъ. Но тутъ ужъ произошло нѣчто невозможное: родившіеся тотчасъ умерли, умершіе были обвѣнчаны, а надъ вступившими въ бракъ былъ совершенъ обрядъ погребенія. Все перепуталъ Василій.

— Нѣтъ,—сказалъ о. Яковъ, — ничего изъ тебя не выйдетъ. Одна только скорбь! — И предоставилъ Василья самому себѣ. Съ тѣхъ поръ его не беспокоили, и Василій привыкъ къ мысли, что онъ существо, никому и ни на что не нужное, рожденное на свѣтъ какъ-то по ошибкѣ, вмѣсто кого-то другого. И онъ бродилъ по полямъ, голова его была полна неопредѣленныхъ мечтаній,—о чемъ? этого онъ ни за что не смогъ бы опредѣлить, — о чемъ-то лучшемъ, чѣмъ ученіе въ семинаріи, чѣмъ учительство въ школѣ, переписка бумагъ въ канцеляріи, и вообще — чѣмъ его земное существованіе. А когда ему это надоѣдало, онъ зарывался въ солому или на печку, смотря по времени года, и спалъ.

— Будетъ тебѣ спать, Вася!—промолвила матушка.— Все ты спишь, да спишь...

— Это вы, мамаша? — спросилъ Василій, поднявъ голову и сину, но оставаясь на сѣнѣ съ протянутыми ногами.— А что? развѣ что-нибудь такое? а?—Онъ протираетъ глаза и, съ просонковъ, выражался еще не совсемъ ясно.

— Да нѣтъ, ничего такого... Пріѣзжалъ о. Мартирій...

— О. Мартирій? Гм!.. Ну, такъ что-жъ? Уѣхалъ?— молвилъ Василій, которому это, впрочемъ, было рѣшительно все равно.

— Уѣхалъ... И знаешь, что онъ сказалъ? Вамъ, говорить, пора вашего Васеньку женить... И не то чтобы шутить, а серьезно...

— Женить? Зачѣмъ же это?

— А видишь... — Матушка тоже сѣла на сѣнѣ и придвинулась къ нему ближе. — Видишь, это онъ не отъ себя, а отъ о. благочиннаго. Архіерей по епархіи будетъ ѣздить и хочетъ въ Троицкомъ монастырѣ кого-нибудь посвятить... Такъ о. благочинный и велѣлъ сказать о. Якову, что если-бъ тебя женили, такъ онъ тебя къ дьяконству представилъ бы...

— Къ дьяконству? — переспросилъ Василій. — Отчего жъ меня? развѣ мало народу для этого?

— Народу-то найдется, сколько угодно желающихъ, а только о. благочинный хочетъ намъ приятное сдѣлать... Что-жъ, Васенька, это дѣло хорошее... И о. Мартирій говоритъ, что у нихъ въ Скирдахъ ваканція есть... Оно близко... А что ты молодецъ, такъ это даже хорошо: грѣха меньше. Я вотъ думаю насчетъ невѣсты. Есть одна на примѣтѣ, да только не знаю, какъ ты...

— А, уже есть?—спросилъ Василій.

— Да, былъ разговоръ... Только что она простая, необразованная... Да зачѣмъ тебѣ образованность? А дѣвица красивая, и хорошее приданое можно взять... Гончаря на хуторахъ знаешь?

— Мотря?

— Ну, да. Его дочка. Она пойдетъ съ удовольствіемъ. Гончарь — мужикъ богатый. У него одной земли сто десятиць, а садъ какой! Мельница есть... А дочка-то у него одна... Какъ ты думаешь?

— Мнѣ все равно, мамаша... Какъ хотите, такъ и сдѣлаю...

— Вотъ и хорошо... А то о. Мартирій говоритъ, что у него на примѣтѣ сиротка есть, покойнаго Благоволенскаго дочка... Лизанька... Ну, что-жъ? У нея за душой ничего. На что такую брать? По крайности, жена въ домъ готовое хозяйство принесетъ... А ты все-таки подумай надъ этимъ. Васенька... О. Яковъ поѣхалъ въ городъ къ благочинному по этому самому дѣлу... Такъ пораздумай себѣ, а я схожу къ Марьѣ Дмитріевнѣ. Дѣло есть...

Матушка поднялась и пошла въ домъ. Она узнала то, что ей было надо. Женить Васеньку на дочери богатаго Гончаря—эта мысль давно не давала ей покою. Гончарь къ нимъ ѣздилъ часто и всегда привозилъ съ собой либо мѣшокъ жита, либо мѣру яблокъ или другихъ плодовъ, либо свѣжей, только что пойманной рыбы... Мужикъ онъ былъ тороватый, разговорчивый, любившій выинить, но никогда не допускавшій свою голову до одуренія. У него тоже давненько уже копошилась въ головѣ честолюбивая мечта выдать дочку за поповскаго сына и сдѣлаться родней батюшкѣ, и этими одинаковыми мыслями они нерѣдко обмѣни-

вались съ матушкой, высказывая ихъ, однакожъ, точайшими намеками. Гончарь, напримѣръ, говорилъ: — Э, что грѣши! Грѣши — прахъ. Я не знаю... Кажись, все свои грѣши отдалъ бы за то, чтобы у меня была почтенная родня. Говорю вамъ, матушка, грѣши мнѣ даже не радость. Что грѣши, когда ты есть мужикъ, и дѣти твои мужиками будутъ, мужиками и помрутъ?

А матушка отвѣчала ему:

— Нѣтъ, этого не говорите, Кондратъ Терентьичъ. Вы даже очень можете возвыситься. Съ такимъ человекомъ, какъ вы, всякому приятно родство имѣть... Что-жъ званіе? Вотъ у насъ, примѣрно, званіе,—а все же сына въ люди никакъ вывести не можемъ... Средства наши малыя. Ежели бы со средствами, конечно, многого можно бы добиться...

— Это вы опять же насчетъ грѣшей? Хе! Да я бы отвалилъ ихъ, сколько надобно, и не поморщился бы...

Посторопный человекъ, пожалуй, подумалъ бы, что они разговариваютъ такъ себѣ, чтобы время провести, но Гончарь и матушка отлично понимали другъ друга и знали, что говорятъ не на вѣтеръ. Ну, а теперь пришло время заговорить объ этомъ ужъ прямо, и съ этою-то цѣлью матушка пошла къ Марьѣ Дмитріевнѣ.

Марья Дмитріевна была просто — Марья Дмитріевна, у нея не было другого прозванія. По всей вѣроятности, въ свое время оно было, но потомъ утратилось. Есть люди очень извѣстные, всякій уличный мальчишка знаетъ, гдѣ они живутъ, куда ходятъ въ гости, кто къ нимъ ходитъ, когда и что они ѣдятъ, когда спать ложатся, — но никому неизвѣстно съ достовѣрностью, кто они такіе. Марья Дмитріевна когда-то была ключницей у мѣстныхъ пановъ, когда они еще были панами и владѣльцами Малѣвки. Но это давно уже кончилось, паны разорились, утратили Малѣвку и разошлись по бѣдному свѣту, и отъ былого величія ихъ уцѣлѣла чуть ли не одна только Марья Дмитріевна. Жила она „своими средствами“, то-есть ничего не дѣлая, если не считать кормленія куръ, голубей, гусей и прочей домашней птицы. Въ селѣ былъ у нея домишко, и все знали, что она—вдова; но когда она стала вдовой и кто былъ ея мужъ,—этого никто не зналъ, потому что вдовство она принесла съ собой въ Малѣвку.

Но такъ какъ Марья Дмитріевна ничего не дѣлала и по воскресеньямъ ходила въ церковь въ дамской шляпкѣ съ длинными лентами, то она естественно причислялась къ деревенской аристократіи. Съ другой стороны, такъ какъ матушка была приблизительно въ такомъ же положеніи, съ той только разницей, что носила шляпку безъ лентъ, — то между ними была дружба. Марья Дмитріевна сочувствовала всѣмъ начинаніямъ матушки и, разумеется, давно была освѣдомлена насчетъ ея надеждъ на Гончаря, и, конечно, матушка не могла доставить ей большаго удовольствія, какъ сообщить ей о томъ, что настало время надеждамъ перейти въ дѣйствительность. Мы не будемъ рассказывать, какъ произошло это свиданіе, потому что, во-первыхъ, оно произошло при закрытыхъ дверяхъ и съ соблюденіемъ строгой тайны, а во-вторыхъ — мы еще встрѣтимся съ Марьей Дмитріевной. Укажемъ только на послѣдствія: Марья Дмитріевна сѣла въ повозку (у нея были собственная повозка и лошадь) и поѣхала на хутора, сколько можно догадываться — къ Кондрату Гончарю.

(Продолженіе будетъ.)

Подпоручикъ „Машенька“.

Изъ воспоминаній стараго армейца.

В. А. Дов—ло.

(Продолженіе.)

II.

Огненное крещеніе.

Первые шаги на пути службы были для Загорскаго очень

удачны. Какъ командиръ полка, такъ и непосредственный начальникъ его и остальные офицеры-сослуживцы полюбили своего новаго однополчанина. Были, правда, исключенія, въ

Протодіаконъ. Съ карт. И. Е. Рѣпина грав. Мульгановскій.

родѣ прапорщика Смирнова, повидимому, съ перваго же знакомства не особенно симпатизировавшаго Загорскому, но это исключение являлось чуть ли не единичнымъ. Старый прапорщикъ, прослѣдшій въ этомъ чинѣ чуть не шесть лѣтъ, въ сама естественна, не могъ дружелюбно относиться къ младшимъ его лѣтамъ офицерамъ, прибывавшимъ въ полкъ по выпуску изъ военныхъ училищъ подпоручиками и такимъ образомъ садившимся, такъ сказать, ему „на шею“, т.-е. отдавшимъ такимъ образомъ производство въ слѣдующій чинъ. Но и это недружелюбие, при общей симпатии остальныхъ офицеровъ, выразилось лишь въ томъ, что названіе „Машенька“, которымъ подарилъ Смирновъ юнаго Загорскаго при самомъ прибытіи послѣдняго въ полкъ, распространившись между офицерами, такъ и осталось за застѣпчивымъ юношей. Сначала въ разговорахъ между собою, а затѣмъ, съ теченіемъ времени, и въ пріятельскомъ обращеніи съ юношей, офицерская молодежь иначе и не называла своего красавца-товарища, какъ „Машенькой“.

Въ самомъ дѣлѣ, паружность нашего юнаго героя вполне оправдывала эту кличку: тоненькій, немого выше средняго роста, съ бѣленькимъ пѣжкимъ личкомъ, большими голубыми глазами, обильными густыми рѣсницами, съ пуновыми мшистыми губками, надъ которыми не видно даже было признаковъ будущаго усевъ, юный Загорскій могъ служить для художника моделью головки Греза, — только мягкая, шелковистая, непыльшатаго цвѣта шевелюра, выстриженная подъ гребенку, наружала отчасти общее впечатлѣніе; наконецъ постоянная застѣпчивость въ разговорѣ, женственные манеры и маленькія, бѣлыя, пѣжныя руки, — все это невольно могло вызвать сужденіе объ юншѣ, какъ объ избалованномъ и извѣженномъ подъ вліяніемъ женскаго воспитанія барчонкѣ.

Первое время Загорскаго дашага ему кличка конфузила, даже сердна и вызывала съ его стороны порою рѣзкія возраженія, но затѣмъ онъ какъ бы примирился съ этимъ, привыкъ, какъ привыкають ко всему въ товарищеской средѣ, и тѣмъ яче въ военной, гдѣ общество тѣснѣ сплочено и живеть какъ бы одной семьей.

Что касается подчиненныхъ Загорскому солдатъ, то тѣ, хотя по долгу подчиненности и не могли вѣдуть высказывать своихъ взглядовъ на начальство, но въ интимныхъ бесѣдахъ между собою называли молодого поручика не иначе, какъ „красной дѣвушкой“. На губахъ же старшихъ усачей-ундеровъ не разъ можно было замѣтить снисходительно-благодущную улыбку, когда они слушали команднаго слова, произносимаго мягкимъ сонрано полуротнаго. Въ общемъ же ласковое обращеніе въ короткое время снискали Загорскому общее къ нему расположеніе вѣсѣхъ нижнихъ чиновъ третьей стрѣлковой роты.

Не сблизаясь особенно съ обществомъ офицеровъ, герой нашъ въ то же время никого не чуждался; особенно же дружелюбно онъ относился лишь къ Деханову и Рачинскому, пріобрѣтшимъ его симпатіи съ первой минуты.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ, втянувшись въ обычную колею лагерной походной жизни, Загорскій, незамѣтно для самого себя, успѣлъ внонѣ освоиться со всеми мелочами вынавшей на его долю дѣятельности.

Въ описываемое время N—скій пѣхотный полкъ входилъ въ составъ тѣхъ войскъ, предназначенныхъ къ обложенію Плевны, которыя занимали позицію отъ деревни Демиркюй до деревни Дольній-Петрополь, упралась лѣвымъ флангомъ въ рѣку Видъ, съ цѣлью войти въ связь съ румынскими войсками, расположенными на правомъ берегу означенной рѣки.

Служба, вынавшая на долю N—скаго полка, заключалась почти исключительно въ постройкѣ сожнутого укрѣпленія при деревнѣ Биволарѣ (Суеурлу), затѣмъ въ очередномъ занятіи лагерныхъ карауловъ, какъ внутреннихъ, такъ и главнаго, впереди первой линіи обложенія, и, кромѣ того, въ чистоту домашнихъ работахъ, какъ, напримѣръ, назначеніе командъ на рубку дровъ для топчиза и т. п. хозяйственныхъ надобности.

Загорскій за это короткое время успѣлъ побывать уже и въ караулахъ, и на работахъ по возведенію укрѣпленія, и вотъ, однажды, приказаніемъ, отданнымъ по полку, онъ былъ назначенъ съ командою отъ своей роты на рубку дровъ въ расположенной верстахъ въ двухъ отъ бивуака рощѣ, между деревнями Биволаръ и Демиркюй.

Подобная командировка считалась тогда сопряженными съ большими опасностями, нежели всевозможная караульная служба, ибо турки съ Плевненскихъ высотъ зорко наблюдали за всѣмъ, даже самой ничтожной партией солдатъ, отдѣлявшихся отъ своихъ частей на болѣе или менѣе значительное разстояніе. Замѣтивъ такую отлучившуюся команду, турецкіе передовые посты посылали, въ свою очередь, партіи въ соотвѣтственномъ и даже большемъ количествѣ людей, чтобы воспрепятствовать всѣмъ работамъ, предпринимаемымъ русскими войсками.

— Вы, Дмитрій Львовичъ, первый разъ идете въ подобную экскурсію, а поэтому я считая долгомъ порекомендовать вамъ принять всевозможныя предосторожности, — наставительно говорилъ Рачинскій вечеромъ, по полученіи приказовъ по полку, сидя съ Загорскимъ за стаканомъ чаю въ палаткѣ. — Во-пер-

выхъ, имѣйте въ виду, что съ вами пойдетъ полурота съ шапцевымъ инструментомъ; изъ числа этихъ людей въ половину, т. е. однихъ взводъ, назначите на рубку, а отъ другой половины, по прибытіи на мѣсто, пошлите полувзводъ въ цѣнь, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы звенья могли расположиться вокругъ всего мѣста, предназначаемаго для рубки. Кромѣ того, пошлите по два человека впередъ и по сторонамъ на сравнительно значительное разстояніе, приказавъ имъ зорко смотрѣть за малѣйшимъ движеніемъ со стороны непріятели, чтобы они своевременно могли дать вамъ знать. Если вы замѣтите, что посланная помѣщать рубку команда турокъ значительно превышаетъ число вашихъ людей, то прикажите пріостановить работы и, собравъ людей, отступайте къ лагерю, отступивъ, но двигайтесь никакъ не колонной, а цѣнью. Вы понимаете меня?

— Отлично понимаю, Ромуальдъ Владиславовичъ, и постараюсь запомнить всякое слово! — отвѣчалъ Загорскій.

— Вотъ и прекрасно... Во всякомъ случаѣ, съ вами пойдутъ уже опытные въ подобныхъ командировкахъ взводные унтеръ-офицеры Красновъ и Архиповъ, и вы можете внонѣ положиться на ихъ указанія.

— Очень вамъ благодаренъ, Ромуальдъ Владиславовичъ!.. Мнѣ очень лестно это названіе, какъ дающее мнѣ возможность впервые проявить самостоятельную дѣятельность!

— Ну-съ, такъ дай же Богъ, чтобы прошло для васъ внонѣ благополучно... Лавровъ особенныхъ не стяжаете, но опытность извѣстнаго рода пріобрѣсти можете... А это для васъ будетъ далеко не лишнимъ. Главное, не горячитесь, старайтесь быть сдержаннымъ и... не пренебрегайте совѣтами и указаніями вашихъ взводныхъ, — добавилъ, улыбаясь и пожимая руку юноши, Рачинскій.

— Постараюсь буквально слѣдовать вашимъ совѣтамъ.

— И прекрасно, въ накладѣ, повѣрьте, не будете. А теперь ложитесь спать; завтра съ разсвѣтомъ вамъ придется выступать... Уже десять часовъ. Ложитесь-ка!..

Едва началъ брезжить разсвѣтъ, какъ хохоль Демчукъ, назначенный въ постоянные вѣстовые къ молодому подпоручику, вошелъ въ палатку, принялся будить своего барина.

Не прошло и десяти минутъ, какъ Загорскій уже былъ совершенно одѣтъ и, нѣсколь минутъ стаивая чаю съ солдатскими сухарями, поспѣшилъ, обнявъ себя на ходу крестнымъ знаменіемъ, къ командѣ, уже успѣвшей выстроиться на передній линіи, передъ палатками.

— Никакъ съ нами сегодня „красная дѣвица“ идетъ? — спросилъ молодцоватый ундеръ Архиповъ у стараго усача Краснова, стоявшаго въ головѣ перваго взвода.

— Онъ самый!.. Ты молчи, Архиповъ, въ оба: коли на работу пойдетъ сначала мой взводъ, такъ ты будь около его!.. Доложи, молъ, такъ и такъ, ваше благородіе, коли, примѣрно, вздумаетъ распорядженіе какое не по дѣлу дѣлать!.. Одно слово, руководствуй по возможности. Барчонка хорошия, побережь надо, — наставительно объяснялъ тотъ.

— Извѣстное дѣло, Миронъ Петровичъ, безъ руководства никакъ въ этомъ разѣ невозможно!.. И это все очень хорошо понимаю... Выюнаша вѣдь совѣтъ, да и на такое дѣло идти въпервые.

— Ладно!.. Подпоручикъ идетъ!.. Смирно! на пле-чо! — командовалъ Красновъ, замѣтивъ приближающагося Загорскаго.

— Здорово, братцы! — старался придать болѣе солидности своему голосу, поздоровался нашъ герой, подходя къ фронту.

— Здравія желаемъ, ваше благородіе! — вырвалось дружно въ отвѣтъ болѣе чѣмъ изъ полусотни молодецкихъ грудей.

— Къ ногѣ! стоять вольно! — послышалась вновь команда Загорскаго.

И онъ, въ сопровожденіи Краснова, началъ обходить фронтъ, новѣря снаряженію нижнихъ чиновъ.

— Шапцевый инструментъ, топори у вѣсѣхъ?

— У вѣсѣхъ, не позволте безнокопчѣся, ваше благородіе, все какъ слѣдуетъ, я протѣрилъ людей.

— А патроны?

— По двѣ колотки на каждаго, ваше благородіе!

— Значитъ, можемъ идти.

— Всеконечно, ваше благородіе! — буркнулъ себѣ въ усы Красновъ и пошелъ на свое мѣсто.

— Полурота направо! Ряды вдвой! Ружья вольно! Шагомъ марш! — командовалъ юноша.

И люди мѣрно шагали по линіи глинистой почвѣ, размокшей отъ бывшаго ночью дождя.

— А что, во сколько времени мы дойдемъ до мѣста? — спросилъ на ходу Загорскій у шедшаго рядомъ Краснова.

— Съ часъ времени, ваше благородіе, пройдемъ, дорога даже нескладная, нинь нога-то какъ вязнетъ!.. А выйдемъ за большую дорогу, придется кугурузнымъ полемъ идти, тамъ нога по шнелку будетъ уходить въ землю.

— А ты бывалъ уже въ тѣхъ мѣстахъ на рубкѣ?

— Два раза довелось, ваше благородіе!.. Только раньше мы правѣй ходили, а теперь забирать вѣсѣ приходится, дѣсь-то почитай весь дѣсь ледящій — что было покрупнѣе, то уже вырубилъ на старыхъ мѣстахъ, — объяснялъ словоохотливый ундеръ.

— И долго нам придется там проработать?— продолжал съ живым интересом спрашивать Загорский.

— А пожелаете, значить, полковья телеги не приедут за лесом?... Часовь шесть, пожалуй, проработаемь.

— А какъ же люди-то не были будутъ все это время?

— На этотъ случай не извольте беспокоиться, ваше благородіе. Намъ передъ уходомъ выдали порціи... Который взводъ отдыхать будетъ, тотъ и сваритъ себѣ въ котелкахъ пищу.

Успокоившись насчетъ довольствія своихъ подчиненныхъ, Загорскій замолчалъ и началъ сосредоточенно маршировать, зорко вглядываясь по временамъ въ синѣющуюся впередъ даль, на горизонтѣ которой начали выдѣляться слабыя очертанія болгарской деревушки.

Команда уже выгнулась за большую Плевненскую дорогу и принялась шагать по взрытому кукурузному полю. Красновъ былъ правъ. Черноземно-глинистая почва отъ дождей, заставившихъ въ послѣдніе дни, размякла до такой степени, что ноги уходили глубоко въ грязь и тѣмъ крайне замедляли движеніе.

Солдаты шли молча, изрѣдка только, шепотомъ, перекидываясь незначительными фразами.

— Ишь ты, наша «красная дѣвица»,—голосокъ, что твоя малиновка, изъ себя невзрачный, а ишь какъ шагаетъ, что твой жеребенокъ,—замѣтилъ рядомъ идущему, въ хвостѣ колонны, ротный весельчакъ Горбылевъ, подмигивая въ сторону браво идущаго впередъ подпоручика.

— Погоди, это старича только, протамбуешь еще съ версту и уместся,— тяжело дыша, отвѣтилъ корявый, приземистый солдатикъ.

— Ну, это ты напрасно!.. Идилконому куда вольготнѣе по такому болоту выфиндиривать... Ты по себѣ суди: уродился ты, ровно тунба свайная, вотъ и заныхтѣлъ уже, а мы съ ихъ благородіемъ соколами летимъ, вотъ какъ! Эхма! — ухмыльнулся Горбылевъ, выгаскивая ногу изъ грязи и дѣлая ею пируэтъ въ воздухѣ, такъ что палишніе на сапогъ комья глины разлетѣлись въ стороны.

— Соколъ тоже!.. Галичанъ, галка набатная!

— Молчи, Туза—зипунъ съдула!

— Ну, вы, чего тамъ раскудахтались!—прикрикнулъ на солдатиковъ, услышавъ перебранку, взводный Архиповъ.

Тѣ замолчали и принялись сосредоточенно шагать по липкой грязи.

Вскорѣ очертанія лежащей впередъ деревни сдѣлались гораздо яснѣе. Отчетливо выдѣлились мазанки поселенъ, утопавшія въ садахъ, деревья которыхъ частью только были открыты уже пожелтѣвшей листвою.

— Это и есть самый Биволаръ!—спросилъ Загорскій у Краснова, указывая на деревню.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, это будетъ Демиркой деревня, а Биволаръ эта, вошь что подъ горкой-то домики бѣлѣются,— и онъ указалъ рукою по направленію синѣющихъ, въ верстѣ разстояніи, съ южной стороны, высотъ, покрытыхъ мелкимъ кустарникомъ.

— А гдѣ же роща, въ которую намъ надо идти?

— А какъ свернемъ теперь вправо отъ Демиркой и спустимся въ лоцину, тутъ самая роща эта и будетъ... Теперь недалеко уже... Тутъ только ужъ съ опаской надобно идти, ваше благородіе... Какъ въ лоцину спускаться будемъ, такъ надо выслать передній и боковыя патрули...

— Развѣ можемъ натолкнуться на турокъ?

— Всяко бываетъ, ваше благородіе... Тоже вотъ на прошлой недѣлѣ рота отъ второго баталіона ходила, да еще ближе этого, а двухъ человекъ поранили...

— Развѣ неприятель такъ близко?

— А извольте видѣть, воша,—Красновъ указалъ на высоты, видѣющіяся въ сторонѣ деревни Биволаръ,—тамъ теперь, говорятъ, турки батарею возводятъ, такъ ужъ маху не дадутъ, коли насъ завидятъ.

Сердце юнаго подпоручика дрогнуло и нервно забилось. Высокое значеніе отвѣтственности, которая лежала теперь на немъ, какъ на начальникѣ этой небольшой горсти солдатъ, начало приятно щекотать его самолюбіе.

«Эхъ, если бы въ самомъ дѣлѣ удалось хоть помѣниться выстрѣлами съ турками, принять, такъ сказать, огненное крещеніе, отличиться»,—мелькнула въ головѣ Загорскаго мысль, и онъ, стараясь придать себѣ еще болѣе энергій, зорко кинулъ взоръ впередъ, какъ бы желая ориентироваться на случай какой-либо неожиданности.

Сображаясь съ указаніями Краснова и повернувъ свою команду, въ обходъ деревни съ правой стороны, Загорскій почувствовалъ подъ ногами болѣе твердую, хотя и кочковатую почву, и вскорѣ онъ со своими людьми былъ уже у спуска въ лоцину, которая силою была покрыта хотя не высокими, но густымъ лесомъ, разросшимся на значительное пространство.

Остановивъ команду и давъ людямъ нѣсколько оправиться, онъ выслалъ одно отдѣленіе въ дѣнь, назначилъ патрули, и когда тѣ отошли на извѣстное разстояніе, самъ съ остальною частью солдатъ началъ спускаться къ рощѣ.

Было уже совершенно свѣтло, и верхушки деревь позолоти-

лись отблескомъ наступившаго дня, когда Загорскій съ командою подошелъ къ опушкѣ рощи.

Ушедшая впередъ дѣнь, подъ командою Архипова, и патрули скрылись въ густой заросли, и съ ихъ стороны не доносилось ни малѣйшаго звука.

— Полурота стой! Первая шеренга шагъ впередъ, кругомъ! Составъ!—скомандовалъ подпоручикъ.

Когда люди, повинуясь командѣ, составили ружья въ козлы, Загорскій приказалъ Краснову сдѣлать расчегъ команды на рубку.

Вскорѣ солдатки, разойдясь группами по рощѣ, стали выбирать деревья, годныя для рубки, и звукъ топоровъ раздался по окружающей мѣстности.

Услышавъ на немъ близъ составленныхъ въ козлы ружей съ расхаживающимъ около нихъ часовымъ, Загорскій, упершись локтями о колѣна, скользнулъ взоромъ по свободной сѣбѣ солдатъ, которые суетились съ котелками около костровъ, разведенныхъ или для варки пищи.

Сколько ни прислушивался герой шагъ, поглядывая впередъ, въ глубину леса, — до слуха его, кромѣ звука топоровъ, не доносилось ничего.

Однообразіе этихъ звуковъ и унылый видъ умирающей природы навели на юношу не веселые размышленія.

Поднявшись со своего мѣста, онъ началъ расхаживать вдоль опушки рощи.

«Давно ли, подумаешь, я былъ въ училищѣ, среди беззаботныхъ товарищей!.. Какъ мы мечтали тогда все въ ожиданіи производства, какіе планы строили съ самаго начала кампаніи!—размышлялъ юноша.—Какъ сожалѣть я, что не вышелъ въ гвардію, на что имѣлъ право; сожалѣть особенно тогда, какъ гвардія уходила въ походъ... Ранѣе бы тогда попалъ сюда... А впрочемъ, что же, въ арміи жизнь дешевле, а въ академію все равно, что изъ гвардіи, что изъ арміи, понасесть возможно... Вотъ кончится война, да коли Богъ дозволитъ живымъ остаться, начну готовиться въ академію... Надо порадовать старинку-мать, грудно ей на одинъ пенсіонъ содержать сестеръ... Братья что, они въ корпусѣ, а вотъ съ дѣвочками трудно ей, бѣдной!..»

— Ваше благородіе, прикажете вторую сѣбу на рубку посылать? — раздался около него голосъ подошедшаго Краснова.

— А что, развѣ время?

— Два часа первая сѣба уже работаетъ...

— Неужели?.. Ну, что же, посылай. Изъ дѣни ничего не слышно?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, все благополучно.

— Такъ и дѣнь сблѣнитъ.

— Слушаю, ваше благородіе.

Загорскій остановился и началъ наблюдать, какъ бравый ундеръ распорядился, назначая очередныхъ людей на работы и въ дѣнь.

«Вотъ она дѣйствительность-то, самая мирная, точно гдѣ-нибудь на стоянкѣ въ глубинѣ Россіи, а не передъ носомъ неприятеля!»,— подумалъ юноша, улыбаясь и кидая взоръ на сваленныя вблизи деревья, съ которыхъ солдатки усердно обрубали сучья.

Въ это время изъ глубины леса донесся звукъ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ. Загорскій вздрогнулъ всемъ тѣломъ и устремилъ натливыи, лихорадочный взоръ по направленію зловѣщихъ звуковъ. Насторожились и солдатки, выстроившіеся для расчета, и затихли удары топоровъ въ рощѣ.

Прошла минута томительнаго молчанія.

— Надо полагать, въ дѣни что неблагополучно, ваше благородіе,—доложилъ говоркомъ Красновъ, подойдя къ подпоручику.

Выстрѣлы зачасили снова и вскорѣ обратились какъ бы въ непрерывную дробь.

— Въ ружьѣ!—скомандовалъ зычнымъ, несвойственнымъ ему голосомъ Загорскій и, обратясь къ стоящему вблизи горнисту, добавилъ:—играй!—«вѣ и назаль!»

Раздался звукъ горна, играющаго «сборъ».

Изъ рощи съ разныхъ сторонъ показались фигуры солдатъ, прячущихъ на бѣгу топоры въ чехлы, висѣвшіе у поясного ремня.

Не прошло и пяти минутъ, какъ, исключая бывшихъ въ дѣни и въ патруляхъ, все люди стояли уже въ ружьѣ.

Выстрѣлы то затихали, то снова начинали гремѣть учащенно. Послышались выстрѣлы и справа отъ рощи, со стороны рѣки Видъ, гдѣ стояли румыны.

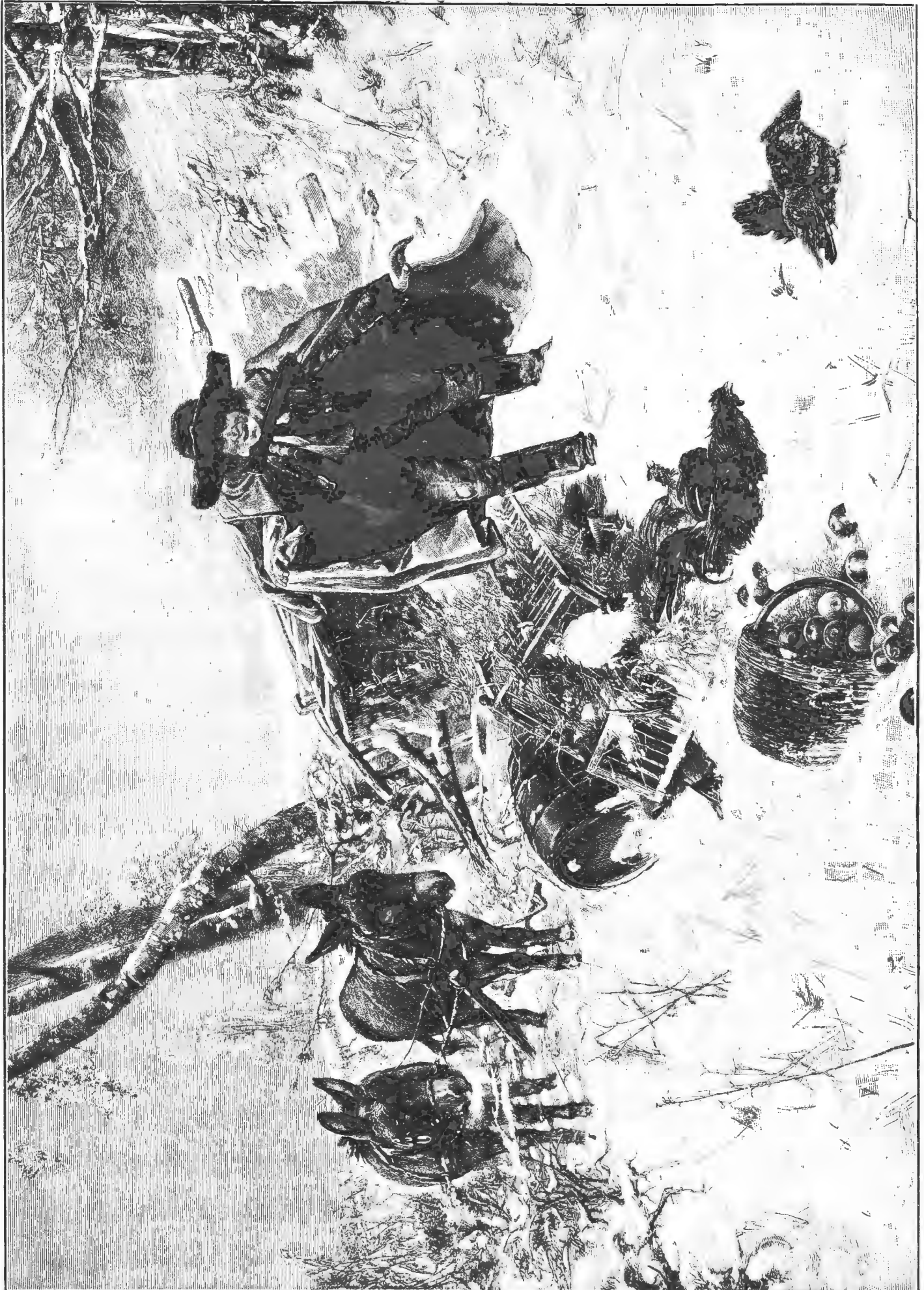
Лицо Загорскаго горѣло, руки судорожно сжимались въ кулаки. Онъ видимо находился въ сильнѣйшей агитации.

— Румыне начали палить, ваше благородіе,—почтиительно замѣтилъ рядомъ стоящій Красновъ.—Надо бы выслать еще полувзводъ въ дѣнь на подмогу нашимъ, — добавилъ онъ, какъ бы подчеркивая послѣдній слова.

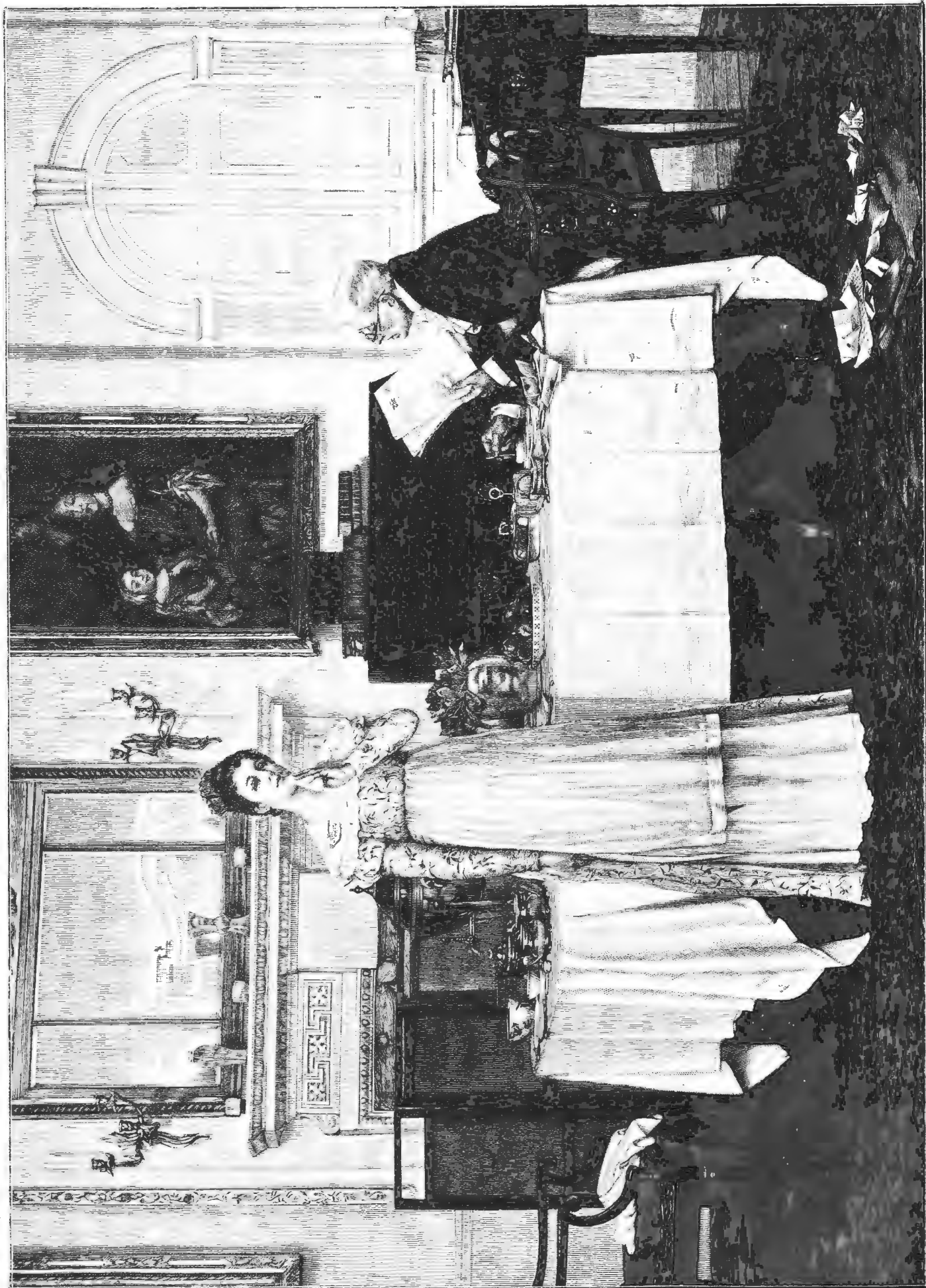
— Да, я знаю, — дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ юноша, бросая быстрый, лихорадочный взоръ на ундера, и, оборотясь къ стоявшему взади фронту, скомандовалъ:

— Первый взводъ ружья вольно! По десять шаговъ дистанціи на аveau, въ дѣнь марш!

Большая часть солдатъ бодро двинулась впередъ подъ командой Краснова, и вскорѣ, раздѣлившись на группы, по два

„Происшествіе!“ Съ картини Я. Вишня грав. Крепль.

Любовное письмо. Съ карт. Милле грав. Киразе.

человѣка въ каждой, начала пробираться впередъ между густою зарослью роши.

Загорскій, имѣя сзади себя прикрытіе изъ двухъ солдатъ—жалопера и горниста, поспѣдовалъ въ некоторомъ разстояніи съ остальными людьми за цѣлью.

«Ну вотъ, вотъ она—давно ожидаемая минута!»—думалъ онъ, пробирался между густымъ кустарникомъ и отклоняя рукой низко растущія вѣтви деревьевъ.

Чѣмъ дальше подвигались они впередъ, тѣмъ яснѣе доносились до ихъ слуха учащенные выстрѣлы впередъ и съ правой стороны роши.

Сгорая отъ нетерпѣнія, Загорскій, энергично преодолевая всерѣшная препятствія, быстро двигался впередъ, находясь всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ цѣли.

Прошло не болѣе двѣнадцати минутъ энергичнаго марша, и лѣсъ началъ вдругъ рѣдѣть, давая возможность снѣжившимъ на помощь товарищамъ разглядѣть открывавшуюся впередъ небольшую долину, изоброжденную пригорками.

Мимо ушей нашего героя прожужжало нѣсколько пуль. Справа и слѣва съ трескомъ валились вѣтви деревьевъ, сбитыя выстрѣлами.

Вотъ уже цѣль у окраины роши. Виднѣются фигуры солдатъ, прикрывающихся деревьями и пускающихъ выстрѣлы за выстрѣломъ.

Къ Загорскому, пришедшему вслѣдъ за цѣлью, подбѣжалъ Архиповъ и, взявъ на плечо, отрапортовалъ:

— Все благополучно ваше благородіе, раненыхъ и убитыхъ нѣтъ.

— Откуда появился непріятель, и какъ велико число его людей?—быстро спросилъ юноша, не снукая глазъ съ лежащихъ въ долині пригорковъ, изъ-за которыхъ то тамъ, то сямъ мелькалъ бѣлый дымокъ отъ выстрѣловъ.

— Со стороны Биволарскихъ высотъ, ваше благородіе; подошелъ такъ, что мы его и не замѣтили. О приближеніи непріятеля доложили мнѣ патруль, бывшій въ секретѣ впередъ цѣли, съ полчаса тому назадъ. Численности непріятеля доподлинно вашему благородію доложить не могу, но, судя по выстрѣламъ, надо полагать, не болѣе роты, — доложили безъ записки браваый унтеръ-офицеръ.

— Ложись!—послышалась въ это время команда Краснова, вышедшаго со своей цѣлью на самую окраину роши.

Началась учащенная стрельба изъ цѣли; дымокъ, показывавшійся изъ-за пригорковъ, сталъ нѣсколько ослабѣвать. Турки видимо понесли нѣкоторые потери.

Придвинувшись бокомъ къ дереву, Загорскій, устремивъ горѣвшій лихорадочнымъ блескомъ взоръ на долину, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ перестрѣлки.

Пригорки, за которыми скрывался непріятель, находились шагахъ въ четырехстахъ отъ роши. Ясно можно было видѣть красныя фески стрѣляющихъ изъ-за нихъ турокъ.

Судя по протяженію линіи огня, можно было придти къ заключенію, что Архиповъ былъ правъ, говоря, что турокъ не болѣе роты.

Все это не ускользнуло отъ вниманія наблюдательнаго юноши. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ броситься впередъ и выбить турокъ изъ-за его прикрытія.

Безотчетная отвага начала брать верхъ надъ благоразуміемъ.

«Суворовъ вѣдь никогда не считалъ вратовъ, напередъ на нихъ!»—думалъ нашъ герой.

Въ это время какая-то шальная пуля, задѣвъ тулью фуражки Загорскаго, съ трескомъ ударила въ дерево, о которое онъ опирался.

Этотъ моментъ рѣшилъ все.

— Цѣль впередъ! Играть атаку!—скомандовалъ онъ рѣзкимъ, какъ бы надорваннымъ голосомъ.

Цѣль, вскочивъ на ноги, бросился впередъ, а за нею, выхвативъ изъ ноженъ саблю, понесся нашъ герой, крича бывшему при немъ резерву: «бѣгомъ! бѣгомъ!»

Вихремъ двинулись, подъ звуки горна, за своимъ начальникомъ солдатики, взявъ ружья на руку.

Завидя наступленіе, турки, скрывавшіеся до той поры за пригорками, дрогнули и начали отступать бѣгомъ, изрѣдка останавливаясь и пуская наудачу пулю по горсти нашихъ храбрецовъ. Наконецъ турки обратились въ такое быстрое бѣгство, что когда Загорскій съ своими людьми добѣжалъ до пригорковъ, за ними оказались лишь четыре труна непріятельскихъ солдатъ.

— Ваше благородіе, дальше намъ ихъ преслѣдовать неповадно будетъ... Могутъ турки выслать на подмогу своимъ, пожалуй, баталіонъ, тогда намъ плохо придется. —заныхавшій отъ быстрого бѣга, доложилъ, догнавъ разгоряченнаго юношу, Красновъ.

— И то, пожалуй, ты правъ!—сказалъ Загорскій и приказалъ горнисту играть «сборъ».

Залегшіе было за оставленными турками пригорками солдатики, преслѣдовавшіе бѣгущаго непріятеля выстрѣлами, начали собираться въ колонну.

— Намъ бы, ваше благородіе, вертаться обратно вразсыпную, цѣлью, а то, чего доброго, турка опять вернется... Колонна—дѣль круная,—снова подоиди къ Загорскому, доложилъ Красновъ.

— И это правда, — согласился юноша, вспоминая наставленія Рачинскаго.

Приказавъ идти вразсыпную, Загорскій благополучно достигъ роши и вкорѣ былъ почти уже у мѣста рубки лѣса, какъ вдругъ, къ немалому своему изумленію, увидѣлъ приближающагося къ нему навстрѣчу Рачинскаго, во главѣ другой полуроты, оставшейся въ лагерѣ.

— Дмитрій Львовичъ, вы что тутъ натворили такое?—спросилъ послѣдній, съ немалой тревогой глядя на юношу.

Загорскій покраснѣлъ до ушей и замаялся.

— Что это, у васъ и фуражка прострѣлена?

— Турки загѣляли перестрѣлку съ моей сторожевой цѣлью... Я повелъ остальныхъ людей на подмогу и... прогнать турокъ,—ленеталъ нашъ герой, какъ бы оправдываясь и беря подъ защиту.

Рачинскій съ улыбкой покачалъ головою.

— Погорячились... Ну, что же, раненыхъ и убитыхъ у васъ нѣтъ?

— Нѣтъ, потерь не было.

— А у турокъ?

— Четверо убитыхъ... Остальные бѣжали.

— Ну, поздравляю васъ... Хорошо, что не увлеклись и не пошли ихъ дальше преслѣдовать, а то могло бы кончиться плохо... Вѣдь какую тревогу вы падѣдали въ лагерѣ своейhalbой... Командиръ полка подумалъ, что вы вступили въ бой съ цѣлою турецкой арміей,—смѣлся Рачинскій, пожима руку юноши.—Меня послали васъ выручать.

— Нѣтъ, что же, у меня все благополучно, вотъ дорублю дрова...

— Ну, нѣтъ, дорублю-то ужъ я со своими людьми, а ваши солдатики, да и вы сами устали съ этой передрагой. Отправьтесь со своей полуротой въ лагеръ и доложите начальнику стрѣлковъ обо всемъ происшедшемъ.

— Да я, право, г. поручикъ...—началъ было Загорскій.

— Извольте исполнить, что вамъ приказываютъ; никакихъ возраженій въ родѣ „по“ на службѣ не полагается,—остановилъ его Рачинскій, принимая шутливо-начальническій толъ.

— Какъ прикажете...

— Ну, идите же, идите съ Богомъ; работы, судя по тому, что я видѣлъ, немного осталось, а люди ваши сильно устали. Загорскій, не рѣшаясь болѣе возражать, собралъ свою команду и повелъ ее обратно въ лагеръ.

— Что, братъ, Тула, видѣлъ, какова наша „красная дѣвица“?—зубоскалилъ ротный краснойбай Горбылевъ, обращаясь къ своему корявому товарищу-спорнику.

Тотъ молча мотнулъ головою.

— То-то, братъ, ты думалъ, что это про васъ только говорить: хороши да тулякы, а выходитъ: хороши тулякы, да дураки!

Вообще поведеніе юнаго начальника очень высоко подняло его въ глазахъ солдатъ и вызвало между ними восторженныя о немъ заключенія.

Даже старый служака Красновъ, сломавшій на своемъ вѣку не одинъ походъ, и тотъ съ видимымъ уваженіемъ началъ смотрѣть на своего полуротнаго.

Придя въ лагеръ, Загорскій распустилъ команду по палаткамъ, а самъ тотчасъ же отправился къ подполковнику Козыреву.

Въ палаткѣ послѣдняго онъ засталъ нѣсколькихъ офицеровъ и въ числѣ ихъ прапорщика Смирнова, бывшаго въ этотъ день дежурнымъ по баталіону.

Юноша, съ обычной своей застѣчивостью, доложилъ обо всемъ происшедшемъ съ нимъ въ этотъ знаменательный день.

— Что же, все это очень похвально... Вы поступили прекрасно, это, того, дѣлать вамъ честь... Я доложу командиру полка,—сказалъ, выслушавъ его, старый подполковникъ.—А теперь, того, не хотите ли закутить? У меня сейчасъ подадутъ кое-что. Присаживайтесь, да скидывайте вашу амуницію.

— Покорнѣйше благодарю, г. подполковникъ.

— Поблагодарите послѣ... Сначала, того, закутите хорошенько... Эй, Шановаловъ! Давай скорѣе, что у тебя есть!—суетился Козыревъ, торопя девицу.

Проголодавшійся и сильно уставшій юноша, ободряемый ласковымъ пріемомъ начальника, съ аппетитомъ принялся утолять голодъ, отвѣчая лишь урывками на вопросы офицеровъ, переполнившихъ съ его приходомъ далеко не обширное помѣщеніе палатки стараго подполковника.

— Да будетъ вамъ, дайте ему, того, поѣсть. Потомъ поговорите съ,—замѣчалъ Козыревъ офицерамъ, пристававшимъ къ Загорскому съ разспросами.

— Въ самомъ дѣлѣ, господа, вы своими разговорами только мѣшаемъ нашей „Машенькѣ“ кушать—не безъ сарказма сказалъ Смирновъ, дымившій папирской въ углу палатки.

Козыревъ нахмурился и строго взглянулъ въ его сторону.

— Что вы все „Машенька“ да „Машенька“! Дай Богъ, чтобы побольше у насъ было такихъ „Машеньекъ“! Вонъ эта „Машенька“ въ какихъ шляпкахъ шеголетъ! — рѣзко буркнулъ онъ, показывая присутствующимъ прострѣленную непріятельскою пулей фуражку Загорскаго.

— Что, братъ, грѣбъ съѣлъ!—съ улыбкой сказалъ, обращаясь къ Смирнову, сидѣвшій рядомъ прапорщикъ Ильинъ.

(Окончаніе будетъ.)

Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій.

(Портр. на стр. 1218.)

8 декабря исполнилось столѣтіе для кончины одного изъ славнѣйшихъ русскихъ полководцевъ прошлаго вѣка, генералъ-фельдмаршала російскихъ войскъ, графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго.

Въ лѣтописяхъ русской арміи имя Румянцева занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, — рядомъ съ другимъ военнымъ гениемъ—Суворовымъ. Полководецъ, по выраженію Екатерины, „храбрый по уму, а не по сердцу“, Румянцевъ справедливо считался первымъ русскимъ полководцемъ, воздвигнувшимъ Россію. Подвиги Румянцева въ первую турецкую войну, начатую при Екатеринѣ и названную Румянцевскою, завоевали ему право на признательность и на глубокое уваженіе его памяти.

Достойный сподвижникъ императрицы Екатерины II, прославившейся въ ея царствованіе, Румянцевъ не пережилъ почти своей повелительницы и скончался мѣсяць спустя послѣ императрицы.

Родился Румянцевъ въ годъ кончины Петра I, — въ 1725 г. Происхожденіе оныхъ было незнакомо, изъ небогатыхъ костромскихъ помѣщиковъ. Отецъ его изъ простыхъ солдатъ возвысился, благодаря расположенію къ нему Петра I, до чина генералъ-аншефа, былъ назначенъ Елисаветой посломъ въ Царьградъ и за заключеніе Абогскаго мира въ 1743 г. пожалованъ графскимъ достоинствомъ. Но матери же Румянцевъ принадлежалъ правнучкомъ знаменитаго петровскаго сподвижника, боярина Артамона Матвѣева.

Записанный съ колыбели въ военную службу, Румянцевъ воспитывался дома, затѣмъ былъ посланъ отцомъ учиться въ Берлинъ, а по возвращеніи оттуда поступилъ въ кадетскій корпусъ, и черезъ 4 мѣсяца, на 19-мъ году, произведенъ уже былъ въ чинъ капитана. Абогскій миръ, принесшій отцу его графство, доставилъ ему—за то, что оный привезъ трактатъ въ Петербургъ—прямо чинъ полковника.

Переживъ пору юношескихъ увлеченій, Румянцевъ съ горечью созналъ недостаточность своего образованія и старался восполнить его чтеніемъ и ученіемъ, но вскорѣ его увлекла воинская дѣятельность.

Походъ русскихъ войскъ на Рейнъ, въ 1748 г., подъ начальствомъ князя Риннина, предпринятый съ тѣмъ, чтобы способствовать прекращенію войны за Австрійское наслѣдство, впервые ознакомилъ молодого Румянцева съ воинскою службою. Война закончилась вскорѣ заключеніемъ Ахенскаго трактата, и походъ обошелся безъ кровопролитія.

Впервые участие въ военныхъ дѣйствіяхъ пришлось принять Румянцеву во время Семилѣтней войны, въ дѣйствующей русской арміи подъ начальствомъ Апраксина. За храбрость и дѣятельную распорядительность оный былъ произведенъ изъ генералъ-майоровъ въ генералъ-поручики.

Первые же побѣдныя лавры въ качествѣ самостоятельнаго полководца заслужены были Румянцевымъ въ битвѣ подъ Кунерсдорфомъ, 1 августа 1759 г., гдѣ пруссаки, предводительствуемые Фридрихомъ, были разбиты на голову, лишены обоза, 172 пушекъ, 27 знаменъ и дали болѣе 6,000 пленныхъ. Румянцевъ начальствовалъ въ этой знаменитой битвѣ центромъ русской арміи. Орденъ Александра Невскаго былъ ему наградою за побѣду.

Въ слѣдующемъ году Румянцевъ еще болѣе выдвинулся, взявъ приступомъ два раза безуспѣшно осаждаемый Колбергъ, сильную крѣпость на берегу Балтійскаго залива.

Кончина императрицы Елисаветы, 25 декабря 1761 г., измѣнила весь ходъ военныхъ дѣйствій. Императоръ Петръ III, горячій поклонникъ военного и политическаго гения прусскаго короля Фридриха, прекратилъ противъ него военныя дѣйствія и уже въ союзъ съ нимъ обратилъ свои войска на Австрію и на завоеваніе Голштиніи. Румянцевъ, награжденный орденомъ Андрея Первозваннаго, былъ назначенъ начальникомъ этихъ войскъ, но послѣдовавшее 28 іюня 1762 г. воцареніе Екатерины II вновь измѣнило положеніе дѣлъ.

Румянцевъ, преданный своему императору, отказался присягнуть на вѣрность новой императрицѣ, пока не узналъ о кончинѣ Петра III, и Екатерина II, съ свойственнымъ ей политическимъ тактомъ, цѣля такую вѣрность присягѣ императору, не только не разгнѣвалась на Румянцева, но и милостиво встрѣтила этого поступокъ честнаго воина.

Въ 1763 г. окончилась Семилѣтняя война Губергбургскимъ миромъ, и Екатерина, въ изъявленіе своего довѣрія къ Румянцеву, поручила ему постъ малороссійскаго намѣстника, съ званіемъ президента малороссійской коллегіи, начальника всѣхъ малороссійскихъ и запорожскихъ войскъ и Украинской линіи. Постъ этотъ оказался очень отвѣтственнымъ и потребовалъ со стороны Румянцева большого напряженія не только способностей военачальника, но и администратора.

Всего около 6 лѣтъ пришлось занимать эту должность Румянцеву. Въ 1769 г. оный призванъ былъ снова занять мѣсто во главѣ русской дѣйствующей арміи.

Слѣдуя призыву польскаго правительства, Екатерина отпра-

вила войска въ Подолію и для борьбы съ Барскою конфедераціей, и для усмиренія возмущившихся противъ мѣстной шляхты крестьянъ. Случайно, во время этой борьбы, наши казаки разорили турецкое пограничное мѣстечко, и это послужило Турціи давножданымъ поводомъ къ войнѣ съ Россіей.

Возгорѣлась первая при Екатеринѣ турецкая война, длившаяся съ 1769 по 1774 г. и обезсмертившая имя Румянцева. Началъ Румянцевъ начальствовать арміей въ 30,000 человекъ, назначеніе которой было подкрѣплять армію кн. А. М. Голицына движеніемъ за Дунай и охранять русскія границы отъ набѣга крымскаго хана. Вскорѣ кн. Голицынъ вызвалъ своей нерѣшительностью гибель императрицы, и Румянцевъ былъ назначенъ главнокомандующимъ первой арміей. Занявъ зимою Бухарестъ, Румянцевъ, несмотря на свои слабыя силы и недостатки продовольствія, рѣшилъ дѣйствовать наступательно. Зная о громадномъ численномъ перевѣсѣ врага, оный рѣшилъ предупредить дѣйствія турокъ и татаръ и смѣло напалъ на нихъ первымъ. Главная, рѣшительная битва при Ларгѣ окончилась полной побѣдой русскихъ войскъ. Восемьдесятъ тысячъ татаръ обратились въ бѣгство, оставивъ побѣдителямъ весь свой лагерь, обозъ и пушки. Въ награду за эту побѣду Румянцеву пожалована была высшая воинская награда—орденъ св. Георгія 1-й степени, только что учрежденный Екатериной въ 1769 году.

Побѣда при Ларгѣ привела однако вскорѣ Румянцева къ еще болѣе блестящей побѣдѣ при р. Кагуль. Въ этой битвѣ около 17,000 русскаго войска смѣло ринулись въ бой съ 150,000 турокъ и 100,000 татаръ. Быстрый натискъ нашихъ войскъ смаялъ ряды многочисленныхъ враговъ и обратилъ ихъ въ позорное бѣгство. Блестящіе трофеи—лагерь, обозъ, 140 орудій и 60 знаменъ достались побѣдителямъ, потерявшему всего около 1,000 человекъ убитыми и ранеными, между тѣмъ какъ враговъ было убито болѣе 20,000 человекъ. Воодушевленный побѣдами, Румянцевъ неустанно шелъ впередъ по пятамъ неприятеля и бралъ крѣпости одну за другою: Измаиль, Киіу, Аккерманъ, Браиловъ, Неахчу и затѣмъ Бендеры. За Кагульскую побѣду Екатерина возвала Румянцева въ чинъ фельдмаршала.

1770-й годъ ознаменовался еще памятною Чесменскою побѣдою. На слѣдующій годъ дѣйствія были перенесены за Дунай, но война стала затягиваться. Румянцевъ, сознавая слабость и утомленіе войскъ, изнуренныхъ походами и недостаткомъ продовольствія, изнуренный и самъ, склонился къ заключенію мира, но императрица была непреклонна. — она требовала побѣды. Повинуясь волѣ императрицы, оный возобновилъ съ прежнею силою военныя дѣйствія. Послѣ цѣлаго ряда побѣдъ, одержанныхъ графомъ Панинымъ и Вейсманомъ, послѣ неудачныхъ переговоровъ о мирѣ въ Фокшанахъ, Румянцевъ рѣшился, въ 1773 г., съ 50,000 изнуреннаго войска идти на проломъ. Приказавъ Салтыкову осадить Русуку, самъ оный осадилъ Силлистрію, пославъ къ Шумлъ генераловъ Каменискаго и Суворова. Общимъ дружнымъ натискомъ Румянцевъ привелъ въ такой страхъ и замѣшательство турокъ, что визирь явился къ нему просить мира. Завоевавъ положеніе,—въ качествѣ грознаго побѣдителя Румянцевъ снизошелъ къ просьбѣ Турціи и заключилъ въ селеніи Кучукъ-Кайнарджи извѣстный миръ, день заключенія котораго—10 іюля—Екатерина повѣстила постоянно праздновать.

Румянцевъ достигъ апогея своей славы. Въ 1773 г., праздно заключеніе мира, Екатерина пожаловала ему названіе *Задунайскаго* за переходъ за Дунай, грамоту съ описаніемъ его побѣдъ, алмазныи фельдмаршалскій жезлъ „за разумное полководство“, инагу съ алмазами „за храбрый предпріятіи“, алмазные лавровый вѣнокъ и масличную вѣтвь „за побѣды и заключеніе мира“, алмазную звѣзду ордена Андрея Первозваннаго „въ знакъ моварнаго благоволенія“, медаль „въ честь его и въ примѣръ потомству“, 5,000 душъ крестьянъ, 100,000 р. на постройку дома, серебряный сервизъ и собраніе драгоцѣнныхъ картинъ. Въ своемъ пенсіонскомъ желаніи почтить заслуги Румянцева, императрица предложила ему „въѣхать въ Москву на триумфальной колесницѣ съвозъ торжественныя врата“, но оный отказался отъ такой высокой чести.

Получивъ затѣмъ снова должность малороссійскаго намѣстника, Румянцевъ почтенъ былъ еще за свои военныя заслуги со стороны бывшаго своего врага—короля Фридриха. Сопровождая въ 1776 г. въ Берлинъ цесаревича Павла Петровича, отирававшагося для обрученія съ принцессой Виртембергскою—инодѣйствіи императрицей Маріей Теодоровной.—Румянцевъ былъ встрѣченъ королемъ съ воинскими почестями. „Привѣтъ мой побѣдителямъ Оттомановъ!“—сказалъ король, преклонивъ предъ Румянцевымъ, и возложилъ на него собственноручно орденъ Чернаго Орта. Такія же почести были возданы Румянцеву и на маневрахъ въ Потсдамѣ, гдѣ было представлено Кагульское сраженіе.

По возвращеніи Румянцева въ Россію, въ честь его былъ воздвигнутъ въ Царскомъ Селѣ обелискъ. Въ 1782 г., когда былъ учрежденъ орденъ св. Владимира, Екатерина прислала

Румянцеву звѣзду 1 степ. этого ордена, а два года спустя пожаловала его въ подполковники гвардіи.

Императрица часто затѣмъ обращалась къ нему за совѣтами въ государственныхъ дѣлахъ, но активная, боевая дѣятельность Румянцева была фактически закончена. Ему оказывали высшія почести, но исполненіе своихъ плановъ и предначертаній императрица поручала уже другимъ. Наступило время возвышенія Потемкина и Суворова. Даже и на войнѣ, во время второй турецкой кампаніи, Румянцеву лишь въ видѣ почести поручено было предводительствовать сорокатысячной „украинской арміей“, но онъ вскорѣ отказался отъ этой чести и подалъ въ отставку. Удалившись на покой Румянцева Екатерина не переставала, однако, награждать отличіями. Въ честь такихъ отличій императрица подарила ему домъ въ Петербургѣ и повелѣла воздвигнуть передъ домомъobeliskъ съ надписью „Побѣдамъ Румянцева“. Obeliskъ этотъ, съ увѣнчивающей его совою—эмблемой мудрости, и понѣмъ висится въ Румянцевскомъ скверѣ, на Васильевскомъ островѣ.

6-го ноября 1796 года скончалась императрица Екатерина. Императоръ Павелъ продолжалъ такъ же милостиво относиться къ престарѣлому герою, но ему не суждено было долго пользоваться этими милостями. Румянцевъ скончался 8 декабря.

Узнавъ о кончинѣ Румянцева, императоръ велѣлъ положить на всю Россійскую имперію трехдневный трауръ, „въ память великихъ заслугъ фельдмаршала Румянцева отечеству“.

По завѣщанію Румянцева, тѣло его было перевезено въ Кіевъ и погребено въ Печерской лаврѣ, у клироса соборной Успенской церкви. При входѣ въ церковь, въ особо устроенномъ зданіи воздвигнуть ему дѣтскими грандіозный намятникъ. Съ славными Румянцева пресѣкся и его славный родъ. Въ другомъ — петлѣнномъ намятникѣ Румянцеву, — Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ сооружена была мраморная статуя, изображающая Румянцева въ консульской римской одеждѣ, со свиткомъ въ правой рукѣ; надъ головой его девизъ герба Румянцевыхъ „Non solum armis“, внизу — надпись „Задунайскій“. На ряду со статуей въ музеѣ поставленъ былъ намятникъ трехъ мирныхъ трактатовъ, заключенныхъ Румянцевыми—отцомъ, сыномъ (Задунайскимъ) и внукомъ, — въ Або, Кучукъ-Кайнарджи и Фридрихгамѣ. Мраморный намятникъ этотъ, работы Кановы, изображаетъ Божию Мира. На колоніяхъ намятника вырѣзаны три намятныхъ года этихъ трактатовъ: 1743, 1774 и 1809.

Къ рисункамъ.

Земной рай. (Рис. на стр. 1203.)

Въ прошломъ номерѣ *Нивы* мы помѣтили три картины Альма-Тадемы и дали обстоятельный очеркъ дѣятельности этого выдающагося художника. „Земной рай“ тоже принадлежитъ къ безсмертнымъ произведеніямъ Альма-Тадемы, какъ по своему сюжету, который вѣчно будетъ занимать первое мѣсто въ человѣческой жизни, такъ и по исполненію, достоинству этого великаго мастера.

Христа ради. (Рис. на стр. 1206.)

Въ области жанра В. Е. Маковскій занимаетъ среди русскихъ художниковъ чуть ли не первое мѣсто. На каждой выставкѣ, въ которой онъ участвуетъ своими произведеніями, его картины составляютъ истинное украшеніе и обращаютъ на себя общее вниманіе. И эта картина такъ же высока по своему исполненію, какъ все, что произвелъ художникъ. Это—какъ будто иллюстрація къ тому великому несчастью, которое постигло Россію пять лѣтъ назадъ,—къ неурожаю 1891 года, и она же должна напомнить нашимъ читателямъ бѣду, постигшую въ пылнѣшемъ году нашъ далекій Уссурийскій край, пуждающійся въ поддержкѣ со стороны своихъ братьевъ—

русскихъ людей, и еще болѣе далекую Индію, страдающую отъ голода.

Геній и насиліе. (Рис. на стр. 1207.)

Надревле извѣстно, что мѣръ не любить новизны. Старое да худое лучше, чѣмъ новое да хорошее, потому что это старое—мое, а новое — чужое; мое же обыкновенно кажется лучше чужого. Поэтому давно уже признанъ справедливымъ афоризмъ, что истина — всегда на сторонѣ меньшинства. Только геній своимъ всевидящимъ окомъ можетъ увидѣть новые горизонты сквозь туманъ, окутывающій обыкновенную жизнь человѣчества; но когда онъ попытается открыть эти горизонты окружающей толпѣ—горе ему! Ненависть и злоба поднимаются вокругъ него. Толпа, обладающая физической силой, тѣснымъ кольцомъ обступитъ его, охватитъ со всѣхъ сторонъ, сожметъ въ своихъ мощныхъ, тысячерукихъ объятіяхъ—и задунитъ въ нихъ, какъ удавъ душитъ свою добычу. Темная толпа не знаетъ, что она губитъ въ немъ своего благодѣтеля, что она гаситъ тотъ свѣточъ, который указываетъ ей путь впередъ въ окружающемъ ее мракѣ,—ей только невыносимо все новое, все то, что грозитъ разлучить ее съ привычными формами жизни... Вотъ что въ аллегорической формѣ, но ясно и ярко рисуетъ помѣщаемая въ этомъ номерѣ *Нивы* мраморная группа Гудебекаго.

Протодіаконъ.

(Рис. на стр. 1211.)

Умѣть найти въ натурѣ естественнѣйшія стороны и передать ихъ въ своемъ художественномъ произведеніи, отбросивъ, сгладивъ все лишнее, случайное, такъ сказать, фотографически вѣрно, и собравъ, выдвинувъ все главное, характерное — художественно вѣрно. — вотъ способность, отличающая художника отъ другихъ людей. Благодаря этой способности художникъ въ своемъ произведеніи отмѣчаетъ необходимые моменты, точки того пути, которымъ фантазія толкаетъ ихъ къ художественному наслажденію. Естественно, что, чѣмъ выше эта способность у художника, чѣмъ болѣе сумѣетъ онъ сконцентрировать въ себѣ и потомъ передать вѣбнимъ образомъ все, чѣмъ люди наслаждаются въ природѣ, что въ его произведеніи возобновляетъ, вновь оживляетъ въ ихъ глазахъ природу, — тѣмъ выше и самъ художникъ. Нашъ маститый мастеръ И. Е. Рѣпинъ обладаетъ въ большой степени этой именно художественной способностью. Посмотрите на его „Протодіакона“. Вы, въ особенности если живали въ провинціи, знаете этого, всѣмъ въ городѣ извѣстнаго чловѣка. Вы знаете его страшный басъ, отъ звуковъ котораго стекла дрожатъ въ соборѣ, когда онъ провозглашаетъ многолѣтіе или на высокихъ нотахъ окаичиваетъ чтеніе евангелія. Вы знакомы и съ его низкими бархатными нотами, когда онъ, съ ораремъ въ приподнятой правой рукѣ, нараспѣвъ произноситъ „о всѣхъ и за всѣ“. Его знаютъ все въ городѣ, знаютъ и его имя и отчество, его чѣпять, имъ интересуются, городъ гордится имъ. Вы помните, какъ въ торжественномъ крестномъ ходѣ, подъ налящими лучами солнца, въ ослѣпительномъ блескомъ горящимъ стихарѣ, идетъ онъ, мѣрно помахивая кадиломъ, впереди всей процессіи, вы видите его и въ его домашней жизни, когда чуднымъ лѣтнимъ вечеромъ, гдѣ-нибудь въ Соборной улицѣ, среди прохлады тѣнистаго сада, при смѣшанныхъ звукахъ засыпающаго дня, сидитъ онъ въ бѣломъ подрясникѣ на скамьѣ и либо мирно читаетъ съ большими глазами на носу, либо занятъ чѣмъ-нибудь въ саду, либо бесѣдуетъ съ кѣмъ-нибудь изъ его городскихъ почитателей. Долго служитъ онъ въ соборѣ, и подъ старость, потерявъ голосъ, тихо будетъ дожидать свои дни въ уютномъ домикѣ съ геранью, „канарейками“ и бѣлыми завазѣсками на окнахъ. Уже онъ умретъ, уже дѣти его будутъ занимать высокій мѣста въ духовной іерархіи, а слава его все еще будетъ держаться въ городѣ, и старики будутъ утверждать, что никогда не нажить имъ другого такого протодіакона.

Проишествіе. (Рис. на стр. 1214.)

Легкой рысцой трусить въ сторону города пара осликовъ, везя за собою санки, на которыхъ старый мадьярь-крестьянинъ нагрузилъ кое-какіе свои сельскіе товары: тутъ и боченокъ молодого вина, и корзина яблокъ, и нѣсколько куръ, и разные принасы. На-дняхъ будетъ праздникъ, въ городъ все это раскупить по хорошей цѣнѣ, а деньги всегда нужны крестьянину. Погода тихая, морозъ небольшой, ослики бодро подвигаются впередъ, и бодро шагаетъ около саней ихъ хозяинъ, заранѣе считая свои барыши. Вдругъ—придетъ же такая бѣда!—старикъ не замѣтилъ, какъ санки наѣхали на большой камень, лежавшій у самой дороги, и затѣмъ раскатились въ сторону, подъ горку, ударились о дерево, раздался сильный трескъ, переломились оглобли, и все что было въ саняхъ полетѣло въ сѣбѣ. Разсыпались яблоки, разлетѣлись куры,—а вмѣстѣ съ ними разлетѣлись и мечты бѣдняка: промучаютъ его тутъ куры, пока ихъ поймаешь, до полудня, и не понасть ему въ-время на рынокъ.

Любовное письмо.

(Рис. на стр. 1215.)

Что можетъ быть лучше и чище первой любви? У какой женщины не забьется сильнѣе сердце при воспоминаніи о той незабвенной минутѣ, когда она впервые услышала изъ милыхъ устъ признаніе въ любви?.. Взгляните: вотъ эта юная красавица стоитъ съ занепою въ рукѣ около старика-отца, всецѣло поглощеннаго газетой; она только-что прочитала на этомъ клочкѣ бумаги, что избранныкъ ея сердца сегодня же придетъ просить ея руки, чтобы по-томъ не разлучаться до гроба,—и ей хогѣлось бы сейчасъ же разеказать отцу о своемъ счастьи. Но старикъ такъ холодеетъ, такимъ леденящимъ спокойствіемъ вѣдетъ отъ всей его фигуры, что дѣвушка невольно робѣетъ и медлитъ признаніемъ.

Протоіерей Д. А. Борщъ. (Портр. на этой стр.)

23 октября н. г. исполнилось 50 лѣтъ служенія въ священническомъ санѣ протоіерея Даміана Амвросіевича Борща, состоящаго теперь настоятелемъ кievскаго Никольскаго военно-крѣпостного собора и находившагося почти все время въ военномъ вѣдомствѣ.

Состоя старшимъ священникомъ въ азовскомъ пѣхотномъ полку, онъ участвовалъ съ полкомъ во всѣхъ походахъ и дѣлахъ въ восточную войну, въ 1853—1856 гг., какъ при движеніи войскъ въ приднѣвскія княжества, такъ и при оборонѣ Севастополя. Находясь съ своими однополчанами въ бою подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ, о. Даміанъ, перевызывая тяжело раненыхъ и приобщая умирающихъ, и самъ былъ два раза раненъ и контуженъ—въ Севастополѣ, а потомъ на Черной рѣчкѣ 4 августа 1855 г.

По окончаніи крымской войны протоіерей Борщъ былъ благочиннымъ въ 4-й пѣхотной дивизіи, а послѣдующая его служба проведена имъ на окраинахъ Россіи—настоителемъ с.-петербургскаго адмиралтейскаго, а потомъ севаборскаго и каресскаго (на Кавказѣ) соборовъ, но также съ званіемъ благочиннаго окружныхъ церквей армейскаго вѣдомства.

О. Даміанъ Борщъ, кромѣ медалей, имѣетъ орден: Анны 3-й ст. съ мечами, Владимира 4-й и 3-й ст. и Анны 2-й ст., знакъ Краснаго Креста, а также, за особо выдающиеся отличіе въ крымскую войну, награжденъ изъ кабинета Его Величества двумя золотыми наперсными крестами (изъ нихъ одинъ

на георгіевской лентѣ), не считая другихъ двухъ наперсныхъ крестовъ, полученныхъ имъ въ послѣдствіи; кромѣ того, о. Даміанъ имѣетъ и миѣру.

За контузію и раненіе при севастопольской оборонѣ о. Даміанъ получаетъ пенсію изъ инвалиднаго капитала и состоитъ подъ покровительствомъ Александровскаго комитета о раненыхъ.

Имѣя о. Даміанъ Борщъ за 50-лѣтнюю отлично-усердную и полезную службу соприсчисленъ съ Всемилостивѣйшаго соизволенія Государя Императора къ ордену св. Анны 1-й ст.

Н. П. Щепкинъ.

(Портр. на этой стр.)

30-го октября н. г. исполнилось пятьдесятъ лѣтъ служебной и общественной дѣятельности тайнаго совѣтника Николая Павловича Щепкина. Окончивъ курсъ математическаго факультета московскаго университета, Н. П. поступилъ на службу 30 октября 1846 г. въ московскій 6-й департаментъ Сената, гдѣ состоялъ секретаремъ и оберъ-секретаремъ, до перехода его въ 1858 г. правителемъ канцеляріи въ департаментъ сельскаго хозяйства, министерства государственныхъ имуществъ. Годъ спустя Н. П. былъ переведенъ экзекуторомъ государственной канцеляріи, въ которой участвовалъ въ подготовленіи крестьянской реформы и въ то же время былъ дѣлопроизводителемъ особой комисіи для разработки проекта положенія объ организаціи новой акцизной системы, взамиѣ прежней. По общародованіи крестьянскаго положенія, Н. П., желая принять активное участие въ крестьянской реформѣ,—поступилъ мировымъ посредникомъ въ Лихвинскій уѣздъ, Калужской губ., при бывшемъ тамъ губернаторѣ В. А. Арцимовичѣ. На этомъ поприщѣ пробылъ до 1864 г., когда былъ назначенъ предсѣдателемъ саратовской казенной палаты, которую оставилъ по болѣзни въ 1871 году. Проживая въ то время въ гор. Саратовѣ,—Н. П. былъ избранъ товарищемъ саратовскаго городского головы, и въ этой должности пробылъ до 1877 года.

Дальше, въ 1879 г., по учрежденіи главнаго тюремнаго управленія,—Н. П. былъ назначенъ тюремнымъ инспекторомъ этого управленія, причемъ для ревизіи пересылной части—совершалъ разъѣзды до Сибири включительно, а въ 1880 году былъ командированъ въ комиссію сенатора Ковалевскаго, для ревизіи Оренбургской и Уфимской губерній. Означенная ревизія достаточно обрисовала личность Н. П., и неутомимая его дѣятельность обратила вниманіе высшей правительственной власти. Н. П. назначенъ былъ уфимскимъ губернаторомъ, и на этомъ посту пробылъ до 1884 года. Затѣмъ Н. П. былъ первымъ правительственнымъ комиссаромъ кавказскихъ минеральныхъ водъ, послѣ аренды г. Байкова.

Въ составѣ общества попечительнаго о тюрьмахъ Н. П. состоитъ съ 1863 г., сперва директоромъ и секретаремъ саратовскаго губернскаго комитета, а потомъ, по переѣздѣ его въ С.-Петербургъ—директоромъ с.-петербургскаго комитета. Въ 1890 г. Н. П. былъ утвержденъ вице-президентомъ комитета, а по упраздненіи послѣдняго и по образованіи благотворительнаго-тюремнаго комитета,—въ 1893 г. перечисленъ въ почетные члены и, наконецъ, 26 іюня н. г., назначенъ предсѣдателемъ этого комитета.

На этомъ послѣднемъ поприщѣ,—въ дѣлѣ тюремной благотворительности, Н. П. Щепкинъ стяжалъ выдающіяся заслуги. Лучшіе свои годы, болышую часть своей дѣятельности посвятилъ онъ на благо тюремныхъ заключенныхъ, и въ этомъ дѣлѣ онъ достигъ многого. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, кто обратилъ вниманіе на необходимость реформы тюремнаго управленія, и въ 1863 г. онъ былъ избранъ членомъ комитета, учрежденнаго для реформы тюремнаго управленія. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, кто обратилъ вниманіе на необходимость реформы тюремнаго управленія, и въ 1863 г. онъ былъ избранъ членомъ комитета, учрежденнаго для реформы тюремнаго управленія.

Протоіерей Д. А. Борщъ (по поводу пятидесятилѣтія служенія въ священническомъ санѣ).

Съ фот. Высоцкаго въ Кіевѣ автотипія „Нива“.

Н. П. Щепкинъ (по поводу пятидесятилѣтія служебной дѣятельности). Съ фот. Рубиновича автотипія „Нива“.

тилъ Н. П. высокими заслугамъ благотворительно-тюремнаго комитета, призваннаго служить какъ бы коррективомъ неизбежныхъ отрицательныхъ сторонъ тюремной системы. Поставленный теперь во главѣ комитета, Н. П. Щенкинъ, нужно надѣяться, еще долгие годы будетъ просвѣщеннымъ и энергичнымъ руководителемъ благихъ задачъ дѣла комитета.

Въ честь Н. П. Щенкина, пользующагося уваженіемъ и любовью своихъ подчиненныхъ, и въ память его полувѣковой дѣятельности, учреждаются въ пріютѣ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ двѣ новыя стипендіи его имени.

Больница въ память императора Александра II-го. устраиваемая С. Петербургскимъ благотворительнымъ обществомъ послѣдователей гомеопатіи.

(Портр. и рис. на стр. 1222.)

Въ нынѣшнемъ году исполняется столѣтіе съ появленія въ медицинской практикѣ метода, извѣстнаго подъ именемъ „гомеопатіи“. Въ 1796 г. докторъ Христіанъ-Фридрихъ-Самуиль Ганеманъ, портретъ котораго помѣщенъ на стр. 1222 настоящаго номера, впервые заговорилъ публично о гомеопатіи и помѣстилъ въ журналѣ *Практическая медицина* Гуделанда обширную статью, въ которой изложилъ свой взглядъ на новый способъ лѣченія, основанный на теоріи „*Similia similibus curantur*“, то-есть—„подобное излѣчивается подобнымъ“.

Ганеманъ родился 10 апрѣля 1755 г. въ Мейсенѣ (Саксонія). Послѣ окончанія курса тамошней гимназіи, онъ поступилъ вначалѣ въ лейпцигскій университетъ, а потомъ въ вѣнскій, степенъ доктора медицины онъ пріобрѣлъ въ Эрлангенѣ (въ Баваріи). Несмотря на противодѣйствіе, встрѣченное гомеопатіей со стороны официальной медицинской науки,—а можетъ-быть именно благодаря ему,—гомеопатія довольно прочно привилась въ Европѣ и въ особенности въ Америкѣ. Въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки насчитываютъ до 12 тысячъ врачей-гомеопатовъ, получившихъ высшее медицинское образованіе, тогда какъ въ 30-хъ годахъ тамъ было только 4 врача-гомеопата. Теперь тамъ 143 гомеопатическихкія общества, 13 высшихъ медицинскихъ школъ, преподающихъ теорію и практику гомеопатическаго способа лѣченія и выпускающихъ ежегодно съ дипломомъ до 400 врачей; 54 гомеопатическихкія больницы съ 4 тысячами кроватей, 48 лѣчебницъ для приходившихъ больныхъ, 33 аптеки и два журнала. Въ Англіи около 300 врачей-гомеопатовъ, 11 гомеопатическихкія больницы, количество амбулаторій годъ отъ году увеличивается. Въ Германіи насчитывается до 400 врачей-гомеопатовъ; въ Австріи, Швейцаріи, Италіи, Голландіи и Франціи повсюду встрѣчаются гомеопатическія лѣчебницы и клиники. Въ Европѣ существуетъ теперь 4 гомеопатическихкія кафедръ: въ Парижѣ, Мадридѣ, Петерб. и Лондонѣ. Гомеопатія проникла въ далекую Индію и Австралію, гдѣ имѣются врачи-гомеопаты, больницы, коллегіи и журналы.

Ученіе Ганемана явилось въ Россію въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I-го. Въ 1824 году пріѣхавъ изъ Германіи докторъ Адамъ, только что познакомившійся съ Ганеманомъ и увлекшійся ученіемъ этого отца гомеопатіи. Докторъ Адамъ познакомилъ многихъ столичныхъ врачей съ гомеопатіей, а въ 1826 году врачъ-аллопаты Тришусъ открыто оставилъ старую школу, и съ этого времени началось лѣченіе гомеопатіей. Развитію гомеопатіи въ Россіи не мало способствуютъ общества послѣдователей гомеопатіи. Инициаторами

1-го изъ таковыхъ обществъ, учрежденнаго въ 1881 году въ Петербургѣ, были: министръ путей сообщенія генералъ-адъютантъ, адмиралъ К. П. Посеветъ, инженеры путей сообщенія: С. В. Кербедъ, Д. П. Журавскій, П. А. Фадѣевъ, Ф. И. Венгржиновичъ, Д. А. Андріевскій, доктора братья П. В. и В. В. Соловьевы и мн. др. Благодаря ихъ стараніямъ были открыты лѣчебница для приходившихъ и аптека (Садовая, 18).

Въ настоящее время Петербургъ имѣетъ около 30 врачей гомеопатовъ, 4 гомеопатическихкія лѣчебницы для приходившихъ больныхъ и 4 аптеки; издается журналъ и скоро будетъ открыта устроенная по проекту и подъ наблюденіемъ архитектора академика графа П. Ю. Сюзора с.-петербургскимъ благотворительнымъ обществомъ послѣдователей гомеопатіи больница въ память императора Александра II (Петербургская сторона, Лицейская ул., № 6). Для устройства этой больницы въ 1891 году, по Высочайшему повелѣнію въ Возѣ почивающаго императора Александра III, министерство внугреннихъ дѣлъ уступило землю въ количествѣ 7,800 сажень, а ко дню закладки больницы было Высочайше пожаловано 5,000 р. въ поощреніе человѣколюбивой дѣятельности общества.

Помѣщенный въ настоящемъ номерѣ рисунокъ представляетъ собою главное зданіе больницы, выходящее на Лицейскую улицу, остальная часть земли застраивается баракомъ для инфекционныхъ больныхъ, закладка котораго состоялась въ августѣ п. г. и другими постройками для службъ и т. п.

Насколько лѣченіе гомеопатіей приноситъ пользу — вопросъ все-таки остается открытымъ. Послѣдователи гомеопатіи, конечно, приписываютъ ей чудеса, аллопаты относятся къ ней по меньшей мѣрѣ скептически. Во всякомъ случаѣ она еще не завоевала себѣ права считаться равноправной сестрой официально признанной аллопатіи. Если она не вызываетъ нигдѣ рѣзкихъ протестовъ, такъ скорѣе всего потому, что ее считаютъ безвредной, что не всегда можно сказать про аллопатію. Противники гомеопатіи объясняютъ ея успѣхъ въ значительной степени злоупотребленіемъ большими дозами лѣкарствъ, къ которымъ иногда любятъ прибѣгать, часто безъ всякаго успѣха, врачи-аллопаты, а иногда и сами пациенты, желающие вылѣчиться „поскорѣе“ или „попроще“. По такъ какъ большинство лѣкарствъ — яды, то, излѣчивая или не излѣчивая ту болѣзнь, противъ которой они направлены, они и сами, въ свою очередь, вызываютъ въ организмѣ различныя разстройства и новыя заболѣванія, которыя могутъ пройти только съ прекращеніемъ лѣченія. Если основная болѣзнь плохо понята или чрезвычайно упорна, — то продолжительное лѣченіе совершенно расшатываетъ весь организмъ больного. Извѣстно не мало примѣровъ, когда такіе больные, разочаровавшись во всѣхъ лѣкарствахъ и во всѣхъ докторахъ, бросали всякое лѣченіе п. л. сразу чувствовали облегченіе, вслѣдствіе прекращенія хроническаго отравленія лѣкарствами. Если же они, вмѣсто безусловнаго прекращенія лѣченія, обращались къ гомеопатіи, что, съ точки зрѣнія аллопатовъ, все равно, что ничего, то, по той же причинѣ — прекращенія хроническаго отравленія лѣкарствами, — наступало облегченіе, а гомеопатія пріобрѣтала новыхъ убѣжденныхъ приверженцевъ. Несомнѣнно одно, что гомеопатія вреда не приноситъ, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *вѣра* въ лѣкарство играетъ болѣе важную роль, чѣмъ само лѣкарство, этотъ методъ лѣченія можно призвать вполнѣ целесообразнымъ. Но въ острыхъ, опасныхъ заболѣваніяхъ, когда нужны энергичскія мѣры, едва ли безопасно довѣряться гомеопатическимъ крушкамъ.

Политическое обозрѣніе.

Дѣло о произвольномъ позаниствованіи Англіей на долговѣсную эквепидію пятисотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ изъ кассы египетскаго государственнаго долга перенесено было, по протесту Франціи и Россіи, во вторую инстанцію суда. Апелляціонный судъ въ Александріи присудилъ 20 ноября, чтобы египетское правительство возвратило кассѣ государственнаго долга взятую сумму вмѣстѣ съ процентами; уплата же судебныхъ издержекъ, за исключеніемъ издержекъ по веденію дѣла въ первой инстанціи суда, возложена на комиссаровъ Англіи, Германіи, Австріи и Италіи, давшихъ свое согласіе на извлеченіе суммы, которая, согласно рѣшенію суда, могла быть взята только въ силу единогласнаго постановленія членовъ комиссіи.

Цѣ представителъ Англіи сообщилъ 21 ноября египетскому правительству, что британское правительство предлагаетъ денегъ для уплаты присужденной суммы — займы на условіяхъ, которыя будутъ установлены впоследствии. Уступая настоятельному желанію хедива, египетское правительство, съ благодарностью принявъ предложеніе британскаго правительства, уплатило 24 ноября кассѣ государственнаго долга деньги пѣль наличныхъ суммъ казначейства, которыя будутъ пополнены займомъ въ Англіи. Вполнѣ понятно, что та ой походъ дѣла вызывать въ Англіи ожесточенныя нападки на рѣшеніе александрийскаго апелляціоннаго суда. Зато парижская печать констатируетъ удовольствіе политическихъ кружковъ Франціи, признающихъ въ рѣшеніи суда фактъ политической побѣды. Во всякомъ случаѣ, теперь не подлежитъ сомнѣнію, что приго-

воръ суда подтвердилъ международный характеръ положенія дѣлъ въ Египтѣ.

Успѣшность франко-русскаго вмѣшательства даетъ прочную основу для дальнѣйшихъ дѣйствій дружественныхъ державъ и разсѣветъ окончательно пущенные питригой слухи о какихъ-то разногласіяхъ между Франціей и Россіей изъ-за вопроса о финансовомъ оздоровленіи Турціи. Какъ теперь выяснилось изъ достоверныхъ источниковъ, между дружественными державами шель недавно лишь обмѣнъ взглядовъ о нѣкоторыхъ частныхъ обезуднаго вопроса, что, однако, отнюдь не создавало почвы для „недоразумѣній“, которыми успѣшно занялась было англійская печать вмѣстѣ съ печатью тройственнаго союза. Ослабленные результаты франко-русской политики въ Египтѣ служатъ теперь вѣрнымъ залогомъ, что единодушіе обѣихъ дружественныхъ державъ дастъ европейской политикѣ рѣшительное направленіе и на Босфорѣ.

Пренія въ недавно открывшемся итальянскомъ парламентѣ, какъ и слѣдовало ожидать, сосредоточились на африканской политикѣ правительства. Отвѣчая на запросы, маркизъ ди-Рудини заявилъ 19 ноября парламенту, что окончательнаго рѣшенія по этому предмету еще не принято, но, по мнѣнію правительства, слѣдовало бы превратить Эритрею — источникъ постоянныхъ опасностей — въ гражданскую и торговую колонію.

Что же касается дѣлъ въ Абиссиніи, то, какъ сообщаетъ. Нерадичини отъ 13 ноября, ратификаціонная телеграмма короля немедленно передана негусу Менеліку и черезъ три дня

итальянской уполномоченный рассчитывал прибыть в Харрарь съ 200 пѣшыми. Растъ-Макошенъ позаботился о пути и увѣрилъ, что, какъ только негусъ получитъ телеграмму короля, всѣ пѣшые будутъ доставлены въ Харрарь. Вместе съ тѣмъ рѣшенъ уже въ благопріятномъ смыслѣ и вопросъ о захватѣ итальянскими военными судами парохода съ оружіемъ, адресованнымъ въ Эіонію. По извѣстіямъ изъ Рима отъ 26 ноября, призовый судъ призналъ захватъ законнымъ, но, въ виду окончанія войны съ Абиссиніей, судомъ признано также, что нѣтъ болѣе поводовъ удерживать судно и грузъ, а потому ихъ слѣдуетъ возвратитъ владѣльцамъ, которымъ, впрочемъ, не предоставляется право некавъ возмѣщенія убытковъ.

Палатѣ депутатовъ доложено 25 ноября о финансовомъ положеніи Италіи. Вводимый добавочный налогъ будетъ уменьшать дефицитъ ежегодно на три милліона лиръ до конца нашего столѣтія, когда удастся возстановитъ равновѣсіе въ бюджетѣ королевства. Докладчикъ заявилъ, что эра долговъ закон-

чится для Италіи вмѣстѣ съ окончаніемъ африканскаго предпріятія; при иностранной политикѣ, соединенной съ достоинствомъ и осторожностью, общественный кредитъ будетъ де расцвѣтатъ; можно де надѣяться, что послѣ многихъ бурь и для Италіи прольнетъ лучъ разсвѣта.

Стремленія вынужденнаго итальянскаго правительства покочить съ Эритреей, когда настанетъ для этого благопріятный моментъ, встревоживъ британскіе политическіе кружки, вызвали съ ихъ стороны кое-какія комбинаціи. Газета *Standard* получила изъ Рима свѣдѣнія, что британское правительство выразило желаніе принятъ на себя всѣ расходы по оккупациі Эритрея и Кассалы, если Италія предлолагаетъ сохраниитъ ихъ за собою на нѣкоторое время, но съ условіемъ, чтобы затѣмъ эта территория передана была Египту. Съ другой стороны, по сообщеніямъ официальной газеты *Corriere di Napoli*, британское правительство предложило Италіи „уступить Эритрею за очень хорошія деньги“.

СМѢСЬ.

Юбилей Н. Н. Каразина. 27 ноября русскіе художники и литераторы и друзья и почитатели Николая Николаевича Каразина торжественно праздновали исполнившееся 25-лѣтіе его художественно-литературной дѣятельности. Чествованіе Н. Н. Каразина началось уже съ утра, на его квартирѣ, и закончилось торжественнымъ обѣдомъ. Первымъ привѣтствовало юбиляра духовенство ливонской ульяновской церкви св. Петра митрополита и депутація отъ приходскаго попечительства, которая поднесла Н. Н., какъ своему сочлену, адресъ и икону св. Петра митрополита; на квартирѣ же отслуженъ былъ задравный молебень. Затѣмъ начали прибывать на квартиру юбиляра депутація отъ общества художниковъ, ученыхъ обществъ, повременныхъ изданій, въ которыхъ сотрудничалъ и продолжаетъ сотрудничать юбиляръ, и отъ многочисленныхъ почитателей его яркаго и многосторонняго таланта. Первымъ явилось къ юбиляру „Общество русскихъ акварелистовъ“, поднесшее своему собрату великолѣпный альбомъ съ нѣсколькими десятками работъ членовъ общества, съ предѣвателемъ его Альбертомъ Бенуа во главѣ. Альбомъ врученъ былъ юбиляру художникомъ С. О. Александровскимъ, состоявшимъ предѣвателемъ комитета по устройству праздника. Вслѣдъ за „Обществомъ акварелистовъ“ явилась съ привѣтствіемъ депутація отъ кружка художниковъ „Суббота“, въ лицѣ гг. Беркова, Галкина, Овсянникова и Нисемскаго. Поднесшая оригинальный и изящный подарокъ — прессъ-папье, представляющая изъ себя двѣ книжки изъ камня зѣвевка, на которыхъ покоятся серебряная палитра съ надписями; на палитрѣ, вмѣсто красокъ, помѣщены фотографическіе портреты членовъ кружка, а на первомъ, заглавномъ мѣстѣ—иниціалы имени юбиляра. Адресъ кружка, исполненный акварелью В. В. Овсянниковымъ, представляетъ собою искусно исполненную копію древне-русскаго свитка XIII в.; вмѣсто подписи внизу на адресѣ, по обычаю того времени, изображено рукоприкладство. Затѣмъ привѣтствовала Н. Н. Каразина депутація отъ „Общества русскихъ художниковъ“, въ лицѣ его предѣвателя г. Кондратенко и г. Егорнова, и „Общество понедѣльниковъ“, депутація котораго состояла изъ предѣвателя Общества герцога Николая Николаевича Лейхтенбергскаго, товарища предѣвателя академика Шрейбера, академика Салтапова, Мусина-Пушкина, Мюссара, Сафонова и Шарлеманя. Юбиляра почтили также привѣтствіемъ дамскій художественный кружокъ „Середа“, дамы художницы—г-жи Бэмъ, Ендогурова и Шнейдеръ, поднесшія адресъ, украшенный акварелью Е. М. Бэмъ; дамы-почитательницы поднесшія два адреса и золотой жетонъ. Кроме того, поздравленія юбиляру принесены были вице-президентомъ Императорскаго Географическаго общества сенаторомъ П. П. Семеновымъ; Г. К. Градовскимъ и Н. А. Лейкинымъ—депутатами Литературно-Архестическаго Кружка. Изъ періодическихъ изданій привѣтствовали юбиляра: редакция *Петербургской Газеты*, поднесшая адресъ-бюваръ, на крышкѣ котораго былъ отпечатанъ на атласѣ портретъ Н. Н. Каразина и копія съ его картинъ; журналы—*Нива*, поднесшая роскошный тисненой кожи адресъ-бюваръ, украшенный инициалами юбиляра; кроме того, издатель *Нивы* А. Ф. Марсъ поднесъ Н. Н. Каразину лично отъ себя двѣ бронзовыя группы: „Ворзятникъ“ и „Хивинецъ на верблюдѣ“. Журналъ *Родина* поднесъ бюваръ, на атласной крышкѣ котораго напечатана обложка самаго журнала, нѣкогда рисованная юбиля-

ромъ; прекрасный адресъ поднесъ Н. Н. также журналъ *Пирושечка*. А. Ф. Девриенъ—поднесъ Н. Н. Каразину бронзовую статую „Славя“; заведеніе графическихъ искусствъ Маркуса поднесло юбиляру адресъ и подарокъ—серебряную чернильницу, въ видѣ улья. Наконецъ, комитетъ по устройству праздника—въ лицѣ предѣвателя С. О. Александровскаго и членовъ: Н. А. Богданова, П. П. Гибдича, Ю. О. Грюнберга, Вас. Н. Немровича-Данченко и А. Н. Шарлеманя—передалъ юбиляру цѣнный подарокъ отъ публики, друзей и почитателей его таланта—бронзовую статую „Фрина“,—копію извѣстной статуи М. М. Понова; статуя помѣщена на пьедесталѣ изъ розоваго мрамора, украшенномъ золоченой бронзой. Передавая этотъ подарокъ, Н. П. Гибдичъ обратился къ юбиляру съ краткою привѣтвенною рѣчью. Затѣмъ, вилоть до 5 часовъ, не переставали являться къ юбиляру съ поздравленіями его многочисленныя друзья и всѣ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества.

Въ семь часовъ состоялся въ ресторанѣ Контанъ обѣдъ по поднескѣ, на которомъ присутствовало болѣе 200 человекъ. Почтить таланта юбиляра явились и предѣватели искусства и литературы, извѣстные представители науки, и лица изъ военнаго и чиновнаго міра, и блестящій цвѣтникъ дамъ въ свѣтлахъ балхнхъ туалетахъ. Во главѣ художественнаго кружка „понедѣльниковъ“ на обѣдѣ присутствовалъ герцогъ Николай Николаевичъ Лейхтенбергскій.

У каждаго куверта лежало художественно-исполненное меню обѣда, украшенное портретомъ виновника торжества, рисованное Н. А. Богдановымъ. Первымъ тостъ за здравіе Ихъ Величествъ провозгласилъ маслитымъ ветераномъ, генераломъ М. Г. Черняевымъ. Слѣдующій тостъ за самого юбиляра провозгласилъ старѣйшій изъ художниковъ—Н. П. Сверчковъ. Вслѣдъ за тѣмъ произнесено было много тостовъ и здравницъ; поэтъ В. Л. Величко прочелъ стихотворное поздравленіе отъ „Кавказа“; С. Н. Сыромятниковъ провозгласилъ тостъ за „Старога Журавля“, такъ удачно воспѣтаго юбиляромъ перомъ и въ краскахъ; оригинальное и остроумное привѣтствіе провозгласилъ два молодыхъ китайца—секретарь и агташе китайскаго посольства. В. И. Арпестовъ прочелъ прекрасное привѣтствіе отъ маститаго Д. В. Григоровича. Затѣмъ читались многочисленныя поздравительныя телеграммы: отъ великаго князя Владиміра Александровича, отъ харьковскаго университета, привѣтствовавашаго юбиляра, какъ внука незабвеннаго В. Н. Каразина, основателя харьковскаго университета, отъ М. А. Зичи, Альб. Н. Бенуа и г. д. Всего было получено 410 телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи. По окончаніи обѣда было получено письмо отъ кн. Э. Э. Ухтомскаго, который, не имѣя возможности присутствовать на обѣдѣ, вслѣдствіе болѣзни, увѣдомилъ юбиляра, что Государю Императору благоудно было вспомнитъ о Н. Н. Каразинѣ 27 ноября и поручитъ кн. Ухтомскому поздравитъ юбиляра. Письмо это вызвало бурю восторга. Гимнъ, исполненный оркестромъ, былъ дружно подхваченъ всѣми присутствовавшими и долго оглашалъ стѣны громаднаго зала.

Послѣ обѣда много удовольствія доставилъ всѣмъ присутствовавшимъ на обѣдѣ извѣстный нашъ баритонъ І. І. Тартаковъ, артистически спѣвшій нѣсколько романсовъ подъ аккомпаниментъ г. Друсскаго. Затѣмъ въ залѣ состоялся танцы, и торжество затянулось далеко за полночь.

Разныя извѣстія.

— 26 ноября Петербургъ праздновалъ день св. Георгія Побѣдоносца и тезоименитство Его Императорскаго Высочества Настѣвника Цесаревича Георгія Александровича и великаго князя Георгія Михайловича. Съ утра Петербургъ украсился флагами. Во всѣхъ церквахъ столицы совершены были молебствія. Въ Исаакіевскомъ соборѣ торжественное богослуженіе совершенно было высокопроясненными митрополитомъ с.-петербургскимъ Палладіемъ, съ соборомъ архіереевъ и предѣвателями столичнаго духовенства. Въ военныхъ и полковыхъ церквахъ богослуженія сопровождался церковными парадми. Главное же торжество сосредоточилось въ Зимнемъ Дворцѣ. По установленному обычаю, состоялся Высочайшій выходъ въ Большой соборъ Зимняго дворца и въ Георгіевскую залу, въ которой отслужено было торжественное молебствіе. Затѣмъ, въ нижнемъ юрданскомъ коридорѣ Дворца, давъ былъ

обѣдъ нижнимъ чинамъ—георгіевскимъ кавалерамъ (всего 993 человекъ). Государь Императоръ, вмѣстѣ съ великими князьями, почтили Своимъ присутствіемъ этотъ обѣдъ и провозгласилъ: „За здравіе всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ, за ваше здравіе, братья!“ Въ концѣ третьяго часа дня происходила прибывка новаго знамени 145-го пономочерскаго императора Александра III полка. пожалованнаго Государемъ Императоромъ по случаю исполнившагося столѣтія существованія этого полка. Въ половинѣ шестаго часа дня состоялся въ Николаевской залѣ Зимняго Дворца Высочайшій обѣдъ для георгіевскихъ кавалеровъ. Вечеромъ въ Александринскомъ театрѣ для георгіевскихъ кавалеровъ данъ былъ спектакль.

— 11 ноября состоялось въ Феодосіи освященіе памятника императору Александру III. въ присутствіи таврическаго губернатора штабмейстера Лаза-

рева, предѣвателя комитета по постройкѣ памятника И. К. Айвазовскаго, всѣхъ мѣстныхъ властей, городскихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и офицеровъ гарнизона. Памятникъ находится противъ городского собранія, въ концѣ бульвара Айвазовскаго. Онъ изображаетъ четырехугольную призму, изъ киевскаго чернаго лабрадора. Наверху этого пьедестала, къ которому ведетъ рядъ ступеней, поставлено изображение императора Александра III. во весь ростъ. Лицомъ онъ обращенъ къ Феодосіи. столь благодѣтельствованной Царемъ-Миротворцемъ. Въ правой, опущенной рукѣ—военная фуражка, а лѣвая заложена за бортъ сюртука. На лцевой сторонѣ пьедестала надписи: „Императору Александру III благодарная Феодосія“, а на задней: „Сооруженъ въ благополучное царствованіе Императора Николая II 1896 года“. Памятникъ дѣлалъ профессоръ Бахъ, а отлита фигура на заводѣ Берто.

бывшем Шопена. Каменные работы производились в Одессе, у Молinari.

— Для окончательного рѣшенія вопроса о положеніи крейсера 1-го ранга „Россия“. 24 ноября, у главнаго командира кронштадтскаго порта, вице-адмирала Н. П. Казнакова, собрался, какъ сообщаетъ газета *Котлинъ*, совѣтъ изъ высшихъ представителей по различнымъ специальностямъ морского дѣла. Совѣтъ одобрилъ результаты землечерпательныхъ работъ и рѣшилъ признать целесообразнымъ продолженіе этихъ работъ, такъ какъ представленный водолазною школою рельефъ дна съ лѣвой стороны крейсера обнаружилъ, что крейсеръ сидитъ серединою, а съ носа и кормы на одну четверть длины судна—свободенъ, и что полоса грунта, въ которой сидитъ крейсеръ этимъ бортомъ, незначительна; правый бортъ крейсера пока еще не обстраванъ. На основаніи заявленій вполнѣ компетентныхъ лицъ, рѣшено также не дѣлать никакихъ загражденій вокругъ крейсера, такъ какъ онъ совершенно обезпеченъ отъ опасности ледохода.

— Рождественную и близкую намъ Черногорію постигло тяжелое бѣдствіе—наводненіе. Въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* помѣщена кн. Д. Голицынымъ (Муравынымъ) выдержка изъ письма, полученнаго имъ изъ Цетины. Достаточно привести эти строки, чтобы повѣсть огромныя размеры этого бѣдствія: „...Все время шли дожди, на рѣкѣ вода доходила до верхней улицы, а въ низкихъ мѣстахъ—до верхнихъ косяковъ дверей. Больше всего пострадала долина Зеты между Скутарекимъ озеромъ и Подгорицей. Тамъ все почти села были потоплены, погибли скотъ, погибли все запасы хлѣба и сѣна. Жители спаслись на лодкахъ. Рѣка Зета шла черезъ Нишерскій мостъ (что ведетъ на Дуклю) и черезъ него несла стогн сѣна, коши съ житою и деревья изъ Бѣлопавличей. Много мостовъ снесено. Въ Цермницѣ разрушено 38 домовъ потокомъ съ Сутормана. Въ Дулицинѣ провалась р. Бойна черезъ недавно сооруженную плотину и теперь все пространство, приблизительно 12 тысячъ десятинъ поля, за Ниномъ и къ востоку отъ Кадръ сплоско съ Вояномъ и моремъ и представляетъ собою сплошное море... Но мало пострадало и Цетинье... Тяжелое время переживается здѣсь... Князь, не щадя себя, посѣщаетъ пострадавшія мѣстности. Комитетъ для помощи пострадавшимъ открытъ уже свои дѣйствія, но помощи одной Черногоріи далеко не достаточно. Изъ среднихъ и восточныхъ округовъ сообщаютъ: всюду наводненіе причинило большія оутошенія; скотъ, хлѣбъ и сѣно погибли, мосты и плотины снесены... матеріальный убытокъ нечислится пока приблизительно въ два милліона гульденовъ (сумма, значително превышающая годовую бюджетъ княжества). Прикорбнѣе всего то, что народъ въ этомъ году радовался благоприятному урожаю и оживилъ разсчеты, что не придется покупать хлѣбъ за границей, а тутъ неожиданно разразилась такая бѣда! Пожертванія въ пользу пострадавшихъ черногорцевъ принимаются въ конторѣ редакціи *Петербургскихъ Вѣдомостей* (Шпалерная, 26).

— 27-го ноября, въ день шестидесятилѣтія перваго представленія оперы „Жизнь за Царя“, открытъ, по словамъ *Новаго Времени*, во вновь отреставрированномъ зданіи петербургской консерваторіи музей М. П. Глинки. Музей этотъ создается съ разрѣшенія Августѣйшей и предѣлительницы Императорскаго русскаго музыкальнаго общества и с-петербургской консерваторіи великой княгини Александры Іосифовны и по инициативѣ единственной сестры композитора, Людмилы Ивановны Шестаковой, сдѣлавшей такъ много для прославленія имени своего гениальнаго брата. Желая сохранить, какъ сказано въ предисловіи къ каталогу, вещи М. П. Глинки для потомства, она отдала все, что только напоминаетъ его или относится къ его музыкѣ. Входить въ музей М. П. Глинки, устроенный въ особо отведенномъ для него помѣщеніи у фойѣ большаго концертнаго зала с-петербургской консерваторіи, безплатный по воскресеньямъ и пятницамъ, отъ 12 до 2 час. пополудни. Каталогъ предметамъ музея продается по 75 и 50 к. (боръ отъ продажи каталога, но желанію сестры покойнаго композитора—Л. П. Шестаковой, поступаетъ въ кассу Общества для вспомоществованія учащимся въ с-петербургской консерваторіи.

Въ виду предстоящаго въ будущемъ году перваго выпуска студентовъ московскаго сельско-хозяйственнаго института, совѣтъ института вошелъ, какъ сообщаетъ *Новое Времѣ*, въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ съ представленіемъ о разсмотрѣннн программахъ и способѣхъ испытанія оканчивающихъ курсъ института. Ученый комитетъ министерства призналъ необходимымъ про-

Самуилъ Ганеманъ (по поводу столѣтія гомеопатіи). Грав. К. Вейерманъ.

заводить испытанія осенью, на лѣто же командировать оканчивающихъ курсъ для подготовкн въ диссертаціи для практикн въ частныя имѣнія, по четыре студента въ каждое.

— 9 октября скончался членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, Дмитрій Михайловичъ Познякъ. Покойный родился въ Кіевѣ въ 1842 году и получилъ домашнее образованіе. Въ числѣ руко-

женіе русскіхъ поселенцевъ въ Ковенской, Виленской и другихъ западныхъ губерніяхъ. Съ 1890 по 1893 г. былъ воронежскимъ вице-губернаторомъ. Перу покойнаго принадлежатъ рядъ романовъ, повѣстей и разсказовъ, печатавшихся преимущественно въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и изданныхъ отдѣльно въ двухъ томахъ. Изъ его произведеній назовемъ: „Подъ облаками“, „Сквозь огонь страсти“, „Дорогою цѣлюю“, „Вражья сила“, „Перемелется—мука будетъ“ и др. Въ прошломъ году Д. М. былъ директоромъ-распорядителемъ Россійскаго телеграфнаго агентства. — 5 ноября скончался послѣ продолжительной болѣзни управляющій Собственной Его Величества канцеляріей, членъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь, д. т. с. Константинъ Карловичъ Репенка-мифъ. Покойный родился 5 ноября 1827 года и, по окончаніи курса въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, началъ службу въ Сенатѣ. Въ 1858 году К. К. былъ назначенъ директоромъ канцелярскіа комитета приривія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, съ 1861 г. управлялъ отдѣленіемъ дѣлъ государственнаго секретаря, въ 1867 г. назначенъ статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта, въ 1873 г. статсъ-секретаремъ Его Императорскаго Величества. Находясь на службѣ въ Государственномъ Совѣтѣ, покойный неоднократно исполнялъ обязанности государственнаго секретаря. Въ 1875 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ и членомъ особаго присутствія для разсмотрѣнн дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Съ 1880 г. принялъ участіе въ управленіи Собственной Его Величества канцеляріи, въ 1889 г. былъ назначенъ управляющимъ этой канцеляріей и дѣломъ нынѣшняго года—членомъ Государственнаго Совѣта. Комитетъ приривія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ потерялъ въ лицѣ покойнаго одного изъ энергичныхъ своихъ дѣятелей. К. К. участвуя въ трудахъ комитета въ продолженіе почти 40 лѣтъ, обратилъ особенное вниманіе на устройство пріюта для вдовъ и круглыхъ сиротъ чиновниковъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ участвовалъ въ дѣлахъ совѣта Императорскаго человеколюбиваго общества и былъ помощникомъ главнаго попечителя этого общества. Какъ человекъ, К. К. пользовался симпатіями всѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ какое-либо дѣло.

— Скончавшійся въ Вяткѣ отъ смертельной раны, нанесенной умалителнымъ, вышумленнымъ изъ больницы, предѣдателю вятской губернской земской управы Авксентіи Петровичу Ватуеву принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ общественныхъ дѣятелей, для которыхъ идея служенія ближнему и общественная польза составляютъ цѣль жизни. Получивъ юридическое образованіе, покойный всецѣло посвятилъ свою дѣятельность вятскому земству, являясь въ этомъ отношеніи образцовымъ земскимъ дѣятелемъ. Будучи молодымъ человекомъ (покойному не было еще и Юлѣтъ), онъ уже второе трехлѣтіе находился во главѣ земской управы. При немъ, по почину губернскаго земства, учреждены въ Вятской губерніи сельскія бібліотеки, земскіе книжные склады, чтенія для народа, устраиваются педагогическіе и сельско-хозяйственныя курсы для народныхъ учителей, число и члалъ въ хъ школъ удвоилось, намѣчено къ открытію нѣсколько профессиональныхъ училищъ по разнаго рода специальнымъ зананіямъ, будущность земскихъ мелкихъ труженниковъ обезпечивается эмеритурой, поднятъ вопросъ о снабженіи крестьянскихъ хозяйствъ лошадыми и пр. Словомъ, съ именемъ покойнаго и съ его увѣжденной энергичностью дѣятельностью связанъ въ Вятской губерніи цѣлый рядъ полезныхъ предпріятій и хорошихъ общественныхъ начинаній. Какъ человекъ, А. П. Ватуевъ имѣлъ замѣчательно отзывчивое сердце, отличался доступностью и простотою обращенія. Онъ по мѣрѣ возможности помогать всѣмъ нуждающимся и оказывалъ неоднократно матеріальную помощь умалителному Шабалину, отъ руки котораго было суждено ему погибнуть. Рядъ скорбншаго дознанія благотворныхъ результатовъ въ общественныхъ полезныхъ предпріятіяхъ покойный А. П. неоднократно принималъ за перо и его статьи всегда охотно печатались въ періодическихъ изданіяхъ.

Больница въ память императора Александра II, устраиваемая С.-Петербургскимъ благотворительнымъ обществомъ послѣдователей гомеопатіи.

водителей-воспитателей покойнаго были, между прочимъ, Н. И. Костомаровъ. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ, Д. М. началъ свою служебную карьеру въ департаментѣ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ, куда опредѣлился въ качествѣ переводчика; затѣмъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ начальникѣ Северо-Западнаго края. Въ 70-хъ годахъ участвовалъ въ засѣданіяхъ многихъ комисій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и изучалъ подо-

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№. журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву“ 1897 года заблаговременно, въ виду того, что въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногороднихъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

Подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ 1897 г. 52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ).

2 ТОМОВЪ СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЫКИНА,
печат. на хорош. глазиров. бумагѣ.

Всѣ романы, повѣсти и рассказы будутъ напечатаны въ „Сборникъ Нивы“ въ томъ видѣ, какъ они были написаны авторомъ, безъ всякихъ пропусковъ и сокращеній.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТ. ПРИЛОЖЕНІЙ“: романы, повѣсти, рассказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „Парижскихъ модъ“: заключающихъ въ себѣ въ теченіе года до 300 модныхъ рисунковъ.

12 №№ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и выкроекъ (съ 600 рисунк. и чертежами въ теченіе года).

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ, отпечатанный красками.

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журн. „НИВА“, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

БОБОРЫКИНА

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годовое изданіе „НИВЫ“ со всеми приложеніями:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ . . . 5 р.

Съ доставкою въ С.-Петербургъ . . . 6 р. 50 к.

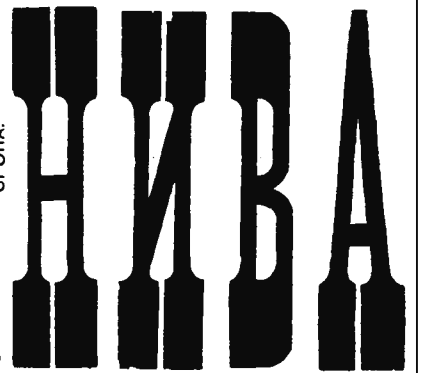
Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. Н. Печковской . . . 6 р.

Съ перес. во всѣ города и мѣстности Россіи . . . 7 р.

ЗА ГРАНИЦУ . . . 10 р.

Безплатное приложеніе на 1897 годъ

КЪ ЖУРНАЛУ

СОДЕРЖАНІЕ: Судьба. Повѣсть И. Н. Потапенко. — Подпоручикъ „Машенга“. Изъ воиноминаній (старого армейца В. А. Дов-лло (Продолженіе.) — Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій (съ портр.). — Къ рисункамъ: Земной рай (съ рис.). — Христа ради (съ рис.). — Гений и насиліе (съ рис.). — Протодьяконъ (съ рис.). — Происшествіе (съ рис.). — Любовное письмо (съ рис.). — Протоіерей Д. А. Борщъ (съ портр.). — Н. П. Щепинъ (съ портр.). — Больница въ память императора Александра II-го, устраиваемая (С.-Петербургскимъ благотворительнымъ обществомъ) последователей гомеопатіи (съ портр. и рис.). — Политическое обозрѣніе. — Сѣвск. — Разная извѣстія. — Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ. — Объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ 1897 г. — Объявленія.

При этомъ № прилагаются „Сочиненія Д. В. ГРИГОРОВИЧА“, т. XII (Сборникъ „Нивы“ за Декабрь).

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой.)

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ

для вышиванія по канвѣ крестикомъ и гладью, составленный по оригинальнымъ рисункамъ

Б. А. ЛЕВЕНЦА.

Альбомъ заключенъ въ красивую папку, украшенную печатанною въ 10 красокъ аварелью художника Н. Богданова.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Съ 1 января 1897 г.

ВЕЛОСИПЕДНЫЙ ЖУРНАЛЪ „ЦИКЛИСТЪ“

вступающій въ III годъ изданія, будетъ выходить

ЕЖЕДНЕВНО, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ небольшой, но **ИЗЯЩНОЙ ГАЗЕТЫ.**

Подписная цѣна на годъ 5 р., на 1/2 г. 3 р. Адресъ: Москва, Кузнецкій мостъ, редакція „Циклиста“. Ц. № 9749 2-1

Издатель: Д. И. Головинъ и Г. Я. Липскеровъ.

ПОДПИСКА НА 1897 г. ОТКРЫТА.

ЧАСЫ ДЛЯ НОЧНОГО ВРЕМЕНИ

освѣщаются электричествомъ.

Ночное описаніе часовъ выс. безплатно.

Главное депо часовъ

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 32.

А. О. БРАБЕЦЪ.

Иллюстрирок. преѣзъ-курантъ безплатно.

КОНЬКИ всѣхъ системъ отъ 1 до 12 руб. С.П.Б. Морская, 40.

Калуферъ, Бузымичевскую траву, Хвощъ, Врусничную траву, всѣ другія лѣкарственныя растенія вымѣняетъ Провизоръ П. Фогель. Гор. Луны, Ц. 9897 Подгавской губ. 6-8

Фабричный **СКОЛАДЪ ЧАСОВЪ „ЖЕНЕВА“** въ Варшавѣ, Бѣльска, 20

высыл. иллюстр. преѣзъ-курантъ **БЕЗПЛАТНО.**

Склады фотографическихъ принадлежностей

Ф. ЮХИМЪ и К^о.

С.-Петербургъ. Невскій пр., № 3. Москва. Театральн. проездъ. (28)

Гремднѣйшій выборъ всевозможныхъ аппаратовъ для фотографовъ спеціалитовъ и любителей, а также для научныхъ цѣлей.

Грѣйсъ-курантъ изданія 1896 г., состояющій изъ 424 страницъ, въ 8-ми листъ, съ 710 рисунками въ текстѣ, вышедъ изъ печати и высылается по требованію за 50 коп. почтовыми марками.

ВСѢ НОВОСТИ ПО ФОТОГРАФИИ.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ.

Прод. во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ Россіи.

Дирекція источника ГОРЬКОЙ ВОДЫ: **ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ**, въ Булапештѣ.

ПАТЕНТЪ Девисъ и Мелларъ

Ихжекторы РАБОТНОЩЕ

МЯТЫМЪ ПАРОМЪ.

Большая выгода при варѣхъ паровыхъ машинъхъ бѣзъ конденсаторовъ. Большая экономія топливахъ другихъ ихжекторовъ и питательныхъ насосовъ. Замѣтна всахъхъ парогрѣвательныхъ безъ запаратьхъ билахъ и топилва. Исключительная продажа для Россіи въ конторѣ

Л. Ф. ПЛО

ВЪ МОСКВѢ, Мясницкая, № 17.

Голландскій магазинъ

БРАТЬЕВЪ ЭНГВЕРТСЪ и К^о.

Гостинный дворъ, №№ 14, 146, 147.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Мунское и дамское бѣлье. Поэтова. Столовое бѣлье. Приданое. Шерстяныя, бумажныя и шелковыя ткани. Nouveautés къ каждому сезону.

Образцы и преѣзъ-курантъ по желанію высылается немедленно.

ТОВАРИШЕСТВО
"ПРОВОДНИКЪ"
Москва. * Рига. * СПб.

РЕЗИНА. * ЛУПОЛЕУМЪ. * АЗБЕСТЪ. * БАЛАТА.

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: "ПРОВОДНИКЪ"

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

Обращать вниманіе на клеймо съ фирмой.

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ!

Склада Новыхъ Изобрѣтеній
С.-Петербургъ, Большая Морская, № 33.

Машинка для набивки папирсовъ, дѣлаетъ въ 1 часъ 600 шт., годна для всѣхъ номеровъ, ц. 7 р. ♦ Лампа-часы, даютъ свѣтъ, показываютъ время, ц. 5 р. ♦ Кабинетные часы золоч., высеребрен., и оксидирован., ц. 6 р. ♦ Новыя музыкальн. ящики „Dolcine“, очень пріятн. громкій звукъ, для увеселенія общества, ц. 15 р. ♦ Волшебные фонари въ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10 р. и дорожж. ♦ Новыя-шія фонуныя коллечки въ 3, 4, 5, 6, 8, 10 и 15 р. ♦ Пишущая машина, не игрушка, ц. 8 руб. ♦ Англ. карм. часы, никелев. заводятся безъ ключа; ц. 4 р. — 5 шт. 18 р. Часы женева. лучшихъ фабрикъ сер. отъ 10 р., черн. отъ 8 р. Будильники всевозможные 3 р., тоже съ музык. 1-й сортъ 10 р. ♦ Секундомѣры отъ 10 р. и шагомѣры 8 р. ♦ Штопальный аппаратъ, чинитъ чулки, подотно, матеріи и проч. какъ тканю; вставленіе и пробная работа прилагаются, ц. 2 р. ♦ Звонки безъ элементовъ, замѣняющіе вполнѣ электрическіе. Продаются посредствомъ простого шнура всюду, не стѣсняясь разстояніемъ, ц. 4 р. ♦ Фотографическіе аппараты для сниманія видовъ, портретовъ, ландшафтовъ и т. д. отъ 5 р. и дорожж. ♦ Свистки „Торпедо“ и „Сирена“ лучше въ мірѣ, ц. 1 р. 50 к. и 75 к. ♦ Нов. америк. точилки; достаточно провести по ней любымъ ножомъ нѣсколько разъ, чтобы онъ сдѣлался острымъ какъ бритва, ц. 50 к. и 75 к. ♦ Аппаратъ для выдѣлки и обметыванія петель. Очень практичный, ц. 1 р. 75 к. ♦ Пантографы для увеличенія и уменьшенія плановъ, чертежей, картинъ и пр., ц. 1 р. 50 к.; 2 р. 50 к.; 3 р. 50 к. до 10 р. ♦ Чудо-лампа, при нажимѣ моментально свѣтъ и огонь, 3 р. ♦ Электрическіе зажигатели для стола (сухіе элементы и аккумуляторъ) ц. 15 р., 20 р. и дорожж. ♦ Волшебная коробка (Zauber Dose) съ магн. тащ. фигурами, 2 р. ♦ Бензиновые свѣчи разн. величинъ, ц. 1 р. 50 к., 2 р. 30 к. и дорожж. ♦ Аппаратъ для вдвѣванія нитокъ въ иглу, ц. 1 р. ♦ Контрольн. часы для варки яицъ въ смѣтку, въ полукруглую и круглую, ц. 2 р. ♦ Англ. салфетки для чистки безъ порошка золота, серебра, драгод. камней и прочихъ металловъ, изъ тончайшей верблюжьей шерсти, ц. 75 к., 1 р. и 1 р. 25 к. ♦ Геросино-газовыя кухн. разн. системъ для быстрого пригото-вленія кушаній, ц. 5 р., 6 р., 7 р. и 7 р. 50 к. ♦ Тож: переносныя печи для отопленія холодныхъ и просушки сырыхъ помѣщеній, съ плитою для пригото-вленія кушаній, ц. 16 р. и 18 р. Всѣ заказы высылаются немедленно, мыжно и налож. платежемъ. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 14 к. марк.

1877 г.

1882 г.

1886 г.

1896 г.

Поставщикъ Двора Его ИМПЕРАТОРСКАГО Величества
и Его Императ. Высоч. Вел. Князя Сергія Александровича

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Товарищество

П. А. СМІРНОВА

въ МОСКВѢ, у Чугуннаго моста.

За высокое достоинство товаровъ на Всерос-
сійской Нижегородской выставкѣ въ 1896 г.
фирма удостоена высшей награды — ЧЕТВЕРТАГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА.

ОТДѢЛЕНІЯ НАХОДЯТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, на углу Мал. Морской и Гороховой, д. № 13—8
Въ Нижнемъ-Новгородѣ, на Нижнемъ Базарѣ, рядомъ съ Волжско-
Камскимъ банкомъ. Ц. № 9756

4711
Лучшій цвѣточный О-де-колонъ.
№ 4711
„РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ“
ПРЕВОСХ. ПРОДОЛЖИТ.
И ДЕШЕВ. ДУХИ ДЛЯ ПЛАТКОВЪ
Всѣхъ цвѣточныхъ и модныхъ запаховъ
ПРОДАЮТ. ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХ. 4711 И ПАРФЮМЕР. МАГАЗИНАХЪ

Ц. № 9610 8—5

Цѣны: 1 р. 10 к. и 60 к. за флаконъ, смотря по величинѣ.

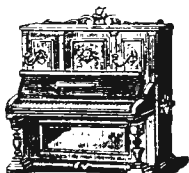
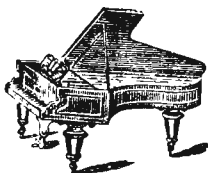
На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика

РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО

основанная въ 1810 году
СПБ., Владимірская, № 8,
рекомендуетъ превосходнаго
тона и отличной работы
РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 700,
610 и 550 рублей
ПИАНИНО въ 650, 500 и 450 р.
Прейсъ-курранты высылаются
бесплатно.
В. № 9588 13—4

В. Фреймутъ.

Москва, Никольская, д. гр. Ше-
реметьева, прот. Слав. Базара.

Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЯКАГО РОДА ЧАСОВЪ,

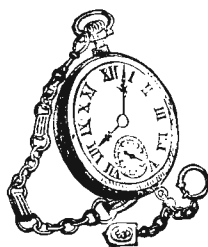
III. № 9624 собствен. и друг. фабр. (2)

Всегда наложеннымъ платежемъ. Полнымъ прейсъ-куррантъ бесплатно.

Мои превосходно составленныя
КОЛЛЕКЦІИ для ЕЛОКЪ въ
5-10-15-25-50 РУБ.
БАЗАРЪ МАРОКЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 20-31.

ЗАКАЖИТЕ СКОРѢ
ДЛЯ ПОЛУЧКИ ПО ЖЕЛ. ДОР.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ КАРМАННЫЕ ЧАСЫ

НИКЕЛЕВЫЕ
заводъ безъ ключа, анкернымъ ходомъ
АМЕРИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ
къ нимъ дѣлочка новаго золота и брелокъ въ память Свѣ-
щеннаго Коронованія Ц. № 9681 4—4
только за 4 руб.

Заказы высылаются по полученіи не менѣе 1 руб. задатка.
Требованія прошу адресовать
въ складъ часовъ І. ВУЗЕЕРА, Варшава.
Иллюстрированныя прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

духи — ФІАЛКА АУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
духи — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
духи — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
духи — ЛАНДЫХЪ АУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлеру.

Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Бюлеръ, Э. Бреннскога, Р. Шаскольскаго, у Ко-
стантина Герца, Лимана и Риска, А. Линде, А. Энгелюнда. Въ Москвѣ: у гг. Маръ
и Мерклинъ, въ магазинѣ „А-ла туалетъ“, у Г. Брунса, Л. Борхардъ, Р. Келеръ и К^о,
Оскаръ Гетлингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9363 25—22
Представитель для Петербурга: Д. Герье, 2, Максимилиановскій пер.

ПРЯТНЫЕ ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ

МЕХАНИЧЕСКІЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ лучшаго качества, по крайне умѣреннымъ цѣнамъ:

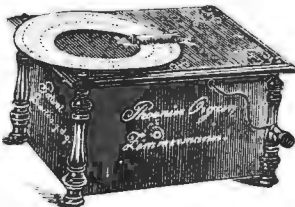

СИМФОНИОНЪ, музыкальный шкатулки, въ родѣ швейцарскихъ, но вмѣсто вала въ нихъ употребляются стальные нотные листы, которые удобно мѣняются и измѣняются въ большомъ выборѣ.

Съ ручкой, 5 рублей. Ноты по 25 коп.
Заводные 40 тонн. 10 р. Ноты по 25 коп.
Заводные 60 тонн. 28 р. Ноты по 50 коп.
Заводные 84 тонн. 40 р. Ноты по 60 коп.
Заводные 84 тонн. Sublime Harmonie 70 р. Ноты по 80 коп.
Заводные Sublime Harmonie Piccolo 160 р. Ноты по 1 р.
Часы съ музыкой 100 тонн. 200 р. Ноты по 1 руб.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ШКАТУЛКИ

Малыя съ ручкой въ 1, 1½ и 2½ руб.
Малыя заводныя въ 5 и 8 р.
Большія заводныя въ 20, 25, 40, 65 и 80 р.
Большія заводныя съ перемѣнными валами въ 175, 275 и 500 руб.

МАЛЫЙ ФЕНИКСЪ 10 р. Ноты по 35 к.
ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ 26 р. Ноты по 60 к.
ОРГАНЪ-ФЕНИКСЪ 40 р. Ноты по 60 к.
ГЕРОФОНЪ 25 р. Ноты по 50 к.

ОРГАНЪ-МАНОПАНЪ

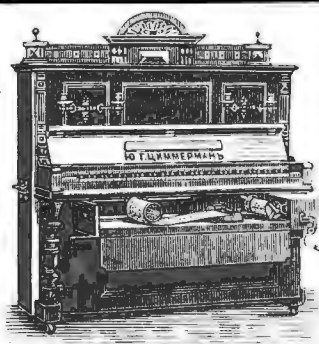
очень удобенъ для танцевъ. Цѣна 55 р.
Ноты по 1 р., 2 р. и дороже.

ПИАНО-МЕЛОДИО (новый механический инструментъ со струнами) цѣна инструмента безъ нотъ 70 р.
Ноты по 60 коп. за метръ (=1½ арш.)

САМОИГРАЮЩІЙ ПИАНО-ОРГАНЪ

механический музыкальный инструментъ со струнами, очень пріятнаго тона. Приводится въ дѣйствіе безъ помощи малыхъ механизмовъ двигателя. Цѣна безъ нотъ 225 р.
Ноты по 60 к. за метръ.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНО.

Прекрасный и практичный инструментъ. Можно играть посредствомъ верчения ручки и какъ на обыкновенномъ пиано. Цѣна 550, 600, 700 и 800 руб.
Ноты по 1 р. 25 к. за метръ.

Аппараты, которые можно приставлять къ роялю или пиано, и посредствомъ верчения ручкою отлично выполнять всевозможныя пьесы:

МЕХАНИЧЕСКІЙ ТАПЕРЪ 160 и 175 руб. Ноты по 1 р. 25 к. за метръ (=1½ арш.)
МЕХАНИЧЕСКАЯ ПИАНИСТЪ 400 р. Ноты за метръ 75 к.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ. СКЛАДЪ НОТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, 34 и 40.

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

По полученіи задатка, приблизительно 1/3 стоимости, требуемое высылаю съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩЕСТВО
БРОКАРЪ и К^о.

„ЦВѢТНОМЪ О-ДЕ-КОЛОМЪ“
защиплетъ духа, гулетную воду, курения и обыкновенныя одеколоты.

„ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ“
изъ настоящихъ цвѣтовъ персидской сирени.

„Глицериновое пудра“
освѣжаетъ и смягчаетъ кожу.

„Усовершенствованное глицериновое мыло“.

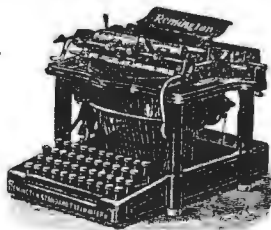
№ 9218 8 - 8

= НОВОСТЬ! =

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ.

1896— —1897.

НОВѢЙШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ПИЩУЩАЯ МАШИНА.

РЕМИНГТОНЪ СПЕЦІАЛЬ

МАССА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ, ЗАТМѢВАЮЩІЯ ВСѢ ДРУГІЯ СИСТЕМЫ. Цѣна 325 руб.

РЕМИНГТОНЪ № 5. 260 РУБ.

Популярнѣйшая и самая распространенная изъ всѣхъ пишущихъ машинъ. Единственный для всей России СКЛАДЪ

Торговый Домъ **М. Блок**

ГЛАВНАЯ КОНТОРА МОСКВА. ОТДѢЛЕНІЯ: С.-Петербургъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Кокандъ, Ростовъ и/Д.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

для производства СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ

въ г. Ригѣ

изготавливаетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.

Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ. Т. № 9599 10-7

ВЕЛИКОРУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

Изданы проф. А. И. Соболевскимъ. Томъ I (низшая эллиптическая пѣсня). СПб. 1895. Цѣна 8 р. — Томъ II (эллиптическая, семейная пѣсня). СПб. 1896. Цѣна 3 р. Складъ изданія въ придворной Е. И. В. Великаго Князя Георгія Михайловича конторѣ (СПб., Общественная, 35)

Для дѣтей отъ 3-хъ до 10-ти лѣтъ
НОВОСТЬ — ПОЛЕЗНАЯ ЗАБАВА

„ВЖИОЧКИ“
или игра въ **КАРТИНОЧКИ**

д. 1 р. 30 к. Тоже новая игра для

„ДѢТЮКЪ ВЪ“

36 КЛѢТОКЪ
д. 1 р. Продается во всѣхъ игрушечныхъ магазинахъ. Для инетор. обѣ игры за 3 р. высыл. мастерская игра и забавъ Б. И. Шайкевича, С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 16. Серебрян. медаль на Всеросс. Нижегородск. выст. Новый каталогъ безплатно.

ЖИРНАЯ ПУДРА АУРИХА
для бѣлизны лица
НЕЗАМѢТНА НА КОЖѢ
ВАСИЛІЙ АУРИХЪ
С.-Петербургъ
Колокольная 18-19

КОРНЕТЬ-а-ПИСТОНЫ
и всѣ другіе духовые мѣдныя и деревянные инструменты.
РОЯЛИ, ПИАНО, ФИСГАРМОНИ.
СКРИПКИ. отъ 2—100 р.
ГИТАРЫ. 3—75 р.
БАДАЛАЙНЫ. 1—20 р.
МАНДОЛИНЫ. 10—75 р.
ЦИТРЫ 8—75 р.
и всѣ прочіе струнные а также и механическіе и самоиграющіе инструменты и принадлежності
рекомендуетъ
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
Москва, Петровка, д. Волкова.
Требуется иллюстрир. прейсъ-курантъ.

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 50

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти ежемес. книг „Сборника“, содерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусков ежемес. литературных приложений, 12 №№ „Парижских мод“ и 12 листов чертежей и выкроек.

1896

Выданъ 14 декабря 1896 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1897 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложениями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу	10 р.
--------------------------------	-------------	--	-------------	--------------------------------------	-------------------	---	-------------	--------------------	--------------

На 1/2 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

Въ праздничный день. Съ карт. Н. Ватутина грав. Павловъ.

Судьба.

Повѣсть

И. Н. Потапенко.

(Продолженіе.)

III.

Матушка оставила Василия на сѣнѣхъ, съ протянутыми впередъ ногами. Волосы его были взерошены, и изъ нихъ въ безпорядкѣ торчали стебельки сѣна и засохшихъ полевыхъ цвѣтовъ. Теперь ужъ онъ весь сидѣлъ подъ солнцемъ и не обращалъ на это вниманія. Всѣ эти новости поразили его. Когда его пробовали приспособить къ какому-нибудь дѣлу, отдавая то въ училище, то въ чиновники, онъ шелъ на это, какъ говорится, „спустя рукава“, заранее зная, что все это такъ собоѣ, ни къ чему. Онъ видѣлъ, что въ этомъ состояло желаніе о. Якова, и шелъ, но ни одна изъ его душевныхъ силъ не откликалась на эти дѣла. Когда же заговорили о дьяконствѣ, онъ почувствовалъ въ этомъ какъ бы нѣчто роковое и неизбѣжное. Духовная должность была у него въ роду; куда бы ни бросала его судьба, въ какія бы положенія ни ставила, все равно въ концѣ концовъ приведетъ его къ духовной должности, какъ приводила до сихъ поръ всѣхъ его предковъ и всю его родню. Этого обойти никакъ нельзя. И потому душа его откликнулась на это извѣстіе со всею живостью, какая только ей была свойственна, и онъ погрузился въ думы.

До сихъ поръ онъ былъ въ такомъ положеніи, какъ если бы глухонѣмой ощущалъ голодъ, но знаки, которыми онъ выражалъ это, были непонятны окружающимъ. И вотъ ему предлагаютъ платье, теплую постель, красивые виды, но все это не то. И вдругъ нашелся человекъ, который понялъ его знаки, и ему даютъ ѣсть.

Василій съ дѣтства отличался склонностью къ мечтательности. Первые его годы прошли среди полей и садовъ теплаго юга. Предоставленный самому себѣ, онъ проводилъ время съ птицами и собаками, лошадьми и телятами, просиживалъ подолгу надъ рѣчкой съ удочкой въ рукѣ, забирался по уши въ воду и плескался въ ней, разрушалъ птичьи гнѣзда, воспитывалъ молодыхъ галокъ и скворцовъ, и не подозревалъ, что жизнь состоитъ не въ этомъ, и что дѣтская свобода была ему дана только на очень короткое время. И тогда никто не говорилъ, что Василию Богъ отказалъ въ способностяхъ, и что у него недостатки преобладаютъ надъ достоинствами. Напротивъ, это былъ мальчикъ живой, подвижный, ловкій и находчивый въ тѣхъ дѣлахъ, которыя составляли сферу его дѣтской жизни. Родители любовались имъ, а знакомые говорили, что онъ далеко пойдетъ.

Но какъ только его отвезли въ школу, съ нимъ вдругъ случилось что-то необыкновенное. Мальчикъ сдѣлался вялымъ, молчаливымъ, безотвѣтнымъ; его умъ, до сихъ поръ удивлявшій всѣхъ своей живостью, дѣтской остротой, находчивостью, какъ-то вдругъ потускнѣлъ, и онъ съ перваго же года попалъ въ разрядъ „ословъ“. Слишкомъ ужъ рѣзокъ былъ переходъ отъ полей и садовъ, отъ птицъ и собакъ, отъ рѣчки и голубятни къ суровымъ школьнымъ коридорамъ, гдѣ все дѣлалось по правиламъ, по часамъ, по звонкамъ, гдѣ все было сухо, холодно, казенно, все давило и стискивало дѣтскій умъ. Василій былъ какъ бы развѣ навсегда изумленъ всѣмъ этимъ, о существованіи чего онъ и не подозревалъ, и выраженіе удивленія, смѣшаннаго со страхомъ, такъ и осталось навсегда въ его глазахъ. Его умъ походилъ на пылавшій веселымъ огнемъ костеръ, поверхъ котораго зачѣмъ-то насыпали кучу влажной земли, и вотъ больше нѣтъ красивыхъ огненныхъ языковъ, поднимающихся къ небу, а только

слабой струйкой пробивается дымъ—единственное свидѣтельство о томъ, что въ глубинѣ еще тлѣютъ сухія вѣтви.

Ученье было его отчаяньемъ, потому что онъ хотѣлъ учиться,—хотя бы для того, чтобы сдѣлать удовольствіе о. Якову и матушкѣ,—но не умѣлъ. Эти сложныя книги, написанныя чуждымъ ему языкомъ, какимъ никогда никто не говорилъ съ нимъ, эти оторванные отъ жизни понятія, которыя ему ни для чего не были нужны,—все это рѣшительно не прививалось къ его мозгу. Съ этого времени онъ, составлявшій всегда радость и гордость о. Якова и матушки, сталъ для нихъ источникомъ мученій, и они начали разсматривать его, какъ Божіе наказаніе. Кончилось тѣмъ, что его признали окончательно неспособнымъ идти впередъ и вернули въ Матѣевку. Но Василій уже привыкъ относиться ко всему на свѣтѣ равнодушно, и то, что было для отца Якова величайшимъ несчастьемъ, для него не было ничѣмъ. Онъ самъ какъ бы не принималъ участія въ своей собственной жизни, а предоставлялъ ей идти своимъ путемъ.

Но теперь онъ почувствовалъ, что его какъ бы что-то призываетъ, нѣчто неизбѣжное, судьба. И онъ углубился въ свои мысли.

Прежде всего его женять. Чтò это значитъ? Это значитъ, что его жизнь на вѣки-вѣчныя соединить съ жизнью другого человека, о которомъ онъ не имѣетъ понятія. Мотря Гончаривна? Чтò это такое? Простая дѣвка, такая же, какъ и всѣ деревенскія дѣвки, какъ и вотъ эта Аксютка, чтò ставить у нихъ самоваръ, съ тою только разницей, что у Мотри, какъ у богатой, ситцы на платьяхъ пестреѣ, да черевички червоше, да наместа на шеѣ больше. Такъ на ней жениться? Ну, да, конечно, за нею дадутъ и деньги, и садъ, и мельницу, и землю... А зачѣмъ ему деньги, и садъ, и мельница, и земля? Никогда у него не было склонности ни къ торговлѣ, ни къ хлѣбопашеству, ни къ садоводству. И вотъ все это онъ получить, и все это ему не нужно, но въ придачу ко всему у него будетъ еще Мотря, да многочисленная родня во главѣ съ вѣчно подвыпившимъ Кондратомъ Терентьевичемъ и его широколицей жинкой, которая хоть и морщится, когда пьетъ водку, но тѣмъ не менѣе пьетъ ее исправно. Всѣ они будутъ къ нему ѣздить, входить въ домъ, какъ свои люди, трепать его по плечу и говорить: „Ну, чтò, зятекъ? Какъ живешь-можешь? Выставляй-ка намъ водки да закуски“... И будутъ раздвигать пьяные голоса, глупыя, несвязныя рѣчи. Василій содрогнулся при мысли объ этомъ. Его тихая, спокойная, какъ бы застывшая натура не выносила ничего грубаго и рѣзкаго.

Онъ хотѣлъ было встать и пройти въ домъ, но лѣнь, охватившая все его тѣло во время сладкаго сна, еще не прошла, и онъ вмѣсто этого опять развалился на сѣнѣхъ, отодвинувшись только въ тѣнь и подложивъ подъ голову обѣ руки. Его мирная, лѣнливая голова не выносила долго неприятныхъ мыслей, и эти мысли мало-по-малу стали покидать ее,—и вдругъ, какъ-то незамѣтно для него самого, онъ сталъ думать о предметахъ, которыхъ никогда не видалъ и не зналъ.

Воображеніе нарисовало ему дѣвушку: тоненькую, худенькую, съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ какимъ-то тихимъ, грустнымъ свѣтомъ горятъ темныя глазки, окаймленные темными рѣсницами. Черныя шелковистые волосы заплетены въ толстую косу. Простое сѣрое платье, можетъ-быть, далеко не свѣжее и потертое, скромно очерчиваетъ нѣжныя, мягкія лініи ея формъ.

Она тиха и молчалива, только глаза ея смотрят выразительно и говорят его душѣ лучшия всякихъ словъ. Они говорятъ: „я скромна, у меня нѣтъ ни отца, ни матери, у меня нѣтъ ничего, кромѣ этого платья и этой густой косы, у меня нѣтъ ни денегъ, ни сада, ни мельницы, ни земли, ничего нѣтъ у меня,—но зачѣмъ тебѣ все это? Вѣдь ты хочешь прожить съ женщиной всю жизнь, слить свою жизнь съ ея жизнью, сдѣлать ее своею частью и самому сдѣлаться ея частью; ты хочешь, чтобы она была твоимъ товарищемъ, другомъ, матерью твоихъ дѣтей; чтобы она утѣшала тебя въ горѣ и облегчала въ болѣзни. Зачѣмъ же тутъ мельница, и земля, и садъ, и деньги? Не припесутъ ли они въ твой домъ раздоры и упреки? Не будутъ ли эти грубые люди смотрѣть на тебя, какъ на человѣка, котораго они облагодѣтельствовали? И развѣ у тебя нѣтъ головы и рукъ, которыми ты сможешь заработать все, что надо будетъ тебѣ и твоимъ дѣтямъ? Можетъ-быть, ты заработаешь меньше, чѣмъ они дадутъ тебѣ,—но зато это будетъ твое, и никто не посмѣетъ упрекнуть тебя тѣмъ добромъ. Да, у меня нѣтъ ничего, кромѣ моего сердца; но если бы ты зналъ, сколько въ немъ тепла чувства, какой благодарностью будетъ оно биться, благодарностью къ тебѣ за то, что ты сумѣлъ опѣнить его, сердце сиротки, никогда никому не принадлежавшее...“

Василій очень хорошо понимаетъ, что это—мечта, что ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности, и тѣмъ не менѣе глаза его блестятъ, и губы тихо шепчутъ: „Лизанька! Лизанька!“ Ну, да, это она, та кроткая сиротка, о которой говорилъ о. Мартирій. Онъ никогда въ жизни не видалъ ее и первый разъ слышитъ о ней, но она должна быть такою, она непременно такая. У нея еще есть родимое пятнышко на щекѣ,—потому что ему это нравится. И сердце его билось сильнее, чѣмъ всегда. Онъ замечтался, и въ головѣ его промелькнула вся будущая жизнь. Тутъ были и заботы, и хлопоты, и маленькія радости, и большія огорченія, и всюду рядомъ съ нимъ стояло это блѣдное, худенькое существо, раздѣляя съ нимъ счастье и горе...

Онъ очнулся только въ обѣденный часъ, когда Аксюша пришла на токъ и сказала ему въ своей обычной, полупросительной формѣ:

— Панычъ, можетъ, пора и за столъ садиться? Матушка уже сидятъ...

— А никого у васъ нѣтъ?—спросилъ Василій, который весь еще находился подъ вліяніемъ своихъ мыслей, и ему казалось, что тамъ уже домъ полною всякаго народа—его будущихъ родственниковъ.

— Нѣтъ,—были, да уѣхали!—отвѣтила Аксюша.

— А кто былъ?

— Да кто-жь? Кондратъ Терентьевичъ былъ...

— Гончарь?

И Василій вскочилъ на ноги до того порывисто, что Аксюша, привыкшая видѣть его вялымъ и нерѣшительнымъ, испугалась и отступила отъ него.

„Значить, и вправду женить меня хотятъ“.—подумалъ онъ.

— Эге, Гончарь... И Марья Дмитриевна забѣгали...

— Ну, ладно!—промовилъ Василій уже своимъ обычнымъ, вялымъ голосомъ. У него хватило пороха лишь на нѣсколько секундъ. Уже онъ мысленно сказалъ себѣ: „Ну, женить, такъ женить... Не все ли равно!“ и лѣнивой походкой отправился въ домъ.

Онъ сѣлъ за столъ и принялся истреблять борщъ съ саломъ. Аппетитъ у него всегда былъ превосходный. Онъ не разспрашивалъ матушку о томъ, зачѣмъ пріѣзжалъ Гончарь и забѣгала Марья Дмитриевна. Теперѣму это казалось ужасно неинтереснымъ. А матушка говорила съ нимъ о телятахъ, о молодыхъ деревьяхъ въ палисадникѣ, о страшной болѣзни, появившейся на курахъ, о томъ, что захромалъ буланый конь, и о

томъ, что кухарка воруетъ крупу. Она только ни слова не сказала о визитѣ Гончаря и Марьи Дмитриевны. Это и понятно, потому что переговоры этихъ трехъ почтенныхъ людей составляли ихъ глубокую тайну.

Гончарь пріѣхалъ тотчасъ, какъ только Марья Дмитриевна намекнула ему о событіяхъ, происходившихъ въ домѣ о. Якова. Хуторъ отстоялъ отъ Малѣвки всего верстахъ въ двухъ. Со двора о. Якова видна была гончарева мельница, и можно было наблюдать, какъ вертѣлись ея крылья. До Малѣвки Марья Дмитриевна доѣхала на одной повозкѣ съ Гончаремъ, а ея собственная, подъ управленіемъ мальчугана Оедоськи, плелась позади. Но, достигнувъ предѣловъ села, Марья Дмитриевна пересѣла въ свою повозку и поѣхала домой, а Гончарь направился прямо къ матушкѣ. Это было сдѣлано въ видахъ дипломатическихъ. Никто не долженъ былъ догадываться, что Марья Дмитриевна была у Гончаря. Когда она пришла къ матушкѣ, то, увидѣвъ Кондрата Терентьевича, выразила изумленіе и вмѣстѣ радость, и заявила, что не видѣлась съ нимъ сто лѣтъ. Все это—въ тѣхъ же видахъ. Но затѣмъ были плотно притворены всѣ двери, и начался разговоръ вполголоса, и ужъ тутъ было рѣшено все. Гончарь былъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто его вдругъ сдѣлали генераломъ и вдобавокъ еще дали ему звѣзду. Правда, еще на хуторѣ, услышавъ отъ Марьи Дмитриевны добрую вѣсть, онъ выпилъ съ нею вдвоемъ маленькій инкаликъ. Это прибавило блеску его глазамъ. Но въ общемъ онъ до того былъ переполненъ счастьемъ, что утратилъ всѣ свои дипломатическія способности и постоянно порывался говорить громко, такъ что дамы должны были его останавливать.

Впрочемъ, все его краснорѣчіе ограничивалось одной риторической фигурой, которую онъ высказалъ матушкѣ, пріѣхавъ съ хутора, и потомъ повторялъ безконечное число разъ:

— Да нѣтъ... Ахъ!.. Да что!.. Да я же вамъ говорю, матушка, ну, вотъ же вамъ: пять тысячъ карбованцевъ сію минуту изъ банки беру и въ ваши собственные ручки перекладываю! Мельница, половина сада, три пары воловъ, тройка лошадей, да еще кобылица съ лошакомъ трехмѣсячнымъ! А какъ попремъ мы съ моей старухой, такъ и все прочее ихнее будетъ... Ахъ, да я же говорю вамъ: я не знаю, чего бы я не далъ! Что грѣши? Грѣши—одно слово: прахъ!..

Казалось бы, условія, на которыхъ Гончарь желалъ пріобрѣсти почетное родство, были прекрасны. Но матушка рѣшила поторговаться. Она, конечно, не считала карбованцевъ Гончаря, но ходили достовѣрные слухи, будто старина обладаетъ добрыми двумя десятками тысячъ. И она возражала:

— Это вы скушались, Кондратъ Терентьевичъ, скушались! И я даже не понимаю, зачѣмъ вамъ еще копить такую прорву денегъ? Дочка у васъ одна, вы и супруга ваша—старикъ... Зачѣмъ вамъ? Это, знаете, даже грѣшно, ей-ей грѣшно! А молодымъ людямъ, сами понимаете, все заводить надо... Нѣтъ, ужъ вы, Кондратъ Терентьевичъ, не скушались, а дайте имъ десять тысячъ...

Но Гончарь, несмотря на восторженное состояніе, твердо держалъ свою линію и больше пяти тысячъ давать не соглашался. Но это, разумѣется, не составляло вопроса. Пять ли, десять ли тысячъ,—все деньги хорошия, и было условлено, что если о. Яковъ привезетъ изъ города добрую вѣсть, Марья Дмитриевна извѣститъ Гончаря, когда ждать сватовъ.

Съ тѣмъ Гончарь и уѣхалъ. А къ вечеру вернулся изъ города о. Яковъ.

IV.

Бричка подъѣзжала къ дому, когда на дворѣ стояли сумерки. Матушка давно сидѣла на скамейкѣ за воро-

Открытие первой серебряной руды в России при Иоанне III, в 1491 г.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Д. Дмитриева-Оренбургского, грав. Пюблерь.

Деревенські філософи. Сь карт. Коченрейтера грав. Поне.

тами и, прищуривая глаза, пристально смотрѣла вдаль. гдѣ, извиваясь широкой лентой, среди нивъ съ уже изрядно подростшими всходами, подымалась подъ гору и исчезала за горизонтомъ дорога, которая вела въ городъ. Когда на горизонтѣ появлялась темная движущаяся точка, сопровождаемая столбомъ пыли, матушка окончательно закрывала лѣвый глазъ, а къ правому приставляла несовсѣмъ сжатый кулакъ, служившій ей трубой, и очень скоро рѣшала, что это не бричка о. Якова. Но вотъ вниманіе ея стало возрастать, она то подымалась, то опять садилась, то дѣлала нѣсколько шаговъ по направленію дороги, какъ бы желая такимъ образомъ сократить разстояніе между собой и о. Яковомъ, и, наконецъ, когда бричка скрылась въ вербахъ и затѣмъ появилась уже совершенно явно на сельской дорогѣ, сердце матушки забилося съ такой силой, какъ билось развѣ въ тотъ день, когда молодой студентъ семинаріи, Яковъ Тихоструевъ, увидѣвъ ее въ первый разъ въ жизни, предложилъ ей руку, сердце и званіе полады.

Когда же бричка подъѣхала къ воротамъ, уже заранѣе раскрытымъ по приказанію матушки, чтобы не было никакой задержки, — матушка вилась глазами въ о. Якова и старалась по выраженію его лица, по взгляду и позѣ прочесть его мысли. О. Яковъ имѣлъ обыкновеніе вѣзжать на дворъ молча, сходить съ брички медленно, и только послѣ того, какъ побывалъ въ кабинетѣ и помолится на образа, выходилъ въ гостиную и начиналъ говорить. Матушка знала эту манеру и ни однимъ словомъ не показала желанія поторопить его. Она зажгла свѣчи въ гостиной и ждала. И сколько надо было ей имѣть терпѣнія, чтобы безъ протеста слушать, какъ о. Яковъ неторопливо вошелъ въ кабинетъ, поставилъ жестяную коробку съ камилавкой на стулъ, снялъ рясу и повѣсилъ ее на колышекъ, подошелъ къ образамъ и сдѣлалъ три поклона, раза два глубоко вздохнулъ при этомъ, и затѣмъ уже слышались его шаги, направлявшіеся къ гостиной.

— Ну, мать моя (такъ называлъ онъ матушку въ серьезныхъ случаяхъ), — промолвилъ онъ почти торжественно. — Напрасно мы (при этихъ словахъ лицо матушки выразило испугъ), напрасно мы обидѣли о. Мартирія...

— Значить, правда? — воскликнула матушка, совершенно преобразившись. — О. благочинный подтвердилъ?

— Вообще... И дѣло это рѣшенное. Онъ говорилъ о нашемъ Васильѣ преосвященному владыкѣ, и преосвященный владыка согласенъ... И, слѣдственно, Василью нашему надобно жениться... Не хотѣлъ бы я этого, ахъ! не хотѣлъ бы...

— Почему же, о. Яковъ?

— Молодъ очень Василій нашъ... молодъ!..

— Что-жь, о. Яковъ, я думаю, это ничего... Меньше грѣха будетъ!..

— Оно, конечно... Да вѣдь если бы только это!.. Бываетъ, что и въ его годы молодой человѣкъ понятіе о жизни имѣеть. А вѣдь онъ совсѣмъ какъ бы птица небесная... Вотъ оно что!

— Да это ничего, о. Яковъ... Ежели онъ въ жизнь вступить съ обезпеченностью, чтобы безъ всякой нужды повести свой домъ, такъ это ничего... Понемногу всякія понятія пріобрѣтеть.

— Какая жъ обезпеченность? — тономъ человѣка, не понимающаго, въ чемъ дѣло, спросилъ о. Яковъ.

— Ну, какая же? Это же ясно... Не на улицу же пойдешь искать невѣсту Васенькѣ... Надо изъ такого дома взять, чтобы добра съ собой принесла...

— Хотѣлъ бы я знать, гдѣ ты такую невѣсту найдешь?.. Не много-то охотницъ съ приданымъ въ дьяконицы идти...

— Не много-то, не много, а найти можно... И съ хорошимъ приданымъ, о. Яковъ...

— Даже съ хорошимъ! Это удивительно! — слегка иронически воскликнулъ о. Яковъ.

Трудно понять, почему эти почтенные люди, около четверти вѣка мирно и дружно прожившіе вмѣстѣ, не хотѣли просто и прямо назвать предметъ его именемъ. Это была — Мотри Гончаривна. Матушка явно говорила о ней, а о. Яковъ, безъ всякаго сомнѣнія, прекрасно понималъ это. Но матушка не рѣшалась назвать Мотрю, потому что объ этомъ уже возникалъ разговоръ, и о. Яковъ тогда находилъ, что хотя Гончаръ и богатый мужикъ, но лучше бы поискать Васенькѣ невѣсту изъ духовнаго круга; о. Яковъ въ глубинѣ души самъ склонился на сторону богатой Мотри, но не хотѣлъ быть заподозрѣннымъ въ измѣнѣ духовному сословію.

— Это удивительно! — повторилъ онъ съ прежней ироніей. — Ужъ не съ Гончаремъ ли ты думаешь породниться?

— А хотя бы и съ Гончаремъ! Я думаю, съ Гончаремъ, о. Яковъ! А то съ кѣмъ же? Въ о. Мартирій Лизавету, покойнаго дьякона Благоволенскаго дочку, рекомендуетъ. Такъ что же у ней есть? Ни кола, ни двора... Она нищая! Такъ не ее же брать!..

— Что-жь, Лизавета — дѣвица благовидная!.. Хотя она и сирота, и безъ приданаго, но зато — духовнаго званія!.. — несовсѣмъ искренно замѣтилъ о. Яковъ.

— Полно тебѣ, о. Яковъ, съ твоимъ званіемъ, ей-ей! Для какой надобности званіе дѣвицы? Выйдетъ замужъ — и все ея званіе, будь она хоть графиня, прекратилось... А мужчина хоть на козѣ женись, все равно ей званіе свое передастъ... Я такъ думаю, о. Яковъ, что, кромѣ Мотри Гончаривны, ни на комъ другомъ Василья женить не слѣдуетъ...

— Какъ знаешь, мать моя, какъ знаешь; я препятствовать не буду...

— Ну, вотъ и прекрасно! А я, признаться, уже съ Гончаремъ имѣла легкій разговоръ...

— Что-о? Ты послала за нимъ? А я же просилъ тебя хранить въ тайнѣ...

— Зачѣмъ посылать? И не подумала!.. Самъ заѣхалъ, ну, я и намекнула: что, молъ, ежели бы такой случай? Такъ онъ прямо сказалъ: мельница, половина сада, три пары воловъ, тройка лошадей, да еще кобылица съ лошакомъ, да пять тысячъ карбованцевъ деньгами.

— Что-жь, это отлично! — воскликнулъ о. Яковъ, не сумѣвъ на этотъ разъ скрыть свое удовольствіе. Но онъ сейчасъ же спохватился и прибавилъ съ отѣнкомъ ироніи: — Ну, и родни почтенной десятка два прибавится, а?

Но матушка ужъ больше не желала играть въ дипломатію. Она отлично понимала, что о. Яковъ только хочетъ взвалить на нее отвѣтственность „за измѣну духовному кругу“, — и потому она открыла ему и свою послѣднюю тайну.

— И вотъ что я тебѣ скажу. Я и съ Васильемъ говорила; и онъ согласенъ!..

— Ну, ужъ твой Василій дѣйствительно былъ бы согласенъ, какъ ты говоришь, и на козѣ жениться, ежели бы ему сказали!.. Такъ ты, я вижу, всѣмъ разболтала!.. Ну, и языкъ же у тебя!.. Вотъ ужъ истинно — почтовый колокольчикъ... За пять верстъ слышно, когда исправникъ ѣдетъ... Всѣмъ разболтала!

— Не всѣмъ, а кому слѣдуетъ... Не бойсь, самъ же теперь торопиться будешь: скорѣй, да скорѣй! А у меня все готово...

— Дѣлай, какъ знаешь, мать моя, дѣлай, какъ знаешь! Торопиться дѣйствительно надо... Черезъ восемь дней преосвященный владыка будетъ въ Троицкомъ монастырѣ.

— Ну, вотъ! Вотъ видишь! Восемь дней! Вѣдь надо женить и устроить! То-то и оно! Ну, садись же, отецъ Яковъ, и закуси чего-нибудь! Я думаю, ты проголодался! У насъ къ обѣду вареники были съ творогомъ,

и велѣла ихъ тебѣ подогрѣть! Ты вѣдь любишь поджаренные!..

— Это хорошо... я дѣйствительно того... голодень... А гдѣ же Василій?

— Спитъ гдѣ-нибудь.

— И теперь спитъ? Вотъ такъ женихъ! Боюсь, когда дьякономъ сѣлаютъ, какъ бы онъ утреню не проспалъ...

— Э, научится и не спать, когда пойдутъ заботы... Ты съ нимъ поговори, о Яковъ. Надобно внушить ему серьезные мысли.

О. Яковъ вздохнулъ.

— Охъ, мудрено это, мудрено. Ну, гдѣ-жъ твои вареники?

Въ это время Аксюша уже накрывала на столъ и тащила закуски и вареники. О. Яковъ снялъ даже кафтанъ и остался въ широкихъ клѣтчатыхъ штанахъ и вуученной въ нихъ цвѣтной рубашкѣ, поверхъ которой на синѣ болталась тоненькая сѣдая косичка. Онъ рассказывалъ подробности своего визита къ о. благочинному. Между прочимъ, матушка благочиннаго очень благодарила за индюшку и все прочее. Что же касается Василія, то о. благочинный на свой рискъ прямо рекомендовалъ его преосвященному, и владыка уже представленіе это утвердилъ. „Я такъ разсуждаю, — цитировалъ о. Яковъ слова благочиннаго, — когда надобность есть, то женить человѣка можно въ сорокъ пять минутъ“. При этомъ о. Яковъ и матушка вспомнили, какъ ихъ женили. Студентъ семинаріи Яковъ Тихоструевъ сейчасъ послѣ экзамена получилъ мѣсто. Для полного счастья надо было только жениться. Знакомыхъ у него не было, родня тоже вся перемерла. И пошелъ онъ къ соборному дьякону (второму послѣ прото-дьякона), да прямо и сказалъ ему: „Вотъ я—студентъ семинаріи, Яковъ Тихоструевъ, мѣсто получилъ, а невѣсты не имѣю. Поспособствуйте“. Соборный дьяконъ принялъ это къ сердцу и вспомнилъ, что въ сорока верстахъ отъ города есть священникъ, у котораго три дочки на возрастѣ. „Вотъ мы съ тобой, студентъ семинаріи, туда и поѣдемъ. Да только смотри, не забудь тестю-то сказать, чтобы за извозца туда и обратно заплатилъ“... И поѣхали. Пріѣхали и прямо заявили: женихъ, молю, пріѣхалъ. Имъ, разумеется, рады. Что можетъ быть пріятнѣе жениха въ домѣ, гдѣ есть три взрослыхъ дѣвицы? Показали дѣвицъ и обозначили: „Вотъ это старшая—Марина“. А, старшая? Ну, что-жъ, Марина—имя хорошее. Студентъ семинаріи сейчасъ же въ нее и влюбился. Легкая вышивка и закуска, разговоръ объ отцѣ инспекторѣ, для приличія, прогулка въ садикѣ, краткое объясненіе о томъ, что консисторія предоставила мѣсто, что у него нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, и затѣмъ: „Позвольте надѣяться, что вы не откажетесь быть моей женой“. Само собою разумеется, что Марина уже въ него влюблена, вѣдь она именно его ждала, и онъ даже снился ей,—и это не выдумка, потому что ей въ самомъ дѣлѣ всегда снился студентъ семинаріи съ неопредѣленнымъ лицомъ, на которое могли быть похожи всѣ студенты семинаріи.

А въ это же время соборный дьяконъ, затворившись въ кабинетѣ съ родителями, изо всѣхъ силъ старался выговорить для своего студента побольше придачи. Сюда входили и кровать, и диванъ, и повозка, и корова съ теленкомъ, и свинья съ поросятами, и десятокъ куръ, словомъ—хозяйство, а въ придачу сотни три денегъ и свадьба на счетъ тестя. Когда все было улажено, будущій зять отозвалъ въ сторону будущаго тестя и, откровенно повѣдавъ, что у него въ карманѣ всего только пятнадцать копеекъ, попросилъ заплатить за извозца, что и было исполнено. А черезъ два дня сыграли свадьбу, на которую съѣхалось все окрестное духовенство, и было очень весело.

— И вотъ же, прожили вѣкъ, слава Богу, дружно,—

прибавилъ къ этимъ воспоминаніямъ о. Яковъ.—А что я понималъ тогда? Кого я видѣлъ? Да я съ порядочной женщиной даже никогда не разговаривалъ... Это все какъ Богъ устроитъ...

Уже была совѣтъ ночь, когда Аксюшѣ было приказано разыскать Василія и позвать его въ кабинетъ. Но Василій не спалъ. Напившись чаю еще до пріѣзда о. Якова, онъ пошелъ къ рѣкѣ, сѣлъ на камнѣ и смотрѣлъ на то, какъ мѣсяцъ отражался въ дрожащей зыби на водной поверхности. Сидѣлъ онъ, весь объятый какимъ-то непонятнымъ для него, тихимъ, чуть-чуть печальнымъ, но въ то же время и сладостнымъ настроеніемъ. Въ головѣ его не было никакихъ опредѣленныхъ мыслей. Онъ даже не замѣчалъ, что сидитъ на берегу, что тамъ позади стоитъ домъ, гдѣ онъ живетъ, что уже наступила ночь. Мѣсяцъ плылъ по небу, и ему казалось, что и онъ плыветъ вмѣстѣ съ нимъ въ какое-то волшебное царство. А рядомъ съ нимъ, тихо шелестя платьемъ, движется маленькое, блѣднолицее существо съ темными, полными грусти, глазами, съ родимымъ пятнышкомъ на щекѣ. Почему она съ нимъ? Вѣдь онъ ея никогда не видѣлъ и только сегодня въ первый разъ услышалъ ея имя. „Лизанька, Лизанька...“ И это имя нѣжно ласкаетъ его слухъ, оно ему нравится.

— А вы тутъ, паньчъ?—раздался позади его грубоватый голосъ Аксюши.—Тамъ батюшка въ кабинетъ васъ требуютъ... Да и спать не время ли?

— Ладно, приду!—отвѣтилъ Василій и гнѣвно, неохотно поднялся съ камня.

Аксюша разрушила его мечту и явно доказала ему, что онъ на землѣ, а не на небѣ, и что никакого волшебнаго царства вовсе нѣтъ. Но сердце его еще было трепетно, и нѣжно имя долго звучало въ его ушахъ. О. Яковъ ждалъ его въ кабинетѣ. Матушка удалась въ гостиную, такъ какъ это дѣло отца—научить сына уму-разуму въ виду предстоящаго вступленія его на самостоятельный жизненный путь. Но дверь его кабинета была полуотворена, и она чутко прислушивалась. Когда Василій вошелъ, о. Яковъ благословилъ его и далъ ему поцѣловать руку.

— Ну, сынъ мой, ты уже слышалъ отъ матери,—началъ онъ довольно высокимъ стилемъ, каковой требовался случаемъ,—о томъ счастье, которое, благодаря содѣйствію о. благочиннаго, посылаетъ тебѣ Богъ. Дьяконскій санъ въ твоемъ положеніи весьма важная вещь. Ты самъ знаешь, сынъ мой, какія усилія употребляли мы съ матерью, чтобы вывести тебя въ люди. Но Богъ не надѣлилъ тебя способностями, и мы съ горечью должны были отказаться отъ надеждъ видѣть тебя студентомъ семинаріи. Я не упрекаю тебя, ты и самъ не виноватъ въ этомъ... Но вотъ на нашу долю выпалъ счастливый случай: преосвященный владыка благоволилъ назначить тебя къ дьяконскому сану и даетъ тебѣ приходъ въ Скирдахъ. Это и намъ пріятно, потому что ты будешь близко отъ насъ, и все же мы будемъ помогать тебѣ и руководить твоей жизнью. А для сего, какъ ты знаешь, надобно вступить въ бракъ... Конечно, ты еще очень молодъ, но что же дѣлать? Надобно ловить случай, другого можетъ и не быть... Мать твоя нашла тебѣ невѣсту, а ты посмотри и подумай, чтобы она была тебѣ по душѣ. Это необходимое условіе брачной жизни.

— Хорошо... И посмотрю!—отвѣтилъ Василій, который во время его рѣчи, повидимому, внимательно разсматривалъ стоявшую на столѣ чернильницу.

— Ну, вотъ. А теперь поговори съ матерью и ступай спать...

Онъ опять благословилъ и поцѣловалъ его въ лобъ. Василій вышелъ въ гостиную, но отсюда матушка тотчасъ увлекла его въ спальню, усадила на своей кровати и съ волненіемъ заговорила:

— Я тебѣ говорю, Васенька, что лучшей невѣсты не найдешь. Ты посуди: три пары воловъ, тройка или даже четверка лошадей, потому что есть еще кобылица, да еще съ лошакомъ, мельница, — да одна мельница сколько доходу дастъ! — Садъ, и, главное, деньги даетъ, пять тысячъ, а ежели упереться, такъ и семь дастъ... Гдѣ ты найдешь такую? Нѣтъ, Васенька, ужъ ты повѣрь материнскому сердцу, ужъ я тебѣ дурного не посоветую... Опять же Мотря. Она, конечно, простая, даже, кажись, неграмотная, но зачѣмъ тебѣ это? Зато ужъ она тебя какъ уважать будетъ! Потому что ты ее возвысишь, да. Это она всю жизнь будетъ чувствовать. Повѣрь, повѣрь, Васенька, что я хорошо тебѣ совѣтую... Согласенъ ты со мной, Васенька?

— Мнѣ все равно, мамаша! — отвѣтилъ Василій, который только ждалъ, когда кончатся всѣ эти родительскія наставленія, чтобы отправиться въ сарай и тамъ, устроивъ на прошлогодней половѣ ложе, завалиться на него и остаться въ одиночествѣ.

— Ну, вотъ и отлично. Такъ завтра, можетъ, и поѣдемъ...

— Куда? — спросилъ Василій съ удивленіемъ.

— Къ Гончарю. Торопиться надо. Черезъ восемь дней рукополагать будутъ!

Василій сперва какъ будто хотѣлъ выразить недоумѣніе или протестъ, но затѣмъ, какъ бы внутренне махнувъ рукой на это дѣло, промолчалъ и пошелъ въ половникъ.

V.

Въ половникѣ ему снились странные сны. Безпрерывно всю ночь до самаго восхода солнца онъ видѣлъ вереницу какихъ-то кудлатыхъ, нечесанныхъ, невытыхъ рожекъ, которые подходили къ нему, строили гримасы, показывали языкъ и говорили — то шепотомъ, наху, то рыкая по-львиному: „мы родственники, родственники, родственники“. И все это вертѣлось, шумѣло и стучало, и въ концѣ концовъ оказывалось мельницей, у которой миллионъ крыльевъ. Однимъ словомъ, какая-то безалаберщина. Василій чувствовалъ, какъ каждый родственникъ, или каждое крыло (не разобрать!), ущипнувъ его, уносилъ съ собою часть его, и онъ становился все меньше и меньше. Онъ протягивалъ руки къ небу, гдѣ горѣла звѣздочка, у которой было такое чудное, хотя и блѣдное, лицо съ темными грустными глазами. Эти глаза смотрѣли на него, но ничего не могли для него сдѣлать.

Его разбудилъ лучъ восходящаго солнца, проникшій въ дверную щель. Онъ проснулся, весь дрожа, и старался постигнуть, чтѣ такое случилось. Долго онъ сидѣлъ въ раздумьѣ на половѣ и, наконецъ, вспомнилъ, что его сегодня будутъ женить. „Ничего тутъ не подѣлаешь! — мысленно произнесъ онъ, — видно такъ надо“.

Но, несмотря на эту покорность судьбѣ, все же у него мелькали неясныя протестующія мысли. Ну, хорошо, надо быть дякономъ, въ самомъ дѣлѣ — чѣмъ-нибудь же быть надо. Нельзя же всю жизнь спать на соломѣ да сидѣть надъ рѣчкой. Необходимо зарабатывать хлѣбъ. У него нѣтъ способностей, это такъ, но для того, чтобы отслужить обѣдню, ихъ хватить. Вѣрно и то, что нужно жениться, и поскорѣй. Безъ этого прозѣбаешь счастливый случай... Но почему же непременно на Мотрѣ? Чтѣ ему Мотря? Какимъ образомъ можетъ случиться, что эта „дивчина“, дерущая горло на улицѣ съ „парубками“, вдругъ окажется въ одномъ домѣ съ нимъ, за однимъ столомъ?.. И это навсегда, на всю жизнь.

Онъ вышелъ изъ половника, и на него повѣяло свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Дворъ былъ полонъ птицъ; матушка стояла посрединѣ и разбрасывала имъ кормъ изъ передника. Голуби слетали съ крышъ и пользовались этимъ пиршествомъ. Андрей выкатывалъ изъ сарая полукрытый рессорный экипажъ, который упо-

треблялся въ парадныхъ случаяхъ. Замѣтивъ это, Василій еще яснѣе ощутилъ тяжесть въ груди. Онъ понялъ значеніе этихъ приготовленій.

Матушка замѣтила, что у него блѣдное лицо, и осведомилась, хорошо ли онъ спалъ. Онъ отвѣтилъ, что скверно. Она опечалилась и стала предлагать ему чай и молоко. Вообще, сегодня она заботилась о его здоровьѣ и наружности больше, чѣмъ всегда. Она замѣтила, что у него недостаточно свѣжа рубашка, и посоветовала надѣть другую; она пожалѣла, что въ деревнѣ нѣтъ цырюльника, чтобы подстричь ему волосы, — однимъ словомъ, она смотрѣла уже на него, какъ на жениха, и хотѣла показать его будущей роднѣ во всей красѣ. Она сама была настроена торжественно и съ необыкновенно величественнымъ видомъ ходила между куръ, гусей, утокъ и индѣекъ, разбрасывая имъ зерно.

Аксюша, между тѣмъ, готовила чайный столъ, поставивъ его въ широкой полосѣ тѣни, падавшей отъ дома. Весной пили утренній чай на свѣжемъ воздухѣ. Когда на блѣдоснѣжной скатерти красовались уже сливки, масло, свѣжій хлѣбъ, а на табуретѣ стоялъ кипящій самоваръ, матушка случайно взглянула на ворота, и вдругъ лицо ея омрачилось.

— Ну, вотъ, — проворчала она, какъ бы обращаясь къ птицамъ, — это ужъ даже некстати...

Но то, чтѣ происходило за воротами, совершенно другое впечатлѣніе произвело на Василія. Онъ какъ-то просвѣтлѣлъ, оживился и быстрыми шагами пошелъ туда. А тамъ стояла фантазмагорія о. Мартирія, и самъ онъ уже находился на половинѣ сложнаго процесса вылѣзанія изъ нея.

— А я опять въ городъ! — громко и внятно объяснилъ о. Мартирій съ такимъ расчетомъ, чтобы, несмотря на крики птицъ, слышала матушка. Но, увидѣвъ Василія, стоявшаго за воротами, онъ прибавилъ: — А, здравствуй, Василій! Ну, что, какъ? Ъздилъ вчера о. Яковъ къ о. благочинному?

— Ъздилъ! — отвѣтилъ Василій, самъ не понимая — почему, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, почти съ нѣжностью глядя на него.

— Ну, и чтѣ же?

— Женить меня будутъ.

— Ага... Ну, а невѣсту ты выбралъ себѣ?

Василій собирался сказать, что онъ не выбралъ, по за него выбрали, ему даже казалось, что онъ скажетъ гораздо больше, но въ одномъ словѣ, да, въ одномъ словѣ откроетъ свою душу не кому другому, какъ ему, человѣку, который произнесъ это имя, такъ нѣжно звучавшее въ его ушахъ. Но онъ, конечно, не нашелъ бы этого слова, и душа его осталась бы неоткрытой. Однако, можетъ-быть, онъ сумѣлъ бы намекнуть о. Мартирію о своемъ положеніи. Этого онъ не успѣлъ сдѣлать. Матушка уже замѣтила, что они вступили въ разговоръ, и поспѣшила на выручку. Съ зерномъ для птицъ въ передникѣ, она вышла изъ калитки и, вмѣсто Василія, отвѣтила на послѣдній вопросъ о. Мартирія:

— Гдѣ тамъ, о. Мартирій! Это не такъ-то легко выбрать... Подумайте, чуть ли не въ одинъ день...

Василій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на мать. Онъ никакъ не подозрѣвалъ, что Гончаривна можетъ быть тайной отъ о. Мартирія... „Да какъ же это такъ? — подумалъ онъ, — развѣ можно женить тихонько?“

А матушка, какъ бы желая устранить всякія подозрѣнія, старалась наговорить какъ можно больше словъ на тему, что въ ихъ положеніи очень трудно выбрать невѣсту. У Василія явилось какое-то неприятное чувство, и онъ отошелъ въ сторону.

Онъ остался за воротами, въ то время какъ матушка съ о. Мартиріемъ вошли во дворъ. Минутъ черезъ пять онъ нашелъ ихъ за чайнымъ столомъ. Когда онъ подходилъ къ нимъ, то слышалъ, какъ о. Мартирій горячо доказывалъ матушкѣ, что имъ нѣтъ никакой надоб-

Запорожець въ зимней одеждѣ. Ориг. рис. (собств. „Шива“) И. И. Ижакевича, грав. Павловъ

ности искать невѣсту, такъ какъ Лизанька Благоволенская—прекрасная партія для Василія.

— Ахъ, не говорите, не говорите при Васенькѣ!—осторожно остановила его матушка, слышавъ его шаги.

О. Мартирій пожалъ плечами и прекратилъ разговоръ. Василій на минуту остановился, раздумывая, идти ли ему. Вообще ему сегодня было тяжело въ присутствіи матушки, но зато его что-то влекло къ отцу Мартирію. Въ душѣ его было что-то похожее на надежду, хотя самъ онъ ясно не сознавалъ этого. Но онъ даже какъ будто боялся, что о. Мартирій вотъ-вотъ внезапно уѣдетъ, такъ что не успеетъ случиться что-то такое, что должно облегчить тяжесть, лежавшую у него на душѣ.

Онъ подошелъ къ нимъ и подселъ. Разговоръ у нихъ вдругъ сдѣлался натянутымъ. Матушка спрашивала гостя, зачѣмъ онъ ѣдетъ въ городъ и скоро ли вернется. Тотъ нехотя отвѣчалъ, что ѣдетъ къ доктору, такъ какъ у него вдругъ заболѣла печень—его старая болѣзнь; а вернется назадъ вечеромъ.

Въ это время около стола появилась особа женскаго пола, высокая, плотная, съ мясистымъ лицомъ, на которомъ всѣ органы были какіе-то удивительно маленькіе: и глазки, и носикъ, и лобикъ, и ротикъ. Она подошла неслышно, такъ что о. Мартирій, увидѣвъ ее, даже вздрогнулъ.

Она почтительно поклонилась о. Мартирію и протянула къ нему обѣ руки, ладонями вверхъ, положивъ ихъ одна на другую. Это означало, что она желаетъ получить благословеніе. О. Мартирій не отказалъ ей въ этомъ, и она поцѣловала его руку.

— Какъ это вы, Марья Дмитриевна, такая тяжелая и такъ легко подходите, что васъ даже и не слышно?—шутливымъ тономъ промолвилъ о. Мартирій.

Онъ зналъ Марью Дмитриевну давно, но никогда не умѣлъ говорить съ нею серьезно. Ея смѣшное лицо всегда настраивало его на игривый ладъ.

— Да и вы не легонькій, о. Мартирій!—мягко, съ почтительнымъ ехидствомъ отометила ему Марья Дмитриевна.

— Такъ ужъ я, ежели иду, то за версту слышно. А вы—какъ пухъ... Ей-ей, можно подумать, что у васъ это все не настоящее.

И онъ весело и громко разсмѣялся.

Марья Дмитриевна отказалась отъ приглашенія матушки присѣсть и выпить чаю, и съ чрезвычайно таинственнымъ видомъ объяснила, что пришла только на одну минуту, и что у нея есть для матушки два слова.

Матушка всгала, но передъ тѣмъ, какъ удалиться съ Марьей Дмитриевной, она боялась, чтобы они не разговорились. Пожалуй, о. Мартирій начнетъ убѣждать Василія жениться на своей Лизанькѣ, а Василій, въ простотѣ сердечной, и разболтаетъ про Мотрю. Матушка же не хотѣла открываться о. Мартирію: сейчасъ онъ начнетъ говорить про то, что неприлично человѣку духовнаго званія соединять свою судьбу съ какой-то „дивчиной“, будь она богата, какъ Крезъ; что гоняться за приданымъ—постыдно, что не въ деньгахъ счастье, а въ любви. И, чего добраго, еще смутить молодого человѣка.

Но Василій смотрѣлъ съ такой непроницаемой утробностью, что матушка рѣшила: „нѣтъ, никакого разговора у нихъ не выйдетъ“, и пошла съ Марьей Дмитриевной за ворота, гдѣ онѣ могли чувствовать себя уединенными.

О. Мартирій съ минуту смотрѣлъ на Василія, какъ бы желая взглядомъ проникнуть въ его голову. Онъ думалъ: „Да неужели же у него такая деревянная голова, что въ ней нѣтъ никакихъ своихъ собственныхъ мыслей и желаній? Вотъ вырастили же сокровище о. Яковъ съ Мариной Лукиничной“.

Но такъ какъ молчать такъ долго было неловко, то онъ заговорилъ, больше для приличія, не ожидая отъ этого разговора никакихъ результатовъ.

— Такъ на комъ же ты женишься, милый другъ?

— Я?—спросилъ Василій, какъ-то грустно поднявъ на него свои большіе глаза.—На Мотрѣ...

— Какъ? Какая это Мотря?

— Мужика Гончаря знаете? Такъ его дочка...

— Такъ вотъ она въ чемъ штука... Понимаю!.. Что-жъ, ты влюбленъ, а?—саркастически спросилъ о. Мартирій.

У Василія на лбу и около глазъ появились складки, и все лицо его приняло выраженіе тяжелой безпомощности.

— Это не я выбираю, о. Мартирій... Это мамаша...

— Какъ мамаша? Да ты развѣ маленький? Да развѣ можно въ такомъ дѣлѣ насиловать человѣка? Марина Лукинична, не хорошо, не хорошо... Гм!.. за богатствомъ гоняетесь... Не ожидать.

— Вы этого мамашѣ не говорите, о. Мартирій.

— Чего этого?

— Да вотъ о томъ, что я вамъ сказалъ...

— Какъ не говорить? Скажу... Такъ прямо и скажу, что стыдно и недостойно. А вотъ и она. Ай-ай-ай, Марина Лукинична! Знать, вамъ и такъ уже стыдно. Коли вы отъ меня скрыли... И право-таки стыдно и стыдно...

— Что такое? О чемъ это вы?—спросила матушка, вопросительно поглядывая на Василія.

Но у того лицо было до такой степени смущенное, что у нея не могло остаться сомнѣнія. И, задавая свои вопросы, она уже все понимала.

— Двойко стыдно вамъ, Марина Лукинична!—укоризненно продолжалъ о. Мартирій.—Двойко стыдно. Первое, что вы какъ будто не прожили жизнь и не знаете, что всего важнѣе въ брачномъ сожитіи, гонитесь за богатствомъ, а второе, что отъ меня вы скрыли... Да.

— Ахъ, о. Мартирій. Да ежели бы мы сами знали что-нибудь вѣрное, а то вѣдь это только такъ, одно предположеніе...—промолвила матушка.

— И даже предположеніе скверное. Э, да что! Не стану больше говорить. Одно выскажу: лицу духовнаго званія надлежитъ соединить свою судьбу съ дѣвицей своего круга, которая сама выросла и сжилась съ особенностями нашего сословія. Вотъ оно что. Еще ежели бы дѣвушка съ образованіемъ, хотя бы и изъ другого круга,—то можетъ понять нашу жизнь. А то—„дивчина“! Ха! Ей только одно и нужно: задирать носъ, когда ее матушкой будутъ называть. А этимъ самымъ богатствомъ она мужа всю жизнь бьетъ будетъ. Что въ немъ, въ богатствѣ? Мы тоже, когда женились, были бѣдны, какъ церковныя мыши, а что мы взяли у своихъ тестевъ? Сами знаете: столько, чтобы можно было вѣнчанье справить, да первую рясу, да первый кафтанъ. А съ голоду не померли, напротивъ—весьма даже теплыми гнѣзда свили себѣ и благоденствуемъ. Такъ-то. Ну, а затѣмъ прощайте, Марина Лукинична.

Онъ грузно поднялся, запахнулъ полы рясы и протянулъ матушкѣ руку.

— О. Мартирій! Какъ же это вы, даже съ о. Яковомъ не повидались?—съ сокрушеніемъ въ голосѣ и въ глазахъ возразила матушка.

— Ну, что-жъ за бѣда! Кланяйтесь о. Якову.—И онъ прибавилъ, явно смягчая тонъ:—Вы на меня не сердитесь, Марина Лукинична. Я очень васъ уважаю, но правды скрывать не могу... не умѣю. Это, должно-быть, оттого, что я такой толстый... И, кромѣ того, сыну вашему добра желаю... Ну, прощайте. Миѣ въ городъ пора, а то еще къ доктору опоздаю...

Матушка съ видомъ огорченія пожала его руку, но затѣмъ вспомнила о какомъ-то маленькомъ порученіи, которое она должна была дать ему въ городъ. О. Мар-

тирій согласился, и она почти бѣгомъ отправилась въ комнаты.

Василій опять остался наединѣ съ о. Мартиріемъ. Во время его бурной бесѣды съ матушкой, Василій не вставилъ ни одного слова, но теперь онъ всталъ, подошелъ къ нему и проговорилъ съ торопливостью, совсѣмъ не свойственной его характеру, очевидно, боясь, что матушка скоро вернется и помѣшаетъ ему высказать замѣтную мысль.

— О. Мартирій, а вы... вы изъ города когда будете возвращаться... заѣдете къ намъ?

— Да что же мнѣ тутъ у васъ дѣлать, мой милый?— со вздохомъ сочувствія промолвилъ о. Мартирій.— Вѣдь вы всѣ будете тамъ, у Гончарей... Иѣтъ ужъ, я поѣду прямой дорогой...

— А въ которомъ часу вы будете ѣхать?— съ чрезвычайнымъ волненіемъ спросилъ Василій.

О. Мартирій внимательно посмотрѣлъ на него.

— Полагаю, часа этакъ въ два, три...— отвѣтилъ онъ.

— О. Мартирій, заѣзжайте къ намъ..

— Да для чего же?

— Такъ... я прошу васъ.. Заѣзжайте...

— Странно!

— Я вамъ скажу... Да иѣтъ... Я не знаю... я такъ чувствую...

— А если чувствуешь, такъ это хорошо... Такъ и дѣйствуй: по чувству, по чувству.

О. Мартирій растрогался и прибавилъ:

— Вижу, что ты молодчина, Василій. И говорю тебѣ— не ищи денегъ, Богъ съ ними—съ деньгами... Ну, ладно. Я заѣду...

Послышались шаги въ сѣняхъ, и вошла матушка со своимъ порученіемъ.

— А что же о. Яковъ?— спросилъ о. Мартирій.— Неужели спитъ еще?

— Не то чтобы... А такъ... Недомогаеть. Поясницу у него ломить. Видно, къ дождю.

— Ага! Ну, такъ кланитесь ему. А я поѣду въ городъ... Да не забывайте моей скирдинской берлоги.

При этихъ словахъ о. Мартирій бросилъ на Василія ободряющій взглядъ, какъ бы говоря: „Ну, молодецъ, будь же мужчиной, а не бабой“. И Василій почти не слышалъ это.

Минуть черезъ пять фантасмагорій отъѣзжала отъ дома о. Якова.

(Продолженіе будетъ.)

Подпоручикъ „Машенька“.

Изъ воспоминаній стараго армейца.

В. А. Дов—лло.

(Продолженіе.)

III.

Наканунѣ боя.

Когда, вечеромъ того же дня, начальникъ стрѣлковъ доложилъ о стычкѣ Загорскаго съ неприятелемъ командиру полка, послѣдній совершенно иначе взглянулъ на это дѣло.

— Я упустилъ изъ виду, признаться, подписывая приказаніе по полку вчерашняго дня, что на такой, сопряженный съ опасностью, парядъ, какъ рубка дровъ почти передъ передовой линіей неприятельскихъ постовъ, быть назначенъ офицеръ, только что выпущенный изъ училища, — досадливо замѣтилъ онъ. — Надо благодарить Бога, что стычка эта обошлась безъ жертвъ съ нашей стороны: могло кончиться гораздо хуже... Только благодаря несообразности и неповоротливости начальника передового поста неприятельской передовой линіи горсть нашихъ храбрецовъ уцѣлѣла...

— Я очень хорошо понимаю, г. полковникъ, что подпоручикъ Загорскій увлекся, погорячился, такъ сказать,—возразилъ Козыревъ, — но, во всякомъ случаѣ, онъ проявилъ достаточно энергій, достойной русскаго офицера. Явленіе, по моему сужденію, весьма хорошо рекомендуемое его нравственныя качества и подающее большія надежды въ будущемъ...

— Все это я очень цѣню, и въ душѣ, такъ сказать, одобряю, но, по долгу службы, нахожу подобныя увлеченія безполезными и даже вредными для общаго дѣла... Ну, онъ могъ ограничиться перестрѣлкой дѣни съ неприятелемъ, но не болѣе. Бросаться же съ горстью людей въ атаку, не имѣя за собою никакой поддержки въ видѣ резерва, — это по меньшей мѣрѣ неблагоприятно.

— Молодость, г. полковникъ...

— Все это такъ.. Ну, что жъ, грѣхъ пополамъ,—улыбнулся командиръ полка. — Много виноватъ и я, что не просмотрѣлъ наряда, отданнаго во вчерашнемъ приказаніи, — разводя руками, добавилъ онъ.

— Хорошій офицеръ выйдетъ изъ этого Загорскаго.—воспользовавшись хорошимъ оборотомъ разговора, вставилъ Козыревъ. — Вы правы, Николай Михайловичъ... Въ отца пошелъ отецъ его тоже легъ костями во главѣ своей роты подъ Ташкентомъ. Ну, давай Богъ этому юношѣ всего хорошаго. А вѣдь на первый взглядъ кажется такимъ ребенкомъ, ему слѣдовало бы родиться дѣвочкой.

— Наша молодежь и то дала ему кличку: „Машенька“.

— Да, да, слышалъ,—разсѣялся Заботинъ.—Мѣткое названіе: бѣшеній такой, застыбчивый, а вотъ, на поди, какія поды такой иѣжной оболочкой геройскія качества скрываются!

— Кабы такіа настояція „Машеньки“—то были,—полки изъ нихъ комплектовать бы можно — поддакнулъ, смѣясь, Козыревъ.

— А вы, Николай Михайловичъ, все-таки пашуту въ „Машеньку“ пожурите немного, дабы напередки не повадно было слишкомъ увлекаться,—заключилъ Заботинъ, дружески пожимая руку стараго штабъ-офицера.

Подполковникъ Козыревъ, вернувшись отъ командира полка, даже и не подумалъ призывать къ себѣ Загорскаго, чтобы сдѣлать ему должное внушеніе. Добрый старикъ по достоин-

ству оцѣнилъ рѣдкія качества характера своего юнаго субалтерна и полюбилъ его всею душой, какъ родного сына.

Что касается офицеровъ, то они, познакомившись со всѣми деталями стычки нашего героя съ турками, начали еще сердечнѣе относиться къ нему и въ обращеніи съ нимъ къ ласкательному названію „Машенька“ добавили прилагательное „храбрый“, что заставляло еще болѣе конфузиться и безъ того застыбчиваго юношу.

Осада Плевны, между тѣмъ, начинала принимать все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Работы по возведенію окоповъ въ половинѣ ноября были уже окончены, и только въ виду того, что между Кіевскимъ редутомъ и рѣкой Видомъ оставался довольно значительный промежутокъ, по указанію генералъ-адъютанта — въслѣдствіи графа — Тотлебена было приступлено къ постройкѣ въ этомъ районѣ еще двухъ редутовъ.

Въ этихъ земляныхъ работахъ, въ числѣ другихъ частей войскъ, входившихъ въ линію обложенія Плевны, участвовали въ очередь и полкъ, въ которомъ служилъ нашъ герой.

Дабы воспрепятствовать возведенію новыхъ укрѣпленій, турки почти ежедневно съ утра открывали жесточайшую канонаду по этому пункту.

Находясь на работахъ со своею рогою, Загорскій съ какимъ-то напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ всегда за полетомъ снарядовъ и ихъ разрушительнымъ дѣйствіемъ.

— Что вы все выдвигаетесь за брустверъ, Дмитрій Львовичъ?.. Вѣдь неравно какой-либо шальной осколкомъ шраннели можетъ васъ задѣть, а то и положить на мѣстѣ, — не разъ предостерегалъ юношу поручикъ Рачинскій.

— Да не все ли равно, Ромуальдъ Владиславовичъ: куда ни прыгнешь, а пуля виноватаго найдетъ, какъ говоритъ пословица: съ добромъ улыбкой возражать общиповенно Загорскій.

— Но какая же польза гибнуть непроизводительно? Вѣдь это похоже на бравированіе смертью!

— Па то вѣдь и называется онъ у насъ „храброю Машенькой“,—сострилъ разъ, подойдя на этотъ разговоръ, Смирновъ.

— А вы никакъ не можете безъ этого?—возразилъ Загорскій, бросивъ на него неопредѣленный взглядъ.

— Безъ чего это „этого-то“?

— Да безъ всякихъ излюбленныхъ вами прилагательныхъ, которыми вы при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ такъ щедро меня надѣляете.

— А вы сердитесь?

Загорскій, не отвѣчая, отвернулся и махнулъ рукой.

— Дождетесь вы, что эта „Машенька“ огвѣтитъ вамъ когда-нибудь крупной неприятностью,—подчеркивая послѣднія слова, сказалъ Рачинскій, отводя Смирнова въ сторону.

— Ну, это мы еще посмотримъ!—започтиво возразилъ тотъ.

— Быть-можетъ, даже и почувствуете.

Въ двадцатыхъ числахъ ноября между осаждающими Плевну начали посягать слухи о томъ, что турецкій главнокомандующій Османъ-паша намѣревается сдѣлать вылазку со всѣмъ гарнизономъ, защищающимъ Плевну, съ цѣлью пробиться сквозь наши войска на Софійскую дорогу, для соединенія съ арміей

Типъ казака-запорожца.

Типъ казака-черноморца 1842 года.

Черноморскіе пластуны; оба принимали участие въ севастопольской кампаніи. Перенесеніе войсковыхъ регалій. Съ фот. Чернорукова автотипія „Нивы“.

Двухсотлѣтіе кубанскаго казачьяго войска. Съ фотогр. В. Сидоренко автотипія „Нивы“.

Библиотека "Руниверс"

„Храмъ Друмбы“ въ паркѣ.

Площадка Аполлона въ паркѣ. Съ фот. Е. Н. Дмитревскаго.
Съ фотогр. архива галереи „Шваб“.

Большой Павловскій дворець.

Мостъ и башенка въ паркѣ.

Къ столбѣтїю Павловска.

Сулеймана-паша. Сообразуясь съ показаніями перебѣжчиковъ, вылазку эту предполагали сначала на 25 число, но день этотъ ограничился лишь успевшей канонадой, подозрительнаго же какого-либо движенія со стороны осажденныхъ замѣчено не было.

Въ лагерѣ, въ особенности между молодыми офицерами, ходили оживленныя толки относительно предстоящаго столкновенія съ непріятелемъ. Вся молодежь была въ какомъ-то возбужденномъ настроеніи и нетерпѣливо поглядывала въ сторону неприступныхъ плевенскихъ твердынь.

26 ноября N—скій полкъ занимать передовыя линіи ложементовъ.

Всю ночь люди не смыкали глазъ, находясь въ ружьяхъ, по дѣлу и на этотъ разъ ограничилось лишь орудіейной канонадой.

Разочарованными — послѣ смѣны утромъ 27 ноября другой частью — вернулись офицеры на свой бивуакъ, досада въ душѣ на нервнительность турецкаго главнокомандующаго.

Утомленные ночнымъ бодрствованіемъ, солдаты и офицеры, утоливъ голодь, разбрелись по своимъ палаткамъ и улеглись отдыхать.

Загорскій, бывшій въ этотъ день дежурнымъ по баталіону, чтобы разогнать одолевавшій его сонъ, бродилъ между палатками, прислушиваясь къ отдаленному грохоту орудіейной канонады.

Возбужденное состояніе, въ которомъ находился юноша въ теченіе всей минувшей ночи, усталость, невозможность уснуть хоть на нѣсколько часовъ, чтобы подкрѣпить силы, — все это навѣвало на юношу невеселыя думы.

„Эхъ, скорѣй бы ужъ помѣрились силами съ турками, надобно это неопредѣленное положеніе, — размышлялъ онъ. — Мопотовность какая-то: карауль, дежурства... И все это изодня въ-день, одно и то же, одно и то же... А чувствуется мнѣ, что не сегодня, такъ завтра, а придется намъ встрѣтиться съ Османомъ; не будетъ же онъ сидеть-сидѣть въ этой проклятой Плевнѣ... Вѣдь вотъ, говорятъ, и провизіи ужъ у него недостатку большой... А что, не написать ли мнѣ на всякій случай нару словъ матери, дѣлать-то все равно нечего... Да и завтра, или даже сегодня ночью, мало ли что можетъ случиться“, мелькнуло у него вдругъ среди нити размышленій, и онъ направился къ своей палаткѣ.

Рачинскій и Смирновъ покоились на своихъ постеляхъ споконнымъ, крѣпкимъ сномъ; тихонько, стараясь не потревожить ихъ, Загорскій выдвинулъ изъ-подъ кровати свой чемоданъ, досталъ изъ него письменныя принадлежности и, приютившись около ящика, замѣнявшаго обитателямъ палатки столъ, принялся писать.

Вотъ, между прочимъ, нѣсколько строкъ, которыя вылились изъ-подъ пера юноши:

„Не сегодня, такъ завтра намъ неизбежно предстоитъ встрѣтиться лицомъ къ лицу со всею арміею Османа-паша. Не грустите, дорогая мамочка, а помолитесь обо мнѣ; какъ ни ничтожна моя роль въ полку среди боевыхъ товарищей, но вѣрьте, что я исполню ее, какъ подобаетъ вѣрному слугѣ Царя и отечества, не посрамлю имени моего дорогого покойнаго отца!“

Письмо было немногосложно, и юноша почти его кончилъ, когда услышалъ вдругъ голосъ проснувавшагося Рачинскаго.

— Что это вы строите, Дмитрій Львовичъ?

— Отъ нечего дѣлать, письмо матушкѣ, Ромуальдъ Владиславовичъ, — отвѣтилъ юноша, немного вздрогнувъ отъ неожиданности вопроса.

— Да вѣдь вы на-дняхъ ей писали.

— Писалъ... Но теперь вотъ захотѣлось, въ виду предстоящаго боя, подѣлаться со старушкой своимъ впечатлѣніями...

Рачинскій покачалъ головою.

— По-моему, напрасно вы это дѣлаете... Можетъ написать такое, что можетъ лишь разстроитъ вашу матушку... Повѣрьте, у меня есть предчувствіе, что и вы, и я вернемся назадъ въ Россію живы и здоровы.

— Да неужели и вы, Ромуальдъ Владиславовичъ, считаете меня способнымъ на какія-то недостойныя мужнины разгла-

гольствованія! — вснахнулъ юноша. — Вотъ, письмо, возьмите и прочтите его съ начала до конца, нежелай найдете что-либо могущее нарушить покой моихъ близкихъ, то тогда считайте меня вполне заслуживающимъ ключикъ „Машенька“!

— Будетъ вамъ, съ чего это вы взяли, чтобы и сталъ читать чужія письма! — возразилъ Рачинскій.

— Нѣтъ, я настоятельно прошу васъ прочесть письмо, — горячился Загорскій, сунувъ въ руки поручика.

— Да будетъ вамъ... Съ чего это вы взяли!..

— Здѣсь секретовъ нѣтъ, прошу васъ прочитать, иначе вы меня обидите!.. Я очень дорожу мнѣніемъ людей, которыхъ уважаю, а потому желаю вамъ доказать, что ваши подозрѣнія неосновательны.

— Но и вѣрю вамъ, повторяю, вѣрю на слово...

— Если вы не согласитесь прочесть того, что я написалъ, то я сейчасъ разорву это письмо въ клочки! — произнесъ Загорскій такимъ тономъ, что Рачинскому, искренно расположенному къ юношѣ, не оставалось ничего болѣе, какъ исполнить его желаніе.

Пробѣжавъ содержаніе письма, Рачинскій быстро поднялся съ постели и протянулъ своему субалтерну руку.

— Хорошій вы, славный вы человекъ, Дмитрій Львовичъ! — горячо произнесъ онъ. — Я много виноватъ передъ вами, что позволилъ себѣ выраженіе, которое задѣло васъ за живое!

— Да, нѣтъ, что же... Я вѣдь понимаю, что вы были далеки отъ мысли сказать мнѣ что-либо обидное, — покраснѣвъ до ушей, произнесъ Загорскій, сознавая, что онъ напрасно погорячился.

— Ну-съ, теперь займемся часнигемъ, а потомъ и вана очередь отдыхать, — сказалъ Рачинскій, желая переменить тему разговора.

— Какъ, вѣдь мнѣ смѣна завтра утромъ. — возразилъ юноша.

— Да, но сегодня полкъ находится въ исключительномъ положеніи, и смѣна дежурнымъ будетъ произведена съ вечера зарей. Тѣ, которые успѣли отдохнуть днемъ, заступятъ на дежурство на ночь. А вы и не знали?

— Говори откровенно — не зналъ.

(Окончаніе будетъ.)

200-лѣтіе кубанскаго казачьяго войска. Взводъ кубанцевъ—георгіевскихъ кавалеровъ.

Съ фот. В. Сидоренко автотипія „Нивы“.

Къ рисункамъ.

Въ праздничный день. (Рис. на стр. 1227.)

Ни для кого изъ насъ не тайна, какъ скучна, какъ непри-

глядна жизнь учениковъ въ нашихъ мастерскихъ. Развѣ только по воскресеньямъ да по большимъ праздникамъ мастеровымъ-ученикамъ удается вздохнуть посвободнѣе. Конечно, нѣтъ пра-

вила безъ исключенія, — бывають хозяева и болѣе гуманные, и къ одному изъ такихъ именно хозяевъ вводитъ насъ художникъ. Лица мальчиковъ, играющихъ въ домино, и выраженіе на лицѣ маленькаго сапожника, чистящаго обувь, не говорятъ ни о заботности, ни о какихъ-либо лишенияхъ, и вообще отъ всей картинки вѣетъ миромъ и тишиною.

Открытие первой серебряной руды въ Россіи при Иоаннѣ III. (Рис. на стр. 1230.)

Состояніе у насъ горнаго дѣла въ древности покрыто мракомъ неизвестности. Раскопки кургановъ и могильниковъ называютъ, что древнему населенію нынѣшней Россіи были извѣстны металлы: желѣзо, мѣдь, золото, серебро; но откуда и какъ они добывались—объ этомъ трудно судить. Древнѣе славяне не занимались добычею ни золота, ни серебра, а вымѣшивали эти металлы у сосѣдей на свои произведенія. Мѣдь въ то время уже добывалась въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, именно въ Пермскомъ краѣ, точно такъ же и желѣзо было извѣстно и добывалось съ глубокой древности. Но уже во времена исторической Русь все еще получала большую часть нужныхъ ей металловъ изъ иноземныхъ краевъ, путемъ мѣшовой торговли. А между тѣмъ, по мѣрѣ развитія государственной жизни страны, потребность въ металлахъ, на оружіе и на монету, быстро возрастала, и зависимость отъ иноземныхъ поставщиковъ давала себя чувствовать. Это побуждало князей заботиться о водвореніи внутренняго производства металловъ. Иоаннъ III, напримѣръ, требовалъ въ 1482 г. отъ венгерскаго короля Матвія Корвина горскихъ мастеровъ, искусныхъ въ добычаніи и обработкѣ золотой и серебряной руды; въ 1490 г. такой же наказъ давался посланцъ, отправленнымъ къ римскому императору, и около того же времени была отправлена римская партія на Печору. Иоаннъ Грозный продолжалъ заботы предшественника о развитіи горнозаводскаго дѣла; при немъ были основаны Строгановымъ солеварницы въ Вологодскомъ краѣ. Въ 1628 г. была найдена, наконецъ, желѣзная руда на Уралѣ и основанъ первый, Ницыйскій, заводъ для выплавки желѣза. Велѣдъ за желѣзною возникла и окупилась и мѣдная промышленность, и окупилась въ такой мѣрѣ, что, напримѣръ, въ прошломъ столѣтіи Россія долгое время снабжала своею мѣдью всю Европу; знаменитые старинныя французскія бронзы были выдѣлываемы изъ нашей мѣди. Итакъ, наши императоры богатства, начиная со времени первыхъ царей древней Руси, постепенно приводились въ извѣстность. Первое въ Россіи мѣсторожденіе руднаго золота было открыто въ Кемскомъ уездѣ Архангельской губерніи, въ Воицкомъ рудникѣ, въ 1745 г., а на Уралѣ его выработка изъ руды началась около 1748 г.; разсыпное же золото впервые было открыто на Уралѣ, въ Березовскихъ рудникахъ, въ 1814 году, а въ Сибири въ 1825 г.; богатѣйшіе Олекминскіе прииски найдены въ 1849 г. Время открытій у насъ серебряныхъ рудъ очень трудно установить съ точностью. Серебро у насъ добывается въ Томской губерніи (главное мѣсторожденіе), затѣмъ въ областяхъ Забайкальской, Терской, Семипалатинской и въ Выборгской губ. Утверждаютъ, что первые руды серебра были найдены въ Восточной Сибири въ началѣ второй половины XVII столѣтія, но выплавка серебра началась лишь около 1704 г., сначала въ Алтайскомъ горномъ округѣ, гдѣ находилъ самыя богатыя наии серебро-свинцовыя мѣсторожденія, такъ-называемыя Зыбиногорскія, а затѣмъ и въ Черчинскомъ округѣ Забайкальской области. Алтайскіе рудники за время своего процвѣтанія дали до 120,000 пудовъ серебра, при чемъ въ иные годы добыча доходила до 1,000 пудовъ. Россія, какъ явно свидѣтельствуетъ эта цифра, очень бѣдна серебромъ, занимаетъ по величинѣ его добычи одно изъ послѣднихъ мѣстъ, тогда какъ по добычѣ золота она стоитъ на четвертомъ мѣстѣ. Для того, чтобы судить о томъ, сколь ничтожна цифра ежегодной добычи у насъ серебра—600—800 пудовъ—стоитъ только сопоставить ее съ общою цифрою годовой добычи на всемъ земномъ шарѣ—320,000 пудовъ. Другое дѣло золото; у насъ его добывается ежегодно отъ 2 до 2½ тысячъ пудовъ, и въ размѣрѣ его добычи мы уступаемъ, и то лишь въ незначительной степени, Австраліи, добывающей золота до 3,384 пудовъ въ годъ, Соединеннымъ Штатамъ (3,300 пуд.) и Южной Африкѣ (2,700 пуд.). Серебро мы до сихъ поръ ввозимъ, и вѣроятно еще долго будемъ пользоваться ввозомъ. Въ Кубанской области въ 1886 г. было открыто довольно богатое мѣсторожденіе серебро-свинцовыхъ рудъ въ предгорьяхъ Эльборуса; разработкою этихъ рудъ занялось, но лишь въ самые послѣдніе годы, акціонерное общество „Эльборусъ“. Существуетъ надежда, что это мѣсторожденіе будетъ давать довольно значительную, хотя еще и трудно предсказать, въ какой именно мѣрѣ обильную, добычу серебра. Нашъ первый старатель по части обелѣванія минеральныхъ богатствъ страны, великій князь Иоаннъ III, какъ мы уже упоминали въ началѣ этой записки, велически хлопоталъ о развѣдкахъ по горной части и о вынискѣ изъ иноземныхъ государствъ свѣдѣннхъ мастеровъ. На нашемъ рисункѣ представленъ осмогръ великимъ княземъ вновь доставленнымъ въ Москву рудѣ, для оцѣнки которыхъ имъ были вызваны тутъ же присутствующіе иноземные мастера.

Деревенскіе философы. (Рис. на стр. 1231.)

Въ деревенскомъ кабацкѣ — этомъ клубѣ сельскаго населенія—собрались трое знакомыхъ. Завязался разговоръ, скоро перешедшій на политику. Разумѣется, все трое оказались въ политикѣ очень сильны, и вскорѣ ихъ общими силами, были улажены все самыя спорныя вопросы европейской дипломатіи. Еслибы они были на мѣстѣ министровъ, Европа быстро была бы совершенно умиротворена, никакіе вопросы, въ родѣ восточнаго, армянскаго и другихъ, не затемнили бы ея горизонтъ, и на землѣ пастушій бы золотой вѣкъ. Но, на несчастье нашей планетѣ, судьба не дала этимъ благодѣтелямъ человечества власти, и Европа должна попрежнему страдать подъ бременемъ вооруженнаго мира.

Запорожець. (Рис. на стр. 1235.)

Помѣщенный въ настоящемъ номерѣ рисунокъ И. Ижакевича, представляющій намъ удалую и въ то же время суровую фигуру запорожца, очень удачная иллюстрація къ помѣщенной здѣсь же статьѣ о двухсотлѣтнн кубанскаго казачьяго войска. Запорожець—прямой предокъ нынѣшняго кубанца, запорожець—наиболѣе оригинальная форма казачества.

200-лѣтіе кубанскаго казачьяго войска.

(Съ 5-ю рисунками на стр. 1238 и 1240.)

8 сентябрю, въ г. Екатеринодарѣ, торжественно праздновалось, съ Высочайшаго соизволенія, двухсотлѣтіе существованія кубанскаго казачьяго войска.

Кубанское казачье войско образовалось изъ бывшаго черноморскаго и части кавказскаго линейнаго казачьяго войска; въ составъ же кавказскаго линейнаго казачьяго войска входили хонерскіе казаки, которые и дали кубанскому казачьему войску свое старшинство съ 1696 года, принимая участіе вмѣстѣ съ донскими казаками въ походѣ подъ Азовомъ и въ сраженіяхъ со шведами при Петрѣ Великомъ.

Съ 1696 года возникло кубанское казачье войско, настоящее же свое названіе оно получило лишь въ 1860 году.

Черноморцы, состоявшіе исключительно изъ малороссовъ, вмѣстѣ съ линейцами, состоявшими преимущественно изъ великороссовъ, почти одновременно были поселены на Северномъ Кавказѣ и много лѣтъ прожили обособленною жизнью, отличаясь другъ отъ друга внутреннимъ устройствомъ быта, характеромъ поселенія и землевладѣнія, языкомъ и даже вѣрою, такъ какъ среди линейцевъ было не малое число раскольниковъ. Черноморцы, это—остатки былыхъ запорожцевъ, тѣхъ именно, которые выразили готовность, послѣ уничтоженія Запорожской Сѣчи въ 1775 году, служить подъ русскими знаменами. Получивъ въ даръ отъ императрицы Екатерины II земли между Чернымъ и Азовскимъ морями, по р. Еѣ до Усть-Лабинскаго редука, они, по своей внутренней организаціи, не порвали, однако, связи съ славнымъ прошлымъ запорожцевъ. Возникло черноморское войско въ 1787 г., и отведенныя имъ земли черноморцы заслужили своей кровью, отличившись подъ русскими знаменами въ войнѣ съ Турціей. Земли оказались очень удобными для поселенія, и 3 Юнія 1793 года черноморцы постановили построить тамъ войсковую городъ Екатеринодаръ; въ немъ основана была резиденція войска и по образцу „коша“ запорожцевъ возведены были крѣпость и курени (казармы) для помѣщенія куренныхъ атамановъ и бездомовнаго товарищества. Затѣмъ постепенно возникло 40 „куренныхъ селеній“, хутора, зимовники, кони. Казаки стали заниматься въ степи скотоводствомъ, члеловодствомъ, хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, рыбною ловлею и солиными промыслами. Но, отвлекаясь отъ хозяйственныхъ занятій военной службой, черноморцы, нуждаясь въ пришлыхъ рабочихъ рукахъ, съ удовольствіемъ принимали къ себѣ пришельцевъ, да и само правительствомъ переселило на Кубань за время съ 1808 по 1848 годъ болѣе 100,000 человекъ изъ малороссійскихъ губерній.

Назначеніемъ черноморцевъ было сторожить и защищать отъ нападѣній горскихъ племенъ часть пограничной линіи, тянувшейся по Кубани и Тереку отъ Чернаго до Каспійскаго моря. На этомъ проиженіи они имѣли около 60 постовъ и болѣе 100 связующихъ посты никетовъ. Особенно трудную, передовую службу несли въ этой семидесятилѣтней борьбѣ съ горцами „пластуны“, которые были и застрѣльщиками, и лазутчиками, и развѣдчиками. Пластуны извѣстны были еще у запорожцевъ, имѣвшихъ даже особый пластуновскій курень. Происшло это слово отъ „пласть“ и означало человѣка, который работалъ почти всегда ползкомъ, лежа пластомъ. Прильнувъ къ землѣ, ползкомъ, въ густой травѣ, подкрадывался пластуны къ неприятелю, высматривалъ, что было нужно, и незамѣтно уползалъ назадъ на свою линію. Угрюмый взглядъ, вздернутый къверху усъ придавали окуренному порохоу и почертившему отъ зноя и непогоды лицу пластуна выраженіе стойкости и неустрашимости. Одѣвался пластуны какъ бѣдный черкесъ, одѣжда его отъ ползанья была всегда истерлана.

Пластуны покрыли черноморцевъ вѣчною славою лучшихъ русскихъ воиновъ. Пластуны, главнымъ образомъ, вели всю долготѣтную борьбу съ горцами, никогда не выступая въ открытыя шумныя бои, а борясь втихомолку одинъ на одинъ

съ врагомъ, геройски проливал свою кровь капля за каплей. И если многие не знали ихъ героическихъ подвиговъ въ борьбѣ съ горцами, то послѣ 1855 года имя почти каждаго изъ нихъ облегало всю Россію. Въ Крымскую кампанію Россія узнала, что за герои живутъ у нея на Кубани. Самая трудная и опасная аванпостная служба выпала на долю пастушьювъ, и если въ Крымскую кампанію—не было побѣжденныхъ, а были одни побѣдители, то Россія въ значительной степени обязана этимъ своимъ храбрымъ, искуснымъ и неустранимымъ черноморскимъ пастушьювъ. Вся служба пастушьювъ во время кампаніи была одинъ подвигъ, одно сплошное самопожертвованіе во имя своей родины.

Черноморскіе казаки, кромѣ борьбы съ горцами и севастопольской кампаніи, принимали участіе во всѣхъ крупныхъ отечественныхъ войнахъ, и лучшими свидетелями воинскихъ заслугъ черноморцевъ служатъ многочисленные регалии, пожалованныя казачьимъ полкамъ Екатериною II, Павломъ I, Александромъ I, Николаемъ I и Александромъ II и хранящіяся въ войсковомъ арсеналѣ въ Екатеринодарѣ.

Линейные казаки не представляли первоначально особаго самостоятельнаго войска, а образованы были въ видѣ полковъ—въ началѣ кубанскаго, а десять лѣтъ спустя—кавказскаго. Вислѣдствіи, въ юго-восточной части Кубанской области поселена была часть хоперскаго полка, состоявшая изъ казачковъ хоперскаго войска, которое возникло въ XVI вѣкѣ, затѣмъ при Петрѣ I слилось съ донцами и въ 1777 г. переселилось въ теперешнюю Ставропольскую губернію. Вплоть до 1832 г. всѣ эти три полка находились въ распоряженіи командовавшаго Кавказской линіей. Въ 1832 г. образовано было изъ разрозненныхъ отраслей казачества, залившихъ сѣверныя части Кавказа отъ Каспійскаго моря до Усть-Лабинской крепости, одно кавказское линейное войско, самостоятельное существованіе котораго продолжалось до 1860 г. Въ этомъ году Старая и Новая линіи вошли въ составъ нынѣшняго кубанскаго казачьяго войска.

Начало заселенію Старой линіи было положено въ 1794 г., когда основаны были шесть станицъ изъ донскихъ казачковъ, переселенныхъ на Кубань въ наказаніе за булавинскій бунтъ. Здѣсь, на границѣ между русскими владѣніями и землями кавказскихъ горцевъ, донцы образовали кубанскій казачій полкъ. Новая линія, т. е. равнина между Кубанью и Лабой, начала заселяться съ 1841 г. Линейныя станицы носили болѣе военный отпечатокъ, чѣмъ черноморскія. До 1845 г. линейный казакъ зналъ только одинъ приказъ начальства, замятившіе ему законъ центрального правительсва. Въ 1845 г. издано было „Положеніе о кавказскомъ казачьемъ линейномъ войскѣ“, раздѣлившее все войско на 17 полковыхъ округовъ и разграничившее управленіе на военное и гражданское. Въ экономической жизни линейцевъ преобладала занятіи земледѣльемъ. Что касается воинской службы, линейцы вели также упорную борьбу съ горцами и пролили много крови на берегахъ Кубани, Кумы, на кавказскихъ высотахъ и на чужбинѣ, въ заграничныхъ походахъ, всюду заслуживая за свою доблесть Монаршіи награды и милости. Плехоты линейцы не знали,—на первомъ мѣстѣ у нихъ былъ быстрый конь и легкой наѣздникъ. У линейцевъ были также пастушьювъ, но конные, несшие на себѣ развѣздную и развѣдочную службу.

Служба черноморцевъ съ линейцами въ 1860 г., подъ общимъ названіемъ кубанскаго казачьяго войска, много способствовало колонизаціи Закубанья. Въ 1870 г. издано было „Положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ“, согласно которому станичныя общества были отдѣлены отъ станичныхъ правленій, совершенно выдѣлены станичный судъ, принявшій характеръ крестьянскаго волостного суда, и введено выборное начало въ основу станичныхъ учреждений. Казачья же земля, по новому положенію, образовала три вида собственности: войсковую, общинную и частную.

Замыреніе Кавказа и новое устройство управленія войска дали возможность кубанскому казану стать мирнымъ гражданскимъ отечествомъ. Въ казачествѣ быстро сказалося стремленіе къ образованію, и теперь въ Кубанской области нѣтъ ни одной станицы или казачьяго поселка, гдѣ бы не было школы; помимо того казаки, подлежащіе поголовной воинской службѣ, при поступленіи въ строй обучаются грамотѣ. Въ 1872 г. открыта въ области казачья учительская семинарія, въ 1876 г.—войсковой книжный складъ, а въ теченіе 6 лѣтъ, съ 1874 по 1880 гг., построено 136 образцовыхъ училищныхъ зданій, стоившихъ до полумилліона рублей; для обезпеченія же школы постояннымъ источникомъ доходовъ отведенъ за то же время 81 училищный участокъ въ количествѣ 20,863 десятины общинныхъ земель. Къ началу нынѣшняго года населеніе Кубанской области и Черноморскаго округа, выдѣленнаго теперь въ Черноморскую губернію, равнялось 1,773,690 чел., изъ нихъ войскового сословія 741,873 чел. Число же строевыхъ казачковъ въ военное время достигаетъ, по штатамъ 1893 г., 47,414 чел., кромѣ офицеровъ. Въ мирное время на службу состоятъ только одна треть ихъ, при чемъ въ числѣ чиновъ войска нѣтъся представители всѣхъ трехъ родовъ оружія—и пѣхота, и кавалерія, и артиллерія.

Такова исторія кубанскаго казачьяго войска, котораю оно

можетъ смѣло гордиться. Казаки занимаютъ почетное мѣсто въ русской государственной и народной жизни, казачью кровью омыты всѣ пограничныя области Россіи, казаки сослужили великую службу родинѣ въ годины тяжелыхъ военныхъ бѣдствій—и въ 1812, и въ 1855, и въ 1877—78 гг. За послѣднюю четверть вѣка казакъ доказалъ, что онъ не только доблестный воинъ—защитникъ русской національности и борецъ за православіе, но и заботливый хозяинъ, прекрасный колонизаторъ, достойный представитель мирнаго труда.

Въ нынѣшнемъ году, по поводу двухсотлѣтія своего существованія, кубанскому казачьему войску было чѣмъ вспомнить славное прошлое. Это былъ общій праздникъ всего казачества.

Празднество началось еще наканунѣ, 7 сентября, когда состоялось прибывка Высочайше пожалованныхъ войску, при особыхъ грамотахъ, новыхъ георгиевскихъ знаменъ съ Александровскою юбилейною лентою: одного—войскового, съ надписью вокругъ знамени: „Въ память двухсотлѣтняго существованія кубанскаго казачьяго войска“, и трехъ—полковыхъ: пожалованныхъ 1-му, 2-му и 3-му хоперскимъ полкамъ, зачатѣльнѣшимъ кровью начало своего историческаго существованія (въ походѣ подъ Азовомъ въ 1696 г. и въ шведской войнѣ). Въ день юбилея, 8 сентября, въ 9½ ч. утра, по установленному церемониалу состоялось выносе всѣхъ войсковыхъ регалий въ войсковой соборъ, гдѣ онѣ были встрѣчены духовенствомъ и окроплены св. водою. По совершеніи литургии регалии, въ сопровожденіи всего духовенства, хора войсковой музыки, взвода конвой Его Величества, сотни стариковъ и сотни малолѣтковъ, отнесены были на крепостную площадь, гдѣ совершенно было молебствіе. Передъ совершеніемъ молебствія, наказный атаманъ прочелъ Высочайше дарованную на войсковое знамя грамоту, а протоіерей собора прочелъ архипастырское войску благословеніе епископа ставропольскаго и екатеринодарскаго. Послѣ молебствія, войска были окроплены св. водою преосвященнымъ и прошли церемониальнымъ маршемъ, послѣ чего войсковыя регалии по церемониалу отнесены были обратно на свое мѣсто храненія.

Затѣмъ въ лѣтнемъ помѣщеніи 2-го общественаго собранія, всѣмъ собравшимся на праздникъ начальствующимъ лицамъ, депутатамъ, офицерамъ и чиновникамъ войска, сотнямъ стариковъ и малолѣткамъ, а также строевымъ частямъ предложено было обѣдъ. У входа въ собраніе были выстроены лѣва старики-часовые въ старинныхъ формахъ запорожца, черноморца, кавказска-линейца и пастушьювъ, справа—три часовыхъ въ старыхъ формахъ хоперскаго полка. На обѣдѣ присутствовали преосвященный Агаѳодоръ, наказные атаманъ кубанскаго и донскаго войска—г.-л. Малата и кн. Святополкъ-Мирскій.

На другой день празднества, 9 сентября, состоялась закладка памятника императрицѣ Екатерицѣ II.

Столѣтіе города Павловска. (Рис. на стр. 1239.)

На другой день послѣ Гатчины, именно 12 ноября, отпраздновалъ сотую годовщину своего существованія и ея близкій сосѣдь, городъ Павловскъ, который падо признать однимъ изъ самыхъ молодыхъ поселковъ этой мѣстности.

Еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія находились пустыри и густые лѣса, среди которыхъ было разбросано нѣсколько деревень, подвѣдомственныхъ царскосельскому дворцовому вѣдомству. Здѣсь нерѣдко устраивалась охота, и по повелѣнію императрицы Екатерины II были построены два охотничьихъ домика: „Крикъ“ (и до сихъ поръ сохраняемый въ первоначальномъ видѣ) и „Крякъ“. Такъ какъ великій князь Павелъ Петровичъ очень любилъ эту мѣстность, то 12 декабря 1777 года, по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича, императрица подарила его родителямъ 302 десятины земли изъ этой дачи, въ пяти верстахъ отъ Царскаго Села, съ двумя деревнями: Кузнецы или Рысь-Кабачокъ и Лина.

Новые владѣльцы немедленно принялись за обстройку своего имѣнія и къ 1780 году тутъ уже стоялъ увеселительный дворецъ „Пауль-луста“, а около дворца выросла слободка, получившая названіе Павловска; въ деревнѣ Кузнецахъ была устроена молочная ферма, а около дворца возникли разныя павильоны, какъ „Храмъ дружбы“, „Шалэ“ или швейцарскій домикъ, Эрмитажъ или „Домъ пустытника“, китайская бесѣдка и оранжерея. Въ 1782 году началась перестройка деревяннаго дворца Пауль-луста въ каменный, садъ былъ значительно расширенъ, и вообще цесаревичъ не щадилъ издержекъ для украшенія Павловска, населеніе котораго, состоявшее почти исключительно изъ придворныхъ служителей съ ихъ семействами, солдатъ, мастеровыхъ и крестьянъ, съ году на годъ увеличивалось: къ 1 января 1780 года въ немъ насчитывалось только 54 человекъ обоого пола, а къ 1 января 1784 года число жителей его возросло уже до 688 человекъ.

Затрачивалъ большія деньги на художественную отдѣлку навловскаго дворца, къ участію въ которой были привлечены крупныя силы изъ иностранныхъ и русскихъ художниковъ, устроенъ въ 1783 году, въ англійскомъ саду, блязъ каелей, деревянный театръ, Августѣйшіе владѣльцы Павловска не за-

бывали и насущных нужд населенія его; и вотъ, уже въ 1784 г., была построена и освящена церковь во имя св. Маріи Магдалины, а при ней учреждена великою княгиней Маріей Ѳеодоровной богадѣльня на 10 мужчинъ и 10 женщинъ; при церкви же, въ особомъ флигелѣ, была открыта школа для дѣтей. Для поддержанія порядка и общественного благочинія въ новомъ поселеніи и вообще для несенія полицейской службы, еще въ 1782 г. цесаревичемъ была учреждена команда инвалидовъ. Между тѣмъ населеніе Павловска продолжало увеличиваться, и съ 1789 года дворцовый пригородъ началъ быстро застраиваться домиками на участкахъ, разданныхъ цесаревичемъ приближеннымъ къ его семьѣ особамъ и нѣкоторымъ придворнымъ служителямъ.

По вступленіи на престолъ императора Павла I, Высочайшимъ указомъ отъ 12 ноября 1796 года село Павловское было переименовано въ безуздный городъ. Велѣдъ затѣмъ въ Павловскѣ были учреждены городское правленіе и ратуша, заведена полиція, отстроены военный госпиталь; земли бывшихъ деревень Кузнецъ и Лица отошли въ собственность города, а для переселенія ихъ жителей были построены казною деревни Новая-Весь и Глазово, и также Ѳеодоровскій посадь, которые были присланы къ городу Павловску, равно какъ и другія окружныя селенія: Красное Село, деревни Тирлево, гдѣ тогда же была учреждена практическая школа земледѣлія, и Лищицы. Все это было сдѣлано въ теченіе 1797 года. Въ томъ же году городъ былъ окруженъ валомъ, а близъ дворца выстроена маленькая крѣпостца Маріенталь. Павловскій дворецъ былъ значительно расширенъ, а пзъ Царскаго Села перенесенъ былъ въ Павловскъ деревянный Константиновскій дворецъ.

Послѣ кончины императора Павла I, императрица Марія Ѳеодоровна немедленно переселилась въ Павловскъ, который, вмѣстѣ съ Гатчиною, сталъ служить ей почти исключительною резиденціей и предметомъ ея особаго вниманія и заботливости. Украшеніе дворца и парка было прервано пожаромъ, послѣ котораго въ 1803 году дворецъ былъ перестроенъ. Въ паркѣ императрица поставила нѣсколько монументовъ: въ память великой княгини Елены Павловны, герцогини Мекленбургъ-Швернской (въ 1806 г.), памятникъ великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, палатинѣ Венгерской (въ 1815 году) и мавзолей „Родителямъ и супругамъ“ (въ 1810 году); другіе памятники, украшающіе нынѣ паркъ, возникли значительно позднѣе: памятникъ въ Бозѣ почившему наследнику цесаревичу Николаю Александровичу сооруженъ въ 1866 году великою княгинею Александровою Юсифовною, а статуя императору Павлу I, находящаяся передъ дворцомъ и представляющая точную копию гатчинской статуи императора, работы Клодта, поставлена лишь въ 1872 году.

1811 годъ составилъ эпоху въ жизни Павловска: по Высочайшему повелѣнію, въ этомъ году была закрыта учрежденная въ Павловскѣ ратуша, а дѣла о купцахъ и мѣщанахъ этого

города переданы въ вѣдѣніе царскосельской ратуши; тогда же была упразднена крѣпостца Маріенталь, и Павловскъ окончательно потерялъ послѣдніе слѣды воинственнаго характера,

А. Г. Брикнеръ († 4 ноября 1896 г.).
Съ фот. автотипія „Нива“.

решель въ собственность великаго князя Михаила Павловича, который продолжалъ заботиться о благоустройствѣ, расширеніи и украшеніи города; великій князь многимъ лицамъ раздавалъ участки земли въ городѣ, и Павловскъ быстро застраивался, принимая все болѣе и болѣе опрятный и красивый видъ.

Послѣ кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны, послѣдовавшей въ 1828 году, Павловскъ пе-

решель въ собственность великаго князя Константина Николаевича, при чемъ, въ силу Высочайшаго указа отъ 10 октября этого года, городъ долженъ былъ оставаться во владѣніи старшаго мужского поколѣнія великаго князя, а въ случаѣ престѣпенія его — перейти къ старшему въ Царствующемъ Домѣ, минуя наследника престола. Такимъ образомъ, нынѣ, послѣ кончины великаго князя Константина Николаевича, Павловскъ принадлежитъ великому князю Константину Константиновичу.

Говорить о современномъ Павловскѣ, мы думаемъ, излишне: не только всѣ петербуржцы знаютъ его какъ нельзя лучше, но большинство и провинціальной интеллигентной публики хорошо съ нимъ знакомо если не по личнымъ впечатлѣніямъ во время приѣздовъ въ столицу, то по литературѣ, гдѣ Павловскъ упоминается чрезвычайно часто, чуть не каждый разъ, когда мѣсто дѣйствія романа, разсказа или повѣсти происходитъ въ Петербургъ или его окрестностяхъ.

Юбилей свой Павловскъ отпраздновалъ очень горько и печально. Городъ съ утра расцвѣтилъ флагами, и чуть не все населеніе его поголовно направилось къ придворной Маріинской церкви, гдѣ собралась и вся городская администрація, дѣти изъ город-

А. О. Баталинъ († 1 октября 1896 г.).
Съ фотогр. Бореля автотипія „Нива“.

но. Городъ съ утра расцвѣтилъ флагами, и чуть не все населеніе его поголовно направилось къ придворной Маріинской церкви, гдѣ собралась и вся городская администрація, дѣти изъ город-

ских приютов, пожарная и полицейские команды, а также команды отъ расквартированных въ Павловскѣ батарей 5-й и л.-гв. 6-й Его Величества донской конно-артиллерийской бригады. На молебствіе въ церковь прибылъ Его Императорское Высочество великій князь Константинъ Константиновичъ съ сыновьями, князьями: Иваномъ, Гавріиломъ, Константиномъ и Олегомъ Константиновичами и дочерью, княжною Татьяной Константиновной. На молебствіи, послѣ царскаго многолѣтія, была провозглашена вѣчная память императору Павлу I, императрицѣ Маріи Феодоровнѣ и почившимъ владѣтелямъ Павловска, великимъ князьямъ Михаилу Павловичу и Константину Николаевичу, и многолѣтіе жителямъ города. Затѣмъ состоялся церковный парадъ, артиллеріею прошли церемониальнымъ маршемъ, а вечеромъ, по обычаю, въ городѣ зажжена была иллюминація.

А. Г. Брикнеръ. (Портр. на стр. 1243.)

4 ноября, въ Германіи, въ г. Гейѣ, скончался одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ русскихъ историковъ, Александръ Густавовичъ Брикнеръ. Въ лицѣ его русская историческая наука и литература лишилась одного изъ крупнѣйшихъ и талантливейшихъ своихъ дѣятелей, тридцать шесть лѣтъ обогащавшаго русскую исторію своими выдающимися изслѣдованіями, пролившими много свѣта на событія XVII и XVIII вѣковъ.

Родившійся въ Петербургѣ 24 іюля 1834 г., А. Г. Брикнеръ получилъ первоначальное образованіе въ дѣлшемъ петропавловскомъ училищѣ. Пронесши изъ торговаго сословія, А. Г. первоначально занялся, по примѣру отца, торговыми дѣлами, но они не могли удовлетворить талантливаго юноши, стремившагося къ ученой карьерѣ. И вскорѣ А. Г. оставилъ свои занятія и уѣхалъ за границу слушать лекціи въ гейдельбергскомъ, іенскомъ и берлинскомъ университетахъ. Въ 1860 году онъ представилъ уже ученую диссертацию на степень доктора филозофій, озаглавленную: „Die Verhandlungen über das Reichsregiment 1521“.

Вернувшись послѣ того въ Россію, А. Г. Брикнеръ, усѣбный своей работою обратитъ на себя вниманіе историковъ-спеціалистовъ, былъ приглашенъ на кафедру всеобщей исторіи въ Императорское училище правовѣдѣній. Во время профессуры своей въ училищѣ правовѣдѣній, длившейся до 1867 г., А. Г. защитилъ при петербургскомъ университетѣ магистерскую диссертацию „Мѣшныя деньги въ Россіи (1656—63) и денежные знаки въ Швеціи (1716—19)“. Послѣ защиты этой диссертации, А. Г. получилъ приват-доцентуру въ петербургскомъ университетѣ. Слѣдующій трудъ А. Г. „Finanzgeschichtliche Studien. Kupfergeldkrisen“, представленный въ качествѣ диссертации въ дерптскій университетъ въ 1867 г., доставилъ ему степень доктора всеобщей исторіи. Затѣмъ съ 1868 по 1872 г. А. Г. читалъ лекціи по всеобщей исторіи въ Одессѣ и послѣ того перешелъ на кафедру русской исторіи въ дерптскій (нынѣ юрьевскій) университетъ, въ которомъ состоялъ профессоромъ вплоть до 1891 г. Годъ послѣ того А. Г. числился профессоромъ въ казанскомъ университетѣ, а затѣмъ вышелъ въ отставку и перѣхалъ въ Іену, гдѣ и скончался, не переставая до послѣдней минуты работать надъ вышесказаннымъ выдающимся явленіемъ какъ русской, такъ и западно-европейской исторіи.

Заслуги Брикнера на историческомъ поприщѣ значительны. Область, въ которой неутомимо работалъ покойный въ теченіе 36 лѣтъ,—очень обширна. Отдавъ много силъ исторіографіи и методологіи исторіи, критикѣ и изданію историческихъ документовъ, А. Г. пролил не мало свѣта въ области финансовъ и экономическихъ вопросовъ, изслѣдовалъ и опубликовалъ массу выдающихся мемуаровъ и переносокъ историческихъ личностей, очертилъ съ большимъ умѣньемъ и прозорливостью сношенія Россіи съ Западной Европой и исторію вліянія западно-европейскихъ идей въ Россіи, наконецъ далъ цѣлую галерею яркихъ портретовъ-характеристикъ извѣстнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей временъ Петра I и Екатерины II. Многія изъ этихъ работъ А. Г. были исполнены имъ на основаніи первоисточниковъ и архивныхъ данныхъ. Особенно дѣятельно занимался А. Г. разработкой архивнаго матеріала въ послѣдніе годы. Готовя къ печати обширную исторію Россіи за періодъ 1725—1762 г., которая должна была связать собою два его прежніе крупныя труда „Исторію Петра Великаго“ и „Исторію Екатерины II“, А. Г. много работалъ въ вѣнскомъ, парижскомъ, дрезденскомъ и копенгагенскомъ архивахъ.

Достаточно привесть краткій перечень наиболѣе крупныхъ работъ А. Г. Брикнера, чтобы понять всю разносторонность его таланта, все значеніе его въ исторической наукѣ. Въ числѣ такихъ сочиненій А. Г. укажемъ: „Die Europäisierung Russlands“, „Иванъ Посошковъ, какъ экономистъ“, „Русскіе туристы-дипломаты въ Италіи въ XVII столѣтіи“, „Beiträge zur Culturgeschichte Russlands im XVII Jahrhundert“, „П. Гордонъ и его дневникъ“, „Der Zarewitsch Alexei“, монографія о Потемкинѣ, „Материалы для жизнеописанія гр. П. П. Панина“ въ 7 томахъ; переработка книги Васильчикова: „Семейство Разумовскихъ“, на французскомъ языкѣ, тоже многотомная.

Кромѣ этихъ сочиненій, вышедшихъ отдѣльными изданіями, А. Г. написалъ очень много журнальныхъ статей, предста-

влявшихъ подчасъ очень солидную монографію. Историческія статьи А. Г. печатались въ *Журналъ Министертва Народнаго Просвѣщенія*, *Древней и Новой Россіи*, *Вѣстникъ Европы*, *Историческомъ Вѣстникѣ*, *Русской Мысли*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Новомъ Словѣ*, *Русскомъ Обзорѣннѣ*, *Новѣ*, *Russische Revue*, *Baltische Monatschrift*, *Historische Zeitschrift*, *Globus* и мн. друг.

Всѣ эти статьи, представляя цѣпныя историческія изслѣдованія, были всегда въ то же время очень интересны и не для спеціалистовъ только, но и для всякаго читателя, интересующагося событіями еще мало изслѣдованнаго періода царствованій Петра и Екатерины Великихъ.

Въ заключеніе нельзя не указать еще на одну крупную заслугу А. Г. Брикнера предъ лицомъ русскаго общества. Ему, его историческимъ трудамъ, издаваемымъ на иностранныхъ языкахъ, въ значительной мѣрѣ обязаны мы тѣмъ, что въ сознаніи западно-европейскаго общества выдѣлены вѣрныя и строго основанныя данныя о прошломъ русскаго народа и вытѣпены этимъ всѣ тѣ—частію преднамѣренныя, частію существовавшія по незнанію Россіи—анекдотическія, подчасъ скандальныя свѣдѣнія по русской исторіи.

А. Ѳ. Баталинъ. (Портр. на стр. 1243.)

Александръ Феодоровичъ Баталинъ, директоръ Императорскаго ботаническаго сада, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ ботаниковъ, скончался 1 октября н. г. Онъ былъ сынъ весьма извѣстнаго сельско-хозяйственнаго дѣлателя и писателя Ѳ. А. Баталина, бывшаго редактора *Земледѣльческой Газеты*; родился онъ въ 1847 г., дѣтство провелъ въ Москвѣ, первоначальное образованіе получилъ въ 5-й петербургской гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ петербургскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1866 г. Съ 1870 г. А. Ѳ. Баталинъ занималъ кафедру ботаники въ Горномъ институтѣ, а съ 1878 г. началъ читать лекціи ботаники на женскихъ врачебныхъ курсахъ. Въ 1872 г. за диссертацию „О вліяніи свѣта на образованіе формы растеній“ онъ былъ удостоенъ степени магистра, а въ 1876 г. за новую диссертацию „Механика движенія наэкомоядныхъ растеній“—степени доктора ботаники. Въ 1884 г. онъ занялъ профессорскую кафедру въ Медицинской Академіи и преподавалъ здѣсь ботанику до 1895 г., когда усиленныя занятія по должности директора ботаническаго сада заставили его отказаться отъ профессорства. Канцелярскія ученныя работы покойнаго относились къ спелематикѣ растеній. Послѣ смерти академика Максимова онъ принялъ на себя громадный и кропотливый трудъ по обработкѣ ботаническаго матеріала, собраннаго въ значительномъ объемѣ нашими путешественниками по мало изслѣдованнымъ внутреннимъ частямъ Азіи—Пржевальскимъ, Писецкимъ, Роборовскимъ, Потанинымъ. Результаты этихъ работъ, при которыхъ покойному довелось установить до сотни новыхъ родовъ и видовъ растеній, были имъ опубликованы въ „Трудахъ ботаническаго сада“ въ рядѣ статей подъ заглавіемъ „Notae de plantis asiaticis“. Изъ другихъ научныхъ работъ, весьма многочисленныхъ, напечатанныхъ въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ“, въ „Трудахъ“ с.-петербургскаго общества естествоиспытателей и ботаническаго сада, въ иностранныхъ научныхъ журналахъ, упомянемъ о его наблюденіяхъ надъ опыленіемъ нѣкоторыхъ растеній, надъ дѣйствіемъ свѣта на развитіе листьевъ, надъ причинами періодическаго движенія цвѣтовъ и листьевъ, надъ разрушеніемъ хлорофилла въ живыхъ органахъ растеній, надъ образованіемъ краснаго растительнаго пигмента и т. д. Не мало поработалъ А. Ѳ. Баталинъ также и въ области прикладной ботаники. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ редактировавшейся его отцомъ *Земледѣльческой Газетѣ*. Здѣсь появился рядъ его превосходныхъ монографій о воздѣлываемыхъ въ Россіи породахъ и сортахъ разныхъ культурныхъ растеній—масличныхъ изъ семейства крестоцвѣтныхъ, гречихи, полбы, просовыхъ растеній, лука, гороха. Ботаническій садъ былъ главною ареною его научной дѣятельности; онъ поступилъ сюда на службу вскорѣ по окончаніи университетскаго курса, въ 1870 г. Сначала онъ занималъ должность младшаго консерватора при обширномъ музее сада, потомъ былъ въ немъ главнымъ ботаникомъ и, наконецъ, директоромъ. За четыре года его директорства садъ много подвинулся впередъ по пути благоустройства; А. Ѳ. стремился не исключительно къ тому лишь, чтобы поставить это главное въ Россіи научно-ботаническое учрежденіе на надлежащую высоту, но и къ тому, чтобы по возможности заинтересовать въ немъ публику. Поэтому среди сада разбивались роскошнѣйшія клумбы, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ высаживалось по нѣскольку сотъ разнообразнѣйшихъ садовыхъ растеній. По его стараніямъ открыта при садѣ школа садоводства; онъ же настоялъ на необходимости перестройки оранжерей и исходатайствовалъ на это кредитъ въ 240 тысячъ рублей. Съ 1892 г. былъ имъ организованъ рядъ публичныхъ лекцій по разнымъ отдѣламъ ботаники, съ правомъ безплатнаго ихъ посѣщенія всѣми желающими. Еще раньше изъ заведена при ботаническомъ садѣ станція для испытанія посѣвныхъ сѣмянъ, пользующаяся доброю славою среди хозяевъ и сѣмяноторговцевъ. А. Ѳ. Баталинъ былъ дѣятельнымъ членомъ Императорскаго Вольно-Экономическаго общества.

дѣльныхъ свѣтлыхъ линий, то-есть раскаленного газа, причемъ на землѣ не найдено элемента, соответствующаго этимъ линиямъ. Итакъ, можно считать, что корона, въ своей главной массѣ, есть результатъ изверженій, происходящихъ на солнцѣ. Причина этихъ послѣднихъ есть продолжающееся сжатіе солнца, вслѣдствіе котораго увеличивается внутреннее давленіе; послѣднее и производитъ страшные взрывы въ мѣстахъ наименьшаго сопротивленія. Извергаются всѣ элементы, входящіе въ составъ поверхностныхъ слоевъ солнца, но, вслѣдствіе различія ихъ массъ, они достигаютъ различныхъ высотъ. Самыя тяжкія изверженія—тяжелыхъ элементовъ (металлическія); наиболѣе высокія состоятъ изъ водорода и геліума. Начальная скорость частицъ водорода достигаетъ 250 километровъ въ секунду; высоты водородныхъ протуберанцевъ превосходятъ иногда 300,000 километровъ и

часто столь долго остаются на такой высотѣ, что невольно приходится вводить для объясненія этого явленія электрическія силы отталкиванія. То же можно сказать и о коронѣ: она есть продуктъ изверженій солнцемъ какого-то элемента, болѣе легкаго, чѣмъ водородъ, съ начальной скоростью движенія частицъ отъ 200 до 400 километровъ въ секунду. Изверженія эти достигаютъ иногда огромныхъ высотъ, поднимаясь, какъ, напримѣръ, большою лучъ короны настоящаго затменія, на $2\frac{1}{2}$ діаметра солнечнаго диска отъ его поверхности, т.-е. больше чѣмъ на 3,000,000 километровъ. Очень вѣроятно, что эти изверженія имѣютъ тѣсную связь съ водородными, т.-е. ясно видно, что многіе лучи имѣютъ соответствующіе имъ протуберанцы; связь съ этими послѣдними влечетъ за собой и связь съ пятнами и факалами, тѣмъ болѣе вѣроятную, что самыя развитыя лучи короны имѣютъ вообще около тѣхъ зонъ, гдѣ появляются чаще всего самыя большія пятна. На полюсахъ же солнца, гдѣ пятенъ не бываетъ, корона наименѣе развита.

Лучи короны, несмотря на ихъ огромную величину, имѣютъ, по всей вѣроятности, ничтожную массу, такъ какъ они, во-первыхъ, имѣютъ слабый свѣтъ, при такой близости къ солнцу, и прозрачны, чѣмъ очень напоминаютъ хвосты кометъ, и, во-вторыхъ, не представляютъ даже въ своихъ наиболѣе свѣтлыхъ частяхъ замѣтнаго сопротивленія движущимся въ нихъ настолько разрѣженнымъ тѣламъ, какъ кометы, примѣръ чего мы видимъ въ кометѣ 1843 года, которая прошла въ разстояніи 3—4 минутъ (около 150,000 кил.) отъ поверхности солнца, т. е. черезъ наиболѣе густую часть короны, со скоростью 570 километровъ въ секунду, и не потеряла при этомъ никакого замѣтнаго измѣненія. Въ виду этого трудно согласиться съ мнѣніемъ Шегерле о происхожденіи кометъ и метеорныхъ потоковъ изъ этихъ изверженій. Подобное же мнѣніе было высказано еще Проторомъ: всѣ кометы, метеоры и метеориты суть изверженія огромныхъ солнцъ, обыкновенныхъ звѣздъ и плацетъ, находившихся въ расплавленномъ состояніи. Если первоначальный толчокъ былъ настолько силенъ, что частица можетъ выйти изъ предѣловъ притяженія тѣла, которымъ она извержена, то она становится свободной и движется въ пространствѣ, пока не попадетъ въ сферу притяженія другого небеснаго тѣла. Этой же теоріи придерживался и Фламарионъ, считая всѣ метеориты, падающіе на землю, за ея изверженія въ періодъ расплавленнаго состоянія. Известна старая теорія, приписывавшая явленіе метеоритовъ изверженіямъ лунныхъ вулкановъ, которой придерживались даже Лапласъ и Араго.

Уже этихъ немногихъ свѣдѣній достаточно, чтобы понять весь интересъ, представляемый солнечнымъ затменіемъ, какъ явленіемъ, позволяющимъ изучать строеніе частей, близкихъ къ его поверхности и недоступныхъ пока для изслѣдованія при полномъ солнечномъ сіяніи.

Вернусь теперь къ нашимъ наблюденіямъ. Погода намъ не благоприятствовала; только два раза за все время нашего пребыванія на Новой Землѣ намъ удалось видѣть солнце во время его нижней кульминаціи, такъ называемое „полнощное солнце“. Наканунѣ дня затменія, въ вечеру, сплошной слой тучъ разорвался, мѣстами видно было небо; ночь была

туманная, пасмурная. Еще въ 2 часа утра все небо было въ тучахъ. Проснувшись въ пятомъ часу, мы увидѣли, что солнце свѣтитъ, хотя и черезъ тонкій слой облаковъ (cirri). Всѣ принялись за окончательную установку и провѣрку инструментовъ. Вѣтеръ сначала былъ значительный, но понемногу сталъ утихать. За 10 минутъ до перваго контакта, всѣ сѣли по мѣстамъ; сдѣлалось такъ тихо, что слышны были удары хронометра, стоявшаго сажени на 2 отъ наблюдателей. По знаку директора, одинъ изъ членовъ экспедиціи сталъ громко считать удары хронометра и бить въ тактъ съ секундами наложкой о доску, чтобы всѣмъ было удобно опредѣлить моментъ соприкосновенія. У всѣхъ на лицахъ написано было, что приближается торжественная минута. Почти разомъ всѣ записали моментъ перваго контакта: дискъ луны обозначился на солнцѣ; это было около 6 ч. 36 м. средняго мѣстнаго времени. Ущербъ сталъ

быстро возрастать, скоро его видно было и простымъ глазомъ черезъ законченное стекло. Время до полной фазы было посвящено метеорологическимъ наблюденіямъ и приготовленіямъ къ работамъ во время полного затменія. Послѣ 7 ч. стало замѣтно темнѣть. Тѣни сдѣлались неясными, какъ будто солнце свѣтило сквозь густую мглу. Темнота возрастала быстро; немало даже похолодѣло. Вѣтеръ еще болѣе стихъ. Остался тонкій серпъ солнца; онъ быстро уменьшается. Всѣ опять располагаются по мѣстамъ; полная тишина; темнота уже надвигается быстро и неравномерно, какъ бы уступами. Громко раздались вдругъ удары въ доску и счетъ секундъ—это уже для опредѣленія момента наступленія полнаго затменія. Все окружающее приняло странный оттѣнокъ: горы стали темносиними съ почти черными тѣнями; небо тоже потемнѣло; тучи, вмѣсто бѣлыхъ, приняли коричневатый оттѣнокъ; окружающіе выдѣлялись силуэтами. Послѣдній уступъ тѣни—и стало вдругъ темно. Ярко вырисовалась корона кругомъ почти чернаго диска луны; блеснули какъ бы зажженные сразу планеты: Юпитеръ очень близко отъ солнца (2°), немало дальше Венера и Мер-

С. В. Марковъ (по поводу 50-лѣтія служебной дѣятельности).
Съ фот. автогипія „Нивы“.

курій рядомъ (12°). На дискѣ солнца видна ярко-розовая полоска хромосферы съ выдающимися на ней выступами причудливыхъ формъ—это протуберанцы. Кругомъ луннаго диска свѣтлое матово-серебряное кольцо самой яркой части короны, дальше ея лучи, болѣе слабыя, но простирающіеся на 1 (и болѣе) діаметръ луны; особенно выдается одинъ лучъ—длинною около 2-хъ лунныхъ діаметровъ, оканчивающійся вверху тонкой полоской. Всѣ были поражены этимъ явленіемъ, но потому быстро, машинально стали дѣлать все, что предпологалось заранее, и все смотрѣли на эту красную картину.

Быстро прошли 90 секундъ, въ продолженіе которыхъ пужно было снѣть нѣсколько фотографій и сдѣлать набросокъ короны, такъ что звякъ, подаваемый директоромъ о томъ, что осталось 15 секундъ и пора закрывать камеры и наблюдать первое появленіе солнечнаго луча, всѣхъ засталъ врасплохъ—всѣ думали, что 90 секундъ—это болѣе продолжительный промежутокъ времени. Стала появляться розовая полоса хромосферы съ другой стороны луннаго диска, всѣ позакрывали свои фотографическія камеры, и вдругъ брызнулъ солнечный свѣтъ. Сразу наступилъ опять день. Говорятъ, что одинъ изъ наблюдателей (офицеръ транспорта) до того былъ пораженъ неожиданнымъ появленіемъ солнечнаго свѣта, что вскричалъ: „А это чтѣ еще такое?“ Свѣтъ, даваемый короной, можно считать равнымъ свѣту полной луны, такъ какъ видны были нифры на каскетахъ, отчетливо виднѣлись горы, лѣта на водѣ. Къ свѣту самой короны прибавляется еще освѣщеніе сѣверной и южной частей горизонта, гдѣ облака, находящаяся внѣ полосы полнаго затменія и потому освѣщенные солнцемъ, видимо были въ родѣ зарни оранжеваго цвѣта. Одинъ самоѣдъ на вопросъ, какъ было темно, отвѣтилъ: „не очень, а стрѣлять нельзя было“. Всѣ они были предупреждены о предстоящемъ затменіи и столпились недалеко отъ обсерваторіи казанскаго университета. Говорятъ, что они громко смѣялись во время полной фазы. Послѣ окончанія затменія они спросили отца Юсу:

„Кто это закрыл солнце? Они (члены экспедиции Академии Наук) или эти (члены казанской экспедиции)?“ Тотъ отвѣтилъ, что ни тѣ, ни другіе, а что это отъ Бога. „Какъ же они узнали?“ спросили самоѣды.—„Это Богъ имъ открылъ“, былъ отвѣтъ, воистину, повидимому, ихъ удовлетворившій. Послѣ окончанія полной фазы не замѣчалось даже послѣдовательнаго усиленія свѣта: казалось, что сразу стало свѣтло, какъ при полномъ солнцѣ. Въ промежутки между 3-мъ и 4-мъ контактами были производимы метеорологическія наблюденія, которыя дали очень интересные результаты: термометръ съ зачерпленнымъ шарикомъ упалъ съ 20° до 6°, и еще нужно принять во вниманіе, что наблюденіе его было произведено не во время

полной фазы, а спустя 15 минутъ. Термометръ на землѣ упалъ съ 6°,5 до 2°,5, въ будкѣ—съ 4°,9 до 3°,8; термографъ далъ ровную, нижняя часть которой запоздала на 20 минутъ относительно момента полного затменія. Барометръ поднялся, но очень незначительно, на 0^{мм}.5. Влажность воздуха увеличилась вълѣдствіе охлажденія съ 63 до 69%. Интересно, что вѣтеръ затихъ значительно раньше наступленія перваго контакта, потомъ усилился, передъ полной фазой сталъ стихать, а за 10 минутъ до 4-го контакта опять задулъ сильнѣе. Облачность во время затменія была отъ 1 до 3; около 4-го контакта она увеличилась, дошла до 9, и черезъ часъ послѣ конца затменія небо совсѣмъ затянуло. Г.

Выставки французскихъ и голландскихъ художниковъ.

Почти въ одно время у насъ открылись двѣ выставки картинъ: французская—въ залѣ общества поощренія художествъ—и выставка голландскихъ художниковъ—въ Академіи Наукъ.

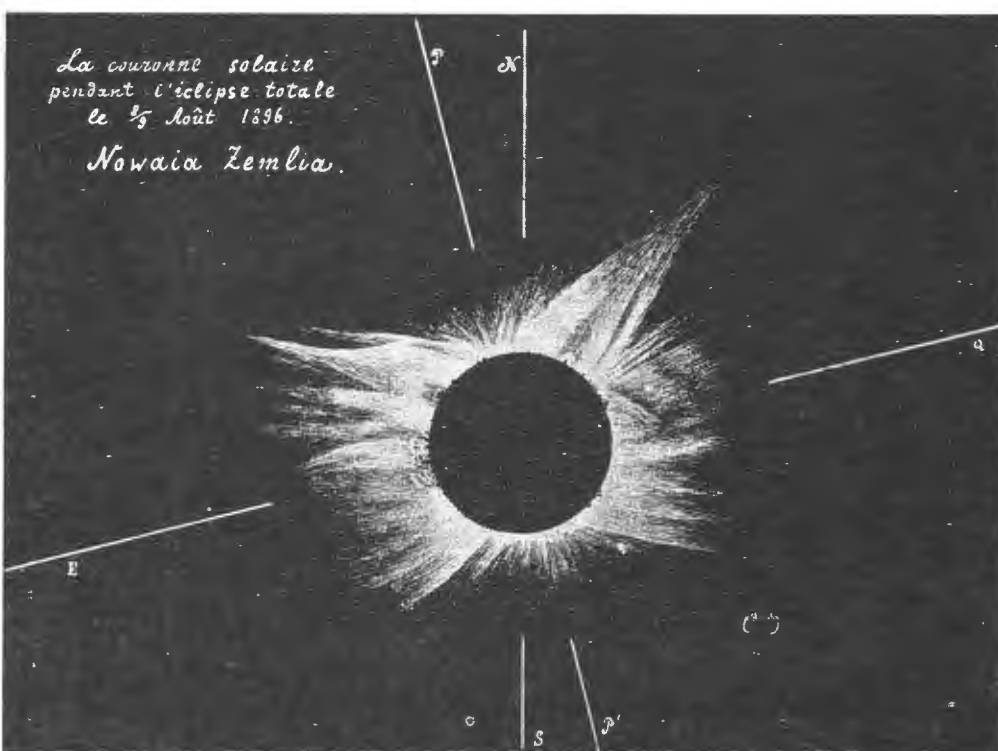
Съ произведеніями французскихъ художниковъ наша публика уже знакома по двумъ предыдущимъ выставкамъ, бывшимъ въ 1888 и 1891 годахъ, тогда какъ картины современной голландской школы появляются у насъ впервые. При посѣщеніи обѣихъ выставокъ, невольно бросается въ глаза разница во взглядѣ тѣхъ и другихъ художниковъ на живопись и ея задачи. Это двѣ крайне типичныя школы, какъ нельзя лучше выраженные въ своихъ образцахъ. Въ работахъ французовъ, въ этихъ „иленерахъ“, въ погонѣ за свѣтовыми эффектами, за цѣльностью общаго впечатлѣнія, виденъ серьезный импрессионизмъ, жаждущій одного—передать то, что онъ видитъ, чувствуетъ, не вдаваясь въ детали, въ точную мелочную передачу каждаго блика или листика. У голландцевъ совершенно обратное—здѣсь прежде всего матеріалъ, тѣло, краска, но все это на самомъ близкомъ разстояніи, безъ свѣта и воздуха. Рельефа, такого рельефа, какой такъ часто бываетъ въ работахъ французскаго художника Бонна,—здѣсь почти ни у кого нѣтъ. Возьмите, напримѣръ, хотя бы картину Жоффруа „Франко-арабская школа“ (французск. выст.) и „Адрианъ въ гонимой лавкѣ“ Альма-Тадемы (голл.): какъ живы и рельефны фигуры дѣтисекъ въ первой картинѣ, и какъ все мертво во второй; особенно какъ не рельефна и не воздушна послѣдняя. Каждая деталь, каждый изгибъ плеча, каждая фигурка барельефа на вазахъ, несомыхъ носильщицею на лакированномъ лоткѣ,—все это такъ тонко и изощро написано; но отойдите вы на шагъ,—и голова носильщика, и вазы, и красная стѣна, и видѣющіяся сквозь арку фигуры гонимыхъ,—все это въ одной плоскости, все это нестрѣтъ, и, главное, на всемъ этомъ нѣтъ ни одного живого луча свѣта.

Этимъ особенно отличаются почти все произведенія современной голландской школы. При болѣе бѣгомъ обзорѣ выставки французовъ и голландцевъ еще замѣтишь то отношеніе къ общественной жизни, къ ея интересамъ и тревогамъ, которое такъ отзывчиво у французовъ и такъ слабо у голландцевъ. Все симпатіи послѣднихъ—это ихъ домашняя жизнь, ихъ семья, дѣти, наконецъ, ихъ унылый пейзажъ съ чахлыми деревьями и вѣчными плюжами. Большинство жанровыхъ картинъ—„радость матери, бабушки или дѣдушки“, т. е. все тѣ же грудныя или немного постарше дѣти на колыбеляхъ у полногрудой, опрятно одѣтой матери или на полу у ея ногъ, или въ люлькѣ. Таковы картины Вриета, Валькенбурга и другихъ. Все это очень мило, подчасъ даже чрезвычайно колоритно написано, но крайне однообразно. Почти всегда эти

группки помѣщаются у большого окна, въ маленькія, чистыя стеклышки котораго видѣется дворикъ, красная кирпичная крыша, зелень. Картины Юсифа Израельса „Полетъ“ и „Рыбакъ“ сами по себѣ прекрасныя, но не даютъ полного и яснаго понятія объ этомъ крупнейшемъ голландскомъ художникѣ.

Только одна картина г. Гулька „Борьба за жизнь“, диссоциируетъ и оживляетъ монотонность выставки; только здѣсь голландскій художникъ взялся за сильный, захватывающій всякаго зрителя сюжетъ. Стала гонимыхъ преслѣдуетъ липсу. Вотъ онъ почти достигъ ея и все ближе и ближе къ вамъ; спасая свою жизнь, липса мчится, слегка повернувшись къ

собакамъ свою злую, оскаленную морду. Движенія масса, и оно невольно передается зрителю. Прекрасно написанныя, въ натуральную величину, фигуры собакъ кажутся совсѣмъ живыми. Въ такомъ родѣ и у французовъ нѣтъ картины, но зато тамъ есть такая батальная, какъ, напримѣръ, „Сраженіе при Тентенъякѣ въ 1793 г.“, въ которой такъ живо написаны бѣгущіе на итурмъ республиканскихъ войскъ бретонцы. Въ выбѣгающихъ изъ-подъ сводовъ какого-то храма и падающихъ, пораженныхъ пулями, фигурахъ очень много движенія и стремленія туда, впередъ, навстрѣчу вѣрной смерти въ борьбѣ за свои отцовскія традиціи. Вообще у французовъ батальная живопись—одна изъ преобладающихъ, и всевозможные героическіе моменты исторіи этого нервнаго народа служатъ неисчерпаемымъ источникомъ для ихъ малыхъ и большихъ холстовъ. Къ сожалѣнію, здѣсь нѣтъ ни одной картины ихъ лучшаго современнаго баталлиста О. Детайли и недавно умершаго, еще болѣе талантливаго, А. де-Невиля. Выставленные портреты нельзя назвать очень удачными, исключая, конечно, женскаго портрета П. Леграна—„Женщина съ собакой“. Огромная картина Рошгросса „Погони за счастьемъ“ также не изъ особенно удачныхъ его вещей. По идеѣ, замыслу, она хороша, но написана слабо, черно, не интересно. Какъ образчикъ сквернаго, ничего не выражающаго смысла, подъ которымъ все-таки не малое число зрителей желаетъ видѣть образчикъ произведенія новаго направленія и, главнымъ образомъ, здѣсь ни въ чемъ неповиннаго импрессионизма,—можно указать на „Источникъ“ Пьера Ренуара. Единственно, чѣмъ этотъ холстъ можетъ быть интересенъ, такъ это развѣ только тѣмъ, что онъ нимало не похожъ на все прочее. Здѣсь нѣтъ ни рисунка, ни живописи, ни тѣла,—одна лишь бессмысленная и ничего не говорящая мазия. Роль также принадлежитъ къ этой семьѣ, но посмотрите его „Этюдъ дамы“, освѣщенной солнныкомъ, и вы увидите совсѣмъ иное. Здѣсь была у художника ясна, воистину опредѣленная задача: онъ хотѣлъ изобразить женскую голову, освѣщенную солнцемъ и всю покрытую рефлексами. Къ сожалѣнію,

Солнечная корона во время полного затменія 28 июля 1896 г. Съ фотографіи автотипія „Нива“.

онъ не вполне достигъ желаемого, но впечатлѣніе окутанной воздухомъ и свѣгомъ головки ему удалось передать. Изъ представителей стараго классическаго направленія на выставкѣ фигурируютъ Жеромъ, Лефевръ, Бугро. По рисунку сильнѣе прочихъ Жеромъ. Его знаніе тѣла и движенія оставило за собой все, что могли показать и его современники, и художники послѣднихъ дней.

Среди пейзажей не мало хорошихъ вещей: между ними особенно недурны: картина Риголо „Деревня въ Франъ-Контуа“, „Вблизи моря“ Леконта, „Русская эскадра на Тулонскомъ рейдѣ“ Дофена, „Утренняя свѣжесть“ Сень-Поля и другія.

Въ отдѣльномъ залѣ была выставлена коллекція картинъ

Выставка работъ учениковъ высшаго художественнаго училища.

Выставка работъ учениковъ высшаго художественнаго училища, открывшаяся въ залахъ Академіи Художествъ 4 ноября послѣ акта, представляетъ не менѣй интересъ, чѣмъ въ прошломъ году. Всевозможныхъ работъ: классныхъ, самостоятельныхъ лѣтнихъ работъ, неполныхъ въ мастерскихъ профессоровъ и, наконецъ, такъ-называемыхъ, конкурсныхъ—очень много. Наибольшій интересъ, конечно, представляютъ послѣднія. Эти произведенія не имѣютъ ничего общаго съ конкурсными работами старой Академіи, когда нѣсколько учениковъ, получившихъ не менѣе четырехъ серебряныхъ медалей за рисунокъ и живопись, допускались на конкурсъ и писали всѣ на одну заданную тему. Со времени введенія новаго устава, какъ высшее художественное училище, такъ и совѣтъ Академіи Художествъ медалей не выдаютъ, а ученикамъ, признаннымъ достаточно подготовленными къ самостоятельной работѣ, дается мастерская, небольшая матеріальная поддержка, и предоставляется право писать картину на собственную тему на званіе „художника“—единственное званіе, замѣнявшее теперь всѣ предыдущія, какъ, наиримѣръ: художника первой, второй и третьей степени, академика и профессора. Последнее, впрочемъ, существуетъ и теперь, но только какъ временное званіе для руководителей высшаго училища.

Удостоенныя званія „художника по живописи“, съ правомъ ношенія академическаго значка—шесть: г. Бразъ (учен. И. Е. Рѣпина) за выставленные портреты, г. Броваръ за зимній пейзажъ, г. Бубликовъ—пейзажъ „Морской берегъ“, Марія Педашенко—пейзажъ „Первый январюокъ“, г. Кондауровъ за картину „Послѣ тризны“ (всѣ четверо ученики А. Кунинджи) и г. Щербиневскій (уч. И. Е. Рѣпина) за январювую картину „Комната присяжныхъ повѣренныхъ во время перерыва“.

Гг. Кондауровъ и Щербиневскій за свои картины получили также право побѣды на казенный счетъ за границу. Лучшая изъ конкурсныхъ работъ—огромная картина А. Кондаурова „Послѣ тризны“. Темой для своей картины художникъ взялъ празднованіе „тризны“ у древнихъ скивовъ, которые, по описанію Геродота, при похоропахъ своего вождя, устраивали ее чрезвычайно торжественно. Насылавъ высокой могильный холмъ, они выбирали пятьдесятъ лучшихъ скивскихъ юношей и столько же самыхъ красивыхъ коней и удавляли тѣхъ и другихъ. Потомъ, нарядивъ въ боевые доспѣхи мертвыхъ коней и укрѣпивъ ихъ при помощи особыхъ подпорокъ на спины лошадей, они устанавливали эти группы всадниковъ вокругъ холма, какъ почетную стражу. Затѣмъ начинался ширъ. Для картины художникъ взялъ моментъ черезъ нѣкоторое время послѣ совершенія тризны. На фонѣ сѣраго, поблѣднѣшаго къ разсвѣту, неба высится огромный могильный холмъ, вокругъ его длинной цѣпью стоятъ живописныя группы всадниковъ: нѣкоторые изъ нихъ пошатнулись, другіе попадали; цѣпью тучи воронъ носятся надъ оставленнымъ мѣстомъ иршества, точно свѣтлой покрывъ все небо, да нѣсколько орловъ слезаются на землю, поближе къ добычѣ. Кое-гдѣ еще тлѣютъ костры, отъ которыхъ вьется легкій сизоватый дымокъ. Первые лучи восходящаго солнца озолотили фигуру каменной бабы, водруженной на вершинѣ холма, да бросили

художниковъ тридцатыхъ годовъ. Хотя это и не даетъ цѣльнаго представленія, но все-таки здѣсь есть такіе интересные вещи, какъ картины Кору, Булаше, Жюля Дюпре, Милле, Рибо, де-Невила, Мейсонье и другихъ, и затѣмъ еще цѣлая коллекція скульптурныхъ работъ Барн (1795—1875 г.). Его небольшія группки изъ жизни животнаго міра—такіе медведи, равныхъ которымъ трудно указать. Знаніе анатоміи, особенностей въ движеніи каждаго животнаго—все это верхъ совершенства. Особенно хороша его группа льва со змѣей. За это высокое мастерство, знаніе и силу его прозвали Микель-Анджело животнаго царства. М. Н.

нѣсколько сочныхъ красноватыхъ пятенъ на груди всадниковъ, на птицъ, заиграли на шлемахъ и щитахъ. Задумана картина интересно, написана съ большимъ талантомъ.

Картина г. Щербиневскаго—„Комната присяжныхъ повѣренныхъ во время перерыва“, отличающаяся нѣкоторыми недостатками въ живописи и рисункѣ, въ то же время имѣетъ много достоинствъ по композиціи и типичности многихъ фигуръ, среди которыхъ есть нѣсколько портретовъ стилизованныхъ адвокатовъ. Портреты г. Бразы—очень хорошіе этюды, въ которыхъ виденъ вполне законченный мастеръ. Остальныя конкурсныя работы мало чѣмъ отличаются одна отъ другой.

Лучшія самостоятельныя работы выставили ученики мастерской А. Кунинджи. Небольшіе пейзажи гг. Столицы и Вроблевскаго, прекрасная коллекція всевозможныхъ этюдовъ, сдѣланныхъ на Новой Землѣ и на Мурманскомъ берегу—все это несравненно выше того, что мы привыкли видѣть въ ученическихъ работахъ.

Что касается работъ этюднаго и натурнаго класса, то слѣдуетъ сказать, что здѣсь почти не отразилось благотворное вліяніе реформы Академіи Художествъ. Вся старая рутинная, старыя приемы, наконецъ, отношеніе къ работамъ этого рода—все осталось старое. Какъ прежде, такъ и теперь очень мало добиваются въ рисунокѣ цѣльности всей фигуры, очень мало слѣдятъ за общимъ, за свѣтовымъ впечатлѣніемъ, а все сводится лишь къ крайне тщательной отдѣлкѣ кисточки руки или сѣдла, при чемъ очень часто самая рука или нога плохо связана съ торсомъ и не гармонируетъ съ движеніемъ фигуры. Оттого-то наши художники такъ слабо владѣютъ ими, и картины въ нѣсколько фигуръ являются для нихъ крайне сложной задачей. Не мѣшало бы нашимъ профессорамъ перенять тотъ хорошій приемъ изученія тѣла, который съ такимъ усѣхомъ практикуется во всѣхъ лучшихъ заграничныхъ школахъ,—рисованіе фигуръ въ медлительный срокъ и не острымъ карандашомъ, требующимъ много времени, а растушкой и углемъ, что даетъ несравненно болѣе живописности и ускоряетъ дѣло. Такъ, впрочемъ, и у насъ рисовали во времена Брюлова, Бруни, Макарова, Крамскога и другихъ, только, правда, срокъ все-таки довольно большой. На рисованіе фигуръ необходимо обратить особое вниманіе, такъ какъ у насъ это былъ вѣчный тормозъ, и въ этомъ чаще всего плошайтъ наши художники.

Скульптурный отдѣлъ, состоящій изъ работъ учениковъ профессора В. Веклеминева, вообще не великъ, но есть нѣсколько недурныхъ работъ, среди которыхъ выдѣляется этюды большой мужской лежащей фигуры съ собакой. Дѣлка интересная и сильная. Въ классѣ гравюры проф. В. В. Матѣ есть нѣсколько недурныхъ офортовъ, поемому вытѣняющихся гравюру на деревѣ. Здѣсь впервые выставлены офорты, сдѣланные въ классѣ непосредственно съ природы—приемъ, сколько намъ извѣстно, почти не практикуемый нигдѣ. Недурны офорты головки старика работы Бразы. Вообще выставка крайне интересна, и можно надѣяться, что въ слѣдующемъ году она будетъ еще лучше.

К. Н.

Политическое обозрѣніе.

Европейскіе политическіе кружки ждутъ возвращенія въ Константинополь русскаго посла г. Пелидова, который, будто бы, везетъ окончательный проектъ энергичнаго воздѣйствія единодушнаго Европы на султана. Тѣмъ временемъ идутъ толки о судьбѣ турецкихъ провинцій, которые, будто бы, по настоянію Россіи, должны сдѣлаться свободными для судовъ всѣхъ націй. Насколько эти слухи правдоподобны, вѣроятно, выяснится вскорѣ. Во всякомъ случаѣ, если вѣрить сообщеніямъ западно-европейской печати, въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ въ восточномъ вопросѣ крутой поворотъ. Одновременно съ этимъ идутъ толки въ Западной Европѣ о какомъ-то русско-китайскомъ договорѣ. По отзыву *Times'a* отъ 28 ноября, слѣдуетъ признать обстоятельство, что „Россія продолжаетъ заботиться о своихъ интересахъ въ Азіи“ и несомнѣнно-де измѣнится относительное положеніе державъ къ невядо-де Англій. Необходимо признанъ фактъ, что „Россія будетъ проникать на востокъ къ Океану и тянуться къ югу“. Но если британ-

скіе интересы будутъ затронуты, Англія „возьмется за оружіе и окажетъ противодѣйствіе“.

Въ ожиданіи европейскаго давленія, Турція испытываетъ пока рядъ неприятностей изъ-за политико-церковныхъ вопросовъ, возбужденныхъ разноплеменными подданными султана. Сербское население города Ускюба отказалось принять новоназначеннаго митрополита-грека и обратилось съ ходатайствомъ къ вселенскому патриарху—отмѣнить это назначеніе, но патриархъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. При сильномъ возбужденіи умовъ въ Сербіи, министръ Поваковичъ сдѣлалъ Портѣ соответствующія представленія, оставляя пока безъ послѣдствій. Сербы открыто выражаютъ желаніе отдѣлиться отъ вселенскаго патриархата. Подобное же столкновеніе произошло между румынскимъ митрополитомъ въ Константинополь и вселенскимъ патриархомъ, вслѣдствіе чего румынское правительство обратилось къ Портѣ съ требованіями самостоятельнаго церковнаго управленія для румын—

поданных султана. Наконец, обездоленные босяки и герцогиницы отравили въ Вѣну депутацию съ жалобой на вѣнательство австрійской администраціи во внутреннія дѣла автономныхъ православныхъ церковныхъ общинъ. Не получивъ аудиенціи у австрійскаго императора, депутация собиравается, по послѣднимъ извѣстіямъ, обратиться съ жалобами на свое незавидное положеніе къ султану — сюзерену запятыхъ австрійцами турецкихъ провинцій.

Только армянскій церковный вопросъ принялъ какъ будто нормальное теченіе послѣ избранія патриархомъ Орманіана. Новый армянскій патриархъ горячо высказался за политическое усюковеніе и примиреніе, почему и принятъ былъ султаномъ самымъ радушиемъ образомъ, раиѣе назначеннаго времени. Теперь со всѣхъ провинцій поступаютъ завѣренія преданности армянь новому патриарху.

Въ Болгаріи 17 ноября происходили выборы депутатовъ въ народное собраніе, послѣ чего „свободно, какъ до сихъ поръ“, по торжественному княжескому общанію, данному во дворцѣ вожакамъ оппозиціонныхъ фракцій. Однако, въ тотъ же день спеціальная депеша *Новою Времени* оповѣстила, что „выборы небывалые“. Недворцова Болгарская печать опубликовала сотни депешъ со всѣхъ концовъ Болгаріи; депешъ этихъ — точныя копии съ телеграммъ, направленныхъ во дворецъ съ энергичными протестами противъ дѣйствій правительства на выборахъ. Характерною оказалась депеша одного изъ видныхъ болгарскихъ дѣятелей, который, напомнивъ принцу Кобургскому, что былъ еще въ турецкое время судьей и защитникомъ повстанцевъ, потомъ рущукскимъ губернаторомъ, державнымъ совѣтникомъ и депутатомъ нѣсколькихъ собраній, писалъ теперь, что „считаетъ долгомъ довести о неслыханныхъ насиліяхъ и незаконныхъ правительствѣ“; избиратели патыкались на обнаженные шашки, подвергнуты жестокимъ побоямъ — „такими средствами заглушена народная воля“. Дѣло проходило довольно просто: вооруженные палочки заблаговременно зашмыгали мѣста у лициковъ, при чемъ каждаго избирателя, позволявшаго себѣ явиться не съ зараніе заготовленнымъ билетикомъ, встрѣчали такъ, какъ обыкновенно дѣйствуютъ палочки. При малѣйшихъ протестахъ со стороны избирателей, вмѣшивались полиція съ жандармеріей и войска. Результаты, если не считать убитыхъ и раненыхъ на выборахъ, блестящіи: кандидаты правительства избраны такимъ большинствомъ голосовъ, которое значительно превысило точное число избирателей по печатнымъ спискамъ. Выбрано всего 166 депутатовъ, въ томъ числѣ всѣ министры по нѣскольку разъ. На долю оппозиціи досталось 16 депутатовъ: 7 радославистовъ, 3 стамбуловца, 2 каравелиста, 2 социалиста и 1 цанковистъ. Въ это число не попалъ никто изъ вожаконъ оппозиціонныхъ фракцій.

Собраніе открыто 1 декабря, но въ тронной рѣчи не заключается ничего новаго сравнительно съ указомъ о распусценіи предшествующаго собранія. Старался объяснить причины, побудившія правительство „апеллировать къ народу“ такимъ довольно страннымъ способомъ, всѣ недворцова печать въ одинъ голосъ подчеркиваетъ дѣйствія консервативнаго кабинета Стоилова, желающаго-де во что бы то ни стало провести торговый договоръ съ Австріей, а самое главное — оправдать пѣкаторскія миллионныя затраты на созданіе „династіи“ принца Кобургскаго, удовлетворивъ вмѣстѣ съ тѣмъ его желаніе взять еще кое-что изъ оскудѣвшей болгарской казны на потребности той же „династіи“.

Великая заатлантическая республика снова обнаруживаетъ значительный интересъ къ текущимъ вопросамъ вѣншей политики державъ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Кливлендъ, обратился къ конгрессу съ посланіемъ, заявляя, что приняты всѣ мѣры, чтобы добиться отъ Турціи удовлетворенія американскихъ требованій по армянскому вопросу; при скорныхъ порядки въ Турціи представляютъ рѣзкій контрастъ съ просвѣщеннымъ девятнадцатымъ вѣкомъ, а потому такое положеніе дѣла оскорбительно для христіанскаго міра. Далѣе въ томъ же посланіи говорится, что признаніе повстанцевъ острова Кубы воюющей стороной, при вѣншихъ обстоятельствахъ, — невозможно. Затрудненія испанцевъ велики, такъ какъ повстанцы избѣгаютъ боя въ открытомъ полѣ; съ другой же стороны — борьба съ проживающими въ Штатахъ повстанцами, при безпліи американскихъ законовъ, безуспѣшна. Президентъ отвергаетъ мысль о покупкѣ Кубы, пока сама Испанія не заговоритъ объ этомъ. Испанія слѣдовало бы предложить Кубѣ автономію; это, усюковивъ возставшую колонію, сохранило бы права метрополіи и прекратило бы онеугодительную войну. Въ этомъ смыслѣ сдѣлано Соединенными Штатами, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, конфиденціальное предложеніе Испаніи содѣйствовать дѣлу миролюбія, по окончательнаго отвѣта до сихъ поръ нѣтъ, хотя, по мнѣнію Кливленда, дружеское предложеніе встрѣчено въ Испаніи сочувственно. Соединенные Штаты и теперь готовы-де предложить добрыя услуги. Тѣмъ не менѣе, можетъ настать такое положеніе вещей, когда обязанности Штатовъ къ державнымъ правамъ Испаніи должны будутъ уступить вышшимъ обязанностямъ великой заатлантической республики. Въ заключеніе своего посланія президентъ Кливлендъ выразилъ увѣренность, что венецудальскій вопросъ будетъ улаженъ въ скоромъ времени.

По свидѣніямъ изъ Вашингтона отъ 27 ноября, сенатъ пердалъ въ комисію по иностраннымъ дѣламъ двѣ резолюціи: о признаніи Кубы республикой и о предложеніи президенту Штатовъ занять островъ войсками, пока кубинцы не учредятъ у себя своего управленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	12 руб.
Безъ доставки въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лнн.	13 руб.
Съ доставкой въ СПб. и съ перес. въ Москву и во всѣ города и мѣстности Россіи.	14 руб.
Съ пересылкою за границу	16 руб.

Допускается разсрочка платежа на 2, 3, 4 и 6 сроковъ.

Открыта подписка на „ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛИОТЕКУ НИВЫ“, СОДЕРЖАЩУЮ ВЪ СЕБѢ на 1897-й годъ

„ИСТОРИЮ ИСКУССТВЪ“

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

въ популярномъ, общедоступномъ изложеніи П. П. ГНѢДИЧА

«Исторія Искусствъ» выидеть въ свѣтъ въ теченіе 1897 г., въ видѣ 12-ти ежемѣсячныхъ выпусковъ, — по одному выпуску въ началѣ каждаго мѣсяца, — которые составятъ три большихъ тома in quarto, заключающихъ въ себѣ около 2000 гравюръ и 30 хромофотографій.

Исторія искусствъ служитъ необходимымъ дополненіемъ къ общей исторіи человѣчества и является въ настоящее время одною изъ главныхъ основъ общаго образованія, а иллюстрированное изданіе „Исторіи Искусствъ“ — настольною книгою, необходимою въ библиотекѣ каждаго образованнаго человѣка.

Изданная нами въ свое время „Исторія Искусствъ съ древнѣйшихъ временъ“ въ талантливомъ изложеніи П. П. Гнѣдича разошлась до послѣдняго экземпляра, сдѣлалась почти библиографическою рѣдкостью. Между тѣмъ потребность въ такой книгѣ возрастала болѣе и болѣе. Притомъ и у насъ, и за границею за это время явилось много новаго матеріала, въ высшей степени важнаго для изученія и пониманія различныхъ эпохъ развитія искусства. Поэтому мы нашли вполне своевременнымъ и отвѣчающимъ насущной потребности — выустить новое изданіе „Исторіи Искусствъ“, но въ совершенно переработанномъ и обновленномъ видѣ. — Матеріалъ оказался въ такой степени обильнымъ и богатымъ, что изъ одного тома (иногда изданнаго нами) образовались цѣлыхъ три тома, а вмѣсто прежнихъ 430 рисунковъ въ новое изданіе вышло около 2000 снимковъ и, сверхъ того, около 30 художественно-исполненныхъ хромофотографій, печатанныхъ въ 18—25 красокъ. Благодаря такому увеличенію въ объемѣ и по количеству рисунковъ, новое изданіе „Исторіи Искусствъ“ въ изомѣ и доступномъ для каждаго изложеніи, даетъ ПОЛНУЮ и ШИРОКО написанную картину развитія различныхъ отраслей художества на всемъ пространствѣ историческаго міра. На ряду съ характеристиками разныхъ эпохъ, „Исторія Искусствъ“ даетъ подробныя біографіи наиболее выдающихся художниковъ и копии съ ихъ лучшихъ произведеній.

Богатому и разнообразному содержанію текста вполне соответствуетъ роскошная и изящная внѣшность изданія, которую мы постарались приравнять къ подобнымъ же художественнымъ изданіямъ европейскимъ. Въ то же время, назначивъ весьма умеренную цѣну и допустивъ разсрочку платежа, мы сдѣлали приобрѣтеніе этого роскошнаго изданія доступнымъ каждому.

Первый выпускъ продается отдѣльно и высылается инороднымъ за 1 руб., который можно присылать почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ.

Иллюстрированное объявленіе высылается бесплатно.

Требованія и деньги адресовать ВЪ КОНТОРУ ИЗДАНІЙ А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ, Малая Морская, № 22.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ
ОСОБО РОСКОШНЫХЪ ИЗДАНІЙ
 будетъ отпечатано только 50 нумерованныхъ экземпляровъ
„ИСТОРИИ ИСКУССТВЪ“
 П. П. Гнѣдича
 на роскошной слоновои бумагѣ.
 Цѣна каждаго изъ этихъ выдающихся по роскоши экземпляровъ, состоящаго изъ 12-ти выпусковъ — 50 рублей, съ пересылкой инороднымъ — 55 рублей.

СОБРАНИЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

Подписчики „НИВЫ“ получают въ **1897 г.**
52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столб-
цовъ текста и 500 гравюръ).

12 ТОМОВЪ СОБРАНИЯ РОМАНОВЪ,
ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЫКИНА,
печат. на хорош. глазиров. бумагѣ.

съ романы, повѣсти и рассказы будутъ напечатаны въ „Сборникъ
ивы“ въ томъ видѣ, какъ они были написаны авторомъ, безъ
всякихъ пропусковъ и сокращеній.

**2 КНИГЪ „ЕЖЕМЕСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТ.
ПРИЛОЖЕНИЙ“:** романы, повѣсти,
рассказы и проч. современныхъ авторовъ.

2 №№ „Парижскихъ модъ“, заключающихъ въ себѣ въ
теченіе года до 300 модныхъ рисунковъ.

2 №№ руководящихъ и выпильныхъ работъ и выкроекъ (съ
600 рисунк. и чертежами въ теченіе года).

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ, отпечатанный красками.

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журн. „НИВА“,
С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

БОБОРЫКИНА

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годовое изданіе „НИВЫ“
со всеми приложеніями:

Безъ доставки въ **5 Р.**
С.-Петербургъ .

Съ доставкою въ **6 Р. 50 К.**
С.-Петербургъ .

Безъ доставки въ
Москвѣ чр. конт. **6 Р.**
Н. Печковской .

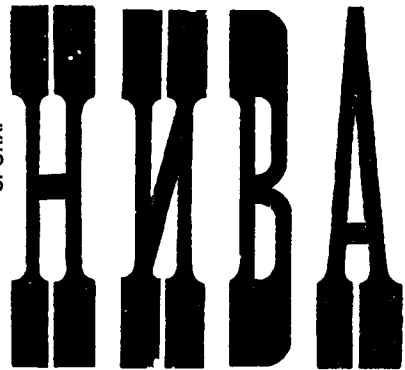
Съ перес. во всѣ
города и мѣст-
ности Россіи . **7 Р.**

ЗА ГРАНИЦУ . . . **10 Р.**

Безплатное приложеніе на **1897 годъ**

КЪ ЖУРНАЛУ

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗОРОЧКА
ПЛАТЕНА въ ДВА и въ ТРИ
ОРОКА.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора покорнѣйше
проситъ гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву“ 1897 года заблаговре-
менно, въ виду того, что въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Кон-
тора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногород-
ныхъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ празд-
никами принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Судьба. Повѣсть. И. Н. Потапенко. (Продолженіе).—Подпоручикъ „Машенька“. Изъ воспоминаній стараго армейца. В. А. Дов-мо. (Продол-
женіе).—Къ рисункамъ: Въ праздничный день (съ рис.).—Открытие первой серебряной руды въ Россіи при Іоаннѣ III (съ рис.).—Деревенскіе философы (съ рис.).—
Запорожецъ (съ рис.).—200-лѣтіе кубанскаго казацкаго войска (съ 5 рис.).—Столѣтіе города Гавловска (съ 4 рис.).—А. Г. Бриннеръ (съ портр.).—А. В. Бата-
линъ (съ портр.).—С. В. Марновъ (съ портр.).—О солнечномъ затменіи 28 іюня н. г., наблюдавшемся на Новой Землѣ экспедиціей Императорской Академіи Наукъ
(съ рисункомъ).—Выставни французскихъ и голландскихъ художниковъ.—Выставка работъ учениковъ высшаго художественнаго училища.—Политическое обозрѣніе.—
О подпискѣ на „Иллюстрированную Библиотеку Нивы“ и на „Ниву“ 1897 г.—Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой.)

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Цѣна коробки 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незамѣтная на кожѣ. Косметиче-
ское средство для улучшенія красоты кожи.
Театральная гримировка. Жирная румяна и бѣла. Нарандаши для бровей.
Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ бѣльгійскихъ императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: В. Аурихъ, Колокольная, 18—19, С.-Петербургъ.
В. № 9646 15—3

КАКЪ НАМЪ ОБУВАТЬСЯ?

Д-ръ В. Гориневскій.
С.-Петербургъ, Палтеевская, 12. (7)

О нормальной обуви, по
преимуществу дѣтской.
Цѣна 25 коп.
Новая книга. Изд. маг.
пособій по воспитанію
дѣтей.

А. О. БРАБЕЦЪ.

Иллюстриров. прейсъ-курантъ безплатно.

коньки всѣхъ системъ отъ 1 до 12
руб. С.В. Б. Морская, 40.

АХРОМАТИЧ. БИНОКЛИ
„Малюта“ 5 р. с.
„Унионъ“ 7 р. с.
„СИЛОСВѢТЬ“
по 8 р., 10 р. и 12 р. с.
Перес. на счетъ покупателя.
„Силосвѣтъ“ лучшей бинокль
нашего времени, преимуще-
ства его: 1) громадное поле
зрѣнія, 2) сильное приближе-
ніе, 3) незначительное поглощеніе свѣта.

ОБШИРНѢЙШІЙ ВЪ ИМПЕРІИ РУССКІЙ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
А. Е. КУЛАКОВЪ
въ С.-Петербургѣ, Садовая улица, 38.
ПОСТАВЩИКЪ ЭКОНОМИЧ. ОБЩЕСТВА ОФИЦЕРОВЪ ГВАРД. КОРПУСА.
Предлагаетъ лучшаго качества и по дѣйствительно дешевымъ цѣнамъ изъ своихъ
складовъ въ громадномъ выборѣ всевозможные музык. инструм.: скрипки, алты,
гитары, цитры, мандолины, балалайки, струны, флейты, корнеты, самоигрующіе
органіоны, концертно, піано-мелодико, піаніно, гармоніумы, полифоны, симфоніоны,
арфежіоны, мапонаны, герофоны, аристокъ, феніксы, англ. концертно, вѣвскія,
нѣмецкія и русскія гармоніи, и проч., и проч.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно; по полученіи задатка
20% требуемое высылается наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.
Юбилейный россійско иллюстр. прейсъ-курантъ на 1896—97 г. всѣхъ музы-
кальныхъ инструментовъ высылается безплатно. № 9801 4—1

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВѢДЕНІЕ

для устройства и перестройки
КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ
В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Uhland, Leipzig.
Прейсъ-кур. высылаются безплатно.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.
Розн.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обни-
маетъ эпоху правленія и низложенія Царевны
Софьи. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р.
50 коп.; въ коллентор. перепл. 2 р. 75 к.,
съ перес. 3 руб. 25 коп.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ (23)
Специалистъ хронометровъ.
СПбурзь, Невскій пр. № 52
прог. Ими. Публ. Библиотеки.
Подробный иллюстр. прейсъ-
курантъ по востреб. безплатно.
Пересылка на счетъ мага-
зина. Ручательство на 2 годъ.
Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ
СКРИПКИ,
самыя лучшія и дешевыя въ настоя-
щее время, неподажаемая по тону и ка-
честву, отъ 6—30 марокъ. знаменитыхъ
мастеровъ—отъ 30—200 марокъ. Алты,
виолончели, басы. Смычки 1/2—50 мар.
Футлары 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300
мар. Гитары 6—50 мар. Превосход-
ныя струны. Всѣ духовые инструмента
Нѣмая скрипка для ученія (собств. изобрѣт.).
Мастерская для починки. Реко-
мендациі отъ Вилгелми, Саразате,
Сорэ, Зингеръ и проч. Подѣйная гарантія.
Прейсъ-куранты безплатно.
Бр. ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ.
Р. № 9669 Крещатка. 5—2

Симовская невѣста. Ист. ром. въ 3 ч.,
соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 2 руб., съ
пер. 2 р. 30 к.; въ колл. пер. 2 р. 75 к.,
съ пер. 3 р.

XXVII т.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

т. XXVII

№ 51

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложениями 12-ти страниц. Книга «Сборник», содержит соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусков еженедельных литературных приложений, 12 № № «Парижских мод» и 12 листов чертежей и выкроек.

1896

Выданъ 21 декабря 1896 г.

Цена этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на 1897 годъ. Подробности см. въ концѣ этого №.

При этомъ № подписчикамъ прилагается выпускъ «Еженедельн. литерат. приложений» за Декабрь.

Судьба.

Повѣсть

И. Н. Потапенко

(Продолженіе.)

VI.

Удивительно, что матушка не волновалась по поводу того, что у о. Якова ломило поясницу. Онъ уже нѣсколько лѣтъ страдалъ этой болѣзью, и въ такихъ случаяхъ матушка собственноручно приготавливала компрессы и горчичники, и вообще устанавливалось тревожное, непрерывное сообщеніе съ кабинетомъ и остальными комнатами. О. Яковъ то садился, то ложился, то начиналъ ходить и все держался за спину, а лицо его выражало страданіе.

На этотъ разъ дѣло было нѣсколько иначе. Поднявшись съ постели, умывшись и прочитавъ молитву, отецъ Яковъ пригласилъ къ себѣ матушку и сказалъ:

— Ну, что же, сегодня вы ѣдете на хуторъ?

— А какъ же, надо ѣхать, о. Яковъ,—отвѣтила матушка.

— Такъ ужъ вы того... поѣзжайте одни... А я дома посижу...

— Чтѣ же это, о. Яковъ? Этакъ даже неловко... Какъ же безъ тебя?

— Нѣтъ, ужъ тамъ какъ-нибудь... Я не могу. Видишь, у меня того... спину ломить...

— Вотъ несчастье. Надо же, чтобы это случилось непременно сегодня...

— Чтѣ дѣлать!

— Отчего же это, о. Яковъ? Простудился ты, что ли?

— Должно-быть, что такъ.

— Такъ я тебѣ горчичникъ поставлю.

— Нѣтъ, не надо... Это и такъ пройдетъ... Не надо, Маринна.

Бабушка. Ориг. рис. Гутштейнера.

Тутъ матушку вдругъ осѣнила: „Эге, — подумала она, — знаю я, какъ у тебя спину ломить. Это одна хитрость, не болѣе“.

И это подтвердилось дальнѣйшимъ: о. Яковъ потребовалъ себѣ въ кабинетъ чаю со сливками, съ булками и масломъ, и все это потребилъ съ такимъ аппетитомъ, какой едва ли могъ быть у больного. Затѣмъ онъ въ домашнемъ кафтанѣ, въ скуфьѣ и туфляхъ присѣлъ къ окну, надѣлъ очки и преспокойно началъ читать послѣдній номеръ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

Матушка рѣшила не дѣлать изъ этого исторіи. За о. Яковомъ водилась эта манера: когда онъ хотѣлъ въ чемъ-нибудь „умыть руки“, то ссылаясь на поясницу и „заирался въ клятѣ свою“. На этотъ разъ было то же самое. О. Якову хотѣлось, чтобы Василій вступилъ въ жизнь съ хорошими средствами и съ готовымъ хозяйствомъ. Гончарева Мотря въ этомъ отношеніи была очень подходящей невѣстой. Но, съ другой стороны, ему была неприятна перспектива этого родства съ людьми совершенно неподходящаго круга, и, кромѣ того, онъ зналъ, что потомъ на него посыплются упреки за „измѣну“ духовному кругу. Въ этомъ „духовномъ кругу“ есть множество невѣстъ, которыя ждутъ жениховъ и всякаго кандидата на священство или дьяконство разсматриваютъ, какъ принадлежащаго имъ по праву. Если духовныя лица будутъ брать себѣ женъ изъ другихъ сословій, то куда же дѣнутся онѣ, „духовныя невѣсты“, никогда не выходящія за предѣлы своего круга? Такъ скажутъ все и, можетъ-быть, будутъ правы. Ну, вотъ и пускай матушка дѣлаетъ тамъ, что хочетъ; а онъ по крайней мѣрѣ будетъ имѣть право сказать, что это сдѣлалось безъ него. Притомъ же онъ и возражалъ, вчера еще возражалъ. Первымъ, конечно, нападетъ на него о. Мартирій, и онъ очень былъ радъ, узнавъ, что скирдинскій пошъ забѣжалъ къ нимъ утромъ. Онъ будетъ знать, что о. Яковъ въ этотъ день былъ боленъ и не выходилъ изъ комнаты. А матушка, въ концѣ концовъ, рѣшила: „Оно и лучше. По крайности, никто стѣсняться не будетъ. Все-таки при батюшкѣ прихожане чувствуютъ себя не такъ свободно“.

Такимъ образомъ все устроилось къ лучшему. Часамъ къ одиннадцати былъ сварженъ парадный экипажъ: въ него сѣли матушка, Марья Дмитриевна и Василій; Андрей, сидѣвшій на козлахъ и правившій парой, былъ въ новомъ „чекменѣ“ и ради торжественнаго случая, смазалъ чоботы свѣжимъ дегтемъ. У матушки и, по дружескому сочувствію, у Марьи Дмитриевны былъ такой радостный видъ, что, когда онѣ проѣзжали по деревнѣ, все прохожіе останавливались, задумывались и старались рѣшить, что бы это значило. Этому много способствовали и блестящіе отъ дегтя сапоги Андрея.

Хуторъ состоялъ изъ двухъ десятковъ дворовъ, широко раскинувшихся въ долину, по срединѣ которой протекала рѣчка. При каждомъ дворѣ былъ садъ и все признаки зажиточнаго хозяйства. Издали хуторъ казался сплошнымъ зеленымъ садомъ.

Но ни у кого изъ хозяевъ не было такого большого сада, не стояло на току такихъ высокихъ и длинныхъ скирдъ, не было столько хозяйственныхъ построекъ, какъ у Гончаря. Если бы онъ не одѣвался въ обыкновенный чекмень, да въ большіе сапоги съ засученными въ нихъ широкими шароварами, да въ высокую сѣрую шапку, если бы жинка его не ходила въ платкѣ и юбкѣ изъ нестраго ситца, а дочка не считала самымъ лучшимъ украшеніемъ нитку крупныхъ, звенящихъ „намистовъ“, то ихъ можно было бы принять за помѣщиковъ. Были и другія отличія, — хотя бы то, что Гончарь былъ первымъ работникомъ въ своемъ хозяйствѣ, жена его сама доила коровъ, а дочка Мотря всю недѣлю ходила затрепанная, какъ самая скромная ра-

ботница, и только въ субботу вечеромъ одѣвалась почище, чтобы выйти „на улицу“ и провести вечеръ съ дивчатами и парнями, а въ воскресенье надѣвала червонные черевички и все свои наместа, чтобы идти въ церковь. Домъ ихъ раздѣлялся на двѣ хаты: въ одной варили, ѣли и спали, а другую держали чистой для приема гостей, и называли ее „горницей“. Словомъ, жили Гончары, какъ настоящіе мужики, какъ жила весь хуторъ и вся Малѣвка.

Когда полукрытый экипажъ съ откинутымъ верхомъ подкатилъ къ дому Гончары, хозяйка вышла изъ погреба съ засученными рукавами, очевидно, отъ работы.

— Ахъ, батюшки! Вотъ такъ гостей Богъ послалъ! — воскликнула она такимъ тономъ, какъ будто и не подозревала о готовящемся событіи. Но это, разумеется, была лишь полнѣшка. Объ этомъ можно было судить и по тому, что на ней была не какая-нибудь рабочая засаленная юбка, а самая свѣжая, и рукава были засучены только для виду, какъ для виду же она, зайдѣвъ издали экипажъ о. Якова, пошла въ погребъ, чтобы выйти изъ него дѣловито. Это было совершенно необходимо. Нельзя же было такъ прямо и обнаружить, что, молъ, несказанно рады и готовы отдать дочку за поповича хоть сію минуту. Но не даромъ же вчера прѣзжала Марья Дмитриевна, и не даромъ Гончаръ ѣздилъ въ Малѣвку торговаться.

И когда Гончариха голосомъ и руками старалась выразить одно лишь пріятное удивленіе по поводу неожиданнаго прѣзда гостей, въ глазахъ ея свѣтилась такая сильная и такая опредѣленная радость, которую никакъ нельзя было скрыть.

— Эй, Кондрать Терентьичъ! Куда же ты запропастился? — продолжала суетливо хозяйка. — Иди-ка посмотри, какихъ гостей намъ Богъ послалъ.

Кондрать Терентьичъ вышелъ изъ сарая. Онъ свѣшно надѣвалъ поверхъ жилетки кафтанъ, что тоже должно было указывать на его неподготовленность къ приему гостей. Это была маленькая комедія, насчетъ которой они хотя и не сговаривались, тѣмъ не менѣе она была разыграна прекрасно.

День стоялъ чудный. Въ саду все уже отцвѣло, а ринки наливались и краснѣли. Жирныя, янтарныя черешни густо обсыпали тонкія вѣтви и тянули ихъ квивзу. Онѣ были уже готовы.

Но гости не пошли въ садъ. Хозяева пригласили ихъ въ горницу, гдѣ все было вычищено и прибрано. Въ высокомъ стеклянномъ шкапу красовалась парадная цвѣтная посуда, изъ которой никогда не ѣли, высокой коминь (нечь) былъ насвѣжо вымазанъ бѣлой глиной, и по немъ искусно наведены разводы синькой. Широкая тесаная кровать, на которой никто никогда не спалъ, какъ бы хвасталась своей пышной периной, прикрытой ярко-голубымъ одѣяломъ и горой пуховыхъ подушекъ, одѣтыхъ въ красный кумачъ.

Кондрать Терентьичъ усадилъ гостей за столъ и занималъ ихъ разговоромъ, а хозяйка хлопотала по части угощенія. И скоро обнаружилось вполне ясно, что къ прѣзду гостей усердно приготовлялись. На столѣ, на бѣлой скатерти съ вышитыми красно-синимъ узоромъ краями, стали появляться пироги и всякаго рода варенныя и жаренныя яства, а среди нихъ—бутылки съ виномъ и сладкой наливкой, во главѣ же всего стоялъ графинчикъ, окруженный рюмками. Въ сторонѣ поставили маленькій столикъ, на которомъ лежали сласти: пряники, орѣхи и изюмъ. Скоро и хозяйка освободилась отъ хлопотъ, и началось пиршество.

Въ горницу вошли трое мужчинъ и столько же бабъ, которые оказались родней Гончарей. Они присѣли къ столу и приняли дѣятельное участіе въ выпиваньи и закусываньи. Бесѣда съ каждой рюмкой оживлялась, переходила отъ одной деревенской темы къ другой, временами становилась игривой, но ни однимъ словомъ

не касалась главного предмета, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ эти люди сошлись случайно и не имѣли въ виду никакой опредѣленной цѣли. Загадочнѣе всего было то, что Мотря не появлялась. Казалось бы, въ ней-то и была надобность, а межъ тѣмъ вотъ ужъ и графинчикъ налить вторично, и наливки замѣтно побавилось, и блюда съ пирогами и другими яствами облегчились, да и солнце пошло на западъ,—а Мотря не выходила. Наконецъ, Марья Дмитріевна спросила:

— А что же это мы вашей дѣвицы не видимъ? Развѣ она не дома?

— Ахъ, нѣтъ, дома, дома!— отвѣтила Гончариха, — да только она... она стыдается...

И Гончариха сама застыдилась — покраснѣла и закрыла глаза рукой.

— Чего-жъ она такого стыдается? Развѣ она насъ не видала никогда?

— Нѣтъ... Ну, а все-жъ... Паныча, Василия Яковлевича, стыдно... Я ужъ говорила ей: иди къ гостямъ. А она чуть не плачетъ отъ совѣсти...

А гдѣ же она?

— Въ саду. Сидитъ подъ вишней и ни съ мѣста...

— Гм!.. — произнесла Марья Дмитріевна, и по лицу ей было видно, что она приняла это къ свѣдѣнію. Въ то же время она многозначительно переглянулась съ матушкой.

Минуты черезъ двѣ она, замѣтивъ, что Гончариха вышла въ сѣни, сослалась на духоту и вышла вслѣдъ за нею „прохладиться“.

Василій сидѣлъ за столомъ и въ продолженіе двухъ часовъ не вымолвилъ ни слова. Къ нему обращались съ предложеніемъ выпить,—онъ бралъ рюмку, подносилъ ее къ губамъ и, не выпивъ ни капли, ставилъ на столъ; онъ дѣлалъ это потому, что такъ дѣлали всѣ. Это была его несчастная черта. Когда онъ находился въ обществѣ, какомъ бы то ни было, онъ чувствовалъ себя какъ бы стиснутымъ со всѣхъ сторонъ и связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. Его личность какъ бы утопала въ общемъ говорѣ, и онъ начиналъ невольно дѣлать то, что дѣлали другіе. У него пропадала воля и всякая способность распоряжаться своими дѣйствіями.

Но голова его все время работала по-своему, и у него неотступно звучалъ въ ушахъ вопросъ, который онъ самъ себѣ задавалъ: „Неужели это мои родственники? Я-жъ ихъ не знаю, я не знаю, какъ съ ними жить, о чемъ говорить съ ними?“ И онъ отвѣчалъ себѣ, что это невозможно. Однако же онъ пріѣхалъ сюда, или его привезли, съ такой опредѣленной цѣлью. Вѣдь это дѣло рѣшенное: черезъ семь дней онъ долженъ быть готовъ къ посвященію въ дьяконскій санъ, иначе говоря: долженъ быть женатъ. Черезъ семь дней! Въ эти семь дней нужно успѣть сдѣлать такое огромное дѣло, какъ жениться, то-есть выбрать себѣ подругу на всю жизнь, выбрать и связать себя съ нею, чтобъ больше ужъ никогда не развязываться. Вѣдь это такъ. Хороша ли она окажется, добра или зла, — все равно, надо будетъ жить вмѣстѣ и дѣлать пополамъ горе и радость. И всѣ считаютъ это счастьемъ, великой удачей — то, что его, признаннаго уже никуда и ни на что неспособнымъ, вдругъ рѣшились сдѣлать дьякономъ, и дать ему мѣсто. Можетъ-быть, это и счастье, но только въ немъ можетъ оказаться и величайшее несчастье, если онъ свяжетъ свою судьбу съ какой-нибудь фурией. Вѣдь даже и разглядывать некогда. Сегодня они посидятъ, а завтра, того и гляди, ихъ въ церковь поведутъ и руки свяжутъ.

Тяжелое чувство не покидало его, и онъ исподлобья смотрѣлъ на гостей, которые сидѣли за однимъ съ нимъ столомъ, на мать свою и на Гончаря, котораго завтра онъ долженъ будетъ называть „панашей“.

Марья Дмитріевна вышла въ сѣни, но оттуда

пошла не на свѣжій воздухъ, а въ хату, гдѣ была Гончариха. Тутъ ей бросился въ носъ удивительно ароматный запахъ, въ значеніи котораго никакъ нельзя было усомниться. Къ тому же, еще изъ какого-то скрытаго мѣста, раздавалось нѣжное мелодическое журчанье, въ которомъ Марья Дмитріевна, принявъ во вниманіе также и ароматный запахъ, тотчасъ же узнала жарящагося еще въ печкѣ поросенка. Впрочемъ, какъ разъ въ этотъ моментъ спяли въ печи заслонку и стали вытаскивать оттуда нѣчто поджаристое и румяное. Послѣ этого уже не могло быть никакихъ сомнѣній.

— Послушайте, кумушка (Марья Дмитріевна была кумой рѣшительно всѣмъ хуторянамъ), это даже неловко... Не знаешь, какъ и понимать... Вамъ извѣстно, за какимъ дѣломъ мы пріѣхали, а ваша Мотря и носа не кажетъ...

— Охъ, родная моя!—воскликнула Гончариха, грузно поставивъ поросенка на столъ,—я и то хотѣла съ вами поговорить. Горе мое... не знаю, какъ и сдѣлаться...

— А что? — испуганно спросила Марья Дмитріевна. Она играла роль свахи и потому чувствовала себя до извѣстной степени отвѣтственнымъ лицомъ.

Да какъ же! Оно, конечно... счастье, что и говорить... А все же мы люди деревенскіе... А у насъ уже такой обычай: когда дивчину изъ дома взять хотѣть, то сватовъ засылаютъ, и рушники, и всякое другое-прочее... Ну, тамъ слова разными говорятъ, прибаутки... Само собою—однѣ глупости... Да такой обычай, и дѣвкѣ обидно... Какъ же это ее безъ всего этого?.. Она, конечно, глупая дивчина... Думаетъ, что ежели безъ рушниковъ, такъ и свадьба не настоящая, не крѣпкая, то-есть, и что во всякій моментъ развести можно...

— Ахъ, что вы, что вы, кумушка! Развести никакъ нельзя, разъ что въ церкви повѣнчаютъ. Это только одинъ митрополитъ можетъ сдѣлать...

— Да я сама такъ думаю, и толковала ей. Да подите-жъ.. Ну, сказано—дивчина,—одна глупость, никакого понятія... Сидитъ подъ деревомъ да плачетъ. Ужъ я и то, какъ вы спросили меня, при гостяхъ не хотѣла ее оконфузить, и выдумала, что стыдится она. Охъ, кумушка, вотъ ежели бы вы ее надоумили... Я говорила ей... Вѣдь это же поповичъ. У благородныхъ людей никогда этого не бываетъ, чтобы съ рушниками, напримѣръ... Правда?

— Ну, еще бы.

— Ну, вотъ, я и говорю. А она мнѣ: „разскажьте, говорить, мамка. Что, говорить, я дура, что ли, чтобы этому повѣрила? Свадьба, говорить, у всѣхъ должна быть одинакова, и у всѣхъ она съ рушниками, какъ у царя, говорить, такъ и у мужика...“ Ну, что вы подѣлаете? Нѣтъ, ужъ вы, кумушка, поговорите съ нею. Она васъ очень крѣпко уважаетъ...

— А гдѣ она?

— Да знаете большую старую шелковицу? Ну, такъ сейчасъ справа вишневое дерево, подъ нимъ она и сидитъ. Протянула ноги и сидитъ.

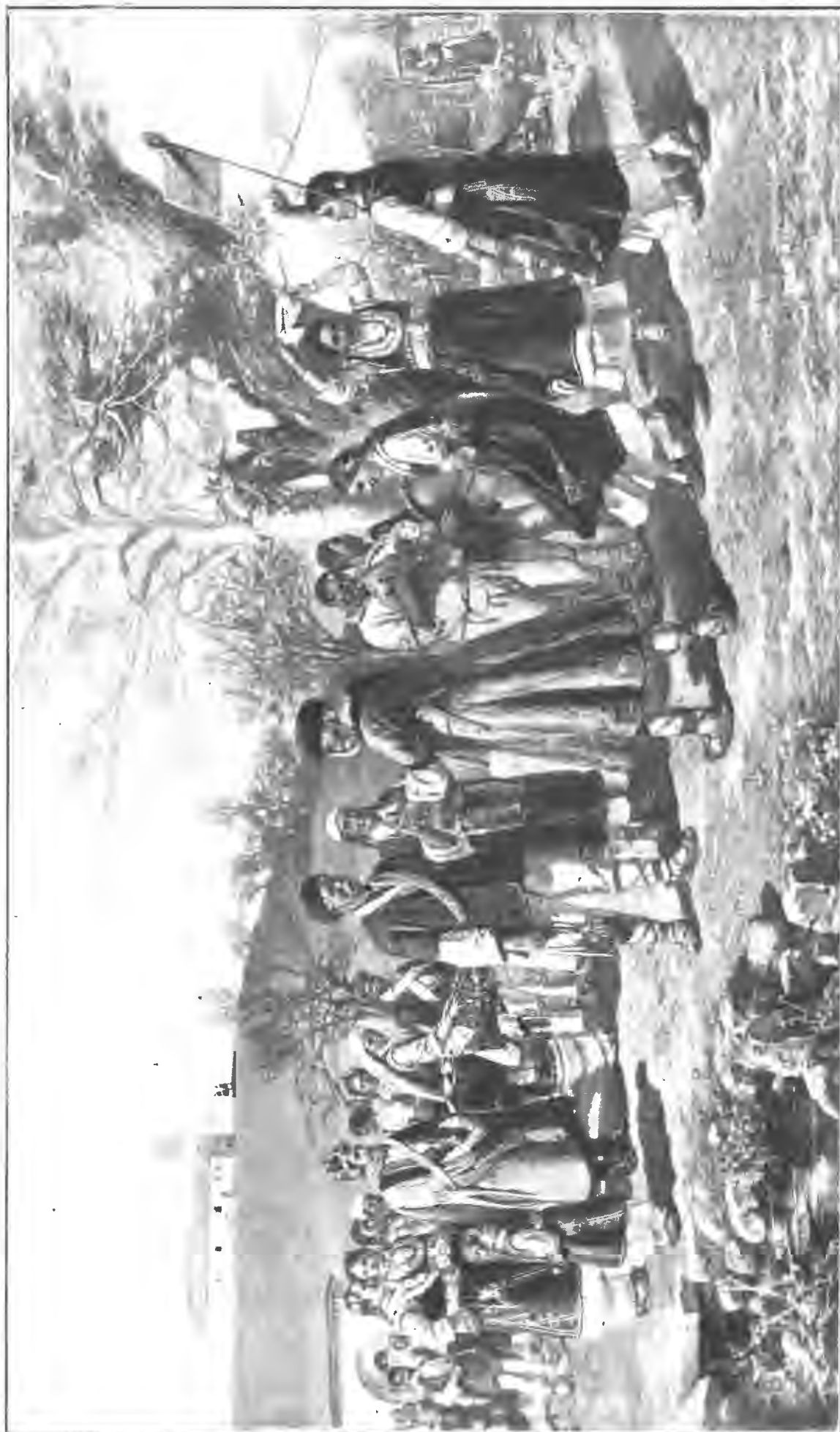
— Ладно ужъ... Я съ ней поговорю...

Марья Дмитріевна вышла въ сѣни, потомъ черезъ крыльцо прямо въ садъ. Ей были хорошо извѣстны всѣ уголки, она знала исторію каждаго дерева, каждаго куста. Вѣдь старинные пріятели они были съ Гончарихой. Еще когда она занимала мѣсто ключницы у малѣвскихъ помѣщиковъ, началось это знакомство, которое Гончариха считала для себя почетнымъ.

„Она хоть не изъ благородныхъ, а все же около благородныхъ ходитъ“—разсуждали Гончариха.

Марья Дмитріевна безъ всякихъ затрудненій отыскала и старую шелковицу, и вишневое дерево, и сидящую подъ нимъ Мотрю.

— Ты что тутъ дѣлаешь, дивчина? — окликнула ее Марья Дмитріевна.

Встрѣча жениха съ невѣстой стариками. Изъ альбома, поднесеннаго болгарами Государю Императору по случаю Священнаго Коронованія.
Съ карт. Мервичка автотипія „Нива“.

Въ классѣ. Съ карт. Леоффуа грав. Цавлови.

Мотря вздрогнула. Она сидѣла на землѣ, окруженная высокой зеленой травой, протянувъ впередъ ноги и скрестивъ на груди руки. На ней была яркая ситцевая юбка съ большими красными цвѣтами по розовому фону и голубая кофточка, на шею были надѣты и свисали на грудь фунтовъ пять разноцвѣтныхъ наместовъ. У нея было здоровое круглое лицо съ пухлыми румяными щеками. Крѣпкія рабочія руки были красны. Тяжелая густая коса спускалась низко по спинѣ: конецъ ея, перевязанный розовой лентой, пугался въ травѣ.

— А ничего!—отвѣтила Мотря.—Такъ, сижу себѣ... Развѣ я кому мѣшаю?

И Мотря при этомъ глядѣла не на Марью Дмитріевну, а на сосѣдній кустъ крыжовника.

Марья Дмитріевна тяжело опустилась на траву и сѣла рядомъ съ Мотрей.

— Ты мнѣ этого не говори, милая,—промолвила она нѣжнымъ, благорасположеннымъ голосомъ.— Я вѣдь знаю твои мысли. Только это не хорошо, что ты это выдумываешь...

— Не выдумываю я, а такъ всѣ дѣлаютъ... Чѣмъ же я хуже другихъ?..

— Ну, вотъ и видно, что ты глупая... Конечно, не хуже, а даже лучше... Потому-то это такъ и дѣлается, что ты лучше другихъ... Когда бы ты не была лучше другихъ, то къ тебѣ не сватался бы поповичъ... Ну, полно дуться. Ты меня послушай. Я тебѣ добра желаю и ужъ дурного не посоветую. Ты, конечно, жизни не знаешь, потому что ничего не видала. Гдѣ-жъ тебѣ понимать? Вѣдь онъ поповичъ, благороднаго званія чело-вѣкъ. А въ благородномъ званіи этого не дѣлается. Это у мужиковъ, конечно, безъ этого нельзя, потому оно—народъ необразованный. А у благородныхъ всегда такъ дѣлается: вотъ онъ пріѣхалъ; сейчасъ это родители промежду себя поговорили, а тѣмъ временемъ онъ, женихъ-то, долженъ около тебя походить, ну, разную тамъ любезность сказать и объясниться...

— Что такое значитъ: объясниться? Я даже не понимаю...

— Ну, гдѣ-жъ тебѣ понимать? Объясниться, это значитъ—высказать свою любовь. Примѣрно, онъ на колѣни станетъ передъ тобой и руку твою возьметъ, и скажетъ: „я васъ люблю и безъ васъ не могу...“ А ты должна сказать: „я согласна“. Вотъ это и называется объясниться въ своихъ чувствахъ. Вѣдь ты согласна? Вѣдь желалась быть дьяконницей?..

— А я думаю, желаю... Кто-жъ этого можетъ не желать?..

— Ну, то-то и есть... Вотъ и веди себя, какъ слѣдуетъ. На что тебѣ эти рушники? Это пускай мужики себѣ дѣлаютъ, а ты въ званіе вступаешь, какъ бы сказать, въ санъ дьяконницы,—тебѣ этого не надо...

— А не засмѣютъ меня дивчата и хлопцы, что я безъ рушниковъ пошла?

— Чего тамъ засмѣютъ? Завидовать будутъ, вотъ и все... Да мы вотъ что сдѣлаемъ: я вотъ пойду и выключу его изъ горницы. Онъ самъ сюда придетъ и объяснится... А ты сиди. Ты знаешь его въ лицо-то?

— Въ церкви одинъ разъ видала.

— Ну, и ладно. На немъ этакій сѣренькій пиджачокъ... Такъ я пойду.

И Марья Дмитріевна стала подыматься. Но это было гораздо труднѣе, чѣмъ сѣсть. Мотря должна была встать и подать ей обѣ руки. Минуты черезъ двѣ Марья Дмитріевна вошла въ горницу и сѣла рядомъ съ матушкой. Она переждала для приличія съ минуту, а затѣмъ что-то пошептала на ухо матушкѣ. Та, повидимому, согласилась съ нею, потому что въ знакъ согласія кивнула головой. Опять одна минута приличія, и Марья Дмитріевна уже опять вышла изъ комнаты.

Тогда матушка поближе придвинулась къ Василию и тихонько сказала ему:

— Васенька, ты бы вышелъ!

Василій вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Тамъ Марья Дмитріевна тебѣ что-то хочетъ сказать. Выйди, и тебя прошу! Только минутку погоди, а то такъ будетъ неловко...

Потомъ она обратилась къ нему уже громко:

— А тебѣ, я вижу, жарко, Василій, а? Ты бы прогулялся въ садъ... а? Черешни поспѣли... Нарвалъ бы...

— Я пройдуся!—покорно сказалъ Василій, и вышелъ.

На крылечкѣ поджидала его Марья Дмитріевна и тотчасъ же овладѣла имъ, взявъ его за обѣ руки.

— Ахъ, Василій Яковлевичъ, что-жъ это такое? На что-жъ это похоже? И она сидитъ, и вы сидите, и никакого толку... Надо же начинать дѣло... Вѣдь не въ гости же вы пріѣхали... Вы пройдитесь-ка въ садъ... Вотъ, видите, отсюда видно большое дерево? Это старая шелковица. Возьмете направо, увидите вишню, а подъ вишней и ее найдете. Ну, поговорите съ нею, поухаживайте, объяснитесь, не можетъ же дѣвица первая начать... А потомъ можно будетъ и къ дѣлу приступить... Идите же.

Василій машинально кивнулъ головой и молча пошелъ въ садъ. Марья Дмитріевна слѣдила за нимъ глазами и убѣдилась, что онъ пошелъ правильно. Но когда онъ дошелъ до старой шелковицы, она потеряла его изъ виду и вернулась въ комнату.

VII.

А Василій, дойдя до старой шелковицы, тутъ-то именно и остановился. До сихъ поръ онъ шелъ машинально, все еще находясь подъ вліяніемъ того ощущенія подавленности, когда онъ терялъ волю. Но свѣжій воздухъ успѣлъ расправить его легкія, кровь ровнѣе и свободнѣе полилась въ жилахъ, онъ почувствовалъ себя свободнымъ.

Онъ остановился и оглядѣлся. Направо, въ просвѣтѣ между деревьевъ, виднѣлось что-то яркое и слегка движущееся. Должно-быть, это—Мотря. Ну, конечно, кому же другому быть? Онъ, какъ бы по инерціи, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ томъ направленіи. Вотъ уже она видна ему вся, хотя его видѣть не можетъ. Тутъ ноги его отказались идти дальше.

Зачѣмъ онъ идетъ къ ней? Марья Дмитріевна сказала ему: „надо начинать дѣло... Поговорите съ нею... Поухаживайте... объяснитесь... А потомъ приступать къ дѣлу“... И вотъ единственная причина, почему онъ пошелъ и взялъ такое, а не иное направленіе. Но развѣ онъ ребенокъ, чтобы подчиняться чужой волѣ? Положимъ, его считают ребенкомъ. Но въ то же время ему ищутъ жену, и черезъ недѣлю онъ начнетъ самостоятельную жизнь.

А что, если бы онъ поступилъ такъ, какъ ему хочется, т.-е. пошелъ бы обратно въ горницу и сказалъ бы: „вы хотите меня женить на Мотрѣ? Не знаю я вашей Мотри и не хочу ея знать. Женитесь на ней, кто хочетъ, а я не желаю“. Что изъ этого вышло бы? Ничто ужасное, ничто такое, о чемъ лучше и не думать...

И опять на него напала робость, онъ почувствовалъ себя послушнымъ, какъ запуганный ребенокъ, исполняющій чужія желанія только изъ боязни шума, крика, упрековъ и жалобъ. Онъ зналъ заранѣе, что ему сказали бы: „Если бы ты хорошо учился и достигъ того, чего достигаютъ другіе, ты имѣлъ право разсуждать и поступать по-своему; но ты не захотѣлъ учиться, ты былъ для насъ наказаніемъ, ты былъ нашимъ мученіемъ... У насъ сердце изболѣлось за тебя. И вотъ, наконецъ, Богъ послалъ счастье, мы позаботились о твоей судьбѣ, мы выбрали тебѣ невѣсту“... и т. д.

Эти мысли такъ повліяли на него, что онъ, больше

не размышляя, пошелъ къ тому дереву, подь которымъ сидѣла Мотря.

Почувявъ его шаги, дѣвушка стала оправляться, пригладила волосы, оправила кофточку, перевѣсила косу на грудь и въ полъ-оборота оглянулась. Шаги были очень тверды и рѣшительны. Василий подошелъ къ самому дереву и остановился.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ.

— Добрый день, Василий Яковлевичъ!—промолвила Мотря, продолжая сидѣть съ протянутыми впередь ногами и не глядя на него.

Уже послѣ этого короткаго привѣтствія онъ сталъ втупикъ, не зная, что еще сказать ей. Мотря, между тѣмъ, была явно смущена. Щеки ея сразу покраснѣлись. Она наклонила голову и обѣими руками рвала траву. Василий разсматривалъ ее. Она почему-то показалась ему смѣшной со своими толстыми красными щеками, большимъ ростомъ, широкой спиной и этой почти дѣтской стыдливостью.

— Развѣ вы меня знаете?—спросилъ онъ послѣ очень долгаго молчанія.

— Я бачила васъ въ церкви!—отвѣтила Мотря.

— А вы знаете, зачѣмъ мы прѣехали?

Она еще больше сконфузилась. Щеки ея окрасились въ цвѣтъ малины.

— Почему я знаю? Мабуть, въ гости!.. Развѣ-жь я знаю?

Василий очень хорошо видѣлъ, что она знаетъ, по что ей неловко въ этомъ признаться.

— Я вамъ скажу,—промолвилъ онъ, вдругъ почувствовавъ какой-то необыкновенный приливъ смѣлости и рѣшимости.

— Ну, скажите!

— Намъ хотить женить!

— Развѣ-жь такъ женить?—сказала Мотря и въ первый разъ взглянула на него.—Женить не такъ!..

— А какъ?

— Сватовъ присылають!..

— Намъ некогда! Намъ торониться надо!—съ горькой усмѣшкой произнесъ Василий, и рѣшимость на что-то, чего онъ еще не понималъ, такъ и заливала его грудь. Онъ продолжалъ:—Послушайте, Мотря, развѣ вы согласны выйти за меня?

— Я не знаю!—низко опустивъ голову, промолвила Мотря.

— Вѣдь вы же меня совсѣмъ не знаете... А это на всю жизнь!..

— Я не знаю,—повторила она почти шопотомъ.— Батько говорятъ—выходи, мать говорятъ—выходи, и все родня то же говорить... А я сама не знаю!..

— А вамъ хочется быть матушкой-диаконицей?—спросилъ Василий и пристально посмотрѣлъ на нее.

— А кто его знаетъ. Можетъ, я и не сумѣю... Что-жь,—прибавила она, какъ бы раздумывая,—это хорошо... лучше, чѣмъ мужичкой!..

— Лучше всего быть за тѣмъ, кого любишь!—очень твердо сказалъ Василий.—А вы любите кого-нибудь?

— Нѣтъ... Кого-жь мнѣ?.. А вы развѣ любите?

Онъ не отвѣтилъ на ея вопросъ, а подошелъ къ ней ближе и заговорилъ быстро:

— Слушайте, Мотря... Мы вотъ съ вами въ первый разъ разговариваемъ сегодня и вдругъ завтра можемъ оказатся... мужемъ и женой... Вамъ это не странно?

— А я думаю, странно!—вполнѣ искренно отвѣтила Мотря.

— Ну, да... И вдругъ мы, какъ поживемъ, и увидимъ, что мы не пара... Что тогда? Разстаться нельзя. Еще для мірянъ это возможно, а для духовныхъ никакъ невозможно... Тогда всю жизнь мучиться нужно!.. Обоимъ будетъ скверно.

— И я думаю, скверно, —откликнулась Мотря, очевидно, вполнѣ соглашаясь съ нимъ.

— Такъ зачѣмъ же?

— А не знаю!—со вздохомъ сказала Мотря.—Какъ батько и матеръ!..

— Нѣтъ, давайте мы сами вдвоемъ рѣшимъ... Вы вотъ что: откажитесь отъ меня!..

— Какъ же я могу? Это ваша добрая воля... Васъ не насилуютъ!..

Она прикусила нижнюю губу, отвернула лицо въ сторону и стала глядѣть сурово изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

— Нѣтъ, я не объ этомъ!—возразилъ Василий.—А только вѣдь вы то же самое думаете, что и я... Вѣдь это не мы хотимъ, а насъ хотить женить... А если выйдетъ несчастье, то не имъ, а намъ будетъ плохо. Еслибъ я зналъ васъ ближе, то, можетъ-быть, и полюбилъ бы... И вы меня тоже... Тогда другое дѣло...

Мотря вслушивалась въ его слова, и они, очевидно, примиряли ее съ нимъ. Она уже повернула лицо къ нему и смотрѣла на него доброжелательно. Онъ продолжалъ:

— А я потому говорю: откажитесь, что для дѣвушки это не хорошо, когда отъ нея женихъ отказывается. Я отъ васъ не отказывался, а просто мы другъ друга не знаемъ еще и такъ разсудили свою судьбу, но люди начнутъ говорить такъ: „поповичъ, молъ, отказался отъ Мотри“. А это хотя и неправда, а вамъ будетъ не хорошо, дурная слава! А если вы откажетесь, такъ другое дѣло... Мужичиъ ничего!..

— Какъ же это отказаться?

— Да такъ вотъ: пойдите къ вашей матери, да и скажите ей: не хочу за него идти, да и только!..

— Такъ и сказать?

— Такъ и скажите!

— Такъ мамка же не послушаетъ... Кричать начеть!..

— Да пусть себѣ кричитъ... А ужъ матушка, только услышитъ это, сейчасъ обидится... она гордая!..

— Вотъ видите: матушка обидится!..

— Э, онъ потомъ помирятся!..

— А у васъ... У васъ, должно-быть, другая есть?—послѣ молчанія спросила Мотря.

— Можетъ-быть... Можетъ-быть, и есть!—отвѣтилъ Василий, и сердце его сильно забилось. Онъ прибавилъ:—Такъ прощайте, Мотря,—и пошелъ ввязъ, по направлению къ рѣкѣ.

Мотря наклонилась и спрятала голову къ себѣ на колѣни. Ей сильно хотѣлось всплакнуть. Съ одной стороны, и поповичъ ей понравился своими разумными и добрыми рѣчами, съ другой стороны—ей было жаль разстаться съ мечтой о „духовномъ санѣ“, о преображеніи изъ мужички въ „благородную“.

„А, можетъ, оно такъ и лучше“,—подумала она себѣ въ утѣшеніе и, поднявшись, лѣниво, неохотно пошла къ дому. Со щекъ ея сошелъ румянецъ, вѣки были воспалены и красны. Она взонла на крылечко, потомъ въ сѣни, и остановилась. Изъ горницы доносились шумные возгласы различныхъ голосовъ. Общество, должно-быть, изрядно уже выпило. Мотря вслушалась. Говорили всѣ разомъ, но можно было разобрать, что высказывались пожеланія. Очевидно, съ той минуты, какъ Василий, по указанію Марьи Дмитріевны, пошелъ „объясниться въ чувствахъ“, легкая завѣса вѣсмъ, впрочемъ, извѣстной тайны была снята, и будущіе родственники заговорили напрямикъ. Дѣло считалось сдѣланнымъ.

Мотря слегка пріотворила дверь и кликнула:

— Мамко! А мамко! Идите сюда на минутку!

Гончариха въ это время чокалась съ матушкой стаканчикомъ, но тотчасъ же поставила его на столъ и пошла въ сѣни. Велѣдъ за нею поднялась и вышла Марья Дмитріевна, которая считала себя какъ бы распорядительницей ширшества и потому имѣющей право вмѣшиваться во все.

Въ сѣняхъ она опередила Гончариху.

— Ну, что, поговорили, а?—спросила она, чуть не наступивъ на Мотрю.—Объяснились, а?

Мотря взглянула на нее не слишкомъ доброжелательно.

Нѣтъ, я съ мамкой хочу поговорить, Марья Дмитріевна!—сказала она, отступивъ отъ нея.

— Это все одно, моя милая!

— Нѣтъ, не все одно!.. Идите сюда, мамко!

Она взяла свою мать за руку и потащила ее въ хату. Марья Дмитріевна осталась въ сѣняхъ и раздумывала о томъ, слѣдуетъ ли ей обидѣться или объяснить это естественнымъ волненіемъ просватавшаго дѣвочки. Но она не успѣла рѣшить этого вопроса. Дверь изъ хаты отворилась, и на порогѣ показалась Гончариха. Лицо ея было совершенно красно, какъ отъ выпитой водки, такъ и отъ неожиданнаго, невѣроятнаго сообщенія дочки. Глаза ея выражали ужасъ.

— Марья Дмитріевна! Кумушка! Чтò она такое говорить, моя дѣвка!—воскликнула она.—Вы только послушайте! Нѣтъ, вы послушайте!..

— А чтò же такое?—спросила Марья Дмитріевна.

— Не хòчу, говорить, замужъ идти!.. Не хòчу, да и только!..

— Да это она белены объѣлась, должно-быть!—Марья Дмитріевна вошла въ хату.—Ты, Мотря, у меня тронулась, а?

Мотря посмотрѣла на нее злобымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, не тронулась я... А не хòчу, не хòчу и не хòчу!

— Да какъ же не хочешь? Да отчего же не хочешь, глупая ты дѣвка!

— А хоть вы меня убейте—не хòчу, да и не хòчу!

— А вотъ погоди, — внушительно сказала Гончариха, — погоди, выйдеть батько, да какъ оттягаеть тебя за косы, такъ ты и захочешь! Вотъ погоди!..

— Пускай батько хоть и голову вмѣстѣ съ косою оторветъ мнѣ, а я не пойду замужъ!.. Не хòчу!..

— Да чтò же съ тобой подѣялось, оглобля ты этакая? Откуда это взялось? То хотѣла, а то вдругъ—нѣ тебѣ!..

— И никогда я не хотѣла, а это вы, да батько все говорили: иди, иди!.. А я не хòчу!..

— Вотъ упорная дѣвка! — воскликнула Марья Дмитріевна.—Да нѣтъ, тутъ что-то не такъ!.. Это надо разобратъ!.. Вы разберите, кумушка! Это съ чужого голоса! Сама дѣвка не можетъ этого выдумать! Ты говорила съ поповичемъ? Чтò онъ тебѣ сказалъ?

— Ничего я съ нимъ не говорила и не бачила его!.. А такъ—не хòчу, да и только!..

И говоря это, Мотря снимала съ себя наместо, и ленты, какъ бы отрѣшавшись ото всего, чтò напоминало о свадьбѣ. Гончариха подымала очи и руки къ небу и въ то же время бранилась, а Марья Дмитріевна, чувствующая себя какъ бы отвѣтственнымъ лицомъ во всей этой исторіи, незамѣтно пробралась въ горницу, сѣла рядомъ съ матушкой и стала шептать ей на ухо:

— Я вамъ скажу, матушка, чудеса да и только! Вообразите, дѣвка съ ума спятила!

— Какая дѣвка?—спросила матушка.

— Да Мотря же. Уперлась, какъ быкъ: не хòчу замужъ идти, да не хòчу! Просто, знаете, скандалъ!

Матушка сдѣлала огромные глаза.

— А вы, Марья Дмитріевна, сами-то, сами — при своемъ умѣ, или какъ?—спросила она.

— Да, знаете, я бы хотѣла быть не при своемъ умѣ! А только это такъ. Вотъ пойдите сами и посмотрите!

Матушка поднялась, и юбки ея при этомъ протестующимъ образомъ шуршали. Лицо ея выражало ту мысль, что если это правда, то она разнесетъ и уничтожитъ не только Гончарей, а и весь хуторъ.

Не прошло и минуты, какъ въ домѣ произошло тревожное движеніе. Гончарь и вся родня выбѣжали изъ горницы. Матушка сошла съ крыльца и кричала:

— Эй, Андрей! Подавай лошадей!.. Покличь паныча! Чего стоишь?! Живо!.. Вотъ, скажите, пожалуйста, золото нашлось! Что-жъ вы думаете, что на вашей Мотрѣ и свѣтъ клиномъ сошелся? А? Да мы вовсе даже и не нуждаемся!.. Ну, живо же, Андрей! Васили-и-и!

Напрасно Гончарь и Гончариха ходили около нея и говорили, что это все пустое, что Мотря—глухая дѣвка, сама не знаетъ, чтò говорить; напрасно Гончарь обѣщаль содрать съ Мотри шкуру, ежели она только посмѣетъ, и проч. Матушка была неумолима. Гордость ея была страшно задѣта. Она имѣла право думать, что осчастлививаетъ Мотрю и весь родъ Гончарей, что эта „тунорылая“ дѣвка въ пожни ей поклонится и скажетъ: „спасибо“. И вдругъ такая дерзость!

— Матушка, это подстроено, это подстроено!—ворковала около нея Марья Дмитріевна, у которой былъ такой же оскорбленный видъ, какъ и у матушки, какъ будто Василій былъ также и ея сыномъ.

Андрей поспѣшно запрягъ лошадей, подлетѣлъ къ крыльцу и побѣжалъ въ садъ разыскивать Василя. Гончариха въ это время голосила на весь дворъ, Гончарь показывалъ Мотрѣ кулаки и говорилъ: „я тебѣ покажу, какъ смутьянить и отъ собственного счастья убѣгать!.. Парня какого-нибудь, должно-быть, пригладѣла себѣ! Вотъ я тебѣ покажу!“ Родня стояла въ сторонѣ, растерянная и подавленная, а матушка съ Марьей Дмитріевной, съ видомъ падменной, хотя и оскорбленной гордости, возсѣдали въ экипажѣ въ ожиданіи Андрея съ Василемъ.

Василій между тѣмъ сидѣлъ надъ рѣчкой, которая протекала черезъ садъ Гончаря. Послѣ разговора съ Мотрей онъ направился прямо сюда и сѣлъ на камешкѣ. Рѣчка была не широкая и не быстрая. Сквозь прозрачную воду можно было видѣть неглубокое дно и плававшихъ рыбокъ. По ту сторону росъ молодой камышъ, переплетенный съ кустами ежевики. Здѣсь было прохладно и тихо. Сюда не достигали пьяные голоса будущихъ родственниковъ, да они теперь мало его безпокоили. Онъ твердо рѣшилъ, если Мотря ничего отъ себя не сдѣлаетъ, просто сказать: не хочу! Какъ можно жениться на этой, когда сердце бьется усиленно при одномъ только напоминаніи имени другой. И онъ мысленно твердилъ это имя. И у него было такое чувство, какъ будто въ самомъ дѣлѣ они съ Лизанькой давно знали другъ друга и давно поклялись въ вѣчной любви. Ему казалось, что онъ видитъ ее передъ собой живую, и этотъ печальный, тихій взглядъ глубокихъ темныхъ глазъ трогалъ его сердце. Онъ любилъ ея сиротство, ея бѣдность, ея страданье, и ему хотѣлось только одного: поскорѣ увидѣть ее и сказать ей все это—не словами, а однимъ только взглядомъ.

Онъ вздрогнулъ и вскочилъ съ мѣста, когда Андрей, добѣжавъ до рѣки, окликнулъ его:

— Панычъ, пожалуйста ѣхать!

— А что?

— Вышла катавасія!.. Мотря замужъ не хочетъ. Должно-быть, пообѣщала какому-нибудь Грыцкѣ!.. Да и слава Богу, панычъ, — не пара она вамъ... Советѣмъ не подходящаго званія!..

— Ну, такъ пойдемъ!..

И онъ почти побѣжалъ, такъ что Андрею, который всю дорогу разсказывалъ подробности „катавасіи“, пришлось догонять его. Добѣжавъ до экипажа, Василій вспрыгнулъ въ него съ совершенно несвойственными ему быстротой и ловкостью, и занялъ свое мѣсто. То же сдѣлалъ и Андрей, и экипажъ тронулся въ виду вѣхъ Гончарей, которые стояли съ опущенными руками, огорошенные и убитые. Вмѣстѣ съ уѣзжающимъ экипажемъ навсегда улетала ихъ мечта породниться съ попомъ и такимъ образомъ возвыситься.

(Окончаніе будетъ.)

Ихъ тайна. Съ картини Фрица Рейсесъ грав. Геданъ.

„Свѣте Тихій“...

«Свѣте Тихій»... пѣнье клира въ темномъ храмѣ
раздается,
Тихій вздохъ благоговѣнья вторитъ пѣнію въ отвѣтъ.
Замирая, сердце вѣритъ, сердце чувствуетъ, будто летя
На молящихся во храмѣ невечерній тихій свѣтъ.

Двери парскія отверсты... Мірозданія зарница,
Осѣнила, озарила довременной бездны тьму.
Какъ сіяла безмятежно эта первая денница,
О, какъ сладко пѣли люди пѣснь Владыкъ своему!

Но—звучитъ печальнѣй пѣнье... Слышенъ плачь
грѣхопаденья,
Непреложный Иеговы слышенъ голосъ, будто громъ.

Люди изгнаны изъ рая. Точно тѣни, поколѣнья
Надъ землею проносились, пораженныя грѣхомъ.

Но пророковъ въ утѣшенье посылаетъ Иегова,
И про Свѣтъ Грядущій людямъ проповѣдали они,—
И горѣло въ тьмѣ невѣрья ихъ свѣтящееся слово,
Какъ зовущіе къ спасенью путеводные огни.

Свѣтъ Грядущій ближе, ближе... И о тайнѣ воплощенья
Клиръ запѣлъ,—и такъ отрадно, такъ восторженно
въ отвѣтъ
Я шепчу, склонивъ колѣни, полный слезъ и умиленья:
«Слава, слава въ Вышнихъ Богу, показавшему намъ
свѣтъ!»

П. Порфирьевъ

Подпоручикъ „Машенька“.

Изъ воспоминаній стараго армейца.

В. А. Дов—ло.

(Окончаніе.)

IV.

Быть бѣдѣ—не миновать ея.

Наступило утро знаменательнаго дня 28 ноября.
Вся мѣстность, лежащая передъ плевненскими укрѣпленіями,
была покрыта такимъ густымъ туманомъ, что и въ ста шагахъ
ничего нельзя было различить.

Крѣпко спали на своихъ жесткихъ ложахъ уставшіе офицеры
и солдаты Н—скаго полка; погруженъ былъ въ сладкій сонъ
и герой нашъ, смѣнившійся съ дежурства лишь въ 9 часовъ
вечера наканунѣ.

Съ непріятельскихъ высотъ не было слышно ни малѣйшаго
звука. Продолжавшаяся въ теченіе минувшаго дня канонада
замолкла еще вечеромъ и уже не возобновлялась.

Было уже около половины восьмого, какъ вдругъ съ пере-
довой линіи нашихъ укрѣпленій звякнула и лопнула въ воздухѣ
сигнальная ракета, пустивъ сногъ золотистыхъ искръ.

Моментально по всему лагерю раздались барабанныя дробь
и звуки рожковъ, пугавшихъ тревогу.

Въ лагерѣ началось необыкновенное движеніе. Застыпнутые
среди сладкаго сна, офицеры и солдатки быстро вскакивали
съ постелей, торопились одѣваться, и, схвативъ ружья, выскаки-
вали изъ палатокъ.

Не прошло и десяти минутъ, какъ весь полкъ, построившись
въ колонны, стоялъ уже на сборномъ пунктѣ у праваго фланга
лагеря.

— Ваше благородіе, вставайте! тревога!—кричалъ Демчукъ,
тормоша крѣпко спавшаго барина, велѣдъ за появленіемъ
ракеты.

Загорскій быстро вскочилъ съ постели.

— Что, тревога?—воскликнулъ онъ, съ трудомъ раскрывая
спиншія отъ сладкой дремоты вѣки.

— Тревога, ваше благородіе, ѣтъ наступаеть... Рогный и
пранорный уже побѣжали къ рогѣ.

— Такъ какъ же это, братецъ ты мой!.. Вѣдь я, значить,
опоздалъ,—досадливо ворчалъ юноша, съ лихорадочной поспѣш-
ностью одѣваясь при помощи неповоротливаго денщика.

Схвативъ кобуръ съ револьверомъ и саблю, Загорскій бро-
сился изъ палатки, на бѣгу застегивая португую.

Роту онъ нагналъ какъ разъ въ то время, когда она при-
странвалась уже къ колоннѣ сѣади третьяго батальона.

Трескотня барабановъ и звуки горновъ смолкли, и къ полку
подъѣхалъ верхомъ на лошади командиръ, полковникъ За-
богнъ.

— Смирно! На пле-чо!—послышалась команда баталіонныхъ
командировъ.

Поздоровавшись съ людьми, полковникъ scomандовалъ „къ
погѣ“, затѣмъ: „на молитву, шапки долой!“ и, снявъ фуражку,
осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

— Господи силъ, съ вами буди,—вслухъ началъ читать За-
богнъ молитву; солдатки, повторивъ слова начальника, зама-
хали руками, нестою крестясь и склоняя головы.

— Накройсь!—послышалась затѣмъ новая команда.

— Ребята, поздравляю васъ съ сраженіемъ!—зычнмъ го-
лосомъ крикнулъ командиръ полка.

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе!—дружно отвѣ-
тили двѣ тысячи голосовъ.

— Ружья вольно, сирава по отдѣленіямъ! Шагомъ марши!—
слова прозвучала команда полковника, и полкъ, перестроив-
шись, сверкала сквозь начавшій рѣдѣть туманъ четкою сталь-
ныхъ штыковъ, началъ вытягиваться къ шоссе большой Плев-
ненской дороги.

— Прибавъ шагу! прибавъ шагу!—командовали ротные ко-
мандиры, торопя своихъ солдатъ.

Молча, сосредоточенно шагали солдатки по линіи грязн
шоссе; не было слышно не только разговора, но даже шопота
въ ихъ рядахъ: всѣ, казалось, были проникнуты высокимъ
значеніемъ той задачи, которую въ данную минуту имъ пред-
стояло рѣшить.

А впереди въ это время слышна была самая учащенная
перестрѣлка: не слышно было одиночныхъ выстрѣловъ или
трескотни ружейнаго огня, гдѣ можно бы было различить
однѣ выстрѣлы отъ другого; нѣтъ, это былъ какой-то непре-
рывной гулъ, среди котораго чаще и чаще раздавались ору-
дѣйные выстрѣлы артиллеріи. Судя по усиливавшемуся гулу вы-
стрѣловъ, бой, видимо, разгорался. Подъ этимъ впечатлѣніемъ
головы колоннъ, уже безъ всякаго приказанія, инстинктивно
учащали шагъ; ноги скользили по грязи, люди падали, нѣко-
торые изъ нихъ, болѣе слабыя силами, отставали, но, тѣмъ не
менѣе, скорость движенія, при общемъ возбужденіи и желаніи
поспѣть скорѣе на помощь товарищамъ, не уменьшалась, а
увеличивалась по мѣрѣ приближенія къ мѣсту боя, и однѣ
виды этихъ солдатъ, стройно подвигавшихся вперёдъ, сразу
усокаивалъ ветрѣчавшихъ ихъ начальниковъ, уничтожая вся-
кое сомнѣніе въ успѣхѣ отраженія турокъ.

Не прошло и получаса, какъ полкъ, усиленно подвигаясь къ
мѣсту боя, уже началъ приближаться къ сферѣ огня.

Какъ шмели, жужжали непріятельскія пули надъ головами
солдатъ; осколки иранвели, разрывавшейся въ воздухѣ, сыпа-
лись цѣлымъ снопомъ впереди колоннъ...

Спустившись въ ложину, лежавшую передъ высотами, гдѣ
книльте ожесточенный бой, полковникъ остановилъ баталіоны
и перестроилъ ихъ въ боевой порядокъ. Роты стрѣлковъ раз-
вернулись въ одну линію.

Едва части полка установились на свои мѣста, какъ къ ко-
мандиру третьяго баталіона подскочилъ полковой адъютантъ
и, взявъ подъ козырекъ, отдалъ какое-то приказаніе.

— Третій баталіонъ, ружья вольно! Шагомъ марши! Третья
стрѣлковая рота въ цѣнь марши!—раздалась велѣдъ за тѣмъ
команда баталіоннаго командира.

— Ну, вотъ онъ, настоящій бой, котораго вы такъ нетер-
пѣливо ожидали,—сказалъ стоявшій рядомъ съ Загорскимъ
Рачинскій.

Ничего не отвѣтилъ юноша, только горящіе лихорадочнымъ
огнемъ глаза и рука, судорожно сжимавшая эфесъ полусабли,
свидѣтельствовали о его душевномъ настроеніи.

Быстро раздѣлившись на двѣ части, побѣжали стрѣлки, оги-
бая фланги марширующаго баталіона, и спустя минуту были
уже далеко впереди, гдѣ, разбившись по командамъ ротнаго
командира на звенья, начали взбираться на отлогую возвы-
шенность; еще моментъ,—и они были на мѣстѣ боя.

Ни свистанія мимо ушей пули, ни пронсншіеся надъ го-
ловой артиллерійскіе снаряды не подѣйствовали такъ оше. о-
мляюще на нашего героя, какъ видъ валившихся на землѣ
сѣрыхъ фигуръ нашихъ убитыхъ и раненыхъ солдатковъ и
особенно возгласы послѣднихъ о помощи.

Это была критическая минута сраженія, когда непріятель,
вдесятеро сильнѣйшими силами опрокинувшись на люнетъ у
Копаной могилы, заставилъ отступитъ защищавшихъ его гре-
надеръ.

Не успѣла идущая цѣнью третья стрѣлковая рота пройти и
двухсотъ шаговъ, какъ Загорскій увидѣлъ, что къ Рачинскому,
бывшему впереди, подскочилъ какой-то адъютантъ и, что-то
сказавъ ему, помчался дальне.

Послышалась команда Рачинского, собиравшая роту из цепи в колонну, и затем, перестроив людей рядами, он повел их куда-то вправо.

— Что такое? Куда мы идем? — спросил юноша своего ротного, когда они пошли рядом.

— Приказано идти в прикрытые батареи, — бросил тот, махнув саблею в пространство перед собою.

Дым от ружейных и орудийных залпов был так густ, что разглядеть в тридцати шагах что-либо представлялось невозможным.

Пройдя почти бегом сажень двести, рота, наконец, остановилась свая батареи, ожесточенно выпускавшей снаряды в сторону неприятеля.

Едва солдатки, измученные непрерывной бегом, успели передохнуть, как огонь со стороны турок на этот пункт увеличился вдвое.

Оказалось уже несколько раненых.

— Чего вы здесь стоите! Ступайте, а то вас всех безопасно здесь перебьют! — кричал артиллерийский штаб-офицер, командующий батареей, обращаясь к Рачинскому.

Последний, видя справедливость сказанного, не возражал и, повернув роту, повел ее опять в ту сторону, где кипел рукопашный бой.

«Что это нас мотают с места на место», — досадливо произнес про себя Загорский, шагая на флаги своей полуроты.

Когда рота отошла на порядочное расстояние от батареи, к Рачинскому вдруг подбжал фельдфебель.

— Ваше благородие, впереди турки! — доложил он дрогнувшим голосом.

— Идешь их видишь? — спросил поручик, стараясь проникнуть взором лежавшую впереди местность, покрытую густым облаком дыма.

— Да вот они, смотрите! — крикнул Загорский, слышавший разговор своего начальника с фельдфебелем и успевший рассмотреть красные фески турок, засвиставших в оставленное нашими войсками укрытие.

— Рота, стройся вправо, бегом! Пальба ротою! Рота стой! — стараясь заглушить трескотню выстрелов, произвольным голосом командовал Рачинский, пробегая с офицерами в тыл выстроившихся в линию своих солдат.

— Рота или! — рявкнул он снова.

Грянул оглушительный залп, ошеломивший находившихся в укрытии неприятеля.

Не успев разбиться дым от выстрелов, как Рачинский, пользуясь моментом, чтобы турки не могли опомниться от постигшей их неожиданности, быстро выскочил, сопровождаемый Загорским, снова вперед фронта и, махая саблей, крикнул во весь голос:

— На руку! Ура!

Имги в голов офицеров, дружно подхватили солдатки боевой клич своего лихого командира и, склонив штыки, бегом помчались вперед.

Не прошло и минуты, как они были уже в укрытии.

Не долго длилась рукопашная схватка... Пораженный стремительностью атаки, неприятель дрогнул и обратился в бегство.

Заливные очиненные врагами места, солдатки провозжали их выстрелами.

Но не дешево обошлась эта победа и нашим храбрецам: кроме двух убитых и четырех раненых солдат, оказался тяжело раненым штыком в грудь и отважный поручик Рачинский.

Загорский, оставшийся невредимым, с болью в сердце следил за перевязкой, которую делал раненому ротный фельдшер.

— Санитаров бы позвать, ваше благородие, чтобы они отнесли ротного на перевязочный пункт, — обратился он к Загорскому.

— А что, рана опасная?

— Ршить трудно, ваше благородие... Хорошо, что еще в правый бок.

Посланный за санитарам солдатки скоро вернулся с сопровождением двух человек с носилками.

— Осторожнее, осторожнее, братцы, — суетился юноша, вместе с прапорщиком Смирновым помогая санитарам укладывать раненого Рачинского на носилки.

В это время последний, открыв глаза, обратил поблекший взор на Загорского.

— Примите команду, Дмитрий Львович, как старший, — прошептал он слабым голосом.

— Что, очень вам больно, Ромуальд Владиславович? — с участием спросил юноша, пожимая руку раненого.

— Ничего... До свадьбы заживет... Поживем еще, — прошептал тот поблвными губами.

Санитары двинулись с места, унося раненого. Трое раненых в мягкие части солдатиков поехали на носилках, а один остался во фронте.

— Спаси его, Господи! — глубоко вздохнул наш герой, обращая взор к небу.

В это время, по всему громадному пространству поля сражения пронеслось громовое „ура“.

— Ого, слава Богу, наконец-то паша взяла! — весело воскликнул Смирнов, обращаясь к Загорскому.

Действительно, наступил тот момент боя, когда войска наши, руководимыя своими начальниками, с каждым шагом начали вырывать из рук турок трофеи их побдоносного шествия, в виде орудий и проч. С обеих сторон укреплений, занятого нашими стрелками, показались воодушевленные побдой колонны гренадер и армейцев, перешедших в наступление.

Громовое „ура“ все сильнее и сильнее начало звучать в воздухе, обратившись в один несомлаемый гул.

Привыкший по праву старшинства командование над ротой, Загорский вывел своих людей из укрытия и, развернув фронт, присоединился к наступавшим войскам.

Между дым орудийный и особенно ружейный огонь с неприятельской стороны продолжался с прежней силой, хотя заметно было, что турки, отступая, стреляли уже пообуму, ибо нули их, в большинстве случаев, проносились над головами атакующих.

Вдруг шагнул вперед своих стрелков Загорский, гордый сознанием, что ему неожиданно пришлось стать самостоятельным командиром одной из частей полка.

Образ раненого Рачинского все еще стоял в его глазах, и он горько желанием жестоко отомстить врагу, встретиться с ним снова лицом к лицу.

Сжимая судорожно эфес полусабли, он кидал по сторонам быстрые взгляды, в надежде увидать красные фески турок.

Оглянувшись как-то назад, он, к изумлению своему, замечил, что Смирнов, занявший его место на правом фланге первой полуроты, идет свая фронта, как бы прикрываясь за спиной солдат.

— Прапорщик Смирнов, потрудитесь идти на своем месте! — крикнул он дрожащим от негодования голосом.

Тяжело было проглотить эту горькую шалю Смирнову, но, тем не менее, приказание пришлось исполнить.

Но мр приближения наших побдоносных войск к ркам Виду, за которой грозно высидился илевенский твердыни, неприятельский огонь начал заметно ослабевать.

Вот перед глазами наступающих стрелков уже начали ясно обрисовываться контуры турецких укреплений с торчащими в амбразурах орудиями...

Вдруг Загорский почувствовал, как что-то ударило его в кобню левой ноги и обдало жаром.

Одновременно с этим раздался треск лопнувшей в воздухе ирпачи, и осколки посыпались на стрелков.

— Боже! Что же это со мной! — воскликнул юноша и, не будучи в силах идти дальше, моментально опустился на землю.

— Ваше благородие, вы ранены? — с участием спросил, подбгая к нему, капральный Краснов.

— Да, кажется, — ответил не потерявший присутствия духа Загорский. — Да и тебя, кажется, задбля, — силась улыбнуться, продолжал он, замечив кровь, текшую струйкой из левого плеча старого служака.

— Малость есть, ваше благородие... Да это пустяки... Вы попробуйте-ка подняться, вот так, обхватите меня за шею...

Увидя своего командира унавшим на землю, рота остановилась.

Велд за Красновым подбжал к раненому и Смирнов.

— Вы ранены? — спросил он в свою очередь, пагбавсь к юноше.

— Кажется... Да... Но вы оставьте меня и ведите роту вперед... Не медлите, ради Бога... ведите... Я останусь с Красновым...

— Я назначу людей отнести вас на перевязочный пункт...

— Не надо, ради Бога, не надо! Люди нужны во фронт... Ведите их! — нетерпливо и еще настойчиве возразил Загорский.

Смирнов пожал плечами и, обернувшись к рот, командовал движение вперед.

— Вот тебе и красная наша дбвунка! — Ах ты, сердяга! — слышался сочувственный полушопот в рядах солдат, проходивших мимо раненого начальника и бросивших на него участливые взгляды.

Поднявшись с немощными усилиями, при помощи Краснова, с земли, Загорский от боли в кобни заскрипел зубами.

— Что, больно, ваше благородие? — дрогнувшим голосом спросил Краснов, видимо забывший о своей ране.

— Да, брат, есть немного. Дойти-то я едва ли и с твоей помощью смогу.

— Эй, носилки! носилки сюда! — крикнул из всех сил Краснов, увидев проходивших недалеко санитаров.

Последние, оглянувшись на зов, замечили раненого офицера и бегом бросились к нему.

Бережно уложив несчастного юношу на носилки, санитары

Столбтіе лейбъ-гвардіи егерскаго полка. Различныя формы обмундированія солдатъ полка со времянь императора Павла I. до нашего времени. Съ фотографіи К. Булла грав. Шюблеръ.

мѣрнымъ шагомъ, стараясь не обезюкочить раненаго, пошли съ поля битвы по направленію къ деревнѣ Горній-Петрополь, на окраинѣ которой былъ устроенъ общій перевязочный пунктъ. Взявъ подъ мышку ружье и слегка придерживая раненую руку, пошелъ за носилками и Красновъ, понуро поглядывая

раза три на пути приказывалъ имъ останавливаться и опускать носилки на землю, дабы они могли хотя цѣмного передохнуть.

Во время одной изъ такихъ остановокъ, къ раненому юношѣ подошелъ Красновъ.

церковь св. Мирона.

Столѣтіе лейбъ-гвардіи егерскаго полка. Старыя казармы полка, по Звенигородской улицѣ. Съ фот. К. Булла автотипія „Нивы“.

на встрѣчавшіеся по пути трупы русскихъ и турецкихъ воиновъ, которыми обильно было усыяно поле сраженія.

V.

Сила воли.

Путь отъ мѣста сраженія до перевязочнаго пункта былъ хотя и не особенно великъ,—всего версты двѣ съ половиной,—

— Что, плохо вамъ, ваше благородіе?—съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія спросилъ онъ.

— Ничего, голубчикъ, потерплю... Перевязочный пунктъ не за горами, — стараясь улыбнуться, отвѣтилъ тотъ. — А ты-то что же?—продолжалъ Загорскій, замѣтивъ кровь, продолжавшую течь по скрой шинели изъ плеча. — Ты что же о себѣ не думаешь? Мнѣ фельдшеръ наложилъ повязку, а о тебѣ и не

Столѣтіе лейбъ-гвардіи егерскаго полка. Новыя казармы полка, по Рузовской улицѣ. Съ фот. К. Булла автотипія „Нивы“.

по глинистая, размякшая и мѣстами кочковатая почва очень затрудняла движеніе.

Рана нашего героя была невыносимо и при малѣйшемъ толчкѣ вызывала острую, жгучую боль. Не взирая на все это, Загорскій не выдалъ даже легкимъ стономъ переносимыхъ имъ страданій; напротивъ, онъ, замѣчая усталость санитаровъ,

подумать.. Братцы, перевяжите-ка чѣмъ-нибудь плечо моего капральнаго,—обратился онъ къ носильщикамъ.

У одного изъ послѣднихъ оказался бинтъ, и общими усилиями санитаровъ плечо Краснова было наскоро перевязано.

— Спаси васъ Господи! — съ умилешемъ произнесъ старый капраль и истоиво перекрестился.—Намъ, ваше благородіе, ста-

рикамъ, и на покой пора, а вогь такигъ, какъ вы, еще Царю послушить надо. Эхъ, кабы всѣ, ваше благородіе, господа на васъ похожи были!—добавилъ онъ и глубоко вздохнулъ.

Когда посланки съ ранеными юношей прибыли на перевязочный пунктъ, тамъ кипѣла горячая работа.

Около десятка полковыхъ врачей, при помощи фельдшеръ и санитаровъ, едва успѣвали перевязывать и дѣлать операции масса доставляемыхъ къ нимъ раненыхъ, какъ своихъ, такъ и турокъ. Болѣе тяжело раненые лежали рядами на носилкахъ прямо на землѣ, легко же раненые группировались особо, кто сидя, а кто стоя и опершись на ружье. Уже перевязанныхъ и оперированныхъ отправляли партиями въ находившійся въ верстѣ разстояніи дивизионный лазаретъ гренадерскаго корпуса.

Лица врачей и фельдшеровъ были покрыты потомъ, бывшее на нихъ бѣлье передники забрызганы кровью. Санитары поминутно подавали воду, чтобы врачебный персоналъ могъ обмыть руки и освежить лица.

Специфическій запахъ крови стоялъ какъ бы облакомъ на всемъ протяженіи перевязочнаго пункта и поражалъ обоняніе. Стоны раненыхъ терзали слухъ невыносимо.

Едва Загорскаго принесли, какъ занятый перевязкой какого-то раненаго солдатами младшій врачъ N—скаго полка, Соколовъ, узнавъ юношу, тотчасъ бросился къ нему, передавъ своего пациента на попеченіе фельдшера.

— Загорскій, что я вижу! И васъ не пощадила судьба!—воскликнулъ онъ съ выраженіемъ искренняго сожалѣнія.

— Да, вогь ногу что-то...

— Ахъ вы, бѣдный мой!.. Эй, Егоровъ!—крикнулъ Соколовъ одному изъ фельдшеровъ, окончившему перевязку легкаго раненаго солдата.

Приказавъ поставить носилки поудобнѣе, Соколовъ подложилъ подъ голову юноши подушку и при помощи фельдшера началъ разувать и разбинтовывать его раненую ногу.

— Что, плохо?—спросилъ Загорскій, дѣлая легкую гримасу отъ боли.

Докторъ покачалъ головою.

— Плоховато, — произнесъ онъ, морща брови и оцунывая рау. — Соберитесь съ духомъ, вамъ придется перенести операцию, и немедленно.

Блѣдное, какъ полотно, лицо нашего героя потемнѣло, на глазахъ показались слезы.

— Рѣзать будете? — спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, пытливо устремивъ взоръ на врача.

— Чтобы спасти вамъ жизнь, придется отнять ногу выше колѣна, — послѣ нѣкотораго колебанія, произнесъ тотъ.

— Что же... Приступайте! — съ энергіей, которой нельзя было ожидать въ его положеніи, воскликнулъ юноша.

Соколовъ только пожалъ плечами.

Такъ какъ операция предстояла довольно сложная, то Загорскаго подняли съ носилокъ и со всею предосторожностью усадили на табуретъ, придерживая на всею раненую ногу. Два санитары стали сзади поддерживать страдальца за плечи.

Приказавъ подать лицикъ съ хирургическими инструментами, докторъ еще разъ изслѣдовалъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ коллегъ раздробленную чужей чашку колѣна.

Сомнительно покачавъ головою, врачи перекинулись между собою какими-то неопытными для окружающихъ латинскими фразами.

— Васъ надо будетъ захлороформировать, приготовьтесь, — обратился къ Загорскому Соколовъ, вынимая изъ ящика какую-то стеклянку.

Юноша отрицательно качнулъ головою.

— Ничего этого не надо. Прошу васъ обойтись безъ всякихъ наркотическихъ средствъ, — рѣшительно возразилъ онъ.

— Но вы не перенесете операцию!

— Это ужъ мое дѣло. Въместо всякаго хлороформа, я попрошусь бы васъ, докторъ, дать мнѣ сигару.

— Сигару?! — изумился Соколовъ.

— Ну, да, сигару... Прошу васъ! — болѣзненно воскликнулъ юноша.

Докторъ вынулъ изъ кармана порсигаръ, досталъ сигару и, закуривъ, подаль ее Загорскому.

— Теперь можете приступитъ къ операци, — сильно затянувшись и выпуская облако дыма, твердымъ голосомъ произнесъ Загорскій.

Привлеченные этимъ необыкновеннымъ явленіемъ, какъ врачи и фельдшера, такъ и сгруппировавшіеся около мѣста операции уже перевязанные раненые, съ изумленіемъ, похожимъ на тайный ужасъ, устремили глаза на мужественнаго юношу.

— Ну, смотрите, Загорскій, ежели съ вами едѣается дурно, не вишите меня, — съ замѣтнымъ смущеніемъ сказалъ Соколовъ и, приказавъ кричице держать раненаго, приступилъ къ операци.

Варѣзавъ кожу выше колѣна, докторъ принялся обнажать кость, чтобы приступить къ отлятію ноги.

Ни одного стопа не вырвалось изъ груди мужественнаго юноши; только конвульсивныя вздрагиванія мускуловъ лица, принявшаго зеленоватый оттѣнокъ, и горячіе необыкновенно яркимъ лихорадочнымъ огнемъ глаза, казалось, готовые вы-

скочить изъ орбитъ, выдавали тѣ ужасныя страданія, которыми онъ испытывалъ.

Успленно затягивался сигарой и выпуская дѣлные клубы густого дыма, несчастный юноша, казалось, замеръ всѣмъ существомъ, опираясь на руки поддерживающихъ его санитаровъ.

Даже тогда, когда кость была обнажена, и по ней завизжала операционная пила, — и тогда онъ ни на югу не измѣнилъ своего положенія.

Затанвъ дыханіе, съ благоговѣйнымъ ужасомъ смотрѣли окружающіе на несчастнаго, но мужественнаго страдальца. Нѣкоторые тихонько плакали.

Даже такіе хладнокровные люди, какъ врачи и фельдшера, привыкшіе къ всевозможнымъ страданіямъ своихъ безчисленныхъ пациентовъ, — и тѣ въ полнѣйшемъ изумленіи пожимали плечами.

Красновъ, рана котораго была уже перевязана, не будучи въ силахъ смотрѣть на страданія своего любимаго начальника, отошелъ въ сторону и рыдалъ какъ ребенокъ.

Только тогда, когда операция была кончена, Загорскій, бросивъ взглядъ на свою отрѣзанную ногу, моментально осунулся; голова его склонилась на грудь, и дымившаяся еще, вся искусанная, сигара выпала изъ губъ и покатила на покрытую кровью землю.

Сверхъестественно напряженные первы страдальца не выдержали, онъ впасть въ глубокой обморокъ.

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди свидѣтелей этой трагической сцены, и они начали понемногу расходиться, проникнутые удручающимъ впечатлѣніемъ видѣннаго.

Между тѣмъ Соколовъ и фельдшеръ суетились, перевязывая ампутированную ногу и старались привести въ чувство своего мужественнаго пациента.

Только послѣ усиленныхъ стараній медицинскаго персонала удалось достигнуть того, что герой нашъ пришелъ немного въ себя.

— Пить, — простоналъ онъ еле слышнымъ голосомъ.

Отхлебнувъ нѣсколько глотковъ воды, разбавленной виномъ, Загорскій снова впасть въ забытѣе.

— Ваше благородіе, останутся подпоручикъ живы али помрутъ? — подошли къ Соколову, спросилъ, едва сдерживая рыданія, Красновъ.

Докторъ пожалъ плечами.

— Натѣра здоровая, даже очень; быть-можетъ, и выпесеть... А ты одной съ нимъ роты?

— Такъ точно, ваше благородіе. Баринъ-то, баринъ-то какой рѣдкой души!.. А молодець-то какой!.. Господи, сохрани его и помилуй! — воскликнулъ старій капралъ, и слезы ручьемъ потекли по его морщинистымъ, загорѣлымъ щекамъ.

Соколова такое безыскусственное, искреннее проявленіе горя тронуло до глубины души.

— Будетъ тебѣ, старій, — дружески похлопавъ онъ Краснова по здоровому плечу, — не горюй, подпоручикъ живъ будетъ... Вотъ его сейчасъ будутъ отправлять въ подвижной лазаретъ; ежели хочешь, можемъ проводить и остаться тамъ съ нимъ; я сейчасъ распрощаюсь.

— Ваше благородіе! Вѣчно буду за васъ Бога молить! — воскликнулъ обрадованный старикъ и, забывъ всякую дисциплину, въ носѣ поклокнулся доброму доктору.

Спустя полчаса, лазаретные фургоны увозили съ перевязочнаго пункта нѣкоторыхъ тяжело раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Въ числѣ ихъ находились Загорскій и Красновъ. Послѣдній былъ огривленъ, благодаря стараніямъ Соколова, такъ какъ рана его была не изъ тяжелыхъ: осколокъ шрапнели повредилъ лишь мякоть плеча, не задѣвъ кости.

Когда, на третій день послѣ боя, N—скій полкъ вернулся обратно на свои позиціи, большинство офицеровъ навѣстили Загорскаго и Рачинскаго въ дивизионномъ лазаретѣ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Козыревымъ.

Герой нашъ за это короткое время, благодаря молодости и здоровому организму, значительно оправился и даже встрѣтилъ улыбкою пришедшихъ однополчанъ, хотя ампутированная нога продолжала подчасъ причинять ему нестерпимыя страданія.

— Вотъ, Богъ дастъ, поправитесь немного, въ Россію уѣдете. Хотя безъ ноги, да зато героємъ, — утѣшалъ юношу Козыревъ, сидя около его койки. — Государь приказалъ представить всѣхъ офицеровъ, участвовавшихъ въ этомъ сраженіи при взятіи Плевны, къ наградамъ, а васъ командиръ полка представитъ еще, какъ особо отличившагося... Владимира съ мечами и бантомъ, Богъ дастъ, получите... То-то обрадуются ваша матушка и сестрицы!

— Дай Богъ... А все-таки калѣка! — грустно улыбулся юный страдальецъ.

— Что танцовать-то нельзя будетъ!.. Ну, это еще ничего, съ этимъ помириться можно... Все-таки хоть калѣка, да герой, — а это чего-нибудь да стѣитъ!

— Благодарю васъ, дорогой Николай Михайловичъ, никогда я не забуду вашей ласки! — съ чувствомъ произнесъ Загорскій, крѣпко пожмая руку стараго подполковника.

Черезъ мѣсяцъ состояніе здоровья Загорскаго настолько улуч-

нилось, что онъ въ числѣ другихъ выздоравливающихъ былъ назначенъ къ эвакуаціи въ Россію.

Въ теченіе своей болѣзни Загорскій былъ обрадованъ Высочайшей наградой: орденомъ Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ, пожалованнымъ ему за особое отличіе въ сраженіи

подъ Плевной 28 ноября 1877 года. Будучи затѣмъ причисленъ къ комитету раненныхъ, онъ нѣкоторое время состоялъ по армейской нѣхотѣ и года черезъ три получилъ назначеніе на должность плацъ-адъютанта въ одну изъ крѣпостей, на западной границѣ Имперіи.

Къ рисункамъ.

Бабушка. (Рис. на стр. 1251.)

Углубившись въ книгу, сидитъ бабушка въ старинномъ креслѣ, обитомъ кожей и споконъ вѣку принадлежащемъ въ этомъ домѣ старшему въ родѣ. Сегодня — воскресенье; вѣрная обычая предковъ, бабушка утромъ сходилась въ церковь, выслушала со вниманіемъ строгую проповѣдь такого же стараго, какъ и она, пастора, по возвращеніи домой отобѣдала вѣдетъ со всею семьей и теперь, „номина день субботній“ и желая воздать Боже Богу, читаетъ библію.

Встрѣча жениха и невѣсты старинами.

(Рис. на стр. 1254.)

Въ № 40 „Нивы“ п. г. мы помѣстили рисунокъ „Ричаница“ болгарскаго художника Мерквичка изъ альбома, поднесеннаго болгарами Государю Императору по случаю Священнаго Коронованія. Въ этомъ номерѣ мы воспроизвели картину того же художника изъ того же альбома, изображающую встрѣчу повобрачныхъ старинами въ Болгаріи.

Къ западу отъ рѣки Искара — притока Дуная — тянется сплошное населеніе болгарскаго племени — шоновъ. Какъ типичными особенностями характера, такъ и внѣшностью, шоны рѣзко отличаются отъ восточныхъ болгаръ. Особенно оригиналенъ костюмъ шоновъ, въ которомъ у мужчинъ, болѣею частью, лишь баранковая шапка является контрастомъ со всею прочею блюю одеждою изъ домотканнаго сукна. У женщинъ же блѣтый головной уборъ, спускающийся до низу, отчетливо выдѣляется на темномъ фонѣ платья, достаточно короткаго, чтобы не прикрывать вычурнаго узора рубашки.

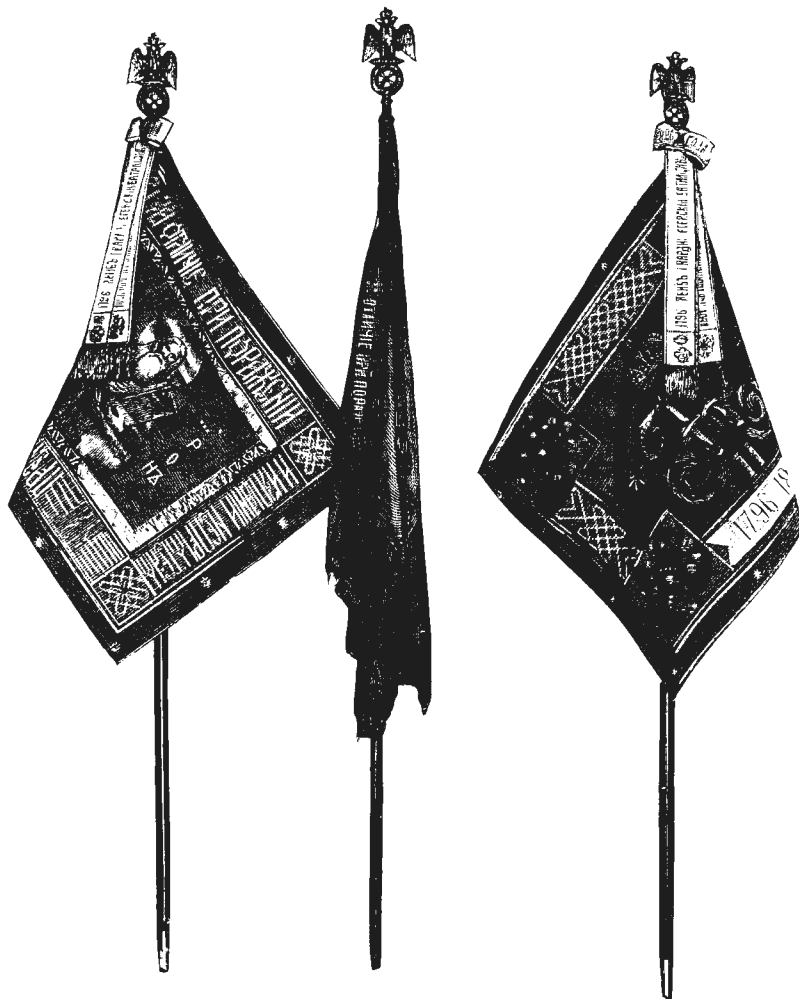
Дѣвушки ходятъ простоволосыя, изощряя свое кокетство на множествѣ косичекъ, къ которымъ прикрѣпляется сѣтка во всю спину, унизанная всевозможными монетами разныхъ эпохъ. Оригинальность костюмовъ и привлекла, по видимому, вниманіе художника, избравшаго для своей картины одну изъ самыхъ оживленныхъ бытовыхъ сценъ шонской жизни, когда шонъ сеголетѣ нарядами и самымъ неподдѣльнымъ весельемъ. Да и гдѣ нѣтъ веселья, когда честный труженникъ справляетъ одно изъ важнѣйшихъ событій въ жизни — свадьбу.

У всѣхъ славянъ свадьба сопровождается разнообразными обрядами старинны глубокой, смыслъ которыхъ мало понятенъ современникамъ. Очень можетъ быть, что живописная группа свадебнаго кортежа на картинѣ остановилась передъ исполненіемъ какого-нибудь обряда, совершаемаго потому только, что „такъ изгари завелось“. Старые сваты тѣмъ временемъ обмѣниваются привѣтствіями. Молодежь уже занялась своимъ дѣломъ: подъ монотонные звуки „гайды“ и оглушительнаго барабана дѣвушки принялись отплясывать. Шоны — страстные и неутомимые танцовщики, своего рода виртуозы, не имѣющие соперниковъ среди другихъ болгаръ, поэтому музыкантъ —

„гайдакия“, съ котораго нотъ льется уже въ три ручья, очень хорошо знаетъ, что пляска только въ началѣ: „байрактарка“ съ свадебнымъ знаменемъ еще танцуетъ, ея компаньонки только что начали. Весорѣ и старики, осушивъ баклажки, примутся, пожалуй, откалывать такое нѣ, что не сплосло никому хореографу въ мирѣ.

Въ классѣ. (Рис. на стр. 1255.)

Жоффруа давно уже пользуется извѣстностью, какъ одинъ изъ лучшихъ французскихъ художниковъ, отдавшихъ себя всецѣло изображенію быта дѣтей. Немногіе лучше его знаютъ жизнь школьникова. Трудно найти такой эпизодъ изъ жизни школы, который не былъ бы уже взятъ Жоффруа. Слова школьникъ и шалунъ — почти синонимы; а нигдѣ, ни въ одной странѣ школьники не умѣютъ такъ шалить, какъ во Франціи. Это уже не просто шалость, это шалость организованная, шалость, для которой подчасъ надо имѣть гораздо больше сообразительности, чѣмъ для рѣшенія задачи о двухъ, трехъ и чѣлой дюжинѣ чайныхъ торговцевъ. Надо видѣть, какъ школьники бѣгутъ въ Парижѣ изъ школы, что они выдѣлываютъ на бульварахъ и площадяхъ, въ садахъ. Жоффруа мастерски изображаетъ этотъ маленькій народъ, съ такой отчаянной ловкостью продѣлывающій самыя мудренныя и замысловатыя проказы. Однако, его излюбленный типъ не мальчикъ-шалунъ, а мальчикъ и дѣвочка, такіе крошечные и маленькіе, что они еще мудренѣе шалостей не продѣлываютъ. Они у него обыкновенно чинно сидятъ на своихъ стульяхъ, погруженные

Новое знамя (лицевая сторона).

Старое знамя.

Новое знамя (оборотная сторона).

Столѣтіе лейбъ-гвардіи егерснаго полка. Знамя полка. Съ фот. ген. А. А. Насвѣтвича грав. Шюлеръ.

въ работу и выначавъ по этому случаю чернилами скамейку, книжку, платье, копчикъ носа и всѣ пальцы. Въ особенности хороши дѣтинки въ его картинѣ „Въ классѣ“. Здѣсь нѣтъ ни одного личика, которое не отличалось бы какой-нибудь своей особенной экспрессіей. Каждый здѣсь занятъ своимъ дѣломъ, и фигура и движеніе схвачены до такой степени живо, что можно совершенно точно воспроизвести ходъ мыслей въ каждой изъ этихъ маленькихъ головокъ. По экспрессивности лицъ эта картина принадлежитъ къ числу лучшихъ вещей Жоффруа. Она сильнѣе другихъ и по рисунку, и по краскамъ.

На выставкѣ картинъ французскихъ художниковъ, открытой теперь въ Петербургѣ въ залахъ Общества поощренія художествъ, привлекаетъ вниманіе посѣтителей картина того же Жоффруа „Франко-арабская школа“.

Ихъ тайна. (Рис. на стр. 1259.)

О чемъ шепчутся эти дѣвочки-подростки?.. Очевидно, предметъ ихъ тайной бесѣды — не изъ скучныхъ: не даромъ на лицѣ шаловливой блондинки, бросившей работу и внимательно прислушивающейся къ словамъ своей подруги, вы замѣчаете такую веселую, плутоватую улыбку. Судя по возрасту обѣихъ

подругъ, трудно думать, чтобы тутъ замѣнился амуръ съ его безпощадными стрѣлами, но — въ наше время люди растутъ такъ быстро, а молодежь такъ рано начинаетъ подражать старшимъ...

Столѣтіе лейбъ-гвардіи егерскаго полка.

(Рис. на стр. 1262, 1263, 1265 и 1266.)

9 ноября исполнилось столѣтіе существованія лейбъ-гвардіи егерскаго полка, ведущаго свое начало отъ Собственныхъ Его Величества гатчинскихъ войскъ. Первой же родоначальницей нынѣшнихъ егерей была егерская рота подполковника Рачинскаго, входившая въ составъ гатчинскихъ войскъ.

Начало же существованію гвардейскаго егерскаго баталіона, названнаго впоследствии лейбъ-гвардіи егерскимъ полкомъ, положено было императоромъ Павломъ I, Высочайшимъ приказомъ котораго отъ 9 ноября 1796 г. гатчинскія войска переведены были въ гвардію.

Впервые пороховой дымъ окурилъ знамя егерскаго баталіона въ сраженіи подъ Аустерлицомъ. День 20 ноября 1805 года былъ не только днемъ боевого крещенія егерей, но и первой основой боевой ихъ славы, постоянно украшавшейся новыми лаврами въ послѣдующихъ отечественныхъ войнахъ.

10 мая 1806 г. егерскій баталіонъ былъ преобразованъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, и уже подъ этимъ новымъ именемъ съ прежнею удалюю принималъ участіе и въ кампаніи 1806—1807 гг., и въ шведской войнѣ 1808—1809 гг., и въ войнѣ 1812 г., и въ войнѣ противъ Наполеона въ 1813—1814 гг. Особенно отличились гвардейскіе егеря во время этой послѣдней кампаніи, именно въ славномъ Кульмскомъ бою. Къ георгиевскимъ знаменамъ, пожалованнымъ полку за Отечественную войну 1812 г., егеря получили георгиевскія трубы съ надписью: „За отличіе, оказанное въ сраженіи при Кульмѣ 17 августа 1813 г.“ За „Кульмское дѣло“ всѣ егеря, — генералы, офицеры и нижніе чины, — участвовавшіе въ сраженіи 17 августа, были награждены королемъ прусскимъ орденомъ Железнаго Креста (Кульмскимъ крестомъ). Этотъ крестъ увѣковѣченъ въ исторіи егерскаго полка и увѣковѣчили, въ свою очередь, воинскіе подвиги егерей въ лѣтописяхъ русской арміи. Изображеніе Кульмскаго креста помѣщено и на жетоны, установленномъ въ память столѣтія полка.

Турецкая война 1828 г. оказалась самой тяжелой для егерей. Въ сраженіи при Хаджи-Гассанъ-Ларѣ, 10 сентября 1828 г., весь второй баталіонъ полка былъ перебитъ турками, и знамя его считалось утраченнымъ. Прошло съ тѣхъ поръ 47 лѣтъ тяжелыхъ воспоминаній. Въ 1875 г. отставной егерскій офицеръ Сабанинъ, который былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ турками въ сраженіи при Хаджи-Гассанъ-Ларѣ, исполнилъ передъ смертью святой долгъ воина: умирая, онъ завѣщалъ женѣ передать сохраненную имъ на себѣ часть полкового знамени Государю Императору. 17 августа того же года, въ день полкового праздника, остатокъ полковой святыни перенесенъ былъ въ полковую церковь св. Мирона, гдѣ Высочайше повелѣно его хранить. Погибшій въ бою 2-й баталіонъ былъ вновь укомплектованъ изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ 13 и 14 егерскихъ полковъ, отличившихся подъ Анапой и Варной.

Принявъ участіе въ кампаніи 1831 г., егерскій полкъ былъ переименованъ въ 1856 г. въ лейбъ-гвардіи гатчинскій полкъ. Подъ этимъ названіемъ онъ участвовалъ въ усмирении польскаго мятежа въ 1863 г., а въ 1871 г. полку было возвращено прежнее его названіе.

Во время послѣдней русско-турецкой войны егерскій полкъ,

въ составѣ четырехъ баталіоновъ, прославился дѣльми рядомъ подвиговъ, въ особенности атакою Телина. Затѣмъ полкъ совершилъ зимой 1878 г. переходъ черезъ Балканы, взялъ Кюстендиль и продолжалъ вмѣстѣ съ остальными собратьями по оружію все тяготы войны. Подвиги егерей за эту кампанію увѣковѣчены особымъ отличіемъ — надписью на шапкахъ: „За Телинъ 12 октября 1877 года“.

Наканунѣ празднованія столѣтія полка, 8 ноября, состоялась въ Гербовой залѣ Зимняго дворца, въ Высочайшемъ присутствіи, прибавка новаго знамени, Высочайше пожалованнаго лейбъ-гвардіи егерскому полку.

Новое знамя представляетъ почти квадратное полотнище изъ тяжелой шелковой ткани темно-зеленаго цвѣта съ темно-краснымъ бортомъ, украшеннымъ золотымъ шитьемъ. Посрединѣ полотнища — образъ св. мученика Мирона, рисованный каппитаномъ егерскаго полка Бунинымъ; вокругъ, славянскими буквами, золотомъ, начертана надпись: „За отличіе при пораженіи и изгнаніи изъ предѣловъ Россіи непріятелей въ 1812 г.“. Знаменное древко, чернаго цвѣта, увѣчиваетъ золотой двуглавый орелъ, держащій въ лапахъ лавровый вѣнокъ съ георгиевскимъ крестомъ посрединѣ.

Государь Императоръ, взявъ изъ рукъ командира полка молотокъ, осѣнилъ Себя крестнымъ знаменіемъ и Собственнолично вбилъ верхній гвоздь къ древцу знамени, которое придерживалъ старшій фельдфебель полка. Послѣдующіе гвозди были вбиты Государыней Императрицей, великими князьями, начальствующими лицами, всеми офицерами полка и нижними чинами. По окончаніи церемоніи приближились, Государь Императоръ подвизалъ къ верхнему украшенію знамени орденскую юбилейную ленту съ георгиевскимъ темлякомъ и, поднявъ знамя, вручилъ его командиру полка, передавшему знамя старшему фельдфебелю.

На слѣдующій день, 9 ноября, состоялся въ манежѣ Инженернаго замка церковный парадъ егерскому полку.

На лѣвомъ флангѣ всего построения чиновъ полка были выстроены нижніе чины въ томъ обмундированіи, вооруженіи и съ тѣмъ снаряженіемъ, который полкъ имѣлъ за время вѣкового своего существованія.

Полковое духовенство, собравшееся для богослуженія, было въ новомъ богатомъ облаченіи изъ зеленаго бархата съ золотымъ шитьемъ и вышитыми Кульмскими крестами. Государь Императоръ Собственнолично передалъ командирамъ частей пожалованныя грамоты, которыя тѣ громко прочли передъ фронтомъ. Во время богослуженія, опредѣленнаго къ освященію знамени, при чтеніи молитвы къ окропленію, Государь Императоръ, какъ Шефъ полка, изволилъ держать знамя за одинъ край полотнища, а командиръ полка держалъ за другой край. По окончаніи богослуженія, возгласенія многолѣтія Государю Императору и Царствующему Дому, вѣчной памяти почившимъ государямъ и всѣмъ воинамъ, во брани животъ свой положившимъ за Вѣру, Царя и Отечество, войска окроплены были св. водою, и весь егерскій полкъ, съ своимъ командиромъ во главѣ, ставъ передъ аналоемъ, произнесъ священныя слова воинской присяги. Послѣ этого Государь Императоръ Собственнолично передалъ знамя полка преклонившему колѣно командиру полка, который, вставъ, вручилъ знамя полковому знаменщику.

Церемонія закончилась отдачею чести старымъ знаменамъ. По командѣ войска взяли на караулъ, заиграла музыка, и столѣтніе знамена отнесены были торжественно въ мѣста храненія, ставъ съ этого момента полковыми регалиями. Къ такимъ же регалиямъ полка слѣдуетъ отнести и бережно хра-

Столѣтіе лейбъ-гвардіи егерскаго полка. Внутренній видъ церкви св. Мирона. Витрина съ мундирами императоровъ Александра I, Николая I, Александра II и Александра III.

Съ фот. К. Булла авторитія „Нивы“.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ номеровъ 1897 года просимъ поспѣшить возобновленіемъ подписки.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1897 г.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложениями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ Н. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ **5 р.** Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговая линія, **6 р.** Съ доставкою въ Петербургъ **6 р. 50 к.** Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи **7 р.** За гра- ницу **10 р.**
 На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 к., съ дост. въ СПб. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. въ СПб. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 коп.

нимые полкомъ мундиры почившихъ государей, жалюемыхъ полкамъ на память о въ Бозѣ почившихъ державныхъ вождяхъ русскаго воинства. Егерскій полкъ хранитъ у себя мундиры въ Бозѣ почивающихъ императоровъ Александра I, Николая I, Александра II и Александра III.

К. М. Станюковичъ.

(Портр. на этой стр.)

Въ настоящемъ году исполнилось тридцатипятилѣтіе литературной дѣятельности павѣстнаго беллетриста, К. М. Станюковича.

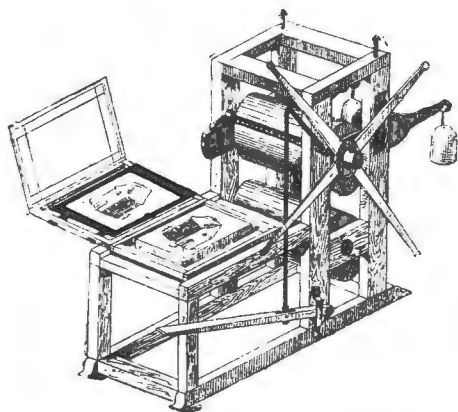
Константинъ Михайловичъ Станюковичъ родился въ 1844 г., въ Севастополѣ, гдѣ отецъ его, безызвѣстный адмиралъ, служилъ въ черноморскомъ флотѣ. Образование свое К. М. получилъ сначала въ нахескомъ корпусѣ, а потомъ — въ морскомъ. Въ 1860 году онъ былъ посланъ въ кругосвѣтное плаваніе, изъ котораго вернулся черезъ Китай и Сибирь, три года спустя. По возвращеніи на родину, молодой морякъ рѣшился выйти въ отставку, желая посвятить себя исключительно литературной дѣятельности, но его не отчислили отъ флота, безъ согласія отца, который надѣялся, что сынъ его сдѣлаетъ такую же блестящую карьеру, какъ и онъ самъ. Наконецъ, старый адмиралъ, послѣ настоятельныхъ просьбъ ненокорнаго сына, отвѣтилъ ему лаконической телеграммой: „Противъ теченія плыть не могу. Согласенъ“. Эта телеграмма рѣшила участь К. М., и онъ былъ вынужденъ въ отставку съ чиномъ лейтенанта. Съ 1865 по 1866 годъ мы встрѣчаемъ его въ должности сельскаго учителя, въ Муромскомъ уѣздѣ, Владимірскаго губ.; по профессіи педагога не была истиннымъ призваніемъ моло-

важное читателей на оригинальный и симпатичный талантъ молодого писателя. Въ первое десятилѣтіе (1863—1873 гг.) К. М. помѣщаетъ свои небольшіе очерки, разсказы и фельетоны на общественныя темы въ слѣдующихъ изданіяхъ: *Эпохъ*, *Искръ*, *Будильникъ*, *Женскомъ Вѣстникъ* и газетѣ *Гласность*. Въ слѣдующемъ десятилѣтіи (1873—1883 гг.) К. М. Станюковичъ выступаетъ въ журналахъ, какъ авторъ нѣсколькихъ большихъ романовъ: „Безъ исхода“, „Два брата“, „Омутъ“, а также въ качествѣ сатирика-фельетониста въ *Дѣлѣ* (ред. Благосвѣтлова). Здѣсь, подъ псевдонимомъ „Откровеннаго писателя“, онъ печаталъ еженѣщныя очерки на общественныя мотивы — „Картинки общественной жизни“ и „Письма знатныхъ иностранцевъ“. Кроме *Дѣла*, онъ сотрудничаетъ также въ *Новостяхъ* (1878 г., псевдонимъ — „Пимевъ“), *Молвѣ* (1879 г.) и *Порядкѣ* (1880—1881 гг.). Съ 1881 года г. Станюковичъ былъ соредакторомъ *Дѣла*, въ 1882 г. арендовалъ этотъ журналъ, а въ 1883 году сдѣлался его собственникомъ; по издательская его дѣятельность продолжалась недолго, и въ 1885 г. онъ вынужденъ былъ покинуть Петербургъ и поселиться въ г. Томскѣ, гдѣ, однако, не прерывалъ своей литературной дѣятельности; напротивъ, именно въ этотъ періодъ талантъ г. Станюковича окончательно зрѣетъ, и онъ получаетъ широкую извѣстность, какъ превосходный повѣствователь на темы изъ жизни моряковъ. Очерки его, посвященныя морскому быту и напечатанныя главнымъ образомъ въ

К. М. Станюковичъ. (По поводу 35-лѣтія литературной дѣятельности.)
 Съ фотогр. автотипія „Нивы“.

вѣстель на темы изъ жизни моряковъ. Очерки его, посвященныя морскому быту и напечатанныя главнымъ образомъ въ

Къ столѣтію литографіи. Первый литографскій станокъ, изобрѣтенный А. Зенефельдеромъ.

дого писателя, и онъ лишь временно посвятилъ себя ей, желалъ непосредственно изучитъ народный бытъ.

Постоянная литературная дѣятельность К. М. Станюковича началась съ 1863 года, въ *Морскомъ Сборникѣ*, гдѣ онъ дебютировалъ впервые „Очерками морскаго быта“, обратившими сразу

Къ столѣтію литографіи. Алоизій Зенефельдеръ.

Русской Мысли, *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, *Вѣстникѣ Европы* и *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, публуются и въ отдѣльныхъ издашіяхъ,

подъ заглавіемъ: „Морскіе разсказы“, „Моряки“, „Морскіе слухаѣты“ — и пользуются большою популярностію и сочувствіемъ какъ критики, такъ и читателей. Въ области морскихъ разсказовъ К. М. Станюковичъ стоитъ „въѣ конкурса“, не имѣетъ равнаго себѣ среди остальныхъ русскихъ писателей. Здѣсь „гвоздь“ его художественнаго творчества, и каждый разсказъ его изъ жизни моряковъ безупреченъ съ точки зрѣнія самой требовательной критики. Авторъ вкладываетъ въ эти очерки лучшія свои силы, свое вдохновеніе, и въ нихъ каждая картинка, каждое описаніе морской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ освѣщена яркими и теплыми лучами сочувствія къ той средѣ и стихіи, гдѣ протекли годы его молодости. Онъ почерпнулъ отсюда массу впечатлѣній, образовъ, воспоминаній, которые напластовались на его литературной палитрѣ сочными и драгоценными красками. Это обстоятельство наложило отпечатокъ удивительной задушевности на все, что говоритъ г. Станюковичъ о жизни моряковъ, и всякій типъ, выведенный имъ изъ этой среды, будь это „грозный адмиралъ“ или „пянька“ — вѣстовой матросъ, вызываютъ въ читателѣ чувство всепроникія, умиленія и сочувствія. Даже дурнымъ людямъ флота авторъ находитъ оправданіе въ обстоятельствахъ времени. Проводя динки гуманности и любви къ ближнему, г. Станюковичъ является въ повременной печати не только художникомъ-повѣствователемъ, но и воспитателемъ общества въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

7 декабря друзья и почитатели К. М. Станюковича чествовали его по поводу пятидесятилетия его литературной дѣятельности. Утромъ, въ 12 ч., на квартиру юбиляра явились депутаціи отъ студентовъ петербургскаго и московскаго университетовъ и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ, при чемъ студенты петербургскаго университета поднесли очень изящный адресъ, покрытый многочисленными подписями. Юбиляра посетило множество лицъ. Въ тотъ же день, въ 6 час. вечера, въ ресторанѣ „Медвѣдь“ состоялся въ честь К. М. Станюковича обѣдъ, на который собралось до 140 человекъ, среди которыхъ преобладали моряки и литераторы. Юбиляръ былъ встрѣченъ чтеніемъ общаго адреса, покрытаго множествомъ подписей. За обѣдомъ первый тостъ за юбиляра провозгласилъ К. К. Арсеньевъ, указавшій на значеніе эпохи шестидесятихъ годовъ, въ которую развивался талантъ К. М. Станюковича. За нимъ адмиралъ Бирюлевъ произнесъ прекрасную рѣчь, въ которой приветствовалъ К. М. отъ имени его товарищей-моряковъ. Произнесенны были также рѣчи гг.: Тимирязевымъ, Острогорскимъ, Михеевымъ, Гуревичемъ, Анненскимъ (*Русское Богатство*) и Дехтеревою. На обѣдѣ поднесены К. М.: адресъ отъ журнала *Родникъ*, покрытый многими сотнями дѣтскихъ подписей, и золотая медаль съ грамотой отъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества, присужденнаго К. М. Станюковичу золотую медаль за морскіе разсказы. Были прочтены телеграммы: отъ Литературнаго Фонда, отъ *Вѣстника Европы*, *Русской Мысли*, *Русскихъ Вѣдомостей*, *Вѣстника Воспитанія*, одесской печати, женскаго благотворительнаго общества и отдѣльныхъ лицъ: проф. Манасеина, Сергѣевича, Спасовича и др. За обѣдомъ же было предложено г. Тимирязевымъ собрать деньги на открытіе безплатной читальни имени К. М. Станюковича, на его родинѣ — въ деревнѣ Егалтеевѣ, Рязскаго уѣзда, Рязанской губерніи, и собрано болѣе 200 рублей.

Пожелаемъ К. М. еще на много лѣтъ здоровья и силъ и широкаго распространенія его произведеній.

Алоизій Зенефельдеръ. (Портр. и рис. на стр. 1267.)

(Къ столѣтію изобрѣтенія литографіи.)

Изобрѣтатель литографіи Алоизій Зенефельдеръ родился 6-го ноября 1771 года, въ Прагѣ. Отецъ его былъ актеръ, пользовавшійся крупнымъ положеніемъ въ театрѣ и съ 1778 года перешедшій на службу въ мюнхенскій придворный театръ. Въ Мюнхенѣ Алоизій Зенефельдеръ обучался въ гимназій, затѣмъ посѣщалъ лицей, гдѣ особенно ревностно занимался физикой, химіей и математикой. Усиленно занимаясь естественными науками, Зенефельдеръ успѣвалъ, однако, на досугѣ заниматься драматургіей. Мало того, онъ даже пробовалъ выступать на театральныхъ подмосткахъ, но послѣ двухлѣтнихъ скитаній по разнымъ труниамъ, поторѣвшись пужды, онъ рѣшилъ оставить карьеру актера. Въ 1791 году окончился его отецъ, и ему пришлось быть главнымъ кормильцемъ семьи, состоявшей изъ матери и восьми братьевъ и сестеръ. Первой его заботой было снискать средства для пропитанія семьи, издавшемъ его драматическихъ сочиненій, имѣвшихъ успѣхъ на сценѣ. Приходилось обращаться къ издателямъ, изъ которыхъ одинъ хотя и согласился, но откладывалъ и затягивалъ печатаніе нѣсколько. Вынужденный постоянно ходить въ типографію для наблюденія за печатаніемъ его трудовъ, онъ внимательно вѣматривался въ работы типографіи и, постепенно съ ними ознакомившись, рѣшилъ устроить свою маленькую типографію. Не имѣя для этого средствъ, онъ задумалъ сначала усовершенствовать плъ, вѣрше, упростить до минимума самую технику типографскаго дѣла. Онъ началъ дѣлать опыты. Первоначально онъ занялся выравливаніемъ буквъ и потъ,

вглубь и рельефомъ; для этого онъ вырѣзалъ буквы и потные знаки въ нанесенномъ на мѣдной доскѣ пластѣ воска, надѣясь такимъ образомъ избѣгнуть обыкновеннаго буквеннаго набора. При каждой новой работѣ приходилось отшлифовывать, полировать и вновь грунтовать отработанную металлизированную доску, и, чтобы устранивъ это неудобство, Зенефельдеръ придумалъ употреблять въ дѣло, вмѣсто мѣдной доски, гладкошлифованную кельтейскую известковую пластинку, стонвную очень дешево. Кромѣ того, онъ изобрѣлъ особый составъ для покрытія и исправленія ошибочно вырѣзанныхъ линий. Эти два изобрѣтенія и послужили основой къ изобрѣтенію литографіи. Открывъ способъ чистого механическаго печатанія, Зенефельдеръ и не подозревалъ, что можетъ быть и химическій процессъ печатанія. Открыть его суждено было также Зенефельдеру, и, подобно многимъ великимъ открытіямъ, совершенно случайно. Въ своей автобиографіи, начатанной въ 1818 году, въ Мюнхенѣ, Зенефельдеръ разсказываетъ, какъ это случилось. Только что онъ тщательно отшлифовалъ камень, для опытовъ надъ обратнымъ писаніемъ текста, какъ старушка-мать попросила его написать счетъ бѣлья. Это было въ іюль 1796 г. Прачка ждала, но у него не было подъ рукой листка бумаги. Какъ нарочно вся бумага была употреблена на пробныя оттиски; чернила взошли въ чернильницѣ; послать за бумагой и чернилами было некогда, и онъ, не долго думая, взялъ и поспѣшно набросалъ списокъ бѣлья своими „каменными“ чернилами на камнѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ переписать его на бумагу. Когда же онъ захотѣлъ затѣмъ стереть съ камня написанное, его вдругъ осянула мысль: что будетъ съ написаннымъ, если покрыть камень крѣпкой водкой, нельзя ли будетъ, подобно типографскимъ буквамъ или гравюрѣ на деревѣ, зачернить и печатать съ таково выравненнаго камня. Сейчасъ же онъ произвелъ соответствующій опытъ (съ самымъ камнемъ, на которомъ былъ написанъ списокъ, нельзя было сдѣлать опыта, такъ какъ буквы были очень жирно написаны), и опытъ удался блестящимъ образомъ. Крѣпкая водка выѣла написанный шрифтъ, который былъ затѣмъ покрытъ краской и далъ вполне отчетливый оттискъ. Такимъ образомъ открытъ былъ новый способъ печатанія — такъ-называемая литографія.

Недостатокъ средствъ не далъ, однако, Зенефельдеру возможности приступить сейчасъ же къ осуществленію своего изобрѣтенія. Въ поискахъ за заработкомъ, онъ вернулся въ Мюнхенъ и рѣшился поступить работникомъ въ нотопечатню. Счастливый случай столкнулъ Зенефельдера у мюнхенскаго пономзателя Фальтера съ его старымъ знакомымъ еще по театру, придворнымъ музыкантомъ Глейсеромъ, который заинтересовался изобрѣтеніемъ Зенефельдера. Сейчасъ же Зенефельдеръ притащилъ къ Глейсеру свой маленький печатный станокъ, имъ самимъ усроенный (см. рис. на стр. 1267), тутъ же сдѣлалъ пробныя оттиски, которые по быстротѣ и чистотѣ воспроизведенія привели Глейсера въ восторгъ. Глейсеръ предложилъ Зенефельдеру всѣ нужныя средства. Затѣмъ въ 1799 г. онъ получилъ у курфюрета баварскаго привилегію на свое изобрѣтеніе на 15 лѣтъ. Послѣ цѣлаго ряда неудачъ, порчи деревяннаго станка и задержки работъ и истощенія средствъ у Глейсера, Зенефельдеру удалось вступить еще въ компанію съ пономзателемъ Андре въ Оффенбахѣ, уплатившимъ ему за самое изобрѣтеніе 2,000 гульденовъ. Вскорѣ однако онъ разошелся съ Андре, и въ 1800 г. вмѣстѣ съ братьями отправился въ Вѣну, гдѣ вмѣстѣ съ Глейсеромъ занялся печатаніемъ потъ. Такъ какъ дѣло не покрывало расходовъ, Зенефельдеръ продалъ свою привилегію Штейнеру въ Вѣнѣ, а самъ принялъ выгодныя условія, предложенныя ему сигценабивной фабрикой братьевъ Фаберъ въ С-Пельтенѣ. Въ 1809 году ему порученъ былъ надзоръ надъ работами типографской мастерской для изготовленія географическихъ картъ, учрежденной правительствомъ подъ дирекціей Утцингера. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было дозволено устроить вмѣстѣ съ Аретиномъ собственную типографію. Съ тѣхъ поръ Зенефельдеръ дѣятельно занялся дальнѣйшимъ совершенствованіемъ литографскаго искусства; всѣ почти употребительныя въ литографіи способы впервые изобрѣтены и испытаны имъ. Въ 1826 году Зенефельдеръ открылъ способъ печатанія цвѣтныхъ рисунковъ, такъ-называемое печатаніе мозаикой (*Mosaikdruck*), мало чѣмъ отличавшееся отъ озографіи. Въ 1833 году ему удалось такія цвѣтныя картины, парисованныя на камнѣ, воспроизводить, путемъ печатанія, на пологѣ. Кромѣ того онъ написалъ прекрасное руководство по литографскому искусству (*„Lehrbuch der Lithographie“*, München, 1818).

Алоизій Зенефельдеръ скончался 26 февраля 1834 г. въ Мюнхенѣ. Спустя тридцать три года послѣ его смерти поставленъ былъ ему памятникъ въ Мюнхенѣ, а въ 1892 г. и въ Берлинѣ.

Но лучшимъ памятникомъ Зенефельдеру служить и будетъ служить его великіе открытія. За истекшее столѣтіе литографія достигла сильнаго совершенствованія, распространилась по всѣмъ странамъ свѣта. Цѣлый рядъ ученыхъ, художниковъ и специалистовъ-литографовъ работали въ теченіе вѣка на пути, проторенномъ Зенефельдеромъ.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ чествовали у насъ, въ Петербургѣ,

столѣтіе изобрѣтенія литографіи. Къ этому чествованію изданъ былъ извѣстнымъ знатокомъ графическихкихъ искусствъ г. Снамонн интереснѣйшій очеркъ, подъ заглавіемъ „Alois Senefelder und sein Werk“, въ которомъ оупъ даетъ подробную біографію Зенефельдера и указываетъ постепенное развитіе литографскаго искусства во всѣхъ странахъ. Особая глава посвящена исторіи развитія литографіи въ Россіи. Книга издана очень изящно и снабжена цѣлымъ рядомъ образцовъ литографій изъ разныхъ періодовъ развитія этого искусства. Всю чистую прибыль отъ этого изданія авторъ пожертвовалъ въ пользу школы печатнаго дѣла при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ.

Самое чествованіе состоялось 9 декабря. Въ этотъ день собрались въ Петербургѣ всѣ литографы и всѣ тѣ, кому близко и дорого дѣло Зенефельдера, на юбилейный обѣдъ. Участвовало 120 человѣкъ, съ А. Э. Мюнстеромъ во главѣ, старѣйшимъ и извѣстѣйшимъ русскимъ литографомъ, работающимъ на этомъ поприщѣ почти полвѣка и поставившимъ литографское дѣло въ Россіи на ту высоту, на которой оно теперь находится.

Исправленіе дунайскаго русла у Желѣзныхъ Ворота. (Рис. на стр. 1270 и 1271.)

15 сентября н. г. состоялось, сопровождаемое пышными торжествами, въ присутствіи австрійскаго императора и короля сербскаго и румынскаго, открытіе новаго пути сквозъ Желѣзныя Ворота въ Дунаѣ. Принявъ въ себя Саву, свой главный правый притокъ, Дунай течетъ въ широкомъ ложѣ, служа въ этомъ ложѣ, вилыю до Ринавы (или Оршовы), границею между Венгріею и Сербіею. Но подъ Вазіашемъ рѣка вступаетъ въ горную тѣснину, по которой ей приходится течь около 130 верстѣ, до г. Кладова. Эта-то тѣснина и извѣстна подъ названіемъ Желѣзныхъ Ворота. Протекая до этого мѣста въ просторномъ ложѣ, шириною отъ 1½ до 2 верстѣ, громадная рѣка вдругъ попадаетъ въ тѣснину шириною въ 50, даже въ 30 сажень. Глубокое ложе все усеяно здѣсь камнями, и вода бурлитъ между ними какъ въ горномъ потоцѣ, ставя почти неодолимыя препятствія судоходству. Кому не извѣстно необычайно важное значеніе великой западно-европейской рѣки въ торговлѣ всѣхъ сопредѣльныхъ въ нею странъ? Понятно, что эти ужасныя Желѣзныя Ворота, почти совершенно прерывавшія судоходство на значительномъ участкѣ рѣки, всегда ставили задачу инженерамъ, изощрявшимся надъ проектами сооруженій, которыя облегчили бы судоходство въ этой тѣснине. Существуютъ свидѣтельства о томъ, что надъ улучшеніемъ судоходства сквозъ Желѣзныя Ворота хлопотали еще римляне: такъ, императоръ Траянъ провелъ по берегу рѣки железнодорожную дорогу, которая до сихъ поръ еще вызываетъ изумленіе по широтѣ замысла; здѣсь же красуется нынѣшняя знаменитая *tabula Traiana*, возвѣщающая былую славу и заслуги императора Траяна. Въ нынѣшнемъ столѣтіи инженеры и правительства не разъ принимались за идею урегулированія русла Дуная, но, въ виду огромныхъ размѣровъ задачи, нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что она все откладывалась. По берлинскому трактату 1878 года, было предоставлено Венгріи войти въ соглашеніе съ Австріею и приступитъ совместно къ работамъ у Желѣзныхъ Ворота. Изъ числа многихъ представленныхъ плановъ работъ, предпочтеніе было отдано проекту венгерскаго инженера Валландта, предложившаго прорыть въ каменистомъ руслѣ каналъ, выстроить двѣ дамбы и умѣрить быстроту течения у Оршовскихъ пороговъ. Работы начались въ сентябрѣ 1890 года; ими руководилъ авторъ проекта и инженеръ Господскій. Начался цѣлый рядъ динамитныхъ взрывовъ, для удаленія скалъ, загромадившихъ русло; въ одномъ мѣстѣ, именно около Стенковскихъ пороговъ, пришлось взорвать скалы на протяженіи болѣе 400 сажень, при ширинѣ линіи расчистки въ 30 сажень; въ другихъ мѣстахъ скалы взорваны на протяженіи болѣе 2½ верстѣ. Надлежало, вдобавокъ, удалить съ ложа рѣки эти взорванныя скалы, т.-е. извлечь изъ воды массу камня, общимъ объемомъ до 20 тысячъ кубическихъ сажень. Всего упорнѣе борьба со стремительною была у горы Гребень,

гдѣ слѣдовало, кромѣ удаленія скалъ съ фарватера, сорвать еще значительный участокъ самой горы, врывававшейся въ русло, такъ что ширина послѣдняго увеличилась на 70 сажень. Отъ этой горы до сербскаго города Милановаца выстроена дамба, длиною въ шесть слишкомъ верстѣ. Постройка этой плотины, взрывъ Гребневой горы и подъемъ въ этотъ мѣстѣ уровня воды почти на сажень можно считать замѣчательнѣйшими моментами всей этой громадной работы. Здѣсь пришлось взорвать свыше 100 тысячъ кубическихъ сажень камня; дѣлая армія (2,400 человѣкъ) рабочія два съ половиною мѣсяца убирала глыбы скалъ, на перевозку которыхъ съ мѣста взрыва потребовалось 1,300 вагоновъ. Расходы по устройству новаго судоходнаго русла обошлись въ 22 милліона гульденовъ. Теперь въ этомъ, прежде грозномъ, мѣстѣ течетъ спокойный каналъ въ 30 сажень шириною, въ которомъ свободно расходятся два вѣтрѣнные каравана баржъ; плаваніе вверхъ и внизъ по рѣкѣ стало одинаково доступнымъ для буксировъ и баржъ.

Никакая желѣзная дорога, какъ бы ни была усилена ея провозоспособность, не можетъ сравниться, по количеству одновременно передвигаемаго груза, съ хорошимъ воднымъ путемъ. Правительства странъ съ развитою промышленностью и торговлею не ищутъ средствъ для развитія и исправленія своихъ судоходныхъ путей. По поводу такъ торжественно справленаго открытія дунайскаго новаго пути, мы считаемъ небезъинтереснымъ напомнить и о работахъ этого рода, исполненныхъ у насъ въ Россіи. При громадномъ пространствѣ нашего отечества, намъ было бы весьма затруднительно развитъ железнодорожную сѣть такой густоты, какою обладаютъ высокультурныя страны Европы; поэтому развитіе и поддержаніе водныхъ путей приобретаетъ у насъ особую важность. Общее протяженіе судоходныхъ водныхъ путей въ Россіи исчисляется въ 100 тысячъ верстѣ; въ томъ числѣ до 20 тысячъ верстѣ годны для пароходнаго движенія. Петръ Великій первый обратилъ вниманіе на естественныя условія нашихъ водныхъ путей и задумалъ, путемъ соединенія верховьевъ рѣкъ каналами, открыть сплошные водные пути между морями, омывающими русское побережье. Въ промежутокъ времени съ 1703 по 1850 годъ у насъ были выполнены крупныя гидротехническія работы, которыми всѣ планы и мечты великаго преобразователя приведены въ исполненіе. Теперь у насъ соединены между собою Каспійское море съ Ледовитымъ океаномъ и съ Балтійскимъ моремъ, а это послѣднее, въ свою очередь, съ Чернымъ моремъ; такимъ образомъ, у насъ имѣются сплошные водные пути отъ Астрахани до Архангельска, въ 4,237 верстѣ, отъ Тильзига до Херсона, въ 2,313 в. и отъ Риги до Херсона въ 2,296 в. Эти системы соединеній охватываютъ линію рѣчныхъ путей, общимъ протяженіемъ въ 30 тысячъ верстѣ, при чемъ искусственныхъ водныхъ линій, т.-е. каналовъ, пришлось сдѣлать всего лишь 600 верстѣ. Теперешняя дѣятельность министерства путей сообщенія ограничивается по преимуществу мѣрами воснобленія судоходству—расчисткою фарватеровъ, разстановкою указательныхъ и остререгающихъ сигналовъ и т. п. Однакоже, въ промежутокъ времени съ 1882 по нынѣшній годъ произведено не мало и крупныхъ работъ по благоустройству водныхъ путей, погребовавшихъ значительныхъ затратъ. Такъ, расчистка фарватера на Свирскихъ порогахъ, произведено укрѣпленіе береговъ Волги въ предѣлахъ Казанскаго округа путемъ сообщенія; сдѣлано улучшеніе русла Волги у Саратова, Днѣпра у Киева, Припяти; углублены устья Десны, улучшено судоходство по Дону, Днѣстру и Вислѣ. Маринскій водный путь, какъ извѣстно, нынѣ лѣтомъ открытъ для судоходнаго движенія въ его новомъ, переустроенномъ видѣ; по немъ могутъ ходить суда съ осадкою въ 9½ четвертей, поднимающія до 40 тысячъ пудовъ груза, и на эту важную работу затрачено не многимъ меньше, чѣмъ на урегулированіе Дуная въ Желѣзныхъ Воротахъ, именно 12½ милліоновъ рублей*). Обходный Матко-Озерскій каналъ и улучшеніе рѣкъ Вытегры и Ковжи обойдется въ 2,800,000 р. Рано или поздно намъ придется, наконецъ, предпринять громаднѣйшій трудъ по исправленію всей волжской линіи, трудъ непабычный и требующій такихъ затратъ, которыя оставятъ далеко позади затраты на улучшеніе русла Дуная.

Правительственное сообщеніе.

(Изъ «Правительственнаго Вѣстника» № 265, отъ 5 декабря н. г.)

Съ давнихъ поръ, въ университетахъ Имперіи, студенты группировались въ кружки: по общности происхожденія изъ одной мѣстности, окончанія курса въ одной гимназій или принадлежності къ народности, представителей которой въ данномъ университетѣ было немного. Вновь поступающіе въ университеты разсылались старшихъ товарищей по гимназіямъ, земляковъ, и примыкали къ „землячеству“, которое обыкновенно носило соответствующее названіе: „архангельское землячество“, „орловское“, „сибирское“, „украинское“, „грузинское“ и т. д. Первоначально землячества представляли исключительно задачи матеріальной взаимопомощи, и съ этою цѣлью учреждали свои кассы, устраивали подписки, лотереи, вечеринки и собираемая средства выдавали въ суду или особые нуждающимся товарищамъ-землякамъ. Съ теченіемъ времени, въ нѣкоторыхъ уни-

верситетахъ, землячества начали расширять свои задачи и вводить въ свою программу, кромѣ матеріальной помощи, стремленіе къ самообразованію. Возникли земляческіе „кружки саморазвитія“, при чемъ на этой почвѣ многія землячества отнеслись къ дѣлу односторонне, посвятивъ себя исключительно изученію социологій и новѣйшихъ политико-экономическихъ теорій. Въ кружки съ такимъ направленіемъ весьма скоро обратились къ изученію господствующихъ революціонныхъ ученій, къ чтенію запрещенныхъ цензурою сочиненій и произведеній подпольной печати, а затѣмъ и сами, въ большей или меньшей степени, стали выражать сочувствіе революціонному движенію, оказывая, изъ земляческихъ средствъ, пособія въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ („красный крестъ партия народной воли“), и, наконецъ, члены такихъ

землячествъ стали пополнять собою ряды активныхъ революціонеровъ.

Въ этотъ періодъ существованія землячествъ появилась мысль, въ видахъ увеличенія оборотовъ земляческихъ кассъ, соединить средства отдѣльныхъ группъ въ одну общую кассу, которая, подъ управленіемъ выборныхъ отъ землячествъ депутатовъ, удовлетворяла бы нужды членовъ землячествъ и въ-дѣла бы нѣкоторые обще-студенческіе интересы.

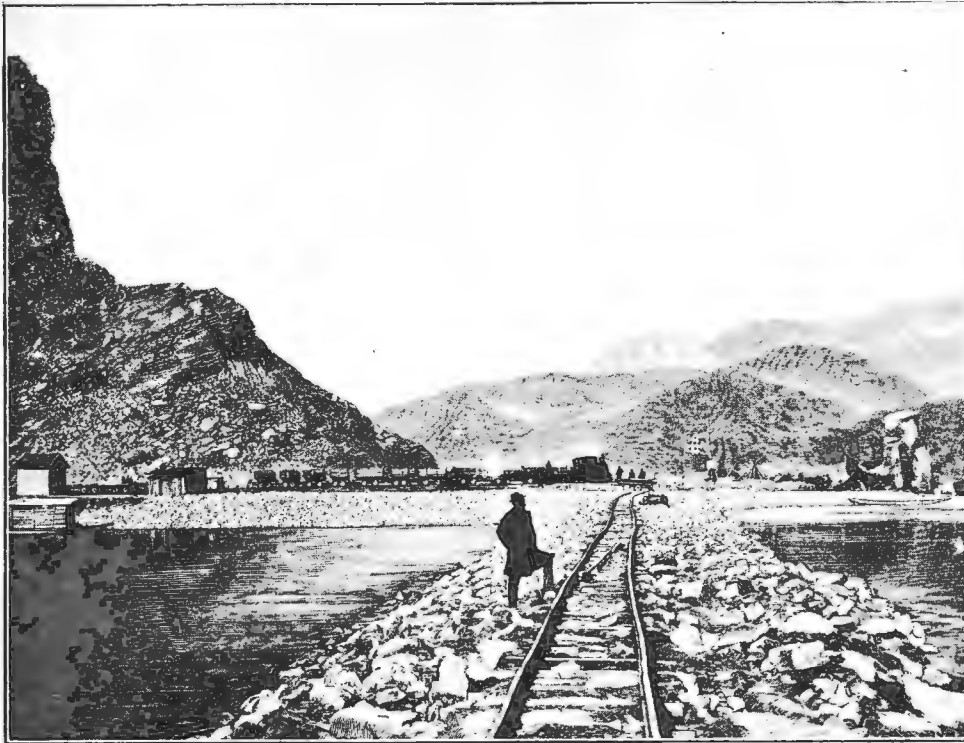
На этомъ основаніи, въ концѣ 1880-хъ годовъ, въ московскомъ университетѣ образовалась, такъ называемая, „центральная касса“, въ которую вошло большинство существовавшихъ землячествъ, при чемъ депутаты отъ землячествъ, призванные къ завѣданію кассою, вскорѣ присвоили себѣ право вмѣши-

*) Описаніе этихъ сооруженій готовится для *Нивы*.

ваться въ разныя студенческія дѣла и рѣшать ихъ отъ имени присоединившихся къ кассѣ земляческихъ группъ. Въ непродолжительномъ времени при „цен-

присваиваетъ себѣ право руководить самовластно мнѣніемъ студентовъ во всѣхъ вопросахъ университетской, общественной и даже государственной жизни.

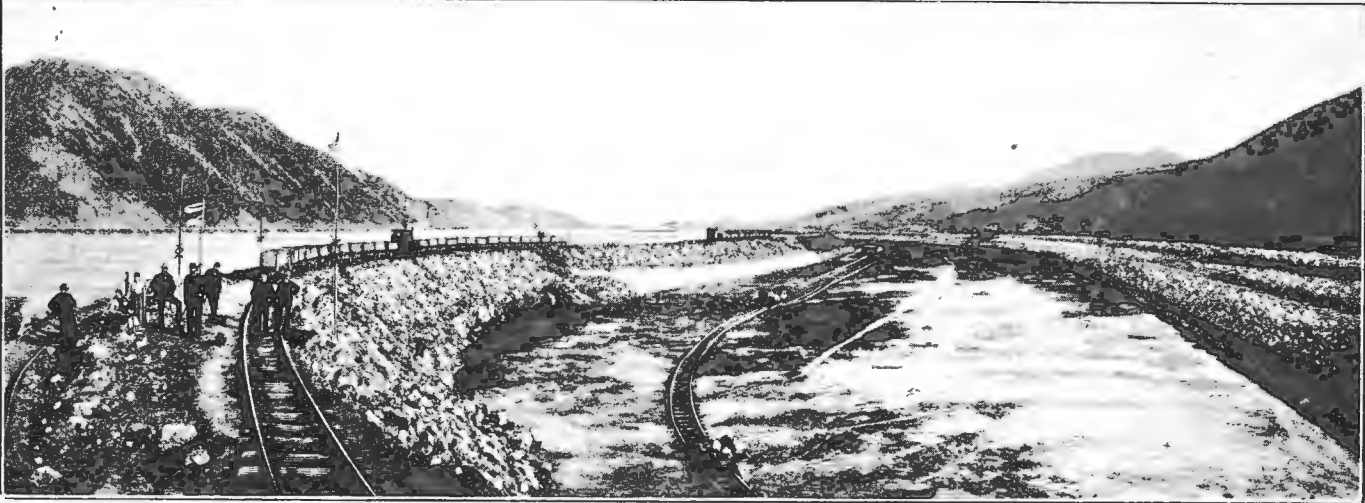
совѣтъ“, признавъ несоответствующимъ своимъ взглядамъ направленіе дѣятельности одного изъ профессоровъ, прислать ему свое рѣшеніе съ требо-

Исправленіе дунайскаго русла у „Желѣзныхъ Воротъ“. Взорванная часть Гребневой горы. (Пунктирной линіей указанъ контуръ горы до взрыва.)

ваніемъ объ оставленіи кафедръ; во время тулонскихъ празднествъ „союзный совѣтъ“ отъ имени всего студенчества, выразилъ французскимъ студентамъ „свое негодованіе по поводу рабѣльства свободной націи передъ представителями самодержавнаго режима“. Въ концѣ 1894 года и въ началѣ 1895 г., „союзный совѣтъ“ возбуждалъ агитацію не только среди московскихъ студентовъ, но, черезъ посредство своихъ эмиссаровъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ, о подачѣ петиціи на Высочайшее Имя объ отмѣнѣ нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава и замѣнѣ его уставомъ 1863 года, о допущеніи въ университеты женщинъ, объ отмѣнѣ инспекціи, о свободѣ преподаванія, о подчиненіи студентовъ вѣдѣнію только университетскаго суда, и т. п. Возбужденное „союзнымъ совѣтомъ“ волненіе среди студентовъ въ Имперіи принудило администрацію принять противъ этого тайнаго кружка болѣе строгія мѣры, вслѣдствіе чего, въ началѣ 1895 года, наличный составъ „союзнаго совѣта“ былъ арестованъ во время сходки, и отобранные по обыскамъ у членовъ „совѣта“ документы подвергнуты тщательному изслѣдованію. Разслѣдованіе выяснило организацію этого сообщества, преслѣдовавшаго въ своей дѣятельности, кромѣ обще-студенческихъ дѣлъ, и вопросы политическаго свойства, ничего общаго съ задачами университета и вопросами самопомощи не имѣющіе.

Въ началѣ нынѣшняго академическаго года, возстановившійся „союзный совѣтъ“ призналъ своевременнымъ возбудить безпорядки въ московскомъ университетѣ и затѣмъ распространить ихъ и на прочіе университеты Имперіи. Въ виду отсутствія какихъ-либо болѣе или менѣе достаточныхъ основанийъ къ неудовольствію студентовъ, „союзный совѣтъ“ рѣшилъ выставить поводомъ къ общему протесту назначеніе, на одну изъ кафедръ медицинскаго факультета, профессора, не пользующагося симпатіями слушателей. Первоначально этотъ поводъ былъ отвергнутъ землячествами, но на послѣдующемъ голосованіи вопросъ о безпорядкахъ прошелъ большинствомъ 90 голо-

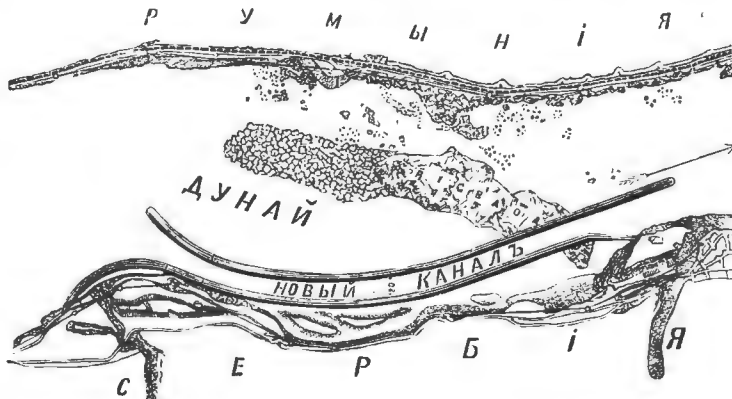

Исправленіе дунайскаго русла у „Желѣзныхъ Воротъ“. Видъ судоходнаго канала.

тральной кассѣ“ организовался „студенческій судъ“, который сталъ по своему усмотрѣнію разбирать не только недоразумѣнія между студентами и требовать удаленія тѣхъ изъ нихъ, которые, по мнѣнію депутатовъ, были недостойны званія студента, но присвоилъ себѣ даже право осуждать дѣятельность профессоровъ и учебнаго начальства, публикуя свои рѣшенія особыми листками, издававшимися на гектографѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ „центральная касса“ уступила мѣсто новому обще-студенческому учрежденію, присвоенному себѣ наименованіе „союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ“. Къ этому учрежденію первоначально присоединилось 24 землячества; нынѣ же „союзный совѣтъ“ располагаетъ годосами 45 землячествами, считающихъ въ своихъ рядахъ около 1,500 студентовъ, что составляетъ менѣе половины общаго числа студентовъ московскаго университета.

„Союзный совѣтъ объединенныхъ землячествъ“, совмѣщая въ себѣ функціи распорядительныя и судебныя по всѣмъ обще-студенческимъ дѣламъ, считаетъ себя выражителемъ желаній всего московскаго студенчества и

Исправленіе дунайскаго русла у „Желѣзныхъ Воротъ“. Новый каналъ.

Гакъ, „союзный совѣтъ“, по своему усмотрѣнію, возбуждаетъ волненія въ университетѣ или прекращаетъ ихъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ „союзный

совѣтъ при 1,000 баллотировавшихъ. Несмотря, однако, на это рѣшеніе, значительное большинство студенчества, не входящее въ составъ „объединенныхъ землячествъ“, не нашло совмѣстнымъ съ своими интересами согласиться на возбужденіе безпорядковъ по столь незначительной причинѣ, и нарушеніе порядка не состоялось, за исключеніемъ отдельныхъ случаевъ проявленій дѣтскихъ протестовъ со стороны нѣкоторыхъ студентовъ, которые во время лекцій означеннаго профессора громко кашляли, сморкались и выходили съ шумомъ изъ аудиторіи.

Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, что, онекая столь заботливо достоинство студенчества, „союзный совѣтъ“ не упустилъ изъ виду и своихъ „общественныхъ обязанностей“ и, получивъ извѣстіе о незначительной забастовкѣ рабочихъ на одной изъ костромскихъ фабрикъ, тотчасъ же выпустилъ воззваніе къ студентамъ, приглашая ихъ придти на помощь стачникамъ. Шапка, со вложеннымъ въ нее воззваніемъ, ходила по рукамъ студентовъ во время лекцій, для сбора пожертвованій, а также два землячества ассигновали для этой цѣли 170 рублей изъ земляческихъ средствъ.

Для правильного суждения о целях организации „союзного совета“, его ближайших задачах и способах действия, представляется полезным познакомиться здесь текстом общих соображений, помещенных в воззвании „союзного совета объединенных московских землячеств“, от 21-го октября сего года:

„I. Союзный совет предполагает, что главной целью союза землячеств должна быть подготовка борцов к политической деятельности.

„II. Союзный совет считает, что организованный активный протест в данную эпоху все усиливающейся реакции будет иметь громадное и широкое воспитательное значение.

„III. Союзный совет находит факт съездом профессором Х достаточно важным мотивом для поднятия организованных беспорядков — с целью борьбы против современного университетского режима, как частичного проявления общегосударственной политики, беспорядков, к которым должно привлечь студенческая масса тех университетских городов, где имеются студенческие организации.

„IV. Союзный совет просит землячества и другие университеты дать ответы на следующие вопросы:

„1) Присоединяются ли землячества и университеты к мнѣнию союзного совета, что слѣдует открыто протестовать въ настоящее время противъ общаго университетскаго режима, воспользовавшись исторіею съ означеннымъ профессоромъ?

„2) Если присоединяются, то предоставляютъ ли союзному совету право организовать протестъ и выработать программу требованій?

„3) Согласны ли подчиниться программѣ требованій и дѣйствій, выработанныхъ союзнымъ советомъ послѣ опроса землячествъ и другихъ университетовъ?

„V. Землячества, не подавши своихъ отвѣтовъ союзному совету къ 5-му ноября, должны будутъ подчиниться общему рѣшенію.

„VI. Каждое землячество должно представить ста-

вить считаетъ нужнымъ привести нижеслѣдующіе мотивы:

„Современный университетскій режимъ есть лишь частичное проявленіе общегосударственной политики. Борьба противъ насилія и произвола университетскаго начальства, студенчество будетъ закаляться и воспитываться для политической борьбы съ общегосударственнымъ режимомъ. Систематическое проведение реакціонныхъ началъ въ жизнь университетовъ со стороны правительства сопровождалось полною деморализаціею профессуры и упадкомъ чувства собственнаго достоинства въ студенчествѣ... „Безпорядки, поставленные на общегосударственную почву, вызвали въ студенческую среду, вызываютъ къ активной жизни наилучшіе элементы, для которыхъ становится ясенъ смыслъ и значеніе протеста. Выразивъ активный протестъ, студенчество покажетъ, что его нельзя безнаказанно оскорблять, и что бываетъ предѣлъ его терпѣнія. Исторія съ профессоромъ Х является достаточно яснымъ поводомъ для возбужденія обще-студенческаго движенія...

Неуспѣхъ агитаціи по избранному „союзнымъ советомъ“ поводу поудилъ это сообщество вызвать безпорядки инымъ способомъ, а именно произвести уличную демонстрацію съ политической окраскою, и на почвѣ тѣхъ мѣръ, которыя несомнѣнно будутъ приняты администраціею, поднять учащееся юношество на безпорядки и въ стѣнахъ университета. Такимъ поводомъ былъ избранъ полугодовой день несчастнаго событія на Ходынскомъ полѣ, и съ этою целью „союзный советъ“ выпустилъ воззваніе къ студентамъ, приглашавшее ихъ явиться 18 ноября на Ваганьково кладбище, для служенія панихиды по погибшимъ... и своимъ присутствіемъ“, какъ говоритъ текстъ воззванія отъ 14 ноября, „выразить съ одной стороны сочувствіе жертвамъ небрежности администраціи, а съ другой — протестъ противъ существующаго порядка, допускающаго возможность подобныхъ печальныхъ фактовъ“.

Обнаруженное „союзнымъ советомъ“ намереніе произвести демонстрацію внѣ стѣнъ университета вызвало распоряженіе администраціи подвергнуть аресту всѣхъ участниковъ этого тайнаго кружка, въ числѣ 56 человекъ, при чемъ по обыскамъ, произведеннымъ 16 и 17 ноября, у этихъ лицъ найдены въ значительномъ количествѣ вещественныя доказательства, удостоверяющія ихъ принадлежность къ „союзному совету“ и агитаціонную дѣятельность этого сообщества. Независимо документовъ означеннаго характера, у многихъ изъ членовъ „союзнаго совета“ найдены документы, относящіеся до дѣятельности революціоннаго сообщества, именующагося „рабочимъ союзомъ“, и преступныя изданія подпольной печати.

Несмотря, однако, на арестъ членовъ центральной студенческой организаціи, 18 ноября, утромъ, группа студентовъ, численностью до 500 человекъ, возбужденныхъ вышеуказаннымъ воззваніемъ, направилась къ Ваганькову кладбищу, но у Прѣсенской заставы была остановлена полиціею. Отказавшись разойтись, толпа повернула назадъ и, по Никитской улицѣ, направилась къ университету. По дорогѣ нѣкоторая часть студентовъ разошлась по домамъ, но около университета къ толпѣ присоединилась часть студентовъ, находившихся у воротъ, а также вышедшихъ изъ университета. Вслѣдствіе отказа разойтись, толпа была проведена въ расположенный близъ университета манежъ, гдѣ всѣ участники демонстраціи переписаны, а затѣмъ освобождены, за исключеніемъ 36-ти человекъ, замѣченныхъ въ руководствѣ безпорядкомъ и подстрекальствѣ товарищей. Кромѣ студентовъ, въ толпѣ оказалось нѣсколько слушателейницъ женскихъ курсовъ и не принадлежащихъ къ составу университета лицъ.

19 ноября въ университетѣ собралась сходка болѣе 400 человекъ студентовъ, ко-

Исправленіе дунайскаго русла у „Желѣзныхъ Воротъ“. Tabula Traiana и остатки древне-римской дороги (на сербскомъ берегу).

тстическія данныя съ указаніемъ количества лицъ, принявшихъ пункты, предложенные союзнымъ советомъ, и числа отвергнувшихъ ихъ.

„Въ защиту высказанныхъ положеній союзный со-

„союзный советъ“ выпустилъ воззваніе къ студентамъ, приглашавшее ихъ явиться 18 ноября на Ваганьково кладбище, для служенія панихиды по погибшимъ... и своимъ присутствіемъ“, какъ говоритъ текстъ воззванія отъ 14 ноября, „выразить съ одной стороны сочувствіе жертвамъ небрежности администраціи, а съ другой — протестъ противъ существующаго порядка, допускающаго возможность подобныхъ печальныхъ фактовъ“.

Исправленіе дунайскаго русла у „Желѣзныхъ Воротъ“. На правомъ сербскомъ берегу у скалъ надъ водою видны слѣды древне-римской дороги.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ виду многочисленныхъ заявленій со стороны подписчиковъ о затруднительности чтенія статей, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ, книжки „Литературныхъ приложеній“ къ „Нивѣ“ въ 1897 году будутъ печататься преимущественно **КРУПНЫМЪ ШРИФТОМЪ.**

торая послала 20 депутатов для предъявления ректору требования об освобождении арестованных товарищей. Ректор отказался принять депутатов. В виду того, что сходки и коллективные заявления воспрещены уставом университета, но, несмотря на это, упомощенные сходки насилие вошли в квартиру ректора, который отказался выслушать их заявление и предложить удалиться. Всегда затем ректор вышет к собравшимся на сходку студентам и продолжительно угваривать их разойтись; в виду же отказа большинства толпы исполнить это требование, учебное начальство принуждено было обратиться для ареста ослушников к содействию полиции, которая вошла в университет и препроводила участников сходки в манеж, где и были записаны 403 человека, отправленные затем в тюремный замок.

20 и 22 ноября в университет собралась вновь шумная сходка, участники которой, вследствие упорного отказа разойтись, также были арестованы, по требованию учебного начальства, мэрами полиции, при чем задержаны: в 1-й день—206, а во 2-й—66 человек. Из общего числа арестованных—711 человек, некоторые обратили на себя особое внимание администрации и учебного начальства, как организаторы и руководители беспорядков, вследствие чего дло о них, а также об арестованных 17 ноября членах „союзного совета“, иметь быть направлено в порядк ст. 32—36 Высочайше утвержденного положения о мбрах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Виновость же остальных 662 студентов была рассмотрена университетским судом, который, разделив их на три категории, постановил:

1) студентов первой категории, в числ 26 человек, участвовавших в названных собраниях, при отягчающих вину обстоятельствах или ранее замеченных в университете в проступках и нарушениях правил, уволить из университета с правом поступления в другие университеты с начала будущего академического года;

2) студентов второй категории, в числ 175 человек, участвовавших в собраниях два раза, — подвергнуть тому же наказанию;—и

3) студентов третьей категории, в числ 461, участвовавших в собраниях один раз, уволить из университета с правом обратного поступления с начала будущего учебного года.

Но, принимая во внимание, что студенты участвовали в собраниях, как свидетельствуют обстоятельства дла, под давлением лишь, преследующих цдн, несомненно с правильным течением университетской жизни, правление ршило ходатайствовать относительно студентов второй и третьей категории, в числ 636 человек, перед министром народного просвещения, о смягчении указанных выше наказаний, а именно: подвергнуть этих студентов дисциплинарным взысканиям соответственно степени их вины, по определению правления, на основании действующих правил для студентов, с последствиями, указанными § 37 сих правил, и с предудждением, что означенные студенты, в случд нового участия в сходках и недовольных сообществе, будут исключаемы из университета без всякого смягчения их участи.

Ходатайство правления Императорского московского университета о лицах, отнесенных ко II и III категориям, было уважено министром народного просвещения, и они в течение 25, 26 и 27 ноября освобождены из-под стражи, в числ 636 человек.

Всегда за сим, 27 ноября, в ствах университета было вывешено нижеследующее объявление:

„Ректор Императорского московского университета, согласно распоряжению гг. министров народного просвещения и внутренних дль, сим сообщая студентам, что: а) все ть из них, которые будут участвовать вновь в сходках или иных коллективных проявлениях неповиновения университетскому начальству, а равно полиции, будут арестованы и немедленно высланы из Москвы, причем они будут считаться уволенными без про-

шения; б) не желающие подчиниться установленным университетским правилам и распоряжениям начальства, могут получать обратно свои документы в установленном начальством университетом срок и будут считаться уволенными по прошению“.

Чтение лекций в университете безпрерывно продолжалось, а с 23 ноября порядок явным образом больше не нарушался. в виду чего можно наддяться, что благоразумие студентов старших курсов одержит верх над искусственно возбужденной „союзным советом“ агитацией, и нормальный порядок возстанвится без особого ущерба для правильного течения университетской жизни.

Не довольствуясь возбуждением беспорядка в московском университете, „союзный совет“ разослал своих делегатов в другие университеты, а также увлек своим примбром и студентами Императорского московского технического училища. Во многих университетах и высших учебных заведениях собралась в течение этих дней больше или меньше шумная сходка, для обсуждения предложения московского „союзного совета“ о возбуждении общестуденческих безпорядков, с целью добиться восстановления устава 1863 г. и разных других неосновательных требований, а также освобождения арестованных в Москвь студентов, но сходки эти, под влиянием убвций учебного начальства, расхотились, не вызывая до сего времени необходимого обращения к мэрам полиции.

Настоящее сообщение, разъясняющее, на основании документальных данных, действительное значение и цели обще-студенческих организаций и созов, представляет для всех тх лишь, комь дороги интересы учащагося юношества, а равно для благоразумного большинства самих студентов, твердое основание правильно оцнить безразудство и опасность пути, на который увлекаются неурядные молодые люди услиями тайных политических агитаторов, стремящихся сдлать из них послушное орудие к достижению своих преступных целей.

КЪ СВѢДѢНЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№. журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву“ 1897 года заблаговременно, въ виду того, что въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногороднихъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Судьба. Повесть И. Н. Потапенко. (Продолжение.) — „Свѣте Тихій“... Стих. П. Перфилова. — Подпоручинъ „Машенька“. Изъ воспоминаній стараго армейца. В. А. Дов—лло. (Окончаніе.) — Къ рисункамъ: Бабушка (съ рис.) — Встрѣча жениха и невѣсты старинами (съ рис.) — Въ классѣ (съ рис.) — Ихъ тайна (съ рис.) — Столѣтіе лейбъ-гвардіи егерскаго полка (съ 5 рис.) — И. М. Станюковичъ (съ портр.) — Алонзій Зенефельдъеръ (съ портр. и рис.) — Исправленіе дунайскаго русла у Желѣзныхъ Воротъ (съ 5 рис.) — Правительственное сообщеніе. — Отъ издателя. — Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ. — Объявленія.

При этомъ № прилагается выписанъ „Ежемѣс. литературн. прилож.“ за Денабрь.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ А. А. Тихоновъ (А. Луговой.)

Вышелъ изъ печати:

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ

„Иллюстрированной библиотекѣ Нивы“, содержащей въ себѣ на 1897 годъ:

„ИСТОРИЮ ИСКУССТВЪ“

соч. Н. Н. Гибдича.

Для ознакомленія съ изданіемъ, первый выпускъ высылается за 1 рубль (можно почтовыми марками въ заказномъ письмѣ).

„Исторія Искусствъ“ выйдетъ въ свѣтъ въ теченіе 1897 г. въ видѣ 12-ти ежемѣсячныхъ выпусковъ, — по одному выпуску въ началѣ каждаго мѣсяца, — которые составятъ три большіихъ тома in quarto, заключающихъ въ себѣ около 2000 гравюръ и 30 хромолитографій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на все изданіе: безъ доставки — въ С.-Петербургѣ — 12 р., въ Москвѣ, въ конторѣ Печеновской — 13 руб.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ и въ пересылкою въ Москву и во все города и мѣстности Россіи — 14 р.; съ пересылкою за границу — 16 руб.

Подробныя условія подписки и разсрочка платежа (въ 2, 3, 4 и 6 срокахъ) помещены на обложкѣ перваго выпуска.

ПРЕКРАСНЫЕ ПОДАРКИ НА ЕЛКУ.

Полный томъ „НИВЫ“ 1896 г.,

закрывающій въ себѣ множество превосходныхъ гравюръ и рисунковъ и болѣе 1,500 столбцовъ текста, состоящаго изъ романовъ, повѣстей, стихотвореній, научныхъ статей, и пр., и пр. Въ томъ помѣщены слѣдующія крупная произведенія: „Кольцо Императрицы“. Романъ кн. М. Н. Волконскаго. — „Низинь“. Большая повесть П. П. Гибдича. — „Три дѣйствія комедіи“. Повесть В. П. Желиховской. — „Судьба“. Повесть И. Н. Потапенна и множество другихъ разсказовъ, очерковъ, стихотвореній и проч. современныхъ писателей. Томъ „Нивы“ за 1896 г. содержитъ въ себѣ также описаніе коронаціонныхъ торжествъ подъ заглавіемъ: „Москва въ маѣ 1895 г. Письма Вл. Из. Немировича-Данченко“, и описаніе Всероссийской промышленности, выставивъ въ Нижн.-Новгородѣ со множествомъ гравюръ.

Къ тому „Нивы“ приложено: 1) 12 томовъ полн. собр. соч. Д. В. ГРИГОРЬОНЧА, вновь пересмотрѣннаго и исправленнаго самимъ авторомъ, отпечатаннаго на хорошей глазированной бумагѣ, съ прилож. гравюръ, на стали у Ф. А. Прокгауза въ Лейпцигѣ портрета съ автор. Д. В. Григоровича.

2) 12 вынгъ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, заключающихъ въ себѣ произведенія выдающихся современныхъ авторовъ: романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи, стихотворенія и проч. Въ этихъ 12-ти вынггахъ между прочимъ помѣщено: „Домашній бытъ русскаго вельжи въ XVIII вѣкѣ. Очеркъ проф. А. Р. Бриннера. — „Нъ исторія населенія Россіи“. Очеркъ его-же. — Поездка въ Харьковъ“. А. В. Елисѣева. — „Самоеобразованіе и чтеніе“. Проф. Н. И. Карвѣя. — „Анат. очерки“. Проф. П. Ф. Лесгафта. — „Накиль“. Повесть М. А. Марскаго. — „Пирь“. Выговая картина IV вѣка по Р. Х. Д. С. Меренковскаго. — „Два неюфара“. Разсказъ Сергѣя Норманскаго (Сигмы). — „Рѣшился“. Очеркъ И. Н. Потапенна. — „На большенныхъ нойнахъ“. Три очерка В. А. Рышкова. — „Въ невѣдомую даль“. Романъ В. Я. Свѣтлова. — „Что новаго въ литературѣ?“. Критическіе очерки Р. И. Сементковскаго. — „Поэзія Я. П. Полонскаго“. Критич. очеркъ В. С. Соловьева. — „Въ пріютѣ музъ и грацій“. Повесть А. В. Стерня. — „Моя жизнь“. Повесть Ант. П. Чехова. — „Мѣсть Амура“. Лирическая сказка въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ, Т. Л. Щепиной-Куперникъ. — Гигиеническія бесѣды. Проф. Ф. Ф. Эрисмана, и мн. др. 3) Портреты ГОСУДАРНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ БЕОДОРОВНЫ. мечат. 27 маіян. краси. ло оригин. худож. И. С. Галина, размѣръ въ 18 верш. вышины и 14 верш. ширины.

ЦѢНА тому со всѣми приложеніями безъ пересылки 5 руб., а въ 10-ти роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ — 10 руб.

За ящикъ для упаковки 75 коп. Такъ какъ пересылка почтою стоитъ слишкомъ дорого, то въ заказѣ слѣдуетъ непременно указать ближайшую станцію жел. дороги или отдѣленіе транспортной конторы, гдѣ заказчикъ желаетъ получить журналъ, причемъ стоимость пересылки уплачивается адресатомъ на мѣстѣ. На пересылку же почтою слѣдуетъ прислать за 34 фунта по почтовой таксѣ. (Стоимость пересылки 1 ф. можно узвать въ почтовой конторѣ.)

Роскошное изданіе in folio поэмы ДЖОНА МИЛЬТОНА

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Съ 60-ю картинами знаменитаго иллюстратора ГУСТАВА ДОРЭ.

Переводъ съ англійскаго А. Шульговской, вновь провѣренный и дополненный многими примѣчаніями.

Поэма англійскаго поэта Джона Милтона написана болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ, и несмотря на это, и въ наши дни возбуждаетъ живой интересъ; не проходить года, чтобы не появлялось новыхъ изданій ея въ той или другой изъ европейскихъ литературъ.

Первое изданіе „Потеряннаго и Возвращеннаго Райа“, несмотря на высокую цѣну его — 25 р., а затѣмъ, когда оставалось небольшое количество экз., — 60 р., совершенно распродано. Настоящее новое изданіе нисколько не уступаетъ первому, но стоитъ вдвое меньше.

ЦѢНА этому роскошному изданію безъ переплета 12 р., а въ богатомъ коленкоромъ переплетѣ 16 руб.

На пересылку слѣдуетъ прилагать за 25 фунтовъ по почтовой таксѣ. Въ мѣста же со станціями жел. дор. или отдѣленіями транспортныхъ конторъ изданіе высылается транспортомъ, и стоимость пересылки уплачивается на мѣстѣ.

Требованія и деньги адресовать: въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Мал. Морская, 22.

ОТПЕЧАТАНО И ПОСТУПИЛО В ПРОДАЖУ ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.
АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ
 для вышиванія по канвѣ крестикомъ и гладью,
 составленный по оригинальнымъ рисункамъ
 Б. А. ЛЕВЕНЦА.
 Альбомъ заключенъ въ красивую папку, украшенную печатанною въ 10 красокъ акварелью художника Н. Богданова.
Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

ДЛЯ ТАНЦЕВЪ! реком. въ большомъ
 выборѣ и по умѣр.
 цѣнамъ всевозможн.
 механическіе инструменты:
 дѣтскій АРИСТОНЪ 6 р., ИТОНА 10 р., ДОЛЬЦИНА 10 р.,
 СЕРАФИНЪ 14 р., АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ 20 р., ГЕРОФОНЪ 25 р.,
 КАЛЛИСТОНЪ 40 р., МАНОПАНЪ 55 р., ПИАНО-МЕЛОДИКО 70,
 75 и 90 руб., самоиграющіе съ моторомъ 225 р. ОРГАНЫ
 съ деревянными флейтами, самоиграющіе, 225 руб.
МЕХАНИЧ. ПИАНО на которомъ можно
 играть руками и посред-
 ствомъ верченія ручки, 550, 600, 650, 700 руб.
СИМФОНІОНЫ съ ручкой 5 руб., самоиграющіе
 въ 10, 20, 28, 40, 70 и 100 руб.

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
 МОСКВА. ПЕТРОВКА.

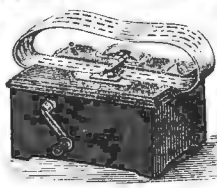
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
 Москва, Петровка, доль Волкова.

◆ Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно. ◆

В. Фреймутъ. Москва, Никольская, д. гр. Ше-
 реметева, прот. Став. Базара.
 Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЯКАГО РОДА ЧАСОВЪ,
 Ш. № 9624 собствен. и друг. фабр. (4)
 Высылка наложеннымъ платежмъ. Полный прейсъ-курантъ безплатно.

ПАВЕЛЬ БУРЕ В. № 9515
 12-10
 поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
 Москва по В. Лубянкѣ, № 8. противъ Кузнечнаго моста.
 ◆ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ◆
 съ подлиннымъ ручательствомъ за прочность, механику и вѣрность хода.
 Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

ДОЛЬЦИНА
 новый маленький ручной органъ, длина 6 1/4 вершк., шир.
 5 вершк., выш. 3 1/2 вершк.
съ 16-ю стальными голосами.
 Цѣна съ 10-ю песнями и пересылкою во всѣ города
 Европ. Россіи руб. 15.
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ, Москва.
 Ц. № 9751 Петровка, д. Волкова. 3-3

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
 Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ.
 Фланокъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
 дрогистовъ Россіи. № 5:2 (91)

НОВОЕ СОБРАНИЕ НОТЪ на 1897 годъ
КОТЪ 12 ТЕТРАДЕЙ
 для танцевъ, салонной игры и пѣнія, въ томъ
 числѣ весьма удобная и практичная
ФОРТЕПИАННАЯ КЛАВИАТУРА
 для легкаго и нагляднаго
 обученія игры по нотамъ.
 Всѣ ноты вмѣстѣ продаются за 1 р. 35 к.
 (можно высылать почтовыми марками)
 у Ю. ГИЛЬНЕРЪ,
 Москва, Тверская, д. Варгина.
ВСѢ НОТЫ (всѣхъ русскихъ изданій)
 высылаются съ наложеннымъ платежмъ.
ПЕРЕСЫЛКА ПОЧТОЮ БЕЗПЛАТНО.

СПБ. ТЕХНОХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
„КАПРИЗЪ НЕВЫ“ } **ТУАЛЕТНЫЯ**
„МЮСКЪ“ } **МЫЛА.**
„ПОДЪСПАНЬ“
 Своими прекрасными достоинствами заслужили полное одобреніе со стороны
 многочисленныхъ потребителей. Ц. № 9871
ГЛАВНЫЕ СЯДЛЫ: СПБ., Пляц. Александр. театра, 9.—МОСКВА, Никольская,
 д. Шереметева.—ВАРШАВА, Новый Светъ, 37. 5-2

ЧАСЫ ДЛЯ НОЧНОГО ВРЕМЕНИ
 освѣщаются элек-
 тричествомъ.
 Полное описаніе
 часовъ выс. без-
 платно.
 Главное депо
 часовъ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.
 С.-Петербургъ,
 Невскій пр., 32.

ПИСАТЬ не только красиво, но и ско-
 ро выучиваю въ 6 уроковъ
 зводно. Методъ удостоенъ золотой медали
 и благодарности короля Эллиновъ. За двѣ
 7 коп. марки высылка условія и пробное
 письмо. Одесса, Екатерининская, № 7. Проф.
 нка. Э. Колядарскъ. № 9436 10-10

Людв. Ведоров. Шликэйзенъ,
 Москва,
 Мясницкая ул., д. Ермаковыхъ,
 рекомендуютъ: кирпичедѣлательныя
 и торфяныя машины, прессы для вы-
 дѣлки трубъ съ раструбами, чере-
 пиль съ фальцами, брикетовъ; даѣе:
 патентов. Шаровыя мельницы для
 измельченія и размола и одновремен-
 наго просииванія матеріаловъ любой
 крѣпости, какъ-то: шмота, цемента,
 шлаковъ, руды, костей, стекла, фос-
 форитовъ и т. п. (40)

ТОПЕЧНИКЪ
 ПРОСИТЪ
 АБЕРИЖЪ АКАДЕМІИ
 ЖЕЛѢЗОВАТЬ
 ЕМУ
НЕУЖИВЪНЫЯ ВЕЩИ
 АУДИОНЪ
 ПО ВЪСНУЮ
 БОСНИТЪ
 500
 ТЕЛЕФОНЪ 1362

ОТГОЛОСКИ Цѣна на годъ
3 руб.
 съ дост. и перес.

Еженедѣльная политическая, общественная и литературная газета. Годъ изданія 2-й.
 Адресъ: С.-Петербургъ, 6-я Рождественская, 10.
 Въ программу изданія входятъ всѣ общіе отдѣлы политическихъ, общественныхъ
 и литературныхъ газетъ. Въ каждомъ № дается въ сжатомъ, но живомъ и общедо-
 ступномъ изложеніи систематическій обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ новостей въ области
 политики и общественной жизни за недѣлю, а также отчеты о всѣхъ выдающихся и
 интересныхъ журнальныхъ статьяхъ и вообще новинкахъ русской литературы, съ при-
 веденіемъ наиболее характерныхъ отрывковъ изъ нихъ, что можетъ до известной
 степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Газета предназначается пре-
 имущественно для лицъ, не имѣющихъ возможности или времени слѣдить за ежеднев-
 ными изданіями и ежемѣсячными журналами и разбираться въ массѣ даваемого ими
 матеріала.
 Редакторъ-издатель **И. В. СВВОРЦОВЪ.**

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ
 на Всероссийской выставкѣ 1896 г. за „Мыло Диспозе“ П. Н. Виноградова.
НОВОЕ ИЗОБР.
МЫЛО
ДИСПОЗЕ
ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ
ВЪ ТЕПЛОЙ ВОДѢ
БЕЗЪ ПАРКИ
ТРЕБОВАТЬ, чтобы каждый кусокъ имѣлъ на оберткѣ и на мылѣ штампъ „Мыло
 Диспозе“. БѢЛДЕ получается замѣчательно чистымъ. ЖЕЛТИЗНА и пятна уничто-
 жаются. ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. МЫЛА этого
 расходуетса ВЪ ТРИ РАЗА МЕНЬШЕ простого. Совершенно безвредно для тканей
 бѣлыя. Удостовер. за № 3780. Продажа въ колоніальныхъ, мыльн., аптек. и др.
 магаз. Опт. у П. Н. Виноградова. Москва, Рождественка, д. № 2. Ц. № 9532 6-6

НЕ ТРЕБУЮТЪ КОВКИ И ДАЮТЪ ПРЕКРАСНУЮ МУКУ
БОГЕЖСКІЕ ЖЕРНОВА ЮСИФА ТРАППА.
ОСТЕРЕГАЙТЕСЯ ПОДЪЛЮКЪ.
НОВѢЙШІЕ МУКОМОЛЬНЫЯ ПОСТАВЫ
 на прочныхъ деревянныхъ станкахъ.
 Отдѣльныя части поставовъ.
 Ручныя и конноприводныя мельницы.
АМЕРИКАНСКІЕ СТАЛЬНЫЯ ЛОКОМОБИЛИ
 Сѣвер.-Амер. машино-строительныхъ компаній, проч-
 ныя, несложныя, легкоковерозимыя, топка дровами, к.
 углемъ, нефтью или соломою. Цѣны ДЕШЕВЫЯ.
АМЕРИКАНСКІЯ ТУРБИНЫ ЛЕФФЕЛЯ
 съ огромной выгодой замѣняютъ водяныя колеса.
 Работаютъ круглый годъ. Ц. № 9810
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 Невскій пр., № 97.
В. ЖУКОВСКІЙ. 3-1

Ев. Убѣжище Губернаторскъ
 принимаетъ губернаторскъ и рекомендуетъ
 оныхъ ежедневно, кромѣ вторниковъ, вос-
 кресныхъ и таб. дней, отъ 2 до 5 час. С.-Пе-
 тербургъ, Конно-Гвардейскій пер., 4, кв. 1.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться
 письменно: Банкирскій домъ Генрихъ
 Блонкъ. С.-Петербургъ, 59, Невскій.

БУХГАЛТЕРІИ
 и красиво писать
 выучиваю кажд. по самой усоверш. системѣ
 посред. лекцій-корреспон., вполнѣ замѣняю-
 щихъ преподаван. устное. Progr. и подроб.
 условія высыл. безплат. Киевъ, Г. И. Буренко.

КАРАМЕЛЬ
 изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
 Б. Семядени въ Киевѣ.
 Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка
 15 коп.
 Главн. складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕН-
 ЦЕЛЯ** С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33.
 Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекар-
 скихъ магазинахъ Россіи. 12-5

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“
 Москва. * Рига. * Спб.

РЕЗИНА. * ЛИНОЛЕУМЪ. * АЗБЕСТЪ. * БАЛАТА.

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДЪ.
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛОНЪ!

Обращать вниманіе на клеймо съ фирмой.

4711

Лучшій цветочный О-де-колонъ. № 4711

„РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ“

ПРЕВОСХ. ПРОДОЛЖИТЬСЯ

и дешев. духи АЛЯ ПЛАТКОВЪ

Всѣхъ цветочныхъ и модныхъ запаховъ

ПРОДАЮТ. ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХ. 4711 И ПАРФЮМЕР. МАГАЗИНАХЪ

Ц. № 9610 8-7

Цѣны: 1 р. 10 к. и 60 к. за флаконъ, смотря по величинѣ.

16 медалей, изъ нихъ 7 золотыхъ.
 ВОДА, ПАСТА и ПОРОШОКЪ, совершенно не содержащіе кислотъ.

DENTIFRICES

DOCTEUR PIERRE

изъ Медицинскаго Факультета въ Парижѣ

ЗНАМЕНИТЫ СВОИМИ КАЧЕСТВАМИ
 ПРОДАЮТСЯ ПОВСЮДУ.

№ 8865

26-26

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоенъ
 высшаго отличія
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА

Г. ВЕЙСЪ

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 56.

**Мужская, дамская и дѣтская
 обувь**

изъ наилучшаго матеріала, новѣйшаго фасона,
 удобно сидѣла, всегда въ большомъ выборѣ.
 ♦ Иллюстрированный прейсъ-курантъ без-
 платно. В. № 9621 8-8
 Прошу остерегаться поддѣлокъ; каждый
 шагъ долженъ быть снабженъ штемпелемъ
 моея фирмы.

ПРІЯТНОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ!!

Московский юмористическій журналъ

Будильникъ

оказавшійся единственнымъ представителемъ юмористики на Всероссийской выставкѣ, великодушно ОТКРЫЛЪ ПОДПИСКУ на 1897 г. (33 годъ изданія) Годовые подписчики получаютъ художественно-оригинальную ПРЕМИЮ—

„РУСАЛКУ“ А. С. Пушкина, въ силуэтахъ. Полный текстъ съ 12 большими художествен. силуэтами К. Изенберга, отпечатан. въ фототипіи К. Фишера.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ не- 10 р.; безъ 9 р. Въ Москвѣ 1 р. рес. и преміей преміи— дешевле на
 Скупымъ—разсрочка: 5 р. при подпискѣ и 5 р. 1 июля 1897 г.
 ПОДПИСКУ—АДРЕСОВАТЬ: Москва, редакция „БУДИЛЬНИКА“.
 № 9744 5—

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

- духи — ФІАЛКА АУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
 - духи — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
 - духи — ЭДЕЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
 - духи — ЛАНДЫШЪ АУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
- Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, придв. пост., Карлеруэ.

Можно получить:
 Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Бюлеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Геринъ, Лимана и Рикса, А. Линде, А. Энгльда. Въ Москвѣ: у гг. Мюль и Мердлизъ, въ магазинѣ „А-ла-туалетъ“, у Г. Врунсъ, Д. Борхардъ, Р. Келеръ и К., Оскаръ Геттингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9363 25-24
 Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Максиклиановскій пер.

ОБШИРНѢЙШІЙ ВЪ ИМПЕРІИ РУССКІЙ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
А. Е. КУЛАКОВЪ

въ С.-Петербургѣ, Садовая улица, 33.
 ПОСТАВЩИНЪ ЭКОНОМИЧ. ОБЩЕСТВА ОФИЦЕРОВЪ ГВАРД. КОРПУСА.
 Предлагаетъ лучшаго качества и по дѣйствительно дешевымъ цѣнамъ изъ своихъ складовъ въ громадномъ выборѣ всевозможные музык. инструм.: скрипки, альты, гитары, нитры, мандолины, балайки, струны, флейты, корнеты, самоигрующіе оркестріоны, концертно, піано-мелодико, піанно, гармоніумы, полифоны, симфоніоны, арфежіоны, маноланы, герофоны, арістотъ, финиксы, аит. концертно, вѣлскія, пѣвскія и русскія гармоніи, и проч., и проч.
 Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно; по полученіи задатка 20% требуемое высылается наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.
 Юбилейный роскошно иллюстрир. прейсъ-курантъ на 1896-97 г. всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ высылается бесплатно. № 9801 4-2

Знаменитое бѣлье

Королевско-Саксонск. и Королевско-Ружинск. Придворн. Поставщиковъ
МЕЙ и ЭДЛИХЪ,
 Лейпцигъ-Плагвицъ.

изящно, практично, дешево и на видъ ничѣмъ не отличается отъ лучшаго полотнянаго бѣлья. Штука-только нѣсколько копѣекъ. При немъ нѣтъ сопряженныхъ со стиркой испортостей. После употребленія его бросаютъ. Постоянно новое, безукоризненно-сидящее бѣлье. Превосходно сохраняется даже при дурномъ помятн. Необходимо для военныхъ, путешествоющихъ, и холостяковъ. Вышеупомянутые представители сообщаютъ, по желанію, гдѣ оно продается.
 Тапфани въ Штейдель, Москва. Карлъ Шиммель, С.-Петербургъ, Садовая 18. Максъ Тиншенинъ, Рига. Фабианъ Книстелавъ, Варшава. Оттонъ Вундери, Харьковъ.

ЖЕНАВИСТЬ.

Рождественскій разсказъ. Виктора Крылова.

I.

Въ губернскомъ городѣ К. въ рождественскій сочельникъ 18** года докторъ Радулинъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Старуха Дарья, нѣчто среднее между горничной и экономкой, какъ это всегда бываетъ въ холостомъ хозяйствѣ, принесла ему стаканъ чаю. Доктору не хотѣлось двинуться изъ своего кабинета; онъ не пошелъ пить чай въ столовую, гдѣ чисто и чинно былъ накрытъ столъ и кипѣлъ самоваръ. Приказано было принести чай въ кабинетъ, чего Дарья не любила, потому что это всегда означало у доктора дурное расположеніе духа или какое-нибудь недомоганіе.

— Что вы сидите дома!—говорила Дарья, чтобы развлечь барина.— Вопль насупротивъ у Ахаровыхъ ужъ елку зажгли... вѣдь праздникъ... пошли-бы куда.

Докторъ молчалъ.

— Паша лавочница тоже елку загѣла,—продолжала развлекать его Дарья:— для своего чумазага Сеньки... и смѣху же было сегодня на дворѣ: пошли обѣ сестры Сеньки игрушки покупать—и мать и тетка—да не сговорившись, обѣ и купили по медвѣдю... да совсѣмъ какъ одинъ, такъ и другой, одинакіе, — ну и разбрались... Одна кричитъ: «ты мнѣ это на зло сдѣлала! На что Сенькѣ два медвѣдя?.. Ты мнѣ всегда на зло,—прошлое воскресенье пироги подожгла...» А другая ей въ отместку: «ты лучше скажи, зачѣмъ ты у утюга ручку сломала? Какъ теперь гладить безъ ручки?..» И пошли считать... Матушки мои! великій хламъ наружу вывалился. Насилу мужъ розвѣялъ, обѣихъ въ горницу втащилъ. Потомъ, вижу, тетка побѣжала медвѣдя на куклу мѣнять.

— Ступай,—сказалъ Дарья докторъ.

— Право пошли бы...

— Ступай.

Дарья помялась и вышла, убѣдившись, что уговоры ни къ чему не приведутъ. Докторъ испытывалъ тоску подавляющаго одиночества, которая время отъ времени безотчетно на него нападала. Ему не хотѣлось никого видѣть. Онъ утромъ былъ въ нѣсколькихъ домахъ, онъ видѣлъ всю эту рождественскую суетню: торопливыя приготовленія, тревожныя хлопоты, веселыя ожиданія, крикъ и смѣхъ дѣтей; но весь этотъ праздничный строй семейныхъ радостей только раздражалъ его въ минуты тоски. И какъ нарочно погода отвѣчала его мрачному настроенію. На улицѣ была метель, хлопья снѣга залѣпляли окна, вѣтеръ нылъ. Радулинъ подулелъ на мягкой оттоманкѣ, безсознательно глядя передъ собой на стѣну, гдѣ висѣли кое-какія олеографіи. Ему не хотѣлось ни читать, ни писать, ни даже думать,—хотѣлось какъ-то отсутствовать, не существовать на это время, пока нервы опять не придутъ въ нормальное состояніе и круговоротъ жизни не поглотитъ тяжелыхъ мыслей. Онъ боялся этихъ мыслей, какъ болѣзненнаго пароксизма, хотя чувствовалъ, что онѣ приближаются, и старался разсѣять ихъ, перебирая все случайное, что на умъ приходило.

Заснуть бы хорошо!—Но развѣ можно заснуть, когда не спится?

«Какъ это удивительно,—думалъ онъ,—что лучшее чувство человѣка, любовь—такъ часто бываетъ причиной раздора и горя. Вотъ хоть-бы эти двѣ лавочницы, о которыхъ говорила Дарья: вѣдь онѣ живутъ дружно, и любятъ другъ друга, и горячо любятъ пятнадцатого чумазага Сеньку,—вѣдь любовь заставила ихъ обѣихъ бѣгать по рынку и покупать этихъ несчастныхъ медвѣдей, которые оказались причиной ссоры... Любовью началось, а кончилось препирательствомъ, упреками, бранью... Почему это?.. Потому-что къ любви привязался эгоизмъ... Сенька долженъ *моей* игрушкѣ больше всего радоваться, — *моя* игрушка должна быть лучше другихъ... я первый, а потомъ ужъ остальные... Эгоизмъ!.. эгоизмъ!.. эгоизмъ!..»

И вдругъ, какъ черная туча, сразу нахлынуло опять это странное воспоминаніе съ самымъ выдающемся и самымъ печальнымъ моментъ его жизни, обѣ этомъ событіи, которое исковеркало и его характеръ, и его стремленія, и его занятія, и его карьеру, все его существованіе... Какъ онъ ни отстранялся, злая картина пережитого опять-таки выступила передъ нимъ, отравляя ему остатокъ счастья, которое онъ по крохамъ собиралъ въ счастья чужихъ людей.

II.

Исторія его была проста, но и ужасна въ своей простотѣ. Онъ былъ сирота и выросъ у какого-то дяди, который больше заботился о томъ, хорошо ли прочищенъ чубукъ его трубки, чѣмъ о воспитаніи племянника. Мальчикъ былъ способный. Когда онъ блистательно кончилъ курсъ гимназіи, дядя рѣшилъ послать его въ Москву, въ университетъ, на медицинскій факультетъ, потому что это посвѣтовалъ мѣстный военный врачъ... во время игры въ вѣнтъ, сдавая карты. Студенческая жизнь,

какъ и для большинства людей, была для Радулина временемъ свѣтлыхъ надеждъ, отважныхъ цѣлей, увѣренности въ себя. Онъ участвовалъ во всѣхъ сходкахъ, во всѣхъ тревоженіяхъ бурливой молодежи, но сверхъ общаго товарищескаго сближенія у него проявилось нѣчто болѣе сосредоточенное, лично его одного касающееся,—именно чувство горячей дружбы. Радулинъ случайно сошелся со студентомъ юристомъ Андреевымъ. Въ ихъ складѣ жизни, потребностяхъ, возрѣніяхъ, цѣляхъ, было много общаго; они скоро сдѣлались такими неразрывными друзьями, что это даже иной разъ давало поводъ къ насмѣлкамъ надъ ними товарищей. Радулинъ и Андреевъ жили въ одной комнатѣ, дѣлились между собой каждой копейкой. Они всегда бывали вмѣстѣ, разумѣется, кромѣ времени лекцій. Въ спорахъ съ товарищами они не только поддерживали, но какъ-то дополняли другъ друга. Что у естественника сказывалось отдѣльными фактами наблюденія, то у юриста слагалось общимъ выводомъ; что юристъ ставилъ какъ положеніе, естественникъ подтверждалъ фактами. Такъ вмѣстѣ переходили они съ курса на курсъ, вмѣстѣ кончили ученіе. Оба талантливые, оба трудолюбивые, они готовились быть профессорами, поселиться въ одномъ и томъ же университетскомъ городѣ, продолжать свою дружбу, хотя бы до тѣхъ поръ, когда сердце начнетъ дрябнуть и перестанетъ биться. Но случилось иначе.

Радулинъ, сдѣлавшись медикомъ, поѣхалъ на лѣто куда-то въ уѣздъ, по вызову земства, гасить какую-то эпидемію. Тамъ онъ перезнакомился со всѣми помѣщиками и встрѣтилъ дѣвушку, которой суждено было играть важную роль въ его жизни. Она была довольно богата, хорошо образована, въ московскомъ частномъ пансіонѣ, не столько красива, сколько необычайно привлекательна энергичнымъ выраженіемъ лица. Ея взглядъ и улыбка, голосъ, ея задумчивая, убѣдительная рѣчь, обличали такую здоровую, честную натуру, что невольно призывали къ довѣрью и участію. Радулинъ влюбился съ первой же минуты. Его борьба съ эпидеміей сдѣлалась для него какимъ-то культомъ, полнымъ восторга. Ему иногда приходила въ голову даже ребячески глупая мысль: зачѣмъ эпидемія недостаточно сильна, легко уступаетъ медицинской помощи и распорядительности. Ему хотѣлось большаго труда, большей опасности, чтобъ со всею страстью развернуть свою только-что развившуюся силу; такъ подхлестывала его встрѣча съ милой дѣвушкой. Ее звали Ольга Суравкаева. Радулинъ ей тоже понравился; начавши разговоръ все съ той же эпидеміей, они кончили его взаимнымъ объясненіемъ въ любви. Какъ изъ грязной уваженной земли вырастаетъ пышный благоухающій розанъ, такъ изъ общественнаго несчастья расцвѣла эта чистая взаимная привязанность. Родители Ольги были добрые, умные люди, Ольга была единственная дочь, балованное дитя, ея желанія были закономъ; Радулинъ нравился всѣмъ, ему предстояла хорошая почетная карьера профессора, въ средствахъ не нуждался,—все это привело къ обрученію. Радулинъ былъ объявленъ женихомъ Ольги. Онъ былъ невообразимо счастливъ. Въ одномъ изъ писемъ къ своему другу, Андрееву, которому онъ подробно описывалъ весь свой романъ, Радулинъ, между прочимъ, писалъ: «я не могу себя представить, чтобъ въ настоящую минуту гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ былъ человѣкъ болѣе счастливый. чѣмъ я, да и можетъ ли быть: я здоровъ, молодъ, силенъ, у меня полезная дѣятельность, искренній другъ... и вѣнецъ всего—я люблю и любимъ, и эта женщина будетъ *моей*... Можно ли сдѣлать лучшій подборъ всего хорошаго, что даетъ жизнь?»

Осенью Радулинъ вернулся въ Москву, вскорѣ пріѣхало туда и семейство Ольги. Свадьбу предполагалось сыграть въ январѣ. Конечно, первымъ дѣломъ Радулинъ познакомилъ друга со своей невѣстой. Это и вызвало разгромъ всего счастья. Ольга увидала въ Андреевѣ именно тѣ черты характера, которыя ей особенно понравились въ Радулинѣ, но въ Андреевѣ онѣ были мягче, нѣжнѣе. Радулинъ былъ и сильнѣе характеромъ, и упорнѣе въ стремленіяхъ къ достиженію цѣли; но не это по преимуществу привлекало къ нему Ольгу. Силы и упорства въ ней самой было довольно, и эти качества въ другомъ человѣкѣ возбуждали ея уваженіе, а не любовь. Ее привлекала честность взглядовъ Радулина и его беззабѣтная горячая привязанность: когда она увидала то же самое въ Андреевѣ, она почувствовала, что Андреевъ ей милѣе. Съ Радулинымъ они повторяли другъ друга, какъ бы пѣли въ унисонъ, съ Андреевымъ они разнились и именно въ такихъ сторонахъ души, сочетаніе которыхъ звучалостройной гармоніей. Ольга начала сознать, что она поторопилась, давши согласіе на бракъ. И чѣмъ больше она сознывала это, тѣмъ сильнѣе мучилась, и это отдаляло ее отъ Радулина. Онъ ужъ начиналъ дѣлаться препятствіемъ къ ея счастью. Радулинъ былъ слишкомъ чутокъ, чтобъ не замѣтить всего этого. Его разговоры съ другомъ и невѣстой стали не прежніе, онъ чувствовалъ, что не было прежней простоты, откровенности, что о чемъ-то умалчивалось. Это тяготило всѣхъ тропхъ; они стали какъ-то чуждаться другъ друга, ихъ отношенія дѣла-

лись какими-то сухими, почти официальными. Огонь тлѣлъ подъ этимъ притворнымъ спокойствіемъ,—онъ долженъ былъ прорваться грознымъ пламенемъ.

Какъ разъ въ сочельникъ, Радулинъ только-что собрался идти къ невестѣ и пересматривалъ приготовленный для нея подарокъ. Не радовали его ни этотъ подарокъ, ни то, какъ она его приметъ; онъ зналъ, что ей нужно будетъ выказать удовольствіе, но оно будетъ не искреннее, дѣланное и потому особенно неприятное. Вошелъ Андреевъ, взволнованный, виѣ себя. Минута настала, онъ высказался. Онъ рыдалъ, онъ проливалъ себя: «ему не надо было встрѣчаться съ Ольгой, они встрѣтились, и охватило ихъ, словно вихремъ, этой властью любви, неудержимой, неразъуждающей, какъ стихія». Онъ просилъ друга рѣшить за всѣхъ троихъ: что дѣлать? онъ самъ потерялъ великое соображеніе, Ольга тоже, она поручила Андрееву переговорить съ ея женихомъ.

Еслибъ Радулинъ могъ заплакать въ эту минуту, онъ бы легче снесъ ударъ; когда плачешь—жалѣешь себя, и къ горю примѣшивается смягчающее чувство участія къ самому себѣ. Но Радулинъ не плакалъ, онъ почувствовалъ, что къ нему заговорилъ звѣрь. Бѣшеная злоба и ненависть подступали къ его сердцу, онъ долженъ былъ сдерживать себя, чтобы не схватить друга за горло и не задушить его. Не сказавши ни слова, онъ убѣжалъ изъ дому и съ тѣхъ поръ не видалъ ни друга, ни Ольги.

Радулинъ провелъ нѣсколько дней у другаго своего товарища. Оттуда написалъ онъ письмо невестѣ. Онъ возвращалъ ей назадъ ея слово, стараясь говорить участливо и нѣжно, желая ей счастья съ Андреевымъ, даже хвалилъ его: по письму вышло все-таки сухо и сдержанно. Какъ ни оправдывалъ его умъ и Ольгу, и Андреева, жгучее чувство ненависти, помимо воли, разидало душу молодого медика, и онъ былъ не въ силахъ совладать съ этимъ чувствомъ. Еще кетати на новый годъ пришло извѣстіе о смерти его дяди. Радулинъ поспѣшилъ на родину, капитализировалъ наслѣдство, собралъ тысячъ около пяти и уѣхалъ за границу.

III.

Мечты о профессурѣ были брошены. Радулинъ даже не заглядывалъ въ будущее, не дѣлалъ никакихъ плановъ; что будетъ, то будетъ. Онъ скитался по Европѣ, изъ города въ городъ, объѣздивъ всѣ мѣста, извѣстныя красотою природы, и всюду носилъ съ собою свое горе, какъ неизлѣчимо больной всюду носить свою болѣзнь, не радуясь ни солнцу, ни цвѣтку, ни долилкѣ, ни морю, потому что болѣзнь его гложетъ и постоянно твердитъ ему: всѣ эти прелести не для тебя. Больше всего угнетало Радулина, что онъ не могъ освободиться отъ жестокой ненависти. Да, онъ ненавидѣлъ Андреева, съ которымъ провелъ всѣ лучшіе годы жизни, душа въ душу, ненавидѣлъ больше, чѣмъ величайшаго злодѣя въ мірѣ, и никакіе доводы разсудка тутъ не помогали. Ненависть вызывала гадкія побужденія. Радулинъ иногда чувствовалъ инстинктивное непреодолимое желаніе услышать, что надъ обидчиками стряслась бѣда, и онъ переписывался со знакомыми въ Москвѣ, хитро и какъ бы векользъ разспрашивая обо всемъ, что дѣлалось тамъ, далеко отъ него. Онъ самъ бередилъ свою рану, какъ будто усипенная боль приносила ему радость и удовлетвореніе.

А въ Москвѣ все шло своей жизненной чередой. Два-три мѣсяца Радулина пожалѣли, посоветились; но время обмяло все это, — въ іюль Андреевъ женился на Ольгѣ. Пришло извѣстіе, что онъ доцентъ университета, потомъ,—что у Андреевыхъ родился сынъ. Ненависть Радулина разжигалась все больше и больше; онъ не зналъ, какъ отъ нея спастись. Одно немного его успокаивало: онъ любилъ заходить въ музеи и долго вглядываться въ картины религіознаго содержанія великихъ мастеровъ. Особенно изображенія мадоннъ дѣйствовали на него благотворно: эти кроткія лица, полныя небеснаго влдохновенія, уносили его въ міръ чудной фантази. Ему тогда становилось легче, потому что тутъ было чистое проявленіе одной душевной жизни, отрѣшившейся отъ земныхъ скорбей. Больше всего онъ любилъ глядѣть на Сикстинскую Мадонну Рафаэля и для этого нѣсколько разъ возвращался въ Дрезденъ: однажды прожилъ тамъ цѣлую недѣлю, проводя часа по три въ созерцанія знаменитой картины.

И вотъ, когда онъ началъ находить, чѣмъ облегчать свои страданія, внезапно пришло именно одно изъ тѣхъ грозныхъ извѣстій, которыхъ такъ ждала его злоба. Ему писали, что Ольга заразилась дифтеритомъ и умерла. Онъ самъ себя не могъ дать отчета, какое впечатлѣніе произвела на него эта вѣсть, но все-таки съ ужасомъ сознавалъ, что къ его печали примѣшивалась скверная радость удовлетворенной мести. Онъ радовался, что и Андреевъ теперь страдалъ. Пускай же расплачивается за все: и за то, что отнял невесту у друга, и за то, что не сберегъ эту милую, прелестную женщину. Какъ будто Андреевъ былъ виноватъ въ ея смерти, какъ будто Ольга непременно осталась бы жива, еслибъ на ней женился онъ, Радулинъ. Какое потрясающее сознаніе! Радулина стало страшно.

Онъ схватился опять за работу, чтобы чѣмъ-нибудь отвлечься, чтобы не сойти съ ума. Оно было и во-время, потому что отъ наслѣдства дяди оставались гроши; если ужъ жить, надо было подумать, чѣмъ жить. Онъ поселился въ Берлинѣ, сталъ посѣщать лекціи медицинскіхъ знаменитостей, а по праздникамъ ѣздивъ въ Дрезденъ посидѣть передъ Сикстинской Мадонной. Когда ему пришлось возвращаться въ Россію, ему предложили мѣсто городского врача въ губернской городъ К. Радулинъ согласился, ему было все равно куда ѣхать. Здѣсь онъ немножко окрѣпъ душой: дѣло—великій цѣлитель. Встрѣчая часто радостныя лица тѣхъ, кому онъ помогалъ, видя благодарныя слезы и улыбки, онъ снова почувствовалъ, что жизнь его идетъ не безцѣльно, и почти смирился. Только временами безотчетно розпикало въ немъ воспоминаніе о безвозвратно потерянномъ счастьи, словно старая рана раскрывалась — и грызло его сердце злое чудовище, ненависть къ Андрееву; хоть Радулинъ давно ужъ совсѣмъ потерялъ изъ виду стараго друга.

IV.

Такъ это было и въ сочельникъ, которымъ начался этотъ разсказъ. Радулинъ вскочилъ и сталъ ходить по комнатѣ.

«Что дѣлать? что дѣлать, чтобы отогнать эти мысли?.. Развѣ послышаться Дарьи: пойти къ кому-нибудь на елку?» Его въ трехъ домахъ приглашали... «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. ни за что... видѣть счастливую, веселую семью? теперь?—это маста въ огонь!..»

Онъ вздрогнулъ. Передъ нимъ стояла Дарья,—онъ не замѣтилъ, какъ она вошла и, увидѣвши ее, отшатнулся. Старуха пришла сказать доктору, что на кухню прибѣжалъ номерной изъ гостиницы: доктора просить къ какому-то проѣзжему, у котораго дитя захворало. Радулинъ обрадовался приглашенію, словно вырвался изъ когтей дикаго звѣря. Помощь больному!—вотъ гдѣ спасенье. Докторъ наскоро одѣлся и поѣхалъ,—сами были за нимъ присланы. При входѣ въ гостиницу онъ былъ неприятно пораженъ запахомъ ладана: неужели онъ опоздалъ, и смерть совершила свое дѣло?! Но его успокоили. Хозяйка гостиницы всегда приглашала причтъ служить всенощную на Рождество въ общей залѣ. У него даже на этотъ случай собрался хоръ любителей духовнаго пѣнія; онъ самъ любилъ это пѣніе и наслаждался имъ. Доктора провели въ номеръ больного. Это была огромная комната, въ которой небольшое количество рыночной мебели затерялось по стѣнамъ. Въ углу за ширмами, подъ образами, стояли рядомъ двѣ кровати, подлѣ нихъ на столѣ горѣла маленькая елка, придавая всему уголку какой-то церковный видъ, съ причудливымъ лавнакадиломъ. На кровати сидѣлъ мальчикъ лѣтъ трехъ, разсматривая картинки въ книгѣ. Нянька подвела къ нему доктора.

— Ничего, все слава Богу,—сказала нянька,—онъ у насъ теперь очнулся... Можетъ съ дороги это приключилось, такъ извѣстно младенцу... спалъ долго и метался во снѣ, кричалъ,—баринъ и испугался... А теперь, видите, все спомъ прошло... Баринъ пошелъ посмотрѣть, гдѣ они тамъ всенощную пѣть будутъ, чтобы не очень сюда долетало...

Радулинъ опустился на стулъ подлѣ кровати ребенка... Мальчикъ поднялъ головку и посмотрѣлъ на Радулина своими большими черными глазами. Что-то необычайное произошло въ душѣ доктора: онъ глядѣлъ на дитя, и прошлое воскресало передъ нимъ, но незлымъ чувствомъ ненависти, а всѣмъ, что было хорошаго, возвышеннаго въ этомъ прошломъ.

«Что это за младенецъ? — откуда онъ?.. какъ явился онъ именно въ этотъ вечеръ рождественскаго сочельника?.. Это милое личико такъ знакомо, такъ близко знакомо... да, да, вспомнилъ: это совсѣмъ головка Христа на картинѣ Сикстинской Мадонны... тѣ же умные, большіе, черные глаза и разметавшіеся волоски. та же энергія въ губахъ... а между тѣмъ и другой образъ онъ напоминаетъ... Ольгу, да Ольгу... такъ сильно любимую, такъ безвременно погибшую... Что это? сонъ? или видѣніе? галлюцинація?..»

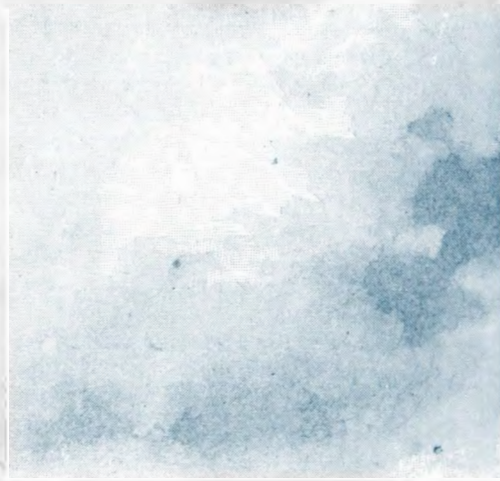
За стѣной хоръ запѣлъ: «Христосъ рождается!» Мальчикъ приподнялся на постелькѣ и протянулъ пухлыя ручонки къ доктору...

«Ты идешь мнѣ навстрѣчу! Божественный младенецъ! — ты спасешь меня... — мелькнуло въ головѣ доктора...

Слезы показались на глазахъ его, онъ схватилъ дитя на руки и сталъ цѣловать его, словно въ каждомъ поцѣлѣу черпалъ исцѣленіе... за стѣной все время раздавалось пѣніе «Христосъ рождается».

Когда Радулинъ снова посадилъ мальчика на кровать и поднялъ глаза, онъ увидалъ мужчину, участливо глядѣвшаго на эту сцену. Радулинъ сразу узналъ Андреева,—и странно!—ни тѣни злобы докторъ не чувствовалъ въ наболѣвшей душѣ. Онъ молча протянулъ руку другу и рыдалъ, бросился въ его объятія.

Оказалось, что Андреевъ ѣхалъ съ сыномъ въ деревню на Рождество, навѣстить бабушку своей жены, но снѣжный заносъ задержалъ ихъ, и праздникъ пришлось встрѣчать въ чужомъ городѣ, въ гостиницѣ. Онъ и не подозрѣвалъ, что здѣсь найдетъ родную душу, обновленную этимъ праздничнымъ свиданіемъ, и что ихъ примиреніе чудесно украситъ этотъ торжественный день.

XXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXVII

№ 52 Выходит еженедельно (52 № в год), съ приложениемъ 12-ти еженѣдн. книгъ „Сборника“, содерж. соч. ГРИГОРОВИЧА, 12 выпусковъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ. **1896**
 Выданъ 24 декабря 1896 г. Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1897 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.
 Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ со всеми приложеніями за 1897 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, со-
 держащихъ собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Д. БОБОРЫКИНА, 12 книгъ „Лите-
 ратурныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р.	Безъ достав- ки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговля линіи.	6 р.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------	-------------	---	-------------	--------------------------------------	-------------------	---	-------------	---------------------	--------------

При этомъ № прилагается Оглавленіе „Нивы“ за 1896 г.

Рождественскій сонъ. Съ карт. А. Рёзлера грав. Геданъ.

Судьба.

Повѣсть

И. Н. Потапенко.

(Окончаніе.)

VIII.

Было около четырехъ часовъ дня, когда экипажъ вступилъ на малѣвскую улицу. Матушка, всю дорогу громко изливавшая свое негодованіе, уже успѣла нѣсколько остынуть и выражалась въ болѣе спокойномъ смыслѣ, а именно:

— Я всегда говорила, что мужикъ останется мужикомъ, хоть ты его въ царскую палату посади!

Или:

— Правду говорилъ о. Мартирій, что не приличествуетъ связываться съ этимъ народомъ... Вотъ оно Богъ и наказалъ за это!..

Но такъ какъ въ ней далеко не вся еще злоба перерогѣла, то ей нужна была жертва; поэтому она обратилась къ Марьѣ Дмитріевнѣ:

— Это все вы, Марья Дмитріевна. Вѣчно напѣпывали мнѣ про вашихъ Гончарей!.. Не будь васъ, мнѣ бы и въ голову не пришло!..

— Господи Боже мой! — укоризненно восклицала Марья Дмитріевна. — Да развѣ не вы сами послали меня на хуторъ?.. Сами же пришли ко мнѣ и сказали: „поѣзжайте, Марья Дмитріевна, да только чтобы никто не догадался...“

— Ну, да! Какъ же! А сами такъ и тѣзли впередъ, словно бы васъ замужъ выдавали!..

Но все это говорилось ужъ такимъ тономъ, въ которомъ можно было слышать и надежду на скорое примиреніе.

И вотъ въ это самое время матушка устремила взоръ на свой собственный домъ, прищурила глаза и вдругъ вскрикнула отъ изумленія. Но—странное дѣло!—въ этомъ изумленіи явно слышалась радость.

— Вотъ чудо! Да вѣдь это же фантазмагорія у воротъ стоитъ! А? Приглядись-ка, Василій! Ты лучше моего видишь!

А Василій давно уже видѣлъ фантазмагорію и ликовалъ. Значить, о. Мартирій сдержалъ свое слово, и, значить, все будетъ такъ, какъ онъ желалъ. И онъ теперь дивился самъ себѣ, какъ это у него хватило рѣшимости такъ распорядиться и такъ опредѣленно поговорить съ Мотрей. Во второй разъ это, пожалуй, ему не удалось бы.

А экипажъ, между тѣмъ, подѣхалъ къ дому, и уже не могло быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что фантазмагорія, а—слѣдовательно—и самъ о. Мартирій здѣсь. Какъ только лошади остановились у крыльца, матушка торопливо слѣзла и пошла прямо въ гостиную. Къ своему удивленію, она нашла тамъ накрытый столъ, шипящій самоваръ и за столомъ двухъ іереевъ, попивавшихъ чай съ ромомъ. Очевидно, у о. Якова прошла ломота въ поясницѣ, лицо его было благодушно, онъ рассказывалъ о. Мартирію что-то смѣшное, и оба смѣялись.

— Вотъ спасибо, что не проѣзжаете мимо!—любезно сказала матушка о. Мартирію и затѣмъ сейчасъ же обратилась къ своему супругу.— О. Яковъ, поди сюда, мнѣ надо съ тобой поговорить... Одну минутку, отецъ Мартирій!

И она увлекла о. Якова въ кабинетъ. О. Мартирій между тѣмъ взялъ шляпу и вышелъ во дворъ. Ему хотѣлось повидать Василія. „Неужто просватала? — думалъ онъ, — нѣтъ, что-то не видно. Не такой разговоръ...“

— Ну, что, молодецъ?—обратился онъ къ Василію, котораго нашелъ во дворѣ.— Не дался, а?

Василій пошелъ рядомъ съ нимъ и заговорилъ тихо

и отрывисто, и слова у него какъ-то прыгали другъ черезъ друга.

— О. Мартирій, только никому не говорите, а то меня съѣдятъ... Я самъ устроилъ... Сказалъ этой Мотрѣ: „откажитесь, говорю, чтобы вамъ не было стыдно, если я откажусь!..“ Она и отказалась... Вышла исторія... Матушка сердилась страсть какъ... А вы заѣхали, о. Мартирій... Спасибо.

— Да ты просто молодчина... Ей-ей... Гм!.. А съ виду мямля... А!

— Я мямля и есть, о. Мартирій.. Это только на меня нашло такое!

— Да вѣдь это и хорошо, что на тебя находить, когда надобно... Ну, что-жъ, женишь тебя, что ли, а?

— Иначе нельзя, о. Мартирій!..

— Нельзя, это правда... Такъ ужъ зато жена у тебя будетъ золото. За это ручаюсь. Умница, кроткій нравъ, хозяйка и безъ прихотей... Ну, что тамъ? Дѣло вѣдь не терпится... Надо успѣть донести о. благочинному, что ты женатъ... Эй, ты, какъ тебя, Андрей, не надо лошадей выпрягать. Сейчасъ въ Скирды поѣдемъ... А вотъ и матушка! Да нѣтъ, не рассказывайте! Слышаль! Я же вамъ говорилъ, чтобы не ѣздили туда... Ахъ, вы-и! Вотъ, видно, сама судьба ужъ такъ судила, чтобы Василія спаровать съ Лизой!.. Ну, что жъ, ѣдемъ, пока солнце еще свѣтитъ... Иначе и сварганимъ...

— Охъ, о. Мартирій, видно и въ самомъ дѣлѣ безъ васъ не обойдешься!—воскликнула матушка покаяннымъ голосомъ.—Надо ѣхать!

— Да и о. Якова берите съ собою! У него ломота прошла! Эй, Терешка, зануздай лошадей! Мы поѣдемъ впередъ, а вы насъ нагоните! Пожалуй, я Василія съ собой возьму. Не знаю только, какъ это онъ помѣстится въ моей фантазмагоріи!.. Да ничего, потѣсимся!

Василій смотрѣлъ на него сияющими отъ радости глазами. Онъ волновался, суетился, бѣгалъ, распорядился и торопился всѣхъ. Матушка, глядя на него, изумлялась. Она не узнавала его. Уже давно-давно прошло то время, когда ея сынъ былъ такимъ. Это было еще до поступленія его въ семинарію. Куда дѣвалась апатія, сонливость, неподвижность, медлительность движеній! Василій ожилъ.

О. Яковъ изъявилъ согласіе на поѣздку въ Скирды. Кстати, онъ давно не былъ у о. Мартирія. Да и причина поѣздки не заключала въ себѣ ничего такого, что было бы неприлично его сану. Лиза Благоволенская—дѣвица духовнаго званія, притомъ—сиротка, никакой родни у нея нѣтъ. Единственный ея почитатель—отецъ Мартирій, который относится къ ней отечески. Конечно, грустно, что Василій начнетъ свое самостоятельное поприще со скудными средствами. Тяжело ему будетъ. Ну, что-жъ, придется на первыхъ порахъ помогать имъ. Вѣдь онъ у нихъ—единственный. Да и отецъ Мартирій, навѣрно, окажетъ воспособленіе, потому что у него своихъ дѣтей нѣтъ. И о. Яковъ отдалъ Аксюшѣ яреу для чистки.

Что касается Марьи Дмитріевны, то она, несмотря на размовку съ матушкой, была здѣсь и принимала самое дѣятельное участіе въ сборахъ. Она, конечно, не рассчитывала ѣхать въ Скирды, но уже всей душой сочувствовала новому повороту дѣла.

— Конечно,—говорила она,—какое же можетъ быть сравненіе? Мужичка и дѣвица изъ благороднаго званія! Богатство—дѣло наживное, а сердце надо воспитать!.. и т. д.

И всѣмъ казалось, что это такъ и есть, что она и

въ самомъ дѣлѣ всегда такъ думала и говорила. Такое было настроеніе.

Очень весело было глядѣть, какъ о. Мартирій влѣзалъ въ фантасмагорію, и какъ онъ затѣмъ старался удѣлить мѣстечко для Василия. Но Василій былъ бы доволенъ, если бы ему пришлось ѣхать даже верхомъ на оглоблѣ. А сосѣдство о. Мартирія составляло для него счастье. Вѣдь не случись онъ, пожалуй, его женили бы на Гончаривѣ.

Они поѣхали впередъ. О. Мартирій велѣлъ Терешкѣ шибко гнать лошадей. Въ немъ заговорило чувство хозяина, и ему хотѣлось кой-что приготовить къ прїѣзду гостей. Положимъ, въ ящикѣ, придѣланномъ сзади къ фантасмагоріи, было кое-что, прихваченное имъ въ городъ на всякій случай. Въ сущности, и болѣзнь его, и докторъ въ его сегодняшней поѣздкѣ играли довольно незначительную роль. Выѣхалъ онъ изъ Скирдъ главнымъ образомъ потому, что ему не сидѣлось дома. Василій казался ему очень подходящей партіей для Лизы. Но навязываться онъ не хотѣлъ. Поэтому онъ, выдумавъ пристувъ болѣзни, заѣхалъ только позондировать почву. Прїѣхавъ утромъ въ Малѣевку, онъ замѣтилъ въ рѣчахъ матушки какую-то недоговоренность. Потомъ его возмутило сообщеніе насчетъ Гончаривны, а затѣмъ несмѣлыя рѣчи Василия подали надежду.

— И зачѣмъ это вы, о. Мартирій, такую странную штуку себѣ сдѣлали?—спрашивалъ по дорогѣ Василій, поневолѣ прижимаясь въ самый уголь экипажа.

— Это ты насчетъ фантасмагоріи, а?

— Ну, да!

— Да видишь, какъ я самъ безобразно устроенъ! Во всѣ стороны раздался: и вверхъ, и внизъ! Мнѣ иначе—трудно. А въ этомъ ковчегѣ я чувствую себя недурно. Вѣдь вотъ,—шутить о. Мартирій,—если-бъ сюда посадить со мной твою мамашу, я думаю, иначе, какъ разобравши верхъ, не усадить бы! а?

Василію было весело, у него развязало языкъ, и онъ разспрашивалъ о. Мартирія обо всемъ, что приходило ему въ голову. И о. Мартирій рассказывалъ ему про прежнія времена, про старую бурсу, про то, какъ его женили.

— Вотъ только не знаю, за что Богъ наказалъ меня,—жепу огня... Трудно мнѣ, Василій, очень трудно! Тоска беретъ, холодъ душевный, оттого и выннваю. Ну, все же, скажу тебѣ, лучше этакъ-то въ одиночествѣ томиться, чѣмъ съ неподходящею женой. Видалъ я такіе браки. Онъ въ одну сторону смотритъ, она—въ другую, никакъ не могутъ понять другъ друга, только за графинчикомъ и понимаютъ, оттого ихъ и тнеть постоянно къ графинчику... Такъ-то, братъ!

Солнце еще ярко свѣтило, когда они прибыли въ Скирды. Оглянувшись назадъ, они не замѣтили никакихъ слѣдовъ малѣвскаго экипажа.

— Ну, ихъ что-нибудь задержало!—сказалъ о. Мартирій.—Э, да это ничего! Пусть хоть совсѣмъ не прїѣдутъ... Все равно, я тебя женю, молодецъ!

Скирды—огромное село, верстъ на пять въ длину. Узенькая рѣчонка, протекавшая посрединѣ села, въ балкѣ, лѣтомъ высыхала до самаго дна, и селяне получали воду изъ колодезь. Домъ о. Мартирія стоялъ неподалеку отъ церкви, оторванный отъ линіи крестьянскихъ домовъ и отмѣченный среди нихъ своей зеленой желѣзной крышей и болѣе солидными хозяйственными постройками.

Первое, что бросилось въ глаза Василію, это присутствіе въ домѣ множества бѣдныхъ родственницъ отца Мартирія. Это были все дамы почтеннаго возраста, безвременно овдовѣвшія или не успѣвшія выйти замужъ. Всѣ онѣ были одѣты Богъ знаетъ какъ, по-домашнему, и, при появленіи посторонняго человѣка, стыливо прятались по угламъ. Въ лѣтнее время населеніе этого дома еще болѣе сгущалось, потому что прїѣзжали

родственники изъ школы. О. Мартирій всѣмъ имъ давалъ прїютъ и кормъ.

Когда Василій выбрался изъ фантасмагоріи и стоялъ во дворѣ, не зная, куда дѣваться, такъ какъ о. Мартирій тотчасъ же удалился для распоряженій, черезъ дворъ, въ числѣ другихъ женскихъ фигуръ, проскользнула дѣвушка въ темнокоричневомъ платьѣ, тонкая и стройная. Лица ея онъ не разглядѣлъ, но у него почему-то сердце сильно забилося. Правда, она была высокаго роста, тогда какъ воображеніе рисовало ему „Лизаньку“—маленькой. Но это онъ простилъ ей даже съ удовольствіемъ и почему-то твердо сказалъ себѣ: „это она и есть“. И имъ овладѣло нетерпѣніе поскорѣе увидать ея лицо и въ то же время робость по поводу того, что онъ ей скажетъ, и какъ вообще произойдетъ знакомство и все прочее.

Но это произошло такъ просто, какъ только могъ сдѣлать о. Мартирій, не признававшій ни въ чемъ осторожности—хитроумныхъ приготовленій и всего того, что называется „политикой“.

Минуть черезъ пять вышла горничная и сказала, что о. Мартирій зоветъ его въ комнату, и онъ вошелъ. Домъ былъ обставленъ по-старомодному: тяжелый диванъ и кресла въ чехлахъ, старинные образа, генералы на стѣнахъ рядомъ съ дешевыми нѣмецкими идилиями, хрипящіе часы съ дѣлымъ шкапомъ для маятника и гирь.

Когда Василій вошелъ, въ комнатѣ не было ни души, но за дверью слышалась какая-то возня. Повидимому, кого-то хотѣли ввести, и кто-то сопротивлялся. Но вотъ отворилась дверь, и вошелъ о. Мартирій, таща за руку ту самую дѣвушку, которую Василій видѣлъ во дворѣ. Она была въ томъ же коричневомъ платьѣ, только на шеѣ прибавился бѣлый воротничокъ. Василій разглядѣлъ ее. Смуглое продолговатое лицо, темные глаза, густыя брови, черты лица правильныя; родимаго пятнышка, о которомъ онъ мечталъ, не оказалось. Но зато она была стройна, и отъ нея вѣяло простотой и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то тихой, невысказанной грустью.

Онъ замеръ на своемъ мѣстѣ и такъ и остался, облокотившись спиной о стѣнку. А она стояла рядомъ съ о. Мартиріемъ, блѣдная, но не опускаая глазъ, а, напротивъ, глядѣла на него.

— Ну, вотъ, смотри! Въ немъ ничего нѣтъ страшнаго, онъ не кусается,—шутливо говорилъ о. Мартирій.—Вѣдь вотъ народъ! Надо же вамъ хоть познакомиться!.. Нельзя же такъ, взять да и обвѣнчать... Ну, разговаривайте себѣ, а я пойду по дѣламъ!..

Василій хотѣлъ крикнуть:—„о. Мартирій! Пойдите! Куда же вы! Я сейчасъ умру!“

Но у него что-то застряло въ горлѣ, и онъ не могъ произнести ни одного слова. О. Мартирій между тѣмъ ушелъ и, какъ бы нарочно, плотно притворилъ за собою дверь.

Они стояли другъ противъ друга, оба безконечно взволнованные. Онъ зналъ, что она — его невѣста, а она знала, что онъ — ея женихъ. Но они видѣли другъ друга въ первый разъ. И вотъ ихъ оставили вдвоемъ.

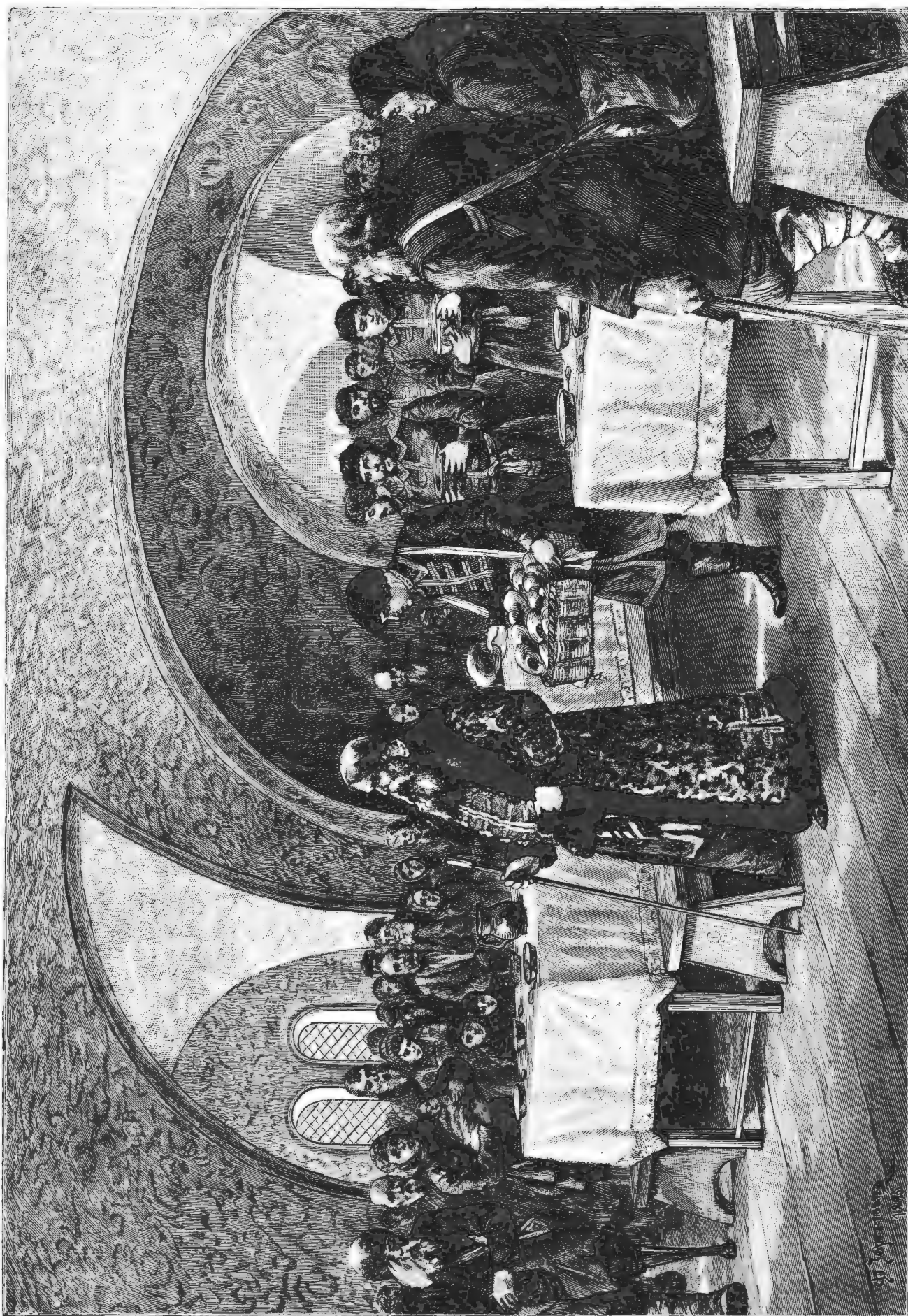
Онъ чувствовалъ, что долженъ первый сказать что-нибудь, хоть какую-нибудь нелѣпость, но у него въ головѣ не было ни одной мысли, а на языкѣ—ни одного слова. Она тоже стояла растерянная и безпомощная, раза два оглянулась на запертую дверь, потомъ подошла къ столу и вдругъ звонко разсмѣялась.

— О. Мартирій всегда такъ... что-нибудь выдумаетъ!—сказала она, смѣясь, но голосъ ея выдавалъ сильное волненіе.

И послѣ этого смѣха онъ почувствовалъ какое-то облегченіе и тоже подошелъ къ столу. Они могли ближе разглядѣть другъ друга. Онъ замѣтилъ, что у нея ровные бѣлые зубы, и на обѣихъ щекахъ дѣлаются

Въ Рождественскую ночь. Съ карт. Г. Гавенго грав. Упионъ.

Рождественскіе столы для нищей братіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.
Ориг. рис. (собств. "Нивы") Ф. Юргенсона, граф. Павловъ.

ямочки, когда она смѣется. Это ему понравилось, какъ и ея голосъ, звонкій и не ныскливый.

— Садитесь, пожалуйста! — промолвила она. — Я не умѣю занять васъ...

— Этого и не надо! — сказала она, но такъ тихо, что тутъ же ему пришлось откашляться и повторить: — этого и не надо! Вы тоже садитесь! А впрочемъ... вы уже сидите...

И ему стало совсѣмъ неловко, что онъ приглашаетъ ее садиться въ то время, какъ она уже сидѣла. Это отъ волненія. А она опять разсмѣялась, и послѣ этого смѣха, въ которомъ не было ни тѣни насмѣшки, ему окончательно стало хорошо. Она, очевидно, понимаетъ его затруднительное положеніе. И какъ это хорошо, что она смѣется, а не смотритъ букой, какъ онъ.

— Ну, давайте разговаривать, Василій Яковлевичъ!.. О. Мартирій насъ не выпуститъ, пока... пока мы не познакомимся...

— Что-жъ знакомиться? — промолвилъ Василій. — Я васъ уже знаю.

— Знаете? Когда же?

— То-есть я васъ не видалъ, но знаю... Вчера, какъ сказалъ мнѣ о. Мартирій про васъ, такъ я все и мечталъ... Вѣдь я мечтательный!.. Меня хотѣли даже женить сегодня утромъ, а я отказался, потому что я о васъ думалъ...

— Вы правду говорите? — спросила она, внимательно посмотрѣвъ ему въ глаза.

— Я не могу говорить неправду! — какъ-то необыкновенно вдумчиво произнесъ Василій. — Наше положеніе такое, что надо говорить только одну чистую правду...

— Да... Я вамъ вѣрю. Почему же вы обо мнѣ думали?..

— Такъ, не знаю почему!

— А что же вы думали?

— Что вы непременно хорошая, добрая... Что вы можете понять меня... Я вѣдь очень простой. Я плохо учился, и меня выключили... Но я не такой уже дуракъ... Я пока не работалъ, потому что нечего было, но... но я сумѣю работать... Было бы для кого... Мнѣ кажется, что и вы простая... Мнѣ такъ кажется... Не хорошо, конечно, что надо такъ спѣшить, но что-жъ дѣлать, когда надо... Вѣдь вамъ извѣстно, зачѣмъ я пріѣхалъ?..

Она слегка потупила глаза и тихо отвѣтила:

— Да, мнѣ говорилъ о. Мартирій.

— Ну, такъ вотъ.. Вы подумайте... Только долго думать нельзя...

— Что-жъ думать? — съ улыбкой промолвила она. — Должно-быть, это наша судьба!..

— Судьба! — подтвердилъ Василій. — Такъ это и есть!..

Во дворѣ послышался гулъ. Лиза порывисто поднялась и поглядѣла въ окно.

— Это ваши пріѣхали! — сказала она съ большою живостью и, повидимому, собралась уйти изъ комнаты.

— Пойдите! — остановилъ ее Василій. — Я боюсь, не ошибся ли.. Такъ вы согласны? Такъ?

Онъ взялъ ея руку и поднесъ къ своимъ губамъ.

— Это немного рано! — шутя сказала она и быстро вышла изъ комнаты.

Василій вздохнулъ съ величайшимъ облегченіемъ. Такъ это все вышло просто и легко. Онъ теперь уже былъ, какъ сумасшедшій, влюбленъ въ свою Лизаньку.

О. Мартирій тоже видѣлъ пріѣхавшихъ гостей. Проходя черезъ комнату, чтобъ встрѣтить ихъ, онъ похлопалъ Василія по плечу и спросилъ:

— Ну, познакомились?

— Я даже предложеніе сдѣлалъ, о. Мартирій! — отвѣтилъ Василій.

— Да ну? Экій же ты молодчина! И что-жъ, она согласна?

— Она согласна, о. Мартирій!..

— Ну, я вижу, вы не дураки! Пойдемъ же, тамъ твои старики пріѣхали. Твоя Лизанька уже встрѣчаетъ ихъ... А что, я говорилъ тебѣ, что она золото... а?

— Я вамъ, о. Мартирій, такъ благодаренъ, такъ благодаренъ...

— Пару воловъ дамъ отъ себя вамъ!.. — почему-то шепнулъ ему на ухо о. Мартирій. Но на влюбленного Василія это не произвело никакого впечатлѣнія.

Они вошли въ дверь. О. Мартирій былъ въ шутиломъ настроеніи и потому встрѣтивъ гостей заявленіемъ на чистоту, сообщивъ такимъ громкимъ голосомъ, что было слышно въ церковной оградѣ:

— Ну, а мы уже тутъ просватали невѣсту вашему сынку! Вамъ только остается благословить да отписать о. благочинному, что, молъ, дѣло сдѣлано!

— Что-жъ, — отвѣтилъ о. Яковъ, — мы хорошему рады! И поблагословимъ!

Однимъ словомъ, брачный разговоръ начался сразу, безъ великихъ предисловій. Когда гости и хозяинъ вошли въ комнату, то на столѣ уже стояли привезенныя о. Мартиріемъ изъ города закуски и вина, и дѣло началось съ того, что поздравляли жениха и невѣсту. Къ торжеству выползли изъ своихъ угловъ родственницы о. Мартирія, такъ какъ онѣ почувствовали, что съ этого момента дѣлаются также родственницами о. Якова, матушки и Василія.

О. Мартирій какъ-то умудрился чрезвычайно скоро подвыпить, растрогался и сталъ вспоминать о томъ, какъ его женили. Потомъ заговорилъ о своей покойной женѣ и немного поплакалъ. Но это у него скоро прошло. Далѣе онъ почувствовалъ новый приливъ доброты и подарилъ молодымъ къ парѣ воловъ еще телѣгу и вдобавокъ теленка и свинью. О. Яковъ со своей стороны объявилъ, что дастъ триста рублей деньгами, корову, лошадь и пару овецъ.

— Ну, вотъ и хозяйство составилось! — весело воскликнулъ о. Мартирій. — Развѣ вотъ что мельницы нѣтъ! Э, на что имъ мельница, когда у нихъ будутъ готовые „кныши“*)!

Матушка поняла намекъ и покраснѣла. Лиза дѣлательно хозяйничала, завѣдуя столомъ, угощеніемъ, хлопоча о самоварѣ и свѣжихъ сливкахъ. Василій не могъ налюбоваться ею.

Наступилъ торжественный моментъ, когда о. Яковъ, матушка и о. Мартирій помолились и поблагословили молодыхъ иконой. Послѣ этого оба они почувствовали себя такъ, какъ будто десять лѣтъ были друзьями, и начали говорить другъ другу „ты“.

Когда на землю спустились сумерки, Василій и Лиза пошли въ церковный домъ и осмотрѣли квартиру, которая назначалась для будущаго дьякона. Они обсуждали каждую подробность, каждый уголокъ съ хозяйственной точки зрѣнія, и остались довольны квартирой и другъ другомъ.

Матушка умильно смотрѣла на нихъ и думала: „нѣтъ, что тамъ ни говори, а дѣвица своего званія лучше... Вишь, какъ они полюбились, словно другъ для друга созданы, и Василій мой какъ развернулся, какъ будто никогда и не былъ мямлей... Да, о. Мартирій правду сказалъ: такъ лучше будетъ...“

Малѣвскіе гости остались ночевать въ Скирдахъ. А на другой день, неизвѣстно откуда, набрался полонъ домъ гостей: поны, попадьи, дьяконы, дьяконицы, духовныя дѣвицы, духовные молодые люди, — все это понаѣхало изъ окружныхъ сель. О. Мартирій хотѣлъ устроить свадьбу на славу и потому съ вечера всюду разослалъ гонцовъ. Между прочимъ, былъ посланъ нарочный и въ городъ, и возвратился оттуда съ нагруженной доверху повозкой. Тутъ были яства, питія и сласти въ должномъ количествѣ.

*) Кнышъ — особаго рода хлѣбъ.

О. Петръ,—тотъ самый, съ которымъ у о. Мартирія по приходу „неладъ шли“,—отслужилъ обѣдню, а послѣ обѣдни и повѣнчалъ Василія съ Лизой. Въ тотъ же день о. благочиннаго извѣстили о совершившемся событіи. Свадьба была веселая, пиршество продолжалось два дня.

А въ назначенный день преосвященный служилъ въ Троицкомъ монастырѣ обѣдню, во время которой рукоположилъ Василія въ дьяконы. Всѣ дивились тому, какъ онъ еще молодецъ, многіе же, которымъ удалось узнать, что молодая, стройная дама, стоявшая впереди, неподалеку отъ клироса, и съ глубокимъ волненіемъ слѣдившая за каждымъ его движеніемъ, — его жена, мысленно восклицали: „ахъ, какая она миленькая!“

Намъ остается еще засвидѣтельствовать, что Василій и Лиза до сихъ поръ (а это было лѣтъ десять назадъ) живутъ въ совершенномъ мирѣ и согласіи, что у нихъ завелись дѣти и порядочные запасы сѣна, соломы, вся-

каго зерна и всякихъ солений и варений. Можемъ сказать еще, что о. благочинный попрежнему расположенъ къ Василію, и,—конечно, за это нельзя ручаться,—но можетъ случиться, что онъ когда-нибудь выхлопочетъ ему іерейскій санъ и приходъ.

Наконецъ, что касается Мотри, то мы можемъ сообщить слѣдующее: столь мужественный съ ея стороны отказъ поповичу произвелъ глубокое впечатлѣніе среди хуторскихъ парней, и она скоро вышла за молодого, браваго парня, по фамиліи Рогача, и такимъ образомъ изъ Гончаривны превратилась въ Рогачиху. У Рогача есть своя собственная мельница, и, слѣдовательно, когда умрутъ старые Гончари, у него ихъ будетъ двѣ.

Мотря теперь понимаетъ, что званіе дьяконницы ей было бы ни къ чему, такъ какъ въ этомъ званіи она была бы ни пава, ни ворона. Поэтому съ о. Василіемъ они большіе пріятель и ѣздятъ другъ къ другу въ гости.

Въ Рождественскую ночь.

Прозрачной тьмой еще объята даль востока,
Но звѣзды на-небѣ становятся блѣднѣй...
Призывный благовѣстъ несетъ издалика,
Въ морозномъ воздухѣ онъ слышится яснѣй.
И вольною мечтой, которой нѣтъ предѣла,
Я перенесся вдругъ въ родимое село,
Къ тѣмъ днямъ, когда душа сомнѣньемъ не болѣла,
И было на-сердцѣ, какъ въ лѣтній день, свѣтло.
Вотъ спальня моя: подъ пологомъ кровать,
Лежанка,—и на ней старушка-няня спитъ...
Передъ иконою Спасителя лампадка,
Зажженная рукой заботливой—горитъ...
Лежу въ кровати я,—но мнѣ уже не спится,
Я благовѣста жду въ морозной тишинѣ;
Мнѣ на-яву Вертепъ съ Младенцемъ-Богомъ снится,
И пѣнье ангеловъ я слышу въ вышинѣ.
А сердце у меня такъ сильно-сильно бьется,
И грезы свѣтлыя растутъ въ моемъ умѣ...
Я благовѣста жду... И вотъ онъ раздается
Призывно-радостно въ холодной полутьмѣ.
Онъ няню разбудилъ. Охваченный волненіемъ,
Спѣшу одѣться я, чтобъ съ матушкой скорѣй
Идти къ заутренѣ... Съ какимъ благоговѣньемъ
Молился я тогда Царю земныхъ царей!
Молитвы чудныя я повторялъ за всѣми,
И если смыслъ молитвъ былъ непонятенъ мнѣ,
Я въ этотъ мигъ зато жилъ мыслью въ Виелемѣ—
И пѣнье ангеловъ я слышалъ въ вышинѣ.

Но въ вѣчность канули младенческіе годы,—
Я грезы дѣтскія неправдою назвалъ
И, рыцарь ревностный науки и свободы,
Я вѣру раннихъ лѣтъ кичливо осмѣялъ.
Наивными тогда казались мнѣ молитвы,
Я одного желалъ—науки торжества;
Я сердцемъ понималъ лишь только сладость битвы,
И такъ далеко душѣ былъ праздникъ Рождества.
Я помню эту ночь... Мы собрались толпою
Въ квартиркѣ маленькой; горячій споръ кипѣлъ,
Когда вдругъ колоколь соборный загудѣлъ
Въ морозномъ воздухѣ. Широкою волною
Понесся благовѣстъ въ безмолвной тишинѣ.
Мы продолжали споръ. Сердца у насъ горѣли,—
Но пѣсню дивную намъ ангелы не пѣли
Въ святую эту ночь въ небесной вышинѣ.

И вотъ я вновь въ селѣ... Объята даль востока
Еще прозрачной тьмой; но звѣзды—все блѣднѣй.
Призывный благовѣстъ несетъ издалика,
Въ холодномъ воздухѣ онъ слышится яснѣй.
И нѣтъ въ моей душѣ ребяческихъ волненій,
И отрицанія, насмѣшки гордой нѣтъ.
Я вижу, понялъ я всю горечь заблужденій,
И жажду, чтобъ опять проникъ мнѣ въ сердце свѣтъ
Той вѣры пламенной, которая со всѣми
Меня влекла бы въ храмъ,—хочу, чтобъ вновь во мнѣ
Душа стремилась къ Вертепу въ Виелемѣ,—
И пѣли-бъ ангелы въ надзвѣздной вышинѣ.

Александръ Кругловъ.

СВѢТЛЫЙ ГОСТЬ.

Рождественская сказка Ал. Будищева.

I.

Въ лѣсу творилось что-то невообразимое. Вѣтеръ метался, какъ бѣшеный, вихремъ крутилъ снѣгъ, ломился на лѣсъ справа и слева, гоготалъ и улюлюкалъ. Ясно было, что здѣсь происходила борьба нешуточная, дикая и изступленная, борьба на жизни и смерти. Лѣсъ стоналъ, шипѣлъ и скрипѣлъ, и сухія вѣтви могучихъ деревьевъ то и дѣло валились внизъ, какъ отмороженные руки. Было очевидно, что вѣтеръ объявилъ войну лѣсу и вступилъ въ единоборство съ нимъ; по порою страсти до того здѣсь разыгрывались, что свои начинали бить своихъ же, и дерево вставало на дерево. По крайней мѣрѣ, два ветрѣныхъ вихря часто неустово бросались другъ на друга, какъ стальные наѣзники, слетались, кувалками по землѣ и изступленно визжали. Точно такъ же и лозимые вѣтромъ дерево порою наваливалось всею своею тяжестью на сосѣднее дерево и парало его сухими сучьями, какъ когтями, злобно ворча и поскрипывая.

Въ эти минуты междоусобицы весь лѣсъ наполнялся такими яростными криками, воплями и стонами, что два медвѣдя въ это время по лѣсу человѣка съ большимъ трудомъ могли разговаривать. Но все-таки они говорили, медленно подвигаясь впередъ и еле-еле выволакивая ноги изъ рыхлыхъ снѣжныхъ сугровъ. Одинъ изъ путниковъ былъ ростомъ высокъ и тонокъ,

какъ жердь, другой—низокъ, но широкоплечъ. Оба они несли по охапкѣ хвороста, морщили отъ зѣтра лица и порою тяжело отдувались. Надѣто на нихъ было какое-то жалкое рванье, какіе-то полушубочки, какъ бы сплюснутые изъ однихъ заплатъ: казалось, путниковъ недавно рвали отчаянно злые собаки. На одномъ изъ нихъ, высокою, полушубокъ былъ даже съ разрѣзомъ на боку, какъ у Прекрасной Елены, вилотъ до самаго пояса. На высокою, впрочемъ, были надѣты совершенно новыя валенки, а на низенькомъ—очень порядочная теплая шапка. Высокій звалъ низенькаго Авениркой, а низенькій высококаго—Македонюмъ. Говорилъ больше низенькій. Онъ ежился отъ холода, рубишко прижималъ къ груди охапку хвороста и говорилъ, точно воробей чирикалъ:

— И чего этой бурѣ самой, подузаешь, надо? И чего она рветъ, и чего она мечетъ, и чего она на лѣсъ опрокинулась? И сколько, Македонюмъ, какъ посмотришь, на землѣ злости!

Онъ помолчалъ, поправилъ подбородкомъ вытѣзанную изъ охапки хворостину и почмокалъ губами.

— Да, Македонюмъ,—продолжалъ онъ,—много на землѣ злости. И какъ только злота эта самая самою себя не сожретъ? Ишь, какъ расходилась, — добавилъ онъ. — И чего она, спроси ее, вѣрнемъ воетъ, зачѣмъ кустини молоденькіе ломитъ?

Онъ опять помолчалъ и опять зачирикалъ, какъ воробей:

— А хорошо бы, Македонь, это когда мы в горенку свою грдедем и печечку свою затонимъ, хорошо бы, Македонь, не редь образомъ свѣчечку хошь конеечную затеплить!

Авенирка снова замолчала, потому что вѣтеръ бросилъ ему въ лѣвое ухо дѣловую горсть сухого, какъ песокъ, снѣгу. Онъ затрясъ головою, пытаясь очистить ухо.

— А еще хорошо бы, Македонь, — добавилъ онъ, очистивъ ухо, — а еще хорошо бы щецъ горяченькихъ похлевать. Очень ужъ я эту самую горячую пиццу люблю!

Авенирка вздохнула и облизнула губу. Македонь какъ будто проглотилъ слюну и сдѣлалъ губами и носомъ „хм“. Авенирка продолжала:

— До того я, Македонь, горячую пиццу уважаю, что, кажись, спроси меня сейчасъ царь: „Чего, Авениръ, хочешь: въ тюремные ли смотрителя поступить, но только чтобы безъ горячей пиццы, или въ бродяги въ лѣсные идти и пиццу горячую получать?“ Спроси меня это царь, и я въ такую же минутку на тюремного смотрителя плюну и въ бродяги на горячую пиццу пойду!

Авенирка замолчала. Македонь поморщился и сказалъ:

— Вотъ какъ тебѣ изловить, да вѣнчать лозановъ сорокъ, вотъ и будетъ тебѣ горячая пицца! Хм, горячая пицца! Ишь какой номѣнчикъ выискался!

По лицу Македона ползеть что-то жесткое и черствое. Авенирка сконфуженно заморгалъ глазами.

— Ну, ужъ ты! И подлый же у тебя, Македонь, характеръ! Даже и въ умѣ человѣку щецъ похлевать не даешь! Горькій характеръ, видно подъ осной тебя рѣдили! Не буду я больше говорить съ тобой, не буду! Помани мое слово, не буду!

— Чѣ тебѣ, горькій ты человѣкъ, — съ живостью добавляетъ онъ черезъ минуту, — жалко тебѣ, что ли, щецъ-то? Я, може, третій мѣсяцъ ихъ въ умѣ держу, третій мѣсяцъ во снѣ ихъ вижу и спу своему не вѣрю! Такъ чѣ, жалко, что ли, тебѣ? Жалко? Такъ, небось, не въ снѣмъ и тебѣ, горькій ты человѣкъ, оставлю! оставлю! оставлю!

Авенирка закашлялся отъ вѣтра, отфыркался и снова вздохнулъ.

Они прошли нѣсколько шаговъ, молча, среди крутящегося снѣга.

— А хорошо бы, Македонь, — внезапно сказала Авенирка, — а хорошо бы теперича въ баньку сходить!

Онъ покосился на своего высокаго товарища, прижимая подбородкомъ охапку хвороста.

— Въ баньку? въ какую баньку? — съ угрюмымъ недоумѣниемъ повторилъ Македонь.

— Да хошь въ самую завалюшенькую, хошь въ самую черненую!

Македонь фыркнулъ носомъ.

— Хм, съ вѣнчикомъ съ березовымъ?

Авенирка повеселѣлъ всѣмъ лицомъ, радуясь, что его товарищи отмякъ сердцемъ и стали разговорчивы.

— Да хошь бы и безъ вѣнчика, — сказалъ онъ.

По лицу Македона снова ползеть что-то жесткое и черствое.

— Хм, въ баню, — повторилъ онъ. — Вотъ погоди, изловить тебя, вѣнчать лозановъ сорокъ, вотъ тебѣ и будетъ баня!

— Горькій человѣкъ, горькій человѣкъ, — вскрикнулъ Авенирка, едва не споткнувшись въ сугробъ, — ты и баню не велишь мнѣ въ мысляхъ держать, подлый характеръ! Тебѣ и баня жалко! Фу, ты, Господи Боже, какіе только, подумаешь, люди на свѣтѣ есть! Не буду я больше говорить съ тобой, горькій ты человѣкъ, подъ осной тебя рѣдили и польнью тебя спеленали!

Авенирка закашлялся, отплевался и замолчала. Они снова двигались, молча, среди крутящегося снѣга, Авенирка — сконфуженный и притыженный, Македонь — угрюмый и злобный.

II.

Вскорѣ они вышли на небольшую полянку. Маленькая лѣсная хатка глянула на нихъ своимъ единственнымъ оконцемъ, тусклымъ, какъ слѣпой глазъ. На ея низкой крышѣ кружились снѣжные вихри, то оспаивая, какъ дождикъ, внизъ, то поднимаясь вверхъ спиралью, какъ дымъ въ безвѣтренную погоду.

Путники повеселѣли; даже по угрюмому лицу Македона прошло что-то свѣтлое и радостное.

— Вотъ мы и дома, — сказалъ онъ, — нечку бы носкорѣй истопить; позабѣ я, Авенирка, какъ нести!

Авенирка хотѣлъ сказать товарищу въ отвѣтъ что-нибудь очень грубое — и не сумѣлъ. У него на душѣ опять стало свѣтло и весело.

— Завтра по деревнямъ, — сказалъ онъ, помолчавъ, — Христа славить будутъ; поидемъ, чуть свѣтъ, и по избаамъ собирать будемъ. Въ этотъ день много подають по деревнямъ.

— Въ этотъ день жалостливы, — съ сердитой усмѣшкой сказала Македонь.

— И скелю я, — продолжалъ Авенирка, — хоша единны пятачокъ набирало, сейчасъ же на семиничекъ свѣчечку куילו, на семиничекъ кремешокъ и на три копеечку — табачку. Кремешокъ у меня, — добавилъ онъ, — совсѣмъ обился, а безъ огня въ свѣтѣлкѣ нашей прямо, надо сказать, пропадемъ!

Авенирка чиркала, какъ воробей, и заглядывалъ на ходу въ глаза Македону. Тотъ не отвѣчалъ.

Пригнувшись, они вошли въ дверь хибарки. Хибарка была крошечная, сколоченная кое-какъ изъ плохихъ осиновокъ бревнушекъ. Она даже не была проконопачена, и ея земляной полъ слегка былъ усеянъ снѣгомъ, который вѣтеръ приносилъ сквозь щели. Путники сложили на полъ хворостъ. Они двигались въ этой хаткѣ, какъ мыши въ норѣ. Вѣтеръ дулъ въ щели, порошилъ снѣгомъ и завывалъ монотонно и жалобно. Огюда можно было подумать, что лѣсъ одержалъ надъ нимъ полную побѣду и отбилъ ему всѣ внутренности. Македонь и Авенирка помахивали руками и притоптывали ногами, разминая окоченѣвшіе члены.

Въ хаткѣ было холодно, хоть волковъ морозъ. Очевидно, она предназначалась для осенняго жилья дровосѣковъ и могла ходить сколько-нибудь защищать отъ дождя и осенней палмороси, но путникамъ она казалась чуть не палатами.

Македонь и Авенирка — бѣглецы. Они бѣжали изъ Сибири, куда были сосланы по приговору суда, и, бѣжавъ, блуждали все лѣто въ двухъ уѣздахъ, около родныхъ мѣсть. Иногда они занимались въ поденнички на самыя грязныя работы, иногда собирались Христовымъ именемъ или кормились продажей лаптей, и всегда, не стѣнялись, захватывали все, что плохо лежитъ. Хибарку эту они нашли случайно три дня назадъ, когда спасались отъ розысковъ изъ соседняго уѣзда. Наткнувшись на нее, они тотчасъ же поселились въ ней, намѣреваясь прозимовать въ ней всю зиму вплоть до красныхъ дней, до зеленого шума, до теплаго солнца, до птичьихъ пѣсень.

Бродяги размялись, отгёрли руки, расшевелили ноги и стали набивать давно остывшую печку хворостомъ. Темныя стѣны хибарки угрюмо глядѣли на ихъ движенія. На закоптѣлой приполкѣ блѣлымъ выведеннымъ мѣломъ крестъ, а сбоку на стѣнѣ мѣломъ же нацарапанная надпись сообщала безграмотными каракульками:

Акулина Савишна
Вечорышна давишна
Марфа Иливишна
Сиводишишна нянишна.

Ниже была нарисована лошадь, съ хвостомъ въ родѣ метлы, и баба, очень похожая на самоваръ. На лавкѣ, у тусклаго оконка, лежали два посконныхъ мѣника, женскій стоптанный башмакъ, пустая косушка, зазубренный косарь и солдатскій полесъ. Подъ лавкой, пивкой и узенькой, стоялъ черепокъ, и лежала подкова безъ одного шпала. Далѣе, въ красномъ углу, на треугольной полочкѣ стоялъ почернѣвшій и облупленный образъ, краски котораго стерло время и снѣги голодныхъ тараканы. Кромѣ этого въ хаткѣ ничего не было — никакой мебели, никакихъ украшеній.

Между тѣмъ бродяги уже достаточно набили печку хворостомъ. Авенирка отвернулъ полу дыряваго полушубка, чтобы вынуть изъ кармана штановъ кисеть съ кремнемъ и огнивомъ. Сейчасъ онъ выбьетъ огонь, затопитъ печку и пригрѣетъ свое пзьящее тѣло. Македонъ задумчиво стоитъ передъ печкой, засунувъ ладони рукъ въ рукава полушубка, и его лицо принимаетъ то выраженіе, съ какимъ люди глядятъ на горящія дрова.

— Хорошо у огня-то, — лѣпиво говоритъ онъ.

Авенирка пошарилъ въ кармапѣ штановъ и поблѣднѣлъ. Его лицо жалобно сморщилось, руки безпомощно повисли. Онъ почмокалъ губами и вдругъ ударилъ себя руками по полкамъ полушубка.

— Македонь, — сказалъ онъ, блѣднѣя, — кисета нѣту, въ лѣсу обронилъ!

Македонъ двинулся къ нему и поблѣднѣлъ тоже.

— Время? — вскрикнулъ онъ и вился глазами въ лицо Авенирки.

Тотъ опять хлопнулъ себя по бокамъ руками.

— Какъ передъ Богомъ, Македонь, въ лѣсу обронилъ.

— Такъ ници, собака! — крикнулъ Македонь, не отрывая глаза отъ лица Авенирки.

Тотъ виновато развелъ руками.

— Нигдѣ, Македонушка, нѣту.

Онъ заморгалъ глазами. Въ глазахъ Македона загорѣлись двѣ зеленыя искорки. Онъ сдѣлался похожимъ на волка.

— Нигдѣ нѣтъ, щучій сынь, — крикнулъ онъ злобно, — о щакъ, пустая душа, думаешь, баня, крыса лѣсная, хочешь! Э-эх! — онъ замахнулъ кулакомъ, но поймалъ въ глазахъ Авенирки слезы и только презрительно двинулъ губами.

Между тѣмъ Авенирка подбѣжалъ къ двери, упалъ у порога на четвереньки, поползая, выщупывая полъ, затѣмъ, распахнувъ дверь, выбѣжалъ вонъ и черезъ минуту снова возвратился въ хату.

— И въ снѣгахъ, Македонь, нѣту; въ лѣсу обронилъ! — прошепталъ онъ, разводя руками, и всхлинулъ.

Македонъ мрачно смотрѣлъ на него.

— Идемъ въ лѣсъ по слѣду искать, — проговорилъ онъ и снова крикнулъ въ самое лицо Авенирки:

— Пронадемъ мы безъ огня-то! слышишь? пропадемъ!

Рождественская почта. По рисунку Т. Лобришовъ („Ш.“), грав. Мульгановскій.

— Идемъ,—всхлинувъ Авенирка и, внезапно повернувшись къ образу, спяль шапку и прощенталъ:

— Господи, заступники, святые угодники!

Онъ перекрестился, опять сказалъ „Господи“, сильно втигивая въ себя воздухъ, и надѣлъ шапку.

— О шахъ вотъ все, нузо прожорливое, думаешь, пищу горячую больно любишь, — уже нѣсколько спсходительнѣй замѣтилъ Македонъ, пригибаясь и выходя изъ хаты.

III.

Бродяги снова очутились въ лѣсу. Они пошли старымъ слѣдомъ, хотя его уже сильно заноронило метелью. Они запустили руки въ снѣгъ, разгребали его пальцами, какъ граблями, лазили на четверенькахъ, обшаривали каждый кустикъ, ощупывали каждый пенекъ среди крутящегося снѣга и воющего вѣтра. Съ красными, остуженными руками и опухшими лицами, занороненные съ ногъ до головы снѣгомъ, они продолжали свои поиски съ непоколебимымъ упорствомъ, запуская одереветвѣвшіе пальцы подъ прошлогодніе листья, подъ коряги, въ дупла и расщелины, туда, гдѣ кисета даже и не могло быть.

Уже въ лѣсу совершенно стемнѣло; уже зимнія сумерки быстро смѣнились ночью; уже въ мутномъ небѣ блеснули тусклые звѣзды, и голодная волчица протяжно завывала подъ курившимися скатомъ гудѣвшаго и свистѣвшаго оврага,—а они все еще продолжали свои поиски съ неутомимой выносливостью и упорствомъ.

Наконецъ они поднялись съ земли, охлопывая руками снѣгъ съ дыривыхъ боковъ своихъ полушубковъ, и долго безмолвно глядѣли въ глаза другъ другу. Ихъ щеки и уши опухли отъ холода; они ооченѣли.

— Пѣтъ кисета,—наконецъ выговорилъ Авенирка,—что же намъ, родимый ты мой, дѣлать?

— Въ баньку сходить, попариться! — злобно крикнулъ Македонъ и двинулся вправо среди курившаго лѣса по ихъ старому, полузамерзшему слѣду. Авенирка, по колѣни въ снѣгу, виновато поплелся за нимъ.

— Слушай,—сказала онъ, нагнавъ Македона,—идемъ искать дорогу въ деревню.

Македонъ повернулся къ нему. Его опухшее лицо перекосилось отъ злобы.

— Въ деревню? въ какую деревню? — крикнулъ онъ. — До Аннушкиной слободки 18 верстъ, до Сердобольнаго хutora 12, до Акимова 22! Куда же мы понесемъ ночью свое рваньё? И ты думаешь, я донесу туда эту дурю?—крикнулъ онъ, хлопнувъ рукою по разрѣзу своего полушубка.

Авенирка виновато потупилъ глаза.

— Въ хату мы пойдемъ,—бѣшено крикнулъ Македонъ, пригибаясь къ лицу Авенирки,—попарить въ хату!

Онъ ухватилъ Авенирку и затрясъ его нерсдъ собою. Но въ его глазахъ онъ увидалъ то выраженіе тоски и безпомощности, какое бываетъ у зайца, когда его прикалываетъ охотникъ. И онъ выпустилъ его изъ своихъ одереветвѣвшихъ рукъ.

Они снова безмолвно двинулись среди гудѣвшаго и стонавшаго на разные голоса лѣса.

Когда они вышли на поляну, на крышѣ ихъ хаты крутились два снѣжныхъ вихря. Они то приближались, то удалялись другъ отъ друга, какъ два вертящихся волчка, то внезапно рассыпались шагротъ, но тотчасъ же возникали снова. И эти вихри показались Авениркѣ двумя бѣспующимися призраками, двумя „нечистыми“. Ему казалось, что они пляшутъ, злорадствуя и торжествуя, и поджидаютъ къ себѣ въ гости двухъ бездомныхъ бродягъ, двѣ заблудившіяся овцы, изъ которыхъ они выпьютъ въ эту ночь всю кровь и превратятъ ихъ въ двѣ ледяныя сосульки. Авенирка, шель за Македономъ, коченѣя отъ холода и ужаса.

IV.

Бродяги вошли въ хату и заперли дверь на крючокъ. Отъ стѣны хаты вѣяло холодомъ. Вѣтеръ приосилъ въ щели снѣгъ, усыпая земляной полъ хаты. Авенирка неподвижно усѣлся на лавкѣ. Македонъ заходилъ изъ угла въ уголь, потирая руки и разминая ноги. Онъ ходилъ долго, упорно, точно съ чѣмъ-то борясь, точно дѣлая кому-то на-зло. Авенирка все такъ же неподвижно сидѣлъ на лавкѣ, словно прислушиваясь къ вою вѣтра. Ему было лѣнь шевельнуть пальцемъ. Между тѣмъ Македонъ пересталъ переходить изъ угла въ уголь, а кружилъ среди хаты, видѣвшая какіе-то странные зигзаги, и каждый разъ при своемъ движеніи взадъ и впередъ упрямо нѣвсторя ихъ. Авенирка замѣтилъ это, и ему даже стало страшно, хотя онъ уже не былъ способенъ особенно сильно ощущать страхъ. Онъ лѣнливо приподнялся съ лавки, тронулъ Македона за рукавъ и полѣзъ на печку. Македонъ безмолвно послѣдовалъ за нимъ. Они улеглись на холодной печкѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, поджимая чуть не къ подбородку колѣни и кутаясь въ свое рваньё. Однако Авенирка пролежалъ на печкѣ не долго. Внезпно его сонливостъ исчезла; ее замѣнилъ ужасъ и вмѣстѣ съ тѣмъ его точно что оббило. Онъ соскочилъ на полъ и, подбѣжавъ къ отверстию печки, выкинулъ изъ нея весь хворостъ. Затѣмъ онъ сталъ

выгребать оттуда чуть теплую золу, забиралъ ее руками въ полы своего полушубка. Затѣмъ такъ же поспѣшно онъ возвратился обратно и развалилъ ее ровнымъ слоемъ по лавкѣ, уступивъ половицу на постилку для Македона. Послѣ этого онъ легъ на эту золу животомъ и запустилъ въ нее, насколько это было возможно, обѣ руки, пытаясь взять въ себя все тепло, которое заключалось въ ней. И тутъ же онъ подумалъ, что не дурно было бы имъ обоимъ совсѣмъ забраться въ печку; но онъ тотчасъ же сообразилъ, что ея отверстіе слишкомъ мало и годится для ночлега развѣ только собаки. И онъ продолжалъ лежать рядомъ съ Македономъ.

Однако зола скоро остыла, отдавъ все свое тепло бродягамъ и не согрѣвъ ихъ.

И тогда Македонъ, внезапно перевалившись черезъ Авенирку, соскочилъ на полъ и сталъ какъ бы плясать, размахивая руками и притоптывая ногами. Авенирка видѣлъ, какъ развѣвались полы его полушубка, и какъ злобно сверкали его глаза. И онъ понялъ, что на его товарища опять нашло то „давнннее“, что побуждало его въ лѣсу трясти Авенирку за плечи.

Авенирка безмолвно смотрѣлъ на плясавшаго Македона тусклыми глазами и все собирался что-то сказать ему. У него даже была одна очень хорошая мысль, но онъ забывалъ ее тотчасъ же, какъ только собирался открыть ротъ. Впрочемъ, Македонъ и самъ прекратилъ пляску. Шатаясь, онъ подошелъ къ печкѣ, судорожно уцѣпился обѣими руками за ея деревянный ободокъ и вдругъ зарыдалъ, встряхивая головой и плечами, точно его тошнило.

— Бродяжничали весь вѣкъ, какъ псы,—говорилъ онъ, рыдая,—и помереть, какъ псы, безъ покаянья!

Онъ рыдалъ долго и тяжело, но постепенно его рыданія перешли въ тихій плачъ. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ, утиралъ кулакомъ слезы и прислонившись лбомъ къ деревянному ободку печки. Ему какъ будто становилось легче. И тогда въ дверь хатки кто-то постучался. Македонъ услышалъ этотъ стукъ, очень похожій на стукъ вѣтра, но понялъ, что это стучится не вѣтеръ, а смерть. И это успокоило его окончательно. Онъ взобрался на печку, перелѣзъ черезъ Авенирку и легъ, устроившись поудобнѣе.

Завыванье бунующаго вѣтра доносилось въ умоляющую хатку. Бродяги лежали рядомъ на холодной печкѣ и спали. Впрочемъ, даже не спали, а какъ-то странно грезнили. Они то закрывали, то снова открывали глаза, то щурили ихъ, какъ бы во что-то внимательно всматриваясь, и грезнили.

Македону видѣлось, будто онъ идетъ лѣсомъ, выслѣживая зайца, и чѣмъ дальше идетъ онъ, тѣмъ больше хочется ему идти, и тѣмъ легче становится онъ самъ.

А Авениркѣ грезилось, будто онъ сидитъ въ бурьянѣ, на задахъ своей деревеньки, между малиновыхъ головокъ ренейника, и хлебаетъ изъ котелка горячія щи. А передъ нимъ, будто, стоитъ, подперевъ кулакомъ подбородокъ, его жена Дарья, которую зовутъ на деревнѣ Дарей-Соболихой. И будто она толстая и короткая, очень похожая на самоваръ. И будто она вся такая добрая. И румянецъ у нея на щекахъ добрый, и губы толстыя и добрыя, и подбородокъ тупой и добрый. Но что всего удивительнѣе,—Авенирка не только чувствовалъ, что онъ сидитъ и ѣсть, но и видѣлъ самого себя, и даже какъ будто наблюдалъ за собою. И даже какъ будто Авенирка наблюдательнѣе и Авенирка хлебавшій щи мало имѣли между собой общаго.

Бродяги лежали на печкѣ и грезнили, и съ каждой минутой ихъ грезы становились все услокнительнѣй. Они щурили глаза и внимательно глядявались въ пространство.

Потомъ имъ обоимъ сразу пришло на мысль, что они умираютъ, и что имъ нужно покаяться въ грѣхахъ. И въ ту же минуту въ дверь лѣсной хаты кто-то постучался вторично, и стулъ на этотъ разъ былъ слышенъ явственнѣй и звучалъ настоячивѣй. Македонъ первый услышалъ его и хотѣлъ было сказать Авениркѣ, чтобы онъ отиеръ случившему въ дверь, и, если это человѣкъ, спросилъ бы у него огонька. Но онъ не успѣлъ сказать этого, потому что Авенирка понялъ его и безъ словъ и, соскочивъ съ печки, поднялъ изъ петли крючокъ.

V.

Дверь распахнулась безъ скрипа, въ хату ворвался стихающий шумъ вѣтра, и на порогѣ появился странникъ. Онъ казался одѣтымъ во все бѣлое, можетъ-быть, оттого, что вся его одежда была сплошь занесена снѣгомъ, и видомъ походилъ на странствующаго монаха. За руку онъ держалъ маленькаго мальчишка, одѣтаго тоже во все бѣлое. Странникъ неторопливо затворилъ за собою дверь и торопливо перекрестился на образъ. Мальчишка сдѣлалъ то же. Его крошечная ручка дрожала отъ холода.

— Эхе-хе,—вдыхалъ странникъ,—Господи Милостивецъ, Царца Небесная, святые угодники, мальчонка у меня пазибъ шибко. Здравствуйте, Божьи люди!

— А пѣтъ ли у тебя огонька?—спросилъ Авенирка, стоя на полу, какъ бы въ полуснѣ.

— Эхе-хе,—вдохнулъ странникъ,—нѣтъ, родимый. нѣтъ огонька, накой у меня огонекъ. Мальчонка вотъ у меня замерзъ совсѣмъ. А вы что, родимые, помираете?

— Помираемъ,—отвѣчалъ съ печки Македонъ.
 — Помираемъ,—вздохнулъ Авенирка, влѣзая на печку.
 — Ну и мы помирать будемъ,—завозился странникъ, усаживаясь подъ образами вмѣстѣ съ мальчикомъ.—На міру, говорить, и смерть красна, — продолжалъ онъ, — себя не жалко, мальчонка жалко: мальчонка сберечь бы, добрые люди, надо.

Странникъ вздохнулъ и опять завозился.
 — На печку бы лѣзли,—сказалъ Македонъ.
 — Нѣтъ, я подъ образами,—шевелинулся странникъ, похлопывая рука-объ-руку,—подъ образами, Божій человекъ. Все равно помирать-то надо! Отъ смерти, милая душа, не уйдешь. Мальчонка вотъ жалко, мальчонку незрябъ шибко, шапчонка на немъ больно плохо. Э-хе-хе, милые люди!

Авенирка шевелился на печкѣ. Внезапно, при словѣ „шапка“, въ его душѣ словно что-то проснулось. Онъ понялъ, что ему нужно что-то сдѣлать, но что именно—онъ хорошенько не зналъ. Онъ напрягъ все свое вниманіе и, наконецъ, понялъ.

— Слышь,—отозвался онъ лѣнливо,—взялъ бы ты у меня шапку-то. У меня шапка новая, хорошая. Мальчонка сохранить бы надо, а мнѣ все равно помирать-то.

Онъ снялъ съ головы шапку и несколько не удивился этому, потому что чувство, побудившее его на этотъ поступокъ, всегда было живо внутри его, но онъ боялся и чуждался его. Онъ создавалъ, что разъ онъ пойдетъ по этой дорогѣ, онъ уже не вернется назадъ, туда, куда звали его всѣ привычки. И раньше онъ боялся этого, а теперь не боится, потому что передъ нимъ не жизнь, а смерть. Но, исполнивъ это, онъ не почувствовалъ въ своей душѣ ни умилена, ни блаженства, а только какъ бы нѣкоторое облегченіе, какъ работникъ, исполнившій заданный ему урокъ.

Авенирка держалъ въ рукахъ шапку. Странникъ, шмыгая ногами, подошелъ къ нему и принялъ ее изъ его рукъ.

— Э-хе-хе,—вздохнулъ онъ.—Вотъ спасибо; мальчонку-то сберечь надо, а ты все равно померешь. Чувствую я, что померешь.

И, что-то напечатывая, онъ ушелъ къ себѣ въ уголъ.
 — Надѣнь, мальчикъ, шапочку,—заговорилъ онъ,—надѣнь, родимый, шапочку,—теплѣй, голубокъ, стагнетъ. Ишь у тебя и сапожники-то худые-рваные, ознобилъ ты свои ножки младенчески. Э-хе-хе, сохранить бы младенчика надо. Жалостливъ я, да немущи!

Македонъ принюхивался на печкѣ.
 — Жалостливъ на чужой карманъ,—лѣнливо сказалъ Македонъ,—своихъ сапогъ небось не отдашь!

Македонъ все сидѣлъ на печкѣ и пристально смотрѣлъ на странника. Онъ какъ-будто на что-то сердился.

— Слышу я,—внезапно вскрикнулъ онъ съ неожиданной силой,—слышу, что давно ты, глаза завидуя, къ сапогамъ моимъ ловымъ, валенымъ, подбираешься! На тебѣ сапоги мои, не мучь ты, сдѣлай милость, моего сердца. Жалостливъ, а своихъ не отдашь! Да!

И Македонъ кинулъ свои сапоги на полъ.
 — Свои не отдамъ, милая душа,—вздохнулъ странникъ,—свои не отдамъ.

И тутъ Македонъ увидѣлъ его ноги; онѣ были босы, обморожены и покрыты желтыми пузырями. Македонъ мрачно улегся на печкѣ, лицомъ къ стѣнѣ, и не сказалъ ни слова.

Странникъ, шмыгая ногами, подошелъ къ печкѣ и поднять съ полу сапоги.

— Вотъ, спасибо, милая душа, за сапоги,—говорилъ онъ.—Тебѣ ихъ, извѣстно, не нужно, ты все равно и въ сапогахъ померешь, а мальчонка сохранить надо.

И Македонъ слышалъ, какъ онъ завозился подъ образами, обувая мальчика въ сапоги. Потомъ онъ и самъ ушелъ на лавку, похлопывая рука-объ-руку, вздыхая и повторяя свое „э-хе-хе“. Онъ долго сидѣлъ такъ и, наконецъ, снова повернулъ свое лицо къ бродягамъ.

— Помираете? — вздохнулъ онъ.—Помираете, милые души? Коль помираете, покайтесь передъ смертью надо бы. Покаяніе—любви родной братъ. Покаяніе,—что твое солнышко—сердце грѣшетъ. Покаялись бы,—повторилъ онъ, вздыхая,—да припомнили бы хорошенько, дѣла за собой какого добраго не знаете ли? Припомнили бы, милые души.

И бродяги поняли, что надо покаяться.
 Первый началъ Македонъ. Онъ заговорилъ медленно, лѣнливо и вилло, съ трудомъ вытисывая изъ себя слова, между тѣмъ какъ его сердце было торжественно и серьезно.

Его жизнь—силошней грѣхъ. Онъ всю жизнь плутовалъ, воровалъ и мошенничалъ. По суду лишень всѣхъ правъ и полжизни изжилъ въ острогахъ, гдѣ научился играть въ карты, рассказывать богохульные прибаутки и дѣлать изъ олова серебряные двугривенные.

Македонъ добраго дѣла не знаетъ за собой ни одного.
 — Ни одного?—вздохнулъ странникъ.—Э-хе-хе, худо, родимый, въ аду, голубокъ, будешь. Плохо, милая душа!

— Знаю, что въ аду,—сказалъ Македонъ и заплакалъ.
 И тогда сталъ говорить Авенирка.

Его жизнь тоже одинъ сплошной грѣхъ. Онъ такъ же, какъ и Македонъ,—воръ и негодникъ. Онъ даже много хуже Македона. По суду онъ лишень особыхъ привилегій, но, вѣроятно,

въ шутку. Привилегія у него отродясь ни одной не было. А если бы и была у него какая-нибудь, хоть самая завалощенная привилегія, онъ бы навѣрно ее пропилъ или проѣлъ, такъ какъ питаетъ къ водкѣ и къ горячей пищѣ слабость непреодолимую. Въ тюрьмѣ онъ тоже провелъ полжизни. Добраго дѣла не знаетъ за собой ни одного.

— Э-хе-хе,—вздохнулъ странникъ,—и ты, милый человекъ, въ аду будешь.

— Знаю,—отвѣчалъ Авенирка, и тоже заплакалъ.
 Бродяги лежали на печкѣ и плакали. Имъ было горько сознавать не то, что ушла ихъ жизнь, а что ушла она такъ скверно и смрадно.

Они напрягали память, чтобы припомнить хоть одно доброе дѣло, но не могли припомнить. И они плакали, и ихъ слезы были горьки и горячи.

И тогда странникъ сказалъ:
 — А теперь и вы, милые души, послушайте мою сказочку. Послушайте и поплачьте, да припомните, дѣла какого добраго за собой не знаете ли. Сказочка моя, добрые вы люди, простенькая, и называется она „Сказочкой о двухъ кренделькахъ“.

VI.

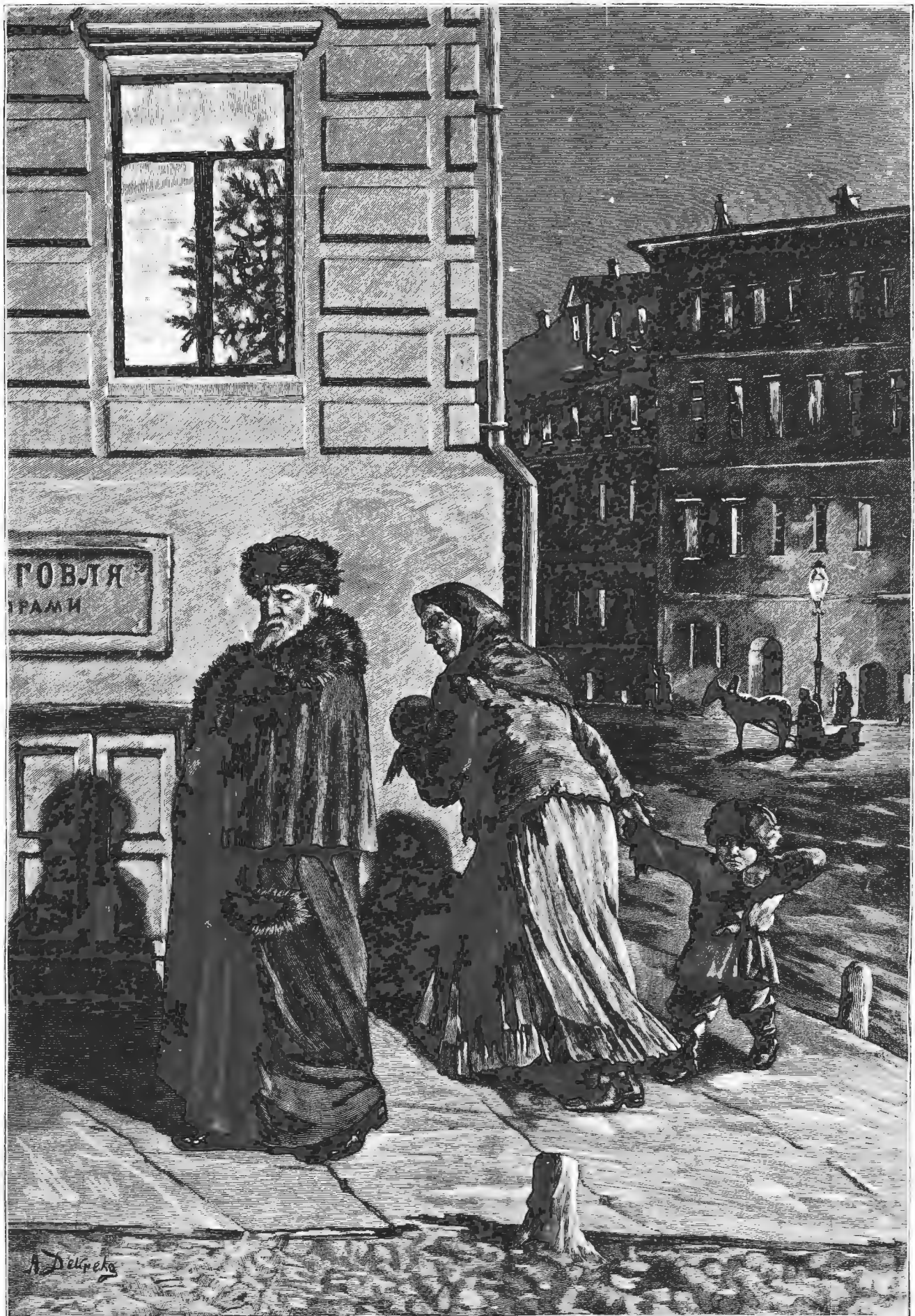
Странникъ вздохнулъ и началъ:

— Въ нѣкоей деревушкѣ небогатою, но кособогору за рѣчку, почти что у самой околицы, жили-были два мужика-лавочника, два брата родныхъ, Авдій и Прохоръ. И были они оба правомъ алы, сердцемъ черствы, и всю свою жизнь за прилавкомъ стояли, казачами и разными товарами торговали, денежки чеканили, копеечка къ копеечкѣ прикапливали. И этимъ живы были. Только стоятъ разъ оба брата Авдій и Прохоръ у себя въ лавочкѣ, стоятъ и покупателей къ себѣ поджидаютъ, заранѣе въ умѣ за этотъ день барыши подсчитываютъ. И вошли къ нимъ въ лавочку три мальчика. Въ этотъ часъ обозъ переселенцевъ деревней шель, и мальчюки эти самые изъ обоза въ лавочку забѣжали. Двое мальчюковъ прибѣжали рѣзвые, веселые да румяные, бѣгутъ, другъ друга локотками подталкиваютъ и прямо къ прилавку, крендели себѣ покупаютъ, и каждый тутъ же на прилавокъ семинишечекъ свой, смѣючись, положилъ. А третій мальчикъ, худенькій да блѣдный, у прилавка стоитъ, только на нихъ поглядываетъ, на кулачки свои красненькіе дуется. Купили мальчюки крендельки, но кармамамъ ихъ разговали, а по одному въ руки взяли, чтобы по дорогѣ съѣсть. Смѣются мальчюки и говорятъ лавочникамъ Авдью и Прохору, на блѣднаго мальчюка указывая: „Онъ,—говорятъ—дяденька, не крендельки покупать пришелъ, а просто такъ, съ нами постоятъ. У него — говорить — и семинишка-то сроду не бывало. Онъ, дяденька, пригульный сынъ солдатки!“ Смѣются ребятишки и другъ друга локотками подталкиваютъ. Ребяти-то, конечно, и не понимали хорошенько, что говорили, языкъ ихъ ребячій молоть, а сердце тутъ ни при чемъ было. А мальчикъ блѣдный у прилавка стоитъ, на кулачки дуется, слушаетъ ихъ и даже не обижается. Улыбается только. И улыбается такъ, что у Авдія и Прохора первый разъ въ жизни сердца дрогнули. Поняли они, что мальчикъ-то до такой точки доведенъ, что и обижаться ужъ пересталъ. Дрогнули сердца у Авдія и Прохора, и дали они мальчюку каждый по крендельку. А мальчикъ долго и руку протянуть за крендельками боялся, глазамъ своимъ не вѣрилъ, не вѣселятъ ли хотять, дескать. Однако прочиталъ въ глазахъ лавочниковъ ласку и крендельки принялъ. И тутъ же за товарищами вынырнуло побѣжалъ: дордой, слышно, смѣется, радуется. Не кренделькамъ онъ, милые вы души, радъ былъ, а ласкѣ. Возникло сердце его младенческое, потому что, можетъ-быть, первый разъ въ жизни доброту людскую узнало. И убѣжали всѣ три мальчюка за обозомъ. Случилось это, голубочки, ровно въ четвертъ на первую седмицу поста Великаго. А на Страстную седмицу случилось такъ, что Авдій съ Прохоромъ въ сосѣднюю деревню долги выколачивать ѣздили; ѣздили и дордой въ загоръ повали, обмокли, занедужили и на Ошину недѣлю Богу представились. Явились Авдій и Прохоръ передъ Судіями Верховными, передъ Господомъ Богомъ Отцомъ и Его Сыномъ. И велѣлъ имъ Богъ-Отецъ разсказать Ему всѣ грѣхи ихъ. Сказали Авдій и Прохоръ всѣ грѣхи свои и замолкли. И обрѣкъ ихъ Богъ-Отецъ на муки адекія. Но тутъ просилъ Сынъ Божій у Отца слова, и слово было дано Ему. И сказалъ Сынъ Божій Авдью и Прохору: „Не припомните ли за собой дѣла добраго?“ Подумали Авдій и Прохоръ и отвѣчали: „Не знаемъ за собою дѣла добраго, Господи“. И опять сказалъ имъ Сынъ Божій: „Я Сынъ Человѣческій, Меня ли устыдитесь? Подумайте хорошенько, не забыли ли о чемъ, не утаили ли чего малаго, но добраго?“ Подумали Авдій и Прохоръ и вспомнили тутъ о двухъ кренделькахъ.

Странникъ замолкъ, вздыхая и растирая свои большыя ноги. И вспомнили тутъ бродяги: не они ли отдали мальчюку сапоги и шапку, когда замерзали сами? И хотѣли они сказать объ этомъ страннику, но не сказали, потому что на нихъ наило сомнѣніе. И поняли они тутъ же, что не дѣло доброе совершили, а исполнили обязанность свою, для чего и въ міръ рождены были. И, исполнивъ ее, поэтому и облегченіе въ сердцахъ ощутили, какъ работникъ, совершившій урокъ.

Рождество въ Итали. Ориг. рис. П. Скопетта, грав. Унионъ.

Литературный альбомъ. „Рождественская ночь“, разсказъ Д. В. Григоровича.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Дейнеко, грав. Ю. Шюблеръ.

И продолжалъ странникъ:

— Вспомнилъ Авдій и Прохоръ о кренделькахъ, и хотѣли сказать о нихъ Сыну, но не сказали, потому что на нихъ пало сомнѣніе. И поняли они оба тутъ же, что не дѣло доброе совершили, а исполнители обязанности свою, для чего и были въ мѣрѣ призваны. И, исполнивъ ее, поэтому и облегчение въ сердцахъ ощутили, какъ работники, совершившіи урокъ. Посмотрѣлъ Сынъ Божій на Авдія и Прохора и прочиталъ мысли ихъ. И улыбуясь Сынъ Божій свѣтло и благостно, и возликовали младенцы въ колыбеляхъ, и заплакали разбойники по казематамъ. И заплакали Авдій и Прохоръ.

И продолжалъ странникъ голосомъ великимъ и благостнымъ, какъ труба ангельская:

Ночь въ лѣсу.

Рождественскій рассказъ О. В. Демертъ.

Тихо. Деревья, густо обсыпанные инеемъ, стоятъ какъ очарованныя подъ голубовато-серебристымъ свѣтомъ луны...

На большой полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ цѣлыми рядами высокыхъ стройныхъ сосенъ, свѣтъ сіяетъ какъ усыпанный разноцвѣтными камнями... Взглянешь на небо — тамъ тоже блескъ отъ мирады золотыхъ звѣздочекъ, которыя такъ и сияютъ, такъ и переливаются радужными огнями...

Въ лѣсу тихо, такъ тихо, что слышно, когда упадетъ мягкой хлопкомъ свѣга, или хрустнетъ вѣточка на деревѣ подъ легкой и быстрой бѣлкой, или пугливый зайчикъ, пробираясь скачками по лѣсу, наткнется на сухую палочку.

Но вотъ чудная тишина ночи нарушилась. Робкій звѣрекъ, только-что собиравшійся выскочить на поляну, замеръ отъ страха, присѣлъ на заднія лапки и наострилъ свои длинныя уши...

На узкой дорогѣ стояло что-то большое, темное, отъ чего легли длинныя тѣни на блестящемъ свѣгу; тѣни двигались, наклонились, издавали звуки. Зайчикъ большимъ скачкомъ исчезъ въ кустахъ...

На дорогѣ среди лѣса стояли распряженные сапки, ни лошади, ни кучера не было. Въ саняхъ сидѣли двое, мужчина и женщина, и тихо разговаривали, точно боясь нарушить тишину лѣса.

— Вотъ видите, судьба наказала меня, — говорилъ юный женскій голосъ, — нужно было послушать маму и ѣхать въ возкѣ со вѣемъ.

— Но, странное дѣло, — если вы не выносите его!.. Очень пріятно получить на весь вечеръ головокруженіе и слабость... Да и почему вы раскаиваетесь: посмотрите, развѣ этотъ лѣсъ не восхитителенъ при лучшемъ освѣщеніи!.. А воздухъ, тишина!.. Можетъ-быть, вы здѣсь избалованы природой, но у меня, петербуржца, просто духъ захватываетъ отъ полноты чувства...

— О, нѣтъ, и я страшно люблю природу, но теперь... я увѣрена, что мама беспокоится, а бабушка недовольна; она любитъ, чтобы въ этотъ вечеръ всѣ были съ нею; и наконецъ, всеобщая навѣрное началась!.. Духовенство приглашено къ шести часамъ!..

— Успокойтесь, Зина Николаевна, Михаилъ живо доѣдетъ, вѣдь всего три версты, и за нами тотчасъ приміуютъ лошадей.

— Нужно же было норовить этому ремню!

— Вотъ вы волнуетесь, а я такъ, право, радъ этому маленькому приключенію. Смотрите, это ли не поэзія: луна, звѣзды, лѣсъ и двое молодыхъ людей!.. Право, въ эту чудную ночь я считаю себя тоже молодымъ.

— Только въ эту ночь? Какъ будто вы не молодой?

— Сравнительно со старикомъ! — пожалуй!.. но съ вами!.. Вамъ вѣдь семнадцать?

— Ой, нѣтъ, мнѣ уже два мѣсяца какъ восемнадцать минуло.

— Ого, это дѣйствительно много! А все же пятнадцать лѣтъ разницы между нами, а главное, когда такъ много пережито, тогда чувствуешь себя старикомъ.

— Зачѣмъ же много жить, почему не беречь себя, вѣдь это отъ васъ зависитъ, — робко замѣтила молодая дѣвушка. — Я слышала, что вы дѣйствительно не бережете себя.

— Ахъ, и вы даже слышали. Тогда уже скажите правду — что вы слышали? Что я кучу, прожигаю жизнь, не такъ ли?

— Что-то въ родѣ этого.

— И что же вы подумали обо мнѣ?

— Я? Мнѣ очень было жаль васъ. Мнѣ жаль, что умерла ваша жена, что вы одинъ!.. вѣроятно, это все оттого!..

— Спасибо за участие!.. Да, я думаю, оттого!.. Я одинъ, нѣмъ хорошія средства, скучаю, и нѣтъ человѣка, который бы любилъ меня искренно. Но что вы все вздрагиваете, Зина Николаевна, вы озлиби? Позвольте мнѣ забутать васъ своей шубой, я, право, не озлибу.

— Ой, что вы, ни за что!.. Я не озлибла, а знаете, все-таки какъ-то жутко!.. развѣ не могутъ быть волки, или кто-нибудь!..

— Полноте, такая свѣтлая ночь!.. Здѣсь нѣтъ ни овраговъ, ни мелкаго кустарника, навѣрное, и волковъ нѣтъ.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— А все-таки непріятно оставаться въ безпомощномъ поло-

— И сказали Сынъ Божій: „Живъ человѣкъ, въ комъ сознание это есть, ибо свершится тогда все, что сказано. Но мертвъ человѣкъ, въ комъ сознаніе этого нѣтъ, ибо не дастъ онъ плода во вѣки, какъ сухая смоковница“.

И вышелъ странникъ на средину хаты, просіялъ вѣемъ существомъ своимъ и сталъ красотою неописанной. И исчезъ мальчикъ, и приподнялись Македонъ и Авениръ, чтобы поклониться страннику, но не могли поклониться и упали навзничь, потому что ихъ ослѣпилъ свѣтъ.

И приблизился странникъ къ Македону и Авениру и сказалъ:

— И подошелъ Сынъ Божій къ Авдію и Прохору, къ Македону и Авениру, и благословилъ преставившихся Ему.

И разверзлись тутъ стѣны хаты, и все смѣшалось.

женіи, — начала опять Зина. — Хорошо, что не холодно и ясно, а вдругъ бы метель, морозъ, собьешься съ дороги!.. Помните, у Толстого, или у Мамива — „Исповѣдь“? Какъ страшно замерзати!

— Замерзати уже не страшно, а вотъ сознавать, что непрерывно замерзнешь — непріятно. Я, впрочемъ, не помню, какая это „Исповѣдь“?

— Какъ же, тамъ сидятъ двое въ возкѣ и старикъ неповѣдуетъ большаго молодого, выслушиваетъ его грѣхи.

— Вотъ какъ, значить, если бы мы замерзли, то это мнѣ вы были бы должны разсказать свои грѣхи! Это интересно. А впрочемъ, какіе у васъ могутъ быть грѣхи?

— Развѣ я ужъ такой ребенокъ!

— Ну, скажите мнѣ, Зина Николаевна, какъ старому другу, есть у васъ секреты?

— Разумѣется, есть.

— Вообразите себѣ, что мы замерзаемъ: могли бы вы сейчасъ вспомнить, что есть такого, что вы бы считали очень дурнымъ поступкомъ въ вашей жизни?

Молодая дѣвушка слегка задумалась.

— Мнѣ кажется, могла бы!.. Я знаю, что особенно безпокойтъ меня!.. И это было въ одинъ и тотъ же день!..

— Какі! Два дурныхъ поступка въ одинъ день! Вы клеветаете на себя, Зина Николаевна!..

— Нѣтъ, именно два: сперва я подслушала чужой разговоръ, а потомъ!.. потомъ распечатала и прочла чужое письмо и отъ стыда не отдала его!..

— Вотъ какъ!.. Значить, вашъ главный грѣхъ — любопытство. Такъ и будемъ знать.

— Нѣтъ, увѣряю васъ, тутъ было совсѣмъ другое!.. Я хотѣла узнать!.. проверить очень важный для меня фактъ!.. Это желаніе было выше моихъ силъ!

— Къ кому же было это письмо, можно узнать?

— Къ одному изъ нашихъ!.. къ одной родственницѣ!.. Письмо было отъ того же человѣка, о которомъ я случайно подслушала разговоръ!.. Ой, этотъ человѣкъ, интересовалъ меня своей!.. загадочностью!.. неопытностью!.. то-есть и хотѣла и не могла понять его!..

— Хвалили его или бранили?

— Ни то, ни другое: передавали факты, мнѣ больно ихъ было слушать. И я рѣшила проверить ихъ сама во что бы ни стало.

— Значить, человѣкъ этотъ былъ дорогъ вамъ, Зина?

Голосъ спрашивающаго точно слегка дрогнулъ, но Зина этого не замѣтила отъ собственного волненія.

— Да. Онъ ѣздилъ въ нашу семью, былъ хорошъ со всѣми!.. Я хотѣла знать, кто именно ему дорогъ тамъ!..

— И что же вы узнали?

— Къ сожалѣнію, ничего. Письмо было самое пустое, и то, что я хотѣла узнать, такъ и осталось загадкой.

— Такъ вотъ какъ, Зина, я считалъ васъ ребенкомъ, а вы маленькая женщина, умѣющая хитрить!.. Но скажите мнѣ!.. и помогу, быть-можетъ, вамъ!.. что вы хотѣли знать про *того* человѣка; что васъ смущало въ немъ?

Зина низко опустила голову.

— О немъ говорили, что онъ!.. Донъ-Жуанъ, что онъ ухаживаетъ за всѣми, что у него нѣтъ ничего святого, что его нужно бояться!..

— А вы повѣрили, Зина?.. Вы боитесь его?

Головка наклонилась еще ниже.

— Вы не подумали, что онъ тоже боится!.. Боится молодости, боится, что онъ ошибается и дѣтское чувство принимаетъ за любовь!.. Что его ухаживанья, пустыи, свѣтскія ухаживанья, вызываютъ только скуку, что этотъ Донъ-Жуанъ охотно бы отдалъ всѣ свои побѣды за одно маленькое словечко изъ устъ милой дѣвушки. Но онъ не смѣетъ спросить ее!.. она такъ молода, такъ чиста, а онъ — увы! — уже такъ много прожилъ, много испыталъ!.. Смотрите, Зина, мы теперь одни съ природой!.. Насъ видятъ только эти звѣзды, а услышу я одинъ!.. Что вы хотѣли знать въ этомъ пьесѣ, и отвѣчу вамъ самъ!.. Ну, смѣйте, Зина, смѣйте, моя дорогая!..

— Я хотѣла знать!.. и думала!.. что вы!.. что вы любите Наталью Александровну Свирикову, что она!.. тоже!..

И вдруг ему на руку капнула горячая слезинка, за ней — другая, и Зина сиротала свое личико в муфту.

— Милая моя дѣтка.. счастье мое.. дорогая.. Какъ я буду беречь тебя, какъ любить.. — слышится Зинѣ какъ въ очарованномъ снѣ.

Но вдругъ она быстро выпрямляется и выдыхаетъ.

Изъ-за деревьевъ, звени бубенцами, выѣзжала тройка. Въ большихъ пошевнихъ сидѣла кака-то женская фигура.

— Барышни!.. Замерзли-то чай!—слышится голосъ бабушкиной горничной.—Извольте садиться..

Зина позволяетъ себя закутывать въ безконечные пледы и платки, она только блаженно выдыхаетъ во всю дорогу, пока тройка мчитъ ихъ къ бабушкиному дому.

Ей хочется все глядѣть на это глубокое, чудное небо, усыпанное звѣздами, а душа готова унести въ высь и радостно

слиться съ пѣніемъ славословящихъ ангеловъ. О, какая дивная рождественская ночь, она навсегда останется у нея въ памяти!

Всенощная уже приходила къ концу, когда Зина опустилась на колѣни рядомъ съ матерью. Кажется, никогда она еще такъ усно не молилась, никогда еще пѣніе рождественскихъ прмосъ не звучало для нея такъ чудно и такъ свято. Въ ея душѣ тоже все пѣло, все ликовало, все было силовное счастье, блгодарность Богу за это счастье и любовь!

А онъ стоялъ поодаль и не спускалъ глазъ съ нея. Она ему казалась совсемъ другой: это уже не шаловливый ребенокъ, эта чудная, милая дѣвушка! И новое, еще неиспытанное чувство теплаго умиленія наполняло грудь.. Хотѣлось и плакать, и молиться!

Къ рисункамъ.

Праздникъ Рождества.

(Рис. на стр. 1275, 1278, 1279, 1283, 1286 и 1291).

Праздникъ Рождества—праздникъ дѣтей, а елка — главный предметъ рождественскихъ восторговъ. Богато ли разукрашенная огнями и подарками или скромно убранная парой цвѣтныхъ бумажныхъ гирляндъ и десяткомъ восковыхъ свѣчекъ, — елка одинаково дорога дѣткамъ, одинаково вызываетъ ихъ восторгъ.

За что же именно *елка* такая великая честь?

Много есть объясняющихъ это преданій. Говорятъ, что елка потому дерево Христова, что она одна зеленѣетъ въ зимнюю службу и непогодь, напоминая о вѣчной жизни, вѣчномъ цвѣтѣ.. Есть еще сказаніе, что вѣчно-зеленый уборъ подаренъ елкѣ Создателемъ въ память того, что изъ нея былъ сдѣланъ крестъ, на которомъ распятъ былъ Спаситель.

Такъ или иначе елка — эмблема вѣчной жизни.

Съ перваго же момента появленія въ домъ елка вноситъ радость и оживленіе. Она какъ бы продолжаетъ у насъ свою лѣсную привольную жизнь. Весь домъ наполняется ея живительнымъ смолистымъ ароматомъ.. Вдыхая его, мы переносимся мысленно въ лѣсъ. И хоть на дворѣ трещитъ морозъ и бумуеъ вьюга, елка своей зеленью согрѣваетъ намъ застуженное сердце, вѣетъ на насъ дыханіемъ весны и лѣта. Много лѣтъ улавливала она въ себя и «яркій солнца свѣтъ, и ароматный воздухъ лѣса», и все, что она собрала за это время, она радостно отдаетъ теперь намъ во дни общей радости. Мы чувствуемъ это, когда она стоитъ предъ нами гордая, вся искристая огнями.. Вслушайтесь, среди шума веселья, подойдите къ ней поближе, и вы лветвенно услышите тихій, сухой трескъ, вылетающій изъ ея пушистыхъ вѣтвей, изъ ея сѣраго смолистаго ствола.. Прозанчиве, сухіе люди скажутъ вамъ, что это дѣйствіе теплоты, — не вѣрьте имъ, это съ трескомъ раскрываются тѣ маленькія щелочки, изъ которыхъ рвется къ намъ ароматы лѣса.. Это хмурый, добрый лѣсъ плетъ услуду бѣднымъ дѣткамъ, осужденнымъ теперь сидѣть въ городкахъ, въ душныхъ стѣнахъ урюжыхъ домовъ.. Мнръ дѣйствительности—на Рождествѣ мало чѣмъ отличается отъ мнра грѣзы. Веселье, смѣхъ, радость льются безпрерывнымъ потокомъ, смѣняясъ одно другимъ.. Общее дѣтское ликование обнимаетъ весь мнръ, всѣ слои общества, сливающегося въ этотъ день въ одно попліе людей-братевъ по Христу. Всюду, и въ семьѣ, и въ школѣ, и въ пріютахъ—радость и ликование дѣтей.. Велико, широко это ликование, царящее въ дѣтской душѣ.. И подъ конецъ утомляетъ.. Слабая головка, непривычная къ такому наплыву, къ такой быстрой смѣнѣ ощущений, начинаетъ кружиться, и утомленная малютка, только-что бѣгавшая по залѣ, только-что танцовавшая, съ игрушкой въ рукѣ, вокругъ елки, впадаетъ въ какое-то сладкое забытѣ..

Милая, свѣтлая елка, сладкій рождественскій сонъ подъ ея свѣсившимся до полу вѣтками! Счастливы дѣтки! Много чудныхъ видѣній проносятся тутъ предъ вами, какъ апофеозъ пережитыхъ радостей свещеннаго дня.. Цѣлый мнръ чудесъ.. Пастушокъ гошитъ въ поле стадо барашковъ, съ гикомъ и присвистомъ несуетъ по лѣсу охотники, на «куклиной» плитѣ кипитъ и варится обѣдъ для гостей, а воиъ и гости—съ страшнымъ усаномъ-щелкунчикомъ во главѣ; подъ громкіе дребезжащіе звуки чумазаго оркестра гости становятся въ пары, и воинственный щелкунчикъ открываетъ рождественскій балъ объ руку съ крохотной тиролькой.. Счастливы тѣ дѣтки, которымъ удалось видѣть хоть во снѣ эти чудеса рождественской ночи.

Да, Рождество—праздникъ дѣтей; оно еще и праздникъ малыхъ духовъ, праздникъ бѣдныхъ, страждущихъ, праздникъ тѣхъ, для кого цѣлый годъ—темный непроглядный мракъ мучений, для кого день Рождества—грань страданій, день радости и свѣта. Въ день Рождества Спасителя мнра должны всѣ радоваться и въ этой радости хоть разъ въ годъ быть равны и близки другъ другу. Такъ думаютъ у насъ на Русь теперь, такъ думали и поспунали и въ старину. Этому доброму обычаю слѣдовали всѣ, начиная съ царя и кончая смердомъ.

Еще въ сочельникъ, наканунѣ Рождества, рано утромъ, царь

въ сопровожденіи отряда стрѣльцовъ и подьячихъ Тайнаго Приказа дѣлалъ тайный выходъ въ тюрьмы и богадѣлни и самъ, собственноручно раздавалъ милостыни тюремнымъ сидѣльцамъ, колодничникамъ, богадѣльнымъ, увѣчнымъ и вообще всякимъ бѣднымъ людямъ. По примѣру царя, раздавали милостыню широкою рукою и многіе его приближенные, и всѣ вообще богатые люди. Однимъ словомъ, въ этотъ день не было во всей Москвѣ ни одного нищаго, оставшагося безъ царской милостыни, у каждаго было чѣмъ разговѣться, каждый зналъ и чувствовать, что сегодня праздникъ. Точно такъ же и въ самый день Рождества Христова царь не садился за столъ, прежде чѣмъ не были накормлены тюремные сидѣльцы, плѣнные и нищія братія. «Столы» или «кормы» для нищей братіи и для колодничковъ устраивались въ самомъ Кремлевскомъ дворцѣ, въ Передней или на Золотомъ крыльцѣ. Бывало, что собиралось нищей братіи очень много, и тогда столы ставились и въ Царицыной Золотой палатѣ. Въ одной изъ сохранившихся «расходныхъ записокъ» за 1664 г. имѣются свѣдѣнія о количествахъ продуктовъ, заготовленныхъ для такого «кормленія» въ праздникъ Рождества Христова: «взято взяемо 40 тунъ свиныхъ да въ ряду куплено 22 тунъ.. 16 стяговъ говядины, три четверти муки шевичной доброй, четверть крутъ гречневыхъ, хлѣбовъ ситныхъ да калачей по 500; да 20 сырровъ, 10 гривенокъ (фунтовъ) сала, 500 яицъ и проч. Кормлено всего 487 человекъ да караульныхъ стрѣльцовъ 30 человекъ».

Этотъ добрый обычай старинны сохранился и понынѣ. До сихъ поръ въ дни знаменательныхъ, радостныхъ событій устраиваются на средства государя или монастырей или же частныхъ лицъ даровыя трапезы для бѣдныхъ. Такие безплатные обѣды для бѣдныхъ устраиваются обыкновенно и въ день Рождества, и въ Свѣтлое Воскресенье. Теперь прошли времена вѣшнннго, уличнаго благотворенія бѣднымъ, теперь правительствомъ старается сократить и даже искоренить подачу милостыни, столъ процвѣтавшую въ старину. Благотворительность стараются сконцентрировать, сдѣлать ее осмысленной, плодотворной, путемъ устройства попечительства о бѣдныхъ, рабочихъ домовъ, пріютовъ, куда могъ бы обращаться съ просьбой каждый бѣднякъ, и гдѣ онъ находилъ бы и трудъ, и кровъ, и пропитаніе. Объ этихъ благихъ учрежденіяхъ слѣдуетъ вспомнить въ день великаго праздника, и внести туда свою лепту на нужды тѣхъ, кому судьба не дала возможности встрѣтить этотъ день радостно и въ довольствѣ.

Весь христіанскій мнръ радуется въ этотъ день, и Старый и Новый Свѣтъ, и жители благаго, и жители чернаго материка, и въ мирномъ семейномъ кругу, и на кораблѣ въ открытомъ морѣ, и въ дикомъ, первобытномъ лѣсу подъ тропиками, и въ мрачной тайгѣ далекаго Сѣвера.. Всѣмъ приноситъ Рождество радость, а дѣтямъ въ особенности, хотя вездѣ различно.

Такъ, напримѣръ, во Франціи, дѣти наканунѣ Рождества, ложась спать и, по обыкновенію, выставляя за дверь спальни свои саножки, надѣются найти въ нихъ утромъ рождественскіе подарки. Малютки увѣрили, что въ эту ночь «небесные почталовны» разносятъ подарки дѣтямъ всего мнра отъ Боженьки. И, понятно, на утро саножки полны подарковъ — рождественская почта всегда бываетъ исправна.

А въ лазурной Италіи, — гдѣ не знаютъ почти мороза и свѣта, гдѣ не зеленѣетъ наша милая, родная елка, — какъ ласточки—весну, такъ пастухи возвѣщаютъ съ горъ звуками своихъ волюнокъ почти за мѣсяцъ (29-го ноября) приближеніе великаго праздника. Съ 29-го ноября по 7-е декабря чествуютъ въ Италіи Пресвятую Дѣву, чествуютъ религиозной музыкой—народъ, дѣти. Простая національная волюнка замѣняетъ церковный органъ, и звуки, благоговѣнно изъ нея извлекаемые, звучатъ молитвенно, трогательно и утѣшительно. Много такихъ маленькихъ музыкантовъ бродитъ въ эти дни по Италіи, всегда собирая вокругъ себя толпы дѣтей, старающихся всѣми силами перенять искусство этихъ «артистовъ». Но всѣ эти девять дней—лишь увертюра къ празднеству. До 16 декабря длится науза, а съ этого дня начинается «Novena del Gesù Bambino», — седмидневное чествованіе Младенца-Иисуса, продолжающееся до 24 декабря. Это время вмѣстѣ съ тѣмъ

самое хлопотливое, время епѣнныхъ и слезныхъ приготовлений къ празднику, время заготовокъ всякой епѣды, занимающей въ домѣ все углы, цѣлыми горами высыпающейся на рынкахъ и базарахъ. Но этимъ праздничнымъ дѣломъ заняты взрослые, на долю же дѣтей выпадаетъ болѣе интересное дѣло. Дѣло идейное, — строится традиционная ясли, устраивается вертепъ виледемскій со звѣздою и съ маленькимъ розоватымъ изображеніемъ младенца въ ясляхъ... Дѣти съ восковыми изображеніемъ младенца на блюдѣ, со свѣчами, цвѣтами и вѣтвями въ рукахъ, съ свѣжими плодами въ передникахъ, присоединяются къ общей процессіи и направляются въ церковь. Тамъ зажигаются все свѣчи и всеми дѣтскими хоромъ поютъ колыбельную пѣсню Младенцу-Христу.

— Да, праздникъ Рождества во всемъ мѣрѣ — праздникъ дѣтей.

Литературный альбомъ. „Рождественская ночь“, рассказъ Д. В. Григоровича. (Рис. на стр. 1287.)

Читатели навѣрное уже прочли въ разосланномъ намъ при № 49 *Писемъ* двенадцатомъ томѣ сочиненій Д. В. Григоровича рассказъ „Рождественская ночь“. Помѣщенный здѣсь рисунокъ иллюстрируетъ одну изъ сценъ въ началѣ рассказа, когда сапожникъ Араатовъ, при свѣтѣ фонарей и близкайшихъ оконъ, освѣщенныхъ пазури зажженными елками, увидѣлъ оборванную женщину, державшую на груди ребенка, закутаннаго въ тряпье; свободной рукой танцала она мальчика лѣтъ пяти; шершавыя лохмотья и неуклюжая взерошенная шапка, нававшая на глаза мальчика, придавали ему близкое сходство съ медвѣжькомъ; ребенокъ уныралъ и плакалъ навзрыдь, засовывая пальцы въ ротъ, отчего и получались тѣ страшные звуки, которые заставили сапожника оглянуться.

— Баринъ-батюшка, — заговорила женщина, обнадеженная движеніемъ господина, — подайте на хлѣбъ... Хоть малость накую... Подайте для праздника...

Н. М. Языковъ. (Портр. на стр. 1294.)

„Издревле сладостныи союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ;
Они — жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ.
Родня другъ другу по судьбѣ,
Они родня намъ въ вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью,
Языковъ, близокъ я тебѣ!“

Такъ писалъ въ 1824 году Пушкинъ молодому Языкову, который въ то время едва выступилъ на литературное поприще и съ которымъ нашъ великій поэтъ сильно желалъ познакомиться чуть ли не съ появленіемъ въ печати перваго стихотворенія Языкова. Начавъ такъ блестяще свою поэтическую дѣятельность, Языковъ сразу выдвинулся въ первые ряды такъ называемыхъ младшихъ поэтовъ Пушкинскаго вѣка, тотчасъ же привлекая къ себѣ общее вниманіе публики и навсегда останется украшеніемъ русской словесности.

Языковъ жилъ недолго, но началъ писать рано и работалъ на литературной нивѣ почти четверть вѣка. Николай Михайловичъ Языковъ родился въ Симбирскѣ, 4 марта 1803 года, и происходилъ изъ состоятельной дворянской семьи. На двадцатомъ году онъ былъ отданъ въ петербургскій горный корпусъ, гдѣ воспитывались и два его старшіе брата. Мальчикъ былъ очень способный, но математическія науки не привлекали его къ себѣ, и невѣстна, какъ сложилась бы его дальнѣйшая судьба, если бы онъ не встрѣтился въ корпусѣ съ просвѣщеннымъ любителемъ русской словесности, преподавателемъ ея въ корпусѣ, А. Д. Марковымъ: ему одному приписывалъ поэтъ Языковъ все свои успѣхи на поэтическомъ поприщѣ. „Ты предугадать, — писалъ поэтъ, — кто буду я, и что прекраснаго судьбина мнѣ дастъ за подвигъ бытія. Твои радужныя заботы живое чувство красоты во мнѣ питали; ибно ты лелѣялъ первые полеты едва проснувшейся мечты. Лѣта прошли. Не камню предать ты сѣмена благихъ трудовъ: я сердцемъ пламеннымъ увѣдалъ музыку мыслей и стиховъ“. Благодаря своимъ способностямъ и необыкновенной памяти, молодой Языковъ успѣлъ благополучно пройти шестилѣтній курсъ корпуса и, по окончаніи его, въ 1820 году поступилъ для продолженія образованія въ инженерный корпусъ, — однако, здѣсь математика окончательно дошла его, и черезъ годъ онъ вышелъ изъ корпуса, не окончивъ курса.

Слѣдующіе полтора года Языковъ прожилъ въ Петербургѣ, занимаясь исключительно литературой, и здѣсь были написаны, въ 1822 году, его первыя стихотворенія, обратившія на него вниманіе А. Ѳ. Воейкова, который убѣждалъ его не бросать образованія и, наконецъ, осенью 1822 года, снабдилъ его рекомендательными письмами и отправилъ въ Дерптъ, гдѣ Языковъ записался въ число студентовъ университета. Къ тому же времени относятся и появленіе въ печати первыхъ его стихотвореній, которыя, какъ мы уже упомянули, сразу привлекли къ нему симпатіи и писателей, и публики. Лѣтомъ 1823 года, Жуковскій, посетивъ Дерптъ, обласкалъ начинающаго поэта и ободрилъ его къ дальнѣйшей дѣятельности: въ слѣдующемъ

году Пушкинъ обратился къ нему съ посланіемъ, начало котораго мы привели въ заголовкѣ настоящаго очерка и которое заканчивается приглашеніемъ Языкова погостить въ некоемъ помѣстьѣ поэта, селѣ Михайловскомъ. Въ Дерптѣ талантъ Языкова созрѣлъ и опредѣлился окончательно: „Онъ былъ поэтъ, — пишетъ о себѣ Н. М., — безценными глазами глядѣлъ на мѣръ и былъ ему чужой; онъ сладостно бесѣдовалъ съ друзьями; онъ красоту боготворилъ душой; онъ воспѣвалъ счастливыми стихами харить, вино, и дружбу, и покой“. „Поэтъ радости и хмеля“, онъ цѣлъ „лапнты и уста, и стаи“, и все, что красота въ его богинѣ сладострасты“. Наконецъ, поэтъ природы, онъ и цѣлъ „холмы, лѣса, поляны, скалы значныхъ береговъ и старинные курганы — память смѣлыхъ праотцовъ, — сохраненные вѣками“, — вотъ чѣмъ жила муза Языкова. Стихи его читались публично съ увлеченіемъ, популярности его росла не по днямъ, а по часамъ, и молодежь положительно зачитывалась ими. Въ 1826 году Языкову довелось, наконецъ, познакомиться съ Пушкинымъ, у котораго онъ провелъ въ Михайловскомъ все это лѣто. Воспоминанія объ этомъ лѣтѣ на всю жизнь остались лучшимъ сокровищемъ въ душѣ пламеннаго поэта: „Что восхищательнѣе, краше свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ, когда за истинною чашей съ поэтомъ говорить поэтъ?“ — пишетъ онъ въ стихотвореніи „Тригорское“, написанномъ тотчасъ же послѣ возвращенія въ Дерптъ.

Шесть лѣтъ прожилъ поэтъ въ Дерптѣ, готовясь къ экзамену на университетскій дипломъ, но занятія его шли не систематически, урывками, дни проходили въ наслажденіи жизнью, почти все время посвящалось утѣхамъ любви и вину, и въ концѣ 1829 года Языковъ выѣхалъ изъ Дерпта бездипломнымъ студентомъ, такъ и не успѣвъ сдать кандидатскаго экзамена. Пустота и безсодержательность дерптской жизни гнали его отсюда въ Москву, гдѣ онъ, „вольный родины гвенецъ“, рассчитывалъ „проевѣтѣть жизнью новой“ и бросить свой „лавровый, виномъ обрызганный вѣнецъ“.

Въ Москвѣ поэтъ, по собственному признанію, жилъ чрезвычайно уединенно, безвыходно-безвыѣздно сидѣлъ дома и въ полной власти собственного своего произвола, занимаясь русской исторіей и русской литературой. Въ это же время онъ началъ хлопотать о поступленіи на службу; 12 сентября 1831 года онъ былъ опредѣленъ канцеляристомъ въ межевую канцелярію; черезъ годъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы, а 18 ноября 1833 года былъ уже, по прошенію, уволенъ съ этимъ же чиномъ въ отставку: служба, по мнѣнію Языкова, препятствовала ему заниматься его главнымъ дѣломъ — „стихотвореніемъ“, а обезпеченное состояніе не заставляло его искать въ этой службѣ средствъ къ существованію. Къ тому же, въ это время Языковъ почувствовалъ сильныя приступы болѣзни, которая обнаружилась у него еще въ 1831 году: его мучили страданія спинного мозга и печени. Чтобы свободно отдаться любимѣйшему своему занятію — поэзіи, Языковъ рѣшилъ переселиться въ свою симбирскую деревню, но болѣзнь заставляла его часто ѣздить за медицинскою помощью въ Москву, а послѣ сильной простуды, уложившей поэта въ постель на всю осень и зиму 1837 г. и весну слѣдующаго года, его съ трудомъ перевезли въ Москву, а отсюда врачи отравили его за границу. Въ августѣ 1838 г. онъ выѣхалъ въ Маріенбургъ, гдѣ пробылъ около двухъ мѣсяцевъ, а отсюда отправился въ Ганау, къ знаменитому въ то время врачу Кону, который обѣщалъ въ продолженіе года поставить его на ноги, но не могъ сдержать обѣщанія: болѣзнь упорствовала. Гаштейнъ, Индза, Швальбахъ, Римъ — всюду искалъ поэтъ облегченія отъ своихъ страданій, но тщетно; ходилъ онъ съ трудомъ, не могъ безъ провожатаго подняться на лѣстницу, не могъ даже прочесть странницу или написать пять строкъ, не почувствовалъ одышки; изрѣдка только наступали минуты облегченія, и большой отдавалъ ихъ своему любимому дѣлу — писанію стиховъ. Наконецъ, отчаяніе охватило его; въ одной изъ своихъ элегій онъ пишетъ: „Богъ въстѣ, не втуне ли считался въ чужихъ краяхъ я много лѣтъ! Мой черный день не разгулялся, мнѣ утѣшенія нѣтъ какъ нѣтъ! Печальный, трестный и томный, назадъ, въ отеческій мой домъ, епѣну, какъ птица въ кустъ укромный епѣнитъ, забитая дождемъ“. И действительно, въ августѣ 1843 г., послѣ пятилѣтняго скитанія за границей, проведеннаго подъ суровой ферулой врачей, Языковъ возвратился въ Москву, гдѣ его взялъ подъ свою опеку его дерптскій товарищъ, знаменитый въ свое время врачъ, профессоръ Иноземцевъ.

Послѣдніе три года жизни Языкова прошли въ тяжкихъ страданіяхъ, но это не измѣнило его характера; даже во время самыхъ сильныхъ приступовъ болѣзни онъ не впадалъ въ хаудру и сохранялъ ясное спокойствіе духа, услаждая свое положеніе чтеніемъ Священнаго Писанія, отечественной исторіи, литературы, а также писаніемъ стиховъ и изданіемъ своихъ произведеній, которыхъ вышло за это время два: въ 1844 году — „56 стихотвореній“ и „Новыя стихотворенія“, въ количествѣ 62 пьесъ. Лѣтомъ 1846 г. Языковъ принялся, живя на дачѣ въ Сокольникахъ, за лѣченіе холодною водой, которое принесло хорошия результаты; поэтомъ было рѣшено не бросать его и по переѣздѣ больного въ городъ. Всю осень дѣло шло какъ нельзя лучше, но, къ несчастью, Языковъ жилъ очень далеко отъ водолѣчебнаго заведенія, и въ одну изъ поѣздокъ

Рождественская елка въ городской школѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ѳ. Козачинскаго, грав. Пястужкевичъ.

туда, въ половинѣ декабря, простудился. Съ нимъ сдѣлалась первая горячка, противъ которой медицина оказалась безсилна. Языковъ съ самаго начала болѣзни предчувствовалъ, что ему не суждено больше жить, и сталъ готовиться къ смерти. Горячка усиливалась; больной часто впадалъ въ безпамятство, но временами совершенно владѣлъ собою. Два за два до смерти, приди въ себя, онъ исповѣдался, причастился Св. Таинъ, самъ распорядился всѣмъ касательно своего погребенія, и на тринадцатый день болѣзни, 26 декабря 1846 г., скончался, а 30 декабря былъ похороненъ на кладбищѣ Данилова монастыря.

Какое же мѣсто занимаетъ Языковъ въ русской литературѣ? Написалъ онъ немного: всего два тома стихотвореній, представляющихъ въ общей сложности около 28 печатныхъ листовъ обыкновеннаго формата и заключающихъ въ себѣ 221 произведеніе, почти исключительно мелкихъ стихотвореній. Несмотря на то, изъ-за Языкова ломали концы виднѣйшіе представители нашей критики того времени, и даже наиболѣе недоброжелательные къ нему не отрицали крупнаго значенія Языкова въ нашей поэзіи. Бѣлинскій, напр., обвинялъ его въ вычурности выраженія, оскорбляющей эстетическій вкусъ, въ мнимой оригинальности языка, въ ложности красокъ и самыхъ чувствъ, въ крайней холодности. „Муза Языкова, — писалъ онъ, — не понимаетъ простой красоты, неполноценной спокойной внутренней силы; она любитъ во всемъ одну яркую и шумную, одну эффектную сторону. Это видно во всякой строкѣ, имъ написанной... Поэзія Языкова — не болѣе, какъ разноцвѣтный огонь оразившагося на лѣднѣ солнца“. Но и Бѣлинскій принужденъ сознаться, что смѣлныя, по ихъ оригинальности, стихотворенія Языкова имѣли полезное вліяніе на общественное мнѣніе и „дали возможность каждому писать не такъ, какъ всѣ пишутъ, а какъ онъ способенъ писать, дали каждому возможность быть самимъ собою въ своихъ сочиненіяхъ“. Бѣлинскій признаетъ, что имя Языкова навсегда принадлежитъ русской литературѣ и „не сотрется съ ея страницъ даже тогда, когда стихотворенія его уже не будутъ читаться публикою: оно останется извѣстно людямъ, изучающимъ исторію русскаго языка и русскаго литератора“. „Поэзія Языкова не представляетъ намъ роскошнаго богатства и плѣнительнаго разнообразія въ своемъ содержаніи: это — ея существенный недостатокъ. Зато виднѣяя сторона ея — стихи, полный неподдѣльной красоты, составляетъ гордость музы Языкова. Гармонія, сила, музыка стиховъ слышится всюду въ его твореніяхъ... Языковъ вездѣ является чуднымъ мастеромъ стиха и великимъ художникомъ слова“. Недаромъ Погодинъ предсказывалъ, что „златокованый стихъ его, которому завидовалъ Пушкинъ, который уважалъ высоко Жуковский, возгремитъ еще ярче, заблеститъ еще ярче, чѣмъ прежде, къ наслажденію и гордости всѣхъ истинныхъ друзей русской словесности“; недаромъ Шевыревъ первый обратилъ вниманіе на то, что „главное и особенное достоинство поэзіи Языкова судьба какъ будто нарочно выразила въ его имени“, и что „поэзія русскаго языка въ стихѣ была открыта ему до высшей степени совершенства“; и Гоголь вслѣдъ за нимъ повторялъ, что „имя Языковъ пришлось ему не даромъ: владѣть онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властью: откуда ни начнешь періодъ, съ головы ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно, заключитъ и замкнетъ такъ, что остановишься, пораженный“.

Да, стихи Языкова будутъ славою и гордостью каждаго истинно-русскаго, — говоря его же словами, —

„Покуда нашъ языкъ, могучій и прекрасный,
Пѣвучій и живой, звучитъ намъ сладкогласно,
И есть отечество у насъ“.

Гарриэтъ Бичеръ-Стоу. (Портр. и рис. на стр. 1292 и 1294.)

Полгода тому назадъ, 1-го юлія (и. с.) п. г. скончалась на 85-мъ году жизни американская писательница Бичеръ-Стоу, извѣстная всему міру авторъ столь популярнаго романа „Хижина дяди Тома“. Эта книга при своемъ появленіи вызвала взрывъ горячаго сочувствія къ угнетаемымъ американскими плантаторами неграмъ-рабамъ и послужила толчкомъ къ тому грандіозному движенію, которое привело къ междоусобной войнѣ сѣверныхъ и южныхъ штатовъ за освобожденіе и совершенно измѣнило весь социальный строй великой республики Новаго Свѣта. Бичеръ-Стоу — дочь доктора и проповѣдника Лиманъ-Бичеръ, родилась 14 юнія 1812 г. въ Лихтфильдѣ, въ штатѣ Коннектикутъ. Уже съ 15 лѣтъ, почти дѣвочкой, Гарриэтъ посвятила себя педагогической дѣятельности и сдѣлалась помощницей учительницы въ школѣ своей старшей сестры, чтобы облегчить траты родителей на содержаніе огромной семьи. Первую свою новеллу Гарриэтъ написала на 21 году, а въ 1836 г. она вышла замужъ за профессора богословія Стоу, и въ этомъ же году въ ней зародилась идея будущаго знаменитаго романа. Въ то время, въ штатѣ Цинцинати, начались безпорядки изъ-за вопроса о рабствѣ; такъ какъ мужъ Гарриэтъ уѣхалъ въ Европу, то молодой женѣ захотѣлось подѣлиться съ нимъ впечатлѣніями объ этомъ новомъ движеніи, и она описала цинцинатскіе безпорядки въ своемъ дневникѣ. Затѣмъ она начала печатать маленькіе очерки и рассказы, въ которыхъ робко принимала

сторону угнетенныхъ, потому что въ ея штатѣ, Огайо, было небезопасно открыто и смѣло проповѣдывать идею абolicіонизма. Въ 1850 г. Стоу переселилась въ штатъ Мэнтъ, и тутъ въ головѣ Гарриэтъ окончательно созрѣла идея романа, идея, которая не переставала мучить ее. „Если бы мое перо было такъ краснорѣчиво, какъ твое, — писала ей ея свояченица, — я бы написала такое произведеніе, изъ котораго вся нація узнала бы, что за проклятое дѣло рабство“. Эти слова глубоко запали ей въ душу. И вотъ 5 юнія 1851 года въ вашингтонской газетѣ *National Era* началось печатаніе „Хи-

Домикъ, гдѣ жила Гарриэтъ Бичеръ-Стоу.

жины дяди Тома или жизнь среди бѣдныхъ и несчастныхъ“. Это былъ лишь набросокъ, которымъ хотѣла ограничиться писательница; но по мѣрѣ появленія его въ газетѣ, она стала получать со всѣхъ концовъ такое множество восторженныхъ и сочувственныхъ писемъ, что это побудило ее измѣнить и расширить планъ своего произведенія. Лишь въ апрѣлѣ 1852 г. она окончила его и получила за этотъ знаменитый романъ, усѣбъ котораго было неслыханнымъ, 300 долларовъ. Матеріальное положеніе супруговъ Стоу было очень стѣсненнымъ и поправилось лишь съ выходомъ романа отдѣльной книгой. Въ первый же годъ выхода его, онъ разошелся въ Америкѣ, Англии и другихъ странахъ въ количествѣ 600,000 экземпляровъ и былъ переведенъ на 20 иностранныхъ языковъ. Въ Россіи появленіе романа совпало съ кануномъ великой реформы 19 февраля 1861 года, и очень понятенъ тотъ колоссальный усѣбъ, который имѣла эта книга у насъ. Весной 1853 г. Гарриэтъ отправилась въ Европу, гдѣ ее встрѣтили восторженнымъ триумфомъ. Тѣмъ временемъ вопросъ о рабствѣ перешелъ на фактическую почву; въ 1861 г. президентомъ Штатовъ сдѣлался Авраамъ Линкольнъ — убѣжденный и страстный сторонникъ абolicіонизма, южные штаты отпали отъ союза, и вспыхнула ожесточенная гражданская война. Въ числѣ первыхъ добровольцевъ, поднявшихъ оружіе за освобожденіе рабовъ, былъ сынъ писательницы. Двухдневная битва при Джептсбергѣ рѣшила войну въ пользу сѣверныхъ штатовъ, и въ этой битвѣ молодой Стоу получилъ тяжелую рану. Въ 1863 г. окончательное освобожденіе рабовъ стало фактомъ, и Гарриэтъ занялась устройствомъ благосостоянія освобожденныхъ рабовъ. Она не переставала писать романы и издавать ихъ въ свѣтъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ и тысячной доли усѣбъ ея перваго произведенія. Только въ 1869 г. снова поднялся шумъ вокругъ имени писательницы по поводу ея статьи „Истинная исторія жизни лэди Байронъ“, въ которой она съ запальчивостью обвиняла мирового поэта въ развратѣ и прелюбодѣліи; эта статья вызвала взрывъ негодованія какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ за оскорбленіе памяти Байрона. Въ юнѣ 1882 г., въ семидесятую годовщину рожденія популярной писательницы, въ Бостонѣ были устроены блестящіе праздники, на который были приглашены всѣ выдающіеся писатели и поэты Америки. Въ 1886 г. скончался ея мужъ, и она прекратила свою литературную дѣятельность. Въ домѣ своего сына, священника въ Гартфордѣ, скончалась знаменитая Бичеръ-Стоу.

Политическое обозрѣніе.

Германскій рейхстагъ, принявъ декларацію между Германіей и Франціей относительно урегулированія договорныхъ отношеній Германіи съ Тунисомъ, отложилъ 4 декабря свои засѣданія до 31 декабря.

Нѣсколько щекотливый для Италіи вопросъ о Тунисѣ поконченъ благополучно принятіемъ итальянскимъ парламентомъ франко-итальянскаго договора, такъ что однимъ крупнымъ недоразумѣніемъ между двумя сосѣдками стало меньше.

Во французской палатѣ депутатовъ разсмотрѣніе бюджета 1897 г. такъ затянулось, что министерство заранее повоботило испросить временные кредиты на январь мѣсяць. Тѣмъ не менѣе, среди бурныхъ преній, давшихъ кабинету г. Меллина цѣлый рядъ побѣдъ, а крайнимъ фракціямъ палаты — рядъ небывалыхъ пораженій, палата депутатовъ громаднымъ большинствомъ приняла всѣ статьи военнаго бюджета, послѣ чего министр-президентъ, 7 декабря, прочелъ декретъ президента республики о закрытіи сессіи палаты.

Недавно въ Англии разоблачена, какъ сообщаетъ корреспондентъ *Нового Времени*, вопиющая несправедливость въ дѣлѣ обложенія Ирландіи налогами. Оказалось, что налоги взимаются, безъ всякаго законнаго основанія, съ такимъ излишкомъ, что въ теченіе нашего столѣтія Ирландія переплатила около двухъ миллиардовъ фунтовъ. Это разоблаченіе „финансовой ошибки“ привело въ Лондонѣ ошеломляющее дѣйствіе. Въмѣстѣ съ коренными ирландцами возмущаются также чистокровные англійскіе лорды — помѣщики въ Ирландіи. На митингѣ въ городѣ Коркѣ лордъ Кэстлгоувъ напомнилъ англичанамъ, что именно несправедливые поборы послужили когда-то толчкомъ къ движенію въ сѣверо-американскихъ британскихъ владѣніяхъ, закончившемуся отдѣленіемъ колоній. Ирландская печать подчеркиваетъ фактъ эксплоатации Ирландіи Англійей, нарушающей, такимъ образомъ, договоръ уніи. Жители Шотландіи и княжества Уэльскаго тоже присоединились къ протесту Ирландіи, находя, что и съ ними берутъ больше налоговъ, чѣмъ слѣдуетъ, и что Англія вообще эксплоатируетъ части союзнаго королевства. Консервативная партія старается игнорировать домогательства Ирландіи. Правительство, во избѣжаніе сильнаго возбужденія умовъ, отказалось даже отъ преслѣдованія лорда-оратора на митингѣ, угрожавшаго возстаніемъ и отложеніемъ Ирландіи.

Газета *Times* сообщила сенсационное извѣстіе изъ Адена, что нѣсколько недѣль тому назадъ какое-то русское военное судно водрузило русскій флагъ на берегу Краснаго моря — въ Рахейтѣ.

Въ то же время *Köln. Zeitung* пустила слухъ о приобритеніи Россіей отъ негуса Менезлика прибрежной полосы для угольной станціи близъ Обока. Масса догадокъ и всевозмож-

ныхъ предположеній на эту тему дали пищу евроепейской печати, особенно англійской. Лондонское *Агентство Рейтера* постаралось успокоить заволновавшіеся кружки, что официальнаго подтвержденія о поднятіи русскаго флага на берегу Краснаго моря не получено, но зато официально-де извѣстно о прихлѣ русскіхъ судовъ въ Обокъ. На запросы въ итальянскомъ парламентѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ 4 декабря, что русское судно производило лишь гидрографическія измѣренія около мѣстечка Рахейтѣ, состоящей „подъ итальянскимъ протекторатомъ (?)“. Не касаясь факта появленія русскаго флага на африканскомъ берегу Краснаго моря, сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о пунктѣ, вызвавшемъ пренія въ итальянскомъ парламентѣ. Рахейтѣ — полунезависимый султанатъ на берегу Краснаго моря, у входа въ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ. Раздѣляя сферы вліянія Италіи и Франціи, султанатъ отъ нихъ совершенно независимъ, такъ какъ суверенныя права надъ нимъ принадлежатъ Абиссиніи, вассаломъ которой состоитъ султанъ Ауэсы, которому и подчинена Рахейтѣ. По отзывамъ вліятельной французской печати, протекторатъ Италіи надъ султанатомъ никогда никѣмъ не признавался, къ тому же, въ прошломъ году султанатъ занялъ абиссинцами. Германская печать также считаетъ права Италіи на Рахейтѣ весьма сомнительными. По версіи газеты *Köln. Zeitung*, если занятіе Рахейтѣ еще не произошло, то оно непременно-де совершено будетъ въ ближайшемъ будущемъ. Между тѣмъ французская печать полагаетъ, что на африканскомъ берегу интересы Россіи достаточно охраняются Франціей, а потому Россія-де займетъ какой-нибудь пунктъ на большомъ морскомъ пути въ Индію, скорѣе всего на восточномъ берегу Краснаго моря, т. е. на Аравійскомъ полуостровѣ, судьба котораго столь тѣсно связана съ интересами Россіи на берегахъ Персидскаго залива.

Армянскій патриархъ, какъ сообщаютъ изъ Константинополя отъ 3 декабря, представилъ Портѣ письменное удостовѣреніе, что онъ принимаетъ на себя ручательство за спокойное поведеніе помилуваннаго, если султаномъ дарована будетъ общая амнистія; помилуванные будутъ приведены въ церквахъ къ присягѣ на вѣрность султану. Совѣтъ турецкихъ министровъ приступилъ къ разсмотрѣнію проекта амнистіи. Вернувшійся въ Константинополь г. Нелидовъ настоялъ 8 декабря на проведеніи серьезныхъ реформъ и на дарованіи амнистіи, о которой, наконецъ, опубликовало 10 декабря султанское прадѣ. Амнистія армянъ — общая, изъ нея изъяты лишь 84 приговоренныхъ къ смерти, которымъ, однако, казнь замѣнена заточеніемъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, совѣщанія пословъ въ Константинополѣ возобновились.

Библиографія.

Полное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова. Изданіе второе. Съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго. СПб. Изданіе А. Ф. Маркса. 1897 г.

Имя Лѣскова принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся именъ русской литературы. Писатель вполне самобытный, съ крупнымъ дарованіемъ, независимый и по характеру, и по своему положенію, — общественному и литературному, — Лѣсковъ принадлежалъ къ такъ-называемымъ „идейнымъ“ писателямъ. Его художественный талантъ былъ самъ по себѣ настолько ярокъ и силенъ, что и въ области „искусства для искусства“, еслибѣ онъ хотѣлъ его ограничиться, онъ создалъ бы произведенія, достойныя занять видное мѣсто въ ряду лучшихъ произведеній этого рода; но „гражданинъ“ всегда бралъ въ Лѣсковѣ перевѣсъ надъ художникомъ-созерцателемъ, большие вопросы, волновавшие его родину, находили въ его умѣ и сердцѣ громкій отзывъ, и какъ первый толчокъ къ литературной дѣятельности былъ данъ Лѣскову не внутренней потребностью „творить“ и не тщеславнымъ желаніемъ *сдѣлаться* писателемъ, а задачами публицистическаго характера, такъ и впоследствии, уже приобрѣтѣя громкую извѣстность, какъ оригинальный художникъ, и самъ убѣдившись въ силѣ своего художественнаго таланта, онъ брался за перо только для того, чтобы заставить читателя проникнуться той или другой идеей, возникавшей у автора подъ впечатлѣніемъ окружающей его дѣятельности. Но въ то же время и художественный талантъ, и оригинальный независимый умъ позволили Лѣскову сдѣлаться писателемъ „тенденціознымъ“, подгоняющимъ дѣятельность подъ излюбленную авторомъ идею. Глубокое знаніе жизни Лѣскову возможность понимать всѣ ея стороны, а искреннее желаніе найти истинный путь къ разумному счастью для себя и для другихъ заставляло его и рисовать эту близко знакомую ему жизнь со всѣхъ ея сторонъ. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ Лѣсковъ, въ разное время своей литературной дѣятельности, навлекать на себя громы теоретиковъ то либеральной, то консервативной партій нашего общества и долгое время оставался не пони-

тымъ ни той, ни другой. Но по мѣрѣ того, какъ глгучіе вопросы русской жизни, въ освѣщеніи которыхъ Лѣсковъ, со своимъ фонаремъ Диогена, принималъ такое живое участіе, теряли свою глгучесть и становились достоиніемъ исторіи, и либералы и консерваторы съ одинаковымъ уваженіемъ начинали относиться къ Лѣскову и его произведеніямъ, и, наконецъ, всѣ единодушно признали его крупный талантъ и жизнениость его произведеній.

Въ прекрасномъ критико-біографическомъ очеркѣ Р. И. Сементковскаго, приложенномъ къ 1-му тому настоящаго изданія сочиненій Лѣскова, подробно прослѣжена эта борьба Лѣскова съ общественнымъ мнѣніемъ за его самостоятельное отношеніе къ явленіямъ русской жизни. Очеркъ г. Сементковскаго является наиболее полной и обстоятельной характеристикой и личности, и произведеній Лѣскова. Здѣсь устанавливается также и связь между отдѣльными эпизодами разныхъ произведеній Лѣскова и его собственной жизнью, которая и сама по себѣ, какъ она рисуется въ очеркѣ г. Сементковскаго, представляетъ интересную повѣсть.

Въ краткой библиографической замѣткѣ мы не будемъ говорить о томъ или другомъ изъ произведеній Лѣскова отдѣльно, не будемъ выдѣлять котораго-либо изъ нихъ. Всѣ крупнѣйшія произведенія его хорошо извѣстны грамотной Россіи, по крайней мѣрѣ по наслышкѣ, а между мелкими нѣтъ ни одного незначительнаго. Всѣ они звенья той цѣпи, которая крѣпко связала имя Лѣскова съ исторіей пресметвеннаго развитія русской литературы.

На долю весьма немногихъ изданій выпадаетъ такой успѣхъ, какой имѣло первое изданіе сочиненій Лѣскова, разошедшееся еще при жизни автора и пригломъ въ короткое время, несмотря на сравнительно высокую цѣну. Нѣтъ сомнѣній, что новое изданіе, выпущенное по цѣнѣ почти вдвое болѣе дешевой, чѣмъ первое, а по своей вѣрности мало чѣмъ уступающее ему, распространится въ еще болѣе широкомъ кругу читателей, знакомя ихъ съ однимъ изъ наиболее оригинальныхъ и глубокихъ отечественныхъ писателей.

Смѣсь.

Волхвы древности и волхвы на Руси. Волхвами—въ древности назывались люди, занимавшіеся магіей и претендовавшіе на знаніе таинственнаго, скрытаго отъ обыкновенныхъ людей; вслѣдствіе этого ихъ называли еще мудрецами: родиною этихъ мудрецовъ считался древній Востокъ; въ особенности же у ассирио-вавилонянъ маги или мудрецы играли не малую роль, дѣлились на нѣсколько разрядовъ и носили разнообразную одежду, соответственно званію. Одни составляли писаные талисманы, исцѣлявшіе людей отъ болѣзней, другіе читали заклинанія, третьи занимались астрологіей; эти послѣдніе были самыми знаменитыми и назывались халдеями. Волхвы существовали и у евреевъ, а также у египтянъ, персовъ, грековъ и римлянъ. Всѣ эти народы различно относились къ нимъ: одни считали ихъ учеными (египтяне), другіе—чародѣями, колдунами (греки), третьи—снотолкователями (евреи), четвертые, какъ напримѣръ римляне—обманщиками. О волхвахъ существуетъ цѣ-

Н. М. Языковъ (по поводу 50-лѣтія дня кончины).
Съ литогр. А. Э. Мюнстера автотипія „Нивы“.

лый циклъ легендъ, и, въ особенности, о тѣхъ волхвахъ, которые, въ 748 году по основаніи Рима, нашли въ Виллемеѣ поворожденнаго Христа и поклонились Ему, принеся дары. Въ христіанской легендѣ они уже являются не магами, не чародѣями и не волхвами, а царями, представителями трехъ чело-вѣческихъ расъ. Даже самыя имена ихъ извѣстны: это — Мельхиоръ, Валтасаръ и Каспаръ. Впослѣдствіи, когда апостолы разсѣялись по всему міру для проповѣди Евангелія,—ап. Фома будто бы встрѣтилъ этихъ трехъ волхвовъ въ Парои, гдѣ они приняли отъ него крещеніе. По той же легендѣ, царица Елена отыскала ихъ мощи, которыя и положены были сначала въ Константинополь, позже перенесены были въ Медіоланъ (Миланъ), а еще позже въ Кельнъ, гдѣ ихъ черепа хранятся до сихъ поръ. На Западѣ этимъ тремъ волхвамъ посвященъ особый праздникъ „трехъ царей“ (6 января), и они считаются патронами путешественниковъ.

Волхвами на Руси назывались кудесники и чародѣи. Самое старѣйшее

Гарриэтъ Бичеръ-Стоу (во дни появленія въ свѣтъ „Хижины дяди Тома“).

Гарриэтъ Бичеръ-Стоу (въ преклонномъ возрастѣ).

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№. журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновлять подписку на „Ниву“ 1897 года **заблаговременно**, въ виду того, что въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногороднихъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

сказаніе о волхвахъ относится къ 912 г., когда одинъ изъ нихъ предсказалъ смерть Олегу. Въ 1024 году волхвы въ Суздальской губерніи избивали старухъ, считая ихъ виновницами голода; въ 1071 г. кіевскій волхвъ „предсказалъ“ обратное теченіе Днѣпра, по ему не повѣрили, и онъ ночью исчезъ безслѣдно. Нѣкій волхвъ позже появился въ Новгородѣ и обѣщалъ перейти рѣку Волховъ, „даки по-суху“, взволновалъ народъ и былъ убитъ. Волхвы же производили и знаменитыя „вѣдомскія дѣла“ въ XVII—XVIII вв. Даже такіе сравнительно просвѣщенные люди, какъ Борисъ Годуновъ и Іоаннъ IV, вѣрили волхвамъ и прибѣгали къ ихъ искусству... Русскіе волхвы волховали на животныхъ, преимущественно жабахъ, лягушкахъ, змѣяхъ и пр., на металлахъ (золото и желѣзо) и на

водѣ. Волхвы составили множество заклинаній, наговоровъ, заговоровъ, шептотъ (нашептываній) и гаданій. Сборники эти назывались въ народѣ „черными книгами“ и носили заглавія: „Волховникъ“, „Астрологъ“, „Аристотелевы Врата“ и пр.

Съ появленіемъ христіанства и по мѣрѣ распространенія его—волхвы стали преслѣдоваться, и уже въ 1227 г. въ Новгородѣ сожгли четырехъ волхвовъ, а въ 1410 г., въ Псковѣ—двѣнадцать „женокъ вѣщихъ“. Однако и до сихъ поръ еще въ нашемъ народѣ сохранилась вѣра въ чары колдовства и волхованія, и, какъ слѣдствіе этой вѣры, являются порою пробужденія народной мести и ярости, приводящія къ сожженію несчастныхъ и невѣжественныхъ современныхъ волхвовъ и чародѣевъ.

Отъ издателя.

Закачивая годъ обычною бесѣдою съ нашими читателями, мы не станемъ здѣсь распространяться о томъ художественномъ и литературномъ матеріалѣ, который будетъ содержать «Нива» въ будущемъ году, а обращаемъ ихъ вниманіе на наше объявленіе о подпискѣ на «Ниву» 1897 г., помѣщенное въ № 42 «Нивы» н. г.

Считаемъ нужнымъ сказать только нѣсколько словъ по поводу тѣхъ запросовъ, которые сдѣланы были намъ нѣкоторыми подписчиками относительно нашего приложенія на будущій годъ—собранія романовъ, повѣстей и рассказовъ П. Д. Боборыкина. Изъ этихъ запросовъ видно, что у нѣкоторыхъ нашихъ подписчиковъ или нѣтъ достаточнаго знакомства съ этимъ авторомъ, или имѣется невѣрное представленіе о характерѣ произведеній П. Д. Боборыкина.

Въ циклѣ собраній сочиненій русскихъ писателей, избранныхъ «Нивою», произведенія г. Боборыкина имѣютъ свое опредѣленное мѣсто и значеніе. Рядомъ съ произведеніями глубокаго психолога **Достоевскаго** и пионера крестьянскаго вопроса въ литературѣ — **Григоревича**, сочиненія **Боборыкина**, отражающія всѣ стороны, всѣ вопросы современной жизни, всѣ даже мимолетныя настроенія русскаго общества, должны служить дополненіемъ къ предыдущимъ авторамъ, содѣйствовать пониманію постепеннаго развитія русскаго общества и съ этой точки зрѣнія не могутъ отсутствовать въ библиотекѣ каждаго образованнаго человѣка.

Мы желаемъ поэтому лишь того, чтобы читатели ознакомились съ произведеніями П. Д. Боборыкина, и тогда, мы увѣрены, сами собою разсѣются сомнѣнія нѣкоторыхъ нашихъ подписчиковъ въ правильности нашего выбора собранія сочиненій П. Д. Боборыкина для приложенія къ «Нивѣ».

Читателямъ, желающимъ ознакомиться съ характеромъ произведеній П. Д. Боборыкина, мы позволимъ себѣ еще разъ указать на полную и обстоятельную характеристику ихъ, помѣщенную въ «Литературныхъ Приложеніяхъ» къ «Нивѣ» за сентябрь настоящаго года (статья «Лѣтописецъ нашего времени»). А съ выходомъ при слѣдующемъ № 1 «Нивы» будущаго года январской книжки «Сборника Нивы», въ которой будетъ помѣщенъ большой романъ г. Боборыкина „**Китай-городъ**“, читатели, недостаточно знакомые съ этимъ авторомъ или составившіе себѣ ложное представленіе о его произведеніяхъ по наслышкѣ, будутъ имѣть возможность ознакомиться съ однимъ изъ образцовъ крупнаго и яркаго таланта г. Боборыкина и, такимъ образомъ, воочию убѣдятся, какое цѣнное собраніе сочиненій они приобрѣтаютъ. И мы убѣждены, что то довѣріе, которымъ «Нива» пользовалась въ кругу своихъ читателей, какъ журналъ для семейнаго чтенія, дающій въ видѣ приложеній собранія сочиненій дѣйствительно лучшихъ русскихъ писателей, останется за ней неизмѣнно и на будущее время.

Въ неуклонномъ стремленіи всегда давать нашимъ читателямъ на страницахъ «Нивы» и «Литературныхъ Приложеній» произведенія выдающихся современныхъ русскихъ писателей, мы въ наступающемъ году съ перваго же номера начинаемъ печатаніемъ: въ «Нивѣ» — повѣсть Вл. И. Немировича-Данченко «Сны», а въ «Литературныхъ Приложеніяхъ» — повѣсть П. П. Гнѣдича «Для успокоенія нервовъ».

Въ заключеніе позволяемъ себѣ выразить надежду встрѣтиться со всѣми нашими читателями и въ наступающемъ году сохранившими тѣ же добрыя чувства, какія они всегда выказывали по отношенію къ нашему журналу.

СОДЕРЖАНІЕ: Судьба. Повѣсть И. Н. Потапенко. (Окончаніе). — Въ Рождественскую ночь. Стих. А. В. Круглова. — Свѣтлый гость. Рождественская сказка Ая. Будищева. — Ночь въ лѣсу. — Рождественскій рассказъ О. В. Демертъ. — Изъ рисунковъ: Праздникъ Рождества (съ 6 рис.). — Литературный альбомъ. „Рождественская ночь“, рассказъ Д. В. Григоревича (съ рис.) — Н. М. Языновъ (съ портр.). — Гарриэтъ Бичеръ-Стоу (съ 2 портр. и рис.). — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Свѣдѣнію гг. подписчиковъ. — Сибирь. — Отъ издателя. — Объявленія.

На обложкѣ: **Менавистъ**. Рождественскій рассказъ Виктора Крылова.

При этомъ № прилагается оглавленіе „Нивы“ за 1896 г.

ПРЕКРАСНЫЕ ПОДАРКИ НА ЕЛКУ.

Полный том „НИВЫ“ 1896 г.,

закрывающий в себя множество превосходных гравюр и рисунков в более 1,500 столбцов текста, состоящего из романов, повестей, стихотворений, научных статей, и пр., и пр. В том помешены следующие крупные произведения: „Нольцо Императрицы“. Романъ кн. М. Н. Волконскаго. — „Жизнь“. Большая повесть П. П. Гидича. — „Три дѣйствія комедии“. Повесть В. П. Желиховской. — „Судьба“. Повесть И. Н. Поталенна и множество другихъ рассказовъ, очерковъ, стихотворений и проч. современныхъ писателей. Томъ „Нивы“ за 1896 г. содержитъ в себѣ также описание коронационныхъ торжествъ подъ заглавиемъ: „Москва въ май 1896 г. Письма Вл. Ив. Немировича-Данченко“, и описание Всероссийской промышленности и художествъ, выставки въ Нижн.-Новгородѣ со множествомъ гравюръ.

Къ тому „Нивы“ приложено: 1) 12 томовъ полн. собр. соч. Д. В. ГРИГОРОВИЧА, вновь пересмотрѣннаго и исправленнаго самимъ авторомъ, отпечатаннаго на хорошей глазированной бумагѣ, съ прилож. гравюръ на стали у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ портретъ съ авторг. Д. В. Григоровича.
2) 12 книгъ „ЕЖЕМЯСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, заключающихъ в себѣ произведенія выдающихся современныхъ авторовъ: романы, повести, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи, стихотворенія и проч. Въ этихъ 12-ти книгахъ между прочимъ помѣщено: „Домашній бытъ русскаго вельми въ XVIII вѣкѣ.“ Очеркъ проф. А. Г. Бриннера. — „Къ исторіи населенія Россіи“. Очеркъ его же. — „Пѣздна въ Хараръ“. А. В. Елишева. — „Симобразованіе и чтеніе“. Проф. Н. И. Нарѣва. — „Анат. очерки“. Проф. П. Ф. Лесгафта. — „Нашиль“. Повесть М. А. Марской. — „Пиръ“. Бытовая картина 1У вѣка по Р. Х. Д. С. Мереніовскаго. — „Два неюфара“. Рассказъ Сергія Норманскаго (Сигмы). — „Рышлясь“. Очеркъ И. Н. Поталенна. — „На больничныхъ койкахъ“. Три очерка В. А. Рышова. — „Въ невѣдомую даль“. Романъ В. Я. Свѣтлова. — „Что новаго въ литературѣ?“. Критическіе очерки Р. И. Сементіовскаго. — „Позіія Я. П. Лонсоиаго“. Критич. очеркъ В. С. Соловьева. — „Въ пріютѣ музъ и гравій“. Повесть А. В. Стерня. — „Моя жизнь“. Повесть Антона Чехова. — „Мѣсть Амура“. Лирическая сказка въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ, Т. Л. Щепиной-Куперникъ. — „Гигіеническія бѣды“. Проф. Ф. Ф. Зрисмана, и мн. др. 3) Портретъ ГОСУДАРНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ БЕОДОБРОВНЫ, печат. 27 маіа. красн. по оргин. худож. И. С. Галина, размѣр. въ 18 верш. вышины и 14 верш. ширины.

ЦѢНА тому со всѣми приложениями безъ пересылки 5 руб., а въ 10-ти роскошныхъ коленкорovýchъ переплетахъ—10 руб. За ящикъ для упаковки 75 коп. Такъ какъ пересылка почтою стоитъ слишкомъ дорого, то въ заказѣ слѣдуетъ непременно указать ближайшую станцію жел. дороги или отдѣленіе транспортной конторы, гдѣ заказчикъ желаетъ получить журналъ, причѣмъ стоимость пересылки уплачивается адресатомъ на мѣстѣ. На пересылку же почтою слѣдуетъ прислать за 34 фута по почтовой тѣстѣ. (Стоимость пересылки 1 ф. можно узнать въ почтовой конторѣ.)

Требованія и денги адресовать: въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Мал. Морская, 22.

Роскошное издание in folio поэмы ДЖОНА МИЛЬТОНА

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Съ 50-ю картинами знаменитаго иллюстратора ГУСТАВА ДОРЭ.

Переводъ съ англійскаго А. Шульговскаго, вновь проверенный и дополненный многими примѣчаніями.

Поэма англійскаго поэта Джона Мильтона написана болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ, и несмотря на это, и въ наши дни возбуждаетъ живой интересъ; не проходитъ года, чтобы не появлялось новыхъ изданій ея въ той или другой изъ европейскихъ литературъ.

Первое изданіе „Потеряннаго и Возвращеннаго Райа“, несмотря на высокую цѣну его—25 р., а затѣмъ, когда оставалось небольшое количество экз.—50 р., совершенно распродано. Настоящее новое изданіе нисколько не уступаетъ первому, но стоитъ вдвое меньше.

ЦѢНА этому роскошному изданію безъ переплета 12 р., а въ богатомъ коленкорovémъ переплетѣ 16 руб.

На пересылку слѣдуетъ прилагать за 25 фунтовъ по почтовой таксѣ. Въ мѣста не со станціями жел. дор. или отдѣленіями транспортныхъ конторъ изданіе высылается транспортомъ, и стоимость пересылки уплачивается на мѣстѣ.

Вышелъ изъ печати:

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ

„Иллюстрированной библиотекѣ Нивы“, содержащей въ себѣ на 1897 годъ:

„ИСТОРИЮ ИСКУССТВЪ“

соч. И. И. Гидича.

Для ознакомленія съ изданіемъ, первый выпускъ высылается за 1 рубль (можно почтовыми марками въ заказномъ письмѣ).

„Исторія Искусствъ“ выйдетъ въ свѣтъ въ теченіе 1897 г. въ видѣ 12-ти ежемѣсячныхъ выпусковъ, — по одному выпуску въ началѣ каждаго мѣсяца, — которые составятъ три большихъ тома in quarto, заключающихъ въ себѣ около 2000 гравюръ и 30 хромолитографій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на все изданіе: безъ доставки—въ С.-Петербургѣ—12 р., въ Москвѣ, въ конторѣ Печниковской—13 руб.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ Москвѣ и во всѣ города и мѣстности Россіи—14 р.; съ пересылкою за границу—16 руб.

Подробныя условія подписки и разсрочки платежа (въ 2, 3, 4 и 6 сроковъ) помѣщены на обложкѣ перваго выпуска.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

для устройства и перестройки КРАХМАЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ

В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
W. H. Umland, Leipzig.

Прейсъ-кур. высылаются безплатно.

РАСПРОДАЖА

ВЕЛОСИПЕДОВЪ завода М. Налетовъ и К^о. по 125 руб. за штуку. НАЛИЧНЫЙ РАСЧЕТЪ. На складѣ имѣется 125 штукъ. О. Г. ШПЕННЕМАНЪ. Чернышевъ пер., 12—66.

НОВОЕ СОБРАНИЕ НОТЪ на 1897 годъ

НОТЫ 12 ТЕТРАДЕЙ

для танцевъ, салонной игры и пѣнія, въ томъ числѣ весьма удобная и практичная

ФОРТЕПИАННАЯ КЛАВИАТУРА

для легкаго и нагляднаго

обученія игры по нотамъ.

Всѣ ноты вышестъ продаются за 1 р. 35 к. (можно высылать почтовыми марками)

у Ю. ГИЛЬКНЕРЪ,

Москва, Тверская, д. Варгина.

ВСѢ НОТЫ (всѣхъ русскихъ изданій) высылаются съ надлежнымъ платежомъ.

ПЕРЕСЫЛКА ПОЧТОЮ БЕЗПЛАТНО.

PAPIER FAYARD ET BLAYN.

Бумага Фаяр и Блянкъ.

Пластерь, разрѣшенный Медицинскими Советомъ. Требовать подписи Fayard et Blayn. Продаются въ аптекахъ.

БУХГАЛТЕРІИ

и красиво писать

выучивая кажд. по самой усоверш. системѣ посред. лекцій-корреспон., выходя въ замѣнителей преподаван. устно. Progr. и подроб. условія высыл. безплат. Киевъ. Г. К. Буренко.

Болѣе 200,000 шт. въ употребленіи.

НѢТЪ лучшаго украшенія для письменнаго стола, какъ столовые бронзовые часы „Ренлама“. Часы отличаются изящностью и вѣрнѣйшимъ ходомъ. Цѣна съ пересылкою и упаковкою въ Европейскую Россію 1 шт. 4 р., 2 шт. 7 р. 70 коп. Наложенимъ платежемъ 10 к. больше. Въ Азіатскую—съ прибавленіемъ части въсѣхъ. Требования просить адресовать: фабричному складу часовъ „Женева“, Варшава, Бѣльская 20. Ц. № 9825

Иллюстрированныя преісъ-куранты безплатно.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни В. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ОТКРЫТЬ СЕКРЕТЪ

играть на фортеп. и фисгармоніи не знающ. Книга 20 к. На пробу 7 легк. вещь съ подробн. и пересыл. 1 р. (можно марк.). Руководство 2 р. Складъ изд. СНБ, Вознесенск., 47. А. И. Поперекову.

Калуферъ, Кузьмичевскую траву, Хвощъ, Врусничную траву, всѣ другія лѣкарственныя растенія высылаютъ Провизоръ П. Фогель. Гор. Лубны, Ц. 9697. Полтавской губ. 6-с

Преісъ-курантъ иллюстрир. за 1897 г. С.-Петербургск. оружейн. склада подъ фирмою: „Центральное депо оружія“ за приложеніемъ двухъ 7 коп. почт. марокъ высыл. безплатно. Много новостей. Цѣны самыя умѣренныя. Эд. Богд. Веннигъ.

АХРОМАТИЧ. БИНОКЛИ „Малютка“ 5 р. с. „Юніонъ“ 7 р. с.

„СИЛОСВѢТЪ“ по 8 р., 10 р. и 12 р. с. Перес. на счетъ покупателя. „Силосвѣтъ“ лучшей бинокль нашего времени, преимуществъ его: 1) громадное поле зрѣнія, 2) сильное приближеніе, 3) незначительное поглощеніе свѣта.

ОПТИКЪ Г. ШТРАУСЪ. Новый адресъ: 27. Большая Морская 27. Сокращенныя преісъ-куранты безплатно.

Модные духи — Виола Одората Ауриха
О-де-колонъ — Виола Одората Ауриха
Жирная пудра — Виола Одората Ауриха

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ

Колокольная, 18/19. В. № 9724 16—3

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

САМЫЕ МОДНЫЕ ДУХИ

духи — ФІАЛКА АУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
духи — ЯПОНСКАЯ ФІАЛКА — туалетное мыло.
духи — ЭДЭЛЬ РОЗЕ — туалетное мыло.
духи — ЛАНДЫШЪ АУСЛЭЗЭ — туалетное мыло.
Ф. ВОЛЬФЪ и СЫНЪ, прудв. пост., Карлсруэ.

Можно получить: Въ С.-Петербургѣ: у гг. В. Бюлеръ, Э. Брезинскаго, Р. Шаскольскаго, у Константина Геринъ, Лямана и Рикса, А. Линде, А. Энгелунда. Въ Москвѣ: у гг. Мюръ и Мердиль, въ магазинѣ „А-ла-туалетъ“, у Г. Брусъ, Д. Борхардъ, Р. Келеръ и К^о, Оскаръ Гетлингъ и во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Ц. № 9368 25—25. Представитель для Петербурга: Л. Герке, 2, Максимилиановскій пер.

VIII годъ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г. VIII годъ изданія на ежедневную газету изданія

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Въ наступающемъ 1897 г. „Русскій Листокъ“ будетъ выходить по значительно расширенной программѣ, равной по объему съ большими и дорогими столичными изданіями. Въ программу „Русскаго Листка“ входятъ: 1) Правительственные распоряженія и придворныя извѣстія. 2) Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства и собственныхъ корреспондентовъ. 3) Передовыя руководящія статьи по внутреннимъ вопросамъ и вѣншей политикѣ. 4) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя. 5) Хроника: Московская, Петербургская и внутренняя. 6) Извѣстія изъ иностранныхъ газетъ. 7) Дневникъ печати. 8) Театръ, музыка и живопись. 9) Критика и библиографія. 10) Судебная хроника. 11) Биржевая хроника. 12) Фельетоны литературные, научные и общественной жизни. 13) Спортъ. 14) Мелкія замѣтки, разныя извѣстія и смѣсь. 15) Портреты, рисунки, планы и чертежи.

Подписанъ цѣна съ доставкой и пересылкой остается прежняя: на годъ 6 р., на 1/2 года 3 р. 50 к., на 1 мѣсяць 70 к.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Неглинный проѣздъ, д. Гонцаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

ГОДОВАЯ ЦѢНА 7 РУБ. съ доставк. и пересылк.	на новую ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ безцензурную, политическую, литературную и общественную ЛУЧЪ	ГОДОВАЯ ЦѢНА 7 РУБ. съ доставк. и пересылк.
---	---	---

Подъ редакцію **Вл. В. ЧУЙКО.** Издатель **А. М. ВОЛЬФЪ.**

При ближайшемъ участіи: **Гр. К. ГРАДОВСКАГО (Гамма), Д. А. ЛИНЕВА (Далинь), К. Н. ЛЬДОВА, М. Л. ПЕСКОВСКАГО, А. П. СУБОТИНА.**

Всѣ благомыслящіе люди, желающіе безпристрастно освѣтленія явленій текущей русской дѣйствительности, давно ощущаютъ потребность въ такомъ органѣ печати, который бы чутко отзывался на всѣ живые запросы жизни, и былъ бы возможно полно и выразительно истинно культурнымъ стреленіемъ современнаго русскаго общества. Редакція ежедневной газеты **Лучъ**, искренно стремясь къ созданію подобнаго органа, имѣетъ въ виду, такимъ образомъ, удовлетворить умственнымъ потребностямъ трудящейся интеллигенціи всякаго рода, званія и положенія, и сослужить посильную культурную службу роднѣй и общечеловѣческому прогрессу. Ежедневная газета **Лучъ** является *независимымъ, вполне самостоятельнымъ, большимъ органомъ печати*, съ выдержаннымъ направлениемъ, и безусловно честнымъ, объективнымъ отраженіемъ нуждъ всего многомилліоннаго населенія Россіи. Особенное вниманіе уделяется общественной жизни провинціи съ ея многочисленными вопросами и нуждами. Занимая, какъ по объему, такъ и по программѣ своей, одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду такъ называемыхъ *большинствъ органовъ* печати, ежедневная газета **Лучъ** не уступаетъ имъ по полнотѣ и своевременности сообщеній. Участіе же въ газетѣ многихъ наиболее талантливыхъ силъ русской журналистики вполне обеспечиваетъ живое, умное, отзывчивое веденіе дѣла. Ежедневная газета **Лучъ** заключаетъ, между прочимъ, слѣдующіе отдѣлы: Важнѣйшіе законы и правительственныя распоряженія. — Обзоры законодательной и правительственной дѣятельности въ государствѣ. — Руководящія статьи по всѣмъ вопросамъ государственной, общественной и экономической жизни. — Руководящія статьи по вопросамъ международной жизни и иностраннымъ корреспонденціи. — Иностранное обозрѣніе. — Внутреннее обозрѣніе. — Провинціальныя отдѣлы: *ежедневныя бесѣды* (Далинь) по вопросамъ и нуждамъ провинціи и корреспонденціи. — Хроника столичная, провинціальная и иностранная. — Обзоры движенія науки и по-

слѣдніе успѣхи по всѣмъ отраслямъ знанія. — Мнѣнія и отзывы печати. — Петербургскія и московскія фельетоны. — Статьи историческія, политическія и экономическія. — Литературный отдѣлъ: романы, повѣсти, рассказы, воспоминанія, фельетоны, письма. — Критика и библиографія. — Отдѣлъ юридическій и важнѣйшіе процессы. — Театръ, музыка и художество. — Биржевой и торговый отдѣлъ. — Справочный отдѣлъ и проч., и проч. Ежедневная газета **Лучъ** выходитъ во всѣ дни, *въ формѣтъ большихъ столичныхъ газетъ*, при чемъ *понеделничные номера — иллюстрированные*. Каждый номеръ газеты вмѣщаетъ въ себя не менѣе 28 столбцовъ плотнаго, но четкаго шрифта, т. е. отъ 4 до 5,000 печатныхъ строкъ. Несмотря на то, что, такимъ образомъ, ежедневная газета **Лучъ** не только ни въ чемъ не уступаетъ большимъ газетамъ, но и имѣетъ передъ нѣкоторыми изъ нихъ значительныя преимущества, подписная цѣна на нее назначена *небывало дешево*: 7 р. въ годъ съ доставкою и пересылкою. Такая дешевизна этой газеты имѣетъ важное значеніе въ виду того, что для большинства той части общества, которую мы имѣемъ въ виду, цѣна существующихъ большихъ газетъ прямо-таки не по силамъ. Не взирая въ болѣе широкія общія, редакція надеется, что само дѣло будетъ достаточно говорить за себя. Но имѣя въ виду, что никакое заявленіе не можетъ замѣнить непосредственнаго знакомства съ газетою, мы *рѣшили выслать газету безплатно*, въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, всѣмъ желающимъ ознакомиться съ ея направлениемъ, содержаніемъ и вѣстностью. Поэтому всѣ, желающіе воспользоваться нашимъ предложеніемъ, благоволятъ сообщать о томъ по почтѣ письменныя заявленія. Въ заключеніе, редакція считаетъ необходимымъ заявить, что настоящее изданіе какъ по своему характеру и содержанію, такъ и по составу редакціи и постоянныхъ сотрудниковъ — рѣшительно не имѣетъ ничего общаго съ прежнимъ одноименнымъ изданіемъ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА **ЛУЧЪ** выходитъ, наравнѣ со всѣми большими органами печати, ежедневно, въ большомъ семистолбцовомъ форматѣ, при чемъ *понеделничные номера — иллюстрированы*. — ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ **ЛУЧЪ**, съ доставкою въ С.-Петербургъ и съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи 7 рублей; за границу — 16 руб. Допускается разсрочка платежа годовой подписной цѣны: для служащихъ — по четвертямъ, чрезъ ихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ взносы по разсрочкѣ производятся: при подпискѣ 3 р., въ концѣ февраля 1 р., въ концѣ марта 1 р., въ концѣ апрѣля 1 р. и въ концѣ мая 1 р. ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЧИТАЕТСЯ съ 1-го января 1897 года, но лица, подписавшіяся раньше Нового года и уплатившія сполна 7 р., получаютъ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ **ЛУЧЪ** БЕЗПЛАТНО до 1-го января 1897 года.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ **ЛУЧЪ** принимается въ главной конторѣ газеты въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Гостиный дворъ (по Невскому пр.) № 21, въ МОСКВѢ, въ книжномъ магазинѣ Товарищества М. О. Вольфъ, Кузнецкій мостъ, № 12. Иногородные подписчики благоволятъ адресовать денежныя письма на имя издателя Александра Мавриковича Вольфа, въ С.-Петербургъ, Васил. остр., 16-я линия, собств. домъ, № 5 и 7. Подписчики „**НОВИ**“ получаютъ газету за 4 рубля.

XXII годъ. Поздравляемъ! XXII годъ. Открыта подписка на 1897 годъ. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ „СТРЕКОВА“.

Въ будущемъ 1897 году выйдутъ въ свѣтъ, для годовыхъ подписчиковъ, три слѣдующихъ приложенія къ „Стрекозѣ“:
1) Роскомно иллюстрированный сборникъ, сатирическіе очерки подъ заглавіемъ: **«ОБЩЕСТВЕННАЯ И ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ»**.

Это классическое произведеніе блестящей литературной эпохи Франціи безсмертныхъ авторовъ, каковы: Бальзакъ, Жоржъ-Зандъ, Жюль Жаненъ, Поль Мюссе, Густавъ Дровъ, Шарль Нодье и др. имѣетъ мировое значеніе.

Неподражаемые рисунки французскаго художника П. Гранвилля, тонкая наблюдательность, острое жало сатиры и блестящій юморъ дѣлаютъ эту книгу въ высшей степени интересной.

Какъ изданіе, книга эта въ оригиналѣ составляетъ библиографическую рѣдкость. Русскій переводъ сдѣланъ подъ редакціей И. Ф. Василевскаго (*Букова*).

2) Второй томикъ сборника стихотвореній современныхъ русскихъ поэтовъ **„РОСНИКИ“**

въ золотомъ тисненіи переплетѣнъ и, наконецъ,
3) Стѣнной календарь „Стрекозы“ на 1898 г., изящное изданіе большого формата, художественно исполненное хромографіей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОДЪ съ приложеніями: въ СПб.—гѣ безъ доставки 8 р. 50 к. съ доставкою 9 р. — во всѣ города 10 р. — за границу 12 р. —
ПО 1/2 ГОДИЯМЪ безъ приложеній: въ СПб.—гѣ безъ доставки. 4 р. 25 к. съ доставкою. 4 р. 50 к. — во всѣ города безъ приложеній 5 р. — за границу безъ приложеній 6 р. —

1/2 годовые подписчики, желающіе тоже пользоваться приложеніями, при подпискѣ на оба 1/2 годія доплатываютъ по 50 к. за каждое.
Редакція и Нолтора помѣщаются: Фонтанка, 80, въ СПб.
Издатель Г. Н. Корнфельдъ. Редакторъ И. Ф. Василевскій (Букова).

В. № 9515
12-11

ПАВЕЛЬ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Мисва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
◆ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ съ собственн. фабрики ◆
съ подлинн. ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

„ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ТЕХНИКЪ“.

Ежемесячный популярно-техническій и литературный журналъ для самообразования.

Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяць книжками отъ 10—12 печатныхъ листовъ, съ рисунками и чертежами.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Популярныя статьи по техникѣ и переклады простымъ языкомъ научныхъ статей, помѣщаемыхъ въ лучшихъ европейскихъ и американскихъ журналахъ; 2) Рекомендаціи руководствъ и книгъ для техническаго самообразованія; 3) Распоряженія правительства, касающіяся фабрикъ, заводовъ, правилъ поступленій въ техническія учебныя заведенія и правъ, тамъ приобретаемыхъ; 4) Литературный отдѣлъ: рассказы и очерки изъ фабричнаго и заводскаго бѣта, корреспонденціи изъ провинціи; вопросы и отвѣты подписчиковъ; біографія дѣятелей и труженниковъ науки, техники и пр.; 5) Въ особомъ приложеніи: печатаніе техническихъ учебниковъ, составленныхъ по программамъ для подготовленія къ экзаменамъ на разныя техническія степеня и 6) Обмѣнъ свѣдѣній между производителями и покупателями посредствомъ объявленій, статей и пр.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна въ годъ — 6 рублей съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи и 5 рублей въ годъ безъ доставки въ Москвѣ.

ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: за цѣлую страницу — 20 руб., за 1/2 страницы — 12 руб. и за 1/4 страницы — 7 руб. за одинъ разъ. С. № 9774 3—2

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Чернышевскій пер., д. Келлеръ, № 12, и въ Главн. Агентствѣ объявленій Сень-Мартенъ, Неглинная, прот. Государ. банка.
Редакторъ: инженеръ **М. ПИОРОВЪ**.

Открыта подписка на 1897 годъ:

„ НОВОСТИ ДНЯ “	ежедневная газета.	8 р.
(Годъ изд. XV).	Въ годъ	—
„ НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ “	ежемесяч. журналъ	3 р.
(Годъ изд. VI)	съ ежедневнымъ иллюстрированнымъ приложеніемъ „ СВѢТЪ “	4 р.
„ СЕМЬЯ “	ежедневн. иллюстриров. изданіе, отдѣльно	2 р.
(Годъ изд. IV).	Всѣ три изданія въ годъ 12 руб.	—

Альбомъ: „КОРОНАЦІОННЫЯ ТОРНЕСТВА“ (изд. „Нов. Дня“) роскош. изд.—2 р.
Адресъ: Москва, „Новости Дня“. Ц. № 9725 5—5

МОСКОВСКІЯ ВЪДОМОСТИ

въ 1897 году
будетъ издавать подъ своею редакціей
В. А. ГРИНГМУТЪ.

Условія подписки:

	На 1 мѣс.	На 3 мѣс.	На 6 мѣс.	На годъ.
Въ Россіи	Р. К. 1 80	Р. К. 5 40	Р. К. 10 50	Р. К. 17 —
За границей	2 50	7 50	14 —	26 —

Отъ священно- и церковно-служителей православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ и во всѣхъ Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерніяхъ и отъ находящихся въ означенныхъ губерніяхъ народныхъ школъ принимается подписка по уменьшенной цѣнѣ, на сроки: 10 руб. въ годъ и 6 руб. на полгода.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ конторѣ редакціи, въ университетской типографіи; въ Петербургѣ: Большая Морская, № 11; въ Парижѣ: Agence Hayas 8, Place de la Bourse. № 9769 4—4

ТОВАРИЩЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“.
 Москва. * Рига. * СПбургъ.
РЕЗИНОВЫЯ ГАЛОШИ
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЪ. Обращать вниманіе на клейма и фирму.

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE
DEN RI
 des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
 DE
Abbaye de Soulac,
 Dcm MAGUELONNE, Prieur.
 Inventé en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
 Maison fondée en 1807.
 VENTE DANS TOUTES
 LES BONNES PARFUMERIES,
 PHARMACIES ET DROGUERIES.
 MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX
 EXPOSI^{TI}ON Int^{ER}NA^{TION}ALE LYON 1894
 HORS CONCOURS
 MEMBRE DU JURY
 Expo^{SI}TI^{ON} Int^{ER}NA^{TION}ALE BORDEAUX 1895.

EXIGER LA SIGNATURE
 du PRIEUR
Abbaye de Soulac

ОБШИРНѢЙШІЙ ВЪ ИМПЕРІИ РУССКОЙ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
А. Е. КУЛАКОВЪ
 въ С.-Петербургѣ, Садовая улица, 33.
 ПОСТАВЩИКЪ ЭКОНОМИЧ. ОБЩЕСТВА ОФИЦЕРОВЪ ГВАРД. КОРПУСА.
 Предлагаетъ лучшаго качества и по дѣйствительно дешевымъ цѣнамъ изъ своихъ складовъ въ громадномъ выборѣ всевозможные музык. инструм.: скрипки, альты, гитары, цитры, мандолины, балалайки, струны, флейты, корнеты, самонгражіе оркестроны, концерто, піано-мелодико, піанино, гармоніумы, полифоны, симфоніоны, арфеіоны, мапопаны, герофоны, арістоны, феніаксы, англ. концертино, вѣсныя, нѣмецкія и русскія гармоніи, и проч., и проч.
 Заказъ изъ провинціи исполняется немедленно и аккуратно; по полученіи задатка 20% требуемое высылается наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.
 Юбилейный роскошно иллюстрир. прейсъ-курантъ на 1896—97 г. всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ высылается бесплатно. № 9801 4—3

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
 Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
 Брильянтинь — Духи для комнатъ № 6412 (61)
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ La Violette—Muguet
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

4711
 Лучшій цвѣточный О-ДЕ-КОЛОНЬ.
 № 4711
РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ
 ПРЕВОСХ. ПРОДОЛЖИТЬ
 И ДЕШЕВ. ДУХИ АЛЯ ПЛАТКОВЪ
 ВСѢХЪ ЦВѢТОЧНЫХЪ И МОДНЫХЪ ЗАПАХОВЪ
 ПРОДАЮТ. ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХ. 4711 И ПАРФЮМЕР. МАГАЗИНАХЪ

Ц. № 9610 8—8

Фабриканты серебряныхъ издѣлій Бр. ГРАЧЕВЫ, Невскій пр., д. № 34, С.-Петербургъ.
 Въ магазинѣ торговаго дома изготовляются Высочайше утвержденныя, въ память Св. Коронаціи, наперсные кресты по образцу, одобренному Св. Синодомъ (см. Церк. Вѣд. № 27 отъ 6 іюля 1896 г.). Изготовляемые кресты 88 пробы, стоимостью съ цѣнью отъ 18 до 30 руб. Пересылка наложеннымъ платежемъ за счетъ покупателя по 1 рублю за каждый крестъ. Футляры отдѣльно отъ 2 до 5 руб. № 9832

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
И. И. КАРПОВА
 СПБ., Михайловская ул., 1/7, домъ Европейск. Гостин.
 Двѣ золотыя медали на Выставѣ 1896 г. въ Москвѣ и И.-Новгородѣ (Всеросс.)
 Новый иллюстр. прейсъ-курантъ съ новинками, вывозенными мною изъ-за границы, со значит. понижен. цѣнъ выйдетъ въ февралѣ 97 г.
 = Главный складъ Анастигматовъ Цейсса для всей Россіи. =
 Лучшія пластинки СМІТА для всякихъ цѣлей.
 Руководство въ изуч. практич. фотограф. И. Карпова, изд. 6-е. Ц. 2 р. 50 к. „Rocket-Kodak“ новая модель 97 г. Заряжается на полномъ тѣвту. 9 р. 50 к.
 Безъ задатка товаръ не высылается. Ц. № 9827 2—1

ПРІЯТНОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ!!
 Московскій юмористическій журналъ
Будильникъ
 оказавшійся единственнымъ представителемъ юмористики на Всероссийской выставкѣ, великодушно ОТКРЫЛЪ ПОДПИСКУ на 1897 г. (33 годъ изданія).
 Годовые подписчики получаютъ художественно-оригинальную ПРЕМІЮ—
„РУСАЛКУ“ А. С. Пушкина, въ силуэтахъ.
 Полный текстъ съ 12 большими художествен. силуэтами К. Изенберга, отпечатан. въ фототипіи К. Фишера.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пер. 10 р.; безъ пер. и преміей— 9 р. Въ Москвѣ 1 р. дешевле на 1 р.
 Скупимъ—разрочка: 5 р. при подпискѣ и 5 р. 1 іюня 1897 г.
 ПОДПИСКУ АДРЕСОВАТЬ: Москва, редакция „БУДИЛЬНИКА“.
 № 9744 5—1

СТОЛИЧНОЕ МЫЛО
 20 коп.
Т-ва „ГИГИЕНА“
 Пріятный освѣжающій ароматъ, обильная нѣжная бархатистая пѣна. При каждомъ кускѣ 4 вида обихихъ ступиць.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДЪ.
 Главные склады: СПБ., Площ. Александр. театра, 9. МОСКВА, Никольская, д. Шереметева. ВАРШАВА, Новый Свѣтъ, 37.

Популярно-научная книга, доказывающая
счастливые
 №№
ВЫИГРЫШ-
 ныхъ бил. 1, 2 и 3 з. Только у автора. Ц. съ перес. 1 р. 20 к. С.-Петербургъ, Верејская, 54, кв. 9. Красильниковъ.
 1-го мая сего года на заранѣе доказан. №№ пало 258 выигршей на 556 тыс. р.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ
 Г. ВАЛЬТЕРЪ (24)
 Специальность хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр. № 52 прот. Илл. Публ. Библиотекы. Подробный иллюстр. прейсъ-курантъ по востреб. безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года.
 Розничная продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

ФАБРИКА ДОРОЖНЫХЪ ВЕЩЕЙ
 БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ТРОСТИНОВЫХЪ СУНДУКОВЪ, нессервовъ и проч. высшаго качества.
Ю. МЮЛЛЕРЪ
 СПБ., В. Морская, 16—8.

1897 годъ **ОСКОЛКИ** XVII годъ.

Под редакціей Н. А. ЛЕЙНИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ большого формата съ карикатурами (въ краскахъ и черными).

52 №№ въ годъ.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

съ перес. и дост.: на годъ 9 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 3 р.; безъ перес. и дост.: на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на три мѣсяца 2 р. 50 к. За границу на годъ 10 руб. Допускается разсрочка.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журн. „Осколки“ въ С.-Петербургѣ, въ Спасской ул., д. № 17.

3-2 Редакторы-издатели: № 9773 Н. Лейнинъ и Р. Голине.

Склады фотографическихъ принадлежностей
Ф. ЮХИМЪ и Ко.

С.-Петербургъ. Москва. (31)
Невскій пр., № 3. Театральн. проездъ.

Громкѣйшій выскоръ всевозможныхъ аппаратовъ для фотографовъ, специалистовъ и любителей, а также для научныхъ цѣлей. Прейсъ-курентъ изданія 1896 г., состоящій изъ 424 стран. въ 81 листа, съ 710 рисунками въ текстѣ, вышеть изъ печати и высылается по требованію въ 50 коп. почтовыми марками.

ВЪСЬ НОВОСТИ ПО ФОТОГРАФИИ.

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ съ естественнымъ методомъ лѣченія **Д-ра МАКСА БѢМА.**
Dr. Max Böhm's Naturheilstalt, Bad Friedrichroda i Th.

Нупанье ФРИДРИХРОДА въ Тюрингіи, 1.430 футовъ надъ уровнемъ моря, открыто круглый годъ. Прекрасно обставленное и пользующееся лучшимъ репутациею заведеніе для всѣхъ страдающихъ хроническими болѣзнями. Мѣстоположеніе самое прекрасное въ Германіи. Проспекты высылаются бесплатно. К. № 9070 21—21

Золотыя медали 1894 и 1896 г.

А. М. ОСТРОУМОВЪ
МОСКВА, МАШИНОСТРОИТЕЛЬНАЯ П. С. А.

МЫЛО ОТЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ
МЫЛО ДѢТСКОЕ
изъ ТРАВЪ ЧЕРЕДЫ
Кус. 35 и 25 коп.

О-ДЕ-СОВЕРЪ Фабрика отъ ПЕРХОТИ
Флак. 2 р. - 1. 50 к.

ВЪСЬ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА ПРОДАЮТСЯ ВЪСЬДУ.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „СМИСЬ-ПРЕМЬЕ“.

Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствованія.

Цѣна 250 рублей и 275 рублей.

Пишущая машина „КОСМОПОЛИТЬ“.

Самый красивый шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими азбуками. Цѣна 95 р. Полнор. ящикъ къ ней 10 р. Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высылаются бесплатно.

Оптъкъ Ф. РИХТЕРЪ.
С.-Петербургъ, Адмиралтейскій просп., № 4.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО для производства **СТАЛЬНЫХЪ ПЕРЬЕВЪ** въ г. Ригѣ

изготовляетъ въ большомъ количествѣ и выборѣ всѣ сорта стальныхъ перьевъ превосходнаго качества.

Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи въ писчебумажныхъ магазинахъ и оптовыхъ конторахъ. Л. № 9599 10—10

г. XII. Ежемѣс. литерат.-научный и политич. журналъ 1897 г.

„СЪВЕРНЫЙ ВЪСТНИКЪ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ измѣн. объема и ест. книг.

ПОНИЖЕНА

СЪ ПЕРЕС. 12 р.	ВЪ РОССІИ 1 м. безъ дост. — 90 к., 1 м. съ дост. — 1 р.	СЪ ДОСТ. 11 р.	ВЪ СІБ. 3 м. — 2 р. 75 к.
На 6 м. — 6 р.	Загран.: г. — 14 р., 6 м. — 7 р., 3 м. — 4 р.	На 6 м. — 5 р. 50 к.	
„ 3 „ — 3 „		„ 3 м. — 2 „ 75 к.	

Подписка принимается въ Главн. Конторѣ: СІБ., Троицкая, 9.
Въ Моск. отдѣл.: Петровск. лин., конт. Печновской, и во всѣхъ книжн. магаз.

ВЪНСКІЙ ШИКЪ

роскошный журналъ моды, издаваемый въ Вѣнѣ на русскомъ, французскомъ и нѣмецк. языкахъ. Желаящимъ подписаться высылаются пробный номеръ бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій 80.
Контора редакціи „Вѣнскій Шикъ“.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ
СТУПИНА
на 1897 годъ

Заключающій въ себѣ новѣйшія свѣдѣнія по всѣмъ справочнымъ отдѣламъ, изящные рисунки и портреты писателей (54), стѣнн. календ., карты Россіи и Сибирской ж. д. Ц. 15 к., съ пер. зак. банд. — 2 к. На 1 р. вис. 5 экз., на 2 р. — 11 экзempl., на 3 р. — 18 экзempl.

Большой выборъ изящно-иллюстр. дешевыхъ дѣтскихъ кн. отъ 10 к. до 3 р. Вышесл. для елокъ и подарк. на 3 р. и болѣе перес. прип. на св. счетѣ. Каталогъ высыл. бесплатно.

Складъ у издателя **А. Д. СТУПИНА**
МОСКВА, Никольская, рядомъ съ ремесл. № 9729 упривой. 3—3

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,
РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ
просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 6931 26—26
на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).
На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ ЗА РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ ЕДИНСТВЕННО Товарищество Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры удостоено высшею наградою, т. е. повтореніемъ права изображенія Государственнаго Герба.

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ
 С.-Петербургъ, Невскій пр., № 25,
 страхуетъ
 билеты 1-го 5% съ выигр. займа отъ
 тиража 3 января 1897 г.
 по 1 руб. 50 коп.

ДЛЯ ЗАРАБОТКА!!!
 СПЕЦИАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
 продажи предметовъ
 ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОСТРАЦИИ
 МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, ДОМЪ ТОЛМАЧЕВА.

ФОНОГРАФЫ ЭДИСОНА
 ПОДЛИННЫЕ, ГАРАНТИРОВАННЫЕ:
 • Электрическіе отъ 500 руб.
 • Резорные (Ноте) отъ 200 р.
 • Графофоны отъ 275 руб.
 • Кинематографы системы Вернера въ
 Парижѣ (проектирование на экранѣ ожив-
 лены фотографич. сценъ въ натуральную
 величину) отъ 1800 р. съ принад.
 • Фактографы — тѣ же аппараты для до-
 машняго употребл. и любителей, съ при-
 способл. для сниманія сценъ — отъ 600 р.
 • Флуороскопы — аппараты для показыва-
 нія невидимыхъ предметовъ (новосты)
 отъ 600 руб. П. № 9753

Громадный выборъ машинъ, тысячи фоно-
 граммъ извѣстныхъ пѣнцовъ, разсказчи-
 ковъ, оркестровыхъ пѣснь, монологовъ,
 куплетовъ.
 Собственная мастерская. Серьезная гаран-
 тія. Бесплатное обученіе. Запасныя части.
 Адресъ для телеграммъ:
 Москва—Фонографъ. 5—4

ВЫГОДНОЕ ДѢЛО!!!

Дворанское Мыло
 СПЕЦИАЛЬНАЯ
 НИЖЕВСКАЯ
 ЛАБОРАТОРИЯ

ВОЛИЦКІЙ дѣлать наружныя, внутреннія
 болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7.
 Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. в. № 9565 13—8

ЭКОНОМИ
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ
 М. РОЖИВНУ МОСКВА
 МАРОСЕЙКА Д. ЛЕБЕДЕВОЙ

НОВОСТЬ!
ДУХИ
 ВЪ ЧЕСТЬ
КОРОПАЦИ
 ПОСТАВЩИКОВЪ
 ВЫСЧАЙШАГО ДВОРА
А. РАЛЛЕ И К°
 Москва, Кузнецкій
 мостъ.
 С.-Петербургъ, Нев-
 скій, № 18. (10)

ФИСГАРМОНИИ
 извѣстныхъ фабрикъ:
ШИДМАЙЕРА,
КАРПЕНТЕРА
 и другихъ хорошихъ фабрикъ въ 85, 100,
 110, 130, 135, 150, 160, 175, 190, 200, 223,
 240, 250, 300, 325, 350, 400, 450, 500,
 550, 750, 800 и 1000 руб.
Юлій Генрихъ
ЦИММЕРМАНЪ.
 Главное депо и фабрика
 музыкальныхъ инструментовъ.
 Сладъ нотъ.
 С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40.
 Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.
 (Фабрики Карпентера отъ 160 руб.)

РЕМИНГТОНЪ
 Торговій Домъ **М. Бук**

Около 1000 машинъ Ремингтонъ въ употребленіи въ министерствахъ
 въ одномъ Петербургѣ.
 ц. № 9524 Общій сбытъ около 150,000. 10—7
 Можно получать въ Москвѣ во всѣхъ магазинахъ Товарищества
 «Эйнемъ». Ш. № 8988 16—16

ГОЛЛАНДСКІЙ
КАКАО въ **ЭЙНЕМЪ**
МОСКВѢ.

Можно получать во всѣхъ колоніальныхъ магазинахъ Россіи.

Leichner's Fettwaxer
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
 Цѣна коробки 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незамѣтная на кожѣ. Косметиче-
 ское средство для улучшенія красоты кожи.
 • Театральная гримировка. Жирная румяна и бѣлла. Наряды для бровей.
 • Издѣтыя во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
 • Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ бельгійскихъ императорскихъ театровъ.
 • Главный складъ для всей Россіи: В. Аурихъ, Колокольная, 18—19, С.-Петербургъ.
 В. № 9646 15—4

„ПРЕЛЕСТЬ-АККОРДЕОНЪ“
 наилучшія въ настоящее время ручныя гармоніи. Отли-
 чаются замѣчательной легкостью, пріятнымъ тономъ,
 удобной игрой, новыми патен. грифами и металл. углами
 у мѣховъ; однорядн. дамская 5 руб.; обыкновенн. 8, 10 и
 14 р.; двухрядная 20 и 30 р.; трехрядная 40 руб.
„КРЕМОНА-АККОРДЕОНЪ“
 послѣдняя новостъ въ ручныхъ гармоніяхъ съ чрезвычайно
 пѣвучимъ тономъ. 10 клас. въ 8, 10 и 12 руб. 19 клас.
 16 руб. Самоучитель Алексѣева 1 руб.
І. Ф. МЮЛДЕРЪ.
 Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Подробное описаніе и полный каталогъ. прелестъ-гармоній
 бесплатно. П. № 9676 3—2

НА ВОСПИТАНІЕ И УСТРОЙСТВО БѢДНЫХЪ ДѢТЕЙ ВЪ
СВЯБОЯ
 60.
 ТЕЛЕФОНЪ 1360
ПОПЕЧИТЕЛСТВО
 ОБЩЕСТВА
ПРОСИТЪ
 АНГЕЛЫХЪ АНДЕН
 ЖЕНСВАНЪ
 ему
НЕУЖИВНЫЯ ВЕЩИ
 АУКЦИОНЪ
 ПО ВОСПИТАНІЮ
 ВОСПИТАНІЮ
 500 РУБ.
 МОСКОВСКО-ПЕТЕРБУРЖСКОЕ
 ТЕЛЕФОНЪ 3678 ТЕЛЕФОНЪ 1141

ВЫИГРЫШ-
 НЫЕ 1, 2 и 3 ваймы продаетъ
 БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, С.П.В. 7—7

КРАСИВО выучивается всякій заочно
ПИСАТЬ (посредствомъ переписки)
 въ 15 уроковъ у
 профессора каллиграфіи
А. КОССОДО.
 Методъ премированъ на Парижской
 всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ
 золотой медали. № 8063 6—6
 За 2 семиклѣбныя маршъ высылаются
 пробное письмо и условія, а за 4 семиклѣ-
 бныя маршъ высыл. пробное письмо
 шрифтовъ, подробныя условія и образцы
 исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ:
 Профессору каллиграфіи Адольфу Ко-
 ссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

7 разъ удостоены
 первыя преміи.
СКРИПКИ,
ВИОЛОНЧЕЛИ и пр.
 неподражаемы по тону и
 качеству. Старин. итальян-
 скіе инструменты въ
 громадномъ выборѣ.
ЦИТРЫ,
 всемірно-извѣстныя по
 своему прекрасному тону
 и превосходн. работѣ. Въ
 другіе музыкальные ми-
 струм. Иллюстр. каталоги
 высылаются бесплатно.
Братья ВОЛЬФЪ.
 Фабрика струнныхъ инструмен-
 т. Крейцнахъ.

К. Шликѣйзенъ,
 Берлинъ SO.
 машино-строители, заводъ для
 кирпичн., торфяного, гончарнаго
 и известкового производства,
 а также для изготовленія:
 всякаго рода черепицы, гон-
 чарныхъ трубъ различной дли-
 ны, бетона, брикетовъ, огне-
 упорнаго кирпича, глиняныхъ
 и цементныхъ половыхъ плитъ
 и проч. (47)
 Далѣе: мѣшалокъ и формовоч-
 ныхъ машинъ для печныхъ, ли-
 тейныхъ, красильныхъ, кле-
 выхъ, мыловаренныхъ заводовъ
 и заводовъ, изготовляющихъ
 изоляціонную массу.
 Вальцы изъ твердаго чугуна
 разн. величины и проч.

4 р. **КИНЕМАТОГРАФЪ** 4 р.
 Величайшее изобрѣтеніе XIX вѣка (Жизнь
 сцени). Благодаря упрощенію въ его устрой-
 ствѣ, — цѣна только 4 р. Для немедл. вы-
 сланія прилагать 1/4 ст. лог. Москва, В. Дмит-
 ровка, г. В. Золотаревъ.